РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИИ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА

КЛУБ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

РОССИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 12

Часть 2

Москва – 2017

БК 60ю54
66.75 (2 Рос)
Р 76

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, генеральный директор Института экономических стратегий, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ГД ФС РФ, *Ю.М. Арский* – академик РАН, *В.Б. Бетелин* – академик РАН, член Президиума РАН, научный руководитель НИИ системных исследований РАН, вице-президент РНЦ «Курчатовский институт, *С.Д. Валентей* – д.э.н., начальник НИО РЭУ им. Г.В. Плеханова, научный руководитель университета, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, советник Президента РФ, *И.В. Зайцев* – д.и.н., врио директора ИНИОН РАН, *В.В. Иванов* – д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, *В.Л. Макаров* – академик РАН, директор ЦЭМИ РАН, *Е.М. Марков* – президент Союза малых городов РФ, *В.Г. Минашкин* – д.э.н., профессор, проректор РЭУ им. Г.В. Плеханова, *М.А. Эскиндаров* – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Финансового университета.

Редакционная коллегия

В.С. Аванесов – д.п.н., профессор, главный редактор журнала «Педагогическая диагностика», *Т.А. Агапова* – д.э.н., профессор МГУ, *Л.А. Аносова* – д.э.н., ученый секретарь Отделения общественных наук РАН, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *С.В. Карпова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Н.И. Комков* – д.э.н., профессор, зав. лабораторией ИНП РАН, *О.С. Крюкова* – д.ф.н., профессор МГУ, *В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *С.В. Манахов* – к.э.н., начальник управления РЭУ им. Г.В. Плеханова, *О.А. Махова* – к.э.н., доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова, *Н.П. Молчанова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, заместитель директора по науке Института природных и технических систем РАН, *А.И. Орлов* – д.э.н., д.т.н., директор Института высоких статистических технологий и эконометрики МГТУ, *М.А. Положихина* – к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН, *Е.И. Пронина* – вице-президент Российского общества социологов, с.н.с. Института социологии РАН, *Н.А. Садовникова* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой РЭУ им. Г.В. Плеханова, *А.И. Селиванов* – д.филос.н., профессор Финансового института, *В.А. Цукерман* – к.т.н., зав отделом Института экономических проблем Кольского НЦ РАН.

Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд.
Р 76 науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 2. – 992 с.
ISBN 978-5-248-00853-7

Рассматриваются проблемы стратегического проектирования социально-экономического развития России, национальных интересов России в изменяющемся мире, модернизации российской экономики на основе инновационного и технологического развития, качества власти и управления, регионального развития, модернизации российского здравоохранения, образования и науки, проблемы молодежной политики. В ежегоднике представлены материалы XVI Международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения», прошедшей в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения, и некоторые другие.

Для специалистов в области россиеведения, государственного управления, инновационного, технологического и регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

Инициаторы Форума: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Российское общество социологов, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Комитет по содействию модернизации и технологическому развитию России ТПП РФ, Союз малых городов России, Академия геополитических проблем, Всероссийский конгресс «СЕЛО-XXI», Международное общественное движение «Российская служба мира», Инновационное агентство Республики Башкортостан, Клуб субъектов инновационного и технологического развития, журналы «Россия и современный мир», «Инновации», «Информационные войны», «СОТИС – социальные технологии, исследования», «Экономические стратегии».

ББК 60.54
66.75 (2 Рос)

 © ИНИОН РАН, 2017

Содержание

Стратегия развития России в XXI веке

Акимов А.В.
Опыт Госплана СССР и макроэкономического планирования в странах Востока в свете современных проблем экономического развития России 11
Воронов М.В., Стамов И.Г.
Системная модернизация страны: Сущность, приоритетные цели и основные направления 14
Гринченко С.Н.
Россия в контексте мегатенденций мирового развития 19
Гусева Н.В.
К методологическому анализу оснований мегатенденций современного мирового развития 24
Коровникова Н.А.
Концепция энтропийной экономики в контексте современной России 27
Логвиненко В.П.
Особенности теоретического обоснования целей и стратегии общественного развития 30
Ложко В.В., Черкасов П.С.
Главные ценностные цели как ориентиры-приоритеты стратегий социально-экономической трансформации Российского государства и его регионов 33
Муруева Э.К.
Роль стратегического проектирования и управления в периоды геополитической и геоэкономической турбулентности 39
Новиков В.Е.
Теоретические предпосылки новой модели экономического развития России 44
Пешина Э.В., Репин А.А.
Методология стратегического бюджетного планирования: Мировой и российский опыт 48
Плотникова М.Ф.
Стратегические приоритеты социально-экономического развития: Резервы роста 55
Савельев А.Д.
Ценности и смыслы цивилизации знаний 58
Скобликов Е.А.
Десять законов денежного обращения. Все ли открыты? 64
Соков Ю.А.
Когнитивная модель устойчивого развития цивилизационного пространства России 70
Соколова Р.И.
Цивилизационные детерминанты социально-экономического развития России 74
Спиридонова В.И.
Европейский феномен «новой современности» и Россия 78
Сухарев О.С.
Экспертно-научная компонента стратегического планирования как функции управления государством 83
Третьяк В.В., Сагина О.А.
Целесообразно ли проводить реформы без форсайта? 93
Тюриков А.Г.
Солидарное общество – базовый ресурс стратегического развития России 96
Ферару Г.С.
Стратегические ориентиры системной модернизации общественного развития РФ 100
Юшкова Н.Г.
Модернизация системы стратегического планирования на основе преемственности принципов обеспечения региональной безопасности 107

Национальные интересы в изменяющемся мире

Алексеева Ю.В.
Некоторые аспекты дискуссии по вопросу о будущем НАТО среди представителей западной аналитики в начале 90-х гг. XX века 113

Брега Г.В.
Социальный консенсус как важнейшее условие модернизации России 115
Дементьев Б.П.
Импортозамещение и конкурентоспособность российской экономики: Проблемы и перспективы 119
Капитанов В.А., Иванова А.А.
Границы применимости принципа рангового обмена 123
Конышев И.С.
Медицинские аспекты химико-биологических угроз (терроризма) 135
Крылова И.А.
Стратегия развития россии в XXI веке и национальная безопасность 143
Кукарцева М.А.
Модификации политического дискурса как средство трансформации ритмов мировой политики 149
Лойко Л.Е.
Интенция евразийской общности в межкультурном диалоге государств в период Второй мировой войны 153
Мельников В.П.
Информационная война и современные оружейные технологии 156
Пашенцев Е.Н.
Стратегическая коммуникация США: Особенности и противоречия в условиях международной напряженности 163
Пинкевич А.Г., Алейников А.В.
Российские конфликты: Новые реальности и проблемы консолидации общества 168
Полунина О.С.
Кибер-активизм и другие особенности коммуникационного пространства Латинской Америки 172
Радзиевский В.А.
Украина и социокультурные «перевоплощения» 175
Соболев Э.Н.
Трудовые ресурсы России в системе глобальной экономики 181
Соколова М.Е.
Стратегия ит-импортозамещения и формирование национального информационного суверенитета РФ 185
Трошин Н.Н.
Реформы международного Валютного фонда и интересы России 189
Трошин Д.В.
Парадигма существования как методологическая основа управления смыслами и потенциалами для обеспечения экономической безопасности страны 193
Тульчеев В.В., Жевора С.В., Аршин К.В., Овэс Е.В.
Формирование единого научно-технологического пространства в АПК ЕАЭС и СНГ в условиях Евроазиатской интеграции 197
Цветкова Н.Н.
ТНК сферы ИКТ из стран Востока в России и импортозамещение 204
Чистякова Е.А.
ПРоблема импортозамещения в закупочной деятельности 212
Шаховская Л.С., Днепровская И.В.
Роль комплекса национальных интересов в противостоянии глобальным угрозам 215
Широкова О.В., Королькова А.А.
Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности России 218

Модернизация экономики России

Ахмедьянова А.С., Булатова А.И.
Повышение эффективности регулирования основных банковских рисков как фактор финансовой устойчивости банковской системы 221
Бессонова Г.Б.
Страхование современных рисков в бизнесе 224
Буквич Р.М., Павлович Р.Ж.
Современный финансовый и управленческий бухучёт как предпосылка развития корпоративного управления 227
Быков А.А., Горлова О.А., Хвалько Т.В.
Применение таблиц «затраты-выпуск» в обосновании приоритетов структурной политики в Республике Беларусь ..229
Версан В.Г.
Деловая среда и качество – основа консолидации общества для ускорения темпов развития экономики 239
Губарь О.В.
Некоторые аспекты виртуализации экономических отношений 248
Добжевич Н.Ю.
О современных финансовых услугах 251

Евченко Н.Н.
Международные сравнения динамики экспорта готовой продукции и hi-tech товаров как индикатор состояния экономики 255
Жураев И.М.
Участие в глобальных цепочках добавленной стоимости как основной фактор модернизации экономики 261
Кайгородова Г.Н., Мустафина А.А.
Страховая защита как необходимый элемент обеспечения роста Российской экономики 262
Коловертнова М.Ю., Спешилова И.В.
Приоритетное направление развития сельского хозяйства России 267
Корабоев Б.У.
Измерение и эффективные инструменты сокращения «теневой экономики» на основе зарубежного опыта 271
Костюкова С. Н.
Сравнительная характеристика традиционной и авторской концепций безубыточности деятельности организаций различных сфер экономической деятельности 275
Лапаев С.П., Гусева Е.П.
Сущность диверсификации регионального АПК 278
Лепехова Н.А.
Учет влияния факторов неопределенности (риска) при стратегическом планировании деятельности организации 281
Лойко А.И.
Институциональные условия модернизации: Фактор промышленных революций 285
Макар С.В.
Стратегия развития лесного потенциала России: Векторы поддержки национального лесного хозяйства 290
Мещеряков Д.А.
Модернизация экономики России как проблема ее будущего развития 296
Миронова Н.Н.
Формирование кадрового потенциала в условиях модернизации производства 300
Никонова Т.В., Юсупова Л.М.
Применение инструментария закрытых паевых инвестиционных фондов в решении задач институциональной среды РФ 303
Остаев Г.Я.
Внедрение и децентрализация системы бюджетирования в сельскохозяйственных предприятиях 306
Пашков В.П.
Прогноз изменения поземельных экономических отношений в сельском хозяйстве России до 2030 года 312
Перч Н.В.
О месте статьи 165 Уголовного кодекса РФ в системе преступлений в сфере экономики 317
Пыркова Г.Х., Мустафина А.А.
Совершенствование инструментов осуществления инвестиционной деятельности в российских коммерческих банках 321
Серова Н.А.
Конкурентоспособность Российской экономики в системе мирового хозяйства 325
Стыров М.М.
О некоторых тенденциях в движении финансовых ресурсов предприятий России 331
Сысоева Е.А.
Энергоэффективность в освещении для устойчивого развития экономики России 338
Талисманов Ю.Л.
Тенденции развития финансового лизинга в России 343
Телюк М.С.
Стратегическое планирование как инструмент в достижении устойчивого развития сельскохозяйственного производства 347
Тимофеев А.Г., Лебединская О.Г.
Роль инноваций платежных систем в общей модернизации российской экономики 350
Тяглов С.Г., Жукова И.А., Лобунец В.С.
Ликвидация экологических последствий воздействия угольной промышленности на окружающую среду как системная основа повышения конкурентоспособности в сырьевом и энергетическом комплексах 354
Ульянов А.С.
О необходимости перезагрузки антимонопольной политики и реформы госзакупок в интересах экономического роста 358

Инновационно-технологическое развитие: Современное состояние и перспективы

Антохонова И.В.
Измерение инноваций как формы стратегического ответа субъекта на современные вызовы 363

Афанасьев М.А., Клячин М.С., Демидко Д.В.
Инновации ситуационного менеджмента 367
Воин А.М.
Прогресс и устойчивость системы «человечество» 370
Горденко Г.В.
Проблемы эффективного взаимодействия государства, науки и бизнеса в российской инновационной экономике ...374
Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш.
Рынок знаний для управления предприятиями высокотехнологичного бизнеса: Характеристика, тенденции развития 380
Долганов А.В., Долганова Н.А.
Проблемы управления научно-технологическим развитием промышленности и предприятий 389
Жаров В.С.
Система показателей оценки эффективности стратегий инновационно-технологического развития предприятий, отраслей, регионов 395
Зинов В.Г., Куракова Н.Г.
Проблема достижения технологического суверенитета России в зеркале патентной статистики 399
Корепанов Е.Н.
Малые предприятия и инновации 405
Кочетков С.В., Кочеткова О.В.
Инновационный потенциал промышленных предприятий: Определение и динамика развития 410
Красильникова Е.В.
Роль агентских факторов и отраслевых различий в разработке стратегий компании 419
Кумакова С.В.
Государственная инновационная политика: Новые приоритеты и механизмы реализации 423
Куракова Н.Г., Кураков Ф.А.
Проблемы выведения на глобальный высокотехнологичный рынок отечественных наукоемких товаров на примере медицинской робототехники 429
Курицын Е.В., Матвиенко Д.А., Тарасьян К.Г.
IDEF14. Метод проектирования сетей на предприятии 434
Ларионова Е.И., Мотова М.А., Чинаева Т.И.
Инвестиции в инновации: Стоит ли ожидать позитивных изменений? 442
Логинова Ю.В.
Инновационные процессы в государственном секторе экономики в условиях развития информационного общества 446
Махутов Н.А., Грот В.В., Руденко В.А.
Модели в стратегии технологического развития 449
Мойзис Е.С.
Современные высокоэффективные огнеупорные и теплоизоляционные материалы производства ЗАО НПКФ «Мавр» и опыт их внедрения на промышленных предприятиях России 451
Морева Е.Л.
Креативность как инновационный фактор 455
Мотова М.А., Чинаева Т.И.
Интенсивность и эффективность инновационной деятельности: В поисках лидера 460
Мухсимова Д.Х.
Роль научно-технологического развития в обрабатывающей промышленности 464
Никулина О.В., Коваленко А.И.
Организация финансового контроля и контроллинга в процессе управления инновационной деятельностью промышленных компаний 467
Оболенская Л.В.
Российская модель мониторинга факторов, препятствующих инновациям: Анализ возможностей и ограничений с учетом зарубежного опыта 471
Павлов К.В.
Инновационная экология: Теоретические и практические аспекты....478
Раков Д.Л.
Использование кластерного подхода для оценки перспективы развития статистики инноваций 490
Рождественская С.М., Клочков В.В.
Методический инструментарий формирования программ технологического развития и перечня критических технологий в авиастроении 496
Рукина И.М., Филатов В.В.
Управление знаниями в инновационной экономике 503
Свирина Л.Н.
Кадровое обеспечение инновационной экономики России 508

Симонова Е.В.
Взаимодействие малого инновационного и крупного бизнеса в целях повышения конкурентоспособности 512
Ситников С.Е.
Инструменты принятия решений предприятиями и корпорациями оборонно-промышленного комплекса 516
Сливицкий А.Б.
Принципы методологии оценки уровня производственной готовности 521
Соснина Т.Н.
Использование отечественного и зарубежного опыта организации изобретательской и рационализаторской деятельности как фактор инновационного развития России 530
Сухарев О.С.
Уровень технологичности экономики как цель государственной научно-технической политики 533
Цветкова Л.А., Ерёмченко О.А.
Сокращение жизненного цикла исследований и разработок как условие достижения глобальной конкурентоспособности 542
Чернышев Б.Н.
Операционные модели в анализе и проектировании инновационного предпринимательства 547
Шафиев Р.М., Высоцкая А.А.
Возможные точки посткризисного развития 549

Становление социального государства в России: Современные реалии и перспективы

Анисимова Г.В.
Социально-экономическое неравенство и перспективы инновационного развития российской экономики.....552
Мельниченко Н.Ф.
Качество трудовой жизни и его влияние на конкурентоспособность российских предприятий 560
Молчанов И.Н., Холдеев К.А.
Социально ответственный бизнес: Поддержка образовательных проектов 565
Нечипоренко О.В., Мореханова М.Ю.
Социальные риски и ограничения инновационно-ориентированного развития сельских территорий 570
Радовель М.Р.
Солидаристские характеристики российского социума в свете корреляционно-каузального анализа 572
Сажин Ю.В., Бикеева М.В.
Интегральная оценка степени социальной ответственности бизнеса 577
Тихомирова В.В.
Вопросы инновационной политики государства в поддержку граждан старше трудоспособного возраста (На примере северных регионов) 581
Уразбахтина Е.Р., Брагина Т.Е.
Потребительская корзина: От СССР до современной России 584

Качество власти и управления

Гущина И.А., Положенцева О.А.
Рейтинги эффективности управления как инструмент определения результативности деятельности власти в субъектах Севера и Арктики РФ.....586
Звягинцев П.С.
Роль государственных программ в модернизации, инновационном и технологическом развитии и импортозамещении российской экономики 591
Игнатова Т.В., Марадудина В.Ф.
Оценка общественной эффективности проектов государственно-частного партнерства 597
Клочкова Е.Н., Прохоров П.Э.
Государственная служба в Российской Федерации: Состояние и тенденции 601
Котилко В.В., Вишнякова В.С.
Меры государственной поддержки экспорта продукции агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов 612
Михейкина Л.А.
Анализ бюджетного финансирования инвестиций в Российской Федерации 616
Молчанов И.Н., Титова А.И.
Информатизация как фактор повышения качества предоставления государственных услуг 620
Молчанова Н.П.
Развитие инструментария финансового планирования в сфере услуг (На примере здравоохранения) 625
Потехин В.Н.
Инструментарий государственного и хозяйственного управления нового поколения (В условиях инновационного развития) 630

Селиванов А.И.
Научно-прикладное и экспертно-аналитическое обеспечение управления как отрасль 635
Тюриков Р.А.
Управление массовыми спортивными практиками: Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта 640

Демографические процессы и сбережение нации

Васильева А.В., Амирханова Р.А., Прохоров П.Э.
Статистический анализ угроз демографической экспансии Российской Федерации 645
Вейкуть А.Г.
Факторы отбора детей – будущих теннисистов в школы олимпийского резерва в современных условиях 649
Дартау Л.А.
«Здоровый образ жизни» как государственная задача управления здоровьем 651
Демидова С.Е.
Демографическая безопасность современной России 655
Егорова Е.А., Васильева А.В., Прохоров П.Э.
Методологические аспекты количественного анализа демографической экспансии России.....658
Загидуллин М.И., Назмутдинова Р.Н.
Модернизация и демографическая ситуация в современной России.....661
Ишмухаметов Н.С.
О социально-экономических и поведенческих факторах здоровья населения 662
Кузин С.И., Константинова А.Г.
Демографический потенциал: Сущность и проблемы определения 665
Кучмаева О.В.
Оценка эффективности реализации концепции семейной политики в России 672
Перчинская Н.П., Пантя Л.В.
Некоторые аспекты учета миграционных потоков рабочей силы из Республики Молдова 678
Попова Л.А.
Демографическая ситуация в Республике Коми: Особенности, успехи последних лет, перспективы 684
Симагин Ю.А.
Вклад миграций в численность населения регионов России 693
Скорик М.А.
Региональная дифференциация по уровню смертности с учетом качества жизни 697
Смелов П.А., Егорова Е.А., Амирханова Р.А., Махова О.А.
Количественное исследование основных демографических угроз естественного движения населения России 701
Смелов П.А., Эпштейн Н.Д., Амирханова Р.А.
Воздействие глобализационных процессов на состояние демографической безопасности России 706
Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.
Современные проблемы формирования демографического потенциала Сибирско-Казахстанского приграничья 709
Фаузер В.В., Лыткина Т.С.
Миграционные процессы на Российском Севере: Угрозы и последствия 719

Наука и общество

Каспрук Л.И., Жакупова Г.Т., Снасапова Д.М.
К вопросу о развитии новаторских медицинских школ: Вклад Ефрема Осиповича Мухина в развитие отечественной хирургии 726
Крюкова О.С.
Повышение авторитета ученых в обществе как одна из ключевых задач музейного менеджмента (В музеях научно-образовательного характера) 728
Нестеров А.В.
Еще раз о цитировании и самоцитировании в публикационной академической коммуникации 731
Павлов Р.Н.
Проблемы развития гуманитарных наук в условиях модернизации 735
Судас Л.Г.
Опыт социологического обеспечения проектов модернизации гидрометеорологического обслуживания в России и Центральной Азии 738

Модернизация образования и инновационное развитие России

Алейников А.В., Стребков А.И.
Междисциплинарная парадигма анализа современных конфликтов и проблемы Российского конфликтологического образования 743

Беляева Е.В.
Развитие мотивации к инновациям работников образовательных учреждений: О методах и перспективах исследования 748
Брестовицкая Н.М.
О концепции развития современного Российского образования в условиях модернизации 752
Вахрамеева М.В., Чинаева Т.И., Шпаковская Е.П.
Место статистики в образовательных стандартах для подготовки кадров по направлению «Экономика» 755
Гришаева Ю.М.
Эколого-профессиональная компетентность личности как актуальный результат профессионального педагогического образования 759
Измайлович С.В.
Подходы к инвестированию средств домашними хозяйствами в образовательную сферу 761
Куркин И.И.
Лидеры и инновации: Сценарии аэрокосмической модернизации России 765
Лаптев С.В.
Каким должно стать высшее образование, чтобы обеспечивать модернизацию Российской экономики? 777
Лябина Н.П.
Когнитивная педагогика 781
Михайлов В.А., Михайлов С.В.
Инновационная культура регионального вуза: Современное состояние и перспективы развития 787
Новикова В.Ф.
Проблемы модернизации Российского образования и их влияние на подготовку кадров 791
Осетрова И.Г.
Инновационные модели общего образования. Школа как пространство социальных проб 797
Пилипенко Е.В.
Задачи Высшей школы в контексте смены технологических укладов 800
Серафимович И.В.
К вопросу о метакогнитивных характеристиках надситуативного мышления в процессе профессионализации (На примере профессий социономического типа) 804

Регионы и города России

Анищенко А.Н.
Роль государственной поддержки в формировании инновационной стратегии развития АПК Вологодской области 808
Березиков С.А.
Подходы к оценке уровня технологического развития промышленности и возможности их применения в регионах Севера и Арктики 814
Березикова Е.Н.
Инновационная активность Северных и Арктических регионов России 818
Блинов Г.Н.
Программирующий мониторинг КЭД (конкурентоспособность, эффективность, доступность) как механизм управления социально-экономическим развитием региона 824
Волков А.Ю.
Развитие Ярославской области в условиях новой экономической реальности 833
Грузневич Е.С.
Развитие, устойчивое развитие и сбалансированное устойчивое развитие и их взаимосвязь на уровне региона: Терминологические аспекты 839
Емельянова Е.Е.
Основные тенденции бюджетной обеспеченности и инвестиционной деятельности муниципальных образований Севера России 845
Зборовская Е.Б.
Параметры прогноза исходных макроэкономических показателей для составления проекта областного бюджета 850
Киселев Д.Н.
Кластерная политика в системе стратегического управления инновационно-технологическим развитием региона: Опыт формирования кластеров за рубежом и в России 855
Краснова О.В.
Региональная инновационная бизнес-группа: Понятийный аппарат и принципы взаимодействия участников 858
Лазарева В.В., Дьяченко В.Н.
Проблемы развития и эффективного использования экономического потенциала приграничных регионов (На материалах Амурской области) 862
Малышев Д.П.
Методологические аспекты модернизации региональной промышленности 866

Марецкая В.Н., Марецкая А.Ю., Тополева Н.О.
Инновации и современные технологии на предприятиях агропромышленного комплекса Мурманской области 873
Матанцева О.Ю.
Особенности механизма формирования начальной максимальной цены контракта для перевозки пассажиров по регулярным автобусным маршрутам 877
Матвеева О.Б., Гусева Е.П.
Уровень жизни населения Оренбургской области 881
Мохов А.И., Светлаков В.И., Бойкова И.В.
Иной взгляд на оценку эффективности использования региональных территорий 888
Новикова Ж.С.
Прогноз повышения конкурентоспособности предприятий Республики Татарстан 895
Обедков А.П.
Эволюция планирования городского развития: От градостроительного проектирования к стратегическому планированию городских территорий 898
Павлов Б.С., Бердник Л.П., Козлов В.Н., Разикова Н.И.
Эколого-валеологическое самочувствие населения Урала на перманентно загрязнённых радиацией территориях (По материалам социологических опросов 1992–2014 гг.) 904
Павлов К.В.
Оценка экономической эффективности интенсификации производства с учетом региональных различий в трудообеспеченности в экстремальном регионе 916
Петросянц В.З.
Методологические основы регулирования регионального развития в условиях инновационной модернизации экономики 925
Петрыкина И.Н., Рисин И.Е.
Базовые стратегии управления развитием человеческого капитала 928
Раевский С.В.
Формирование точек роста в промышленном регионе 933
Рисин И.Е.
Новые задачи региональной кластерной политики 939
Романова А.А.
Обеспечение устойчивого развития сельских территорий на основе инновационных процессов в аграрном секторе 941
Слепнева Л.Р.
Оценка уровня социально-экономического развития регионов: Методический аспект 944
Стрельникова Т.Д.
Кластерная политика в системе инновационно-технологического развития Липецкого региона 951
Стыров М.М., Тихомирова В.В.
Ценностные ориентиры региональной стратегии и проблемы духовного и нравственного благополучия населения Республики Коми 954
Третьякова Л.А.
Особенности развития рынка труда на сельских территориях 961
Тяглов С.Г., Кушнаренко Т.В.
Концептуальные основы перехода регионов с многоукладной экономикой на несырьевой сценарий развития 965
Угрюмова А.А.
Тенденции формирования приграничного агломерирования: Эффекты и последствия 970
Фогилев В.А.
Развитие института торгово-промышленных палат в России на примере Саратовской области 973
Хакимов А.Х.
Факторы пространственного неравенства регионов и региональная экономическая политика 975
Цукерман В.А., Горячевская Е.С.
Инновационно-технологическое развитие Арктической зоны Российской Федерации 979
Чистобаев А.И., Федулова С.И.
Пространственное планирование как инструмент региональной политики России 984
Шаховская Л.С., Аракелова И.В.
Исследование опыта формирования инновационных кластеров во Франции и уроки для России 988

Акимов А.В.
д.э.н., зав. отделом экономических исследований Института востоковедения РАН

ОПЫТ ГОСПЛАНА СССР И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СТРАНАХ ВОСТОКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова*: задачи экономического развития России, Госплан СССР, макроэкономическое планирование в странах Востока, прогнозы Института востоковедения РАН.*

Keywords: *goals for Russia's economic development, Gosplan of the USSR, macroeconomic planning in Asian economies, forecasts of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.*

Экономическая политика России в настоящее время сталкивается с необходимостью выработки решения как минимум по четырем разным направлениям: определение путей развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК), определение политики в области поддержки сельского хозяйства и развития агропромышленного комплекса (АПК), развитие инфраструктуры, воссоздание в стране производства средств производства, развитие военно-промышленного комплекса (ВПК).

Первая задача связана с необходимостью определиться относительно перспектив экспорта российского ТЭК, цен на энергоносители, что в современных реалиях России означает прогнозировать значительную часть бюджетных доходов. В ТЭК имеются мощные компании, которые обеспечивают развитие отрасли, но объемы налоговых льгот для этих фирм и потоки налогов от их деятельности крайне значимы для национальной экономики и одновременно являются инструментами планирования ТЭК.

Сельское хозяйство в течение ряда лет демонстрирует устойчивый рост, который в немалой степени связан с государственной политикой в этой области. Развитие АПК, то есть взаимосвязанных отраслей, способных обеспечить устойчивое развитие производство продовольствия и его экспорт, нуждается в стратегическом планировании для выработки политики государственной поддержки, поскольку в этой сфере есть как крупные фирмы, так и мелкие предприятия, требующие разной поддержки от льготных кредитов до продвижения экспорта.

В развитии инфраструктуры важны три компонента. Это транспортная инфраструктура, жилье и коммунальные сети. Эти три составляющие очень капиталоемки, здесь нет таких крупных фирм, как в ТЭК, и нет такого устойчивого платежеспособного спроса, как в АПК, в виде внутреннего потребления и экспорта. Роль государства в поддержке фирм, работающих в области развития инфраструктуры чрезвычайно важна, а вопрос стоит об инвестировании больших средств на длительные периоды.

Во всех этих сферах имеются частные фирмы как крупные, так и мелкие, которые сформировали рынок в этих группах отраслей. Задача макроэкономического планирования в этой сфере состоит в управлении рыночными процессами. Здесь важно определить цели государства в этой области, дать прогноз развития и вести диалог с игроками рынка.

Что касается производства средств производства, то Россия практически утеряла такую отрасль промышленности как станкостроение и находится в критической зависимости от импорта. Здесь почти не осталось производителей, некого поддерживать, необходимо налаживать производство, возможно, по типу государственного оборонного заказа. В РФ многие годы производство такого важнейшего вида продукции как станки с числовым программным управлением колебалось в пределах 100–200 изделий в год, и лишь в 2014 г. составило 227 станков[1].

Такое положение опасно тем, что система западных экономических санкций может перекрыть импорт в Россию необходимого ей оборудования. Технологические санкции носят целевой, выборочный характер. Машиностроительные изделия могут состоять из сотен и тысяч деталей. Санкции распространяются на поставки принципиально важных для эффективности изделия компонентов, но формулировки ограничений даются в достаточно общей форме, допускающей интерпретации.

Документ ЕС по товарам двойного назначения[2] содержит ряд разделов чувствительных технологических категорий, таких как обработка материалов, электроника, компьютеры, телекоммуникации, специальные материалы и оборудование для их изготовления, лазерные системы, авионика, морские технологии.

[1] Российский статистический ежегодник. – М., 2015. Табл. 14.45. Производство основных видов машин и оборудования. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm

[2] EUROPEAN COMMISSION Brussels, 12.10.2015 C(2015) 6823 final COMMISSION DELEGATED REGULATION (EU) …/... of 12.10.2015 amending Council Regulation (EC) No 428/2009 setting up a Community regime for the control of exports, transfer, brokering and transit of dual use items.

В категорию «Обработка материалов», наиболее важную не только для военных, но и гражданских отраслей, входит широкая номенклатура продукции, применяемой в машиностроении. Здесь и относительно несложные, но высококачественные изделия, включая подшипники и металлоприемники, применяемые при плавлении металлов, задвижки и затворы для гидро- и пневматических систем. Под запретом поставки контрольного и измерительного инструмента, станков для обработки металлов, керамики и композитных материалов, фрезерные станки, сварочное оборудование. Группа включает станки с числовым программным управлением, промышленные роботы и удаленные манипуляторы, оборудование для цветной металлургии и химической промышленности, оборудование для работы с биологическим материалом, программное обеспечение для работы промышленного оборудования, технологическую документацию и производственные линии в машиностроении, химической промышленности и цветной металлургии. Таким образом, запреты распространяются как на отдельные критически важные изделия, так и на целые технологии.

Для оборудования указаны спецификации, полного запрета нет, простые изделия и технологии могут продаваться в Россию, но все, что необходимо для переоборудования производства по современным стандартам, находится под запретом. Для закупки необходимого в обход санкций усилий коммерческих фирм может оказаться недостаточно. Государственная поддержка нужна и в текущем режиме для обеспечения импорта и в перспективе для налаживания производства.

Система оборонного заказа для ВПК представляет собой наиболее отлаженную часть системы макроэкономического планирования в РФ.

Таким образом, система стратегического планирования в РФ должна состоять из двух составляющих, которые принципиально различны по характеру и особенностям управления. Первая – рыночная, где основой является диалог с рыночными структурами, вторая с большим участием государства в производстве.

Очевидно, что перед Россией стоят сложные задачи экономического развития, имеющие комплексный и межотраслевой характер. Вместе с тем, очевидно, чего нужно добиться. Вопрос в том, каким образом, какими средствами и кто должен организовать решение проблем.

Нужно отметить, что подобного рода задачи в экономической теории и на практике относятся к категории догоняющего развития, когда стратегическая цель ясна, но нужно выработать пути ее достижения и организовать движение в сторону достижения целей. В такой ситуации, как показывает опыт значительного числа зарубежных стран, макроэкономическое планирование весьма эффективно.

В послевоенные годы оно применялось в странах Европы. Экономические успехи развивающихся стран и переходных экономик, а также ряда развитых экономик стран Востока тоже связаны с макроэкономическим планированием. Его широко применяла Япония до административной реформы начала 2000-х годов, Израиль в первые десятилетия своего существования. Только когда уровень хозяйства этих стран стал слишком сложен и высокоразвит, когда централизованное планирование перестало ориентировать на понятные цели догоняющего развития, рыночные методы управления развитием стали преобладать.

Среди экономик стран Востока те или иные методы долгосрочного планирования применяет большое количество государств с разной структурой хозяйства от КНР до Саудовской Аравии. В последние годы жесткость заданий пятилетний планов КНР уменьшилась, поскольку экономика стала слишком сложной для директивного управления, но в составе Государственного комитете по национальному развития и реформам (National Development and Reform Commission)[1] сохранились многочисленные отраслевые (сельской экономики, базовых отраслей промышленности, высокотехнологичных отраслей промышленности и т.д.), региональные и «проблемные» (изменение климата, сохранения ресурсов и т.п.) департаменты, которые ранее обеспечивали достаточно детальные планы развития, а сейчас в большей степени координируют усилия рыночных структур в экономическом развитии.

Распространенность макроэкономического прогнозирования и планирования показывает пример Саудовской Аравии. Эта страна отличается от КНР и масштабами экономики, и ее сложностью, но также имеет систему долгосрочного планирования. Весной 2016 г. Принята программа долгосрочного развития страны ‘Vision 2030’[2]. Ее основная задача – подготовить социально-экономическое развитие страны после окончания нефтяной эры.

Важно отметить, что в нашей стране имеется значительный опыт перспективного планирования. В системе Госплана СССР долгосрочные прогнозы и плановые ориентиры за пределами пятилетнего горизонта планирования были широко распространены при планировании капиталоемких отраслей с длинными сроками окупаемости проектов. В качестве конкретного примера можно привести статью заместителя директора Всесоюзного научно-исследовательского института комплексных топливно-энергетических проблем при Госплане СССР В.А. Клещева «Проблемы развития топливно-энергетического комплекса СССР в перспективный период до 1990 г.», опубликованную в 1981 г.[3] Оценки, выходящие за пределы пятилетнего горизонта планирования были обычным делом.

В системе Госплана, включавшей в себя несколько научно-исследовательских институтов, по крайней мере, по наблюдениям автора этой статьи в конце 70-х – начале 80-х годов, соблюдались некоторые общие принципы выработки решений, среди которых представляется важным отметить следующие. Во-первых, рассмотрение и даже столкновение по меньшей мере двух точек зрения на решение народнохозяйственных проблем. При Госплане СССР существовали Институт комплексных транспортных проблем и Институт комплексных топливно-энергетических проблем (ВНИИКТЭП), которые служили противовесами отраслевым институтам при выработке решений в соответствующих

[1] National Development and Reform Commission. – http://en.ndrc.gov.cn/

[2] Vision 2030 – General Expectations. – http://saudigazette.com.sa/saudi-arabia/saudi-vision-2030/vision-2030-general-expectations/

[3] Клещев В.А. Проблемы развития топливно-энергетического комплекса СССР в перспективный период до 1990 г. // Проблемы планирования и развития топливно-энергетического комплекса страны на современном этапе. – М.: ВНИИКТЭП, 1981.

отраслях. Автору этой статьи доводилось наблюдать, как на научные конференции, организованные ВНИИКТЭП, собирались эксперты отраслей, НИИ, вузов, инженеры и экономисты, которые излагали свои позиции по темам, важным для народнохозяйственного планирования. Результаты работы такого рода конференций использовались для выработки плановых решений.

Просматривая сохранившиеся материалы (в том числе ранее упомянутый сборник), можно определенно сказать, что многие из важнейших для того времени вопросов, таких как народнохозяйственная эффективность развития ТЭК уже не имеют прежней актуальности, но направленность на исследование будущего для целей планирования, создание для этого коллективов и информационной и организационной среды по-прежнему имеют большое методическое, научное и практическое значение.

Система прогнозирования для нужд пятилетнего и долгосрочного планирования включала помимо институтов при Госплане СССР научно-исследовательские организации, в том числе в Академии наук СССР. В частности в Институте востоковедения АН СССР регулярно разрабатывались (раз в пять лет) Комплексный прогноз экономического, социального и политического развития стран Азии и Северной Африки и Комплексная программа научно-технического прогресса СССР по разделу экономические и научно-технические связи СССР с развивающимися странами Азии и Северной Африки. Был создан организационный механизм и нормативная база прогнозирования, успешно разрабатывались методы прогнозирования включая экономико-математические модели, а также создавалась база данных для целей прогнозирования[1].

С отказом от централизованного планирования система прогнозирования перестала существовать, но в Институте востоковедения прогнозные исследования продолжаются. В 2013 г. году был проведен групповой экспортный анализ сценариев развития основных стран и регионов Востока, в подготовке которого участвовало более 40 экспертов. Основные сценарии развития до 2050 г. были разработаны и оценены группами экспертов по соответствующим странам и регионам по Японии, КНР, Индонезии, Индии, Пакистану и Афганистану, Ирану Турции, арабским странам-нефтеэкспортерам и прочим арабским странам[2].

Сейчас одной из первоочередных задач планирования должно стать развитие робототехники, искусственного интеллекта и аддитивных технологий. Они формируют новую систему производительных сил. Для планирования необходимы прогнозы развития зарубежных стран на среднесрочную перспективу. Подобного рода прогнозы должны будут учитывать существующие государственные планы развития в тех странах, которые важны для соответствующего прогноза. Например, такие планы в области развития робототехники имеют Япония, ЕС и США. Есть специальная программа технологического обновления китайской промышленности[3].

Происходящие в мире изменения требуют скорейшего решения широкого круга задач экономического развития России. Мировой опыт показывает эффективность перспективного планирования для разных стран, особенно на этапе догоняющего развития. Многие элементы системы народнохозяйственного планирования и прогнозирования, которые использовались Госпланом СССР и НИИ Академии наук СССР, могут быть применены для решения текущих задач построения системы перспективного планирования в РФ.

[1] Широков Г.К., Яшкин В.А. Некоторые итоги и задачи прогнозирования в ИВ АН СССР // Теории и методы прогнозирования экономических процессов в развивающихся странах. – М.: Институт востоковедения, 1988.

[2] Восточная аналитика. Ежегодник 2013. Сценарии и тренд развития стран Востока. – М.: ИВ РАН, 2014. Доступно на сайте http://ivran.ru/vostochnaya-analitika

[3] Акимов А.В. Робототехника: состояние и перспективы развития в мире и России // Поиск, альтернативы, выбор. 2016. – № 2. – С. 114–125; Акимов А. В. Демографический взрыв, старение населения и трудосберегающие технологии: взаимодействие в XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2016. – № 4. – С. 50–60.

Воронов М.В.
д.т.н., профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет
mivoronov@yandex.ru
Стамов И.Г.
к.ф.-м.н., доцент, Приднестровский государственный университет
istamov51@mail.ru

СИСТЕМНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРАНЫ: СУЩНОСТЬ, ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕЛИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: *цивилизация, страна, общество, стратегия, развитие.*
Keywords*: civilization, country, society, strategy, development.*

Человеческой цивилизации и сложившимся сообществам на Земле много тысяч лет. Благоприятные природные условия, заложенные в основах биоценоза, элементы самосохранения и самоорганизации, позволили им сформироваться и просуществовать до нынешних времен. С середины прошлого столетия в результате многообразной деятельности людей на планете и в околоземном пространстве масштабы воздействия на природу стали одним из основных факторов, наряду с космогенным воздействием, природными катаклизмами, определяющими безоблачность ее дальнейшего существования. К большому сожалению не все представляют себе, к каким фатальным последствиям может привести современное хозяйствование людей, ничем не оправданные, либо надуманно оправдываемые гигантские материальные затраты на создание все новых и новых благ и не совсем благ цивилизации. Удивляет упорство, с которым человечество во имя научно-технического прогресса все активнее реализует деятельность, генерирующую все больше и больше проблем. К этому можно отнести уничтожение лесов, превращение огромных территорий в свалки мусора, загрязнение атмосферы и др. Среди такого рода лидеров далеко не последнее место занимает и Россия. Как тут не вспомнить А.С. Пушкина, писавшего, что «… дай Бог, чтоб милостью неба рассудок на Руси воскрес. Он что-то, кажется, исчез …».

По нашему мнению, в обществе реализуется деятельность, результаты которой губительны не только для окружающей природы (они несоразмерны ее возможностям восстанавливаться) – с появлением модифицированных или созданных на генном уровне структур и связанных с ними процессов они могут привести к нарушениям первооснов эволюции.

Такие «двигатели прогресса», как безмерное повышение уровня материального потребления, гонка вооружений и торговля оружием, разрешение споров путем войн, пренебрежение к экологическим ограничениям не могут более выступать в качестве элементов устойчивого и прогрессирующего развития цивилизации, обеспечивающего одновременно ее безопасность.

Развитие техники и технологий привело к резко возрастающей сложности уклада человеческого сообщества, по существу, к созданию «альтернативной природы», эволюционная динамика которой достигла предела, за которым почти утрачивается возможность более консервативного в своей эволюции разума ориентироваться в этой жизненной сложности[1]. Следствием этого является утрата адекватного понимания мира, неспособность вырабатывать верные решения либо передача принятия решений машинам. Обстановка же, в которой приходится принимать решения, быстро усложняется, а последствия решений носят глобальный общесистемный характер и таят в себе потенциальные угрозы жизни на Земле. Несоответствие реализуемых на практике действий уровню развития земной цивилизации, не может устраивать разумный компонент человеческого социума и той его части, которая взяла на себя обязанности анализа опасностей и их предотвращения. Необходимы принципиально новые подходы для раскрытия происходящих социальных процессов и явлений, выработка траекторий, обеспечивающих позитивные перспективы будущего человеческой цивилизации. При этом следует сознавать, что развитие негативных явлений столь стремительно, что наступило время принятия безотлагательных действий.

Важно отметить, что такого рода ситуацию породило само общество. Следовательно, и «разруливать» ее придется ему же. Для этого необходима организация процесса единения общества в его движении в будущее как цели (его реальная социализация). Какова цель этого движения, как построить план достижения этой цели, кто и как организует общество к эффективному движению по соответствующей траектории? Поиск ответов на такого рода вопросы становится все более актуальной проблемой, разрешение которой – центральный вопрос для современного научного сообщества.

[1] Романов В.Л., Саркисян В.Ю. Социальный ресурс динамического развития России // Будущее и настоящее России в зеркале синергетики / Под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. Изд.2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2011.

Пора на деле осознать, что человек и человеческая цивилизация не являются исключительными фрагментами природы и не имеют сверхъестественных составляющих, они не могут быть отторгнуты друг от друга и от природы. В этой связи важнейшей предпосылкой к позитивному развитию человечества является изучение и непременный учет в своих действиях законов природы, воспринимаемых как всеобщность окружающей нас сущности. Этим законам подчиняются все наблюдаемые и, что крайне важно отметить, не наблюдаемые нами явления. Поскольку действие этих законов распространяется на все сферы нашего мироздания, следование им позволяет сформировать некий универсум предельных возможностей нашего бытия. Кстати, именно в этой связи знание и понимание базовых законов природы должно лежать в основе образования всех без исключения современных людей (в том числе и управленцев всех уровней).

При решении вопросов отношений человека с природой следует учитывать, что принципы организации жизни общества в главных компонентах не должны приводить к действиям, нарушающим процессы в других подсистемах биосферы Земли. Дополнительные адаптационные возможности людей, или то, что мы называем разумом, создали предпосылки для ситуаций, прогнозирование которых не всегда тривиально и в которых априори возможно заложены элементы ошибок. Это связано с тем, что воззрения людей на природу и общество, всегда страдают неполнотой и ограниченностью. Из самых общих заложенных нами принципов невозможно дать ответы на вопросы устойчивости существования человеческой цивилизации и однозначных оценок тех или иных социальных процессов, имеющих отношения к этой устойчивости. По-видимому, осознание неотвратимости надвигающихся угроз должно подвигнуть общество к активным действиям по смене вектора своей деятельности[1].

Без сомнения, сегодня каждый житель планеты должен иметь возможность потреблять весь спектр объективно необходимых ему материальных благ, но в объемах соответствующих научно обоснованным нормативам современности, т.е. поддерживать оптимально-комфортные условия жизни и деятельности всего населения. Следовательно, задачи обеспечения жизненно необходимыми ресурсами каждого жителя Земли должны решаться как первичные и непреложные. Для этого человечество в целом обладает всем необходимым арсеналом возможностей, трудности обусловлены несправедливым распределением и неэффективным управлением. Мы же являемся свидетелями нарушениями этого, казалось бы, естественного императива: при резком возрастании богатства незначительной доли населения, несмотря на неуклонное возрастание интегральных объемов материального потребления, основная масса людей стремительно нищает. Причем эта тенденция уже захватила и благополучные страны «золотого миллиарда». В результате в системе под названием земная цивилизация сформировался очередной «режим с обострением», который представляет собой и угрозу, и возможность рывка в позитивном направлении.

Человек является продуктом антропогенеза, и в его жизни все более важное место занимает социальная жизнь, развитие которой обеспечило и обеспечивает развитие человечества. Она обеспечит и сам факт его дальнейшего существования. В этой связи наш первый тезис*: в складывающейся ситуации необходимо обеспечить единение людей в их стремлении к общей и, что крайне важно, доминирующей цели – позитивному длительному сосуществованию.*

К сожалению, в настоящее время нет оснований полагать, что какой-либо международный институт способен кардинально развернуть вектор нашей жизни на планете. По-видимому, для этого необходим некий территориальный центр кристаллизации, полигон для выработки реализуемого на практике проекта. По нашему мнению таким центром может и должна стать Россия. Почему именно Россия?

С одной стороны, несмотря на успокоительные речи в СМИ, Россия удаляется от равновесного состояния, причем как в экономической, так и в социальной сфере. При этом напряженность возрастает интенсивнее, чем имеющиеся некоторые положительные результаты вялой политики следования в фарватере событий. Ситуация требует принятие кардинальных мер по выбору своего будущего и принятию неотложных мер по его реализации.

С другой стороны в силу своих особенностей Россия, как локальная цивилизация еще может выступать в качестве гаранта сохранения в мировом сообществе принципов человечности, быть первопроходцем в разработке и апробировании новых концепций построения социума. Об этом в той или иной степени сказано у многих авторов. Так еще Достоевский говорил, что русский вопрос – это вопрос всемирного человеческого смысла[2]. И действительно, ставя вопрос о русской цивилизации, мы неизбежно выходим на базовые проблемы иных цивилизаций, на планетарный цивилизационный диалог, свидетелями чего мы в настоящее время и являемся.

Представляется, что Россия, как локальная цивилизация, решая свои задачи, одновременно должна проложить путь для позитивного развития и всего человечества. Центральным моментом в решении этой задачи является формулирование ее цели, как государства и обеспечение неуклонного следования по направлению к ней. *Целью России,* как государства*, должно стать обеспечение долгосрочного безопасного и достойного существования ее населения и российской цивилизационной идентичности.*

С методологической точки зрения данная цель формулируется в виде некой аксиомы. Да, именно в таком качестве мы ее и постулируем. Между тем, при этом имеет место и ряд подтверждающих эту позицию соображений. Вот только два из них.

Первое. Россия обладает самодостаточной для своего безбедного существования территорией, на которой в достаточном объеме сосредоточены все необходимые для достойной жизни ресурсы. Современный же уровень развития технологий уже позволяет обеспечить население всеми необходимыми материальными благами, в первую очередь питанием, одеждой и жильем, потребляемыми в научно обоснованных и достаточных объемах. Более того, достойный уровень жизни потенциально может быть обеспечен в самые короткие сроки и усилиями нашего же населения.

---

[1] Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996.

[2] Бузина Т.В. Достоевский. Динамика судьбы и свободы. – М.: РГГУ, 2011. – 352 с.

Второе. Интересы подавляющего большинства нашего народа, базирующиеся на защите своего образа жизни, созвучны со сформулированной целью. Так, например, известно, что бесконфликтная жизнь любого коллектива достигается на пути отказа защиты своих личных интересов во имя интересов общества, а это одна из духовных основ русского (в идейно-культурном смысле) народа. Важно отметить, что, несмотря на интенсивное размывающее воздействие культур других народов, на нашей земле продолжается процесс редукции населения с русской ментальностью. Поэтому-то Россия и благоприятна для реализации столь масштабного проекта, ибо, в целом соответствует построению гармонического общества справедливости.

Какие шаги на этом пути нам представляются наиболее актуальными? Несмотря на необходимость формирования научно обоснованной стратегии своего суверенно состояния, что требует неординарных мер по организации соответствующих исследований, «мозгового штурма», принятия решений и осуществления адекватных им действий, срочно необходимо принятие ряда неотложных мер. По нашему мнению, они следующие.

1. Реальное следование принципам системного подхода. Требуется на деле деятельность всех подсистем и элементов рассматриваемой системы – России – ориентировать на следование сформулированной выше цели[1]. В нашем случае деятельность всех институтов нашего государства должна обеспечить процесс, в котором все его составляющие направлены исключительно на интересы сохранения и развития России как суверенного государства, базирующегося на имманентно присущей нашему народу ментальности.

Проблематичность следованию этому пути заключается не только в сложившейся в стране, мягко говоря, противоречивой ситуации. Есть и более фундаментальные причины. Как уже отмечалось выше, существующие в современном обществе сложности обусловливают неэффективность традиционных схем управленческой деятельности. В условиях прогрессирующей дифференциализации практики во всех без исключения ее сферах, оперативный объективный анализ и выработка адекватных целям альтернатив решений собственно органами административного и политического управления крайне затруднены. В такой ситуации мы будем вынуждены подвергать научной экспертизе все без исключения значимые проекты и практические шаги по их реализации. Все решения органов управления и, по возможности, каждого члена общества должны быть взвешены по критерию их полезности для достижения поставленной цели, причем и на «сейчас» и на «потом». Несомненно, что для этого должен осуществляться мониторинг состояния страны, прогнозирование последствий «неправильных решений» каждого органа управления.

Поэтому *необходимо создание специальным образом организованного института планирования и управления государством и обществом, своего рода института безопасного существования и развития России.* При этом речь не идет еще об одной бюрократической структуре, а о реальном мозговом центре страны, имеющем органическую связь со всеми слоями населения и действенное влияние на органы власти страны.

В настоящее время для безотлагательного начала реализации этого предложения можно и нужно объединить усилия научного сообщества страны. Концептуально научный задел для этого создан[2], слово за организационными мерами.

2. *Обеспечение безусловной безопасности нашей страны и всего ее населения*. Несомненно, важнейшим условием позитивного развития России как суверенной самобытной державы является обеспечение ее безопасности. Меняются времена, изменяются и детерминанты безопасности. Традиционно важнейшими были военная, техногенная, экологическая, экономическая составляющие безопасности. Сегодня со всей остротой должен быть поставлен вопрос и о безопасности духовной, ибо без человека разумного, его душевного здоровья и достаточного уровня интеллекта как жизнь, так и само понятие безопасности теряют всякий смысл[3]. Если раньше на первое место выдвигались факторы защищенности страны от внешних опасностей, то в действующей концепции национальной безопасности России в качестве основных источников угроз указаны: состояние отечественной экономики, организация государства и гражданского общества. Целый ряд авторов делает акцент и на гуманитарную безопасность, где речь идет о защите общественных отношений, гарантиях защищенности целей, идеалов, ценностей и традиций, образа жизни и культуры нашего человека[4]. В свете сформулированной цели именно эта составляющая безопасности для нашей страны является наиболее актуальной, ибо без нее остальные теряют смысл.

3. *Применение мобилизационных мер во внутренней экономической жизни страны.* Человечество всегда будет потреблять материальные ресурсы. Сегодня же ситуация такова, что если каждый житель Земли будет потреблять энергии столько, сколько ее потребляют в развитых странах (странах «золотого» миллиарда»), наша планета перестанет быть благоприятной для жизни человека как такового. Именно поэтому, несмотря на кажущееся многообразие, сталкиваются, по существу, две точки зрения: или оставить население лишь в количестве, которое на некотором временном промежутке «наша земля способна прокормить» (по либеральной концепции около одного миллиарда), т.е. сокращать население или переходить на лимитированное материальное потребление и искать пути достойной жизни всего населения, потребляющего лишь необходимый объем и ассортимент материальных благ.

Для российского менталитета допустим лишь второй сценарий, а это потребует реализации жесткой мобилизационной политики ограничения материального потребления и разбазаривания национального богатства, осуществление которой упрется в систему сложившейся в современной России власти. Вместе с тем эту проблему непременно

---

[1] Воронов М.В. Введение в системный анализ. – Тирасполь: Полиграфист, 2011. – 224 с.

[2] См., например, работу Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Стратегия прорыва: технологии, образование, наука. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 304 с. (Будущая Россия. № 26).

[3] Сергеева Л.И. Основы гуманитарной безопасности. Опыт политологического анализа // Безопасность Евразии. 2000. – № 1.

[4] Кортунов С.В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. – М.: Наука. 2003. – 612 с.

придется разрешать и с необходимостью выходить на научно обоснованный уровень потребления материальных благ в целом и энергии в первую очередь.

Как быть? Вокруг поиска ответа на этот вопрос и идет ожесточенная полемика и в коридорах власти и в научной среде. На поверхности же лежат такие предложения:

- введение мембранной международной политики и торговли (делать только то и в том объеме, что в долгосрочной перспективе соответствует интересам России);
- всю без исключения природную ренту использовать исключительно в интересах страны в целом, а производство таких товаров как алкоголь, табака, медикаментов и т.п. сделать монополией государства;
- обеспечить минимальные внутренние цены на энергоносители для производства потребляемой населением продукции и используемого им транспорта.

Несомненно, эти предложения в условиях нашей действительности не простые и требуют тщательной проработки. В частности, необходимо на практике переходить к широкому внедрению энергосберегающих технологий, энергоэффективности отечественных предприятий и производимой ими продукции. Да, они трудновыполнимы и носят тактический характер. Однако не задействовать уже сейчас все возможности страны крайне неразумно, поскольку речь идет уже о существовании нашей страны и ее народа.

4. *Центр тяжести усилий общества переносится на нематериальное производство, в креатосферу*. Уже сегодня большинство работников трудится в непроизводственной сфере (число занятых непосредственно в сфере материального производства в развитых странах находится в окрестности 25% от общего числа работающих).

Куда девать остальную массу работников нематериальной сферы? Такого рода вопросы возникают только при условии сохранения либерального курса страны и мира в целом. Несомненно, человечество должно будет производить научно обоснованный минимально достаточный объем потребляемых им материальных ресурсов, и, благодаря достижениям науки и техники, масса людей непосредственно занятых в сфере собственно производства постоянно будет сокращаться. Производство же интеллектуального продукта не может стать излишним в принципе. Именно поэтому при научно обоснованном достаточном уровне потребления материальных благ все большие людские ресурсы могут и должны быть направлены на производство и потребление благ интеллектуальных. При этом вопросы рачительного расходования материальных благ всегда будут занимать в этой деятельности достойное место.

К сожалению, большинство экономистов этой позиции не разделяют. Почему? Дело в том, что продукция интеллектуального труда является информацией. Хранение и доставка информации (но не ее производство!) требует исчезающе малых материальных затрат. Уже только поэтому такого рода продукция не может по аналогии с материальными ресурсами являться товаром. Так, например, если автор написал книгу и получил за это определенный гонорар, то копирование и рассылка ее электронного варианта практически не требует материальных затрат. Следовательно, она должна стать достоянием всех.

Вместе с тем мы являемся свидетелями противоположного движения – всемерного проникновения товарных отношений в культуру (науку, образование, искусство). Стремительность этого мейнстрима становится угрожающей. Срочно нужна разработка экономики нематериальных продуктов (иногда ее называют экономикой общества знаний). По нашему мнению, решение этой задачи должно осуществляться силами науки при активной позитивной роли государства. Формирование же условий жизни социума в принципиально новых условиях должно взять на себя само общество. Только оно, действуя в рамках горизонтальной сети, самоорганизуясь в интересах поставленной цели, способно, верно оценив нужность и ценность продуктов культуры, обеспечить их бесплатное потребление[1].

Таким образом, все большие массы людей будут заняты производством интеллектуального продукта. При этом многие существующие сегодня проблемы в обществе исчезнут. Ведь еще Б. Стругацкий писал: когда человек реализует свой талант и творческие желания, ему просто незачем будет «агрессировать», покушаясь на свободу соседа. У него своей собственной свободы будет под завязку. Он будет занят своим любимым делом, которое у него прекрасно получается, которое обещает и дает больше, чем деньги, власть, иллюзорное бытие наркомана и прочая дребедень нищих духом»[2].

На пути достижения поставленной цели главная стезя Россия – используя свой потенциал, сосредоточиться на выработке наукоемкого продукта – модели успешного бытия России. Для этого наше научное сообщество должно активно участвовать в практическом решении всех актуальных проблем страны: самоорганизовываться, разрабатывать реализуемые и эффективные проекты развития страны, непосредственно участвовать в их претворении в жизнь. В рамках этих устремлений следует создавать адекватную целям систему образования, ибо только наличие достаточного контингента активных субъектов этой программы может обеспечить успех ее реализации.

При всей спорности каждого из известных нам проектов представляется безусловным, что реальное единение современного социума в решении задач прогресса и безопасности имеет смысл, когда каждый достаточно образован и встроен в социальную систему. Для этого у людей должна быть сформирована осознанная физическая картина, адекватно отражающая окружающий мир на базе достижений научной мысли. Следовательно, необходима принципиально новая парадигма построения базового образования, в основу которой положены полученные наукой естественнонаучные компоненты фундаментальных знаний, особенно это актуально для общеобразовательной школы и для гуманитарных направлений подготовки в высшей школе[3].

---

[1] Воронов М.В., Березовский В.А. Модель построения в России постиндустриального общества. – М., 2011. – 232 с.

[2] Стругацкий С.Н. Справедливое общество: мир, в котором каждому – свое // Московский комсомолец в Питере. 1998. – № 15.

[3] Стамов И.Г. Роль педагогов и ученых в формировании открытого общества и нравственности в отношениях граждан к социальным явлениям // Материалы Российской научно-практической конференции «Научный и гуманитарный потенциал обучения

Другим стержнем будущей модели будет разрешение проблемы понимания степени социализации индивида в социуме и обязанности социума перед каждой личностью. Человечество по самой своей сути таково, что вынуждено (чтобы попросту выжить) ставить на первое место интересы социума. Несомненно, это обстоятельство должно стать императивом при разработке перспектив развития цивилизации. Вместе с тем тенденции развития технологий свидетельствуют о возможности во все большей мере повышать при этом уровень удовлетворения интересов каждой отдельной личности, конечно же, не в рамках гедонистического императива. Конечно, реализация таких предложений возможна в том случае, когда резко возрастет ответственность граждан, осознающих вставшие перед страной угрозы и понимающих необходимость принятия мер для их устранения, а лица принимающие решения, имеют волю к реализации адекватных действий. Следовательно, общество самое пристальное внимание должно уделять соответствующему воспитанию детей и молодежи.

Да, ни один существующих институтов в настоящее время не готов ответить на актуальные вызовы и защитить человечество. Однако совершенно ясно, что слово за самоорганизацией научного сообщества и созданием структур государства основанного на знаниях, где весомая или, может быть, ведущая роль отводится научно-педагогическому активу.

Итак, процессы, складывающиеся в человеческом социуме, настоятельно требуют наличия обоснованной модели развития цивилизации на Земле, в рамках которой были бы отражены изложенные выше идеи и найдены пути их реализации. В наше время все люди планеты должны иметь определенные каркасные представления о том, чем и как можно заниматься на планете и в каких рамках, а чем нельзя. Разработка и реализация такой модели в планетарном масштабе в настоящее время не представляется возможной, но нужен конкретный объект. В его качестве может и должна выступить Россия, ибо или она построит устойчивое общество современной достойной жизни или ее попросту не станет.

В этом плане центральной задачей, стоящей сегодня перед Россией, является консолидация ее общества. Вопрос в том, вокруг какой идеи? Для нас ясно, что решить задачу консолидации нашего общества при доминировании условий конкуренции, обеспечивающих в ряде случаев некоторый прогресс, невозможно, ибо это прямо противоречит требованиям консолидации. Кстати, ее нельзя решить и руководствуясь только концепциями патриотизма, любви к Родине (следует, наконец, понять, что пролетарская революция в России случилась не на пустом месте). Вернее, надо уточнять – любви, к какой Родине. Проблема в том, что страну раздирают противоречия на уровне идеологии и, не сняв эти противоречия, решить задачу позитивного существования России невозможно. Нам просто необходимо формировать в стране идеологическое единство. В этом плане требуется революционный прорыв научной мысли, разработка модели долгосрочного безопасного и достойного существования нашей страны как российской цивилизационной идентичности. Для этого (и прежде всего) должно консолидироваться научное сообщество.

По-видимому, эта задача не одного дня. Однако ситуация не дает нам возможности неторопливо обсуждать сакраментальный вопрос «Что делать?». Именно поэтому необходима программа срочных действий, о которых речь шла выше.

и воспитания» 26–27 мая 2009 г. – Калуга: издательство КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2009. – С. 73–79; Стамов И.Г. О необходимости расширения естественно-научной составляющей образования студентов гуманитарных направлений // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Университеты и их роль в социально-экономическом развитии регионов» 17–19 декабря 2014 г. – Псков: изд. ПсГУ, 2014. – Т. 1. – С. 109–111.

Гринченко С.Н.
д.т.н., профессор, гл.н.с. Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН
sgrinchenko@ipiran.ru

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕГАТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

***Ключевые слова**: Россия, «сверхстрана», идеология, информатико-кибернетический подход, иерархическая система Человечества, «ускорение» исторического времени, системный кризис*

***Keywords:** Russia, «super-country», ideology, informatics-cybernetic approach, Humankind's hierarchical system, «acceleration» of historical time, systemic crisis*

Прежде, чем определять место России в контексте мегатенденций мирового развития, необходимо уточнить – идентифицировать – её место в структуре Человечества как самоуправляющейся системы[1].

Как известно, понятие «*идентичность*» применительно к личности определяют как «психологическое представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самотождественности и целостности; отождествление человеком самого себя *(*частично осознаваемое, частично неосознаваемое*)* с теми или иными типологическими категориями *(*социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образцом, нормой, группой, культурой и т.п.*)*»[2]. При этом «типологическую категорию» понимают как различные социальные, экономические, национальные, профессиональные, языковые, политические, религиозные, расовые и другие группы или иные общности.

Но это же понятие «*идентичность*» вполне применимо и к группам личностей различного размера, включая такие общности, как страны и государства[3]. А именно: исходя из системного представления о Человечестве, можно заключить, что каждый *человек* может идентифицировать себя (психологически ощущать свою принадлежность) с группой лиц, компактно проживающей на определённой *территории*, к которым относятся:

1. «семья»/малая группа сотоварищей = «двор» с характерным расчётным размером (радиусом условного круга, по площади равном соответствующему ареалу) ~64 м»;
2. «микро-Родина»/коллектив/землячество = «поселение» (деревня, микрорайон etc.) с характерным расчётным размером ~1 км»;
3. «малая Родина» = «окру́га» (муниципальное образование) с характерным расчётным размером ~15 км»;
4. «средняя Родина» = «сверхрайон» (государство либо региональное образование – край, область, земля, штат etc.) с характерным расчётным размером ~222 км;
5. «большая Родина» = «сверхстрана» (держава, империя, союз государств etc.) с характерным расчётным размером ~3,37 тыс. км;
6. «Родина Человечества» = планета Земля с характерным расчётным размером ~51 тыс. км, – человек как гражданин Мира.

Более того: можно утверждать, что самоидентификация присуща не только отдельным личностям, но и вышеперечисленным целостным общностям – если она является частью *идеологии* такой общности, поддерживаемой, пропагандируемой и реализуемой её нравственной и управленческой элитами.

Идеологию отдельной страны, – даже такой «сверхстраны», как Россия[4], – можно конструировать *индуктивно* (иерархически «снизу вверх»), т.е. формулируя те или иные идеологические целевые установки, исходя из личностной и общественной практики её граждан и их групп. Огромная множественность подобных позиций приводит к огромным же затруднениям при выработке идеологических конструктов, устраивающих общественное большинство. Кроме того, индуктивный подход, базирующийся на позициях представителей начальных ярусов в общественной иерархии страны с их относительно ограниченным кругозором, не гарантирует нахождения адекватных (в контексте её позиции в системе Человечества) идеологических формулировок для иерархии страны в целом.

Дополнительным к индуктивному является *дедуктивный* подход к выработке общественной/государственной идеологии, реализующий взгляд на идеологию отдельной страны «иерархически сверху», т.е. с позиций той роли и

---

[1] Гринченко С.Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). – М.: ИПИРАН, Мир, 2004. – 512 с. – http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/; Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). – М.: ИПИРАН, 2007. – 456 с. – http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/book_2/

[2] Николаев В.Г. Культурология. XX век. Энциклопедия. 1998.

[3] Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире: Учеб. пособие. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2002. – 300 с.

[4] Гринченко С.Н. Наднациональная идея России // Национальная идея России. – М.: Научный эксперт, 2011. – С. 689–699.

функций, которые эта страна может/должна выполнять в рамках всей системы Человечества. Такой взгляд выявляет не столько *конкретные роль и функцию* страны в глобальных рамках, сколько *ограничения* на их конкретизацию со стороны остальных участников иерархии (каким образом это может/должно происходить – отдельная тема) и *системы Человечества как целого*.

Сфокусируем своё внимание на последнем феномене – объективных тенденциях развития Человечества как самоуправляющейся системы в прошлом, настоящем и будущем – которые с кибернетической точки зрения и являются *мегатенденциями мирового развития* (рис. 1).

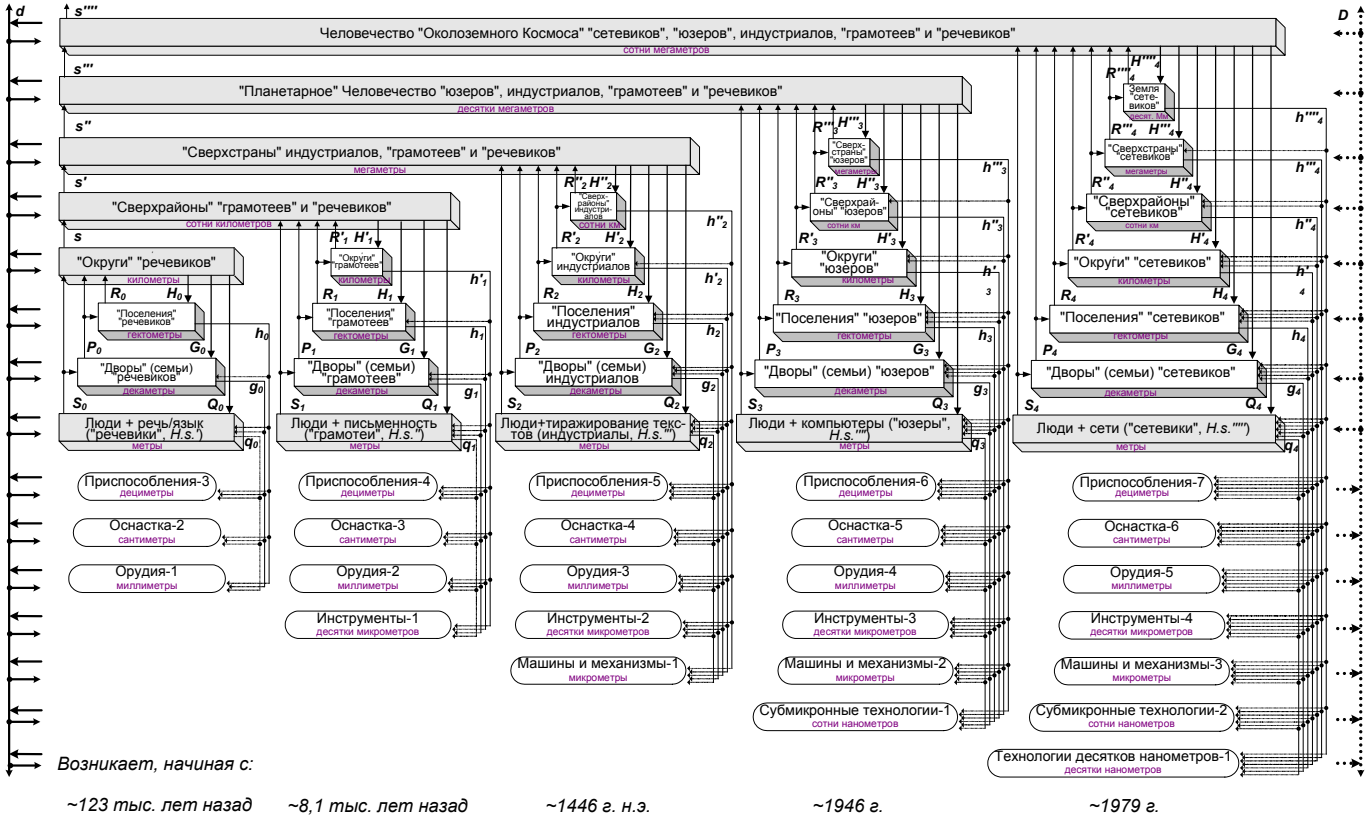


Рисунок 1.
Схема иерархической самоуправляющейся системы Человечества
(актуальная в период от ~1979 г. до настоящего времени и далее)

Примечания к рис. 1: здесь использованы следующие обозначения. Восходящие стрелки (имеющие структуру «многие – к одному») отражают *первую* из пяти основных составляющих контура иерархической поисковой оптимизации данной системы – поисковую активность представителей соответствующих ярусов в иерархии, нисходящие сплошные (имеющие структуру «один – ко многим») отражают *вторую* – целевые критерии поисковой оптимизации энергетики системы Человечества, нисходящие пунктирные («один – ко многим») отражают *третью* – оптимизационную системную память личностно-производственно-социального (результат адаптивных влияний представителей вышележащих иерархических ярусов на структуру вложенных в них нижележащих); полужирными стрелками в левой части схемы показана *четвёртая* – антропогенная активность индивидов и их групп, которую целесообразно трактовать как «трудовую деятельность по созданию соответствующего инструментария и результатов его применения»; пунктирными полужирными стрелками в правой части схемы *пятая* – антропогенная системная память личностно-производственно-социального (процессы вовлечения результатов антропогенной активности в структуру – «тело» – соответствующей иерархической подсистемы Человечества).

Проявляются эти тенденции в форме следующих феноменов:

1. перманентного анатомико-физиологического, психического и интеллектуального усложнения самого *человека*;

2. создания и использования им всё более сложных *информационных технологий* (сигнальных звуков/поз – мимики/жестов – речи/языка – письменности – книгопечатания – компьютерных – сетевых – и т.д.);

3. освоения им в качестве *ареалов* своего компактного и эффективного (самоуправляемого) проживания всё больших территорий, с созданием соответствующей *инфраструктуры* и перспективным освоением всё более обширного космического пространства;

4. создания и овладения им *производственными технологиями* – всё более тонкими инструментами формирования вокруг себя второй природы (на сегодня актуально освоение нанотехнологий);

5. формирования им всё более сложного кибернетического *инструментария адекватного самоуправления* в системе (административного, социального, правового, экономического, финансового и т.п.).

Достаточно стабильной и независимой *идеология* может быть у того социума, который обладает свойствами крупного государства, или «сверхстраны» (властно-политической организации на определённой ограниченной суверенной территории, обладающей аппаратом управления, оборонной и правовой системами). Очевидно, что освоение

отдельным государством некоторого ареала может/должно сопровождаться конкуренцией/кооперацией с соседями. Группа кооперирующих между собой некрупных государств является зародышем крупной «сверхстраны». Перспективная кооперация крупных «сверхстран» сформирует (в перспективе и в идеале) эффективно самоуправляющееся Мировое сообщество (рис. 2).

Рисунок 1 демонстрирует, помимо иерархически «вертикального» расширения новых подсистем в самоуправляющейся системе Человечества, и «ускорение» исторического времени, т.е. укорочение промежутков времени между началами формирования этих подсистем. Сходится этот процесс около ~1981 года – до этого момента процесс усложнения системы Человечества можно интерпретировать как её «младенчество-детство-отрочество-юность», а после этой приблизительной даты – как «зрелость».

Моменты времени, описывающие «ускорение» исторического времени (засечки на нижней *единственной* временной шкале) хорошо видны на рис. 3. Но каждая такая точка соответствует ***началу*** *одного из параллельных* реальных процессов формирования новых иерархических подсистем Человечества. Лишь проецируя эти моменты на схеме вниз на *единственную* временную ось, получаем их сгущение («сходимость») в её правой части, трактовать которое как «конец истории» становится абсолютно безосновательным[1].

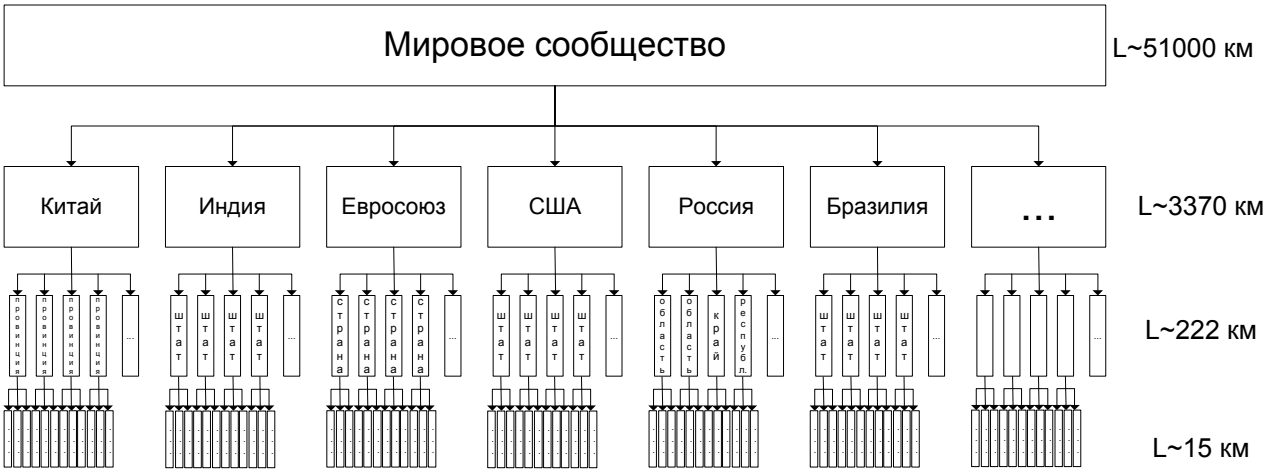


Рисунок 2.
Схема "идеальной" структуры Мирового сообщества, адекватной структуре самоуправляющейся системы Человечества

Примечания к рисунку 2: для каждого из иерархических уровней в правой части рисунка приведены характерные линейные размеры (радиус круга той же площади) территориальных образований – соответственно Мирового сообщества как целого, «сверхстран», «сверхрайонов» и «окру́г».

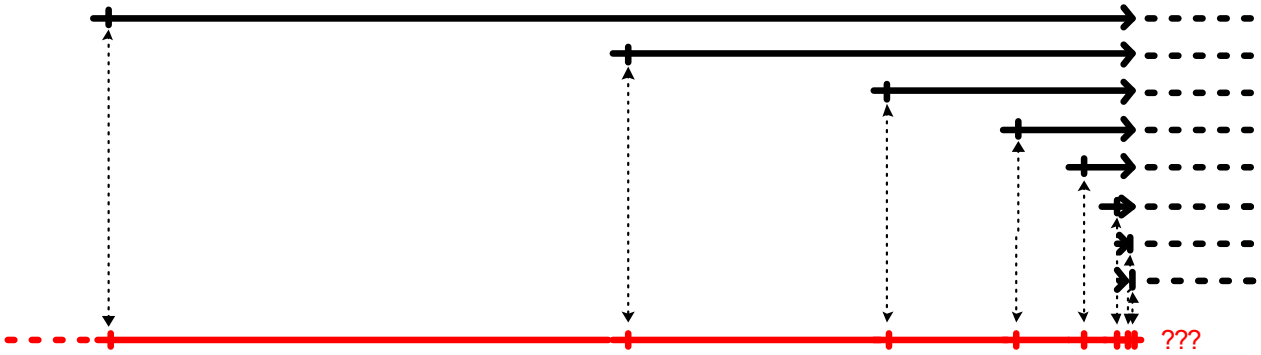


Рисунок 3.
«Параллельное» и «последовательное» схематические представления «ускорения» исторического времени

Объяснение этому моменту времени с позиций информатико-кибернетического подхода следующее: это начало беспрецедентного в Мировой истории *системного кризиса*, который необходимо углубляется уже в наши дни (т.е. с некоторой инерционностью относительно начального момента ~1981 г.), становясь всё более угрожающим для существующих структур, включая государственные. С кибернетических позиций этот системный кризис состоит в «притирке» вновь возникших в системе Человечества подсистем компьютерной, сетевой и формирующейся «Космо-нано» друг к другу и к ранее возникшим сельскохозяйственной и промышленной подсистемам, и, наконец, – к Биогеосфере (см. рис. 4, наглядно демонстрирующий несравнимость сложностей структуры системы Человечества до 1946 года и в наши дни).

[1] Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Историческое время и модели его «ускорения» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. – № 3 (31). – С. 40–45. – http://elibrary.ru/item.asp?id=17955162

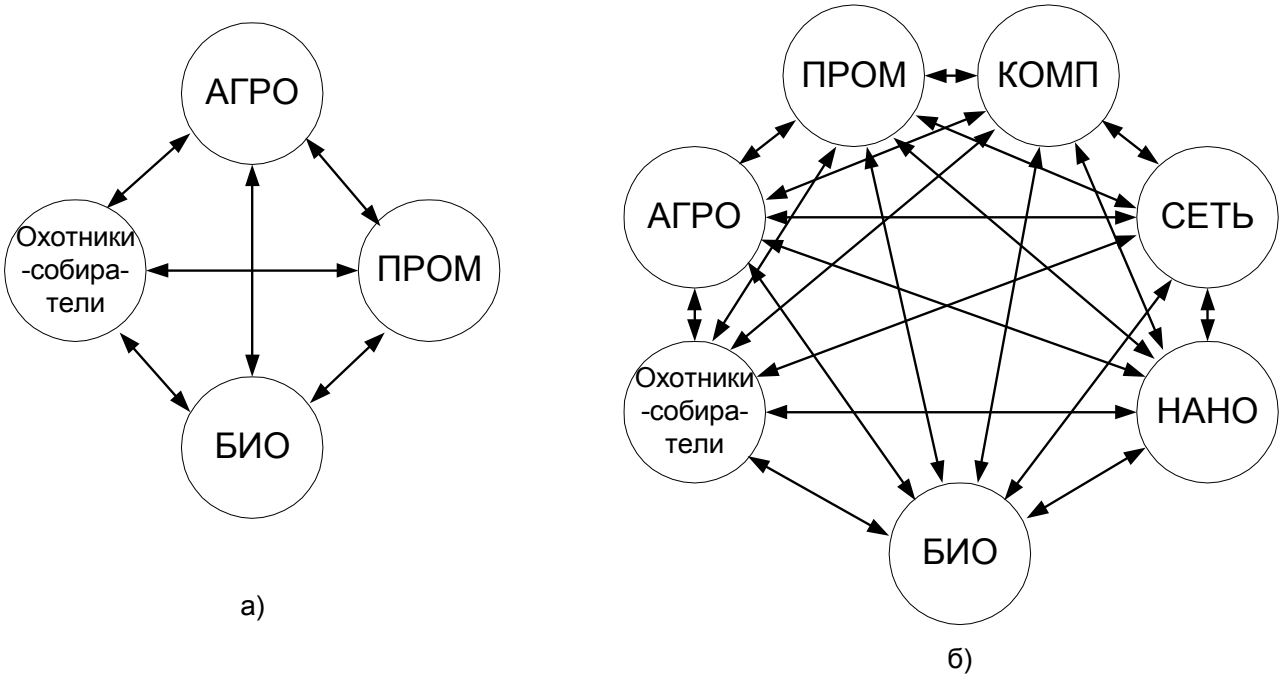


Рисунок 4.
Структура системы Человечества: а) до 1946 года; б) в настоящее время

Именно этот системный кризис и определяет основные мегатенденции мирового развития на современном его этапе.

Очевидно, что взаимное приспособление столь крупных и сложных глобальных объектов происходит посредством сложного и слабо предсказуемого поисково-оптимизационного приспособительного поведения составляющих их элементов-социумов. Столь же очевидно, что жизнеспособными – в новых глобальных условиях – социумами окажутся те, которые сумеют наилучшим образом консолидироваться вокруг отечественной суверенной идеологии, адекватной внутренним и внешним вызовам.

Что же предстоит сделать россиянам уже сегодня, максимум – завтра? Как представляется, самоидентифицировать Россию именно как «сверхстрану»[1], со всеми проистекающими из такой самоидентификации следствиями-действиями в политической, экономической, военной, этнической, гуманитарной, нравственной и иных сферах жизни в контексте объективно существующих – безотносительно к нашим сознательным действиям! – мегатенденций мирового развития.

Это же самое (в теории) должны делать – и делают! – и другие сопоставимые с Россией (крупные) участники Мирового сообщества: «сверхстраны» Китай, в перспективе Индия, Бразилия и др., этот путь наметили даже США. В частности, продекларированный новым президентом США Д.Трампом принцип сосредоточения действий американского народа прежде всего на внутренних интересах своего государства, и лишь затем – на внешних, *естественным образом интерпретируется при отождествлении США как «сверхстраны»*: образования достаточно автономного, но действующего в глобальных рамках.

Подобный же путь, по-видимому, намечал в своё время и Евросоюз (в потенции «сверхстрана»), но выбрал неудачные принципы своей будущей организации и неэффективную внутреннюю структуру самоуправления. Его возможный (уже в близком будущем) распад будет свидетельствовать не об опровержении описываемой мегатенденции мирового развития на консолидацию, а о поисковом характере её реализации (о «поисковых рысканиях»), ибо сразу после предполагаемого распада существующего союза примерно на той же территории непременно начнёт формироваться новое образование-«сверхстрана», быть может, в новом составе участников и с новыми внешними границами, с новым языком общения людей внутри такой «сверхстраны», с более адекватными принципами создания, структурой самоуправления, планируемыми к реализации векторами политического, финансово-экономического и даже идеологического развития, и т.п.

Поскольку процессы *системных* перестроек весьма вероятностны в своих локальных деталях, очень инерционны – более того, их циклы могут повторяться снова и снова! – мы и называем их «системогенную» направленность именно *мегатенденцией* мирового развития, а не его конкретной программой или планом.

Основные выводы:

1. Идеология проектируемых человеком *сознательных* действий – и их конкретная *реализация* в рамках иерархии «семья»–«микро-Родина»–«малая Родина»–«средняя Родина»–«большая Родина»–«Родина Человечества» должны

[1] Гринченко С.Н. Понятия «государство» и «Отечество» с позиции кибернетики // Эко-потенциал. 2015. – № 3 (11). – С. 69–77. – http://elibrary.ru/item.asp?id=24238867

соответствовать *объективно существующим* структуре и приспособительному поведению кибернетической системы Человечества в рамках иерархии «двор»–«поселение»–«окру́га»–«сверхрайон»–«сверхстрана»–«планета Земля». Несоответствие целевых установок практически реализующейся идеологии некоторого социума объективно существующим целевым критериям поисково-оптимизационного поведения этой системы приводит – с некоторой инерцией – к элиминации такой идеологии (как минимум, в рамках этого социума), а зачастую и его самого как целостной сущности.

2. Формулируя, детализируя и устанавливая собственную суверенную идеологию России, необходимо учитывать рекомендации, ограничения и требования, проистекающие из перечисленных выше 5-ти феноменов формирования и развития иерархической самоуправляющейся системы Человечества: усложнения *человека, информационных технологий, ареалов/инфраструктуры, производственных технологий, инструментария адекватного самоуправления*.

3. Реализуя вывод № 2, важно помнить, что (вполне справедливая) борьба людей за улучшение общественного *самоуправленческого механизма* может привести к изменению (подмене) самих *целей* развития – суверенной идеологии, – и даже к деструкции собственно *иерархического самоуправления* того или иного сообщества людей как такового (в частности – крушению государственных структур и государства как целого). Этому есть наглядные примеры как в глубокой истории, так и в современности.

Гусева Н.В.
д.филос.н., председатель Восточного отделения Казахстанского философского конгресса, руководитель Международного Центра методологических исследований и инновационных программ, академик Акмеологической академии, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

К МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ОСНОВАНИЙ МЕГАТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *мировое развитие, мегатенденции, деятельность, интересы. методологический анализ.*

Вопрос о мегатенденциях современного мирового развития рекомендован к рассмотрению программным комитетом XVI Международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». По отношению к теме самой конференции такой вопрос имеет смысл, так как развитие любой страны не может не зависеть от процессов и тенденций, которые определяют ситуацию в мире. Эти процессы являются контекстами развития той или иной страны, без понимания и учета которых нельзя в достаточной мере адекватно планировать и осуществлять ее собственное развитие.

Анализ оснований, порождающих те или иные тенденции, имеет методологический характер, так как должен выражать логику процессов развития или, напротив, деградации в обществе. Мегатенденции – это сфера глобальных, охватывающих все мировое сообщество, процессов, которые уже прошли свое становление и активно влияют на все происходящее мире.

Современное мировое развитие и выявление его тенденций как предмет рассмотрения, требует первоначального определения того, что понимать под развитием, тем более того, что касается всего мира. Часто, говоря о развитии, подразумевается наличие каких-либо изменений. Очевидно, что просто изменения не могут считаться развитием. Если развитие рассматривать в диалектической традиции, то надо признать, что выражающим его сущность, является понимание того, что развитием можно считать, во-первых, лишь возникновение качественно нового по сравнению с уже имеющимся в том или ином процессе, который рассматривается. Кроме этого, во-вторых, возникновение качественно нового не должно быть нейтральным по отношению к определениям по шкале распределяющегося «позитива» для сообщества, которое рассматривает феномен развития. Так, если возникающее качественно новое будет иметь характеристики уменьшающегося «позитива», то в этом случае следует говорить не о развитии, а процессе, который ему противоположен, то есть о деградации.

Определение мирового развития и тенденций, возникающих в нем, как форм некоей его конкретизации, имеет смысл тогда, когда стоит вопрос о выяснении возможных перспектив качественных изменений в мире, которые должны иметь позитивный статус. В современном мире основополагающие характеристики его качественных изменений связаны с процессами, которые осуществляются людьми, соединяющими свои духовные и материальные силы в направлении решения жизненных проблем. Различные виды совместной деятельности людей в обществе, глубина этой совместности, направленность на освоение определений природного и институционального бытия и т.п., являются теми контекстными условиями, благодаря осмыслению которых становится возможным ставить вопрос о позитивных или негативных мегатенденциях современного мирового развития.

Обращенность человека и человеческого сообщества к миру всегда сохраняет черты и структуру деятельности. Именно она является процессуальным основанием любых состояний в обществе и отдельной человеческой жизни. Способы ее осуществления определяют характер наступающих изменений и их позитивный или негативный характер. Основными вариантами таких способов всегда являются варианты целостной и разделенной деятельности. Первый из них становится основой реального сотрудничества, установления взаимного понимания и уважения в человеческом сообществе. Второй вариант, напротив, является основой разведения интересов на полюса, с одной стороны, диктующих и, с другой стороны, тех, кому диктуются те или иные позиции. Поясним сказанное.

Всякая деятельность в своей структуре всегда имеет следующие основные ее «структурно-функциональные блоки», то есть элементы структуры, которые в процессе деятельности определяют те или иные функции в ней. К ним, как известно, относятся: ЦЕЛЬ – ВЫБОР СРЕДСТВ – ИСПОЛНЕНИЕ – ПОЛУЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА. В целостной деятельности человеческое сообщество или та или иная группа сообщества осуществляет все эти «структурно функциональные блоки» самостоятельно или сообща. То есть вместе вырабатывается ЦЕЛЬ, далее: вместе определяются СРЕДСТВА осуществления цели, совместно осуществляется достижение цели, то есть ИСПОЛНЕНИЕ. Полученный результат при этом оказывается также совместным, то есть несет в себе непосредственно общий или, в данном случае, общественный характер. Люди, совершавшие целостную деятельность, оказываются создателями, в равной степени относящимися как к процессу этой деятельности, так и к ее результату. На основе целостной деятельности не возникает дифференциации или поляризации в статусах людей, которые затем выражают их социальное неравенство.

В разделенной деятельности каждый из «структурно-функциональных блоков» (цель, выбор средств, исполнение, получение результата) закрепляется за различными людьми или группами людей. В результате разделенная деятельность с самого начала становится исходным основанием разделения не только интересов людей в соответствии с выполняемой частью разделенной деятельности, но и становится основанием, служащим не развитию общества, а тупикам и серьезной деформации социальных отношений, мешающим развитию. Потеря деятельностью характеристик целостности означает в масштабе общества начало процесса глубокой социальной дифференциации.

Первоначальное разделение деятельности имело место уже в глубокой древности. В современном мире оно характеризует существенное большинство деятельностных процессов. Говоря о разделении деятельности, не следует его отождествлять со специализацией, хотя достаточно распространенным является употребление этого словосочетания в смысле, указывающем на различные виды деятельности по их содержанию (скотоводство, землепашество, ремесленничество и др.), сложившиеся исторически. В древности такое разделение деятельности характеризовало дифференциацию крупных первобытных общин. В современном мире разделение деятельности характеризует, как известно, то, что в пределах одной и той же по содержанию сферы деятельности одни, занимаясь целеполаганием, формируют свой интерес в рамках этой деятельности, замыкающийся именно на постановке цели и на всем, что с этим связано. Другие, занимаясь выбором средств для ее осуществления, формируют свой интерес, который отличается от интереса агентов целеполагания. Третьи, будучи исполнителями, также формируют свой интерес, который опять-таки не совпадает с интересами как первой, так и второй группы[1].

Разделение деятельности на всех уровнях существования общества приводит к атомизации индивидов, а весь общественный процесс по форме начинает моделировать броуновское движение. Ведущим атрибутом человеческого существования становится несовпадение интересов, переходящее в их антагонизм.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс отмечал, что разделение деятельности и частная собственность – это одно и то же[2]. В одном случае речь идет о процессе, а в другом – о результате.

Атомизация индивидов через тяготение к закреплению воплощенных результатов разделенной деятельности приводит к серьезному противостоянию социальных групп, относящихся к различным, а точнее: противоположным, «структурно-функциональным блокам» деятельности. Наиболее ярко это проявляется в принадлежности одних к группе постановщиков целей, а других – к группе исполнителей не ими поставленных целей. Воплощённые результаты разделённой деятельности выражены в общественно значимой форме – в форме частной собственности на средства производства, которая далее выступает матрицей перспективы развития общественных отношений. Перспектива эта строится на все большей и большей дифференциации и сопровождающей ее поляризации интересов людей. Это то, что К. Маркс и называл атомизацией индивидов.

Общественные интересы становятся предметом заботы социальных институтов. При этом структура социальных институтов, выражающих общественные интересы, то есть интересы всего общества ни по форме, ни по содержанию не совпадает и не может совпадать с непосредственными интересами человека, осуществляющего свою жизнедеятельность. Институты обнаруживают свое влияние в форме и статусе контекстов, в которых имеет место функционирование атомизированных индивидов. В качестве таких контекстов институты выполняют роль адаптирующих, уравновешивающих и т.д. инстанций, которые хотя и располагаются во вне каждого индивида, но в то же время оказываются способными влиять на их поведение, осуществляемый выбор, на принятие решений, предпочтений и проч. Это указывает на то, что институты имеют роль своего рода регуляторов, обеспечивающих направленность движения масс атомизированных индивидов. Значимость социальных институтов при этом становится все более и более определяющей в организации общественной жизни. Речь идет о параметрах цивилизационного существования. Эти параметры отличают цивилизацию от культуры. Если культура, по сути, выражает процессы и результаты целостной социально-значимой, созидательной, творческой деятельности людей, то цивилизация, напротив, выражает процессы организации тиражирования, применения, употребления, использования и т.д. того, что создано в культуре.

В контексте общественного состояния, в котором преобладает атомизация индивидов, параметры культуры существуют и реализуются с большими трудностями. Параметры же цивилизационного плана, напротив, оказываются совпадающими с параметрами реализации частичных интересов атомизированных индивидов. Хотя эти интересы в этом случае уже не являются интересами людей способных к творчеству или серьезно ориентированных на творческую деятельность. В этом случае – случае общественного состояния в атомизированном виде – интересы людей ориентированы на применение, употребление, использование и т.д. в рамках своих частных потребностей и предпочтений. Вопрос о творческом созидании становится в некоем смысле запредельным, то есть он оказывается не связанным с логикой каждодневного существования. В рамках цивилизационных параметров общественного бытия логикой каждодневного существования людей является то, что называется функционированием, а не творческим созиданием. Функционирование людей всегда регламентировано. Регламентация содержится в инструкциях к исполнению тех или иных систем действий у каждого работника на каждом рабочем месте. Должностные инструкции выражают последовательность, требования к способам осуществления, ответственность и т.п. каждого работника за исполнение его функциональных обязанностей. Функциональное существование является преобладающим в условиях ведущей роли цивилизационной организации жизни людей и всего человеческого сообщества в современный период.

Направленность и преобладание функционального существования в глобальных масштабах ведет к постепенной деградации того, что связано с возможностями сохранения и развития творческого отношения к жизни, реализа-

[1] Классическим стал пример, когда исполнителя не интересует в полной мере цель всей деятельности, так как он оказывается полностью погруженным в собственно исполнительские цели и задачи.

[2] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Данные слова принадлежат, как известно, именно К. Марксу.

ции творческого потенциала людей и, тем самым, с существованием и развитием самой культуры. Не случайным является то, что в мировой философской мысли тема гибели культуры является одной из ведущих тем в последние полтора-два столетия.

Абсолютизация цивилизационных параметров, сопряженная с характеристиками следствий атомизации индивидов, является основой существенных трансформаций всех форм общественной жизни и соответствует формированию негативных перспектив в дальнейшем. Это касается не только собственно материальных оснований общественного бытия, но и того, что связано со сферой собственно человеческих отношений, которые традиционно считаются принадлежностью духовному миру человека. Для материальных оснований атомизация индивидов, закрепляющаяся в цивилизационной форме организации общественной жизни, оборачивается трудностями достижения технологического обновления и развития производств, т.к. частные интересы не способствуют этому. Они могут становиться на уровень крупных общественных задач лишь в том случае, когда обеспечена их собственная удовлетворенность, выраженная в неких прибылях и финансовых выигрышах. Но даже в этом случае частные интересы никоим образом не начинают совпадать с интересами общества, по существу. В этом случае имеет место лишь формальное сопутствование общественному интересу, имеющее место до той поры, пока не завершится действие удовлетворяющих частный интерес условий. Мы здесь не будем указывать на многочисленные факты и разоблачения, недвусмысленно говорящие об этом, которые имеют место в современной истории различных стран и государств.

В духовной сфере также происходит существенная трансформация и смыслов, и состояний, характеризующих современное существование человеческого сообщества. Это можно проследить, если обратиться к хорошо известным ситуациям с пониманием и оценкой важных для человека и общества явлений. Так, например, можно сравнить понимание того, что считается справедливым в условиях, когда отношения людей складываются в условиях целостной деятельности и когда они складываются в условиях деятельности разделённой, где уже господствует частный интерес. Справедливость в условиях целостной деятельности не может не характеризовать равное положение всех тех, кто ее осуществляет. Справедливость в условиях разделенной деятельности, напротив, характеризует приоритетность тех, кто осуществляет постановку целей в противовес положению исполнителей. Примером этому может служить распространенная ныне ситуация, когда руководитель в сфере распределительных отношений считает возможным устанавливать себе вознаграждение в сотни и тысячи раз большее, чем то, которое полагается исполнителям. В политической сфере знаковыми являются те трансформации смыслов, которые затрагивают существенное для современной идеологии понимание характеристик и возможностей демократии.

«Матрица» понимания основополагающей роли деятельности (разделенной или целостной) для процесса и перспектив развития общества «работает» и при рассмотрении других феноменов, а не только в отношении моральных или нравственных определений человеческой жизни. К их числу можно отнести феномены политические, научные, феномены искусства, права, религии и самой философии. Рассмотрению этого можно посвятить не одну монографию, выводы в которых также, как и в данной статье будут ориентировать на понимание того, что положительные перспективы и тенденции в общественном бытии могут быть и должны быть связаны только с реализацией логики целостной деятельности в масштабе всего общества. В противном случае перспективы будут негативными, и они коснутся всех сфер человеческого существования.

Коровникова Н.А.[1]

КОНЦЕПЦИЯ ЭНТРОПИЙНОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *энтропия, энтропийная экономика, энтропийный закон, управление, современная Россия.*
Keywords*: entropy, entropy economy, entropy law, management, modern Russia.*

В условиях системного кризиса современной либерально-рыночной экономики, который, по мнению ряда исследователей[2], *программируется и воспроизводится по правилам управляемого хаоса, становится очевидной* необходимость перехода к новой модели развития, которая позволила бы контролировать степень энтропийности экономического пространства. Проблематика турбулентности и неопределенности экономических явлений и процессов, другими словами, энтропии экономической сферы особенно актуальна для современной России, поэтому постоянно увеличивает число своих сторонников и количество научных исследований в данной области. Концепция энтропийной экономики в настоящее время недостаточно изучена как в рамках отечественного, так и зарубежного научного дискурсов, поэтому данный вопрос требует, по крайней мере, гипотетического решения.

Прежде чем перейти к концепции энтропийной экономики для современной России, целесообразно обратиться к теоретическим основам самой дефиниции «энтропия» и ее применения в рамках экономического пространства. По своей сути энтропия является достаточно универсальным теоретическим понятием, которое носит междисциплинарный характер и имеет широкое применение в различных областях научного дискурса. Можно привести следующие интерпретации энтропии: термодинамическая (в термодинамике: обозначение физического параметра)[3], информационная (в теории информации: количество информации обратно пропорционально неопределенности, т. е. энтропии)[4], поведенческая (построение демо-экономических моделей социума)[5], управленческая (в теории управления: мера неопределённости состояния системы в данных условиях), и, наконец, экономическая.

Общеизвестно, что концепция энтропии вошла в экономику для объяснения научно непрогнозируемых отклонений социально-экономического развития со ссылкой на то, что система оказалась неупорядоченной, неинформативной и т.п., другими словами – энтропийной. Причем, до сих пор понятие энтропии в экономике не имеет однозначной трактовки и четкого определения. Кроме того, среди исследователей нет единого мнения относительно того, можно ли использовать данный концепт по отношению к экономическому пространству в том же контексте, в котором он изначально вошел в научный оборот. Следует согласиться, что прямой перенос законов естественных наук в область общественно-гуманитарных может привести к искажению исследовательских результатов и квазинаучным заблуждениям[6].

В общих терминах экономическую энтропию можно определить «как количественный показатель беспорядка, меру излишней работы при достижении поставленной цели, долю неполезных побочных процессов или явлений, сопровождающих какую-либо деятельность»[7]. Тогда энтропийный закон в экономической системе характеризует меру хозяйственного беспорядка за временной цикл взаимодействия через реализуемые стабильные и дестабилизированные процессы экономического обмена[8].

---

[1] Коровникова Наталья Александровна – к.полит.н., доцент Международной академии оценки и консалтинга, с.н.с. ИНИОН РАН. Сфера научных интересов: экономическая история, история экономической мысли, экономика культуры; идеологии в современной политике; роль «идеальных» факторов в социально-экономических процессах; идентичность; социальная психология; патриотизм: патриотическое воспитание как основа ментальной безопасности; лидерство: современные инструменты диагностики, развития и коррекции лидерских качеств, моделей и стилей; информационное обеспечение управленческой деятельности. E-mail: natalia.kor@list.ru.

[2] См. Дятлов С.А. Энтропийная экономика: методология исследования глобального кризиса. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – 403 с.

[3] Термин «энтропия» был впервые введен Р. Клаузиусом в 1865 г. для обозначения меры количества энергии в термодинамической системе (прим. авт.).

[4] В 1948 г. К. Шеннон предложил использовать понятие энтропии при определении количества информации и ввел понятия неопределенности и информационной энтропии как ее меры (прим. авт.).

[5] См. Попков Ю.С. Энтропийные модели демо-экономической динамики // Труды ИСА РАН. – М., 2006. – Т. 28. – С. 7–47. – http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2006-28/3-43.pdf

[6] Действительно, в термодинамике под энтропией системы подразумевают сумму энтропии всех ее молекул и не учитывают макросостояния самой системы, в то время как энтропия экономической системы – функция ее макросостояний, поэтому она не может быть тождественна термодинамической энтропии (прим. авт.).

[7] Цит. по Чаленко А.Ю. Самоорганизация и энтропия в природе и экономике // Капитал страны: федеральное Интернет-издание. – http://kapital-rus.ru/articles/article/samoorganizaciya_i_entropiya_v_prirode_i_ekonomike/

[8] Там же.

Понятие энтропии в экономике наиболее широко используется как абстрактное выражение многочисленных процессных аномалий и в большинстве случаев трактуется как мера хаоса и непредсказуемости экономической системы, стабильность которой обратно пропорциональна степени ее энтропийности. Хотя в исследовательской среде существует точка зрения, согласно которой чем выше уровень энтропии социально-экономического пространства социума, тем более развитым он является. Ее сторонники утверждают, что чем больше текущая величина энтропии, тем больше возможностей для дальнейшего развития и тем выше темпы роста, поэтому энтропия характеризует не только текущий уровень развития общества, но и потенциал его прогресса[1].

Для сложных экономических систем энтропия служит характеристикой их динамической устойчивости – ключевого свойства системы с точки зрения системного подхода и общей теории систем. Это дает возможность использовать энтропию в качестве интегрального параметра мониторинга состояния экономического пространства[2]. Сложность прикладного применения энтропии в качестве интегрального параметра в ее классической интерпретации по отношению к реалиям экономики заключается, главным образом, в невозможности получения ее точного значения, которое бы системно учитывало все факторы, влияющие на динамику системы. Однако, косвенная оценка энтропии возможна путем оценки скорости изменения ключевых параметров экономической системы.

Энтропия в экономике носит амбивалентный характер, с одной стороны, это не всегда прогнозируемые результаты человеческой деятельности (управленческой, производственной, интеллектуальной), с другой, непредвиденные изменения ресурсной базы (энтропия природных процессов), которые существенно влияют на функционирование экономической сферы и не позволяют достичь запланированного результата. Это, в свою очередь, требует стратегического планирования для корректировки человеческой деятельности в зависимости от изменений энтропии природы[3]. Для этого важно понимать, как сам человек вписывается в экономическую систему, насколько ему подконтрольны экономические процессы, запрограммированные на предмет методологического индивидуализма. Попытки вписать человека в экономическое пространство, следуя принципу сингулярности, эталону экономического поведения рационального эгоиста, приводят к тому, что система теряет свой неэнтропийный ресурс[4]. В таком случае экономическая система заведомо исключает всю совокупность аксиологических аспектов жизнедеятельности социума (культуру, духовность и т.п.) из системы ее активных факторов, что в конечном итоге, приводит к интенсификации дегуманизации социально-экономического пространства и, следовательно, усиливает энтропийные процессы.

Соотношение порядка и хаоса, иерархии и гетерархии в экономической системе оказывает непосредственное влияние на процесс принятия управленческих решений и характер последних. Так согласно теории управляемого хаоса социум очевидно нелинеен, нестабилен и плохо предсказуем, поэтому главная цель акторов экономического пространства – демонтаж систем через конструирование кризисов. Дальнейшее развитие этой теории привело к формированию нового подхода – теории энтропийной логики, суть которой заключается в том, что управляющий субъект целенаправленно программирует хаос в старой системе, выводя ее из состояния стабильности, а затем создает новый порядок с заранее запрограммированными свойствами.

С точки зрения концепции энтропийной экономики в контексте современной России значительный интерес представляет парадигма, разрабатываемая С.А. Дятловым, теоретико-методологические основы которой включают представления о диалектически взаимодействующих сторонах существующей реальности – энергии (материи) и информации (сознании), а также сформулированный закон сохранения и соответствия энергии и информации[5]. При этом используются два противоположных понятия: синергии – как меры упорядоченности, порядка, организованности системы и энтропии – как меры неупорядоченности, беспорядка, хаоса сложной системы.

Согласно данной парадигме открытые системы могут находиться в различных состояниях (неустойчивый порядок; мягкий эволюционный хаос; жесткий революционный хаос), а субъекты воздействия подчиняются принципу «иерархии доминант», в соответствии с которым надсистемный субъект обладает доминирующим статусом[6]. Общество же как целостная система функционирует по многоуровневому информационно-организационному принципу «рус-

---

[1] Швец А.В. Экономическая теория в свете энтропии. – http://www.socintegrum.ru/Shvets_06.pdf

[2] В основе практического применения энтропийно-динамической модели в экономике лежат следующие предположения: поведение системы можно считать стохастическим; формирование системы признаков с помощью факторного анализа; мониторинг состояния системы в динамике (анализ изменения энтропии). См. Модели оценки энтропии в экономике // Теория и практика современной науки. 2016. – № 5 (11). – http://modern-j.ru/domains_data/files/11/AKIMOVA%20G.L.(matematika).pdf

[3] Чаленко А.Ю. Самоорганизация и энтропия в природе и экономике // Капитал страны: федеральное Интернет-издание. http://kapital-rus.ru/articles/article/samoorganizaciya_i_entropiya_v_prirode_i_ekonomike/

[4] См. Чепьюк О.Р. Энтропия в экономической науке: предвестник конца или нового начала // Философия хозяйства: альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ / Гл. ред. Ю. М. Осипов. – М., 2016. – № 3. – С. 64–72. – http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/teksty/218-o-r-chepyuk-entropiya-v-ekonomicheskoj-nauke-predvestnik-kontsa-ili-novogo-nachala

[5] Дятлов С.А. Энтропийная экономика: методология исследования глобального кризиса. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 27–28.

[6] В выбранном ракурсе предлагается классификация субъектов управления в зависимости от целевой доминанты деятельности (позитивное и негативное целеполагание) на энтропийные и синергийные. Энтропийные менеджеры выступают персонифицированными носителями энтропийной логики как на мегауровне (создание хаоса в атакуемой системе и ее управлении), так и на уровне субъекта-исполнителя, в функции которого входит реализация и воспроизводство хаоса в национальной экономической системе. В свою очередь, синергийные менеджеры представляют собой персонифицированных носителей информационно-синергийной логики и осуществляют синергийное целеполагание. Главная цель деятельности синергийных менеджеров – депрограмирование кризиса, устойчивое и безопасное развитие национальной экономики.

ской матрешки»[1] (согласно которому каждому уровню присуща собственная цель), а его развитие управляемо и детерминировано единым целеполаганием, учитывая, что экономика – это всегда управляемая система, мерой упорядоченности которой является информация, а соотношение порядка и хаоса определяется действиями тех или иных субъектов управления и может быть описано информационными законами.

Отталкиваясь от утверждения о том, что экономика и кризис носят запрограммированный характер, С.А. Дятлов приходит к выводу, согласно которому глобальные статусные лидеры используют политику энтропийного программирования для создания манипуляционно–энтропийного порядка, наращивая информационно-управленческий и статусный разрыв между странами, а также воспроизводя кризисы в интересах глобальных структур.

При этом ведущая роль в воспроизводстве кризисов отводится механизму финансово-денежной энтропии. Современная либерально-инерционная экономика имеет пирамидально-долговую структуру, в ней изначально нарушено равновесие между товарной массой и совокупной массой денег и их суррогатов, а финансово-фондовый рынок оторван от реального сектора, поэтому она функционирует по законам финансово-денежной энтропии. Иллюстрацией энтропийных денег являются американские доллары – основа «политики глобального паразитизма» ФРС США[2]. В общем виде механизм финансово-денежной энтропии служит целям стран-лидеров по перераспределению мирового богатства и собственности, использованию информационно-энергетического и творческого потенциала отстающих стран.

Следуя данной логике, в отношении современной России делается следующий вывод: отечественная экономика является нетто-донором американской экономики, копирует ее энтропийный генотип и финансовую модель. При этом главный тормоз динамичного развития страны заключается в управленческом хаосе при принятии макроэкономических решений.

В качестве предпочтительной стратегии развития России становится очевидной необходимость перехода к «духовно-нравственному, информационно-интеллектуальному лидерству» и информационно-сетевой организации, базирующихся на субстанциональной теории информации, информационной парадигме общественного развития и «механизме управления будущим»[3]. Этот переход требует инновационно-технологической неоиндустриализации отечественной экономики[4], которая должна осуществляться в рамках мобилизационной модели. В связи с этим предлагается инновационно-инвестиционная концепция, цель которой состоит в создании устойчиво развивающейся и сбалансированной хозяйственной системы, с регулируемым воспроизводственным механизмом инвестиционного типа. Этот механизм предполагает инвестиционное кредитование реального сектора за счет разделения государственного бюджета на традиционный текущий и бюджет инвестиционного развития, а также обеспечение принципа равновыгодности проектов.

Данный подход может лечь в основу информационно-интегральной доктрины безопасности России, которая включает комплексное обеспечение безопасности различных подсистем: ресурсно-энергетической, технико-экономической, субъектно-волевой, интеллектуально-психологической, социально-политической и военно-оборонной. И позволит обеспечить как эффективность управления, которое должно основываться на определенных принципах (целостность, доминантность, синергийность), так и соответствующую нравственную мотивацию субъектов экономического пространства. При условии принятия синергийных управленческих решений с использованием иерархических многовариантных матриц[5] на базе векторного целеполагания: если стратегическая цель становится неотъемлемым элементом сознания субъектов управления, то она превращается в реальную силу, преобразующую экономическую действительность в направлении эффективного и стабильного поступательного развития.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости контроля и/или компенсации отрицательных энтропийных эффектов, учитывая информационную упорядоченность экономической системы и ее многоуровневую организацию. Это позволит построить новую модель экономического развития России, которая должна базироваться на традиционных духовно-нравственных принципах и концепции созидательного порядка, согласно которой «делая нравственно обусловленный, ценностный, системно-целевой, оптимальный, синергийно-управленческий выбор в настоящем, программировать будущее, корректируя прошлое, достигая в целом повышения порядка, организованности и устойчивости функционирования и развития системы»[6].

Дятлов С.А. Энтропийная экономика: методология исследования глобального кризиса. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 71.

[2] Там же, с. 223, 231.

[3] Там же, с. 288.

[4] Важным источником неоиндустриализации должен стать ресурсно-инвестиционный золотой рубль, имеющий стабильный курс в силу тройного обеспечения – ресурсного, золотого и инвестиционно-товарного; введение которого позволит соблюдать макроэкономическую пропорцию между ресурсно-товарной и денежно-кредитной массами (прим. авт.).

[5] Там же, с. 358.

[6] Там же, с. 356.

Логвиненко В.П.[1]

ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ЦЕЛЕЙ И СТРАТЕГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова*: системно–деятельностный анализ, социальная практика, устойчивое развитие, междисциплинарный подход, методология, модель, социальное государство, теоретико-методологическое обоснование, подготовка кадров.*

Keywords: *systematic-activity analysis, social practice, sustainable development, interdisciplinary approach, methodology, model, the welfare state, theoretical and methodological basis, personnel training.*

Опора на теоретико-методологическое (научное) обоснование является наиболее уязвимым звеном в системно-деятельностной цепочке, связанной с формированием и реализацией стратегических направлений развития социума на всех уровнях его современной организации. Последний экономический форум в Давосе продемонстрировал озабоченность его участников по поводу тенденций развития мира, растущего неравенства и угроз, связанных с этим, проявил непримиримые позиции ведущих стран мира по отношению к глобализации.

Аналитики отмечают, что главным критерием того, какие страны, какие общества могут претендовать на роль лидеров мирового развития является способность производить новые научные знания и новые технологии. Согласно статистике, 80% обладателей наиболее важных патентов, причисляемых к данной категории, выданы американским и европейским университетам, лабораториям, корпорациям и другим участникам производства интеллектуальной основы развития.

Предпринимаемые попытки решения проблем на основе программ долгосрочного развития, в первую очередь целей в области устойчивого развития, не приводят к достижению программных целей. Более того, глобальный кризис усугубляется. Сегодня Цели в области устойчивого развития (ЦУР) представляют собой набор программных направлений (17 целей преобразования нашего мира): первая из которых предусматривает конец бедности во всех её проявлениях к 2030 г.; вторая – стремится покончить с голодом и всех форм недоедания к 2030 г.; десятая – призывает к сокращению неравенства в доходах.

В оценке реализуемости целей устойчивого развития наши выводы частично совпадают с позициями авторов ряда публикаций. Так, доцент кафедры мировой политики СПбГУ Елена Владимировна Стецко в статье «Устойчивое развитие как политический брэнд», учитывая значение, которое сейчас придаётся концепции и политике устойчивого развития, обращает внимание на возможные варианты восприятия и реализации данной программы, в частности отмечая: «Концепция устойчивого развития имеет теоретическую и идеологическую стороны. Теоретически – это модель учёта глобальных рисков и разработки количественных индикаторов развития. Идеологически – это политический брэнд, использование которого поддерживает существующую мировую политическую и экономическую систему. Реализация её в одном государстве или группе государств – сродни идее построения коммунизма в одной отдельно взятой стране. Единственным, но серьёзным, положительным моментом является возможность постепенного формирования человека с новыми ценностями и экологическим сознанием. Однако, процесс этот очень долог, и хватит ли на это ресурсов Земли – покажет время»[2].

Заметим, что в докладе Генерального секретаря ООН на сессии Экономического и социального совета 2014 года «Возможная сфера охвата и методология глобального доклада об устойчивом развитии» выделен ряд проблем, имеющих прямое отношение к теоретической обоснованности как концепции устойчивого развития, так и любых других стратегических программ развития. В частности отмечается: «учёные и структуры Организации Объединённых Наций предлагают длинный перечень секторальных и агрегатных показателей. Все они разрабатывались для достижения различных целей и с учётом различных организационных интересов. В частности, полностью отсутствует согласие в отношении всеобъемлющего агрегатного показателя прогресса в области устойчивого развития, который мог бы дополнить валовой внутренний продукт (ВВП)»[3].

В ответах на вопросник глобального доклада о возможной сфере охвата и методологии устойчивого развития подчёркивается:

– по-прежнему не решена задача обеспечения высокого качества данных и возможностей аналитической работы, особенно в развивающихся странах, и из существующих оценок можно извлечь ряд соответствующих уроков.

В разделе: «Решение проблем и наблюдение за наличием, качеством и методологиями анализа» отмечено:

---

[1] Логвиненко Виктория Павловна – D.Ed., академик Международной академии фундаментального образования (МАФО), директор Академического института делового администрирования МАФО.

[2] http://journal.spbu.ru/?p=10474

[3] http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/2014/87&referer=/english/&Lang=R

– респонденты указывали на желательность создания научной, согласованной и надёжной системы оценки. Доклад мог бы содержать изложенное в легкодоступной форме резюме и детальный научный анализ, охватывающий все аспекты устойчивого развития.

– группа респондентов предложила включать в доклад различные виды знаний, начиная от отрецензированных научных статей и существующих международных оценок и заканчивая местными знаниями и знаниями в распоряжении многих заинтересованных сторон, что позволит отразить взгляды научных кругов и пользователей научной информации во всем мире. Другая группа респондентов рекомендовала уделять внимание исключительно отрецензированной научной информации и материалам научных исследований.

Приведённое можно рассматривать как свидетельство того, что теоретический (теоретико-методологический) базис, используемый для анализа и учёта глобальных рисков и разработки количественных индикаторов развития, не соответствует системному междисциплинарному характеру реальных процессов.

К сожалению, не только ЦУР, но и другие концептуальные подходы к решению междисциплинарных проблем (концепция безопасности человека, концепция прав человека и др.) нуждаются в теоретико-методологическом обосновании содержащихся в них программных положений.

Тем не менее, в речи на церемонии приведения к присяге при вступлении в должность Генерального секретаря ООН 12 декабря 2016 года Антониу Гутерриш отметил: «Наш самый серьёзный недостаток (и здесь я имею в виду все международное сообщество) – это наша неспособность предотвращать кризисы.

Сегодня нашим предназначением должно быть обеспечение мира.

В целях предотвращения мы должны заниматься коренными причинами, распространяющимися на все три основные сферы деятельности Организации Объединённых Наций: мир и безопасность, устойчивое развитие и права человека. Этому следует уделять первоочередное внимание во всей нашей деятельности»[1].

Данные установки задают ориентиры стратегического развития современного глобального мира и имеют определяющее значение для формирования новых подходов по обеспечению мира и безопасности, устойчивому развитию и реализации прав человека на уровне отдельных государств.

Вышеприведённое, на наш взгляд, имеет прямое отношение и к проблеме модернизации России. Модернизация как направленный процесс инновационного развития не может не учитывать целей устойчивого развития, необходимости принимать участие в реализации международных программ, решая одновременно проблему безопасности страны и её граждан в условиях вызовов XXI века.

Распространено мнение, что причиной неэффективных стратегических решений, на основе которых формируются программы и сценарии развития страны, является отсутствие государственной идеологии (национальной идеи). Так, Н. Михалков заметил: «Мне кажется, что то истреблённое слово, которого мы боимся, – «идеология», – это основа большой страны. Почему идеология должна быть только коммунистической? Идеология – это ориентиры. Если мы для себя не определим, что такое идеология нашей культуры, нашей нравственности, нам ничто не поможет. Мы обязаны к этому отнестись как к национальной безопасности»[2].

На наш взгляд, государственная идеология уже заложена в Конституции РФ. Это идеология социального государства.

Как известно, после Второй мировой войны социальное государство последовательно становится конституционным принципом построения государства нового типа, необходимость, которой была подиктована глобальными процессами и качественно новой социальной средой середины XX века.

В конечном итоге все развитые страны мира, стремясь учесть тенденции и реалии глобального мира конца XX века, фактически стали приверженцами социального государства. Именно модель социального государства на современном этапе исторического развития признана наиболее перспективной.

Однако существует ли Концепция социального государства, позволяющая обеспечить движение к новому этапу развития правового государства (как это имело место на Западе)? Такой концепции нет, хотя периодически проводятся научно-практические мероприятия, рассматривающие теоретические и практические аспекты построения социального государства. Отметим, что отождествлять построение социального государства с конституционными обязательствами государства по социальной защите населения (статья 7, раздел первый Конституции) неправомерно (хотя до сих пор и распространено).

В качестве типических характеристик социального государства ряд учёных отмечает следующие:

– обязательственная природа, которая выражается в том, что под угрозой утраты своей легитимности социальное государство для сохранения стабильности гражданского общества принимает обязанности по отношению к своим гражданам, признавая их социальные права;

– обеспечение возможностей для реализации частной и публичной автономии граждан;

– абсолютное равенство социальных и иных прав всех граждан;

– реальная заинтересованность государства в проведении активной социальной политики[3].

Е.А. Лукашева, отмечая некоторые проблемы создания социального государства в России, подчёркивает: «И тем не менее, несмотря на перечисленные трудности, развитие социальной государственности – единственно возможный путь для свободного общества, которым хочет стать Россия»[4].

---

[1] https://www.un.org/sg/ru/content/sg/speeches/2016-12-12/secretary-general-designate-ant%C3%B3nio-guterres-oath-office-speech

[2] http://www.km.ru/v-rossii/2013/10/10/sovet-federatsii-fs-rf/722634-o-kulture-i-ideologii-ne-nuzhno-sporit-imi-nuzhno-

[3] Бурменко Т.Д. Социальные услуги как атрибут социального государства // Известия ИГЭА (БГУЭП). 2013. – № 6.

[4] http://rudiplom.ru/lekcii/pravo/teoriapig/85.html

Идея социального государства должна реализоваться как на концептуальной основе, так и в ходе социальной практики.

Если рассматривать Концепцию (лат. conceptio) как систему взглядов на процессы и явления в природе и в обществе, лежащих в основе стратегии действий при осуществлении реформ, проектов, планов, программ, то в условиях теоретической неоднозначности важно при её разработке заложить терминологический аппарат, аналитическое и модельное обоснование путей достижения поставленных целей. Но концепция не должна содержать технологические, управленческие решения по всей вертикали административно-территориального устройства государства, учитывая участие в реализации программ представителей всех секторов экономики и сегментов общества.

Если исходить из того, что каждый гражданин Российской Федерации обладает на ею территории всеми правами и свободами и несёт равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, то важнейшей предпосылкой к созданию социального государства становится достижение устойчивости отдельных территорий. Именно в процессах самоорганизации реализуется право граждан на участие в управлении государством, создании социально-экономических предпосылок для достойной жизни и свободного развития человека, что и является целью социального государства.

Неотъемлемой составляющей обеспечения жизнеспособности модели социального государства является регулирование социальных процессов. Судить о характере, результатах и эффективности деятельности всех субъектов (государство, бизнес, некоммерческий сектор, наука, граждане) общественного развития можно по статистическим данным и системе социальных индикаторов.

Отметим, что современная практика социального управления (в отличие от командно-административной) не может основываться на единой системе индикаторов и показателей общественного развития. Разработка системы индикаторов для всех субъектов Российской Федерации с учетом их системной взаимосвязи и иерархичности для оценки, анализа и учета в современной модели управления является важнейшей теоретико-методологической задачей.

К примеру, такой индикатор как количество малоимущих в стране, с одной стороны, является одним из показателей системного кризиса, с другой, – важнейшим показателем социального и экономического развития, который при рассмотрении в региональном срезе отражает совокупность процессов и явлений соответствующего уровня.

На наш взгляд, именно построение социального государства позволит заложить основы устойчивого развития страны, обеспечив тем самым сохранение её идентичности в глобальном пространстве. «Одной из характеристик устойчивого существования системы является её способность противостоять внешним воздействиям (в определённом диапазоне взаимодействий) без существенных нарушений (изменений) своих системных свойств, например, без изменения полноты набора своих системных инвариант»[1].

Необходимо отметить, что теория Гиперкомплексных динамических систем акад. А.Малюты содержит системный междисциплинарный инструментарий для проектирования и регулирования социальных процессов и построения модели устойчивого социального развития.

Сложность задач, которые предстоит решать человечеству в XXI веке, ни у кого не вызывает сомнений. Нами, как и ранее, подчёркивается необходимость формирования междисциплинарного мышления и использования междисциплинарного подхода в социальной практике. Наконец-то и во властных структурах прозвучал запрос на мультидисциплинарность и креативное мышление: «Тему мультидисциплинарности, креативного мышления, коммуникаций нужно отнести далеко в начало, и нужно думать о специальных программах, которые действительно сопровождают ребёнка всю жизнь, начиная с дошкольного образования, потому что именно там закладываются навыки основных знаний и основных представлений о том, что составляет человеческую культуру»[2].

Считаем, что лавинообразное увеличение глобальных и локальных проблем во всех регионах России требует совместного незамедлительного участия всех заинтересованных лиц, понимающих остроту существующего состояния дел, в формировании и реализации программ устойчивого развития как с целью профилактики возникновения новых проблем, так и в упреждающем решении уже существующих. Выбор теоретических основ управления является важной предпосылкой к успешности предпринимаемых усилий по регулированию процессов социально-экономического развития со стороны государственных структур, как в условиях кризиса, так и в стационарном режиме. Очевидно, что практическая деятельность в условиях кризиса и смены парадигм развития имеет свои особенности.

Несправедливо было бы преуменьшать вклад и усилия учёных, общественности, представителей бизнеса и структур государственного управления в построение новой России. Однако в целях повышения их результативности, на наш взгляд, целесообразно создание Координационно-аналитических центров, целью которых явилось бы формирование теоретико-методологических подходов, инструментария и технологий реализации социальной политики государства на основе научного (бесстрастного) анализа имеющегося интеллектуального потенциала России в интересах устойчивого развития России и реализации идеологии социального государства.

Особенностями нашего подхода к реализации программной деятельности являются:

1. Использование междисциплинарного системного подхода.

2. Этический деятельностный императив: при разработке различных программ и проектов и использовании полученных результатов всеми заинтересованными лицами делается ставка на разумную достаточность, практическую целесообразность и контролируемую эффективность пользования полученными продуктами и результатами.

---

[1] Закономерности системного развития / Малюта А.Н. – Киев: Наук. думка, 1990. – 136 с.

[2] Голодец: в РФ необходимо развивать междисциплинарное образование – https://ria.ru/education/20170127/1486622593.html

Ложко В.В.[1],
Черкасов П.С.[2]

ГЛАВНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ЦЕЛИ КАК ОРИЕНТИРЫ-ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО РЕГИОНОВ

Ключевые слова: *ценностные цели, социальное государство, адекватное мировоззрение, глобализация, гегемония глобального капитала, деиндустриализация, декультуризация, социально-экономическая трансформация, современное понимание культуры, система средств воздействия на общество, рыночная экономика, этическая экономика, стратегические ресурсы российского общества, главный цивилизационный ресурс, человеческий капитал, конструктивная регионализация; законы информации, природы и общества.*

Keywords: *value aims, social state, adequate world view, globalization, hegemony of global capital, deindustrialization, deculturization, social-economic transformation, modern understanding of culture, system of tools for social impact, market economy, ethic economy, strategic resources of Russian society, main civilization resource, human capital, constructive regionalization; laws of information, nature and society.*

Глубинный смысл необходимых преобразований в российском обществе и его хозяйстве заключен не только в трансформации аморфной либерально запрограммированной и управляемой российской экономики, что не позволяет ей развиваться, а в первоочередных преобразованиях в самих субъектах Российской Федерации, что требует их движения к относительной самодостаточности на основе формирования собственных ключевых ресурсов. В любой концепции, доктрине, стратегии, политике давно стало правилом разрабатывать системообразующие ценности, которые дают основу производным от них общественно значимым ценностным целям, ради которых и осуществляется управление как система достижения целей.

Осознание смысла новой политической реальности высшим руководством страны прозвучало 01.12.2016 г. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию: «Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России».

Важнейшие ценности отражены в Конституции РФ: ст. 2 констатирует: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»; ст. 7 констатирует: «1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Однако концепции, доктрины (идеологии), стратегической модели и системной официально установленной политики государства, направленной на достижение этих принятых основным законом ценностей до настоящего времени не существует.

Исходя не только из Конституции РФ, но и сущностного смысла бытия человека и общества следует признать, что высшей ценностью является жизнь человека. Однако жизнь человека как процесс существования, функционирования и развития, происходит в холистически детерминированном на Земле комплексе, объединяющем мышление, природу и общество. Уже наши древние предки знали, что нормативными регуляторами жизни являются законы мышления, природы и общества. Сейчас становится вполне понятно, что эти законы наднациональны, надконфессиональны, надпартийны, надгосударственны и работают на уровне мировоззрения (холистически ими детерминированного или деформированного, т. е неадекватного), которое на их основе, по сути, управляет всеми без исключения процессами жизни человека и общества. Поэтому начинать нужно с адекватного мировоззрения как ключевой ценности, от которой зависит вся жизнедеятельность человека.

Ключевая мегатенденция современного мирового развития

Новая геополитическая реальность (НГП) проявилась в виде процессов глобализации, наступивших в прошлом столетии, которые очевидно имеют как конструктивную, так и деструктивную стороны и системно, независимо от нашего желания, внешне и внутренне воздействует на каждого человека, нашу страну, государство, общество и его хозяйство. Эта НГП становится фундаментальной причиной, требующей трансформационных изменений, людей и общества в целом, необходимых для развития российского государства, его регионов и обеспечения национальной безопасности России на основе новой системы ценностей адекватной этой реальности.

[1] Ложко Валерий Васильевич – к.м.н., магистр менеджмента, научный руководитель Санкт-Петербургского института управления развитием человеческих ресурсов. E-mail: Vlozhko@mail.ru

[2] Черкасов Павел Сергеевич – к.э.н., вице-президент ОАО «ИНГРАД» (Москва).

Известно, что конструктивная глобализация (КГ) формировалась как интеграция мирового сообщества с целью решения глобальных и локальных социо-эколого-экономических проблем, а точнее информационно-природно-общественных проблем и обеспечения необходимых процессов в этих областях в соответствии с их концептуальными аксиоматическими законами информации природы и общества (наднациональными, надконфессиональными и надпартийными). Точнее потому, что искусственно деформированная мировоззренческая парадигма возвысила существующую неадекватную ультралиберальную экономику и происходящий от нее социальный порядок в виде так называемой «демократии» над законами информации, природы и общества.

Вместе с тем деструктивная глобализация (ДГ) формировалась значительно раньше и в настоящее время действует в виде интеллектуальной, экономической и силовой активной экспансии западной (американской) системы ценностей как механизма изменения сознания руководства национальных государств, его управленческих решений, и состояния их населения с целью их подчинения и управления в интересах дальнейшего развития сформировавшейся гегемонии корпоративного глобального капитала, главной целью которого является постоянное наращивание власти, собственности и денег. ДГ обеспечивается применением системы средств воздействия на общество (ССВО) в виде шести объединенных средств. Внутри одной цивилизационной социальной системы – это средства управления данным обществом. Средства воздействия, применяемые одной цивилизационной системой в виде сущностной идеологии по отношению к другой, при несовпадении концепций управления превращаются в комплекс объединенного оружия воздействия. В состав ССВО входят: 1. Информация мировоззренческого характера. 2. Информация летописного, хронологического характера всех отраслей культуры и знания. 3. Информация фактоописательного характера. 4. Информация экономического содержания. 5. Средства геноцида настоящих и будущих поколений. 6. Военное оружие.

Комплекс внешних и внутренних средств воздействия сегодня направлен на Россию с целью подавления и управления в интересах гегемонии корпоративного глобального капитала[1]. Центром глобального капитала сегодня являются США, которые провозгласили себя мировым лидером и официально определили ИГИЛ и Россию в качестве своих собственных главных угроз, против которых они и готовы применять все средства идеологической, экономической и военной борьбы. Это нашло конкретное отражение в «Стратегии национальной безопасности США». Очевидной стала необходимость противодействия такой системе экспансии, что отразилось в «Стратегии национальной безопасности РФ». Обе стратегии были узаконены в 2015 году.

Процессы КГ и ДГ с помощью системы внешних и внутренних средств воздействия постоянно влияют на наше общество, а также будут и дальше влиять на состояние российских регионов. В первую очередь это относится к регионам СЗФО, которые выполняют соответствующую роль в форматах международного социально-экономического взаимодействия с европейскими государствами, а также к регионам ЮФО и ДВФО во взаимодействиях с азиатскими государствами. Это состояние и роль зависят, прежде всего, от того, какими ценностями будут определяться внутри- и межрегиональные процессы в ближайшем будущем.

Деструктивная глобализация запустила в РФ процессы, деформирующие общество, государство и экономику, которые привели к «декультуризации» и «деиндустриализации» страны.

В исследованиях Института нового индустриального развития под руководством С.Д. Бодрунова[2] было показано, что либеральные экономические реформы по западному типу сделали экономику российских регионов и страны в целом уязвимой для рыночной конъюнктуры и сформировали процессы, которые привели к глубокой «деиндустриализации» всех российских регионов, в составе которой: дезорганизация процессов производства, деградация применяемых технологий, деквалификация труда в производстве, декомплицирование (упрощение) продукта производства и другие «де».

Однако до настоящего времени никто не обращал серьезного внимания на процессы, детерминирующие «деиндустриализацию» и представляющие по сути «декультуризацию» российского общества под влиянием системы внешних средств воздействия.

В свете процессов глобализации требуется адекватное, современное, системное, стратегическое ресурсное понимание, восстановление (реставрация) и развитие культуры – как единой совокупности духовных, материальных, социальных ценностей, созданных человеческим (в том числе российским) обществом, совокупности достижений общества в духовной, производственной и общественной жизни, определяющих ее качество.

Такое понимание культуры позволит найти смысл процессов «декультуризации», происходящих в российских регионах, как деформации системы духовных, материальных и социальных ценностей и достижений общества во всех сферах его деятельности. В этом случае становится понятным влияние внешней системы средств воздействия на общество с целью деформации культуры и последующее влияние деформированной культуры как системы ценностей на экономику, политику, управление в государстве и его регионах. Становится понятным, что в силу деструктивного внешнего воздействия пока еще нет экономики, обеспечивающей достойную жизнь населения, внятной политики во всех отраслях общественного хозяйства и областях социально-экономического развития, нравственного государственного и регионального управления. Главный смысл прост – в российское общество имплантируется системная деформация национальной культуры как системы ценностей и в качестве главной навязывается ложная ценность в виде «либеральной рыночной экономики», которая на деле уже показала свою разрушительную сущность в российских условиях.

---

[1] Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 912 с.

[2] Бодрунов С.Д. Какая индустриализация нужна России? // Город 812. Спец. вып. 2105. – 20 марта. – С. 7–8.

Модернизация – это процесс изменения предметов, объектов, процессов в соответствии с требованиями современности, с современным научным и философским мышлением. Но каким? По смыслу России навязана либеральная модернизация, соответствующая улучшающим инновациям, которые не вносят глубоких сущностных изменений в объекты или процессы. Поэтому навязываемая обществу, государству и экономике такая модернизация также является ложным процессом, направляющим Россию по пути навсегда отстающей и догоняющей страны.

Российскому обществу и всей социально-экономической системе необходима не модернизация, а трансформация, которая предусматривает преобразование, превращение, изменение вида, формы, свойств объектов и процессов, которые формируют в них новые качества. Трансформация возможна только на основе базисных инноваций, содержание которых составляют крупные изобретения или открытия, конструктивно изменяющие существо процессов жизнедеятельности и жизнеобеспечения человека и общества.

В связи с нарастающими процессами деструктивной глобализации, которые привели к запрограммированному системному кризису в России и других странах, ***ключевая, ведущая роль человека и качества его человеческого капитала*** (ЧК), как главного цивилизационного ресурса, в справедливом нравственном государственном управлении и управлении процессами функционирования и развития общественного хозяйства российских регионов многократно возрастает и становится безальтернативной. Поэтому трансформирующая системная базисная инновация, преобразующая общество, государство, его экономику, систему управления и социальную инфраструктуру в современной России требует разработки, формирования и наращивания стратегических преимуществ в сфере человеческого капитала, а не финансового и физического. А это уже новая система ценностей.

В действующей современной, сферной структуре общества, по нашему мнению, каждая из сфер осуществляет производство своего продукта: гуманитарно-социальная – людей (человеческий капитал); информационно-духовная – информацию, знания, мировоззрение, идеологии (интеллектуальный капитал); организационно-политическая – государственные, коммерческие и общественные организации, партии (административный и политический капитал); товарно-сервисная – средства производства (физический капитал), предметы потребления, услуги.

Новое ценностное понимание роли способностей человека и общества заключается в осознании их первичности по отношению к потребностям, так как по существу только реализация способностей позволяет осуществлять удовлетворение потребностей. Потребности являются вспомогательной подсистемой, обеспечивающей основную, первичную систему способностей. Однако в современной экономической теории смысл потребностей представлен как основной мотив всей экономической деятельности, что искажает весь ценностный смысл системы воспроизводства, ориентирует экономику на потребительство и системно ее деформирует.

Исходя из нового ценностного понимания роли способностей, можно считать, что в современных условиях ЧК должен включать в себя такие базисные способности как: *жизнеспособность, способность к конструктивному созидательному мышлению, способность к адаптации, работоспособность, способность к обучению*[1]. Однако, по нашему мнению, **полноценная жизнь человека** в системе информации, природы и общества **требует формирования (на основании базисных способностей) высших интегральных способностей ЧК**[2]: *способности к формированию и жизнеприменению собственной системы ценностей, основанной на знании законов существования, функционирования и развития информации, природы и общества (СФР – ИПО); способности к формированию и применению нравственного мировоззрения (не наносящего ущерба СФР – ИПО); способности к формированию и реализации конструктивных человеческих коммуникаций; способности к холистически детерминированному, биосферно допустимому взаимодействию с природной средой; способности к генерации и реализации новшеств в процессе СФР – ИПО; способности к созидательному управлению качеством жизни (КЖ), персональным КЖ и КЖ общества.*

Противодействие внешним и внутренним угрозам, обусловленным ДГ и ССВО, требует понимания и правильного использования стратегических ресурсов российского общества.

Три группы стратегических системообразующих ресурсов общества

Конкурентоспособность любого государства, в соответствии с современной концепцией признаваемых и реально существующих ресурсов[3], определяется тремя группами ресурсов. (Считаем целесообразным особо отметить, что в соответствии с законом онтологической иерархии структуры любой системы, эти ресурсы существуют, функционируют и развиваются в конкретной иерархической детерминированной зависимости-последовательности).

Первая группа ресурсов – ресурсы духовно-культурного уклада (цивилизационная матрица): культурно-ценностные ресурсы, моральные ресурсы, информационные ресурсы накопленных знаний.

Вторая группа ресурсов – главные цивилизационные ресурсы: человеческий капитал, научные ресурсы, технологические ресурсы.

Третья группа ресурсов – ресурсы так называемого «экономического образа мышления»: административные ресурсы, финансовые ресурсы, сырьевые ресурсы, производственные ресурсы.

---

[1] Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006.

[2] Ложко В.В. Человеческий капитал – главный ресурс консолидации российского общества как стратегического субъекта российского развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 3. – С. 62–67.

[3] Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006.

Качество ресурсов третьей группы, в соответствии указанным законом напрямую зависит от качества ресурсов второй группы, а тех от первой. Следует понимать, что цивилизационная матрица представляет собой совокупность генетических кодов этноса, определяемых ими архетипов национального сознания, которые задают содержание и направление цивилизационных алгоритмов[1]. Таким образом, ЧК, содержащий в себе конструктивную цивилизационную матрицу, является главным стратегическим цивилизационным ресурсом. В связи с этим напомним, что К. Маркс в своих размышлениях «о природе и сущности человека», отмечал, что главным базисом всей человеческой деятельности и всех человеческих отношений является сам человек[2].

Философская категория «качество» необходима при исследовании качества ЧК и обеспечивающей его системы – качества жизни. Оно представляет собой внешнюю и внутреннюю определенность, систему характерных черт предметов, процессов, теряя которую, они перестают быть тем, что они есть. На сущностном уровне предмета или процесса качество выявляет его структуру, основной закон связи элементов его системы. Так, например, применительно к системе капитализма, был выявлен его основной экономический закон получения прибавочной стоимости посредством эксплуатации наемного труда. При этом большее качество человеческого капитала при определенных условиях может дать большую прибавочную стоимость.

Исходя из смысловой структуры сущности жизни, в своем исследовании[3] мы представили определение «качество жизни» (КЖ), которое с учетом нового понимания необходимо изложить следующим образом: качество жизни населения как главная цель и результат управления социально-экономическим развитием представляет собой систему объективных условий существования, функционирования (деятельности) и развития (С + Ф +Р) человека и общества, оцениваемую по степени их соответствия принятым в государстве и обществе нормативам, стандартам и высшей системе ценностей (жизни, соответствующей ЗИПО). Учитывая смысловую структуру сущности жизни (С + Ф + Р), следует предложить новое понятие, в виде полной функции управления (ПФУ), в том числе полного управления качеством жизни. В этом случае она будет представлять ПФУ=УС+УФ+УР, а не просто УФ, как принято в действующей экономике.

Необходимо отметить, что в философском понимании ценность – это не любая значимость явления, а его конструктивная, положительная значимость, которая своим истоком имеет человека, его коренные цели и идеалы[4]. Учитывая такое понимание ценности, мы приходим к тому, что жизнь человека (как процесс С + Ф + Р) и управляющие ею законы (ЗИПО), объединенные с нравственным императивом (не нанесением ущерба ИПО), представляют собой по существу высшую систему ценностей (ВСЦ). Такое понимание требует нового осмысления не только экономики и социального развития, но и их стратегических целей – качества жизни и качества человеческого капитала.

Закон (императив) нравственности[5] предусматривает: предотвращение (не нанесение) человеком ущерба себе, ближайшему окружению, обществу и среде обитания (ни мыслью, ни словом, ни делом); гармонию духовных и материальных устремлений и действий; баланс прав и обязанностей. Таким образом, господствующая в обществе нравственность как важнейшая ценность и соответствующее ей нравственное мировоззрение определяют общественное благосостояние, движение к разорению или достатку любой страны или даже цивилизации. Нравственность является главным связующим элементом ключевых способностей человека, она представляет собой общее выражение тех свойств человеческой природы, которые выполняют функцию регулятора отношений между членами общества независимо от их социального, национального, конфессионального и других статусов. Общество, не осмыслившее нравственную обусловленность деятельности в экономической и любой другой области, очевидно, не имеет будущего.

С методологических позиций для анализа качеств ЧК важна категория детерминизма (Д), которая отражает зависимость вещей, событий, процессов, состояний от тех факторов, которыми они определены в своем существовании и изменении, которые ответственны за характеризующие их признаки. По нашему мнению, целесообразно предложить концепцию холистического детерминизма (ХД), которая предполагает единую взаимообусловленную систему бытия сфер информации, природы, общества (человека) как живого целого, управляемую всеобщими законами существования, функционирования и развития, а в каждой из сфер общими законами – законами информации, природы и общества. В такой системе КЖ и качество ЧК тесно взаимосвязаны.

Разделение общества по отношению к знаниям реализуется в двух ключевых видах человеческой деятельности (труда) – управленческой (властной) и исполнительской. Этот процесс исходит из ключевой аксиомы: тот, кто управляет другими, должен знать больше их. Пирамида управления обществом (власти) по закону иерархии имеет три основные структуры:

– высшее властное управление (властно-управленческий капитал (ВУК));

– административно управленческая элита (административно-управленческий капитал (АУК));

– все население (человеческий капитал гражданского общества страны).

Пирамида владения знаниями также иерархически определяет не только отношение к знаниям, но и уровень благополучия, положение в обществе, качество жизни:

---

[1] Леонова О.Г. Россия и мир в XXI веке // Россия и мир в XXI веке. Материалы научного семинара. Вып. № 4. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 57.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2 Изд. второе. – М.: Изд-во политической литературы, 1955-1974.

[3] Ложко В.В. Стратегия обеспечения общественного здоровья в интересах повышения качества жизни населения // V Национальный конгресс по профилактической медицине и валеологии. Материалы научного форума.16–20 июня 1999 г. – СПб., 1999. – С. 23–24.

[4] Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учеб. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007. – С. 410.

[5] Чигирев В.А. Нравственный путь безнравственной цивилизации. – СПб., 2006. – С. 4–72.

– полное знание для высшего властного управления (концептуальное, методологическое, фактологическое);

– ограниченное, неполное знание для административно-управленческой элиты (фактологическое);

– фрагментарное и искаженное знание для всего населения.

Так реализуется аксиоматический закон: в силу знания законов СФР-ИПО, их понимания и умения реализовать это знание человек работает на себя, а в силу отсутствия этого – на тех, кто знает, понимает и умеет больше.

Альтернативой деструктивной глобализации для РФ является конструктивная национальная регионализация. В условиях влияния на российскую экономику мощных процессов деструктивной части глобализации – агрессивного, подавляющего глобального капитализма, стратегически важно в России формировать свою основу основ экономики: адекватную собственную экономическую философию. Такая философия может и должна способствовать в противовес деструктивной глобализации формированию научных основ конструктивной социально-экономической регионализации.

Основным объединительным и консолидирующим базисом такой регионализации должно стать по нашему мнению новое ценностное содержание и активное формирование задекларированного в ст.7. Конституции РФ «социального государства» как системы социально адаптированных регионов, его составляющих. Новое смысловое содержание заключается в понимании, осознании необходимости и практической реализации трансформационного перехода от преобладающей пассивной государственной функции социального обеспечения населения, к преобладающей активной функции расширенного воспроизводства главного продукта основной сферы общества (социально-гуманитарной) – её ЧК и всех остальных обеспечивающих его сфер, при рациональном сохранении сегодняшней социальной функции государства. Таким образом, для реализации «социального государства» требуется трансформация социально-гуманитарной из непроизводительной, потребляющей сферы в производительную, создающую свой инновационный продукт – ЧК как главную составляющую национального богатства и новые возрастающие его качество и стоимость.

Важнейшей проблемой, связанной с качеством человеческого капитала и качеством жизни является не решенная ни теоретически, ни практически проблема нравственного баланса жизнедеятельности человека, реализующегося через категории справедливости и свободы. По существу в начале воспроизводственного цикла человека, общества и его хозяйства (производство – распределение – обмен – потребление), который представляет собой аксиоматический закон экономики, находятся способности человека, которые вначале реализуются в производстве, а затем на всех последующих этапах цикла. Потребности реализуются только в случае реализации способностей человека в этом цикле. Поэтому потребности, стоящие в конце цикла, могут быть удовлетворены только в результате реализации массовых способностей. Если нет производства и справедливого распределения, то не может быть и реального обмена и холистически детерминированного и демографически обусловленного потребления. Следует отметить, что этапы производства и распределения в воспроизводственном процессе детерминированы категорией «справедливость», а этапы обмена и потребления – категорией «свобода». При этом производство и распределение первичны, а обмен и потребление вторичны. В случае этического экономического процесса («этической экономики»), в сущности, должно работать соотношение категориальных процессов по формуле: «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» + «СВОБОДА» = 1. При этом по закону детерминизма, «свобода» детерминирована «справедливостью». В системе так называемой «рыночной экономики» действует специально заданное соотношение: «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»< «СВОБОДА»

Известно, что расчеты стоимости человеческого капитала в российской экономике не проводятся, что затрудняет и искажает оценку национального богатства России. Единственная известная работа по психологическому измерению человеческого капитала[1], проведенная сотрудниками кафедры политической психологии СПбГУ в двух субъектах РФ показала, что характеристики качества человеческого капитала недостаточны для обеспечения нормальных этических экономических процессов, процессов нравственного управления в государстве и обществе, процессов адекватного социального развития в условиях глобализации.

Разработанные в наших исследованиях научные методологические подходы позволяют сформулировать комплекс главных ценностных целей как инновационную парадигму социально-экономического развития страны и ее регионов, которая предусматривает трансформацию находящегося в системном кризисе общества, его хозяйства и системы управления на основе фундаментальной базисной инновации, представляющей собой универсальный способ формирования конкурентоспособного развивающееся общества, его хозяйства и государства включающий в себя:

- опору на концепцию холистического детерминизма (ХД), которая предполагает единую взаимообусловленную систему бытия сфер информации, природы, общества как живого целого, управляемую всеобщими законами существования, функционирования и развития, а в каждой из сфер общими законами – законами информации, природы и общества;
- формирование и обеспечение жизни как процесса существования, функционирования и развития человека и общества, детерминированного законами информации, природы и общества как высшими нормативными регуляторами (наднациональными, надконфессиональными, надгосударственными, надидеологическими, надпартийными, надэкономическими), представляющими вместе с самой жизнью высшую систему ценностей;
- позиционирование информации в виде универсального языка мира, как живого целого, как фундаментальной матрицы бытия, искажение которой деформирует любые предметы, объекты, явления, процессы, что требует исключительно нравственного (не наносящего ущерба) отношения к ней в системе управления жизнью общества;

[1] Бурикова И.С., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И. Опыт психологического измерения человеческого капитала / Под науч. ред. проф. Юрьева А.И. – СПб., 2009.

- разработку и реализацию концепции и стратегии управления государством, обществом и его хозяйством, осуществляемых на основе ориентации на высшую систему ценностей (жизнь человека соответствующую законам информации, природы и общества), а также исходящих из осознания и учета системы средств воздействия на общество, осуществляемых в процессе действующей деструктивной глобализации как фундаментальной антисистемы;
- системное, осознанное формирование в государстве и обществе нравственного мировоззрения как ключевой интегральной способности и основы жизни человека, определяющей его включенность в существование, функционирование и развитие всех процессов единой взаимообусловленной, системы информации, природы и общества, холистически детерминированной ее универсальными законами;
- осознанное производство в сферной структуре общества, своего главного ценностно-целевого продукта для каждой сферы: в гуманитарно-социальной – людей (человеческого капитала); в информационно-духовной – информации, знаний, мировоззрения, идеологии (интеллектуального капитала); в организационно-политической – государственных, коммерческие и общественные организаций, партий (административного и политического капитала); в товарно-сервисной – средств производства (физического капитала), предметов потребления, услуг.
- разработку и реализацию национальной стратегии обеспечения устойчивого существования, эффективного функционирования и перспективного развития трех системообразующих групп ресурсов общества. (Первая группа ресурсов – ресурсы духовно-культурного уклада (цивилизационная матрица): культурно-ценностные ресурсы, моральные ресурсы, информационные ресурсы накопленных знаний; Вторая группа ресурсов – главные цивилизационные ресурсы: человеческий капитал, научные ресурсы, технологические ресурсы. Третья группа ресурсов – ресурсы так называемого «экономического образа мышления»: административные ресурсы, финансовые ресурсы, сырьевые ресурсы);
- создание концепции, стратегии и, в результате, государственной системы формирования и расширенного воспроизводства необходимого количества человеческого капитала с новым растущим качеством (базисными и интегральными способностями) как главного цивилизационного ресурса духовно-культурного, социально-экономического, инновационного и технологического развития;
- формирование нравственного управления как одной из важнейших интегральных характеристик (способностей) человеческого капитала, обеспечивающей эффективность государственного управления;
- создание государственной системы обеспечения качества жизни и здоровья населения как основной ценностной цели экономики и всего общественного хозяйства;
- обеспечение преобладания человеческого капитала в структуре национального богатства над природным и воспроизводимым (экономическим и технологическим) капиталом;
- создание инновационного потенциала социально-экономической системы за счет формирования и развития интеллектуальной составляющей человеческого капитала;
- создание этической экономики, детерминированной аксиоматическим законом: СПРАВЕДЛИВОСТЬ (Производство + Распределение) + СВОБОДА (Обмен + Потребление) = 1 (создаваемая в этической экономической системе стоимость должна быть справедливой, а не свободной);
- обеспечение преобладания этической, созидательной экономики над разрушительной либерально-рыночной;
- создание стратегической системы сбережения и необходимого воспроизводства природного капитала;
- трансформационный переход на обеспечение развития всей системы хозяйства страны за счет преобладания вклада конкурентоспособного человеческого капитала над вкладом природного капитала (сырьевых ресурсов) и воспроизводимого капитала.

Муруева Э.К.
к.э.н., Байкальский государственный университет, г. Улан-Удэ
emurueva@mail.ru

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОДЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ[1]

Ключевые слова: *стратегическое планирование, управление, прогноз социально-экономического развития Республики Бурятия.*

Keywords: *strategic planning, management, forecast of social and economic development of the Republic of Buryatia.*

Глобальный экономический кризис последних лет привёл к значительному снижению темпов экономического роста большинства стран.

При постоянно меняющихся показателях мировой экономики, на фоне новых вызовов и угроз особенно актуальным и ответственным становится выбор обновленной экономической модели развития России и всех ее территорий. Сохраняющаяся ситуация глобальной экономической нестабильности придает высокую актуальность вопросам стратегического планирования как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Снижение неравенства уровней социально-экономического развития регионов России затруднено тремя обстоятельствами – пространственной разобщенностью территорий, сложившейся крайней неравномерностью размещения производства и просчетами в проведении рыночных преобразований[2].Особенно остро эта проблема стоит в восточных и северных регионах в силу действия факторов, удорожающих производство, жизнедеятельность населения и транспортные затраты.

По уровню социально-экономического развития в Сибири выделяются 3 группы субъектов Российской Федерации[3]. Республика Бурятия относится к третьей группе регионов с относительно невысокой плотностью населения и сравнительно низким уровнем социально-экономического развития (Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва и Забайкальский край). Иркутская область относится ко второй группе субъектов – промышленных регионов, характеризующихся ярко выраженной специализацией, относительно высоким уровнем развития перерабатывающей промышленности и ресурсных отраслей.

Республика Бурятия не обладает в полной мере многими характеристиками успешного региона, в связи с чем необходима действенная стратегия по их достижению при решении задач комплексного социально-экономического развития региона (табл. 1).

Анализ конкурентных позиций Республики Бурятия в сравнении с регионами РФ и СФО позволяет выявить существующие барьеры и проблемы, определить цели, задачи и основные направления социально-экономического развития Республики Бурятия.

Закон Республики Бурятия от 04.03.2016 №1639-V «О стратегическом планировании в Республике Бурятия» устанавливает правовые основы стратегического планирования в Республике Бурятия, полномочия органов государственной власти Республики Бурятия в сфере стратегического планирования и регулирует отношения, возникающие между участниками стратегического планирования в процессе целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Республики Бурятия, а также мониторинга и контроля за реализацией документов стратегического планирования.

Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия является основой для разработки плана мероприятий по ее реализации, государственных программ Республики Бурятия, схемы территориального планирования Республики Бурятия.

Постановлением Правительства Республики Бурятия от 30.12.2015 № 674 утверждены порядки разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия и Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия. Стратегическая цель Программы социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 года, утвержденной Законом Республики Бурятия от 28.02.2011 №1903-IV,- обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе модернизации экономики и повышения ее эффективности. Дости-

---

[1] Статья посвящена вопросам стратегического планирования в Республике Бурятия и основана на исследованиях автора, выполненных по теме НИР «Разработка предложений по комплексному социально-экономическому развитию Республики Бурятия в рамках Байкальского региона» (№ госрегистрации 03/12-016-6016).

[2] Гаджиев Ю.А., Акопов В.И. Социально-экономическое развитие северных регионов России // Экономика региона. 2011. – № 3. – С. 80–88.

[3] По данным Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120-р.

жение стратегической цели Программы основывается на динамичном экономическом росте и повышении конкурентоспособности экономики Республики Бурятия при условии соблюдения экологических требований на Байкальской природной территории.

Таблица 1

Анализ характеристик успешного региона 2030 года применительно к Республике Бурятия (мировые тренды[1])

Характеристики успешного региона, присущие/в определенной степени развитые в Республике Бурятия	Характеристики успешного региона, отсутствующие/в недостаточной степени развитые в Республики Бурятия
– образованное, предприимчивое, активное, талантливое население;	– открытость (активные международные и межрегиональные связи);
– доступность до мировых центров (международный аэропорт);	– высокая связность регионального пространства;
– относительный баланс интересов региональных элит, толерантность;	– идентичность, узнаваемость, известность;
– безопасность в обеспечении продовольствием и водой высокого качества.	– система образования мирового уровня;
	– известная столица с богатой культурной жизнью;
	– низкие барьеры для карьерного роста, предпринимательства, инвестиций;
	– система управления миграционными потоками, привлечение и удержание талантов;
	– эффективная система управления будущим;
	– разнообразная среда (различные типы поселений, общественные пространства в городах);
	– диверсификация экономики (высокая доля малого бизнеса, наличие отраслей – драйверов роста).
	– комфортные условия для жизни, здоровая окружающая среда.

Согласно данному документу долгосрочного планирования объем валового регионального продукта увеличится до 383,7 млрд. рублей в 2020 году, среднемесячная заработная плата составит 40,1 тыс. рублей, доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составит 15,0% от общей численности населения Республики Бурятия. Прирост валового регионального продукта и реальных денежных доходов населения будет достигнут за счет опережающего развития приоритетных отраслей экономики Республики Бурятия. Однако начавшееся замедление темпов развития национальной и региональной экономики, перешедшее в рецессию обусловило пересмотр и внесение изменений в данный программный документ.

Прогноз социально-экономического развития Республики Бурятия на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов (Постановление Правительства Республики Бурятия от 28.10.2016 № 500)» разработан на основе анализа социально-экономического развития Республики Бурятия за предшествующий период с учетом материалов Министерства экономического развития Российской Федерации для разработки прогноза социально-экономического развития субъектов Российской Федерации на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов.

Успешность развития региона определяется качеством жизни его населения, количеством и качеством накопленного, успешно функционирующего человеческого капитала. Человеческий капитал, как основа современной экономики, является ключом к успеху в конкуренции. Поэтому создание благоприятных условий для развития и совершенствования человека – самая приоритетная задача комплексного социально-экономического развития региона, страдающего демографическими проблемами.

Республика Бурятия не обладает в полной мере многими характеристиками успешного региона, в связи с чем необходима действенная стратегия по их достижению при решении задач комплексного социально-экономического развития региона.

Долгосрочные приоритеты социально-экономического развития Республики Бурятия сформированы на основе анализа сильных и слабых сторон, исходя из географического, территориального, этнокультурного и социально-экономического положения Республики Бурятия, а также ее конкурентных преимуществ и потенциальных угроз.

Существующие проблемы и ограничения в развитии Республики Бурятия обусловлены как факторами природно-климатического характера, осложняющими и ограничивающими хозяйственную деятельность, так и социально-экономическими факторами.

В Байкальском регионе нерешенной остается задача по переходу на устойчивое экономическое развитие, где ключевым фактором является повышение производительности труда и энергоэффективности экономики.

Проблемы и ограничения Республики Бурятия

К слабым сторонам относятся:

– недостаточно эффективная структура наследственной экономики, заложенная в советский период и обусловленная уязвимостью из-за высокого удельного веса сырьевого сектора и капиталоемкости производства как следствие влияния большой территории;

[1] Источник: Проект «Татарстан-2030». – http://tatarstan2030.ru/

– периферийное положение и удаленность Республики Бурятия от центров деловой и культурной активности России, 58% территории относится к районам Крайнего Севера и приравненной к ним местности, следствием чего является удорожание стоимости жизнедеятельности;

– большая часть территории Республики Бурятия входит в состав Байкальской природной территории, в пределах Центральной и Буферной экологической зоны с особыми условиями природопользования;

– моральный и физический износ действующего производственного аппарата, низкий уровень фондовооруженности труда обусловливает сравнительно низкую его производительность и рентабельность отраслевого производства;

– слабая материально-техническая база учреждений и инфраструктуры социальной сферы из-за недостаточного финансирования;

– зона рискованного земледелия аграрного сектора.

Возможные угрозы в реализации политики социально-экономического развития:

– рост энерготарифов, а также тарифов на транспортные услуги, выводящий всю региональную экономику за допустимые пределы конкурентоспособности.

– высокий физический износ основного оборудования и низкие темпы их обновления увеличат технологическое отставание;

– сдвиг в демографической пропорции из-за миграционного оттока и, как следствие, нарастание дефицита квалифицированных кадров;

– неудовлетворенный инвестиционный спрос не позволит поддерживать необходимые темпы роста реальной экономики (табл. 2).

Таблица 2

Анализ возможностей и угроз развитию Республики Бурятия

Возможности внешней среды	Угрозы со стороны внешней среды
1. Экономические и геополитические выгоды вследствие смещения вектора политических и экономических интересов России на Восточно-Азиатский континент. 2. Приоритетное развитие Дальнего Востока (наличие утвержденных на федеральном уровне стратегических документов развития регионов, а также создание институтов управления развитием). Формирование новой государственной правовой базы в части налогового, таможенного, внешнеэкономического, имущественного, земельного, муниципального и природоохранного законодательства. 3. Повышенное внимание к оборонно-промышленному комплексу на федеральном уровне создает возможность привлечения дополнительных финансовых ресурсов. 4. Увеличение объемов перевозок в связи с ускоренным экономическим развитием стран АТР и реализацией транспортной стратегии Российской Федерации в перспективе, возможно, будет стимулировать развитие транспортно-логистической отрасли. 5. Увеличение российского рынка туристических услуг, включая национальное и международное позиционирование бренда «Байкал», приведет к увеличению потока туристов в регион и росту привлекательности данного сектора для инвесторов. 6. Развитие сотрудничества с Монголией и КНР, в том числе реализация совместных проектов в разработке природных ресурсов, энергетике, туризме, торговле и др. 7. Развитие сотрудничества с субъектами РФ в Сибирском федеральном округе и, особенно, в Байкальском регионе. Определение секторов и территорий Республики Бурятия для кооперации со смежными регионами. Участие в крупномасштабной стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона. 8. Развитие новых энергосберегающих технологий и технологий производства энергии из альтернативных источников. Формирование новой модели расселения в Прибайкалье и Восточной Сибири.	1. Экономический спад – переход российской экономики от стагнации к рецессии (падение ВВП до1-2% годовых потерь валового продукта, девальвация рубля, спад инвестиций и медленный рост номинальных зарплат). 2. Нарастание геополитической напряженности вокруг России и дальнейшее усиление санкций против нее. 3. Зависимость экспортно-сырьевой модели экономики от изменения конъюнктуры и цен на мировом рынке сырьевых ресурсов (например, падение цен на нефть до 60 долларов за баррель и т.п.). 4. Сворачивание федеральных программ по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона – с одной стороны, и приоритизация программы по развитию оборонно-промышленного комплекса – с другой, приведут к недополучению важнейших для региона ресурсов на развитие инфраструктуры и развитие бюджетообразующих предприятий. 5. Сокращение дотаций и субвенций из федерального бюджета в связи с замедлением темпов развития российской экономики и секвестром федерального бюджета на фоне роста социальных обязательств ведет к сокращению внутренних ресурсов Республики Бурятия на развитие экономики. 6. Жесткая конкуренция на мировых рынках сырья и технологий, обусловливающая трудности выхода местных предприятий на мировой рынок. Нестабильная конъюнктура спроса на некоторые виды местной продукции (металлы, военные вертолеты и др.). 7. Динамичный рост рынка стран АТЭС: сохраняется сочетание высокого платежеспособного спроса в этих странах и возможности переноса производств с низкой добавленной стоимостью на их территорию. Ускоренное экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии, продуманная налоговая и производственная политика в Монголии. 8. Опережающая модернизация транспортной инфраструктуры Китайской Народной Республики, Монголии, с созданием альтернативных транспортных коридоров на юго-западе, в обход российских границ. 9. Сильная конкуренция среди регионов за доступ к федеральным инвестициям. 10 Дальнейший переток инвестиционного капитала исключительно в сырьевые отрасли Республики Бурятия. 11. Принятие на федеральном уровне норм и законодательных актов, дестабилизирующих экономическое положение Республики Бурятия (в сфере разработки природных ресурсов, туризме и сельскохозяйственном производстве, авиа- и вагоностроении и т.д.). 12. Наличие возможных серьезных социальных угроз при ухудшении экономических условий. 13. Ухудшение экологической ситуации.

Отличие Республики Бурятия от других регионов России в том, что ее экономика не имеет выраженной специализации. В ней дисперсно размещены практически все виды экономической деятельности (Улан-Удэнский авиацион-

ный завод, Селегинский ЦКК, Гусиноозерская ГРЭС и т.д.). Ввиду единичного представительства разноотраслевых предприятий, между ними не образовались постоянные горизонтальные кооперационные связи, которые выполняли бы функцию скрепов хозяйственного комплекса, служили бы провайдерами синергических эффектов на основе их кластеризации.

SWOT-анализ экономики Республики Бурятия показал некую сбалансированность между сильными и слабыми сторонами, потенциальными возможностями и угрозами с некоторым перевесом негативных условий. Отсюда следует вывод о том, что при формировании политики приоритетов в развитии управляющей системы отсутствует четко обозначенная доказательная база для выбора вектора развития из-за отсутствия уникальных, эксклюзивных объектов. Во многом поэтому выбор падал на лежащие на поверхности факторы, а именно – на развитие минерально-сырьевого и топливно-энергетического комплексов, ресурсами которых богата забайкальская земля.

В связи с порядковым сбросом заказов со стороны оборонно-промышленного машиностроения, отечественный горнорудный и металлургический бизнес переориентировался на экспорт. Волатильность рынка, как известно, диктует поведение игроков, то повышая, то снижая их интерес к горнорудным проектам (Озерный, Инкурский, Холтосонский, Жарчихинский и др.).

Мировой рынок высоких технологий сегодня оценивается в 3 трлн. долл. США, а энергосырьевых ресурсов – в 700 млрд. долл. США, соотношение 4:1. К 2020 г. прогнозируется рост рынка высокотехнологичной продукции до 10–12 трлн. долл., а энергетических и сырьевых ресурсов до 1,2 трлн. долл. США. Соотношение составит уже 10:1, т.е. сырьевой экспорт будет с каждым годом давать убывающий эффект.

Swot-анализ зафиксировал огромное давление экологической нагрузки на региональную экономику. Поэтому парадигмой развития байкальской экономики является экологобезопасный и природогармонизированный вектор. В первую очередь – это экономика на возобновляемых ресурсах:

– «зеленая» экономика в составе сельского хозяйства и перерабатывающих отраслей, лесного хозяйства и лесной промышленности, фармацевтическая промышленность на органическом сырье;

– акваэкономика, специализирующаяся на производстве и реализации питьевой столовой и минеральной лечебной воды, бальнеологическом оздоровлении человека с использованием минеральных лечебных источников, на теплоэнергетике на термальных водах;

– чистая энергетика в составе солнечной и ветровой гидроэлектроэнергетики, водородной энергетики.

Геополитической первоочередной задачей является обеспечение продовольственной, энергетической и демографической безопасности региона, достижение которых зависит от уровня развития экологобезопасных отраслей на новейших возобновляемых ресурсах и технологиях.

Таким образом, в точках пересечения геополитических и геоэкологических проблем находим приоритетные отрасли экономики.

Обоснованность приоритизации зеленой и акваэкономик, подтверждается также историческим фактом, т.к. они являются ведущими секторами этноэкономики и основой хозяйственного уклада местных сообществ.

В 2007 году принята Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2025 года, одобренная постановлением Правительства Республики Бурятия от 15.12.2007 №410. В ней были определены три сценария развития: инерционного развития, догоняющей индустриализации и эколого-технологического развития. В 2011 году в Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 года выделены три качественных сценария социально-экономического развития в долгосрочной перспективе – инерционный, базовый и оптимистичный (табл. 3).

Таблица 3

Матрица SWOT-анализа «Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия»

Матрица стратегии социально-экономического развития		
	Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
Возможности (О)	Использование сильных сторон для извлечения максимальной выгоды из представившихся возможностей *Стратегия О-S:* МАКСИ-МАКСИ Оптимистичный сценарий (Инновационный)	Устранение слабых сторон с использованием представившихся возможностей *Стратегия (О-W):* МИНИ-МАКСИ Оптимистичный сценарий (эколого-технологического развития)
Угрозы (Т)	Использование сильных сторон для нейтрализации угроз *Стратегия (Т-S):* МАКСИ-МИНИ Базовый сценарий	Минимизация слабых сторон для нейтрализации угроз *Стратегия (Т-W):* МИНИ-МИНИ Инерционный сценарий

Спустя десять лет можно констатировать, что с 2007 года по настоящее время реализуется первый – инерционный вариант. Подтвердились все риски этого пути: замедление развития экономики, увеличение себестоимости продукции, разбалансированность бюджета в связи с необходимостью увеличения социальных расходов для реализации президентских указов (май 2012 г.), увеличение диспропорций в территориальном развитии и сохранение миграционного оттока.

Для Республики Бурятия остаются актуальными такие проблемы социально-экономического развития как: увеличение отставания республики по среднедушевому ВРП от среднероссийского показателя и медленный рост уровня

производства ВРП Республики Бурятия по сравнению с другими субъектами. Доля ВРП Республики Бурятия в ВВП России и ВВП СФО неуклонно сокращается, потребление ВРП домохозяйствами и государственным управлением превысило объем произведенного в республике ВРП. Данное явление имеет негативное влияние не только на текущую ситуацию ВРП, но и послужит «тормозом» для будущего стимулирования экономического роста.

Сегодня и на перспективу Республике Бурятия необходима новая система целевых ориентиров. Для сохранения того, что имеется, простого продолжения инерционного движения уже недостаточно. Республика Бурятия нуждается в появлении и укреплении «новой экономики» 5–6 технологических укладов, формировании и эффективном функционировании конкурентоспособных кластеров, являющихся драйверами социально-экономического развития. Переход на инновационную траекторию требует наращивания потенциала научной и изобретательской деятельности, внедрения наукоемких технологий, улучшения состояния бизнес-среды, качества и уровня жизни населения.

Инновационный сценарий предусматривает:

- модернизацию социальной инфраструктуры (включая образование, здравоохранение, социальную защиту, культуру, физическую культуру и спорт, жилищный сектор), обеспечивающую формирование общественных институтов, комфортных условий жизни, сокращение социального неравенства среди населения и повышение качества человеческого капитала;
- опору на рост производительности труда, что позволит приблизить доходы жителей Республики Бурятия к уровню развитых регионов страны;
- создание условий для развития инновационных предприятий, в том числе: создание и развитие инновационно-производственных центров, технопарков, образовательных и научных центров, благоприятных условий для привлечения инвесторов, технологическое обновление и модернизацию действующих производств, развитие в регионе новых секторов нарождающейся экономики, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, повышение качества государственных услуг, развитие частно-государственного партнерства.

Накопленный инновационный потенциал, перспективы интеграции инновационных проектов в федеральные программы поддержки, накопленный опыт взаимодействия с федеральными институтами развития, высокий уровень политической готовности региональных властей к внедрению организационных новаций – все это позволяет оптимистично оценивать перспективы реализации инновационного сценария.

Реализация инновационного трудосберегающего сценария в экономическом плане компенсирует старение населения и обеспечит прогресс в решении задачи по изменению сальдо трудовой миграции в пользу Республики Бурятия.

Инновационный сценарий более устойчив к рискам, обусловленным возможной рецессией мировой экономики. Его реализация сопряжена со сравнительно меньшими потребностями в инвестициях – при росте организационных и интеллектуальных усилий. Увеличение доли инновационной продукции в традиционных для региона отраслях позволит производителям иметь более устойчивый сбыт внутри страны за счет импортозамещения (как это происходило во время кризиса 2009–2010 гг.).

Отраслевая структура является не только результатом, но и управляемым фактором экономического роста, то есть для обеспечения экономического роста необходимо активное влияние на структурные преобразования. Для обоснования необходимых сдвигов в структуре экономики, выбора приоритетных направлений развития экономики необходимо учитывать складывающиеся пропорции экономического развития и выявлять факторы, обусловливающие эти изменения. Реализация оптимистичного (инновационного или эколого-технологического сценария) в долгосрочной перспективе позволит Республике Бурятия претендовать на статус «нового тигра» Российской Федерации.

Новиков В.Е.
д.э.н., профессор, Российская таможенная академия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *модель, экономика, перестройка, инструменты, деградация, теория, потребности, удовлетворение, эквивалентность, обмен, работник, квалификация.*

Keywords: *model, economy, reorganization, tools, degradation, theory, requirements, satisfaction, equivalence, exchange, worker, qualification.*

Существующая модель экономики России была сформирована в начале 1990-х годов и преподносилась как модель трансформации плановой экономики в рыночную, основанная на использовании в максимальной степени механизмов конкуренции между товаропроизводителями и в оказании услуг.

При этом предполагалось эффективно использовать цены, налоги, прибыль, заработную плату, таможенные пошлины и другие инструменты, обусловленные действием законов стоимости, спроса и предложения, чтобы стимулировать снижение затрат в расчете на единицу удовлетворения общественной потребности.

Однако с первых же шагов реализации новой модели экономики стало видно, что она не отвечает требованиям экономической теории, что стоимостные инструменты использовались таким образом, чтобы хозяйственный механизм работал не на более полное удовлетворение общественной потребности, а наоборот, на её снижение.

В этих целях был сформирован механизм неэквивалентного обмена внутри страны и с внешней средой.

Реализация этой модели включила механизм превращения экономики в антиэкономику или снижения удовлетворения общественной потребности, что было достигнуто путем либерализации цен в условиях отсутствия конкурентной среды и либерализации внешней торговли в условиях больших различий в уровне мировых и внутренних цен на товары с высокой долей добавленной стоимости.

Результатом такой экономической модели стал опережающий рост цен по сравнению с ростом доходов, что привело к падению уровня потребления. Разрыв в уровне цен и доходов явился барьером во взаимосвязи между производством и потреблением. С одной стороны, отечественные предприятия не могли реализовать продукцию обрабатывающей промышленности, а с другой стороны, на внутренний рынок стала поступать импортная продукция, затраты на производство которой были ниже, чем на аналогичную отечественную продукцию.

«Эффективность» модели экономики, реализованной в ходе экономических трансформаций начала 1990-х годов оказалась весьма высокой. В 1992 г. в процентах к 1991 г., то есть за один год проведения экономических реформ валовый внутренний продукт составил 81, объем промышленной продукции (работ, услуг) – 81,2, а индекс потребительских цен вырос в 26 раз, денежная эмиссия выросла в 16,9 раз[1].

Сущность настоящей модели экономики России хорошо раскрыта в многочисленных публикациях. Выявлены целевые установки этой модели, показано как работают её отдельные блоки и каким образом их необходимо перестроить, чтобы обеспечить социально-экономическое развитие.

Одной из работ, где выявлены недостатки отдельных блоков действующей модели экономики России и даны предложения по их совершенствованию, является программа модернизации России, подготовленная Экспертно-аналитическим центром по модернизации и технологическому развитию экономики[2].

Подводя итоги экономических реформ, то есть существования действующей модели экономики России за 1990–2010 гг. авторы этой работы указывают, что за это время численность населения снизилась на 5,4 млн. чел., соотношение доходов 10% богатых к 10% бедных составляет от 16,7 до 25 раз, налоговая политика характеризуется как катастрофически вредная для народа, что промышленный капитал не проходит процесс реновации и разрушается, последовательно и целенаправленно, разрушаются основные институты рыночной экономики и сама экономика России. Подчеркивается, что современная политико-экономическая и социальная суть России – это придаток к чужому производству, чужим модернизациям и инновациям. Издержки производства в российской промышленности быстро возрастают. Например, за период функционирования экономики с 2001 по 2010 год издержки на производство тонны калийных удобрений выросли в 2,6 раза, бензина АИ-95 в 3,1 раза, асфальта в 3,7 раза, металлопроката в 3,8 раз, на добычу угля в 4,2 раза, 1 тыс. $м^3$ газа в 6 раз.

---

[1] О развитии экономических реформ в Российской Федерации в 1992 г. / Государственный комитет Российской Федерации по статистике. – М., 1993. – С. 103.

[2] Программа модернизации России / ЭАЦ «Модернизация». Труды, вып. 6. Авт. колл.: Нигматулин Р.И., Чуев А.В., Абрамов М.Д., Бабкин К.А., Кашин В.А., Корчевой Е.А., Нигматулин Б.И. – М., 2011. – С. 3–17.

Отмечается что, проводимая таможенно-тарифная политика препятствует развитию российской промышленности, а российские экспортеры нуждаются в государственной поддержке хотя бы на уровне производителей.

Выявленные авторами тенденции подтвердились и в последующие годы развития экономики России. В 2011–2015 гг. снизились темпы прироста основных социально-экономических показателей. Например, если среднегодовые темпы прироста валового внутреннего продукта составляли в 1996–2000 гг. 3,6%, то в 2011–2015 гг. – 1,2%. Среднегодовой темп прироста реальных денежных доходов населения составил в 1996–2000 гг. – минус 1,6%, в 2001–2005 гг. – 11,6%, в 2006–2010 гг. – 7,2%, а в 2011–2015 гг. снизился до 1,4%[1].

Из приведенной динамики показателей видно, что действующая модель экономики не нацелена на устойчивый экономический рост, в ней отсутствуют имманентные факторы экономического роста, основанные на научно-техническом прогрессе. Только в условиях высоких мировых цен на нефть создается возможность получить суперренту от экспорта топливно-сырьевых товаров.

Для решения существующих социально-экономических проблем в «Программе модернизации России» предлагается провести реиндустриализацию России, развивать товарное производство, ориентированное на внутренний рынок, исходя из того, что главным источником богатства является человеческий труд.

Указывается что, при управлении экономикой следует руководство теорией межотраслевого баланса В.В. Леонтьева, суть которой состоит в том, что для жизнеобеспечивающих товаров на внутреннем рынке необходимо сбалансировать рублевые цены с издержками производства, а со сбалансированными ценами необходимо сбалансировать зарплаты трудящихся. При этом потребление должно быть увязано с возможностями развития производительных сил.

То есть, замысел авторов «Программы модернизации» состоит в ориентации развития экономики в соответствии с классической экономической теорией, основанной на соизмерении затрат для удовлетворения общественных потребностей как затрат общественного труда.

Теоретические аспекты формирования новой модели экономики России, исследованы ещё недостаточно, хотя ясно, что она должна выстраиваться в соответствии с законами и закономерностями, вытекающими из экономической теории развития общества. Законы экономического развития базируются на аксиомах о том, что человечество существует в условиях ограниченности ресурсов и конкурентной среды, а само существование человечества при этом возможно только при поддержании процесса все более полного удовлетворения постоянно возрастающих потребностей человека на основе роста производительности общественного труда.

Из всех существующих учений, только одно из них может быть экономической теорией, в соответствии с требованиями которой должна выстраиваться модель экономического развития и функционировать соответствующий хозяйственный механизм.

Практика экономического развития человечества, показывает, что такой теорией является трудовая теория стоимости, из которой следует, что все затраты общества по удовлетворению общественных потребностей выступают в виде затрат энергии человека, и соизмерить эти затраты возможно только на основе учета затрат времени. Измерить непосредственно затраты энергии человека на удовлетворение своих потребностей в каких-либо других физических единицах невозможно в связи с тем, что она затрачивается индивидуумами, каждый из которых имеет свои особенности.

Теория трудовой стоимости объясняет, что индивидуальные затраты в условиях общественного производства, основанного на обмене общественными благами, сводятся в общественно необходимые затраты.

В процессе сведения индивидуальных затрат труда в общественно необходимые затраты выигрывает тот, кто затрачивает меньше времени на удовлетворение общественной потребности, и проигрывает тот, кто затрачивает больше времени. Именно таким образом поддерживается конкурентная среда, необходимая для экономического развития общества.

Через механизм косвенного соизмерения затрат труда на удовлетворение общественной потребности посредством стоимости человечество получает ощущаемые, видимые инструменты соизмерения затрат труда на удовлетворение своих потребностей в виде цен, которые уже используются для управления процессом снижения затрат на единицы удовлетворения конкретной общественной потребности.

Отсюда вытекает, как следует управлять ценами, чтобы добиться более полного удовлетворения общественной потребности при относительном снижении затрат общественно необходимого труда. В соответствии с законом стоимости, или его модификацией, цены должны приближаться к стоимости товара, (включая товар особого рода – рабочую силу), что является необходимым условием существования конкурентной среды.

Однако в условиях международного обмена товарами и услугами существование такого механизма возможно только при поддержании эквивалентного обмена между странами. При неэквивалентном обмене часть вновь созданной стоимости будет перераспределяться в пользу других стран, что приведет к нарушению к пропорциям обмена и внутри страны.

Согласно теории внешней торговли, в условиях наличия национально-государственных образований эквивалентность обмена может поддерживаться только при обмене товарами, содержащими примерно одинаковую долю добавленной стоимости, в производстве которых заняты высококвалифицированные работники. Однако в результате реформ доля такой продукции в обмене России с внешним миром стала снижаться.

В результате сложился устойчивый тренд на изменение структуры производства и потребления внутри России с внешним миром: во внешней торговле возрастала доля поставок на мировой рынок топливно-энергетических и сырье-

[1] Российский статистический ежегодник 2016. табл. 1.2. «Среднегодовые темпы прироста (снижения) основных социально-экономических показателей (стоимостные показатели в сопоставимых ценах; в среднем за год; в процентах). – С .32.

вых ресурсов и ввоза продукции обрабатывающей промышленности; в производстве, соответственно, снижалась доля продукции обрабатывающей промышленности и увеличилась доля топлива, сырья и продукции низких переделов.

Такая ситуация во внешней торговле устойчиво поддерживалась установлением заниженных таможенных пошлин на ввоз продукции обрабатывающей промышленности. Внешнеторговая политика неэквивалентного обмена законодательно была оформлена вступлением России во Всемирную торговую организацию.

Ставки таможенного тарифа в России разрабатывались в отсутствие каких-либо законодательных и других нормативных актов, позволяющих однозначно рассчитать таможенные пошлины, направленные на развитие обрабатывающей промышленности и, в первую очередь, продукции с высокой долей добавленной стоимости.

Следует отметить, что в настоящее время отсутствуют и какие-либо международные соглашения, и рекомендации по определению таможенных пошлин. В то же время соглашение по определению таможенной стоимости, которая рассчитывается после ввоза или вывоза товаров и должна соответствовать расчетной величине, принятой при обосновании таможенных пошлин, принято еще в рамках ГАТТ, а позднее Всемирной торговой организацией.

Выгоды от такого неэквивалентного обмена, естественно, получают страны-экспортеры продукции обрабатывающей промышленности в Россию, торговые посредники, которым выгоднее заниматься импортом продукции, чем реализацией аналогичной отечественной продукции, поскольку импортная продукция может быть реализована по более низким ценам, чем отечественная и при более высокой прибыли торгового посредника. В результате отечественные обрабатывающие отрасли оказались неконкурентоспособными на внутреннем и мировом рынках. В условиях низкой рентабельности или убыточности производства продукции стало невыгодно инвестировать в развитие отечественной обрабатывающей промышленности. При определенных мерах поддержки за счет предоставления таможенных льгот инвестиции направлялись в создание сборочных производств из иностранных комплектующих. Созданный же в России денежный капитал свободно перемещается в другие страны с выгодными условиями инвестирования.

В свою очередь неэквивалентный обмен внутри страны достигался в основном за счет соответствующей ценовой политики. Свободное установление цен производителями продукции и торговыми посредниками в неконкурентной среде привело к монопольному ценообразованию на многих товарных рынках.

Конкуренция на товарных рынках России приобрела характерный для государства, специализировавшегося на поставке сырья на мировой рынок, вид, где вместо отечественных производителей, которые конкурировали бы друг с другом и с иностранными производителями, стали конкурировать иностранные производители, отечественные импортеры и иностранные торговые сети, что привело к вытеснению с рынка отечественных торговых посредников, мелких и индивидуальных предпринимателей.

Таким образом, сформировавшиеся сеть товародвижения в условиях свободного ценообразования, фактически монополизирует рынок, поскольку в сети везде устанавливаются монопольные цены. Некоторая конкуренция существует между отдельными торговыми сетями, но в любом случае потребительским рынком в значительной степени управляет торговый посредник, который устанавливает розничные цены, поддерживая их на уровне, позволяющим максимизировать выручку от продажи товара. Это сдерживает развитие производства товаров, имеющих наиболее низкую цену в расчете на единицу потребительской стоимости товара (качества) и наиболее полно удовлетворяющих общественную потребность. Одновременно торговые сети имеют возможности, изменяя уровень розничных цен, сдерживать реализацию отечественных товаров и создавать преимущества для реализации импортных товаров.

Отсюда видно, что в формировании розничных цен должна быть усилена регулирующая роль государства, как это сделано в ряде стран, чтобы между потребителем и производителем посредством формирования цен поддерживались экономические отношения, направленные на увеличение производства и потребление продукции с наименьшими издержками и наиболее полно удовлетворяющими общественную потребность.

В настоящее время государство сконцентрировалось на регулировании цен и тарифов в отраслях, относимых к естественным монополиям или приравненных к ним: производство электро- и теплоэнергии, транспортировка по магистральным трубопроводам нефти и газа, железнодорожный транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство. Однако регулирование осуществляется через введение в этих отраслях механизмов либерализации цен, основанных на псевдоконкурентных механизмах, что ведет к повышению цен и тарифов. Например, тарифы на электроэнергию устанавливаются исходя из затрат замыкающегося производителя. Государство фактически не регулирует, а ограничивает уровень повышения цен и тарифов в этих отраслях. Аналогичная ситуация сложилась в сфере оказания жилищно-коммунальных услуг, где государство также ограничивает размер их повышения.

Таким образом, в действующей системе цен не реализуется учетная и стимулирующая функции цены, что, с одной стороны, искажает экономические пропорции, и они не отвечают требованиям экономической теории, а с другой стороны, производители и торговые посредники не заинтересованы в снижении затрат, ибо они извлекают прибыль за счет повышения цен и, следовательно, снижения уровня потребления, что проявляется в постоянной инфляции.

В действующей модели экономики не соблюдается одна из важнейших пропорций общественного воспроизводства: пропорции первичного распределения вновь созданной стоимости между собственником средств производства и наёмным работником. Оплата труда работника в соответствии с экономической теорией должна обеспечивать воспроизводство рабочей силы, от качества которой будет зависеть повышение производительности труда и удовлетворение общественных потребностей, а также увеличение объема валового внутреннего продукта. Кроме того, увеличение части вновь созданной стоимости в распоряжении собственников ведет к ограничению роста ВВП и сокращению инвестиций, так как при низкой оплате труда и низких доходах населения объемы потребления сокращаются, общественные потребности удовлетворяются на более низком уровне, и общество постепенно деградирует, а доходы собственников капитала направляются для извлечения прибыли в другие страны, а также на собственное потребление и личное накопление.

Поскольку основным источником доходов России являются валютные поступления от экспорта сырья и топлива, то состояние экономики России сильно зависит от мировых цен на эти товары. На стадии экономического подъема в развитых и развивающихся странах мировые цены на нефть формируются выше их стоимости за счет превышения спроса над предложением. Введение в эксплуатацию месторождений с более высокими затратами по добыче нефти позволяет на какой-то период стабилизировать цены на нефть, но к этому времени в развитых и развивающихся странах начинается процесс спада производства и падения цен на нефть.

Развитые и развивающиеся страны выходят из кризиса за счет стимулирования потребления, в том числе за счет увеличения денежных доходов населения. Одновременно происходит постепенный процесс выхода из кризиса путем обновления производственной базы за счет технических нововведений, что обеспечивает последующее снижение затрат на производство продукции и оказание услуг. Все вместе это позволяет восстановить нормальный процесс расширенного воспроизводства.

Россия же, доходы которой формируются за счет экспорта сырья, топлива и материалов, и которая практически уже не имеет собственной базы для воспроизводства продукции обрабатывающей промышленности и зависит от импорта оборудования, технологий и комплектующих узлов, не может самостоятельно выйти из фазы кризиса и находится в пассивном состоянии до ожидания выхода из кризиса развитых и развивающихся стран и повышения цен на нефть.

В фазе падения мировых цен на нефть в России усиливается деградация научно-технической базы воспроизводства, а последующий цикл начнется с импорта уже не нового оборудования.

Действующая в России модель экономики, направленная на экспорт топлива, сырья, материалов, в том числе за счет сокращения их собственного потребления в результате относительного падения доходов населения, по существу является моделью перекачки вновь созданной стоимости в более развитые страны. Ещё одним фактором, усиливающим действие этой модели, является ограничение имеющихся в России преимуществ использования доходов от экспорта нефти.

По действующему порядку при вывозе нефти и газа и некоторых других сырьевых товаров применяются экспортные пошлины. По обязательствам, принятым Россией при вступлении в ВТО, она должна отменить экспортные пошлины. Наибольшее значение имеют экспортные пошлины от вывоза нефти, которые формируют значительную часть доходов государственного бюджета. Экспортные пошлины на нефть постепенно снижаются и заменяются налогом на добычу полезных ископаемых (НДПИ), который при этом включается в себестоимость добычи нефти, а не взимается за счет прибыли. В этом случае увеличивается себестоимость добычи нефти, что естественно влияет на уровень цен нефти, поставляемой на внутренний рынок, и часть ренты от продажи нефти на мировом рынке переносится на внутренних потребителей нефти, что вообще противоречит экономической теории, и как бы выступает механизмом повышения уровня затрат, а затем и цен и снижает уровень удовлетворения общественных потребностей.

Валютное регулирование, Резервный фонд и Фонд национального благосостояния являются инструментами, регулирующими объем потребления в России, ограничивая его при высоких ценах на топливно-сырьевые товары и в определенной степени компенсирующего его снижение при падении цен на нефть и другие товары.

Существующая модель экономики должна быть перестроена в соответствии с требованиями экономической теории на основе учета действия закона стоимости и соотношения спроса и предложения, максимизации добавленной стоимости во внешней торговле. Учет действия этих законов предполагает поддержание эквивалентного обмена на всех стадиях процесса общественного воспроизводства, а также во внешней торговле. Хозяйственный механизм должен быть реформирован комплексно, но начинать необходимо с восстановления эквивалентности обмена во внешней торговли и пересмотра обязательств, принятых при вступлении России в ВТО.

Установление экономически обоснованных ставок таможенных пошлин позволит сформировать конкурентный внутренний рынок. Отечественный и импортный товар на рынке окажутся примерно в одинаковых условиях с точки зрения предпочтений потребителя и будут реализовываться по одной и той же цене. До экономически обоснованного уровня повысится рентабельность производства, что создаст предпосылки для формирования конкурентного рынка инвестиций, вырастут доходы государственного бюджета. Вместе с тем, сократится прибыль от реализации импортных товаров, что компенсирует некоторое повышение цен на товарных рынках.

Положительный эффект от повышения таможенных пошлин проявился, например, при введении санкций на импорт овощей, что стимулировало рост отечественного производства при повышении качества поставляемой на рынок продукции при незначительном повышении цен.

Необходимым условием экономического роста является формирование обоснованных пропорций в распределении вновь созданной стоимости, между собственником капитала и наемным работником, например, введением минимальной почасовой оплаты или пропорций распределения маржинального дохода предприятий.

В ценовой политике следует отказаться от регулирования цен в отраслях естественных монополий путем создания механизмов формирования цен на основе замыкающих затрат, что ведет к их постоянному росту. Необходимо также усилить государственное регулирование розничных цен, которые в настоящее время отданы на откуп торговым сетям, проводящим политику монопольных цен и выбрасывающих на свалку товары и продукты, что служит фактором сжатия спроса и растратой общественного труда.

На период перехода на новую модель вывоз капитала должен жестко ограничиваться. Резервный фонд и Фонд национального благосостояния направляются на приобретение новых заводов с полным циклом производства с последующим углублением локализации, совершенствованием производимых и созданием новых видов продукции.

Переход на новую модель экономики невозможен без развития фундаментальной и прикладной науки и повышения уровня образования, что позволит удовлетворить потребности производства в создании, производстве и поставке на мировые рынки конкурентоспособных товаров.

Пешина Э.В.[1],
Репин А.А.[2]

МЕТОДОЛОГИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО БЮДЖЕТНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: МИРОВОЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Ключевые слова: *стратегическое бюджетное планирование, долгосрочное бюджетное планирование, бюджетный прогноз.*

Текущий этап бюджетной реформы в России в очередной раз коснулся использования программных методов управления в части стратегического/долгосрочного бюджетного планирования. Несмотря на то, что в советской экономике России именно плановые методы были широко распространены, начиная с 1990-х годов наша страна заново развивает стратегическую систему социально-экономического, в том числе бюджетного планирования, но уже с учетом требований рыночной экономики и зарубежного опыта.

Основы стратегического бюджетного планирования за рубежом связывают с программным бюджетом или программным бюджетированием. Поскольку в российской научной экономической литературе зарубежное бюджетное планирование представлено недостаточно полно, остановимся на нем более подробно.

Истоки зарубежного стратегического бюджетного планирования

Систему программного бюджета (programme budget system) или систему программного бюджетирования[3] (programme budgeting system) за рубежом связывают с тремя американскими экспертами: Дэвидом Новиком (1906–1991) – федеральным советником, экономистом; Чарльзом Дж. Хитчем (1910–1995) – главой корпорации RAND Corporation (1948–1961 гг.), консультантом Министерства обороны США (1961–1965 гг.) и впоследствии Президентом Калифорнийского университета; Робертом Макнамара (1916–2009) – экс–министром обороны США (1961–1965 гг.), председателем Группы Всемирного банка (1968–1981 гг.).

Д. Новик выделяет две основы в концепции программного бюджета:

«первый – Совет военного производства США (War Production Board, WPB), утвердивший в 1942 г. План контроля материалов (Controlled Materials Plan);

второй – более старый – промышленность»[4].

Д. Новик использует как синонимы программное бюджетирование (program budgeting) и программный бюджет (program budget).

План контроля материалов (1942 г.), согласно мнению Д. Новика, был программным бюджетом, поскольку имел следующие характеристики: «1) идентификация основных целей; 2) каждая главная цель была определена в программную задачу; 3) программные задачи были дополнительно установлены в программных элементах; 4) программы пересекались и перекрещивались в достижении основных целей; 5) расширенный временной горизонт (бюджет был расписан на каждые три месяца, квартал и проецировался на 16-ти периодах); 6) исследование альтернатив и проведение анализа как предложений, так и потребностей»[5].

План контроля материалов был развит первой в мире «фабрикой мысли» корпорацией RAND Corporation под эгидой военно-воздушных сил США: в 1953 г. вышла первая публикация о программном бюджете для военно-воздушных сил США[6].

С 1961 г. система программного бюджетирования была внедрена Министерством обороны США, которое возглавил Р. Макнамара при консультативной поддержке Ч.Дж. Хитча с его «системой планирования, программирования и бюджетирования, СППБ» (Planning, Programming and Budgeting System, PPBS[7]). Именно Ч.Дж. Хитча называют «от-

---

[1] Пешина Эвелина Вячеславовна – д.э.н., профессор кафедры государственных и муниципальных финансов Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург. E-mail: peshina@yandex.ru

[2] Репин Артур Александрович – первый заместитель директора Департамента финансов Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехард. E-mail: repin777artur@gmail.com

[3] Программный бюджет и программное бюджетирование рассматриваются как синонимы в зарубежной теории государственного бюджета.

[4] Novick D. Origin and History of Program Budgeting. – Santa Monica (CA): The Rand Corporation. 1966. – P. 1.

[5] Ibid., p. 4–5.

[6] Novick D. Efficiency and economy in government through new budgeting and accounting procedures. – Santa Monica: Rand Corporation. 1954. – XI, 122 p.

[7] Иногда в зарубежной литературе используется терминология: Planning – Programming – Budgeting System, переводимая как: планово-программно-бюджетная система; иногда встречается как планирование, программирование, бюджетирование ППБ (Planning Programming Budgeting, HHB) – например, в Budget theory in the public sector / Ed. by A. Khan, W. B. Hildreth. – Westport (Conn): Quorum Books, 2002. – P. 3.

цом СППБ»[1], «the father of PPBS»[2]. Система была предназначена для контроля многочисленных программ развития дорогостоящих видов оружия и сопутствующих растущих затрат и задержек по алгоритму: цель, задачи, план, программа реализации, финансовый план, бюджет, смета, калькуляция.

До 1961 г. многочисленные службы Министерства обороны США были «сосредоточены каждый на своих собственных приоритетах. С 1961 г. на основе системного анализа была внедрена СППБ с начальным минимальным требованием пятилетнего оборонного плана (Five-Year Defense Plan, FYDP)»[3].

На рис. 1 отражена эволюция СППБ в Министерстве обороны США с 1961 г. до настоящего времени.

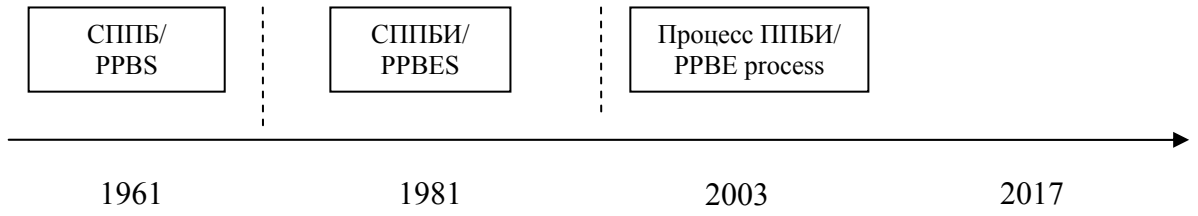


Рисунок 1.
Эволюция системы планирования, программирования и бюджетирования Министерством обороны США с 1961 по 2017 гг.[4]

СППБ отличалась от традиционного бюджетного процесса главным образом по трем параметрам: а) формулируемым целям. СППБ меньше акцентировала внимание на существующей базе и ежегодных поправках, поскольку была ориентирована на долгосрочные цели и альтернативные варианты их достижения; б) тесная взаимосвязь бюджетного процесса с бюджетным управлением и контролем; в) соединение планирования и бюджетирования через программирование, посредством которого определялся порядок справедливого/обоснованного (equitably) распределения имеющихся ресурсов среди множества конкурирующих программ в соответствии с заданными приоритетами.

Схематично СППБ отражена на рис. 2.

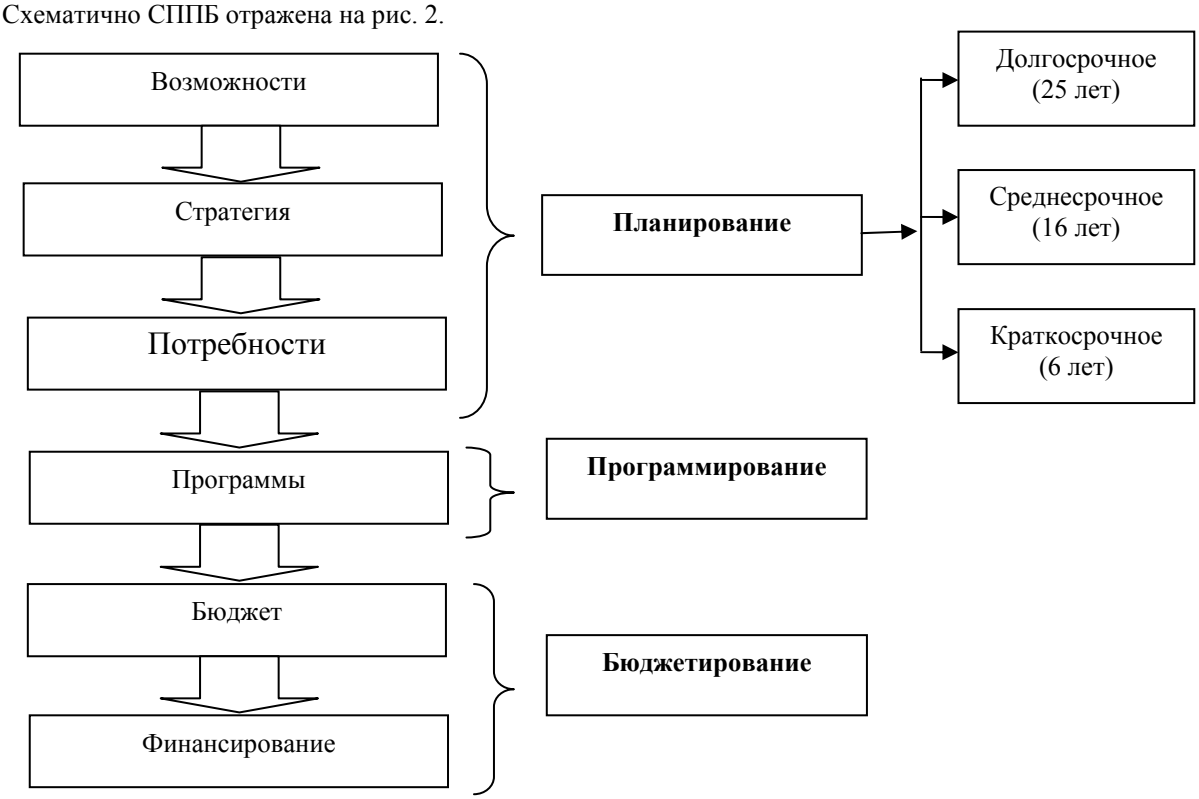


Рисунок 2.
Обобщенная структура системы планирования, программирования и бюджетирования[5]

[1] Grimes St. PPBS to PPBE: A Process or Principles? – Carlisle (PA): U.S. Army War College, 2008. – P. 3.

[2] Tulkoff M.L., Gordon C. V., Dubin R.D., Hinkle W.P. Planning, Programming, and Budgeting System (PPBS)/Multi-year Programming Reading Guide. The Institute for Defense Analyses. 2010. – P. 16.

[3] Grimes St. PPBS to PPBE: A Process or Principles? – Carlisle (PA): U.S. Army War College, 2008. – P. 3–5.

[4] Составлен авторами по: DoD changed PPBS to PPBE process. Army Force Management School. May, 2006. – 21 p.; Steven R. PPBS to PPBE: A Process or Principles? – Carlisle (PA): U.S. Army War College, 2008. – P. 3; Novick D. Efficiency and economy in government through new budgeting and accounting procedures. – Santa Monica: Rand Corporation, 1954. – XI, 122 p.; Jack C. PERT and procurement policy. NASA research paper.1966. – 128 p.

[5] Составлен по: DoD changed PPBS to PPBE process / Army Force Management School. 2006. – P. 5.

В 1981 г. Аппарат Министра обороны США (Office of the Secretary of Defense, OSD) инициировал на регулярной основе проверки эффективности реализуемых программ в части их выполнения. Таким образом, с 1981 г. СППБ была трансформирована в «систему планирования, программирования, бюджетирования и исполнения», СППБИ (Planning, Programming, Budgeting, and Execution System, PPBES).

В сентябре 2003 г. Министерство обороны США сменила СППБИ на «процесс планирования, программирования, бюджетирования и исполнения», процесс ППБИ (Planning, Programming, Budgeting, and Execution process, PPBE process)»[1], в основе которого были заложены «процедурные усовершенствования (procedural improvements)»[2].

Процесс ППБИ содержит пять ключевых документов:

1) «Руководство по стратегическому планированию (Strategic Planning Guidance, SPG), основанное на процессе расширенного планирования (enhanced planning process, EPP);

2) фискальные руководства (fiscal guidance);

3) Руководство по совместному программированию (Joint Programming Guidance, JPG);

4) Меморандум по программному решению (Program Decision Memorandum, PDM);

5) Решение о программном бюджете (Program Budget Decision, PBD), а также много других документов, недоступных для общественности»[3].

СППБ/Процесс ППБИ характеризуют как «философию управления для лидеров Министерства обороны США, прошедшую в своем развитии через девять администраций»[4].

Следует упомянуть и промышленность как один из «корней СППБ». Примечательно, что перед введением СППБ в правительство США крупнейшей научно-исследовательской организацией США «Национальное бюро экономических исследований» (National Bureau of Economic Research) в 1960 г. было проведено детальное изучение публикаций по советской системе промышленности[5].

Программный бюджет (Program budget) начинает функционировать на уровне федерального бюджета США с 1956 г.

Согласно мнению профессора А. Шика «Цель программного бюджета состоит в рационализации принятия решений посредством: а) данных о затратах и результатах на альтернативной основе; б) количественном измерении конечных результатов в целях эффективного достижения выбранных целей»[6].

Все предыдущие периоды: единовременный, постатейный и результативный бюджеты, по мнению многих американских ученых, были «длинной дорогой к программному бюджету»[7].

В 1964 г. в докладе Организации объединенных наций была изучена практика США по применению результативного и программного бюджетов и рекомендована к использованию в других странах в виде «Руководства по программному и результативному бюджетированию»[8].

Система планирования, программирования и бюджетирования (СППБ; Planning Programming Budgeting System, PPBS) успешно зарекомендовав себя в Министерстве обороны США, с августа 1965 г. 36-м Президентом США Л.Б. Джонсоном была распространена на все службы и агентства правительства США. Помимо прочего, СППБ была внедрена в систему преподавания школ, колледжей и университетов США[9].

Рассматривая главное различие между программным бюджетом и СППБ, Ч.Дж. Хитч называет «использование в СППБ двух методов управления: программный бюджет и системный анализ»[10].

Эксперимент с СППБ был приостановлен 37-м президентом Р. Никсоном в 1969 г., но «сделано это было больше из-за политических, нежели экономических соображений эффективности»[11] и в дальнейшем использовались различные вариации СППБ.

Советский опыт бюджетного планирования

Важнейшее значение для формирования бюджетного планирования в советской системе имели: образование Государственного планового комитета СССР (Госплан СССР) 22.02.1921 г. и декрет ВЦИК от 10.10.1921 г. «О мерах

---

[1] DoD changed PPBS to PPBE process / Army Force Management School. 2006. – P. 2.

[2] Grimes St. PPBS to PPBE: A Process or Principles? – Carlisle (PA): U.S. Army War College, 2008. – P. 10.

[3] Grimes St. PPBS to PPBE: A Process or Principles? – Carlisle (PA): U.S. Army War College, 2008. – P. 19.

[4] Речь идет о Президентах США с 1961 по 2008 гг. К настоящему времени можно внести уточнение «десяти администраций». Grimes St. PPBS to PPBE: A Process or Principles? – Carlisle (PA): U.S. Army War College, 2008. – P. 22.

[5] Grossman G. Soviet statistics of physical output of industrial commodities; their compilation and quality: A study by the National Bureau of Economic Research. – Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1960. – 151 p.

[6] Schick A. The Road to PPB: The Stages of Budget Reform // Public Administration Review. 1966. – December. – P. 251.

[7] Hagen J. Program Budgeting / Center for the Study of Evaluation UCLA Graduate School of Education; CSE Report No.7. December. – Los Angeles (Cal.), 1968. – P. 8.

[8] A manual for programme and performance budgeting / United Nations. 1965. – 103 p.

[9] Nelson W.C. Program, Planning, Budgeting Systems for Educators. Vol. 4: A Research Bibliography. Final Report / Office of Education (DHEW). – Washington: Bureau of Research, 1970. – 117 p.

[10] Hitch C. J. Decision-Making in Large Organizations / Royal Society Nuffield Lecture, October 25, 1966. U. S. Congress, Senate Committee on Government Operations. Planning-Programming-Budgeting: Selected Comment. 90th Cong., 1 sess. 1967. – P. 10–11.

[11] McCaffery J. Reform of program budgeting in the Department of Defense. – Monterey (Cal.): Naval Postgraduate School, 2004. – P. 8.

по упорядочению финансового хозяйства» и принятые тогда же правила составления финансовых смет доходов и расходов на 1922 г.

С 1923 г. бюджеты стали исполняться посредством ежемесячных бюджетных планов; с 1924 г. стали использоваться квартальные бюджеты, и с 1925/1926 гг. бюджет исполнялся посредством годовых расписаний. Первый пятилетний план в СССР был принят в 1928 году (1928–1932 гг.).

В советской системе выделяли: «долгосрочное (15-30 лет), среднесрочное (5–15 лет) и краткосрочное (1–5 лет) прогнозирование»[1], а для показателей научно-технического прогресса (НТП) временной горизонт увеличивали: «краткосрочные прогнозы (5–10 лет); среднесрочные прогнозы (10–15 лет); долгосрочные прогнозы (на 25 и более лет)»[2].

Конъюгационная[3] схема составления перспективных планов экономического и социального развития СССР включала[4]: 1) Долгосрочный прогноз НТП на 25–50 лет (1976–2030 гг.); 2) Долгосрочный прогноз НТП на 25–50 лет (1981–2035 гг.); 3) Комплексная программа научно-технического прогресса на 20 лет; 4) Основные направления на 10 лет; 5) Контрольные цифры на 5 лет; 6) Пятилетний план экономического и социального развития; 7) Годовые планы.

Программно-целевой метод планирования использовался в советской системе: «программно-целевой метод планирования отличается от функционального планирования тем, что функция планирования определяется тщательно разработанной иерархией целей»[5], но использовался исключительно для планов социально-экономического развития в отраслевом и территориальном разрезах.

В планировании финансов составлялся сводный финансовый баланс (баланс всех денежных доходов и расходов государства), государственный бюджет[6] (союзный бюджет и бюджеты союзных республик (в том числе республиканские бюджеты и местные бюджеты[7] (краевые, областные, городские, поселковые и сельские)), кредитные и кассовые планы. Государственный бюджет утверждался одновременно с планом экономического и социального развития на 5-летний период с годовой разбивкой. На необходимость совершенствования бюджетного планирования в части увеличения временного горизонта указывали многие ученые еще и в советское время. Так, в начале 1970-х годов Э.А. Вознесенский писал «совершенствование бюджетного планирования, прежде всего в отношении внедрения перспективного планирования»[8], но данные предложения не были учтены.

Если сравнивать опыт США и советскую систему, то по временному горизонту система прогнозирования СССР была более развернутой, а система планирования ограничивалась 10 и 5 летними сроками, причем бюджетное планирование не выходило за 5 летний рубеж.

Недостаточное научное обеспечение процесса перехода от плановой к рыночной экономике привело к разрушению системы народнохозяйственного планирования вместо качественного ее изменения и адаптации к рыночным условиям.

Российская система стратегического/долгосрочного бюджетного планирования

Актуальность внедрения системы долгосрочного бюджетного планирования неоднократно подчеркивалась на федеральном уровне. Так, в Бюджетном послании Президента РФ на 2014 год среди проблемных вопросов было отмечено, что «…не решена задача перехода к долгосрочному бюджетному планированию, не утверждена долгосрочная бюджетная стратегия»[9].

На сегодня в России действует постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 26.11.2008 г. № 443-СФ «О бюджетной стратегии на период до 2023 года» (подготовлен под руководством А.Л. Кудрина), обобщенного формата на трех страницах.

В конце 2013 г. Министерством финансов РФ был разработан Проект Бюджетной стратегии РФ на период до 2030 г., в котором не использовались понятия «стратегическое/долгосрочное бюджетное планирование».

В постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 г. N 320 «Об утверждении государственной программы РФ «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков»» в подпрограмме 1 «Обеспечение сбалансированности федерального бюджета и повышение эффективности бюджетных расходов» основным, первым мероприятием было обозначено «Внедрение долгосрочного бюджетного планирования в РФ», в том числе: в 2014 г. «внесение изменений в Бюджетный кодекс РФ (в части долгосрочного бюджетного планирования) и в 2015 г. «утверждение порядка разработки и утверждения бюджетной стратегии РФ».

---

[1] Планирование народного хозяйства: учебник / Башмаков В.М., Мосин В.Н., Фельд С.Д. и др. Под ред. В.Н. Мосина. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 39.

[2] Там же, с. 91.

[3] Конъюгационная система – сопряжение долгосрочных прогнозов, долгосрочных программ научно-технического прогресса и основных направлений экономического и социального развития СССР, обеспечивая при этом непрерывный процесс составления перспективных планов экономического и социального развития СССР на всех уровнях иерархии.

[4] Планирование народного хозяйства: учебник / Башмаков В.М., Мосин В.Н., Фельд С.Д. и др. Под ред. В.Н. Мосина. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 62.

[5] Там же, с. 93.

[6] Примерно 80% всех доходов и расходов сводного финансового плана.

[7] Местные бюджеты составлялись, как правило, на год.

[8] Вознесенский Э.А. Методологические аспекты анализа сущности финансов. – М.: Финансы, 1974. – С. 59.

[9] Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 13.06.2013 г. «О бюджетной политике в 2014–2016 годах». Часть 1 «Основные результаты и проблемы бюджетной политики».

К настоящему времени (начало 2017 г.) имеется только два документа, содержащих базовые положения стратегического/долгосрочного бюджетного планирования:

Бюджетный кодекс РФ (далее по тексту – БК РФ) от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2016 г.), в частности статья 170.1. «Долгосрочное бюджетное планирование»;

ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ[1] (ред. от 03.07.2016 г.) (далее по тексту – ФЗ № 172).

Анализ положений данных документов подтверждает, что к настоящему времени в России отсутствует полноценная система стратегического/долгосрочного бюджетного планирования.

С момента принятия ФЗ № 172 были приняты две редакции, в результате которых добавлено: понятие «стратегия научно-технологического развития РФ», которая разрабатывается на федеральном уровне; проект стратегии социально-экономического развития субъекта РФ, корректировка отраслевых документов и т.д., но отсутствует «стратегическое бюджетное планирование».

ФЗ № 172 предусматривает: 6 видов документов для федерального уровня, 7 видов на уровне субъекта РФ и 5 видов для муниципального образования (табл. 1).

Таблица 1

Документы стратегического планирования в России по ФЗ № 172[2]

Федеральный уровень	Уровень субъекта РФ	Уровень муниципального образования[3]
Документы, разрабатываемые в рамках целеполагания		
1. Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ	–	–
2. Стратегия социально-экономического развития РФ	1. Стратегия социально-экономического развития субъекта РФ	1. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования
3. Стратегия национальной безопасности РФ	–	–
Документы, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу		
4. Отраслевые документы РФ	–	–
5. Стратегия пространственного развития РФ	–	–
6. Стратегии социально-экономического развития макрорегионов	–	–
Документы, разрабатываемые в рамках прогнозирования		
7. Прогноз научно-технологического развития РФ	–	–
8. Стратегический прогноз РФ	–	–
9. Прогноз социально-экономического развития РФ на долгосрочный период	2. Прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период	–
10. *Бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период*	3. *Бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период*	2. *Бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период*
11. Прогноз социально-экономического развития РФ на среднесрочный период	4. Прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период	3. Прогноз социально-экономического развития муниципального образования *на среднесрочный или долгосрочный период*
Документы, разрабатываемые в рамках планирования и программирования		
12. Основные направления деятельности Правительства РФ	5. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ	4. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования
13. Государственные программы РФ	6. Государственные программы субъекта РФ	5. Муниципальная программа
14. Государственная программа вооружения	–	–
15. Схемы территориального планирования РФ	7. Схема территориального планирования субъекта РФ	–
16. Планы деятельности федеральных органов исполнительной власти	–	–

Документы стратегического планирования для субъектов РФ по причинно-следственной связи:

1. Прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период (ст. 11 ФЗ № 172), разрабатываемый на вариативной основе каждые 6 лет на 12 и более лет на основе прогноза социально-экономического развития РФ на долгосрочный период (ст. 33, п. 1 ФЗ № 172);

[1] Ранее действовал ФЗ от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ (с изм. от 09.07.1999 г.) «О государственном прогнозировании и программах социально – экономического развития РФ».

[2] Составлено авторами на основании ст.11 ФЗ № 172.

[3] Разделение по процессам: целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования осуществлено авторами самостоятельно, поскольку для муниципальных образований ФЗ № 172 это не предусмотрено.

2. Бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период (ст. 11 ФЗ № 172), разрабатываемый каждые 6 лет на 12 и более лет на основе на основе прогноза социально-экономического развития субъекта РФ на соответствующий период (ст. 170.1 БК РФ);

3. Стратегия социально-экономического развития субъекта РФ (ст. 11 ФЗ № 172), разрабатываемая на период, не превышающий периода, на который разрабатывается прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период (ст. 32 ФЗ № 172);

4. Прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период (ст. 11 ФЗ № 172), разрабатываемый ежегодно на основе прогноза социально-экономического развития РФ на среднесрочный период и стратегии социально-экономического развития субъекта РФ (ст. 35 ФЗ № 172);

5. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ (ст.11 ФЗ № 172), разрабатываемый на основе положений стратегии социально-экономического развития субъекта РФ на период реализации стратегии (ст. 36 ФЗ № 172);

6. Государственные программы субъекта РФ (ст. 11 ФЗ № 172), определенными стратегией социально-экономического развития субъекта РФ на период, определяемый высшим исполнительным органов государственной власти субъекта РФ (ст. 37 ФЗ № 172);

7. Схема территориального планирования субъекта РФ (ст. 11 ФЗ № 172), основанная на стратегии социально-экономического развития субъекта РФ и соответствующих документов федерального уровня (ст. 38 ФЗ № 172).

Таким образом, бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период является, по существу, вторым по значимости документом среди 7 основных видов документов регионального уровня. В то же время, ФЗ № 172 оперирует понятием «бюджетное планирование» только в ст. 36 и косвенно в ст. 39, а БК РФ ограничивается одной статьей (табл. 2).

Таблица 2

Основные положения бюджетного прогноза и долгосрочного бюджетного планирования в РФ по ФЗ № 172 и Бюджетному кодексу РФ[1]

Уровень	ФЗ № 172	Бюджетный кодекс РФ (ст. 170.1)
Федеральный	Статья 25. Бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период. Бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период разрабатывается в соответствии с БК РФ	Долгосрочное бюджетное планирование осуществляется путем формирования бюджетного прогноза РФ на долгосрочный период. Бюджетный прогноз разрабатывается каждые 6 лет на 12 и более лет
Субъект РФ	Статья 34. Бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период. Бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период разрабатывается в соответствии с БК РФ. Статья 36. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ содержит: этапы реализации стратегии, выделенные с учетом установленной периодичности бюджетного планирования: три года (для первого этапа реализации стратегии и текущего периода бюджетного планирования) и три – шесть лет (для последующих этапов и периодов)	Долгосрочное бюджетное планирование осуществляется путем формирования бюджетного прогноза РФ на долгосрочный период, бюджетного прогноза субъекта РФ на долгосрочный период. Бюджетный прогноз разрабатывается каждые 6 лет на 12 и более лет
Муниципалитет	Статья 39. Документы стратегического планирования, разрабатываемые на уровне муниципального образования. Документы стратегического планирования, необходимые для обеспечения бюджетного процесса в муниципальных районах и городских округах, разрабатываются, утверждаются (одобряются) и реализуются в соответствии с БК РФ	Долгосрочное бюджетное планирование осуществляется путем формирования бюджетного прогноза муниципального образования на долгосрочный период в случае, если представительный орган муниципального образования принял решение о его формировании в соответствии с требованиями БК РФ. Бюджетный прогноз разрабатывается каждые три года на шесть и более лет

Согласно ст. 170.1 «Порядок разработки и утверждения, период действия, а также требования к составу и содержанию бюджетного прогноза РФ, субъекта РФ, муниципального образования на долгосрочный период устанавливаются соответственно Правительством РФ, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, местной администрацией с соблюдением требований БК РФ».

К настоящему времени соответствующие правовые акты приняты на уровне РФ[2] и субъектов РФ. Анализ документов на уровне субъектов РФ показал, что отсутствуют единые методологические подходы к формированию бюджетного прогноза. Так, отдельные субъекты РФ ограничиваются утверждением основных параметров бюджета на долгосрочный период (доходы, расходы, дефицит/профицит), в то время как другие утверждают в его составе «потолки» государственных программ и другие дополнительные показатели. Также субъекты РФ дифференцировано подо-

[1] Составлено авторами.

[2] О бюджетном прогнозе РФ на долгосрочный период (вместе с «Правилами разработки и утверждения бюджетного прогноза РФ на долгосрочный период») / Постановление Правительства РФ от 31.08.2015 г. № 914.

шли и к периоду действия прогноза. В этой связи, можно спрогнозировать сложности, с которыми столкнутся заинтересованные лица при попытке консолидации долгосрочных бюджетных прогнозов бюджетной системы РФ.

Общие выводы:

– система стратегического планирования в РФ серьезно трансформировалась с момента принятия основных законов о стратегическом планировании и прогнозировании (1995 г.): появились новые виды стратегических документов, регламентирующие развитие страны, субъектов и муниципалитетов РФ; изменился механизм разработки, согласования и реализации документов. Выделяемые в ФЗ № 172 документы по процессам: целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование коррелируют с зарубежной системой планирования, программирования и бюджетирования (СППБ);

– проблемными вопросами на сегодня в части стратегического/долгосрочного бюджетного планирования являются:

а) формирование целостной системы стратегического бюджетного планирования, включающего: бюджетный прогноз на долгосрочный период, разрабатываемый на вариативной основе; бюджетную стратегию; бюджетный прогноз на среднесрочный период (3 года)/среднесрочный финансовый план (ст.154 БК РФ);

б) формирование модельных законов для субъектов РФ: о бюджетном прогнозе на долгосрочный период (отсутствие единой методологии и минимальных требований усложнит консолидацию всех прогнозов на уровне РФ), о бюджетной стратегии (отсутствие в перечне обязательных документов как для РФ, так и для субъектов РФ бюджетной стратегии является серьезным недостатком);

в) разграничение по методологическим подходам системы долгосрочного бюджетного планирования и долгосрочного планирования социально-экономического развития территории, поскольку: каждая из систем подвержена различным рискам и угрозам; предусматривают различные объекты статистического наблюдения, предоставления и консолидации информации;

г) введение механизма оценки качества системы стратегического бюджетного планирования.

Плотникова М.Ф.
к. э. н., доцент Житомирского национального агроэкологического университета
marianma@yandex.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РЕЗЕРВЫ РОСТА

Ключевые слова*: инвестиции, инновации, многофункциональное развитие, сельское развитие, сельские территории, родовые поселения.*
Keywords*: investments, innovations, multifunctional development, rural development, rural areas, tribal settlement.*

Вопросы асимметрий и диспропорций развития, наличие проблем ухудшения демографической, экологической, социальной и экономической ситуации, в частности на сельских территориях, находятся в сфере интересов государственной и региональной политики[1]. Необходимость изменений в сознании, в подходах к природопользованию и формированию национальных приоритетов общественно-экономического развития находит свое отображение в трудах отечественных и зарубежных ученых[2].

Государственная статистика свидетельствует о наличии на Украине двух противоположных процессов: первый – отток населения из сел и упадок сельских территорий, а второй – активное возвращение людей к земле. Мотивация движения к земле разная, но люди идут на землю, обустраиваются, несмотря на все проблемы, которые с этим связаны. Всеукраинская общественная организация «Народное движение защиты Земли» (ВОО НДЗЗ), образованная в марте 2008 г., целевой задачей дл себя определила «превращение Земли в идеальную среду для обитания человека» путем содействия формированию нового мировоззрения. Одним из первоочередных механизмов ее достижения является создание соответствующей законодательной базы, а именно – принятие Закона Украины «О Родовых поместьях и Родовых поселениях». Главная идея Закона может быть выражена в следующем: «предоставить законодательное право каждому гражданину Украины при желании получить 1 га земли для обустройства родового поместья. Бесплатно. В постоянное (или пожизненное) пользование. Без права продажи. С правом передачи только по наследству»[3]. Этот вопрос ставился и рассматривался на официальном уровне, начиная с 2008 г. в рамках таких мероприятий и решений: круглый стол с министерствами и ведомствами на базе Министерства аграрной политики и продовольствия Украины (октябрь 2008 г.); круглый стол с депутатами Верховной Рады Украины (ноябрь 2009 г.); поручение Кабинета Министров Украины 8-ми министерствам и ведомствам и аграрной науке (июль 2009 г.) – рассмотреть предложенный ВОО НДЗЗ проект Концепции «Родовое поместье» и внести предложения. В дальнейшем озвучено предложение учесть идею Концепции «Родовая усадьба» при подготовке Государственной программы развития сельских территорий до 2020 года; международные конференции на базе ННЦ «Институт аграрной экономики» (март 2013 г.; апрель 2015 г.); поручение Кабинета Министров Украины 10 министерствам, ведомствам и аграрной науке (июнь 2014 г.).

Сейчас на Украине создано около ста новых экологических поселений и темпы их появления возрастают. Для примера приведем тенденции их роста в разных местах Украины: Хутор Буда (Чигиринский район Черкасской области), в 2003 г. здесь проживало 3 семьи, в 2009 г. – их было уже 23; в Житомирской области на начало 2010 г. было 1 поселение, в 2015 г. их насчитывается 12 и т.д.). Министерство аграрной политики и продовольствия Украины и НААНУ в 2013–2015 гг. изучали практику создания новых населенных пунктов на сельских территориях с выездом непосредственно в новые поселения. Результаты изучения опыта заключаются в следующем:

I. Учитывая, что для обустройства одного родового поместья, для полноценной жизнедеятельности, за 10 лет будет внесено финансовых вложений в размере 300 тыс. гривен, государственные интересы от реализации указанного выше проекта таковы:

1) если площадь, которую занимало село, принять за 250 га, и отдать ее под родовые поместья, то: а) вложения (инвестиции) частными (физическими) лицами, в расчете на один населенный пункт, составят 75 млн. грн. (250–300 тыс. гривен), в течение 10 лет, или 7,5 млн. гривен ежегодно; б) экологически чистой плодоовощной продукции будет произведено на сумму 2,5 млн. гривен ежегодно;

---

[1] Стратегія розвитку аграрного сектору економіки на період до 2020 року. Розпорядження Кабінету Міністрів України від 17 жовтня 2013 р. №806-р. – http://zakon5.rada.gov.ua/ laws/show/806-2013-%D1%80; Стратегія розвитку Житомирської області на період до 2020 року. – http://oda.zt.gov.ua/images/golovna/ strategia_rozvutky/strategia_2020.pdf

[2] Вернадський В.И. Проблемы биогеохимии. – М.: Наука, 1980. – 320 с.; Попова О.Л. Екодіагностика природно-господарської організації території України: агроландшафтний аспект // Економіка і прогнозування. 2012. – № 4 – С. 92–101; Попова О.Л. Екологізація агросфери в контексті сприяння сільському розвитку // Економіка і прогнозування. 2011. – № 4 – С. 92–101.

[3] Батуріна Р. М. «Родова садиба» – один з напрямів сталого розвитку сільських територій / Р. М. Батуріна // Агроінком. 2013. – № 4–6. – С. 102–109.

2) если возродить 600 населенных пунктов, которые исчезли с карты Украины за годы независимости и еще 600 сел, которые находятся на грани исчезновения (существует от 1 до 10 жилых домов), то это обеспечит: а) занятость 100 тыс. среднегодовых работников в течение 10 лет; б) ежегодные инвестиции частных лиц в расчете на год – 9 млрд. гривен; в) ежегодное производство экологически чистой плодоовощной продукции на сумму 3 млрд. гривен ежегодно.

II. В упомянутых 1200 населенных пунктах будет посажено 100–150 тыс. га лесных насаждений, или сохранено 1–1,5 млрд. гривен. бюджетных средств на почвозащитные мероприятия. Реальность данного проекта заключается в том, что не он требует отдельного финансирования (на начальном этапе достаточно действия принятых Законов и подзаконных нормативно-правовых актов) и понимание того, что все составляющие для решения этого вопроса в государстве есть, а именно: а) земля, которая нуждается в защите и заботе со стороны государства (которое создает финансовые и другие проблемы государству); б) люди, которые готовы взять землю под свою опеку (под родовые поместья); в) законодательная база, которая дает возможность местным органам власти решать эти вопросы в соответствии со ст. 102-1 Земельного Кодекса Украины. Исходя из того, что реализация концепции «Родовое поместье» позволит сформировать механизм для добровольного заселения сельских территорий, освоения проблемных земель, что в свою очередь, поспособствует их эффективному развитию, продовольственной безопасности страны, повышению доходов населения, обеспечению достойной заработной платы и условий труда, занятости молодежи в сельской местности, департаментом, совместно с областной общественной организацией «Народное движение защиты Земли» был подготовлен и проведен целый ряд мероприятий, направленных на распространение информации для более эффективного развития этого процесса[1].

Поручением Кабинета Министров Украины от 02 июня 2014 г. № 43381/8/1-09 и соответствующим письмом Министерства аграрной политики Украины признано, что проект концепции «Родовое поместье» направлен на возрождение сельских территорий, создание условий для поощрения молодежи и семей с детьми к работе и проживанию в сельской местности и развития детей в экологически чистой среде с развитой социальной сферой. Уже через месяц после поручения Кабинета Министров Украины вместе с областным советом были организованы общественные слушания «Родовая усадьба – одно из направлений возрождения сельских территорий», которые состоялись 2 июля 2014 г. в Житомире. Его участниками стали депутаты местных советов, руководители ассоциаций сельских и поселковых советов области, ученые, практики, представители органов власти, местного самоуправления, общественность, жители родовых поместий Житомирщины. Исходя из того, что в Житомирской области процесс создания родовых поселений приобрел наиболее ощутимые темпы, на общественных слушаниях, была принята резолюция, в которой предусматривалось проведение Круглого стола с 10-ю областными государственными организациями, руководящие органы которых были включены в упомянутое выше поручение Кабинета Министров Украины. Такой круглый стол был проведен 22.10.2014 г.

Вопросы реализации концепции «Родовое поместье» на территории области рассматривались на коллегии Департамента агропромышленного развития 19.06.2015 г. с участием представителей всех районов области, что нашло свое отражение в стратегии развития области до 2020 г.[2]. Представителями облгосадминистрации было высказано пожелание продолжить проведение круглых столов по этому вопросу в других районах области. На сегодня проведено 9 круглых столов в районах, а также в Коростенском горсовете. Кроме того, Коростенская межрайонная пенитенциарная служба обратилась с предложением о проведении круглого стола по теме родовых поместий для их контингента, что и было реализовано 4 января 2016 г.

Учитывая намерения Министерства аграрной политики и продовольствия Украины и НААНУ определить Житомирскую область как базовую для изучения процессов создания новых населенных пунктов на сельских территориях, было принято решение провести круглые столы в тех районах, где есть поселения. Положительная оценка мероприятий поддержана решением коллегии ОГА, где рассматривался указанный вопрос. Проведение указанных мероприятий показало целесообразность этой работы в плане разъяснения развития существующих процессов в Украине и отношения к ним государственных органов власти и аграрной науки. Эта работа также позволила изменить отношение к представителям новых поселений в положительную сторону. В настоящее время научно-педагогическим составом Житомирского агроэкологического университета подготовлены и соответствующим образом утверждены ГУ «НМЦ «Агроосвіта» программы курсов по освещению вопросов планомерного развития сети населенных пунктов на сельских территориях в соответствии с концепцией «Родовое поместье» для студентов аграрных вузов и колледжей. Преподавателями университета продолжена работа по подготовке учебника для вузов по вопросам изучения создания родовых поселений на развитие сельских территорий и изменение сознания участников этого процесса.

В 2015 г. Житомирским агроэкологическим университетом подготовлен и проведен пятидневной семинар с представителями аграрных университетов и поселенцами Украины в Одесской области. Представителями Житомирского агроэкологического университета и поселенцами области инициирован и проведен фестиваль экологических и родовых поселений Украины в Национальном музее народной архитектуры и быта Пирогово (г. Киев), следствием которого стало предложение дирекции этнографического музея по проведению таких фестивалей ежегодно.

---

[1] Plotnikova M. Conceptual Basis for Ukrainian Rural Development // Regional Formation and Development Studies. 2015. – N 3. – P. 134-144; Plotnikova M. Innovative character of rural territories social potential realization // Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development. 2014. – N 4. – P. 956–958.

[2] Стратегія розвитку Житомирської області на період до 2020 року. – http://oda.zt.gov.ua/images/golovna/ strategia_rozvutky/strategia_2020.pdf

Таким образом, установлено, что нужен единый закон, который объединит все принципы создания Родовых поместий и Родовых поселений на территории страны. Родовые поместья решают много государственных задач на местах: освоение неосвоенной земли, сохранение сельских территорий (потому что действующие деревни исчезают, пожилые люди умирают, молодежь выезжает из сел), производство экологически чистой и биологической продукции, развитие туризма, подсобных производств и ремесел, сувенирной продукции, формирование производственной и экономической безопасности, снижение импортозависимости и импортозамещение, создание творческих мастерских, брендов, и т.п. Создавая Родовое поселение, его жители ставят перед собой задачу сделать его самодостаточным, – проживающие на территории люди сами зарабатывают на свое проживание. Они создают новые производства, в том числе сельскохозяйственные, информационные, культурные и образовательные центры.

Подчеркнем, что Родовые поместья повышают уровень ответственности жителей за места своего обитания (все в одном месте – человек живет, работает и отдыхает, – он живет, создает свою семью, ее кормит, процветает, живет в гармонии с окружающим миром).

Савельев А.Д.
к.т.н., доцент, в.н.с. РосНОУ
Sav_nauka@rosnou.ru

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗНАНИЙ

Ключевые слова: *интеллектуальные системы, наука, образование, инновации, информация, человек, объект, субъект, антропоника, модель, инновационная динамика, развитие общества.*

1. Предпосылки

Исследование и создание интеллектуальных систем (систем, основанных на знаниях) – наука, управление, образование, системы искусственного интеллекта и др. – является сложной научно-технической, образовательной и управленческой проблемой. Все виды деятельности имеют в своей основе интеллектуальные системы различной степени сложности. Класс сложности зависит от степени использования информации и знания как ресурса системы. Например, наука является более сложной системой, чем образование, поскольку наука не только оперирует с известными знаниями, но и добывает новые.

Существуют различные подходы и точки зрения в понимании природы и сущности информации и знания. Наша концепция состоит в следующем. Предположим, что материальный и духовный мир, окружающий человека (человек – часть этого мира), состоит из объектов (предметов, идей и т.п.). Будем считать, что каждый объект имеет свой внутренний смысл, свою внутреннюю суть. Тогда мера внутреннего смысла объекта будет называться информацией. Выявление свойств объекта (потребительских, прагматических и др.), проявляющихся в процессе внешнего взаимодействия объектов, лежит в основе познания явлений. Мера внешних качеств объекта будет называться знанием. Измерение смыслов объекта осуществляется с помощью операций сознания.[1]

Научное знание и информация играют ключевую роль в когнитивно-информационном ресурсе общества, поэтому актуальными являются вопросы изучения особенностей знания различных видов наук (естественные, социогуманитарные, технические) как объектов управления.

Попытаемся сформулировать некоторые концептуальные положения об особенностях научного знания для различных видов наук. Науки естественного типа (физика, биология, химия, геология и т.д.) изучают свойства, законы движения, состояния, энергетику и т.п. объектов, которые существуют, действуют независимо от человека как субъекта познания и как субъекта истории. Напротив, социогуманитарные и технические науки возникли и развиваются благодаря и только на основе целенаправленной деятельности человечества.

Социогуманитарные и технические науки органично «вплетены» в деятельность и жизнь человечества и вектор развития этого вида знания параллелен его социальной истории. Знания естественного типа – это фундаментальные знания и направлены они на понимание природных явлений, на раскрытие тайн природы. Использование фундаментальных знаний в практической деятельности является актом «выправления» вектора таких знаний. Прагматическим следствием отмеченного различия типов науки является характер использования научного знания в деятельности человека. В случае социогуманитарных и технических наук полученные научные знания сразу же должны использоваться в реальной действительности (за исключением потраченного времени на изучение этого знания). Знания естественных наук используются тогда, когда они востребованы обществом, причем природа запроса может быть как интеллектуально-духовная, так и материальная.

Из рассмотренных особенностей видов науки вытекает дифференциация интеллектуальных систем управления наукой. В случае социогуманитарных и технических наук системы управления строятся на принципах и критериях минимизации временного функционала. Для естественных наук критерием эффективного управления является максимизация спроса на фундаментальные знания.

Различны и контуры управления наукой. Для социогуманитарных и технических наук в него входит объект, субъект исследования и орган управления. Для естественных наук в контур управления помимо этого входит мониторинговая система спроса на фундаментальные знания.

2. Определение цивилизации знаний

Для понимания сути понятия «цивилизация знаний» введем следующее определение.

Антропоника – результаты человеческой деятельности; все то, что сделано в мире трудом человека, через энергии разума, воли, чувства.

[1] Савельев А.Д. Интеллектуальные системы управления наукой и научно – образовательным потенциалом. – М., 1993. – 68 с. (Научно-исследовательская деятельность в высшей школе: Обзор. Информ. / НИИВО; Вып. 1).

Тогда укрупненная структурная схема Универсума может быть представлена тремя частями:

– природа, космос;

– человечество, социум;

– антропоника.

Все части Универсума взаимодействуют между собой. Человечество одновременно взаимодействует с антропоникой и природой. С другой стороны, эти части взаимодействуют друг с другом.

Имеются примеры, иллюстрирующие все виды взаимодействий. В частности,

Человечество – природа – это естествознание.

Природа – человечество – это биосфера человека.

Антропоника – человечество – это научно-технический прогресс.

Антропоника – природа – это загрязнение атмосферы CO_2 (потепление). Природа – антропоника – это электростанции: ветряные, приливные, солнечные. Тройственное взаимодействие – это культура, цивилизация, экология.

Если в данной схеме в явном виде задать (описать) все взаимодействия и содержание всех частей, то мы получим некоторую модель Мира. Данная модель должна быть нелинейной и антропоцентричной. Введение параметра времени позволяет изучать историю человечества, культуры, цивилизации.

Рассматриваемая гипотетическая модель может служить моделью цивилизации знаний, если все ее части, виды взаимодействий, будут прописаны на языке теоретического знания, полученного современной наукой. При этом знания классифицируются по типам. В частности,

Знания-образы: искусство, литература, религия, мифотворчество;

Знания-мера: наука, инновации, технологии, эмпирика;

Знания-правила: правоведение, философия, управление.

Можно предположить, что данная схема и модель представляются как испытательный полигон-имитатор, как компьютерная имитационная модель Мира. Со временем, когда удастся составить уравнения (математическую модель) тройственного взаимодействия, можно будет более обоснованно и точно строить предположения относительно динамики изменения реального мира[1].

3. Исследование цивилизации знаний

3.1 Антропоморфность

Цивилизация знаний является философским осмыслением развития общества на современном этапе. Для понимания сущности цивилизации знаний воспользуемся дедуктивным методом, позволяющим представить это понятие в контексте становления и определения цивилизации. В данном определении перечисляются известные признаки – индикаторы цивилизации, такие как: общность языка и религии, наличие собственных социокультурных закономерностей, присутствие динамики фаз генезиса, наличие преобладающей социокультурной системы и другие, а также указывается на существование так называемого ядра цивилизации. «Каждая из культурных суперсистем (т.е. цивилизаций, прим. авт.) зиждется на какой-то исходной духовной предпосылке, большой идее, первичном символе или конечной сакральной ценности, вокруг которой складываются сложные духовные системы, придающие смысл, эстетическую или стилевую согласованность и единство остальным компонентам и элементам»[2]

Вместе с тем в известных учениях о цивилизациях выделяется так называемый основной принцип цивилизации, смысл которого состоит в том, что цивилизация представляет собой сложную самоорганизующуюся общность, сформировавшуюся под воздействием малых по интенсивности, но систематических по применению процедур влияния факторов разнообразного содержания[3]. Цивилизация возникает как продукт действия многих компонентов, которые могут быть не только однородными, но и противоречивыми. Поэтому цивилизация может сохранять устойчивое существование при исключении каких-то факторов.

Опираясь на введённые понятия, можно предложить следующее рабочее определение цивилизации знаний. **Цивилизация знаний – это сообщество взаимодействующих субъектов, личностей, в процессе познания и освоения Универсума.** Если по аналогии с универсальными цивилизациями принять допущение, что цивилизация знаний имеет ядро, то этим ядром должны быть четыре *существующие ныне интеллектуальные системы*: наука – инноватика – образование – право, сокращенно – НИОП.

Рассматривая природу знания, можно выделить несколько видов знания: научные и инновационные знания, философские, образовательные, экономические, организационно-управленческие, знания здравого смысла, экспертные, мифологические, а также некодифицированные, принадлежащие исключительно индивидууму (интуитивные или полученные вследствие озарения и т.п.) Кроме того, в психологии выделяется так называемое Живое знание[4], которое органично включает такие компоненты как: «знание до знания, т.е. «неявное знание»; знание как таковое; знание о

---

[1] Савельев А.Д. Цивилизация знаний: вопросы создания модели // Цивилизация знаний: будущее и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. – М., 2005. – С. 69–71; Савельев А Д Концептуальные вопросы цивилизации знаний // Цивилизация знаний: глобальный кризис и инновационный выбор России: Труды Десятой международной научной конференции. Москва, 24–25 апреля 2009 г. в 2-х ч. – Ч. 1. – М.: РосНОУ, 2009. – С. 186–190.

[2] Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Отв. ред. Н.Н.Зарубина. – М.: Наука 2002. – 524 с.

[3] Тойнби А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – 631с.

[4] Зинченко В. Деятельность. Знание. Духовность // Высшее образование в России. – М., 2003. – № 5. – С. 81–91.

знании; незнание; незнание своего незнания; знание о незнании…Главные достоинства Живого знания состоят в том, что человек узнает себя в нем… Содержание знания всегда вторично, производно по отношению к событию знания».

Процесс познания природы, человека или общества опирается на гипотезу существования семантического поля или пространства[1]. Дадим развёрнутое определение цивилизации знаний. Получение и использование знания – это прерогатива человека. Следовательно, вся система знаний антропоморфна, подобна человеку мыслящему**. Цивилизация знаний представляется как интеллектуальная суперсистема, элементами, компонентами которой являются исходные интеллектуальные системы**. Если любая интеллектуальная система опирается на какой-то, связанный с ней, сегмент семантического пространства, то цивилизация знаний имеет своим основанием некое семантическое подпространство, содержащее указанные сегменты своими элементами. С другой стороны, цивилизация знаний является частью каждой универсальной цивилизации, в частности Европейской, Евроазиатской и других. Понять это можно, исходя из того, что знания и соответствующие интеллектуальные системы инвариантны относительно этносов, общностей, наций, государств. Все действующие ныне универсальные цивилизации «понимают» друг друга посредством цивилизации знаний.

Определив место цивилизации знаний в общекультурной системе, необходимо отметить её свойства, ценности. Прежде всего, рассматриваемая интеллектуальная суперсистема обладает антропоморфными свойствами. Человек и только человек является создателем, носителем и пользователем знания. Знания о человеке накапливают такие науки как биология, медицина, философия, социология, психология и онтопсихология, экономические теории, управление, педагогика, право и другие интеллектуальные системы. Цивилизация знаний, аккумулируя знания о человеке, становится основным инструментом процесса познания *сущности человека*, а также общностей, этносов и т.п. Развитие и исследование антропоморфных свойств суперсистемы позволит в дальнейшем выделить ***метанауку о человеке*** как ведущую интеллектуальную систему цивилизации знаний. Условно эту науку можем назвать – Живая интеллектуальная система (ЖИС).

Важнейшим антропоморфным свойством цивилизации знаний является существование антропного принципа познания Универсума. Будем различать два направления познания: познание человека и познание Универсума. Методология познания строится таким образом, чтобы полученные информация и знания были понятны человеку. Поэтому, например, космос в восприятии человека всегда антропоморфен, что конечно не исключает действия в космосе иных сил и законов, отличных от земных. Вместе с тем, отметим, что означенный выше основной принцип цивилизации является проекцией антропного принципа применительно к изучению социума, человеческого общества.

Естественное право человека, возникающее одновременно с его рождением, – это право на жизнь. Человек индивидуален и поэтому у каждого свой смысл жизни. Индивидуум включён в народ, народ входит в человечество, которое в свою очередь принадлежит Универсуму, понимаемому как Вселенная. Сложилась самоорганизующаяся и самоуправляемая система.

Человечество выработало три основных глобальных вида деятельности – познание, обучение, производство. Вектор познания направлен на постижение смысла существования Универсума. При этом выделяется антропный принцип познания, когда идеи, знания, теории понятны человеку, субъекту познания. Поскольку человечество составляет часть Вселенной, то познание этой части Универсума является глобальным самопознанием (человечество изучает себя, субъектно-объектное познание). Всё познаваемое во Вселенной и познанное на основании использования антропного принципа будет называться Мир. Мир составляет часть Универсума. Основными инструментами познания являются наука, философия, право, жизненный опыт.

В процессе познания Универсума, в частности, в Миропознании, познающий субъект переносит свой смысл на функционирование Универсума. Может ли смысл субъекта стать смыслом существования Универсума? Для того чтобы различать эти смыслы введем новое определение. Смысл познающего субъекта будем называть антропным смыслом. Та часть познанного Универсума, которая называется Мир, будет содержать два смысла: антропный смысл (смысл А) и смысл Универсума (смысл У). Эти смыслы могут совпадать, если изучалось простое, понятное явление. Чаще всего смыслы А отображают лишь главные факторы изучаемого явления Универсума. Здесь и далее под главными факторами будем понимать те факторы, действия которых могут быть измерены с необходимой точностью. Все остальные выявленные и невыявленные факторы, действия которых оцениваются в пределах погрешности измерения, будут называться несущественными.

Антропный смысл является порождением интеллекта человека. Отсюда возникает новое определение интеллекта. **Интеллект человека будет называться антропным интеллектом.** Науке сейчас известны два типа интеллекта – естественный и искусственный. Интеллект естественный – это интеллект человека. Могут ли быть у человека два типа интеллекта? Человек – это часть Универсума. Значит в той части, в какой человек входит в познанную часть Универсума, в Мир, интеллект человека является антропным интеллектом. Отсюда вытекает гипотеза: поскольку естественный интеллект шире, больше, антропного, должен существовать носитель этого интеллекта – Космический Разум (КР). Допустим, что гипотеза верна. Тогда смысл Универсума – это продукт КР.

Естественные науки изучают смысл существования Универсума, смысл У. Могут ли естественные науки доказать существование носителя естественного интеллекта – существование КР? Вопрос остается открытым даже при появлении новой науки – космологии. Нужно как минимум расширить методологию познания, инструментарий познания, и накопить дополнительные знания. Все существующие науки являются порождением антропного интеллекта.

Антропный принцип познания основан на понимании изучаемых явлений и событий в той степени, в какой построенная объяснительная модель отображает эту реальность.

---

[1] Налимов В.В. В поисках иных смыслов.- М.: Прогресс, 1993. – 280 с.

3.2. Нелинейность

Цивилизация знаний является сущностно нелинейной системой. Во-первых, метанаука о человеке, ЖИС, отображая знания о человеке, не может быть линейной, потому что в человеке все органы и системы взаимосвязаны и взаимозависимы. Нелинейность, как известно, означает, что эффект целого больше, выше чем сумма эффектов слагаемых. Следовательно, во-вторых, и в ЖИС, и в цивилизации знаний все компоненты находятся в нелинейных соотношениях между собой. Исходные интеллектуальные системы, входящие в цивилизацию знаний, взаимозависимы. Именно в этом состоянии данные системы определяют нелинейность суперсистемы.

Функциональная структура цивилизации знаний представляет собой некоторое сочетание ценностей интеллектуальной суперсистемы и функций составных интеллектуальных систем.

Действие закона сохранения смысла жизни распространяется на все компоненты, составляющие и обеспечивающие жизнь людей. В первую очередь это касается социально-экономических условий. С помощью когнитивной инфраструктуры можно создать регулируемую бескризисную экономику, основанную на гуманистических принципах, на идеях справедливости. С этой целью необходимо разработать проект под условным названием «Человек в контексте цивилизации знаний», опираясь на метанауку о человеке.

3.3. Создание когнитивной инфраструктуры

Научно-инновационные и образовательные знания могут служить стартовой площадкой для формирования структуры цивилизации знаний. Разветвлённая сеть научных направлений и соответствующих знаний дополняется сетью инновационных и технологических знаний и продуктов.

Вместе с тем, цивилизация знаний несёт в себе гигантский образовательный потенциал, с помощью которого педагогические науки всех уровней образования в состоянии готовить не только профессионалов любого ранга, но и личности, способные к творческому интеллектуальному труду. Именно благодаря цивилизации знаний появляется возможность создать когнитивную инфраструктуру между реальной жизнью и образованием, которая в настоящее время отсутствует (под реальной жизнью здесь понимается всё многообразие деятельности сообщества, в котором человек живет в единстве физического, душевного, духовного и других его начал). В идеале такую функцию может выполнять сама суперсистема.

3.4. Наука в контексте цивилизации знаний

Важнейшей прикладной функцией цивилизации знаний является возможность автоматической генерации знаний, начиная от рубежа фундаментальных знаний, при последовательных переделах знания в процессе инновационной динамики. Каждый передел будет характеризоваться некоторой смысловой структурой или формулой, которую назовем когнитивным фильтром, каковая является отображением реальной технологии. Данная логическая конструкция будет справедлива как для научно-технических, так и для гуманитарных инноваций.

В частности, используя понятие когнитивного фильтра, можно создать когнитивный портрет полного жизненного цикла «от идеи до внедрения», то есть инновационной динамики (КПИД). Как было показано ранее,[1] на основе инновационной динамики можно разработать инновационную систему образования, отвечающую требованиям практического признания субъектности студента. Заметим, что все современные программы высшего образования фактически признают студента объектом образования.

Наука классифицируется на типы: естественные, антропономные и антропогенные. Они различаются не только объектами исследования, но и своей методологией. Процесс исследований в естественных науках – итерационно-циклический, новый цикл начинается на основе гипотез, теорий и других логических построений предыдущего цикла. Как правило, это процесс сходящийся. Антропономные науки изучают объекты, созданные трудом человека (технология, филология, экономика и др.). Конечный результат как цель исследований задан, и проблема заключается в выборе средств достижения цели. Процесс научных исследований является рекурсивным, потому что цели также могут быть объектом исследований. Создается ситуация, называемая «цикл в цикле». И, наконец, антропогенные науки – это науки о человеке, названные выше метанаукой о человеке. Метанаука синтезирует рекурсивную методологию одних наук с итерационно-индуктивной методологией других.

3.5. Образование в контексте цивилизации знаний

В историческое время, до возникновения самого понятия «цивилизация знаний», создание базы знаний субъекта (БЗС) не было обеспечено методологически, и потому БЗС не строились. В контексте цивилизации знаний функция образования будет реализовываться как процедура взаимодействия субъектов – обучающего и обучаемого. Отсюда вытекает необходимость разработки проекта «Методология создания базы знаний субъекта образования».

[1] Савельев А.Д. Инновационное образование и научные школы // Alma mater. 2000. – № 5. – С. 15–18; Савельев А.Д. Инновационное высшее образование // Высшее образование в России. – М., 2001. – № 6. – С. 42–45.

Следуя взглядам Куна на развитие научного знания[1], можно утверждать, что цивилизация знаний может рассматриваться как новое расширение парадигмы науки. При этом методология цивилизации знаний включает проверенный временем метод наибольшего правдоподобия[2].

4. Фактор развития общества

Необходимо сказать, что в цивилизации знаний существует закон сохранения смысла жизни. Суть его состоит в том, чтобы:

– смысл жизни отдельного человека, индивидуума не отрицал, не угрожал существованию народа, нации, государства;

– смысл жизни народа не отрицал, не угрожал существованию социума, человеческого общества;

– смысл жизни социума не отрицал, не угрожал существованию Универсума.

В качестве яркой иллюстрации действия этого закона можно привести недавние события в жизни человечества, связанные с «холодной» войной противоборствующих ядерных держав, когда в результате возникновения «ядерной зимы» возникала реальная возможность прекращения жизни социума. Другим примером действия данного закона является вымирание российского народа вследствие несправедливого передела общенародного богатства в процессе слома советской системы.

Английский социолог Э. Гидденс[3] сформулировал вопрос: существуют ли другие факторы, отличные от экономических, являющиеся факторами развития общества.

Для ответа на вопрос Э. Гидденса о существовании другого (неэкономического) фактора развития общества вернёмся к **антропному принципу.** Антропный принцип в своей философской сути является отношением человека к жизни: как человек организует жизнь. Если человечество выделило три основных вида деятельности (познание, обучение, производство), то это есть результат и содержание антропного принципа применительно к жизни. Следующий шаг – применение этого принципа к основным видам деятельности. В итоге появляются три основных принципа:

– антропный принцип познания;

– антропный принцип обучения;

– антропный принцип производства.

Их смысл сохраняется – как организует человек познание, обучение, производство. Ведущим здесь является принцип познания. Через этот принцип человечество связано с Универсумом. В процессе познания природных явлений, изучения законов, появляется необходимость обособления человеческого интеллекта, выделения его из естественного, получившего название антропный интеллект. Другим свойством принципа познания является его вклад в другие два принципа. Оба вида деятельности – обучение и производство – являются порождением антропного интеллекта.

Антропный принцип познания означает наделение смыслом всего Универсума (осмысление), понимание как интерпретация осмысления, выделение главных факторов, сильно влияющих на объект (явление, событие), построение модельной задачи и т.д. Заканчивается цикл получением информации и знания. Познание многоциклично. Объектом может быть человек, сообщество, человечество.

Антропный принцип обучения означает организацию передачи полученных знаний и информации новому поколению людей. В случае, когда объектом является человек, соответствующий трансфер знаний будет называться самообучением.

Антропный принцип производства означает организацию необходимых ресурсов для жизни человека, обеспечение воспроизводства ресурсов для новых поколений, использование ресурсов Универсума, создание антропных ресурсов силами человечества (Антропоника). Методологией является использование полного жизненного цикла идеи – от научного знания до нового продукта.

Можно принять как аксиому, что интеллект большой системы не меньше интеллекта каждого из её компонентов. Тогда естественный интеллект Универсума будет не меньше антропного интеллекта человечества, а интеллект человечества будет не меньше интеллекта отдельного народа (государства), а интеллект народа будет не меньше интеллекта индивида. Интеллект Мира (познанной части Универсума) будет не меньше интеллекта человечества. Отсюда и вытекает закон сохранения смысла жизни.

Почему этот закон является фактором развития общества?

В жизни человечества есть два направления развития, условно назовём их горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное развитие – это развитие общества через преодоление конфликтов. Например, конфликт в экономической интеллектуальной системе. Антропный интеллект предполагает существование конфликтов и их разрешение. Вертикальное развитие означает концентрацию, уплотнение информации и знания. Такой концентрацией является суперсистема – цивилизация знаний, которая позволяет человеку уплотнить, сконцентрировать силу интеллектуальной системы, будь то наука, образование, управление, право, на использование её относительно любого из антропных принципов. Как было сказано выше, объектом в цивилизации знаний является когнитивный портрет того реального объекта, который изучала соответствующая интеллектуальная система. Когнитивный портрет уже содержит всю методологию соответствующей интеллектуальной системы и к этому массиву интеллекта добавляется интеллект цивилизации

[1] Кун Т. Структура научных революций. – М.: Наука, 1975. – 238 с.

[2] Пойа Д. Математика и правдоподобные рассуждения. – М.: Наука, 1975. – 464 с.

[3] Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.

знаний. Такой метод наращивания интеллекта будет называться каскадным. Интеллектуальные преимущества цивилизации знаний над её подсистемами понятны. Отсюда вытекает вывод, что цивилизация знаний является качественно новым этапом в развитии общества.

Скобликов Е.А.
к.э.н., президент Фонда финансовых инициатив, Пенза
eas-eik@mail.ru

ДЕСЯТЬ ЗАКОНОВ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ. ВСЕ ЛИ ОТКРЫТЫ?[1]

Ключевые слова*: законы денежного обращения, сущность денег, законы экономики.*
Keywords: *monetary circulation, essence of money, laws of economics.*

Если просмотреть содержания современных учебников и пособий по политэкономии, экономикс и финансам, то раздел «Законы денежного обращения» представлен всего одним законом – количества денег в обращении (монетизации)[2]. И закономерно возникает вопрос – разве можно успешно управлять экономикой страны, если будущие финансисты и экономисты будут знать, что действует всего один закон денежного обращения? Следует отметить, что учёные в царской России при рассмотрении денежного обращения оперировали гораздо большим количеством его законов. Так, М. Гавриленко ввёл в оборот «закон сложения цен», «закон, по которому каждое отдельное хозяйство продаёт столько, сколько покупает» и критикует «закон девальвации кредитных рублей» [1, с. 19, 71, 93], предвосхищая выводы Ирвинга Фишера. Другой экономист, Л.В. Федорович, анализируя связь между законами спроса и предложения, взаимовлияния издержек и количества денег в обращении, даёт собственное толкование закона Грешема (***a***), согласно которому *«худшие деньги вытесняют собою из обращения лучшие»* [2], и обоснование ныне повсеместно игнорируемого закона (***a***), *«по которому ценности обмениваются друг на друга в пропорции издержек их производства, для внешней торговли ограничено»* [2, с.187]. В работе А.А. Красильникова [3] раскрывается правильное понимание *«экономического закона, требующего прогрессивного увеличения денежного обращения по мере роста страны и развития ею производительности»* (***b***). Как тогда, так и теперь, «*непризнание этого закона»* сопровождается всё теми же *«вредными от того экономическими и финансовыми последствиями»* [3, с. 41]. Интересно, что и в конце XIX века шли яростные споры по поводу того, что лишь золото является истинными деньгами, а бумажные – его суррогатом и приводилась масса примеров негативного опыта использование в обороте бумажных денег (***a***), на основании чего следовал вывод: *«восстановление металлического обращения представляется всегда в высшей степени желательным»* [4]. И в СССР наука не ограничивалась исследованием только одного закона количества денег в обращении. Так, Н.И. Сивульский предваряет своё исследование важным замечанием, что *«Основы теории денег, адекватно отражающей явления денежного обращения своего времени, не могли устареть*» [5, с. 5]. А чтобы внести свой вклад в теорию, пытается расширить понимание тех законов денежного обращения, которые вытекают из марксистского учения: закон единства и взаимосвязи функций денег, закон отмирания денег при социализме (хотя в отношении последнего затем дезавуировал его наличие выводом – «*развитие денег при социализме подчинено закону, содержание и специфика действия которого нами еще не выяснены*» [5, с. 66]) и что «*общим законом обращения бумажных денег является их обесценение*» [5, с. 140], но относил его действие исключительно с бумажным деньгам (***c***). Что же касается современного периода, то в основном идёт обсуждение спорных положений и характера действий закона количества денег (***b***) в трактовке Ирвинга Фишера и Кейнса[3].

Несмотря на то, что количество законов денежного обращения в представленном выше анализе получилось более шести, все законы, которые формулировали указанные исследователи, можно отнести всего к трём законам: применимости (***a***), количества (***b***) и опережающего роста кредитной эмиссии (***c***). Но и из этих трёх законов, к настоящему времени наиболее чётко определён лишь закон количества денег в обращении, а другие не получили своего общепринятого признания. Более того, удивительно, что и вся сфера денежного обращения, оказалась малоизученной, поскольку в ней действуют, по крайней мере, девять законов. Перечислим их в порядке своего проявления как закона и дадим краткую характеристику каждого из них в качестве основы для более глубокого исследования:

Исторически первым стал действовать **закон применимости денег** – с момента их использования при обмене произведенных продуктов**.** Сначала в качестве денег использовались раковины особого вида, скот, меры зерна, шкуры, и т.п. предметы. Были ли они удобны в качестве всеобщего эквивалента для обмена разных товаров и предметов? Не очень, поэтому когда стала доступной технология получения металлов – меди, серебра и золота, то оказалось, что это именно те материалы, которые лучше всего подходят на роль денег – они компактны, долговечны и их можно делить на части без убытка. Ещё более удобными для обращения оказались бумажные деньги, которые в итоге вытесни-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 16-06-00128А.

[2] Экономическая теория: политэкономия: Уч. – М.: Рыбари; 2009. – 870 с.; Экономическая теория. Уч. для вузов. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 560 с.; Островитянов К.В. и др. Политическая экономия. Уч. М.: Политиздат,1954 – 455 с.; Курс экономической теории. – М.: Дело и Сервис, 2001. – 832 с.; Бродская Т.Г. и др. Экономическая теория. Уч. пособ. – М.: РИОР, 2008. – 208 с.

[3] Из этого описания вовсе не следует, что здесь представлен исчерпывающий обзор сделанных ранее обоснований законов денежного обращения – это задача целой монографии. Обзор понадобился лишь в качестве краткого экскурса в историю вопроса.

ли металлические из обихода. Как отметил К. Маркс, *«Они вырастают непосредственно из металлического обращения»* [16, с. 133]. А с появлением электроники и Интернета всё большее применение получают электронные деньги – верно и тут замечание К. Маркса, *«Функциональное бытие денег поглощает, так сказать, их материальное бытие»* [16, с. 136.]. И ныне предпринимаются попытки введения в оборот биткоинов и других видов криптовалюты, существующих в виртуальном пространстве Интернета[1]. Таким образом, последовательная смена форм и материала денег представляет собой объективный процесс, происходящий согласно **закону применимости**[2], который можно сформулировать так: **всеобщую применимость в качестве денег могут получить лишь те предметы, в которых воплощается наибольшее удобство для обращения – служить мерой стоимости и средством платежа, сохраняя при этом свою стоимость во времени**: в средние века это были медь, серебро и золото, затем бумажные деньги, а ныне всё большее значение приобретают электронные деньги[3].

Однако, понимание действия закона применимости гораздо шире определения порядка смены форм денег. Используя этот закон, мы можем правильно ответить и на ряд других вопросов. Так, с признанием этого закона спор в отношении золота – является ли оно деньгами или нет, можно считать законченным – золото уже утратило роль абсолютных денег навсегда. Резервными валютами, т.е. повсеместно принимаемыми в оплату деньгами, стали бумажные валюты ведущих стран мира: доллар, евро, иена, а теперь и китайский юань. Тогда в чём причина наблюдаемой ныне истерии, когда многие страны тратят колоссальные средства на добычу и закупку физического золота, если как деньги оно стало малоприменимо для расчётов? А в сознательном игнорировании данного закона в угоду своекорыстным интересам международного финансового капитала. Именно он инспирирует этот ажиотаж, ибо глобалистам важно, чтобы деньги зависимых стран тратились на низколиквидный финансовый ресурс (золото) и исчезали из оборота в кладовых.

С законом применимости становится ясным ответ и на другой вопрос – допустимо ли хождение и использование внутри страны иностранной валюты? Недопустимо. И поэтому с точки зрения этого закона критика академика С. Глазьева действий Центрального банка России, который допускает такую практику, совершенно обоснована. В любой стране в денежном обороте должна участвовать только одна, национальная денежная единица, финансовый рынок должен быть закрыт для валютных спекулянтов, а теневая спекуляция валютой должна преследоваться по закону, свободы вывоза капитала не может быть по определению, эмиссию денег следует проводить только под инвестиционные проекты, исключая режим «currency board», устанавливать заранее объявляемые границы колебаний курса национальной валюты на длительное время, ввести запрет на открытие депозитных валютных счетов и налог на приобретение и вывоз наличной иностранной валюты, и т.д. [19]. Русский общественный деятель И.А. Третьяков, ученик и последователь Адама Смита, высказал абсолютно верное замечание о том, что характерно для экономики слабых стран: «*У **народов невежественных** деньги ужасно цену имеют высоку. Причиною тому есть то, что у них денег других не находится, кроме тех, кои могут достать **грабежом**; ибо знания нужного, **как их ввесть** в своё отечество, они не имеют»* [18]. Таким образом, уже два с половиной века тому назад было замечено, что тот народ можно отнести к «народам невежественным», у которого иностранная валюта ценится «высоко», а правительство не видит иного способа жить, кроме как «грабежом» природных ресурсов!

И как только деньги приобрели форму металлических монет, стал проявлять себя следующий закон – **закон приоритета государственного регулирования обращения**. Дело в том, что первоначально металлические монеты начали чеканить купцы, потому что им не совсем удобно было использовать слитки при расчётах. Но по мере того, как объём монет различной чеканки в одном и том же государственном образовании рос, росли и затруднения в сборе налогов и управляемость. И тогда указанный закон проявил своё действие тем, что графства, княжества, царства, султанаты и прочие виды государств начали жёстко пресекать чеканку монет частными лицами и взяли её под государственный контроль. С той поры при каждом дворе появился единственный монетный двор, своя казна, которая регулировала количество денег в обращении чеканкой, что позволяло гарантированно собирать налоги в денежной форме. Таким образом, именно казна становилась тем фундаментом, на котором стала строиться финансовая система государства как объективный закон: **денежное обращение изначально требует государственного, а именно – казначейского регулирования.** И первоначально оно и было таким …

Но устраивало ли денежных баронов такое положение? Нет. Сделав своим основным ремеслом торговлю деньгами, банки, с их неудержимым стремлением к максимизации прибыли, стали постепенно прилагать всё больше усилий к тому, чтобы и государственные денежные потоки, наполнение которых шло через ручейки и реки поступлений в казну государства, перенаправить в частное русло. И к началу XX века итог противостояния государственного регулирования денежного обращения и частно-банковского оборота ознаменовался практически окончательной победой последнего, когда в 1914 году появилась Федеральная резервная система в США. В последующие годы в большинстве стран центробанки постепенно стали частными или «независимыми», когда государственные органы власти практически никак не могли влиять на денежное обращение, и прежде всего, решать вопросы эмиссии и установления уровня ставок рефинансирования банков. Добившись своего и приобретя доминирующее положение в сфере регулирования денежного обращения, банковская система превратилась в главную причину кризисов. Именно она, обретя власть над

---

[1] Обзор по криптовалютам. – http://bits.media/altcoins/

[2] Законы денежного обращения. Закон применимости денег. – http://ffi-eas.ru/articles/zakony-denezhnogo-obrashcheniya-zakon-primenimosti-deneg

[3] В строгом значении термина «электронные деньги» – это не записи на магнитных носителях, а чисто виртуальные деньги – биткоины и их производные. Здесь этот термин относится скорее к технологии обращения денег, который осуществляется электронно через Интернет и выделенные каналы связи.

деньгами, стала сотрясать экономику резкими колебаниями ставок, курсов валют, надуванием финансовых пузырей, использованием вторичных денежных инструментов и прочих якобы рыночных инструментов ради собственного обогащения. Отсюда следует, что если страна хочет бескризисно развиваться, государственные органы должны взять денежное обращение под свой контроль. Это достигается прежде всего тем, что **Казначейство преобразовывается в казначейско-банковскую систему** со всеми вытекающими отсюда последствиями[1]. Ключевым звеном, ухватившись за которое, по образному выражению В.И. Ленина, можно вытащить всю цепь, является передача ведения расходно-учётных операций всех юридических и физических лиц из банковской системы в казначейские приходно-расходные кассы (ПРК). Но и банковская система должна не просто лишиться возможности выполнять эти операции, но и сама претерпеть серьёзную трансформацию, а именно – распрощаться с диверсификацией, когда любой банк выполняет весь комплекс банковских операций, и перейти к **системе специализированных банков**: чисто сберегательных, коммерческого (краткосрочного) кредита, инвестиционных (долгосрочного кредита), ипотечных и лизинговых. Именно так, централизовав и установив контроль государства над денежным обращением, можно если не избавиться полностью от возникновения кризисных ситуаций в экономике, то по крайней мере, значительно их ослабить. Эта парадигма позволяет трезво взглянуть на обоснованность предлагаемых мер по контролю за денежным обращением: по созданию контрольных и надконтрольных органов для выявления незаконных операций, пресечению коррупционных схем, незаконного вывода капиталов за рубеж и офшорного бизнеса, отмыванию средств, полученных преступным путём, и т.д. Но, как показывает практика, эти меры практически ничего не решают, но их реализация требует чрезвычайно высоких затрат, как, например, введение покупюрного учёта движения наличных денег через кассы и банкоматы с тем, чтобы отслеживать дачу взяток чиновникам и отмывания средств, полученных преступным путём. Зачем идти по такому сложному пути, если структурная реорганизация денежно-банковской системы и перераспределение функций на основе закона приоритета государственного регулирования денежного обращения делает полностью прозрачными и подлежащими контролю практически все платежи и транзакции, что позволяет полностью изжить негативные явления которые просты и прозрачны, они просто неэффективны, а часто выдают заинтересованность определённых лиц, ответственных за устранение негативных явлений, чтобы устранение их было бесконечно затратным. Это потребует колоссальных капиталовложений, но разумеется, никакой реальной пользы не принесёт.

Итак, когда денежный оборот приобрёл более или менее организованный характер с устранением частной чеканки монет и введением казначейского оборота, настало время третьего закона – **закона количества денег в обращении.** Надо отметить, что этому закону повезло больше всех – когда рассматриваются законы денежного обращения, то под ним часто понимается только этот закон. Впервые его попытался сформулировать Адам Смит: *«количество звонкой монеты в каждой стране определяется стоимостью товаров, обращающихся … в течение года в данной стране»* [15, книга 2, гл. 3, с. 340]. К.Маркс сформулировал это наблюдение более определённо: *«количество средств обращения определяется суммой цен обращающихся товаров и средней скоростью обращения денег»* [16, с.129], что ныне представлено как спорное уравнение И. Фишера: $\mathbf{MV = \Sigma pQ}$ (1), где **M** – количество денег, **V** – скорость обращения, $\mathbf{\Sigma pQ}$ – общая сумма выручки от продажи всех товаров и услуг в течение года (**p –** средняя цена отдельного товара/услуги, умноженное на **Q –** количество данного товара/отдельных услуг) [17, гл. 2, § 4][2]. Закон количества денег в обращении считается достаточно хорошо исследованным, и ему соответствуют методики расчёта и статистики денежных агрегатов M1, M2, M3, M4. Однако изучение действия этого закона нельзя считать законченным. Например, приверженцы монетаристских взглядов считают, что избыток денег в обращении ведёт к инфляции, а нужный эффект в борьбе с ней может принести только «таргетирование» путём повышения ключевой ставки (рефинансирования), отказа кредитовать государственные программы и установления плавающего обменного курса валют согласно рекомендациям МВФ. Однако ни в одной стране, которой они были навязаны, в том числе и России, инфляция таргетированием не устранялась, а экономика впадала в стагфляцию.

Меньше внимания обращается на вред, который наносит изъятие денег из оборота с целью образования всевозможных стабилизационных фондов и ЗВР сверх меры удовлетворения потребностей внешнеэкономического оборота. Системы кровоснабжения любого живого организма и денежного обращения схожи тем, что лишь движение крови/денег позволяет жить и развиваться организму/экономике. Но может ли нормально жить организм, если по пути и вне кровеносной системы создавались бы какие-нибудь запасные депо для резервов крови? Нет, как раз наоборот – многие болезни своим разрушительным влиянием обязаны именно застою крови. А если ещё и перестать закачивать кровь/деньги в кровеносную/финансовую систему? Организм/экономика перестанет расти и начнёт чахнуть. Но и «откачка» денег во всякие фонды и резервы, высокая ключевая ставка и отсутствие каких-либо барьеров при выведении капиталов за рубеж также наносят урон экономике. И он тем больше, чем больше денег изымается в эти депо отстоя, а страна всё больше начинает отставать в своём развитии. Но экономическая политика такова вовсе не потому, что руководители экономического блока столь невежественны, что не знают теории и не понимают, почему развитые страны совершенно не опасаются роста инфляции при проведении политики количественного смягчения. Нет, всё гораздо проще – научная добросовестность и профессионализм, ответственность перед страной за принимаемые решения, отступили и сдались на милость личной корысти и желанию оставаться во властной колоде, беспроблемно встроиться в западное сообщество, а потому и преподносят с высоких трибун как высочайшее достижение образование всяческих «подушек безопасности».

---

[1] Подробно реформирование денежно-банковской системы рассмотрено в статье Скобликов Е.А. Законы денежного обращения. Закон приоритета государственного регулирования обращения. // Экономист. – М., 2016. – № 6. – С. 60–67.

[2] Производные формулы для различных ситуаций даны в последующих главах.

С появлением и закреплением в экономике использования денег стал действовать и соответствующий этому четвёртый закон – закон **неисключаемости денег как фактора** производственно-хозяйственной, торгово-закупочной, бюджетно-казначейской и любой другой деятельности. Как только главной особенностью денег стало выполнение роли всеобщего эквивалента, деньги настолько прочно заняли своё место при осуществлении любой деятельности, что это стало **законом**, который продолжает действовать несмотря на то, что сейчас как форма денег, так и способы расчёта кардинальным образом изменились. И всякие попытки заменить деньги, например, единицами энергии, трудозатрат или вовсе отказаться от их использования, успеха не имели. Даже используя при необходимости бартер, мы всегда используем оценку обмениваемых товаров и услуг деньгами, чтобы избежать неэквивалентного обмена.

Опять же, как только деньги стали неотъемлемой частью жизни общества, стала проявлять себя тенденция увеличения количества денег у отдельных лиц, затем у ростовщиков и менял. С появлением банков процесс роста их активов и совершаемых операций продолжился, он явно обнаруживает своё действие и в настоящее время и потому с уверенностью можно назвать пятый закон денежного обращения – **закон концентрации денег.** Однако было бы ошибкой считать, что усиление и укрупнение одних банков происходит за счёт ухода с рынка слабых вследствие конкуренции. Как раз всё наоборот – чем крупнее банк, чем больше его активы, тем более он будет успешным на рынке капиталов. Поэтому денежные власти тех стран, которые поддерживают стратегию концентрации денежных активов в ограниченном числе банковских учреждений, и руководствуются политикой отзыва лицензий у слабых банков, действуют согласно требованиям этого закона.

А на всемирных финансовых просторах закон концентрации выступает уже как закон **глобализации денежного обращения,** с его попытками подчинить денежное обращение суверенных стран международному фининтерну. И образование ФРС в 1913 году в США, имевшее цель концентрации денег в одной частной структуре, в итоге трансформировало её в цель подчинить себе денежный оборот всего мира. Этот закон действует деструктивно для национальных государств, ибо за десуверенизацией денежного оборота следует и потеря политического суверенитета. И избежать разрушительного действия этого закона можно лишь непреложно следуя закону применимости, который требует полностью исключить оборот чужой валюты внутри страны, не образовывать резервы в иностранной валюте и не участвовать создании валютных блоков – всё равно в выигрыше будет самый сильный, успевший захватить эту нишу.

Если взять статистические данные за много лет, то мы не найдём ни одной страны, в которой расстройство денежного обращения было перманентно присущей ей – таким образом проявляет себя седьмой закон – закон **стабилизации обращения.** Он выражается в том, что какие бы неразумные меры не применялись денежными властями страны, сколько бы воли не было предоставлено «невидимой руке» рынка, т.е. прав частным институтам, сколь не было бы сильно вмешательство извне, расстройство денежного обращения как бы само собой ликвидируется и оно всегда приходит в норму. Например, методы регулирования денежного обращения путём количественного смягчения (QE) и снижения процентных ставок до нуля и ниже, активно используемые в развитых странах, и совершенно противоположные этому, т.е. ограничение количества денег в обращении и установление высоких ставок по кредиту (таргетирование), в итоге дают одинаковый результат – обращение нормализуется и инфляция снижается. Вопрос только в том, в каком направлении действуют применяемые методы – QE способствует сохранению положительной динамики в экономике, а в странах с сырьевой экономикой, наоборот, ведут к стагнации. Например, в России инфляция после начала таргетирования в 2015 году выросла сразу до 70–80% по потребительским товарам (по оценкам некоторых специалистов), но уже к середине 2016 года снизилась до 7%. Но уровень ВВП как упал на 3,5%, так и остался на том же уровне.

Восьмым законом можно считать закон **плановости** – денежные доходы и расходы должны планироваться и контролироваться как на уровне государства, так и на уровне первичных производственных ячеек, вне всякой зависимости от того, государственное это образование или находится в частной собственности. Если этого не происходит, и прежде всего по причине слабости финансовых служб, когда постоянно возникает дефицит денег и, наоборот, когда скапливающиеся излишки денежной массы и их надо возвращать в нужное русло, и потому финансовые потоки приходится регулировать в «ручном режиме», то экономика никогда не получит нужного развития. Точно такой же эффект дают и слабо проработанные финансовые и маркетинговые планы.

Девятым законом является закон **кредитной эмиссии**. В сущности, именно о таком законе ведёт речь В.Ю. Катасонов: «*сумма денежных обязательств по выданным кредитам в любой момент превышает объем денежной массы в обращении на величину процентов по кредитам. Следствиями этого «макроэкономического неравновесия» являются так называемые «кризисы перепроизводства», банкротства, увольнения, конфискация личного имущества, превращение людей в рабов, обнищание подавляющей части общества, все большая концентрация богатства в руках ростовщиков и т.п.* Кредитные самоубийства – **неизбежный результат, «железный» закон** функционирования денежно-кредитной системы в условиях доминирования рыночных регуляторов денежного обращения, когда сумма выданных кредитов всегда превышает суммы сбережений. К этому можно лишь добавить, что этот закон начал действовать с того момента, как только банки стали выпускать банковые билеты – банкноты, выдавая ими кредиты, сумма которых превышала активы банка, и продолжает действовать по сию пору, создавая финансовые пузыри. Впрочем, ***по таким законам функционируют денежно-кредитные системы всех капиталистических стран*** [20]. Но этот закон действует и в социалистических странах, когда денежно-банковская система полностью централизована и нет частных банков. Однако он реализуется в соответствии с законом плановости, а потому рост кредитной эмиссии находится в тесной корреляционной зависимости с ростом сбережений, не приводя к инфляции за счёт мультипликативного эффекта.

И десятым законом можно считать закон **роста обращения деривативов** или замещения денег такими производными финансовыми инструментами как опцион, своп, свопцион, форвард, фьючерс, варрант и другие, причём в

последнее время появляются такие виды деривативов, которые можно назвать деривативами деривативов. Сущность деривативов в том, что их использование позволяет минимизировать риск при заключении контракта между сторонами, который основывается на будущей стоимости базисного актива, что и обусловливает их широкое применение. Деривативы были востребованы развитием рыночных отношений с возникновением потребности заключать контракты на приобретение в будущем основного товара, и первыми из них были на тюльпаны, рис и т.д. И сразу же обнаружилось, что этими контрактами уже можно спекулировать, получая прибыль за счет изменения цены актива. А поскольку деривативы имеют лишь опосредованную связь с активами, а такой способ обогащения не связан с какими-либо значительными усилиями, то их суммарная цена стала возрастать более быстрыми темпами чем сумма активов. И в настоящее время отвлечение денег в дутые финансовые пузыри стало настолько опасным для экономики, что известный финансист Уоррен Баффет в 2002 году назвал деривативы «финансовым оружием массового поражения». Финансовые аналитики напрямую увязывают последний мировой финансовый кризис со спекуляциями на рынке. Что неудивительно, поскольку лишь в небольшом количестве сделок (до 3%) происходит реальная поставка активов, лежащих в основе производных ценных бумаг.

Ещё И.В. Сталин сказал: *«Люди могут открыть эти законы, познать их, … но они не могут … создавать новые законы науки»* [7, с. 2–3]. Возможно, для многих окажется неожиданным, что число законов денежного обращения значительно больше одного, обсуждаемого до сих пор в качестве единственного – закона количества денег в обращении. Я уверен, что все рассмотренные выше законы денежного обращения именно такие – объективные. Поэтому сомневающимся необходимо доказать, что все новые законы придуманы, и не имеют объективного характера, то есть не действуют независимо от воли и сознания людей. Но каждый из читающих эту статью может это проверить сам и убедиться в правоте или ошибочности такого заключения. Как? Очень просто – представить, что тот или иной представленный здесь закон не действует. И предоставить убедительные доказательства, что можно легко вернуться к золоту, а допустимость хождения разных валют в одной стране не оказывает негативного влияния на экономику, что никакого приоритета государственного регулирования быть не может, что деньги никакой не фактор производства, что не происходит институциональной концентрации и глобализации денежного обращения, что можно обойтись без планирования и контроля денежного обращения, а от феномена надувания финансовых пузырей можно легко избавиться, принудительно остановив опережающий рост кредитной эмиссии.

Необходимо сделать ещё одно важное замечание – если закон объективен, и действует независимо от воли и сознания людей, то он не может быть плохим или хорошим сам по себе. Но поскольку законы денежного обращения действуют в человеческом обществе, то степень их проявления зависит от действия конкретных лиц, которые заняты в сфере обращения денег и принимают соответствующие решения. Мы хорошо изучили, какие сюрпризы нам может преподнести природа, а потому одеваемся по погоде, строим жилища, которые защищают нас от жары, холода и осадков, научились использовать энергию ветра и солнца для получения энергии и т.д. Точно также следует руководствоваться законами денежного обращения – прекратить золотые страдания, не допускать спекуляции валютой, переходить к казначейскому денежному обороту, кредитную эмиссию и монетизацию проводить в соответствии с потребностями экономики, жёстко планировать доходы и расходы во всех звеньях народного хозяйства и тем более финансов, и т.д. И хорошо представлять себе, что не все законы денежного обращения действуют во благо общества и экономики, да и использовать их надо применительно к месту и времени. Например, закон концентрации денег, если не ограничивать его действие так, как мы защищаемся от дождя зонтиком, приведёт к безграничной власти банковского капитала. И тем более руководству любой страны надо быть осмотрительней, принимая помощь от международных финансовых организаций, памятуя о законе глобализации денежного обращения.

А что мешает эффективно использовать законы денежного обращения или почему, даже отлично зная или просто интуитивно понимая, что действовать-то надо как велят законы, причём не писанные, а объективные, они сознательно преступаются? Во-первых, если задеты интересы правящего класса, денежные власти будут принимать решения, хотя и юридически значимые, но противоречащие экономическому закону, совершенно естественно, потому что свой-то кошелёк ближе к телу. При этом обществу навязываются другие, якобы объективные экономические законы, ибо всегда найдутся «учёные» и общественные деятели, которые выведут такие законы на потребу своих высоких нанимателей, чтобы воровское происхождение богатств имело законное основание. Благодаря таким вот теоретикам все беды, как по мановению волшебной палочки, предстают как естественный результат действия пресловутой «невидимой руки». Если рост госдолга, безработицы, инфляции, ослабление рубля и провалы производства и жизненного уровня и т.д., преподносятся как благо, тогда зачем что-то менять? В этом же ряду лежит возрастающая зависимость центральных банков стран от решений и указаний международных финансовых организаций. Так, Центральный Банк России в 2014 году перешёл к свободному курсу рубля и резко поднял ключевую ставку по прямому указанию А. Спилимберго[1], представляющего интересы МВФ в России. Но в реалиях такое «таргетирование» инфляции обернулось её трёхкратным ростом, вымыванием денег из обращения, кредитным голодом для бизнеса и ускорением бегства капиталов за рубеж.

Во-вторых, критика, лишённая опоры на объективный характер действия экономических законов, какой бы не была жёсткой, не оказывает никакого влияния на денежную политику власть имущих. Почему? Приводится масса статистических данных, сводимых в графики негативных явлений, но как верно отмечает Гэлбрейт, «*Статистические аргументы и визуальные образы не являются заменителями экономической аргументации*»[2] [8]. Если бы критика на-

[1] Антонио Спилимберго: «ЦБ должен быть готов повысить ставки». – http://bankir.ru/novosti/s/antonio-spilimbergo-tsb-dolzhen-byt-gotov-povysit-stavki-10074969/

[2] В оригинале: «Statistical arguments and visual images are not substitutes for economic argument».

чиналась с формулирования закона или механизма его действия и далее шло соотнесение с действиями власти, а потом уже предлагался свой вариант решения проблем, то от такой, логично и строго выстроенной критики и предложений было бы невозможно отмахнуться. А если ничего не говорится о нарушении объективных экономических законов, то сама критика отражает не более чем субъективную позицию её авторов. Но что ещё хуже, когда некоторые критики политики денежных властей отрицают наличие объективных экономических законов, тем самым давая козыри в руки критикуемым: *«История ростовщичества показывает, что говорить о неких «объективных» законах развития денежной системы нельзя, это развитие – результат борьбы конкретных людей с их исключительно «субъективными» интересами, мотивами, страстями и слабостями. Каждую победу ростовщичества можно и нужно трактовать лишь как проявление политической, социальной, нравственной, а в конечном счёте, духовной слабости людей, не сумевших устоять перед искушениями «золотого тельца»* [14].

В заключение следует отметить, что все экономические законы, включая и законы денежного обращения, действуют всегда в комплексе и взаимосвязано. Кроме основных законов[1], есть ещё **частные законы** (закономерности) обращения, например, образования вторичных денежных инструментов, **законы финансовых пирамид**[2], и другие. При этом мы должны понимать, что как и всякие законы, законы денежного обращения познаются путём многочисленных проб и ошибок и часто так и остаются не понятыми до конца. Как верно отмечает Ф. Шеллинг: *«… история не протекает ни с абсолютной закономерностью, ни с абсолютной свободой, но есть лишь там, где с бесконечными отклонениями реализуется единый идеал, причём так, что с ним совпадают если не отдельные черты, то весь образ в целом»* [21]. Всё дело в том, что на характер действия экономических законов существенное влияние оказывает субъективный фактор, поскольку действуют эти законы не в неживой природе, а в человеческом обществе, раздираемом противоречиями личных интересов. Но и здесь процессы протекают вполне закономерно, поскольку выше всей совокупности основных и частных законов денежного обращения действует **закон соответствия**[3], всеобщий закон природы и общества. Знание действия этого закона позволяет получить ответ на вопрос: почему одни законы действуют в направлении прогресса и развития экономики, а другие направлены против? В каждом конкретном случае – насколько больше тот или иной закон денежного обращения соответствует интересам определённой группы лиц, а не законам денежного обращения.

Список литературы

1. Гавриленко М. Основной денежный принципъ. Бумажныя деньги. – СПб.: Типографія В.В. Комарова, 1886.
2. Федорович Л.В. Теория денежного и кредитного обращения. – Одесса: тип. «Одес. вестн.», 1888. – С. 435.
3. Красильников А.А. О сокращении количества кредитных билетов без нарушения условий денежного обращения. – СПб., 1882.
4. Залѣскій В.Ф. Теория бумажно-денежнаго обращения. – Казань, 1896. – С.19.
5. Сивульский Н.И. Деньги и законы их развития при социализме. – Львов: Вища шк., 1987.
6. Григорьев О.В. Эпоха роста. – М.: Карьера Пресс, 2015. – С. 444. -: http://vipbook.info/nauka-i-ucheba/ekonomika/263503-epoha-rosta.html
7. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М., 1952.
8. Galbraith J.K. The Third Crisis in Economics: Presidential Lecture / Association for Evolutionary Economics // Journal of Economic Issues. 2013. – Vol. 47, N 2, June. – P. 311.
9. Болдырев Ю. Формирование внешнего государственного финансового контроля в РФ: вопросы истории, организации и методологии // Российский экономический журнал. 2007. – № 7.
10. Болдырев Ю. Коррупция – системное свойство постсоветского российского капитализма // Российский экономический журнал. 2011. – № 3.
11. Делягин М. Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления // Российский экономический журнал. 2014. – № 1.
12. Ершов М. Об обеспечении валютной стабильности и о новых финансовых механизмах // Российский экономический журнал. 2014. – № 5.
13. Глазьев С., Жуковский В. В условиях санкционного режима. // Российский экономический журнал. 2014. – № 6.
14. Катасонов В.Ю. О проценте ссудном, подсудном, безрассудном // Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». – М., 2011. – Кн. 1. – С.35.
15. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by S. M. Soares. MetaLibri Digital Library, 2007. – P. 18–19.
16. Маркс К., Капитал, т.1. – М.: Политиздат, 1953.
17. Fisher I. The Purchasing Power of Money. Its Determination and Relation to Credit, Interest, and Crises. – N.Y.: Macmillan, 1912.
18. Третьяков И.А. Рассуждения о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: СП «Ганза», 1993. – 512 с. – http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?img=brief.gif&links=./ru/tretyakov/works/tretyakov_w1.txt&name=tretyakov&type=ru
19. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития: Доклад. – М., 2015. – С. 2–60.
20. Катасонов В.Ю. За кулисами международных финансов. – М.: Кислород, 2014. – С. 55.
21. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. Соч. в 2 т. – М., 1987. – Т. I. – С. 451–457.

[1] Вероятно, перечень предложенных к рассмотрению законов будет дополнен, поскольку данной статьей кладётся всего лишь начало их исследований.

[2] Скобликов Е.А. Кризис в свете законов финансовых пирамид // Финансы и кредит. 2009. – № 22 (358). – С. 61–70.

[3] Скобликов Е.А. Несоблюдение закона соответствия – истинная причина кризисов, революций и войн. – http://aftershock.news/?q=node/3519

Соков Ю.А.
к.т.н., профессор Института технологии туризма

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Ключевые слова: *когнитивное и стратегическое мышление, устойчивое развитие, цивилизационное и образовательное пространство, семантическая топология, развитие человеческого капитала.*

Keywords*: cognitive and strategic thinking, stable development, civilizational and educational environment, semantic-topological concepts, human capital development.*

Реализация концепции устойчивого развития (УР) человеческого сообщества в условиях системного кризиса требует смены парадигмы развития с переходом от распространённого ныне «линейного подхода» к социально-экономическому развитию (СЭР), предполагающего непрерывное наращивание производства и потребления на основе научно-технического прогресса (НТП), к новому – когнитивному подходу, ориентирующему на формирование и развитие личности Человека в триаде «Природа-Общество-Человек» (ПОЧ), когда сам Человек становится главной целью и производительной силой развития. Разработка стратегии СЭР на основе такого подхода означает целостность и полноту миропонимания с учётом сложности семантического пространства человеческой деятельности. При этом ставка делается не на прогресс техники сам по себе, а на формирование смыслов и ценностей человека и его деятельности, когда мотив материальной выгоды (рацио) заменяется приоритетной способностью оценивать смыслы и цели бытия с помощью более полного знания (когнито).

Понятие *cognition* в данной статье используется как смысловой (семантический) элемент когнитивной карты – образа пространственного окружения в триаде ПОЧ, позволяющего определить концептуальные условия устойчивого развития человеческого сообщества.

Модель такого окружения (Цивилизационного пространства – ЦП) была создана на основе объёмной семантической топологии как нового метода когнитивных исследований, основанного на построении пространства смыслов и их преобразований, позволяющих анализировать процессы в сложных системах, включая социальные СЭС (рис. 1).

Рисунок 1.
Модель устойчивого развития цивилизационного пространства

При построении Модели были использованы законы и принципы:

– закон предустановленной гармонии в триаде ПОЧ с реализацией принципа аналогии «как наверху – так и внизу» через представление Человека как микрокосма; в качестве базовой модели (БМ) принят тетраэдр как элементарная триадная ячейка Космоса с вершинами Природа – Общество – Человек – Самоорганизация (на основе языка и ДНК);

– принцип А. Богданова о введении «би-регуляторов» для обеспечения устойчивости в сложных саморазвивающихся системах – здесь через введение в объёмную модель двух видов функций – собственности и управления;

– принцип непрерывности производства и воспроизводства в СЭС при взаимодействии всех сфер человеческой деятельности в среде БМ с обменом вещества, энергии и информации; принимается приоритетность смысла информации (Инф) над её объёмом как условия роста организации «О» систем с уменьшением незнания в процессе познавательной деятельности: О=Инф. Полного знания – Инф. Незнания; Полнота Знания есть приближение к Свету Истины;

– принципов описания объёмных логических моделей с присвоением и различением имён, принятых в семантической топологии: здесь на основе тетраэдра при описании процессов в СЭС используется правило Г. Вейля для смысловых автоморфизмов связности процессов и концептов вращения и отражения (В.Рубанов, «Интелтек»). Например, автоморфизм связности означает связность процесса Производство – Распределение – Обмен – Потребление – Воспроизводство в БМ; концепт вращения применяется при обхождении смысловых граней тетраэдра (функции собственности: владение, распоряжение, пользование, контроль, присвоенные граням базового тетраэдра ПОЧ); концепт отражения применим при сопоставлении противостоящих понятий (Человек Труда – Капитал; Власть – Природные Ресурсы; Централизация – Самоорганизация управления), являющихся основой целевых функций в сферах ЦП;

– принципа формирования стратегического мышления на основе когнитосферы Человека: картина Мира – её Смысловая оценка – Миссия – Видение целей – Стратегия – Реализация – Обратная связь (оценка достижения целей); картина Мира взята из представления Правед о двух циклах развития Вселенной (www.pravedy.ru): 1 – эволюция материи от вещества до Человека (развитие Биосферы к Ноосфере – сфере Разума); 2 – инволюция Духа от эфира (Божественного Начала – БН) к Богочеловеку через Слово с дальнейшим преображением Человека (с фазовым переходом к гуманитарной Космологии по Э.Г. Кочетову[1]). Мы согласны с Э. Кочетовым в том, что «эпохе «объёмно-сетевой мировой экономики» соответствует «геоэкономический человек», осознающий мир на основе новых ценностей и мотиваций» (с.109–110). Чертами «геоэкономического человека» являются «объёмное пространственное восприятие мира», «ощущение своих “локальных”, “местных” корней и одновременно … выход на глобальное мироощущение» – в последнем речь идёт о космологическом осознании Мироздания.

В основу Модели положена космология и историология Вед о гармоничном развитии Личности Человека как микрокосма на основе удовлетворения его основных потребностей, соответствующих природным законам Космоса и составлявших концептуальный смысл жизнедеятельности: 1 – устремление к Божественному началу как к главной Ценности и причине предустановленной гармонии, истоку творчества с раскрытием его в Человеке в процессе деятельности (открытие в себе Божественного «Я» как главной сути Личности); 2 – стремление к накоплению с целью домоустроения, организации жизни «вокруг себя» без нанесения вреда Природе (Ойкумена + экология); 3 – стремление к свободе «в Духе» для выполнения «воли дела» (от Неба) и «доли тела» (от Земли) – Копное право как общественный договор по реализации общего блага с развитием творческих способностей; 4 – стремление к воспроизводству рода (деторождение) и продуктов, т.е. реализации устойчивого развития (УР) на основе принципов самоорганизации коллективной трудовой деятельности (не «человек для производства», а развитие Личности в процессе труда).

В предлагаемой Модели (см. рис. 1) эти устремления-потребности связаны со сферами человеческой деятельности: 1 – со сферой Культуры с целевой функцией (ЦФ) «Система Ценностей» (СЦ), объединяющей грани тетраэдра – Образование и Науку, Религию и Искусства; 2 – со сферой Экономики с ЦФ «Капитал», объединяющий формы собственности – Государственную, Общественную и Частную; 3 – со сферой Политики с ЦФ «Власть», объединяющей ветви власти – Законодательную; Исполнительную и Судебную; 4 – со сферой Организации Управления с ЦФ Планирования, Организации, Мотивации и Контроля, осуществляющих взаимодействие перечисленных сфер на основе обменных процессов вещества, энергии и информации через сферу Самоорганизации, находящуюся на гранях базового тетраэдра (ПОЧ), которым присвоены понятия функций собственности – владения, распоряжения, пользования, контроля. Здесь реализуется принцип А. Богданова о введении «би-регуляторов» – двух видов функций (управления и собственности) – для обеспечения устойчивости в сложных (в т.ч. социальных – СЭС) системах.

Перечисленные потребности согласуются с принципом когнитивного соответствия Человек – Космос и определяют главные условия гармоничного развития в триаде ПОЧ. Следует отметить, что сутью переживаемого ныне системного кризиса является отход человечества от необходимости открытия в себе БН как главного условия развития (спасения) человека через соблюдение закона предустановленной гармонии, заложенного в языке и ДНК как кодов самосохранения человечества. В России это привело к непомерному возрастанию коррупции и несправедливости во всех её проявлениях, особенно в области легитимации собственности и распределения доходов при сверхэксплуатации Природы и Человека труда.

Модель концепции УР упрощает когнитивную сложность семантического пространства человеческой деятельности в её основных сферах: Политике, Экономике, Культуре и Управлении (ПЭКУ, или PEST- в стратегическом менеджменте) с целью определения основных принципов УР. Полное описание модели приведено на сайте http://www.proza.ru/2009/05/30/258.

---

[1] Кочетов Э.Г. МИРЫ: пролегомены к философии преображения человека и его бытия в мирах гуманитарного космоса. – М., 2015.

Модель является графо-аналитическим отображением триединой связи базового тетраэдра системы Природа-Общество-Человек, основанной на самоорганизации, с основными сферами ЦП (ПЭКУ) и позволяет решать проблемы УР на концептуальном уровне. Так, использование принципов отражения наглядно показывает главные противоречия в ЦП СЭС: «труд-капитал», «власть-ресурсы», «менталитет народа-текущая система ценностей (СЦ)», «централизация-децентрализация управления». Модель показывает пути снятия этих противоречий с учётом национально-культурных особенностей России. Так, ось 2 – 2, проведенная между вершинами «Капитал» и «Человек (труд)» пересекает грань функции собственности «владение», на основе чего можно сделать вывод о необходимости введения коллективно-трудовой собственности, когда Человек труда является совладельцем по Капиталу, что есть основа будущего азиатского способа производства и накопления в ЕАЭС. Вместе с этим через связь 2 – 2 в понятие Капитал (промышленный и финансовый) включается и составляющая человеческого капитала (Человек – Труд).

Одним из актуальных вопросов является вопрос о соотношении роли государства и бизнеса: государство должно обеспечивать активную мотивацию к поиску нового (творческого) во всех сферах деятельности общества, а также отслеживать и устранять основные его противоречия (функция Мотивация обращена к сфере Культуры и граничит по ребру с функцией собственности Пользование). Функции управления размещены на гранях тетраэдра Управление, при этом функция планирования сопряжена со сферой Экономики по грани Государственная собственность (две других грани Экономики – Общественная (коллективная) и Частная). Отсюда вывод: необходимо введение государственного планирования по Госсобственности! Грань Частная собственность сопряжена с гранью Искусство в сфере Культуры – отсюда вывод: индивидуальные предприниматели должны мотивироваться государством на развитие творческой инициативы как источник прогресса во всех сферах деятельности! Поэтому в центре модели – тетраэдры Управления – Самоорганизации (верх – низ), совмещённые основаниями с функцией взаимного контроля в процессе осуществления обменных операций в сферах ПЭКУ.

Анализ Модели позволяет сформулировать следующие **принципы Этики**, соответствующие национально-культурному коду Русской цивилизации (РЦ):

1 – Система Ценностей Общества должна соответствовать менталитету народа, при этом Духовные ценности (БН) выше материальных, а общее благо выше индивидуального;

2 – Живой труд выше овеществлённого, производственный Капитал важнее торгово-финансового; Капитал должен использоваться не для эксплуатации труда, а для развития Личности Человека – основы понятия Человеческого Капитала, становящегося главной целью развития, когда Труд и Совесть есть необходимые условия такого развития (www.pravedy.ru);

3 – Законы Общества должны быть природосообразными на основе соблюдения Законов Природы, ноосферно-экологических и этических требований, а понятие Свободы человека должно быть сопряжено с понятием его ответственности за все совершаемые им действия как в Природе, так и в Обществе с включением понятия «социальная зкология»; при этом Справедливость стоит выше Закона.

4 – Устойчивое воспроизводство требует, чтобы внешнее Управление (в том числе государственное) способствовало развитию самоорганизации (самоуправления) трудовых коллективов, связанной с законом предустановленной гармонии в триаде ПОЧ и основанной на коллективно-трудовой собственности (КТС), при этом служение общему благу стоит выше собственности.

Эти Принципы как условия устойчивости выработаны на основе длительной эволюции РЦ (её историологии – Родоведения) с учётом национально-культурных особенностей и ценностных ориентаций, в целом совпадающих с общехристианскими духовно-нравственными ценностями, сохранение которых особенно важно в настоящее время, когда провозглашаются идеи трансгуманизма как основы реализации идеи глобализации с уничтожением национально-культурных особенностей различных стран (цивилизаций). Принципы позволяют установить **основные приоритеты в различных сферах жизнедеятельности.**

Особенностью Культуры РЦ является то, что она формировалась на основе ценностного единства различных этносов при сохранении их национальной идентичности. При этом в основе такого единства был единый язык (русский) и единое государство, основанное на принятии всеми единых духовно-нравственных ценностей, выраженных в выше приведенных принципах Этики (**приоритет духовных ценностей над материальными**, **созидания над потреблением**, познание Истины как Божественного начала (промысла) Бытия, а Свободы – как условия реализации Воли Творца) – они и являлись основой государственной идеологии РЦ, ныне запрещённой в Конституции РФ.

В Ведах отрицается концепция о приоритете экономики перед другими сферами человеческой деятельности: в качестве БМ принимается триада «П-О-Ч» и её устойчивая организация, а экономика, политика и управление рассматриваются как средства, обеспечивающие УР этой триады. Ведическое слово Культура трактуется как составленное из двух слов: «Культ» – поклонение и «УР» – свет, т.е. истинная Культ-ура есть поклонение Свету, всему прекрасному, творческому – потому устремление к Божественному началу стоит на первом месте и не противоречит концепции гуманитарной космологии (Э.Кочетов).

В сфере Экономики – необходим **приоритет производственного капитала** над торгово-финансовым (ТФК) с введением экологической сертификации на все производственные процессы. Приоритет ТФК в либеральной модели капитализма явился причиной очередного глобального кризиса долговой экономики, и тому есть простое объяснение: оборачиваемость ТФК на порядок выше производственного, особенно в условиях электронной обработки данных и глобальных финансовых (чаще спекулятивных) связей, позволяющих избранным «игрокам», имеющим внесоциальный интерес, действовать по своим правилам, в свою пользу в ущерб своим со-гражданам.

В сфере Политики – **приоритет законодательной власти** перед исполнительной (особенно в сфере распоряжения природными ресурсами), сочетание прав и свобод с ответственностью Личности (Право и Свобода для исполнения воли Творца).

В сфере Государственного управления – **приоритет функций Проектного (стратегического) планирования и управления для обеспечения устойчивости и развития** в триаде ПОЧ с возможностью общественного мониторинга таких проектов (обратная связь).

Модель показывает **Противоречия** как источники развития – см. штриховые линии на рис.1: **В сфере Культуры** – между системой ценностей, соответствующей менталитету Общества, его национальной идее «жить своим умом», и системой ценностей, навязанной народу извне (как сегодняшняя либеральная «западная модель») – снимается на основе воспитания духовно-развитой Личности с преобладанием идей служения и патриотизма как истинных целей Культуры над эгоизмом и потребительским отношением к жизни.

В сфере Экономики – между трудом и капиталом – снимается на основе развития КТС, когда Человек Труда становится совладельцем по Капиталу (в США развивается под названием ESOP), в том числе через справедливую приватизацию.

В сфере Политики – между ограниченными природными ресурсами и стремлением власти к неограниченному распоряжению ими – снимается признанием за обществом права распоряжения природными ресурсами с приоритетом представительной власти над исполнительной (копное право в древней Руси) при соблюдении экологических требований.

В сфере Государственного управления – между центром и децентрализованными структурами управления – снимается на основе систем контроля сверху и снизу (принцип баланса власти, развитие самоуправления). При этом функции управления (планирование, организация, мотивация, контроль), присвоенные граням этого тетраэдра, ориентированы на другие сферы, сопряжённые основанием по функциям собственности:

Планирование – сопряжено с гранью «государственная собственность» сферы Экономики по функции «владение»;

Организация – сопряжена с гранью «исполнительной власти» сферы Политики по функции собственности «распоряжение»;

Мотивация – сопряжена с гранью «Наука+НТП+Образование» сферы Культура по функции собственности «пользование»;

Контроль – сопряжена с гранью сферы БМ (Самоорганизации) по функции «контроль» (имеется в виду взаимный контроль «сверху-снизу» на уровнях «централизация-децентрализация» управления).

Рассматриваемая модель может быть использована как для разработки стратегии и программ устойчивого развития России, так и для формирования образовательных программ, ориентированных на девиз: «Знания в сочетании с воспитанием духовных ценностей дают мудрость!» – по мнению автора в этом и состоит суть концепции опережающего образования, использующего когнитивные модели, гарантирующие устойчивое развитие в триаде «Природа-Общество-Человек».

Новый когнитивный подход изменяет концепцию СЭР общества и требует отказа от либеральной экономики с её концепцией монетаризма и установкой на обогащение за счёт фиктивного капитала при эксплуатации природы и труда. Необходим новый подход с переходом к реальной экономике, в которой воспроизводственный и человеческий капитал преобладает над торгово-финансовым. При этом воспроизводственный процесс рассматривается как составная часть формирования гармонически развитой Личности (человеческого Капитала), что предполагает развитие коллективно-трудовой собственности (КТС) как условия эффективного производства при справедливом распределении дохода.

Продвижение нового этапа реализации УР России требует изменения общественного сознания, для чего необходимо готовить Учителей, способных проводить обучение национальной элиты, ориентированной на интересы страны. Прежде всего, необходима разработка идеологии и стратегии, соответствующих национально-государственным интересам России в соответствии с её национально-культурной традицией и ментальностью, в основе которых лежит генная память здоровых природосообразных начал в Человеке как микрокосме.

Считаем, что приведенная когнитивная модель и её принципы Этики могут рассматриваться как вариант семантической модели СЭС, обеспечивающий не только устойчивое развитие ЦП России, но и ЦП других стран, стремящихся к устойчивости и развитию, т.е. может рассматриваться как основа для разработки Глобального проекта УР всей человеческой цивилизации, ориентированной на космологические уровни развития.

Соколова Р.И.
д.филос.н., в.н.с. Института философии РАН

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *цивилизация, государство, пространство, патернализм, капитализм, социализм, эффективность, успешность.*
Keywords: *civilization, state, space, paternalism, capitalism, socialism, efficiency, successfulness.*

На основе пространственной парадигмы, охватывающей все разнообразие природных, социальных и коммуникационных взаимодействий и способствующих кристаллизации коллективной воли, в России сформировался и соответствующий менталитет, который иногда условно обозначают в виде формулы «мы-я», где «мы» преобладает над «я»[1]. Природно-климатическая обусловленность необходимости совместных действий людей в рамках огромного пространства породила уникальный опыт коллективистских отношений. Эта связь человеческой общности со всей совокупностью природно-пространственных особенностей имела под собой объективную онтологическую и психологическую основу, которая впоследствии вошла в живое коллективное наследие. Люди прежних, более органических и реальных эпох, как отмечает Бердяев, знали более глубокие формы общения и общности[2]. И сколько бы ни иронизировали над якобы мнимой коллективностью и общинностью русского народа, социальная память о «народном коллективизме» в разных своих проявлениях все еще жива. Изучение глубинных оснований жизнедеятельности народа показывает, что он в меньшей степени, чем другие народы подвержен стандарту индивидуализма и частной жизни.

Менталитету «мы-я» соответствует и патерналистский характер управления экономикой и обществом, корни которого находятся в историческом прошлом России. Обусловленные пространственными и природно-климатическими условиями патерналистские черты сформировались в условиях традиционного общества в русской крестьянской культуре. Имущественные отношения, оставлявшие за главой семьи полное право распоряжаться всеми ее средствами, налагали на него большую ответственность и требовали выполнения ряда функций в общественной, хозяйственно-бытовой и морально-психологической сферах. За ним закреплялись функции поощрения и наказания, контроля за соблюдением нравственных норм. Фактически речь идет о властных отношениях авторитарного типа в первичной ячейке общества. Глава семьи определял правила жизни домочадцев по своему усмотрению, а они должны были принять любое решение как неизбежность, поскольку такое поведение гарантировало выживание семьи как целостности. Патернализм, как поведенческий стереотип, пронизывал и культуру образованного общества. Естественно, что его проявления обозначались понятиями, адекватными времени. Наиболее распространенными словами, отражавшими разные стороны патернализма, были попечение и покровительство, а также производные от них. Патернализм как базисное основание в Российской империи реализовывался в категориях заботливости, надзора, поощрения, защиты, благотворения, воспомоществования, пожертвования и т.д.[3]

Патерналистские традиции можно отнести к «коллективному бессознательному», т.е. к культурному архетипу, который управляет его поведением на уровне подсознания и закрепляется в российской ментальности и политической культуре. Патернализм всегда был универсальной и значимой чертой государственно-цивилизационного устроения России, социально-экономическая структура которой способствует воспроизводству патернализма не только сверху вниз, но и снизу вверх. Патерналистские традиции оказались очень устойчивыми и в советский период. Партийные органы осуществляли функции опеки, поощряя и наказывая граждан. В современной трактовке патернализм понимается как доктрина и деятельность с позиций «отеческой заботы» по отношению к слоям и группам, менее защищенным в социальном и экономическом отношениях.

Актуальность проблемы патернализма подтверждается и событиями наших дней, когда сложившаяся в постсоветский период ситуация продемонстрировала потребность народа в опеке со стороны государства, в гарантиях социальной помощи и защиты, которые он рассматривает как нечто априорное, как обязательную функцию власти (правителя). Социологические исследования выявляют устойчивую патерналистскую ориентацию российских работников: в отношении руководителей «преимущественно востребован отеческий тип заботы, а не партнёрское уважение»[4]. Подобный тип отношений ожидается даже от самых высоких руководителей, президентов крупнейших холдингов. Восприятие производственной структуры отношений транслируется и на высший уровень политической власти – прези-

[1] Ильин В. Подойдет ли России социал-капитализм? – http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id...
[2] Бердяев Н. Философия неравенства. – М., 1990. – С. 47.
[3] См.: Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. – СПб., 2008.
[4] Тарловский В. Государство и патернализм. – http://www.eg-online.ru/article/281158/

дента. Согласно социологическим опросам, свыше 80% россиян и в политической жизни страны поддерживают именно такой тип сильного, единоличного начальника – «царя-батюшки».

Исходя из этого, некоторые политики и аналитики делают вывод, что подобного рода патерналистское мировосприятие и мироощущение является частью непродуктивной культуры, отвергающей дух конкуренции и риска, культуры, противостоящей «динамическому буржуазному обществу», нацеленному на прогресс. Поэтому преодоление патернализма было одной из целей либеральных реформ в России. Либералы настойчиво представляют патерналистские ориентиры большинства граждан России как иждивенчество.

Если же обратиться к международному опыту, то окажется, что убежденность граждан в необходимости патерналистской системы отношений, использующих покровительство, опеку и контроль, имеет место не только в России. Цивилизационное значение и важную роль государственного патернализма отнюдь не отвергают в странах с развитой рыночной экономикой. При современном капитализме, основанном на либеральных ценностях, расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют половину расходов населения на питание. В отдельных странах (Япония) дотации в иные годы составляли 80% расходов на питание[1].

Освобождение цен в России в «лихие 90-е» фактически было не либеральным прорывом, а состоявшейся попыткой власти снять с себя ответственность за уровень жизни народа. Приватизация явилась отказом власти от управления собственностью. Тогда же государство, по сути, сняло с себя ответственность за науку, культуру, образование и здравоохранение, то есть за институты, обеспечивающие стратегическое развитие любого общества.

После развала СССР выдавливание государства из экономики обернулось тяжелейшим ударом для страны и общества. Продолжающиеся под разными благовидными предлогами попытки ограничить патерналистские функции государства будут не только провоцировать дальнейший ценностный конфликт с большинством населения, но и всё более раскалывать общество, подрывать его нравственные устои, создадут фундаментальную угрозу самому существованию России[2].

Применение столь обобщенной формулы (мы-я) для характеристики менталитета народа оправдано в ограниченных рамках данной работы, поскольку помогает выделить главное в обсуждаемой теме и прежде всего применительно к вопросу: какой социально-экономический строй может соответствовать такому менталитету? Общинное, коллективистское начало, выраженное в формуле «мы-я» изначально коренилось в органической общности человеческого бытия. Его следует признать, наряду с личностным (разумным и одухотворенным) началом, одним из фундаментальных свойств человеческой природы. «Именно проявлением этих общественных начал и являются те элементы социализма, которые можно выделить на любой стадии человеческой истории»[3]. Зачатки социализма, встречающиеся в семье, племени или государстве, такие как справедливость распределения, отсутствие частной собственности, общность целей, распределение социальных функций и т.д. есть естественное следствие природной социальной целесообразности. Соответствие «мы-менталитета» принципам социалистического общественного бытия есть фундаментальное свойство живой природы, заключающееся в органической самоорганизации целого.

В противоположность этому усиление разрушительных тенденций, возникших на базе капиталистических методов хозяйствования, основанных на эгоизме, индивидуализме и нравственно-этическом беззаконии, которые позволяли эксплуатировать человека, вошли в глубочайшее социально-этическое противоречие с естественно-природной формой самоорганизации социального бытия. Это и вызвало к жизни *социалистическую реакцию*, «то есть стремление социума восстановить природно-естественное равновесие и органическую целостность общественного бытия уже на новом идеологическом уровне. Таким образом, идеи социализма находят себе вполне фундаментальное природно-естественное обоснование, вписываясь в общий контекст цивилизационного самопознания человечества»[4]. Иными словами, в периодическом возвращении человечества к идеям социализма через долгий путь духовно-идеологических исканий и социальных потрясений нет ничего странного и противоестественного, так как социалистические принципы организации общества оказываются идеологической колыбелью цивилизации.

Свойственный России «мы-менталитет» является одной из главных причин того, что именно Россия всерьез задумала и осуществила реальное переустройство общества на принципах социализма. Она пришла к этому всем строем своей ментальности и всем существом своей истории. Однако практически воплотив в жизнь новые социально-экономические отношения, социализм, тем не менее, оказался неспособным в узких материалистических рамках антикапиталистической методологии осуществить духовное преображение человека и человеческих отношений. Негативные проявления социализма выступают не как его имманентное свойство, а лишь как объективное отражение ущербности самой человеческой природы и человеческой истории. В лоне советского социализма сформировался довольно большой слой людей, озабоченных своими личными, эгоистическими интересами, которых можно характеризовать как людей с я-менталитетом, многие из которых, в частности, находили свою экономическую нишу в теневой экономике, сыгравшей свою негативную роль в развале страны.

Не вдаваясь в характеристики двух альтернативных способов хозяйствования – капиталистического и социалистического (советского образца), можно отметить, что капиталистический строй полностью подавляет слой общества с мы-менталитетом, а социалистический (советский) – с «я-менталитетом». Между тем наукой доказано, что наибольшие шансы на существование имеет то, что требует для этого существования наименьших затрат энергии. По-

---

[1] Тарлавский В. Государство и патернализм**.** – http://www.eg-online.ru/article/281158/

[2] Там же.

[3] Молотков А.Е. Миссия России. – СПб., 2008. – С. 127.

[4] Там же, с. 128.

скольку подавление какого-либо общественного слоя связано с дополнительными затратами энергии, наибольшие шансы на существование имеет тот общественно-экономический строй, который соответствует менталитету всех слоёв общества. Поэтому и капиталистический, и социалистический строй, как показала история, оказались нежизнеспособными[1]. Политическая история знает примеры того, как целые режимы гибли, потому что нарушался закон экономии сил, который является регулирующим началом всякого развития.

Существование любого стабильного и способного к солидарным действиям общества невозможно без признания ее членами неких общезначимых правил, по которым живут и трудятся все члены этого общества. В зависимости от складывающейся социально-политической ситуации и потребностей общества актуальное значение приобретает тот или иной социально-экономический строй. Поэтому необходимость актуализации взятых из прошлого образцов поведения и типов мышления может обосновываться не тем, что они являются элементом коллективного наследия, а их реальной действенностью. Иными словами, проблема заключается вовсе не в том, в какой степени эта коллективность еще сохранилась в народе, а в том, отвечает ли она нынешним потребностям общества и государства.

Включившись в настоящее, коллективность с необходимостью приобретает какие-то новые черты, но все же ее главные исторические особенности остаются. В современных условиях существенное значение имеет не само деление на два типа ментальности, а выявление того типа, который сохраняется у больших групп общества, и того типа мышления, который исповедует меньшинство. То есть учет зависимости общественного сознания от тех или иных исторических образцов ментальности является непременным условием любого успешного реформирования. Речь при этом идет не о восстановлении какого-то разрушенного прошлого, а о возвращении к тому, что фактически осталось, к тому, что может быть сохранено и упрочено. В условиях современной России, если еще и можно говорить о каком-то выборе, то такой выбор возможен между капитал-социалистическим строем, который соответствует обществу с менталитетом «я-мы», и социал-капиталистическим, соответствующим обществу с менталитетом «мы-я». Первый строй характерен для западной цивилизации с её приоритетом материальных ценностей перед духовными, второй – для русско-российской цивилизации с обратным приоритетом.

Капитал-социализм ориентирован только на извлечение прибыли для умножения материальных ценностей в ущерб духовным, содержащимся в социализме, хотя и в производном (вторичном) от метаисторического идеала христианства качестве. Локомотивом общества капитал-социализма, обеспечивающим извлечение прибыли, является его я-менталитетный слой. Капитал-социалистическая экономика характеризуется господствующей ролью частной собственности. В то же время эта экономика переняла у социализма необходимость создания достаточно сильного государственного сектора, планирования и государственного регулирования рыночной экономики. Общественный, социальный интерес капитал-социализм учитывает лишь в той мере, в которой это необходимо для его сохранения путём поддержания социального мира между общественными слоями с «я- и «мы-менталитетом». Политическим выразителем этой сути капитал-социализма служат социал-демократические партии, которые наиболее сильны в Европе.

В России, где огромное большинство людей являются носителями «мы-менталитета», народ психологически не воспринимает и не принимает выстраиваемый в современной России социально-экономический строй и соответствующий ему тип экономических отношений. Для России «менталитетным строем» является социал-капитализм, который характеризуется сочетанием государственной собственности в малодинамичных и капиталоёмких областях экономики, имеющих стратегическое значение для государства с элементами рыночной экономики – частной собственностью в высокодинамичных и малозатратных областях экономики, которые требуют достаточно свободной деловой инициативы и удовлетворяют устремлениям эгоистической я-менталитетной части общества[2].

В отличие от советского социализма при социал-капитализме индивидуалистический я-слой не подавляется, а получает возможность самовыражения своей сущности путём предпринимательской деятельности на основе мелкой и средней частной собственности, размеры которой ограничены социальными интересами общества. Крупная собственность и общенародные национальные богатства остаются в руках государства. Социал-капиталистический строй в России будет иметь максимально менталитетный характер и потребует поэтому минимальных затрат энергии на своё существование. Следовательно, он будет самым стабильным из всех возможных альтернатив[3]. Нынешнее российское общество, похоже, только начинает осознавать масштабность новых политических и экономических горизонтов и во многом еще не готово к практическому решению новых задач, оставаясь в рамках идеологических стереотипов прошлого и инерции схематического, шаблонного мышления по принципу «или-или».

Несоответствие менталитету «мы-я» проявляется и в таких нехарактерных для отечественного обществознания понятиях, как «успешность» и «эффективность». Наиболее знаковым является понятие успешности. Манифестируемая через многочисленные рейтинги и индексы, составленные по западным критериям и в соответствии с западной системой ценностей, успешность становится императивом XXI века и наполняется смыслом, вытекающем из либеральной идеологии и рыночной экономики. При этом видение своей и чужой успешности остается очень субъективным. Российское государство, вооружившись понятием успешности и следуя за Западом, вынуждено подстраиваться под западные критерии успешности, доказывать свое право на существование перед более успешными государствами, которые принято называть «развитыми», «цивилизованными».

Сам факт обращения к категории «успешность» сигнализирует об изменении аксиологического отношения к человеку и государству в результате крупных социально-экономических преобразований, проникнутых духом наживы и потребления. Понятие «успешность», содержащее отчасти разумный прагматический аспект в своей интенции, оз-

[1] Ильин В. Подойдет ли России социал-капитализм? – http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id...
[2] Там же.
[3] Там же.

начает выживание любой ценой без оглядки на моральные принципы. Поэтому «успешность» более уместна в обществе, живущем по принцам социал-дарвинизма, где борьба за существование возводится в ранг абсолютного и всеобщего закона жизни. Отсюда вытекает и установка на всеопределяющую роль экономики в человеческой жизни, ставшая преобладающей в современном глобализированном мире, в котором основные моральные ценности заменены ценностью успешности, эффективности.

Подлинная же успешность – это особое состояние, несущее в себе ощущение развития, роста. Такая успешность немыслима без высокой мобильности как человека, так и государства, без осознанной политической воли, устремленной к четко поставленной цели, без умения находить наилучшие пути и средства для достижения цели и, самое главное – без соотнесения своих действий с нравственными нормами и духовными ценностями. Если Российское государство будет ориентироваться на свои нравственно-духовные ценности и обеспечивать свои интересы, оно может считаться успешным в этом смысле слова.

Если считать, что успешность – это достижение максимального результата при наименьших затратах энергии, ресурсов, то в таком смысле это понятие во многом совпадает с понятием «эффективность», являясь по сути его синонимом. «Эффективность», равно как и «успешность», в целом обедняют государство, не отражают всей полноты его жизни, которая слишком сложна и полна бесконечных скрытых возможностей, так что экономический фактор (что бы там ни говорилось) завтра может потерять свое значение по сравнению с идеологическим или нравственным фактором в организации общества. В этой связи должен быть принципиально иной подход к такому важному экономическому аспекту, как приватизация, которую следует рассматривать не через призму абстрактной «эффективности» предприятий и отраслей, а с точки зрения укрепления или ослабления российского государства-цивилизации. Актуально звучат слова: «Мы обязаны смотреть на предложения “приватизировать” государственную собственность через призму следования или не следования России как государства своему цивилизационному предназначению»[1]. Почему это так важно?

Дело в том, что в прошлые века далёкий имперский Петербург с Камчаткой и Сахалином на бытовом уровне связывала культура, язык, традиции. Это и было основой политического и экономического единства. В наше время, когда до Гавайев из Владивостока ближе, чем до Москвы, задача государства – удерживать в своих руках те отрасли экономики, которые являются основой экономического и политического единства. Это транспорт, энергетика, связь, природные ресурсы. Исходя из этого, никакая приватизация ничего из перечисленного списка не должна касаться. Никакие рассуждения о «повышении эффективности» и расширении налогооблагаемой базы не должны даже рассматриваться по причине того, что разрушается единое цивилизационное и экономическое, а вслед за ним и политическое пространство страны. Если разрушится наше единство, то некому будет и собирать налоги с этой самой «расширенной налогооблагаемой базы»[2].

Таким образом, применительно к общественно-политическим системам «успешность», «эффективность» – довольно ограниченные, узкотехнологизированные, прикладные понятия, отражающие сиюминутность, кратковременность процесса, не выявляющие долговременные последствия и не связывающие прошлое, настоящее и будущее. Свое применение они могут находить лишь в очень ограниченных временных и пространственных пределах.

[1] Приватизация и суверенитет. – http:/pandoraopen.ru/2013-03-12/privatizaciya-i-suverenitet/

[2] Там же.

Спиридонова В.И.
д. филос. н., гл.н.с., руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФЕНОМЕН «НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ» И РОССИЯ

Ключевые слова: *современность, модерн, гипермодерн, цивилизация, государство, национальная идентичность, общество потребления, российский культурно-исторический код.*

Keywords: *modernity, modernism, hypermodern, civilization, State, national identity, consumer society, the Russian cultural and historical code.*

В конце XX столетия в общественном мнении России была распространена уверенность, что страна, наконец, «встала на правильный путь», и отныне ничто не препятствует ее европейскому выбору, который мыслился как «цивилизационный». Фактически считалось бесспорным, что существуют общие ценности и общие цели для народов всего мира, и эти ценности и цели воплощает «универсальная евро-американская цивилизация». В самой Европе также имело место твердое убеждение, что такая модель развития единственно приемлемая и безальтернативная для всего человечества и, разумеется, для России.

Однако попытки реализовать неолиберальную модель в нашей стране привели к развалу экономики и социальной сферы, росту коррупции и созданию олигархической модели государственности. Одновременно, провальные геополитические эксперименты по смене режимов в ряде стран подтвердили опасения относительно утопичности теории одновекторного развития. Стало понятно, что особенности культурно-исторических кодов эволюции разных стран оказывают прямое воздействие на социальную и политическую динамику. Возродилась идея суверенитета, возник интерес к исследованию национальной идентичности. Выяснилось, что национальные идентичности как России, так и Европы в целом отличаются настолько, что в отдельные моменты дело доходит до взаимного отторжения.

«Коллективное бессознательное», в том числе и «политическое бессознательное», питаемое разными традициями – римской и византийской, а точнее, западно-ромейской и восточно-ромейской, продолжают существовать, остаются в силе, и, поведение европейских элит подтверждает тезис, что «с места они не сойдут». В этой связи возникает необходимость проследить те трансформации, которые претерпел западно-европейский модернизм в самые последние десятилетия. А они, как свидетельствуют западные исследователи, были весьма бурными. Западное общество и западный индивид прошли в своем развитии стадию постмодерна и вступают ныне в новое бытие, до конца неотрефлексированное, которое именуется разными учеными «гипермодерном» (l'hypermodernité)[1], «сверхмодерном» (la surmodernité)[2], «продвинутым модерном» и т.п. Другими словами – «новой современностью».

Анализ динамики развития европейского общества для нас необходим прежде всего для того, чтобы увидеть новейшие результаты европейской эволюции. Они позволят нам осознать, насколько в реальности логика европейского пути и те ценности, к которым они закономерно приводят, соответствуют запросам и имманентным импульсам российской истории, российской нации и российской цивилизации.

Логика и смысл европейского модерна

«Гипермодерн», как и постмодерн есть продолжение логики модерна, а потому необходимо определить «дух модерна», его принципы и главные ценности, чтобы осознать связь и перспективы этих трех этапов европейского развития, претендующего к тому же на универсальность, на то, чтобы стать эталоном эволюции человечества в целом.

Смысловая квинтэссенция модерна заключается в индивидуальном и социальном освобождении индивида от любого рода гетерономии – внешнего по отношению к нему закона, отличного от всего, что исходит от его автономной нравственной воли. Это освобождение интерпретируется как исторически поступенчатое избавление от разного рода «опеки» – от опеки Церкви (духовной, моральной и научной), от опеки Государства (сначала в виде монархий, а сегодня от так называемых «тоталитарных» режимов), от опеки эстетической (восстание против «до-современных» ценностей, идущих от Античности), от социальной и психологической опеки патриархальной семьи и т.д. Именно этот процесс именуется «исторической возможностью обретения свободы»[3], которую несет с собой модерн. Итогом этого движения к свободе должна стать автономия, которая сама устанавливает закон для своих действий, мыслится как «самозаконие». Реализацию либерального принципа в планетарном масштабе призвана взять на себя глобализа-

[1] Bertucci M.-M. Chronique «linguistique». L'identité plurilingue: un signe d'hypermodernité ? // Le français aujourd'hui. – P., 2007. – N 157. – P. 119–124.

[2] Citot V. La modernité et son devenir contemporain. Notices bibliographiques sur quelques parutions récentes // Le Philosophoire. – P., 2005. – N 25. – P. 153–162.

[3] См., например, Citot V. Le processus historique de la Modernité et la possibilité de la liberté (universalisme et individualisme) // Le Philosophoire. – P., 2005. – N 2. – P. 36. – http://www.cairn.info/article.php?ID_ARTICLE=PHOIR_025_0035

ция, которая представляет собой передачу эстафеты «свободы» от Старого Света к Новому – США, заявленных до недавнего времени как единственная инстанция, способная осчастливить этим достижением все остальное человечество.

Тот факт, что усилия по «освобождению индивида» сконцентрировались преимущественно в евро-американском сегменте мира, логически обусловлен технологическим прогрессом, научно-технической революцией, которая первоначально получила наиболее мощные импульсы именно здесь. Технологические достижения – главные средства для первичного избавления человека от его фундаментальной зависимости – зависимости от природы. Следующей ступенью эмансипации индивида стало стремление «освободиться от общества», которое мешает его самореализации. Главной мишенью в этом процессе стало государство, которое было противопоставлено интересам личности. Однако на этом пути возникли свои «подводные камни». Для того чтобы безболезненно избавиться от государственной опеки, не ввергнув народы в анархию, в реальную «войну всех против всех», нужно было найти инстанцию, которая оказалась бы приемлемой заменой «общего блага» и скрепляющих общество общих ценностей, символом которых долгое время являлось государство. Такой инстанцией стал институт культуры. Культура поэтому становится новой универсальностью, вытесняющей прежнюю традиционную универсальность – государство. «В конечном счете, именно Культура воспитывает дух и дает индивиду доступ к универсальному», утверждает французский аналитик истории модерна профессор философии Винсент Сито[1].

Если Культура как новая универсальность стала одним столпом модерна, то второй ее фундаментальной основой было утверждение ***индивидуализации*** перед лицом сверхиндивидуальных требований. Индивидуализация должна принять форму автономии личности. Автономии, прежде всего, от прежних великих универсалий – Церкви, Государства, Общества. Утверждается новый «прометеевский гуманизм как основание модерна, который делает из человека, в некотором смысле, бога в противовес религии, традиции и обычаю»[2].

Однако вполне ожидаемым негативным следствием индивидуализации и господства автономии может стать феномен атомизации общества, его фактического распада. Для спасения нации от греха атомизации при сохранении главенства принципа индивидуации формулируется идея институтов демократии и права. В их основу легла идея контракта, договора, которая подчеркивает творимый людьми, а значит, искусственный, в определенной мере «самозаконный», свободный от трансцендентной воли характер политики. Идея свободного выбора политического режима человеком исходит из того же либерального постулата об отрицании гетерономии – подчинения внешнему по отношению к индивиду закону. В XXI веке этот постулат получил свое дальнейшее развитие и трансформировался в волюнтаристские действия по смене «непрогрессивных» режимов некоторых государств. При этом были использованы идеи продвижения институтов демократии и прав человека, что превратило их в манипулятивные слоганы.

Эволюция модерна

60-е годы XX века рассматриваются как пик торжества модерна, однако некоторые авторы уже тогда улавливают его закат. Для этого периода характерны расцвет общества потребления и массовой культуры, которым сопутствовал взрыв индивидуализма и появление новейших технологий коммуникации. Произошло резкое повышение уровня жизни в развитых странах Запада. И именно в этих обстоятельствах ценности модерна были поставлены под сомнение. Что же способствовало этому?

Два главных импульса модерна, рожденных Просвещением, – Разум и идеология Прогресса – в середине XX столетия в социальной реальности обернулись двумя жесточайшими войнами, а также изобретением атомной бомбы, и в качестве побочного следствия трагедией Чернобыля. Эти три События стали злыми демонами модерна и приговором ему в глазах европейских интеллектуалов. К этим грехам добавилось то, что харизматическая энергетика модерна, его прометеизм фактически создали тоталитарные режимы в политике. Реакцией на все эти травматические события и стал постмодернизм, который отверг «большие нарративы», а вместе с ним поставил под сомнение универсализм, разум и прогресс. Подсознательное и иррациональное восторжествовало над сознанием, критике были подвергнуты все формы иерархии, власти, авторитета, что должно было окончательно вывести из игры Государство.

Ведущими лозунгами постмодерна стали «право каждого на самовыражение», «на поиск собственного счастья», стремление быть «забавным», «прикольным», «жить легко», «Don't Worry, Be Happy», «Take it easy». Итогом явились два парадоксальных следствия, на первый взгляд взаимно отрицающих друг друга, но тем не менее, исходящих из одного корня – либеральных ценностей свободы и индивидуализма.

С одной стороны, как отмечает в своей знаменитой книге «Эра пустоты»[3] Ж. Липовецки, возник «гедонистический индивидуализм». Современный человек, живущий в эпоху массового потребления, вступил в новую фазу западного индивидуализма, он переживает «вторую индивидуалистическую революцию»[4], для которой характерно сочетание эгоцентризма и крайнего опустошения, индивидуализации и превращение человека в «ничто». «…Постмодернистское общество больше не имеет ни идолов, ни запретов; у него нет ни величественных образов, в которых оно видит себя, ни исторических замыслов, которые мобилизуют массы. Отныне нами правит пустота, однако такая пус-

[1] См., например, Citot V. Le processus historique de la Modernité et la possibilité de la liberté (universalisme et individualisme) // Le Philosophoire. – P., 2005. – N 2. – P. 38. – http://www.cairn.info/article.php?ID_ARTICLE=PHOIR_025_0035

[2] Ibid., p. 39.

[3] Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – М.: Владимир Даль. 2001.

[4] Там же, с. 17.

тота, которая является ни трагической, ни апокалиптической»[1]. Человек стал жителем новой «постмодернистской пустыни», где господствует массовая демобилизация, которая «не сопровождается ни отчаянием, ни ощущением бессмысленности происходящего»[2].

С другой стороны, после 1968 года возникает явная анти-индивидуалистическая тенденция, которая проявляется в популярности разного рода коммунитарных движений, в разнообразии связей и контактов, в объединении в группы по узким интересам. Этот процесс Ж. Липовецки называет «коллективным нарциссизмом», потребностью группироваться с «аналогичными» созданиями. В информационный век подлинный диалог исчезает, а коммуникация превращается в изолированные акты самовыражения, «сообщения ради сообщения, самовыражения ради того лишь, чтобы выразить самого себя, и убедиться, что тебя слушает хотя бы микроаудитория…»[3]. Такого рода нарциссизм потворствует постмодернистской десубстанциализации, также рождающей логику пустоты.

От постмодерна к «гипермодерну»

Большая часть западных исследователей полагает, что расцвет постмодерна пришелся на период с 1960 по 1980 годы. В течение последующих трех с половиной десятилетий шли разнородные процессы трансформации общества постмодерна. И хотя до сих пор нет однозначного и четкого понимания, в какое новое состояние общество постмодерна преобразовалось, наименований нового качества несколько – «неомодерн», «гипомодерн», «гипермодерн», «сверхмодерн», «продвинутый модерн» и т.п. (la «néomodernité», «l'hypomodernité», «l'hypermodernité», la «surmodernité», la «modernité avancée», etc.).

Дело не только в том, что процесс формирования нового качества общества незавершен. По сути, происходит развитие и углубление тех тенденций индивидуализации, социального гедонизма и массового консюмеризма, которые уже были отмечены как характерные черты западного общества конца 80-х гг. прошлого века. С другой стороны, на фоне компьютерно-цифровой технологической революции они приобретают новые черты, которые изменяют портрет современного индивида. И потому западные исследователи предпочитают говорить, скорее, о появлении «индивида гипермодерна» (d'individus hypermodernes), а не о цивилизации постмодерна (de civilisation hypermoderne).

Характеристики «нового человека» современности сочетают в себе парадоксальные приметы. С одной стороны современного индивида отличает инфантилизм, отказ от «свободы-независимости», которые выражаются в призывах к усилению социальной безопасности и в желании вернуть те преимущества, которые давало социальное государство. Такая позиция расценивается как утрата «революционного духа» 60-х, как стремление «построить свое маленькое счастье». И это счастье ассоциируется, главным образом, с материальным благосостоянием, удовольствием и комфортом. Ключевое слово современности, ее «пароль» – «покупательная способность» индивида.

Современный человек превратился в ***гиперпотребителя***. Все стало предметом потребления – школа, религия, семья. Но это означает не только утрату революционного и критического духа 60-х, но фактически и потерю интеллектуальной автономии – главного пафоса и фундамента постмодерна. Именно такая «игра на понижение» вызывает у некоторых авторов негативное восприятие происходящих процессов, разочарование и ощущение отступничества от идеалов свободного индивидуализма. Отсюда и оценочное, по сути, негативное определение современного состояния западного общества как ***«гипо***модерна».

С другой стороны, те же устремления делают современного человека гипериндивидуалистом. Новейшие технологии добавляют к этому такие свойства как гиперактивность, гиперкоммуникабельность и гиперстресс. Возникает настоящая мания коммуникации, желание постоянно «быть на связи» через мобильные телефоны, электронную почту, факс, скайп и т.п., «пользоваться жизнью по максимуму», «жить на скорости 200 км в час». И именно в таком контексте речь идет о «человеке гипермодерна». Его жизнь характеризуется интенсивностью, устремленностью, скоростью, срочностью. В таком случае так же, как и прежде, можно говорить об условном увеличении автономии, свободы и независимости современного индивида[4].

Накануне общества «гипермодерна»

По мнению большинства современных исследователей, западное общество сегодня стоит на пороге перехода в новое качество. Индивид гипермодерна, по мнению Николь Обер, профессора социологии Высшей школы коммерции в Париже, представляет собой симптомы вероятного появления новой идентичности, «антропологической мутации». Характерные особенности такого индивида обсуждались представителями самых разных гуманитарных специальностей на коллоквиуме в Париже в 2003 году[5]. Согласно концепции Н. Обер, формирование индивида гипермодерна, возможно, в скором времени приведет даже к появлению общества гипермодерна. По ее мнению, первые представители этого нового человеческого типа появились уже в 70-е гг. XX века в Европе и Северной Америке. Зачатки же

[1] Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – М.: Владимир Даль. 2001. – С. 23–24.

[2] Там же, с. 60.

[3] Там же, с. 31.

[4] Aubert N. L'intensité de soi // L'individu hypermoderne. – P.: Erès, 2013. – P. 73-88; Kaufmann J.-C. L'invention de soi. – P., 2004; Ehrenberg A. La fatigue d'être soi. 1998.

[5] Aubert N. Introduction. Les métamorphoses de l'individu // L' individu hypermoderne. – P.: Erès, 2013. – P. 7. – http://www.youscribe.com/catalogue/livres/savoirs/sciences-humaines-et-sociales/l-individu-hypermoderne-2526130

самого общества начали возникать в 1990–2000-х гг. в экономически наиболее развитых странах западного мира. Главной чертой таких обществ был феномен так называемого «обострения», «выхода за пределы» всех процессов[1].

Такого рода интенсификация затронула все сферы жизни социума. Она происходила в сфере глобализации рынков и коммерческих потоков. Социо-экономическая гипертрофия проявлялась в росте гиперпотребления, в усилении мировых монополий и роли финансовых рычагов управления. В медиа пространстве через ускорение глокализации (одномоментности присутствия индивида на локальном и планетарном уровнях) взрывалось прежнее модернистское представление о пространстве-времени. На индивидуальном уровне возник культ тела благодаря распространению эстетической медицины. Интенсифицировались формы негативного бытия – от массовой безработицы до международного терроризма. Продолжилось отступление со своих позиций Церкви, профсоюзов, политических партий, государства, их значимости для массового сознания. Эти и другие явления подстегнули утрату социальных и индивидуальных моральных критериев поведения.

В то же время, нельзя утверждать, что гипермодернизм представлял собой радикальный разрыв с принципами модернизма. Напротив, он наследовал и продолжал главные принципы последнего – эмансипацию, приоритет разума, ориентацию в будущее, конвенциональные и контрактные практики социального бытия.

Личность «гипермодерна» – это личность радикально и фундаментально индивидуалистичная. Она вписана в глобальное пространство и мыслит себя в глобальном мире. В этом чрезвычайно гибком, подвижном обществе, которое З. Бауман очень удачно назвал «текучим»[2], выделяются два полюса, два идеальных типа. Первый – это тип, который живет в интенсивном ритме жизни, в чрезмерном упоении потреблением, а значит, под постоянным давлением и стрессом, и который в поисках постоянного насыщения «сжигает» себя своей гиперактивностью. Люди второго типа, напротив, отказываются от участия в этой гонке или оказываются неудачниками и, таким образом, сталкиваются с пустотой существования[3]. Но именно первый, «позитивный» идеальный тип индивида рассматривается как сущностный для общества гипермодерна, подчеркивает Н. Обер[4].

Соответственно, и само общество гипермодерна представляется как модель чрезмерности во всем, выхода за рамки, невероятной интенсивности всех процессов, даже, в определенной степени, «утрированности». Когда говорят о потреблении, то пишут о «гиперпотреблении». Если речь заходит о терроризме, то выясняется, что существует «гипертерроризм». Даже о самом капитализме говорят как о «гиперкапитализме»[5]. Такой беспощадный ритм создает логика развития новых технологий и коммуникаций, которые трансформируют общество.

Индивид гипермодерна изменил свое отношение к собственному телу[6]. Прежняя зависимость от Природы в этом отношении сменилась «самоопределением» человека в отношении своего биологического организма, которое простирается вплоть до возможностей радикальных изменений на генетическом уровне и перспектив клонирования. Трансформировались взаимоотношения с другими индивидами. На место длительных и неразрывных привязанностей пришли краткие, эфемерные и взаимозаменяемые встречи и контакты. Социальные связи стали более легкими и многочисленными и одновременно более хрупкими. Ярким примером тому является множественность контактов в Интернете, реализовать которые в реальном времени было бы просто невероятно даже в масштабе всей человеческой жизни. Человек гипермодерна больше не ищет смысла жизни в «вечности», он настроен на сиюминутное, Бог извне превратился во «внутреннего бога». Человек становится хозяином своего собственного существования, Богом для самого себя[7]. Эта характеристика стала центральной для западного варианта общества сверхмодерна. Круг, наконец, замкнулся. Цель достигнута. Бог умер, человек сам себе стал Богом.

Теоретически важные обобщения реперных точек новой современности предложил Марк Оже, один из крупнейших на сегодняшний день специалистов в области антропологии современности и пост-современности, профессор Высшей школы социальных наук во Франции. В своей знаменитой книге ««Ничейные пространства. Введение в антропологию сверхсовременности»»[8] новое состояние общества он называет «надсовременностью», или «сверхсовременностью» (la surmodernité). По его мнению, главная модальность «сверхсовременности», которая радикально отличает ее от традиционных обществ, – это «перенасыщение», «переизбыток», «чрезмерность» (l'excès). Он выделяет три главных ареала новизны, три модификации такой «избыточности» (un triple excès) – «перенасыщение времени» (l'excès de temps), «перенасыщение пространства» (l'excès de l'espace) и «перенасыщение индивидуальности» (l'excès de l'individualité)[9].

Прежде всего, речь идет о параметре времени, которое в сверхмодерне перегружено событиями. Историки не успевают их истолковывать. Но в то же время эти события «с избытком» комментируются социальными акторами

---

[1] Hypermodernité . – https://fr.wikipedia.org/wiki/Hypermodernité

[2] Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер. 2008.

[3] Castel R. La face cachée de l'individu hypermoderne: l'individu par défaut // L' individu hypermoderne. – P.: Erès, 2013. – P. 119–128; Gaulejac V. de Le sujet manqué. L'individu face aux contradictions de l'hypermodernité // L' individu hypermoderne. – P.: Erès, 2013. – P. 129–144.

[4] Interview de Nicole Aubert. 10 janvier 2006. – http://culture.nextmodernity.com/archive/2006/01/10/l-individu-hypermoderne.html

[5] Ibid.

[6] Tissier-Desbordes Él. Le corps hypermoderne // L' individu hypermoderne. – P.: Erès, 2013. – P. 173–198.

[7] Kaufmann J.-Cl. L'invention de soi. Une théorie de l'identité. – P.: Colin, 2004. – P. 226.

[8] Augé M. Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité. – P.: Le Seuil, 1992.

[9] Augé M. Résumé: Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité. 1992. – http://www.articule.net/wp-content/uploads/2008/10/diapononlieux.pdf

разного рода[1]. Перемены в восприятии времени обязаны исчезновению «больших нарративов», исторических проектов, исчерпанием идеи прогресса. Однако эти характеристики современности уже были проанализированы постмодернистами, в частности, Ж.-Ф. Лиотаром. Марк Оже отмечает, что отсюда следует, что мы более не ищем «истоки», а только «различия». Мы утрачиваем память, а вместе с ней уходит идентичность. Именно постмодернизм с его «концом больших нарративов», проектов, идеологий привел к тому, что их место заняло обилие событий. Чрезмерность «событий» создает постоянную видимость новизны, изменений, но фактически ведет к полной утрате смысла существования.

Во-вторых, происходит трансформация пространства, которое определяется непрерывным и мгновенным переходом от локального, местного уровня к планетарному. Каждая семья имеет возможность присутствовать одновременно и всюду благодаря СМИ. Оба уровня, таким образом, оказываются в теснейшей связке – циркуляция и перемещение восприятия от масштаба деревни к масштабу земного шара становятся обыденностью повседневности. Наконец, в качестве третьей особенности общества сверхмодерна М. Оже отмечает невиданную ранее индивидуализацию, сосредоточение на «я-субъекте»[2].

Несмотря на разнообразие работ, посвященных явлениям, связанным с «гипермодерном», все они сходятся в том, что новое качество не порывает с главными ценностями модернистского проекта – рациональностью, автономией и индивидуализмом. Современные технологии, которые лежат в основе трансформаций, лишь смещают акценты, гипертрофируют указанные черты, доводя их порою до парадоксальности, растут негативные последствия. Но все это не означает отказа от проекта «модерна», от европейских ценностей, которые продолжают считаться общечеловеческими.

Интересно, что среди важнейших событий новейшего времени Марк Оже называет «крушение советского блока»[3]. И этот неслучайно. Сегодня, после избрания нового президента Америки, которое завершает эпоху Нового мирового порядка, Pax Americana, человечество вступает в новую эру, которая должна вернуть Традицию и связанные с нею ценности. Но именно на этом пути европейский «сверхмодерн» оказывается ограниченным своим исходным постулатом отказа от трансценденции. В то же время именно такой импульс хранит в себе Россия. И здесь встает вопрос не только об исчерпании одновекторного развития и однополярной сущности мира, но и о том, какая концепция будет определять грядущее – отказавшаяся от трансценденции и Традиции или сохранившая эти начала в имманентном сознании.

* * *

Экскурс в «новейшую современность», представленную в европейских исследованиях, показывает очевидную преемственность всех этапов модерна, несмотря на жаркие споры и новые парадоксальные характеристики «человека гипермодерна». Это свидетельствует об устойчивости и фактической неизменности сути европейской цивилизации. В то же время более детальное знакомство с новейшими чертами «эры пустоты», «гиперпотребления» и «гиперкапитализма» заставляет задуматься о чужеродности подобных перспектив для ментальности российского человека. Ностальгия по таким ценностям как справедливость, патриотизм, величие страны, единение, общее благо говорят о том, что существуют достаточно большие цивилизационные различия приоритетов развития. В рамках подобных размышлений вновь встает вопрос о переосмыслении Традиции и поиске собственного пути развития, который мог бы успешно сочетать новые технологические достижения и привычные для нас гуманистические ценности подлинного общения и истинно человеческого общежития.

[1] Augé M. – https://fr.wikipedia.org/wiki/Marc_Augé

[2] Abélès M. Compte rendu: M. Augé, Non-lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité // L'Homme. – P., 1994. – Vol. 34, N 129. – P. 139. – http://www.persee.fr/doc/hom_0439-4216_1994_num_34_129_369701

[3] Augé M. – https://fr.wikipedia.org/wiki/Marc_Augé

Сухарев О.С.
д.э.н., профессор, зав. сектором Института экономики РАН

ЭКСПЕРТНО-НАУЧНАЯ КОМПОНЕНТА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КАК ФУНКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

Ключевые слова: *план, стратегия, планирование, управление, государство, экспертно-научная функция.*
Keywords: *plan, strategy, planning, management, state, expert-scientific function.*

1. Основная проблема экономической науки – предвидеть будущее?

Стратегия развития экономики представляет собой не только систему целей и задач, которые требуется достичь и решить в отдалённой перспективе, но, на мой взгляд, включает набор инструментов – мер экономической политики, которые этап за этапом (период за периодом) должны действовать в направлении достижения данных целей и решения поставленных задач. Безусловно, по мере движения и цели, и, тем более, задачи, конечно, и инструменты их решения будут по необходимости претерпевать некоторые изменения. Причём данные изменения не могут не учитываться при коррекции стратегии – основного вектора направления движения экономической системы. Таким образом, стратегия ориентирована в будущее, но не может не учитывать то, чем экономика располагает в настоящем, и какой опыт развития накоплен в прошлом. Если стратегия оторвана от указанных характеристик системы, то тем менее успешной будет её реализация.

Современные трактовки сводят стратегию к способу действия, либо плану, обладающему довольно высокой неопределённостью, ориентированному на длительный отрезок времени. Для предпринимателя стратегия – это некая модель поведения, предполагающая набор изменяемых действий, приводящих к реализации долгосрочной цели, либо набору целей. Следовательно, важно то, как формируется набор целей, вытекающих задач, каким образом обосновываются действия – меры, применительно к государству, экономической политике. Если отдельный индивид или даже некая группа не реализует свою стратегию, последствия касаются некоторого круга лиц, который обычно всё-таки ограничен. Однако, при провале государственной стратегии развития экономики, последствия касаются в разной степени, но всех граждан страны. Планирование является функцией управления системой, поэтому предполагает набор взаимосвязанных действий, методов, позволяющих не просто поставить, обосновать необходимые цели развития, но и определить ресурсы, требующиеся для достижения различных целей. Как стратегия бывает ориентированной на разное время своей реализации, так и план, являющийся результатом процесса планирования, также охватывает в каждом случае свой интервал времени. Стратегическое планирование обязательно предполагает сугубо долгосрочную ориентацию, то есть период, как минимум, никак не меньше пяти лет. Однако чтобы запланировать на такой период, требуется чёткая оценка событий до того, как это время подойдёт. Следовательно, для коррекции промежуточных целей и реализации задач на относительно коротком интервале, требуется использовать набор методов и алгоритмов, включая модели оптимального управления и планирования, обеспечивающие обоснование оптимального распределение ресурсов между целями функционирования экономической системы. Применение научно обоснованных походов к постановке целей и задач, повысит адекватность формируемой стратегии развития и набора планов, включая стратегические планы, кои придётся исполнять, причём агенты – исполнители будут осуществлять поставленные задачи в наилучшем по своей адаптивности режиме функционирования. Если экспертно-научный подход в области стратегического планирования будет реализован полномасштабно, он и обеспечит учёт принципов «адекватности целей и задач» и «адаптивности агентов».

Вот что отмечал академик Л.И. Абалкин по поводу стратегии: «Из узловых идей, присущих российской экономической мысли,…. на первом месте стоит подъём общественных производительных сил нации**.** Это проходит через многолетнюю коллективную работу Академии наук, начиная от исследования природных богатств России до комплексной программы НТП. Здесь всегда важно видение целого, примат стратегии над тактикой, умение выстраивать приоритеты.

Рождение стратегии – это функция науки, её приоритетная задача. Учёные должны добиваться права на любом собрании и в каждом выступлении говорить, что это – наша задача. Далеко не всем нужны наши советы. Но если сегодня решать эти вопросы, то их надо решать жёстко и настойчиво».[1]

Вместе с тем, горизонт стратегического планирования, конечно, ограничен свойствами динамики изменений экономической системы. С одной стороны, было бы интересно и, вероятно, полезно, что-то запланировать, скажем, к 2070 или 2100 году, однако никто из ныне живущих планировщиков не сможет увидеть реализацию своего плана, не говоря уже о его точном исполнении. Кстати, некоторые математические прогнозные модели позволяют «увидеть»

[1] Абалкин Л.И. Россия. Поиск самоопределения. – М.: Наука, 2005. – С. 275–276.

ситуацию на таком интервале времени. Вместе с тем, они отнюдь не гарантируют, что ситуация будет именно такая, какую они показывают на сегодняшний день, демонстрируя оценки будущего, формально представленные математическими соотношения сегодняшнего дня. По существу, эти математические записи либо должны точно отразить фундаментальные свойства развития, чтобы на периоде прогноза дать соответствие модели и фактов жизни, либо их результат случайно совпадёт (не совпадёт) с тем, что сложится к данному сроку.

Свойства обратимости и необратимости экономической динамики и изменений системы задают горизонт эффективного «стратегического планирования». Под эффективным стратегическим планированием можно понимать такое планирование, когда довольно точными научными методами оценки складывающейся ситуации и возникающих тенденций как в настоящем, так и в ближайшем будущем, можно обеспечить выполнение намеченных целей и задач за счёт управляемого распределения имеющихся и вновь созданных ресурсов на данном интервале времени. Этот интервал и составит горизонт эффективного стратегического планирования. Чем менее стабильна и эффективна изначально экономическая система, тем, видимо, даже при высоком развитии методов планирования и разработки стратегий, горизонт эффективного стратегического планирования будет меньше. Иными словами, планы, программы, цели, задачи будут охватывать меньший промежуток времени. А если они будут ориентированы на больший срок, то их полное достижение в таком случае будет проблематичным либо невозможным.

Чем выше возможности предвидеть будущее, тем адекватнее будет стратегический план и процесс планирования. С другой стороны наличие плана и осуществление планирования на длительную перспективу формирует будущее. Если план не выполнен, это означает, что будущее, по факту ставшее настоящим, не совпало с теми ожиданиями и прогнозами, которые делались заранее. Считать ли это провалом планирования – большой вопрос, потому что имеются объективные ограничения в области планирования, носящие фундаментальный характер, когда невозможно, либо трудно, предсказать изменение всех возможных факторов и условий, определяющих изменения в экономической системе. Кроме того, эффект накопления изменений, самостоятельного усиления или ослабления вообще не подлежит должной оценке на базе имеющихся сегодня методов. Частота предпринимаемых институциональных коррекций, различных решений настолько высока, что этот генератор в своём влиянии на экономическую динамику становится слабо предсказуемым. Кстати, именно это обстоятельство наравне со многими другими, предопределяет актуальность планирования как функции управления государством.

Нужно сказать, что возможность предвидеть будущее, наравне со многими иными условиями, будет определяться тем, насколько экономическая наука способна установить фундаментальные соотношения и связи (законы), выявляя внутреннюю логику их изменения со временем. К установленному горизонту планирования потребуется сказать, сохранятся эти соотношения, связи параметров, либо нет, и что самое важное – почему, в силу каких причин, поскольку именно эти причины и факторы развития на длительном интервале времени потребуется учитывать в стратегическом плане и возможных его модификациях по ходу самого движения системы к определённым целям. Определимость целей, адекватность их постановки и подбор инструментов их достижения будут во многом зависеть от экспертно-научной функции экономического знания. Проблемы с этой функцией (дисфункцией экономического знания) потребуют имманентного сжатия горизонта планирования, либо коррекции плана в процессе развития системы, с пересмотром, а иногда и отказом от некоторых целей или задач, в силу недостаточности ресурса на это, или, что хуже, неадекватности постановки самих целей и задач. Как видим, во всех случаях при стратегическом планировании время является важнейшим параметром и одновременно своеобразным ресурсом, при использовании которого оценивается и результативность плана.

Современное аналитическое планирование представляется хорошо развитой информационной системой в рамках структуры управления государством, которое должно влиять на формирование текущей и перспективной экономической политики по схеме «потребности – возможности – результаты». Таким образом, подбор инструментов воздействия на систему, очередность их применения, масштаб и силу применения, включая политико-правовые методы изменения институтов, составляют смысл работы современных плановиков и плановых органов, они связаны с получением релевантной информации об агентах, реакциях их на применяемые инструменты политики, оценок действенности – значимости (весов) отдельных мер правительства. Это предопределит успех в достижении стратегических целей, обеспечивая, тем самым, эффективность стратегического планирования. Безусловно, помимо функции планирования, государственное управление предполагает реализацию функций организации, контроля, мотивации и координации. Дисфункции по каждой функции возникают различные по величине, но совместно могут усиливать дисфункцию управления. Координация государственных программ, планов, даже целей развития требует более широкой постановки, нежели просто в виде задачи оптимального распределения ресурсов между целями. Указанное решение, если оно получено, является, разумеется, необходимым, но оно не будет достаточным, учитывая роль институтов и изменчивости внешних условий, оказывающих сильное влияние на динамику конкретной экономической системы. К тому же структурная динамика системы обладает специфическими свойствами (не поддающимися часто агрегации), что обычно не учитывается при формировании стратегических целей и планов. В связи с этим задачи координации и экспертно-аналитического мониторинга планов выходят на первый план государственного управления. Точно также как для экономики важны цели экономии ресурса и получения наилучшего и/или наибольшего результата при как можно меньшем расходе ресурса (при сопоставимости результатов), поэтому явно или неявно, но цель обеспечения эффективности является первостепенной, так же и для управления – в качестве перманентной, первоочередной задачей выступает тестирование всех решений и действий на предмет снижения дисфункциональности самого управления. Возникает по сути две задачи – оптимального распределения ресурсов между целями, и оптимального распределения функций с поддержанием и качественного состава (по системным характеристикам). Здесь и возникает трудность, потому что аналитики могут дать оценку будущего проекта по ресурсам, однако, совсем не просто это сделать

относительно состояния функций, особенно управления. Тем более что государственное управление по своему содержанию и смыслу сильно отличается от управления на всех других уровнях экономической системы. Функционалы здесь разные, причём неэффективность низких уровней управления относительного государственного управления, может сильно не сказываться на последнем, а вот неэффективность госуправления не может диффузно не распространяться и не сказываться в той или иной мере на эффективности управления на всех остальных уровнях. Для каких-то систем и условий подобные связи могут и не наблюдаться, но именно этот вопрос соотношения эффективности управления на различных уровнях исследован в современной науке недостаточно полно, особенно с учётом практических приложений.

2. Планирование как функция управления

Планирование предполагает снижение неопределённости деятельности, так как понятно, когда есть план, к чему необходимо стремиться. Однако, что ожидать от предпринимаемых мер – остаётся часто всё равно не ясно, ибо хотя аналитическое планирование предполагает обоснование действий и решений, тем не менее, оно не гарантирует, что конкретные решения и принимаемые меры, в точности обеспечат движение к намеченной (в плане) цели. Следовательно, существует проблема отклонения от «целевой траектории» движения, причём само отклонение возникает вроде при обоснованных в плане действиях – мероприятиях. Это связано с тем, что точность оценки необходимых факторов развития системы к цели, а также совокупности инструментов экономической политики, применяемых в качестве помогающего стимула такого движения, оказываются не безупречными. Рассмотрим эту серьёзную проблему с формальной точки зрения.

Пусть имеется набор факторов, обеспечивающих развитие экономики F = {f1, f2,… fn}, и этому набору можно поставить в соответствие набор инструментов[1] I={i1, i2,….im}, причём, в общем виде n≠m, к тому же один и тот же инструмент может оказывать различное влияние на различные параметры экономической системы, воздействуя на большую интенсивность применения одних факторов, но ослаблять действие иных факторов. В общем случае, набору факторов очень трудно поставить соответствующий набор инструментов. Ясно одно – при изменении набора факторов (весов, значимости отдельных факторов), по идее, должен измениться и набор инструментов, по крайне мере, их сила и возможность применения. Это изменение зависимо не только от структуры факторов, но и, например, от того, какое направление развития необходимо для экономики.

Наборы факторов и инструментов сами по себе могут динамически изменяться, то есть, появляются какие-то новые факторы, входящие в набор уже существующих, и одновременно исчезают (устаревают или теряют свою силу) уже действовавшие факторы. То же относится к инструментам экономической политики – они видоизменяются, наполняются новым содержанием, придумываются (что на сегодня является редкостью). Кроме того, факторы, как и инструменты, могут ускорять динамику системы, но могут и тормозить развитие – в отдельном варианте, либо совокупно с иными факторами и инструментами. Для получения модели экономической политики, конечно, можно считать, что факторы не связаны с инструментами, как и изменение состава факторов и инструментов, однако, на практике ситуация, скорее всего, будет сложнее – подобная связь довольно значима, и её, необходимо учитывать. Можно считать, что инструменты не связаны друг с другом, однако, и это допущение является «не живым», так как на самом деле инструменты зависимы[2], даже несмотря на то, что контролируются разными ведомствами («эффективная рыночная классификация» Р. Манделла). На целевые установки плана, программы оказывают влияние факторы (ресурсы) и инструменты. Поэтому цели (вытекающие из них задачи) плана изменяются под воздействием факторов (ресурсов) и инструментов влияния правительства, которые в общем случае сказываются и на факторах. Однако при таком представлении на систему целей $T = \{T_1, T_2, \ldots T_K\}$ влияет изменение факторов и инструментов. Тогда можно записать основное уравнение изменения целей или основное тождество планирования:

$$\frac{dT}{dt} = a\frac{dF}{dt} + b\frac{dI}{dt},$$

где a, b – коэффициенты, отражающие величину зависимости целей плана от изменения факторов (ресурсов) и изменения инструментов экономической политики. Если b>a, то экономическая политика оказывает более существенное влияние на изменение цели плана (на достижение цели или отклонение от неё), если a>b, то факторы (ресурсы) наиболее влияют на изменение цели (достижение или отклонение от реализации цели), экономическая политика (инструменты) демонстрирует меньшую силу. На факторы влияют инструменты: $F = \varphi(I)$, тогда:

$$\frac{dT}{dt} = a\frac{d\varphi(I)}{dt} + b\frac{dI}{dt}.$$

Влияние на цели плана складывается, но это влияние может быть противоположным, то есть, факторы изменяют цель так, что план будет выполнен, экономическая политика в обратном направлении. Сумма вкладов определит общий результат. Возможно и обратное соотношение – экономическая политика помогает движению к цели, а ресурсы выступают ограничениями такого движения. Введём «структурную функцию экономики» или «структурную функцию цели» $\Omega(T)$, тогда представим изменение факторов и инструментов, связанные именно с этой функцией, задаваемой в виде некоего экзогенного параметра системы (нормативно), то есть $dF/dt = \Omega(T)\, dI/dt$. Тогда:

---

[1] Под факторами понимаются, например, ресурсы, под инструментами – меры воздействия правительства.

[2] Отдельные инструменты отличаются по своей природе и, конечно, в таком случае не зависимы – имеется в виду относительно цели/целей развития. Например, денежно-кредитная и антимонопольная политики.

$$\frac{dT}{dt} = \frac{dI}{dt}[a\Omega(T) + b].$$

Откуда несложно сделать вывод, что изменение инструментов экономической политики есть интеграл структурной функции цели, то есть:

$$\Delta I = \int \frac{dT}{a\Omega(T) + b}.$$

Выражение усложнится при интегрировании, если параметры a, b будут не просто зависеть от времени (веса факторов и инструментов по вкладу в достижение цели изменяются с течением времени), но и функциями от T – структуры целей.

Тем самым, структура целей будет влиять на вес факторов (ресурсов) и имеющихся инструментов экономической политики, тогда Z(T)=a(T) Ω (T) +b (T) и изменение инструментов будет зависеть от этой функции:

$$\Delta I = \int \frac{dT}{Z(T)}.$$

Как видим, проблема планирования предполагает решение вопроса о прямых и обратных зависимостях различных параметров системы, но, как бы то ни было, она сводится к нетривиальной задаче проектирования/определения системы целей, ресурсов и инструментов воздействия на различные элементы экономики, суммарно обеспечивающие её движение к намеченным целям, либо удаления от них. Обобщая, выбор приоритетов развития не может осуществляться методом «большого пальца», либо методом отнесения всех имеющихся или необходимых направлений деятельности – это, как правило, не позволит добиться режима согласованного развития и достижения плановых показателей. Намеренное занижение плана, с тем, чтобы потом его перевыполнить, либо завышенные плановые установки будут символизировать недостаточное научно-аналитическое и экспертное обоснование плана.

Таким образом, понимая управление как воздействие на систему по многим направлениям с общим вектором этого воздействия на достижение необходимого набора целей, планирование как функция управления предполагает определение такого набора факторов и инструментов, которые дают общую равнодействующую искомой динамики систему в направлении в цели. Следовательно, аналитическое обоснование такого набора факторов и инструментов составляет краеугольную задачу планирования, определения стратегии, причём сбор релевантной информации выступает главным условием эффективного процесса планирования.

3. Информационная функция государственного управления

Государственное управление, если правительство стремится сделать его эффективным, требует оперативной и релевантной информации о текущем поведении агентов и о предполагаемом изменении их поведения, особенно в привязке к тем действиям, которые планирует осуществить правительство. При формировании политики важно повышать уровень информационного обеспечения не только самого правительства, но и агентов. Следовательно, нужна достоверная и открытая информация о готовящихся и уже проводимых мероприятиях и о предполагаемых последствиях. Главная ошибка при проведении любых реформ – их проведение при высокой скудности информации, либо намеренном её искажении. Современные формы планирования требуют понимания целей, задач, ресурсов, результатов. При резком ухудшении параметров экономической системы вследствие применения той или иной экономической модели необходимо иметь алгоритм предотвращения такого исхода и элиминирования такой динамики, в ряде случаев путем отмены начатых мероприятий. Без наличия такого алгоритма начинать реформирование, даже если действия имеют вынужденный и срочный характер, а реформа предстаёт как система антикризисных действий, не имеет смысла по причине высокой вероятности неудачи. Причина неудачи – имманентная ограниченность горизонта управления системой, системная асимметрия информации, которая в данном случае является лимитирующей для развития всей системы.

Государство в лице правительства воздействует на агентов, принимая конкретные решения и создавая институты, а также сообщая информацию о своих намерениях и планах. Эта информация способна коренным образом изменить не только мотивы поведения, но и сферу деятельности агентов. Воздействие распространяется на конкретные параметры, будь то денежная масса, объём депозитов, величина сбережений или инвестиций, экспорт и импорт, расходы по статьям бюджета, занятость и т.д. Проходит некоторое время, прежде чем правительство получит информацию о том, как повлияло его решение, к чему привело. Часто оценки результатов воздействия крайне затруднены, либо приукрашиваются бюрократией, работающей для отчётности, а не на реальное содержание изменений. Это нужно для оценки эффективности действий, а также для того, чтобы определить, наращивать силу воздействия или ослабить, либо вообще прекратить. Но инерция принятия решений и законы работы бюрократии, не заинтересованной в полном решении проблемы, снижают эффективность государственного управления. Если к этому прибавить ангажированность принимаемых политических решений, наличие групп особых интересов, а также прямые ошибки управления (планирования), в силу, например, некомпетентности чиновников, то это суммарно определяет неэффективность или, как минимум, не высокую результативность государственных решений. При этом данная неэффективность не означает эффективности принимаемых решений в частном секторе, ибо это другие решения по своему содержанию и смыслу, спектру приложения.

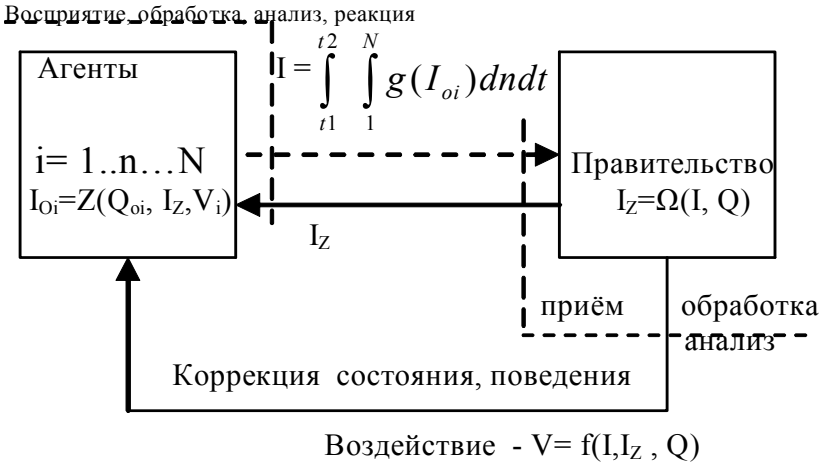


Рисунок 1.
Информация в системе «правительство-агенты»

Как видим из рисунка 1, число агентов экономической системы 1… N, каждый из которых имеет информацию, зависящую от информационного сигнала правительства I_Z на интервале [t1, t2], от воздействия правительства, т.е. принимаемого решения V, которое каждого агента коснётся в разной степени V_i в зависимости от исходных установок политики правительства Q, совокупной реакции агентов I, и информационного сигнала I_Z. Коррекция V_i есть изменение общего воздействия V на одного агента – n, причём $V_i = y(V, Q_{oi})$, где Q_{oi} – есть исходный потенциал i-го агента. Воздействие на i-го агента можно представить как изменение корректирующего воздействия V на изменение числа агентов n, подпадающих под это воздействие $V_i = dV/dn$. Тем самым, можно записать, что совокупная реакция агентов по системе, состоящей из N агентов и корректирующее воздействие правительства на отрезке времени [t1, t2] будут равны:

$$I = \int_{t1}^{t2} \int_{1}^{N} g(I_{oi})dndt,$$

$$V = \int_{t1}^{t2} \int_{1}^{N} y(f(I, I_Z, Q), Q_{oi})dndt,$$

$$i = 1.....N.$$

Функция по i-м агентам представляет собой некую сложную функцию, отражающую информацию, которой располагает каждый из агентов. Примечательно, что какой бы большой ни была группа агентов в обществе (это могут быть сотни миллионов человек), набор реакций на правительственные действия ограничен характером самих воздействий. Совокупный информационный поток в общем виде I (t, n, I_{oi}), зависимый от времени и числа агентов, а также главным образом от переработанной ими информации от правительства и в силу корректирующего действия правительства, сообщает правительству через некоторый промежуток времени (лаг) о реакции агентов на предпринятые воздействия V. Следовательно, функция коррекции агентов, идущая от мер, принимаемых правительством, зависит ещё и от этого лага. Если правительство думает, что получило достоверную информацию и осуществляет новую коррекцию, а информация на самом деле не получена и не обработана, то происходит наслоение действий правительства. Это может исказить оценку предыдущей коррекции по причине данного наслоения, а может и не исказить, если коррекции независимы, либо реакция агентов по обработке воздействия не обеспечит наложения предыдущего и текущего воздействия. Из возможных реакций на одно и то же действие правительства агенты могут разделиться. Часть из них отреагирует по сценарию N_1, другая часть – по сценарию N_2, третья часть – по сценарию N_3, так что $N = N_1 + N_2 + N_3$. Если сценариев m, тогда $N = N_1 + \ldots + N_m$. Если в этом ответе превалирует, скажем, 2–3 реакции из многих возможных, то интерес представляет то, как эти 2–3 превалирующие реакции повлияют на макроэкономические показатели, такие как совокупный спрос, предложение, объём инвестиций, бюджетные расходы, инфляцию и уровень занятости. Иными словами, в каждом случае нас будет интересовать взнос воздействия правительства на изменение макроэкономических параметров через реакции агентов на эти воздействия, осуществляемые, чтобы параметры изменить в установленном направлении. Однако реакции могут как привести к изменению некоторых параметров в нужном направлении, так и обеспечить изменение в ином направлении, либо на очень незначительную величину. Как видим, важны предположения об изменении параметров экономической системы при тех или иных воздействиях. Ситуация становится очень сложной, когда одновременно принимаются несколько правительственных мер (программ).

Уровень доверия агентов правительству тогда можно формально представить как увеличение информации I_Z, идущей от правительства в величине I_{oi} каждого агента на выбранном интервале времени, так что реакция агента – информационная реакция I целиком включает I_Z и коррекция поведения агента V_i, имеет одинаковое направление с

корректирующим воздействием V. В таком случае налицо полное доверие агентов правительству (органу управления системой агентов)[1].

Правительство, вводя или изменяя институты, создаёт самостоятельные центры-генераторы информации, ибо отдельно работающий и изменяющийся в функциональном смысле институт обеспечивает воздействие на агентов, которое может оказаться более сильным, нежели правительственные корректирующие меры. Тем самым, информационные взаимодействия на практике сложнее, чем схематичное одностороннее представление, так что агенты пользуются не одним информационным каналом. При наличии других источников информации возможен диссонанс в восприятии правительственных решений, уровень доверия резко снижается, что отражается на параметрах V_i и I. Правительство имеет искажённый сигнал I, что сказывается на величине I_Z, которая повлияет на V, далее на I_{oi} и, опять же, на I. Как видим, информационные взаимодействия порождают кругообороты, усиливающиеся или ослабляющиеся с точки зрения критерия накопления релевантной информации. Таким образом, различные информационные контуры взаимодействуют в экономике, приводя к неодинаковым и неожиданным результатам в виде реакций на те, или иные действия.

Заимствование (импорт) институтов в России, сыграло в целом отрицательную роль, однако, проблема ещё шире, ведь создаваемые – выращиваемые институты, следует отметить, вводятся бессистемно, в режиме так называемой «институциональной чехарды». Соответствующие органы власти разрабатывают десятки законов и сотни поправок, обнажая эффект «спящего института», когда усилия на создание закона (правил) осуществлены, а сами эти вводимые правила не работают совсем, либо частично не исполняются. Это говорит о наличии как минимум институциональной неэффективности и, конечно, подчёркивает проблему эффективности государственного управления, ибо даже последовательность ввода институтов, их связность – будут играть ключевую роль во влиянии на изменение экономической системы. Иными словами, стратегическое планирование декларируется, но его нет, а наука обслуживает сложившийся в обществе status quo. При таком условии формально (для отчёта) можно развернуть и систему стратегического планирования, но будет ли оно исполнять коренную свою функцию – большой вопрос. Скорее всего, оно будет столь же дисфункциональным как и многие иные созданные институты в России, ибо чтобы институт работал эффективно, требуется активизации его принудительной функции. То есть, стратегическое планирование должно подчинить многие решения, которые принимаются вне его рамок, по некой «практической целесообразности», без должного продумывания и обоснования.

4. Ошибки стратегического планирования и их преодоление

По большому счёту, главной ошибкой[2] является свёртывание системы стратегического планирования при управлении государством (в полноценном виде эта система не развёрнута до сих пор, что и определяет новую постановку задач по решению данного вопроса), либо нарочитое свёртывание или упрощение функции планирования, когда она сводится до разработки отдельных программ и проектов, реализуемых вне связки и видения общей перспективы. Именно такой подход преобладал в 1990-е гг., отчасти и в 2000-е годы, когда на основе федерального и региональных законов о программах социально-экономического развития, создаваемых отраслевых программ (разрабатывались и методики их проектирования) проводилась политика поддержки реального сектора экономики, которая в свою очередь не смогла оказаться более сильной, нежели структурно-институциональные трансформации, имеющие действительно «стратегическое» содержание, во многом обесценившие прочие меры. Хотя трудно представить, как бы система развивалась без этих мер (программ и проектов). Видимо, итог был бы ещё более негативным.

Важным считаю отметить, что многие институты, включая и «стратегическое планирование», представляющее собой систему правил, методов, методик, моделей, а также организаций всё это реализующих, обладают имманентным уровнем дисфункций. Иными словами, некие сбои, ошибки заложены в саму логику функционирования института. Применительно к стратегическому планированию как функции управления основные сбои вызваны следующими обстоятельствами:

– несовершенством прогнозных оценок (расчётов) в силу неопределённости будущего, а также ограниченности применения агрегированных величин, не отражающих релевантное изменение системных связей (грубо говоря, это эффект «опаздывающей», а также несовершенной статистики);

– отсутствие чётких критериев по выбору горизонта планирования и разбиению развития системы на этапы;

– трудности в оценке потребностей, возможностей, результатов, с искажением шкалы «потребности-возможности-результаты» с вытекающими завышенными или заниженными плановыми показателями, даже в том случае, если осуществляется гибкое планирование с коррекцией стратегического плана (пересмотр целей, изменение отдельных задач)[3];

---

[1] Когда множатся публикации статей о необходимости учёта доверия, не лишним будет напомнить, что представляет собой доверие с информационной точки зрения.

[2] О необходимых изменениях ещё в проект закона о стратегическом планировании в РФ автор давал предложения см. статью: Сухарев О.С. Возможности и ограничения государственного стратегического планирования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2014. – № 27(264). – С. 19–28.

[3] По идее, планирование должно ориентировать экономическую систему на развитие чуть выше возможностей, чтобы план был устремлён в будущее, на взятие новых рубежей развития. Тем самым, план не должен поощрять стагнацию, а должен быть дополнительным генераторов повышательной динамики, при этом приближая систему к достижению потребностей, при верном их определении, но и сильно не превышая возможности. В любом случае, требуется научно обоснованная оценка как потребностей, так и возможностей, но и результатов, не подгоняемых под политическую необходимость.

– несогласованность различных видов планирования (план для национальной экономики, планы по видам деятельности, отдельные крупные программы и т.д.), с выделением специфики для государственного и частного секторов экономики, с выделением обязывающих параметров плана и рекомендуемых, направленных на поощрение неких стимулов поведения (в большей степени, индикативное планирование);

– трудности в определении достаточного ресурса под выполнение цели, задачи плана, вкупе с действующими факторами развития и его торможения, а также инструментами применяемой текущей экономической политики;

– инерционность системы государственного планирования, включающей аналитические центры, отдельные организации и т.д., которые подвержены эффекту доказательства «собственной правоты», отстаивают плановые показатели, а также «бюрократической ригидности» к изменению плана, коррекции программ и проектов, что особенно трудно, когда бюджет (федеральный закон) определили уже финансовые назначения. Это является институциональным ограничением эффективности стратегического планирования, которое преодолевается, если стратегический план пересматривается, хотя такой процесс при неоднократном повторении способен породить эффект снижения доверия к правительству (перманентно изменяющего прогнозы и планы);

– создаваемые программы охватывают различные виды деятельности, которые не всегда можно согласовать и определить полезный их масштаб количественными методами, более того, любые программы и проекты конкурируют по поводу ограниченных финансовых ресурсов, без коих они реализованы быть не могут[1].

Реализуемые государственные программы развития, которые направлены просто на финансирование каких-то объектов в рамках данной структуры, предоставив на какое-то время ресурс объектам в рамках программы, затем уже не обеспокоены тем, где оказывается этот ресурс – а он «вымывается» из сферы предназначения (важным остаётся первичное финансирование – это, на мой взгляд, неверный подход).

Государственные задачи требуют учёта многих обстоятельств при своей постановке, что не наблюдалось и не наблюдается в России. Программы развития не согласованы. Например, применительно к промышленности, работают такие институты как Фонд развития промышленности, Агентство технологического развития, приняты государственные программы, ещё действуют федеральные целевые программы, но уровень согласования их, ресурсного обеспечения – оставляет желать лучшего. Решения не готовятся в рамках шкалы «потребности – возможности – результаты», не учитывают необходимость взаимосвязи секторов, видов спроса, технологий и т.д. Программирование развития секторов должно исходить из потребностей замены фондов, кадров, технологий, стимулирования накопления интеллектуального капитала, с учётом технического потенциала данной системы. Структурные задачи крайне важны – они касаются распределения инвестиций между трудом и капиталом с необходимостью преодоления порочного круга, когда высокий износ капитала – фондов, воспроизводит эффект деквалификации, углубляя проблему распределения ресурсов между подготовкой кадров и заменой фондов. Программы развития «реального секторы» требуется проектировать исходя из подобных задач, с учётом взаимодействия секторов и рынков (сырьё, материалы и элементная база, средства производства и др.)

России нужна система управления, социально-экономическая стратегия развития, аналитическое прогнозирование, согласование программ развития (программирование развития) и определение тактических – операционных способов воздействия на экономическую систему (текущей политики) в увязке со стратегическими задачами развития.

Актуализация этой потребности приводит к необходимости развёртывания всеобъемлющего планирования, с учётом возможных ошибок, которые свойственны данным процедурам по своей природе, а также в силу ограниченных возможностей экономической науки. Ликвидация этих ошибок возможна при совершенно ином подходе к планированию, когда оно представляет движение системы как совокупности управляемых планов того временного горизонта, который находится в зоне влияния управленца с полным набором имеющихся текущих ресурсов и с учётом потенциала использования природно-ресурсного, человеческого, научно-технического капитала и созданных фондов экономики.

Экономическая политика правительства обязана быть согласованной, а страна иметь план развития хотя бы на 5 и 10 лет. Должен быть координирующий орган правительства и группа при Президенте РФ, которой бы правительственные структуры подчинялись. При министерствах соответствующие аналитические структуры должны готовить отраслевые решения, а вся система планирования исполнять в определённом диапазоне функции Госплана. Речь не идёт о копировании, которое невозможно, а о восстановлении важнейших функций управления, в частности, таких как планирование и координация. Это должно сыграть позитивную роль в части разработки и реализации согласованных программ развития, повысить эффективность бюджетных расходов. При отдельных министерствах созданы или создаются похожие аналитические структуры (Минобороны, Минпромторг – ставится вопрос о создании во второй половине 2016 года), что является, безусловно, полезным делом. Главное, чтобы не формализовать такую работу.

Алгоритм государственного управления и разработки стратегических планов предполагает исполнение следующих обязательных шагов и в определённой последовательности, которая имеет самостоятельное и немаловажное значение:

1. формулировка главных и вспомогательных целей, которые необходимо достичь к заданному сроку – времени (срока реализации), качественного содержания;

2. определение целевых показателей, в которых можно выразить содержание целей и установление иных параметров и переменных, способных повлиять на эти показатели, включая правительственные инструменты воздействия;

[1] Конечно, зная об имманентных сбоях (дисфункциях), сама система планирования должна предусматривать действия, противостоящие их углублению. Безусловно, указаны наиболее серьёзные из «сбоев», но список не исчерпывается только указанными моментами.

3. подбор инструментов, которые способны повлиять на обнаруживаемые связи между целевыми показатели и иными переменными или параметрами системы;

4. исключить взаимосвязь инструментов и определить «чистоту» влияния каждого из них на ту или иную цель, чтобы исключить эффект обратного влияния.

5. разработать последовательность применения инструментов и сформировать передаточный механизм экономической политики, позволяющий обеспечить движение всей системы в предполагаемом направлении;

6. разработать критерии, позволяющие дать оценку о направлении движения системы к намеченной цели;

7. в случае неожидаемого влияния инструментов на систему иметь резервные способы управления по восстановлению состояния системы и коррекции направления движения, а, если потребуется, то и установленных целей[1].

Намечаемые изменения в системе должны обосновываться, то есть, требовать оценки ресурсов, поддержки снизу, и чёткого плана (по этапам) необходимых изменений. Однако этого недостаточно, необходимо оценивать возможные потери, влияние на сопряжённые секторы экономики и систему в целом. Должен быть проект изменений – «от и до», причём не только по срокам, но по всем ресурсам, оценки эффектов и влияния на сопряжённые системы и в целом экономику. Тем самым все вопросы изменений будут чётко проработаны, начиная от необходимых законодательных изменений и согласований до текущего управления и реорганизаций. Большая ошибка считать, как это делается сегодня, что реорганизации не требуют издержек. Всё, безусловно, наоборот, они приводят, как правило, к большим издержкам, разлагают управление, делая его низкоэффективным, повышают расстройство функций взаимодействующих организаций (дисфункции) и т.д. и т.п. При этом утрачиваются цели реформирования, то ли система работала реально неэффективно, то ли её воздействиями привели к такому состоянию. В последнем случае, видимо, надо отменить воздействия, но не изменять систему, подгоняя её под худший вариант, который отдельным управленцам кажется лучшим, в действительности таковым не являясь[2]. Нужны альтернативы, более того, способы, предусматривающие, если управляемые изменения ведут к ухудшению, переключения реализации стратегии с одной альтернативы на другую. В этом и состоит смысл аналитического планирования. «Экспертная» тяжесть подготовки таких решений в данном случае, в отличие от других случаев, не является основанием отказа от именно такой формы планирования политики.

Долгосрочное научно-техническое развитие, стратегия развития хозяйства должны разрабатываться Правительством РФ, соответствующей плановой службой, текущая политика выверяться исходя из стратегических целей. Планы должны включать, как минимум:

– общий стратегический план развития хозяйства, со всеми необходимыми целями и параметрами их достижения на 5 и 10 лет (зачатки такого планирования просматриваются при подготовке концепций 2020, 2030, но работа крайне недостаточная и поверхностная – кризис 2014–2016 гг., например, полностью отменил все проектировки 2020 и что далее? та же участь ждёт и план 2030? Следовательно, необходима система гибкого аналитического планирования, включая возможные варианты антикризисной политики, при вероятном развёртывании неблагоприятных условий – форс-мажорные обстоятельства). Нужны планы:

– институциональных изменений;

– научно-технологического развития;

– развития секторов хозяйства;

– распределения ресурсов, производительных сил и финансов;

– развития территорий (регионов);

– текущей экономической политики, согласованные с решением общих задач развития.

Важнейшая область стратегического планирования – это перспективный кадровый состав экономики. Профессиональная структура будет влиять на экономический рост, не только качество роста, но и его темп. Не случайно, ещё в начале 1990-х гг. в США проводились исследования по многим странам ОЭСР, показывающие, как изменение кадровой структуры влияет не только на параметры рынка труда, но и на темп экономического роста (например, увеличение доли юристов в составе рабочей силы на 1% тормозило экономический рост в США). Проблема не в том, что образовательная система должна быть гибче, а в том, что подготовка специалиста требует до 5 лет обучения, за которые изменяется канва экономического развития, вплоть до изменения базовых соотношений. Это повышает требования к планированию трудового потенциала населения. Нужно отметить, что точных решений здесь пока не имеется ни на Западе, ни в России.

Для воссоздания единой системы государственного планирования необходимы следующие её элементы: система управления (реализующая функции: планирование, организация, контроль, координация, мотивация), процедуры и алгоритмы формирования стратегии развития, аналитическое прогнозирование (оценка перспектив и вариантов – сценариев развития), конкретные программы и планы развития, включая отдельные виды деятельности и, наконец, оперативное управление или содержание текущей макроэкономической политики, способной обесценить, либо подкрепить все указанные выше элементы единой системы государственного планирования.

Следовательно, требуется некий минимально необходимый набор действий в области единой системы планирования и управления развитием российской экономики, причём целью развёртывания такой единой системы планирования должна быть коррекция движения, динамики национального хозяйства. Нужно отметить, что планирование

---

[1] Данная последовательность отталкивается от принципа «целей – инструментов» Тинбергена-Тейла, практически, серьёзно модифицируя основное условие этого принципа, создавая основной алгоритм аналитического планирования.

[2] Пример реформы РАН, да и многих иных экономических подсистем в России в период 2010–2016 гг. является показательным и очевидным.

не существует ради самого планирования или утоления амбиций аналитических кругов. Эта функция как нельзя лучше демонстрирует наличие потребности в понимании изменяющейся ситуации, ориентации на будущее устойчивое развитие. Одной из целей планирования является элиминация кризисов, максимальное их смягчение либо предотвращение. Конечно, плановые процедуры могут, должны пронизывать все звенья управления экономикой, причём на практике это и наблюдается, ибо планируют отдельные индивиды, фирмы, корпорации, региональные правительства, международные союзы и т.д. Согласование и координация таких планов составляет задачу различных форм планирования, которые также являются в экономике сопряжёнными.

При проработке отдельных планов и общего плана и возникнут вопросы относительно необходимости и масштаба приватизации, может быть даже национализации и т.д. Отсюда возникнет необходимость в законе «О государственном секторе РФ», где будут указаны инструменты в части приватизации и национализации (формы, методы, масштаб, эффективность и др.)

Примерно так же как были приняты Закон «О стратегическом планировании», «О промышленной политике»[1], потребуется обеспечить правовое регулирование развития и государственного сектора, возможно, введя в этот сектор фундаментальную науку, образование, здравоохранение, оборону, и другие виды деятельности – очертив их возможный масштаб правовым образом. Конечно, наиболее важно и ценно определить правовые, экономические и социальные последствия приватизации и национализации. В этом же законе можно определить и значение государственных банков и вообще роль правительства в управлении акционерными пакетами, принадлежащими государству в рамках частных корпораций и др.

Какие бы не составлялись планы развития, одним из определяющих их исполнение факторов, являются выделяемые финансовые ресурсы. Бюджет обычно исходит из необходимости обеспечения эффективности выделяемых финансовых средств. Оценка эффективности использовании финансовых ресурсов может производиться по двум базовым критериям: а) возврату средств, если он предусмотрен б) решению поставленных задач без возврата (например, задач обороны, выполнения конкретной программы – достижению её целей как количественных, так и качественных). Последний пункт потребует точности соответствия назначаемого и выделяемого финансового ресурса (что в общем смысле не одно и то же) на конкретные задачи, то есть от сметы этих задач и от динамики изменения затрат по таким сметам уже после того, как они утверждены и финансирование открыто. Кстати, схема финансирования, равномерность поступления средств по программе и проектам будут наверняка (за известными исключениями) влиять на эффективность достижения целей проектов и программ.

При планировании подобных программ сразу возникает, как минимум, две постановки задачи[2].

1) Оценка эффективности выделяемых (уже выделенных) финансовых средств.

Её можно осуществлять – по возврату средств, динамике потерь (затрат) при том же результате, оценке качественного содержания результата, то есть, выполнимости программы – это стандартные подходы, но для осуществления таких количественных оценок нужна соответствующая информация. Она часто отсутствует, что и подтверждает наличие проблемы мониторинга ситуации в области государственного планирования и необходимость формирования единой систем государственного планирования, сочетающей применение общих подходов в области планирования и индикативного планирования (по известным моделям «снизу-вверх» и «сверху – вниз»). Наиболее важными параметрами оценки программ (касающихся, в частности, наукоёмкой промышленности), на мой взгляд, являются:

– средняя рентабельность программы, отдельных её проектов по факту, сравнивается с определённой величиной при планировании и подаче заявок на выделение финансирования;

– определяется равномерность поступления средств и этапы их освоения;

– определяется доля выполнения программы – научно-технологические заделы, социальные следствия финансирования программы (создание рабочих мест, величина заработной платы занятых в программе, развитие новых производств и инноваций, созданные научно-технические заделы и общая оценка созданной интеллектуальной собственности, доля участия государства и возможность использования созданных активов в частном и государственном секторе, включая приоритеты, бюджетные задачи будущего периода);

– возможна оценка вклада в изменение производительности отдельных секторов и видов деятельности, общая оценка изменения уровня её технологичности от затрачиваемых ресурсов.

2) Оценка экономической эффективности распределения ресурсов, то есть, по сути, того, как эффективно осуществлено само планирование. Это уже несколько иная задача, поскольку она требует исходить не из того, что выделено, а из того, как это распределено (с учётом альтернатив). Безусловно, общий объём выделяемых ресурсов при этом также важен.

Решение первой задачи возможно, если известно, какая сумма выделялась для каких задач, насколько выполнены задачи, проекты по конкретным программам, степень их готовности, какова доля возвращённых средств, если возврат предусмотрен и главное, каковы потери.

---

[1] Автор был одним из многих специалистов, отстаивающих необходимость таких законов и развёртывании такой практики ещё в 1990-е гг. Надо отметить, что именно во второй половине 1990-х гг. были приняты отдельные законы о программах развития, о промышленности и т.д., регулирующие эти подсистемы, однако, действенность самой промышленной политики оказалась низкой, именно по причине высокой негативной силы структурных, институциональных модификации, коим была подвергнута российская экономика. Именно это обстоятельство приводит меня к актуализации экспертно-аналитической функции экономической науки, с тем, чтобы давать предложения в рамках аналитического планирования и подготовки стратегических решений на государственном уровне управления.

[2] Дальнейший анализ проводился автором для НИИ «Системного анализа» Счётной Палаты, по просьбе руководства, с возможным развитием темы применительно к работе ряда институтов развития, например, фонда развития промышленности.

Эффективность по такому критерию (бюджетно-финансовому) предполагает получение результатов (планируемых с обоснованной оценкой затрат) при как можно меньших потерях и, хорошо бы, с экономией затрат, даже заявленных. Но качество результата и параметры результата по программе (проекту) также должны достигаться. В этом случае анализировать альтернативы и отказы по прочим проектам не нужно. Но и итогом становится усечённое представление об эффективном использовании уже выделенных средств (без анализа тот ли объём выделен, хватает ли этого объёма выделения, хотя в общем смысле именно этот объём ресурса будет и задавать итоговые параметры эффективности самого выполняемого проекта и программы).

При выборе любого варианта оценки эффективности понадобится обратить особое внимание на ожидаемые потери:

1. Тендеры и их проведение – затраты на организацию доходят в России обычно до 10% (при решении задач государственного развития такой объём затрат и имитация рынка в виде тендера не являются обоснованными, да и не уберегают от коррупции, как принято неверно считать)

2. Обслуживание банковских процентов в связи с необходимым пополнением оборотных средств исполнителя, когда финансирование недостаточно по иным причинам

3. Обеспечение равномерности поступления финансирования (связано с пунктом 2).

4. Непредвиденные затраты (инфляция), включая и повышение цен на комплектующие, контрагентские работы (монополизм) и др.

5. Несистемный характер финансирования, размазанного по времени (1,5–2 года) и не учитывающего технические и технологические возможности реализации проектов, возникающие разрывы в области финансов. Это происходит в силу необоснованного, например, сокращения финансирования и невыполнения тем самым Закона о Бюджете РФ (например, при его секвестре).

Учёт указанных обстоятельств и подходов должен приводить к коррекции не только финансирования, но и определенно изменять методы планирования, заставлять управляющие органы организовать систему планирования в том объёме, с теми функциями, которые позволяют решать проблемы управления, в преодолении которых имеются очевидные и устанавливаемые трудности (некоторые из которых здесь отмечены). Должен быть применён встречный принцип проектирования самих программ с обоснованием финансов на их исполнение, а также иных ресурсов.

Таким образом, наравне с общими системными задачами развёртывания единого подхода в области государственного планирования для реализации существующего 172 федерального закона «О стратегическом планировании в РФ», предполагающего координацию различных планов и программ, аналитическое обеспечение самого процесса планирования, как и организационное, и кадровое его обеспечение, требуется большая работа по совершенствованию методик принятия решений по конкретным планам и программ, оценке их эффективности. Некоторые предложения по улучшению такой работы сформулированы выше, однако квинтэссенция предпринятого исследования сводится к тому, что требуется обширное развёртывание экспертно-аналитической, научной компоненты в реализации функции стратегического планирования как первоосновы для управления государством.

Третьяк В.В.,
Сагина О.А.[1]

ЦЕЛЕСООБРАЗНО ЛИ ПРОВОДИТЬ РЕФОРМЫ БЕЗ ФОРСАЙТА?

Ключевые слова: *Форсайт, реформа, формирование будущего.*
Keywords: *Foresight, reform, shaping the future.*

Реформы в нашей стране идут не первое десятилетие. Их результаты широко известны. Осуществлять реформу в социально-экономической сфере – значит обдумывать грядущие изменения как в позитивном плане, так и предвидеть негативные последствия.

Например, с 1 марта 2011 вступил в силу закон о полиции, его подписал президент Дмитрий Медведев. Это одна из крупных реформ. Но Форсайт отсутствовал. Реформу проводили без глубинного согласования интересов различных слоев, которые связаны с реформой МВД РФ. И вот с того времени прошло 5 лет. Это уже время, когда можно подводить некие итоги реформирования. В самом министерстве считают, что преобразования были необходимы и полезны. Во всяком случае, по словам Зубова, Переименование милиции в полицию не являлось главным достижением этой реформы. «Сегодня можно констатировать, что произошли качественные изменения», – подчеркнул он, выступая на заседании общественного совета МВД. Он заявил, что появилась высокопрофессиональная полиция, которая действует по новым стандартам, а главным критерием этого является оценка общественного мнения[2].

Но есть и другие мнения по этому поводу. Например, председатель комиссии по безопасности Общественной палаты России Антон Цветков, уверен, что реформа не оправдала ожиданий граждан нашей страны и самих полицейских. По его словам, система МВД забюрократизирована. «Система очень сильно забюрократизирована и в нее не внедряются активно современные технологии. Причем, те современные технологии, которые могли бы существенным образом упростить работу полицейского и повысить эффективность»[3].

После принятия данного закона в 2011 году была подготовлена «Дорожная карта», которую предоставили на всеобщее рассмотрение на сайте МВД для политиков, ученых, граждан, действующих сотрудников правоохранительных органов. Данная реформа была проведена, конечно, не для того, чтобы отчитаться «о снижении преступности», а чтобы возвратить доверие граждан нашей страны к правоохранительным органам.

Действительно, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, уровень доверия к сотрудникам полиции за последние три года достиг максимального показателя в 46%. При этом хорошо и очень хорошо оценили работу полиции 25% опрошенных, что на 12% больше по сравнению с аналогичным показателем 2005 года. А по результатам опроса, проведенного экспертами Российского государственного социального университета, общий показатель общественного доверия полиции составил 67%. Более половины опрошенных считают, что в последние год-два жить в стране стало безопаснее[4].

Но этого ли хотели достичь организаторы реформы? Прорабатывались ли возможные сценарии? Оценивались ли последствия преобразований? Представлены ли варианты пиксельных картинок грядущего будущего? Между тем, такой инструмент уже имеет место и имя ему Форсайт. «Форсайт – это не столько прогнозирование, сколько технология активного предвидения. Подобно выстраиванию металлических опилок, рассыпанных на столе, под действием магнита, Форсайт стимулирует гражданскую инициативу к действиям по формированию будущего, по активному участию в творении будущего»[5].

Поскольку технология Форсайта, по нашему мнению, еще не достигла *канонизированной* формы, постольку нам представляется возможным отметить некие, существенные черты этой технологии.

Но одним их важнейших результатов проведения Форсайта является выявление тенденций того, что будет доминировать в будущем, а сегодня не вызывает интереса у окружающих. Это одна из важнейших черт Форсайта.

---

[1] Третьяк Владимир Петрович – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой «Маркетинг и Форсайт» Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет). E-mail: v_tretyak@inbox.ru

Сагина Оксана Александровна – к.э.н., доцент кафедры «Маркетинг и Форсайт» Московского государственного университета технологий и управления. E-mail: toxuk_01@mail.ru

[2] Ярин В. Реформы МВД – по форме и по сути // Регионы ONLINE. 2016. – 2 марта. – http://gosrf.ru/news/22345/

[3] Там же.

[4] Ярин В. Реформе МВД исполнилось пять лет // Полиция России. – http://police-mvd.ru/police-mvd/355-2016-03-02-12-11-30

[5] Третьяк В.П. Организационное обеспечение применения технологии Форсайта // Наука. Инновации. Образование. 2008. – Вып. 5. – С. 166.

Именно об этой черте попытаемся поговорить, рассматривая возможности теории слабых сигналов[1], которые будут доминировать в грядущем будущем.

Необходимо рассматривать Форсайт, как новейшую технологию, позволяющую:

1. активно *участвовать* в формировании будущего всем заинтересованным слоям общества,

2. самым спешным образом *согласовывать* разнонаправленные партикулярные интересы различных участников процесса происходящих изменений,

3. *заглядывать* в будущее развитие интересующего явления,

4. *выявлять* слабые сигналы, которые будут доминировать в грядущем будущем,

5. способствовать *самоактивизации участников* зарождающегося будущего в деле его претворения по *собственной инициативе,*

6. формировать *сценарии пиксельных картинок* зарождающегося будущего[2].

На основе полученных результатов Форсайта формируется общественная позиция, которая ложится в основу принимаемого решения в целом. Одновременно происходит встречное движение: результаты Форсайта могут помочь всем участникам работ развивать и улучшать их собственные стратегии. Это по своей сути и реализует основную цель Форсайта. Именно после этого проведение реформы ляжет на подготовленную почву.

Хотелось бы обратить внимание, что как Форсайт-проекты не делаются впопыхах, так и добротные дорожные карты не делаются «на коленке». Их нельзя нарисовать в ходе скоропалительной Форсайт сессии, т.е. на встрече заинтересованных людей, даже очень квалифицированных. В этом случае даже дорожная карта, созданная осведомленными в технологии людьми, может в лучшем случае только проиллюстрировать учебные подходы к построению дорожной карты. Настоящая дорожная карта – продукт работы специально подготовленных профессионалов, опирающихся в своих построениях на материалах проведенного фундаментального Форсайта.

Видимо, нельзя формировать добротную «Дорожную карту»[3] без участия гражданского общества, без проведения Форсайта по этому вопросу, без рассмотрения сценарных вариантов реализации предстоявших преобразований, без учета настроения различных слоев а обществе. Но порой бытует легкомысленное мнение, что можно начать преобразования, а затем интересоваться мнениями граждан.

Отметим, что радикальные реформы в развитых странах проводятся в основном после проведения Форсайта. Например, в Великобритании были проведены три программы «Форсайт», организованные правительством. В программе «Форсайт 1» (1994–1999 гг.) учитывались только технологические и рыночные перспективы, «Форсайт 2» (1999–2002 гг.) и «Форсайт 3» (2002–2004 гг.) характеризовалась интеграцией технологических, рыночных и социальных проблем, а также привлечением широкого круга участников.

Цели и задачи программы первоначально предполагали совершенствование видения будущего, повышение конкурентоспособности. Основным итогом проведения программы «Форсайт» в Великобритании стало формирование приоритетных направлений исследований и разработок. Выделено несколько перспективных технологий, потенциально имеющих большое значение. Для этих технологий разработаны специальные рекомендации по проведению исследований и финансированию. Создан инструментарий, позволяющий малым предприятиям пользоваться полезными результатами Форсайта. Были открыты центры обучения Форсайту (Foresight Training Centres)[4].

Первая программа была построена по дисциплинарному принципу – было сформировано 16 тематических комиссий, в состав которых вошли эксперты из промышленности, университетов и госсектора. Практически все комиссии возглавлялись представителями крупных компаний.

В первой программе на основе результатов метода Дельфи (опрос был проведен среди 7 тыс. специалистов) была составлена матрица 27 приоритетных направлений, разбитых на элементы, представляющие рыночные возможности для Великобритании и научные и промышленные возможности для их достижения. Впоследствии метод Дельфи больше не использовался.

Во второй программе «Форсайт» наряду с ранее установленными целями – повышение конкурентоспособности и улучшение качества жизни, была добавлена еще одна цель – достижение устойчивого развития. Был расширен состав участников и усилен междисциплинарный подход (созданы 3 новых тематических комиссии – проблемы старения населения, предупреждение преступлений, обрабатывающая промышленность, а 15 отраслевых объединены в 11 комиссий).

В 2002 г. после всесторонней оценки результатов предыдущего периода начался новый этап, одна из главных задач которого – ускорение программы, более быстрое реагирование на новые вызовы и возможности. Вместо 11 тематических групп, охватывающих широкие сектора и действующих более пяти лет, сформирована «подвижная» программа, каждый этап которой состоит из максимум 4 подпрограмм продолжительностью от 9 до 18 месяцев. Проекты должны подходить под две важнейшие категории: 1) наиболее актуальные проблемы социально-экономического развития, где наука может предложить возможные решения, 2) наиболее перспективные области науки. В апреле 2002 г.

---

[1] См. Третьяк В.П., Козлов В.А. Место теории слабых сигналов в технологии Форсайта // Отраслевые рынки. 2012. – № 4–5 (31). – www.virtass.ru

[2] Сагина О. А., Третьяк В. П. О Форсайте Республики Крым // Самоуправление. 2014. – № 12. – С. 18–19.

[3] Нам приходилось высказываться по этому поводу См. Третьяк В. П. «Дорожная карта» как инструмент технологии Форсайт // Новые знания. 2013. – 25 марта; Третьяк В. П. Территориальные форсайты: опыт проведения, ожидание граждан и власти. – М.: Знание, 2015. – С. 86.

[4] Шелюбская Н.Н. Форсайт — новый механизм определения приоритетов государственной научно- технической политики // Проблемы теории и практики управления. – М., 2004. – № 2. – С. 62.

были начаты два пилотных проекта – «защита прибрежной зоны от наводнений» и «когнитивные системы». В списке перспективных тем: интеллектуальные системы инфраструктуры; идентификация инфекционных заболеваний; кибернадежность и предупреждение преступлений; спектральный электромагнетизм. Каждая программа представляет собой три взаимосвязанных этапа – анализ, распространение информации и применение результатов, подготовка к следующей программе.

В результате определяются государственные приоритеты в научно-технических программах, в подготовке кадров, в методах государственного регулирования. Бюджетные приоритеты формируются на основе пятилетних планов, а с 1990-х гг. – с учетом долгосрочных прогнозных (на 15–30 лет) приоритетов Форсайтов и сценариев (табл. 1).

Таблица 1

Этапы программы «Форсайт» в Великобритании[1]

	1994-1999 гг.	1999-2002 гг.	2002 –2004 гг.
Организационная структура	16 отраслевых комиссий	11отраслевых комиссий 3 тематические группы 65 рабочих групп	Непрерывная программа, каждая стадия которой представлена несколькими проектами
Участники программы	Управление по науке и технологии министерства торговли и промышленности, исследовательские Советы	Управление по науке и технологии; министерства торговли и промышленности, здравоохранения, внутренних дел, образования и занятости; региональные администрации; профессиональные, торговые и общественные организации; исследовательские Советы	Те же, что и на втором этапе
Методы отбора приоритетов	Метод Дельфи, сценарии, консультации	Сценарии, консультации, «мозговые штурмы»	Те же, что и на втором этапе
Число вовлеченных специалистов	10 тыс.	5 тыс.	
Количество семинаров	600	160, включая 52 региональных	

Нам представляется, что настало время, когда реализации фундаментальных реформ будет предшествовать процесс проведения Форсайта. Только при участии в намеченных преобразованиях значительного числа активных граждан моет быть обеспечено более успешное прохождение преобразований. Только знание тренда изменения позволит приобрести попутчиков намечаемых преобразований и сократит число плохо информированных скептиков. Только фундаментально проработанные сценарии долгосрочного развития позволят минимизировать возможные затруднения в реализации преобразований. Только выявленные слабые сигналы будущих изменений позволят основательно проводить реформу. Только после сопоставления вариантов сценариев развития процесса в будущем можно формировать дорожную карту Форсайта, на базе которой прописываются временные параметры шагов реформ.

[1] Шелюбская Н.Н. Форсайт — новый механизм определения приоритетов государственной научно- технической политики // Проблемы теории и практики управления. – М., 2004. – № 2. – С. 62.

Тюриков А.Г.
д.соц.н., профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета
t-ag2013@yandex.ru

СОЛИДАРНОЕ ОБЩЕСТВО – БАЗОВЫЙ РЕСУРС СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *стратегия развития, реформы, социальный капитал, доверие и солидарность в обществе.*

Сегодня ускоренным темпом идет разработка целого ряда стратегических документов: «Стратегия развития 2018-2025», «Энергетическая стратегия России до 2035 года», стратегический проект «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2030 г.» и др. Концепций пишется очень много, аргументы и меры из одних перетекают в другие, но институциональные преобразования не затрагиваются, критичного оценивания реальной ситуации не происходит, анализа роли институтов власти, в том числе, Президента не предусматривается.

В России уже более 25 лет регулярно проводятся те или иные реформы, в том числе административные, государственного и муниципального управления, здравоохранения и образования, сельского хозяйства и финансовых институтов, малого и среднего бизнеса, реализуется море дорожных карт. Но серьезного анализа эффективности и, прежде всего, социальной эффективности, плюсов, минусов реализуемых реформ нет, успешные и негативные практики не обсуждаются. И вроде бы все стратегии ставят целью улучшение жизни россиянина, но, вот беда – ни в одном документе – ни человек, ни его семья, ни трудовой коллектив, местное сообщество не являются главными действующими субъектами. И получается «все для человека, но без человека».

Более того не слышно о серьезных стратегиях развития территорий, сфер жизнедеятельности, планах муниципальных образований, местных сообществ. Даже личностные планы строит небольшое количество россиян. Так, согласно результатам исследования ФОМ лишь 48% россиян строят планы на год и менее, каждый пятый (20%) – на 3–5 лет, а еще 24% не строят планов вообще. Тех, кто заглядывает за горизонт 20 лет – у нас всего около 2%[1].

В конце 2016 года экспертное сообщество обсуждало итоги Гайдаровской экономической реформы, с начала которой минуло 25 лет. По мнению участников дискуссии, реформа позволила преодолеть системную угрозу распада России, заложила фундамент новой российской государственности, рыночной экономики и нового типа гражданина, обретшего человеческое достоинство и свободы. Вместе с тем, одним из выводов о том, что реформа была бы более успешна и вывела бы Россию на более устойчивую прогрессивную траекторию развития, является признание факта, что власть не смогла объяснить населению суть реформы и включить его в процесс изменений. Для успеха был необходим другой уровень и качество контакта между властью и народом. Необходимо было не только взять ответственность на себя, но и разделить, поделиться ею с обществом. Основные выводы об узких местах реформы касаются не экономического, а социального порядка. Речь идет о социальном капитале – доверии и солидарности в обществе по поводу цели, ресурсов, рисков, процедур и результата реформ.

И сегодня, оглянувшись на десять лет назад, можно проанализировать успешность той или иной стратегии принятой в государстве. Эффект тот же – имитация обсуждения и с претензией на всестороннюю экспертность, но опять без общества, без задействования социального капитала, без включения в обсуждение всех заинтересованных акторов. Так эксперты Центра стратегических разработок (ЦСР) подсчитали эффект от прошлых стратегий: стратегия 2010 выполнения всего на 39%, стратегия – 2020 – на 29,5, национальные проекты – до 30%[2]. Все подобные благие начинания превращаются в бюрократические имитации и словесные интервенции, ибо отданы на откуп власти, реализуются и оцениваются властью. Общество, наука находятся в стороне. Максимум влияния происходит при экспертном обсуждении документов и то в составе узко приближенного и прикормленного к власти пула экспертов.

Можно уверенно констатировать, что абсолютно все реализованные и проводимые «сверху» реформы в современной России буксуют, не постигают запланированных результатов и социальных эффектов, прежде всего, из-за отсутствия включенного потенциала социального капитала. Более того, складывается ощущение, что власть боится общества, его запросов на изменения, гасит все реальные и потенциальные гражданские инициативы.

А у общества сегодня реально и нет ни материальных, ни организационных, электоральных, правовых ресурсов, ни собственно социального потенциала доверия и солидарности, который можно было бы капитализировать. Общество как бы висит в воздухе с разбалансированными социальными механизмами.

[1] Кто-то сделает страну лучше. – http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/01/23/674398-sdelaet-stranu-luchshe

[2] ЦСР нашел причины провала прежних стратегий России. – http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/27/671369

Подтверждение таких выводов находится и в экспертной оценке состояния современного российского общества, которое характеризуется следующим[1]:

- беспрецедентной атомизацией и аморфностью российского общества, к которой привели: деморализация значительной части общества, разрушение традиционных социальных страт, социальная растерянность подавляющей части населения, разрыв традиционных социальных связей. К примеру: только 1,5% россиян принимают добровольное участие в общественных организациях, для сравнения в скандинавских странах доля активных граждан 70–75%;
- полной разбалансированностью ценностно-нормативной системы координат, потерей в общественном сознании цели и веры в способности россиян к осуществлению очень больших и грандиозных мировых, общенациональных и территориальных проектов, к пространственно-географическому и социокультурному развитию России, к гармоничному освоению человеческих и природных ресурсов;
- потерей доверия населения к политике и политической системе, к основным институтам власти, исключение составляет доверие к В. Путину. Реальная политика ушла в непубличную сферу и выстраивается в основном на взаимодействии между органами власти и преимущественно деловыми элитами;
- полярной разделенностью нашего общества по многим основаниям – между бедными и богатыми, центром и периферией, столицей и окраинами, городом и сельской местностью, элитой, чиновниками и народом;
- целенаправленным формированием потребительского общества как альтернативным замещением общества социальной справедливости и национального мира;
- доминированием в целеполагании прагматизма в форме максимизации личной выгоды как главного мотива поведения, таким целеполаганием нашего населения, когда выбирая между ценностью самоутверждения и ценностью солидарности, заботы о других, оно уверенно ратует за самоутверждение. Среди европейских стран мы входим в пятерку главных почитателей этого качества, солидарность и забота при этом, конечно, остаются в небрежении. Россияне даже выработали нормы жизни в обществе без норм, первая из которых – ориентация на персональное благополучие, личный успех и собственную силу;
- преобладанием патерналистских ожиданий граждан в обеспечении качества жизни от государства над личной ответственностью за социальное здоровье и благополучие.

Описывая современное состояние собственно гражданского общества в России, необходимо выделить особо беспрецедентный рост агрессивности и недоверия в обществе. По оценкам «Левада-центра» 68% россиян сегодня боится внешних врагов. Страх стабильно рос с 1989 года – было 13%, в 2012 году – 63, 2014 году – 84%[2]. Межличностное доверие в России находится в не меньшем кризисе, чем доверие к государственным институтам. Причем ситуация продолжает ухудшаться: всего 27% респондентов склонно доверять другим людям (по данным международных исследований ISSP, в 49 странах эта цифра в среднем равна 45%) и только 5% доверяют полностью. Это же исследование наглядно показывает, как уменьшается вера россиян в способность изменять окружающую их действительность по мере расширения зоны ответственности: влиять на ситуацию в собственной семье считают себя способными 90%, на рабочем месте – 51%, в своем доме – 27, в городе или стране – 10%[3].

В настоящее время можно отчетливо зафиксировать информационно-смысловой и поведенческий тренд на формирование лояльности. А одним из свойств этой лояльности является отсутствие установки на доверие (исключая политическое), кооперацию, предприимчивость, сотрудничество и солидарность в обществе. Но исследователи фиксируют и другой тренд – равноудаленность государства и общества друг от друга.

Результат такой установочной политики: вместо солидарности и доверия – страх, недоверие, настороженность, подозрение, нетерпимость чужого. Доверие определяется как «надежда на то, что люди, от которых мы зависим, оправдают наши ожидания». Доверие тесно связано с такими понятиями как честность, порядочность, забота и взаимозависимость. В экономике под доверием понимается расчет экономических субъектов, рождающий уверенность, в управлении доверие – это ядро социального капитала, качество человеческих ресурсов.

Российскому обществу уже длительное время не предлагается реальная стратегия развития, образ желаемого будущего. Журналисты предприняли такую попытку создать «вижен» из мыслей наших современников (Г. Греф, А. Кудрин и др.)4:

1. Общество, где доминирует экономика знаний, ценностей и креативная индустрия, главным принципом управления, которого будет создание условий для раскрытия человеческого потенциала, формирование человека-творца. Это общество, которое будет создавать новые идеи, смыслы, технологии.

2. Современные технологии заменят многие функции государства. Технологии блокчейн могут почти полностью заменить государственную бюрократию. Общество сможет само решать разные вопросы, фиксировать контракты и договоренности.

3. Если мы хотим быть конкурентоспособным обществом с высоким уровнем жизни, нам нужно отвечать на вызовы новой технической революции. Чтобы им ответить, у нас должно быть больше свободы — свободы для лю-

---

[1] Тюриков А.Г. Трансформация социально-экономических подсистем гражданского общества как инструмент устойчивого регионального развития: монография / Л.А. Третьякова и [др.]; под общей ред. Л.А. Третьяковой и Т.В. Целютиной. – Ульяновск: Зебра, 2016. – С. 14–15.

[2] Россияне все меньше верят во врагов. – http://actualcomment.ru/bolshinstvo-rossiyan-opasaetsya-vragov-rossii-1701161252.html

[3] Социальное бессознательное. – http://www.vedomosti.ru/opinion/news/17169741/socialnoe-bessoznatelnoe#ixzz2mEqSvWr4

[4] Чтобы быть уважаемыми и сильным, мы должны быть свободными и творческими [Электронный ресурс] http://echo.msk.ru/blog/znak_com/1877466-echo/

дей-творцов, в том числе с точки зрения культурных и социальных предпочтений. Чтобы быть уважаемыми и сильными (даже в военном плане), мы должны быть свободными и творческими.

4. Общество с мощнейшими горизонтальными связями между людьми, между организациями, учеными, бизнесменами.

5. В нашей стране сейчас существенно меньше рисков геополитических или военных, чем риска технологического или социального отставания. У нас детская смертность в четыре раза выше, чем в соседней Финляндии.

Вместо определения стратегии и поиска путей развития России в обществе целенаправленно раздувается псевдопатриотизм, поиск врагов, людей отвлекают от реально существующих в обществе проблем. Установка власти на развитие линии конфронтации в обществе: между центром и периферией, рабочими и интеллигенцией, пятой колонной и патриотами, религиозно ущемленными и творческой элитой и др. превращается в мощный тренд. К таким устойчивым трендам можно отнести: формирование образа внешнего врага и списание на него внутренних проблем; конфронтацию со всяким инакомыслием, вследствие чего наука превращается в прикладную «служанку» власти; создание имитационных экономических симулякров – между либеральным и консервативным пониманием вектора экономического развития страны; государственной историей и неформальной контрпамятью; доминирование конфронтации, нечестной конкуренции над солидарностью и доверием в обществе.

Если проанализировать предлагаемую властью общественную тематику для внутренней общероссийской дискуссии, то преобладающими темами за последние год-два являются внешние вызовы: Крымнаш, Трамп наш, Сирийское урегулирование и т.д. Но вот действительно насущные темы: обнищание населения, провал пенсионной реформы, все возрастающий уровень не бытовой коррупции, экономический кризис, снижающееся качество и объем медицинских услуг и т.д. почему-то оказываются не в фокусе общественного солидарного обсуждения, анализа и выработки мер по их преодолению.

При этом регулярно обсуждается и прогнозируется цена на нефть и валюту, но не объясняется, не формируется и не прогнозируется поведение россиян как социальное, так и экономическое. А ведь есть повод для тревоги: третий год подряд снижаются реальные доходы населения. Согласно данным ежегодного доклада швейцарского банка Credit Suisse, с середины 2015 до середины 2016 года Россия заняла третье место по скорости обнищания семей (минус 14,4%), уступая лишь Украине (19%) и Аргентине (27%). Доходы россиян вернулись к отметкам 10-летней давности[1].

Безусловно, жизненная практика доказала, что существуют два мощных объединительных движений: объединиться против кого/чего-то и объединиться вокруг целенаправленной позитивной деятельности. Представляется, что у нас в стране победила «партия» объединителей против кого-то. Но на первый план в формировании зрелого общества должна выходить и*дея Н.Федорова о солидарном обществе*, в котором личный интерес совпадает с общественным интересом[2]. Само название солидарного общества происходит от латинского «solidus», что означает – твердый, надежный, крепкий. Солидарное общество противостоит обществу индивидуалистическому, разобщенному, разрозненному, это общество дискретное, не объединенное единой целью, системой ценностей и норм, разделяемых людьми в этом обществе. Солидарность в обществе – это единство убеждений и действий, взаимопомощь и поддержка его членов, основывающиеся на общности интересов и необходимости достижения общих общественных и групповых целей, совместная ответственность.

Основными составляющими элементами в структуре солидарного общества являются: главная идея и стратегическая цель развития, функционирующая ценностно-нормативная система и социальные организации. Общественная солидарность, сплоченность, отношения доверия и взаимной поддержки формируются как минимум на пяти уровнях: ближайшее социальное окружение (семья, друзья, соседи); коллектив (трудовой, учебный); муниципальное местное сообщество; региональное сообщество; общество в целом.

А по поводу чего солидаризуется сегодня российское общество? По линии перечисленных выше конфронтаций? Принцип национальной гордости россиян – «нас боятся – значит, нас уважают». Происходит архаизация общественного сознания, когда мы боремся за величие России, которое для нас военная мощь, победы, огромная территория, великая история. Как бы за всем этим мы прячем наши неудачи. Мы ищем внешних «врагов», а искать нужно, прежде всего, в себе, анализировать свое поведение и менять свои установки и позиции. А лучше гордиться успехами, качеством жизни, социальным здоровьем нации.

Несколько слов о доверии россиян к политическим институтам. Представляется, что уже более 7 лет в России сложилась уникальная ситуация, когда при «зашкаливающем» уровне поддержки населением Президента РФ, последний не решается на кардинальные социально-экономические преобразования в стране. В табл. 1 представлена оценка доверия россиян к основным социальным институтам в сравнении с гражданами стран Евросоюза и США[3].

Анализ данных, представленных в таблице, свидетельствует, что с одной стороны, российский лидер В.В. Путин, по сравнению с его зарубежными коллегами**,** пользуется, по сути, абсолютным доверием в обществе, имеет необходимые социальные ресурсы для прогрессивных преобразований в России. С другой стороны, ряд институтов имеет низкий уровень доверия населения в сравнении с зарубежными аналогами (суды, полиция, банки, благотворительность). При этом в 2016 году, несмотря на экономический кризис, фиксируется позитивный рост частной и корпоративной благотворительности в России: около 37 млн. россиян сделали пожертвования на сумму 143 млрд. рублей.

---

[1] Политика самое концентрированное выражение. – http://profile.ru/politika/item/114898-skrepyat-skrepy

[2] Федоров Н.Ф. Философия «общего дела». Т.2. – М., 1913. – С. 40–44.

[3] Тюриков А.Г. Доверие как базовое условие формирования экономического поведения россиян // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции (25 октября 2016 г., Москва) / АНО Совет по вопросам управления и развития ИСЭПН РАН. – М.: Акварель, 2016. – С. 111.

Таблица 1

Сравнительная оценка доверия к социальным институтам в обществе

Социальные институты	Россия	Евросоюз	США
национальный лидер	74–85	42	45–54
правительство	26	25	23
парламент	22	33	8
суд	22	42	32
церковь	46	51	42
армия	60	63	72
полиция	24	65	52
банки	13	48	28
благотворительность, волонтерство	7	58	65

И все же вопрос остается открытым – почему политическая, интеллектуальная и профессиональная элиты России не решаются на стратегические изменения вектора развития страны? Почему воспроизводство и сохранение социального и человеческого капитала не становятся стратегическим вектором роста конкуренции страны?

Ферару Г.С.
д.э.н., доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Белгородского государственного национального исследовательского университета
feraru22@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СИСТЕМНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РФ

***Ключевые слова**: системная модернизация, общественное развитие, экономика, конкурентоспособность, эффективность.*

В обращении Президента РФ Федеральному Собранию в ноябре 2009 года была обозначена стратегическая цель развития общества, которая предполагает создание «умной» экономики, удовлетворяющей интересы и потребности широких слоёв населения страны. Эту цель можно достичь посредством системной модернизации общества, охватывающей все стороны его жизнедеятельности.

Понятие «модернизация» в экономике означает обновление, ликвидацию отсталости, выход на современный, сравнимый с передовыми странами уровень развития[1]. Интерпретируя понятие «системная» в контексте понятия «модернизация», мы имеем в виду:

– *политическую модернизацию*, которая предполагает достаточно радикальные перемены в политической системе страны, ее демократизацию и либерализацию, ограничение роли государства в экономике и др.;

– *технико-экономическую модернизацию* предприятий и учреждений, быта россиян, что предполагает внедрение новых производственных, современных компьютерных и информационных технологий, совершенствование техники и оборудования, использование достижений научно-технического прогресса в хозяйственной деятельности, развитие предпринимательства в целом и малого бизнеса в частности, усиление цивилизованной конкуренции во всех сферах занятости;

– *социальную модернизацию,* достижение которой требует существенных изменений в сфере общественных отношений, в первую очередь, производственных, перестройки образовательной системы, реформирование всей социальной сферы и в большей части общественных институтов, преобразование культуры межличностной договоренности и развитие ее правовой базы.

На современном этапе социально-экономического развития России проблема системной модернизации актуализировалась в силу ряда причин:

1. Развал единого народнохозяйственного комплекса после распада СССР привел к разрыву единых народнохозяйственных связей, остановке предприятий, а последовавшая приватизация внутри самой России выразилась в дальнейшем падении производства, потере рынков высокотехнологичной продукции и однобоком развитии сырьевого сектора. Российская продукция была вытеснена с мировых рынков. Износ станков и оборудования был существенный. Терялись целые школы в авиастроении, машиностроении, судостроении, космонавтике. Вложения в промышленность и ее модернизацию оставались минимальные. Следовательно, инновационно-технологическое обновление производственной базы является необходимым условием системной модернизации.

2. Сырьевая ориентация российской экономики при постоянном дефиците капитала внутри страны и недостаточно развитой системе кредитно-финансовых учреждений привела к аккумуляции инвестиционных ресурсов в компаниях отраслей, где производственные цепочки либо вообще не разрушались, либо были настолько просты, что их удалось сравнительно быстро восстановить. Предприятия остальных отраслей практически не обновляли основные производственные фонды и не развивали технологии в течение десяти и более лет, что явилось причиной снижения конкурентоспособности продукции предприятий большинства отраслей обрабатывающей промышленности в сравнении с зарубежными. Следовательно, обеспечение качества и конкурентоспособности отечественной продукции является одной из основных задач развития современной российской экономики.

3. Рост природоемкости отечественной экономики, которая чрезвычайно высока по сравнению с природоемкостью экономически развитых стран. Так энергоемкость на единицу конечной продукции в России больше аналогичного показателя в Японии в 11 раз, Германии – в 7 раз, США – в 4 раза. По затратам лесных ресурсов на 1 тонну бумаги Россия превосходит развитые страны в 4-6 раз. Для аграрного сектора – это 2-3 разовое превышение затрат земельных ресурсов на получение единицы с/х продукции[2].

---

[1] Ферару Г.С. Пути развития системной модернизации экономики России // Сб. мат-ов межд. научно-практ. конф. «Современные проблемы и перспективы управления развитием инновационной экономики», Белгород, 18–19 октября 2012 г. – С. 29–36.

[2] Ферару Г. С. Методология устойчивого развития предприятий лесопромышленного комплекса как эколого-экономических систем: автореферат диссертации ... доктора экономических наук. – Вологда, 2008.

Природоемкость, характеризуя эффективность использования природных ресурсов во всей цепи природно-продуктовых вертикалей, отражает тип и уровень эколого-экономического развития. Фактически это оценка эффективности функционирования природно-продуктовой вертикали, соединяющей первичный природный ресурс с конечной продукцией. Чем меньше здесь показатель природоемкости, тем эффективнее процесс преобразования природного вещества в продукцию, меньше отходы и загрязнение.

В качественном плане рост природоемкости проявляется в двух аспектах: 1) в дефиците природных ресурсов, для покрытия которых приходится привлекать в производственный процесс новые природные ресурсы; 2) ограниченность в возможностях привлечения новых ресурсов вызывает резкий рост нагрузки на ресурсы, находящиеся в использовании и, как следствие, постепенное истощение и деградацию ресурсов, что еще больше обостряет экономическую и экологическую ситуацию.

Оказавшись в ситуации исторического выбора, Россия попыталась встать на путь догоняющей модернизации, перенести на российскую почву западные цивилизационно-культурные ценности и институты, выстроить экономику, рынок по либеральным классическим образцам. Как следствие, системные изъяны экономической модели сохраняются. Она поддерживает устойчиво ресурсоемкий тип развития, не стимулирует сокращение ресурсоемкости. Следовательно, минимизация природоемкости отечественной экономики является необходимым условием системной модернизации.

4. Продолжающаяся деградация ценностей и норм и попирание духовной составляющей в общественном развитии нации. Как отметил академик Д.С. Лихачев, отдавший всю свою жизнь изучению и пропаганде отечественной культуры, – «без культуры в обществе нет нравственности, не действуют социальные, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука». В разное время на вопрос, что мешает нашей стране в социально-экономическом плане уверенно продвигаться вперед, три известных академика, два из которых экономисты, исповедующие разные научные доктрины, ответили очень похоже. Академик С.С. Шаталин сказал, что нам мешают «три барьера. Первый – бескультурье. Во всех сферах – политической, социальной, в общении, работе и т.д. Второй – некомпетентность, непрофессионализм. И это касается нас всех без исключения… Третий – догматизм мышления»[1]. Следовательно, развитие духовной составляющей, основанной на возрождении нравственности, является необходимым условием планируемых преобразований в обществе.

При постановке задачи системной модернизации не только аспект времени, этапов, содержания каждого этапа и согласованного взаимосвязанного изменения, учитывающего взаимодействие секторов хозяйства и различных сфер жизни, должен учитываться, но и аспект необходимых пропорций, их проектирования и подбора методов и инструментов, которые были бы способны повлиять на изменение соотношений и качественное состояние общественной системы в целом.

Развитие общества – это довольно общее, широкое понятие, включающее не только экономику, социальные аспекты, функционирование экологических систем, но и общественные институты, технологию, знания, правовые ограничения, политическую систему и т.д.[2] При этом модернизация должна накладывать особое требование на систему управления страной с целью обеспечения должной эффективности, преодоления дисфункциональных состояний в управлении и обществе.

Модернизация экономики и общества – это вне всяких сомнений системная модернизация. Ставя задачу именно так, безусловно, признаётся де-факто низкая системная эффективность российской общественной системы (если изменений требуют практически все общественные подсистемы одновременно, то в наличии системный кризис общества) и низкий уровень жизни населения, дисфункция системы управления[3].

Ключевой проблемой целенаправленных институциональных изменений в сфере государственного управления и государственной службы является необходимость обеспечить соответствие между трансформацией институциональной системы и объективными потребностями общества, находящегося на той или иной стадии экономического и социально-культурного развития[4]. Активное внимание представителей истеблишмента к проблеме эффективности государственного управления демонстрируют наличие реального беспокойства относительно качества принимаемых государственных решений и, в особенности, их исполнения в условиях серьезной трансформации среды для системы государственного управления.

Административные реформы можно представить в виде политического цикла, включающего в себя институциональный выбор и институциональные эффекты. Указанные эффекты превращаются в фактор «обратного влияния» на политическую систему, выступая в виде поведенческих моделей, мотиваций и управленческих практик государственных служащих. Последние формируют качественные параметры реализации государственных функций и предоставления государственных услуг, то есть определенный уровень управленческих способностей государства[5].

---

[1] Хроленко А.Т. Самоменеджмент. – М.: Экономика, 1996. – С. 3.

[2] Тархова А.В. Модернизационная компонента антикризисного регулирования российской экономики: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук. – Владикавказ, 2011.

[3] Самханова Л.В. Формирование региональной политики развития малого предпринимательства в условиях модернизации экономики: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук. – Кисловодск, 2011.

[4] Болдырев С.Н. Институциональные изменения экономики как детерминант модернизации национального хозяйства России: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук. – Тамбов, 2012.

[5] Васильковский И.В. Управленческие решения в сфере модернизации экономики: административно-правовой аспект: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. – М., 2011.

Формируя и преобразовывая институт государственной службы, лица и группы влияния, модерирующие политический курс, исходят из сложившихся в рамках определенной политико-экономической реальности социальных интересов. Эти интересы могут трансформироваться с учетом изменений, которые претерпевает политико-экономический ландшафт. Вместе с ними переформатируются подходы к организации институтов политико-административного управления.

Отличительной характеристикой развития государственных способностей в России 2000-х годов стало укрепление статуса исполнительной власти как доминирующего политического игрока. При этом государственная служба подверглась «частичной рационализации»: формирование современного законодательства; реализация двух федеральных программ реформы (2003–2007 и 2009–2013 годы); постепенное формирование антикоррупционных институтов. Однако до настоящего времени «неформальная институционализация» остается доминирующей характеристикой политического режима и сохраняется рентоориентированное поведение как существенный элемент политико-экономической реальности,

Экспертный опрос по теме «Качество государственного управления в регионах России–2014» (университет Гетеборга, НИУ ВШЭ), нацеленный на выявление важнейших характеристик организационного устройства системы государственной службы и поведения государственных служащих в регионах России, и основанный на оценках тщательно отобранных региональных 466 экспертов (географическое покрытие опроса – 79 регионов из 85 на момент проведения исследования) показал, что, по сравнению со странами Северной Америки и Европы (особенно Восточной), в которых основная угроза принципам мерита и эффективности бюрократии исходит от так называемых политических назначенцев (Dahlström 2011; Lewis 2007), в России эта угроза уходит корнями в родственно-личный характер связей между теми, кто уже находится при исполнении должностных обязанностей (включая политиков и чиновников), и теми, кто желает поступить на государственную службу. Доминирующий характер таких связей в 57 из 79 регионов позволяет предположить существование в России не «мерит» и не «спойлс» системы, а так называемой патримониальной бюрократии (Fukuyama 2013)[1].

В настоящее время, в отличие от 2000-х годов, система столкнулась с новыми вызовами: сокращающейся ресурсной базой и неблагоприятным «внешним контуром», связанным с ростом конфликтности в отношениях с западными странами. Кроме этого новая политико-административная модель должна учитывать потребность в привлечении крупных ресурсов на военно-полицейские нужды (сегодняшние бюджетные приоритеты), на минимально необходимое развитие общественного сектора и инфраструктуры, а также на поддержание социальной стабильности. Это усиливает в форматировании системы политико-административного управления мобилизационные мотивы, выдвигает новые требования к кадровой политике и организации государственной службы, среди которых, прежде всего, следует отметить:

– преодоление наиболее одиозных форм рентного поведения (антикоррупционная политика) в условиях углубляющегося ресурсного дефицита;

– усиление потребности в меритократическом найме, профессионализации кадров и рекрутировании на государственную службу (включая ее «верхний» уровень) технократов с высоким уровнем компетентности.

Опыт стран догоняющей модернизации указывает на критическую необходимость «веберианизации» государственного управления как условия долгосрочной «политики развития». В работах П. Эванса и Дж. Рауха на основе сравнительного анализа деятельности государственных бюрократических органов управления в большой группе развивающихся государств убедительно показана связь развитости некоторых элементов модели рациональной бюрократии и экономического роста[2]. Речь идет, прежде всего, о меритократическом найме сотрудников, основанном на сочетании обучения и конкурсного отбора, и предсказуемых карьерных лестницах на долгосрочный период, обеспечивающих материальные и нематериальные вознаграждения членам бюрократической организации.

В гражданской службе РФ отдельные функции управленческого характера в настоящее время распределены по различным органам (фрагментированное, «многополярное» управление). В результате создается ситуация, когда реальный центр по управлению переносится на кадровые службы, где организация государственной службы носит ведомственный характер, что препятствует консолидации государственного аппарата, распыляет ответственность, лишает систему независимого кадрового аудита и возможностей проведения консолидированной кадровой политики. Без наличия полноценной системы управления (включающей органы по управлению на федеральном и региональном уровнях) вероятность сохранения «ловушки частичных изменений» (включая доминирование протекционистских практик в кадровой работе) остается слишком большой.

Результаты анализа основных экономических показателей, характеризующих уровень развития отечественной экономики и ее структуру за период последних двух десятилетий, подтверждают выдвинутые предположения относительно причин, актуализирующих проблему проведения в ней системной модернизации.

Как видно из данных табл. 1, структура промышленного производства в России в период 1990–2012 гг. изменялась в сторону повышения доли энерго-сырьевых секторов хозяйства, при сокращении перерабатывающих отраслей, в частности, машиностроения и металлообработки в 2 раза, лёгкой промышленности – более чем в 12 раз по доле в структуре промышленного производства и т.д.

[1] http://qog.pol.gu.se/publications/reports/reportsinEnglishandotherlanguages

[2] Эванс П., Раух Дж. Бюрократия и экономический рост: межстрановой анализ воздействия «веберианизации» государственного аппарата на экономический рост // Экономическая социология. 2006. – Т. 7, № 1. – С. 38–61.

Таблица 1

Структура промышленного производства России (в % к итогу)*

Отрасль промышленности	1990 г.	2000 г.	2008 г.	2012 г.
Объем промышленного производства, всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Электроэнергетика	3,6	7,9	6,4	27,4
Топливная промышленность	6,8	17,5	19,5	
Чёрная металлургия	4,9	7,1	13,3	10,7
Цветная металлургия	5,4	8,7		
Химическая и нефтехимическая промышленность	6,9	6,2	7,0	6,8
Машиностроение и металлообработка	28,0	16,4	13,8	14,6
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5,2	4,0	3,3	2,8
Промышленность строительных материалов	3,4	2,4	4,1	2,9
Лёгкая промышленность	11,0	1,4	0,7	0,7
Пищевая промышленность	12,1	11,1	10,8	10,6

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru

Наблюдается снижение производительности труда в большинстве отраслей экономики (табл. 2).

Таблица 2

Индекс производительности труда по России и основным отраслям экономики РФ (по разделам ОКВЭД)*

	2005 г.	2010 г.	2015 г.
В целом по экономике	105,5	103,2	96,8
Сельское хоз-во, охота и лесное хоз-во	101,8	88,3	105,0
Рыболовство, рыбоводство	96,5	97,0	98,1
Добыча полезных ископаемых	106,3	104,3	99,3
Обрабатывающие производства	106,0	105,2	96,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	103,7	103,0	100,0
Строительство	105,9	99,6	95,4
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	105,1	103,6	90,3
Гостиницы и рестораны	108,5	101,7	93,3
Транспорт и связь	102,1	103,2	99,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	112,4	104,0	95,7

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru

Степень износа основных фондов, который характеризует состояние материально-технической базы отраслей, растет (табл. 3).

Таблица 3

Степень износа основных фондов по отраслям экономики, в т.ч. по относящимся к высокой, средней, и низкой степени технологичности, по коммерческим (без субъектов малого предпринимательства) и некоммерческим организациям (по полной учетной стоимости, в смешанных ценах) в РФ по видам экономической деятельности, %*

Виды экономической деятельности	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Все основные фонды, в т.ч.:	43,4	44,3	45,7	46,3	46,0	46,5	47,3	48,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	37,6	37,9	38,1	37,3	38,2	38,8	39,7	40,7
Добыча полезных ископаемых	45,6	45,9	46,8	48,4	49,6	52,3	53,0	52,8
Обрабатывающие производства	41,0	41,2	42,2	42,6	43,4	43,6	44,7	45,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	40,1	41,7	42,0	42,0	39,3	39,2	39,6	40,2
Строительство	37,4	41,6	42,4	39,9	43,9	46,3	46,4	45,1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	60,8	61,6	63,7	63,7	61,8	62,2	62,3	63,6
Транспорт и связь	33,6	36,3	37,0	38,8	40,3	40,8	43,2	44,4
Финансовая деятельность	30,4	34,4	33,9	32,8	33,2	33,7	37,1	39,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	36,8	38,0	38,9	37,7	36,5	35,6	42,8	44,7
Образование	44,9	47,3	48,1	47,2	47,3	47,1	47,3	46,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	44,5	44,6	45,5	46,0	45,4	46,7	47,7	49,9
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	26,7	28,7	38,3	36,9	38,0	39,3	39.2	39,9

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru

При этом сырьевой экспорт вырос за исследуемый период почти в 2 раза, и почти в 3 раза снизился экспорт машин и оборудования. Импорт сырья снизился, а машин и оборудования возрос до 55% (табл. 4).

Таблица 4

Товарная структура экспорта и импорта РФ (в % к итогу)*

Товарные группы	Экспорт, по годам						Импорт, по годам					
	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2014 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2014 г.
Машины, оборудование и транспортные средства	18,3	10,2	8,8	5,6	4,9	5,3	44,8	33,6	31,4	44,0	52,7	47,6
Минеральные продукты	40,5	42,5	53,8	64,8	69,6	70,5	2,6	6,4	6,3	3,1	3,1	2,6
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	11,3	26,7	21,7	16,8	13,3	-	5,1	8,5	8,3	7,7	7,3	-

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru

Иными словами, сложилась «сырьевая» структура российской экономики, где существенный вклад в производство валового продукта (национального дохода) до 65% даёт сырьевой комплекс страны. Он же обеспечивает подавляющую часть расходов федерального бюджета и положительный торговый баланс, обеспечивая до 70% экспорта страны. При этом эффективность добычи сырья не является высокой, капиталоёмкость производства снижается. Однако «проедание» активов и поддержка экстенсивного экономического роста не может долго продолжаться, поскольку активы изнашиваются, морально устаревают[1].

Снижение основных экономических показателей, характеризующих структуру и темпы развития экономики, негативно сказалось на конкурентоспособности отечественной продукции. По оценкам специалистов только 8–10% промышленной продукции отвечает международным требованиям[2]. Конкурентные преимущества отечественной экономики во многом блокируются ее слабостями. В их числе – значительная энергоемкость и материалоемкость производства, влекущая за собой дороговизну большинства видов отечественной готовой продукции; технологическая отсталость многих отраслей промышленности, не позволяющая выпускать продукцию с высокими качественными характеристиками; недостаточная развитость транспортной инфраструктуры, сферы коммуникаций; незавершенность процесса адаптации экономических субъектов к работе в рыночных условиях и пр.

Российская экономика находится в процессе сложных институциональных преобразований. На макроуровне наметился подъем экономики, сопровождающийся улучшением основных социально-экономических показателей. Однако остаются нерешенными главные проблемы, в том числе перекос отраслевой структуры, ориентированной на производство низкотехнологичной и ресурсоемкой продукции, сырьевая направленность экспорта и возрастающая зависимость от импорта, неустойчивость финансовой системы, невостребованность человеческого капитала, существенное сокращение доли национальной экономики в мировом ВВП. Схожие проблемы наблюдаются на мезоуровне в регионах. Улучшение финансовых показателей большинства российских компаний, в первую очередь, повышение капитализации фондового рынка как индикатора финансовой эффективности, пока не свидетельствует о значительном повышении конкурентоспособности российской экономики.

Существующий отрыв финансового хозяйства от реальной экономики и социальной сферы, привязка денежной системы к доллару, высокая ставка рефинансирования, дорогие кредиты, повышенная рентабельность финансовых операций, утечка капитала, отсутствие прозрачности акционерного капитала и многие другие элементы создают дефицит инвестиционных средств на инновационную деятельность и модернизацию промышленности. Экономические реформы, взятые в целом, демонстрируют явную незавершенность в двух направлениях: во-первых, сохраняется закрытость и непрозрачность внутреннего функционирования государства и предпринимательства в рыночной среде, а во-вторых, отсутствуют правила и нормы взаимодействия этих главных систем в конкурентной среде.

Однако Россия может модернизировать свою экономику. Для этого она располагает достаточными ресурсами, потенциалом и обширным внутренним рынком. Мы имеем большой позитивный потенциал. Это растущий внутренний спрос, богатые природные ресурсы, выгодное расположение, доступ к основным мировым рынкам, высокий уровень базового образования населения и др. По всем объективным показателям Россия должна быть в числе мировых экономических лидеров и одной из самых привлекательных для жизни и ведения бизнеса стран в мире.

Как следствие, по нашему мнению, пути развития системной модернизации в экономике России должны включать[3]:

– во-первых, осуществление структурных сдвигов в экономике, формирование производственной структуры, отвечающей критериям развитой индустриальной страны; стимулирование экспорта ряда товаров, перспективных по параметрам конкурентоспособности (за счет развития системы субсидий, кредитования, государственных закупок, гарантий, изменения тарифного и нетарифного регулирования экспортных и импортных операций);

[1] Деружинский Г.В. Управление инвестиционными процессами в условиях модернизации транспортного комплекса региона: методологические подходы, модели, инструменты: автореферат диссертации ... доктора экономических наук. – Ростов-на Дону, 2009.

[2] Мезенцева Е.С. Стратегия адаптивного развития малого предпринимательства в условиях модернизации экономики региона: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук. – Екатеринбург, 2009.

[3] Ферару Г.С. Пути развития системной модернизации экономики России // Сб. мат-лов межд. научно-практ. конф. «Современные проблемы и перспективы управления развитием инновационной экономики», Белгород, 18–19 октября 2012 г. – С. 29–36.

– во-вторых, переподготовка, переквалификация или замена кадров, переобучение и перевоспитание людей, если хотите, усвоение иного образа мышления, соответствующего требованиям времени;

– в-третьих, освоение производства продуктов современного технологического уровня в масштабах, позволяющих российским компаниям занять достойные позиции на мировых рынках;

– в-четвертых, органичное включение в новейшие мировые инновационные процессы, интеграция в мировую экономику, скорейшее использование всех важных нововведений, в том числе новинок в области организации и управления; развитие предприятий на инновационной основе, опирающейся на «догоняющую» и «опережающую» техническую и технологическую модернизацию ряда производств, обладающих достаточно высоким конкурентным потенциалом; обновление производственного аппарата, замена устаревшего оборудования и технологий на современные, более производительные; переориентация производств товаров и услуг на международно-признанные стандарты с последующей сертификацией;

– в-пятых, совершенствование системы ценообразования и оплаты труда с учетом международных тенденций, обусловленных развитием информационного производства, изменениями в производстве и потреблении энергетических и сырьевых ресурсов и другими изменениями.

Интенсивность дальнейшего роста будет определяться эффективностью предпринимаемых мер по устранению барьеров для структурного изменения экономики, реструктуризации неэффективных компаний и отраслей экономики, повышению мобильности на рынке труда и созданию эффективной институциональной среды, способствующей развитию предпринимательской инициативы.

Помимо вышесказанного системная модернизация предполагает проведение экосбалансированных экономических реформ, учитывающих уровень и соподчиненность проводимых мероприятий, масштаб и границы их воздействия, и создание соответствующей экономической среды на макроуровне с помощью реализации таких мероприятий как создание рынка природных ресурсов; введение экологических налогов, различного рода платежей и штрафов за загрязнение; внедрение международных природоохранных стандартов и нормативов; ужесточение экологического контроля; совершенствование ценообразования с учетом экологического фактора, особенно на продукцию природоэксплуатирующих отраслей; продажа прав на загрязнение и др.[1].

Значительную роль в обеспечении общественного развития играет наука и техника – научно-технический прогресс. Именно эти два фактора определяют инновационный уровень экономики, а также возможности снижения, либо исключения загрязнений. Безусловно, развитие науки, техники, производства, а также современных информационных технологий происходит на той или иной ресурсной базе, то есть исходный уровень национального богатства обеспечивает условия общественного развития и во многом предопределяет его эффективность, которая в значительной степени детерминирована состоянием социально-экономических и политико-правовых институтов[2].

Применительно к решению задач модернизации общественной системы, которые несравнимо шире нежели аспекты экономической модернизации, учитывающие социальную и экологическую компоненты развития, следует взять на вооружение *четыре принципа И.И. Янжула*, которые, на наш взгляд, демонстрируют комплексность и сложность, а также долгосрочный характер задач, стоящих перед российским обществом[3]:

1. В интересах чисто материального благосостояния народов необходимо максимально широкое развитие нравственности и особенно честности во всеобъемлющем значении этого слова.

2. Народ, который честен, силён не только нравственно, но и экономически. Основанием нравственного инстинкта у человека должны являться симпатия и сочувствие.

3. Лишь единовременное развитие образования и улучшение нравственности и честности может значительно поднять всю настоящую культуру.

4. Ни одна из добродетелей, создающих наибольшие богатства в стране, не имеет такого значения, как честность (исполнение обещания, уважение к чужой собственности, чужим правам, существующим законам и нравственным правилам). Сколько бы школ в России ни настроили, но пока у нас не поднимется значение честности, нельзя ожидать успешного хода общего благосостояния.

Относительно оценки эффективности общественного развития вряд ли уместно сводить её к одному показателю, например, к условным результатам развития в числителе, а в знаменателе – затратам на это развитие («финансовый расчёт» эффективности!). Либо к темпу роста в краткосрочной перспективе или темпу роста долгосрочного ВВП. Учитывая многовекторность общественного развития, оценку его эффективности необходимо осуществлять по каждому вектор-направлению.

Если обратиться к современной трактовке закона Вагнера о росте государственных расходов, то, можно сказать, что экономическая эффективность потребует меньших государственных расходов, чем общественная эффективность, поскольку экономическое развитие составляет лишь один из элементов общественного развития, что необходимо учитывать при оценке эффективности. При этом добавка по госрасходам будет тратиться на социальную, экологическую, институциональную, технологическую (информационную) эффективность. Кроме того, необходимо учитывать изменения в эффективности инфраструктуры, если угодно «правовую» эффективность хозяйственной системы,

---

[1] Ферару Г.С. Методология устойчивого развития предприятий лесопромышленного комплекса как эколого-экономических систем: автореферат диссертации ... доктора экономических наук. – Вологда, 2008.

[2] Тархова А.В. Модернизационная компонента антикризисного регулирования российской экономики: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук – Владикавказ, 2011.

[3] Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. – СПб.: Электротипография Н.Я. Стойковой, 1911. – Т. 2. – 189 с.

степень управленческой дисфункциональности системы и т.д. Причём каждая из видов эффективности может быть связана с тем, каково качество и структура конкретных подсистем экономики, которые потребляют эти расходы. Именно это определяет эффективность самих расходов, конечную экономическую эффективность и эффективность общественного развития.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время в РФ назрела насущная необходимость проведения системной модернизации общественного развития, стратегические ориентиры которой должны включать не только экономические, но и другие ключевые стороны жизнедеятельности общества. Что, в свою очередь, обеспечит самодостаточный рост, нацеленный на улучшение качества жизни для настоящего и будущих поколений, который будет способствовать длительному, управляемому и демократическому процессу изменения общества на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Юшкова Н.Г.
к. арх., доцент Волгоградского государственного технического университета

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРИНЦИПОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова*: государственное управления, политика, стратегирование, планирование, приоритет, регион, безопасность, система модель, развитие.*

Keywords*: state management, policy, strategy development, planning, priority area, security system, model, development.*

Создание в России эффективной системы государственного стратегического планирования, в полной мере отвечающей современным реалиям и обеспечивающей существенные прогрессивные сдвиги во всех, без исключения, сферах общественного развития, является для нашей страны жизненной необходимостью. В России эти вопросы получили особое звучание к началу 1990-е гг., когда в процессе разработки и осуществления рыночной модели развития утрачивалась значимость накапливаемого десятилетиями богатейшего советского опыта разработки и реализации стратегических решений, обеспечивающих высокие темпы развития экономики, повышения технологического уровня производства и уровня жизни населения. В процессе демонтажа действовавшей системы народнохозяйственного планирования оставались открытыми такие вопросы как жизнеспособность компонентов планирования, включающих плановые и отчетные показатели, степень охвата планами субъектов и предметов планирования, механизмы составления, согласования и корректировки планов, логика планирования, методы анализа и обеспечения плановой сбалансированности, способы стимулирования субъектов и объектов планирования[1].

Превалирование не эволюционных, а революционных методологических подходов к реформированию социально-экономических отношений и обоснованию стратегии развития России предопределило соответствующую концептуальную направленность исследований и разработок, определяющих сущность функционирования нового механизма стратегирования. Нельзя однозначно утверждать, что планирование экономического и социального развития страны выделилось в разряд актуальных научных проблем исключительно вследствие кардинальных перемен в общественном устройстве. Очевидно, что разрешение противоречий в системе стратегического планирования актуально для экономической науки всегда, а особые формы своего методологического выражения оно получает в зависимости от доминирующих трендов. Не случайно их исследованию посвящено огромное количество научной и научно-методической литературы как советского периода, так и периода, соответствующего коренной перестройки в нашей стране политических и экономических основ. То, что в 1990-х годах произошло фактически полное отрицание теории и практики методов плановой экономики СССР, не снизило остроты проблемы комплексного стратегического планирования социально-экономического развития государства.

Ошибочно допускалась возможность разработки схем государственного управления, в которых региональное стратегирование и, особенно, планирование развития территорий, не имеет существенного значения. В условиях преобладания элементов унифицированного подхода к региональным системам оценка и учет их природно-климатических и социально-экономических особенностей были сведены к минимуму. Негативные последствия использования подобных управленческих решений выразились в резком возрастании разрывов в уровнях социально-экономического положения регионов, особенно на Дальнем Востоке[2]. По этой причине правительство вынужденно было возвратиться к планированию в форме разработки региональных целевых программ государственного уровня. При переходе к формированию новых принципов хозяйствования, в том числе и в сфере государственного управления социально-экономическими системами, острую научную дискуссию вызвали вопросы, связанные с выработкой критериев оценки перспективной модели стратегирования, и определения ее совместимости с принципами плановой экономики СССР, обусловливающими концепцию согласования федеральных, региональных и муниципальных уровней разработки стратегических планов[3].

Возобновление процесса разработки прогнозно-программных мероприятий в новых экономических условиях стало возможным благодаря принятию первого федерального закона, регламентирующего сферы ответственности и

[1] Клейнер Г.Б. Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России // Материалы научного семинара. Вып. 5 (43). –М.: Научный эксперт, 2011.

[2] Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – С. 368.

[3] О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596. – http://www.text.document. kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm

функции органов государственного управления, уполномоченных в решении этих вопросов, содержание стратегических документов, процедуры их формирования[1]. Прогнозирование выделилось в стратегический приоритет национальной политики и национальной безопасности. Представление о нем как о многоуровневой и многокомпонентной системе научных обоснований направлений социально-экономического развития РФ предвосхитило предстоящие изменения в системе государственного управления, положив начало возрождению системных основ. Прогнозирование задавало базовые характеристики, отражающие динамику изменений социально-экономических систем, и тем самым предопределяло перспективы деятельности органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации в статусе стратегических решений. Наделение прогнозирования определяющей, приоритетной функциональной способностью в системе государственного управления, вызывало перестроение всей цепочки принимаемых органами законодательной и исполнительной власти стратегических решений. Признание прогнозирования доминантой стратегирования диктовало построение его нового алгоритма, основанного на выделении федерального уровня в системе государственного управления с концентрацией усилий на нем, определяющей иерархичность структурной организации и содержательного наполнения стратегических документов долгосрочного, среднесрочного, краткосрочного периодов действия или стадий планирования.

В течение последующих лет практически единственным документом, устанавливающим правоотношения субъектов экономики в вопросах стратегического управления территориями, оставался федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития в Российской Федерации». Закон, несмотря на отсутствующий в нем региональной уровень управления, стимулировал региональное стратегирование во всем многообразии проявлений, включая процедуры разработки, согласования, утверждения и реализации стратегий и концепций. Активизация процессов территориального развития также способствовала этому, поскольку возникала реальная необходимость решения конкретных проблем на региональном и муниципальном уровне публичного управления. Подобные разработки осуществлялись практически повсеместно, особенно в традиционно передовых регионах России, получая различный статус: начиная от «пионерных» проектов, имеющий презентационные формы, и доходя до утвержденных и действующих документов, востребованных практикой государственного управления. Отметим, что утверждение соответствующих требований к разработке стратегий социально-экономического развития субъектов федерации Министром регионального развития РФ состоялось постфактум запущенного процесса. Допустимо предположение, что именно практика государственного управления, опережающая методологию стратегирования, предопределила позиционирование региональных стратегий в качестве параллели концепции социально-экономического развития федерального уровня, чем обеспечивались предпосылки для эффективного взаимодействия всех имеющихся средств планирования.

Для восполнения методологического вакуума был организован общероссийский форум «Стратегическое планирование в регионах и городах России», призванный обобщать, систематизировать и анализировать отечественную практику, выделяя приоритетные направления перспективных научных исследований. В отсутствие свидетельств вовлеченности и, тем более, интегрированности таких стратегических разработок в процесс управления регионом, их встраивание в единую систему стратегирования по таким критериям, как этапы реализации стратегии, сценарии реализации и тому подобное, отсутствовали.

Увеличивающийся разрыв между «инициативным планированием» и государственным управлением отразился негативно, в первую очередь, на региональной безопасности, не имеющей правовой защищенности и признанной методологии, лишенной стратегических ориентиров, обусловленных подчиненностью целям и задачам макропланирования[2]. Игнорирование роли региональной безопасности в вопросах стратегирования снижало устойчивость системной организации конструкции стратегирования, в том числе и из-за недооценки реально существующих проблем развития конкретных территорий. Как следствие этого обозначилось концептуальное противоречие в формирующейся системе стратегирования, когда процессы территориального развития не корреспондируют социально-экономическому развитию, получают асинхронные выражения, искажающие сущность и предназначение документов, определяющих стратегические перспективы развития региона, и препятствуют их увязки по горизонтали и по вертикали с соответствующими документами других регионов[3].

Выявление новых направлений совершенствования методологии стратегирования и обоснование необходимости системного подхода принято связывать с появлением Концепции долгосрочного развития до 2020 г. (Стратегия 2020) 2008 года, провозглашающей инновационное развитие России в качестве ведущего приоритета национальной политики и определяющей масштабность задач государственного управления территориями. Подобное видение решения проблем социально-экономического развития России требовало увязки воедино задач построения системы государственного управления и комплексной оценки потенциала интеграции стратегирования, раскрывающегося в преемственности целеполагания в структуре всех компонентов стратегического планирования через взаимосвязь мероприятий по региональной безопасности, охватывающей все уровни региональной экономики. Очерченный круг проблем методологии предопределял необходимость формирования единого понятийного аппарата стратегирования. Объект государственного стратегического планирования объединяет государство, российские регионы, муниципальные обра-

---

[1] О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации. Федеральный закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ // Российская газета. – М., 1995. – № 143, 26 июля.

[2] Бухвальд Е.М. «Вытянет» ли стратегическое планирование российскую экономику? // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2014. – № 8–9. – С. 9–26.

[3] Демьяненко А.Н. Еще раз о стратегическом планировании социально-экономического развития регионов // Пространственная экономика. 2005. – № 1. – С 162–171.

зования, отрасли экономики и крупные компании (монополии) с государственным участием, а в качестве предмета планирования выступает развитие государства, регионов, муниципальных образований, отраслей экономики и крупных компаний.

Определение объекта и предмета стратегирования, задаваемого его методологической логикой, вызывала необходимость установления места и роли всех элементов планирования, перераспределения функций между ними в соответствии с проявляющими задачами. От новой схемы ожидалось бесперебойное функционирование системы планирования в целом, по принципу ее адекватности внешним изменениям посредством совокупности мер, определяющих расширение и вариативность комплекса средств планирования, и соответствующих им документов планирования, ориентированных не только на формальное исполнение функций государственного управления, но и на реализацию актуальных задач развития регионов. Исходя их этого, артикулирована согласованность взаимодействия стратегических решений национальной политики, конкретизирующихся на региональном уровне в концептуальной преемственности принципов и структурном единстве разрабатываемых документов. Благодаря усилению пространственных соответствий обеспечивается «симметричность» форм идентичных видов документов федерального и регионального уровней планирования.

На протяжении последующего десятилетия проблема развития теории и методологии стратегического планирования рассматривается через призму реформирования системы государственного управления. Успешное функционирование и развитие системы стратегического планирования требует постоянного совершенствования институционального пространства страны, определяемого действиями факторов как внешней, так и внутренней институциональной среды. Если понимать и определять институциональное пространство как не противоречивое по отношению к социально-экономическому пространству, то становится очевидным факт зависимости осуществления последовательных структурных и инфраструктурных трансформаций от степени рациональности системы стратегического управления, рассматриваемого в таких его срезах как многоуровневость формирования, многоаспектность существования и наличие множественности целей развития.

При смене парадигмы управления социально-экономическим развитием в России стратегическое планирование является необходимым условием инновационной модернизации. Исходя из этого, выполнение всех стадий планирования (текущего, среднесрочного, долгосрочного) следует понимать не как формальное увеличение горизонта планирования и не как простое расширение круга планируемых показателей с использованием некого сценарного варианта, а как эволюционный переход от «планирования индикаторов» к планированию институциональных изменений. Предлагаемая модель планирования определяет основной «вектор» формирования и функционирования федерального звена в системе стратегического планирования, преемственно развиваемый субъектами региональной экономики.

Определяя условия обеспечения процессов формулирования, формирования, осознания и реализации стратегического планирования, следует выделить необходимость постоянного обновление институциональной среды посредством структурного и функционального наполнения следующих ее элементов[1]:

- институтов разработки, обсуждения и принятия стратегических планов;
- институтов стратегического контроля, реализующих управленческие механизмы проверки и обеспечения соответствия принимаемых решений стратегии;
- институтов стратегического мониторинга, имеющих целью анализ степени реализации стратегии, а также выявление моментов необходимости корректировки стратегии;
- институтов горизонтальной и вертикальной координации текущих решений в связи с разработкой и реализацией стратегии;
- институтов согласования текущих и будущих решений между собой и с решениями, принятыми ранее;
- институтов стратегической коммуникации экономических агентов между собой и с руководством страны;
- когнитивных институтов (институтов управления знаниями), формирующих, аккумулирующих и транспортирующих знания, связанных с процессом стратегического планирования.

Структурирование институциональной среды обеспечивает переход к следующему этапу формирования современной методологии стратегирования, раскрывающейся в положениях:

- обеспечения эволюционных преобразований в системе государственного управления посредством увеличения потенциала стратегического планирования;
- совокупности установленных, последовательно и систематически осуществляемых процедур по формированию, реализации и корректировки стратегических планов как непрерывной «технологической цепочки» обоснования стратегических приоритетов;
- позиционирование региональной безопасности как ведущего интегративного признака, обеспечивающего объединение и преемственность императивов общественного развития и региональную идентичность территорий любого иерархического уровня, реализуемую в вариативных пространственных формах.

При определении перспектив формирования современной методологии стратегирования повышается значение принципов стратегического планирования[2], понимаемых не только как формальные основания и требования осущест-

[1] Клейнер Г.Б. Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России // Материалы научного семинара. Вып. 5 (43). – М.: Научный эксперт, 2011.

[2] Смирнова О.О. о. 2012. Правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. – Т. 5, № 2. – С. 106–113. Смирнова О. О. Стратегическое планирование в Российской Федерации. Системность и качество федеральных документов // Экономические стратегии. – М., 2012. – № 11. – С. 34–43.

вления прогрессивных изменений в вопросах государственного управления территориями, но, главным образом, как концептуальная основа обеспечения устойчивого и безопасного регионального развития:

- принцип системности, предполагающий подчиненность процесса выработки и обоснования любого решения определению общей цели системы и подчиненности деятельности всех подсистем достижению этой цели;
- принцип непрерывности, означающий последовательность раскрытия прогнозов и планов различного временного горизонта в их увязке между собой так, чтобы перспективные направления, отражаемые в содержании долгосрочных планов, корректируемых в соответствии с новыми потребностями общества, крупными изменениями в технологиях, комплексным анализом демографической ситуации, получали развитие в содержании среднесрочных и краткосрочных планов;
- принцип целенаправленности и приоритетности, требующий направленности планов всех уровней и видов на достижение определенных целей, позволяя сосредоточить ресурсы на главных направлениях развития экономики, решении проблем общегосударственного значения и безопасности страны в целом;
- принцип комплексности решения социальных и экономических проблем территорий, предусматривающий сохранение баланса развития регионов и отраслей, в основном посредством выявлении и стимулирования инновационных и технологичных видов экономической деятельности для обеспечения потребности развития социальной сферы;
- принцип оптимальности, предусматривающий максимальную реализацию стратегических задач при имеющихся ресурсах с учетом их рационального использования и реализуемый через инструменты экономико-математического моделировании и решения оптимизационных задач;
- принцип сбалансированности и пропорциональности, заключающийся в балансовой увязке показателей, установлении пропорций и обеспечении их соблюдения;
- принцип сочетания отраслевого и регионального аспектов планирования, требующий соотношения интересов данной территории, рационального использования местных ресурсов и содержания отраслевых планов.

Предполагалось, что на стадии подготовки закона о государственном стратегическом планировании, процесс разработки которого охватывает, в целом, более 15 лет, наличие методологических основ позволит приблизить его к идеальному представлению о правовых основаниях государственного управления. Однако это не избавило его от рамочной декларативности[1], раскрывающейся в неукоснительном выполнении требований к организации процедур планирования, к дополнительным актам и распоряжениям, принимаемым правительством и органами субъектов РФ[2]. Система государственного стратегического планирования определяется как совокупность участников этого процесса, представляющих органы, ответственные за проведение соответствующей политики и планирующие эту политику на основе действующего законодательства. Она не предполагает образования специализированной планирующей структуры, допуская лишь реализацию возникающих дополнительных функций в рамках существующих структур системы управления. В таком случае эффект планирования зависит исключительно от режима координации и самой «парадигмы» планирования. При условии ее подчиненности бюджетной логике, когда целевые установки будут определяться исходя из макроэкономической стабилизации, система планирования окажется несостоятельной равно как многие федеральные и региональные программы в период 1990–2000 гг., которые вынужденно прекратили свое существование по причине недофинансирования. Планирование, становясь нагрузкой для органов исполнительной власти всех уровней, не способно приводить к позитивным результатам. Традиционное для системы государственного управления мнение о большей значимости бюджета по сравнению с целями и задачами планирования, ставит последнее в зависимость от объема бюджетирования, рассматриваемого как ограниченный ресурс, определяющий параметры планируемых изменений. Планирование, подчиненное бюджету, не способно стать определяющим инструментом управления изменениями. Для кардинальных сдвигов в государственном управлении необходима новая парадигма стратегирования, согласующаяся с системным подходом[3].

Не меньшее значение для качественного улучшения процесса стратегирования имеет вопрос установления сущности разрабатываемых решений (прогнозов, планов, программ). В случае если они понимаются как директивы, предельно ограничиваются их управляющие возможности[4]. Стратегические планы способны оказывать реальное влияние на процесс развития территорией только при условии, что их разрабатывают как сводку согласованных решений, признанных разумными требований предприятий и населения к администрации, договоренностей о конкретных действиях, имеющих стратегическое значение для региона, показывающих перспективу всему местному сообществу, властям, бизнесу, жителям, возможным внешним инвесторам.

Принятие Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в 2014 году[5] является необходимым шагом для формирования единой системы стратегического планирования, охватывающей федеральный, региональный и муниципальный уровни. Целесообразность ее формирования именно в таком концептуаль-

---

[1] Сухарев О. Государственное стратегическое планирование и направления развития экономики России // Экономическое возрождение России. 2014. – № 2 (40). – С. 26–36.

[2] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон (проект). – www.duma.gov.ru

[3] Сухарев О. Возможности и ограничения государственного стратегического планирования // Национальные интересы приоритеты и безопасность. – М., 2014. – № 27 (264). – С. 19–28.

[4] Гагарина Г.Ю. Развитие системы стратегического планирования пространственной интеграции экономики регионов // Транспортное дело России. 2012. – № 5. – С. 62–63.

[5] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 июня 2014 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 июня 2014 г. // Российская газета. – М., 2014. – 3 июля.

ном единстве долгое время высказывалась многими российскими учеными, а наличие комплекса соответствующих предпосылок позволяет утверждать то, что именно такое ее концептуальное решение обеспечивает переход в плоскость практических действий по территориальному управлению. Решение данной задачи возможно с использованием имеющихся на сегодняшний день средств за счет упорядочивания и грамотного распределения полномочий органов публичной власти в стране — федеральной, региональной и местной, которые в соответствии с законом образуют «вертикаль» стратегического планирования на единой нормативно-правовой и методологической базе. Из анализа этой схемы вытекает формирование в перспективе трехмерной развернутой «матрицы» стратегического планирования, построенной на интегративных принципах, позволяющих образовать не только типологическую множественность документов, определяемое пространственными и отраслевыми особенностями, но и заложить в их содержание оптимальные механизмы, приемы и инструментарий управления.

Систематизация результатов реализации федерального закона в части практической апробации вариантов стратегического планирования на всех уровнях государственного и муниципального управления в конкретных региональных ситуациях представляется особенно важной. Эти результаты свидетельствуют о том, что сбалансированное функционирование социально-экономической системы на всех уровнях ее пространственной организации, не вызывающее серьезных, неразрешимых, противоречий в межуровневых взаимодействиях, существующих в практике территориального управления, не способно обеспечиваться только за счет разработанной системы документов. На практике, даже если строго следовать заданному «шаблону» действий по их составлению, гарантии достижения их концептуальной согласованности не очень высоки. Соответственно, простая сумма разрозненных, концептуально несопоставимых и не сведенных в единую систему юридических норм и положений о разработке перспективных направлений территориального развития не в состоянии решить стоящих перед государственной системой управления задач. Одним из аспектов данной проблемы является разрешение противоречий в системе стратегического планирования посредством укрепления стратегических позиций национальной безопасности в ее региональной проекции — региональной безопасности, до настоящего времени не получившей однозначных способов решения. Наделение вопросов национальной безопасности первостепенным значением обеспечивается «встречным» процессом как со стороны соответствующего федерального закона[1], так и со стороны закона о стратегическом планировании. В последнем в этой связи представлена конструкция документов, идентифицирующая место и роль стратегии национальной безопасности в определении структурных взаимосвязей как обеспечивающей целеполагание стратегирования как системы, подчиняющее себе, по сути, структурное наполнение остальных элементов и блоков государственного управления. Вопросы региональной безопасности в указанных законодательных актах, регламентирующих отношения субъектов национальной и региональной экономики, не определяются.

Вместе с тем, возможности методологического обоснования подобной взаимосвязи существуют. Известно, что до настоящего времени не принято специального федерального закона, комплексно освещающего процессы регионального развития, однако утверждены «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»[2]. Анализ показывает, что в окончательной редакции они существенно отличаются от проектных вариантов, так, в частности, отсутствует понятие «региональная безопасность». Однако оно было закреплено в структуре проектов «Основ…» 2015 года и 2016 года стало абсолютной новацией. Региональная безопасность рассматривается как состояние защищенности региона от внешних и внутренних факторов воздействия, при котором возможно сбалансированное и устойчивое развитие региона на принципах финансовой эффективности и учета особенностей региона. Очевидно, что определение механизмов и процедур обеспечения региональной безопасности не является предметом рассмотрения «Основ…» (2017). В свою очередь, закон о стратегическом планировании не указывает на определение таких направлений развития принципов стратегирования, которые бы обозначили содержание и функциональные возможности региональной безопасности в решении вопросов государственного управления.

Авторы большинства существующих современных научных исследований по проблемам региональной безопасности (Гук С.В., Кирьянов А.Ю., Куклин А.А., Мельников В.И., Пашковский П.В., Полосин А.В., Селиванов А.И., Солонина В.П., Стрельченко В.В., Юрченко И.В.) тяготеют преимущественно к рассмотрению ее правовых и политических аспектов, в то время как социально-экономические аспекты освещаются в этих работах в недостаточной степени. Кроме того, практика принятия и использования новейших законодательных и нормативно-правовых актов, определяющих деятельность органов исполнительной власти Российской Федерации, и, особенно, субъектов федерации, свидетельствует о том, что при разработке прогнозов, концепций, стратегий, программ комплексного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации значимость вопросов региональной безопасности недооценивается.

Все это открывает определённые перспективы для обоснования новых направлений исследования проблем функционирования и развития социально-экономических систем и рассмотрения требований, условий, факторов и особенностей обеспечения безопасности на национальном, региональном и муниципальном уровнях в их взаимосвязи. Если понимать безопасность как научную категорию, имеющую синтетическую природу, то возможно существенное обогащение методологии стратегирования.

Возможности их развития обусловлены, в том числе, и обоснованием степени преемственности принципов национальной безопасности при их «переносе», например, на региональный уровень государственного управления. Для

[1] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. – www.consultant.ru

[2] Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13. – www.consultant.ru

определения «региональной безопасности» могут быть проанализированы, в том числе, и так называемые «характеристики безопасности», включающие децильный коэффициент; уровень безработицы; уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами; уровень инфляции; удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, ожидаемая продолжительность жизни; валовой внутренний продукт на душу населения; доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий, образования и культуры; доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам[1].

В то же время, при обращении к тексту «Основ…» (2017)[2] возможности исследователя ограничиваются определением некоторых приоритетных задач, таких как: инфраструктурное обеспечение пространственного развития экономики и социальной сферы Российской Федерации; привлечение частных инвестиций в негосударственный сектор экономики на региональном и местном уровнях; совершенствование механизмов регулирования внутренней и внешней миграции; совершенствование механизмов стимулирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала; уточнение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Даже при самом поверхностном анализе этих законодательных актов легко обнаружить отсутствие системных либо устойчивых связей между их базовыми положениями. В то же время нельзя недооценивать тот факт, что наличие данной зависимости закреплено действующим федеральным законом о стратегическом планировании, согласно которому стратегия национальной безопасности Российской Федерации и стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов федерации формируют ядро системы стратегирования, реализуя функцию целеполагания. В этом смысле, основы политики регионального развития являются связующим звеном указанных стратегических разработок, осуществляемых в функциональных блоках: целеполагание по отраслевому и территориальному принципу, а также планирования и программирования. Иными словами «Основы…» являются неотъемлемым элементом, реализующим в системе стратегического планирования принцип преемственности целей и задач национальной безопасности, раскрываемой на уровне субъекта федерации в стратегии социально-экономического развития и схемах территориального планирования. Соответственно, при разработке содержания последних стратегических документов, даже если ограничиться только правовыми аспектами их формирования, необходимо устанавливать характеристики угроз для региональных интересов и определять меры по их предотвращению. А это неизбежно повлечет за собой необходимость осуществления соответствующих разработок, направленных на адаптацию принципов, формирующих методологию обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, к уровню федеральных округов и субъектов федерации посредством комплексного и всестороннего анализа факторов, условий и ограничений территориального развития в их конкретике.

[1] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. – www.consultant.ru

[2] Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13. – www.consultant.ru

Алексеева Ю.В.
к.и.н., доцент Российского экономического университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСУ О БУДУЩЕМ НАТО СРЕДИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ АНАЛИТИКИ В НАЧАЛЕ 90-х гг. XX ВЕКА

Ключевые слова: *НАТО, окончание «холодной войны», новый миропорядок, взаимоотношения Российской Федерации и НАТО, международная безопасность*

Keywords*: NATO, the end of «Cold War», new world order, relationship of the NATO and Russian Federation, international security.*

Одной из особенностей зарубежной аналитики рассматриваемого периода была полная уверенность в скором безоблачном становлении нового европейского порядка безопасности и приближении периода бесконфликтного развития. Соответственно, выдвигались многочисленные проекты будущего устройства Европы в период после падения Берлинской стены, сменяли друг друга концепции «общеевропейского дома», «Евроатлантического сообщества», Европы от Ванкувера до Владивостока, «Европы концентрических кругов» и многие другие. В политическом лексиконе появляется понятие «общеевропейская архитектура», предполагавшее, что в недалеком будущем в Европе возникнет иерархическая система гармонично сочетающихся институтов при доминирующей роли одного из них[1]. Еще одной характерной особенностью историографии этого периода было резкое размежевание различных академических направлений, что проявилось в дискуссии между двумя ведущими западными школами: неореалистами и неолиберальными институционалистами. Неореалисты утверждали, что в результате устранения многих факторов сплочения западного сообщества и обострения разногласий между ведущими державами существенно снижается роль наднациональных институциональных структур и приоритетное значение приобретут национально-государственные интересы[2]. Не формирование системы региональной безопасности, а утверждение многополярной нестабильности, возврат к традиционному силовому балансированию между отдельными государствами – так прогнозировалось будущее Европы в работах неореалистов. Представители неореалистов считали, что распад Североатлантического Альянса, неизбежен вследствие устранения тех факторов, которые потребовали его создания. Так Дж. Маршаймер писал: «Советская угроза была тем фактором, который сплачивал НАТО. Устранив эту угрозу, США, скорее всего, уйдут из Европы, а оборонительный Альянс, возглавляемый ими на протяжении 40 лет, скорее всего, распадется»[3].

Суть позиции неолиберальных институционалистов состояла в том, что они считали: смена конфронтации сотрудничеством, утверждение общих подходов и ценностей на Востоке и Западе, расширение межхозяйственных связей и упрочение экономической взаимозависимости способствует значительному усилению роли международных институтов[4]. Они считали, что окончание «холодной войны» создает благоприятные условия для формирования эффективной системы безопасности на основе сотрудничества между существующими институтами. В отношении НАТО представители этой школы не разделяли прогнозов неореалистов, но выражали значительное сомнение в жизнеспособности Блока в связи с очевидными сложностями процесса его адаптации к новым условиям. Один из основателей школы неолиберального институционализма Г. Кеохан предпочел отставить открытым вопрос о будущем НАТО, которое по его словам, «окутано полной неопределенностью»[5].

Наряду с дискуссией о возможном формировании системы европейской безопасности развернулись дебаты о роли наднациональных институтов в этом процессе. Чаще всего в качестве системообразующего института упоминались ОБСЕ и ЕС, которые значительно активизировали свою деятельность после окончания «холодной войны». По контрасту с радужными оценками этих институтов перспективы НАТО оценивались достаточно пессимистически. Доминировавшие на этом этапе подходы к НАТО были логически оформлены К. Уолцом, признанным главой неореалистического направления. На очередном конгрессе Ассоциации политических наук в 1991 он заявил: «Если не дни, то года НАТО уже сочтены»[6].

---

[1] См.: Heisbourg F. From a Common European Home to a European Security System // The Shape of the New Europe / Ed. by G. Treverton. – N.Y.: Council on Foreign Relation, 1992. – P. 35–64.

[2] См.: Neorealism and Neoliberalism. The Contemporary debate / Ed. by D. Baldwin. – N.Y.: Columbia University Press? 1993.

[3] Marsheimer J. Back to The Future. – P. 52.

[4] См.: Keohan R. International Institution and State Power. – Boulder: Westview press, 1989; Keohan R., Martin L. The Promise of the Institutional Theory // International Security. 1995. – Vol.20, N 1. – P. 23–47.

[5] См.: Keohan R. Understanding the problem of International Cooperation: The limits of Neorealist critique // Neorealism and Neoliberalism. – P. 300.

[6] Цит. по: Keohan R. Institutionalize Theory. Realist Challenge // Neorealism and Neoliberalism. – P. 286.

В исследованиях данного периода подчеркивались многочисленные проблемы, с которыми столкнулась НАТО, – несоответствие ее механизма новой ситуации, несбалансированный характер взаимоотношений США с европейскими союзниками. В контексте произошедших в Европе перемен позиция «убежденных атлантистов» становилась все более уязвимой – аргументом их оппонентов, ссылавшихся на очевидные успехи других институтов (таких как ОБСЕ, ЕС), они могли противопоставить лишь признание многочисленных проблем, с которыми столкнулась НАТО. По мнению участников конференции по новому европейскому порядку, проходившей в 1990 году в Великобритании, вполне вероятным результатом сочетания этих проблем и усиления центробежных тенденций может стать распад НАТО[1]. В то же время даже те западные исследователи, которые выступали с критикой НАТО, подчеркивали нежелательность такого развития событий, которые приведут к ее распаду[2].

В контексте сложившихся стереотипов восприятия НАТО как консервативной структуры эпохи «холодной войны» многие исследователи выражали сомнения в ее способности пересмотреть свою политику и переориентироваться на противодействие кризисам. Таким образом, на этом этапе развития западной историографии доминировали негативные оценки Североатлантического союза, сомнения и неопределенность в отношении перспектив его эволюции. Вполне вероятной считалась возможность его распада, либо сохранения в качестве статического, подчиненного элемента будущей системе, основным направлением эволюции ее стратегии считалось содействие миротворческим операциям других международных институтов.

Усиление нестабильности вследствие эрозии прежней системы безопасности, неспособность международного сообщества к противодействию новым конфликтам, значительные сложности в процессе формирования нового режима безопасности обусловили переход ко второму этапу[3]. С 1993 года характерной особенностью аналитики была смена оптимистических сценариев формирования европейской системы безопасности, возрастание скептицизма в отношении возможности их реализации. Один из экспертов по проблемам международной безопасности В. Шютце заявлял: «Сегодня уже не существует отношений между Востоком и Западом, по крайней мере, в том смысле как они понимались в 1988–1989 гг. Нынешняя ситуация в Европе характеризуется крайней нестабильностью и напряженностью, а европейская система безопасности стала эвфемизмом»[4]. На втором этапе обсуждались уже НАТО-центристская модель формирования европейской безопасности. Предполагалось, что будет достигнуто оптимальное разделение функций между существующими институтами, в соответствии с которым в компетенцию НАТО будут включены военные аспекты безопасности, в компетенцию ОБСЕ проблемы гуманитарного измерения и общеевропейского сотрудничества. НАТО считалась эффективным инструментом урегулирования кризисов, что использовалось в качестве одного из обоснований ее приоритетной роли в обеспечении безопасности в Европе. Концепция «нового трансатлантического пакта» была сформулирована в статьях экспертов «РЭНД-корпорейшн» Р. Асмуса, Р. Куглера и С. Лэррэби, а также известного американского аналитика С. Слоана[5].

По мнению экспертов РЭНД, США по-прежнему имеют интересы в Европе, на защиту которых и направлено расширение НАТО на Восток. Среди них превентивные меры – не допустить появления враждебной великой державы. На эту роль может претендовать лишь Россия, но только в том случае, если ей удастся объединить вокруг себя бывшие советские республики[6].

Другой резон в пользу расширения НАТО – косвенная поддержка в бывших социалистических странах и союзных республиках реформ, ориентированных на развитие рыночных отношений и институтов демократии. Эксперты РЭНД оправдывали экспансию НАТО тем, что, хотя Россия пока не представляет прямой угрозы в среднесрочной перспективе (по крайней мере, до 2015 года), нужно гарантировать Европу от подобной перспективы в отдаленном будущем. Американские аналитики оперировали понятиями «скрытых угроз» со стороны России[7]. С другой стороны, развитие и укрепление НАТО будет, по их мнению, служить укреплению глобального лидерства США.

Конечно, единого мнения о будущем организации Североатлантического договора не наблюдалось, из многих точек зрения победила та, которая поддерживала укрепление лидирующего положения Соединенных Штатов на мировой арене. Существует мнение, что при принятии НАТО решения о расширении американской администрацией повлияли не только и не столько внешнеэкономические проблемы, а в основном внутриполитическая конъюнктура. Как бы то ни было, сценарии, написанные американскими аналитиками еще в 1993–1995 гг., успешно претворяются в жизнь и сегодня, что заставляет правительство Российской Федерации предпринимать адекватные и по возможности симметричные ответные шаги.

---

[1] См.: Bair F., Latter R. A new Security Order in Europe: Implication for Western Defense / Wilton Park Conference. 17.04 – 20.04.1990. – Virginia: The Center for National Security negotiation, 1990. – P. 12–13.

[2] См.: Rivilin A., Jones P., Myer E. Beyond Alliances: Global Security Through Focused Partnerships. – Wash.: Brooklyn Institution, 1990; Snyder I. Averting Anarchy in the New Europe // International Security. 1990. – Vol. 14, N 4. – P. 5–41; Van Evera S. Pined for Peace: Europe after the Cold War // International Security. 1990/1991. – Vol. 15, N 3. – P. 1–40.

[3] См.: Ротфельд А. Параметры перемен. Международная безопасность и разоружения. – М., 1993. – С. 112–134; Dinan D. An Ever closer Union? An Introduction to the Europe Community. – Boulder: Lynne Riener, 1994. – P. 460-480.

[4] Schutze W. Europe crisis potential or security order // Peace and the sciences. – Vienna: International institute for Peace, 1992. – P. 17.

[5] См.: Asmus R., Blockwill R., Larrabee S. Can NATO Survive? // The Washington Quarterly. 1996. – Vol. 19, N 2. – P. 79–101; Sloan S. NATO's future: beyond collective defense.

[6] См.: Slapak D., Vick A. Check six begins on the ground: responding to the evolving ground threat to U.S. Air Forces bases. – Santa Monika: RAND, 1995.

[7] См.: Конышев В.Н. Расширение НАТО в свете теории международных отношений // Стратегическое партнерство России и Организации Североатлантического пакта: Когда настанет его черед? – СПб., 2002. – С. 40.

Брега Г.В.
к.э.н., доцент Финансового университета

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС КАК ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Ключевые слова: *модернизация, социальные изменения, уровни социального консенсуса, патернализм, отношения государства и гражданского общества.*

Keywords*: modernization, social changes, social consensus rate, paternalism, relations between the state and civil society.*

Любое общество не может быть вне социальных изменений, особым типом которых является развитие – направленное и необратимое изменение, приводящее к появлению качественно новых объектов. В соответствии с известными концепциями политического развития, причиной начала модернизационных процессов является определенная совокупность внутренних и внешних факторов, которые побуждают правящую элиту приступить к качественным изменениям. Преобразования, как правило, затрагивают экономические и социальные институты, но не касаются сложившейся политической системы. Другими словами, речь идет об осуществлении экономической модернизации «сверху», в рамках старых политических институтов и под руководством традиционной элиты. Однако нередко успешное завершение модернизации требует обеспечить равновесие между изменениями в различных сферах жизни общества. Определяющим в этом балансе становится готовность правящей элиты не только к экономическим трансформациям, но и к социально-политическим.

Модернизация самым тесным образом связана с выработкой механизмов согласования интересов больших социальных групп. Власть, отвечая на запросы времени, потребности и ожидания общества должна соответствовать исторической направленности социальных изменений. В этом контексте взаимодействие между обществом и властью всегда предполагает поиск базовых социальных ценностей и подходов к решению социальных, экономических, политических и других проблем.

Можно расходиться относительно природы социального консенсуса и того, кто представляет его стороны. Ясно одно – наличие механизмов достижения согласия между основными социальными силами способствуют стабильности функционирования всей общественной системы посредством справедливого распределения ценностей, власти и прав. Безусловно, консенсус – необходимое условие поддержания доверия между обществом и властью, позволяющее снимать напряженность, предупреждать и разрешать социальные противоречия и конфликты, достигать взаимопонимания по спорным вопросам.

В этой связи становится понятным, что поступательное движение страны, повышение устойчивости социальной, экономической и политической системы к внутренним и внешним воздействиям, невозможно без достижения социального консенсуса. Иначе говоря, речь идет о достижении согласия между обществом и властью относительно базисных ориентиров развития страны в целом, либо отдельных его аспектов.

Очевидно, что речь не идет о достижении какого-то всеобъемлющего социального консенсуса. На практике консенсус, условно включающий в себя даже восемьдесят процентов населения, будет являться чуть ли не идеальным вариантом. Поэтому о согласии можно говорить, когда по крайней мере его цели и ценности разделяет большинство населения. Согласие не поддается точному определению и количественному измерению. Зафиксировать согласие можно только на основании его следствий.

Для России проблема социального согласия приобретает особую значимость в свете того, что сегодняшняя Россия все еще находится в транзитивном состоянии. В то время как необходимость инновационного прорыва и обеспечения конкурентоспособности требует от государства выверенной стратегии в области здравоохранения, образования, фундаментальной науки, Россия далека от социальных принципов в процессе модернизации. Согласно имеющимся данным, современная Россия далека от первой десятки лидеров списка в этих категориях. Так, Индекс глобальный конкурентоспособности сегодня отводит России 70 место из 139, Индекс технологического развития – 68, Индекс человеческого развития – 57[1].

В последние годы стало очевидным – российский социум снова стоит перед выбором или, по крайней мере, существенной коррекцией политики развития и переоценки многого из того, что казалось очевидным ещё несколько лет назад. Пока уровень реальной включенности россиян в различные сети социального взаимодействия, структуры гражданского общества невысок. Однако этот процесс только начинается. В нем отчетливо выделяются с одной стороны растущее осознание нарастания негативных факторов социального и политического характера, замедляющих

[1] Сборник «Основные социально-экономические показатели России» // Официальный сайт Федеральной службы по статистике России. 2014. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/materials/news/doc_1268735691578

поступательное движение страны; с другой, в российском обществе достаточно сильна инерция, боязнь перемен, нежелание задумываться о будущем, даже не столь отдалённом.

Важным аспектом понимания социального консенсуса как условия модернизации является определение его областей (уровней). Это позволяет очертить основные его ориентиры. Как правило, выделяют три области возможного соглашения, которые могут быть трансформированы в соответствующие им уровни консенсуса[1].

Первый уровень консенсуса связан с тем, насколько общество и власть имеют одинаковые ценностные представления, а также цели развития. Так на данном уровне предметом консенсуса выступает система таких ценностей как справедливость, равенство возможностей и т.д., составляющих основу социальных, экономических, духовных и политических отношений.

В свое время А. Токвиль обосновал вывод о том, что общество существует только тогда, когда большая часть людей имеет общий взгляд на разные проблемы, общие привычки. Господствующие в обществе ценности и идеалы предопределяют модели социальные поведения индивидов. Общность этих ценностей заставляет индивида приспосабливаться к позициям других людей, тем самым достигается равновесие всей общественной системы. В свою очередь наличие базисных ценностей и норм, разделяемых большинством населения, задают определенные рамки для действий власти, и в то же время выступают критерием оценки ее легитимности.

В ценностном аспекте важно учитывать, что в российском социуме сохраняется запрос на патерналистскую модель взаимоотношений общества и государства. Несмотря на то, что определенная часть общества начинает объединяться для отстаивания своих интересов, большинство населения просто ждет, что государство по доброй воле учтет их пожелания. В России отсутствуют четко сформированные группы интересов среди широких слоев населения. Поэтому не случайно несогласных называли не иначе как «рассерженные горожане» или «протестный потенциал», подчеркивая тем самым, что самоидентификация несогласных слабо связана с классовыми или социально-профессиональными позициями индивидов.

Таким образом, ныне ценностные предпочтения российского общества достаточно устойчивы – это патерналистская ориентированность. Кстати, такая направленность массового сознания учитывается в дискурсе власти, в основе которой пропагандируется необходимость единения с государством, а также социально-ориентированная, антиоранжевая и антизападная риторика. Собственно, эти действия не лишены рациональности, поскольку опросы показывают, что россияне не стремятся меряться с другими странами уровнем демократии. Причем это касается и образованных Интернет-пользователей. Кто свободнее – мы или они? Эта тема практически не встречается в Интернет-дискуссиях. О свободе в России практически не говорят и не пишут – данная тема фактически отсутствует в медиа-дискурсе. Свобода и демократия сегодня не являются актуальными в общественной повестке дня. Они воспринимаются многими как именно западные ценности, а потому конкуренция на этом поле заведомо проигрышная. А вот военная сила страны, вызывает гордость, когда мы на равных с нашими конкурентами, а отчасти и посильнее их. Социально значимым для россиян является факт, что теперь к нам прислушивается весь мир.

Вместе с тем нельзя не признать, что идеи, которые в свое время активно продвигались либеральными реформаторами, повлияли на общественное сознание. В особенности – на молодёжь. Однако это влияние выразилось лишь в некоторых колебаниях «ценностной кардиограммы», не меняющих общую иерархию предпочтений, ценностей и их распределение. В настоящее время две трети наших сограждан убеждены в том, что Россия – это особая цивилизация и западный образ жизни здесь никогда не привьётся, и только треть соглашаются с тезисом, согласно которому мы непременно должны жить по тем же правилам, что и страны Запада.

В то же время, рассматривая ценностный и целевой компонент социального консенсуса, следует отметить, что сегодня российское общество подошло к рубежу, когда существующий порядок вещей все менее устраивает различные социальные слои, а люди начинают искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. Соответственно активизируется как само гражданское общество, так и поиск новых форм его участия в политической жизни.

Нельзя не констатировать и то, что власть сама понимает необходимость диалога (или создание видимости такового) с оппозицией, поскольку (даже при имитационной модели демократии) его наличие становится условием социально-политической стабильности и легитимности. Иначе говоря, происходит осознание того, что в современных условиях развитие страны и устойчивость самой власти зависит уже не только от хорошо выстроенной административной вертикали, но и от способности налаживать горизонтальные отношения с обществом. Помимо коммуникативных и социокультурных взаимодействий есть и иные механизмы поддержки со стороны населения. Так, несмотря на всю сложность макроэкономической ситуации власть, поддерживая социально-экономическую (а равно и политическую) стабильность путем государственных трансфертов в социальную сферу власть обретает немало сторонников.

Таким образом, государству при определении стратегии модернизации необходимо решить дилемму: и в дальнейшем опираться на патерналистские привычки населения или выстраивать стратегию партнерства. Конечно, элите привычнее «использовать» дискурс, связанный с патерналистской культурой большинства россиян. Однако молодежь и средние слои населения все менее разделяют патерналистские ценности. Думается, что опыт тотального отрицания советского прошлого, как это происходит в настоящее время на Украине или, наоборот, однобокое подражание, возвеличивание прошлого будет только усиливать межпоколенческий и гражданский разрыв. Поэтому в силу нынешнего состояния общества, а также объективных тенденций изменения социальных предпочтений следует культивировать конвенциальные отношения в достижении социального консенсуса.

---

[1] Михайленок О.М. Парадигма согласия (консенсуса) в политологии // Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты) / Ин-т социологии РАН. – М., 2011. – С. 15.

Второй уровень консенсуса устанавливает правила социального поведения, фиксируемые институционально. Другими словами, это означает необходимость наличия формального и неформального консенсуса общества и государства относительно «правил игры» (например, избирательного процесса, принципов социальной справедливости и мобильности, механизмов выработки общественной повестки дня).

Концептуальное обоснование основ социального консенсуса применительно к данному уровню принадлежит утилитаризму. С его точки зрения для достижения максимальной выгоды люди в социальном взаимодействии вынуждены ограничивать себя, согласовывать свои действия с окружающими. Наличие взаимозависимости и контроля требует от участников взаимодействия не только умения согласовывать свои интересы, но и разработки приемлемых для них норм, практик и институтов. В противном случае, стороны, участвующие в соглашении, будут находиться под давлением повышенной неопределенности и возможных серьезных потерь, скорее всего, покинут его. В результате даже если один из участников, получит кратковременный выигрыш, он проиграет в долговременной перспективе. Следовательно, институционализация процесса согласования интересов является необходимым условием достижения как личных, так и общественных целей.

Государство, являясь своего рода кооперативным предприятием, регулирующим социальные отношения, создается для взаимной выгоды. Основной же достижения такой выгоды являются нормы справедливости, возникающие в результате принятия их обществом. В современной России приоритетом для государства и общества может стать осознание модернизации как публичного интереса, поскольку подобная общенациональная идея способна отразить экономические, социальные, политические и духовно-культурные интересы независимо от социальных обстоятельств и убеждений. Такой идеей может выступить тезис о возрождении России в статусе великой державы при помощи модернизации ресурсного потенциала страны и инновационной поддержки человеческого капитала.

В настоящее время наглядно прослеживается устойчивый запрос на транспарентность отношений между государством и гражданским обществом, а также на конкуренцию как на реальное воплощение базовых демократических ценностей. Растет число сторонников России как страны с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом.

Добавим, что, по мнению Р. Даля, «демократия не нуждается ни в изобилии, ни в стандартах материального благополучия, преобладающих сегодня в промышленно развитых странах. Вместо этого она требует разделяемого многими чувства относительного экономического благосостояния, справедливости и возможности успеха – условия, основывающегося не на абсолютных стандартах, а на сравнительной оценке использованных и упущенных возможностей»[1].

Другими словами, важнейшим фактором модернизации России является способность властей обеспечить консенсус в отношении социальной справедливости и равенства возможностей. Население России исторически очень чувствительно к проблеме справедливости, поэтому разочарование в рыночных реформах привело к определённому подъему эгалитаристских умонастроений. Тем не менее, все больше россиян отдаёт предпочтение не равенству в распределении социальных благ, а равенству возможностей, считая это более справедливым, чем механическое нивелирование условий жизни.

Думается, что для понимания актуальности проблемы институционализации справедливости в таком важном ее аспекте как равенство возможностей, целесообразно обратится к веберовской традиции в определении места и роли тех или иных социальных (политических) групп. Так, по Веберу сила социального и политического влияния зависит от: а) доступности к материальным ресурсам; б) социального статуса, значимости труда и деятельности определенных профессиональных слоев в общественном разделении труда; в) доступа к власти или реальной способности влиять на принятие решений.

Очевидно, что в настоящее время наблюдается определенная «замороженность» доступа к верхним уровням обозначенных позиций, а главное каналов социальной, экономической и политической мобильности. Высоко динамичная мобильность 90-х и начала 2000-х завершилась созданием социально-политической структуры, в которой четко выделились относительно устойчивые корпоративные группы крупного бизнеса и государственного управления. В итоге, по сути, сложился тип рекрутирования политической элиты близкий к системе гильдий (закрытой), а не антрепренерской (открытой), которая хоть в усеченном виде, но существовала в 90-е годы. Кстати, благодаря последней нынешняя элита находится у власти.

Формирование по гильдейскому принципу (на основе землячества, родства и дружеских отношений, сложившихся на ранних этапах профессиональной деятельности), привело к тому, что корпоративный интерес стал преобладающим. Причем изменение этой системы власть признает весьма сложной задачей, поскольку это может привести к существенным внутри элитным противоречиям и конфликтам, учитывая тесную взаимосвязь власти и собственности, а также рентный характер экономических отношений.

Между тем, без создания и цивилизованного функционирования механизмов политической и экономической конкуренции, вряд ли можно вести речь об устойчивом развитии страны. Более того, по мере утверждения рыночных отношений и роста благосостояния граждан объективно будет повышаться их желание и возможности в свободном отстаивании своих социально-экономических и других интересов. Поэтому неслучайно актуализируется запрос общества на создание реальной конкурентной среды практически во всех областях его жизнедеятельности, и особенно в политической. Неравные правила игры будут только содействовать росту протестных настроений. Такая потребность в политическом самовыражении в ближайшей и среднесрочной перспективе будет обусловливать изменение имеющихся и создание новых ориентиров и правил социального поведения.

[1] Даль Р. Введение в экономическую демократию. – М., 1991. – С. 40.

Третий аспект социального консенсуса связан с взаимодействием власти и гражданского общества. В фокусе этого аспекта социального консенсуса должны находиться основные институции, образующие «базовую структуру» социальных и экономических отношений общества. Эти институции, трактуемые расширительно, должны включать в себя фундаментальные конституционные гарантии политических, религиозных и личных свобод, систему экономической организации, владения собственностью, а также функционирования таких институтов социализации, как образование и средства массовой коммуникации.

Для достижения консенсуса между властью и гражданским обществом весьма важны следующие обстоятельства: во-первых, естественная готовность сторон следовать действующим законам, установлениям, нормам и признание институтов, призванных претворять их в жизнь; во-вторых, ощущение принадлежности к некой общности, что способствует социальной идентификации.

Основываясь на постулате о необходимости «постоянно возобновляемого консенсуса» между государством и гражданским обществом обозначим приоритетные принципы их взаимодействия.

Во-первых, легитимность консенсуса, который должен вытекать из институтов, обеспечивающих обратную связь во взаимодействии государства и гражданского общества. Причем эта связь утверждается в условиях свободного выражения и рамках конституционного правления.

Во-вторых, консенсус между властью и гражданским обществом должен основываться не на гипотетических допущениях, а на понимании совместных действий относительно поступательного развития страны.

Поэтому важно знать тенденции восприятия населением сложившихся общественных отношений и социальной ситуации, о которых свидетельствуют следующие показатели:

– Все чаще россияне, отвечая на вопрос о том, государством какого типа хотели бы видеть Россию в будущем, выбирают ответ, что им «важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья». Это следует из данных проведенного в ноябре опроса Левада-центра. В ноябре 2016 года 33% опрошенных заявили, что собственное материальное благополучие им важнее государственного строя. Годом ранее так думали всего 27%. В марте 2014 года, когда Крым вошел в состав России, всего 22% респондентов считали благосостояние семьи важнее политического типа государства[1].

– Общий уровень страхов и тревог в российском обществе хотя и вырос, но незначительно. Видимо, здесь действует «анестезирующее» влияние политики правительства, которая смогла, несмотря на нарастание экономических проблем, внушить россиянам веру в скорое преодоление трудностей. Причем самое сильное отрицательное влияние на восприятие реалий россиянами оказывают перемены в жизни общества – именно они чаще всего называются в качестве причин их страхов и опасений. Преобладает (67%) позиция «просто опасаюсь перемен». Такая мотивация в стране, пережившей за четверть века три кризиса и две «чеченские войны», понятна и объяснима[2].

– Россияне все меньше ассоциируют с понятием «великая держава» «героическое прошлое» и «масштабы и просторы страны». Значительно выросло число согласных с тем, что понятие «великая держава» подразумевает экономический и промышленный потенциал страны. Ныне 64% респондентов заявили, что параметры великой державы определяются высоким благосостоянием граждан[3].

Итак, необходимость социального консенсуса, а главное механизмов и институтов его достижения связаны с решением проблем, прежде всего, в области защищенности прав и свобод граждан, социальной справедливости, каналов социальной и политической мобильности, социально-психологическим состоянием населения. Отметим, что в условиях кризиса резко возрастает и значение материальных интересов.

В результате потребность нахождения путей достижения социального консенсуса объективно возрастает. Принципы, создающие благоприятные условия для его достижения, известны – это всеобщая распространенность норм терпимости, компромисса, гражданственности, приверженность беспристрастным легальным процедурам, примирению частных интересов этнических, религиозных и экономических групп, а также развитие институциональных, проработанных форм разрешения социальных конфликтов. Важнейшую роль здесь должны играть институты и политики, объединяющие плюралистическое общество. Вместе с тем сами по себе институты не решают возникающие проблемы без своевременного принятия решений, желания и воли властей к планомерному и безусловному воплощению их в жизнь.

[1] Личное благополучие vs. величие страны. – http://www.levada.ru/2016/12/14/lichnoe-blagopoluchie-vs-velichie-strany/

[2] Российское общество в условиях кризисной реальности (по результатам социологического мониторинга 2014–2016 гг.) / Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – С. 31

[3] Личное благополучие vs. величие страны. – http://www.levada.ru/2016/12/14/lichnoe-blagopoluchie-vs-velichie-strany/

Дементьев Б.П.[1]

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *импортозамещение, конкурентоспособность, российская экономика.*

Необходимость импортозамещения. В 2014 г. возникли судьбоносные для России вызовы, потребовавшие мобилизации потенциальных возможностей ее экономики.

Назовем некоторые из этих вызовов.

Вдвое снизилась мировая цена на нефть. Между тем сегодняшнее благополучие страны в решающей мере связано с экспортной выручкой от продажи нефти (около 280 млрд. долл. в год) и природного газа (свыше 60 млрд. долл.)[2]. За счет доходов от экспорта нефти и газа Россия оплачивает импорт машин и оборудования, лекарств, продовольствия и др. Поэтому, если не прибегать к расходованию валютных резервов, следствием снижения экспортной выручки неизбежно становится необходимость замены импорта продукцией отечественного производства, даже с некоторой допустимой потерей качества, но выигрышем в цене.

Синхронно с падением цен на нефть вдвое снизился валютный курс рубля. Это привело к росту экспортных возможностей. Появились перспективы диверсификации поставок экспортной продукции в Китай, Индию, страны Центральной Азии, Латинской Америки, другие зарубежные страны. Но готовность экономики России к реализации новых экспортных возможностей неочевидна.

Падение цен на нефть не удается компенсировать увеличением объемов ее добычи и экспорта из-за истощения наиболее доступных месторождений. Снижение объемов добычи нефти можно компенсировать: а) повышением нефтеотдачи на действующих скважинах за счет использования прогрессивных технологий; б) добычей нефти и газа на шельфе Ледовитого океана; в) переработкой сланцев[3]. Но для этого необходимы крупные капиталовложения и новые, прогрессивные технологии, которыми Россия в полной мере не располагает. Целенаправленные экономические санкции к производителям нефти, а также к банкам, уход иностранных партнеров из российской экономики осложняют поддержание объемов добычи нефти в будущем.

Снижение до нуля темпов экономического роста российской экономики уже в 2014 г. и нулевые темпы экономического роста до сегодняшнего дня ведут к сокращению доходов домашних хозяйств, покупательной способности и спроса населения на продукты питания и товары народного потребления.

Понижение кредитных рейтингов в сочетании с санкциями закрывает доступ к дешевому зарубежному капиталу, способствует вывозу российского капитала. Следствием этого является свертывание инновационной деятельности, производственного строительства, источников быстрого подъема экономики.

Ответные санкции России на запрет ввоза в страну из-за рубежа продовольствия, открывая новые возможности для развития отечественной агропродовольственной сферы, одновременно увеличивают ее производственную нагрузку. Возникают проблемы поиска новых поставщиков импорта продовольствия «за пределами санкций», угрозы ввоза запрещенных продуктов через третьи страны, роста цен, а в случае их регулирования – дефицита.

Негативные экономические вызовы 2014 г. для России (если «вынести за скобки» санкции) стали результатом снижения темпов экономического роста, начавшегося в 2013 г., под влиянием падения роста цен на нефть, в сочетании с неблагоприятными последствиями недоинвестирования 2009 г. вследствие мирового кризиса. В 2017 г. и в ближайшей перспективе темпы экономического роста по-прежнему в решающей мере будут зависеть от цен на нефть.

Снижение мировых цен на нефть до 50 долл./барр. и ниже не было неожиданным. Однако вопреки возможным рискам, в экономике России в условиях высоких нефтяных цен был превышен диктуемый безопасностью уровень импорта машин, лекарств, продовольствия и многих других благ, получаемых в обмен на нефть.

Экономисты определяют ущерб, который нанесен российской экономике падением цен на нефть:

Россия ежегодно выручала от экспорта нефти и нефтепродуктов около 280 млрд. долл. При снижении цены вдвое выручка составит 140 млрд. долл. При существующем валютном курсе рубля потери от двукратного снижения мировых цен на нефть приблизятся к 9 трлн. руб. Это примерно соответствует золотовалютным резервам страны от

---

[1] Дементьев Борис Петрович – д.и.н., профессор, профессор кафедры древней и новой истории Историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета. Профессиональные интересы: история религии, история Второй мировой и Великой Отечественной войны, проблемы современной России (экономика, политика, социум). E-mail: b-demen@yandex.ru

[2] Бочкова Т.А., Серченко О.В. Импортозамещение как основа государственной политики // Современные технологии в мировом научном пространстве. – Уфа: АЭТЕРНА, 2016. – С. 12.

[3] Импортозамещение: необходимость, содержание, механизмы обеспечения // Экономические науки. 2016. – № 47–1. – С. 18.

продажи сырья в предшествующие годы. Полученная оценка потерь предельно завышена. По оценкам Минэкономики, обвал на рынке нефти обойдется федеральному бюджету в 2,35 трлн. руб.[1]

Несмотря на угрозу вызовов, российская экономика уже в 2014 г. не испытала катастрофических потрясений. Экономический рост был нулевым. Но и рост народонаселения был близок к нулю. Поэтому благосостояние по инерции сохранялось на неизменном уровне, в точном соответствии с теорией нулевого роста. Розничный товарооборот даже возрос, но в основном за счет сокращения ранее накопленных рублевых банковских вкладов[2].

В декабре 2014 г. неожиданно высокий рост – 3,9% – промышленного производства России был обусловлен главным образом высокими показателями оборонных отраслей – авиапрома, судпрома и др. Рост гособоронзаказа и его стабильное финансирование явились драйвером российской экономики. Росту производства способствовал также ажиотажный спрос на товары народного потребления, вызванный ослаблением рубля и оплаченный из традиционных дополнительных выплат конца года, а частично – из рублевых сбережений прошлых лет[3].

В целом нулевой экономический рост в 2014, 2015, 2016 гг. – это угроза для будущего, создающая предпосылки для снижения инвестиционной активности. Это грозит стране, по оценкам Министерства экономического развития, снижением реальной заработной платы и доходов на 12–15%, а капитальных вложений более чем на 10%[4].

Условия импортозамещения. Под давлением растущих цен (в рублевом исчислении) импорт будет самопроизвольно сокращаться. Уже в 2014 г. импорт инвестиционного оборудования уменьшился на 12%[5]. Государственные компании вынуждены отказаться от импорта товаров, если имеются их аналоги в российском производстве, а также вследствие принятых запретительных мер. Домашние хозяйства, отказываясь от дорогого импорта, будут акцентировать поведение на цене товара, по возможности не слишком снижая требования к его качеству.

В сегодняшних условиях все стратегии экономического поведения пересекаются в точке импортозамещения. Решение об отказе от импорта каждый участник рынка принимает самостоятельно. Исключение представляют государственные компании, финансирующие оплату импорта из бюджетных средств. Отказ от импорта освобождает часть внутреннего рынка от внешней конкуренции. Российская экономика располагает для развития импортозамещения необходимыми производственными ресурсами – некоторыми резервными производственными мощностями, топливом и энергией, металлами и их синтетическими заменителями, недоиспользованными сельскохозяйственными угодьями земель в различных климатических зонах, пресной водой, химическими удобрениями, углеводородным сырьем для нефтехимии, трудовыми ресурсами с достаточно высоким образовательным уровнем, обширным научным потенциалом и т.д.

Наиболее узкое место – инвестиции, поскольку ограниченные возможности внутреннего инвестирования сдерживают высокие проценты кредитных ставок и низкие темпы роста. Поэтому главная государственная поддержка импортозамещения должна распространяться на ограниченный круг компаний, видов производств, продуктов, т.е. на сферы, где возможности для достижения результатов наиболее реальны. Объектом господдержки может также выступать конкретный проект импортозамещения. Ограниченность ресурсов для финансирования импортозамещения отечественными производителями и его господдержки требуют обоснованного отбора точек импортозамещения и концентрации средств на реализации отобранных проектов импортозамещения. В качестве форм господдержки отобранных проектов могут выступать дешевые кредиты, госгарантии и другие преференции, специфические для каждого отобранного проекта[6].

Потенциал импортозамещения. В условиях кризиса, послекризисного периода и возрастающего ограничения ресурсов успешное импортозамещение на основе роста собственного производства может быть обеспечено концентрацией средств на строго ограниченном числе проектов импортозамещения. Точечный рост импортозамещения предполагает отраслевую и территориальную (кластеры) декомпозицию процесса импортозамещения, с последующим отбором наиболее реальных, эффективных по затратам, результатам и срокам проектов.

Инвестиции – действительно узкое место импортозамещения как фактора роста производства отечественной продукции. В качестве главного источника импортозамещения, очевидно, выступят собственные средства частных и частно-государственных компаний. Государство сможет оказать поддержку бизнесу в реализации его конкретных проектов импортозамещения посредством повышения доступности крупных кредитов банков, льготного кредитования[7].

Импортозамещение, обусловленное ростом выпуска отечественной продукции, впервые создает объективные предпосылки для развития на основе диверсификации структуры российского производства, замены сырьевой модели экономики.

На первом этапе процесса импортозамещения России предстоит частично вернуть отечественной продукции собственный рынок, затем по мере роста конкурентоспособности продукции переходить к экспортно-ориентирован-

---

[1] Щербина Т.А. Политика импортозамещения: финансово-экономические и управленческие аспекты // Экономика. Налоги. Право. 2016. – № 1. – С. 52.

[2] Носов А.В. Финансово-экономические аспекты инвестиционного климата в России в контексте импортозамещения // Экономика. Налоги. Право. 2016. – № 1. – С. 59.

[3] Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Финансовые аспекты замещения импорта в России: региональный опыт создания кластеров // Экономика. Налоги. Право. 2016. – № 2. – С. 67.

[4] Мантуров Д.В. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 9. – С. 40.

[5] КоммерсантЪ. – М., 2015. – 29 января.

[6] Стоим на своем // Российская газета. – М., 2016. – 28 сентября.

[7] Российский продукт должен быть лучшим // Российская газета. – М., 2016. – 13 сентября.

ному ее производству. Девальвация национальной валюты, ограничивая импорт и содействуя экспорту, способствует реализации такой внешнеэкономической стратегии.

Импортозамещение на основе роста отечественного производства неотвратимо изменит структуру российской экономики. Однако решающий вклад в российскую экономику добычи нефти, газа, атомной энергетики в обозримом будущем сохранится.

В мобилизационной экономике должна заметно возрасти роль агропродовольственных производств.

Ограниченность инвестиций и других производственных ресурсов, возможно, заставит вернуться к проблеме оборонной достаточности. В развитии ОПК возрастет доля гражданской продукции. Можно ожидать успешного импортозамещения и экспортно-ориентированного развития газонефте- и лесохимии[1].

Беспрецедентное отставание российского инвестиционного среднетехнологичного машиностроения может быть ликвидировано в результате развития совместных производств и заимствований инноваций, а также свертывания самых неконкурентоспособных российских предприятий[2]. При этом государство не «уходит» от решения задачи о поддержании высвобождающихся работников.

В ряде отраслей из-за потери собственных компетенций и рынка полностью отказаться от импорта не представляется возможным (лекарства, технически сложная медицинская аппаратура, компоненты электроники, оборудование связи и т.д.), не прибегая к переносу в Россию западных производств, что в условиях удешевления труда становится вполне реальным[3].

Постепенный переход России от сырьевой к новой модели экономики будет небезболезненным.

Сырьевая модель российской экономики «дала сбой» в условиях исчерпания своих возможностей в новой геополитической обстановке: росте предложения сланцевой нефти при общем сокращении мирового спроса на нефть. Усугубляет ситуацию влияние экономических санкций на инвестиционный технологический потенциал России, который проявится в средне- и долгосрочной перспективе, в основном за пределами 2016 г. в ближайшие 2–3 года.

Шоковый обвал цен на нефть, а затем и национальной валюты безальтернативно потребовал отказаться от части импортной продукции, которая органично встроена в российскую экономику, ее проекты. Импортозамещающую продукцию российская промышленность сможет произвести в требуемых количествах лишь через год-два, не ранее[4]. Страна отрезана от дешевых западных кредитов, поэтому приходится экстренно менять инвестиционные проекты, внешнеторговую логистику продуктов питания и других промышленных товаров, искать поставщиков в дешевой зоне производства продукции.

Уникальность экономической ситуации, сложившейся в России в 2014 г., потребовавшая чрезвычайных мобилизационных антикризисных мер, представляет реальный шанс усовершенствовать существующую теорию и практику экономического роста страны и международной торговли в соответствии с новыми реалиями. Так, в США Великая депрессия 30-х годов XX в. стала подлинной лабораторией для новых институциональных проектов. Ф.Д. Рузвельт выпустил знаменитый призыв к «смелому, непрестанному экспериментированию»: «Здравый смысл подсказывает нам, что нужно взять какой-то метод и испробовать его. Если он не сработает, признайтесь себе в этом открыто и попробуйте другой. Но главное: попробуйте хоть что-то»[5].

Программы импортозамещения в основных сегментах экономики:

- Сельское хозяйство

Успех в реализации программы импортозамещения в сельском хозяйстве позиционируется государством как дело особой важности, ведь в результате мы можем обеспечить продовольственную безопасность страны, дать мощный толчок в развитии, как крупного сельского хозяйства, так и среднего и мелкого фермерства. В итоге, к 2020 году мы должны увидеть Россию, которая на 90% себя кормит[6], а может быть, еще и соседа.

- Информационные технологии

Достижение успеха в импортозамещении программного обеспечения является одной из самых интересных и нетривиальных задач, поставленных в рамках общего тренда по замещению импорта со стороны государства. Зависимость от импортного ПО в России крайне высока: операционные системы Windows, iOS, Android вряд ли дадут шанс каким-либо другим российским аналогам заполучить хотя бы 10% рынка[7].

- Машиностроение

Импортозамещение в российском машиностроении началось в 2005–2006 годах, и наилучшего момента для старта кампании придумать было трудно: экономика на подъеме, спрос на автомобили растет, Россия к тому времени членом ВТО ещё не являлась. Принятые в эти года меры по импортозамещению способствовали развитию конкурен-

---

[1] Бурланков С., Жарова Е. Теоретические основы управления конкурентоустойчивостью хозяйствующих субъектов в области исследований и разработок // Интеллектуальная собственность. 2016. – № 9. – С. 21.

[2] Котляров И.Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения // ЭКО. 2016. – № 8. – С. 128.

[3] Загашвили В.С. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 8. – С. 137.

[4] Ершов П.А. Генезис импортозамещающей политики в России // ЭКО. 2016. – № 7. – С. 93–94.

[5] Зарубежный опыт импортозамещения // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2016. – № 5. – С. 19.

[6] Голубев А.В. Импортозамещение на агропродовольственном рынке России: намерение и возможности // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 3. – С. 62.

[7] Татаркин А. Уроки зарубежного опыта импортозамещение // Экономист. – М., 2016. – № 5. – С. 29.

ции на рынке, а не укреплению на нем позиций одного лишь АвтоВАЗа. Результатом стала двукратный рост производства автомобилей к 2010 году[1].

Возможные способы ослабления угроз импортной зависимости России:

1. Государственная поддержка отечественных производителей, способных производить те виды продукции, которые закупаются в других странах в больших количествах и по высоким ценам.

2. Активное использование рыночных инструментов и администрирования для рационализации импортных поставок (таможенные и нетаможенные ограничения, штрафы, лицензии и т.п.).

3. Диверсификация импортных закупок, то есть рассредоточение поставщиков продукции на российский рынок – один из эффективных способов обеспечения безопасности экономики России.

4. Введение государственной монополии на ввоз в страну товаров, влияющих на состояние здоровья нации (лекарственные препараты, алкогольные напитки, табачные изделия, продовольствие). Назрел вопрос о безотлагательном введении прямой уголовной статьи о ввозе в страну фальсифицированных лекарственных препаратов.

5. Противодействие лоббистским и компрадорским устремлениям, направленным на вовлечение России в расточительные импортные проекты, повышение роли предварительной антикоррупционной экспертизы принимаемых законов.

6. Активизация борьбы правоохранительных органов с криминализацией, коррупцией и другими противоправными проявлениями в сфере внешнеэкономической деятельности, особенно при осуществлении импортных операций. Одним из приоритетных направлений их деятельности является борьба с «серым и черным импортом». Активизация их деятельности на этом направлении является одним из способов минимизации материального ущерба, наносимого государству и пресечения деятельности преступных сообществ в этой сфере[2].

К инструментам импортозамещения в виде санкций, субсидий и эмбарго на закупки импортной продукции, применяемым до санкционного давления добавились эффективные современные инструменты, которые могут применять отечественные предприятия.

К ним можно отнести:

1. региональные инвестиционные проекты;
2. целевые займы предприятиям за счет средств федерального бюджета;
3. специальный инвестиционный контракт;
4. налоговые льготы;
5. применение стандартизации, как инструмента импортозамещения при государственных закупках;
6. отраслевые программы импортозамещения[3].

[1] Преодолевая зависимость // Известия. – М., 2016. – 22 июля.

[2] Захарченко Е.А. Современное состояние импортозамещения в России // Молодой ученый. 2016. – № 5. – С. 333–334.

[3] Тагирова А.В. Основные направления государственного регулирования импортозамещения в России // Дискуссия. 2016. – № 4(67). – С. 74–75.

Капитанов В.А.
к.т.н., ведущий специалист НИИ «Полюс», Бюро инновационных разработок
Иванова А.А.
к.т.н., с.н.с. Института прикладной математики и механики, г. Донецк

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ ПРИНЦИПА РАНГОВОГО ОБМЕНА

Ключевые слова: *ранговый обмен, неравенство экономического развития, статика и динамика неравенства стран мира.*

1. Постановка задачи

Принцип рангового обмена заключается в следующем: при взаимодействии двух субъектов экономики цена товаров/услуг, которыми они обмениваются, формируется так, что бóльшую выгоду от покупки/продажи получает тот из субъектов, который обладает бóльшими ресурсами и, пользуясь ими, влияет на цену в своих интересах (Гидулянов, 1997). В результате цена устанавливается не под действием соотношения спроса и предложения, но под действием соотношения ресурсов продавца и покупателя.

В первом приближении может показаться, что ранговый обмен проявляет себя как на уровне микроэкономики, т.е. взаимодействия между отдельными людьми, так и на уровне глобальной экономики, т.е. взаимодействия между странами. Это представляется достаточно логичным – действительно, любой игрок, будь он отдельным человеком или целой страной, одинаково стремится дороже продавать и дешевле покупать, потому кажется, что концепция рангового обмена имеет всеобщий характер и объясняет распределение благ как между людьми, так и между государствами.

Мнение о том, что страны мира вступают друг с другом в неравноправный обмен и что именно неэквивалентность этого обмена является основной причиной международного неравенства, широко распространено не только в популярной публицистике, но и в серьезных исследованиях.

При изучении мировой экономики Гуннаром Мюрдалем был сделан вывод о том, что неравенство в экономическом развитии стран характеризуется кумулятивной причинностью – более развитая страна вовлекает в себя ресурсы менее развитых и международное неравенство углубляется (Мюрдаль, 1972), т.е. на уровне стран действует типичный ранговый обмен.

В настоящее время доступность статистических данных и производительность современных компьютеров позволяют получить ответ на вопрос о границах применимости концепции рангового обмена или, что то же самое, о субъекте рангового обмена. Являются ли страны субъектами рангового обмена, объясняется ли неравенство между странами ранговым обменом? Вопрос этот далеко не праздный, ответ на него позволит приблизиться к правильному пониманию реально действующего механизма распределения благ как в пределах каждой страны, так и в мире в целом.

2. Доля внешнего обмена в ВВП стран мира

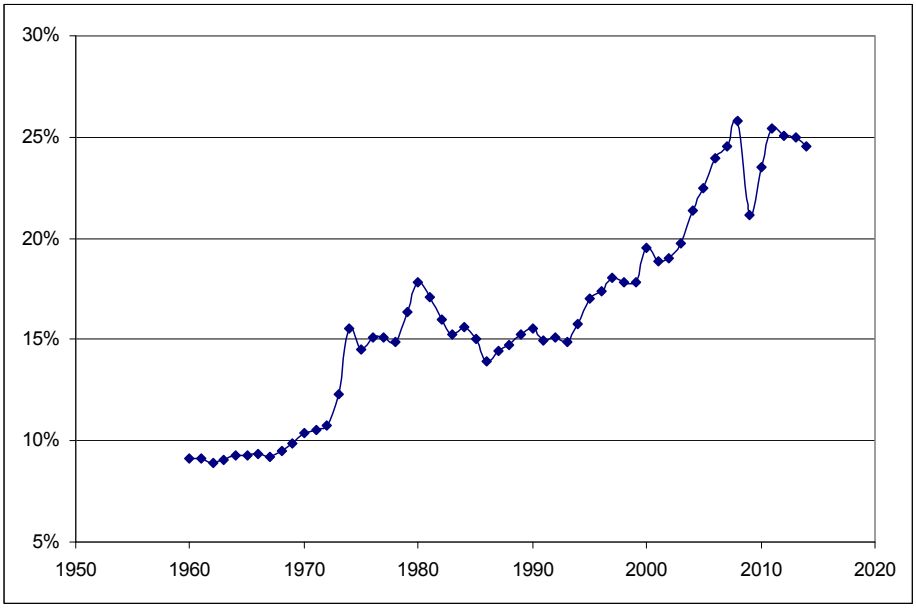
Ранговый обмен может быть основной причиной неравенства между субъектами экономики только в случае, если основное количество благ субъекты получают именно в результате обмена – не важно, рангового или любого другого. Если же субъекты экономики большей частью самодостаточны и мало взаимодействуют друг с другом, то неэквивалентность обмена не может быть основной причиной их неравенства.

Страны мира экономически взаимодействуют друг с другом двумя способами – внешней торговлей и внешними заимствованиями. Оценим, насколько каждый из этих способов весом по сравнению с ВВП стран мира.

Начнем с объема внешней торговли (экспорта), выраженного в долях совокупного ВВП стран мира (рис. 1).

Из представленных на рис. 1 данных следует, что отношение объема внешней торговли к ВВП достигло 25,8% в 2007 году, с тех пор практически стабилизировалось на этом уровне и даже несколько снижается. Это означает, что страны мира по большей части работают на свой внутренний рынок и их ВВП определяется отнюдь не внешней торговлей. Безусловно, имеются и исключения – страны, у которых объем внешней торговли около 100% ВВП (например, Украина, Вьетнам, Таиланд, Южная Корея), но в целом страны мира живут по преимуществу «натуральным хозяйством» и три четверти благ производят сами для себя.

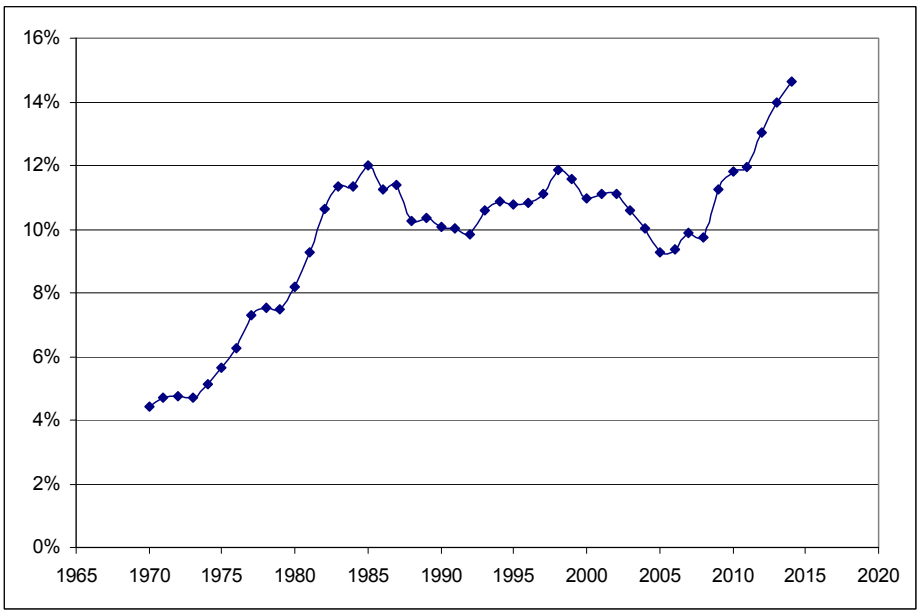
Коль скоро обмен между странами невелик, то и разновидность обмена – ранговый обмен – никак не может быть определяющим фактором неравенства стран по уровню душевого ВВП.



Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD, http://data.worldbank. org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT

Рисунок 1.
Динамика отношения совокупного объема внешней торговли стран мира к совокупному ВВП стран мира

Однако существует и второй способ экономического взаимодействия стран друг с другом – это внешние заимствования. Рассмотрим, насколько велик совокупный внешний долг стран мира по сравнению с их совокупным ВВП (рис. 2).



Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD; http://data.worldbank.org/topic/external-debt

Рисунок 2.
Динамика отношения совокупного внешнего долга стран мира к совокупному ВВП стран мира.

В приведенных на рис. 2 данных учтен весь внешний долг стран (т.е. сумма внешних заимствований государства и корпораций). Существование взаимных долгов стран Всемирный Банк в представленной статистике не учитывает, т.е. если две страны должны друг другу одинаковые суммы, то обе эти суммы не обнуляются, а входят в суммарный внешний долг стран мира. Использование подобной методики означает, что в действительности бремя внешнего долга несколько меньше, чем представлено на рис. 2.

По состоянию на конец 2014 года суммарный внешний долг стран мира составляет 14,6% от совокупного ВВП стран мира, но из этого не следует, что на обслуживание этого долга ежегодно тратится 14,6% мирового ВВП, поскольку условия предоставления внешнего кредита вовсе не обязательно предполагают его погашение в течение всего лишь одного года.

Данные Всемирного Банка о затратах стран мира на выплаты процентов и погашение тела внешних кредитов существуют[1], но они существенно неполны, поскольку в них не представлены крупнейшие страны мира (США, например). Для дальнейшего изложения неполнота этих данных совершенно неважна, достаточно оценки сверху – ежегодные затраты стран мира на обслуживание внешнего долга никак не могут превышать объем этого долга, т.е. 14,6% мирового ВВП.

Итак, по самым завышенным оценкам, внешнеэкономическими взаимодействиями определяется не более чем 25,8% за счёт внешней торговли и не более 14,6% за счёт внешнего кредита совокупного ВВП стран мира.

Рассмотренные до настоящего момента статистические данные позволяют сделать осторожное предположение, что ранговый обмен между странами практически не влияет на рост или снижение неравенства между странами хотя бы по той простой причине, что бóльшую часть своего ВВП страны получают вне какого-либо обмена.

Однако что если ранговый обмен между странами всё же существует в значительном объеме, но принимает сложные для учета формы? Так, например, относительно малый объем внешнеторговых операций может объясняться именно ранговым обменом – цены на жизненно важное для богатых стран сырьё, которое поставляют им бедные страны, искусственно занижены и потому внешняя торговля составляет всего лишь четверть от мирового ВВП. Будь эти цены более справедливыми – доля мировой торговли в мировом ВВП была бы выше.

Несомненно, какие-то элементы рангового обмена во взаимодействии между странами существуют просто потому, что всё есть везде и всегда, доказать же можно не отсутствие, а лишь слабость рангового обмена. Доказать это можно только одним способом – показав отсутствие влияния рангового обмена на картину неравенства стран, на динамику и статику расслоения стран по душевому ВВП.

Речь идет о том, чтобы последовательно рассмотреть как можно большее количество фактов, относящихся к неравенству между странами на предмет соответствия/несоответствия этих фактов концепции рангового обмена. Окончательного доказательства отсутствия рангового обмена (в отличие от окончательного доказательства наличия рангового обмена) таким образом получить нельзя – статистические данные имеют погрешность, всех фактов не знает никто, доступный для исследования промежуток времени ограничен и то, что кажется сегодня трендом, может через 50 … 100 лет оказаться лишь флуктуацией.

Итак, в первом приближении ранговый обмен между странами отсутствует или слаб. Для проверки этого тезиса рассмотрим наиболее общие статистические данные, касающиеся неравенства между странами по уровню душевого ВВП.)

3. Неравенство стран мира по ВВП. Методика исследования

Для ответа на вопрос «Практикуется ли сколь-нибудь заметный ранговый обмен между странами?» необходимо изучить статические и динамические характеристики неравенства между странами. Если хотя бы одна из характеристик (неважно – статическая или динамическая) окажется нетипичной для рангового обмена, то ранговый обмен ничтожен.

Вопрос о том, какие именно характеристики неравенства являются признаками рангового обмена, уже решен (Капитанов, Иванова 2016). Таких признаков всего четыре, первый из них относится к статическим характеристикам неравенства, остальные три – к динамическим:

1. функция распределения игроков по уровню дохода удовлетворительно аппроксимируется экспоненциальной кривой;
2. при постоянной норме прибыли неравенство монотонно растет;
3. при падении нормы прибыли неравенство сначала падает, а затем растет;
4. при возрастании нормы прибыли неравенство сначала растет, затем падает, затем снова растет.

В качестве статической характеристики неравенства стран может быть использована функция распределения стран по уровню душевого ВВП. Динамическая характеристика неравенства между странами – зависимость показателя неравенства от времени.

Динамику неравенства удобно представлять в виде зависимости от времени того или иного коэффициента, характеризующего неравенство. В качестве таковых в социально-экономических науках обычно используют либо производные от кривой Лоренца (а именно коэффициент Джини), либо производные от гистограммы плотностей распределения членов общества по доходам (коэффициент фондов или децильный, реже – квинтильный коэффициент).

В настоящей работе динамика неравенства между странами мира показана как с помощью коэффициента Джини, так и с помощью коэффициента фондов. Причина подобного выбора в том, что сокращение неравенства между странами может происходить как за счет опережающего развития самых бедных стран, так и за счет развития стран среднего достатка.

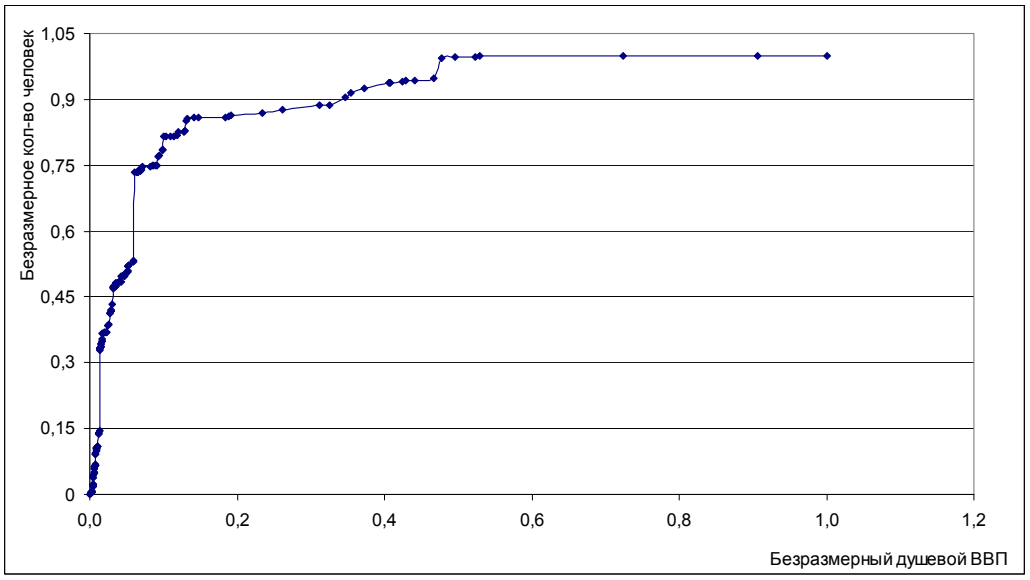
В первом случае сокращение неравенства будет сопровождаться уменьшением как коэффициента фондов, так и коэффициента Джини. Во втором же – только коэффициента Джини, характеризующего, как известно, всё распределение в целом. Коэффициент фондов, характеризующий только беднейшие и богатейшие десять процентов распределения, останется прежним.

Для различения этих двух возможных сценариев сокращения неравенства предлагается использовать два коэффициента, по-разному характеризующих неравенство.

[1] См.: http://data.worldbank.org/indicator/DT.DOD.DECT.GN.ZS

4. Статика неравенства стран мира

Функция распределения населения стран мира по душевому ВВП по состоянию на 2013 г представлена на рис. 3.



Построено авторами по данным Всемирного Банка http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD, http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL

Рисунок 3.
Функция распределения населения стран мира по душевому ВВП в 2014 г.

Представленные на рис. 3 данные аппроксимируются экспоненциальным распределением с коэффициентом детерминированности 0,96 при интенсивности распределения 16,9. Первый признак рангового обмена – экспоненциальное распределение игроков по уровню дохода – налицо, однако это еще не доказывает существенность рангового обмена между странами.

Для дальнейшего изложения важно отметить, что неравенство между странами несопоставимо слабее неравенства между людьми в пределах одной страны, где значение интенсивности распределения достигает по крайней мере сотен (Капитанов, Иванова 2016).

Иными словами, неравенство стран не подобно неравенству людей.

5. Долгосрочная динамика неравенства стран мира

Динамика неравенства между людьми в развитых странах мира достаточно хорошо документирована по крайней мере с Нового Времени (Ван Занден, 2004; Пикетти, 2016). Однако с неравенством между странами дело обстоит иначе – проблема не только в отсутствии 300 … 400 лет назад данных о ВВП стран (необходимая для этого практика составления национальных счетов сложилась только в XX веке), но и в отсутствии 300 … 400 лет назад многих стран как таковых. Современная система стран сложилась недавно, буквально на глазах ныне живущих людей, в результате двух крупных событий, первое из которых – распад мировой колониальной системы, а о втором будет сказано ниже.

Потому длительные, охватывающие целые века тренды неравенства между странами, подобные многовековым трендам неравенства между людьми, составленным Пикетти, к сожалению, недоступны. С другой стороны, представляется не соответствующим целям данной работы анализировать данные о международном неравенстве до распада мировой колониальной системы, т.е. по крайней мере до конца 50-х гг. XX века. Эти данные ничего не скажут нам о том, существует ли ранговый обмен между странами в настоящее время.

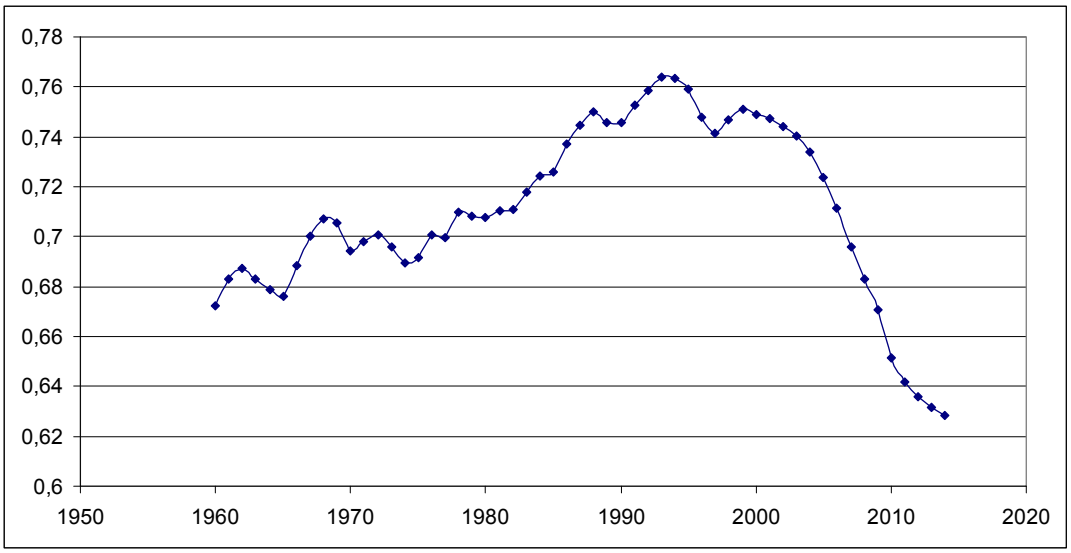
Тогда следует рассматривать неравенство между странами после распада мировой колониальной системы и по настоящее время. Данные о динамике неравенства стран мира по душевому ВВП за этот период приведены рис. 4 и 5.

Данные рис. 4 и 5 показывают в целом одно и то же – рост международного неравенства до середины 90-х гг. и затем его быстрое снижение.

Но не следует слишком доверять этим данным. Дело в том, что составление временных трендов чего-либо возможно тогда, когда речь идёт об одном и том же объекте в разные моменты его существования. Однако данные Всемирного Банка о душевом ВВП за 1960…1995 гг. и соответственно представленные на рис. 4 и 5 кривые характеризуют неравенство отнюдь не внутри одного и того же набора стран мира.

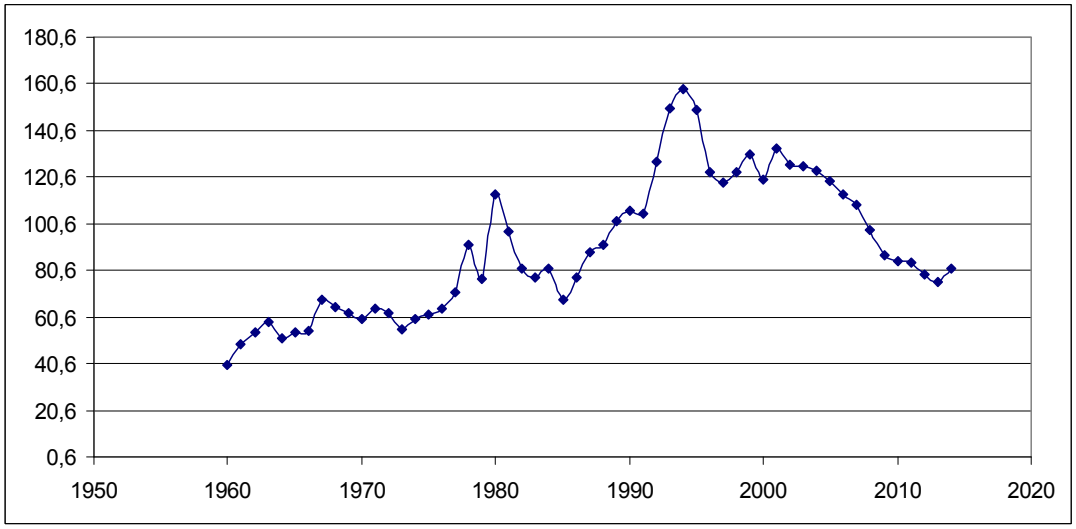
По мере того, как улучшалась работа статистических служб как отдельных стран, так и Всемирного Банка, количество стран, охватываемых его статистикой, выросло почти вдвое – от 102 в 1960 г. до 193 в 2013 г., причем в рассмотрение добавлялись не просто всё новые и новые страны, но именно бедные страны, что не могло не привести к тенденции увеличения наблюдаемого неравенства стран.

Рассмотрение динамики неравенства только между 102 странами, входившими в поле зрения Всемирного Банка в 1960 г., не является решением проблемы – ведь если для некоторой страны нет данных о ВВП за 1960 г., то из этого не следует, что с ней не вступают в обмен страны, для которых эти данные есть.



Построено авторами по данным Всемирного Банка http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD.

Рисунок 4.
Изменения неравенства между странами по душевому ВВП в 1960 … 2014 гг. (коэффициент Джини)



Построено авторами по данным Всемирного Банка http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD

Рисунок 5.
Изменения неравенства между странами по душевому ВВП в 1960 … 2014 гг. (коэффициент фондов)

Более того, значительную часть мира ранее составляли социалистические страны, данные о ВВП которых не сообщались во Всемирный Банк и вообще с трудом сопоставимы с данными о ВВП капиталистических стран вследствие принципиально иного подхода к внутренней и международной торговле, ценообразованию и распределению благ.

Поэтому представляется целесообразным рассматривать представленные на рис. 4 и 5 временные тренды не полностью, а только с момента второго события, создавшего современную систему стран – распада социалистической системы. Это оправдано, во-первых, потому, что при разделении СССР, ЧССР и СФРЮ на мировой арене появилось десятки новых стран, а во-вторых, потому, что только в этот момент унифицировалась система международного товарообмена – практически все страны мира стали капиталистическими и взаимодействующими друг с другом по одним и тем же принципам, вскрытие которых и является целью данной работы.

В качестве даты, начиная с которой данные Всемирного Банка следует считать пригодными для составления трендов международного неравенства, предлагается взять 1995 г. Именно начиная с этого года стабилизировалось количество стран, для которых Всемирный Банк приводит сведения о душевом ВВП (192 страны в 1995 г. и 193 страны в 2013 г., для сравнения в 1994 г. – лишь 182 страны).

Из приведенных на рис. 4 и 5 данных следует, что с 1995 г. неравенство стран мира по душевому ВВП не совсем монотонно, но всё же явственно сокращалось.

Что же до неравенства стран мира до 1995 г, то его по данным только Всемирного Банка в период до 90-х годов оценивать нельзя, для получения правильной картины необходимо вводить в рассмотрение данные и из других источ-

ников. К счастью, такая работа уже была проведена в 1997 г. Институтом экономического анализа, в статье (Илларионов, 1997) были обобщены данные не только Всемирного Банка, но и Программы международных сравнений ООН, Исследовательского центра ЦРУ и некоторых других источников.

Приведенные в (Илларионов, 1997) данные не позволяют анализировать динамику международного неравенства подробно, по каждому году, однако построенные в этой статье кривые Лоренца для населения мира (рис. 6) показывают, что по крайней мере в период 1970 … 1996 гг. международное неравенство сокращалось.

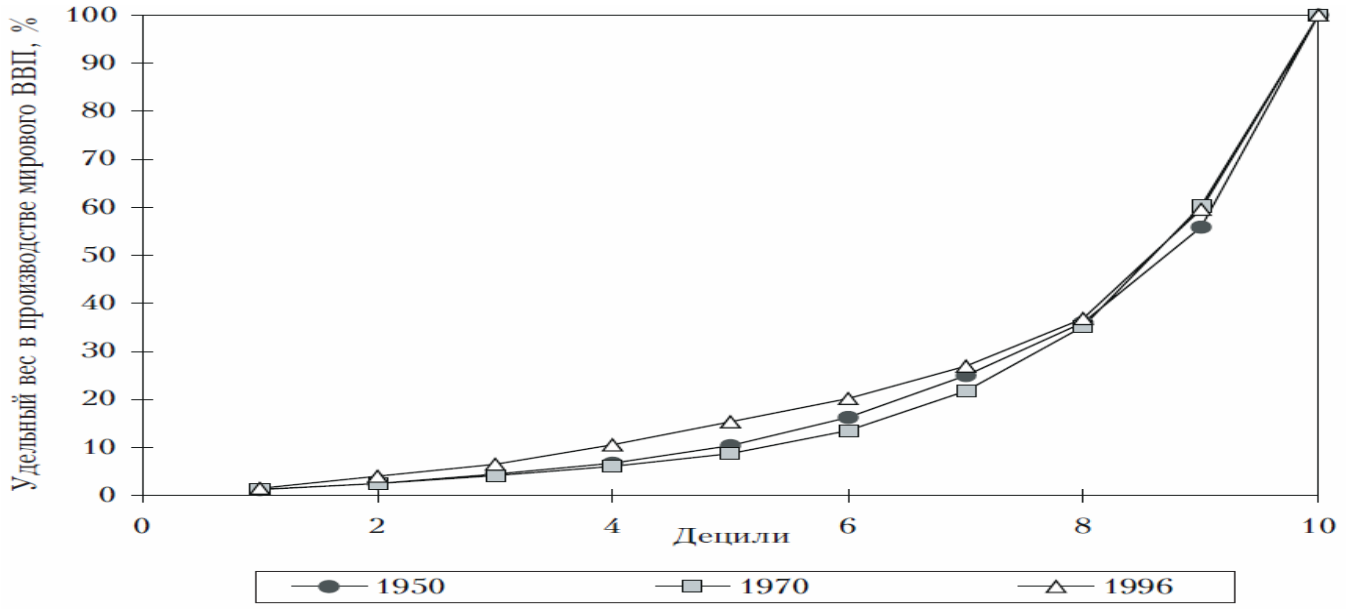


Рисунок 6.
Кривая Лоренца для населения мира по данным (Илларионов, 1997)

Данные рис. 6 за 1950 г. придется исключить из рассмотрения – в этот год мировая колониальная система ещё не окончательно распалась и заметного количества стран мира как самостоятельных игроков ещё просто не существовало.

6. Обсуждение долгосрочной динамики неравенства стран мира

Как видно из приведенных данных, коэффициент фондов показывает те же самые временные тенденции снижения неравенства, что и коэффициент Джини. Это говорит о том, что сокращение неравенства между странами происходит не только за счет сближения стран среднего достатка и лидеров (в этом случае сокращался бы только коэффициент Джини, но не фондов), но и за счет сближения лидеров и аутсайдеров – именно на это указывает уменьшение коэффициента фондов. Иными словами, объяснить тенденцию снижения неравенства между странами только опережающим развитием «азиатских тигров» и в первую очередь Китая – нельзя.

Резюмируя сведения о долгосрочной динамике неравенства между странами мира по душевому ВВП, можно утверждать, что неравенство сокращалось весь период, для которого существуют данные, т.е. с момента распада колониальной системы и по настоящее время, причем распад социалистической системы не переломил эту тенденцию. Может ли быть такое при ранговом обмене?

Маловероятно, но может. При наличии рангового обмена возможно временное сокращение неравенства как отклик на изменение (в любую сторону) нормы прибыли – см. п. 3. С точки зрения значительности/незначительности рангового обмена между странами сокращение неравенства может быть объяснено только тремя гипотезами:

1. в сообществе стран происходит переходный процесс, вызванный повышением нормы прибыли международной торговли;

2. в сообществе стран происходит переходный процесс, вызванный снижением нормы прибыли международной торговли;

3. в сообществе стран ранговый обмен слаб.

К сожалению, для исследования доступен только очень короткий период, в течение которого динамика неравенства между странами известна – это 1970 … 2014 гг.

Потому ничто не мешает предположить, что до начала этого периода произошел резкий скачок нормы прибыли в международной торговле, количество общего излишка, генерируемого при взаимодействии стран, существенно изменилось и наблюдаемое ныне сокращение неравенства – переходный процесс, за которым рано или поздно последует новый рост.

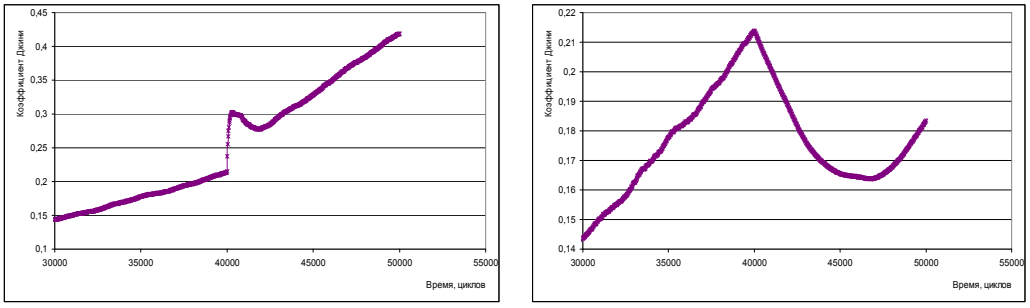
Проверим это предположение.

7. Математическое моделирование сокращения неравенства при ранговом обмене

Для проверки высказанного выше предположения необходимы дополнительные сведения и они могут быть получены путем математического моделирования с помощью описанной нами ранее (Капитанов, Иванова, 2014) математической модели рангового обмена.

Рассчитаем процесс сокращения неравенства, вызванный изменением нормы прибыли, для сообщества из 500 игроков при исходной норме прибыли за каждый такт взаимодействия игроков 0,025%.

Для этого проведем достаточно длительный (в течение 40 000 циклов) расчет рангового обмена при постоянной норме прибыли, с тем, чтобы в сообществе игроков сгладились начальные условия и сложилось экспоненциальное распределение по доходам, характерное для охваченного ранговым обменом общества. Затем увеличим (уменьшим) вдвое норму прибыли и оценим продолжительность периода, в течение которого неравенство сокращается. Результаты расчета приведены на рис. 5 а и б.



Построено авторами по результатам расчетов.

Рисунок 7.
Отклик неравенства при ранговом обмене на увеличение (а) и уменьшение (б) нормы прибыли

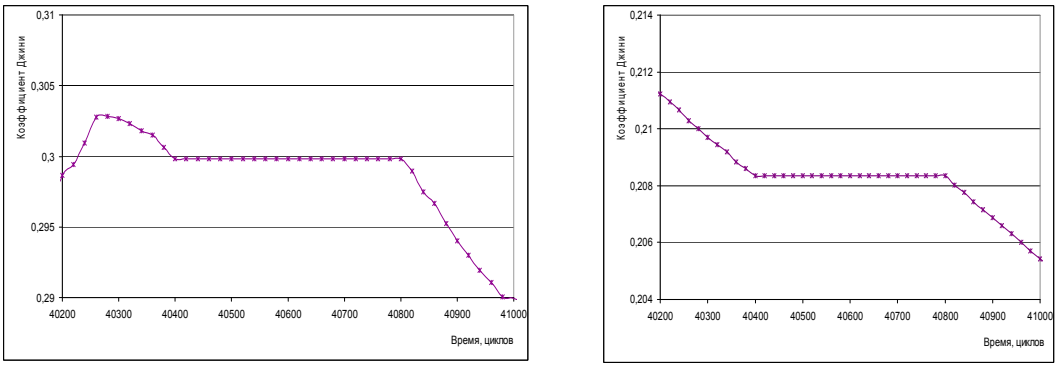
Показанные на рис. 7 данные представляют собой характерные отклики охваченного ранговым обменом общества на изменения нормы прибыли.

Повышение нормы прибыли на 40 000 цикле расчета ведет к ускоренному росту неравенства с 40 000 по 40 200 цикл, падению неравенства с 40 200 по 42 000 цикл и возобновлению роста неравенства начиная с 42 000 цикла.

Снижение нормы прибыли на 40 000 цикле расчета ведет к падению неравенства с 40 200 по 46 800 цикл и возобновлению роста неравенства начиная с 46 800 цикла.

Если сообщество игроков, практикующих ранговый обмен, находится на понижающемся (по любой причине – как вследствие роста, так и вследствие снижения нормы прибыли) участке кривой зависимости неравенства от времени, то как откликнется неравенство в таком сообществе на экономический кризис, на кратковременное понижение нормы прибыли? И будет ли соответствовать этот расчетный отклик тому, что наблюдается в действительности?

Для ответа на этот вопрос зададим в математической модели кратковременное снижение нормы прибыли именно на понижающемся участке кривой – с 40 400 по 40 800 цикл расчета норма прибыли будет снижена вдвое, а затем возвращена к прежнему значению. Результаты расчета представлены на рис. 8.



а б

Построено авторами по результатам расчетов.

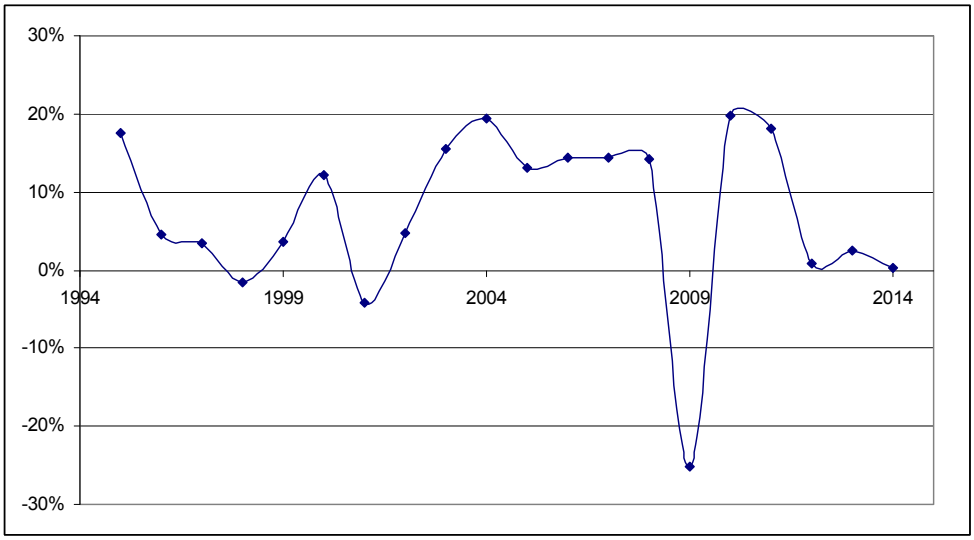
Рисунок 8.
Влияние кратковременного (с 40 400 по 40 800 цикл) снижения нормы прибыли, на сообщество, находящееся в состоянии сокращения неравенства по причине долговременного повышения нормы прибыли (а) или долговременного снижения нормы прибыли (б)

Представленные на рис. 8 результаты расчета существенно упрощают дальнейшее изложение, поскольку уменьшают количество гипотез. Если предположить, что страны всё же практикуют ранговый обмен, то сокращение неравенства между ними может быть вызвано только произошедшим до начала наблюдаемого периода повышением или понижением нормы прибыли. Однако вне зависимости от того, имело ли место гипотетическое повышение или же гипотетическое понижение нормы прибыли – при временном снижении нормы прибыли, при кризисе международной

торговли процесс сокращения неравенства в любом случае должен прекратиться. Проверим, наблюдается ли это в действительности.

8. Сопоставление результатов расчета с фактическими данными

Динамика международного товарообмена (ежегодный прирост товарообмена, рассчитанный по объему экспорта) известна из данных Всемирного Банка и для интересующего нас периода 1995 … 2014 гг. приведена на рис. 9.



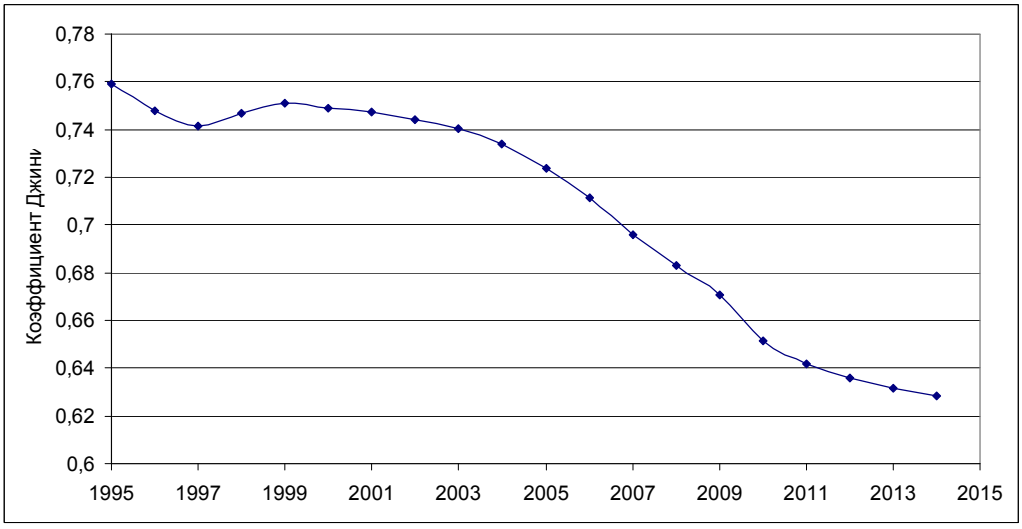
Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT

Рисунок 9.
Ежегодный прирост объема международной торговли в 1995 … 2014 г.

Как видно из представленных на рис. 9 данных, экономическое взаимодействие между странами мира в рассматриваемый период трижды (в 1998, 2001 и 2009 гг.) переживало спады, причем наиболее серьезным был кризис 2009 г., сокративший международный товарооборот на четверть.

Выясним, сказались ли эти три кризиса на динамике международного неравенства в рассматриваемый период (рис. 10).

Сопоставляя данные рис. 9 и 10, несложно заметить, что сильные кризисы международной торговли 2009 и 2001 гг. не сказались на динамике международного неравенства вообще никак. Может показаться, что существенно более слабый кризис 1998 г. привел к некоторому замедлению падения неравенства, но и это не так – падение неравенства прекратилось не в 1998, а в 1997 году, когда международная торговля стабильно росла.



Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/!!br0ken!!

Рисунок 10.
Неравенство между странами по душевому ВВП в 1995 … 2014 гг.

Итак, временные спады торговли между странами не влияют на динамику неравенства стран. Доказывает ли это однозначно слабость рангового обмена между странами? Строго говоря – нет. Возможно, все наблюдаемые спады международной торговли были слишком кратковременными, чтобы повлиять на неравенство между странами.

Доступные данные позволяют утверждать лишь то, что картина неравенства между странами принципиально не подобна картине неравенства между людьми – неравенство между странами ничтожно по сравнению с неравенством между людьми, оно постоянно сокращается и спады товарообмена не сказываются на этом сокращении.

Эти особенности неравенства между странами могут объясняться или слабостью рангового обмена между ними, или отсутствием в большинстве стран достаточно длительной истории национальных счетов, позволяющей анализировать тренды продолжительностью в сотни лет, как в случае неравенства между людьми. На основе ныне имеющихся данных эту дилемму решить нельзя.

Но на основе ныне имеющихся данных можно утверждать – эти данные никак не подтверждают наличие сколь-нибудь существенного рангового обмена между странами.

9. Динамика неравенства между заведомо неравноправными странами

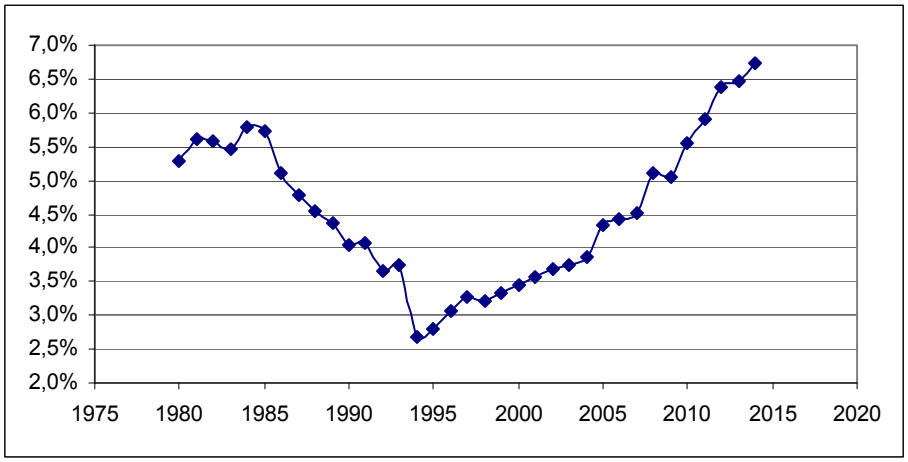
Попробуем подойти к вопросу о силе/слабости рангового обмена между странами с другой стороны – возьмём группу заведомо неравноправных стран, и рассмотрим параметры неравенства внутри этой группы стран. Быть может, среди этих параметров встретятся характерные признаки рангового обмена?

Существует группа заведомо неравноправных стран – это страны CFA. Изначально эта аббревиатура означала Colonies Françaises d'Afrique – Колонии Франции в Африке и относилась к колониальным владениям Франции в Западной и Центральной Африке. Сейчас эта аббревиатура означает la Communauté Financière Africaine (Африканское Финансовое Сообщество), состоящее из 8 стран – Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того), а также la Coopération Financière en Afrique Centrale (Финансовое Сотрудничество в центральной Африке), состоящее из 6 стран – Габон, Камерун, Республика Конго, Центральноафриканская Республика, Чад, Экваториальная Гвинея). Кроме того, к группе стран CFA относятся и Коморские острова. В данной работе под странами CFA подразумеваются все 15 перечисленных государств. Финансовые системы этих стран объединены единым надгосударственным банком, находящимся под контролем Франции.

Экономическое взаимодействие между Францией и странами CFA трудно назвать равноправным и эквивалентным – возможности правительств этих стран распоряжаться своими собственными бюджетами весьма ограничены, существуют ограничения и на внешнеторговые операции стран CFA с кем-либо кроме Франции.

Казалось бы, в отношениях CFA-Франция налицо ранговый обмен: богатый партнер явно смещает рыночное равновесие в свою пользу и навязывает бедному партнеру не слишком выгодные для последнего сделки.

Но в таком случае неравенство между странами CFA и Францией должно нарастать. Посмотрим, происходит ли это на самом деле (рис. 11).



Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD

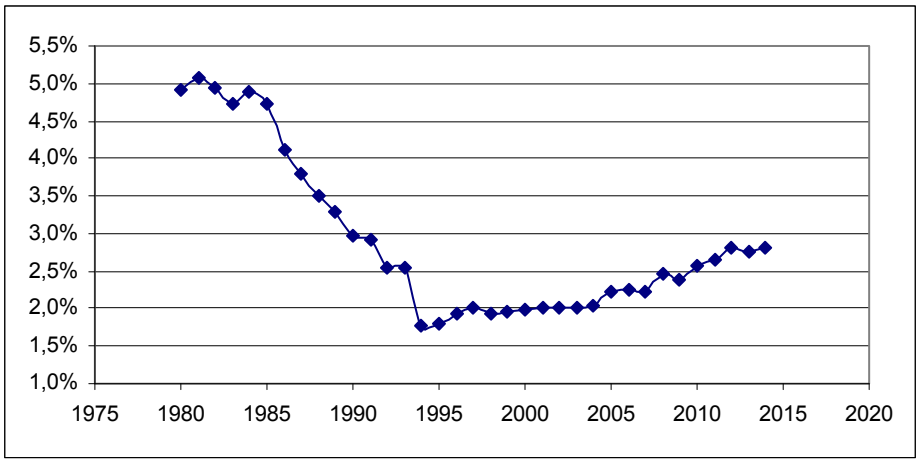
Рисунок 11.
Отношение ВВП стран CFA к ВВП Франции

Данные рис. 11 показывают немонотонную тенденцию неравенства стран CFA и Франции. Однако для интерпретации этих данных важно помнить, что сообщество стран CFA в современном составе сложилось лишь в 1994 году, а потому рассматривать данные до 1994 года в данном контексте нецелесообразно. Что же касается данных после 1994 года, то они однозначно показывают сокращение неравенства между странами CFA и Францией, несмотря на явное наличие между ними неравноправных экономических отношений.

Может показаться, что сокращение неравенства по ВВП между странами CFA и Францией вызвано всего лишь ростом населения стран CFA и связанным с этим увеличением числа рабочих рук. Но это не так, достаточно рассмотреть отношение не общего, а среднедушевого ВВП стран CFA к среднедушевому ВВП Франции (рис. 12).

Сопоставляя рис. 11 и 12, несложно заметить, что принципиальных отличий между трендами ВВП и среднедушевого ВВП нет. Начиная с момента стабилизации состава CFA в 1994 году среднедушевой ВВП стран CFA стабильно растет по отношению к среднедушевому ВВП Франции несмотря на неравноправные экономические взаимодействия между рассматриваемыми игроками.

Следовательно, тенденция к сокращению неравенства между странами CFA и Францией никак не объясняется большей рождаемостью в странах CFA.

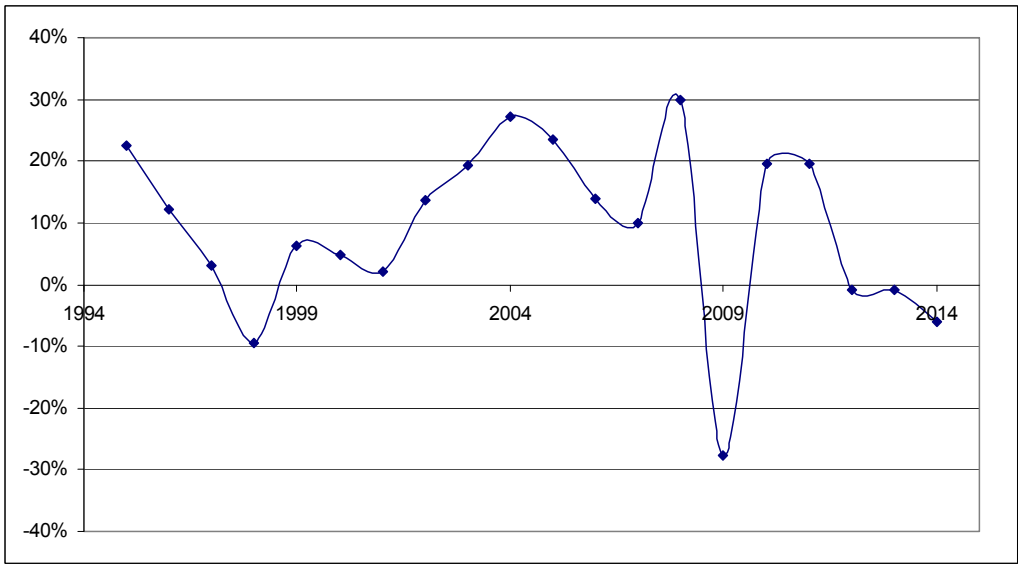


Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/!!br0ken!!

Рисунок 12.
Отношение среднедушевого ВВП стран CFA к среднедушевому ВВП Франции

Спады во внешней торговле стран CFA в 1998, 2009 и 2012 … 2014 годах (рис. 13) никак не сказываются на тенденции сокращения неравенства между странами CFA и Францией – этого не могло бы быть, если бы в системе «CFA-Франция» ранговый обмен сколь-нибудь заметно сказывался на неравенстве игроков.

Но может быть период с 1995 по 2014 год был слишком коротким, чтобы ранговый обмен между странами CFA и Францией привел к росту неравенства между ними? Или может быть пара игроков «CFA-Франция» является счастливым исключением, а во всех остальных подобных неравных альянсах разрыв между богатыми и бедными странами растёт?



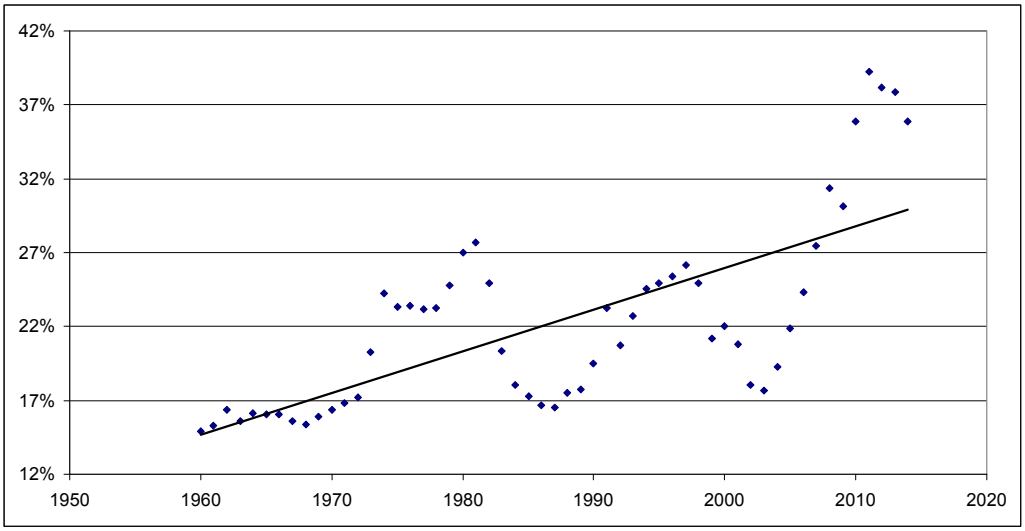
Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT

Рисунок 13.
Ежегодный прирост объема международной торговли стран CFA (по экспорту) в 1995 … 2014 г.

Для ответа на эти вопросы следует рассмотреть хотя бы ещё один пример заведомо неравных отношений между странами. В качестве такого примера предлагается исследовать динамику неравенства ВВП между США и Латинской Америкой. Страны Латинской Америки традиционно подвергаются вмешательству (иногда вооруженному) со стороны США с целью обеспечения интересов американских корпораций. Зачастую под нажимом США в латиноамериканских странах приходят к власти правительства, обеспечивающие режим максимального благоприятствования внешней торговле с США в ущерб интересам собственной страны (Petras, Veltmeyer 2005). В системе «Латинская Америка-США» явно практикуется неэквивалентный обмен. Но приводит ли он к росту неравенства?

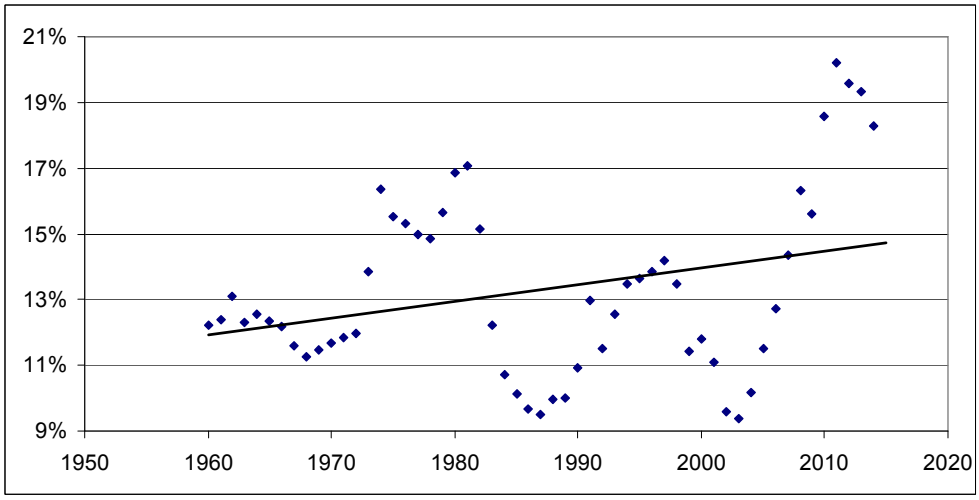
Для ответа на этот вопрос рассмотрим отношения ВВП (рис. 14) и душевого ВВП (рис. 15) стран Латинской Америки и США.

Как видно из представленных на рис. 14 и 15 данных, разрыв между Латинской Америкой и США как по ВВП, так и по душевому ВВП осциллирует с периодом около 15 лет (видимо, это связано с цикличностью цен на сырье). Однако не наблюдается ничего похожего на тенденциальный рост, связанный с кумулятивной причинностью неравенства при ранговом обмене. Скорее наоборот, в долгосрочном рассмотрении (за все 54 года статистических исследований, проведенных Всемирным Банком) неравенство между США и Латинской Америкой сокращается.



Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD

Рисунок 14.
Отношение ВВП стран Латинской Америки к ВВП США



Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD

Рисунок 15.
Отношение душевого ВВП стран Латинской Америки к душевому ВВП США

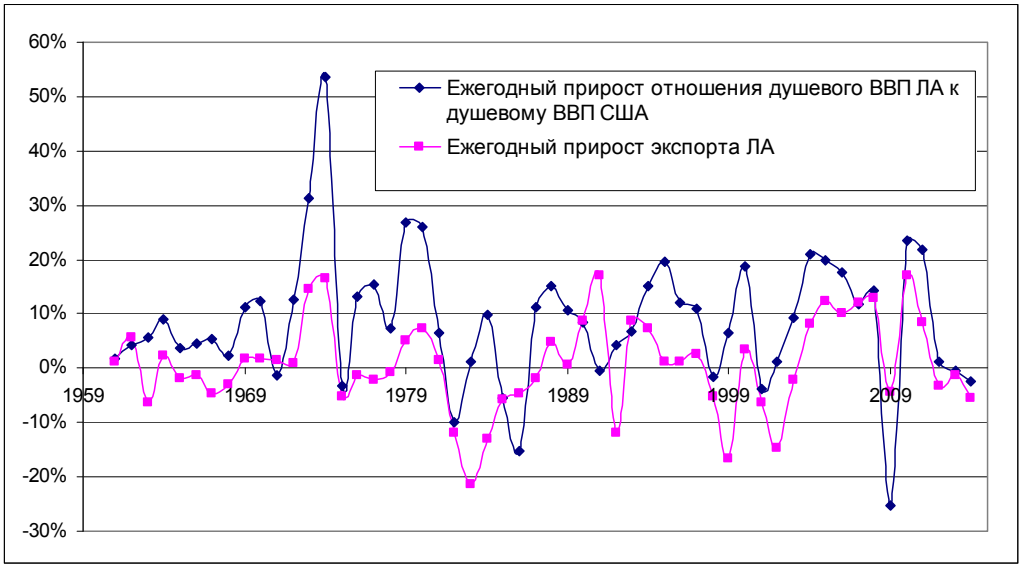
Оценим, как неравенство в системе «США-Латинская Америка» откликается на кризисы. В сообществе, практикующем ранговый обмен, кризисы (уменьшение генерации общего излишка, сокращение товарообмена) приводят к сокращению неравенства, что доказано на фактическом материале с XVI по XXI век (Ван Занден 2004; Капитанов, Иванова 2016).

Для оценки влияния кризисов на неравенство в системе «США-Латинская Америка» построим зависимость от времени относительного (в процентах) ежегодного прироста отношения душевого ВВП стран Латинской Америки к душевому ВВП США – эта зависимость будет характеризовать динамику неравенства в рассматриваемой системе. Чем выше прирост указанной величины в данном году, тем больше за данный год страны Латинской Америки приблизились к США, правильнее будет считать эту величину характеристикой не неравенства, а равенства.

Сопоставим эти данные с относительным (в процентах) приростом объема внешней торговли (по экспорту) стран Латинской Америки, благо достаточно длительный (с 1960 г.) период статистических наблюдений позволяет это сделать. Отметим, что применительно к странам CFA и странам мира в целом проводить подобное сопоставление мало целесообразно, поскольку для них оно возможно лишь в краткий период с 1994 … 1995 гг. по настоящее время.

Результаты сопоставления приведены на рис. 16.

На рис. 16 представлена картина, невозможная при сколько-нибудь заметном ранговом обмене – увеличение товарооборота в большинстве случаев прямо ведет к сокращению неравенства между США и Латинской Америкой по душевому ВВП, а спады внешней торговли сопровождаются ростом неравенства. Если бы в системе «США-Латинская Америка» имел место заметный ранговый обмен – корреляция была бы совершенно противоположной и сопоставленные на рис. 16 кривые колебались бы в противофазе.



Построено авторами по данным Всемирного Банка: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD, http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT

Рисунок 16.
Динамика отношения среднедушевого ВВП стран Латинской Америки и США в сопоставлении с динамикой экспорта стран Латинской Америки

Заключение и выводы

Страны в гораздо большей мере, чем отдельные люди, являются самодостаточными экономическими игроками – бóльшая часть ВВП стран мира производится в результате работы на внутренний, а не внешний рынок.

Доступные данные позволяют утверждать, что картина неравенства между странами принципиально не подобна картине неравенства между людьми – неравенство между странами ничтожно мало по сравнению с неравенством между людьми, оно тенденциально сокращается, и спады товарообмена либо вообще не сказываются на этом сокращении, либо сопровождаются ростом неравенства, что невозможно при существенном ранговом обмене.

Даже в случае заведомо неэквивалентного обмена между богатыми и бедными странами, как это показано на примерах отношений CFA-Франция и Латинская Америка-США, разрыв между богатыми и бедными странами все равно сокращается. Ничего подобного в отношениях между богатыми и бедными людьми не наблюдается.

По состоянию на сегодняшний день можно утверждать – нет никаких статистических доказательств того, что ранговый обмен между странами сколь-нибудь заметно сказывается на их неравенстве.

Список литературы

1. Гидулянов В. Формула «цивилизованного рынка» // Правила игры. 1998. – № 4. – С. 22–29.
2. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». – М., 1972. – С. 251.
3. Илларионов А. Основные тенденции развития мировой экономики во второй половине XX века // Вопросы экономики. – М., 1997. – № 10. – С. 117–142.
4. Капитанов В.А., Иванова А.А. Влияние пропорционального распределения общего излишка на имущественное расслоение. // Экономика и прогнозирование (Економіка і прогнозування). – Киев, 2014. – № 2. – С. 125–136.
5. Капитанов В.А., Иванова А.А. Принцип рангового обмена и границы его применимости // I Международная научная конференция «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности». Донецк, 16-18 мая 2016 г.
6. Financial Glossary. «Franc Zone». – http://glossary.reuters.com/index.php?title=Franc_Zone
7. Banque des Etats de l'Afrique Centrale «Histoire du Franc CFA». – https://www.beac.int/index.php/billets-et-pieces/histoire-du-franc-cfa
8. Le franc CFA freine le développement de l'Afrique. – http://www.lemonde.fr/afrique/article/2015/07/08/le-franc-cfa-freine-le-developpement-de-l-afrique_4675137_3212.html#6GuoROLG5M6TjDOh.99
9. Petras J., Veltmeyer H. Social Movements and State Power Argentina, Brazil, Bolivia, Ecuador. – London, 2005.

Конышев И.С.
д.м.н., профессор филиала Военно-медицинской академии

МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ХИМИКО-БИОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ (ТЕРРОРИЗМА)

Ключевые слова: *санитарно-эпидемиологическая обстановка, химико-биологические угрозы, система интеллектуальной поддержки принятия решений, симптомокомплекс, предварительный диагноз.*

К числу новых вызовов устойчивости мировых отношений, которые должны быть рассмотрены и с позиций санитарно-эпидемиологической безопасности, относятся:

- распространение оружия массового поражения, к которым относятся средства биологического нападения, в т.ч. особо опасные инфекции (ООИ), и средств их доставки, международный терроризм, этническая нестабильность, деятельность радикальных религиозных группировок, наркоторговля, организованная преступность;
- использование военной силы в рамках сформированных на временной основе коалиций, появление разрозненных террористических группировок, вербовка специалистов разного уровня (медицинского, ветеринарного, агробиологического и др.) для решения задач биологического или химического нападения;
- сложное сочетание политических, экономических интересов отдельных государств и крупных транснациональных компаний, доступность информации о современных технологиях производства, хранения и распространения патогенных биологических агентов (ПБА) и особо опасных химических веществах (ООХВ), возможностях их применения в террористических или диверсионных целях;
- сращивание внутреннего и международного терроризма, возникновение и консолидация различных направлений антитеррористического интернационала, создание систем интеллектуальной поддержки принятия решений в целях ускорения реакции структур государственного управления и местных органов власти на возникающие угрозы общественному здоровью не только отдельных групп населения, но и жизнеспособности человеческого сообщества в целом;
- рост значения негосударственных участников системы международных отношений.

Это перечисление будет неполным без указания на криминализацию целых регионов земного шара, падение морали у отдельных слоев общества, распространение алкоголизма и курения, рост наследственно обусловленных заболеваний, поглощенной дозы радиации и интоксикации особо опасными химическими веществами.

Воздействие поражающих факторов природных и техногенных катастроф, военных, религиозных и этнических конфликтов, террористических актов, эпидемий и пандемий на любой регион представляет собой многоструктурное явление. Требуется быстрое принятие решений о медицинской тактике на месте, возможных осложнениях обстановки, проведение верификации обстоятельств получения поражений (естественное протекание событий, аварийная ситуация или специальное применение патогенов), необходимости усиления. Резко возрастает роль быстрого информирования органов управления о возникающих угрозах[1].

Число патогенных биологических агентов (ПБА), которые могут вызывать заболевания людей, животных и поражать сельскохозяйственные продовольственные культуры, достигает нескольких тысяч, хотя реальную опасность представляют по разным данным от 50 до 70.

Научно-технический уровень работ в области генной инженерии, биотехнологии, токсикологии, молекулярной биологии и других смежных наук, позволяет создавать ПБА нового поколения, совершенствовать приемы и способы применения. Огромен выбор агентов для скрытного или открытого террористического применения в любых масштабах и целях (устрашение, лишение источников питания, провокация беспорядков и недовольства органами государственного управления, дискредитация здравоохранения т.д.), что затрудняет принятие мер противодействия из-за необходимости оперативной переработки массива поступающей информации, адекватного анализа складывающейся обстановки, дифференциации обстоятельств появления ведущего патогенного фактора, оценки имеющихся сил и средств, градации мероприятий по степени важности и др. Кроме того, возможны чрезвычайные ситуации, связанные с авариями на химически или биологически опасных объектах. В связи с интенсификацией миграционных потоков, возможен занос возбудителей особо опасных инфекций, не характерных для данной местности.

Стратегические опасности биологического плана:

1. Человечество проигрывает противостояние с микромиром живых существ:

- появление устойчивых к антибиотикам микроорганизмов (внутрибольничные инфекции, современные генерации стафилококков и стрептококков и т.д.);

[1] Konyshev I., Yumanov A., Mursin A., Sakharov V., Akimov Y. Geoinformation technologies in the assistant system of making decisions by counteraction of chemical and biological threats. // Мат-лы Всеевропейского съезда военной медицины 2-6 июня 2014 г. Белград, 2014. – С. 114 – 115.

• мутация многих видов вирусов с приобретением ранее несвойственных вирулентных способностей (грипп, геморрагические лихорадки и т.п.);

• активизация в жилых анклавах народонаселения микроорганизмов, всегда существовавших в природе, но не нападавших ранее на человека (атипичная пневмония, синдром приобретенного иммунодефицита и ряд других);

• расширение ареала существования природноочаговых инфекций, в том числе особо опасных (Эбола, холера, сибирская язва) и паразитозов (амебиаз, малярия, гельминтозы);

• преодоление микроорганизмами межвидовых барьеров (антропозоонозы, инфекции отдаленных биологических видов);

• «возвращающиеся» (re-emerging), управляемые с помощью вакцинации инфекции, активизировавшиеся после периода эпидемиологического благополучия вследствие свертывания программ иммунизации населения;

• инфекции, возникающие на новых территориях (завоз редких или ранее не встречавшихся инфекций);

• новые (emerging) инфекции, вызываемые ранее неизвестными патогенами (за последние 35 лет выделен и идентифицирован 41 новый патоген);

• возрастание эпидемиологического значения условно-патогенных микроорганизмов и увеличение частоты заболеваемости оппортунистическими инфекциями (инфекции, проявляющиеся у лиц с иммунодефицитными состояниями любой природы);

• распространение нозокомиальных (госпитальных) инфекций;

• аварии и диверсии на объектах, где проводятся работы с патогенными микроорганизмами;

• более высокая распространенность в природе и человеческой популяции возбудителей опасных инфекционных и паразитарных заболеваний (туберкулеза, гриппа, крымской лихорадки, малярии и др.);

• биологический и химический терроризм во всех его проявлениях.

• победив две инфекции (оспа, полиомиелит), человечество приобрело до 40 новых, имевших ранее ограниченное значение;

• распространение массовых заболеваний, к противостоянию которым в том или ином регионе Земного шара нет достаточного количества сил и средств, отсутствует интеллектуальный потенциал организации всей суммы мероприятий сопротивления.

2. Глобализация как мировая тенденция развития:

• ускорение передвижения, миграция миллионных масс населения;

• обеднение отдельных регионов, голод;

• использование в технологических целях микроорганизмов, ранее занимавших другие экологические ниши (ликвидация нефтяных пятен с помощью поедателей нефти с их последующей агрессией на всё биологическое в районе доступности и т.д.);

• локальные вооруженные конфликты с разрушением инфраструктуры и экономического потенциала, загрязнением обширных пространств;

• угроза экологических войн (изменение климата и др.);

• опустынивание территорий, вырубка лесов;

• рост искусственных резервуаров патогенных микроорганизмов (сибиреязвенные скотомогильники, биотермические ямы и т.д.);

• увеличение биологической нагрузки на территорию вокруг крупных городов (твердые бытовые и промышленные отходы, аварийные сбросы (выбросы) крупных промышленных объектов и теплоэнергетических установок);

• внедрение технологий фальсификации продуктов (замена коровьего масла пальмовым, мяса животных растительной соей и т.д.);

• широкое использование более тысячи наименований синтетических примесей (консерванты, эмульгаторы, подсластители, разрыхлители и др.);

• безудержная реклама медицинских препаратов, отрицательно влияющих на здоровье основной части населения (обеззараживание рук и полости рта, в том числе у детей, повышение половой потенции без анализа патологических процессов и многое другое);

• деградация моногородов с вынужденным изгнанием сотен тысяч населения.

3. Биокатастрофы также имеют место и включают в себя:

• аварии на биологически опасных объектах (биозаводы, военные НИИ и др.);

• экологически опасную техногенную деятельность (выемка грунта, добыча полезных ископаемых, исследования Крайнего Севера, сопряженные с извлечением из недр Земли древних бактерий и других организмов);

• широкомасштабную техногенную деятельность, приводящую к селекции и отбору биопатогенов, устойчивых к антибиотикам и дезинфектантам, паровой и другим видам стерилизации;

• природные катастрофы (сели, наводнения, цунами, приводящие к вспышкам инфекционной заболеваемости, тропические лихорадки Эбола, малярия и др.);

• алкоголизация, курение, употребление так называемых тонизирующих смесей, самолечение, несвоевременное прохождение медицинского обследования;

• применение в локальных вооруженных конфликтах элементов химического оружия, массивное разрушение химических и биологических производств;

• биологический и химический терроризм.

Отставание в реагировании на возникающие угрозы биологического плана в значительной мере связаны с отсутствием современных программно-технических средств передачи, анализа информации и системы интеллектуаль-

ной поддержки принятия решений (СИП), которые требуют создания системотехнических, программных и информационных компонент с учетом климатогеографических, этнографических, миграционных, религиозных, структурных и других особенностей региона. В настоящее время геоинформационные технологии регионов, министерств и ведомств страны разрабатываются по отдельным направлениям и не увязываются в единое целое.

Перед разработчиками современных СИП стоят следующие проблемы[1]:

1. Изучение имеющихся систем оперативного учёта изменений санитарно-эпидемиологической обстановки (СЭО) на федеральном, территориальном и иных уровнях, в министерствах и ведомствах.

2. Адаптация мирового опыта и разработка более оперативных возможностей реагирования на возникающие химико-биологические угрозы.

3. Анализ применяющихся информационно-аналитических систем в оказании помощи клиническому специалисту в постановке предварительного диагноза при массовом поступлении пораженных ООХВ или ПБА.

4. Разработка и внедрение СИП для повышения эффективности санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в очагах массовых инфекционных заболеваний или отравлений, возникших в результате биотехногенных аварий или террористических актов с применением ПБА.

5. Определение основных направлений взаимодействия здравоохранения с силовыми структурами и органами государственного управления.

СИП представляет собой группу экспертных и расчетных систем (соответственно ЭС и РС), автоматизированную информационно-расчетную основу которых составляет специальное программное обеспечение, ориентированное на решение вышеперечисленных задач, а также выполнение функций расчета медико-санитарных последствий, потребных сил и средств для нормализации обстановки после применения ПБА или ООХВ, подготовки отчетно-информационных документов.

СИП позволяет автоматизировать и технически обеспечить работу должностных лиц, специалистов группы экспертов и руководителей здравоохранения средствами индивидуального и коллективного отображения информации, возможностью пользоваться информацией из единой базы данных в доступной области, пополнять интеллектуальный потенциал в своей предметной области, пользуясь базой знаний системы.

К задачам СИП относятся:

Задача № 1 – оказание информационной поддержки при постановке предварительного клинического и эпидемиологического диагноза инфекционного заболевания или поражения опасными химическими веществами с целью верификации вспышек заболеваний, установление их связи с чрезвычайными ситуациями биологического или химического характера;

Задача № 2 – экстренный, ежедневный, еженедельный и ежемесячный мониторинг санитарно-эпидемиологической обстановки в зоне ответственности, оперативное доведение этой информации до органов управления, а также оценка степени опасности ситуации и определения показаний для представления внеочередных донесений;

Задача № 3 – прогнозирование СЭО с расчетом возможных санитарных потерь (количества случаев заболеваний или отравлений);

Задача № 4 – формирование рекомендаций по реализации предварительных профилактических мероприятий, предусмотренных Комплексным планом мероприятий по санитарной охране территории, в условиях угрозы осложнения СЭО, включая перечень мероприятий, направленных на нормализацию обстановки по каждой нозологической форме поражения.

СИП принятия решений по противодействию угрозам биологического и химического характера в сфере здравоохранения спланирована как территориально-распределенная, стационарно-мобильная иерархическая структура. Система решена по принципу открытых систем.

Доминантная парадигма (концептуальная схема) адаптации СИП к регионам РФ включает следующие основные компоненты (рис. 1)[2].

Основные задачи **1 этапа** – объективно выявить те новые факторы, которые необходимо учесть в процессе адаптации созданного образца СИП к условиям здравоохранения конкретного региона.

Исходные данные по здравоохранению региона РФ являются базовой информацией в доминантной парадигме адаптации СИП. Достоверность и точность их – основа всех последующих этапов разработки методических и программных документов. В связи с этим к процессу формирования этой информации должны быть привлечены ведущие специалисты Министерства здравоохранения, Управления Роспотребнадзора, Центра гигиены и эпидемиологии региона РФ, а также разработчики СИП.

Как показал анализ практической работы врачей в лечебно-профилактической организации (ЛПО), наиболее сложной проблемой для них является постановка предварительного клинического диагноза (ПКД). Нередки случаи, когда этот диагноз неоднократно менялся, что значительно усложняло проведение противоэпидемических и профилактических мероприятий.

---

[1] Мурзин А.П., Конышев И.С., Алехнович А.В. Геоинформационные технологии в системе поддержки принятия решений при отражении химико-биологических угроз // История и перспективы отечественной гигиенической науки и практики: Материалы Всеросс. науч.-прак. конф., посвященной 150-летию кафедры общей и военной гигиены с курсом военно-морской и радиационной гигиены. – СПб., 2015. – С. 54–55.

[2] Казанский А.Г., Мурзин А.П., Конышев И.С. и др. Доминантная парадигма адаптации системы интеллектуальной поддержки принятия решений по противодействию биологическим и химическим угрозам к требованиям здравоохранения регионов Российской Федерации // Медицина и высокие технологии. 2016. – № 1. – С. 9–11.

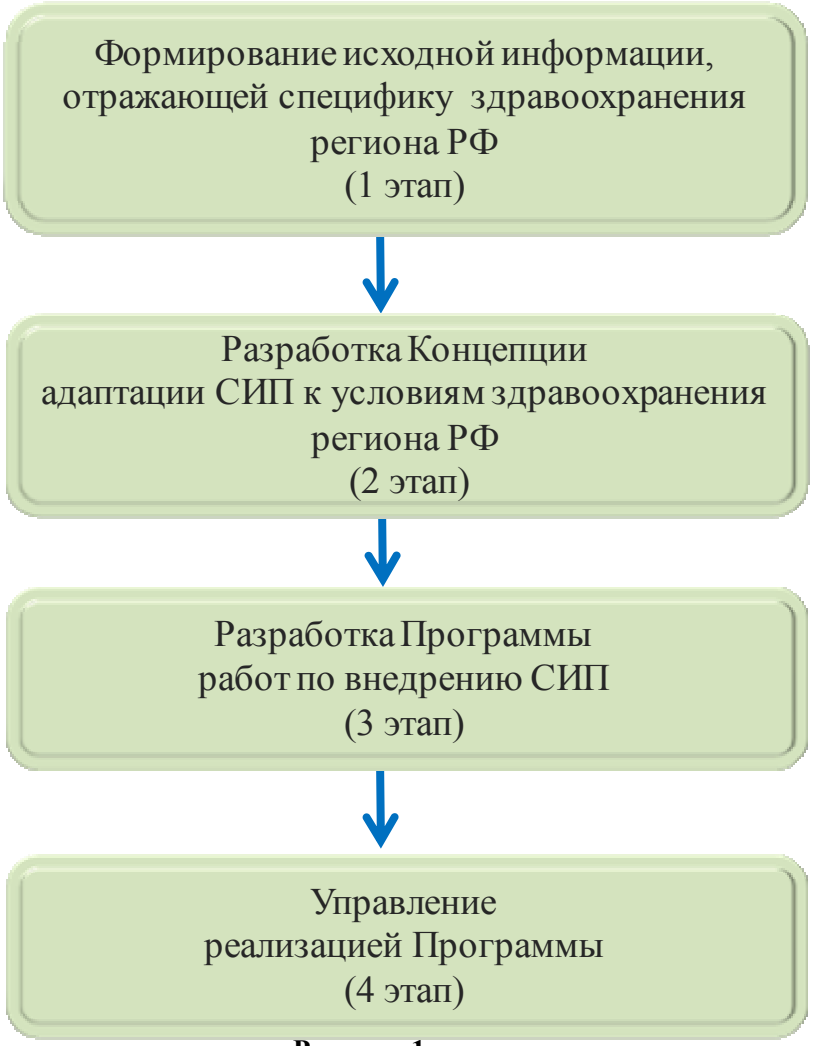


Рисунок 1.
Основные компоненты доминантной парадигмы

Для повышения достоверности ПКД в состав СИП введен специально разработанный программный симптомокомплекс, включающий в себя все группы инфекционных и паразитарных заболеваний (76 нозологий) и 95 отравляющих и опасных химических веществ. Каждому виду инфекционного (паразитарного) заболевания и отравления экспертами сформировано в среднем 10–12 характерных признаков, включая доминирующие.

Анамнез играет исключительно важную роль в постановке ПКД. При его сборе выясняются данные о пребывании больного в зонах эпидемиологического или химического риска. Для снижения энтропии (неопределенности) ПКД в СИП взаимодействие врача, принимающего пациента, с программно-техническим комплексом происходит в диалоговом режиме. После ввода перечня симптомов, полученных в результате опроса и осмотра больного, симптомокомплекс на основе заложенного алгоритма рассчитывает и выводит на экран автоматизированного рабочего места врача ЛПО список наиболее вероятных инфекционных (паразитарных) заболеваний или поражений ООХВ с возможностью просмотра дополнительной информации из базы знаний. На основе анализа полученной информации врач может провести уточняющий опрос и осмотр больного для получения и ввода в аналитический контур дополнительных данных. Блок-схема функционирования симптомокомплекса представлена на рис. 2.

Важный компонент интеллектуальной системы управления – формирование технологии поддержки принятия решений должностными лицами. Эта технология включает в свой состав экспертные и расчетные системы.

Подобные ситуации характеризуются высоким динамизмом изменения внешних условий, дефицитом времени на принятие решений должностными лицами, повышенным уровнем ответственности за качество управленческих решений.

Учитывая эти особенности, в Республике Адыгея для СИП (СИП-РА) сформированы приоритетные задачи для оперативного реагирования на биологические и химические угрозы, реализованные пятью функциональными подсистемами (ФПС), представленными на рис. 3.

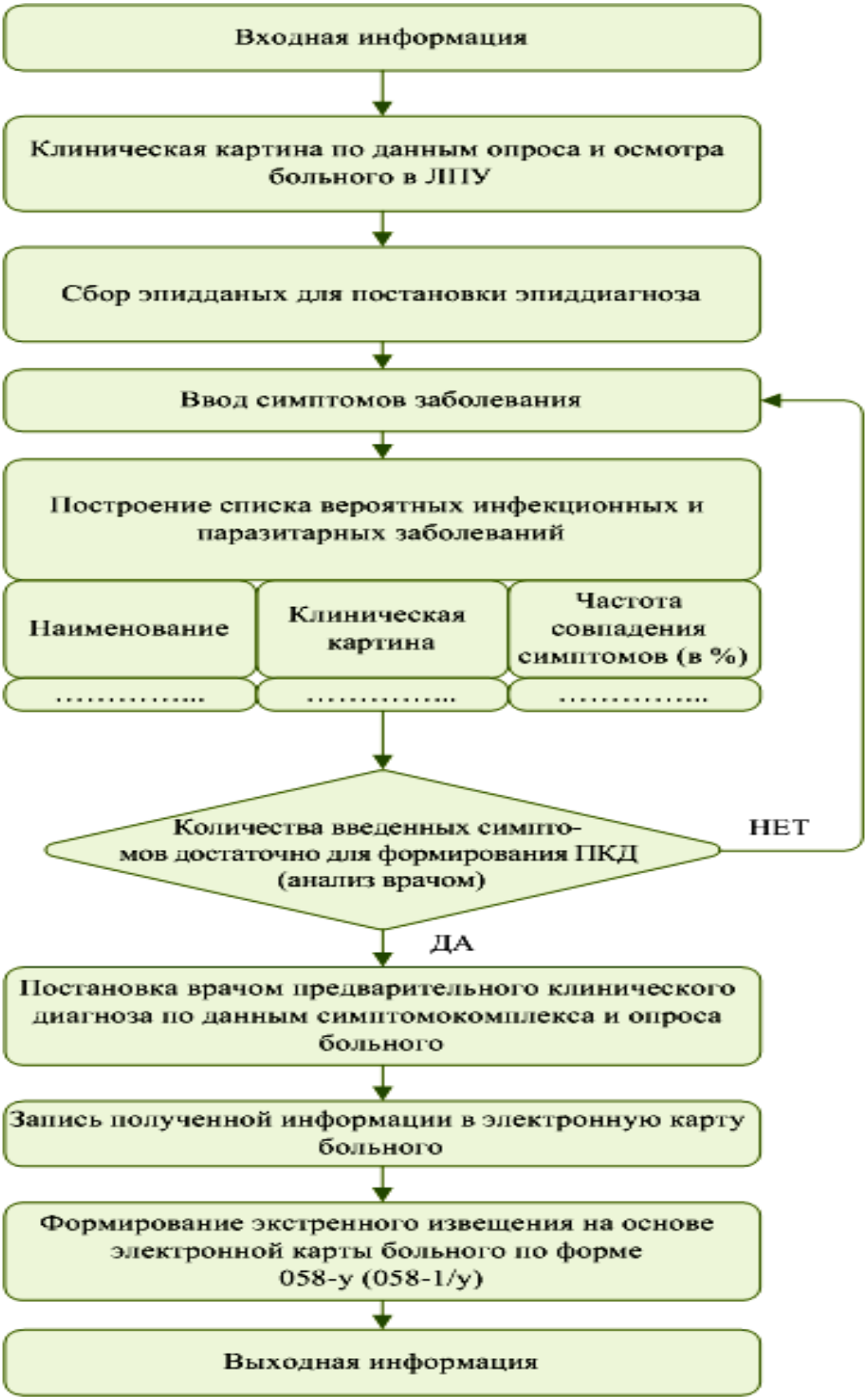


Рисунок 2.
Блок-схема симптомокомплекса[1]

[1] Агиров А.Х., Намитоков Х.А., И.С. Конышев и др. Информационно-аналитическая основа формирования предварительного клинического и эпидемиологического диагнозов в интеллектуальной системе противодействия биологическим и химическим угрозам (на примере Республики Адыгея) // Медицина и высокие технологии. 2015. – № 3. – С. 7–10.

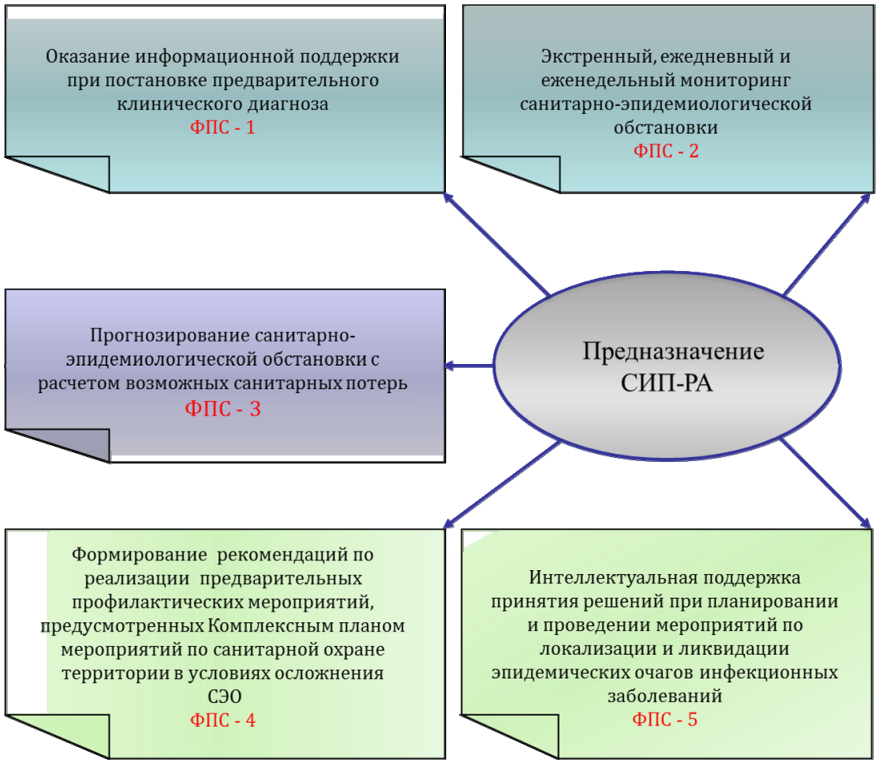


Рисунок 3.
Состав ФПС СИП[1]

Интеллектуальный и информационный потенциал СИП, реализованный в СИП-РА, включает в себя интеллектуальные и информационные компоненты (рис. 4).

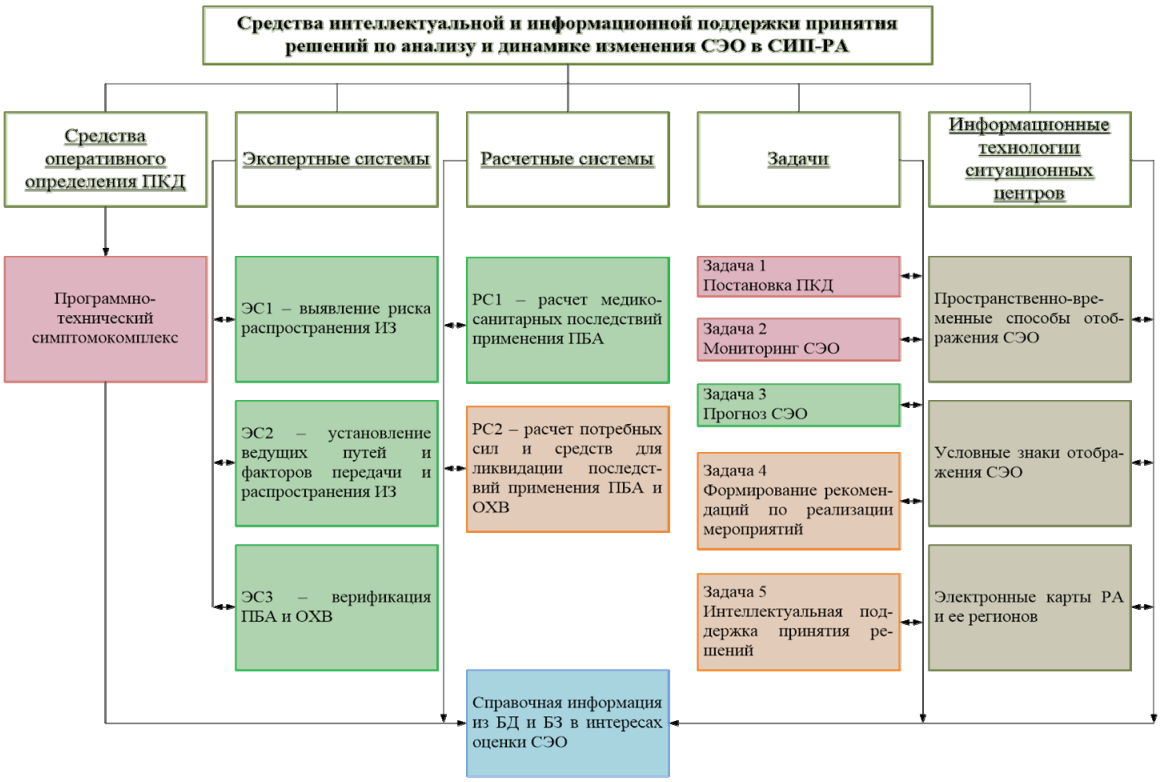


Рисунок 4.
Состав интеллектуальных и информационных компонентов СИП-РА[2]

[1] Казанский А.Г., Конышев И.С., Захаров В.А. и др. Основные направления повышения эффективности интеллектуальных систем управления санитарно-эпидемиологическим благополучием населения (на примере Республики Адыгея) // Медицина и высокие технологии. 2015. – № 4. – С. 15–19.

[2] Агиров А.Х., Мурзин А.П., Конышев И.С. и др. Основные направления подготовки медицинских кадров к работе с интеллектуальными системами противодействия биологическим и химическим угрозам // Медицина и высокие технологии. 2016. – № 2 . – С. 24–28.

В перечне решаемых СИП-РА задач центральное место отведено задаче № 2, реализуемой ФПС-2, – экстренный, ежедневный и еженедельный мониторинг СЭО в Республике Адыгея.

Эта информация аккумулируется в экстренных извещениях (форма 058-у, форма 058-1/у) и передается в Ситуационный центр ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Республике Адыгея» для анализа и принятия решений.

При проектировании СИП разработчики учитывали уровень подготовки медицинских и инженерно-технических специалистов в регионах РФ, что учтено в матрице доступа к программным модулям (рис. 5).

Имя пользователя (группы пользователей)	Программный модуль										
	Работа с базой данных	ФПС 1			ФПС 2 Мониторинг СЭО	Экспертные системы	Расчетные системы	ФПС3 Прогнозирование СЭО	ФПС4 Формирование рекомендаций	ФПС5 Поддержка принятия решений	Работа с ГИС	Настройка и администрирование
		Симптомокомплекс	Постановка ПКД	Расследование очага								
Руководитель Управления Роспотребнадзора по региону РФ	+*	-	-	+*	+*	+*	+*	+*	+	+	+	-
Главный врач ФБУЗ "Центр гигиены и эпидемиологии в регионе РФ"	+*	-	-	+*	+*	+*	+*	+*	+	+	+	-
Заместитель руководителя Управления Роспотребнадзора по региону РФ	+*	-	-	+*	+*	+*	+*	+*	+	+	+	-
Заместитель Главного врача ФБУЗ "Центр гигиены и эпидемиологии в регионе РФ"	+*	-	-	+*	+*	+*	+*	+*	+	+	+	-
Отдел эпидемиологического надзора Управления Роспотребнадзора по региону РФ	+*	-	-	+	+	+	+	+	-	-	+	-
Отдел эпидемиологии ФБУЗ "Центр гигиены и эпидемиологии в регионе РФ"	+*	-	-	+	+	+	+	+	-	-	+	-
Территориальные отделы Управления	+*	-	-	+	+	+	+	+	-	-	+	-
Филиалы ФБУЗ "Центр гигиены и эпидемиологии в регионе РФ"	+*	-	-	+	+	+	+	+	-	-	+	-
Медицинские работники лечебно-профилактических организаций	+*	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Системный администратор	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сервисные инженеры	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

Примечание:
+ - полный доступ к модулю
+* - доступ на чтение, работа с выходной информацией
- - доступ отсутствует

Рисунок 5.
Матрица доступа к программным модулям[1]

Таким образом, может быть сформирована государственная система подготовки и обучения медицинского персонала, эксплуатирующего интеллектуальные системы обеспечения стабильности СЭО РФ.

Следует констатировать, что медицинское направление обеспечения химико-биологической безопасности населения тесно связано с характером угроз новых направлений военного противостояния. Поэтому появление нового типа военных столкновений (гибридные войны) требует тщательного анализа[2].

[1] Казанский А.Г., Мурзин А.П., Конышев И.С. и др. Подготовка медицинских кадров – важный этап реализации программы адаптации системы интеллектуальной поддержки принятия решений по противодействию биологическим и химическим угрозам к требованиям здравоохранения регионов Российской Федерации // Медицина и высокие технологии. 2016. – № 1 . – С. 15–19.

[2] Конышев И.С. Гибридные войны: медико-гигиенические и эпидемиологические аспекты, роль и место информационных технологий // Военная мысль. 2016. – № 11. – С. 29–36.

Оперативно-тактические признаки гибридных войн с позиции предупреждения массовых заболеваний:

1. Охват огромных пространств с широкомасштабным использованием высокоточного оружия, информационного давления и дезинформации.

2. Сообщение между воюющими сторонами сохраняется при искажении целей, задач, состояния и перспектив.

3. Эклектика участников и неопределенность ареала действий.

4. Разруха в регионе нанесения боевых ударов и безответственность за последствия для превосходящей стороны.

5. Рост значимости информационных технологий во взаимоотношениях с другими участниками мировой политики.

Гибридные войны требуют от органов управления здравоохранением РФ постоянного отслеживания медико-химической и эпидемиологической обстановки во всех регионах, где могут возникнуть военные конфликты с участием силовых структур, персонала экономической и гуманитарной помощи РФ. Повышения качества функционирования организационных систем можно добиться за счет внедрения перспективных информационных технологий и автоматизации управления оказанием медицинской помощи. Медицинский персонал должен обучаться навыкам использования компьютерных систем в обработке информации, постановке первичного диагноза, снижения уровня бумажного документооборота, оценке обстановки, расчетах потребности в силах и средствах, ускоренном продвижении сведений о возникших угрозах по установленным каналам информации.

Крылова И.А.
д.филос. н., в.н.с. Института философии РАН

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Ключевые слова: *Россия, государство, национальные интересы, социальная справедливость, неолиберализм, коррупция, олигархия, природная рента, неравенство, оффшоры, вывоз капитала, бедность, сырьевая экономика, «зеленая» экономика, VI технологический уклад, стратегия опережающего развития, национальная безопасность.*

Keywords: *Russia, state, national interests, social justice, neoliberalism, corruption, oligarchy, natural resource rent, inequality, offshore, export of capital, poverty, resource-based economy, «green» economy, VI technological way, rapid development strategy, national security.*

Стратегия развития государства – основа национальной безопасности

Государственная деятельность, направленная на развитие, получает свою реализацию в стратегии развития государства. «Такая стратегия приобретает итоговый смысл в зависимости от нравственной направленности и, соответственно этому, влияния на состояние и развитие общества»[1]. Причем в конкретных исторических условиях она может выступать как необходимое условие выживания общества, как тормоз на пути его модернизации, как двигатель развития. Формирование стратегии развития государства предполагает, прежде всего, выявление приоритетов развития различных направлений его деятельности в соответствии с национальными интересами.

В содержание *национальных интересов* (которое подвержено влиянию многих социальных, экономических, политических, военных и других факторов), включены элементы, представляющие важность для самого существования личности, общества и государства. «Для личности – это ее физическое существование, питание, возможность продолжения рода. Применительно к обществу это определенные права, свободы и гарантии, а для государства – территория, уклад жизни населения, наличие органов власти и принятой нормативно-правовой базы»[2]. Эти элементы можно назвать *национальными потребностями* государства. «Именно национальные потребности, удовлетворение которых является принципиально важным для существования государства, составляют главный системообразующий элемент принятых национальных интересов, – считает В.М. Лисовой. – Тогда *безопасность* логично может быть определена как состояние, характеризуемое отсутствием внутренних и внешних опасностей для удовлетворения национальных потребностей государства»[3].

В содержание национальных интересов включена еще одна группа элементов, специфика которых заключается в том, что они отражают ожидания личности, общества и государства. «Для личности это могут быть ожидания справедливой оплаты за выполненную работу, социальной и личной защищенности. Для общества это ожидания выполнения всеми его членами установленных законов и обязанностей, правил и принятых норм поведения. Для государства подобные ожидания могут включать выполнение субъектами международного права взятых обязательств, установленное функционирование всех конституционных органов власти»[4]. Исторический опыт показывает, что *национальные ожидания* обеспечиваются сразу после национальных потребностей. В данном случае речь идет о достижении государством той или иной степени *благополучия*, которое может быть определено как «состояние, характеризуемое отсутствием внутренних и внешних препятствий для обеспечения национальных ожиданий»[5].

На основе обеспечения безопасности и благополучия объективно появляются реальные возможности для определения национальных интересов и их реализации в соответствии с имеющимися возможностями во всех сферах жизнедеятельности. В этом случае, реализуя в ходе исторического развития свои национальные интересы, то или иное государство стремится к достижению *процветания*, которое правомерно определить «как состояние, характеризуемое отсутствием внутренних и внешних противодействий для реализации национальных интересов»[6].

Перед Россией ныне стоит задача выработки стратегии опережающего экономического и научно-технического развития, способной обеспечить национальную безопасность в условиях новых вызовов и угроз XXI века, особенно

[1] Лисовой В.М. От войны к миру: основы стратегии развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – С. 46.
[2] Там же, с. 48.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

после вхождения Крыма в состав Российской Федерации, обострения международной ситуации и ужесточения западных санкций[1].

Причем данная стратегия должна быть направлена, прежде всего, на решение «наболевших» проблем России с точки зрения общепринятого понимания принципов социальной справедливости[2]. «Историческая духовная традиция русского народа предопределяет *стержневую роль принципа социальной справедливости* в любой идеологической конструкции инвариантно к политическому, экономическому и социальному устройству общества, – подчеркивает академик С.Ю. Глазьев. – Нарушение императива социальной справедливости делегитимизирует государственную власть в глазах народа, влечёт дезинтеграцию общества, социальный протест и революцию. Так было в 1917 году в православной Российской империи, то же произошло в 1991 году в СССР... Неспособность государства обеспечить социально справедливое распределение национального дохода, чрезмерное социальное расслоение раскалывают общество на враждующие классы вне зависимости от идеологических скреп. Для современной России, не обременённой какой-либо общенародной идеологией, эта угроза более чем актуальна»[3].

«Наболевшие» проблемы России

Западные санкции наглядно показали, что нынешнее кризисное состояние экономики России не гарантирует ни стабильности, ни суверенитета, ни безопасности, ни благополучия, ни процветания, ни социальной справедливости. Падение цен на нефть с 2014 г. вызвало тяжелый кризис (в результате чего резко сократился ВВП РФ). Очевидно, что России нужна новая инновационная экономика: с конкурентоспособной промышленностью, новейшими технологиями, передовыми образованием и наукой, эффективным сельским хозяйством, развитой сферой услуг, современными вооруженными силами. Однако в условиях продолжения неолиберального политического курса новая российская экономика не может быть сформирована.

Дело в том, что нынешний правящий и имущий класс в России – 10–15% («реально страной руководит около 80 человек»)[4], который обслуживает фактически интересы глобального капитала, продолжает отстаивать неолиберальные ценности и ориентироваться на Запад. Причем в стране процветает *коррупция,* которая стала нормой практически во всех сферах жизнедеятельности современной России[5], а также «мега-воровство», чем в значительной степени объясняется *криминализация* нашей экономики. Если в бывшем СССР процент воровства достигал 12–14%, то ныне от 50 до 70%[6] (что, по мнению специалистов, свидетельствует о необходимости восстановления института конфискации имущества осужденных за крупное воровство и махинации).

Известно, что колоссальная собственность отечественного *олигархата* возникла путем приобретения практически за бесценок в 1990-х гг. мощных государственных производств, созданных в советскую эпоху. Основными источниками его обогащения является *природная рента* от использования природных ресурсов, что сочетается с амортизацией основного производственного фонда и эксплуатацией человеческого капитала.

Доказано, что ни революций, ни массовых протестов не будет, если разница в доходах высшей и низшей групп в обществе не превышает 1:5, 1:6. А у нас она, по одним данным, достигает 1:25, по другим – 1:60[7]. Причем в России существует чудовищное *сверхнеравенство*[8]. «Либерализм в России установился всего лишь четверть века назад, а по числу миллиардеров Россия уже одна из первых в мире»[9]. Причем в 2000 г. миллиардеров в России еще не было. К 2003 г. их было 17, в 2008 г. – уже 87, в 2013 г. – 110, в 2014 г. – 121. В 2015 г. в результате введения западных санкций и падения цен на энергоресурсы их число сократилось до 88. На 1% самых богатых российских граждан приходится 71% национального богатства. Для сравнения: в дореволюционной России «1% населения владел около 30% национального богатства»[10]. В результате современная Россия по *неравенству* распределения богатства занимает ныне первое место среди развитых стран[11].

При этом только в России действует *плоская шкала подоходного налога* в 13%, что не имеет аналогов в мире. По оценке академика С.Ю.Глазьева, «отказ от архаичной квазифеодальной системы налогообложения в пользу совре-

---

[1] См.: Крылова И.А. Проблема обеспечения национальной безопасности в условиях санкций против России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 10. Часть I (Мат-лы XV Межд. науч. конф. «Модернизация России: ключевые проблемы и решения. 18-19 декабря 2014 г.). – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 316–321.

[2] См.: Крылова И.А. Проблема социальной справедливости в глобальном контексте // Знание. Понимание. Умение. 2011. – С. 56–63.

[3] Аналитические материалы. Авторский доклад Изборскому клубу академика С.Ю.Глазьева. – https//izborsk-club.ru/6451

[4] Иванов В., Малинецкий Г. Наука и войны будущего (доклад Изборскому клубу) // Изборский клуб. 2015. – № 5 (29). – С. 15.

[5] См.: Тавокин Е.П. Коррупция в органах власти // Вестник РАН. – М., 2014. – № 6. – С. 525–526.

[6] Институциональная экономика отвергает рыночный фундаментализм. Обсуждение научного сообщения // Вестник РАН. – М., 2013. – № 8. – С. 682.

[7] Общественное и индивидуальное: возможна ли гармония? Обсуждение научного сообщения // Вестник РАН. – М., 2010. – № 7. – С. 606.

[8] См.: Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Превосходство, присвоение, неравенство. – М.: Научный эксперт, 2013.

[9] Голубев В.С. От конвергенции капитализма и социализма к социогуманизму (естественно-гуманитарный синтез) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН ИНИОН, Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. 1. – С. 25.

[10] Аналитические материалы. – https//izborsk-club.ru/6451

[11] См.: Сдасюк Г.В. Ключевые проблемы России в свете повестки ООН устойчивого развития до 2030 г // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН ИНИОН, Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – С. 81.

менной ориентированной на социально-экономическое развитие по аналогии с "развитыми демократиями" даст увеличение доходов бюджета на 5 трлн. руб.»[1]. Однако Правительство РФ во главе с премьер-министром Д.А. Медведевым отказывается вводить *прогрессивную шкалу налогообложения доходов и имущества*. В результате, разрыв в уровнях доходов населения России только расширяется, усиливая недовольство и социальный протест населения.

Так как российская экономика имеет «*офшоризированный»* характер, практически вся российская промышленность зависит от иностранного капитала (включая и формально иностранный капитал российских граждан) и управляется из-за рубежа, преимущественно через офшорные юрисдикции. Многие производства находятся на территории России, но юридически ей не принадлежат. Однако между западной и российской моделью офшоризации существует серьезная разница. В первой модели в офшоры выводятся лишь прибыли, что создает проблемы только фискального характера. Во второй – не только прибыли, но и активы, что создает *угрозу полной утраты всей отечественной экономики.* Опасность офшоризации российской экономики состоит, прежде всего, в недополучении налоговых доходов. «Бегство капитала» из России фактически «лишает страну важного источника накопления капитала, который мог бы быть инвестирован в модернизацию экономики и процесс социально-экономического возрождения России на инновационной основе»[2]. По существующим оценкам, «в оффшорных финансовых центрах накоплено российских финансовых ресурсов на сумму свыше 5 трлн. долларов, в том числе, примерно 1 трлн. долларов размещен на банковских депозитах и около 4 трлн. накоплено в виде ценных бумаг, недвижимости и других формах собственности»[3]. Но главные угрозы, с которыми сталкивается государство, связаны «с утратой контроля над стратегическими активами в ТЭКе, металлургии, машиностроении, сборочных производствах и, следовательно, с *потерей управления экономикой*. Чрезвычайно высокий, на фоне других развитых стран, уровень офшоризации российской экономики создает *прямую угрозу безопасности и обороноспособности страны*»[4].

Показательно, что *по вывозу капитала* Россия также занимает первое место в мире, что представляет не меньшую *угрозу национальной безопасности*. Ежегодно на вывозе капитала российская экономика теряет около 150 млрд. долларов. Эксперты дают разные оценки вывоза капитала за первое двадцатилетие новой России: от 1 до 7 трлн. долларов[5]. К сожалению, объявленная Президентом РФ В.В. Путиным с 1 июля по 31 декабря 2015 г. амнистия капиталов не дала практических результатов (поэтому ее действие с внесением дополнительных поправок предполагается продлить). «Вопреки ожидаемому эффекту от законодательной инициативы по деофшоризации бизнеса, многие богатые бизнесмены предпочли совсем удалиться из российской юрисдикции, а не стать добросовестными налогоплательщиками»[6]. Российские же «денежные власти», несмотря на крайне тяжелую финансово-экономическую ситуацию в стране в условиях западных санкций, отказываются от введения каких-либо ограничений на трансграничный вывоз капитала. Как справедливо пишет С.Глазьев, проводимая Банком России политика фактически «стимулирует офшоризацию и компрадоризацию российского бизнеса»[7]. Поскольку Центральный банк РФ обслуживает интересы Запада (подчиняясь МВФ), и не выполняет функции регулятора валютного курса, объем российских капиталов в офшорах будет расти ежегодно примерно на 10,2% до 2019 г.

Естественно, при ускорении «бегства капитала» из страны, уровень и качество жизни большинства населения снижается. Известно, что с начала 1990 г. в результате «шоковой терапии» в новой России убыль населения в мирное время превысила 15 млн. человек (что сопоставимо с потерями населения СССР в годы Великой Отечественной войны). При численности русского населения около 120 млн. человек ежегодная убыль составляла порядка одного миллиона. Причем речь шла, прежде всего, о вымирании государствообразующего этноса – русских[8]. Переход от естественной убыли населения к естественному приросту в России был отмечен лишь в июле-ноябре 2012 г. (отчасти благодаря государственной политике по стимулированию рождаемости). Однако ныне на демографическое развитие негативно влияет существующий в России высокий уровень сверхнеравенства[9], при сохранении которого, по словам член-корреспондента РАН Н.М. Римашевской, «преодолеть негативную динамику *смертности населения* не удастся»[10]. К сожалению, принимаемые в последние годы государством меры по увеличению рождаемости (включая так называемый «материнский капитал»), носят слишком запоздалый характер. Они никоим образом не могут уменьшить скорость *вымирания коренного населения России,* которое представители власти предпочитают заменять мигрантами из других стран, что представляет *угрозу национальной безопасности*[11].

---

[1] Аналитические материалы. – https//izborsk-club.ru/6451

[2] Андрианов В.Д. Причины, масштабы и экономические последствия оттока капитала из России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН ИНИОН, Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – С. 101.

[3] Там же, с. 108.

[4] Деофшоризация российской экономики. Доклад. Изборский клуб. 2015. – http://www.dynacon.ru/content/articles/2700/

[5] Иванов В., Малинецкий Г. Указ. соч., с. 20.

[6] Аналитические материалы. – https//izborsk-club.ru/6451

[7] Глазьев С. Украинская катастрофа. От американской агрессии к мировой войне? – М.: Книжный мир, 2015. – С. 82.

[8] См.: Крылова И.А. Россия в условиях глобализации: новые угрозы // Философские науки. – М., 2016. – № 4. – С. 37–38.

[9] Шевяков А.Ю. Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. – М., 2008. – № 4. – С. 304–314.

[10] Сверхвысокое неравенство реальная угроза стабильности общества. Обсуждение научного сообщения // Вестник РАН. – М., 2008. – № 4. – С. 316.

[11] См.: Крылова И.А. Миграция в Россию: опасности и угрозы // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 10, ч. I. Материалы XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения 18–19 декабря 2014 г.)». – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 310–315.

Очевидно также, что сбережение нации немыслимо при нынешних мизерных затратах на общественное здравоохранение (советская система которого была разрушена). В настоящее время Россия значительно отстает от западных стран. В 2010 г. их доля в ВВП России составляла (% ВВП) – 3,5; в Великобритании – 8, Германии – 8,8, Канаде – 8, Франции – 9. Соответственно в этих странах средняя продолжительность жизни составляла 80-83 года, а у россиян в 2015 г. – лишь 71 год. Поэтому в сфере отечественного здравоохранения ситуацию кратко можно охарактеризовать следующим образом: «*Коммерциализация медицинской помощи* означает отказ от великой идеи охраны здоровья народа как долга российского государства перед гражданами»[1]. Сохранить и приумножить население России в условиях кризисной социально-экономической ситуации, падения доходов и роста бедности в стране, недоступности платных медицинских услуг (включая лекарства) для большинства населения, практически нереально.

Как известно, ключевым показателем определения уровня *бедности* является *прожиточный мини*мум. Согласно статистике, бедность в России продолжает усиливаться: в 2015 г. доход ниже прожиточного минимума имели 16% населения, численность которого достигла 23 млн. человек (и по прогнозам, она увеличится еще на треть). Причем по определению Трудового Кодекса РФ, величина прожиточного минимума является основой для установления минимального размера оплаты труда (МРОТ). Правительство РФ заверяло, что минимальный размер оплаты труда в ближайшие годы должен сравняться с уровнем прожиточного минимума. Однако вопреки обещаниям МРОТ, составлявший 55,5% прожиточного минимума (9662 руб.) в 2015 г., в 2016 г. еще более снизился – до 53,6%. По оценкам экспертов, при сохранении нынешнего неолиберального курса социально-экономического развития России, рост бедности населения будет продолжаться, как и понижение уровня и качества жизни. «Падение доходов большинства граждан до прожиточного минимума и ниже неизбежно повлечет обострение социальных противоречий и поставит вопрос о *несправедливом распределении национального дохода и богатства*»[2].

Парадокс в том, что Россия, обладая огромным *природным богатством*, которое создает все предпосылки для ее «устойчивого развития», не может обеспечить процветание государства и благополучие своих граждан. Согласно данным НИИ статистики Госкомстата РФ, российское национальное богатство (включая экономические и природные ресурсы), оценивается в 40 трлн. долларов. Но в 1990-е г. сознательная политика деиндустриализации страны привела к примитивизации структуры производства и односторонней *топливно-сырьевой ориентации*, в результате чего Россия стала крупнейшим в мире производителем и экспортером энергоресурсов, бюджет которой напрямую зависит от экспорта углеводородного сырья. В 2015 г. на фоне низких цен на нефть наша страна установила рекорд добычи нефти – 534 млн. т. (на 1,4% больше, чем в 2014 г.), ее экспорт вырос на 10,6% и достиг 220,3 млн. т. Однако, как показывает практика, наличие углеводородов является не только двигателем, но и тормозом развития. Российские ученые давно предупреждали об опасностях зависимости от «нефтяной иглы» и необходимости изменения не только энергетической политики, но кардинальной смены существующей социально-экономической модели. Речь идет о стратегии опережающего экономического и научно-технического развития России в XXI веке.

Стратегия опережающего экономического и научно-технического развития России

В условиях западных санкций стало очевидно, что экономическая политика России, направленная преимущественно на использование сырьевого потенциала страны, исчерпала свои возможности. В то же время, несмотря на то, что в качестве *стратегического направления* России обозначен переход на *инновационный путь развития*, около половины доходов бюджета до сих пор даёт нефтегазовый сектор экономики. Между тем по оценке специалистов РАН, во всем мире топливно-энергетические корпорации, включая российские, не входят в список фирм, определяющих основные отрасли экономики XXI века. По мнению российских специалистов, пополняемость российского бюджета «можно будет обеспечить в основном за счет отраслей, в которых в настоящее время зафиксировано наибольшее число эффективных *научно-технических разработок*»[3]. Для России – это три перспективных технологических кластера: *биотехнология, машиностроение и металлургия,* на базе которых возможна модернизация и построение экономики, основанной на знании[4].

Не меньшее значение для *опережающего развития* имеет новый сектор мировой экономики, основанный на применении в производстве, прежде всего, в сфере энергетики экологически чистых технологий, а также на мониторинге и прогнозировании возможных последствий той или иной экономической и хозяйственной деятельности для человека и окружающей среды, так называемой *«зеленой»* экономике. Согласно экспертам ЮНЕП ООН, в широком смысле под «зеленой» экономикой понимается хозяйственная деятельность, которая «повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и обеднение природы»[5]. Если говорить о масштабах «зеленого» сектора экономики в мире, то они пока еще небольшие. Так, общая стоимость производимой продукции и услуг в этом секторе оценивается в 2 трлн. долл. или 2,7% мирового ВВП, прибыль – в 530 млрд. долл., занятость – около 10 млн. человек. Но уже в ближайшем будущем в условиях глобального изменения климата на планете и жестких экологических ограничений при переходе к новому VI технологи-

[1] Батчиков С., Кара-Мурза С. От здравоохранения к продаже медицинских услуг // Экономические стратегии. – М., 2013. – № 3 (111). – С. 18.

[2] Аналитические материалы. – https//izborsk-club.ru/6451

[3] См.: Грачев И.Д., Некрасов С.А. Управление инновационным развитием экономики России: новый подход // Вестник РАН. – М., 2011. – Т. 81, № 5. – С. 429.

[4] Там же, с. 427.

[5] Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Обобщающий доклад для представителей властных структур. Резюме. – Найроби: ЮНЕП, 2011. – С. 50.

ческому укладу «зеленая» экономика будет играть все большую роль. К 2050 г. прогнозируется трансформация мирового хозяйства в «зеленую» – низкоуглеродную, ресурсоэффективную экономику. Предполагается, что ежегодное инвестирование в нее до 2050 г. может составить около 1,3 трлн. долл.[1]. К сожалению, сектор «зеленой» экономики в России практически не развит.

Между тем, в странах-лидерах технологического развития идёт ускоренный переход к *VI технологическому укладу*, локомотивными отраслями которого называют те, которые опираются на биотехнологии, робототехнику, нанотехнологии, новое природопользование, полномасштабные технологии виртуальной реальности, высокие гуманитарные технологии, новую медицину, когнитивные технологии. Технологической основой этого нового этапа технологического развития являются *конвергентные технологии* SocioCognitoBioInfoNano (SCBIN) (термин подчёркивает, что сочетание из нескольких типов данных технологий может дать новые качества). Советник Президента РФ С. Глазьев считает, что за последнее десятилетие, несмотря на кризис, «идет устойчивый и быстрый рост ядра нового технологического уклада, состоящего из комплекса сопряженных нано-, био- и информационно-коммуникационных технологий, что создает материальную основу нового длинноволнового подъема экономики»[2]. Как правило, именно в такие периоды глобальных технологических сдвигов появляются возможности, которые позволяют менее развитым странам совершить «технологический» рывок. Поэтому могут преуспеть те страны, которые быстрее других выйдут на траекторию роста нового технологического уклада. Это непосредственно касается России, ключевая идея стратегии развития которой в XXI веке заключается в *опережающем* становлении базисных производств VI технологического уклада и скорейшем выводе отечественной экономики на связанную с ним новую длинную волну роста. Имеющиеся заделы в сфере атомной, ракетно-космической, авиационной и других наукоемких отраслей промышленности, в молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологиях дают России реальные возможности для *опережающего перехода* к новому технологическому укладу и шансы на лидерство в соответствующих направлениях формирования новой длинной волны экономического роста[3].

В то же время, если России в ближайшие годы не удастся совершить технологический прорыв в освоении базовых производств нового технологического уклада, то «наше отставание от передовых стран начнет быстро возрастать, а экономика еще на 20-30 лет окажется запертой в ловушке догоняющего развития, сырьевой специализации и неэквивалентного внешнеэкономического обмена. Нарастающее технологическое отставание *подорвет систему национальной безопасности и обороноспособность страны…*»[4]. Разумеется, возможности развития экономики России зависят не только от внешних факторов, но и от внутренней экономической политики. Одним из главных условий выхода российской экономики на траекторию опережающего экономического роста является наличие *национальной стратегии долгосрочного развития,* которая предполагает проведение системной научно-технической и структурной политики по созданию новых научно-производственных комплексов VI технологического уклада, а также стратегическое мышление при формировании и реализации данной политики. Успешность данной стратегии зависит от эффективной работы национальной финансово-инвестиционной системы по обеспечению перетока капитала в развитие новых производств и опирающейся на *внутренние источники кредита*, что требует суверенизации денежно-кредитной политики в России[5].

Не менее важно для России при решении поставленных задач усиление *взаимодействия науки и политики* при широких общественных дискуссиях. Это необходимо для научного обоснования *стратегии опережающего экономического и научно-технического развития* России в новом столетии. Известно, что в новом столетии состояние и уровень развития интеллектуального и научно-технического потенциала общества являются одним из показателей его мощи и степени модернизации. Поэтому в новом столетии в большинстве развитых стран такая непроизводственная сфера экономики как образование и наука объявлены высшим приоритетом государства. Нация же, не способная реализовать интеллектуальный и научно-технический потенциал, имеет тенденцию к разрушению и деградации. В России в 1990-е гг. по существу под давлением Запада начался и продолжается до сих пор процесс уничтожения отечественного образования и науки[6]. В результате мы добровольно встали на путь саморазрушения нации.

Между тем, второе десятилетие XXI века знаменует переход от однополярного к многополярному миру, в котором складываются четыре главных центра научного прогресса: США (35% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский союз (24%), Япония и Китай (примерно по 12%)[7]. В условиях формирования «общества знаний», в котором огромное значение имеет наука и инновации, роль центров силы в глобализирующемся мире могут играть только державы, обладающие мощным научно-техническим потенциалом. На Россию же приходится менее 2% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности. То есть, Россия отстает от США по расходам на НИОКР в 17 раз, от Европейского союза в 12 раз, от Китая в 6,4 раза, от Индии в 1,5 раза.

---

[1] Порфирьев Б.Н. «Зеленая» экономика: общемировые тенденции развития и перспективы // Вестник РАН. – М., 2012. – № 4. – С. 328.

[2] Глазьев С. Указ. соч., с. 231.

[3] Там же, с. 234.

[4] Там же, с. 232.

[5] Глазьев С. Указ. соч., с. 239–249.

[6] См.: Крылова И.А. Реформа РАН: к истории вопроса (Реформирование РАН или разгром Отечественной фундаментальной науки) // Императорская академия наук и художеств, Академия наук СССР, Российская академия наук – триединая академия. К 290-летию основания РАН. Сост. и отв. ред. Д.В. Джохадзе. – М., 2016. – С. 715–740.

[7] См.: Рогов С.М. Россия должна стать научной сверхдержавой // Вестник РАН. – М., 2010. – № 7. – С. 579.

В настоящее время все ведущие страны мира – США, Япония, Германия, Великобритания, Китай, Бразилия и Индия – имеют продуманную *стратегию научно-технического развития*, направленную на увеличение государственных инвестиций в НИОКР в приоритетных отраслях; стимулирование внутреннего спроса на высокотехнологичную продукцию; принятие комплексных мер по поощрению инновационной активности частного сектора, а также на подготовку квалифицированных научных и инженерно-технических кадров, на которую выделяются значительные финансовые средства. Это означает, что вхождение России в число лидеров глобального научно-технического развития требует *ускоренной* выработки государственной стратегии поддержки НИОКР и инноваций. Причем для реализации стратегии научно-технического развития России до 2020 г. расходы на НИОКР должны быть не менее 3% ВВП – 75% от уровня лидеров по затратам на одного исследователя, чтобы обеспечить в среднем выделение средств в размере 70–80 млрд. долл. в год в постоянных ценах. К середине XXI века вложения в НИОКР должны составлять 4–5% ВВП (100–200 млрд. долл. в год в постоянных ценах)[1]. Только в этом случае Россия вновь может стать *научной сверхдержавой* – одним из центров силы в формирующемся многополярном мире в XXI веке.

Исходя из этих прогнозов, планировалось, что динамика финансирования научных исследований и разработок в РФ будет опережать прирост макроэкономических показателей и объем средств к 2020 г., выделяемых на науку, достигнет 3% от ВВП. Как было заявлено премьер-министром РФ Д.А. Медведевым, реализация данной программы «должна помочь обеспечить конкурентоспособный уровень фундаментальных научных исследований, создать задел на приоритетных направлениях научно-технологического развития страны, развить университетскую науку и сформировать единую инфраструктуру исследований и разработок. И, наконец, укрепить статус России как научной державы»[2]. Однако, если в 2012 г. доля расходов на научно-исследовательскую деятельность в России составила 1,1% ВВП, то в федеральном бюджете на 2016 г. на «гражданскую» науку было выделено 0,3% ВВП (вместо 1,77%, о которых говорил Президент РФ). То есть, всего 308 млрд. руб. (на 52 млрд. меньше, чем в 2015 г.) Получается, что по сравнению с 2012 г. (когда только началось реформирование РАН) финансирование упало в три раза[3]. «Если в стране вкладывают меньше 1 процента ВВП в науку, – заявил на пленарном заседании Совета Федерации сенатор от Бурятии, член-корреспондент РАН, директор Байкальского института природопользования СО РАН, член ученого совета Российского географического общества Арнольд Тулохонов – ее можно вообще закрывать»[4].

Отсюда следует лишь один вывод: при таком отношении к отечественной фундаментальной науке невозможна ни модернизация, ни переход к опережающему экономическому и научно-техническому развитию, ни обеспечение национальной безопасности России в условиях нарастания новых вызовов и угроз в новом столетии.

[1] Рогов С.М. Указ. Соч., с. 590.

[2] Штукина Е. Объем финансирования науки в РФ достигнет к 2020 году 3% от ВВП // РИА новости. 01.11.2012. – http:// www. rian.ru/docs/about/copyright.html

[3] Член Совфеда «Финансирование науки упало до уровня Конго или Афганистана». – http://www.mk.ru/places/rossiya/

[4] Там же.

Кукарцева М.А.[1]

МОДИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК СРЕДСТВО ТРАНСФОРМАЦИИ РИТМОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: *политический дискурс, драйверы, триггеры, политическая коммуникативистика.*

Введение

Значения и смыслы в мировой политике всегда производятся, а не находятся. Изменения в ней происходят одновременно и разнонаправлено, что делает политическую систему мира неустойчивой. Это свидетельствует о том, что в мировой политике нужно мыслить нелинейно, в дискурсе отклонений от логических ожиданий. Такой дискурс – политический дискурс (далее ПД) – теория и практика политической коммуникации и политической лингвистики – может быть как драйвером, оптимизирующим эффективность системы, так и триггером, «переключателем», стимулирующим выбросы накапливающихся внутренних изменений системы как оптимизационных, так и разрушительных, возможно кардинально меняющих мировой баланс сил. Например, дискурсы отдельных политических событий, таких как «Крымнаш», стали драйвером консолидации «Русского мира», но триггером мировой политики, открывшем шлюзы передела силы и ревизии мировой системы, сложившейся после «холодной войны». Межнациональная метафора «общеевропейский дом» – стала драйвером строительства ЕС, но триггером, включившем сигнал нарастания внутриполитической напряженности в ЕС эпохи миграционного кризиса. Модификации ПД несут многочисленные риски, при неудачном стечении обстоятельств они могут серьезно усугубить факторы, толкающие систему к изменениям.

Методология

В 50–60 гг. XX века в общем восприятии индивидуальных и мировых событий и в «говорении» о них обозначился так называемый риторический поворот или поворот к риторике, означающий отход от «сухой логики», монологического изложения истины. На первый план вышла идеи коммуникации как обмена информацией вообще, а истину теперь было предложено искать в диалоге как свободном обмене мнениями, независимо от интеллектуальных и политических позиций участников диалога. В принципе, схожий взгляд на вещи был предложен еще дзен-буддистами – коаны как альтернативный дискурс. Его смысл – рассуждение по правилам, отличающимся от правил формальной логики, переход в рамки иной аргументации. Это означает, что нет единственно правильного способа говорения о мире. Язык произволен в своем отношении к миру. **Значения и смыслы мира всегда производятся, а не находятся,** они не лежат где-то в прохладном месте. Следовательно, язык – это механизм репрезентации, который создает модель реальности в сознании читателей/зрителей/граждан. В этой связи в докладе статье использованы такие инструменты дискурс-анализа, как анализ макроструктуры Т. ван Дейка[2], гипотеза Э. Сепира и Б. Уорфа о том, что социальная реальность конструируется и категоризируется в языке[3]. Автор прибегал также к теории репрезентации и нарратива, разработанной в трудах Ф. Анкерсмита, Х. Уайта[4], а также к теории эмного и этного К. Пайка[5].

Дискурс миграционного кризиса ЕС как триггер мировой политики[6]

Политический класс Европейского союза исходил и исходит из принципа самореферентности (самоорганизации) системы, запустившейся с момента заключения Брюссельского пакта и Генерального соглашения о привилегиях

[1] Марина Алексеевна Кукарцева – д.филос.н., профессор Дипломатической академии МИД России. E-mail: mkukartseva@gmail.com

[2] Dijk T. van. Discourse as structure and Process. – L.: Sage, 1997; Dijk T. van. Discourse as social interaction. – L.: Sage, 1997;

[3] Sapir E. Language, Culture and Personality // Selected Writings of Ed . Sapir. – Berkely; Los Angeles: University of California Press, 1949; Whorf B. The Relation to Habitual Thought and Behavior to Language // Classic Contribution to Social Psychology. – N.Y. etc.: Oxford University Press, 1972.

[4] White H. The Politics of Historical Interpretation: Discipline and De-Sublimation; Ankersmit F. Trauma and Suffering: A Forgotten Source of Western Historical Consciousness // Western Intellectual Debates. – N.Y., 2002.

[5] Pike K. Etic and Emic Standpoints for the Description of the Behavior // Language and thought: an enduring problem in the psychology. – Princeton (N.J.): D. Van Norstrand Company, 1967. – P. 32–39.

[6] См. об этом: Кукарцева М. Рациональность и коммуникация // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2016. – Вып. 55, апрель. – http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk__55._aprel_2016_g./ kommunikazionnii_menedjment_i_strategitcheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/kukartseva.pdf

и иммунитетах Совета Европы[1]. Он продолжает функционировать даже после подписания «Лиссабонского договора, изменяющего Договор о Европейском союзе и Договор, учреждающий Европейское сообщество»[2]. Лиссабонский договор – вторая попытка, после Лаакенской декларации 2001 г.[3] и Европейской конституции 2004 г.[4] утвердить Конституцию ЕС, с символическими уступками евроскептикам и сторонникам национального суверенитета. Создатели Договора больше не решились широко прибегать к народным голосованиям (как известно, специально для этого организованные референдумы во Франции и Нидерландах в 2005 г. закончились отрицательным результатом). Референдумы по одобрению Лиссабонского договора были проведены только в Ирландии в 2008 и 2009 гг. (эта обязанность была закреплена в Конституции страны), причём в 2008 г. свыше 53% ирландцев высказались отрицательно, а в 2009 г. уже 67% , то есть 20% жителей страны за весьма короткое время переменили своё мнение на противоположное. Но Договор всё-таки был ратифицирован всеми странами-членами ЕС. С тех пор легитимность Лиссабонского договора находится под большим вопросом. Вполне вероятно, что референдумы, если бы они были проведены в то время в других странах ЕС, закончились бы провалом. Уже тогда было ясно, что как и в 1952 г.[5] архитекторы ЕС, исходя из принципа абсолютистской версии рациональной коммуникации, неверно оценили интеграционный потенциал Европы. Однако Лиссабонский договор был принят и сейчас является последней версией бессрочного договора ЕС, определяющей ключевые тезисы интеграционного процесса Союза.

В ситуации с миграционным кризисом ЕС повторил все ту же ошибку: продолжал воспринимать в качестве абсолютно рационального принцип единства и безальтернативности универсальных европейских ценностей (свободы слова и передвижения как базовых механизмов современной политики), принцип «общеевропейского дома» как базовую метафору наднационального политического дискурса. Вместо того, следовало бы перейти к реализации коммуникативной рациональности, учитывающей новый политический *контекст, ведущий к формированию нового смысла самого ЕС* и, в итоге, к пониманию необходимости выработки нового, корректированного, внешнеполитического курса и новых политических установок. Если этого не сделать, то общественность в большинстве стран всё меньше будет уверена в честности и компетентности избранных ею руководителей. Сами граждане будут убеждены в том, что их мнения оказывают мало влияния на действия их правительств. Сегодня к этому добавилась и ситуация с Brexit – британские граждане сказали нет Европейскому союзу. Европейские лидеры должны искать пути ограничения понесённого ущерба от выхода Британии .Тем более, что пространство для такого «поворота» у ЕС остается, ведь Лиссабонский договор закрепил достигнутый уже ранее баланс сил – Европейский Союз имеет средства и права для достижения общих целей, но, в то же время, суверенитет государств-членов по вопросам, затрагивающим национальные интересы, не подвергается сомнению.

Внешнеполитический дискурс России и США

Идея США об абсолютном лидерстве с практически неограниченными возможностями, сформировались в результате целого ряда исторических причин – отсутствия войны на своей территории, особого статуса доллара как мировой валюты, неверной оценки итогов Холодной войны, Это заметно снижает эффективность деятельности, и в конечном итоге делает США своего рода вызовом мировому сообществу и подтверждает гипотезу Кеннета Пайка об эмном и этном подходах к дискурсу.

Эмный, внутренний, эндогенный подход использует язык описания обитателей самой системы. Этный, внешний, критический, экзогенный подход использует язык описания внешнего (но не всегда нейтрального) наблюдателя. Неспособность объединить эти подходы привела, например, к украинскому кризису. Борьба между «Западом» и Россией за Украину завершилась проигрышем всех сторон. Каждая из них исходила исключительно из эмного подхода.

Так же очевидно в этом контексте, что в ряде случаев во внешнеполитическом дискурсе сложно вырваться из рамок эмного. Если рассуждать категориями геополитики, то взаимоотношения России и Европы можно объяснить с точки зрения двух цивилизационных платформ-островов и находящихся между ними лимитрофных территорий-проливов, которые примыкают то к одному Острову (Россия), то к другому (Европа). Однако территории проливов неоднородны и нужно уметь отделять от лимитрофа «шельф»- исторически более тесно связанные с Островом территории. Шельф Острова России — Восточная Украина, Крым, территории южного Закавказья и Центральной Азии. Это территории, органически связанные с Островом, откуда России нельзя уходить, даже когда она ушла с самих проливов. Россия всегда будет исходить в этом случае из эмного подхода к формированию своего внешнеполитического дискурса, рождая как драйверы так и триггеры в мировой политике. Точно так же США всегда будет следовать эмному подходу, защищая от распада Pax Americana.

---

[1] Treaty of Economic, Social and Cultural Collaboration and Collective Self-Defence. 1948. – www.nato.int/cps/ar/SID-3CAB5911-B539B88A/natolive/official_texts_17072.htm; General Agreement on Privileges and Immunities of the Council of Europe. 1949. – conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/002.htm

[2] Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community. 2007. – eurex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=oj:c:2007:306:full:en:pdf

[3] Laeken Declaration of the Future of European Union. 2001. – european-convention.eu.int/pdf/lknen.pdf

[4] Treaty establishing a Constitution for Europe. 2004. – eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=oj:c:2004:310:full:en:pdf

[5] Парижский договор о создании Европейского Объединения Угля и Стали.

Китайская контрстратегия мирового лидерства

Прямо противоположный пример – китайская контрстратегия лидерства, столь блестяще продемонстрированная на саммите G 20 в Ханчжоу. Китайцы поставили себе целью институционализацию нового Евразийского партнёрства и начали реализовывать автономную от бреттон-вудских институтов стратегию. «В прошлые годы она выражалась в создании принципиально новых международных инвестиционных институтов, таких, например, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. В них предусматривается гораздо более широкое участие развивающихся стран, чем в МВФ, и при этом очевидно китайское лидерство[1]. При этом коммуникативная рациональность Китая заключается в том, что он признает и понимает необходимость укрепления своих стратегических тылов в Большой и Малой Евразии. Отсюда курс на укрепление доверия между странами, сопряжение многосторонних интересов. При этом, безусловно, Китай не забывает о своих национальных интересах, рассуждая о необходимости справедливого распределения власти и позиций в мировом сообществе, он прежде всего «заботится» о себе в новом качестве – мирового лидера. Все это свидетельствует о том, что коммуникативная рациональность – просто один из бесстрастных механизмов политических технологий: ее можно использовать как во имя политического блага, так и в целях политической выгоды.

ПД России в Сирии

Политика России в Сирии является одним из главных драйверов, обусловливающих изменения системы мировой политики. Эта система сейчас реактивна, у нее мало собственной внутренней энергии, носителями которой являются политические элиты государств, очевидно переживающие поколенческий кризис. Решение об участии России в сирийском кризисе, помимо очевидных причин, обусловленных соображениями национальной безопасности страны и задач обеспечения гуманитарной безопасности в Сирии, было продиктовано и возможностью начать новый диалог с «Западом», закрывшим после украинского кризиса практически все каналы коммуникации. Внешнеполитический дискурс России направлен на оптимизацию механизмов построения реальной многополярной системы, которая характеризуется взаимозависимостью с учётом соблюдения прав человека в открытых обществах. Признавая, что применение военной силы имеет свои ограничения в Сирии и в остальной части региона, Россия видела возможность в реальном сотрудничестве с «Западом» перейти от нынешнего конфронтационного тона в международных отношениях к конструктивному взаимодействию. В этом заключалась квинтэссенциия стратегии российского внешнеполитического дискурса. Однако она попала в ловушку рациональности.– сингулярные решения в условиях сложного взаимодействия превращаются в иррациональные, и критерии логичности, линейности и нормативности перестают работать.

Эта же идея заключена и в «эффекте бумеранга» Дж. Сартори: адресат (не-запад) отторгает в целом рациональную идею автора, которую слишком часто получает в однообразных по форме сообщениях или вследствие недоверия к самому автору. В результате сам автор (Запад) начинает считать, что эта идея не применима теперь и к нему самому и начинает обряжаться в незападные одежды. «Обратная экстраполяция является ошибочной, и потребность в нахождении минимального общего знаменателя не дает нам права вводить примитивизм и аморфность в непримитивную среду»[2]. Это прямо отсылает, например, к дискуссиям по поводу применимости норм иной культуры , в том числе и политической в странах Европы.

Это подтверждает исходный тезис нашего доклада – в мировой политике нужно мыслить нелинейно, в дискурсе отклонений от логических ожиданий. Взяв на себя особую ответственность за гуманитарные аспекты конфликта и за демократическое будущее Сирии, Россия попала под подозрения в совершении гуманитарных преступлений. Приходится в этом случае действовать иррационально – ломать и строить заново. Показывая политическую готовность работать вместе с другими странами, Россия, несмотря на сложную ситуацию в собственной экономике, во многом в одиночку продолжает держать курс на выравнивание устойчивого развития стран региона, держа при этом двери для диалога с «Западом» открытыми.

Заключение

ПД имеет собственные законы своего формирования. С одной стороны, он не должен ничего добавлять к реальности, или к знанию о ней, ПД объективно привязан к определенным слоям реальности, с другой – он добавляет к картине реальности все, в чем нуждается политик для более полного понимания сложившейся ситуации. При этом особенность ПД состоит в том, что он часто связан с «пропозициональной установкой» политика: он *верит*, что его репрезентация рассматриваемого политического явления, события, периода разумна и правдоподобна, и нет никакой жесткой отметки, где он должен остановиться, двинуться дальше, отойти назад. Поэтому , на наш взгляд, ПД есть не способ *упорядочивания* беспорядка в репрезентации политической реальности, а наоборот- умение *допускать беспорядок и учиться у него.*

Политический дискурс как своего рода коммуникационный менеджмент играет растущую и неоднозначную роль в обеспечении международной и национальной безопасности. Из феномена ПД следует несколько практических уроков. Во-первых, это своего рода ассиметричное средство ведения военных действий, где одна сторона действует,

[1] Крук А. «Большая двадцатка» Си – один пояс, один круг. – http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-dvadtsatka-si-odin-poyas-odin-put/

[2] Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. 1970. – Vol. 64, N 4.

думает и организуется абсолютно иначе, чем противник, для того, чтобы максимизировать свои собственные преимущества. Это видно на примере сирийского кризиса. Во-вторых, атакующая стратегия ПД представляет собой нетрадиционные и новые методы атак в области политической коммуникации, которые противник не может воспринимать или понимать быстро и адекватно, что дает атакующему приоритет в политической борьбе.

В-третьих, в современной политической борьбе ПД стал инструментом культурно- политического расизма, с точки зрения которого представитель «цивилизованной» державы, отмеченной, как он полагает, печатью политического добра, достоин уважения мирового сообщества, а его оппонент, якобы носитель политического зла, нет.

В-четвертых, ПД требует незначительных физических усилий, поэтому имеет практически неограниченный потенциал совершенствования. Главное при этом, чтобы фобии не превалировали над разумом.

Лойко Л.Е.
к.филос.н., доцент Академии МВД Республики Беларусь
larisa.loiko@tut.by

ИНТЕНЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ОБЩНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ ГОСУДАРСТВ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: *Евразия, межкультурный диалог, ценности, Запад, историческая память, вторая мировая война.*

Keywords*: Eurasia, intercultural dialogue, values, West, historical memory, Second World War.*

Двусторонние отношения СССР с Турцией, Ираном, Афганистаном, Китаем, Японией рассматриваются нами в контексте исторического времени второй мировой войны. В двусторонних отношениях СССР и приграничных государств существовали вопросы, которые до настоящего времени не имеют однозначной интерпретации.

При рассмотрении двусторонних отношений СССР и евразийских государств, в годы второй мировой войны, мы учитываем интегрированность этих государств в международную политику. Активность западной дипломатии обеспечивала постоянное давление на евразийские государства в контексте их отношений с СССР.

В ходе второй мировой войны Турция строила дипломатические отношения с советской стороной, исходя из довоенных традиций. Важную роль в дипломатии Турции играл фактор новой истории, в рамках которого республика дистанцировалась от наследия Османской империи. Она приобрела евразийский статус и вынуждена была вести тонкую дипломатическую игру в форме баланса интересов Запада и СССР.

Турция восстановила отношения с Соединенным Королевством и Францией, невзирая на то, что в годы первой мировой войны она была на стороне Пруссии. Одновременно Турция поддерживала отношения с Германией. Внутренние события в этой стране рассматривались в контексте возможных угроз для самой Турции. В начале второй мировой войны был подписан англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи. Турции была гарантирована поддержка союзников. С целью повышения гарантии национальной безопасности Турция была готова заключить договор о взаимопомощи с СССР. Советское руководство не дало согласия на его подготовку и подписание. Оно опасалось, что договор может быть косвенно направлен против Германии. СССР заключил пакт о ненападении с этим государством.

Турция стала предметом особого внимания немецких властей, которые планировали разделить Турцию. Понимая масштабы угрозы, власти Турции решили добиться гарантий территориальной неприкосновенности. В 1941 году был подписан германо-турецкий пакт о дружбе и ненападении. Турция стремилась сохранить нейтралитет. В 1941 году турецкое правительство отказалось пропустить через свою территорию войска Великобритании и «Свободной Франции», а также лояльные Германии войска Франции. По факту нападения гитлеровской Германии на СССР Турция объявила о своем нейтралитете. За основу был взят Парижский договор 1925 года о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией.

Союзники по антигитлеровской коалиции были заинтересованы в сохранении нейтралитета Турции. Вступление Турции в войну на стороне Германии потребовало бы переброски войск, необходимых на других фронтах. Германия надеялась на союзническую миссию Турции в работе с военнопленными тюркского происхождения. Целью было привлечение их в военные подразделения коалиции фашистских государств.

Имел место факт формирования воинских частей из пленных представителей тюркских народов СССР. Сформированы туркестанский и волжско-татарский легионы. Германия фактически обманула турецкую сторону, поддерживая грузинских и армянских националистов во время наступления на Кавказе.

Самым трудным во взаимоотношениях Турции и СССР был 1942 год, когда у границ СССР находились многочисленные дивизии турецкой армии. Но приказа о пересечении государственной границы СССР так и не поступило, несмотря на наличие в Турции лояльных Германии политических сил. После разгрома немецкой армии под Сталинградом Турция окончательно убедилась в правильности избранной ею стратегии нейтралитета.

На тегеранской конференции премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил о желательности вступления Турции в войну на стороне союзных государств. Предполагалось открыть второй фронт на Балканах. В Каире состоялась встреча лидеров Соединенного Королевства, США и Турции. Турция отказалась предоставить аэродромы для базирования английских и американских самолетов и вскоре объявила о разрыве экономических и дипломатических отношений с Германией. Это означало объявление войны этому государству.

Советский Союз как победитель в европейской военной кампании настаивал на более активной кооперации военных усилий Турции и СССР в районе проливов. Вопрос о проливах обсуждался на Потсдамской конференции, но Сталин предложил отложить его и заняться другими проблемами[1].

[1] Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). – М., 1999.

Таким образом, в годы второй мировой войны Турция продемонстрировала приверженность евразийским ценностям. В сложных политических условиях она строила отношения с СССР на основе принципов нейтралитета.

Над политикой Ирана в период второй мировой войны довлело наследие колониальной эпохи. Поэтому Соединенное Королевство и Франция, представлявшие Запад не вызывали доверия. Опасения существовали и в отношении СССР с его коммунистической идеологией. На этом негативном фоне привлекательными оказались немецкие инвестиции в иранскую экономику. Имело место строительство железной дороги, соединившей центр и юг страны; Тегеран и Горган. Были построены мосты, элеваторы, промышленные предприятия. Но после нападения Германии на СССР Иран заявил о полном нейтралитете. Этому статусу не до конца верили британцы, поскольку в Иране оставались немецкие специалисты. В конечном итоге британцам удалось убедить СССР в необходимости ввода войск этих государств на территорию Ирана.

Ввод войск создал гарантии минимизации немецкого влияния в Иране. Была нейтрализована шпионская сеть Германии в этой стране. Это дало возможность успешно провести международную конференцию в Тегеране в 1943 году. Иранская сторона придерживалась нейтралитета, невзирая на то, что страна стала эпицентром столкновения интересов различных разведок и политических интересов.

В 1942 году был подписан договор между СССР, Великобританией и Ираном, гарантировавший его территориальную целостность. В 1943 году Иран объявил войну Германии. Иранская армия не участвовала в боевых действиях на фронтах второй мировой войны. Евразийский вектор оказался для Ирана более значимым, что устраивало СССР. Одним из элементов поддержки СССР стала созданная через территорию Ирана и порты Персидского залива логистика поставок оружия и технических средств. Еще одной формой поддержки СССР стали поставки нефти. Ввод войск Великобритании и СССР на территорию Ирана обеспокоил эту страну, но политические власти продолжали придерживаться добрососедских отношений в регионе.

В отношениях СССР и Афганистана в период второй мировой войны доминировали акценты, связанные с влиянием Германии. Немецкие советники и инструкторы работали в главном штабе страны. Они вели переподготовку афганского командного состава и занимали руководящие посты в полиции. Их представительство было на военных заводах. Они проводили аэрофотосъемку местности, модернизацию дорог в северных провинциях, граничащих с СССР. Германия предоставила Афганистану военный заем для закупки вооружения и боеприпасов. На вооружение афганской армии поступили немецкие винтовки, пулеметы, скорострельная артиллерия и самолеты. Афганским чиновникам и офицерам внушалась идеология их арийского происхождения.

При этом руководство Афганистана не брало на себя военно-политических конфликтных обязательств. Присутствие германских специалистов в Афганистане раздражало СССР. Но руководство СССР уважало суверенитет южного соседа.

После начала второй мировой войны Германия добивалась превращения Афганистана в своего военного союзника. При этом не исключалось вторжение немецких войск в Афганистан. Германия обещала афганскому правительству, в случае принятия им союзнического статуса, расширить территорию Афганистана за счет территорий Британской Индии и Средней Азии.

СССР в 1941 году сделал Афганистану конкретное предложение. В форме ноты предлагалось удалить с его территории германских и итальянских подданных. Требование было выполнено. Афганистан остался верен евразийским ценностям и сохранял нейтралитет, несмотря на дипломатическое давление со стороны западных государств.

В лице КНР СССР нашел евразийского союзника. Этому содействовали и годы поддержки китайского народа в его борьбе с японским вторжением. Оно началось в 1931 году. Активная стадия реализовалась в 1937 году. Японская армия оккупировала значительную часть Китая. Население подвергалось лишениям. Западные страны не вмешивались в события в Китае. Поддержку оказывал СССР. Внутри Китая возникли две основные силы, противостоявшие японской армии. Война с агрессором сопровождалась конкуренцией политических сил на внутреннем рынке. СССР поддерживал марксистское движение, которое консолидировал Мао Цзэ-дун.

С евразийской точки зрения вторая мировая война началась на Дальнем Востоке «инцидентом 18 сентября» 1931 года, по итогам которого японская армия оккупировала северо-восточную часть Китая. Затем последовал «инцидент 7 июля» 1937 года на мосту Лугоуцяо. Я. Цзинъюй, Ц. Цюань, П. Сюэфэн, Ч. Цзычжун, Д. Аньлань – «пятеро героев гор Ланьяшань», «восемь воительниц» объединенных сил сопротивления Северо-Востока, «восемьсот героев гоминьдановской армии» сражались с агрессором.

Китай потерял двадцать миллионов человек населения. Экономический ущерб составил 600 миллиардов долларов. На китайской территории были сосредоточены 94% сухопутных войск Японии, 60% ее военно-воздушных сил, значительные силы японского флота. Вместе с китайскими патриотами сражались граждане СССР. Советская армия создала по границе Монголии и Дальнего Востока основу для обеспечения поддержки китайского народа.

Сопротивление китайского народа позволило сковать на Дальнем Востоке значительные ресурсы японской армии. Это было важно в условиях союзнических отношений Германии и Японии. Второй фронт боевых действий против СССР так и не был открыт. Используя это обстоятельство, с Дальнего Востока на западный фронт перебрасывались советские дивизии, которые сыграли важную роль в обороне Москвы и Сталинграда. Китайцы вступали в ряды Красной армии. Среди них был старший сын Мао Цзэ-дуна, сыновья руководителей Коммунистической партии Китая. Учебная бригада объединенных сил сопротивления Северо-Востока Китая была трансформирована в 88-ю бригаду. Она оказывала Советской армии помощь в сборе разведывательных данных.

За период с 1938 по 1940 год Советский Союз предоставил Китаю кредит на 450 миллионов долларов, что дало возможность закупить у СССР 997 самолетов, 82 танка, различное военное снаряжение. 3665 советских воен-

ных советников обеспечивали разработку оперативных планов, подготовку военных кадров. Более двух тысяч советских летчиков-добровольцев принимали участие в боях с японскими агрессорами.

21 августа 1937 года, между Советским Союзом и Китайской Республикой был подписан Договор о ненападении сроком на пять лет. Была разрушена международная изоляция Китая. Осенью 1937 года через советскую Среднюю Азию и китайский Синьцзян осуществлялись поставки оружия. Среди советских добровольцев были будущие генералы и маршалы В.И. Чуйков, П.С. Рыбалко, П.Ф. Батицкий, А.И. Черепанов. Важными стали операции Красной Армии в 1938 году в районе озера Хасан и в 1939 году в районе реки Халхин-Гол.

С обеих сторон в 1938 году в конфликте участвовало примерно по 20 тысяч солдат. Погибло около 1000 советских и 650 японских солдат. В боях 1939 года с советской стороны участвовало около 60 тысяч солдат (погибли 7632 человека). С японской стороны участвовало около 75 тысяч солдат (погибли 8632 человека). Советскими войсками командовал Г.К. Жуков. После неудач на сухопутной части Дальнего Востока Япония сосредоточила свои ресурсы на захвате тихоокеанского региона. 7 декабря 1941 года японские военные самолеты атаковали американскую базу в Перл-Харбор.

Вплоть до конца лета 1945 года Китай оставался ареной боевых действий. Японская армия находилась на его территории. Только вступление Советской Армии в пределы страны в начале августа 1945 года ускорило выход Японии из числа агрессоров. Японская армия покинула пределы Китая. 3 сентября 1945 года, ее представители подписали Акт о безоговорочной капитуляции на борту линкора «Миссури» в Токийском заливе. Подписанию документа предшествовали военные акции США – ядерные бомбардировки Нагасаки и Хиросимы. Эти бомбардировки носили устрашающий характер и не повлияли на решение японских властей о капитуляции.

США фактически трансформировали японскую оккупацию Китая в новую войну внутриполитических сил этой страны. Друг другу противостояли Гоминьдан и армия Компартии. Войска Гоминьдана, приняли капитуляцию японской армии и установили контроль над Пекином, Шанхаем, Нанкином, Тяньцзинем, Гуанчжоу. Советский Союз активно поддерживал народно-освободительную армию Китая в северной части страны.

Советско-японские отношения исследуются в контексте доминировавших в них конфликтных процессов[1]. При этом позитивным и конструктивным аспектам дипломатических отношений уделяется меньше внимания. В целом в годы второй мировой войны японо-советские отношения формировались предшествующей историей. Япония, одержавшая победу в 1905 году над Российской империей, оценивала свои позиции на Дальнем Востоке как доминирующие. Этому убеждению способствовал период гражданской войны, когда войска Японии фактически оккупировали российский Дальний Восток. Япония покинула регион только под давлением США и Великобритании, которые опасались ее усиления на Дальнем Востоке.

Тем не менее, Япония продолжала надеяться на реализацию своего статуса лидера. Вследствие этого Дальний Восток стал местом военного противостояния и локальных конфликтов. Этому способствовал западный вектор японской политики. 25 октября 1936 года Япония подписала антикоминтерновский пакт совместно с Германией и Италией. Последствия подписания документа показали события на озере Хасан в 1938 году и на реке Халхин-Гол в 1939 году.

13 апреля 1941 года Япония и СССР заключили пакт о нейтралитете. Для СССР это был очень важный документ, поскольку на западном направлении шло усиление Германии. После начала вторжения в пределы СССР Германия стала требовать от Японии начала боевых действий против Советского Союза. Но японская сторона не начала боевых действий в угоду союзникам из Европы под предлогом обиды на Германию, в свое время подписавшую договор о ненападении с СССР. Это было сделано, несмотря на продление 25 ноября 1941 года сроком на пять лет антикоминтерновского пакта. Япония предпочла нейтралитет во взаимоотношениях с СССР в самый важный момент 1941–1942 годов, когда шли переломные сражения под Москвой, Ленинградом, Сталинградом. Япония сосредоточила свои усилия на тихоокеанском регионе и минимизировала участие своей армии в евразийской региональной политике. Это позволило СССР сосредоточиться на боевых действиях против немецкой армии в европейской части страны. В 1945 году позиции Японии в дальневосточном регионе ослабли. Япония стремилась начать переговоры с антигитлеровской коалицией, используя СССР в качестве посредника. Но успех не был достигнут.

На ялтинской конференции СССР взял обязательство начать войну против Японии в течение нескольких месяцев после окончания войны против Германии. Военные действия СССР против японской армии были необходимы союзникам, поскольку те опасались, что высадка на японские острова будет сопровождаться большими потерями личного состава. 9 августа 1945 года советская армия начала наступление на позиции японской армии на территории Китая. 14 августа 1945 года японское командование попросило перемирия. Но само военных действий не прекратило. Отдельные бои продолжались до 10 сентября, ставшего днем полной капитуляции, сдачи в плен японской армии.

Из всех евразийских государств Японии было труднее всего определиться с евразийскими приоритетами в отношениях с Россией. Мешали милитаристские планы. Но политическая элита страны не пошла на прямую координацию с нацистской Германией военных планов в отношении СССР. Это обстоятельство сыграло важную роль в противостоянии СССР немецкой армии. Фактически Япония косвенно поддержала Россию в ее противостоянии коалиции европейских нацистских государств. Это решение японские власти приняли по итогам боев у озера Хасан и на Халхин-Голе.

Таким образом, по разным причинам в форме нейтралитета евразийские государства в годы второй мировой войны обеспечили СССР возможность концентрации военных сил на западном направлении.

[1] Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. – М., 2001.

Мельников В.П.[1]

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННЫЕ ОРУЖЕЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Ключевые слова: *информационная война, безопасность, информациологическое оружие, оружейные технологии, информационные технологии.*

Keywords: *information warfare, security, informationalism weapons, weapons technology, information technology.*

Аннотация*: В статье представлена методология применения технологий информационных войн при геополитическом взаимодействии стран, а также рассмотрены самые современные оружейные технологии, обладающие высокой степенью поражающего эффекта, которые находятся в различного уровня технологических реализаций США и странах Запада. Приведены возможности и поражающие эффекты технических стредств и таких технологий. Приводится классификационная схема технологий оружейных воздействий в Земном сообществе.*

Abstract*: the article presents the methodology of application of technologies of information warfare in geopolitical cooperation between the countries, and considered the most modern weapons technology having a high degree of damaging effect in various technological implementations of the US and Western countries. Given the possibility and effects of technical measures and such technologies. Provides a classification scheme technology weapons effects in the Earth community.*

Ряд государств, владеющих высоким научным потенциалом, современными информациологическими ресурсами и технологиями, становятся лидерами на планете с помощью СМИ, локальных информационных войн (ЛИВ) и других информационных методов и средств. Такие государства могут держать весь мир в напряжении и страхе, воздействуя информациологическим оружием на сознание каждого жителя Земли. Общепланетарное информационное пространство в настоящее время для многих государств стало яблоком раздора, объектом борьбы за информационные привилегии, политические, экономические и сырьевые преимущества[2]. Во многих научных публикациях обосновывается, что развал СССР – это результат информациологической войны, доказавшей, что информация, информациологические ресурсы и технологии являются постъядерным оружием, сильным и разрушительным, которого не знала история.

Применение вышеуказанных атрибутов войн осуществляется рядом стран в сочетании с использованием обычного традиционного оружия, которое за многовековую историю человечества было создано и применяется до сих пор.

Специалисты считают, что человечество за всю свою историю пережило войны шести поколений и громадное количество видов военных взаимодействий как глобальных, так и региональных[3].

Прототип войны шестого поколения начал применяться в конце прошлого века. Он характеризуется применением высокоточного современного оружия, позволяющего точечными ударами вывести из строя военную оборонительную, экономическую и энергетическую инфраструктуры противника. Такое оружие было использовано для войны в Ираке (1991, 1996 и 1998 гг.), Югославии (1999 г.), Ливии (2011 г.), Сирии (2014–2017 гг.).

Но уже сейчас наряду с названными оружейными технологиями начинают использоваться методы информационной войны, в основе которой лежит информациологическое воздействие, обеспечивающее изменение сознания людских масс противника и разрушение инфраструктуры страны, на которую направлено информациологическое оружие[4].

Сейчас уже можно считать, что в практическую фазу военных действий вступают оружейные технологии седьмого поколения, представляющее собой симбиоз информационных технологий изменения сознания человеческого сообщества и оружейных технологических средств летального и нелетального действия.

Информационно-компьютерные преступления, совершенные в конце XX века, буквально потрясли мир своей беспрецедентностью и размерами. В соответствии с данными, приведенными в научной литературе, размеры хищений

---

[1] Мельников Владимир Павлович – д.т.н., профессор МАИ (НИУ), президент РОО АИПАН. РОО «АИПАН» и МАИ (НИУ) предлагают заинтересованным организациям осуществление совместной деятельности в следующих направлениях:

Модернизация авиационной, ракетной и космической отраслей России путем интенсификации создания перспективных форм летательных аппаратов и транспортных средств для различных сред использования.

Исследования аномальных процессов и явлений на Земле и в космосе в направлениях: глобальной космической безопасности человечества (космопланетарной, информационной, энергетической и т.д.).

Разработка комплексных решений по модернизации, инновационного и технологического развития России.

Предложения по сотрудничеству просим направлять на адрес anommvp2009@rambler.ru или anommvp2009@bk.ru

[2] Мельников В.П. Безопасность жизнедеятельности. Учебник для вузов. – М.: Курс, 2017.

[3] Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. – М.: Вече, 2002; Правдивцев В.Л. Тайные технологии. Биосферное и геосферное оружие. – М.: Бином, 2012.

[4] Мельников В.П., Куприянов А.И., Васильева Т.Ю. Информационная безопасность. Учебник для вузов. – М.: КНОРУС, 2016.

валюты из банков США, Франции, Италии, Германии и других стран составляют десятки миллиардов долларов, марок, франков и т.д. Это один из видов преступлений и форм ведения информационно-психологической войны (ИПВ). Вид не менее опасный – это заражение информационными вирусами сотен и тысяч компьютеров. Целая армия специалистов во многих странах мира разрабатывает антивирусные программы, позволяющие проводить профилактику компьютерных сетей и вести борьбу против несанкционированного вторжения в сети и распространения разного рода вирусов.

В последние годы появилось новое научное направление – компьютерная вирусология, помогающая специалистам противостоять всевозможным компьютерным преступлениями многих странах, уже создана достаточная правовая основа для противостояния таким преступлениям.

При комплексном подходе к классификации видов угроз информационной безопасности (ИБ) их можно разделить на угрозы общей направленности, которые подразделяются на следующие виды:

– угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению России;

– угрозы информационному обеспечению государственной политики Российской Федерации;

– угрозы развитию отечественной индустрии информации, включая индустрию средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечению потребностей внутреннего рынка в ее продукции и выходу этой продукции на мировой рынок, а также обеспечению накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов;

– угрозы безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем как уже развернутых, так и создаваемых на территории России.

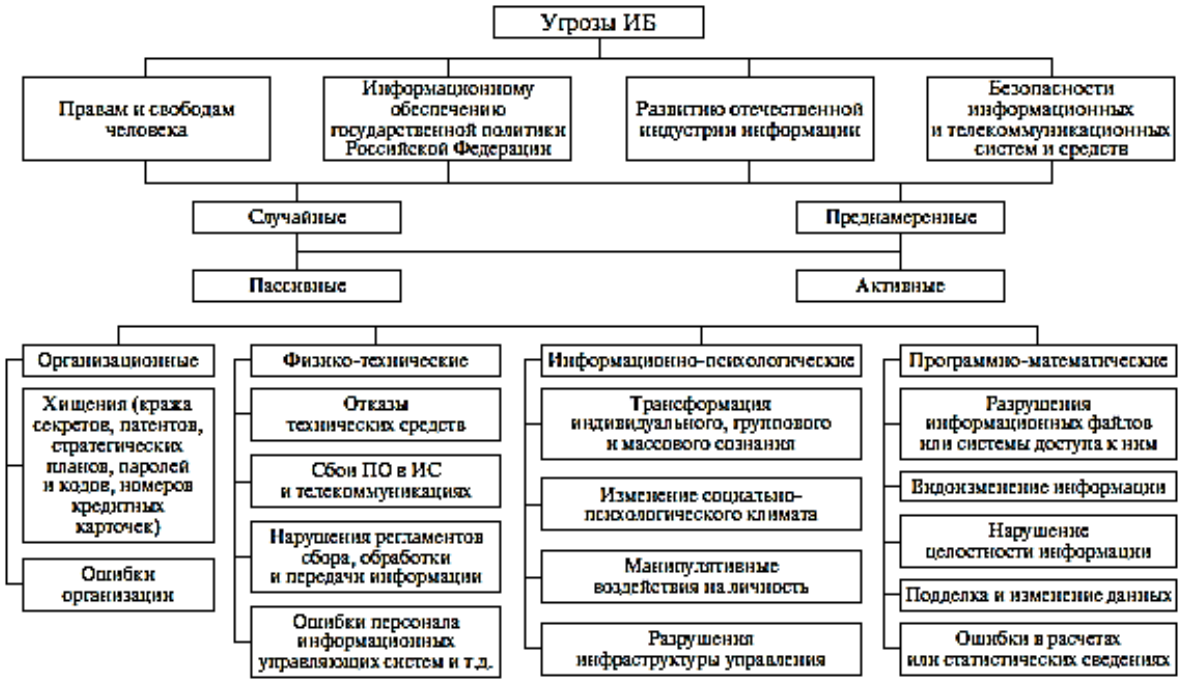


Рисунок 1.
Классификация угроз ИБ

Затем их разделяют на случайные и преднамеренные, пассивные и активные, и по конкретным направлениям на организационные физико-технические, информационные и программно-математические.[1]

Источники угроз ИБ можно подразделить на внешние и внутренние.

К *внешним источникам* угроз ИБ ИС относятся:

– деятельность иностранных политических, экономических, военных, разведывательных и информационных структур, направленная против интересов Российской Федерации и ее структурных образований в информационной сфере;

– стремление ряда стран к доминированию и ущемлению интересов России в мировом информационном пространстве, вытеснению ее с внешнего и внутреннего информационных рынков;

– обострение международной конкуренции за обладание ИТ и ресурсами;

– деятельность международных террористических организаций;

– увеличение технологического отрыва ведущих держав мира и наращивание их возможностей по противодействию созданию конкурентоспособных российских ИТ;

– деятельность космических, воздушных, морских и наземных технических и иных средств (видов) разведки иностранных государств;

[1] Мельников В.П., Куприянов А.И., Васильева Т.Ю. Информационная безопасность. Учебник для вузов. – М.: КНОРУС, 2016.

– разработка рядом государств концепций информационных войн и соответствующего вооружения, предусматривающих создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира, нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, сохранности информационных ресурсов (ИР), получение несанкционированного доступа к ним.

К *внутренним источникам* угроз ИБ ИС относятся:

– критическое состояние отечественных отраслей промышленности;

– неблагоприятная криминогенная обстановка, сопровождающаяся тенденциями «сращивания» государственных и криминальных структур в информационной сфере, получением криминальными структурами доступа к конфиденциальной информации, усилением влияния организованной преступности на жизнь общества, снижением степени защищенности законных интересов граждан, общества и государства в информационной сфере;

– недостаточная координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации по формированию и реализации единой государственной политики в области обеспечения ИБ РФ;

– недостаточная разработанность нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в информационной сфере, а также недостаточная правоприменительная практика;

– неразвитость институтов гражданского общества и недостаточный государственный контроль за развитием информационного рынка России;

– недостаточное финансирование мероприятий по обеспечению ИБ РФ;

– недостаточная экономическая мощь государства;

– снижение эффективности системы образования и воспитания, недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения ИБ;

– недостаточная активность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации в информировании общества о своей деятельности, разъяснении принимаемых решений, формировании открытых государственных ресурсов и развитии системы доступа к ним граждан;

– отставание России от ведущих стран мира по уровню информатизации федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, кредитно-финансовой сферы, промышленности, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, сферы услуг и быта граждан.

В вооруженных силах НАТО, особенно США, значительное внимание уделяется «несмертельному (нелетальному) оружию и технологиям», прежде всего информационному оружию и психолого-пропагандистским операциям в войнах XXI в., которые существенно изменяют характер применения сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил и геополитического и цивилизационного противоборства основных центров формирующегося многополярного мира.

Практика показала, что наибольшие потери вооруженные силы несут при применении против них «несилового» информационного оружия, в первую очередь, от воздействия поражающих элементов, действующих на системы управления и психику человека. Информационное и консциентальное оружие воздействует на «идеальные» объекты (знаковые системы) или их материальные носители.

В настоящее время осуществляется глобальная информационно-культурная и информационно-идеологическая экспансия Запада, осуществляемая по мировым телекоммуникационным сетям (Интернет и др.) и через средства массовой информации. Многие страны вынуждены принимать специальные меры для защиты своих сограждан, своей культуры, традиций и духовных ценностей от чуждого информационного влияния. Возникает необходимость защиты национальных информационных ресурсов и сохранения конфиденциальности информационного обмена по мировым открытым сетям, так как на этой почве могут возникать политическая и экономическая конфронтация государств, новые кризисы в международных отношениях. Поэтому ИБ, информационная война и информационное оружие в настоящее время оказались в центре всеобщего внимания.

Информационным оружием (ИО) применительно к ИС являются средства и методы:

– уничтожения, искажения или хищения информационных массивов, прежде всего ИС;

– преодоления систем защиты КС;

– ограничения допуска законных пользователей;

– дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем.

В основном это проявления «хакерских атак». Также *атакующим информационным оружием* в настоящее время можно считать:

– компьютерные вирусы, способные размножаться, внедряться в программы, передаваться по линиям связи, сетям передачи данных, выводить из строя информационные системы управления и т.д.;

– логические бомбы – программные закладные устройства, которые заранее внедряют в информационно-управляющие центры военной или гражданской инфраструктуры, чтобы по сигналу или в установленное время привести их в действие;

– средства подавления информационного обмена в телекоммуникационных сетях, фальсификация информации в каналах государственного и военного управления;

– средства нейтрализации тестовых программ в ИС;

– различного рода ошибки, сознательно вводимые противником в программное обеспечение ИС.

В докладе Объединенной комиссии по безопасности, созданной по распоряжению министра обороны и директора ЦРУ в США в июне 1993 г. и завершившей свою работу в феврале 1994 г., говорится: «...Уже признано, что сети

передачи данных превращаются в поле битвы будущего. Информационное оружие, стратегию и тактику применения которого еще предстоит тщательно разработать, будет использоваться с «электронными скоростями» при обороне и нападении».

Уничтожение определенных типов сознания предполагает разрушение и переорганизацию общностей, которые конституируют данный тип сознания.

Можно выделить четыре основных способа поражения и разрушения сознания в информациологической войне:

1) поражение нейромозгового субстрата, снижающее уровень функционирования сознания, может происходить на основе действия химических веществ, длительного отравления воздуха, пищи, направленных радиационных воздействий;

2) понижение уровня организации информационно-коммуникативной среды на основе ее дезинтеграции и примитивизации, в которой функционирует и «живет» сознание;

3) оккультное воздействие на организацию сознания на основе направленной передачи мыслеформ субъекту поражения;

4) специальная организация и распространение по каналам коммуникации образов и текстов, которые разрушают работу сознания (условно это может быть названо психоэлектронным оружием).

В методологии информациологической войны происходит информационное противоборство, которое в настоящее время приобретает вид геополитического информационного противоборства (ГИП).

Геополитические технологии вооруженных воздействий можно отнести к области ГИП.

Целью ГИП является противостояние и противодействие информационной агрессии, а также нарушение ИБ враждебного государства. В обусловленных случаях она направлена на разрушение целостности (устойчивости) системы государственного и военного управления иностранных государств, эффективное информационное воздействие на их руководство, политическую элиту, системы формирования общественного мнения и принятия решений. Одна из важнейших целей ГИП — обеспечение ИБ РФ и достижение информационного превосходства в мировом информационном пространстве.

Информационная борьба (в политической сфере) включает в себя три составные части:

1) стратегический политический анализ;

2) информационное воздействие;

3) информационное противодействие.

При этом ведение информационной борьбы осуществляется по следующим уровням:

- стратегический;
- оперативный;
- тактический.

Следует выделить два вида информационной борьбы: информационно-психологическую и информационно-техническую, которые воздействуют на социально-биологические и информационно-технические объекты (рис.2).

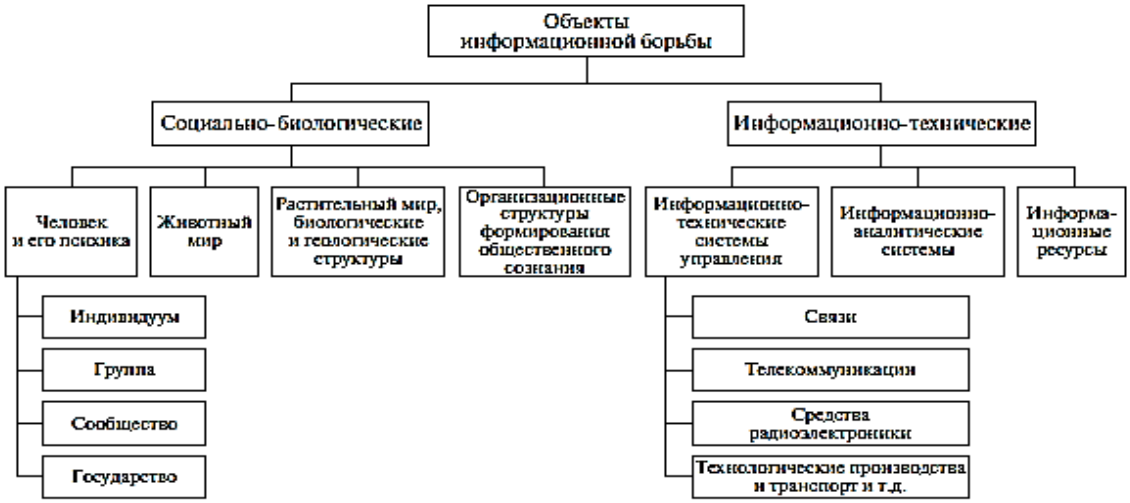


Рисунок 2.
Классификация объектов информационной борьбы

На стратегическом уровне ГИПа в основном должны действовать высшие органы государственной власти России, а спецслужбы и крупный капитал должны действовать на оперативном и тактическом уровнях.

Воздействие – это действие, направленное на кого-нибудь с целью добиться чего-нибудь, внушить что-нибудь. В психологии под воздействием понимается целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому. Воздействие может быть непосредственным (контактным) и опосредованным (дистанционным).

Именно воздействие является целью процессов переработки информации.

При ведении информационной борьбы объектами воздействия могут быть: психика людей, информационно-технические системы различного масштаба и назначения, система формирования, распространения и использования

информационных ресурсов, система формирования общественного сознания (с помощью пропаганды и средств массовой информации), система формирования и функционирования общественного мнения, система принятия решений.

Объекты воздействия можно разделить на технические (в основном они находятся в сфере интересов информационно-технической борьбы) и социально-биологические (особое внимание им уделяется в ходе информационно-психологической борьбы). В роли технических объектов могут выступать системы управления и связи, финансово-экономической деятельности государства и т.д. Если же говорить о социально-биологических объектах, то к ним можно отнести отдельных индивидов, социальные группы, общество, государство, мировое сообщество, животный мир, геологические структуры и растительный мир.

Психологическое и пропагандистское воздействие является разновидностью информационно-психологического воздействия.

В связи с появлением и ускоренным развитием средств массовой информации резко усилилась роль общественного мнения, которое стало существенно влиять на политические процессы в обществе, особенности функционирования информационно-психологической среды общества. Поэтому система формирования общественного мнения также является одним из основных объектов информационно-психологического обеспечения.

Источники информационных опасностей могут быть естественными (объективными) и умышленными.

Информационное противоборство, также как и информационная война, включает в себя три составные части:

1) стратегический политический и социально-экономический анализ;

2) информационное воздействие;

3) информационное противодействие.

Рассматривая информационное противоборство в политической и социально-экономической сферах, следует учитывать, что оно происходит на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях.

Информационно-психологическое воздействие представляет собой целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказывающей непосредственное влияние (положительное или отрицательное) на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение руководства различного уровня и населения России.

Психологическое и пропагандистское воздействия являются разновидностью информационно-психологического воздействия.

Суть влияния информации заключается в ее способности «точечно» контролировать социальные процессы. Особое значение при этом имеет использование инфологем.

Инфологема – это ложная, искаженная или неполная информация, представляющая реальные события идеологическими мифами, политическими пропагандистскими измышлениями. Инфологемы появляются на свет как результат сознательных, целенаправленных манипулятивных воздействий или, что значительно реже, – неосознаваемых заблуждений. Инфологемы способны к расширенному самовоспроизводству, саморазмножению. Они формируют картины мира в индивидуальном, групповом и массовом сознании, устойчивые стереотипы индивидуального и социального поведения, ценностные установки и ориентации будущих поколений.

Задача профессионала информационной войны – вовремя разглядеть инфологемы противника и своевременно отреагировать.

Большая часть социально-политических инфологем имеет две особенности:

1) ксенофобия, ненависть к чужому;

2) стремление найти врага, виновника своих бед.

В кризисных ситуациях, чреватых неопределенным исходом, инфологемы выполняют следующие функции:

1) охранная;

2) аргументирующая;

3) комментирующая;

4) провозглашающая;

5) отвлекающая;

6) скрывающая;

7) ложно ориентирующая (ориентирующая не в тех направлениях);

8) дезориентирующая (подменяющая ориентиры).

Информационно-манипулятивные технологии (ИМТ), их варианты и видоизменения очень разнообразны.

Для определения «ядра» технологических элементов системы манипулятивного воздействия используется комплексный критерий, который основывается на учете сочетания трех основных факторов:

- частоты использования приемов в различных манипулятивных технологиях;
- широты их применения в разнообразных информационно-коммуникативных ситуациях;
- степени действенности, связанной с повышением эффекта манипулятивного воздействия на человека.

Одной из первых попыток систематизации приемов ИПВ на массовое сознание с помощью пропаганды явилось описание в ряде зарубежных и отечественных источников технологий стереотипизации и «большой лжи», а также выделение следующих основных приемов ИПВ, известных специалистам как «азбука пропаганды»:

- «приклеивание или навешивание ярлыков» (name calling);
- «сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность» (glittering generality);
- «перенос» или «трансфер» (transfer);
- «ссылка на авторитеты», «рекомендации», «свидетельства» или «свидетельствование» (testimonial);
- «свои ребята» или «игра в простонародность» (plain folks);

- ««перетасовка» или «подтасовка карт» (card stacking);
- «общий вагон», «общая платформа» или «фургон с оркестром» (band wagon).

Они нашли широкое применение в рекламно-пропагандистских акциях и в настоящее время как технологии ИПВ активно используются зарубежными и российскими СМИ.

Представляется целесообразным рассмотреть и комплекс различных угроз и воздействий целенаправленного оружейного характера, которые могут привести к нарушениям жизни населения страны, государства и его сообществ.

Схема классификации технологий вооруженных взаимодействий приведена на рис. 3.

Рисунок 3.
Классификационная схема технологий вооруженных воздействий

Ряд специалистов выделяют семь поколений вооруженных взаимодействий (войн). Они определяются историческими аспектами ведения войн. Так в истории развития человечества необходимо выделить.

Технологии генетических, этнических и расовых оружейных воздействий. В настоящее время в БЖД большие надежды возлагаются на новое направление биологической науки – **генную инженерию**. Изучая и практически осваивая в лабораторных условиях процессы эволюции генетического материала, ученые уже научились получать белки и другие биотехнологические продукты с заранее заданными свойствами. В том числе и избирательно действующие вирусы. Модифицированные с помощью генной инженерии микроорганизмы, штаммы бактерий, вирусов, а также специально сконструированные молекулы нуклеиновых кислот могут воздействовать на организмы людей избирательно – например, в зависимости от пола, возраста, антропологических особенностей. К примеру, к концу 1970-х гг. эффективность избирательного «срабатывания» генетически модифицированных вирусов в зависимости от заданного пола и возраста достигла 90%. А это уже новое поколение высокоточного биологического оружия – **генетическое оружие**. Под этим термином сегодня понимают вещества химического или биологического происхождения, способные вызывать в человеческом организме мутации (изменения структуры) генов, сопровождающиеся нарушением здоровья или запрограммированным поведением людей.

Американский специалист по **психогеномике** Джон Логан Блек считает: *«В геномных и геннотерапевтических исследованиях имеется и военный аспект. Они дают возможность создать новый вид биологического оружия – так называемого геномного»*. Это мнение поддерживают и ряд других ученых: сегодня, после расшифровки генома, подобное оружие уже правильнее называть не генетическим, а **геномным**. Ведь его действие направлено не просто на гены, а на более мелкие структуры – полиморфизмы и их специфические сочетания.

Появилось даже целое научное направление, которое занимается изучением генетических характеристик различных этносов – **этногеномика**. По сути дела, на наших глазах рождается новое оружие воздействия на человека, имеющее избирательное действие по определенным расовым или этническим группам. Это уже не просто генетическое оружие, это оружие более страшное – **этническое** (расовое). Применение такого оружия, например, в мегаполисе или регионе с многонациональным населением, сначала совершенно незаметное, через некоторое время начнет негативно сказываться на здоровье отдельных этнических групп, приводя к постепенному вымиранию конкретного этноса[1].

[1] Мельников В.П. Безопасность жизнедеятельности. Учебник для вузов. – М.: Курс, 2017; Правдивцев В.Л. Тайные технологии. Биосферное и геосферное оружие. – М.: Бином, 2012.

Впрочем, разработчики генетического оружия не теряют надежды освоить высокоточные, «прицельные» технологии и ведут в этом направлении активную работу. И не столь уж безобидными могут оказаться активные исследования этнических групп (вплоть до ДНК), которые проводятся по всему миру ведущими западными научными центрами. Военно-политическое руководство США рассматривает это оружие под углом своей основной задачи: обеспечить выживание белого англоязычного населения. Не на последнем месте стоит и задача медико-биологического оздоровления нации, в том числе концепция «искусственного отбора человека». Основы ее были заложены еще более ста лет назад, в период увлечения евгеникой. Сбываются мечты «мировой элиты» по избирательному уничтожению «избыточного» населения планеты.

Бывший руководитель Южноафриканского центра химической и биологической войны доктор Даан Гузен не так давно признался, что еще в середине 1980-х гг. его центр получил заказ на разработку «оружия по цвету кожи», нацеленного против чернокожих. Со своими коллегами он тогда обсуждал распространение болезни через пиво, кукурузу, прививки... Однако уровень знаний того времени в области генетики якобы не позволил тогда выполнить заказ. Позднее «Файненшнл Таймс» сообщила, что в ЮАР наконец прекращены работы по разведению бактерий, способных делать людей с черной кожей бесплодными. При этом не уточняется, по какой причине прекращены эти разработки. По гуманной? А может, они просто удачно завершены?

Известно, что не только ЮАР, но и другие страны активно работают над созданием генетического оружия. В 1998 г. бывший министр обороны США Уильям Коэн сделал сенсационное заявление о том, что в его распоряжении имеются материалы о работах по созданию «определенных типов патогенов, которые могли бы быть этническим оружием». Высокопоставленный западный источник из разведывательных кругов сообщил, что в число стран, которые имел в виду Коэн, входит и Израиль.

Но самым эффективным и «долгоиграющим» оружием считаются **трансгенные продукты**. Ученые предполагают, что в недалеком будущем генная инженерия позволит массово производить новый вид вооружения – токсичные продукты питания избирательного действия. Войны в ее традиционном понимании не будет. Для доставки такого вирусного оружия не нужны будут ни бомбы, ни ракеты. Гены-агрессоры могут встраиваться в пищевые растения, а через них – в популярные продукты питания. Вирус можно будет поместить, например, в какой-нибудь экспортируемый по всему миру пищевой продукт. И хотя потреблять его будут все, разрушительное воздействие он будет оказывать только на определенную категорию людей.

В отдельную категорию можно выделить **пищевые добавки**, ориентированные на привычки, традиции и другие особенности образа жизни населения того или иного государства.

Опасность генетически модифицированных организмов (ГМО) и трансгенных продуктов кроется не только в их возможной «боевой» запрограммированности, но и в невыясненных до конца принципах работы генетического механизма человека. Уже сейчас ясно, что гены в организме разных этнических групп взаимодействуют друг с другом, а тем более с чужеродными генами, по-разному: *«Что русскому хорошо, то немцу смерть»* (и наоборот).

Пашенцев Е.Н.[1]

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ США: ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Ключевые слова: *стратегическая коммуникация, информационно-психологическое противоборство, связи с общественностью, публичная дипломатия, США.*

Keywords: *strategic communication, psychological warfare, public affairs, public diplomacy, the USA.*

Мир находится накануне неизбежных социальных и экономических потрясений, чреватых мировой войной. Важная составляющая кризисного развития капитализма – активное использование стратегической коммуникации в решении внешнеполитических задач в интересах эгоистических групп интересов. В настоящей статье мы проследим это на примере Соединенных Штатов, правящая элита которых расколота, ее представители по-разному видят пути преодоления кризиса (или делают вид, что видят), но они по-прежнему едины в своем стремлении сохранить и укрепить мировое лидерство США. Президентские выборы 2016 г. этот раскол наглядно продемонстрировали. Однако «ястребы», несмотря на поражение наиболее реакционного кандидата мультимиллионера Х. Клинтон и победу миллиардера Д. Трампа (по его предвыборным заявлениям, более склонного к компромиссу с Россией) будут внушительно представлены и в администрации новоизбранного президента. А это неизбежно негативно отразится на стратегической коммуникации США.

Термин «стратегическая коммуникация» (аббревиатуры «Стратком», «СТРАТКОМ», «СК») или, что в настоящей статье равнозначно, «стратегические коммуникации»[2], получил распространение, прежде всего, в США – в научных кругах, политике, военном деле, бизнесе. С начала XXI в. в этой стране предпринималось много попыток дать разностороннюю и системную оценку значимости стратегической коммуникации во внешней политике и обеспечении национальной безопасности страны. Здесь можно сослаться на соответствующие монографические исследования и статьи[3], материалы научных конференций[4], а также на большой пласт документов Министерства обороны, Государственного департамента и др. государственных структур США[5].

Не желая утомлять читателя дискуссиями о сути и роли СК во внешней политике, приведу определение стратегической коммуникации из доклада Белого Дома Конгрессу США от 16 марта 2010 г. «Национальные рамки стратегической коммуникации» (National Framework for Strategic Communication), поскольку данный документ отражает по-

---

[1] Пашенцев Евгений Николаевич – д.и.н., профессор, ведущий исследователь Дипломатической академии МИД РФ, директор Международного центра социально-политических исследований и консалтинга. E-mail: icspsc@mail.ru

[2] Термин «стратегическая коммуникация» в США чаще употребляется для обозначения коммуникации на государственном уровне, в то время как «стратегические коммуникации» более привычно звучат в бизнес-среде, хотя это еще и не стало общепринятой нормой.

[3] Paul Ch. Strategic Communication: Origins, Concepts, and Current Debates. – Santa Barbara, 2011; Farwell J. Persuasion and Power: The Art of Strategic Communication. Georgetown University Press, 2012; Weapons of Mass Persuasion: Strategic Communication to Combat Violent Extremism (Frontiers in Political Communication) / Ed. By Corman S. R., Trethewey A., Goodall H. L. – Bern, 2008; Trials of Engagement – The Future of US Public Diplomacy / Ed. by A. Fisher, S. Lucas, G. James. – Boston, 2011; Murphy M. D. The Trouble With Strategic Comunication(s) // IO Sphere. 2008. – Winter; Stovichek B. E. Strategic Communication. A Department of Defense Approach, USAWC Strategy Research Project. – Pennsylvania, 2007; Patterson S. J., Radtke J. M. Strategic Communications for Nonprofit Organization: Seven Steps to Creating a Successful Plan. – Hoboken, 2009; O'Hair D., Friedrich G. W., Dixon L. D. Strategic Communication in Business and the Professions. 7th ed. – Boston, 2010 и др.

[4] Ранее, летом 2007 г., более двухсот практиков и исследователей академического профиля в области стратегических коммуникаций встретились в Национальном военном Колледже США на первом ежегодном семинаре по стратегической коммуникации. Семинар прошел по правилам Чатэм-Хауса, с соблюдением анонимности и предоставлением возможности полного и открытого обсуждения вопросов семинара. См.: Murphy D. M. The Trouble with Strategic Communication(s). // IO Sphere. 2008. – Winter. – P. 24.

[5] Report of the Defense Science Board Task Force on Strategic Communication. Office of the Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics, September 2004; Memorandum for Secretaries of the Military Departments. Subject: 2006 Quadrennial Defense Review (QDR) Strategic Communication (SC). Execution Roadmap. Deputy Secretary of Defense, 1010 Defense Pentagon. Washington, DC 20301-1010, September 25, 2006; U. S. National Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication. Strategic Communication and Public Diplomacy Policy Coordinating Committee (PCC). Released June 2007; U. S. Senate. Strategic Communication Act of 2008. A Bill to Establish the National Center for Strategic Communication to Advise the President Regarding Public Diplomacy and International Broadcasting to Promote Democracy and Human Rights, and for Other Purpose. S. 3546, 110 Congress, 2nd session, September 17, 2008; National Framework for Strategic Communication. White House Strategic Communications report to Congress, dated 16 Mar 2010, released 17 March 2010; Department of Defense. Report on Strategic Communication. December 2009. The Secretary of Defense. Washington, DC, 20301-1000. Feb. 11, 2010; Public Diplomacy: Strengthening U. S. Engagement with the World. A strategic approach for the 21st century. Office of the Under Secretary of State for Public Diplomacy and Public Affairs. 26.02.2010; Handbook for Strategic Communication and Communication Strategy. – Suffolk (VA): Unites States Joint Forces Command, Warfighting Center, Version 3.0, June 24, 2010 и др.

следний на сегодняшний день официальный подход к пониманию стратегической коммуникации на президентском уровне и, по этой причине, оказывает непосредственное воздействие на государственный курс США: «За последние несколько лет термин «стратегическая коммуникация» стал пользоваться растущей популярностью... К «стратегической коммуникации (-ям)» мы относим: (a) синхронизацию слов и дел и то, как они будут восприняты отобранными аудиториями, равно, как и (b) программы и действия, сознательно нацеленные на общение и привлечение целевых аудиторий, включая и осуществляемые посредством связей с общественностью, общественной дипломатии и информационных операций»[1].

Системные, повторяющиеся и часто дорогостоящие попытки коммуникационного прикрытия сомнительных или неблаговидных дел привели и могут привести к большим стратегическим издержкам и падению доверия к США. Постепенное накапливание подобных издержек может иметь кумулятивный эффект и представляет гораздо большую угрозу для национальной безопасности страны, чем сомнительные тактические успехи. К тому же, положение мирового лидера «обязывает», уровень как положительных, так и отрицательных ожиданий для лидера завышен, «медиаосвещенность» почти неизбежно глобальна.

В случае даже отдельных очевидных неудач сторонники США будут излишне разочарованы (деморализованы, агрессивны и т.п., по обстоятельствам), противники преисполнены энтузиазма (притом, возможно, не только в местном, но и в глобальном масштабе). А такие поражения в ближайшее время очевидны. Вот только некоторые предварительные результаты 2016 г.

Несмотря на устранение Каддафи в Ливии набирают силы, положительно оценивающие роль России в мирном урегулировании в этой стране. Что еще более важно, правительство Б. Асада близко к важной в стратегическом плане победе в Алеппо в Сирии (хотя и возрос риск прямой конфронтации с Турцией). В Молдове и Болгарии победу на выборах одержали пророссийские кандидаты. Брексит дестабилизировал Евросоюз вслед за волной мигрантов, проблема которых далека от решения. Нарастает нестабильность на фондовых рынках. Неспособность предшествующих администраций США принять решения по преодолению негативных явлений является катализатором нарастания мирового кризиса. Сама победа Д. Трампа – красноречивое признание провала курса последних десятилетий, представлявшего собой растущее паразитирование американской элиты на последствиях распада СССР. Предстоит болезненный, трудный, постепенный переход к адекватным делам и словам. В противном случае неизбежно очень опасное для всего мира ухудшение международной обстановки.

Весьма вероятно, что мы с такой ситуацией столкнемся, и не только из-за геополитических противоречий. Следует считаться и с тем, что последний мировой экономический кризис, который еще далеко не преодолен, и более того, дает веские основания прогнозировать гораздо более масштабный кризис, имеет американские корни и является объективным долговременным посланием США населению Земного шара. «Особенность этого кризиса по сравнению с теми, которые ему предшествовали в течение последней четверти века, в том, что он родился с клеймом «сделано в США». Но, если предыдущие кризисы были остановлены, то этот получил быстрое распространение во всем мире»[2], – подчеркивает нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц.

Джим Роджерс, который основал Квантовый фонд совместно с Джорджем Соросом, сделал осенью 2016 г. катастрофический прогноз, заявив, что страну ожидает «библейский» крах в 68 триллионов долларов, который истребит миллионы американцев. Миллиардер, инвестор, финансовый аналитик Марк Фабер заявил CNBC, что «инвесторы находятся на Титанике», и что «ожидается самая большая катастрофа в истории фондового рынка»[3]. Д. Трамп не раз предостерегал о грядущем экономическом крахе[4]. Вопрос не в том, будет ли крах, а когда он будет. В стратегической коммуникации главное – дела. Неспособность правящей элиты США предотвратить крах самым сильным образом ослабляет и еще больше ослабит СК этой страны.

Нельзя не отметить и некоторые связанные с развитием стратегической коммуникации в США особенности. Концепция и само понимание, а также практическая организация стратегической коммуникации здесь не в полной мере соответствуют объективным потребностям и возможностям страны и явно отстают от требований времени (несмотря, как отмечалось выше, и на опережающее развитие теории и практики СК по сравнению с Россией и Китаем). Даже в таком развернутом документе, как Доклад Белого Дома по стратегической коммуникации от 16 марта 2010 г., содержится немало спорных мест. В нем утверждается, что это «…доклад о всеобъемлющей межведомственной стратегии в публичной дипломатии и стратегической коммуникации»[5], т.е. общее – «стратегическая коммуникация» – идет «на равных» с частным – «публичной дипломатией», что очень спорно с методологической точки зрения и дезориентирует специалистов различных ведомств (т. е. ориентирует их на правила чиновничьих игр, а не государственные интересы) и косвенно свидетельствует о межведомственных разногласиях по поводу интерпретации стратегической коммуникации, прежде всего между Государственным департаментом и Министерством обороны.

---

[1] National Framework for Strategic Communication. White House Strategic Communications report to Congress, dated 16 Mar 2010, released 17 March 2010. – P. 2.

[2] Stiglitz J. E. Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy. – New York; London, 2010. – P. 1.

[3] Yastin I. 80% Stock Market Crash to Strike in 2017, Economist Warns // The Sovereign Daily Investor: 30.11.2016. – thesovereigninvestor.com/exclusives/80-stock-market-crash-to-strike-in-2016/

[4] Donald Trump Warns of Massive Economic Collapse 2016 // YouTube: 30.11.2016. – www.youtube.com/watch?v=tM4m YlElDCE&channel=UChD-zWutIego-bcHKOatFWA

[5] Strategic Communications Report to Congress «National Framework for Strategic Communication», 16 March 2010, released 17 March 2010. White House, 2010. – P. 1.

В целом документ свидетельствует об определенном усилении позиций Госдепартамента в данном вопросе. В результате, как сказано в докладе, был запущен процесс пересмотра существующих программ и ресурсов с целью выявить текущие военные проекты, которые могли бы быть лучше реализованы другими департаментами и агентствами. Процесс включает в себя и работу специальной группы по разработке кратко-, средне- и долгосрочных вариантов решений вопросов бюджетирования, персонала и других видов работ[1].

Впрочем, еще 7 апреля 2009 г. министр обороны США Р. Гейтс в ходе своего интервью *PBS News* признал: «СТРАТКОМ находится под эгидой Государственного департамента. И хотя мы имеем возможность заниматься стратегической коммуникацией, все же это их прерогатива»[2]. В результате в 2012 г. термин «стратегическая коммуникация»[3] был изъят из оборота Пентагона, поскольку, вместо того, чтобы синхронизировать ключевые дела, слова и образы, был признан дублирующим работу традиционных учреждений министерства обороны, ответственных за связи с общественностью. Но отказ от использования термина (очень неоднозначно встреченный в военном сообществе), разумеется, не привел к отказу от военной составляющей СК, по-прежнему закрепленной за военным ведомством.

В настоящее время термин «стратегическая коммуникация» по-прежнему активно используется в администрации президента и Госдепартаменте. Ключевой пост в администрации президента по вопросам стратегической коммуникации именуется «помощником президента и заместителем советника по национальной безопасности по стратегической коммуникации и спичрайтингу» (*Assistant to the President and Deputy National Security Advisor for Strategic Communications and Speech Writing*)[4]. В Госдепартаменте, несмотря на то, что доминируют понятия «публичная дипломатия» и «связи с общественностью»[5], существующее управление стратегической коммуникации (*Office of Strategic Communication – SCT*) разрабатывает и внедряет стратегические медиа-цели для Государственного секретаря. Эта команда также отвечает за ежедневное исполнение его стратегических медиа-планов, включая привлечение других официальных лиц для поддержки его инициатив. Работая в тесном контакте с аппаратом Секретаря, управление стратегической коммуникации планирует и проводит все мероприятия для СМИ, готовит замечания и комментарии по этим мероприятиям, а также планирует поездки и освещение их в СМИ[6].

В Госдепартаменте также существует Управление стратегической коммуникации и поддержки (*The Office of Strategic Communications and Outreach (SCO)*[7], которое поддерживает Бюро международной безопасности и нераспространения[8] путем соответствующих усилий в области публичной дипломатии, связей с общественностью и взаимодействием с конгрессом.

В системе подразделений, которые работают под общим руководством заместителя Госсекретаря по общественной дипломатии и связям с общественностью, есть и Центр стратегических антитеррористических коммуникаций (*Center for Strategic Counterterrorism Communications – CSCC*), задачей которого является координация разнообразных зарубежных коммуникаций правительства США в области борьбы с терроризмом и экстремизмом[9].

Однако, на наш взгляд, сводить роль стратегической коммуникации к «стратегическим медиа-целям Государственного секретаря» и сопутствующему контролю их исполнения, к коммуникационной поддержке политики в области безопасности – значит, крайне обеднять интегрирующие возможности СК даже в рамках одного государственного департамента. Дело не в термине, а в реальной коммуникационной деятельности, которая в рамках Госдепартамента, видимо, интегрируется на административном, но вряд ли на концептуальном (СК) уровне.

При этом публичная дипломатия США имеет много архаичных черт и во многом утратила свою эффективность в силу крайнего бюрократизма в принятии решений. Возьмем только один пример. Закон Смита – Мундта 1948 г. относит публичную демократию и правительственное радио- и телевещание к пропаганде. Закон фиксирует географическое разделение внутренней аудитории США и внешней из-за угрозы, что информация, предназначенная для последней, попадет внутрь страны. Это свидетельствует не только об отсутствии доверия к населению страны, но и понимания публичной дипломатии, международного теле- и радиовещания, не говоря уже об игнорировании возможностей современных способов распространения информации, которая минует теперь границы с невероятной скоростью и легкостью. «Воздействие «защитного экрана», созданного по Смиту – Мундту между внутренними и внешними аудиториями, очень сильное и часто игнорируется, – подчеркивает такой весьма компетентный в этом человек, как Мэтт

---

[1] Strategic Communications Report to Congress «National Framework for Strategic Communication», 16 March 2010, released 17 March 2010. White House, 2010. – P. 3.

[2] Цит. по: Hendricks B., Wenner R., Weaver W. DlME is for Integration: Strategic Communications as an Integrator of National Power // IO Journal. 2010. – N 2. – P. 39.

[3] Pentagon drops 'strategic communication' // USA Today: 03.12.2012. – www.usatoday.com/story/news/nation/2012/12/03/pentagon-trims-strategic-communication/1743485

[4] Ben Rhodes .Assistant to the President and Deputy National Security Advisor for Strategic Communications and Speechwriting // The White House. President Barack Obama. – www.whitehouse.gov/blog/author/ben-rhodes

[5] Целая группа бюро и управлений в Госдепартаменте работает под руководством заместителя госсекретаря по общественной дипломатии и связям с общественностью. См.: Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs // U.S. Department of State. – www.state.gov/r/index.htm

[6] Diplomacy in Action. Retrieved April 14, 2011 // The U.S. Department of State. – www.state.gov/r/pa/scp/

[7] Office of Strategic Communications and Outreach (ISN/SCO). – www.state.gov/t/isn/58375.htm; Pentagon drops 'strategic communication' // USA Today: 03.12.2012. – www.usatoday.com/story/news/nation/2012/12/03/pentagon-trims-strategic-communication/1743485/

[8] Входящее в систему подразделений под руководством заместителя Государственного секретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности. См. Under Secretary for Arms Control and International Security. – www.state.gov/t/index.htm

[9] Center for Strategic Counterterrorism Communications. – www.state.gov/documents/organization/116709.pdf

Армстронг, – спросите гражданина любой другой демократической страны о подобном экране и получите ставящий в тупик вопрос: «Зачем и как подобное существует?»[1].

Последняя попытка пересмотреть закон Смита – Мундта от 1948 г. провалилась в очередной раз в 2010 г.[2]. Что остается делать «зарубежным аудиториям»? Разумеется, они настороженно относятся к публичной дипломатии США и по другим причинам, но приходится учитывать и проблему искажения внешних и внутренних информационных потоков США из-за их архаичной структуры, а также очевидной косности и бюрократизма на разных уровнях государственного управления. И хотя должностные лица американских администраций, начиная с середины 1960-х гг., часто отрицали пропагандистский характер общественной дипломатии, сегодня очевидно, что пропагандисты Войны за независимость США были гораздо более правдивы и эффективны, чем творцы современной общественной дипломатии. Даже в годы «холодной войны» общественная дипломатия США была более гибкой.

Здесь действует общая закономерность современного капиталистического общества: чем дальше от общественных интересов отходит правящая элита, тем более манипулятивна ее стратегическая коммуникация. В отличие от примитивных диктатур, предлагается обширный диапазон спин-технологий, набор полуправд, ведь откровенная ложь контрпродуктивна. Все это давало определенные дивиденды в условиях клонящейся к упадку советской бюрократической системы и достаточно динамичного развития США. В условиях же затяжного кризиса, усиления внешней и внутренней конкурентной среды происходит закономерный кризис пропагандистской машины, который является отражением и одновременно составной частью кризиса социальной системы. Вне его преодоления попытки радикально повысить эффективность государственной пропаганды обречены на провал.

Эдвард Марроу в мае 1963 г., будучи директором ЮСИА, в выступлении перед комитетом Конгресса предложил емкое определение лучшей пропаганды: «Американские традиции и этика требуют от нас правдивости, но главное в том, что правда – это лучшая пропаганда, а ложь – худшая»[3]. Чтобы убеждать, надо обладать доверием людей, чтобы обладать доверием, надо говорить правду. По сути, он верно подчеркнул разрыв между словом и делом в «Realpolitik» Соединенных Штатов. Сейчас зреет озабоченность как в Конгрессе, так и в международных СМИ тем, что США утратили способность своей публичной дипломатии адекватно реагировать на современную международную ситуацию и поддерживать собственные достижения.

Объективно увеличивается вероятность решений, имеющих крайне опасные последствия и для Соединенных Штатов, и для других стран, а в случае СК снижение уровня стратегического анализа является одним из факторов ее низкой эффективности. Более того, стратегическая коммуникация резко усиливает нисходящий тренд в развитии государства, если она опережает в своем падении его упадок. Если деградация СК отстает от общей деградации, это отчасти маскирует процесс, кого-то дезориентирует, но не спасает от последствий общего упадка, возможно, даже делает его более неожиданным, тяжелым и разрушительным.

Сохраняющееся доминирование военных структур в разработке концепции и стратегии СК накладывает деформирующий отпечаток на стратегическую коммуникацию США в условиях мирного времени, нередко придавая ей излишне «милитаризированный» характер[4]. Это закономерно существенно снижает ее общий эффект. Госдепартамент же тяготеет к различным формам пропаганды, даже если для этого он использует более благозвучные термины.

Следует отметить, что в принимаемых на высшем уровне документах отсутствует сама идея стратегической коммуникации как важнейшего инструмента управления. В решениях Пентагона она четко формулируется только в преломлении к возможному противнику и только в контексте информационного противоборства. В документе министерства обороны США в 2003 г. были прямо обозначены цели информационной войны: **влиять, расстраивать, разрушать или перехватывать процесс принятия решения** (выделено мной – *Е. П.*) людьми или автоматизированными системами противника[5].

Между тем, управление посредством коммуникаций, или коммуникационный менеджмент – важная, новая интегративная область исследований и практики, которая должна, на наш взгляд, являться ядром стратегической коммуникации в современных условиях и в еще большей мере – в будущем в любой развитой стране, разумеется, при обязательной высокой планке этических норм, предъявляемых к использованию технологий КМ в мирных целях.

---

[1] Armstrong M. Reforming Smith-Mundt: Making American Public Diplomacy Safe for Americans. // World Politics Review. – 02.08.2010. – www.worldpoliticsreview.com. Мэтт Армстронг – исполнительный директор Консультативной комиссии США по общественной дипломатии. Консультативная комиссия дает оценку деятельности правительства США, направленной на понимание, информирование, и влияние на иностранную общественность, и предоставляет доклады об этой деятельности и политике президенту, госсекретарю и Конгрессу.

[2] H.R. 5729: Smith-Mundt Modernization Act of 2010. // Govtrack.us. – www.govtrack.us/congress/bill.xpd?bill=h111-5729

[3] About U. S. Public Diplomacy. What public diplomacy is and is not // Public Diplomacy Alumni Association. Formerly USIA Alumni Association. – publicdiplomacy.org/pages/index.php?page=about-public-diplomacy#traditional

[4] Исчезновение термина «стратегическая коммуникация» из официальной лексики Пентагона не отменяет того очевидного факта, что информационные операции играют все большую роль в стратегической коммуникации США, в какой-то мере даже подчиняя своим целям ее другие структурные элементы (публичную дипломатию и связи с общественностью). Да и мирное время все больше напоминает время предвоенное.

[5] Information Operations Roadmap. Department of Defence, United States of America. – P. 22.

Для России, как и для других стран, опыт США в области разработки теории и практики СК представляет несомненную ценность, однако он подсказывает и пагубность его слепого копирования. Существует возможность построения менее затратной и более эффективной национальной системы стратегической коммуникации[1].

Что же такое стратегическая коммуникация? На наш взгляд, это проецирование в массовое сознание государством определенных стратегических ценностей, интересов и целей путем адекватной синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни с ее профессиональным коммуникационным сопровождением**.** Эти ценности, интересы и цели могут каким-либо образом совпадать, сосуществовать, конкурировать, быть абсолютно противоположными и исключать друг друга. Если последнее происходит на национальном уровне, это свидетельствует о тяжелой болезни государства (мы не говорим здесь о его прогрессивности или реакционности, а о дееспособности и эффективности).

СК малоэффективна как средство сотрудничества, если кардинально расходятся стратегические интересы и цели. При этом стратегическая коммуникация неминуемо становится инструментом информационного противоборства. Никаких иллюзий на этот счет питать не следует. Поэтому нужны встречные компромиссы и поиск путей к сочетанию интересов. В создании климата, благоприятного для такого поиска, СК может сыграть очень важную роль, но она и может также и серьезно ухудшить ситуацию. В известной мере, СК сама является значимым (и, отчасти, автономным) фактором сближения или отдаления сторон, и крайне важно, чтобы она служила решению первой задачи, а не второй. Можно полностью согласиться с мнением Денниса М. Мерфи, преподавателя курса информационных операций в ходе военных действий в Армейском военном колледже США: «Основная идея – Вы не можете изменить другого человека, но Вы можете найти области совпадения Ваших с ним интересов»[2].

Такая программа совместной оптимизации СК совершенно нереализуема в условиях нарастания напряженности отношений между Россией и Китаем с одной стороны, и США – с другой. Требуются серьезные, по сути революционные, экономические, технологические, социальные, политические сдвиги **во всех трех странах** (желательно и в других) с учетом их национальных особенностей, но в общих интересах преодоления угрозы новой мировой войны и достойного, демократического, прогрессивного развития всего человечества.

Стратегической коммуникации трех держав «на ходу» предстоит решить очень сложные теоретические и практические проблемы дальнейшей интеграции «слова и дела» в реальной политике. Для этого СК должна преодолеть свой во многом все еще пропагандистский уровень и стать не только и не столько элементом коммуникационного сопровождения внешней политики государства, но и равноправной составной частью управления внешнеполитической деятельностью, с соответствующим инструментарием коммуникационного менеджмента, т.е. профессионального управления людьми посредством коммуникаций.

[1] Ограниченный объем данной статьи не позволяет остановиться здесь на возможностях применения коммуникационного менеджмента в системе государственного управления, включая и сферу внешнеполитической деятельности. См. подробнее: Пашенцев Е. Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация. – М., 2014.

[2] Murphy D. M. Actions, Images, Words. Strategic Communication as a Key Leader Skill Set. – Southbridge, 2010.

Пинкевич А.Г.
к. полит.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета
Алейников А.В.
д.филос.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета

РОССИЙСКИЕ КОНФЛИКТЫ: НОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: *Россия, политический режим, власть, конфликт, политический порядок, стабильность.*
Keywords*: Russia, political regime, power, conflict, political order, stability.*

Многочисленные попытки найти ответ на вопрос о том, «что является и что не является конфликтом», в современной России заканчиваются, как правило, фиксацией приблизительно одинаковых бессодержательных конфигураций, когда «в фокусе» оказываются либо сюжеты, связанные с поверхностным и ограниченным «изучением», спекулятивным анализом «элитных интриг, клановых раскладов и иностранных интересов»[1], либо те или иные «ситуационные конфликты», «из которых ничего не следует, разве что участникам больно, да окружающие пугаются… Все это не может служить объяснением социального конфликта… Мы как будто складываем один и один и удивляемся, что у нас не получается четыре»[2].

С одной стороны, политические практики в сфере «работы с конфликтами» могут определенным образом свидетельствовать о сущности режима, вскрывая зачастую его сознательно декорируемые черты. С другой, специфика конфликтных взаимодействий в политической сфере, функционирование конфликтов существенным образом определяются политическим режимом. Юрген Хабермас писал, что «понять конфликты можно, лишь принимая во внимание те оперативно значимые правила, в соответствии с которыми несовместимые притязания или намерения производятся внутри определенной системы действий»[3].

Постулируется ли конфликт как ценность? Осмысливает ли себя общество, рефлектируя и структурируя конфликтные взаимодействия? Демонстрирует ли социум готовность к компромиссам, взаимным уступкам и переговорам? Или конфликты подавляются, центрируются на власть, которая стремится «снять» или «отменить» конфликт «вручную», различными сдерживающими или репрессивно-силовыми технологиями «раздачи пряников», «заливания пожаров деньгами», смещения предмета мнимого противника, используются все возможности «отрицания и сокрытия конфликта ложью, обманом, ложными символами»[4]?

Л. Козер выделял свободно структурированные (открытые) общества и жесткие системы. В первых социальных порядках, для которых свойственен плюрализм конфликтных ситуаций и терпимость в отношении социальных конфликтов, являющихся способом адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам, конфликт нацелен на снижение антагонистического напряжения и выполняет функции стабилизации и интеграции общества. Общества с гибкой структурой, предоставляя обеим сторонам безотлагательную возможность для прямого выражения противоречащих друг другу требований, извлекают из конфликтных ситуаций пользу, элиминируя источник недовольства и восстанавливая социальное единство. В жестких системах подобный корректирующий механизм вряд ли возможен: «подавляя конфликт, они блокируют специфический предупредительный сигнал и тем самым усугубляют опасность социальной катастрофы»[5].

Российский политолог Дмитрий Фурман подчеркивал, что в системах «имитационных демократий» «власть побеждает всегда, а “правила игры”, напротив, могут меняться по желанию этого постоянного “победителя”. Демократические и правовые нормы и институты в ней играют роль “декорации”, камуфляжа, за которым скрывается иная, авторитарная организация власти. Но в отличие от других авторитарных систем власть здесь не основывается ни на “физической силе” армии, как в военных диктатурах, ни на древней традиции, как в неконституционных монархиях, и демократический камуфляж в этой системе является необходимым, имманентным ей элементом»[6].

Л.Ф. Шевцова, рассматривая наличие в российском режиме элементов, свойственных различным политическим системам, полагает, что совершено особым и даже уникальным его делают многослойность конфликтов и противоречий[7].

---

[1] Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013, с. 196.
[2] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: Росспэн, 2002. – С. 212.
[3] Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. – М.: Праксис, 2010. – С. 49.
[4] Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – С. 492.
[5] Козер Л. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль. – М.: Международный университет бизнеса и управления,1996. – С. 543–544.
[6] Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. – М.: Весь Мир, 2010. – С. 11.
[7] Шевцова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина. – М.: Московский Центр Карнеги, 1999. – С. 508–509.

В таких режимах, как показал Н. Луман, власть централизует разрешение конфликтов, исключая возможность конфликта с собой. Называя такой эффект контроля конфликтов «домостроем», при котором позволить себе конфликты может только тот, у кого есть собственность и/или власть, немецкий социолог подчеркивает, что эта модель отклоняет чрезмерные запросы и в случае конфликта ставит других в безвыходное положение, управляя коммуникацией вплоть до языка и морали. Иммунная система защищает здесь не обязательно конкретные структуры, а концентрацию потенциала изменений наверху. Используя лумановский подход, можно предположить, что в гибридных политических режимах институты, процедуры и механизмы для канализации конфликтов повышают возможность сказать «нет». «Цивилизованное неповиновение» требует ответа на вопрос − как все-таки можно вновь получить и «да», необходимое обществу[1].

Для гибридных режимов характерно урегулирование конфликтов частным образом на принципе принадлежности группе интересов, осуществляющей роль гаранта исполнения договоренностей (либо вообще без использования легального арбитража и судебной системы, либо с использованием их в качестве формального прикрытия властно-распорядительные полномочия при разрешении конфликтов реализуются не в зависимости от официального статуса, а в зависимости от реальной возможности осуществления контроля над распределением и использованием ресурсов. Позиция бенефициаров этих ресурсов является определяющей («руководством к действию») для всех основных институтов конфликторазрешения, включая судебные инстанции, и редко игнорируются сторонами конфликта.

В гибридных режимах конфликтное взаимодействие регулируется неписаными правилами, не зафиксированным в официальном праве («понятиями»). Граждане и властные органы в условиях конфликта действуют не на базе закона, а на основе личных отношений. При этом государство не выполняет функции арбитра в конфликтах, хозяйственных спорах и гаранта исполнения договоренностей между сторонами. Реальным фактором для урегулирования конфликтов является не закон, а способность одной из сторон конфликта обеспечить свои интересы в конфронтации. Средства «принуждения к миру» базируются на неформальном «праве» сильного, замаскированного под внешнюю видимость законности, что может подразумевать и прямое насилие (политико-административное или криминальное).

Характерная для гибридных режимов конфликтная композиция институтов из разных исторических эпох, разных социальных систем обусловливает противоречия новых социальных организаций и форм взаимодействия, институциональных структур (бизнес, массовые коммуникации, образцы потребления и образы жизни) и неизменности структур бесконтрольной власти.

Глава «государства – рынка» выступает в роли верховного арбитра в конфликтах между ведомствами и кланами, исходя из неписаных норм, а не является гарантом всеобщего интереса, т.е. соблюдения законодательно установленных безличных правил поведения, единых для всех законов, как главный инструмент урегулирования конфликтов, фиксирует обязанности и ответственность за его нарушения, но не обеспечивает и не гарантирует прав, в том числе, права собственности.

Персонализированный характер политического управления конфликтами, его слабая рационализация делает изначально второстепенными все институты конфликторазрешения, которые, имея неопределенные и пересекающиеся функции и юрисдикции, выступают лишь средством и инструментом реализации стратегии «первого лица», замыкающего на себя формальные и неформальные рычаги управления, что порождает пренебрежение к установленным правилам и процедурам.

Именно поэтому в гибридных режимах публичные конфликты между группами внутри элиты, борьба за влияние и финансовые потоки находятся под контролем с целью избегания их открытого манифестирования в широком политическом пространстве.

Потребность в социальных и политических изменениях оказывается в состоянии негативного взаимодействия с доминирующими ценностями приспособления к государству, уравнительной и распределительной экономики, политического консерватизма и политической пассивности, патернализма. Отсюда – любые социальные движения, направленные на изменения существующего положения, интерпретируются как призыв к разрушению социального порядка.

Россия (аксиоматически обладая европейской идентичностью) дискурсивно и институционально неизбежно оказалась в состоянии системного конфликта с современным европейским нормативным порядком. Можно выделить:

– Конфликт между декларируемой необходимостью перемен и постулированием стабильности как ценности – за перемены выступает 49% россиян, за стабильность, отсутствие перемен – 44%. В основе дискурса нормализации лежит идея традиционализации социальных и политических отношений, что плохо сочетается с декларациями о необходимости инновационной динамики и модернизации, а набор ключевых стабилизаторов политического режима – с институциональными основами демократии.

– Конфликт по азимуту «авторитаризм – демократия». Демократия в наборе общепринятых ценностей утвердилась как «вербальная» цель, но при этом «сильная рука» представляется как эффективное средство преодоления деструктивных последствий конфликтов перехода к рынку и, как это не парадоксально звучит, к демократии. 55% россиян предпочитают выбирать «твердую руку, которая наведет порядок, даже если для этого придется ограничить некоторые свободы», а 37% считают, что «свобода слова, политического выбора, перемещений по стране и за ее пределы – это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах». При этом 49% полагают, что рассредоточение власти между разными политическими институтами, контролирующими друг друга, лучше, чем концентрация власти в одних руках (за это выступает 40% россиян).

[1] Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – С. 514–521.

– Конфликт между установками на экономическую самостоятельность и установками на социальный патернализм, поддержку со стороны государства. Размежевание между ценностями рынка, индивидуальной предприимчивости и традиционалистскими, государственно-патерналистскими началами в экономике и социальной жизни фиксируется всеми социологическими опросами – это выбор в пользу рынка, но находящегося под контролем государства и «дополненного» рядом нерыночных практик «заботы о людях».

– Конфликт установок на патернализм с его материально-потребительским ценностями, популизмом и деполитизацией публичного пространства с крайним индивидуализмом. Конфликтогенная модель обмена ресурсов на легитимность исключает своей логикой формирование активного политического поведения и самоорганизации, основанных на нематериальных и внеэкономических ценностях, которые не несут своим субъектам прямой и сиюминутной выгоды. Ряд исследователей социологически зафиксировали у россиян факт более слабую, по сравнению с большинством европейцев, выраженность надличных ценностей заботы, толерантности, равенства и, наоборот, сильных ориентаций на характерные для «игры с нулевой суммой» конкурентных ценностей личного успеха, власти и богатства.

– Конфликт между установками на социальную справедливость как «категорический императив» россиян и развитием социальной элитарности, усиленной культурным разрывом.

– Конфликт между установками на обеспечение политической стабильности и фактической «зачисткой» политического поля от альтернативных игроков, что усугубляет нестабильность, – конфликты не разрешаются через плановый ожидаемый механизм конкурентных выборов, что делает процесс смены лидеров неплановым и непредсказуемым.

– Конфликт между установками на необходимость создания правового государства и верховенство права, независимость судов, борьбу с коррупцией и артикулируемой в политических практиках опасностью «неуправляемых» судов и независимых антикоррупционных институций для стабильности политической системы.

– Конфликт между установками на создание прозрачного механизма меритократического отбора в государственный аппарат и государственный крупный бизнес и патронажными практиками, что усиливает некомпетентность управленческого пространства.

– Конфликт между установками на формирование и реализацию последовательной политики по отношению к миграции и геополитическими интересами, с одной стороны, и коррупционными механизмами, блокирующими введение четких и понятных ограничений, с другой стороны.

– Конфликт между установками на формирование общественной морали и принципиально аморальными практиками патроната и коррупции в государстве и государственном бизнесе.

– Конфликт между установками на децентрализацию управления и реальным усилением бюджетного и политического контроля Центра, оценкой передачи части полномочий в регионы как «пути к развалу страны».

– Конфликт между установками на создание социального и правового государства и отсутствием влиятельных групп интересов, заинтересованных в формировании лучших институциональных форм предоставления социальных и правовых услуг (российские элиты предпочитают потреблять медицинские, образовательные рекреационные, финансовые и юридические услуги за рубежом, а не стимулировать их производство в России). В своих личных, партикулярных стратегиях российская элита эффективно включена в глобальный мир, но не стремится распространить эти правила, игры и ценности на внутренний политический порядок, который в целях своей легитимации старается сохранить в неизменности традиционное ядро российского общества, демонстративно заворачивая его в западную институциональную обертку, ограничивая доступ к другим нормам, стандартам, ценностям и институтам.

В представлениях целого ряда общественных и политических деятелей и социальных теоретиков «конфликтная модель» социума есть ни что иное как антипод «солидаристской» российской цивилизационной модели, определяющей весь исторический путь России – «в современном мире преобладает иная модель устроения общества – это модель конфликта. В его основу положена система перманентных противостояний, конкуренции и борьбы, якобы неизбежных и необходимых для прогресса. Нашим идеалом, напротив, является солидарное общество, общество социальной симфонии, где разные слои и группы, разные народы и религиозные общины, разные участники политических и экономических процессов являются не борющимися друг с другом конкурентами, а соработниками… Потому нашим проектом будущего должно стать солидарное общество как альтернатива обществу перманентного конфликта»[1]. Не будем говорить, что «общество социальной симфонии» при попытке его эмпирико-социологической интерпретации вызывает множество вопросов – данные по конфликтогенной дистанции разрыва социальной ткани по уровню доходов, типам потребления, качеству, способам, формам, привычкам, вкусам, навыкам, условиям, стилю жизни, широко известны.

Игнорирование « хороших» и «ценных» фундаментальных свойств конфликта – являться индикатором внутренней нестабильности социального порядка и механизмом социальных изменений, развития творческих способностей и инноваций – из трёх механизмов поддержания политического порядка (идеологическое убеждение, репрессии и институциональное регулирование) исключает последний. По О.Н. Яницкому[2], стабильность как господствующая идеологема и как принцип политики отнюдь не безобидна. Эта идеологема, в частности, означает, что общественное развитие планируется и контролируется только государством: гражданское общество не является движителем прогресса, а лишь его «приводным ремнем». Всеобщая стабильность – это, по существу, отрицание разнообразия, которое в действительности является ключевым условием поддержания стабильности общества посредством изменений, т. е. его адаптации к новым условиям. «Стабильность» как ценность баланса между определённостью и неопределённо-

[1] Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVII Всемирного русского народного собора. – http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783

[2] Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. – М.: Новый хронограф, 2013.

стью при любом потенциально конфликтном социальном взаимодействии в российском обществе означает, что россияне не пассивны, а агрессивно неподвижны – «пассивных людей может быть трудно увлечь, но их можно относительно легко подтолкнуть. Агрессивно неподвижных людей трудно сдвинуть с места в принципе, именно потому, что их неподвижность является рационально обоснованной стратегией»[1].

Власть рассматривается большинством населения и как генератор неопределённости, и как единственная сила, способная справиться с управлением конфликтами. Следовательно, если власть является единственным ресурсом конфликторазрешения, то усиление жестких силовых обертонов в управленческих практиках, распространение силовых стратегий с репрессивным окрасом (запрещение, предотвращение, уничтожение) является общественным благом. Парадоксально, но чтобы оставаться надеждой и опорой, власть, сохраняя свою стабильность, должна создавать и поддерживать контролируемые очаги дестабилизации.

«Стабильность» – это и когнитивная простота восприятия сложной конфликтной ситуации, и доведение до совершенства технологий экзистенциального отнесения сторон конфликта к одному из полюсов и их максимального взаимоотчуждения, то есть создание искусственной политической конфликтогенности как социальной нормы. Традиционные соблазны российской политики – обмануть историю, избрав стратегию сознательного уклонения от управления конфликтами, либо редуцировать конфликты до соревнования напоров и агрессивностей позволяют имитировать развитие (модернизацию, реиндустриализацию, деофшоризацию и т.д.), когда на самом деле стоишь на месте, нейтрализуя недовольство разных слоев и групп интересов. Российская специфика заключается, по мнению Александра Ахиезера[2] в том, что власть находится в постоянном страхе перед тем, что конфликты породят неконтролируемую дестабилизацию и поглотят страну. Эта опасность подавляется вторжением в конфликты на нижних уровнях, создавая специальные органы контроля, слежки и подавления. Наступает момент, когда эффект государственного подавления конфликтов порождает еще большую дезорганизацию. Российское общество не в состоянии превратить множество конфликтов в стимул развития диалога. Российская власть, опасаясь конфликтов, гасит их, направляя свою силу против самого конфликта, а не на защиту его сторон. У участников же конфликта появляется желание использовать в конфликте государство друг против друга, тем самым, коррумпируя конфликт.

Сама логика функционирования подобной модели приводит не только к вытеснению на периферию управленческих практик и процедур устранения системных конфликтов и конструктивных напряжений как «незапроектированных сюрпризов», но и к неизменному откладыванию принципиальных решений по корректировке социальной реальности, неприятных вопросов «на потом».

При этом «летальный исход» всегда «подкрадывается незаметно», ибо власть пресыщена сигналами о мнимых и фиктивных угрозах и опасностях, а месседжи о динамике реальных конфликтов либо не поступают, либо блокируются. Ульрих Бек высказывается еще радикальней, называя такое общество «обществом козлов отпущения», в котором создается политический спрос на смещенные мысли и действия: «не опасности виноваты, а те, кто их вскрывает и сеет в обществе беспокойство». Описывая с помощью понятия «смещенные конфликты» процесс вытеснения конфликтов из сознания и их «загона в огороженную клетку», он схватывает суть внедряемых вместо предметного обсуждения проблем технологий формулирования ответов на ключевые вопросы – найти «громоотводы» опасностей, скрытых от непосредственного восприятия и воздействия, в лице «шпионов ГДР, коммунистов, евреев, арабов, женщин, мужчин, турок, обитателей ночлежек»[3].

В российской проекции этот перечень иллюстраций саботажа предметных дискуссий, который Пьер Бурдьё называл «институциональным лицемерием» или «перманентной шизофренией», конечно, выглядит иначе. Система конфликторазрешения в гибридных режимах не требует иных, кроме фасадных, институтов, она зачастую управляет конфликтами, просто удаляя их за пределы системы. Декоративные, псевдодемократические структуры и процедуры не обеспечивают декларируемую и желанную политическую стабильность, а усугубляют нестабильность. Фасадность «потемкинских» демократических институций разрешения конфликтов (например, через механизм реальной электоральной конкуренции) опасна тем, что камуфлируются принципиальные различия между участниками конфликта.

[1] Грин С.Природа неподвижности российского общества // Pro et contra. – М., 2011. – январь–апрель. – С. 8.

[2] Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса – М.: Изд-во МГУ, 1996.

[3] Бек У.Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 92.

Полунина О.С.[1]

КИБЕР-АКТИВИЗМ И ДРУГИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Ключевые слова: *Латинская Америка, ИКТ, кибер-активизм, манипулятивные технологии, коммуникационный менеджмент, коммуникационное пространство.*

Последнее десятилетие характеризуется мощным скачком в развитии ИКТ. Глобальный охват, мгновенный обмен информацией, отсутствие границ и барьеров – несомненные плюсы, которые принято называть при описании результатов данного развития. Коммуникационный менеджмент, стратегическая коммуникация – управленческие функции, во многом взявшие на вооружение мощный потенциал современных ИКТ. Эта актуальная проблематика уже нашла свое отражение в работах[2] отечественных и зарубежных специалистов по политологии, новейшей истории, социологии и др.

Однако есть и не менее серьезные проблемные «места», которые стали появляться практически синхронно. И многие из них тоже уже успели стать объектами научного интереса. С. Каплан[3] и др., к примеру, утверждают, что независимо от того, находится человек официально на военной службе или нет, неофициально, он все равно исполняет воинскую повинность, будучи простым пользователем GPS. Система разработана, реализована и эксплуатируется Министерством обороны США. В середине 1990-х технология стала доступна для использования в гражданских целях, когда первый автомобиль, сдаваемый в аренду, был оснащен навигационной системой. С тех пор «альянс» военных гражданских, правительственных и коммерческих интересов только укреплялся. Обновляя статус в ФБ или отмечая геолокацию, мы каждый раз оказываемся задействованы в «военной операции». И совершенно не важно, в какой стране мы находимся и каким гаджетом пользуемся, так как навигационные спутники GPS принадлежат правительству США. Дериан[4] считает, что «война глубоко въелась в повседневную жизнь в виде военно-промышленной медиаразвлекательной сети». В Латинской Америке навигационная система используется при бизнес-перевозках очень широко, а в Бразилии, к примеру, скоро станет обязательной.

Интересен и тот факт, что США и европейские страны традиционно доминируют в сфере надзора, контроля за траекторией развития Интернета, однако самый быстро растущий сегмент клиентской базы находится на юге. Латинская Америка и страны Карибского бассейна – это самый быстро растущий сегмент Интернет-аудитории, с превалирующим способом выхода в Интернет через мобильное устройство, около 95% пользователей состоят в тех или иных социальных сетях, а также лидируют по количеству времени, проведенному в этих сетях. «Интернет родился в Силиконовой долине, но его будущее лежит на улицах Рио-де-Жанейро». Для большинства правительств латиноамериканских стран это означает отсутствие достаточной инфраструктуры для обеспечения безопасности своих граждан, курсирующих по просторам Интернета.

ИКТ также содержат в себе мощный потенциал политической мобилизации за счет создания социальных сетей и возможностей онлайн коммуникаций. Пережив десятилетия гражданских войн, хунты и военные перевороты, Латинская Америка «обрела» сейчас вполне демократический инструмент, поддерживающий «в тонусе» легитимную власть. Маргинализованные слои населения организуются в социальные протестные движения под предлогом защиты прав человека или экологических вопросов, становясь серьезной проблемой для политических и экономических элит.

Интернет-активизм (также известный как информационно-пропагандистская работа, киберактивность, электронная агитация и электронная активность) представляет собой использование электронных технологий связи, таких как электронная почта, Всемирная паутина, и подкастов для различных форм активности, чтобы обеспечить скорейшее оповещение об активности граждан и представление отдельной информации широкой аудитории. Интернет-технологии используются для сбора средств на благотворительность, создания сообществ, лоббирования и организации.

---

[1] Полунина Ольга Сергеевна – к.и.н., доцент кафедры рекламы, маркетинга и связей с общественностью факультета коммуникативного менеджмента РГСУ. E-mail: polunina-icspsc@mail.ru

[2] The Rising Role of Communication Management in World Politics and Business. – M., 2009.; Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация: современные технологии управления и влияния. – М., 2014; Пашенцев Е.Н., Полунина О.С. Президенты под медиа-прицелом. Практика информационного противоборства в Латинской Америке. – М., 2014; Губарева Д.А., Новиков Д.А Социальные сети. Модели информационного влияния, управления и противоборства. – 2-е изд. – М.: МЦНМО, 2010; Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М., 2015; Paul Chr. Strategic Communication: Origins, Concepts and Current Debates. 2015; Dudo A., Kahlor L.A. Strategic Communication: New Agendas in Communication. 2015 и др.

[3] Kaplan C., Loyer E., Daniels E. Precision Targets: GPS and the Militarization of Everyday Life // Canadian Journal of Communication. 2013. – Vol. 38.

[4] Der Derian Virtuous Wars: Mapping the military-industrial-media-entertainment network. – Boulder: Westview, 2001.

Интернет является одним из ключевых ресурсов для независимых активистов или электронных активистов, особенно тех, чьи сообщения могут противоречить главной линии. «Особенно, когда происходит серьезное нарушение прав человека, Интернет играет важную роль в обличении злодеяний внешнему миру». Списки рассылок такие, как BurmaNet, Freedom News Group помогают распространять новости, которые иначе были бы недоступны в данных странах.

С. Вей выделяет три разновидности Интернет-активизма – разработка идеи, распространение идеи, реализация идеи[1]. Причем, ИКТ функционируют на разных уровнях, с разными целями и задачами. К примеру, телефонные переговоры, текстовые сообщения и электронные письма используются для быстрого распространения информации. Сайты и блоги – для артикуляции своей политики. Социальные сети призваны обеспечить массовый эффект и даже привлечь внимание зарубежных аудиторий. В рамках такой парадигмы появился новый предмет исследования – «местный кибер-активизм».

По мнению некоторых экспертов[2], Интернет несёт в себе серьёзный потенциал установления контакта с лидерами мнений, которые способны оказывать влияние на взгляды и поведение других людей. По данным Института политики, демократии и Интернета «вероятность того, что так называемые «сетевые политические граждане» выступят в качестве лидеров мнений среди своих друзей, родственников и коллег в семь раз выше, чем у среднестатистических граждан. И, тем не менее, Интернет-активизм также имеет огромный потенциал по поддержке и защите самих фундаментальных основ сети Интернет – свободы общения и взаимодействия вне рамок механизмов контроля и подсчета профита.

Глобальная экономика, современные технологии и прочие блага цивилизации совершенно не означают, что они доступны всем и каждому: даже туристические поездки в разные страны доступны далеко не всем. Зато социальные сети и информационные продукты ведущих мировых СМИ доступны. Наблюдение Липпманна о том, что люди зависят от СМИ в формировании картины мира, причем мира – в прямом смысле, актуально по сей день. Масс-медиа и нью-медиа играют ключевую роль в формировании имиджа той или иной страны. Для большинства стран Латинской Америки это означает, что они «светят» отраженным светом и воспринимаются через призму ведущих западных СМИ. Свет в этой призме, как известно, преломляется, под воздействием разнообразных манипулятивных технологий. Приведем несколько примеров.

Формирование окружения Технология состоит в специальном формировании информационного окружения вокруг личности кубинского лидера, в данном случае для снижения степени доверия к нему. Итак, читаем статью под названием «Продовольственное изобилие намекает на перемены с новым Кастро[3]». Довольно издевательски выглядит прямое обращение к читателю в самом начале: «Разве рисоварка может вызвать коренные изменения?» Далее в таком же ключе рассказывается, насколько не просто непопулярны, а несостоятельны предпринимаемые шаги: «микроскопические перемены», «чинить на скорую руку» и т.п.

Эта же технология положена и в основу статьи в октябрьском номере 2010 г. *Harper's Magazine* «Быть кубинцем 30 дней[4]». Очень субъективистское и очень экспрессивное повествование американского журналиста, решившего примерить на себя кубинскую национальность, формирующее контекст восприятия всего, что касается Кубы, которое наполнено эмоционально-оценочной лексикой, словами с ярким коннотативным значением, которые, как известно, не столько определяют понятие, сколько выражают отношение к ним говорящего: *tragic moment* (трагический момент), *amateurish interrogation* (любительский допрос), *scrubby fields* (заросшие неухоженные поля), *muddy border*(грязная граница) и т.п. Умеет автор пользоваться и метафорическим переносом: «Она (проститутка – *Прим. автора*) представляла собой классический пример кубинской экономики в действии»[5].

Но даже не это главное, хотя по замыслу, очевидно, это сравнение должно было сыграть роль кульминации в его рассказе, так как автор приберег его к концу – знакомство с проституткой и, как оказалось, с экономикой Кубы, состоялось на предпоследней странице. Главное – это то, что сюжет сконцентрирован вокруг единственной темы – голод, нехватка еды, постоянный квест в поисках еды, воровство, чтобы получить еду, подсчет калорий при помощи мобильного приложения, сны о еде, голодный обморок. Не «наш человек в Гаване». После такого «откровения» остается надеяться, что у автора все сложится хорошо, ведь заканчивает он словами: «Я сменил национальность и набрал вес»[6]. Национальность, кстати, можно было и не менять, потому что средняя продолжительность жизни кубинца по данным ВОЗ[7] на 2012 г., – 79 лет, и в США – тоже 79.

Прямое опровержение. Этот метод довольно незамысловат – опровергать соответствующие факты, заявления и достижения противоположной стороны. Разберем его на примере отчета делегации социальных работников. Этот документ оставляет стойкое приятное «послевкусие» о совместной работе, о важных кубинских достижениях, о взаимопонимании и прочих значимых вещах. Параллельно, тоже в 2011 г., публикуется статья Р. Струссера[8] в сборнике

---

[1] Vegh S. Classifying Forms of Online Activism: The Case of Cyberprotests against the World Bank // Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice. – N.Y.: Routledge, 2003. – P. 72–73.

[2] Milan S. When Politics and Technology Speak the Same Language / University of Toronto. 2012.

[3] Stores Hint at Change Under New Castro. 02.05.2008. – www.nytimes.com/2008/05/02/world/americas/02cuba.html?pagewanted=all

[4] Symmes P. 30 Days as Cuban // Harper's Magazine. 2010. – P. 43–57.

[5] Ibid., p. 56.

[6] Ibid., p. 57.

[7] Life Expectancy: Life Tables (Cuba, the USA). – http://www.who.int/ gho/countries/en/

[8] Strusser R. Demystifying the Cuban Health System: an Insider's View / ASCE. 2011. – P. 222–234.

ASCE «Куба в движении» (*Cuba in Transition*) с «многообещающим» заголовком «Развеивая мифы о кубинской системе здравоохранения». Сравниваем: в отчете значится пункт об особом положении пожилых людей и качественной заботе как со стороны общины, так и семьи[1]; в статье – все с точностью до наоборот, автор утверждает, что в погоне за сокращением детской смертности старики остаются без внимания[2].

Факты о сокращении детской смертности и увеличении продолжительности жизни рассматриваются автором статьи не иначе как идеологически «показательные» показатели, подогнанные под международные стандарты ООН[3]. Интересно, если это действительно можно сделать, пусть даже в идеологических целях, какие страны из списка ВОЗ еще этим занимаются?

И еще о детской смертности и идеологии. Автор статьи утверждает, что из собственного опыта знает о том, как подделываются отчеты о том, родился ли ребенок мертвым или умер на первых минутах жизни. И все это происходит под давлением чиновников. Позволим себе еще один вопрос. На кого легче оказать давление – на группу специалистов в составе делегации или на одного специалиста, который к тому же знаком с практикой подделки отчетов? Ну а тот факт, что кубинские врачи работают по всему миру, автор статьи оценивает не иначе как Троянского коня, приносящего революционные идеи вместе с медицинской помощью.

Справедливости ради, стоит сказать, что в данной статье можно найти и еще один манипулятивный прием – перенос негативного образа, а читательской аудитории предлагается находить собственные ассоциации. К примеру, в явно медико-санитарном контексте статьи слишком часто, на наш взгляд, проскальзывают понятия другого лексического поля. Приведем примеры: смутная идеологическая цель советской тоталитарной всеобщей системы здравоохранения (*obscure ideological goal of Soviet totalitarian universal primary health care);* в обстановке цензуры и запугивания *(in an environment of censorship and intimidation);* угнетающий и доводящий до нищеты эгалитарный социализм в советском стиле (*oppressive and impoverishing Soviet-style egalitarian socialism);* предвзятые кубинские чиновники *(biased Cuban officials);*отсутствие свободы выражения, передвижения и других свобод *(the lack of free expression, travel and other liberties)*; советская революционная мифология перенесенная на Кубу (*Soviet-style revolution mythology transferred to Cuba)*; репрессивный аппарат кубинского правительства *(Cuban government's repressive apparatus);* пассивное подчинение политическому давлению и пожизненное страдание на острове *(passive acceptance of political oppression and endurance of the lifetime suffering in the island)*; социо-экономический хаос *(socio economic chaos);* пропагандистские цели *(propaganda reasons).* При желании можно продолжить. Эффект такой гибридизации лексических полей, видимо, должен вызвать эмоциональный отклик у читателя и единение с точкой зрения автора.

Информационные мероприятия вокруг Кубы хотя и не имеют острого характера, зато представляют собой полную палитру способов, методов и приемов системного информационного противоборства. Скорее всего, объяснить такое положение вещей можно исходя из следующих позиций: во-первых, правительство Р. Кастро не собирается никому ничего доказывать на международной арене, так как считает, что все уже было доказано с победой социалистической революции и с тех пор ее идеалы не померкли, в связи с чем, ведя довольно уравновешенную внешнюю политику, Р. Кастро сосредоточен на решении внутренних проблем. Не имея формальных поводов для агрессивных нападок на страну, США избрали тактику, если можно так сказать, «рациональной критики» – обсуждают реформы и достижения, проблемы и пути решения, формируя образ отсталой страны, регресс которой как раз и начался чуть более 50 лет назад. Во-вторых, прекрасно понимая, что формируемый образ Кубы не совсем совпадает с реальным положением дел (несмотря на определенные трудности и проблемы, Куба и ее лидер имеют вес на международной арене, да и союзнические отношения с Россией продолжают крепнуть, что еще раз подтвердил визит российского президента в июле 2014 г.).

Итак, киберпространство таит в себе множество возможностей и угроз. Показательным является заявление министра ВС Великобритании Ника Харви о том, что «Действия в киберпространстве станут частью сражений будущего, а кибероружие станет неотъемлемой частью арсенала страны». На чьей стороне окажется самый многочисленный контингент пользователей социальных сетей в информационных сражениях ближайшего будущего, каковы средства эффективной защиты от манипулятивного воздействия в виртуальном пространстве – на эти и другие социально-значимые вопросы использования ИКТ в политических целях еще не дан окончательный ответ. Однако современная действительность Латинской Америки показывает острую необходимость разработки эффективных мер безопасности личности и общества в современном информационном пространстве.

[1] «High esteem for elders, who give and receive strong family and community support», p. 9. и «Interdisciplinary gerontological assessment and community-based intervention for elders who are at risk for isolation and disability», p. 10.

[2] «… the relative lack of attention to elder and even adult care of both genders…», p. 226.

[3] Ibid., p. 227.

Радзиевский В.А.[1]

УКРАИНА И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ «ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ»

Ключевые слова: *культура, Украина, история, культурология, нацизм.*
Keywords: *culture, Ukraine, history, culturology, nazism.*

Массовое переименование улиц, площадей и даже населенных пунктов на Украине не случайны. Часто это следствие беспамятства и бескультурья. Проведя в феврале 2017 г. в Киеве соцопрос о М. Кутузове (до 2016 г. в центре Киева была улица в честь известнейшего генерал-фельдмаршала), мы констатировали печальную реальность. Из ста человек, только один респондент знал, что М. Кутузов имел непосредственное отношение к истории столицы Украины. Четырнадцать респондентов предположили, что русский полководец имел «какое-то отношение к истории Киева», а тридцать восемь сказали, что он «не имел никакого отношения к истории города». Почти половина опрошенных (47 человек) либо затруднялись ответить, либо не знали. Когда потом некоторым мы сообщали, что М. Кутузов был Киевским военным губернатором., то в ответ часто уверенно и удивленно звучало: «этого не может быть!» и «как так?». Не знают киевляне и того, что М. Кутузов спас Киев от Наполеона I, пожелавшего отступать из Москвы (через Калугу и Малоярославец) в южные пределы государства. Потому разве удивительно, что улицу, носящую имя всемирно известного победителя Бонапарта и скромного губернатора Киева, переименовали в честь сподвижника С. Петлюры? Не наглядный ли пример и не опасный ли это симптом?

Для того чтобы понять социокультурную атмосферу на Украине, сделаем краткий обзор, сравнения и выводы.

Цель статьи – исследование знаковых позиций и тенденций негативного «перевоплощения» в отдельных культурфилософских и исторических дискурсах в контексте современных социокультурных процессов на Украине.

Немало ученых поднимало проблему объективности и подлинных общечеловеческих ценностей (П. Толочко, Г. Ивакин, А. Моця, А. Толочко, В. Король, В. Орленко, Н. Щербак и др.), которые важны в культуре.

Проблема Иванов, забывших прошлое и пытающихся «перевоплотиться» в лучшем случае в Джонов или Жанов, не нова. При этом у «перевоплощающихся» не меняется их минувшее; у них остаются их же «корни» (происхождение, родственники), телесность, архиментальность, естество, «внутренняя национальная природа» и т.д. Только предают эти «перевоплощенцы» Родину, народ, предков и самих себя. Ведь природу не обманешь. Приведем сравнение: кот (забыв соответствие своему бытию и характеристикам, условия существования и ареал обитания, диапазон возможностей и т.д.), возомнивший (может быть, из-за чьих-то внушений или навязчивых убеждений) себя львом и бросившийся на волка, безусловно, будет растерзан. В наше время подстрекателями, дезинформаторами и провокаторами могут выступать и продажные СМИ.

18.02.2017 г. Д.Трамп обвинил крупнейшие СМИ США в распространении недостоверной информации и назвал их врагами американцев: «Фейковые медиа (The New York Times, NBC News, NBC, CBS, CNN) не мои личные враги, а враги американского народа»[2]. А что можно сказать об украинских СМИ? «В доктрине информбезопасности, утвержденной Президентом, идет речь о блокировке сайтов, запрете на критику власти и самоцензуре»[3]. По мнению главы единственного крупного оппозиционного медиа-холдинга «Вести-Украина» О.Семченко, «власти методично давят на свободу слова в Украине, прикрываясь демократическими лозунгами»[4], «катастрофически не хватает альтернативы! Ее просто убивают»[5]. Адвокат И. Либерман уверен, что в конце зимы 2017 г. «началось тотальное ограничение свободы слова. Любое выступление на ток-шоу, где прозвучат критические по отношению к власти заявления, станет дорогой к уголовному делу о госизмене с передачей в суд. Любое слово можно расценить как заявление, подрывающее авторитет государства или посягающее на информационную безопасность»[6]. По его данным, в СБУ появился отдел по информбезопасности. Усилили мониторинг информпространства и в Администрации Президента.

Развитие социокультурных процессов на Украине в последние годы иногда осуществляется за счет паразитирования на национальных компонентах, с подменой традиционной духовности ее суррогатом.

---

[1] Радзиевский Виталий Александрович – кандидат культурологии, доцент Киевского национального университета культуры и искусств, член-корреспондент Международной академии креативной педагогики, член-корреспондент Международной академии фундаментальных основ бытия, академик Украинской технологической академии.

[2] Трамп назвал крупнейшие американские СМИ врагами американцев. – http://zn.ua/WORLD/tramp-nazval-krupneyshie-amerikanskie-smi-vragami-amerikancev-239598_.html

[3] Цензура в законе // Вести. 2017. – 27 февраля. – С. 1.

[4] Вести. 2017. – 15 февраля. – С. 3.

[5] Марченко А. Это политически обусловленное преследование СМИ в Украине // Вести. 2017. -27 января. – С. 3.

[6] Рябоконь А., Маркин Я., Разенкова М. Атака на слово: власть готовит запрет соцсетей и сайтов // Вести. 2017. – 21 февраля. – С. 4.

В феврале 2017 г в МВД Украины захотели запретить соцсети «Вконтакте» и «Одноклассники», т.к. они в Интернете «являются основными производителями антиукраинского контента», – сказал советник министра МВД З. Шкиряк, надеясь на поддержку и в Минобразования[1]. В июле 2016 г. СБУ рекомендовала украинцам удалять аккаунты в российских соцсетях.

В декабре 2016 года Президент Украины П. Порошенко подписал закон, ограничивающий ввоз книг из РФ без разрешения спецкомиссии[2]. В начале 2017 г. проблема «запрещенной ныне российской литературы»[3] обострилась не только для продавцов книг.

Парламент Украины постановлением от 21.02.17 г. поручил школам и вузам обустроить в своих помещениях стенды об участниках АТО; органы местного самоуправления должны обеспечить переименования улиц и наименований учебных заведений, а также установление мемориальных досок в честь героев АТО[4].

Проблемы «духовной оккупации», «морального Чернобыля» и «псевдоокультуривания» особо актуальны. В поисках «внутреннего врага» активисты создают списки неугодных газет, каналов, политологов и т.д.[5] В моде и самопиар: кто будет на Украине спорить с тем, что «украинские женщины красивее россиянок», а украинцы – красивее мужчин из России[6].

Логичны ли в научной рефлексии 2017 г. аргументы типа: Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан уже перешли на латиницу, а чем мы, украинцы, хуже турков? Утверждение, что кириллица неактуальна обосновывают и тем, что якобы большевики в 1918 г. хотели ради пролетариев всех стран перейти на латиницу. Отсюда и продолжение «аргументации»: современные «свидомые» умнее «коммуняк» и латинизация необходима.

Тотальное предательство иногда прикрывают, завуалировав «благими намерениями» псевдопрогресса («Новые практики», «модная американизация» и т.д.). Измену Отечеству, традиционным ценностям, народу, вере, предкам и самому себе можно лукаво – в духе времени и вестернизации – наименовать «нужным перевоплощением», но ведь и купленный на базаре диплом кандидата наук или значок мастера спорта (даже надеть можно) не превратят неуча – в ученого, а хлюпика – в спортсмена.

Некоторые социокультурные «перевоплощения», напоминающие своей фальшью и опасностью «духовную онкологию», часто паразитируют на подлинной истории и истинной традиционной культуре, заимствуя у них форму, но перекраивая содержание, нагло подменяя и переиначивая смыслы и значения.

Актуальной считается поддержка внимания украинского общества к личности и идеям С. Бандеры. Отсюда – заповеди националиста и постулаты нациократии, связанные с русофобией и обусловленные ненавистью.

Ажиотаж накануне 2017 г. вызвал новый мультфильм о героической борьбе Украинской повстанческой армии (УПА) с «оккупантами». Причем «в мультфильме звучат непечатные фразы о «москаликах», а также аутентичная гуцульская брань»[7], его автор ради воспитания детей планирует серию мультфильмов о добровольческих формированиях и событиях на востоке.

В процессе декоммунизации становится модным изображать знаковых личностей «по-новому» (комично, критично и т.п.). Поэтому «Ленина выставили шизофреником» (фильм «Моя бабушка Фанни Каплан»), Сталина – отъявленным интриганом (украинский фильм «У края бездны», но все равно запрещенный на Украине[8]), а «Бенюк сыграл альфонса Брежнева»[9] (фильм «Цыгане в космосе»).

Введение квот на украиноязычные песни заставило некоторые радиостанции по несколько раз в день запускать песню «Лисапет мой, лисапет» коллектива «Лисапетный батальон» (женщины до 65 лет из сел Хмельницкой области)[10], который называют украинским ответом «Бурановским бабушкам».

Проблема «перевоплощения» не только «киношна» или театральна (К. Станиславский, Б. Брехт, Л. Курбас и т.д.). Она касается иногда глубинных ментальных трансформаций, личностных характеристик и проблем ценностей и святынь личности и общества. Вопрос позитивного и конструктивного развития зиждется на человеколюбии, основанном в том числе и на культурно-исторической и ментально-родственной преемственности, на опыте и на достижениях предков, на последовательной связи поколений и на самотождественности. Духовное развитие восточных славян как позитивное «перевоплощение» связано и с опытом христианского преображения (Феодосий Печерский, Сергий Радонежский, Димитрий Ростовский, Серафим Саровский, Иона Киевский и др.). Антиподом выступают дегенерация и обезображивание на базе псевдоидеалов, самозабытия, фашизации, нациократии, эгоцентризма, лживости, жестокости, «шмоткобожества» и т.д.

---

[1] МВД хочет запретить «ВКонтакте» и «Одноклассники» // Вести. 2017. – 17 февраля. – С. 4.

[2] Вести. 2017. – 27 января. – С.2.

[3] Маркин Я., Кучкина А. Книжные магазины могут опустеть // Вести. 2017. – 30 января.- С. 3.

[4] Постановили: школы нужно назвать в честь участников АТО // Вести. 2017. – 22 февраля. – С. 4.

[5] Козуб Т. Зачем снова создают «черные списки» // Вести. 2016. – 16 декабря. – С. 2.

[6] Украинские женщины красивее россиянок // Вести. 2016. – 12 октября. – С. 4.

[7] Разенкова М. Появился мультфильм о битве УПА с «москалями» // Вести. 2016. – 28 октября. – С. 3. Ср. В феврале 2017 г. среди тех, кто мог бы представлять Украину на «Евровидении», было отмечено эпатажное трио «Поющие трусы» (учтен воспитательный и патриотичный эффект?) с девизом «Дадим Европе по жопе» (Милиневский Н. Кто прорвется в финал // Вести. 2017. – 17 февраля. – С. 10).

[8] Запрещают не только новые российские ленты («Однажды в Ростове», «Личное дело», «Побег 2», «Рыжие», «Пряники из картошки», «Тщетная жертва», «Любовь без лишних слов», «Катина Любовь 1», «Катина любовь 2» и «Нечаянная радость») // Вести. 2016. – 25 октября. – С. 3.

[9] Милиневский Н. Вожди в кино: кому интересны и как можно на них заработать // Вести. 2016. – 28 декабря. – С. 10.

[10] Кучкина А. «Лисапетный батальон» заполнил эфир // Вести. 2016. – 20 декабря. – С. 5.

На Украине важна проблема положительного «перевоплощения» (и как трансформации) нынешнего общества потребителей в общество созидателей (сотворцов). Стереотипы потребительства многолики.

Даже глава Минобразования Украины «Гриневич приписала себе цитаты, которые слово в слово скопированы у педагогов из Житомира, даже не исправив ошибки в тексте»[1]. Но разве важна грамотность, если идет борьба за «тотальную украинизацию»[2]? Неужели скоро дойдет до того, что на хлебосольной Украине реальностью станет дискриминационная максима: «за русский язык – штраф или тюрьма»[3]? Создание института «языковых инспекторов» – это не просто попытки удачно трудоустроить профборцов за «мову», но и перспектива «назначить языковую экспертизу, чтобы проверить госорганы, решения судов, диссертации, СМИ, культурное мероприятие. Невыполнение языковых норм будет грозить штрафами (до 6800 грн) и уголовным преследованием»[4]. Многие депутаты выступают за законопроект, согласно которому даже «никто не сможет говорить на русском в судах, магазинах, ресторанах», о русском языке в вузах, школах и госорганах даже не заикаются, ведь иначе – ты «агент Кремля и не имеешь права голоса»[5]. Не удивительны и предложения отмены традиционных праздников, в т.ч. 8 Марта, 1, 2 и 9 Мая[6].

«Перевоплощения» в душах рождают парадоксальные ситуации и реалии, отсюда – иногда из-за бескультурья не только форма кощунственно подменяет смысл (не напоминает ли парадоксальную – или даже альтернативную – культурологию?). Так, в Запорожье при декоммунизации из-за созвучности, «привлекательности для туристов» (видимо, для сатанистов из США и Европы) и легкости запоминания предложили наименовать улицу в честь американской группы Cannibal Corpse (с англ. труп-каннибал)[7]. Их альбомы запрещены во многих странах, ибо поют об убийствах, насилии, некрофилии и каннибализме[8]. Для геральдистов резонансной стала и эмблема Главного управления разведки Минобороны: сова с мечом в когтях, чье «острие пробивает территорию РФ примерно в районе Сибири»[9]. Открытие памятника «украинцу» Владимиру Крестителю в Москве взволновало многих на Украине: ведь «имперские притязания России на «русский мир» основаны именно на факте крещения»[10]. Подмена понятий приводит к подлогам даже в отдаленных, на первый взгляд, отношениях. Накануне 2017 г. в «супермаркетах стали чаще продавать просроченные продукты»: «дата использования оказалась исправленной с 2015-го на 2016»[11]. Безвкусица, деформация ценностей и идеалов ведет к искажению потребностей и стандартов. «Ширпотреб в культуре» имеет связь с негативными «перевоплощениями» и с тотальным секонд-хендом.

Больное сознание и бескультурье приводят к болезням тела и дегенерации духа: вопрос не просто в спросе на просроченную еду[12] и на поношенную одежду. Это свидетельство не только бедности. Может, в аспекте негативных «перевоплощенцев» правдиво деревенское украинское выражение («не дай Бог из жлоба – пана»)?

Дискурс «открытость–закрытость» получает новые, «перевоплощенные» аспекты. Так, например, в Киеве за бронемашины просят $25 тыс., но продают и за $10 тыс., даже «можно купить списанный БТР с пулеметом за $8 тысяч»[13].

В конце 2016 года у П. Порошенко в его домовой церкви нашли фрески, на которых он и его близкие запечатлены в образах римских патрициев. Пропрезидентские блогеры обвиняли оппонентов в непатриотизме.

Экстравагантные изображения (аристократов Рима) стали популярны на Украине. В Новый, 2017 год «это очень популярный предновогодний подарок, половина парламента… заказывает» (Поярков)[14]. Но «такие портреты свидетельствуют о низкой самооценке, нарциссизме и самовлюбленности» (психолог П. Флоров)[15]. Некоторые, якобы возомнив себя безгрешными, вводили свои образы в библейские сюжеты и «выкладывали из мозаики в бассейне и спа-зоне»[16]. По мнению П. Флорова это знак: «Либо не наигрался в детстве, либо мания величия»[17]. Некоторые такой стиль называют «а-ля Порошенко», но и в Софии Киевской есть изображение Ярослава Мудрого, и ктиторов часто увековечивали.

П. Порошенко владеет более чем восьмьюдесятью полотнами художников XVIII–XX вв., включая «Ворожбу на венках» И. Соколова, «Последний совет на Запорожье» В.Ковалева, «Сельский пейзаж» К. Крыжицкого, «Хату в лунном свете» Г. Светлицкого. «Он владелец произведений искусства стоимостью миллионы долларов каждый. На одном из международных аукционов (Christie's или Sotheby's) он купил работу гения эпохи Ренессанса Сандро Боттичелли за

---

[1] Министра Гриневич обвинили в плагиате // Вести. 2016. – 21 ноября. – С. 2.
[2] За русский язык – штраф или тюрьма // Вести. 2017. – 20 марта. – С. 1.
[3] Там же.
[4] Рябоконь А. За разговор на русском могут наказать // Вести. 2017. – 20 марта. – С. 4.
[5] Там же.
[6] Петик М. Нас хотят заставить работать 8 Марта // Вести. 2017. – 30 января. – С .4.
[7] В Запорожье хотят назвать улицу в честь «каннибалов» // Вести. 2017. – 1 февраля. – С. 4
[8] Там же.
[9] Маркин Я. Сова на эмблеме Минобороны устроила скандал // Вести. 2016. – 31 октября. – С. 3.
[10] Деловая столица. 2016. – 14 ноября. – С. 22.
[11] Приходько Б. Перед праздниками – распродажа просроченного // Вести. 2016. – 19 декабря. – С. 6.
[12] Маркин Я. Еда по второму кругу // Вести. 2016. – 20 октября. – С. 4.
[13] Приходько Б. На улицах Киева продают бронетехнику за $25 тысяч // Вести. 2016. – 26 октября. – С. 7.
[14] Рябоконь А. Портреты в стиле Порошенко заказывают китайцам // Вести. 2016. – 28 декабря. – С. 3.
[15] Там же.
[16] Петрик М. У Порошенко нашли фрески с его портретом // Вести. 2016. – 29 ноября. – С. 3.
[17] Там же.

восьмизначную сумму в долларах. Также в его коллекции есть работа Рубенса» (С. Лещенко)[1]. Вероятно, в коллекции Президента есть работы С. Шишко, Н. Глущенко и И. Айвазовского.

Ориентируясь на любовь украинцев к искусству, недавно на острове Турунчак в Одесской области воры прятали 17 картин стоимостью 20 млн. евро, украденные из музея Вероны[2], шедевры были возвращены в Италию.

Не только российские звезды «не в чести» (политики, отдельные артисты и продюсеры рады отсутствию конкурентов из РФ). В начале февраля 2017 в Центре визуальной культуры Киева радикалы разгромили выставку современного украинского художника Д. Чичкана[3]. 16 ноября 2016 в Киеве радикалы пытались сорвать концерт дуэта Потапа и Насти, а до этого им сорвали выступления в Хмельницком и Луцке[4].

Накануне 2017 года Украина провалилась в важнейших рейтингах мировых аналитических агенств (конкурентноспособность, инвестпривлекательность, военная мощь и т.д.), став «в шаге от попадания в десятку стран с наивысшей террористической угрозой (обогнали Ирак, Турцию и Афганистан)»[5]. Можно ли обсуждать введение медалей типа «В память победы древних украинцев над войском персидского царя Дария», «К юбилею освобождения Украины от готов» или «В честь похода Сагайдачного на Москву»? Вспоминается шутка: «Где только не были древние укры? В Токио, в Мельбурне, в Вашингтоне и в Рио-де-Жанейро – не были… Или это дезинформация из Москвы – и мы везде давно были?».

Мировую культуру и историю обогащали многие люди русского мира, духа и традиций, будучи не только этнически русскими. Стоит ли мерить форму черепа и длину туловища, сдавать кровь и волосы, чтобы узнать свою «кровность» и «культурность»? Можно по-разному относиться к тезисам типа того, что украинцев из малороссов создал Л. Каганович, а русских выдумал из великороссов Я. Свердлов[6]. Культурная автохтонность не связана с утверждениями типа «украинец – это человек со знаком качества», будто иные люди – «со знаком минус» (что оскорбительно и антинаучно).

Проблемы селекции и сепарации очень сложны, но лозунги гиперособенности и изоляционизма («моя хата – с краю» и т.п.), возведенные в культурный код, приводят к негативным «перевоплощениям».

Какой тон задают А. Билецкий – «Белый вождь» в полку «Азов», глава националистической партии «Национальный корпус» (далее – НС), С. Филимонов (себя называет Сын Перуна) и Д.Виноградова (боец ДУКа, художница и автор текстов для группы «Сокира Перуна»)? Или «массовка» из праворадикального движения Misanthropic Division («Дивизия ненависти к людям»)[7]? Некоторые их именуют «Дети Перуна». «Их идеология строится на дохристианских националистических традициях, обрядах и принципах. Отличаются жестокостью, чем привлекают внимание новых адептов из молодежной среды», – говорит эксперт по сектам В. Рогатин[8]. По его данным, «Азов» на 60% состоит из неоязычников (в Мариуполе на территории полка есть идол Перуна)[9].

Оккультный символ «Черное солнце» (изломанные радиальные лучи, выходящие из черного круга) вписан в символику «Азова», вытатуирован на телах многих бойцов и членов НК. Он активно использовался в нацистской Германии как придающий «нордической расе» особые способности[10]. Не только немецкие аморальные, нацистские «химеры» были задурманены неоязыческим сознанием. Волхв Свитовит из Запорожья: «Много наших родноверов вступили в «Азов», воевали вместе. И сами азовцы приезжают к нам, участвуют в праздниках бога Перуна, Купала. Также родноверы участвуют и в работе партии НК на местах»[11]. Некоторые (А. Золотарев и др.) проект НК связывают с главой МВД А. Аваковым. По словам Дульского, в основном НК финансируется из США[12].

Разве не напоминают предательство подлинной украинской истории и культуры попытки некоторых украинских деятелей (культуры, политики и т.д.) обосновать необходимость «европейского перевоплощения»?

Разве культурфилософские оправдания некоторых процессов не сродни апологетизации «перевоплощений» Гитлера и Геббельса перед толпами обманутых фанатиков? Не будут ли тщетны попытки прикрывать «духовную онкологию» демагогией, например, «европейского перевоплощения»?

В христианской традиции есть понятия «чуда» и «лжечуда», «пророчества» и «лжепророчества», а для некоторых (в силу их самообмана и греховности) и антихрист подменит собой Христа. Вспомним хотя бы отдельные жития из Киево-Печерского патерика (Исаакия-затворника и др.), когда в виде ангелов являлись бесы с целью обмануть подвижников и сбить будущих святых с правильного пути. В роли «бесов», как известно, могут выступать и носители западной (и не только) псевдодуховности.

---

[1] «Белые пятна» Петра Порошенко: от слепого траста до Боттичелли // Вести. 2016. – 1 ноября. – С. 2.

[2] Украина выдаст Италии похитителя картин // Вести. 2017. – 30 января. – С. 2.

[3] Радикалы разгромили выставку картин // Вести. 2017. – 9 февраля. – С. 3.

[4] Вести. 2017. – 17 ноября. – С. 3; Ср. Вести. 2017. – 16 февраля. – С. 5.

[5] Украине указали на ее место в мире // Вести. 2016. – 23 декабря. – С. 1.

[6] Ср. Карелин А. Украинский язык. История становления и развития. – К.: Киевская Русь, 2011. – 232 с. Причем некоторые отмечают, что в русском языке национальности (украинец, татарин, поляк и т.д.) обычно имена существительные, а «русский» – прилагательное.

[7] Козуб Т., Маркин Я., Дранник А. Аваков создал себе запасной аэродром // Вести. 2016. – 17 октября. – С. 2.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

Эксперты считают, что «адептов сект все больше»[1], а Украинская православная церковь Московского патриархата не только во многих СМИ «представляется агентом влияния», которую надо запретить[2]. Ведь она не только содействует развитию хорового пения, изобразительного искусства и проповеди любви, но и «единственная конфессия на Украине, призывающая к прекращению «братоубийственной войны»»[3].

Нормально ли в киевском ресторане «Останя барикада», «например, за 128 грн отведать *Жареного Путина с рваным мясом и сыром BBQ*»?[4] А послушать экс-президента В. Ющенко с его откровением: «я не люблю мужчин, для которых украинец и патриот – не тождественные понятия»[5]? При этом тема отравления В. Ющенко в 2004 г. так и не получила вердикта в суде. Что уж дела о смерти О. Бузины, П. Шеремета, О. Калашникова и многих других? Или о кражах в музеях, библиотеках и домах культуры?

СМИ Украины часто сообщают о покушениях на высокопоставленных чиновников, но «эксперты считают: все это просто пиар»[6]. Первой жертвой «террористов» был глава МВД А. Аваков. Исполнитель – стареющий охранник детсада И. Поповский. Он сознался, но спустя два месяца его отпустили. Потом объявили в розыск, но «террорист» не скрывается[7]. В декабре 2014 г. было покушение на вице-спикера парламента А. Парубия: за более чем два года, следователям не удалось собрать все доказательства[8]. В январе 2015 г. в Днепре открыли производство по факту покушения на лидера Правого сектора Д. Яроша. Покушение на экс-генпрокурора В. Шокина 2.11.2015 г. также не раскрыто. Покушения на А. Геращенко (правая рука А. Авакова), которое, по данным СБУ, планировалось «российскими спецслужбами», – «глухарь». Нардеп В. Парасюк уверен, что многие из покушений – фейк. Покушение на него самого 30.03.2016. тоже не раскрыто. Эксперт по безопасности С. Шабовта думает, что это – пиар: «весь наш политбомонд в подавляющей массе ничтожно результативен, а потому такие люди нуждаются в пиар-акциях, которые позволят им создать ореол мученика за народ, который, ежедневно рискуя быть растерзанным, мужественно идет в бой. Геращенко договорился до того, что у нас есть чуть ли не параллельный ИГИЛ… гиперорганизация, которая должна быть хорошо финансирована и вооружена, но… все эти случаи были инсценировками… если бы подобными задачами занимались спецслужбы любого из государств, то их замыслы в большинстве случаев были бы успешно реализованы»[9]. Неужели правы французы, что «украинское СБУ можно назвать Голливудом»[10]? Неужели работают и «технологии ложных целей» (С.Шабовта), и реклама? Спустя три года после кровавых событий на Майдане виновные в массовых убийствах активистов так и не найдены[11].

На Украине усиливается дискриминация переселенцев с Донбасса: «мы не можем себе позволить жить с этими существами в одной стране» (Т. Березовец)[12]. В подобном духе высказываются многие, что мешает реинтеграции Донбасса и отвлекает внимание от социокультурных проблем. Неужели Украине грозит превратиться в антикультурный европейский «бантустан»?

В Польше осуждают украинский национализм[13]. Там есть политики, готовые пересмотреть результаты II Мировой войны, Ялтинской конференции 1945 г. и Люблинского соглашения. Иски по возврату земель (согласно К. Ренксу, могут составить $5 млрд.) могут вылиться и в претензии на Галицию[14]. Позицию Я. Качинского (с «Бандерой Украина в Европу не войдет») разделяют и культурные люди Запада[15]. Кому 1 января – эвфония Нового года, кому – какофония Факельного марша в честь Бандеры.

Больно читать, что «Верховная Рада – это просто царство Голохвастовых»[16]. В известной комедии Голохвастов – лжец и авантюрист. Стоит ли самообманываться как он?

Еврозападня может вылиться не только в реституцию (Вия Артмане так лишилась квартиры, Л. Вайкуле – дома). Что будет с целыми поселениями, даже со Львовом? Страшно слышать, что «все разумное, доброе, вечное, по сути своей является глубоко антиукраинским»[17]? Пишут, что украинские «пограничники собирают деньги на АТО и что люди, опасаясь неприятностей при прохождении паспортного контроля, послушно сдают пожертвования»[18]. Скорее всего, сборщики – это волонтеры, хотя стыдно, что «с протянутой рукой стоят уже сразу на границе»[19]. Под угро-

---

[1] В здании Минюста – сеансы исцеления // Вести. 2017. – 27 февраля. – С. 1. Ср. Пуляев П. Украинцы переписывают свое жилье на секты // Вести. 2017. – 16 марта. – С. 4.

[2] Каневский А. Верховная Рада готовится объявить УПЦ МП вне закона // Родительский комитет. 2016. – № 10. – С. 2.

[3] Там же. Ср. Кучкина А., Рябоконь А. УПЦ устроили «тихую религиозную войну» // Вести. 2017. – 14 марта. – С. 2.

[4] Обед с Ирмой Витовской // Новое время. 2016. – 2 декабря. – С. 55.

[5] Обед с Виктором Ющенко // Новое время. 2016. – 23 декабря. – С. 50.

[6] Покушения на политиков: винят охрану детсада // Вести. 2017. – 10 февраля. – С. 3.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Иванова Е., Маркин Я. Террор напоказ // Вести. 2017. – 24 февраля. – С. 2.

[11] Кучкина А., Иванова Е. Следствие по Майдану тормозят наверху // Вести. 2017. – 8 февраля. – С. 3.

[12] Маркин Я, Рябоконь А. «Раз ты с Донбасса, то помалкивай» // Вести. 2016. – 21 октября. – С. 2.

[13] Вести. 2017. – 31 января. – С. 3; 2016. – 31 октября. – С. 3.

[14] Ср. Вести. 2016. – 13 декабря. – С. 2; 2016. – 21 ноября. – С. 5.

[15] Вести. 2017. – 10 февраля. – С. 2.

[16] Рылев К. Верховная Рада – это просто царство Голохвастовых // Вести. 2016. – 22 декабря. – С. 10. Ср. Краснобай В. Рада грехов // Вести. 2016. – 16 ноября.; Элитный клуб «Рада» // Вести. 2016. – 4 ноября.

[17] Скворцов Д. За чтение российских книг – от пяти лет и выше // Радонеж. 2016. – № 11. – С. 6.

[18] На границе с Европой собирают деньги на АТО // Вести. 2017. – 15 февраля. – С. 5.

[19] Там же.

зой (в т.ч. финансовой) и киевская Лавра: Минкульт сократил размеры защитной зоны, а рядом со стеной Лавры растет новодел[1]. Согласно документу ЮНЕСКО, площадь буферной зоны – 220,15 га, по бумагам Минкульта – 107,7[2]. И в Минкульте вдвое сократили финансирование охраны национальных музеев[3].

Даже националисты признают, что на Буковине термин «русин» был официальным до 1918 г., когда его заменили иным – «украинец». Западноукраинские переселенцы за океан привезли этноним «русин», его замена была осуществлена в 1919 г.[4] Но неверно подавать «перевоплотившихся» украинцев как крайних и последних.

В контексте социокультурных «перевоплощений» актуальна тема не только «быть или казаться», но и «становиться, стать и совершенствоваться». И это не только театральные техники перевоплощений и вхождения в образ, но и как бы ментальных надвоплощений (играть не «с душой», «душой», «вторым или внутренним Я»). Нельзя не вспомнить и реалии НТР с роботизацией во многих социокультурных сферах.

Технологический рывок, развитие робототехники, проблемы репликаторов и нанороботов, киборгизации и киберологии также неотъемлимы от социокультурных «перевоплощений». В начале февраля 2017 г. в прессу просочилась информация, что «ученые из Бристоля создали робота, способного поедать живые организмы и получать за счет этого необходимую ему энергию»[5]. Зачем создают искусственых людоедов? Каковы установки, мотивы, намерения, позиции, принципы, задачи и цели у подобных исследований и исследователей? Как не хватает таковым горе-ученым адекватного восприятия теории результатов (в т.ч. с моделированием этими мудрецами последствий и опасностей своей деятельности).

НТР не остановить – и уже не удивительно, что «ученые из Санкт-Петербурга написали программу, которая превращает мысли в музыку»[6]. Это тоже пример, но совершенно уже иного «перевоплощения». Ведь трансформации различны, и их может быть очень много[7].

Общественные трансформации в отдельных частях мира могут быть «грубым плевком» в свое прошлое и в души своих предков, но, напомним, что плевать на минувшее опасно. Тот, кто плюет против ветра, получает закономерный результат. Еще глупей (и кощунственней) плевать на свою историю и культуру. Вспомним басню «Безбожник» И.Крылова, повествующую о народе, пожелавшем забросать небо камнями и стрелами.

В жизни человек действительно периодически (в т.ч. и внешне) «перевоплощается» (болезни, травмы, возрастные изменения и т.д.), но это не оправдывает предательство и двурушничество. Кто-то скажет: не на предательстве ли (измена присяге и т.д.) строились отдельные новые армии и/или не культ ли перебежчиков, изменников и неудачников где-то положен кем-то в основу воспитания подрастающего поколения?

Исследуя знаковые позиции и тенденции негативного «перевоплощения» в отдельных культурфилософских и исторических дискурсах в контексте современных социокультурных процессов на Украине, мы констатируем наличие ангажированности и предвзятости, нехватку человеколюбия и критического мышления. Социокультурные «перевоплощения» вскрывают проблему диспропорции псевдоэтнического и подлинно гуманистического, рефлексии лжепатриотизма и квазилюбви, паттерны двойных стандартов и иллюзий.

Нарушение связи поколений и замена традиций сомнительными новациями остро ощущались в XX веке, но еще более остро это дает о себе знать в наше время. Потеря человеком «человечности» и «человеческого» (в т.ч. «расчеловечивание» из-за новых достижений НТП и вследствие «этического краха») – основная проблема XXI века. Человек-деградант все больше уподобляется человекоподобному зверю (став не «дрожащей тварью», а агрессивным скотом), а, трансформируя под себя мир, этот человекообразный субъект «оскотинивает» планету. Но у природы есть свои законы и свои нормативные (в т.ч. и эволюционные) «перевоплощения»: естественные (из семени получается плод, а из гусеницы – бабочка и т.д.) и даже сверхъестественные (обычная вода и Крещенская освященная вода, огонь и Благодатный огонь накануне православной Пасхи и т.д.).

У живых существ есть свои нормы жизни (и обусловленные ими «перевоплощения») и среда обитания, есть закономерности общественного прогресса, а доминирование принципов нацизма, ненависти, зла и лжи (преимущественно в красивых упаковках) ведет к краху.

Если вскрыть ящик Пандоры, то кое-где нынешние «Альпы» несправедливости, «Анды» лжи и «Гималаи» жестокости с культурной близорукостью, аморальностью и неадекватной ментальностью разольют этнофолизм, нациократию и религиофолизм, захлеснув некоторые народы.

В кросскультурном полилоге и в социокультурном процессе необходимы мудрость, справедливость, любовь, конструктивизм, честность, объективность, доброта и взаимоуважение.

Социокультурная модель, основанная на негативных «перевоплощениях» и попирающая базовые правила исторического развития, общечеловеческие ценности и мораль, обречена на гибель. Пример тому – история и культура многих древних народов, исчезнувших с лица Земли.

---

[1] Дранник А. Территорию Лавры хотят застроить // Вести. 2017. – 27 января. – С. 6.

[2] Там же.

[3] Дранник А. Ценности в Лавре и в Софии могут остаться без охраны // Вести. 2016. – 27 октября. – С. 6.

[4] Наконечний Є.П. Украдене ім'я: чому русини стали українцями. Передм. Я. Дашкевича. 4-є, доп. і випр. – Киев, 2013. – С. 270.

[5] В шаге от катастрофы? // Аргументы и факты в Украине. 2017. – 1–7 февраля. – С. 6.

[6] Там же, с. 7.

[7] Радзієвський В.О. Базові резонансні субкультури сучасної України: монографія. – К.: Логос, 2014. – 664 с.

Соболев Э.Н.
д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *глобализация, трудовые ресурсы, утечка умов, защита национального рынка труда.*

Сформировавшаяся сегодня мировая экономика характеризуется существенной технологической неоднородностью. По существу она представляет собой иерархически организованную («сословную») систему, в формировании которой особую роль играет технологическое лидерство, место страны в создании новых технологий и продуктов[1]. Развитые страны концентрируют у себя преимущественно интеллектуальное производство, а трудозатратное и экологически вредное стараются вывести на периферию миросистемы, где рабочая сила дешевле и в социальном плане более беззащитна. Россия в этих стратагемах рассматривается, если не как страна третьего мира, то уж точно не как вполне цивилизованная страна. Условия ее вхождения в мировой рынок достаточно жестко детерминированы ее сырьевой специализацией и периферийным положением по отношению к международным финансовым рынкам. Соответственно, и российские трудовые ресурсы объективно нацелены на обслуживание исключительно сырьевой специализации. Что касается квалифицированного трудового потенциала, то он становится *объектом экспансии* со стороны развитых стран «золотого миллиарда». Формы экспансии могут быть различными – от использования в интересах западных стран науки и производства в самой России до миграции российских специалистов на Запад («утечка умов»).

Предприятия с иностранным участием

Сегодня в России действуют разные виды глобализирующегося бизнеса: филиалы и дочерние предприятия зарубежных транснациональных корпораций, предприятия со смешанным капиталом из стран дальнего и ближнего зарубежья. К сожалению, отечественная статистика не дает возможности провести четкое структурное разграничение по этим группам, отследить динамику и выявить специфические особенности каждой из них. Росстат, как правило, оперирует категорией «предприятия с иностранным участием», объединяющей предприятия российских и иностранных гигантов и национальные по сути предприятия, привлекающие небольшие объемы капитала иностранных инвесторов. Такие данные позволяют проводить лишь самый общий анализ экономических и социальных результатов деятельности транснациональных компаний в национальной экономике.

Предприятия с иностранным участием присутствуют в России практически во всех видах деятельности, но доля занятых в этом секторе остается незначительной, колеблясь в последние годы на уровне 4,0–4,5%. Тем не менее, по отраслям и видам деятельности этот показатель существенно варьирует: от 0,04% в образовании до 18,3% в добыче полезных ископаемых. Следует отметить, что хотя количественно иностранные предприятия играют в российской экономике весьма скромную роль, их реальное влияние гораздо выше. Во многом именно они задают стимул развитию технологий ведения бизнеса. Как показывают данные социологических исследований[2], ведущей причиной, делающей занятость на предприятиях с иностранным участием привлекательной для россиян, является более высокая заработная плата – почти в 2 раза выше средней по стране. Правда, столь существенные различия могут быть связаны, в том числе, с концентрацией значительной части таких предприятий в высокооплачиваемых видах деятельности. К тому же на иностранных предприятиях выше интенсивность труда и работники находятся под более жестким контролем.

Характеризуя положение работников на предприятиях с иностранным участием, следует, на наш взгляд, выделить несколько моментов.

Во-первых, проблемой, традиционно ассоциирующейся с ТНК, является *различие в оплате труда* и перспективах карьеры российских и иностранных сотрудников. Сопоставляя преимущества и недостатки работы в российских и иностранных компаниях, эксперты не раз отмечали, что, по их сведениям, во многих иностранных банках «все топ-

[1] См. подробнее: Яременко Ю.В. Экономический рост. Структурная политика // Проблемы прогнозирования. – М., 2001. – № 1. – С. 6–14.

[2] Социологическое исследование ВЦИОМ, проведенное 9–10 июля 2005 г., продемонстрировало, что желание россиян работать на предприятиях с иностранным участием продиктовано, прежде всего, высокими размерами и стабильностью заработков. Этот фактор указали более трех четвертей опрошенных. Около 10% респондентов отметили также лучшие условия и организацию труда, 7,5% – наличие социального пакета. В то же время такие факторы как хорошее отношение к работникам и соблюдение их прав отметила незначительная доля опрошенных.

позиции занимают экспаты, и замещаются они тоже иностранцами. Для наших специалистов потолок довольно низкий, какая бы ни была квалификация»[1].

Во-вторых, структура занятости на предприятиях с иностранным участием характеризуется довольно *высокой*, по российским меркам, *долей нестандартных форм занятости*. Практика аутсорсинга и аутстаффинга диктуется стремлением повысить эффективность производственных процессов. Но выведение отдельных работников и даже целых подразделений на аутсорсинг, как правило, означает серьезное ухудшение их положения, так как они лишаются гарантий и льгот, распространяющихся на основной персонал компании. При этом развитие аутсорсинга не всегда сопровождается ростом эффективности. На одном из предприятий, принадлежащих иностранным ТНК, профсоюзу удалось доказать несостоятельность аргументов администрации о том, что замена штатных работников заёмными оправдана с точки зрения эффективности и безопасности производства[2].

В-третьих, многие ТНК, действующие не только в реальном секторе, но и в торговле имеют развитые профсоюзные организации в стране происхождения и в ряде регионов присутствия, но не имеют их в России. *Отсутствие профсоюзов в российских филиалах* объясняется отсутствием у работников потребности в создании представительских организаций и рассматривается менеджерами как преимущество российского контекста. На зарубежных предприятиях компании профсоюзы есть и там они, в том числе и в силу давних традиций, – важный фактор социально-трудовых отношений, без профсоюза там практически не принимаются никакие решения. Работать там в этом плане гораздо сложнее, чем в России, где в решения руководства практически никто не вмешивается.

В результате укрепления позиций иностранного капитала на территории России сегодня происходит наложение привнесенных глобализацией институциональных трафаретов на недостаточно цивилизованную, пронизанную неформальными отношениями российскую бизнес-среду. При этом формируется вполне прилично выглядящая институциональная оболочка социальной ответственности с довольно бедным содержанием[3].

Об утечке человеческого капитала на Запад

Выход на мировой рынок труда объективно связан с неизбежным усилением процесса перераспределения глобального ресурса талантливых людей в пользу более сильных и богатых стран. В 90-е гг. существенно возросла эмиграция российского населения в страны дальнего зарубежья, начавшаяся как под влиянием либерализации миграционного законодательства, так и в результате резкого ухудшения социально-экономической ситуации в стране и снижения уровня жизни населения. Отъезд на Запад отечественных квалифицированных специалистов за последние два десятка лет принял массовый характер. Так, если за период с 1971 по 1986 г. из СССР выехало 360 тыс. человек, то за последние 20 лет в результате безвозвратной миграции Россия потеряла свыше 1,5 млн. граждан. При этом на рубеже тысячелетий изменился этнический состав эмигрантов, в котором количественно стали преобладать русские, в начале 90-х годов составлявшие менее 20%. Если же учесть достаточно высокие качественные характеристики большинства выезжающих из России, придающие этому процессу характер «утечки умов», то ущерб, наносимый человеческому капиталу страны, приобретает черты национального бедствия. По своим последствиям современная эмиграция приближается к первой русской послереволюционной эмиграции, когда страну покинул цвет российской интеллигенции. За рубежом работу по специальности или близким направлениям находят специалисты в сфере космоса, прикладной и теоретической физики, компьютерных технологий, тонких химических технологий, биохимии и микробиологии, генетики. Среди мотивов, по которым интеллектуальная элита покидает Россию, в числе основных 70% опрашиваемых называют низкую оплату труда, 35% – беспокойство за судьбу детей, 31% – невозможность реализовать творческий потенциал, 19% – юридическую и социальную незащищенность результатов труда.

Среди мигрантов из России те, кого можно отнести к специалистам потенциальным (аспиранты, стажеры, студенты), составляют около 1/3. В 2004 г. высшее образование имели 19% эмигрантов, тогда как в населении страны старше 14 лет его имеют 16%. По результатам опросов выпускников ведущих естественно-технических вузов (МГУ, МФТИ, МИФИ, МАИ и других), более половины из них желали бы эмигрировать, а 10–12% уже имеют конкретные предложения работы за границей. После стажировок и практики до 10% студентов российских ведущих вузов остаются за рубежом.

В итоге наша страна обеспечивает высокоразвитые государства не только сырьевыми ресурсами, но и научно-техническими знаниями и кадрами. Поэтому российским властям важно заботиться не только о том, чтобы наш диплом о высшем образовании признавали на Западе, а прежде всего о том, как сохранить подготовленные, как правило, за государственный счет квалифицированные кадры для страны. Мы заинтересованы в том, чтобы молодой человек, заканчивающий, допустим, физический или биологический факультет МГУ, остался у нас, а не поехал работать в лабораторию в Германии.

Наши соотечественники добились ощутимых успехов за рубежом. Так, в США 27% новых иммигрантов из России окончили магистратуру (против 9% населения США в целом); 3,8% новых русских американцев имеют ученую степень (во всем населении – 1%); средний доход семьи недавних иммигрантов – 35 тыс. долларов в год; недавних иммигрантов из России – около 59 тыс. долларов. Только 10–15% хотят вернуться в Россию навсегда. Высказывается

---

[1] Проблемы регулирования социально-трудовой сферы в условиях глобализации. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – С. 30.

[2] Там же, с. 31.

[3] Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. – М.: Наука, 2007. – С. 171.

мнение, что мы должны гордиться успехами наших эмигрантов, а не обижаться на них, что, мол, с общечеловеческой точки зрения неважно, в какой стране реализует свой талант наш соотечественник. Но дело не в обиде. «Утечка умов» оборачивается государству миллиардными потерями. Отток за границу наиболее талантливых, образованных и активных людей означает объективное снижение интеллектуального потенциала России, и в целом ослабление ее конкурентоспособности по сравнению с другими странами.

Может ли «утечка умов» быть скомпенсирована миграцией? Целесообразность и эффективность рабочей силы мигрантов не могут быть оценены в отрыве от оценки состояния и перспектив развития национальных трудовых ресурсов: их численности, структуры в самых различных разрезах, динамики. Особенность современной миграции в Россию состоит в том, что она не способна закрыть главные «дыры», которые образовались в наших трудовых ресурсах. Во-первых, в то время как промышленность сегодня как никогда нуждается в квалифицированных кадрах, к нам едет преимущественно неквалифицированная рабочая сила. Во-вторых, если приезжают квалифицированные работники, они, как правило, уступают по уровню квалификации отечественным кадрам. Около 75% руководителей промышленных предприятий, использующих рабочую силу из стран СНГ, отмечают, что привлеченные работники уступают по своей квалификации местным. Таким образом, в качественном плане «утечка умов» на Запад не может быть скомпенсирована большим количеством неквалифицированной и культурно чуждой рабочей силы с юга[1].

Наряду с физическим оттоком российских специалистов за рубеж все большее распространение получает *виртуальная утечка умов*. В то время как отечественные предприятия проводят модернизацию преимущественно путем закупок новых технологий за рубежом, специалисты-разработчики из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска сотрудничают с компаниями «Intel», «Microsoft» и, по существу, работают на США. Более того российские компании, специализирующиеся на интеллектуальной продукции, разрабатывают программные продукты для европейской компании «Airbus» и американской компании «Boeing», причем последняя пользуется услугами отечественных разработчиков около десяти лет.

Главное же заключается в том, что с увеличением доли иностранного финансирования (система зарубежных грантов) отечественная наука перестает работать на нужды своей страны. Спрос на ее продукт со стороны национальных работодателей (как бизнеса, так и государства) очень ограничен, а предлагаемые ими условия – уровень вознаграждения, технико-технологическое и информационное обеспечение трудовых процессов, система защиты прав интеллектуальной собственности – существенно уступают тем, которые могут предложить западные фирмы. Коммерциализация сферы труда специалистов выливается во внутреннюю утечку умов, то есть в их перемещение из главных современных производственных сфер и стратегических инвестиционных мероприятий в быстрооборотные, дающие немедленную коммерческую отдачу. В результате «государство теряет …остатки возможностей проводить самостоятельную научно-техническую политику. Научно-технический комплекс России производит во все большей степени не те знания, которые необходимы стране, а те, что заказывают зарубежные компании для создания своих технологий и продукции»[2].

Перспектива превращения отечественной науки в *исследовательский филиал зарубежных компаний* прослеживается как в сфере естественных, так и в сфере общественных наук. В области общественных наук спонсируются исследования, проводящие либеральную идеологию Мирового банка. Результаты и рекомендации финансируемых извне разработок, делающие основной упор на развитие рыночных механизмов при минимизации роли государства, во многих случаях противоречат национальным интересам России. В качестве примера такого подхода можно привести доклад фонда «Либеральная миссия», ратующего за сокращение вложений в основные отрасли нематериального инвестиционного комплекса – образование и науку, которые обеспечивают конкурентоспособность любой современной страны.

Все это происходит на фоне использования преимущественно рыночных методов привлечения ресурсов в ключевую отрасль нематериального инвестиционного комплекса – науку и ведет к деградации накопленного на протяжении советского периода научного потенциала, оттоку квалифицированных кадров из национальных «анклавов» высоких технологий, а потому представляет собой прямую угрозу для национальной безопасности, в частности осложняет решение стратегических задач государства по обеспечению достойной и эффективной занятости.

Необходимо повысить престиж научного труда и, соответственно, его оплату, создать нормальные условия для реализации исследовательских проектов. Полученные знания и результаты научных исследований должны активно применяться в промышленном производстве. Экономика знаний, о которой сейчас много говорят, без применения в производстве – это, собственно, пустой звук, и можно продавать идеи другим странам, но основным элементом развития этой экономики является возможность эффективного использования этих идей в той стране или в той экономической системе, где они созданы. У нас этого нет. Мы видим утечку патентов, изобретений, и, к сожалению, очень тяжелую ситуацию с применением этих изобретений в собственной стране.

Аналогичная ситуация складывается *в сфере образования*. Следует подчеркнуть, что возможность соизмерения индивидуальных издержек и выгод от образования на глобальном или европейском экономическом пространстве, открывающаяся в ходе Болонского процесса, неизбежно порождает неблагоприятную для России конфигурацию, когда индивидуальные интересы обладателей человеческого капитала все дальше расходятся с национальными интересами страны. Модель индивидуального успеха, ориентированная на возможности работать на зарубежье без учета национальных интересов, а часто и в ущерб им, сегодня в России имплицитно разделяют многие, в том числе представители бизнеса и квалифицированные специалисты.

---

[1] Соболев Э.Н. Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX – начало XXI в.). – М.: ИЭ РАН, 2012. – С. 192–193.

[2] Ваганов А. «Западный пылесос» для российской науки // Отечественные записки. – М., 2002. – № 7. – С. 292.

Сочетание высокого качества и «конвертируемости» образования с неразвитостью внутреннего спроса на труд, в том числе спроса на труд со стороны отечественной науки, финансируемой из отечественных источников, содержит предпосылки истощения национального человеческого потенциала. Преодоление языкового барьера и унификация дипломов при неизменности условий использования рабочей силы в собственной экономике неизбежно усилит тенденцию к подготовке специалистов для бесплатного экспорта. Вряд ли может служить утешением, что продолжаться это будет недолго, так как деградация экономики неизбежно повлечет за собой и деградацию образования.

В связи с этим на первый план выдвигается задача – выстроить систему «антистимулов» для массовой безвозвратной утечки мозгов, которую в принципе невозможно решить усилиями автономного реформирования системы образования. Решение этой задачи требует, с одной стороны, очень осторожного, продуманного подхода к концепции подстройки российского образования под болонские требования, с другой – встраивание этого процесса в комплексные реформы, где система образования – лишь одно из звеньев, хотя звено ключевое.

Таким образом, свободный и ничем не ограниченный доступ западных стран к нашим трудовым ресурсам опасен для сравнительно отсталой российской экономики. Поэтому ограничение этого должно стать одним из основных направлений защиты отечественного рынка труда[1]. Во времена СССР наличие «железного занавеса» препятствовало массовой эмиграции специалистов и компенсировало отставание по абсолютному уровню затрат на оплату труда и материальное обеспечение образования и науки. К тому же наиболее способные специалисты находили работу в ВПК, который в принципе обеспечивал сопоставимый уровень развития высоких технологий. Добавим, что хотя предприятиям труд обходился дешево, но государство обеспечивало бесплатное образование и здравоохранение, дешевое жилье, коммунальные услуги, бытовое обслуживание, транспорт. Резкое уменьшение бесплатной и дотируемой составляющих затрат на рабочую силу в процессе реформ создало угрозу нормальным условиям воспроизводства рабочей силы, причем сильнее всего это затронуло наиболее квалифицированные категории. Падение «железного занавеса» и переход к открытой экономике оставили стране лишь одну цивилизованную возможность для снижения масштабов отъезда национальных кадров за границу. Это *формирование условий для закрепления высококвалифицированных специалистов* в народном хозяйстве, прежде всего посредством стимулирования оплаты их труда и создания соответствующих рабочих мест.

[1] Соболев Э.Н. Трудовые ресурсы как объект внешней экспансии / Вестник Международного института менеджмента ЛИНК. 2014. – №4. – С. 23–28.

Соколова М.Е.
к. филос. н., с.н.с., Институт США и Канады РАН
mariamva@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ ИТ-ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РФ

Ключевые слова: *информационный суверенитет, ИТ-импортозамещение, ИТ-отрасль.*

Уже несколько лет в России идут процессы суверенизации в политической и экономической сферах. Формирование информационного суверенитета признано одним из важнейших направлений национальной и информационной безопасности страны. На укрепление информационного суверенитета направлен ряд государственных программ, в осуществлении которых активно участвует национальный ИТ-бизнес. В их обсуждении задействованы основные участники политической и экономической жизни: государство, бизнес, гражданское общество, профессиональные и неправительственные ассоциации и организации, а также экспертные сообщества.

Было бы неправильным рассматривать процессы, о которых идет речь, только как сиюминутную политическую реакцию на изменения в международной ситуации – имеются в виду санкционные антироссийские меры последних лет, поскольку они являются частью и более широких мировых трендов. В этой связи принято даже говорить об этапе деглобализации России, сменившем предыдущий период инвестиционной открытости и активной включенности страны в мировую торговлю, чему способствовали и объективные, связанные с экономической рецессией и другими неблагоприятными экономическими факторами, и субъективные (геополитические и политические коллизии, связанные с санкциями) предпосылки[1].

Вместе с тем нельзя забывать, что формирование информационного суверенитета можно рассматривать и в рамках нарастания общей для всех стран тенденции регулировании Интернета и деятельности ИТ-бизнеса со стороны национальных государств, формирования законодательной практики и рычагов в этой области, в результате чего национальные государства всё больше становятся полноправными участниками отношений и даже определяющими акторами в этой сфере. Ведут ли такие процессы к однозначной деглобализации, или же суверенизация в условиях уже сложившегося к настоящему времени глобального разделения труда и других проявлений глобализации вносит лишь новые особенности в течение глобальных процессов? – на этот вопрос каждой стране, будь то Россия или Китай, или любая другая страна, предстоит дать свой собственный ответ.

Хотя тема информационного суверенитета поднималась некоторыми – преимущественно европейскими авторами – еще в начале 1980-х годов, однако актуализация этого понятия в последние годы выявила множество связанных с ним проблем. Чёткого понимания того, что это такое до сих пор не существует, поскольку и в российском, и в европейском экспертном сообществе идут споры о том, что охватывает собой критически важная инфраструктура, а также каково содержание понятий ИТ- и Интернет-суверенитета. Да и вообще пока далеко неясно, чем информационный суверенитет отличается от обычного политического, основанного на признании географических границ[2], а также как он может быть вписан в историю реальной политической суверенизации и согласован с решениями международных организаций, зафиксированных в существующих документах на эту тему. Ведь, например, попытки правового регулирования трансграничной Интернет-торговли, торговли программным обеспечением, торговли без регистрации юридического лица, в рамках традиционного права сопряжены порой с непреодолимыми трудностями[3].

Именно поэтому проблемам информационного суверенитета посвящены в последнее время многочисленные российские и международные форумы. Создаются специальные дискуссионные площадки, предназначенные для технологической экспертизы политических решений, подкрепленных рядом административных мер. На таких площадках экспертное и бизнес-сообщество контактирует с представителями власти, а результатами этих контактов являются документы, содержащие предложения и оценки происходящего для формирования политики в этой области (напри-

[1] Хейфец Б.А. Импортозамещение и конкурентоспособность // Россия и современный мир. – М., 2016. – № 1. – С. 7.

[2] В отличие от обычного суверенитета, основанного на географических границах, пребывании внутри их, как считают эксперты, виртуальный суверенитет не может быть к этому сведен, ведь распределенные сети диктуют географическое расположение серверов в зависимости от спроса на информацию. Поэтому информационный суверенитет может трактоваться не как замкнутость в границах национального государства, а, наоборот, как продвижение в мировом информационном пространстве наилучших технологических решений/стандартов, созданных той или иной страной (такое экспертное мнение было высказано, например, на «Форум IT+ Суверенитет», Институт развития Интернета, Москва, 23 мая 2016 года, http://experts.iri.center/event/internetsuverinitet). Правда, всё же часть объектов национальной информационной инфраструктуры за последнее время была перенесена именно на территорию РФ, и прежде всего дата-центры – ЦОДы (центры обработки данных). Почти все крупные ИТ-компании (за исключением «Acronis»), например, «Лаборатория Касперского», ABBYY, также перенесли свои штаб-квартиры на территорию РФ.

[3] http://experts.iri.center/event/internetsuverinitet/participants

мер, «дорожные карты»). Выступающие здесь эксперты дают возможность оценить поставленные политические задачи с точки зрения их технологических аспектов, обменяться опытом, предложить решения и новые подходы, рассмотреть, насколько принятые на национальном уровне законодательные и другие документы соответствуют нормам международного права и как они соотносятся с решениями международных организаций.

Одной из таких дискуссионно-экспертных «площадок» в 2015 году стал Институт развития Интернета (ИРИ), превратившийся сейчас в важнейшего посредника в диалоге власти и российского ИТ-бизнеса. ИРИ прилагает большие организаторские усилия в целях развития отрасли современных технологий в России (Интернет-технологии, софт и медиа), осуществляет сбор и обработку статистической и аналитической информации, проводит анализ трендов развития Интернет-зависимых отраслей экономики как в России, так и за рубежом. Опираясь на приоритет национальных интересов, ИРИ выдвигает свои предложения для разработки долгосрочных программ развития российского сегмента сети Интернет и связанных с ней отраслей экономики.

В свою очередь власть так же заинтересована в сотрудничестве с предпринимательско-экспертным сообществом и формировании у ИТ-бизнеса конструктивно-делового отношения к происходящему, свидетельством чего является назначение одного из известных ИК-предпринимателей Германа Клименко советником Президента РФ по вопросам развития Интернета (4 января 2016 г.).

Одной из самых актуальных тем в этой связи является выработка и обсуждение стратегии и тактики реализации импортозамещения в области программного обеспечения и аппаратных средств и его законодательно-административного обеспечения (в частности, изменение ставок налогообложения). Как отметил Председатель комитета Госдумы по информационной политике, ИТ и связи Леонид Левин: «ИТ-суверенитет – это в первую очередь независимость наших сервисов и ИТ-инфраструктуры от внешних влияний и воздействий. И мы должны работать не только в направлении развития отечественных сервисов и программного обеспечения, но и думать о защите наших Интернет-границ и их суверенности при сохранении основного принципа трансграничности Интернета»[1].

Импортозамещение: стратегия и тактика реализации

Одним из важных вопросов реализации экономической суверенизации РФ, лежащей в основе политической, является осуществление стратегической политики, направленной на импортозамещение программного и аппаратного обеспечения. Прецеденты отказа западных поставщиков от технической поддержки софта российских органов власти, банков и госкорпораций из-за санкций (особенно это чревато последствиями для предприятий оборонной промышленности, закрытого сектора, например, ГК «Ростех», «Т-Платформы», «Вертолеты России») побуждают российские властные органы стимулировать госзаказчиков и IT-бизнес переходить на российские аппаратно-программные продукты. Для того чтобы направлять и организовывать этот процесс в соответствии со статьей 12.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в целях расширения использования российского ПО, подтверждения его происхождения из Российской Федерации и оказания мер государственной поддержки российским разработчикам ПО, был создан «Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных»[2]. Были также приняты правила ведения реестра, утвержденные постановлением Правительства РФ №1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 16 ноября 2015 года.

На декабрь 2016 года, согласно официальным данным Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в реестре насчитывалось уже более 2500 программных продуктов[3].

Для облегчения и упрощения процедуры и покупки отечественных программных продуктов, например, для государственных заказчиков министерство совместно с Ассоциацией разработчиков программных продуктов (АРПП) подготовило таблицу соответствия отечественных аналогов популярным иностранным продуктам, а также методические указания по применению Постановления Правительства РФ № 1236 за исключением тех случаев, когда в нем отсутствует ПО с необходимыми функциональными, техническими и эксплуатационными характеристиками[4].

В сложившейся ситуации российский ИТ-бизнес оказался перед необходимостью многое изменить в своих ориентациях и практиках. С одной стороны, он в немалой степени интернационализирован и глобализирован, с другой стороны, его представителям близка идея защиты национальных экономических интересов от подавления их действиями мировым информационных транснациональных корпораций.

Интересы государства, властных структур и российского ИТ-бизнеса в условиях санкций совпадают в оценке того факта, что крупные иностранные ТНК не платят налогов и имеют слишком большие конкурентные преимущества на российском рынке, что не способствует укреплению информационного суверенитета. Не платя налогов, такие компании, тем не менее, получают миллиардные гранты и создают на них собственные программные продукты, что противоречит интересам отечественных разработчиков. В то же время отмечается, что закрытие (по разным причинам) центров по подготовке высококвалифицированных программистов, созданных в России ТНК – Google, IBM, с неизбежностью негативно скажется на создании нового российского софта на основе свободного программного обес-

[1] http://experts.iri.center/event/internetsuverinitet

[2] https://reestr.minsvyaz.ru/

[3] http://minsvyaz.ru/ru/events/36305/

[4] http://minsvyaz.ru/ru/events/36151

печения (СПО). Уровень программистов, подготовленных в таких центрах, был очень высок, однако, самые лучшие кадры при этом систематически «вымывались» из России, уезжая на Запад.

При этом, поскольку российский ИТ-бизнес достаточно дифференцирован, различные компании решают вставшие перед ними задачи по-разному и имеют различные интересы. Наряду с крупными международными компаниями, которые, как уже говорилось, перенесли свои штаб-квартиры в Россию, здесь действует и множество компаний с региональным охватом, роль которых в процессах импортозамещения не менее важна.

Особую группу составляют крупнейшие государственные или с государственным участием компании и корпорации, каждая из которых обладает огромными организационными и техническими возможностями (ГК «Ростех», «Т-Платформы», «Вертолеты России»).

Но всем им ясна необходимость в сложившейся ситуации консолидировать отрасль и выработать последовательную программу реализации поручений Президента о переходе отечественных компаний на российский софт и его эффективном продвижении. По мнению экспертов ИРИ, срок перехода на российский софт составит около трех лет для органов госвласти и чуть меньше — два-три года — для госкомпаний. Так, в конце сентября 2016 года в Москве в МИА «Россия сегодня» представителями Минкомсвязи, Ростелекома и Московского правительства был представлен крупнейший контракт на внедрение отечественного «софта» вместо импортного. Речь идет о разработке компании «Ростелеком» «МойОфис Почта», включающей почтовый сервер, приложения для работы и т.д., с защитой, сертифицированной Федеральной службой по техническому и экспортному контролю России. Новое офисное ПО «Мой офис» («Ростелеком») будет внедряться во всей подотчетной Московскому правительству инфраструктуре, а после тестироваться на столичной ИК-площадке – и в других российских регионах. Предполагается, что это событие станет серьезным этапом в общем переходе российских органов государственной власти на использование отечественных продуктов из государственного реестра для нужд госструктур[1].

Однако, по мнению тех же экспертов, в настоящий момент российская ИТ-отрасль – даже при наличии достаточно крупных и успешных компаний – не может похвастаться системным иерархизированным комплексным состоянием, что значительно усложняет реализацию поставленных задач. В этих условиях требуется чёткое понимание того, что практика импортозамещения должна опираться не на радикальную установку – стремление к полной суверенизации, замене всего импорта полностью и созданию внутри страны замкнутого технологического цикла создания ПО, а на более реалистический подход. Исходя из последнего не стоит пытаться заменить весь импорт, а имеет смысл сделать акцент на развитии уже существующих компетенций в тех областях/направлениях, где у отечественных компаний есть хорошие заделы[2].

И здесь важнейшим направлением является создание российского ПО, что иногда даже сравнивают с «форточкой» в реализации ИТ-импортозамещения. В этих условиях наиболее перспективным видится создание российского ПО на основе использования Open Source. Тем более что к переходу на Open Source в национальной экономике стремится сейчас не только Россия. Так, широко известен пример Пенсионного фонда Франции – мощной информационной системы, работающей на основе свободного ПО Linux. Однако при попытках использования, например, программного кода Linux для России возникают проблемы с созданием на его основе собственного софта в связи с отсутствием в «ядре» дистрибутива этого СПО достаточного количества российских программистов необходимого уровня. Гораздо более прочные позиции у России в Постгресс (PostgreSQL), что дает основание надеяться на перспективные решения для создания российского софта именно на этой основе (разработчик систем управления базами данных – компания Postgres Professional). Ищут свои пути и другие компании, так, например, российская ассоциация «Тайзен.ру» уже вышла на отечественный рынок с собственным вариантом российского дериватива (защищенная независимая ОС Tizen), созданного на основе южнокорейского СПО (разработчик: корпорация Samsung) как проект с открытым исходным кодом на базе Linux. Разработка продукта проходила в тесном сотрудничестве с Институтом системного программирования РАН.

Еще одной проблемой в сфере импортозамещения является в силу уже сложившейся в течение нескольких десятилетий интернационализации ИТ-области невозможность создания замкнутого цикла производства различных аппаратно-программных продуктов в одной стране. Например, в России разработан и выпускается архитектурно уникальный процессор для встроенных систем «Мультиклет». Также для встроенных систем в России разработана ОС Embox, для сборки которой нужен компилятор gcc. Доработка этой ОС для «Мультиклета» требует глубокой модификации gcc, которую никто не позволит сделать. В итоге российская ОС не может быть качественно портирована на российский процессор, поскольку этому мешает Open Source компилятор[3].

Неизбежны и трудности, связанные с системной интеграцией разнородных программных продуктов. В целом же, многие российские компании, особенно лишившиеся техподдержки иностранных производителей, по мере возможностей занимаются внедрением российских программных решений, переходя с практически неуправляемой для российских заказчиков Windows на Open Source и отечественное оборудование, осуществляя миграцию ИТ-инфраструктуры во внешние центры обработки данных, разработку новых технологических стандартов и всё более сужая перечень закупаемого нероссийского ПО.

---

[1] Соколова М.Е. Импортозамещение и цифровая экономика: уравнение со многими неизвестными? // Интеллектуальный капитал. 2016. – № 2 (4). – С. 10. 03.10.2016. – http://www.1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=importzameschenie_i_tsifrovaya_ekonomika__uravnenie_so_mnogimi_neizvestnymi

[2] http://experts.iri.center/event/internetsuverinitet

[3] Носков Н. Open Source и цифровой суверенитет России // PC Week. 2016. – № 8–9 (907–908), 31 мая.

Помимо технологических экспертами обсуждаются и решаются и задачи законодательного обеспечения импортозамещения. И здесь главную роль играет разработка и принятие закона об НДС (который в «кулуарах» даже называют «налог против Google»). Закон был задуман как средство стимулирования российской софт-отрасли, укрепления её конкурентоспособности. Однако в настоящее время есть много пока непродуманных законодательных моментов, которые могут не просто снизить эффективность этого законопроекта, но и превратить его скорее в средство пополнения госбюджета без приоритетного акцента на стимулировании российских компаний-производителей софта, что поведет к сужению рынка и созданию помех как раз для российского ИТ-бизнеса.

Важной мерой является также внесение в законодательство РФ изменений, предусматривающих продление до 2023 года срока применения пониженных тарифов страховых взносов, установленных на 2016 год для российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий (ИТ), с сохранением существующих условий применения указанных тарифов. Обеспечить внесение этих законодательных изменений должны Минкомсвязь России совместно с Минтрудом России и Минфином России до 24 апреля 2017 года.

На фоне общегосударственного курса на импортозамещение важным фактором функционирования российского ИТ-рынка в целом в 2016 году стала активизация выхода российских разработчиков на внешний рынок. Успехи экспортной софтверной отрасли были отмечены в ежегодном послании президента России Федеральному собранию, что говорит о выходе этого направления на уровень приоритетных вопросов развития экономики страны[1].

ИТ-отрасль имеет огромный потенциал для того, чтобы стать мощным «игроком» не только на внутреннем рынке России, который составляет лишь 2% мирового рынка, но многого добиться и на внешнеэкономическом пространстве. Экспортный ИТ-потенциал России особенно велик во взаимодействии с восточными партнерами, странами БРИКС, о чем много говорилось на встрече 10 ноября 2016 года в Бангалоре на второй встрече министров информационных технологий и коммуникаций БРИКС. Развиваются отношения и с Египтом, Ираном, Аргентиной. Как сказал 8 ноября 2016 года на открытии в Москве форума «Сделано в России», организованного Российским экспортным центром, министр связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Николай Никифоров, «в условиях текущих геополитических тенденций и действующих санкций, в том числе технологических, возникают огромные перспективы для российского бизнеса. Связанные с этим проблемы актуальны не только для России, но и для всех наших партнеров по БРИКС, а также для многих других стран. Мы вместе формируем общую повестку, чтобы поддержать взаимный экспорт и открыть друг для друга наши рынки, которые только для объединения БРИКС представляют половину населения планеты. Если мы поддержим наших коллег на российском рынке, а они, соответственно, поддержат нас на своих рынках, это откроет совершенно новые перспективы»[2]. Среди факторов, которые должны обеспечить российским компаниям стратегическое преимущество и способствовать росту высокотехнологичного экспорта из России глава Минкомсвязи назвал повышение привлекательности российской юрисдикции для компаний, экспортное финансирование, упрощение ряда финансовых и юридических процедур, создание единого зонтичного бренда для российской продукции за рубежом и формирование новых рынков сбыта в современных геополитических условиях. По мнению министра, либерализация, отсутствие избыточного регулирования, неограниченная рыночная конкуренция как движущая сила экономического развития должны придать российской телекоммуникационной и ИТ-индустрии стимул к экспансии своих достижений как на внутреннем, так и на внешнем рынке[3]. При этом, конечно же, необходим поиск российской ИТ-отраслью своей ниши в международном экономическом сотрудничестве, которое должно осуществляться на взаимовыгодной основе с учетом международной кооперации, что требует и определенных договоренностей, и координации деятельности в этой сфере. Согласование позиций и государственной политики растущих экономик мира, и, прежде всего в рамках БРИКС, должно строиться на общей для них потребности в диверсификации мировой ИТ-экосистемы, взаимовыгодных договоренностях в продвижении на рынках таких стран национальных конкурентоспособных продуктов.

[1] Колесов А. Итоги 2016 года глазами экспортной софтверной отрасли // PC Week/RE («Компьютерная неделя»). 29.12.2016. – https://www.pcweek.ru/business/article/detail.php?ID=191293

[2] http://minsvyaz.ru/ru/events/36028/

[3] Пресс-конференция министра связи и массовых коммуникаций РФ Николая Никифорова. 27.09.2016. – http://pressmia.ru/pressclub/20160927/951235105.html

Трошин Н.Н.
с.н.с., начальник группы исследования мировых финансов Центра экономических исследований РИСИ
nikolay.troshin@riss.ru

РЕФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Ключевые слова: *«Группа 20-ти», БРИКС, реформа МВФ, 15-й общий пересмотр квот, формула расчета квот.*
Keywords: *G20, BRICS, IMF reform, Fifteen's general review of quotas, IMF quota formula.*

Впервые о необходимости серьезно реформировать Международный валютный фонд (МВФ) заговорили еще после Мексиканского (1995 г.) и Азиатского (1997 г.) кризисов, которые Фонд не смог ни предотвратить, ни помешать распространению кризисных явлений на другие страны. Со своими предложениями по изменениям в деятельности МВФ выступила группа промышленно развитых и развивающихся стран, которая впоследствии была переформатирована в «Группу 20-ти», правительственные комитеты и парламентские комиссии ряда стран-членов, научное сообщество. Кроме того руководство МВФ привлекло независимых экспертов для анализа механизма кредитования, надзорной и исследовательской деятельности Фонда.

Наряду с этим группе экспертов было поручено изучить формулы, при помощи которых рассчитывались квоты стран-членов МВФ, определяющие размер взносов в капитал Фонда, количество дополнительных голосов при принятии решений и степень доступа к финансированию в кризисной ситуации. Результатом ее работы стал доклад, представленный Исполнительному совету МВФ в апреле 2000 г.,[1] в котором рекомендовалось вместо пяти использовать одну формулу:

$$Q = \alpha*Y+\beta*V,$$

где:

Q – квота,

Y –ВВП (средний за три года),

V – мера внешней уязвимости, представляющая собой изменчивость текущих поступлений, включая в это понятие чистый приток/отток капитала,

α и β – веса, $\alpha = 2*\beta$.

Авторы доклада отмечали, что указанная формула проще и прозрачнее существующих, она позволяет учесть изменения в мировой экономике и соответствует назначению квот. ВВП показывает возможности страны по предоставлению Фонду финансовых ресурсов, а показатель уязвимости – вероятность обращения за помощью. При этом они подчеркивали, что любое решение по формуле окажет существенное влияние на роль развивающихся стран в управлении Фондом. Однако не приняли этот аспект во внимание при выработке своих рекомендаций, так как перед ними не было поставлено такой задачи.

Между тем, ускорение темпов экономического роста в развивающихся странах привело к увеличению их веса в мировой экономике. В 2008 г. доля развивающихся стран в мировом ВВП, рассчитанном по паритету покупательной способности (ВВП по ППС), превысила 50%[2]. Несмотря на столь значительное увеличение веса развивающихся стран в мировой экономике, они по-прежнему были отстранены от процессов глобального управления. Доминирующее положение во всех международных финансовых организациях и прежде всего в МВФ сохраняли за собой США и другие развитые государства, что позволяло им жестко контролировать мировую финансовую систему, а через нее и мировую экономику в целом.

Время от времени отдельным развивающимся странам удавалось увеличить свою квоту и соответственно право голоса в Фонде, но решающего значения эти изменения не имели. В ходе так называемой «миниреформы» МВФ в сентябре 2006 г.[3] были повышены квоты четырех «наиболее существенно недопредставленных» стран-членов[4], в том числе Китая (на 27%), Мексики (на 22%) и Турции (на 24%). Однако совокупная доля развивающихся стран возросла всего на 0,5 процентных пункта (с 36,3% до 36,8%)[5].

---

[1] Report to the IMF Executive Board of the Quota Formula Review Group. 2000. – April 28.

[2] IMF, World Economic Outlook Database, October 2016. – http://www.imf.org/external/pubs/ ft/weo/2016/02/weodata/index.aspx

[3] Смыслов Д.В. Реформирование Международного валютного фонда: проблемы и решения. Финансы и управление // Деньги и кредит. 2012. – № 2. – С. 33.

[4] Четвертой была Корея еще в 1997 г. отнесенная к разряду развитых государств. МВФ использует различное деление на развитые и развивающиеся страны при подсчете квот и составлении обзоров мировой экономики. В данной статье совокупные квоты развивающихся стран пересчитаны в соответствии с методологией, принятой при составлении обзоров, что делает сопоставимыми их доли в мировом ВВП и капитале Фонда.

[5] IMF Financial Data Query Tool. – http://www.imf.org/external/np/fin/tad/query.aspx, расчеты автора

В апреле 2008 г. Совет управляющих МВФ утвердил второй этап начатой в 2006 г. реформы. Как и в первый раз, пересмотр носил выборочный (ad hoc) характер, только на этот раз увеличивалась квота сразу 54 государств (в диапазоне от 12 до 106%). Кроме того, в три раза (с 250 до 750) был повышен размер «базовых голосов». По утверждению руководства Фонда это должно было увеличить долю группы государств с наиболее низкими доходами[1].

Расчеты квот на этот раз были основаны на новой формуле, которая, однако, сильно отличалась от той, что была предложена группой экспертов в 2000 г. В качестве компромисса с развивающимися странами в нее были включены показатели ВВП по ППС (с общим весом 20%) и международных резервов (с весом 5%). При этом западноевропейские страны настояли на таком показателе как «открытость» (представляющем собой сумму платежей и поступлений по счету текущих операций платежного баланса), утверждая, что он соответствует основным функциям Фонда, призванного регулировать диспропорции, возникающие в платежных балансах стран-членов МВФ.

В результате получилось, что фактическая квота ряда развитых стран оказалась менее рассчитанной по новой формуле, что давало также и им право на увеличение квот. Руководство Фонда убедило некоторые из государств с развитой экономикой (Германию, Ирландию, Италию, Люксембург, США и Японию) согласиться на частичное увеличение своих квот, чтобы содействовать достижению целей реформы[2]. Тем не менее, после вступления в силу реформы 2008 г. (в марте 2011 г.) совокупная квота развивающихся стран сократилась до 36,5%[3].

В частности доля России уменьшилась с 2,78% до 2,49%[4], что дало основание российскому правительству отложить утверждение реформы 2008 г. Не удовлетворены результатами «реформы квот и голосов» оказались и многие другие страны с формирующимся рынком и развивающиеся государства, которые добивались более основательной перестройки структуры МВФ. В этой связи, готовясь к саммиту «Группы 20-ти» в Лондоне в апреле 2009 г., руководство России предложило «аннулировать пакет решений по реформе квот и голосов, согласованный в апреле 2008 г., и продолжить работу в рамках МВФ с тем, чтобы вынести на ратификацию уже более радикальный вариант реформирования, в большей степени отражающий существующую расстановку сил в мировой экономике»[5].

Между тем ситуация изменилась, чему в немалой степени способствовал мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. Начавшись в США, он поразил в первую очередь развитые страны, которые вскоре превратились в основных реципиентов финансовой помощи со стороны МВФ. Уже в 2011 г. на них приходилось 46% выданных Фондом кредитов, а в 2012 г. эта доля достигла 57%. При этом общий объем средств, предоставленных МВФ, оказавшимся в кризисной ситуации странам, увеличился с 9,8 млрд. СДР (около 15 млрд. долл.) в 2007 г. до 95,8 млрд. СДР (147,5 млрд. долл.)[6].

В этих условия лидеры западных стран вынуждены были обратиться за поддержкой к крупнейшим развивающимся экономикам, которые все больше превращались в нетто-кредиторов МВФ, что положило начало саммитам «Группы 20-ти». На полях этого форума прошла первая неформальная встреча руководителей Бразилии, России, Индии и Китая, которая привела к возникновению нового объединения – БРИК (после присоединения в декабре 2010 г. ЮАР было переименовано в БРИКС).

Объединившись со странами БРИКС, Россия способствовала консолидации позиции развивающихся государств по вопросам реформирования мировой финансовой архитектуры. Если Запад в первую очередь настаивал на увеличении финансовых ресурсов МВФ, необходимых для борьбы с кризисом и его последствиями, то БРИКС на первый план выдвигались требования кардинальных изменений в системе глобального управления и в первую очередь повышение совокупной квоты развивающихся стран в МВФ. Активная позиция, занятая Россией вместе с партнерами по БРИКС, позволила превратить «Группу 20-ти» из антикризисного комитета в ведущую площадку по разработке реформы международных финансовых организаций и в первую очередь МВФ[7].

Достигнутые договоренности нашли свое отражение в Сеульском плане действий, принятом в ноябре 2010 г. на саммите «Группы 20-ти». Одобренный таким образом пакет мер, получивший название «реформы квот и управления» или просто «реформы 2010 года», был утвержден Советом управляющих МВФ 15 декабря 2010 г. Этим завершался 14-й общий пересмотр квот, итогом которого должно было стать их удвоение (в сумме до 477 млрд. СДР) и перераспределение в пользу развивающихся стран. Совет управляющих поддержал также внесение поправки в Устав МВФ, предусматривающей переход к полностью избираемому Исполнительному совету. Следующим шагом должна была стать ратификация этого решения государствами-членами МВФ, для чего во многих случаях требовалось одобрение парламента.

Первоначально предполагалось, что все необходимые процедуры будут завершены к октябрю 2012 г. (За резолюцию о реформе квот и управления проголосовали управляющие, которые в общей сумме располагали 95,32% от

---

[1] IMF Executive Board Recommends Reforms to Overhaul Quota and Voice. March 28, 2008, Press Release № 08/64. – http://www.imf.org/external/ np/sec/pr/2008/pr0864.htm

[2] МВФ. Годовой отчет 2008. Глобальная экономика – на общее благо. – С. 58.

[3] IMF Financial Data Query Tool. – http://www.imf.org/external/np/fin/tad/query.aspx, расчеты автора.

[4] Звонова Е.А., Безнощенко В.В. Современные проблемы участия России в процессах трансформации мировой финансовой архитектуры // Экономика и управление. 2016. – № 2. – С. 23.

[5] http://kremlin.ru/events/president/news/3445

[6] IMF, International Financial Statistic Yearbook. 2016. – 881 p.

[7] Прокофьев И.В., Каратаев С.В., Захаров П.В., Трошин Н.Н., Кравцов А.А. БРИКС и международная финансовая архитектура: от МВФ к справедливому миропорядку // Проблемы национальной стратегии. 2015. – № 3. – С. 12.

общего числа голосов, вместо необходимых 85%)[1]. Однако тут возникли неожиданные затруднения. По решению Совета управляющих МВФ для вступления в силу итогов 14-го общего пересмотра квот было необходимо соблюсти два условия. Во-первых, с увеличением квот должны были согласиться страны-члены Фонда, обладающие не менее 70% голосов (это условие было выполнено в июле 2012 г.). Во-вторых, требовалось утверждение реформы Исполнительного совета, что предполагало согласие уже 3/5 из 188 стран-членов МВФ, располагающих 85% голосов.

В МВФ только США располагают квотой, превышающей 15%. Таким образом, без ратификации американского Конгресса набрать 85% голосов было невозможно. Между тем, администрация президента-демократа в течение пяти лет никак не могла договориться об этом с республиканским большинством в Конгрессе. Все это время мировое сообщество находилось, фактически, в патовой ситуации. За неимением реальной возможности двигаться дальше, все обсуждение будущего МВФ было искусственно сужено до дискуссии о гипотетических путях завершения согласованных изменений в обход позиции США.

В этих условиях Россия вместе со странами БРИКС предпочла сосредоточиться на создании собственных финансовых организаций, чтобы не оказаться в критический момент в зависимости от решения какой-либо страны. Так для оперативного реагирования на резкие колебания обменного курса и страховки на случай дефицита ликвидности членами объединения было решено сформировать свой резервный фонд, получивший название Пула условных валютных резервов. Договор о его создании был подписан лидерами БРИКС на саммите в Форталезе (Бразилия) в июле 2014 г.[2] Год спустя главы центральных банков стран пятерки заключили в Москве Операционное соглашение, которым регламентировались условия предоставления взаимной поддержки и детализировались выполняемые процедуры.

Общий объем Пула был установлен в размере 100 млрд. долл. Квота Китая составила 41 млрд. долл., Бразилии, Индии и России – по 18 млрд. долл. и ЮАР – 5 млрд. долл. Выделение этих средств носит условный характер – страны-участницы взяли на себя обязательства предоставить их в случае удовлетворения заявки Постоянным комитетом, который был создан для оперативного управления Пулом. Для принятия решения необходимо простое большинство голосов, распределенных пропорционально квоте. Высший орган Пула – Совет управляющих – как и в МВФ, сформирован в составе министров финансов и/или глав центральных банков стран БРИКС. Все решения в рамках Совета будут приниматься на основании консенсуса.

Максимальный размер помощи был установлен в размере 50% от квоты для Китая, 100% для Бразилии, Индии и России и 200% для ЮАР. Причем Постоянный комитет может самостоятельно принять решение о предоставлении не более 30% от установленного странового лимита. Получение же остальной части ресурсов увязано с наличием у страны-заемщика согласованной с МВФ стабилизационной программы[3].

Таким образом, Пул условных валютных резервов нельзя рассматривать в качестве альтернативы МВФ в полном смысле этого слова. Но успешное завершение его формирования, как и начало деятельности Нового банка развития БРИКС, стало наглядным свидетельством того, что реформировать мировую финансовую архитектуру можно не только сверху, но и, так сказать, снизу.

Вместе с тем страны БРИКС готовы продолжить работу над изменением механизмов глобального управления и в рамках МВФ. Вступившая наконец-то в силу в январе 2016 г.[4] «реформа квот и управления» слишком поспешно была названа исторической. Доля развивающихся стран возросла всего на 2 процентных пункта, с 36,5 до 38,5% (по данным на 30 ноября 2016 г.)[5] и все еще не отвечает их роли в мировой экономике. Однако, США и их европейские союзники, решив в основном проблемы, вызванные кризисом 2008–2009 годов, утратили практический интерес к проблемам перестройки международной валютно-финансовой системы. Не нуждаясь более в финансовой помощи со стороны крупнейших развивающихся государств западные страны более не склонны идти на компромиссы, что отчетливо проявляется в поведении руководства МВФ.

Так, Сеульским планом действий в качестве самостоятельного направления реформы МВФ рассматривался всесторонний пересмотр формулы расчета квот, который должен был способствовать дальнейшему увеличению представительства развивающихся стран. Предполагалось завершить его к январю 2013 г., но отчитываясь в проделанной работе, 30 января 2013 г. Исполнительный совет МВФ заявил, что считает нецелесообразным продолжать самостоятельное рассмотрение вопроса о формуле и предложил увязать его с 15-м общим пересмотром квот. Таким образом, внесение изменений в формулу оказалось фактически исключено из пакета реформ 2010 г.[6]

Более того, в докладе Исполнительного совета особо отмечалась позиция тех директоров, которые находили, что действующая формула адекватно учитывает изменения в мировой экономике. В качестве аргумента приводились расчеты на основе статистических данных за 2010 г. Их использование приводило к увеличению совокупной расчетной квоты развивающихся стран на 7,7 процентных пунктов по сравнению с расчетами по данным 2005 г., применявшимся в ходе 14-го общего пересмотра квот.

---

[1] IMF Board of Governors Approves Major Quota and Governance Reforms, December 16, 2010, Press Release № 10/477. – http://www.imf.org/en/ news/articles/2015/09/14/01/49/pr10477

[2] Одновременно был подписан и договор о создании Нового банка развития, призванного восполнить недостаток инфраструктурных инвестиций со стороны группы Всемирного банка.

[3] Хмелевская Н.Г. Пул условных валютных резервов БРИКС в аспекте достаточности международных (золотовалютных) резервов // Деньги и кредит. 2016. – № 2. – С. 42–49.

[4] В декабре 2015 г. Конгресс США ратифицировал внесение изменений в Устав МВФ, что открыло возможность завершения согласованных еще в 2010 г. реформ.

[5] IMF Financial Data Query Tool – http://www.imf.org/external/np/fin/tad/query.aspx, расчеты автора

[6] Прокофьев И.В., Каратаев С.В., Трошин Н.Н., Баженов И.Н. Формула расчета квот МВФ: возможности для БРИКС и развивающегося мира // Доклад РИСИ. – М., 2016. – № 3. – С. 6. – http://riss.ru/ bookstore/monograph/report-3/

Следующим наступлением на позиции развивающихся государств стало изменение формулировки целей предстоящего общего пересмотра квот. Если в документах Сеульского саммита «Группы 20-ти» говорилось об «увеличении прав голоса и представительства стран с формирующимися рынками и развивающихся стран», то в документах МВФ выражалось уже мнение, что в результате пересмотра ожидается «увеличение долей квот динамичных стран». Причем западным странам удалось навязать эту формулировку всем остальным членам «Группы 20», включив ее в итоговое коммюнике саммита, состоявшегося 4-5 сентября 2016 г. в Ханчжоу (Китай)[1].

Тогда же США и другие развитые государства подтвердили, что вместе со всеми работают над завершением 15-го общего пересмотра квот к осени 2017 г. Но месяц спустя Исполнительный совет МВФ информировал Совет управляющих, что не сможет обеспечить проведение очередного пересмотра в указанные сроки и просил отсрочку еще на два года. Тем самым западные страны продемонстрировали, что больше не собираются вести переговоры с развивающимися странами на площадке «Группы-20», где все участники равны. Вернув решение вопроса о перераспределении квот исключительно в рамки МВФ, они подтвердили свое стремление нивелировать возросшую роль стран БРИКС и других развивающихся государств за счет сохранения контроля над ключевыми международными организациями.

Позднее Исполнительный совет МВФ представил график работ в рамках 15-го общего пересмотра квот. Начать его планируется лишь в третьем квартале 2017 г. с обсуждения вопросов о размере предполагаемого увеличения капитала Фонда и его распределении, включая новую формулу расчета квот. Целью данной дискуссии, которая продлится до весны 2018 г., будет выработка ключевых принципов проведения 15-го общего пересмотра квот. На этой основе Исполнительный совет надеется сгладить остающиеся противоречия до конца 2018 г. и представить на утверждение Совету управляющих итоги очередного общего пересмотра или весной 2019 г. или, в крайнем случае, осенью 2019 г.[2]

Однако время сейчас работает против Запада. Как показывают вычисления, выполненные сотрудниками МВФ, на основании действующей формулы расчетная квота США и других ведущих стран Запада неуклонно уменьшается по мере обновления статистической базы данных, в то время как доля БРИКС и других развивающихся стран растет.

Так, в ходе 14-го общего пересмотра квот, который проводился на основании статистики за 2008 г., расчетная квота США составляла 17%. Однако при использовании данных за 2013 г. она уменьшается до 14,5 и даже до 14,3%, если взять данные за 2014 г. В то же время совокупная расчетная квота стран БРИКС увеличивается с 16 до 20% и 20,6% соответственно. Более справедливым становится и распределение долей участия между развитыми и развивающимися государствами: исходя из данных за 2014 г. 55,2 и 44,8% соответственно[3].

Вместе с тем, даже незначительной модификации в формуле достаточно, чтобы американская квота вновь превысила 15%. Например, отказаться от использования показателя «изменчивость», с чем согласны практически все члены Исполнительного совета, и увеличить за его счет вес показателя ВВП.

Получив отсрочку, Россия и остальные страны БРИКС имеют возможность согласовать на экспертном уровне новую формулу расчета квот, которая позволит учесть недостатки действующей и не позволит искусственно завышать квоты отдельных стран. При этом можно использовать противоположные интересы США и западноевропейских стран относительно дальнейшего применения показателя «открытость». Снижение его веса в действующей формуле приводит к увеличению расчетной квоты США и сокращению квоты стран ЕС при минимальном влиянии на квоты стран БРИКС.

Перспективным представляется также включение в формулу показателя государственного долга. Наряду с продолжением использования показателя международных резервов, добавление государственного долга позволяет лучше учесть устойчивость национальной экономики к внешним шокам и соответственно вероятную потребность в предоставлении финансовой помощи со стороны МВФ.

Таким образом, будет учтена многофункциональность квоты, на чем настаивают члены Исполнительного совета. В то же время целесообразно отказаться от использования квоты для определения лимитов кредитования. Тем более что в ряде случаев МВФ сам отклоняется от принятых ограничений, как это было в случае с Грецией или Украиной, которой был одобрен кредит в размере 900% квоты, что в 1,5 раза превышает официально установленный максимум.

Противопоставив публичное обсуждение этих вопросов закулисному торгу, практикуемому западными странами, БРИКС получит возможность сформировать широкую коалицию и добиться превращения МВФ в организацию, которая действительно сможет обеспечить финансовую стабильность для всего мирового сообщества.

---

[1] G 20 Communique, Hangzhou Sammit, 4-5 September 2016. – P. 3. – https://www.g20.org/Content/DE/ _Anlagen/G7_G20/2016-09-04-g20-kommunique-en.pdf?__blob=publicationFile&v=6

[2] Fifteenth General Review of Quotas – Report of the Executive Board to the Board of Governors, November 2, 2016. – P 2. – http://www.imf.org/ external/pp/longres.aspx?id=5072

[3] IMF. Quotas – Data Update and Simulations. August 9, 2016. – P. 10, 71. – http://www.imf.org/external /pp/longres.aspx?id=5062

Трошин Д.В.[1]

ПАРАДИГМА СУЩЕСТВОВАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УПРАВЛЕНИЯ СМЫСЛАМИ И ПОТЕНЦИАЛАМИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Ключевые слова: *безопасность, существование, развитие, смысл, экономика, управление, отношение.*
Keywords*: security, existence, development, meaning, economics, management, attitude.*

В государственной политике и системе стратегического управления на национальном уровне одно из важнейших мест отведено обеспечению экономической безопасности. Так, 7 декабря 2016 г. Совет Безопасности РФ одобрил Стратегию экономической безопасности России до 2030 года, утвердить которую планируется до 1 марта 2017 г. Первый подобный документ был принят в 1996 году. Ключевая роль экономической безопасности отведена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Большое внимание проблематике экономической безопасности уделяется и в научной сфере.

В то же время остаются некоторые сущностные аспекты проблемы, не получившие пока удовлетворительного решения на методологическом уровне. Необходимо конкретизировать место и роль категории «экономическая безопасность» в ментальных и организационных моделях управления экономикой и общественным развитием, уточнить смысл этой категории и, отталкиваясь от этого, определить содержание деятельности и отношения между значимыми факторами для анализа экономической безопасности. Кроме того, требуется конкретизация ролевых отношений между категориями «безопасность» и «развитие», четкое определение места задачи обеспечения безопасности в проблематике стратегического управления и наоборот.

Анализ подходов к формулированию и наделению смыслом рассматриваемой категории, в том числе с учетом содержания базовой категории «безопасность», рассмотрен в большом количестве работ.

Можно выделить подходы к определению экономической безопасности (далее – ЭБ):

– как состояния экономики;

– как совокупности условий и факторов, способных обеспечить определенный уровень значений экономических показателей страны;

– как устойчивости экономической системы[2].

Попкова Е.Г. и Островская В.Н. рассматривают процессный, результатный и комплексный подходы[3]. В первом случае ЭБ интерпретируется как вероятность наступления рисковых событий, негативно меняющих перспективы инвестиций и снижающих темпы роста. Во втором рассматривается способность страны противостоять негативным факторам, которые могут привести к снижению уровня жизни населения, импортозависимости и нарушению суверенитета[4]. Третий призван совместить достоинства первых двух.

Во многих работах ЭБ явно[5] или по умолчанию[6] отождествляется с устойчивостью экономики или с устойчивостью общества и государства к угрозам и рискам (шокам), возникающим в сфере экономики. При этом не учитывается, что устойчивость есть имманентное качество системы, ее способность, а безопасность является результатом композиции устойчивости системы и характера воздействий (в т. ч. потенциальных) на нее, т. е. угрозами и рисками.

---

[1] Трошин Дмитрий Владимирович – к.т.н., в.н.с. Центра проблем экономической безопасности и стратегического планирования Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: giopup2@yandex.ru

[2] Бузин Р.В., Золотарева Н.А. Экономическая безопасность национальной экономики: теория и значение в современной экономике России // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Социально-экономические и общественные науки. 2015. – № 2 (45). – С. 109–117.

[3] Попкова Е.Г., Островская В.Н. Экономическая безопасность современной России: состояние и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2015. – № 33. – С. 11–21.

[4] Семяшкин Е.Г. Социально-экономическое развитие РФ в условиях глобализации, национальная безопасность // Проблемы анализа риска. 2014. – Т. 11, № 5. – С. 68–71.

[5] Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенгчагова. – М.: Анкил, 2013. – 688 с.; Афонцев С.А. Дискуссионные проблемы концепции национальной экономической безопасности // Россия XXI. – М., 2001. – № 2. – С. 41–44; Петренко И.Н. Экономическая безопасность России: денежный фактор. – М., 2003. – 240 с.

[6] Буланов С.Ю. Социально-экономические угрозы экономической безопасности России и европейский опыт их предотвращения. – М.: Юго-Восток Сервис, 2007; Глазьев С.Ю. Безопасность экономическая. Политическая энциклопедия. – М.: Мысль, 1999.

В ряде работ в смысл ЭБ включается развитие[1], а Шульц В.Л. и соавторы[2] в основу безопасности социально-экономической системы наряду с другим включают связь стратегического управления с будущим. Селиванов А.И. рассматривает ЭБ, как целевую функцию объекта и отражает в определении этой категории аспекты, связанные с потенциалом самосохранения, самовоспроизводства, развития объекта рассмотрения при любых условиях среды[3], что вытекает из результатов исследования феномена развития объектов[4].

В рамках указанных методологических парадигм для операционального упрощения решения задач анализа ЭБ иногда используются также функциональный и секторальный подходы. В первом случае ЭБ фактически декомпозируется на различные сферы по признаку функции в экономике: финансовую, кадровую, правовую, экологическую, технологическую и т.д. Секторальный подход к ЭБ в целом сводится к эклектической сборке ЭБ секторов[5]. При этих подходах не учитываются, как правило, взаимосвязи и взаимодействия между выделяемыми структурными компонентами, а также системные компоненты экономики, не сводимые к функциональным и секторальным подсистемам и элементам.

В ряде подходов ЭБ достаточно явно увязывается с индикаторами и показателями национального существования и развития, однако в иных проявляется стремление рассматривать экономику как в значительной мере самоценную систему, которой необходимо придать некоторое состояние.

В целом в существующих подходах с точки зрения телеологии и системологии проявляется недостаточно глубокое проникновение в смысл экономической деятельности, вытекающий из существования системы более высокого уровне – нации и соответственно недостаточная стратегическая целеустремленность анализа и управления экономикой в национальных интересах, а также нечеткость отношений между категориями «безопасность», «развитие», «интересы».

В соответствии с современными представлениями теории систем перспективными направлениями разработки концептуальных подходов к управлению сложными организационными системами, прежде всего обществом и цивилизацией, является управление смыслами и потенциалами. Первые определяют метафизическую основу деятельности, пространство целей и мотивацию, вторые – возможности реализации смыслов.

В основе определения ЭБ, также как и других «локальных безопасностей» должен находиться смысл базовой категории «безопасность», которая в этом случае определяет методологическую «точку отсчета» для дальнейшего построения ментальных, организационных, информационных и математических моделей анализа и обеспечения безопасности и стратегического управления. Все множество «локальных безопасностей» можно представить в двух типовых группах:

– «безопасности» конкретных организационных систем в целом, каждая из которых выделена по территориальному, государственному, социальному, производственному, семейно-родовому, этническому, профессиональному или другому подобному признаку – безопасность н-ского муниципального округа, национальная безопасность и т.д.;

– «безопасности» систем с точки зрения какого-либо аспекта бытия этих систем, например, экономическая безопасность, пожарная безопасность и т. д.

Разумеется, в конкретных исследованиях и практике любая «безопасность», определяемая по аспектному признаку, соотносится с конкретной организационной системой, например, экономическая безопасность страны.

Принципиальная разница между отмеченными типами состоит в том, что организационные (в т.ч. и социально-экономические) системы являются субъектами, деятелями, которые имеют собственные интересы и их безопасность связывается с удовлетворением их интересов. Базовое (родовое) определение безопасности должно быть инвариантно для любых организационных систем, условий их жизнедеятельности, масштаба и строгости решения задач управления системами. Специфика появляется при рассмотрении интересов, угроз, рисков, особенностей существования конкретной системы. Безопасность субъекта (безопасное существование субъекта) целесообразно определить как отношения в системе субъект – среда, при которых вероятность нанесения ему значимого ущерба на заданном интервале времени пренебрежимо мала. Под средой здесь понимается как внешняя среда, так и внутренние факторы существования субъекта: противоречия и взаимодействия между его элементами и их подмножествами, а также между элементами и их подмножествами и субъектом в целом. Соответственно национальная безопасность – это отношения в системе «нация – внешний мир и внутренние факторы», при котором вероятность нанесения нации значимого ущерба пренебрежимо мала. Под ущербом понимается неудовлетворение (недостаточное удовлетворение) национальных интересов. Для обеспечения смысловой стройности и возможности системного масштабирования моделей определение безопасности любой социально-экономической системы должно быть аналогично определению национальной безопасности и включать указание объекта защиты – конкретный субъект или тип субъекта.

---

[1] Урсул А.Д. Перспективы безопасного будущего: направления разработки концепции устойчивого развития // Национальная безопасность / nota bene. 2014. – № 6. – С. 856–873; Яныгин В.Ю. Вопросы устойчивого развития и будущего экономики России в XXI веке // Тренды и управление. 2013. -№ 2. – С. 218–226. DOI: 10.7256/2307-9118.2013.2.8015.

[2] Шульц В.Л. Безопасность социально-экономических систем / В.Л. Шульц, В.В. Цыганов, Р.Ф. Идрисов, Н.Н. Терехова. – М.: Наука, 2009.

[3] Селиванов А.И. О необходимости интегрального подхода к определению понятия «экономическая безопасность» // Микроэкономика. 2016. – № 1. – С. 79–83.

[4] Селиванов А. Развитие объектов. Наука управления будущим. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 848 с.

[5] Колесниченко Е.А., Османов Ж.Д. Экономическая безопасность ключевых секторов российской экономики: структурный подход к исследованию // Лесотехнический журнал. 2015. – № 2. – С. 187–202.

Экономика в отличие от экономических деятелей, к которым относятся люди и их коллективы (организационные системы), не является субъектом и не имеет интересов. Она представляет собой систему отношений и ресурсов для производства и распределения товаров и услуг. Субъектом, осуществляющим деятельность в масштабах всей экономики, является нация, все общество, поскольку все члены общества участвуют, по крайней мере, в потреблении. Эти субъекты имеют интересы, которые могут быть удовлетворены посредством экономики. Функционирование и развитие экономики должно осуществляться исходя из всего спектра национальных интересов. С одной стороны, этот спектр не сводится к производству материальной продукции для потребления домашними хозяйствами, с другой, каждый из национальных интересов имеет материальную проекцию и соответственно соотносится с экономической деятельностью. Таким образом, ЭБ – это отношения в системе национальная экономика – среда, при которых вероятность потери экономических возможностей обеспечения национальной безопасности пренебрежимо мала. Здесь под средой понимается состояние внутренних институтов и отношений между различными субъектами экономической деятельности, природная среда, мировая экономика, военно-политическая ситуация, правовая ситуация, включая аспекты терроризма и диверсий и т.п.

Предлагаемый подход к определению категорий «национальная безопасность» и «экономическая безопасность» вытекает из витального подхода к исследованию организационных систем, предполагающего, что главной ценностью субъекта является его существование и, соответственно, на уровне деятельности обеспечение безопасного существования является системообразующим фактором системы его деятельности и целеполагания. Качественная определенность существования определяется составом и степенью реализации его интересов[1].

В силу объективной изменчивости доступного нам в ощущениях мира, а также субъективных факторов проявления воли человека взаимоотношения субъекта со средой и, следовательно, уровень его безопасности в каждый момент времени изменяется, возникают новые противоречия и отношения взаимодействия внутри системы и с внешним миром. Для восстановления и(или) укрепления безопасности, разрешения внутренних и внешних противоречий, система должна искать и осуществлять оптимальные формы взаимодействия внутри системы и с внешним миром, расширять свои возможности взаимодействия, т. е. непрерывно развиваться[2]. Очевидно, что больший эффект, а зачастую сама возможность восстановления состояния безопасности, могут быть достигнуты при упреждающих действиях и заблаговременном формировании необходимого запаса требуемых ресурсов и элементов системы (в случае экономики – научных знаний, технологий, новшеств, институтов, качественных трудовых ресурсов, высокообразованных членов общества, идентифицирующих себя в качестве приверженцев культурной традиции России и ее граждан, фондов и других активов), отношений и механизмов взаимодействия, в совокупности образующих потенциал обеспечения существования. Эта упреждающая деятельность является одной из форм развития, поскольку предполагает создание потенциала для расширения взаимодействия с внешним миром в будущем за счет изменения внутреннего устройства, механизмов самоосуществления и накопления ресурсов.

Экономическое развитие нельзя отождествлять с экономическим ростом, под которым понимается увеличение физического объема ВВП. Важен не столько рост выпуска продукции сам по себе, сколько качественное содержание продукции, источники роста, его направления по структуре народного хозяйства. Опыт российской экономики последних 10 лет показал, что относительно успешный рост ВВП за счет благоприятной мировой ситуации на рынках энергоносителей не обеспечил ее устойчивость даже в среднесрочной перспективе. Результаты теоретических исследований взаимосвязи экономического роста и развития в России и за рубежом сводятся в основном к тому, что рост служит одним из факторов, условий развития, а развитие направлено на повышение благосостояния населения в широком смысле, на обеспечение возможности роста не только в краткосрочной, но и в отдаленной перспективе. Й. Шумпетер, в частности, определял экономический рост как увеличение производства и потребления товаров и услуг, чаще всего одних и тех же, а экономическое развитие как появление инноваций, проявление нового.

В настоящем докладе смысл экономического развития рассматривается глубже и прямо увязывается с обеспечением безопасного существования, т.е. удовлетворением национальных интересов. Одним из основных аспектов развития субъекта является изменение его интересов, стимулирующее расширение взаимодействия субъекта с внешним миром. Изменения национальных интересов, включая интересы личности, непосредственно влияет на необходимость адекватного развития экономики. Для экономики на высшем уровне обобщения расширение возможностей взаимодействия с внешней средой (обществом в целом, потребителями, партнерами, конкурентами, генераторами угроз и вызовов) происходит по двум направлениям:

– укрепление устойчивости к реализуемым и прогнозируемым (наблюдаемым, возможным, мыслимым) угрозам и вызовам, исходящим из функционирования и изменения мировой экономики и внешнего мира в целом, а также конкретных ситуаций на интересующих мировых рынках;

– способность обеспечивать производство продукции для удовлетворения развивающихся потребностей общества, включая обороноспособность, защиту от чрезвычайных ситуаций разного характера, реализацию творческих и духовных потребностей людей и др., в т.ч. в неблагоприятных внутренних и внешних условиях.

---

[1] Селиванов А.И., Трошин Д.В. О методологических основаниях реализации закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Экономика. Налоги. Право. – М., 2015. – № 3. – С. 18–23; Трошин Д.В. Методологические основания формирования перечня национальных интересов России как основы целеполагания стратегического управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2016. – № 5 (338). – С. 32–45.

[2] Селиванов А. Развитие объектов. Наука управления будущим. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 848 с.

Исходя из изложенного, под управлением экономикой фактически понимается деятельность, направленная на поддержание функционирования и развитие экономики, наращивание экономической составляющей потенциала для безопасного существования нации.

Такое толкование ЭБ и управления экономикой позволяет рассматривать задачи развития экономики и обеспечения ЭБ не автономно и не как конкурирующие за ресурсы, а взаимосвязанные и решаемые в рамках стратегического управления существованием, включая развитие, страны в тактическом, стратегическом и мегастратегическом масштабах.

Ключевые задачи управления экономикой на системном уровне сводятся к следующим:

1) согласованное функционирование всех сфер труда через функционирование механизма распределения общей прибавочной стоимости, созданной в сфере воспроизводства товаров конечного потребления для домашних хозяйств, в денежной форме между всеми сферами труда для обеспечения их оборотными средствами;

2) обеспечение функционирования системы движения финансовых средств (недопущения застоя денег) для авансирования труда, пополнения оборотных средств в сферах производства и создания результатов интеллектуальной деятельности;

3) обеспечение движения труда в целях развития приоритетных экономических циклов и общественно полезных сфер труда, а также недопущения безработицы выше естественной нормы безработицы;

4) обеспечение оптимальной отраслевой структуры общественного труда, включая обеспечение функционирования экономических циклов, которые производят критически важные товары конечного потребления для домашних хозяйств и критически важные товары, закупаемые государством;

5) исследование потребностей для удовлетворения национальных интересов, в т.ч. потребностей населения, в целях своевременной коррекции структурной отраслевой политики и конкретной проектной деятельности;

6) формирование, поддержание и эффективное использование ресурсной базы.

В этом перечне нет места задачам расширения и сокращения доли государственной собственности и, шире, участия государства в экономике, открытия или закрытия внутренних рынков, открытия или перекрытия трансграничных потоков капиталов, таргетирования инфляции, развития рыночных институтов или внедрения протекционизма и т.п., которые зачастую предлагаются или отвергаются на основе исповедуемых идеологем без конкретной аргументации в отношении конечной цели развития и фактически используются для подмены смысла деятельности по управлению развитием как расширением экономических возможностей. Решения этих и других частных задач являются лишь инструментами, которые могут или не могут применяться исходя из обеспечения безопасного существования.

В этой связи интересно коснуться концепции китайского ученого Дж.И. Линя «новой структурной экономики», которая приобретает в последнее время популярность[1]. Суть концепции сводится к тому, что развивающиеся (пытающиеся догонять) страны должны адекватно оценить структуру и динамику своих факторов производства, найти успешные аналоги в мировой экономике и перестроить структуру экономики таким образом, чтобы можно было по изученным образцам эффективно использовать имеющиеся факторы и их динамику. Реализация этой концепции, в качестве цели экономической политики для России, в отличие от малых и не вовлеченных в перипетии международной политики стран, не приведет к успеху, поскольку не позволит достичь описанного выше смысла развития. Россия не может ограничиться некоторыми нишами в международном разделении труда и рынков, что показывает развитие топливно-добывающего комплекса и сложившаяся импортозависимость, а также копированием и догоняющим развитием.

Ключевой задачей экономического развития для России является достижение экономической самодостаточности (не значит закрытости) для сохранения политической и культурной суверенности – существования.

[1] Антипина О. Каково будущее рыночной экономики? (О книге Джастина Ифу Линя «The Quest for Prosperity») // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 9. – С. 150–160.

Тульчеев В.В.
д. э. н. ВНИИ картофельного хозяйства
lib.vniikh@bk.ru
Жевора С.В.
к. с.-х. н., директор ФГБНУ ВНИИ картофельного хозяйства
coordinazia@mail.ru
Аршин К.В.
к.ф.н. зав. отделом научно технической информации и координации научно-исследовательских работ ВНИИ картофельного хозяйства
coordinazia@mail.ru
Овэс Е.В.
к.с.-х.н., заместитель директора по научной работе ВНИИ картофельного хозяйства
e-oves@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В АПК ЕАЭС И СНГ В УСЛОВИЯХ ЕВРОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова*: научные исследования в АПК, рынок НТП, создание и использование результатов НТД, экономические отношения, импортозамещение.*
Keywords*: research in agriculture, STP market, the creation and use of NTD, economic relations, import substitution.*

На саммите ЕАЭС и ОДКБ в Санкт-Петербурге подписана новая редакция Таможенного кодекса ЕАЭС. Создан ёмкий общий рынок, действующий по правилам ВТО.

Так как страны-участницы ЕАЭС в основном сельскохозяйственные, то необходимо создать такой Общий аграрный рынок, в котором выгодно было бы работать всем сельхозтоваропроизводителям. Для этого всем его участникам как во внутренней, так и во внешней торговле (в основном скоропортящимися продуктами питания), необходимо уделить особое внимание созданию суперсовременных транспортных систем с соответствующей механизированной и автоматизированной складской, погрузочно-разгрузочной инфраструктурой, вплоть до «сквозной» холодильной цепи специально созданной для системы «поле (ферма) – потребитель» охватывающую не только дальних потребителей (в т.ч. в портовых городах) картофеля, овощей, плодов, мясомолочной и другой скоропортящейся сельхозпродукции в России, но и в странах ЕАЭС, ШОС, БРИКС. В обратном направлении, например из Мурманска, Архангельска, портов Дальнего Востока можно в тех же вагонах везти свежезамороженную рыбу, другие морепродукты, а из южных стран ЕАЭС, СНГ и других – недостающую в России раннюю, плодоовощную, ягодную, экзотическую и иную сельхозпродукцию.

Важность проблемы перевозки скоропортящейся сельхозпродукции железнодорожным и смешанным транспортом состоит в том, что ни одно НИУ в СССР данным «наукоёмким» процессом никогда глубоко не занималось, так как такое товародвижение охватывало интересы десятков министерств и ведомств и оно осталось «без глаза», в то время как сегодня транспортные расходы (с учётом погрузки, транспортировки смешанным транспортом, разгрузки, складирования, или реализации «с колёс» и т.п.) достигают 50% и более постоянно растущей розничной цены скоропортящейся сельхозпродукции (без учёта её огромных потерь в пути, кратковременном хранении и т.д.). А проблемами роста товарооборота высококачественной сельхозпродукции между бывшими республиками вообще мало кто занимался. В результате потери сельхозпродукции в системе «поле – потребитель» с использованием железнодорожного транспорта достигли 60% и более, что и явилось одной из причин перехода стран СНГ на самообеспечение картофелем, овощами, плодами, бахчевыми и виноградом.

Перевозка скоропортящейся сельхозпродукции всеми видами транспорта (автомобильным, железнодорожным, водным, морским и воздушным) наиболее выгодна, когда она всё время находится в пути (в скоростных авторефрижераторах, в специализированных скоростных вагонах, морских судах, в воздухе) и поэтому следует максимально сократить простои во время её транспортировки, при оформлении провозных документов (в т.ч. на таможенных пунктах), сервисном обслуживании, загрузке и выгрузке «нежного» продовольствия, ежеминутно теряющего свои первоначальные свойства, качество, витамины и т.п. При этом повреждение плодово-ягодной, картофелеовощной, бахчевой, виноградной, цитрусовых и другой скоропортящейся продукции должно быть также сведено к минимуму, так как потери свежеубранной механизированным способом, частично повреждённой, «дышащей», выделяющей тепло и влагу сельхозпродукции в пути и дальнейшем её хранении очень высоки как в натуральной, так и в денежной форме.

Наряду с торговлей продовольствием со странами ЕАЭС, БРИКС и др. перспективным является переход к совместным научно-исследовательским и конструкторским работам и последующему совместному производству унифицированных проектов хранилищ-комплексов, увязанных с национальными особенностями уборки сельхозпродук-

ции, сельхозмашин, оборудования по мойке (переработке), фасовке, упаковке, полевого и внешнего транспорта и т.п., ориентированных в основном на специализированные сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПТК), и небольшие дешёвые фермерские магазины. Элитным супермаркетам и крупным торговым сетям сложно конкурировать с дешёвой фермерской и кооперативной розничной торговлей отечественной сельхозпродукцией, так как у них нет посредников, всевозможных «накручиваний» на розничную цену сельхозпродукции, прочих накладных расходов. Прибыль фермеров будет увеличиваться (как и во многих развитых странах мира) за счёт роста товарооборота и прямой доставки высококачественных продуктов питания потребителям, без заезда в какие-либо плодоовощные базы и т.п.

Главная проблема нынешней экономики сельского хозяйства России, ЕАЭС, СНГ в целом состоит в том, что мы продолжаем работать в физически и морально устаревшей и искусственно созданной структуре АПК под 100% коллективизацию и 100% размещение базы хранения и переработки сельхозпродукции в городах, чего нет нигде в мире. Сегодня многоотраслевые низкорентабельные акционированные сельхозорганизации (СХО) полностью потеряли свои организационно-экономические и технологические связи со ставшими частными городскими плодоовощными базами и перерабатывающими сельхозсырьё заводами, принадлежащими в основном иностранным компаниям, которые стараются работать на импортном сырье, что ведёт к росту потерь (до 50% и более) и себестоимости отечественной сельхозпродукции в системе «поле (ферма) – потребитель», бессмысленным затратам труда и средств, а в конечном счёте, к неконкурентоспособности конечных продуктов питания на внутреннем и мировом рынках, дальнейшим убыткам в СХО, КФХ и сокращению сельскохозяйственного производства в России.

Таким образом, необоснованный импорт продовольствия и сырья для иностранных предприятий не решает проблемы продовольственной безопасности России, а наоборот, способствует спаду производства в отечественном сельском хозяйстве, перерабатывающей и пищевой промышленности. К тому же ведёт товарный кредит, реализуемый в России по мировым ценам, так как способствует сокращению покупок, а следовательно, и производства отечественных продуктов питания. В свою очередь реализация импортного продовольствия по ценам ниже отечественных также ведёт к сокращению сельхозпроизводства в России, а следовательно, к убыточности и банкротству СХО и КФХ, росту безработицы. К снижению платежеспособного спроса населения в стране также ведёт и постоянное ничем неоправданное увеличение цен на большинство продуктов питания, от которого страдают потребители, производители и государство, т.к. при низких закупочных ценах перекупщиков и спекулянтов – сельское хозяйство не развивается. Отсутствие гарантированных каналов сбыта произведённой в России, ЕАЭС, СНГ, БРИКС сельхозпродукции подрывает не только рост производства и экономику СХО, КФХ и т.п., но и разрушает созданный потенциал соответствующих подкомплексов АПК РФ, к росту безработицы в городах, где сосредоточена его I, Ш, и IV сферы, к дальнейшему банкротству СХО.

Если бы в 60–70 – е годы (когда начались закупки зерна и др. из-за границы за нефтедоллары) мы на базе убыточных колхозов и особенно совхозов создали высокоэффективную прослойку из фермерских СПТК, то сегодня Россия была бы сытой и богатой, и ни о каких санкциях не могло быть и речи. Сейчас же у нас нет ни колхозов, ни совхозов, ни мощной фермерской прослойки, ни высокопроизводительной материально-технической базой хранения, переработки в местах специализированного производства сельхозпродукции – в СПТК, АПП и АПО, ни контролируемой торговли.

Отметим, что Ден Сяопин, взяв на вооружение принципы НЭПа, использовав дореволюционный российский кооперативный (передовой в то время в мире) и прогрессивный европейский опыт развития фермерских хозяйств, в кратчайшие сроки провёл реформу и за 3 года накормил огромную страну, выставив на экспорт значительные излишки сельхозпродукции.

Для стран – участниц ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС главным является развитие экономики на базе современной техники, оборудования передовых технологий последних поколений, расширяющих производственную базу с целью противостояния внешним конкурентам. Поэтому совместная работа в ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и в других интеграционных объединениях с участием нашей страны должна быть реальной и постоянной, а не протокольной (от сессии к сессии), когда важнейшие совместные проекты остаются лишь проектами на бумаге, а медленное согласование совместных программ и проектов в министерствах, ведомствах, НИИ и др. ведёт лишь к снижению конкурентоспособности техники, технологий и произведённой в продукции на мировом рынке. Этому должно способствовать и создание в ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС единого информационного пространства и повышение пропагандистской работы СМИ.

В связи с тем, что в России произошли серьёзные сдвиги по импортозамещению во многих промышленных областях: фармацевтической, лёгкой, химической, тяжёлом машиностроении, железнодорожной технике и др., пора как можно быстрее создать совместно со странами ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и др. низкозатратную, высоконкурентную реальную рыночную структуру АПК и сельского хозяйства (на базе СПТК, АПП и АПО) с наименьшими затратами суммарных средств и инвестиций в каждом государстве-участнике.

Некоторые государства ЕАЭС и БРИКС демонстрируют высокие темпы роста экспорта в другие страны-участницы, которые также являются в основном аграрными странами. Так прирост экспорта продовольствия из Армении в Россию и Беларусь за январь-июнь 2016 г. к соответствующему периоду 2015 г. составил 87,4 и 47,2% соответственно. Китай, несмотря на недостаток потребления картофеля в расчёте на 1 человека, всё же планирует создать 20 специализированных картофельных хозяйств и современные хранилища на границе с Россией с целью обеспечения населения Дальнего Востока «вторым хлебом».

России также необходимо активно продвигать свои экспортные позиции по зерну, картофелю и другой сельхозпродукции на внешний рынок с целью экономического роста и развития соответствующих продуктовых подком-

плексов АПК. России необходимо особо стимулировать экспорт продуктов переработки зерна и картофеля с высокой добавленной стоимостью, оставляя всё больше и больше нестандартной продукции, отходов и очисток картофеля для изготовления высококачественного корма для скота, находящегося как в СХО, СПТК или АПО, так и в ЛПХ.

Государственное регулирование экспортно-импортных процессов должно включать в себя и информационную составляющую – об избытке и недостатке тех или иных продуктов питания в каждой стране-участнице ЕАЭС, СНГ и БРИКС, о компаниях и фирмах поставщиках продуктов питания на экспорт, других заинтересованных контрагентах, объединяющих малый и средний сельскохозяйственный бизнес за рубежом, о специализированных зонах, в которых экономически выгодно создавать совместные (в т.ч. с иностранным капиталом) специализированные СПТК и т.п., реализующие оптом из своих крупных хранилищ-комплексов (в т.ч. прирельсовых) большие однородные партии высококачественной свежей сельхозпродукции, в т.ч. экологически чистую, которую в коллективных отечественных многоотраслевых СХО получить практически невозможно.

В первую очередь на экспорт из России желательно поставлять экологически чистые продукты питания из СПТК, т.к. по состоянию на 1 ноября 2016 г. 27 стран принимают в отношении российских товаров защитные меры и 127 стран ограничительные[1].

У России имеется громадный потенциал для выхода на рынок развивающихся стран мира, население которых к 2050 г. (по данным ООН) составит 4/5 жителей планеты как зерном и картофелем, так и продуктами их переработки.

Сегодня, помимо Вьетнама, появилось несколько десятков стран, заинтересованных в свободной торговле со странами ЕАЭС, в т.ч. страны АСЕАН, потребление «второго хлеба» в которых (с учётом импорта картофеля) составляет: Сингапур – 24,9 кг/чел./год, Бразилия – 15, Индия – 17, ЮАР – 26, Китай – 35, Бруней – 12,9, Мьянма – 5,5, Лаос – 5,0, Малайзия и Камбоджа – по 5.1, Таиланд – 4,9, Индонезия и Вьетнам по 4,2 кг/чел./год, в то время как в Латвии 1 чел. в год потребляет 140 кг, в Польше – 130, в Португалии – 125, Эстонии, Литве, Ирландии и Великобритании – около 120 кг, в Канаде – 85, Дании – 73, США – 70 кг/чел./год, в России – 126 кг/чел./год (табл. 1).

С развитием первичного и элитного семеноводства картофеля в России (в т.ч. с помощью производства миниклубней в Китае), наша страна может увеличить и ускорить поставку недостающего продовольственного картофеля и продуктов его переработки в развивающиеся страны СНГ, ШОС, БРИКС, АСЕАН и др.

Таблица 1

Производство и потребление картофеля в странах БРИКС (в среднем за 2009–2012 гг.)

Страна	Население, тыс. человек.	Площадь, тыс. га	Урожайность, т/га	Валовой сбор, тыс. т.	Производство на 1 чел/кг/год	Потребление на 1 чел./кг/ год, 2003 г.
Российская Федерация	143 300	2164,7	13,1	28 318,7	197,6	126
Китайская Народная Республика	1 339 450.	5194,8	15,6	81 075,4	61,0	35
Индия	1 187 550	1842,2	20,5	37 769,2	31,8	17
Бразилия	193 467	143,0	25,0	363,6	2,0	15
Южно-Африканская Республика	49 991	60,4	19,0	114,1	1.4	26
ИТОГО	2 913 758	9405,1	15,7	147 641,0		

Население стран БРИКС превышает 3 млрд. чел. и составляет 43,5% от всего населения Земли. На долю этих стран приходится 32% пахотных земель, из них в России находится 9% мировой пашни, более 50 чернозёмов, 20 мировой пресной воды, 9 минеральных удобрений и 8,4% производимого мирового картофеля. В общемировом производстве продовольствия на долю стран БРИКС приходится около 940 млн. т зерна (37%), около 150 млн. т картофеля (41%), 130 млн. т мяса (42%), 244 млн. т молока (32%), 83 млн. т сахара (46%). Суммарная площадь под картофелем в СНГ и БРИКС составляет 62% от всех посадок на планете.

Таблица 2

Потенциал сельского хозяйства стран БРИКС, %

Показатели	Россия	Бразилия	Индия	КНР	ЮАР
Доля сельхозугодий в общей площади	13	33	61	55	80
Доля сельского хозяйства в ВВП	4,0	6,0	18,0	10,0	2,5
Доля сельского хозяйства в валовой добавочной стоимости	4,4	5,6	22,8	10,3	3,2
Занято в сельском хозяйстве от общего числа занятых в экономике	9,5	18,3	50,5	39,6	5,1
Коэффициент Джини	0,421	0,547	0,334	0,425	0,631
Доля госрасходов на развитие инфраструктуры в сельском хозяйстве	18,0	41,0	–	36,0	33,0

Показатели табл. 2 свидетельствуют о том, что в России доля сельхозугодий в общей площади самая маленькая из стран БРИКС, в то время как площадь пашни – более 115 млн. га, а в расчёте на душу населения самая большая в мире – 0,8 га. При этом доля сельского хозяйства в ВВП России меньше чем в других странах БРИКС, кроме ЮАР – 2,5%, при 3% в среднем по миру. Меньше всех государственных расходов на инновации и развитие инфраструктуры в сельском хозяйстве также в России[2].

Не ссорясь ни с США, ни с Китаем и Европой, мы должны воспользоваться ситуацией. И то, к чему шли европейские фермеры 200–300 лет, особенно скандинавские страны, создав с помощью СПТК самую эффективную систе-

[1] Лисоворик Я. Экономический альянс не выходит из кризиса // Московский комсомолец. 2016. – 24 ноября. – С. 4.

[2] Черкасова О. Потенциал аграрной сферы стран БРИКС // АПК: Экономика. Управление. 2016. – № 2. – С. 81–86.

му товародвижения картофеля, овощей, молочной и другой сельхозпродукции с использованием собственных небольших магазинов «шаговой доступности» с собственным хранением, безотходной переработкой, транспортом, («своей» холодильной цепью), мы можем создать в растениеводстве за 2–3 года, а в животноводстве – за 5–7 лет.

При этом комплекс современной ресурсо- и энергосберегающей унифицированной сельскохозяйственной техники и оборудования в России, странах ЕАЭС, СНГ и др. должен охватывать в КФХ полный цикл машинного производства той или иной культуры (например, картофель 100–120 га) в каждом продуктовом подкомплексе АПК, начиная от обработки почвы до уборки, хранения, товарной подготовки (переработки) и реализации через СПТК конечных продуктов питания потребителям с наименьшими потерями сырья, затратами труда и средств с использованием оптимального автомобильного, железнодорожного, водного и морского транспорта.

Помня, что в отличие от «короткой» жизни углеводородов в мире (постоянно меняющихся в цене), огромный российский земельный капитал – является вечным, на основе имеющихся в России возобновляемых ресурсов мы можем прокормить (с учётом изменения климата и расширения пахотнопригодной земли на Севере страны) более 500 млн. граждан дружественных нам стран.

Несмотря на то, что Китай и Индия экспортирует картофель в Россию, всё же на роль «кормильцев» населения планеты эти страны не подходят, так как степень распашки их территории составляет соответственно 75 и 70% при предельных значениях 40%.

При создании в России специализированных СПТК, АПП и АПО холдингового типа мы можем в течение 1–2 лет решить в основном свои проблемы с картофелем и начать экспортировать его (в т.ч. в переработанном виде) в больших масштабах в развивающиеся страны ЕАЭС, ШОС, БРИКС, АСЕАН и др.

Стратегия развития АПК ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС должна обеспечить прежде всего конкурентоспособность их продуктов питания на мировом рынке, модернизацию техники и технологии в продуктовых цепочках «поле (ферма) – потребитель», получение патентов, лицензий и т.п. Создание рабочих групп по сотрудничеству в сфере сельского хозяйства, хранения и переработки, транспортировки, оптовой и розничной торговли, работающих на регулярной основе, обеспечит ускоренное инновационное технологическое развитие. Очевидная взаимодополняемость стран ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС по вопросам тракторостроения, сельхозтехники, оборудования по переработке, фасовке – упаковке и т.п. для одних и тех же «мировых» продуктов питания – зерна, картофеля, овощей, яблок, груш и др. в свежем и переработанном виде, позволит организовать эффективный и взаимовыгодный обмен научно-техническими и практическими достижениями, что будет способствовать социально-экономическому развитию каждой страны и названных интеграционных объединений в целом.

Огромная потребность населения мира в продовольствии и особенно в зерне и картофеле в первую очередь жителей развивающихся стран, в т.ч. – Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) ведёт к тому, что Россия, являясь абсолютным лидером по экспорту пшеницы, к 2020 г. может довести производство зерновых до 130 млн. т, (по итогам 2016 г. в стране собрано 126 млн. т зерна), а также картофеля до 35 млн. т. Для создания экспортных коридоров зерна (картофеля) и продуктов их переработки в Азию, начато строительство крупных перевалочных терминалов в Приморском и Забайкальском краях. Как сказал глава Минсельхоза А. Ткачёв на II Всемирном зерновом форуме, «со странами Содружества обсудим перспективы развития совместных инвестиционных аграрных или инфраструктурных проектов в приграничье, что позволит усилить наши позиции на зерновых международных рынках[1].

В 2016 г. экспорт зерна может превысить 25 млн. т, а к 2030 г. продажа зерна на экспорт может превысить 60 млн. т, которых достаточно для питания 600 млн. чел. при потреблении 100 кг/чел./год.

Отдельная проблема для роста производства и расширения экспорта второго хлеба – это обеспечение сельхозтоваропроизводителей высококачественным семенным материалом картофеля. Недостаток качественного семенного материала для своевременного сортообновления и сортосмены – один из основных факторов, сдерживающих рост урожайности культуры, объемы экспорта и выхода стандартных высококачественных клубней с 1 га посадок.

Создание в странах ЕАЭС, СНГ и др. СПТК, АПП и АПО холдингового типа приведёт к значительному снижению издержек в расчёте на единицу конечной сельхозпродукции, расширению объёмов производства и реализации продуктов питания с использованием специализированного автомобильного и железнодорожного транспорта, восстановлению бывшей союзной кооперации в области производства тракторов и других сельскохозяйственных машин, фасовочно-упаковочного, перерабатывающего оборудования, спецтранспорта и т п.

Единая таможенная территория создаёт условия для восстановления совместной научно-технической и производственной кооперации. Дальнейшая интенсификация производства картофеля, картофелепродуктов, овощей, плодов и т.п. в СПТК, АПП и АПО и совершенствование прямых торгово-экономических связей, в особенности при взаимовыгодных поставках высокотехнологичных продуктов питания, позволит получить большой дополнительный эффект, особенно при транспортировке сухих полуфабрикатов и готовых к употреблению продуктов питания.

В этой связи, в рамках согласованной агропромышленной политики необходимо налаживать в рамках ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС производство достаточного количества высококачественного семенного картофеля для полного обеспечения им сельхозтоваропроизводителей (СХО, КФХ, ЛПХ и др.). Для прохождения таможенного контроля качества семенного, продовольственного картофеля и продуктов его переработки (в т.ч. относящихся к экопродукции), очевидно, нужно совершенствовать и гармонизировать существующую систему сертификации и стандартизации с международной.

Требования относительно безопасности картофеля, овощей и прочих пищевых продуктов регулирует ТРТС 021/2011. Сертификат на картофель действует на территории всех государств ЕАЭС. Этот документ надёжно защищён

[1] Зачем нам так много зерна? // Аргументы и факты. – М., 2016. – № 43. – С. 20.

от копирования. Выдают декларации и сертификаты на картофель специализированные агентства (центры) сертификации. Ответственным за достоверность всех указанных в декларации сведений является заявитель (предприниматель). Добровольный сертификат на картофель также является существенным преимуществом во время розыгрыша национального тендера.

Кроме того, для отгрузки семенного и продовольственного картофеля в южные страны ЕАЭС и СНГ в любое время года (а также приёма овоще-бахчевой, виноградной и др. скоропортящейся сельхозпродукции) СПТК, АПП и АПО, должны иметь крупные прирельсовые хранилища-комплексы с крытым дебаркадером (или отапливаемым коридором) для исключения отпотевания, подмораживания и других нежелательных процессов, снижающих качество скоропортящегося товара.

Перспективным видится сотрудничество научно-исследовательских учреждений государств-членов Союза для осуществления совместных проектов в селекции и семеноводстве картофеля.

Кроме того, требуются: организация сортового первичного семеноводства в северных (чистых от вирусов) регионах России как для себя, так и для стран-членов ЕАЭС; строительство семеноводческих хранилищ-комплексов из ЛМК (в т.ч. прирельсовых) в семеноводческих СПТК, АПП и АПО; организация эффективной системы межгосударственного и международного лизинга лабораторного и технологического оснащения селекционно-семеноводческого процесса, унифицированной картофелеводческой и овощеводческой техники и оборудования (в т.ч. Фасовочно-упаковочного, загрузочного и др.) как для семеноводческих, так и продовольственных хранилищ-комплексов; создание системы целевого консультирования и обучения фермеров через Интернет; содействие в освоении новейшей техники, технологий и оборудования в системе «поле – потребитель»; налаживание системы льготного кредитования и максимального снижения налогов для сельхозтоваропроизводителей и тарифов на железнодорожные перевозки.

Так как Россия, страны ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, АСЕАН и другие объединяют дороги с твёрдым покрытием, железнодорожные, морские пути и самолёты, то создание современных систем (в т.ч. смешанных) высокопроизводительных погрузочно-разгрузочных механизмов, высокомеханизированных и автоматизированных пропускных пунктов, таможенных терминалов и т. п. ещё требует своего решения на всём пространстве интеграционных сообществ. Подчеркнем, что это дело государственной важности, с которым частным компаниям не справиться. Проблема состоит лишь в том, что сегодня каждое государство пытается сделать что-то своё и по-своему, что при их объединении (в т.ч. научно-технических потенциалов) или неэффективно, или слишком затратно, особенно в условиях финансового, экономического и иных кризисов, охвативших страны ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и др.

Несмотря на положительную динамику сотрудничества в рамках ЕАЭС, СНГ существует ряд проблем, тормозящих фермерское, кооперативное и агропромышленное развитие в каждом государстве Союза и Содружества, в которых преобладает мелкотоварное производство. Отсутствие рыночного опыта и политической воли в создании АПФ и новой системы товародвижения скоропортящейся сельхозпродукции с использованием рефрижераторного автомобильного и железнодорожного транспорта (который стал в основном частным), сдерживает рост экономики в каждой стране. Проблему создания в странах ЕАЭС производственно-торговых СПТК (в т. ч. прирельсовых) с круглогодичным обращением вагонов-термосов, автономных рефрижераторных вагонов (АРВ) и 5-вагонных рефрижераторных секций Брянского машиностроительного завода и с использованием многооборотной сборно-разборной или другой тары, без совместного решения правительств государств ЕАЭС, СНГ и др. нам не осилить. Торговые представительства должны заниматься не только поисками партнёров в экспортно-импортном сегменте стран ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС, и создавать взаимовыгодные условия для работы взаимосвязанных СПТК, АПП и АПО, разрабатывать преференции для объединения МФХ с целью экспорто-ориентированного развития производства экопродукции в каждом государстве, но и развивать сотрудничество в расширении сети лабораторий по сертификации экологически чистого картофеля, плодоовощной, мясомолочной и другой сельхозпродукции как для реализации внутри ЕАЭС и СНГ, так и для поставки на мировой рынок.

В новых стандартах на семенной и продовольственный картофель должны быть отражены: рациональное место размещения хранилищ-комплексов (в т. ч. прирельсовых); наиболее эффективные способы уборки и транспортировки семенного и продовольственного картофеля поставляемого в страны ЕАЭС и на экспорт в другие государства; требования к качеству картофеля, допустимые нормы засорённости клубней; эффективные способы перевозки (в т.ч. тара и упаковка) скоропортящейся сельхозпродукции специализированным автомобильным, железнодорожным и морским транспортом; режимы, способы хранения и приборы применительно к конкретной технологии товарной обработки (переработки) и перевозки картофеля; а также другие обязательные технологические операции, составляющие законченный процесс производства и доведения картофеля и продуктов его переработки до потребителя с наименьшими затратами труда и средств; технологические требования по загрузке и выгрузке картофеля из вагонов и другим работам, проводимым при транспортировке клубней, овощей, фруктов, винограда, бахчевых и т.п. Важно также указать технологические требования, предъявляемые к сортированию, фасовке, упаковке, этикетировке, таре, транспортным средствам, операциям в оптовом и розничном торговом звене в стране-покупателе (потребителе) картофелеовощной и другой продукции.

В области проведения совместной научно-исследовательской работы необходимо:

– определить потребности каждой страны ЕАЭС в оригинальном, элитном и репродукционном семенном материале, а также имеющиеся собственные мощности по хранению и др., и уточнить необходимые объемы производства и переработки части продовольственного картофеля, овощей и др. с учетом импортозамещения из стран дальнего зарубежья;

– разработать новые системы машин «поле – потребитель» с целью сертификации и стандартизации технологий производства, хранения и реализации оригинального, элитного и репродукционного семенного материала, а также

продовольственного картофеля, овощей их продуктов его переработки для обеспечения единой государственной технологической политики в картофелеовощном подкомплексе АПК РФ и на пространстве ЕАЭС;

– обосновать способы и формы совершенствования организационно-экономических взаимоотношений между партнерами по семенной и продовольственной технологическим цепочкам с целью достижения ими наименьших затрат и высоких конечных результатов совместного труда как в производстве элиты картофеля, так продовольственного картофеля, картофелепродуктов и картофельного крахмала.

К основным целям и задачам экономического развития ЕАЭС можно отнести: поддержание качественного и устойчивого экономического роста государств-членов и Союза в целом за счёт реализации их конкурентных природно-климатических преимуществ; проведение скоординированной политики, способствующей повышению технологического уровня производства, хранения, переработки и реализации продуктов питания; диверсификацию национального производства и экспорта сельхозпродукции; стимулирование внутренней деловой активности и спроса на сельхозпродукцию государств-членов; формирование единого экономического пространства для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; создание общего финансового рынка Союза на базе гармоничного законодательства государств-членов и единой валюты; принятие совместных мер по развитию экспорта продуктов питания (в частности страхования и кредитования экспорта); развитие инфраструктуры автомобильного, железнодорожного, водного и воздушного транспорта и их интеграцию в мировую транспортную систему; создание единого транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг; совершенствование таможенных и транспортных процедур; разработку единых требований и стандартов по ресурсосбережению и энергоэффективности к ввозимой и выпускаемой продукции; стимулирование применения трудо-, энерго-, ресурсосберегающих и безотходных технологий производства (переработки) и доведения конечной продукции до потребителей государств ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС; стимулирование специализации АПК государств-членов на производстве сельхозпродукции, имеющей лучшие природно-климатические, почвенные, экономические и другие конкурентные преимущества (не во вред пороговому гарантированному самообеспечению продовольствием); переориентацию потребителей Союза на производство конкурентоспособной сельхозпродукции государств-членов с целью сокращения импорта из других стран; создание Общего аграрного рынка Союза.

В целях развития импортозамещения Правительством Российской Федерации были определены приоритетные направления Господдержки в АПК: селекционно-генетические и селекционно-семеноводческие центры; плодово-, картофеле- и овощехранилища; тепличные комплексы; животноводческие комплексы молочного направления. Предложены новые формы господдержки инвестиционных процессов в отрасли – возмещение сельсхозтоваропроизводителям части прямых понесённых затрат на создание и модернизацию объектов агропромышленного комплекса и проектное финансирование.

Для реализации согласованной (скоординированной) политики ЕАЭС был утверждён перечень индикативных показателей развития агропромышленного комплекса государств-членов Союза. В данный перечень были включены такие показатели как посевные площади зерна, картофеля, поголовье скота и птицы, производство основных видов продуктов питания, инвестиции в основной капитал сельского хозяйства, добавленная стоимость переработки сельскохозяйственной продукции, рентабельность сельскохозяйственной продукции. Таким образом, появляется чёткая статистическая основа для анализа и выработки предложений по совершенствованию скоординированной агропродовольственной политики в целях повышения эффективности работы технологически взаимосвязанных отраслей зерно-, овоще-, картофелепродуктового и других подкомплексов АПК с ориентацией на высокие конечные результаты и на доведение высококачественных дешёвых продуктов питания до сегодняшних и будущих потребителей Общего аграрного рынка стран ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС с наименьшими потерями, затратами труда и средств.

Единое экономическое пространство, общий рынок, услуг, капитала труда и сельхозпродукции должны обеспечить равные условия конкуренции малого, среднего и крупного бизнеса стран участниц ЕАЭС, выявить основные направления эффективного развития сельского хозяйства и основных отраслей, по которым можно достичь максимального эффекта.

Одним из направлений развития картофелеводства и овощеводства ЕАЭС является концентрация и специализация. Наилучших результатов добиваются хозяйства с площадью посевов до 100 га и более, что позволяет применять комплект картофелеводческой и овощеводческой техники, передовую технологию, внедрять достижения науки, уменьшить материальные и трудовые затраты в расчёте на единицу продукции, улучшить её качество, максимально загрузить сортировальные, моечные, высокомеханизированные и автоматизированные поточные перерабатывающие, фасовочно-упаковочные линии, внутренний и внешний транспорт.

Для повышения конкурентоспособности ЕАЭС на мировом рынке необходимы согласованные действия стран-участниц в рамках ЕЭК как наднационального органа и выбора основных экспортообразующих отраслей и подкомплексов АПК. Стабилизация единого рынка труда может произойти при условии роста доходов фермеров и квалификации наёмных работников специализированных СПТК, АПП и АПО, которых можно приглашать из других стран СНГ, профессионально знакомых с производством картофеля, плодов, овощей, бахчевых, винограда и т. п.

Из-за девальвации рубля в России и ослабления национальных денежных средств в странах ЕАЭС и СНГ значительно выросли цены на импортное сырьё, технику, оборудование, материалы, запчасти, семена и др. Кредитные ресурсы стали более дорогими и менее доступными. Кредиторская задолженность как в сельском хозяйстве (в СХО РФ свыше 2 трлн. руб.) так и в пищевой промышленности (свыше 2 трлн. руб.) колоссальны, что говорит о полной непригодности давно устаревшей структуры искусственно созданного АПК под 100% коллективизацию. В этой связи на переходный период к массовому созданию СПТК на базе МФХ и АПП и АПО на основе средних и крупных СХО в странах ЕАЭС, СНГ и др. целесообразно осуществить прямую господдержку сельхозтоваропроизводителей с особым

режимом субсидирования, отменить все налоги на 2–3 года участникам целевых государственных региональных, федеральных и экспортных программ с установкой льготных отпускных цен на дизельное топливо, бензин, газ, воду, канализацию и электроэнергию. Целесообразно повысить экономическую доступность кредитных ресурсов (под 5% годовых и менее), совершенствовать залоговые операции, стимулировать массовый переход владельцев товарных ЛПХ в КФХ, возврат КФХ из «тени», оздоровить и поддержать финансовую устойчивость малых, средних, крупных СХО и немедленно прекратить их умышленное и иное банкротство, так как они дают работу до 90–95% сельских жителей, в то время как реальными фермерами-предпринимателями может стать в любой стране не более 5–10% от всех сельских жителей.

Для российских условий функционирования сельского хозяйства особую значимость представляет вид государственной поддержки из «зелёной корзины»: страхование урожаев; строительство хранилищ-комплексов (в т. ч. прирельсовых), другой рыночной инфраструктуры; развитие консалтинга и информационное обеспечение фермеров и других сельхозтоваропроизводителей. Основными перспективными направлениями аграрной политики должны стать поддержка экспорта зерна, картофеля, продуктов их переработки и др. высокорентабельной сельхозпродукции, завоевание новых ниш на мировом рынке, так как их там никто без боя не отдаёт. Основной приоритетной задачей в настоящий момент является увеличение инвестиций в зерновой и картофелепродуктовом подкомплексы, АПК РФ в глубокую переработку зерна и картофеля с высокой экспортной добавленной стоимостью с целью закупки за валюту последних поколений передовой техники и технологии для дальнейшего расширения производства первого и второго хлеба нашей планеты.

Цветкова Н.Н.
к.э.н., в.н.с. Института востоковедения РАН

ТНК СФЕРЫ ИКТ ИЗ СТРАН ВОСТОКА В РОССИИ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ

Ключевые слова: *ТНК из стран Востока, товары ИКТ, импортозамещение в России, производство по контрактам, компьютерное и телекоммуникационное оборудование, ВТО.*

Keywords: *transnational corporations from Asian countries, ICT goods, import substitution in Russia, contract manufacturing, computer and telecommunications equipment, WTO.*

Вопросы импортозамещения и диверсификации географической структуры внешнеэкономических связей носят для России не конъюнктурный, краткосрочный характер, связанный с введением против нее западных санкций, они важны и на долгосрочную перспективу. Ориентация на одну группу стран во внешней торговле (для России – это Евросоюз) и на одну группу товаров в экспорте делает экономику страны уязвимой. Импортозамещение в инновационных производствах неотделимо от модернизации экономики.

На фоне западных санкций в отношении России стала провозглашаться желательность поворота на Восток. Он, собственно говоря, уже происходит. Доля развивающихся стран Азии в российском импорте увеличилась с 9,6% в 1995 г. до 11,6% в 2000 г., 24,5% в 2010 г., 26,5% в 2013 г. и 29,8% в 2015 г., в том числе доля КНР – с 2,0% в 1995 г. (хотя тогда имел место значительный по объему неучтенный импорт китайских товаров «челноками») до 4,5% в 2000 г., 14,8% в 2010 г. и 19 % в 2015 г. С 2010 г. (еще до санкций) Китай стал первым партнером России по импорту[1].

Импорт товаров ИКТ в Россию

Географическая структура импорта отдельных товарных групп заметно отличается от общей географической структуры импорта России. В 2014 г. импорт товаров ИКТ (компьютерного, телекоммуникационного оборудования, теле- и радиооборудования, электронных компонентов и «прочих товаров ИКТ», эта группа выделяется в статистике ЮНКТАД, по ней на 2000–2014 гг. приведены подробные данные) в РФ составил 22,6 млрд. долл. 73% их импорта поступало в Россию из развивающихся стран, в том числе 56,2% – из Китая, 4% – из Вьетнама, по 2,7% – из Таиланда и Южной Кореи, по 2,2% – из Малайзии и с Тайваня. Только 23% импорта приходилось на развитые страны, причем значительным был импорт в РФ товаров ИКТ из стран Восточной Европы: Чехии, Эстонии, Польши (по 2,7%), Словакии (2,3%). Доля ведущих развитых стран была минимальной: Японии и Франции – по 1,3% импорта товаров ИКТ в РФ, из США и Германии – по 1,8, из Великобритании и Швеции – по 1%[2] .

На 2015 г. данных по международной торговле товарами ИКТ в базе данных ЮНКТАД нет. В общей базе данных ЮНКТАД в разделе «Международная торговля» представлены сведения о торговле такими товарными группами, как «компьютерное оборудование» (точнее, «офисное оборудование, машины для автоматической обработки информации» и компоненты для их производства) и «телекоммуникационное оборудование и звукозаписывающее оборудование» (куда включены телевизоры, радиоприемники, звукозаписывающие устройства, т.е. то, что относят среди товаров ИКТ к категории «потребительская электроника»). Категории не вполне совпадают с группами товаров ИКТ, где компоненты выделены отдельно. Однако выявляются те же самые тенденции.

Таблица 1

Импорт в РФ компьютерного, телекоммуникационного оборудования, аудио-оборудования, 1995–2015 гг. (млрд. долл.)

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1		3	4	5	6	7	8
Компьютерное оборудование							
Все страны	1,0	1,1	3,5	6,4	7,0	6,5	4,5
Развивающиеся страны	0,3	0,1	0,8	3,4	3,6	3,4	2,8
Развивающиеся страны Азии	0,3	0,1	0,8	3,4	3,6	3,4	2,8
КНР	0,01	0,02	0,4	2,9	2,8	2,7	2,1
Южная Корея	…	…	0,03	0,1	0,6	0,5	0,2

[1] Подсчитано по: Merchandise trade matrix – product groups, imports in thousands of dollars, annual, 1995–2015. – http://unctad stat. unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx

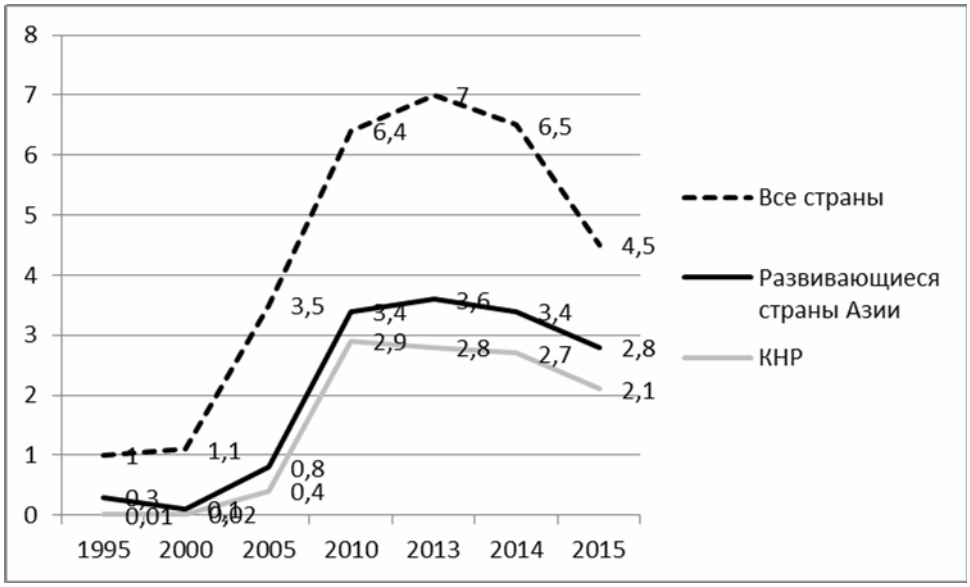
[2] Цветкова Н.Н. Импортозамещение и прямые иностранные инвестиции: Опыт стран Востока и проблемы России // Россия: тенденции и перспективы развития. РАН ИНИОН; Научный Совет РАН по комплексным проблемам Евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. Ежегодник. Выпуск 11. Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 270–271.

1	2	3	4	5	6	7	8
Тайвань	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1
Вьетнам	…	…		0,04	0,3	0,2	0,2
Развитые страны	0,7	0,9	2,7	2,9	3,2	2,7	1,6
США	0,1	0,1	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2
Япония	0,07	0,01	0,04	0,15	0,12	0,09	0,06
Чехия	0,003	0,002	0,06	0,4	0,5	0.6	0,4
Германия	0,14	0,2	0,7	0,9	0,9	0,6	0,3
Нидерланды	0,07	0,2	0,9	0,7	0,6	0,5	0,3
Франция	0,07	0.2	0,1	0.1	0,1	0,1	0,03
Финляндия	0,02	0,04	0,18	0,09	0,10	0,12	0,08
Телекоммуникационное и звукозаписывающее оборудование							
Все страны	2,2	1,4	7,3	10,5	11,8	12,2	7,5
Развивающиеся страны	0,8	0,2	1,9	5,5	7,1	7,9	5,4
Развивающиеся страны Азии	0,8	0,2	1,9	5,5	7,1	7,9	5,3
КНР			1,0	3,3	4,2	5,2	3,4
Южная Корея	0,05	0,1	0,4	0,8	0,6	0,5	0,2
Тайвань	0,01	0,01	0,01	0,2	0,2	0,1	0,1
Вьетнам			0,01	0,3	0,8	0,7	0,8
Развитые страны	1,3	1,1	5,3	4,8	4,3	3,9	2,0
США	0,1	0,1	0,07	0,1	0,2	0,2	0,1
Япония			0,3	0,3	0,2	0,13	0,06
Чехия	0,007	0,01	0,08	0,08	0,17	0,12	0,08
Германия	0,3	0,3	1,6	0,4	0,5	0,4	0,2
Венгрия	0,001	0,003	0,08	1,2	0,4	0,4	0,2
Польша	0,01	0,01	0,04	0,4	0,6	0,5	0,2
Словакия	0,001	0,001	0,02	0,23	0,7	0,5	0,3
Нидерланды	0,06	0,04	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2
Франция	…	…	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1
Эстония	0,002	0,003	0,04	0,03	0,08	0,15	0,06
Финляндия	0,12	0,18	1,7	0,36	0,17	0,17	0,09

Составлено по: Merchandise trade matrix – product groups, imports in thousands of dollars, annual, 1995–2015. – http://unctad stat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx

Доля развивающихся стран Азии в импорте компьютерного оборудования в РФ возросла с 9% в 2000 г. до 22,9% в 2005 г., 53,1% в 2010 г. и 62% в 2015 г. В 2014–2015 гг. импорт в Россию компьютерного оборудования сократился: в 2015 г. он был равен 69,2% от уровня 2014 г. и 65,7% от «пикового» уровня 2013 г. (хотя это сокращение было меньшим, чем у импорта в целом). Основной поставщик компьютерного оборудования в Россию – Китай: его доля в российском импорте этой группы товаров возросла с 1% в 1995 г. до 11,4% в 2005 г., 45,3% в 2010 г. и 46,7% в 2015 г.

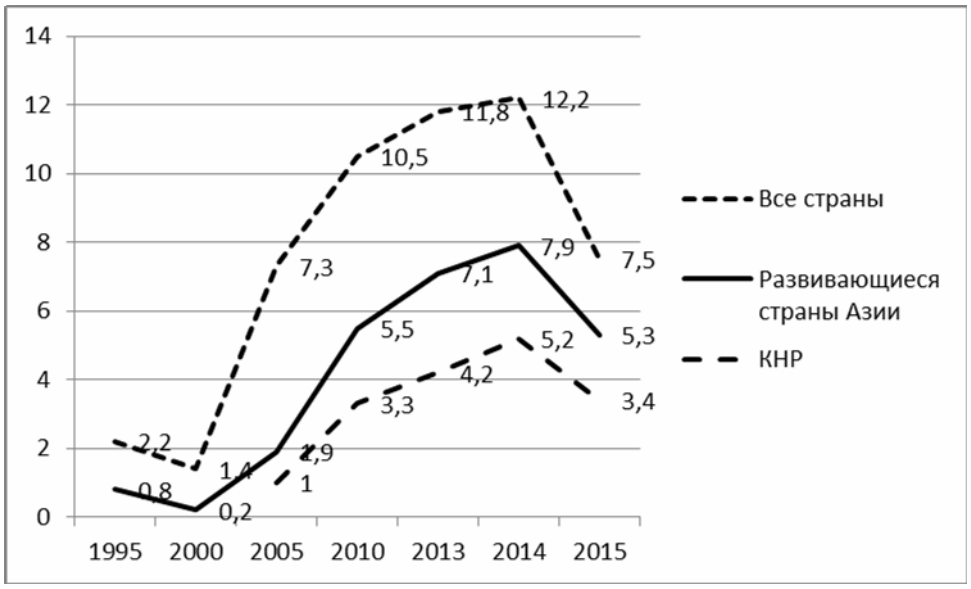
На развитые страны в российском импорте компьютерного оборудования приходилось в 1995 г. 70%, в 2000 г. – 81,8%, к 2010 г. их доля понизилась до 45,3%, а к 2015 г. до 35,6%. Ведущим поставщиком компьютерного оборудования в РФ среди развитых стран в 2015 г. была Чехия (8,9% экспорта), она входила в десятку ведущих мировых экспортеров компьютерного и офисного оборудования (из товаров ИКТ) в 2014 г. На Германию приходилось 6,7% импорта, на США – 3,4% их доля была такой же, как и у Вьетнама (подсчитано по табл. 1).



Составлено по табл. 1.

Рисунок 1.
Импорт компьютерного оборудования в РФ, 1995–2015 гг. (млрд. долл.)

В импорте в РФ телекоммуникационного оборудования и аудио-, видео-, теле- оборудования доля развивающихся стран Азии повысилась с 14,3% в 2000 г. до 26% в 2005 г., 52,4% в 2010 г., 70,7% в 2015 г. В 2015 г. импорт составил только 61,5% от объема импорта 2014 г. Доля КНР в импорте РФ увеличилась с 13,7% в 2005 г. до 31,4% в 2010 г. и 45,7% в 2015 г. В 2010–2015 гг. быстро рос импорт в РФ телекоммуникационного и аудио-оборудования из Вьетнама: его доля в импорте возросла с 2,3% до 10,7%.



Составлено по табл. 1.

Рисунок 2.
Импорт телекоммуникационного и аудио-оборудования в РФ, 1995–2015 гг. (млрд. долл.)

Доля развитых стран в российском импорте телекоммуникационного и аудио-оборудования с 1995 г. по 2000 г. возросла с 59,1 до 78,6%, а затем неуклонно понижалась: до 72,6% в 2005 г., 45,7% в 2010 г. и 26,7% в 2015 г. В отдельные годы высокой была доля импорта из Германии (21,4% в 2000 г. и 21,9% в 2005 г.), к 2010 г. она снизилась до 3,8%, а к 2015 г. до 2,7%. Доля Венгрии составила в 2010 г. 10,4%, а затем упала до 3,6% в 2013 г. В 2005 г. была высокой доля импорта из Финляндии (23,3%), родины популярного в России бренда «Нокиа», к 2015 г. она упала до 1,3%. Впрочем, в 2017 г. бренд «Нокиа» вновь запускают на рынок.

Среди развитых стран наибольшим был в 2015 г. объем импорта телекоммуникационного и аудио-оборудования из Словакии (4% всего импорта), по 2,7% импорта шло из Польши, Венгрии, Нидерландов, Германии, по 1,4% – из США и Франции (подсчитано по табл. 1).

Высокий удельный вес стран Азии в российском импорте товаров ИКТ вполне соответствует их доле в мировом экспорте этих товаров. К 2014 г. на развивающиеся страны Азии приходилось 69% мирового экспорта товаров ИКТ, в том числе на Китай – 31%; 65,1% мирового экспорта компьютерного оборудования и периферийных устройств, в том числе на Китай – 40,7%. В мировом экспорте телекоммуникационного оборудования доля развивающихся стран Азии достигла в 2014 г. 69,7%, в том числе КНР – 39,6%, Республики Кореи – 5,6%, Вьетнама – 4,9%, Доля развивающихся стран Азии в мировом экспорте потребительской электроники составляла в 2014 г. 54,5%, в том числе КНР – 34,8%. В мировом экспорте электронных компонентов для производства товаров ИКТ в 2000–2014 гг. доля стран Азии возросла с 44,3 до 77,6%[1].

ТНК из стран Востока по производству товаров ИКТ

Известно, что еще с 1970-х гг. западные, японские ТНК стали размещать свои филиалы в трудоемких, ориентированных на экспорт производствах электронной промышленности в странах Азии, используя их дешевую рабочую силу. Наряду с этим уже с 1970-х гг. стали использоваться неакционерные формы организации международного производства (НФОМП), при которых ТНК заключают контракты с местными компаниями, выпускающими продукцию под их брендами (contract manufacturing). На НФОМП приходилось в 2010 г. около 1/2 мирового экспорта электроники[2].

К 2000-м гг. в ряде развивающихся стран Азии сформировались «свои» ТНК по производству компьютерного, телекоммуникационного оборудования, потребительской электроники. Они стали занимать заметные позиции в мировых рейтингах крупнейших компаний, в частности, в рейтингах «Форбс».

Всего на страны Востока (без Японии) приходилось около 1/3 крупнейших компаний по производству товаров ИКТ из рейтинга 2000 глобальных компаний «Форбс» 2016 г. – 31 компания из сотни компаний, в том числе 15 тайваньских компаний, 9 – из Китая с Гонконгом, 5 – из Южной Кореи, по одной из Сингапура и Малайзии.

[1] World Investment Report 2011 / UN. New York; Geneva, 2011. – P. 154-156; Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 195, 53.

[2] Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 29.

Одни ТНК по производству товаров ИКТ из стран Востока известны в мире своими брендами: например, крупнейшая из них «Самсунг электроникс». Другие производят продукцию по контрактам под брендами западных ТНК, например, вторая в отрасли, тайваньская Hon Hai (Foxconn) (№ 117 в рейтинге «Форбс» 2016 г., оборот в 2015 г. – 141 млрд. долл.) (см. табл. 2). Впрочем, это разделение достаточно условно, как и разделение на отдельные сектора: «Самсунг электроникс» также работает по контрактам, причем недавно она заключила контракт на производство микросхем со своим конкурентом на рынке смартфонов компанией «Эппл». «Самсунг» производит и микросхемы, и мобильные телефоны, и ноутбуки, и телевизоры (а также не входящие в товары ИКТ микроволновки, холодильники).

Таблица 2

Ведущие компании из стран Востока по производству товаров ИКТ, рейтинг «Форбс» 2016 г.

№	Место в рейтинге «Форбс»	Название	Страна	Оборот млрд. долл.	Рыночная капитализация млрд. долл.
Год	2016			2015	2015
1	18	Samsung Electronics	Южная Корея	177,3	161,6
2	117	Hon Hai (Foxconn)	Тайвань	141,2	39,2
3	137	TSMC	Тайвань	25,7	125,6
4	377	SK Hynix	Южная Корея	16,6	17,5
5	611	Legend Holding	КНР	49,3	5,9
6	660	LG Display	Южная Корея	25,1	8,1
7	776	**ZTE**	Гонконг, КНР	15,7	8,5
8	814	**LG ELECTRONICS**	Южная Корея	49,9	8,8
9	840	Lenovo Group	КНР	47,1	9,1
10	843	Quanta Computer	Тайвань	31,7	6,5
11	856	BOE Technology	КНР	7,7	12,9
12	864	Pegatron (Acyc)	Тайвань	38,2	5,5
13	931	Flextronics	Сингапур	24,6	6,7
14	1015	**TCL CORP.**	КНР	16,4	6,8
15	1028	**AXIATA GROUP**	Малайзия	5,1	13,2
16	1029	Mediatek	Тайвань	6,7	11,1
17	1134	Delta Electronics	Тайвань	6,4	12,9
18	1050	Advanced Semiconductor	Тайвань	8,9	8,3
19	1098	Hikvision	КНР	4,1	19,5
20	1459	Innolux	Тайвань	11,5	3,3
21	1467	Compal Electronics	Тайвань	26,7	2,7
22	1477	Asustek Computer	Тайвань	14,9	6,6
23	1588	Samsung SDI	Южная Корея	6,7	6,8
24	1625	AU Optronics	Тайвань	11,3	2,9
25	1687	Wistron	Тайвань	19,6	1,4
26	1735	WPG Holdings	Тайвань	16,2	1,8
27	1738	Focus Media Inform. Techn.	КНР	20,9	1,3
28	1740	Great Wall Comp.	КНР	11,6	2,5
29	1874	Inventec	Тайвань	12,5	2,3
30	1919	Inotera Memories	Тайвань	1,9	5,6
31	1976	TPV	Гонконг	0,4	11

Составлено по: http://www.forbes.com/global2000/list/

ТНК из стран Востока занимают все более заметные позиции на мировых рынках отдельных групп товаров ИКТ. На мировом рынке персональных компьютеров (куда входят настольные компьютеры, ноутбуки, рабочие станции, но не серверы и планшеты) в III кв. 2016 г. продажи составили 68 млн. шт., на 3,9% меньше, чем в III кв. 2015 г. Первое место занимала китайская «Леново» (21,3% проданных компьютеров, по числу штук), второе – американская Hewlett Packard (HP) (21,2%). На третьем и четвертом местах находились американские Dell (15,8%) и Apple (6,9%), на пятом – тайваньская Asus (6,9%). На пятерку лидеров приходилось 72,6% мирового рынка[1]. На мировом рынке планшетов в 2015 г. доля «Эппл» составляла 24,0%, «Самсунг» – 16,2, «Леново» – 5,4, «Асус» – 3,4, «Хуавей» – 3,1%[2].

На смартфоны в 2015 г. пришлось 80% проданных в мире мобильных телефонов[3]. В 2015 г. первой была компания «Самсунг электроникс» (22,7% рынка, по количеству штук), второй – «Эппл» (16,2%), третье-пятое места занимали китайские компании «Хуавей» (7,4%), «Леново» (5,2%), «Сяоми» (4,9% рынка)[4]. В III кв. 2016 г. «Самсунг» осталась первой (20,0%), «Эппл» – второй (12,5%), «Хуавей» – третьей (9,3%), а «Леново» и «Сяоми» вытеснили из пер-

[1] PC Competitors Position for Share and Growth, Despite Challenges, According to IDC. 11.10. 2016. – https://www.idc.com/getdoc. jsp?containerId=prUS41846116

[2] http://venturebeat.com/2016/02/01/idc-tablet-shipments-decline-10-1-in-2015-leaders-apple-and-samsung-both-lose-market-share/

[3] https://www.strategyanalytics.com/strategy-analytics/news/strategy-analytics-press-releases/strategy-analytics-press-release/2015/07/30/huawei-becomes-world's-3rd-largest-mobile-phone-vendor-in-q2-2015#.V8Phe2wkrIU

[4] IDC Worldwide Quarterly Mobile Phone Tracker. 2016. – January 27. – https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS40980416

вой пятерки две другие китайские компании «Оппо» (7,0%) и «Виво» (5,8%)[1], причем на самом деле обе они являются филиалами китайской компании ББК.

Итак, весьма заметные позиции на мировых рынках компьютерного, телекоммуникационного оборудования заняли южнокорейские «Самсунг электроникс» и LG, китайские «Леново», «Хуавей», «Сяоми», ZTE, TCL, Oppo, Vivo, тайваньские «Асус» и «Эйсер».

Основные поставщики ИТ-оборудования на российский рынок

Структура рынков компьютерного оборудования, мобильных телефонов в России схожа со структурой мирового рынка.

В последние годы лидерство на российском рынке персональных компьютеров захватила компания Lenovo. Ее доля в общем количестве поставок компьютеров в России в III кв. 2014 г. составляла 26,1%. За ней следовали Hewlett-Packard (15,5%), Asus (14,6%), Acer (12,6%) и российский производитель DNS (3,6%). Доля 5 лидеров достигла почти трех четвертей рынка. Поставщики ноутбуков распределились, по данным IDC, в следующем порядке: Lenovo, Asus, Acer, Hewlett-Packard, Dell. Среди лидеров нет российских производителей. Рейтинг поставщиков настольных компьютеров выглядит так: Hewlett-Packard, Lenovo, DNS, Acer, DEPO Computers. «В этом списке два отечественных производителя – DNS и DEPO Computers. однако, в целом доля российских компаний среди производителей персональных компьютеров за последние годы заметно сократилась. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, выросла доля сегмента ноутбуков, где у российских производителей, по оценке Gartner, скромная доля, менее 5%. Во-вторых, идет наступление крупных иностранных вендоров и на рынке настольных компьютеров. Кроме того, среди настольных компьютеров постепенно растет доля моноблоков, среди производителей которых также преобладают зарубежные сборщики. Российские компании переходят от ритейла к сборке персональных компьютеров под заказ для корпоративных проектов, на производство серверов и систем хранения данных. Идет процесс постепенного ухода с рынка мелких российских производителей, часто за счет их поглощения более крупными конкурентами[2].

Во II кв. 2016 г. места в первой пятерке поставщиков ПК на российский рынок поделили Lenovo (23,1%), Asus (22,2%), Hewlett-Packard (15,7%), Acer (15,2%) и Dell (4%). Именно Dell, которая в I кв. 2016 г. не входила в топ-5, вытеснила Apple, в I кв. 2016 г. входившую в первую пятерку и контролировавшую 4,5% рынка поставок ПК. Asus стремительно нарастила свою долю рынка, которая в I кв. составляла всего 7,8%. Снижение активности Apple на российском рынке ПК проходит на фоне общего спада в поставках настольных компьютеров и ноутбуков. Во II квартале 2016 г. в Россию было импортировано 1155 млн. ПК – на 13,6% меньше, чем в первом квартале. До этого продажи ПК, плавно снижавшиеся несколько лет подряд, резко обрушились в 2015 г.[3].

Аналитики называют несколько причин столь заметного падения. Одна из основных – это активный переход пользователей на использование планшетов и смартфонов. Это общий тренд на мировом рынке. «Планшеты почти полностью отобрали рынок у нетбуков, устройств со схожим функционалом, – их продажи сократились на 95%». А еще, заметим, нетбуки, более удобные для работы в Ворде, просто перестали выпускать, поскольку они дешевле. Большую роль в снижении продаж сыграли снижение уровня доходов россиян и повышение цен на технику на фоне девальвации рубля[4].

Продажи печатной техники в России в I кв. 2016 г. составили 444,8 тыс. шт. Бесспорным лидером на рынке печатающих устройств в России в I кв. 2016 г. была HP с долей в 56,3%. На втором и третьем местах – японские Canon (18,8%) и Kyocera (15%). Далее в списке лидеров расположились японская Brother, южнокорейская Samsung, японская Ricoh, американская Xerox, японская Epson[5].

В ноябре 2016 г. лидером на российском рынке смартфонов была «Самсунг электроникс» (20% рынка по числу проданных смартфонов, шт.), на втором месте находилась «Эппл» (12,5%), на третье место вышла китайская «Хуавей» (8,5% рынка), которая представила на рынке новую модель смартфона Honor, она оттеснила с третьего на четвертое место «Леново» (7,4%), а на пятое – другую китайскую компанию ZTE (5,7%)[6].

Итак, ведущие позиции на российских рынках персональных компьютеров, смартфонов, наряду с крупнейшими американскими ТНК, заняли южнокорейская «Самсунг электроникс», китайские «Леново», «Хуавей», ZTE, тайваньские Acer, Asus, японские компании.

И на корпусе айфонов американской «Эппл» можно увидеть надпись «собрано в Китае» (assembled in China). Контракты о производстве имеют с китайскими предприятиями (а чаще – с действующими в КНР филиалами тайваньских ТНК) и два других лидера рынка компьютеров американские «Делл» и «Хьюлетт-Паккард». Сборку айфонов и айпадов по контрактам о производстве с «Эппл» осуществляют филиалы тайваньских компаний «Хон Хай» («Фоксконн») и «Пегатрон» («Пегасус», «Асус»). Они же выполняют контракты о производстве для других компаний: в частности, «Фоксконн» является субподрядчиком американских «Хьюлетт Паккард» (HP), Dell, Microsoft, Intel, CISCO, Samsung Electronics, Acer, японской Nintendo.

---

[1] IDC Worldwide Quarterly Mobile Phone Tracker. 2016. – October 26. – https://www.idc.com /getdoc.jsp?containerId=pr US41882816

[2] http://marketing.rbc.ru/reviews/it-business/chapter_1_3.shtml

[3] http://www.cnews.ru/news/top/2016-07-22_v_rossii_snizilis_prodazhi_pkiz _top5_postavshchikov

[4] http://marketing.rbc.ru/reviews/it-business/chapter_1_3.shtml

[5] Рынок принтеров в первом квартале в России: бесспорное лидерство HP. – http://www.it-weekly.ru /it-news/it/100896.htm

[6] http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/12/22/670823-huawei

Case study: «Фоксконн» в России, Индии и Чехии

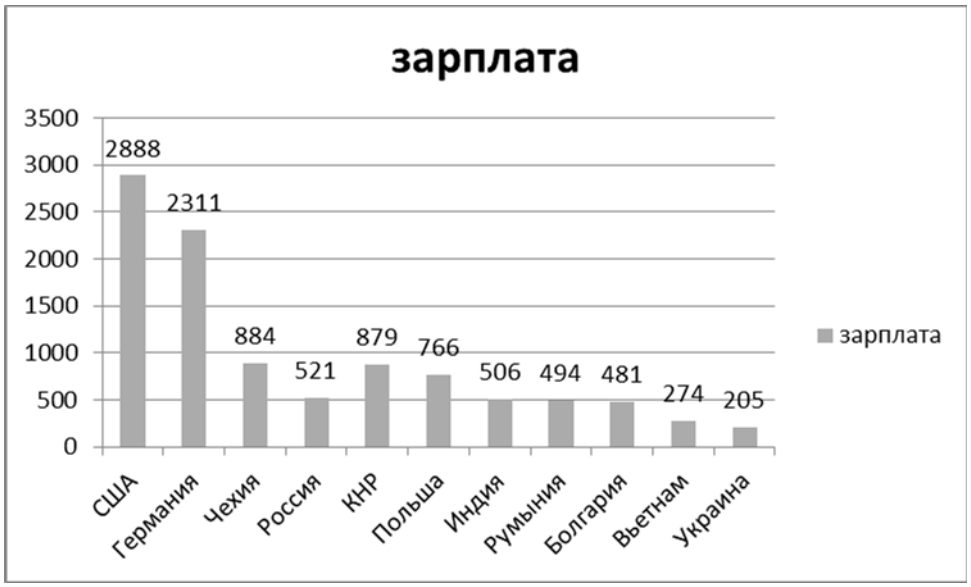
И компании, владеющие раскрученными брендами, и скрывающиеся в тени чужих брендов гиганты-субподрядчики не слишком спешат открывать в России филиалы по производству (даже по сборке) товаров ИКТ. Исключение составляет производство крупногабаритной потребительской электроники: телевизоры «Самсунг», LG, «Филипс» (последние собирает в Шушарах в Ленинградской области китайская, точнее, гонконгская, компания-субподрядчик «Филипс»).

Рассмотрим одну историю, которую никак нельзя назвать «историей успеха». В мае 2008 г. началось строительство завода Hewlett-Packard и работающей с нею по контракту компании Foxconn в поселке Шушары, пригороде Петербурга; компании инвестировали в проект 50 млн. долл. Из-за кризиса запуск завода был отложен на год и состоялся в апреле 2010 г. Сначала HP производила в Шушарах только настольные компьютеры, в августе 2013 г. запустила сборку моноблоков. Всего планировалось выпускать до 480 тыс. единиц в год. HP намеревалась экспортировать продукцию завода в Шушарах в Восточную Европу и Скандинавию.

В июле 2015 г. Hewlett-Packard (HP) прекратила производство компьютеров на заводе под Санкт-Петербургом. Предприятие не выдержало падения рынка компьютеров, рухнувшего по итогам I кв. 2015 г. на 44%. Производство на заводе было остановлено еще в середине 2014 г. Сообщили, что в апреле 2014 г. производство ПК было перенесено из Санкт-Петербурга в Чехию «в целях экономии, а также для оптимизации логистики». «Завод закрыли по экономическим причинам. Себестоимость ПК, собранных в России, значительно выше тех, что собраны в Азии. Когда принимали решение о закрытии производства, разговоров об импортозамещении еще не было, а потому российская сборка не была востребована», подтверждает бывший сотрудник HP. «Завод начал с производства 10 тыс. шт. в месяц, но не вышел на ожидаемые объемы». Foxconn искала других партнеров для сборки в Шушарах, но не нашла. В то же время завод HP в Чехии был «хронически недогружен».

«Производство HP в России было открыто не вовремя». Примерно через два года после запуска завода в России, с III квартала 2012 г., началось падение рынка ПК в России, которое в I кв. 2015 г. дошло до рекордных с минувшего кризиса значений. HP занимала второе место по объему поставок (16,8%), лидером была Lenovo (22%)[1].

«Хон Хай», по утверждениям бизнес-журналистов, перенесла производство из России в Чехию. Позднее в нашей прессе стали связывать уход «Фоксконн» из России и с тем, что она решила перебазироваться в Индию. Факторы большей привлекательности Индии по сравнению с Россией – более дешевая рабочая сила (как видно из рис. 3, не такая уж дешевая, хотя это средний уровень зарплаты) и огромный внутренний рынок, на котором возрастает численность среднего класса, его доля в населении. Если раньше об этой категории говорили как о «Бельгии в Индии», то сегодня уже можно по аналогии говорить о «США в Индии» (300 млн. человек – это 25% от населения Индии).



Составлено по: https://www.numbeo.com/cost-of-living/prices_by_country.jsp? display Currency=USD&itemId=105, 142

Рисунок 3.
Среднемесячная располагаемая зарплата (за вычетом налогов), 2015 г., долл. США

Если говорить об «уходе “Фоксконн” из России» в Индию, то в Индии компания действует уже достаточно давно, с 2005 г., причем история ее деятельности полна разных перипетий. После того как «Нокиа» продала свое подразделение по производству мобильных телефонов, «Фоксконн» пришлось закрыть свой завод в Ченнаи, где выпускалась эта продукция. В 2017 г. «Фоксконн» вновь стала производить мобильные телефоны возвращающейся на рынок марки «Нокиа» на заводе в Ченнаи[2].

[1] Коломыченко М., Новый В. Из России – с компьютером // Коммерсантъ. – М., 2015. – 28 июля.

[2] http://economictimes.indiatimes.com/tech/hardware/foxconn-nokia-agree-to-revive-chennai-plant/articleshow/ 54665150.cms

В Индии «Фоксконн» ориентируется на импортозамещение. Задача полного замещения импорта электроники поставлена в национальной стратегии «Цифровая Индия». Кроме того в Индии провозглашена и стратегия «Делай в Индии». Впрочем, между импортозамещением и экспортной ориентацией нет непреодолимой стены. Успешно осуществленное импортозамещение может служить хорошей основой для экспортной ориентации. В 2016 г. на «Фоксконн» приходилось около 1/2 мобильных телефонов, собранных в Индии: именно «Фоксконн» осуществляет сборку продукции таких компаний, как китайские Xiaomi, Oppo, Gionee, американская Infocus, индийские производители мобильников Lava, Intex, Karbonn Micromax. В Индии большая часть потребителей покупает телефоны стоимостью менее 5000 рупий (около 5000 рублей), именно у этих марок такая стоимость. «Фоксконн» имеет в Шри-Сити, штат Андхра-Прадеш, 4 фабрики. Правда, в декабре 2016 г. компания сократила около ¼ персонала из-за падения спроса в связи с мерами по демонетизации экономики[1]. В январе 2017 г. продолжалось обсуждение вопроса об открытии «Фоксконн» в Индии фабрики, где будут производиться айфоны, причем обсуждало этот вопрос с правительством Индии не руководство «Фоксконн», а руководство ее заказчика – «Эппл»[2].

Факторами, привлекающими компанию «Фоксконн» в Чехию, можно считать близость европейского рынка и наличие квалифицированной рабочей силы. Филиал в городе Пардубице в Чехии «Фоксконн» открыла в 2000 г., в 2008 г. начал работать второй завод в городе Кутна Гора, в 2016 г. открылся третий завод, по ремонту смартфонов, которые будут доставляться туда из разных стран Европы. «Фоксконн» имеет и завод в Нитре (Словакия), выпускающий потребительскую электронику. «Фоксконн» является вторым экспортером среди чешских предприятий после автомобильного завода «Шкода»[3], (ставшего филиалом Фольксваген»). Работая по контрактам, «Фоксконн» на своих предприятиях в Чехии производит для Hewlett-Packard компьютеры, ноутбуки, серверы и картриджи для принтеров, выпускает продукцию компаний Chimei-Innolux, Cisco, Samsung. В городе Кутна Гора фабрика производила продукцию Apple, но, когда рабочие стали требовать улучшения условий труда, цех был закрыт. В Словакии производится сборка телевизоров «Сони».

В Чехии общее число занятых на 2 фабриках – порядка 10000 при максимальной загрузке, 2/3 занятых – мужчины. Если в целом в Чехии мигранты составляли около 5% от общего числа занятых, то в «Фоксконн» – около 50%. На заводах компании в Чехии работает большое число мигрантов из Болгарии, Монголии, Румынии, Польши, Украины, Вьетнама. Исторические связи между этими бывшими социалистическими странами составляют основу для этих миграционных потоков. Монголы приезжают через сети друзей и родственников. Набирают молодых людей до 35 лет, работать надо в быстром темпе. Рабочая сила делится на две категории: постоянные рабочие, чехи и иммигранты-словаки, которые занимают должности в низшем управленческом звене (мастера, контролеры), и получают 600–700 евро в месяц, и иммигранты из Польши, Румынии, Болгарии, Украины, Монголии, Вьетнама, которые не имеют специальной квалификации, работают по временным контрактам. В случае высокого спроса на продукцию их быстро нанимают через рекрутинговые агентства, а при снижении спроса контракты не продлевают. Эта система получила название «иммиграция just-in-time», подобно системе логистики японской компании «Тойота», при которой компоненты не хранятся долго на складах, а поставляются точно в срок, just-in-time. Только здесь речь идет не о деталях, а о людях. Работающие по контрактам иммигранты получают 400–500 евро, сдельно. Они работают посменно, по 12 часов, и даже конкурируют за то, чтобы у них было больше смен. Для сборки продукции разных компаний-заказчиков выделены отдельные цеха, производственные линии, причем рабочие для них подбираются из одной страны, с одним языком. Во главе пирамиды стоят менеджеры, англичане и китайцы. Существует жесткая дисциплина, применяется система штрафов[4]. «Однако мы не в Китае, мы в Пардубице». Рутница Андрияшевич и Деви Саккетто пишут и о не слишком комфортабельных общежитиях, в которых проживают иммигранты (например, в пансионе «Веселка» – одна кухня и два туалета на 80 человек). Плата за проживание (150 евро в месяц) вычитается из зарплаты, но снять комнату в городе гораздо дороже. На предприятиях высокая текучесть кадров, по разным оценкам – 20–30% в год. Рабочие-иммигранты, как правило, не имеют квалификации. После 2012 г. ужесточились условия привлечения рабочей силы из стран, не входящих в Евросоюз[5]. Это не значит, что их не привлекают, это значит, скорее, что им приходится больше отдавать посредникам и соглашаться на более невыгодные условия. Исследователи приходят к выводу о том, что в Восточной Европе «Фоксконн» использует «модель Шэньчженя» («Шэньчжень на Эльбе»)[6].

Именно в Шэньчжене (КНР) у «Фоксконн» были (и остались) фабрики по производству айфонов и айпадов, где было занято порядка полумиллиона человек, именно там разразился в 2011 г. скандал, связанный с самоубийствами рабочих из-за плохих условий труда и условий жизни в общежитиях[7]. После 2011 г. «Фоксконн», которая подверглась

[1] http://www.bgr.in/news/demonetization-effect-foxconn-india-reportedly-forces-1700-factory-workers-to-go-on-leave/

[2] Apple to meet government officials on January 25 to discuss manufacturing in India. http://www.bgr.in/news/apple-to-meet-government- officials-on-january-25-to-discuss-manufacturing-in-india/ January 8, 2017

[3] http://www.foxconn.cz/foxconn-v-cr/ 9/1/16http://www.foxconn.cz/foxconn-v-cr/; http://420on.cz/news/ economics/51137-iphone-i-drugie-smartfony-so-vsey-evropy-budut-remontirovat-v-chehii

[4] Shenzhen an der Elbe. – https://www.heise.de/ct/ausgabe/2013-21-Das-System-Foxconn-funktioniert-auch-in-der-EU-2313618.html

[5] China may be far away but Foxconn is on our doorstep. Rutvica Andrijasevic and Devi Sacchetto. 5 June 2013. – https://www.opendemocracy.net/rutvica-andrijasevic- devi-sacchetto/china-may-be-far-away-but-foxconn-is-on-our-doorstep

[6] Shenzhen an der Elbe. – https://www.heise.de/ct/ausgabe/2013-21- Das-System-Foxconn-funktioniert-auch-in-der-EU-2313618.html

[7] http://micgadget.com/26325/70-of-iphone-production-now-comes-from-foxconns-zhengzhou-plant/

настоящим атакам в СМИ, несколько улучшила условия труда, повысила зарплату. В результате «Эппл» передала часть ее заказов другой тайваньской компании «Пегатрон», издержки на оплату труда у которой оказались ниже[1].

Уступают ли российские рабочие по уровню квалификации иммигрантам, работающим в Пардубице, в массе своей неквалифицированных? Китайский Чунцин – город, где существовало немалое число предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК). Сегодня Чунцин, сохранив свою первоначальную роль центра оборонной промышленности, стал и центром по производству ноутбуков (там производится каждый четвертый ноутбук в мире), причем наличие квалифицированных кадров из ВПК называется в качестве одного из важных факторов привлечения иностранных инвестиций в производство компьютерного оборудования. Немалая часть принтеров HP производится сегодня в КНР, в том числе на заводе «Фоксконн» в Чунцине[2].

Шушары, где (в съемном помещении) работал завод «Фоксконн» – HP, находятся прямо у кольцевой дороги, опоясывающей Петербург. В наличии высококвалифицированных кадров из ВПК в Петербурге сомневаться не приходится. А зарплата после девальвации приблизилась к индийскому уровню (впрочем, такую же зарплату получают и иммигранты на заводах «Фоксконн» в Чехии). Очевидно, что можно было бы создать стимулы или, напротив, ввести защитные меры для развития национального производства, чтобы привлечь ТНК, в том числе и из стран Востока, к организации производства, для начала – хотя бы сборки, смартфонов и персональных компьютеров в России.

Еще один вопрос. Бизнес-журналисты из газеты «Коммерсантъ» и опрошенные ими менеджеры в качестве причин ухода «Фоксконн» из России («Из России – с компьютером») называют вступление России в ВТО (!) и импортозамещение (!). Как рассказал «Коммерсанту» бывший гендиректор завода «Балтмикста» В. Дахненко, основные заказчики его завода, Sony и Panasonic, в условиях падения рынка решили, что дешевле импортировать технику в РФ с заводов в других странах. Остановку завода «Фоксконн» – HP в Шушарах господин Дахненко связывает с вступлением РФ в ВТО в 2012 г. «Сейчас импортная таможенная пошлина на готовые ПК равняется нулю. При этом до присоединения России к ВТО ставки ввозной таможенной пошлины в отношении процессоров (электронных интегральных схем) составляли от 0 до 10% от таможенной стоимости, отмечает старший юрист Goltsblat BLP Владислав Сафонов. После присоединения к ВТО коридор ставок в отношении процессоров был сужен от 0 до 6,7%, а в настоящее время максимальная ставка ввозной таможенной пошлины на процессоры составляет 3,3%. Поэтому с точки зрения пошлин импорт готовых компьютеров в РФ пока выгоднее импорта компонентов и сборки ПК в стране». Кроме того, «текущий вектор на импортозамещение играет не в пользу иностранных производителей ПК», заявил старший вице-президент Kraftway Ренат Юсупов[3]. Очевидно, в интересах развития импортозамещения наукоемкой продукции, России следует более умело отстаивать свои позиции в ВТО, где можно добиваться различного рода изъятий из жестких правил либерализации торговли.

По программе, разработанной Минпромторгом, к 2020 г. в России должны появиться собственные планшеты и смартфоны, ноутбуки и персональные компьютеры (ПК). Сейчас доля таких иностранных устройств на отечественном рынке составляет от 90 до 100%, но уже через пять лет объем импорта планшетов и смартфонов должен снизиться до 75%, а зарубежные ПК в госсекторе к этому времени должны занимать не более 25%. а на массовом рынке – не более 90%. Перечень продукции, которую предстоит развивать, содержит 534 различных вида вычислительной техники, телекоммуникационного оборудования, полупроводниковой СВЧ-электроники, периферийного оборудования и электронных компонентов. В России должны быть созданы планшеты и смартфоны для массового рынка и корпоративного использования, которые предполагают повышенные требования к защите информации. Кроме того, должны появиться персональные настольные компьютеры (ПК), ноутбуки, моноблоки и рабочие станции для офисных сотрудников, а также научных и инженерных расчетов. Минпромторг планирует снизить импорт суперкомпьютеров, серверов, в том числе файловых и почтовых, а также систем хранения данных и систем управления базами данных (СУБД)[4]. Часть этой продукции могли бы производить и филиалы ТНК, в том числе и ТНК из стран Востока.

Предприятие «Фоксконн» в Шушарах могло бы ориентироваться на достаточно емкий российский рынок, что, собственно говоря, и означает импортозамещение. По уровню зарплаты после девальвации Россия уступает Китаю и ненамного превосходит Индию. Привлечь «Фоксконн» было интересно еще и потому, что эта компания сейчас активно занимается робототехникой. Это могло быть интересно и для «Фоксконн», поскольку в России сейчас разрабатывается немало инноваций в этой сфере, только в производство они недостаточно внедряются. И вообще открытие ТНК филиала в одной стране отнюдь не исключает открытия филиала в другой стране, на то они и ТНК.

---

[1] Despite claims of progress, labor and environmental violations continue to plague Apple. Nicki Lisa Cole, Jenny Chan. 26 February 2015. – https://www.opendemocracy.net/beyondslavery/nicki-lisa-cole-jenny-chan/despite-claims-of-progress-labor-and-environmental-violations

[2] Chongqing: land of laptops // China Daily. 2014. – June 16. – http://www.china.org.cn/business /2014-06/16/ content_32674371.htm

[3] Коломыченко М., Новый В. Из России – с компьютером // Коммерсантъ. – М., 2015. – 28 июля.

[4] http://kommersant.ru/doc/2710461?utm_source=kommersant&utm_medium=doc&utm_campaign=vrez

Чистякова Е.А.
к.э.н., доцент Саратовского социально-экономического института – филиала РЭУ

ПРОБЛЕМА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: *импортозамещение, контрактная система, государственные и муниципальные закупки, страна происхождения товара, Евразийский экономический союз.*

Keywords: *import substitution, the contract system in state and municipal procurement, country, of origin Eurasian economic Union.*

Статьей 14 Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – закон № 44-ФЗ) предусмотрено, что в целях защиты российского внутреннего рынка, развития национальной экономики, поддержки российских товаропроизводителей Правительством РФ устанавливаются запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, и ограничения допуска к закупкам для государственных и муниципальных нужд товаров, происходящих из иностранных государств.

В настоящее время преференциальные механизмы в госзаказе распространяются более чем на 460 видов товаров[1].

Правительством Российской Федерации применяется два основных подхода в реализации стратегии импортозамещения в закупочной деятельности (табл. 1):

1) Запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами;

2) Ограничения допуска указанных товаров, работ, услуг для целей осуществления закупок.

Следует отметить, что запрет на допуск (ограничение допуска) устанавливается в отношении иностранного товара, за исключением товара, страной происхождения которого являются государства – члены Евразийского экономического союза. В настоящее время членами Евразийского экономического союза являются Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Казахстан и Киргизская Республика.

Таблица 1

Запреты, ограничения, условия допуска при закупках, преимущества организациям инвалидов, учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы

Нормативно-правовой акт	Что утверждено	Документы, подтверждающие страну происхождения товара
1	2	3
Отдельные товары машиностроения		
Постановление Правительства РФ от 14.07.2014 г. № 656	Перечень товаров, в отношении которых установлен запрет	Копия специального инвестиционного контракта, или акт экспертизы, или сертификат формы СТ-1. «Положение о порядке выдачи сертификатов о происхождении товаров формы СТ-1 для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (для отдельных видов товаров машиностроения)» (ред. от 0.03.2015г.) (приложение 1 к приказу ТПП РФ от 25.08.2014г. №64)
Отдельные товары легкой промышленности		
Постановление Правительства РФ от 11.08.2014г. №791	Перечень товаров, закупки которых не допускаются	Заключение об отсутствии на территории Российской Федерации производства товаров, указных в приложении к постановлению № 791. Правила выдачи утверждены приказом Минпромторга России от 10.09.2014г. № 1776
Отдельные виды медицинских изделий		
Постановление Правительства РФ от 05.02.2015г. №102	Перечень товаров, в отношении которых установлено ограничение допуска	Сертификат формы СТ-1. Приказ ТПП РФ от 10.04.2015г. №29 «О Положении о порядке выдачи сертификатов о происхождении товаров формы СТ-1 для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (для отдельных видов медицинских изделий)»
Программное обеспечение		
Постановление Правительства РФ от 16.11.2015г. №1236	1. Правила формирования и ведения единого реестра российских программ 2. Порядок подготовки обоснования невозможности соблюдения запрета	Данные единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных https://reestr.minsvyaz.ru/

[1] Мы сможем выявлять закупки по завышенным ценам // Ведомости. 2016. – 31 октября, № 4193.

Отдельные виды продовольствия и промышленной продукции		
Приказ Минэкономразвития России от 25.03.2014г. №155	Условия допуска товаров, перечень которых приведен в приложении к приказу	Декларация участника либо сертификат формы СТ-1 Форма указания участником страны происхождения поставляемого товара определяется самим участником (письмо Минэкономразвития России от 27.07.2015г. №ОГ-Д 28-10063)
Работы и услуги, оказываемые турецкими организациями		
Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2015г. №1457	Запрет за допуск к закупкам установлен для организаций и физических лиц Республики Турция	Участниками закупки не могут быть организации, находящиеся под юрисдикцией Турецкой Республики, а также организации, контролируемые гражданами Турецкой Республики и (или) организациями, находящимися под юрисдикцией Турецкой Республики в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2015г. №1457, принятого во исполнение подпункта «б» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 28.11.2015г. №583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» Декларация не требуется, достаточно выписки ЕГРЮЛ
Отдельные виды пищевых продуктов		
Постановление Правительства РФ от 22.08.2016г. №832	Перечень отдельных пищевых продуктов, в отношении которых установлено ограничение допуска	Проводя закупку (запрос котировок, запрос предложений, открытый конкурс, электронный аукцион) продуктов, включенных в Перечень, необходимо отклонять все заявки с предложением иностранного товара (кроме продуктов из государств-членов Евразийского экономического союза). Участник закупки должен указывать в заявке страну происхождения и производителя пищевых продуктов из Перечня
Отдельные виды радиоэлектронной продукции		
Постановление Правительства РФ от 26.09.2016г. №968	Перечень радиоэлектронной продукции, в отношении которой установлено ограничение и условия допуска	Проводя закупку радиоэлектронной продукции, включенной в Перечень, путем проведения запроса котировок, запроса предложений, открытого конкурса, электронного аукциона необходимо отклонять все заявки с предложением иностранного товара. В подтверждение российского происхождения товара в заявке (окончательном предложении) участник должен представить копию одного из документов, указанных в п.7 Постановления №968.

В соответствии с ч. 4 ст. 14 Закона 44-ФЗ Приказом Минэкономразвития России от 25.03.2014г. № 155 определены условия допуска для целей осуществления закупок иностранных товаров.

Перечень таких товаров приведен в приложении к Приказу № 155. В частности, к ним отнесены некоторые виды продуктов питания, компьютеры, офисная мебель. Участники закупок, которые поставляют товары, происходящие из государств-членов Евразийского экономического союза, имеют право на предоставление преимущества в соответствии с порядком, установленным в Приказе № 155.

Указанное преимущество представляет собой преференцию в отношении цены контракта в размере 15%. Порядок ее предоставления зависит от способа осуществления закупки. Так, при проведении конкурса, запроса предложений или запроса котировок на поставку товаров, которые указаны в приложении к Приказу № 155, преимущество предоставляется при рассмотрении и оценке заявок на участие по критерию «цена контракта». Заявка, содержащая предложение о поставке товаров, произведенных на территории государств-членов Евразийского экономического союза, оценивается с применением понижающего 15-процентного коэффициента к предложенной в заявке цене контракта. При этом контракт заключается по цене, предложенной участником.

При проведении аукциона преференция предоставляется в другом порядке. Если победитель аукциона предложил товар иностранного происхождения из указанного перечня, контракт заключается по сниженной на 15% цене, предложенной таким участником. Исключение составляют товары, происходящие из государств-членов Евразийского экономического союза.

Подтверждением страны происхождения предлагаемого участником товара служит декларация. При этом наименование страны происхождения товара должно быть указано в соответствии с Общероссийским классификатором стран мира.

Применение механизма импортозамещения существенно дифференцируется в зависимости от характера продукции, что создает серьезные проблемы в практической деятельности заказчиков и участников закупок.

Наиболее проблемным вопросом является документационное обеспечение закупок при импортозамещении. Следует отметить, что заказчики в соответствии п. 8 ч. 3 ст. 49, п. 4 ч. 1 ст. 50, подп.«з» п. 1 ч. 2 ст. 51, п. 7 ч. 5 ст. 63, п. 2 ч. 1 ст. 64, п. 6 ч. 5 ст. 66, п. 6 ч. 3 ст. 73 закона № 44-ФЗ в извещении, документации о закупке должны устанавливать требование о наличии в составе заявки участника закупки документа, подтверждающего соответствие участника закупки установленным запретам и ограничениям. Например, при закупке отдельных товаров машиностроения в состав заявки необходимо включить копию специального инвестиционного контракта, или акт экспертизы, или сертификат формы СТ-1, при закупке медицинских изделий в составе заявки от участника закупки необходимо требовать сертификат СТ-1, а при закупке пищевых продуктов требуется указание (декларирование) участником закупки в заявке наименования страны происхождения и производителя. Постановлением Правительства РФ от 22.08.2016 г. № 832 «Об ограничениях допуска отдельных видов пищевых продуктов, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Постановление

№ 832) утвержден Перечень отдельных видов пищевых продуктов, происходящих из иностранных государств, в отношении которых устанавливаются ограничения допуска для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – Перечень).

В Перечень включено 23 продукта питания, в частности, переработанная и консервированная рыба, соль пищевая, говядина, свинина, мясо птицы, пищевые субпродукты, молоко и молочная продукция, сахар, рис и др.

В соответствии с Постановлением № 832 с 3 сентября 2016 года, проводя закупку (запрос котировок, запрос предложений, открытый конкурс, электронный аукцион) продуктов, включенных в Перечень, необходимо отклонять все заявки с предложением иностранного товара (кроме продуктов из государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС)), при условии, что подано не менее 2-х соответствующих требованиям заказчика заявок, в которых одновременно:

– предлагаются товары, произведенные в ЕАЭС;

– не содержатся предложения поставить один и тот же вид пищевых продуктов одного производителя.

Следует отметить, что участник закупки должен указывать в заявке страну происхождения и производителя пищевых продуктов из Перечня. Наименование страны происхождения товаров (пищевых продуктов) указывается в соответствии с Общероссийским классификатором стран мира.

При закупке продукции легкой промышленности заказчику необходимо обратиться в Министерство промышленности и торговли РФ для получения заключения об отсутствии на территории РФ производства товаров, а при закупке программного обеспечения заказчик должен разместить в единой информационной системе обоснование невозможности соблюдения запрета на допуск программного обеспечения. С 1 января 2016 года не допускается закупать программное обеспечение, происходящее из иностранных государств. Указанный запрет распространяется также на закупку исключительных прав на подобное программное обеспечение и прав его использования. С этой же даты должен быть создан единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных.

Иностранное программное обеспечение может быть закуплено, если программного обеспечения соответствующего класса нет в названном реестре либо, когда программное обеспечение с необходимыми функциональными, техническими или эксплуатационными характеристиками в России отсутствуют.

Не менее сложным представляется проблема допуска или отказа в допуске к участию в конкурентных процедурах, т.к. и в этом случае существует правовая коллизия. Так, закон № 44-ФЗ предусматривает, что, например, заявка на участие в электронном аукционе признается не соответствующей требованиям, установленным документацией об аукционе, в случае непредставления документов, определенных заказчиком. Но подзаконные акты не предполагают отклонение такой заявки.

Представляется, что унификация процедур и требуемых в составе заявок документов могла бы способствовать повышению эффективности закупок.

Еще большую актуальность данная проблема приобретает для таких заказчиков, как бюджетные учреждения и унитарные предприятия, которые осуществляют закупки как в соответствии с законом № 44-ФЗ, так и в соответствии с Федеральным законом от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон 223-ФЗ).

При осуществлении закупок по Закону 223-ФЗ следует учитывать, что Постановлением Правительства РФ от 16.09.2016г. №925 «О приоритете товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами» (далее – Постановление №925) установлен приоритет российских товаров, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) российскими лицами путем проведения конкурса, аукциона и иных способов закупки, за исключением у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), по отношению к иностранным товарам, работам (услугам), выполняемым (оказываемым) иностранными лицами. Суть преференций состоит в использовании 15-процентного снижения цены контракта при оценке заявок, содержащих российскую продукцию.

В соответствии с п.5 Постановления № 925 заказчикам, осуществляющим закупочную деятельность по Закону 223-ФЗ, необходимо внести соответствующие изменения в положения о закупке с 1 января 2017 года.

При этом Департамент развития контрактной системы Минэкономразвития России подчеркивает, что «указанный приоритет устанавливается с учетом положений Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года и Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Таким образом, товарам белорусского происхождения, работам, услугам, выполняемым, оказываемым белорусскими лицами, предоставляется приоритет аналогично товарам российского происхождения, работам, услугам, выполняемым, оказываемым российскими лицами»[1].

В таком случае при подготовке закупочной документации следует использовать формулировки, предусмотренные Постановлением № 925. Если в заявке предлагается продукция иностранного происхождения, необходимо определить, входит ли страна в состав ВТО и ЕАЭС. В случае членства страны происхождения в этих организациях, продукция рассматривается на тех же условиях, что и отечественная.

Таким образом, заказчикам необходимо учитывать необходимость указания запретов на допуск, ограничений допуска, условий допуска иностранных товаров при подготовке и проведении определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

[1] Письмо Министерства экономического развития РФ от 21 октября 2016 г. N Д28и-2858.

Шаховская Л.С.
д.э.н., профессор кафедры Мировой экономики и экономической теории Волгоградского государственного технического университета
mamol4k@yandex.ru
Днепровская И.В.
к.э.н., доцент Волгоградского государственного технического университета
dneproguess@yandex.ru

РОЛЬ КОМПЛЕКСА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ГЛОБАЛЬНЫМ УГРОЗАМ

Ключевые слова: *национальные интересы, глобализация, интеграционные процессы, Brexit, экономические санкции.*

Keywords: *national interests, globalization, economic integration, Brexit, economic sanctions.*

XXI век войдет в историю человечества как эпоха великой трансформации, охватившей экономические, технические, правовые, социальные и прочие сферы жизнедеятельности общества. Движущей силой этих изменений стала глобализация – сложное и противоречивое явление современной действительности, которое, по выражению Дж. Стиглица, словно «гигантская волна, может, как опрокинуть корабль, так и вынести его далеко вперед».

По мнению одних ученых, этот процесс зарождался еще в древние времена, тысячелетия назад (Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец). Другие исследователи настаивают на том, что глобализация – это феномен XX века, во многом обусловленный стремительной эволюцией техносферы (Л. Синцеров, И. Фаминский, И. Осадчая, В. Оболенский, Н. Косолапов).

Несмотря на то, что ряд ученых настаивает на «формировании глобального интегрального целого» и «конце географии, т.е. государственно-национального деления мира» (Р. О`Брайен), такие выводы, на наш взгляд, несколько преждевременны. Неравномерность развития экономик мира препятствует формированию единого интегрального целого. Кроме того, крайняя нестабильность мировой валютно-финансовой системы несет большие потенциальные риски. Устойчивость и предсказуемость развития мировой экономической системы снижается с каждым годом. Возникает закономерный вопрос: «Каким образом следует осуществлять свои действия на мировой экономической арене, чтобы получить выгоды от международного сотрудничества, но при этом не навредить собственной стране?» Ответ весьма предсказуем, – действовать следует в соответствии со своими национальными интересами. Однако, как определить эти интересы, как формализовать столь сложную категорию?

Детерминировать понятие «национальные интересы», выработать общепринятое и всеми признанное определение крайне сложно по целому ряду причин. Для преодоления аналитических ловушек, скрытых во множестве трактовок категории «национальные интересы», принимая за основу определение, закрепленное в Концепции национальной безопасности РФ, а также учитывая результаты исследований отечественных ученых по данной проблеме, представляется необходимым положить в фундамент анализа некую условную модель, которую можно было бы использовать как рабочую гипотезу национального интереса.

Учитывая то, что национальные интересы являются механизмом, укрепляющим взаимодействие различных сфер жизни национальной общности, их, по нашему мнению, целесообразно представить в виде модели, внутренняя структура которой, представленная на рис. 1, состоит шести базовых компонент, а также ядра – государственной составляющей во всем многообразии их взаимосвязей.

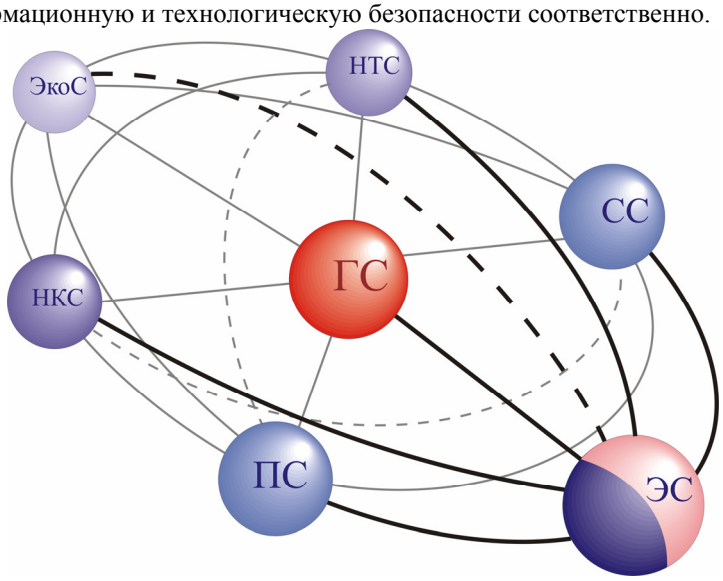
Анализируя внутреннюю структуру комплекса национальных интересов (КНИ), в первую очередь необходимо отметить государственную составляющую как структурообразующий элемент модели. Ученые расходятся во мнениях относительно степени присутствия государства в национальных интересах.

Основываясь на позициях Л. Абалкина и Э. Позднякова, в центре модели КНИ следует поместить государственную составляющую национальных интересов, выделяя, таким образом, понятие «национальный интерес» как более масштабное, по сравнению с понятием «государственный интерес». Однако государственный интерес не тождественен интересу государственного аппарата, что в своих работах отмечают Л. Абалкин, Э. Поздняков, Ю. Ольсевич и другие исследователи.

Основным государственным интересом в структуре КНИ является обеспечение национальной безопасности как состояния, тенденции развития и условия жизнедеятельности нации, при которых гарантируется защищенность ее жизненно важных интересов: «выживание, свободное, независимое функционирование и процветание при сохранении своих фундаментальных ценностей и основных институтов»[1]. Связи между государственной составляющей и шестью

[1] Безопасность Евразии-2002: Энциклопедический словарь-ежегодник / Автор идеи и концепции, рук. проекта В.Н. Кузнецов. – М.: Книга и бизнес, 2003. – С. 236.

остальными компонентами модели КНИ, а именно, экономической, политической, социальной, экологической, нравственно-культурной и научно-технической, обеспечивают национальную экономическую, политическую, социальную, экологическую, информационную и технологическую безопасности соответственно.



Примечание: Внутри структуры национальных интересов выделены следующие составляющие: ГС – государственная; ЭС – экономическая; СС – социальная; ПС – политическая; НКС – нравственно-культурная; НТС – научно-техническая; ЭкоС – экологическая.

Рисунок 1.
Модель комплекса национальных интересов (КНИ)

Несмотря на то, что государственная составляющая, отвечающая за национальную безопасность, является своеобразным ядром данной конструкции, в модели КНИ нельзя выделить более важный или менее важный элемент. Обращаясь к описанию связей в модели комплекса национальных интересов, существующих между компонентами, необходимо отметить их подвижность и способность к трансформации во времени.

Следовательно, национальный интерес – понятие достаточно стабильное, но способное трансформироваться в долгосрочном периоде. Изменениям подвергается так называемая «периферия», то есть экономическая, экологическая, политическая, научно-техническая, социальная и духовно-культурная составляющие модели КНИ. При этом экономическая компонента наиболее подвижна, так как именно она отвечает за интеграцию страны в мировое хозяйство, в то время как государственная составляющая в части обеспечения национальной безопасности наиболее статична, консервативна и претерпевает изменения лишь вследствие радикальных преобразований в обществе.

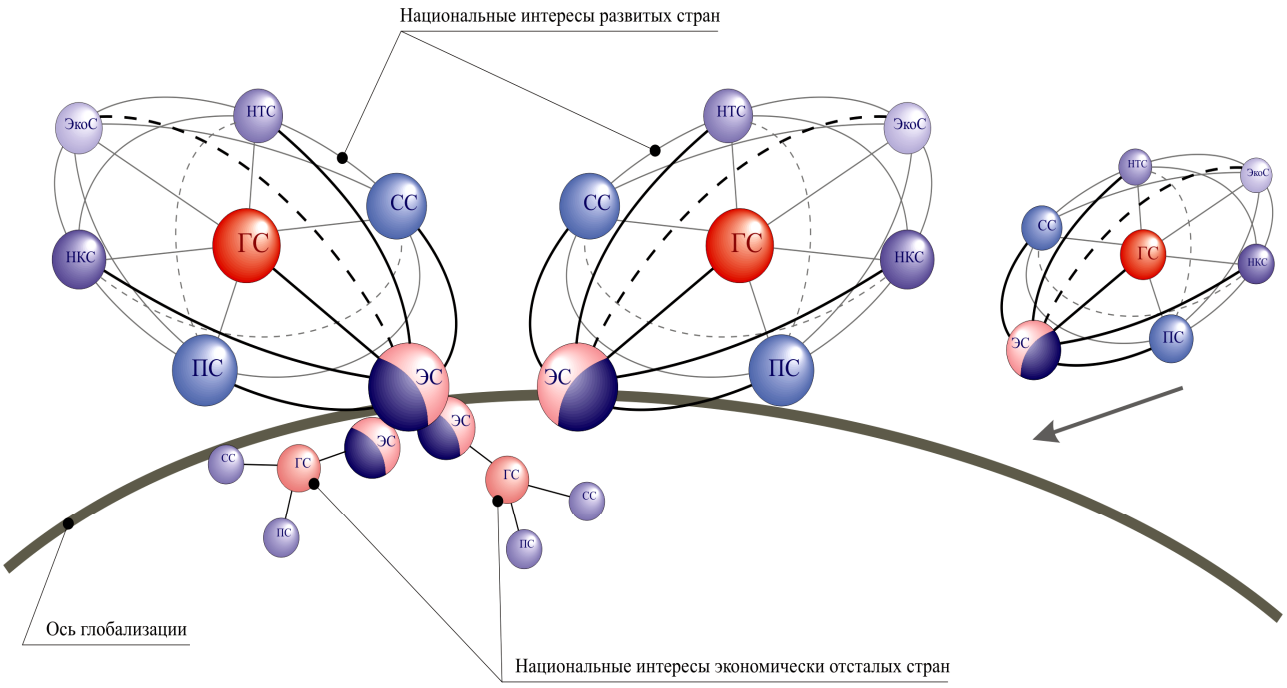
Необходимо отметить, что несмотря на подвижность связей между составляющими национальных интересов при достижении критического уровня нагрузки (например, в том случае, когда одна составляющая начинает эксплуатировать ресурс другой, и это, в свою очередь, противоречит национальным интересам), происходит разрыв связей, приводящий к деформации структуры национального интереса, в результате которой он либо переходит в новое качество, либо деградирует вместе с национальной общностью-субъектом.

На наш взгляд, можно выделить два возможных сценария воздействия процессов глобализации на национальные интересы. Так, на рис. 2 представлены КНИ, сохранившие целостность под влиянием обозначенных процессов, и КНИ, ее утратившие. Первая группа интересов располагается над осью глобализации и ориентирует страны-носители на развитие, в то время как вторая группа стран располагает фрагменты комплекса под осью глобализации, обрекая себя на борьбу за выживание. Следовательно, странам первой группы глобализация несет преимущественно положительные эффекты, что обусловлено, целым рядом факторов.

В современном мире, по мнению М. Портера, сравнительные преимущества национальных хозяйств все меньше и меньше определяются богатством природных ресурсов или дешевой рабочей силой. Все большее влияние оказывают новые технологии и технологические инновации в сочетании с системой использования знаний. Иными словами, в мировом хозяйстве по-прежнему четко просматриваются две большие группы стран с весьма различными экономическими, социальными, технологическими и институциональными характеристиками. Можно согласиться с тем, что их общий вектор ориентирован на сближение, но на пути к нему неизбежна стадия фрагментации, разрушения многих, в том числе вполне жизнеспособных, национальных структур[1].

Таким образом, сохранение целостности комплекса национальных интересов позволяет получать выгоду от глобализации, развивая за счет реализации интересов национальных компаний все прочие составляющие общественной жизни – социальную, научно-техническую, нравственно-культурную и прочие сферы. В противном случае национальные компании начинают работать на иностранные экономики в ущерб национальным хозяйствам. Индикатором подобной тенденции становятся такие процессы как широкомасштабный вывоз капитала, снижение доли наукоемкой продукции в общем объеме производства, сырьевой характер экспорта и т.д. Следовательно, для любой страны вопрос стоит в отношении выбора наиболее приемлемого способа интегрирования в мировую хозяйственную систему.

[1] Зевин Л. Национальные экономические системы в глобальных процессах // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2003. – № 11. – С. 18.



Примечание: Внутри структуры национальных интересов выделены следующие составляющие: ГС – государственная; ЭС – экономическая; СС – социальная; ПС – политическая; НКС – нравственно-культурная; НТС – научно-техническая; ЭкоС – экологическая.

Рисунок 2.
Комплексы национальных интересов стран под воздействием глобализации

Анализируя рис. 2, следует обратить внимание на роль экономической составляющей КНИ в условиях глобализации. Данная компонента, во многом представленная национальными компаниями, «встраивает» весь комплекс национальных интересов в общее направление глобальных процессов, так называемую ось глобализации. Именно экспортоориентированные национальные компании, а также транснациональные корпорации, которые, по мнению целого ряда ученых, также являются национальными компаниями, максимально заинтересованы в глубоком внедрении отечественного хозяйства в мировое экономическое пространство, представляя собой одну из движущих сил глобализации.

Именно ТНК способствовали либерализации национальных экономик, изменяя параметры функционирования мирового хозяйства. Следовательно, ТНК можно назвать первым инструментом глобализации, в то время как вторым инструментом выступают международные организации, прежде всего, экономические. Ведущие международные экономические организации, среди которых особое место занимает МВФ, ВБ и ВТО, объединены доминирующей ролью США и активным внедрением в национальные хозяйства неолиберальных принципов, далеко не всегда являющихся правильным «рецептом» развития каждой отдельно взятой экономики. Согласно мнению известного немецкого социолога У. Бека, ««государство, страна может просто уморить себя неолиберализмом, … о котором всегда говорили, что это «философия хорошей погоды», работающая лишь тогда, когда нет ни острых конфликтов, ни кризисов».[1]

Слепое следование неолиберальным принципам приводит к нарушению взаимосвязей внутри комплекса национальных интересов, разрушая его целостность. Действия, навязанные извне и несогласующиеся с национальными интересами, способны, в конце концов, создать угрозы для национальной безопасности. Ярким примером является неадекватная миграционная политика стран ЕС, запустившая в итоге многие деструктивные механизмы, в том числе дезинтеграционные процессы. Дело в том, что страны ЕС испытывают воздействие на КНИ с двух сторон, как со стороны интеграционной группировки, так и со стороны лидера глобализации США, что сложилось еще с послевоенного периода внедрения плана Маршалла. В настоящее время конфликт этих воздействий как конфликт интеграционных и глобальных процессов, выразился в виде Brexit. Вернее, Brexit – это начальная точка данного конфликта. Таким образом, страны ЕС, потеряв целостность КНИ (в части государственной, социальной, политической и нравственно-культурной составляющих) под воздействием процессов глобализации, могут со временем оказаться под осью глобализации, во всяком случае, наиболее слабые в экономическом плане. В качестве альтернативного примера можно привести РФ, которая, несмотря на экономические санкции и жесткое внешнее политическое давление, благодаря сохранению целостности КНИ, противостоит глобальным угрозам. Здесь следует отметить особую интегрирующую роль государственной составляющей КНИ, которая, в свою очередь, сложилась исторически.

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что именно целостность КНИ тех или иных стран является залогом успешного противостояния глобальным угрозам, позволяя максимально эффективно интегрироваться в мировое экономическое пространство.

[1] Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // Мировая экономика и международные экономические отношения. – М., 2002. – № 5. – С. 16.

Широкова О.В.
к.э.н., доцент Финансового университета (Липецкий филиал)
Королькова А.А.
студент Финансового университета (Липецкий филиал)

НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: *мигрант, нелегальная миграция, миграционная политика, последствия нелегальной миграции.*
Keywords*: migrant, irregular migration, migration policy, the consequences of illegal migration.*

В современном мире наблюдается заметная трансформация миграционных процессов. Она выражается в огромном размахе нелегальной миграции, состоящей из дешевой и бесправной рабочей силы, которую нередко причисляют к основным вызовам и угрозам стабильности не только отдельных стран, но и мира в целом. В этих условиях государство через реализацию миграционной политики становится основным субъектом обеспечения национальной безопасности. Существенная роль при этом отводится органам государственной власти, в обязанности которых входит поиск мер эффективного противодействия возникающим угрозам различного характера и степени опасности.

В структуре нелегальной миграции выделяют следующие компоненты:

1. Нелегальный въезд – это незаконное проникновение иностранных граждан или лиц без гражданства на территорию принимающей страны, осуществленное с нарушением порядка пересечения границы либо с поддельными или недействительными документами. В подобных случаях мигранты, чаще всего, идут на этот шаг осознанно, зная, что с самого начала обрекают себя на незаконность положения в стране.

2. Нелегальное пребывание – это отсутствие у иностранных граждан или лиц без гражданства необходимых регистрационных документов. Зачастую такие мигранты приезжают в принимающую страну на законных основаниях, но просрочивают визу, не получают необходимых документов и не проходят установленных законом процедур регистрации.

3. Нелегальная занятость – это трудовая деятельность иностранных граждан или лиц без гражданства, юридически не оформленная в соответствии с действующим законодательством и правилами использования труда иностранных работников в данной стране. К ней также можно отнести отсутствие разрешения на работу и патента и неуплату налогов иностранцами на территории государства трудоустройства[1].

Для России вопросы миграции населения являются особенно актуальными. Такие факторы, как строительство новых межгосударственных отношений как с ближним, так и дальним зарубежьем, национальные конфликты на этнической, политической и экономической почве, резкий переход после распада СССР к политике «открытых дверей» при одновременном снижении пограничного и иммиграционного контроля сделали российскую территорию достаточно свободной для въезда иностранных лиц и привели к массовому неконтролируемому потоку мигрантов, в том числе и нелегальных.

С января по сентябрь 2016 года население РФ за счет мигрантов выросло на 196,5 тыс. человек. Это увеличение произошло на фоне падения миграционного прироста за аналогичный период в 2015 году (169,1 тыс. человек), но в целом значение данного показателя находится на уровне прошлых лет (в 2014 году – 185,1 тыс., а в 2013 году – 214 тыс.)[2].

Проблема легализации миграции по-прежнему актуальна. По мнению специалистов, количество оформленных мигрантами документов для работы в РФ не соответствует цифре прибывающих с целью трудоустройства. По их подсчетам, на конец сентября 2016 года из 4 млн. человек, приехавших работать в Россию, полностью нелегализованными было около 1,3 млн. Еще меньшее число иностранных работников официально оформляет свои отношения с российскими работодателями. Более 55% мигрантов, легально прибывших в РФ, имели неформальные отношения со своими работодателями, при этом среди граждан стран ЕАЭС таких более 60%.

Число выдворенных и депортированных из России иностранных граждан за январь-октябрь 2016 года составило 50 тыс. человек[3]. Основными причинами этого, как правило, являются отсутствие документов на право въезда в страну следования (в среднем около 50% всех оснований для депортации), чужие или поддельные документы, нарушение правил пребывания в стране (около 40%), включая истечение срока действия визы.

---

[1] Юсупов М.Х. Политические тенденции незаконной миграции в России: центры притяжения // ЕврАзЮж. 2012. – № 11 (54) – http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3653:2012-12-13-07-26-13&catid=148:2010-08-12-05-13-05

[2] Эксперты отметили увеличение миграционного прироста в России в 2016 году. – http://www.eurasialaw.ru/index. php?option=com_content&view=article&id=3653:2012-12-13-07-26-13&catid=148:2010-08-12-05-13-05

[3] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-октябрь 2016. – https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/8935162/

Общая же численность незаконных мигрантов в России варьирует от 1,5 до 15 млн. человек. Отсутствие или низкое качество информации об этом явлении объясняется, прежде всего, его конспиративным характером. Что касается основных направлений потоков нелегальной миграции, то около 80% незаконных мигрантов происходит из стран бывшего СССР, с которыми у России существует безвизовый режим. Остальные 20% приходятся на страны дальнего зарубежья – Китай, Вьетнам, Афганистан, Пакистан, Индию и Бангладеш.

Миграция населения как потенциальная угроза для внутренней стабильности и национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности России всегда вызывала серьезную озабоченность общества. Так, согласно данным социологических исследований 2016 года, россияне считают, что большое количество приезжих из других государств – явление скорее отрицательное для нашей страны. Признавая, что мигранты выполняют работы, которые не готово выполнять местное население (67%), большинство россиян полагает необходимым ограничить объемы притока приезжих с помощью ужесточения правил въезда (78%). Кроме того, около 67% жителей страны согласны с тем, что многие приезжие иностранные лица работают в России нелегально[1].

Рассмотрим основные угрозы и вызовы национальной безопасности РФ, создаваемые незаконной миграцией.

Нелегальная миграция является питательной средой для роста преступности, развития торговли наркотиками, оружием и других секторов теневой экономики. Большинство незаконных мигрантов при отсутствии реальной возможности легализоваться в РФ и необходимых денежных средств к существованию становятся резервом для пополнения криминальной среды. Опасной тенденцией в последнее время является возрастающий поток нелегальной миграции в Россию граждан Афганистана, Ирана, Турции, Саудовской Аравии и других стран, прошедших специальную диверсионно-террористическую подготовку[2].

Рост масштабов нелегальной миграции сопровождается образованием иноэтничных общин с большой этнокультурной и этноконфессиональной дистанцией по отношению к местному населению, которые, как правило, не интегрируются в принимающее общество, навязывая ему свои нормы и ценности. Это ведет к обострению социальной и межэтнической напряженности, провоцирует ксенофобские и национальные экстремистские настроения в российском обществе, что может привести к непредсказуемым для страны последствиям.

Ухудшая санитарно-эпидемиологическую обстановку в связи с распространением острых инфекций и нетрадиционных для России заболеваний, незаконная миграция влечет за собой реальную угрозу для здоровья населения страны.

Так, за 2007–2013 годы медицинский осмотр прошли более 7,4 млн. иностранных граждан. Количество больных инфекционными заболеваниями представлено на рис. 1.

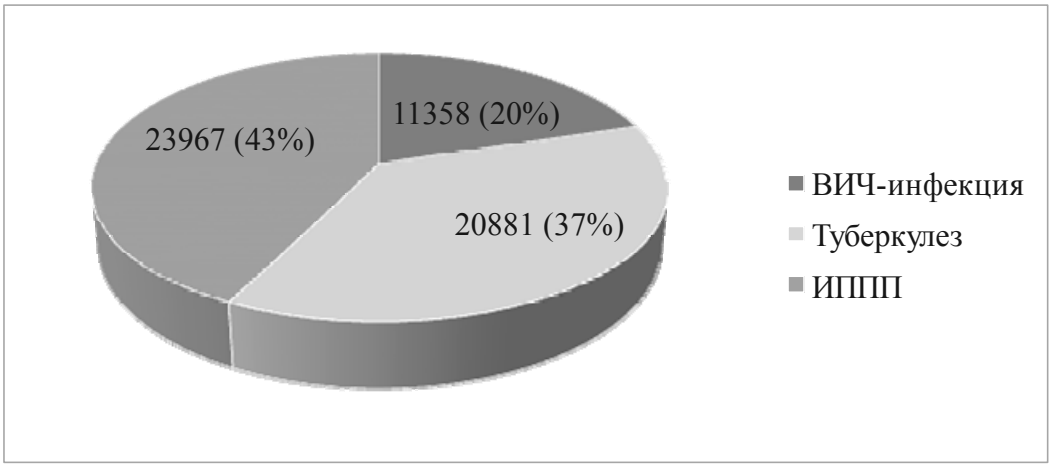


Рисунок 1.
Количество мигрантов, больных инфекционными заболеваниями, выявленное с 2007 по 2013 годы[3]

Данные, представленные на рис. 1, объясняются тем, что доступ нелегальных мигрантов к медицинским услугам минимален. Их здоровье при этом подвергается серьёзным испытаниям в процессе пересечения границы, под влиянием антисанитарных условий проживания, тяжёлых условий труда и чрезмерной трудовой эксплуатации.

Ещё одну проблему представляют национальные диаспоры и землячества, в последние годы усиливающие влияние на работу органов законодательной и исполнительной власти, а также правоохранительных органов РФ, что позволяет мигрантам успешно действовать в политико-правовом поле страны. Это выражается в коррупционном подкупе должностных лиц и информационно-психологическом давлении на них, проникновении на работу в органы власти и т.д. В результате увеличивается влияние иностранных мигрантов на функционирование органов власти в их интересах.

С целью предупреждения и пресечения незаконной миграции в Россию предпринимаются следующие меры.

---

[1] ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 3254. – http://old2.wciom.ru/index.php?id=459&uid=115969

[2] Дубонос С.М., Ковалев А.А., Сороколет Д.А., Алпатиков В.В. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности РФ и странам СНГ // Молодой ученый. 2016. – № 13. – С. 628–630.

[3] Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. – М., 2015. – № 39 (592), декабрь. – http://www.council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/62294/

Появившийся в 2010 году и хорошо себя зарекомендовавший патент для трудоустройства у ФЛ, с 1 января 2015 года был преобразован в единый трудовой патент, по которому иностранные лица из стран СНГ могут работать. Это позволило упростить процедуру легализации трудовых мигрантов при одновременном ужесточении ответственности за различные нарушения закона. При пересечении границы потенциальный трудящийся-мигрант должен указать в миграционной карте «работу» в качестве цели визита и в течение 30 дней подать заявление о выдаче патента. Для его получения ему необходимо подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства нашей страны, отсутствие социально опасных заболеваний, а также предъявить полис добровольного медицинского страхования и оплатить фиксированный авансовый платеж.

Введение новой патентной системы значительно упростило жизнь иностранным лицам, но некоторые из них по-прежнему предпочитают оставаться «в тени закона». Поэтому еще одним нововведением 2015 года стало закрытие въезда в страну на срок до 10 лет тем иностранцам, которые злостно нарушают режим пребывания в России. Срок закрытия въезда зависит от того, насколько иностранец превысил срок законного пребывания в принимающей стране: 120 суток – 3 года закрытия въезда, 180 суток – 5 лет, год – 10 лет. Сейчас по данным ФМС в стране больше полугода незаконно пребывает около 1,5 млн. мигрантов, из них свыше 800 тысяч – более года. Только в текущем году запрещен въезд почти 478 тыс. иностранцам-нарушителям.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что нелегальные мигранты представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности России, т.к. они не поддаются государственному учету, а также исключены из системы официального трудоустройства, налогообложения и социальной защиты государства. Такая форма миграции питает теневой сектор экономики, провоцирует обострение общественных конфликтов на этнической почве, несет в себе угрозу ухудшения криминогенной и эпидемиологической обстановки и способствует возникновению ксенофобии и радикальных националистических течений. До настоящего времени в России не выработана целостная государственная политика, направленная на комплексное решение проблем незаконной миграции и эффективное управление миграционными процессами в целом. Учитывая масштабы нелегальной миграции, следует принять незамедлительные меры по борьбе с этим крайне негативным явлением. Ведь от того, как будут развиваться миграционные процессы в будущем, зависит не только политическая стабильность и территориальная целостность нашей страны, но и социальное и экономическое развитие, уровень жизни населения и реализация национальных интересов.

Ахмедьянова А.С.
студент Башкирского государственного университета
Булатова А.И.
к.соц.н., доцент кафедры «Финансы и налогообложение» Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г. Уфа

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВНЫХ БАНКОВСКИХ РИСКОВ КАК ФАКТОР ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Ключевые слова: *банковский риск, факторы возникновения рисков, виды банковских рисков, методы регулирования банковских рисков.*

Понятие риска характерно для любой сферы деятельности, в том числе и банковской. Риск для кредитной организации может повлечь за собой реальные финансовые потери: увеличение расходов, сокращение прибыли, уменьшение капитала, и, в конечном счете, потерю ликвидности, невозможность продолжать деятельность и отвечать по своим обязательствам перед клиентами.

Центральный Банк Российской Федерации Письмом от 23.06.2004 г. № 70-Т «О типичных банковских рисках» под банковским риском определяет присущую банковской деятельности возможность или вероятность понесения кредитной организацией потерь и/или ухудшения ликвидности вследствие наступления неблагоприятных событий[1].

Неблагоприятные события, в свою очередь, возникают под воздействием факторов, которые можно разделить на 2 большие группы: внутренние факторы и внешние факторы.

Внутренние факторы возникают в результате деятельности коммерческой организации и напрямую зависят от нее. К внутренним факторам можно отнести характер проводимых банком операций, сложность организационной структуры, несовершенство управления коммерческой организации, уровень квалификации служащих, текучесть кадров и другие.

Внешние факторы – неблагоприятные события, происходящие во внешней среде, напрямую не зависящие от деятельности коммерческой организации. Это могут быть глобальные события, например: экономические, политические, социальные кризисы и потрясения, стихийные бедствия. Давление со стороны конкурентов, недостаток или полное отсутствие разного рода информации, аварии, грабежи также способны поставить под угрозу нормальную деятельность коммерческой организации.

В официальных актах ЦБ РФ, в частности, в Письме ЦБ РФ от 23.06.2004 г. № 70-Т «О типичных банковских рисках» не проводится конкретного разделения рисков на группы. Центральный Банк выделяет 8 типичных банковских рисков, а именно:

1) Кредитный риск;
2) Страновой риск (включая риск неперевода средств);
3) Рыночный риск (включая фондовый, валютный, процентный риски);
4) Риск ликвидности;
5) Операционный риск;
6) Правовой риск;
7) Репутационный риск;
8) Стратегический риск.

Кредитный риск определяется ЦБ РФ как риск возникновения убытков вследствие неисполнения, несвоевременного либо неполного исполнения должником финансовых обязательств в соответствии с условиями договора. Возникает вследствие неисполнения обязательств по различным сделкам.

Страновой риск (включая риск неперевода средств) – риск возникновения убытков в результате неисполнения иностранными контрагентами (юридическими, физическими лицами) обязательств. Среди основных причин, вызывающих данный вид риска, можно назвать: экономические, политические, социальные изменения, недоступность валюты денежного обязательства из-за особенностей национального законодательства.

Рыночный риск – риск возникновения убытков вследствие неблагоприятной динамики движения рыночных цен вследствие изменения рыночной стоимости финансовых инструментов торгового портфеля и производных финансовых инструментов кредитной организации, изменения курсов иностранных валют и (или) драгоценных металлов.

Рыночный риск включает в себя фондовый, валютный и процентный риски.

[1] Письмо Центрального Банка Российской Федерации от 23.06.2004 г., № 70-Т «О типичных банковских рисках» // Вестник Банка России. – 2004. – №38 (762).

Фондовый риск – риск убытков вследствие неблагоприятного изменения рыночных цен на фондовые ценности, например на ценные бумаги, в т.ч. закрепляющие права на участие в управлении, а также производные финансовые инструменты[1].

Валютный риск – риск убытков вследствие неблагоприятного изменения курсов иностранных валют и (или) драгоценных металлов. Основная причина возникновения валютного риска – неблагоприятное изменение цен по открытым кредитной организацией позициям в иностранных валютах и (или) драгоценных металлах.

Процентный риск – риск возникновения финансовых потерь (убытков) вследствие неблагоприятного изменения процентных ставок по активам, пассивам и внебалансовым инструментам кредитной организации.

Риск ликвидности – риск убытков вследствие неспособности кредитной организации обеспечить исполнение своих обязательств в полном объеме. Может возникнуть вследствие несбалансированности финансовых активов и финансовых обязательств кредитной организации, в том числе несвоевременного исполнения финансовых обязательств одним или несколькими контрагентами кредитной организации или в случае необходимости немедленного и единовременного исполнения кредитной организацией своих финансовых обязательств.

Операционный риск – риск возникновения убытков в результате несоответствия характеру и масштабам деятельности кредитной организации и (или) требованиям действующего законодательства внутренних порядков и процедур проведения банковских операций и других сделок.

Правовой риск – риск возникновения у кредитной организации убытков вследствие несовершенства правовой системы и (или) несоблюдения кредитной организацией и(или) контрагентами нормативных требований и правовых актов.

Репутационный риск – риск возникновения убытков в результате уменьшения числа клиентов. Как правило, такой тип риска возникает вследствие формирования в обществе негативного представления о финансовой устойчивости кредитной организации, качестве оказываемых ею услуг или характере деятельности в целом.

Стратегический риск – риск возникновения у кредитной организации убытков в результате ошибок допущенных при принятии решений, определяющих стратегию деятельности и развития кредитной организации: неучет или недостаточный учет возможных опасностей, которые могут угрожать деятельности кредитной организации, неправильное или недостаточно обоснованное определение перспективных направлений деятельности, отсутствие или обеспечение в неполном объеме необходимых ресурсов и организационных мер[2].

ЦБ РФ проводит ежегодный мониторинг ситуации, касающейся банковских рисков. Согласно регулярно публикуемому Отчету о развитии банковского сектора и банковского надзора ЦБ РФ, в 2015 году уровень кредитного риска в значительной степени определялся качеством портфеля корпоративных кредитов, на долю которых на 01.01.2016 г. приходилось 75,7% общего объема кредитов экономике.

Величина рыночного риска банковского сектора в 2015 году выросла на 41,1%, а его доля в общей величине рисков банковского сектора увеличилась до 5,4% 01.01.2016 г. Наибольший удельный вес (78,2% на 01.01.2016 г.) в структуре рыночного риска приходился на процентный риск. Удельный вес фондового риска в структуре рыночного риска за 2015 год снизился с 10,3 до 7,5%, доля валютного риска возросла с 10,2 до 14,4%.

Говоря о риске ликвидности, стоит отметить, что соотношение средней величины наиболее ликвидных активов со средней величиной совокупных активов банковского сектора повысилось до 8,0% в 2015 г. Более 30% наиболее ликвидных активов приходились на средства на депозитных и корреспондентских счетах кредитных организаций в Банке России. Существенное влияние на нормализацию ситуации с ликвидностью в 2015 году оказало принятие Правительством Российской Федерации и Банком России мер по увеличению максимальной суммы компенсации в рамках системы страхования вкладов, предоставлению валютной ликвидности банкам[3].

Основной задачей, которую призвано решать регулирование рисков, является поддержание приемлемых соотношений прибыльности с показателями безопасности и ликвидности. Как правило, наличие высокого риска означает и возможность получить большой доход от банковской операции. И наоборот, чем ниже риск, тем ниже доходность операции. Каждый банк разрабатывает свою собственную стратегию управления рисками и реализует ее через конкретные мероприятия для контроля той или иной операции.

К наиболее распространенным методам регулирования банковских рисков относятся:

– Резервирование

– Лимитирование концентрации риска;

– Хеджирование;

– Диверсификация;

– Секьюритизация;

Резервирование – банк формирует собственные средства и обязательные резервы на возможные потери по ссудам.

Лимитирование концентрации риска – это установление лимита по операциям, риск по которым находится в зоне среднего или полного риска. Лимитирование реализуется путём установления нормативов, которые ограничивают величину вложения средств по кредитным и другим операциям банка. В ходе текущей деятельности банка могут разрабатываться следующие лимиты: индивидуальные лимиты на контрагентов, лимит по банковским продуктам, лимит на величину убытка.

---

[1] Письмо Центрального Банка Российской Федерации от 23.06.2004 г., № 70-Т «О типичных банковских рисках» // Вестник Банка России. – 2004. – №38 (762).

[2] Там же.

[3] Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2015 году – М., 2016.

Хеджирование риска – это система проведения сделок и операций, позволяющих ликвидировать последствия рисковой операции. Таким образом, банку удается свести к минимуму возможные потери от проведения двух рисковых операций. В ходе хеджирования, однако, банком не будет получена дополнительная выгода от одной из операций, т.к. она используется для ликвидации негативных последствий другой. Данный метод регулирования риска эффективен для снижения рыночных рисков.

Диверсификация риска представляет собой процесс распределения капитала между различными активами, которые непосредственно не связаны между собой. Она является наиболее обоснованным и относительно менее затратным способом снижения степени риска. Диверсификация позволяет минимизировать в определённой степени и отдельные виды рисков – валютного, процентного и некоторых других.

Секьюритизация – эмиссия и последующая продажа ценных бумаг, обеспеченных банковскими активами. С помощью данного метода можно решить проблему риска невозврата средств[1].

Таким образом, регулирование рисков играет важнейшую роль в банковской сфере деятельности. Риск присутствует в любой операции, проводимой коммерческими банками, и основная задача банков в данной области состоит в правильной оценке всех возможных выгод, затрат и проведении эффективных мероприятий для сведения негативных последствий к минимуму, ведь именно от эффективного регулирования зависит текущее и будущее успешное функционирование любой кредитной организации.

[1] Подколзина Э.А., Кузьмичева И.А. Система управления банковскими рисками // Science Time. 2014. – № 12(12). – С. 415–421.

Бессонова Г.Б.
к.и.н., доцент, Саратовский социально-экономический институт (филиал РЭУ)

СТРАХОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РИСКОВ В БИЗНЕСЕ

Ключевые слова: *страховая защита, финансовые риски, промышленное страхование, страхование банковских рисков, сюрвейерский осмотр, комплексная защита банковских рисков, страховой продукт, страхование депозитов, андеррайтинг.*

С древних времен хозяйственная деятельность человека была связана с определенными рисками, уровень которых зависел от способности человека прогнозировать политическую и экономическую ситуацию, выбирать партнеров по бизнесу, умения реагировать на рыночную конъюнктуру и принимать соответствующие превентивные меры. Но предусмотреть все в неожиданной ситуации невозможно, и всегда существует риск каких-либо убытков или неполучения планируемой прибыли. Страхование является тем важнейшим инструментом, который позволяет защитить и предупредить все возможные экономические риски, которым подвержены юридические и физические лица, занимающиеся бизнесом.

Главной причиной возникновения страховых отношений, таким образом, следует считать рискованный характер общественного производства, где субъекты рынка осуществляют свою деятельность в условиях вероятности наступления событий, результатом которых могут быть различного рода убытки и потери. Следует учитывать, что российская экономика в целом является трансформирующейся, то есть развивающейся и видоизменяющейся в новых для нее рыночных условиях. В экономиках такого типа уровень неопределенности значительно выше, чем в стабильных экономиках стран Запада.

Следует заметить, что рынок страхования предпринимательских рисков в России находится в начальной стадии развития. Значительные колебания конъюнктуры рынка в России, инфляционные процессы, налоговая нестабильность, санкционные меры, колебания курса валют обусловливают возрастающий интерес к страхованию как к эффективному инструменту управления финансовыми рисками и способу защиты имеющегося уровня доходов. Как было отмечено автором в предыдущих публикациях, «В России, где более 90% рисков не имеют страховой защиты, формирование системы промышленного страхования является одним из важнейших инструментов стабилизации экономического положения предприятия и развития сферы материального производства»[1].

Особое место в структуре рынка услуг страхования принадлежит страхованию банковских рисков. Банки, прежде всего, заинтересованы в таких страховых продуктах, которые защищают их кредитные ресурсы. Сначала российские страховые компании предлагали банкам страхование риска от непогашения кредитов. Но в результате они сами стали заниматься несвойственным им делом – были вынуждены страховать не непредвиденные события, а преднамеренные действия заемщиков по невозврату кредитов.

Результатом стало увеличение претензий к страховым компаниям по подобным рискам, урегулирование которых затягивалось на годы. Кроме того, в случае страхования риска непогашения кредита, погасив задолженность заемщика перед банком, страховщик в регрессном порядке предъявлял их заемщику. Таким образом, заемщик оставался незащищенным в финансовом плане независимо от причины, помещавшей ему выполнить обязательства перед банком. Разумеется, это не устраивало обе стороны, и возникла необходимость заменить данные виды страхования более адекватным продуктом, отвечающим интересам как банка, так и заемщика.

На Западе, например, каждый банк заключает договор комплексного страхования банковских рисков – Bankers Blanket Bond (BBB), где объектом страхования является имущественный интерес банка, связанный с владением, пользованием и распоряжением имуществом, а также с денежными средствами, ценными бумагами и прочими вещами, переданными банку на хранение его партнерами и клиентами. Также полис BBB предоставляет защиту от риска повреждения имущества, приема фальшивых банкнот и риска мошенничества со стороны персонала. Но этот полис не предусматривает покрытия, например, от огневого и некоторых других видов риска.

Что касается России, то банкиры до начала XXI века, практически не проявляли никакого интереса к страхованию собственных рисков. Но, проведенные исследования в 2015 году, выявили, что интерес к страхованию значительно вырос и отсутствует примерно у 7% банкиров[2].

Но наличие интереса к страхованию у банкиров не выявило увеличения специального спроса на страховые продукты данного вида. Развитию банковского страхования в России, в частности, мешает помимо стоимости необходи-

[1] Бессонова Г.Б. Инновационные методы предупреждения рисков в бизнесе современного общества // Менеджмент инновационного развития бизнеса: социально-экономические аспекты: колл. монография (В.В. Даньшина, А.И. Семенов и др.). – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2015. – С. 124.

[2] Страхование в России // Страхование сегодня. – www.insur-infa.ru

мость организации специального сюрвейерского осмотра и исследования, которое вызывает негативную реакцию банковских служб безопасности. Часто возражения состоят в том, что сюрвейер после проведения осмотра будет знать все секреты организации безопасности банка и может выдать секреты конкурентам.

Сегодня далеко не каждый банк в России спешит заключить договор страхования по программе ВВВ, ориентированной на комплексную защиту банковских рисков. Нет пока, и страховщиков, которые специализируются исключительно на предоставлении услуг банкам. Кроме этого, законодательная база российского страхования должна быть приведена в соответствие с новыми реалиями современного рынка страховых услуг[1].

С момента возникновения банковского дела нестабильность, вызванная банкротством отдельных банков, массовым изъятием вкладов, риском, сопряженным с проводимой банком политикой частичного резервного покрытия, объективно подталкивала государство к совершенствованию методов регулирования банковского дела. Таким образом, государство пытается защитить вкладчиков от финансовых потерь и минимизировать для экономики последствия банкротства банков. Государство пытается обеспечить надежность банковской системы при помощи следующих мер: 1) осуществление государственного надзора за деятельностью банков; 2) ограничение банковских операций законодательным путем; 3) страхование депозитов.

В мировой практике под депозитом понимаются денежные средства или ценные бумаги, отданные на хранение в финансово-кредитные или банковские учреждения. Именно депозиты считаются основным источником банковских ресурсов. Поэтому очень важно для обеспечения стабильного функционирования банковской системы любого государства развивать механизм поддержки жизнеспособности банков – систему страхования депозитов (ССД). Отсутствие такой защиты ставит банковскую систему под угрозу краха. Специалисты считают, что ССД призвана выполнять две функции: финансовую поддержку банков (кредитных учреждений), оказывающихся на грани банкротства и защиту вкладчиков от полной потери их вкладов или депозитов в случае финансовых затруднений у банка. Как показывает международная практика, эффективно функционирующая ССД, дает следующие результаты:

1) гарантирует определенный запас прочности своим членам и всей банковской системе (является инструментом предотвращения кризиса банковской ликвидности);

2) обеспечивает гарантии вкладчикам (прежде всего мелким) и предотвращает их разорение даже в случае банкротства банка;

3) увеличивает степень доверия вкладчиков к банковской системе и ее элементам;

4) создает механизм разделения рисков между основными субъектами банковской системы;

5) дает возможность, с точки зрения общеэкономических интересов, для проведения процедур банковских банкротств (когда это необходимо);

6) позволяет членам ССД приступить к работе с населением, становясь более универсальной.

Подобные системы имеются практически во всех странах с развитой рыночной экономикой. Первая из них – федеральная корпорация по страхованию депозитов была создана в США в 1934 году, аналогичная организация в Канаде в 1967 году, в Японии в 1971 году, в ФРГ в 1982 году, во Франции в 1980 году, в Великобритании в 1982 г. Следует отметить, что решение о создании системы страхования депозитов обычно принимали в период кризисов национальной банковской системы[2].

В нашей стране в соответствии с Федеральным законом от 23 декабря 2003 года № 177 – ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» организована своя система страхования депозитов – система страхования вкладов (ССВ) физических лиц. Несмотря на то, что страхование вкладов распространяется только на физических лиц, для участия в этой системе любая кредитная организация проходит серьезную проверку со стороны ЦБ РФ, входе которой оцениваются капитал банка, активы, доходность, а также качество управления[3].

С момента принятия закона максимальная сумма выплат по вкладам при наступлении страхового случая для вкладчиков составляла 700 тысяч рублей. Однако в декабре 2014 Совет Федерации утвердил внесенные Госдумой изменения в настоящий Федеральный закон. А именно: в статью 11 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» в части 2 «слова 700 000 рублей» заменили словами « 1 400 000 рублей»; в части 3 первое предложение изложили в следующей редакции: «Если вкладчик имеет несколько вкладов в одном банке, возмещение выплачивается по каждому из вкладов, пропорционально размерам, но не более 1 400 000 рублей в совокупности».

В целях поддержания стабильности банковской системы и защиты интересов вкладчиков кредиторов были также внесены соответствующие изменения в статью 46 Федерального закона от 10 июля 2002 г. №86-ФЗ « О центральном банке Российской Федерации (Банке России).

Таким образом, можно сказать, что в нашей стране властные структуры государства развивают и совершенствуют механизм защиты банковской системы в интересах всего общества.

Но следует сказать, что на сегодняшний день в России существует достаточно проблем в деятельности страховых компаний, что существенно препятствует развитию современного бизнеса. Страховщики традиционно не любят страховать предпринимательские риски, что вызывает нарекания многих потенциальных клиентов – банков, желающих минимизировать свои кредитные риски.

Конечно, договоры по страхованию кредитов заключаются, но широкого распространения они не имеют до сих пор. Отчасти это связано с трудностями андеррайтинга кредитных рисков, а впоследствии и с перестрахованием. Этим

---

[1] Исследования рынка // Банкир. – www.bankir.ru

[2] Ермасов С.В., Ермасова Н.Б. Страхование / С.В. Ермасов, Н.Б. Ермасова. – М.: Высшее образование, 2008. – С. 397.

[3] Новости страхования / Всероссийский Союз страховщиков. – www.uns-union.ru

видом страхования занимается небольшое число страховых компаний, причем некоторые их них предоставляют услуги весьма выборочно, не давая никаких сведений об объемах своей деятельности и собственного капитала.

В незначительных объемах финансовые и коммерческие риски, в том числе и кредитные риски, страхуют многие, но при этом данные страховщики специализируются на иных видах страхования. Исследования центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ показали, что сегодня из 10% страховых компаний, которые занимаются этим видом страхования, только 20% объема приходится на долю страхования финансовых рисков[1].

Таким образом, сложные виды страхования, востребованные потенциальными страхователями, но требующие специальных знаний по объектам страхования, пока мало привлекают российских страховщиков.

[1] Итого 2014 года на страховом рынке: трудности выживания / Рейтинговое агентство «Эксперт РА». – www.raexpert.ru

Буквич Р.М.
профессор экономики, научный советник, Географический институт «Йован Цвиич», Белград
r.bukvic@mail.ru
Павлович Р.Ж.
профессор экономики, Университет «Джон Несбит», Белград
rpavlovic@megatrend.edu.rs

СОВРЕМЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ БУХУЧЁТ КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: *корпоративное управление, бухучёт, отчёт о денежных потоках, финансовые анализы.*

Введение

В современных условиях в странах бывшего социалистического строя большинство предприятий, крупных и значимых для национальных хозяйств, являются акционерными обществами. В отличие от экономически развитых стран, здесь эти предприятия возникли не «природным» путём, а превращением ранее существовавших и работавших государственых компаний в частные. В этом процессе использовались различные методы, но для конечного результата – установление новой собственнической, частной структуры их экономик – они не имели существенного различия и значения.

Метод возникновения современных корпораций и отсутствие традиций оказали и всё ещё оказывают существенное влияние на их хозяйственную деятельность. К тому же государственное регулирование нередко этому если и не мешало, но по меньшей мере и не способствовало. Частые изменения законов и других, их сопровождающих, актов, конечно, являлись неблагоприятными обстоятельствами для компаний. Кроме макроэкономического окружения это относится в таком же смысле и в такой же степени и к внутренним характеристикам и условиям самых компаний, в общем-то к сложной проблеме корпоративного управления.

Современный финансовый и управленческий бухучёт как основа и поддержка корпоративного управления

Экономика Сербии серьёзно пострадала в трансформационный период, и особенно в результате агрессии стран НАТО в 1999 году. Промышленность была разрушена, и теперь ещё объемы промышленной продукции не достигают 50 % от производимой продукции в начале 90-х годов прошлого столетия. ВВП уже десяток лет не достигает 2/3 ВВП того же периода, рынки утеряны, техника и технологии физически и морально устарели, страна имеет большие долги у иностранных финансовых организаций[1]. Мы не касаемся вопросов, как и почему это произошло[2], наше внимание направленно на последствия всего этого и на (возможные) перспективы восстановления экономики и промышленности Сербии. Продвижение сербских предприятий не только на прежние, но и на новые рынки происходит намного сложнее чем предполагалось. Кроме макроэкономических (неблагоприятных) обстоятельств, этому в немалой степени способствуют и внутренние обстоятельства в самых компаниях, в том чиле и неэффективное корпоративное управление.

Конечно, для совершенствования корпоративного управления недостаточно обеспечить законодательную основу, сколь хорошей бы она была, или могла быть. Сами компании должны позаботиться о качестве корпоративного управления и создать необходимые для этого условия. Одной из основных предпосылок для этого является хороший бухучёт и основанная на нем качественная аналитика. Именно этой проблеме, не столь часто рассматриваемой в современной литературе о корпоративном управлении[3], мы посвятили настоящий доклад.

Требования к качественному финансовому бухучёту, конечно, не являются чем-то новым. Это всегда было непременным условием хорошего бизнеса. С усложнением фирм, бизнеса эти требования ужесточились. Но паралельно с этим всегда происходили и процессы тому противоречащие – появлялись преднамеренные или случайные подмены, даже фальшивые отчёты. После так называемой менеджерской революции понятие (не)качественного или неточного бухгалтерского учёта приняло несколько иной вид и значение. «Жертвой» некачественного и неточного учёта теперь может стать и собственник компании, даже тогда, когда он сам осознаёт важность точного баланса.

---

[1] Подробный анализ этих процессов и их результатов дан одним из авторов в нескольких работах, см.: Буквич, 2011; Bukvić, 2013.

[2] Из немногочисленных работ, посвящённых данной проблеме, можно рекомендовать работы Й.Б. Душанича, например (Душанић 2008). См. также работу одного из авторов этого доклада – Bukvić, 2010.

[3] См., например, Bushman & Smith 2001; Graham et al. 2005.

Конечно, поскольку составление баланса (отчёта) не является самоцелью – оно должно предоставлять основания для качественного управления, а сам бухучёт и анализы на нём обоснованные должны удовлетворять определённым требованиям. То есть они должны обосновываться на достижениях современной науки и практики. Отчасти это обеспечивается законами и другими актами государства, прежде всего это относится к самому процессу составления отчётов. Но, и здесь существует определённая возможность для принятия самостоятельных решений – существует бухучётная политика, которую выбирает само предприятие, т.е. его менеджмент. Однако аналитика, подготавливаемая на основе отчётов – это область, целиком лежащая в компетенции компании и её менеджеров. Именно здесь лежат большие возможности для современных корпораций. Возможности, которые, к сожалению, не всегда используются.

Этим проблемам авторы посвятили ряд исследований и уже несколько работ[1]. Именно, современный бухгалтерский учёт в последние несколько десятилетий сделал сдвиг от баланса и отчёта о прибылях и убытках к учету денежных потоков. Последние даже стали обязательной частью бухгалтерских отчётов, начиная с 1987 года. Паралельно с этим, в течение 1990-х и позднее, осуществлялись разработки новых методик для анализа этих отчётов, учитывая именно акцент на денежные потоки[2]. Но, к сожалению, возможности, которые дают отчёты о денежных потоках пока недостаточно используются.

В своих работах, основанных на подходе, разработанном одним из авторов этого доклада[3], мы постарались исследовать различия в результатах, получаемых с помощью традиционных и современных методик анализа бухгалтерских отчётов. Рассматривая факторы платёжеспособности и внутренней инвестиционной способности с применением статистического метода дисперсионного анализа мы показали, что эти результаты имеют систематический характер. Другими словами, между аналитическими подходами, основанными на традиционных отчётах (балансовый отчёт и отчёт о прибылях и убытках) и подходами, основанными на отчётах о денежных потоках, существуют существенные различия, причем для финансовой аналитики более перспективным является использование данных о денежных потоках.

Заключение

Развитие и совершенствование корпоративного управления не надо связывать только с государственным регулированием, хотя оно воистину один из важнейших факторов его эффективности. Эта сторона проблемы проявляется в законах и других, их сопровождающих актах государства. Но, есть и другая сторона, относящаяся к самим компаниям и их менеджерам. Она выражается в инициативности самых корпораций, которая должна проявляться и в области бухгалтерского учёта как на уровне менеджмента, так и на уровне собственников (акционеров) или органов, которым доверено контролировать менеджеров. В отличие от менеджеров, собственники (акционеры) не должны нанимать экспертов, которые стремятся составлять желаемые отчёты и приукрашать соответствующую аналитику.

Список литературы

1. Беговић Б., Бисић М., Ђулић К., Живковић Б., Јоловић А., Мијатовић Б. Корпоративно управљање: пет година касније. – Београд: Центар за либерално-демократске студије, 2008. – 204 с.
2. Беговић Б., Буквић Р., Живковић Б., Мијатовић Б., Хибер Д. Унапређење корпоративног управљања. – Београд: Центар за либерално-демократске студије, 2003. – 179 с.
3. Буквич Р.М. Трансформационный кризис экономики Сербии // Вестник Международного института менеджмента ЛИНК. 2011. – № 27. – 241–261.
4. Буквич Р., Павлович Р. Динамический подход к анализу платежёспособности предприятия // Проблемы теории и практики управления. 2014. – № 3. – С. 86–93.
5. Душанић Ј.Б. Бећарска економија. – Београд: Београдска пословна школа, 2008.
6. Кодекс корпоративног управљања. // Службени гласник РС. 2012. – № 99.
7. Павловић Р.Ж. Динамички аспект финансијске анализе на бази токова готовине са посебним освртом на значај њене примене у Републици Србији, докторска дисертација, Универзитет Привредна академија Нови Сад. – Београд: Факултет за менаџмент малих и средњих предузећа, 2012.
8. Bukvić R. The Other Canon Against Washington Consensus: Re-Industrialization as a Condition for Revival and Development // 8th International Conference Forces Driving the Revival of the Companies and Economy, 3 December 2010, Proceedings. – Belgrade: Megatrend University, 2010. – P. 267–276.
9. Bukvić R. Transition in Serbia: Foundations, Results and Perspectives // ICES 2013, 4th International Conference on European Studies, Social, Economic and Political Transition of the Balkans, Tirana, 8–9 November 2013, Conference Proceedings. – Tirana: Epoka University, 2013. – P. 556–572.
10. Bushman R., Smith A.J. Financial accounting information and corporate governance // Journal of Accounting and Economics. 2001. – Vol. 32, N 1–3. – P. 237–333.
11. Graham J.R., Harvey C.R., Rajgopal Sh. The economic implications of corporate financial reporting // Journal of Accounting and Economics. 2005. – Vol. 40, N 1–3. – P. 3–73.
12. Kamal M.M., Quader M.S. Cash Flow Ratio Versus Traditional Ratio for Financial Measure of Management: A Comparative Analysis of Three British Retail Companies // The Cost and Management. 2010. – Vol. 38, N 6, November-December. – P. 39–41; 2011. – Vol.39, N 1. – P. 29–34.
13. Pavlović R.Ž., Bukvić R.M., Gajić A.M. (2016) Internal Sources of Financing Companies on the Basis of Static and Dynamic Indicators: Comparative Analysis // SIM 2015 / 13th International Symposium in Management, Management During and After the Economic Crisis, 9–10 October 2015, Universitatea Politehnica din Timişoara, Timişoara, Romania, Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2016. – Vol. 221. – P. 270–277.

[1] См.: Буквич и Павлович, 2014; Pavlović et al., 2016.

[2] Kamal, M.M. & M.S. Quader, 2010; 2011.

[3] Павловић, 2012.

Быков А.А.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики и управления Белорусского государственного экономического университета
aliaksei.bykau@yandex.ru
Горлова О.А.
к.э.н., доцент Мытищинского филиала МГТУ
o-nil@mail.ru
Хвалько Т.В.
консультант Управления экономики инновационной деятельности Министерства экономики Республики Беларусь
viexost@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ТАБЛИЦ «ЗАТРАТЫ-ВЫПУСК» В ОБОСНОВАНИИ ПРИОРИТЕТОВ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: *добавленная стоимость; сбалансированный экономический рост; структурная политика государства; таблицы «затраты-выпуск».*

Постановка проблемы

Структурная политика как важное направление макроэкономической политики государства определяет направления целенаправленных изменений отраслевой структуры национальной экономики на основе выбора приоритетных для обеспечения ускоренного экономического роста видов деятельности, а также тех видов деятельности, рост которых менее желателен. Структурную политику государства не следует отождествлять со структурными реформами, которые в переходных экономиках предполагают по большей части формирование системы рыночных институтов и снижение участия государства в регулировании экономической деятельности. Более того, некоторые исследователи фактически противопоставляют структурную политику государства структурным реформам, поскольку последние должны привести к «…созданию свободной структуры экономики, которая формируется не под влиянием теорий, предпочтений и умозаключений, а из рыночной практики эффективности экономической деятельности»[1]. Таким образом, в процессе формирования свободной структуры экономики, названном Й. Шумпетером «созидательным разрушением», происходит естественный отбор наиболее жизнеспособных фирм под влиянием рыночной конкуренции.

Не углубляясь в дискуссии по поводу оправданности формирования «свободной структуры экономики», либо необходимости осуществления государственной структурной политики, следует подчеркнуть, что в любом случае государству требуется проводить мониторинг структурных изменений национальной экономики. Он предполагает постоянный контроль динамики структурных сдвигов и прогнозный анализ перспективных изменений в отраслевой структуре. Подобная информация востребована как в случае централизованно осуществляемой структурной политики на основе индикативных прогнозов и прямого бюджетного финансирования, так и при косвенном регулировании экономической деятельности отраслей с применением инструментов денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, что подтверждено практикой передовых стран.

Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. (глава 5) установлен приоритет сбалансированного развития, ключевыми условиями которого определены бездефицитный платежный баланс и бюджет при снижении валового внешнего долга и инфляции[2]. И если предположить, что ускоренное развитие определенных отраслей приводит к увеличению торгового дисбаланса и, соответственно, внешнего долга, а развитие других отраслей, наоборот, сокращает данный дисбаланс, то одной из главных задач структурной политики становится регулирование темпов роста отраслей экономики, направленное на достижение положительного внешнеторгового сальдо. Вопросы в следующем:

– действительно ли отрасли (виды деятельности) в белорусской экономике существенно дифференцированы по вкладу в сальдо внешней торговли?

– есть ли доступный инструмент для оценки взаимосвязи между изменениями создаваемой в отраслях добавленной стоимости и ее вкладом в результат внешней торговли?

---

[1] Рудый К.В. Структурные экономические реформы: необходимость для Республики Беларусь и зарубежный опыт // Белорусский экономический журнал. 2015. – № 1. – С. 30–41.

[2] Указ Президента Республики Беларусь от 15.12.2016 № 466 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 27.12.2016, 1/16792.

Отвечая на второй вопрос, сразу же заметим, что таким инструментом является межотраслевой баланс (таблицы «затраты-выпуск»). Его применение, при наличии соответствующей методики, гипотетически позволяет дифференцировать отрасли по вкладу в результат внешней торговли. Особенности создания и результаты применения данной методики представлены в настоящей работе.

Краткое описание предложенной методики на основе анализа таблиц «затраты-выпуск»

Таблицы «затраты-выпуск» представляют мощный инструмент экономического анализа, который позволяет оценить межотраслевые взаимосвязи в разрезе основных макроэкономических показателей. До 1990-х гг. они широко использовались в макроэкономическом анализе и прогнозировании, но затем, по-видимому, были отнесены к инструментам плановой экономической системы и стали применяться значительно реже. В итоге число специалистов, использующих таблицы «затраты-выпуск», сократилось, и в Беларуси осталось не так много ученых, досконально ими владеющих[1].

Однако в последнее время наблюдается возрождение интереса научной общественности, в том числе молодых специалистов, к данному инструментарию, во многом благодаря его высокой популярности за рубежом, особенно в передовых странах. Такая популярность стала результатом развития методологии анализа международной торговли добавленной стоимостью, когда объемы экспорта и импорта стали оцениваться не в ценах товаров и услуг, а по добавленной стоимости, которую каждая страна покупает и продает, производит и потребляет в процессе международной кооперации.

Основы методологии статистического учета международной торговли добавленной стоимостью были опубликованы в научных работах во второй половине 1990-х гг., а с 2011 г. международные организации, как ЮНКТАД, Евростат, ОЭСР, ВТО, запустили онлайн-сервисы с доступом к базам данных, в которых создаваемая и потребляемая в мире добавленная стоимость распределена по странам и отраслям. Разработанная методология базируется на взаимосвязанных таблицах «затраты-выпуск» для каждой страны и предполагает применение набора показателей, отражающих степень интеграции страны в глобальные цепочки стоимости на основе соотношения собственной и импортируемой добавленной стоимости в валовом экспорте и конечном спросе[2].

Одним из ключевых индикаторов в оценке торговли добавленной стоимостью является показатель «добавленная стоимость национального происхождения в экспорте», рассчитываемый на основе коэффициентов прямых затрат (матрицы Леонтьева) с применением специальной рекурсивной процедуры[3]. Показатель позволяет оценить долю добавленной стоимости в валовом выпуске конечной продукции не только данной отрасли, но и других связанных отраслей, интегрированных в производственную цепочку в рамках национальной экономики.

Применение данного показателя позволяет разделить произведенную валовую добавленную стоимость на две части как в целом по национальной экономике, так и в разрезе отдельных отраслей:

– на валовую добавленную стоимость в экспорте продукции;

– на валовую добавленную стоимость, созданную за счет продаж на внутреннем рынке в составе конечной продукции, использованной для конечного потребления и валового накопления.

С другой стороны, совокупный спрос на внутреннем рынке может быть оценен в стоимости потребленных товаров и услуг. Эта стоимость включает полную стоимость отечественных продуктов конечного потребления для внутреннего рынка, а также стоимость потребительского импорта. Стоимость отечественных продуктов конечного потребления, в свою очередь, можно разделить на добавленную стоимость национального происхождения и промежуточный импорт в составе продуктов. Таким образом, весь совокупный спрос на внутреннем рынке условно включает следующие компоненты:

– импорт конечной продукции;

– импорт промежуточной продукции во всей производственной цепочке в составе той части произведенной в национальной экономике конечной продукции, которая продана на внутреннем рынке;

– добавленную стоимость национального происхождения в составе отечественной конечной продукции, проданной на внутреннем рынке.

Далее введем два условия, в соответствии с которыми:

– допускается однородность продукции одной отрасли, потребляемой на внутреннем рынке в составе совокупного спроса, а также экспортируемой. Однородность означает одинаковую импортоемкость и, соответственно, равные доли добавленной стоимости национального происхождения в валовом выпуске;

– также допускается равнозначность оценок валовой добавленной стоимости по отраслям производственным методом и методом использования доходов.

В Беларуси основным методом оценки ВВП является производственный, метод же использования доходов содержит погрешности, возникающие в связи с тем, что чистые налоги не разнесены по отраслям. Следовательно, в дей-

---

[1] Кравцов М.К., Антаневич А.А. Прогнозирование важнейших показателей белорусской экономики на основе балансово-оптимизационной модели // Белорусский экономический журнал. 2015. – № 1. – С. 110–123.

[2] Быков А.А., Колб О.Д. Глобальные цепочки стоимости: эволюция, стратегии, перспективы для Беларуси // Современные формы организации бизнеса: международный опыт и перспективы развития в Беларуси. – Минск: Совет по развитию предпринимательства в РБ, 2017. – С. 97–123.

[3] Cappariello R. Domestic value added content of exports: a cross-country comparison for the major European economies // Proceedings of the 20th International Input-Output Conference. – Bratislava, 2012. – P. 5.

ствительности второе условие не будет выполняться полностью, и в дальнейших расчетах содержится погрешность. Однако если данной погрешностью пренебречь, то можно установить взаимосвязь между внешнеторговым сальдо и элементами ВВП, применив метод использования доходов для оценки совокупного спроса по национальной экономике и в разрезе ее отраслей.

В соответствии с данным методом, произведенная в экономике валовая добавленная стоимость равна сумме конечного потребления, валового накопления и чистого экспорта. Значит, величина чистого экспорта, как разница между экспортом и импортом, определяется равенством (1):

$$Э – И = ВДС – (КП + ВН) \quad (1),$$

где Э – экспорт, руб.;

И – импорт, руб.

ВДС – валовая добавленная стоимость, руб. (принимается равной ВВП, если пренебречь чистыми налогами);

КП – конечное потребление, руб.;

ВН – валовое накопление, руб.

Далее примем, что общая по экономике ВДС формируется из добавленной стоимости в экспорте и добавленной стоимости, созданной за счет продаж конечной продукции на внутреннем рынке. В свою очередь, совокупный спрос на внутреннем рынке, равный конечному потреблению и валовому накоплению, состоит из спроса на отечественную и импортную конечную продукцию. Отечественная конечная продукция включает как добавленную стоимость, так и промежуточный импорт. Учитывая сказанное, представим равенство (1) в виде формулы (2), которая связывает внешнеторговое сальдо с элементами добавленной стоимости и импорта:

$$Э – И = (ДСВ+ДСЭ) – (ДСВ+ИЕВ +ИКП) \quad (2),$$

где ДСВ – добавленная стоимость национального происхождения, созданная за счет продаж на внутреннем рынке, руб.;

ДСЭ – добавленная стоимость национального происхождения в экспорте, руб.;

ИЕВ – импортная составляющая отечественной конечной продукции, проданной на внутреннем рынке, руб.;

ИКП – импорт конечной продукции, руб.

Следует отметить несколько важных предварительных выводов, вытекающих из формулы (2) и характеризующих взаимосвязь внешнеторгового сальдо с элементами ВДС и ВВП:

1. Совокупный спрос на внутреннем рынке является, по сути, основным фактором роста импорта и наращивания внешнего долга в национальной экономике. С одной стороны, для удовлетворения потребностей внутреннего рынка импортируется готовая конечная продукция. Но даже если она замещается отечественной продукцией, импорт практически не может быть снижен до нуля, поскольку любой вид отечественной продукции содержит определенную долю промежуточного импорта.

3. Отсюда вытекает, что внешнеторговое сальдо не зависит от абсолютной величины добавленной стоимости в составе конечной продукции, реализуемой на внутреннем рынке (ДСВ): в формуле (2) данный показатель сокращается. Следовательно, для сбалансированного экономического роста более предпочтительно наращивать потребление отечественных продуктов с минимальной импортной составляющей. Такими продуктами, как правило, являются услуги.

2. Внешнеторговое сальдо не зависит от импортоемкости продукции, поставляемой на экспорт: в формуле (2) этот показатель отсутствует. Действительно, экспортируемая отечественная продукция состоит из добавленной стоимости национального происхождения и промежуточного импорта. При этом отток денежных средств из экономики на закупку промежуточного импорта в составе экспортируемого продукта компенсируется притоком денежных поступлений от экспорта данного продукта. Следовательно, даже при крайне высокой импортоемкости, экспортируемый продукт позволяет создать добавленную стоимость.

Анализ преобразования ресурсов в агрегированных цепочках добавленной стоимости

Формула (2) имеет, скорее, общетеоретический, описательный характер и не может применяться напрямую без предварительных расчетов, в частности, показателя импортной составляющей отечественной конечной продукции, проданной на внутреннем рынке (ИЕВ), а также составляющих добавленной стоимости национального происхождения (ДСЭ и ДСВ). Рассмотрим результаты расчета некоторых промежуточных показателей в разрезе отраслей экономики, которые получены по данным таблиц «затраты-выпуск» за 2014 г.[1]. Это последний доступный на момент данной публикации период, поскольку подготовка межотраслевого баланса составляет около двух лет.

Важной особенностью таблиц «затраты-выпуск», а также предлагаемой методики, является возможность выделения на базе отраслей (видов экономической деятельности), выпускающих конечную продукцию, агрегированных цепочек добавленной стоимости, описывающих потребление продукции смежных отраслей во всей производственной цепочке.

Разделим произведенную в стране валовую продукцию на две составляющих:

– добавленная стоимость национального происхождения всей производственной цепочки в составе конечной продукции отрасли;

– промежуточный импорт всей производственной цепочки в составе конечной продукции отрасли.

[1] Система таблиц «затраты-выпуск» Республики Беларусь за 2014 г. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 104 с.

Далее, сопоставим данные показатели в разрезе отраслей (видов экономической деятельности) с показателями добавленной стоимости каждой отрасли (без производственной цепочки), а также импорта промежуточной продукции. Подобное сопоставление при его графическом отображении характеризует преобразование одних видов продуктов в другие, в процессе движения национального продукта по стадиям производственного цикла.

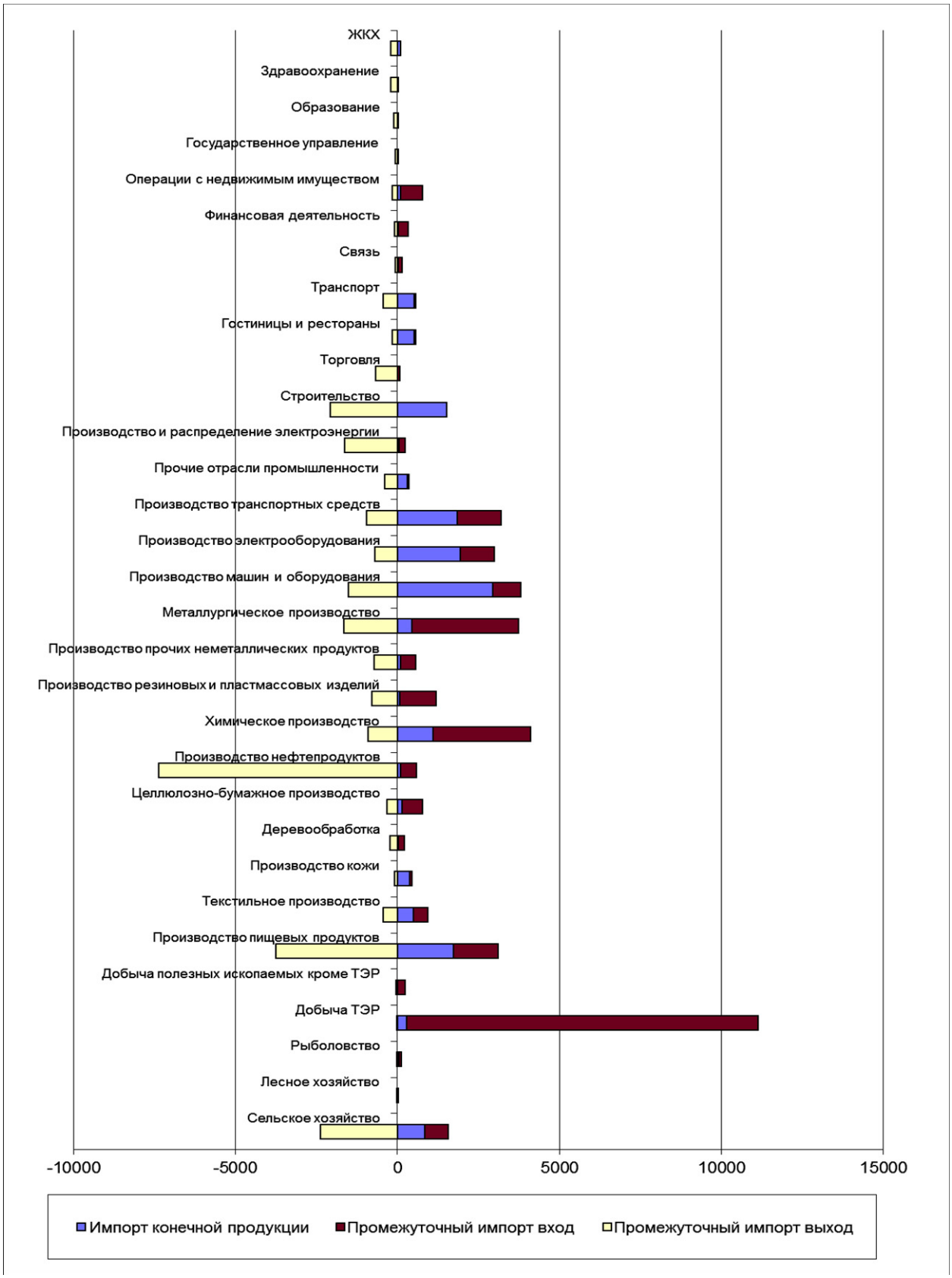


Рисунок 1.
Преобразование импортных первичных ресурсов, в долл. США по номинальному курсу, 2014 г.

На рис. 1 показано преобразование импортных первичных ресурсов в промежуточные продукты, при этом установлены следующие обозначения:

– весь импорт делится на промежуточный импорт и импорт конечной продукции, по отраслям. Импортируемая конечная продукция используется для удовлетворения совокупного спроса; на рисунке обозначена «импорт конечной продукции»;

– импортируемая первичная промежуточная продукция обозначена на рисунке как «промежуточный импорт – вход»;

– импортируемая первичная промежуточная продукция после преобразования становится промежуточными ресурсами для других отраслей экономики, которые обозначены на рисунке как «промежуточный импорт – выход»;

– в целом должно соблюдаться равенство между суммой импорта первичной промежуточной продукции, по всем отраслям, а также суммой импортных переработанных ресурсов, по всем отраслям («промежуточный импорт – вход» = «промежуточный импорт – выход»).

– особенности движения и преобразования импортных производственных ресурсов можно проследить на основании данных таблицы 3.12 межотраслевого баланса – «Структура промежуточного спроса на импортные товары и услуги по видам экономической деятельности (в процентах)».

Информация рис. 1 дает определенное представление о движении импортных ресурсов по отраслям белорусской экономики в процессе их преобразования, в частности:

– основным промежуточным ресурсом в белорусской экономике является минеральное сырье – нефть и природный газ – отнесенное к виду деятельности «добыча топливно-энергетических ресурсов». Оно преобразуется в отраслях «производство нефтепродуктов», а также «производство и распределение электроэнергии», затем электроэнергия потребляется другими отраслями;

– также импортируются первичные продукты химии и металлургии, которые после преобразования потребляются в различных отраслях экономики;

– в импорте конечной продукции ключевые позиции занимают продукты машиностроения – машины и оборудование, транспортные средства, электроника.

На рис. 2 показано преобразование добавленной стоимости в составе отечественной продукции: от отраслей, выпускающих промежуточную продукцию (обозначено как «ДС отрасли»), к отраслям, производящим конечную продукцию (обозначено как «ДС цепочки»). Отраслевые особенности движения добавленной стоимости по стадиям производственного цикла различных продуктов можно проследить на основании таблицы 3.11 межотраслевого баланса – «Структура промежуточного спроса на отечественные товары и услуги по видам экономической деятельности (в процентах)».

Показатель «Добавленная стоимость отрасли» не учитывает потребление промежуточной продукции и отражает только данную отрасль. Соответствующий показатель «Добавленная стоимость цепочки» включает как добавленную стоимость продукции отрасли, так и добавленную стоимость в составе потребленных данной отраслью промежуточных отечественных продуктов, т.е. в рамках всей производственной цепочки выпуска конечной продукции.

Соответственно, можно выделить «финальные» отрасли, производящие преимущественно конечную продукцию на базе использования компонентов других отраслей, и наоборот, те отрасли, которые выпускают преимущественно промежуточную продукцию:

– к первой группе относят, в соответствии с рис. 2, строительство, производство нефтепродуктов, производство пищевых продуктов;

– ко второй группе относят финансовую деятельность, торговлю, энергетику, сельское хозяйство.

Например, сельское хозяйство, используя в производстве собственные промежуточные продукты, а также продукты других отраслей, само выпускает промежуточные продукты, которые впоследствии используются в пищевой промышленности. В итоге продукты пищевой промышленности формируют цепочку добавленной стоимости, внутри которой находится сельское хозяйство и другие отрасли.

По информации рис. 2 можно ранжировать отрасли белорусской экономики по размеру создаваемой добавленной стоимости. Крупнейшей «промежуточной» отраслью является торговля, которая сама не создает конечный продукт, но осуществляет вклад в его создание в других отраслях. Крупнейшей «конечной» отраслью является строительство, которое интегрирует добавленную стоимость таких видов деятельности, как: производство неметаллических минеральных продуктов (стройматериалов), энергетика, транспорт, металлургия.

Матрицы конечных продуктов и конечного спроса

Сопоставление элементов в правой части тождества (2) может проводиться в разрезе «предложение-спрос» и «импорт-экспорт». В первом случае можно провести детализированный анализ спроса и предложения конечных продуктов на внутреннем и внешнем рынках, используя показатели системы национальных счетов:

– с одной стороны, оценивается предложение конечных продуктов со стороны всех секторов национальной экономики по добавленной стоимости. Оно включает добавленную стоимость в экспорте (ДСЭ) и добавленную стоимость на внутреннем рынке (ДСВ) и распределяется по конечным продуктам, с учетом агрегированных цепочек;

– с другой стороны, оценивается конечный спрос на каждый из видов продукции, потребляемой национальной экономикой. Он должен соответствовать сумме импорта конечной продукции (ИКП) и спроса на отечественную конечную продукцию на внутреннем рынке, который, соответственно, включает добавленную стоимость во всей производственной цепочке и промежуточный импорт (ДСВ+ИЕВ).

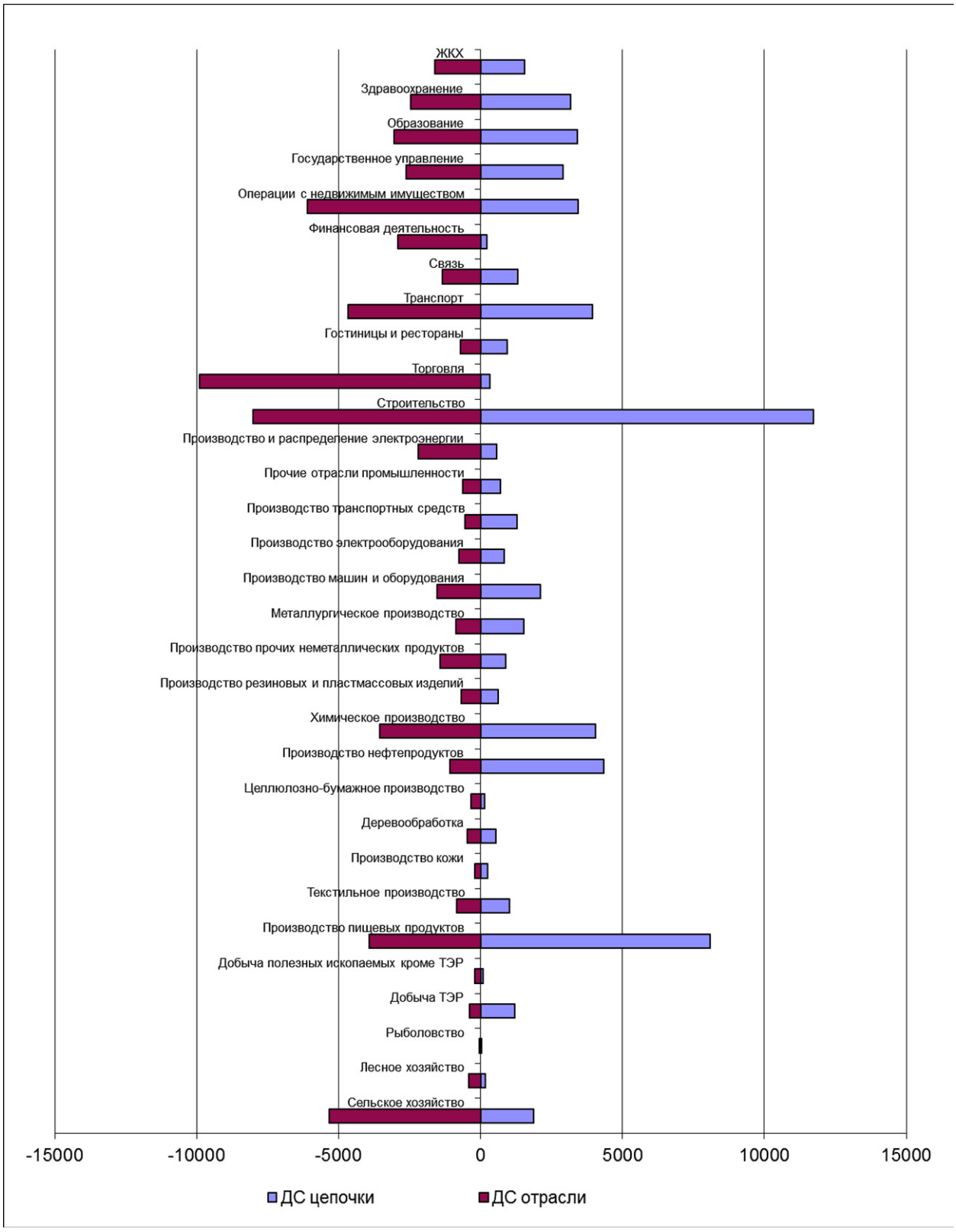


Рисунок 2.
Преобразование добавленной стоимости промежуточных продуктов в добавленную стоимость конечных продуктов, в долл. США по номинальному курсу, 2014 г.

В результате оценки предложения по показателю добавленной стоимости получим матрицу конечных продуктов, построенную в форме пузырьковой диаграммы. Каждый пузырек соответствует определенной отрасли (виду деятельности), производящий конечную продукцию (рис. 3). Диаметр пузырька отражает общий размер добавленной стоимости (в экспорте и на внутреннем рынке), создаваемой внутри цепочки производства конечной продукции рассматриваемой отрасли.

Отрасли в матрице 3 ранжированы по двум параметрам: доли экспорта в доходах и уровню консолидации доходов, которые следует рассмотреть подробнее.

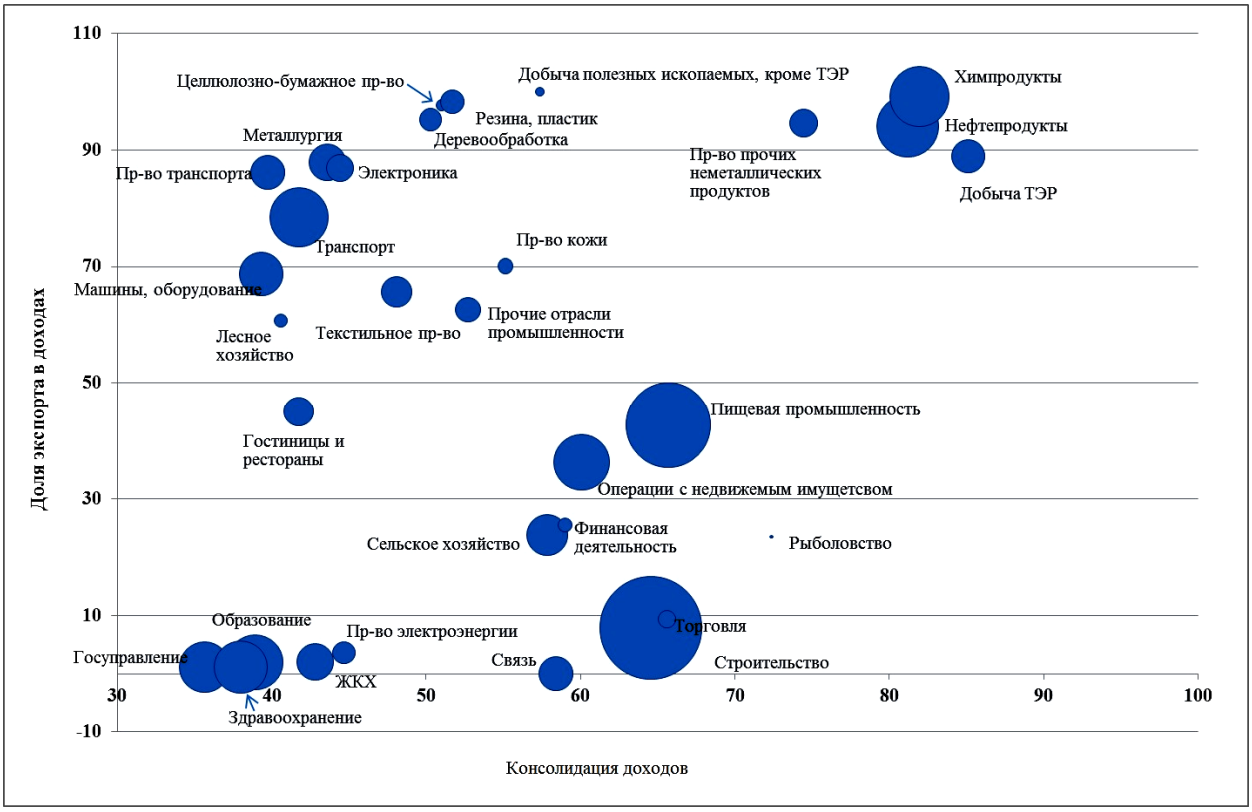


Рисунок 3.
Матрица конечных продуктов, 2014 г.

Показатель доли экспорта в доходах рассчитан как отношение добавленной стоимости национального происхождения в экспорте (ДСЭ) к общей сумме добавленной стоимости в агрегированной цепочке по продукту (ДСЭ+ДСВ). Он отражает долю экспорта в формировании общей добавленной стоимости конечного продукта.

Для некоторых продуктов первичной переработки сырья (нефтепродукты, химические продукты, стройматериалы, продукты деревообработки и целлюлозно-бумажной промышленности), а также для полезных ископаемых, он приближается к 100%. Данные отрасли белорусской экономики, следовательно, почти полностью ориентированы на экспорт.

В другой группе отраслей, включая металлургию, машиностроение и легкую промышленность, а также услуги транспорта, около 80% добавленной стоимости создается за счет экспорта. Сельское хозяйство, пищевая промышленность и некоторые виды услуг основную долю доходов получают за счет продаж на внутреннем рынке, но все же 30–40% этих продуктов экспортируется. И, наконец,значительная группа отраслей относится к сектору, удовлетворяющему внутренний спрос, в котором менее 10% доходов формируется за счет экспорта – это строительство, торговля, энергетика, образоввание и прочие социально значимые услуги.

Показатель уровня консолидации доходов рассчитывается по данным таблицы 2.7 межотраслевого баланса «Структура валовой добавленной стоимости по элементам», которая составляется на основании метода расчета ВВП по распределению доходов. Нами принято, что консолидированными можно назвать такие доходы, которые в наименьшей степени распылены и могут быть сконцентрированы по желанию одного или нескольких экономических субъектов. В условиях белорусской экономики к консолидированным доходам могут быть отнесены следующие элементы валовой добавленной стоимости:

– чистая прибыль и чистый смешаный доход;

– потребление основного капитала;

– другие налоги на производство;

– отчисления в фонд социальной защиты населения как условная доля от фонда оплаты труда работников.

К неконсолидированным доходам следует отнести оплату труда работников за вычетом отчислений в фонд социальной защиты населения.

Консолидированные доходы отличаются тем, что ими распоряжаются, по большей части, такие экономические субъекты, как государство и владельцы бизнеса, включая корпоративных собственников и нерезидентов (для компаний с иностранным капиталом)[1]. Их модель рыночного поведения отличается от модели поведения населения, поскольку первые способны осуществлять относительно крупные инвестиционные сделки, осуществлять развитие бизнеса, иными словами, самостоятельно принимать решения об объединении своих доходов с последующим их распределением. Крупнейшим владельцем и контролирующим акционером в Беларуси является государство, и его возмож-

[1] Проблема корпоративного контроля активов белорусских компаний пока мало изучена и нуждается в детальной проработке, однако в первом приближении ясно, что контролирующим акционером большинства крупных компаний является государство, однако наблюдается также увеличение доли собственности, подконтрольной иностранным субъектам.

ности по консолидации ресурсов, в том числе с использованием бюджетного финансирования, существенно превышают возможности прочих субъектов.

Неконсолидируемые доходы образуются в тех отраслях, где основная часть добавленной стоимости распределяется на оплату труда работников, или направляются домашним хозяйствам, что более точно соответствует системе национальных счетов. Их доходы впоследствии могут быть направлены на сбережение, но все же, в белорусских условиях, чаще всего расходуются на текущее потребление товаров и услуг. Домашним хозяйствам свойственна специфическая модель рыночного поведения, поскольку они не обладают монополией при формировании спроса, но, при этом, действуют исключительно рационально в своих экономических интересах. Таким образом, доходы домашних хозяйств сильно распылены, а решения по использованию доходов принимаются каждым индивидуально в соответствии с рыночной ситуацией и на основе рационального выбора.

Из рис. 3 видно, что в наибольшей степени консолидированы доходы в отраслях добычи полезных ископаемых и первичной переработки сырья – там, где государтво и другие крупные собственники осуществляют корпоративный контроль, а производительность труда высока. Наименьшая степень консолидации доходов в отраслях с низкой производительностью труда (там добавленная стоимость по большей части распределяется на оплату труда) – в машиностроении, легкой промышленности; а также в отраслях, предоставляющих социальные услуги – здравоохранении, образовании. Примечательно, что в торговле уровень консолидации доходов растет по мере распространения крупных торговых сетей.

Анализ отраслевой структуры конечного спроса в национальной экономике может быть проведен на основе матрицы конечного спроса (рис. 4), в которой диаметр круга отражает размер спроса на внутреннем рынке на данный вид продукта, а все продукты, на которые формируется конечный (но не промежуточный) спрос, оценены по двум параметрам:

– доля конечного импорта в конечном спросе на данный продукт на внутреннем рынке;

– доля промежуточного импорта в валовом выпуске данного конечного продукта.

В совокупности два выделенных параметра позволяют оценить, какая доля конечного спроса в национальной экономике удовлетворяется за счет импорта (конечного или промежуточного), а какая – за счет добавленной стоимости, созданной собственными силами внутри страны.

Возможности использования данных матрицы конечного спроса можно рассмотреть на ряде простых приметов, по нескольким видам экономической деятельности:

– около 80% внутреннего спроса на транспортные средства удовлеворяется за счет импорта; а в стоимости оставшихся 20% отечественных транспортных средств около 55% – импортная составляющая. Следовательно, спрос на белорусском рынке транспортных средств более чем на 90% удовлетворяется за счет импорта;

– в пищевой промышленности ситуация более благоприятная: доля конечного импорта составляет 20%, в оставшихся 80% портебленной отечественной продукции доля промежуточного импорта около 30%. Следовательно, совокупная доля импорта на потребительском рынке продуктов питания составляет около 45%.

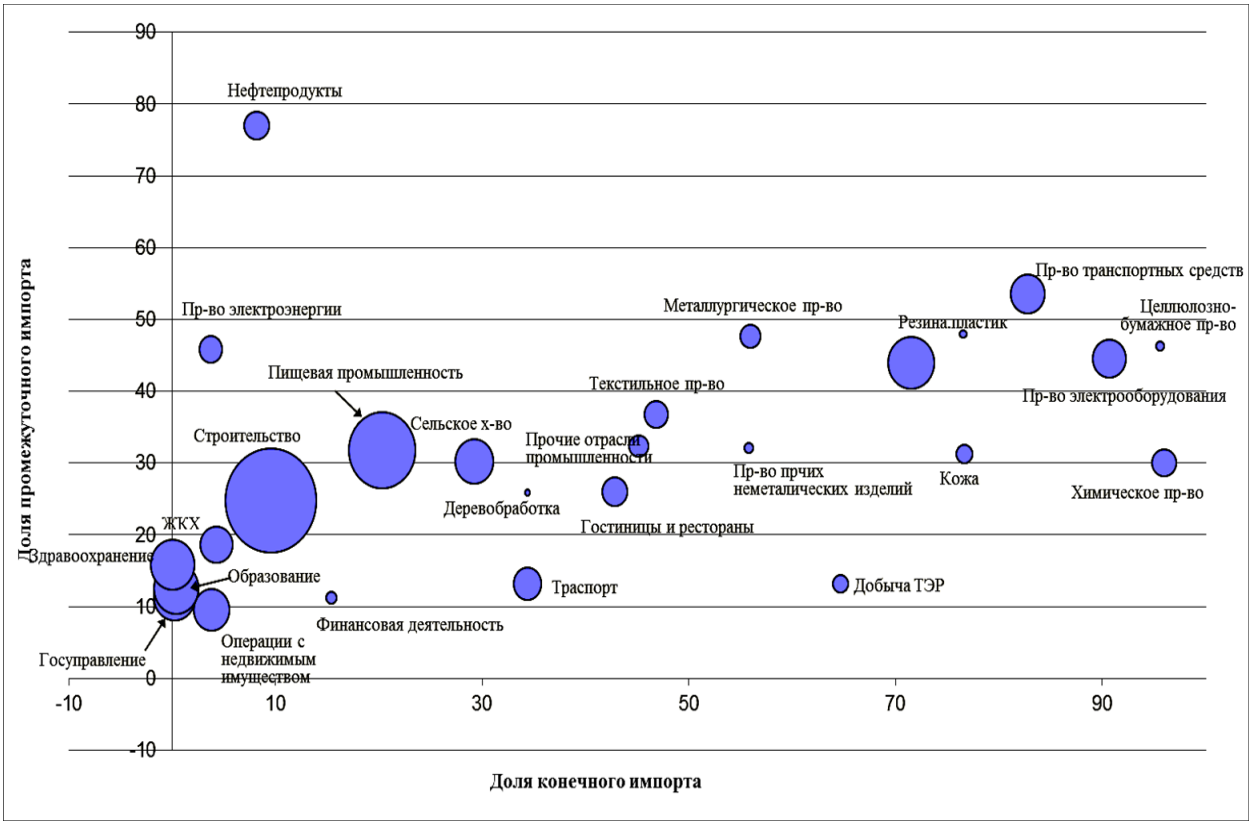


Рисунок 4.
Матрица конечного спроса, 2014 г.

Оценка вклада отдельных отраслей в результат внешней торговли при мониторинге сбалансированности экономического роста

Целевым результатом разработанной методики является распределение по отраслям экономики вклада в результат внешней торговли. Использование данных платежного баланса этого сделать не позволяет из-за того, что отсутствует информация об отечественной добавленной стоимости в экспортируемых продуктах, хотя импортируемые продукты и дифференцированы на потребительские, инвестиционные и промежуточные.

В результате расчета эквивалента внешнеторгового сальдо по каждой отрасли экономики с применением формулы (2) получены результаты, отображенные на рис. 5.

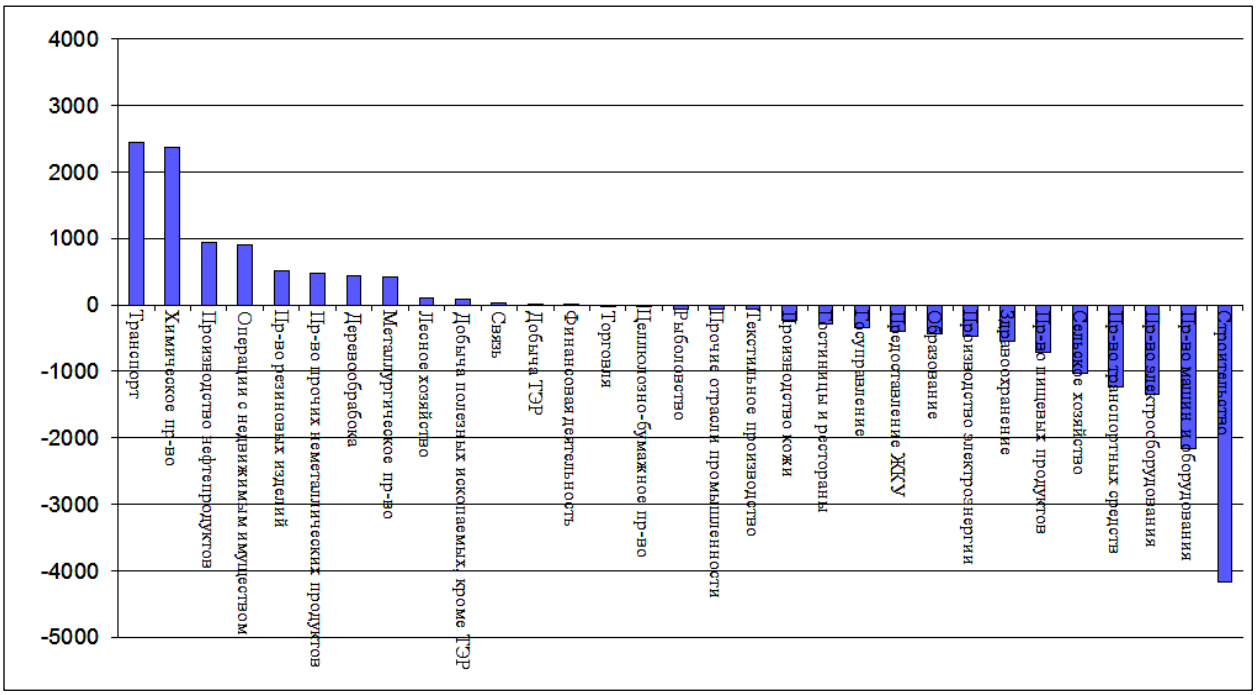


Рисунок 5.
Эквивалент внешнеторгового сальдо по видам экономической деятельности, млн. долл. США по номинальному обменному курсу, 2014 г.

В соответствии с рис. 5, отрасли могут быть дифференцированы по вкладу в торговый баланс, в соответствии с тремя основными группами:

Группа 1: экспортно-ориентированные продукты, для которых объемы выпуска существенно превышают конечный спрос в национальной экономике, с учетом промежуточного и конечного импорта – в 2014 г. к ним отнесены услуги транспорта, химические продукты, нефтепродукты, операции с недвижимым имуществом[1].

Группа 2: продукты, внутренний спрос на которые является основным источником импорта в национальной экономике – это прежде всего строительство, а также все группы продуктов машиностроения (машины и оборудование, электроника и транспортные средства);

Группа 3: относительно нейтральные к результату внешней торговли продукты (отрасли), к которым относится торговля, легкая промышленность и некоторые другие.

Критерием, или основным условием сбалансированности экономического роста является наличие неотрицательного внешнеторгового сальдо – в данном случае, в 2014 г., оно как раз и было минимально положительным. Естественно, это не значит, что по каждой отрасли баланс экспорта и импорта должен быть неотрицательным, но важно, чтобы торговый дефицит по продуктам группы 2 перекрывался торговым профицитом по продуктам группы 1.

Любая национальная экономика характеризуется определенной специализацией в системе международного разделения труда, и эта специализация достаточно четко определяется по продуктам группы 1. В нашем случае, как оказалось, это вовсе не машиностроение, включая автомобиле- и тракторостроение, как многие привыкли думать. Специализацией белорусской экономики в 2014 г. стали транспортные услуги, продукты первичной переработки сырья (нефтепродукты, удобрения, пластик и резина, металлы, продукты деревообработки, стройматериалы), а также разработка программного обеспечения.

Конечно же, в общем объеме производства и добавленной стоимости велика доля продуктов машиностроения и пищевых продуктов, однако внутренний спрос на них несколько превышает производственные возможности. Если видеть ситуацию в динамике, то по пищевым продуктам данный разрыв сокращается, и в ближайшие годы данная отрасль, возможно, окажется чистым экспортером. Что качается продуктов машиностроения, то их доля в общем объ-

[1] Последняя отрасль «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям» включает услуги по разработке программного обеспечения, которые по большей части экспортируются и вносят существенных вклад в экспорт услуг в Беларуси.

еме производства уже долгое время снижается, и Беларусь постепенно теряет свое место в международной специализации по данной продукции, чрезвычайно важной для промышленного и инновационного развития экономики.

Особый интерес представляет анализ строительной отрасли, оценка ее вклада в экономический рост. Считается, что инвестиции в строительство могут оживить экономику, находящуюся в состоянии рецессии, за счет перетока доходов в смежные отрасли, а также роста общего совокупного спроса. Возможно, в крупных и относительно замкнутых экономиках так и есть, но в малой открытой экономике Беларуси около 25% валового выпуска в строительстве составляет промежуточный импорт, включая металлы, топливо и энергию. Увеличение инвестиций в строительство ведет к росту ВВП, но вызывает также увеличение промежуточного импорта и долгов секторов экономики. Рис 3 и 4 иллюстрируют, что строительство было крупнейшей отраслью белорусской экономики, создавая свыше 10% валовой добавленной стоимости, но также и было основным источником роста импорта. Не случайно, что в условиях рецессии 2016 г. объемы финансирования строительно-монтажных работ были снижены не менее чем вдвое. Такое не вполне популярное решение замедлило восстановление экономического роста, но позволило избежать торгового дисбаланса и нарастания дисбалансов в финансовой системе страны.

Очевидно, что рост малой открытой экономики только за счет стимулирования внутреннего спроса, яркой иллюстрацией чего являются инвестиции в строительство, не может быть сбалансированным. Чтобы компенсировать снижение доходов от традиционного экспорта, произошедшее в 2015–2016 гг., следует не расширять внутренний спрос, а искать возможности для роста чистого экспорта в других отраслях.

Такими отраслями могут стать, к примеру, здравоохранение и образование, традиционно удовлетворяющие конечный спрос на внутреннем рынке. Но очевидно, что продвижение продуктов данных отраслей на экспорт стоит больших усилий.

Предложенная методика, таким образом, предоставляет и обобщает информацию для углубленного анализа отраслевой структуры экономики, связывая экономический рост с результатами внешней торговли в разрезе видов экономической деятельности. Приведенные выше выводы характеризуют ее как весьма полезный инструмент макроэкономического анализа, с широкими возможностями последующего применения.

Версан В.Г.
д.э.н., профессор

ДЕЛОВАЯ СРЕДА И КАЧЕСТВО – ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА ДЛЯ УСКОРЕНИЯ ТЕМПОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *управление качеством, конкуренция, безопасность продукции, деловая среда, экономика России.*

1. Либеральная экономика в России – тупик для деловой среды. Роль качества и безопасности в её улучшении

Консолидирующей идеей на современном этапе является задача роста реального сектора экономики. Именно ее практическая реализация обеспечит достижение общенациональной цели России – занять лидирующие позиции в экономике.

Вместе с тем, несмотря на громкие слова о необходимости ухода от сырьевой экономики, так называемая элита либеральной экономики ничего конкретного для этого до сих пор не предложила. Руководители Минэкономразвития и Центрального банка на форуме «Россия зовёт» предлагали инновационную и даже инновационно-сберегательную модель развития экономики. Однако в процессе обсуждения ничего не было сказано о её содержании и о том, что необходимо сделать, чтобы заинтересовать инвесторов вкладывать средства в развитие экономики. Было только отмечено, что хозяйствующие субъекты не готовы брать на себя риски из-за высокой неопределенности в экономике. Поскольку причины этой неопределенности не были названы, естественно, не были названы и пути её преодоления.

1.1. А сказать было что. Ведь по сути было признано, что деловая среда в нашей экономике находится в неудовлетворительном состоянии. Об этом же говорит и руководство страны. Почему это произошло? Основное внимание экономического блока было сосредоточено на устранении административных барьеров для бизнеса. Однако заметных успехов получено не было. Бизнес не почувствовал облегчения, резко стали ухудшаться качество, безопасность и конкурентная среда. Необходимых выводов из этого сделано не было. Под лозунгом сокращения числа проверок бизнеса эта работа, не требующая государственных средств и эффектная в политическом плане, продолжалась с тем же конечным результатом.

В чём причина такого развития событий? Прежде всего, хочу сказать о том, что в попытках улучшения деловой среды был допущен крупный идеологический просчёт при выборе субъектов, заинтересованных в снятии административных барьеров. Либеральные экономисты оперировали понятием бизнес-климат, и соответственно их действия были ориентированы только на бизнес. При этом из поля зрения выпали потребители и государство, формирующие совместно с бизнесом деловую среду. Был нарушен фундаментальный принцип регулирования рынка – соблюдение интересов всех заинтересованных сторон. Всё это и привело к падению уровня конкурентной среды, к ухудшению качества и безопасности. Свою лепту в ослабление конкуренции на потребительском рынке внесла в целом правильная мысль «Не надо кошмарить бизнес». Минэкономразвития трактовал её только как сигнал снимать лицензирование, сокращать обязательную сертификацию и число проверок бизнеса, в том числе, и для опасных видов продукции, не думая о последствиях этих решений.

Не так давно на заседании правительства рассматривались вопросы конкуренции. Отмечалось, что здесь далеко не все благополучно. В процессе обсуждения в числе основных причин премьер-министром были названы: значительный объем госсектора в экономике, недостаточное развитие малого и среднего бизнеса и проблемы тарифов. Правительством было принято решение разработать план действий по улучшению конкуренции. Естественно, что это можно только приветствовать. Однако возникает вопрос, почему такое решение принято только сейчас? В течение многих лет отвечать за решение этих проблем и ничего системного и программного не сделать в этой сфере. Понять это трудно – ведь это азбука современной экономики. Нет конкуренции – нет и рынка! Нет добросовестной конкуренции – нет цивилизованного, сбалансированного по интересам рынка. Об этом убедительно говорит и наш долголетний опыт: все попытки улучшить деловую среду и инновационную привлекательность без решения проблемы конкуренции ни к чему позитивному, по существу, не привели.

Судя по прессе, на этом заседании вообще не рассматривалась проблема создания благоприятной конкурентной среды на потребительском рынке. Не поднимались на нём и вопросы качества продукции и услуг, их безопасность. И это несмотря на то, что в ФЗ «О защите конкуренции» № 136-ФЗ прямо сказано, что не допускается введение в заблуждение в отношении потребительских свойств и качества товара.

В соответствии с нашей Конституцией государство отвечает за безопасность человека и природы. Кроме того, оно устанавливает правила поведения всех субъектов на рынке и правила допуска на него безопасных товаров, защи-

щает права потребителей. И главное – оно обязано обеспечить безусловное соблюдение этих правил. Исходя из экономических или социальных вопросов, государство может законодательно менять правила, но если они установлены, то нельзя допускать их нарушения в угоду одному из субъектов рынка. В этом вся суть вопроса. В противном случае – это снижение уровня конкурентной среды, недобросовестная конкуренция производителей, нарушение законодательных требований безопасности товара и введение в заблуждение потребителей относительно его качества.

В этом контексте полезно обратиться к тому, как у нас часто искаженно трактуется понятие конкурентная среда. Во многих отечественных учебных изданиях и публикациях на эту тему, подготовленных представителями либеральной экономики, её определение в обобщённом виде можно сформулировать следующим образом: конкурентная среда – это рынок, на котором свободно соперничают независимые производители (торговля) за право продать свой товар свободному потребителю. Отмечу два принципиальных момента в этом определении – «свободно соперничают» и «субъектами конкурентной среды являются производители (торговля) и потребители». Из них вытекают два вывода: первый – производители (торговля) соперничают без каких-либо правил, и второй – государства на рынке нет, и эти правила устанавливать некому.

Конечно, дело не в словах. Все прошедшие годы реальные действия либеральных экономистов говорят о том, что именно так они и понимают природу регулирования рынка. Именно это и завело наших борцов за снятие административных барьеров и улучшение деловой среды в тупик. И не просто завело в тупик, но и привело к ухудшению нашей экономики.

Именно в этом проявилось как бы двойное дно в их экономической политике. С одной стороны, на словах говорится о необходимости в современной экономике государственного регулирования, а с другой, в практических действиях роль государства выхолащивается. И выхолащивается, в том числе, и в тех сферах, где она объективно просто необходима: в обеспечении безопасности для человека и природы, в предотвращении введения в заблуждение потребителей относительно потребительских свойств товаров и их обмана. Все решения в этой сфере принимались без анализа последствий и часто на основе конъюнктурных соображений. Нарушено было всё, начиная с нашей Конституции и многих других федеральных законов и кончая здравым смыслом. Крайне опасно, что такой подход закладывается в головы студентов высших учебных заведений. Достаточно ознакомиться с трактовкой понятия конкурентная среда в учебных пособиях по специальности «Менеджмент».

Поднимая все эти вопросы, я, безусловно, не отрицаю необходимость снятия необоснованных административных барьеров. Главное здесь, как это делать? К сожалению, у нас существовала все эти годы и существует сегодня только одна точка зрения на решение этой крайне актуальной проблемы. Складывается впечатление, что на обсуждение других подходов к её решению наложено как бы «табу». Коллеги и я в своих статьях анализировали причины сложившейся ситуации с неудовлетворительным качеством и безопасностью, давали конкретные предложения по их устранению с использованием инструментов стандартизации, сертификации, государственного контроля (надзора) и технического регулирования в целом. Публиковал эти материалы в основном специализированный журнал «Стандарты и качество». Были публикации на эту тему и в журнале «Экономика и управление: проблемы и решения». Безрезультативными были обращения по этой тематике в редакции «Российской газеты» и даже, по моему мнению, самой не ангажированной из центральных газет «Московского комсомольца». Более того, я обращался в администрацию Президента и получил формальный, даже не по сути представленных предложений, ответ из управления кадров Минэкономразвития. Обращался к премьер-министру Д.А. Медведеву и, воодушевлённый лозунгами «Справедливой России», к её лидеру С.М. Миронову – ответов не получил.

Я при этом не хочу сказать, что по этому вопросу были какие-то указания. Конечно, нет, время сегодня другое. Своё дело сделала облечённая большой административной властью команда либеральных экономистов. Через крупные конференции и форумы, для проведения которых используются опять же административные ресурсы, она пропагандирует только своё видение пути решения данной проблемы. И только он широко освещается в большой прессе и на центральном телевидении, где либеральные экономисты также монопольно присутствуют.

Всё это соответствующим образом настраивает общественное мнение. Как это происходит? Произносятся правильные слова о необходимости защиты бизнеса путём снятия административных барьеров. Кто же с этим будет спорить – безусловно, это делать надо. Но есть и другая сторона проблемы, которую даже не обсуждают. Например, снятие обязательной сертификации (допуск на рынок) и одновременное значительное сокращение или вообще снятие контроля (надзора) за рынком приводят к резкому ухудшению конкурентной среды. Добросовестный производитель, выполняющий требования качества и безопасности, и нерадивый, который не тратит средства на их выполнение, не внедряет современные технологии, оказываются в разных экономических условиях: последний за счёт более низкой себестоимости выигрывает конкуренцию у добросовестного производителя. Собственно именно это и породило на рынке недобросовестную конкуренцию, что заставило и честного предпринимателя для того, чтобы удержаться на рынке, идти на снижение качества и безопасности товара. Сложился как бы порочный круг деградации качества и безопасности.

Наши либералы опять оказались впереди планеты всей. Ни одна страна с богатыми либеральными традициями, включая США, Германию и Англию, не позволяла себе так безответственно, буквально, как слон в посудной лавке, относиться к регулированию рынка: игнорировать интересы потребителей, их безопасность и морально развращать бизнес, толкая его на нарушение законов ради прибыли.

Конечно, хочется понять мотивы поддержки такой политики на рынке руководителями страны. Думаю, что над ними довлела одна главная цель – во чтобы-то ни стало, любой ценой заполнить товарами и услугами рынок и полки магазинов. В этом смысле указ Ельцина Б.Н. от 1992 г. «О свободе торговли» действительно был крайне актуален –

стране грозил голод. Потом с количеством проблем не стало, но люди стали меняться: им всё больше хотелось приобретать качественные и безопасные товары и услуги. Однако эта тенденция была упущена, и мы проиграли и продолжаем проигрывать не только западным странам, но и СССР. Люди старшего поколения невольно сравнивают отношение к качеству в СССР и в сегодняшней России. Конечно, товаров и услуг в СССР было значительно меньше, но они были во многих случаях более качественными и безопасными. И уж однозначно никто бы не допустил в то время использования в продуктах питания пальмового масла и производства колбасы без мяса.

1.2. Наряду с представленным сдерживающим фактором развития экономики и, прежде всего, её реального сектора, не были созданы и другие важные составляющие деловой среды, такие, например, как: доступные кредиты, адекватные арендные отношения и справедливая налоговая политика. Об этом сегодня говорит и сам бизнес, который быстро понял, что безрезультативная борьба с административными барьерами – это, по сути, деятельность, уводящая в сторону от решения актуальных проблем его развития.

Действительно, экономический блок всякий раз находил и находит аргументы, сдерживающие это направление развития деловой среды. Так в выступлении г-жи Набиуллиной на уже упоминавшемся форуме «Россия зовёт» нынешний уровень инфляции 6–7% (а это тот уровень, который совсем недавно обещал снижение кредитной ставки) уже не подходит для этого. Теперь для этих целей необходимо держать инфляцию на уровне 4% и ниже.

По факту, инфляция и способ её регулирования в том виде, как это трактует Центробанк (регулятор), является тормозом для развития реального сектора экономики. Действительно, инфляция – это обесценивание денег, и задача регулятора состоит в снижении денежной массы, если инфляция растёт. Ну, а за этим автоматически следует вывод – кредитную ставку снижать нельзя. Круг замкнулся. О качестве ни слова.

А между прочим в мировой экономической науке, да иногда и у нас определение инфляции самым непосредственным образом связывается с качеством. «Инфляция – это обесценивание бумажных денег, проявляющееся в росте цен на товары и услуги, не обеспеченные повышением их качества». Главный вывод из этого сводится к следующему: если повышается качество продукции и услуг и адекватно ему растёт цена, то обесценивания денег не происходит и, соответственно, инфляция не растёт. Можно рассматривать вопрос о снижении кредитной ставки. И обратная ситуация, близка к тому, что происходит у нас: если качество падает, а цена растёт или, в лучшем случае, не меняется, то реальная инфляция будет расти, так как растёт денежная масса, не обеспеченная качеством. Это объективный процесс, и никакие действия регулятора этого изменить не могут. Остаётся только гадать, за счёт чего процент инфляции у нас снижается. Думаю, что всё дело в искусстве счёта.

Я сознательно упрощаю ситуацию. Более того, я отдаю себе отчёт, что оценка уровня инфляции с учётом качества для целей её регулирования задача проблемная. Но для меня и моих коллег важно донести до лиц, принимающих решения в экономике, основную мысль: повышение качества – это реальный способ сдерживания роста реальной инфляции. Крайне важно, что такая трактовка инфляции в отличие от действующей будет понятна людям. Если потребитель приобретает какой-либо товар по более высокой цене, чем это было раньше, а качество его ухудшилось или осталось на прежнем уровне и если это происходит со многими товарами, которые он приобретает, то вывод его очевиден – реальная инфляция в стране растёт. И никакое снижение процента инфляции, рассчитанное Центробанком, его переубедить в этом не сможет. На мой взгляд, именно это и характерно для нашей экономики сегодня.

Так может быть действующий сегодня инфляционный круг разомкнуть и прямо говорить бизнесу: хотите получить низкую кредитную ставку – повышайте качество товаров и услуг реального сектора экономики и только на этой основе поднимайте цены, а государство своими действиями поддержит вас. Задача регулятора совместно с Минэкономразвития и Минпромторгом при этом должна состоять в пропаганде идей качества: в формировании благоприятной конкурентной среды; в развитии науки о качестве и менеджменте качества, стандартизации, оценки соответствия и контроле (надзоре); в организации консультационной деятельности и соревновательных движений за качество и подготовке кадров.

По существу речь должна идти об изменении отношения к качеству и безопасности продукции со стороны государства. По опыту зарубежных стран организационно это должно решаться на основе разработки и принятия на государственном уровне Стратегии (концепции) улучшения качества продукции и услуг в Российской Федерации.

Зная истинное отношение к качеству руководителей Центробанка и Минэкономразвития, я не думаю, что они выступят инициаторами движения за качество и создадут на этой основе условия для роста качества и безопасности в реальном секторе экономики. К сожалению, их практические действия такой надежды не дают. Так на совещании по экономическим проблемам в ноябре 2016 г. г-жа Набиуллина высказалась в том смысле, что сейчас надо обсуждать не кредитную ставку, а решать проблему повышения производительности труда на основе структурных реформ. Что можно сказать по этому поводу? Конечно, структурные реформы нужны. Но, во-первых, о структурных реформах Вы и Ваши коллеги говорите все прошедшие годы, но воз, что называется, и ныне там. А во-вторых, объясните г-жа Набиуллина понятным языком, какая реальная связь существует между желанием коллектива повысить производительность труда на своём конкретном предприятии со структурными реформами, эффект от которых в лучшем случае возможен в достаточно отдалённый период времени. Вряд ли Вы сможете это сделать – её просто нет. В современных условиях повысить производительность труда и качество продукции можно только на основе модернизации производства. Для этого нужны современные технологии и оборудование, а для этого нужны деньги. Получить кредиты на приемлемых условиях предприятия уже многие годы не могут. Осталось им только одно – изыскивать внутренние возможности. Чего-то удавалось добиться им и таким способом. Но сегодня другой век – век современного технологического уклада, и качественную конкурентоспособную продукцию, пользующуюся спросом, на этом пути не создать.

1.3. Это не случайные эпизоды. Это осознанная и реализуемая экономическая политика. По моему мнению, над экономическим блоком правительства довлеет глубоко укоренившееся неверие в способность нашей промышленности и сферы услуг, способность наших руководителей и специалистов предприятий и организаций создавать качественную и безопасную продукцию и оказывать услуги, пользующиеся спросом. В этом они видят опасность неуправляемого роста инфляции. Эту позицию можно было бы понять, если бы она в конечном итоге приводила к росту реального сектора экономики.

Характерный факт, который, конечно, требует серьёзного анализа, – это ситуация в оборонной отрасли. В кратчайшие сроки здесь удалось добиться серьёзных позитивных результатов в улучшении качества изделий. В чём причина? Не думаю, что это произошло только за счёт выделения на оборонку значительных средств. В гражданские отрасли также, порой не меряно, выделялись средства, но подобных результатов не было. Основная причина в надлежащей организации дела. Действует внутренний контроль и внешний контроль (надзор) в лице основного потребителя и здоровая конкуренция за научно-технический уровень и качество изделий. Другими словами, в отличие от стиля действий либеральных экономистов в этой отрасли чётко прослеживается организующая роль государства.

В связи с вышеизложенным есть все основания сказать, что избранный либеральными экономистами во главе с Минэкономразвития путь улучшения деловой среды ошибочен. Сколько было за эти годы всевозможных начинаний для развития экономики, но все они упирались в плохую деловую среду. Все прошедшие годы страна была заложницей непродуманных действий, что в конечном итоге привело к снижению безопасности, качества и конкурентоспособности наших товаров, как следствие, к людским, финансовым (включая, коррупцию) и материальным потерям; снижению спроса как на внутреннем, так и внешнем рынках; к подрыву авторитета добросовестного бизнеса и росту теневого; а также к снижению инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности экономики в целом и, конечно, всё это не могло не сказаться отрицательно на темпах роста экономики.

1.4. Пока не будет принято решение по реорганизации экономического блока, ничего в экономике в лучшую сторону не изменится. Хотелось бы, чтобы это поняло высшее руководство страны. А терпение оно проявляет колоссальное – из года в год одни и те же обещания либеральных экономистов, но ни одно из них, по существу, не выполнено – экономика не только не растёт, но и ухудшается.

Основные выводы:

– экономический блок правительства оказался неспособным системно подойти к проблеме улучшения деловой среды. Меры в сфере лицензирования, контрольно-надзорной деятельности и сертификации носили спонтанный характер, без просчета последствий и в конечном итоге привели к снижению качества и безопасности товаров, к глубокому падению уровня конкуренции на потребительском рынке. Такой рынок является тормозом для развития инновационной экономики. Принятие решения в такой значимой для развития страны сфере требует нахождения баланса интересов всех заинтересованных сторон на базе аналитической работы, опирающейся на сбор данных о безопасности, качестве и конкурентоспособности наших товаров, о случаях причинения вреда потребителям, потерях бизнеса в связи с контрольной (надзорной) деятельностью и о результативности работы органов контроля (надзора);

– без решения проблем качества и безопасности невозможно сформировать благоприятную деловую и инновационную среду, снизить уровень реальной инфляции, обеспечить бизнес доступными кредитами, осуществить переход от сырьевой модели к модели, ориентированной на развитие реального сектора экономики, увеличить спрос на отечественную продукцию как на внутреннем, так и внешнем рынках, повысить в целом конкурентоспособность нашей экономики;

– качество и безопасность – это основа для нахождения баланса интересов между государством, обществом и бизнесом, производителями и потребителями, между всеми слоями населения и отдельными гражданами. Каждый член общества является потребителем и поэтому лично заинтересован в качественных товарах и услугах. Все мы с раннего детства, может быть даже не всегда осознанно, стремимся к качеству. Именно такое понимание роли качества станет основой консолидации нашего общества для решения насущных задач социального и экономического развития, обеспечения достойного качества жизни для граждан, послужит позитивным примером для других стран и, прежде всего, стран бывшего Советского Союза, которые сегодня внимательно следят за нашими действиями не только во внешней политике, но и в развитии экономики;

– сегодня, когда надо выполнять поручение Президента по увеличению темпов роста экономики до превышающих среднемировые, необходимо кардинально изменить отношение к качеству и безопасности, навести порядок на потребительском рынке и обеспечить выполнение конституционных функций государства по его регулированию. Эти реальные меры позволят решительно улучшить деловую среду и станут фундаментом для реализации стратегических программ развития нашей экономики, включающих структурные реформы, которые сегодня разрабатываются по поручению Президента.

1.5. В следующем разделе я постараюсь показать, как во времени развивались события на нашем потребительском рынке. Хочется надеяться, что их осмысление позволит руководству страны внести необходимые корректировки в механизмы его регулирования. А элита либеральной экономики почувствует хотя бы моральную ответственность за последствия своих непродуманных действий и сделает для себя необходимые выводы на будущее. Виновников трагедий на Саяно-Шушенской ГЭС, в клубе «Хромая лошадь», в случае с пароходом «Булгария» и других крупных происшествий с гибелью большого количества людей определили и наказали. Но доля вины лежит и на тех, кто инициировал все прошедшие годы принятие решений по лицензированию, сертификации и контроля (надзора), которые привели в определённой степени к этим трагедиям.

2. Краткая характеристика современного потребительского рынка. Роль качества

Рассмотрим качество как рыночную категорию и его прямую связь с конкурентной средой. Определение качества в соответствии со стандартами ИСО 9000 сводится к тому, что качество продукции и услуг – это соответствие как обязательным требованиям, установленным на законодательном уровне, так и ожиданиям потребителей. Именно такое определение качества формирует предложения и спрос, что необходимо учитывать производителю, стремящемуся достигнуть конкурентного преимущества на рынке.

Определяя стратегию на рынке, производитель должен исходить из того, что продукция одного назначения может пользоваться спросом на разных уровнях качества, что связано с уровнем платежеспособности ее потребителей. Группа населения с низкой платежеспособностью потребляет в основном дешевый товар, как правило, невысокого уровня качества. Покупатели среднего класса потребляют преимущественно средний по цене и уровню качества товар; относительно небольшая группа богатых людей приобретает товар высшего уровня качества. Именно эти ножницы «цена – качество» наиболее чувствительно воспринимаются потребителями, а их объективное соотношение напрямую зависит от уровня конкурентной среды, добросовестности производителей и торговли.

Товар, осознанно выбранный потребителем в соответствии с его платежеспособностью, является качественным, если он полностью соответствует информации о нём, содержащейся в инструкциях, этикетках и другой документации, на основе которой сделан выбор. При этом информация должна содержать сведения о всех важных для потребителя его свойствах. Несоблюдение этих условий производителями можно отнести к прямому обману потребителей, введению их в заблуждение.

Товар, поступающий на рынок, должна быть безопасным, что обеспечивается госрегулированием и, в частности, техническими регламентами.

Соблюдение установленных законодательством требований безопасности, достоверная информация о потребительских свойствах товара и защита прав потребителей в значительной мере обеспечиваются результативно действующими сертификацией или декларированием (допуск на рынок) и государственным контролем (надзором) за рынком. Именно согласованное их применение совместно с общественными формами контроля и информационной системой, характеризующей состояние рынка, создаёт условия для благоприятной конкурентной среды.

Если все вышеперечисленное соблюдается, то производители находятся в равных условиях и созданы условия для объективного выбора товаров потребителями. Рынок можно характеризовать как рынок с добросовестной конкурентной средой.

3. Негативное состояние нашего потребительского рынка. Причины. Последствия

Говоря о состоянии нашего рынка, необходимо отметить, что он имеет мало общего с вышеизложенным. Непродуманные действия по сертификации и реорганизации контрольно-надзорной деятельности привели к тому, что требования технических регламентов часто не соблюдаются. Не соблюдаются во многом и потребительские свойства, заявленные производителями, и в целом, права потребителей. Производители за нарушение законодательных требований и обман потребителей реальной ответственности практически не несут. Потребителю при выборе товара невозможно понять, что собственно он приобретает, информация не полная и трудночитаемая. При приобретении опасного и некачественного товара в силу действующего законодательства и судебной практики, рядовому потребителю добиться компенсации затрат крайне сложно. Данные прессы, информация по телевидению о качестве и безопасности да и личный опыт каждого из нас подтверждает это.

На таком рынке процветают сегодня те, кто не соблюдает никаких правил допуска на рынок товаров и обманывает потребителей. Для недобросовестного бизнеса, как уже говорилось, открылась лазейка для выхода на рынок с опасной, некачественной, фальсифицированной и контрафактной продукцией.

Здесь необходимо отметить, что низкое качество и безопасность наших товаров на рынке отрицательно сказываются и на взаимоотношениях стран Таможенного союза. Определённые конфликты, в частности, возникали у нас с Белоруссией, где отношение к качеству и безопасности, к выполнению требований технических регламентов находится на более высоком уровне. Там Госстандарт, подчинённый непосредственно правительству, в полном объёме выполняет свою основную функцию – организует в стране работу по качеству и безопасности и несёт за это ответственность.

3.1. Первый серьёзный удар по безопасности и состоянию потребительского рынка нанесло бездумное снятие лицензирования со многих опасных видов деятельности. Оправдывалось это, как обычно, снятием административных барьеров для бизнеса. Не буду подробно останавливаться на негативных последствиях таких решений, об этом было много информации. Приведу лишь два примера.

В своё время «Московский комсомолец» опубликовал статью «Крысота-то какая». В ней говорилось о том, что в Москве и в других регионах появилось огромное количество крыс и других грызунов. А причина оказалась простой: было отменено лицензирование деятельности по изготовлению ядов для их уничтожения. Реакция недобросовестного бизнеса была молниеносной – рынок был заполнен фальшивыми ядопрепаратами, которыми просто стали кормиться грызуны. Результат: поддержали недобросовестных бизнесменов финансово, показали им, как надо зарабатывать деньги, а жителям принесли вред и не только моральный.

Свежий пример – организация перевозок пассажиров автомобильным транспортом. В порядке выдачи лицензий на этот вид деятельности сделано исключение, которое позволяет юридическим лицам и индивидуальным предпри-

нимателям осуществлять эту деятельность практически бесконтрольно. Последние крупные аварии с автобусами, приведшие к гибели большого количества людей, подтверждают пагубность такого рода решений.

3.2. Большой вред качеству, безопасности, стандартизации и потребительскому рынку в целом, особенно на первых этапах до внесения в него изменений, а их было около 300, нанёс ФЗ «О техническом регулировании» № 184-ФЗ. Принимали его в аварийном порядке – сразу во всех слушаниях. В его проекте вполне серьезно ставился вопрос об отмене стандартизации как таковой. Ее должны были заменить технические регламенты, и только усилиями Госстандарта стандартизацию удалось отстоять. Тем не менее, разработчики закона настояли на том, чтобы стандарты рассматривались только в качестве доказательной базы технических регламентов. После его принятия, когда стандарты стали добровольными, а технических регламентов еще долго не было, технические службы предприятий оказались в вакууме относительно нормативной базы, устанавливающей требования к качеству и безопасности. Долго ещё после этого не могла прийти в себя и стандартизация. Во многом именно в этот период был потерян её кадровый состав.

По предложению Госстандарта в этом законе было установлено понятие обязательное подтверждение соответствия (обязательная сертификация и декларирование). Это позитивное нововведение, отвечающее международной практике, предоставило Минэкономразвития возможность, опять же под флагом борьбы с административными барьерами, для ряда опасных видов продукции, в том числе и пищевой, снять обязательную сертификацию и ввести декларирование, причём с регистрацией в уведомительном порядке без какой-либо проверки содержания этой декларации. Тем самым, в условиях уже ослабленного контроля (надзора) эта продукция вообще не контролируется ни до поступления на рынок, ни на нём. Вследствие этого, по оценкам специалистов, качество и безопасность этой продукции находится в катастрофическом состоянии. Об этом говорит и информация, поступающая от обществ защиты прав потребителей.

3.3. ФЗ «О защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» № 294- ФЗ по существу обнулил действие многих других ФЗ и Постановлений Правительства, устанавливающих необходимость контроля (надзора) качества и безопасности товаров. Среди них: ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» № 29-ФЗ, ФЗ «О защите конкуренции» № 135- ФЗ и постановление Правительства РФ от 02.05.2012 г. № 412, которое утвердило «Положение о федеральном государственном надзоре в области защиты прав потребителей». Под действие этого закона подпали все виды транспорта, ГЭС и ТЭЦ, пищевая продукция, деятельность пожарных служб, лесное и коммунальное хозяйство, помещения для проведения культурных мероприятий, детские игровые площадки и многое другое.

Принят он был в полном противоречии с международной практикой. Сошлюсь на опыт Евросоюза в сфере контрольно-надзорной деятельности. Приведу для подтверждения этого только одну выдержку из документа «Лучшие методы и практика в области надзора за рынком», разработанного рабочей группой в рамках проекта EMARS «Повышение эффективности надзора за рынком посредством наилучших практик»: «Повышение и защита благосостояния Европейских потребителей – краеугольный камень стратегии Европейского Союза по защите прав потребителей. Надзор за рынком – инструмент этой защиты. Кроме того, он играет важную роль в обеспечении честной и открытой конкуренции. Всё это – сфера ответственности государств-членов ЕС, причём существует необходимость усиления надзора за рынком, а также разработки более унифицированного подхода к его осуществлению».

В Китае принята стратегия качества на 2011–2020 гг. Один из основополагающих её тезисов сформулирован так: «Нужно пропагандировать доверительные отношения между участниками экономической деятельности и защищать их, отстаивать ведение бизнеса исключительно законными средствами, создавать и поддерживать на потребительском рынке условия для честной конкуренции, отсеивающей низкокачественную продукцию, и внедрять культуру передового качества». Не менее конкретно в стратегии поднимаются вопросы стандартизации и усиления надзора в области качества на потребительском рынке. Приведу ещё одну ключевую выдержку из стратегии, во многом отражающую принципиальную разницу в подходах к улучшению деловой среды в Китае и у нас: «Следует активно бороться с монополией и нечестной конкуренцией на рынке, самым решительным образом искоренять местный протекционизм, оберегать порядок на рынке». И это не просто слова. Их реализация обеспечивается Программным планом развития КНР в области качества. Отсюда в значительной степени и столь высокие темпы роста их экономики.

В результате пренебрежения международным опытом, а порой и здравым смыслом, мы получили то, что и должны были получить. Принимаемые меры не только не сделали лучше условия для ведения бизнеса, но и привели и приводят к бурному росту теневого бизнеса, заполнению рынка некачественной и опасной продукцией и услугами. Более того, даже то позитивное по улучшению бизнес-климата, что удавалось сделать в прошлые годы, законом № 294-ФЗ было нивелировано.

Всё это приводило и приводит к большим масштабам бедствий. Не буду повторяться. У всех на слуху резонансные трагедии в тех сферах, о которых я говорил выше. Характерно, что после каждого трагического случая с летальными исходами большого числа людей, закон № 294-ФЗ исправляли путем оперативного внесения изменений, усиливающих ту или иную надзорную деятельность. Это было сделано, например, в отношении водного транспорта, ГЭС и ТЭЦ, детских игровых площадок. Другими словами, вместо предупредительных действий, а это важнейший принцип надзора, в частности, в Европе, по сути, экспериментировали на людях.

3.4. За прошедшее время ни одна из предложенных концепций реформирования контрольно-надзорной деятельности положительного результата не дала. В процессе этих экспериментов было потеряно большое количество профессионалов в этой уникальной сфере деятельности. Характеризуя эту безуспешную уже многие годы работу, можно сделать вывод: занимаются этим не профессионалы (это, как свидетельствует наш и мировой опыт, действительно, крайне сложная работа, требующая специальной подготовки и накапливаемого годами практического опыта),

а всё те же современные менеджеры, изучившие математику, информатику и иностранные языки, но не знающие объекта реформирования, не понимающие сути этой деятельности, её роли в экономике и социальной сфере.

Судя по всему, к такому же итогу приведёт и работа Минэкономразвития по реформированию контрольно-надзорной деятельности на базе риско-ориентированного подхода. Мои коллеги и я неоднократно высказывались по этой теме. Однако, учитывая поручение Президента правительству в Послании Федеральному собранию ускорить внедрение в работу контрольно-надзорных органов подход, основанный на оценке риска, вернусь к ней и выскажу более конкретно наши предложения.

Оценка риска – это объективный метод определения приоритетов в работе контрольно-надзорной деятельности. Вместе с тем, специалисты негативно оценивают предложенную Минэкономразвития модель организации этой работы. Отмечалось также её несоответствие зарубежному опыту. Рассмотрим последовательно основное содержание Европейской и предлагаемой Минэкономразвития моделей.

Опыт Европы опирается на два основных положения:

– объектом оценки риска является опасная продукция;

– результаты оценки используются органами контроля и надзора для определения приоритетов и методов своей работы.

Эта модель предполагает сбор данных и анализ рисков опасной продукции с опорой на действующие в Европе директивы (аналог нашим техническим регламентам).

Модель Минэкономразвития предлагает:

– в качестве объектов оценки риска взять непосредственно организации и предприятия. На основе оценки осуществлять их разграничение на опасные и неопасные;

– органы контроля и надзора опираются на эти оценки при выборе объектов контроля и формировании планов своей работы.

Реализация этой модели характеризуется высокой степенью непредсказуемости конечного результата. Она потребует решения многих, на наш взгляд, нереализуемых на практике задач, таких, например, как разграничение организаций и предприятий на опасные и неопасные. Чётких и постоянных во времени критериев здесь сформулировать не удастся – работать будут субъективные факторы, а это рост коррупционной составляющей. Сама процедура отнесения предприятий и организаций к категориям по критерию опасности будет более нагрузочной и дорогостоящей для предпринимателей, чем собственно осуществление проверок.

Или, как принимать решения в том случае, если вред принесла организация, отнесённая к неопасным? С кого спрашивать за нарушение? Можно ведь спросить и с тех, кто устанавливал эти разграничения. Нет ответа и на вопрос, как быть с теневым бизнесом, фирмами-однодневками.

Эта модель влечёт за собой громадные затраты на её формирование и ведение. Необходимо будет готовить специалистов по разграничению объектов по степени опасности и формировать организационную структуру для выполнения такой работы на постоянной основе.

Ещё одна проблема – каким образом в организациях, отнесённых к категории с невысокими рисками причинения вреда и выведенных в связи с этим из-под контроля, будут не допускаться обман потребителей, продажа просроченных товаров и поставка их на рынок с потребительскими свойствами, не отвечающими указанным в сопроводительных документах требованиям? Это – не безопасность. Однако для потребителей данные характеристики имеют не менее важное значение. Придётся в этих целях создавать дополнительную ступень контроля и надзора.

Вывод сводится к тому, что для оценки риска в контрольно-надзорной деятельности надо применять европейский подход. Если бы так поступили, то реформирование этой деятельности на основе риско-ориентированного подхода можно было бы начать уже более пяти лет назад, т.е. тогда, когда были приняты первые технические регламенты. Именно технические регламенты устанавливают требования безопасности к продукции с учётом риска причинения вреда. Эту продукцию и надо проверять.

Что же касается проверки потребительских свойств и обмана потребителей, то здесь также надо использовать зарубежный опыт. Там приняли простое и эффективное решение – один раз в год проверяются все объекты, а на те, где замечаний не было, контролёры ходят только после поступления конкретных замечаний от потребителей.

3.5. Ну, а пока опасные эксперименты продолжаются. Совсем недавно Минэкономразвития инициировал 3-х летний мораторий на проверки малого и среднего бизнеса. Что это означает по сути? На этих предприятиях в течение трех лет не будет проверяться соблюдение требований технических регламентов, т.е. не будет проверяться выполнение требований безопасности, установленных законодательно. Естественно, что последствия этого не заставят себя долго ждать. Не исключено, например, что взрывающееся в последнее время газовое оборудование в жилых домах, изготавливалось на этих предприятиях и ими же устанавливалось. Сюда же можно отнести и трагедию в Иркутске с массовыми смертельными случаями потребления спиртосодержащей настойки боярышника. Ясно же, что её никто не проверял.

В заключение этого раздела думаю уместно будет привести результаты исследований центра социально-политического мониторинга Института общественных наук РАНХиГС: растет число россиян уверенных в том, что они не имеют возможности увеличить свои доходы, не нарушая законов. Сегодня такого взгляда придерживаются 30% россиян. И это представители не крупных предприятий, которые в силу традиций и более высокой культуры производства в меньшей степени подвержены таким взглядам, а малый и средний бизнес. Что это как не духовное развращение нашего бизнеса, подрыв их авторитета у населения страны. Что дальше? Если не остановиться, то скоро их будет 50%, а далее опять лихие 90-е годы?

4. Путь выхода из кризиса с качеством и безопасностью товаров и услуг

Определённые надежды у всех приверженцев качества появились после принятия решение о разработке проекта документа «Национальная (государственная) стратегия повышения качества промышленной продукции российского производства». Разработку проекта этого документа Росстандарт поручил ОАО «ВНИИС». В 2016 г. проект был разработан и неоднократно обсуждался на совещаниях в Росстандарте. Замечаний концептуального характера не было. Многими специалистами он был воспринят позитивно. Среди них представители РСПП, Всероссийской организации качества и общества защиты прав потребителей. По замечаниям и предложениям разработчики были готовы доработать проект стратегии. Однако, ни замечания, ни предложения, к сожалению, нам представлены не были. Сам же документ «пропал» в недрах Росстандарта. Почему? Могу только предположить, что слишком сильное давление было оказано на руководство Росстандарта со стороны всё той же либеральной экономической элиты.

Заинтересованный читатель для ознакомления с проектом должен обратиться в Росстандарт, который является владельцем этого документа. Приведу лишь основные его положения.

Стратегия исходит из того, что **качество** продукции играет огромную роль во всех сферах жизни общества, в обеспечении национальной безопасности и является ключевым фактором конкурентоспособности на глобальном рынке. Рассматривая качество как стратегическую категорию, руководители многих стран принимали и принимают государственные меры, направленные на решение проблем качества.

Продукция, отвечающая установленным к ней обязательным требованиям (в технических регламентах и других нормативных правовых актах), а также полностью соответствующая информации о ней, на основе которой делается выбор товара, определена в стратегии как **продукция надлежащего качества**. При этом информация о качестве должна содержать все сведения, необходимые и важные для потребителя.

Предложено пять стратегических направлений для решения проблем качества:

– главным мотивом для предприятий повышать и обеспечивать надлежащее качество продукции рассматривается сбалансированная конкурентная среда. Предлагается механизм пресечения недобросовестной конкуренции, не допускающий обращения на рынке продукции ненадлежащего качества. Его основой являются правовые нормы и эффективная правоприменительная практика, а также сбалансированный государственный, общественный и потребительский контроль и оценка соответствия. Они должны обеспечивать выявление продукции ненадлежащего качества, неотвратимость ответственности для бизнеса, широкую и доступную информацию о продукции ненадлежащего качества, а также контрафактных и фальсифицированных товарах;

– целенаправленное повышение качества в приоритетных секторах российской экономики, которые определяют ее специализацию в мировой системе хозяйствования, позволяют в максимальной степени реализовать национальные конкурентные преимущества и решать задачи расширения экспорта и обеспечения импортозамещения. К потребностям этих отраслей необходимо подтягивать и возможности обеспечивающих отраслей (принцип локомотива). Реализация этого направления осуществляется на основе целевых программ;

– использование государственных и муниципальных средств для повышения качества продукции и создания прогрессивных технологий в рамках государственных и муниципальных заказов;

– развитие стандартизации. Представляется, что акцент на развитие корпоративной стандартизации должен быть усилен. Она более мобильна, чем национальная, и в этом смысле, в большей степени отвечает потребностям предприятий гибко реагировать на изменения спроса и достигать конкурентного преимущества как на отечественном, так и зарубежном рынках. Национальные же стандарты, гармонизированные с международными, должны выполнять для них роль маяка в технической политике. В связи с этим особую остроту приобретает организация подготовки специалистов стандартизаторов на предприятиях и в организациях и методического обеспечения их работы;

– повышение культуры качества в стране, за счет целенаправленного развития фундаментальной и прикладной науки о качестве, внедрения результативных систем качества, подготовки кадров в этой области, развития консультационной деятельности, соревновательных движений за качество и его пропаганды.

Хотел бы здесь подчеркнуть, что несмотря на то, что качество формируется рынком, в стратегии много внимания уделяется роли государства и, прежде всего, в обеспечении благоприятной конкурентной среды. Весь мировой опыт свидетельствует о необходимости именно такого подхода к решению этой проблемы. В связи с этим хочу еще раз со всей убежденностью сказать – качество продукции и услуг это по большому счёту единственное, что позволит стране добиваться взаимопонимания и консолидации всех слоев общества в решении социально-экономических проблем и в конечном итоге обеспечит достойное для всех наших граждан качество жизни. Я уже в одной из статей приводил замечательное высказывание нашего философа И.А. Ильина Повторюсь: «…Русскому народу есть только один исход и одно спасение – возвращение к качеству и его культуре».

Когда ставится задача изготовить качественный продукт, то к ее решению необходимо подходить системно. Это не расхожая фраза, а реальность, подтверждаемая практикой. И сегодня, если страна поставит задачу поднять качество продукции и услуг, то первое, как уже говорилось, что необходимо будет сделать – это разработать и принять на государственном уровне стратегию (концепцию) обеспечения качества продукции и услуг в Российской Федерации. Она должна предусматривать реализацию комплекса мер организационного, экономического, социального, технического, экологического и пропагандистского характера на всех стадиях жизненного цикла товара и услуг, от исследований до их создания, реализации и применения.

Учитывая предшествующий негативный шлейф решения этой проблемы, разработать, принять и реализовать ее можно, на мой взгляд, только в том случае, если данное поручение будет исходить от Президента. Будет правильным,

если Всероссийская организация качества, Академия проблем качества, общество защиты прав потребителей и комитет по качеству ТПП совместно с другими заинтересованными организациями обратятся с таким предложением к Президенту.

Список литературы

1. Аронов И.З. О бедном надзоре замолвите слово // Стандарты и качество. – М., 2011. – №1.
2. Аузан А.А. Чёрные и белые клавиши реформ // Стандарты и качество. – М., 2013. – № 1.
3. Версан В.Г. Эффективные сертификация и надзор – важнейшие составляющие развития цивилизованного бизнеса // Стандарты и качество. – М., 2011. – № 1.
4. Версан В.Г. Организованный потребитель – реальная сила способная сдержать нецивилизованное развитие бизнеса // Стандарты и качество. – М., 2011. – № 6.
5. Версан В.Г. Надзор, сертификация и цивилизованный бизнес // Стандарты и качество. – М., 2011. – № 10.
6. Версан В.Г. Бизнес, ориентированный только на прибыль, опасен // Промышленник России. – М., 2012. – № 10.
7. Версан В.Г. 40 лет в профессии. Сборник статей / РИА «Стандарты и качество». – М., 2013.
8. Версан В.Г. Качество как национальная идея // Бизнес России. – М., 2013. – № 5.
9. Версан В.Г. Качество – стратегический путь возрождения России // Стандарты и качество. – М., 2013. – № 6.
10. Версан В.Г. Кризис ручного управления экономикой. Есть ли выход? // Экономика и управление. Проблемы, решения. 2015. – № 8.
11. Версан В.Г. Инновационная экономика в условиях ограниченных ресурсов // Стандарты и качество. – М., 2016. – № 7.
12. Гусев Б., Покатов А. Качество – основа инновационного развития Российской экономики, импортозамещения промышленной и аграрной продукции // Стандарты и качество. – М., 2012. – № 5.
13. Пшенников В.В. Об альтернативе фабрикам лжи // Методы менеджмента качества. 2016. – № 7.

Губарь О.В.[1]

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: *цифровая экономика, электронные деньги, биткоин, блокчейн.*
Keywords*: the digital economy, electronic money, bitcoin, blockchain.*

Современные технологии, в особенности коммуникативные, проникают во все сферы жизни человека, способствуя трансформации экономических отношений, стимулируя процесс виртуализации, под которым понимается замена реальных объектов и отношений виртуальными – существующими только в цифровом мире. Виртуальная реальность сегодня является важной сферой деятельности человека. Благодаря безграничному потоку информации в Интернете, мгновенности совершения операций и других ранее невозможных способов взаимодействия виртуальная реальность реализует совершенно новые возможности проявления экономических отношений – рынок, собственность, финансы и множество других экономических институтов:

– происходит смена доминирующих факторов производства и объектов собственности, вместо традиционных (земля, капитал) более прибыльными становятся информация и теоретическое знание, которые все в большей степени начинают играть роль ключевых экономических ресурсов;

– рынок перемещается в виртуальную среду. Так, цифровая платформа Alibaba 16 ноября 2016 г. продала товаров на 17,6 млрд. долл. за один день;

– привычные нам элементы товарно-денежных отношений проявляются в новых виртуальных формах, формируются новые институты взаимодействия, например, электронные платежные системы. Объем рынка электронных платежей по итогам 2015 г. составил 588 млрд. руб., что эквивалентно 2,4% ВВП России, а объем Интернет-зависимых рынков сопоставим с 19% ВВП России[2].

Виртуализация товарно-денежных отношений снижает издержки обмена, в первую очередь, затраты времени. Современному человеку необходимо совершать куплю-продажу быстрее, так как скорость жизни растет, а Интернет предоставляет возможность быстро найти контрагента и приобрести практически любой товар в любое удобное время, что обусловливает стремительный рост виртуального сегмента товарно-денежных отношений.

Эти изменения учитываются властью: в послании Федеральному собранию Президент РФ Владимир Путин охарактеризовал цифровые технологии как играющие ключевую роль в инновационном развитии государства и озвучил новый стратегический термин — «цифровая экономика».

Важнейшим элементом цифровой экономики являются электронные деньги и институты, позволяющие их использовать в Интернет-пространстве. Электронные деньги играют решающую роль в цифровой экономике, без их появления она была бы просто невозможна. На данный момент уже существует много как банковских, так и небанковских сервисов оплаты в Интернете: международные платежные системы, электронные кошельки, мобильный банкинг, которые позволяют моментально осуществить покупку.

Мы знаем, что эволюция денег напрямую связана с развитием производительных сил. Как только люди научились отливать металлические деньги, они перестали использовать ракушки, меха, скот и другие примитивные формы денег. С изобретением печатного станка то же произошло и с драгоценными металлами: вместо них стали пользоваться бумажными банкнотами. Наряду с бумажным наличным обращением появилось и безналичное, которое эволюционировало от записи в специальных книгах в банках к записи на магнитных носителях в компьютерах.

В последние годы во многих странах активизировался процесс вытеснения наличных денежных знаков (бумажных купюр и разменных монет) безналичными деньгами. Сегодня на Западе доля наличных денег в общей денежной массе составляет около 10%, в развивающихся странах – 15%. Правительства многих стран Запада принимают различные законы, ведущие к сокращению сегмента обращения наличных денег. Прежде всего, устанавливаются лимиты на объемы операций с использованием наличности. Например, в Германии лимит наличности определен в 5 тысяч евро, а во Франции и Италии – в одну тысячу евро. Государством регламентируются и другие аспекты операций граждан с использованием наличных денег. В той же Франции за неделю один человек может потратить только 3 тысячи евро наличными. Снять со счета, не подвергаясь пристальному вниманию контролирующих органов, можно только 10 тысяч евро, а обменять валюту без удостоверения личности – в пределах 1 тыс. евро. Такие платежи строго контролируются правительством.

Лидерами в вытеснении наличных денег из обращения являются скандинавские страны – Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия. Там пластиковые банковские карточки – уже не самая передовая технология безналичных расче-

---

[1] Губарь Ольга Владимировна – д.э.н., профессор, профессор кафедры экономической теории Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Профессиональные интересы: экономика виртуальных игр – симулятивная экономика, интеллектуальная собственность.

[2] Итоги 2015–2016. – http://xn--80aaokjbmheeb2a2al4l.xn--p1ai/

тов. В Дании, например, треть датчан пользуется MobilePay – установленным в смартфонах приложением для денежных переводов и оплаты в магазинах, разработанным Danske Bank. Наибольшую активность в борьбе с наличными деньгами проявляют шведы. Операции с наличностью в Швеции составляют всего 3%. Для сравнения: в Европе в целом этот показатель примерно в три раза выше, а в США – 7%. В Швеции появился первый в мире магазин, где покупки можно оплачивать взмахом руки. Всё основано на использовании аппарата, который сканирует рисунок вен. Меньше, чем у шведов, доля наличных денег лишь в Южной Корее; там она, по данным World Payments Report, равна 2%[1].

В России тенденция вытеснения наличных денег из обращения получила развитие после мартовского 2012 г. семинара по модернизации казначейских систем стран — членов Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТЭС), где эксперт Всемирного банка Дж. Денер, комментируя вопрос об эффективности национальной платежной системы России, сказал: «Если проблема может быть решена с помощью какого-то законодательного акта, это нужно сделать, чтобы улучшить эффективность системы»[2]. После ряда законодательных инициатив в 2016 г. Центробанк отметил резкий рост безналичного оборота. В 2015 году по сравнению с 2014 доля безналичных операций выросла на 44% (по числу трансакций) и на 36% (по их объему). При этом операции по снятию наличных в банкоматах сократились на 1% (по числу операций) и на 4% (по сумме). До 2015 г. из общего объема транзакций по пластиковым картам только около 12,5% составляли операции по оплате товаров и услуг, т.е. карты использовались для снятия наличных. С 2015 г. существенно увеличилось число операций по оплате товаров и услуг с карт (рост за год в 4,5 раза), переводов с карты на карту, безналичных перечислений по благотворительным программам (рост более чем в 30 раз), операций, совершенных через Интернет и мобильный банк. Трансакции через ИнтернетБанк и МобильныйБанк уже занимают 20% от общего числа безналичных трансакций[3].

Вытеснение наличных денег из оборота выгодно банкирам. Некоторые просто объявляют о том, что прекращают все операции с наличными. Другие устанавливают высокие комиссии на свои услуги, если клиент оплачивает их наличными деньгами. Вот свежий пример: в апреле 2016 г. крупнейший американский банк Chase (подразделение JP Morgan Chase & Co) ограничил использование наличных денег. Своим клиентам банк разослал информационные письма, в которых говорится о том, что они не могут использовать наличность для оплаты долгов по платежным картам, ипотеке, автомобильным кредитам, вносить деньги в паевые инвестиционные фонды. И уже совсем удивительно: банк отказывается хранить наличные деньги в сейфовых ячейках, если они не представляют коллекционной ценности. По инструкциям банка оружие хранить можно, а наличные деньги – нет! Катасонов в цитируемой статье предполагает, что банки заинтересованы в полном переходе на безналичные электронные деньги, рассматривая эту заинтересованность как еще один шаг к ликвидации экономических свобод и установлению экономического тоталитаризма.

Электронные деньги и институты, посредством которых они используются, стремительно развиваются. Особняком в семействе электронных денег стоит криптовалюта, например, биткоин, который еще вчера казался очередной игрушкой программистов. На финансовом рынке сегодня 646 видов криптовалют, неподконтрольных существующим финансовым институтам. На втором месте после биткоина стоит криптовалюта 2016 года OneCoin, которая пока слабее BitCoin по капитализации в пять раз, но стремительно догоняет лидера. Сторонники криптовалюты настаивают, что биткоины ближе к «золотому стандарту», чем бумажные деньги, так как биткоины являются своеобразным ресурсом, который, во-первых, требует значительных затрат труда на его добычу (производителей биткоинов называют майнерами – шахтерами, от англ. miner). Во-вторых, производство биткоинов ограничено, то есть это уникальный ресурс, который идеально подходит для блокчейна как рынка, на котором этот ресурс можно обменивать и им торговать. Конечно, «числа» в качестве денег принимают не везде, но ведь и пластиковые карты когда-то тоже воспринимались скептически.

Суд Евросоюза принял решение о приравнивании биткоинов к другим традиционным валютам после обращения в суд предпринимателя Дэвид Хэдквиста. Он хотел открыть сервис по обмену биткоинов на традиционные виды валют и наоборот, но сделки такого типа облагались налогом на добавочную стоимость. Рассмотрев обращение, суд приравнял биткоины к средствам законных платежей, которые налогом на добавочную стоимость не облагаются[4].

Возникают не только новые платежные средства, но и новые платежные технологии, основанные на принципе peer-to-peer (P2P), предполагающем отсутствие в системе центра, выполняющего привычные функции посредника, фиксирующего все транзакции. Эти функции выполняются коллективно всеми участниками сети. Такова платежная система блокчейн (цепочка блоков, технология «распределенных баз данных») – там представлены все транзакции пользователей за все время существования системы, и эту информацию невозможно удалить или сделать невидимой для пользователей. Все участники системы контролируют каждую проведенную операцию, цепочка абсолютно прозрачна. Этот платежный институт, при котором посредники не нужны, способен радикально изменить финансовую систему. Технология блокчейн позволяет передавать не только электронные эквиваленты реальных денег, но и криптовалюту, что делает систему независимой от официальных финансовых регуляторов. В сентябре 2015 г. был создан Консорциум R3, куда вошли ведущие банки планеты, кроме китайских (которые не готовы применять открытый код для банковских учреждений) и российских (на которые наложены санкции). В начале 2016 г. R3 начал первый экспе-

---

[1] Катасонов В.Ю. Безналичная демократия или банковский концлагерь? -http://reosh.ru/beznalichnaya-demokratiya-ili-bankovskij-konclager.html

[2] Бжезинский Д. Нал золотник, да дорог. – http://www.odnako.org/magazine/material/nal-zolotnik-da-dorog/

[3] ЦБ: доля безналичных операций в России выросла на 44%. – http://izvestia.ru/news/609972#ixzz4WaFv0L5g http://izvestia.ru/news/609972

[4] Фролов А. Суд Евросоюза приравнял биткоины и другие криптовалюты к традиционным деньгам. 22 октября 2015. – https://vc.ru/n/euro-bitcoun

римент с использованием блокчейн-технологии, его результаты покажут приемлемость новой банковской технологии в мировой экономике. Весной в Москве прошла крупная конференция «Блокчейн и открытые платформы – 2016», в ходе которой представители Банка России рассказали о возможном развитии национальных цифровых валют и об интересе банковской сферы к распределенным реестрам. Примеры «живого» применения технологии распределённого реестра представили Сбербанк, Национальный расчетный депозитарий, платёжные системы QIWI и WebMoney.

Сейчас блокчейн уже используют для создания систем резервного копирования, для найма фрилансеров на работу на цифровом рынке труда, где послужной список каждого участника виден любому пользователю. Принципиально новая технология капитализируется и становится повседневной.

На Давосском форуме в январе 2016 г. биткоин и блокчейн оценивались как продукты, использование которых приведет к революции в финансовой системе. Глава МВФ К. Лагард сделала акцент на том, что все валютные инновации, связанные с биткоином, уже начали негативно влиять на денежно-кредитную политику и в целом создают угрозу стабильности финансовой системы в мире. На сегодняшний день доля криптовалют составляет ничтожно малую часть – всего 0,1% от всей денежной массы США, но даже маленький камешек приводит в движение лавину.

В России криптовалюта (биткоин) уже запрещена законом, так как Следственный комитет считает их угрозой национальной безопасности, но ответственность за нарушение запретов не предусмотрена. С другой стороны, в российском руководстве неоднократно заявляли, что блокчейн как технологию, позволяющую обойтись без мировых финансовых посредников, стоит исследовать. В декабре 2015 г. прошел первый всероссийский форум «Интернет-экономика», который посетил Президент РФ Владимир Путин. На форуме неоднократно поднимался вопрос о необходимости обеспечить «цифровой суверенитет» страны, а после Давосского форума 2016 г. Президент предписал исполнительной власти разработать «предложения по внедрению единых подходов к проверке сведений, предоставляемых при банковском обслуживании»[1].

Для исполнения поручения Президента при российских банках и ассоциациях были образованы рабочие группы, в Минфине и Госдуме – группы экспертов, в Центробанке – специальная Рабочая группа, пообещавшая «изучить основные тенденции и практики в области блокчейна, а также определить подходы к регулированию в этой области»[2]. Все эти группы пытаются понять, почему технология блокчейн (распределенные базы данных), на основе которой существуют биткоины, заинтересовала финансовые институты, создавшие Консорциум R3? И не отстанет ли Россия, увидевшая в биткоин подобие финансовой пирамиды, от нового технологического витка?

В конце 2016 г. в Госдуму внесен проект нового Кодекса об административных правонарушениях (КоАП), в котором к биткоину применяется термин «денежные суррогаты». Эти суррогаты запрещается производить и использовать на территории РФ, а также выпускать программное обеспечение, способствующее выпуску или обороту «денежных суррогатов». В п. 2.2 проекта КоАП отмечается: «Не являются денежными суррогатами электронные деньги, выпуск и обращение которых происходит в соответствии с положениями законодательства стран СНГ, Евросоюза, а также Великобритании». Суд ЕС в октябре 2015 г. приравнял биткоин к валютам и освободил от НДС, что можно рассматривать как законодательное регулирование. В Великобритании подобное решение было принято еще в марте 2014 г., а сейчас разрабатывается законопроект о регулировании криптовалютных бирж. Регулирующие меры по обороту биткоина существуют и в таких государствах ЕС, как Германия и Нидерланды. Подобные законы могут также быть приняты в любой из стран СНГ, то есть если на момент вступления в силу нового КоАП биткоин будет законным платежным средством этих государств, то и на территории РФ он уже не может быть признан денежным суррогатом.

В то время, пока в России решают вопрос: является ли биткоин деньгами? – прогресс не стоит на месте: физики продемонстрировали модель оптических квантовых денег – модельная купюра представляет собой закодированное состояние поляризации одиночных фотонов. Цифровая экономика демонстрирует высокие темпы трансформации образующих ее институтов и превращения ранее невозможных способов экономических отношений в повседневность.

[1] Путин поручил ФСБ промониторить информационные угрозы в Интернете // Вести Ru. – http://www.vesti.ru/doc.html?id=2714846&cid=7

[2] Седов К. Скованные одной цепью // Ведомости. – М., 2016. – № 4024, 29 февраля. – http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/02/29/631755-skovannie-odnoi-tsepyu

Добжевич Н.Ю.
руководитель дополнительного офиса № 9038/1705, Московский Банк. ПАО Сбербанк

О СОВРЕМЕННЫХ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГАХ

Ключевые слова: *услуги, финансовые услуги, рынок услуг, кредитно–сберегательные услуги, финансово-биржевые услуги, страховые услуги.*

Keywords: *services, financial services, services market, credit and saving services, financial market services, insurance services.*

Чтобы раскрыть суть финансовых услуг, нужно выяснить в общем виде, что такое услуги, поскольку в литературе, в различных справочных изданиях по-разному характеризуется это понятие и в большинстве случаев с предлагаемыми трактовками нельзя согласиться. Услуги определяют и как виды деятельности, и как результат деятельности, и как саму деятельность, т.е. оказание услуги, обслуживание. Некоторые трактовки слишком широкие, не раскрывающие специфики услуг в отличие от других видов деятельности, некоторые неточные, требующие дополнений. Именно поэтому необходим анализ, уточнение и выведение собственного определения.

В качестве примеров определения услуги как деятельности можно привести следующие. Так, услуга может быть определена как деятельность, без всякого указания на специфику этой деятельности, – считает Н.Н. Иванов[1]. «Под услугами мы понимаем общественно-полезную деятельность», – пишут другие авторы[2]. Но, такую предельно расширенную трактовку нельзя принять. Любой труд, а также многое другое, осуществляемое людьми, представляет собой деятельность.

Некоторые авторы отмечают специфику услуг как вида деятельности, усматривая ее в том, что услуги – виды деятельности, работ, в процессе выполнения которых не создается новый, ранее не существовавший материально-вещественный продукт, не изменяется качество уже имеющегося, созданного в прошлом продукта. Это блага, предоставляемые не в виде вещей, а в форме деятельности. Таким образом, сама деятельность, в ходе которой происходит оказание услуги, создает желаемый результат[3]. Это определение не верно, т.к. качество ранее созданного продукта в процессе оказания услуги может измениться. Например, при оказании услуги по ремонту.

Более точные определения специфики услуг как трудовой деятельности дают Котлер и его единомышленники. Котлер считает: «Услуга – любая деятельность, которую одна сторона может предложить другой, действие, не приводящее к владению чем-либо. Ее предоставление может быть связано с материальным продуктом»[4]. «Услуга (service) – любая деятельность или благо, которую одна сторона может предложить другой. Услуга по сути своей является неосязаемой и не приводит к овладению собственностью (к передаче собственности)»[5]. Но опять же есть некоторые неточности в определении. Услуги не всегда являются неосязаемыми. Также объект собственности может быть существенно изменен как качественно, так и количественно.

Можно встретить и такое определение: «Услуги – это действия, дела или исполнение работы. Услуги являются неосязаемым и скоропортящимся продуктом»[6]. Здесь, как и в предыдущих определениях, неточным является то, что услуга характеризуется как нечто неосязаемое.

Несколько иная трактовка заключается в определении услуги как продукта деятельности.

Толковый словарь Ушакова определяет услугу как действие, приносящее помощь, пользу другому[7]. Так же считает С.З. Джабраилов. «В самом общем плане услугой является действие, приносящее помощь, пользу другому»[8]. Такое определение является недостаточным, поскольку не раскрывает должным образом особенности соответствующих действий.

Наиболее правильным, на наш взгляд, является следующее определение: «услуги – целесообразные виды деятельности, направленные на удовлетворение потребностей человека и общества в целом, в процессе выполнения ко-

---

[1] Иванов Н.Н. Сфера услуг как объект исследования и управления. Препринт. – СПб., 2000. – С. 4.

[2] Азар В.И., Плетникова И.А. Теоретические вопросы // Вопросы совершенствования ценообразования на услуги. Сб. науч. тр. – М.: Госкомцен, НИИЦен, 1976. – С. 5.

[3] Лозовский Л.Ш., Райзберг Б.А., Ратковский А.А. Универсальный бизнес-словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997.

[4] Котлер Ф. Маркетинг менеджмент: анализ, планирование, внедрение, контроль. – СПб.: Питер, 1998.

[5] Котлер Ф., Армсронг Г., Сондерс Дж., Вонг В. Основы маркетинга. – М., СПб., К.: Издат. дом «Вильямс», 1999.

[6] Управление и организация в сфере услуг / Хаксевер К., Рендер Б. Изд.2. 2002.

[7] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова.

[8] Джабраилов С.З. Понятие, виды, значение и правовое регулирование торговли услугами в РФ. – М., 1998. (Деп. в ИНИОН РАН). – С. 2.

торых не создается материально-вещественный продукт»[1]. Но оно тоже не точное, т.к. продукт может быть изменен и улучшен.

Весьма плодотворна попытка выявить суть услуги, связывая ее с удовлетворением потребностей людей. Услуги – итоги непосредственного взаимодействия поставщика и потребителя и внутренней деятельности поставщика по удовлетворению потребности потребителя. Услуга может быть связана с производством и поставкой материальной продукции[2]. Только вряд ли адекватным является указание на связь услуги с производством материальной продукции.

В трактовке некоторых авторов содержатся намеки на выявление специфики услуги как вида и результата деятельности. Но она так и не выявляется. Встречается и ряд совершенно неточных определений. Услуги могут быть отнесены к благам («...услуги являются продуктами труда, тождественными по своей экономической природе материальным благам»[3]. Но не все услуги в конечном результате являются благом.

Многие ученые соотносят услуги с товарами («...такой же товар, как и продукты питания, одежда и т.п.»), – пишут Колесников И.В., Пузанов А.С, Сиваев С.В.[4] Но здесь не определяется специфики услуги как продукта трудовой деятельности.

На основе вышесказанного хотелось бы дать свое определение, представляющееся более точным. Услуга – трудовая деятельность субъектов экономических отношений, обеспечивающая удовлетворение различных потребностей других субъектов этих отношений, продукты которой подобно товарам материально-вещественного характера выступают на рынке объектами спроса и предложения, но в отличие от товаров-вещей эти продукты не являются материально-вещественными предметами и неотделимы от самой деятельности производителей услуг. Удовлетворение потребностей посредством услуг заключается в восстановлении или улучшении потребительских качеств ранее произведенных предметов (ремонт и т.п.), их транспортировке, а также перевозке людей, в коммуникационном обслуживании (почтовые и т.п. услуги), улучшении физического состояния людей, обеспечении их духовыми благами, оказании им информационной, юридической, финансовой и другой помощи в целях решения возникающих у них жизненных проблем.

Одним из видов услуг являются финансовые услуги. Их суть состоит во взаимосвязи поставщиков и потребителей денежных средств.

Понятие «финансовая услуга» встречается теперь в литературе довольно часто, но определение этого понятия дано лишь в немногих источниках. В законе «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» от 23 июня 1999 г. № 117-ФЗ финансовая услуга определяется как деятельность, связанная с привлечением и использованием денежных средств юридических и физических лиц. В качестве финансовых услуг называются осуществление банковских операций и сделок, предоставление страховых услуг и услуг на рынке ценных бумаг, заключение договоров финансовой аренды (лизинга) и договоров по доверительному управлению денежными средствами или ценными бумагами, а также иные услуги финансового характера.

Необходимо более детально рассмотреть суть финансовых услуг. Основное их назначение состоит в привлечение свободных средств населения, их размещение, кредитование, выполнение поручений клиентов.

Финансовые услуги можно условно подразделить на:

– кредитно–сберегательные услуги;

– финансово-биржевые услуги;

– страховые услуги;

– прочие финансовые услуги.

Рассмотрим перечисленные выше финансовые услуги более подробно, при этом оказываемые только физическим лицам.

К кредитно-сберегательным услугам относятся следующие:

– привлечение денежных средств во вклады. Вкладами или депозитами называются денежные средства физических лиц, размещенные на счетах в кредитных организациях под процент. Отношения вкладчика и кредитной организации строятся на договорных началах, которые регулируются законодательными и иными нормативными актами, в частности внутренними инструкциями. В договоре указывается: сумма вклада, срок его размещения, величина процентов, периодичность их начисления и выплат, а также условия: пополнения вклада, изъятия средств и возможности изменения условий договора, прекращения отношений и др. В российской практике по срокам размещения банковские вклады подразделяются на депозиты до востребования и срочные. По срочным депозитам владельцам выплачивается более высокий процент, но, как правило, имеются ограничения по досрочному изъятию.

– кредитование. Представляет собой экономическую сделку, при которой финансовое учреждение предоставляет населению денежные средства или имущество на условиях срочности, возвратности и платности. Ценой кредита является ставка процента. Кредиты разделяются по срокам (долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные), по обеспеченности (обеспеченные, необеспеченные), по виду кредитора (государственные, коммерческие, частные, синдицированные), по направлению использования (потребительские, ипотечные, авто кредиты, промышленные, экспортные, импортные), по способу предоставления (вексельные, кредитные линии, возобновляемые, обращаемые), по размеру (мелкие, средние, крупные).

---

[1] Финансово-кредитный энциклопедический словарь. – М, 2004.

[2] Международный стандарт ISO 8402:1994. Управление качеством и обеспечение качества.

[3] Тыкоцкий Л.И. Производительный труд и услуги. Вопросы теории. – Вильнюс: Минтис, 1973. – С. 89.

[4] Колесников И.В., Пузанов А.С, Сиваев С.В. Проблема задолженности населения по оплате жилищно-коммунальных услуг. – М.: Фонд «Институт экономики города», 1998.

– расчетно-кассовое обслуживание. Услугами по расчетно-кассовому обслуживанию являются открытие и закрытие расчетных, текущих, транзитных и иных счетов клиентам, осуществление безналичных переводов в рублях и иностранной валюте, зачисление средств на счета клиентов в рублях и иностранной валюте, оперативное информирование клиента об операциях по его счетам по телефону/факсу на основании заключенного договора, формирование для клиентов отчетности о движении средств по их счетам в банке.

– предоставление клиентам дебетовых и кредитных карт, что способствует упрощению электронных расчетов. Наличие карты удостоверяет существование специального (карточного) счета у ее владельца в кредитной организации, что дает клиенту возможность оплачивать текущие расходы, пополнять свой депозитарный счет, снимать денежные средства через банкомат, а также получать выписку по счету.

– выдача банковских гарантий, что является одним из основных способов обеспечения исполнения обязательств. В соответствии со статьей 369 Гражданского кодекса РФ любое кредитное учреждение или страховая организация дают по просьбе другого лица обязательство уплатить кредитору в соответствии с условиями даваемого гарантом обязательства денежную сумму по представлении кредитором письменного требования о ее уплате. Гарантия выдается банком по поручению и за счет клиента.

Конкуренция на рынке кредитно-сберегательных услуг способствует улучшению качества обслуживания клиентов и предложению новых видов услуг, таких как финансово-биржевые. Они предполагают деятельность по инвестированию капитала в финансовые инструменты с целью увеличения денежных средств клиентов. Индивид может самостоятельно вкладывать денежные средства в финансовые инструменты или воспользоваться услугами по доверительному управлению.

Индивидуальное управление сопряжено с большими рисками, связанными в первую очередь с отсутствие опыта у инвестора, поэтому большая часть потребителей этих финансовых услуг предпочитают доверительное управлению денежными средствами, которое осуществляется в соответствии с договором. Доверительное управление предполагает профессиональное управление различными активами с целью получения прибыли. Есть различные варианты услуг по доверительному управлению. Некоторые управляющие придерживаются более консервативных стратегий управления, кто-то предлагает более рискованные.

Помимо кредитно-сберегательных и финансово-биржевых услуг, существуют страховые услуги.

Страхование как институт является системой экономических отношений по защите имущественных интересов физических лиц при наступлении определенных страховых событий[1].

Современное страхование может быть разделено на две сферы: коммерческое и некоммерческое. Некоммерческое включает в себя: социальное страхование, обязательное медицинское страхование и взаимное страхование. Коммерческое страхование можно разделить по отраслям: личное, имущественное, страхование ответственности и страхование экономических рисков. Личное страхование имеет дело с имущественными интересами, связанными с жизнью, здоровьем, трудоспособностью и пенсионным обеспечением страхователя или застрахованного лица. Имущественное страхование выражает интересы страхователя или другого лица, связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом. Страхование ответственности отражает интересы, обусловленные возмещением страхователем причиненного им вреда физическому или юридическому лицу. Из сферы коммерческого страхования необходимо более подробно остановиться на услугах по страхованию рисков, в частности, страхование финансовой сферы. Страхование вкладов является основным видом финансового страхования в нашей стране. На государственном уровне создан Федеральный фонд обязательного страхования вкладов (в соответствии со ст. 38 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», 1996). Цель Фонда обеспечение гарантий возврата привлекаемых банками средств граждан и компенсация потери доходов по вложенным средствам. Если еще несколько лет назад эта услуга была не совершенна, то сейчас любому вкладчику при наступлении страхового случая гарантируется возврат денежных средств в размере 1 400 000 рублей. Если сравнивать с Соединенными Штатами Америки, то там для банков – членов Федеральной резервной системы США существует обязательное страхование депозитов. Финансово-биржевые услуги также подлежат обязательному страхованию. Большинство зарегистрированных профессиональных участников в США являются членами комиссии по защите прав инвесторов (Securities Investor Protection Corporation). Комиссия обеспечивает финансовую защиту клиентских счетов с находящимися на них ценными бумагами и денежными средствами, в случае ликвидации брокерской компании. В отличие от Федеральной корпорации страхования депозитов (FDIC), SIPC страхует счет каждого клиента на определенную сумму. Для каждого инвестора максимальная сумма возмещения – 500 000 долларов, из которых только 100 000 долларов возмещается наличными.

К прочим видам финансовых услуг относятся консалтинговые услуги, а также услуги рейтинговых агентств.

Если инвестор не собирается в данный момент вкладывать деньги, но хочет получить консультацию, он прибегает к консалтинговым услугам. Услуги по финансовому консультированию – это выдача рекомендаций по вопросу возможных финансовых вложений.

Консалтинговые услуги состоят из услуг:

– по исследованию и прогнозированию финансового рынка;

– по разработке маркетинговых программ;

– по оценке эффективности проектов;

– по созданию и преобразованию организационных структур;

– по поиску путей выхода из кризисных ситуаций.

[1] Рынок ценных бумаг / Под ред. В.А. Галанова, А.И. Басова. – М., 2007.

Услуги рейтинговых агентств – это еще один вид услуг в финансовой сфере. Эти услуги заключаются в составлении интегральных индексов риска экономических субъектов по степени надежности в качестве заемщиков. С помощью индексов оценивается надежность разного рода долговых обязательств, и составляются кредитные рейтинги. Целью рейтингов является определение уровня потенциальной прибыльности и надежности инвестиций.

Более новые, недавно появившиеся услуги (финансово-инвестиционные услуги), несмотря на активную рекламную политику, пока менее известны населению нашей страны. Но, несмотря на то, что рынок финансовых услуг с каждым годом все больше развивается, он еще далек от совершенства.

Современная Россия по степени развития сферы услуг занимает промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами. С одной стороны, с 90-х годов в крупных городах (особенно, в Москве и Санкт-Петербурге) появился интерес и стремление к западным стандартам развития сервиса. С другой стороны, в российской «глубинке» до сих пор сфера услуг развивается в формах, более близких к странам «третьего мира» – (неформальная организация бизнеса, широкое использование малоквалифицированного труда, нехватка наукоемких услуг)[1]. В настоящее время Россия в масштабах всей страны просто несопоставима с развитыми рынками по вовлеченности населения в использование финансовых услуг. Так, например, в США 62% населения пользуются финансовыми услугами[2], а на ведущей российской бирже ФБ ММВБ, открыто лишь несколько более 600 тыс. счетов частных инвесторов, что составляет менее процента от населения России.

Тем не менее, продавцы финансовых услуг не теряют надежды и пытаются повысить уровень финансовой грамотности населения и заинтересовать возможностью приумножения своих денежных средств.

[1] См. об этом подробнее: Энциклопедия «Кругосвет». – http://slovari.yandex.ru/

[2] http://www.ici.org

Евченко Н.Н.[1]

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СРАВНЕНИЯ ДИНАМИКИ ЭКСПОРТА ГОТОВОЙ ПРОДУКЦИИ И HI-TECH ТОВАРОВ КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *экспорт, внешняя торговля, готовая продукция, высокотехнологичный экспорт, конкурентоспособность, международные сравнения, доля экспорта в производстве.*

Keywords*: export, foreign trade, finished goods, hi-tech export, competitiveness, international comparisons, export share in production.*

Внешнеполитические события 2013–2015 гг., по мнению сотрудников международных организаций, российских руководителей и экспертов, оказали влияние на замедление темпов роста российской экономики, поступлений налогов в бюджет, снижение доходов населения.

Председатель совета Центра стратегических разработок (ЦСР) Кудрин А. готовит программу развития России, и первым этапом анализа 77 экспертами проблем для первоочередного решения стал поиск проблем-лидеров в трех группах рисков: у первой группы (*внешняя и внутренняя политика и безопасность*) лидируют риск «углубление изоляции от международных рынков капитала и товарных рынков» – 63,6% и риск «вовлечение страны в приграничные конфликты», который набрал 27,3%.

Во второй группе (*институты, гражданское общество и человеческий капитал*) победу одержали «низкий уровень государственного управления в сочетании с коррупцией» (46,8%) и «чрезмерное участие государства в экономике», которое получило 28,6% голосов экспертов.

В третьей, *макроэкономической группе*, было отмечено «технологическое отставание страны и ограниченность вовлечения в мировую технологическую революцию» (40,3% экспертов выбрали данную позицию)[2].

Таким образом, эксперты выявили, что проблемы «внешней торговли, позиционирования на внешних рынках и технологического отставания» экономики России требуют первоочередных мер реагирования. Возникает вопрос: как же в действительности характеризуются позиции России по ключевым параметрам эффективности экономики, товарному и услуговому обмену в сравнении с некоторыми государствами мира? Какова ситуация с высокотехнологичным экспортом и экспортом готовой продукции в условиях замедления экономики (2014–2016), и что необходимо предпринять для решения задач, выделенных экспертами.

Методика исследования в данной работе включает выделение двух групп государств мира – постсоветского блока – СНГ и ЕАЭС, и группы стран, у которых величина валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) на душу населения близка к отечественным показателям по 2015 г. (табл.1).

Таблица 1

Величина ВВП по ППС в 2008-2016 гг., прогноз на 2017–2020 гг., в долл. США[3]

Года	Испания	Турция	Россия	Италия	Канада	Малайзия	Польша	Республика Корея
2008	33 202,4	15 630,4	23 048,0	36 105,4	39 944,1	19 502,5	19 374,4	27 523,0
2009	31 991,0	14 772,8	21 406,2	34 182,6	38 615,3	19 020,9	20 025,1	27 795,7
2010	32 251,9	16 065,5	22 638,6	35 071,1	39 844,4	20 335,8	21 082,0	29 824,7
2011	32 466,6	17 596,7	24 032,2	35 895,6	41 523,4	21 498,4	22 571,3	31 327,1
2012	32 178,0	18 083,6	25 322,5	35 508,6	42 535,4	22 742,2	23 345,4	32 488,7
2013	32 270,3	18 931,5	26 046,1	35 278,5	43 673,2	23 630,7	24 023,2	33 824,0
2014	33 393,2	19 636,8	26 688,2	35 140,7	45 048,6	25 089,2	25 285,7	35 435,9
2015	34 861,1	20 420,3	25 965,1	35 780,9	45 601,7	26 211,2	26 499,1	36 612,4
2016	36 451,1	21 146,7	26 109,1	36 313,3	46 239,9	27 234,3	27 714,7	37 947,8
2017	38 095,6	22 021,1	26 966,6	37 317,9	47 560,3	28 612,0	29 267,7	39 778,1
2018	39 815,5	23 042,7	27 961,2	38 517,5	49 036,5	30 156,4	30 966,9	41 799,6
2019	41 528,5	24 111,4	29 051,2	39 588,4	50 504,6	31 804,9	32 647,4	43 846,8
2020	43 220,4	25 239,8	30 154,9	40 636,9	51 955,2	33 532,8	34 342,2	45 932,0

[1] Евченко Наталья Николаевна – д.э.н., профессор кафедры мировой экономики и международных отношений Южного федерального университета, эксперт Аналитического центра при Правительстве РФ; сферы научно-консультационных интересов: внешняя торговля РФ и регионов, несырьевой экспорт, институты развития ВЭД, стимулирование ВЭД малого и среднего бизнеса. E-mail: natayevch@aaanet.ru

[2] Информационное агентство Лента РУ». У России — три беды // Lenta.ru. – https://news.rambler.ru/ economics/33899205/?track=news_othernews

[3] Всемирная торговая организации, данные о ВВП по ППС 1980-2020 гг. (извлечение). – http://data.worldbank.org/indicator

Показатель ВВП по ППС на душу населения характеризует относительную эффективность национальной экономики по величине произведенной добавленной стоимости и с учетом численности населения государств, причем при его использовании фактор «численность населения» элиминируется, выявляется «реальная» производительность труда национальной экономической системы, безотносительно ее масштабов.

Эксперты ВТО, как представляется, чрезмерно оптимистичны в отношении стабильного роста в 2017–2020 гг. добавленной стоимости как для экономик, сравнимых с российской, так и для экономики России, поскольку темпы прироста ВВП по ППС выделенной группы государств прогнозируются примерно одинаково. Вряд ли данный прогноз оправдается, поскольку динамика данного показателя в 2008–2016 гг. существенно различается.

Произведенная добавленная стоимость реализуется в международном товарном обмене, где выделяются государства-экспортеры товаров с высокой (hi-tech), средней (готовая продукция) и незначительной (сырьевые товары) долей добавленной стоимости (рис.1, 2).

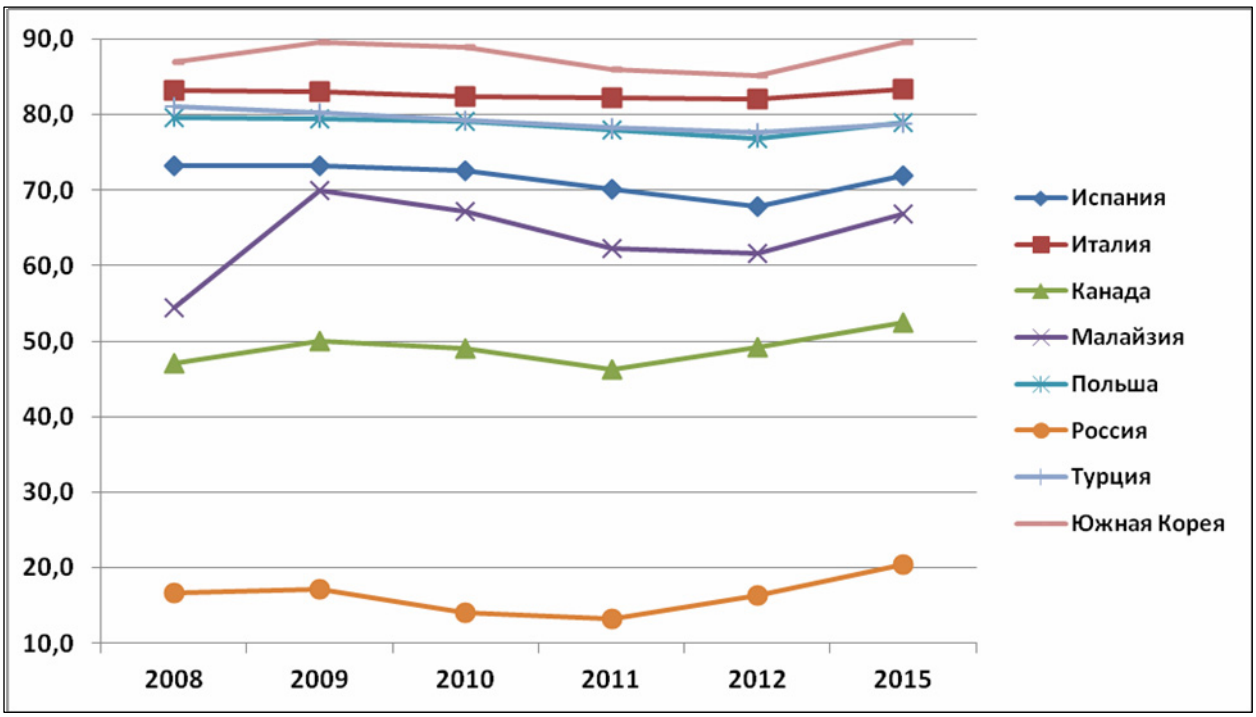


Рисунок 1.
Доля готовой продукции в общем объеме экспорта государств, 2008–2012 и 2015 гг., %

Согласно теориям международной торговли, продукция hi-tech[1] отнесена к товарам, реализация которых является стратегическим приоритетом государств, поскольку максимизация добавленной в товаре потребительной стоимости приносит и максимум стоимости при внешнем обмене, поэтому конкуренция среди государств за экспорт такой продукции наиболее высока. Достаточно привлекателен и экспорт готовых изделий, поскольку рынок товаров hi-tech ограничен покупательной способностью промышленности и населения подавляющего числа государств.

Экспорт государств, сравнимых с Россией по ВВП по ППС (рис. 1), характеризуется для «готовой продукции» как преимущественный, поскольку его доля составляет от 50% (Канада) до 90% (Южная Корея – Республика Корея).

Россия существенно отстает от анализируемых государств по доле *готовой продукции* в общем объеме экспорта государств, наращивание данного вида внешнеторговых товаров в экспорте до уровня сравнимых стран – важнейшая задача экономических властей.

Кроме того, как показывает анализ, экспорт готовой продукции имеет собственные циклы, например, минимизация поставок пришлась не на кризисные 2008–2009 годы, а на 2010–2012 гг.

Вывод о потенциале использования внешнеэкономических факторов роста экономики России следует и из данных по экспорту готовой продукции стран ЕАЭС и СНГ (рис. 2).

В 2008 г. наиболее заметно сократили достигнутую и весьма высокую долю «готовой продукции» Украина (с 70 % до 50 %) и Армения (с 50 % до 18 %); но существенно нарастила ее Киргизия – новый член ЕАЭС.

Очевидно, в представленной группе стран ЕАЭС-СНГ волатильность данного показателя существенно выше значений первой группы, что характеризует менее стабильное положение на рынках готовой продукции, проблемы с внутренней экономикой (Украина, Армения) (рис.1).

[1] Товары, включенные в разделы Международной стандартной торговой классификации (МСТК): 5 (Химические вещества и аналогичная продукция, не включенные в другие категории), 6 (Промышленные товары, классифицированные главным образом по виду материала), 7 (Машины и транспортное оборудование), 8 (Различные готовые изделия) за исключением раздела 68 (цветные металлы).

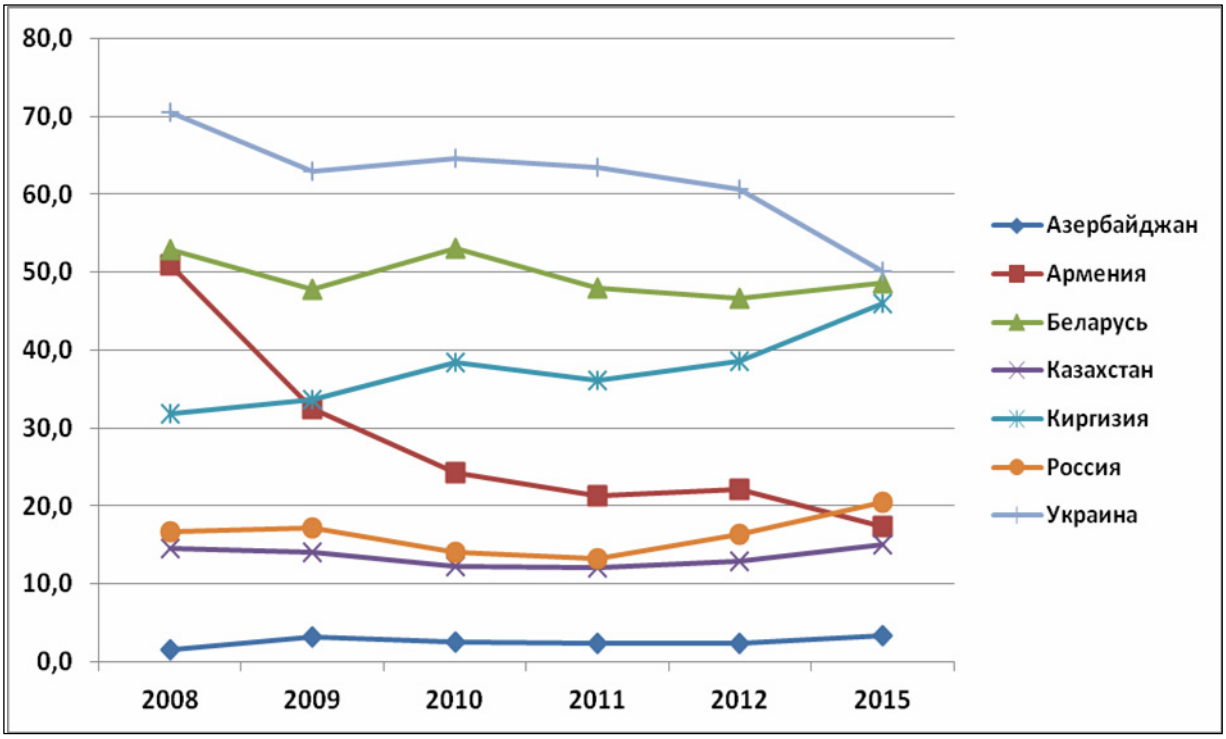


Рисунок 2.
Доля готовой продукции в общем объеме экспорта государств ЕАЭС и СНГ, 2008–2012 и 2015 гг., %

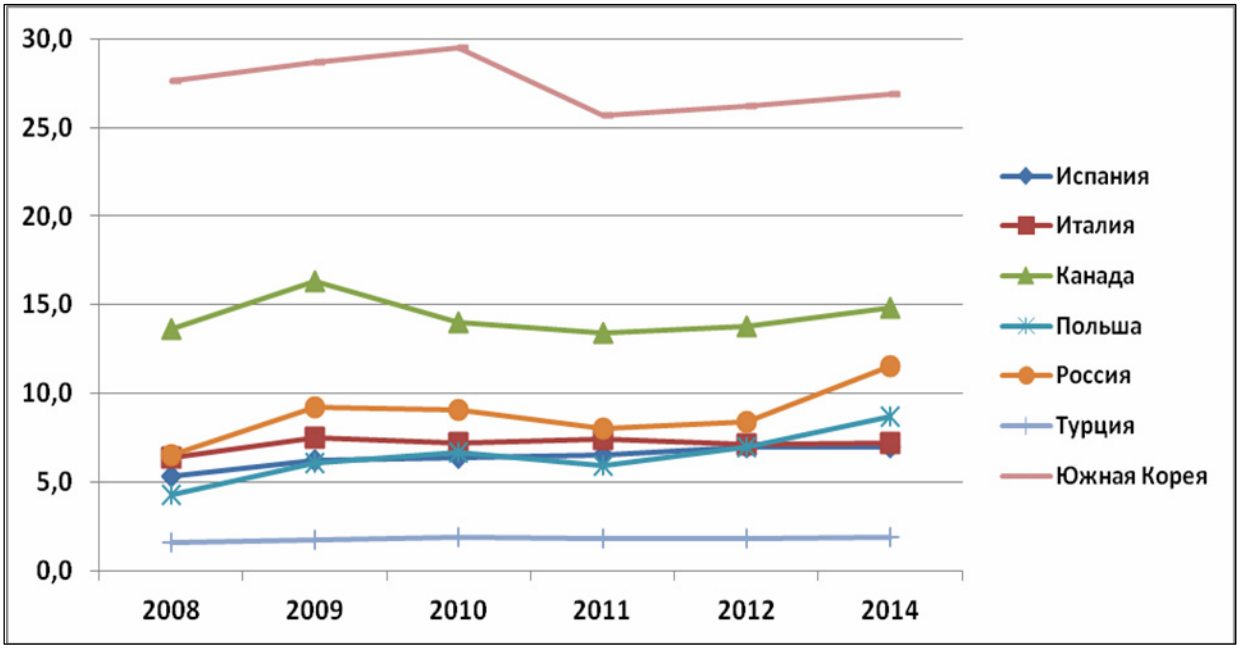


Рисунок 3.
Доля экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта промышленных товаров, 2008–2012 и 2014 гг., %

Мировой рынок товаров, произведенных на основе научных и инновационных принципов – высокотехнологичных товаров – нестабилен; его доля занимает до четверти объема экспорта промышленных товаров, состав в 1990 г. 18,2%; в 2000 г. – максимум – 24,4%; в 2011 – 16,4%; в 2014 г. – 17,1%, в 2015 – 18,3%. По данному показателю Россия, в целом, соответствует уровню, демонстрируемому странами со сравнительно близкими по производительности экономиками, а у Республики Корея данный показатель вдвое выше среднемирового уровня.

Следовательно, российский экспорт готовой продукции, несмотря на сохранение относительно низкой доли в экспорте, остается преимущественно высокотехнологичным, а последний наращивает долю в общем объеме поставок быстрее экспорта готовых товаров (рис. 1, 2). Это позволяет заключить, что тенденция на сохранение высокопроизводительных товаров в экспорте и рост его объема устойчива.

В то же время следует учитывать, что для государств – крупных экспортеров сырья (нефти и газа, Россия и Азербайджан) рост доли высокотехнологичных товаров связан с изменением структуры экономики и экспорта после девальвации национальных валют в 2014–2015 гг.

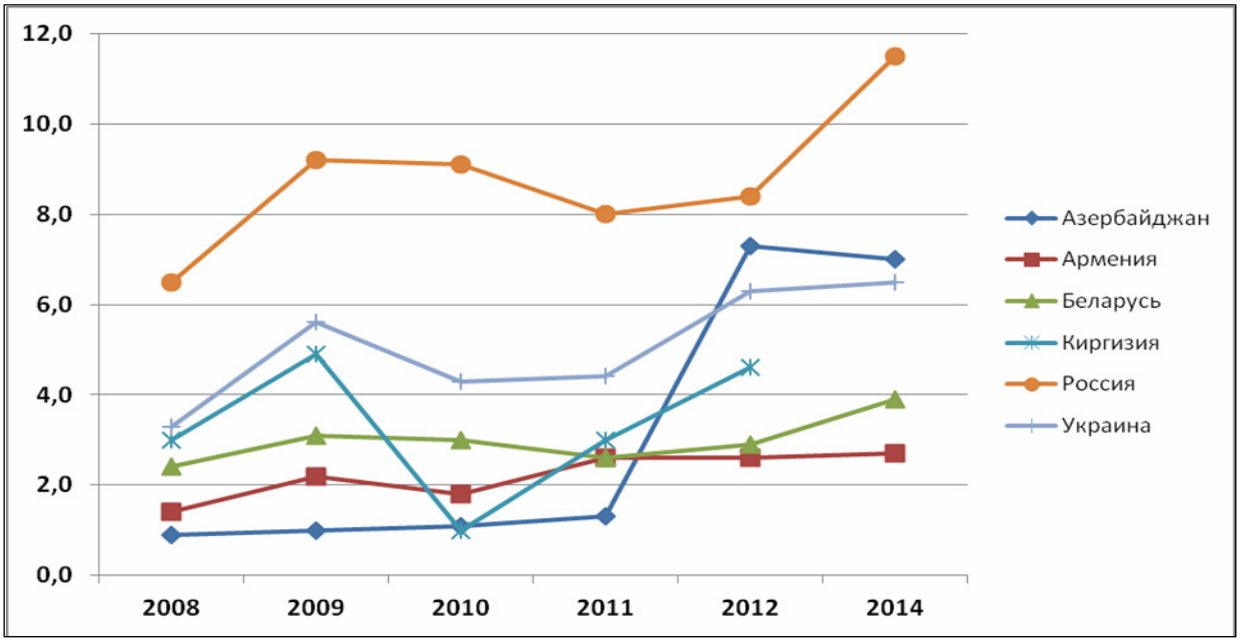


Рисунок 4.
Доля экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта промышленных товаров государств ЕАЭС и СНГ, 2008–2012 и 2014 гг., %

В абсолютном выражении настоящим «экономическим чудом» представляется рост объема экспорта высокотехнологичных товаров из Республики Корея.

Важный вывод следует и из анализа роли высокотехнологичных товаров в экспорте как непосредственном показателе, отражающем кризис в мировой экономике. Если экспорт готовых изделий даже в кризис вполне стабилен, причем лаг некоторого сокращения доли составляет 2–3 года, то кризис товаров высокотехнологичной сферы в абсолютном выражении *немедленно* снижается, за небольшим исключением – Малайзия и Польша (табл. 3).

Таблица 3

Экспорт высокотехнологичных товаров, 2008-2012, 2014, $ млрд., %

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2014 г.	Рост 14/08, %
Азербайджан	0,01	0,01	0,01	0,01	0,04	0,03	300,0
Армения							
Беларусь	0,42	0,32	0,41	0,51	0,62	0,66	157,1
Казахстан	2,25	1,80	2,36	2,59	3,54	3,32	147,6
Киргизия	0,01	0,01	0,00	0,01	0,02	нд	0,0
Россия	**5,07**	**4,53**	**5,08**	**5,44**	**7,10**	**9,84**	194,1
Украина	1,55	1,39	1,44	1,91	2,62	1,92	123,9
Испания	10,85	10,16	11,29	13,37	13,38	15,40	141,9
Италия	28,81	25,03	26,42	31,19	27,53	30,74	106,7
Канада	26,91	23,21	23,96	25,02	29,09	31,54	117,2
Малайзия	42,97	50,97	59,33	61,13	61,23	63,38	147,5
Польша	5,91	6,63	8,31	8,61	9,56	14,49	245,2
Турция	1,68	1,36	1,71	1,92	1,98	2,35	139,9
Южная Корея	100,91	92,86	121,48	122,02	121,31	133,45	132,2

Таким образом, государства ЕАЭС и СНГ существенно отстают от развитых государств по объемам экспорта высокотехнологичной продукции, хотя среди последних также выделяются экономики, где объемы данного типа экспорта незначительны (Польша, Турция).

В международных сравнениях существуют показатели, относительно редко используемые в аналитических исследованиях, при разработке антикризисных планов и программ, например, «международный индекс соблюдения прав собственности», который получен экспертным путем и выражен в баллах – чем выше балл, тем более положительно значение индекса (рис. 5, 6).

Сравнение графиков на рис. 5 и 6 позволяет заключить, что у экономически развитых государств значение данного индекса менее волатильно и напрямую не связано с мировыми кризисными периодами.

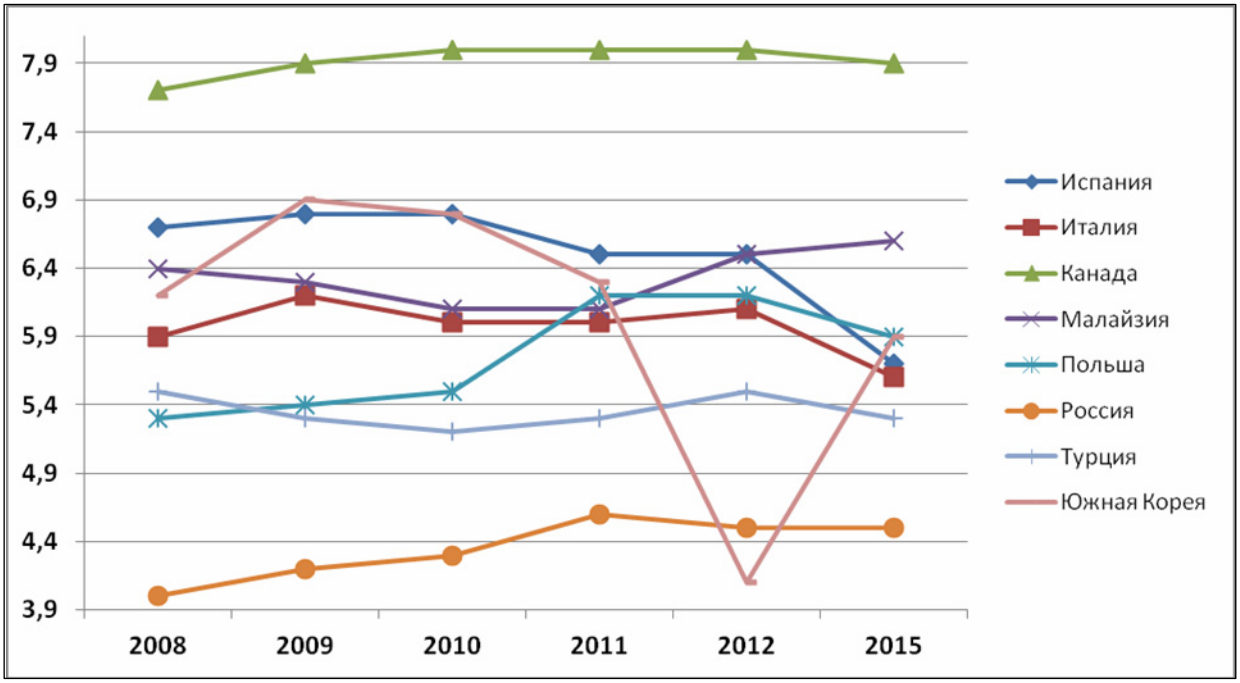


Рисунок 5.
Международный индекс соблюдения прав собственности, 2008–2012 и 2015 гг., баллы

Для государств ЕАЭС и СНГ тренд данного индекса у всех стран (за исключением Украины) положителен, что характеризует в целом позитивность тенденции случаев нарушения прав собственности (рис.6).

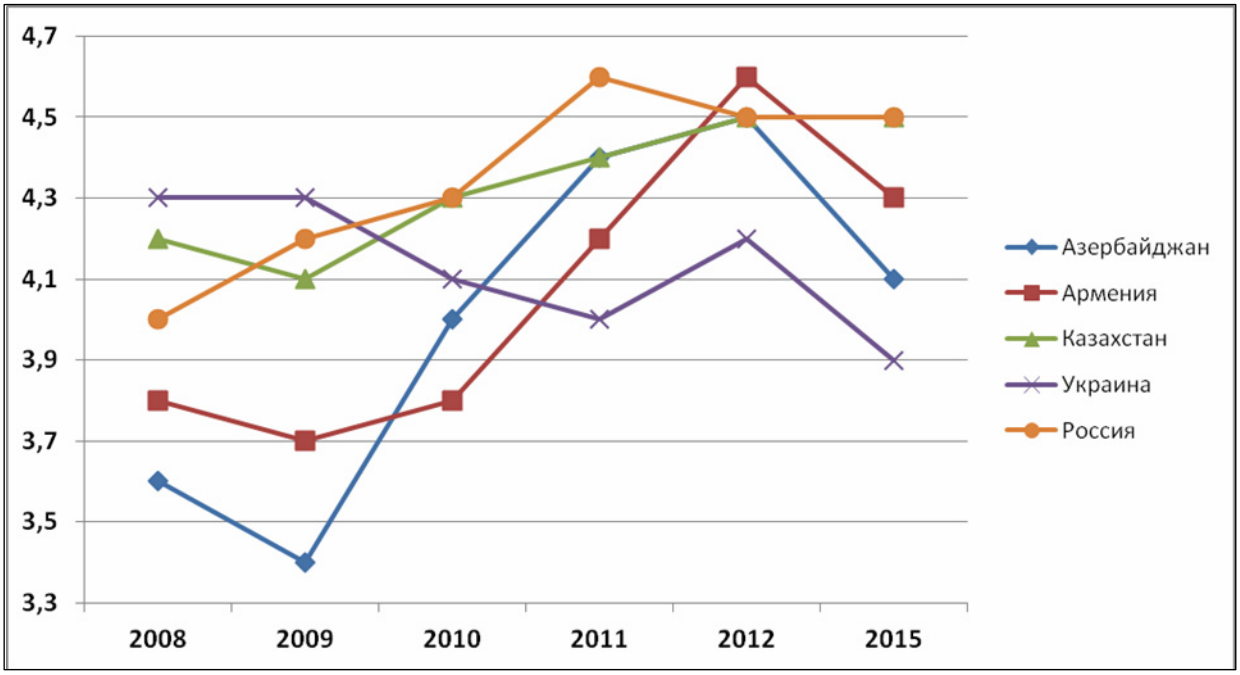


Рисунок 6.
Международный индекс соблюдения прав собственности государств ЕАЭС и СНГ, 2008–2012 и 2015 гг., баллы

Но в 2012–2015 гг. наблюдается снижение индекса соблюдения прав собственности, что косвенно характеризует кризисное состояние экономики Украины, для Азербайджана и Армении также регистрируется снижение значения индекса в 2008–2009 гг. и в 2012–2015 гг.

Выводы и рекомендации

1. Международные сравнения объемов, структуры и динамики экспорта готовой продукции и hi-tech-товаров представляются значимым аналитическим инструментом для системы принятия управленческих решений. Их результаты позволяют оперативно установить соответствие динамики развития экономики государства общемировым тенденциям, указать на возникновение кризисных явлений в экономике, отразить специфику развития для государств со сравнимыми условиями функционирования экономики задолго до изменения макроэкономических показателей.

2. Выявление наиболее динамично развивающихся государств-лидеров для сравнимых по критериям экономических систем позволяет сфокусироваться на изучении их опыта управленческого содействия росту несырьевого экспорта, в том числе высокотехнологичного, проанализировать особенности успеха взаимодействия бизнеса и власти в экспорте готовой продукции, росте эффективности экономической системы в целом.

3. Экспорт высокотехнологичной продукции, в отличие от несырьевого экспорта – готовых изделий, немедленно выявляет начало кризисных явлений в экономике, следовательно, при детализации групп может быть использован в целях оценки уровня экономической безопасности государства, включая этапы и меры необходимого реформирования экономики.

4. Для экспертного сообщества возможно рекомендовать, наряду с принятыми показателями, более детальное изучение «международного индекса соблюдения прав собственности государств» как комплексного индикатора результатов реформирования экономических систем, что может повлиять и на приоритетность сфер управленческого воздействия при решении задачи стимулирования экономического роста в среднесрочной перспективе.

Жураев И.М.
стажер-исследователь Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан

УЧАСТИЕ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *глобальная экономика, цепочки добавленной стоимости, модернизация экономики.*

Мировая торговля и производство все больше строятся на основе «глобальных цепочек создания добавленной стоимости» (ГЦСДС). Концепция глобальных цепочек создания добавленной стоимости сформировалась в науке в начале 2000-х годов. Считается, что с ее помощью могут быть объяснены некоторые характеристики мировой экономики[1]:

- Рост производства и его распространение в разных странах;
- Специализация стран в производственных задачах и бизнес-функциях, а не в конкретных продуктах;
- Роль сетей, глобальных покупателей и глобальных поставщиков. Анализ ГЦСДС дает представление об экономическом управлении и помогает определить фирмы и акторов, которые контролируют и координируют деятельность в производственных сетях.

ГЦСДС играют большую роль в модернизации и дают возможность предприятиям и компаниям повысить свою конкурентоспособность. Модернизация компаний может осуществляться четырьмя различными способами[2]:

- ***Модернизация производственных процессов***: повышение эффективности внутренних процессов как в рамках отдельных звеньев в цепи (например, увеличение оборачиваемости запасов), так и между звеньями цепочки (например, переход к более частым, более мелким и своевременным поставкам);
- ***Модернизация продукта***: внедрение новых продуктов или совершенствование ранее производимых продуктов, осуществляемые быстрее, чем это делают конкуренты. Это предполагает внедрение новых процессов производства продукции как в рамках отдельных звеньев в цепочке создания стоимости, так и между различными звеньями цепи;
- ***Функциональная модернизация***: изменения совокупности процессов, осуществляемых в рамках фирмы (например, в результате аутсорсинга бухгалтерского учета, логистики или управления качеством) или смещение фокуса деятельности в цепочке создания стоимости (например, от производства к дизайну);
- ***Модернизация цепочки добавленной стоимости***: переход к новой цепочке создания стоимости (ср. переход тайваньских компаний от производства транзисторных радиоприемников к производству калькуляторов, телевизоров, компьютерных мониторов, ноутбуков и др.).

Одна из наиболее распространенных траекторий модернизации начинается с модернизации производственных процессов, после которой осуществляется модернизация продукта, затем функциональная модернизация и, наконец, модернизация цепочки добавленной стоимости.

[1] Fernandes-Stark K., Bamber P., Gereffi G. The offshore services Global value chains: economic upgrading and workforce development/ Center on Globalization, Governance & Competitiveness, Duke University. 2011.

[2] Kaplinsky R. Morris M. A handbook for value chain research. 2000.

Кайгородова Г.Н.
к.э.н., доцент Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета
Мустафина А.А.
к.э.н., старший преподаватель Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета

СТРАХОВАЯ ЗАЩИТА КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *страховая защита, страхование, самострахование, взаимное страхование, страховые фонды, имущественное страхование, страхование ответственности.*
Keywords*: insurance cover, insurance, self-insurance, mutual insurance, insurance funds, property insurance, liability Insurance.*

В условиях кризисного состояния экономики, наличия геополитических вызовов, высокого уровня неопределенности ситуации на внутреннем и внешнем рынках актуализируется вопрос обеспечения финансирования ущербов от рисков. С точки зрения теории страховая защита может быть реализована тремя путями: страхованием, самострахованием, взаимным страхованием. Все три формы реализации представляют собой активный подход к управлению рисками.

С позиций экономической теории страхование, самострахование и взаимное страхование представляют собой экономические отношения по поводу формирования, распределения и использования различных фондов как натурального, так и стоимостного характеров. Реализация этих отношений имеет общее и частное.

1. В рамках страховых отношений и отношений, основанных на взаимном страховании, формируются и используются фонды только в денежной форме. Самострахование может реализовываться как в натуральной, так и в денежной формах.

2. Различие присутствует и в части управления средствами фондов, используемых на цели покрытия потенциального ущерба. При страховых отношениях управление средствами страхового фонда страховщика осуществляется страховой организацией. При самостраховании страховые фонды в натуральной и денежной формах находятся в управлении собственника этих средств. Взаимное страхование подразумевает создание денежного фонда и управление им самими участниками общества (как непосредственно, так и опосредованно, путем заключения договора с управляющим).

3. Из предыдущего тезиса вытекает следующее. Страховая защита в рамках самострахования не требует особых затрат от субъекта. В основном затраты связаны с издержками по хранению натуральной формы фонда самострахования, например, складские издержки. Взаимное же страхование, при сопоставимых со страхованием объемах компенсации потенциальных ущербов, может обойтись субъекту дешевле по сравнению с ценой той же услуги у страховщика. Это возможно, поскольку обществу взаимного страхования нет необходимости нести значительные затраты на управленческий аппарат и содержание офисных помещений. Но при возникновении ущерба, превышающего финансовые возможности фонда взаимного страхования, могут потребоваться дополнительные взносы и тогда эффект для участника общества, не пострадавшего от реализации риска, может быть минимально положительным либо даже отрицательным.

4. Возврат средств, используемых для финансирования работы инструмента страховой защиты. В страховании при прекращении действия рискового договора страхования по истечении срока (то есть без реализации риска), уплаченная страховая премия страхователю не возвращается. При самостраховании все средства, направляемые на финансирование возможного ущерба, остаются в собственности субъекта, осуществляющего защиту, и сохраняются (естественно, при условии грамотного инвестирования денежной составляющей). При взаимном страховании участники общества остаются собственниками страхового фонда, а при отсутствии убытков по итогам финансового года имеют право на часть инвестиционной прибыли, полученной за счет размещения средств этого фонда.

5. Самострахование целесообразно применять для покрытия сравнительно небольших убытков, иначе происходит неэффективное отвлечение ресурсов. Для финансирования средних и крупных потерь более целесообразными выглядят взаимное страхование и страхование.

Все три формы организации страховой защиты имеют большое значение. Предприятию необходимо достичь бесперебойности производственного процесса. Человеку желательно обеспечить защиту имущественных интересов. Если его рассматривать как категорию «человеческого капитала», то «потребление человеческого капитала предпола-

гает не только извлечение полезного эффекта, но также его сохранение»[1]. Для государства развитие этих форм страховой защиты актуально с двух позиций: 1) как инструментов финансирования убытков без участия государственных финансовых ресурсов (или минимизации их); 2) как источников инвестиционных ресурсов в экономике.

В данной статье мы исследуем страхование с позиций востребованности его услуг на современном этапе, поскольку считаем, что только при полноценной защите от страховых рисков будет обеспечен экономический рост, увеличение объемов прямых инвестиций. В дальнейших исследованиях будет проанализировано взаимное страхование как форма страховой защиты, а также инвестиционная деятельность страховщиков, которая также является фактором роста экономики государства.

На рисунке 1 представлена динамика основных показателей развития экономики России за 2010–2016 (9 мес.) годы.

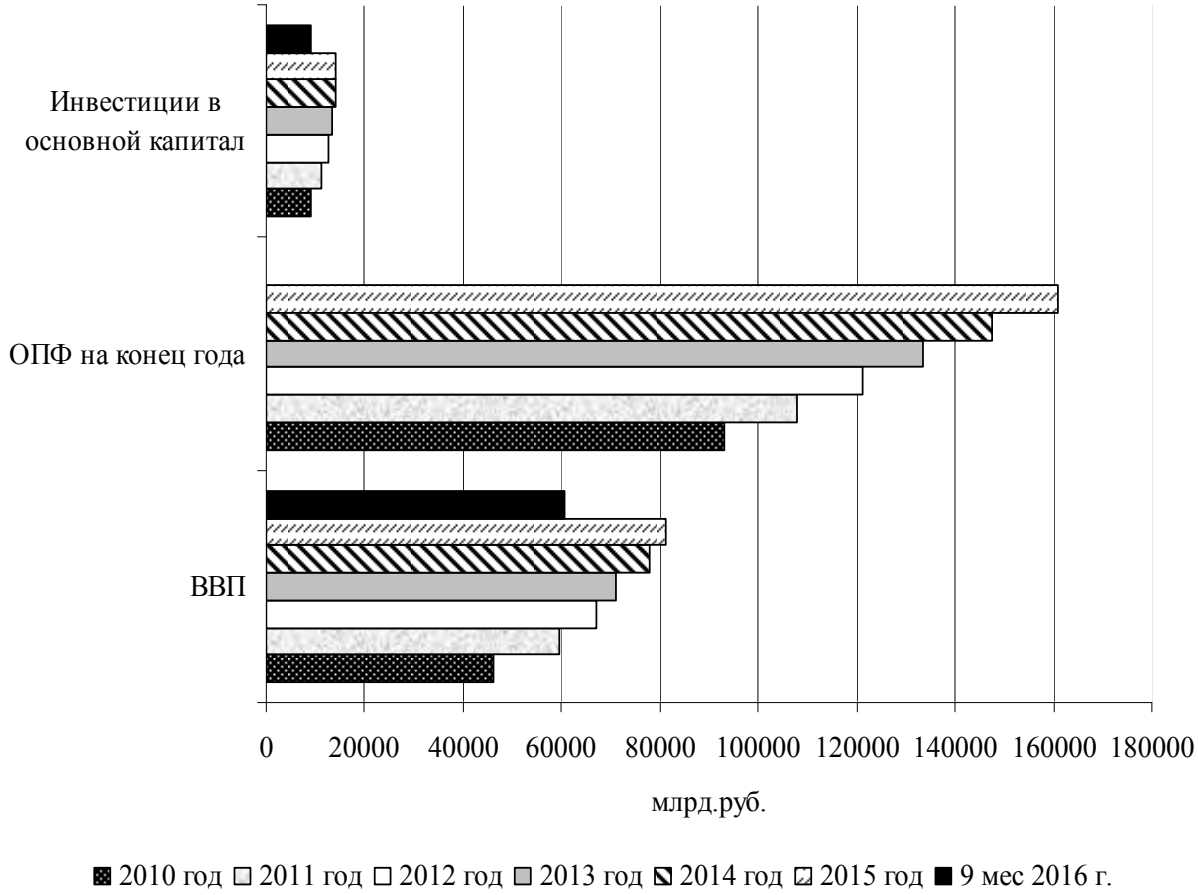


Рисунок 1.
Основные показатели развития экономики РФ[2]

Как видим, растет стоимость основных фондов, однако этот рост обусловлен, в первую очередь, инфляционными процессами. Данные за 9 месяцев 2016 года позволяют только методом экстраполяции получить прогнозные результаты. Однако, по предварительным оценкам Минэкономразвития, снижение ВВП России по итогам 2016 года составило 0,6%. Падение инвестиций в основной капитал по итогам 2016 года составит 3% (прогноз Минэкономразвития)[3].

Каковы же характеристики использования механизмов страховой защиты в складывающихся условиях? В таблице 1 представлена динамика числа заключенных договоров страхования.

Данные показывают, что почти по всем представленным видам страхования количество заключенных договоров уменьшилось. Основная доля сокращения приходится на договора страхования, заключаемые с юридическими лицами. Таким образом, санкционная политика против России, падение цен на мировом рынке энергоносителей и последовавшие за этим кризисные явления в экономике привели к сокращению числа заключаемых договоров страхования как с юридическими, так и с физическим лицами.

[1] Никонова Т.В., Муртазина Г.Р. Человеческий капитал как категория потребления // Казанский экономический вестник. 2013. – № 2(4). – С. 34.

[2] Составлено на основе официальных данных Федеральной службы государственной статистики. – www.gks.ru

[3] Еженедельный экономический мониторинг (23-29 января 2017 г.) Минэкономразвития России. – http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/3c596114-a304-4c54-8a43-33e3cffdd6eb/monweekly4.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID= 3c596114-a304-4c54-8a43-33e3cffdd6eb

Таблица 1

Динамика числа заключенных договоров страхования по основным видам имущественного страхования[1]

Заключенные договора	Абсолют. значение, млн. шт.			Изм. за 2013–2015 гг.		Абс. значение, млн. шт.		Изм. 9 мес.2016 г. / 9 мес. 2015г	
	2013 г	2014 г	2015 г.	в млн. шт.	в %	9 мес. 2015 г	9 мес. 2016 г.	в млн. шт.	в %
По страхованию средств наземного транспорта (кроме железнодорожного)	4,9	5,2	3,8	–1,1	77,6	2,8	2,6	–0,2	92,9
в т.ч. с физ. лицами	4,2	4,5	3,1	–1,1	73,8	2,3	2,2	–0,1	95,7
По страхованию имущества с физ. лицами	124,8	143,9	130,2	5,4	104,3	98,9	112,8	13,9	114
По страхованию имущества с ИП и юридическими лицами	144,1	162,3	142,3	–1,8	98,8	9,9	9,6	–0,3	97
По ОСАГО	42,7	42,9	39,6	–3,1	92,7	29,1	28,2	–0,9	96,9
– в т.ч. с физ. лицами	37,9	38,2	35,6	–2,3	93,9	26,3	25,3	–1	96,2

В таблице 2 приведена динамика страховых премий по основным видам имущественного страхования. Данные свидетельствуют о том, что значительно сократились объемы страхования движимого имущества юридических и физических лиц, что обусловлено как сложной экономической ситуацией для предприятий и населения, так и значительным снижением числа проданных новых автомобилей, в том числе в кредит (что зачастую подразумевает приобретение полиса КАСКО). Увеличение объемов сборов по ОСАГО связано исключительно со значительным повышением тарифов по этому виду страхования.

Таблица 2

Динамика страховых премий по основным видам имущественного страхования[2]

Страховые премии	Абсолют. значение, млрд. руб.			Изм. за 2013–2015 гг.		Абс. значение, млрд. руб.		Изм. 9 мес.2016г. / 9 мес. 2015г	
	2013 г	2014 г	2015 г.	в млрд. руб.	в %	9 мес. 2015 г	9 мес. 2016 г.	в млрд. руб.	в %
По страхованию средств наземного транспорта (кроме железнодорожного)	213,3	219,4	187,9	–25,4	88,1	137,4	125,6	–11,8	91,4
в т.ч. физ. лиц	167,4	170,1	135,7	–31,7	81,1	100,0	86,2	–13,8	86,2
По страхованию прочего имущества физ. лиц	29,8	38,6	43,9	14,1	147,3	31,7	36,7	5	115,8
По страхованию прочего имущества юр. лиц	105,5	112,3	100,5	–5,0	95,3	80,6	86,0	5,4	106,7
По ОСАГО	134,9	151,6	219,7	84,8	162,9	154,7	173,1	18,4	111,9
– в т.ч. физ. лиц	112,7	127,1	190,2	77,5	168,8	134,1	151,6	17,5	113,1

Представленные данные свидетельствуют о том, что с момента введения американских и европейских санкций в отношении России, долгоиграющего ухудшения ситуации на мировом рынке энергоносителей для российской экономики, снизилась платежеспособная потребность в страховании. Очевидно, что в кризисных экономических и политических условиях повышается вероятность реализации целого ряда рисков, кроме того, появляются так называемые «санкционные» риски.

Следует отметить, что одной из проблем страхового рынка России является его низкая емкость, не позволяющая принимать в полном объеме крупные риски. Невысокая величина совокупного уставного капитала российских страховщиков сопровождается сокращением их числа. Для размещения крупных рисков требуется либо надежная система перестраховочной защиты (а проблемы перестраховочного рынка вытекают из проблем страхового), либо потенциальному страхователю требуется привлечение целого ряда страховщиков, что не всегда является решением вопроса. Тем не менее, в своем «Обзоре ключевых показателей деятельности страховщиков» по итогам III квартала 2016 года[3], Центральный Банк РФ отмечает увеличение отклонения фактического размера маржи платежеспособности от нормативного, свидетельствующее о наличии запаса средств страховщиков, свободных от обязательств по договорам страхования. То есть страховые компании готовы принимать новые риски, большие объемы ответственности, но эта возможность появилась не столько вследствие роста собственных средств страховщиков, сколько по причине сокращения спроса на страховые услуги.

Увеличение вероятности реализации рисков влечет за собой потенциально рост рисков страховщика, в первую очередь, технического риска[4]. Но по данным, приведенным в табл. 3, выплаты по исследованным видам страхования имеют приближенную к премиям тенденцию.

[1] Составлено на основе официальных данных Центрального Банка РФ. – www.cbr.ru

[2] Составлено на основе официальных данных Центрального Банка РФ. – www.cbr.ru

[3] www.cbr.ru/finmarkets/files/supervision/review_insure_2016-09.pdf

[4] Величко Н.Ю., Осадчая Н.Н. К вопросу об управлении рисками в страховании // Science Time. 2015. – № 4 (16). – С. 106.

Таблица 3

Динамика страховых выплат по основным видам имущественного страхования[1]

Страховые выплаты	Абсолют. значение, млрд. руб.			Изм. за 2013–2015 гг.		Абс. значение, млрд. руб.		Изм. 9 мес.2016г. / 9 мес. 2015г	
	2013 г	2014 г	2015 г.	в млрд. руб.	в %	9 мес. 2015 г	9 мес. 2016 г.	в млрд. руб.	в %
По страхованию средств наземного транспорта (кроме железнодорожного)	155,8	172,3	144,3	–11,5	92,6	110,2	76,1	–34,1	69,1
в т.ч. физ. лиц	н.д.	140,6	110,4	–30,2	78,5	84,9	52,7	–32,2	62,1
По страхованию прочего имущества физ. лиц	5,7	6,3	7,4	1,7	129,8	5,4	6,5	1,1	120,4
По страхованию прочего имущества юр. лиц	24,9	31,9	34,2	9,3	137,3	22,3	19,6	–2,7	87,9
По ОСАГО	77,4	91,0	124,2	46,8	160,5	86,6	120,1	33,5	138,7
– в т.ч. физ. лиц	н.д.	81,0	110,9	29,9	136,9	77,3	107,8	30,5	139,5

Значительное расхождение наблюдается только по страхованию прочего имущества юридических лиц – за период 2013–2015 гг. премии сократились на 4,7%, а выплаты увеличились на 37,3%. Однако коэффициент убыточности хотя и вырос значительно – с 23,6% в 2013 году до 34,0% в 2015 году, однако не достигает критических значений.

Проводимые нами исследования показывают, что происходит сокращение спроса юридических лиц на страховые продукты даже в обязательных сегментах. Например, страхование ответственности перевозчиков за вред, причиненный пассажирам. С 2013 года оно осуществляется в обязательном порядке. По итогам 2015 года, объем данного сегмента рынка по страховым премиям составил 3,42 млрд. руб., относительно 2014 года сокращение объемов составило 6,0% (сокращение в 2014 году – 1,1%)[2]. Наибольшее количество аварий при пассажирских перевозках, более 78%, происходит при осуществлении различного рода автобусных перевозок: внутригородских, включая маршрутные такси, пригородных, междугородных. Доля страховых выплат по ним самая высокая – 76%. Такое состояние дел связано как с высокой изношенностью автопарков, так и с зачастую низкой квалификацией перевозящего персонала. Но именно по этому виду транспорта отмечается значительное снижение числа заключаемых договоров. Доля застрахованных пассажиров в общем пассажиропотоке при перевозке автобусным сообщением составляла в 2014 году только 74,2%. Доля застрахованных лицензиатов только по междугородным автобусным перевозкам составляет 69,0%. По автобусам пригородного и внутригородского сообщения – около 53%, а по маршрутным такси – 35,9%.

Очевидно, что требуется выявление взаимосвязей – на каких показателях базируется формирование потребности в страховании.

В работе А.А. Мустафиной выявлены коэффициенты взаимосвязи поступлений на страховом рынке в целом и ряда экономических индикаторов таких, как ВВП, среднедушевые денежные доходы населения, уровень безработицы, курс национальной валюты[3].

Нами проведен анализ взаимосвязи ряда показателей. Для анализа мы берем показатель страховых премий, уплаченных юридическими лицами, по наиболее востребованным видам имущественного страхования: страхование имущества, страхование средств наземного транспорта (кроме железнодорожного), ОСАГО. Среди макроэкономических показателей нами выделены ВВП, стоимость основных фондов на конец года, инвестиции в основной капитал, чистый вывоз капитала частным сектором (кроме банков). Выявленные коэффициенты сведены в табл. 4.

Таблица 4

Коэффициенты взаимосвязи поступления страховых премий по основным видам имущественного страхования юридических лиц с макроэкономическими индикаторами (на основе анализа данных за 2010–2015 гг.)

Макроэкономический индикатор	Коэффициент взаимосвязи с показателем страховых премий
ВВП	0,982
Основные производственные фонды	0,936
Инвестиции в основной капитал	0,995
Чистый вывоз капитала частным сектором (кроме банков)	–0,193

Можно сделать следующие выводы.

1. Страховая защита во всех ее формах позволяет обеспечить рост экономики как за счет обеспечения покрытия ущербов от рисков, так и за счет привлечения инвестиционных ресурсов на финансовый рынок.

2. В условиях санкций в отношении России и кризисных явлений в экономике снижается платежеспособный спрос на страхование при объективно более высоком уровне рисков по сравнению со стабильной экономической ситуацией.

3. Выявлена взаимосвязь между поступлениями страховых взносов по имущественному страхованию юридических лиц и рядом индикаторов. Первые три из рассмотренных макроэкономических индикатора имеют высокую сте-

[1] Составлено на основе официальных данных Центрального Банка РФ. – www.cbr.ru

[2] По данным Центрального Банка РФ. – www.cbr.ru

[3] Мустафина А.А. Предпосылки развития страхового рынка РФ // Социальная роль системы страхования в условиях рыночной экономики России. – Казань, КФУ, 2014. – С. 353.

пень взаимосвязи с премиями, аккумулируемыми по имущественному страхованию юридических лиц. Высокая степень взаимозависимости выявлена между инвестициями в основной капитал и страховыми премиями по имущественному страхованию юридических лиц, 0,995. Очевидно, что рост прямых инвестиций вызывает увеличение потребности в страховой защите. Аналогичная взаимосвязь и в обратном направлении – осуществление качественной страховой защиты ведет к увеличению прямых инвестиций.

4. А.А. Мустафиной[1] выявлено, что развитие страхового рынка находится в прямой взаимосвязи от циклических колебаний, индикатором которых служит ВВП. Нами подтверждено это заключение применительно к аспектам страхования юридических лиц. Из приведенной табл. 4 видно, что зависимость от ВВП носит прямо пропорциональный характер, коэффициент корреляции высокий, 0,982.

5. Выявлено, что между оттоком капитала за рубеж и страховыми премиями существует обратная взаимосвязь, что представляется вполне очевидным – чем большие объемы капиталов уходят за рубеж, тем меньше возникает потребность в страховании внутри страны. Однако взаимосвязь эта слабая, коэффициент корреляции невысок.

6. Требует отдельного аналитического исследования такая форма организации страховой защиты, как взаимное страхование. Его развитие на современном этапе не столь очевидно, тем не менее, потенциал велик. На 30.09.2016 г. насчитывалось 12 обществ взаимного страхования.

7. Роль страховой защиты в обеспечении роста российской экономики должна быть четко выявлена и статистически доказана. Считаем, что это, в совокупности с повышением качества урегулирования убытков страховыми компаниями, позволит аргументировано коммутировать с бизнес-сообществами и повышать страховую культуру.

[1] Мустафина А.А. Предпосылки развития страхового рынка РФ // Социальная роль системы страхования в условиях рыночной экономики России. – Казань, КФУ, 2014. – С. 354.

Коловертнова М.Ю.
к.э.н., с.н.с. Оренбургского филиала ИЭ УрО РАН
mariakolov@mail.ru
Спешилова И.В.
н.с. Оренбургского филиала ИЭ УрО РАН
ofguieuroran@mail.ru

ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Ключевые слова: *агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, сельскохозяйственная техника, технический сервис, центр технического сервиса, растениеводство, животноводство.*
Keywords: *agro-industrial complex, agriculture, agricultural machinery, technical service, center of technical service, crop production, livestock production.*

В связи с санкциями, введёнными Западом против России, особо актуальным становится переход экономики страны на инновационный путь развития, который требует формирования в стране целостной системы, эффективно преобразующей новые знания в новые технологии, продукты и услуги.

Принята Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 года № 717, с целью стимулирования импортозамещения. Программой определено, что приоритет имеют развитие животноводства, и прежде всего увеличение производства молока, свинины и мяса птицы; овощеводства, виноградарства и виноделия, а также увеличение производства плодов и ягод. Не менее важными являются техническая и технологическая модернизация сельского хозяйства, развитие селекции и семеноводства, поддержка малых форм хозяйствования, развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка.

Государство увеличивает ассигнования из федерального бюджета на реализацию программы по развитию сельского хозяйства и регулированию рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры, экономическая ситуация в сельском хозяйстве продолжает оставаться сложной. Сохраняются низкий уровень доходности и высокая закредитованность сельскохозяйственных товаропроизводителей. Озабоченность вызывают рост цен на материально-технические ресурсы[1].

Выходом из сложившейся ситуации должно стать не только увеличение производства, но развитие и модернизация производственных мощностей по хранению сельхозпродукции, внедрение новых технологий ведения хозяйства, привлечение инвестиций и высококвалифицированных кадров, совершенствование социальной инфраструктуры на селе.

Особенности развития отечественного АПК определяются тесной связью всего комплекса с состоянием сельского хозяйства как самой крупной и значимой его сферы. В свою очередь, объемы производства отраслей сельского хозяйства оказывают влияние на показатели АПК в целом. Снижение производства в отрасли животноводства, сельхозмашиностроения вызваны проблемами финансового характера – дефицит средств не позволяет осуществить своевременное переоснащение и обновление технической базы хозяйственных субъектов.

Основное – это слабая обеспеченность сельскохозяйственной техникой всех отраслей АПК. Следует учитывать, что большинство предприятий до сих пор эксплуатируют морально устаревшую сельскохозяйственную технику и оборудование, при этом степень износа зачастую составляет более 50%. Надо сказать, что обеспеченность техникой на единицу обрабатываемой площади в России находится на очень низком уровне и составляет не более 60% от требуемой по технологиям. Это приводит к повышенной нагрузке на технику и увеличению коэффициента выбытия техники по причине выхода из строя. В результате в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции происходят высокие потери. Например, потери собранного зерна могут составлять до 30% урожая, а овощей до 40%. При этом на современное оборудование и технику у большинства предприятий просто нет средств.

На современном этапе развития сельского хозяйства одним из сдерживающих факторов является высокая степень изношенности машинно-тракторного парка, что связано в значительной мере с разрушением ранее существовавшей системы обеспечения и ремонта сельскохозяйственной техники, которое не могло не сказаться на показателях ее работы. Для повышения эффективности использования техники, требуется реорганизация системы технического сервиса и внедрение нового метода обслуживания машинно-тракторного парка.

[1] Постановление Совета Федерации «О приоритетных направлениях развития сельского хозяйства». – http://council.gov.ru/activity/documents/55545/

В связи с тем, что деградирующий парк отечественной сельхозтехники стимулирует спрос на качественные запчасти и новую технику, а поступающие на рынок отечественные машины, как правило, имеют низкие технико-экономические показатели и недостаточную надёжность, эту проблему необходимо немедленно решать. Целесообразным в сложившейся ситуации представляется создание относительно небольшой сети центров технического сервиса, способных производить ремонт и техническое обслуживание сельхозмашин в растениеводстве и оборудования на животноводческих фермах, тем более что такая сеть потребует для ее поддержки со стороны государства средств значительно меньше, чем любой другой вариант.

Развитию технического сервиса может способствовать расширение сети центров технического сервиса как первичных коллективов сельскохозяйственных предприятий, так и межхозяйственных сельхозтоваропроизводителей нового типа, ведущих расширенное производство на базе новой техники и интенсивных технологий, что будет стимулировать производство в убыточных предприятиях отрасли. Эти формирования, как показали наши исследования, способствуют развитию научно-технического прогресса в агропромышленном комплексе, повышению производительности труда и сменной выработки машинно-тракторных агрегатов в два и более раз, что в значительной степени компенсирует потребность сельскохозяйственной техники в агропромышленном комплексе и приводит к снижению себестоимости работ на 10–20%.

Мировой опыт показал, что любой сельхозтоваропроизводитель не может эффективно вести производство без развитой структуры услуг на селе, которые, как правило, более качественно и своевременно обеспечиваются специализированными ремонтными предприятиями и службами[1].

Анализ отечественной системы технического сервиса показывает, что в последнее время основные объёмы ремонтно-технических работ в России переместились непосредственно к товаропроизводителям, выполняются инженерно-техническими службами сельхозпредприятий и составляют 95–96% от общего объёма работ (против 60–65% в развитых странах) и сводятся в основном к замене деталей и некоторых несложных узлов, что приводит к повышенным издержкам производства.

Проведённый мониторинг функционирования ремонтно-технической базы обеспечения работоспособности существующего парка машин приводит к выводу о необходимости дальнейшего её совершенствования с учётом изменившихся форм собственности как в АПК, так и в области сельхозмашиностроения.

Опыт деятельности лучших сервисных предприятий страны, а также мировой опыт в развитии сферы услуг для села показывают, что эффективный комплекс услуг позволяет существенно снизить себестоимость сельскохозяйственной продукции. Эффективный сервис − реальный и быстрый путь повышения конкурентоспособности отечественного АПК.

Опыт функционирования системы технического сервиса показал, что его значение в конкурентной среде будет постоянно расти. Это, с одной стороны, будет определять степень экономического благополучия изготовителей машин, а с другой – уровень надёжности и ресурсосбережения в сфере их использования.

По нашему мнению, эффективная стратегия развития системы технического сервиса машин АПК должна включать в себя разобщенные ремонтно-эксплуатационные подразделения хозяйств, специализированные межхозяйственные ремонтные предприятия, фирменное сервисное обслуживание заводов-изготовителей и региональный бизнес-сервис, который отличается по своим признакам от действовавшей ранее системы тем, что в основу стратегии положен принцип получения прибыли всеми участниками системы с приоритетом интересов сельского товаропроизводителя.

При выборе функционирования предприятия агротехсервиса необходимо выполнить два основных условия:

1. оптимально расположить предприятия агротехсервиса по отношению к сельхозтоваропроизводителям;

2. качественно выполнять сервисные услуги (работоспособность и профессионализм трудового коллектива). Поэтому очень важно определить основные и вспомогательные функции центра технического сервиса.

Технологические функции ЦТС составляют:

1. Изучение текущего и прогнозирование перспективного спроса сельских товаропроизводителей на производство механизированных работ, потребности в технике, техническом обслуживании, ремонте машин и в других услугах.

2. Сбор и обобщение заказов сельских товаропроизводителей с соответствующим оформлением заявок.

3. Оказание услуг:

а) производство механизированных работ;

б) предоставление техники во временное пользование (аренда, прокат);

в) техническая эксплуатация машин и оборудования (ТО, ремонт, хранение);

г) организация материально-технического снабжения сельскохозяйственных производителей;

д) переработка сельскохозяйственной продукции;

е) выполнение заказов на транспортировку, подбор, монтаж, досборку, наладку машин и оборудования;

ж) проведение консультаций и обучение сельхозтоваропроизводителей.

Оказание услуг сельскохозяйственным товаропроизводителям является основной функцией ЦТС, а остальные функции – вспомогательными. В период становления и начала работы ЦТС, в первую очередь, оказывает услуги по производству механизированных работ, предоставлению техники во временное пользование (аренда, прокат), техни-

[1] Огородников П.И., Матвеева О.Б., Клюшин Д.И., Спешилова И.В. Научно-организационные аспекты функционирования технического сервиса в сельском хозяйстве // Актуальные проблемы менеджмента и экономики в России и за рубежом / Сборник научных трудов по итогам 3 международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2016. – С. 41–46.

ческой эксплуатации машин и оборудования (ТО, ремонт, хранение) [12]. Все услуги выполняет хорошо развитый и стабильно работающий ЦТС.

Экономическое положение в агропромышленном комплексе сегодня предопределяет поэтапное создание ЦТС. На начальном периоде деятельности ЦТС основные задачи определяются наличием острых проблем, существующих в каждом хозяйстве и административном районе в целом. Это — решение вопросов производственной эксплуатации техники, выполнение всего объема механизированных работ и, прежде всего, трудоемких – пахота, посев и посадка различных культур, в том числе и на землях необрабатываемых, заброшенных землепользователями и исключенных из севооборота; уборка сельскохозяйственных культур и заготовка кормов для животноводства.

Поэтому на первом этапе при создании ЦТС можно ограничиваться решением только указанных задач. При этом количество структурных подразделений должно состоять из 1–3 механизированных отрядов, оснащенных тракторами класса 3–6 т, для выполнения энергоемких отдельных видов сельскохозяйственных работ, 1–2 механизированных бригад для уборки зерновых, кормовых и других культур, первичной обработки кормов, силосования, прессования тюков и др., а также транспортного отряда, который может быть занят и в осенне-зимний период.

На первом этапе работы, в зависимости от существующей ремонтно-обслуживающей базы, ЦТС может оказывать услуги хозяйствам по выполнению несложных ремонтных и других видов работ, что обеспечит более равномерную загрузку рабочих в течение года, а также передавать несложные машины в прокат (аренду).

На втором этапе организации ЦТС в зависимости от объема заявленных хозяйствами работ и укрепления экономического потенциала центр может не только увеличить численность механизированных отрядов и их специализацию, но и создать новые структурные подразделения по обслуживанию животноводства, переработке сельскохозяйственной продукции, расширять зону своей деятельности. На этом этапе ЦТС может взять на себя выполнение не только отдельных операций механизированных работ, но и обеспечить полную обработку севооборота отдельных культур.

На третьем этапе при экономической стабильности деятельности ЦТС и хозяйств должна быть намечена долгосрочная перспектива дальнейшего развития ЦТС, определены основные виды и объемы работ, которые целесообразно выполнять силами ЦТС. Очень важно изучить возможные пути повышения максимальной прибыли для реализации их в дальнейшей работе.

Предлагаемая поэтапность создания и функционирования ЦТС, естественно, не отражает всего многообразия форм и методов, которые существуют на местах.

Структурное и организационное построение ЦТС во многом зависит от размера инвестиций, источников финансирования, форм собственности, видов и объемов работ, производственной специализации хозяйств, их экономического состояния, наличия трудовых ресурсов, ремонтно-обслуживающей базы, существующих подразделений ЦТС и многих других факторов.

Таким образом, поэтапность создания ЦТС, его структура и функции должны быть направлены на изучение и оказание всесторонней помощи всем сельскохозяйственным организациям зоны обслуживания, в том числе и населению, имеющему приусадебные и садовые участки.

В современных условиях ЦТС следует рассматривать как одну из прогрессивных форм производственного и технического сервиса, как рациональное использование финансовых ресурсов, выделяемых государством или учредителями на приобретение материально-технических ресурсов в сфере производства сельскохозяйственной продукции.

На основе разработанных моделей можно прогнозировать и управлять процессами развития и размещения ЦТС, определять потребности в основных средствах (технике и оборудовании), инвестициях, объеме загрузки существующих и неиспользуемых производственных площадей, кадрах и т.п.

Сельское хозяйство России – одна из отраслей экономики, где инновации и инвестиции необходимы. Инновации здесь выражаются в технической и технологической модернизации производства. Например, в такой подотрасли как молочное скотоводство неудовлетворительно организован и развит технический сервис и ремонт машин и оборудования. В связи с этим нами разработана модернизированная система организации технического сервиса и ремонта машин и оборудования в зависимости от территориального размещения производителей молока. Основные принципы и направления построения технического сервиса в молочном скотоводстве должны быть основаны на создании необходимой ремонтно-обслуживающей базы, установлении определенных методов выполнения функциональных обязанностей с рациональным распределением работ по времени и последовательности в соответствии с конкретными условиями и целевым назначением производства[1].

В молочном скотоводстве используется огромное количество разнообразных по структуре и условиям эксплуатации доильных установок, оборудования, машин. Для организации технического сервиса в молочном скотоводстве на основании анализа и обобщения предыдущего опыта, нами разработана трёхуровневая система его размещения. Она особенно эффективна для регионов с большой территорией. Выглядит она так, кроме непосредственно регионального центра (им может быть и областной центр) – третий уровень системы предполагает наличие опорных дилерских пунктов, второй уровень – наличие ЦТС, распложенных в районах с наиболее плотным размещением молочных скотоводческих ферм и комплексов, и первый уровень – размещение пунктов технического обслуживания и ремонта оборудования непосредственно в самих сельскохозяйственных организациях.

Предлагаемая нами система технического обслуживания и ремонта оборудования средств механизации молочных скотоводческих ферм и комплексов соответствует основной цели технического сервиса – обеспечению качест-

[1] Огородников П.И Научно-технический прогресс – основа эффективной реализации инновационных проектов в АПК: монография. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – 228 с.

венного и своевременного технического обслуживания и ремонта оборудования, что существенно повышает эффективность молочного скотоводства.

Развитие сельского хозяйства РФ невозможно без объективной оценки оснащённости и эффективности использования сельскохозяйственной техники, а правильное размещение центров технического обслуживания оборудования и средств механизации сельскохозяйственной техники, а также их своевременный ремонт гарантируют увеличение производства сельскохозяйственной продукции.

Корабоев Б.У.
стажер-исследователь Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан
qoraboyev.bobur@mail.ru

ИЗМЕРЕНИЕ И ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОКРАЩЕНИЯ «ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ» НА ОСНОВЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Ключевые слова: *«теневая экономика», занятость, налоговая нагрузка, денежное обращение, метод Кауфмана-Калиберды, метод MIMIC, налог на энергоэффективность, безналичные расчеты.*

Результаты исследований показывают, что «теневая экономика» в настоящее время существует во всех странах мира. Ее доля в развитых странах составляет примерно 5–20% от ВНП, в развивающихся – от 25 до 50%, в странах с переходной экономикой – от 20 до 30%[1].

Понятие «теневая экономика» используется для описания различных видов деятельности, которые по той или иной причине, регулируются государственными органами при организации учета деятельности субъектов экономики. «...Одна причина может состоять в том, что деятельность имеет неформальный характер и, таким образом, не охватывается обследованиями формальной экономики. Возможно, что производитель хочет скрыть законную с юридической точки зрения деятельность, или деятельность является незаконной...[2]»

С начала XX века, термин «теневая экономика» приобрел различные значения. В то время в них рассматривались проблемы, связанные с «неофициальной экономикой». Теневая экономика – это экономическая деятельность, противоречащая законодательству, т.е. она представляет собой совокупность нелегальных хозяйственных действий, которые подпитывают уголовные преступления различной степени тяжести (Э. Саттерланд, 1939).

Под «теневой экономикой» понимаются не учитываемые официальной статистикой и неконтролируемые обществом производство, потребление, обмен и распределение материальных благ (Г. Беккер 1968).

По мнению отдельных экономистов, «теневую экономику» можно определять как производство товаров и услуг законным или незаконным методом в рыночной экономике, который ускользает от обнаружения в официальных оценках ВВП. «Теневая экономика» – это неконтролируемые государством и скрываемые от него производство, распределение, обмен и потребление товарно-материальных ценностей, денег и услуг (А.М. Яковлев, 2015).

Вследствие функционирования теневой сферы в экономике могут возникать следующие неблагоприятные явления:

– во-первых, существование «теневой экономики» открывает возможность для коррупции. Коррупция и «теневая экономика» считаются взаимосвязанными понятиями. «Теневая экономика» предоставляет финансовые средства для развития коррупции. В свою очередь, коррупция создает условия для расширения сферы «теневой экономики» и защищает ее. Существование этого процесса, находящегося вне контроля государства и не соблюдающего законы, приводит к формированию неконтролируемого фактора, сдерживающего развитие официального сектора экономики. Это создает угрозу для экономической стабильности и целостности государства;

– во-вторых, произведенные товары и услуги в теневой сфере нигде не регистрируются, а налоговые и иные платежи не уплачиваются с доходов, полученных от их реализации. Это, в свою очередь, непосредственно наносит вред государственному бюджету и негативно влияет на хозяйственную деятельность предприятий, функционирующих в официальной сфере. В других отраслях экономики также могут возникнуть попытки сокрытия доходов и избегания от уплаты налоговых платежей.

– в-третьих, наличие «теневой экономики» приводит к сдерживанию реализации проектов по улучшению экономического потенциала страны, что влечет за собой существенное отличие фактических результатов от прогнозируемых.

Достижение главной цели экономической политики государства в отношении «теневой экономики» – снижение ее доли в ВВП – предполагает проведение анализа статистических данных, позволяющих определить динамику показателей, масштабы проблемы, а также эффективность результатов при ее решении[3].

[1] Hassan M., Schneider F. Size and Development of the Shadow Economies of 157 Countries Worldwide: Updated and New Measures from 1999 to 2013. –Bonn, 2016. – P. 42–44.

[2] Система национальных счетов 2008 / Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 2012. – С. 111.

[3] Альтернативные подходы к оценке теневой экономики России и зарубежных государств // Вестник Волгограда государственного университета. Сер. 3, Экон. Экол. 2014. – № 3 (26).

Эти проблемы показывают важность измерения масштабов «теневой экономики» страны, а также разработки эффективных инструментов в борьбе с одной из самых острых проблем экономики. В системе национальных счетов (СНС) указываются два вида незаконного производства[1]:

а) производство товаров и услуг, продажа и распределение которых, а также обладание которыми, запрещено законом;

б) производственная деятельность, которая обычно является законной, но становится незаконной, когда она осуществляется производителями, не имеющими на это право, например, практикующими медиками, не имеющими лицензии.

Виды «теневой экономики» могут быть следующими (см. табл. 1):

«Неформальная экономика» – это вид деятельности, который не запрещен законом (в некоторых источниках этот тип называется «серая экономика»). Данный вид представляет собой неофициальную, но легальную экономическую деятельность (производство для личного пользования или потребления, выращивание продукции сельского хозяйства, или занятие строительством и ремонтными работами для удовлетворения собственных нужд), целью которой не является коммерция. Эта деятельность не запрещена законом, не противоречит интересам государства и положительно влияет на жизнедеятельность населения. Причина отнесения таких видов деятельности к теневой экономике заключается в невозможности ведения статистического учета.

Таблица 1

№	Виды теневой экономики	Причины возникновения
1	Неформальная экономика	– в образе жизнедеятельности людей исторически сложилось порядок удовлетворения некоторых потребностей без взаимообмена между экономическими субъектами
2	Подпольная экономика	– чрезвычайно тяжелое налоговое бремя – слабый государственный контроль – высокие показатели коррупции
3	Криминальная экономика	– политическая нестабильность – негарантированность неприкосновенности частной собственности – чрезвычайно высокая доходность

«Фиктивная экономика» (подпольная) – это, прежде всего, не запрещенная экономическая деятельность, результаты которой либо занижаются, либо вообще утаиваются, в целях сокращения налогового бремени или ухода от уплаты налогов. Механизм ее функционирования чаще всего связан с операциями по сокрытию получаемых доходов от налогообложения. Основная цель поведения хозяйствующих субъектов в этом виде состоит в том, чтобы скрыть прибыль, уклониться от уплаты налогов. В то же время, данный вид допускает уплату некоторых платежей в государственный бюджет.

«Криминальная экономика» – этот вид деятельности, которая является незаконной, т.е. преступной. В этой сфере субъекты осуществляют свою деятельность в том случае, если имеется желание получить сверхприбыль для того, чтобы заниматься преступной деятельностью. Одним из примеров является производство различных психотропных продуктов, незаконный оборот оружия или сделки по различным социально опасным услугам.

Для определения масштабов теневой экономики разработан ряд методов, из которых, по нашему мнению, наибольший интерес представляют следующие:

1. Прямой метод. Этот метод определяет масштабы «теневой экономики» на основе проведения опросов. Однако в процессе проведения опроса повышается вероятность погрешности, так как результаты очень сложно проверить на достоверность.

2. Макроэкономический метод (макрометод) или определение на основании показателей, приводимых в Системе национальных счетов (СНС). Некоторые исследователи считают, что разница при вычислении ВНП между методом расходов и методом доходов возникает из-за «теневой экономики», и таким способом можно определить ее объем. Это утверждение частично верно, так как неясно в какую часть включается учет данной деятельности: в часть доходов или в часть расходов?

3. Снижение официального показателя занятости можно рассмотреть как активизацию деятельности хозяйствующих субъектов в теневой сфере. Если сделать допущение, что фактический уровень занятости не меняется, то убывание занятости означает переход рабочей силы в «теневую экономику».

4. Метод MIMIC, или определение масштаба теневой сферы посредством создания эконометрической модели. Этот метод использует все вышеперечисленные методы.

В мировой практике применяются также методы, основанные на анализе показателей, косвенно характеризующие уровень «теневой экономики» в стране, такие как «спрос на наличные деньги» и «физические затраты». Метод «спрос на наличные деньги» был разработан Ф. Кэгэном в 1958 г. для расчета уровня теневой экономики США. В России данный метод используется с 1994 г. Он основан на предположении о том, что все теневые сделки происходят при помощи наличных денег, что, на наш взгляд, является его существенным недостатком. Кроме того, при подсчете уровня теневой экономики данным методом предполагается одинаковая скорость оборота денег в официальной и теневой экономиках, а основным допущением является отсутствие теневой экономики в базовый год, что также говорит о его серьезных недостатках.

[1] Система национальных счетов 2008 / Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 2012. – С. 113.

Метод Кауфмана-Калиберды («физические затраты») часто используется в странах с переходной экономикой. Впервые он был рассмотрен в работе Кауфмана и Калиберды в 1996 г. для оценки теневой экономики на Украине и в некоторых других странах. По мнению ученых, показатель расхода электроэнергии больше всего подходит для определения совокупной экономической активности. В данном случае эластичность отношения потребления электроэнергии к ВВП близка к 1. Рост потребления электроэнергии соответствует росту общего ВВП (официального и неофициального), а разница между величиной последнего и официальным ВВП возникает за счет роста неофициальной экономики[1]. Достоинством этого метода является его простота, а недостатками – жесткая привязанность уровня теневой экономики к уровню энергопотребления, отсутствие учета изменения эластичности потребления электроэнергии по отношению к ВВП и межстрановые различия в этих показателях.

Методы моделирования, в отличие от вышеназванных методов, исследуют множественные причины и проявления теневой экономики. Их ярким примером является «модель MIMIC», основателями которой являются Век, Фрей и Вик-Ханнеман. MIMIC-модель построена на предположении, что уровень скрытой экономики является латентной переменной, связанной как с определенным числом наблюдаемых индикаторов (отражающих изменения в объеме теневой экономики), так и с набором наблюдаемых каузальных переменных, которые рассматриваются как некоторые наиболее важные детерминанты скрытой экономической активности. Модель MIMIC широко применяется Ф. Шнайдером[2] при исследовании теневой экономики различных стран. Среди ее недостатков известный экономист выделяет неустойчивость предполагаемых коэффициентов относительно изменений объема выборки, трудность получения надежных данных по всем причинным переменным, кроме налоговых ставок, и неоднозначность влияния «причин» и «индикаторов» на теневую экономику.

Таким образом, из существующего множества подходов наиболее эффективным методом является метод МИМИК. Он помогает определить роль и степень влияния каждого из факторов возникновения теневой экономики. По этому методу масштаб теневой экономики измеряется в следующем порядке:

1. Динамика официальной численности безработных в соответствующей стране.

2. Налоговое бремя – увеличение уровня косвенных и прямых налогов по отношению к ВВП (в %), которое является существенной причиной для перехода в теневой сектор.

3. Годовое изменение количества местной валюты на душу населения и сальдо внешнеторгового баланса. Данный показатель дает информацию о скрытом экспорте и импорте.

4. Уменьшение потока денежной наличности в системе банковского обращения.

При построении модели после определения детерминантов можно измерить масштаб теневой экономики исходя из изменения официальной экономики под влиянием этих детерминант.

Использование разных методов может давать существенные расхождения в оценках уровня теневой экономики и несовпадение результатов по отдельным странам. Так, оценка теневой экономики в странах Центральной и Южной Америки методом затрат потребляемой электроэнергии (данные за 1989–1990 гг.) и методом моделирования (данные за 1990–1993 гг.) показала похожие результаты. В Венесуэле на теневую экономику приходится 30% ВВП – при использовании метода затрат электроэнергии и 30,8% ВВП – метода моделирования, в Бразилии – 20,9 и 37,8% соответственно, в Гватемале – 61 и 54%.

Результаты по другим странам показывают существенные расхождения: Панама – соответственно, 40 и 62%, Перу – 44 и 57,4%, Мексика – 49 и 27,1%[3]. Результаты исследования уровня теневой экономики в некоторых странах в 1990-е гг. демонстрируют не только разницу в расчетах уровня теневой экономики при использовании разных методов, но и достаточно серьезные отклонения при подсчете показателей одними и теми же методами, но разными исследователями. По нашему мнению, это объясняется отсутствием универсальной трактовки содержания и форм теневой экономики среди ученых, следствием чего становится отнесение различных составляющих ненаблюдаемой экономики к теневой. К примеру, в исследовании при поддержке Всемирного банка «Shadow Economies All Over the World» Ф. Шнайдер, А. Бён и К. Монтенегро не исключают такой широкомасштабный блок в составе ненаблюдаемой экономики, как неофициальная экономика. При этом С. Джонсон в работе «Почему предприятия “уходят в тень”? Взятки и теневая экономика в посткоммунистический период» не учитывает теневую экономическую деятельность незарегистрированных предприятий.

Ниже приведены данные по теневой экономике в некоторых странах мира. Из данных таблицы видно, что самый низкий показатель «теневой экономики» сложился в Швейцарии (6,5%), США (5,9%), Франции (12,3%). В нижеприведенных странах доля теневой сферы снизилась (в США – с 8,2 в 2005 г. до 5,9% – в 2015 г.).

Низкие показатели теневой экономики в значительной мере обусловлены упрощенным порядком административного контроля бизнеса, либерализацией банковской системы, широким развитием системы безналичных расчетов, а также оптимальной налоговой нагрузкой и др.

---

[1] Schneider F. Shadow Economies: Size, Causes and Consequences / F. Schneider, D. Enste // J. of Econ. Literature. 2000. – N 1. – P. 81.

[2] Schneider F. Increasing Shadow Economies All Over the World – Fiction or Reality? A Survey of the Global Evidence of their Size and of their Impact from 1970 to 1995 / F. Schneider, D. Enste. – http://www.economics.uni-linz.ac.at/Members/ Schneider/EnstSchn98.html

[3] Schneider F. Shadow Economies: Size, Causes and Consequences / F. Schneider, D. Enste // J. of Econ. Literature. 2000. – N 1. – P. 81.

Таблица 2

Динамика доли «теневой экономики» в странах мира, % к ВВП

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.[1]
США	8,2	7,5	7,2	7,0	7,6	7,2	7,0	7,0	6,6	6,3	5,9
Канада	14,3	13,2	12,6	12,0	12,6	12,2	11,9	11,5	10,8	10,4	10,3
Германия	15,4	15,0	14,7	14,2	14,6	13,9	13,7	13,3	13,0	13,3	12,2
Франция	13,8	12,4	11,8	11,1	11,6	11,3	11,0	10,8	9,9	10,8	12,3
Польша	27,1	26,8	26,0	25,3	25,9	25,4	25,0	24,4	23,8	23,5	23,3
Болгария	34,4	34,0	32,7	32,1	32,5	32,6	32,3	31,9	31,2	31,0	30,6
Бельгия	20,1	19,2	18,3	17,5	17,8	17,4	17,1	16,8	16,4	16,1	16,2
Швейцария	9,0	8,5	8,2	7,9	8,3	8,1	7,8	7,6	7,1	6,9	6,5
Китай	13,1	13,3	13,8	13,2	13,5	13,7	13,1	13,9	13,7	13,4	13,5
Турция	30,7	30,4	29,1	28,4	28,9	28,3	27,7	27,2	26,5	27,2	27,8

Подготовлено автором на основе: Schneider F., Raczkowski K., Mróz B. Shadow economy and tax evasion in the EU // Journal of Money Laundering Control. – 2015. – Vol. 18, N 1. – P. 34–51.

В процессе анализа причин возникновения теневой экономики (высокое налоговое бремя, бюрократические барьеры бизнеса, коррупция, качество госинститутов, уровень контроля и др.) были разработаны следующие предложения и рекомендации для сокращения размеров теневой сферы экономики:

- Внедрение нового вида налогового платежа, который можно определять на основе объема потребляемой хозяйствующим субъектом энергии в целях снижения уровня подпольного производства. При скрытой реализации предприятием продукции, объем энергии потребленной при производстве, оказывается необоснованно потребленным. Поэтому взыскание штрафов за необоснованно потребленную энергию вместе с предотвращением излишнего расходования энергии, сокращает скрытое производство.
- Снижение доли наличных денег в общей денежной массе. Функционирование наличных денег создает дополнительные возможности для сокрытия деятельности и ухода от налогообложения. Безналичная форма оплаты (на основе пластиковых карт и др. инструментов) позволит государству, в лице коммерческих банков, контролировать деятельность хозяйствующих субъектов и оплату ими налогов.

Использование этих механизмов позволит создавать равные условия конкуренции для всех хозяйствующих субъектов, будет сдерживать развитие теневой сферы, что благоприятно отразится на росте национальной экономики.

[1] https://knoema.com/NESE/new-estimates-for-the-shadow-economies-all-over-the-world

Костюкова С. Н.
к.э.н., доцент Полоцкого государственного университета, Новополоцк, Республика Беларусь
svet222011@ya.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАДИЦИОННОЙ И АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИЙ БЕЗУБЫТОЧНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ РАЗЛИЧНЫХ СФЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: *концепция, анализ, инвестор, эффективность, строительные организации, безубыточность деятельности, управленческие решения.*

Keywords: *concept, analysis, investor, efficiency, construction companies, break-even operations, management decisions.*

Актуальность анализа безубыточности (CVP-анализа от английского термина «Cost-Volume-Profit анализ», т.е. совместного анализа издержек, объемов реализации и прибыли), отслеживающего зависимость финансовых результатов бизнеса от издержек и объемов производства (сбыта) обусловлена его полезностью и эффективностью при принятии рациональных управленческих решений. Это мощный инструмент оперативного и стратегического планирования и управления на предприятии, он является одной из важных составляющих оценки прибыльности деятельности предприятия абсолютно для всех отраслей промышленности**.**

Необходимость анализа безубыточности для предприятий строительной отрасли обусловлена обязательным проведением подрядных торгов на получение права на строительство конкретного объекта. Подрядные торги (подрядные тендеры) проводятся в форме конкурса. Выигравшим подрядные торги (подрядные тендеры) считается подрядчик, который, по заключению конкурсной комиссии, назначенной организатором торгов (тендеров), предложил лучшие условия. По результатам проведения подрядных торгов определяется договорная (контрактная) цена – цена, определяемая на основании цены предложения подрядчика – победителя торгов. Этот уровень цены объективно можно определить с помощью действенных методик анализа безубыточности деятельности строительных организаций.

Постановка проблемы. Следует отметить, что в научной литературе анализ безубыточности в традиционном его понимании изложен в привязке к отраслям промышленности, в то время как прикладных исследований, учитывающих и раскрывающих специфику проведения анализа безубыточности для строительных организаций, практически нет.

Сложность решения данной проблемы заключается в самой специфике функционирования строительных предприятий, наличии существенных особенностей в строительной отрасли. Во-первых, длительный характер строительства объектов (сроки возведения строительных объектов измеряются годами), в то время как традиционный анализ безубыточности рассчитан лишь на краткосрочный период времени; во-вторых, одновременно возводимые организацией объекты строительства имеют разные сроки начала и окончания работ в течение года (что требует учета доли выручки от реализации строительно-монтажных работ (СМР), планируемых к освоению в будущем году); в-третьих, в реализации объектов, как правило, участвуют несколько строительных участков (бригад), которые оказывают непосредственное влияние на эффективное выполнение строительно-монтажных работ на объекте, а, следовательно, на финансовый результат строительной организации и др. [1; 2, с. 93]. Однако указанное делает невозможным применение традиционного анализа безубыточности, разработанного для предприятий промышленности.

Решение указанной проблемы отражено в исследованиях автора. Так, автором выявлены и систематизированы особенности строительного производства [1]; разработаны методика анализа безубыточности для организаций строительной отрасли [3]; методика анализа безубыточности объектов строительства [4]; методика анализа и планирования безубыточного объема строительно-монтажных работ строительной организации [5]; усовершенствована методика планирования и анализа безубыточности строительных организаций в контексте современного законодательства [6]. В соавторстве с А.В. Капусто проведено обобщение теории и практики при проведении анализа безубыточности в строительстве [7].

Так, автором раскрыты отличия между понятиями «точка безубыточности» и «безубыточность деятельности», дано авторское определение понятия «безубыточность деятельности». «Безубыточность деятельности строительных организаций представляет собой период времени, в течение которого строительная организация возместит свои годовые совокупные затраты в полном объеме с определенной скоростью, а прибыль принимается равной нулю в течение всего периода времени достижения условия безубыточности» [7].

На основании проведенных автором исследований и представленных научных разработок в целях решения указанных проблем разработана авторская концепция анализа безубыточности деятельности строительных организаций на основе измерения факторов времени – T (time) и скорости – S (speed).

Суть ее заключается в следующем: при планировании и анализе безубыточности необходимо учитывать фактор времени (time) – период времени, за который достигается условие безубыточности деятельности (совокупная маржинальная прибыль по объектам равна годовым постоянным затратам организации) и фактор скорости (speed) – скорость, с которой достигается условие безубыточности деятельности. Это обусловлено тем, что строительство имеет договорной характер отношений между заказчиком и подрядчиком, а, следовательно, объемы СМР по каждому объекту привязаны к срокам их выполнения в соответствии с ПСД (проектно-сметной документацией) и графиком производства работ.

Кроме того установлено, что условие безубыточности деятельности может быть достигнуто с разной скоростью. Имеется в виду, что строительная организация, имеющая высокую деловую активность (высокую обеспеченность договорами подряда) достигнет условия безубыточности намного быстрее. И наоборот медленнее, если ее деловая активность низкая (низкая обеспеченность договорами подряда).

На основании вышеизложенного установлен вариабельный характер показателя безубыточности деятельности, который зависит от деловой активности строительной организации.

Далее представляется необходимым провести сравнительный анализ традиционной концепции анализа безубыточности и предложенной автором.

Следует отметить, что основные положения традиционной концепции анализа безубыточности заключаются в расчете точки безубыточности.

«Точка безубыточности представляет собой такой объем произведенной продукции, при котором выручка в точке безубыточности равна затратам на производство продукции». На основе точки безубыточности можно рассчитать безубыточный объем произведенной продукции, измеряемый как в стоимостном выражении, так и в калькуляционных единицах – шт., м., л., метрах квадратных, метрах кубических и др.

В строительстве, как правило, применяются измерения объектов в метрах квадратных (площадь объекта) и метрах кубических (строительный объем объекта). При этом в строительстве нет унифицированных объектов – каждый из них уникальный, и даже типовые объекты не будут иметь одинаковую стоимость в виду разной территориальной удаленности.

Таким образом, условие безубыточности достигается поэтапно, за счет суммы покрытия 1, исчисленной нарастающим итогом до тех пор, пока она не превысит годовую сумму постоянных затрат строительной организации.

Принципиальные отличия новой концепции анализа безубыточности на основе измерения факторов времени – T (time) и скорости – S (speed) по сравнению с традиционной представим в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика новой и традиционной концепций безубыточности деятельности фирмы

Область сравнения	Традиционная	Авторская концепция
Основные положения концепции	Анализ безубыточности базируется на расчете точки безубыточности	Анализ безубыточности базируется на определении безубыточного объема СМР и безубыточности деятельности сквозь призму факторов времени и скорости
Точка безубыточности (безубыточный объем)	Точка безубыточности – это такой объем продаж продукции фирмы, при котором выручка от продаж полностью покрывает все расходы на производство продукции, а прибыль в этой точке равна нулю	«Безубыточный объем СМР представляет собой такой объем строительно-монтажных работ в стоимостном выражении, которого было бы достаточно для возмещения годовых совокупных затрат организации в полном объеме, а прибыль принимается равной нулю» [8]
Безубыточность деятельности	Деятельность, характеризующая возмещение затрат предприятия в полном объеме при производстве безубыточного объема, измеренного в калькуляционных единицах	«Безубыточность деятельности строительных организаций представляет собой период времени, в течение которого строительная организация возместит свои годовые совокупные затраты в полном объеме с определенной скоростью, а прибыль принимается равной нулю в течении всего периода времени достижения условия безубыточности» [8]
Единицы измерения	Калькуляционные единицы, стоимостные показатели	Стоимость в рублях за конкретный период времени, скорость достижения безубыточности
Оценка влияния факторов	Возможно измерить влияние на точку безубыточности изменений следующих факторов: цен на материалы, размера оплаты труда основных рабочих, производительности труда, численности аппарата управления размера постоянных затрат предприятия, объема производственной программы	Возможно измерить влияние на время и скорость достижения безубыточности изменений следующих факторов: введения новых договоров подряда, снижения сметной стоимости для выигрыша подрядных торгов, производительности труда, численности аппарата управления
Производственные мощности	четко определены мощностью основных средств	гибкая величина
Производительность труда	постоянная в течение года	разная за счет фактора сезонности
Период анализа	краткосрочный период (до года)	как краткосрочный период (до года), так и долгосрочный (более года)

Источник: разработка автора.

На основании представленных в таблице основных положений новой концепции измерения факторов времени – T (time) и скорости – S (speed) в строительстве раскроем спектр управленческих решений, которые стали возможными для инвесторов при выборе эффективного подрядчика.

Важнейшей задачей, стоящей перед менеджерами строительных организаций, является прогнозирование периода времени в течение которого произойдет возмещение совокупных затрат в полном объеме, т.е. периода времени в течение которого достигается безубыточность.

В этом случае указанная задача может быть сформулирована следующим образом: определить тот момент времени, начиная с которого можно считать, что конкретная организация за счет суммы покрытия 1 (сумма покрытия 1 – разница выручки от реализации работ и переменных затрат) возместила причитающуюся к погашению в отчетном году сумму годовых постоянных затрат. При этом до наступления данного момента прибыль полагаем равной нулю, т.е. вся сумма покрытия 1, рассчитанная по конкретному объекту, будет направлена на возмещение годовых постоянных затрат.

Срок возмещения годовых совокупных затрат представляет собой такой период времени, по истечении которого организация начинает зарабатывать прибыль, другими словами – за какой период времени организация возместит сумму ее годовых совокупных затрат в полном объеме. Кроме того, установлено, что достижение безубыточности деятельности может осуществляться с разной скоростью.

Таким образом, в авторской концепции безубыточности деятельности строительных организаций ключевыми факторами являются время – T (time) и скорость – S (speed). Следовательно, ее название отражает ее экономическую сущность**.**

Более того, она учитывает отраслевые особенности деятельности строительных организаций и позволяет принимать ряд важных управленческих решений, прежде всего для подрядчика.

Для инвесторов дает возможность получить ответы на три основных вопроса: когда организация – объект инвестиций достигнет безубыточности деятельности, а, следовательно, с какого момента времени начнет зарабатывать прибыль? Какова ее деловая активность? С какой скоростью она достигнет безубыточности?

Список литературы

1. Костюкова С. Н. Выявление и систематизация особенностей строительного производства // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D. Экон. и юрид. науки. 2011. – № 14. – С. 47–56.
2. Костюкова С.Н. Процессный подход к управлению затратами и прибылью строительных организаций Республики Беларусь. – Новополоцк: ПГУ, 2014. – 208 с.
3. Костюкова С. Н. Методика анализа безубыточности для организаций строительной отрасли // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. 2009. – № 3. – С. 41–46.
4. Костюкова С. Н. Методика анализа безубыточности объектов строительства // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D. Экон. и юрид. науки. 2010. – № 10. – С. 75–81.
5. Костюкова С.Н. Методика анализа и планирования безубыточного объема строительно-монтажных работ строительной организации // Бух. учет и анализ. 2011. – № 4. – С. 31–36.
6. Костюкова С.Н. Совершенствование анализа безубыточности строительных организаций в контексте современного законодательства // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. 2012. – № 5. – С. 58–63.
7. Капусто А.В., Костюкова С.Н. Обобщение теории и практики при проведении анализа безубыточности в строительстве // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D. Экон. и юрид. науки. 2014. – № 14. – С. 10–17.

Лапаев С.П.
д.э.н., доцент, в.н.с. Оренбургского филиала ИЭ УрО РАН
Гусева Е.П.
н.с. Оренбургского филиала ИЭ УрО РАН

СУЩНОСТЬ ДИВЕРСИФИКАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО АПК

Ключевые слова*: диверсификация, сельское хозяйство, стратегия, управление, перспективное планирование, экономическая эффективность, потребительский спрос, системный подход, стратегия диверсификации.*
Keywords*: diversification, agriculture, strategy, management, forward planning, economic efficiency, consumer demand, system approach, strategy of diversification.*

Диверсификация – (изменение, разнообразие) распространение хозяйственной деятельности на новые сферы. В узком смысле: это проникновение предприятий в отрасли, не имеющие прямой производственной связи или функциональной зависимости от основной их деятельности. В результате диверсификации предприятия превращаются в многоотраслевые комплексы или конгломераты[1].

Идея и замысел диверсификации возникли и развивались под влиянием научно-технической революции и ускоренного обновления циклов жизни товаров, возникновения и быстрого морального старения поколений новых изделий, работ и услуг, появления рынков новых технологий.

Преимущество – эффект разнообразия.

Суть эффекта: производство многих видов продукции в рамках одного крупного предприятия выгоднее, чем производство тех же видов продукции на небольших специализированных предприятиях.

Коммерческая цель диверсификации – увеличение прибыли за счет использования рыночных шансов и установление конкурентных преимуществ.

Конкурентные преимущества диверсификации:

1. экономия на масштабе производства;
2. снижение риска;
3. доступ к технологиям, рынкам, ресурсам;
4. совместная деятельность (сбыт, маркетинг) и др.

В условиях глобализации и экономической интеграции, усиления конкуренции, нестабильности покупательского спроса организациям российского агропромышленного комплекса для обеспечения финансово-экономической стабильности и снижения коммерческих рисков необходимо использовать современные стратегии развития и модели взаимодействия с другими участниками рынка, что, в свою очередь, требует совершенствования управления, главным образом, на основе приоритетности стратегии диверсификации производства, поскольку процесс диверсификации является инновационным, обусловливающим применение системной техники и технологии нового типа, новой организации труда и производства[2].

В то же время общая ситуация в экономике отечественного агропромышленного комплекса характеризуется отсутствием достаточного количества мобильных и конкурентоспособных организаций, восприимчивых к организационным и технологическим инновациям. Дефицит финансовых ресурсов в условиях неблагоприятного воздействия внешней среды не способствует повышению их конкурентных позиций. Высокие инновационные риски в современной экономике в целом и в российском АПК, в частности, предопределяют актуальность инновационных управленческих решений, в том числе по финансово-кредитной диверсификации, осуществляющей поддержку производства. Все это требует углубления научно-методических подходов к диверсификации не только в производстве, но и в сфере финансово-кредитных услуг, предоставляемых экономическим субъектам в целях стимулирования их инновационного развития.

Повышение экономической эффективности и конкурентоспособности организаций АПК на основе диверсификации является одним из наиболее применимых и эффективных инструментов адаптации к изменениям внешней среды, включая частичное изменение профиля деятельности на самых разных уровнях. В то же время изменение только структуры деятельности является в настоящее время устаревшим подходом. Развитие диверсификации производства требует предвидения изменений и построения бизнес-моделей, ориентированных на будущее состояние экономики агропромышленного комплекса.

---

[1] Кушнир И.В. Стратегический менеджмент: Учебник. – http://www.be5.biz/ekonomika/m017/toc.htm

[2] Огородников П.И., Чиркова В.Ю., Базаров М.К., Гусева Е.П., Крючкова И.В. Эффективность инновационной политики в условиях модернизации экономики региона и страны // Вестник ОГУ. 2014. – № 8 (169). – С. 119–123.

В этой связи одной из главных управленческих компетенций, содействующих повышению экономической эффективности и конкурентоспособности организаций АПК, становится умение разрабатывать и реализовывать стратегию диверсификации как комплекс мер и технологий по реализации инновационного развития[1].

Основной целью диверсификации является увеличение прибыли и уменьшение рисков за счет ведения деятельности в нескольких направлениях. Поскольку диверсифицированные предприятия более устойчивы в конкурентной борьбе, у них уменьшается риск убытков от конъюнктурных, структурных и циклических колебаний. Диверсификация является необходимым и общепринятым методом развития субъектов хозяйственной деятельности[2].

Существует определенная совокупность целей и мотивов, которые в наибольшей степени служат стимулами для расширения объемов деятельности, то есть для осуществления диверсификации (рис. 1).

Рисунок 1.
Предпосылки, мотивы и цели диверсификации предприятий АПК

Все эти цели и мотивы могут существовать отдельно, но могут и сочетаться друг с другом – это зависит от конкретных обстоятельств каждого предприятия АПК, и выбор форм диверсификации должен быть грамотно обоснован и тщательно спланирован в соответствии с этими особенностями.

На данный момент в связи с необходимостью создания новых механизмов взаимодействия между сельскохозяйственными производителями товаров и переработчиками сырья, необходимостью оптимизации существующего производства и внедрения новых производств, исходя из потребностей, возрастает и актуальность диверсификации производства в АПК.

В осуществление диверсификации в предприятиях агропромышленного комплекса существуют ряд особенностей:

– в соответствии с потребностями рынка и спросом на продукцию животноводства и растениеводства значительно расширяется ассортимент сельскохозяйственной продукции данных отраслей;

– в соответствии с заявками на продажу сельскохозяйственного сырья агропредприятия организуют переработку на месте, то есть используют свои площади для осуществления еще одного вида деятельности;

[1] http://economy-lib.com/diversifikatsiya-agrarnogo-proizvodstva-v-organizatsiyah-agropromyshlennogo-kompleksa#ixzz4XQovkMYS

[2] Огородников П.И., Базаров М.К., Гусева Е.П., Крючкова И.В. Методика оценки продуктового портфеля муниципального образования на основе диверсификации и оптимизации производимой продукции // Известия ОГАУ. 2014. – № 5 (49). – С. 214–216.

– в сельскохозяйственных отраслях необходимо производство различных товаров и оказание услуг, напрямую не связанных с сельским хозяйством, но необходимых данной отрасли и сельским жителям, в связи с этим предприятия создают дополнительные производства и цеха;

– для реализации своей, а иногда и не только своей продукции, предприятия создают торговые организации, оптовые базы, объекты социально-культурного характера, которые также играют существенную роль в развитии рыночной экономики и отраслей сельского хозяйства;

– в результате осуществления диверсификации производства устанавливаются внешнеэкономические и торговые связи с предприятиями ближнего и дальнего зарубежья, а также с другими регионами;

– предприятия, специализирующиеся на переработке сельскохозяйственного сырья, в целях улучшения своей деятельности дополнительно покупают в собственность и арендуют землю, тем самым диверсифицируют и развивают свою инвестиционную деятельность и повышают эффективность капитальных вложений;

– для получения дополнительных доходов и участия в управлении сельскохозяйственные объединения приобретают акции и другие ценные бумаги иных перерабатывающих предприятий;

– прослеживается диверсификация каналов реализации продукции, рынков; создаются системы торговых предприятий.

Диверсификация также зависит от финансовой устойчивости предприятий АПК. Слабые предприятия или предприятия, находящиеся в стадии становления, в меньшей степени способны к освоению новых рынков или к выходу на международный уровень. Диверсификация требует значительных финансовых затрат (инвестиций).

Из вышесказанного, можно сделать вывод, что процесс диверсификации является достаточно трудоемким, но необходимым предприятиям, реализующим свою деятельность в отраслях сельского хозяйства, т.к. в любое время может измениться как ситуация на основных рынках, так и общая ситуация – введение или аннулирование лицензирования; повышение или установление дополнительных таможенных пошлин; введение запретов на производство и реализацию тех или иных товаров, работ, услуг. Без проведенной диверсификации возможно усложнение сбыта, усиление конкурентного давления, может возникнуть необходимость сокращения объемов производства или даже ликвидации той или иной сферы деятельности.

Лепехова Н.А.
к.э.н. доцент СФГА

УЧЕТ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (РИСКА) ПРИ СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: *неопределенность, вероятность, стратегическое планирование, менеджмент, сценарий развития, управленческие решения, управление риском, оценка риска.*

Keywords: *uncertainty, probability, strategic planning, management, script development, management solutions, risk management, risk assessment.*

Мировой финансово-экономический кризис, вошедший в активную фазу в 2008 году и продолжавшийся до конца 2010 года, усилил неустойчивость мировой экономики. Россия, интегрированная в мирохозяйственные связи, не осталась в стороне от его негативных экономических и социальных последствий.

В настоящее время экономика России продолжает испытывать достаточно мощное международное давление, которое выражается в применении зарубежными странами различного рода санкций. Введенные санкции обострили проблему импорта для России, поскольку страна сильно зависит от импортируемых наукоемких технологий, машиностроительной продукции и продовольствия. Возросли проблемы и в банковской сфере, так как счета американских и европейских банков активно использовались российскими бизнесменами, активы которых могут быть заморожены.

Прошедшая в последние годы череда революций и постепенная дестабилизация нормальной жизни и функционирования рынков стран Африки, Азии и даже Европы, растущая масштабы угроз международного терроризма, усиливают неопределенность развития мировой и национальных экономик. В условиях экономической нестабильности, обусловленной финансово-экономическими кризисами и санкциями, недостаточности и противоречивости информации о рыночной конъюнктуре, проблема стратегического планирования в процессе осуществления хозяйственной деятельности и привлечения инвестиций, стала особенно актуальной для современной России.

Именно с высокой степенью неопределенности принятия того или иного решения связан риск осуществления стратегических и хозяйственных решений, эффективность использования имеющихся ограниченных ресурсов.

Фактор риска заставляет предпринимателя экономить финансовые и материальные ресурсы, обращать особое внимание на расчеты экономической эффективности проектов, коммерческих сделок, принимать обоснованные управленческие решения для дальнейшего стратегического развития.

Усложнение рисковой ситуации обусловливает изменения механизма управления рисками. В современных условиях риск рассматривается не как эпизодическое неблагоприятное событие, а как неотъемлемый атрибут внешней среды хозяйствующего субъекта, финансово-экономическая деятельность которого происходит в условиях постоянно растущей неопределенности.

Управление рисками организации – это процесс, осуществляемый советом директоров, менеджерами и другими сотрудниками, который начинается при разработке стратегии и затрагивает всю деятельность организации.

Под процессом управления рисками организаций понимается деятельность, включающая подготовку и реализацию рациональных управленческих мероприятий с целью снижения и прогнозирования на будущее опасности от неправильного управленческого действия, неточного предварительного прогноза и уменьшение негативных последствий от нежелательных событий в ходе выполнения поставленных задач или стратегического планирования.

Управление рисками организации:

– является непрерывным процессом, который охватывает всю организацию;

– осуществляется сотрудниками на всех уровнях организации;

– используется при разработке и формировании стратегии;

– применяется во всей организации, на каждом уровне, в каждом подразделении и включает анализ портфеля рисков на уровне организации;

– нацелено на определение событий, которые могут влиять на организацию и управление рисками таким образом, чтобы они не превышали готовности организации идти на риск (риск-аппетит);

– дает руководству и совету директоров организации разумную гарантию достижения целей;

– связано с достижением целей по одной или нескольким пересекающимся категориям.

Процесс управления рисками должен стать неотъемлемой частью деятельности организации как на стадии формирования концепции стратегических проектов, так и на всех стадиях реализации определенного проекта. Описание рисков представлено в табл. 1.

Таблица 1

Описание риска

1. Наименование риска	
2. Сфера риска	Описание событий, размер, тип, количество и сферы воздействия
3. Тип риска	Стратегический, операционный, финансовый, знания/информация, регулятивный
4. Заинтересованные лица	Заинтересованные лица и их ожидания
5. Количественное выражение риска	Значение последствий и вероятность
6. Приемлемость риска	Возможные убытки, их финансовое значение. Цена риска. Вероятность и размер вероятных убытков/прибыли. Цели контроля над риском и желаемый уровень исполнения поставленных задач.
7. Управление риском и механизмы контроля	Действующие методы/практика управления риском. Уровень надежности существующей программы контроля над риском. Существующие ответы/протоколы учета и анализа контроля над риском.
8. Возможности для улучшения	Рекомендации по снижению риска
9. Стратегические и управленческие изменения	Определение степени ответственности (функции) за разработку и внедрение стратегии/управления риском

Измерение риска может быть количественным, качественным или смешанным в отношении вероятности наступления события и его возможных последствий.

Последствия, с точки зрения угроз и возможностей, могут быть измерены как высокие, средние и низкие.

Таблица 2

Последствия (угрозы и возможности)

Высокий	Финансовые последствия не превысят $X Существенное влияние на стратегическое развитие и деятельность организации Существенная обеспокоенность заинтересованных лиц
Средний	Финансовые последствия находятся в пределах $X и $У Умеренное влияние на стратегическое развитие и деятельность организации Умеренная обеспокоенность заинтересованных лиц
Низкий	Финансовые последствия ниже $У Слабое влияние на стратегическое развитие и деятельность организации Слабая обеспокоенность заинтересованных лиц

Различные организации применяют разные методы измерения последствий и вероятностей событий. Для многих организаций достаточно использовать трехмерную матрицу оценки вероятности наступления события и его последствий. Другие организации предпочитают использовать пятимерную матрицу оценки вероятности наступления риска.

Вероятность может оцениваться как высокая, средняя и низкая, описание которых представлено в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Вероятность события (угрозы)

Оценка вероятности	Описание	Индикаторы
Высокая (вероятно)	Вероятность наступления каждый год или вероятность наступления события больше, чем 25%	Потенциальная вероятность того, что событие наступит несколько раз в течение определенного периода времени (например, 10 лет). Событие произошло недавно
Средняя (возможно)	Существует вероятность наступления события в течение 10 лет или вероятность наступления меньше чем 25%	Событие может произойти несколько раз в течение определенного периода времени. Сложно контролировать в силу влияния внешних факторов. Существует история наступления события
Низкая (отдаленно)	Практически отсутствует вероятность наступления события в течение 10 лет или вероятность наступления меньше, чем 2%	Событие не наступало. Вероятность наступления события мала.

Таблица 4

Вероятность события (возможности)

Оценка вероятности	Описание	Индикаторы
Высокая (вероятно)	Положительные результаты, вероятно, наступят в течение года или вероятность положительного результата выше чем 75%.	Четкая и определенная возможность, наступление результата возможно в краткосрочный период при использовании существующих бизнес процессов.
Средняя (возможно)	Возможные положительные результаты в течение года с вероятностью наступления 25% – 75%.	Возможности достижимы при планомерном и четком руководстве. Дополнительные возможности, вытекающие из существующих планов.
Низкая (отдаленно)	Положительные результаты, может быть, наступят в скором времени или вероятность наступления положительных результатов меньше, чем 25%.	Вероятные возможности, которые требуют дополнительных исследований. Возможности, которые маловероятны сточки зрения существующего менеджмента.

Существует достаточно большое количество методов и технологий анализа рисков. Некоторые из них применимы только для «положительных» или «негативных» рисков, другие применимы для всех видов и классов рисков.

Описание рисков служит основой для формирования «карты рисков» организации, которая дает взвешенную оценку рискам и расставляет приоритетность в отношении мероприятий по снижению степени риска.

Формирование «карты рисков» позволяет определить зоны ответственности и распределить управленческие ресурсы соответствующим образом. После того, как проведен анализ рисков, необходимо провести оценку рисков в соответствии с критериями, выработанными самой организацией. Такие критерии могут включать в себя учетную политику, себестоимость продукции, регулятивные требования, социально-экономические вопросы, экологический аспект, ожидания акционеров и других заинтересованных лиц и т.д.

Оценка риска в таком ключе необходима для принятия решения о значимости рисков для организации и их воздействия на нее с тем, чтобы определить мероприятия по управлению каждым конкретным риском.

Неопределенность внешней среды предопределяется также состоянием таких переменных как соотношение спроса и предложения на товары, наличие денежных средств, возможностей инвестирования, поведение партнеров по бизнесу.

Возрастание степени влияния рисков на результаты производственно-хозяйственной деятельности организации и её стратегическое планирование обусловлено постоянной изменчивостью экономической ситуации и конъюнктуры рынка, расширением сферы договорных отношений предприятия.

Эффективность управления рисками в значительной степени определяется дифференциацией факторов риска, их распределением на конкретные группы по определенным признакам для достижения поставленной цели, что позволяет определить место каждого фактора в общей системе и создает возможность для разработки и эффективного применения соответствующих методов управления риском.

Основной задачей стратегического менеджмента является разработка стратегий, обеспечивающих реализацию миссии, целей и дальнейшего развития бизнеса в пределах возможностей предприятия с допустимым уровнем риска. В связи с этим на всех этапах стратегического планирования необходимо осуществлять классификацию и разработку методов учета влияния факторов неопределенности (риска) на результат хозяйственной деятельности.

Сложность стратегического планирования предопределяется следующими факторами:

– длительным временным интервалом горизонта планирования;

– неопределенностью политических факторов и общей тенденцией к кризисам в мировой экономике;

– проблемой информационной достоверности.

Все организации сталкиваются с неопределенностью, и задачей руководства является принятие решения об уровне неопределенности, с которым организация готова смириться.

Неопределенность, с одной стороны, таит в себе риск, а с другой, открывает возможности, поэтому она может привести как к снижению, так и к увеличению стоимости бизнеса. Управление рисками позволяет руководству эффективно действовать в условиях неопределенности и связанных с ней рисков и использовать возможности, увеличивая потенциал для роста стоимости компании и эффективность стратегического менеджмента.

Рост стоимости будет максимальным, если руководство определяет стратегию и цели таким образом, чтобы обеспечить оптимальный баланс между ростом компании, ее прибыльностью и рисками; эффективно и результативно использует ресурсы, необходимые для достижения целей организации. Управление рисками организации включает в себя:

– определение уровня риск-аппетита (риск, на который готова идти организация) в соответствии со стратегией развития компании. Руководство оценивает риск-аппетит на этапе выбора из стратегических альтернатив при постановке целей, отвечающих выбранной стратегии, а также при разработке механизмов управления соответствующими рисками;

– совершенствование процесса принятия решений по реагированию на возникающие риски. Процесс управления рисками определяет, какой способ реагирования на риск в организации предпочтителен – уклонение от риска, сокращение риска, перераспределение риска или принятие риска;

– сокращение числа непредвиденных событий и убытков в хозяйственной деятельности. Организации расширяют возможности по выявлению потенциальных событий и установлению соответствующих мер, сокращая число таких событий и связанных с ними затрат и убытков;

– определение и управление всей совокупностью рисков в хозяйственной деятельности. Каждая организация сталкивается с большим количеством рисков, влияющих на различные компоненты деятельности организации. Процесс управления рисками способствует более эффективному реагированию на различные воздействия и интегрированному подходу в отношении множественных рисков;

– использование благоприятных возможностей. Принимая во внимание все потенциальные события, а не только вероятные риски, руководство способно выявлять события, представляющие собой потенциальные возможности и активно их использовать;

– рациональное использование капитала. Более полная информация о рисках позволяет руководству более эффективно оценивать общие потребности в капитале и оптимизировать его распределение и использование.

Возможные подходы[1] к определению уровня риска, на который готова идти организация (величину приемлемой степени риска), показаны на рис. 1.

[1] Обеспечение информационной безопасности бизнеса/ В.В Андрианов, С.Л. Зефиров, В.Б. Голованов, Н.А. Голдуев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 373 с.

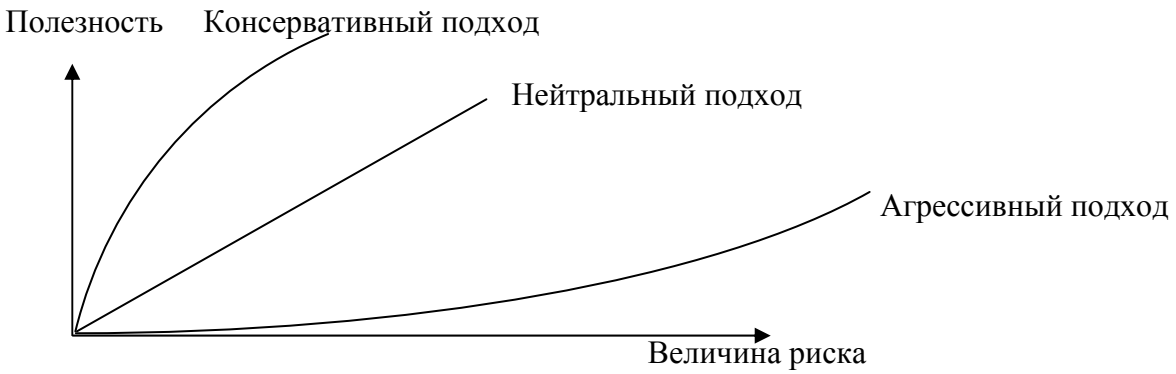


Рисунок 1.
Подходы к определению величины приемлемой степени риска

Минимизация негативных последствий риска обеспечивается непрерывным контролем рискового поля организации, ключевых индикаторов риска и использованием методики построения критических сценариев развития производственных рисков предприятия.

Таким образом, при наличии конкуренции и возникновении непредсказуемых ситуаций стратегическое планирование на предприятии невозможно без анализа и оценки факторов неопределенности (риска). Выжить в этих условиях может только тот хозяйствующий субъект, который будет изучать и постоянно отслеживать факторы внешней и внутренней среды, учитывать и прогнозировать ситуации, связанные с риском и на основе данного мониторинга осуществлять стратегическое планирование.

Список литературы

1. Дзагоева М.Р. Механизм комплексной оценки и управления рисками предприятий промышленности: Монография. – М.: Инфра-М, 2016. – 120 с.
2. Обеспечение информационной безопасности бизнеса / В.В. Андрианов, С.Л. Зефиров, В.Б. Голованов, Н.А. Голдуев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 373 с.
3. Тэпман Л.Н. Риски в экономике: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. В.А. Швандара. – М.: Юнити, 2002. – 380 с.
4. Шапкин А.С. Экономические и финансовые риски. 8-е изд. – М.: Дашков и К0, 2012. – 544 с.

Лойко А.И.[1]

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: ФАКТОР ПРОМЫШЛЕННЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Ключевые слова: *Евразия, Беларусь, модернизация, институт, промышленная революция, интеграция, кооперация, трансконтинентальная логистика*

Keywords: *Eurasia, Belarus, modernization, institute, industrial revolution, integration, cooperation, transcontinental logistics.*

В статье рассматривается потенциал инновационной активности белорусской экономики в условиях модернизации и четвертой промышленной революции. Инновационную активность субъектов экономической деятельности сопровождают риски, фактор действия которых усилился в условиях структурной модернизации национальных экономик под воздействием промышленных революций.

Первая промышленная революция создала предпосылки для формирования индустриального сектора деятельности человечества. Паровые машины составили техническую основу революции. Их использование диктовалось потребностями роста производительности труда. Одной из первых осуществила структурную модернизацию национальной экономики Британия. В дополнение нового облика экономики была создана банковская система, транспортная логистика внутренних речных путей, интегрированная с морскими коммуникациями. На уровне социальных и политических отношений продолжали действовать механизмы институционального наследия, выработанные в виде конституционной монархии, гарантий частной собственности, либеральных ценностей гражданского общества. Белорусская экономика в XVIII столетии была основана на товарном земледелии, лесном хозяйстве. Основную роль в ней играли семьи магнатов – Радзивиллов, Сапег, Огинских. Именно они под влиянием первой промышленной революции создали инфраструктуру мануфактур, каналов. Экономические инициативы сдерживала политическая нестабильность Речи Посполитой, в состав которой входила Беларусь. Иная ситуация была в России, где государство находилось на этапе консолидации. Важную роль сыграл человеческий фактор государственного деятеля.

Под влиянием первой промышленной революции Петр I осуществил модернизацию российской экономики, интегрировав ее в структуры институционального наследия, основанные на крепостном праве. Социальная рутина общественных отношений компенсировалась этатистским стилем управления процессами модернизации. Этот стиль предполагал личный контроль российского императора за ходом трансформации общественных институтов.

Техногенная модернизация России в XVIII столетии была обусловлена факторами Северной войны. По этой причине модернизация ограничилась созданием институтов общества, ориентированных на задачи национальной безопасности, европейского статуса государства. Были созданы институты армии, флота, науки, представительской, в том числе парламентской, деятельности. При этом экономика пользовалась крепостными крестьянами. Помещичье (дворянское) сословие доминировало в общественных отношениях как наиболее лояльное централизованной императорской власти. Купеческое сословие контролировало промышленную деятельность. Подобная модель институционального наследия в сочетании с элементами модернизации общества обеспечила России петровских времен значительное укрепление позиций в Европе, в первую очередь по отношению к Швеции, Речи Посполитой, Пруссии, Османской империи.

Вторая промышленная революция модернизировала промышленность, транспортные коммуникации, быт посредством технологий электрификации различных форм деятельности. Произошла технизация быта. Производительность труда, мобильность индустриального общества значительно выросли.

Вторая промышленная революция и технологическая модернизация происходили в условиях возросших угроз политической нестабильности, созданных политикой колониализма, блоковым противостоянием метрополий в форме первой мировой войны. Революционный нигилизм поставил под сомнение ценность рыночных структур деятельности. Длительный период институционализации человечества сменился периодом разинституционализации структур социальной деятельности под предлогом несоответствия их критериям социальной справедливости.

Атмосфера глобальной конфронтации придала инновационной активности мотивацию в форме государственного финансирования военно-промышленных комплексов. Началось слияние интересов государства и частных компаний в решении стратегических задач мирового лидерства. Промышленность имела крупные государственные заказы, но не все инвесторы и владельцы частного капитала чувствовали себя в безопасности в свете получивших распространение на государственном уровне идеологий марксизма и национал-социализма.

[1] Лойко Александр Иванович – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета, Минск. E-mail: alexander.loiko@tut.by

В результате начался процесс миграции капиталов и их владельцев в США, где в условиях господства либеральной идеологии им были созданы условия для экономической деятельности. За владельцами частных капиталов последовали представители интеллектуальной элиты. В результате Европа превратилась в регион тотальной разинституционализации основных сфер жизнедеятельности общества.

Беларусь в первой половине XX столетия оказалась в эпицентре первой мировой войны. Экономика была разрушена. Имела место массовая миграция населения. Часть территории Беларуси до 1939 года находилась в составе Польши. Из-за отсутствия занятости происходила массовая миграция населения в США, Южную Америку. Еврейские семьи мигрировали в Палестину. Восточная часть Беларуси в статусе БССР находилась в составе СССР. Первоначально территория ограничивалась центральной частью страны и не располагала ресурсами для республиканского статуса. В результате присоединения к центральной части страны восточных областей, населенных этническими белорусами, БССР приобрела ресурсы республиканской экономики. Это позволило начать комплексную индустриализацию страны. В 1939 году, к началу второй мировой войны, западная и восточная части Беларуси были воссоединены в границах БССР.

Военные действия на территории Беларуси начались 22 июня 1941 года и знаменовали начало Великой Отечественной войны. Из прифронтовой экономика Беларуси трансформировалась в экономику военного времени. Оккупация Беларуси немецкими войсками привела к полному разрушению промышленной инфраструктуры. Страна понесла огромные людские потери.

Германия и СССР сконцентрировали под задачи военно-политической конфронтации в условиях второй мировой войны значительный потенциал научных кадров. Но их инновационная активность жестко ограничивалась военными разработками. Вследствие этого предпосылки третьей промышленной революции не рассматривались политическими элитами тоталитарных режимов.

После разгрома фашистских режимов в Европе перед СССР стояли задачи восстановления западных регионов. Эта задача совпала с периодом холодной войны, потребовавшим мобилизации интеллектуальных и финансовых ресурсов в области военно-промышленного комплекса. Белорусская экономика была восстановлена, сформировалась ее промышленная и аграрная союзная специализация. Эти результаты были получены на основе достижений второй промышленной революции.

Инновации, генерировавшиеся третьей промышленной революцией, не брались во внимание из-за закрепившегося за ними статуса буржуазной идеологии. Поэтому их реализация сконцентрировалась в США на базе университетских структур. Электронно-вычислительные машины были интегрированы в коммуникационные сети, что открыло путь к автоматизации процессов управления, роботизации, информатизации образования, созданию нового сектора услуг. Досуговые потребности стали доминировать в сегменте свободного времени. Рынок отреагировал на спрос предложением в виде игрового сегмента, сетевых коммуникационных сообществ, виртуальной реальности, искусственного интеллекта, сетевой экономики. Высокая рыночная рентабельность определила доминанту развития информационных сопряженных технологий в форме ноутбуков, мобильных телефонов и приложений.

Автоматизированные технологические процессы и системы стали доминировать в промышленном секторе, что сказалось на изменении структуры занятости. Наука трансформировалась на основе автоматизированных систем сбора и обработки информации в технонауку[1].

Беларусь и Россия в эпохе третьей промышленной революции находились в рамках СССР. В экономике отсутствовали механизмы рыночного саморегулирования, частной инициативы. Преобладали государственные программы развития, в которых в условиях холодной войны, доминировали задачи обеспечения паритета ядерных сил с США. Расходы на военно-промышленный комплекс и идеологическую поддержку союзников, включая материальные ресурсы, намного превосходили расходы на производство продовольствия, промышленных товарах. Экономика СССР с точки зрения ее экспортных возможностей становилась все более сырьевой. Ее эволюция в этом направлении определялась разведанными запасами нефти и газа. Созданная за счет импорта технологий инфраструктура нефте- и газопроводов, ориентированная на европейский рынок, давала значительные валютные поступления. Однако они в значительной части оставались у европейских компаний, обеспечивавших поставки необходимого для нефтяной отрасли технологического оборудования.

Идеология безвозмездного коммунистического трудового энтузиазма постепенно уступала место в общественном сознании белорусов и россиян идеологии общества массового потребления. С позиции этой новой идеологии были видны явные проигрышные позиции социализма по отношению к обществам демократии и рыночной экономики. Распаду СССР способствовало также стремление советских республик к самоидентификации в статусе независимых государств. Эта трансформация некоторым из них позволила интегрироваться в пространство европейского Союза и трансатлантические структуры НАТО.

Россия приняла решение интегрироваться в мировое пространство политики и экономики и сформировала институты рыночной экономики. Однако полной интеграции ее экономики с западным пространством не произошло. Причиной стала экспансия НАТО к границам Российской Федерации и возникшие угрозы территориального распада государства в свете военных событий и борьбы с террористами в Чечне.

Беларусь на фоне центробежного поведения советских республик демонстрировала консерватизм в области политических и экономических решений. Было принято решение на фоне имевшей место в других постсоветских экономиках деиндустриализации сохранить потенциал союзных производств, находившихся на территории Беларуси. Ак-

[1] Лойко А.И. Функции ЭВМ в эмпирическом познании // Философия и научный коммунизм. – Минск, 1989. – Вып. 16. – С. 152–159.

цент был сделан на восстановление пространства союзной экономики на основе механизмов Союзного государства Беларуси и России.

Беларусь, Казахстан, Россия выработали механизм интеграции евразийского постсоветского пространства. Эта идея была сформулирована Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым[1]. В пространстве экономических интересов этого объединения оказались Беларусь, Казахстан, Россия, Армения, Кыргызстан[2]. Экономическая составляющая евразийской интеграции предполагает формирование единой институциональной среды. При этом, как отмечает А.И. Лученок, существуют серьезные трудности на пути решения этой задачи, обусловленные разнонаправленностью интересов участников ЕАЭС[3].

Эволюция постсоветских экономик Беларуси и России на фоне третьей промышленной революции достаточно близка по содержанию. В Беларуси за основу экономики был взят фрагмент советского промышленного комплекса, локализованный в пределах ее территории. Поскольку большинство предприятий этого промышленного комплекса не имело полного цикла производства, то недостающие звенья были найдены в России. Белорусские и российские предприятия имели возможность в рамках программ Союзного государства и достаточно емкого внутреннего рынка функционировать на прежней основе кооперации. Эта ситуация подтолкнула белорусскую сторону к решению в пользу сохранения индустриального сектора советской экономики. Такое же решение было принято по аграрно-промышленному комплексу.

Российский рынок стал крупнейшим рынком поставок продовольственной продукции из Беларуси. Под эту задачу была проведена технологическая модернизация животноводческой отрасли и связанных с ней промышленных производств. Выращивание льна в промышленных объемах повлекло модернизацию Оршанского льнокомбината. Выращивание сахарной свеклы ускорило модернизацию сахарных заводов. Поставки сырой нефти в промышленных объемах из России обеспечили устойчивую работу белорусских нефтеперерабатывающих комплексов на экспорт. Нефтепродукты стали обеспечивать валютные поступления в бюджет государства. Еще одним источником валютных поступлений стал экспорт калийных удобрений. На территории Беларуси имеются значительные запасы калийных солей.

Институциональное наследие явно доминирует в структуре белорусской индустриальной экономики. Крупнейшие предприятия имеют статус государственной собственности. Второй компонентой функционирования государственной экономики является постоянно идущий с Российской Федерацией переговорный процесс по предоставлению равных условий хозяйствования белорусским и российским индустриальным производителям и, соответственно, равным условиям их деятельности на внутренних рынках государств.

Индустриальная экономика Беларуси, как и индустриальная экономика любой страны, сталкивается с вопросами снижения материалоемкости и энергоемкости продукции, а значит, с вопросами технологической модернизации. Государство поддерживает стратегию технологической модернизации белорусских предприятий на основе финансирования закупок импортного оборудования, субсидирования их деятельности. Поскольку такие закупки требуют валютных ресурсов, а внутри страны они ограничены вследствие постоянно реализуемой стратегии постепенной адаптации белорусской промышленности к конъюнктуре рынка, то одним из элементов экономической политики Беларуси стали кредитные заимствования и, соответственно, долговые обязательства.

Одной из форм повышения эффективности традиционного индустриального сектора белорусской экономики стала транснационализация деятельности предприятий материалоемкого и энергоемкого производства. В связи с этим на уровне межгосударственных отношений создается инфраструктура сборочных производств белорусских предприятий на рынках евразийского, латиноамериканского, африканского, европейского регионов. Решается задача диверсификации деятельности предприятий с целью повышения их валютной устойчивости, снижения зависимости от прямой финансовой поддержки государства. Надежды возлагаются на прямые инвестиции в модернизацию белорусских предприятий на основе функционирования межгосударственных технологических платформ. Пример дали отношения Беларуси и КНР[4].

Определенные надежды в отношении модернизации индустриального сектора белорусской экономики возлагаются на методологию кластерного подхода. Специалисты тщательно изучили механизмы формирования и функционирования кластеров в мировой экономике[5]. В конечном итоге проведенная аналитическая работа позволила сделать прогноз в пользу формирования промышленных зон и менее вероятного формирования кластеров инновационной среды[6].

Акцент на крупные промышленные предприятия объясняется концентрацией в их пространстве конструкторской науки (НИОКР). Тенденция усиления инновационной составляющей в структуре промышленных предприятий

---

[1] Бобков В.А. К вопросу о месте и роли Н.А. Назарбаева в создании Евразийского экономического союза // Общая история единения народов. – Минск, 2015. – С. 17–21.

[2] Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. – Минск, 2016.

[3] Лученок А.И. Модернизация интеграционной политики на основе использования институционального подхода // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов. – Минск, 2016. – С. 35.

[4] Зиневич А.С. Перспективы участия Республики Беларусь и стран ЕАЭС в логистическом проекте возрождения «Нового шелкового пути» // Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. – Минск, 2016. – С. 262–265.

[5] Бахматова Е.И. Зарубежный опыт кластеризации экономики // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов. – Минск, 2016. – С. 73–77.

[6] Чеплянский Ю.В. Инновационные кластеры: возможности для Республики Беларусь // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов. – Минск, 2016. – С. 198.

будет постоянной вследствие поставленных государственным предприятиям задач, связанных с диверсификацией их маркетинговой деятельности. На рынки твердых валют можно выходить с гарантией конкурентоспособности только при наличии обратной связи с потенциальными покупателями, стабильными показателями качества продукции. Эту задачу белорусским предприятиям придется решать в 2017 году, поскольку валютные заимствования под технологическую модернизацию не покрываются доходами от реализации промышленной продукции на российском рынке из-за имевшей место девальвации российского рубля. Это не значит, что белорусские производители уйдут с российского рынка, но они вынуждены добиваться увеличения доли экспортных поставок в зоны доллара и евро.

Одним из ресурсов развития белорусской экономики стала третья промышленная революция. Благодаря созданию Парка высоких технологий национальная экономика смогла аккумулировать в пределах страны значительные ресурсы программистов[1].

Первые три промышленные революции содержали механизм мобильности и адаптации к секторальным нововведениям. Это позволяло параллельно, не во вред друг другу, развиваться аграрному, промышленному, информационному секторам деятельности. Так, в Беларуси Парк высоких технологий дополнил индустриальный сектор возможностями его автоматизации, компьютеризации, роботизации. С точки зрения структуры занятости шли медленные изменения, которые не создавали давления на социальную сферу. Невысокие доходы от деятельности индустриального и аграрного секторов не создают Беларуси образ привлекательной для мигрантов страны. Поэтому внешняя миграция не создает атмосферы скрытого внутреннего конфликта, характерной для многих государств Европейского Союза.

Но наступает эпоха четвертой промышленной революции, которая будет характеризоваться системными последствиями нововведений. Технологические инновации приведут к прорыву в области предложения с долгосрочными плюсами в эффективности и производительности труда. Роботы и робототехнические системы будут обеспечивать основной рост производительности труда. Они же будут активно использоваться в сфере услуг, что создаст проблемы занятости для рабочей силы низкой квалификации. Обострится проблема занятости, которой воспользуется теневая экономика, представленная наркотрафиком, работорговлей, терроризмом. Стоимость транспорта и коммуникаций снизится. Эффективность логистики и глобальных сетей предложения повысится, рентабельность торговли снизится. Вырастет внутренняя емкость рынков. Начнется рост мировой экономики. Он будет неравномерным по географическим параметрам. Вследствие этого сохранится оппозиция золотого миллиарда и остального мира.

В мировой экономике будет сохранять свой статус аграрный, промышленный, информационный сектора деятельности. В промышленности, в медицине, модельном бизнесе возрастет роль аддитивных технологий. Сопряжение НИОКР с компьютерными и аддитивными технологиями приведет к реструктуризации крупных компаний. В их деятельности все большую роль будут играть консалтинговые и инжиниринговые структуры. Они сформируют спрос на работников высокой квалификации. В результате высокий рейтинговый статус приобретет креативная индустрия, основанная на прикладном использовании творческих ресурсов.

В научных исследованиях понятие креативной индустрии использовалось в основном в контексте усилившейся тенденции синтеза промышленной и культурной деятельности, в частности, производства и дизайна[2]. В условиях четвертой промышленной революции термин приобретает новое содержание. Он характеризует экономическую деятельность с позиции формируемого ею качественно нового статуса образования, поскольку на рынке труда будут иметь гарантии трудоустройства только специалисты высокой квалификации.

Рост квалификации работников сформирует новое качество их потребностей. Это заставит компании подлаживать под потребительские ожидания дизайн продукции, рынок и доставку товаров и услуг. Главным трендом станет развитие технологических платформ, которые объединяют спрос и предложение. Поиск форм удовлетворения потребительских ожиданий приведет к поиску эффективных способов инновационных решений. Ключевыми станут инновации, базирующиеся на комбинациях технологий. Компании вынуждены будут пересмотреть существующие организационные формы деятельности. В связи с этим активно используется математический аппарат минимизации рисков через расчеты. Основу расчетов формирует теория вероятности, теория нечетких множеств, моделирование, бизнес-планирование, системный подход в расчетах с привлечением максимально доступной и достоверной информации. Учитываются особенности функционирования рыночной экономики, с точки зрения постоянно меняющейся конъюнктуры спроса и предложения по сформировавшейся товарной номенклатуре на мировом рынке. Важную роль играет волатильность мировых и национальных валют и те, технологии, что используются для стимулирования экономического роста.

Конкурентная геополитическая среда актуализировала рассмотрение институциональной основы общества как стратегического ресурса национальной безопасности. Особенно четко это обстоятельство было зафиксировано в России, наиболее уязвимой в рамках существующего международного разделения труда в сегменте сырьевой экономики. В связи с этим одним из важнейших шагов стало восстановление в системе государственной политики ценностного статуса шаблонов организационной деятельности (рутин).

Белорусская экономика находится под постоянным давлением международных экономических структур, желающих ускорить ее трансформацию путем приватизации государственных предприятий, введения принципа рыночной стоимости жилищно-коммунальных услуг и одновременной отмены государственных субсидий в эту сферу. Под вопрос ставится идеология социального государства, выработанная десятилетиями и создающая социальную и поли-

[1] Цепкало В.В., Старжинский В.П. Парк высоких технологий как инновационный проект на пространстве ЕАЭС // Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. – Минск, 2016. – С. 16-20.

[2] Creative industries. – Malden, 2008.

тическую стабильность белорусского общества. При этом у белорусской экономики есть значительные внутренние ресурсы создания инвестиционной привлекательности для компаний из различных регионов мира. Издержки материалоемкости можно снизить активным переходом на практику аутсорсинга, размещения энергоемких и материалоемких производств в непосредственной близости от потребностей заказчика. Важно осуществить переход к креативной индустрии, в рамках которой на стадиях конструирования, проектирования, бизнес-планирования доминируют ресурсы человеческого интеллектуального капитала[1].

В свое время подобный путь трансформации прошли экономики Великобритании, ФРГ. Материалоемкие и энергоемкие промышленные регионы, в частности, Рур, превратились в центры инженерно-технической деятельности на основе инжиниринговых структур. Они стали размещать заказы на серийное производство разработанных ими образцов в регионах максимально приближенных к потенциальным рынкам спроса, дешевой и квалифицированной рабочей силы, сырьевым ресурсам. Если отказаться от такой модели развития, то издержки материалоемкости и энергоемкости трансформируются в кредитную зависимость от международных финансовых структур.

[1] Инновационное развитие – основа модернизации экономики России: Национальный доклад. – М., 2008.

Макар С.В.
д.э.н., Финансовый университет

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ: ВЕКТОРЫ ПОДДЕРЖКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

Ключевые слова: *лесной потенциал, лесной сектор, лесное хозяйство, стратегия развития, подходы: концептуальный, стратегический, организационный, кластерный, методологический.*

Keywords: *forest potential, forest sector, forestry, development strategy, management approaches (conceptual, strategic, organizational, cluster, methodological).*

В настоящее время лесной сектор экономики России занимает невыгодные для себя ниши в международном разделении труда. Россия поставляет для основных своих конкурентов дешевое высококачественное сырье и одновременно обеспечивает рынок для сбыта произведенных ими лесных товаров с высокой добавленной стоимостью. Столь неэквивалентный обмен во многом определяет значительную зависимость от импорта и низкую конкурентоспособность отечественного лесного сектора экономики в сфере производства, образования, науки и технологии.

Базовой составляющей лесного сектора является лесное хозяйство, где формируются и воспроизводятся древесные и недревесные[1] лесные ресурсы. Основные условия и факторы, обусловившие появление и накопление системных проблем в состоянии современного лесного хозяйства, следующие:

– истощение эксплуатационных запасов древесины в зонах расположения действующих лесопромышленных предприятий и транспортных путей;

– недостаточная точность учета лесных ресурсов;

– дефицит квалифицированных кадров и недостаток трудовых ресурсов в многолесных регионах;

– значительные потери лесных ресурсов от пожаров, вредителей и болезней (ущерб от лесных пожаров, вредных организмов и других неблагоприятных факторов значительно выше общих расходов на охрану, защиту и воспроизводство лесов);

– невысокое качество лесовосстановления;

– низкий технический уровень лесохозяйственных работ;

– слабо развитая транспортная инфраструктура в лесах;

– высокий уровень нелегального оборота древесины;

– нарушение биологического разнообразия лесов (в местах интенсивного освоения лесов наблюдается изменение их ресурсного и экологического потенциала, сокращение видового и экосистемного разнообразия, что требует особого внимания в связи с необходимостью выполнения Россией международных обязательств по сохранению биологического разнообразия, смягчению глобальных изменений климата, требований лесной сертификации).

Целесообразно, с позиций государственного управления, выделить ряд подходов – векторов поддержки лесных хозяйств – с учетом мирового опыта и особенностей современного периода модернизации страны. Под вектором-подходом нами понимается рекомендуемое направление деятельности, которое опирается на научное обоснование и интуицию. В число таких подходов-векторов поддержки в области лесных хозяйств должны, по-нашему мнению, войти следующие:

– концептуальный

– стратегический

– организационный

– кластерный

– методологический.

Выделение данных позиций опирается на анализ мирового опыта государственной поддержки лесных хозяйств, оценку факторов и условий развития лесных хозяйств России в период ее модернизации, Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года, Стратегию развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года, экспертные оценки.

Концептуальный подход. Исходя из стратегических целей пространственного развития России, целесообразно актуализировать и систематизировать элементы, являющиеся главными концептами для развития национального лесного потенциала и его региональных компонент – экономический, экологический, социальный.

С позиций экономического концепта лес представляет собой восполнимый природный ресурс – важную составляющую национального богатства. В этом качестве он выступает базой для различных видов экономической дея-

[1] На сегодняшний день недревесные ресурсы представляют основу для развития малых и средних форм хозяйствования – промышленной и иных видов деятельности.

тельности и формирования диверсифицированной экономики регионов, создания новых рабочих мест. Лес по-прежнему сохраняет своё значение источника древесины – сырья для различных видов промышленной деятельности, но возрастает в последнее время его топливное значение, а также существуют значительные перспективы в отношении реализации рекреационной функции. Данный концепт также включает обеспечение продовольственной безопасности регионов

Главным вектором экологического концепта необходимо выделить углеродный – леса регулируют содержание углекислого газа в атмосфере. Российские леса играют ключевую роль в связывании и поглощении общего атмосферного углерода и выделении кислорода. Выполняя роль проводника в глобальных циклах воды и углерода, леса являются генератором формирования первичной биологической продукции[1]. Они способны влиять на последствия выбросов парниковых газов, связанных с результатами экономической деятельности человека (антропогенного воздействия) и при этом способствовать накоплению углерода. С позиций национального и регионального уровней лесной потенциал следует рассматривать как главную составляющую ассимиляционного потенциала территории. Подчеркнем экономическую составляющую использования лесных территорий как депозитарного ресурса – накопления углеродных стоков и хранения углерода. Существенным аспектом экологического концепта становится климатический: как средообразующий фактор леса необходимы для поддержания климата в глобальном, региональном и в локальном масштабе.

Актуальные аспекты социального концепта сформированы следующим образом:

1 – реабилитационно-рекреационный – как системный объект леса способны восстановить биологические и социальные функции здоровья человека, его работоспособность, физическую выносливость и психологическую устойчивость;

2 – культурно-исторический – лес является частью культурно-исторической среды, частью культурного наследия, под воздействием которой формируются культура и обычаи общин и целых народов[2];

3 – санитарно-гигиенический – леса, особенно хвойные, очищают атмосферный воздух от механических примесей и выделяют химические соединения (фитонциды), препятствующие росту и размножению бактерий и вирусов; выполняют защитную функцию в пределах агломераций, служат буфером между городской и пригородной зоной и являются важным эстетическим элементом пространственной структуры городского хозяйства.

Очевидно, что экономический, экологический и социальный концепты сближаются на основе защитной функции, которую выполняют леса (лесные земли) по отношению с человеку, социуму, природным компонентам экосистем. Многоцелевое ведение лесного хозяйства, повышение уровня использования древесины и ее отходов, увеличение заготовок и переработки недревесной продукции леса (плоды и ягоды, березовый сок, лекарственное сырье, мед, мясо) также рассматривается в настоящее время как защита безопасности настоящего и интересов будущих поколений, т.е. как необходимое условие устойчивого развития. Однако значение лесного потенциала трансформируется в зависимости от масштаба рассмотрения объекта, а также приоритетов социально-экономического развития.

Стратегический подход. В целях долгосрочного развития необходимо построение отдельных компонент-стратегий развития лесного потенциала. С нашей точки зрения необходимо использование трех компонент-стратегий:

– освоения,

– воспроизводства–защиты,

– обеспечения безопасности развития лесного потенциала.

Развитие биоэнергетики – инновационный вектор для освоения лесного потенциала России. Его следует рассматривать как вызов для формирования национального устойчивого лесопользования и решения экологических проблем России[3]. Конкурентные преимущества для развития энергетического направления глубокой переработки древесины могут позволить производству композиционных материалов энергетического назначения (пеллет) стать ядром кластерной системы региона в среднелесных освоенных регионах Европейской части России, что связано с наличием запасов низкотоварной древесины, отходов старых лесопромышленных производств, близостью рынков сбыта, возможностями внутреннего энергопотребления. Отметим, что опыт выделения и формирования лесопроизводственного кластера как пространственной составляющей региональной кластерной системы на основе преимуществ глубокой энергетической переработки древесины представлен на примере Псковской области[4].

Конкурентные преимущества, связанные с развитием глубокой химической переработки древесины в бумагу, картон, тару, упаковку и т.д., предоставляют возможность для многолесных лесопромышленных регионах Восточной экономической зоны выделить этот вид деятельности как ядро производственного кластера.

Целесообразность и возможность развития глубокой механической переработки древесины для производства строительных конструкций и мебели реализуется в качестве ядра для малолесных и густонаселенных регионов, расположенных на юге Европейской части России, что связано с организацией массового деревянного домостроения в благоприятных климатических условиях для жизни населения.

---

[1] Русские ученые первыми отметили главное глобальное свойство леса: он является основным планетарным аккумулятором живого вещества в биосфере.

[2] См.: Макар С.В. Лесной потенциал как объект природного и культурного наследия России и ее регионов // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). – М.: Эслан, 2009. – С. 149–158.

[3] Макар С.В. Акценты развития экологической ситуации в России в период модернизации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2014. – № 21 (258). – С. 11–21.

[4] Макар С.В. К вопросу о полюсе развития потенциала региона: Псковская область // Псковский регионологический журнал. 2015. – № 24. – С. 12–22.

Для малоосвоенных регионов главным аспектом освоения является изучение лесного потенциала и создание перспективных моделей реализации и развития лесного потенциала с точки зрения национальных приоритетов и региональных интересов. В этих регионах наиболее важным приоритетом является сохранение природных экосистем и традиционных форм природопользования, связанных с лесом.

Очевидными вызовами, на решение которых направлена стратегия «воспроизводства-защиты», являются:

– замена первичных лесов вторичными – худшими по качеству лесных ресурсов с нарушенными экосистемами, из чего следует необходимость развития видов деятельности по уходу за лесами;

– ухудшение качества окружающей среды и здоровья населения (экологические проблемы), что подразумевает обязательность сохранения первичных лесных экосистем и создание лесопосадок в малолесных регионах и в пригородных зонах в защитных целях;

– угрозы сохранению лесной специализации страны и низкие по сравнению с развитыми странами значения показателей внутреннего потребления лесной и лесобумажной продукции;

– растущая востребованность поглощения парниковых газов, что приводит к необходимости создания лесных плантаций[1] в транспортнообеспеченных регионах и регионах с наличием свободных трудовых ресурсов.

Цель стратегии «воспроизводства-защиты» можно считать двуединой:

– научное исследование эффектов от использования защитных функций лесного потенциала для национального и регионального социально-экономического развития;

– формирование (трансформирование) национального и регионального механизма воспроизводства лесов в целях оптимизации, а также совершенствование механизма использования и поддержания защитных функций лесного потенциала регионов России.

Стратегия «воспроизводства-защиты» определяет не только цели и приоритеты, но и способы эффективного воспроизводства лесного потенциала, сохранения лесных экосистем для регионов различного типа.

С точки зрения особенностей природного пространства необходимые действия (способы реализации стратегии) – лесовосстановление, облесение, сохранение лесных экосистем – должны исходить из анализа и учета региональных природных особенностей и принципа поддержания экосистемных связей.

Аспектами реализации данной стратегии являются: воспроизводство лесов (естественное и искусственное лесовосстановление); уход за лесами; защитное лесоразведение (облесение); расширение и оптимизация сети ООПТ; создание целевых углеродопоглощающих лесов.

Интенсивный путь развития лесного хозяйства (с позиций национального уровня) подразумевает, что лес выращивается с нужной для переработчика породной и сортиментной структурой, а лесохозяйственные мероприятия проводятся в течение всего периода роста дерева. Это позволяет ускорить достижение заданных характеристик, влияя на формирование деревьев, и использовать альтернативный возрасту насаждений показатель возможности проведения сплошных рубок – достижение древостоем определенного среднего диаметра. Практика скандинавских стран свидетельствует, что использование этой модели приводит к заинтересованности собственника (арендатора) в проведении лесовосстановления наиболее эффективным способом, к более качественному уходу за лесом, к внедрению современных технологий ведения лесного хозяйства и получения максимально возможного экономического эффекта.

Однако региональный интерес заключается в сохранении на территории региона не только лесов, но и процессов воспроизводства жизнедеятельности, что предусматривает диверсификацию структуры экономики региона для более устойчивого экономического развития. В этой связи стратегию воспроизводства лесных ресурсов и развития защитных функций лесного потенциала следует, по нашему мнению, рассматривать в единстве со стратегией «освоения» регионального лесного потенциала.

Стратегия обеспечения безопасности развития национального лесного потенциала и его региональных компонент направлена на снижение уровня угроз лесным ресурсам. Одним из путей решения проблемы нелегальной заготовки и нелегального оборота древесины является исключение из экспортных поставок древесина неясного происхождения, что повысит престиж России в международных отношениях и создаст благоприятные условия для поставок древесного сырья в страны еврозоны.

Очевидные приоритеты деятельности государства в обеспечении безопасности развития лесного потенциала регионов:

– необходимы дополнения к федеральному законодательству, касающиеся создания условий развития в России глубокой энергетической переработки древесины, связанной с утилизацией отходов лесозаготовки и деревообработки;

– темпы роста отечественного ЛПК на протяжении длительного времени остаются низкими; в числе причин – отсутствие в необходимом количестве доступных лесосырьевых ресурсов, что связано со слабым развитием лесной инфраструктуры.

Совокупность факторов наднационального и национального характера требуют от России конгруэнтных действий по формированию системы ответственности, в частности, выраженной в мерах государственного противодействия обороту нелегальной древесины и обеспечения пожарной безопасности лесов. Государственная поддержка необходима для ускорения реализации инвестиционных проектов создания мощностей по глубокой переработке древесины, особенно при финансировании наиболее рискованного для инвесторов этапа «start-up».

Для развития социальной и экологической ответственности продавцов и покупателей лесной продукции необходимо построение информационной сети – телевидение, радио, печать и т.п., посредством которых государственные

[1] Согласно мировому опыту, формирование лесных плантаций также является частью технологического процесса глубокой химической переработки древесины в качестве обеспечения сырьевой базы данного производства.

органы управления лесным хозяйством, лесной бизнес могут и должны рекламировать свою деятельность, объясняя общественности цели и задачи лесного хозяйства, планирования, лесопользования.

Основной стратегической задачей в сфере информационного обеспечения управления лесами является формирование блока стратегической информации, характеризующей будущее развитие лесных ресурсов, состояние окружающей природной среды, технологий переработки лесных ресурсов, новых продуктов, а также тенденций конъюнктуры глобальных рынков лесных товаров и услуг.

Важнейшим условием вовлечения общественности в управление лесами является наличие в открытом доступе информации о лесах и деятельности органов государственной власти и управления. Россия располагает необходимой законодательной базой для обеспечения открытости такой информации[1]. Наиболее современной формой предоставления информации являются Интернет-сайты. Однако качество информационного наполнения сайтов органов управления лесами в субъектах Российской Федерации не отвечает современным запросам по актуальности и полноте данных о состоянии лесов и деятельности по их использованию, охране и защите.

Поскольку население является массовым потребителем лесной продукции, для формирования экологически чувствительного внутреннего рынка страны необходимо воспитание социально ответственного потребителя. Лесная продукция в сознании покупателя должна ассоциироваться с конкретным лесом, и связанными с ним экологическими и социальными проблемами. Так, покупая лиственницу для личного строительства, отечественный потребитель должен задуматься о том, где заготовлена эта древесина, поскольку в европейской части страны лиственница занесена в Красную книгу. Это обстоятельство требует внедрение в федеральные и региональные стандарты вузов соответствующих курсов, например, в рамках дисциплины «Экономика природопользования». В то же время очевидна необходимость качественной подготовки кадров для лесного хозяйства по лесным специальностям с учетом лучшего мирового опыта (например, финского). Эта подготовка и переподготовка должна быть ответственно организована совместно МПР РФ (Рослесхозом) и Минобрнауки РФ в ведущих «лесных» вузах страны.

Организационный подход. Очевидна необходимость единого управления в лесном комплексе. Вектор совершенствования системы государственного управления и координации в лесном комплексе определяется потребностью координации и регулирования в лесном хозяйстве и лесной промышленности в сочетании с территориальным управлением[2]. Кроме того, целесообразно создание следующих специализированных служб:

– единой службы авиационной охраны и защиты лесов, включающей региональные подразделения в отдельных субъектах РФ на основе зонального районирования лесного фонда; основное назначение данной службы: организация и проведение превентивных противопожарных и лесозащитных мероприятий, борьба с лесными пожарами, болезнями и вредителями лесов, дополнительно – оказание платных услуг заинтересованным организациям при проведении работ на территории лесного фонда Российской Федерации;

– службы по лесоустройству (или инвентаризации лесов) для обеспечения информацией о наличии и состоянии лесных насаждений в лесном фонде, а также предоставляющей необходимую нормативную документацию для осуществления лесопользования;

– службы воспроизводства лесов, включая селекцию, производство и хранение семян, производство районированного посадочного материала для лесовосстановления, озеленения муниципальных территорий и частных домовладений, оказание платных услуг лесопользователям, сельхопроизводителям, городским коммунальным службам, населению.

Необходимость преодоления негативных процессов, связанных с нелегальной заготовкой древесины, подрывающей лесное хозяйство как базу развития прозрачного лесного бизнеса, обусловливает современный приоритет государственного управления – создание государственной структуры (госкорпорации) по экспорту сырьевых товаров из древесины. С данным аспектом связаны следующие направления деятельности: формирование сети инфраструктуры экспорта, инвестирование в лесную инфраструктуру и мощности по глубокой (химической, механической, энергетической) переработке древесины.

Реализация указанных позиций потребует использования механизма частно-государственного партнерства.

Кластерный подход. Соединение пространственных элементов лесного хозяйства и лесной промышленности с другими компонентами регионального пространства возможно в структурах территориально-кластерного типа. Предлагаемый автором кластерный симбиоз объединяет конструкции кластеров производственного и воспроизводственного типа применительно к лесному потенциалу[3]. В этой связи предпочтительно использование разновидностей моделей кластеров с учетом выделения трех типов регионов: промышленные лесоизбыточные, лесообеспеченные, лесодефицитные.

Региональный лесной кластер – это устойчивая группа территориально близких и функционально связанных частей развития лесного потенциала региона, соотносящихся с региональными особенностями развития региона. Очевидно, что лесной кластер объединяет в себе признаки и отраслевого, и регионального кластера. По сравнению с от-

---

[1] Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет среду право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии…» (статья 42);Статья 24 п. 2: органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы; Статья 29: каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

[2] Макар С.В. Развитие регионального лесного потенциала в координатах государственного стратегического планирования // Региональная экономика: теория и практика. 2010. – № 38(173). – С. 33–41.

[3] См. подробнее: Макар С.В Применение методологии пространственного анализа к исследованию лесного потенциала России: монография. – М.: Экономика, 2012. – С. 195–208.

раслевым подходом, региональный кластерный подход – это также способ кооперации и защиты конкурентоспособности его участников, объединенных региональными интересами. Лесные виды деятельности современные отечественные исследователи выделяют в числе «пропульсивных». Следовательно, структурные элементы лесного комплекса способны стать ядром кластера, которое притягивает другие виды деятельности (взаимодополняющие и поддерживающие), а также конечное потребление и сферу услуг.

В рамках лесной кластерной системы региона выделяются две группы видов деятельности. Группа, входящая в первый уровень кластерной системы (оболочка ядра), отличается тесными связями с ядром, причем эти связи имеют поддерживающий характер, что обеспечивает устойчивость кластера в целом. Само ядро может включать как один «лесной» вид деятельности, так и несколько.

Диверсификация ядра направлена также на повышение устойчивости кластера. Группа видов деятельности второго уровня (внешняя среда) выполняет обеспечивающие функции для первого уровня – эта связь менее обусловлена и исходит из принципов экономической и социальной целесообразности. Виды деятельности данного уровня имеют отношения не только с кластерными структурами, они носят общерегиональный характер. К этому уровню относятся инфраструктурные виды деятельности, а также научная и образовательная деятельность. Если в регионе выделены другие кластеры (помимо «лесных»), то виды деятельности внешней среды этих кластеров могут входить в лесную кластерную систему региона.

Объединение видов деятельности в лесном кластере отражает региональные преимущества и определяет характер возможных нововведений, связанных в первую очередь с научными эколого-экономическими знаниями, технологией и информацией. Научная и образовательная деятельность является неотъемлемой составляющей кластерной системы – источником генерации новых знаний, новых технологий и информации. Трансформатором этих нововведений в конкурентные преимущества выступает рыночная инфраструктура, ориентированная на диффузию инноваций.

Следует подчеркнуть, что принципиальное значение имеет типология лесных кластеров. С точки зрения реализации лесным потенциалом двух основных функций (социально-экономической и социоприродной) следует различать два типа лесных кластеров: лесопроизводственный и лесовоспроизводственный. Ядром лесопроизводственного кластера, учитывая сложившуюся мировую конъюнктуру, а также национальные приоритеты, должны быть виды деятельности, представляющие глубокую переработку древесины[1].

Содержание ядра должно быть конкретизировано с учетом внешних условий и пространственной дифференциации внутренних региональных детерминант развития аспектов этого направления для основных типов регионов – многолесных лесопромышленных, среднелесных освоенных и малолесных регионов. Оболочкой ядра лесопроизводственного кластера должны стать виды деятельности, связанные с ним технологической цепочкой (заготовка сырья, производство полуфабрикатов).

Ядром лесовоспроизводственного кластера должны стать виды деятельности, реализующие социоприродную функцию лесного потенциала: лесовосстановление; создание лесных культур; сохранение биологического и ландшафтного разнообразия (создание генетических резерватов); лесное семеноводство; лесная селекция. Оболочкой ядра лесовоспроизводственного кластера следует рассматривать виды деятельности, поддерживающие ядро и обусловленные им: уход за посадками; выращивание лесопосадочного материала; выращивание и реализация саженцев плодовых деревьев и кустарников; заготовка плодов, ягод, орехов, грибов и их реализация; сдача в аренду рекреационных, ландшафтных участков леса; обслуживание туристических маршрутов, туристических стоянок; заготовка сена и других видов кормов; изготовление и реализация сувениров, изделий народного промысла и т.п.

Особенностью кластерного подхода к поддержке лесных хозяйств является комплементарное соединение двух кластеров – лесопроизводственного и лесовоспроизводственного в одной региональной кластерной системе. Такое соединение носит взаимовыгодный характер и может быть названо кластерным симбиозом. Региональная кластерная система будет иметь, с одной стороны, стандартную конфигурацию (двумерное ядро – его оболочка – внешняя среда), с другой стороны, наполнение этой конфигурации будет всегда индивидуально, т.к. основано на конкретных системных характеристиках самих кластеров и свойствах (особенностях) социально-экономических систем их локализации. Процесс формирования и развития региональной кластерной системы на основе использования и развития лесного потенциала, базируется на использовании комплексной оценки территории региона как методе пространственного анализа, а также поддерживается информационной базой региона (территориальным банком данных).

Стратегия развития региональной кластерной системы на основе лесного потенциала (кластерная стратегия) предполагает определение способов решения проблем реализации и развития данного объекта как части регионального пространства и системной составляющей регионального хозяйства. С позиций построения стратегии устойчивого развития лесного потенциала в контексте регионального развития следует говорить о формировании оптимального (желательного) состояния лесной кластерной системы в рамках регионального пространства. Если, как было отмечено выше, рассматривать стратегию в узком смысле – как совокупность способов решения проблем реализации и развития лесного потенциала, то необходимо определить начальное состояние реализации регионального лесного потенциала и наметить траекторию перехода к устойчивому развитию данного объекта с учетом стратегических параметров внешнего пространства. Опыт применения кластерного подхода для поддержки лесных хозяйств и реализации региональ-

[1] Исходя из технологических особенностей глубокой переработки древесины, различают следующие ее виды: механическую; химическую; энергетическую (этот вид глубокой переработки древесины следует считать инновационным для России).

ного лесного потенциала представлен в моделировании региональных кластерных систем для регионов различных типов[1].

Методологический подход. В целях совершенствования господдержки лесных хозяйств с научной точки зрения целесообразно применение методологии пространственного анализа, которая позволяет выйти за рамки рассмотрения исключительно экономического пространства[2]. Потребность в этом объясняется необходимостью сочетания производства лесной продукции (в частности, структур, связанных с заготовкой древесины) с воспроизводством – как видом экономической деятельности и как природно-антропогенным процессом. Пространственный анализ позволяет выявлять ограничения, которые касаются структурных проблем состояния и развития потенциала лесов России. Данный подход также позволяет исследовать условия комплементарности (взаимодополняемости) развития различных особенностей лесного потенциала, основываясь на анализе его размещения, особенностей реализации, проблем развития, выявления связей с другими пространственными структурами.

Применение методики расчета устойчивости развития лесного потенциала регионов-субъектов РФ[3] в рамках методологии пространственного анализа позволяет проводить типологию регионов по критерию устойчивости развития их лесного потенциала (как интегрального развития и лесного хозяйства, и лесной промышленности). Данный показатель отражает результат воздействия совокупности факторов и показывает векторы совершенствования государственного управления лесным хозяйством в сочетании с лесной промышленностью.

В заключении дополнительно подчеркнем необходимость стратегии развития национального лесного потенциала и определение невербального вклада региональных лесных потенциалов в региональное развитие, а также отражение этого вклада в рамках национальной и региональных стратегий.

[1] См.: Макар С.В. Применение методологии пространственного анализа к исследованию лесного потенциала России: монография. – М.: Экономика, 2012. – С. 256–257, 261–262, 271–272, 274–278, приложение 6, 7.

[2] Там же, с. 9-71.

[3] Экономическое развитие и региональное разнообразие Российской Федерации / Авт. колл. под рук. М.А. Федотовой, Ш. Вебера. – М.: Финансовый университет, 2013. – С. 77–116.

Мещеряков Д.А.
д.э.н., профессор кафедры менеджмента и региональной экономики Воронежского института экономики и социального управления

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ КАК ПРОБЛЕМА ЕЕ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *экономика, модернизация, системная модернизация экономики, собственность, капитал, институты, институциональная среда, технологии.*

Keywords: *economy, modernization, system modernization of economy, property, capital, institutions, institutional environment, technologies.*

В последнее время в связи с мировым экономическим кризисом проблема модернизации экономики является предметом дискуссий специалистов в научных публикациях, на многочисленных экономических форумах и конференциях. Сегодня все больше и больше государственными деятелями, экономистами и политиками как отечественными, так и зарубежными, утверждается положение о том, что предшествующая мировому кризису модель рыночной экономики исчерпала себя и не способна обеспечить стабильное развитие современного общества, эффективность национальных экономик.

В настоящее время вывод экономики России из кризиса связывается с системной модернизацией как антикризисной стратегией. Это вполне оправдано, так как уклоняться от модернизации национальной экономики России – значит сползти вниз и остаться в мировом технологическом, экономическом и социальном захолустье.

Термин модернизация принадлежит в настоящее время к числу наиболее популярных и употребляется очень часто. Однако необходимо признать, что понятие, обозначаемое этим термином, до сих пор точно не определено, что свидетельствует о его сложности и неоднозначности.

Под модернизацией того или иного объекта обычно понимается его усовершенствование, улучшение, преобразование, ориентированное на обновление, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Важно указать на то, что по отношению к техническим системам это понятие более однозначно, поскольку научно-технический прогресс развивается в целом однонаправлено. По отношению же к экономическим системам понятие «модернизация» является значительно более сложным, так как применительно к экономическим системам модернизация теряет свою всеобщность и однозначность и требует конкретизации для каждой экономической системы, идет ли речь о национальной экономике, экономике субъекта Федерации, отрасли или предприятии.

Таким образом, модернизация экономики как придание ей современных черт должна восприниматься не просто как внедрение наиболее современных достижений техники и технологий (что, бесспорно, является чрезвычайно значимым для модернизации), а как двуединый процесс, во-первых, познания стратегических смыслов и целей движения экономической системы и, во-вторых, реализация этих смыслов и целей с учетом получаемых другими системами результатов. Очевидно и то, что модернизация не «чудодейственное средство, позволяющее одним махом преодолеть проблемы развития, накапливавшиеся длительное время», для ее осуществления необходима «мобилизация социальных и политических усилий активной части общества, и шансы на успех зависят от позиции политического класса страны»[1].

Модернизация – нелинейный процесс. Представления о процессах модернизации можно суммировать следующим образом[2]:

1. Модернизация – результат действий индивидов и коллективов – не продукт автоматического развития системы.
2. Это требует новых путей достижения их целей, осуществления их ценностей; но будут ли эти цели достигнуты, зависит от располагаемых ресурсов.
3. Модернизация – не консенсусный процесс, но конкуренция между модернистами, консерваторами и наблюдателями.
4. Наука – главная движущая сила, но религия и традиции не должны недооцениваться.
5. Общий критерий модернизации – развитие благосостояния всего населения.
6. Центры модернизации могут изменяться и сдвигаться.
7. Модернизация – нелинейный процесс, она включает в себя циклы и кризисы.

Важно указать и на то, что модернизация экономики не должна носить временный (краткосрочный) характер. Она должна носить комплексный, системный характер, должна осуществляться поэтапно и охватывать все уровни

[1] Дискин И. Кризис… И все модернизация! – М.: Европа, 2009. – С. 12, 34.

[2] Tiryakian E. Dialectics of modernity: reenchantment and differentiation as process. 1992. – P. 78–96.

народного хозяйства: федеральный, региональный, муниципальный. Бесспорно и то, что модернизация должна проводиться и на уровне предприятия, посредством совершенствования внутри- и межфирменных отношений. При этом под системной модернизацией экономики следует понимать процесс (и результат) согласованного эволюционного изменения различных аспектов экономической системы, сохраняющей, с одной стороны, ее идентичность, с другой – продвигающей ее к состоянию, более эффективно реализующему миссию данной экономической системы. В связи с этим, модернизация экономики в России должна быть направлена на обеспечение возможности самостоятельного развития с сохранением территориальных параметров и внутристранового разнообразия. Отсюда следует, что целью модернизации в России с позиции экономической науки должно стать создание «экономики полного цикла», поддерживающей весь инновационно-производственный процесс от творческих идей до их массового воплощения, а также «экономики полного спектра», обеспечивающей потребности производства всех основных элементов товаров и услуг, необходимых обществу. С позиции социологической науки под системной модернизацией предлагается понимать «качественное, охватывающее все сферы жизнедеятельности и все уровни организации государственной и общественной жизни, обновление общества по горизонтали и вертикали, целью которого является построение справедливого капитализма, а также ясное самоопределение России в глобальном политико-экономическом пространстве»[1].

Существенным в понимании системной модернизации российской экономики должно быть и осознание того, что она определяет будущее экономики нашего государства. В зависимости от того, как будет осуществляться модернизация российской экономической системы, какие будут получены в ходе ее результаты, мы будем иметь соответствующую модель экономики в будущем. Заметим, что «перед будущим возникает центральная задача – сохранения жизни, биоразнообразия, экономного использования ресурсов, их возобновления. Это потребует совершенно иных институтов, правил хозяйствования, расчета издержек, иной математики в экономике, иной мотивации»[2].

Для обоснования необходимости системной модернизации экономики охарактеризуем наиболее важные особенности экономической системы современной России.

Во-первых, в экономической системе современной России доминирует частная собственность. Однако ее потенциал не задействован во благо экономики и развития социальной сферы. Она не показала своей эффективности. Эта форма собственности, сама по себе, как таковая, не гарантирует ни экономических, ни социальных успехов. Основная причина этого заключается в том, что приватизация, проведенная в постсоветской России, утвердила «олигархическую» частную собственность, что предполагает, прежде всего, сосредоточение основной части национального богатства в руках узкой группы лиц. Беспорядочное распределение собственности и власти привело к концентрации их на одном полюсе при росте бедности на другом. Появились так называемые олигархи, способные лоббировать свои корыстные интересы во власти в ущерб другим социальным группам, подрывая доверие и солидарность, столь необходимые демократии.

Во-вторых, высокий уровень монополизма в экономике, который сдерживает развитие конкурентной среды для хозяйствующих субъектов. Монополизм также сдерживает развитие предпринимательской деятельности, так как силы конкуренции ослабляются под влиянием господства естественных и организационных монополий не только в экономической, но и в политической сфере. Важно указать и на то, что под влиянием коррупции представителей государственной власти происходит сращивание их интересов с интересами представителей монополий.

В-третьих, необходимая для развития экономики концентрация производства в России осуществляется не на передовой технике и технологии, а на основе слабого технического развития. Степень износа основных фондов составляет 36,6%. Средний срок службы машин и оборудования в России сегодня – около 18 лет, в то время как старыми считаются 10-летние машины и оборудование. Поэтому труд работников, занятых в различных отраслях российской экономики, носит преимущественно индустриальный характер.

В-четвертых, сырьевая направленность экономики. Несмотря на некоторые положительные тенденции в связи с реализацией программы импортозамещения, мы так и не избавились от примитивной структуры экономики, от унизительной сырьевой зависимости, пока еще не переориентировали производство на реальные потребности людей. Привычка жить за счет экспорта сырья, по-прежнему, тормозит наше социально-экономическое развитие.

В-пятых, слияние банковского и промышленного капитала происходит в интересах не реального капитала, действующего в реальном секторе экономики, а в интересах банковского капитала, что сдерживает социально-экономическое развитие страны. Так, несмотря на кризисную ситуацию в российской экономике, прибыль банковского сектора в 2016 году составила плюс-минус триллион рублей, заявила председатель Банка России Эльвира Набиулина. В 2017 году по оценке главы ЦБ прибыль банковского сектора также составит около триллиона рублей[3].

В-шестых, в нашей стране формируется своеобразная экономическая система, в которой существует колоссальный разрыв между системой законодательства и экономической практикой, высокий уровень криминализации в экономике. Так, по данным Национального антикоррупционного комитета (НАК), в России коррупция становится одним из самых доходных бизнесов с ежегодным оборотом порядка 300 млрд. долл. Только в системе госзакупок страна ежегодно теряет 1 трлн. руб.[4]. В России хищения часто сопровождаются чередой получения и дачи взяток: украденные из бюджета средства зачастую идут на взятки другим чиновникам, чтобы потом никакие проверки не выявили этого хи-

[1] Горшков Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // Социологические исследования. – М., 2010. – № 7. – С. 18.

[2] Сухарев О.С. Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). – М.: Финансы и статистика, 2011. – С. 23.

[3] Прибыль банков РФ за 2016 год достигнет триллиона рублей // Российская газета. – М., 2016. – 16 декабря.

[4] Винокуров М.А. Роль государства в корректировке модели экономического роста России. – СПб.: Питер, 2014. – С. 155.

щения. Индекс восприятия коррупции за 2015 год, который рассчитывается международным движением по противодействию коррупции Transparency International, составил для России 29 баллов, что позволило нашей стране занять 119 место из 168 стран, оказавшись в одном ряду с Азербайджаном, Гайаной и Сьерра-Леоне[1].

В-седьмых, недостаточно эффективная институциональная среда, которая призвана обеспечить поступательное развитие российской экономики. Кризисное состояние российской экономики и необходимость скорейшего выхода из него, ее модернизация требуют изменений или замены устаревших правил поведения экономических агентов новыми, которые нужны для того, чтобы, следуя им, экономические агенты исполняли необходимые функции по выводу экономики из кризиса и достижению целей ее модернизации.

В-восьмых, неэффективность сформировавшейся (в ходе реформ) системы управления народным хозяйством. По мнению С.Ю. Глазьева, «…причины резкой деградации российской экономики целиком лежат в сфере управления хозяйством, сложившейся в результате реформ». Он отмечает, что «…вместо формирования созидательной мотивации общественно полезной хозяйственной деятельности государственная политика нацелила предприимчивых людей на присвоение чужого, не на производство нового, а на перераспределение ранее созданного богатства. Это исключило возможность формирования интеллектуального стиля управления и соответственного перехода на инновационный путь развития»[2].

Все сказанное выше, позволяет сделать вывод о том, что современной российской экономике требуется всесторонняя, системная модернизация.

Прежде всего, необходимо провести модернизацию существующей и определяющей нынешнее развитие экономической системы институциональной среды. Эта среда призвана быть эффективной и должна обеспечивать упорядочение взаимоотношений бизнеса, власти и гражданского общества, преодоление атомизированного состояния экономики, локализацию ее неопределенности, дуализма норм, сужение действий неформальной институционализации. Это особенно существенно для тех институтов, которые призваны обеспечить эффективность модернизационных процессов. Модернизации институциональной среды должны способствовать институциональные изменения (изменения, прежде всего, действующих формальных институтов, посредством внесения поправок в действующие законы, создание новых институтов, способствующих модернизации экономики), то есть изменения правил хозяйствования, экономических институтов.

Важная роль в модернизации экономики России принадлежит и совершенствованию отношений частной собственности, повышению ее эффективности. При этом основной задачей является нахождение разумного и взаимовыгодного компромисса между максимализмом частного собственника и социальными рамками, в которых эта собственность может существовать, не вступая в прямой конфликт с общественными интересами. Осуществление целенаправленной политики по модернизации отношений частной собственности должно базироваться на следующем принципе: модернизировать, не разрушая. Сегодня необходимо находить цивилизованный консенсус между обществом (государством), собственником и менеджером, чтобы частная собственность в России соответствовала современным требованиям экономики и ее будущему развитию, с одной стороны, была эффективной и в экономическом, и в социальном плане, с другой. Для этого должны быть созданы соответствующие экономические, политические, институциональные и иные условия.

Модернизация российской экономики, выход ее на новый технологический уровень для обеспечения лидерских позиций в мировой экономике предполагают выбор приоритетов технологического развития. Считаем, что для решения данных задач необходимо сделать ставку на развитие отраслей по глубокой переработке имеющегося в России сырья и материалов и получения конечной продукции с высокой добавленной стоимостью. В нашей стране имеются лучшие условия в мире по нефтехимии, включая производство многих видов готовой продукции из синтетических материалов, по глубокой переработке древесины. Новый технологический уровень развития российской экономики может быть достигнут и за счет внедрения новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, развития космических, телекоммуникационных систем, учитывая, что в ближайшее время главным двигателем экономического роста будут отрасли хозяйства и сферы деятельности, основанные на нововведениях. Это, в свою очередь, требует от трудоспособного населения быстро адаптироваться к изменяющимся технологическим процессам, быть готовыми к освоению вновь появляющихся профессий. Очевидна и необходимость опережающего освоения Россией нанотехнологий и других производств нового технологического уклада. Инвестирование в человеческий капитал позволит модернизировать российскую экономику, которая обеспечит высокие устойчивые темпы роста в долгосрочной перспективе.

Модернизации российской экономики будет способствовать и реиндустриализация – восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты, причем – на основе нового, передового технологического уклада – путем решения комплекса связанных экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России[3].

Успех модернизации российской экономики связан и с ослаблением альянса коррумпированных представителей государства с олигархическим капиталом на основе проведения реформы системы государственного управления в

---

[1] Лемешонок О.Б. Коррупция как сдерживающий фактор на пути реиндустриализации экономики России // Экономическое возрождение России. 2015. – № 1 (43). – С. 141.

[2] Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010. – С. 207.

[3] Бодрунов С.Д. Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО / Институт нового индустриального развития (ИНИР). – СПб., 2013. – 172 с.

целях повышения ее эффективности, а также борьбой с коррупцией в системе государственного и муниципального управления.

Таким образом, перечень указанных выше мер по успешной модернизации экономики России свидетельствует о том, что задача системной модернизации требует огромных усилий, времени, консолидации всех ресурсов и слоев общества, существенной переоценки социально-экономической политики, в целях становления и развития конкурентоспособной, эффективной экономики.

Миронова Н.Н.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики и управления на предприятии Национального института бизнеса
nnmir@mfil.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова*: кадровый потенциал, инновационное развитие, проблемы подготовки кадров, подходы к трудовой мотивации.*
Keywords: *personnel potential, innovative development, problems of training, approaches to employee motivation.*

Современная система управления кадрами в условиях инновационно-ориентированного развития представляет возможности разработки новой, более гибкой стратегии развития кадрового потенциала организации.

Основная цель управления трудовым потенциалом организации в современных условиях – поиск оптимального сочетания эффективных вариантов обучения персонала, повышения квалификации и трудовой мотивации, для развития способностей работников и стимулирования их к выполнению работ более высокого уровня.

Сущность рационального использования кадров заключается в более полном выявлении и реализации способностей каждого работника организации, усилении творческого и содержательного характера труда, поднятии профессионально-квалификационного уровня работников с учетом его стимулирования и соответствующей оценки вклада каждого работника в конечные результаты деятельности организации. Даже если организация имеет совершенную материально-техническую базу производства, располагает новейшей техникой и технологией, производственный процесс не может осуществляться нормально в случае нерационального использования квалификационных и других способностей работников.

От того как организован процесс управления кадровым потенциалом, зависит успешность не только деятельности каждого работника, но и в целом эффективность организации. Таким образом, важнейшей задачей управления кадровым потенциалом становится формирование и развитие его персонала. Эта задача включает в себя: рациональное распределение должностных обязанностей; профессиональное и должностное продвижение работников с учетом оценки результатов их деятельности и индивидуальных особенностей; регулярное повышение квалификации специалистов; создание других условий, мотивирующих работников к более эффективному труду, модернизации производства.

Сегодня, в основе политики управления кадровым потенциалом организаций должны лежать три фактора:

- привлечение на работу высококвалифицированных специалистов;
- создание условий, способствующих профессиональному развитию и закреплению на предприятии, в учреждении наиболее квалифицированных, опытных работников;
- совершенствование организации управления[1].

Внедрение управленческих инноваций особо осложнено в силу наметившегося отставания в сфере образования. Инновационно-ориентированная организация формирует иные требования к качеству трудовых ресурсов. От работников такой организации требуется наличие способности к творческому мышлению, генерации новых идей, оригинальных решений, освоению новых технологий. Поэтому одним из основных требований является высокий уровень профессиональной подготовки, который играет важную роль в формировании успешной организации. Речь идет, прежде всего, о развитии индивидуальных творческих способностей человека.

Постепенно формируются новые общие квалификационные требования, которые предъявляются, прежде всего, к современным профессиям, имеющим дело с наукоемкими и информационными технологиями: умение оперировать информацией и знаниями, аналитически и логически мыслить, быстро реагировать на изменения.

Противоречия в развитии управленческой деятельности выражаются в формировании и закреплении разрывов между практикой управления постоянно изменяющимся бизнесом и существующей практикой подготовки менеджеров. Выделены зоны разрывов, характерные для настоящего времени, которые объединяются в три основные группы: разрывы в содержании, концепции и методологии. Они, несомненно, взаимосвязаны и поэтому становятся более устойчивыми.

В содержании обучения наиболее заметны следующие зоны разрывов:

– в соотношении объемов предметно-отраслевой, экономической и управленческой тематики, в учебном содержании вузовской и послевузовской подготовки и фактической их пропорции в реальном составе практической деятельности менеджеров;

[1] Миронов С.В. Сущность и факторы риска предприятия в условиях неопределенности // Многофакторность экономической конкурентоспособности: сб. статей. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. – С. 87.

– в диспропорции предметных и междисциплинарных вопросов, которая все больше возрастает в инновационном бизнесе, наблюдается рост междисциплинарного содержания управленческих задач, а в организации обучения менеджеров целиком сохраняется предметный подход в построении учебных программ;

– в несоответствии теоретических основ ориентации в профессиональной области знаний и концептуальных регуляторов управленческой деятельности, необходимых для ее совершенствования и развития в реальной производственной и экономической среде. Задачи научной подготовки менеджеров реализуются через изучение экономических теорий и концепций, актуальных для индустриальной экономики, которые в настоящее время больше представляют интерес для исследователей, но не для практиков. В то же время концепции новой экономики, менеджмент знаний, которые востребованы в инновационном бизнесе, пока не нашли места в обязательных учебных программах[1].

В настоящее время можно говорить о развитии модели «сложного психосоциального человека», которая предполагает использование системно-ситуационного и индивидуального подходов к каждому работнику и применение на этой основе тех или иных видов вознаграждения.

Все чаще используются гибкие формы материального вознаграждения, в том числе системы оплаты за знания и компетентность, программы участия в стратегическом управлении и планировании, доходах, прибылях и капитале, происходит повышение социальных стандартов на уровне как государства, так и организации, расширяются социальные льготы и гарантии. Наряду с этим в современных организациях менеджмент должен быть ориентирован на содействие развитию и совершенствованию работника посредством постоянного обучения, ротации и карьеры, создание условий для большей информированности персонала обо всех направлениях и результатах работы, на мотивацию через предоставление своевременной объективной обратной связи. Активно конкурируют между собой организации, привлекая высококвалифицированных специалистов и используя оригинальность социального пакета, который включает достаточно широкий спектр методов вознаграждения.

Денежное, материальное стимулирование активно используется организациями, в том числе и инновационными. В организациях выплачивается зарплата, начисляются надбавки, премии, которые могут быть связаны с модернизацией производства

В ходе инновационной деятельности могут использоваться поощрения в форме различных премий: текущие премии – за текущие результаты разработки и реализации нововведений; стартовые премии – за выдвижение и начальную проработку новой идеи и проекта нововведений; поэтапные премии – за успешное решение комплекса задач, составляющих крупный этап нововведений; финишные премии – за конечные успешные результаты работы, достижение проектных параметров нововведений; экспресс-премии – за новые идеи и решения.

Подходы к стимулированию работников в организациях различаются и по тому, что вознаграждается – результат или усилия для его получения. Наиболее инновационные организации вознаграждают не только за собственно результаты, но и за предпринятые усилия, поскольку вознаграждение только результатов может отвратить работников от участия в высокорисковых инновационных проектах. В ряде случаев организации используют коллективное, групповое, а не индивидуальное вознаграждение. Наконец, инновационные организации нередко вознаграждают усилия по достижению результата, а не собственно результат.

Мотивироваться работники-новаторы могут следующим образом: им предоставляются различные льготы, подчеркивающие их особый статус и высокое положение (служебные автомобили, отпуска, почетные титулы и звания, зарубежные поездки и другое), наиболее ценным кадрам – особые условия труда (творческий оплачиваемый отпуск, возможности для повышения квалификации, изучения иностранных языков и другое), а также более высокая социальная защищенность (дотации на жилище, предоставление готовых домов и квартир, выдача ссуд на приобретение дома, оплата аренды, подключение к корпоративным пенсионным и страховым системам, участие в прибыли, медицинское обслуживание и другое).

В целом в процессе управления организацией, в формировании стабильных и эффективных стимулов к труду в развитых странах мира все большее значение приобретают постепенная демократизации собственности (капитала), привлечение наемных работников к управлению производством и собственностью, предоставление им широкой производственной автономии (прежде всего, в форме автономных бригад), разносторонней информации о состоянии дел в компании[2].

Экономической формой реализации этих процессов является владение акциями и присвоение части прибыли в форме дивидендов, контроль наемных работников, автономных бригад за качеством продукции, участие в планировании и контроле за производством и распределением прибыли, за подготовкой и переподготовкой работников высшей квалификации и их продвижением по службе. Применение таких форм способствует уменьшению текучести кадров.

В Японии, кроме культурно-бытовых мероприятий, фирмы внедряют новые прогрессивные системы пенсионного обеспечения. Ответственные посты поручаются, как правило, молодым менеджерам, а старших, опытных менеджеров назначают консультантами при них, координаторами отдельных проектов. При перестройке системы управления широко используются система комитетов штабных служб и децентрализованных отделений. Им передаются права на принятие оперативных решений (делегирование компетенции), а высшая администрация решает стратегические вопросы руководства.

---

[1] Шутьков С.А. Комплексный подход в методологии обучения государственных гражданских служащих // Актуальные вопросы экономики, управления и права: Сб. статей. – М.: РУСАЙНС, 2015. – С. 118.

[2] Пирогов Н.Л. Жизненная карьера. – М.: НИБ, 2014. – С. 108.

Опыт управления персоналом, накопленный в ведущих зарубежных организациях, весьма актуален для современной российской экономики с точки зрения построения модели формирования и развития кадрового потенциала в системе управления инновационными процессами.

Необходимо также отметить целесообразность оказания особого внимания кооперации структурам научно-образовательного и предпринимательского секторов деятельности при модернизации производства. В результате интеграции образовательной, научной и производственной деятельности происходит преобразование производственного цикла, усиление в нем черт единой целостной системы.

Для создания эффективной инновационной инфраструктуры, обеспечивающей трансфер результатов сектора исследований и разработок в производство, необходимо обеспечить широкое применение следующих институциональных механизмов интеграции образования, науки и бизнеса: формирование финансовых институтов, обеспечивающих непрерывность финансирования бизнес-проектов на всех стадиях инновационного цикла; развитие производственно-технологической инфраструктуры инновационной деятельности (технопарки, инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и т.п.); создание нормативно-правовой базы законодательства, стимулирующей развитие интеграционных связей; содействие развитию кооперационных связей между основными субъектами инновационной системы: образование, наука, бизнес; развитие информационной, экспертно-консультационной и образовательной инфраструктуры инновационной деятельности.

В передовых государствах используется широкий набор механизмов государственной поддержки. С одной стороны, это бюджетная поддержка исследовательских организаций и университетов в форме сметного финансирования расходов, а также выделения целевых грантов и размещения госзаказов на выполнение НИОКР, инвестирование в капитал венчурных фондов, а также осуществление целевых государственных закупок инновационной продукции и услуг, финансирование бизнес-инкубаторов, технопарков и т.п. С другой стороны, это предоставление предприятиям, осуществляющим НИОКР, различных налоговых стимулов, а также выделение субъектам инновационной деятельности льготных государственных займов и кредитных гарантий.

Концепция стратегического взаимодействия субъектов высшего профессионального образования, науки и предпринимательского сектора экономики на современном этапе должна обеспечивать повышение уровня ресурсного обеспечения, базироваться на использовании современных организационно-экономических механизмов, обеспечивающих интеграцию процессов научно-инновационной и образовательной деятельности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что рациональное использование кадровых ресурсов и инновационное развитие кадрового потенциала жестко увязаны с необходимостью формирования подходов к управлению персоналом, разработкой новых технологий, методов его совершенствования, модернизации производства. Для решения задачи развития системы среднего специального и высшего образования страны целесообразна ориентация образовательных программ на обучение навыкам, необходимым для инновационной деятельности, включая аналитическое и критическое мышление, стремление к новому, способность к постоянному самообучению, готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, готовность к работе в конкурентной среде. Для этого необходимо:

– создать механизмы, стимулирующие развертывание в федеральных и национальных исследовательских университетах цикла инновационных разработок;

– в реализуемые федеральными и национальными исследовательскими университетами образовательные программы по наиболее перспективным с точки зрения появления инновационных разработок направлениям рационально включить модули обучения инновационному предпринимательству;

– заниматься созданием федеральных, региональных и корпоративных элементов инновационной инфраструктуры (технопарков, технополисов, центров инноваций корпораций и организаций), обеспечением доступности обучения и стажировок для студентов вузов и действующих специалистов по дисциплинам, формирующим их инновационные компетенции;

– развернуть программы обучения управлением инновациями на базе ведущих профильных образовательных учреждений и некоторых ведущих научно-исследовательских университетов.

Никонова Т.В.
к.э.н., доцент ИУЭиФ (КФУ)
viktta@mail.ru
Юсупова Л.М.
к.э.н., доцент ИУЭиФ (КФУ)
lili2407@list.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ЗАКРЫТЫХ ПАЕВЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ РФ

Ключевые слова: *закрытый паевой инвестиционный фонд, частно-государственное партнерство, инвестиции, национальный проект, финансы/*
Keywords*: closed mutual investment fund, public-private partnership, investments, national project, finances.*

За последние несколько лет в российской экономике произошли обширные структурные изменения, повлекшие за собой перестройку всей экономико-финансовой системы страны, а также составную часть финансов – инвестиции. В отличие от советской России, в современной России отсутствует государственная монополия на инвестиции. Инвестиционный процесс могут осуществлять как государственные органы, так и частные лица, и обособленные группы, которые всё большее внимание уделяют новым объектам инвестирования.

Теория и практика развитых стран демонстрирует повышение значимости системы частно-государственного партнерства в социально-экономическом развитии[1]. Данная форма взаимодействия бизнеса и власти характерна, прежде всего, для тех секторов национального хозяйства, где традиционно высока ответственность государства (здравоохранение, коммунальный сектор, образование, наука, объекты культуры, спорта и т.д.). Государство, не имея возможности полностью отказаться от участия в указанных сферах, прибегает к контрольным функциям в отношении определенного имущества, либо в отношении определенных видов деятельности.

К сожалению, для развития и поддержания нормальной деятельности указанных секторов недостаточно выделения ресурсов из средств соответствующих бюджетов. Основная задача государства заключается не столько в одностороннем расширении прямого государственного участия, сколько в формировании и развитии эффективного инструментария взаимодействия бизнеса и власти.

За последние годы в российской экономике отмечена обширная практика эффективного применения механизмов закрытых ПИФов в реализации проектов государственно-частного партнерства[2].

Этому процессу в частности способствуют следующие достоинства модели закрытого паевого инвестиционного фонда:

а) полный контроль над проектом, который возможно осуществлять благодаря одновременному управленческому и инвестиционного участию соинвесторов;

б) контроль за соблюдением целевого характера использования управляющей компанией ресурсов, что осуществляется специализированным депозитарием. За счет этого нивелируется риск несанкционированного вывода объектов стратегического имущества из состава фонда;

в) разделение рисков участников проекта и самого проекта;

г) информационная прозрачность, что в свою очередь, является дополнительной гарантией соблюдения интересов действующих инвесторов и способствует привлечению в проект новых.

д) возможность полноценной реализации траншевой системы инвестирования (неполная оплата инвестиционных паев с последующей оплатой на основании графика или запроса управляющего).

е) закрытый ПИФ, является в определенной мере адаптивной структурой, поскольку предоставляет возможность перестраиваться под меняющуюся рыночную конъюнктуру и трансформировать стратегию инвестиций без дополнительных финансовых издержек, в частности налоговых. Например, ЗПИФ дает возможность на начальных стадиях реализации инвестиционного проекта выступать в качестве застройщика, а после завершения строительства (реконструкции) перейти в форму рентного ПИФа, в рамках которого будет осуществляться эксплуатация объекта инвестирования.

[1] Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: мировой опыт и перспективы России / Р.М. Нижегородцев [и др.]; под ред. Р.М. Нижегородцева, С.М. Никитенко, Е.В. Гоосен. – Кемерово: Сибирская издательская группа, 2012. – С. 70.

[2] Лучшие практики реализации проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере / Специальное издание к международному инвестиционному форуму «СОЧИ-2016». – http://pppcenter.ru/assets/docs/pppcenter_a4_2016_v2_web.pdf

Гражданско-правовые аспекты механизма закрытых паевых инвестиционных фондов как инструментов для инвестирования в настоящее время регулируются Федеральным законом от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах». Соучастие государства и бизнеса в рамках закрытого ПИФ относится к долевой форме инвестирования.

Отметим, что по своей сути модель закрытого ПИФа, применяемая в проектах государственно-частного партнерства, серьезным образом не отличается от классической модели закрытого паевого инвестиционного фонда.

Среди наблюдаемых особенностей данной модели следует выделить:

− государство выкупает заданную долю в фонде, которая не превышает его 50%;

− инфраструктурные организации, обслуживающие фонд, выбираются на конкурсной основе;

− финансирование осуществляется лишь после согласования соответствующих вложений с инвестиционным комитетом (экспертным комитетом), а также при вынесении положительного заключения о соответствии проекта условиям, закрепленным в правилах доверительного управления фондом, а также профильным нормативным документам государственного инвестора[1].

В настоящее время существует два варианта реализации проектов государственно-частного партнерства с применением механизма закрытых фондов. Различаются они способом участия государства. Условно эти способы можно обозначить как «прямое» и «опосредованное»[2]:

– «прямое» участие государство принимает в реализации проектов, связанных с венчурным финансированием при посредничестве «Российской венчурной компании» (ПАО со 100%-м участием государства);

– «опосредованное» участие вызвано тем, что по действующему законодательству прямое внесение государственного имущества в закрытый фонд невозможно.

На рисунке 1 представлена модель реализации частно-государственного партнерства с участием закрытого ПИФа недвижимости.

В этой модели между УК и инвесторами достигаются соглашения о размещении свободных денежных средств фонда, а также о размещении на депозитах аннуитетных поступлений в счёт оплаты отсроченных платежей.

Также модель дает возможность сформулировать достоинства и недостатки участия в ней для каждой из сторон.

Для инвесторов очевидны следующие преимущества задействования ЗПИФа: увеличивается совокупная доходность за счет инвестирования в паи, аннуитетные поступления ЗПИФН размещаются на депозитах в банках-инвесторах, «налоговый рай» в части налогообложения имущества, инвестор получает статус участника социально-ориентированного (инновационного, инфраструктурного и т.д.) проекта. Среди слабых сторон следует выделить: проект требует предоставления «длинных денег», необходимо произвести резервирование ресурсов под обесценение финансовых вложений.

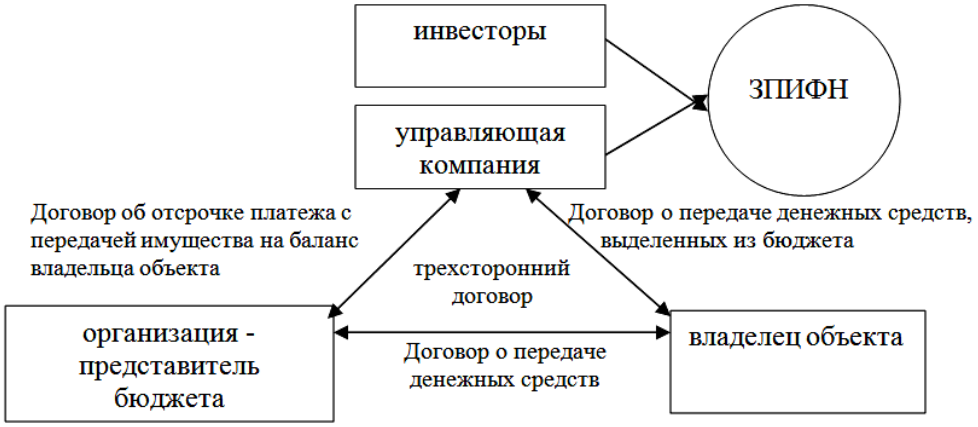


Рисунок 1.
Модель применения института закрытого паевого инвестиционного фонда в реализации проекта ГЧП

Бюджет (регионов, территорий) также получает определенные выгоды: выплаты платежей начинаются с момента сдачи объекта и начала его эксплуатации, снижается ежегодная нагрузка на бюджет за счёт отсрочки платежа (аннуитетный платёж), решаются задачи в рамках программ развития. Однако дисконтированная сумма выплат больше дисконтированной суммы вложений (даже при условии финансирования проекта из бюджета).

К выгодам для владельца объекта, получающего имущество на баланс при реализации проекта через модель ЗПИФа, можно отнести следующие: четкость и определённость сроков, нежели если финансирование происходило из бюджетных источников, возможная прибыль генерируемая объектом, пополняет соответствующий бюджет.

Совместные проекты в форме закрытых паевых инвестиционных фондов являются одной из наиболее популярных моделей, используемых при реализации механизмов ГЧП в таких сферах, как венчурное инвестирование, наукоемкие технологии, проекты в сфере малого высокотехнологичного бизнеса.

Примечательно, что модель частно-государственного партнерства с участием закрытых паевых инвестиционных фондов стала развиваться только с возникновением государственных инициатив в этом направлении.

[1] Жук Е. Модель для венчура // Российская бизнес-газета. 2011. – № 29. – С. 5.

[2] Юридическое агентство IMAC // Официальный сайт юридической группы IMAC, 2009. –http://www.imac.ru

Исторически первыми под эгидой министерства экономического развития и торговли получили развитие венчурные фонды инвестиций в малый бизнес в научно-технической сфере в регионах, затем – фонды с участием Российской венчурной компании и «Роснано».

Вместе с тем вплоть до настоящего времени для широкого применения закрытого ПИФа в ГЧП в России при реализации масштабных инвестиционно-инновационных и инфраструктурных проектов, особенно в реальном секторе экономики, существует ряд препятствий.

Во-первых, российское бюджетное законодательство исходит из годового срока планирования бюджетных расходов и, следовательно, с трудом укладывается в концепцию долгосрочного сотрудничества при реализации крупномасштабных проектов, продолжительность которых выходит за рамки одного года.

Во-вторых, существует острая нехватка опыта, компетенций и успешных практик, а также специалистов в сфере ГЧП не только на региональном, но и на муниципальном уровнях.

Именно недостаток знаний и компетенций породил такие проблемы как недостаточное качество подготовки и выбора проектов, недостаточная прозрачность процесса принятия решений по реализации проектов и другие проблемы[1].

В-третьих, одной из основных проблем является отсутствие понимания механизмов реализации соглашений ГЧП как у органов государственной власти, так и у предпринимателей. Выходом может стать формирование на местах региональных центров ГЧП по подготовке запуску и управлению проектами ГЧП.

[1] A.N's round. Features of formation of public-private partnership in Republic of Belarus // Problems of management. 2011. – N 2. – P. 31–36.

Остаев Г.Я.
к.э.н., доцент Ижевской государственной сельскохозяйственной академии ostaeff@yandex.ru

ВНЕДРЕНИЕ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Ключевые слова: *бюджет, сельскохозяйственное предприятие, центр ответственности, затраты.*
Keywords: *budget, agricultural enterprise, responsibility center, cost.*

В обстановке экономической неопределенности необходимо прогнозировать будущее, предвидеть возможные изменения условий деятельности с помощью опережающего планирования и контроля, то есть с помощью системы бюджетирования.

Бюджетирование, по сути, является заложением сгруппированных стратегических целей по основной и прочей деятельности в виде количественных и качественных показателей, которые необходимо достигнуть сельскохозяйственному предприятию за тот или иной период.

Сведения о затратах и планировании (бюджетировании) в сельскохозяйственных предприятиях нужны практически на всех этапах разработки и реализации управленческих решений. Правильная организация расходования материальных и денежных средств сельскохозяйственного производства в значительной мере решает вопрос экономного ведения хозяйства.

Хорошо поставленная бюджетная система очень важна для сельскохозяйственного предприятия. Она помогает усовершенствовать координацию всех его подразделений, избежать кризисных ситуаций, улучшить мотивацию, повысить ответственность управленцев всех уровней, предсказать финансовый результат, предотвратить нежелательные ситуации.

Сущность бюджетирования в общем виде можно раскрыть в виде рис. 1.

Технологические и организационные особенности производственной деятельности сельского хозяйства, количественные и качественные характеристики продукции, цели управления служат обоснованием для различного сочетания способов и приемов учета производственных затрат и калькулирования себестоимости продукции, способствующих правильному использованию таких экономических рычагов, как прибыль, цена, себестоимость [7].

Рисунок 1.
Сущность бюджетирования

В управлении затратами можно выделить составляющие представленные на рис. 2.

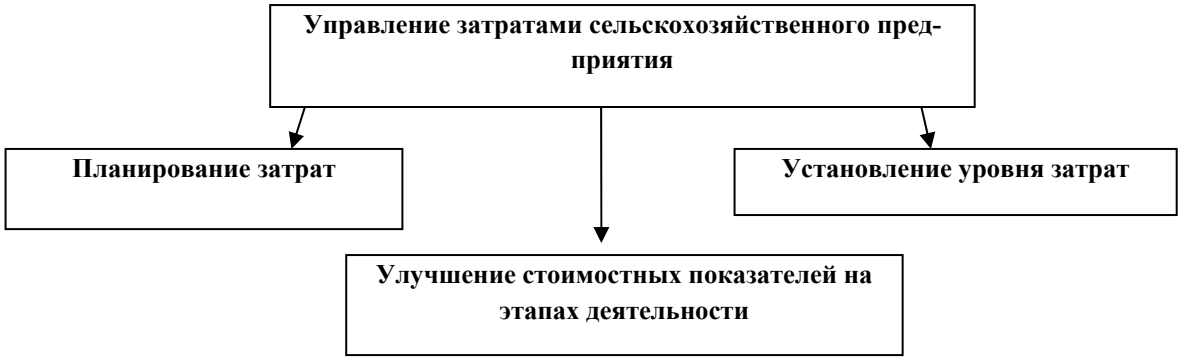


Рисунок 2.
Основные составляющие управления затратами

Сохранение и снижение уровня затрат связано с управлением затратами на всех стадиях сельскохозяйственного производства [4].

Главной задачей бюджетирования является обоснованное планирование деятельности сельскохозяйственного предприятия с целью обеспечения текущего контроля деятельности.

Задачи системы бюджетирования в сельском хозяйстве можно представить в табл. 1.

Таблица 1

Задачи системы бюджетирования в сельском хозяйстве

№ п/п	Задачи бюджетирования	Процедуры системы бюджетирования
1	Планирование на перспективу	Посредством определенных, заранее утвержденных процедур, система бюджетирования позволяет планировать деятельность сельскохозяйственного предприятия в рамках горизонта бюджетирования.
2	Оперативное координирование	Система бюджетирования консолидирует бюджеты структурных единиц в бюджет сельскохозяйственного предприятия, и координирует оперативную деятельность сельскохозяйственного предприятия.
3	Авторизация системы	Система бюджетирования наделяет руководителей структурных единиц, подразделений и руководителей аппарата управления сельскохозяйственного предприятия, а также определенных руководителей правами и обязанностями, которые позволяют им осуществлять руководство процессом составления и утверждения бюджетов сельскохозяйственного предприятия.
4	Оценка деятельности	Система бюджетирования, на основании результатов выполнения бюджета, определяет базу для оценки эффективности деятельности руководителей сельскохозяйственного предприятия.
5	Мотивация и контроль	Система бюджетирования посредством вовлечения большего количества сотрудников предприятия в процесс планирования и контроля позволяет повысить их заинтересованность в результатах своего труда и результатах финансово-хозяйственной деятельности сельскохозяйственного предприятия.
6	Анализ исполнения и комплексный контроль	Анализ исполнения в рамках системы бюджетирования осуществляется посредством сравнения планируемых и фактических показателей, а также путем нормирования показателей; контроль предполагает комплекс процедур, обеспечивающих четкое и эффективное оперативное выполнение бюджета

Как нам представляется, основной целью процесса бюджетирования является разработка определенной финансовой структуры сельскохозяйственного предприятия. Финансовая структура включает в себя центры финансового учета и центры финансовой ответственности.

На основе исчисления калькуляций принимаются наиболее оптимальные управленческие решения, сравниваются фактические затраты с плановыми. Калькуляции способствуют также повышению экономической обоснованности цен на продукцию, т.к. за базу цены принимается не только потребительская стоимость товара, но и те затраты на производство и реализацию изделий, работ, услуг, которые понесла организация в ходе своей деятельности [1].

Постановка бюджетирования предлагает процесс составления финансовых планов и смет, кроме того это управленческая технология, предназначенная для выработки и повышения финансовой обоснованности принимаемых управленческих решений [3].

В сельскохозяйственных предприятиях основными объектами управленческого учета преимущественно являются затраты и результаты деятельности как всего предприятия, так и его отдельных структурных подразделений [6].

Для эффективной постановки бюджетирования в сельскохозяйственном предприятии необходимо выполнить некоторые этапы подготовки (табл. 2).

Таблица 2

Этапы подготовки и внедрения бюджетирования

№ п/п	Действия	Этапы	Результаты
1	Определить финансовую структуру сельскохозяйственного предприятия	На данном этапе необходимо провести анализ организационной структуры, изучить хозяйственную деятельность сельскохозяйственного предприятия по всем отдельно взятым отделам, участкам, службам.	По результатам проведенного анализа определяется статус каждого структурного подразделения в плане формирования на его основе центра ответственности (ЦО);
2	Определить принципиальную финансовую модель	На данном этапе необходимо определить состав и основные элементы бюджетов и их существенные взаимосвязи. В этом случае важно продумать структурную организацию бюджетов таким образом, чтобы добиться личной ответственности за каждый бюджет.	При идеальном варианте каждый бюджет должен быть закреплен за одним центром ответственности
3	Разработать состав и аналитику показателей бюджета.	На данном этапе необходимо соблюсти грань между желаемым и возможным.	Следует профессионально подойти к анализу бюджетных показателей, учитывая принцип существенности планируемых событий

4	Разработка детальной финансовой модели	На данном этапе следует на математическом уровне выявить взаимозависимости бюджетных показателей	Тщательно прописать экономический смысл исходных данных
5	Проработка регламента бюджетного процесса	На данном этапе после выполнения можно будет точно определить кто, что и когда делает при составлении бюджета и контроле его выполнения;	Бюджетный регламент определяет сроки и процедуры согласования бюджетов с указанием ответственных лиц
6	Автоматизация системы бюджетирования	На данном этапе происходит внедрение программного продукта системы бюджетного управления.	Позволяет организации автоматизировать все расчеты бюджетного планирования и анализа исполнения бюджета
7	Обучение персонала сельскохозяйственного предприятия	На данном этапе необходимо чтобы персонал организации детально изучил каждый пункт программного продукта	Успешная реализация проекта и внедрение системы бюджетирования позволит работникам организации сократить трудозатраты

Обоснование логики организации и функционирования системы бюджетирования в учетно-аналитической системе сельскохозяйственных предприятий должно осуществляться с учетом основополагающих подходов к формированию прогнозной финансовой информации и отчетности, избираемых на основе обоснования выбора по направлениям, представленным в табл. 3.

Таблица 3

Организация и функционирование системы бюджетирования в сельскохозяйственных предприятиях

№ п/п	Основные направления бюджетирования	Обоснование выбора системы бюджетирования
1	Нормативно-правовое обоснование	Нормативно-правовое обеспечение организации и функционирования системы бюджетирования
2	Информационное обоснование	Информационное обеспечение организации и функционирования системы бюджетирования
3	Организационное обоснование	Организационное обеспечение организации и функционирования системы бюджетирования
4	Методологическое обоснование	Методологическое обеспечение организации и функционирования системы бюджетирования
5	Методическое обоснование	Методическое обеспечение организации и функционирования системы бюджетирования
6	Программно-техническое обоснование	Программно-техническое обеспечение организации и функционирования системы бюджетирования

Можно так же предложить унифицированную укрупненную схему постановки системы бюджетирования, реализация основных этапов которой способствует созданию рациональной системы бюджетирования. Данная унифицированная укрупненная схема постановки системы бюджетирования включает в себя этапы, представленные на рис. 3.

Рисунок 3.
Поэтапная постановка системы бюджетирования

Реализация первого этапа позволит произвести оценку существующей учетно-аналитической системы, выявить ее недостатки, информационные потребности менеджмента и оценить степень и качество их удовлетворения и выработать основные направления ее совершенствования. На втором этапе разрабатывается методология системы бюджетирования, включающая в себя выбор концепции бюджетирования, разработку финансовой, бюджетной структур, проектирование бизнес-процессов бюджетирования, контроля и анализа, формирование на этой основе регламентов в

соответствии с избранными принципами бюджетирования и концепцией. На третьем этапе разрабатываются методики бюджетирования с их последующим закреплением во внутренних регламентах. На четвертом этапе выбирается соответствующий вариант автоматизации системы бюджетирования. На пятом этапе осуществляется обучение персонала. При ее составлении целесообразно придерживаться основных принципов: системность, вариантность, комплектность, оптимальность, адекватность и непрерывность.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что представленная модель внедрения бюджетирования, представляет собой систему, позволяющую четко организовать процесс бюджетирования и управления затратами, доходами, прибылью, а также будет способствовать повышению эффективности принимаемых управленческих решений.

Для целей совершенствования управления затратами можно реорганизовать процессы бюджетирования посредством децентрализации.

Децентрализация – процесс перераспределения обязанностей и ответственности по отдельным структурным подразделениям экономического субъекта.

Под бюджетной децентрализацией следует понимать любые виды мобилизации финансовых ресурсов по отдельным центрам ответственности.

Поэтому бюджетирование можно так же осуществлять по *центрам ответственности* – структурные подразделения, возглавляемые руководителями, несущими ответственность за результаты их работы

Основные показатели бюджетирования центров финансовой ответственности должны отражаться в управленческой бухгалтерии. В качестве примера возьмём предприятие декоративного цветоводства (табл. 4).

Таблица 4

Бюджетирование по производственным центрам ответственности, сформированных по функциональному принципу (декоративное цветоводство)

№ п/п	Бюджетирование по центрам ответственности	Показатели бюджетирования присущие центру ответственности
1	Участок «Оранжерейный комплекс»	Затраты по срезу роз
2	Участок «Сортировка»	Затраты по сортировке готовой продукции
3	Участок «Ремонтный участок»	Затраты по ремонту оборудования и систем
4	Участок «Служба климата»	Затраты по соблюдению климата
5	Участок «Энергослужба»	Затраты по электроэнергии, воды, искусственного досвечивания
6	Участок «Котельная»	Затраты по потреблению газа, выработанной тепловой и электрической энергии
7	Участок «Материальный склад»	Затраты на приобретение материалов, запасных частей, удобрений и пестицидов

В качестве примера бюджетирования по центрам финансовой ответственности возьмём предприятие птицеводства (табл. 5).

Таблица 5

Бюджетирование по производственным центрам ответственности, сформированных по функциональному принципу (птицеводство)

№ п/п	Бюджетирование по центрам ответственности	Показатели бюджетирования присущие центру ответственности
1	Участок «Выращивание ремонтного молодняка»	Затраты по участку выращивания ремонтного молодняка
2	Участок «Содержание родительского стада»	Затраты по участку содержания родительского стада
3	Участок «Сортировка яиц»	Затраты по сортировке яиц
4	Участок «Цех инкубации»	Затраты по цеху инкубации
5	Участок «Цех выращивания бройлеров»	Затраты по цеху выращивания бройлеров
6	Участок «Комбикормовый цех»	Затраты по цеху комбикорма
7	Участок «Убоя и потрошения»	Затраты по участку убоя и потрошения
8	Участок «Санубой»	Затраты по участку санитарного убоя
9	Участок «Переработка»	Затраты по участку первичной и глубокой переработки

Для наглядности представим бюджет участка «Оранжерейный комплекс» (табл. 6).

Таблица 6

Бюджет участка декоративного цветоводства «Оранжерейный комплекс» в тыс. руб.

№ п/п	Наименование статьи бюджетирования	2016 г.	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.
1	Расходы на производство, в т. ч.: прямые затраты	32 457,1	7784,7	7503,4	8823,0	8346,0
2	Материальные затраты, в т. ч.:	17 804,0	4185,0	3868,0	5069,0	4682,0
	материалы, упаковка	2810,0	690,0	710,0	720,0	690,0
	удобрения	7900,0	1194,0	2098,0	2562,0	2046,0
	пестициды	7094,0	2301,0	1060,0	1787,0	1946,0
3	Фонд заработной платы	11 141,7	2796,2	2693,1	2805,1	2847,3
4	Отчисления на соц. нужды	3342,5	838,9	807,9	841,5	854,2

5	Прочие затраты, в т. ч.:	414,0	26,1	193,6	169,1	25,2
	материалы на ремонт основных средств	125,9	1,0	59,4	65,5	0,0
	спецодежда, спец. инструмент	114,6	13,8	13,8	73,2	13,8
	инструмент	128,0	–	109,0	19,0	–
	сан. обработка	36,0	9,0	9,0	9,0	9,0
	охрана труда	4,8	1,2	1,2	1,2	1,2
	канцтовары	4,7	1,1	1,2	1,2	1,2

Примечание: цифровой материал условный.

Бюджетирование по предлагаемым центрам финансовой ответственности способствует рационализации затрат сельскохозяйственного предприятия, а также повышению дисциплины и ответственности руководителей соответствующих центров.

Для принятия оперативных, тактических и стратегических управленческих решений с целью повышения эффективности деятельности в сельскохозяйственных организациях можно провести CVP-анализ (анализ соотношения «затраты – выпуск – результат») безубыточности производства для определения точки безубыточности.

Данный механизм контроля и анализа является одним из наиболее эффективных средств оперативного и стратегического планирования (бюджетирования) и прогнозирования деятельности сельскохозяйственного предприятия [2]. Он помогает руководителям предприятия выявить оптимальные пропорции между переменными и постоянными затратами, ценой и объемом производства продукции, и ее реализации, минимизировать предпринимательский риск [5].

Главными элементами анализа соотношения «затраты – выпуск – результат» являются маржинальный доход, порог рентабельности (точка безубыточности), производственный леверидж и маржинальный запас прочности (табл. 7). При осуществлении контроля и анализа безубыточности производства обязательным условием является деление затрат предприятия на постоянные и переменные. Постоянные затраты не зависят от объема производства, а переменные – изменяются с ростом (снижением) объема выпуска и продаж. В процессе расчета объема валовой продукции, покрывающего постоянные и переменные затраты, производственные предприятия в своей практической деятельности используют такие показатели, как величина и норма маржинального дохода.

Таблица 7

Главные элементы анализа соотношения «затраты – выпуск – результат»

№ п/п	Наименование соотношения	Обозначение соотношений
1	Маржинальный доход	Разница между валовой продукцией предприятия и суммой его переменных затрат
2	Порог рентабельности (точка безубыточности)	Показатель, характеризующий объем производства реализации, при котором валовая продукция предприятия равна всем его совокупным затратам, т.е. тот объем производства или продаж, при котором предприятие не имеет ни прибыли, ни убытка
3	Производственный леверидж	Механизм управления прибылью предприятия в зависимости от изменения объема производства реализации продукции (работ, услуг)
4	Маржинальный запас прочности	Процентное отклонение фактической валовой продукции (работ, услуг) от пороговой валовой продукции (порога рентабельности)

Показатель величины маржинального дохода показывает вклад предприятия в покрытие постоянных затрат и получение прибыли. Существует два способа определения величины маржинального дохода.

Первый способ: из валовой продукции сельскохозяйственного предприятия вычитают все переменные затраты, т.е. все прямые расходы и часть накладных расходов (общепроизводственные расходы), зависящих от объема производства и относящихся к категории переменных затрат.

Второй способ: величина маржинального дохода определяется путем сложения постоянных затрат и прибыли сельскохозяйственного предприятия.

Средняя величина маржинального дохода – это разница между ценой продукции и средними переменными затратами. Средняя величина маржинального дохода отражает вклад единицы изделия в покрытие постоянных затрат и получение прибыли.

Норма маржинального дохода – это доля величины маржинального дохода в валовой продукции или доля средней величины маржинального дохода в цене продукции.

Применение этих показателей помогает своевременно решить некоторые задачи, например, определить размер прибыли при различных объемах производства.

По сути CVP-анализ – это элемент управления финансовым результатом через точку безубыточности, то есть такую точку, в которой расходы на производство и реализацию продукции полностью покрываются доходами (анализ связи затрат, объема производства и прибыли). Данная связь может быть представлена в качестве формулы:

Прибыль = Доходы – Расходы = Цена х *Объем производства – Переменные расходы – Постоянные расходы.*

Основная роль в выборе стратегии поведения предприятия принадлежит величине маржинального дохода. Увеличение прибыли достижимо при возрастании величины маржинального дохода. Добиться этого можно разными способами – снизить цену продажи и соответственно увеличить объем реализации; увеличить объем реализации и снизить уровень постоянных затрат, пропорционально изменять переменные, постоянные затраты и объем выпуска сельскохозяйственной продукции. Следовательно, CVP-контроль и анализ позволяет отыскать наиболее выгодное соотношение между переменными и постоянными затратами, ценой и объемом производства продукции сельского хозяйства, а также позволит грамотно составлять бюджет сельскохозяйственного предприятия.

Список литературы

1. Алборов Р.А. Совершенствование организации производства и управления эффективностью деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств / Алборов Р.А., Остаев Г.Я., Комышев А.Л., Собин И.Н. // Развитие бухгалтерского учета, контроля и управления в организациях АПК: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию д.э.н., профессора Р.А. Алборова; отв. за выпуск И.Ш. Фатыхов. – Ижевск: Ижевская государственная сельскохозяйственная академия. 2014. – С. 99–105.
2. Ивашкевич В.Б. Практикум по управленческому учету и контроллингу. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 192 с.
3. Марковина Е.В., Производственная необходимость внедрения бюджетирования в коммерческих организациях / Е.В. Марковина, Г.Я. Остаев, С.Р. Концевая // Наука Удмуртии. 2016. – № 2 (76). – С. 114–122.
4. Никулина С.Н. Разработка бюджетов для деятельности сельскохозяйственного производственного кооператива // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. – № 8. – С. 51–55.
5. Остаев Г.Я. Особенности бюджетирования в управленческом учете / Г.Я. Остаев, Г.Р. Концевой, А.А. Алборов // Теория и практика – устойчивому развитию агропромышленного комплекса: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Ижевская государственная сельскохозяйственная академия. 2015. – С. 308–312.
6. Остаев Г.Я. Внедрение бюджетирования в коммерческих организациях // Современные проблемы развития экономики и управления в регионе: материалы X Международной научно-практической конференции. – Пермь: От и До, 2016. – С. 140–146.
7. Хосиев Б.Н., Совершенствование бюджетирования в цветоводстве / Б.Н. Хосиев, Г.Я. Остаев // Бухучет в сельском хозяйстве. 2016. – № 5. – С. 61–67.

Пашков В.П.
к.э.н., в.н.с. Института аграрных проблем РАН, г. Саратов

ПРОГНОЗ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ ДО 2030 ГОДА

Ключевые слова: *прогноз, структура земель, земельные доли, количество участков.*
Keywords*: forecast, structure of land, land shares, the quantity of plots.*

1. Структура и динамика сделок с земельными участками в Российской Федерации

Анализ закономерностей развития земельного рынка России, складывающейся общественно-экономической структуры земель и выполнение долгосрочного прогноза состояния поземельных отношений приводит к неутешительным выводам о результатах земельной реформы, к выводу о необходимости разработки и перехода к другой ее концепции. Об этом говорят происходящие изменения и складывающиеся тенденции в структуре сделок с земельными участками (табл. 1), в агротехнической структуре земель (табл. 2), в общественно-экономической структуре приватизированных земель (табл. 3, а также прогнозы их состояний к 2020 г., 2025 г. и 2030 г. табл. 4).

Таблица 1

Структура и динамика сделок с земельными участками в Российской Федерации (количество сделок в тыс. ед., площадь в тыс. га)

Виды сделок	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
	Кол-во сделок (площадь)	Кол-во сделок (площадь)	Кол-во сделок (площадь)	Кол-во сделок (площадь)
1. Аренда государственных и муниципальных земель	3514,6 (113081,8)	3403,6 (138576,7)	3254,2 (159420,5)	3424,0 (156923, 8)
1.1. В т.ч. сделки, совершенные в отчетном году	410,7 (26274,9)	463,0 (28738,0)	430,1 (20526,4)	411,6 (14460,7)
2. Продажа прав аренды государственных и муниципальных земель	22,4 (326,43)	27,2 (3044,10)	29,8 (5938,5)	34,7 (6203,0)
3. Продажа государственных и муниципальных земель	350,7 (610,7)	384579 (1124,7)	343811 (882,5)	374903 (931,3)
3.1. В том числе на торгах	41,9 (133,0)	25,2 (79,0)	29,3 (74,2)	34,7 (87,0)
Итого действующих сделок с государственными и муниципальными землями	**3887,7 (114018,9)**	**3815,3 (142745,5)**	**3627,8 (166241,)**	**3833,6 (164058,0)**
В т.ч., совершенных в отчетном году	783,8 (27212,0)	874,8 (32906,8)	803,7 (27347,4)	821,2 (21595,0)
4. Купля-продажа земли гражданами и юридическими лицами	520,2 (3159,6)	917,4 (4706,8)	908,9 (7787,6)	1130,4 (20886,4)
5. Дарение	117,8 (10583,0)	159,1 (4733,1)	189,0 (4899,1)	218,8 (2260,2)
6. Наследование	314,6 (4116,3)	346,2 (5090,0)	410,1 (10244,0)	460,2 (13747,8)
7. Залог	43,9 (902,7)	83,7 (1786,1)	109,1 (3553,6)	148932 (2447,2)
Итого сделок между гражданами и юридическими лицами	**996,5 (18,8)**	**1,5 (16,3)**	**1,6 (26,5)**	**2,0 (39341,6)**
Всего сделок с учетом всех действующих договоров аренды	**4884,2 (132780,5)**	**5321,8 (159061,5)**	**5244,9 (192725,8)**	**5792,0 (203399,6)**
Из них, совершенных за отчетный год	1780,2 (45973,6)	2381,2 (49222,8)	2420,8 (53831,7)	2779,6 (60936,7)

Источник: Рассчитано по данным государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в РФ в 2012 году. – М. Росреестр, 2014. – 252с. Табл. 4, 1, с. 145.

Из анализа таблиц можно сделать вывод, что в России земельный рынок формируется в основном по линии сдачи земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, в аренду. Получает широкое распространение продажа прав аренды государственных и муниципальных земель, которая является уже рыночной формой, причем, весьма эффективной.

2. Тенденции в изменениях агротехнической структуры земель и прогноз ее состояния

Автор впервые ввел в использование два противоположных друг другу понятия: агротехническая структура земель и общественно-экономическая структура земель. Первая представляет собой состав угодий, а вторая – состав общественно-экономических форм земель, в первую очередь различных форм земельной собственности.

В России на 1 января 2015 года площадь сельскохозяйственных угодий во всех семи категориях ее земель составила 220,2 млн. га, или 12,9% всего земельного фонда страны, тогда как на долю несельскохозяйственных угодий пришлось 1489,7 млн. га, или 87,1% фонда. Площадь земель категории сельскохозяйственного назначения в фонде составила 385,5 млн. га, за год она уменьшилась на 1,0 млн. га. В составе данной категории земель площадь сельскохозяйственных угодий составила 196,2 млн. га, а несельскохозяйственных угодий – 189,3 млн. га.

Таблица 2

Прогноз изменения площади сельскохозяйственных угодий по землям всех семи категорий в России (база 1990–2015 годов, в тыс. га, на 1 января соответствующего года)

Год	Сельскохозяйственные угодья (с землями личного пользования), Всего	в том числе		
		пашня (с землями личного пользования)	сенокосы и пастбища (с землями личного пользования)	Залежь
1990	222 409,2	132 304,2	87 899,5	347,2
2000	221 088,8	124 373,8	90 923,4	3927,2
2004	220 729,7	122 146,0	92 023,7	4750,2
2010	220 396,3	121 433,9	92 059,5	5103,3
2014	220 205,8	121 489,9	91 967,0	4922,1
Прогноз до 2020, 2025, 2030, 2115 годов				
2020	220395,8	121 545,00	–	–
2025	220585,8	121 599,9	–	–
2030	220775,8	121 654,9	–	–
2115	216,405,8	122 589,9	–	–

Источник: Рассчитано по данным государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в РФ в 2014 г. – М. Росреестр. 2015. – 226 с. Табл. 1, 10, с. 36.

Как видно по табл. 2, на протяжении 25 лет проявляется слабая, но устойчивая тенденция к незначительному сокращению площади сельскохозяйственных угодий. Уменьшение составило: 1) за последние 25 лет (1990–2014 гг.) на 2,2 млн. га при среднегодовом в 0,088 млн. га; 2) за последние 15 лет (2000–2014 гг.) на 0,88 млн. га при среднегодовом в 0,058 млн. га; 3) за последние 10 лет (2004–2014 гг.) на 0,52 млн. га при среднегодовом в 0,052 млн. га; 4) за последние 5 лет (2010–2014 гг.) на 0,19 млн. га при среднегодовом в 0,038 млн. га. Если взять за основу расчетов изменения последних 5 лет, то **площади сельскохозяйственных угодий сократятся и составят к: 1) 2020 г. на 190 тыс. га, 220 395,8 тыс. га; 2) 2025 г. на 380 тыс. га, 220 585,8 тыс. га; 3) 2030 г. на 570 тыс. га, 220 775,8 тыс. га. А на будущие 100 лет (2015–2115 гг.) площадь сельскохозяйственных угодий России во всех категориях** ее земель уменьшится лишь на 3,8 млн. га и составит **216 405,8 тыс. га**.

Несколько лучше обстоят дела с пашней. Уменьшение составило: 1) за последние 25 лет (1990–2014 гг.) 10,81 млн. га при среднегодовом снижении в 0,433 млн. га; 2) за последние 15 лет (2000–2014 гг.) на 2,88 млн. га при среднегодовом снижении в 0,192 млн. га; 3) за последние 10 лет (2004–2014 гг.) на 0,656 млн. га при среднегодовом снижении в 0,066 млн. га. А за последние 5 лет (2010–2014 гг.) наблюдается уже противоположное явление, возникновение слабой тенденции к росту площади пашни на 0,056 млн. га при среднегодовом увеличении в 11 тыс. га.

Если взять за основу расчетов изменения последних 5 лет, то площади пашни во всех семи категориях земель **увеличатся и составят к**: 1) 2020 на 56 тыс. га, 121 545,0 тыс. га; 2) 2025 на 11 тыс. га, 121 599,9 тыс. га; 3) 2030 на 165 тыс. га, 121 654,9 тыс. га. А на будущие 100 лет (2015–2115 гг.) площадь пашни России во всех семи категориях ее земель может увеличиться лишь на 1,1 млн. га и составит **122 589,9** тыс. **га.**

3. Общественную структуру форм частной земельной собственности в России на 1 января 2015 г. можно представить следующим образом (табл. 4). В частной собственности граждан и юридических лиц находилось 132,6 млн. га, что составило 7,8% всего земельного фонда страны. Из них площадь земель, находящихся в собственности граждан и их объединений, составила 115,4 млн. га, или 6,8%, в собственности юридических лиц находилось 17,2 млн. га, или 1,0% земельного фонда. Площадь земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, составила 1577,3 млн. га, или 92,2% от площади земельного фонда страны.

Земельные доли граждан (включая право в общей совместной собственности) в земельном фонде страны, т.е. во всех семи категориях земель составили 5,2% (89,3 млн. га), или 67,3% земель, находящихся в частной собственности в целом по стране.

Площадь приватизированных земель сельскохозяйственного назначения составила 127,6 млн. га. Из них земли частной собственности граждан составили 111,2 млн. га (87,1%), а земли частной собственности юридических лиц – 16,4 (12,9%).

В стране в течение семнадцати лет в счет земельных долей или за счет лишь одних земельных долей выделено (сформировано земельных участков) и зарегистрировано в частной, государственной или муниципальной собственности 26,1 млн. га земель (табл. 3). Это менее четверти площади всех долей. Однако сколько или какое количество земельных участков выделено (сформировано) не сообщается. По нашим расчетам в счет земельных долей выделено (сформировано) лишь 360 тыс. земельных участков. Темпы образования новых земельных участков низкие. Одновременно возник процесс объединения нескольких мелких участков в более крупные. В результате возникла тенденция сокращения общего количества земельных участков возникающих в счет площади земельных долей. К 2020 году воз-

можно их сокращение до 310 тыс. единиц. Но тенденция может измениться, тогда возможно образование миллионов новых земельных участков.

Таблица 3

Прогноз изменения площади земельных долей и количества земельных участков по землям сельскохозяйственного назначения, находящимся в частной собственности граждан (базы 1998–2012 гг. и 2009–2015 гг., на 1 января соответствующего года)

№ п/п	Наименование	1998 г.	2015 г.	1998 г. к 2014 г.	Средне-годовые	Прогноз до 2020 г.	Прогноз до 2025 г.	Прогноз до 2030 г.
1	Земли реорганизованных сельскохозяйственных предприятий, переданные гражданам с правом собственности на земельную долю:							
1.1	– общая площадь земельных долей (млн. га)	115,4	89,3	–26,1	–1,74	80,4	71,9	63,2
1.2	– количество граждан – собственников земельных долей (млн.)	11,8	8,5	–3,3	–0,22	7,4	6,3	5,2
2	Средняя площадь земельной доли, приходящаяся на 1 собственника в га	9,8	10,5	+0,7	+0,05	10,75	11,0	11,25
3	Из них земельные участки общей долевой собственности, сформированные и зарегистрированные после вступления в силу ФЗ от 24.07.2007 № 101-ФЗ: – общая площадь (млн. га) – количество (млн. участков)	2009 г. 19,1 0,4	2015 г. 19,1 0,36	– –	0,0 –0,01	19,1 0,31	19,1 0,26	19,1 0.21
4	Средняя площадь земельного участка в га	–	53,1	–	–	61,6	73,5	91,0

Источник: Рассчитано по данным государственных (национальных) докладов о состоянии и использовании земель в РФ в 2009 и 2014 годах. Росреестр РФ. – М., 2015. – 226 с. Табл. 1.14, с. 50.

4. Прогноз изменения общественно-экономической структуры приватизированных земель сельскохозяйственного назначения в РФ до 2030 года

Выполненный прогноз изменения общественно-экономической структуры приватизированных земель сельскохозяйственного назначения к 2020 году говорит о незначительных долгосрочных положительных изменениях в ней. Земельные доли, которые завели земельную реформу в тупик, сокращаются медленно. Так за три последних года, когда сельскому хозяйству со стороны государства оказывалась наибольшая финансовая и материальная помощь и когда казалось, что земельная реформа заработает, случилось обратное. А именно: частная земельная собственность граждан стала сокращаться со среднегодовыми темпами в 1,66 млн. га в год. К 2020 в стране еще может остаться в частной собственности граждан свыше 100 млн. га земли. Однако в них 73 млн. га будут насчитывать земельные доли. Структура останется по-прежнему крайне нежелательной, поскольку земельные доли портят земельный фонд страны**.**

Таблица 4

Прогноз изменения общественно-экономической структуры приватизированных земель сельскохозяйственного назначения в РФ до 2030 года (в млн. га и в %, на 1 января года)

Наименование	На 01.01.2010 г., в млн. га и в %	На 01.01.2015 г., в млн. га и в %	Среднегод. изменение за 5 лет, в млн. га	**Прогноз на 5 лет до 2020 г.** в млн. га	**Прогноз на 10 лет до 2020 г.** в млн. га	**Прогноз на 15 лет до 2030 г.** в млн. га
1. Всего приватизированных земель по всем частным собственникам	**129,3 (100,0)**	**127,6 (100,0)**	**–0,34**	**125,9**	**124,2**	**122,5**
1.1. Земли в частной собственности граждан	**119,5 (92,4)**	**111,2 (87,1)**	**–1,66**	**102,9**	**94,6**	**86,3**
1.1.1. Из них: земли в общей (долевой и совместной) (земельные доли) граждан	104,2 (86,9)	88,7 (79,8)	–3,1	73,2	57,7	42,2
1.1.1.1. Из них: земли в общей долевой собственности граждан	103,4 (99,2)	88,6 (99,8)	–3,1	73,8	57,6	42,1
1.1.1.1.1. Из них: невостребованные земельные доли граждан	24,3 (23,5)	18,0 (20,3)	–1,26	11,7	17,4	11,1
1.1.1.2. Из них: земли в общей совместной собственности граждан	0,8 (0,8)	0,6 (3,3)	–0,04	0,4	0,2	0,0
1.1.2. Крестьянские (фермерские) хозяйства	4,7 (3,9)	5,4 (4,6)	+0,14	6,1	6,8	7,5
1.1.3. Личные подсобные хозяйства граждан	2,4 (2,0)	2,8 (2,5)	+0,08	3,2	3,6	4,0
1.1.4. Садоводство граждан	0,6 (0,5)	0,6 (3,3)	0,0	0,0	0	0
1.1.5. Индивидуальное жилищное строительство граждан	0,02 (0,02)	0,04 (0,04)	+ 0,004	0,06	0,08	0,1
1.1.6. Граждане собственники земельных участков	7,1 (5,9)	10,3 (9,3)	+ 0,64	13,5	16,7	19,9
1.1.7. Огородничество граждан	0,5 (00,4)	0,9 (0,8)	+ 0,08	1,3	1,7	2,1

1.1.8. Другие цели граждан	0,07 (0,1)	0,2 (0,18)	+ 0,03	0,35	0,5	0,65
1.2. Земли в частной собственности юридич. лиц	**9,8 (7,6)**	**16,4 (12,9)**	**+ 1,35**	**23,0**	**29,5**	**36,2**
1.2.1. Из них: земельные доли в собственности юридич. лиц	0,52 (5,3)	0,47 (2,87)	- 0,01	**0,42**	**0,37**	**0.32**

Источник: Рассчитано по данным государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в РФ в 2014 г. – М.: Росреестр, 2015. – 226 с. Табл. 1.13, с. 49.

По проведенным расчетам прогноз на 2020 год будет следующим. Земельные доли составят 73 млн. га из остающихся 102 млн. га земли частной собственности граждан. Темпы сокращения количества собственников земельных долей останутся также крайне низкими, так к 2020 году их останется 6,5 млн. человек. Средняя площадь земельных участков возрастет с 53,1 га в 2015 г. до 61,6 га в 2020г. Так, если к 2015 году, в счет земельных долей было выделено (сформировано) около 400 тыс. мелких земельных участков на площади в 19,1 млн. га, то к 2020 году их количество уменьшится до 310 тыс. на площади в 19,1 млн. га. Сохранятся риски дальнейшей порчи земельного фонда страны, риски перехода к использованию преимущественно маломощной техники взамен мощной современной.

Общий вывод. В России частная собственность на землю, на земельные участки пришла в крайнее противоречие с общественными интересами развития страны, она должна быть выведена из юрисдикции частного права и заменена на государственную.

Перевод земельной реформы на путь преимущественно арендных форм экономической реализации государственной и муниципальной земельной собственности может стать главным направлением коррекции земельной реформы, одним из условий обеспечения национальной продовольственной безопасности, прямо связанной с общей безопасностью России. Это будет работать на снижение рисков дестабилизации и в сфере федерализма страны, на укрепление его экономических и политических основ.

2. Методические рекомендации по развитию института аренды сельскохозяйственных угодий России

1. Государственная Дума Российской Федерации работает над упрощением процесса сдачи и получения земли в аренду и предоставлением в собственность земли. В настоящее время арендаторам земель для продолжения пользования участком или приобретения его в собственность без торгов необходимо доказать, что он использовал этот участок надлежащим образом и предоставить соответствующие документы в уполномоченный орган. Однако установить для всех субъектов РФ единый перечень документов, подтверждающих надлежащее использование участка, не представляется возможным. В результате арендаторы вынуждены подтверждать право на переоформление договоров аренды исключительно в судебном порядке.

Необходимо ввести норму с определением того, кто или что есть «надлежащий пользователь». Таковым является арендатор, в отношении которого отсутствует информация о выявленных и не устраненных нарушениях земельного законодательства при использовании соответствующего земельного участка.

2. Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа», вступивший в силу с 1 июня 2016 года, предполагает, что каждый гражданин страны, любой ее области или республики вправе бесплатно получить на Дальнем Востоке 1 га земли находящейся в государственной или муниципальной собственности.

В основу Закона о дальневосточном гектаре положили либеральные принципы: желающий может получить участок размером не более 1 га для любой цели, независимо от категории земли. Закон разрабатывался с идеей, что он даст толчок развитию Дальнего Востока. Однако позже выяснилось следующее: 1. Необходимо провести разграничение государственной собственности на землю, внести права третьих лиц в Единый государственный реестр прав (ЕГРП), создать схему земель с отметками того, что на них находится, например, защитные леса, водоохранные или рекреационные зоны, зоны, определенные для несельскохозяйственной деятельности, границы территорий, на которых проживают малочисленные народы и др. 2. Необходимо на каждый га определить государственные средства. 3. Предоставление участков должно учитывать и вид деятельности. Ведь сельским хозяйством можно заниматься поразному, и для разных целей нужны разные участки. Для создания более или менее нормального мелкого хозяйства, например, для крестьянского (фермерского) хозяйства (КФХ) одного га недостаточно. Здесь сразу можно пойти на риски выдачи земли в 3-5 га. Земельный участок в 1 га подойдет для создания личного подсобного хозяйства (ЛПХ).

Однако до сих пор неясно будущее сектора личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Доля ЛПХ в ВВП отрасли неуклонно из года в год снижается. Две трети продукции ЛПХ идет в натуральное потребление. Многие считают, что вкладывать деньги в развитие ЛПХ не имеет смысла, так как они лет через 10-15 вымрут. Развитие этого сектора сельских территорий маловероятно из-за их слабой эффективности. Сельские жители практически все без исключения имеют ЛПХ, но их положение ухудшается, они со своими ЛПХ оказались брошенными на произвол судьбы. Многие молодые люди бросают ЛПХ на селе и устремляются в город.

Другой возможный вариант освоения земель Дальнего Востока это создание за счет государства сельскохозяйственных производственных и потребительских кооперативов из определенного состава участников. Определяется количество паев, которые передаются в пользование или в аренду с правом обязательного выкупа в течение 15 лет.

Выкуп паев можно осуществлять и коллективно путем поставки продукции кооператива государству или муниципалитету. Это будет наиболее эффективный и самый быстрый вариант хозяйственного освоения земель Дальнего Востока.

С учетом всего вышесказанного необходимо радикально обновить идею «Дальневосточного гектара». Целенаправленно выделить в ней три основных направления землепользования, бесплатной выдачи земли: 1. Личное подсобное хозяйство (ЛПХ) с земельным участком площадью в 1 га. 2. Крестьянское (фермерское) хозяйство (КФХ) с земельным участком площадью в 3-5 га. 3. Производственный, Потребительский или иной кооператив из определенного состава участников с земельными участками площадью от 50 до 200 га.

3. В Послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 3 декабря 2015 г. была поставлена задача: «Нужно ввести в оборот миллионы гектаров пашни, которые сейчас простаивают…». Минсельхоз РФ в декабре 2015 г. представил проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Президент в Послании говорит о пашне (такой земли в России 121 млн. га), а в проекте закона речь идет уже о землях сельскохозяйственного назначения (таких земель – около 386 млн. га). Однако признаки неиспользования земель актуальны лишь для одной части таких земель, а именно лишь для сельскохозяйственных угодий (для пашни, сенокосов, пастбищ и многолетних насаждений), а для остальной части, т.е. сельскохозяйственных неугодий (болот, оврагов и т.д.) проблемы использования не актуальны.

Поэтому проблему использования и неиспользования земель целесообразнее рассматривать применительно к сельскохозяйственным угодьям, а не только к пашне, но не к землям сельскохозяйственного назначения.

Необходимо всем регионам страны приступить: 1) к формированию участков неиспользуемых государственных и негосударственных сельскохозяйственных угодий; 2) к созданию общественных (публичных) каталогов неиспользуемых земель; 3) к подготовке неиспользуемых государственных и муниципальных земель к сдаче в аренду или продаже в собственность.

4. В России имеется много земель, использование которых экономически неэффективно. Если государство считает все-таки целесообразным их использование, то оно, прежде чем наказывать юридических пользователей за экономическое недобросовестное, или частичное использование, или полное неиспользование таких земель, должно разработать и предложить меры государственной поддержки освоения и использования таких земель, а **в отдельных** случаях **сдавать их даже в бесплатное пользование или в аренду с символической платой**.

5. Проект Закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения обязывает власти субъектов Российской Федерации в течение месяца приобрести непроданный в частную собственность неиспользуемый земельный участок в свою собственность по цене в 50% от его кадастровой стоимости. Однако этот вариант очень выгоден новым собственникам земли, особенно крупным. При существующей высокой кадастровой цене в 60 тыс. руб. за гектар собственник земли в 100 тыс. га, может получить от субъекта федерации 3 млрд. руб. А таких земель в отдельных регионах насчитывается много, от сотен тысяч до миллиона га. Однако в стране не много регионов с бюджетами, позволяющими решаться на такие сделки. **Поэтому необходимо позволить регионам выкупать неиспользуемые земли по низким и даже символическим ценам.**

6. Неиспользуемые земельные участки являются по большей части мелкими, не представляют единого крупного земельного массива, и разбросаны по сторонам от центров, по малоудобным, удаленным от них местам. Крупный капитал мелкие участки не интересуют, их использование больше подходит лишь для мелких землепользователей, например, для КФХ, ЛПХ. **Это должно найти отражение в государственной земельной политике и это необходимо отразить в земельном законодательстве страны.**

7. В пункте 2 статьи 4 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» записано следующее. «Максимальный размер общей площади сельскохозяйственных угодий, которые расположены на территории одного муниципального района и могут находиться в собственности одного гражданина и (или) одного юридического лица устанавливается ... равным не менее чем 10 процентов общей площади сельскохозяйственных угодий, расположенных на указанной территории. Содержание статьи нацелено на создание сверхкрупной частной земельной **собственности**. Предлагается содержание пункта статьи заменить на следующее: «Максимальный размер общей площади сельскохозяйственных угодий, которые расположены на территории одного муниципального района и могут находиться в пользовании на правах аренды у одного гражданина и (или) одного юридического лица устанавливается ... равным не более чем 10 процентов общей площади сельскохозяйственных угодий района».

Список литературы

1. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в РФ в 2014 г. – М.: Росреестр, 2015. – 226 с.
2. Продовольственная безопасность России и стратегии импортозамещения в условиях глобальных вызовов /А.А. Анфиногентова, Т.В. Блинова, И.Л. Воротников и др.; Под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Саратовский источник, 2015. – 444 с.
3. Шагайда Н. Хватит ли одного гектара для заселения Дальнего Востока? – http://www.agronews.ru/news/kommentarij-xvatit-li-odnogo-gektara-dlya-zaseleniya-dalnego-vostoka.html
4. http://www.agronews.ru/news/gosduma-uprostit-arendu-i-predostavlenie-v-sobstvennost-selxozzemel.html

Перч Н.В.
к.ю.н., доцент Ярославского филиала РЭУ

О МЕСТЕ СТАТЬИ 165 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *экономика, предпринимательская деятельность, имущественный ущерб, обман, злоупотребление доверием, собственность, таможенные платежи, налоги и сборы, кредит, уклонение.*

Keywords: *economy, business activity, property damage, fraud, breach of trust, property, customs duties, taxes and charges, loan dodging.*

В соответствии со статьями 8, 34 и 35 Конституции РФ в нашей стране гарантируются единство экономического пространства и свобода экономической деятельности, признание и защита всех форм собственности, свободное использование каждым своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности. Эффективное решение задач государственной экономической политики предполагает создание и поддержание в РФ благоприятного делового, предпринимательского и инвестиционного климата и условий для ведения бизнеса посредством стимулирования законной предпринимательской деятельности, осуществляемой ее субъектами самостоятельно, на свой риск и основанной на принципах юридического равенства и добросовестности сторон, свободы договора и конкуренции[1].

Современная Россия переживает сложный период становления экономики. И пока не завершен переход к цивилизованному рынку, в условиях реформирования экономической деятельности особую остроту приобретает угроза роста преступности[2]. Поэтому особое значение имеет правильное понимание и применение уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере экономики. Между тем уголовное законодательство надежнее охраняет общественные отношения, которые возникают в связи с принадлежностью имущества обладателям права собственности, не обеспечивая необходимую защиту иных имущественных отношений, возникающих в результате экономических реформ и закрепленных в новом гражданском законодательстве России. Так, например, вызывает все большее беспокойство слабая защищенность прав и законных интересов кредиторов от посягательств, получивших распространение в области обязательств, что оказывает разрушительное воздействие на хозяйственный оборот в целом. Верховный Суд РФ также, на наш взгляд, не уделил должного внимания этой проблеме, лишь указав критерии отличия статьи 165 УК РФ от мошенничества и приведя примеры некоторых деяний, в которых преступление, предусмотренное статьей 165 УК РФ, может выражаться[3].

Статистика демонстрирует крайне низкий коэффициент полезного действия правоохранительных органов по применению статьи 165 УК РФ для борьбы с соответствующими корыстными преступлениями (данная уголовно-правовая норма почти не применяется). Причины этого могут заключаться в недопонимании практическими работниками смысла статьи 165 УК РФ, в неудачной ее редакции, а также в неправильном определении ее места в системе Особенной части УК РФ. В данной ситуации необходимо разобраться в причинах сложившегося положения, оставляя за рамками рассмотрения такие факторы, которые относятся к психологическим[4], предложить конкретные меры по совершенствованию уголовного закона и использовать на практике результаты, полученные в теории уголовного права.

Часть 1 статьи 165 УК РФ действует в настоящее время в редакции Федерального закона от 07 декабря 2011 года № 420-ФЗ[5] и расположена в главе 21 УК РФ. Она предусматривает наступление уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере[6]. Родовым объектом преступлений

---

[1] Постановление № 48 Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС Консультант Плюс.

[2] Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 года // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст.70.

[3] Постановление № 51 Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС Консультант Плюс.

[4] Кашапов М.М., Серафимович И.В., Огородова Т.В. Метакогнитивное обоснование ситуативности/надситуативности мышления в качестве критерия оценки решения проблемных ситуаций в коммуникациях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. – Т. 157, кн. 4. – С. 189–202.

[5] Федеральный закон РФ от 07 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

главы 21 УК РФ являются общественные отношения, связанные с правом собственности, содержание которого выражено в статье 209 ГК РФ[1].

По нашему мнению, собственность применительно к преступлению, предусмотренному статьей 165 УК РФ, нужно рассматривать не в статическом, а в динамическом (относительно фонда собственника) состоянии. Действительно, имущество, которое является предметом этого преступления, не обособлено от внешнего мира внутри фонда собственника или иного владельца, а движется и вращается в свободном финансово-экономическом пространстве. Следовательно, место данной уголовно-правовой нормы должно быть определено не в главе 21 «Преступления против собственности», а в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». А расположение уголовно-правовой нормы, предусмотренной статьей 165 УК РФ, в главе 21 УК РФ не полностью соответствует и содержанию ее диспозиции, где говорится не только о собственнике, но и ином владельце, который может обладать, например, вещными правами, перечисленными, в частности, в пункте 1 статьи 216 ГК РФ. При этом согласно пункту 2 статьи 216 ГК РФ вещные права на имущество могут принадлежать и лицам, не являющимся собственниками этого имущества. Другими словами родовой объект преступлений главы 22 УК РФ включает в себя общественные отношения, в которых находятся с преступником все потерпевшие от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, а не только собственники имущества. Как справедливо заметил П.А. Чирков, глава 22 УК РФ отличается от других глав Особенной части УК РФ наиболее широким диапазоном защищаемых общественных отношений, общим для которых является сфера их возникновения и реализации – экономическая деятельность в РФ[2].

Более тесную уголовно-правовую связь преступления, предусмотренного статьей 165 УК РФ, с нормами главы 22 УК РФ можно выявить при анализе видов поведения, причиняющего имущественный ущерб в контексте исследуемой проблемы. Так, например, среди прочего теория и практика относят к таковому уклонение от уплаты платежей, вытекающих из закона или иного нормативно-правового акта, гражданско-правовых сделок, неисполнение должником заемных обязательств, которые регулируются главой 42 ГК РФ, а также иными законами[3].

Преобладающей формой уклонения заемщика от выполнения требований кредитных соглашений стало введение кредитора в заблуждение относительно действительных (реальных) возможностей заемщика погасить задолженность в объемах и сроки, установленные кредитным договором. В то же время отдельную группу преступлений в сфере экономической деятельности образуют специфические составы, предусмотренные статьями 176 и 177 УК РФ, которые причиняют вред отношениям в области кредитования[4].

Часть 1 статьи 176 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений об их хозяйственном положении либо финансовом состоянии, если это деяние причинило крупный ущерб. Причем последствие данного преступления, как и последствие преступления, предусмотренного статьей 165 УК РФ, может выражаться в виде упущенной выгоды, связанной с невозвратом полученного заемщиком кредита[5].

В статье 177 УК РФ установлена уголовная ответственность за злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта. Мы считаем, что статьи 176 и 177 УК РФ являются специальными нормами по отношению к общей норме, установленной в статье 165 УК РФ. Поэтому уголовная ответственность по статье 165 УК РФ может наступать лишь при отсутствии специальных признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 176 и 177 УК РФ.

В главе 22 УК РФ содержится группа таможенных и налоговых преступлений, в которую входят составы, предусмотренные статьями 194, 198, 199 УК РФ, предметом которых выступают особые виды таможенных и налоговых платежей. В соответствии с частью 1 статьи 194 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, совершенное в крупном размере. При этом часть 1 статьи 70 ТК ТС[6] относит к таможенным платежам ввозную и вывозную таможенные пошлины, налог на добавленную стоимость и акцизы, взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию таможенного союза, и таможенные сборы. Статьи 198 и 199 УК РФ предусматривают наступление уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица или с организации соответственно. При этом понятия налога и

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

[2] Чирков П.А. Некоторые особенности уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – М., 2011. – № 6. – С. 69.

[3] Например, Федеральный закон РФ от 02 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон РФ от 02 июля 2010 года № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // СПС Консультант Плюс.

[4] Чирков П.А. Особенности мер уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (статья 177 УК РФ) // Материалы V Международной научно-практической конференции «Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества» (18 мая 2012 года). – Минск, 2012. – С. 38.

[5] Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / Под ред. Г.М. Резника. – М., 2005. – С. 428.

[6] Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17) // СПС Консультант Плюс.

сбора определены в статье 8 НК РФ[1]. Под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с физических лиц и организаций в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств на финансовое обеспечение деятельности государства и (или) муниципальных образований. Под сбором понимается обязательный взнос, взимаемый с физических лиц и организаций, уплата которого является одним из условий совершения в отношении них юридически значимых действий, либо уплата которого обусловлена осуществлением отдельных видов предпринимательской деятельности. И здесь следует согласиться с мнением А.М. Лушникова, который справедливо считает, что сам вопрос о соотношении норм налогового и таможенного законодательства требует более четкого определения на уровне концепции, поскольку в настоящее время с определенной долей условности выделяют три модели такого соотношения[2].

Эти нормы также являются специальными по отношению к общей норме, предусмотренной статьей 165 УК РФ, и согласно правилам квалификации преступлений при конкуренции общей и специальной норм применяется специальная норма (часть 3 статьи 17 УК РФ). Это мнение разделяют, например, А.И. Рарог и Э.С. Тенчов. По мнению А.И. Рарога, причинение имущественного ущерба путем обмана квалифицируется по статье 165 УК РФ при условии, что деяние не содержит признаков преступлений, предусмотренных статьями 194, 198, 199 УК РФ[3]. Э.С. Тенчов пишет: «Если обман совершается виновным в целях уклонения от уплаты налогов или таможенных платежей в крупном размере, то при юридической оценке содеянного надо применять специальные нормы, содержащиеся в статьях 194, 198 или 199 УК РФ»[4].

Другой вид рассматриваемого преступления заключается в обращении виновным в свою пользу или в пользу других лиц платежей, которые должны были поступить от граждан организациям или государству. Здесь заказчики, получив услуги имущественного характера (транспортные, бытовые и т.п.), не уклоняются от их оплаты и передают денежные средства. Однако ими завладевают путем обмана или злоупотребления доверием третьи лица, которые и причиняют тем самым имущественный ущерб. И здесь, на наш взгляд, возникает возможность перерастания преступления, предусмотренного статьей 165 УК РФ, в незаконную предпринимательскую деятельность, предусмотренную статьей 171 УК РФ[5].

Часть 1 статьи 171 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Согласно пункту 1 статьи 2 ГК РФ предпринимательской является осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, которой могут заниматься лица, зарегистрированные в установленном законом порядке. Например, систематическое незаконное оказание третьим лицам транспортных услуг водителем на вверенном ему организацией автомобиле либо услуг по ремонту автомобилей слесарем на вверенном ему оборудовании могут образовать состав преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ, при наличии всех необходимых для него признаков. Если же установлены эпизодические (единичные) действия виновного, незаконно обогатившегося в результате причинения имущественного ущерба путем злоупотребления доверием (например, случайное, не предусмотренное договором, но возмездное оказание услуг по перевозке грузов либо ремонту автомобилей знакомым людям), то речь может идти о преступлении, предусмотренном статьей 165 УК РФ, при наличии всех необходимых для него признаков. Поэтому нормы статей 165 и 171 УК РФ можно рассматривать соответственно как общую и специальную, поскольку систематическое совершение лицом действий, обладающих единством цели и в этом единстве направленных на систематическое извлечение прибыли, опаснее отдельных корыстных деяний, влекущих причинение имущественного ущерба.

Наконец, мы усматриваем сходство рассматриваемого преступления с относительно новым составом, предусмотренным статьей 172.2 УК РФ, который был введен в УК РФ Федеральным законом от 30 марта 2016 года № 78-ФЗ[6]. Диспозиция части 1 статьи 172.2 УК РФ сформулирована следующим образом: «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества». До появления в УК РФ данной специальной нормы организация и осуществление деятельности так называемых «финансовых пирамид», ко-

---

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

[2] Лушников А.М. О моделях соотношения налогового и таможенного законодательства // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук на пороге XXI века. Юриспруденция: Сборник тезисов юбилейной научной конференции, посвященной 30-летию Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2000. – . 34.

[3] Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1996. – С. 170.

[4] Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М., 1999. – С. 225.

[5] Перч Н.В. Виды причинения имущественного ущерба и отграничение их от иных преступлений // Налоговые и иные экономические преступления: Сборник научных статей. Вып.3 / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2001. С. 94–95.

[6] Федеральный закон РФ от 30 марта 2016 года № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

торая причиняла имущественный ущерб путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения и совершалась в крупном размере, могли быть наказаны по статье 165 УК РФ.

Таким образом, следует констатировать неразрывную уголовно-правовую связь преступления, предусмотренного статьей 165 УК РФ, с отдельными нормами главы 22 УК РФ, которая, на наш взгляд, даже более тесная, чем с нормами главы 21 УК РФ, например с хищениями. Тем более что важным отличительным признаком рассматриваемого преступления является его совершение при отсутствии признаков хищения, что прямо отражено в диспозиции статьи 165 УК РФ. Поэтому мы полагаем, что правильным будет перенести уголовно-правовую норму, предусмотренную статьей 165 УК РФ, из главы 21 «Преступления против собственности» в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», где разместить под новым номером, например, 179.1 УК РФ. Мы уверены, что такой шаг приведет к росту применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы на практике, уменьшению судебно-следственных ошибок при квалификации преступлений и повышению эффективности применения уголовного закона.

Пыркова Г.Х.
к.э.н., старший преподаватель Казанского федерального университета
Мустафина А.А.
к.э.н., старший преподаватель Казанского федерального университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКИХ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ

Ключевые слова: *инвестиционная деятельность, банки, структура активов банков, перспективные инструменты, синдицированное кредитование, мезонинное финансирование, структурированные инвестиционные продукты, кредитные деривативы.*

Keywords*: investment, banking, assets structure of banks, advanced tools, syndicated lending, mezzanine financing, structured investment products, credit derivatives.*

Ориентация российской экономики на инновационный путь развития выводит на первый план проблему реформирования сложившихся механизмов удовлетворения потребностей субъектов экономики в инвестициях. Необходимость коренных преобразований в этой сфере обусловлена ролью инвестиций в обеспечении устойчиво высоких темпов роста экономики и повышении эффективности всех факторов производства.

Среди финансовых институтов, призванных обеспечить эффективный трансферт национальных сбережений в инвестиции, ведущая роль отводится банкам: к 2020 году вклад банковского сектора в финансирование инвестиций должен быть доведен до величины, составляющей 25% к ВВП. Основным источником роста призваны стать долгосрочные кредиты банков, долю которых в структуре источников финансирования инвестиций планируется увеличить вдвое – до 21,8%, против 13,2% в 2010 году.

Современное состояние инвестиционной деятельности банков находится под воздействием двух разнонаправленных процессов. С одной стороны, масштабные программы модернизации российских предприятий и отраслей экономики, стимулируемые государством[1], открывают для банков широкие перспективы для наращивания объема инвестиций и эффективной реализации всех поставленных задач. С другой стороны, существенные коррективы в развитие банковского сектора внес финансовый кризис, обусловивший резкое падение уровня капитализации банков, снижение качества их кредитных вложений, рост просроченной задолженности и, как следствие, отрицательную динамику макроэкономических показателей, характеризующих роль банков в экономике.

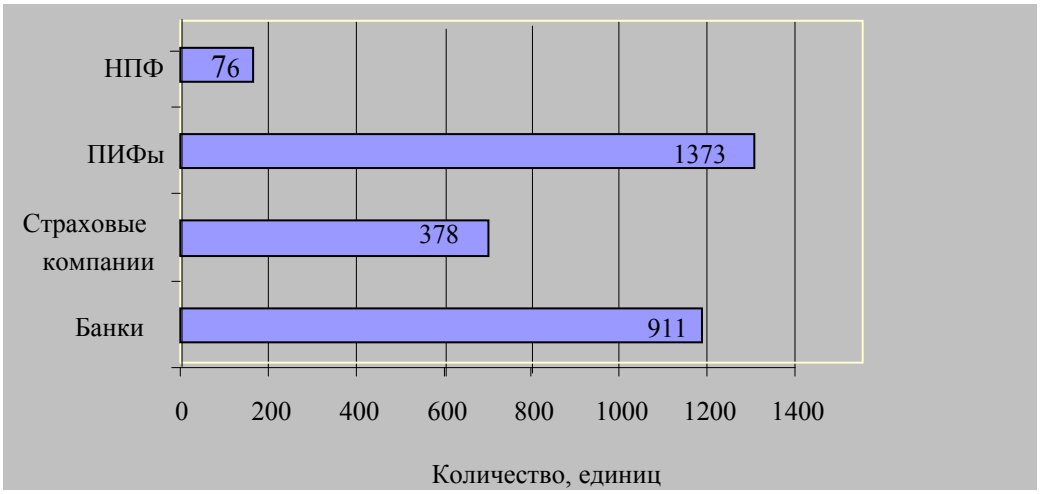


Рисунок 1.
Количественная характеристика институтов финансового посредничества

На этом фоне становится очевидным, что эффективная реализация поставленных перед национальной банковской системой задач требует от банков разработки принципиально новых подходов к организации инвестиционной деятельности и ее осуществлению. В современных условиях конкурентные преимущества получат те банки, которые смогут гибко реагировать на потребности рынка, внедряя в практику новые способы и инструменты инвестирования,

[1] Например, потребность только топливно-энергетического комплекса в инвестициях до 2020 года оценивается Правительством РФ на уровне 400–500 млрд долл. США.

нетрадиционные схемы взаимодействия с клиентами, а также прошедшие апробацию в зарубежных банках модели управления инвестиционным процессом.

По состоянию на 1 декабря 2016 г. среди всех институтов финансового посредничества, которые осуществляют инвестиционную деятельность в России, как видно из рис. 1, банки занимают лидирующие позиции, что полностью соответствует существующей в нашей стране банковской модели финансирования экономики[1].

Масштабы инвестиционной деятельности российских банков с количественной точки зрения могут быть проиллюстрированы данными, приведенными в табл. 1[2].

Таблица 1

Динамика и структура инвестиционных активов российских банков за 2010–2016 гг.

Период	Структура активов российских банков, в том числе:						
		Выданные кредиты		Вложения в ценные бумаги		Участие в уставных капиталах	
				Млрд. руб.	уд. вес, %	Млрд. руб.	уд. вес, %
1 января 2011 года	33804,6	18147,7	53,7	5829,0	17,2	132,1	0,4
1 января 2012 года	41627,5	23266,2	55,9	6211,7	14,9	291,9	0,7
1 января 2013 года	49509,6	27708,5	56,0	7034,9	14,2	333,4	0,7
1 января 2014 года	57423,1	32456,3	56,5	7822,3	13,6	353,9	0,6
1 января 2015 года	77653,0	40865,5	52,6	9724,0	12,5	427,6	0,6
1 января 2016года	82999,7	43985,2	53,0	11777,4	14,2	568,0	0,7
1 января 2017года	80063,3	40938,6	51,1	11450,1	14,3	877,5	1,1

За период с 2010 по 2016 гг. банковские активы имеют тенденцию к росту: за 7 лет они увеличились в 2,4 раза и по состоянию на 1 января 2017 г. достигли размера в 80063,3 млрд. руб. Объем выданных банками кредитов за этот период увеличился в 6,5 раза с 18 147,7 млрд. руб. в 2011 г., до 40 938,6 млрд. руб. в 2016 г., занимая наибольший вес в составе инвестиционных активов банков. Доля вложений банков в ценные бумаги несмотря на снижение с 17,2% в 2010 г., до 14,3% в 2016 г. также демонстрирует устойчивый рост. По сравнению с 2010 г., к концу 2016 г. объем вложений в ценные бумаги увеличился в 2 раза и составил 11 450,1 млрд. руб. Участие банков в уставных капиталах предприятий, занимая незначительный удельный вес в структуре инвестиционных активов банков, является лидером по темпам прироста, увеличившись к концу 2016 г. в 6,6 раза.

Тем не менее, дальнейшее развитие инвестиционной деятельности банков сдерживается рядом обстоятельств, которые превращают это направление деятельности банков в специфическое, т.е. имеющее место в деятельности ограниченного и очень небольшого сегмента банков.

В контексте того как банкам обеспечить высокий уровень инвестиционной активности в экономике и финансовую поддержку инновационной деятельности в условиях действия описанных ограничений, мы предлагаем внедрить в практику российских коммерческих банков следующие перспективные инструменты осуществления инвестиций:

– синдицированное кредитование;

– мезонинное финансирование;

– структурированные инвестиционные продукты, включая фидуциарные кредиты;

– производные финансовые инструменты защиты от риска – кредитные деривативы.

Рассмотрим эти инструменты подробнее.

Синдицированный кредит представляет собой эффективный инструмент организации крупной кредитной сделки, когда финансовых ресурсов одного банка-кредитора недостаточно для удовлетворения инвестиционных потребностей клиента или совокупный риск кредитования для банка-кредитора слишком велик. Примеров таких ситуаций достаточно много. Например, существуют ли банки, которые единолично могли бы кредитовать компанию Nord Stream AG, приступившую в 2010 году к реализации 2-го этапа строительства газопровода через Балтийское море, с плановым объемом финансирования только этого этапа в размере 2,5 млрд. евро[3]? Достаточно сказать, что если рассматривать в качестве кредиторов компании Nord Stream AG российские банки, то такие объемы финансирования, исходя из действующих пруденциальных норм регулирования, могут поставить только 30 крупнейших банков, совокупный капитал которых по состоянию на 1 января 2010 года в сумме 58,9 млрд. евро (или 2559,5 млрд. руб.) будет позволять осуществлять и уже запущенные более мелкие кредитные программы.

Суть синдицированного кредита заключается в объединении нескольких банков для предоставления кредита, что позволяет аккумулировать необходимый объем денежных ресурсов и распределить риски между всеми участниками сделки[4].

Для характеристики банков – участников синдицированного кредитования необходимо выделить функции, которые в принципе должны выполнять банки-участники синдиката[5]:

– регулирование и согласование всех вопросов по сделке с заемщиком до оформления кредитного договора;

[1] По данным Официального сайта Центрального Банка Российской Федерации. – cbr.ru

[2] По данным Официального сайта Центрального Банка Российской Федерации.

[3] См.: Пресс-релиз компании Nord Stream AG от 19 октября 2010 года. – http://www. nord-stream.com/ru/press0/press-releases

[4] См.: Галимова Э.Р. Институциональные связи реального и финансового секторов в современной российской экономике / Автореф. дис. … канд. экон. наук. – Казань. 2007.

[5] См.: Синдицированное кредитование. Теория и практика / ЗАО «Райффайзенбанк Австрия». 2007. – Октябрь.

– отбор банков-участников проекта;

– согласование подписываемой документации между заемщиком и банками-участниками;

– анализ проекта и заемщика;

– фондирование сделки, предполагающее сбор необходимых сумм с банков-участников;

– перевод средств заемщику;

– контроль за целевым использованием кредита;

– распределение между банками полученных от заемщика средств (возврат основной суммы долга и процентов);

– администрирование выданного кредита;

– информирование банков-участников о ходе синдикации и реализации проекта;

– согласование всех вопросов, возникающих как у заемщика, так и у банков, ответы на запросы заемщика после подписания кредитного договора;

– отслеживание и проверка обеспечения по кредиту.

Исходя из того, какие функции выполняют банки-участники проекта, они делятся на:

– банк-организатор синдиката (банк-агент);

– банки-участники синдиката.

Технология организации синдицированного кредитования может быть различной в зависимости от того, каким образом осуществляется юридическое оформление сделки и формируется синдикат кредиторов. При этом возможные варианты сводятся к следующему:

– кредитный договор заключается между банком-агентом и заемщиком, между банком-агентом и банками-участниками заключаются отдельные договоры займа;

– кредитные договоры с одинаковыми условиями предоставления кредита заключаются между каждым банком и заемщиком, а банк-агент и банки-участники заключают между собой многосторонний договор о сотрудничестве;

– кредитный договор заключается между заемщиком и банком-агентом, банк-агент заключает договоры уступки прав по кредитному договору с каждым банком-участником, между собой банки заключают многосторонний договор о порядке действий в случае банкротства заемщика;

– банк-участник предоставляет банку-агенту депозит в определенном размере, а сам кредит заемщику предоставляется банком-агентом как за счет собственных средств, так и за счет уже размещенного депозита, между всеми участниками заключается договор о сотрудничестве;

– путем заключения общего кредитного договора между всеми участниками;

– оформление обязательства банка-участника перед банком-агентом отвечать (в размере его участия) за исполнение заемщиком обязательств по возврату кредита и выплате процентов (банковская гарантия). При этом банк-участник не предоставляет денежных средств банку-агенту, его обязательство возникает лишь в случае нарушения обязательств заемщиком, т.е. такой кредит можно считать «условно синдицированным».

Преимущества синдицированного кредитования для всех участников сделки очевидны. Для банков они заключаются в: расширении кредитной экспансии в условиях неограниченности ресурсов; повышении конкурентоспособности и сохранении приоритетности на банковском рынке; диверсификации кредитных рисков и их минимизации; улучшении качества кредитных портфелей участников и оценке заемщика.

Для заемщиков привлечение синдицированных кредитов также имеет ряд преимуществ: привлекаемые таким образом ресурсы являются более долгосрочными и дешевыми по сравнению с традиционными кредитами, из-за того что источники кредитования диверсифицированы; срок организации синдицированного кредита оказывается меньшим по сравнению с выпуском облигаций, поскольку не требуется регистрации проспекта эмиссии в Банке России; заемщик создает публичную кредитную историю у большого числа кредиторов.

Несмотря на это развитие синдицированного кредитования в России сдерживается рядом обстоятельств[1]:

– неразвитость рынка синдицированного кредитования, вызванная низкой степенью взаимодействия банков и низкой степенью доверия российских банков друг другу;

– отсутствие опыта и знаний осуществления синдицированного кредитования;

– отсутствие правовой инфраструктуры;

– слабое методическое обеспечение;

– слабая организация риск-ориентированного управления в банках-участниках синдикатов.

Другим перспективным инструментом инвестирования, по нашему мнению, может стать мезонинное финансирование, которое представляет собой способ финансирования (финансового обеспечения) проектов, при котором инвестор предоставляет заемщику средства в виде долгового финансирования с одновременным приобретением опциона на приобретение акций заемщика или специального проектного предприятия (SPV) в будущем по определенной цене и при наступлении определенных условий. Таким образом, мезонинное финансирование, занимая промежуточное место между долевым и долговым финансированием, рассматривается как смешанный (гибридный) инструмент финансирования проекта.

Проблема минимизации рисков банка при осуществлении инвестиций может быть отчасти решена за счет внедрения в российскую практику структурированных инвестиционных (финансовых) продуктов.

Суть структурированных финансовых продуктов состоит в сочетании свойств традиционных и производных финансовых инструментов, которое определяет их особую гибкость. Применительно к инвестиционной деятельности

[1] См.: Пантелеев И.А. Совершенствование управления рисками синдицированного кредитования / Автореф. дисс. … канд. экон. наук. – М., 2009.

банка традиционным финансовым инструментом может выступать кредит, вексель, облигация, которые появляются на балансе банка в результате размещения средств и закрепляют за банком определенный объем прав требований к заемщику, вытекающий из содержания базисного инструмента. При этом основные условия осуществления сделки могут быть обусловлены каким-либо внешним фактором или датой наступления какого-либо события.

Наиболее простым примером структурированного инвестиционного продукта может служить индексный долгосрочный кредит. Он представляет собой кредит, процентная ставка по которому привязана к определенному рыночному индикатору, например, ставке рефинансирования, ставке LIBOR, индексам РТС, ценам на золото, нефть, стоимости продуктовой корзины, валютной паре и т.д.

С учетом важности регулирования кредитного риска, присущего инвестиционной деятельности банка, целесообразным представляется также использование в практике инвестиционного кредитования производных финансовых продуктов на базе кредитных деривативов.

В основе кредитных деривативов – кредитное событие: дефолт (отказ от выполнения обязательств), снижение рыночной или базисной стоимости актива, понижение кредитного рейтинга заемщика и т.д. Согласно условиям сделки при наступлении одного из этих событий, например, при снижении кредитного рейтинга заемщика сторона, продавшая дериватив (защиту от риска), компенсирует стороне, купившей дериватив, разницу в стоимости актива по заранее оговоренной схеме. Это условие позитивно не только для банка-кредитора, но и для заемщика: если снижение актива носит временный характер, банк, финансирующий проект, получает достаточные ресурсы для поддержания ликвидности, не прибегая к продаже долга, а следовательно, и информации о заемщике, третьей стороне.

К числу кредитных деривативов, применение которых наиболее эффективно в инвестиционных сделках, необходимо отнести следующие[1]:

1. Кредитный своп – соглашение, по которому продавец дериватива обязуется произвести оговоренные выплаты в случае наступления рискового события – объявления дефолта заемщиком по своим обязательствам перед банком. Изменение рыночной стоимости базового актива кредитным событием не является. Размер выплаты составляет разность между номинальной стоимостью актива и его рыночной стоимостью. Расчеты между участниками могут производиться по цене исполнения за вычетом текущей рыночной цены дефолтного актива либо по заранее согласованной фиксированной цене в обмен на поставку актива. Разновидностями кредитного свопа являются так называемые «пакетные» свопы, где в качестве базового актива выступает не одна, а несколько ссуд.

2. Своп на полную доходность – кредитный дериватив, учитывающий изменение рыночной стоимости базового актива. Кроме управления рыночным риском, он может служить инструментом привлечения дополнительных инвестиций в проект, когда консорциальный банк по тем или иным причинам (например, из-за угрозы неисполнения нормативов или ограничений надзорных органов) временно не может приобрести актив. В этом случае заключается двустороннее соглашение или своп на полную доходность, по которому все доходы от базового актива (как правило, повышение рыночной стоимости плюс купонные выплаты) выплачиваются продавцу кредитной защиты, а он принимает на себя обязательство произвести выплаты в случае снижения рыночной стоимости актива по заранее оговоренной ставке. При удачной реализации инвестиционного проекта стоимость базового актива возрастает, и банк, им владеющий, выплачивает продавцу кредитной защиты все доходы, получаемые от актива. При снижении рыночной стоимости актива банк компенсирует потери по заранее оговоренной ставке, хеджируя таким образом риски актива без его продажи или поставки. При изменении финансового положения актив может быть поставлен продавцу защиты, которым в данном случае является другой консорциальный банк.

3. Кредитная нота – комбинация процентной бумаги (ноты) с оговоренным условием по кредитному риску с целью получения более высокой доходности за счет принятия части кредитного риска. При такой сделке управляющая или трастовая компания продает ноту инвестору, а вырученные от ее продажи средства образуют передаваемое в траст обеспечение, которое и составляет необходимую покупателю кредитную защиту. В дальнейшем эти средства могут размещаться в другие ценные бумаги, а полученные доходы – распределяться между держателями кредитных нот. В случае дефолта по обязательствам заемщика обеспечение используется для выплаты возмещения, а остаток средств размещается среди инвесторов.

4. Опцион и форвард на кредитный спред – производные инструменты, в основе которых доходность базового актива и эквивалентного ему по сроку погашения. В качестве эквивалента чаще всего применяются государственные облигации, а стоимость форварда или опциона определяется разностью в доходности по этим активам.

Опцион на кредитный спред – право или возможность покупателя продать или купить любое возрастание кредитного спреда при условии уплаты определенной премии. Форвард на кредитный спред по своей финансовой сущности соответствует опциону, за исключением того, что величина кредитного спреда определяется заранее и фиксируется в договоре, а сделка обязательна к исполнению. В зависимости от величины спреда покупатель защиты либо получает разницу, если она положительная, либо сам ее выплачивает, если она отрицательная.

5. Индексный своп – кредитный производный инструмент, необходимый при осуществлении банком функций андеррайтера при подписке ценных бумаг проектной компании. Он представляет собой комбинацию облигации и опциона на кредитный спред и позволяет учитывать текущую ситуацию с реализацией странового риска. Так, при увеличении просроченных ссуд по стране, отрасли или региону купонные выплаты могут быть уменьшены на определенный процент. Применение индексного свопа позволяет избежать неоправданных затрат на купонные выплаты, снижающих общую доходность инвестиционного проекта.

[1] См. подробнее: Солдатова А.О. Кредитный дериватив: зло или благо? // Наука и современность. 2012. – № 16-2. – С. 168–173.

Серова Н.А.
к.э.н., с.н.с. Института экономических проблем Кольского НЦ РАН

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СИСТЕМЕ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Ключевые слова: *глобальная конкурентоспособность, рейтинги, конкурентоспособность России, индекс конкурентоспособности*
Keywords: *global competitiveness, rankings, Russia's competitiveness, index competitiveness*

В условиях ускорения процессов глобализации одной из ключевых задач развития национальных экономик становится обеспечение конкурентоспособности государства, как главного показателя состояния экономики страны и перспектив ее развития. В международной практике существует большое количество исследований, затрагивающих проблематику конкурентоспособности национальных экономик в системе мирового хозяйства, среди которых можно выделить два исследования, пользующиеся всеобщим признанием: Индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) Всемирного экономического форума и Мировой ежегодник конкурентоспособности (The IMD World Competitiveness Yearbook) Швейцарского института развития менеджмента.

Изучение конкурентных преимуществ и недостатков российской экономики, выделяемых в рамках этих двух исследований, позволит, на наш взгляд, обозначить возможные перспективы улучшения конкурентоспособности страны.

Исследование «Индекс глобальной конкурентоспособности» (The Global Competitiveness Index) Всемирного экономического форума (World Economic Forum) базируется на анализе более 250 показателей, включающих как статистические данные, так и результаты опроса представителей бизнеса, политических кругов и государственного менеджмента (до 2/3 оценок показателей). Поскольку теоретическим фундаментом исследований ВЭФ является модифицированная концепция международной конкурентоспособности, разработанная М. Портером, огромное значение для расчета индекса имеет стадия развития исследуемой экономики: 1) экономика, движимая факторами; 2) экономика, движимая эффективностью; 3) экономика, движимая инновациями[1].

Чтобы учесть в своем исследовании концепцию стадий развития экономики, ВЭФ выделяет 3 субиндекса, каждый из которых является наиболее значимым для определенной стадии развития:

– *базовые требования* – ключевые факторы для экономик, находящихся на стадии развития и движимых факторами производства: институты, инфраструктура, макроэкономическая среда, здоровье и начальное образование.

– *факторы эффективности* – ключевые факторы для стран, экономика которых зависит от эффективности: высшее образование и подготовка, эффективность товарных рынков, эффективность рынков труда, совершенство финансовых рынков, технологическая готовность, размер рынка.

– *инновационный фактор* – ключевой фактор для экономик, движимых инновациями: совершенство бизнес-среды, инновации.

Итоговый индекс рассчитывается как сумма субиндексов с учетом весов каждого из них, определяемых в зависимости от того, на какой стадии экономического развития находится каждое конкретное государство (табл. 1). Для отнесения страны к той или иной стадии развития эксперты ВЭФ используют два критерия[2]: 1) стадии развития стран, экспортирующих менее 70% полезных ископаемых, определяются по размеру ВВП; 2) влияние факторов производства (доля экспорта сырьевых товаров в общем объеме экспорта), т.е. страны, экспортирующие только полезные ископаемые, относятся к первой стадии развития.

Таблица 1

Вес субиндексов глобальной конкурентоспособности по стадиям развития стран

	Стадии развития				
	Факторное развитие	Переходная экономика	Эффективное развитие	Переходная экономика	Инновационное развитие
ВВП на душу населения	<2.00	2.00–2.99	3.00–8.99	9.00–17.00	>17.00
Вес субиндексов:					
базовые требования	60%	40–60%	40%	20–40%	20
факторы эффективности	35%	35–50%	50%	50%	50
инновационный фактор	5%	5–10%	10%	10–30%	30

Источник: World Economic Forum.

[1] Шкиотов С.В. Российская экономика в исследованиях международных экономических организаций: сравнительный анализ точек роста национальной конкурентоспособности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. – № 13-1 (132). – С. 115–122.

[2] Серова Н.А. Место России в рейтингах конкурентоспособности // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. – № 3(46). – С. 53–61.

Россия, по мнению экспертов ВЭФ, относится к странам с переходной экономикой (табл. 2).

Таблица 2

Классификация стран по стадиям экономического развития, 2016–2017 гг.

Стадии развития	Страны
1. Факторное развитие	Бангладеш, Гамбия, Зимбабве, Индия, Камбоджа, Кения, Кыргызстан, Молдова, Непал, Пакистан, Таджикистан, Эфиопия и др. (всего 35)
переходная стадия от 1 к 2	Азербайджан, Алжир, Боливия, Венесуэла, Вьетнам, Казахстан, Кувейт, Монголия, Нигерия, **Россия,** Украина, Филиппины и др. (всего 17)
2. Эффективное развитие	Албания, Армения, Бразилия, Болгария, Грузия, Египет, Иран, Китай, Сербия, Таиланд, Тунис, Черногория, ЮАР, Ямайка и др. (всего 30)
переходная стадия от 2 к 3	Аргентина, Венгрия, Латвия, Ливан, Панама, Польша, Саудовская Аравия, Словакия, Турция, Уругвай, Хорватия, Чили и др. (всего 19)
3. Инновационное развитие	Австралия, Германия, Испания, Италия, Канада, ОАЭ, Португалия, Сингапур, США Франция, Швеция, Эстония, Япония и др. (всего 37)

Источник: World Economic Forum.

Наиболее конкурентоспособными экономиками мира, по версии ВЭФ[1], на протяжении многих лет являются Швейцария (1 место рейтинга), Сингапур (2 место) и США (3 место), а также Германия, Швеция, Великобритания, Япония и др. (табл.3). Россия впервые была включена в доклад ВЭФ после кризиса 1998 г. и в настоящий момент занимает 43 место (из 138 экономик мира, включенных в исследование).

Таблица 3

Место России в рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума

	2012–2013 гг. (144 экономик)		2013–2014 гг. (148 экономик)		2014–2015 гг. (144 экономик)		2015–2016 гг. (140 экономик)		2016–2017 гг. (138 экономик)	
	место	индекс	место	индекс	место	индекс	место	индекс	место	индекс
Швейцария	1	5,72	1	5,67	1	5,7	1	5,76	1	5,8
Сингапур	2	5,67	2	5,61	2	5,6	2	5,68	2	5,7
США	7	5,47	5	5,48	3	5,5	3	5,61	3	5,7
Нидерланды	5	5,50	8	5,42	8	5,5	5	5,50	4	5,6
Германия	6	5,48	4	5,51	5	5,5	4	5,53	5	5,6
Швеция	4	5,53	6	5,48	10	5,4	9	5,43	6	5,5
Великобритания	8	5,45	10	5,37	9	5,4	10	5,43	7	5,5
Япония	10	5,40	9	5,40	6	5,5	6	5,47	8	5,5
Гонконг	9	5,41	7	5,47	7	5,5	7	5,46	9	5,5
Финляндия	3	5,55	3	5,54	4	5,5	8	5,45	10	5,5
…										
Россия	**67**	**4,20**	**64**	**4,25**	**53**	**4,4**	**45**	**4,44**	**43**	**4,5**

Источник: составлено автором с использованием материалов World Economic Forum.

В докладе ВЭФ «The Global Competitiveness Report 2016–2017» отмечается, что улучшение позиций России, несмотря на спад ВВП и снижение цен на нефть, связано с улучшением качества образования, повышением эффективности внутреннего рынка (во многом благодаря изменениям в законодательстве, сократившим административные барьеры), ростом инновационного потенциала и конкурентоспособности российских компаний (табл.4). В то же время конкурентоспособность российской экономики снижает существенное ухудшение макроэкономических показателей (с 40-го на 91-е место) вследствие снижения государственных доходов и ускорения инфляции (по итогам 2015 г. она достигла 12,9%), а также слабость финансового рынка, страдающего из-за низкого притока капитала, падения цен на нефть и санкций, из-за которых недоступны зарубежные займы.

Таблица 4

Место России в рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума по субиндексам рейтинга

Субиндексы	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017
ОБЩИЙ РЕЙТИНГ	**67**	**64**	**53**	**45**	**43**
1. Базовые требования	53	47	44	47	59
1.1 качество институтов	133	121	97	100	88
1.2 инфраструктура	47	45	39	35	35
1.3 макроэкономическая среда	22	19	31	40	91
1.4 здравоохранение	65	71	56	56	62
2. Развитие эффективности	54	51	41	40	38
2.1 высшее образование и проф. подготовка	52	47	39	38	32
2.2 эффективность рынка товаров и услуг	134	126	99	92	87

[1] World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2016–2017. – http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05 FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf

2.3 эффективность рынка труда	84	72	45	50	49
2.4 развитие финансового рынка	130	121	110	95	108
2.5 уровень развития технологий	57	59	59	60	62
2.6 емкость рынка	7	7	7	6	6
3. Инновационный фактор	108	99	75	76	66
3.1 конкурентоспособность компаний	119	107	86	80	72
3.2 инновационный потенциал	85	78	65	68	56

Источник: составлено автором с использованием материалов World Economic Forum.

К конкурентным преимуществам российской экономики, по мнению экспертов ВЭФ, относятся: большой внутренний рынок (6-е место рейтинга из 138-х исследованных экономик), качество высшего образования и профессиональной подготовки (32-е место), развитие инфраструктуры (35-е место).

Конкурентных недостатков у российской экономики значительно больше: уровень развития финансового рынка (108-е место), макроэкономические показатели (91-е место), уровень эффективности рынка товаров (87-е место), а также уровень развития государственных институтов (88-е место),

Кроме того, в докладе ВЭФ также обозначены наиболее проблемные факторы для ведения бизнеса в России, способствующие неэффективному распределению ресурсов страны и препятствующие росту конкурентоспособности (рис. 1).

Источник: составлено автором с использованием материалов World Economic Forum.

Рисунок 1.
Наиболее проблемные факторы для ведения бизнеса в России по версии Всемирного экономического форума (численные оценки показывают ответы респондентов, выбиравших 5 из наиболее проблемных факторов, взвешенные по их рангам от 1 (самый проблемный фактор) до 5)

Таким образом, анализ конкурентных преимуществ и недостатков российской экономики, отмеченных в исследовании ВЭФ, позволяет сделать ряд выводов:

1) несмотря на сложности, связанные с неблагоприятными внешнеэкономическими факторами, за прошедший год российская экономика улучшила свои позиции в рейтинге глобальной конкурентоспособности, поднявшись на 2 позиции с 45-го места до 43-го места. В целом, за последние пять лет Россия поднялась в рейтинге на 24 позиции с 67-го места в 2012 г. до 43-го места в 2016 г.

2) подъему России в 2016 г. в рейтинге глобальной конкурентоспособности способствовали: укрепление показателя качества образования (+6 позиций), рост инновационного потенциала (+12 позиций), а также улучшение деловой среды (+8 позиций). В целом за последние 5 лет Россия улучшила свои показатели по 10 из 12 слагаемых индекса глобальной конкурентоспособности.

3) отрицательную динамику показали такие слагаемые российской конкурентоспособности, как макроэкономическая среда (–51 позиция), развитие финансового рынка (–13 позиций), развитие здравоохранения (-6 позиций) и уровень развития технологий (–2 позиции).

Исследование «Мировой ежегодник конкурентоспособности» (The IMD World Competitiveness Yearbook), проводится по методике Швейцарского Института развития менеджмента (IMD World Competitiveness Center), основанной на 1/3 на экспертных оценках и на 2/3 – на статистических данных международных организаций (ООН, ОЭСР, ВТО, Всемирный банк, Международный Валютный фонд и др.), а также 57 партнерских институтов по всему миру. В отличие от рейтинга глобальной конкурентоспособности, где рассматриваются практически все страны мира, в рейтинге глобальной конкурентоспособности IMD ранжируются только страны, активно проводящие социально-экономические реформы, направленные на повышение конкурентоспособности национальной экономики[1].

При расчете выделяют четыре субиндекса, разделенных на 20 подгрупп[2]:

– *экономические показатели* – национальная экономика, международная торговля, международные инвестиции, занятость, цены.

– *эффективность государственного управления* – бюджетно-налоговая политика, государственные финансы, институциональные условия, законодательство, социальная структура.

– *эффективность бизнеса* – производительность и эффективность, рынок труда, финансы, практика управления, эффективность бизнеса.

– *состояние инфраструктуры* – базовая инфраструктура, технологическая инфраструктура, научная инфраструктура, здравоохранение и окружающая среда, образование.

В десятку лидеров конкурентоспособных экономик, согласно данным IMD World Competitiveness Yearbook[3], на сегодняшний день входят: Гонконг (1 место рейтинга), Швейцария (2 место), США (3 место), Сингапур, Швеция, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Канада (табл. 5). На протяжении последних лет Россия укрепляла свои позиции, поднявшись с 51-го места в 2010 г. на 38-е в 2014 г. Однако из-за повышенной рыночной волатильности, связанной с неблагоприятными геополитическими факторами, в 2016 г. Россия опустилась до 44-го места.

Таблица 5

Место России в рейтинге Мирового ежегодника конкурентоспособности (IMD World Competitiveness Yearbook)

	2012 (59 экономик)		2013 (60 экономик)		2014 (60 экономик)		2015 (61 экономика)		2016 (61 экономика)	
	место	индекс	место	индекс	место	индекс	место	индекс	место	индекс
Гонконг	1	100.0	3	92.783	4	90.329	2	96.037	1	100.0
Швейцария	3	96.679	2	93.357	2	92.423	4	91.916	2	98.018
США	2	97.755	1	100.0	1	100.0	1	100.0	3	97.881
Сингапур	4	95.923	5	89.857	3	90.966	3	94.950	4	97.649
Швеция	5	91.393	4	90.531	5	85.833	9	85.921	5	92.353
Дания	13	84.876	12	83.514	9	84.040	8	87.077	6	91.756
Ирландия	20	78.465	17	79.591	15	80.360	16	82.969	7	91.540
Нидерланды	11	87.158	14	83.158	14	81.144	15	83.615	8	91.321
Норвегия	8	89.673	6	89.585	10	83.293	7	87.915	9	90.054
Канада	6	90.289	7	89.128	7	85.429	5	90.410	10	90.048
…	…	…	…	…	…	…	…	…	…	…
Россия	48	55.159	42	56.809	38	57.997	45	58.510	44	63.939

Источник: составлено автором с использованием материалов IMD World Competitiveness Center.

В 2016 г. Россия продемонстрировала положительную динамику по субиндексам «эффективность государственного управления» (во многом благодаря проводимой бюджетно-налоговой политике) и «эффективность бизнеса», хотя оценки по ним по-прежнему остаются крайне низкими из-за высокого участия государственных компаний в экономике, недоступности кредитов и других факторов (табл. 6). Незначительную отрицательную динамику, в основном за счет ухудшения имиджа страны и снижения объемов иностранных инвестиций, российская экономика продемонстрировала по субиндексу «экономические показатели».

Таблица 6

Место России в рейтинге Мирового ежегодника конкурентоспособности (IMD World Competitiveness Yearbook) по субиндексам рейтинга

Субиндексы	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ОБЩИЙ РЕЙТИНГ	**48**	**42**	**38**	**45**	**44**
1. Экономические показатели	45	34	41	43	49
1.1 национальная экономика	30	23	29	н/д	56
1.2 международная торговля	31	35	44	н/д	51
1.3 международные инвестиции	15	13	10	н/д	24

[1] Серова Н.А. Конкурентоспособность России в мировой экономике (результаты международных рейтингов) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2015. – № 45. – С. 34–44.

[2] Тетерин М.А. Анализ подходов по оценке международной конкурентоспособности государств // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2009. – № 1(71). – С. 293–296.

[3] IMD World Competitiveness Center. IMD World Competitiveness Yearbook 2016. – http://www.imd.org/uupload/imd. website/wcc/scoreboard.pdf

1.4 занятость	27	13	13	н/д	15
1.5 цены	58	57	59	н/д	48
2. Эффективность гос. управления	45	43	37	44	39
2.1 государственные финансы	14	12	11	н/д	13
2.2 бюджетно-налоговая политика	22	21	21	н/д	14
2.3 институциональные условия	45	47	32	н/д	57
2.4 регулирование бизнеса	57	57	57	н/д	54
2.5 социальная среда	56	59	53	н/д	50
3. Эффективность бизнеса	53	53	53	54	52
3.1 производительность и эффективность	53	54	53	н/д	57
3.2 рынок труда	23	42	41	н/д	36
3.3 финансы	49	43	42	н/д	42
3.4 практика управления	57	57	54	н/д	57
3.5 ценности и отношения	51	52	48	н/д	45
4. Состояние инфраструктуры	38	39	35	36	36
4.1 базовая инфраструктура	42	44	38	н/д	29
4.2 технологическая инфраструктура	34	31	27	н/д	35
4.3 научная инфраструктура	23	25	23	н/д	23
4.4 здравоохранение и окружающая среда	54	50	49	н/д	51
4.5 образование	38	39	36	н/д	34

Источник: составлено автором с использованием материалов IMD World Competitiveness Center.

По мнению экспертов IMD World Competitiveness Center, к конкурентным преимуществам российской экономики относятся: государственные финансы (13-е место из 61 национальных экономик) и бюджетно-налоговая политика (14-е место), а также уровень занятости населения (15-е место).

Значительно больше у российской экономики конкурентных недостатков, к которым эксперты IMD World Competitiveness Center относят: институциональные условия (57-е место), производительность и эффективность (57-е место), практика управления (57-е место), национальная экономика (56-е место), регулирование бизнеса (54-е место), международная торговля (51-е место), здравоохранение и окружающая среда (51-е место) и ряд других.

Анализ конкурентных преимуществ и недостатков российской экономики, выявленных в исследовании IMD World Competitiveness Center, позволяет сделать следующие выводы:

1) за прошедший год российская экономика незначительно улучшила свои позиции в рейтинге IMD World Competitiveness Yearbook (поднявшись с 45-го до 44-го места). Наиболее высокие позиции в рейтинге Россия занимала в 2014 г (38-е место) до обострения геополитической обстановки, вызвавшей в стране финансовый кризис.

2) наиболее быстрорастущими факторами конкурентоспособности российской экономики за последние 5 лет явились: базовая инфраструктура (+13 позиций в рейтинге), уровень занятости (+12 позиций), уровень цен (+10 позиций), бюджетно-налоговая политика (+8 позиций), финансы (+7 позиций), ценности и отношения (+6 позиций),

3) остальные факторы национальной конкурентоспособности, такие как внутренняя экономика (-26 позиций), международная торговля (-20 позиций), рынок труда (-13 позиций) и другие, показали отрицательную динамику в рейтинге.

Таким образом, анализ ключевых факторов конкурентоспособности российской экономики, обозначенных в исследованиях Всемирного экономического форума и Швейцарского института развития менеджмента, в целом позволяет получить достаточно полное представление об оценке России международным сообществом с точки зрения ее конкурентоспособности и качества государственного управления. Однако необходимо также учитывать и тот факт, что методология исследований глобальной конкурентоспособности подвергается обоснованной критике со стороны научного сообщества по целому ряду позиций[1]:

– методология исследования постоянно меняется, что означает отсутствие преемственности в рейтингах за ряд лет;

– рейтинги не учитывают страновую специфику, ее национальные особенности, геополитическую роль в мире;

– сводные индексы конкурентоспособности основаны на слабых теоретических предпосылках, а иногда на недостоверных статистических методах;

– использование значительного числа экспертных (опросных) данных при составлении рейтингов придает исследованиям субъективный характер.

Тем не менее, подобные сравнительные исследования не только в определенной мере позволяют выделить конкурентные преимущества и недостатки национальной экономики, но и определить направления социально-экономической политики государства.

Для повышения конкурентоспособности российской экономики в первую очередь необходимо совершенствование нормативно-правовой базы, т.к. многие преграды, с которыми сталкиваются инвесторы в России, обусловлены,

[1] Вальтер Ж. Конкурентоспособность: общий подход – М.: Российско-Европейский Центр экономической политики, 2005. – С. 20–22; Конкурентоспособность России в глобальной экономике: монография / Под науч. ред. чл.-корр. А.А. Дынкина и д.э.н. Ю.В. Куренкова; РАН, Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Международные отношения, 2003. – 374 с; Шкиотов С.В. Российская экономика в исследованиях международных экономических организаций: сравнительный Анализ точек роста национальной конкурентоспособности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. – № 13-1 (132). – С. 115–122.

прежде всего, характером российской правовой системы. Другими ключевыми направлениями государственной политики, направленной на реформирование российской экономики должны стать развитие рынков товаров и услуг, антимонопольная политика, развитие финансового сектора, борьба с коррупцией. Также необходимо развитие институтов социальной сферы, таких как: здравоохранение, образование, пенсионная система, жилищное строительство. Кроме того, необходимо повышение качества государственного управления за счет роста эффективности государственных расходов, эффективности управления государственной собственностью, качества государственных услуг, оказываемых органами государственной власти, эффективности исполнения функций государственной власти[1].

Только ускоренное развитие по всем направлениям может дать российской экономике шанс в полной мере использовать весь уникальный человеческий и материальный потенциал, включая сырьевые ресурсы, размеры рынка, а также накопленный опыт и знания.

[1] Семидоцкий В.А., Раевский П.К. К вопросу эффективного государственного регулирования развития региональных социально-экономических систем // Вестник Российского университета кооперации. 2013. – № 3 (13). – С. 38–41.

Стыров М.М.
к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
Styrovmm@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ДВИЖЕНИИ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИИ

Ключевые слова: *финансовые ресурсы, отрасли, предприятия, рентабельность, оборачиваемость.*
Keywords*: Financial resources, branches, enterprises, profitability, turnover.*

Введение

В настоящей работе проведён анализ движения финансовых ресурсов предприятий экономики России за период с 2003 по 2015 г. Цель статьи заключается в выявлении и оценке важнейших тенденций, наиболее существенных структурных сдвигов в финансах организаций.

Выбор периода исследования определяется наличием статистической информации в сопоставимом виде, а также интересом к реакции предприятий на финансово-экономические пертурбации 2008–2009 и 2014–2016 гг.

Объектом исследования стали ведущие самостоятельную финансово-хозяйственную деятельность и представляющие бухгалтерскую отчетность организации (кроме бюджетных) всех форм собственности следующих видов экономической деятельности по разделам ОКВЭД: A (Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство), B (Рыболовство, рыбоводство), C (Добыча полезных ископаемых), D (Обрабатывающие производства), E (Производство и распределение электроэнергии, газа и воды), F (Строительство), G (Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования), H (Гостиницы и рестораны), I (Транспорт и связь), J (Финансовая деятельность), K (Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг), L (Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение), M (Образование), N (Здравоохранение и предоставление социальных услуг), O (Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг).

Источником сведений послужила Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата[1]. Большинство расчётов проведено по имеющейся в данной системе консолидированной отчётности всех предоставляющих её предприятий. Однако отдельные показатели, что специально оговорено в тексте статьи, взяты по данным не бухгалтерской, а статистической отчётности формы П-3, круг организаций по которой значительно меньше и не включает в себя малые предприятия.

Понятие финансовых ресурсов

Мы подразумеваем под финансовыми ресурсами предприятия находящиеся в его распоряжении собственные и привлеченные денежные средства, направляемые на текущие затраты и капитальные вложения с целью расширенного воспроизводства, а также на погашение обязательств перед кредиторами. При таком понимании финансовые ресурсы предприятия отождествляются с величиной его бухгалтерского баланса, где пассив характеризует источники формирования средств (собственные и привлечённые), а актив – направления их использования (оборотные и внеоборотные активы). Это является статичной характеристикой финансовых ресурсов предприятия на определённый момент времени. Наряду с этим можно рассмотреть и динамичную характеристику финансовых ресурсов предприятия как потока денежных средств и материальных ресурсов в денежном выражении. Она отражается в отчёте о прибылях и убытках и в отчёте о движении денежных средств.

Анализ общей величины финансовых ресурсов

Общая величина финансовых ресурсов российских предприятий за 2003-2015 гг. увеличилась в 8,6 раз и достигла 293 млрд. руб. (табл. 1). Это весьма высокий темп роста. Для сравнения, деньги в результате инфляции за этот же период обесценились в 3,1 раза[2], доходы консолидированного бюджета страны выросли в 6,5 раз[3], валовой внут-

[1] https://www.fedstat.ru
[2] http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm
[3] http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/fin21.htm

ренний продукт – в 6,1 раза[1], доходы населения в текущих ценах – в 6 раз[2], выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в натуральном выражении – в 1,43 раза[3]. Следовательно, финансы предприятий росли в эти годы опережающими темпами относительно других ключевых компонентов национальной экономики.

Таблица 1

Финансовые ресурсы предприятий России в 2003–2015 гг., млрд. руб.

Регионы	2003 г.	2008 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Темп роста за 2007–2013 гг., раз
Россия в т.ч.:	33 928	97 813	286 508	264 208	293 057	8,6
Москва	11 821	47 482	182 076	139 921	151 585	12,8
Россия без Москвы	22 108	50 331	104 432	124 287	141 472	6,4

Рост финансовых ресурсов предприятий наблюдался ежегодно за весь анализируемый период. Лишь в 2014 г. в результате финансово-экономического кризиса было отмечено снижение их общей величины на 8%, но уже по итогам 2015 г. положительная динамика восстановилась. В период же кризиса 2008-2009 гг. подобного снижения не наблюдалось.

В региональной структуре финансов предприятий отмечены существенные сдвиги. Основной «точкой роста» в рассматриваемый период стал город Москва, финансовые ресурсы зарегистрированных в ней предприятий выросли в 12,8 раз, в остальных же регионах России – вдвое медленнее. В результате удельный вес столицы в корпоративных финансовых ресурсах страны увеличился с 35 до 52%, а в 2013 г. достигал 64%! Это произошло в результате усиления централизации в Москве финансовых ресурсов следующих отраслей: добычи полезных ископаемых – с 1 до 7%, обрабатывающих производств – с 10 до 29%, энергетики – с 29 до 46%, транспорта и связи – с 26 до 57%, операций с недвижимым имуществом – с 36 до 68%, финансовой деятельности – с 54 до 82%.

При этом именно организации с кодом ОКВЭД «Финансовая деятельность», зарегистрированные в Москве, были главной «точкой нестабильности», т.е. каналом движения спекулятивных инвестиций. Так, в 2013 г. объём активов здесь взлетел с 20 до 97 млрд. руб. (около 70% прироста активов всех отраслей России), а в 2014-2015 гг. в условиях кризиса и санкций вновь упал до 29 млрд. В большинстве других регионов и отраслей экономики страны такого резкого оттока денег не было, осуществлялась достаточно стабильная работа. Академик РАН С.Ю.Глазьев по поводу подобных скачков говорит, что при сложившейся «колониальной» финансовой системе российская экономика превратилась в «дойную корову» спекулянтов, и выступает за создание этической финансовой системы, направленной на защиту внутренних интересов страны и обеспечение реального роста производства[4].

Из приведённых цифр очевидно, что в эти годы происходила консолидация активов предприятий в единые структуры с федеральным подчинением (например, в ходе реформы в энергетике, скупки региональных предприятий центральными и т.п.) и повышение значимости финансовых организаций в финансировании предприятий (в частности, в результате развития лизинга и повышения значимости арендодателей в распоряжении имуществом). С одной стороны, это закономерная тенденция, обусловленная конкурентной борьбой предприятий в условиях глобализации, слияниями и поглощениями ради контроля над рынком и получения эффекта масштаба. С другой стороны, здесь есть и негативные черты: снижение самостоятельности регионов, рост влияния «владельцев капитала» на работу предприятий реального сектора, усиление пространственной неравномерности развития страны и т.д. Так, например, В.Нефедкин считает эту тенденцию признаком движения в сторону государственно-корпоративного капитализма и полагает, что её сохранение будет отрицательно воздействовать на возможности экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе[5].

Отраслевая структура

За анализируемый период в отраслевой структуре финансовых ресурсов предприятий России произошли некоторые изменения (рис. 1).

Снизилась доля добычи полезных ископаемых с 8,9 до 7,4% при увеличении удельного веса обрабатывающих производств с 15,6 до 17,2% и строительства с 4,4 до 5,7%, что неплохо. Вместе с тем, уменьшилась доля транспорта на 4%, энергетики – на 2,7%, а также сельского хозяйства, рыболовства и рыбоводства – на 1%, что вызывает некоторую тревогу. Одновременно очень существенно вырос удельный вес операций с недвижимостью, аренды и предоставления услуг в этих областях, а также финансовой деятельности – суммарно с 23,7 до 34,2%. Доля же торговли снизилась на 3,9%.

Таким образом, исходя из анализа отраслевой структуры, в целом по стране за этот период можно отметить движение в сторону постиндустриальной экономики, хотя не совсем однозначное, но всё же заметное из снижения доли «материального» производства и увеличения посреднических отраслей и услуг.

[1] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

[2] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

[3] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

[4] Глазьев С.Ю. Выступление в программе «Слово и дело» на «Народном радио» 11 сентября 2016 г. – http://www.glazev.ru/upload/iblock/0f8/0f8b7196781c06032e586420be6d6996.pdf

[5] Нефедкин В. Экономическая власть крупных корпораций и развитие регионов // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 3. – С. 99–114.

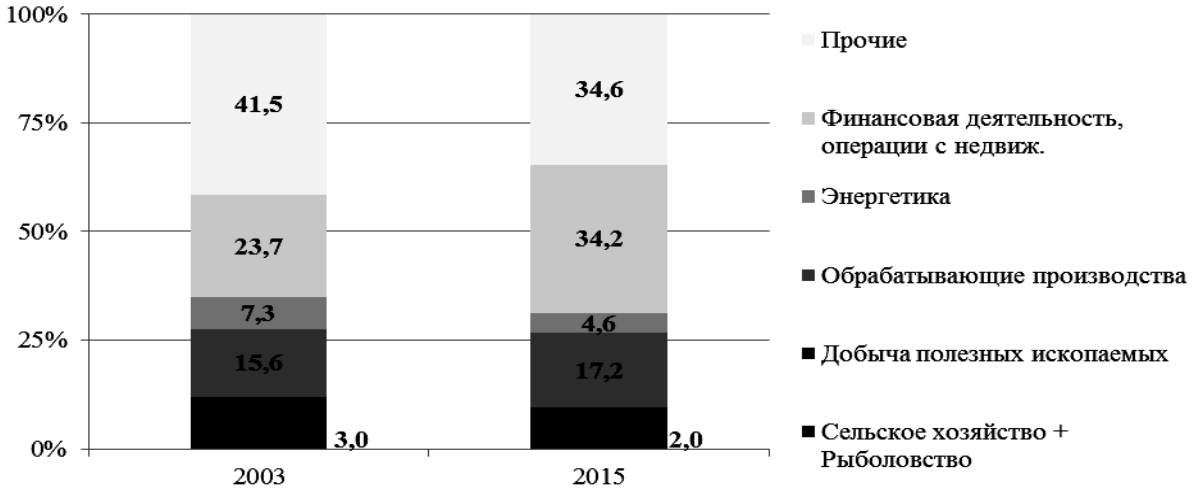


Рисунок 1.
Распределение финансовых ресурсов предприятий России по видам экономической деятельности в 2003 и 2015 гг., %

Формирование финансовых ресурсов

Наиболее заметной тенденцией в формировании финансовых ресурсов предприятий за 2003–2015 гг. стало увеличение доли кредитов и займов – в целом по стране с 15 до 30%[1]. Доля кредиторской задолженности осталась неизменной – 23%. Соответственно, удельный вес собственного капитала и прочих источников в финансировании предприятий снизился с 62 до 47%. Эти цифры свидетельствуют об активном развитии предприятий в эти годы в первую очередь за счёт кредитных ресурсов, особенно зарубежных, привлекаемых крупными предприятиями по низким процентным ставкам. Опережающий рост заимствований происходил даже в 2015 г. в условиях введения международных финансовых санкций в отношении России.

Как отмечается О.Березинской, это привело к существенному увеличению нагрузки по обслуживанию долгов и возникновению особо высоких финансовых рисков в строительстве, машиностроении и сельском хозяйстве. По её мнению, сейчас в условиях жёстких ресурсных ограничений резко ощущается недостаточность возможностей российской банковской системы для кредитной поддержки предприятий, что требует разработки новых механизмов в данной сфере[2]. С этим тезисом соглашаются и некоторые учёные из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН: О.Дж. Говтвань, И.Н. Шокин, Н.И. Хватов. При этом они отмечают, что внешний мир в последние 15 лет на самом деле (с поправкой на оффшорные операции) не столько поставлял финансовые ресурсы в Россию, сколько перераспределял их. И это влияние «было не слишком продуктивным и во многом усугубляло негативные тенденции в структурном развитии. Например, в части консервации отраслевой структуры с доминированием сырьевых отраслей»[3]. А А.К. Моисеев полагает, что при более независимой денежно-кредитной политике в стране в этот период были возможности соразмерного финансирования предприятий из внутринациональных источников, что привело бы к более «мягкому» прохождению кризиса[4].

Обозначенная структура и тенденция роста была присуща большинству регионов России, включая Москву. Лишь в четырёх субъектах РФ за эти годы доля кредитов и займов в финансировании предприятий уменьшилась: в Республике Коми, Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО и Омской области. Вероятно, в этих регионах происходило более быстрое увеличение собственного капитала предприятий (в т.ч. за счёт вливаний от материнских компаний) по сравнению с привлечением банковских кредитов и внутрихолдинговых займов.

В отраслевом разрезе рост кредитной нагрузки происходил по всем видам деятельности, кроме оптовой и розничной торговли, где предпочтение отдавалось коммерческому кредиту от поставщиков товаров. Особенно высокой кредитная нагрузка стала в энергетике (18%, рост за 2004–2015 гг. на 17 п.п.!), сельском хозяйстве (42%, рост на 25 п.п.), обрабатывающих производствах (42%, рост на 19 п.п.) (рис. 2).

---

[1] Оценка структуры источников финансовых ресурсов предприятий выполнена по консолидированным данным формы №П-3 «Сведения о финансовом состоянии организации». Отчётность по этой форме предоставляют юридические лица кроме субъектов малого предпринимательства, государственных и муниципальных учреждений, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций, поэтому она существенно, почти вдвое, отличается от сводных данных финансовой отчётности всех организаций, однако также даёт представление об основных тенденциях их финансовой политики.

[2] Березинская О. Кредитование нефинансового сектора российской экономики: возможности и ограничения // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 3. – С. 63–74.

[3] Говтвань О.Дж., Шокин И.Н., Хватов Н.И. Денежно-банковская система России в условиях обострения внешних рисков и угроз: особенности и приоритеты развития // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 2016. – С. 82.

[4] Моисеев А.К. «Импортозамещение» денежно-кредитной политики // Проблемы прогнозирования. – М., 2016. – № 3. – С. 3–11.

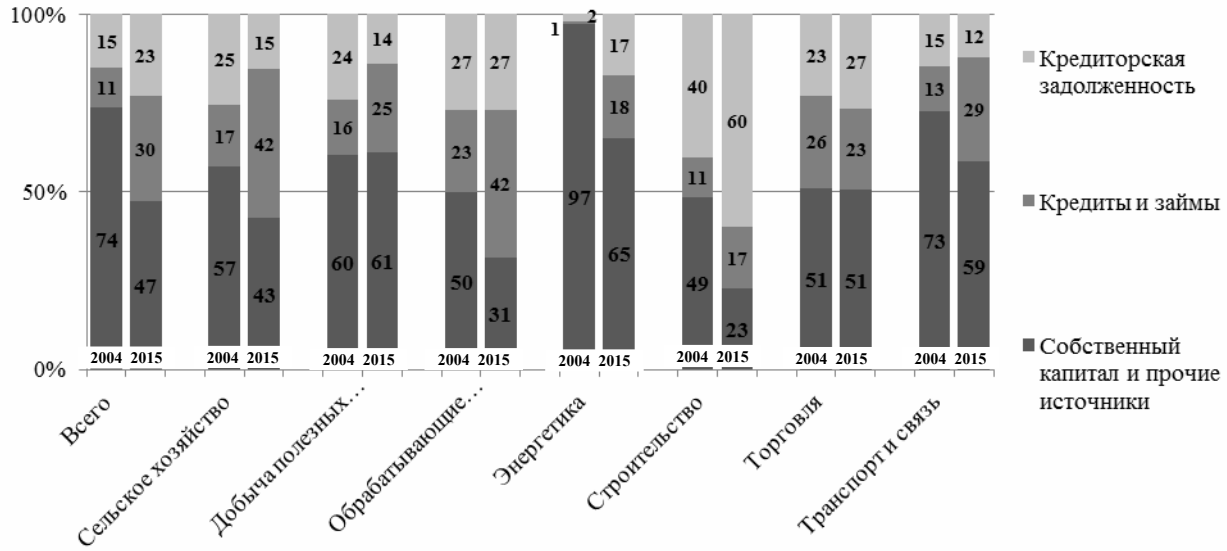


Рисунок 2.
Структура источников финансовых ресурсов предприятий России в 2004 и в 2015 гг., %

По поводу просроченной задолженности данные следующие. По сведениям Росстата (полученным от предприятий из формы статистического наблюдения П-3), доля просроченной кредиторской задолженности в её общей сумме постепенно снижается с 25% в 2004 г. до 5% в 2013 г., незначительно увеличиваясь к 2015 г. до 6%. Это весьма закономерная тенденция, поскольку в минувшие 10–15 лет действительно происходило существенное повышение деловой активности, общее улучшение денежно-кредитной сферы в стране, совершенствование институциональной среды, наведение порядка в бюджетной системе. В отраслевом разрезе наиболее высокой долей неплатежей характеризуются обрабатывающие производства, где удельный вес просрочек составляет 7–8%, торговля (5–6%), энергетика (20%). Отметим, что энергетика в вопросах неплатежей до сих пор остаётся самым слабым звеном всей экономики, нужна разработка новых механизмов и организационных решений в данной отрасли.

Согласно тому же источнику, доля просроченных обязательств в кредитах и займах составляет в настоящее время в среднем всего 0,6–0,8% (в 2004–2005 гг. – 2–3%), а по видам деятельности она существенно велика лишь в строительстве – около 5%.

Однако эти цифры, хотя и дают верное представление об общих диспропорциях и тенденциях, представляются слишком заниженными, не вполне достоверными. Дело в том, что предприятия не склонны отражать в официальной отчётности задолженность как просроченную, опасаясь попасть в поле зрения органов власти. Однако другой объективной информации по этому поводу нет.

Использование финансовых ресурсов: оборачиваемость активов

Важным показателем, отражающим использование финансовых ресурсов предприятий, является оборачиваемость активов, т.е. отношение выручки предприятий к среднегодовой величине валюты их баланса. Можно сказать, что оборачиваемость активов характеризует интенсивность их кругооборота, количество общественных благ, произведённых с их помощью.

Здесь наблюдаются следующие тенденции. Во-первых, за анализируемый период происходило снижение оборачиваемости активов – с 1,16 до 0,74 раза (рис. 3). Это свидетельствует о существенном снижении эффективности финансово-хозяйственной деятельности – сокращении фондоотдачи и замедлении круговращения оборотных средств. Действительно, если общая величина финансовых ресурсов, как мы отмечали выше, росла быстрее других макроэкономических параметров (в 8,6 раз), то сама выручка предприятий увеличилась за этот же период в текущих ценах лишь в 6,9 раз. Иначе говоря, в условиях благоприятной конъюнктуры предприятия привлекали финансовые средства в больших объёмах для развития производства (реже – модернизации, чаще – экстенсивного наращивания мощностей, как полагает О.С. Сухарев[1]), что не всегда оправдывалось в дальнейшем адекватным ростом спроса. На графике видно, что оборачиваемость активов снижалась особенно резко в периоды кризисов (2009 и 2014 гг.), после чего происходила некоторая стабилизация или даже краткосрочный рост.

Описываемая тенденция была особенно отчётливо выражена в г. Москве, где оборачиваемость активов особенно заметно уменьшилась (с 1,47 до 0,59 раз), да и почти во все годы была существенно ниже среднероссийской. Причины этого описаны нами выше и заключаются в «столичном» контроле над активами при минимуме реального производства. Но всё же для справедливости надо сказать, что замедление оборачиваемости было общефедеральным явлением и наблюдалось в эти годы в 2/3 всех регионов России.

[1] Сухарев О.С. Управление промышленностью: базовые принципы и текущее состояние // Проблемы теории и практики управления. – М., 2016. – № 1. – С. 22–39.

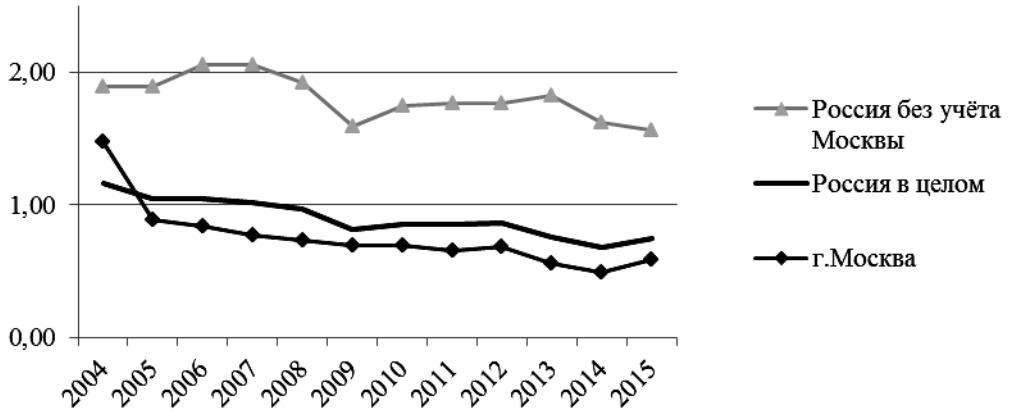


Рисунок 3.
Динамика оборачиваемости активов предприятий России за 2004–2015 гг., раз

По данным опроса, проведённого Д.Б.Кувалиным, недостаточный платежеспособный спрос в настоящее время действительно является для предприятий самой существенной проблемой наряду с усложнившимся доступом к финансовым ресурсам[1]. Но отрадно отметить, что реагирование предприятий на трудности приняло заметно более разумный характер: если в прежние годы они чаще прибегали к сокращению персонала и агрессивной оптимизации налогообложения, то в 2015 г. стали охотнее осуществлять внедрение более экономичных технологий и изменение ассортимента в пользу более рентабельной продукции[2].

Если говорить об отраслевом разрезе процесса снижения оборачиваемости активов, то он затронул почти все виды деятельности, кроме энергетики. Особенно существенным замедление было в финансовой деятельности (с 1,4 до 0,8 раза), обрабатывающих производствах (с 1,3 до 0,8 раза), строительстве (с 1,2 до 0,8), торговле (с 2,4 до 1,4 раза). В Москве чрезвычайно сильным было снижение оборачиваемости активов в обрабатывающих производствах (с 1,9 до 0,6 раза) и по виду деятельности «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (с 0,6 до 0,2 раза).

Использование финансовых ресурсов: рентабельность

Конечным индикатором эффективности использования финансовых ресурсов является уровень рентабельности активов, который отражает степень прироста всего капитала, предоставленного обществом предприятию для хозяйственной деятельности.

Средняя рентабельность активов по экономике в настоящее время составляет около 5%. Это примерно вдвое ниже текущего уровня инфляции, т.е. не обеспечивает даже простого уровня воспроизводства активов, не говоря уже о возмещении процентных платежей по банковским кредитам. Впрочем, рассматриваемый показатель подвергается сильным искажениям из-за сокрытия прибыли от налогообложения, в частности, увода доходов в оффшоры. Поэтому реальная рентабельность предприятий несколько выше официально регистрируемой.

Пиковое значение в анализируемом периоде было зафиксировано в предкризисном 2007 г.: 10,5%, после чего происходило её снижение. Эту же динамику – постепенное снижение после резкого взлёта повторяют почти все отрасли экономики (рис. 4), рентабельность большинства из них примерно соответствует средней – от 1,5 до 7%.

Существенно выше остальных отраслей рентабельность в добыче полезных ископаемых – от 13 до 17%. Несмотря на падение мировых цен на нефть, снижение рентабельности в данном секторе в 2015 г. составило всего около 2%, поскольку компенсационный эффект оказала девальвация рубля. С одной стороны, это позволяет данной отрасли быть «финансовым локомотивом» всей экономики и главным наполнителем бюджетной системы. Однако этот резкий диссонанс, безусловно, оказывает дестимулирующее воздействие на остальные виды деятельности и ведёт к закреплению «ресурсно-экспортного» образа жизни.

По графику также видно, что некоторые виды деятельности чрезвычайно зависимы от внешней конъюнктуры. Так, организации из разделов по ОКВЭД «финансовая деятельность» и «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», показывавшие в 2007 г. весьма высокие уровни рентабельности, сейчас оказались на нижних позициях. В этой ситуации хорошо просматривается вред спекулятивной составляющей. Из-за резкого снижения спроса на услуги в отрицательную область сместился гостинично-ресторанный бизнес.

Обратим внимание на низкий уровень рентабельности в таких базовых отраслях, как транспорт и связь (3%), энергетика (2%), строительство (2%). Если в строительстве данный факт можно объяснить избыточной конкуренцией, то в первых двух случаях это связано с жёсткой тарифной политикой государства, направленной на сдерживание инфляции. Вместе с тем, отсюда неизбежно возникает проблема дефицита инвестиций и нарастания технологической отсталости производственной базы.

[1] Кувалин Д.Б. Российские предприятия в конце 2015 г.: антикризисная деятельность и оценка последствий взаимных экономических санкций Запада и России // Проблемы прогнозирования. – М., 2016. – № 3. – С. 144–161.

[2] Там же.

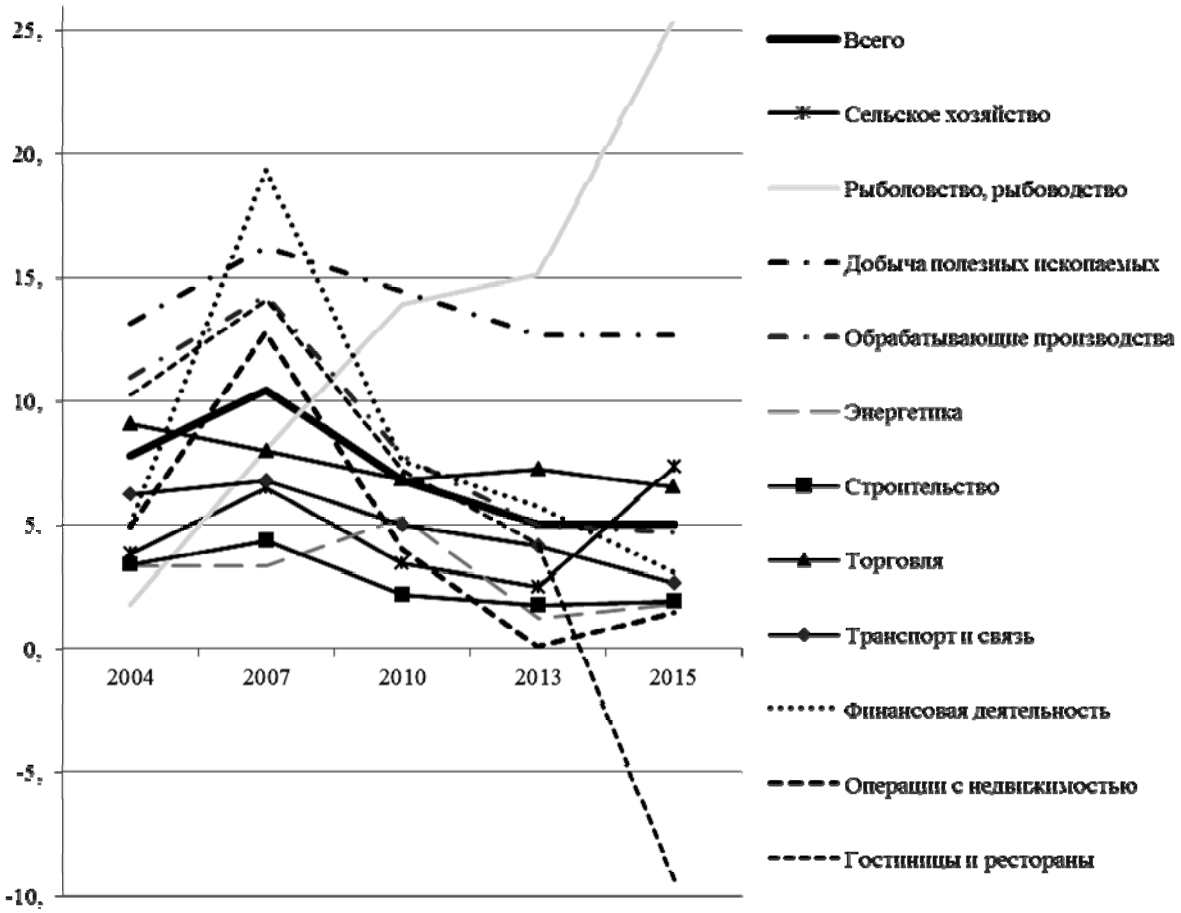


Рисунок 4.
Рентабельность активов по видам экономической деятельности в экономике России за 2004–2015 гг., %

Отметим и две благоприятные тенденции. Во-первых, благодаря девальвации рубля и внешнеэкономическим санкциям происходит резкий рост рентабельности активов в сельском хозяйстве: в 2015 г. она достигла 7,4%, это максимальная для отрасли величина за последние 15 лет и третья среди видов экономической деятельности в настоящее время. Такое улучшение совершенно оправданно и должно позитивно сказаться на поддержке села в стране. Во-вторых, по тем же причинам на лидирующие позиции вышло рыболовство и рыбоводство. В 2004 г. это была самая низкодоходная деятельность из всех, а в 2015 г. после непрерывного роста рентабельность активов здесь достигла 25%, что в пять раз выше среднего значения. Рентабельность же продаж здесь составляет фантастические 60%. Отметим также, что в 2014 и в 2015 гг., несмотря на общий спад производства, наметился рост рентабельности в обрабатывающих производствах, неожиданно получивших валютные конкурентные преимущества.

На наш взгляд, даже отбросив конъюнктурные соображения, это свидетельствует о правильности выбранной руководством страны твёрдой внешней политики. Именно базовые жизнеобеспечивающие отрасли, ориентированные на внутренний рынок, должны иметь устойчивые положительные финансовые результаты и тем самым служить базисом благосостояния основной части российского народа, а не отдельных его элитарных групп или тем более сиюминутно настроенных нерезидентов.

Характерно, что монополизма Москвы в отношении чистой прибыли предприятий не наблюдается: рентабельность активов в этом городе даже ниже среднероссийской – 3,5 против 5% в 2015 г. Не исключено, что это отчасти объясняется более активным применением агрессивных схем снижения налоговой нагрузки. Интересно, что гостинично-ресторанное дело в Москве, в отличие от других регионов, даже в кризис остаётся рентабельным (7%).

Итак, обзор основных показателей управления финансовыми ресурсами в экономике России за 2003–2015 гг. позволяет сделать следующие выводы:

– за данный период финансовые ресурсы предприятий увеличивались очень быстрыми темпами, значительно опережая другие ключевые компоненты финансовой системы России;

– при общем позитивном влиянии на экономику страны, данный рост имел некоторые отрицательные черты: значительное усиление централизации финансовых ресурсов предприятий в г. Москве; преимущественное наращивание капитала в финансовой деятельности и операциях с недвижимым имуществом, аренде и предоставлении услуг; первостепенная опора на кредиты и займы при снижении доли собственного капитала; уменьшение эффективности использования средств, проявляющееся в снижении оборачиваемости активов; сохранение на низком уровне декларируемой рентабельности активов большинства видов деятельности, кроме добычи полезных ископаемых;

– в результате финансово-экономического кризиса существенного сокращения общей величины финансовых ресурсов предприятий не наблюдается, уменьшается в основном их спекулятивная составляющая. Несмотря на внешнеэкономические санкции и ограниченные возможности отечественной банковской системы, продолжается рост зна-

чимости кредитов и займов в формировании капитала предприятий. Однако из-за падения выручки происходит замедление оборачиваемости активов и некоторое снижение рентабельности, которое быстро компенсируется девальвацией рубля. Кризис оказывает оздоровительно-стимулирующее влияние на сельское хозяйство, рыболовство и рыбоводство, обрабатывающие производства и, наоборот, приводит к ухудшению результатов в финансово-арендном и гостинично-ресторанном бизнесе. Рост неплатежей в кризисный период имеет место, но он очень невелик по сравнению с кардинальным снижением объёма просрочек относительно 2004 г.

Исходя из этих наблюдений, приоритетом экономической политики России на среднесрочную перспективу должно стать развитие ориентированных на внутренний спрос базовых отраслей реального сектора за счёт внутренних источников финансирования.

Сысоева Е.А.
д.э.н., профессор Мордовского государственного университета (НИУ)
sysoewa@mail.ru

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ В ОСВЕЩЕНИИ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: *энергетическая эффективность, энергосбережение, источник света, лампа накаливания, компактная люминесцентная лампа, светодиод, маркировка, экодизайн, класс энергетической эффективности.*

Keywords*: energy efficiency, energy conservation, source of light, light bulb, compact fluorescent lamp, light-emitting diode, labeling, ecodesign, energy efficiency class.*

Жизнь современного человека невозможно представить без искусственного освещения. Широкий ассортимент источников искусственного оптического освещения, разрабатываемых и выпускаемых различными фирмами, помогает человеку быть менее независимым от естественного освещения. Здоровый свет повышает нашу безопасность и комфорт, сохраняет здоровье людей, способствует повышению производительности труда, уменьшает расходы природных ресурсов страны, повышает урожайность сельскохозяйственной продукции и животноводства, снижает утомляемость и потерю зрения.

Современный светотехнический рынок характеризуется большим ассортиментом электрических ламп, которые находят самое широкое применение в народном хозяйстве и в быту. К источникам света предъявляется множество требований, например, для достижения зрительного комфорта необходимо выдержать на определенном уровне такие светотехнические параметры как оптимальная освещенность, минимальное слепящее действие, заданное распределение яркости, хорошая цветопередача и при этом требуется, чтобы источники света были энергоэффективными. Сегодня энергоэффективной считается такая система освещения, которая создает высококачественное освещение и сохраняет свои характеристики на протяжении длительного времени при низких расходах на потребление электроэнергии, эксплуатацию, капитальных затратах на приобретение и монтаж. При этом экономия электроэнергии на освещение не должна достигаться за счет снижения норм на освещение, поскольку потери при ухудшении условий освещения значительно превосходит стоимость сэкономленной электроэнергии.

Проблема энергосбережения во всех странах мира, в том числе и в Российской Федерации приобрела за последние годы большое значение. Затраты на электроэнергию растут пропорционально потребностям населения планеты. По данным Федеральной службы государственной статистики с 2000 года потребление электроэнергии в РФ увеличилось почти на 20%. Параллельно с этим увеличивается стоимость электроэнергии для потребителей. В настоящее время в РФ, по разным данным, порядка 117 млрд. кВт/ч электроэнергии расходуется на освещение, что составляет до 20% всей вырабатываемой в стране электроэнергии. В этой связи одной из главных задач энергосбережения является производство и применение энергоэкономичных источников света.

Наиболее энергоемкими сферами потребления электроэнергии на цели освещения в нашей стране являются жилые, общественно-административные и промышленные помещения, на долю которых приходится более 70% всех эксплуатируемых светильников и соответственно самих источников света (световых точек). Задача энергосбережения в этих помещениях может решаться путем широкого применения новых высокоэффективных источников света. Суммарные потенциальные возможности РФ в части экономии электроэнергии огромны: 56 ТВт/ч в год, что эквивалентно выбросу примерно 39 Мт углекислого газа в год. Проблема экономии электроэнергии в условиях ограничения ресурсов и роста их потребления крайне актуальна. Переход на энергоэффективное освещение является одним из наиболее экономически эффективных и быстрых способов сокращения потребления энергоресурсов и снижения энергоемкости по сравнению с другими энергосберегающими технологиями, что, в конечном счете, будет положительно влиять на экологию.

Правительством РФ принят ряд законодательных и нормативно-правовых актов, направленных на повышение энергетической эффективности товаров, работ и услуг. Согласно Федеральному закону от 23 ноября 2009 года № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] (далее ФЗ «Об энергосбережении»), государственное регулирование в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности продукции предусматривает запрет или ограничение производства и оборота в РФ товаров, имеющих низкую энергетическую эффективность, при условии наличия в обороте или введения в оборот аналогичных по цели использования товаров, имеющих высокую энергетическую эффек-

[1] Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

тивность, в количестве, удовлетворяющем спрос населения. В соответствии с этим законом, под энергетической эффективностью понимают «характеристики, отражающие отношение полезного эффекта от использования энергетических ресурсов к затратам энергетических ресурсов, произведенным в целях получения такого эффекта применительно к продукции, технологическому процессу»[1].

ФЗ «Об энергосбережении» стал основным фактором для развития рынка энергосберегающей светотехнической продукции, согласно которому с 1 января 2011 года к обороту на территории Российской Федерации не допускаются электрические лампы накаливания мощностью сто ватт и более, которые могут быть использованы в цепях переменного тока в целях освещения. С 1 января 2012 года не допускается размещение заказов на поставки электрических ламп накаливания для государственных и муниципальных нужд, которые могут быть использованы в цепях переменного тока в целях освещения.

Всего 10 лет назад самыми распространенными в жилом секторе нашей страны были традиционные лампы накаливания (ЛН), выпускаемые отечественными электроламповыми заводами в необходимых и достаточных объемах, полностью удовлетворяющих потребности населения. Преимуществами ЛН является их привычность, распространенность и дешевизна, отсутствие необходимости в дополнительной аппаратуре для включения в сеть, малогабаритность, способность работать в очень широких интервалах температур окружающего воздуха, отсутствие электромагнитных помех, обеспечение идеальной цветопередачи, безопасность с экологической точки зрения. Следует, однако, отметить, что 95–97% электроэнергии ЛН преобразует в тепло, поэтому коэффициент полезного действия ЛН составляет всего 3–5%, срок службы ЛН очень мал и насчитывает всего 1000 часов. Следовательно, ЛН являются энергетически неэффективными источниками света и, кроме того, способствующими выбросу в атмосферу углекислого газа.

В настоящее время в средствах массовой информации появилась информация о том, что Правительством РФ прорабатывает вопрос запрета выпуска электрических ламп накаливания мощностью 60 и 75 Вт.

Введение ограничительных мер по обороту ЛН существенно изменило структуру российского светотехнического рынка. По оценкам АО «Роснано», в 2010 году на отечественном рынке светотехнической продукции присутствовали: около 6% – компактные люминесцентные лампы со встроенными электронными пускорегулирующими аппаратами и стандартными резьбовыми цоколями (КЛЛ), 4% – светодиодные лампы, около 90% – ЛН, Мировой светотехнический рынок в этот период был представлен следующим образом: 42% занимали КЛЛ, 6% – светодиодные лампы, около 52% – ЛН.

В связи с запретом производства и оборота в РФ ЛН встал вопрос их замены и выхода на светотехнический рынок ламп, имеющих высокую энергетическую эффективность. Такими лампами, идущими на замену ЛН, стали КЛЛ, при эксплуатации которых значительно экономится электроэнергия, их световая отдача в 4–5 раз больше чем у ЛН, срок службы в 10–12 раз дольше обычной ЛН. В результате в быту КЛЛ явились реальной альтернативой ЛН.

Начало изъятия с отечественного рынка ЛН и внедрение КЛЛ было осуществлено в 2010–2012 гг., а период с 2013 по 2015 гг. характеризовался пиком продаж КЛЛ. Однако собственное производство КЛЛ по полному циклу изготовления в России отсутствовало. Ряд отечественных предприятий осуществляли сборку КЛЛ из импортных комплектующих, в основном китайского производства, но и они прекратили производство КЛЛ, не выдержав конкуренции по цене ламп со стороны зарубежных производителей.

В настоящее время на российском рынке представлено множество моделей КЛЛ, более чем 40 производителей, которые различаются по мощности, световым характеристикам, формам, сроку службы, размерам и цене. Основными производителями КЛЛ являются европейские концерны «Siemens AG» и «Osram AG» (Германия), «Philips Lighting» (Польша), «General Electric» (США). Значительная доля отечественного светотехнического рынка освоена китайскими производителями под известными брендами осветительной техники: «BLV», «Camelion», «Ecola», «Favor», «Nakai», «Narva», «Pila», «Polux», «Wolta Lezard», «Magaman», «Muller-Licht». По данным таможенной статистики, импорт КЛЛ в РФ в 2014–2015 гг. составил 100%, в количественном выражении 105,76 млн. шт. в 2014 году и 58,17 млн. шт. в 2015 году.

Наиболее острым вопросом в использовании КЛЛ является проблема их утилизации и безопасности использования. Каждая КЛЛ содержит 3–5 мг ртути, находящейся в агрегатном состоянии в виде паров. Разрушенная или поврежденная колба лампы высвобождает пары ртути, которые могут вызвать тяжелое отравление. По гигиеничной классификации ртуть относится к первому классу опасности как чрезвычайно опасное химическое вещество.

Следует констатировать, что в РФ отсутствует необходимая инфраструктура по централизованному сбору и переработке (утилизации) КЛЛ, особенно в отношении потребительского (бытового) сектора их использования. В настоящее время из-за отсутствия централизованной сети сбора и переработки отработанные КЛЛ выбрасываются вместе с обычным мусором с последующим размещением на полигонах твердых бытовых отходов, что является недопустимым.

По результатам анализа состояния рынка светотехнической продукции можно сделать вывод о том, что пик присутствия КЛЛ на российском рынке прошел, и в дальнейшем будет наблюдаться некоторое сокращение объемов рынка КЛЛ в количественном выражении. В то же время нельзя не учитывать тот факт, что средний заявленный срок службы этих ламп составляет 8000–10000 часов, а это означает, что в эксплуатации у потребителя КЛЛ будут находиться в течение нескольких лет, и в случае нерешения вопроса утилизации КЛЛ загрязнение окружающей среды отработанными лампами будет продолжаться.

[1] Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

В 2017 году, который объявлен Президентом РФ В.В. Путиным годом экологии, необходимо провести оценку эффективности существующих систем утилизации (переработки) собранных КЛЛ и возможности их модернизации или увеличения мощности с целью создания действенных механизмов и систем сбора от населения и хозяйствующих субъектов отработанных КЛЛ. При этом целесообразно использовать опыт европейских стран, например, Германии по сбору и утилизации отработанных КЛЛ.

В соответствии с общемировыми тенденциями энергосбережения на замену традиционных электрических ЛН и КЛЛ приходят светодиодные источники света, как наиболее эффективные, экономичные и безопасные, и светодиодные системы освещения. В течение последних двух – трех лет на мировом светотехническом рынке появились новые светодиодные осветительные технологии, которые превосходят традиционные по экономическим, экологическим и качественным параметрам. В результате снижения цены современные энергетически эффективные светодиодные источники света успешно конкурируют с традиционными лампами и осветительными устройствами.

Главными критериями, определяющими преимущественное использование светодиодных источников света в освещении, даже по сравнению с перспективными энергоэффективными натриевыми лампами высокого давления и металогалогенными лампами, являются: низкое энергопотребление в процессе эксплуатации; огромный срок службы до 50–60 тыс. часов, что в 5–10 раз больше, чем у люминесцентных ламп; отсутствие пульсации светового потока; возможность работы как при низких, так и при высоких температурах окружающей среды (-50ºС, +60ºС), что особенно актуально для холодных и жарких районов нашей страны; стойкость к механическим воздействиям; высокий уровень безопасности (не содержат вредных веществ, ультрафиолетового или инфракрасного излучения, ртути, не взрывоопасны); малые размеры и вес. Это далеко неполный перечень преимуществ использования светодиодных источников света, первое применение которых было в светосигнальных приборах – автодорожных и железнодорожных светофорах, информационных табло и указателях.

Начиная со второй половины 2016 года, большая часть существующих в РФ энергонеэффективных источников света, основанных на электрических ЛН в бытовом секторе и разрядных лампах в промышленном и уличном освещении, заменяется энергетически эффективными источниками света и световыми приборами на их основе. Наиболее перспективными стали световые приборы на основе светодиодов, лампы-ретрофиты, эквивалентные лампам накаливания мощностью 60 Вт и 100 Вт, инновационные энергосберегающие филаментные светодиодные лампы нового поколения со светодиодными светящимися нитями – «филаментами» мощностью от 2 Вт до 14 Вт с различными типами цоколей (E14, E27), в двух цветовых температурах 2700 и 4000 Кельвина (соответственно теплый белый и естественный белый свет) для прямой замены КЛЛ и ЛН, лампы LED-tube, предназначенные для прямой замены линейных люминесцентных ламп в широко распространенных потолочных светильниках, а также специализированные светодиодные светильники.

Кроме того, в РФ за счет снятия санитарно-гигиенических ограничений на использование энергетически эффективных технологий в отдельных сферах (в частности, для учреждений системы общего образования, кроме дошкольных) расширились возможности допустимого применения энергетически эффективных светодиодных источников света.

Таким образом, процесс внедрения энергосберегающих источников освещения и организации их производства в РФ может быть условно разделен на два этапа. Первый этап (2013–2015 гг.) характеризуется выводом стандартных ЛН с рынка потребления, а также организацией производства энергосберегающих источников света в РФ, включая, прежде всего, светодиодные источники света. Второй этап (2016–2020 гг.) характеризуется лидирующим положением на рынке светодиодных ламп и светильников, продажи которых достигают в данный период своего пика.

Развитие светодиодных технологий, помимо энергосбережения, позволяет решать ряд других важных задач по созданию эффективного и безопасного освещения во все сферах жизнедеятельности. Качественное наружное освещение снижает количество дорожно-транспортных происшествий в среднем на 30%, эффективное уличное освещение – один из факторов, позволяющих снизить уровень преступности, архитектурно-художественное освещение создает комфортную городскую среду и повышает туристическую привлекательность, уменьшает количество брака в производстве и повышает производительность труда.

Российские и международные исследования показали, что правильно подобранные уровень освещенности и цветовая температура оказывают существенное влияние на хорошее настроение человека, снижают утомляемость, способствуют эмоциональной стабильности и повышению настроения, а также стимулируют двигательную и мыслительную активность человека.

Главной проблемой в расширении выпуска энергоэффективной светодиодной продукции является то, что все без исключения российские светотехнические предприятия работают на импортных, в основном китайских, светодиодах, не всегда хорошего качества. В РФ налажено собственное производство светодиодов группой компаний «Оптоган» (г. Санкт-Петербург). Однако мощностей данного производителя не достаточно для удовлетворения потребностей всех светотехнических предприятий РФ. Кроме ГК «Оптоган» светодиоды хорошего качества изготавливают на ЗАО «Светлана-Оптоэлектроника» (г. Санкт-Петербург), которое не продает светодиоды своего производства, а использует их в светильниках собственной разработки, что гораздо выгоднее с экономической точки зрения. Еще два отечественных предприятия, производящих светодиоды, – АО «Научно-исследовательский институт полупроводниковых приборов» (г. Томск) и АО «Протон» (г. Орел) также не заявляют о своем выходе на рынок в качестве поставщиков светодиодов, а только как изготовители светотехнических изделий с ними. Таким образом, в РФ на сегодняшний момент существует единственный производитель, способный выпускать светодиоды, по качеству не уступающие лучшим зарубежным образцам, – ГК «Оптоган».

Для дальнейшего развития производства энергоэффективной светодиодной продукции требуется организация отечественного производства светодиодов в объемах, необходимых для полного удовлетворения потребностей российского светотехнического рынка, что возможно при условии государственной поддержки и стимулирования производства светодиодов. При этом стоимость светодиодной лампы у производителя/поставщика должна быть на уровне стоимости КЛЛ, т.е. 100–150 руб. за штуку, бытового светодиодного светильника (люстра/торшер с встроенным светодиодным модулем) – 2500–4000 руб.

Для успешной реализации программы вытеснения неэффективного освещения в РФ реализуется система мер по контролю соответствия продукции действующим стандартам и маркировке.

ФЗ «Об энергосбережении» содержит требование об указании в технической документации на изделия, в их маркировке и на этикетках информации о классе энергетической эффективности определенных категорий продукции. С 1 января 2011 года это требование должно выполняться в отношении бытовых энергопотребляющих устройств (распространяется также на лампы электрические бытовые, а именно лампы накаливания мощностью до 100 Вт и лампы люминесцентные низкого давления). Важным фактором в содействии потребителям в совершении правильного выбора высокоэффективных светотехнических изделий из существующего многообразия является маркировка энергоэффективности, которая введена в качестве обязательного требования к маркировке продукции и является такой же значимой характеристикой конкурентоспособности продукции, как качество и надежность.

Маркировка энергоэффективности источников света общепринята в странах Евросоюза при представлении продукции на рынок. Основными видами нормативных документов в ЕС являются Регламенты и Директивы, обязательные для государств-членов в части результатов, которые должны быть достигнуты. ЕС применяет комплексный подход к формированию правовой базы в области энергоэффективности, маркировки, экодизайна, причем имеет место тенденция по наибольшему количеству принимаемых Регламентов и Директив именно на электроприборы, в перечень которых входят светотехнические изделия.

В практике технического регулирования энергетической эффективности в ЕС применяются два основных метода: маркировка энергетической эффективности и установление требований по экодизайну продукции (экологически ориентированное проектирование).

Директива ЕС, принятая в 2010 году[1], устанавливает, что этикетки энергоэффективности являются обязательными для всех бытовых электроприборов на внутреннем рынке ЕС. Согласно этому документу, информация на этикетках об энергетической эффективности бытовых ламп ранжируется по классам в зависимости от уровня энергоэффективности изделия: от «A» до «G». Класс «A» – это лучший существующий класс, должен маркироваться зеленым цветом, он присваивается наиболее энергоэффективной продукции, класс «G» должен маркироваться красным цветом и присваивается наименее энергоэффективным изделиям. Соответствующая информация на этикетках об энергетической эффективности бытовых ламп, которые продаются в европейских магазинах, помогает покупателю в выборе продукции.

С 1 июля 2013 года в РФ введены в действие два национальных стандарта по маркировке этикеткой энергетической эффективности энергопотребляющей продукции – ГОСТ Р 54992–2012 «Лампы бытовые. Методы определения энергетический эффективности»[2] и ГОСТ Р 54993–2012 «Лампы бытовые. Показатели энергетической эффективности»[3], гармонизированных с Директивой ЕС, принятой в 2010 году. Разработанные стандарты распространяются на бытовые лампы (лампы накаливания и люминесцентные лампы со встроенным пускорегулирующим аппаратом), работающие от электрической сети системы электроснабжения общего назначения и предназначенные для работы в осветительных приборах, а также на бытовые люминесцентные лампы (включая лампы с одним и двумя цоколями и лампы без встроенного пускорегулирующего аппарата), которые предназначены для применения не только в бытовых условиях.

Стандарты устанавливают единые требования и правила по перечню показателей, относящихся к энергоэффективности, содержат методы определения класса эффективности, устанавливают классы энергетической эффективности бытовых ламп и требования к этикетке энергетической эффективности, которая позволяет информировать потребителей об уровне энергоэффективности ламп. В стандартах установлены принципы определения класса энергетической эффективности источников света и введены единые обозначения класса энергетической эффективности в виде определенных латинских букв. Так, должны применяться следующие обозначения для классов энергетической эффективности ламп – «A», «B», «C», «D», «E», «F», «G». В зависимости от расчетного индекса энергетической эффективности, в стандартах приводятся классы энергетической эффективности бытовых ламп: от максимального – класс «A» до минимального – класс «G».

В 2012 году в соответствии с новым Регламентом Комиссии (ЕС) по маркировке этикеткой энергоэффективности электрических ламп и светильников[4], в ЕС принято решение установить еще два класса энергоэффективности:

---

[1] Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2010/30/EU от 19 мая 2010 г. относительно указания в маркировке продукции, связанной с энергопотреблением, информации о потреблении энергии и других ресурсов // Официальный журнал Европейского Союза. – L 153. 2010. – 18 июня. – С. 1–12.

[2] Лампы бытовые. Методы определения энергетической эффективности: ГОСТ Р 54992–2012. – М.: Стандартинформ, 2012. – 10 с.

[3] Лампы бытовые. Показатели энергетической эффективности: ГОСТ Р 54993–2012. – М.: Стандартинформ, 2012. – 11 с.

[4] Регламент Комиссии (ЕС) № 2015/1428 от 25 августа 2015 г. о внесении изменений в Регламент Комиссии (ЕС) № 244/2009/ЕС в части требований к экодизайну бытовых ламп ненаправленного света и в Регламент Комиссии (ЕС) № 245/2009/ЕС в части требований к экодизайну люминесцентных ламп без встроенного пускорегулирующего аппарата и светильников для этих ламп и отменяющий Директиву 2000/55/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза и Регламент комиссии (ЕС) № 1194/2012 в части требований к экодизайну ламп направленного света, светодиодных ламп и связанного с ними оборудования // Официальный журнал Европейского Союза. – L 224. 2015. – 27 августа. – С. 1–9.

«А+» и «А++» для продукции, которая отвечает по энергетическим показателям наивысшим требованиям рынка. Очевидно, что с принятием нового Регламента Комиссии (ЕС) возникла необходимость разработки в РФ нормативного документа, включающего перечень показателей для установления классов энергетической эффективности «А+», «А++» для высокоэффективных источников света, к которым относится, например, светодиодная продукция, и разработки методов определения классов энергетической эффективности для подобных источников света. Наличие такого нормативного документа, учитывающего требования европейского рынка по энергоэффективности и маркировке, будет способствовать продвижению отечественной продукции на международный светотехнический рынок.

В 2005 году комиссией ЕС была принята Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза, устанавливающая требования к экологичности энергопотребляющих изделий[1]. В целях расширения сферы ее действия в 2009 году принята Директива ЕС относительно требований к экодизайну светотехнических изделий[2]. Согласно этой Директиве, для каждого этапа жизненного цикла продукции экологические аспекты должны быть оценены по следующим параметрам: ожидаемый расход сырья, материалов, энергии и других ресурсов; ожидаемые выбросы в атмосферу, воду или почву; загрязнения через физические факторы, такие как шум, вибрация, излучение, электромагнитные поля; возможность для повторного использования и утилизации материалов. Требования Директивы по экодизайну в полной мере относятся к светотехническим изделиям (содержание и эмиссия ртути, выбросы углекислых газов в атмосферу, электромагнитная совместимость и т.д.). При этом существующие требования к маркировке продукции этикеткой энергетической эффективности, а также добровольное нанесение экологической этикетки применяется наряду с требованиями, установленными Директивой по экодизайну.

Мировой опыт свидетельствует, что требования к энергоэффективности светотехнической продукции существенно меняются с течением времени. Адаптация к изменяющимся условиям требует постоянного контроля и оценки российских нормативных документов по энергоэффективности, маркировке и экодизайну светотехнической продукции для установления необходимого и правильного их содержания с целью ориентации на мировой рынок и разработки новых национальных нормативных документов в данном направлении.

Выводы

В соответствии с общемировыми тенденциями энергосбережения на замену традиционным электрическим ЛН и КЛЛ приходят светодиодные источники света, как наиболее эффективные, экономичные и безопасные, и светодиодные системы освещения, доступные и экономически выгодные по сравнению почти со всеми другими светотехническими технологиями.

Используя положительный опыт европейских стран, необходимо создать действенные механизмы и системы сбора отработанных КЛЛ от населения и хозяйствующих субъектов.

Для дальнейшего развития производства энергоэффективной светодиодной продукции требуется организация отечественного производства светодиодов в объемах, необходимых для полного удовлетворения потребностей российского светотехнического рынка.

С целью продвижения отечественной продукции на международный светотехнический рынок необходимо разработать нормативный документ, включающий перечень показателей для установления классов энергетической эффективности «А+», «А++» для высокоэффективных источников света, к которым относится светодиодная продукция, гармонизированный с требованиями Директив и Регламентов ЕС по энергоэффективности и маркировке.

С целью ориентации на мировой рынок требуется проведение постоянного контроля и оценки российских нормативных документов по энергоэффективности, маркировке и экодизайну светотехнической продукции для установления необходимого и правильного их содержания и разработки новых национальных нормативных документов в данном направлении.

---

[1] Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2005/32/ЕС от 6 июля 2005 г., определяющая структуру для установки требований экодизайна к энергопотребляющей продукции, и вносящая изменения в Директиву Совета 92/42/ЕЕС и Директивы 96/57/ЕС и 2000/55/ЕС Европейского парламента и Совета // Официальный журнал Европейского Союза. – L 191. 2005. – 22 июля. – С. 29–58.

[2] Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2009/125/ЕС от 21 октября 2009 г. о введении правового регулирования для установления требований экодизайна к энергопотребляющей продукции // Официальный журнал Европейского Союза. – L 285. 2009. – 31 октября. – С. 10–35.

Талисманов Ю.Л.
к.э.н., доцент РАНХиГС

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО ЛИЗИНГА В РОССИИ

Ключевые слова*: инвестиции, основной капитал, предприятия, финансовый лизинг, источники финансирования.*
Keywords*: investments, fixed capital, enterprise, financial leasing, sources of financing.*

В российской экономике в последние годы в связи с санкциями зарубежных стран, а также внутренней административно-экономической ситуацией, происходит снижение темпов роста вложений в основной капитал. Если в предкризисный период (с 2000 г. по 2008 г.) среднегодовой прирост инвестиций в основной капитал составлял 13,3 процента, что определялось благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой и высокой экономической активностью в этот период, то в 2009 году в результате последствий мирового финансового кризиса объем инвестиций сократился на 15 процентов. Однако, в 2010-2011 гг. динамика инвестиций в основной капитал показала положительное направление движения.

В итоге в 2011 году был отмечен прирост инвестиций, который составил 10,8 процента. Только за счет реализации мер 2010–2011 гг. Россия поднялась на 4 позиции в рейтинге Doing Business, составляемом ежегодно Всемирным банком (с 124 места до 120), а также вошла в число 25 стран по прогрессу в улучшении инвестиционного климата. В 2012 году наметилась тенденция к снижению темпов роста инвестиций в основной капитал. В 2012 году они составили 6,7 процентов, в 2013 году – 0,3 процента, в 2014 году – минус 2,5 процента, а в 2015 году – минус 8,4 процента.

В Бюро экономического анализа США, Евростате в Европе, в других национальных и международных статистических управлениях, Международном валютном фонде инвестиции в основной капитал считают важным показателем долгосрочного экономического роста (рост производства и занятости) и потенциальной продуктивности. Этот показатель принято называть вложением в будущее страны.

Поэтому тенденцию снижения темпов инвестиций в основной капитал необходимо срочно менять, для чего следовало бы рассмотреть возможности увеличения инвестиций за счет внутренней экономической политики, а также за счет внешнеэкономических факторов. Необходимо рассмотреть все составляющие роста инвестиций в основной капитал и направить усилия для их увеличения.

Для оживления инвестиционной активности целесообразно использовать относительно новые нетрадиционные для нашей экономики методы обновления материальной базы и ускорения модернизации основных фондов предприятий различных форм собственности. Одним из таких методов является лизинг, получивший в последние десятилетия, особенно за рубежом, широкое распространение.

Согласно Федеральному закону от 29.10.1998 «О финансовой аренде (лизинге)» № 164-ФЗ в ред. от 29.01.2002, лизингом является «инвестиционная деятельность по приобретению имущества и передаче его на основании договора лизинга физическим и юридическим лицам за определенную плату, на определенный срок и на определенных условиях обусловленных договором, с правом выкупа имущества лизингополучателем».

Лизинг дает ряд преимуществ не только лизингополучателю (отсрочка платежа, отсутствие риска покупки морально и физически устаревшего оборудования), предприятию поставщику (гарантированность оплаты продукции), но и кредитным организациям как возможность расширить сферу своего влияния, так и получить дополнительный доход.

«В результате имеющейся диспропорции основная доля кредитов и инвестиций приходится на прибыльные, более устойчивые секторы экономики и субъекты Российской Федерации, в то время как депрессивные и соответственно требующие больших инвестиций секторы экономики и регионы получают незначительные кредитные и инвестиционные ресурсы»[1].

Кредитные организации в настоящее время должны искать новые сферы применения капитала. Банковский капитал, образно выражаясь, должен «бросить якорь» в отечественной экономике, так как для обновления производства на предприятиях не хватит ни бюджетных средств, ни внешних заимствований.

В современной статистике Российской Федерации под лизинговой деятельностью понимают вид инвестиционной деятельности по приобретению имущества и передаче его в лизинг.

Совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе приобретением предмета лизинга называют финансовым лизингом.

Договор финансового лизинга – договор, в соответствии с которым арендодатель (лизингодатель) обязуется приобрести в собственность указанное арендатором (лизингополучателем) имущество у определенного им продавца и

[1] Лебедева М.Е. Банковские системы ряда стран Центральной и Восточной Европы: анализ текущего состояния // Финансы и бизнес. 2013. – № 2. – С. 76.

предоставить лизингополучателю это имущество за плату во временное владение и пользование. Договором лизинга может быть предусмотрено, что выбор продавца и приобретаемого имущества осуществляется лизингодателем.

Общая стоимость договоров финансового лизинга представляет собой общую сумму всех инвестиционных затрат лизингодателя, связанных с приобретением и использованием предмета финансового лизинга[1].

Динамика общей стоимости договоров финансового лизинга, заключенных организациями, осуществляющими деятельность в сфере финансового лизинга представлена на рис. 1.

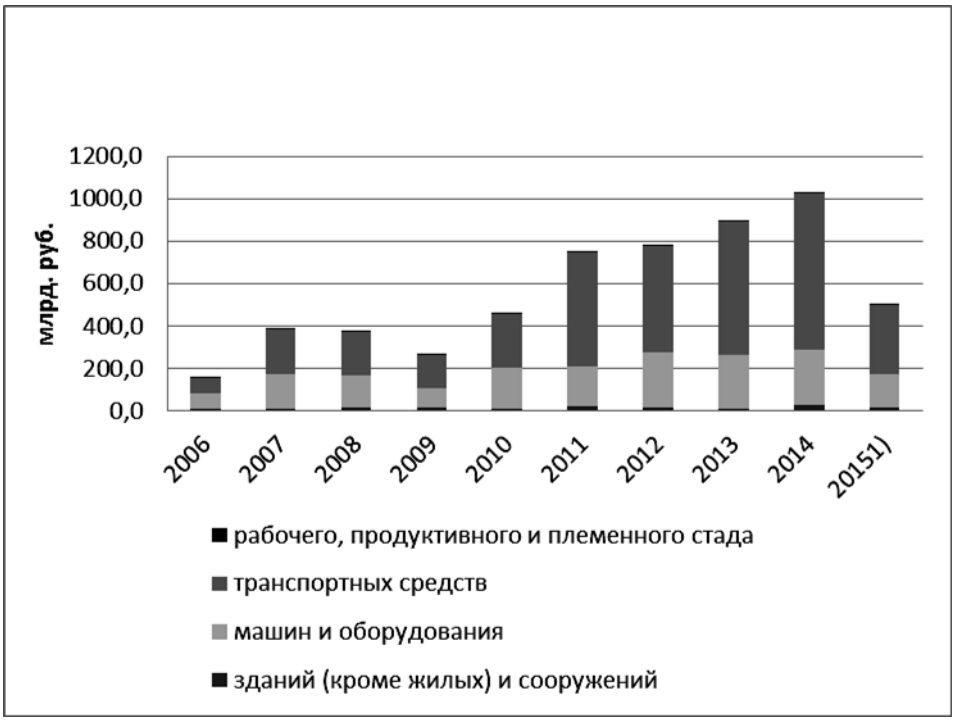


Рисунок 1.
Общая стоимость договоров финансового лизинга, заключенных организациями, осуществляющими деятельность в сфере финансового лизинга в 2006–2015 гг.

Общая стоимость договоров финансового лизинга, заключенных в 2015 г., составила 502,5 млрд. рублей (см. рис. 1). Основная часть договоров (65,6%) была заключена на лизинг транспортных средств, их стоимость составила 330 млрд. рублей. На лизинг машин и оборудования были заключены договора стоимостью 155,5 млрд. рублей (31%), на лизинг зданий (кроме жилых) и сооружений – 15,5 млрд. рублей (3,1% от общей стоимости заключенных договоров).

Для конкретизации тенденции развития рынка лизинговых услуг, необходимо провести анализ состава участников-лизингодателей, динамики роста объемов оказываемых услуг различными по форме и величине участниками рынка.

Из данных табл. 1 следует, что за период 2010–2014 гг. крупными и средними лизинговыми компаниями, малыми и микро-лизинговыми предприятиями оказано услуг на сумму, превышающую 3,9 трлн. рублей. Объем услуг в 2014 году увеличился по сравнению с 2010 годом более чем в 2,2 раза и составил 1,028 трлн. рублей, что составляет более 7 процентов от общих инвестиций в основной капитал в стране.

Объемы услуг оказанных крупными лизинговыми компаниями возросли с 289,9 млрд. рублей до 937,0 млрд. рублей, то есть в 3,2 раза и составили более 91 процента от общего объема услуг, что говорит о повышении стабильности рынка лизинга. В 2 раза увеличился объем услуг, осуществленных средними предприятиями и более чем в 3 раза микропредприятиями.

Таблица 1

Распределение заключенных договоров финансового лизинга по типам лизинговых компаний[2]

Годы	Всего, млрд. руб.	В том числе			
		организации, не относящиеся к субъектам малого и среднего предпринимательства	средние организации	малые предприятия (без микропредприятий)	микропредприятия
2010	458,1	289,9	13,1	144,0	11,1
2011	749,5	648,4	35,8	45,9	19,4
2012	778,0	710,9	16,0	30,9	20,2
2013	893,0	806,2	23,8	38,1	24,9
2014	1028,3	937,4	23,0	32,2	35,7

[1] Инвестиции в России. 2015. Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 81.

[2] Там же, с. 69.

Следует отметить, что число заключенных договоров финансового лизинга малыми предприятиями сократилось в 4,5 раза (см. рис. 2). Между тем малый бизнес правительством России призван быть одним из главных драйверов роста в стране.

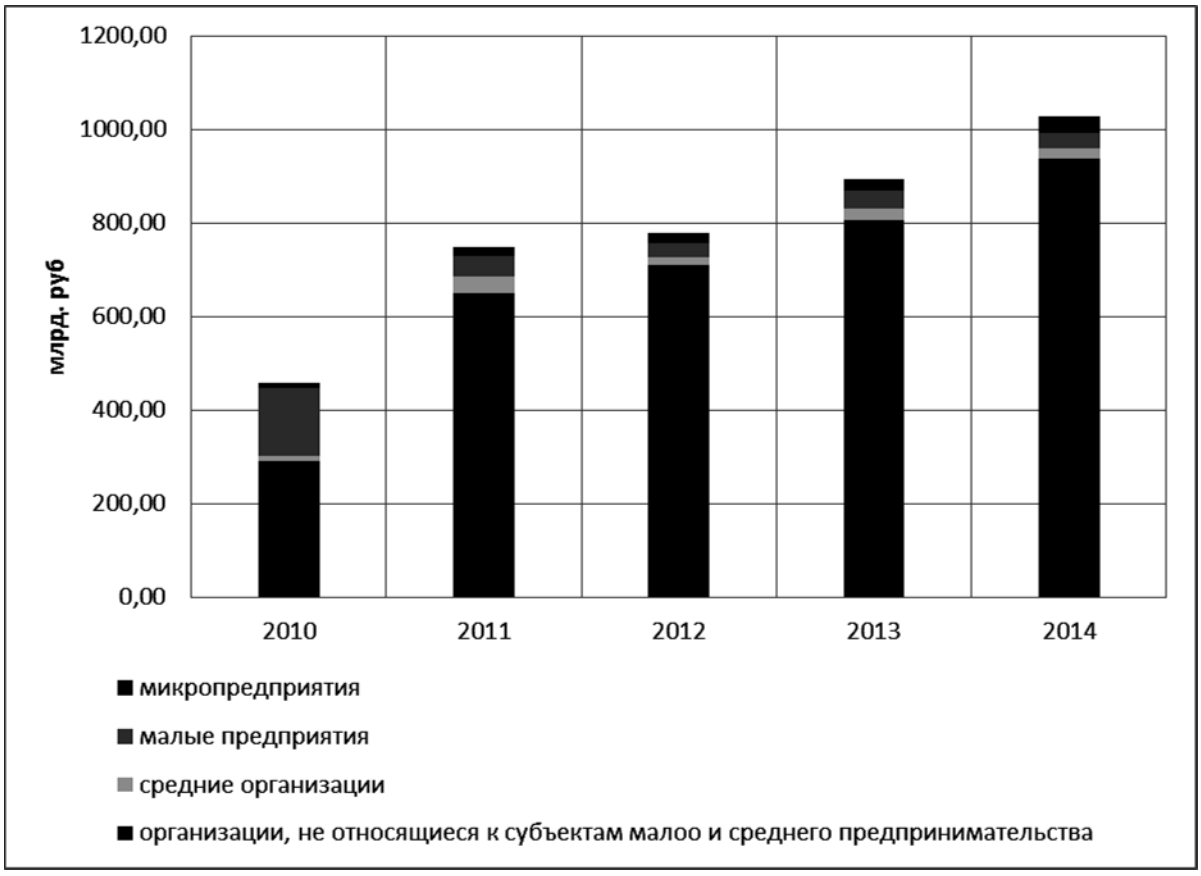


Рисунок 2.
Распределение заключенных договоров финансового лизинга по типам лизинговых компаний в 2010–2014 гг.

«Развитие малого бизнеса в промышленности не должно быть самоцелью, в то время как не решены задачи формирования промышленной структуры – внутренних рынков, отдельных секторов и т.д. … При разрыве воспроизводственных цепочек, кооперационных и технологических связей, отсутствии целых рынков и секторов промышленности малый бизнес может выполнять только инфраструктурную роль в лучшем случае»[1].

Важную роль для ведения бизнеса играет продолжительность срока действия договора. Для различных сфер предпринимательской деятельности оптимальным является свой срок действия. За десятилетний период с 2005 года по 2014 год средние сроки финансового лизинга для лизингополучателей претерпевали заметные изменения в зависимости от экономической ситуации как в мире, так и внутри страны.

Средний срок действия договора лизинга в России для крупных, средних и малых лизинговых предприятий в настоящее время составляет 4,2 года. Крупные лизинговые компании имеют возможность заключать договоры в среднем на 4,4 года, средние на 4,0 года, малые предприятия на 3,0 года (см. рис. 3). В развитых странах договор лизинга заключается в среднем на срок от 2 до 5 лет.

Важно выяснить какие сроки лизингового договора являются наиболее оптимальными для различных групп лизингополучателей, как они трансформируются в зависимости от той или иной экономической ситуации, что происходит в этот период на рынке лизинговых услуг.

Рынок лизинговых услуг в России стабилизировался практически с 2005 г. Если в 2005 г. договор лизинга сроком до 3-х лет заключали 40 процентов организаций, то в 2014 г. – 35 процентов. Если в 2005 г. договор лизинга на срок свыше 3-6 лет заключало 60 процентов организаций, то в 2014 г. – 65 процентов.

Необходимо отметить, что в 2005 г. лишь 2 процента организаций заключали договор лизинга на срок до 1-го года, а в 2014 г. – 10 процентов, если в 2005-м году крупные и средние предприятия отдавали предпочтение договорам свыше 6-ти лет, то в 2014-м году предпочитают заключать договор в пределах от 1-го года до 6-ти лет, то есть происходит определенная оптимизация по срокам договора и по организациям – лизингополучателям[2].

[1] Сухарев О.С. «Новые-старые» задачи по управлению промышленностью на современном этапе // Учет, анализ, аудит. 2016. – № 3. – С. 21.

[2] Анализ проведен на основании данных статистического сборника: Инвестиции в России. 2015. / Росстат. – М., 2015. – С. 70–72.

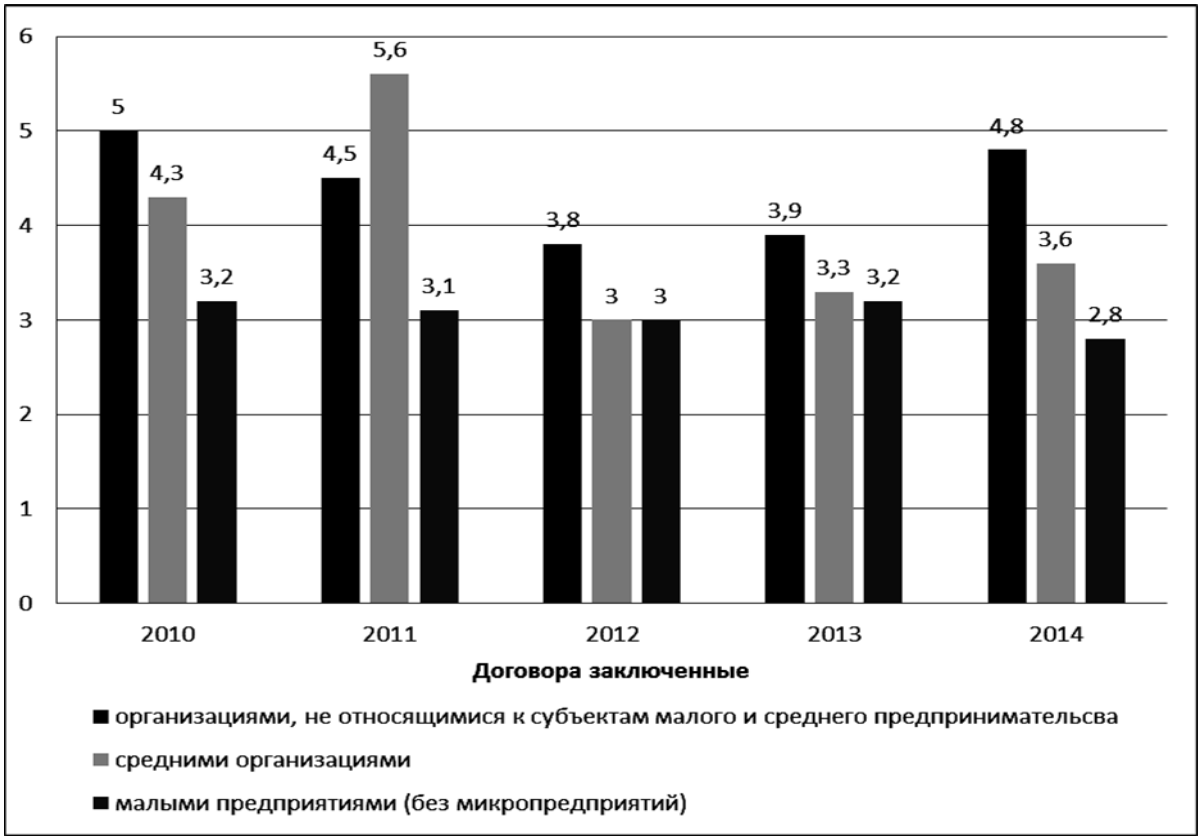


Рисунок 3.
Средний срок действия договоров финансового лизинга в Российской Федерации в 2010–2014 гг. (лет)

Лизинг активно используется как в производственной, так и в социальной сфере страны (табл. 2).

Таблица 2

Структура договоров финансового лизинга машин и оборудования по видам экономической деятельности основных его потребителей (в процентах к итогу)

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Лизингополучатели по видам экономической деятельности	100	100	100	100	100	100
В том числе: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	14,6	3,5	11,2	14,5	9,3	12,0
добыча полезных ископаемых	7,6	13,8	19,8	13,2	12,7	12,8
обрабатывающие производства	33,3	25,8	21,8	24,7	23,8	25,7
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	8,9	8,3	3,2	14,9	3,6	5,7
Строительство	16,2	37,1	23,4	18,6	28,3	23,2
оптовая и розничная торговля	6,0	2,5	4,7	4,2	5,4	4,7
транспорт и связь	7,0	2,8	3,7	3,2	3,9	4,3
Здравоохранение	0,6	0,1	0,1	1,3	0,5	0,5
другие виды деятельности	5,8	6,1	12,1	5,4	12,5	11,1

Из данных табл. 2 видно, что наиболее активно пользуются лизингом в обрабатывающих производствах и строительстве. Здесь заключено практически 50 процентов всех договоров лизинга в России. Успешно осваивают условия лизинга при добыче полезных ископаемых, в сельском и лесном хозяйстве – на их долю приходится 25 процентов договоров лизинга.

Несмотря на то, что общая динамика развития финансового лизинга положительная, существует значительное количество сдерживающих его развитие факторов, уменьшив которые можно было бы добиться еще более значительных результатов. Основными факторами, отрицательно влияющими на деятельность организаций в сфере финансового лизинга, в 2014 г. были следующие: высокий процент коммерческого кредита, конкуренция со стороны других организаций, осуществляющих лизинговую деятельность, недостаточный спрос на предметы лизинга. По сравнению с 2013 г. сократилось количество руководителей организаций, отмечающих существующий уровень налогообложения и информационную непрозрачность деятельности потребителей.

Для того чтобы Россия вернулась в число стран ведущих мировых экономик, необходимы масштабные инвестиции в производство, обучение и новые технологии. На сегодняшний день доля инвестиций в основной капитал в ВВП страны составляет 20 процентов, а для развития и модернизации экономики, по оценкам экспертов, она должна увеличиться до 25–30 процентов.

Телюк М.С.
ассистент Российского экономического университета
myfranker@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ В ДОСТИЖЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: *сельскохозяйственное производство, устойчивое развития, стратегическое планирование, моделирование.*
Keywords: *agriculture, sustainable development, strategic planning, modelling.*

Состояние экономики в значительной степени определяется уровнем развития сельскохозяйственного производства. В свою очередь сельскохозяйственное производство позволяет реализовывать ряд жизнеобеспечивающих функций государства и является одним из основных видов экономической деятельности. Оно во многом удовлетворяет спрос на товары повседневного спроса и служит ресурсной базой для промышленности. Поэтому именно развитие сельскохозяйственного производства является одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед Российской Федерацией.

Стратегическое планирование является неотъемлемым условием эффективной аграрной политики, так как позволяет комплексно решать экономические и социальные задачи. В соответствии с Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» стратегическим планированием является деятельность, направленная на решение задач устойчивого развития Российской Федерации.

Концепция устойчивого развития выражается в единстве и сбалансированности трёх аспектов: экономического, социального и экологического. При нарушении или разбалансированности данной взаимосвязи развитие считается неустойчивым (рис. 1).

Результатом устойчивого развития являются следующее: прекращение нерационального использования ресурсов, снижение негативных последствий на природную среду от хозяйственной деятельности человека, обеспечение продовольственной безопасности и сохранение благоприятных условий для дальнейшей жизнедеятельности человека.

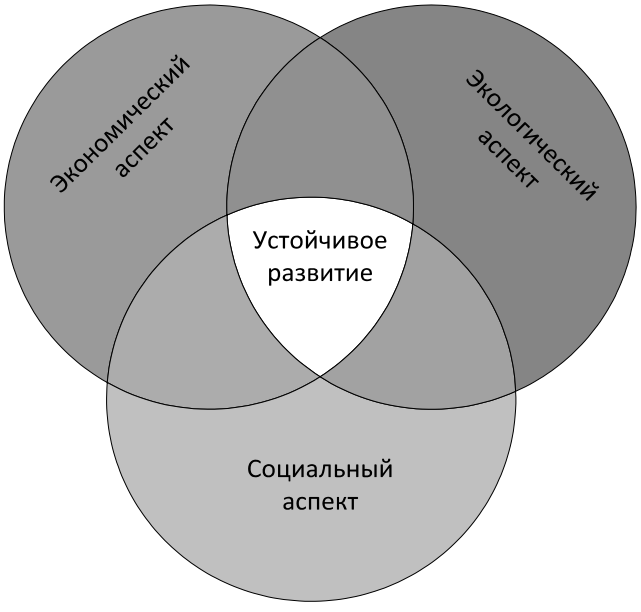


Рисунок 1.
Составные части устойчивого развития

Достижение устойчивого развития сельскохозяйственного производства возможно только при рациональном использовании имеющих ресурсов, которое невозможно без оптимизационных методов. Поэтому необходимо разработать систему моделей сельскохозяйственного производства, учитывающую аспекты устойчивого развития, на основе которой возможно нахождение оптимальной структуры сельскохозяйственного производства.

Система моделей позволяет проводить многовариантные расчёты и определять, во-первых: возможные диспропорции и пути их устранения, во-вторых: наилучшую траекторию достижения устойчивого развития сельхозпроиз-

водства. Применение системы моделей позволяет задавать различные уровни использования экономического потенциала и выбирать из различных вариантов наиболее приемлемый и удовлетворяющий принципам концепции устойчивого развития.

Оптимизация сельскохозяйственного производства направлена на поддержание рациональных пропорций между отдельными системами и подсистемами, производством, потреблением и накоплением, средствами производства и рабочей силой, и т.д. Данные пропорции должны соблюдаться для эффективного функционирования сельскохозяйственного производства.

В систему моделей входили следующие подотрасли:

- растениеводство (выращивание зерновых и зернобобовых культур, овощей, картофеля, плодов, сахарной свёклы, кормовых культур и др.);
- животноводство (мясное и молочное скотоводство, свиноводство, овцеводство, птицеводство).

При построении системы моделей учитывались следующие группы показателей:

1. показатели объёма произведённой продукции;
2. показатели трудовых ресурсов;
3. показатели материально-технических ресурсов;
4. показатели земельного фонда;
5. структурные показатели;
6. показатели, характеризующие пищевую ценность произведённой продукции;
7. показатели выбросов парниковых газов.

Главным критерием развития сельскохозяйственного производства являлся рост объёмов производства продукции в стоимостном выражении.

Трудовые ресурсы характеризуются численностью населения, занятого в сельском хозяйстве. Показатели трудовых ресурсов рассчитываются на основе прогрессивных норм трудозатрат на производство продукции сельскохозяйственного производства. Ограничительным условием являются трудовые ресурсы, рассчитанные на перспективу.

К показателям материально-технических ресурсов относятся значения потребностей в технике, удобрении и прочее. Показатели материально-технических ресурсов рассчитываются по нормативам (например, потребность в технике на один гектар посевной площади). Это позволяет определить общую потребность в технике. Точно также рассчитываются необходимые объёмы минеральных удобрений (азотных, фосфорных, калийных). За основу берутся научно обоснованные нормативы.

К показателям, характеризующим земельный фонд, относится посевная площадь сельскохозяйственных культур.

К структурным показателям относятся показатели, характеризующие выпуск сельскохозяйственной продукции и направление его использования в соответствие с продовольственным балансом.

К показателям, характеризующим пищевую ценность произведённой продукции, относится калорийность продукции, содержание белков, жиров, перевариваемого протеина для животноводства и т.д.

К показателям, характеризующим выбросы парниковых газов в результате сельскохозяйственного производства, относят прямые и косвенные выбросы в результате энтеральной ферментации животноводства, вспашки земель и использования удобрений, выраженные в CO_2-эквиваленте.

Система моделей позволяет получить значения следующих показателей на перспективу:

- площадь посевов сельскохозяйственных культур;
- поголовье скота и птицы;
- потребность населения в основных макроэлементах;
- объём органического и минерального удобрения;
- стоимость продукции выпущенной сельхозпроизводством;
- и др.

Перед оптимизацией системы моделей на перспективу прогнозировались показатели ресурсной базы (населения, посевной площади т.д.) и технико-экономических коэффициентов (урожайность, продуктивность, яйценоскость и т.д.), на соответствующий период стратегического планирования.

Большинство аспектов устойчивого развития сельскохозяйственного производства учитывались посредством ограничений при оптимизации системы моделей.

Социальный аспект устойчивого развития сельскохозяйственного производства выражается в его основной социальной функции, а именно в обеспечении людей продуктами питания в объёмах, необходимых для удовлетворения их потребностей. Данный аспект учитывается следующим неравенством:

$$\sum_{i \in I} p_i q_i^b \geq \sum_{z \in Z} s_z o_z^b, b \in Q$$

где q — содержание нутриентов в сельскохозяйственной продукции (для человека);

p — объём сельскохозяйственной продукции;

o — потребность нутриентов для человека;

s — численность постоянного населения;

i — номер сельскохозяйственной культуры или вида скота (птицы), т.е. номер вида сельскохозяйственного производства;

b — вид нутриента (для личного потребления, человека);

z – половозрастная категория населения;

I – множество, элементами которого являются номера видов сельскохозяйственного производства;

Q – множество нутриентов в сельскохозяйственной продукции (для человека);

Z – множество половозрастных категорий населения.

Экологический аспект устойчивого развития в отношении сельскохозяйственного производства подразумевает под собой обеспечение целостности биологических и физических природных систем вследствие сельхозпроизводства. В настоящее время данное воздействие выражается в выбросах парниковых газов. Данный аспект учитывается следующим неравенством:

$$\sum_{\theta \in G} \sum_{t \in I} x_t g_{t\theta} \leq GHG$$

где x – площади сельскохозяйственных культур, поголовья животных;

g – выбросы парниковых газов в эквиваленте углекислого газа;

θ – вид парникового газа;

G – множество парниковых газов;

GHG – объем парниковых газов в CO_2 эквиваленте.

Экономический аспект устойчивого развития сельскохозяйственного производства подразумевает под собой максимизацию доходов, т.е. объёма производства сельхозпродукции.

$$\sum_{t \in I} p_t c_t \rightarrow max$$

где c – цена реализации сельскохозяйственными производителями сельскохозяйственной продукции.

В качестве критерия оптимизации принята максимизация стоимости произведённой продовольственной продукции сельскохозяйственного производства, вследствие неэластичности спроса на данный вид продукции. В натуральной форме объём продукции сельскохозяйственного производства представляет собой продовольствие, основная часть которого направлена на внутреннее потребление субъекта РФ, а остатки вывозятся за пределы экономической территории субъекта либо служат источником пополнения производственных запасов на конец периода. Поэтому в условиях неудовлетворительного платёжеспособного спроса на продовольственную продукцию и имеющегося большого дефицита продукции целесообразно применение именно этой целевой функции, позволяющей направлять движение развития сельхозпроизводства в направлении скорейшего погашения дефицита. Возможно также применение других критериев, для реализации которых возможно дополнение системы моделей блоками.

Решением является структура посевной площади и поголовье скота, удовлетворяющая принципам устойчивого развития. Представленная методика позволяет выявить оптимальную структуру сельскохозяйственного производства на перспективу при условии устойчивого развития сельскохозяйственного производства.

Данная система моделей гибкая и может быть применена к любой территории при условии наличия необходимой информации.

Результаты работы могут быть использованы в деятельности государственных органов исполнительной власти при разработке программ развития и индикативного планирования сельскохозяйственного производства, облегчающих принятие управленческих решений для достижения устойчивого развития сельхозпроизводства.

Список литературы

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: [федер. закон от 28.06.2014. – № 172: по состоянию на 20.12.2016] // СПС «Консультант плюс».
2. Эконометрическое моделирование развития народного хозяйства / Сост. Б.И. Искаков — М.: МИНХ, 1984. – 159 с.
3. Кузьмин В. Н. Справочник экономиста сельскохозяйственной организации. – М.: Росинформагротех, 2012. – 462 с.

Тимофеев А.Г.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
rea105@mail.ru
Лебединская О.Г.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Lebedinskaya19@gmail.com

РОЛЬ ИННОВАЦИЙ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ В ОБЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *платежная система, платежная карта, национальная платежная система, МИР, карточные продукты.*
Keywords: *payment system, payment card, national payment system, MIR, card products.*

Общеизвестно, что роль финансового института в российской экономике в первую очередь определяется степенью его системной значимости, удельным весом его вклада в уровень общесистемного риска. Это касается как системно-значимых банков, так и платежных систем.

Для начала определим основные типы существующих на данный момент платежных систем.

Карточные системы	Visa, Master Card, Union Pay, American Express, JCB и др.
Системы денежных переводов	Western Union, MoneyGram, Contact, Юнистрим, Золотая корона и др.
Платежные системы интернета	WebMoney, QiWi, Яндекс.Деньги, RBK Money, PayPal и др.
Технические платежные системы	Банкоматы, терминалы, POS-терминалы, Инфо-киоски и др.

В связи с разными масштабами деятельности конкретных платежных структур и с характером их операций по обслуживанию различных сегментов платежного оборота как в аналитической литературе, так и в надзорной практике различают розничные ПС – retail payment system и ПС для крупных сумм (далее – ПСКС) – large value payment system, LVPS (оптовые ПС – wholesale payment system). В разряд розничных платежей принято относить массовые повседневные денежные транзакции на относительно небольшие суммы, для которых характерны особые требования в отношении скорости осуществления расчетов и защиты от рисков. В категорию крупных сумм (оптовых платежей) включаются крупные по сумме и, как правило, срочные по исполнению транзакции, которые опосредствуют межбанковские расчетные сделки и расчетные операции на денежных и фондовых рынках. Такое деление позволяет разграничить принципиально разные сферы расчетного обслуживания, выделить особые виды расчетных структур, механизмов и инструментов, применяемых в этих сферах, и сформировать контрольные процедуры для наблюдения за их функционированием.

Таблица 1

Динамика количества карт и операций по ним, выпущенных в стране за период 2011–2015 гг.

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Карты с функцией снятия наличных средств (Cards with a cash function)	200,169.8	239,547.5	248,573.6	278,497.6	286,153.8
Карты с дебетовой функцией (Cards with a debit function)	147,872.3	169,012.7	188,274.6	195,904.4	214,443.4
Кредитные карты (Cards with a credit function)	15,025.8	22,482.6	29,188.9	31,761.5	29,463.8
Карты с функцией электронных денег (Cards with an e-money function)	37,271.7	48,052.2	31,110.2	50,831.7	42,246.6
Количество операций, совершенных на территории России с использованием карт, эмитированных российскими кредитными организациями, млн. единиц	4 126, 1	5 776,5	7 487,6	9 770,7	2 704,0*
Объем операций, совершенных на территории России с использованием карт, эмитированных российскими кредитными организациями, млрд. рублей	17 207,4	23 082,0	28 621,8	35 020,5	8 403,7*

* Данные только за 1 квартал 2015 года.

Согласно статистике Банка России, распространение платежных карт формирует устойчивый растущий тренд. Российский рынок платежных карт представлен расчетными (дебетовыми), кредитными и предоплаченными картами, количество которых к середине 2015 года составило 229,9 млн. карт. Рост количества карт связан с увеличением количества (на 214,44% за 2010–2014 годы) и объема (на 177,20% за 2010–2014 годы) операций по оплате товаров и услуг. Текущее состояние развития платежных карт в России указывает на положительную динамику, но вместе с тем развитие сдерживается рядом факторов, основным из которых стал переход на собственные платежные карты. Проблема

актуальности перехода на собственные национальные платёжные карты и освобождения от монополии зарубежных компаний в сфере эмиссии и эквайринга платёжных карт особо остро встала в 2015 году, когда некоторые крупнейшие мировые платёжные системы (Visa, Master Card) на территории нашей страны остановили транзакции по картам нескольких крупных банков. Тогда же встал вопрос о разработке собственной национальной платёжной системы. Российская национальная система платёжных карт создана 23 июля 2014 г. на основании 161-ФЗ «О национальной платежной системе» с целью обеспечения бесперебойности, эффективности и доступности оказания услуг по переводу денежных средств. В результате чего внутрироссийские операции по картам всех значимых платёжных систем, в том числе международных, с 1 апреля 2015 г. осуществляются через процессинг ОПКЦ НСПК.

Наименование	Доля банков		топ 1-15 банков		топ 16-50		топ 51-100		топ 101-200		топ 200-300		топ 301-550	
	Эмиссия	Эквайри	Эмиссия	Эквайри	Эмиссия	Эквайри	Эмиссия	Эквайри	Эмиссия	Эквайри	Эмиссия	Эквайри	Эмиссия	Эквайри
Visa	84,9	86,8	80,0	80,0	42,8	42,8	8	8	9	9	3	2	2	4
Mastercard	92,4	98,1	80,0	80,0	40,0	42,8	8	8	7	8	5	5	7	8
Мир	26,4	58,5	33,3	73,3	22,8	37,1	2	6	–	**3**	–	**1**	–	–
Таможенная карта	28,3	–	46,7	–	8,57	–	2	–	4	–	–	–	–	–
Funchip	1,9	1,9	–	–	2,86	2,86	–	–	-	–	–	–	–	–
Union pay	11,3	32	20,0	40,0	5,71	25,7	–	–	1	1	–	1	–	–
American Express	1,9	17	6,7	33,3	–	5,71	2	–	1	–	–	–	–	1
JSB	5,7	13,2	13,3	33,3	2,86	5,71	–	–	–	–	–	–	–	–
Мультисервисная платежная система	9,4	–	20,0	–	5,71	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Альфа-банк	1,9	1,9	6,7	6,7	0,00	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Банк Санкт-Петербург	1,9	1,9	–	–	2,86	2,86	–	–	–	–	–	–	–	–
Золотая корона	13,2	26,4	–	13,3	8,57	17,1	–	–	–	2	2	2	2	2
MTS Prepaid	1,9	1,9	6,7	6,7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
ЕПСС УЭК	9,4	9,4	20,0	20,0	5,71	5,71	–	–	–	–	–	–	–	–
Югра	1,9	1,9	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–

На данный момент НСПК «Мир» обслуживает 83 банка, из которых только 35 являются эмитентами. За полтора года платежная карта «Мир» вышла на третье место эмиссии и эквайрингу в общем зачете. Сложность продвижения карты связана со многими факторами:

1. НСПК дает банкам фиксированные тарифы, по которым будут обслуживаться все карты будущих клиентов, что не выгодно для банков; при мелких операциях, которых у физических лиц большинство, банк теряет деньги (например, проверка пин-кода клиента обходится банку в 30 копеек, а удачная транзакция – в 10 копеек). Кроме того, выпуск карты «Мир» банку обойдется дороже, чем выпуск карт других платёжных систем.

2. Система бонусов для пользователей только разрабатывается: у карты нет ни кэшбэка, ни процентных бонусов. Платить можно только в России (исключая покупки в Интернет-магазинах), а терминалов, принимающих карту к оплате довольно мало. На этом фоне плюс в виде защищенности от возможной блокировки, связанной с возможными новыми санкциями, выглядит довольно скудно.

3. Помимо дороговизны выпуска карт, весьма низок уровень осведомленности населения, для которого и предназначен данный продукт о существующих платежных инструментах. Так, о возможностях такого инновационного продукта, как электронный кошелек знают только 34% населения, Интернет-банк – 33%, предоплаченной картой пользовались или слышали о ней только 20% населения (против 47% ответов «Слышу впервые»). Таким образом, знание об отдельных платежных инструментах и сервисах, а также понимание их сути, только формируется.

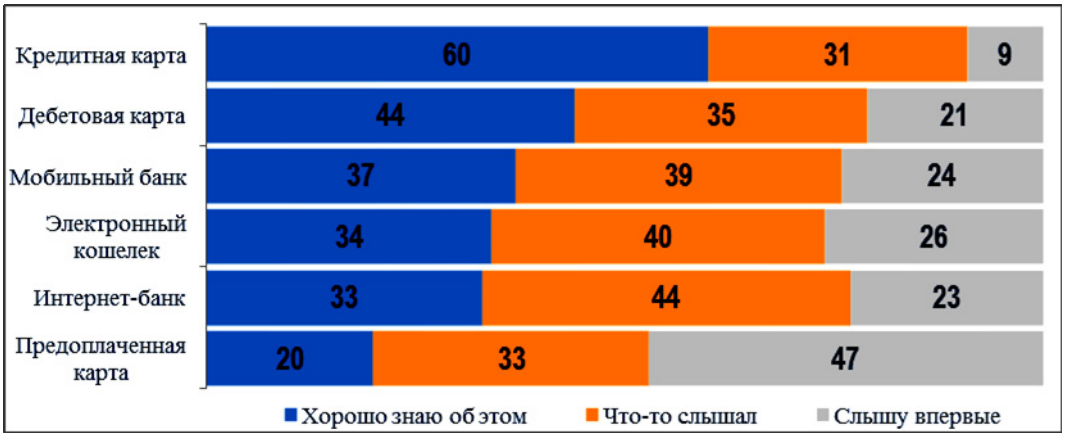


Рисунок 1.
Результаты ответа на вопрос: « Знаете ли Вы или слышите впервые о том, что такое…?,
в % от всех опрошенных»

4. При выборе банка потребители в первую очередь ориентированы не на тарифы и условия, а на бренд банка и его соответствие критериям надежности клиентов. Конечно, активное внедрение данных карт на рынке системно-значимыми банками должно способствовать их продвижению, однако только 4 из 10 таких банков эмитируют карту «Мир» (ПАО «Газпром», ФК «Открытие», ПАО «Россельхозбанк» и ПАО «Промсвязьбанк»).

5. Пользователям тяжело сравнивать условия выпуска карт, представленных в разных форматах, как это обычно и бывает на рынке. При отсутствии такого единообразия, текущие и потенциальные пользователи финансовых услуг испытывают затруднения при оценке стоимости продукта и ориентируются на другие критерии.

6. Потребители недостаточно хорошо осведомлены о возможностях карточных продуктов, недостаточно активно пользуются ими. При выборе банка потребители в первую очередь ориентированы не на тарифы и условия, а на бренд банка и его соответствие критериям надежности клиентов.

Анализ показал, что наибольший интерес среди владельцев карт вызывают зарплатные карты (44% владельцев карт активно ими пользуются); среди социальных карт доля активных пользователей не превышает 14%, дебетовых – 9%

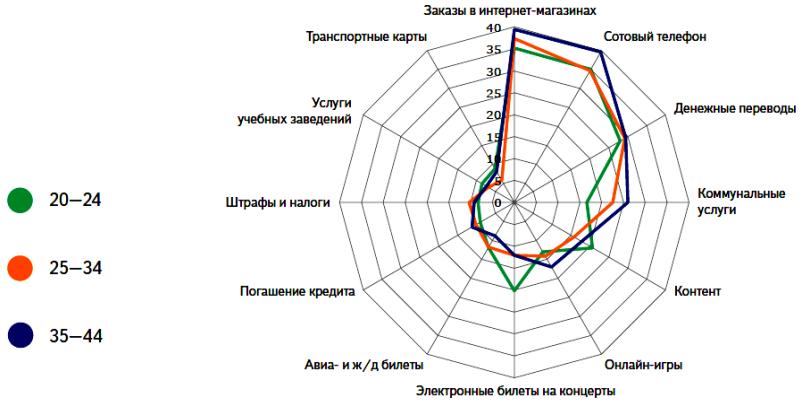


Рисунок 2.
Результаты ответа на вопрос «Что вы оплачиваете с помощью платежных карт, в % от всех опрошенных» (по материалам опроса)

Результаты выборочного обследования позволили сформировать «профиль» владельца карты «Мир»: мужчины и женщины в возрасте 24–35 лет (34–29% владельцев), преимущественно специалисты (34% пользователей) со средним достатком и проживающие в городах РФ с численностью населения не менее 700 тысяч человек.

Кроме вышеперечисленных проблем, как у любого нового (а, соответственно, не до конца отлаженного) продукта, у карты МИР возможны технические сбои и ошибки; Выпуск карты МИР обходится банкам дороже на 35–45%, чем Visa и MasterCard, а интерчейнж составляет от 3 до 4 рублей.

Также остается открытым вопрос об интеграции карты Мир в мировую платежную систему. Для этого требуется кобейджинговая карта с другой платежной системой. На данный момент о начале выпуска такой карты заявил только «Газпромбанк». Кредитная организация предлагает выпустить карту «Газпромбанк-МИР-Maestro» Unembossed; также отсутствует опция 3D Secure (применяется для обеспечения безопасности онлайн-платежей).

В целях обеспечения безопасности и суверенитета платёжного пространства страны приходится создавать практически с нуля собственную национальную систему платёжных карт, одновременно учитывая бурный технический прогресс в платёжной сфере, решая сложные теоретические, методологические, правовые, организационные, технические и экономические проблемы

Тем не менее, карта обречена на успех, так как с 1 января 2018 года все операции по счетам, на которые будут поступать средства из бюджета, можно будет совершать только с помощью карты МИР. Банки должны обеспечить приём карт МИР до 1 апреля 2017 года: в п. 5 ст. 30.5 ФЗ «О Национальной платежной системе» (т.н. 161 Закон) указано, что «кредитные организации, являющиеся индивидуальными участниками НСПК обязаны предоставить клиентам национальные платежные инструменты при получении указанными клиентами за счет бюджетов бюджетной системы РФ, государственных внебюджетных фондов заработной платы, пенсий, стипендий....». Уже сейчас можно говорить о таких достижениях, как процессинг операционного платёжного и клирингового центра НСПК (ОПКЦ НСПК), при создании которого в изготовлении самой платёжной карты и ее приложений была применена российская разработка, давшая дополнительный импульс развитию отечественных технологий в микропроцессорах, а также использование творческого и интеллектуального ресурса общества для создания качественно национальной платежной системы.

Список литературы

1. Лебединская О.Г. Роль банковского капитала в финансировании инновационного развития экономики // Экономика и социум. 2014. – № 1-2 (10). – С. 99–102.
2. Тимофеев А.Г., Лебединская О.Г. Истоки и перспективы транзакционных издержек // Научные труды Вольного экономического общества России. – М., 2014. – Т. 186. – С. 420–431.
3. Тимофеев А.Г., Лебединская О.Г. Системная значимость банка: некоторые опросы методологии // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. 2016. – № 3 (85). – С. 10.

4. Савцова А.В., Величко Е.В. Развитие и основные типы мировых платежных систем // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2016. – № 4 (55) – С. 128–133.
5. Коробейникова О.М., Коробейников Д.А. Развитие современных платежных услуг в сфере связи и электронных коммуникациях // Финансовый бизнес. 2013. – № 3 (164). – С. 24–30. -http://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet001.htm&pid=psrf&sid=ITM_3024
6. Калмыков Д. Платежные системы: аспекты технологии. – http:// vano-zhuk.narod.ru/aspekt.html

Тяглов С.Г.
д.э.н., профессор кафедры «Региональной экономики и природопользования»
РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону
tyaglov-sg@rambler.ru
Жукова И.А.
к.э.н., доцент ИСОиП (филиал) ДГТУ г. Шахты
izukova@bk.ru
Лобунец В.С.
ассистент ИСОиП (филиал) ДГТУ г. Шахты
lobunetsveronik@mail.ru

ЛИКВИДАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВОЗДЕЙСТВИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КАК СИСТЕМНАЯ ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В СЫРЬЕВОМ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСАХ

Ключевые слова: *экология, угольная промышленность, реструктуризация, экологические проблемы.*
Keywords: *ecology, coal industry, restructuring, environmental problems.*

В настоящее время негативное антропогенное воздействие на окружающую среду ощущается особенно остро и приобретает глобальный характер. Предприятия угольной промышленности являются одним из масштабных субъектов экономической деятельности, наносящих вред окружающей среде, поскольку извлекая природные ресурсы в больших объемах, они попутно выбрасывают загрязняющие вещества в гидро- и атмосферу. Однако сфера деятельности таких предприятий является одной из приоритетных для экономики страны, а значимость энергетических сырьевых ресурсов требует от государства и угольных предприятий разработки в рамках реализации целостной отраслевой эколого-экономической политики экономического механизма стимулирования экологически устойчивого развития угольного сектора. В сложной внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации государству необходимо не только сохранить социально-экономическую стабильность, но и стимулировать рост российской экономики и её регионов. Наряду с попытками стабилизировать работу сохранившихся и вновь открытых предприятий, а также реально обозначить их место в рыночной экономике, необходимо преодолевать целый комплекс социально-экономических и экологических последствий реструктуризации.[1]

Образование провалов земной коры, затопление подземных горных выработок, подтопление земной поверхности шахтными водами, возгорание породных отвалов, вытеснение из техногенных пустот на поверхность вредных и опасных рудничных газов – все это негативные экологические процессы, связанные с ликвидацией шахт не только в Ростовской области, но и в целом по стране.

Выход высокоминерализованной шахтной воды на поверхность – самый масштабный техногенный процесс. Величина загрязнения поверхностной гидросферы прямо пропорциональна объемам изливающихся шахтных вод, их минерализацией, а также особенностями загрязняемого объекта. Кроме того, загрязнению подвержены подземные воды, входящие в контакт с техногенными. Экологические последствия и масштабы этих процессов имеют особое значение: площади их влияния находятся в хозяйственном использовании, а грунтовые воды являются источниками питьевого потребления населения региона.

Сброс шахтных вод так же наносит огромный вред водоемам Ростовской области. Общий объем шахтных вод, которые проникают в естественные водные объекты области, составляет 30,7 млн. куб. м /год, из них очищаются на ОС – 24,0 млн. куб. м /год; откачиваются водоотливными комплексами и сбрасывается в реки и на рельеф без очистки около 3,6 млн. куб. м /год, при этом самопроизвольный выход шахтных вод составляет 3,1 млн. куб. м /год.

Минерализация шахтной воды колеблется от 3,6 г/дм3 (шахта «Антрацит») до 61,6 г/дм3 (ШУ «Мирное»). Кроме того, шахтные воды характеризуются аномально высоким содержанием сульфатов, магния, железа, меди, марганца, алюминия и стронция. Все эти опасные вещества попадают в реки, оттуда в водозаборы питьевых подземных вод, а затем в колодцы.

[1] См. Постановление Правительства Ростовской области от 05.07.2012г № 599 «О разработке Концепции развития угольной промышленности Ростовской области на период до 2030 года».

Нерешенной остается проблема очистки загрязненных шахтных вод и доведение их качества до нормативных требований, в виду того, что существующие технологии очистки минерализованных шахтных вод – экономически нецелесообразны для ее деминерализации[1].

Другим техногенным фактором, который негативно влияет на экологическую обстановку, являются воды, вытекающие из-под породных отвалов. К ним относится не только породные отвалы на терриконах, но и места массового складирования (в балках, оврагах, и карьерах) углепородного материала[2]. Породные отвалы, подвергаясь воздействию атмосферных осадков и контактируя с грунтовыми водами, формируют собственные высокоминерализованные водопроявления, создающие значительную нагрузку на прилегающие территории (особо опасные породные отвалы шахты «Глубокая», «Ленина», ШУ «Мирное»).

Следующая экологическая проблема – проникновение «мертвого воздуха» в объекты жилого сектора на территориях шахтерских городов и поселков. «Мертвым» он считается из-за того, что не имеет ни запаха, ни цвета, и не только не пригоден для дыхания, но и чрезвычайно опасен для жизни. Обнаружить его можно только с помощью приборов контроля газоанализаторов.

Вытеснение водой из горного массива на земную поверхность опасных газов метана и углекислоты – одна из причин загрязнения воздуха при закрытии шахт. После попадания на поверхность опасные газы проникают в здания и сооружения, а их негативные последствия могут проявляться далеко за пределами горных отводов шахт, ликвидированных в процессе реструктуризации, поскольку большинство из них имеет связь по горным выработкам или тектоническим нарушениям с закрытыми раньше шахтами.

В результате мониторинга шахт Ростовской области, ликвидированных в процессе реструктуризации, ведется контроль за состоянием выявленных 216 потенциально опасных и 75 опасных по газовыделению зон. Общая площадь этих зон 4,7 тыс. га, на которых сосредоточено более 9 тыс. жилых и административно-хозяйственных зданий. Для обеспечения безопасной жизнедеятельности населения региона специалистами ООО «Экологические технологии» был создан рабочий проект «Мониторинг социально-экологических последствий ликвидации шахт Восточного Донбасса». Они продолжают контролировать процесс газовыделения в газодренажных трубах выработок, в почвенном воздухе и на земную поверхность в заглубленных объектах домовладений и административно-промышленных зданий, расположенных на территориях горных отводов ликвидируемых шахт.

Другим немаловажным техногенным фактором является разрушение крепежного материала выработок путем выщелачивание и размывание горных пород, в результате чего образуются провалы или мульды оседания. Все это происходит в результате затопления выработанного пространства на верхних горизонтах шахт, в том числе и ранее закрытых. Как правило, закрепленные на выходах пластов провалы земной поверхности подогнаны к подготовительным выработкам и краевым частям целиков угля.

Долгие годы водоотливы действующих шахт, осушая большие территории, приводили к понижению естественного уровня подземных вод. Но при закрытии шахт методом «мокрой консервации» начался обратный процесс: в границах горнопромышленных районов возникли проблемы подтопления и заболачивания.

Изменение режима уровня подземных вод, многократно превышающих границы горных работ в пределах зон влияния шахтных водоотливов, а также высокий уровень инженерного освоения и техногенных нагрузок на площадях оседания земной поверхности являются причинами подтопления горнопромышленных районов.

Результатом действия этих факторов становится устойчивый рост площадей территорий со значительным уменьшением глубин залегания уровней подземных вод и активным развитием процессов подтопления жилищно-коммунальных и промышленных объектов, сельхозугодий, коммуникационных объектов и транспортных магистралей[3].

Площадь подтопления находится в прямой зависимости от количества полностью затопленных шахт. В постреструктуризационный период были выделены следующие зоны подтопления: х. Комиссаровский, х. Волченский, х. Михайловка, х. Лихой, пос. Вербенский, пос. Новогригорьевка г. Шахты

С течением времени наблюдается устойчивая тенденция к увеличению интенсивности процессов провалообразования. Центром мониторинга ведутся работы по оперативной ликвидации образовавшихся провалов на земной поверхности. В постреструктуризационный период было ликвидировано более 250 провалов общим объемом более 100,0 тыс. м^3.

С прекращением добычи угля, закрытием и затоплением угольных шахт и разрезов экологическая опасность сохраняется. А ранее нанесенный экологический ущерб не исчезает бесследно, кроме того в будущем могут возникнуть новые источники опасности для окружающей среды. Поэтому в процессе закрытия шахт необходимо предусмотреть системный экологический мониторинг и полный комплекс природоохранных мероприятий, учитывающий все источники загрязнения и факторы негативного влияния на окружающую среду. Необходимо создать эффективно функционирующую систему экологического мониторинга, с глубокой проработкой и оперативной реализацией природоохранных мероприятий с учетом реально складывающейся обстановки в угольных регионах. Эта система, наряду с проведением анализа и оценки состояния экологической среды в районе ликвидации шахты, позволит прогнозировать возможные экологические последствия и принимать технические решения по их предотвращению.

---

[1] Жукова И. А. Моделирование снижения накопленного экологического ущерба угледобывающих территорий за счет формирования системы обращения материалов шахтных отвалов // Terra Economicus. 2013. – Т. 11, № 4-3. – С. 108–112.

[2] Таразанов И. Аналитический материал, угольная промышленность России // Уголь. 2015. – №10 (1075). – С. 115–117.

[3] См. Решение коллегии Администрации области от 01.01.2001г. №10 «Об экологических последствиях выполнения комплекса мероприятий по завершению реструктуризации угольной промышленности Восточного Донбасса на 2006 – 2010 годы».

Нейтрализация негативных экологических последствий закрытия угольных предприятий, а также предупреждение вновь возникающих источников экологической опасности требуют больших материальных затрат[1]. Для снижения издержек необходим продуманный, научно обоснованный подход к решению этой глобальной проблемы.

Решение задач по применению сопутствующих природных ресурсов, являющихся источниками загрязнения биосферы при закрытии шахт, в настоящее время является основным резервом для снижения негативного влияния на окружающую среду. Так, вода, откачиваемая из шахты, может проходить процесс очистки и опреснения, во-первых, это позволит исключить ее вредное воздействие на окружающую среду, во-вторых, существенно пополнить запасы пресной воды в регионе[2]. А утилизация метана, выделяющегося из горного массива шахт, может стать дополнительным источником энергии – в настоящее время накоплен мировой опыт сжигания шахтного метана в котельных для получения тепловой энергии и использования его в качестве моторного топлива автомобилей. Экономически целесообразна также переработка промышленных отходов породных отвалов и особенно шлаконакопителей, в которых содержится значительное количество редких и цветных металлов[3].

Кроме того, необходимо рассмотреть возможность введения экологических налогов с целью увеличения количества инноваций в угольной и смежных отраслях.

Бесспорным стимулом для снижения выбросов и поиска новых, наиболее чистых методов производства на сегодняшний день являются налоги на загрязнение. У компаний, ориентированных на максимальную прибыль, появляется стимул снижать эти расходы при определении прямой стоимости экологического ущерба, также как и другие производственные затраты.

Возможности для появления большего разнообразия инноваций создает определение стоимости загрязнения. Из этого следует, что налогообложение располагает большими преимуществами относительно директивных инструментов экологической политики, сосредотачивающихся на инновациях, которые внедряются на конечных этапах технологического цикла. Такие инновации не затрагивают этапы возникновения загрязняющих веществ, а призваны снизить выбросы.

Экологические налоги способны оказать содействие не только внедрению уже известных методов снижения загрязнения окружающей среды, но могут стать значительным импульсом для поиска более чистых альтернативных решений угольными компаниями и населением. Такие стимулы обеспечат коммерческую привлекательность инвестиций в разработку новых технологий и потребительской продукции с меньшим воздействием на экологию, проводимыми не только самыми предприятиями-загрязнителями, но и другими изобретателями, заинтересованными в развитии НИОКР.

Налоги на экологию обеспечат существенные стимулы для инноваций, готовых к выходу на рынок. Но дополнительные налоговые льготы для экологических НИОКР не будут способствовать появлению фундаментальных открытий. Для их появления необходимы другие действия со стороны государства, такие как полное финансирование исследований, способных стать основой революционных технологий.

Наличие сильной экологической политики, при которой налоги, взимаемые непосредственно за экологически вредную деятельность, будут играть ведущую роль, станет оптимальным вариантом для решения вопроса избыточного экологического ущерба. При этом не нужно пытаться специально стимулировать инновации, налоги должны быть направлены непосредственно на устранение экологического ущерба. В настоящее время проблема недостатка экологических инноваций должна решаться за счет общей инновационной политики. В итоге новые разработки и открытия поспособствуют кардинальному снижению затрат на достижение экологических целей.

Экологические проблемы добычи, переработки и использования угля являются приоритетными для угледобывающих регионов. Уже при достигнутом уровне угледобычи, концентрации угольных предприятий, их влияние на окружающую среду, на поверхности и в недрах чрезмерно велико. А перевозка угля на дальние расстояния, сжигание, выбросы в атмосферу – масштабные процессы, происходящие и распространяющиеся далеко за пределами угледобывающих регионов. Нарушение поверхности без последующей рекультивации почв, складирование твердых и жидких отходов, гибель сотен водных источников, нарушение гидрологического и гидрохимических режимов подземных вод вызывает серьезнейшие последствия для природы, а значит, и для качественной жизни людей.

С нашей точки зрения система экологического мониторинга может стать основным элементом комплексных мероприятий по предупреждению неблагоприятных изменений состояния окружающей среды. Эта система позволит не только проводить анализ оценки состояния экологической среды в районе ликвидации шахт, но и прогнозировать возможные экологические последствия и принимать технические решения по их предотвращению.

Решение задач по применению сопутствующих природных ресурсов, являющихся источниками загрязнения биосферы при закрытии шахт, в настоящее время является основным резервом для снижения негативного влияния на окружающую среду.

Для эффективного снижения негативного воздействия на природную среду целесообразно создание эколого-технологических процессов, которые будут взаимосвязаны с потреблением электрической и тепловой энергии, а не только с основной технологией добычи угля. Утилизация метана, выделяющегося из горного массива шахт, может стать дополнительным источником энергии. В настоящее время уже существует опыт сжигания шахтного метана в

---

[1] Тяглов С.Г. Принцип многоуровнего управления устойчивым развитием региональной экономики в части обеспечения эколого-экономических императивов // Terra Economicus. 2014. – Т. 12, № 2-3. – С. 178–182.

[2] http://www.minenergo.gov.ru/

[3] См. Постановление Правительства Ростовской области от 05.07.2012 № 599 «О разработке Концепции развития угольной промышленности Ростовской области на период до 2030 года».

котельных для получения тепловой энергии с последующим его использованием в качестве моторного топлива автомобилей. Экономически целесообразна также переработка промышленных отходов породных отвалов – шламонакопителей, содержащих значительное количество редких и цветных металлов. Создавая и применяя безотходные и энергосберегающие технологии с учетом нужд энергоснабжения угольного предприятия и его инфраструктуры, данные процессы поспособствуют эффективному использованию природных ресурсов.

Кроме того необходимо проработать вопросы совершенствования законодательной и налоговой базы в постреструктуризационный период

Реализация данного комплекса мер обеспечит снижение экологической нагрузки на окружающую среду в сфере угольного производства, окажет содействие ее сохранению, бережному отношению к природным ресурсам, улучшению условий проживания населения в угледобывающих регионах страны.

Ульянов А.С.
к.э.н., директор Института повышения конкурентоспособности
Alexulianov77@gmail.com

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕЗАГРУЗКИ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И РЕФОРМЫ ГОСЗАКУПОК В ИНТЕРЕСАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Ключевые слова: *экономический рост, антимонопольная политика, государственные закупки.*

Первый антимонопольный орган был создан в России в 1990 году[1], а антимонопольный закон был принят годом позднее в 1991 г.[2] (для сравнения – в КНР в 2008 г.[3]). В существующем контексте они рассматривались как важнейшие инструменты политики экономических реформ (особое значение этому закону придавалось в программе «500 дней») по слому государственных монополистических структур, доставшихся в наследство от СССР. И хотя, по мнению некоторых западных и отечественных исследователей, реформаторы не особо преуспели в этом[4], очевиден карательный акцент и акцент на разрушение (путь даже оно рассматривалось как созидательное), заложенный в основу формирующейся в РФ антимонопольной политики.

К этому времени США и другие ведущие страны прошли долгий путь в переосмыслении целей и задач антимонопольного регулирования. США к началу 1990-х гг. отошли от жесткой борьбы с национальными трестами, которая велась в конце XIX – начале XX вв., от политики принудительного разделения «национальных чемпионов» 1910–1920-х гг.[5], политики запрета слияний из-за потенциальных угроз конкуренции 1960-х гг. (примечательно, что новый курс Президента Ф.Д. Рузвельта по выводу страны из «Великой депрессии» предусматривал де-факто свертывание антитраста[6]. Более того, картельные сговоры и монополизация на уровне отдельных отраслей поощрялись).

Отличительными чертами современного американского антитраста стали:

1) Некоторые запрещенные прежде коммерческие практики (ценовая дискриминация – установление разных цен для разных покупателей, ограничительные вертикальные, дилерские соглашения) по факту перестали считаться нарушениями;

2) В 1975–2015 гг. 90% антимонопольных штрафов по сумме накладывается на иностранные компании, то есть на конкурентов американского бизнеса[7].

Таким образом, можно констатировать, что антимонопольная политика стала частью политики защиты внутреннего рынка и национальных производителей. По сути, проводится политика двойных стандартов – не отмененные жесткие и зачастую двусмысленные американские антимонопольные законы со всей строгостью применяются к иностранным компаниям, а американские компании за аналогичную практику не наказываются.

Европа имеет менее длительную историю антимонопольных законов. В ФРГ антимонопольный орган возник сразу после 2 мировой войны, и как следует из его названия, занимался только борьбой с картелями. А большинству т.н. новых членов ЕС создание антимонопольного органа было по сути навязано из Брюсселя. Но хотя целью европейского департамента конкуренции было разрушение национальных барьеров для создания единого европейского рынка, он успешно заимствует опыт США: крупнейший штраф в 1 млрд. евро наложен на Microsoft, то есть иностранную для европейцев компанию.

---

[1] http://www.slideshare.net/testantitrust/ss-62933677

[2] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51/

[3] http://www.asia-business.ru/law/law2/trade/antimonopoly/

[4] «…под давлением со стороны западных спонсоров Правительством Российской Федерации создан антимонопольный орган для разрешения проблемы концентрации в различных отраслях экономики по решению проблем промышленной консолидации. Однако сразу стало очевидно, что новый орган не мог противостоять политической власти крупных предприятий, и он даже не пытался регулировать их деятельность. Вместо этого, антимонопольный орган приступил к составлению списков малых фирм, таких как пекарни, обосновывая это тем, что такие фирмы обладают некой «локальной монопольной властью», и могут ей злоупотреблять. Малые предприниматели должны были постоянно получать согласования органа, и часто давать взятки просто для того, чтобы выйти из реестра монополистов. Антимонопольный орган не сделал ничего для решения реальных проблем развития рынков, создав лишь административные барьеры для небольших фирм, и выгодные возможности для своих сотрудников» (Глейзер Э.Л., Шляйфер А. Подъем регулятивногогосударства / National Bureau of Economic Research. 2001. – http://www.nber.org/papers/w8650)

[5] Нефтяной гигант Standard Oil был принудительно разделен в 1911 году, телекоммуникационный – AT&T – дважды попадал под разделение – в 1985 (по инициативе антимонопольного органа) и 1995 (по инициативе собственников).

[6] http://ria.ru/economy/20081209/156850733.html#ixzz4BC9tUWcF; http://samara.fas.gov.ru/publications/5061

[7] http://reformafas.ru/criticism/foreign/inostrannoe-lobbi/

Примечательно, что Япония создавала антимонопольный орган не для «развития конкуренции» на внутреннем рынке, а в попытке дать **ответ США**, активно преследующем японские компании. Правда, Япония не сильно в этом преуспела.

В Китае местные и региональные власти активно развивали конкуренцию путем создания новых производств. А антимонопольный орган заработал только с 2011 г. В КНР очень осторожно подходят к применению антимонопольных санкций как к собственным компаниям, так и к иностранным инвесторам. **90% штрафов наложены за сговоры в госзакупках.** По сути, антимонопольная политика в КНР – это инструмент в борьбе с коррупцией.

На первый взгляд, российские антимонопольные законы в значительной части были переписаны с международных, в первую очередь европейских образцов, но де-факто лучший мировой опыт не был использован. Главный просчет – антимонопольная политика не была встроена в общую экономическую политику, у нее не было цели, подчиненной целям развития страны на соответствующем этапе.

На практике это вылилось в следующее. Недостатки российского антимонопольного органа (с 2004 г. – ФАС России) во многом совпадают с недостатками большинства контрольно-надзорных органов. Это палочная система[1], и, как следствие, колоссальное число мелких дел за процессуальные нарушения[2], коррупционные риски[3], отсутствие связи бурной деятельности с общественно значимыми результатами[4], постоянное изменение законов и подзаконных актов, что повышает неопределенность на рынке. Имеются и отличительные от других контрольных ведомств черты. Антимонопольное преследование малого бизнеса – чисто российский феномен[5]. ФАС России стал лидером как среди федеральных служб, так и среди антимонопольных органов других стран мира по объему полномочий[6]. ФАС России – единственный антимонопольный орган Глобальной конкурентной сети, с руководителем которого заключен не срочный, а бессрочный контракт.

Несмотря на то, что иностранные компании не только присутствуют, но и доминируют на многих российских рынках (пиво, сигареты, автомобили, многие потребительские товары), вся тяжесть не самого эффективного антимонопольного регулирования ложится исключительно на отечественный бизнес. В отличие от США и ЕС, менее 0,5% штрафов в 2008-2015 гг. наложено на иностранные компании. Монополизация иностранными компаниями многих значимых рынков произошла с согласия ФАС – органа, контролирующего слияния и поглощения. Запрет ФАС на покупку норвежской компанией AkerKvaerner астраханских судостроительных заводов – чуть ли не единственное исключение[7]. Поскольку изначально антимонопольный орган рассматривался как инструмент разрушения советского монополистического наследия, иностранный бизнес невольно становился его союзником в этом деле. В комиссии по защитным мерам ФАС почти всегда выступала за снятие таможенной защиты для отечественных производств и против введения новых защитных мер[8], отмена импортных пошлин на соответствующий товар[9] рассматривалась как хоть какой-то шаг, чтобы сохранить лицо антимонопольного органа[10]. Рост числа иностранных поставщиков для государственных нужд рассматривался ФАС как способ усилить конкуренцию и снизить цены[11].

Для государственной власти в нашей стране, к сожалению, с царских времен свойственно преклонение перед иностранцами в ущерб собственным гражданам[12]. В области контроля и надзора, в т.ч. антимонопольного, зачастую это выливается в политику двойных стандартов – как в США, только наоборот. К отечественному бизнесу подходят

---

[1] http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=634294&fld=134&from=524797-23&rnd=211977.79471922 15965581; http://www.slideshare.net/testantitrust/ss-62939941

[2] Дел по злоупотреблению доминированием больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых, по картелям – 1 место в мире с большим отрывом. Эти статьи считаются самыми «боевыми». – http://reformafas.ru/predlogeniya-po-reforme/ antitrast-po-evropejski-kak-napravit-rossijskuyu-antimonopolnuyu-politiku-na-razvitie-konkurentsii/

[3] ФАС заняло 1 место среди органов власти по коррупции, согласно опросу журнала «Секрет фирмы». – http://secretmag. ru/archive/sec-firm_09_050911.pdf

[4] Несмотря на колоссальное число дел и их рост в 8 раз за последние 8 лет, монополизация рынков только усилилась, опросы предпринимателей показывают ухудшение конкурентной среды, ср. http://reformafas.ru/wp-content/uploads/2016/06/opros.jpg

[5] В 2013–2015 гг. почти 40% дел по злоупотреблению доминированием и почти 2/3 по картелям ФАС возбудила против субъектов МСП. – http://reformafas.ru/wp-content/uploads/2014/10/Ot-batutov-do-popkorna.pdf

[6] К 2016 г. ФАС контролирует выполнение свыше 20 федеральных законов. Помимо собственно антимонопольной политики, это такие важные сферы, как реклама, торговля, госзаказ, закупки госкомпаний, тарифы естественных монополий, гособоронзаказ, иностранные инвестиции в стратегические отрасли и т.д. – http://www.slideshare.net/testantitrust/ss-54947714

[7] http://solutions.fas.gov.ru/documents/972-93d725c6-9a65-427a-9f2d-ea31c8b75bdd

[8] http://www.rosbalt.ru/main/2014/08/14/1303924.html

[9] http://www.kommersant.ru/doc/2695212

[10] Например, ФАС стал инициатором отмены импортных пошлин (http://samarskieizvestia.ru/document/3669/) на цемент после того, как разрешил монополизацию рынка цемента в европейской части РФ компанией «ЕВРОЦЕМЕНТ ГРУПП» (http://www. kommersant.ru/doc/687617).

[11] В этой части в последние годы видим позитивный эффект подчинения политики в области госзаказа общей экономической политике. Сейчас федеральная контрактная система (44-ФЗ) и изменения в указанный закон принимаются не ФАС, а политическим руководством либо Минэкономразвития. И когда вводятся ограничения на закупку для государственных нужд товаров иностранного производства, ФАС контролирует выполнение чиновниками этих запретов, выполняя свойственные ей функции в общем контексте экономической политики.

[12] Ср. паек немецкого военнопленного с пайком узника ГУЛАГА. (http://army.armor.kiev.ua/hist/paeknem-plen.shtml; http://cor poratelie. livejournal.com/38140.html).

по всей строгости закона, а на нарушения иностранных компаний смотрят сквозь пальцы, «чтобы не ухудшить ситуацию»[1].

«Антимонопольная политика должна защищать конкуренцию в целом, а не отдельных конкурентов»[2]. Этот хрестоматийный тезис вошел не только в учебники, но и в практику антимонопольных органов развитых стран. Однако в России, согласно исследованиям[3], 90–98% дел по злоупотреблению доминированием возбуждаются по «ущемлению интересов», а не ограничению конкуренции. Другими словами, ФАС как раз защищает не конкуренцию в целом, а интересы отдельных конкурентов, вмешиваясь в банальные споры хозяйствующих субъектов. Поскольку иностранные компании реже, чем отечественные, склонны привлекать чиновников в хозяйственные споры, доля дел против них минимальна.

Палочная система, недостаточное качество языковой и юридической подготовки рядовых специалистов ФАС также не способствуют возбуждению дел против иностранных компаний. Планируя возбудить дело против иностранной ТНК, сотрудник ФАС понимает, что столкнется с ее опытными юристами в суде. Более того, если компания физически не присутствует в России, то ее практически невозможно будет привлечь к ответственности даже за непредставление сведений на запрос ФАС (в этой части международное сотрудничество развито слабо). В итоге за то время, пока он будет рассматривать одно дело против иностранной компании, его коллега возбудит и выиграет в суде десятки дел против малого бизнеса, а за выигранные дела у него повысится внутренний рейтинг. Рейтинг введен ФАС для территориальных управлений (ТУ), он формируется по результатам полугодовой и годовой отчетности (методика оценки результативности деятельности территориальных органов ФАС)[4]. Критериями оценки – помимо традиционных валовых показателей: количества рассмотренных заявлений, возбужденных дел, вынесенных постановлений – стали показатели результативности (доля вынесенных предписаний и наложенных санкций) и показатели «брака» (доля решений ФАС, отмененных судом после обжалования ответчиками/жалобщиками); также эти данные корректируются с учетом нагрузки (соотношения валового показателя и численности подразделения); объем публикаций в СМИ, работа со СМИ, работа с обществом, качество Интернет-сайта, адвокатирование конкуренции. Помимо числа рассмотренных дел – объем начисленных штрафов. Некоторые виды дел стали учитывать с повышающим коэффициентом, чтобы отразить их особую значимость и трудоемкость.

Тревожной тенденцией является растущий интерес ФАС к немногочисленным несырьевым экспортерам[5]. Его можно связать как с коррупционными факторами, происками конкурентов, так и с тем, что несырьевые экспортеры по определению должны проводить агрессивную рыночную стратегию, а она входит в противоречие с двусмысленными и широко толкуемыми антимонопольными законами.

В 2015 г. ФАС России опубликовала доклад «Пресечение практики регионального протекционизма»[6]. Доклад подготовлен совместно с Экспертным советом при ФАС России по развитию конкуренции на рынках производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Наш анализ показывает, что защита интересов алкогольного лобби со стороны руководства ФАС России носит системный характер. При том, что 80% отечественного рынка пивоварения поделены между транснациональными корпорациями.

Так, ФАС России возбуждает дела против администраций субъектов РФ, вводящих запрет на реализацию энергетических алкогольных коктейлей. Несмотря на проигрыш подобных дел в Верховном и Высшем арбитражном судах[7], ФАС России, с упорством, достойным лучшего применения, продолжает практику возбуждения подобных дел, защищая интересы производителей алкоэнергетиков.

Неприемлемыми, на наш взгляд, являются дела ФАС России против губернатора Амурской области О.Н. Кожемяко за ограничение реализации алкогольной продукции во время наводнения[8], и против Администрации г. Ханты-Мансийска – во время школьных выпускных[9]. Видимо, алкогольные лоббисты считают возможным наживаться даже на горе людей, ставших жертвами стихийных бедствий, и на здоровье подрастающего поколения. Все вышеупомянутые решения ФАС России суды признали незаконными.

В противодействии широкой инициативе ряда губернаторов, депутатов, церковных и общественных деятелей ограничить использование пластиковой (ПЭТ) тары (в РФ в ПЭТ-тару разливается 40% пива, в других странах, за исключением Украины и Болгарии – 0%) руководство ФАС России координировало свои действия с иностранными пивными компаниями и даже посольством США[10]. Последнее, на наш взгляд, является в нынешних внешнеполитических обстоятельствах абсолютно неприемлемым и требует самого тщательного расследования.

Для перезагрузки антимонопольной политики в интересах экономического роста необходимо:

---

[1] https://rg.ru/2014/09/23/fas-site.html

[2] https://www.hse.ru/news/27096472.html

[3] http://www.slideshare.net/testantitrust/ss-59727567

[4] http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71220958/

[5] http://reformafas.ru/?p=8451; http://reformafas.ru/?p=7097,http://reformafas.ru/?p=8710,http://reformafas.ru/category/metodicheskie-rekomendazii/

[6] https://profibeer.ru/upload/information_system_18/1/0/1/item_10122/information_items_property_11817.pdf

[7] http://kad.arbitr.ru/Card/49e44262-e27a-4dad-b1bc-38bbcce5cd20

[8] http://reformafas.ru/news/sud-obyasnil-fas-chto-spaivat-naselenie-vo-vremya-navodneniya-nepravilno/

[9] http://reformafas.ru/news/sudy-treh-instantsij-ne-dali-fas-spaivat-shkolnikov-vo-vremya-vypusknyh-2/

[10] http://reformafas.ru/news/fas-zastupilas-za-pet-taru/

1. Увязать антимонопольную политику с общеэкономической политикой. В том числе отказаться от идеи превращения ФАС в независимый мегарегулятор по аналогии с ЦБ[1]. Рассмотреть возможность подчинения ФАС России Минэкономразвития.

2. Переориентировать усилия ФАС России на контроль за рынками, на которых доминирующее положение занимают иностранные компании, исключив из планов проверок и планов анализов рынка рынки с развитой конкуренцией и минимальным присутствием иностранных компаний, и включив в соответствующие планы рынки, на которых присутствует небольшое число крупных иностранных игроков.

3. Существенно повысить вес дел против международных картелей и крупных транснациональных корпораций в системе оценки территориальных органов и сотрудников ФАС России.

4. Активизировать международное сотрудничество с антимонопольными органами других стран по пресечению международных картелей и проведению совместных расследований.

5. Повысить качество языковой подготовки и знания международного конкурентного права сотрудниками ФАС России.

6. Провести служебные проверки по фактам обоснованности возбуждения антимонопольных дел в отношении российских компаний в случаях, если жалоба поступала со стороны иностранных компаний. Провести проверки по фактам возбуждения дел в отношении иностранных компаний, по которым принято решение об отсутствии признаков нарушения, либо нарушение установлено, а штраф наложен не был, либо наложен в минимальном объеме, либо дела возбуждались как в отношении иностранных компаний, так и российских, однако штраф наложен только в отношении последних.

7. Уменьшить размер штрафов за антиконкурентные некартельные соглашения, сохранив неизменными штрафы за картели. Заменить по отдельным видам неопасных для конкуренции соглашений оборотные штрафы на фиксированные.

8. Дать отдельно определения «картель» и «горизонтальное соглашение» как норм-дефиниции (в ст. 4 135-ФЗ), четко разграничив данные понятия. В действующей редакции картель определяется только по признакам (ст.11 135-ФЗ) и не имеет четких критериев разграничения с иными горизонтальными соглашениями. Понятия «горизонтальные соглашения» в действующем законодательстве не существует в принципе. Некорректное изменение понятия «картель» и распространение антимонопольного регулирования на агентские договоры приведет к тому, что обычная договорная практика рискует подвергнуться санкциям, вплоть до уголовных.

9. Исключить возможность возбуждения дела по злоупотреблению доминирующим положением в виде ущемления интересов отдельных юридических лиц (за исключением установления монопольно высокой цены). Это позволит ФАС России сконцентрироваться на делах по ограничению конкуренции, исключив возбуждение дел в интересах отдельных конкурентов.

10. Продолжить либерализацию контроля экономической концентрации путем повышения с учетом инфляции размера порогов по активам и обороту приобретаемой компании, а также суммарно всех участников слияния, отказаться от контроля всех без исключения сделок внутри группы лиц.

11. Ограничить сферу применения нормы о коллективном доминировании только в рамках контроля экономической концентрации. Следует отметить, что в практике антимонопольного регулирования ЕС, откуда и была заимствована доктрина коллективного доминирования, она применяется не для «пресечения злоупотребления коллективным доминированием», а исключительно в рамках предварительного анализа сделок экономической концентрации.

12. Внести изменения в п. 1 и п. 1.1. ст. 13 135-ФЗ обеспечив допустимость указанных в соответствующих пунктах ст. 13 действий, бездействий, соглашений и согласованных действий, и соглашений о совместной деятельности при соблюдении хотя бы одного из следующих условий – совершенствование производства и получение покупателями соразмерных выгод. В действующей редакции необходимо соблюдение обоих условий одновременно, что снижает объем инвестиций и создание новых производств в России.

13. Закрепить в 135-ФЗ отсутствующие в действующей редакции принципы антимонопольного регулирования. Например, принцип соразмерности наказаний тяжести нарушений и принципа правовой стабильности при назначении наказаний (а также разработать иные принципы). Принцип правовой стабильности антимонопольного контроля, означающий установление в нормативных правилах обязанности антимонопольных органов придерживаться стабильной ими же сформированной административной практики, не допуская использования различных подходов к одинаковым, типовым случаям. Это касается практики назначения наказаний, отказов в согласовании сделок, практики возбуждения дел и отказов в возбуждениях, обязательности выдачи предписаний, прекращения производства по делам о нарушениях, квалификации дел по определенным статьям, частям и пунктам законодательства и т.п.

14. Разрешить де-факто запрещенную «конкуренцию брендов» путем отмены пункта 1 части 2 статьи 5 № Федерального закона «О рекламе» (далее 38-ФЗ) – запрет на некорректное сравнение с продукцией конкурента представляется избыточным и дублирующим при сохранении п. 1 части 2 ст. 5 38-ФЗ, устанавливающего запрет на рекламу, порочащую честь, достоинство и деловую репутацию конкурента.

15. Уменьшить свободу действий должностных лиц в части признания рекламы недобросовестной, четко определив понятия непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений в рекламе путем разработки специального разъяснения ФАС России.

[1] https://rg.ru/2015/08/04/regulatur-site-anons.html

16. Отказаться от процедурного контроля за мелкими до 500 тыс. руб., в перспективе – до 1 млн. руб.) закупками в рамках 44-ФЗ. Максимально упростить процедуру и повысить свободу действий заказчика по таким закупкам, сохранив по ним финансовый и ведомственный контроль.

17. Ввести ответственность работников контрольных органов в сфере закупок за незаконные решения (отмененные судом не по процессуальным основаниям) в сфере закупок.

18. Облегчить доступ СМП к госзакупкам путем смягчения требований по обеспечению и банковской гарантии для СМП, имеющих положительный опыт (отсутствие претензий заказчика и отсутствие внесения в реестр недобросовестных поставщиков) участия в закупках, повышения с 20 до 100 млн. руб. размера закупки у СМП.

19. Ввести пошлину за рассмотрение жалоб участников закупок для отсечения мелких жалоб и «гринмейла» со стороны недобросовестных участников закупки.

20. Повысить гибкость контрактной системы путем инкорпорирования в 44-ФЗ лучших закупочных практик частного бизнеса: переторжка, конкурентные переговоры под запись, закупка 60:40 (60% закупается у участника, занявшего 1 место, и 40% – у второго) и т.д.

21. Отказаться от такого ключевого показателя эффективности (КПЭ) для должностных лиц и структурных подразделений ФАС России как доля выигранных дел в суде (стимулирует возбуждать как можно больше простых дел или дел против небольших компаний, не имеющих ресурсов на судебную защиту, и не браться за сложные дела), резко сократить число КПЭ и упростить систему оценки, установив в качестве основных КПЭ:

– результаты независимых опросов предпринимателей и потребителей о состоянии конкуренции, сфер регулирования и деятельности ФАС России в целом;

– размер предотвращенного ущерба от нарушений антимонопольного законодательства.

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Антохонова И.В.
д.э.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, iv.antokhonova@gmail.com

ИЗМЕРЕНИЕ ИННОВАЦИЙ КАК ФОРМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОТВЕТА СУБЪЕКТА НА СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ[1]

Ключевые слова: *инновация, вызовы, измерительные шкалы, стратегия, жизненный цикл.*
Keywords*: innovation, calls, measuring scales, strategy, life cycle.*

Развитие России в глобальном мире представляет, на наш взгляд, гуманитарную проблему в условиях многополярного меняющегося мира. Динамичное развитие в XXI веке существенно отличается от биполярного мира в предыдущем столетии, когда СССР противостоял США в научной и военной сферах, будучи многонациональной державой. Распад системы, поиск новых партнеров, конкуренция за энергоресурсы и эффективные человеческие ресурсы генерируют новые вызовы и риски для национальных экономик. Пространство России – это Евразия, соседствующая с запада с римской христианской цивилизацией, сама представляющая преимущественно византийскую православную с вкраплениями ислама и буддизма на национальных исторических территориях. Это создает разнообразие и богатство культуры, истории и вместе с тем в условиях экономических кризисов генерирует конфликтные ситуации. Россия является открытой для межнационального общения системой. В связи с этим попытки поиска национальной идентичности происходят в жестких условиях конкуренции между восточной и западной ментальностью с разными системами ценностей.

Россия многонациональна и разнообразна во всех природных и географических смыслах, в ней доминируют процессы, прежде всего, имеющие экономическую природу: получение перспективного образования, качественного здравоохранения, поиск развитого рынка труда, комфортного места проживания и воспитания детей, социально защищенной старости и т.д. Гуманитарные проблемы в условиях нестабильности и посткризисной рецессии уходят на второй план. Национальные, этнические, исторические корни и традиции иногда заменяются рыночными суррогатами, имитирующими символы в сфере досуга, развлечений, шоу-бизнеса, туризма. Проблема заключается в необходимости выявления процессов, тормозящих и ограничивающих развитие общества, и поиске направлений, стратегий, путей движения к устойчивому сбалансированному, гармоничному развитию общества и личности.

В основе нашего исследования лежит цивилизационный подход Тойнби, который рассматривает локальную цивилизацию как главную единицу истории, в развитии которой происходит столкновение с другими цивилизациями. Цивилизация, имеющая потенциал достойного ответа на вызовы, объективно получает импульс к развитию. Если же этот вызов оказался ей не по силам, то происходит надлом цивилизации, адаптация и подчинение угрозам, в конечном счете, упадок. Движущей силой цивилизации, за счет которой и происходит ответ на вызов, является ее элита, творческое меньшинство, противопоставленное пассивному большинству. Элита, как неотъемлемая часть общества, с точки зрения аксиологического (ценностного) подхода обладает более высоким интеллектом, талантом, компетенциями по сравнению с остальной частью общества. Если исходить из кривой Гаусса, то преобладающая часть обществ – это концентрация средних показателей и наличие противоположной части социума, обладающей скудным интеллектом и талантами.

Западная цивилизация основана на собственности и возможности ее передачи, она характеризуется трепетным отношением к материальным атрибутам повседневной жизни. Восточная цивилизация рассматривает невозможность владения собственностью в силу материального ухода человека и оставления богатств на Земле, где все материальное преходяще и не имеет высшего смысла.

В процессе интеграционных и глобализационных процессов, все более тесных взаимосвязей между национальными экономиками пространственные аспекты приобретают особую актуальность и интерес для науки, политики, общества и бизнеса. В последнее десятилетие наблюдается активизация политических и экономических трансформаций на территории евразийского пространства. Геополитически вопрос стоит о возможном не однополярном мире и объективном усилении экономического влияния азиатских стран в евразийском пространстве.

Единое экономическое пространство – пространство, состоящее из территорий, на котором функционируют гармонизированные в правовом отношении схожие рыночные механизмы регулирования экономики, существует еди-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-46-04388).

ная инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Однако в силу значительных национальных различий формирование реального единого пространства представляет далеко не простую задачу.

Пространственный подход, актуальный для огромной территории России, предполагает исследование пространственных проблем развития локальных территорий субъектов Российской Федерации. Актуальным является исследование регионального социально-экономического комплекса (РСЭК), оставшегося от прежней системы государственного управления, испытавшего трансформацию переходной экономики, адаптирующегося в рыночных условиях федеративного управления.

Цивилизационный подход к исследованию РСЭК определяет его как локальную цивилизацию, способную генерировать ответы на вызовы и получать импульсы к развитию. Региональный социально-экономический комплекс представляет, на наш взгляд, взаимосвязанную систему человеческих ресурсов, активов и экономических отношений, локализованных на конкретной территории в регионе[1]. Институциональный подход рассматривает взаимосвязанную систему институциональных единиц, активов и отношений в экономике региона.

Методология исследования объекта представляет логическую систему концептуальных подходов, принципов, измерительных шкал, статистических методов сбора, обработки и анализа данных официальной статистики и выборочных обследований, экспертных оценок. Объект исследования содержит составляющие разной природы, объединенные экономическими отношениями по поводу владения, аккумулирования, инвестирования, производства, распределения, перераспределения, сбережения и накопления активов и их источников.

Региональный социально-экономический комплекс в плановой экономике представлял устойчивую инерционную систему, обеспечивающую стабильность, воспроизводство, завершенность регионального цикла на основе государственной собственности. Одним из первых вызовов явились рыночные преобразования, изменившие основной институт социально-экономической системы – институт собственности.

Несмотря на весьма широкое использование термина «вызовы» в научной и политической лексике, исследований данного феномена, как явления, оценки формы, содержания, последствий для объекта, сталкивающегося с вызовами и вынужденного отвечать на них, в области экономических наук практически нет. Определенный интерес к вызовам обусловлен в российской экономической литературе длительной подготовкой к вступлению в ВТО[2]. Однако реалии вступления в мировое экономическое пространство оказались непредсказуемыми, международные санкции, примененные к России со стороны США и Европейских государств, отодвинули проблематику ВТО на второстепенное место.

В некоторых случаях отсутствие ответов на вызовы признается самими вызовами, на портале «Стратегия научно-технологического развития» эксперт В.Блажеев (университет им. О.Е. Кутафина) называет вызовами «отставание России от ведущих государств мира в реагировании на стремительные изменения в различных сферах жизнедеятельности общества, в том числе в научно-технической сфере; образовавшийся отрыв российской науки от задач развития страны, слабость отечественного научного потенциала, слабую взаимосвязь науки, технологий и инноваций».

В работе Ленчук Е.Б.[3] рассматривается состояние технологической отсталости России, являющееся, на наш взгляд, следствием недооценки вызовов открытого экономического пространства: «масштабная деиндустриализация и примитивизация национальной экономики, снижение промышленной активности, сокращение количества производств, связанных с высшими технологическими укладами, и вымывание технологически емких отраслей, старение производственной базы и медленные темпы ее обновления, падение конкурентоспособности российской промышленности на мировых рынках (в том числе высокотехнологичных)» и другие.

Приведенные оценки свидетельствуют не просто об актуальности исследования и прогнозирования вызовов, но и настоятельной необходимости их анализа, учета, прогнозирования и поиска возможных ответов в разрабатываемых стратегиях, в том числе Стратегии 2030 на уровне регионов РФ и прочих программных документах.

Необходимо отметить, что экономические вызовы на фоне цивилизационных имеют несравненно более короткий жизненный цикл, однако их истоки рождаются в недрах развития цивилизаций. Об этом свидетельствуют труды Моисеева Н.Н., а также материалы симпозиума «О необходимых чертах цивилизации будущего», посвященного 90-летию этого выдающегося ученого.

Вызовы – это эволюция, качественные изменения, смена парадигм во внешней среде. Известное выражение Перикла «Если вы не интересуетесь политикой, это ещё не означает, что политика не интересуется вами», которое перефразировал Бисмарк: «Если вы не занимаетесь политикой, то политика займётся вами» можно применить к современным экономическим реалиям. Если своевременно не заняться фундаментальными основами мирового экономического пространства, то его развитие обернется теми самыми вызовами, отвечать на которые в лучшем случае придется с опозданием.

Один из принципов рыночной экономики, а именно рыночная свобода открывает возможности для развития субъекта, но несет в себе и угрозы (риски). Вызовы не дают однозначно возможности, т.к. для реализации необходим

---

[1] Антохонова И.В. О методологии статистического исследования регионального социально-экономического комплекса // Вестник НГУЭУ. 2015. – № 4. – С. 192-199.

[2] Шулешко А. В., Борисоглебская Л.Н., Белецкая И.Ю. Ключевые вызовы развитию региона в условиях глобализации российской экономики. – http://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-vyzovy-razvitiyu-regiona-v-usloviyah-globalizatsii-rossiyskoy-ekonomiki

[3] Ленчук Е.Б. Технологический вектор новой индустриализации в России // Экономическое возрождение России. – М., 2016. – № 2 (48). – http://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2016/06/2016-2-48.pdf

потенциал, и не представляют угрозы, от которых нужно защищаться (пассивный процесс). Вызовы предполагают потенциал достойного ответа и развитие, переход на новый уровень.

Таким образом, вызовы отличаются от рисков, вероятностных нежелательных ситуаций, требующих информированности, страхования, диверсификации. В экономике вызовы представляют форму реализации экономической активности, адресованной личности, обществу в целом, бизнесу, государству. С другой стороны, вызов является достигнутым результатом иного субъекта (партнера, конкурента, граничащей территории) как во внешней среде, так и во внутренней.

Источники вызовов во внешней среде – активные процессы, характеризующие результат эффективного вовлечения ресурсов в развитие потенциала субъектов внешней среды, конкурирующих на едином рынке с потенциалом исследуемого субъекта. Фактически это есть более эффективный продукт, являющийся реализацией принципиально новой идеи. Инновация рождается из непрерывного процесса усовершенствования окружающих человека предметов, технологий, приспособлений, которые будут пользоваться по оценке автора массовым спросом. Достаточно вспомнить ряд уникальных изобретений японских авторов в XX веке – растворимого кофе, пароварки (рисоварки), флэшпамяти, видеомагнитофона и т.п. Вся история инноваций, начиная с римского водопровода и заканчивая «умным домом», направлена в значительной степени на повышение качества жизни с учетом ограниченных физических возможностей человека и необходимостью высвобождения времени на дальнейшее развитие.

Источники вызовов во внутренней среде – формирование потенциалов, центробежные силы, разрушение структуры, не адекватной уровню потенциала составляющих частей. Исходя из источников, вызовы являются внешними и внутренними, результаты преодоления вызовов выражаются в достижении баланса, устойчивости объекта как системы, так и системы более высокого порядка.

Концептуальным подходом к исследованию социально-экономического комплекса на уровне субъектов Федерации является пространственный подход, обусловленный значимостью территорий в условиях жесткой международной конкуренции, развитием правового обеспечения земельных отношений, неравномерностью заселения и освоения общероссийского пространства. В настоящее время к внешним вызовам для России относятся в том числе международные санкции, введенные 41 страной, однако не менее опасными представляются внутренние вызовы целостности и потенциалу локальных территорий в национальной экономике. Особую актуальность представляет выявление вызовов при разработке стратегии развития на период до 2030 г. Активизация политических и экономических трансформаций на территории евразийского пространства сопровождается адаптационным характером изменений в экономике, в то время как конкурентоспособность должна базироваться на стратегических инновациях.

Формами ответа на вызовы, по нашему мнению, могут быть: уход от проблемы, адаптация к вызовам, трансформация системы, опережающие стратегические инновации, рыночный подход, определяющий глобальную конкуренцию. Знаковые инновации, определяющие очередную волну развития, завершают жизненный цикл выходом на массовый рынок. Геополитически конкуренция базируется на использование рентных ресурсов, однако величина ренты со временем меняется. Например, исчерпание ресурсов на поверхности вынуждает проводить их извлечение с применением специальных технологий. Стоимость труда в Китае с течением времени стала расти, что снижает конкурентоспособность китайских товаров по цене и т.д. Наблюдается тенденция сокращения жизненного цикла товаров и услуг в условиях роста конкуренции. При этом на рынке продуктов питания растет доля продуктов с длительным сроком хранения. Однако на смену данного тренда приходит распространение здорового образа жизни и «органической пищи». Проявляется также тренд в эволюции моделей потребительского поведения от гедонизма и консьюмеризма к рационализму, сберегательному и инвестиционному поведению.

Согласно методологическим пояснениям Федеральной службы государственной статистики под инновационной деятельностью понимается вид деятельности, связанный с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности[1].

Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, включающий центр статистики и мониторинга науки и инноваций, центр статистики и мониторинга образования, центр статистики и мониторинга информационного общества формулирует следующие задачи:

– развитие методологии и практики статистических измерений в сфере науки, инноваций, передовых и возникающих технологий (включая нано-, биотехнологии, фотонику), инжиниринга, технологического уровня отраслей экономики и др.;

– оценка эффективности научно-технической и инновационной деятельности в регионах Российской Федерации;

– мониторинг сферы науки, технологий, инноваций и информационного общества;

– разработка методологии и подходов к измерению результативности научно-технической деятельности, включая развитие методов оценки уровня публикационной и патентной активности организаций, анализа инновационного поведения населения;

– гармонизация отечественной практики статистического наблюдения в сфере науки и инноваций в соответствии с действующими международными стандартами.

Что имеет принципиальное значение для рождения инноваций? В эпоху постиндустриального, информационного общества – институты, инвестиции, реформирование образования, интеллектуальный потенциал, глобальные

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. – С. 740.

инновационные сети. Тема Глобального инновационного индекса (ГИИ) 2016 – «Побеждая с помощью глобальных инноваций».

Рейтинг ГИИ рассчитывается, как среднее из двух субиндексов. Субиндекс инновационных затрат позволяет оценивать элементы национальной экономики, в которых протекают инновационные процессы, в разбивке на пять основных групп: (1) институты; (2) человеческий капитал и исследования; (3) инфраструктура; (4) уровень развития рынка и (5) уровень развития бизнеса. Субиндекс инновационных результатов отражает фактические результаты таких усилий в разбивке по двум основным группам: (6) результаты в области знаний и технологий и (7) результаты творческой деятельности.

В официальной статистике РФ, в сборнике «РЕГИОНЫ РОССИИ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ» имеются два раздела:

19. Информационные и коммуникационные технологии

19.1 Использование информационных и коммуникационных технологий в организациях

19.2. Организации, имевшие веб-сайт

19.3. Число персональных компьютеров на 100 работников.

19.4. Использование специальных программных средств в организациях

19.5. Затраты на информационные и коммуникационные технологии

19.6. Использование электронного документооборота в организациях

19.7. Домашние хозяйства, имевшие персональный компьютер и доступ к сети интернет

21. Научные исследования и инновации

21.1. Организации, выполняющие научные исследования и разработки (единиц)

21.2. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (чел.)

21.3. Численность исследователей с учеными степенями (чел., исследователи, техники, вспомогательный персона, прочие)

21.4. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям (чел.)

21.5. Внутренние затраты на научные исследования и разработки (млн. руб.)

21.6. Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам затрат (млн. руб., оплата труда, страховые взносы, оборудование, материалы, прочие)

21.7. Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ (млн. руб., фундаментальные, прикладные, разработки)

21.8. Организации, ведущие подготовку аспирантов (число и чел.)

21.9. Прием и выпуск из аспирантуры (число организаций и чел., прием, выпуск, в том числе с защитой)

21.10. Организации, ведущие подготовку докторантов (число организаций и чел.)

21.11. Прием и выпуск из докторантуры (чел., прием, выпуск, в том числе с защитой)

21.12. Поступление патентных заявок и выдача патентов в России (в ед. по данным Роспатента)

21.13. Разработанные и используемые передовые производственные технологии (в ед.)

21.14. Инновационная активность организаций (технологические, организационные, маркетинговые в %)

21.15. Затраты на технологические инновации (млн. руб.)

21.16. Объем инновационных товаров, работ, услуг (в млн. руб. и в % от объема отгруженных)

21.17. Организации, осуществлявшие инновации, обеспечивающие повышение экологической безопасности в процессе производства товаров, работ, услуг (в % от общего числа организаций)

Сопоставление двух систем показателей позволяет сделать следующие выводы:

1. Существующие показатели измерения инноваций нацелены прежде всего на ресурсы и затраты,
2. Ресурсный и затратный подходы переносят фокус (цель) на оценку роста затрат, а не на результат,
3. С учетом развития и продвижения глобальных сетевых инноваций разделы 19 и 21 необходимо объединить,
4. В показателях не учитывается жизненный цикл, скорость внедрения и выхода на массовый рынок,
5. Не выделены стартапы, построенные в большинстве случае на бережливой стратегии,
6. Не отражено развитие институтов и инфраструктуры (число технопарков, инновационных центров, фондов поддержки, венчурных и т.п.),
7. Существующие показатели не являются системой из взаимосвязанных логически количественных и качественных показателей, затрагивающих всех участников инновационных процессов.

В связи с этим нами предлагается следующая *методика* измерения инноваций, как ответа на вызовы:

1. Оценка потенциала (организации и человека);
2. Регистрация слабого сигнала (изменения в рейтинге);
3. Инфраструктура;
4. Потенциал спроса (уровень развития рынка);
5. Потенциал предложения (уровень развития бизнеса);
6. Массовый рынок (эффективность).

Афанасьев М.А.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Клячин М.С.
аспирант Российского экономического университета
Демидко Д.В.
МГПУ

ИННОВАЦИИ СИТУАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Ключевые слова: *ситуационный менеджмент; ситуационное управление; инновации в менеджменте; автоматизация процессов управления; информационные технологии в менеджменте.*

Отдельным подвидом менеджмента является событийное управление (event), ситуационный менеджмент, который, на наш взгляд, является одним из наиболее перспективных направлений развития менеджмента.

Если несколько абстрагироваться от управления мероприятиями и акцентировать внимание на ситуации, можно отметить, что она создаёт условия для объекта управления, тем самым оказывая на него постоянное управляющее воздействие. В традиционном менеджменте под ситуацией понимается вся совокупность обстоятельств и условий, побуждающих или вынуждающих менеджера принимать решения и предпринимать управленческие действия [5]. Однако современный менеджмент выделяет принципы самоорганизации, которые присущи не только организациям, но и её структурным элементам. Поэтому в рамках современного менеджмента ситуация должна рассматриваться именно как механизм управления в рамках микроэкономики. Если же говорить о макроэкономике, то управление ситуацией так или иначе давно используется и наиболее ярко прослеживается в государственном управлении.

Под ситуационным менеджментом мы будем понимать управление путём формирования управляющим субъектом ограничений (рамок), очерчивающих область возможных решений управляемого объекта(ов) т.е. создание среды, ситуации, в которой любое возможное решение, принятое и реализованное управляемым(и) объектом(ами) будет соответствовать целям управляющего субъекта.

Также необходимо отметить следующие аспекты: возможность и необходимость применения ИТ-технологий для осуществления связей между Верхним и Низшим уровнями управления, а также установки рамок, ограничивающих область возможных решений; возможность использования наработок в области управления знаниями [3] для снижения временных издержек, необходимых для получения информации, необходимой для принятия управленческих решений.

В результате подхода к управлению, основанного на предложенном понятии ситуационного менеджмента, необходимость постоянного контроля за управляемым объектом снижается, снижается, соответственно, и трудоёмкость. Появляется возможность сокращения объёма работ по передаче управляющих сигналов от Верхнего уровня управления к Исполнительному с одной стороны и получения обратной связи от Исполнительного к Верхнему уровню управления. Соответственно, себестоимость производимой продукции (оказываемых услуг) может быть снижена, при условии внедрения информационных систем, за счет значительного сокращения транзитного уровня управления.

Умение грамотно управлять проектами в настоящее время приобретает огромное значение как для крупных компаний, так и для маленьких фирм. Стремительно растёт количество информации в мире, что приводит организации к необходимости разработки и внедрения всё новых средств обработки и управления данными. Многие компании придают большое значение управлению информацией, так как это один из самых ценных видов ресурсов. Как гласит известная пословица, – «Кто владеет информацией, тот владеет миром». На сегодняшний день повышение эффективности управления информацией является одной из первоочерёдных задач для каждой компании, которая хочет добиться успеха.

Для достижения данных целей инициируются проекты, в рамках которых происходит разработка и/или внедрение программного обеспечения. Каждый проект имеет свои роли, как правило, описываемые в матрице RACI. Но зачастую в проекте принимает участие слишком большое количество менеджеров, возникает избыток управляющего персонала.

Для слова «менеджер» в настоящее время существует множество определений. Одно из многочисленных значений данного слова приведено ниже.

Менеджер – руководитель или управляющий, отвечающий за определённое направление деятельности предприятия, управляющий проектом или целой компанией (топ-менеджер).

Несомненно, менеджеры играют ключевую роль в организациях. Их обязанности складываются из принятия решений, организации и посещения различных встреч, составления докладов. В наш век высоких технологий создано огромное количество информационных систем, способных облегчить работу менеджерам, ускорить и даже полностью автоматизировать принятие некоторых решений. Для понимания необходимых функций информационной системы

для менеджера необходимо сначала исследовать деятельность менеджеров, определить, в какой информации они нуждаются для принятия решений. Также необходимо определить алгоритм принятия решений и их виды, поддерживаемые формальными информационными системами.

Современная литература описывает пять классических функций менеджеров: планирование, организация, координирование, решение и управление.

Каждая из этих функций может быть упрощена и даже автоматизирована современными информационными системами. Особенный интерес представляет роль информационных технологий в деятельности менеджеров виртуальных корпораций.

Одним из вариантов автоматизации функций менеджера являются средства групповой работы для виртуальной корпорации.

База данных виртуальной (сетевой) корпорации наряду с персональной информацией по сотрудникам должна содержать файлы, отражающие всю историю обмена сообщениями по почте, а также файлы записи сеансов видеоконференций.

Подобная система оказывает следующее влияние на функционирование корпорации.

1. Усиление контроля со стороны руководства. Один из наиболее существенных недостатков модульной корпорации – слабый контроль над подчинёнными. Но для достижения устойчивого преимущества над конкурентами необходим надёжный контроль над выполнением текущих задач и корпоративной стратегии. Возможность предварительных оповещений о возможных отклонениях от стратегии компании приобретает исключительную важность в условиях жёсткой конкуренции. Традиционные методы контроля и мотивации сотрудников могут не возыметь желаемого эффекта в случаях, когда проект выполняется географически удаленными сотрудниками, использующими средства сети Интернет для связи с центральным офисом. Именно поэтому руководителям подобной организации необходима надёжная система мониторинга удаленных сотрудников.

2. Управление конфликтами. При работе с удаленными сотрудниками конфликты могут возникать чаще, чем в обычных условиях. Отсутствие межличностного общения между сотрудниками, начальством и подчиненными приводит к недосказанности, двусмысленности, неспособности вовремя определить проблемы. Действительно, непросто объяснить работнику, сорвавшему сроки сдачи своей части общего проекта неправильность его действий, используя только телефон или электронную почту. В подобных случаях база данных переговоров может оказать неоценимую помощь. Ответственные за разрешение конфликтов должны иметь возможность просмотреть архивы данных по конкретному сотруднику и определить, что было им написано или сказано и при каких обстоятельствах. Данная функция имеет ещё одно преимущество – ответственность сотрудников, проинформированных о подобной практике, многократно возрастает.

3. Совместные голосования. Зачастую, когда структура предприятия становится достаточно сложной и разветвлённой, возникает необходимость в проведении процедуры голосования по вопросам, затрагивающим интересы нескольких сторон или касающимся общей стратегии предприятия. В подобных случаях целесообразно организовывать процедуру голосования и обработку его результатов посредством компьютерных технологий, поскольку организация совместных заседаний лиц, принимающих решения, может оказаться неоправданно затратной процедурой в отношении человеческих ресурсов. В качестве защиты голосования, а также идентификации сотрудника можно использовать цифровую подпись.

4. Информационная поддержка удалённых сотрудников. Зачастую сотрудник, работающий вне офиса, сталкивается с проблемой «оторванности» от коллектива, рабочей группы, работодателя. В подобных случаях необходимо организовывать информационную поддержку удалённых сотрудников. Её суть состоит в рассылке всем участникам проекта информации о состоянии проекта, сроках сдачи отдельных фрагментов, текущей стадии разработки участка каждого из сотрудников. В результате применения данного средства информированность сотрудников о текущих делах компании повышается, равно как и растёт «включённость» в общее дело, снижается чувство отчуждённости, неизбежное при удалённой работе, повышается продуктивность и качество работы сотрудников. Данный метод часто применяется, когда общение с сотрудниками происходит преимущественно посредством электронной почты, в особенности, если каждый сотрудник выполняет относительно независимый участок работ.

Универсальным решением всех вышеперечисленных задач является система управления базой данных, которая может хранить, индексировать и обрабатывать запросы к записям сеансов видеоконференций между сотрудниками. Хранить текстовую информацию и записи видеофрагментов способна каждая современная СУБД.

Некоторые сложности возникают при решении задач по записи фрагментов видеоконференций. Программа записи должна работать «прозрачно» для пользователей, каждый сотрудник обязан быть проинформирован о том, что его действия записываются, однако сама процедура никоим образом не должна напоминать о себе.

Создание интегрированной среды работы с удалёнными сотрудниками является важной целью разработки технических средств групповой работы сотрудников в сетевой корпорации.

Информационные системы играют очень важную роль во всех современных организациях, поэтому не могут игнорироваться менеджерами. С информационными системами связано благосостояние всех крупнейших компаний. Сегодняшние системы оказывают непосредственное влияние на планы и решения менеджеров, играют стратегическую роль в жизни фирмы. Ответственность за информационные системы не может быть делегирована исключительно техническому персоналу.

Системы поддержки управления или системы поддержки принятия решений разработаны с целью обеспечения поддержки небольшой группе менеджеров или определенному менеджеру. Они включают в себя приложения для поддержки принятия управленческого решения, такие как: системы групповой поддержки, исполнительные информа-

ционные системы и экспертные системы. Существуют организационные системы, разработанные для поддержки организации в целом или её больших отделов типа систем обработки транзакций, накопления данных и группового ПО. Вместе они обеспечивают относительно всестороннее отображение приложений информационной технологии внутри единой организации (внутриорганизационные системы).

Список литературы

1. Уринцов А.И. Система формирования и принятия решений в условиях информатизации общества: монография / Международный консорциум «Электронный университет», Московский гос. университет экономики, статистики и информатики, Евразийский открытый институт. – М., 2008.
2. Уринцов А.И. Некоторые актуальные вопросы совершенствования системы управления субъектом экономики // Актуальные вопросы управления деятельностью различных отраслей. Материалы научно-практической конференции. 2006. – С. 7–10.
3. Уринцов А.И., Павлековская И.В. Принципы построения эффективной системы управления знаниями в организации // Ценности и интересы современного общества. Материалы международной научно-практической конференции. 2013. – С. 15–20.
4. Гольдштейн Г.Я. Основы менеджмента: Учебное пособие, изд. 2-е. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2003.
5. Слонов Н. Ситуативность и системность в менеджменте // Проблемы теории и практики управления. – М., 2001. – № 5/01.
6. Ересько А.Л. Проблемы разграничения управленческих полномочий в иерархических структурах управления. – http://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn06/10.shtml
7. Рыжова Н.А. К вопросу о теоретическом определении понятия организационной структуры управления компании. – http://economicarggu.ru/2008_4/17.shtml

Воин А.М.[1]

ПРОГРЕСС И УСТОЙЧИВОСТЬ СИСТЕМЫ «ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»

Ключевые слова*: научно-технический прогресс, скорость НТП, технологические прорывы, устойчивое развитие, риски.*

Восторги по поводу скорости научно-технического прогресса все чаще перемежаются опасениями по поводу этой самой скорости. Но до ясности в этом вопросе пока что весьма далеко. А поскольку научно-технический прогресс ускоряется по экспоненте и многие уже видят невооруженным взглядом в ближайшем будущем пресловутую сингулярную точку, которая их почему-то безумно радует, то внесение ясности в этот вопрос становится весьма насущным, чтобы не сказать экзистенциально важным сегодня для человечества. Вот почему, хотя я уже писал на эту тему, я решил внести некоторый дополнительный вклад в обсуждение этого вопроса.

Начну с прояснения понятия скорости прогресса и вызываемых им изменений в нашей жизни. Не все знают, что такое экспонента, и даже для тех, кто знает, это еще не дает полной ясности, поскольку все зависит от того, в какой точке экспоненты мы находимся. Недавно мне попалась статья «Будущее уже наступило» (http://argumentua.com/stati/budushchee-uzhe-nastupilo), в которой автор весьма убедительно показывает, в какой именно точке кривой мы находимся, и какое ускорение прогресса нас ожидает буквально в ближайшие несколько лет. В частности он показывает, что научно-технический прогресс и связанные с ним изменения в нашей жизни нарастают не просто по экспоненте, а по экспоненте, на которую накладывается последовательность S-образных кривых – медленный рост/взрыв/затухание и опять медленный рост/взрыв. Взрыв – это когда в некоем новом продукте происходит объединение нескольких прорывных технологий с новыми моделями бизнеса. Например, когда появился автомобиль, сочетающий в себе колесную тележку с бензиновым двигателем, и началось его конвейерное массовое производство с продажей в кредит (новая бизнес-модель), то произошел взрыв, проявивший себя в том, что лошади, которых использовали на протяжении десяти тысячи лет в качестве транспорта, были полностью заменены на автомобили в Нью-Йорке всего лишь за 13 лет – с 1900 г. по 1913 г. Аналогичный взрыв-прорыв произошел и при замене пленочного фотоаппарата на цифровой, в котором оптика пленочного аппарата сочеталась с цифровой обработкой изображения. Только на это понадобилось всего 2-3 года. И т.п.

А экспоненцильность процесса проявляется в том, что между изобретением каменного топора или скребка и изобретением колесной тележки, движимой лошадьми, прошли десятки тысяч лет, между тележкой и автомобилем – тысячи, а между автомобилем и беспилотным электромобилем, в процессе взрывного появления которого мы сегодня находимся менее 200 лет. При этом для того, чтобы гужевой транспорт после того, как приручили лошадь, заменил переноску тяжестей на горбу, понадобилось сотни лет, замена лошади автомобилем осуществилась за десятки лет после изобретения автомобиля, а начавшаяся уже замена автомобиля беспилотным электромобилем, как убедительно показывает автор упомянутой статьи, может завершиться в ближайшие 2-3 года. Добавив к этому, что если в прошлом технологические взрывы-прорывы происходили по одному, а сегодня одновременно происходит много прорывов (энергетика, робототехника, 3-D принтеры, биотехнологии, искусственный интеллект и т.д.) и все они дополняют и ускоряют друг друга, мы получим представление, в какой точке кривой прогресса мы находимся. Одним словом, можно с уверенностью утверждать, что в ближайшие несколько, нет не столетий и даже не десятилетий, а в ближайшие несколько лет, действительность, в которой мы живем, изменится настолько радикально, что те проблемы, которые волнуют нас сегодня и полностью занимают наши умы, либо исчезнут, либо станут неважными на фоне новых, либо станут частью этих новых проблем. Поэтому, как ни важны те проблемы, которые волнуют нас сегодня: экономика, Алеппо, Донбасс, победа Трампа и т.д., мы, не забывая о них, должны, прежде всего, думать о том, что несет нам это стремительно надвигающееся на нас будущее, обусловленное невероятной скоростью научно-технического прогресса.

Но, скажут многие, зачем же так волноваться? Что плохого в том, что уже через несколько лет, а не десятилетий и тем более столетий, не нужно будет тратиться на бензин и учиться водить машину? И, вообще, появится много приятных и полезных вещей, которых сегодня нет и которые будут в легкой доступности не только для сильных мира сего, но и для рядового человека? К тому же волнуйся, не волнуйся, научно-технический прогресс все равно не остановишь. Наконец, всеми этими страшилками нас пугали, когда только начинался научно-технический прогресс, когда только изобрели паровую машину. И что? Мы не только живем и здравствуем, мы живем лучше, чем до начала первой научно-технической революции. Увеличилась продолжительность жизни, сократилась продолжительность рабочего дня, появилась возможность путешествовать по всему земному шару и т.д.

[1] Воин Александр Миронович – к.ф.-м.н., PhD, директор Международного института философии и проблем общества, Киев. E-mail: philprob@yandex.ru

По поводу того, что нас пугали, а мы все еще живем и даже лучше, чем раньше. Ну, во-первых, никто не собирается оспаривать, что научно-технический прогресс приносил и приносит много пользы человечеству. Но принося огромную пользу, научно-технический прогресс сопровождался и определенными отрицательными эффектами: ухудшение экологии, ослабление иммунитета людей, распространение новых заболеваний, появление глобальных экономических кризисов, появление и распространение новых и все более смертоносных видов оружия, включая атомное, и т.д. И главное, снабжая нас благами и удобствами, научно-технический прогресс одновременно уменьшает устойчивость системы «человечество». Появилась возможность, которой раньше не было, и не одна, самоуничтожения человечества: в атомной войне, в техногенной катастрофе типа Чернобыльской, в эксперименте типа адронного коллайдера и т.п. Причем вероятность самоуничтожения или катастрофы, соизмеримой с ним, нарастает пропорционально скорости научно-технического прогресса. Первые атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, были хоть и страшным оружием, но не способным уничтожить человечество. С тех пор созданы бомбы в сотни и тысячи раз более мощные и их создано столько, что хватит, чтобы уничтожить земной шар десятки раз. Далее, когда атомные бомбы только появились, их могли создавать только сверхдержавы. Сегодня, благодаря научно-техническому прогрессу, их может создавать и создает даже такая страна, как Северная Корея, а завтра их смогут изготавливать и террористы. То же можно сказать и о химическом и биологическом оружии, которое завтра достигнет мощи атомного, если уже не достигло, а изготавливать и применять его смогут одиночки-психопаты, которые размножаются также со скоростью научно-технического прогресса. Но создаются и стремительно множатся все новые и новые виды оружия. Уже появились военные роботы и даже микро-роботы и, следовательно, появился соблазн создать из них армию и с ее помощью завоевать мир. А коль такой соблазн есть, то непременно найдутся и те, кто соблазнится, и тогда, для того, чтобы остановить их, потребуется применить атомное оружие, т.е. опять возрастает вероятность его применения. Ну, а кроме военных роботов на горизонте уже видна тьма новых видов оружия либо соизмеримого по мощи с атомным, либо способного спровоцировать применение последнего: электронное, психотронное, климатическое, геофизическое и др. Даже развитие конвенционального оружия влияет на устойчивость системы «человечество» и в частности на вероятность применения атомного оружия. Договор СНВ базировался на паритете не только по атомным бомбам, но и по конвенциональному оружию. Американцы нарушили этот паритет, развив новое высокоточное конвенциональное оружие, Россия в ответ была вынуждена выйти из договора по плутонию. И т.д. Короче, сегодня человечество можно сравнить с каретой, влекомой взбесившимися лошадьми в пропасть.

Я понимаю, что для рядового читателя мои рассуждения об экспоненциальном росте прогресса, потере устойчивости системы «человечество», вероятности самоуничтожения слишком абстрактны и потому не впечатляют. Мол, ядерное оружие – это оружие устрашения и никто, никогда не станет его применять. 70 лет живем при нем, и ничего не случилось. А то, что в течение этих 70 лет человечество много раз стояло на грани ядерной войны (хотя только карибский кризис получил широкое освещение в СМИ, а остальные случаи держались в тайне и только сегодня информация о них начинает потихоньку просачиваться) этим рядовой читатель старается не заморачиваться. И почему, мол, беспилотные автомобили, 3-D принтеры, биотехнологии и т.д. должны повлиять на применение ядерного оружия? И т.д.

К сожалению, так рассуждают не только рядовые граждане, но и многие аналитики, особенно из числа прогрессистов. Вот как, по мнению автора упомянутой статьи, прекрасно описавшего сам научно-технический прогресс и его ускорение, выглядит негатив нынешнего прогресса, который он, при полном восторге и упоении от прогресса, все же вынужден признать:

«Прогнозируют, что в результате всего этого (3D-принтеры в строительстве, транспорт без водителей, искусственный интеллект вместо офисных работников и т.д. – А.В.) на рынке труда останется масса невостребованных людей. Те рынки труда, на которых они могут что-то делать, исчезают. При этом все говорят, что у людей должен сохраниться гарантированный безусловный доход. Всем людям надо будет выплачивать деньги, чтобы хватало на еду, на жилье, на одежду. Но вопрос не только в деньгах, которые нужно выплачивать. Вопрос в том, чем этих людей занять. В общественное сознание внедряются всякие идеи, как хорошо все хэндмэйд, сделанное руками. Это специальная целенаправленная работа, чтобы у людей был какой-то мелкий бизнес, какое-то занятие.

Было специальное исследование, чем занимаются разные богатые бездельники. Вот статистически: что они делают после того, как получили большое наследство? Выяснилось, что многие любят садить лучок, картошечку на маленьких огородиках, вино делать свое. Домашнее сельское хозяйство, в общем. В этом направлении, как занять людей, ведется уже серьезная целенаправленная работа».

Такая идиллия многим покажется прямо обещанным Никитой Сергеевичем Хрущевым коммунизмом: работать не надо, денежки и так платят, не жизнь, а малина. И никто при такой хорошей жизни не захочет воевать, зачем, когда и так все хорошо?

Однако насколько хорошо автор статьи анализирует ускорение научно-технического процесса, настолько слабо он и другие прогрессисты анализируют последствия этого прогресса для общества и человечества. Представление о том, что достаточно обеспечить всех сытной и вкусной пищей, теплым санузлом, ну и еще развлечениями в виде работы в своем огородике, бесконечного просматривания телесериалов и голливудских блокбастеров, шоу с сомнительным юмором и бесконечной эксплуатацией секса, и (для особо неспокойных) казино для щекотания нервов, и воцарится мир и благоденствие во всем мире, не тянет даже на вульгаризированный марксизм. Однако это представление очень крепко сидит в мозгах не только рядовых обывателей, но и аналитиков-прогрессистов. Даже по Марксу не все сводится к потреблению пищи, есть ведь и идея, которая овладев массами, становится силой. Только коровы, которых хорошо кормят, держат в теплом стойле и вовремя доят, вполне довольны жизнью. И то только потому, что не понимают, что рано или поздно их зарежут на мясо. Но, как показал проведенный американцами эксперимент, даже дикие

олени, завезенные на необитаемый остров, где не было хищников, и обеспечиваемые вдоволь подвозимым кормом, через некоторое время начали дохнуть от непонятной болезни, а если проще – от тоски. Люди же помимо еды, тепла и развлечений нуждаются в смысле жизни. Собственно, даже дикие олени, как видим, нуждаются в нем. Только для диких зверей и для первобытного человека этот смысл ограничивался борьбой за выживание и продолжение рода. Но по мере эволюции человека этот смысл стал все более смещаться в сторону духа («Не хлебом единым»). И уже давно и чем дальше, тем больше, люди воюют не только за материю. Достаточно вспомнить религиозные войны, столкновение фашизма с коммунизмом или многочисленных современных террористов всех мастей. Конечно, среди последних найдется небольшой процент тех, которые воюют за материальные блага. Но, несомненно, подавляющее большинство воюет за идею, которая дает смысл их жизни.

Рассмотрим, как трансформировался смысл жизни от дикого животного или первобытного человека к современному. Как сказано, смысл жизни животного и первобытного человека сводился к выживанию и продлению рода. Но поскольку выживать в тех условиях было тяжело, люди, во-первых, стали объединяться в сообщества, а во-вторых, стали изобретать орудия труда, с чего и начался научно-технический прогресс. В результате индивидуальное выживание сменилось коллективным. Содержанием индивидуального выживания была добыча пищи и индивидуальная защита себя и членов своей семьи от хищников и врагов. А вот коллективное выживание в обществе включает в себя, помимо производства материальных благ и защиты общества, много других функций: руководство обществом (власть), организация правильных отношений между членами общества, чтобы оно не распалось, и чтобы жизнь в нем была лучше, и регулирование этих отношений (мораль, суды, полиция, культура, искусство и религия) и т.д. Если человек вносит своим трудом вклад в осуществление хотя бы одной из этих функций, он – полезный член общества, и он имеет смысл жизни. Если нет, то он – лишний человек, паразит и он не имеет настоящего смысла жизни, хотя он может этого не осознавать, замещая этот смысл его эрзацами (обогащение, карьера, власть, наслаждения и т.п.). Но объективно такой человек не только бесполезен для общества, но и вреден, в частности нарушает устойчивость его. Это хорошо описано в произведениях мировой и особенно русской литературы, где собственно и возникло понятие «лишний человек».

Все эти литературные лишние люди склонны были к экстриму и антисоциальному поведению: поучаствовать в войне не за идею, а от скуки, ввязаться в дуэль, также от скуки и т.п. Но в ту эпоху, когда они появились, их было мало и поэтому они мало влияли на общественные процессы и устойчивость системы «человечество». Но с тех пор благодаря научно-техническому прогрессу лишние люди множились и, чем дальше, тем больше они влияют на все общественные процессы и на устойчивость системы «человечество». Правда, в подавляющем большинстве на сегодня эти лишние люди скрыты, не обозначены обществом, как таковые, и потому проблема не артикулирована и не осознается. Есть и открытая часть. Это так называемые тунеядцы в бывшем Советском Союзе, получатели вэлфэра в Америке и уголовники. Бесполезность для общества и даже вредность этих категорий людей осознается всеми, хотя ярлык «лишние люди» более-менее внятно принято навешивать разве только на тунеядцев Союза (сам термин «тунеядец» практически эквивалентен термину «лишний человек», «паразит»). Уголовник в бытовом сознании не ассоциируется с лишним человеком, потому что в бытовом сознании лишний человек это тот, кто сам мается своей бесполезностью, а уголовники отнюдь ею не маются. Но с точки зрения полезности обществу это, конечно, тоже лишние люди.

Что касается срытых лишних людей, то это, во-первых, всевозможные карьеристы в политике, на государственной службе, в науке, медицине, армии и т.д. Формально они заняты полезной для общества деятельностью. При этом часть из них, а именно те, которые обладают соответствующими способностями и талантами, все же приносят некоторую пользу, хотя одновременно и вред. Кое-кто рассматривает такой карьеризм как, вообще, здоровое, полезное обществу явление. Мол, во имя честолюбия человек делает больше для общества, чем делал бы, не будучи честолюбив. С одной стороны это действительно так, но с другой в ситуациях, когда стоит выбор между карьерой и пользой общества, а такие ситуации непременно возникают, такой человек выбирает карьеру. Еще больший и более очевидный вред от карьерной бездари во всех сферах жизнедеятельности общества. При этом когда карьерной бездари набивается во все системы общества слишком много (а это происходит потому, что бездарь и даже способные карьеристы, тянут за собой в систему именно бездарь, потому что им так удобней делать карьеру), тогда вслед за элитой начинают игнорировать интересы общества и широкие массы, и общество просто разваливается.

Надо признать, что описанное явление носит энтропийный характер и существовало во все времена, в том числе и в эпохи до научно-технической революции. Подобным образом загнивали и разваливались и Римская империя, и Российская, и многие другие системы. Но научно-технический прогресс усугубляет его тем, что благодаря ему общество и особенно управление им усложняется и усложняется задача отбора элиты, удовлетворяющей возросшим требованиям, и тем самым облегчается проникновение в элиту карьеристов и карьерной бездари. Поэтому сегодня деградация элит происходит быстрее, чем в эпоху римской или царской империй, и чем дальше, тем быстрее. И это хорошо заметно по неудовлетворенности масс своими элитами практически по всему миру. Причем частая смена элит в некоторых государствах революционным путем сегодня приводит, как правило, лишь к ухудшению их качества.

Но есть и еще более многочисленная и, может быть, более вредная категория лишних людей, порождаемая именно научно-техническим прогрессом. Как сказано, этот прогресс постоянно и чем дальше, тем с большей скоростью лишает работы людей, занятых прежде в профессиях, становящихся благодаря прогрессу ненужными. Эти люди вынуждены отчаянно искать какие-то новые формы занятости, которые могут дать им источник существования. Да и государства осознают эту проблему и пытаются придумывать такие новые формы занятости. Но по объективным причинам рост реально полезных обществу новых видов занятости существенно отстает от роста числа остающихся без работы из-за научно-технического прогресса. И чем дальше, тем больше. Поэтому и государства, и тем более сами люди придумывают себе виды занятости, которые обеспечивают им достаток и иногда несравненно лучший, чем

прежняя нормальная работа, но эта занятость в лучшем случае бесполезна для общества, в худшем вредна и иногда очень вредна. Государство, которое по своей природе склонно раздувать бюрократию и без влияния научно-технического прогресса, в ситуации необходимости сокращения постоянно растущей безработицы охотно прибегает к совершенно бессмысленному и вредному раздуванию армии чиновников, не столько помогающих, сколько осложняющих жизнь рядовому гражданину. В особо тяжелых случаях это раздувание бюрократии в сочетании с ростом карьерной бездари в элите общества может стать причиной гибели государства.

Что касается псевдозанятости, ненужной и даже вредной обществу, осуществляемой по инициативе самих граждан, то она особо процветает в демократических государствах со свободным рынком, где частной инициативе граждан в принципе предоставлена большая свобода. Здесь она имеет самый широкий спектр вариантов, начиная с преступной деятельности, т.е. вредной для общества деятельности, которая квалифицирована государством как таковая, через разные виды вредной деятельности, которые законом не запрещены, но вредность их более-менее очевидна, до таких, вредность которых большинству общества не очевидна. К числу последних относятся, например, многие из расплодившихся в последнее время блогеров, зарабатывающих на рекламе. Их заработок зависит от числа посетителей их блогов и для увеличения посещений они заваливают Интернет всякого рода сенсационной информацией, в большинстве случаев непроверенной, часто сознательно ложной, зачастую клеветнической, разжигающей ненависть к конкретным известным людям или целым группам населения. Конечно, разжигание ненависти запрещено законом, но оно маскируется под правдоискательство, а проведение четкой грани во многих случаях затруднительно и поэтому вредность таких людей не осознается большинством общества. При том, что они весьма способствуют нарушению устойчивости общества, создают опасные массовые фобии и порождают массовый же психоз. Тем же страдают и традиционные СМИ, в которые по мере прогресса вливается все больше вытесненных из других видов занятости искателей заработка любой ценой, которым наплевать на то, что СМИ должны по идее служить интересам общества. В результате этого вся мировая пресса стремительно желтеет. К скрытым лишним людям относятся и многие дешевые развлекатели публики из всевозможных шоу, роль которых аналогична роли нечестных блогеров и журналистов. Сюда же относятся и многие психотерапевты, обучающие своих клиентов, как преуспеть или достичь психологического комфорта с помощью всяких психологических трюков, приносящих вред другим людям и обществу в целом. Их число в обществе тоже растет, как число грибов после дождя.

Этот эффект усугубляется еще тем, что в связи с научно-техническим прогрессом и пропорционально его росту происходит усложнение общества и процессов, текущих в нем. Появляется много новых явлений, таких, например, как Интернет, социальные сети, фондовая биржа, деривативы, франчайзинг, непонятно от чего зависящие колебания курса валют, способные лишить нас средств существования и т.д. и т.п., радикально изменяющих жизнь как в лучшую, так и в худшую сторону. Из-за скорости изменений и усложнения жизни у человека происходит дезориентация в окружающей действительности и до предела сокращается горизонт планирования. Ему становится все трудней и трудней определить, полезно ли обществу или вредно то, чем он зарабатывает себе на хлеб насущный, или даже его идеалистическая общественная деятельность. Это приводит к моральному одичанию общества, в частности к тому, что многие люди, даже занятые полезным обществу трудом или деятельностью, становятся равнодушными к интересам общества в целом, и они заботятся только о своем персональном интересе или узкогрупповом. Такой человек в любой момент может от своей полезной деятельности перейти к вредной: преступной или разрушающей общество во имя группового интереса. Такие люди легко поддаются манипулированию всевозможными демагогами, вовлекающими их в разные религиозные секты, такие, например, как «Белое братство», «Аум сенрике», сциентизм и т.д. или в фанатичные общественные движения на базе вздорных и вредных идей, в частности, пещерного национализма, разливающегося сегодня по всей планете, наконец, в террористические группировки.

Еще одним фактором, усугубляющим неустойчивость системы «человечество» и тоже связанным с научно-техническим прогрессом, является неравномерность этого прогресса по планете. И, если этот прогресс приводит к моральной деградации население развитых стран с высоким образовательным цензом, то, когда плоды его докатываются до отсталых стран (а в условиях глобализации они докатываются быстро), получается гремучая смесь примитивного сознания с могуществом современно техники. Т.е. обезьяна с гранатой или по-современному ИГИЛ.

Теперь представим себе, что произойдет после того, как в ближайшие несколько лет огромное число людей в развитых странах окажется без работы, обрушатся окончательно прежние смыслы жизни не только для них, но и для тех, кто имеет работу, а обитатели слабо развитых стран окончательно потеряют всякие ориентиры в этой жизни, зато получат в руки все больше и все более совершенного и разрушительного современного оружия. Конечно, эта и другие затронутые в этой статье темы требуют дальнейшего обсуждения.

Горденко Г.В.
с.н.с. Института экономики РАН

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА, НАУКИ И БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: *координирующая роль государства; кооперация науки и бизнеса; институты развития инновационной экономики; комплексная национальная инновационная система.*

Keywords: *the coordinating role of the state; cooperation of science and business; institutes of development of innovative economy; complex national innovative system.*

В России до сих пор сохраняется низкий уровень темпов инновационных преобразований[1]. Реальным выходом из сложившейся ситуации является формирование инновационного развития через создание и развитие комплексной национальной инновационной системы (НИС). Однако, по мнению специалистов, попытки сформировать НИС без опоры в первую очередь на технологически емкие отрасли промышленности – основных потребителей инноваций не принесли желаемого результата[2].

НИС – это институт инновационной структуры общества. Он создает условия для непосредственного взаимодействия органов государства с научно-исследовательскими и предпринимательскими организациями (предприятиями, корпорациями) с целью воплощения знаний в таких инновациях, которые эффективны и для бизнеса, и для государства, и для всего общества. Согласно оценкам экспертов, НИС развитых стран с рыночной экономикой включают три основные группы компонентов:

1. Сеть институтов в частном и государственном секторах экономики, активность и взаимодействие которых инициируют, создают, модифицируют и способствуют распространению новых технологий; эти институты включают как организации, отвечающие за проведение исследований, так и способ действия, с помощью которого осуществляется организация и управление имеющимися ресурсами на уровне предприятий, и на национальном уровне[3].

2. Взаимоотношения между производителями и потребителями новых знаний и технологий в пределах одной страны[4].

3. Высокая степень неопределенности выбора перспективных прикладных направлений делает неэффективным централизованное управление и планирование, напротив, механизм свободного рынка лучше, чем административное планирование, обеспечивает многочисленные источники инициативы, конкуренцию и перераспределение ресурсов; вместе с тем необходима государственная научная и технологическая политика в области НИС, с учетом ее возможностей и ограничений в странах с разным уровнем развития[5].

По мнению экспертов[6], к недостаткам российской инновационной системы в настоящее время можно отнести следующие:

1). Невысокая вовлеченность в инновационную деятельность российских компаний.

2). Неблагоприятные рамочные условия для инноваций.

3). Низкая конкурентоспособность научных исследований и низкая активность вузов в научных исследованиях.

4). Низкий уровень развития ключевых инновационных хабов[7].

---

[1] Впервые задача перехода к инновационной модели развития была поставлена в «Основах политики РФ в области науки и технологий на период до 2010 г.». Позднее, в 2008 г. Правительство РФ одобрило «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.», в которой инновационный сценарий развития был определен в качестве базового. В контексте реализации продекларированного курса была разработана «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 гг.», в рамках которой определены основные задачи, целевые индикаторы, этапы реализации заданного курса. В качестве научно-стратегических приоритетов, поддерживаемых государством, выдвигались направления, связанные с развитием высокотехнологичных отраслей. Предпринимались определенные шаги, направленные на развитие национальной инновационной системы, в частности, инновационной инфраструктуры, специализированных финансовых и нефинансовых институтов развития в сфере инноваций с акцентом на поддержку высокотехнологичных отраслей.

[2] Инновационное развитие промышленного комплекса России: институциональный аспект. Сборник / Под ред. В.И. Филатова, И.И. Смотрицкой. – М.: ИЭ РАН, 2016. – С. 8.

[3] Freeman C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. – L.: Pinter, 1987.

[4] Lundvall B.-A. Innovation as an Interactive Process: from User Producer Interaction to Nation System of Innovation // Technical Change and Economic Theory / Ed. by G. Dosi, C. Freeman and R. Nelson. – L.: Pinter, 1988.

[5] Nelson R. Capitalism as an Engine of Progress // Research Policy. 1990. – N 2.

[6] «Инновационная Россия 2020: миссия (не) выполнима». Доклад о результатах второго исследования инновационной системы России / Strategy Partner Group и Евразийский институт конкурентоспособности. – http://www.strategy.ru/press-releases/62/

[7] Согласно классификации ОЭСР, сформировавшиеся в России модели инновационного развития можно разделить на: 1) «хабы знаний» (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск); 2) «промышленные зоны» (Татарстан, Свердловская, Калуж-

Как показывает мировая практика, проблемы освоения передовых технологий в промышленности являются ключевыми в инновационном процессе. Способность именно крупного бизнеса стать локомотивом технического прогресса впервые обосновал Й. Шумпетер[1], отметив, что благодаря большим объемам продаж и более широким возможностям доступа к финансированию они готовы нести значительные издержки на инновации и, несмотря на бурное развитие малых и средних наукоемких инновационно ориентированных предприятий, выполнение большей части значимых национальных и международных научных проектов все равно по силам только более крупным по размеру образованиям. Диверсификация и концентрация позволяют им выделять на инновации большой объем прибыли, лучше позиционироваться для внедрения в практику пионерных и нестандартных разработок.

Вместе с тем, крупный российский бизнес не реализует потенциал инновационного развития и демонстрирует низкую инновационную активность[2]. А низкая инновационная активность в течение длительного времени приводит к отсутствию в компаниях компетенций и бизнес-процессов, необходимых для внедрения инноваций.

Об инновационном потенциале малых предприятий можно судить по данным Российского банка поддержки малого и среднего предпринимательства. В 2013 г. данным банком был проведен опрос 1214 предпринимателей из 16 регионов России. В опросе затрагивались многие аспекты, которые в определенной мере характеризуют ожидания малого бизнеса в плане его потенциальных изменений. В частности, предлагалось ответить на следующие вопросы: «Планы предпринимателей по внедрению инноваций в 2013 г. (табл. 1) и по внедрению новых технологий или продукции (табл. 2).

Таблица 1

Планы предпринимателей по внедрению инноваций в 2013 г.
(процент от общего числа предприятий в выборке)

Ответы на вопрос	2012 г.	2013 г.
Планируют точно внедрять по меньшей мере один из видов инноваций	42,7	41
2. Планируют точно или вероятно внедрять по меньшей мере один из видов инноваций	66,5	66,1
3. Точно не планируют внедрять ни одного из видов	33,5	33,9

Таблица 2

Намерения предпринимателей о внедрении новшеств (в процентах от числа опрошенных)

Направления внедрения новшеств	Точно не буду внедрять	Вероятно, буду внедрять	Точно буду внедрять
Новые виды продукции	51,6	25,1	23,4
Новые технологии маркетинга и сбыта	61,4	23,7	14,9
Новые технологии производства	65,5	18,2	16,3
Новые технологии управления	67,3	19,8	13

Источник: Доклад Российского банка поддержки малого и среднего предпринимательства «Финансовая составляющая и ожидания малого и среднего бизнеса в 2013 г.». – http://www.mspbank.ru/files/14_10MSP_broshura__block2_10 pdf

С одной стороны, распределение ответов можно объяснить совокупными условиями ведения бизнеса в России, а также отсутствием системы управления этим важнейшим ресурсом, недооценкой инновационных стратегий и механизмов интегрирования денежных потоков.

С другой стороны, слабость инновационной составляющей малого бизнеса объясняется незаинтересованностью крупного бизнеса как в инновациях, так и в партнерстве с инновационными малыми предприятиями.

Ключевым фактором инновационного развития экономики является формирование эффективного взаимодействия науки и бизнеса. Проведенные исследования активности и эффективности научно-производственной кооперации в обрабатывающей промышленности позволили специалистам сделать следующие выводы[3]:

1. Масштабы и «глубина» научно-производственной кооперации находится на достаточно низком уровне.

2. Предлагаемые услуги и разработки вузов и научных организаций слабо стимулируют предприятия к инновациям. Однако компании, взаимодействующие с научно-производственным сектором, отличаются от прочих большей инновационной активностью.

3. При обилии и разнообразии инструментов научно-производственной кооперации достигнутые результаты являются достаточно скромными и «локальными». Отсутствует какой-либо заметный прогресс на уровне макропоказателей.

4. Недостатки системы господдержки научно-производственной кооперации:

- круг основных бенефициаров господдержки весьма узок (не более нескольких компаний, научных организаций и вузов);

ская, Нижегородская области и др.);3) регионы с низким уровнем развития НИОКР (значительная часть регионов России. – http://education2b.ru/node/287

[1] Шумпетер Й. Теория экономического развития: (Исслед. предпринимат. прибыли, капитала, кредита, процента и циклы конъюнктуры). / Пер. с нем. В.С. Автономова и др. Общ. ред. А.Г. Милейковского. – М.: Прогресс,1982.

[2] Национальный доклад об инновациях в России. 2016 г. – http://www.rvc.ru/upload/iblock/b6d//RVK_innovation_2016_v.pdf

[3] Кузык М. Государственная поддержка научно-производственной кооперации в России: основные инструменты, результаты и проблемы. Доклад на III Российском экономическом конгрессе. Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 20 декабря 2016 г. – http: //www.iacenter/publications/247

• новые инструменты господдержки «поглощаются» традиционными получателями. Господдержка зачастую приводит не к созданию новых, а к «докапитализации» существующих связей и партнеров;

• фактически отсутствует система комплексной оценки результатов господдержки. Осуществляется контроль – достаточно жесткий – целевого назначения бюджетных средств, а также мониторинг отдельных показателей (выручка, экспорт, патенты, публикации и ряда др.), причем, как правило, довольно формально;

• лица, принимающие решения о господдержке, стремятся избегать рисков, в результате чего в фокусе господдержки оказываются не наиболее перспективные, а более надежные проекты.

Исправить ситуацию в области инновационного развития российской экономики должна эффективная комплексная национальная система, которую еще предстоит сформировать и которая при помощи многообразных инструментов будет способствовать развитию среды генерации знаний, повышению доли наукоемкой продукции и росту инновационной активности российских компаний.

В России наблюдается довольно активное создание институтов развития в сфере инноваций (табл. 3.).

Таблица 3

Система институтов развития инновационной экономики

Тип	Характеристика
1. Технико внедренческие ОЭЗ[1]	Вид ОЭЗ для создания и реализации научно-технической продукции, доведения ее до промышленного применения. Резиденты ТВ ОЭЗ имеют преференции и налоговые льготы при разработке и производстве инновационной продукции, по сути, могут обладать определенными конкурентными преимуществами для получения (на конкурсной основе) государственного контракта на поставку продуктов
2. Технопарки, в т.ч. бизнес-инкубаторы	Специфика технопарков – научные, конструкторские, технологические разработки, связанные с высокими технологиями. Основные задачи технопарков: 1) превращение знаний и изобретений в технологии; 2) превращение технологий в коммерческий продукт; 3) передача технологий в промышленность через сектор малого инновационного предпринимательства; 4) формирование и рыночное становление наукоемких фирм; 5) поддержка предпринимателей в сфере наукоемкого бизнеса
3. Технологические платформы	Цель технологических платформ – обеспечение взаимодействия бизнеса и науки по определению и развитию перспективных направлений технологического развития; развития механизма софинансирования расходов компаний на проведение НИР с применением системы предоставления грантов, софинансирования сетевых инновационных проектов, поддержка долгосрочных инновационных партнерств по приоритетным технологическим направлениям. Технологические платформы – это саморегулируемое сетевое объединение передовых научных организаций, лидирующих в отрасли производственных компаний, некоммерческих организаций. Участником технологической платформы может выступать и государство в лице своих представителей
4. Российская корпорация нанотехнологий (РОСНАНО)	Цель РОСНАНО – реализация государственной политики в сфере нанотехнологий, развития инновационной инфраструктуры в сфере нанотехнологий, реализация проектов создания перспективных нанотехнологий и наноиндустрии
5. Центр трансфера технологий РАН и РОСНАНО	Задачей Центра является коммерциализация научных разработок институтов РАН. Сотрудники Центра с помощью внешних экспертов проводят научно-техническую экспертизу и определяют коммерческую привлекательность представленных технологий. По проектам, прошедшим этот этап отбора, разрабатываются бизнес-модели, маркетинговый план и бизнес-план проекта
6. Инвестиционный фонд Российской Федерации	Главная цель использования Фонда – поддержка приоритетных для государства и регионов инвестиционных проектов путем создания транспортной, инженерной или энергетической инфраструктуры государственного или муниципального значения
7. ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»	Цель Внешэкономбанка – среднесрочное и долгосрочное финансирование инвестиционных проектов в приоритетных отраслях экономики, содействие привлечению иностранных инвестиций, финансовая поддержка экспортно-импортной политики в важных для государства отраслях экономики
8. Венчурный инновационный фонд (ВИФ)	Свою деятельность ВИФ организует путем долевого участия (до 10 %) участия в уставном капитале региональных и отраслевых венчурных фондов, создаваемых частными инвесторами. При этом объем средств, находящихся под управлением создаваемого фонда, должен быть не менее 3 млн. долл. США. Примерами таких фондов, активно действующих в инновационной сфере, являются «Русские технологии», «Технологический капитал», «Инновационный венчурный фонд аэрокосмической и оборонной промышленности»
9. ОАО «Российская венчурная компания» (РВК)	Основная цель РВК – поддержка (на паритетных условиях с частным капиталом) венчурных и «посевных» инвестиций, развитие инфраструктуры ведения инновационного технологического бизнеса. Компания исполняет роль государственного фонда венчурных фондов, через который осуществляется государственное стимулирование венчурных инвестиций и финансовая поддержка высокотехнологического сектора экономики. На РВК возложены такие функции как: отбор лучших венчурных управляющих компаний на конкурсной основе и приобретение паев венчурных фондов, создаваемых этими компаниями
10. ОАО «Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий» («Росифокоминвест»)	Фонд выступает в качестве соинвестора, привлекающего частные инвестиции, его же собственные вложения в каждый из проектов не будут превышать 150 млн. руб.

[1] В настоящее время в России существуют 6 ТВ ОЭЗ: в Санкт-Петербурге, Зеленограде, Дубне, Томске, в Республике Татарстан («Иннополис») и в наукограде Фрязино («Исток»).

11. Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере	Фонд активно занимается проектами, находящимися на начальной стадии, предпосевным и посевным финансированием. С 2004 г. Фонд осуществляет программу «СТАРТ» по финансированию инновационных проектов, находящихся на начальной стадии реализации. Программа «ПУСК» («Партнерство университетов с компаниями») определяет основы партнерства малого инновационного предприятия и университета. С 2005г. при поддержке Фонда действует программа «ТЕМП» («Технологии – малым предприятиям»), предусматривающая безвозвратное финансирование исследований и разработок, проводимых малыми предприятиями с целью освоения приобретенных у российских университетов, академических и отраслевых институтов лицензий на новые технологии и технические решения
12. Федеральный фонд производственных инноваций	Фонд, как правило, поддерживает быстро окупаемые (до двух лет) инвестиционные проекты, в том числе малых предприятий

Хотя формирование многих институтов развития логично и оправдано, однако, большинство из них пока не смогли продемонстрировать свою высокую эффективность. В первую очередь это связано с недостаточной проработанностью их создания. Ряд из них слабо соответствуют решаемым сегодня проблемам модернизации и инновационного развития. Рассмотрим, насколько эффективно работают созданные в России институты развития.

Как показывает российская практика, формирование и развитие ТВ ОЭЗ идет противоречиво. С одной стороны, строится инфраструктура, увеличивается количество резидентов, растут экономические показатели. С другой – эффективность деятельности резидентов остается невысокой. Уровень использования в промышленности полученных разработок недостаточен. Обобщение результатов исследований деятельности ТВ ОЭЗ «Дубна» и «Зеленоград» позволили исследователям выявить группы факторов, влияющих на эффективность функционирования ТВ ОЭЗ (табл. 4)[1].

Таблица 4

Данные по результатам исследования эффективности функционирования технико-внедренческих ОЭЗ «Дубна» и «Зеленоград» (2013 и 2015 гг.)

Группы факторов, влияющие на инновационную активность ТВ ОЭЗ	Характеристика факторов
Финансовая	Собственные средства как преобладающий источник финансирования инновационной деятельности; недоступность для резидентов ОЭЗ долгосрочных кредитов; общий спад инвестиций в экономику; недостаток рынков сбыта инновационной продукции, отсутствие государственных закупок инновационной продукции и др.
Инфраструктурная	Недостаток объектов производственной, инновационной инфраструктуры; проблемы в области земельных отношений, которые ,в частности, влияют на строительство объектов инфраструктуры; отсутствие качественных лабораторно-производственных помещений; недостаточность информационного обеспечения деятельности резидентов; недостаточные связи с научными и образовательными учреждениями; проблемы с взаимодействием резидентов ОЭЗ с крупными организациями с государственным участием, обладающими высоким научно-технологическим потенциалом (ГК «Ростех», АО «Объединённая судостроительная корпорация», ПАО «Объединённая авиастроительная корпорация» и др.)
Кадровая	Недостаток квалифицированных кадров в организациях, специализирующихся в областях информационных технологий, инжиниринга, авиастроения, производства новых материалов и др.; дефицит инженерных, научных и управленческих кадров, способных определить тенденции развития рынка; недостаточная компетенция управленческого персонала, в частности, маркетинговых и сбытовых служб
Технологическая	Большинство российских предприятий, с которыми могли бы сотрудничать резиденты ОЭЗ, отличаются низким уровнем технологического развития

Ключевое внимание можно уделить следующим мерам повышения значимости ТВ ОЭЗ в инновационном развитии России: резидентам требуется более активная государственная поддержка в отношении предоставления налоговых льгот на инновационную деятельность; помощь в расширении сбыта инновационной продукции; финансовая помощь на проведение НИОКР; развитие инновационной инфраструктуры; необходимо содействие в налаживании кооперационных связей с крупными предприятиями, а также в подготовке квалифицированных кадров.

В России функционирует 1192 организаций инновационной инфраструктуры[2]. Согласно исследованиям специалистов, многие объекты инновационной инфраструктуры не используются по своему прямому назначению, не удовлетворяют потребностям инновационных предприятий на ранних стадиях развития, не обеспечивают трансфера технологий, не формируют связи между участниками на рынке инноваций[3]. Например, деятельность ряда центров трансфера технологий (ЦТТ) сводится к оформлению документов для подачи заявок на различные гранты и конкурсы.

[1] Бухарова Е.М. Роль технико-внедренческих особых экономических зон в становлении инновационных систем регионов России. Диссертация на соискание ученой степени к.э.н. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016.

[2] Национальный информационно-аналитический центр по мониторингу инновационной инфраструктуры, научно-технической деятельности и региональных инновационных систем. – http://www.miiris.ru (Данные на 24. 01. 2017 г.).

[3] Баринова В.А., Еремкин В.А., Рыбалкин В.В. Развитие инфраструктуры нововведений: зарубежный опыт и возможности его применения в российской практике // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. – № 2. – С. 36–48.

Многие центры коллективного пользования уникальным научным оборудованием (ЦКП) ориентированы не на рынок исследовательских услуг для заказчиков, а для удовлетворения собственных внутренних потребностей конкретной организации или даже отдельных научных коллективов[1].

Опрос руководителей бизнес-инкубаторов и технопарков, их резидентов и инвесторов позволил выявить ряд проблем функционирования инфраструктурных организаций[2]. К наиболее значимым препятствиям создания и развития инновационной инфраструктуры в России можно отнести следующие: 1). Отсутствие надежной правовой базы создания и развития инновационной инфраструктуры, в том числе технопарков[3]. 2). Недостаток финансовых средств для создания и развития объектов инновационной инфраструктуры. 3). Отсутствие эффективного механизма внедрения научных разработок научно-исследовательских институтов и вузов. 4). Отсутствие квалифицированных менеджеров. 5). Отсутствие установленных учредителями ключевых показателей эффективности работы организаций инновационной инфраструктуры. 6). Несистемность постановки целей и задач функционирования инфраструктурных организаций.

Пока нельзя отнести к разряду успешных и проект российского правительства по формированию технологических платформ в сфере приоритетных направлений научно-технологического развития. В России большинство участников технологических платформ – это научные и учебные институты, госкорпорации, среди которых Росатом, Роснано, Ростехнологии, Росэлектроника и др. В то же время частный бизнес пока не проявил серьезную заинтересованность в этом процессе и слабо задействован в работе технологических платформ. Российская практика функционирования платформ выявила необходимость доработки механизмов увязки этого института с деятельностью других институтов развития. Слабым звеном в работе технологических платформ остается проблема привлечения частного бизнеса. Не решен вопрос об ответственности за результаты их деятельности и т.п.

Повышение эффективности потенциала институтов развития требует согласованного их взаимодействия по всему инновационному циклу: от генерации идей и их разработки до выпуска и реализации продукта на рынке.

Представляют интерес результаты исследования специалистами 21 ИТР: 13 (62%) расположены в регионах-«сильных инноваторах», 5 (24%) – в «среднесильных инноваторах», 1 кластер находится в регионе-«среднем инноваторе» и 2 кластера – в «среднеслабых инноваторах»[4].

В качестве одного из инструментов инновационного развития регионов в России предусмотрен кластерный подход. В 2012 г. по итогам конкурсного отбора программ развития инновационных территориальных кластеров (ИТК) был утвержден перечень из 25 пилотных ИТК.

Ниже по результатам проведенного в 2015 г. обследования 21 ИТК приводится их характеристика (табл. 5).

Таблица 5

Характеристика лидирующих российских инновационных территориальных кластеров[5]

Характеристика ИТК	Лидирующие ИТК
1. Численность занятых в организациях, входящих в состав кластера	Камский инновационный территориально-производственный кластер Республики Татарстан (около 370 тыс. чел.)
2. Число участников в кластере	Кластер Томской области (около 300 организаций)
3. Доля участников кластера, вовлеченных в совместные проекты	Кластер Республики Мордовия (86%)
4. Наибольшее число совместных научно-исследовательских и инновационных проектов в 2014 г.	Кластер Томской области (35 проектов), кластер г. Димитровграда Ульяновской области (17 проектов)
5. Число совместных «бизнес для бизнеса» проектов	Кластеры Зеленограда, Дубны, кластер г. Димитровграда Ульяновской области (31 проект)
6. Наиболее длительная программа обучения кластерных менеджеров в 2014 г.	Кластер Калужской области (в общей сумме продолжалась 42 дня), кластер Томской области – (37 дней)
7. Коммуникационные мероприятия для участников кластера в 2014 г.	Кластер Томской области (90 мероприятий)

Эксперты выделили следующие особенности развития ИТК:

1). Выбор организационной модели. Большинство отечественных кластеров сформированы на основе бывших советских предприятий в традиционных высокотехнологичных отраслях промышленности (авиационно-космический комплекс, ядерные технологии и т.д.). Поэтому особенностью кластеров является недостаточное число малых и средних предприятий.

2). Наивысшее влияние на региональную экономику и на развитие страны в целом оказывают многопрофильный Камский инновационный территориально-производственный кластер в Татарстане, кластеры информационно-

[1] Федеральный Интернет-портал: нанотехнологии и наноматериалы. – http:// www.portalnano.ru/read/ifrastructure/progn/kadr/cac

[2] Волконицкая К.Г., Ляпина С.Ю. Развитие региональных инновационных систем. // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. – Вып. 5 (24), сентябрь-октябрь.

[3] В конце 2012 г. Ассоциация технопарков в сфере высоких технологий совместно с Госдумой подготовила законопроект о регулировании деятельности технопарков, который Минкомсвязи считает перспективным. Основная идея закона – создать одинаковые для всех регионов схемы финансирования технопарков и предоставить налоговые льготы резидентам.

[4] Рейтинг инновационных регионов для целей мониторинга и управления (рейтинг АИРР). Версия 2015-1.0. – http://www.i-regions.org/projects/detail.php?ID=11690

[5] Источник: Бортник И.М., Земцов С.П., Иванова О.В., Куценко Е.С., Павлов П.Н., Сорокина А.В. Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки. – http://istitutions.com/innovations/2681 -stanovlenie-innocionnyx-klasterov-rossii.html

коммуникационных технологий в Санкт-Петербурге и Новосибирской области, а также Самарский авиакосмический и Башкирский нефтехимический ИТК. При этом если кластеры информационно-коммуникационных технологий стали лидерами в рейтинге благодаря числу участников, то в традиционных высокотехнологичных отраслях – благодаря численности занятых на предприятиях кластера.

3). Наиболее зрелыми с точки зрения интенсивности взаимодействия являются ядерно-инновационный кластер г. Димитровграда Ульяновской области, многопрофильный кластер Томской области, Зеленоградский кластер микроэлектроники (Москва) и светотехнический кластер в Мордовии. В указанных кластерах наибольшая доля участников совместных проектов, высоко число совместных инновационных проектов и проектов для бизнеса.

4). Наиболее профессиональные управляющие компании на сегодняшний день сформировались в Томском многопрофильном кластере, в Калужском кластере фармацевтики, биотехнологий и биомедицины, ядерно-инновационном кластере г. Димитровграда, Новосибирском ИКТ-кластере и Пермском кластере ракетного двигателестроения.

Отмечается высокая роль совместных обучающих программ, которые способствуют налаживанию коммуникаций, повышают уровень доверия и стимулируют взаимодействие в кластере, а также повышают качество услуг со стороны команды управляющей компании кластера. В рамках обучающихся программ может распространяться информация об источниках внешнего финансирования.

Например, ключевыми факторами успеха Центра кластерного развития Томской области являются: качественная коммуникация, формализованные и разделяемые участниками правила взаимодействия, профессиональная организация.

5). Выявлена связь объемов финансирования кластера по линии Минэкономразвития России с уровнем интеграции его участников и степенью влияния кластера на региональное развитие. Причем качество управления кластером не являлось основным критерием выделения субсидий на начальном этапе формирования ИТК.

6). Дополнительными источниками финансирования в России в основном являются государственные гранты. Условия получения такого гранта – наличие научно-исследовательской компоненты в проекте и взаимодействие с другими организациями (вузами, НИИ, другими компаниями).

Заслуживает внимания мнение экспертов, что качество управления кластером должно стать ключевым параметром в будущем. Международный опыт свидетельствует о том, что повышение качества управления внутри кластеров является безальтернативным условием их успешного развития.

Однако можно выделить ряд факторов, препятствующих успешному развитию российских кластеров, в том числе: низкое качество предпринимательского климата и уровня развития инфраструктуры; недостаточный уровень связи между бизнесом, наукой и образованием; сложности во взаимодействии участников инновационных процессов в кластере.

В обществе, основанном на знании, происходит усиление роли науки во взаимодействии с бизнесом. Рост разнообразных форм взаимодействий участников инновационного процесса в быстро меняющейся и достаточно неопределенной среде требует комплексной, динамичной и адаптивной национальной инновационной системы. Центральная роль в ней должна быть отведена институтам развития, обеспечивающих ускоренное инновационное развитие экономики России через систему организаций, участвующих в инновационном процессе: университетов, НИИ, корпораций, малых инновационных предприятий, кластеров. Причем построение и функционирование комплексной НИС возможно только при координирующей деятельности государства.

Гумерова Г.И.,
Шаймиева Э.Ш.[1]

РЫНОК ЗНАНИЙ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО БИЗНЕСА: ХАРАКТЕРИСТИКА, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова*: явные знания, неявные знания, технологичные виды экономической деятельности, высокотехнологичный бизнес.*

Актуальность исследования

Предприятия, действующие в технологичных видах экономической деятельности являются полноправными участниками глобальных рынков знаний независимо от их расположения; высокотехнологичные предприятия как диверсифицированные структуры функционируют в высоко-, средне-, низкотехнологичных видах экономической деятельности. Низко-, среднетехнологичные (низшего уровня) виды экономической деятельности стран-лидеров технологических укладов (США, Япония, Германия) представляют для предприятий, функционирующих в данной среде, известный массив данных о внешней среде – рынке явного и неявного знания, что в совокупности с опытом предприятий в 5 технологическом укладе, с опорой на знаниеемкую компоненту менеджмента, позволяет этим предприятиям успешно конкурировать на одной рейтинговой площадке инновационных компаний с предприятиями высоко-, среднетехнологичных (высшего уровня) видов экономической деятельности (рейтинг Thomson Reuters (США)[2].

Управление явными и неявными знаниями на уровне видов экономической деятельности имеет особенности, опирающиеся на различия явного и неявного знания, тенденции развития рынков знаний. Недостаток российских предприятий технологичных видов экономической деятельности на глобальном рынке знаний обусловлен недоучетом характеристик рынков явного, неявного знания, тенденций рынков знаний.

Методология исследования

Методология исследования рынков явного и неявного знания

Исследовательские задачи в первой части работы заключаются в следующем: 1. Раскрыть экономическую сущность управления неявным знанием на мезоуровне. 2. Определить объем российского рынка знаний за период 2000–2014 гг.; 3. Определить объем знания в расчете на одно инновационное российское предприятие за период 2000–2014 гг.

Методология исследования состоит из следующих двух этапов:

---

[1] Гумерова Гюзель Исаевна – д.э.н., профессор, Фонд инфраструктурных и образовательных программ (РОСНАНО), руководитель отдела образовательных проектов Департамента образовательных программ, Москва. Специалист в области управления инновациями и инвестиционной деятельности, коммерциализации технологий и управления знаниями. Профессиональные интересы: разработка профессиональных стандартов; формирование национальной рамки квалификаций, внедрение профессиональных стандартов в систему образования и обучения. Область научных интересов: инновационные процессы высокотехнологичных областях промышленности, открытые технологические платформы, технологические инновации, трансферы технологий, инвестирование в наукоемкие технологии. Выполняла исследования в рамках ФЦНТП: «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники в РФ» по направлению «Развитие и внедрение сверхкритических флюидных технологий». Автор более 200 публикаций, из них 9 монографий и более 140 статей (из них более 80 в журналах, рекомендованных ВАК и зарубежных изданиях). Имеет многолетний опыт работы в качестве руководителя проектов: Фонд инфраструктурных и образовательных программ (РОСНАНО), ОАО «СОЛЛЕРС», ОАО «Татнефть», НИИ«ТатНИПИнефть», НИИ«Союзнефтепромхим», ОАО «Нижнекамснефтехим» и др. E-mail: Guzel.Gumerova@rusnano.com

Шаймиева Эльмира Шамилевна – д.э.н., профессор кафедры менеджмента Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова. (ИЭУП). Профессиональные интересы: преподает: «Инновационный менеджмент», «Стратегический менеджмент», «Управление интеллектуальной собственностью», «Управление изменениями», является руководителем модуля «Основы менеджмента высокотехнологичного менеджмента» в программе МВА на базе Казанского инновационного университета. Область научной деятельности: управление инновационными процессами в высокотехнологичных видах экономической деятельности, технологическими инновациями, управление инновациями, знаниями, объектами интеллектуальной собственности в реальном и виртуальном пространствах; концепции лидерства экономики знаний. Лауреат стипендиальной программы ДААД 2003 г., 2009 г. Автор 230 публикаций, из них 4 монографий, более 70 статей (из них 47 в журналах, рекомендованных ВАК и зарубежных изданиях). E-Mail: kaz03@yandex.ru

[2] Thomson Reuters – поставщик аналитической информации, информационных решений и баз данных для бизнеса и профессионалов. Штаб-квартира находится в Нью-Йорке [1].

1-й этап: разработка методики анализа российского рынка явных и неявных знаний на макро-, мезо-, микроуровнях (рис. 1).

2-й этап: оценка объема российского рынков знаний за период 2000–2014 г.; оценка объема явного и неявного знания в расчете на 1 инновационное предприятие (табл. 1).

Под «экономической сущностью» управления неявным знанием в составе знания организации на мезоуровне понимается капитализация знания на мезоуровне за период 2000–2014 гг., опирающаяся на: методическое обеспечение анализа рынка неявных знаний в составе знания организации на мезо- и микроуровнях; определение объема российского рынка знания по его видам (явного, неявного знания), видам экономической деятельности (экспорт, импорт); выявление тенденций в развитии рынка неявного знания в составе знания российских инновационных предприятий; определение объема знания в расчете на одно российское инновационное предприятие;

Под «инновационной организацией» в настоящем исследовании понимается организация, выполнявшая исследования и разработки за период 2000–2014 гг. [2, с. 24–25]

В качестве индикатора системы управления явным и неявным знанием на мезо- и микроуровнях использован показатель «затраты на технологические инновации (ТИ) предприятий промышленности РФ по видам экономической деятельности».

Таблица 1

Методология исследования: оценка объема российского рынков знаний за период 2000–2014 г.; оценка объема явного и неявного знания в расчете на 1 инновационное предприятие

Оценка объемов рынков знаний	
1. Методика оценки объема рынков по видам знаний как вида внешнеэкономической деятельности предприятий и организаций РФ	(а) объем рынка знаний в РФ в целом определен как сумма рынков экспорта и импорта рынков явных и неявных знаний (в тыс. долл. США); (б) объем российского рынка явного знания в целом определен как поступления по экспорту явного и импорту явного знания[1] (в тыс. долл. США); (в) объем российского рынка неявного знания определен как выплаты по экспорту неявного и импорту неявного знания (в тыс. долл. США) (рис. 2)
2. Методика оценки объема рынков экспорта знаний как вида внешнеэкономической деятельности предприятий и организаций РФ	(а) объем рынка экспорта знаний РФ в целом определен как сумма поступлений от экспорта явного и неявного знания (в тыс. долл. США); (б) объем рынка экспорта явных знаний определен как поступления от экспорта явных знаний по семи показателям в области экспорта явного знания[2] (в тыс. долл. США); (в) объем рынка экспорта неявных знаний определен как сумма поступлений от экспорта неявных знаний по трем показателям в области неявного знания[3] (в тыс. долл. США) (рис. 3)
3. Методика оценки объема рынков импорта знаний как вида внешнеэкономической деятельности предприятий и организаций РФ	(а) объем рынка импорта знаний в РФ в целом определен как сумма рынка импорта явных и импорта неявных знаний (в тыс. долл. США); (б) объем рынка импорта явного знания определен как поступления по импорту технологий/знаний по семи показателям в области импорта явного знаний (в тыс. долл. США); (в) объем рынка импорта неявного знания определен как выплаты по импорту неявного знания, т.е. по трем показателям в области импорта неявного знания (в тыс. долл. США) (рис. 4)
Оценка объема знания в расчете на 1 инновационное предприятие	
4. Методика оценки объема знания в расчете на одно инновационное предприятие	а) соотношение объема российского рынка явного знания как совокупности его экспорта и импорта в расчете на одно инновационное российское предприятие (в тыс. долл. США). б) соотношение объема российского рынка неявного знания как совокупности его экспорта и импорта в расчете на одно инновационное российское предприятие (в тыс. долл. США) (рис. 5)

Источник: на основе [2, с. 219–220].

Показатель «затраты на технологические инновации» использован в исследовании в качестве основного индикатора функционирования системы управления знаниями в организации по следующим соображениям:

(а) затраты на технологические инновации предприятий промышленности отражают затраты на продуктовые и процессные инновации, являющиеся составной частью технологических инноваций;

(б) затраты на технологические инновации включают девять видов инновационной деятельности организаций промышленности, пять из которых, по мнению авторов, связаны с системой управления знанием, а именно:

– исследования и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов;

– производственное проектирование, дизайн и другие разработки;

– приобретение новых технологий (включая права на патенты, лицензии на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей);

[1] Экспорт и импорт технологий/знаний осуществляется по следующим семи видам явного знания: патенты на изобретения, беспатентные изобретения, патентные лицензии, полезные модели, ноу-хау, товарные знаки, промышленные образцы; экспорт и импорт технологий/знаний по следующим трем видам неявного знания: инжиниринговые услуги, научные исследования и разработки, прочее (рис. 2).

[2] В данном случае имеются в виду семь показателей экспорта технологий/знаний по следующим семи видам явного знания: патенты на изобретения, беспатентные изобретения, патентные лицензии, полезные модели, ноу-хау, товарные знаки, промышленные образцы (рис. 3).

[3] Речь идет о трех показателях экспорта технологий/знаний по следующим видам неявного знания: инжиниринговые услуги, научные исследования и разработки, прочее (рис. 4).

– обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями;

– маркетинговые исследования[1].

(в) затраты на технологические инновации осуществляют промышленные предприятия всех видов экономической деятельности: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, что свидетельствует – в конечном итоге – о формировании в настоящем исследовании полноценного и достоверного (на момент исследования) представления об управлении знаниями на предприятиях промышленности РФ [2, с 219–220][2].

Методология классифицирования предприятий высокотехнологичного бизнеса

Авторская разработка классификации предприятий высокотехнологичного бизнеса преследует цель сформировать целостное представление высокотехнологичного бизнеса как совокупности видов экономической деятельности промышленного производства и наукоемких видов услуг.

Под предприятиями высокотехнологичного бизнеса в работе понимаются три группы компаний:

– первая группа, занимающаяся высокотехнологичным наукоемким видом экономической деятельности в областях промышленного производства и наукоемких услуг высокого технологического уровня[3];

– вторая группа предприятий занимается среднетехнологичным видом экономической деятельности высокого и низкого уровней в областях промышленного производства и наукоемких рыночных видов услуг, реализуя в управлении предприятиям менеджмент высокотехнологичного бизнеса. Последнее достигается благодаря бизнес-модели (или управленческому знанию), реализуемой на данных предприятиях.

– третья группа – смешанная: (а) наукоемкие виды услуг низкого уровня; (б) рыночные услуги меньшей наукоемкости; (в) низкотехнологичные виды экономической деятельности промышленного производства; (г) предприятия, деятельность которых может быть отнесена к 1 и 2 группе одновременно[4].

Общими критериями предприятий высокотехнологичного бизнеса в авторской трактовке являются: (1) высокая рыночная стоимость компании на основе менеджмента объектов экономики знаний: бренда предприятия, явного и неявного знания, персонала; (2) продолжительность жизни компании. Отсюда, под предприятием высокотехнологичного бизнеса понимается предприятие, извлекающее доход от процесса управления стоимостью компании независимо от вида его экономической деятельности (низко-, средне-, высокотехнологичного)[5].

Результаты

Научно-теоретические результаты исследования: характеристика явного и неявного знания

Результатом изучения теоретических, исследовательских трудов российских и зарубежных авторов применительно к теме настоящего исследования являются следующие выводы:

1. В системе управления предприятием высокотехнологичного бизнеса управление неявным знанием имеет приоритетное значение. Управление неявными знаниями дифференцирует управление в социально-экономической системе от управления в технической и биологической системах.

2. Исследование управления техническими и биологическими системами выявило наличие в данных системах преимуществ по сравнению с управлением социально-экономическими системами по следующим параметрам: управляемость и продолжительность жизни соответственно.

3. Управление в социально-экономических системах, опираясь на достижения в области управления техническими и биологическими системами, заключается в изучении и использовании потенциала неявного знания как доми-

---

[1] В данном сборнике указано девять видов затрат на ТИ предприятий промышленности по видам экономической деятельности: (1) исследования и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов; (2) производственное проектирование, дизайн и другие разработки…; (3) приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями; (4) приобретение новых технологий (включая …права на патенты, лицензии на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей); (5) приобретение программных средств; (6) другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрения новых услуг или методов их производства (передачи); (7) обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями; (8) маркетинговые исследования; (9) прочие затраты на ТИ [2, с. 219–220].

[2] Необходимо отметить, что некоторые виды затрат на ТИ предприятий промышленности, а именно: затраты на приобретение машин и оборудования, связанных с ТИ, другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрения новых услуг или методов их производства (передачи), прочие затраты на ТИ (в классификации Росстат), приобретение программных средств не классифицированы авторами в процесс управления знаниями.

[3] Критерием отнесения к высокотехнологичным отраслям является высокий уровень технологического развития, определяемый по отношению затрат на научно-исследовательские опытно-конструкторские разработки (НИОКР) к валовой добавленной стоимости. Критерием отнесения отрасли к числу наукоемких служит доля лиц с высоким уровнем профессионального образования в численности работников [1].

[4] В зависимости от области проводимых исследований, патентов в соответствующих видах экономической деятельности. Кроме того, необходимо отметить, что данная группа может быть подразделена на две самостоятельные подгруппы (данное положение нашло свое развитие в практической части исследования).

[5] Для предприятий второй и третьей групп пороговым значением для включения в (авторскую) классификацию предприятий высокотехнологичного бизнеса является показатель рыночной стоимости предприятия, равного или превышающего среднее значение рыночной стоимости предприятий на соответствующем рынке в средне- и долгосрочном периодах и/или размещение акций, ценных бумаг предприятия на фондовой бирже (российской, зарубежной).

нанты управления системой знаний данной организации. В табл. 2 представлена характеристика знания, дифференцирующая неявное знание от явного на основе критериальной базы.

4. Управление человеческими ресурсами на основе системного подхода опирается на методический аппарат, включающий объектную базу и методический инструментарий для подсистем управления явным и неявным знанием соответственно.

5. Управление человеческими ресурсами на основе системного подхода направлено на развитие методического инструментария по извлечению неявного знания и расширения методического инструментария явного знания.

Таблица 2

Характеристика явного и неявного знания: дифференциация по 8 критериям

Критерий	Явные знания	Неявные знания
1. Структурное соотношение в организации	а) значительно уступает в объеме неявному знанию	значительно превышает в объеме явное знание
2. Идентификация в организации (объектная база)	б) объекты интеллектуальной собственности: промышленная собственность, полезная модель, авторское право, конфиденциальная документированная информация	технические навыки; ценности, ментальные модели; опыт, мастерство, интуиция
3. Уровни (области) создания знания	в) функциональные области менеджмента (производство, финансы, маркетинг, логистика и др.)	индивид (сотрудник), группа (организационное поведение)
4. Внутрикорпоративный трансфер знаний: – способ	г) бесконтактным путем	личный контакт
– затраты	д) минимальные	требует определенных затрат
5. Защита знания	е) ГК РФ. Часть 4 № 230-ФЗ [10]; ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	отсутствие всесторонней правовой, внутрисистемной защиты
6. Характеристика предприятия-создателя знания	ж) заинтересованность в (высоких) финансовых показателях	инновационное
	з) значительная потребность в технических регламентах, справочниках, внутренних приказах	значительная потребность в решении общесистемных, стратегических задач
7. Влияние на конкурентоспособность предприятия	и) прямое, в формате рационализации производства	косвенное, в формате качества достижения целей рисковых проектов
8. Условия извлечения знания	к) IT-продукты для управления явным знанием; регламентирование, стандартизация работ	наличие иррациональной компоненты в модели управления знанием в организации: религиозные, философские/нерелигиозные положения, институционализирующие положения этикоориентированных теорий лидерства экономики знаний в областях: – взаимодействие «руководитель-последователи»; – цифровой основы лидерства; – социальная ориентация организации

Источник: на основе: [3, 4, 5, 6].

Научно-практические результаты исследования: анализ российского рынка знания за период 2000–2014 гг.

Анализ рынков явного и неявного знания в Российской Федерации (РФ) за период 2000–2014 г. на основе авторской методики выявил следующее:

1) развитие рынков знаний в РФ за анализируемый период – это развитие рынка неявного знания как вида знания, так и вида внешнеэкономической деятельности (рис. 2, 3, 4);

а) в период 2000–2004 гг. отмечается незначительный разрыв в показателях объемов рынков явного и неявного знания, однако с 2006 г. по 2014 гг. различие в соотношениях объемов существенно (за исключением 2012 г.) (рис. 2);

б) максимальные значения потенциала российского рынка знаний приходятся на 2011 г., 2008 г. и 2014 г. с соответствующими показателями объема рынков знаний как совокупности экспорта и импорта явного и неявного знания в тыс. долл. США (7 635 033,6; 2 920 231,8; 3 735 043,8) (рис. 2). Максимальную чувствительность к факторам внешней среды имеет рынок явного знания, рынок неявного знания не обладает такой чувствительностью, что указывает на различные факторы, влияющие на развитие рынка явного и неявного знания.

2) развитие экспорта российского знания – это экспорт неявного знания за период 2000–2014 г. (рис. 3):

а) объем экспорта неявного знания в составе экспорта знания достиг в 2008 г. и 2014 г. максимальных значений соответственно 792 955,6 тыс. долл. США, 1 236 200,8 тыс. долл. США (или – в процентном соотношении – 95% в общем объеме экспорта знаний в 2008 г., 97% – в 2014 г.);

б) структурное соотношение экспорта знания за анализируемый период составляет ориентировочно 3–5% экспорта явного знания, 97–95% – экспорта неявного знания;

в) объем экспорт неявного знания за анализируемый период увеличился в 6,5 раз, увеличение объема экспорта явного знания произошло в 3 раза.

3) развитие импорта знания на российский рынок знания – это доминанта импорта неявного знания над импортом явного за период 2000–2014 г. (рис. 4):

а) структурное соотношение импорта знания в годы максимальных значений импорта знаний в 2008 г., 2014 г. составляет: неявное/явное – 75%/25% или 1 560 981,2/526 086,2 тыс. долл. США (2008 г.) и 74%/26% или 1 827 025,1/ 628805,6 тыс. долл. США (2014 г.) [2, с. 219–227];

б) максимальный разрыв в доминанте импорта неявного знания над явным наблюдался в 2008 г. (в 3 раза), с 2011 г. – в 2,2 раза, причем разрыв к 2014 г. усиливается (в 2,9 раза) в числовом выражении [2, с. 219–227];

в) увеличение импорта явного и неявного знания с 2000 г. по 2014 г. – ориентировочно в 13 раз [2, с. 219–227].

Следовательно, российские инновационные предприятия за 2000-2014 г. экспортируют неявное знание, решая стратегические задачи глобального уровня, в том числе, в процессе кооперации с транснациональными корпорациями, при этом уровень собственной конкурентоспособности в финансовых показателях явного знания остается низким.

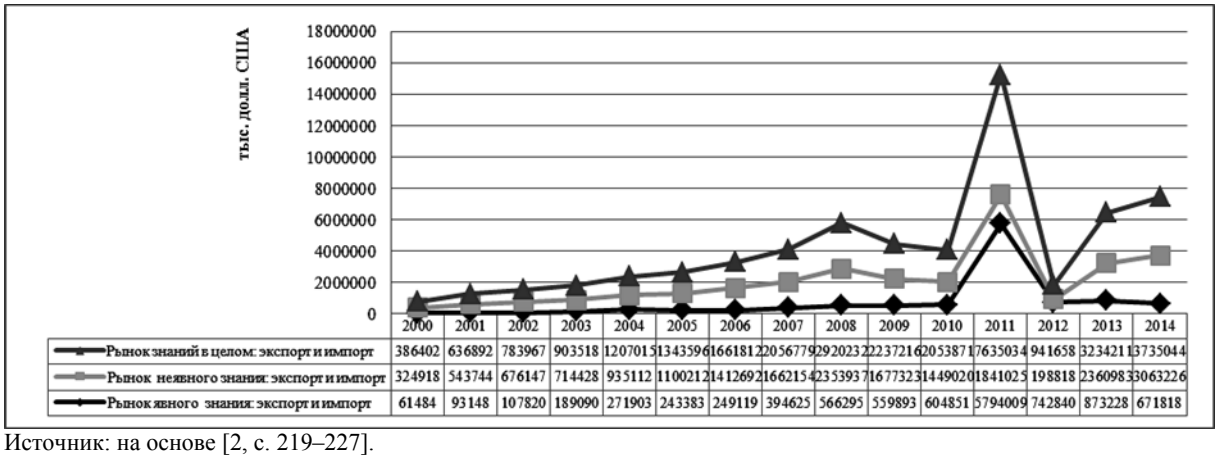
Потребность импорта российских инновационных предприятий за период 2000–2014 г. отмечается на рынках импорта неявного и явного знания, с доминантой в возможностях данных предприятий решать стратегические, общесистемные задачи, не требующих, предположительно, рутинных предписаний, технических регламентов. обязательных для явных знаний (табл. 2, рис. 1, 2, 3).

Доминирующее значение неявного знания в структурном соотношении экспорта/импорта знания по видам знания и видам внешнеэкономической деятельности отражено в объеме знания, которым обладает российское инновационное предприятие за период 2000–2014 гг. (рис. 4). Структурное соотношение неявного/явного знания на российском инновационном предприятии за анализируемый период составляет ориентировочно 5/1 или 79,3/15 тыс. долл. США (в 2000 г.) и 850/186,4 тыс. долл. США (в 2014 г.) [2, с.24, с. 219–227,]. Увеличение в цифровом значении объема неявного и явного знания не отразилось на их структурном соотношении в составе знания инновационного российского предприятия. Предположительно, это свидетельствует о следующем в области управления знанием на мезо- и микроуровнях:

– отсутствие (или недостаток) сформированности иерархии управленческих ценностей в российских бизнес-моделях, опирающиеся на соответствующие интеллектуальные традиции как основы философии управления;

– отсутствие (или недостаток) конкурентоспособности явного знания российских инновационных предприятий как на мировом рынке знания, так и на российском (рис. 5).

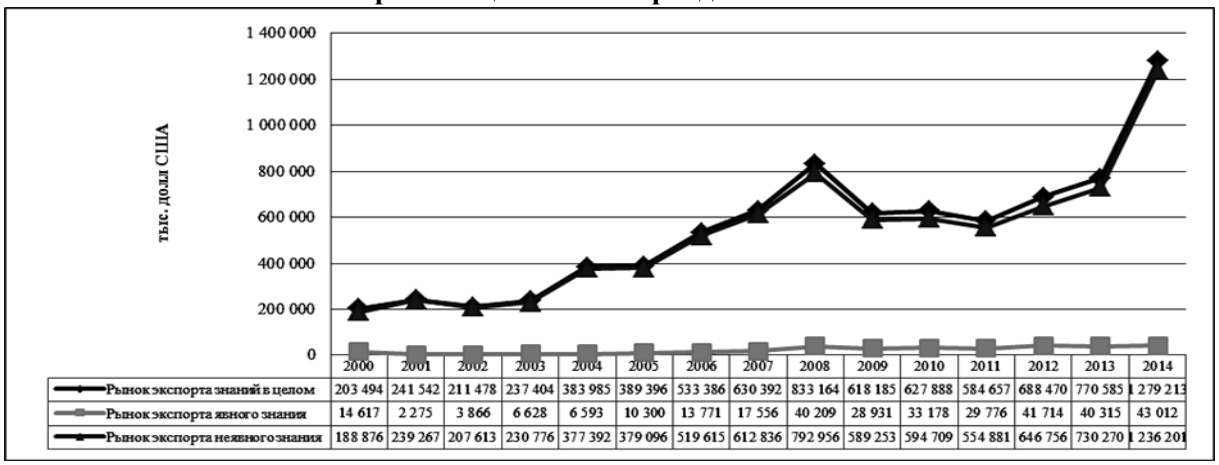
– отсутствие (или недостаток) развития методической базы на предприятии по извлечению неявного, явного знания;



	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Рынок знаний в целом: экспорт и импорт	386402	636892	783967	903518	1207015	1343596	1661812	2205677	2920232	2237216	2053871	7635034	941658	3234211	3735044
Рынок неявного знания: экспорт и импорт	324918	543744	676147	714428	935112	1100212	1412692	1662154	2353937	1677323	1449020	1841025	198818	2360983	3063226
Рынок явного знания: экспорт и импорт	61484	93148	107820	189090	271903	243383	249119	394625	566295	559893	604851	5794009	742840	873228	671818

Источник: на основе [2, с. 219–227].

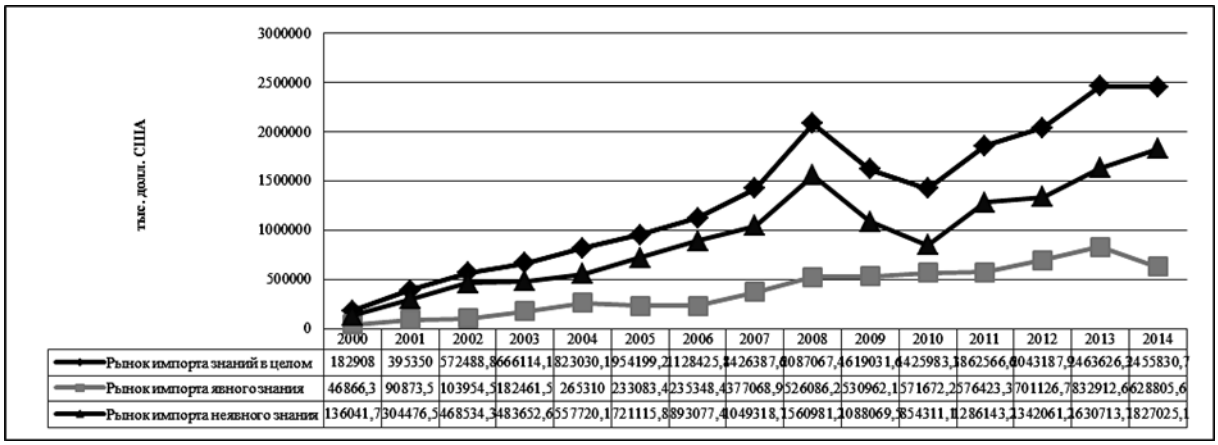
Рисунок 1.
Объем рынков по видам знаний как вида внешнеэкономической деятельности предприятий и организаций РФ за период 2000–2014 г.



	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Рынок экспорта знаний в целом	203 494	241 542	211 478	237 404	383 985	389 396	533 386	630 392	833 164	618 185	627 888	584 657	688 470	770 585	1 279 213
Рынок экспорта явного знания	14 617	2 275	3 866	6 628	6 593	10 300	13 771	17 556	40 209	28 931	33 178	29 776	41 714	40 315	43 012
Рынок экспорта неявного знания	188 876	239 267	207 613	230 776	377 392	379 096	519 615	612 836	792 956	589 253	594 709	554 881	646 756	730 270	1 236 201

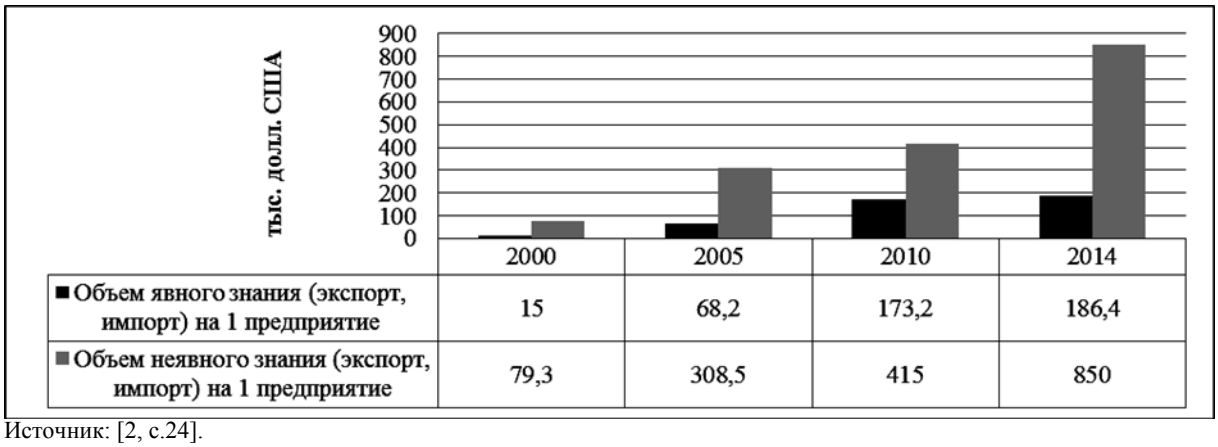
Источник: на основе [2, с. 219–227].

Рисунок 2.
Объем рынка экспорта знания как вида внешнеэкономической деятельности предприятий и организаций РФ за период 2000–2014 г.: экспорт явного и неявного знания



Источник: на основе [2, с. 219–227].

Рисунок 3.
Объем рынка импорта знания как вида внешнеэкономической деятельности предприятий и организаций РФ за период 2000–2014 г.: импорт явного и неявного знания



Источник: [2, с.24].

Рисунок 4.
Объем явного, неявного знания как совокупности импорта и экспорта в расчете на одно инновационное российское предприятие за период 2000–2014 гг.

Научно-практические результаты исследования: анализ компаний-инноваторов согласно рейтингам международных и российских агентств (2013 г.)

В международных и российских рейтингах компаний, являющихся ведущими инноваторами Thomson Reuters (США) [1], «ТехУспех» [7] указаны предприятия, деятельность которых реализуется не только в высоко- или среднетехнологичных видах экономической деятельности высокого уровня, но и в низкотехнологичных и среднетехнологичных низкого уровней. В частности, в рейтинге ведущих мировых инновационных компаний Thomson Reuters (США) в 2013 г. деятельность 4 компаний из 100 отнесена авторами к низкотехнологичному виду экономической деятельности (табл. 3). Данное обстоятельство отразилось в недоучете российских предприятий, занимающихся добычей полезных ископаемых, в том числе, энергетических, а также производством и распределением электроэнергии, газа и воды в российских рейтингах российских предприятий-инноваторов, вносящих значительный вклад в создание валового регионального продукта (табл. 3, 4).

Таблица 3

Ранжирование ведущих 100 мировых инноваторов в 2013 г. по версии аналитической компании Thomson Reuters (США) (фрагмент)

Критерий	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Комментарий авторов
	Компании, действующие в высокотехнологичных видах экономической деятельности	Компании, действующие в среднетехнологичных видах экономической деятельности (высокого и низкого уровня)	Компании, деятельность которых может быть отнесена как к деятельности (1), (2), так и к деятельности (4) группы	Компании, действующие в низкотехнологичных видах экономической деятельности	
Количество компаний	63	25	8	4	
	…	…	…	…	

Вид деятельности (количество компаний в данном виде деятельности)	Фармацевтика (3); полупроводники и электронные компоненты (23); телекоммуникационное оборудование (8); аэрокосмическая промышленность (2); компьютерные комплектующие (11); медицинские приборы (1); оптика, фототехника (2); программное обеспечение (3); электротехническая продукция (5); электротехническое оборудование (1); электроника и высокие технологии (1); бытовая техника (3);	Химическая продукция (7); промышленность (1); автокомплектующие (8); энергетика, машиностроение (2); производство шин (2); транспорт (1); тяжелая промышленность (1); производство потребительских товаров (1); строительные материалы (1); транспортное оборудование (1)	Инновационные материалы (1); научные исследования и разработки (4); медиа, интернет, навигационные системы (1); парфюмерия и косметика (1); финансово-промышленная группа (1)	Нефтепродукты(2); сталелитейное производство (1); спортивная одежда и обувь (1);	Согласно российскому Патентному законодательству «бизнес-процессы» не подлежат патентованию, включая «..планирование, развитие бизнеса, защита инновации внутри организации», что подлежит патентованию согласно DWPI. 2. Принципиальным является расхождение в измерении инновационности предприятия при соотношении затрат: к выручке или обороту предприятия
Страна (количество компаний с происхождением в данной стране)	США (33), Япония (17), Франция (3), Швейцария (3), Германия (2), Южная Корея (2),. Швеция (1), Тайвань (1), Нидерланды (1)	США (10); Япония (9); Франция (5); Швеция (1)	США (2); Швейцария (1); Франция (4); Германия (1)	США (3); Япония (1)	Рынок знаний стран-лидеров технологических укладов (США, Япония, Франция) характеризуется развитием бизнес-моделей, участниками которых являются предприятия высокотехнологичного бизнеса всех видов экономической деятельности согласно авторской классификации предприятий ВБ, доминантой развития последних является опора на инструменты менеджмента знаниевой экономики

ВБ – высокотехнологичный бизнес. Источник: разработка авторов на основе [1].

Основной задачей стратегии развития для первой группы предприятий высокотехнологичного бизнеса является технологическое лидерство; для предприятий второй группы – бизнес-показатели: доля на рынке, себестоимость продукции, прибыль и т.п. Предприятия третьей, четвертой групп, имея одновременно высокие затраты на технологические инновации, высокую организацию бизнеса и функционирующие в низкотехнологичных видах экономической деятельности, реализуют задачи согласно масштабам предприятия, наличия кооперации с ведущими предприятиями рынка, отрасли, в которой они функционируют и др.

Таблица 4

Ранжирование ведущих 50 высокотехнологичных компаний в РФ по версии компании «ТехУспех» (2013 г.) (фрагмент)

Критерий	1 группа	2 группа	3 группа
	Компании, действующие в высокотехнологичных видах экономической деятельности	Компании, действующие в среднетехнологичных видах экономической деятельности (высокого и низкого уровня)	Компании, деятельность которых может быть отнесена как к деятельности 1, так и 2 группы
Количество компаний	28	7	15
Регион (кол-во компаний с происхождением в данной стране)	Москва (13); С-Петербург (5); Новосибирская обл. (3); Самарская обл. (2); Республика Татарстан (1); Нижегородская обл. (1); Калужская обл. (1); Пензенская обл. (1); Томская обл. (1);	Республика Татарстан (1); Санкт-Петербург (1); Москва (2); Новосибирская обл. (1); Ростовская обл. (1); Владимир. обл. (1)	Санкт-Петербург (3); Москва (1); Московская обл. (1); Челябинская обл. (3); Томская обл. (1); Республика Башкортостан (1), Псковская обл. (1); Белгородская обл. (1); Калужская обл. (1); Саратовская обл. (1); Красноярский край (1)
Вид деятельности (количество компаний в данном виде деятельности)	Информационные и коммуникационные технологии (19); фармацевтика и медицинская техника (9);	Строительство и материалы (3); химия и экология (4)	Машиностроение, приборостроение и электротехника (15)

Источник: разработка авторов на основе [7].

В табл. 5 представлены результаты анализа деятельности российских предприятий высокотехнологичного бизнеса, функционирующие в технологичных видах экономической деятельности на российском и глобальном рынках знаний.

Таблица 5

Виды экономической деятельности в составе высокотехнологичного бизнеса российской экономики, имеющие потенциал для развития на российском и глобальном рынках знаний: 4 группы видов экономической деятельности, 3 уровня оценки

Виды экономической деятельности: 3 уровня оценки	Компании высокотехнологичного бизнеса: 4 группы			
	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
	Компании, действующие в высокотехнологичных видах экономической деятельности	Компании, действующие в среднетехнологичных видах экономической деятельности (высокого и низкого уровня)	Компании, деятельность которых может быть отнесена как к деятельности (1), (2), так и к деятельности (4) группы	Компании, действующие в низкотехнологичных видах экономической деятельности
Виды экономической деятельности в РФ, успешно функционирующие на российском, глобальном рынке знаний	не выявлено	не выявлено	не выявлено	не выявлено
Виды экономической деятельности в РФ, успешно функционирующие на российском рынке знаний[1], но не на глобальном	Информационные и коммуникационные технологии; фармацевтика и медицинская техника	Строительство и материалы; химия и экология	Машиностроение, приборостроение и электротехника	не выявлено
Виды экономической деятельности в РФ, недостаточно функционирующие ни на российском, ни на глобальном рынке знаний[2]	полупроводники и электронные компоненты; телекоммуникационное оборудование; аэрокосмическая промышленность; компьютерные комплектующие; оптика, фототехника; программное обеспечение; бытовая техника	промышленность; автокомплектующие; энергетика, машиностроение; производство шин; транспорт; тяжелая промышленность; производство потребительских товаров; транспортное оборудование	Инновационные материалы; **научные исследования и разработки**; медиа, интернет, навигационные системы; парфюмерия и косметика; финансово-промышленная группа	Нефтепродукты; сталелитейное производство; спортивная одежда и обувь

Научные исследования и разработки – вид экономической деятельности как показатель экспорта, импорта неявного знания в авторской методике оценки объемов рынков знаний (табл. 1).

На основе анализа табл. 5 становится очевидным следующее:

– вид экономической деятельности «научные исследования и разработки» как показатель развития рынка неявного знания не имеет достаточного развития на российских и глобальных рынках знаний. Неявное знание, являясь основой экспорта и импорта в составе знания инновационных российских предприятий за период 2000–2014 гг., не имеет результативности в российских и глобальных рейтингах компаний-инноваторов. Предположительно, это связано со спецификой неявного знания, уровнями локализации которого являются сотрудники и организация (табл. 2, 5);

– низкотехнологичные виды экономической деятельности российской экономики, формируя ее основу на момент исследования, не способны в полном объеме конкурировать на одной площадке – рынке знаний – с высоко- и среднетехнологичными видами экономической деятельности;

– потенциал для глобального рынков знаний имеют следующие виды экономической деятельности: «информационные и коммуникационные технологии; фармацевтика и медицинская техника», «машиностроение, приборостроение и электротехника», «строительство и материалы; химия и экология» как виды экономической деятельности с содержанием явного и неявного знания;

– «научные исследования и разработки» как вид экономической деятельности с максимальным содержанием неявного знания имеет потенциал для глобального и российского рынков знаний (табл. 5).

Выводы

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

– развитие рынка неявного знания за период 2000–2014 гг. является доминантой в развитии российского рынка знаний. Экспорт и импорт неявного знания являются менее чувствительными к колебаниям внешних факторов, учитывая максимальные показатели в 2008 г., с 2012–2014 г. в сравнении с рынком явных знаний;

[1] Под «успешным функционированием на российском рынке знаний» здесь понимается результативность в рейтинге ведущих высокотехнологичных компаний-инноваторов (по состоянию на 2013 г.).

[2] «Под недостаточным функционированием на глобальном рынке знаний» здесь понимается отсутствие результативности в рейтинге ведущих мировых компаний-инноваторов (по состоянию на 2013 г.).

– увеличение экспорта неявного знания более чем в шесть раз за период 2000–2014 гг. российскими инновационными предприятиями сопровождается тринадцатикратным увеличением рынка импорта неявного знания;

– трехкратное увеличение экспорта явного знания осуществляется российскими инновационными предприятиями в условиях тринадцатикратного увеличения объемов рынка импорта явного знания за анализируемый период;

– опережение развития рынка неявного знания во внешнеэкономической деятельности российских инновационных предприятий опирается на его доминирование в структурном соотношении над явным знанием (одно инновационное российское предприятие обладает объемом неявного знания, в пять раз превышающим в стоимостном выражении объем явного знания);

– «научные исследования и разработки» как вид экономической деятельности с максимальным содержанием неявного знания для российских инновационных предприятий не представленный на момент исследования в рейтингах компаний-инноваторов ни на российском, ни на глобальном уровнях, имеет потенциал для предприятий высокотехнологичного бизнеса как основа их успешного функционирования на глобальном рынке знания с теоретической точки зрения.

Список литературы

1. Thomson Reuters 2013 Top 100 global innovators. Honoring The World leaders in innovation. Findings and methodology. 2013. – October. – http://top100innovators.com/top100-2013.pdf
2. Индикаторы науки: 2016: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. Нац. исслед. университет «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 304 с. – https://www.hse.ru/primarydata/in2016
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть 4 № 230-ФЗ от 18.12.2006 (принят ГД ФС РФ 24.11.2006) (действующая редакция от 03.08.2013).
4. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 624 с.
5. ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Принят ГД 08.07.2006, одобрен СФ 14.07.2006. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
6. Harlow H. The effect of tacit knowledge on firm performance // Journal of knowledge management. 2008. – Vol. 12, N 1. – P. 148–163.
7. Топ 50 рейтинга «Техуспех»-2013. Национальный рейтинг российских высокотехнологичных быстроразвивающихся компаний «ТЕХУСПЕХ». – http://www.ratingtechup.ru/rate/

Долганов А.В.
к.э.н., директор представительства ПАО КБ «Центр-инвест»
Долганова Н.А.
к.э.н., доцент кафедры экономики и управления Международного университета

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРЕДПРИЯТИЙ

Ключевые слова: *управление научно-технологическим развитием, принципы управления, инновационный менеджмент, управление в промышленности, инновационный менеджмент разных уровней управления, эффективность.*

Keywords: *management of scientific and technological development, principles of management, innovation management, industrial management, innovation management at different levels, efficiency.*

В современных научных исследованиях научно-технологическое развитие уже достаточно давно рассматривается как основа инновационной модели экономического роста. Длительное доминирование сырьевой модели развития привело к серьезным экономическим проблемам – деиндустриализации, потерям кадрового потенциала, росту технологического отставания России от экономически развитых стран, существенному сокращению доли обрабатывающих отраслей в объеме промышленного производства.

Для 128 стран мира Корнелльским университетом США, французской школой бизнеса INSEAD и Всемирной организацией интеллектуальной собственности при ООН уже девятый раз рассчитывается Глобальный индекс инноваций (Global Innovation Index или ГИИ). По этому индексу, определение которого осуществляется на основании 82 индикаторов и оценке влияния инновационной политики на экономическое развитие, Россия занимает 43 место. Десятка стран-лидеров практически не меняется, к ним относятся: Швейцария, Швеция, Великобритания, США, Финляндия, Сингапур, Ирландия, Дания, Нидерланды, Германия. Вплотную к лидерам приближаются Южная Корея, Люксембург, Япония; впервые на 25 место вышла развивающаяся страна со средним уровнем дохода – Китай[1].

Особо следует отметить, что при расчетах рейтинга ГИИ учитывается качество инвестиций, во многом определяемые инвестициями в инновации, которые и определяют устойчивую динамику экономического роста, влияют на уровень конкурентоспособности. По мнению многих отечественных и зарубежных ученых и специалистов, в частности, Фрэнсиса Гарри, Генерального директора ВОИС: «Инвестиции в инновации являются важным условием повышения темпов долгосрочного экономического роста»[2].

Инновационное развитие невозможно без существенных инвестиций. Рост ВВП обеспечивается опережающим темпом роста инвестиций. Причем предполагается рост инвестиции высокого качества, то есть направление их прежде всего в НИОКР, образовательную сферу, в управленческие и продуктовые инновации, научно-технологическое развитие.

По опубликованным в отчете ГИИ данным в мире расходы на НИОКР росли ежегодно в среднем на 7%, до кризисного, 2009 г., затем снижались и в 2014 г. составили 4%. Инвестиции высокого качества закономерно свойственны экономически развитым странам. Китай по качеству инвестиций занимает 17 место, что обеспечивает его экономические успехи и доказывает высокий потенциал этой страны на долгосрочную перспективу в сочетании с другими факторами и, прежде всего, с эффективной системой управления НТР.

Итак, обязательным условием, обеспечивающим экономический рост, является эффективное управление инновационно-инвестиционными процессами, осуществляемое на всех уровнях управления – межстрановом уровне, на уровне государств и каждого хозяйствующего субъекта.

Не вдаваясь в исследование дефиниций, следует отметить, что в нашей стране в последние годы используется различные термины для обозначения различных аспектов инвестиционно-инновационной деятельности. Однако все чаще и в научных исследованиях, и в официальных документах, например, в Прогнозе научно-технологического развития до 2030 года[3] используется термин «научно-технологическое развитие (НТР), что с содержательных позиций и применительно к анализу системы управления НТР целесообразно и актуально для России.

Целью управления НТР является достижение устойчивых темпов роста экономики, ее отраслей, отвечающей вызовам времени. Результативность управления НТР зависит от того, какие принципы лежат в его основе, какие из них реализуются или, наоборот, не применяются в практике хозяйственного руководства, от того, насколько управленческие решения, принимаемые на разных уровнях системы управления, соответствуют поставленным задачам эко-

[1] http://inno-mir.ru/news/64-2015-12-03-10-07-34/341-global-innovation-index-2016

[2] http://www.euroosvita.net/index.php/?category=1&id=4887&%20category=%201&id%20=943

[3] Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [утв. Прав. 20.01.2014 г.] // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru

номического развития. Если цель состоит в формировании конкурентоспособной и динамично развивающейся экономики инновационного типа, то управление НТР должно осуществляться, исходя из приоритетной роли научно-технологического развития.

Анализ сложившейся системы управления на разных уровнях НТР в целом, в промышленном производстве и промышленных предприятиях РФ, в частности, показывает, что она не соответствует потребностям развития инновационной экономики. Из данных табл. 1 четко видно, что темпы роста инвестиций в исследуемом периоде не достаточны для наращивания экономического потенциала, а показатели ВВП и производительности труда растут медленно.

Таблица 1

Динамика экономических индексов РФ

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Индекс инвестиций в основной капитал, *Iиок*	106,3	110,8	106,8	100,8	98,5	91,6
Индекс ВВП, *Iввп*	104,5	104,3	103,5	101,3	100,7	96,3
Индекс затрат на технологические инновации промышленности, *Iзти*	97,5	134,2	124,3	127,9	102,1	–
Индекс промышленного производства, *Iпп*	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6
Индекс производительности труда, *Iпт*	103,2	103,8	103,5	101,8	100,9	96,8
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, направленных на реконструкцию и модернизацию, *Iирм*	103,5	120,6	107,1	95,7	92,5	91,1
Доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	33,1	32,8	32,3	32,5	29,0	27,9
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в промышленности, *Iти*	9,4	9,6	9,9	9,7	9,7	–

Источник: составлено по данным Росстата[1].

При сравнительном анализе ряда индексов очевиден положительный тренд в области научно-технологического развития. Также можно сделать вывод о наметившихся позитивных сдвигах относительно качества инвестиций. Так темпы роста индекса затрат на технологические инновации выше по сравнению с другими макроэкономическими показателями (табл. 1). Однако удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, практически не меняется, что также подтверждает правомерность вывода о сохраняющемся технологическом отставании большей части промышленных предприятий и промышленности в целом, о необходимости изменений в системе управления научно-технологическим развитием.

После кризиса 2008 г. именно затраты на технологически инновации росли самыми высокими темпами, обеспечивая рост других показателей, увеличение производства инновационной продукции, а также продукции с высокой долей добавленной стоимости.

Объемные показатели инвестиций, бесспорно, важны для роста экономического потенциала. Но их структура в нашей стране такова, что даже при физическом росте инвестиций вложения в технологическое развитие, реконструкцию и модернизацию экономики, в машины и оборудование, в обрабатывающие отрасли может и расти, и сокращаться, и, в конечном итоге не приводить к инновациям на предприятии, к научно-технологическим сдвигам предприятий отраслей и экономики в целом. Негативные тренды четко просматриваются на рис. 1, построенном на основании статистических данных[2].

Сложившаяся ситуация связана как с общими экономическими трендами, так и в значительной мере с управленческой деятельностью, определяющей состояние и динамику НТР. Вызовам времени, задаче перехода от сырьевой модели экономики к инновационной система управления не соответствует, поскольку не обеспечивает решения проблем научно-технологического развития.

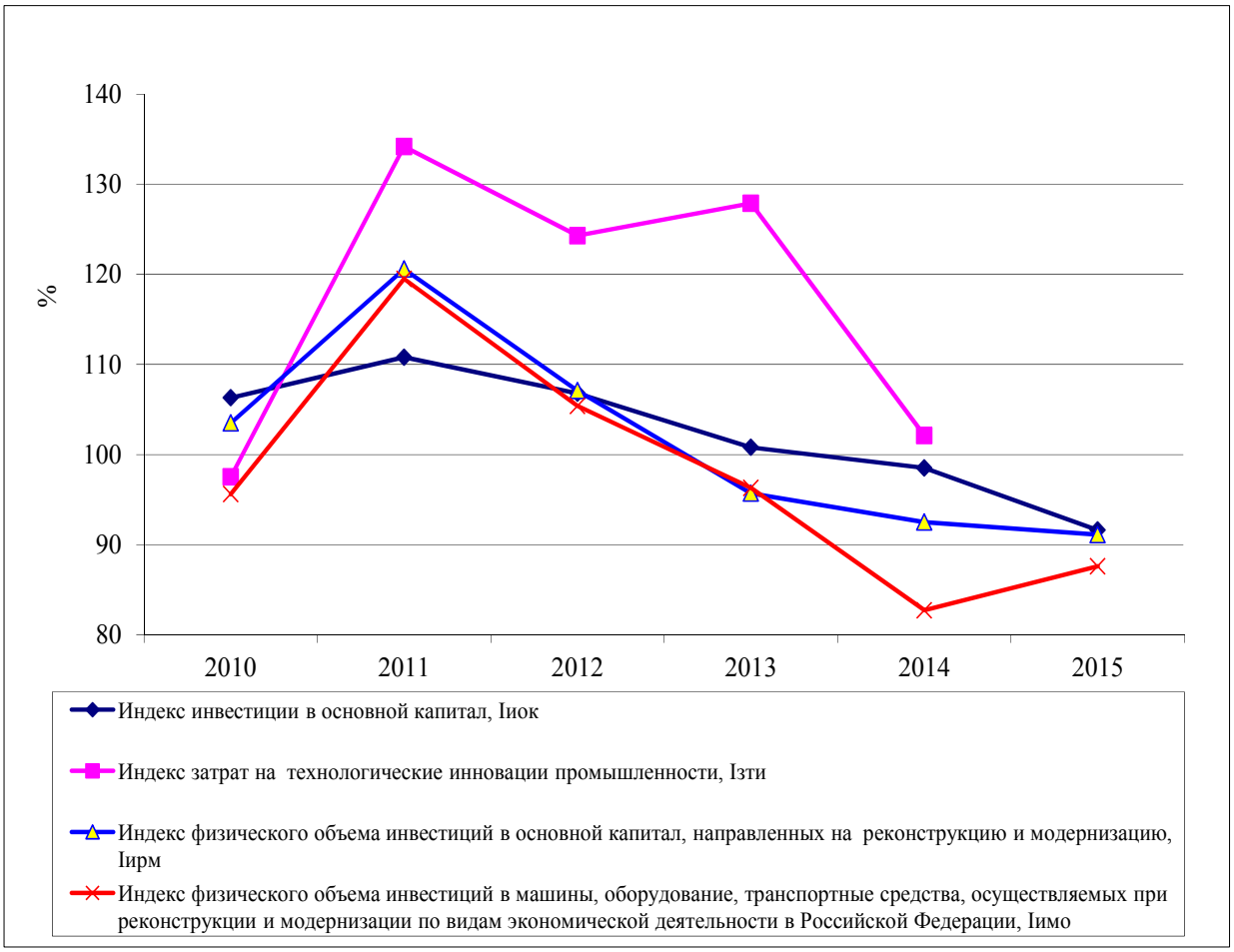
В период экономического подъема темпы роста инвестиций в основной капитал опережают темпы роста инвестиций в реконструкцию, модернизация, приобретение машин, а в период спада инвестиции в обновление оборудования, машин и транспортных средств, в другие направления и сферы, обеспечивающие инновационное развитие, по сути, обрушаются. Замедление, а тем более резкое падение инвестиций в реальные объекты обновления производственных фондов и технологий, как следует из результатов работы промышленных предприятий, существенно тормозят инновационные процессы, тогда как технологии в промышленности, особенно в отраслях, определяющих уровень и перспективы развития экономики в целом, меняются стремительно. Отставание в сфере развития науки и технологических инноваций дает мультиплицирующий эффект, усугубляя проблемы НТР для конкретных хозяйственных субъектов и экономики в целом.

Данный вывод подтверждают статистические данные и по структуре источников инвестиционных вложений. Увеличение инвестиций, направленных на модернизацию внедрение технологических новшеств в реальном секторе экономики, обусловливается прежде всего ростом затрат на технологические инновации и динамикой затрат на научные исследования и разработки. Причем как внутренних, так и бюджетных расходов. Источники инвестиций в НТР значительно отличаются по структуре и существенно отстают по объемам от уровня динамично развивающихся экономик. Российский бизнес не является инновационно активным, низок уровень его социальной ответственности. Со-

[1] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

[2] Там же.

гласование интересов в связке «бизнес – наука – государство – общества» до сих пор не сложилось, что во многом обусловлено системными проблемами управления.



Источник: составлено по данным Росстата.

Рисунок 1.
Динамика индексов, характеризующих научно-технологическое развитие в РФ

Качество инвестиций, их объем и структура являются предметом аналитических исследований многими учеными и специалистами, но связь этих процессов с проблемами управленческого характера исследуется недостаточно. В равной мере это относится и к макроэкономическому уровню, и к уровню управления конкретных субъектов промышленного производства.

В результате проведенных ранее весьма объемных расчетов и исследований было выявлено, что динамика линейно зависимых показателей (индексов инвестиций в основной капитал, производительности и промышленного производства) сопровождается экспоненциальной динамикой показателей, характеризующих научно-технологическое развитие (индексов затрат на технологические инновации и индексов объема инновационных товаров).

На практике это выражается в том, что нарастающие темпы роста затрат на технологические инновации положительно влияют на динамику важнейших экономических показателей[1]. Изучение корреляционной динамики четко показывает, что рост производства инновационных товаров зависит от темпов роста затрат на технологические инновации, но опережает их. Именно рост затрат на технологические инновации в сочетании с эффективным управлением научно-исследовательской деятельностью во многом определяют динамику модели экономического развития – инновационную, сырьевую или стагнирующую. Обеспечение положительной динамики социальных показателей и процессов в значительной мере является следствием эффективного управления НТР, инновационной деятельностью в целом.

К числу основных внутренних причин, препятствующих реализации задач научно-технологического развития предприятий, относятся следующие:

– несоблюдение важнейших принципов управления НТР, таких как приоритет стратегических целей над тактическими, доминирование структуры над функциями на действующих предприятиях;

– недостаток собственных средств, необходимых для технологических инноваций;

– отсутствие доступа к заемным ресурсам;

[1] Долганов А.В. Оценка состояния уровня научно-технологического развития промышленности России // Финансовая экономика. 2015. – № 1, февраль. – С. 25–33.

– топ-персонал предприятий зачастую не имеет достаточных компетенций в сфере инновационного управления, не готов идти на риски, связанные разработкой и внедрением инвестиционно-инновационных проектов (практически всегда дорогостоящих), с отложенной во времени эффективностью;

– высокий уровень износа основных средств – как физического, так и морального;

– недостаток профессионализма не только у инженерно-конструкторских и управленческих, но и у рабочих кадров.

Даже при наличии временно свободных финансовых ресурсов собственники и менеджеры предприятий проявляют осторожность при формировании стратегии инвестиционно-инновационного развития, а иногда и нежелание разрабатывать и реализовывать сложные проекты.

Для решения инновационных и технологических проблем практически на всех предприятиях, наряду с типовыми структурами, занимающимися реализацией планов НТР, создаются целевые, матричные структуры и органы управления. Чаще всего их обозначают как научно-технический совет, совет по технологическому и инновационному развитию, департамент инновационного развития, инновационный центр. Данные структуры, как правило, не располагают распорядительными полномочиями, но по результатам именно их решений определяются научно-технологические перспективы развития предприятий. Управленческие проблемы функционирования данных структур, как показал проведенный анализ их деятельности на ряде предприятий различных отраслей, разных организационно-правовых форм, размеров следующие:

– нечеткая постановка руководством целей и задач;

– неумение сформировать компетентную команду, нацеленную на решение сложных комплексных проблем НТР;

– объективно существующие различия интересов членов команды (руководителей производственных структур, конструкторов, технологов, научно-исследовательских подразделений предприятия);

– непонимание приоритетности стратегии развития предприятия над потребностью в решении локальных целей и задач;

– неумение работать в команде ряда членов и другие.

Для преодоления этих негативных явлений необходима оптимизация состава инновационных подразделений, обучение персонала коммуникационным навыкам и умению работать в команде, внедрение инструментов self-management, организация и проведение тренингов и тим-билдингов, целью которых является развитие творческих навыков, способности к генерации, формулированию и обоснованию инновационных идей.

Что касается решения задач инвестиционного обеспечения научно-технологических проектов, то они связаны со способностью руководства оценивать риски, пониманием определяющей роли НТР в долгосрочном развитии бизнеса и обеспечении конкурентоспособности.

Закономерно, что проблемы внутрикорпоративного управления тесно связаны с проблемами управления НТР на макроэкономическом уровне.

Задачи макроэкономического уровня управления многообразны и сложны. В самом общем, интегрированном, виде их можно сформулировать следующим образом: в зависимости от целей, содержания и инструментария государственного управления формируется социальный запрос на инновации, создаются (или не создаются) условия, обеспечивающие эффективность менеджмента предприятий, способствующие закреплению наметившихся положительных тенденций в сфере НТР, определяются приоритеты модели экономического развития.

В управлении НТР задействованы различные звенья и уровни, структуры и организации, используются инструменты и методы организационно-распорядительного и финансового характера. В результате проведенной исследовательской работы выявлено:

– имеет место декларативность при формулировании целей и задач управления НТР, не закрепленная механизмами их реализации, а также дублирование ряда функций;

– полномочия и ответственность органов управления за принимаемые решения часто не взаимосвязаны, а структуры, в ведении которых находится решение проблем НТР, часто переформатируются, что ведет к снижению не только оперативности в принятии и реализации решений, но и влияет на их качество;

– ресурсное обеспечение и организационные механизмы обоснования и реализации решений не соответствует уровню поставленных задач;

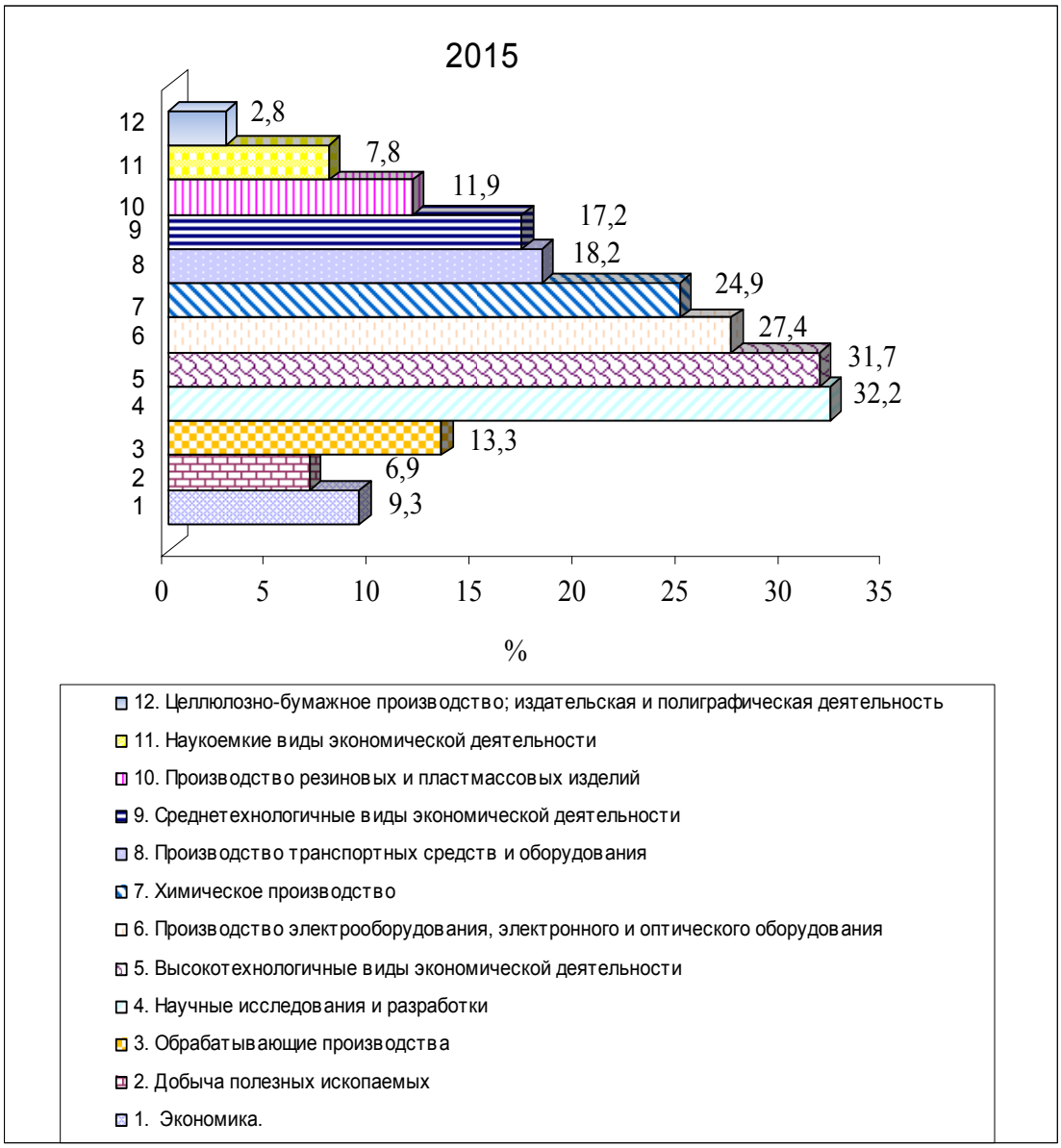
– нарушаются многие основополагающие принципы управления, в том числе научная обоснованность, выбор приоритетов в условиях ограниченности ресурсной базы, интегрированность, ответственность, независимость контроля;

– финансово-кредитная политика по-прежнему ориентирована на поддержание ликвидности финансового сектора, а не на поддержку реального сектора экономики.

Уже дважды на макроэкономическом уровне управления была упущена возможность изменения ситуации в реальном секторе экономики. После дефолта 1998 года государственными мерами и механизмами не был поддержан и закреплен успех промышленного производства, обусловленный эффектом импортозамещения. После кризиса 2008 года также не был поддержан реальный сектор ни в преодолении последствий резкого обрушения показателей, вызванных кризисом, ни в поддержке в период кризиса.

В настоящее время реальная поддержка государства оказана сельскому хозяйству, что во многом определило успехи аграрного сектора в 2015–2016 гг., а также ряду отраслей, связанных с ВПК. Однако считать их драйверами трансформирования сырьевой модели экономического развития в инновационную преждевременно, так как системные изменения в управлении НТР в целом и в промышленности в, частности, не происходят. По важнейшим индикаторам, характеризующим уровень научно-технологического развития, Россия существенно отстает от развитых стран, а также стан с динамично развивающейся экономикой.

1. Удельный вес организаций, осуществляющих инновации, не достигает 10%. В обрабатывающих отраслях этот показатель выше и составляет 13,3%. (рис. 2)



Источник: составлено по данным Росстата.

Рисунок 2.
Инновационная активность организаций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации), в общем числе организаций в РФ, %

К аусайдерам этого процесса относятся, например, целлюлозно-бумажная промышленность, издательская и полиграфическая деятельность, добывающие отрасли.

2. На долю банковского сектора приходится менее 8% финансирования капитальных вложений, вместе с тем банковские активы растут, но объемы кредитования инвестиционных проектов реального сектора не увеличиваются. Не случайно в качестве одной из основных причин, мешающих развитию предпринимательства, остается высокая стоимость заемных ресурсов и барьеры при получении кредитов.

3. В структуре затрат на технологические инновации в РФ преобладают расходы на приобретение машин и оборудования. Они составляют более 47% от общего объема, а на долю совокупных затрат на исследования и разработки приходится менее 40%, тогда как, например, в Дании на исследования и разработки приходится почти 90%, в Швеции около 80%, в Испании около 65%, в Турции 39%, а в Болгарии всего 14% затрат на технологические инновации. Такие страны как Испания, Турция, Китай активно наращивают собственную исследовательскую базу. В России также есть положительные сдвиги, но изменения происходят медленно[1].

4. На финансирование науки из бюджета приходится около 1% его объема. Участие бизнеса в развитии научно-образовательной сферы незначительно.

[1] Индикаторы инновационной деятельности: 2015. Статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 320 с.

5. До сих пор не сформирован благоприятный инвестиционный климат, не созданы механизмы, симулирующие инновационную активность бизнеса.

Следует отметить, что рационализация системы управления НТР происходит. Так о положительных сдвигах в инновационном управлении говорит наличие отраслей и видов деятельности с высокой долей инновационной активности предприятий. Например, в высокотехнологичной деятельности инновационными являются 31,7% предприятий и организаций, в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 27,4%, в химическом производстве – 24,9%, инновационными является каждое третье предприятие в сфере научных исследований и разработок (рисунок 2)

К числу производств с низким уровнем инновационной активности относятся, как уже отмечалось, целлюлозно-бумажное производство. Проведенный анализ экспортно-импортных потоков древесины и целлюлозно-бумажной продукции говорит о том, что экспорт ее почти в 3 раза превышает импорт. Специфична продуктовая структура импорта. Абсолютно преобладает и сохраняет стабильно высокий уровень продаж группа товаров «лесоматериалы необработанные». Ежегодный объем их продаж около 20 млн. кубометров, что также типично для сырьевой модели экономического развития. В статистических данных по импорту данная категория товаров даже не учитывается, тогда как ежегодно нашей страной импортируется готовой целлюлозно-бумажной продукции почти на 10 млрд. долл. Приведенный уровень инновационной активности предприятий отрасли (2,8%) таков, что в ближайшее время рост высоко качественной отечественной целлюлозно-бумажной продукции не может ожидаться. Прорыв возможен, если будут обновлены технологии, обеспечивающие высокий уровень качества и другие параметры конкурентоспособности и эффективности.

Особо следует отметить разбалансированность интересов и коммуникаций между звеньями и уровнями управления. В связи с ростом значимости влияния научно-технологического развития на социально-экономические процессы, на обеспечение конкурентоспособности продукции российских предприятий и экономики в целом необходимо конфигурирование такой системы управления, которая соответствует поставленным целям и задачам.

Выявлено, что органов и структур, причастных к принятию решений по управлению НТР, становится все больше. Многие из них являются совещательными и реализуют информационно-аналитические и координационные функции. К ним, например, можно отнести экспертные и общественные советы, создаваемые при соответствующих Комитетах ГД, министерствах и ведомствах.

Интеграционные функции по определению промышленной политики в законодательных структурах реализует Комитет ГД по науке и наукоемким технологиям, активно взаимодействующий с Министерством промышленности и торговли. Однако по-прежнему взаимодействие с исполнительной властью и внутри ее структур остается слабым звеном. Данный вывод справедлив не только в отношении «отраслевых», но и функциональных министерств, в частности, Министерства образования и науки, Министерства финансов, Минэкономразвития (МЭР). Так в структуре МЭР функционируют 4 департамента с задачами по управлению НТР. При каждом из них создаются координационные и совещательные структуры в формате советов, межведомственных комиссий. К обеспечению их деятельности привлекаются научно-исследовательские организации, вузовская наука[1].

Управление решением сложных задач объективно требует и предполагает не только усложнение и увеличение аппарата управления, но и рост эффективности его деятельности. Именно на макроэкономическом уровне определяются приоритетные направления научно-технологического развития, формируются организационно-распорядительные и мотивационные механизмы, интегрирующие интересы бизнеса, государства и общества, финансово-кредитных структур и производственного предпринимательства, разбалансированность которых остается многие годы предметом обсуждения, а не реальных и действенных решений.

За более чем 20 лет экономических реформ, и в частности за последнее десятилетие, структурные изменения в экономике не стали инновационными: успехи отдельных сфер деятельности, отраслей и предприятий скорее подтверждают данный вывод, чем свидетельствуют о формировании эффективной системы управления научно-технологическим развитием. Выход экономики в целом, отраслей и предприятий на траекторию инновационного развития может быть обеспечен высоким уровнем НТР и эффективной системой менеджмента научно-технологическим развитием на всех уровнях и звеньях управления. Это в свою очередь предполагает формирование механизмов ответственности и бизнеса, и управленческих структур разного уровня за принимаемые управленческие решения.

[1] Официальный сайт Правительства РФ. – http://government.ru/

Жаров В.С.
д.э.н., профессор Мурманского арктического государственного университета
zharov_vs@mail.ru

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЙ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, РЕГИОНОВ

Ключевые слова: *система целевых показателей, универсальный критерий эффективности, взаимосвязь материалоемкости и фондоемкости продукции, инвестиционно-инновационный левередж.*

Keywords*: system of targets, a universal criterion of effectiveness, the linkages of materials consumption and capital ratio of production, investment and innovation leverage.*

Разработка любой стратегии развития хозяйственных систем предполагает формирование целевых показателей, достижение определенных значений которых свидетельствует о полной или частичной реализации стратегий. Однако, во-первых, специфика конкретной стратегии требует и определения соответствующих специфических целевых показателей. Во-вторых, для сравнения различных вариантов стратегий требуется наличие обобщающих показателей, которыми в экономических системах являются показатели экономической эффективности.

Проблема выбора целевых показателей для управления инновационно-технологическим развитием экономики регионов-субъектов Федерации, заключается в том, что, с одной стороны, целевые показатели должны определяться одним и тем же способом для всех уровней управленческой иерархии в экономике регионов, то есть для видов деятельности, отраслей производства и предприятий, и, с другой стороны, они должны позволять рассчитывать уровень инновационной деятельности и инновационной активности на всех стадиях процесса управления развитием, то есть в процессе анализа, прогнозирования, программирования и индикативного планирования. Соответственно для этого необходимо наличие статистических данных, адекватно отражающих инновационный процесс на всех уровнях управленческой иерархии, и должна быть возможность включения рассматриваемых показателей в экономико-математические модели, позволяющие осуществлять прогнозирование развития экономики регионов-субъектов Федерации.

За рубежом, в частности в странах Европейского Союза, в подобных методиках используется множество различного вида коэффициентов (например, в «руководстве Осло»), которые одновременно отражают и инновационный потенциал развития, и затраты на реализацию такого типа развития, и результаты этого развития, что не вполне правомерно. Используемые для расчета значений этих коэффициентов статистические данные в целом имеют неадекватный характер, то есть не в полной мере позволяют *объективно* оценивать инновационность развития. При этом, с одной стороны, набор таких коэффициентов периодически изменяется, а, с другой стороны, они не позволяют осуществлять прогнозирование уровня инновационности развития.

В России анализ инновационности развития осуществляется, как правило, на основе статистической отчетности по разделу «Инновации», которая, во-первых, не вполне достоверна, так как, например, не совсем понятно, какие критерии используют различные предприятия при отнесении своей продукции к инновационной. Во-вторых, подобная отчетность не может быть использована при прогнозировании инновационно-технологического развития.

Такое развитие обеспечивается в основном за счет совершенствования или внедрения новой технологии производства, что позволяет снижать нормы расхода материальных ресурсов, в том числе энергетических, или использовать более дешевые виды таких ресурсов, что и приводит в конечном итоге к уменьшению доли материальных затрат в себестоимости производимой и реализуемой продукции, а также соответственно (при прочих равных условиях) к увеличению доли добавленной стоимости (ДС) в объеме продаж. Таким образом, прирост этой доли свидетельствует об инновационности деятельности, а темпы прироста показывают ее интенсивность, то есть уровень инновационной активности. Однако доля ДС в объеме продаж может повышаться и за счет увеличения цен на продукцию под воздействием изменения рыночного спроса и предложения, темпы которого могут оказаться выше темпов инфляции в сфере производства продукции. В связи с этим для элиминирования подобного фактора дополнительно рассчитывается показатель в виде коэффициента, характеризующего соотношение темпов изменения объема материальных затрат и темпов изменения объема всех затрат. Если его значение за соответствующий период времени будет менее единицы, то это и подтверждает инновационность развития.

Значение уровня инновационной активности зависит также от базового значения доли ДС в объеме продаж, то есть чем выше значение этой доли, тем труднее ее повышать в перспективе. Таким образом, для обеспечения сопоставимости значений этого уровня за несколько периодов времени (например, за ряд лет) необходим расчет значения мультипликатора увеличения доли ДС. Чем оно выше, тем легче обеспечить соответствующий прирост доли ДС.

В результате учета всех вышерассмотренных условий и формируется система целевых показателей оценки уровня инновационно-технологического развития экономики регионов, отраслей и предприятий, из которых основным является доля ДС. Такой показатель может быть главным управляющим параметром в системе имитационных динамических моделей, которые были нами разработаны для прогнозирования инновационно-технологического развития экономики регионов-субъектов РФ, и на основе которых могут разрабатываться различные варианты соответствующих стратегий.

Однако для выбора лучшего варианта соответствующей стратегии и для сравнения стратегий различных хозяйственных систем требуется обобщающий показатель экономической эффективности, который, с одной стороны, должен быть универсальным, то есть быть применимым для хозяйственных систем различного уровня иерархии. С другой стороны, в его основе должен использоваться главный показатель оценки уровня инновационно-технологического развития.

Устойчивое развитие экономических систем предполагает эффективное управление рациональным использованием природных ресурсов. Если рассматривать все группы экономических ресурсов в виде факторов производства с точки зрения включения в затраты или результаты деятельности человечества, то оказывается, что все факторы, за исключением природных ресурсов, при их использования входят в результаты, так как и стоимость наемного труда, и стоимость капитала, и стоимость предпринимательской способности напрямую образуют стоимость конечных товаров – валовый внутренний продукт (ВВП), то есть являются его составными частями. Также в ВВП входит и стоимость интеллектуального капитала. В то же время земля как фактор производства, то есть природные ресурсы в виде сырья, материалов, топлива и энергии образуют стоимость промежуточного продукта (ПП), который необходим для производства конечного продукта.

При этом универсальным критериальным показателем экономической эффективности деятельности любой экономической системы может быть выражение:

$$Э = ВВП/ПП \quad (1),$$

которое для уровня вида деятельности экономики региона, отрасли производства или отдельного предприятия представляется в виде:

$$Э = ДС/МЗ \quad (2),$$

где ДС – объем добавленной стоимости в стоимости продаж фирмы;

МЗ – материальные затраты на сырье, материалы, топливо и энергию в стоимости продаж.

На уровне экономики региона в целом это выражение имеет вид:

$$Э = ВРП/МЗ \quad (3),$$

где ВРП – валовый региональный продукт.

Именно максимизация такого критериального показателя определяет возможность и эффективность перехода хозяйственных систем на интенсивный путь развития и технологическую модернизацию. Кроме того он показывает деятельность хозяйственных систем различного уровня иерархии в обеспечении защиты окружающей природной среды, так как, по сути дела, минимизирует использование природных ресурсов, поэтому его применение будет обеспечивать устойчивое экономическое развитие.

Можно представить вышерассмотренный универсальный показатель экономической эффективности для уровня отдельного предприятия в расчете на единицу стоимости продаж, то есть используя удельные значения показателей, следующим образом:

$$Э=(1–МЕ)/ МЕ = МО – 1 \quad (4),$$

где МЕ и МО – соответственно материалоемкость и материалоотдача продукции.

На основе анализа деятельности трех ведущих предприятий Мурманской области нами для промышленных предприятий сформулирована гипотеза о прямо пропорциональной зависимости между значениями материалоемкости и фондоемкости активной части основных средств, то есть:

$$ФЕ = k*МЕ \quad (5),$$

где ФЕ – фондоемкость активной части основных средств (машин, оборудования и транспортных средств) на конец года, то есть их стоимость в расчете на единицу стоимости продаж;

k – коэффициент пропорциональности между значениями ФЕ и МЕ.

Конкретное значение этого коэффициента зависит от вида предприятия и отрасли промышленности. Для анализируемых предприятий в среднем за пятилетний период оно составило 1,0–1,5 для активной части основных средств.

Если эта гипотеза в дальнейшем подтвердится, то тогда на этой основе можно определять целевое значение увеличения доли ДС в структуре стоимости продаж отдельных промышленных предприятий, то есть целевое значение уменьшения материалоемкости продукции, и соответствующие для их достижения значения ФЕ или фондоотдачи (ФО), а значит, и необходимый для этого объем стоимости активной части основных фондов. Соответственно появляется возможность управления процессом максимизации добавленной стоимости исходя из инвестиционных возможностей предприятия, в том числе при выполнении имитационного анализа с использованием упомянутых выше имитационных динамических моделей (ИДМ).

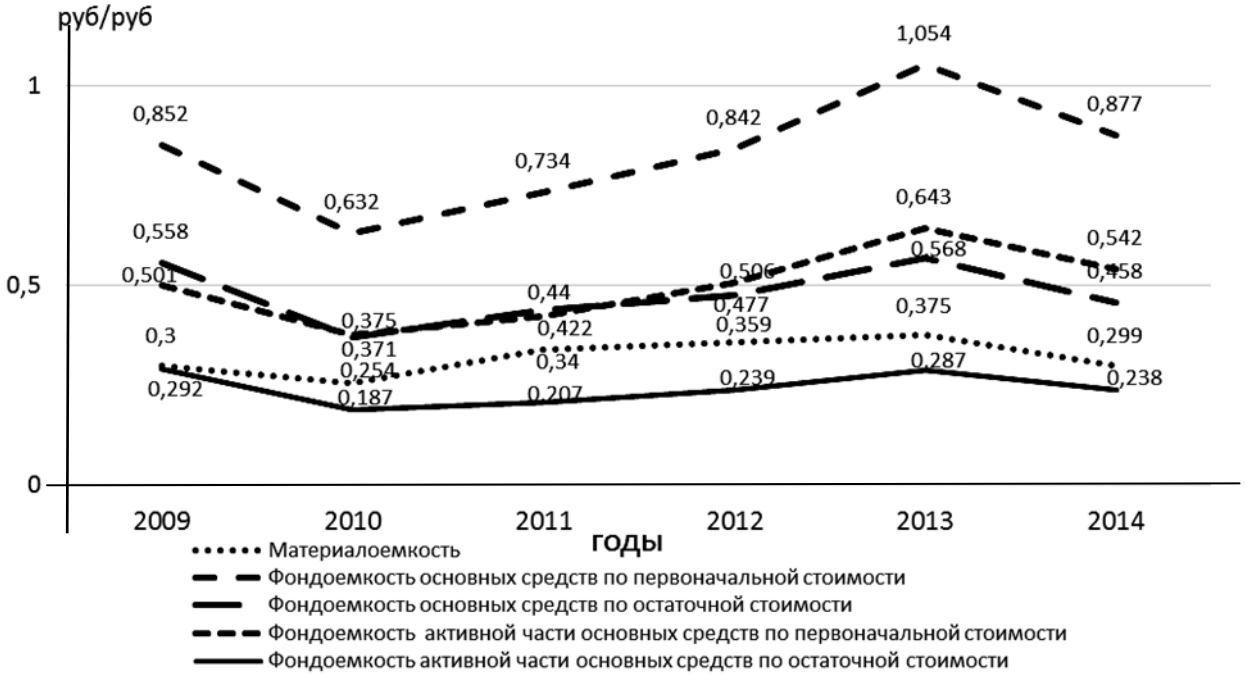


Рисунок 1.
Взаимосвязь материалоемкости и фондоемкости на АО «Кольская ГМК»

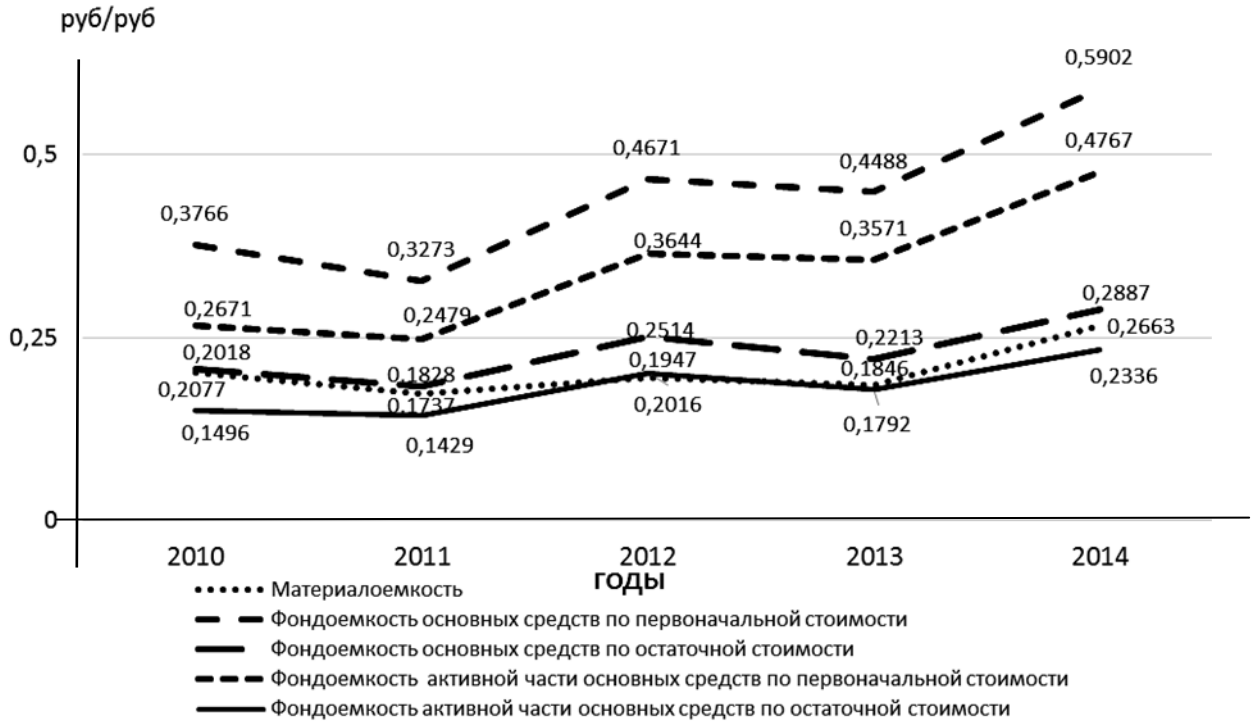


Рисунок 2.
Взаимосвязь материалоемкости и фондоемкости на АО «Ковдорский ГОК»

В таком случае, используя формулу(5), выражение (4) можно представить следующим образом:

$$Э=k*ФО–1 \quad (6).$$

С другой стороны этот показатель можно назвать инвестиционно-инновационным левериджем (ИИЛ), так как

$$(1–МЕ)/МЕ=ДДС/ДМЗ \quad (7),$$

где ДДС – доля добавленной стоимости в стоимости продаж;

ДМЗ – доля материальных затрат в стоимости продаж.

Значение ИИЛ в каждый отчетный период времени может быть рассчитано для каждой экономической производственной системы, в том числе для отдельного предприятия, по данным статистической отчетности.

Таким образом, Э равно ИИЛ и в результате для увеличения доли ДС путем интенсификации производственных процессов за счет внедрения процессных технологических инноваций требуется соблюдение следующего неравенства:

$$ФО > (ИИЛ + 1)/ k \quad (8).$$

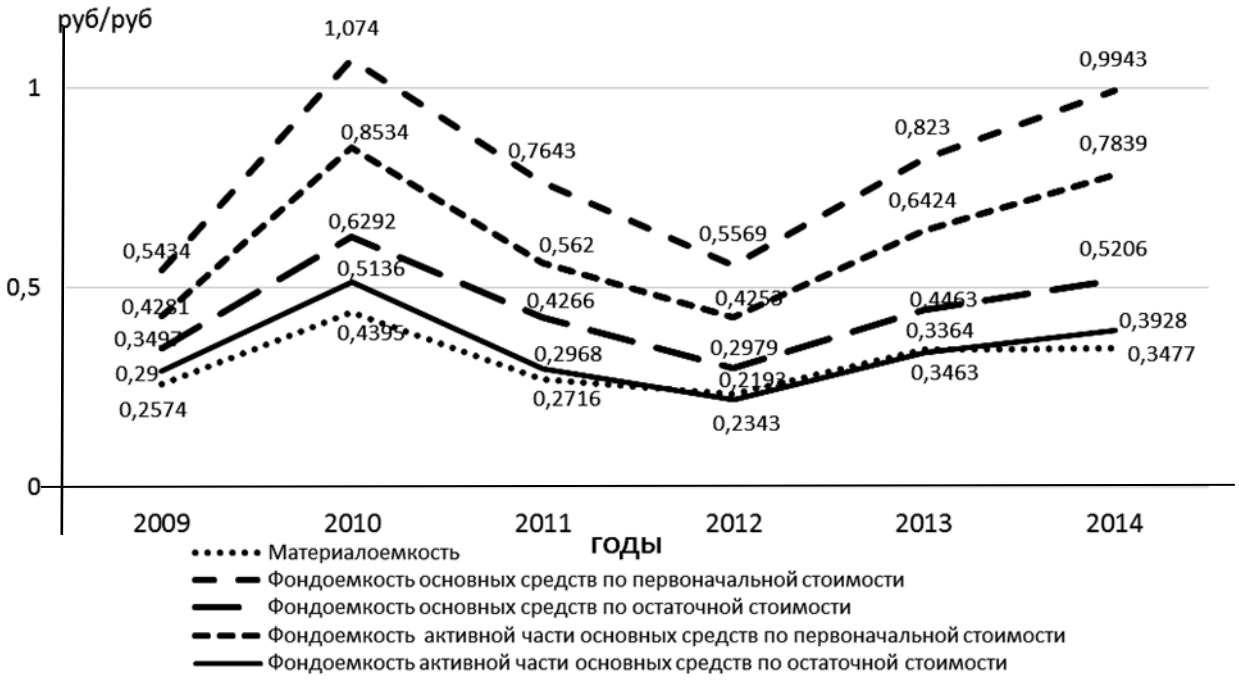


Рисунок 3.
Взаимосвязь материалоемкости и фондоемкости на АО «Олкон»

Соответственно задавая целевые значения увеличения доли ДС, можно определить и минимальное значение фондоотдачи, которое для этого потребуется обеспечить.

С увеличением доли ДС в стоимости продаж изменяется и значение ИИЛ (практически для реально существующих производственных предприятий оно составляет примерно 0,5-9,0), поэтому увеличивается и требуемое значение ФО, особенно когда значение ИИЛ начинает превышать единицу.

Таким образом, каждое предприятие для интенсификации своей деятельности должно приобретать новые основные средства со значением ФО (то есть возможной денежной выручки от их использования в расчете на единицу их стоимости) не меньшей, чем имеет предприятие в момент времени приобретения этих основных средств.

Этот же подход можно использовать при решении вопроса об импортозамещении машин и оборудования, то есть если их можно внутри страны купить (фирмами-потребителями такой инновационной продукции) или создать и продать (фирмами-производителями) со значением ФО больше требуемого уровня, то тогда импортозамещение будет экономически целесообразно и эффективно.

Зинов В.Г.
д.э.н., гл.н.с. Центра научно-технической экспертизы ИПЭИ РАНХиГС
Куракова Н.Г.
д.б.н., гл.н.с., директор Центра научно-технической экспертизы ИПЭИ РАНХиГС

ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ПАТЕНТНОЙ СТАТИСТИКИ

Ключевые слова: *технологический суверенитет, глобальное технологическое лидерство, интеллектуальная собственность, патентная статистика, российские научно-технологические заделы, области техники, патентные документы с российским приоритетом.*

Keywords*: technological sovereignty, global technological leadership, intellectual property, patent statistics, Russian scientific-technological capacities, fields of engineering, patent documents with a Russian priority.*

Достижение технологического суверенитета, глобального технологического лидерства и диверсификация экспортной базы стали главным целеполаганием современной научно-технологической политики РФ. Парадигма постиндустриальной модели экономического роста отдельных стран рассматривает такие категории, как «глобальное технологическое лидерство», «технологический суверенитет», «экономика знаний» как сущностно взаимосвязанные. Это отражает системообразующую роль интеллектуальной собственности (ИС), поскольку главной производительной силой в постиндустриальном обществе становятся наука, информация, знания, формирующие новый технологический уклад, и главными в этой системе являются отношения ИС [1–3].

Во время обсуждения Стратегии научно-технологического развития страны (СНТР) на заседании Совета по науке и образованию 21 января 2016 г. особо подчеркивалось, что ключевым фактором достижения технологического суверенитета страны является глобальная конкурентоспособность отечественных компаний. Для участия в разделении инновационной премии, возникающей при выведении на глобальный рынок товаров и услуг новой технологической повестки, в РФ предполагается создавать центры технологического превосходства, которые в составе промышленных консорциумов будут осваивать ниши глобального рынка высоких технологий. Эти центры превосходства предполагается создавать на базе ведущих научных организаций [4]. Ожидается, что процесс выбора ведущих организаций будет осуществляться, в том числе, и с использованием такого критерия как патентная активность.

Однако выбор в качестве ключевого индикатора идентификации центров превосходства показателя количество «патентов, которые выдаются на территории нашей страны» не соответствует парадигме глобального технологического лидерства, поскольку в постиндустриальном формате мирового хозяйства технологическое лидерство невозможно без лидерства в пространстве глобальной ИС. Представляется, что позиции России на уже сложившихся и формирующихся мировых рынках высокотехнологичной продукции в большей степени характеризует патентное портфолио резидентов РФ, сформированное в зарубежных патентных ведомствах и, в первую очередь, патентных семейств в определенных областях техники.

К сожалению, в РФ ни Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), ни Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), ни многочисленные аналитические центры, ни институты развития не представляют общедоступных ежегодных обзоров, содержащих детальный анализ национального патентного потока, сформированного в прошедшем году или в краткосрочной ретроспективе.

Между тем анализ актуальной патентной информации позволяет отслеживать тенденции на рынках, созданных высокотехнологичными товарами и услугами, определять целесообразность экспорта промышленной продукции, осуществлять поиск индустриальных партнеров и т.п. [5, 6]. Авторы настоящей публикации также неоднократно подчеркивали значимость и необходимость патентного анализа как элемента национального научно-технологического мониторинга [7], инструмента экспертизы и администрирования научных исследований [8], обоснования национальных технологических инициатив, как важнейшей составляющей научно-технологической политики [9, 10].

Целью данного исследования являлась идентификация и анализ состава обладателей самых значительных по величине портфелей патентов РФ, полученных в 2010–2015 гг., а также анализ технологических областей, на долю которых пришлось максимальное количество полученных резидентами РФ патентов. Кроме этого для оценки позиций России на формирующихся мировых рынках высокотехнологичной продукции был проведен анализ патентных документов с российским приоритетом, заявленных резидентами РФ в зарубежных патентных ведомствах.

В качестве информационной базы для проведения данного анализа были использованы данные баз Thomson Innovation, Derwent World Patent Index, RUPAT ФИПС, а также сведения отчетов ВОИС за 2015 г.: «Международная патентная система» (Patent Cooperation Treaty Yearly Review) и «Индикаторы мировой интеллектуальной собственности» («World intellectual Property indicators»).

Структура патентообладателей России

По данным ВОИС в 2014 г. Россия по количеству поданных резидентами национальных патентных заявок заняла седьмое место в мире [11]. Рассмотрим, какие крупнейшие отечественные патентообладатели обеспечили РФ столь высокую позицию.

Результаты выполненного патентного анализа позволили составить рейтинг топ-100 обладателей самых крупных портфелей патентов РФ за 2010–2015 гг. и выделить основные категории патентообладателей. Патентообладатели, занявшие первые 10 позиций нашего рейтинга, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Топ-10 обладателей самых крупных портфелей патентов РФ за 2010–2015 гг.

Патентообладатель	Количество патентов РФ	Доля патентов от общего количества патентов в топ-100 (%)	Категория патентообладателя
1) Квасенков Олег Иванович	17276	31,02	индивидуальный патентообладатель
2) Щепочкина Юлия Алексеевна	2279	4,09	индивидуальный патентообладатель
3) Министерство промышленности и торговли РФ	2009	3,61	государственные исследовательские организации, подведомственные распорядителю бюджета
4) Ахмедов Магомед Эминович	1400	2,51	индивидуальный патентообладатель
5) Татнефть им. В.Д. Шашина, ПАО	1400	2,51	предпринимательский сектор (входит в рейтинг FG 2014)
6) Кочетов Олег Савельевич	997	1,79	индивидуальный патентообладатель
7) Волгоградский государственный технический университет	988	1,77	университет
8) Воронежский государственный университет	985	1,76	университет
9) Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»	977	1,75	предпринимательский сектор
10) Казанский государственный энергетический ФИПС университет	918	1,65	университет

Источник: материалы авторов по БД RUPAT ФИПС (данные на 09.02.2016 г.)

В топ-100 обладателей самых крупных портфелей патентов РФ, полученных за период 2010–2015 гг., вошли всего 9 государственных исследовательских организаций и ведомств. Ожидаемо и закономерно выглядит высокое место исследовательских центров, подведомственных Минпромторгу России (3 место рейтинга) и Минобороны России (25-е место), указавших в качестве патентообладателя государственного заказчика. В рейтинг топ-100 попал всего лишь один научный институт РАН (Институт нефтехимии и катализа РАН, 39 позиция), что меняет устоявшееся представление о ключевом вкладе академических институтов в создание коллекции национальных патентов.

Обращают на себя внимание скромные показатели федеральных университетов, национальных исследовательских университетов, участников проекта «5 в 100», которые в течение последних пяти лет получали внушительную по объему государственную поддержку на развитие вузовской науки. Всего 11 университетов «золотой сотни» вошли в топ-100 патентообладателей России, в то время как самые высокие позиции рейтинга заняли региональные университеты, не получавшие до недавнего времени никакого приоритетного финансирования.

Всего 29 предприятий промышленного сектора России вошли в первую сотню обладателей самых крупных портфелей патентов РФ, 17 из которых были включены в рейтинг Forbes Global 2000 в 2014 г. [12]. Характерно, что эти компании заняли, главным образом, последние строчки рейтинга топ-100, заметно уступая университетам и индивидуальным патентообладателям. Лидером рейтинга среди компаний является ПАО Лукойл с 148 патентами РФ за последние 6 лет (76 строчка).

В топ-100 патентообладателей РФ вошли 45 университетов, 29 компаний предпринимательского сектора, 17 физических лиц и 9 исследовательских организаций государственного сектора (табл. 2).

Таблица 2

Вклад отдельных категорий в коллекцию патентов РФ, сформированную топ-100 крупнейшими патентообладателями России за 2010–2015 гг.

Категория патентообладателей	Количество патентообладателей в Топ-100	Доля патентов от общего количества патентов в топ-100 (%)	Количество патентов РФ за 2010–2015 гг.
Индивидуальный патентообладатель	17	44,3	24667
Университеты	45	32,9	18339
Предпринимательский сектор	29	12,9	7186
Исследовательские организации государственного сектора	9	9,9	5503

Источник: расчеты авторов по БД RUPAT ФИПС (данные на 09.02.2016 г.)

Вклад отдельных категорий патентообладателей в совокупное портфолио, сформированное вошедшими в топ-100 юридическими и физическими лицами, не пропорционален их численности. Так, вклад 17 индивидуалов составил

почти половину сформированной коллекции – 44,3%, на долю университетов пришлось 32,9%. На фоне совокупной доли физических лиц и университетов (77,2%), вклад предприятий предпринимательского сектора выглядит более, чем скромным – всего 12,9%. Еще меньшую лепту – 9,9% – внесли российские НИИ, в качестве патентообладателей которых часто заявлены распорядители бюджетов (министерства).

Для сравнения, по данным Европейского патентного ведомства (ЕПВ) в 2014 г. 64% поданных в ЕПВ патентных заявок приходится на крупные промышленные компании, 30% – на малые компании и индивидуальных изобретателей, и только 6% на университеты и научные организации [13]. В аналитическом отчете ВОИС, опубликованном в 2015 г. [11], для тридцати стран мира удельный вес международных патентных заявок, поданных компаниями индустриального сектора в 2014 г., составил в среднем 85,1%. На долю индивидуальных заявителей пришлось в среднем 7,8%, вклад университетов и исследовательских организаций государственного сектора составил 4,8 и 2,3% соответственно.

Необычный характер распределения поданных резидентами России международных патентных заявок по категориям заявителей стал поводом для специального комментария авторов отчета ВОИС. В отличие от всех индустриально развитых стран в РФ доля заявок, поданных предпринимательским сектором, составила всего 40,1%, т.е. в два раза меньше, чем средний показатель для выборки из 30 стран. Также вопреки мировой практике доля индивидуальных заявителей в РФ оказалась самой значительной из 30 стран – 58,2%, что более, чем в 7 раз превышает средние данные по другим странам.

Высокая патентная активность российских индивидуальных патентообладателей стала объектом детального анализа. Прежде всего, обращает на себя внимание экстраординарная продуктивность отечественных индивидуальных патентообладателей. Четверо из них возглавили рейтинг топ-100 обладателей самых крупных коллекций патентов РФ, намного опередив по емкости своих портфолио крупные исследовательские центры и компании.

Патентная активность некоторых из них достигала в 2010–2015 гг. более одного патента в день! Так лидер рейтинга патентообладателей РФ – Квасенков Олег Иванович – только в 2015 г. стал собственником 1229 патентов РФ, что возможно лишь при оформлении 4-х заявок на изобретение ежедневно! На долю этого изобретателя приходится 31% из всех патентов РФ, полученных организациями и физическими лицами, вошедших в топ-100 патентообладателей. Занявшая вторую позицию в рейтинге Щепочкина Юлия Алексеевна за 2010–2015 гг. стала автором (и обладателем) 2279 патентов РФ, т.е. в течение 5-и лет в среднем оформляла по 1 заявке на изобретение в день!

Все охраноспособные решения Квасенкова О.И. касаются способов приготовления и производства различных видов консервов, например: «Способ производства консервов “Борщ с фрикадельками из морского гребешка” (RU 2 568 691), «Способ выработки консервов “Рыба тушёная в томате с овощами” (RU 2 568 741). Примечательно, что все перечисленные патенты имеют одну и ту же дату публикации, а всего в этот день было опубликовано 11 патентов правообладателя.

В той же области техники активно создает изобретения и Ахмедов М.Э., занимающий 4 позицию рейтинга самых крупных патентообладателей России. Изобретатель защищает патентами температурные режимы обработки самых разнообразных овощных и фруктовых смесей, о чем свидетельствуют полученные им патенты: «Способ стерилизации пюре из зеленого горошка (RU 2508017)», «Способ стерилизации компота из груш и айвы (RU 2508014)» и другие.

Нельзя не отметить пяти обстоятельств, ставящих под сомнение целесообразность подобной изобретательской активности:

1) Области техники, к которым относится большая часть защищенных технических решений, не являются прорывными, формирующими новый технологический уклад, и не имеют потенциала создания товаров и услуг новой технологической повестки.

2) Большая часть изобретений основывается на незначительных улучшениях существующего уровня техники.

3) Подобная патентная активность лишена реального экономического смысла, который состоит в извлечении лицензионных платежей из-за возникающего права запрета на использования запатентованного технического решения. Кроме того большая часть физических лиц, вошедших в рейтинг топ-100 патентообладателей РФ, на основании п. 1 ст. 1366 ч. 4 ГК РФ относится к категории граждан, имеющих право на освобождение от уплаты госпошлин за подачу заявки и поддержание патента РФ [14]. Наконец, для обработки и экспертизы огромных массивов патентных заявок, подаваемых сверхпродуктивными индивидуалами, требуются значительные трудозатраты сотрудников ФИПС.

4) Технические решения, запатентованные индивидуальными изобретателями, которые нет основания относить к незначительным улучшениям уровня техники, представляется правильным вводить в хозяйственный оборот только в случае их переуступки крупным промышленным компаниям.

5) Значительный объем патентных документов, генерируемый индивидуальными патентообладателями, искажает данные межстрановых сопоставлений при определении стран-лидеров в той или иной области техники, создавая репутационные эффекты для РФ. Так в опубликованном в начале 2016 г. отчете ВОИС «World Intellectual Property Indicators – 2015» [11] приводятся данные о трех ведущих областях техники, в которых страны являются мировыми технологическими лидерами. Как следует из отчета, Япония, например, является, мировым лидером развития оптических технологий, Германия – лидером в области транспортных технологий, США завоевали репутацию мирового драйвера в области развития фармацевтики, Китай – в области механики. Россия же снискала статус страны-лидера в области пищевой химии!

Место России в глобальном патентном пространстве

В 2014 г. в мире было подано 2,68 млн. патентных заявок на изобретения, что на 4,5% больше, чем в 2013 г., таким образом уже пятый год подряд ВОИС фиксирует рост числа патентных заявок. Большая их часть поступила всего от восьми стран, в число которых Россия не входит [15, 16]. Российская Федерация по итогам 2014 г. заняла 11 место в мире по количеству заявок на патентование изобретений с учетом заявок резидентов и зарубежных заявителей, 7 место по количеству заявок на изобретения, поданных резидентами, 16 место по количеству поданных патентных заявок на 100 млрд. долларов ВВП и 19 место по количеству поданных патентных заявок на душу населения.

Большая часть патентных документов, принадлежащих резидентам РФ, имеет статус «домашних»: согласно данным отчета ВОИС, в 2010–2012 гг. лишь 3,2% от общего количества патентных документов россиян вышли за пределы страны, в то время как для большинства индустриально развитых стран этот показатель составляет от 30 до 85%.

По данным Роспатента, в 2014 г. в национальное ведомство было подано 40 308 заявок на патент на изобретение, из которых 24 072 заявок поступило от резидентов РФ. В том же году Роспатент как ведомство, принимающее заявки по системе PCT, получил 949 международных заявок на изобретение, что составило менее 4% (3,9%) от поданных резидентами «домашних» заявок [17]. Анализ соотношения заявок резидентов РФ и зарубежных заявителей, поданных в различных патентных ведомствах в 2014 г., отражают повышенную патентную активность в России резидентов, прежде всего компаний, ряда стран (Австралия, Франция, Германия, Израиль Италия, Япония, Великобритания, США), которые подают в России в несколько раз больше заявок на изобретения, чем резиденты РФ в тех же странах.

Анализ распределения патентных документов с приоритетом РФ по патентным ведомствам различных стран и регионов за период с 2010–2015 гг. позволяет констатировать, что патентоспособные решения резидентов РФ, с которыми, видимо, и следует связывать ожидания на завоевание ниш глобальных рынков, сформированных товарами и услугами новой технологической повестки, сконцентрированы в ограниченном числе стран-технологических лидерах мира, завоевание внутренних рынков которых станет сложной задачей для российских высокотехнологичных компаний.

Структура портфеля патентных семей РФ

В России доля взаимосвязанных патентных заявок, поданных в одну или большее число зарубежных стран или юрисдикций, чтобы защитить одно и то же изобретение в общем объеме патентных документов из года в год остается крайне незначительной. Как уже было отмечено выше, лишь 3,2% патентных документов резидентов РФ вышли за пределы страны в 2010–2012 гг. Причем почти 97% из этих вышедших за границы РФ патентных документов, подаются всего в одно патентное зарубежное ведомство.

Каждая из этих вышедших за пределы РФ заявок направлялась в среднем в 2,9 стран, что соответствует среднему показателю в мире. Однако эксперты ВОИС отмечают, что среднее число патентов различных ведомств, входящих в патентные семейства, из года в год увеличивается, что, с нашей точки зрения, отражает нарастание технологической олигополии [16].

Анализ патентных документов, вышедших за пределы РФ, по областям техники

Анализ распределения массива патентных документов, вышедших за пределы РФ, по классам МПК позволил выделить области техники, в которых наблюдается повышенная патентная активность резидентов РФ в глобальном пространстве ИС. Нами составлен рейтинг топ-100 подклассов МПК, по которым были опубликованы патентные документы с российским приоритетом в зарубежных патентных ведомствах за 2010–2015 гг.

Более всего классов (34%), по которым были поданы опубликованные патентные документы с российским приоритетом, включенные в рейтинг топ-100, приходится на раздел A МПК «Удовлетворение жизненных потребностей», 18% классов МПК относится к разделу C «Химия; металлургия», по 14% – к разделу G «Физика» и к разделу H «Электричество», 10% – к разделу B «Различные технологические процессы; транспортирование», по 5% – к разделу E «Строительство; горное дело» и к разделу F «Машиностроение; освещение; отопление; оружие и боеприпасы; взрывные работы». Не вошли в рейтинг патентные документы по классам раздела D «Текстиль, бумага».

Количество опубликованных патентных документов с российским приоритетом, вошедших в рейтинг топ-100 по разделу A, опубликованных зарубежными ведомствами, составляют более половины – 9637 (51,1%).

Следует отметить, что, несмотря на развитую нефтегазовую индустрию в России, по классам МПК «Способы или устройства для добычи нефти, газа, воды, растворимых или плавких веществ или полезных ископаемых в виде шлама из буровых скважин» в рейтинге топ-100 можно найти только 251 (1,33%) патентных документов с российским приоритетом.

Структура заявителей патентных документов, вышедших за пределы РФ

Наибольший интерес вызывает структура заявителей зарубежных патентов, которые, получая охранные документы зарубежных ведомств, тем самым демонстрируют свои претензии на рынки стран патентования. С использованием БД Tomson Innovation нами был проанализирован портфель всех патентных документов за 2010–2015 гг., имеющих приоритет РФ и опубликованных в зарубежных патентных ведомствах.

На основании собранных данных нами был составлен рейтинг топ-91 заявителей патентов по процедуре PCT с российским приоритетом в различные зарубежные патентные ведомства. Патентный портфель участников рейтинга топ-91 обладателей самых крупных коллекций патентных документов с российским приоритетом за 2010–2015 гг. включает 5772 патентных документа. В числе заявителей один университет, два государственных учреждения – ФГУП «Гознак» и Федеральное агентство по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения, 30 индивидуальных заявителей с 1498 патентными документами и 58 представителей предпринимательского сектора с 4100 патентными документами.

Анализ вклада отдельных категорий в коллекцию патентных документов с российским приоритетом, сформированную топ-91 крупнейшими патентообладателями России за 2010–2015 гг. показал, что треть составляют индивидуальные заявители, которым принадлежит свыше четверти (25,95%) всех патентных документов с российским приоритетом. Большая же часть патентных документов (соответственно 31,3 и 24,8%) с российским приоритетом заявляется в зарубежные патентные ведомства от имени дочерних структур транснациональных и зарубежных компаний.

Значительное количество исследователей, работающих в государственных научных организациях, обнаруженное нами среди индивидуальных заявителей, дает основание предполагать, что их патентные заявки в зарубежные патентные ведомства – это способ приватизации интеллектуальной собственности, созданной за средства, в том числе, государственного бюджета.

Если допустить, что большая часть патентов, вышедших за пределы РФ и принадлежащая индивидуальным заявителям, также предназначена для переуступки их зарубежных компаниям, то в общей сложности 82,05% зарубежных патентов с российским приоритетом не могут быть связаны с намерением резидентов РФ освоить ниши глобального рынка высокотехнологичных продуктов! На долю же отечественных компаний всех форм собственности приходится менее 15% (14,95%) от общего числа патентных документов, включенных в рейтинг топ-91.

Заключение

В середине мая 2016 г. на публичное обсуждение вынесен проект Стратегии научно-технологического развития (СНТР) Российской Федерации до 2035 г. Главный рефрен этого документа, как нам представляется, звучит следующим образом: в РФ в последние 5 лет национальный сектор генерации нового знания был обеспечен государственным финансированием, уровень которого является «одним из самых значительных в мире» [18, с. 9]. Однако «рост финансирования исследований и разработок и инновационной инфраструктуры не привел к автоматической реализации инновационного сценария РФ. Доля России в общем мировом экспорте высокотехнологичных товаров составляет всего 0,4%. Условия создания инноваций и текущая активность в сфере исследований и разработок не трансформируется в результаты оформленных изобретений» [18, с. 10]. Поэтому, по мнению разработчиков документа, «необходимо повысить эффективность деятельности российских исследователей и разработчиков» – этот тезис стал одной из четырех целей СНТР [18, с. 14].

То есть, согласно логике авторов СНТР, чем больше результатов, полученных российскими исследователями и разработчиками, будут завершаться «оформленными изобретениями», тем больше будет «доля России в общем мировом экспорте высокотехнологичных товаров», а чтобы этот процесс проходил активнее, необходимо «повышение эффективности деятельности исследователей и разработчиков».

Данные выполненного нами анализа полностью опровергают логику этого причинно-следственного построения. Российские ученые и исследовательские организации уже сегодня демонстрируют гипертрофированно высокую патентную активность на фоне чрезвычайно низкой патентной активности компаний промышленного сектора страны.

В качестве главного субъекта научно-технологического развития страны авторы СНТР рассматривают ученого и исследовательскую организацию и ратуют за дальнейшее увеличение их патентной и публикационной активности как фактора научно-технологического развития страны. При этом вне фокуса внимания авторов СНТР оказались истинные драйверы технологического развития развитых стран – промышленные компании. На финансирование исследований этих субъектов инновационного развития в РФ направляется более 50% средств государственного бюджета, выделяемых на ИиР. Так, согласно данным статистического сборника «Индикаторы науки: 2016» [19, с. 75], в 2015 г. в предпринимательский сектор РФ было направлено 505,2 млрд. руб. (54,0%), в то время как на исследования и разработки в государственной сектор только 258,3 млрд. руб. (37,4%)!

Структура обладателей патентных прав с российским приоритетом демонстрирует значительное количество индивидуальных заявителей, которые не могут стать основными агентами захвата ниш глобального рынка и не могут конкурировать с зарубежными промышленными гигантами. Между тем, как справедливо было отмечено на заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ 21 января 2016 г., ключевым фактором достижения технологического суверенитета страны является глобальная конкурентоспособность отечественных компаний. Однако важно помнить, что конкурентоспособность продуктов новой технологической повестки в наибольшей степени, особенно на начальной стадии освоения нового рынка, определяется не столько технико-экономическими потребительскими свойствами, сколько наличием монопольных патентных прав на конкретном рынке.

Анализ патентных документов с российским приоритетом позволяет выявить технологические области, в которых у резидентов РФ есть научные заделы для создания продуктов, конкурентоспособных на мировом рынке. Прежде всего, это относится к области создания новых лекарственных средств и информационно-коммуникационных технологиям.

Значительное число индивидуальных заявителей патентных документов в зарубежных ведомствах инициирует серьезные вопросы, связанные с законностью подобной приватизации результатов исследований и разработок, чаще

всего выполненных за средства государственного бюджета. Такая ситуация не способствует укреплению технологического суверенитета страны и приведет к многочисленным судебным спорам как внутри страны, так и за рубежом.

Сложившаяся структура ключевых патентообладателей страны сама по себе ярко манифестирует системные проблемы национальной научно-технологической сферы. Начиная с 2010 г. в ходе реформы российского сектора генерации нового научного и технологического знания, главным объектом государственной поддержки стал университетский сектор науки и связанные с ним формы технологического предпринимательства. Именно на него, фактически, была возложена функция драйвера технологического развития страны, а низкая патентная активность предприятий промышленного сектора, без сомнения отражающая ее низкую наукоемкость, не попала в фокус научно-технологической и промышленной политики. Между тем, без ведущей роли промышленных компаний, заинтересованных в своем технологическом развитии, не происходит научно-технологическое развитие национальной экономики в целом.

Список литературы

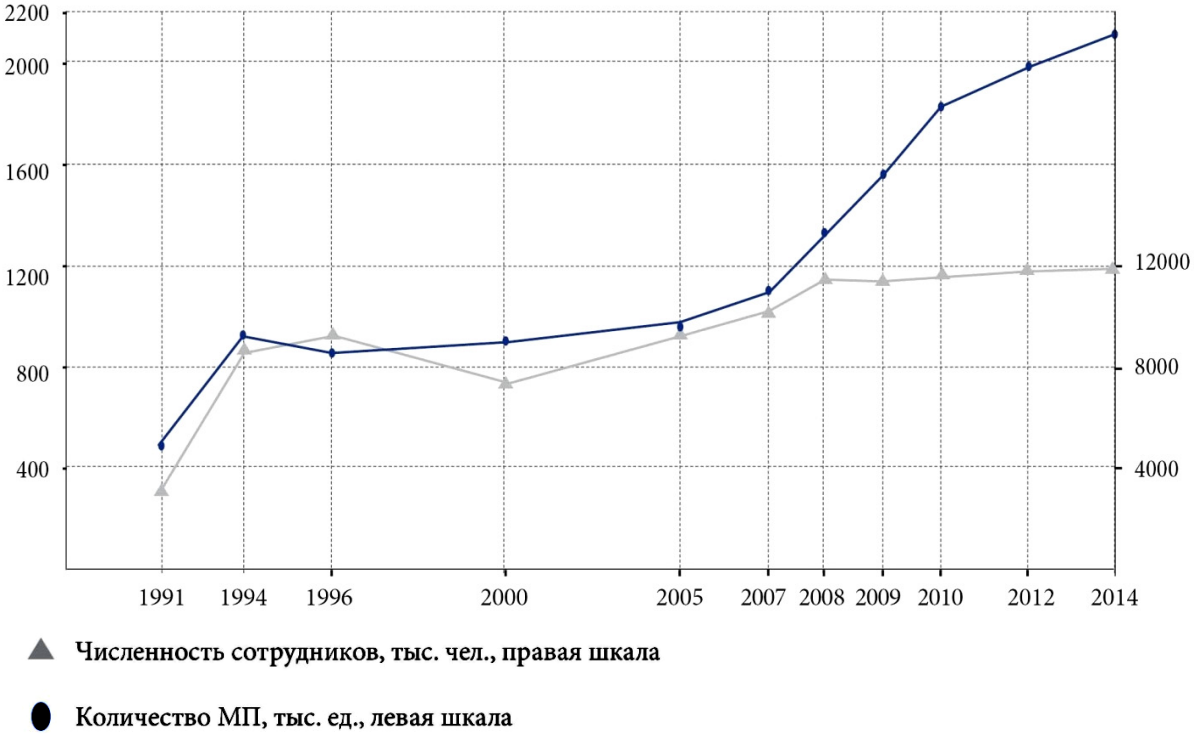
1. Лихачев В.А. Мировой рынок объектов интеллектуальной собственности на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2014. – № 8. – С. 89–103.
2. Кузнецова Г.В. Развитие научно-исследовательской деятельности в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2014. – № 7. – С. 23–40.
3. Мойсейчик Г.И., Фараджов Т.И. Вопросы финансово-технологического суверенитета как основной предмет экономической науки XXI века // OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy (Lithuania). 2015. – № 2 (3). – С. 47–66.
4. Заседание Совета по науке и образованию 21 января 2016 года. Стенограмма. Дата публикации: 2016-01-24 // Официальный сайт Президента России, 24.01.2016. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/51190
5. Лиходедов Н.П. Патентная информация и инновации. / СПб: ООО Онлайн. – 2008. http://library.mephi.ru/files/Patentnye%20BD%20i%20osnovnye%20ponyatiya.pdf.
6. Медунецкий В.М. Содержание и структура патентных исследований. – СПб: Университет ИТМО, 2015. – 46 с.
7. Куракова Н.Г., Зинов В.Г., Цветкова Л. А. Прорывное научное направление: формализация понятия и критерии подтверждения статуса // НТИ. Сер.1. – М., 2014. – № 9. – С. 1–8.
8. Куракова Н.Г., Зинов В.Г., Цветкова Л. А., Ерёмченко О.А., Комарова А.В, Комаров В.М., Сорокина А.В., Павлов П.Н., Коцюбинский В.А. Научно-технологическая политика «быстрого реагирования»: рекомендации для России. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 160 с.
9. Петров А.Н., Куракова Н.Г., Зинов В.Г., Семин А.А. Ключевые риски проекта «новые производственные технологии» в контуре национальной технологической инициативы // Инновации. – СПб., 2015. – № 3(197). – С. 36–47.
10. Куракова Н.Г., Зинов В.Г., Цветкова Л.А., Еремченко О.А. и др. Публичный аналитический доклад по направлению «новые производственные технологии» Раздел 4/ 2015. – http://www.skoltech.ru/industry/scientific-industrial-policy-group/
11. World Intellectual Property Indicators – 2015. – http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2015.pdf
12. Forbes. The World's Biggest Public Companies. – 2014. – http://www.forbes.com/global2000/list/#header:country_country:Russia
13. Annual Report 2014. European Patent Office. 2015. – http://www.epo.org/about-us/annual-reports-statistics/annual-report/2014.html
14. Гражданский кодекс РФ, пункт 1 статьи 1366 части четвертой.
15. Patent Cooperation Treaty Yearly Review. June 2015. – http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_901_2015.pdf
16. World Intellectual Property Indicators. June 2015. – http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2015.pdf
17. Отчет о деятельности Роспатента за 2014 год / Роспатент. – http://www.rupto.ru/about/reports/2014_1#1.2
18. Проект Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года от 05.05.2016. – http://sntr-rf.ru/upload/iblock/456/СНТР%2005.05.2016_редакция%2021.pdf
19. Индикаторы науки: 2016: статистический сборник. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. – 304 с.

Корепанов Е.Н.
к.э.н., в.н.с. Института экономики РАН

МАЛЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И ИННОВАЦИИ

Ключевые слова: *малое предприятие, инновации, производство, наука, образование, эффективность.*

Традиционно малый бизнес (МБ) считается основой экономики развитых стран, драйвером инноваций, базой существования среднего класса, буфером рынка труда, сферой приложения навыков и склонностей, невостребованных крупными организациями. Но времена меняются. За последние 20 лет крупные предприятия США превзошли малые и средние предприятия (МСП) по уровню инновационной активности, количеству полученных патентов (как общему, так и в расчете на одного работника), вкладу в ВВП и т.д. Эти перемены обусловлены концентрацией капитала и, соответственно, увеличением возможностей растущих фирм в осуществлении инноваций. При этом, однако, для становления вновь зарождающихся производств роль МП остается первостепенной. В России процессы слияний и поглощений также активизируются, прежде всего, в обрабатывающей промышленности, а крупные организации превосходят МП по инновационной активности, но МБ находится еще в стадии становления, рост его продолжается, меняется его отраслевая структура и роль в инновациях. В работе делается попытка проследить эти процессы на главных этапах развития отечественного МБ и оценить результативность государственной поддержки МСП. Основное внимание уделено МП – юридическим лицам как наиболее полно представленным в статистике, а в их числе малым инновационным предприятиям (МИП) в промышленности, науке и образовании – видах деятельности, реализующих львиную долю технологических инноваций (ТИ). В работе использованы данные статистики, а также результаты мониторинга МИП, осуществляемого Минобрнауки, и материалы компании КПМГ.



Источник: данные Росстата.

Рисунок 1.
Динамика малых предприятий (МП) в экономике

В становлении российского МБ прослеживается несколько периодов роста, спада, стагнации, но в целом можно ограничиться четырьмя крупными этапами. Первый из них, названный А.В. Виленским «золотым веком» МБ[1], пришелся на годы «перестройки» (1987–1990 гг.). Он характеризовался бурным ростом числа центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ) и кооперативов. Первые были призваны обеспечить эффективное использование результатов НИОКР, вторые – ликвидировать товарный дефицит. Однако и те, и другие, пользуясь огромны-

[1] Виленский А.В. Институциональные ограничения развития российского малого предпринимательства. – М.: Наука, 2007.

ми государственными льготами, переключились на спекулятивные операции. К 1991 г. большая их часть прекратила существование, остальные преобразовались в МП. Второй этап (1991-1994 гг.) – время массового учредительства МП. За 1991-1994 гг. их количество выросло до 897 тыс., а численность их работников – до 8,8 млн. чел. (рис. 1). Однако уже в 1994 г. темпы роста упали. Третий этап (1995-2006 гг.) был временем относительной стабилизации МБ в промышленности и лавинообразного спада в науке и образовании. Эти явления были обусловлены переориентацией руководства экономикой на развитие сырьевых экспортно-ориентированных производств и, соответственно, минимизацией государственной поддержки МБ, а также гнетом криминального и чиновничьего рэкета[1].

Лишь с 2007 г. ситуация начала меняться. Наряду с принятием ряда постановлений Правительства и законодательных актов, направленных на развитие инновационной инфраструктуры и МСП, децентрализацию государственной политики в области МБ, были резко увеличены объемы средств, выделяемых из федерального бюджета на поддержку МСП. Это создало условия для нового этапа учредительства (2008–2014 гг.) – количество МП выросло за эти годы на 85%, численность же их работников – только на 15,6%, причем после 2008 г. она практически стабилизировалась. Результатом стало измельчание МП, средняя численность их работников упала с 8,9 до 5,6 чел. Это стало негативным фактором, поскольку до сих пор и в МБ, и в крупных организациях действует один закон – чем больше предприятие, тем выше его инновационная активность. Отраслевая структура МБ также изменилась не в пользу видов деятельности, продуцирующих и внедряющих новшества (табл. 1).

Таблица 1

Распределение МП (включая микропредприятия) по видам деятельности, %

	1996 г.	2000 г.	2004 г.	2008 г.	2014 г.
Всего в экономике	100	100	100	100	100
Промышленность	15,7	15,3	13,4	11,6	10,5
Оптовая и розничная торговля, ремонт бытовых изделий…	44,4	46,8	46,3	42,4	38,8
Операции с недвижимым имуществом	0,46	1,3	5,4	17,5	20,4
Образование	0,78	0,62	0,30	0,27	0,32
Научные исследования и разработки	5,5	3,4	2,2	0,90	0,72

Источники: данные Росстата; расчеты автора.

Стремительный рост объемов операций с недвижимым имуществом в основном за счет промышленности и науки не способствовал повышению доли МП в основных экономических показателях, напротив, удельный вес МП в обороте даже снизился (табл. 2) несмотря на столь значительное увеличение их количества в 2008–2014 гг. Рентабельность продукции и активов МП также остается на уровне, существенно уступающем таковому в крупных и средних организациях.

Таблица 2

Удельный вес МП в основных экономических показателях, %

	1997 г.	2005 г.	2009 г.	2020 г.	2012 г.	2014 г.
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей)	12,0	16,7	21,7	21,0	23,4	23,6
Оборот организаций		26,4	24,5	21,4	21,1	20,2
Инвестиции в основной капитал	5,4	3,4	4,4	7,2	4,1	4,9

Источники: данные Росстата.

Таким образом, данные Росстата свидетельствуют об одностороннем влиянии программ поддержки МСП на общую ситуацию в МБ. Быстро росло только количество МП, а их продуктивность в целом не увеличивалась. Да и сам рост количества МП в целом нельзя объяснить влиянием программ, ибо льготами и другими видами поддержки не пользовались, например, 73% МСП г. Москвы, а 15% «не помнят», обращались ли они за помощью[2].

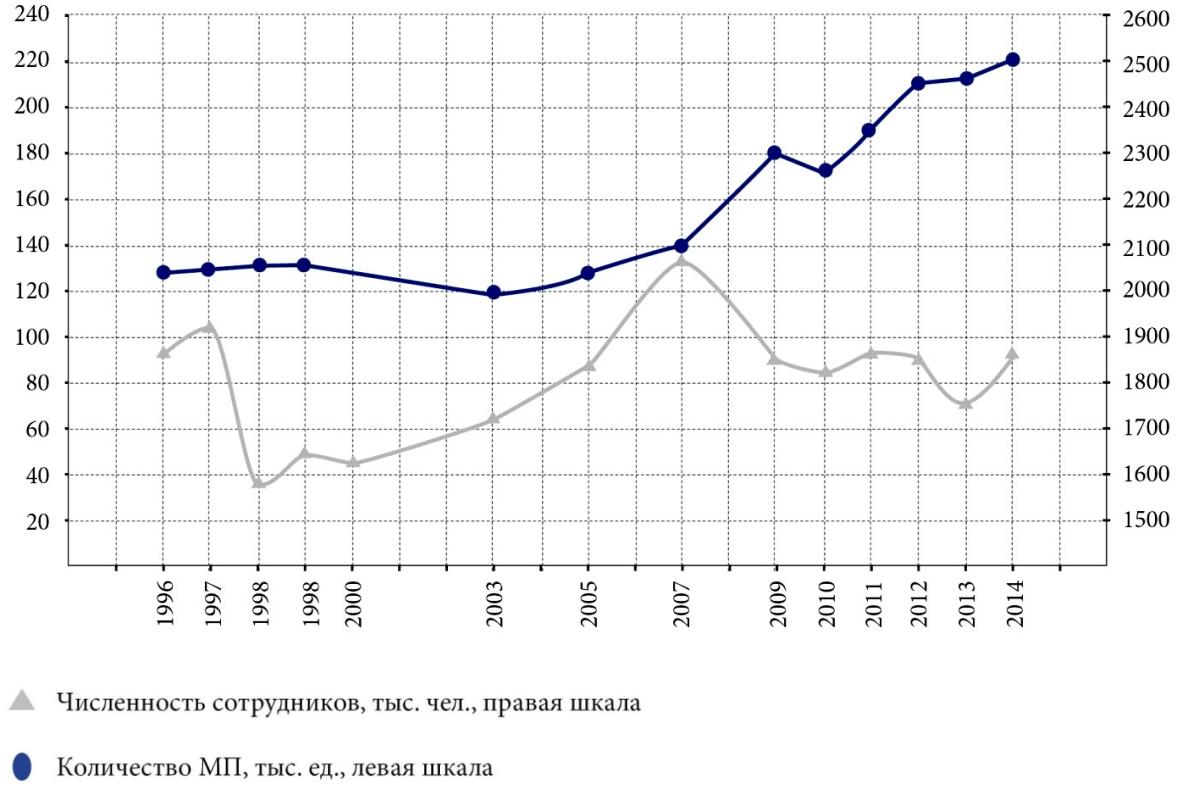
Однако результаты исследования, проведенного КПМГ в 2015 г., говорят о высочайшей эффективности затрат по программам. Анализ более чем 10 000 анкет и 40 000 реестров организаций, получивших поддержку в 2013 г., показал, что 1 руб. затрат увеличивает поступления в бюджет на 7 руб. за счет дополнительных налоговых поступлений от роста выручки самих МСП и мультипликативного роста экономики. Прирост ВВП на 1 руб. затрат составляет 27 руб., а эффективность финансовой поддержки как таковой – от 8 до 22 руб./руб.[3] Цифры более чем впечатляющие. Если они верны, сфера МБ становится сверхпривлекательной для инвесторов. Но пока этого не заметно, может быть, потому, что, по словам одного из сотрудников КПМГ, их расчеты носят условный характер, это просто некий ориентир[4]. К тому же, как показали исследования реализации программы поддержки МСП в промышленности, оценка позитивного результата должна вестись с временным лагом в 3–5 лет[5]. Это условие в исследовании КПМГ не соблюдено.

Более достоверные данные о результативности программ имеются по МП в промышленности, науке и образовании.

[1] Виленский А.В. Институциональные ограничения развития российского малого предпринимательства. – М.: Наука, 2007.
[2] Экономические науки. – М., 2016. – №7 (140).
[3] er.economy.gov.ru
[4] Ведомости. – М., 2015. – 21 сентября.
[5] Экономические науки. – М., 2016. – № 7 (140).

Промышленность. Динамика МП в промышленности соответствует таковой в экономике в целом. Численность же их работников колебалась в зависимости от экономической ситуации и в 2014 г. вернулась к уровню 1996 г. (рис. 2). Средняя численность работников МП за 2008–2014 гг. упала с 12,7 до 8,4 чел. Так что буфером на рынке труда МП промышленности могли служить только в «жирные» годы, когда они приняли более 450 тыс. сотрудников.

Промышленность – единственный вид деятельности, где статистика выделяет МИП как таковые. Наблюдаемые изменения свидетельствуют о существенном возрастании их инновационной активности в очевидной связи с программами поддержки МСП. Так, затраты на ТИ выросли здесь за 2005–2013 гг. в пять раз (в ценах 2000 г.), причем в их отраслевой структуре в отличие от промышленности в целом превалируют высоко- и среднетехнологичные виды деятельности (машиностроение и химические производства), а среди подотраслей – производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования. Рост затрат на ТИ сопровождался увеличением доли МП, осуществляющих ТИ (2005 г. – 1,6%, 2013 – 4,8%), и доли инновационной продукции в общем объеме отгруженных ими товаров, выполненных работ и услуг (2005 г. – 0,3%, 2013 г. – 2,1%). Однако уровень крупных предприятий далеко не достигнут, а после 2013 г. началось снижение инновационных показателей МП как в связи с ухудшением общей экономической ситуации, так и вследствие уменьшения поддержки со стороны государства. Доля МП в ТИ, осуществляемых в промышленности, ничтожна (1,65% в действующих ценах в 2015 г.). Потому говорить о существенном вкладе МП в инновационное развитие преждевременно.



Источник: данные Росстата.

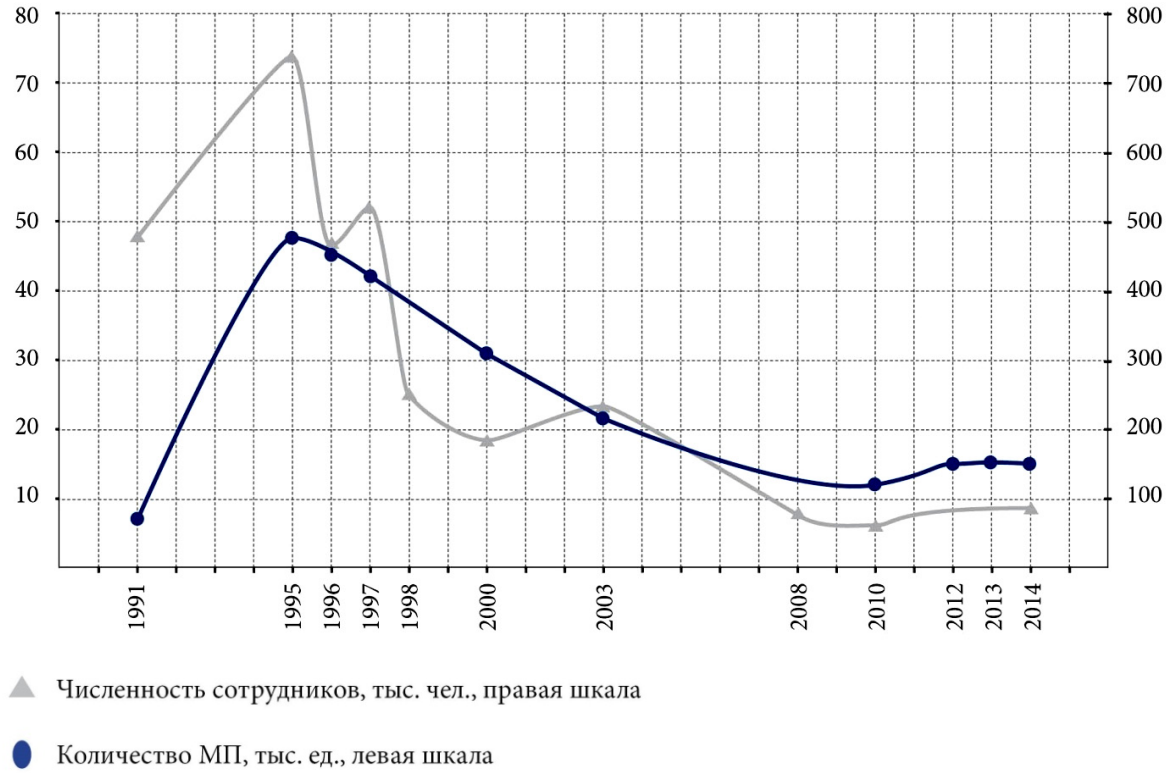
Рисунок 2.
Динамика МП в промышленности

Наука и образование. В этих сферах, особенно в науке, МП по своей принадлежности обречены быть инновационными. Потому показатели их деятельности прямо говорят об их вкладе в создание и использование новшеств. МП науки прошли через кратковременный период (1991–1995 гг.) бурного роста (рис. 3), ибо создавались и функционировали на базе «материнских» организаций, «активно используя на льготных условиях «наследство» в виде научного оборудования, помещений, коммунальных услуг, связи *и, главное, интеллектуальной собственности*»[1].

Реализация (продажа) объектов последней, видимо, и составляла ядро деятельности МП в науке. Истощение этого ресурса наряду с обрушением спроса на инновации со стороны производства и государства вызвали сокращение к 2011 г. количества МП в науке в 4 раза и численности их работников в 10 раз. Принятые начиная с 2007 г. меры по преодолению этого кризиса позволили нарастить количество МП в науке с 11,6 тыс. ед. в 2010 г. до 15,2 тыс. ед. в 2014 г. При этом численность работников МП в науке осталась на уровне 2008 г. Соответственно, средняя численность работников уменьшилась с 7,4 до 5,9 чел. Тем не менее, средняя рентабельность продукции МП в науке выросла за 2008–2014 гг. с 6,1 до 9,3%[2]. В целом можно констатировать, что эти МП служили демпфером рынка труда только в 1991–1995 гг., а базой роста среднего класса – в 2011–2013 гг., но с одной оговоркой: у руководителей МП все заметнее сокращались возможности самореализации.

[1] Иванова Н.И. Национальные инновационные системы. – М.: Наука, 2002. – С. 178.

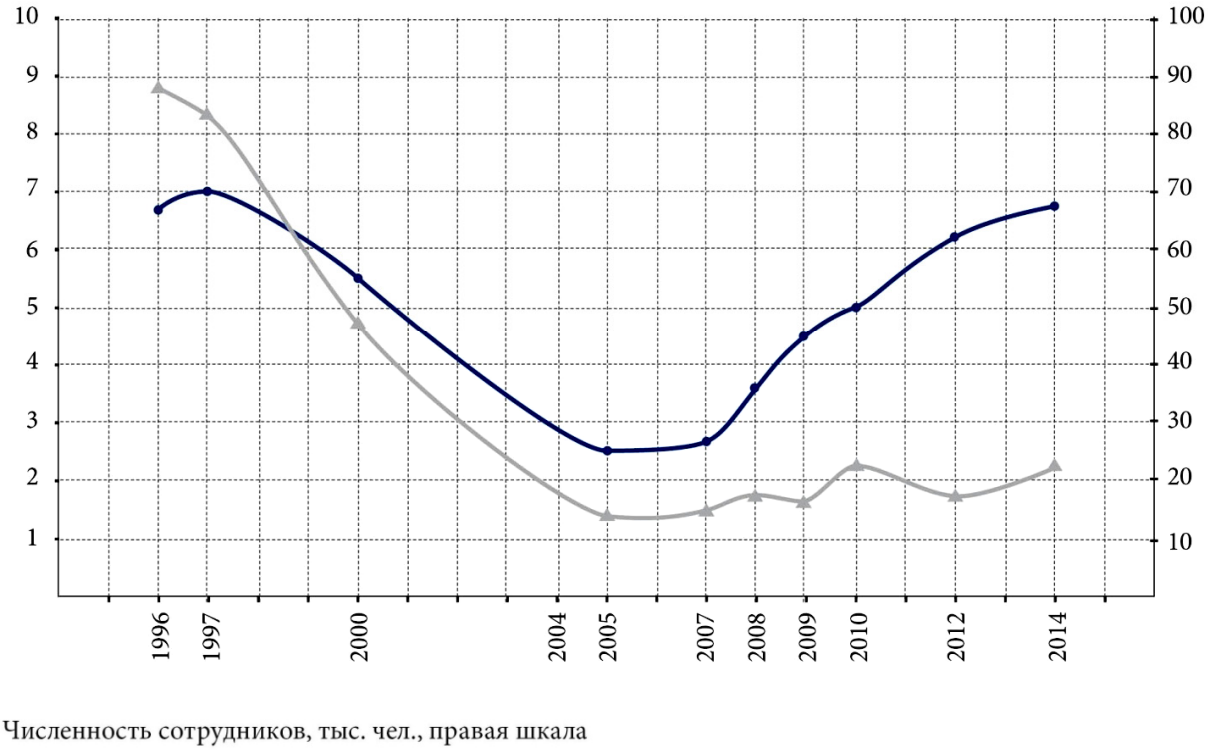
[2] Намного выросло и количество использованных в науке изобретений, но в какой мере это относится к МП не ясно, как и роль МП в изобретательстве.



Источник: данные Росстата.

Рисунок 3.
Динамика МП в науке

В образовании спад обозначился после 1996 г. и продолжался вплоть до 2005 г. (рис. 4).



Источник: данные Росстата.

Рисунок 4.
Динамика МП в образовании

При этом количество МП упало в 2,6 раза, а численность работников в 6,1 раза. Затем последовал рост числа МП с 2,7 тыс. ед. до 2007 г. до 6,7 тыс. ед. в 2014 г. Количество занятых, однако, удержалось на уровне 2010 г., потому средняя численность работников одного МП сократилась наиболее заметно – с 5,3 до 3,2 чел. Влияние программ поддержки проявилось в образовании наиболее отчетливо. Так, рост числа МП в 2008–2014 гг. целиком определялся ме-

рами, предусмотренными №217-ФЗ, согласно которому в вузах и научных институтах создавались хозяйственные общества (ХО) и хозяйственные партнерства (ХП), призванные осуществлять внедрение результатов интеллектуальной деятельности. Диаграмма, отображающая рост количества ХО (ХП), красноречиво свидетельствует о быстром исчерпании ресурсов роста – административных (пресс Рособрнауки), финансовых, кадровых («рационализация» в вузах), институциональных и т.д. Период создания этого типа МИП выявил неизжитый, оказывается, доныне кампанейский характер реализации программ: административное давление, поспешность, отсутствие достаточной информационной базы, получение субсидий и грантов без достаточных оснований. В результате в 2013 г. 37% ХО (ХП) не осуществляли деятельности, а в 2014 г. 56,3% МИП имели нулевую выручку. Структура работ, выполняемых МИП, была неустойчивой.

Тем не менее, средняя рентабельность продукции МИП в образовании выросла за 2008–2014 гг. с 7,6 до 15,8%, а доля работ, выполняемых по заказу предприятий, достигла 64,3%. Объем выпуска ХО (ХП) высокотехнологичной продукции вырос за 2011–2014 гг. в 2,7 раза[1]. Видимо, было бы преждевременно судить об эффективности вновь созданных МИП ввиду малых сроков их функционирования. Важны тенденции в их развитии, наличие инновационной инфраструктуры, стремление реализовать творческий потенциал работников и результаты интеллектуальной деятельности. Безусловно, сохраняется необходимость государственной поддержки с приданием ей системного характера.

Если же говорить об эффективности программ поддержки МСП в целом, то прежде всего следует отметить, что по количеству МСП в расчете на 10 000 жителей Россия близка ко многим странам Европы, но в разы отстает от них по результативности. Так что с точки зрения количественной программы, осуществленные в 2008–2014 гг., следует признать успешными. С точки же зрения соответствия МП их функциям ситуация иная. Роль МИП в промышленности, несмотря на положительные сдвиги, ничтожна, а роль в формировании среднего класса повсюду двусмысленна. МП, как правило, не служат буфером на рынке труда. Не выполняется главное условие развития МИП – наличие высокого спроса на инновации со стороны производства.

[1] Инноватика и экспертиза. – М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2015. Вып. 1 (14); 2016. Вып. 1 (16).

Кочетков С.В.,
Кочеткова О.В.[1]

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *инновационный потенциал, промышленное предприятие, инновационное развитие, измерение, экономический инструментарий.*

Keywords: *innovative capacity, industrial enterprise, innovative development, measurement, economic set of instruments.*

Развитие общества опирается на материальный фундамент экономики, на преобразования в производительных силах и системе производственных отношений (Абалкин, 1988, с. 3). Перевод российской экономики в состояние инновационного развития обусловливается техническим перевооружением и развитием материального производства, обновлением системы и методов хозяйствования. В рамках необходимости существенного повышения эффективности производства определяющим выступает приведение в действие такого интенсивного фактора экономического роста, как инновационный потенциал промышленных предприятий, и на этой основе – организация и осуществление структурных сдвигов в экономике. Таким образом, могут быть решены как кратковременные, так и крупномасштабные задачи, связанные с выходом российской экономики на качественно новые рубежи.

В настоящее время в экономике России требуется устранить несоответствие между базой, направленностью и темпами роста и масштабом использования инновационного потенциала промышленных предприятий. Для этого следует определить необходимость и ключевой момент увеличения использования инновационного потенциала, а в некоторых случаях, – отказаться от этого. Основой такого выбора является необходимый и достаточный уровень инновационного потенциала промышленных предприятий.

Для выработки соответствующих предложений нужно прежде всего остановить негативные тенденции, определяющие нынешнее состояние нашей экономики. Это отсутствие решений и каких-либо действий в сторону восстановления производственного комплекса страны как базиса инновационного развития экономики. Речь идет о всемерной интенсификации производства на основе процессов формирования, реализации и наращивания инновационного потенциала промышленных предприятий, что, наш взгляд, приведет к структурным преобразованиям в экономике, внедрению эффективных форм управления ею.

Цель исследования заключается в разработке экономического инструментария измерения инновационного потенциала промышленных предприятий.

Указанная цель обусловливает постановку и решение задач, связанных с разработкой на уровне промышленного предприятия:

– показателей, характеризующих способность производственной системы к формированию и реализации инновационного потенциала;

– показателей, определяющих готовность производственной системы к наращиванию инновационного потенциала;

– показателей, обусловливающих качественные изменения инновационного потенциала;

– показателей эффективности использования инновационного потенциала.

В этих условиях решающее значение приобретает качественное наполнение темпов экономического роста, т.е. то, что стоит за каждым процентом прироста.

1. Научная обоснованность возможности перехода к модели инновационного развития

Рассматриваемые вопросы в теории и практике описываются не всегда однозначно, что оставляет место для дискуссии. Совокупность допущений и ограничений определяют панораму настоящего исследования.

В работе (2002) великий советский ученый-экономист Н.Д. Кондратьев утверждает, что перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда и в самом начале ее, наблюдаются значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества, которые, в частности, выражаются в технических изобретениях и открытиях. Указанные изменения в той или иной степени происходят постоянно.

[1] Кочетков Сергей Вячеславович – д.э.н., профессор кафедры инноватики и интегрированных систем качества Института инноватики и базовой магистерской подготовки Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. E-mail: kochetkov.sv@guap.ru Кочеткова Олеся Вячеславовна – к.э.н., Санкт-Петербург.

В настоящее время в российской экономике формируется новый хозяйственный механизм, где особая роль отводится использованию инновационного потенциала, что, по мнению авторов, означает начало повышательной волны. В связи с этим вопрос раскрытия природы процесса подобного реагирования, определения инструментария этого и факторов, влияющих на функционирование экономики, является сегодня определяющим в экономической науке.

Й.А. Шумпетер разрабатывает теорию экономического развития (1982), ставя во главу угла те внутренние факторы, которые вызывают экономическое развитие системы. В центр внимания неоклассической теории поставлены две фундаментальные идеи: наилучшее использование имеющихся ресурсов и равновесие.

Особый вклад Й.А. Шумпетера заключается в исследовании факторов, разрушающих равновесие системы изнутри. Этими внутренними факторами являются новые производственные комбинации, определяющие динамические изменения в экономике:

– создание нового продукта;

– использование новой технологии производства;

– применение новой организации производства;

– открытие новых рынков сбыта и источников сырья.

В этом случае, как считают авторы, встает вопрос о формировании внутренних возможностей системы к изменениям.

В более поздних трудах Дж.Д. Бернала (Bernal, 1967), С.С. Кузнеца (Kuznets, 1966) и Г.О. Менша (Mensch, 1975) отмечаются закономерности и взаимосвязи инноваций и общественного развития, а также инноваций и экономического роста.

Дж.Д. Бернал утверждает, что « … периоды расцвета науки обычно совпадают с периодами усиления экономической активности и технического прогресса как следствия применения инноваций … ».

С.С. Кузнец выделяет три главных признака экономического роста:

1. постоянный рост национального продукта и, следовательно, способности хозяйства удовлетворять все более широкий круг потребностей людей, являющихся свидетельством зрелости экономики;

2. технический прогресс, который является основой роста, его необходимым условием;

3. институциональные, поведенческие и идеологические изменения, необходимые реализации заложенного в новой технологии потенциала роста.

В своей работе Г.О. Менш, кроме прочего, раскрывает взаимосвязь волн новых теорий, крупных изобретений и базисных инноваций, т.е. указывает место инноваций в экономическом развитии.

Вместе с тем следует отметить, что в этих трудах выдающихся ученых нельзя увидеть, каким образом и на основе чего происходят те или иные структурные изменения в общественном развитии и экономическом росте, и какие это изменения, т.е. что именно меняется в структуре, и какой становится система экономики.

Среди современников, рассматривающих вопросы определения научно-технического уровня производства и на этой основе оценки его экономической эффективности, выделим А.И. Анчишкина, Д.С. Львова, Л.И. Абалкина, Ф. Валенту (1985), Б. Санто (1990) и др.

А.И. Анчишкин (1981) в исследовании указывает и поддерживает необходимость интенсификации производства с помощью нововведений.

В работах Д.С. Львова обосновывается экономическая эффективность новой техники и производства.

В труде Л.И. Абалкина (1988), кроме других актуальных на тот момент вопросов, рассматривается качественное наполнение темпов экономического роста, что является особенно важным и сейчас.

По мнению авторов, в настоящее время требуется структурная переориентация хозяйственного механизма функционирования экономики в направлении использования инновационного потенциала промышленных предприятий, обеспечивающего новое качество экономического роста. Это связано с тем, что представляемые в научных трудах формы и последствия взаимодействия и взаимовлияния экономического развития и использования инновационного потенциала лишь подразумеваются, и как следствие, не имеют не только совокупности подтверждения, но и отдельной аргументации в свою пользу, а рассматриваются исключительно в качестве предположений.

Анализируемые научные работы, вне всякого сомнения, выдерживают критические выпады в свою сторону. В то же время в них имеются некоторые пробелы.

Важно подчеркнуть, что формирование нового хозяйственного механизма российской экономики не может происходить стихийно, само по себе, в рамках исторически сложившихся форм и методов хозяйствования, традиционных подходов. Здесь необходимы активные, целенаправленные преобразования, повороты в целях и задачах экономической политики, а также, что особенно важно в нынешних условиях расширенного воспроизводства, в показателях измерения инновационного потенциала промышленных предприятий.

Очень важно теоретическое упреждение в решении новых вопросов, умение своевременно выявлять назревающие проблемы и не откладывать их решение на неопределенный срок.

В этой связи авторы предлагают рассматривать инновационный потенциал как совокупную способность и готовность имеющихся в наличии у субъекта хозяйствования (промышленного предприятия) ресурсов достигать поставленных целей инновационного развития (Кочетков, 2011, с. 9). Таким образом, инновационное развитие – это развитие, при котором обеспечивается качественный скачок в экономической структуре объекта при использовании его инновационного потенциала. К такому выводу авторы пришли в результате многолетней работы в решении задач перехода российской экономики к инновационному пути развития.

Исходя из этого, имеющиеся пробелы в экономической науке целесообразно заполнить методикой измерения инновационного потенциала промышленного предприятия. Суть ее заключается в обосновании состояния и выборе функции развития производственной системы, что позволит:

– устранить разрыв между возникающими потребностями в инновационном развитии и имеющимися возможностями их удовлетворения;

– расширить границы и установить пределы использования инновационного потенциала;

– определить уровень инновационного развития промышленных предприятий;

– обеспечить создание и функционирование нового механизма хозяйствования российской экономики.

2. О соответствии потребностей наличным возможностям

Происходящие в настоящее время в нашей стране изменения создают новые возможности для ускоренного развития и одновременно устанавливают ограничения, с которыми приходится считаться. При этом имеется в виду не столько обеспечение высоких темпов экономического роста, сколько преимущественная ориентация на повышение качества инновационного потенциала, его уровня и экономической эффективности. Видную роль в решении этих задач, на наш взгляд, должен сыграть переход инновационного потенциала промышленных предприятий из базового состояния в планируемое. Использование достижений науки и техники является одним из важнейших средств, с помощью которых представляется возможным преодолеть имеющиеся противоречия расширенного воспроизводства. Помимо имманентно присущих нынешней экономической ситуации противоречий это связано и с особенностями современного состояния инновационного развития.

По мере качественных преобразований в потребностях в инновационном развитии происходит изменение условий и источников расширенного воспроизводства. Эти изменения происходят постепенно. Новые явления накапливаются годами, но со временем эти изменения достигают больших масштабов, что приводит к кардинальному изменению условий расширенного воспроизводства, а, следовательно, источников экономического роста. В этой связи для реализации возможностей, заложенных в нашей экономике, необходимо постоянное совершенствование форм и методов управления, изменение приоритетов в развитии отдельных отраслей и производств, уточнение ориентиров, определяющих цели и конечные результаты развития производства, т. е. использование инновационного потенциала промышленных предприятий.

Разработка вопроса о соответствии потребностей экономики в инновационном развитии имеющимся в наличии возможностям их удовлетворения основывается на анализе изменившихся условий расширенного воспроизводства. Речь идет о необходимости перехода к новой модели экономического развития, которая обусловлена совокупностью объективных причин.

В значительной степени указанный переход обусловлен необходимостью преодоления негативных явлений, возникших в нашей экономике за последние 25 лет. Ситуация, сложившаяся к настоящему времени, наглядно показала, что имеющийся тип роста во многом исчерпал себя, и продолжение прежней ориентации неизбежно приведет экономику в тупик.

Среди других причин нужно прежде всего назвать радикальное изменение условий и источников роста. В этом случае решающее значение имеет усложнение условий расширенного воспроизводства, связанное с использованием инновационного потенциала промышленных предприятий, качественными преобразованиями в его состоянии, составе и структуре. В чем состоит особая сложность этих задач, стоящих сейчас перед Россией? В любой экономической системе долгосрочная динамика экономического роста связана прежде всего с освоением нововведений (Зайцев, 1988, с. 20). На наш взгляд, главное – это превращение инновационного потенциала в основной источник экономического роста.

Наконец, следует подчеркнуть, что состояние инновационного развития экономики во многом обусловлено и изменением ориентиров, выдвижением на первый план его результатов. Кроме того, количественная оценка показателей должна дополняться оценкой их качества и эффективности. Центр внимания следует перенести с расширения производственных фондов на их обновление, с наращивания всех видов ресурсов – на улучшение их использования, на ускоренное развитие наукоемких отраслей, производственной и социальной инфраструктуры.

В связи с изложенным для определения соответствия потребностей в инновационном развитии наличным возможностям следует применить показатели, характеризующие способность производственной системы к формированию и реализации инновационного потенциала. В этом случае промышленное предприятие является ничем иным, как производственной единицей экономики. Такими показателями могут и должны быть показатели эффективности функционирования производственной системы инновационного типа (Кочетков, Кочеткова, 2008, с. 49–50):

– коэффициент внутренней эффективности производственной системы инновационного типа;

– коэффициент внешней эффективности производственной системы инновационного типа.

Коэффициент внутренней эффективности производственной системы инновационного типа обосновывает удельный вес самостоятельно разработанных промышленным предприятием инновационных технологий в общем объеме используемых в его деятельности технологий и рассчитывается по формуле (табл. 1):

$$К_{внутр.эф.} = \frac{ИТ_{сам.}}{ИТ_{общ.}} \quad (1),$$

где $К_{внутр.эф.}$ – коэффициент внутренней эффективности производственной системы инновационного типа;

$ИТ_{сам.}$ – количество самостоятельно разработанных предприятием инновационных технологий;

$ИТ_{общ.}$ – общее количество используемых на предприятии технологий.

Таблица 1

Коэффициент внутренней эффективности производственной системы инновационного типа

№ п/п	Наименование показателя	Анализируемый период, годы														
		2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1.	Самостоятельно разработанные промышленными предприятиями инновационные технологии, тыс. ед. [1]	377	391	472	483	482	451	517	557	692	676	638	377	391	472	483
2.	Общий объем используемых промышленными предприятиями технологий, тыс. ед. [2]	3850	4847	5750	5713	5623	6220	6639	6460	6666	6856	7235	3850	4847	5750	5713
3.	Коэффициент внутренней эффективности производственной системы инновационного типа, % (строка 1/ строка 2)	9,79	8,07	8,21	8,45	8,57	7,25	7,79	8,62	10,38	9,86	8,82	9,79	8,07	8,21	8,45

Анализ данных табл. 1 показывает, что к настоящему времени ситуация усугубилась. Инновационный потенциал промышленных предприятий используется всего лишь на уровне 10%, т. е. наличные возможности развития практически не задействованы. Вместе с тем, имеется огромный инновационный резерв для существенных преобразований в экономике, обеспечения перевода ее к инновационному пути развития. И, как следствие, нынешняя экономическая ситуация обусловлена не только снижением темпов роста до критической точки. Еще более важно то, что и этот экономический рост достигается в значительной мере в условиях конъюнктурных факторов.

Естественно, что для реального роста экономики нужно очистить его темпы от действия подобных факторов. Возникла настоятельная необходимость изменить такую ориентацию роста, приняв для этого экстраординарные меры для организации и управления процессами увеличения инновационных возможностей. В этой связи, как мы можем видеть, использование инновационного потенциала промышленных предприятий становится принципиальной особенностью и необходимостью для разработки новой модели экономического развития.

Выявление или даже возникновение потребностей в инновационном развитии является следствием нарушения равновесия в экономике как системе. Их удовлетворение приводит систему в равновесное состояние. Восстановление равновесия происходит путем приспособления к внешней среде, т. е. новой модели экономического развития, или приобщения внешней среды к формируемой системе функционирования промышленного предприятия – использованию его инновационного потенциала, что наглядно демонстрирует коэффициент внешней эффективности производственной системы инновационного типа.

Этот коэффициент обусловливает удельный вес используемых промышленным предприятием сторонних инновационных технологий в общем объеме технологий (табл. 2):

$$К_{внешн.эф.} = \frac{ИТ_{стор.}}{ИТ_{общ.}} \quad (2),$$

где $К_{внешн.эф.}$ – коэффициент внешней эффективности производственной системы инновационного типа;

$ИТ_{стор.}$ – количество используемых промышленным предприятием сторонних инновационных технологий.

Исходя из данных табл. 2 понятно, что вопрос об использовании инновационного потенциала, по существу, является вопросом определения соответствия результатов производства формируемым потребностям в инновационном развитии, удовлетворение которых возможно на данный момент лишь при применении промышленными предприятиями сторонних инновационных технологий.

[1] Расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Промышленность России).

[2] Расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Науки и инновации).

Таблица 2

Коэффициент внешней эффективности производственной системы инновационного типа

№ п/п	Наименование показателя	Анализируемый период , годы														
		2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1.	Сторонние инновационные технологии, используемые промышленными предприятиями, тыс. ед. [1]	2809	724	2226	1191	3481	3109	1316	4840	4652	2744	1550	1740	3635	4427	4271
2.	Общий объем используемых промышленными предприятиями технологий, тыс. ед.	3850	4847	5750	5713	5623	6220	6639	6460	6666	6856	7235	3850	4 847	5750	5713
3.	*Коэффициент внешней эффективности производственной системы инновационного типа, % (строка 1 / строка 2)*	72,96	14,94	38,71	20,85	61,91	49,98	19,82	74,92	69,79	40,02	21,42	45,19	74,99	76,99	74,76

В этом направлении скопились некоторые проблемы, требующие не только незамедлительной реакции на них, но и немедленных решений и действий, практических шагов, направленных на регулирование сбалансированности между использованием собственных и сторонних инновационных технологий. Это необходимо для обеспечения качественного скачка в инновационном развитии (рис. 1).

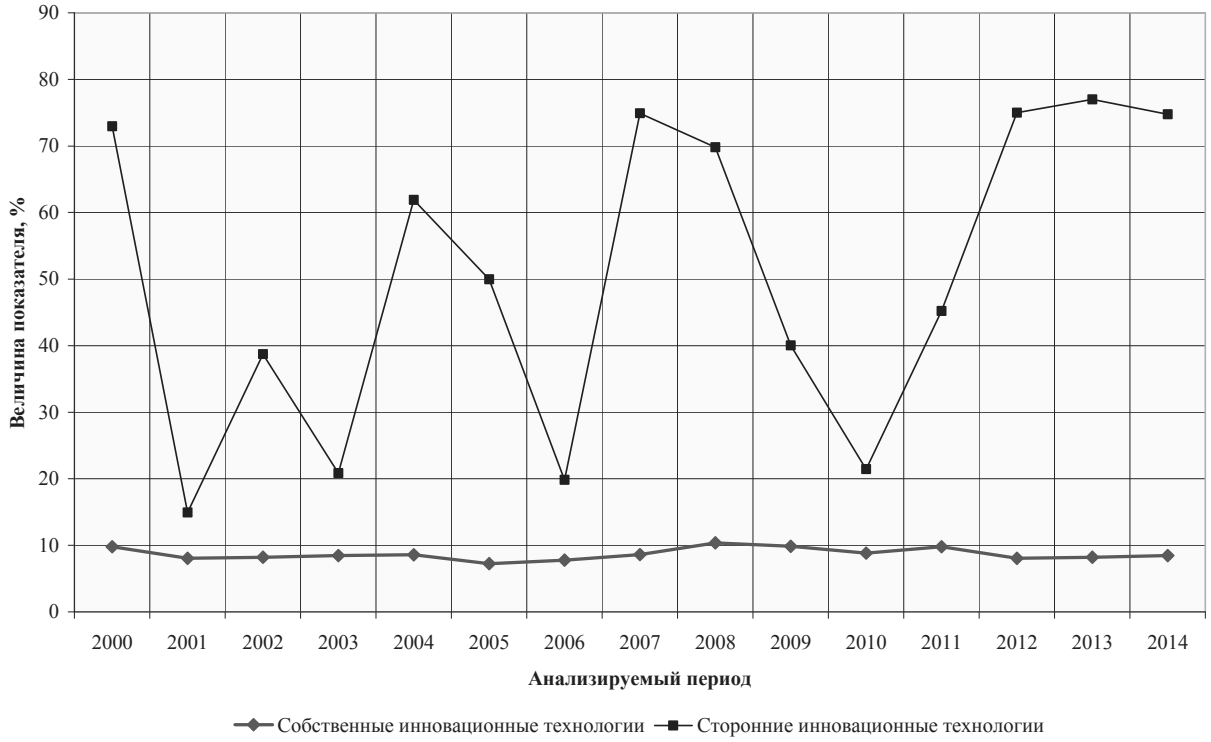


Рисунок 1.
Использование инновационных технологий на промышленных предприятиях

Анализ рис. 1 показывает, что в современных условиях расширенного воспроизводства соотношение собственных и сторонних инновационных технологий:

характеризует качественный скачок в экономическом развитии;

определяет инновационное равновесие в экономике как системе.

В итоге, это является ничем иным, как основой для выявления соответствия потребностей экономики в инновационном развитии имеющимся в наличии возможностям их удовлетворения, т. е. изменение соотношения использования собственных и сторонних инновационных технологий является определяющим фактором нарушения состояния равновесия в экономике в нынешних условиях хозяйствования.

В этой связи для обеспечения перехода российской экономики к инновационному пути развития необходимо незамедлительно принять соответствующие меры по устранению имеющегося разрыва между перманентно возникающими потребностями в инновационном развитии и наличными возможностями их удовлетворения. Решение этих задач позволит сформировать новую модель экономического развития, заключающуюся в интенсификации использования инновационного потенциала промышленных предприятий.

[1] Расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Промышленность России).

3. Инновационный потенциал промышленных предприятий – интенсивный фактор развития

Экономика России нуждается в смещении баланса в сторону создания крупных производственных комплексов на основе функционирования инновационного потенциала промышленных предприятий. В нашей экономике складывается благоприятная ситуация для поляризации и наращивания инновационного потенциала промышленных предприятий. Суть задачи состоит в выявлении зависимости и закономерности влияния соотношения инновационных возможностей и инновационного резерва на величину наращивания инновационного потенциала промышленных предприятий. Кроме приоритетов инновационного развития, эта величина характеризует эффективность использования инновационного потенциала.

В связи с этим для выявления инновационного резерва предлагается использовать показатели, определяющие готовность производственной системы к наращиванию инновационного потенциала. К таким показателям относятся следующие (Кочетков, Кочеткова, 2008, с. 50).

1. Коэффициент эффективности собственных инновационных технологий представляет собой удельный вес продукции, произведенной с помощью этих технологий (рис. 2):

$$K_{эсит} = \frac{O_{ип}}{O_{общ}} \quad (3),$$

где $K_{эсит}$ – коэффициент эффективности собственных инновационных технологий;

$O_{ип}$ – объем инновационной продукции, произведенной с помощью собственных инновационных технологий;

$O_{общ}$ – общий объем производимой предприятием продукции.

Как видно из рис. 2, незначительный объем инновационной продукции (в среднем около семи процентов) говорит о том, что на российских промышленных предприятиях скопился огромный инновационный резерв. В этой связи необходимы срочные мероприятия по его превращению в инновационные возможности. Это обстоятельство очередной раз подтверждает необходимость повышения эффективности использования инновационного потенциала промышленных предприятий.

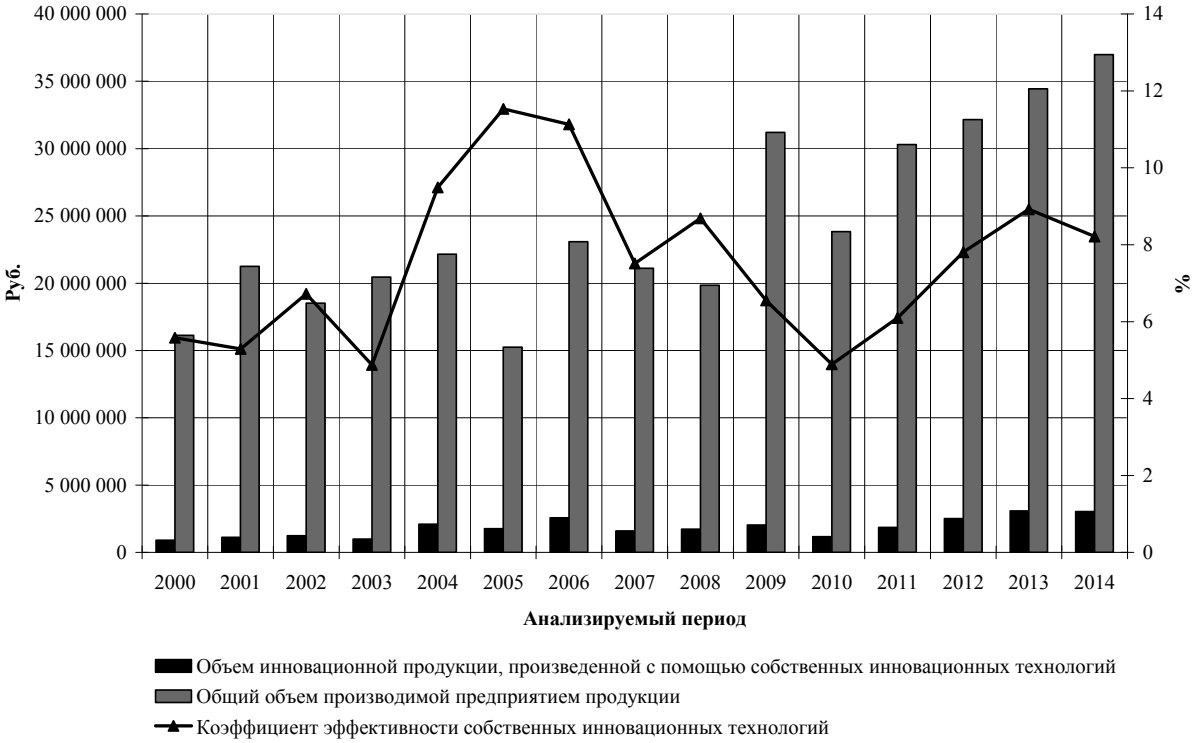


Рисунок 2.
Коэффициент эффективности собственных инновационных технологий[1]

2. Коэффициент эффективности сторонних инновационных технологий заключается в определении удельного веса продукции, произведенной с помощью сторонних инновационных технологий (рис. 3):

$$K_{эстит} = \frac{O_{ипст}}{O_{общ}} \quad (4),$$

где $K_{эстит}$ – коэффициент эффективности сторонних инновационных технологий;

[1] Расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Науки и инновации).

$O_{ипст}$ – объем инновационной продукции, произведенной с помощью сторонних инновационных технологий.

Полученные данные рис. 2 свидетельствуют о том, что технико-технологическая база производства современной российской экономики мало восприимчива к заимствованию сторонних технологий. В этой связи нужно ограничить их использование. В этом случае в качества приоритета развития экономики следует рассматривать формирование и интенсификацию использования собственных инновационных возможностей промышленных предприятий.

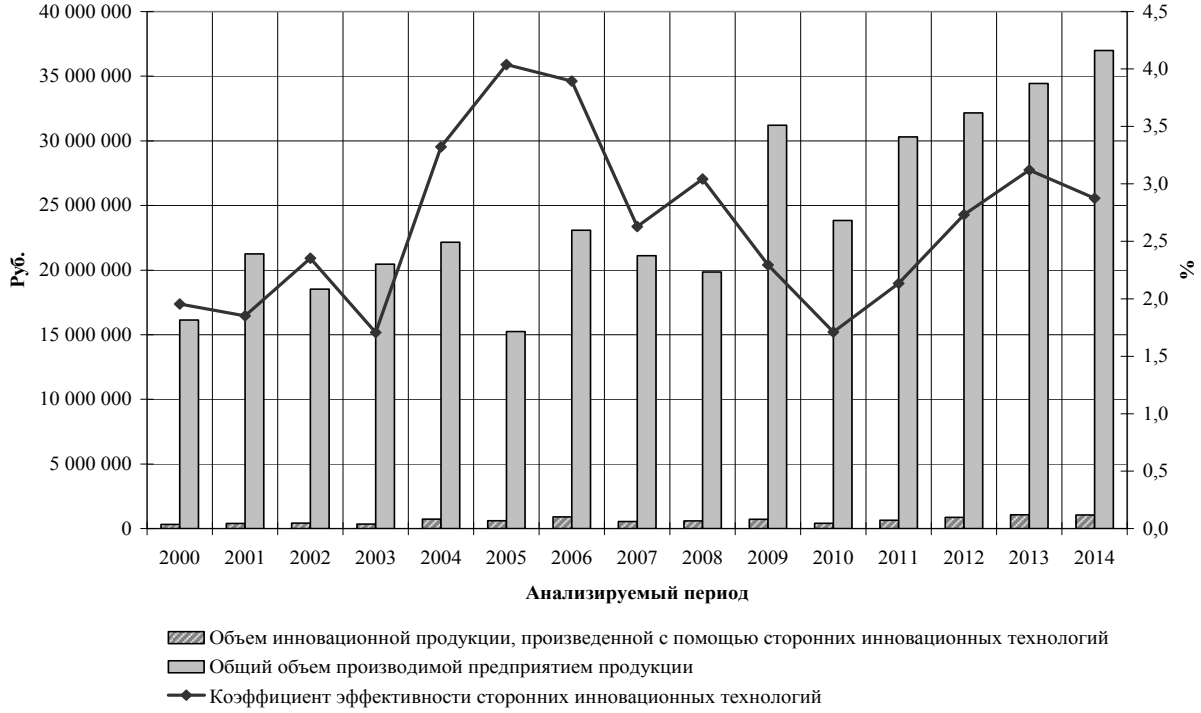


Рисунок 3.
Коэффициент эффективности сторонних инновационных технологий[1]

Вряд ли можно решить эти задачи, оставаясь, по сути, в инерционной модели развития и только реагируя в той или иной мере на внутренние или внешние обстоятельства. Вместе с тем, прежде чем разрабатывать новую модель экономического развития, нужно исследовать следующее обстоятельство (рис. 4).

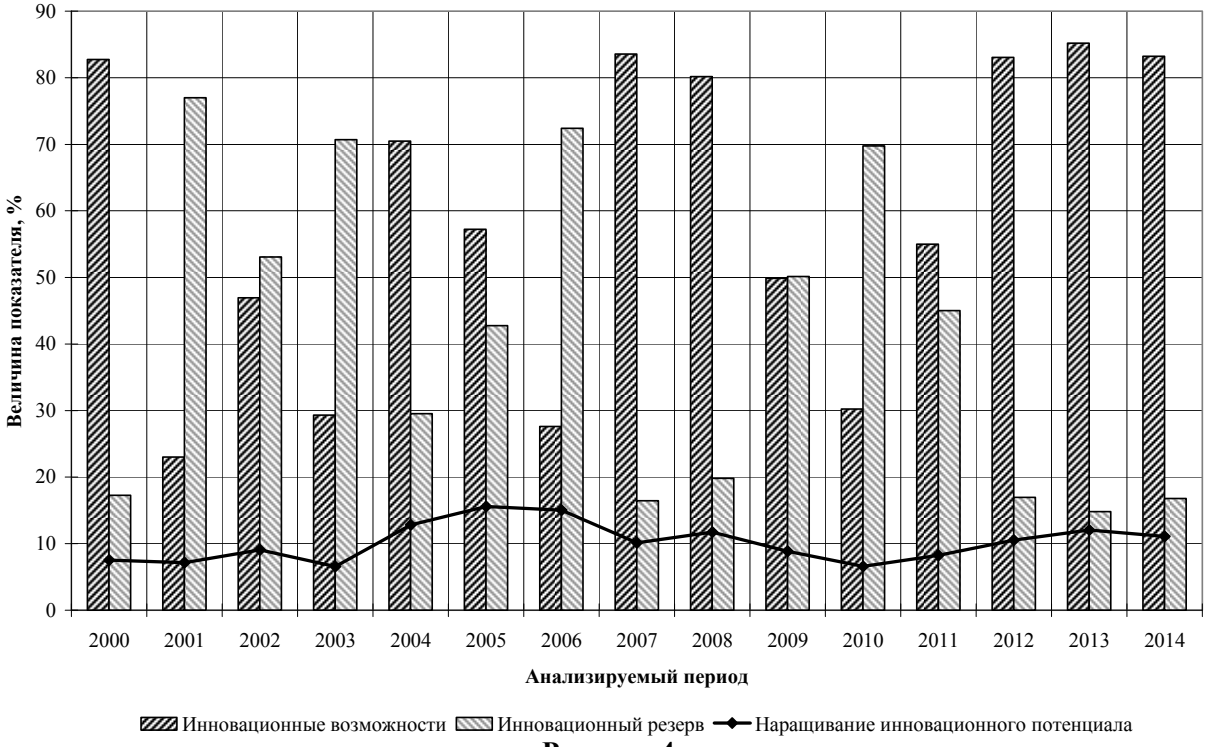


Рисунок 4.
Инновационное состояние промышленных предприятий[2]

[1] Расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Промышленность России. Науки и инновации).

[2] Расчеты авторов по разработанным показателям 1–4.

Данные рис. 4 наглядно показывают, что, несмотря на значительные инновационные возможности российских промышленных предприятий, величина наращивания их инновационного потенциала остается примерно на уровне 10%, т.е. мы можем видеть закономерность, заключающуюся в том, что динамика величины соотношения инновационных возможностей и инновационного резерва (качественные изменения в состоянии инновационного потенциала) оказывает незначительное влияние на величину наращивания инновационного потенциала промышленных предприятий. Это требует незамедлительных мер для изменения сложившейся в нашей экономики ситуации в сторону увеличения такого показателя, как наращивание инновационного потенциала. При этом особое внимание нужно уделить составу и структуре инновационных возможностей, т.е. определить направления формирования, реализации и наращивания инновационного потенциала, а также величине инновационного резерва. А это значит, для начала – определить перечень перспективных направлений исследований и разработок, затем выявить, распределить и максимально использовать производственный потенциал для внедрения этих достижений, далее определить территориальное распространение полученной инновационной продукции.

В этой связи мы можем с уверенностью утверждать, что в современных условиях функционирования российской экономики наблюдается тенденция расширенного воспроизводства – незначительный рост объема инновационной продукции. В этом случае об инновационном развитии экономики можно будет говорить лишь тогда, когда качественный скачок в ее состоянии (соотношение инновационных возможностей и инновационного резерва) позволит значительно повысить объемы производства и реализации инновационной продукции.

Встающие вопросы будут возрастать, если основные усилия направлять лишь на объяснение существующих проблем и трудностей только объективными обстоятельствами.

Из сказанного становится очевидным, что вопрос о возможности инновационного ускорения переносится с уровня отраслей российской экономики на уровень промышленных предприятий.

В аспекте изложенного отметим, что в настоящее время для перехода экономики в состояние инновационного развития, т.е. обеспечения перевода инновационного потенциала промышленных предприятий из базового состояния в планируемое, необходимо расширить границы и установить пределы его использования. При этом предложенные показатели выступают ничем иным, как инструментарием выбора направлений и приоритетов инновационного развития российской экономики.

Важно понимать, что возникающие сложности в использовании инновационного потенциала промышленных предприятий усиливают необходимость разработки соответствующего экономического инструментария его измерения. В текущей экономической ситуации представляется своевременным разработанная авторами методика измерения инновационного потенциала промышленных предприятий, которая заключается в выявлении и обосновании состояния и выборе функции развития производственной системы.

Разработанная методика включает следующий расчетно-аналитический аппарат.

1. Показатели эффективности функционирования производственной системы инновационного типа, которые определяют разрыв между возникающими потребностями экономики в инновационном развитии и имеющимися возможностями их удовлетворения и включают:

– коэффициент внутренней эффективности производственной системы инновационного типа;

– коэффициент внешней эффективности производственной системы инновационного типа.

2. Показатели эффективности использования инновационных технологий, которые устанавливают пределы использования инновационного потенциала. Они включают:

– коэффициент эффективности собственных инновационных технологий;

– коэффициент эффективности сторонних инновационных технологий.

Главным результатом, конечно, является то, что разработанная методика измерения инновационного потенциала промышленных предприятий выступает в качестве исходного и недостающего элемента формирующегося механизма инновационного развития экономики в нашей стране и одновременно, что особенно важно, является его двигателем. При этом необходимо избегать шагов, которые могут дестабилизировать подобную ситуацию.

Подводя итоги, можно сделать принципиальные выводы о происходящих изменениях в состоянии инновационного развития российской экономики, а также о задачах, которые встают перед нами в результате использования инновационного потенциала промышленных предприятий.

1. В результате исследования установлено, что использование инновационного потенциала промышленных предприятий обеспечивает направленное накопление изменений (качественные изменения) в состоянии инновационного развития экономики.

2. Первым шагом на пути перехода экономики к модели инновационного развития является определение уровня использования инновационного потенциала промышленного предприятия: необходимый и достаточный уровни. В статье авторами доказано, что необходимый уровень инновационного потенциала формирует способность производственной системы к инновационному развитию. В свою очередь, достаточный уровень инновационного потенциала обеспечивает готовность производственной системы к инновационному развитию.

В этой связи авторами обосновано, что использование инновационного потенциала промышленных предприятий на необходимом уровне характеризует процесс расширенного воспроизводства. Иная ситуация наблюдается при использовании инновационного потенциала на достаточном уровне. В этом случае его использование определяет процесс собственно инновационного развития.

3. Полученные в процессе исследования результаты показывают, что в российской экономике наблюдается тенденция лишь расширенного воспроизводства, но есть предпосылки для запуска процессов инновационного развития. За анализируемый период удалось добиться определенных успехов. Переломлены многие негативные процессы,

повысился динамизм в использовании инновационного потенциала промышленных предприятий, начинается массовое освоение новых принципов хозяйствования.

В этих условиях для придания вектору развития нужного направления необходимо создать условия для интенсивного использования инновационного потенциала промышленных предприятий. Медлить в этом вопросе недопустимо. Это связано с глубокими изменениями в структуре и механизме хозяйствования. В этом случае существенно меняется само понимание развития, его конечных результатов, иными становятся источники экономического развития – на первый план выходит инновационный потенциал промышленных предприятий. Все это требует глубоких, часто кардинальных преобразований в организации их управления и хозяйственной деятельности.

Из сказанного вытекает и ряд приоритетных задач, решение которых необходимо для обеспечения перехода российской экономики к инновационной модели развития. Успешное осуществление такого перехода предполагает ясное понимание его сути, содержания и основных направлений. Во всем многообразии подобных задач, а также исходя из изложенного материала, представляется целесообразным сформулировать и обосновать задачу оптимальности направления и интенсивного использования инновационного потенциала промышленных предприятий.

Все это говорит о том, что созидательные силы происходящих в настоящее время преобразований пришли в движение, и зарождаются позитивные тенденции.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. (ред.) Советская экономика: новое качество роста: Учеб. пособие. Для системы полит. учебы. – М.: Политиздат, 1988. – 350 с.
2. Анчишкин А.И. Научно-технический прогресс и интенсификация производства. – М.: Политиздат, 1981. – 94 с.
3. Березовская М. Инновационный аспект экономического развития // Вопросы экономики. – М., 1997. – № 3. – С. 58–66.
4. Валента Ф. Управление инновациями. – М.: Прогресс, 1985. – 137 с.
5. Вольский А. Инновационный фактор обеспечения устойчивого экономического развития // Вопросы экономики. – М., 1999. – № 1. – С. 4–12.
6. Зайцев В.К. и др. Япония: экономика, общество и научно-технический прогресс. – М.: Наука, 1988. – 344 с.
7. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
8. Кочетков С.В. Управление развитием инновационного потенциала промышленных предприятий / Автореф. дис. … д-ра экон. наук: 08.00.05: СПбГУЭФ. – СПб., 2011. – 46 с.
9. Кочетков С.В., Кочеткова О. В. Комплексное использование инновационного потенциала – базис развития российских промышленных предприятий // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2008. – № 7 (45). – С. 47–51.
10. Львов Д.С. Основы экономического проектирования машин. – М.: Экономика, 1966. – 296 с.
11. Львов Д.С. Эффективное управление техническим развитием. – М.: Экономика, 1990. – 255 с.
12. Львов Д.С. и др. Измерение эффективности производства: на примере автостроения. – М.: Экономика, 1974. – 143 с.
13. Львов Д.С. (ред.) Экономическая теория научно-технического прогресса. – М.: Наука, 1982. – 256 с.
14. Санто Б. Инновация как средство экономического развития / Пер. с венг.; общ. ред. и вступ. ст. Б.В. Сазонова. – М.: Прогресс, 1990. – 295 с.
15. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
16. Bernal J.D. The social function of science. – Cambridge (Mass.): M.I.T. Press, 1967. – 482 p.
17. Kuznets S.S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. – New Haven; London: Yale University Press, 1966. – 529 p.
18. Mensch G.O. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. – Cambridge (Mass.): Ballinger, 1979. – 241 p.

Красильникова Е.В.
м.н.с. ЦЭМИ РАН

РОЛЬ АГЕНТСКИХ ФАКТОРОВ И ОТРАСЛЕВЫХ РАЗЛИЧИЙ В РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИЙ КОМПАНИИ[1]

Ключевые слова: *агентские особенности, финансово-экономические результаты, стадии развития компании.*
Keywords: *agency characteristics, financial and economic results, the life stage of company's development.*

Модернизация российской экономики связана, в первую очередь, с институциональными изменениями, реформами, преобразованиями, однако другим значимым ее аспектом является усовершенствование внутрифирменных процессов, стратегий, корпоративных отношений на уровне компаний.

В настоящее время для компаний является приоритетным переход к стратегиям качественного роста. Многие менеджеры и собственники организаций (к примеру, основатель и крупный частный акционер «Магнита») противопоставляют возможности роста и поддержание эффективности компании. Представляется обоснованным разрабатывать такие стратегии, которые позволят сочетать эффективность компании и перспективы роста. Однако на разных этапах развития организации можно отметить различие приоритетных целей и ориентиров развития. На ранних стадиях происходит активное развитие фирмы, на более зрелых ключевым является небольшой рост в условии поддержки устойчивости.

Существующие теории жизненного цикла преимущественно исследовали организационные характеристики развития компании, оценивали тип и способ управления компанией, формализацию деятельности и разделение функций. Только в последнее время усилился интерес к проблематике корпоративных отношений и финансово-экономических результатов на разных этапах развития.

На основе анализа теоретических и практических работ, посвященных стадиям жизненного цикла организации, можно условно выделить изменения в методологии теоретических концепций: существовали отдельные разрозненные теории развития организации, когда определялись теоретические связи циклов и организационных параметров, которые, как правило, не подтверждались эмпирически. Кроме того, исследовались отдельные типы компаний, что так же не позволяло получить комплексного представления о развитии компании. Отсутствовали попытки обобщить методологию теоретической концепции жизненного цикла организации, разрозненные теоретические и практические выводы, критерии выявления стадий развития. Существующие исследования определяют различные основополагающие критерии в своих моделях для стадий жизненного цикла организации.

Для отечественных компаний выделяется влияние корпоративных отношений на разработку стратегий, что зачастую упускается из анализа деятельности компании. Некоторые исследователи теоретически определяют обозначенные гипотезы о влиянии характеристик финансовой архитектуры компании: структуры собственности, состава Совета директоров, а также структуры капитала на показатели стоимости компании, определяемых как Q-Тобина в виде модели [5]. Авторы эмпирически подтвердили позитивное влияние невысокой концентрации собственности на стадии роста, но после критического значения свыше 50% данный фактор снижает показатели результативности деятельности, показатель Q-Тобина. Напротив, на стадии зрелости значительная концентрация является благоприятным фактором, при средней – возможно проявление агентского конфликта между мажоритарными и миноритарными акционерами. Также было выявлено отрицательное воздействие структуры капитала на стадии зрелости на коэффициент Q-Тобина, предполагается незначительная динамика общих активов при возможном повышении заемного капитала. Однако однозначное определение эффекта структуры капитала, определяемого как отношение долга к собственному капиталу, не совсем релевантно в силу необходимости исследования данного параметра как в краткосрочном, так и долгосрочном аспекте, учитывая динамику и долга, и активов. Наличие крупного собственника на этапе спада компании и участие государства стимулирует повышение зависимой переменной. А структура капитала не оказывает влияния на итоговый показатель. На стадии зрелости операционный денежный поток становится положительным, требуемые инвестиции ориентированы на поддержание текущей деятельности, увеличиваются инвестиционные денежные потоки. Эмпирически подтверждается положительная связь выплаты дивидендов и инвестиций. На этом этапе развития снижается неопределенность, усиливается мониторинг, контроль над рисками, показатель Q-Тобина, характеризующий долгосрочный аспект деятельности компании более применим в построении моделей, чем показатель денежного потока – на стадии роста.

Только в последнее время работы отечественных авторов вносят значительный научный вклад в развитие концепции жизненного цикла, выделении связей как с организационными параметрами, так и финансовыми характеристиками [3, 7, 8].

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-32-01297а2.

На начальном этапе отмечается плохая обеспеченность финансовыми ресурсами, трудности в привлечении финансирования, недостаточности денежного потока, неадекватная система финансового планирования – все это является нормальным и адекватным критерием данной стадии. Внутрифирменные конфликты, связанные с распределением организационных ролей и ответственности, скорее, являются ненормальными, как их определяют, патологиями, что обусловливает необходимость решения потенциальных проблем. Возможными причинами является неверно подобранный персонал компании, нежелание работать в команде. Угроза неверной организации компании представляется весьма существенным фактором на данном этапе ее развития.

На стадии роста возникают объективные проблемы, связанные с качественным ростом, системой распределения ресурсов. В организационных характеристиках наблюдается отсутствие адекватной системы мониторинга и контроля. На стадии зрелости выявлена плохая обеспеченность финансовыми ресурсами, но возникают существенные проблемы, связанные с делегированием полномочий, централизация власти затрудняет распределение обязанностей, что определяет возможности проявления сверх обычных проблем.

Тем не менее, несмотря на появление научных работ, посвященных комплексному исследованию деятельности компании в условии разных этапов развития, финансовые характеристики зачастую не учитываются, либо представлены описательными гипотезами.

Косвенно в других научных работах российских авторов определяются критерии неустойчивости и стабильности на различных этапах жизненного цикла компании, используя интервальные показатели прибыли, текущей ликвидности, коэффициента автономии, доли собственных средств.

Также выдвигается предположение о длине стадий жизненного цикла, определяя, что наименьшим по продолжительности является этап роста, следующим по длительности выявляется стадия спада, стадия зарождения является чуть менее масштабной, чем стадия зрелости [4]. Определены как экономические факторы, так и показатели, влияющие на устойчивость на определенных стадиях. Однако не приведены теоретические основы формирования стадий, связь между стадиями. Только косвенно отображена высокая доля заемного капитала на стадии зарождения и ее снижение на стадии роста.

Проводя эмпирическую проверку структуры капитала компаний за 1970–2004 гг. в соответствие с теорией порядка финансирования, определено, что на стадии роста наблюдается наибольшая потребность во внешнем финансировании и незначительная величина долга в структуре капитала в отличие от организаций на стадии зрелости [1]. При этом идентификация стадий жизненного цикла производится на основе количества лет после проведения IPO, что, заведомо, смещает выборку в сторону более развитых компаний. Финансовый дефицит и незначительная возможность привлечения долга – существенные критерии организаций в теории иерархии – более характерны компаниям на стадии роста.

Кроме того, такие внешние факторы, как рынок капитала, оказывают существенное влияние в результате доступности привлечения финансирования переоцененными компаниями. Другим значимым показателем, способствующим определению принадлежности к той или иной стадии, является показатель доли инвестиций в основной капитал. В работах современных российских авторов, основными критериями стадий жизненного цикла являлись: темп роста выручки, возраст компании, величина отношения нераспределенной прибыли к общим активам организации [6]. Было определено, что на стадии роста на активизацию инвестиционных процессов преимущественно оказывала влияние выручка предыдущего периода, в то время как увеличение показателя инвестиций за предыдущий период способствовало росту инвестиций в текущем году, что косвенно указывает на данном этапе жизненного цикла на отсутствие спланированной политики инвестирования. Наибольший показатель инвестиций выявляется на стадии роста. На стадии зрелости наибольшее количество лаговых переменных воздействуют на инвестиции. Кроме того, доминирующее влияние оказывала выручка за предыдущий год, нежели показатель денежного потока. Стадия спада характеризуется обратной зависимостью выручки и инвестиций, как отмечают авторы, это связано со спецификой отрасли со значительными основными средствами, когда не проводится модернизация, а используются имеющиеся активы. Хотя для достижения выживания, напротив, целесообразно проводить модернизацию.

Некоторые российские авторы, анализируя стадии жизненного цикла и доходности акций при проведении IPO, отмечают наибольшую результативность у 57,2% компаний на стадии зрелости. Таким образом, эмпирически подтверждается гипотеза о целесообразности привлечения капитала с использованием первичного размещения для организаций на стадии расцвета. В краткосрочном периоде, однако, выявляется положительная зависимость проведения IPO для молодых растущих компаний.

Теория и модель [2] является одной из первых, учитывающих взаимосвязь финансирования и жизненного цикла компании, поскольку рассматривались преимущественно два отдельных направления: исследование жизненного цикла организации и теории структуры капитала. В этот период данная проблематика начала активно исследоваться и эмпирически верифицироваться, появился ряд научных работ, некоторые из них подтверждали выводы, другие – были конкурирующими, приводили к неоднозначным эмпирическим результатам. Молодые и старые компании существенно отличаются как в направлениях денежных потоков, финансовых показателей деятельности, так и во внутрифирменных характеристиках, деловой репутации. Такие различия влияют и на структуру капитала. Небольшие компании используют конвертируемый долг и частный капитал, тогда как крупные компании – привлекают новых собственников через выпуск акций и публичный долг. Основными предположениями является вариативное поведение менеджеров и инвесторов, обладающих различными правами собственности в зависимости от вида привлекаемого финансирования и стадии жизненного цикла компании. Обследовались две принципиально различные группы компаний: небольшие фирмы, находящиеся на стадии зарождения и крупные, укоренившиеся на рынке организации в двух состояниях компании: молодость и расцвет (зрелость). Рассматривалось привлечение капитала для финансирования одина-

ковых проектов для каждого типа организации. Так, на начальном этапе развития фирмы требуется привлечение капитала для финансирования стартового проекта, на следующем этапе требуются инвестиции для управления проектом, а также – расширения деятельности. Менеджмент компании выбирает либо долговое финансирование, либо собственный капитал.

Выделяется три способа финансирования (контрактов):

1. Привлечение новых собственников – определяется как контракт с бессрочным погашением, когда привлекаются инвесторы для финансирования проекта с получением дивидендов и прав управления (право ликвидировать активы или сменить менеджера). То есть, новые акционеры ориентированы на получение дивидендов и склонны к увольнению менеджмента, плохо управляющего денежным потоком компании. Если не была произведена ликвидация активов, и менеджмент удовлетворил требования собственников, то уже управляющие определяют дальнейшую инвестиционную политику фирмы. В случае, если это не было подтверждено, то инвесторы получают потоки от ликвидации активов (ликвидационную стоимость) и несут затраты по смене управляющих. Равновесное состояние определяется при превышении доходов инвесторов-собственников над инвестициями, денежный поток – над возможными потерями и расходами.

2. Долговое финансирование с возможностью инвесторов получать фиксированный доход и менять менеджмент, отсутствует размывание собственности.

3. Краткосрочное финансирование с правом ликвидации. Менеджер осуществляет выплаты инвестору в соответствии с минимальным денежным потоком за оба периода (текущая стоимость будущих потоков или текущий денежный поток и доход после продажи активов). В противном случае, согласно предположению автора, для менеджмента ликвидация активов и банкротство будет наиболее приемлемым результатом. То есть, собственник ориентирован на стабильность денежного потока. Предполагается при учете только двух этапов деятельности компании (роста и зрелости), на последнем этапе менеджмент может объявить дефолт. То есть, если привлекается краткосрочное финансирование на один период, то инвесторы осуществляют внешние вложения.

В крупной компании доступность в финансировании выше в силу имеющейся репутации, более высоких показателей операционной деятельности. В случае необходимости долгового финансирования еще одного проекта, кредиторы учитывают, что собственники надзирают над менеджером. Наблюдается конвергенция интересов собственников и кредиторов, поскольку первые стремятся получать стабильные дивиденды, но после выплат по долгу. То есть, требуемая доходность будет выше для мелких компаний, что обуславливает возможность крупных компаний в наращивании долга.

Таким образом, только в последнее время активно развивается концепция взаимосвязей развития компании, организационных характеристик, экономических факторов на каждом этапе. Усиливается интерес к установлению зависимостей финансовых индикаторов и стадий жизненного цикла. Однако можно отметить недостаточность изучения проблематики взаимосвязи корпоративных отношений и финансово-экономических детерминант в условии прохождения компании по кривой жизненного цикла. Кроме того, зачастую упускались из анализа отраслевые особенности. Развитие самой отрасли, в которой действует компания, может стимулировать ее рост, а может выступать и ограничивающим фактором.

На основе выборки крупных публичных нефинансовых компаний поставлена задача обосновать и выявить связи финансово-экономических результатов деятельности и стадии развития. Были построены модели регрессионного анализа, позволяющие оценить факторное влияние независимых переменных на показатели результативности с учетом принадлежности к разным отраслям. В качестве независимых регрессоров были включены, как долгосрочные индикаторы, такие как численность сотрудников (NE), финансовый рычаг (FINLEV), так и краткосрочные – коэффициент текущей ликвидности (CR), рыночная капитализация компании (MC), введены фиктивные переменные, характеризующие тип отрасли (IND1 – ритейл, IND3 – электроэнергетика, IND4 – обрабатывающая промышленность, IND7 – основные материалы). Так же на деятельность компании оказывает влияние и внешняя среда, в моделях был включен фактор ВВП (GDP). В качестве результативного зависимого индикатора оценивался показатель выручки компании.

Сформированная выборка компаний была разделена на две подвыборки: организации, находящиеся на стадии медленного и бурного роста и организации, находящиеся на стадии зрелости и спада.

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	–5.95E+09	1.44E+10	–0.413474	0.6800
CR	1.22E+10	4.03E+09	3.015215	0.0031
FINLEV	–4.06E+09	3.42E+09	–1.188108	0.2370
MC	0.212513	0.063622	3.340255	0.0011
NE	1404290.	199247.6	7.047963	0.0000
IND1	–4.00E+10	8.19E+09	–4.885628	0.0000
IND3	2.05E+10	7.17E+09	2.855344	0.0050
IND4	–2.74E+10	8.69E+09	–3.157037	0.0020
IND7	4.83E+09	9.32E+09	0.518339	0.6051
GDP	–2.33E+09	1.64E+09	–1.422837	0.1573

Источник: построено автором на основе расчетов.

Рисунок 1.
Результаты регрессионного анализа выручки компании на стадии роста

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	–1.45E+10	1.85E+10	–0.780763	0.4365
CR	1.15E+10	4.42E+09	2.603908	0.0104
FINLEV	3.69E+09	4.91E+09	0.751832	0.4536
MC	0.410805	0.055675	7.378646	0.0000
NE	620315.8	138938.5	4.464679	0.0000
IND1	–4.54E+10	9.34E+09	–4.858412	0.0000
IND3	–53775708	8.99E+09	–0.005985	0.9952
IND7	–1.34E+10	1.26E+10	–1.066957	0.2881
GDP	–2.12E+09	1.91E+09	–1.108689	0.2698
IND4	–6.53E+09	9.77E+09	–0.667673	0.5056

Источник: построено автором на основе расчетов.

Рисунок 2.
Результаты регрессионного анализа на стадии зрелости и спада

На основе проведения регрессионного анализа по панельным данным получены значимые и состоятельные оценки. Выявлено, что коэффициент текущей ликвидности положительно влияет на выручку на всех этапах развития компании, но на стадии зрелости и спада сила влияния ниже. Рост капитализации компании положительно влияет на выручку, причем для второй подвыборки определено более сильное влияние. Увеличение численности сотрудников способствует росту выручки. Интересно проследить отраслевое влияние на разных этапах развития. Определено, что принадлежность к отрасли электроэнергетики и основных материалов стимулирует увеличение выручки на стадии роста компании и снижает выручку на этапе зрелости. Таким образом, установлено, что финансово-экономические индикаторы оказывают неоднозначное воздействие на выручку на разных этапах развития. Кроме того, выявлено, что отраслевые характеристики по-разному влияют на деятельность компании на стадиях развития.

Список литературы

1. Bulan L., Yan Z. Firm Maturity and Pecking Order Theory // International Journal of Business and Economics, Lead Article. 2010. – Vol. 9, N 3. – P. 179–200.
2. Fluck Z. Capital Structure Decisions in Small and Large Firms: A Life-CycleTheory of Financing. Working Paper, 1999. – http://ssrn.com/abstract=1298862
3. Ивашковская И.В., Янгель Д.О. Жизненный цикл организации и агрегированный показатель роста // Корпоративные Финансы. 2007. – № 4. – С. 97–110.
4. Куранов М. В. Анализ факторов, характеризующих функционирование организации на различных этапах жизненного цикла // Экономический анализ: теория и практика. 2008. – № 4.
5. Степанова А.Н., Балкина Е.А. Финансовая архитектура компаний на разных этапах жизненного цикла: влияние на эффективность российских компаний // Корпоративные финансы. 2013. – № 3 (27). – С. 5–22.
6. Черкасова В.А., Смирнова И.Н. Зависимость инвестиционной активности компании от стадий корпоративного жизненного цикла // Корпоративные финансы. 2012. – № 2. – С. 45–57.
7. Широкова Г., Меркурьева И., Серова О. Особенности формирования жизненных циклов российских компаний (эмпирический анализ) // Российский журнал менеджмента. 2006. – № 4ю – С. 3–26.
8. Широкова Г. Жизненный цикл организации: концепции и российская практика. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

Кумакова С.В.
к.э.н., доцент Поволжского института управления (филиала РАНХиГС), г. Саратов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *государственная инновационная политика, приоритеты, механизмы государственной поддержки инновационных компаний, ИТ-компании, самые инновационные компании мира, быстрорастущие компании, скрытые чемпионы, частные высокотехнологичные компании, проектное управление.*

Keywords: *state innovation policy, priorities, state support mechanisms for innovative companies, IT- companies, the most innovative companies in the world, high-growth companies, hidden champions, private high-tech companies leaders, project management.*

В связи с исчерпанием других источников экономического роста инновации становятся ключевым фактором его формирования. Принятые решения по реализации государственной инновационной политики в нашей стране существенно не улучшили ситуацию в инновационной сфере. Выступая на заседании Правительства РФ 13 октября 2016 года, председатель Правительства РФ Д. Медведев сказал, что на сегодня главная цель – восстановить рост экономики, а для этого государство продолжит стимулировать инновационную, инвестиционную и предпринимательскую активность, но произойдет перераспределение ресурсов от низкоэффективных программ в пользу приоритетов. С этой целью Правительство РФ переходит на проектное управление, в рамках которого должны измениться межведомственные отношения: «те, кто участвует в проектах, должны напрямую взаимодействовать друг с другом, решать вопросы без долгих и, как правило, избыточных согласований»[1]. Для этого были приняты Постановление Правительства РФ от 15 октября 2016 года № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» и Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 года № 2165-р. Министерство экономического развития России с июля 2016 года приступило к реализации приоритетного проекта «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров». Проект рассчитан до конца 2020 года[2].

За последние годы в рамках реализации государственной инновационной политики и поддержки развития инновационного бизнеса: создано Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов, сопровождающее разработку и реализацию Национальной предпринимательской инициативы и Национальной технологической инициативы; утверждены программы инновационного развития 60 крупнейших компаний с государственным участием; создано 35 технологических платформ по 13 направлениям научно-технологического развития; обеспечено развитие системы грантового и заёмного финансирования инновационных проектов бизнеса в рамках государственных программ Российской Федерации «Развитие науки и технологий», «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности», создан Фонд «ВЭБ-Инновации»; утверждены «дорожные карты» по приоритетным направлениям технологического развития (информационные технологии, фотоника, производство композитных материалов, биотехнологии, инжиниринг и промышленный дизайн, внедрение инновационных технологий в отраслях ТЭК)[3].

Разработана и реализуется система мер государственной поддержки инноваций и стимулирования спроса на них: государственные закупки инновационной продукции, взаимодействие с малым и средним бизнесом компаний с государственным участием в рамках их программ инновационного развития. Созданы институты развития, выстраивающие цепочку поддержки инновационных проектов; технологические платформы, объединяющие свыше 3000 организаций; инновационные территориальные кластеры . Создан федеральный портал www.innovation.gov.ru, на котором совместно с Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) формируется база данных об участниках инновационного процесса, а также реестр объектов инновационной инфраструктуры.

Через банки-партнёры и инфраструктурные организации оказывает поддержку малому и среднему бизнесу ОАО «МСП банк» (его владелец государственная корпорация «Внешэкономбанк»). Новым инструментом стали гарантии по банковским кредитам на инновационные проекты среднего бизнеса – сроком от 2 до 10 лет и гарантийной ставкой для предпринимателей от 1,5 до 1,8%. Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере в 2013 году запустил программу «Кооперация», призванную стимулировать спрос среднего и крупного бизнеса на инновационные решения малого бизнеса. Созданы Агентство технологического развития, Экспортный центр.

---

[1] http://government.ru/meetings/24877/stenograms/

[2] Приказ Минэкономразвития России от 7 июля 2016 года № 447 «О приоритетном проекте Минэкономразвития России «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров» (с изменениями от 28 ноября 2016 года № 70)».

[3] Об инновационном развитии в России. – http://government.ru/info/19839/

Институтам развития удалось решить поставленные задачи по формированию системы поиска, отбора и поддержки перспективных инновационных проектов. Институты развития позволили сформировать третий по величине в Европе рынок венчурных инвестиций объемом $480 млн. В 2009–2014 годах институты развития – ОАО «Роснано», ОАО «РВК», фонд «Сколково», Фонд содействия инновациям и фонд «ВЭБ Инновации» поддержали более 20 тыс. инновационных компаний на сумму около 210 млрд. рублей при объеме дополнительно привлеченных средств более 224 млрд. рублей. Выручка получивших поддержку инновационных компаний за этот период составила около 839 млрд. рублей, включая экспортную выручку в размере 71,2 млрд. рублей[1].

В 2016 году предусматривалось выделение из внебюджетных источников 10 млрд. рублей на обеспечение форсированного развития ИКТ-отрасли, на поддержку разработки и продвижения российского программного обеспечения (ПО). Для поддержки малых инновационных предприятий предполагалось выделение 4,43 млрд. рублей из федерального бюджета и 3 млрд. рублей из антикризисного фонда. В 2017 году создан Российский фонд развития информационных технологий[2].

В Программе поддержки экспорта за два последних года приняли участие 100 российских ИТ-компаний и более 500 ИТ-специалистов. За время работы Программы поддержки экспорта был запущен механизм развития экспертизы российских ИТ-предпринимателей в области ведения бизнеса и организации маркетинга на зарубежных рынках, особенностей юридической, правовой и патентной сфер[3]. По оценкам Независимой социологической компании (НСК), проводившей исследование «Инновационная волна», ниша малого инновационного бизнеса в России на сегодня имеет объем чуть больше 31 млрд. рублей. Производители инноваций среди всех предприятий малого бизнеса составляли в 2015 году только 4,5%. Их удельный вес сокращается – максимум пришелся на 2011 год, когда технологичного малого бизнеса было 5,1% от общего объема[4].

В 2016 году консалтинговое агентство The Boston Consulting Group (BCG) опубликовало свой 11-й ежегодный рейтинг самых инновационных компаний, опросив более 1500 руководителей компаний со всего мира. В результате первые четыре строчки этого списка не претерпели изменений по сравнению с прошлым годом – на них вновь расположились Apple, Google, Tesla Motors и Microsoft. Всего же в топ-50 вошли 34 компании из США, десять представителей Европы и шесть – из Азии. В первой десятке самых инновационных компаний мира – 8 американских. Новое исследование имеет название «Самые инновационные компании 2016 года: преодолевая неприятие “чужих” изобретений». Авторы доклада отмечают, что разница между наиболее инновационными компаниями и отстающими в этом аспекте фирмами заключается в активности поиска разработок у третьих лиц. Активные новаторы очень часто получают технологии или идеи для развития за счет стратегического партнерства, поглощений и лицензионных сделок или благодаря анализу деятельности конкурентов. Так, согласно докладу, 65% новых идей им удается найти благодаря социальным сетям и анализу больших данных (по сравнению лишь с 14% у неактивных новаторов). Умение находить и получать технологии у сторонних лиц и конкурентов играет сейчас самую важную роль во внедрении инноваций. Партнер BCG и соавтор отчета Эндрю Тейлор считает, что «сегодня самые успешные новаторы находят стратегический баланс между внутренними и внешними инновациями. Они проявляют мудрость и эффективность в поиске и сканировании внешних идей, – и действуют молниеносно, внедряя их в своих компаниях». К этому мнению стоит прислушаться российским инновационным компаниям[5].

В августе 2016 года был представлен доклад «Глобальный инновационный индекс» (ГИИ, Global Innovation Index), содержащий данные сопоставительного анализа инновационных систем 128 стран. В итоговом «Глобальном инновационном индексе», ИИ-2016 Россия заняла 43 место, улучшив позиции на 5 строк относительно 2015 года. В общем рейтинге позиция России варьирует в промежутке от 40 до 47 места. Россия имеет стабильные позиции по субиндексу ресурсов инноваций (2014 год – 56, 2015 – 52, 2016 – 56 место), но эффективность инновационной деятельности ухудшилась (49, 60, 69-е место), что связано с недостаточным использованием имеющегося в стране инновационного потенциала. Об этом же говорится и в Национальном докладе об инновациях в России, который был представлен к обсуждению в январе 2017 года на VIII Гайдаровском форуме «Россия и мир: выбор приоритетов»[6]. Эксперты РВК считают, что причиной незначительных успехов в реализации государственной инновационной политики послужили ориентация государственных инициатив на поддержку тех направлений, которые имеют отложенный эффект (наука, образование, институциональная среда). В то же время недостаточное внимание или отсутствие поддержки стартапов на важных стадиях их развития приводит к их уходу на зарубежные рынки[7].

В настоящее время в мире происходит, по мнению экспертов ОЭСР, переориентация национальных экономических стратегий как на более активную и целенаправленную поддержку быстрорастущих компаний (БРК), компаний-будущих лидеров, так и на создание для уже проявивших себя БРК комплексных программ и стратегий, способствующих их дальнейшему инновационному развитию. При разработке и дальнейшей практической реализации различ-

---

[1] В РФ создан третий по объему в Европе рынок венчурных инвестиций. – https://tpprf.ru/ru/investment_innovation/news/92793/

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 января 2017 года № 57.

[3] 100 российских ИТ-компаний поддержаны Программой стимулирования экспорта высокотехнологичной продукции. – http://www.rvc.ru/press-service/news/company/54509/

[4] Третья инновационная волна может оказаться успешной // Известия. – М., 2016. – 12 декабря. – http://izvestia.ru/news/650748

[5] Самые инновационные компании мира. – http://forumtechnoprom.com/article/381

[6] Россия в Глобальном инновационном индексе – 2016. – https://issek.hse.ru/data/2016/08/15/1117964142/NTI_N_12_15082016.pdf

[7] Не нефтью единой: Россия на пути к инновационной революции. – https://ria.ru/ny2017_resume/20161227/1484682932.html

ных государственных программ поддержки БРК в качестве будущих национальных чемпионов рассматриваются, прежде всего, фирмы, уже обладающие успешным опытом работы на целевых рынках и демонстрирующие в течение последних нескольких лет устойчивую положительную динамику развития[1].

Еще в 1980-х годах американский экономист Дэвид Берч обнаружил, что довольно большой вклад в рост экономики и особенно в создание рабочих мест вносят средние быстрорастущие компании, которые он назвал «газелями»[2]. Европейские и американские исследователи заметили, что среди огромного числа компаний любой национальной экономики обновлением хозяйства и созданием новых рабочих мест занимается совсем небольшое число компаний – примерно 5%, но они создают до 85% новых рабочих мест. Это открытие дало понимание, что компании-газели – главный катализатор перемен в хозяйстве. Их формальные черты – рост более 30% непрерывно на протяжении 4 лет[3].

Практически одновременно с Дэвидом Берчем немецкий исследователь Херманн Симон исследовал так называемый Mittelstand (средний немецкий бизнес) и тоже пришел к выводу, что в нем есть просто выдающиеся инновационные компании, являющиеся глобальными лидерами в своих нишах и демонстрирующие устойчивое развитие в течение десятков лет. Херманн Симон назвал их «скрытыми чемпионами»[4]. В последние 10 лет все больше стран начинают запускать специальные программы по поддержке этих компаний с целью из средней по размерам национальной компании, имеющей устойчивые темпы роста и инновационный потенциал, сделать крупную компанию с глобальным позиционированием, превратить ее в глобального чемпиона[5].

Такие государственные программы реализуются в скандинавских странах, в Голландии, в Великобритании. Европейские программы направлены на информационно-консультативную поддержку «скрытым чемпионам» и создание максимально благоприятных рыночных условий для их дальнейшего роста. Особо популярными они стали в Азии, лидером в этом плане можно считать Южную Корею, но этой темой занимаются и Сингапур с Малайзией, а в последние два года похожая программа действует в Казахстане. Программа по поддержке «черных газелей президента» запущена в ЮАР.

Великобритания в последние годы запустила несколько амбициозных проектов по созданию глобальных инновационных лидеров из конкретного набора средних быстрорастущих компаний путем прямой государственной поддержки. По программе Future 50, начавшейся в 2013 году, прошел отбор полусотни кандидатов в национальные инновационные чемпионы. Особый интерес представляет шотландская программа Companies of Scale (CofS), которая была запущена еще в 2005 году. Программа была нацелена на поддержку местных компаний с оборотом, превышающим 10 млн. фунтов, а ставилась задача достижения ими годовых оборотов от 100 млн. фунтов. В 2013 году в этом проекте участвовали 16 компаний. В рамках этой программы специалисты государственного инновационного агентства Scottish Enterprise, регулярно присутствовали на различных совещаниях и встречах руководства, имевших стратегический характер. Они оказывали также профессиональные консультации в сфере стратегического менеджмента, в ходе которых главное внимание уделялось конкретным проблемам, с которыми приходилось сталкиваться компаниям, а также проводили различные семинары (куда приглашались успешные бизнесмены из других шотландских БРК), в ходе которых происходило активное общение предпринимателей друг с другом.

В конце 2015 года в Казахстане началась государственная программа поддержки национальных БРК «Лидеры конкурентоспособности – Национальные чемпионы». Основным оператором программы выступает национальный управляющий холдинг «Байтерек». Программа осуществляется по схеме: отбор компаний, их диагностика и дальнейшая поддержка на основе анализа проблемных зон и основных потребностей. Для участников программы будет доступна финансовая поддержка, в частности, проектное финансирование, межбанковское кредитование, финансирование лизинговых сделок, субсидирование процентных ставок, гарантирование кредитов, экспортное страхование, гранты на инновации. Отобранные компании могут получать и консультационную поддержку[6].

Национальный рейтинг «ТехУспех» был впервые организован Российской венчурной компанией (РВК) в партнерстве с Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) в 2012 году при поддержке Роснано и Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. По словам и.о. генерального директора РВК Е. Кузнецовой, вначале задача рейтинга «ТехУспех» была в том, чтобы найти точки роста российской экономики, которые могли бы стать интересными как для потенциальных инвесторов, так и для тех компаний, которые хотят развиваться за счет партнерства с быстрорастущими компаниями, создающими новые продукты, а далее – выходящими на глобальные рынки. В 2013 году к формированию рейтинга в качестве партнера проекта присоединилась и РВК. В 2014 году еще одним партнером рейтинга стал МСП Банк. В 2015 году в число партнеров также вошел Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»[7].

Ведущий исследователь феномена «скрытых чемпионов» Херманн Симон в своей книге «Скрытые чемпионы 21 века. Стратегия успеха неизвестных лидеров мирового рынка» отмечает, что для «скрытых чемпионов» рыночное

---

[1] Механик А. Портрет российской быстрорастущей технологической компании. – http://expert.ru/2016/12/10/tehnologicheskie-kompanii

[2] Механик А. Цель: глобальное лидерство. – http://expert.ru/2016/10/12/tsel-globalnoe-liderstvo/

[3] http://expert.ru/dossier/story/fastest-growing-companies-gazelles/

[4] Симон Г. Скрытые чемпионы 21 века. Стратегия успеха неизвестных лидеров мирового рынка. – М.: Кнорус, 2015.

[5] Механик А. Цель: глобальное лидерство. – http://expert.ru/2016/10/12/tsel-globalnoe-liderstvo/

[6] Медовников Д.С., Розмирович С.Д., Оганесян Т.К. От «ТехУспеха» к национальным чемпионам. Национальный рейтинг Российских быстрорастущих технологических компаний «ТехУспеха-2016». – http://www.rvc.ru/upload/iblock/293/Buklet_Rezultaty_issledovaniya_TehUspeh.pdf

[7] Мельник А. От компаний ждут глобальности. – http://expert.ru/2016/12/9/kongress-innovatsij

лидерство представляет определяющую характеристику[1]. В конце 2015 года Институтом менеджмента инноваций НИУ ВШЭ проводилось выборочное исследование компаний, входящих в рейтинг «ТехУспех»[2].

Исследование показало, что компании, входящие в рейтинг «ТехУспеха» ведут активную инновационную деятельность и видят в этом залог своей конкурентоспособности. Большая часть из них (63%) ежегодно выводит на рынок новые продукты. У более чем половины (62%) есть твердая уверенность в том, что производимые ими продукты уже сегодня вполне сопоставимы с лучшими зарубежными образцами. В 2015 году 46% компаний продемонстрировали рост показателей экспорта. В среднем экспорт увеличился на 41%, а четверть компаний увеличили его более чем вдвое. В качестве наиболее важных ресурсов, которые могут понадобиться для завоевания мирового рынка, компании называют получение заказов от крупной зарубежной (45%) или российской (39%) компании, привлечение квалифицированных технических специалистов (37%), получение госзаказа на НИОКР (34%) и получение зарубежных сертификатов на продукцию (32%)[3].

В числе факторов своей конкурентоспособности компании называют те, которые связаны с разработкой новых продуктов: сильный коллектив технических специалистов: разработчиков, инженеров, технологов – 82%; наличие оригинальных технических решений – 75%; наличие сильного R&D-подразделения – 70%.Участвовавшие в опросе компании достаточно оптимистично оценивают технический уровень своего основного продукта – 62% считают, что он соответствует лучшим зарубежным образцам. Еще 21% уверены, что он примерно соответствует среднему уровню иностранных конкурентов. Таким образом, можно сказать, что у большинства из них есть твердая уверенность в том, что производимые ими продукты обладают достаточно высоким потенциалом конкурентоспособности на мировом рынке уже сегодня. При ответе на вопрос, возможна ли ситуация, когда в течение следующих пяти лет на ключевом для компании сегменте рынка она вошла бы в группу мировых лидеров, 2/3 компаний (66%) ответили, что шансы побороться за мировое лидерство у них есть. Компании видят перспективу закрепления своего лидерства на мировом рынке во встраивании в глобальные цепочки добавленной стоимости, а для этого им необходимо иметь заказ от крупной зарубежной или российской компании.

Важно было выяснить, какие актуальные технологические тренды они рассматривают в качестве возможности для создания новых продуктов или наделения новыми свойствами уже выпускаемых позиций. Из предложенных им 16 технологических направлений списка на первые пять мест вышли следующие технологии: цифровое проектирование и моделирование (отмечено 50% компаний); аддитивные технологии (3D-printing) (35%); робототехника (27%); Интернет вещей (IoT) (27%); материалы с заданными свойствами (27%). Скорее всего, в этих направлениях опрошенные компании будут в ближайшие годы вести исследования, вкладывать средства, искать интересные предложения от других разработчиков[4].

Выступая на III Конгрессе «Инновационная практика: наука плюс бизнес», проходившем 7 декабря 2016 года в МГУ имени М.В. Ломоносова, где собираются представители науки, бизнеса, институтов развития и госструктур для обсуждения актуальных вопросов поиска и развития механизмов, необходимых для создания инновационной экономики страны, заместитель министра экономического развития России О. Фомичев заметил, что в государственной политике очень долго не обращали внимания на сектор средних быстрорастущих компаний, в связи с тем, что больше всего внимания уделялось крупным отечественным компаниям, в первую очередь – государственным, чтобы активизировать их инновационную политику, и малым предприятиям, которые, безусловно, приоритетны, но перспектива ближайших двух – пяти лет российской экономики связана, по его мнению, с некоторыми средними быстрорастущими компаниями, которые уже в ближайшие годы могут стать крупными глобальными игроками.

По мнению директора Института менеджмента инноваций (ИМИ) НИУ ВШЭ Д.С. Медовникова, в России сложилось ошибочное представление о том, что у нас мало инновационных компаний, нам нечего предложить на мировой рынок, кроме сырья и вооружения. В связи с этим он привел данные исследования «ТехУспех»–2016.

Общая выручка технологических «газелей» достигла 222,3 млрд. рублей. Их общие расходы на технические инновации превысили 54 млрд. рублей, а на НИОКР – 34 млрд. рублей. Каждая компания в среднем тратит на технические инновации 24% своей выручки. Доля расходов на НИОКР составляет 15% от ежегодного оборота. Средний возраст компаний составил 22 года, а средняя численность сотрудников достигла почти 700 человек. Первое место среди наиболее быстрорастущих компаний заняла инновационная компания по разработке и производству медицинских роботов-симуляторов ООО «Эйдос-Медицина»: за 2010–2015 гг. выручка компании выросла на рекордные 7368% и составила 416,49 млн. руб. Российский разработчик решений в области интеллектуальной обработки информации и лингвистики ООО «Аби Продакшн» (ABBYY) впервые вошел в рейтинг и стал лидером по объему экспорта. Доля экспорта компании – более 90% в период с 2013 по 2015 гг. Более 50% участников рейтинга представляют машиностроение, электронику и приборостроение. Объем выручки этих компаний в 2015 году составил 131,492 млрд. рублей. Вторыми по доходности стали компании, занимающиеся информационными технологиями, – их суммарный

[1] Симон Г. Скрытые чемпионы 21 века. Стратегия успеха неизвестных лидеров мирового рынка. – М.: Кнорус, 2015.

[2] Медовников Д.С., Розмирович С.Д., Оганесян Т.К. От «ТехУспеха» к национальным чемпионам. Национальный рейтинг Российских быстрорастущих технологических компаний «ТехУспеха-2016». – http://www.rvc.ru/upload/iblock/293/Buklet_Rezultaty_issledovaniya_TehUspeh.pdf

[3] Механик А. Портрет российской быстрорастущей технологической компании – http://expert.ru/2016/12/10/tehnologicheskie-kompanii

[4] Медовников Д.С., Розмирович С.Д., Оганесян Т.К. От «ТехУспеха» к национальным чемпионам. Национальный рейтинг Российских быстрорастущих технологических компаний «ТехУспеха-2016». – http://www.rvc.ru/upload/iblock/293/Buklet_Rezultaty_issledovaniya_TehUspeh.pd

объем выручки составил более 44 млрд. рублей, рост выручки за последние 5 лет превысил 36%. 67% компаний являлись участниками внешнеэкономической деятельности. При этом средняя доля экспорта составила 20%[1].

Первые 15 компаний для проекта Минэкономразвития России «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров» были отобраны на основе победителей рейтинга «ТехУспех» за 2012–2015 гг.: АО «Интерскол», АО «НПФ «Микран», Группа компаний «Алкор Био», Группа компаний «Герофарм», Группа компаний «Диаконт», Группа компаний «Новомет-Пермь», Группа компаний «НПО «Унихимтек», Группа компаний «Центр речевых технологий», ЗАО «Аргус-спектр», ЗАО «Биокад», ЗАО «Медицинские технологии Лтд», ЗАО «Медицинские технологии Лтд», ООО «Нейрософт», ООО «Пермская химическая компания», ООО «Т8», ООО «Интеллектуальные системы безопасности».

Вторая группа компаний отобрана по результатам рейтинга «ТехУспех» за 2016 год: АО «Азимут», АО «ПАНГЕЯ», АО «Фармасинтез», АО СКТБ «Катализатор», Группа компаний «Специальные системы и технологии», ЗАО «ВНИТЭП», ЗАО «НПО Специальных материалов», ОАО «Т-Платформы», ОАО НПЦ «ЭЛВИС», ООО «Аби Продакшн», ООО «Данафлекс-Нано», ООО «Код Безопасности», ООО «НПО Санкт-Петербургская электротехническая компания», ООО «Ракурс-инжиниринг», ООО «СТАН».16

Основные проблемы, препятствующие развитию БРК: разомкнутость инновационного цикла, административные барьеры, вопросы кооперации, защита прав интеллектуальной собственности, вопросы патентования и сертификации, подготовки и удержания ценных кадров.

Необходимость реализации проекта «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров» обусловлена потребностью в появлении частных российских компаний-мировых лидеров в высокотехнологичных отраслях экономики. Для этого необходимо обеспечить поддержку частных компаний, обладающих потенциалом масштабирования своей деятельности на мировом рынке.

Цель проекта – обеспечение опережающего роста отечественных частных высокотехнологичных экспортно-ориентированных компаний-лидеров и формирование на их базе транснациональных компаний российского базирования[2]. Участникам проекта будет предоставлен «зеленый коридор» по быстрому доступу к существующим инструментам государственной поддержки, к институтам развития.

Задачи проекта:

1) осуществление консультационного сопровождения проектов компаний-лидеров по развитию их деятельности как внутри страны, так и ее экспансии на мировом рынке;

2) подготовка на основании предложений компаний-лидеров внесения изменений в нормативные правовые акты, необходимых для снятия барьеров в целях обеспечения интенсивного роста их деятельности;

3) содействие реализации программ государственных органов и институтов развития, направленных на стимулирование производства и экспорта высокотехнологичной продукции;

4) подготовка предложений по новым инструментам развития компаний-лидеров, способствующих ускоренному росту масштабов деятельности данных компаний, в том числе на внешнем рынке.

В результате реализации проекта (окончание проекта 2020 год) ожидается увеличение объема высокотехнологичного экспорта Российской Федерации и ускорение появления российских частных транснациональных компаний. Критерии успеха проекта: рост в четыре раза объема высокотехнологичного экспорта не менее 15 компаний-участников проекта за 5 лет; выход не менее 2 компаний проекта на объемы продаж не менее 1 млрд. долларов США в год каждая; выход не менее 10 компаний проекта на объемы продаж не менее 500 млн. долларов США в год каждая[3].

Для реализации проекта необходимо:

– определение экспертов-консультантов для участников проекта в федеральных органах исполнительной власти, институтах развития и в региональных министерствах; консультации и сопровождение проектов компаний-лидеров; поддержка компаний в реализации их стратегий развития; содействие в работе компаний, участвующих в проекте с компаниями с государственным участием, организациями бюджетного сектора;

– внесение по мере необходимости изменений в нормативные правовые акты для устранения барьеров для развития компаний; определение перечня востребованных инструментов поддержки; предоставление поддержки в виде организационного содействия в получении доступа к существующим механизмам государственной поддержки, в том числе в рамках деятельности институтов развития; облегчение доступа к уже существующим формам поддержки предпринимательской деятельности компаний- участников проекта;

– разработка новых инструментов развития компаний-лидеров, способствующих их ускоренному росту; поддержка в доступе к инструментам государственной поддержки НИР и НИОКР; привлечение инвестиций; координация взаимодействия с институтами развития в реализации инвестиционных проектов; проведение работы по снятию административных барьеров;

– реализация с компаниями совместных бизнес-миссий, образовательных программ; содействие в проведении совместных исследований и программ подготовки кадров с институтами РАН и университетами;

– содействие в формировании и расширении кооперационных контактов; содействие в выборе партнеров для масштабирования деятельности компаний; содействие в формировании и реализации корпоративной стратегии быст-

[1] Мельник А. От компаний ждут глобальности. – http://expert.ru/2016/12/9/kongress-innovatsij/

[2] Приказ Минэкономразвития России от 7 июля 2016 года № 447 «О приоритетном проекте Минэкономразвития России «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров» (с изм. от 28 ноября 2016 года № 760).

[3] Там же

рого роста, расширения географии рынков сбыта и увеличения масштабов компании; содействие в выборе партнеров для масштабирования деятельности компании;

– содействие в решении внешних по отношению к компаниям вопросов; поддержка компаний в их выходе на внешние рынки; взаимодействие с Российским экспортным центром в реализации внешнеэкономических проектов.

Куракова Н.Г.
д.б.н., гл.н.с., директор Центра научно-технической экспертизы ИПЭИ РАНХиГС
Кураков Ф.А.
с.н.с. Центра научно-технической экспертизы ИПЭИ РАНХиГС

ПРОБЛЕМЫ ВЫВЕДЕНИЯ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ РЫНОК ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУКОЕМКИХ ТОВАРОВ НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ РОБОТОТЕХНИКИ

Ключевые слова: *высокотехнологичные компании, промышленное производство, взаимодействие науки и бизнеса, приоритеты научно-технологического развития, рынок роботизированных хирургических систем, хирургический робот.*

Keywords*: high tech companies, industrial production, the collaboration of science and business, priorities of scientifictechnological development, market of robotized surgical systems, the surgical robot.*

В России направление медицинской робототехники имеет статус одного из научно-технологических приоритетов страны, имеющего значительный рыночный потенциал, развитие которого может стать технологической основой для новой индустрии. Важность поддержки данного направления зафиксирована как в программных документах, задающих векторы научно-технического поиска, так и в ряде аналитических материалов.

Важное место отведено робототехнике в Прогнозе научно-технологического развития России на период до 2030 года [1]. В документе особо подчеркивается перспективность робототехники в хирургической области. В разделе 3 «Перспективные рынки, продукты и услуги в области медицины и здравоохранения» отдельно выделена «Хирургическая техника: системы инвазийной визуализации в т.ч.: удаленного управления; робототехника; системы микроманипулирования (для высокопрецизионных хирургических манипуляций)».

Среди приоритетов Национальной технологической инициативы (НТИ) робототехника занимает одну из ведущих позиций. Так из 13 отобранных в рамках НТИ технологических компетенций, которые, как ожидается, окажут значительное влияние на глобальные рынки и станут базовыми для формирования новых индустрий, три непосредственно связаны с универсальными компетенциями развития робототехники, а именно:

1) цифровое проектирование и моделирование;

2) сенсорика, обеспечивающая «органы чувств» для цифровых систем;

3) бионика, направленная на применение в технических устройствах принципов организации и свойств живой природы [2].

В числе приоритетных групп технологий выделены «Сенсорика и компоненты робототехники», также робототехника отдельно выделена в рамках группы «Новые производственные технологии» [3].

В Публичном аналитическом докладе «Биомедицина», подготовленном Минзравом России для Межведомственной комиссии по научно-технологическому прогнозированию при Президенте РФ, отмечено, что малоинвазийные хирургические операции значительно меньше травмируют пациентов и сокращают расходы как на саму операцию, так и на реабилитацию в послеоперационный период [4]. Поэтому в рамках научной платформы «Инвазийные технологии» предусматривается разработка и усовершенствование методов контролируемых вмешательств, в том числе с использованием робототехники [4].

В 2011–2016 гг. в полном соответствии с приоритетами научно-технологического развития России был создан отечественный роботохирургический комплекс, обладающий неоспоримыми функциональными и стоимостными преимуществами перед зарубежными аналогами. В финансировании проекта приняли участие практически все созданные в РФ фонды и институты развития. Однако этот конкурентоспособный экспортно ориентированный высокотехнологичный продукт до сих пор не доведен до стадии промышленного прототипа, не имеет шанса быть выведенным в краткосрочной перспективе на глобальный рынок, пациенты не получили доступа к малоинвазийным операциям, а значительные средства государственного бюджета, инвестированные в проект, пока остаются безвозвратными.

Целью настоящего исследования был анализ причин вынужденного увеличения продолжительности жизненного цикла этого перспективного проекта.

Созданный научно-технологический задел

В 1990 г. компания Intuitive Surgical (США) завершила разработку и начала серийный выпуск роботохирургического комплекса da Vinci. Этот аппарат позволил хирургам сделать операции по-настоящему малоинвазивными, малотравматичными и сберегающими органы. Робот позволяет увидеть ранее недоступные для зрения хирурга зоны, а также повысить точность дистанционной работы с инструментами, убрать тремор и ошибочные движения скальпелем

и провести филигранную операцию, которая в обычных условиях доступна только хирургам высочайшего класса. В настоящее время в США используется около 2,5 тысяч установок da Vinci., в Европе – более 500, в России – 25 при потребности не менее 400 установок [5].

К числу недостатков устройства следует отнести его массогабаритные параметры и стоимостные характеристики (цена агрегата доходит до 3 млн. евро, сервисное обслуживание требует около 7 млн. руб. в год). После каждых 10 операций необходима замена инструментов [6].

Задачу создания российского хирургического робота, который по своим показателям превосходил бы da Vinci, сформулировал главный уролог Минздрава России Д.Ю. Пушкарь. Хирург выполнил с помощью da Vinci более тысячи операций, понял недостатки устройства и возможные направления усовершенствования хирургического робота. Используя свой уникальный практический опыт, он смог сформулировать техническое задание для коллектива разработчиков, в состав которых вошли сотрудники Института конструкторско-технологической информатики РАН (ИКТИ РАН) под руководством С.А. Шептунова и сотрудники кафедры урологии (заведующий кафедрой – профессор Д.Ю. Пушкарь) Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова Минздрава России (МГМСУ).

За три года коллектив разработчиков создал принципиально новое устройство – ассистирующий мехатронный хирургический комплекс – который, имея точность манипулятора в 10 раз выше, чем у da Vinci, позволяет передавать врачу во время операции тактильные ощущения. Габариты и масса комплекса в пять раз меньше американского аналога, для его использования не требуется специальной подготовки хирургического блока, а в конструктивном исполнении использованы принципиально новые инструменты.

По мнению разработчиков, созданный хирургический робот может стать базовым элементом проектируемого мобильного госпиталя для нужд Минобороны РФ и МЧС РФ, а уникальная программно-аппаратная платформа манипулятора имеет признаки технологии двойного назначения и может быть использована в атомной энергетике, химической промышленности, при производстве боеприпасов и пр.

Для обеспечения научно-производственного потенциала проекта была создана единая инфраструктура с одной из лучших станкостроительных фирм России – ЗАО «Станкотех». Для реализации серийного производства роботохирургических комплексов было привлечено ОАО «Раменское приборостроительное конструкторское бюро» (ОАО «РПКБ»). Совместно с ОАО «РПКБ» был разработан и передан в Минпромторг России перечень технологических направлений развития роботохирургии в России для выработки приоритетных направлений государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» на 2015–2018 гг.». Для сертификации производимой медицинской продукции был заключен партнерский договор с ГУН «Всероссийский научно-исследовательский и испытательный институт медицинской техники» Минздрава РФ. По инициативе ИКТИ РАН была создана, прошла экспертную оценку и получила статус резидента фонда «Сколково» компания «НПЦ Биомедицинские Технологии», администрированием инновационной деятельности которой занимается «Биомедицинский кластер». Для организации подготовки кадров по всем областям роботохирургии получена поддержка инициативы ИКТИ РАН по разработке тренажеров для обучения роботических хирургов от фонда «Сколково» и компании «Эйдос» (г. Казань).

Значительный рыночный потенциал разработки и ее конкурентоспособность, по сравнению с выведенными на рынок зарубежными аналогами, придали проекту высокую инвестиционную привлекательность. За последние пять лет создатели хирургического робота привлекли значительные по объему средства из российских и зарубежных фондов, федеральных целевых программ и институтов развития, а также от индустриальных партнеров. В их числе РФФИ, Фонд «Сколково», Российский фонд прямых инвестиций, Финский инновационный фонд Tekes, Российско-китайский фонд прямых инвестиций, частные зарубежные инвесторы. Объем полученного финансирования из средств ФЦП «Фарма 2020» составил 500 млн. руб. Совокупный бюджет первых стадий НИОКР проекта составил около 0,5 млрд. руб. [7].

Меры государственной поддержки проекта и оценка его социально-экономической значимости

В 2014 г. заместитель председателя Правительства РФ А. Дворкович подписал поручение рассмотреть вопрос о создании Федерального центра роботических технологий в медицине совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и организациями и внести согласованные предложения в Правительство России. В поручении отмечалось, что поставленная задача, согласно требованиям Указа Президента РФ «направлена на повышение показателей качества жизни населения страны, которые находятся в нарастающей зависимости от возможности создания инновационной медицинской техники и технологий...» [8].

ФАНО России, в ведении которого находится ИКТИ РАН, в ответ на поручение председателя Правительства РФ подтвердило, что считает целесообразным создание Федерального научного центра роботических технологий в медицине на основе реструктуризации ИКТИ РАН, поскольку «формирование такого центра позволит расширить возможности для проведения фундаментальных и прикладных междисциплинарных исследований в области приоритетных направлений развития робототехники в стране».

Представители Минздрава России в своем экспертном заключении на проект констатировали, что успешная его реализация позволит создать наукоемкую медицинскую технику мирового уровня и будет способствовать внедрению новых, инновационных подходов к оказанию медицинских услуг. В официальном ответе на поручение А. Дворковича ведомство выразило готовность принять участие в проработке конфигурации проекта, «что позволит увеличить его востребованность в клиническом здравоохранении». Для достижения наибольшей эффективности от реализации про-

екта Минздрав России был готов предусмотреть кооперацию с профильными подведомственными научными учреждениями [9].

Однако по прошествии двух лет со дня подписания поручения Федеральный центр роботических технологий в медицине все еще не создан.

Представители отечественного профессионального сообщества в своих публикациях также отмечали, что создание и совершенствование роботизированных технологий в целях оказания высокотехнологичной медицинской помощи позволяет осуществить технически трудновыполнимые и длительные операции в более комфортных для хирурга условиях, тем самым повышая безопасность вмешательства в областях грудной хирургии и кардиохирургии, в сосудистой хирургии, в гинекологии, в урологии и в других областях хирургии [10].

Проект стал резонансным и в публичном пространстве. Его социально-экономический потенциал оказался значимым для широкой целевой аудитории. О проекте создания российского медицинского робота для проведения высокоточных хирургических операций сообщила «Российская газета» [11], федеральные каналы отразили моменты ознакомления с разработкой министра здравоохранения В.И. Скворцовой [12]. Журналисты поторопились сообщить, что отечественная разработка защищена 35 патентами зарубежных стран, начались клинические испытания на животных и через год следует ожидать использование устройства в практике российского здравоохранения [12]. Ассистирующий мехатронный хирургический комплекс в феврале 2016 г. был представлен в Российской Академии наук в рамках научно-практической конференции «Робототехнические технологии в медицине» [13].

Создание и успешный вывод на глобальный рынок отечественного робототехнического комплекса могли бы иметь и значительный экономический эффект. Основную часть мирового рынка профессиональных сервисных роботов составляют медицинские устройства, в т.ч.: роботизированные хирургические комплексы, аппараты для лучевой терапии и устройства для реабилитации пациентов. По данным аналитического обзора РВК [14], объем продаж подобных устройств составил 1,45 млрд. долл., или 41% от стоимости всех профессиональных роботов, проданных в 2013 г., без учета военных систем.

Эксперты объем глобального рынка медицинских робототехнических систем к 2018 г. оценивают в диапазоне от 13,6 млрд. долл. [15] до 18 млрд. долл. [16], а объем рынка к 2020 г. в более чем 20 млрд. долл. при темпах годового роста в 12–12,6%. Предполагается, что роботизированные хирургические системы смогут создать новую добавленную стоимость в здравоохранении при сокращении стоимости труда за счет выполнения определенных операций не человеком, а робототехническими средствами, и за счет повышения эффективности хирургического вмешательства.

Текущий статус проекта

Несмотря на весь комплекс параметров и преимуществ проекта – социально-экономическую значимость, статус научно-технологического приоритета, государственную поддержку, ведомственную заинтересованность, наличие индустриальных партнеров, финансовую поддержку институтов развития, позитивное отношение профессионального сообщества к новому техническому хирургическому средству и, что самое главное, наличие уникального и конкурентоспособного отечественного научно-технологического задела, жизненный цикл разработки оказался незавершенным и практически остановился на стадии создания лабораторного образца экспортно-ориентированного высокотехнологичного продукта.

Более того, разработчики в ходе экспертного интервью с автором настоящего доклада высказали опасение, что, если в течение ближайших двух лет развитие проекта не получит нового импульса в виде создания промышленного прототипа, то созданное конкурентное преимущество может быть утрачено. Кроме того, авторы проекта видят реальный риск потери приоритета и опытных сотрудников коллектива.

Какие же основные детерминирующие факторы не позволили перспективному проекту завершиться стадией создания промышленного прототипа и выводом конкурентоспособного высокотехнологичного продукта на внутренний и глобальный рынок?

Во-первых, Минздрав России как наиболее заинтересованный в завершении проекта государственный заказчик и генератор государственного целеполагания, не только не выразил готовности профинансировать завершающие стадии НИОКР, но и не предоставил никаких гарантий государственного заказа на партию роботохирургических комплексов в будущем после завершения этапа прохождения апробации и сертификации.

Во-вторых, ведомство не приняло на себя обязательств по организации обучения специалистов и сервисному обслуживанию этого высокотехнологического оборудования.

В-третьих, не получив гарантий государственных закупок ассистирующего мехатронного хирургического комплекса со стороны Минздрава России и Минпромторга России, Казанский электротехнический завод (ПАО «КЭТЗ») приостановил производство рабочего инструмента (модульных комплектующих), и отказался от планов выступить в роли индустриального партнера для доработки и выпуска российского хирургического робота.

В-четвертых, участие ФАНО, к которому, согласно ведомственной принадлежности, относится ИТКИ РАН, выразилось в готовности использовать выполненный НИОКР для апробации новой модели проектного финансирования в формате комплексных планов научных исследований в области медицинской робототехники, который предполагает разработку детализированного плана выполнения фундаментальных и прикладных научных исследований научными учреждениями, подведомственными ФАНО, за выделяемые им средства государственного бюджета.

В-пятых, неоднозначная реакция на созданный роботохирургический комплекс со стороны профессионального сообщества российских хирургов, генерирующего определенное сопротивление широкому внедрению инновационного устройства. Это связано с тем, что созданное устройство, по сути, обесценивает уникальные компетенции опытных

хирургов, которые нарабатывались годами напряженной практики, поскольку робот воспроизводит и даже превосходит точность хирургического вмешательства опытного специалиста.

Главным же фактором приостановки развития жизненного цикла проекта стало понимание, что дальнейшая доработка лабораторного образца, созданного разработчиками, невозможна без индустриального партнера и согласованного с бенефициарами и потребителями планов по созданию окончательной формы нового продукта. Специфика хирургического высокотехнологического оборудования состоит в том, что его доработка должна проходить с учетом национальных особенностей хирургических практик.

Возможные траектории развития проекта

На Петербургском международном экономическом форуме, состоявшемся в июне 2016 г., было подписано соглашение о запуске проекта по созданию Центра медицинских роботов и их промышленному производству в Китае. Партнерами, как ожидается, выступит Российский фонд прямых инвестиций (далее – РФПИ), Фонд «Сколково», а также китайские технопарк Xixian Fengdong и китайская компания Panther Healthcare, специализирующаяся на исследованиях, разработке, производстве и продаже хирургических устройств и инструментов в Китае [17]. В настоящее время идет обсуждение условий создаваемого партнерства. Центр будет заниматься научными исследованиями, проектно-конструкторской работой, разработкой программного обеспечения, а также производством технологически сложных компонентов робота в России.

Локализация производства медицинского робота планируется в Китае при взаимодействии с китайскими партнерами, инвесторами и медицинскими учреждениями. Для производства медицинских роботов в промышленных масштабах с использованием российских высоких технологий и наиболее эффективных компонентных решений, а также обеспечение глобальных продаж и сервисного обслуживания предполагается создание производственной площадки на территории технопарка Xixian Fengdong.

По мнению Генерального директора РФПИ, проект позволит России и Китаю объединить научный, технологический и промышленный потенциал для выхода на один из самых емких рынков мира. Президент Фонда «Сколково» обещает поддержку прорывной разработки в форме грантового финансирования Российско-Китайского центра по разработке медицинских роботов в объеме до 150 млн руб. [17]. Важная роль в финансировании проекта отведена Российско-Китайскому фонду прямых инвестиций. Этот фонд обеспечит финансирование реализации проекта и коммуникации с соответствующими государственными органами России и Китая.

Организационной моделью проекта может стать консорциум в форме юридического лица – «Центра Хирургических Роботов России» (далее – компания ЦХРР), в состав которого войдет компания-резидент Сколково ООО «НПЦ Биомедицинские Технологии». Разработчики надеются получить контрольный пакет акций в компании ЦХРР, которая станет обладателем прав на создаваемые объекты интеллектуальной собственности, включая патенты, ноу-хау, технологии, инновационные решения и промышленный прототип ассистирующего мехатронного хирургического комплекса.

Компания Panther Healthcare будет координировать и согласовывать с компанией ЦХРР функциональные задачи и спецификацию хирургического робота для рынка Китая. После проведения демонстрационной операции над животным с помощью промышленного прототипа хирургического комплекса нового поколения, будет создана новая организация для производства, продажи и послепродажного обслуживания новой продукции. Такая организация, контролирующим акционером которой станет компания Panther Healthcare, будет создана после полноценной сертификации роботохирургического комплекса в Китае на основе анализа пожеланий китайских хирургов. Поэтому до российского рынка произведенный в соседней стране хирургический комплекс, вероятно, дойдет не скоро, и не в полной мере будет учитывать специфику российской школы хирургии.

Заключение

Таким образом, несмотря на принятые в России приоритеты научно-технологического развития, которым полностью соответствует анализируемая разработка, ни одно из ведомств-интересантов не обеспечило целеполагание создания и вывода конкурентоспособного продукта на внутренний и глобальный рынок, не согласилось взять на себя обязательства по организации обучения специалистов и сервисному обслуживание создаваемого высокотехнологического оборудования. При этом все поддерживающие развитие данного приоритетного направления ведомственные документы носят исключительно рекомендательный, но не директивный характер, в силу чего возложить на ведомство ответственность за бессистемно потраченные средства государственного бюджета, не приведшие к созданию глобально конкурентной продукции, не представляется возможным. Ни один институт развития также не принял скоординированных мер по доведению лабораторного прототипа конкурентоспособного высокотехнологичного продукта до промышленного производства и вывода на рынок.

Второй ключевой проблемой, не позволившей добиться сокращения жизненного цикла рассмотренного проекта, явилось отсутствие заинтересованного отечественного и зарубежного индустриального партнера. Проанализированная в кейсе траектория развития проекта со всей наглядностью показывает, что ведущая роль компаний промышленного сектора в ускорении жизненного цикла инноваций в РФ до сих пор не осознана.

В качестве третьей причины несостоявшегося консорциума обозначена размытость прав интеллектуальной собственности на разработку между нескольким организациями, возникшая вследствие привлечения финансовых средств различных инструментов и институтов развития РФ.

Список литературы

1. Прогноз научно-технологического развития России на период до 2030 года / Министерство образования и науки Российской Федерации. – http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf
2. НТИ Востребованные технологические компетенции / РВК. – https://www.rusventure.ru/ru/nti/nti-technology
3. Приоритетные группы технологий / НТИ. – http://www.nti.one/technology.php
4. Публичный аналитический доклад по научно-технологическому направлению «Биомедицина» / Минздрав России. – https://reestr.extech.ru/docs/analytic/reports/medicine.pdf
5. Da Vinci (робот-хирург) // Wikipedia. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Da_Vinci
6. Сапожников П. Оборудование высшей категории // Известия. – М, 2015. – 20 февраля. – http://izvestia.ru/news/583285
7. Зинов В.Г. Анализ ключевых проблем создания высокотехнологичных компаний российского базирования // Экономика науки. 2016. – Т. 2, № 3. – С. 213–223.
8. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 598 О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения // Российская газета – Столичный выпуск. – М., 2012. – № 5775 (102).
9. Письмо Минздрава России в Правительство РФ от 30 октября 2014 г. № 27 – 4/10/1-5800 / Минздрав России.
10. Атрощенко А.О., Поздняков С.В. История развития роботизированной хирургии и ее место в современной колопроктологии: обзор литературы // Злокачественные опухоли. – М., 2014. № 1 (8). – С. 3–13.
11. Краснопольская И. Обогнать Да Винчи // Российская газета – Федеральный выпуск. – М., 2013. – № 6115 (139). – https://rg.ru/2013/06/28/pushkar.html
12. Пакшин О. Российский робот делает сложные хирургические операции // Вести. – М., 2016. – 9 февраля. – http://www.vesti.ru/videos/show/vid/670418/#
13. Российский робот превзошёл Da Vinci / Информационное агентство REGNUM, 12.02.2016. – https://regnum.ru/news/innovatio/2077485.html
14. Экспертно-аналитический отчет «Потенциал российских инноваций на рынке систем автоматизации и робототехники» / РВК. – http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/Otchet_robot-FINAL%20291014.pdf
15. Medical Robotic Systems Market (Surgical Robots, Non-Invasive Radiosurgery Robotic Systems, Prosthetics and Exoskeletons, Assistive and Rehabilitation Robots, Non-Medical Robotics in Hospitals and Emergency Response Robotic Systems) – Global Industry Analysis, Size, Share, Growth, Trends and Forecast 2012–2018 / Transparency Market Research. – http://www.transparencymarketresearch.com/medical-robotic-systems.html
16. Could Titan Medical Storm The Robotic Surgery Market? / Alpha Deal Group LLC, 27.03.2014. – http://alphanow.thomsonreuters.com/2014/03/titan-storm-robotic-surgery-market/#
17. РФПИ инвестирует в медицинскую робототехнику России / РФПИ. – http://rdif.ru/fullnews/1724

Курицын Е.В.,
Матвиенко Д.А.,
Тарасьян К.Г.
студенты Российского экономического университета

IDEF14. МЕТОД ПРОЕКТИРОВАНИЯ СЕТЕЙ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Ключевые слова: *проектирование, методология, моделирование, модель очередей, модель надежности, модель стоимости, сеть, подсеть, узел, топология, связь, протокол, маршрутизатор, концентратор, сервер.*

Keywords*: designing, methodology, modeling, queuing theory, reliability analysis, cost analysis, network, subnetwork, node, topology, link, protocol, router, hub, server.*

Сетевые каналы связи позволяют информации быть легко доступной в различных филиалах предприятия. Компьютерные сети являются неотъемлемой частью информационной инфраструктуры предприятия. Они формируют благоприятные технологии для новых парадигм корпоративных вычислений, таких как клиент-сервер, рабочий процесс, хранение информации и электронная коммерция. Корпоративная интеграция информации стала более важной для современного предприятия. Компьютерная сеть предприятия должна поддерживать высокий уровень качества, точности, эффективности и своевременности распространения информации.

Как и любой другой компонент предприятия, компьютерная сеть подвергается постоянным изменениям. Эти изменения вызваны двумя факторами:

– Требования инструментов, которые поддерживают изменения компьютерных сетей;

– Быстрое развитие сетевых технологий. Компьютерные сети становятся все более эффективными, надежными, выгодными, в результате чего необходимо постоянно подвергать изменениям компьютерную сеть на предприятии.

Основные задачи, которые решаются с помощью сетевого метода:

1. Минимизация стоимости проектируемой сети;
2. Максимально выгодное соотношение затрат и производительности (получение максимальной отдачи от инвестиций);
3. Достижение максимального качества обслуживания (снизить время, затрачиваемое на обработку запросов);
4. Обеспечение максимальной надежности сети;
5. Максимизация прибыли предприятия;
6. Максимизация возможности роста сети (дальнейшее развитие и расширение компьютерной сети);
7. Увеличение производительности труда предприятия.

Хорошо разработанная сеть должна соответствовать большинству из названных целей. Кроме того, у различных предприятий свои приоритетные цели. Например, максимизация надежности является ключевой задачей в проектирование военной сети.

Ниже приведены входные данные и ограничения в процессе проектирования сети:

1. Размещение заявок на услуги;
2. Функциональные возможности или услуги, которые будут рассмотрены;
3. Выбор сетевой архитектуры; доступность услуг для указанной сети;
4. Информация о стоимости и тарифах сетевых компонентов и услуг.

Существует потребность в формальном методе для обработки вышеуказанных входных данных для того, чтобы проектировать компьютерные сети. Метод должен поддерживать как создание альтернативных проектов, так и возможность получения различных показателей качества проекта. Таким образом, чтобы получить должный конечный результат спроектированной сети и учесть все вышеуказанные цели, нужно использовать метод проектирования компьютерных сетей IDEF14, который с лёгкостью справляется с поставленными задачами.

Метод IDEF14 использует процессы, которые собирают данные, производят оценку, поддерживают множественный дизайн, создают предварительный макет и принимают решения по выбору окончательного макета для будущей проектируемой сети. Процессы включают в себя проектирование и моделирование «AS-IS[1]» сети. Происходит разделение нагрузок при разработке «TO-BE[2]» сетевых проектов, а также при их дальнейшей поддержке и формализации. Для каждой альтернативы выполняются многогранные анализы, и проектируется дизайн. Способ также предусматривает развитие и расширение библиотеки сетевых технологий описания, состоящих из самых современных компьютерных технологий и сетей связи. IDEF14, таким образом, предназначен для использования инструментов моде-

[1] AS-IS – модель «как есть», модель существующего состояния организации.

[2] TO-BE – модель «как должно быть», модель, созданная на основе AS IS, с выявленными и устраненными недостатками в существующей организации.

лирования совместно с сетью путем оказания помощи в разработке сетевой архитектуры, которая затем может быть проверена и проанализирована с использованием различных технологий.

Цели сетевого проектирования

У большинства предприятий есть сеть, которая усиливается и изменяется с течением времени. Компании редко заменяют все компьютерные сети, как правило, существующая сеть усиливается, или заменяется какая-то её часть. Следовательно, важно иметь возможность подключать новые компьютеры к существующей сети. Это предполагает возможность представлять существующую компоновку сети и характеристики существующих сетевых компонентов.

Для поддержки «TO-BE» сети, метод должен иметь возможность предоставлять требования к сети и технологии, доступные для каждого компонента, или сообщения от сетевой службы. Они включают в себя технические характеристики, которые необходимы для получения анализа общего макета. Также требуется предоставление списка затрат и тарифов на оказание услуг. IDEF14 решает проблемы, связанные с проектированием сети.

Спецификация макета, декомпозиции и топологии сети

Сеть может быть смоделирована на любом уровне детализации. На первом уровне детализации созданная сеть – это один узел. Затем этот узел может быть разложен в соответствии с уровнем детализации, скажем по географическому распределению в разных городах. Каждый узел может дополнительно разделяться, пока не достигнет точки, где дальнейшее разделение невозможно. Компьютерные сети, как правило, классифицируются как локальные вычислительные сети (LAN), городские сети (MAN) и глобальные сети (WAN). IDEF14 должны иметь возможность представлять топологию сети на различных уровнях рассмотрения. Например, IDEF14 должен иметь возможность представлять топологию сети предприятия, которое расположено в нескольких географических точках. В то же время, он должен представлять часть сети в пределах города, здания и даже комнаты.

IDEF14 должны иметь возможность представлять как регулярные, так и нерегулярные топологии на любом уровне разложения. Регулярные топологии обычно используются в LAN и MAN сетях.

Объем работы и качества обслуживания. Спецификация

Характеристики нагрузки сети представлены в виде запросов к сети. Качество обслуживания предоставляет минимальные требования к запросам. Примеры качества обслуживания:

1. Среднее время отклика должно быть не более 2-х секунд;
2. Вероятность блокировки должна быть не более 0,005.

Поведение сетевых элементов

Таковы качественные характеристики сетевого компонента. Ниже приведены примеры поведения сетевого элемента:

1. Маршрутизация трафика по альтернативным маршрутам;
2. Организация очередей в различных узлах;
3. Протоколы доступа для каналов множественного доступа.

Характеристики сетевых элементов

Примеры количественных характеристик компонента сети включают в себя:

1. Интенсивность отказов моста;
2. Максимальную пропускную способность шины или канала точка-точка;
3. Количество портов в концентраторе или мосте.

Стоимость и тарифы

Метод IDEF14 должен иметь возможность предоставлять информацию о расходах, в том числе фиксированной и переменной стоимости каждого компонента сети. Поскольку корпоративная сеть представляет собой комбинацию частных элементов и общественных услуг, тарифы потенциальных услуг также должны быть представлены.

Языки для IDEF14

Компьютерные сети традиционно были смоделированы в виде графиков. Большинство аспектов компьютерных сетей, связанных с топологией и надежностью, обладают графом теоретического базиса. Хотя очевидно, что методы проектирования сетей имеют графический язык, существует необходимость для представления и манипулирования ограничениями, которые существуют в компьютерных сетях. IDEF14 должны решать этот вопрос.

IDEF14 Продукты

Продукт IDEF14, т.е. спроектированные сети, выражается в виде конфигурации сетевых компонентов и их параметров (протоколов, пропускной способности и т.д.), а также и других конструкций (т.е. моделей очередей, надежности и стоимости).

Пользователи и основные выгоды IDEF14

Есть несколько типов людей, которые задействованы в методологии IDEF14:

1. *Руководители* несут полную ответственность за санкционирование изменений в сети. Метод поможет менеджерам понять требования и оценить альтернативы решения, их расчетные характеристики и затраты. Кроме того, проект обоснованных компонентов IDEF14 метода поможет менеджерам понять целесообразность создания сети.

2. *Модераторы* ответственны за генерацию «AS-IS» модели предприятия. Модераторы, как правило, устанавливают разделения по управлению сетью предприятия. Модераторы являются экспертами в использовании метода IDEF14, и отвечают за создание необходимых моделей и выполнение анализа существующей сети.

3. *Проектировщики* отвечают за определение и оценку альтернатив решению относительно дизайна новой компьютерной сети. Они являются членами команды разработчиков, которые создают план внедрения новой компьютерной сети. Сетевые дизайнеры являются экспертами в использовании метода IDEF14. Они должны проанализировать требования, разработать альтернативные решения, оценить альтернативные решения с точки зрения производительности и стоимости, составить документ по обоснованию выбранного дизайна, и, наконец, выбрать или порекомендовать наиболее подходящий дизайн для реализации.

4. *Обозреватели* несут ответственность за рассмотрение «AS-IS» сетевой модели, созданной модераторами. Они помогают модераторам поддерживать согласованность между существующей сетью и моделью новой сети.

5. *Исполнители* несут ответственность за реализацию сети. Они являются членами проектной команды, которые участвуют в физической реализации системы. Они обязаны подготовить проект для реализации, участвовать в приобретении и монтаже различных компонентов и услуг, протестировать новую сеть, и убедиться, что требования были выполнены.

Выгоды

IDEF14 включает в себя создание моделей, изображенных на рисунке 1. Модель конфигурации сети является графической моделью, которая отражает топологию, конфигурацию, спецификацию и атрибуты сетевых компонентов. Из этой модели вытекают модели очередей, надежности и стоимости. Эти три модели анализируются и используются в качестве вклада в процесс принятия решений выбора сети.

Ниже перечислены некоторые преимущества, которые IDEF14 предоставляет для моделирования и проектирования компьютерных сетей.

1. Метод IDEF14 помогает строить полезные модели сетевой конфигурации «AS-IS» сети. Модель конфигурации сети также дает другие модели анализируя «AS-IS» сеть;

2. Метод обеспечивает поддержку для получения надежности и стоимости модели альтернативных макетов сети (см. рис. 1). Эти модели анализируются и в дальнейшем активно используются в поддержке принятия решений.

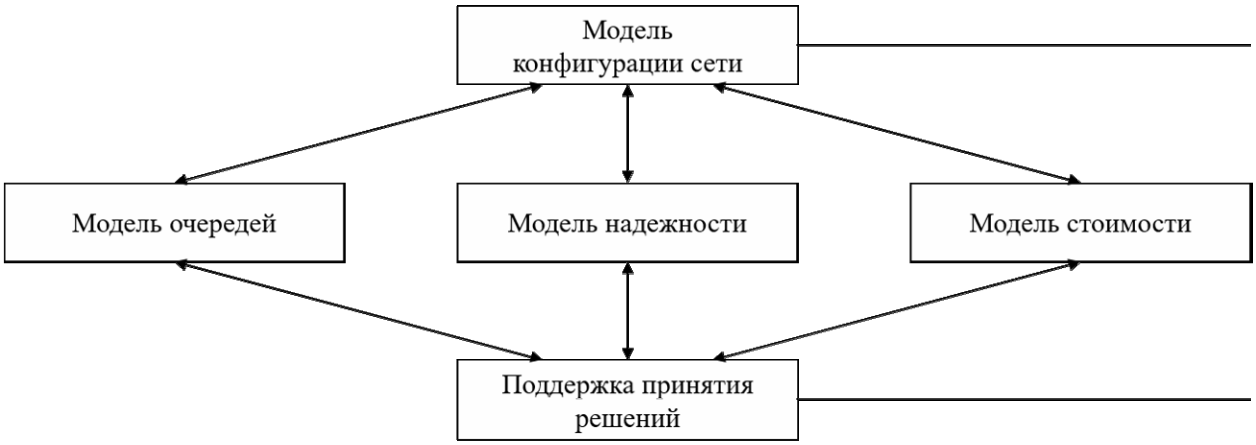


Рисунок 1.
Основные модели IDEF14

Основные понятия

Понимание основных концепций IDEF14 является необходимым для эффективного применения процедурных и языковых компонентов метода проектирования:

Таблица 1

Основные понятия IDEF14

Узел	Подсеть
Связь	Топология
Нагрузка	Протокол
Модель очередей	Модель надежности
Качество обслуживания	Модель стоимости
Поддержка принятия решений	Модель представления
Сетевые ограничения	Библиотеки компонентов

Узел

Узел в методе IDEF14 представляет собой аппаратное устройство, которое является частью сети. Примером могут служить персональные компьютеры, файловые серверы, рабочие станции, мейнфреймы, терминалы, маршрутизаторы, мосты, повторители, шлюзы, коммутаторы, терминалы с очень малой апертуры (VSAT), или любое другое аппаратное устройство, подключенное к сети. Все типы узлов имеют общие атрибуты. Например, имя должно быть выделено каждому узлу, независимо от его типа. Но есть признаки, которые относятся только к определённым узлам.

Подсеть

Сеть может быть разделена на одну или несколько подсетей. Есть два типа подсетей, которые должны быть смоделированы в IDEF14:

1. Сети или подсети предприятия, которые можно разделить. Например, глобальное предприятие может иметь сети в разных странах. Сети, соответствующие каждой стране, образуют подсеть на самом высоком уровне моделирования.
2. Сети или части сетей, которые являются государственными или являются служебными. Такие подсети не разделяются.

Топология

Большинство современных LAN и MAN сетей имеют фиксированную топологию, вокруг которой сконфигурированы компьютеры. Концепция топологии в IDEF14 предназначена для представления стандартных топологий для LAN и MAN сетей. Пример таких топологий: звезда, шина, кольцо, кольца с «маркерным доступом» и т.д. Атрибуты топологии являются доступом к среде (будь то витая пара, или коаксиальный кабель, или волоконно-оптический кабель), и максимальной пропускной способностью среды.

Связь

В IDEF14, связь представляет собой средство коммуникации точка-точка, по которой происходит передача данных и голоса. Примеры таких связей: витая пара, беспроводная связь, спутниковый канал, T1 и дробные линии T1, коаксиальный кабель, волоконно-оптические линии связи и т.д. В качестве примера, общим атрибутом всех звеньев является максимальная пропускная способность.

Протокол

Эта концепция соответствует уровню канальному уровню модели OSI. Протокол является особенностью линии или локальной сети. Примеры протоколов для локальных сетей включают в себя IEEE 802.3 CSMA/CD протокол и IEEE 802.4 Token Bus протокол, которые работают на топологии шина. В случае канала точка-точка, оба узла должны запустить протокол связи. В случае локальной сети, все узлы, подключенные к локальной сети, должны работать по протоколу локальной сети.

Нагрузка

Для сетей передачи данных, нагрузка атрибутов, как правило, являются числом пакетов, генерируемых или передаваемых в секунду. Рабочая нагрузка может дополнительно разделяться на классы. В качестве примера, IP-пакеты, генерируемые компьютером, могут быть дополнительно классифицированы, как TCP, UDP, IGMP и т.д. В качестве другого примера, трафик, генерируемый компьютером на FDDI (Fiber Distributed Data Interface) LAN должны быть классифицированы как синхронный или асинхронный. Атрибуты рабочей нагрузки должны быть определены для каждого из классов, которые содержат всю нагрузку. Поскольку нагрузка меняется в течение дня, необходимо указать рабочую нагрузку в зависимости от времени суток. Это может быть определено как средний объем работы в течение первого часа (12:00 – 1:00), второго часа и т.д. Зачастую, нагрузка должна быть указана в пределах временного интервала. В этом случае интервал времени становится частью спецификации рабочей нагрузки.

Модель очередей

Модель очередей используется для анализа производительности компьютерных сетей. Типичными показателями эффективности являются:

1. Сквозная задержка. Эта мера, в свою очередь, используется для получения среднего времени обработки запроса.
2. Сквозная задержка пропускной способности.
3. Блокировка. Это мера отсутствия необходимого ресурса или услуги.
4. Потеря данных. Это применимо в отношении широкополосных сетей. Примеры потери данных включают потери кадров в ретрансляции кадров, а также в блоках данных протокола и потери в коммутируемых Switched Multimegabit Data Service сетях.

Анализ помогает выбрать наиболее целесообразный дизайн среди различных альтернатив. Анализ моделей очередей компьютерных и коммуникационных сетей хорошо обоснован. Теории очередей используются для захвата качественных и количественных аспектов каждого компонента сети, которые необходимы в организации. Это включает в себя следующее:

1. Уточнение различных классов пакетов. Например, в банкомате сеть имеет четыре различных класса услуг. Ячейка, поступающая на коммутатор банкомата, принадлежит к одному из четырех классов.
2. Для каждого класса обслуживания, скорость прибытия пакетов, ячеек и кадров является частью нагрузки характеристики узлов, которые генерируют трафик.
3. Для каждого класса обслуживания, распределение при получении пакетов, ячеек и кадров является частью нагрузки характеристики узлов, которые генерируют трафик.
4. Дисциплина организации очередей (приоритет, первый пришел –первый обслужен, и т.д.).
5. Распределение обслуживания в каждой сети.
6. Максимальная длина очереди. Это связано с максимальным пространством буфера и средней длиной пакетов.

Модель надежности

Анализ надежности производится для того, чтобы анализировать производительность компьютерных сетей. Основные показатели эффективности:

Надежность двух терминалов. Это вероятность того, что существует маршрут между двумя любыми узлами сети.

Надежность всех терминалов. Это вероятность того, что для каждой пары узлов в сети, будет существовать маршрут.

Надежность k-терминалов. Это вероятность того, что при $k > 2$ указанных узлов сети существует маршрут между любыми двумя из k указанных узлов.

В целом надежность сети повышается за счет использования улучшенных и избыточных компонентов вдоль критических маршрутов сети. Так как эти решения являются очень затратными, то анализ надежности необходим в поддержке принятия решений выбора макета. Возможность метода IDEF14 в поддержке анализа надежности сети осуществляется за счет сбора качественных и количественных признаков различных составных частей сети, которые необходимы для анализа надежности. В качестве примера можно привести вероятность отказа и наработки на отказ для каждого компонента сети.

Качество обслуживания

IDEF14 обеспечивает поддержку с указанием качества обслуживания. Качество обслуживания может быть задано компонентом, подсетью или всем сетевым уровнем. Качество обслуживания можно связать с производительностью сети (задержка от одной точки до другой не должна превышать 10 секунд) или надежностью сети (надежность двух терминалов между точкой А и точкой В должна быть по меньшей мере равна 0,995).

Модель стоимости

Модель стоимости является неотъемлемой частью процесса принятия решений по проектированию сетей. Для составления модели стоимости нужно учитывать качество и количество различных компонентов сети. В качестве примера можно привести расходы на техническое обслуживание, предполагаемый срок службы оборудования и так далее.

Поддержка принятия решений

IDEF14 позволяет разработчикам сети использовать альтернативные виды проектирования сетей с различными характеристиками. Таким образом, необходимо осуществлять поддержку процесса выбора для дальнейшей реализации сети. Поддержка принятия решений должна включать в себя, по меньшей мере, механизм, который сможет отображать результаты анализа по надежности сети, модели стоимости и модели очереди по каждому типу сетей. Разра-

ботчик сети должен иметь наглядное представление о производительности, надежности и стоимости сети для того, чтобы он смог выбрать из всех возможных вариантов наилучший.

Модель представления

Модель представления способствует приобретению знаний о проектируемой сети, её представлении, а также совершению манипуляций конструируемой сети. Простыми словами, модель представления позволяет представить проектируемую сеть так, как её видит разработчик сети. Модель представления должна охватывать все этапы развития IDEF14, от первоначального замысла до детального проектирования и окончательного выбора разработчика сети.

Сетевые ограничения

При проектировании сети должны соблюдаться ограничения, которые существуют в компьютерных сетях. Например, поставщик услуг предоставляет услуги по ретрансляции кадров исключительно по линиям T1 (дуплексные цифровые каналы), а не по волоконно-оптической связи.

Библиотеки компонентов

Компьютеры и коммуникационные технологии так быстро развиваются, что необходимо обновлять и добавлять новые технологии в методологию IDEF14. Очень важно иметь библиотеки для различных концепций метода IDEF14. Каждый компонент библиотеки будет содержать образцы концепций, которые хорошо изучены и широко распространены.

Также пользователи могут добавлять свои новые образцы для каждой библиотеки. Например, пользователь может добавить в библиотеку новую топологию сети к уже ранее известным.

Процесс разработки

Существует всего три сценария для проектирования сети, где методология IDEF14 будет оправдана:

1. Модернизация существующей корпоративной сети.
2. Построение «AS-IS» модели сети предприятия.
3. Проектирование сети с нуля.

Проектирование сети – это эволюционный процесс, с помощью которого существующие сети подвергаются моделированию, сбору требований, оценке, проверке, документированию и утверждению. В общем, в методологии IDEF14 применяются следующие мероприятия, необходимые для проектирования сетей:

– *Сбор* – приобретение знаний о существующих сетевых компонентах, технологиях и их требований.

– *Классификация* – разделение сетевых концепций на категории, такие как типы узлов, связей, топологий и элементов.

– *Гипотеза* – выдвижение предварительных условий проекта сети из приобретенных ранее данных и доказательств.

– *Проверка* – достоверность того, что «AS-IS» модель верна и сетевые ограничения в проекте были учтены.

– *Анализ* – построение модели очередей, надежности, стоимости, анализ и проверка этих моделей.

– *Оспаривание* – привлечение экспертов различных областей для проверки выводов, сделанных разработчиками сети.

– *Утверждение* – фильтрация, улучшение, настройка и добавление различных деталей к проекту сети.

Графический язык IDEF14

Все общепринятые узлы, такие как персональные компьютеры, файловые серверы, терминалы, коммутаторы, концентраторы, мейнфреймы, шлюзы и другие, обозначаются предварительно предопределенными иконками. В том случае, когда пользователю необходимо использовать какое-либо устройство, у которого нет предопределенной иконки для отображения на схеме, он вправе указать свою иконку для представления нового узла.

В IDEF14, подсеть изображается как облако. Любые подсети могут представляться в виде модели декомпозиции. Например, у крупного предприятие имеются локальные сети в различных странах, и каждая такая подсеть определенного города может быть декомпозирована и представлена в более простой и детальной форме.

Что касается связей в модели IDEF14, то как и в случае с новыми узлами сети, пользователь вправе указать свой тип связи, если есть в этом необходимость. На рис. 2 изображены ключевые элементы графического языка методологии IDEF14.

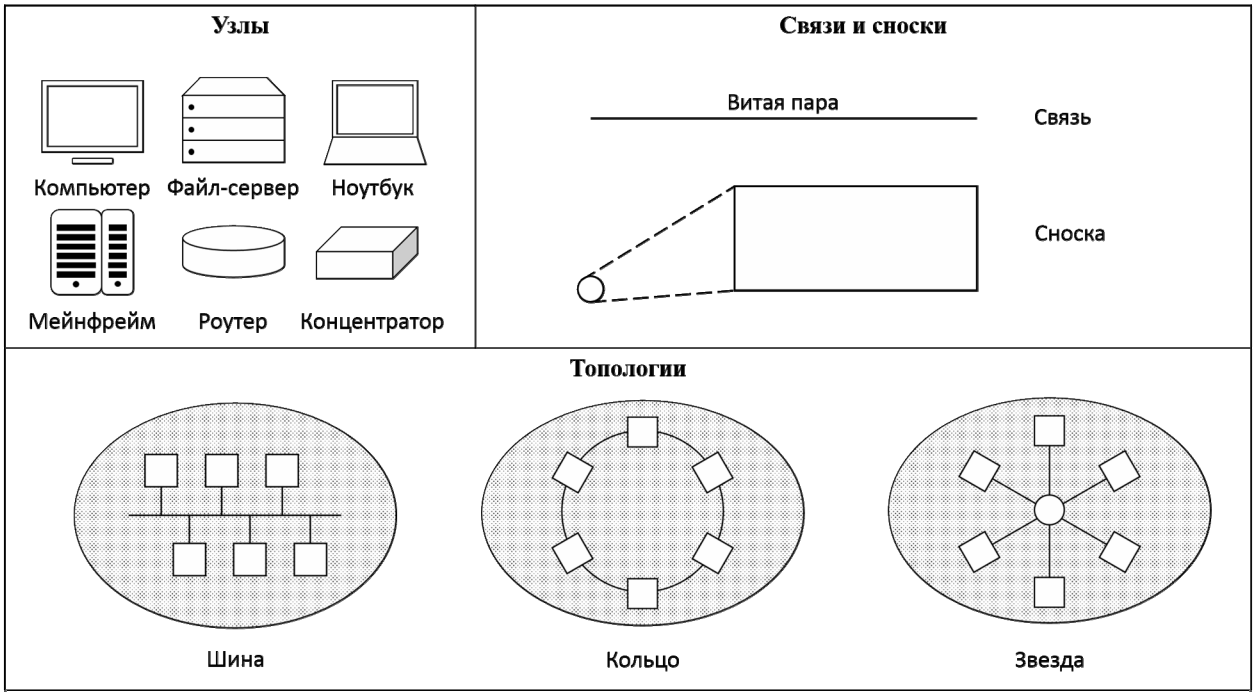


Рисунок 2.
Основные элементы графического языка IDEF14

На рисунке 3 изображен пример графического языка моделирования сетей. По данному рисунку понятно, что офисы компании находятся в двух городах: Санкт-Петербург и Москва. В Санкт-Петербурге локальная вычислительная сеть, которой присвоено имя LAN1, имеет топологию сети типа шина. Рабочая нагрузка четвертого компьютера в этой локальной сети указана в прямоугольном блоке. В Москве у компании имеется три сети: LAN2 – кольцевая топология, LAN3 – топология типа звезда, LAN4 – шинная топология. Характеристики локальной сети с топологией звезда указаны в прямоугольной сноске. Локальная вычислительная сеть под номером два представляет из себя волоконно-оптический распределенный интерфейс передачи данных с двумя циклами, которая подключена к LAN3 и LAN4 через Router3 и Router4 соответственно. Подсети Санкт-Петербурга и Москвы связаны службой ретрансляции кадров. Подсеть Санкт-Петербурга подключается к облаку ретрансляции кадров по Router1 с пропускной способностью 256 килобит в секунду, в то время как подсеть Москвы подключается по линии T1 через Router2.

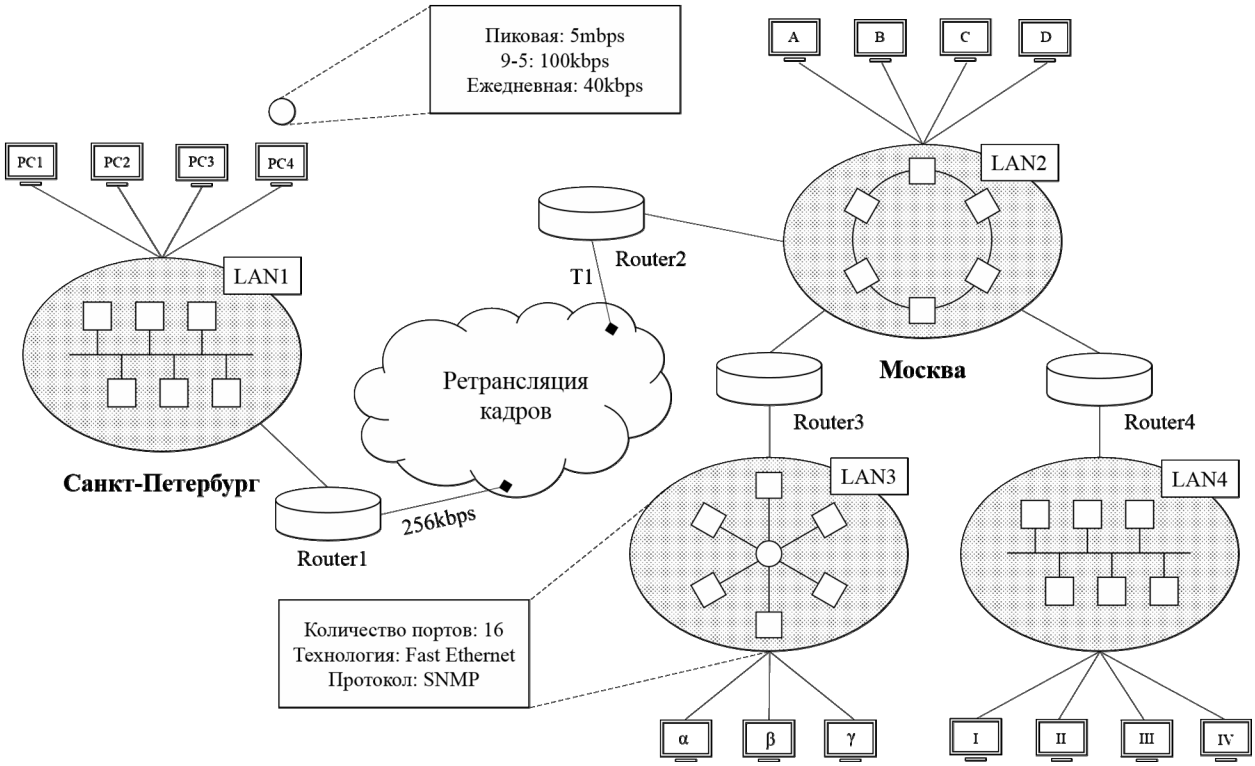


Рисунок 2.
Пример графического языка IDEF14

Список литературы

1. Colbourn J. The Combinatorics of Network Reliability. The International Series of Monographs in Computer Science. – N.Y.: Oxford University Press. 1987.
2. Kleinrock L. Queuing Systems. – Vol. 1: Theory. – N.Y.: John Wiley & Sons. 1975.
3. Kleinrock L. Queuing Systems. – Vol. 2: Computer Applications. – N.Y.: John Wiley & Sons. 1976.
4. Knowledge Based Systems Inc. IDEF5 Method Report. Wright Patterson Air Force Base, OH: AL/HRGA. 1994.
5. Mayer R. J. Knowledge-Based Integrated Information Systems Development Methodologies Plan. – Vol. 2 (DTIC-A195851). 1987.
6. Mayer R. J. The IDEF3 Process Description Capture Method. Report. Wright-Patterson Air Force Base, OH: AL/HRGA. 1992.
7. Minoli D. Telecommunications Technology Handbook. – Norwood: Artech House, 1991.
8. Minoli D. Broadband Network Analysis and Design. – Norwood: Artech House, 1993.
9. Minoli D. Distributed Multimedia Through Broadband Communication Services. – Norwood: Artech House, 1993.
10. Minoli D. 1st, 2nd, & Next Generation LANs. McGraw-Hill Series on Computer Communications. – N.Y.: McGraw Hill, 1993.
11. Newnan D. G. Engineering Economics Analysis. – San Jose: Engineering Press, 1980.
12. Riggs J. L. Engineering Economics. – N.Y.: McGraw-Hill, 1982.
13. Zachman J. A Framework for Information Systems // IBM Systems Journal. 1987. – Vol. 26, N 3. – P 276–292.

Ларионова Е.И.
к.э.н., с.н.с., профессор Финансового университета
Мотова М.А.
к.э.н., в.н.с Института промышленной политики и институционального развития Финансового университета
Чинаева Т.И.
к.э.н., доцент Финансового университета

ИНВЕСТИЦИИ В ИННОВАЦИИ: СТОИТ ЛИ ОЖИДАТЬ ПОЗИТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ[1]?

Ключевые слова: *инвестиции; инновационная деятельность, технологические инновации, инновационная активность, затраты на технологические инновации по видам инновационной деятельности.*

Keywords: *investment; innovation activity, technological innovations, innovative activity, expenditure on technological innovation by innovative activity.*

В статистике инвестиций большое внимание уделяется анализу инвестиций в основной капитал в связи с его значительным удельным весом в составе инвестиций в нефинансовые активы. Состояние основных фондов зависит от величины инвестиций, направленных на их обновление.

На основании данных Росстата об объеме инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности очевидно, что в 2010 г. наибольшую инвестиционную привлекательность представляли такие виды деятельности как: транспорт (25,5%), операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (17,9%), добыча полезных ископаемых (13,8%), обрабатывающие производства (13,2%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (9,0%)[2,3,4].

В 2012–2013 гг. объем инвестиций в основной капитал, направленный в добычу полезных ископаемых был практически без изменений (14,8 и 14,9% соответственно), вложения в обрабатывающие производства увеличились с 13,4 до 14,4%, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг с 15,8 до 16,3% соответственно. В 2011 г. объем инвестиций в основной капитал в такой вид деятельности как транспорт и связь составлял 28,2%, что составило 3107,7 млрд. рублей. Затем наметилась тенденция к снижению объема вложений: 26,4% в 2012 г., 24,5% в 2013 г., 21,4% в 2014 г.

В 2015 году значительный объем инвестиций в основной капитал (80,4%) был по-прежнему направлен на развитие следующих видов деятельности: транспорт и связь (21,4%), добыча полезных ископаемых (18,5%), операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (18,0%) обрабатывающие производства (15,7%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (6,8%). По сравнению с 2014 г. возрос объем инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах) в химическое производство (на 16,8%), производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (на 14,9%), добычу полезных ископаемых (на 12,5%), оптовую и розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (на 6,7%); сократился объем инвестиций в текстильное и швейное производство (на 41,8%), рыболовство (на 36,2%), производство кожи, изделий из кожи и производство обуви (на 30,0%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (на 27,3%), образование (на 15,8%), здравоохранение и предоставление социальных услуг (на 20,5%), предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (на 15,3%)[5].

Очевидно, активность осуществления финансовых инвестиций в различные сектора промышленного производства и сферы услуг напрямую связана с тем, какова доходность, или иначе говоря, какова прибыль от финансовых вложений в процентах ко всем финансовым вложениям. Данные о динамике показателя доходности финансовых вложений, рассчитанные по бухгалтерской отчетности, имеются в материалах Росстата.

Как видно из табл. 1, при среднем по экономике уровне доходности финансовых инвестиций по итогам 2014 г. равном 6,7%, отдельные виды экономической деятельности демонстрируют более высокий уровень этого показателя. Так в лидерах добыча полезных ископаемых, кроме топливных, химическое производство, производство кокса и нефтепродуктов. Кроме того, в пятерке лидеров производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования и металлургия.

---

[1] Статья написана в рамках реализации общеуниверситетской комплексной темы «Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений».

[2] Инвестиции в России. 2015. Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 190 с.

[3] Финансы России. 2016. Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 343 с.

[4] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial

[5] Ibid.

Таблица 1

Распределение видов экономической деятельности по показателю доходности инвестиций[1]

По величине доходности в 2014 г. (%)	По росту доходности за период 2005–2014гг. (проц. пункты)
Лидеры	
Добыча полезных ископаемых, кроме энергетических (18,1)	Добыча полезных ископаемых, кроме энергетических (14,3)
Химическое производство (12,6)	Химическое производство (9,8)
Производство кокса и нефтепродуктов (10,3)	Производство кокса и нефтепродуктов (9,0)
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (9,4)	Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (6,2)
Металлургическое производство и производство готовых металлоизделий (9,3)	Металлургическое производство и производство готовых металл изделий (5,5)
Аутсайдеры	
Производство кожи, изделий из кожи и обуви (2,2)	Производство кожи, изделий из кожи и обуви (-1,1)
Образование (3,8)	Образование (-0,5)
Операции с недвижимым имуществом (4,2)	Производство пищевой продукции, включая напитки, и табака (1,6)
Производство машин и оборудования (4,8)	Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность (1,7)
Здравоохранение и предоставление социальных услуг (4,9)	Производство машин и оборудования (1,9)

В пятерку аутсайдеров со значениями доходности финансовых инвестиций значительно ниже среднего уровня наряду с производством кожи и кожаных изделий, что не противоречит логике, попали такие виды деятельности, как операции с недвижимым имуществом и, к сожалению, образование и машиностроение.

Если рассматривать показатель доходности инвестиций, достигнутый в 2014 г. совместно с показателем его роста (или снижения) за период 2005–2014 гг., то можно отметить, что пятерка лидеров по абсолютным значениям совпадает с таковой по темпам роста. Что касается аутсайдеров, то по обоим критериям к ним можно отнести обработку кожи, образование и машиностроение. Анализ информации о доходности[2], помимо прочего должен служить ориентиром для формирования пакетов инвестиций в ту или иную отрасль. Однако если данные о ее фактическом состоянии можно почерпнуть из данных Росстата, то, к сожалению, подобная информация на ближайшую, а тем более на отдаленную перспективу отсутствует.

В настоящее время успешная деятельность организаций в значительной степени основана на инвестициях в инновации. Низкие инвестиционные возможности, как правило, ограничивают и возможности инновационного роста. Сложившаяся в последнее время неблагоприятная макроэкономическая ситуация отрицательно влияет на инвестиционную деятельность в стране. Согласно данным Росстата в структуре источников финансирования удельный вес собственных средств предприятий и организаций в 2015 г. составил 50,2%. Начиная с 2010 г. инвестиции в основной капитал все в большей степени осуществляются за счет данного вида источника финансирования, однако именно в 2015 г. их удельный вес превысил 50%.

Что касается распространенных надежд на иностранные инвестиции, то они весьма незначительны. Кроме того, как показывает практика, иностранные инвесторы не горят желанием заниматься модернизацией и подъемом обрабатывающей промышленности, тем более передавать высокие технологии – свыше 65% всех капиталов устремляются в нефтегазовый комплекс, металлургию, нефтехимию, оптово-розничную торговлю, финансовый сектор и на рынок недвижимости[3].

Одним из важнейших показателей, характеризующих инновационную деятельность, в том числе в промышленности, являются затраты на технологические инновации. В целом значение показателя характеризуется скачкообразной динамикой, темпы их прироста в отдельные годы достигали 30 и более процентов (в сопоставимых ценах), в то время как ряд лет характеризовался существенным их снижением.

Так, за период 1995–2008 гг. затраты на технологические инновации в постоянных ценах удвоились, рост наблюдался как в высоко-, так и в среднетехнологичных секторах. «Тем не менее, абсолютный объем таких инвестиций составил всего 276,3 млрд. рублей. Это в 1,6 раза меньше суммарных вложений в исследования и разработки в России, и разрыв сохраняется (в 1995 г. он также составлял 1,6 раза), что служит косвенным свидетельством низкого уровня использования отечественного научного потенциала в реальном секторе экономики»[4].

Период 2011–2014 гг. в целом характеризовался стабильным ростом затрат на технологические инновации в промышленности. Прирост затрат на технологические инновации в промышленности в 2013г. по сравнению с уровнем предыдущего года составил в сопоставимых ценах 21,6%, в абсолютном выражении – 746,8 млрд. рублей. В 2014 г. затраты в текущих ценах увеличились на 102,1% по сравнению с предшествовавшим годом и составили 762,8 млрд. рублей.

---

[1] http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_56/IssWWW.exe/Stg/07-03.doc/

[2] Мотова М.А. К вопросу о доходности финансовых инвестиций // Повышение открытости отечественной статистики: материалы по итогам Международной научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику – Дню работника статистики. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016.

[3] Власкин Г.А. Государственное регулирование инновационной сферы: назревшие решения // Управленческие науки. 2015. – № 1. – С. 32–43.

[4] Кузнецова И.А., Городникова Н.В., Ратай Т.В., Гостева С.Ю., Грачева Г.А. Наука и инновации в условиях кризиса: статистический анализ // Вопросы статистики. – М., 2010. – № 8. – С. 3–20.

Значительные инвестиции в технологические инновации в промышленности в 2014 г. осуществлялись в организациях, относящихся к следующим видам деятельности: производство кокса и нефтепродуктов (27,5% от всех затрат на технологические инновации), производство транспортных средств и оборудования (10,2%), химическое производство (7,9%)[1].

В 2014 г. по сравнению с предшествовавшим годом возросли затраты на технологические инновация по таким видам экономической деятельности, как: производство пищевых продуктов, включая напитки и табак; добыча топливно-энергетических ископаемых; производство кокса и нефтепродуктов; металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; производство транспортных средств и оборудования

Прирост общей величины затрат на инновации в 2014 г., также как и в 2013 г., происходил в основном за счёт роста той их части, которая приходится на исследования и разработки. Частично это обстоятельство является следствием того, что в 2010-2011 гг. эта статья инновационных затрат резко упала в объеме.

Наиболее весомыми с точки зрения распределения затрат по видам инновационной деятельности были затраты на приобретение машин и оборудования, на исследования и разработки и на производственное проектирование. Их суммарная доля в общих затратах на инновационную деятельность в промышленности составила в 2014 г. 79,7%, что на 2,9% ниже уровня предыдущего года. В этой величине доля затрат, относящихся к приобретению машин и оборудования, по итогам 2014 г. достигает 47,2%. Удельный вес затрат на основную наукоемкую составную часть инновационной деятельности – исследования и разработки – 25,0%. И здесь отмечаются структурные изменения по сравнению с предыдущим годом в сторону повышения доли затрат, направленных на исследования и разработки, и снижения доли затрат, направленных на приобретение машин и оборудования.

Однако пока затраты на приобретение машин и оборудования остаются преобладающими в структуре затрат в распределении по видам инновационной деятельности, и аналогичная ситуация складывается и в большинстве видов деятельности, относящихся к промышленности. Имеются отрасли, где инновационная деятельность в 2014 г. была почти на 100% связана с закупкой машин и оборудования (табл. 2). Например, такие виды деятельности как: обработка древесины и производство изделий из дерева (96,9%) и целлюлозно-бумажная производство, издательская и полиграфическая деятельность (93,6%).

Таблица 2

Распределение затрат на технологические инновации в промышленности по отдельным видам инновационной и экономической деятельности – 2014 (проценты)[2]

Виды экономической деятельности	Удельный вес затрат (%)		
	исследования и разработки	производственное проектирование	приобретение машин и оборудования
Промышленное производство – всего	25,4	7,5	47,9
Добыча топливно-энергетических ископаемых	17,4	1,0	64,6
Добыча других полезных ископаемых	16,0	0,4	65,6
Производство пищевой продукции, включая напитки, и табака	8,0	13,9	63,7
Текстильное и швейное производство	10,6	6,2	22,5
Производство кожи, изделий из кожи и обуви	21,8	0,5	77,2
Обработка древесины и пр-во изделий из дерева	0,3	0,8	96,9
Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность	0,8	0,1	93,6
Производство кокса и нефтепродуктов	0,2	10,4	44,4
Химическое производство	8,6	3,8	32,7
Производство резиновых и пластмассовых изделий	13,9	3,3	68,0
Производство прочих неметаллических изделий	7,6	15,2	32,7
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	17,4	2,0	70,5
Производство машин и оборудования	36,2	19,2	32,8
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	44,3	11,4	30,7
Производство транспортных средств и оборудования	33,6	6,9	41,9
Прочие производства	52,1	5,2	30,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	38,2	10,5	40,3

Более 70% всех затрат эта статья занимает в производстве кожи, изделий из кожи и обуви, а также в металлургии. Соответственно в этих отраслях доля наукоемких видов инновационной деятельности невысока.

В большинстве остальных отраслей промышленности структура затрат по их видам не принципиально отличается от аналогичной структуры, которая сложилась в промышленности в целом. Положительным исключением может служить производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, где на долю наукоемких ви-

[1] Чинаева Т.И., Анализ основных показателей, характеризующих инновационную деятельность организаций по видам экономической деятельности // Друкеровский вестник. 2016. – № 5. – С. 108–119.

[2] Российский статистический ежегодник – 2009. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник – 2011. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник – 2013. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник – 2015. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm

дов инновационной деятельности приходилось в 2014 г. 44,3% затрат. Однако в 2013 г. эта доля была выше (55,2% затрат). Максимальное значение показателя наблюдалось в прочих производствах, где 82,8% затрат на технологические инновации приходится на наукоемкие составляющие, в том числе более 52,1 непосредственно на исследования и разработки.

В целом следует отметить, что инновационная деятельность находится в России на низком уровне, так за период 2005–2014 гг. удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем количестве предприятий, составлял 8-10%, что значительно меньше, чем в странах Европейского союза (в 2014 г. максимальное значение показателя в Германии – 55,0%, среднее по ЕС – 34,5%), Норвегии и Сербии (в 2014 г. – 31,2%). Более низкое значение показателя в 2014 г. наблюдалось только в Румынии – 6,3% [1].

Препятствием для перехода России к инновационной модели развития стало не только отсутствие соответствующих макроэкономических условий, но и попытка сформировать национальную инновационную систему в отрыве от промышленного сектора экономики, который подвергся масштабной деградации в 1990-е годы и потенциал которого до сих пор не восстановился даже до технологического уровня начала перестройки[2].

В настоящее время выбранный путь, направленный на достижение самодостаточности российского промышленного комплекса, основывается на инновационном развитии и развертывании процессов новой индустриализации. Освободившиеся в результате кризиса ниши и появившийся в результате «спрос на отечественную промышленную продукцию являются существенными факторами для развития российских инновационно активных компаний»[3]. Однако на практике воспользоваться этими возможностями, в условиях экономической нестабильности, не так-то просто, в первую очередь в силу того, что для внедрения инноваций предприятиям, как правило, необходимы дополнительные средства, доступ к которым затруднен в кризисных условиях.

Однако, как отмечает Г.А. Власкин[4], все эти усилия могут быть «сведены на нет», если не будет решен вопрос о перспективах финансирования научной и инновационной деятельности. Для того чтобы обеспечить процесс исследований и разработок в требуемом объеме, а также последующую их коммерциализацию, необходимы значительные финансовые ресурсы, причем на долгий срок, так как реализация цикла от научных исследований до производства — достаточно длительный и дорогостоящий процесс.

---

[1] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/

[2] Бодрунов С.Д. Реиндустриализация России – возможности и ограничения. Доклад на круглом столе в Вольном экономическом обществе России 08.12.2013 // Мир новой экономики. 2014. – № 1. – С. 11–27.

[3] Колчинская Е.Э, Исследование факторов роста обрабатывающей промышленности регионов в России // Материалы XVI апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества: кн.2 / Отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 56-63.

[4] Власкин Г.А. Государственное регулирование инновационной сферы: назревшие решения // Управленческие науки. 2015. – № 1. – С. 32–43.

Логинова Ю.В.
к.э.н., инженер, ЗАО «Рекурсив», г. Орел

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: *государственный сектор, информационное общество, инновации, взаимодействие с гражданами, электронное правительство.*
Keywords*: public sector, information society, innovation, interaction with citizens, e-government.*

Введение

Сильными драйверами перехода от индустриального общества к информационному обществу являются инновации в области информационных и телекоммуникационных технологий. С одной стороны, в современном информационном обществе инновации способствуют трансформации поведения граждан, что проявляется в том числе в изменении их требований к получению информации и способах коммуникации. С другой стороны, в условиях глобализации и развития единого информационного пространства изменения затрагивают различные сферы деятельности (коммерческую, социальную и др.), в том числе и административную[1].

Цель работы заключается в исследовании инновационной составляющей процессов взаимодействия с гражданами и их влияние на эффективность государства в условиях развития информационного общества.

Инновационная составляющая взаимодействия государства и граждан в современных условиях информационного общества

Важной составляющей проводимых административных реформ является повышение эффективности деятельности государственного аппарата в том числе на основе применения новых информационно-телекоммуникационных технологий. Выделяются следующие направления в преобразованиях:

– повышение эффективности работы государственного аппарата, в том числе в области предоставления гражданам более качественных государственных услуг;

– налаживание многосторонних связей между государством и гражданским обществом, стимулирование граждан в осуществлении управленческих функций общественных дел;

– увеличение прозрачности деятельности государства, повышение уровня демократизации общества[2].

В деятельности государства в условиях развития информационного общества выделяются несколько процессов, на которые инновации ориентированы в первую очередь. К ним относятся предоставление электронных государственных услуг, цифровая идентификация, межведомственное взаимодействие, упрощение организационных и административных процедур, предоставление вспомогательной онлайн помощи, участие граждан и бизнеса в процессе принятия решений[3].

В связи с этим инновации в предоставлении государственных и муниципальных направлены на решение следующих задач:

– сокращение времени и затрат, необходимых гражданам для получения услуг;

– улучшение качества услуг за счет использования новых инновационных решений;

– повышение уровня доверия и удовлетворенности граждан при получении услуг[4].

Экспертами выделяются три основных характеристики инноваций в государственном секторе:

1) новизна (инновации должны реализовываться как новые подходы по отношению к контексту, где они вводятся);

2) реализация (инновации должны быть практически внедрены, а не оставаться только на уровне идеи);

---

[1] Wirtz B., Daiser P. E-Government Strategy Process Instruments.Imprint.2015. p. 247; Авзалова Э. И. Интернет-коммуникации как формы гражданского влияния на принятие политико-управленческих решений России. Автореферат дисс. на соискание уч. степени к.полит.н. – Казань, 2015. – С. 23.

[2] Попов А. О. Информационно-коммуникационные технологии как фактор совершенствования государственного регулирования национальной экономики в условиях информационного общества. Автореферат дисс. на соискание уч. степени к.э.н.. – М., 2008. – С. 20.

[3] Cross-cutting strategy: Digital agenda of Albania 2015-2020. – http://www.inovacioni.gov.al/files/pages_files/Digital_Agenda_Strategy_2015_-_2020.pdf

[4] Там же.

3) воздействие (инновации должны быть направлены на улучшение результатов, включая эффективность, результативность и удовлетворенность)[1].

В государственном секторе выделяются следующие виды инноваций: сервисные инновации, процессные инновации, организационные и коммуникационные инновации[2]. Инновационные процессы в государственном секторе направлены на 5 групп взаимодействий:

– взаимодействие государственных служб с гражданами (G2C – government-to-citizen);

– взаимодействие между государством и коммерческими компаниями (G2B – government-to-business);

– взаимодействие государственных организаций и их сотрудников (G2E – government-to-employee);

– взаимодействие между различными государственными органами и уровнями государственного управления (G2G-government-to-government);

– взаимодействие с некоммерческими организациями (G2N – Government-to-NPO)[3].

В данной статье основное внимание уделяется взаимодействию государства и граждан. Взаимодействие граждан и государства может происходить в следующих основных формах:

– прием обращений граждан;

– предоставление государственных и муниципальных услуг;

– организация выборов и избирательной системы;

– организация участия граждан в принятии решений.

При развитии информационного общества государство становится ближе к своим гражданам и начинает использовать современные средства коммуникации и взаимодействия. Прием обращения граждан осуществляется как в традиционной форме (личное обращение, в письменном виде), так и в электронной форме, посредством электронной почты[4]. Также для оперативного взаимодействия населения с представителями органов власти разрабатываются различные порталы в сети Интернет (например, в Санкт-Петербурге существует портал «Наш Санкт-Петербург», в Москве – «Наша Москва»)[5]. Прорабатываются вопросы электронного голосования граждан[6]. В сфере предоставления государственных услуг населению осуществляется перевод многих услуг в электронную форму. Одним из направлений инноваций в области коммуникаций является применение социальных сетей.

Таблица 1

Наличие официальной страницы электронного государства в социальных сетях (на примере России и ряда стран Европы).

Страна	Facebook	Twitter	Instagram	Другие социальные сети
Франция	+	+	+	Linkedin, Dailymotion, Youtube, Tumblr, Snapchat
Германия	+	+	–	–
Австрия	+	+	–	–
Чехия	+	+	–	Linkedin, Plus.google
Россия	+	+	+	Vkontakte, Plus.google, Telegram, Odnoklassniki

По данным табл. 1 видно, что российское электронное правительство представлено в большинстве социальных сетей. При этом охват пользователей является невысоким, например, в популярной социальной сети «Вконтакте» он составляет менее 1% населения. Социальные сети определяются как одним из перспективных инструментов взаимодействия, их можно активно использовать для продвижения электронных государственных услуг, повышения прозрачности и доверия к правительству[7].

В государстве, ориентированном на граждан, важным является показатель удовлетворенности граждан различными формами взаимодействия с государством. Рассмотрим показатель эффективности правительства, используемый Всемирным банком. Данный показатель отражает восприятие качества государственных услуг населением, качество государственной службы и степень ее независимости от политического давления, качества выработки и реализации политики, а также убежденность в приверженности правительства к такой политике. Расчетный показатель дает оценку страны по совокупному показателю в диапазоне от –2,5 до 2,5[8].

На рис. 1 представлено сравнение показателя эффективности государства в России и странах-лидерах по уровню развития электронного правительства с 1996 года по 2015 год. С начала 2000-х годов наблюдается значительное повышение значения показателя эффективности государства. В это время происходит стремительное развитие инфор-

[1] Daglio M., Gerson D., Kitchen H. Building Organizational Capacity for Public Sector Innovation / Background Paper prepared for the OECD Conference «Innovating the Public Sector: from Ideas to Impact», Paris, 12–13 November 2014.

[2] Богдан Н.И. Инновации в государственном секторе: мировая практика и задачи Беларуси // Економіка знань, інноваційна економіка. 2015. – № 25. – С. 7–14.

[3] Wirtz B., Daiser P. E-Government Strategy Process Instruments. 2015. – P. 247; Внедрение электронного правительства как реализация принципа управления знаниями в организации. – http://www.rae.ru/monographs/84-2993

[4] Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

[5] http://gorod.mos.ru; http://gorod.gov.spb.ru

[6] Грачев М.Н. Электронное голосование: «за» и «против» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. – № 1. – С. 360–366.

[7] Roy D., Bharati V. Role of social media in e-Government // New man international journal of multidisciplinary studies. 2014. – N 1 (4). – P. 50–54.

[8] World Bank Open Data. – http://data.worldbank.org/

мационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет. В данный период начинают формироваться программы по развитию информационного общества и созданию электронного правительства на мировом уровне. Стоить отметить, что в России динамика показателя за рассматриваемый период сохраняется на уровне от –0,5 до 0, что является весьма невысоким значением для развитых стран.

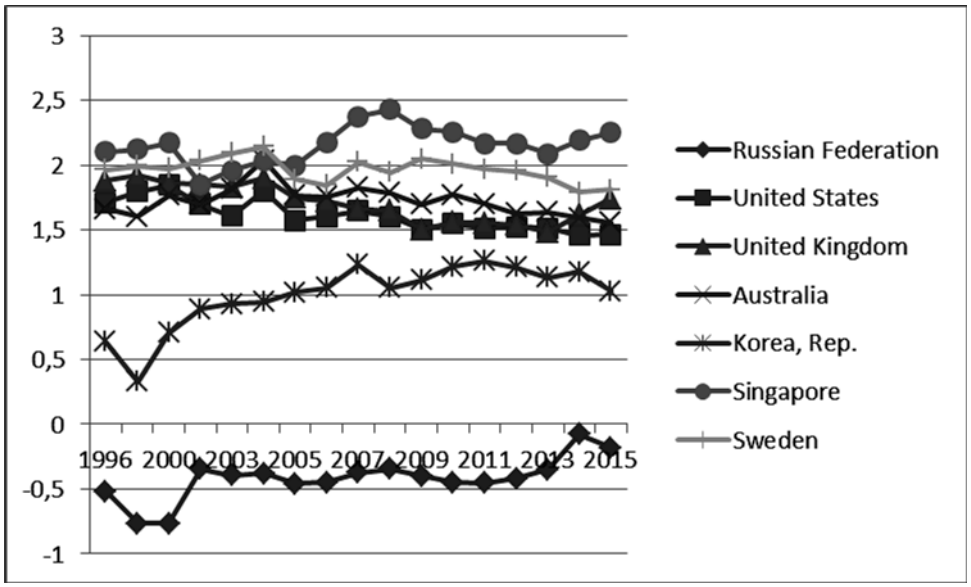


Рисунок 1.
Показатель эффективности государства в 1996–2015 гг. (по данным Всемирного банка)

Таким образом, Россия значительно отстает от стран-лидеров в области развития электронного государства. Более интенсивное внедрение электронного правительства, применение инновационных средств коммуникации, повышающих доверие граждан, внедрение систем обратной связи, повышение уровня прозрачности власти позволят повысить качество государственных услуг и качество государственной службы для населения.

Махутов Н.А.
д.т.н., член- корреспондент РАН, гл.н.с. ИМАШ РАН
Грот В.В.
к.т.н., с.н.с. ОАО «НТЦ Промбезопасность»
Руденко В.А.
к.т.н., в.н.с. ИМАШ РАН

МОДЕЛИ В СТРАТЕГИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *безопасность, банк данных, реляционная база данных, структуризация, модель.*
Keywords: *safety, relational database, mechanics of destruction, structuring, model.*

В комплексе задач технологического развития РФ вопросы безопасности играют особую роль, являясь в той или иной степени постоянной составляющей при реализации любых инновационных проектов. Мы ограничимся материальными объектами и технологиями их создания. При этом речь о безопасности должна идти в обоих омонимических смыслах: как о защищённости создаваемого объекта, так и об опасном воздействии данного объекта на элементы окружающей среды. В этих условиях информационная поддержка процесса проектирования будущего должна быть ориентированной на объединение и сопоставление самых разнородных данных из разных областей человеческой деятельности, т.е. обеспечивать совместимость информации.

Эту информационную поддержку целесообразно представлять в виде банков знаний и баз данных. На начальном этапе реализацию информационно-логической модели любого разрабатываемого объекта обеспечивали БД: «Документы», «Термины», «Классификаторы», «Единицы физических величин», «Персоналии», «Организации». Очевидно, что они во многом носят нормативный характер.

В научно-информационный модуль экспертной системы на данном этапе проектирования должны входить шесть баз данных: «Техногенные объекты», «Свойства и характеристики», «Модели в механике разрушения», «Расчётные методы», «Методы эксперимента», «Описания чрезвычайных ситуаций». Проблему совместимости при проектировании банка данных БД «Прочность. Ресурс, Безопасность» нами было принято решать, выполняя обязательную структуризацию информационных объектов. Применялся единый принцип анализа и описания объекта на основе структуризации и систематизации логических связей по логике – **«объект – воздействие – результат»**.

Под структуризацией понимали выделение в объекте отдельных функциональных элементов и блоков, установление связей между ними и описание явлений, в т.ч. и синергетических. Необходимо уточнить также содержание понятия «модель». В соответствии со спецификой нашего проекта смысл понятия «модель» в рамках проектируемой системы определим по дефиниции термина «моделирование математическое», заимствованной с некоторыми изменениями из классического словаря по вопросам безопасности [1].

Модель в механике разрушения – имитационная схема, изображение или описание какого-либо предмета, явления, процесса в механике твёрдого деформируемого тела с помощью математических выражений (формул, уравнений, соотношений и т.п.). Математическое моделирование предполагает установление соответствия реальным объектам различной природы некоторых абстрактных конструкций, называемых математическими моделями, и их исследование, позволяющее определять характеристики реальных объектов и информацию о них, а также оценивать и прогнозировать с их помощью развитие различных процессов и ситуаций. Таким образом, пока не рассматриваются натурные модели, т.е. конструкции типа макетов. Для установления, в последующем, связей этой БД с другими выделим ещё один аспект дефиниции: модель – способ отображения проявления свойств объекта.

Естественно, моделями оказываются все критерии, гипотезы, расчётные методы. Следуя такому утверждению, теоретически почти все БД в создаваемой ЭС представляют собой классы моделей. Действительно:

БД «Документы» – моделируются основные реквизиты документа;

БД «Терминология» – моделируются некоторые основные свойства материального объекта или процесса, в т.ч. и проявляющиеся при его функционировании;

БД «Классификации» – моделируются состав или структура сложных систем или объектов;

БД «Свойства» – моделируются отдельные свойства (определённые реакции на воздействия) и характеристики материальных объектов;

БД «Конструкционные материалы» – моделируются реакции на воздействия, а также состав и структура соответствующего класса материалов, предназначенных для изготовления каких-либо изделий;

БД «Эксперимент» – моделируются методы исследования (в т.ч. измерения) каких-либо свойств техногенных объектов, в первую очередь, конструкционных материалов.

Все объекты в первом приближении были объединены в соответствующие реляционные базы данных. База «Модели» вместе с базой «Терминология» во многом определяет содержание других баз. Вместе они представляют

пилотную версию банка знаний. Декларируемые приёмы разработки средств информационной поддержки были проверены на материале механики разрушения.

Список литературы

1. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Словарь терминов и определений. Изд. 2-е, дополненное. – М.: МГФ «Знание», 1999. – 368 с.

Мойзис Е.С.
д.т.н., генеральный директор ЗАО НПКФ «МаВР»
mavr@progtech.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫСОКОЭФФЕКТИВНЫЕ ОГНЕУПОРНЫЕ И ТЕПЛОИЗОЛЯЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРОИЗВОДСТВА ЗАО НПКФ «МАВР» И ОПЫТ ИХ ВНЕДРЕНИЯ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ РОССИИ

Ключевые слова: *огнеупор, керамический материал, теплоизоляционный материал, новые технологии, опыт внедрения.*

Keywords*: fireproof material, ceramic material, the insulating material, new technologies, implementation experience.*

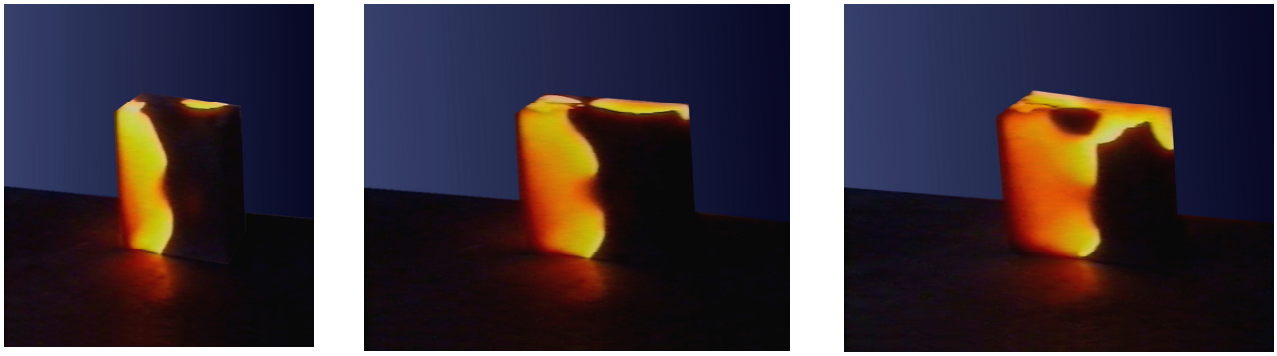
В целом ряде отраслей промышленности и прежде всего в теплоэнергетике уже давно назрела необходимость замены используемых в настоящее время стандартных композиций футеровок, мертелей, огнеупоров, тепло- и огнезащитных материалов на аналоги адекватного назначения, но с гораздо более высокими эксплуатационными характеристиками.

Ярким примером такой необходимости служит крайне тяжелое положение в тех отраслях промышленности, где футеровочные материалы высокотемпературных установок имеют недопустимо малый ресурс работы. На большинстве теплостанций России футеровка котлов едва выдерживает один отопительный сезон, после чего требуется частичная, либо полная замена футеровки, либо ее капитальный ремонт. Такая картина повторяется почти ежегодно.

ЗАО НПКФ «МаВР» является разработчиком и производителем новых видов высокотемпературных жаростойких, жаропрочных огнеупорных материалов созданных на основе российских технологий самораспространяющегося высокотемпературного синтеза (СВС) и холодного вспучивания. Наши материалы и технологии могут быть применимы на любых тепловых агрегатах в различных отраслях промышленности и теплоэнергетики, где есть огнеупорные футеровки.

Наши неформованные материалы, применяемые в комплексе, позволяют не только существенно увеличить срок службы тепловых агрегатов, но и существенно улучшить их теплоизоляционные параметры. Проблемой всех футеровок является межкладочный шов, который (выполненный на стандартных мертелях и растворах) через непродолжительное время начинает выкрашиваться и осыпаться, что обычно приводит к выпадению огнеупоров и последующему разрушению футеровки. В отличие от обычных мертелей наши кладочные СВС-растворы сваривают огнеупоры в монолит, причем прочность шва превосходит прочность огнеупорного кирпича. Например, по результатам испытаний на ОАО «Тулачермет» нашему кладочному раствору марки КР-1 был присвоен 6 балл прочности (введенный дополнительно, т.к. стандартно по 5-ти балльной шкале не предусматривается вариант разрушения по телу кирпича). Эта технология позволяет существенно уменьшить количество ремонтов (или заменить капитальные ремонты текущими), что позволит экономить до 30÷40% закупаемых огнеупоров.

Разработанные нами защитные СВС-покрытия позволяют защитить футеровку от проникновения агрессивных газов, паров кислот и щелочей, они также не смачиваются расплавами металлов и солей. Применение в комплексе наших кладочных СВС-растворов и СВС-покрытий позволяет существенно увеличить срок службы футеровок тепловых агрегатов. Наши защитные покрытия очень просты в применении и могут быть многократно возобновляемы. Процесс прохождения волны СВС по покрытию, нанесенному на шамотный огнеупор, показан на рис. 1.



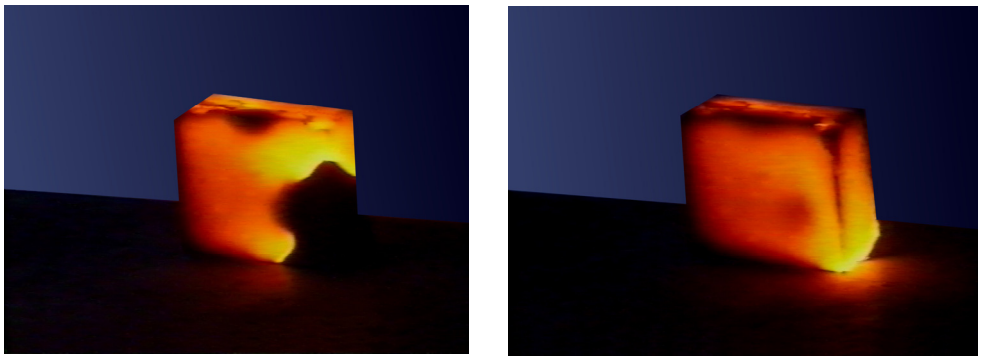


Рисунок 1.
Процесс прохождения волны СВС по покрытию

Применение разработанных нами вспучивающихся легковесных теплоизоляционных бетонов марок ВБФ-650 и ВБФ-850, по своим характеристикам не имеющим аналогов в мире, позволяет не только существенно улучшить тепловые характеристики печей, обеспечить экономию топливно-энергетических ресурсов до 10%, но и сократить время выхода теплоагрегатов на рабочий режим. Данные марки бетонов позволяют устранять негерметичности, возникающие в теплоизоляционном слое, прямо в процессе эксплуатации теплового агрегата. Наши конструкционные бетоны не требуют применения ни прессового, ни вибро оборудования и позволяют изготавливать горелочные камни, балки, дефлектора и футеровки индукторов прямо на предприятии. Горелочные камни, выполненные из бетона ВБФ-1700, показаны на рис. 2.

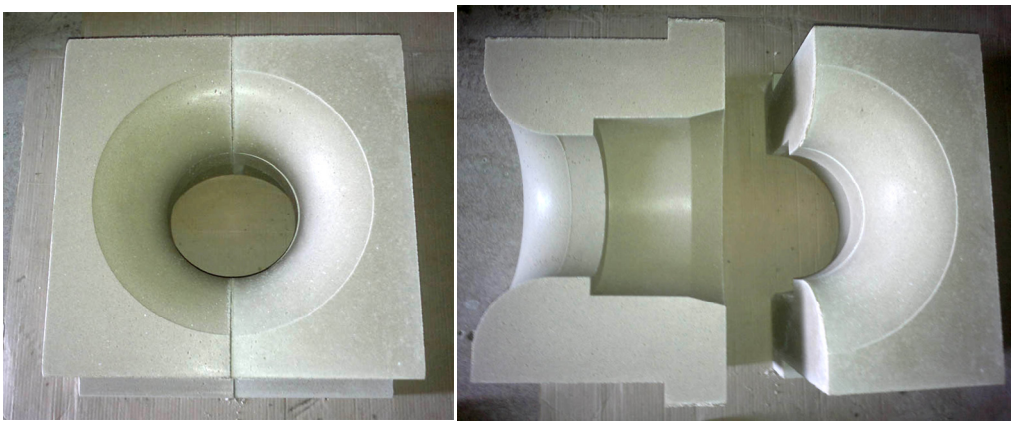


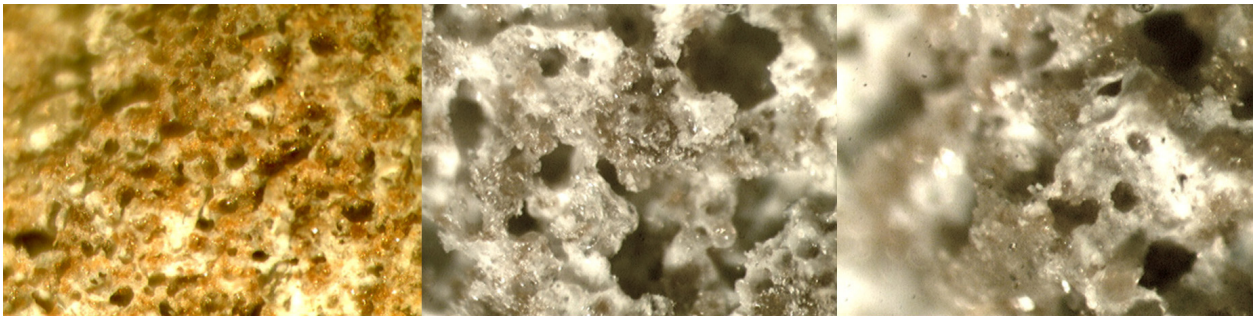
Рисунок 2.
Горелочные камни, выполненные из бетона ВБФ-1700

Процесс «холодного» вспучивания показан на рис. 3. Таким образом, получаются жаростойкие легковесные бетоны марки ВБФ.

Рисунок 3.
Процесс «холодного» вспучивания

В результате процесса «холодного» вспучивания формируется достаточно прочная сетчато-ячеистая структура (рис.4) легкого жесткоформованного материала – сырца изделия.

а



б в г

Рисунок 4.
Структуры материалов, получаемых методом холодного вспучивания:
а – микровысокотемпературный легкий жесткоформованный ячеистый материал после высокотемпературного обжига (1600 ºС) х 1 (кратность увеличения);
б, в, г – микроструктуры высокотемпературного легкого жесткоформованного ячеистого материала, полученного методом «холодного» вспучивания, после высокотемпературного обжига (1600 ºС) х 140; 280; 800 (кратность увеличения)

Особенно большой экономический эффект по применению наших материалов и технологий можно получить в области теплоэнергетики. Наши материалы хорошо зарекомендовали себя в различных регионах нашей страны при ремонте разнообразных марок отечественных и импортных котлов (ЖКХ и тепловые сети, ТЭЦ). Применение наших материалов позволяет в несколько раз увеличить безремонтный срок службы котлов, сократить расход энергоносителей до 10% и повысить КПД котла не менее чем на 2÷3%. Например, котел, отремонтированный с применением наших материалов на ОАО «Брянский машиностроительный завод» (Трансмашхолдинг), более 8 лет проработал без единого ремонта и продолжает эксплуатироваться в настоящее время. На 6 котлах ДЕ-25/14 «Няганьской генерирующей компании» отработавших без единого ремонта 4 отопительных сезона наши материалы позволили уменьшить расход газа от 5 до 8% и увеличить КПД котлоагрегата на 3÷5%.

Создавая инновационные огнеупорные и теплоизоляционные материалы и технологии, мы испытываем немало проблем с их внедрением на предприятиях России. Имея опыт по внедрению инновационных материалов и технологий на более чем ста предприятиях различных областей промышленности, попробуем озвучить основные, на наш взгляд препоны и помехи, мешающие их внедрению:

1) На большинстве предприятий сильно упал уровень технических специалистов. Данные «технари» приходят на работу только чтобы отбыть время. У них нет желания тратить свою энергию на внедрение чего-то нового. Наши предложения по внедрению инноваций, сделанные руководителям предприятий, отвечающим за модернизацию, либо спускаются вниз по цепочке работников и оказываются в мусорной корзине, либо заканчиваются глупыми отписками. Никто из руководства предприятий не хочет рисковать своим местом, пытаясь внедрить что-то новое.

Особенно этим грешат предприятия, имеющие государственное финансирование. На наш взгляд это связано с тем, что на большинстве предприятий отсутствует нормальный контроль и всех устраивает сложившаяся ситуация.

2) На многих предприятиях внедрение инновационных материалов и технологий готовы провести только при условии, что все накладные расходы по данной тематике берет на себя разработчик, а на ряде предприятий в случае отрицательного результата предусмотрены даже дополнительные штрафные санкции.

3) На сегодняшний день на многих предприятиях введена тендерная система выбора поставщика футеровочных материалов. Практически всегда инновационные огнеупорные материалы дороже стандартно применяемых по обычным технологиям. Свою эффективность и экономическую целесообразность применения инновационные огнеупорные материалы доказывают, существенно увеличивая срок службы футеровок, улучшая их теплотехнические характеристики и уменьшая расход энергоносителей. Экономическая целесообразность их применения видна «невооруженным глазом», но поскольку основным критерием выбора является цена, то обычно выбор коммерсантов останавлива-

ется на минимальной стоимости. Они редко производят расчет экономической целесообразности применения более дорогих материалов и практически не вникают в их технические характеристики. На таких предприятиях процент внедрения инновационных материалов и технологий очень низок и практически ограничивается проведением испытаний и опытных работ.

4) На многих предприятиях ремонтом футеровок тепловых агрегатов занимаются подрядные организации, имеющие прямое отношение к руководителям этих предприятий. Такие организации имеют постоянный объем работы и, обычно, они не заинтересованы в применении материалов и технологий, которые позволяют увеличить стойкость футеровок в 2 и более раз.

На ряде предприятий данные проблемы отсутствуют. Во многом это связано с тем, что хозяева данных предприятий участвуют в их управлении, вникают в вопросы работы, модернизации и внедрения новых технологий, т.е. заинтересованы в экономической эффективности их работы. Но это скорее исключение из общего правила.

Морева Е.Л.
к.э.н., доцент, заместитель директора Института промышленной политики и институционального развития Финансового университета
eu7711460@mail.ru

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ФАКТОР

Ключевые слова: *креативность, экономические концепции креативности, внешние источники инновационного развития.*
Keywords*: creativity, economic theories of creativity, foreign sources of innovations development.*

За последние десятилетия понятие креативности получило много разных теоретических интерпретаций и оценок. Интерпретации ее включали целый спектр трактовок от взглядов на креативность как психологическое явление и до ее трактовок как мезо- и макроэкономического феномена.

Психологические концепции креативности, в свою очередь, различались по ее основаниям, которые одни относили к сфере духовного, а другие – интеллектуального (мышления, по А.Н. Леонтьеву). В первом случае ряд авторов считали невозможным обосновать креативность с научных позиций, хотя при этом, некоторые из них и связывали причины ее появления со столкновением между сознательным и бессознательным. В отличие от этого «психодинамического подхода» в трактовках креативности с позиции (когнитивной) психологии ее связывали с получением необычных результатов при обычных (ординарных, закономерных) процессах.

В развитии этого направления отдельные авторы увязывали креативность с интеллектом[1]. Рассматривая их взаимосвязь с точки зрения пороговой теории, исследователи обусловливали появление креативности определенным уровнем развития интеллекта, ниже которого субъект не мог действовать творчески. Этому уровню соответствовало сочетание следующих интеллектуальных способностей и умений: синтетических, – видеть проблему по-новому; аналитических, – признавать ценность идеи; и контекстуальных, практических, – уметь убеждать других в важности своих идей и добиваться таким образом ее признания.

Такое сочетание, считалось, позволяло сформироваться творческой, или креативной (в рамках настоящей статьи эти термины используются как синонимы), личности с самостоятельными образом мысли и соответствующим поведением, гибкостью мышления, предпочтениями сложного перед простым, открытостью к экспериментаторству, чуткостью к ситуации, хорошими игровыми качествами, спокойствием перед неопределенностью (tolerance of ambiguity) и риском, а также готовностью принять их; развитой самомотивацией, психологической андрогенностью, эффективностью самодеятельности (self-efficacy), широтой интересов и любознательностью[2].

Столь сложная совокупность характеристик задавала своеобразие их субъектов, в т.ч. обусловливала у них способность преобразовывать свои ценности, установки и способы выбора того или иного действия (принятия решения). На этом основании учеными был сделан вывод о том, что креативность представляла собой одновременно как установку и модель решения различных проблем жизнедеятельности, так и особую способность субъекта. При этом их меры соответствовали друг другу.

Возможности использования выводов психологических концепций креативности были ограничены проблемами ее измерения. В основном для него применяли разные тесты, рейтинги, отчеты и т.п., которых, по мнению некоторых аналитиков, насчитывалось свыше 200[3]. Несмотря на это эксперты отмечали, что получаемые материалы оказывались слабо сопоставимыми между собой, т.к. используемые средства, как правило, имели сильный отпечаток национальной специфики. Характерным примером являлся тест Торранса (Torrance Test of Creative Thinking). Попытки адаптировать его и другие средства для чужих национальных контекстов и межнациональных сопоставлений ограничивались в лучшем случае рамками отдельных исследований. В целом креативность как понятие психологической природы оставалась преимущественно специфическим национальным феноменом.

Некоторые подвижки в отношении использования психологического подхода к креативности возникли, когда продолжая и развивая его для исследования креативности стали собирать не только психометрические данные, но и биографическую и историометрическую информацию. Внимание к окружающим носителей креативности условиям позволяло сопоставлять ее в разных общественно-экономических контекстах и изучать в качестве производственного ресурса.

По мнению представителей «продуктового подхода» к креативности, ее признаком служит появление благодаря усилиям ее субъектов нового продукта производства (прежде всего, изобретения), в котором та воплощалась, а

[1] Getzels J., Jackson P. Creativity and intelligence: Explorations with gifted students. – N.Y.: Wiley, 1962.
[2] Runco M. Creativity. Theories and Themes: Research, Development and Practice. – Amsterdam: Elsevier, 2007.
[3] Villalba E. On creativity of European Communities / European Commission, Joint Research Centre. 2008. – http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC48604/eur_on%20creativity_new_.pdf

также сами приводящие к этому усилия. При этом креативность как психологическое качество человека распространялось также на созданные им продукты и процессы, в которых он участвовал, а также условия, которые позволяли им осуществиться. Эта категория, таким образом, трансформировалась в междисциплинарную.

К элементам креативности как междисциплинарной категории авторы относили художественное творчество, экономические и технологические инновации. На этом основании выделялись разные типы креативности, – научная, технологическая, экономическая, культурная и другие. При этом во всех случаях ее значение было связано с использованием особых психологических характеристик субъекта, действующего в той или иной указанной области. Обобщая их, авторы замечали, что предлагая преодоление той или иной проблемы новым, нетривиальным образом, креативные субъекты одновременно хорошо владели традиционными средствами ее решения. В теоретической деятельности, например, креативность связывали, прежде всего, с отношением к научным парадигмам – производству новых знаний в рамках прежних подходов, на основе преодоления их и интеграции с новыми подходами.

При этом акцент в исследованиях данной категории все более смещался в сторону условий проявления творческих начал человека – как внешних по отношению к нему, так и внутренних. Это отражали, например, исследования механизма реализации креативности, когда, помимо индивидуального, аналитики выделяли ее релятивный и исторический аспекты. Релятивный аспект показывал отношение креативного субъекта к остальным как к референтной группе, а исторический относился к прежним достижениям субъекта в сфере его деятельности. С некоторой степенью условности первый из двух названных аспектов можно было считать свидетельством важности внешних условий, а второй – значимостью трансформации внутреннего состояния субъекта (его внутренних условий).

Применительно к рыночной экономике креативность не только предполагала целенаправленное производство идей и иных интеллектуальных продуктов как экономических ценностей, отличающихся сравнительной новизной и конкурентоспособностью, но и требовала специальной подготовки их субъекта и внешних по отношению к нему условий. Это, в свою очередь, открывало путь косвенного измерения и оценки креативности, а, соответственно, и выработки мер целенаправленного на нее воздействия.

Вместе с тем, изучая специфику этого явления, исследователи признавали, что креативное поведение часто осуществлялось не столько под влиянием внешних воздействий, сколько внутренних стимулов (intrinsic rewards). И хотя они далеко не всегда сопровождались признанием со стороны и стоимостными вознаграждениями, предпринимаемые под влиянием внутренних стимулов креативные усилия квалифицировались учеными как работа субъекта[1].

С учетом сделанных замечаний креативность можно было рассматривать как особый ресурс, пригодный при определенных внешних условиях для производственного использования.

В поисках системного осмысления креативности как объекта целенаправленного воздействия на макро- и мезоуровнях в специальной литературе предлагались разные подходы. Среди них широкую известность приобрел 3Т подход Р. Флорида.

Изучая креативность сквозь призму социально-экономической деятельности субъектов и их мотивации в рамках теоретических концепций постиндустриализма, автор квалифицировал ее как важнейший экономический ресурс и выдвигал идею креативного класса как совокупности наиболее продвинутых креативных личностей. Для измерения креативности был разработан специальный индекс, опираясь на который намечались направления макро- и мезоэкономической политики ее развития.

Основными элементами предложенного индекса креативности были технологическое состояние оцениваемого общественно-экономического пространства, толерантность и талантливость проживающего на нем населения, – индекс «3Т». Первый элемент определялся числом высокотехнологичных компаний в исследуемом регионе, долей их производства в общем производстве региона и количеством полученных ими патентов. Второй – открытостью населения для непривычных для него идей и его отношением к приезжим; третий, – числом занятых творческими профессиями в общей численности работающего населения. Вместе, по мнению Р. Флорида, они позволяли выделить особые пространственные центры, которые привлекали к себе творческих личностей и, таким образом, обеспечивали у себя рост инновационной активности и экономики[2].

Привлекательность данной модели концептуально и в практическом плане послужила основанием для ее последующего уточнения и развития, а также проведения соответствующего курса экономической политики.

В рамках первого направления был усовершенствован 3Т индекс, предложены новые близкие ему показатели: Европейский индекс креативности; Табло Евро-Креативности и другие. Рассчитанные для ряда европейских стран и США, они претендовали на мониторинг креативности как главного ресурса для инноваций, а также на роль основания для мобилизации экономико-политических усилий в целях форсирования постиндустриальных тенденций в обществе.

Полученные на основе таких подходов сведения по 450 регионам 8 европейских стран подтверждали связь между увеличением в них численности креативного класса и ростом занятости, усилением привлекательности этих мест для жизни и работы благодаря сложившейся в них атмосфере толерантности и открытости[3]. Не случайно, поэтому, в начале XXI в. стимулирование креативности стало служить основанием для реализации в европейском регионе специальных стратегий и программ, в т.ч. регионального и субрегионального характера.

---

[1] The International Handbook of Creativity. Cambridge University Press, 2006. – https://ru.scribd.com/doc/220987845/Stenberg-Kaufman-The-International-Handbook-of-Creativity-pdf

[2] R. Florida The rise of the creative class... And how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York: Basic Books, 2002.

[3] Boschma R., Fritsch M. Creative class and regional growth – Empirical evidence from Eight European Countries / The Jena Economic Research Papers. 2-007-066, 2007. – http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.520.9614&rep=rep1&type=pdf

Вместе с тем они не сопровождались заметным усилением инновационной активности. В мировой гонке за инновационное лидерство Европа в целом продолжала оставаться догоняющей. Правда, полученные из разных источников данные не могли служить исчерпывающим аргументом «за» или «против» политики стимулирования креативности из-за несовершенства источников информации, влияния конъюнктурных факторов и кризиса конца 2000-х гг. Однако они, по меньшей мере, указывали на необходимость дальнейших исследований как в рамках концепции 3Т, так и альтернативных направлениях.

Одним из путей развития вышеуказанной концепции стали исследования связи между креативностью и инновациями у микроэкономических субъектов. Однако при этом авторы часто сосредоточивали свое основное внимание на позитивных эффектах креативности, отвлекаясь от негативного опыта[1]. Между тем именно анализ отрицательного отношения фирм к креативности мог бы, на наш взгляд, дать ключ к изучению механизмов ее реализации и далее управлению ими.

Другим направлением были попытки исследовать креативность и инновации, обращаясь к категории предпринимательства. Под ним понимали деятельность владельцев бизнеса, в увеличивающихся размерах создающих экономические ценности в виде новых продуктов, процессов и рынков[2]. По мнению авторов, высокие темпы роста, – в виде увеличения выручки и занятости, – с необходимостью указывали на инновационную деятельность их субъектов, т.к. не производя чего-то принципиально нового увеличить производство невозможно. В свою очередь, инновации предполагали способность их субъектов целенаправленно находить и использовать новые возможности, т.е. креативность. Поэтому рост производства и предпринимательство автоматически служили показателем креативности.

Приведенные рассуждения, однако, опирались на далеко не бесспорные предположения о инновациях и предпринимательстве как единственном средстве увеличения производства. Вне поля зрения при этом оставался обширный инструментарий корпоративного менеджмента, разные конъюнктурные обстоятельства, политические, международные и другие факторы, оказывающие, подчас, радикальное влияние на динамику производства, но не связанные с его инновационным развитием.

Альтернативой приведенным подходам и отчасти развитием концепции 3Т стали исследования креативности в организациях с их высокой концентрацией, своеобразной квинтэссенцией креативного класса. Их представители связывали эту категорию, прежде всего, с художественными началами в деятельности субъекта, отличая их от других интеллектуальных областей, – науки, техники и других. В наибольшей степени, по мысли авторов, эти начала, а, следовательно, и креативность сосредотачивалась в секторах, специализирующихся на производстве культуры, – т.н. культурных индустриях. Их размеры показывали степень распространения креативности в экономике и обществе, а вместе с нею и инноваций, поскольку своей деятельностью обеспечивали и развивали в организациях других сфер главную инфраструктуру для производства новшеств.

Эти рассуждения послужили основой для формирования новой категории и одноименных концепций, – креативности с опорой на культуру, далее КоК. Под культурой при этом понимали принятые социальные традиции, нормы и условности, опирающиеся на традиции и успешные исторические практики. Их системную трансформацию связывали с действием креативности человека. КоК, таким образом, выступала как средство развития культуры и на этой основе всего общества.

При этом в отличие от прежних психологических подходов авторы КоК трактовали ее не обязательно как результат поисков решения той или иной проблемы, а, прежде всего, как воплощение вариативного начала в человеческой деятельности. КоК сравнивали с элементом игры, поисковым действием, наброском, – т.е. характеристикой поведения, в наибольшей степени свойственного художественной сфере. В ней наиболее непосредственно выражались человеческое воображение, интуиция, память, впечатления (affects), т.е. чувственные стороны человека (human sensibility). Эта категория служила для обозначения «первоочередного воплощения бытия, ценностей, смыслов, воображения и эстетического в человеке», спонтанного, не подверженного регламентации и попирающего условности процесса открытия новых смыслов, который, прежде всего, реализовывался через акт воображения и опирался на сохранившиеся в памяти сформированные ценности и мотивы.

Вместе с тем КоК не отождествляли со всей культурой. Авторы отмечали, что возведенные в абсолют, отдельные культурные установки могли блокировать альтернативные направления реализации креативности как преобразующего прежние ценности инструмента. Тогда развитие культуры и общества приобретало однобокий характер. Но даже в этом случае действие КоК, пусть и в усеченном виде, но все же сохранялось. Этот комплекс психологических установок, ценностей и стиля поведения продолжал действовать в сохраняющейся культурной области, т.к. без него нельзя было создать никаких произведений культуры и искусства в принципе.

Высокая концентрация КоК в культурных индустриях давала им большие возможности для влияния на остальные экономические секторы. Условия для реализации этого потенциала связывали с распространением постиндустриальных тенденций. Кастомеризация производства, усиление роли его неовеществленных составляющих (маркетинга, дизайна и др.) оборачивались превращением эмоционального, психологического, игрового начал в деятельности человека в важные факторы спроса и предложения. Потребление все более характеризовалось ориентацией на накопление положительного эмоционального опыта (pleasing). А это, в свою очередь, требовало преобразований производства и сбыта. Там, соответственно, все большее значение приобретало дополнение функциональной направленности продукта на удовлетворение физических потребностей эстетическими и этическими началами, – «креативным функционалом» (creative functions). В таких условиях КоК становилась главным ресурсом, способным обеспечить инновации.

---

[1] См., например, Artistic interventions to stimulate innovation, sustainability and inclusiveness. 2011.

[2] Ahmad N., Seymour R. G. Defining Entrepreneurial Activity: Definitions Supporting Frameworks for Data Collection / OECD Statistics Working Papers. – Paris: OECD, 2008.

Они заставляли производителей творчески мыслить, создавать новые образы, символы и смыслы. Деятельность людей бизнеса все более походила на артистическую, привносящую в процессы хозяйствования разнообразие и обогащающую их. Интуиция, память, воображение, эстетическое начало, способность к экспромту, – эти и другие типичные для КоК элементы позволяли формировать необходимые для современной экономики новые ценные ресурсы: вырабатывать новое видение, ставить новые задачи, реализовать новые бизнес-стратегии и общественные проекты, определять перспективы дифференциации производства, вырабатывать и применять новые технологии, символические и духовные начала и другие. В профессиональном плане это означало, что участники производства должны были обладать новыми компетенциями, – предпринимательскими, творческими, т.н. «софт»-навыками, которые облегчали адаптацию к разным хозяйственным условиям, в которых они выполняли бы свои непосредственные функции, – «хард»-навыки». Благодаря им бизнес мог преуспевать в конкуренции, открывать и использовать новые возможности для своего роста и развития.

Развиваясь таким образом, индустриальные производства становились все более похожими на организации культуры и искусства. А, поскольку, стержнем развития последних являлась КоК, то ее заимствование и/или производство превращалось в важнейшую задачу бизнеса и экономического развития в целом.

Ее решение, по мнению экспертов, требовало сочетания следующих условий: наличия индивидуальных творческих способностей (умения широко, а не только лишь прямолинейно мыслить; обладания хорошим воображением и способностью выходить за рамки общепринятого); владения техническими и технологическими навыками, необходимыми для соответствующей профессиональной деятельности, будь то художественная или иная; а также среды, стимулирующей участие людей в художественной и культурной жизни, напр., через потребление ее продукции, инвестиции в нее или каким-либо иным способом. Отсутствие хотя бы одной из трех указанных составляющих ставило под вопрос появление КоК.

Действие этих требований, по-видимому, распространялось и на потребление продуктов культурных индустрий. Их наличие позволяло эффективно воспринять творческий посыл культурного мероприятия. И наоборот, отсутствие у потребителя, например, хороших предпринимательских навыков препятствовало восприятию и усвоению креативности от организаций культуры и проведению инновации в своей профессиональной деятельности.

На практике привлекательность идеи КоК обусловливала разнообразные политики стимулирования региональных культурных контактов отдельных регионов для подъема их инновационной активности. В Европе, например, для этого стали проводить крупные региональные и субрегиональные программы (наиболее известная и крупная из них сегодня, – Креативная Европа), формировать структурные фонды финансирования разнообразных культурных проектов и т.д.

Вместе с тем осуществление такого курса сопровождалось рядом сложностей в контроле за его исполнением и оценкой его эффективности. В большой мере это было связано с трудностями измерения КоК и ее влияния на креативность в разных секторах экономики. В поисках количественного определения этого предлагались разные индексы. В одних делали акцент на измерение КоК как экономического ресурса фактора (Hong Kong Index, Euro-Creativity Index, Flemish Index); в других – как общественно-экономической ценности (Finnish Report); в третьих, – как результата, экономических инноваций (EIS, Oslo Manual); четвертые претендовали на комплексный охват (Index of Creativity C. Correia и J. da Silva Costa).

Некоторое представление о разнообразии индексов и использованных в них показателей дает табл. 1.

Таблица 1

Индексы креативности и их основные составляющие

Области \ Индексы		*1. FCI*	*2. SV-CCI*	*3. F-ECI*	*4. HKCI*	*5. CZCI*	*6. CICE*	*7. J-CCI*	*8. ECI*	*9. BCI*	*10. L-CCI*	*11. CCI-CCI*	*12. GCI*
1	Человеческий капитал, креативный класс, образование	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
2	Открытость, Разнообразие, Толерантность	✓	✓	✓	✓	✓	✓		✓	✓	✓	✓	✓
3	Культурная среда, Туризм		✓		✓			✓	✓		✓	✓	
4	Технологии, Инновации	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
5	Регулирование, Финансовая политика		✓		✓				✓		✓	✓	
6	Занятость, Выпуск, Результаты		✓		✓				✓			✓	
7	Предпринимательство		✓		✓		✓	✓			✓		
8	Инфраструктура				✓						✓	✓	
9	Благоустроенность, Удобства						✓			✓	✓	✓	
10	Брендинг, Известность		✓								✓	✓	
Число показателей		9	11	9	88	6	8	78	32	9	?	72	7

Источник: C. Correia, J. da Silva Costa «Measuring Creativity in the EU Member States», Investigaciones Regionales, 30 (2014) – Páginas 7 a 26 Sección Artículos. – P.12.

Примечания: FCI-Florida's Creative Index (2002); SV-CCI – Silicon Valley's Creative Community Index; F-ECI – Euro Creativity Index; HKCI – Hong Kong Creative Index; CZCI – Czech Creative Index; CICE – Composite Index of the Creative; Economy; J-CCI – Creative City Index; ECI – European Creativity Index; BCI – Baltimore Creativity Index; L-CCI –Landry's Creative City Index; CCI-CCI – Creative City Index; GCI – Global Creative Index.

Но, несмотря на многочисленные усилия, все они оставались предметом серьезной критики и не рассматривались как окончательные.

Попытки опираться на другие источники статистического характера также не позволяли выявить уникальные черты креативности и инноваций. Последние, например, продолжали оценивать в первую очередь через данные о состоянии науки, интеллектуальной собственности и использовании Интернета. В лучшем случае все это давало представление об отдельных, но не главных, системообразующих характеристиках среды для создания и эффективного использования КоК.

Иными источниками информации о КоК служили материалы опросов, описания отдельных случаев/фактов (fact-finding) и другая дескриптивная информация. Однако ее преимущественная обусловленность контекстом также не позволяла выработать в достаточной степени объективный инструментарий измерения КоК, чтобы контролировать ее эффекты, динамику и особенности развития в разных странах и секторах.

На фоне серьезных препятствий непосредственному измерению и оценке воздействия рассматриваемого интеллектуального ресурса на экономику, на наш взгляд, решению задачи способствовало бы обращение к состоянию необходимых и достаточных условий для создания КоК и усвоения ее творческих посылов, а также к результативности инноваций на производстве. При этом мы не склонны разделять позицию авторов КоК о необходимости различать разные сектора экономической деятельности как более или менее креативные. Более верным, на наш взгляд, является представление о достаточно равномерном распределении в производствах разных видов инновационного потенциала, для освоения которого первоочередной задачей является подбор адекватной бизнес-модели.

Мотова М.А.
к.э.н., в.н.с. Института промышленной политики и институционального развития Финансового университета
Чинаева Т.И.
к.э.н., доцент Департамента учета, анализа и аудита Финансового университета

ИНТЕНСИВНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: В ПОИСКАХ ЛИДЕРА[1]

Ключевые слова: *инновационная деятельность, технологические инновации, инновационная активность, анализ технологических инноваций по видам экономической деятельности, тенденции и прогноз.*
Keywords: *innovation activity, technological innovations, innovative activity, the analysis of technological innovation by economic activity, trends and forecasting.*

Провозглашенный нашей страной курс на модернизацию и развитие промышленного производства невозможен в современных условиях без ориентации на инновационное развитие. Однако, как отмечает Г.А. Власкин[2] на ближайшие годы серьезного роста вливаний в инновации со стороны государства не предвидится, более того, планируется сократить расходы на государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», что весьма негативным образом отразится на и так не очень активной инновационной деятельности в промышленном производстве.

В целом динамика инновационной активности промышленности России отличается нестабильностью с циклическим характером и находится на невысоком уровне. В 2014 г. наиболее высокая активность по осуществлению технологических инноваций наблюдалась в организациях, относящихся к следующим видам экономической деятельности: производство летательных аппаратов, включая космические (36,8%); производство табачных изделий (36,8%); производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи (34,3%); производство медицинских изделий; средств измерения, контроля, управления, испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов (29,0%); производство фармацевтической продукции (26,5%); производство кокса и нефтепродуктов (23,0%); производство автомобилей, прицепов и полуприцепов (22,8%)[3].

Абсолютные объемы инновационных товаров, работ, услуг в период 2009–2013 гг. характеризовались растущей динамикой как в текущих, так и в сопоставимых ценах с разными погодовыми темпами роста и достигли в 2013 г. 3075,5 млрд. руб. в текущих ценах и 1207,2 млрд. руб. в сопоставимых ценах 2005 г. В 2014 г. положительная динамика прервалась, объем инновационных товаров, работ, услуг даже в текущих ценах снизился по сравнению с предшествующим годом и составил 3037,4 млрд. руб., в сопоставимых – 1100,9 млрд. руб.

В 2014 году по сравнению с 2013 годом сократились объёмы инновационных товаров, работ и услуг в добыче полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических; производстве фармацевтической продукции; производстве машин и оборудования; производстве автомобилей, прицепов и полуприцепов, также прочих транспортных средств; производстве кокса и нефтепродуктов; производстве резиновых и пластмассовых изделий, производстве, выделке и крашении меха.

По сравнению с предыдущим годом в 2014 г. возросли объёмы инновационных товаров, работ и услуг в организациях по производству офисного оборудования и вычислительной техники; производству электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи; в организациях по производству летательных аппаратов, включая космические; металлургическом производстве.

В промышленно развитых странах стартовый этап разработки долгосрочной стратегии развития начинается с двух прогнозов: прогноза обеспечения национальной безопасности и общеэкономического прогноза. Особенно важным для России представляется анализ возможной динамики показателей производства жизненно важных видов продукции и услуг по сравнению с минимально допустимым уровнем (показатели энергобезопасности, продовольственной безопасности с учетом импортозамещения, все еще остающейся зависимости от импорта некоторых товаров и изделий, состояния производственного потенциала и др.)[4].

---

[1] Статья написана в рамках реализации общеуниверситетской комплексной темы «Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений».

[2] Власкин Г.А. Государственное регулирование инновационной сферы: назревшие решения // Управленческие науки. 2015. – № 1. – С. 32–43.

[3] Чинаева Т.И. Анализ основных показателей, характеризующих инновационную деятельность организаций по видам экономической деятельности //Друкеровский вестник. 2016. – № 5. – С. 108–119.

[4] Власкин Г.А. Государственное регулирование инновационной сферы: назревшие решения // Управленческие науки. 2015. – № 1. – С. 32–43.

Для оценки перспектив инновационного развития разрабатываются прогнозы по основным показателям инновационной сферы. Разработка прогноза осуществлялась в рамках условий среднесрочного прогноза развития экономики РФ. Параметры прогноза представлены на сайте Минэкономразвития в разделе «Макроэкономика».

К моменту проведения исследования последним разработанным Минэкономразвития РФ документом, определяющим среднесрочную перспективу развития экономики РФ, являлся «Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов», опубликованный 6 мая 2016 г. на сайте Минэкономразвития РФ. При прогнозировании использовалась авторская модель и соответствующее программное обеспечение[1]. Они были неоднократно апробированы для прогнозирования показателей инновационной сферы и дают весьма удовлетворительные результаты, что позволяет применить данный подход в рамках проводимого нами исследования.

Данная модель позволяет использовать в качестве входной информации при разработке прогнозов показателей сферы инноваций прогнозы макроэкономических показателей, которые регулярно разрабатываются Минэкономразвития. К числу этих макроэкономических показателей относятся объем ВВП, объем промышленного производства, величина федерального бюджета, темпы инфляции и др.

Если судить по прогнозам Минэкономразвития РФ, то на протяжении прогнозного периода вплоть до 2019 г. заметного роста объема промышленного производства не ожидается. Темпы роста объема промышленного производства по прогнозу Минэкономразвития составляют от 0,1 до 2,1% в год в различных его вариантах, не говоря уже о падении объема промышленного производства в 2015 г. до 96,6%. В соответствии с этим не стоит ожидать, что в промышленности произойдет активизация инновационной деятельности.

Итак, в соответствии с макроэкономическим прогнозом Минэкономразвития РФ нами были рассчитаны прогнозные оценки показателей, характеризующих инновационную деятельность в промышленности и отдельных отраслях сферы услуг в разрезе ОКВЭД. На базе полученных прогнозных оценок были рассчитаны показатели, характеризующие структуру и темпы роста инновационных показателей.

Проанализируем, какие из видов экономической деятельности будут к 2019 г. в лидерах по набору показателей, которые обусловливают рост исследовательской и проектной ее составляющей, оставив за пределами рассмотрения экстенсивные виды инновационных затрат, а также по показателям роста эффективности инновационной деятельности и роста инвестиций. Это следующие показатели:

- Рост затрат на исследования и разработки за период 2014–2019 гг.
- Рост затрат на производственное проектирование и технологическую подготовку производства за период 2014-2019 гг.
- Рост объема инновационной продукции за период 2014–2019 гг.
- Рос инвестиций за период 2014–2019 гг.
- Рост эффективности инновационных затрат за период 2014–2019 гг. (соотношение объем продукции/затраты).

В левой части табл. 1 приведены виды экономической деятельности, имеющие наилучшие значения (попавшие в первую пятерку) по рассматриваемым показателям в перспективе до 2019 г., а в правой части звездочками обозначено, по каким показателям данный вид деятельности находится в лидерах. Как можно видеть из табл. 1, ни один из видов экономической деятельности не находится в лидерах по всем пяти анализируемым показателям. Лишь два – добыча полезных ископаемых, кроме топливных, и деятельность, связанная с использованием информационных технологий и вычислительной техники, находятся в первой пятерке по четырем из пяти анализируемых показателей.

Первый лидирует по всем, кроме роста затрат на исследования и разработки, что с учетом специфики данного вида деятельности, возможно, именно производственное проектирование, а не исследования и разработки для него является более актуальным. Деятельность, связанная с информационными технологиями, напротив, уступает лидерство в производственном проектировании, но весьма активна в исследованиях и разработках.

Два вида деятельности – металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, а также производство прочих неметаллических изделий – находятся в лидерах по трем показателям, причем в обоих присутствует лидерство по росту эффективности инновационной деятельности и по росту объема инвестиций.

Остальные виды деятельности попали в пятерку лидеров не более чем по одному-двум показателям. Из них можно выделить, например, производство кожи, изделий из кожи и обуви, которое занимает первое место по затратам на производственное проектирование, металлургию, у которой второе место по эффективности инновационных затрат и электроэнергетику со вторым местом по темпам роста исследований и разработок.

Показатели:

1. Рост объема инновационной продукции за период 2014–2019 гг.
2. Рост затрат на исследования и разработки за период 2014–2019 гг.
3. Рост затрат на производственное проектирование за период 2014–2019 гг.
4. Рост соотношения объем/затраты за период 2014–2019 гг.
5. Рост объема инвестиций за период 2014–2019 гг.

[1] Мотова М.А., Оболенская Л.В., Чинаева Т.И. и др. Оценка перспективных направлений и рисков развития инновационной сферы в рамках среднесрочных прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации: отчет о НИР. – М.: Финансовый университет, 2015. № госрегистрации 115070810127.

Таблица 1

Лидеры по показателям интенсивности и эффективности инновационной деятельности с учетом прогноза до 2019 г.

Виды экономической деятельности	Показатели					Всего
	1	2	3	4	5	
Добыча топливно-энергетических ископаемых.	*		*			2
Добыча полезных ископаемых кроме топливных.	*		*	*	*	4
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий.	*			*	*	3
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.	*	*				2
Деятельность, связанная с использованием информационных технологий и вычислительной техники.	*	*		*	*	4
Производство кожи, изделий из кожи и обуви.		*	*			2
Производство прочих неметаллических изделий.		*		*	*	3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды.		*				1
Производство пищевой продукции, включая напитки, и табака.			*			1
Производство кокса и нефтепродуктов.			*			1
Текстильное и швейное производство.				*	*	2

Источник: данные[1], расчеты авторов.

Как следует из анализа данных таблицы, говорить о безусловном перспективном лидерстве какой-либо из отраслей с точки зрения роста интенсивности и эффективности инновационной деятельности не представляется возможным. Можно лишь сгруппировать виды экономической деятельности в зависимости от сочетания показателей, по которым они имеют хорошие перспективы.

Если рассматривать комбинации анализируемых пяти показателей, то можно сказать, что выявляются две группы видов экономической деятельности с различными типами лидерства.

1. Виды деятельности с высокими темпами наращивания инновационного и/или технологического потенциала.

К ним относятся:

- Добыча топливно-энергетических ископаемых.
- Добыча полезных ископаемых кроме топливных.
- Производство кожи, изделий из кожи и обуви.
- Производство кокса и нефтепродуктов.
- Производство пищевой продукции, включая напитки, и табака.
- Производство прочих неметаллических изделий.
- Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.
- Производство и распределение электроэнергии, газа и воды.
- Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники.

Эти виды деятельности в среднесрочной перспективе будут активны в области исследований и разработок или производственном проектировании и могут представлять собой точки возможного инновационного роста без перспективы быстрой отдачи от вложенных инвестиций.

Из приведенного списка можно выделить такой вид деятельности, как *производство кожи, изделий из кожи и обуви,* который находится в лидерах по обоим показателям.

2. Отрасли с хорошими показателями роста объема производимой инновационной продукции и/или эффективности инновационных затрат.

- Добыча топливно-энергетических ископаемых.
- Добыча полезных ископаемых кроме топливных.
- Текстильное и швейное производство.
- Производство прочих неметаллических изделий.
- Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий.
- Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.
- Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий.

Лидерами по обоим показателям одновременно являются металлургия и деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий.

Рассмотрим теперь, какие из видов экономической деятельности занимают последние места по анализируемым показателям.

Имеется лишь один вид экономической деятельности – целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность, который находится на последних местах по всем пяти анализируемым показателям.

Производство и распределение электроэнергии, газа и воды находится на последних местах по трем показателям, таким, как рост затрат на производственное проектирование, рост объема инновационной продукции и, соответственно эффективность инновационных затрат.

[1] Индикаторы науки – 2015. – https://www.hse.ru/data/2016/02/08/1140295633/Индикаторы%20науки%202016.pdf

Индикаторы инновационной деятельности – 2015. – https://www.hse.ru/data/2016/03/21/1128209282/Индикаторы%20инновационной%20деятельности%202016.pdf

Кроме того, имеется три вида деятельности, которые занимают позиции аутсайдеров по двум показателям, в основном по тем, которые связаны с производством инновационной продукции и эффективностью затрат. Это такие виды деятельности, как текстильное и швейное производство, производство кожи, изделий из кожи и обуви, а также деревообработка.

Выявление видов деятельности с позитивными и негативными перспективами инновационного развития, с одной стороны дает возможность дать рекомендации потенциальным инвесторам, а с другой стороны поставить задачу выявления причин негативных тенденций, а именно выявления факторов, препятствующих инновационному развитию и нейтрализации этих факторов.

Мухсимова Д.Х.
м.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан

РОЛЬ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ключевые слова: *расходы на НИОКР в ВВП, научно-технологичное развитие, технологии с низким, средним и высоким уровнем, обрабатывающая промышленность.*

Keywords: *expenditure on R&D as a percentage of GDP, research and technological development, low-technology level, medium technology level and high technology level, manufacturing.*

Обрабатывающая промышленность является важной отраслью, которая способствует повышению производительности труда, увеличению доходов и снижению уровня бедности. Для развития обрабатывающей промышленности особое значение имеют оптимальные рамочные условия в налоговой системе, банковском секторе – выдача кредитов, квалифицированная рабочая сила, современная инфраструктура, и при этом немалую роль играют достижения в научно-техническом прогрессе и инновации. Переход от низкотехнологичных к более высоким отраслям требует развития НИОКР, заимствования передовых технологий, повышения квалификации кадров.

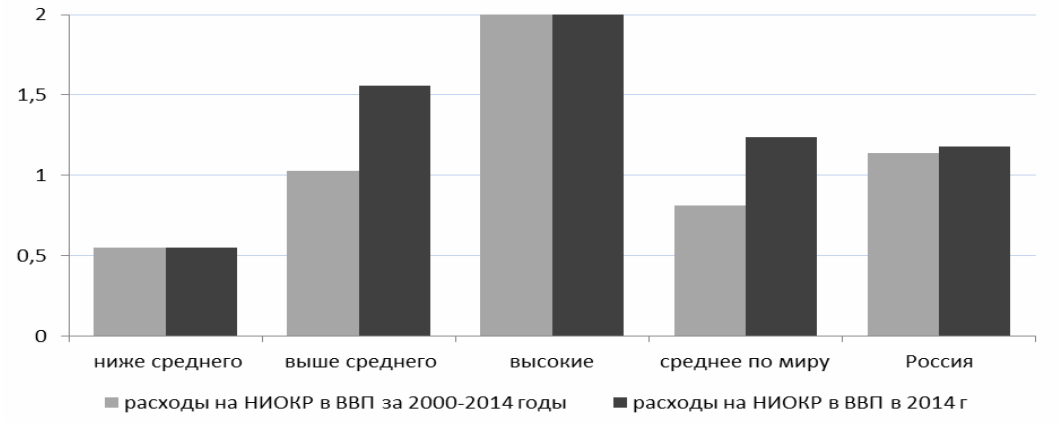
Роль научно-технологического развития проявляется в повышении уровня производительности труда. Технологический потенциал страны связан с образованностью населения и уровнем содействия и поддержки НИОКР. В странах с низкими доходами имеется большой потенциал развития технологий путем заимствования мировых технологических знаний, в чем важную роль играют инвестиции в человеческий капитал.

Страны с доходами ниже среднего для дальнейшей индустриализации развивают трудоемкие низкотехнологичные отрасли, обеспечивающие рост занятости и производительности труда. Необходимо отметить, что низкотехнологичные отрасли имеют невысокие барьеры для выхода на рынок, они ориентированы в основном на местный рынок, и требуют небольших затрат. Тем не менее, отрасли в этом секторе, достигающие высокой конкурентоспособности могут привлечь инвестиции, что способствует их дальнейшему развитию.

Страны со средними доходами больше привлекают инвестиции в отрасли с технологиями среднего уровня. Большая часть продукции технологий со средним уровнем являются промежуточными продуктами для высокотехнологичных отраслей.

В странах с высокими доходами все больше наблюдается выведение услуг из промышленных отраслей на аутсорсинг. Некоторые виды сферы услуг напрямую направлены на обслуживание обрабатывающей промышленности, которые служат для предоставления данных услуг для потребителя. В результате развития сферы услуг, сопряженной обрабатывающей промышленности, т.е. новой отрасли сферы услуг, опирающейся на интенсивном использовании НИОКР наблюдается увеличение создаваемой добавленной стоимости и производительности труда в отраслях, требующих высокого научно-технического потенциала: маркетинг, НИОКР, инжиниринг, финансовые, деловые (разработка программного обеспечения и др.), медицинские, образовательные, консультационные услуги.

Обзор литературы позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи между расходами на проведение НИОКР и успешным продвижением национальных производителей на рынке наукоемкой продукции. В связи с этим, целесообразно рассмотреть расходы на НИОКР в ВВП в различных группах стран мира (см. рис. 1).



Источник: данные Всемирного банка.

Рисунок 1.
Расходы на НИОКР в ВВП по группам стран с различными уровнями доходов

В группе стран с высокими доходами расходы на НИОКР в 2014 году составили – 2,46% от ВВП, а в странах с доходами ниже среднего в 4,5 раз меньше – 0,55% от ВВП. Доля высокотехнологичных товаров в экспорте продукции обрабатывающей промышленности в среднем за 2000–2015 годы в странах ОЭСР составила 15,6%, а в группе стран с доходами ниже среднего в два раза меньше – 7,8%. Развитие науки и техники способствует повышению конкурентоспособности в международной торговле, а вырученные на мировом рынке средства являются источником финансирования новых исследований и разработок.

Доля государственных затрат на НИОКР в 2016 году в США составила – 27,7[1]%, в Китае – 21,1%, в Японии – 17,3%, а в России – 67,6%. В странах с высокими доходами доля частного сектора в финансировании НИОКР в несколько раз превышает объемы государственного финансирования. В связи с этим в странах с низкими доходами необходимо постепенно внедрять элементы государственно-частного партнерства в финансировании НИОКР.

Результаты корреляционного анализа расходов на НИОКР и доли обрабатывающей промышленности в ВВП приведены в следующей таблице:

Группа стран с доходами:	*Коэффициент корреляции*
Высокие	0,23
Выше среднего	0,52*
Ниже среднего	–0,03

* значимость на 95% уровне.

Были рассмотрены группы стран с различными уровнями доходов, значимый коэффициент наблюдается в странах с доходами выше среднего. Т.е. в странах с доходами выше среднего расходы на НИОКР в ВВП положительно воздействуют на обрабатывающую промышленность. Недостаточное финансовое обеспечение науки и технологий порождает низкую отдачу от НИОКР при существующем богатом потенциале страны. Структурные изменения в обрабатывающей промышленности сопоставляются с ростом уровня применяемых технологий, и поэтапным переходом от низкотехнологичных отраслей к более высоким отраслям с большей добавленной стоимостью.

Как показывают исследования, проведенные ЮНИДО2, с переходом трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленный сектор доля низкотехнологичных отраслей в создаваемой добавленной стоимости увеличивается. В результате структурных изменений в обрабатывающей промышленности с достижением стран 17 тыс. долларов по показателю ВВП на душу населения доля низкотехнологичных отраслей уменьшается. Среднетехнологичные отрасли при низких уровнях дохода составляют 20% обрабатывающей промышленности и при достижении уровня выше среднего – достигают 28% и снижаются до 23% в странах с высокими доходами.

Высокотехнологичные отрасли в создаваемой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности составляют 10% в странах с низким уровнем дохода и увеличиваются до 54% в странах с высокими доходами. По мере развития экономики страны расходы на НИОКР увеличиваются и сокращается государственная доля финансирования. Стимулируется и ведется активная работа для развития науки и техники частного сектора.

Классификация отраслей обрабатывающей промышленности по ОЭСР связывает расходы на НИОКР с объемом добавленной стоимости. По данной классификации к технологиям *с низким уровнем* относятся: производство пищевых продуктов и напитков, табачных изделий, текстильных изделий, одежды, изделий из меха и кожи и обуви, деревянных изделий, кроме мебели, бумаги и т.д.; *со средним уровнем*: производство резины и пластмассы, неметаллических минеральных продуктов, металлургическая и металлообрабатывающая промышленность; *с высоким уровнем*: производство химикатов, машин и оборудования, канцелярских, бухгалтерских и электронно-вычислительных машин, медицинских приборов, оборудования для радио и др.

Как показывают результаты мировых исследований, для развития НИОКР, освоения новых технологий возникает потребность в узкоспециализированных навыках. Для этого необходимы специализированная подготовка в профессиональных учреждениях. Переход к производству высокотехнологичных товаров зависит также от качества университетов, институтов, подготавливающих квалифицированных технических специалистов, инженеров и ученых. Необходимо отметить, что для создания квалификационной базы, способствующей структурным изменениям, требуется время, так как система навыков имеет накопительный характер. В странах с низким уровнем развития наблюдается потребность в узкоспециализированном кадровом персонале, имеющем качественное техническое и профессионально-техническое образование, уровни квалификации при этом должны соответствовать структуре промышленности и изменяться вместе с ней по мере индустриализации.

Для сохранения и улучшения своих позиций странам необходимо постоянно обновлять продукцию и производственные процессы. Эффективность инновационных вложений определяется направленностью их на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Предпринимательские структуры, инвестирующие в НИОКР, как правило, более успешно работают на рынках.

В странах со средним уровнем доходов увеличение объемов производства достигается за счет капиталовложений, природных ресурсов, а в группе стран с высокими доходами – за счет повышения производительности труда, которое достигается в результате применения ресурсосберегающих технологий.

[1] National Science Board. 2016. – Arlington: National Science Foundation Science and Engineering Indicators, 2016. – P. 45–46.

[2] Организация объединенных наций по промышленному развитию. Отчет о промышленном развитии. 2013.

Как показал проведенный анализ, технологический фактор является важным фактором развития обрабатывающей промышленности. Высокие показатели в производстве продукции в значительной степени достигаются за счет технологического развития.

Своевременная поддержка и финансирование НИОКР является основой развития новых технологий и инноваций. Технологический прогресс способствует росту эффективности процесса производства и, как следствие, повышению конкурентоспособности стран. Переход от трудоемкой к технологически емкой экономике для группы стран с низким уровнем дохода создает возможность достижения более высоких уровней развития.

Никулина О.В.
д.э.н., профессор кафедры Мировой экономики и менеджмента Кубанского государственного университета, г. Краснодар
Коваленко А.И.
аспирант Кубанского государственного университета, г. Краснодар

ОРГАНИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ И КОНТРОЛЛИНГА В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ

***Ключевые слова**: финансовый контроль, контроллинг, инновационное предприятие, управление рисками, контрольная среда, внутрифирменное планирование.*

В современной экономической ситуации, характеризующейся наличием различного рода санкций, необходимостью импортозамещения иностранной продукции, ограничением финансовых ресурсов и наличием кризисных процессов в экономике страны, промышленные предприятия, занимающиеся производством инновационной продукции, сталкиваются со следующими проблемами: трудное финансово-экономическое положение, потеря воспроизводственных ресурсов, невысокая инвестиционная притягательность промышленных предприятий инновационной направленности, объясняющаяся повышенным уровнем неопределенности и риска. В связи с этим использование финансового контроля и контроллинга для сохранения имеющегося экономического потенциала и мобилизации внутренних ресурсов с целью увеличения производительности приобретает высокую актуальность.

Основная задача системы финансового контроллинга на промышленных предприятиях инновационной направленности состоит в переориентировании процесса управления на получение запланированного результата и долговременное, результативное функционирование компании при помощи механизмов планирования, контролирования и информационного обеспечения.

В основе механизма финансового контроллинга лежит системность применения координационных моделей и финансовых способов управления. В общем виде механизм финансового контроллинга представляет собой систему экономических инструментов (способов, методов), с помощью которых реализуются различные функции контроллинга.

В настоящее время известно достаточно большое количество инструментов финансового контроллинга (табл. 1).

Таблица 1

Классификация инструментов финансового контроллинга

Направленность воздействия	Инструменты финансового контроллинга
Экономические показатели	– Финансовый анализ – Факторный анализ прибыльности – Прогнозирование банкротства
Издержки	– Маржинальный анализ – Метод АВС – Метод ФСА – Анализ издержек по центрам затрат
Планирование	– Финансовое планирование – Планирование производственного результата – Показатели эффективности по подразделениям
Способ учета	– Бухгалтерские отчеты – РСБУ – МСФО – Методы анализа отчетности (горизонтальный анализ баланса, метод группировок затрат по их видам)

Именно эффективность финансового управления в последние годы становится важнейшей задачей промышленных предприятий инновационной направленности, поскольку даже при стабильном финансировании программных мероприятий, направляемых на инновационные проекты предприятия, их реализуемость определяется новыми финансовыми рисками, связанными как с глубокой технологической модернизацией производственной базы и структурными преобразованиями в отрасли, так и с влиянием внешних политических факторов.

В табл. 2 отражена сравнительная характеристика видов финансового контроллинга.

Таблица 2

Оперативный и стратегический финансовый контроллинг

Признаки	Вид финансового контроллинга	
	Оперативный	Стратегический
Уровень руководства	Все	Топ-менеджмент
Характер неопределенности	Малая	Достаточно высокая
Структурируемость решаемых проблем	Высокая	Слабая
Период развития	Краткосрочный период	Долгосрочный период
Источник информации	Внутренняя среда	Внешняя среда
Уровень детализации	Высокий	Низкий
Система показателей	Прибыль, рентабельность, ликвидность	Сбалансированные показатели по СВС

Развитие механизма финансового контроллинга как инструмента эффективного управления ориентировано не только на увеличение производительности работы промышленного инновационного предприятия, но и на достижение стратегических целей отрасли.

К основным причинам, препятствующим внедрению систем финансового контроллинга на отечественных предприятиях, относятся следующие:

1) отсутствие требуемых компаниями ERP систем финансового контроллинга и отсутствие универсальной комплексной системы финансового контроллинга, которую могли бы использовать инновационные промышленные предприятия путем настройки её под свои требования и особенности;

2) отсутствие достоверной информации об отечественной практике осуществления процедур финансового контроллинга;

3) недооценка и игнорирование внешнего окружения промышленного инновационного предприятия;

4) отсутствие координации и трудности коммуникации при внедрении систем финансового контроллинга;

5) затратность процесса внедрения системы финансового контроллинга;

6) непостоянность и несистемность финансовой политики инновационных промышленных предприятий;

7) низкий уровень правового обеспечения процессов внедрения финансового контроллинга на инновационных промышленных предприятиях;

8) низкий уровень кадрового обеспечения.

Однако несмотря на это в последнее время финансовый контроллинг приобретает признание в виде механизма антикризисного управления компанией, который выполняет финансово-экономическую функцию в менеджменте промышленного инновационного предприятия с целью принятия стратегических и своевременных управленческих решений.

Посредством введения системы финансового контроллинга в практику ведения бизнеса почти все промышленные компании стараются создать успешную систему управления собственной ФХД.

Рассмотрение особенностей финансового контроллинга дает возможность говорить о преимуществах его использования на инновационных промышленных предприятиях:

- Возможность предоставления по запросу в любой отдел предприятия информации (отчеты по расходованию средств при реализации инновационного проекта; матрицы, позволяющие выявить финансовые риски, сопутствующие реализации инновационного проекта; исследование характеристик производительности) необходимой для принятия не только перспективных управленческих решений, но и для рассмотрения конкретной ситуации на рынке;
- Своевременность выявления финансовых отклонений от заданных стандартов, предвидений, смет, норм;
- Представление реализованной продукции в виде финансовых результатов;
- Разработка конкретизированных рекомендаций для руководства с учетом воздействия возникающих в процессе инновационной деятельности факторов неопределенности внутренней и внешней среды.

Основным компонентом финансового контроллинга является процедура контроля. Выделяют три типа финансового контроля:

Предварительный – осуществляется с помощью формального финансового планирования и создания организационной системы. Как правило, при этом анализируется определенная финансовая политика уже сложившаяся на предприятии до внедрения процедур финансового контроллинга;

Текущее наблюдение. Направлено на контроль фактического финансового результата от деятельности компании (подразделения или сотрудника), направленного на достижение поставленных целей;

Завершающее управление. Осуществляется в момент завершения проекта или времени на его разработку. Позволяет получить информацию для планирования схожих проектов и в дальнейшем может оказать влияние на внутреннее и внешнее окружение предприятия.

В общем виде процедура контроля включает в себя следующие аспекты:

1) обозначение стереотипов и критериев;

2) сопоставление полученных итогов с установленными данными;

3) своевременность коррекции.

Рассмотрим основные элементы финансового контроля на инновационном промышленном предприятии:

1. Контрольная среда. Контрольная среда основана на построении основы для процедур контроля: «руководитель сверху» и «способность организации». Правильное функционирование «руководитель сверху»: Руководство –

образец корпоративной культуры – подчеркивает важность организационного контроля и поощряет деятельность по модернизации системы контроля. «Способности организации» достигаются методом обучения персонала. Работник, не понимающий смысла процесса и его элементов, – слабая гарантия контроля в современных реалиях;

2. Анализ финансового риска. Основное назначение финансового контроля состоит в минимизации финансового риска и поддержания успешной системы контролирования знаний текущей карты рисков. Финансовый риск должен оцениваться в разных областях с различной ступенью формальности к этому процессу. Ежегодно должна проводиться переоценка риска отделом внутреннего аудита;

3. Непосредственно сам финансовый контроль;

4. Информация и коммуникация. Возможность определения и формирования отчета для успешного контроля деятельности фирмы должна определяться информационной системой. Внутри предприятия и его организационной структуры сотрудники должны получать уведомления, что они обязаны понимать свои роли в системе внутреннего контроля и должны серьезно относиться к этому процессу, обо всех проблемах своевременно информировать руководство;

5. Мониторинг под которым понимается контроль высших уровней за низшими уровнями структуры, работа системы аудита, принятие техники безопасности. Мониторинг – сравнение текущих показателей со стратегическими, поэтому здесь и предусматривается группа нормативов. Например, проверка соотношения итогов инвентаризации согласно сведениям складского учёта, показатель времени для «закрытия» бухгалтерских книг.

Между всеми этими элементами есть координирование, в ходе которого формируется интегрированная система, способная динамично реагировать на изменение финансовых условий.

Система внутреннего финансового контролирования тесно взаимосвязана с финансово-хозяйственной деятельностью инновационной промышленной компании, ее существование связано с фундаментальными потребностями бизнеса.

Внутренний финансовый контроль эффективен, когда он встроен в инфраструктуру и признается необходимой составляющей работы фирмы. «Интегрированные» контроли оказывают большое влияние на наделение работников полномочиями. Они также позволяют минимизировать затраты и оперативно перестроится в соответствии с возникшими ситуациями.

Российские условия осуществления предпринимательской деятельности определенным образом препятствуют внедрению систем финансового контроллинга.

Во-первых, многие промышленные предприятия не заинтересованы достоверно представлять свою хозяйственную деятельность, так как получение устойчивой и большой прибыли может заинтересовать как налоговые органы, так и структуры, занятые приобретением организаций. В связи с этим инновационные промышленные предприятия зачастую искажают свою финансовую отчетность. Эти нарушения прежде всего касаются случаев занижения фактической прибыли с целью уменьшения налогооблагаемой базы.

Во-вторых, внедрение процедур финансового контроллинга требует больших материальных затрат. Большими финансовыми резервами обладают в основном только крупные промышленные компании, успешно работающие в отрасли.

В-третьих, необходимо отметить простоту организационных структур российских промышленных предприятий в основном это линейно-функциональные и дивизиональные структуры управления. Многомерные, адаптивные, матричные структуры встречаются в основном у крупных западных компаний.

Вместе с тем необходимо отметить, что введение системы финансового контроллинга становится жизненно необходимым для многих отечественных промышленных предприятий, особенно для инновационных предприятий, находящиеся в нестабильном состоянии.

Необходимость развития системы финансового контроллинга на промышленных инновационных предприятиях и ее внедрение в практику работы в значительной степени определяется влиянием мирового экономического кризиса.

В период проявления кризисных явлений возникает необходимость в повышении эффективности ФХД инновационного промышленного предприятия, что прежде всего определяется процессом внедрения процедур внутрифирменного планирования. В связи с этим с финансовый контроллинг зачастую рассматривается как инструмент, направленный на перспективное финансовое планирование.

В основе финансового контроллинга лежит желание руководства компании получить гарантированный результат от функционирования административной системы промышленного предприятия в долгосрочной перспективе, для этого в практике инновационных промышленных предприятий используются следующие аспекты управления:

– корректировка стратегических целей компании под условия динамики внешней среды;

– координирование оперативных планов со стратегическими планами развития организации;

– согласованность оперативных планов по различным бизнес-процессам;

– формирование и введение системы, способной обеспечить сотрудников и топ-менеджеров информацией для формирования управленческих решений;

– введение в практику работы системы контроля мониторинга планов;

– приспособление структуры финансового управления предприятием с целью увеличения ее гибкости.

Построения системы финансового контроллинга на промышленном инновационном предприятии производится поэтапно. На каждом из этапов решаются конкретные задачи:

1. Определить объект финансового контроллинга. Реализация принимаемых управленческих решений должна быть ориентирована на основные аспекты производственной и финансовой деятельности инновационного предприятия, которые будут являться объектом финансового контроллинга.

2. Определить вид и сферу финансового контроллинга. Согласно концепции построения финансового контроллинга он выступает в следующих видах: стратегический, текущий и оперативный. Каждому из них должна соответствовать именно его сфера и время осуществления его механизмов.

3. Сформировать систему приоритетных финансовых показателей, которые будут подвержены контролю. Для каждого вида финансового контроллинга показатели должны быть распределены по значимости. В процессе такого распределения в систему приоритетов первого уровня должны быть включены наиболее важные из проверяемых финансовых показателей, далее формируется второй уровень, показатели которого должны находиться в факторной связи с показателями первого уровня, дальше по аналогии формируется третий и последующие уровни.

Еще одним важным критерием является сводимость всех финансовых показателей, которые должны контролироваться как по иерархии, так и по направлениям инновационной производственной деятельности.

4. Разработать систему количественных стандартов финансового контроля. Сразу после определения и распределения перечня контролируемых финансовых показателей необходимо установить количественный стандарт по каждому из них. Эти стандарты могут быть установлены не только в абсолютных, но и в относительных показателях. Характер количественных стандартов может быть как подвижным, так и стабильным. Количественный стандарт подвижного характера может быть использован для контроля финансовых показателей гибкого бюджета, корректировки стандарта при изменении учетной ставки, темпа инфляции и т.п. Стандарт – целевой стратегический норматив, показатель текущего плана и бюджета, система норм или нормативов, разработанная государством или предприятием и т.п.

5. Построить систему мониторинга показателей. «Следящая система» или система мониторинга – основа финансового контроллинга, активная часть этого механизма. Она должна постоянно наблюдать за подконтрольными показателями, это механизм наблюдения за всеми бизнес-процессами, величиной отклонений результатов от фактически заданных, выявления причин отклонения. Данная система должна быть гибкой и обеспечивающей возможность корректировки в случае изменения целей и системы показателей действующих планов и бюджетов.

6. На заключительном этапе создается система алгоритмов деятельности, направленной на устранение выявленных отклонений. Эта система применяется, если возможность стабилизации отдельных финансовых аспектов ограничена или вообще отсутствует. В таких ситуациях по результатам финансового мониторинга необходимо внести предложения по корректировке стратегических нормативов или показателей текущего финансового плана.

На основе теоретических и практических данных можно сделать вывод, что использование инструментов финансового контроллинга может помочь решить наиболее острые проблемы, стоящие перед руководством инновационного промышленного предприятия, такие как неэффективное руководство расходами, неоптимальное распределение оборотных активов, недостоверность информации о деятельности подразделений и фирмы в целом, неоптимальная налоговая политика и непрозрачность внутренней отчетности.

Эффективное внедрение процедур финансового контроля и контроллинга на современных российских промышленных предприятиях инновационной направленности невозможно без изменения самого подхода к процессу финансового управления предприятием. Для этого необходимо построить управленческий процесс на предприятии таким образом, чтобы появилась возможность объединения всех его бизнес-процессов, что способствует формированию эффективного механизма управления на основе процедур финансового контроллинга.

Список литературы

1. Гусев М.М. Программа построения эффективной системы производственного контроллинга на промышленном предприятии // Вопросы экономики и права. 2011. – № 5. – С. 120–123.
2. Дайле А. Практика контроллинга: Пер. с нем. / Под ред. М.Л. Лукашевича. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 336 с.
3. Контроллинг в бизнесе. Методические и практические основы построения контроллинга в организациях / А.М. Карминский, Н.И. Оленев, А.Г. Примак, С.Г. Фалько. – М.: Финансы и статистика, Инфра-М, 2009. – 336 с.
4. Фольмут Х.Й. Инструменты контроллинга от А до Я: Пер. с нем. / Под ред. и с предисл. М.Л. Лукашевича и Е.Н. Тихоненковой. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 288 с.
5. Хан Д. Планирование и контроль: концепция контроллинга: Пер. с нем. / Под ред. и с предисл. А.А. Турчака, Л.Г. Головача, М.Л. Лукашевича. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 800 с.
6. Харитонова Н.А., Медведева Д.С. Контроллинг как инструмент управления организацией // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия Экономика и право. 2012. – № 10.
7. Юдина Л.Н. Управленческий учет и контроллинг // Финансовый менеджмент. 2005. – № 1. – С. 81–87.

Оболенская Л.В.
к.т.н., в.н.с. Финансового университета
obolenskayalv@gmail.com

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ МОНИТОРИНГА ФАКТОРОВ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ ИННОВАЦИЯМ: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА[1]

***Ключевые слова**: факторы, препятствующие инновациям; мониторинг; развивающиеся страны; систематизация.*

***Keywords:** factors impeding innovation; monitoring; developing countries; systemization.*

Значимым фактором обеспечения устойчивого экономического развития в современных условиях является проведение государственной политики, стимулирующей инновационную активность предпринимательского сектора[2]. Эффективное решение этой задачи требует полноценного информационного обеспечения, составной частью которого является статистический мониторинг инновационной деятельности. Он включает наблюдение факторов, препятствующих инновационной активности, на постоянной основе. Цель такого мониторинга, проводимого в разных странах, – выявление наиболее критичных негативных факторов, требующих мер со стороны государства для их нейтрализации.

От того, насколько корректно составлен перечень факторов, предлагаемых опрашиваемым организациям в рамках национального статистического мониторинга, будет зависеть корректность ответов и возможности правильной интерпретации выходных результатов управляющими органами. С учетом актуальности этой проблемы ниже рассматривается российская модель статистического мониторинга факторов, препятствующих инновациям. Анализируются возможности, а также ограничения этой модели, выявленные с учетом зарубежного опыта и требующие устранения для повышения ее эффективности.

1. Возможности российской модели статистического мониторинга факторов, препятствующих инновационной активности

В России федеральное статистическое наблюдение факторов, препятствующих инновационной активности, осуществляется на основе формы № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации»[3].

В процессе мониторинга отслеживается список из 13 негативных факторов, распределенных по трем группам.

Группа «Экономические факторы» охватывает следующие пять наименований из сводного списка факторов:

– Недостаток собственных денежных средств (1);
– Недостаток финансовой поддержки со стороны государства (2);
– Низкий спрос на новые товары, работы, услуги (3);
– Высокая стоимость нововведений (4);
– Высокий экономический риск (5).

Группа «Внутренние факторы» охватывает также пять наименований из списка:

– Низкий инновационный потенциал организации (6);
– Недостаток квалифицированного персонала (7);
– Недостаток информации о новых технологиях (8);
– Недостаток информации о рынках сбыта (9);
– Неразвитость кооперационных связей (10).

Группа «Другие факторы» включает три остальных фактора:

– Недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность (11);

– Неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, прочие услуги) (12);

– Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности (13).

[1] Работа выполнена в рамках общеуниверситетской комплексной темы Финансового Университета при Правительстве РФ «Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений» на период 2014-2018 гг.

[2] Контуры инновационного роста на саммите G20. – https://interaffairs.ru/news/show/15934

[3] Приказ Росстата от 25.09.2015 № 442 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации». – http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=186859;fld=134;dst=100771,0;rnd=0.6411630835014391

Опрашиваемым организациям предлагается оценивать значимость факторов, препятствовавших инновационной активности в течение последних трех лет. При этом охватываются как организации, осуществлявшие инновационную деятельность, так и не занимавшиеся ею.

Для учета специфики негативных факторов по разным типам инноваций (технологические, организационные, маркетинговые) опрашиваемые организации дифференцируются по этим типам.

Методологические границы статистического наблюдения дают возможность анализировать негативные факторы в разных классификационных разрезах, что важно с позиции адресности мер по нейтрализации. Опрашиваемые организации дифференцируются:

– по видам экономической деятельности (на основе общероссийского классификатора видов экономической деятельности ОКВЭД);

– по территориальному признаку (на основе общероссийского классификатора территориальных образований ОКАТО);

– по численности работников;

– по формам собственности (на основе общероссийского классификатора форм собственности ОКФС);

– по организационно-правовым формам (на основе общероссийского классификатора организационно-правовых форм ОКОПФ).

В качестве примера проанализируем значимость факторов, препятствующих инновационной активности российского предпринимательства, в разрезе ОКВЭД. При этом рассматриваются организации, осуществлявшие технологические инновации.

В табл. 1 показаны ранги негативных факторов, определяющие их относительную значимость в рамках конкретного вида экономической деятельности. При расчете рангов использованы данные Федерального статистического наблюдения, осуществляемого по форме № 4-инновация. Ранг 1 присваивается наиболее значимому негативному фактору, соответственно ранг 13 – фактору с наименьшей значимостью. Значимость оценивается, исходя из удельного веса организаций (%), оценивших негативный фактор как решающий или значимый. Данные относятся к 2013 г. Следует отметить, что в настоящее время данные о факторах, препятствующих инновациям, собираются раз в два года. Следовательно, следующие собранные данные будут относиться к 2015 г.

Таблица 1

Ранги факторов, препятствующих инновациям, в разрезе ОКВЭД
(часть 1 – виды деятельности № 1-10)

Номера видов экономической деятельности / Группы факторов, препятствующих инновациям	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Наиболее значимые факторы										
Высокая стоимость нововведений	1	1	1	2	1	1	3	1	1	2
Недостаток собственных денежных средств	3	2	2	1	3	2	1	3	2	1
Высокий экономический риск	2	3	3	3	2	3	4	2	3	3
Недостаток финансовой поддержки со стороны государства	7	6	4	4	7	4	2	6	4	4
Среднезначимые факторы										
Недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность	4	5	6	9	9	10	8	5	5	7
Недостаток квалифицированного персонала	9	4	8	5	4	11	7	10	9	5
Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности	5	8	10	11	6	6	10	4	7	8
Низкий спрос на новые товары, работы, услуги	12	13	5	10	5	7	6	8	8	6
Неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, прочие услуги)	6	7	7	8	13	5	9	7	6	10
Менее значимые факторы										
Низкий инновационный потенциал организации	8	9	11	6	8	8	5	13	12	11
Недостаток информации о рынках сбыта	13	10	9	7	11	12	12	9	10	12
Недостаток информации о новых технологиях	10	11	12	13	10	9	11	11	11	9
Неразвитость кооперационных связей	11	12	13	12	12	13	13	12	13	13
Примечание: виды экономической деятельности №№ 1-10 1. Добыча топливно-энергетических ископаемых; 2. Добыча других полезных ископаемых; 3. Производство пищевой продукции, включая напитки и табака; 4. Текстильное и швейное производство; 5. Производство кожи, изделий из кожи и обуви; 6. Обработка древесины и производство изделий из дерева; 7. Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность; 8. Производство кокса и нефтепродуктов; 9. Химическое производство; 10. Производство резиновых и пластмассовых изделий.										
Наиболее значимые факторы										
Высокая стоимость нововведений	1	1	1	1	1	2	1	2	1	1
Недостаток собственных денежных средств	2	2	2	2	2	1	2	1	3	2

Высокий экономический риск	3	3	3	4	3	3	4	4	2	3
Недостаток финансовой поддержки со стороны государства	4	4	4	3	4	4	3	3	5	6
Среднезначимые факторы										
Недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность	6	5	6	6	6	7	6	5	4	4
Недостаток квалифицированного персонала	7	6	5	5	5	5	5	6	6	7
Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности	11	8	8	8	8	8	7	8	7	5
Низкий спрос на новые товары, работы, услуги	5	7	7	7	7	6	8	11	8	9
Неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, прочие услуги)	8	9	9	10	10	10	9	9	9	8
Менее значимые факторы										
Низкий инновационный потенциал организации	10	11	10	9	9	9	11	7	11	12
Недостаток информации о рынках сбыта	9	10	12	11	12	13	10	13	10	10
Недостаток информации о новых технологиях	12	12	11	12	11	12	12	10	12	13
Неразвитость кооперационных связей	13	13	13	13	13	11	13	12	13	11
Примечание: виды экономической деятельности №№ 11-20 11. Производство прочих неметаллических изделий; 12. Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; 13. Производство машин и оборудования; 14. Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; 15. Производство транспортных средств и оборудования; 16. Прочие производства; 17. Производство прочих материалов; 18. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; 19. Связь; 20. Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий.										

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Из табл. 1 можно сделать следующие выводы.

1. Наиболее значимой практически для каждого вида экономической деятельности является группа финансовых факторов (ранги в диапазоне от 1–4). При этом фактор «недостаток финансовой поддержки со стороны государства» не является доминирующим.

2. В группе нефинансовых факторов наиболее значимыми в разрезе ОКВЭД оказались пять негативных факторов:

– недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность (в первой тройке после финансовых факторов или опережает по рангу один из финансовых факторов в 16 видах деятельности из 20);

– недостаток квалифицированного персонала (в первой тройке после финансовых факторов или опережает по рангу один из финансовых факторов в 15 видах деятельности);

– неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности (в первой тройке после финансовых факторов или опережает по рангу один из финансовых факторов в 8 видах деятельности);

– низкий спрос на новые товары, работы, услуги (в первой тройке после финансовых факторов в 11 видах деятельности);

– неразвитость инновационной инфраструктуры (в первой тройке после финансовых факторов в 6 видах деятельности).

Таким образом, каждый из этих факторов попадает в первую тройку наиболее значимых нефинансовых факторов по ряду видов деятельности.

3. Ранг одного и того же негативного фактора может существенно варьировать в зависимости от вида экономической деятельности.

4. Выявленная вариативность ранга означает разную критичность одного и того же фактора в разрезе видов экономической деятельности. Эти различия должны учитываться в рамках промышленно-отраслевой политики при определении приоритетности нейтрализации негативных факторов.

2. Сравнительный анализ списков факторов, препятствующих инновациям: российская и зарубежная практика статистического мониторинга

В данной части статьи проводится сравнительный анализ списков факторов, препятствующих инновациям, из трех источников: российской статистической формы № 4-инновация, Руководства Осло[1], Руководства Боготы[2].

На сегодняшний момент наиболее системным и общепризнанным источником методологических сведений об инновациях и подходах к их измерению является Руководство Осло. В Руководстве Осло приводится структурированный список факторов, препятствующих инновациям, рекомендуемый для использования в национальных системах

[1] Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям / Совместная публикация ОЭСР и Евростата. Третье издание. Перевод с англ. – М.: ЦИСН, 2010. – 107 с.

[2] Bogota Manual. Standardization of Indicators of Technological Innovation in Latin American and Caribbean Countries, 2001. – http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/Bogota%20Manual_eng.pdf

мониторинга стран ОЭСР. При составлении аналогичного национального списка, как и в других областях мониторинга инновационной деятельности, российский подход ориентируется на рекомендации Руководства Осло. В то же время сопоставительный анализ покажет, что в российской версии имеется ряд отклонений, порождающих ограничения, отсутствующие в исходном международном Руководстве.

Рассматривая российский список негативных факторов в сопоставлении с международными стандартами, следует остановиться на таком важном моменте как учет уровня инновационного развития страны. Негативные факторы, рекомендованные для обследований в странах ОЭСР, представляют собой, по сути, универсальный реестр без учета социально-экономической специфики развивающихся стран по сравнению с развитыми странами. В то же время проведение инновационных обследований в развивающихся странах на основе рекомендованных стандартов показало необходимость учета этой специфики, что было признано и в третьем издании Руководства Осло.

Методологическим документом, обобщающим особенности, характерные для развивающихся стран, стало Руководство Боготы. Его методологические положения и рекомендации использовались в инновационных обследованиях, проводившихся в странах Латинской Америки и других регионах. Поскольку по уровню инновационной активности позиции российского предпринимательства близки к развивающимся странам, обобщения Руководства Боготы представляют ценность и для нашей страны. В Руководстве Боготы представлены факторы, способные воздействовать на инновации в позитивном, негативном и нейтральном плане. В соответствии с целями исследования нами были выделены негативные аспекты проявления означенных факторов.

Прежде, чем перейти к сопоставлению негативных факторов, заострим внимание на следующей проблеме, требующей решения. Она состоит в том, что в трех рассматриваемых источниках используются несовпадающие группировки негативных факторов. Каждая группировка сделана по своим критериям, что влечет несопоставимость негативных факторов на уровне блоков-агрегатов. В то же время, если проводить сопоставление списков из трех источников на детализированном уровне без вспомогательных группировок, то картина становится труднообозримой.

Чтобы решить данную проблему, предлагается использовать следующую группировку негативных факторов в блоки-агрегаты.

1. Недостаточность инновационно-исследовательских заделов предприятия.
2. Кадрово-организационные препятствия.
3. Препятствия, связанные с экономической спецификой инноваций (риски, неопределенность, долговременность, затратность).
4. Отсутствие у предприятия необходимости в инновациях.
5. Недостаточность возможностей рынка для продвижения инноваций.
6. Отсутствие конкурентных сигналов рынка, стимулирующих инновации.
7. Дефицит знаний и нематериальных услуг мезо-, макро и метауровня в сфере создания и продвижения инноваций.
8. Неразвитость кооперационных связей.
9. Технологические препятствия мезоуровня.
10. Финансовые препятствия.
11. Неоптимальность нормативно-правового регулирования научно-технологической сферы.
12. Неразвитость материальной инфраструктуры.

Заметим, что разработанный нами перечень блоков-агрегатов, по сути, представляет собой комбинированный классификатор, методологически отвечающий подходам к систематизации мероприятий госпрограмм[1] и составляющих инновационной инфраструктуры[2]. В данном случае классификатор предназначен для полноценного охвата негативных факторов из трех конкретных источников. Изменение состава источников потребовало бы соответствующей коррекции перечня блоков-агрегатов.

Результаты проведенного нами сопоставительного анализа на основе предложенного классификатора сведены в табл. 2. С учетом имеющейся информации некоторые из 12-ти блоков-агрегатов разделены на свои структурные составляющие.

Таблица 2

Сопоставление трех перечней факторов, препятствующих инновациям: из формы № 4-инновация (Россия), Руководства Боготы и Руководства Осло

Руководство Боготы	Руководство Осло	Россия
1	2	3
1. Недостаточность инновационно-исследовательских заделов предприятия		
Недостаточный инновационный потенциал (в сфере ИиР, дизайна и пр.)	Недостаточный инновационный потенциал (в сфере ИиР, дизайна и пр.)	Низкий инновационный потенциал организации (6)

[1] Оболенская Л. В. Системно-иерархический подход к мероприятиям госпрограмм на примере образовательной сферы // Региональные инновационные системы: анализ и прогнозирование динамики: Материалы Шестнадцатых Друкеровских чтений / Под ред. Р.М. Нижегородцева. – Москва; Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2013. – С. 285–298.

[2] Оболенская Л.В. Инновационная инфраструктура как комплексный институт развития // Экономика. Налоги. Право. 2015. – № 2. – С. 14–20; Оболенская Л.В. Разработка типологии специализации субъектов инновационной инфраструктуры для развития классификационных подходов // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 5. Материалы Шестнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 14–15 апреля 2015 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. – С. 117–120.

1	2	3
2. Кадрово-организационные препятствия		
2.1 Кадрово-организационные препятствия на предприятии		
Недостаток квалифицированного персонала	Отсутствие или недостаток квалифицированного персонала на предприятии	Недостаток квалифицированного персонала (10)
	Жесткость внутренней организации предприятия:	
Сопротивление изменениям	отношение персонала к переменам	
	отношение руководителей к переменам	
Дефекты в организации труда	управленческая структура предприятия	
	неспособность выделить персонал для инновационной деятельности из-за потребностей производства	
2.2 Кадрово-организационные препятствия на мезо и макроуровне		
2.2.1 Отсутствие или недостаток квалифицированного персонала на рынке труда		
	Отсутствие или недостаток квалифицированного персонала на рынке труда	
2.2.2 Неоптимальность системы подготовки квалифицированных кадров и регулирования занятости		
Неоптимальность законов и механизмов регулирования занятости		
Несовершенство национальной системы повышения квалификации по основным рабочим специальностям		
Высокая себестоимость повышения квалификации		
Отсутствие или недостаточное количество центров повышения квалификации		
Низкое качество работы центров повышения квалификации		
3. Препятствия, связанные с экономической спецификой инноваций (риски, неопределенность, долговременность, затратность)		
Чрезмерные инновационные риски	Чрезмерные предвидимые риски	Высокий экономический риск (1)
Слишком длительный период окупаемости затрат на инновации		
Слишком высокая себестоимость инноваций	Слишком высокая стоимость	Высокая стоимость нововведений (2)
4. Отсутствие у предприятия необходимости в инновациях		
	Нет потребности в инновациях вследствие недостаточного спроса	
	Нет нужды заниматься инновациями, так как используются предыдущие инновации	
5. Недостаточность возможностей рынка для продвижения инноваций		
5.1 Неоптимальность параметров рынка		
Недостаточный объем рынка		
Неоптимальная структура рынка		
Слабость перспектив роста рынка		
5.2 Препятствия со стороны потребителей продукции		
Слабый отклик потребителя на новые продукты и процессы	Неопределенный спрос на инновационные товары или услуги	Низкий спрос на новые товары, работы, услуги (5)
5.3 Препятствия со стороны конкурентов		
	Господство на потенциальном рынке уже укоренившихся на нем предприятий	
Высокие риски имитации конкурентами		
6. Отсутствие конкурентных сигналов рынка, стимулирующих инновации		
Отсутствие вызовов, угроз рынка		
7. Дефицит знаний и нематериальных услуг мезо-, макро и метауровня в сфере создания и продвижения инноваций		
Недостаток информации о технологиях	Отсутствие или недостаток информации о технологиях	Недостаток информации о новых технологиях (7)
Трудности маркетинга на мезоуровне. Недостаток информации о национальных и зарубежных рынках	Отсутствие или недостаток информации о рынках	Недостаток информации о рынках сбыта (8)
	Дефицитность внешних услуг*	Неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, прочие услуги) (11)
8. Неразвитость кооперационных связей		
Неразвитость кооперационных связей**	Трудности нахождения партнеров для совместной разработки:	Неразвитость кооперационных связей (9)***
	продукта или процесса	
	маркетингового проекта	

1	2	3
9. Технологические препятствия мезоуровня		
Препятствия, связанные с технологическим потенциалом		
Препятствия, связанные с динамизмом технологии		
10. Финансовые препятствия		
В разрезе направлений использования:	В разрезе источников финансирования:	В разрезе источников финансирования:
Финансовые препятствия для создания инноваций	Недостаток внутренних финансовых средств предприятия	Недостаток собственных денежных средств (3)
	Отсутствие или недостаточность финансирования из внешних источников:	
Финансовые препятствия для развития инновационного потенциала предприятий	государственные источники финансирования	Недостаток финансовой поддержки со стороны государства (4)
	венчурный капитал	
11. Неоптимальность нормативно-правового регулирования научно-технологической сферы		
Законы, регулирование, стандарты, связанные с наукой и технологиями	Законодательство, правила, стандарты, налогообложение	Недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность (13)
Слабость защиты прав на интеллектуальную собственность	Слабость защиты права собственности	Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности (12)
12. Неразвитость материальной инфраструктуры		
Неразвитость материальной инфраструктуры	Отсутствие или слабость инфраструктуры	

Примечание. Имеется в виду:
* – в области знаний; ** – в отрасли, регионе; *** – у предприятия
Источник: разработано автором на основе трех источников: формы № 4-инновация, Руководства Осло и Руководства Боготы.

Из табл. 2 можно сделать следующие заключения в отношении полноты охвата негативных факторов в российской модели мониторинга в сравнении с зарубежными источниками. В российской версии мониторинга на уровне укрупненных блоков-агрегатов не отражается ряд факторов, препятствующих инновациям. Не учитываются такие блоки факторов как:

– неоптимальность системы подготовки квалифицированных кадров и регулирования занятости;
– отсутствие у предприятия необходимости в инновациях;
– неоптимальность параметров рынка;
– препятствия со стороны конкурентов;
– отсутствие конкурентных сигналов рынка, стимулирующих инновации;
– технологические препятствия мезоуровня;
– неразвитость материальной инфраструктуры.

Данные группы негативных факторов, учитываемые в ОЭСР или в практике мониторинга развивающихся стран, не должны упускаться из виду и в России.

3. Рекомендации по устранению ограничений российской модели мониторинга факторов, препятствующих инновациям, с учетом зарубежного опыта

С учетом проведенного сопоставительного анализа предложим некоторые рекомендации по устранению сегодняшних ограничений российской модели мониторинга факторов, препятствующих инновациям.

Рекомендации по устранению несоответствий между названиями обобщенных рубрик и объединяемыми негативными факторами. В российском списке факторов, препятствующих инновациям, наблюдаются отдельные несоответствия между названиями обобщенных рубрик и объединяемыми факторами. При этом имеют место расхождения с международной практикой.

В частности, пункт «Недостаток собственных денежных средств» в российском реестре отнесен к рубрике «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ». В то же время имеется рубрика «**ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ», которая по смыслу этот пункт также должна включать.**

Пункт «Неразвитость кооперационных связей» попадает по российской версии во «**ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ». Это не отвечает смысловой нагрузке данного фактора. Также отметим, что в Руководстве Боготы (для развивающихся стран) рассматриваемый пункт отнесен к группе отраслевых и региональных факторов.**

Пункт «Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности» в российском реестре не отнесен к «ЭКОНОМИЧЕСКИМ ФАКТОРАМ». В то же время в предлагаемой для обследования формулировке используется словосочетание «неопределенность экономической выгоды».

В целях снижения неопределенности для респондентов данные несоответствия рекомендуется устранить.

Рекомендации по коррекции формулировок факторов:

1) Формулировка фактора «Неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, прочие услуги)» допускает неоднозначность толкования разными респондентами и не вполне гармонизирована с международной практикой.

Во-первых, для респондентов остается не ясным, что включать в инновационную инфраструктуру – только нематериальные услуги или также и материальную часть (материально-технические, производственные услуги, предоставляемые технопарками, бизнес-инкубаторами, ОЭЗ технико-внедренческого типа и т.д.). Во-вторых, «банковские услуги» со стороны банков с государственным участием пересекаются с фактором «Недостаток финансовой поддержки со стороны государства».

Отметим, что в отличие от российской практики мониторинга в перечне факторов, препятствующих инновациям, из Руководства Осло термин инновационная инфраструктура не используется. Вместо этого присутствует пункт «Дефицитность внешних услуг», где по принадлежности к сводному блоку имеются в виду услуги, основанные на знаниях. Финансовые услуги сюда не вошли и рассматриваются в других пунктах. То есть отсутствует несоответствие, отмеченное для российской практики.

Кроме того, в международной практике отслеживается фактор «Отсутствие или слабость инфраструктуры» (Руководство Осло) и «Материальная инфраструктура» (Руководство Боготы). Здесь не имеется в виду инновационная инфраструктура. Речь идет о неразвитости материальной инфраструктуры, обеспечивающей нормальное функционирование производства в целом и обращение товаров. В нее входят дороги, транспорт, связь, складское хозяйство, внешнее энерго-, и водоснабжение и др. Необходимость учета препятствий, связанных с такой инфраструктурой, особо подчеркивается для развивающихся стран. В российском реестре эта группа препятствий не учитывается.

Указанные несоответствия с международной практикой и недоработки в части раскрытия компонент инновационной инфраструктуры рекомендуется устранить. При этом желательно сопроводить данный пункт перечнем компонент инновационной инфраструктуры, которые следует учитывать респондентам.

2) Формулировка фактора «Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности». В международной практике частичным аналогом этой позиции является «Слабость защиты права собственности». По сравнению с зарубежным аналогом российская формулировка носит расплывчатый характер. Для достижения четкости смысловой нагрузки и приведения российской формулировки в соответствие с международными стандартами рекомендуется использовать следующую редакцию: «Слабость защиты прав на интеллектуальную собственность».

3) Формулировка фактора «Недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность». Проблема может заключаться не только в недостаточности, но также и в избыточности документооборота, противоречивости нормативных документов, нечеткости нормативных положений, неправильной расстановке приоритетов, неэффективности законов и т.д. Исходя из этого, негативное воздействие фактора целесообразно определять в следующей редакции: «Неоптимальность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность».

Предложения по введению дополнительных классификационных разрезов (на примере инновационной инфраструктуры).

Сегодняшняя практика статистического мониторинга не позволяет выявлять слабые звенья инновационной инфраструктуры, неразвитость которых является препятствием для инновационной деятельности. Отсутствие информации о недостатках разнородных объектов инновационной инфраструктуры не позволяет государству осуществлять эффективные нейтрализующие воздействия.

В этой связи предлагается ввести сначала ведомственный, а в перспективе всероссийский классификатор видов экономической деятельности субъектов инновационной инфраструктуры – КВЭД ИИ[1]. Данный классификатор или его верхний уровень, рекомендуется предлагать респондентам для выявления критичных звеньев инновационной инфраструктуры. При разработке классификатора рекомендуется частично использовать рубрики ОКВЭД2[2].

Использование данного классификатора позволит обеспечить государственные органы (федеральные, региональные, муниципальные) информацией для адресных воздействий на болевые точки в рамках нейтрализации фактора «недостаточность инновационной инфраструктуры».

Резюмируя результаты проведенного исследования можно заключить, что российская модель статистического мониторинга факторов, препятствующих инновационной активности, включает ряд возможностей, отвечающих международной практике. Возможность анализировать негативные факторы в разных классификационных разрезах создает основу для адресности мер по нейтрализации. В то же время сопоставительный анализ с международными подходами позволяет выявить ряд ограничений в части полноты охвата и формулировок негативных факторов. Устранение выявленных ограничений будет содействовать расширению возможностей и повышению эффективности российской модели статистического мониторинга.

[1] Оболенская Л.В., Васильева Л.В. и др. Разработка методологии классификации субъектов инновационной деятельности в зависимости от вида и характера этой деятельности и мотивационных механизмов, стимулирующих инновации. Отчет о НИР. – М.: Финансовый университет при правительстве РФ, 2014. № госрегистрации 01201464845.

[2] ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 12.05.2016) www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики Камского института гуманитарных и инженерных технологий,
г. Ижевск

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: *экология, инновационное развитие, экономика знаний, эффективность производства, интенсификация производства.*

Опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует о том, что в последнее время инновации стали основой повышения конкурентоспособности этих стран, а также базовым элементом их общественной структуры. По оценкам, доля инновационно-информационного сектора за последние годы многократно возросла и составляет в развитых государствах 45–65% [14]. Кроме того, данный сектор стал важнейшей основой, генерирующей современное социально-экономические развитие, ключевым фактором динамики и роста экономики развитых стран.

Именно наличие развитого инновационно-информационного сектора во многом определяет важнейшее отличие передовых государств от стран третьего мира. Возросшая роль инноваций в жизнедеятельности современного общества способствовала становлению неоэкономики, экономики знаний, инновационной экономики как нового направления современной экономической науки.

Очевидно, что в настоящее время знания, информация стали важнейшим элементом производительных сил, производительным ресурсом, по масштабам сопоставимым или даже превосходящим традиционные ресурсы: природные, трудовые, материальные и даже капитальные.

Инновационный процесс представляет собой совокупность научно-технических, технологических и организационных изменений, происходящих в процессе создания и реализации нововведений, при этом критериальной характеристикой инновационного процесса выступает внедрение новшества в качестве получения конечного результата, реализованного в производстве [15]. Таким образом, инновация – это продукт научно-технического прогресса. Она является результатом творческой деятельности коллектива, направленной на совершенствование существующей системы и имеющей практическую реализацию.

Для инноваций характерны следующие обязательные свойства: научно-техническая новизна; производственная применимость и коммерческая реализуемость. Объектами инноваций могут быть материалы, продукты, технологии, средства производства, люди и межчеловеческие отношения, социальная среда, а также организация и ее подразделения. Учитывая возросшую роль инноваций в жизни современного общества, в последнее время стала интенсивно развиваться теория инновационной экономики.

В рамках научно-учебной дисциплины «Инновационная экономика» содержится описание теоретических основ инновационной экономики и практических подходов к организации инновационной деятельности в рыночных условиях. К наиболее важным аспектам исследования инновационной деятельности следует отнести разработку методологических и методических основ анализа инновационной деятельности и определение специфических характеристик инновационного процесса, эффективное применение механизмов государственной социально-экономической политики, в том числе в отношении процессов формирования национальной и региональных инновационных систем, а также разработку методов продвижения различных инноваций на всевозможных рынках.

Большие возможности и перспективы, на наш взгляд, также имеет разработка теоретико-методологических основ научно-учебной дисциплины «Инновационная экология». В рамках этой дисциплины целесообразно рассмотреть вопросы использования инноваций в природоохранной деятельности и в процессе создания условий равновесия с окружающей средой, определения эффективности инновационной деятельности в экологической сфере.

«Инновационная экология» как научно-учебная дисциплина самым тесным образом связана с инновационной экономикой. Более того, в национальной и региональных инновационных системах обязательно должны быть экологические подсистемы. Кроме того, финансово-экономические методы и механизмы широко используются в системе государственного и муниципального регулирования экологических процессов.

В современных условиях инновационный процесс имеет особое значение, т.к. традиционные формы использования хозяйственных ресурсов весьма ограничены, в связи с чем обеспечение роста экономики уже в обозримом будущем в прежнем режиме является весьма проблематичным. Расширенное воспроизводство на основе использования инновационных факторов требует решения сложнейших социально-экономических проблем, таких, как:

– использование интенсивных методов хозяйствования в системе национальной экономики;

– серийное и массовое использование достижений НТП, в том числе в сфере наноиндустрии;

– повышение социально-экономической эффективности системы общественного воспроизводства на основе обеспечения ускорения использования инновационных процессов;

– реализация рыночных методов и принципов хозяйствования на основе действия законов спроса и предложения во всех сферах народнохозяйственного комплекса;

– обострение экологических проблем и усложнение осуществления природоохранной деятельности.

Важнейшей задачей инновационной экологии в обозримом будущем должна стать разработка технологий, позволяющих сделать антропогенный круговорот веществ как можно более замкнутым, тем самым приблизив его в идеале к природному круговороту веществ. Достижение полной безотходности нереально, так как это противоречит второму началу термодинамики и поэтому речь идет в основном о создании и использовании малоотходных технологий, под которыми понимается такой способ производства, который обеспечивает максимально эффективное использование сырья и энергии, с минимумом отходов и потерь энергии [17]. При этом одним из важнейших условий малоотходной технологии является рециркуляция, сущность которой заключается в повторном использовании материальных ресурсов, что позволит экономить сырье и энергию и, тем самым, уменьшить образование отходов.

Малоотходная технология основывается на использовании комплекса мероприятий по сокращению до минимума количества вредных отходов и уменьшения их воздействия на окружающую среду. К этим мероприятиям относятся следующие:

– создание принципиально новых производственных процессов, позволяющих исключить или сократить технологические стадии, на которых происходит образование отходов;

– разработка бессточных технологических систем и водооборотных циклов на основе очистки сточных вод;

– создание и выпуск новых видов продукции с учетом требований повторного ее использования;

– разработка систем переработки отходов производства во вторичные материальные ресурсы.

Разработка малоотходных технологий должна осуществляться с учетом региональных особенностей. Учитывая, что около 70% территории России относится к зоне Севера, исключительно актуальна проблема разработки малоотходных технологий в разных сферах горной промышленности (например, в процессе добычи апатито-нефелинового концентрата), в которых бы учитывались социально-экономические и экологические особенности северных регионов страны [18]. Еще одним важнейшим аспектом развития инновационной экологии является разработка и использование интенсивных методов ведения хозяйственной деятельности.

Развитие российской экономики (также как и экономики стран СНГ в целом) до последнего времени преимущественно было связано с использованием экстенсивных факторов (недозагруженными мощностями и незанятой рабочей силой, а также внешней конъюнктурой). Однако ускорение социально-экономического развития, намечаемое на ближайшее десятилетие, не может основываться на весьма ограниченных по своим возможностям экстенсивных факторах. Необходимо использовать качественно новый физический и человеческий капитал, а также результаты благоприятных условий хозяйствования. Чтобы ускорить экономический рост, необходим поиск новых, устойчивых источников развития и активизация процесса интенсификации производства.

Актуальность перехода на интенсивный способ хозяйствования определяется также и тем, что в трудные годы экономического спада проблемам интенсификации не придавалось должного значения. В настоящее время, когда возникли благоприятные предпосылки развития, интенсификация предполагает вовлечение в общественное производство всего имеющегося потенциала страны и все более рационального его использования.

Процесс интенсификации является материальной основой роста эффективности общественного производства. Низкий уровень и незначительные темпы интенсификации производства являются одной из важнейших причин глубокого кризиса, в котором сравнительно недавно оказалась российская экономика. Если вспомнить начало перестройки советского общества, то необходимость реформ тогда обусловливалась потребностью резкого увеличения эффективности общественного производства на основе внедрения наиболее прогрессивных форм научно-технического прогресса (НТП), являющегося, как известно, важнейшим фактором интенсификации, тогда как в действительности темпы НТП были весьма низкими и не соответствовали потребностям практики. Однако при переходе к рыночным отношениям темпы процесса интенсификации значительно снизились. Иначе говоря, результат получился прямо противоположный: в последнее время, в условиях переходного периода не только не произошло дальнейшего усиления интенсивного характера производства, но и без того невысокий уровень интенсификации существенно снизился. Это обстоятельство со всей очевидностью свидетельствует об увеличении отставания технического уровня предприятий российской экономики от техноосnащенности аналогичных предприятий в развитых капиталистических странах, т.е. об увеличении отставания технолого-технического уровня российских предприятий от мирового уровня.

Как известно, в последнее время всё больше внимания уделяется вопросам формирования в России инновационной экономики, что совершенно справедливо, т.к. это позволит уменьшить зависимость уровня и темпов социально-экономического развития страны от получаемых доходов вследствие экспорта сырьевых ресурсов. Важно также и то, что в результате этого улучшится имидж России, которую пока ещё нередко отождествляют с сырьевым придатком капиталистического мира. Таким образом, в целом мировой опыт действительно свидетельствует о том, что рост инвестиций в инновационные сферы экономики способствует ускоренному развитию народнохозяйственного комплекса страны и повышению среднего уровня жизни.

Однако это только в целом, а в каждом конкретном случае вложение инвестиций в инновационные сектора далеко не всегда способствует росту прибыли и доходов – так, в фундаментальной науке известно немало случаев, когда вложение средств не только не окупалось, но и приводило к негативным результатам. Кстати, руководство России в последнее время нередко критикует различные ведомства и организации в связи с тем, что существенные инвестиции в создание нанотехнологий пока ещё не дают ожидаемого результата. В этой связи совершенно справедлива постановка вопроса о том, насколько эффективны те или иные инвестиции и инновации.

Однако, на наш взгляд, в современных условиях этого не достаточно и кроме осуществления социально-экономической оценки эффективности инвестиций и инноваций необходимо осуществлять оценку последствий внедрения инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на усиление процессов интенсификации общественного воспроизводства. В этой связи нами предлагается выделять инвестиции и инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Важно также в общей структуре инвестиций и инноваций выделять удельный вес, долю каждой из этих двух групп. Целесообразность осуществления такого рода классификации инвестиций и инноваций во многом объясняется тем обстоятельством, что в последнее время существенно возросла актуальность использования интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего, это связано с демографическим кризисом последних лет – как известно, на 1000 жителей России умерших сейчас приходится в 1,5 раз больше, чем родившихся (приблизительно 15 человек против 10). В этой связи осуществление мероприятий трудосберегающего направления интенсификации представляется весьма своевременным и эффективным.

В других странах могут быть актуальными и иные направления интенсификации. Так, например, в среднеазиатских странах СНГ – Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии исключительно важным является водосберегающее направление интенсификации общественного производства. В Японии, где сравнительно немного крупных месторождений природных ресурсов, весьма актуально материалосберегающее направление интенсификации, здесь же в связи с крайне ограниченным характером земельных ресурсов большое значение имеет также землесберегающее направление интенсификации. В большинстве стран мира весьма актуально энерго- и фондосберегающее направления.

Более того, даже в разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему (т.е. как и во времена социалистической экономики) имеет трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала – в Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области – крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В Белгородской области, где на высоком уровне развиты металлургическая и горнодобывающая отрасли промышленности очень эффективно осуществление мероприятий материалосберегающего направления. Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации или экстенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько подгрупп, соответствующих разным направлениям интенсификации – трудо-, фондо-, материалосберегающему и т.д. в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики той или иной страны. Напомним, что говоря о процессах экстенсификации и интенсификации, следует иметь в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели. При одном происходит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ресурс. Целесообразно определять поэтому интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономию стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например, живой труд. Таким образом, предложенный подход понимания процесса интенсификации позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия.

Таким образом, если существующую функциональную зависимость между экономическим результатом (обозначим его Э) от использования какого-либо ресурса (обозначим Р) представить в виде $Э = f(Р)$, то в случае экстенсивного использования ресурса его увеличение приведёт к пропорциональному росту экономического эффекта, тогда как при интенсивном использовании ресурса его увеличение приведёт к большему росту эффекта. Иначе говоря, если имеем два значения ресурса $Р_1$ и $Р_2$, причём $Р_2 = n \times Р_1$ (n – коэффициент пропорциональности), то в случае экстенсивного использования ресурса $Э_2 = n \times Э_1$, а в случае интенсивного использования $Э_2 > n \times Э_1$. Как можно видеть, интенсивное использование ресурса (труда, фондов, материалов, воды и пр.) обусловлено ростом ресурсоотдачи (производительности труда, фондоотдачи, материалоотдачи и т.д.), правда в вышеозначенной функциональной зависимости следует учитывать также временной лаг.

Оценить, относится ли тот или иной инвестиционный ресурс к экстенсивному и интенсивному типу можно и на основе использования таких показателей, как капиталоотдача (капиталоёмкость) и фондоотдача (фондоемкость), но не только с их помощью. Для этого, в частности, можно использовать мультипликатор. В этой связи напомним, что в соответствии с макроэкономическим подходом объём национального дохода страны находится в определённой количественной зависимости от общей суммы инвестиций и эту связь выражает особый коэффициент – мультипликатор, причём увеличение национального дохода равно приращению общей суммы инвестиций, помноженному на мультипликатор (обычно мультипликатор обозначают буквой К).

Для количественной оценки экстенсивных и интенсивных инвестиций мультипликатор следует представить в виде суммы двух слагаемых:

$$К = К_{экст} + К_{инт},$$

где $К_{экст}$ – характеризует влияние экстенсивных, а $К_{инт}$ – интенсивных инвестиций на национальный доход. Обычно в реальной хозяйственной практике используют как экстенсивные, так и интенсивные инвестиции, поэтому, как правило, и $\frac{К_{экст}}{К}$, и $\frac{К_{инт}}{К}$ больше нуля, но меньше единицы. В маргинальных случаях, когда имеет место использование либо только экстенсивных, либо только интенсивных инвестиций (что соответствует классическому экстенсивному или интенсивному способам общественного воспроизводства), $\frac{К_{экст}}{К}$ либо $\frac{К_{инт}}{К}$ соответственно равны единице, тогда как второе соотношение равно нулю.

Учитывая, что в соответствии с макроэкономической теорией величина мультипликатора связана с предельной склонностью к потреблению и сбережению, выделение в мультипликаторе двух вышеозначенных слагаемых позволит также количественно оценить влияние экстенсивных и интенсивных инвестиций на показатели предельной склонности к потреблению и сбережению, а соответственно, и определению оптимальных параметров доли потребления и сбережения в национальном доходе, что имеет большое значение при разработке эффективной стратегии социально-экономического развития, т.к. от этого зависит и средний уровень жизни населения, и темпы технического перевооружения экономики.

Целесообразно, на наш взгляд, кроме общего показателя мультипликатора, характеризующего связь объёма национального дохода с общей суммой инвестиций, выделять и так называемые частные показатели мультипликатора в соответствии с различными направлениями интенсификации общественного воспроизводства. Иначе говоря, это означает, что в общем объёме инвестиций следует выделять те, реализация которых приведёт к более интенсивному использованию определённого вида ресурсов – энергетических, материальных, водных, трудовых и т.д., причём в частных показателях мультипликатора также необходимо выделять два слагаемых, т.е.

$$К_{рi} = К_{рi\ экст} + К_{рi\ инт},$$

где $К_{рi}$ – частный мультипликатор для i- го вида ресурсов;

$К_{рi\ экст}$ – показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих экстенсивный вариант использования i- го вида ресурсов;

$К_{рi\ инт}$ – показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих интенсивный вариант использования i- го вида ресурсов.

Как и в случае общего мультипликатора, для частных показателей мультипликатора величины $\frac{К_{рiэкт}}{К_{рi}}$ и $\frac{К_{рiинт}}{К_{рi}}$ могут принимать любые значения в интервале от нуля до единицы, причём крайние значения этого интервала (т.е. ноль или единицу) они принимают, также как и для общего мультипликатора, лишь в случае исключительно экстенсивного (т.е. когда используются только экстенсивные инвестиции), либо исключительно интенсивного (т.е. когда используются только интенсивные инвестиции) способа воспроизводства. Для смешанного же способа воспроизводства (т.е. когда используются как экстенсивные, так и интенсивные инвестиции – случая, наиболее часто встречающегося в хозяйственной практике) рассмотренные выше соотношения обязательно будут принимать значения, больше нуля, но меньше единицы.

Говоря о смешанном способе воспроизводства, следует уточнять, идёт ли речь о преимущественно экстенсивном (т.е. когда преобладают экстенсивные инвестиции) или же о преимущественно интенсивном (т.е. когда преобладают интенсивные инвестиции) способе воспроизводства. Важно учитывать также то, что говоря об экстенсивном, интенсивном и смешанном типах воспроизводства, всегда следует уточнять, идёт ли речь о воспроизводстве с учётом использования всех ресурсов в целом (и лишь только в этом случае, на наш взгляд, имеет смысл использовать термин «общественное воспроизводство»), либо же речь идёт об экстенсивном, интенсивном и смешанном типах воспроизводства, основанных на использовании лишь определённого вида ресурсов (или же совокупности некоторых, но не всех видов ресурсов). Например, рассматривают же в специальной литературе только воспроизводство населения или воспроизводство основного капитала – всё это подтверждает справедливость предложенного нами подхода. Таким образом, учитывая, что инвестиционные ресурсы – особый вид ресурсов, которые используются в процессе воспроизводства любого другого вида ресурсов – трудовых, капитальных, материальных, водных, энергетических, природных и т.д., для определения экстенсивных и интенсивных инвестиций наряду с показателями фондоотдачи и капиталоотдачи целесообразно использовать также показатель мультипликатора и его две составляющих. Что касается инноваций, то и здесь, на наш взгляд, целесообразно учитывать те социально-экономические последствия, к которым приводит их внедрение в реальную хозяйственную практику и поэтому, подобно инвестициям, выделять инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Кроме этого, целесообразно выделить несколько групп инноваций, соответствующих разным направлениям интенсификации общественного воспроизводства.

Выделять разные виды и типы инноваций особенно важно в связи с тем обстоятельством, что инновации считаются формой реализации НТП, тогда как сам НТП считается важнейшим фактором интенсификации общественного воспроизводства. Поэтому получается, что инновации вроде как всегда соответствуют процессу интенсификации производства, что, однако, не соответствует действительности – на самом деле инновации могут способствовать как усилению интенсивного характера общественного воспроизводства, так и процессу экстенсификации (например, когда внедряются недостаточно новые инновации или инновации, внедрение которых не способствует экономии какого-либо ресурса).

Выделение инвестиций и инноваций экстенсивного и интенсивного типов важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Дело в том, что процесс интенсификации является важнейшим условием повышения конкурентоспособности национальной экономики, причём в обозримом будущем роль и значение этого процесса в связи с исчерпанием и усложнением условий добычи и эксплуатации ряда важных природных ресурсов ещё более возрастут. В связи с этим внедрение инвестиций и инноваций интенсивного типа будет способствовать также повышению экономической безопасности страны.

Рассматривая различные формы и направления инвестиций с точки зрения их влияния на процесс интенсификации общественного производства в России, следует отметить, что доля интенсивных инвестиций в общей структуре

иностранных инвестиций существенно меньше по сравнению с аналогичным показателем в структуре внутренних инвестиций, что, на наш взгляд, в значительной степени объясняется нежеланием Запада технологически усиливать российскую экономику. Сравнивая прямые и портфельные инвестиции, можно констатировать, что в первом случае возможности реализации интенсивных инвестиций существенно выше, чем во втором.

Как известно, в зависимости от выбранной инвестиционной стратегии субъекта хозяйствования выделяют несколько различных портфелей инвестиций и, в частности, консервативный портфель, когда предполагается инвестирование в малодоходные, но стабильные объекты; доходный портфель, в соответствие с которым инвестиции осуществляются в объекты, гарантированно приносящие высокие доходы и рисковый портфель, формирование которого связано с осуществлением инвестирования в объекты, приносящие наибольший, но не гарантированный доход. Целесообразность выбора конкретного портфеля инвестиций с точки зрения максимального использования имеющихся потенциальных возможностей в отношении внедрения интенсивных инвестиций в значительной мере определяется отраслевой и региональной спецификой, однако можно констатировать, что в будущем в связи с усложнением условий осуществления общественного воспроизводства значение рискового портфеля как предпосылки роста доли интенсивных инвестиций существенно возрастёт. Таким образом, можно видеть, что лишь создание системы эффективных и взаимосвязанных мер и условий хозяйствования на разных уровнях иерархии – макро, мезо и микроуровне позволит существенно увеличить использование в обозримом будущем в российской экономике интенсивных инноваций и инвестиций, однако наибольшее значение в этой системе всё же имеет использование комплекса мер государственного регулирования развития народнохозяйственного комплекса страны.

Интенсификация общественного производства является одной из важнейших тенденций развития мировой экономики. Особенно эта тенденция проявляется в развитых капиталистических странах. Это объясняется тем обстоятельством, что интенсификация, важнейшим фактором которой является научно-технический прогресс, является обязательным условием и материально-технической основой существенного повышения социально-экономической эффективности и ускорения темпов развития народно-хозяйственного комплекса страны. Интенсификация производства является также одним из важнейших факторов повышения конкурентоспособности отечественной продукции.

Действительно, в современных условиях именно наукоемкие технологии — роботизация, биотехнология, электронно-вычислительная техника позволяют достигать высоких стандартов, уровня и качества жизни. Достаточно сказать, что Япония, не имеющая сколько-нибудь серьезных запасов природных ресурсов, стала одной из ведущих держав мира благодаря, прежде всего, эффективному использованию научно-технического потенциала, причем далеко не только своего (как известно, Япония является крупнейшим импортером лицензий). То же самое можно сказать и про другую быстроразвивающуюся страну — Южную Корею.

Значение процесса интенсификации в связи со все более возрастающей дефицитностью невоспроизводимых природных ресурсов в обозримой перспективе еще более возрастет. Вместе с тем во многих постсоциалистических странах в последнее время темпы и уровень интенсификации производства все еще недостаточно высоки. Все это справедливо и для стран СНГ, в том числе и для России. И это при том, что в советский период о необходимости всемерной интенсификации говорилось на всех уровнях общественной иерархии, в том числе и на самом высоком.

Цель интенсификации производства — повышение эффективности народного хозяйства [8]. Поэтому весьма важно рассмотреть соотношение категорий «эффективность» и «интенсификация», на которое существует несколько принципиально различающихся точек зрения. Некоторые экономисты всецело увязывают интенсификацию с повышением эффективности производства [5]. Так, В.П. Лебедев пишет: «Всякое изменение производства, ведущее к его развитию и увеличению эффективности, можно рассматривать фактором интенсификации» [13, с. 10]. Другие авторы считают, что эффективность возрастает и при экстенсивном расширении производства. Так, И.А. Тихонов утверждает, что неправомерно сводить интенсивный тип расширенного воспроизводства к более эффективному использованию личных и вещественных факторов производства [12].

А.А. Баранов считает, что хотя повышение эффективности производства является целью интенсификации, но нередко интенсивное и эффективное не совпадает во времени. Для подтверждения этой точки зрения можно привести такой пример: наивысший народнохозяйственный эффект нередко достигается не тогда, когда новая машина только вышла из рук своего создателя, а практически уже на стадии интенсивного расширения апробированной техники. Причем нередко к моменту достижения наибольшего эффекта от освоения новой техники она перестает быть наиболее прогрессивной [2]. Таким образом, взаимосвязь интенсификации с эффективностью производства зависит от того, что понимается под последней и каким образом эффективность рассчитывается. Если в приведенном примере при расчете эффекта учитывать все время эксплуатации, то, скорее всего, окажется, что эффективнее процесс интенсификации.

В связи с этим необходимо рассматривать эффективность и интенсификацию как взаимосвязанные, но, безусловно, различные категории. Уже отмечалось, что исследователи, отождествляющие понятия «эффективность» и «интенсификация», как правило, исходят из положения о возможности расширять производство путем увеличения объема используемых ресурсов («поле производства») и путем повышения эффективности их использования. Однако, поскольку необходимо различать эффективность использования отдельных ресурсов и эффективность производства, то отождествление категорий «эффективность» и «интенсификация» неправомерно. Таким образом, если и можно отождествлять в определенном смысле интенсификацию и более эффективное использование ресурсов, то это ни в коей мере не значит, что можно отождествлять интенсификацию производства и его эффективность. Хотя интенсификация производства направлена на повышение эффективности, но этого в определенной мере можно добиться и экстенсивным путем, причем в некоторых случаях мы получим больший эффект, чем при интенсивном варианте развития производства. В качестве примера достаточно привести довольно часто встречающееся явление: руководители предпри-

ятий нередко предпочитают эксплуатировать давно освоенную, порой низкопроизводительную технику вместо того, чтобы заботиться о техническом перевооружении производства. Это связано с тем, что для использования нового оборудования нужно переучивать кадры, требуется известный промежуток времени, чтобы выйти на плановую мощность, что приводит порой к ухудшению показателей результативности сравнительно с аналогичными базисными значениями этих показателей.

Следует отметить, что при отождествлении интенсификации и эффективности производства следовало бы признать, что на протяжении большого периода времени развития советской экономики рост эффективности производства был незначительным, так как преобладали экстенсивные методы ведения хозяйства (а по оценкам ряда исследователей преобладали и в последнее время). С этим вряд ли можно согласиться, причем независимо от того, как понимать эффективность – как оценку способа реализации основного экономического закона или как соотношение результата и затрат. Ведь даже во втором случае возможность существенного увеличения ресурса, скажем, капитальных вложений, привела к изменению нормативного коэффициента эффективности, что непосредственно повлияло бы и на саму оценку эффективности (в соответствии с положениями теории эффективности капитальных вложений).

Важно учесть и то, что если под интенсификацией понимать один из возможных способов достижения определенного результата, то в этом случае вопрос о значимости этого результата, нужности его обществу может быть рассмотрен лишь при исследовании эффективности производства. Например, производство на предприятии может вестись исключительно интенсивными методами (наиболее производительное оборудование, оптимальная организация производства и т. п.), но результатом его может быть морально устаревшая продукция. Признать такое производство эффективным вряд ли можно. Более того, сравнительно с рассмотренным вариантом более эффективным был бы вариант, когда производство велось преимущественно экстенсивными методами, но при этом производилась отвечающая стандартам продукция. В связи с этим не только не следует отождествлять категории «эффективность» и «интенсификация», вполне правомерно определять эффективность самой интенсификации производства, так как возможны случаи, когда интенсификация неэффективна.

В связи с этим Р.М. Меркин и О.Г. Соловьева считают, что четкое разграничение понятий эффективность и интенсификация производства позволит выявить свойственные этим категориям измерители, при этом очень важной остается задача оценки эффективности процесса интенсификации. Это тем более необходимо в связи с тем, что для строительства, например, нередки случаи неэффективной интенсификации производства (например, чрезмерная концентрация ресурсов для ускорения строительства и др.) [7].

В середине 60-х годов ряд ученых, занимающихся вопросами экономики сельского хозяйства, считали, что производство ведется интенсивными методами лишь тогда, когда происходит рост удельных затрат, т. е. под интенсификацией ими понималась форма концентрации вложений на одной и той же земельной площади [3]. В связи с этим некоторые исследователи, занимающиеся экономическими проблемами рыбохозяйственного комплекса, под интенсификацией производства также стали понимать концентрацию вложений на одной и той же площади. Так, С.С. Бабан-Луценко по этому поводу отмечал: «Признаком факта интенсификации можно считать все то, что связано с дополнительными затратами средств производства и труда для создания искусственной продуктивности водоема и увеличения выхода продукции» [1, с. 163]. Для этих ученых отправной точкой их рассуждения явилось известное рассуждение К. Маркса, который писал, что под интенсификацией понимают «концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого» [6, с. 227]. Однако смысл этого высказывания как раз в том, что не дополнительные вложения определяют сущность интенсификации, а концентрация капитала на определенной площади обрабатываемой земли.

В свете сказанного неправомерно считать, что рост затрат на производство всегда служит признаком экстенсивного развития. Более того, как верно отмечает А.А. Баранов: «Опыт показывает, что без затрат невозможно создать интенсивное хозяйство» [2, с. 11]. Поэтому, как правило, для достижения определенного производственного результата при условии экономии ресурса на единицу выпуска продукции приходится затрачивать определенные средства. Подобной позиции придерживаются многие исследователи. Так, Г.Д. Титова считает, что при интенсификации должны органически сочетаться противоположные тенденции производства: тенденция к росту затрат на единицу площади и тенденция к снижению их на единицу продукции [11]. Таким образом, при интенсификации производства рост затрат должен вести к повышению эффективности. Исходя из этого, ряд исследователей для объяснения неоправданных затрат пользовались понятиями «рациональной» и «нерациональной», «эффективной» и «неэффективной» интенсификацией производства. Эффективность или неэффективность интенсификации производства ими определялись в зависимости от того, превышал ли суммарный эффект затраченные средства или был меньше их [4].

Следует различать эффективность интенсификации производства, эффективность различных направлений интенсификации (в том числе в зависимости от «объекта», где осуществляется интенсификация). Важно различать также и то, эффективна или нет интенсификация (ее направления) с точки зрения общества, отрасли, региона, предприятия (причем, понятно, что эффективность интенсификации будет определяться взаимодействием всех уровней и элементов экономической системы, так же, как и функционированием каждого элемента). В связи с этим иногда считают, что если под эффективностью понимать рост производительности общественного труда, то в этом случае процесс интенсификации производства в масштабе всего общества совпадает с эффективностью. На это можно возразить следующее. В масштабе всего общества сведение эффективности только к росту производительности общественного труда неправомерно, так как в этом случае не учитывается соответствие результатов производства структуре общественных потребностей. Важно и то, что хотя с точки зрения экономии общественно необходимого рабочего времени интенсификация общественного производства и совпадает с ростом общественной производительности труда, но существует

несколько видов экономии, а значит, сводить интенсификацию общественного производства только к экономии времени нельзя.

Таким образом, одной из наиболее важных задач является определение эффективности и эффекта интенсификации производства. Исследователи, отождествляющие понятия «эффективность» и «интенсификация» считают, что раз интенсификация эффективна, то нет смысла говорить об эффективности интенсификации, так как при любом подходе любое направление интенсификации производства оказывается эффективным, и в то же время рост эффективности связывается с дальнейшим процессом интенсификации производства. Поскольку все же следует различать эти категории, действие которых не всегда бывает сонаправленным, то определение эффекта и эффективности интенсификации производства вполне целесообразно. Ведь, или степень интенсификации производства на однотипных предприятиях может быть неодинаковой или, если уровень интенсификации приблизительно одинаков на таких предприятиях, но сами предприятия находятся в регионах с неодинаковой степенью трудообеспеченности, различными условиями залегания природных ресурсов и т.д., то и в том и в другом случаях эффективность интенсификации производства будет разной. Поэтому аналогично тому, как имеет смысл определять эффективность НТП, автоматизации и механизации, специализации и т.п. и рассчитывать эффект от этих мероприятий (хотя эффективны и НТП, и автоматизация, и механизация), можно определять и рассчитывать эффективность и эффект интенсификации производства. Этой проблеме посвящено немало исследований и др.

Так, Г.Н. Сорокин считает, что интенсификация характеризуется показателями факторов ее развития и величиной эффекта, полученного за их счет, а эффективность – величиной совокупного эффекта, определяемого не только интенсивными, но и экстенсивными факторами. Но фактический эффект, полученный благодаря интенсивным факторам, не всегда характеризует интенсификацию в полной мере [10]. Это в значительной мере связано с тем, что следует различать измеримые и неизмеримые показатели экономического эффекта, так как не все составляющие экономического эффекта, в том числе и эффекта интенсификации производства, на данном этапе развития науки поддаются количественному выражению. Например, в тех случаях, когда техника удовлетворяет новые общественные потребности, для выбора наиболее эффективного варианта не всегда удается ограничиться только показателями приведенных удельных или годовых затрат.

Ряд ученых считает, что совокупный народнохозяйственный эффект интенсификации производства включает в себя экономический и социальный эффект, т.е. нужно говорить о социально-экономическом эффекте интенсификации производства [2]. Он должен проявляться в повышении материального благосостояния членов общества, стирании социально-экономических различий в труде работников, различий между городом и деревней, создании возможностей всестороннего развития всех членов общества и т.д. Эти моменты также весьма сложно количественно учесть при определении эффекта интенсификации производства.

Таким образом, в настоящее время существует несколько принципиально различающихся точек зрения на взаимосвязь категорий «эффективность» и «интенсификация» в зависимости от того, что понимается под ними. На наш взгляд эти категории имеют ряд общих элементов, но отождествлять их не следует (в противном случае мы получим, что два разных термина отражают одно и то же). Причем вполне правомерно определять эффективность самой интенсификации производства, так как, рассматривая этот процесс, следует отличать вопрос о достижении экономии ресурса от вопроса, насколько она эффективна, выгодна, оправдана с точки зрения общества, отрасли, региона, предприятия.

Экономическую эффективность интенсификации производства следует определять группой показателей, поскольку лишь несколько показателей способны достаточно объективно учесть всю сложность проблемы. Более того, поскольку различают разные направления интенсификации производства, то для оценки эффективности того или иного направления должны существовать, помимо оценивающих общую эффективность интенсификации производства, такие показатели, которые характеризуют эффективность именно этого направления. Однако следует еще раз отметить то, что лишь сочетание количественных и качественных параметров позволит определить эффективность интенсификации производства.

Одним из наименее изученных теоретических вопросов, связанных с интенсификацией производства, является определение ее социально-экономической эффективности. Это обусловлено тем, что специалисты нередко отождествляют категории интенсификации и эффективности, что, на наш взгляд, неправомерно, так как, несмотря на определенную схожесть, эти категории не являются тождественными. Более того, можно и нужно определять эффективность самого процесса интенсификации. В этой связи заметим, что одной из наиболее типичных проблемных социально-экономических ситуаций, возникающих в различных отраслях и сферах экономики, является следующая: какой способ решения определенной производственной проблемы избрать – экстенсивный или интенсивный. Например, в социалистическую эпоху, когда на многих предприятиях ощущалась проблема дефицита рабочей силы (кстати, по ряду специальностей, в определенных отраслях дефицит рабочей силы имеет место и в условиях переходного периода), очень часто возникал вопрос: а что эффективнее – привлечение дополнительной рабочей силы (например, из трудоизбыточных регионов) или же внедрение трудосберегающей техники? При переходе к рынку очень часто возникает другой вопрос: насколько оправдано внедрение трудосберегающей техники в условиях роста безработицы? Обобщая, можно выразиться иначе: что эффективнее – экстенсивный или интенсивный способ решения производственной задачи? Поэтому далее рассматривается методический подход к решению этой общей задачи [9].

В настоящее время проблема определения экономической эффективности интенсификации производства и ее различных направлений недостаточно разработана. Несмотря на теоретическую и методическую сложность определения эффективности и эффекта интенсификации производства, отсутствие на данном этапе развития экономической

науки общепринятых показателей, достаточно полно и объективно отражающих эффективность интенсификации, все же необходимо попытаться количественно оценить ее.

Решения определенной производственной задачи – выпуска необходимой продукции – можно добиться и экстенсивным и интенсивным путем. Поэтому экономическую эффективность интенсификации производства и ее различных направлений целесообразно определять на основе сравнения эффективности разных способов решения производственной задачи. Таким образом, в данном случае речь идет о сравнительной эффективности, когда сравниваются два возможных пути, способа – экстенсивный и интенсивный – отдается предпочтение тому способу, эффект от которого оказывается большим. Это в определенной мере аналогично определению сравнительной эффективности капитальных вложений. Эффект же каждого способа будет определяться как разница между результатом и затратами.

Как известно, в специальной литературе под эффектом довольно часто понимается какой-то производственный результат, а не разница результата и затрат. Однако как уже отмечалось, существуют несколько значительно различающихся между собой теоретических концепций эффективности – среди них есть и такая, в которой под эффектом понимают разницу между результатом и затратами, а под эффективностью – их отношение. Такое понимание эффекта более правильно, на наш взгляд, отражает смысл этой категории, так как в этом случае учитывается также и тот способ, каким этот результат достигнут (ибо, если затраты превышают результат, то вряд ли вообще можно говорить о получении обществом какого-то экономического эффекта). Важно добавить при этом, что при определении эффекта от внедрения новой техники, совершенствовании организации производства, помимо результата, учитываются и затраты. Поэтому понимание эффекта как разности результата и затрат вполне оправдано, хотя такая трактовка, разумеется, вовсе не исключает в других случаях и иных возможностей толкования категории «эффект». Однако для определения экономической эффективности интенсификации производства наиболее приемлемой оказывается трактовка эффекта как разности результата и затрат.

Поскольку мы пришли к выводу, что экономическая эффективность интенсификации определяется на основе сравнения эффектов от двух возможных способов решения проблемы – экстенсивного и интенсивного, то нам необходимо первоначально определить эффект экстенсификации. Учитывая, что в общем случае под экстенсификацией понимается процесс роста выпуска продукции исключительно за счет количественного увеличения использования ресурсов (или, используя известную фразу, за счет расширения «только поля производства»), эффект экстенсификации целесообразно определять на основе следующей формулы:

$$Э_э = \sum_{i=1}^{n} K_i \bullet V_i - З \quad (1),$$

где $Э_э$ – эффект экстенсификации;

K_i – эффективность использования i-го ресурса;

V_i – объем использования i-го ресурса;

n – количество различных ресурсов;

З – суммарные затраты на привлечение и эксплуатацию ресурсов.

В этой связи, если правая часть данного уравнения положительна, то это означает, что экстенсивный способ решения проблемы экономически эффективен. Однако, для того, чтобы определить, какой процесс эффективнее – экстенсивный или интенсивный, необходимо также определить эффект интенсификации (об этом ниже). Следует отметить, что данная формула определения эффекта экстенсификации в каждом конкретном случае будет трансформироваться с учетом специфики производственной задачи, ибо и сами эти два способа решения проблемы в каждом отдельном случае будут весьма специфичны. Например, на основе этой формулы может быть решена следующая практическая задача: как эффективнее ликвидировать нехватку рабочей силы на предприятиях рыбопромышленного комплекса Северного бассейна – путем завоза рабочих из других регионов страны или на основе внедрения мероприятий трудосберегающего направления интенсификации производства. Разумеется, в реальности эта проблема решается на основе использования обоих вариантов, но в целях данного исследования следует от этого абстрагироваться и рассмотреть оба варианта в «чистом» виде.

Рассмотрение данной проблемы позволит на практике показать «работоспособность» предложенного подхода для определения экономической эффективности интенсификации производства. В этой связи формула для определения эффекта экстенсификации в данном конкретном случае трансформируется и приобретает такой вид:

$$Э_э = П_р \cdot Р - З_н - З_п \quad (2),$$

где $П_р$ – средняя производительность труда одного работника;

Р – число привлеченных из других регионов работников;

$З_н$ – затраты на организацию набора рабочих;

$З_п$ – заработная плата работников.

Необходимо теперь предложить метод определения экономического эффекта интенсификации производства. Интенсификация производства – комплексный процесс, включающий как свои составные части мероприятия по НТП, концентрации, специализации, совершенствованию управления и т.д. В связи с этим экономический эффект от мероприятий, направленных на дальнейшую интенсификацию производства после проведения анализа можно определять как сумму эффектов от всех мероприятий, т.е. экономический эффект интенсификации производства Эи равен

$$Эи = \sum_{i=1}^{n} Э_i \quad (3),$$

где $Э_i$ – эффект от i-го мероприятия по интенсификации производства;

n – число всех мероприятий.

В основе определения экономического эффекта от каждого из этих мероприятий лежит сравнение затрат до и после их реализации.

При определении эффекта от всех мероприятий по интенсификации необходимо рассматривать один и тот же временной интервал. Поскольку результаты интенсификации производства выявляются через определенный период времени, желательно, чтобы при его определении временной промежуток был не менее года. Получаемый эффект измеряется в стоимостных единицах.

Приведем условный пример. Пусть на предприятии в отчетном году эффект от внедрения новой техники составил 184 тыс. руб. от НОТ – 54 тыс. руб. и за счет оргтехмероприятий сэкономлено 52 тыс. руб. Тогда эффект интенсификации производства на этом предприятии будет около 290 тыс. руб. Причем на различных предприятиях в разные периоды будут иметь решающее значение те или иные факторы, которые и нужно учитывать при определении эффекта интенсификации производства. По данным исследований, на предприятиях «Мурманскрыбпром» в 2011 г. эффект интенсификации оказался равным примерно 21 млн. руб.

Однако данный метод определения экономической эффективности интенсификации производства не в полной мере предусматривает эффект от экономии определенного ресурса в условиях ресурсодефицитности. Чтобы более точно учесть эффект ресурсосберегающего направления интенсификации в условиях дефицита данного вида ресурса, необходимо к сумме $Э_и$ приплюсовать эффект от реализации тех мероприятий, при которых экономится этот вид ресурса и, наоборот, вычесть эффект от реализации мероприятий, при которых расходуется ресурс. В этой связи для учета ресурсодефицитности формула определения эффекта интенсификации трансформируется и приобретает следующий вид:

$$\mathbf{Э_{ри}} = \sum_{\mathbf{i}=1}^{\mathbf{n}} \mathbf{Э_i} + \mathbf{Э_{рс}} \quad (4),$$

где $Э_{ри}$ – эффект ресурсосберегающего направления интенсификации в условиях ресурсодефицитности;

$Э_{рс}$ – суммарный эффект от реализации ресурсосберегающих и ресурсорасходующих мероприятий.

Так, например, в условиях трудодефицитности эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в соответствии с изложенным подходом целесообразно определять следующим образом:

$$Этu = \sum_{i=1}^{n} Эi + Пр \sum_{i=1}^{n} Эri \quad (5),$$

где $Э_{ти}$ – эффект трудосберегающего направления интенсификации;

$П_р$ – средняя производительность труда одного работающего;

$Э_{ri}$ – экономия численности работающих, получаемая вследствие реализации i-го мероприятия.

Приведем для наглядности конкретный пример. Скажем, эффект от замены ручного труда механизированным и автоматизированным, достигаемый главным образом за счет экономии заработной платы основных рабочих при росте затрат на содержание оборудования, амортизационных отчислений и капитальных вложений, определяется по формуле:

$$\mathbf{Э} = \left[\mathbf{З}_1 \frac{\mathbf{B}_1}{\mathbf{B}_2} \cdot \frac{\mathbf{P}_1 + \mathbf{E}_н}{\mathbf{P}_2 + \mathbf{E}_н} + \frac{\left(\mathbf{И}_1 - \mathbf{И}_2\right) - \mathbf{E}_н\left(\mathbf{K}_2 - \mathbf{K}_1\right)}{\mathbf{P}_2 + \mathbf{E}_н} - \mathbf{З}_2 \right] \cdot \mathbf{A}_2 \quad (6);$$

где $З_1$, $З_2$ – приведенные затраты на единицу базового и нового средства труда, соответственно;

$В_1$, $В_2$ – годовые объемы продукции (работы), производимой при использовании единицы базового и нового средства труда (в натуральных величинах);

$Р_1$, $Р_2$ – доли ежегодных отчислений от балансовой стоимости на полное восстановление (реновацию) базового и нового средства труда;

$Е_н$ – нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений;

$И_1$, $И_2$ – годовые эксплуатационные издержки потребителя (руб.) при использовании им базового и нового средства труда;

$К_1$, $К_2$ – соответствующие капитальные вложения потребителя;

$А_2$ – годовой объем производства новых средств труда в расчетном году (в натуральных единицах).

Но в условиях реального дефицита трудовых ресурсов следует учитывать и то, что достигаемая вследствие этого мероприятия экономия численности $Э_г$, обусловленная высвобождением рабочей силы, позволит уменьшить величину потенциально недополученной продукции на $П_р \cdot Э_г$, где $П_р$ – производительность труда постоянных рабочих, рассчитанная по чистой продукции. Эту величину следует приплюсовать к рассчитанному по прежней формуле экономическому эффекту. Сумма будет характеризовать экономический эффект реализации этого мероприятия трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы.

Аналогично следует поступать при определении экономического эффекта каждого мероприятия интенсификации производства. Значит, суммарный экономический эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы как раз-таки следует определять по формуле:

$$Этu = \sum_{i=1}^{n} Эi + Пр \sum_{i=1}^{n} Эri .$$

Можно видеть, что может возникнуть ситуация, когда сравниваются два мероприятия трудосберегающего направления интенсификации производства, одно из которых имеет меньший экономический эффект, рассчитанный прежним способом, но большее число высвобожденных рабочих, и в итоге с учетом трудодефицитности экономический эффект от реализации первого мероприятия окажется большим, чем от второго. В случае трудоизбыточности эта формула также «срабатывает», но вместо суммы нужно найти разность, что будет означать меньшую эффективность трудосберегающего направления интенсификации в условиях избытка рабочей силы, чем в условиях трудодефицитности, но это справедливо лишь при прочих равных условиях. В этой связи добавим, что дефицит или избыток определенного вида ресурса – например, рабочей силы определяется на основе сравнения предложения и спроса на него, т.е. на основе сравнения потребности в нем и реального наличия этого вида ресурса, поэтому понятно, что дефицит или избыток ресурса зависит от многих факторов. Например, в настоящее время, когда цены на многие виды продукции чрезмерно высоки, вроде бы имеет место равновесие между спросом и предложением на многие товары, однако, это вовсе не значит, что удовлетворяются потребности в обладании этими товарами – известно, как много сейчас населения находится за чертой бедности. Иначе говоря, следует различать видимый избыток (дефицит) ресурса и реальный избыток (дефицит).

Данные об экономических эффектах и высвобождении рабочей силы вследствие реализации мероприятий имеются в статистической отчетности предприятий. К мероприятиям трудосберегающего направления интенсификации производства относятся все мероприятия, экономящие живой труд. Например, наиболее важными мероприятиями трудосберегающего направления интенсификации рыбообрабатывающего производства Северного бассейна являются автоматизация и комплексная механизация производства, внедрение прогрессивной техники и технологии, ввод неустановленного оборудования, аттестации рабочих мест, внедрение бригадной формы организации труда. На разных предприятиях мероприятия, направленные на экономию живого труда, могут существенно различаться.

Таким образом, экономический эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы оказывается больше эффекта таких же мероприятий при условии сбалансированности по трудовым ресурсам на величину $\mathbf{П_р} \cdot \sum_{\mathbf{i}=1}^{\mathbf{n}} \mathbf{Э_{ri}}$. Такой подход правомерен, пока эта величина не превысит потенциально-недополученную продукцию, рассчитанную по чистой продукции. Величина $\mathbf{П_р} \cdot \sum_{\mathbf{i}=1}^{\mathbf{n}} \mathbf{Э_{ri}}$ – это своего рода «плата» за трудодефицитность.

Сравнивая экономический эффект, получаемый при экстенсивном способе устранения трудодефицитности, с величиной эффекта от реализации мероприятий, направленных на экономию живого труда, можно видеть, что трудосберегающее направление интенсификации рыбообрабатывающего производства региона значительно эффективнее экстенсивного способа решения проблемы. Достаточно сказать, что годовой экономический эффект только от реализации мероприятий НТП на предприятиях АРП «Севрыба» в 2010 г. составил 32,9 млн. руб. и было условно высвобождено 340 чел. Таким образом, экономический эффект такой важнейшей составляющей трудосберегающего направления интенсификации, как мероприятия НТП, составил 32,9 млн. руб. +15600 руб. × 340 чел., т.е. приблизительно 38 млн. руб., причем на рыбообрабатывающее производство приходится свыше 26 млн. руб., что в два раза больше рассчитанного нами экономического эффекта экстенсивного способа устранения трудодефицитности. Если же рассмотренные варианты привести к сопоставимому виду, для чего необходимо разделить эффект экстенсивного пути на число рабочих оргнабора, а эффект интенсивного способа – на количество высвобожденных рабочих и сравнить, то во втором случае полученная величина более чем в 25 раз превысит величину, рассчитанную для экстенсивного варианта.

Следует отметить, что при сравнении экономической эффективности интенсивного пути устранения трудодефицитности в рыбообрабатывающем производстве региона с экстенсивным необходимо учитывать также экономию, получаемую в связи с уменьшением затрат, необходимых для переезда рабочих оргнабора (так как потребность в них при интенсификации производства должна уменьшаться при прочих равных условиях), экономию капитальных вложений в строительство жилых, коммунальных, культурно-бытовых и других объектов, а также возможную экономию, получаемую в связи с уменьшением потерь от порчи рыбного сырья, возникшую из-за простоев по причине нехватки рабочей силы. Поэтому эти виды экономии средств должны входить как слагаемые при определении эффекта трудосберегающего направления интенсификации производства. Однако даже без такого учета эффективность трудосберегающего направления интенсификации значительно выше эффективности экстенсификации.

Хотя нами рассмотрен частный пример, он показывает принципиальную возможность определения экономической эффективности процессов экстенсификации и интенсификации на основе предложенного нами общего подхода и к тому же может служить основой для проведения таких расчетов во многих аналогичных случаях (например, при оценке эффективности ресурсосберегающего направления интенсификации в случае дефицитности уже не трудовых, а других видов ресурсов). Эти расчеты также показывают, что категории «эффективность» и «интенсификация» отнюдь не тождественны, более того, можно и нужно определять эффект и эффективность как экстенсивного, так и интенсивного путей достижения какого-то производственного результата и лишь на основе сравнения этих эффектов можно находить, какой путь эффективнее. Причем в отдельных случаях может оказаться, что эффективнее окажется экстенсивный путь вопреки распространенному мнению, считающему процесс экстенсификации совершенно неэф-

фективным или, по крайней мере, всегда менее эффективным, чем процесс интенсификации. В противном случае совершенно непонятно, каким образом происходил рост эффективности советской экономики, развивающейся, как это сейчас общепризнано, преимущественно экстенсивным путем.

Таким образом, научная новизна предлагаемой нами методики оценки экономической эффективности интенсификации производства заключается в следующем: в методике предлагаются общие формулы определения эффекта экстенсификации (формула 1) и эффекта интенсификации (формула 3), экономическая эффективность интенсификации производства определяется на основе сравнения эффектов экстенсивного и интенсивного способов решения какой-либо производственной задачи. В методике при определении эффективности интенсификации учитывается также различная степень обеспеченности определенным видом ресурса (формула 4).

Данная методика позволяет определять как эффективность процесса интенсификации производства в целом, так и эффективность различных направлений интенсификации (формулы 2 и 5). Методика апробируется при определении эффективности трудосберегающего направления интенсификации производства на предприятиях рыбопромышленного комплекса Северного бассейна, когда рассматривается весьма актуальная для региона проблема оценки сравнительной эффективности экстенсивного и интенсивного способов решения проблемы обеспеченности трудовыми ресурсами. Оценка эффективности различных вариантов интенсификации производства очень важна не только с теоретической, но и с практической точек зрения, так как позволяет выбрать вариант наиболее высокого уровня конкурентоспособности продукции.

Данная методика позволяет определять эффективность не только трудосберегающего, но и любого другого направления интенсификации – будь то материалосберегающее, фондосберегающее и т.д. Только в этом случае в формулах 1, 4 и 5 необходимо использовать не показатели производительности труда и экономии численности рабочей силы, а, соответственно, фондоотдачи и экономии фондов для фондосберегающего направления интенсификации производства, материалоотдачи и экономии материальных ресурсов для материалосберегающего и т.д. Например, эффект материалосберегающего направления интенсификации в условиях дефицита материальных ресурсов будет определяться следующим образом:

$$Эми = \sum_{i=1}^{n} Эi + Мо \cdot \sum_{i=1}^{n} Эмi \quad (7),$$

где $Э_{ми}$ – эффект материалосберегающего направления интенсификации;

$М_о$ – средняя материалоотдача;

$Э_{мi}$ – экономия материальных ресурсов, получаемая вследствие реализации i-го мероприятия.

Точно так же данная методика позволяет определять эффективность интенсификации не только в условиях дефицита определенного вида ресурсов, но и в условиях их избытка – только в этом случае в формулах 4, 5 и 7 вместо суммы будет разность. Это вполне соответствует здравому смыслу, когда эффективность, например, трудосберегающего направления интенсификации при прочих равных условиях оказывается тем большей, чем выше степень дефицита трудовых ресурсов (все это справедливо и в отношении материлосберегающего, фондосберегающего направления и т.д., только в этом случае учитывается дефицит или избыток соответственно материальных ресурсов, фондов и т.д.).

Таким образом, данная методика позволяет определять не только эффективность интенсификации на основе сравнения эффектов экстенсификации и интенсификации, но и эффективность различных направлений интенсификации производства. Более того, на основе данной методики можно определять и сравнительную эффективность между различными направлениями интенсификации, а также и между разными мероприятиями интенсификации.

Список литературы

1. Бабан-Луценко С.С. Экономическая сущность и показатели интенсификации рыбного хозяйства на внутренних естественных водоемах // Известия Государственного научно-исследовательского отдела рыбного хозяйства. 1971. – Т. 75. – С. 161–164.
2. Баранов А.А. Интенсификация: Экономический и социальный аспект. – М.: Экономика, 1983. – 255 с.
3. Бородин И.А. О сущности и показателях интенсификации сельского хозяйства. – М.: Колос, 1965. – 22 с.
4. Буздалов И.Н. Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства. – М.: Колос, 1966. – 173 с.
5. Закономерности социалистического расширенного воспроизводства / Под ред. А. И. Ноткина. – М.: Наука, 1977. – 403 с.
6. Маркс К. Капитал. Кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. – 551 с.
7. Меркин Р.М., Соловьева О.Г. Дискуссионные проблемы теории интенсификации строительного производства // Известия академии наук. Серия Экономическая. 1984. – № 4. – С. 33–40.
8. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. – М.: Магистр, 2007. – 271 с.
9. Павлов К.В. Патологические процессы в экономике. – М.: Магистр, 2009. – 458 с.
10. Сорокин Г.Н. Интенсификация социалистического воспроизводства // Вопросы экономики. – М., 1985. – № 3. – С. 3–13.
11. Титова Т.Д. Эффективность интенсификации на внутренних водоемах. – Калининград: Калининградский государственный университет, 1971. – 138 с.
12. Тихонов И.А. Основы интенсивного экономического развития. – М.: Мысль, 1979. – 198 с.
13. Эффективность интенсификации производства на основе внедрения достижений науки / Под ред. В.П. Лебедева. – М: Мысль, 1975. – 255 с.
14. Теория инновационной экономики / Под ред. О.С. Белокрыловой. – Ростов н/Д, 2009. – 376 с.
15. Ляшенко В.И., Павлов К.В., Шишкин М.И. Наноэкономика в славянских странах СНГ. (Серия: Экономическое славяноведение). – Ижевск: Книгоград, 2011. – 348 с.

16. Кацура С.Н. Становление инновационной системы в Украине: национальный и региональный аспекты. – Донецк: Институт экономики промышленности НАН Украины, 2011. – 504 с.
17. Колесников С.И. Экономические основы природопользования: учебник. – М.: Дашков и К°, 2011. – 304 с.
18. Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / Под научной ред. д.э.н. В.С. Селина, к.т.н. В.А. Цукермана. – Апатиты: Изд-во Кольского НЦ РАН, 2012. – 255 с.

Раков Д.Л.[1]

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ОЦЕНКИ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТАТИСТИКИ ИННОВАЦИЙ

Ключевые слова: *инновации, морфологический подход, кластерный анализ, оценка новизны, перспективы развития, статистика.*

Keywords: *innovation, morphological approach, cluster analysis, novelty assessment, development perspectives, statistics.*

Современный период развития науки и техники характеризуется усложнением создаваемых технических средств, резким увеличением стоимости их разработки, производства, эксплуатации, а также быстрым моральным старением и снижением возможности одновременного существования нескольких изделий близкого назначения. В связи с этим особое значение приобретает решение задачи создания техники, воплощающей новейшие научно-технические достижения и открытия, имеющей высокий технический уровень и инновационный потенциал [1, 2]. Главным законом развития технических систем (ТС) является научно-технический прогресс. Соответственно, внедрение результатов научно-технического прогресса является определяющим условием создания новой техники. Возникают новые потребности, что приводит к возникновению новых требований к ТС и созданию более совершенных систем. Этот процесс описывается S-образными кривыми (рис. 1) [1]. На I этапе (кривая 1) преобладают затраты для повышения качества ТС (экспериментальная отладка и опытная эксплуатация новой ТС). На этапе II происходит интенсивное развитие ТС с преобладающим ростом качества.

Эффективность ТС с выбранной структурой и принципом действия приближается к предельному значению – линия В. Если не существуют ТС с новым принципом действия, то система длительно эволюционирует. Как правило, появляется новый принцип действия ТС, который в перспективе может обеспечить принципиально более высокий уровень качества (кривая 2). Разработка новой ТС начинается в момент появления потребности (социально экономических условий) в новой системе. В развитии новая ТС (кривая 2) вначале отстает по показателям качества от предшествующей ТС (кривая 1), но постепенно вытесняет конкурента.

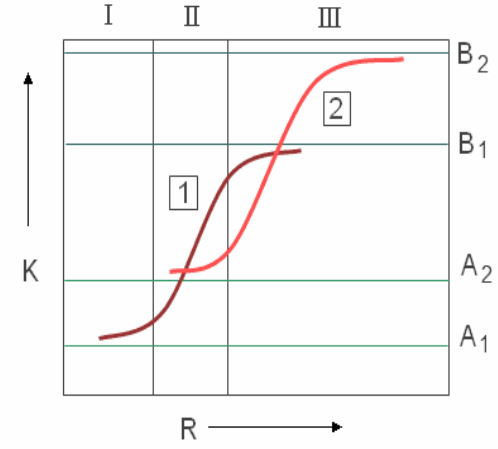


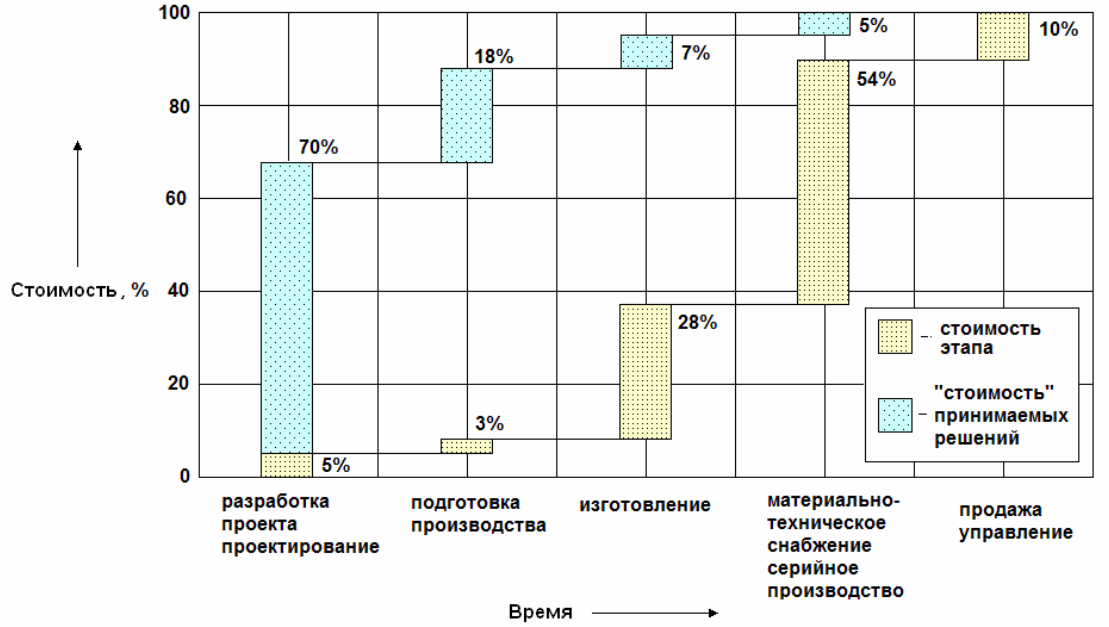
Рисунок 1.
Эволюция качества технических систем: (К – качество ТС, R- затраты ресурсов, А – социально экономические условия возникновения ТС, В – предельные значения качества ТС)

Однако до настоящего времени большие надежды, возлагаемые на использование в процессе проектирования вычислительных средств, оправдываются далеко не в полной мере. В практическом плане «...методологически, с позиций формальных методов, проектирование устройства (системы, процесса) следует рассматривать как совокупность двух основных задач: выбора структуры, или структурного синтеза, и выбора числовых значений параметров элементов данной структуры, или синтеза параметров» [1]. В этих терминах можно рассматривать проектирование практически любого объекта на любом этапе его создания [3]. Методы решения этих задач существенно различаются. Различается и их сложность. Задачи параметрического синтеза, как правило, сводятся к поиску решений, удовлетворяющих метрическим критериям, что делает их формально разрешимыми. Совершенно иной является задача структурного синтеза, которая не может быть в общем случае отнесена к классу формально разрешимых задач. Результатом струк-

[1] Раков Дмитрий Леонидович – к.т.н., с.н.с. ИМАШ РАН. Профессиональные интересы: структурный анализ и синтез сложных систем. E-mail: rdl@mail.ru

турного синтеза является выбор рациональной структуры объекта. Формально под структурой может пониматься некоторая семантическая конструкция, описывающая совокупность элементов проектируемого устройства и связи между ними. При формировании такого описания приходится иметь дело с неопределенными структурными связями, неметрическими признаками элементов структуры, качественными критериями. Именно решение задачи структурного синтеза и составляет главное содержание творческой деятельности исследователя. Формальные методы синтеза разработаны для крайне ограниченного класса объектов: конечных автоматов, тестов, коммуникационных устройств и некоторых других систем.

Вышесказанное подтверждают статистические данные фирмы Airbus (рис.2). На стадии разработки проекта со стоимостью около 5%, принимается приблизительно 70% решений (инноваций) определяющих уровень проекта. На этапе проектного поиска возможно применение систем поддержки принятия решений (СППР) которые являются инструментом, призванным оказать помощь лицам, принимающим решения. С помощью СППР может производиться выбор решений некоторых неструктурированных и слабоструктурированных задач, в том числе и многокритериальных.



Источник: Deutsche Airbus, Design To Cost.

Рисунок 2.
Зависимость стоимости этапов и важности принимаемых решений от различных стадий проекта

Значительная неопределенность информации на предварительных этапах проектирования приводит к рассмотрению «грубых» моделей и многовариантности решений, т.е. параллельной отработке нескольких альтернативных вариантов. Специфика задач структурного синтеза составляет дискретность переменных и наличие условно-логических ограничений. К этому необходимо добавить необходимость работы с несколькими противоречивыми критериями. Суть проектного поиска состоит в целенаправленном изменении значений признаков для достижения таких вариантов, которые обладают лучшими показателями, чем исходные. Само понятие «лучшее» в проектных задачах является неопределенным и расплывчатым, поскольку ряд критериев вообще не имеет количественного выражения, а точно оцениваемые критерии противоречат друг другу. Основная трудность поиска проектного облика СЭС заключается в неопределенности результатов из-за неполной информации о критериях оценки. Для решения задач анализа и проектного поиска могут использоваться методы, базирующиеся на морфологическом подходе [4], который применяется как в России, так и за рубежом, в частности в Германии. Так, общество немецких инженеров разработало два свода правил для инженеров VDI 2221 «Методы создания и конструирования ТС и продуктов» [5] и VDI 2222 «Методы конструирования: методическое развитие технических принципов» [6], в которых рекомендуется использование морфологических подходов для поиска новых ТР. Согласно Келеру (Köhler), более 26% немецких фирм применяют морфологические методы при поиске новых ТР.

Морфологические методы имеют ряд недостатков, основные из которых – трудоемкость выбора из множества альтернативных вариантов ТР, сложность оценки эффективности того или иного сгенерированного варианта, а в некоторых случаях невозможность анализа всех возможных вариантов [7].

Первые задачи – структурного синтеза определяют инновационный потенциал разработок. Методы решения этих задач существенно различаются. Различается и их сложность. Процесс поиска новых технических решений – инноваций является процессом субъективным. Так у исследователей возникает психологический барьер – при нахождении первого приемлемого решения процесс поиска останавливается и работа идет с выбранным вариантом. Интуитивно понятно, что первое приемлемое решение не будет наилучшим, и поблизости могут располагаться более «лучшие» альтернативы. Психологи давно установили, что в таких ситуациях люди обычно подсознательно выделяют лишь один или несколько вариантов технических решений, а об остальных «забывают» [8]. Так, Крайнев А.Ф. констатирует что «нельзя останавливаться на варианте схемы, компоновки, геометрии элементов, даже если на первый взгляд этот вариант представляется лучшим» [9].

С использованием морфологических методов можно оценивать инновационный уровень разработок, а с применением кластерного анализа и временных рядов также получать статистические зависимости развития инноваций. Морфологические методы базируются на комбинаторном подходе. Процедура морфологического анализа позволяет целенаправленно, планомерно закладывать в морфологические множества технических решений огромное число ТР-аналогов. На стадии морфологического анализа надо получить не план решения задачи, как в трансформационных методах, а так называемое морфологическое множество решений – описание потенциально возможных решений данной задачи [7]. Морфологический синтез рассматривается как методология упорядочения проблемы, которую предстоит решить.

Пусть синтезируемая ТС с требуемой степенью подробности сопоставляется с вектором $X=(x_1,x_2,...,x_n)$ размерности n, который характеризует либо набор технических параметров проектируемого изделия, либо комплекс, включающий несколько систем.

При этом $X \in X_{M,}$ где X_M – морфологическое множество вариантов ТС [2, 4]. Объект исследования сопоставляется с некоторым значением вектора элементов $x^* \in X_M$. При выборе вектора элементов объекта необходимо найти компромисс между стремлением к точности моделирования и простотой модели. Внешние условия, влияющие на функционирование ТС, известны и фиксированы и критерий функционирования ТС является функцией F(x) только элементов $x^* \in X_M$. Задача состоит в нахождении

$$x^* = \arg \max_{x \in X_M} F(x). \quad (1).$$

Процесс синтеза предусматривает создание морфологической таблицы (МТ) и дополнительных информационных таблиц. В объекте проектирования выделяются основные признаки, характеризующие его работоспособность. В зависимости от вида задачи из множества основных признаков P_p экспертами выбираются существенные P_n.

Для каждого признака выбирают альтернативы, т.е. возможные варианты его исполнения или реализации. Нижний индекс обозначает признак, а верхний – порядковый номер альтернативы. После декомпозиции и анализа, исследуемых ТС формируется МТ (рис. 3) и задается морфологическое множество решений:

$$X_M = \{x_{Mi}, i = 1, n\} \quad (2),$$

где, *n* – число вариантов инновационных ТР (мощность морфологического множества), т.е. $|X_M| = n$; x_{Mi} – *i*-ый вариант ТР.

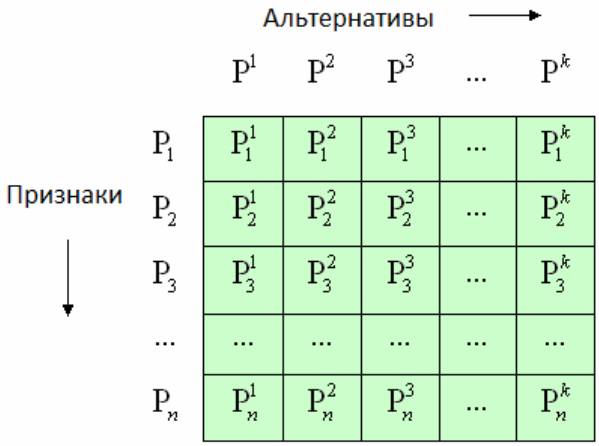


Рисунок 3.
Морфологическая таблица

Основные сложности на пути выбора решения определяются двумя обстоятельствами: сложностью формализации задачи и большим количеством разнообразных требований, критериев и ограничений. Для признаков технических решений содержащихся в МТ $P_1,P_2,\ldots P_n$ составляются таблицы критериев $k_1, k_2,..., k_i$, и определяются коэффициенты относительной важности критериев $w_1, w_2,...,w_i$. Каждой из альтернатив сопоставляются оценки по всему спектру критериев x_{ij} (рис. 4).

	P_1	P_2	P_3	...	P_n	
k_1	x_{11}	x_{12}	x_{13}	...	x_{1n}	w_1
k_2	x_{21}	x_{22}	x_{23}	...	x_{2n}	w_2
k_3	x_{31}	x_{32}	x_{33}	...	x_{3n}	w_3
...	...	...	...	...	...	...
k_i	x_{i1}	x_{i2}	x_{i3}	...	x_{in}	w_i

Рисунок 4.
Фрагмент критериальной таблицы

В построенной МТ содержится множество опорных (известных решений – из описаний патентов, литературы и технической документации) вариантов X_{Ro}, из которых строятся информационные таблицы. Например, таблица «Базовое множество решений» создается для оценки нововведений (инновативности) ТР для последующего анализа степени новизны синтезированных вариантов. Затем осуществляется генерация вариантов ТР, их оценка и первоначальный отбор. Задается некоторое множество ТР X_{Rv}, причем $X_{Rv} \le X_M$. Множество рациональных вариантов задается, как сумма вариантов:

$$X_R = X_{Rv} + X_{Ro} \quad (3),$$
$$X_R = \{x_{Rk}, k = 1, p\},$$

где p – число вариантов множества X_R, т.е. $|X_R| = p$.

Каждый вариант ТР X_{R1}, X_{R2},… X_{Rm}, содержащихся в МТ, получает оценку U в зависимости от критерия, балльной оценки альтернатив и коэффициентов важности критериев w_1, w_2,...,w_i (рис. 5).

	X_{R1}	X_{R2}	X_{R3}	…	X_{mn}	
k_1	x_{11}	x_{12}	x_{13}	…	x_{1n}	w_1
k_2	x_{21}	x_{22}	x_{23}	…	x_{2n}	w_2
k_3	x_{31}	x_{32}	x_{33}	…	x_{3n}	w_3
…	…	…	…	…	…	…
k_i	x_{i1}	x_{i2}	x_{i3}	…	x_{in}	w_i
	U_1	U_2	U_3		U_n	

Рисунок 5.
Фрагмент критериальной таблицы

Интегральная оценка каждого варианта Uj выражается как:

$$U_j = F(X_j, W) \quad (4),$$

где X_j – вектор оценок x_{ij}, i=1,m; W – вектор весов критериев w_i, F – функция свертки локальных оценок, которая ставит в соответствие каждой из альтернатив значение оценки U_j, как свертку вектора X_j. Чем больше значение U, тем вариант предпочтительней, т.е. если $U(x_{Mi}) > U(x_{Mj})$ ($U(x_{Mi})$ – значение критерия U для варианта $x_{Mi} \in X_M$) , то вариант решения x_{Mi} предпочтительнее варианта x_{Mj}.

Далее формируются кластеры вариантов ТР. Множество X_R представляет собой объединение непересекающихся подмножеств (кластеров) X_{RC1}, X_{RC2},…, X_{RCz} , где z-количество кластеров. Совокупность подмножеств {X_{RC1}, X_{RC2},…, X_{RCz}} является покрытием множества X_R, при $X_{RCi} \cap X_{RCj} = \phi$ и $i \neq j$. Предполагается, что каждый вариант ТР относится строго к одному кластеру, т.е. имеет место детерминированная постановка задачи. Кластеризация осуществляется с использованием функция расстояния $\bar{x}_i, \bar{x}_j \;\; \bar{x} \subset X_R$, обладающей следующими свойствами:

$$\begin{aligned} &\rho(\bar{x}_i, \bar{x}_j) \ge 0, \\ &\rho(\bar{x}_i, \bar{x}_j) = 0; \bar{x}_i = \bar{x}_j, \\ &\rho(\bar{x}_i, \bar{x}_j) = \rho(\bar{x}_j, \bar{x}_i), \\ &\rho(\bar{x}_i, \bar{x}_j) \le \rho(\bar{x}_i, \bar{x}_k) + \rho(\bar{x}_k, \bar{x}_j). \end{aligned} \quad (5)$$

В разработанном подходе функция расстояния представляет

$$L_1\text{-норму} = \rho_1(x_i, x_j) = \sum_{k=1}^{n} \left| x_{ki} - x_{kj} \right|. \quad (6)$$

Варианты анализируются на меру сходства, определяемую как нечеткая, неотрицательная вещественная функция

$$S(\bar{x}_i, \bar{x}_j) = S_{ij} \quad (7)$$

и удовлетворяющая при сопоставлении объектов i и j условиям:

$$\begin{aligned} &0 \le S(\bar{x}_i, \bar{x}_j) \le 1, \\ &S(\bar{x}_i, \bar{x}_j) = 1, \\ &S(\bar{x}_i, \bar{x}_j) = S(\bar{x}_j, \bar{x}_i), \\ &x_i \ne x_j. \end{aligned} \quad (8)$$

Мера сходства строится из меры расстояния:

$$S_{ij} = \frac{1}{1 + \rho_{ij}^2}, \qquad (9)$$
$$S_{ij} = 1 \rightarrow \rho_{ij} = 0,$$
$$S_{ij} = 0 \rightarrow \rho_{ij} = \infty.$$

Область исследования далее сужается к нескольким кластерам, которые в дальнейшем исследуются. Для повышения степени информативности при выборе генерируются конвергентные варианты X_{Rk}, т.е. варианты имеющие максимальную оценку по каждому из критериев и «лучший» или «идеальный» вариант X_{RI}, т.е. ТР имеющее максимальную оценку. Для сопоставления различных вариантов строится морфологическое пространство решений, в котором положение ТР характеризует свойства выбранных вариантов (рис. 6). Искомое ТР x* ищется среди вариантов множества X_R

$$x^* = \arg \max_{x \in X_R} F(x). \qquad (10)$$

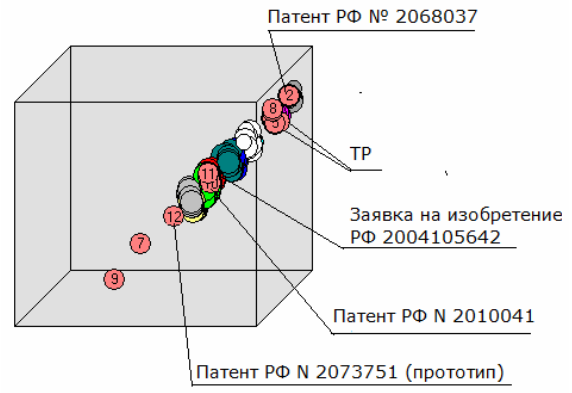


Рисунок 6.
Расположение кластеров и инновационных решений в морфологическом поле

Сопоставляя варианты ТР, определяют наилучшие, из которых составляется итоговая таблица, где после всех выборок остается набор приемлемых ТР. ТР, помимо состава и функций, описывают также связи (эффективные, энергетические и т.д.). Для их установления в созданных решениях использована процедура переноса из расположенных рядом (по классификационному полю, по мере сходства или по альтернативам) ТС (принадлежащих множеству «Существующие ТР») соответствующих структур. На выходе создаются структурные схемы («белые ящики») ТР, состоящие из моделей состава и структуры. По основным положениям методологии созданы программные комплексы структурной оптимизации «Синтез», основанные на морфологическом подходе, и их дальнейшее развитие «Оккам», при их помощи был синтезирован ряд инновационных решений [10–12].

В процессе эволюции технические системы появляются, функционируют, устаревают и вытесняются прогрессивными ТР, наиболее соответствующим изменившимся внешним условиям. Логически сконструированные модели ТС возможного будущего с неопределенным уровнем достоверности получили название антиципативных [Янч]. Процесс развития ТС и изменение внешних условий моделируется путем задания новых весовых коэффициентов у критериев (рис. 7).

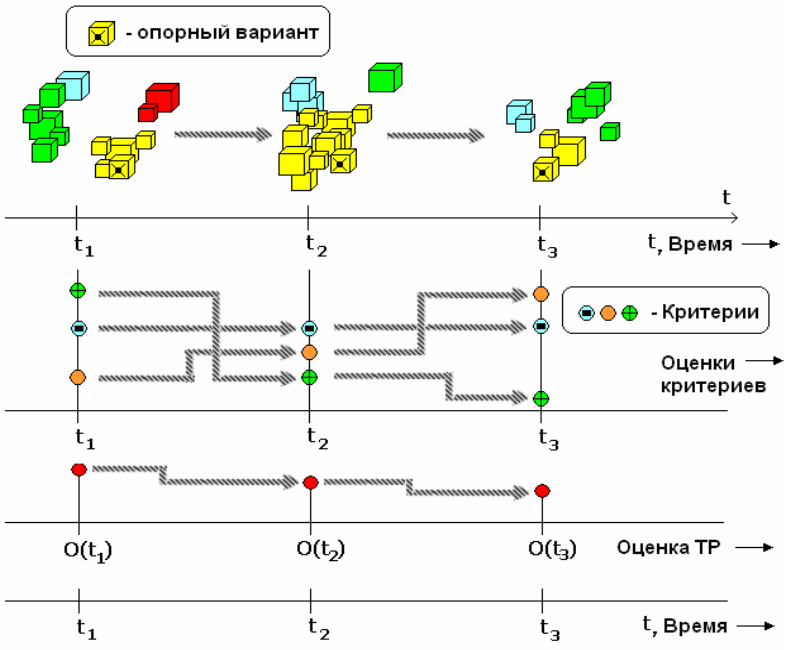


Рисунок 7.
Развитие технического решения в зависимости от времени

Например, можно прогнозировать, что некоторая оценка через некоторое время будет иметь более высокий весовой коэффициент. Таким образом, можно прогнозировать развитие технической системы в течение времени, ее жизненный цикл, а также определить будет ли система «устойчива». Для развивающихся систем характерны, с одной стороны, устойчивость структуры, с другой – потеря устойчивости, разрушение одной структуры и создание устойчивой структуры. Налицо проявление закона «перехода количественных изменений в качественные». Таким образом можно прогнозировать статистику инноваций (технических решений). Время пребывания развивающихся систем различной природы в устойчивых состояниях (соответствующих устойчивой структуре), естественно, различно, но независимо от природы. Таким образом, процесс развития можно представить как последовательность циклов эволюционного изменения состояний внутри цикла со скачкообразным переходом состояния в конце цикла на новый качественный уровень, означающий начало нового цикла развития. Это позволит прогнозировать развитие инновационных решений.

В заключении можно сделать выводы о том, что использование морфологического подхода для оценки перспективности инноваций при проведении исследований позволяет получить относительно точные оценки полученных результатов.

Предлагаемый подход позволяет:

- оценивать инновационные технические решения;
- предсказать изменение основных характеристик инноваций в течение времени;
- определить и дифференцировать эволюционирующие и стабильные признаки.

Это позволяет повысить вероятность создания инновационной продукции с высокими качественными показателями и одновременно снизить риски технологического характера.

Список литературы

1. Голубев И.С. Проектирование конструкций летательных аппаратов: учебник для вузов / И.С. Голубев, А.В. Самарин. – М.: Машиностроение, 1991. – 511 с.
2. Раков Д.Л. Синтез новых технических решений в машиностроении на базе морфологического подхода // Тяжелое машиностроение. 2008. – № 6. – С. 13–15.
3. Вермишев Ю.Х. Методы автоматического поиска решений при проектировании сложных технических систем. – М.: Радио и связь, 1982. – 152 с.
4. Раков Д.Л. Структурный анализ и синтез новых технических систем на базе морфологического подхода. – М.: URSS, 2011. – 160 с.
5. VDI 2222: Methodic development of solution principles // Verein Deutscher Ingenieure. 1997.
6. VDI 2221: Systematic approach to the development and design of technical systems and products // Verein Deutscher Ingenieure. 1993.
7. Одрин В.М. Метод морфологического анализа технических систем. – М.: ВНИИПИ, 1989. – 309 с.
8. Крайнев А.Ф.Идеология конструирования. – М.: Машиностроение, 2003. – 384 с.
9. Раков Д.Л. Прямые и обратные задачи структурного синтеза при поиске новых технических решений // Информационные технологии в проектировании и производстве. 2007. – № 2. – С. 42–49.
10. Rakov D.L., Sinyev A.V. The Structural Analysis of New Technical Systems Based on a Morphological Approach under Uncertainty Conditions // Journal of Machinery Manufacture and Reliability. 2015. – Vol. 44, N 7. – P. 74–81.
11. Раков Д.Л., Синёв А.В. Параллельное проектирование на этапах структурного синтеза и параметрической оптимизации при формировании облика новых технических систем // Проблемы машиностроения и автоматизации. 2011. – № 4. – С. 99–102.
12. Rakov D.L. Superlight Re-Entry Vehicles // Space Technology. – Oxford, 2004. – T. 24, N 4. – P. 237–243.

Рождественская С.М.
начальник отдела ФГБУ Национальный исследовательский центр «Институт имени Н.Е. Жуковского»
Клочков В.В.
д.э.н., к.т.н., директор департамента ФГБУ Национальный исследовательский центр «Институт имени Н.Е. Жуковского»

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОГРАММ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПЕРЕЧНЯ КРИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В АВИАСТРОЕНИИ

Ключевые слова: *научно-технический задел, уровень готовности технологии, эффективность технологии, программа прикладных исследований и разработок, оптимизация, критичность технологии.*
Keywords: *scientific and technical potential, technology readiness level, technology efficiency, program of applied research and development, optimization, the criticality of the technology.*

Введение

Выполнение прикладных исследований и разработок качественно и в срок требует, помимо полноценного ресурсного обеспечения, также повышения качества управления отраслевой наукой, с учетом реалий рыночной экономики (при всей условности этого термина) и достижений управленческой науки. В рамках современной методологии управления прикладными исследованиями и разработками (подробнее см., например, [3]) реализуется мониторинг готовности технологий к внедрению путем измерения их уровня готовности по формализованным шкалам. Принятая в зарубежной авиационной науке и промышленности шкала УГТ предусматривает 9 уровней, из которых первые шесть охватывают период создания научно-технического задела (НТЗ), а последующие три относятся к созданию конкретных образцов авиационной техники, см. рис. 1.

Чем выше уровень готовности, тем ниже технический риск применения данной технологии, поскольку она проверена в условиях, все более приближенных к реальным условиям эксплуатации. Причем, чем выше уровень готовности – тем полнее и система, в составе которой проверяется инновация, а, следовательно, тем ниже риск того, что в реальной эксплуатации проявится непредвиденное ранее отрицательное взаимодействие элементов.

Рисунок 1.
Шкала уровней готовности технологий

На стадии формирования и анализа концепций развития технологий (т.е. на низких уровнях готовности технологий, УГТ 1-3), и сроки достижения результатов, и сами эти результаты характеризуются значительной неопределенностью. Поэтому управление на этих стадиях должно быть венчурным – для уменьшения рисков программа исследований должна быть диверсифицирована по направлениям поиска, поскольку приоритетной цели можно достичь различными путями. И наиболее перспективный из этих альтернативных путей заранее выделить нельзя, необходима проверка целого ряда перспективных концепций-«кандидатов», которая проводится в рамках *проблемно-ориентированных НИР*.

На более поздних стадиях (доведение отобранных перспективных технологий до промышленного уровня готовности, УГТ 4-6) наиболее перспективные технологические решения уже, в основном, определены. На этом этапе

уже целесообразно переходить к проектному управлению, поскольку ожидаемый результат практически известен, и можно установить относительно четкие временны́е и финансовые индикаторы, отслеживая их выполнение. Поэтому развитие технологий на высоких уровнях готовности реализуется в рамках *комплексных научно-технологических проектов (КНТП)*. В рамках КНТП доводится до промышленного уровня готовности именно совокупность взаимодействующих технологий, т.е. проводится их системная интеграция. Разумеется, совокупность технологий, входящих в КНТП, формируется таким образом, чтобы отдельные технологии дополняли друг друга, обеспечивая синергетический эффект.

Таким образом, результаты проблемно-ориентированных НИР служат «сырьем» для формирования комплексных научно-технологических проектов. На рис. 2 наглядно изображены различные виды НИР и проектов, реализуемых на разных уровнях готовности технологий.

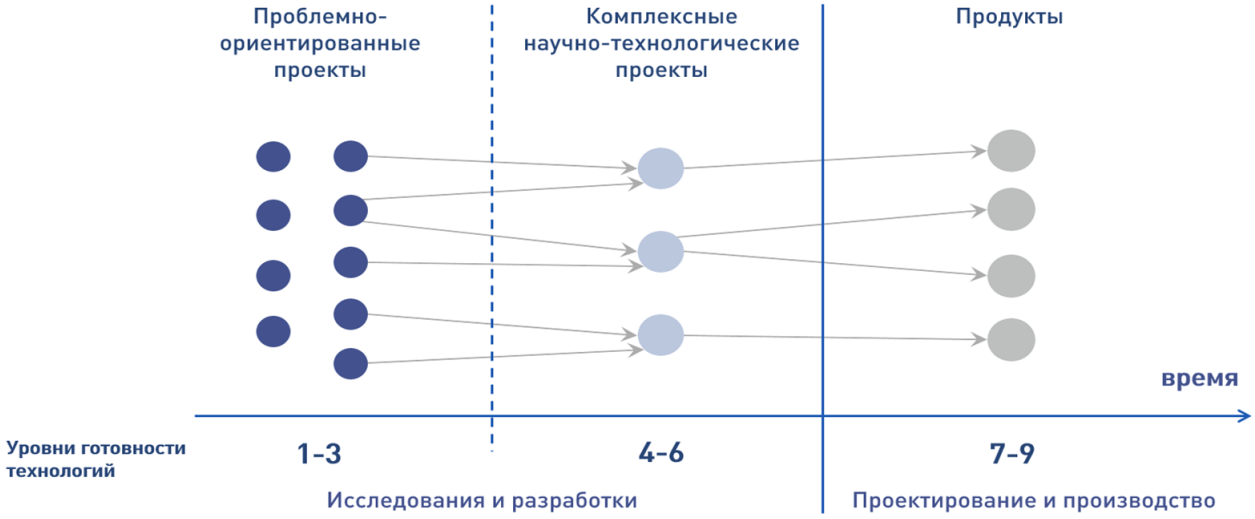


Рисунок 2.
Виды НИР и проектов при создании научно-технического задела и внедрении технологий в промышленность

Комплексные научно-технологические проекты реализуются в интересах развития одной или нескольких *платформ*. Платформа в данном случае – это общность технических концепций, объединенных по функциональным признакам. Причем, эти функциональные требования могут быть выполнены, в принципе, разными способами, т.е. в рамках различных комплексных проектов. Так, например, платформа «Транспортный летательный аппарат с расширенными условиями базирования» может быть реализована как самолет с укороченными взлетом и посадкой (за счет более мощной механизации крыла, повышенной тяговооруженности и т.п.), либо, как винтокрылый летательный аппарат (вертолет, автожир, конвертоплан), и др. Иными словами, платформа – это класс авиационной техники, определенная рыночная ниша, в которой могут сосуществовать разные технические концепции.

В то же время, один и тот же комплексный проект, интегрирующий определенную совокупность технологий, может послужить основой для нескольких платформ. Например, самолет с компоновкой «летающее крыло» может стать как гражданским, грузовым или пассажирским, лайнером (в перспективе), так и дальним бомбардировщиком-ракетоносцем (что уже реализовано в американском стратегическом бомбардировщике B-2).

Взаимосвязь платформ и КНТП наглядно изображена на рис. 3.

Рисунок 3.
Платформы и комплексные научно-технологические проекты

Такая структура научно-исследовательских проектов обеспечивает, с одной стороны, широкую диверсификацию исследований и разработок в интересах создания конкретного класса изделий – поскольку одна платформа может быть реализована несколькими путями (проектами). Это снижает риск того, что для создания нового поколения определенного класса изделий (выполняющих определенную функцию), к нужному моменту не будет задела. С другой стороны, диверсифицируются и области применения задела, созданного в рамках конкретного комплексного проекта – даже если изделия того или иного класса не будут востребованы рынком в данный момент, та же совокупность взаимосвязанных технологий может найти применение в рамках иных платформ.

Современная методология управления созданием научно-технического задела в авиастроении основана на принципах программно-целевого управления с учетом высокорисковой специфики научно-исследовательских работ как вида деятельности. Она предполагает повышение уровня обоснованности принимаемых управленческих решений за счет формализованного целеполагания развития технологий. Ниже рассматривается состав необходимого методического обеспечения для реализации такой методологии управления НИР, а также вытекающие из нее принципы формирования программ прикладных НИР и перечня критических технологий, требующих приоритетной разработки.

Методическое обеспечение формирования программ прикладных исследований и разработок

Анализ описанной выше системы управления созданием новых технологий показывает, что она требует соответствующего методического обеспечения, а именно, следующих методик:

– оценки влияния разрабатываемых технологий на индикаторы уровня научно-технического совершенства проектов по созданию авиационной техники (АТ);

– прогнозирования достижимых на стадии производства значений тактико-технических характеристик и качества изделий АТ на основе проведенных оценок в процессе разработки образцов этой АТ;

– пересчета значений тактико-технических характеристик и качества образцов АТ на изделия различных классов и модификаций;

– оценки уровней готовности технологии.

Также необходима методика оценки влияния показателей уровня научно-технического совершенства КНТП и реализованных на их основе платформ на интегральные показатели достижения целей создания научно-технического задела в авиастроении. Как правило, такие оценки рассчитываются с помощью моделей авиатранспортных систем, в рамках которых функционируют воздушные суда, относящиеся к определенным конструктивно-технологическим платформам с заданным уровнем характеристик. В этих моделях рассматривается взаимодействие рынков авиаперевозок, различных ресурсов (например, авиатоплива), наземной инфраструктуры и т.п., подробнее см. [4], учитываются обратные связи, что позволяет, в конечном счете, корректно оценивать системные эффекты внедрения новых технологий в авиастроении и смежных отраслях.

На рис. 4 схематично отражена взаимосвязь вышеописанных методик, их входных и выходных величин. Представленная взаимосвязь методик и их состав обусловлены внедряемой в авиастроении структурой программ создания научно-технического задела, предусматривающей наличие таких описанных выше категорий, как комплексные научно-технологические проекты и конструктивно-технологические платформы.

Вышеуказанная методика пересчета значений тактико-технических характеристик и качества образцов АТ на изделия различных классов и модификаций используется именно для оценки уровня научно-технического совершенства различных платформ, реализованных на базе КНТП. Например, на основе комплексного проекта «самолет классической схемы с турбореактивными двигателями» могут быть реализованы такие платформы, как «дальнемагистральный самолет» и «региональный самолет», и для каждого из этих классов изделий набор технологий, разработанных в рамках комплексного проекта, обеспечит, в общем случае, различный уровень характеристик. Далее изделия, соответствующие различным платформам, функционируя в составе авиатранспортной системы, внесут свой вклад в достижение генеральных целей развития авиастроения. Такая иерархия показателей и методик их расчета и отражена на рис. 4.

Каждая методика представлена на этом рисунке в виде «черного ящика», поскольку ее конкретное наполнение (спецификация моделей, их реализация в виде алгоритмов, программных комплексов и организационных процедур) зависит от наличия априорных знаний о соответствующих системах и эффектах, от целесообразности разработки более или менее точных и достоверных моделей (подробнее см. 5). Здесь имеет значение именно функциональное предназначение каждого вида методик.

Фактически, перечисленные методики предназначены для оценки влияния разрабатываемых или предлагаемых к разработке технологий на показатели достижения генеральных целей развития науки и технологий в авиастроении. Таким образом, они обеспечивают комплексную и «сквозную», вплоть до влияния на достижение генеральных целей создания научно-технического задела, оценку эффективности технологий в рамках выбранных критериев. Оценка эффективности как таковая (по каким бы методикам она ни выполнялась) ни в коем случае не является самоцелью, и рассматривается лишь как средство (причем, одно из нескольких необходимых) обоснования управленческих решений. В сочетании с показателями уровней готовности технологий (косвенно характеризующими риск их дальнейшей разработки, а также необходимые для завершения разработки сроки), а также оценками потребного объема ресурсов (трудовых, финансовых, объемов использования объектов экспериментальной базы и т.п.), оценки эффективности технологий служат основой для принятия решений о включении предлагаемых научно-исследовательских работ (нацеленных на развитие определенных технологий, на доведение их до некоторого уровня готовности) в программу (стратегический план) прикладных НИР по созданию научно-технического задела в авиастроении. Эта задача состав-

ляет суть стратегического планирования научно-технологического развития отрасли. В то же время, и в процессе реализации стратегического плана прикладных НИР возникает необходимость мониторинга проведения НИР, актуализации (пересмотра) стратегического плана с учетом

– как изменения условий (ресурсных ограничений, прогнозов внешнего окружения – например, спроса на изделия авиационной техники или авиаперевозки, возможностей конкурентов и т.п.),

– так и уточняемых в процессе развития технологий оценок их влияния на характеристики перспективных изделий, уровней готовности технологий, прогнозов времени и других ресурсов, необходимых для доведения технологий до промышленного уровня готовности.

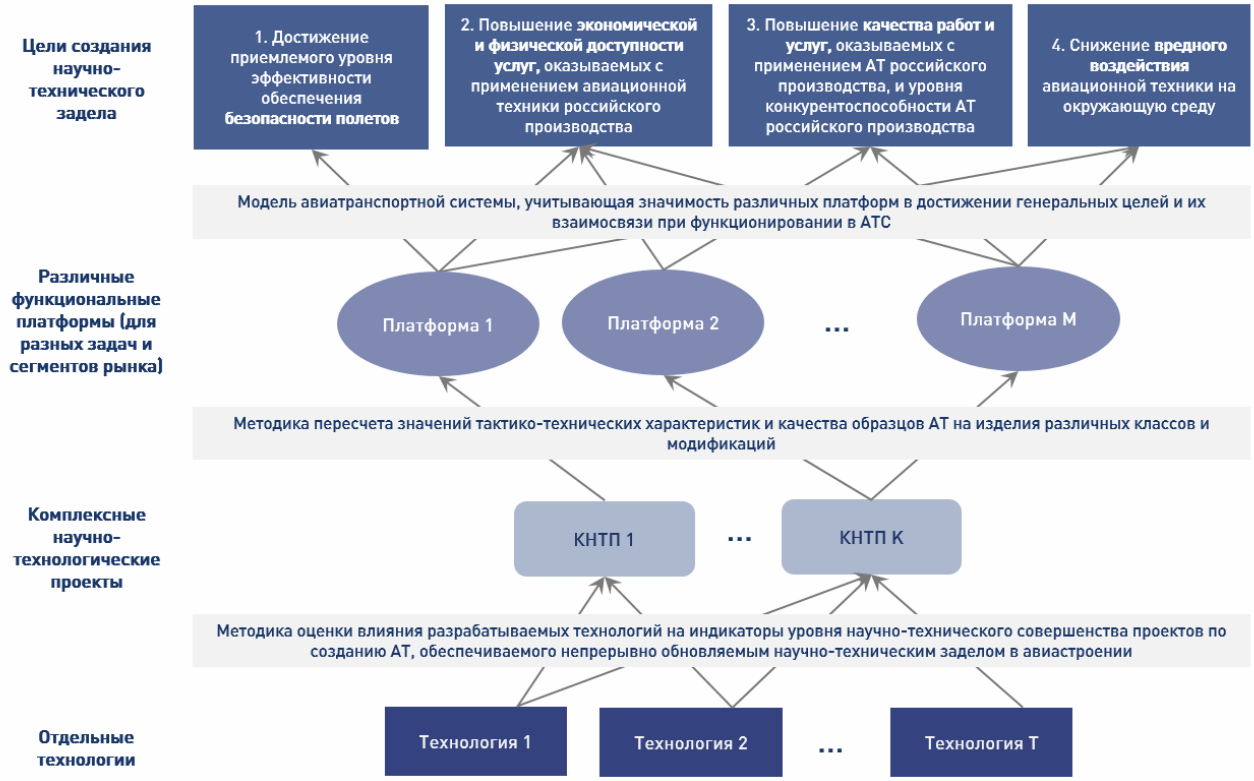


Рисунок 4.
Состав и взаимосвязь методик, разрабатываемых для применения в процессе управления созданием научно-технического задела в авиастроении

Таким образом, рассматриваемый здесь методологический инструментарий применяется не только в стратегическом, но и в тактическом контурах управления прикладными НИР в авиастроении. С учетом этих соображений, можно схематично представить роль и место перечисленных методик в системе управления созданием научно-технического задела в следующем виде, см. рис. 5.

В условиях ограниченности ресурсов актуально повышение качества принятия соответствующих стратегических решений. Поэтому программа НИР должна формироваться оптимальным, в смысле выбранного критерия, образом. С математической точки зрения, это задача оптимального формирования портфеля рисковых активов. Она существенно отличается от таковой в сфере финансов, в силу специфики рисков, присущих прикладным НИР, а также специфики системной эффективности технологий. Тем не менее, ряд общеметодологических особенностей, известных для классических задач портфельной оптимизации, сохраняет актуальность и в данном случае. Прежде всего, состав оптимального портфеля не является аддитивным по его стоимости, т.е., например, если располагаемый объем ресурсов сократится, новый оптимальный портфель отнюдь не обязательно представляет собой усеченную версию исходного. Вполне возможно, что его состав в соответствии с новыми ресурсными ограничениями будет полностью переформирован, т.е. оптимальной станет вообще иная комбинация технологий, не имеющая или почти не имеющая общих элементов с исходной. Эту особенность оптимальных решений задач формирования «портфеля рисковых активов» необходимо учитывать при разработке методов формирования программ создания научно-технического задела в авиастроении.

Связь технологий и научно-исследовательских работ и проектов в обеспечение их разработки

Следует подчеркнуть, что комплексный научно-технологический проект представляет собой именно совокупность научно-исследовательских работ и других проектов более низких уровней (подпроектов), т.е. комплекс работ, которые характеризуются определенной длительностью, исходными условиями и ожидаемыми результатами, потребными ресурсами. В то же время, выше рассматривалось именно влияние технологий на совершенство перспективных изделий авиационной техники. Именно научно-исследовательские работы, НИР, являются предметом планирования в

процессе создания научно-технического задела. В то же время на совершенство авиационной техники оказывают влияние технологии, т.е. непосредственно технические решения (конструктивные доработки, материалы и т.п.), которые могут быть использованы при создании изделий. Связь этих двух категорий можно определить следующим образом. НИР и другие научно-технологические проекты в прикладной науке направлены на разработку технологий, т.е. это именно работы или комплексы работ, направленные на повышение уровней готовности технологий в соответствии с принятой системой оценки УГТ. Таким образом, формально каждая НИР, рассматриваемая на предмет включения в КНТП – это работа по повышению уровня готовности одной или нескольких технологий, создаваемых в рамках данного КНТП, с определенного начального уровня до некоторого планируемого.

Рисунок 5.
Место разрабатываемых методик в процессе управления созданием НТЗ в авиастроении

Поскольку отбору в состав КНТП подлежат именно НИР, а ранее рассматривались оценки влияния технологий на интегральное «качество» или «успешность» данного КНТП, необходимо формально связать НИР с этим интегральным результатом. Как правило, это делается путем введения коэффициента, характеризующего вклад данной НИР в развитие данной технологии. Поскольку возможны комплексные НИР или научно-исследовательские проекты, одновременно направленные на разработку нескольких технологий, и, в то же время, даже одна технология может потребовать нескольких НИР, выполняемых последовательно или параллельно, в общем случае, необходимо сформировать матрицу таких коэффициентов.

С одной стороны, их значения также можно определять экспертным путем. С другой стороны, это может до неприемлемого уровня повысить степень субъективизма при обосновании стратегического плана НИР в авиастроении, тем более, что тогда эксперты будут непосредственно определять значимость каждой НИР для развития тех или иных технологий, что создает стимулы для неограниченного завышения этой оценки, позволяя компенсировать даже низкую оценку значимости технологий для обеспечения «успешности» КНТП. Тогда эксперты будут стремиться неограниченно завышать оценки вклада «желательных» для них НИР в развитие технологий, безотносительно к оценкам их значимости (и компенсируя их различия), и занижать оценки вклада «нежелательных», т.е. прочих НИР. Поэтому целесообразно обеспечить, по возможности, объективные основания для оценки вклада НИР в развитие технологий.

Основу для такой оценки предоставляет система уровней готовности технологий. Т.е., на первый взгляд, планируемый в результате данной НИР прирост УГТ и характеризует вклад НИР в развитие данной технологии. Однако в этом случае возникают следующие противоречия. Если, например, одна НИР позволяет повысить уровень готовности некоторой технологии с УГТ 1 до УГТ 3, т.е. на два уровня, а другая НИР позволяет повысить уровень готовности другой технологии с УГТ 5 до УГТ 6, т.е. на один уровень, означает ли это – даже без учета различия трудоемкости и т.п. факторов и неравноценности технологий – что вклад первой НИР в развитие «своей» технологии выше, чем вклад второй НИР в развитие другой технологии? Если в первом случае достигается лишь первоначальное продвижение в направлении развития технологии, то во втором – достигается доведение технологии до промышленного уровня готовности, т.е. достигается значимый практический результат. Поэтому оценка вклада НИР в развитие технологии может строиться не на основе прироста УГТ, а именно на основе сокращения «расстояния» до промышленного УГТ 6.

В любом конкретном случае необходимо указывать, какой моделью влияния НИР на развитие технологий (т.е. связи между работами и технологиями) руководствуются лица, принимающие решения (ЛПР) в процессе формирования оптимальной программы или плана прикладных научных исследований, и на каком основании выбрана именно данная модель. Это повышает объективность планирования НИР, сокращает возможности манипулирования соответствующими оценками, которое может существенно снижать эффективность прикладных НИР при ограниченных ресурсах.

Методологические проблемы и предлагаемые принципы оценки критичности технологий

Чем ниже достигнутый уровень готовности технологии, тем выше инновационный риск ее развития, т.е. риск незавершения разработки технологии к заданному моменту времени, а также технологический риск, т.е. риск ее негативной интерференции с прочими технологиями, используемыми в составе перспективных образцов авиационной техники. При этом, чем выше степень влияния данной технологии на показатели достижения генеральных целей научно-технологического развития авиастроения, тем более значительными являются возможные потери в случае неготовности данной технологии к промышленному применению в планируемый момент времени. Поэтому сочетание уровня готовности технологии (точнее, «расстояния» от достигнутого УГТ до УГТ 6) и степени влияния технологии на достижение целей развития авиастроения определяет *критичность* данной технологии, по аналогии с критичностью отказов в теории надежности, см. [1]. В большинстве источников риск, несмотря на неоднозначность этого понятия, определяется как [измеренное тем или иным образом] сочетание вероятности наступления неблагоприятных событий и возможного ущерба от них. Поэтому, чем большее влияние технология оказывает на достижение генеральных целей и/или чем дальше она от промышленного уровня готовности, тем больший интегральный риск с ней связан. Это, в свою очередь, означает, что на такой технологии следует сконцентрировать внимание и ресурсы для повышения уровня научно-технического совершенства проектов по созданию перспективных образцов авиационной техники. Именно в этом случае, по нашему мнению, она может быть названа критической. Несмотря на многозначность этого термина, на широкий спектр предлагаемых специалистами и используемых различными организациями определений критических технологий, описанное толкование данного термина можно считать формально обоснованным, и даже математически строгим.

Таким образом, оценка интегрального показателя критичности для каждой из технологий, создаваемых в рамках непрерывно обновляемого научно-технического задела в авиастроении, необходима для обоснования управленческих решений в сфере управления процессами развития технологий, прикладными исследованиями и разработками. При этом для обеспечения системности принимаемых решений (а они, прежде всего, сводятся к включению либо невключению тех или иных НИР в программу исследований и разработок) необходимо, чтобы количественная оценка критичности технологии автоматическим образом указывала на безусловную приоритетность технологий, составляющих взаимодополняющие комплексы (если разработка такого комплекса в целом признана приоритетной). В противном случае, ранжирование технологий по уровню критичности и отсечение нижней части мажорантного ряда, не укладывающейся в ресурсные ограничения, может привести к тому, что в программе НИР останутся работы, не обеспечивающие формирование целостного научно-технического задела, пригодного для внедрения в промышленности. Т.е. некоторые технологии, которые обязательно должны быть разработаны для обеспечения работоспособности прочих инноваций, не будут созданы. Таким образом, проведенные исследования и разработки не будут даже результативными (поскольку по их итогам нельзя будет создать работоспособные образцы авиационной техники), не говоря уже об эффективности. Во избежание таких ситуаций (встречавшихся в реальной практике научно-технологического развития ряда отраслей), необходимо рассматривать жестко взаимодополняюшие технологии как единое целое, а технологии с высокой степенью взаимозависимости снабжать и высокой оценкой критичности, по отношению к другим технологиям, составляющим с ними почти целостный комплекс.

В связи с введенным выше определением критичности технологии как интегральной оценки уровня ее развития и важности для успешной реализации комплексного проекта, возникает следующая методологическая проблема: как разделить степень влияния технологии на достижение целей и технологический риск (он же – риск системной интеграции)? Данный вид рисков и состоит в том, что взаимодействие технологии с прочими (как новыми, входящими в состав данного комплексного проекта, так и уже применяемыми при создании образцов авиационной техники), может привести к тому, что изменение показателей достижения целей развития авиастроения, вместо ожидавшегося положительного, сократится, либо даже станет отрицательным.

На УГТ 1-3 рассматривается отдельная технология и ее изолированное влияние на показатели достижения целей развития науки и технологий в авиастроении. Поэтому низкий уровень готовности технологии свидетельствует, прежде всего, о высоком уровне инновационного риска, т.е. риска задержки разработки данной технологии к заданному моменту времени.

На УГТ 4-6 реализуется системная интеграция технологий, анализ интерференции технологий, включенных в комплексный научно-технологический проект (а также современных технологий, применяемых при разработке соответствующих образцов АТ). Здесь возможна корректировка их состава и характеристик с целью обеспечения положительной синергии, минимизации негативного взаимодействия. Таким образом, целью данного этапа развития технологий является достижение, по возможности, наибольшего положительного изменения показателей уровня научно-технического совершенства КНТП под влиянием включаемых в него технологий. На этом этапе и проявляется технологический риск. Поэтому по итогам анализа интерференции технологий, включенных в комплексный научно-технологический проект, выявляются технологии,

• не оказывающие значимого влияния на показатели достижения целей развития авиастроения (что автоматически снижает их критичность),

• оказывающие отрицательное влияние на показатели достижения целей развития авиастроения и подлежащие исключению из состава КНТП (что обнуляет их критичность).

Либо, может быть принято решение о доработке технологии или их комплекса для [достижения и] усиления ее положительного влияния на показатели достижения целей развития авиастроения. В этом случае реализуется системная интеграция комплекса новых технологий в составе КНТП, т.е. повышается уровень готовности технологий на УГТ 4-6. Кроме того, растет и положительное влияние технологии (вместе с другими технологиями в составе КНТП) на показатели достижения генеральных целей развития авиастроения. Таким образом, риск развития технологии (как инновационный, так и технологический) сокращается, но ее значимость возрастает. Следовательно, нельзя однозначно определить, каким образом изменяется их сочетание, выражающее критичность технологии. Тем не менее, по достижении промышленного уровня готовности (УГТ 6) разработка технологии будет успешно завершена, и ее критичность естественным образом обнуляется.

Таким образом, если данная технология по итогам анализа ее критичности признана приоритетной для дальнейшего исследования и разработки, далее, по мере повышения уровня ее готовности и снижения неопределенности в оценке ее значимости, возможно

• либо ее исключение из числа критических, поскольку выявилось ее незначительное или отрицательное влияние на показатели достижения целей развития науки и технологий в авиастроении;

• либо (если влияние данной технологии на показатели достижения генеральных целей оказалось существенно положительным, или же стало таковым в результате системной интеграции) повышение уровня готовности технологии вплоть до промышленного, т.е. успешное завершение ее разработки.

В обоих случаях в конечном итоге критичность технологии обнуляется, либо по причине ее исключения из состава комплексного проекта, либо по причине успешного завершения ее разработки в составе КНТП.

В начале периода разработки технологий, особенно на стадии проблемно-ориентированных НИР, направленных на выявление потенциально эффективных технологий, неопределенность эффективности каждой из таких технологий велика настолько, что невозможно выявить явно доминирующие и доминируемые (тем более что в процессе системной интеграции оценки эффективности еще могут существенно измениться). На этой стадии рекомендуется пользоваться верхними, оптимистическими оценками эффективности технологий (подробнее см. [2]), а также избегать отбора проектов, диверсифицируя направления поиска – тем более, что, как правило, проблемно-ориентированные НИР существенно менее ресурсоемки, чем последующие стадии разработки технологий и образцов наукоемкой продукции. Поэтому на этой стадии критичность всех потенциально эффективных технологий считается априорно высокой, что, в сочетании с низким объемом необходимых ресурсов, приводит к признанию всех этих технологий приоритетными и подлежащими дальнейшему анализу, с доведением до УГТ 3 и последующим отбором в состав КНТП уже по итогам существенно уточненных оценок эффективности. Далее для технологий, не прошедших отбор ввиду их низкой эффективности, критичность обнуляется, тогда как для технологий, включенных в состав КНТП, она возрастает. Дальнейшая ее динамика описана выше.

Заключение

На основании вышеприведенных рассуждений, можно утверждать, что основой для принятия управленческих решений о приоритетном исследовании и разработке тех или иных технологий в условиях ограниченности ресурсов должна быть критичность технологии, т.е. измеренное определенным образом сочетание

• влияния технологии на показатели достижения целей развития науки и технологий в авиастроении

• и «расстояния» между достигнутым и целевым (промышленным, УГТ 6) уровнями готовности технологии.

• Увеличение любого из этих параметров повышает критичность технологии и приоритетность ее анализа и разработки.

Оценка влияния технологии на показатели достижения целей развития науки и технологий в авиастроении должна выполняться с помощью предложенной иерархической системы методик. Причем, их конкретная спецификация может быть вариативной, но их состав и взаимосвязь обусловлены структурой современной системы управления прикладными исследованиями и разработками.

Список литературы

1. Александровская Л.Н, Афанасьев А.П., Лисов А.А. Современные методы обеспечения безотказности сложных технических систем. – М., Логос, 2001 – 208 с.
2. Дутов А.В., Клочков В.В. Модель и критерии принятия решений в задачах оптимального планирования прикладных исследований в наукоемкой промышленности // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 44 (395). – С. 2–13.
3. Клочков В.В., Рождественская С.М. Современные принципы управления прикладными исследованиями в авиационной науке // Интеллект & технологии. 2016. – № 1 (13). – С. 58–63.
4. Мантуров Д.В., Клочков В.В. Организационные аспекты формирования стратегии развития российского авиастроения и отраслевой науки // Труды МАИ. – М., 2012. – Вып. 59. – С. 24. – http://www.mai.ru/science/trudy/published.php?ID=34844
5. Панин Б.А., Клочков В.В. Проблемы разработки и применения экономико-математических моделей в менеджменте // Экономический анализ: теория и практика. 2012. – № 13 (268). – С. 46–58.

Рукина И.М.
д.э.н., профессор, академик РАЕН, начальник отдела социально-экономических исследований регионов России Института экономических региональных исследований
irinarukina@mail.ru
Филатов В.В.
к.т.н., доцент МГУ технологий и управления
filatov_vl@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

***Ключевые слова**: инновация, инновационный процесс, инновационная деятельность, инновационная экономика, инновационный потенциал, интеллектуальный капитал, экономика знания, инновационные предприятия, рынок инноваций, отраслевая экономическая система, управление знаниями.*

Современные экономические системы развитых стран базируются на использовании информации и знаний. Именно знания и информация лежат в основе понятия «технология». По мнению специалистов-экспертов, понятие «технология» включает в себя систему соответствующих знаний, технические средства, кадровые и информационные ресурсы, навыки и производственную культуру, в которой реализуется данный процесс [11, 12, 14, 16]. В свою очередь, понятие «наукоемкая технология» относится к технологиям, созданным на основе использования научных достижений, закрепленных законодательно и ориентированных на развитие и государственную поддержку науки [1].

Главной экономической предпосылкой возникновения потребности в «управлении знаниями» послужило превращение знания в ценный рыночный актив и стремление предприятий и организаций использовать его для усиления своих конкурентных преимуществ [25]. Для этого, прежде всего, организациям необходимо повернуться лицом к потребителю, использовать свои знания для решения проблем потребителя, организовать мониторинг потребительской сферы с точки зрения управления и создания новых знаний, научиться управлять творческим потенциалом [26].

Современный этап развития общества характеризуется огромным объемом накопленных знаний даже в узких тематических областях. Создалась интересная и парадоксальная ситуация: с одной стороны, отдельный индивидуум не в состоянии охватить всю массу существующих знаний, с другой стороны, человечество постоянно их пополняет в расширяющемся объеме со все большей скоростью [23]. Этим обусловливается острая необходимость в формировании специальной методологии, которая позволит вести поиск и использование новых знаний с меньшими эвристическими затратами при одновременном повышении вероятности достижения поставленной цели. Возникла потребность управления творческим потенциалом самих создателей новой информации, знаний и инноваций, что привело к взаимообусловленному возникновению новой парадигмы: инновационное образование – инновационная экономика – инновационное общество [24].

Одной из основополагающих причин повышенного интереса к управлению информацией и знаниями является наращивание использования информационных и коммуникационных технологий, которые позволяют обмениваться огромными массивами информации независимо от реального времени и географического положения участников инфо-коммуникационного процесса [27]. Массив информации настолько велик, что многие люди начинают сомневаться в необходимости создания новых знаний, поскольку не справляются с управлением уже накопленными знаниями [28].

Хотя термин «управление знаниями» в последние десятилетия стал очень популярен за рубежом, очень часто его категориальные рамки расплывчаты – управление знаниями отождествляется, если не напрямую, то по смыслу и словоупотреблению, с управлением интеллектуальным капиталом, иногда с управлением НИОКР. Определяя сущность и содержание управления знаниями, необходимо исходить из следующего [1, 28]:

– производство, распространение и использование знаний осуществляется не только на индивидуальном, но и на общественном уровне, в результате чего возникают определенные взаимодействия между людьми,

– управление знаниями необходимо для координации совместной деятельности людей, а также формирования и использования ресурсов для достижения поставленных целей.

Таким образом, в инновационной экономике в составе основного капитала в обязательном порядке должны присутствовать «нематериальные» составляющие, такие как: инновационный менеджмент [29]; внутрифирменная организационная структура управления; характер взаимодействия с внешней средой; этические принципы ведения бизнеса [19]: применение информационных технологий; способность персонала к самообучению и генерированию новых идей, творчеству, принципы социальной справедливости [21], современные гуманистические подходы в экономике и менеджменте [18].

Специфика вышеперечисленных нематериальных активов и ресурсов заключается в том, что они являются результатом интеллектуальной деятельности человека, информационной деятельности общества и государственного регулирования национальной экономики [16]. На использование знаний и информации как экономических ресурсов

влияют их сущностные характеристики, которые значительно отличают знания и информацию от традиционных продуктов и факторов производства и, соответственно, влияют на их вовлечение в хозяйственный оборот, и это позволяет рассматривать их в качестве элементов основного капитала [31].

Применение знаний, информации и информационных технологий в производстве непосредственно представляет собой систему использования информации и знаний разного характера в производственном процессе [12]. Роль знаний и информации как нематериальных ресурсов будет различной в зависимости от характера производства и уровня его развития. Их значение будет возрастать с повышением уровня интеллектуализации производства и индивидуализации выпускаемой продукции или оказываемых услуг [13].

В этом аспекте складывается нестандартная ситуация использования нематериальных ресурсов, которая противоречит существующим экономическим подходам к сфере материального производства. Как отмечает В.Л. Иноземцев, «столь же отчетливо наступление постиндустриальной эпохи проявляется в кризисе традиционных экономических концепций, вызываемом ростом производства и потребления информации. Так как основным ресурсом постиндустриального хозяйства является знание (как теоретическое, так и прикладное), а его использование, в отличие от потребления материальных, во-первых, не тождественно уничтожению блага, во-вторых, может осуществляться одновременно неограниченным числом хозяйствующих субъектов, применение ряда фундаментальных принципов экономической теории оказывается невозможно» [8].

Однако следует отметить, что выявленная тенденция справедлива для знаний и информации только на определенном этапе ее производственного использования [12, 13]. На начальном этапе появление информации и знания и движения этих нематериальных активов как экономических ресурсов осуществляется по традиционным экономическим законам индустриальных обществ. В этот период знания и информация обладают свойством редкости. С точки зрения их включения в состав капитала, следует остановиться на следующих характеристиках указанных нематериальных активов и ресурсов [22]:

1. На издержки производства знаний и информации не влияет количество потенциальных потребителей, ценность знания и информации сложно поддается предварительной оценке. Статистическая и бухгалтерская оценки их затруднены, так как часто между затратами знаний на входе и объемом знаний на выходе нет значимого экономического соответствия, поэтому бывает сложно с достоверностью оценить качество интеллектуального труда и стоимость его продукта через количество усилий и ресурсов, приложенных к его достижению. Но, в то же время, информация и знания требуют значительных затрат на их получение [16].

2. Знания и информация не убывают по мере их использования и могут использоваться многократно, но в то же время могут утратить свою актуальность – морально устареть. Они независимы от пространства, т.е. могут потребляться одновременно различными субъектами в различных местах, однако, они часто зависимы от времени и ценны только в определенный период времени, либо до наступления определенных событий или обстоятельств, после чего могут полностью утратить свою ценность, либо так ее и не приобрести. Таким образом, темпы морального износа знаний и информации могут быть гораздо выше, чем у других видов ресурсов [12, 13].

3. Знания и информация неотчуждаемы: они могут использоваться одновременно большим числом потребителей без потери количества и качества. В силу своей внутренней природы они передаются безвозвратно, их изобилие как блага не снижает их ценности, но в современном обществе включаются юридические механизмы регулирования использования знаний и информации (лицензирование, патенты и пр.), что налагает ограничения на использование знаний и информации в воспроизводственных процессах [1, 6].

4. Знания и информация нематериальны и нуждаются в объективации. Это значит, что они должны быть представлены в письменной, печатной, графической, вербальной или иной символической или электронной форме.

Исходя из приведенных характеристик знаний и информации, можно сделать вывод о том, что их, как и другие производственные ресурсы, можно смело ввести в состав основного капитала. Это необходимо сделать прежде всего потому, что их роль в современных производственных процессах как ресурсов постоянно усиливается [1, 12, 13].

Данные выводы подтверждаются и мировой практикой рассмотрения информации и знания в качестве базиса ресурсного потенциала. Так, в соответствии с международными стандартами системы национальных счетов, одобренной ООН в 1993 г., одним из элементов произведенных нематериальных активов, входящих в состав основных фондов, являются «наукоемкие промышленные технологии» (НТП). Кроме того, сегодня одним из структурных элементов национального богатства, объектом купли-продажи и обмена на рынке являются индустриальные наукоемкие технологии (ИНТ). Они составляют основу современных производственно-технологических структур отраслей и предприятий экономики и при надлежащих условиях обеспечивают качество продукции, ее устойчивую конкурентоспособность на рынке [1, 31].

Исследователи экономических укладов и современного этапа научно-технического развития говорят о формировании глобальной инновационной сферы, которые обусловлены процессами торгово-финансовой и производственной глобализации. В результате этого меняются не только приоритеты и содержание исследований, но и происходит обновление подходов, методов и стилей управления, складываются основы новой корпоративной культуры [17].

На основе анализа и сравнения концепций развития общества, на наш взгляд, целесообразно выбрать в качестве методологического базиса концепцию «экономики, основанной на знаниях». Это вызвано тем, что знание – более глубокий и комплексный феномен, нежели информация, и целенаправленное эффективное использование знаний позволит обществу добиться качественных сдвигов в своем развитии [13]. И в подтверждение этого стоит привести высказывание П. Друкера: «XXI век будет веком лидерства и роста производительности умственного труда» [4, 5].

В зависимости от области знаний можно выделить технологические знания (знания о технологиях создания продукта), маркетинговые знания (о группах потребителей, ценовой политике, способах продвижения товара и пр.),

макроэкономические знания (о тенденциях изменения курса валют, внешнеэкономических тенденциях, перспективах увеличения внутреннего спроса и пр.) [16]. С точки зрения носителей знания существуют индивидуальные и групповые знания. То, что знает отдельный человек, является его индивидуальным знанием. Традиционные представления исходят из того, что знания – это прерогатива отдельных людей, при этом группа – лишь простая сумма членов этой группы, а групповое знание – сумма их знаний [25, 26].

Существует другая, современная точка зрения, в соответствие с которой группа людей формирует новую сущность со своей уникальной спецификой. В рамках этого представления можно говорить об организационном поведении, командообразовании и о групповом знании [17, 20]. Новое представление часто используется в рамках технологии knowledge management [15]. Таким образом, знание может быть не только у отдельного человека, но и у группы людей. Тогда говорят: что-то знает организация, что-то – группа, бригада и т.д.

Б. Гейтс в книге «Бизнес со скоростью мысли» пишет о необходимости повышения интеллектуального потенциала организации, или корпоративного коэффициента интеллекта (IQ) [2]. При этом он имеет в виду не только количество умных сотрудников, но и накопление знаний в компании и свободное распространение информации, которое позволяет талантливым сотрудникам достаточно независимо пользоваться новаторскими идеями. Конечная цель создания высокого корпоративного IQ состоит в том, чтобы группа могла вырабатывать идеи и воплощать их в жизнь столь же эффективно, как это мог бы делать один человек, сконцентрировавший свои силы на решении задачи. «Когда же набирается критическая масса людей с высоким IQ, работающих рука об руку друг с другом, потенциал компании взлетает просто до небес. Эта взаимная стимуляция порождает множество новых идей и способствует выходу менее опытных работников на самые высокие уровни квалификации. Компания в целом начинает работать лучше» [2]. Наше мнение заключается в том, что в настоящее время необходимо использовать инновационные методы повышения личной эффективности современного руководителя и для талантливых сотрудников инновационных предприятий необходимо реализовывать тренд IQ (когнитивный) – EQ (интеллектуальный) – SQ (духовный), т.к. у инноваций должна быть душа, в противном случае, мы все чаще сталкиваемся с феноменом антиинноваций [34].

Талантливые сотрудники инновационных предприятий сегодня заинтересованы в более гибких моделях работы. Возможность работать удаленно является серьезным преимуществом при выборе компании, и эта тенденция в ближайшее время будет только усиливаться. Талантливые сотрудники инновационных предприятий будут требовать более персонализированные услуги, адаптированные под их уникальные потребности и способности в коллективном творчестве [12, 30]. Кроме того, талантливые сотрудники инновационных предприятий все чаще будут требовать у работодателей предоставления электронных платформ для совместной творческой работы, которые так же легко использовать, как например социальные сети [13, 23, 24]. Также здесь уместным будет сказать, что в настоящее время на рынках инноваций отраслевых экономических систем, в частности на инновационных предприятиях отраслей национального хозяйства становятся актуальными и технологии управления талантами (talent management) [10, 15]. Этот список можно было бы продолжать, но ясно одно — современные работодатели должны изменить свою культуру, культуру мышления и труда в соответствии с интеллектуальными приоритетами нового поколения, способами инновационного мышления и высокотехнологичными способами работы и переработки первичным ресурсов, в том числе и первичной информации [23, 24, 25].

По оценке консалтинговой компании Delphi Group, занимающейся управлением неструктурированной информацией и исследованиями в области бизнес-приложений, порядка 42% носителей корпоративных знаний являются сами сотрудники, в частности они, собственно, и создают ментальное и интеллектуальное корпоративное поле сознания [9]. Это скрытые, личные, персонифицированные знания, которые труднее всего извлечь, формализовать и распространить и ради которых в инновационных предприятиях учреждаются реестры и банки идей. Именно неформализованные знания порождают инновации и делают предприятие, обладающее ими, по-настоящему инновационным и конкурентоспособным, убежден Икудзиро Нонака – японский теоретик в области инновационного менеджмента [7, 35].

Таким образом, рациональное управление знаниями в инновационной экономике формирует значительный интеллектуальный капитал, который наряду с другими показателями является одним из важнейших составляющих национального богатства [3]. Для решения задач рационального управления знаниями, повышения уровня интеллектуального потенциала необходимо упорядочить деятельность рынков инноваций отраслевых экономических систем [32]. Эти изменения возможны только при условии совместной деятельности инновационных предприятий отрасли, являющихся основным отраслевым драйвером инновационной экономики, и субъектов хозяйствования, предъявляющих спрос на квалифицированную рабочую силу (предприятий, организаций, фирм, государства), способную работать на высокоинтеллектуальных производствах, а также представляющих интерес для коммуникационных вне- и внутриотраслевых предпринимательских структур[22, 27, 30].

Сложно было не заметить, как произошли кардинальные изменения в жизни бизнеса и общества благодаря новейшим инфо-коммуникационным цифровым технологиям. Все, начиная, от заказа товаров в Интернет-магазинах, заканчивая управлением цепочкой поставок, было охвачено и навсегда изменено новыми бизнес-моделями и инновационными способами работы и взаимодействия с клиентом [23, 24, 25].

Причиной столь радикального влияния новых бизнес-процессов на современный уклад экономики и общества является уникальное сочетание простоты, гибкости и доступа к информации для конечного пользователя и сокращение издержек. Электронный сервис сводится к тому, что он упрощает заказ товаров или услуг, к тому же делает его быстрым, высокотехнологичным, достаточно дешевым и персонализированным, что весьма привлекает потребителей. Инновационные предприятия на рынках инноваций отраслевых экономических систем, стремящиеся повысить свой вклад в бизнес, могут многому научиться у таких преобразовательных подходов [26, 27, 28].

Инновационные предприятия на рынках инноваций отраслевых экономических систем уже сейчас вынуждены иметь дело с новыми, инновационными технологиями, чтобы соответствовать требованиям современного поколения талантливых сотрудников [33].

Мы все знаем, насколько конкурентен в настоящее время рынок инноваций отраслевых экономических систем, и работодатели должны сделать все возможное, чтобы привлечь и удержать наиболее талантливых сотрудников. Электронные коммуникации и цифровые технологии следует рассматривать в качестве одного из ключевых факторов повышения интеллектуального потенциала, способствующих победе в конкурентной борьбе, благодаря своей способности вдохновлять талантливых сотрудников и давать им возможность чувствовать себя главным звеном инновационной организации [23, 24, 26, 27].

Государство, в свою очередь, должно стимулировать, регламентировать и направлять совместную деятельность инновационных предприятий на рынках инноваций отраслевых экономических систем в направлении достижения целей повышения интеллектуального потенциала и, следовательно, увеличения национального достояния [30].

Таким образом, синергия современного HR, управления знаниями и талантами займет место ключевое место в деятельности инновационных предприятий на рынках инноваций отраслевых экономических систем в борьбе за лидерство на отраслевых и глобальных рынках, являясь одним из основных драйверов позитивных изменений [10, 15, 29].

Список литературы

1. Ашалян Л.Н., Дадугин М.В., Диброва Ж.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Пшава Т.С., Филатов В.В., Филатов А.В. Управление лицензионной деятельностью: вопросы теории и практики. – М., 2013.
2. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. – М: Эксмо-Пресс, 2003. – 480 с.
3. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии / Пер. с англ., под ред. Л.Н. Ковачин. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
4. Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. — М.: Вильямс, 2007.
5. Друкер П. Эффективный руководитель. – М., 2012.
6. Еременко В.И. Соотношение понятий «интеллектуальная собственность» и «исключительное право» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2008. – № 10.
7. Икудзиро Нонака, Хиротака Такеучи. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. Олимп-Бизнес, 2011.
8. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества – М.: Academia; Наука, 1998. – 640 с.
9. Кельчевская Н.Р., Стукова Ю.Д. Повышение эффективности управления знаниями на российских предприятиях / Электронный научный архив УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2015.
10. Кутовец Я.В. Талант-менеджмент как фактор повышения эффективности деятельности компании. Магистерская диссертация. – Екатеринбург, 2015.
11. Леонтьев Б.Б. Цена интеллекта. Интеллектуальный капитал в российском бизнесе. – М.: Издательский центр «Акционер», 2002. – 200 с.
12. Лочан С.А., Федюнин Д.В. Условия и возможности моделирования инновационной деятельности промышленного предприятия // Интеграл. 2011. – № 4. – С. 94–95.
13. Лочан С.А., Чудаев А.В. Особенности построения концепции управления инновационной деятельностью крупного производственного комплекса с использованием системы сбалансированных показателей // Интеграл. 2010. – № 1. – С. 78–79.
14. Макконнелл К.Р., Брю С.А. Экономикс: В 2 т. / Пер. с англ.- Баку: Азербайджан, 1992. – Т. 1. – 399 с.
15. Менеджмент: традиционные и современные модели: справочник В.В. Филатов и [др.]; под ред. В.В. Князева и Д.С. Петросяна. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 474 с.
16. Петросян Д.С. Государственное регулирование национальной экономики. Новые направления теории: гуманистический подход. Учебное пособие. – М., 2012.
17. Петросян Д.С. Организационное поведение. Новые направления теории. Учебное пособие / Д.С. Петросян, Н.Л. Фаткина; под ред. Б.А. Райзберга. – М., 2011.
18. Петросян Д., Фаткина Н. Экономический эгоизм и гуманизация экономики // Вопросы экономики. – М., 2010. – № 8. – С. 123–131.
19. Петросян Д., Фаткина Н. Этические принципы в социально-экономической политике России // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 2. – С. 122–132.
20. Петросян Д.С. Интегративная модель поведения человека // Общественные науки и современность. – М., 2008. – № 3. – С. 39–51.
21. Петросян Д. Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 2. – С. 59–67.
22. Положенцева И.В., Паластина И.П., Филатов В.В. Исследование экономических механизмов и функциональных особенностей управления рынками новшеств // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2014. – № 3. – С. 444–462.
23. Рукина И.М. Новая фаза мирового развития – интеллектуальный фронт // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2015. – № 1. – С. 206–212.
24. Рукина И.М., Филатов В.В. Инновационное образование – инновационная экономика – инновационное общество // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2014. – № 3. – С. 488–504.
25. Рукина И.М., Филатов В.В. Роль инновационного управления в развитии экономики знания // Качество. Инновации. Образование. 2013. – № 1 (92). – С. 21–31.
26. Рукина И.М., Филатов В.В. Роль инновационного управления в развитии экономики знания // Качество. Инновации. Образование. 2012. – № 12 (91). – С. 2–12.
27. Рукина И.М., Филатов В.В. Интеллектуальный капитал как инновационный ресурс экономики знаний // Качество. Инновации. Образование. 2012. – № 12. – С. 18.

28. Филатов В.В., Рукина И.М. Роль интеллектуальной собственности и нематериальных активов в управлении инновационной экономикой на современном этапе // Качество. Инновации. Образование. 2012. – № 10 (89). – С. 29–40.
29. Филатов В.В., Кобулов Б.А., Положенцева И.В. Инновационный менеджмент. Учебное пособие с тестовыми заданиями. – М., 2011.
30. Филатов В.В., Долгова В.Н., Деева В.А., Князев В.В., Бачурин А.П., Медведева Т.Ю., Паластина И.П., Положенцева И.В., Женжебир В.Н. Государственное и муниципальное управление. Учебное пособие с тестовыми заданиями. – М., 2010.
31. Филатов В.В., Медведев В.М., Князев В.В., Фадеев А.С., Женжебир В.Н., Галицкий Ю.А., Кобулов Б.А., Колосова Г.М., Шестов А.В., Подлесная Л.В. Управление хозяйственными связями предприятия с поставщиками и потребителями. – М., 2015.
32. Филатов В.В. Рынок инноваций отраслевой экономической системы // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2015. – № 2. – С. 43–53.
33. Филатов В.В. Основы формирования и регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы. – М., 2014.
34. Филатов В.В., Ошкало А.В. Инновационные методы повышения личной эффективности современного руководителя // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. – № 5. – С.47–51.
35. Hirotaka Takeuchi, Ikujiro Nonaka. The New Product Development Game // Harvard Business Review. 1986. – January–February.

Свирина Л.Н.
к.э.н., с.н.с. Института экономики РАН

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: *подготовка профессиональных кадров, высокотехнологичные отрасли, наукоемкие производства, технологическая модернизация промышленности, бизнес-структуры, многоуровневая система непрерывного образования, модель «Тройная спираль», национальные университеты, базовые кафедры, инновационно-образовательные центры.*

Задачи формирования и востребования кадрового потенциала как важнейшего интеллектуального и профессионального ресурса государства и общества приобретают особую значимость на этапе становления инновационной экономики в России, национальной технологической базы и наукоемких производств. Технологическая модернизация промышленности и развитие наукоемких технологий двойного применения вызывают значительные изменения в структуре занятости и, следовательно, современного подхода к управлению в сфере развития адекватной системы подготовки профессиональных кадров. Возрастающая роль государства в становлении национальной системы подготовки профессиональных кадров на современном этапе предопределена объективной необходимостью (с учетом мирового и российского опыта) активного его участия в этом процессе во взаимодействии с образовательными учреждениями и бизнес-структурами. Подготовке кадров высшей квалификации для высокотехнологичных отраслей промышленности в основном возлагается на вузы, однако эффективным этот процесс может быть только при формировании многоуровневой системы непрерывного образования, обеспечивающей тесную связь между производственными высокотехнологическими компаниями, государством и вузами, готовящими для них соответствующие кадры. В модели взаимодействия образования, государства и бизнеса участие бизнеса совместно с государством предполагает создание совокупного спроса на трудовой потенциал, определение основных количественных и качественных требований к нему. Государство определяет число бюджетных мест, осуществляет финансирование образовательных учреждений, разрабатывает государственные стандарты и нормативно-правовые акты, выступает как общественный предприниматель и венчурный инвестор в дополнении к своей традиционной законодательной и регулирующей роли. Образование и наука, наряду с этим, обеспечивает подготовку специалистов, соответствующих требованиям, выдвинутыми со стороны государства и бизнеса.

В России в настоящий момент к наукоемким отраслям и производствам отнесены аэрокосмическая промышленность, большая часть отраслей машиностроения, химическая, микробиологическая и медицинская промышленность, в отличие от таких традиционных видов бизнеса, как черная и цветная металлургия, легкая, пищевая промышленность. В настоящее время подготовка инновационных кадров для высокотехнологичных отраслей экономики осуществляется на основе целевых государственных программ. В первую очередь речь идет о Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», а также о ведомственной целевой программе Минпромторга России «Повышение эффективности отраслевых систем подготовки кадров и повышения квалификации руководящих сотрудников и специалистов в высокотехнологичных секторах промышленности»[1]. Именно в последней программе сформулирована цель в области подготовки кадров для высокотехнологичных отраслей промышленности, заключающаяся в формировании методической базы по взаимодействию предприятий высокотехнологичных секторов промышленности с инфраструктурой в сфере профессионального образования. Ее достижению должно способствовать решение поставленных задач по совершенствованию системы прогнозирования потребностей высокотехнологичных секторов промышленности в руководящих кадрах и специалистах; созданию условий для развития инфраструктуры непрерывного образования (дополнительной подготовки) в высокотехнологичных секторах промышленности; по разработке профессиональных стандартов на основе отраслевых стратегий развития и использования их в высокотехнологичных секторах промышленности, а также при разработке и внедрении федеральных государственных стандартов профессионального образования; а также по разработке методик и форм привлечения молодых специалистов в высокотехнологичные сектора промышленности; анализу рынка труда в высокотехнологичных секторах промышленности. Актуальность проблем кадров для высокотехнологичных отраслей предопределяет необходимость перестройки и переориентации образовательных приоритетов стране. И такая работа уже начата. Так, распоряжением Правительства РФ от 3 ноября 2011 г. № 1944-р утвержден Перечень направлений подготовки (специальностей) в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, специальностей научных работников, соответствующих приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономи-

[1] Минпромторг России «Повышение эффективности отраслевых систем подготовки кадров и повышения квалификации руководящих сотрудников и специалистов в высокотехнологичных секторах промышленности». – minpromtorg.gov.ru./ministry/strategic/crosssectora/0

ки. Перечень содержит около сотни специальностей, в основном технических, связанных с ядерной энергетикой, летательными аппаратами, ракетными двигателями, биотехнологиями, робототехникой, информационными технологиями и технологиями связи. В списке достаточное внимание уделено фармакологической отрасли, но не нашлось места для врачей, преподавателей и ни для одной гуманитарной специальности.

Похожую работу проделали и специалисты Московской школы управления «Сколково», которые составили Атлас 100 новых профессий и 30 профессий, которые не будут востребованы уже через 10 лет. На основе исследований, в которых приняло участие около 2 тыс. экспертов, сделан анализ по 19 основным отраслям и технологическим направлениям, в которых ожидаются ключевые изменения и внедрение новых технологий. К числу новых специальностей, которые должны появиться на рынке, относятся, например, тайм-брокер, корпоративный антрополог, проектировщик биороботов, рециклинг-технолог, ГМО-агроном, метеоэнергетик, дизайнер умных пространств, кибердворник, эксперт по образу будущего ребенка, разработчик семейной траектории развития, инженер-космодорожник, молекулярный диетолог, биоэтик, биотрансдуктор, энерготрейдер, генетический консультант и т.д.

Новейшей моделью формирования Национальных инновационных систем является в настоящее время модель «Тройной спирали», обеспечивающая тесную связь между высокотехнологическими компаниями, государством и вузами, готовящими для них соответствующие кадры. В своем законченном виде она пока не существует ни в одной стране. Наибольшее развитие она получила в США, а ее отдельные элементы – в некоторых развитых странах Западной Европы, Бразилии и Японии. Теория тройной спирали как развитие модели инновационного развития создана в Англии и Голландии в начале XXI в. профессором университета Ньюкастла Г. Ицковицем и профессором Амстердамского университета Л. Лейдесдорфом.

Применительно к инновационному развитию модель тройной спирали описывает взаимодействие трех институтов (наука-государство-бизнес) на каждом этапе создания инновационного продукта. Это динамическая модель межорганизационных взаимодействий, возникающая в ходе эволюции экономики и общества. Если ранее, в индустриальную эпоху взаимодействие между тремя институтами было линейным, то в современной экономике оно напоминает сцепление спиральных структур ДНК, позволяющее институтам перенимать и удерживать некоторые характеристики друг друга. Ее основными особенностями являются: 1) в обществе, основанном на научном знании, характерно усиление роли университетов во взаимодействии с промышленностью и правительством; 2) три института (университет-государство-бизнес) стремятся к сотрудничеству, при этом инновационная составляющая генерируется из данного взаимодействия, а не по инициативе государства; 3) в дополнение к традиционным функциям, каждый из трех институтов частично берет на себя функции других институциональных сфер, а способность выполнять нетрадиционные функции является источником инноваций. На практике это выражается в том, что университеты, занимаясь образованием и научными исследованиями, вносят также свой вклад в развитие экономики через создание новых компаний в университетских инкубаторах, бизнес частично оказывает образовательные услуги, а государство выступает как общественный предприниматель и венчурный инвестор в дополнении к своей традиционной законодательной и регулирующей роли. В данной модели ведущее значение отводится университетам, которые превращаются в предпринимательские университеты или университеты промышленного типа, применяя знания на практике и вкладывая результаты в новые образовательные дисциплины[1].

На пути реализации такой модели в России достаточно много препятствий: низкий спрос на результаты науки в экономике страны, отсутствие у российских предпринимателей долгосрочных стимулов к инновационному развитию, неразвитая в стране инновационная инфраструктура, отсутствие предпринимательской культуры в высшей школе и др. В постсоветской России «тройной спирали» присуща определенная специфика, которая заключается в том, что основной объем научных исследований фундаментального характера приходится не на университеты (вузы), как в большинстве стран мира, а на институты Академии наук. В то же время вузы осуществляют основной объем подготовки кадров, в том числе и высшей квалификации, при достаточно слабой научной базе и скромных масштабах финансирования НИОКР. Создание инфраструктуры для содействия развитию связей между наукой и бизнесом в такой системе представляет собой нетривиальную задачу, поскольку на формирование инфраструктуры вокруг университетов будут сказываться недостаток научного потенциала, а в случае создания ее при научных организациях – нехватка молодых кадров.

И все же на фоне этих негативных явлений следует отметить тот факт, что подобные связи уже формируются и развиваются в рамках реализации программ развития ведущих технических вузов страны, национальных исследовательских университетов, таких как, например, МИФИ, МФТИ, МАИ, МГТУ, Томский национальный исследовательский политехнический университет и др., а на региональном уровне – в рамках создания и функционирования инновационных научно-образовательных и инновационных территориальных кластеров. Более того, по некоторым оценкам, масштаб вложений российского бизнеса в отечественные вузы является одним из самых значительных в мире. Так, в соответствии с рейтингом «Thomson Reuters» и «Times Higher Education», российские университеты занимают 11-е место в мире по количеству привлеченных от крупного бизнеса денег в расчете на одного ученого[2]. Российский бизнес финансирует вузы щедрее, чем американский – российские бизнесмены вкладывают 36,5 тыс. долларов в расчете на одного университетского ученого. США при этом отстают: вклад американского бизнеса в науку – 25,8 тыс. долларов. Еще дальше от России Гонконг (20), Германия (14,9) и Израиль (13,6). На первом месте Южная Корея с 97,9 тыс. долларов на одного университетского исследователя, на втором Сингапур – 84,5. Замыкает тройку лидеров Голландия – 72,8 тыс. долларов.

[1] Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновационная Россия. 2011. – № 4.

[2] Шохина Е. Миллионы в науку // Портал «Эксперт». 2013. – 21 июня.

Наибольшими возможностями для реализации модели взаимодействия государства, бизнес-структур и учреждений высшего образования в силу стратегического значения для государства обладают в настоящее время отрасли ОПК. Так, например, для решения проблем подготовки профессиональных кадров для космической промышленности, Правительством Российской Федерации подготовлен ряд мер и нормативных документов по созданию современной системы вузовской и послевузовской подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. В течение 2013 года Федеральное космическое агентство (Роскосмос) совместно с Министерством образования и науки создало консорциум из 33 вузов, которые занимаются подготовкой кадров для отрасли. Туда вошли представители 17-ти крупнейших предприятий Роскосмоса, Минобразования, Российской академии наук[1]. Немаловажное значение в тесном сотрудничестве наукоемких предприятий с вузами имеет политика, нацеленная на развитие кооперации российских вузов и производственных предприятий[2]. Целью проекта кооперации вузов и производственных предприятий является развитие кооперации российских высших учебных заведений и производственных предприятий, развитие научной и образовательной деятельности в российских вузах, стимулирование использования производственными предприятиями потенциала российских высших учебных заведений для развития наукоемкого производства и стимулирования инновационной деятельности в российской экономике. Роскосмос и Минобрнауки 1 марта 2013 года подписали соглашение о создании «Космического научно-образовательного инновационного консорциума», предполагающего совместную деятельность предприятий промышленности и ведущих технических вузов в области формирования современной эффективной системы подготовки квалифицированных кадров для ракетно-космической промышленности. Создание консорциума подразумевает налаживание тесного научно-технического сотрудничества вузов с научными организациями отрасли, вузами и научными организациями Российской академии наук в области использования достижений фундаментальной науки для инновационного развития, создание научно-образовательных центров, инновационно-образовательных центров космических услуг, ресурсных центров коллективного пользования, научных лабораторий. В рамках консорциума предприятия ракетно-космической отрасли и Роскосмос должны помогать вузам в создании современной материально-технической базы. Конкретным шагом Роскосмоса в этом направлении стала готовность бесплатно осуществлять запуски на орбиту студенческих спутников. Так, например, в Московском авиационном институте были сделаны восемь спутников, из которых уже семь запущены в космос.

Интересен опыт создания на базе университета совместного с предприятием научно-образовательного центра. Летом 2013 года состоялось подписание договора между Томским политехническим университетом и ракетно-космической корпорацией «Энергия» о создании очередного центра, в котором будут готовить кадры высшей квалификации для космической отрасли по программам магистратуры и аспирантуры. В ТПУ планируют запустить магистерские программы уровня «двойной диплом», включающие обучение и в других вузах и пока это новая практика для российской высшей школы. «Энергия» создала уже три таких центра совместно с ведущими вузами: МФТИ, МИФИ и МГТУ. В проекте «Стратегии развития космической деятельности России до 2030 года и на дальнейшую перспективу» одной из основных задач является «исследование и освоение дальнего космоса». Для решения таких амбициозных и масштабных задач необходимо иметь мощную научно-техническую базу и специалистов высшей квалификации. Поэтому сохранение и дальнейшее развитие научно-технического и интеллектуального потенциала является важнейшим фактором обеспечения конкурентоспособности на отечественном и мировом рынках высоких технологий.

Без взаимодействия с промышленным сообществом вуз не в состоянии спрогнозировать изменения конъюнктуры рынков труда и вектор образовательных услуг. Поэтому ведущие технические университеты в последние годы разработали программы партнерства с предприятиями, ориентированные на совместную подготовку специалистов. Создание базовых кафедр является проверенным и заслуживающим внимания способом подготовки кадров для нужд отрасли. Закон об образовании позволяет создавать на предприятиях кафедры профильных вузов. Туда должны быть вынесены часы дисциплин образовательного процесса, связанные с изучением конкретных технологий, а также прохождение производственной практики. Создание кафедр осуществляется на основании Приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 марта 2013 г. № 159 «Об утверждении Порядка создания образовательными организациями, реализующими образовательные программы высшего образования, в научных организациях и иных организациях, осуществляющих научную (научно-исследовательскую) деятельность, кафедр, осуществляющих образовательную деятельность». Порядок адаптирован под новый закон «Об образовании» и вступил в силу с 1 сентября 2013 года.

С целью объединения потенциала образовательных учреждений и производств на ведущих предприятиях ОПК существуют и успешно функционируют базовые кафедры крупнейших вузов с использованием научных и лабораторных баз интегрированных структур ОПК, в частности:

– в ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» функционирует 26 базовых кафедр в 15 организациях (кафедры Нижегородского государственного университета в ОАО «Нижегородский машиностроительный завод», кафедра Московского технологического университета – в ОАО «ГСКБ «Алмаз-Антей», кафедры Тульского государственного университета – в ОАО «НПО «Стрела» и др.)

[1] Состоялось подписание Соглашения о создании научно-образовательного консорциума. Официальный сайт Роскосмоса. – http://www.federalspace.ru/19395/.

[2] Постановление Правительства РФ № 218 от 9 апреля 2010 года «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства».

– в ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация» действует 21 базовая кафедра в 12 организациях (кафедры Московского авиационного института – в ОАО «ОКБ Сухого», ФГУП «ГосНИИАС», кафедра Российского государственного технологического университета им. К.Э.Циалковского МАТИ) – в ОАО «Туполев», кафедры Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана – В ОАО «Авиационный комплекс им.С.В. Ильюшина и др.).

– в ОАО «Объединенная судостроительная корпорация» ведут работу 12 базовых кафедр в 9 организациях (кафедры Санкт-Петербурского государственного морского технического университета – в ОАО «Адмиралтейские верфи», кафедры Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики – в ОАО «Центр технологии судостроения и судоремонта», кафедры Хабаровского государственного технического университета – в ОАО «Хабаровский судостроительный завод» и др.).

В «Основах политики Российской Федерации в области развития ОПК до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденных Президентом 19 марта 2010 г., обозначены главные задачи по сохранению и развитию кадрового потенциала: создание системы непрерывной подготовки кадров высшей квалификации в области инноваций и создание условий для привлечения и закрепления талантливой молодежи. Приказом Минпромторга России от 13 апреля 2009 г. № 256 утверждена «Стратегия создания в оборонно-промышленном комплексе системы многоуровневого непрерывного образования на период до 2015 года». В систему входят учреждения среднего специального образования, высшего образования и дополнительного профессионального образования. Стратегия предусматривает ряд льгот для работников ОПК, направленных на сокращение текучки кадров в отрасли. Намечено создать учебные учреждения при крупных холдингах ОПК, которые будут осуществлять переподготовку кадров для оборонной промышленности с учетом требований времени.

Для закрепления кадров в ОПК осуществляется комплекс мероприятий. Указом Президента от 15.02.2012 г. «Об учреждении стипендии Президента РФ для молодых ученых и аспирантов, осуществляющих перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики» назначается стипендия в размере 20 000 руб. ежемесячно на срок до 3 лет для молодых ученых и аспирантов (до 30 лет), осуществляющих перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям российской экономики. Согласно Указу Президента РФ от 14.10.2012 г. № 1381 «О повышении эффективности мер государственной поддержки работников организаций оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации» с 2013 г. начали выплачиваться разовые жилищные стипендии работникам оборонной промышленности в размере до 500 тыс. руб. в год – за выдающиеся достижения (201 стипендия) и до 350 тыс. руб. в год – за значительный вклад (685 стипендий). Опыт жилищного строительства в г. Королеве корпорацией «Тактическое военное вооружение» может быть применен и в других регионах, где предприятия ОПК, находящиеся в центре города, имеют значительные площади, не нужные им для производства. На этих свободных площадях строится жилье для своих работников, затраты на 1 кв. м. в 2,5 раза меньше, чем реализуется в городе. Запланировано было повышение заработной платы в оборонной отрасли в 2015 г. в 1,5 раза по сравнению с 2011 г. и в 2018 г. в 2 раза[1]. Это хорошие примеры, но их мало в масштабах страны. Еще одним из преимуществ предоставляемых льгот для ОПК является целевое обучение студентов. Целевой прием направлен на подготовку высококвалифицированных специалистов для нужд организаций оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в рамках выполнения постановления Правительства Российской Федерации «О государственном плане подготовки научных работников и специалистов для организаций ОПК». В рамках реализации данного постановления Министерство образования и науки Российской Федерации выделяет целевые места бюджетной формы обучения на основе заявок организаций ОПК.

Решению вопроса дефицита кадров в оборонной промышленности может способствовать переход на трехсторонний договор обучения студентов: вуз – студент – организация ОПК. Эти договоры должны мотивировать молодых людей на качественное изучение избранной профессии для работы в ОПК, там должны быть предусмотрены и возможность карьерного роста молодого специалиста, и достойная зарплата, и привлекательная работа, и льготы по приобретению жилья, и социальные льготы, и др. Первостепенная роль в прогнозировании необходимой численности требуемых специалистов для организаций ОПК отводится государственным структурам, которые должны в комплексе учитывать и переподготовку управленцев, научных работников, инженерно-технического персонала, подготовку специалистов рабочих профессий, подготовку молодых специалистов всех уровней образования, т.е. конструировать жизнеспособную систему многоступенчатого непрерывно действующего обучения специалистов для нужд ОПК.

[1] Рогозин Д. ОПК будет гордостью России // Военно-промышленный курьер. – М.,2013. – 6 февраля, № 5 (473). – http://www/vpk-news.ru/articles/14300

Симонова Е.В.
к.э.н., доцент, Орловский государственный университет экономики и торговли
jezzi@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО И КРУПНОГО БИЗНЕСА В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Ключевые слова: *малый инновационный бизнес, крупный бизнес, конкурентоспособность.*
Keywords: *small innovative business, big business, competitiveness.*

Национальная экономика должна существенным образом опираться на эффективное взаимодействие малого инновационного и крупного бизнеса. Крупный бизнес, обладая мощными ресурсами и государственной поддержкой, определяет направления модернизационных процессов, создает благоприятные условия функционирования для малого инновационного бизнеса и формирует систему их взаимодействия в целях повышения конкурентоспособности.

Несомненно, крупным предпринимательским структурам присущ ряд экономических преимуществ. К их числу можно отнести возможность осуществлять крупномасштабное финансирование НИОКР, наличие эффективных механизмов использования человеческого капитала, способность обеспечить экономию на транзакционных издержках и реальные конкурентные преимущества на отраслевых, национальных и мировых рынках. Кроме того, крупный бизнес может позволить себе значительную экономию и на масштабе производства, и на росте или масштабе сферы деятельности (Никонова О.Е., 2007).

К тому же, крупные предприятия играют существенную роль в формировании и развитии малого инновационного бизнеса. Динамичное развитие рыночной среды и эволюция конкурентных отношений актуализируют ключевые качества крупного предпринимательства – эластичность, возможность быстро реагировать на изменения, смена видов деятельности при внедрении и создании инновационной продукции. Именно необходимостью приобретения этих качеств обусловлена привлекательность малого инновационного бизнеса для крупных компаний.

В современных экономических условиях небольшие размеры предприятий становятся их важнейшим преимуществом, которое определяет экономические, научно-технические и организационные факторы их успешной деятельности. Малые предприятия сокращают издержки за счет узкой специализации, ускоренных темпов разработки и внедрения НИОКР, применения гибких технологий, оптимального использования производственных фондов, преобладания горизонтальных связей в структуре управления. Эффективность их работы достигается также за счет снижения степени бюрократизации, более низкого уровня заработной платы, что делает их продукцию более дешевой и создает дополнительное конкурентное преимущество перед крупными предприятиями. Малое предпринимательство – это наиболее мобильная и динамичная часть российской экономики, способная быстро адаптироваться к внешним условиям. Малый бизнес сегодня обеспечивает значительную долю занятости, способствует усилению конкуренции и является альтернативой крупному бизнесу (Галухина Я.С., Паппэ Я.Ш., 2006).

Роль инновационного бизнеса в самое ближайшее время станет знаковой для экономики страны. Вот почему сегодня инновационный бизнес в России притягивает пристальное внимание крупного бизнеса, инвесторов и представителей малого бизнеса.

Отметим, что многие вопросы взаимодействия малого инновационного и крупного бизнеса требуют теоретического осмысления и дальнейшего накопления теоретического и практического опыта. На наш взгляд, именно формы предпринимательства должно быть взяты за основу для изучения взаимодействия малого инновационного и крупного бизнеса. В этой связи основными параметрами взаимодействия следует считать следующие формы: производственно-технологические; организационно-управленческие; финансово-экономические; экономико-правовые; административно-юридические; организационно-культурные; внешне-экономические; научно-технические.

Малый бизнес объективно играет зависимую роль в системе взаимодействия с крупным бизнесом, а крупное предпринимательство, при определенных условиях, способно воспроизводить необходимое множество субъектов малого инновационного предпринимательства, зависящего от крупного бизнеса, искать и находить их слабые и сильные стороны, и планомерно, шаг за шагом усиливать сильные и исправлять слабые.

Организация взаимодействия осуществляется на основе регламента, который определяет: а) перечень органов государственной власти, осуществляющих реализацию функций государственно-частного партнерства; б) виды деятельности в рамках взаимодействия малого инновационного и крупного бизнеса; в) порядок и формы взаимодействия; г) требования к содержанию, формам и условиям обмена информацией, в том числе в электронной форме между государством, малым инновационным и крупным бизнесом; д) механизм реализации мероприятий по сопровождению, в том числе порядок привлечения вузов и научных организаций к его осуществлению; е) порядок осуществления контроля и оценки результатов взаимодействия между малыми инновационными и крупными предприятиями (Симонова Е.В., 2015).

Очевидна необходимость конструировать эффективные каналы взаимодействия малого и крупного предпринимательства, и расширять его институциональную базу, что позволит более интенсивно осуществлять модернизацию экономики, оптимизировать структуру предпринимательства и повышать конкурентоспособность предпринимательских структур (рис. 1).

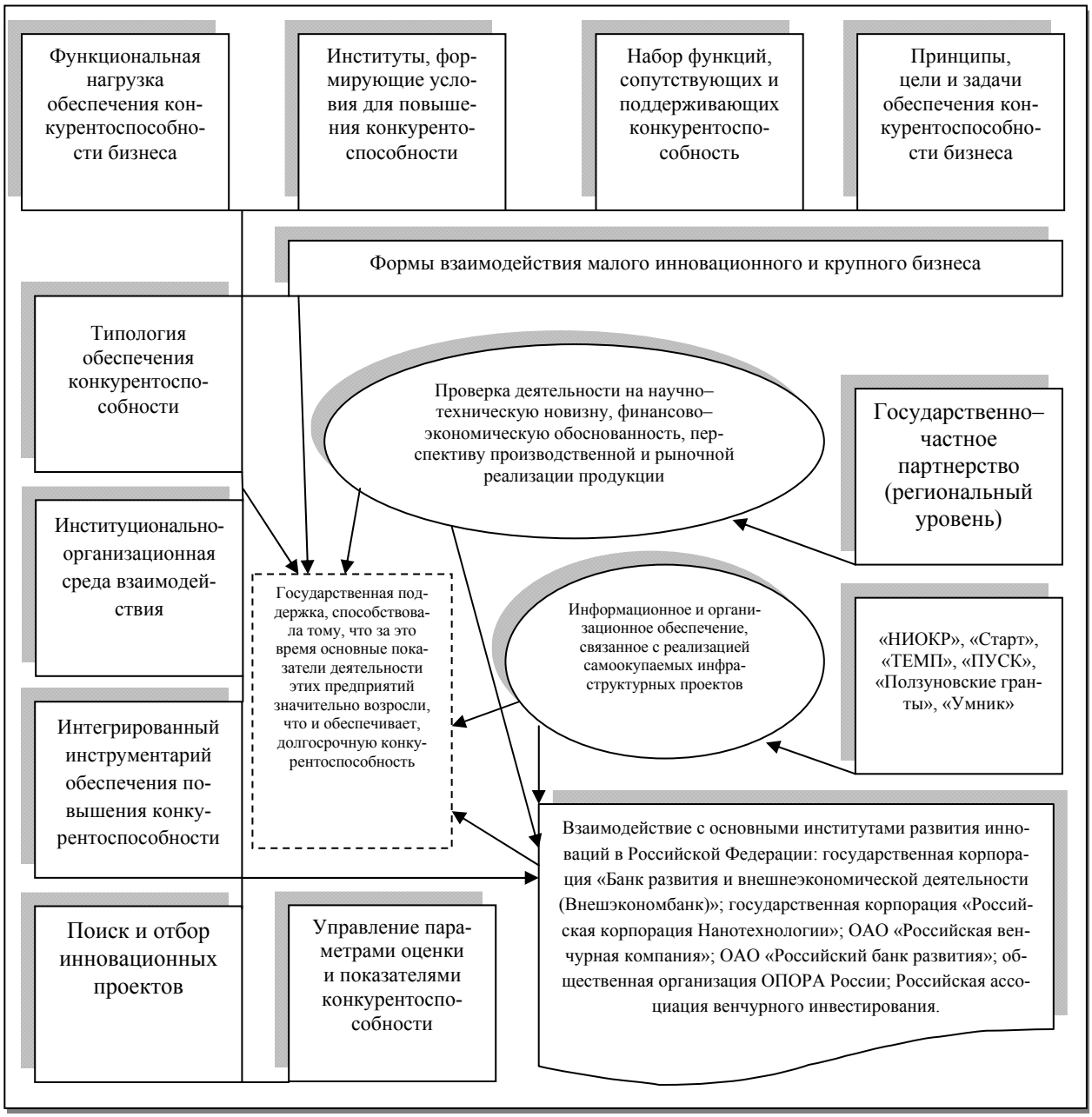


Рисунок 1.
Цепочка взаимодействия малого инновационного и крупного бизнеса в целях повышения их конкурентоспособности

Таким образом, система взаимодействия субъектов малого инновационного и крупного предпринимательства представляет собой совокупность реальных субъектов и объектов, где формы обладают определенными связями и отношениями, функционирующую с целью повышения конкурентоспособности.

Малые инновационные предприятия являются относительно новым видом хозяйствующих субъектов в экономике России. Для них характерны независимость и адаптивность к экономической обстановке. Рассмотрим распределение малых предприятий по федеральным округам РФ (Учет и мониторинг малых инновационных предприятий научно-образовательной сферы, 2016) (рис. 2).

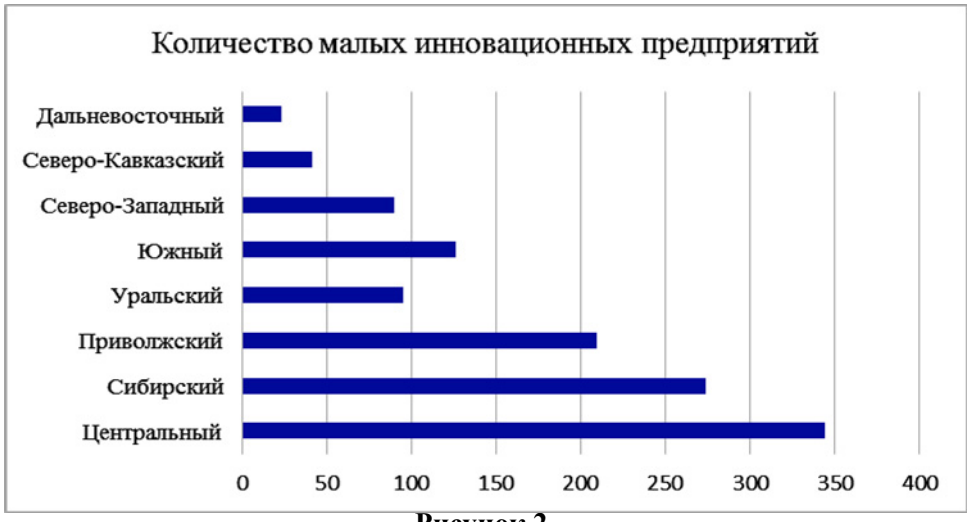


Рисунок 2.
Распределение зарегистрированных малых инновационных предприятий по федеральным округам России

Степень их взаимодействия с крупными компаниями можно проследить по рис. 3, где количественно представлено их партнерское взаимодействие с крупными предпринимательскими структурами за последние 3 года.

Рисунок 3.
Динамика создания малых инновационных предприятий по партнерским соглашениям с крупными компаниями (составлено автором)

Влияние малых инновационных предприятий на развитие крупного бизнеса не столь однозначно и может не сразу сопровождаться положительным эффектом. Это зависит, прежде всего, от того, насколько тесно они взаимодействуют с крупными предпринимательскими структурами, и как они влияют на повышение конкурентоспособности. В данных условиях малое инновационное предпринимательство привлекательно для крупных компаний как потенциальный ресурс экономического роста, а также как фактор образования оптимальных пропорций в экономике.

Способы взаимодействия малого инновационного бизнеса с крупными компаниями весьма разнообразны. Они сотрудничают в различных сферах (в производстве – субподряд и интрепренерство; в производстве и сбыте – франчайзинг; в инновациях – венчурное финансирование; в финансировании – лизинг).

Система взаимодействия позволяет крупному бизнесу освобождаться от экономически невыгодного производства, сокращать производственный цикл, минимизировать затраты за счёт отказа от организации собственного производства, снижать транзакционные издержки, а также завоевывать свободные рыночные ниши и расширять сферу своего влияния с помощью более быстрой реакции малых предприятий на изменение рыночного спроса.

Элементы данного подхода можно найти в различных формах взаимодействия предприятий малого инновационного и крупного бизнеса. Примером может быть Лига «Тула–Интех», созданная в 1999 г. по инициативе ведущих предприятий научно–технической сферы при поддержке департамента предпринимательства и потребительского рынка Тульской области. Лига «Тула–Интех» является региональным представительством Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд), членом Союза Инновационно–технологических центров России, НП «ОПОРА России» и Тульской торгово-промышленной палаты. В настоящее время в Лигу входит 21 малое и среднее предприятие области (Тула–Интех, лига, 2016)

Полученная через Фонд государственная поддержка, способствовала тому, что за это время основные показатели деятельности малых предприятий значительно возросли. Так, объем реализации продукции вырос почти в 14 раз, прибыль – в 8 раз, численность работающих – в 3 раза, отчисления в бюджет – в 13 раз. За эти годы на конкурсной основе было профинансировано 92 инновационных проекта предприятий Лиги на сумму более 200 млн. рублей. Это позволило разработать, освоить и наладить выпуск 90 видов новой инновационной конкурентоспособной и наукоём-

кой продукции, улучшить финансовое положение предприятий, увеличить налоговые поступления в бюджеты всех уровней (Материалы общественно-экспертного совета по малому и среднему предпринимательству при главе администрации города Тулы, 2016).

В данный период объем продукции, произведенной предприятиями-членами Лиги составил 1,5 млрд. рублей при общей численности работающих – 1300 человек, в бюджеты всех уровней перечислено около 250 млн. рублей, а объем привлеченных средств из ФСР МП НТС для финансирования инновационных предприятий – членов Лиги по программе Фонда «НИОКР» составил 12 млн. руб.; осуществлялось финансирование проектов следующих предприятий: ООО НПП «Вулкан–ТМ»; ЗАО «Лимако»; ООО «РИК»; ООО «СервисСофт»; ООО «ЭлектроСпецПрибор». В результате взаимодействия получены следующие результаты: освоено 10 видов новой конкурентоспособной продукции; создано 70 (условных) новых рабочих мест; увеличен объем производства на 10%; увеличены отчисления в бюджеты всех уровней на 2,9 млн. руб.; намечены и реализуются меры по инфраструктурной и финансовой поддержке (Материалы общественно-экспертного совета по малому и среднему предпринимательству при главе администрации города Тулы, 2016).

К основным задачам в области взаимодействия малого инновационного и крупного бизнеса следует, по нашему мнению, отнести обновление и совершенствование институциональных актов, обеспечивающих успешную реализацию государственной инновационной политики; выбор приоритетов развития инновационной сферы при реализации в отраслях экономики критических технологий и инновационных проектов, оказывающих решающее влияние на повышение конкурентоспособности; координация действий малого инновационного и крупного бизнеса путем разработки комплексного подхода к решению задач инновационного развития, эффективного функционирования инновационной системы и реализации государственной инновационной политики; концентрация организационных мер и ресурсов на приоритетных направлениях развития инновационной сферы и обеспечение единства научно-технической и инновационной политик; использование в реальном секторе экономики инновационных технологий и производств; создание системы подготовки и переподготовки кадров в области инновационного предпринимательства.

Подчеркнем, что именно эффективное взаимодействие всей совокупности малых инновационных и крупных фирм оказывает влияние на инновационное развитие и повышение конкурентоспособности государства в целом. Стратегической целью системы взаимодействия является создание в России конкурентоспособной, устойчивой, структурно сбалансированной промышленности, способной к эффективному саморазвитию и формированию новых рынков инновационной продукции, эффективно решающей задачи обеспечения обороноспособности страны.

Список литературы

1. Валдайцев С.В. Менеджмент инноваций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 1993. – № 2. – С. 88–92.
2. Галухина Я.С., Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес в 2000–2005 гг.: основные направления трансформации и развития // Проблемы прогнозирования. – М., 2006. – № 3. – С. 23–41.
3. Завлин П.Н., Васильев А.В. Оценка эффективности инноваций. – СПб.: Издат. дом «Бизнес-пресса», 1998. – 216 с.
4. Казанцев А.К., Миндели Л.Э., Основы инновационного менеджмента. Теория и практика. Учебник / Л.С. Барютин и др.; под ред. А.К. Казанцева, Л.Э. Миндели. 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Экономика, 2004. – 561 с.
5. Кузьмина О.Г. Управление инновационной деятельностью в сфере малого бизнеса: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – М., 1999. – 150 с.
6. Мартов С.Н., 2014. Информационная инфраструктура инновационного бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. – № 1. – С. 129–136.
7. Материалы общественно-экспертного совета по малому и среднему предпринимательству при главе администрации города Тулы, 2016. – http://do.gendocs.ru/docs/index-141611.html
8. Моритани М. Современная технология и экономическое развитие Японии. М.: Экономика, 1986. – 146 с.
9. Никонова О.Е. Экономика, управление и учет на предприятии // Проблемы современной экономики. 2007. – № 4. – С. 165–168.
10. Симонова Е.В. Инфраструктурный подход к обеспечению конкурентоспособности предпринимательских структур малого инновационного и крупного бизнеса // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. – № 2 (38). – С. 196–202.
11. Тула–Интех, лига. – http://rnov.ru/catalog/149/200/tula–intekh–liga/
12. Управление освоением конверсионной продукции на наукоемких предприятиях, 2009 / Ю.П. Анисимов [и др.]; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Воронежский гос. технический ун-т». – Воронеж, 2009.
13. Учет и мониторинг малых инновационных предприятий научно-образовательной сферы. 2016. – https://mip.extech.ru/
14. Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент: учебник. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 400 с.
15. Хозяйственные системы инновационного типа: теория, методология, практика / Архангельский В.Н., Кушлин Е.Г. [и др.]; под общей редакцией А.Н. Фоломьёва. – М., 2011. – 254 с.
16. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004. – 446 с.
17. Isom C.J., Jarczyk D.R. Innovations in small business: drivers of change and value / Ceteris, Inc. 2009. – www.sba.gov/advo
18. Kerzner H. Project Management: A System's Approach to Planning, Scheduling and Controlling. – N.Y., 1999.
19. Mensh G. Das technologische Patt: Innovationen uberwinden die Depression. Frankfurt: Umschau Verlag, 1975. – 208 S.
20. Sibirskaya E., Mikheykina L., Egorov A., Safronova A., Ivashkova T. Organization of favorable investment climate in the market of development and implementation of investment projects // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. – T. 6, N 36. – P. 135–146.
21. Stroeva O.A., Sukhorukova N.V., Tsvyrko A.A., Ivashchenko T.N. Activization of innovative activities of Russian commercial banks // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. – T. 6, N 36. – P. 201–210.
22. Tushman M., Romanelli E., 1985 Organizational evolution: a metamorphosis model of convergence and reorientation // Research in Organizational Behavior. 1985. – Vol. 7. – P. 171–222.

Ситников С.Е.
начальник сектора Мытищинского НИИ радиоизмерительных приборов
s_sitnikov67@mail.ru

ИНСТРУМЕНТЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И КОРПОРАЦИЯМИ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

***Ключевые слова**: оборонно-промышленный комплекс, корпоративная информационная система, бизнес-процессы, системные технологии, экономические показатели.*

Корпоративная информационная система (КИС) – это открытая интегрированная автоматизированная система реального времени по автоматизации бизнес-процессов компаний всех уровней, в том числе и бизнес-процессов принятия управленческих решений [1]. При этом степень автоматизации бизнес-процессов предприятий и корпораций оборонно-промышленного комплекса (ОПК) определяется исходя из обеспечения максимальной прибыли компании. Для групповых и корпоративных систем существенно повышаются требования к надежности функционирования и сохранности данных. Эти свойства обеспечиваются поддержкой целостности данных, ссылок и транзакций в серверах баз.

Для эффективной поддержки принятия решений в управлении деятельностью компаний с филиальной структурой в настоящее время требуется интеграция и развитие подходов к построению систем управления бизнес-процессами (Business Process Management System, BPMS), систем планирования ресурсов предприятия (Enterprise Resource Planning, ERP), систем управления взаимоотношениями с клиентами (Customer Relationship Management, CRM), систем планирования ресурсов предприятия (Customer Relationship Management), систем бизнес-аналитики (Business Intelligence, BI), систем управления эффективностью (Corporate Performance Management, CPM). Каждый из указанных классов систем в отдельности обеспечивает лишь часть управленческих задач компаний в России.

Исследование специфики компаний ОПК в России и анализ основных задач в управлении деятельностью позволили сформулировать следующие концептуальные принципы построения КИС для предприятий оборонно-промышленного комплекса:

1. **Двухуровневая структура**. Разрабатываемая КИС должна функционировать на двух уровнях – РГ (региональный или предприятия) и ФД (федеральный или корпорации). На региональном уровне КИС поддерживает управление деятельностью РГ на основе процессного подхода, на федеральном уровне обеспечивается сбор информации о деятельности со всех РГ плюс учет данных с центрального филиала, централизованное хранение и анализ этой информации, классификация РГ, формирование стандартов;

2. **Полный цикл управления на основе процессного подхода**. Для эффективного и непрерывного совершенствования деятельности важной характеристикой КИС является обеспечение полного цикла управления на основе процессного подхода, который предполагает итерационное выполнение процедур описания процессов, мониторинга и контроля исполнения, анализа процессов, реинжиниринга;

3. **Интеграция подходов и технологий**. С целью наиболее эффективного решения задач совершенствования деятельности РГ в создаваемой КИС необходимо интегрировать подходы и технологии управления бизнес-процессами (BPMS), система планирования ресурсов предприятия (ERP), система управления взаимоотношениями с клиентами (Customer Relationship Management), управления эффективностью (CPM) и бизнес-аналитики (BI). Указанные подходы должны быть реализованы на единых архитектурных принципах и функционировать в рамках единой информационной и программно-технологической инфраструктуры;

4. **Поддержка стандартов** необходима для решения задач стандартизации деятельности РГ. На федеральном уровне – разработка, отладка, анализ стандартов процессов и т.д.; на региональном уровне – «наложение» стандартов на существующие процессы;

5. **Интеграция процессов ERP** – интеграция функций системы, при которых процессы выполняются в «бесшовном» режиме. Процесс интеграции ускоряет выполнение этапов жизненного цикла, давая возможность предприятию более быстро и гибко реагировать на события. Интеграция данных: информация о поставщиках, продукции и клиентах для «однозначного представления ситуации». Одна запись для каждого поставщика, продукта или клиента, доступная всем пользователям, с различным представлением элементов в зависимости от роли пользователя. Вертикальная и горизонтальная прозрачность информации о бизнес-процессах. Переход на другие уровни бизнес-процессов для получения детальной информации, до исходной транзакции и всех связанных с нею документов. Использование событийно-управляемых потоков бизнес-процессов. Потоки операций и бизнес-процессы инициируются в зависимости от статуса или ценности элемента информации;

6. **Интеграция процессов в хранилище данных**. Транзакционные системы класса BPMS не предполагают наличие корпоративных хранилищ данных (КХД). В компаниях требуется не только организовать управление процесса-

ми, но и обеспечить анализ – динамический, структурный, структурно-динамический, коэффициентный и др. Поэтому информация о деятельности должна накапливаться и консолидироваться в едином корпоративном хранилище данных;

7. **Интеграция процессов в CRM.** Система для автоматизации стратегий взаимодействия с клиентами (заказчиками или поставщиками), для повышения уровня продаж, оптимизации процессов маркетинга, улучшения обслуживания клиентов: сохранение информации о клиентах – истории взаимоотношений, установления и улучшения процессов и последующего анализа результатов. CRM – система, центром взаимодействия которой является клиент, а основными направлениями – поддержка продаж, обслуживания клиентов, а также эффективный маркетинг. Хранение, анализ информации о потребителях, поставщиках, партнёрах, а также о внутренних процессах компании обеспечивают данные бизнес цели;

8. **Развитие методологической базы для анализа**. Для эффективного решения задач анализа информации о деятельности РГ необходимо развитие методологической и инструментальной базы по следующим направлениям: расчет стоимости процессов, оценка времени выполнения процессов, анализ организационной структуры, управление эффективностью;

9. **Взаимодействие с СПК**. КИС должна взаимодействовать с существующими программными комплексами (СПК), функционирующими в филиалах. Взаимодействие организуется с целью: получения исходных данных (например, данные о расходах РГ); получения актуальной нормативно-справочной информации; получения данных об исполнении процессов. С учетом указанных принципов разработана концептуальная модель системы, охватывающая уровень центрального аппарата компании и региональный уровень управления. Представленная концептуальная модель наиболее полно отвечает решению управленческих задач компаний России и включает следующие компоненты:

Системы регионального уровня (в каждом территориальном учреждении). КИС регионального уровня является универсальным решением для всех региональных филиалов и предоставляет единые для всех РГ функциональные возможности. Информация о деятельности РГ собирается в хранилище данных, над которым установлена и работает BI (Business Intelligence).

Система центрального оперативного управления (в центральном аппарате). КИС федерального уровня является компонентом, который интегрирует в себе всю информацию, и предполагает централизацию в хранении и обработке информации о деятельности всех РГ и отличные от системы регионального уровня дополнительные возможности в управлении. В системе федерального уровня происходит формирование данных (стандарты процессов, нормативы и др.), которые тиражируются в КИС регионального уровня.

Дополнительные источники информации в основном обеспечивают данными КИС регионального уровня, к ним могут относиться различные программные комплексы от поставщиков, функционирующие в территориально распределенных учреждениях. Внешние источники могут быть составляющими компоненты КИС.

В состав корпоративной информационной системы входят *функциональные подсистемы* с пользовательскими интерфейсами, реализующие бизнес-функции, и *технико-технологические подсистемы*, которые обеспечивают работу функциональных подсистем на основе стандартизированных способов управления данными и централизованных метаданных, а также контролируют процесс работы оборудования. Работа всех подсистем осуществляется под управлением подсистемы администрирования с учетом требований компаний к информационной безопасности, которая обеспечивает необходимый и достаточный уровень защиты данных от несанкционированного доступа в соответствии с требованиями компаний России. Требования к функциональным подсистемам на информационном и инструментальном уровне:

Подсистема описания процессов предназначена для формализованного описания деятельности в виде совокупности взаимосвязанных процессов с учетом особенностей компаний России. Для моделирования процессов в системе использованы стандарты IDEF0 и IDEF3.

Подсистема контроля исполнения процессов обеспечивает исполнение процессов, которые предварительно были формализованы, осуществляя движение задач между исполнителями в соответствии с заранее заложенной схемой маршрутизации, контроль заложенного времени и эффективности выполнения, преобразование данных о реализации процессов из внешних источников в единый преобразованный и стандартизированный формат.

Подсистема стоимости процессов предназначена для оценки стоимости процессов и анализа их характеристик с различных сторон, предоставляет средства для детального анализа стоимостных характеристик процессов, балансировки, сравнение и проведения различных вариантов стоимостной оценки.

Подсистема анализа процессов реализует поддержку анализа деятельности РГ по различным аспектам – прибыль, эффективность, затраты, оценка персонала, процессы и др., производится сбор, анализ и структурирование данных из внешних источников и других подсистем.

Система для построения и учета стратегических целей, задач и показателей компании представляет собой ССП (систему сбалансированных показателей), которые могут лежать в основе процессов, подразделений, сотрудников и т.д. Все цели, задачи и показатели носят исторический характер. Источником данных для КИС является КХД (корпоративное хранилище данных). Анализ и достижение целевых значений показателей могут быть заданы несколькими заранее проработанными сценариями, для оценки возможности достижения целей и задач показателям присваиваются при необходимости весовые коэффициенты. На основе анализа заданных (планируемых) и фактических значений производится мониторинг и анализ достижения целей.

Поддержка принятия решений в управлении персоналом – аналитические приложения для анализа организационной структуры компании, анализа персонала различных аспектов: результативность в основных показателях исполнения процессов, соблюдения временных и качественных характеристик в работе, балансировка и равномерное и эффективное распределения функциональных обязанностей.

Анализ и принятие решение на основе полученных показателей деятельности производится с помощью аналитических отчетов, реализуемых с помощью BI-инструментов на основе хранилища данных, при этом обеспечивается возможность сравнения различных показателей и применение разных видов анализа (динамический, структурный, сравнительный, кластерный, ранжирование и др.).

Исследование существующей методологической базы выявило отсутствие в настоящее время комплексных методов для расчета длительности процессов для организаций сферы услуг. Между тем, процессы РГ имеют сложную структуру (блоки операций, вложенные процессы, параллельные потоки выполнения, условные переходы и др.) и как следствие множество вариантов выполнения, поэтому есть необходимость в оценке минимальной, максимальной и средней длительности процесса. Длительность процесса может оцениваться как статически (время, затрачиваемое на выполнение процесса от начала до конца), так и динамически (при исполнении процессов – время, оставшееся до окончания процесса).

Разработанные алгоритмы расчета длительности основываются на теории графов и теории вероятностей: процесс представляет собой ориентированный граф G, в котором имеется два вида вершин – операции O_i, $i = \overline{1,n}$, и условия C_j, $j = \overline{1,m}$ (это необходимо для того, чтобы иметь возможность выделить разные варианты прохождения процесса). Каждая операция имеет вес – оценочную длительность d_i, каждое условие – вероятность $P_{j,0}$. Из вершины может исходить несколько дуг, причем если из O_i исходит несколько дуг к условиям C_j, то они образуют полную группу событий. Также выполняется условие: если дуга $(O_i, C_j) \in G$, то $\forall l = \overline{1,n}, l \neq i: (O_l, C_k) \notin G$.

Стратегическое планирование с помощью продуктов класса SCM (управление цепочками поставок). Система управления цепями поставок (англ. Supply chain management, SCM) – организационная стратегия и прикладное программное обеспечение, предназначенные для автоматизации и управления всеми этапами снабжения предприятия и для контроля всего товародвижения. SCM-системы охватывает весь товарный цикл: закупку сырья, производство, распространение товара [2]. Системы данного класса можно использовать для стратегического планирования развития деятельности предприятия. Данные системы позволяют построить и просчитать показателя для стратегического плана развития предприятия исходя из прогнозируемого спроса. Возможно решение задач по стратегическому и тактическому планированию.

Системы класса EPM. Интегрированный комплекс бизнес приложений поддержки процессов управления эффективностью EPM (Enterprise Performance Management) обеспечивает связку стратегического планирования, целей тактического и оперативного планирования и мониторинг исполнения действий реализации стратегической программы и бизнес-плана, поддерживает весь цикл управления, охватывающий процессы формирования целей, стратегических карт, ключевых показателей эффективности, моделирование сценарных прогнозов, планирование, мониторинг анализ и формирование отчётов финансовых и операционных результатов.

Системы класса TMS. Transportation Management System (TMS) – система управления транспортом. Часть структуры Supply Chain Management. Такая система обеспечивает расчет стоимости перевозки различными видами транспорта, агрегирует таможенные затраты и данные о погрузочно-разгрузочных работах, отслеживает сроки перевозок. Одна из задач системы – по запросу менеджера мгновенно выдать информацию о том, где находится груз, каковы сроки его доставки.

Системы класса PLM. Product Lifecycle Management (PLM) – это (жизненный цикл изделия) – технология управления жизненным циклом изделий. Организационно-техническая система, обеспечивающая управление всей информацией об изделии и связанных с ним процессах на протяжении всего его жизненного цикла, начиная с проектирования и производства до снятия с эксплуатации [3]. Решения класса PLM могут быть использованы в предприятиях и корпорациях оборонно-промышленного комплекса.

Системы класса PPM. Project and Portfolio Management (PPM) – это комплексное централизованное решение, позволяющее создавать бизнес-процессы и анализировать результаты работы, управлять проектами, при этом управляя ресурсами и финансами в рамках всей компании, данные могут быть доступны в режиме реального времени. Чаще всего решение имеет модульную структуру. Система гибко настраивается в соответствии с требованиями организации. Решение класса PPM должно поддерживать пять областей знаний: стратегическое управление Портфелем проектов; тактическое управление портфелем проектов; управление производительности портфеля проектов; управление связью между портфелями проектов; управление рисками портфеля проекта.

Системы класса CRM. Customer Relationship Management («управление взаимоотношениями с клиентами») – способ организации и ведения бизнеса, при котором клиенты рассматриваются как главный актив предприятия, приоритетными являются взаимоотношения с ними. Главной целью является определение самых рентабельных клиентов. Разработка плана работы, направленной на привлечение или удержание клиентов для максимизации прибыли компании. Компании накапливают знания о клиентах для выстраивания взаимовыгодных отношений. CRM-решения можно классифицировать по семи основным категориям: SFA (Sales Force Automation) – автоматизация деятельности торговых представителей; MA (Marketing Automation) – автоматизация маркетинговой деятельности; CSA, CSS (Customer Service Automation, Customer Service Support) – автоматизация обслуживания клиентов и службы поддержки; Call/Contact Center Management – центры обработки вызовов, контакт-центры; Field Service Management – управление

территориально подразделениями или пользователями, которые находятся удаленно; PRM (Partner Relationship Management) – управление взаимоотношениями с партнерами; Help Desk – техническая поддержка пользователей.

Системы класса ERP. Enterprise Resource Planning («управление ресурсами предприятия») – набор интегрированных приложений, единые условия для автоматизации учета, планирования, анализа и контроля главных бизнес-процессов компании. Это информационная система для автоматизации планирования, учета, контроля и анализа всех основных бизнес-процессов и решения бизнес задач в масштабе предприятия (организации). ERP-система помогает интегрировать все отделы и функции компании, все департаменты работают с единой базой данных. Данные системы являются наиболее современными решениями в сфере систем автоматизированного управления деятельностью предприятия. В их основу положены системы MRPII, или Manufacture Resource Planning, позволяющие планировать необходимые для производственных процессов мощностные, финансовые и материальные ресурсы.

Цель систем класса ERP – оптимизация предприятия в целях управления изменениями себестоимости товара и достижения выгоды. Система класса ERP дает следующие возможности:

– планировать необходимое количество материалов и комплектующих, сроки и объёмы поставок для выполнения плана производства продукции;

– регулировать количество продукции и управлять издержками на хранение;

– регулировать процесс производства, ориентируясь на изменение спроса;

– оптимизировать бизнес-процессы из-за сокращения материальных и временных затрат;

– контролировать поставки комплектующих и уровень сервиса для клиентов.

Положительные стороны внедрения ERP [4]:

– сокращение уровня страховых запасов;

– своевременность пополнения МТР (материально-технических ресурсов);

– повышение оборачиваемости оборотных средств;

– уменьшение неликвидных запасов и объема неплановых закупок;

– увеличение объемов производства и повышение эффективности;

– эффективное управление материалами;

– улучшение ценообразования;

– снижение трудозатрат на операции бухгалтерии.

В развитии современных технологий разработки программного обеспечения (ПО) можно отследить переход от итерационного подхода к релизам. Задачи могут переходить из итерации в итерацию, но не мешая выпуску нового релиза системы. Предложенный подход предлагает привязать итерации к релизному циклу тестирования, чтобы показать, насколько будет удобнее показать уменьшение накладных расходов, и сможет ли большее количество длинных задач помещаться в один релиз, равный двухнедельной итерации. Тем самым показать, насколько можно быть гибким на каждом этапе вывода нового продукта на рынок [5].

Задачи в релизном цикле тестирования вариативны и изменчивы в зависимости от внешних факторов, влияющих на данный процесс, а некоторые могут быть отложены до появления более критичной необходимости в их выполнении. При выборе задач для нового релиза тестирования необходимо учитывать, какую ощутимую пользу принесет оптимизация того или иного процесса, всегда необходимо откладывать задачи и начать перепланирование, собрав достаточно статистической информации и до получения обратной связи от пользователей данного процесса. Процесс может быть любым – от создания карточки клиента в системе до подтверждения услуги клиенту.

Главными целями релизного подхода являются ускорение вывода нового продукта на рынок и повышение качества данного продукта. Критерием достижения цели может являться сокращение времени простоя систем, связанного с отказом ПО. Процент, на который может быть снижено время простоя, будет зависеть от поставленных задач, сроков, времени и финансового обеспечения данной задачи. Правильно организованный процесс тестирования системы, которая участвует в создании продукта, позволит экономить деньги и время на устранении ошибок и увеличить прибыль от хорошей репутации компании.

Релизный цикл тестирования – это набор функций системы, которые могут быть протестированы за определенное конечное время, и имеющих наивысший приоритет для проверки в текущий момент времени. Релизный цикл предполагает тестирование, которое повторяется и происходит либо после выхода нового релиза системы, либо имеет выбранный цикл во времени: недельный; месячный; квартальный; полугодовой; годовой. Планирование релизов тестирования позволяет видеть «генеральную линию» выхода и развития готового продукта на рынок.

Время релизного цикла тестирования может задаваться исходя из приоритетов и сроков выхода нового продукта на рынок. Так как в работах [6, 7] рассматриваются примеры выхода инновационного продукта на рынок, что фактически является услугой, процесс создания которого проходит через системы, необходимо проводить тестирование систем, которые обеспечивают работу процесса.

Одним из возможных шагов по повышению качества конечного продукта является регламентация процессов тестирования и процедур взаимодействия тестирования с разработкой. Организация процесса приемки программного обеспечения у разработчиков представлена в табл. 1.

Таблица 1

Цель и основные показатели KPI

Цель	Основные KPI
Повышение качества тестирования.	Уменьшение времени простоя систем за счет снижение количества отказов ПО (критерием будет являться сокращение времени простоя систем, связанного с отказом ПО, до 40%*).
Регламентация процессов тестирования и процедур взаимодействия тестирования в рамках бизнес-процессов и связанных с ними доработкой и новой разработкой. Организация процесса приемки обновленных бизнес-процессов у разработчиков.	Сокращение сроков вывода новых продуктов на рынок (критерием достижения цели будет являться сокращение общего срока реализации заявок на доработку ПО и вывода продуктов на рынок до 15%* (сокращение среднего времени на тестирование заявок до 40%*)).
	Систематизация процессов тестирования. Уменьшение времени отвлечения сотрудников бизнес-подразделений на решение непрофильных задач по тестированию ПО (критерием достижения цели является снижение времени отвлечения сотрудников бизнес-подразделений на проведение тестирования до 30%*).
Оперативное выявление ошибок в новых разработках и возможность отследить причину и место возникновения ошибки.	Сокращение времени, необходимого на согласование внесения исправлений выявленных ошибок в продуктивной среде*. (Критерием достижения цели будет являться снижение времени согласования до 50%*)
	Снижение незапланированных затрат на доработку систем по причине возникновения ошибок не выявленных на этапе приемки решения при вводе в эксплуатацию (критерием достижения цели может являться снижение количества ошибок, выявляемых до 50%)

Чтобы достичь указанные значения KPI, необходимо решить следующие задачи: построить ИТ-инфраструктуру, достаточную для проведения комплексного тестирования в требуемом качестве и объеме; организовать процесс управления тестовыми средами; разработать процессы тестирования и регламентировать процедуры обновления и разработки бизнес-процессов; применить релизный подход в процесс регрессионного тестирования; разработать и внедрить процесс управления релизами. Эффективное управление средами тестирования возможно только при использования адаптивного подхода к автоматизации.

Задачи, которые необходимо решать в области тестирования в рамках предложенной адаптивной самопроверяемой системы: оперативное обновление сред тестирования для обеспечения текущей поддержки приложений корпорации ОПК; создание и актуализация сред разработки и тестирования приложений по требованиям заинтересованных подразделений корпорации ОПК; снижение рисков влияния человеческого фактора при создании сред тестирования; разнесение продуктивных процессов и процессов тестирования. За счет этого происходит исключение влияния на промышленные системы корпорации ОПК.

Список литературы

1. Ситников С.Е. Модель оптимизации производственной программы предприятия оборонно-промышленного комплекса // Вестник ФГУП «ЦНИИ «ЦЕНТР». 2014. – № 3. – С. 42–46.
2. http://scn.sap.com/community/mining-and-mill-products/blog/2014/02/22/gartner-rates-sap-transportation-management-visionary-in-the-magic-quadrant-for-transportation-management-systems-2016
3. http://ru.wikipedia.org/wiki/PLM
4. Кохно П.А. Конкурентный цикл вооружения // Военная мысль. 2016. – № 6. – С. 57–67.
5. Кохно П.А. Методы и инструменты экономики успеха: монография / авторы: Кохно П.А. и др. – М.: Юр-ВАК, 2016. – 216 с.
6. Кохно П.А., Вейко А.В. Экономический механизм развития ракетно-космической отрасли // Общество и экономика. 2016. – № 9. – С. 75–104.
7. Ситников С.Е. Стратегия конкурентного производства // Конкурентный цикл продукции / авторы: Кохно П.А., Креопалов В.В. Отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. – М.: МЭСИ, 2015. – С. 57–64.

Сливицкий А.Б.
начальник сектора ГосНИИАС

ПРИНЦИПЫ МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ГОТОВНОСТИ

***Ключевые слова**: методология, оценка уровня готовности, принцип, производственная готовность, уровень производственной готовности.*

***Keywords**: methodology, assessment of level of readiness, the principle, operational readiness, Manufacturing Readiness Level.*

Одной из актуальных задач развития российской промышленности является задача повышения эффективности управления её производственно-технологическим развитием.

В теории основным способом решения подобной задачи является поиск новых методов управления соответствующим объектом (с учётом его специфики) и/или итерационное улучшение старых, проверенных методов управления на основе уточнения модельного аппарата описания объекта и моделирования управленческих циклов при различных значениях параметров системы с набором статистики о результатах эксперимента.

На практике такой вполне обоснованный, научный подход реализуется далеко не всегда. Зачастую метод управления заимствуется как передовая практика менеджмента. И всё. Мы вроде бы следуем проторенной дорожкой, и успех нам гарантирован. Однако следует учитывать, что данная практика создавалась, возможно, не одно десятилетие. Создавалась в другой ценностной, правовой и культурной среде, бизнес-климате. Создавалась для управления иными, непохожими на наш, объектами. Используется в национальной квазиустойчивой управленческой системе – единстве взаимодействующих управленческих ноу-хау, одним из которых и является заимствуемый управленческий метод.

В принципе, ничего из перечисленного не зазорно и не может быть основанием для отказа от использования продуктивного управленческого метода. Однако новый метод – заимствуемый институт – должен быть предельно ясен как по существу, так и по практике применения. Он должен привноситься на подготовленную почву. Должны быть готовы специалисты, нормативная правовая база, организационно-управленческая структура, в которую инкорпорируется заимствуемый метод.

Перечисленные нами тезисы, безусловно, относятся к такому передовому методу (концепции) совершенствования (повышения эффективности) управления производственно-технологическим развитием российской промышленности как **концепция оценки уровня готовности технологий** [1–6], **производств** и т.д. Данная концепция перенимается сейчас как передовая практика менеджмента, призванная обеспечить единство понимания стадий процесса создания технологий, техники и производств. Однако принципы данной концепции (методологии) до настоящего времени в известной литературе не описаны. Восполним выявленную недоработку.

«Готовностный подход» начал формироваться в западной школе управления с 1980-х годов, применительно к управлению научно-техническими разработками. Он опирается на концепцию готовности объекта управления к штатному использованию. Сама же концепция зиждется на понятии «готовность» (или «зрелость») некоего объекта. Данное понятие используется для описания процесса эволюции объекта управления: от его замысла, идеи до начала его штатного использования с извлечением коммерческой выгоды.

Авторами «готовностного подхода» выделяются и чётко отграничиваются специальные уровни готовности. Каждый уровень имеет свою характеристику. Любой объект в процессе своего эволюционирования последовательно проходит все уровни готовности. Подобное деление непрерывного процесса эволюции является основой управления объектом. Объектами управления являются: технология, техника, производство.

Основная идея методологии оценки уровня производственной готовности (УПГ) – эффективно вести проекты по созданию и развитию (модернизации) производства (производственно-технологической базы – ПТБ) через управление отдельными этапами создания (развития, модернизации): от констатации дефицита ПТБ до коммерческого запуска, через формирование замысла (концепции) новой ПТБ и её реализацию. Успешное прохождение каждого этапа реализации будет повышать готовность ПТБ к началу производства техники при одновременном снижении технических рисков.

Методология оценки УПГ зиждется на специальном понятийном аппарате (понятиях: производственная готовность, уровень производственной готовности) и методологических принципах. В неё входит модель оценки УПГ, метод её – модели оценки УПГ – построения (формирования), а также метод применения (использования) модели оценки УПГ.

УПГ – это индикатор или показатель состояния процесса подготовки (создания) производства, позволяющий в рамках формализованной шкалы оценить степень зрелости нового или модернизируемого производства инновационной продукции и принять решение о целесообразности продолжения работ и успешном завершении процесса разработки.

Шкала УПГ есть система показателей, определяющих уровни производственной готовности (зрелости) на различных этапах создания производства.

Комплексный анализ методологии оценки УПГ показывает, что её базис составляют следующие научные подходы: системный, процессный, проектный и ситуационный, реализуемые в данной методологии в виде следующих принципов (см. рис. 1):

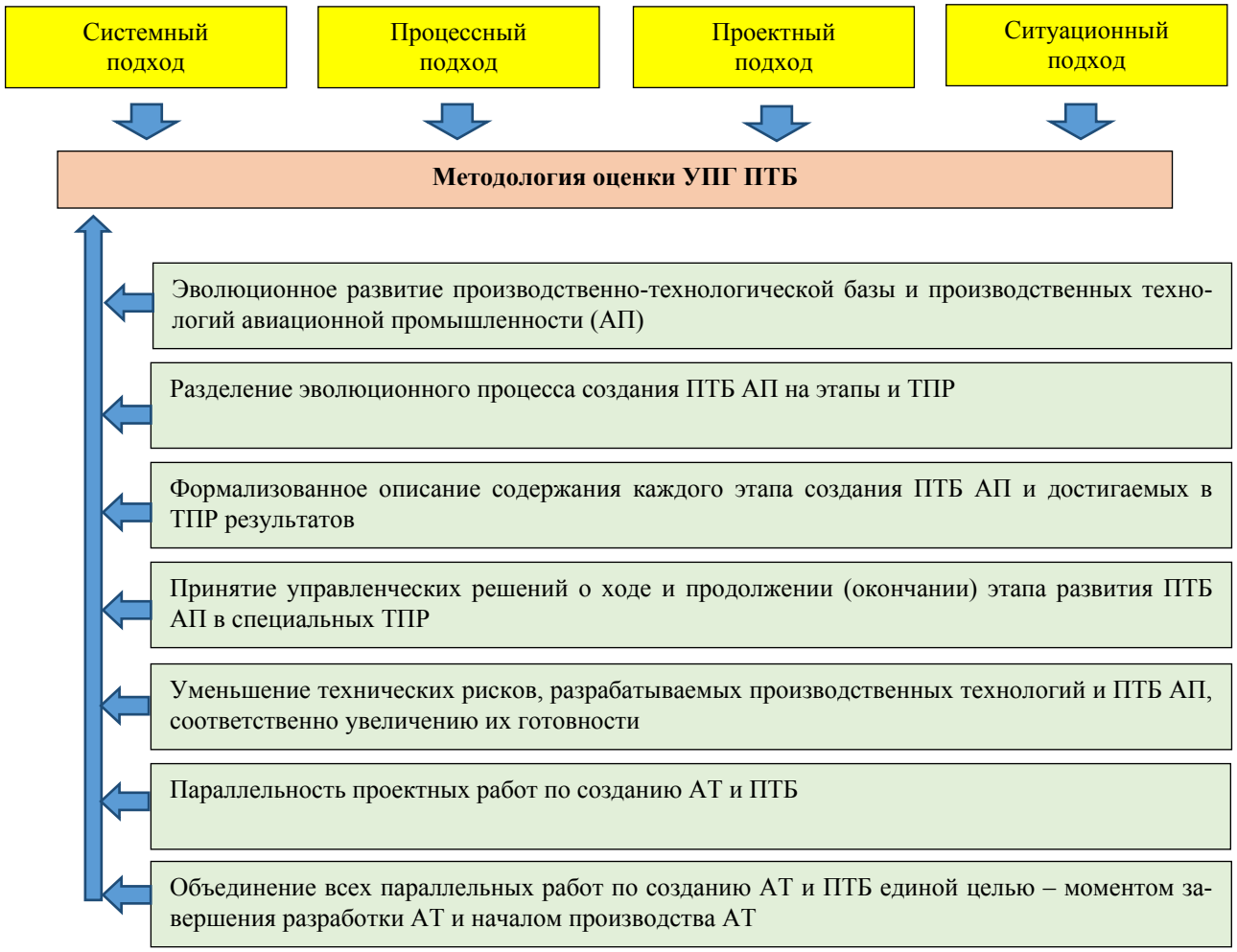


Рисунок 1.
Базис методологии оценки УПГ ПТБ

Эволюционное развитие производственно-технологической базы и производственных технологий

Эволюция ПТБ – это естественный процесс развития знаний путем их постоянного усложнения, упорядочения, адаптации, видоизменения, преобразования, отбраковывания, накопления и облечения в форму промышленных (производственных) технологий и технологических процессов изготовления компонентов СТС и производственных мощностей – производственно-технологической базы.

Эволюция – есть вид изменения, отличительная особенность которого заключается в том, что в эволюционном процессе каждое новое состояние по отношению к предшествующему мыслится как более совершенное в качественном отношении, то есть оно сложнее, ценнее, значительнее предшествующего. Эволюция – это развитие, изменение качества и этим она отличается от роста – изменения количества.

Эволюция производства и её ПТБ – есть переход от простейших форм – знаний, к сложным формам – ПТБ и производству в целом. Переход от знаний к сложным техническим системам.

Эволюционно-технологический подход в создании авиационной техники (АТ) – это методология создания и приобретения перспективных образцов АТ, основанная на постепенном многошаговом процессе повышения уровня знаний в определенных технологических областях и предназначенная, главным образом, для обеспечения предсказуемости и стабильности программ создания образцов АТ и необходимой ПТБ, а также снижения риска их реализации. Практический опыт показывает, что шансы успешного создания СТС будут максимальными, если процесс разработки осуществляется в серии небольших шагов, и каждый шаг заключает в себе четко определенный успех, основанный на внедрении совокупности зрелых технологий, а также имеется возможность «возврата» к предыдущему успешному шагу в случае неудачи.

Идея, лежащая в основе эволюционно-технологического подхода к созданию АТ, состоит в том, что образец АТ следует разрабатывать по принципу приращений так, чтобы разработчик мог использовать данные и знания, полученные при разработке более ранних его версий. Новые данные и знания получаются как в ходе разработки системы по

мере «созревания» новых технологий, так и в ходе ее демонстрации, испытаний и практического использования, где это возможно. Ключевые этапы эволюционно-технологического процесса – простая реализация подмножества требований к программе создания каждого образца АТ и его совершенствование в последовательности версий до тех пор, пока не будет реализована система во всей полноте. В ходе каждой итерации система дорабатывается на основе внедрения новых технологий, и к ней при необходимости добавляются новые функциональные возможности.

Исходя из мирового опыта развития СТС, можно выделить основные особенности эволюционно-технологического подхода, которые целесообразно учесть в отечественной практике создания АТ новых поколений:

– преобладание эволюционного характера развития АТ;

– выделение критических технологий и их использование в качестве областей первоочередного финансирования и приоритетных направлений развития;

– увеличение ассигнований на научные исследования и технологические разработки в области обороны и безопасности;

– увеличение доли полуготовых технологий (с УГТ 5-6) на международном технологическом рынке. Большинство стран проводят научно-технологические разработки широким фронтом, не всегда доводят их до дорогостоящих финальных изделий, замораживают их на стадии демонстрации[1], выбирают для своих серийных разработок только наилучшие образцы, а остальные предлагают на мировые рынки технологий.

Разделение эволюционного процесса создания производственно-технологической базы АП на этапы и точки принятия решений

Эволюционно-технологический процесс создания ПТБ АП, повторимся, – это методология описания процесса создания ПТБ для промышленного производства перспективных образцов АТ, основанная на постепенном многошаговом процессе повышения уровня готовности ПТБ к полноценному промышленному производству перспективных образцов АТ, характеризуемая технологической готовностью производства к осуществлению заданного объёма выпуска продукции авиационного назначения с установленными технико-экономическими показателями.

Вообще, любой процесс – это длящаяся непрерывная цепочка событий, разнохарактерных видов деятельности. В случае неизменности характера событий, составляющих процесс, во времени – их однородности – такую цепочку событий можно сгруппировать и выделить в виде отдельной части процесса. Такую часть принято называть стадией или этапом процесса.

Этап – это стадия, отдельная часть, промежуток времени в течение какого-либо процесса. **Этап процесса** можно определить как совокупность операций, действий, которая характеризуется качественной определенностью и однородностью, отражает необходимость их существования.

Процесс складывается из чередования определенных этапов и проявляется как непрерывная последовательность целенаправленных действий субъектов, осуществляющих процесс (исполнителей действий или событий; аппарата управления и руководителя) для достижения определенных результатов. Все этапы процесса равнозначны и представимы моделью системы «черный ящик», см. рис. 2.

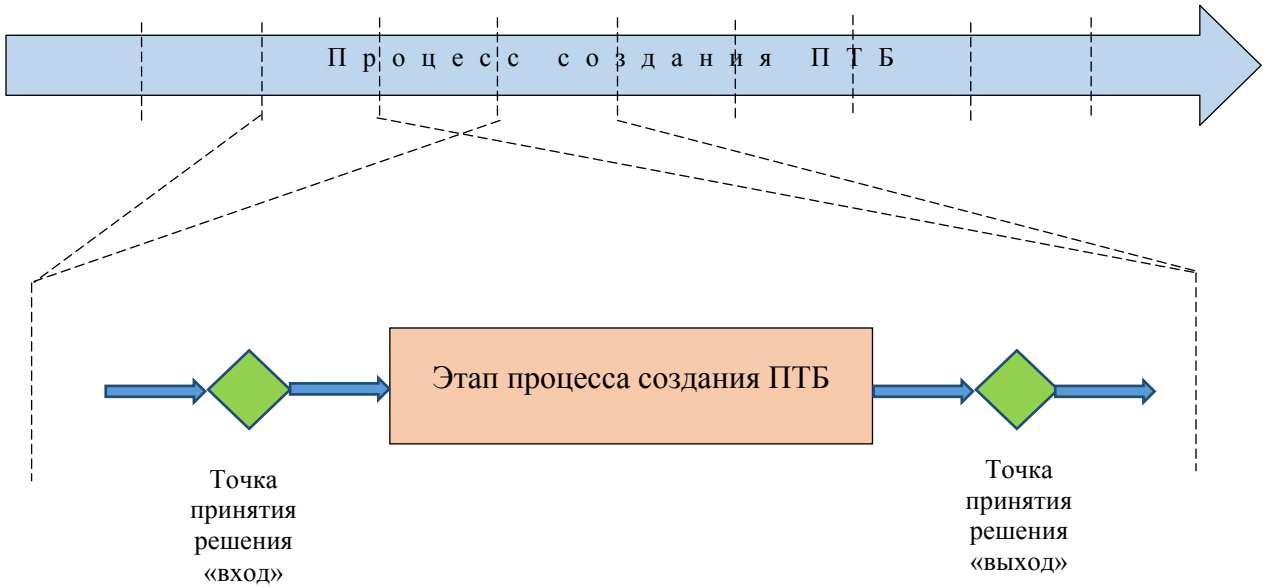


Рисунок 2.
Представление процесса создания ПТБ в виде последовательной суммы его частей – этапов (этап опосредуется моделью системы «чёрный ящик»)

[1] Например, подавляющее большинство стран участниц европейской программы «Чистый воздушный транспорт» (AirTN – Air Transport Net) доводят разрабатываемые технологии до пятого уровня готовности («Компоненты и/или макеты проверены в условиях, близких к реальным») по 9-ти уровневой шкале TRL. См.: ERA-NET AirTN. Aeronautics Research Funding in the Partner Countries. June 2009.

Процесс разделения на этапы является определенным аналитическим инструментом, который позволяет выявить закономерности процесса, и выделить те пути, которые будут способны его определенным образом усовершенствовать.

Каждый этап процесса, в свою очередь, состоит из совокупности рабочих процессов – подпроцессов. В ходе этапа процесса информация, могущая иметь на «входе» как материальную, так и нематериальную форму преобразуется, приобретая на «выходе» новое качественное состояние в той же или в измененной форме. Каждый этап процесса имеет свой вход и свой выход, см. рис. 2.

Данные констатации позволяют дать такое определение процесса (в терминах ISO 9000:2000): процесс – совокупность взаимосвязанных или взаимодействующих видов деятельности, преобразующая «входы» в «выходы». Вход этапа процесса – входные объекты (сырье, продукция, комплектация, информация или услуга), которые преобразуются в выход этапа процесса в ходе выполнения этапа процесса. Часто вход одного этапа процесса является выходом другого. Выход этапа процесса – продукция, информация или услуга, ради которой существует этап процесса.

Управление этапом процесса осуществляется путем замера входных и выходных параметров этой обособленной стадии процесса, сравнения их с эталонными значениями (заранее предсказанными, просчитанными, смоделированными), установления величины рассогласования и выработки решения о форме и величине сигнала, устраняющего рассогласования. Замеры показателей производятся в специальных контрольных точках на входе и выходе этапа процесса, см. рис. 2.

Контрольные точки предшествуют и завершают каждый этап процесса. Контрольная точка – это определенная стадия процесса на(в) которой производится процедура оценки параметров процесса. Контрольные точки этапа процесса называются точками принятия решения (далее – ТПР), см. рис. 2. Все ТПР являются неотъемлемой частью процесса.

Контроль осуществляется через некоторые (в общем случае – неравные) промежутки времени, достаточные для совершения полезных преобразовательных по отношению к информации (или знаниям) действий, и накопления рассогласований контролируемых параметров. Дискретным – между контрольными точками, ТПР – является и сам процесс.

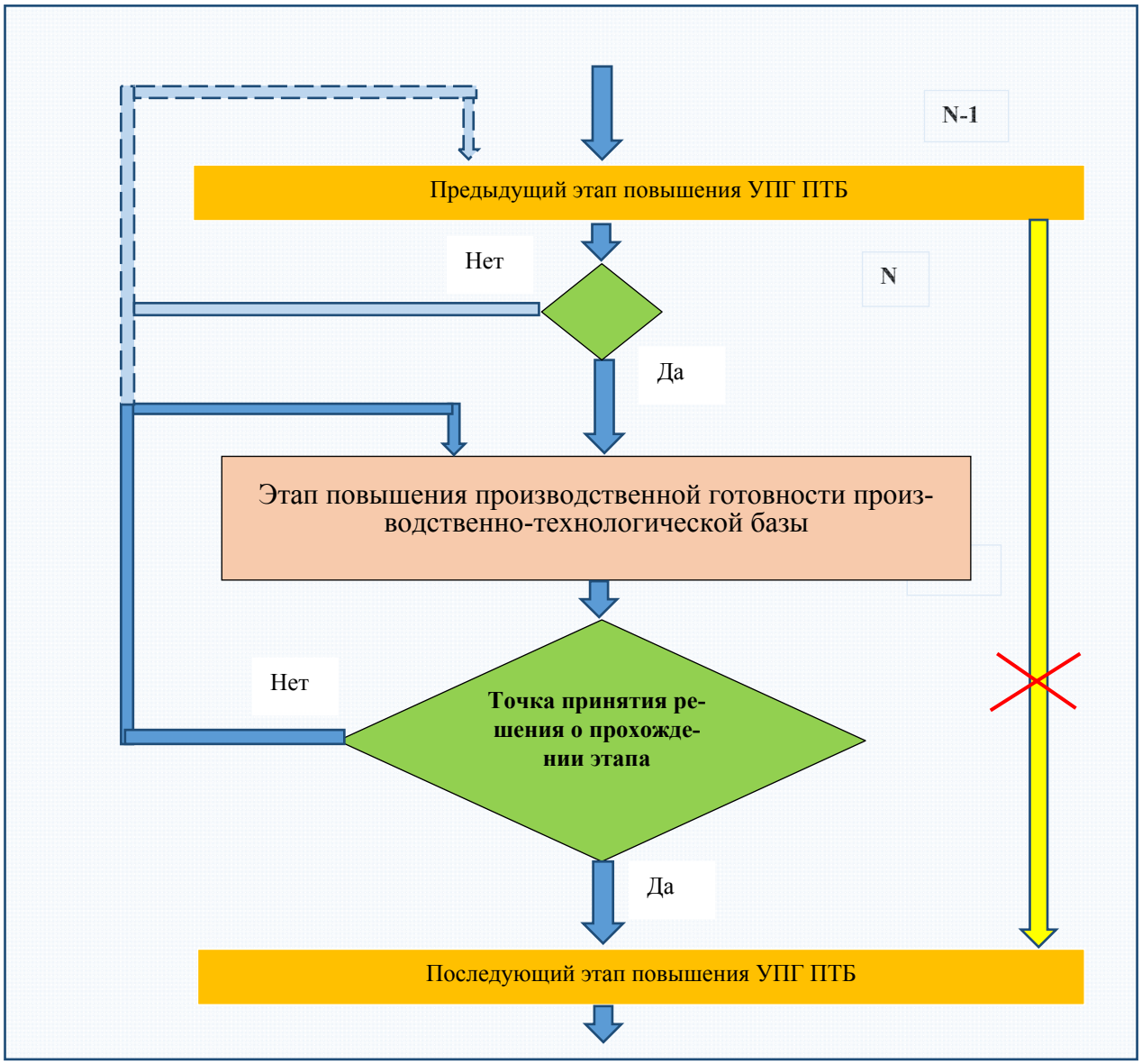


Рисунок 3.
Схема этапов процесса разработки (повышения готовности) ПТБ и процедуры принятия решения об успешном завершении текущего этапа и перехода к последующему

На рис. 3 процесс создания ПТБ разделён в соответствии с методологией оценки УПГ на 10 этапов (уровней). С формальной точки зрения, все этапы (уровни) методологией оценки УПГ равнозначны. Они описываются одинаковым формализмом, позволяющим стандартизовать процесс управления созданием ПТБ.

Произвольный этап процесса разработки ПТБ с учетом модели УПГ может быть представлен в виде схемы на рис. 3. На схеме показаны предыдущий (N-1), текущий (N) и последующий (N+1) этапы повышения производственной готовности ПТБ АП, формальные связи между ними, ТПР о прохождении этапа: о соответствии готовности ПТБ формально определённому УПГ.

Достижение каждого следующего УПГ управления производством повышает гарантию эффективности управления и снижает риски неудачи программ.

В случае отрицательного ответа на вопрос, задаваемый в ТПР, следует:

– либо вернуться в начало этапа (уровня готовности), давшего отрицательный результат, и пройти его заново,

– либо принять решение о возвращении на два и более уровня назад для их повторного прохождения.

Осуществлять развитие ПТБ путем перехода на следующий УПГ, не закончив полностью работы по достижению текущего УПГ, возможно, но нежелательно, так как существенно повышаются риски из-за потери системности в развитии (ухода от более глубокого освоения набора требований каждого УПГ к более поверхностному), см. рис. 3.

Формализованное описание содержания каждого этапа создания ПТБ АП и достигаемых в ТПР результатов

Методология оценки УПГ представляет собой модель структуризации процесса создания ПТБ и управления этим процессом. Данная система оценки (упорядочения, классификации) УПГ ПТБ АП помогает предсказать, сумеет ли проект достичь поставленных целей по выпуску образца АТ и/или его компонентов, систем, агрегатов и узлов. УПГ выделяются по следующим принципам, см. [3]:

1) достижение замысла производства;
2) определение концепции производства;
3) развитие концепции производства;
4) лабораторная демонстрация производственного процесса;
5) организовано развитие производственного процесса;
6) выполнено прототипирование критического производственного процесса;
7) налажена система производства прототипа;
8) выполнена демонстрация зрелости производственного процесса;
9) проведена сертификация производственного процесса;
10) полноразмерный производственный процесс поставлен и методы бережливого производства освоены.

Перечисленные принципы описывают возможные состояния производства и её ПТБ.

Им – принципам выделения этапов ИП создания ПТБ – соответствует следующая 10-ти уровневая шкала (модель) УПГ:

1. Исследования основных производственных потребностей.
2. Исследования возможных вариантов концепции производства.
3. Подтверждение производственной концепции.
4. Исследования возможности изготовления технических средств в лабораторных условиях.
5. Исследования возможности изготовления прототипов компонентов систем в соответствующих производственных условиях.
6. Исследования возможности изготовления прототипов систем и подсистем при наличии готовых элементов основного производства (промышленное оборудование, квалифицированные кадры, инструментальная или технологическая оснастка, методы обработки, материалы и пр.).
7. Исследования возможности изготовления систем, подсистем или их компонентов в условиях, близких к реальным, и при завершенных конструкторских расчетах.
8. Испытания пилотной производственной линии.
9. Исследования возможности мелкосерийного производства и подготовка базы для полномасштабного производства.
10. Наладка полномасштабного производства с участием субподрядчиков.

Этапы разработки/доработки ПТБ оканчиваются (отделяются друг от друга) специальными ТПР. Нарастающая, в зависимости от степени производственной готовности, то есть построенная на основе принципа «от простого к сложному», последовательность (шкала) ТПР об успешном прохождении УПГ имеет вид:

1. Сделаны выводы относительно основных производственных потребностей (да, нет).
2. Определена концепция производства (да, нет).
3. Подтверждена производственная концепция (да, нет).
4. Достигнута возможность изготовления технических средств в лабораторных условиях (да, нет).
5. Достигнута возможность изготовления прототипов компонентов систем в соответствующих производственных условиях (да, нет).
6. Достигнута возможность изготовления прототипов систем и подсистем при наличии готовых элементов основного производства (да, нет).

7. Достигнута возможность изготовления систем, подсистем или их компонентов в условиях, близких к реальным, и при завершенных конструкторских расчетах (да, нет).

8. Испытана пилотная производственная линия, достигнута готовность к началу мелкосерийного производства (да, нет).

9. Успешно продемонстрирована возможность мелкосерийного производства, подготовлена база для полномасштабного производства (да, нет).

10. Налажено полномасштабное производство с участием субподрядчиков (да, нет).

Приведенная последовательность точек принятия решения об успешном прохождении УПГ представляет собой систему критериев или принципов отнесения, создаваемого производства к конкретному УПГ.

Принятие управленческих решений о ходе и продолжении (окончании) этапа развития ПТБ АП в специальных ТПР

Каждому этапу процесса создания производства и её ПТБ предшествует «точка принятия решения». Назовём её предшествующей ТПР. Это своеобразный этап процесса, когда рассматривается новая информация по проекту. Предшествующие ТПР – это точки контроля качества выполненных работ, точки принятия решений по дальнейшему развитию проекта и расстановке приоритетов проектам, а также точки, когда даются подробные описания следующих шагов, которые нужно предпринять для развития проекта.

Для выработки решений на предшествующей ТПР следует руководствоваться следующими принципами:

1. Каждая предшествующая ТПР – это распределение ресурсов и составление плана-графика работ по совершенствованию ПТБ, по переходу создаваемого (модернизируемого) производства на следующий УПГ.

2. Оценка проекта сопряжена с неопределенностью по проекту и отсутствием надежных финансовых данных.

3. Оценка проекта вовлекает многие критерии, которые отражают бизнес-стратегию компании в целом и инновационную стратегию в частности.

4. Методы оценки проекта должны быть простыми, понятными и реалистичными (но, они не должны базироваться на слишком упрощенных допущениях).

Каждый этап процесса создания ПТБ завершается опять-таки «точкой принятия решения». Назовём её завершающей ТПР. Это своеобразный этап процесса, когда подводятся итоги этапа повышения готовности ПТБ. Готовится отчетная документация. Оформляются акты и протоколы освидетельствования и испытаний. Завершающие ТПР – это точки контроля качества выполненных работ, точки принятия решений по дальнейшему развитию проекта и расстановке приоритетов проектам, а также точки, когда даются подробные описания следующих шагов, которые нужно предпринять для развития проекта.

Для выработки решений на завершающей ТПР следует руководствоваться следующими принципами:

1. Каждая завершающая ТПР – это точка подведения итогов реализации этапа повышения УПГ для создаваемой (модернизируемой) ПТБ, на которой рассматривается и оформляется вся этапная проектная документация. Проводятся подтверждающие испытания и демонстрация возможностей создаваемой ПТБ, при необходимости.

2. В каждой завершающей ТПР проводится оценка соответствия результата этапа повышения производственной готовности УПГ этапа и принимается решение о присвоении разрабатываемому производству нового УПГ, что оформляется соответствующим документом (пакетом документов).

3. Оценка проекта вовлекает многие критерии, которые отражают бизнес-стратегию компании в целом и инновационную стратегию в частности.

4. Методы оценки проекта должны быть простыми, понятными и реалистичными (но они не должны базироваться на слишком упрощенных допущениях).

Завершающая ТПР текущего этапа процесса повышения производственной готовности ПТБ в идеале примыкает к предшествующей ТПР последующего этапа процесса повышения производственной готовности ПТБ. Перечни процедур, осуществляемых в ТПР, суммируются, не пересекаясь. В реальности между прохождением завершающей ТПР текущего этапа процесса повышения производственной готовности ПТБ и предшествующей ТПР последующего этапа процесса может проходить достаточно значительное время. В связи с чем может быть поставлена задача минимизация этого времени. Времени простоя работ по созданию ПТБ.

Структура всех ТПР одинакова – она такова:

1. В каждой ТПР готовится и рассматривается специальный комплект документов о проекте.

2. В качестве критериев, по которым происходит оценка проекта, используется модель оценки УПТ, описанная нами выше.

3. Управленческие решения. Производственные совещания по рассмотрению итогов очередного этапа проекта завершаются очень часто достаточно неопределенными решениями. Однако итоговые решения, принимаемые на ТПР, должны иметь строго определенный формат:

– что происходит далее с проектом (переход к следующему этапу, прекращение проекта, возврат проекта на предыдущий этап);

– план действий по отношению к данному проекту (утвержденный план работ и перечень документов для представления к следующей ТПР, дата проведения следующей ТПР).

В общем случае решения проектного совета в отношении рассматриваемого проекта могут быть следующими:

– «к следующему этапу» (проект одобряется, и утверждаются необходимые ресурсы (персонал и финансы) для дальнейшего развития проекта);

– «прекращение проекта» (проект прекращается, и останавливаются все работы по нему; ресурсы на этот проект более не выделяются);

– «возврат к началу текущего этапа» (возвращение проекта в начало текущего этапа с целью его прохождения через этот этап надлежащим образом; это происходит, когда основные, ключевые результаты этапа не соответствуют критерию успешного прохождения этого этапа готовности);

– «продление текущего этапа» (время реализации этапа продлевается, устанавливается новый срок окончания этапа, выделяются новые ресурсы; это происходит, когда отдельные частные, второстепенные результаты этапа не соответствуют критерию успешного прохождения этого этапа готовности; принимается решение об ответственности исполнителей и руководителя проекта);

– «повторно на предыдущий этап» (возвращение проекта на предыдущий этап с целью его прохождения через эти два этапа заново; это происходит, когда результаты текущего этапа требуют пересмотра результатов предыдущего этапа);

– «приостановление проекта» (проект получил более низкий приоритет по сравнению с другими инновационными проектами, и на него не осталось ресурсов для его выполнения согласно ранее утвержденному плану-графику).

На проектном совете утверждается план-график работ на следующий этап, включающий: перечень сотрудников, вовлеченных в работы, финансовые ресурсы этапа (бюджет), количество человеко-часов на утвержденные работы, ответственные исполнители, сроки проведения работ, а также перечень документов к рассмотрению на следующей ТПР.

Обычно ТПР управляются ответственными менеджерами из различных подразделений компании с полномочиями выделять ресурсы (персонал, финансы, оборудование и др.), требуемые директору проекта и проектной команде для выполнения следующего этапа.

Таким образом, ТПР служат механизмом обеспечения контроля качества процесса создания ПТБ. Прежде, чем проекту разрешается перейти на следующий этап, рассматриваются документы и материалы, характеризующие его прохождение через текущий этап. Оценивается и присваивается УПГ. Если результаты текущего этапа неудовлетворительны, проект не передается на следующий этап. ТПР служат управленческим фильтром, когда неэффективные проекты останавливаются, а ресурсы выделяются на проекты, обладающие наибольшей ценностью. На ТПР определяют задачи следующего этапа и перечень документов к рассмотрению на следующей ТПР.

Уменьшение технических рисков разрабатываемых производственных технологий и ПТБ АП соответственно увеличению их готовности

В соответствии с методологией оценки УПГ, процесс разработки ПТБ АП разбивается на несколько этапов, причем каждый последующий этап, как правило, является более затратным, чем предыдущий. Разбиение процесса на этапы и ТПР позволяет управлять рисками.

С каждым достижением создаваемой ПТБ очередного УПГ степень неопределённости сокращается, а вероятность успеха разработки растет. Шкала рисков проградуирована от 0% – минимальный риск до 100% – максимальный риск.

Первому УПГ – низшему этапу развития ПТБ – присвоен максимальный риск. Это связано с множественной неопределённостью относительно возможности создания планируемого производства. По мере реализации процесса создания ПТБ степень неопределённости уменьшается. Это объективный процесс, подтверждаемый многолетней производственной деятельностью.

Затраты на ранних этапах поддерживаются невысокими, но они возрастают по мере того, как уменьшается неопределенность. Каждый этап рассматривается как этап по приобретению дополнительной информации по проекту, а между этапами происходит управленческая оценка собранной информации, на основе которой принимаются решения по дальнейшему развитию проекта.

Последнему – десятому УПГ (его успешному окончанию) – соответствует нулевой риск. И это объяснимо, так как на этом этапе развития производство (и её ПТБ) уже полностью создано, отработано, кооперация поставщиков создана и проверена. Сертификация производства пройдена.

Все промежуточные значения на шкале рисков получаются путём деления диапазона измерения риска на число этапов процесса создания ПТБ, то есть на 10.

Принятие решения о нахождении ПТБ на определённом УПГ позволяет с легкостью приписать этому состоянию ПТБ сугубо определённый риск. Программа увеличения, роста производственной готовности ПТБ одновременно является программой пропорционального сокращения рисков, благодаря жёсткой однозначной связи между шкалой УПГ и шкалой рисков.

Таким образом, уменьшение технических рисков разрабатываемых производственных технологий и ПТБ АП соответствует увеличению их готовности. Методология оценки УПГ позволяет управлять рисками создания ПТБ АП. Более того, применение методологии оценки УПГ позволяет снизить влияние человеческого фактора (субъективизма) при оценке готовности ПТБ на основе системы объективных критериев оценки – шкалы УПГ.

Параллельность проектных работ по созданию АТ и ПТБ и объединение всех параллельных работ по созданию АТ и ПТБ единой целью – моментом завершения разработки АТ и началом производства АТ

Одним из важнейших принципов ускорения выполнения работ является принцип их параллельного выполнения, противопоставляемый эстафетному принципу: когда над каждой подзадачей трудится отдельная рабочая группа

до полного ее завершения, а затем «передает эстафету» другой команде. Реализация принципа параллелизма работ на практике позволяет существенно сократить сроки выполнения работ, где это возможно.

Создание нового продукта включает в себя две крупные стадии: разработка технологий (technology development) и разработка продукта (product development). Стадия разработки необходимых критических технологий всегда предшествует стадии разработки продукта, причём образец АТ должен создаваться из технологий с высоким УГ. Стадии могут накладываться в зависимости от завершенности стадии разработки технологий и степени риска успешности окончания разработки технологий, обеспечивая параллельность процессов на некотором их участке.

Что же касается процесса создания ПТБ, то этот процесс развивается во многом параллельно объединённому процессу создания образца АТ (этап создания НТЗ + этап разработки продукта), см. рис. 4. Такой параллелизм возможен в силу относительной самостоятельности, независимости этих процессов, в силу их специфики: разные объекты исследований и проектирования, разные предприятия, разные технологические процессы и методология действий.

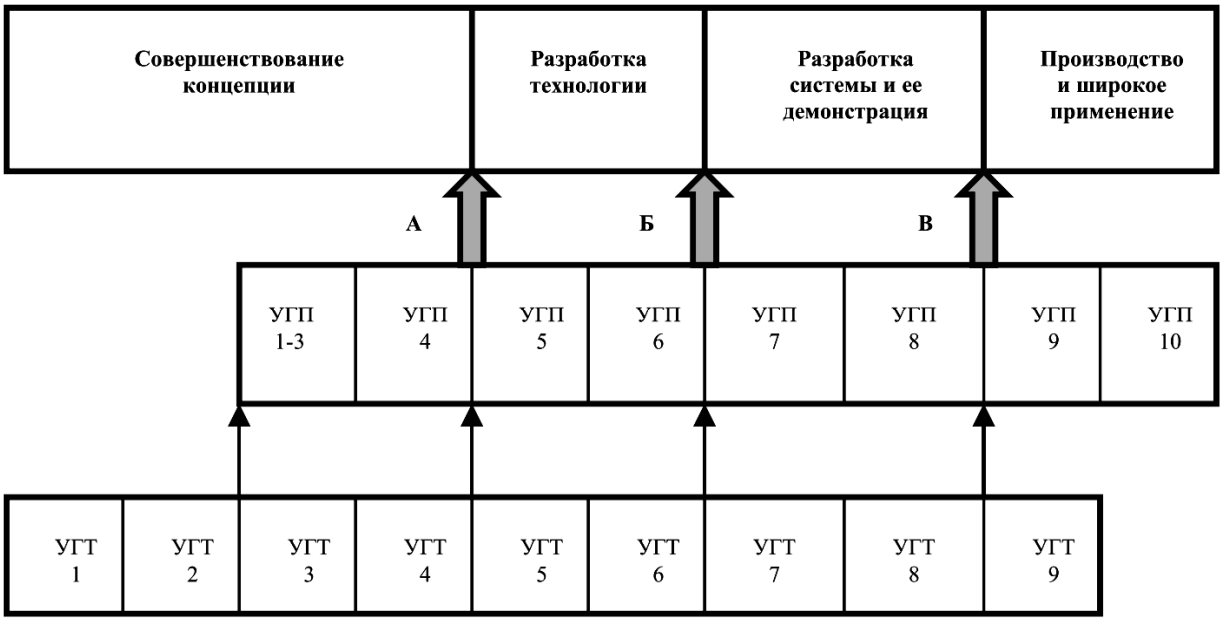


Рисунок 4.
Схема, иллюстрирующая основные процессы и этапы разработки и производства инновационного продукта.

Схема, иллюстрирующая основные процессы и этапы разработки и производства инновационного продукта, представлена на рис. 4. Показаны контрольные точки (А, Б и В) принятия ответственных управленческих решений, которые необходимо успешно преодолеть в процессе создания технологического новшества.

Первая контрольная точка А соответствует стадии разработки концепций и технологии. На данном этапе окончательно формируется концепция технологии и принимается решение о полномасштабной разработке и подготовке производства.

Вторая контрольная точка Б – стадия разработки и демонстрации системы (сложного продукта). На данном этапе заканчивается непосредственно разработка технологии, проходят демонстрации в предполагаемой среде эксплуатации, корректируются последние «нестыковки» и планируется организация производства.

Третья контрольная точка В – стадия производства и начального ввода в эксплуатацию. По сути, на данном этапе заканчивается разработка системного продукта и принимается решение о начале мелкосерийного производства.

Для производства нового продукта необходимо наличие ПТБ, желательно современной, и её готовность к производству сугубо конкретного нового (или принципиально нового) продукта. Причём процессы создания (разработки) продукта и подготовки ПТБ должны быть объединены конечной целью: моментом времени окончания разработки. Производственная база должна быть готова к производству в момент завершения разработки, см. рис. 4.

Запаздывание процесса создания ПТБ ведёт к срыву сроков начала производства АТ и снижению рыночных перспектив отечественных ВС или к снижению обороноспособности страны, применительно к государственной авиации.

Опережение процесса создания ПТБ ведёт к простою производственных мощностей, «заточенных» под новый продукт и трудно перенастраиваемых (нужны дополнительные ресурсы) и необходимости поиска заказов, временно загружающих простаивающие производственные мощности.

Как видно из рис. 4, оптимальной (наиболее выгодной) практикой для промышленности является опережающая разработка технологий по отношению к разработке продукта. Процесс создания (модернизации) производства (ПТБ) и оценки её готовности должен начинаться на ранних стадиях технологического развития, что, в принципе, соответствует российской практике подготовки (конструкторской, технологической, организационной) производства. Этот процесс должен продолжаться синхронно с определенными этапами жизненного цикла программы разработки технологий, технологических новшеств.

Таким образом, процессы УГТ и УПГ параллельны, взаимоувязаны друг с другом и подчинены общей цели – успешному созданию конкурентоспособной высокотехнологичной продукции.

Использование методологии оценки УПГ (и методологии оценки УГТ) и комплексное применение всех перечисленных и описанных принципов (и подходов)

– позволяет научно-исследовательским организациям описывать, разрабатывать и выполнять тестирование инновационных технологий, а производственным корпорациям описывать, разрабатывать и выполнять тестирование создаваемого (модернизируемого) производства и её ПТБ;

– обеспечивает основные этапы проведения исследований и создаёт основу для осуществления поэтапного подхода к исследованиям и разработкам как технологий, так и ПТБ. Структурирует работу ученых, конструкторов и технологов, позволяя им эффективно определять ТТХ продукта, который будет удовлетворять требованиям военного (и/или гражданского) заказчика;

– обеспечивает введение адекватного современного формализма оценки готовности технологий и производства – критериев готовности. Переход к каждому следующему УГ требует проведения экспертизы достигнутых результатов работ на этапе повышения готовности, оценки соответствия ключевых характеристик разрабатываемой технологии или производства (ПТБ) выбранным показателям технического совершенства (критериям готовности);

– обеспечивает возможность эффективного управления развитием НТЗ, разработкой образцов АТ и созданием ПТБ на основе формализма методологии оценки УПГ и УГТ;

– позволяет снизить влияние человеческого фактора (субъективизма) при оценке готовности технологий и ПТБ для их использования при создании и производстве конкретной техники на основе системы объективных критериев оценки шкалы УПГ (и шкалы УГТ);

– позволяет уменьшить вероятность перерасхода средств на программы создания конечной продукции, вследствие снижения рисков и технологической неопределенности.

Список литературы

1. Алёшин Б.С. О новой концепции организации научных работ. // Новости ЦАГИ. 2010. – № 5(85).
2. Буренок В.М., Ивлев А.А., Корчак В.Ю. Развитие военных технологий XXI века: проблемы, планирование, реализация. –Тверь: Купол, 2009.
3. Клочков В.В., Николенко В.Ю. Современная организация создания авиатехники: монография. – М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2013.
4. Скибин В.А., Солонин В.И. Современная методология // Машиностроение. Энциклопедия. Самолеты и вертолеты. Т. IV-21. Авиационные двигатели. Кн.3 / В.А. Скибин, В.И. Солонин, Ю.М. Термис и др.; под ред. В.А. Скибина, Ю.М. Термиса и В.А. Сосунова. – М.: Машиностроение, 2010.
5. Сливицкий А.Б. Актуальные проблемы введения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности // Межотраслевая информационная служба. – М., 2014. – № 3.
6. Сливицкий А.Б. Совершенствование инструментария выбора государственных приоритетов, механизмов разработки и реализации стратегий инновационного развития // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. –М., 2013. – С. 270–278.

Соснина Т.Н.
д.филос.н., профессор Самарского государственного национального исследовательского университета

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *доминантная инновация; изобретательство; рационализаторство; патентная активность.*

Инновации признаны мировым сообществом основным фактором развития глобальной информационно-сетевой экономики. В условиях ужесточения международного соперничества возник качественно новый вид конкуренции – гиперконкуренция, цель которой состоит в радикальном изменении методов управления глобальным рынком посредством использования опережающих доминантных инноваций.

При определении конкурентоспособности экономики страны сегодня принимаются в расчет такие параметры как состояние и динамика изобретательской активности; сравнительный анализ ее по техническим направлениям; тематическим и географическим признакам в структуре патентования.

Прогнозирование научной и изобретательской деятельности, использование ее результатов становится исходным элементом стратегического планирования и программирования современных государственных систем, становления шестого технологического уклада, адекватного ноосферной постиндустриальной мировой цивилизации XXI–XXII вв.

Россия поставлена перед необходимостью ускорения темпов перехода на инновационный путь развития в обстановке роста масштабов внешних и внутренних вызовов. Правительством Российской Федерации 8 декабря 2011 г была утверждена «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», где определены цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики с учетом долгосрочных ориентиров развития субъектов инновационной деятельности: «Россия ставит перед собой амбициозные, но достижимые цели долгосрочного развития, заключающиеся в обеспечении высокого уровня благосостояния населения и закрепления геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня. Единственным возможным способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную социально ориентированную модель развития».

Для инноваций нужны свежие идеи – результат нестандартного мышления конкретных личностей, усилий творческих коллективов. Мощь любого государства, в конечном счете, определяется активностью человеческого капитала. По данным Всемирного банка, экономический рост на 16% обеспечивается развитием физического капитала, на 20% – природного капитала и на 64% человеческого капитала[1].

Подобного рода «раскладка» прозрачна: курс на инновационное развитие предполагает максимальное участие в нем той части творческой элиты, которая ориентирована на изобретательскую, рационализаторскую и патентную деятельность.

Историческая справка. Первый законодательный акт, имеющий отношение к организации изобретений, появился в России 17 июня 1812 года. К 1913 году в России насчитывалось около пяти тысяч изобретателей и рационализаторов.

После революции 1917 года законы, имеющие отношение к регламентации труда изобретателей и их авторских прав, были отменены. Однако вскоре эта система была восстановлена с поправкой, что все изобретения являются собственностью государства. В 1919 г. В.И. Лениным было подписано положение «Об изобретениях». С 1922 года Советское государство придало изобретательской деятельности особый статус и стало поддерживать инициативу новаторов и рационализаторов. После второй мировой войны в СССР наблюдалось оживление научной деятельности. Этому способствовала активно проводившаяся государством стратегия инновационного прорыва, освоения четвертого технологического уклада, достижений научно-технической революции.

С середины 60-х до середины 80-х гг. XX в. наша страна вышла в мировые лидеры по количеству создаваемых и регистрируемых на государственном уровне изобретений. Количество изобретений достигло 100 тыс. (2% принадлежало иностранным заявителям, 98% – отечественным авторам). Таким образом, СССР опирался на интеллект своих граждан, что во многом обеспечивало экономическую устойчивость страны и ее национальную безопасность.

Перестройка изменила ситуацию: в 1998 году количество изобретателей снизилось до 19000, в том числе 3186 принадлежало иностранным гражданам. Ухудшались и качественные показатели. В ключевых рубриках международной классификации изобретений Россия оказалась не на высоте, а накопленный огромный научно-технический потенциал, включая изобретательский опыт, оказался невостребованным.

Как складывалась ситуация в России и странах Запада с точки зрения результативности изобретательских видов деятельности?

[1] Фасхиев Х.А. Модель управления инновационной деятельности предприятий // Менеджмент в России и за рубежом. 2013. – № 4. – С. 26.

В середине 70-х годов доля нашей страны в общем объеме мировых заявок на изобретения составляла 25,8% (для сравнения – США – 14,6%, Японии – 30,6%), а в общем объеме выданных на имя национальных заявителей охранных документов – 22,8% (США – 15,1%, Японии – 19,3%).

К началу 90-х годов – соответственно 16,2% (США – 12,8%, Японии – 46,8%) и 33,4% (США – 19%, Японии – 22,2%); к концу 90-х годов картина стала иной: 2,6% (США – 15,2%, Японии – 44,6%) и 2,9% (США – 23,4%, Японии – 24,1%)[1]. По количеству выдаваемых патентов наша страна сегодня находится во втором десятке государств мира, а по количеству заявок – в третьем. Иначе говоря, в сравнении с США, Японией, Китаем, Южной Кореей Россия отстает весьма внушительно.

Динамика изобретательской активности в Российской Федерации за период с 2006 по 2012 годы с учетом специфики ее региональной градации иллюстрируется следующей таблицей.

Таблица 1

Количество заявок, поданных российскими заявителями на выдачу патента на изобретение по федеральным округам Российской Федерации в 2006–2012 гг.

Федеральный округ	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Центральный	13 983	13 473	13 377	12 602	14 628	12 596	14 352
Приволжский	4403	4436	4279	3941	4138	4457	4614
Северо-Западный	2423	2442	2420	2095	2259	2549	2289
Сибирский	2528	2591	2647	2418	2414	2403	2479
Южный	2552	2555	2904	2899	1661	1484	1585
Северо-Кавказский					1900	1176	1539
Уральский	1425	1476	1537	1145	1157	1271	1256
Дальневосточный	542	518	539	488	561	555	584
Не определен	28	14	9	10	4	4	3
Всего	27 884	27 505	27 712	25 598	28 722	26 495	28 701

Из табл. 1 видно, что первое место при подаче заявок среди восьми федеральных округов с большим отрывом занимает Центральный федеральный округ, второе и третье место – Приволжский и Северо-Западный округа. Увеличение числа заявок незначительно[2].

Закономерна постановка и другого вопроса: «В какой мере может быть востребован опыт изобретательской и рационализаторской деятельности СССР и западных стран сегодня?»

В Советском Союзе изобретательство рассматривалось государственной властью как важнейший фактор технического прогресса. Развитием изобретательства занимались государственный Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР; Всесоюзный научно-исследовательский институт государственной патентной экспертизы; Центральный научно-исследовательский институт патентной информации и технико-экономических исследований; Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР). В советском государстве были учреждены знак «Изобретатель СССР», звание «Заслуженный изобретатель СССР». Помощь изобретателю на всех стадиях создания изобретения осуществлялась бесплатно.

Высокие темпы развития производства создавали объективную основу инициирования изобретательской и рационализаторской деятельности. Технические вузы и НИИ имели патентные отделы. Диссертации по техническим отраслям знаний в специальном разделе фиксировали сведения о патентах по тематике заявленной работы. Для всех граждан был открыт доступ к патентным отчетам и обзорам зарубежных разработок. Во многом благодаря этому Советскому Союзу удавалось удерживать мировой паритет в научно-технической сфере и, как следствие, сохранять технико-технологическую независимость на мировой арене.

В нашей стране сложились особые отношения государства и заявителей изобретений. Патентование в собственном смысле слова как таковое отсутствовало. Патенты выдавались только зарубежным заявителям и отечественным изобретениям в случае продажи лицензий на их использование. Вместо патента в СССР выдавались авторские свидетельства. Изобретатель обладал правом получения поощрительной премии, он мог претендовать на долю экономического эффекта от внедрений новшества. АН СССР отбирала по итогам года лучшие изобретения, рационализаторские предложения и награждала авторов премиями, отмечало званиями «Заслуженный изобретатель СССР», «Заслуженный рационализатор СССР». 21 января 1979 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был утвержден статус «Всесоюзного дня изобретателей и рационализаторов».

Существенными льготами, предусмотренными для изобретателей и рационализаторов СССР, стало право их внеконкурсного приема в вузы, право на представление работ к защите на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Поскольку изобретение и рационализаторские предложения в Советском Союзе не являлись товаром, объектом продажи они выступать не могли. В условиях рыночной экономики сложилась иная система взаимоотношений изобретателей, работодателей и патентных структур. Главный ее признак – оценка изобретений, рационализаторских предложений в контексте возможностей получения прибыли. Социальные и экологические аспекты при этом отодвигались на вторые и третьи позиции.

[1] Состояние изобретательства в России. – http://www.rbis.su/article.php?article

[2] http//www.rupto.ru/rupto/nfile/5d62670-10fu-IIel-oiug 9c8e9921fb2c/analis.izzoio.pdf

В конце XX века, когда в России обрушились базовые элементы Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, сокращался или ликвидировался штат патентных структур, свертывалась деятельность массового технического творчества, в том числе детские и подростковые кружки и школы, сложилась своеобразная ситуация (США, Япония, Китай и другие страны «взяли на вооружение» опыт Советского Союза по организации изобретательской и рационализаторской деятельности).

В США был налажен выпуск методических материалов, где разъяснялись организационные формы технического творчества. Для новаторов предусматривался ряд льгот, направленных на стимулирование их работы.

Одновременно с этим, государство создавало новые законодательные акты, регулирующие изобретательскую и рационализаторскую деятельность. В США на уровне специальных слушаний в Конгрессе ставились на обсуждение вопросы по данной тематике и вносились соответствующие поправки в свод федеральных законов. Существенное внимание обращалось на такую «болевую точку» как обеспечение правовой охраны авторских прав национальных заявителей. Разрабатывались также учебные комплексы в учебных заведениях, совершенствовались методы стимулирования изобретательской и рационализаторской деятельности, создавались инвестиционные специализированные фонды.

В западных странах было налажено оперативное издание научно-популярной литературы для людей, способных мыслить нестандартно. В этом плане можно говорить также о прямом заимствовании опыта Советского Союза, где была хорошо налажена просветительская работа общества «Знание»; издавалась литература, рассчитанная на формирование творческого начала молодежной аудитории[1].

В СССР выпускались большим тиражом журналы («Наука и жизнь», «Знание-сила», «Юный техник», «Природа», «Химия и жизнь», «Изобретатель и рационализатор» и др.), переводились с иностранных языков издательствами «Прогресс», «Мир» лучшие книги зарубежных авторов[2]. Советские ученые всесторонне исследовали феномен творчества и публиковали свои выводы в научных и популярных изданиях[3].

Переход России на инновационный путь развития предполагает, наряду с принятием мер по совершенствованию науки и сферы образования, пересмотр сложившейся негативной ситуации с организацией изобретательской и рационализаторской деятельности.

Попытаемся сформулировать авторскую точку зрения относительно объективных и субъективных причин, препятствующих активизации научно-технической деятельности в России.

Объективные причины можно представить в виде трех укрупненных блоков.

1. Слабость экономической системы страны, обусловленная однобокостью ее функционирования (сырьевая направленность).

2. Несистемный характер законотворческой деятельности (предпринимаемые попытки решить комплекс вопросов, связанных с охраной интеллектуальной собственности, носят фрагментарный характер и существенных результатов не дают); слабое внимание к проблемам морального и материального поощрения изобретательской и рационализаторской деятельности; кризис науки и образования, обусловленный перманентным их реформированием.

3. Неэффективное использование имеющегося в стране интеллектуального капитала, осложненное появлением нового международного феномена – феномена «патентных войн».

Субъективные причины выражаются:

1. В слабой заинтересованности частных кампаний в поддержке инновационных усилий изобретателей и рационализаторов.

2. В нежелании в силу причин коммерческого плана государства и бизнеса в должной мере популяризировать формы научно-технической творческой деятельности в СМИ, образовательной и просветительской сферах.

3. В неразвитости российского гражданского общества, в отсутствии структур, способных мобилизовать ее творческую часть, прежде всего, молодежь, на участие в изобретательской и рационализаторской деятельности.

«Переход к инновационной экономике Российской Федерации требует обеспечения надёжной охраны интеллектуальной собственности. Это становится актуальным в свете решения такой масштабной государственной задачи, как наращивание экспорта высокотехнологичных российских товаров темпами 15–20% ежегодно, чтобы к 2020 году его стоимостной объём составил 60–100 млрд. долларов, как это предполагается Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. Расширение экспорта высокотехнологичных товаров возможно только при условии создания конкурентоспособного продукта с инновационной составляющей, интеллектуальные права на который надёжно защищены, что является основой его успешной коммерциализации.

Необходимо принять комплекс мер, способствующих экспорту наукоёмкой продукции, в том числе разработать необходимые правовые инструменты защиты правообладателей, экономические стимулы для производителей, реализующих собственные научные разработки, и экспортёров российской инновационной продукции.

Стимулирование изобретательской активности должно рассматриваться как эффективный механизм инновационного развития нашей страны.

---

[1] Середа Н. Рабочий изобретатель. – Рига, 1961; Альтшуллер Г.А. Как научиться изобретать? – Тамбов, 1961; его же: Алгоритм изобретения. – М.: Московский рабочий, 1964; Григорьев Г., Мархасев А. Как стать умным? – М.: Детская литература, 1973; Иванов С. Формула изобретения. – М., Детская литература, 1976 и др.).

[2] Пойа Д. Как решать задачи. – М., 1961; Боне Э. Рождение новой идеи о нешаблонном мышлении. – М., 1976; Диксон Дж.Р. Проектирование системы: изобретательство, анализ и принятие решений. – М., 1979 и др.

[3] Пушкин В.И. Эвристика – наука о творчестве. – М., 1967; Пономарев Я.А. Психология творчества. – М., 1976; Кедров Б. О творчестве в науке и технике. – М., 1986 и др.

Сухарев О.С.
д.э.н., профессор, зав. сектором Института экономики РАН

УРОВЕНЬ ТЕХНОЛОГИЧНОСТИ ЭКОНОМИКИ КАК ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: *уровень технологичности, научно-техническая политика, технологическая функция, структура технологий, производительность труда.*

Keywords*: technological level, scientific and technical policy, technological function, technology structure, labor productivity.*

1. Технологичность как свойство экономики и её уровень

Термин «технологичность» часто используется в инженерно-технических науках, тем не менее, он имеет важное значение и для характеристики экономики. Под технологичностью экономической системы будем понимать (в широком смысле) совокупность свойств элементов этой системы, определяющих её способность осуществлять минимальные затраты производства, эксплуатации и ремонта при необходимых параметрах качества, объёме выпуска, потребления и условий развития. Технологичность экономической системы сводится к её организации, обеспечивающей реализацию целей экономии ресурсов с одновременным наращиванием возможностей системы (а не экономии, приводящей к обеднению системы, сужению потенциала развития), повышением её управляемости и разрешением социальных противоречий. Технологичность является интегральным и более широким понятием, нежели технологический уровень, хотя для простоты можно отождествлять эти понятия, поскольку при низком общем технологическом уровне технологичность всей системы не может быть высокой. Таким образом, повышение технологического уровня представляется первейшим делом в области увеличения технологичности экономики[1].

Помимо представлений о технологичности системы, часто широко используются оценки технологического уровня развития экономики. Этот уровень при разных методиках оценки[2] измеряется:

1. по величине затрат на НИОКР и величине человеческого капитала в единице создаваемого продукта и услуги[3];

2. по отношению величины валовой добавленной стоимости как стоимости, созданной в процессе производства продуктов и услуг, к добавленной стоимости потреблённых благ в процессе создания новых благ (стоимости ресурсов – по видам ресурсам, либо обобщённо).

В связи с этим отношение добавленной стоимости по видам экономической деятельности к величине используемых для производства ресурсов, на наш взгляд, может являться способом относительной оценки технологичности (наиболее грубой оценки) как вида деятельности, так и экономической системы. В качестве ресурсов можно взять основные фонды (капитал) и трудовые ресурсы.

Динамика используемых передовых технологий в РФ демонстрирует снижение их числа в 2010–2013 гг. примерно с 18 000 до 12 000, а создание новых передовых технологий в период с 2005 по 2013 гг. обеспечило их рост с 550 до 1500. Таким образом, наблюдается сокращение использования на треть за 4 года и рост по созданным технологиям (в 2 раза, но почти с нулевой отметки) за восемь лет. В абсолютном значении создано около 1000 технологий, но перестали использоваться почти 6000 технологий. Такое положение говорит о продолжающейся технологической деградации экономики. Это подтверждает и агрегированная оценка технологического уровня экономики, которую можно дать по показателю валовой добавленной стоимости, приходящейся на единицу перерабатываемого ресурса.

---

[1] В качестве показателей для оценки технологичности можно использовать: общую трудоёмкость производства, а также удельную трудоёмкость как отношение операциональной трудоёмкости всех процессов к величине результата; энергоёмкость, материалоёмкость, капиталоёмкость производства; общую конкурентоспособность (технологическую себестоимость производства); фондоотдачу и производительность труда; затраты (инвестиции) на создание единицы нормы потребительной стоимости продукта и т.д. и т.п. Однако все указанные параметры являются лишь величинами для оценки отдельных элементов общей технологичности системы. Вопрос – что лучше использовать – некий агрегированный индекс или оценку по отдельным параметрам не однозначен. Лучше, на мой взгляд, использовать все способы, создавая и новые индексы и используя конкретные известные показатели.

[2] Существует множество индексов технологического развития, учитывающих состояние различных аспектов деятельности в экономике, влияющих на различные виды технологий, базисные технологии, а также технологии широкого применения и др. Эти индексы используются для сравнения уровня развития регионов, отдельных стран и т.д., чтобы иметь некую обобщённую сравнительную оценку уровня технологического развития. Однако технологический уровень развития обычно даётся по состоянию конкретных технологий и производств, науки, НИОКР и т.д. А технологичность – это параметр несколько более системный, он включает и то, как получают и внедряют технологии, понимая под технологиями наиболее широкий способ воздействия, например, в управлении системой и т.д. Подробная классификация основных типов технологий даётся в работе Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014 (2015).

[3] Возможен такой вариант оценки, как отношение затрат на НИОКР к величине создаваемой добавленной стоимости.

Технологический уровень нашей экономики довольно низкий, снизившись в период кризиса 2007–2009 гг., он до сих пор не восстановился. Именно низкий технологический уровень не позволяет повышать производительность труда в России. Поэтому способы повышения не следует искать по фактору «труд», а нужно видеть на стороне факторов «капитал» и «технологии». Думаю, что цифры, говорящие о высоких потерях и низкопроизводительном труде вследствие простоев, отдыха (перекуров) и низкой интенсивности труда, скорее, говорят о скрытом уровне безработицы, о хроническом недоиспользовании труда (причём квалифицированного[1]), т.е. об институциональных проблемах организации труда. Усилия по изменению даваемых количественных оценок не позволят повысить производительность только за счёт изменения этого обстоятельства.

Можно оценить, как изменяется относительная технологическая структура, найдя отношение параметра технологичности (определяемого по уровню создаваемой добавленной стоимости в данном секторе к величине перерабатываемого ресурса) одного сектора к другому. Обозначим обрабатывающий сектор – O, добывающий сектор – D, экономическую систему – S. Тогда получим для рассматриваемого периода российской экономики следующую относительную динамику указанных секторов по уровню технологичности (см. рис. 1).

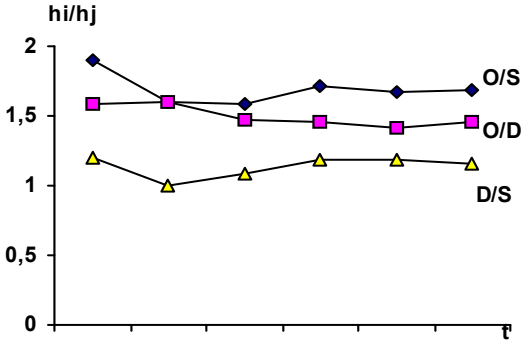


Рисунок 1.
Относительное изменение технологического уровня в секторах экономики, 2008–2013 гг.

Как видим, уровень технологичности по экономике неоднороден. Конечно, существует и определённая технологическая зависимость между различными секторами, которую следует учитывать. Альтернативы технологического развития возникают, в том числе, в силу распределения инвестиций между различными классами технологий, в том числе по секторам и видам деятельности. Эта структура не может не влиять и на темп экономического роста, по сути, задавая будущую технологичность экономической системы (включая способность к росту и конкуренции).

2. Инвестиции в «старые» и «новые» технологии

Изменение технологического уровня выглядит проблематично без соответствующей политики, которая должна изменить не просто норму накопления или направить сбережения в исследования и разработки, а кардинально изменить чувствительность различных процессов (инвестиционной функции и функции сбережений, влияния затрат на НИОКР на ВВП и др.), включая мотивы и модели поведения агентов.

Используем полученную регрессию оценки технологического уровня российской экономики[2]. Приведем формулу, которая указывает на наличие связи между темпом технологического развития и темпом экономического роста:

$$g(t) = \Omega(t) Y(t) \frac{dh}{dt} \ (*),$$

где g – темп экономического роста;

Ω(t) – структурная функция (например, характеризующая удельные инвестиции в старые и новые технологии);

dh/dt – темп технологического развития[3].

Практическое применение рассчитанной функции технологического уровня возможно в рамках оценки структурной функции Ω(t) из формулы для темпа экономического роста. Структурная функция, построенная по эмпирическим данным, имеет вид (рис. 2): $\Omega(t) = -0{,}00035\ t^3 - 0{,}00416\ t^2 + 0{,}01225\ t - 0{,}00448$. Критерий Пирсона $R^2 = 0{,}977$, критерий Стьюдента tr = 11,28, что больше критического значения 3,18 при уровне значимости 0,05; критерий Фишера Fr = 127,43, что также превышает критическое значение 10,13 при уровне значимости 0,05, следовательно, модель адекватна.

Функция Ω(t), обозначенная нами как структурная функция (рисунок 2), фактически отражает соотношение технологических (институциональных) изменений и темпа роста. По знаку функции Ω(t) можно судить о технологических изменениях и темпе роста. Если темп положительный и технологический уровень повышается, либо темп от-

[1] Устойчиво имеется около миллиона свободных вакансий на рынке труда. Видимо, не все они касаются высокотехнологичных производств, доля которых очень мала для России.

[2] Сухарев О.С. Экономическая динамика. – М.: Ленанд, 2015. Данный материал по структурно-технологической функции публиковался в журнале «Проблемы теории и практики управления» в 2016 году, применительно к проблеме обеспечения технологичности промышленности России, за что я очень благодарен редколлегии и главному редактору журнала.

[3] Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 438.

рицательный (спад, рецессия) и технологический уровень снижается, то Ω(t) расположена выше нуля, увеличивается при превышении темпа роста относительно технологических изменений, снижается при обратном соотношении темпов. Если технологический уровень снижается, темп роста больше нуля (как в России в 2000-е гг.), либо технологический уровень не снижается, но наблюдается спад (отрицательный темп роста), то функция Ω(t) будет располагаться в отрицательной области. Следовательно, зная для экономики величину темпа роста, по данной функции можно говорить о том, какие технологии – новые или старые преобладают, что происходит с уровнем технологического развития. Если Ω(t) в отрицательной области, это говорит о преобладании, при прочих равных, старых технологий, если в положительной области, то о расширении числа новых технологий.

Рисунок 2.
Изменение функции Ω(t) для России, 2009–2013 гг.[1]

Функция Ω(t) показывает изменение структуры инвестиций, фактически вписывая это изменение в модель экономического роста. Если динамика этой функции из положительной области переходит в отрицательную, то это говорит, при прочих равных, что доминируют старые технологии, структура инвестиций изменяется в их пользу. Данное обстоятельство должно сказаться через некоторый лаг времени и на экономическом росте. Хотя, как показано в моих прошлых работах, рост системы может осуществляться какое-то ощутимое время исключительно на основе консервативной модели поведения агентов (предполагающей инвестиции в старые комбинации – технологии). Таким образом, при постоянных скоростях заимствования ресурса от старых технологий в пользу новых и постоянной скорости развертывания нового ресурса в пользу новых технологий, необходимо проводить политику формирования наиболее эффективной структуры, позволяющей экономике устойчиво расти в долгосрочном периоде. Перекос между «новыми» и «старыми» технологиями чреват значительным структурным разрывом. Под новыми можно понимать вновь созданные передовые технологии (из списка приоритетов), под старыми технологиями – уже используемые (скажем 2–3 года) передовые технологии, а также все прочие воспроизводимые технологии, сроком выше 3 лет (не из списка приоритетов).

Для модельных построений будем полагать, что расходы на новые технологии представляют собой расходы на НИОКР, а на старые – разницу между всей величиной инвестиций в нефинансовые активы предприятий и расходами на НИОКР. Конечно, более точно рассматривать не только расходы на НИОКР, но и инвестиции в технологические инновации в текущем году (т.е. суммарно). Это даст более точную оценку расходов на новые технологии.

Посмотрим, как влияет структура инвестиций в старые и новые технологии (пример приведём по российской экономике).

Положим удельные инвестиции в старые и новые технологии:

$$i_s = \frac{I_s}{Y} = a + bh,$$
$$i_n = \frac{I_n}{Y} = c - dh,$$

где i_s и i_n – отношение расходов в старые и новые технологии к объему продукции; Y – продукт; h(t) – технологический уровень (технологичность); a, b, c, d – свободные коэффициенты, отражающие наклон функции удельных инвестиций и расположение кривой; I_s – инвестиции в старые технологии; I_n – инвестиции в новые технологии, $\varphi = I_s / I$, доля инвестиций в старые технологии в общем объёме инвестиций $I = I_s + I_n$, $i_s = I_s / Y$ – доля инвестиций в старые технологии в продукте; $i_n = I_n / Y$, доля инвестиций в новые технологии в продукте. Если общие инвестиции в системе представляют собой некую долю создаваемого продукта, то: $I(t) = \sigma Y(t)$.

[1] Эта функция здесь построена исходя из оценки технологичности по отношению величины добавленной стоимости к ресурсам. Возможно и иное определение уровня технологичности, тогда функция ведёт себя по-иному. Например, если оценивать технологический уровень по затратам НИОКР в ВВП, либо по величине затрат на НИОКР в добавленной стоимости, вид функции будет иным. Когда берётся величина затрат на НИОКР в ВВП для оценки h(t), то функция Ω(t) имеет иной вид, демонстрируя большие колебания – переходы из положительной в отрицательную область и обратно.

Пусть $\varphi = I_s / I$, доля инвестиций в старые технологии в общем объёме инвестиций $I = I_s + I_n$, $i_s = I_s / Y$ – доля инвестиций в старые технологии в продукте, $i_n = I_n / Y$, доля инвестиций в новые технологии в продукте. Если общие инвестиции в системе представляют собой некую долю создаваемого продукта $I(t) = \sigma Y(t)$, то, считая, что доля изменяется со временем, получим рост системы $g = dY/dt$:

$$g = \frac{1}{\sigma}[\frac{dI}{dt} - Y(t)\frac{d\sigma}{dt}].$$

Тем самым темп роста тем выше, чем выше темп наращения инвестиций, скорость инвестирования, чем ниже доля инвестиций в продукте в начальный момент. Однако, чем выше продукт и скорость изменения доли инвестиций в продукте, тем ниже будет темп экономического роста[1]. Чтобы экономический рост наблюдался скорость инвестиций (темп роста инвестиций) должен быть больше произведения текущего создаваемого в системе продукта и темпа изменения доли инвестиций в продукте. Последняя величина будет зависеть, например, от склонности к сбережению (потреблению), так называемого «парадокса бережливости» и вызывающих его институциональных факторов. Структура сбережений (какая доля сберегается из прибыли или заработной платы) также здесь может оказать своё влияние (по аналогии с моделью Н. Калдора).

Если принять, что удельные инвестиции в старые (заимствуемые) и новые технологии линейно определяются текущим технологическим уровнем (h)[2], то можно записать:

$$\begin{aligned} i_s &= \frac{I_s}{Y} = a + bh \\ i_n &= \frac{I_n}{Y} = c - dh \end{aligned}.$$

Имея структурную связь удельных инвестиций в старые и новые технологии в продукте Y, представленную в виде $i_s = [\varphi/(1-\varphi)]\, i_n$ и выражая технологический уровень h из представленных выше выражений для удельных инвестиций, получим ещё одно выражение, связывающее i_s и i_n через коэффициенты выражения для технологического уровня.

$$\begin{aligned} i_s &= a + \frac{bc}{d} - \frac{b}{d} i_n \\ i_s &= \frac{\varphi}{1-\varphi} i_n \end{aligned}.$$

Откуда получим выражения для изменяющихся удельных инвестиций в старые и новые технологии:

$$\begin{aligned} i_n &= \frac{(ad + bc)(1-\varphi)}{\varphi d + b(1-\varphi)} \\ i_s &= \frac{ad + bc}{\varphi d + b(1-\varphi)}\varphi \end{aligned}.$$

Подставив выражение для i_s в формулу уровня технологического развития, получим этот уровень h(t)[3]:

$$h(t) = \frac{\varphi(t)(c+a) - a}{\varphi(t)d + b(1-\varphi(t))}.$$

Можно дать следующее изменение инвестиций в старые и новые технологии в зависимости от параметров скорости отвлечения ресурса от старых технологий (α) и создания нового ресурса (μ) (рис. 3).

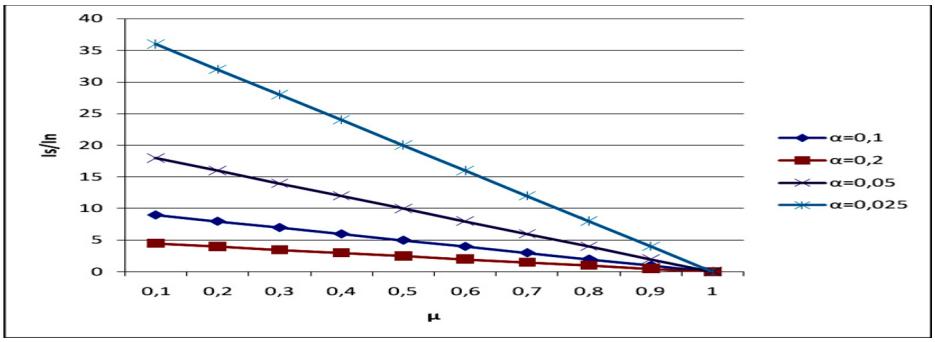


Рисунок 3.
Изменение I_s/I_n от параметров α и μ

[1] Можно использовать и принцип акселерации, записав его в виде: I (t) = A(t) [dY/dt], учтя, что $I = \sigma(t)Y(t)$, можно записать решение в виде: $\int \frac{dY}{Y} = \int \frac{\sigma(t)}{A(t)} dt$.

[2] Такое положение отстаивается в ряде исследований, оно встречается в литературе и как будто находит подтверждение по отдельным экономическим системам, хотя вопрос об измерении этого технологического уровня не снимается с повестки дня, сохраняя свою остроту.

[3] Проблема его измерения, как я уже отмечал, сохраняет своё значение. Однако в теоретическом смысле данный чисто алгебраический результат можно привести.

Высокая величина расходов в старые технологии способна обеспечить более высокий технологический уровень (изменение добавленной стоимости на единицу ресурса как агрегированный результат такого технологического уровня). Относительно расходов на новые технологии низкий технологический уровень требует больших расходов, более высокий – меньших, однако, сама величина расходов крайне невысока и изменяется в диапазоне от 1,0 до 1,14% для российской экономики. Следовательно, чувствительность расходов по новым технологиям ниже, нежели чувствительность по старым технологиям. Это даёт повод утверждать, что важна структура распределения инвестиций между старыми и новыми технологиями, а «распределительная» логика правительства РФ должна быть заменена на логику поощрения консервативных (а не только инновационных производств) и на создание нового ресурса (подобно тому, как в период советской индустриализации создавались сектора промышленности).

Обобщая проводимые автором за ряд лет исследования, можно выделить следующие свойства развития технологий в России за рассматриваемый период.

1. После кризиса 2009 г. общая величина инвестиций в «старые» технологии увеличивалась до 2012 г., после которого она начала снижаться, что определяется развёртыванием рецессии в российской экономике, вплоть до 2016 года.

2. Инвестиции в новые технологии были невелики и демонстрировали неустойчивость (колебания год от года).

Применяемый корреляционно-регрессионный анализ позволил установить статистически значимую связь между релевантными параметрами. Структурный аспект экономического роста учтён благодаря разделению инвестиций на старые и новые технологии, что позволяет исследовать действие двух принципов «созидательного разрушения» и комбинаторного наращения при изучении вопроса влияния технологий на экономический рост.

В одной из наших работ[1] описана модель, когда доход, созданный старой комбинацией, идёт целиком на развитие новой комбинации (наилучшее условие). Это условие для технологической функции h(t) представлено ниже неравенством:

$$h(t) > \frac{i_n(t)\frac{c}{\gamma} - a}{i_n(t)\frac{d}{\gamma} + b},$$

где

$$i_n = I_n / Y,$$

$$\gamma = \alpha /(1+\alpha),$$

$$\alpha = I_n / I_s.$$

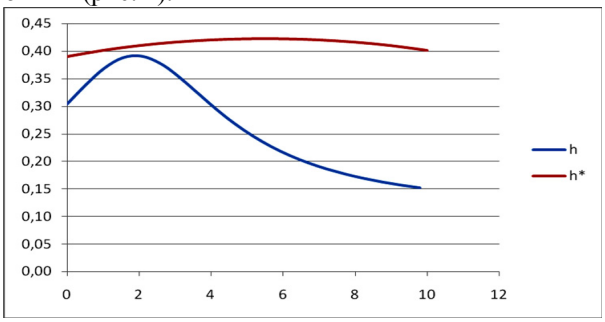
Правую часть неравенства обозначим как h*. Тогда:

$$h^* = \frac{i_n(t)\frac{c}{\gamma} - a}{i_n(t)\frac{d}{\gamma} + b}.$$

Все параметры в зависимости от времени t получены с необходимыми статистиками, которые здесь не приводятся, но поскольку для i_n и i_s (инвестиции в старые и новые технологии на единицу всего создаваемого в экономике продукта) имелось 4–5 точек, то график h(t) и h*(t) нужно рассматривать при t < 6, когда и достигается наилучшее правдоподобие.

Теперь покажем, выполняется ли указанный критерий для российской экономической системы в период 2008–2014 гг. (понятно, что кризисные 2015–2016 гг. для анализа влияния новых технологий будут менее показательны) Приведём графики изменения технологического уровня по модели и по эмпирическим данным, а также границу, определяющую возможность появления новой комбинации h*. Нужно помнить, что принято условие, что весь доход, созданный старыми комбинациями, идёт на развитие новой комбинации, именно это обстоятельство отражает h* (условие формулировки критерия воспринимается как некий «критический» принцип).

Ниже показаны графики изменения технологического уровня h(t), который сначала несколько возрастает, но затем снижается (по указанной выше причине). Верхняя линия на первом (сверху) по порядку рисунке демонстрирует величину h*. Из этого видно, что h(t) меньше величины h*, что говорит о несоблюдении критерия появления новых комбинаций для российской экономики (рис. 4).



[1] См.: Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014, 2015. – С. 435–439.

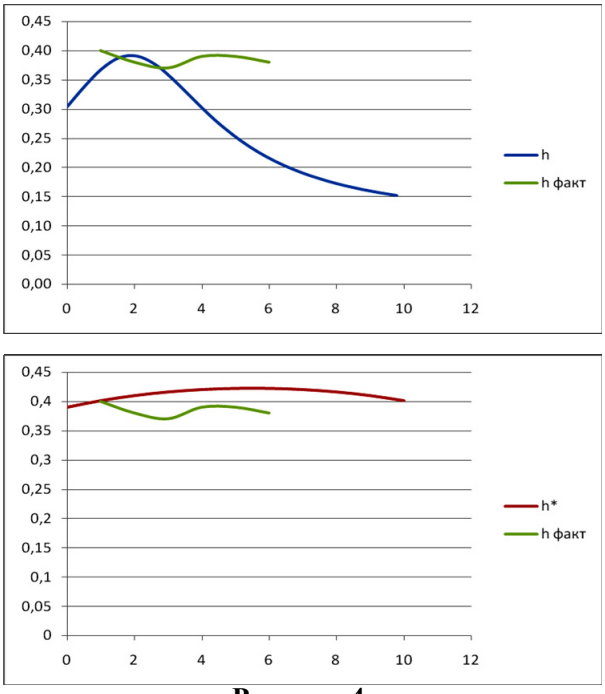


Рисунок 4.
Динамика технологического уровня (различные модели)

Второй рисунок показывает соотношение между изменением технологического уровня по модели h(t) и эмпирическими значениями этого уровня, оцениваемыми по добавленной стоимости к величине материальных ресурсов. Понятно, что технологический уровень предполагает оценку по величине удельных инвестиций в старые технологии и функции нормы накопления ($\varphi = i_s/\sigma$), то есть отражает состояние фондов и включает инвестиции в прежние технологические возможности. Величина же добавленной стоимости может создаваться различными секторами, где масштаб применения технологий является скромным (например, услуги). После пятой-шестой точки (второй график) на прогнозном периоде технологическая функция снижается h(t), а эмпирические точки говорят о том, что технологический уровень по добавленной стоимости на двухлетнем периоде сильно не изменяется. Иными словами, добавленная стоимость к ресурсу может оставаться неизменной или снижаться не так сильно, а технологические возможности по фондам могут сократиться существенно.

Третий график (при рассмотрении сверху вниз) показывает, что уровень h* всегда выше эмпирических точек, отражающих технологический уровень системы по добавленной стоимости к используемым ресурсам, что опять же подтверждает наличие проблемы развития новых комбинаций (технологий) в российской экономике.

Получив регрессии для $i_s(t)$, $\sigma(t)$ – нормы накопления, можно записать выражение для технологического уровня h(t). Теоретические графики за одинаковый промежуток времени примут вид, как показано на рис. 5–6.

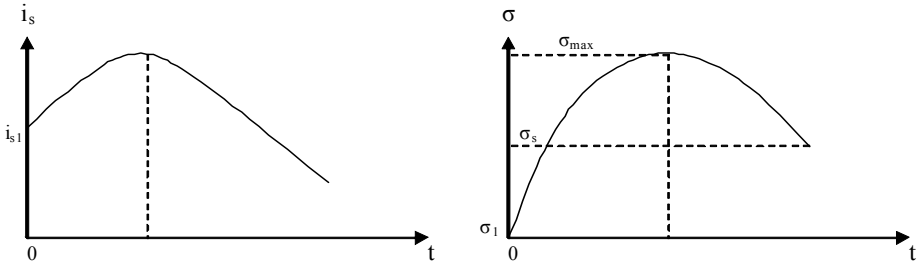


Рисунок 5.
Изменение доли инвестиций в старые технологии в продукте и нормы накопления

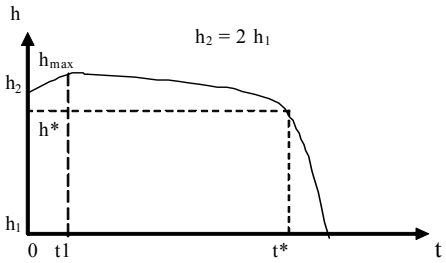


Рисунок 6.
Изменение технологического уровня h(t)

Рост доли инвестиций в старые технологии (при невысокой доли инвестиций в новые технологии) и увеличение нормы накопления от σ_1 до σ_{max} приводит к тому, что технологический уровень h(t) на интервале до t_1 несколько увеличивается (для российской экономики на незначительную величину – на 0,12%), причём это увеличение определится приростом доли инвестиций в старые технологии и ростом доли накопления. В дальнейшем при исчерпании роста доли инвестиций и нормы накопления технологический уровень начинает планомерно снижаться до точки t* и h* с максимального значения h_{max}, но это снижение незначительно до h*. При существенном сокращении доли инвестиций в старые технологии и нормы накопления до стабильной величины σ_s , на участке, превышающем $t > t^*$, наблюдаем режим технологической деградации, так что технологический уровень, в конце концов, снижается до уровня h_1 с исходного уровня h_2 (см. рис. 6), который существенно ниже h_2. Конечно, в чём были правы сторонники теории рациональных ожиданий, так это в том, что технологический уровень сам предопределит поведение доли инвестиций в старые и новые технологии и повлияет на норму накопления. Эта проблема того, какой параметр более автономен (независим) и какой более зависим. Здесь я исхожу из того, что технологический уровень обеспечивается всё-таки кредитованием новых комбинаций – инвестициями в старые и новые технологии, следовательно, доля инвестиций (расходов) и исходная норма накопления предопределяют дальнейшее изменение технологического уровня. Если доля инвестиций в старые технологии не увеличивается и норма накопления постоянная, то технологический уровень может расти, может стабилизироваться. Основной вклад в его изменение в данном случае будет давать доля инвестиций в новые технологии и её изменение. К тому же будет действовать «структурный эффект», вытекающий из комбинаторного принципа[1], когда без отвлечения ресурса только за счёт комбинации технических решений возникают перспективные новые комбинации. Таким образом, на рисунке представлена лишь часть технологической эволюции системы, в основном связанная с кризисными проявлениями в экономике, либо технологически отстающей экономикой. В изначально технологически развитой системе, где более сильны позиции принципа комбинаторного наращения и высока доля инвестиций в новые технологии, даже при стабильной доле инвестиций в старые технологии и относительно высокой стабильной норме накопления, технологический динамизм будет обеспечен именно за счёт новых технологий. В отстающих в технологическом смысле странах наращение доли инвестиций в новые технологии проблематично до необходимых значений, а в малых границах такое наращение неспособно существенно переломить ход технологического развития[2].

Чем выше величина μ, то есть создание нового ресурса (технологий), тем при той же величине отвлечения ресурса от старых технологий будет выше темп роста, и его снижение будет происходить медленнее в положительной области темпа экономического роста. В области отрицательного темпа роста (спада), при более значимой величине μ, спад будет сильнее.

Для более эффективного использования инвестиций как фактора роста необходимо решить задачу распределения инвестиций между старыми и новыми технологиями.

Повышение уровня технологичности российской экономики возможно за счёт наращивания результатов в области используемых (старых) и применения новых технологий. Центральной задачей является повышение общей технологичности экономической системы России, с общим вектором на целесообразное распределение инвестиций между старыми и новыми технологическими возможностями. Это принципиально уточняет тот алгоритм формирования приоритетов национального развития, которому следуют российские органы власти в настоящее время. По сути, здесь даётся теоретическое обоснование, с необходимой эмпирической демонстрацией (иллюстрацией) того, что старые технологии, которые также в существенной степени недоразвиты (применительно к России), требуют отнесения к приоритетным направлениям развития. Направление ресурсов только в область новейших технологий способно резко усилить диспропорции развития российской экономической системы, хотя это и не означает отказ от такого формирования приоритетов. Иными словами, «национальная технологическая инициатива» важна и нужна, как и стратегия развития науки и техники, но не является достаточной.

Динамика инвестиций в старые технологии обеспечивает основное воздействие на темп экономического роста, притом, что инвестиции в новые технологии незначительны по величине и не имели равнозначного воздействия на темп экономического роста. Институциональные коррекции, определяющие параметры отвлечения ресурса от старых технологий и создания нового ресурса развития, предопределят качество нового экономического роста. Наиболее важным фактором, определяющим создание новых технологий, является объём расходов на научные исследования и разработки, хотя его влияние распространяется с накопительным эффектом, так что общая величина расходов, будучи увеличенной, не даст сиюминутных результатов.

3. «Q-правило» Дж. Тобина и смена режимов технологического развития[3]

Так называемая теория q-Тобина, описывающая влияние денежно-кредитной политики на объём выпуска через курсы ценных бумаг (акций), связана с развиваемым здесь представлением о скорости отвлечения ресурса от старых

[1] Этот принцип я подробно рассмотрел в ряде своих прежних работ, исследуя его как некую антитезу, а если быть точным, достаточно существенное дополнение к принципу «созидательного разрушения».

[2] Конечно, возможны отдельные исключения из данной модели (как и из многих созданных до сих пор моделей развития экономики), например, когда внедрение нового финансового инструмента приводит к росту доли инвестиций в старые и новые технологии, что обеспечивает для некой структуры существенное увеличение её технологичности.

[3] Представление неошумпетерианской модели реструктуризации экономики в рамках связи «старые-новые» технологии см. в работе Сухарев О.С. Теория реструктуризации экономики. – М.: Ленанд, 2016.

комбинаций и скорости создания нового ресурса, которые ассоциируются с параметрами α, μ. Возникает своеобразное q-правило (институт), с помощью которого можно описать смену режимов развития (переключение) с одной модели на другую. Как известно, величина q по Тобину представляет собой отношение рыночной стоимости фирм к восстановительной стоимости их капитала. Когда рыночная стоимость превосходит стоимость капитала, то новая комбинация (средств производства) будет относительно дешёвой (если сравнить со стоимостью фирм), акций будет выпущено немного, инвестиции возрастут, будут создаваться новые мощности, комбинации (технологии). Это отвечает доминированию новой комбинации в развиваемой здесь теории за счёт параметра μ. Если же q низок, то есть рыночная стоимость фирм невысока относительно их капитала, новые комбинации будут довольно дорогими, поэтому фирмы будут торговать старым капиталом. Это отвечает доминированию старых комбинаций и режиму отвлечения ресурса, задаваемого параметром α. Инвестиции в новые комбинации сократятся или будут низкими. Рыночная стоимость фирмы оценивается по суммарной стоимости акций (акционерному капиталу). Если котировки снижаются, то и параметр q снижается, что порождает режим торговли старым капиталом, что сводится в предложенной здесь модели к отвлечению ресурсов от старых комбинаций в пользу новых комбинаций.

С ростом цен акций будут расти по q-правилу возможности системы в создании новых комбинаций (инвестиций в новые средства производства). Монетарная экспансия может способствовать такому развитию. Если в экономической системе акционерный капитал незначителен, то есть большое число компаний не выпускают акций, тогда применение q-правила становится затруднительным. Проблема достоверной оценки акционерного капитала существует и довольно остра для ряда экономических систем (например, для российской экономики). В связи с этим может оказаться удобным проводить анализ напрямую через оценку параметров скорости отвлечения и создания нового ресурса.

Основываясь на закономерностях функционирования российской экономики, можно заключить, что чем выше скорость создания нового ресурса под новую комбинацию (технологию), при той же скорости отвлечения ресурса от старой комбинации (технологии), тем выше темп экономического роста. Это свойство нужно использовать при проведении любых мер в рамках научно-технологического развития и их планирования, постоянно отслеживая изменчивость данного свойства и возникновение новых режимов технологического замещения или дополнения, либо вытеснения.

Проведенный анализ предъявляет вполне определённые требования и задачи к разработке государственной научно-технической политики.

4. Требования к государственной научно-технической политике

Во-первых, рынок не может решить проблем современного научно-технического развития, потому что не может обеспечить спрос на результаты, получаемые в сфере науки и техники, и даже в ряде случаев даже тиражировать результаты.

Во-вторых, методы качественного прогноза и аналитического планирования составляют основные инструменты для обоснования государственных решений в научно-технической области с акцентом на обеспечение технологической независимости и оборонно-промышленной безопасности.

В-третьих, принципиально важным условием успешности государственной научно-технической политики является соответствующая организация данной работы на государственном уровне и план развития науки и техники, включающий в себя решение не только оборонных задач, но и предусматривающий создание и тиражирование технологий различного назначения в государственной и частной промышленности. Следовательно, понадобится программа развёртывания системы НИОКР, отраслевой науки, а также схемы связей организаций фундаментальной науки, вузов и производства, с развёртыванием конкретных серий в области средств производства и продукции широкого потребления. При имеющихся разрывах цель повышать производительность труда (при всей полезности), вытекающая из необходимости перспективного решения, в основном, лишь бюджетных задач, которые будут вызваны изменением структуры работающего населения России вплоть до 2030 года, не является обоснованной в отличие от цели повышения общей технологичности (как системной задачи). Дело в том, что производительность труда является неким итоговым параметром, зависящим от многих условий, в то время как технологичность экономики – это, хоть и системный параметр, но характеризующий то, как исполняются все процессы, правила, применяются технологии, с учётом их содержания и изменений. Снижение трудоёмкости возможно только при повышении технологичности – это будет следствием данного процесса. А рост выработки возможен при сокращении персонала, притом же объёме производства. К тому же наращивание объёма выпуска при тех же технологиях и фондах будет неподъёмной ношей для современной российской промышленности, а когда нет должного спроса, прирост производства окажется на складе. Так стоит ли ради таких новых фетишей экономической политики работать на склад? Не будем говорить о мотивах бизнеса, о бедном трудовом населении (до 5 млн. чел в России), о высокой величине общей бедности (до 20 млн. чел.) и свободных вакансиях на рынке труда, о несоответствии МРОТ и прожиточного минимума. В этих социальных условиях ни в коем случае нельзя привязывать рост заработной платы персонала к росту производительности труда. Скорее связь для России обратная: рост заработной платы должен стимулировать рост производительности труда, как и рост инвестиций из прибыли владельцев капитала должен повышать производительность. Это совершенно иная постановка вопроса. Заработная плата в России в структуре затрат составляет всего 20-30%, поэтому сдерживать её рост, привязывая к росту производительности нет никаких оснований (в отличие от экономик, где она составляет 70% в затратах производства). Снижение материальных затрат, изменение структуры затрат – вот одно из релевантных направлений повышения производительности, но самым важным являются системные усилия по повышению общей технологичности.

Подводя итог, отметим, что «технологический рост» экономики зависит не столько от роста необходимых инвестиций в технологии, сколько от эффективного их распределения между старыми и новыми технологическими возможностями, а также от состояния сферы науки, которое для России нельзя признать пока удовлетворительным (реформа РАН, образования, стохастические институциональные модификации, конфликтующие с общей стратегической целью функционирования, текущим состоянием преобразуемых подсистем, делают своё отрицательное дело).

Качественный экономический рост, о чём, наконец, начались разговоры и в политической среде в России (эксперты-экономисты, научные работники давно и чётко ставили именно так проблему), при прочих равных условиях, должен происходить вследствие роста технологического уровня – технологичности всей экономики. Важно отметить, что при постоянном темпе роста технологического уровня и постоянном росте экономики возможна ситуация даже уменьшения доли затрат на НИОКР в ВВП (как показывают исследования автора по различным странам[1]). Иными словами, затраты на НИОКР оказывают влияние на темп роста только с лагом времени. В течение этого лага возможно такое создание технологий, которые обеспечат увеличение темпа экономического роста, но при этом сами затраты на НИОКР могут даже несколько снизиться. Хотя более высокий технологический уровень уже сам по себе поддерживает величину затрат на НИОКР. Инвестиции, первоначально осуществлённые в повышение уровня технологического развития, через некоторый интервал времени приносят доход, доля которого в свою очередь снова инвестируется в развитие.

При этом необходимо так формировать управляющие воздействия, чтобы развитие получали обрабатывающие отрасли промышленности, в частности машиностроение, а также, чтобы баланс между числом «новых» и «старых» технологий не давал значительного разрыва, поскольку согласно модели новаторов и консерваторов[2] далеко не всегда избыточное число новаторов является наилучшим исходом для экономического развития. Так, стимулирование развития некой одной отрасли, в случае, если в экономике наблюдается стагнация многих секторов, может усилить эту стагнацию. Такая постановка задачи требует организации планового перелива ресурсов из трансакционных и спекулятивных секторов, а также сырьевого сектора в гражданские виды производства. Иными словами, стратегия технологического развития России – это, прежде всего, методы управления экономической структурой, позволяющие увеличивать долю наукоёмких результатов в производстве и его технологическое обновление на отечественной научной базе (импорт оборудования и технологий будет подчинён только такой задаче и не должен иметь в её решении самодовлеющего значения).

Для выбора приоритетов научно-технического развития, составляющих основу государственной научно-технической политики, минимально необходимо нижеследующее:

- Определение перспективных секторов и видов деятельности (базисных отраслей) и направлений деятельности для достижения каждой из установленных для системы целей (определение технологического ядра).
- Выбор ключевых технологий, ноу-хау и технологический решений, выводящих данные секторы и виды деятельности и направления на лидирующие мировые позиции (установление ряда технологий и их ядер, которые составят перспективу ближайшую и отдалённую).
- Составление перечня сопутствующих технологий, не являющихся ключевыми, но обязательных на данном этапе развития для достижения целей (определение периферии и способов её совершенствования).
- Сопоставимость ожидаемого результата достижения цели и затрат на её достижение, учёт альтернатив и инерции развития конкурирующих систем.
- Постоянный мониторинг внешних условий для подтверждения актуальности целей – для своевременной корректировки приоритетов и поддержания области приложений усилий и функционального разнообразия на минимально необходимом уровне.

Весь набор мер экономической политики должен быть направлен на изменение вектора её развития и поддержку спроса на создаваемые продукты, иначе задачи повышения технологичности станут таким же фетишем как и необходимость роста производительности труда. Повысить эти параметры вне системных связей и ограничений не представляется возможным. Экономика сама задаёт режим её возможных изменений, при этом важным инструментом является адекватная экономическая политика, важнейшим элементом которой должна быть государственная научно-техническая политика.

---

[1] Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014.

[2] Сухарев О.С. Психологические факторы в анализе инновационного поведения и экономического развития // Экономический анализ: теория и практика. 2013. – № 11. – С. 2–12; Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. В 2-х т. – М.: Экономика, 2007 (первый том – 2001).

Цветкова Л.А.
к.б.н., в.н.с. Центра научно-технической экспертизы РАНХиГС
Ерёмченко О.А.
с.н.с. Центра научно-технической экспертизы РАНХиГС

СОКРАЩЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Ключевые слова: *жизненный цикл, продолжительность, исследования и разработки, факторы, технологии репрограммирования клеток, ускорение, замедление, индуцированные плюрипотентные стволовые клетки.*

Keywords*: life cycle, duration, R&D, factors, re-programming cell technologies, accelerating, decelerating, induced pluripotent stem cell.*

На заседании Совета по науке и образованию, состоявшемся 23 ноября 2016 г. под председательством Владимира Путина, создание мощной технологической базы для обеспечения опережающего роста экономики и глобальной конкурентоспособности отечественных компаний названо одной из ключевых задач разрабатываемой Стратегии научно-технологического развития РФ до 2035 г. [1]. При этом особо отмечен тот факт, что решение задачи достижения глобальной конкурентоспособности России на рынках высокотехнологичной продукции возможно лишь в случае глубоких структурных преобразований сектора исследований и разработок. Предполагается, что одним из таких изменений должна стать «организация технологического трансфера, обеспечивающего быстрый переход научных результатов в стадию практического применения» [1].

Характерной особенностью современного этапа развития мировой хозяйственной системы является существенное уменьшение временного интервала, на протяжении которого происходит разработка наукоемких технологий и продуктов и вывод их на внутренний и внешний рынок. А достижение конкурентных преимуществ на глобальной технологической арене возможно лишь при наращивании темпов коммерциализации создаваемых научно-технологических заделов [2, 3].

Гипотезой исследования было предположение о том, что ключевую роль в ускорении жизненного цикла инноваций играют быстрорастущие средние высокотехнологичные компании и крупные промышленные компании, заинтересованные в диверсификации своих бизнес-стратегий. Для подтверждения данной гипотезы авторы исследования обратились к методу case study, позволившему на конкретном примере проиллюстрировать справедливость обозначенного тезиса.

Целью исследования являлся анализ модели ускорения жизненного цикла ИиР, а также временных параметров трансформации сугубо фундаментального направления в индустриально перспективное на примере технологии генетического репрограммирования клеток.

Развитие технологии генетического репрограммирования в США и Японии

Индуцированные плюрипотентные стволовые клетки – это стволовые клетки, полученные из каких-либо иных клеток путём эпигенетического репрограммирования. Плюрипотентные клетки могут дифференцироваться во все типы клеток, включая половые клетки, но исключая внезародышевые ткани [4].

Возможность возврата клеток в исходное состояние с последующей возможностью дифференциации в клетки иного типа была открыта японским ученым Синья Яманака (Shinya Yamanaka) из Киотского университета. Он вывел минимальную комбинацию из четырех факторов (так называемый «коктейль Яманаки»), необходимых и достаточных для индукции плюрипотентности в фибробластах мыши. Полученные в результате репрограммирования клетки, названные индуцированными плюрипотентными стволовыми клетками, обладали практически неотличимыми от эмбриональных стволовых клеток характеристиками.

Хронологический анализ развития исследуемого научно-технологического направления в Японии позволил выделить следующие ключевые события.

2006 г. В журнале «Cell» опубликована статья Синья Яманака о возможности репрограммирования «взрослых» клеток в так называемые индуцированные плюрипотентные стволовые клетки [5], которая в этом же году попадает в списки «горячего цитирования».

2008–2011 гг. Возможности, вытекающие из способности соматических клеток превращаться в эмбриональные стволовые клетки – iPSC, вызывают большой коммерческий интерес [6]. Начинается экспоненциальный рост патентования результатов в области исследований iPSC. Синья Яманака создает портфель патентов, в который вошли 44 патентные семьи [7]. С 2011 г. Япония становится лидером по количеству полученных патентов в области индукции плюрипотентности стволовых клеток. Для управления патентами и технологиями в области исследований iPSC созда-

ется специальный институт – iPS Academia Japan, который в настоящее время является дистрибьютором нескольких продуктов, в частности iCell нейронов, iCell кардиомиоцитов и iCell эндотелиальных клеток.

2012 г. «За открытие возможности репрограммирования дифференцированных клеток в плюрипотентные» Джон Гёрдон и Синья Яманака удостоены Нобелевской премии по физиологии и медицине [8].

2013 г. В Японии стартует проект по созданию общенационального банка iPSC клеток [9]. В результате реализации национального проекта по созданию банка биоматериалов в 2023 г., как ожидается, примерно 80–90% населения Японии смогут рассчитывать на пересадку органов, выращенных из стволовых клеток созданного банка iPSC-клеток. Развитие индустрии искусственных органов в Японии поддерживается крупномасштабными инвестициями из средств государственных бюджета.

2009 г. Университетский стартап ReproCELL первым в мире создает коммерчески доступный продукт на основе индуцированных плюрипотентных стволовых клеток человека – iPSC-производные кардиомиоцитов «ReproCario» [6].

2013 г. Впервые в мире под руководством Масяо Такахаши (Masayo Takahashi) из RIKEN Center for Developmental Biology в Кобе начато клиническое исследование по пересадке индуцированных плюрипотентных стволовых клеток человеку.

Август 2014 г. Первому пациенту имплантирована ткань сетчатки, полученная с использованием iPSC из собственных клеток кожи пациента.

Февраль 2015 г. Госпиталь Киотского университета объявляет об открытии в 2019 г. лечебного центра для проведения клинических исследований по iPSC терапии.

В это же время в США происходит становление другого лидера, столь же последовательно продвигающегося к новому формирующемуся рынку продуктов iPSC- технологий. Им является компания Cellular Dynamics International (CDI), основанная профессором Дж. Томсоном в 2004 г. Главные вехи превращения ее в быстрорастущую технологическую компанию, можно представить в виде следующей хронологической последовательности:

2010 г. CDI стала первой иностранной компанией, которой было предоставлено право на использование патентного портфеля iPS Academia Japan. Кроме того, CDI получила лицензию на использование Otsu – продукта японской компании Takara Bio RetroNectin, который компания использует для производства своих iCell и MyCell продуктов [10].

Март 2013 г. CDI и Coriell Institute for Medical Research получают гранты в 16 млн. долл. от Калифорнийского института регенеративной медицины на создание 3000 iPSC-линий от здоровых и больных доноров, что позволило компании сформировать крупнейший в мире банк iPSC-клеток человека. Компания анонсировала план по созданию биобанка iPSC-клеток, который будет охватывать 95% населения США [11].

Июль 2013 г. Компания CDI объявляет о публичном размещении акций и привлекает 43 млн. долл. инвестиций [12], обеспечив возможность производства высококачественных человеческих iPSC-клеток и дифференцированных клеток в промышленных масштабах. К этому моменту CDI обладает 800 патентами, производством промышленного масштаба и, фактически, становится мировым лидером, претендующим на господствующее положение на формирующемся рынке IPSC-технологий [6].

30 марта 2015 г. Японская корпорация Fujifilm объявила о приобретении акций CDI на 307 млн. долл., после чего CDI продолжает свою деятельность в США уже в качестве консолидированной дочерней компании Fujifilm [13].

Таким образом достигнута синергия технологических заделов двух компаний для индустрии регенеративной медицины. Технологическая платформа CDI позволяет производить iPSC-клетки и другие клетки человека в промышленном масштабе, что важно при разработке лекарственных препаратов, во время испытаний на их токсичность и для создания банка стволовых клеток и развития клеточной терапии. Благодаря коллагеновым технологиям, первоначально применяемым для производства фотопленки, Fujifilm разработала высокобиосовместимый рекомбинантный пептид (RCP) – искусственный белок идентичный натуральному, который служит эффективным каркасом для выращивания клеток и может быть использован в сочетании с iPSC-клетками [14].

Важно отметить, что Fujifilm укрепляла свое присутствие в области регенеративной медицины в течение последних лет, в том числе путем приобретения в декабре 2014 г. большинства акций японской компании Tissue Engineering Co, выпустившей два первых продукта регенеративной медицины, которые получили одобрение японского правительства и культивирующей клетки по запросу от других компаний и организаций [14].

Эксперты прогнозируют, что приобретение CDI превратит Fujifilm в технологического лидера в сфере оказания медицинских услуг и создания новых лекарственных препаратов на основе плюрипотентных клеток. При этом они отмечают, что Fujifilm не ограничится попытками коммерциализации производства плюрипотентных клеток, что сделает клетки доступными для клинического использования, и созданием новых лекарственных препаратов на основе плюрипотентных клеток. Есть все основания ожидать, что компания попытается реализовать стратегическое объединение технологий на основе iPSC-клеток, разработанных CDI, с опытом Fujifilm в области материаловедения и инженерных систем в пределах формирующегося рынка, созданного iPSC -технологиями [11].

Значительные успехи клинических исследований, производства и применения iPSC-технологий сопровождаются ростом инвестиций в этот сектор бизнеса. В настоящее время выделяют несколько компаний, являющихся драйверами направления. Однако, без сомнения, лидер технологической гонки уже определен – Fujifilm, поглотившая CDI.

Развитие технологии генетического репрограммирования в России

Открытию Синия Яманака в 2006 г. предшествовало несколько важных научных результатов, один из которых был получен О.Л.Серовым (лаборатория генетики развития ИЦиГ СО РАН), который первым в мире еще в 1998 г.

доказал, что при слиянии плюрипотентных и соматических клеток плюрипотентность является доминирующей. Она переносится на соматическое ядро и репрограммирует его. Выводы О.Л. Серова были подтверждены в последующих опытах Остина Смита [15].

Сегодня работы по изучению возможностей репрограммирования клеток при помощи форсированной генной экспрессии ведутся под руководством А.Н. Томилина в Институте цитологии РАН, Санкт-Петербург. В 2007 г. А.Н. Томилин, **ранее** руководивший группой отдела биологии развития Института иммунобиологии Макса Планка [16], вернулся в Россию, чтобы создать передовую биомедицинскую лабораторию в рамках программы президиума РАН «Молекулярная и клеточная биология». Исследования лаборатории были посвящены центральному регулятору клеточной плюрипотентности, POU-доменному белку Oct4. В ходе проведенных исследований были получены результаты как фундаментального, так и прикладного характера [15].

В сотрудничестве с ФГБУ «СЗФМИЦ им. В.А. Алмазова» Минздрава России проводится моделирование некоторых генетически наследуемых заболеваний сердца с применением индуцированных плюрипотентных стволовых клеток [17].

Специалисты ИЦиГ СО РАН открыли универсальный маркер стволовых раковых клеток. Кроме того, им удалось разработать способ их уничтожения, что позволило вылечить лабораторных мышей от двух форм злокачественных опухолей [18].

В лаборатории генетических основ клеточных технологий Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН из эндотелиальных клеток пупочной вены человека (HUVEC) с помощью генетического репрограммирования были впервые получены клетки с индуцированной плюрипотентностью. Морфологически, молекулярно и функционально полученные клетки идентичны эмбриональным стволовым клетками человека [19].

В 2010 г. в России исследовательским подразделением российской биотехнологической компании Институт Стволовых Клеток Человека ООО «Лаборатория Клеточных Технологий» (ЛКТ) получен патент № 2399667 от 20 сентября 2010 г. «Способ получения плюрипотентных клеток». В настоящее время запатентованный способ получения iPS-клеток проходит регистрацию в Европе и США [20].

В 2010 г. разработан проект *технологической платформы МГУ им М.В. Ломоносова «Постгеномные и клеточные технологии в биологии и медицине», в* рамках которой предполагается развивать технологии использования стволовых клеток из дифференцированных тканей человека для стимуляции процессов регенерации [21]. Первое собрание технологической платформы состоялось 20 сентября 2010 г. [22], однако информация о дальнейшей работе платформы авторами, к сожалению, не найдена.

В апреле 2013 г. в Амстердаме подписано соглашение о создании в Сколковском институте науки и технологий (Сколтех) Центра науки, образования и инноваций по исследованию стволовых клеток. Центр по исследованию стволовых клеток должен был ежегодно выпускать не менее 20 специалистов в области регенеративной медицины, а результатом его работы должно было стать «глубокое понимание фундаментальных аспектов деятельности стволовых клеток, что, в свою очередь, приведет к созданию новых методов лечения и новых лекарств» [23].

26–28 мая 2014 г. в Гиперкубе Инновационного центра Сколково было объявлено о проведении международной конференции «Терапия будущего», приуроченной к запуску Центра по исследованию стволовых клеток и Центра по биомедицинским технологиям и РНК-терапии [24]. По словам президента Сколтеха Эдварда Кроули, «в Сколтехе с нуля будет создан уникальный университет, призванный извлечь из исследований реальные коммерческие результаты» [25].

Однако найти результаты деятельности этого Центра не удалось. В конце августа 2016 г. на портале Сколтех находилась информация о 9-и созданных ЦНИО, среди которых Центр по исследованию стволовых клеток отсутствовал [26].

В 2015 г. лаборатория молекулярной биологии стволовых клеток Института цитологии РАН начала работу по вхождению России в международную некоммерческую организацию Global Alliance for iPSC Therapies (GAiT). Главной задачей GAiT является создание международного «Гаплобанка» – глобального ресурса HLA-типированных гомозиготных и специфических для каждой из стран-участниц линий иПС клеток, полученных по стандартам GMP и прошедших по вырабатываемым GAiT стандартам контроля качества [15].

Наконец, в начале апреля 2016 г. в Санкт-Петербурге прошла международная конференция «Передовые клеточные технологии: от науки к практике» (CTERP) [27]. В обсуждении последних достижений в области стволовых клеток, включая плюрипотентные стволовые клетки, приняли участие специалисты более 20-и институтов и научных центров России.

Однако несмотря на многочисленные попытки научного сообщества, столь динамично развивающемуся направлению не удалось придать импульс, достаточный для создания глобально конкурентоспособных технологий и продуктов с возможностью их вывода на внутренний и внешний рынки. Необходимость развития технологий генетического репрограммирования не нашла отражения в Долгосрочном прогнозе научно-технологического развития Российской Федерации до 2025 года [28], институт развития Сколково ограничился лишь планами и подписанием соглашений о развитии этого направления.

Обсуждение и выводы

Анализируя данный кейс в области индуцированных плюрипотентных стволовых клеток и становления индустрии регенеративной медицины, представляется важным отметить следующие факторы ускорения жизненного цикла ИиР.

Во-первых, обращает на себя внимание продолжительность жизненного цикла ИиР. С момента открытия явления репрограммирования iPSC клеток и первой публикации в 2006 г. до создания солидного патентного портфеля прошло всего 5 лет. До присуждения Нобелевской премии, т.е. осознания современниками степени революционности и практической значимости открытия, прошло всего лишь 6 лет со дня первой публикации. До старта национального проекта в Японии, имеющего целью достижение лидерства в индустрии искусственных органов прошло только 7 лет. До первой имплантации пациенту ткани сетчатки, полученной с использованием iPSC клеток из собственных клеток кожи – лишь 8 лет! До публичного размещения акций высокотехнологичной компанией – всего 7 лет! До поглощения этой компании крупной промышленной компанией – 9 лет!

Такие темпы превращения прорывного научного знания в коммерческий продукт не имеют аналогов в предшествующей истории становления высокотехнологичных индустрий и являются вызовом для научно-технологического развития РФ.

Во-вторых, представленный кейс убедительно показывает турбулентную, а не линейную смену последовательности фаз («фундаментальных», «ориентированных», «поисковых», «прикладных») ИиР. Стадия патентования была начата за 3-5 лет до получения Нобелевской премии, что, в свою очередь, не означало приостановки фундаментальных исследований, результаты которых превращались в прикладные в ходе решения типовых задач этапа «разработок». Поэтому институциализация фаз исследований и источников их финансирования, получившая развитие в последние 10 лет в РФ, с нашей точки зрения, является устаревшей парадигмой, не учитывающей новых закономерностей и факторов развития современной науки, связанных с сокращением жизненного цикла ИиР и использованием новых моделей управления прорывным знанием.

В-третьих, обращает на себя внимание, что с целью завоевания технологического лидерства в рекордные короткие сроки прорывные научные заделы приобретаются, но не воспроизводятся. Так, компания CDI предпочла приобрести лицензии на патенты Яманака, а компания Fujifilm поглотила несколько быстро растущих малых и средних технологических компаний, включая и саму компанию CDI. Эта ситуация подтверждает необходимость перехода к модели «науки быстрого реагирования» (термин авторов) и восприятию на ранних стадиях готовых прорывных научно-технологических заделов, созданных в других центрах превосходства для достижения технологического лидерства.

В-четвертых, следует отметить высокий уровень диверсификации современных крупных промышленных компаний. Так компания Fujifilm, владея инструментами стратегического планирования и осознавая неизбежную смену технологических укладов и индустрий, постоянно инвестирует в технологические стартапы, связанные со становлением индустрий 4.0.

В-пятых, описанная в кейсе модель взаимодействия ключевых участников создания новых рыночных высокотехнологичных продуктов на базе iPSC-технологий является, с нашей точки зрения, моделью стратегического исследовательского проектного консорциума, создание которых сформулировано в качестве одной из задач, стоящих перед РФ, согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года [29]. Важно подчеркнуть, что данный проектный консорциум характеризуется высокой пространственной распределенностью, географическим разнообразием компаний и представителей различных научных школ, которые, избегая сценария конкуренции, предпочитают объединять свои передовые научно-технологические заделы, осознавая, что временной фактор может стать критическим для захвата формирующихся рыночных ниш.

В-шестых, обращает на себя внимание высокая доступность и оперативность венчурного капитала в индустриально развитых странах. Уже в 2009 г., т.е. спустя всего 3 года после первой публикации, университетский стартап ReproCELL первым в мире создает коммерчески доступный продукт на основе индуцированных плюрипотентных стволовых клеток человека – iPSC-производные кардиомиоцитов ReproCario!

В-седьмых, следует отметить исключительно грамотно построенную систему управления интеллектуальной собственностью. Сразу же после получения прорывного результата фундаментального исследования был сформирован обширный патентный портфель на ключевые технические решения. Причем, поскольку компании CDI пришлось приобретать лицензии, «обойти» уже выданные патенты не представлялось возможным. Одновременно для управления обретенными правами на объекты интеллектуальной собственности была создана iPS Academia Japan.

Интегральный результат реализации рассмотренной в кейсе модели ускорения жизненного цикла технологий генетического репрограммирования состоит в следующем: в 2006 г. во многих странах ученые, представляющие национальные академические школы, занимающиеся клеточными технологиями, были в высокой степени подготовлены к трансформации полученных ими результатов в технологии регенеративной медицины и к созданию индустрии искусственных органов и тканей. Революционное открытие Яманака, по сути, стало триггером для такой трансформации. Одновременно его можно рассматривать как выстрел стартового пистолета в финальном забеге стран, претендующих на технологическое лидерство на формирующемся рынке лекарственных препаратов и медицинских услуг, созданных технологиями индуцированных плюрипотентных стволовых клеток.

Обобщая полученные данные можно сделать вывод о необходимости пересмотра отечественной системы управления научно-технологическим развитием страны. Поскольку временной фактор при захвате ниш рынков наукоемкой продукции является все более значимым, базисом для развития отечественных высокотехнологичных продуктов и услуг, конкурентоспособных на глобальном рынке, должно стать сокращение жизненного цикла ИиР.

При этом детального изучения заслуживает вопрос сокращения жизненного цикла инноваций за счет внедрения такой модели организации разработки и внедрения инноваций, как проектные консорциумы. Идея создания проектных консорциумов, впервые прозвучавшая на заседании Президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию [30], и получившая развитие в дальнейших обсуждениях [31], к настоящему времени не имеет однозначно сформулированной модели взаимодействия всех участников. Поэтому есть все основа-

ния полагать, что изучение и использование зарубежного опыта позволит трансформировать существующую систему внедрения исследований и разработок и ускорить вывод российских разработок на международные рынки.

Список литературы и источников

1. Заседание Совета по науке и образованию. Стенограмма // Официальный сайт Президента России. 23.11.2016 г. – http://kremlin.ru/events/councils/by-council/6/53313
2. Куракова Н.Г., Зинов В.Г., Цветкова Л.А., Еремченко О.А., Комарова А.В., Комаров В.М., Сорокина А.В., Павлов П.Н., Коцюбинский В.А. Национальная научно-технологическая политика «быстрого реагирования»: рекомендации для России / Аналитический доклад под ред. Н. Г. Куракова. – М., 2014.
3. Бендиков М.А., Фролов И.Э., Хрусталёв О.Е. Научно-технологическое развитие как средство обеспечения устойчивости экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2014. – № 24. – С. 2–15.
4. Передовые клеточные технологии: от науки к практике. Интервью с Алексеем Томилиным // Новости GMP. 05.04.2016. – http://gmpnews.ru/2016/04/peredovye-kletochnye-texnologii-ot-nauki-k-praktike
5. Kazutoshi T., Shinya Y. Induction of pluripotent stem cells from mouse embryonic and adult fibroblast cultures by defined factors // CELL. Vol. 126, N 4. – P. 663–676.
6. Complete 2015-16 Induced Pluripotent Stem Cell (iPSC) Industry Report // BioInformant. – http://www.researchmoz.us/complete-2015-16-induced-pluripotent-stem-cell-ipsc-industry-report-report.html
7. Stem Cell Research Patent Landscape (Briefing Note) / The Hinxton Group. – https://hinxtongroup.wordpress.com/background-2/ip-landscape
8. Nobel Prizes 2012 / Nobelprize.org. – https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/lists/year/?year=2012
9. Головнин В.В Японии начал работу первый в мире банк стволовых клеток / ИТАР-ТАСС. 06/12/2013. – http://itar-tass.com/nauka/814785
10. Fujifilm Holdings to Acquire Cellular Dynamics International, Inc. // PRNewswire. 30.03.2015. – http://www.prnewswire.com/news-releases/fujifilm-holdings-to-acquire-cellular-dynamics-international-inc-300057456.html
11. Инновации – Стратегии будущего // Портал FujiFilm. – https://www.fujifilm.eu/ru/innovation/stories/regenerative-medicine
12. Томилин А.Н. Фундаментальные основы клеточных технологий и их применение в регенеративной медицине. Доклад на заседании Президиума Российской Академии наук // Портал РАН. 26.01.2016. – http://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=f3a9bf87-2593-4b5a-ac2e-460b944291c7
13. Михайлова Н. Ген-самоубийца в стволовых клетках // Портал STRF.RU – Наука и технологии РФ. 05.08.2011. – http://www.strf.ru/mobile.aspx?CatalogId=393&d_no=41505
14. Инновации – Стратегии будущего // Портал FujiFilm. – https://www.fujifilm.eu/ru/innovation/stories/regenerative-medicine
15. Томилин А.Н. Фундаментальные основы клеточных технологий и их применение в регенеративной медицине. Доклад на заседании Президиума Российской Академии наук // Портал РАН. 26.01.2016. – http://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=f3a9bf87-2593-4b5a-ac2e-460b944291c7.
16. Александр Николаевич Томилин // ИТМиВТ. – http://www.ipmce.ru/about/history/leading/an_tomilin/
17. Индуцированные плюрипотентные стволовые клетки (иПСК) // Портал Института молекулярной биологии и генетики «СЗФМИЦ им. В. А. Алмазова» Минздрава России. – http://www.almazovcentre.ru/?page_id=4488.
18. Сибирские ученые разработали новый способ поиска и уничтожения рака // Наука в Сибири. 01.07.2016. – http://www.sbras.info/news/sibirskie-uchenye-razrabotali-novyi-sposob-poiska-i-unichtozheniya-raka
19. Лаборатория генетических основ клеточных технологий // Портал Института общей генетики им. Н.И.Вавилова РАН. – http://vigg.ru/institute/podrazdelenija/otdel-ehpigenetiki/laboratorija-geneticheskikh-osnov-kletochnykh-tekhnologii/?no_cache=1&sword_list%5B%5D=%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85
20. Лаборатория клеточных технологий // Портал Института Стволовых Клеток Человека. – http://hsci.ru/napravleniia/nauchnye-issledovaniia-i-razrabotki/lkt
21. Проект реализации технологической платформы «Постгеномные и клеточные технологии в биологии и медицине» / МГУ им М.В. Ломоносова // Портал STRF.RU – Наука и технологии РФ. 08.12.2010. – http://www.strf.ru/material.aspx? CatalogId=372&d_no=35612.
22. Технологическая платформа «Постгеномные и клеточные технологии» / Фармминнотех. 02.11.2010. – https://sites.google.com/a/pharminnotech.com/rec/news/tech-platforms-msu
23. Шустиков В. Подписано Соглашение о создании ЦНИО Сколтех по исследованию стволовых клеток в партнерстве с университетом Гронингена / Сколково. 09.04.2013. – http://sk.ru/news/b/pressreleases/archive/2013/04/09/podpisano-soglashenie-o-sozdanii-cnio-skolteh-po-issledovaniyu-stvolovyh-kletok-v-partnerstve-s-universitetom-groningena.aspx
24. Научная конференция «Терапия Будущего» / Сколково. – http://sk.ru/events/2255.aspx
25. Шустиков В. Сколково и Нидерланды сделают бизнес на стволовых клетках / Сколково. 15.04.2013. – http://sk.ru/news/b/press/archive/2013/04/15/skolkovo-i-niderlandy-sdelayut-biznes-na-stvolovyh-kletkah.aspx
26. The 9 CREIs are Centers for Research, Education and Innovation established in collaboration with international and Russian Partners / Skoltech Research. – http://www.skoltech.ru/research/en
27. CTERP 2016 – International conference cell technologies at the edge: research and practice / CTERP. – http://cterp.org/cterp-2016-abstracts-are-published
28. Долгосрочный прогноз научно-технологического развития Российской Федерации до 2025 года / Минобрнауки России. – http://old.mon.gov.ru/files/materials/5053/prog.ntr.pdf.
29. Проект Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года от 05 мая 2016 г. / Фонд «Центр стратегических разработок». http://sntr-rf.ru/upload/iblock/4c6/%D0%A1%D0%9D%D0%A2%D0%A0%2005.05.2016_%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%2022.pdf
30. О развитии новых производственных технологий. Заседание Президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию от 16 сентября 2014 г. // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/news/14787
31. Заседание Совета по науке и образованию при Президенте РФ 21 января 2016 г. Стенограмма // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/6/51190

Чернышев Б.Н.
д.э.н., профессор, Финансовый университет

ОПЕРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ В АНАЛИЗЕ И ПРОЕКТИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: *модернизация экономики, технологическое развитие, инновационное предпринимательство.*

Значение модернизации и самостоятельного технологического развития продолжает возрастать в условиях действия экономических санкций со стороны стран ЕС и США, вызванных политическими мотивами, и прежде всего касающихся высокотехнологических секторов экономики. Инновационный путь экономического развития страны выглядит безальтернативным. Интенсивность инновационной деятельности на основе технологического развития определяет уровень развития экономического.

Анализ стратегий и приоритетов наиболее успешных компаний показывает, что устойчивый и динамичный рост в настоящее время демонстрируют те из них, которые ориентированы на производство высокотехнологичных товаров. Освоение высоких технологий в промышленности и выпуск новой наукоемкой продукции являются ключевыми факторами устойчивого экономического роста для большинства индустриально развитых стран мира. Отсюда несомненен интерес науки и практики к проблемам стратегий и моделей инновационного предпринимательства.

С системно-организационной точки зрения можно выделить, по крайней мере, три операционных модели инновационного предпринимательства:

1) инновационное предпринимательство на основе внутренней организации, когда инновация создается и (или) осваивается внутри фирмы ее специализированными подразделениями на базе проектного планирования и координации взаимодействия участников;

2) инновационное предпринимательство с использованием потенциала внешней организации на основе контрактов, когда заказ на создание и (или) освоение инновации размещается между сторонними организациями-агентами;

3) инновационное предпринимательство на основе внешней организации при помощи венчуров, когда фирма для реализации инновационного проекта учреждает дочерние венчурные фирмы, привлекающие дополнительные средства.

Сложилось и четвертое направление инновационной деятельности, относящееся к усилиям и результатам, получаемым отдельными инноваторами и их группами. Общим названием таких фирм стал термин «стартап».

Основными разработчиками нововведений в России долгое время являлись организации научно-технологической сферы – отраслевые научно-исследовательские и конструкторские организации, академические научные организации и вузы, а также сами промышленные и малые предприятия. Вместе с тем рядом авторитетных исследователей методологии и практики инновационной деятельности высказывается аргументированное мнение о том, что, несмотря на содержательную близость, феномены научно-исследовательской работы и инноваций, в общем, не совпадают, и их следует рассматривать как самостоятельные явления.

Особое значение для деятельности российских компаний и повышения их конкурентных позиций имеют углубленные исследования инновационной базы современного бизнеса во взаимосвязи с характеристиками их операционных моделей, т.е. методами реализации стратегий ведения бизнеса.

В более общем плане в современных исследованиях операционных моделей бизнес-деятельности компаний признается возможность выбора разных (помимо инновационно-технологических) стратегий и соответствующих им операционных моделей, что определяется приоритетами и ценностями менеджмента и собственников. Лидирующая роль в исследованиях рассматриваемой предметной области принадлежит М. Портеру, М Трейси, Ф Вирсема. и ряду других ученых и консультантов в области стратегического менеджмента и маркетинга.

Как объекты специального рассмотрения операционные модели в этих работах не рассматриваются, а косвенно описываются и вытекают из бизнес-стратегий (у М. Портера) или стратегических ценностей (у М. Трейси и Ф. Вирсема). Собственных названий операционные модели, как правило, не имеют, а их особенности задаются описательно через параметры производства (основных процессов), методов маркетинга, инновационной интенсивности, теснотой отношений с клиентами и партнерами, уровнем цен и качества продукции и др. [1].

Общим трендом для современных компаний является рассмотрение инновационной базы бизнеса во взаимосвязи с характеристиками их операционных моделей. Иначе говоря, методы и стратегии ведения бизнеса, то есть то главное, чем призваны заниматься компании. Это обстоятельство подтверждают проводимые аналитические работы, в том числе международной консалтинговой группой «PricewaterhouseCoopers». В качестве примера можно указать на исследование, выполненное в 2014 г. Методом изучения стал анализ экспертных оценок состояния инновационной деятельности, сделанных топ-руководителями большого числа компаний [2]. Исследованием было охвачено свыше 1700 руководителей на уровне правления компаний в более чем 25 странах мира и 30 секторах экономики. Исследова-

телей интересовало мнение руководителей относительно роли инноваций в их компаниях и то, какие изменения они предвидят в течение ближайших пяти лет. Полезность результата обеспечивалась как широким взглядом на исследуемую проблему, так и включением в отдельную статистическую группу российских компаний, что позволяет делать полезные сравнительные сопоставления.

Было выявлено, что 84% руководителей из быстроразвивающихся стран и 92% компаний из России уверены в том, что в течение следующих пяти лет от 15 до 25% роста выручки будет приходиться на инновации. Заметно, что более оптимистично настроены европейские руководители, поскольку 14% из них отметили, что от 61 до 100% роста выручки будет вызвано инновационной деятельностью.

Вместе с тем, стало ясно, что, несмотря на особую важность инноваций, на которую указывают практически все опрошенные руководящие сотрудники российских компаний, лишь 8% компаний считают себя лидерами в области создания и внедрения инноваций. Топ-менеджеры из остальных стран БРИКС и европейских государств оптимистичнее оценивают положение собственных компаний на рынке: более 20% опрошенных считают себя лидерами в области создания и внедрения инноваций.

Список литературы

1. Трейси М., Вирсема Ф. Маркетинг ведущих компаний мира: выбери потребителя, определи фокус, доминируй на рынке: Пер. с англ. – М.: Вильямс, 2007. – С. 56–57, 79–99.
2. PwC. Рост через инновации: Российский и международный опыт. – https://www.pwc.ru/ru/innovationsurvey/index.jhtml
3. Сешнс Р. Сравнение четырех ведущих методологий построения архитектуры предприятия. – https://msdn.microsoft.com/ru-ru/library/ee914379.aspx
4. Гибадуллин И.А., Чернышев Б.Н. Анализ действующей модели тарифообразования на рынке электроэнергии в контексте результатов реформы организационно-экономического механизма электроэнергетики в РФ // Экономика и предпринимательство. 2015. – № 8. – С. 91–95.

Шафиев Р.М.
д.э.н., профессор, советник государственной гражданской службы РФ 1 класса, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета
roushafiev@gmail.com
Высоцкая А.А.
аспирант Российского экономического университета
anna_v@rambler.ru

ВОЗМОЖНЫЕ ТОЧКИ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *ВОИС; ВЭФ; инновации; интеллектуальная собственность; коммуникация; конкурентоспособность; технологический трансфер.*

Выбор эффективного пути создания «нового уклада» мировой экономики и места стран на мировой арене опирается на ряд фактических условий существования и взаимодействия государств на современном этапе развития, среди которых можно выделить пять трансформационных точек, процесс изменения и развития в которых имеет возможность оказать наибольшее влияние на существующий уклад экономики и общества. К ним можно отнести:

1) разницу между уровнем жизни богатых и бедных;

2) ослабление ВТО и усиление процессов регионализации посредством создания новых международных группировок;

3) проблемы информационной безопасности и возможность киберпроникновений;

4) информатизацию общества и усиление роли информации;

5) переход к когнитивной экономике.

Несмотря на то, что подобные пункты характерны для множества государств, каждая отдельная страна обладает уникальными базовыми условиями и способностью для осуществления изменений. Под эгидой Всемирного Экономического Форума (ВЭФ) ежегодно проводится исследование 138 стран, предоставляющее наиболее полный обзор показателей конкурентоспособности государств[1]. В соответствии с Рейтингом Глобальной Конкурентоспособности ВЭФ, дается следующая оценка конкурентоспособности государств (табл. 1).

Таблица 1

Топ-16 стран Рейтинга Глобальной Конкурентоспособности ВЭФ

1	Швейцария	9	Гонконг
2	Сингапур	10	Финляндия
3	США	11	Норвегия
4	Нидерланды	12	Дания
5	Германия	13	Новая Зеландия
6	Швеция	14	Тайвань
7	Соединенное Королевство	15	Канада
8	Япония	16	ОАЭ

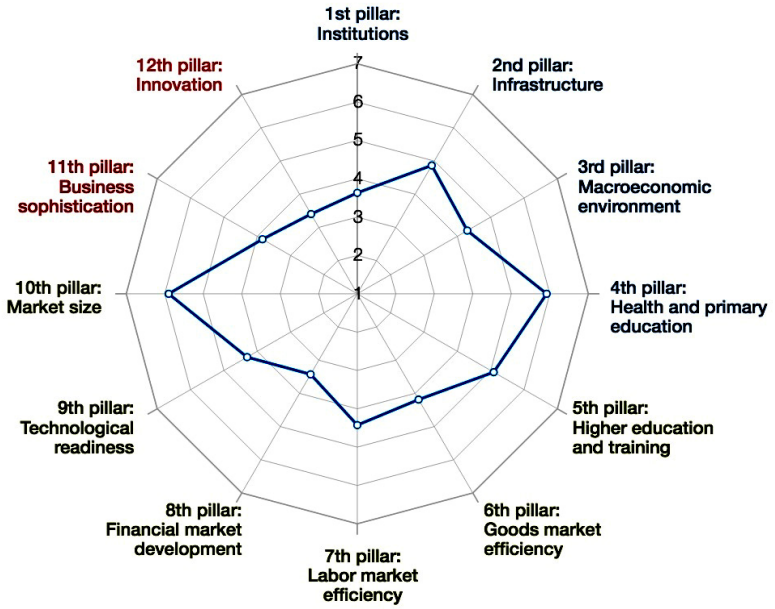
Источник: Competitiveness Ranking. The Global Competitiveness Report 2016–2017, World Economic Forum/ – http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/competitiveness-rankings/

В случае Российской Федерации, рейтинг улучшился на десять мест до 43-ого. Отмечены изменения и улучшения в таких областях, как нормативно-правовая бизнес-среда, конкуренция на внутреннем рынке, качество образования и инновационный потенциал (capacity for innovation), несмотря на то, что страна занимает достаточно низкую позицию по данному показателю – 78 место.

В то же время, необходимо назвать следующие проблемы, возникшие после валютного кризиса 2014 г. – рост инфляции, ухудшение государственного финансирования, сопровождающееся ослаблением спроса, экономические санкции со стороны ряда государств, а также неопределенность в отношении будущих цен на экспортируемое энергетическое сырье. Самое неблагоприятное состояние, по данным ВЭФ, наблюдается в сферах инноваций, институциональных структур (подверженность коррупции, проблемы защиты и реализации прав интеллектуальной собственности) и финансового рынка (рис. 1)[2].

[1] The Global Competitiveness Report 2016–2017, World Economic Forum. – http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/#topic=highlights

[2] Global Competitiveness Index: Russian Federation. Global Competitiveness Report 2016–2017, World Economic Forum. – http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/competitiveness-rankings/



Источник: Global Competitiveness Index: Russian Federation. Global Competitiveness Report 2016-2017, World Economic Forum. – http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/competitiveness-rankings/

Рисунок 1.
Индекс Глобальной Конкурентоспособности: Ключевые показатели Российской Федерации, 2016

Рассматривая сферу инноваций в целом, необходимо упомянуть следующие положения касательно роли инновационных продуктов на уровне страны и предприятия. Во-первых, еще Шумпетер указывал «новые комбинации» или инновации в качестве важнейшего фактора экономического развития и роста страны на современном этапе истории[1]. Во-вторых, инновации являются конкурентным преимуществом, позволяющим предприятиям занять лидирующее положение на рынке и повысить свою прибыль. На современном этапе в качестве подтверждения этому можно наблюдать смещение интересов инвесторов от материального производства в область научных разработок и исследований.

В связи с тем, что осуществление инновационной деятельности является зачастую высокозатратным процессом, организации стремятся также найти другие, более удобные пути получения инноваций. Таким образом, повышается интерес к трансферу технологий, под которым понимается обмен и приобретение знаний, идей и навыков. Осуществление данного процесса зависит от степени обеспечения получения и защиты прав интеллектуальной собственности[2].

Проблемы рынка владельцев прав на интеллектуальную собственность имеют особую актуальность для сферы инноваций России на современном этапе. Защита и реализации подобных прав лежит в основе возможности получения коммерческой прибыли от проводимых исследований и разработок, одним из способов занять лидерские позиции на национальном и международном рынке, что объясняет их роль для сегмента инновационного предпринимательства, особенно малых и средних предприятий.

В то же время, существуют ситуации, когда получение прав ИС является невыгодным и слишком затратным – к примеру, потенциальная прибыль от реализации товара мала или его жизненный цикл достаточно короток, в то время как конкуренты имеют возможность достаточно быстро создать аналогичный. Кроме того, существует проблема так называемого «интеллектуального пиратства» на основе имеющейся в свободном доступе информации о разработках[3].

Тем не менее, по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2015 г. Россия занимает седьмое место в рейтинге государств в соответствии с количеством поданных заявок на получение патентов (табл. 2).

Однако на сегодняшний день невозможно сказать, что данный факт мотивировал серьезные технологические сдвиги. Как в области защиты прав интеллектуальной собственности, так и на пути внедрения результатов НИОКР в производственную практику существует ряд проблем, попытка постепенного решения которых представляется возможной благодаря целенаправленной работе по ряду направлений. Во-первых, необходимо исследование существующих и разработка новых стимулов и предпосылок для поддержания взаимодействия между бизнесом, государством и сферой науки. Во-вторых, требуется изучение правового опыта защиты интеллектуальной собственности как в России, так и за рубежом, с целью выявления характерных особенностей, принципов дискриминации и наиболее частых

[1] Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – С. 122–146.

[2] WTO: technology transfer. – https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/techtransfer_e.htm; Hoekman B.M., Maskus K.E., Saggi K. Transfer of Technology to Developing Countries: Unilateral and Multilateral Policy Options. World Development. 2005. – Vol. 33, N 10. – P. 1587–1602.

[3] Максимов Д.А., Спиридонов Ю.Д. – О необходимости комплексного подхода при исследовании рисков организации // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – М., 2013. – № 37. – С. 285–296.

нарушений прав владельцев. На этой основе, представляется необходимым оценить возможности выхода российской инновационной продукции на международный рынок, а также его потенциальные риски.

Таблица 2

Рейтинг стран по количеству поданных заявок на получение патентов, 2015 г., ед

1.	Китай	1 101 864
2.	США	589 410
3.	Япония	318 721
4.	Республика Корея	213 694
5.	Германия	66 893
6.	Индия	45 658
7.	Российская Федерация	45 517
8.	Канада	36 964
9.	Бразилия	30 219
10.	Австралия	28 605

Источник: WIPO statistics database. – http://ipstats.wipo.int/ipstatv2/index.htm

В эпоху Интернет, быстрой передачи информации и международного разделения труда, большое значение имеет поиск и осуществление партнерского взаимодействия как на уровне национальных организаций, так и на международном уровне. В качестве методов поддержания данного процесса можно назвать следующие:

1. содействие «офисам технологического трансфера» и технопаркам при крупных научных организациях и университетов;

3. оказание консультационной поддержки и распространение информации об актуальных проблемах и методах решения в области защиты прав интеллектуальной собственности и технологического трансфера.

Таким образом, важность для поддержания и стимулирования инновационного развития страны представляет не только осуществление глубокого анализа, но и передача, коммуникация полученных таким образом результатов общественности и национальным компаниям.

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анисимова Г.В.
к.э.н., доцент, в.н.с. Института экономики РАН
anisimovagalina@bk.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *социально-экономическое неравенство, инновационное развитие, экономический рост, механизмы регулирования.*
Keywords*: socio-economic inequality, innovative development, economic growth, regulatory mechanisms.*

Как показывает обширная литература, неравенство, измеряемое различными методами, в последние десятилетия росло в большинстве развитых стран независимо от уровней национального дохода и, несмотря на повсеместное сокращение масштабов крайней нищеты[1]. Небольшая группа мировых элит концентрирует в своих руках все больший объем глобального богатства. Как показывают исследования, с 2010 по 2014 год 80 богатейших людей мира из списка Forbes увеличили свое состояние с $1,3 трлн. до $1,9 трлн. В настоящее время 80 богатейших людей обладают таким же состоянием, что и 50% всего населения планеты (3,5 млрд. людей). В 2014 г. 1% самых богатых людей мира владели 48% мирового богатства[2].

Процесс углубления экономического неравенства характерен и для современной России. Более того, неравенство в российском обществе можно рассматривать как избыточное, особенно на фоне ведущих европейских стран (см. рис. 1)[3]. Таковы, например, северные страны Европы, которые называют социальными государствами или страны с социальным рыночным хозяйством. Коэффициент Джини, который характеризует степень фактического распределения общего объема доходов, равный 0,30 и меньше характерен именно для стран с социальным рыночным хозяйством (Швеция, Нидерланды, Дания). Демократические страны характеризуются стремлением к минимизации экономического и социального неравенства. Страны с меньшим демократическим развитием, наоборот, характеризуются большей степенью неравенства. Так, коэффициент Джини составляет для таких стран как Гондурас – 0,57, Чили – 0,50, Парагвай – 0,48. В России этот показатель приближается к 0,42. Тогда как в советский период он был на уровне скандинавских стран и даже ниже. Так, в 1992 г. он равнялся 0,289.

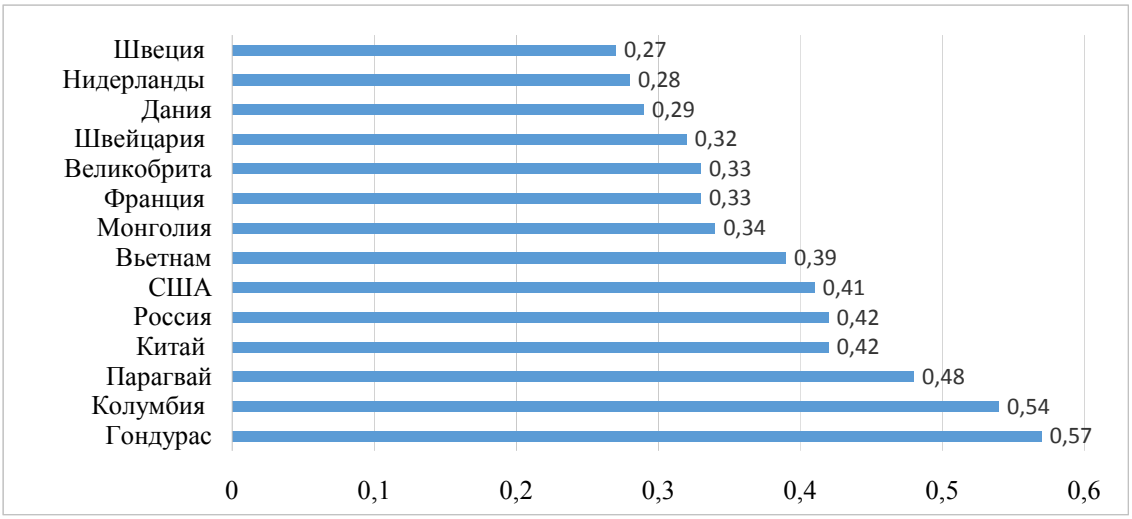


Рисунок 1.
Коэффициент Джини по данным Всемирного банка (2012 г.)

[1] См. например: Дитон А. Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016; Дорлинг Д. Равенство. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2014; Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

[2] Hardoon D. Wealth: Having It All and Wanting More. 2015. – P. 2–3. – https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/ib-wealth-having-all-wanting-more-190115-en.pdf

[3] Источник: GINI index (World Bank estimate). – http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI

Постсоветский период характеризуется ростом концентрации доходов в руках богатых. Наиболее богатые 20% населения концентрируют почти половину доходов всего населения. Наиболее четко оценить состояние доходов групп населения, находящихся на краях распределения — бедных и богатых, позволяет коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), характеризуя степень социального расслоения и являясь наиболее чувствительным показателем. В России за период 1992–2015 гг. значение коэффициента фондов выросло почти в два раза (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения

	1992 г.	2000 г.	2008 г.	2004 г.	2005 г.	2015 г.
Денежные доходы – всего, процентов	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
в том числе по 20-процентным группам населения:						
первая (с наименьшими доходами)	6,0	5,9	5,5	5,1	5,4	5,3
вторая	11,6	10,4	10,3	9,8	10,1	10,0
третья	17,6	15,1	15,3	14,8	15,1	15,1
четвертая	26,5	21,9	22,7	22,5	22,7	22,8
пятая (с наибольшими доходами)	38,3	46,7	46,2	47,8	46,7	47,0
Коэффициент Джини	0,289	0,395	0,403	0,421	0,409	0,412
Коэффициент фондов, в разах	8,0	13,9	14,5	16,6	15,2	15,6

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Госкомстат России, 2002. – С. 130; Распределение общего объёма денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2016 г. – уже более чем в 15,6 раз. Таким образом, в настоящее время в России речь идет не столько о дифференциации доходов, сколько о переходе ее в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства, несущие угрозу социальной стабильности общества. При этом отметим, что анализируемая динамика показателей дифференциации доходов исчислена на основе данных официальной российской статистики. Однако официально рассчитываемый коэффициент фондов существенно занижает (не менее чем в два раза) реальную дифференциацию доходов населения по нескольким причинам:

– коэффициент фондов официально рассчитывается по информации бюджетной статистики. А любое обследование домашних хозяйств не включает некоторые слои населения (военнослужащие срочной службы, находящиеся в местах заключения, маргинальные слои населения). Так, доля последних по оценкам социологов сегодня достигает 7–10% населения. Также в сеть обследования не попадают доходы сверх богатых (примерно 5%). Таким образом, бюджетная статистика описывает уровень жизни только 80–85% населения страны;

– при расчете коэффициента фондов учитывается лишь величина официально зарегистрированных доходов, без учета теневых выплат (по различным оценкам около 30–40% финансовых средств), сосредоточенных в основном в руках наиболее обеспеченных слоев населения.

Однако, даже опираясь на официально публикуемые данные, можно сделать вывод о существенном социально-экономическом расслоении российского общества. На рис. 2 хорошо видно, что за последние 15 лет в России тренды экономического роста и неравенства в целом не только не совпадают (за некоторым исключением), а скорее, характеризуются противоположной динамикой.

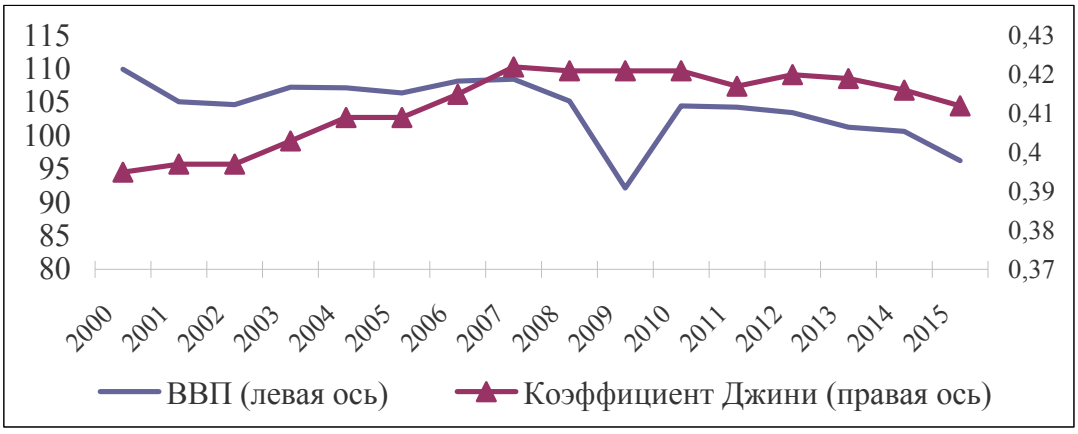


Рисунок 2.
Динамика темпов роста ВВП и коэффициента Джини[1]

Тенденция роста неравенства в российском обществе наблюдается как в периоды экономического спада (1991–1998 гг., 2008–2009), так и на фоне экономического роста. С 1999 г., как показывают данные официальной статистики,

[1] Источники: Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году). – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm; Распределение общего объёма денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

начался устойчивый экономический рост. В 2007 г. Россия достигла объема ВВП уровня докризисного 1989 г. За период 1999–2008 гг. ВВП вырос почти на 70%, объем промышленной продукции – на 60%, а сельскохозяйственной – увеличился на 48,7%. В условиях улучшения экономической ситуации можно было бы ожидать и сглаживания социально-экономического неравенства. Но действительность свидетельствует об обратном. На фоне начавшегося в 1999 г. экономического роста степень социального расслоения продолжала расти. За период 2000–2015 гг. коэффициент Джини вырос с 0,395 до 0,412.

Таким образом, на протяжении всего периода достаточно устойчивого экономического роста (1999–2008 гг.) в России, несмотря на позитивную динамику доходов бюджета и растущие возможности проведения активной государственной политики, наблюдалась ярко выраженная тенденция роста социально-экономического неравенства. В период кризиса и существенного сокращения реального объема ВВП в 2007–2009 гг. в России также имел место рост неравенства. Именно в этот период коэффициент фондов по дифференциации доходов достиг своего наивысшего значения (16,7-16,6 раз). Можно сделать вывод, что в 2011–2013 гг. Россия вошла в полосу усиления избыточного неравенства, когда снижение темпов экономического роста сопровождается увеличением степени неравенства.

Если же сравнивать динамику коэффициента Джини с динамикой абсолютных величин экономического роста в ценах базового периода, то отчетливо прослеживается соответствие роста неравенства и ВВП (см. рис. 3).

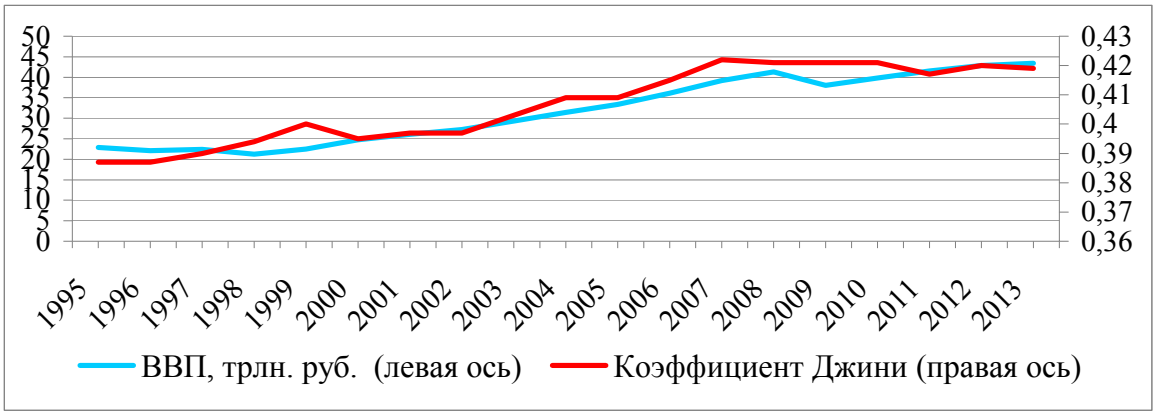


Рисунок 3.
Динамика ВВП (постоянных ценах 2008 г., трлн. руб.) и коэффициента Джини[1]

Действительно, за последние 10–12 лет темпы экономического роста заметно снизились, но абсолютный рост ВВП все же был. Объяснить такое соответствие можно тем, что все плоды экономического успеха, когда он есть, достаются богатым и сверхбогатым группам населения. И рост неравенства в кризисные годы при отсутствии, собственно, экономического роста, означает, что расплачиваться за кризис пришлось в основном средним и низшим слоям населения.

Иная динамика экономического неравенства складывается в некоторых других странах бывшего СССР[2]. Коэффициент Джини существенно увеличился только в России. В остальных постсоветских странах неравенство уменьшилось, несмотря на то, что во всех странах (за исключением Латвии) составляло менее 0,30, что соответствует параметрам социального государства скандинавских стран (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика степени неравенства в постсоветских странах[3]

Страна	Коэффициент Джини		
	базисный год[1)]	2015 г.	2015 к базисному г. (в %)
Беларусь	0,278	0,276	99,3
Казахстан	0,348	0,278	79,9
Латвия[2)]	0,377	0,355	94,2
Республика Молдова	0,379	0,297	78,4
Россия	0,396	0,416	105,1
Украина	0,340	0,243	71,5

[1)] базисный год: Беларусь, Казахстан, Республика Молдова, Россия, Украина – 2001 г., Латвия – 2003 г.
[2)] данные по Латвии – за 2012 г.

Важнейшим фактором формирования избыточного экономического неравенства в российском обществе является нарушение пропорций в оплате труда между видами занятости, по уровню квалификации на предприятиях раз-

[1] Источник ВВП постоянных ценах 2008г. (1995–2014 гг.). – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#; Распределение общего объёма денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

[2] См. подробнее: Воейков М.И., Анисимова Г.В. Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве // Общество и экономика. 2015. – № 3. – С. 26–46.

[3] Рассчитано по: Россия и страны мира. 2006. Стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – С. 78–79; 2014. – С. 108; 2002. – С. 104; 2008. – С. 101; 2016. – С. 81, 109.

ных форм собственности. Необоснованно высокая дифференциация оплаты труда не соответствует степени продуктивности и профессионально-квалификационным характеристикам трудовой деятельности (сложность, качество, условия, интенсивность труда).

Важнейшим препятствием на пути инновационного развития российской экономики является резкая дифференциация работающего населения по материальному уровню благосостояния. Пик дифференциации был достигнут в 2001 г., когда превышение средней заработной платы 10% наиболее высоко оплачиваемых работников над 10% наименее оплачиваемых (коэффициент фондов) составило почти 40 раз (39,6). В дальнейшем возникла тенденция к сокращению дифференциации (2002 г. – 30,3 раз, 2006 г. – 25,3, 2009 г. – 14,7)[1], которая была переломлена в 2011 г. (коэффициент фондов составил 16,1)[2]. Увеличение разрыва между средней заработной платой 10% наиболее оплачиваемых и 10% наименее оплачиваемых работников явилось следствием более высоких темпов прироста средней заработной платы группы наиболее оплачиваемых работников (на 24%) по сравнению с группой низкооплачиваемых работников (на 13%).

Для современной России характерна существенная дифференциация оплаты труда по видам экономической деятельности. Эта дифференциация характеризуется нарастающим разрывом между оплатой труда в топливно-энергетическом комплексе, в сфере финансовой деятельности и заработной платой в обрабатывающей промышленности (см. табл. 3).

Таблица 3

Оплата труда в зависимости от вида экономической деятельности

	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего (рублей)	8555	18 638	20 952	23 369	26 629	29 792	32 495
Добыча полезных ископаемых	19 727	35 363	39 895	45 132	50 401	54 161	58 959
в том числе:							
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	23 456	41 568	46 271	51 588	57 210	61 084	66 780
Обрабатывающие производства	8421	16 583	19 078	21 781	24 512	27 045	29 511
из них:							
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	10261	17 946	21 152	23 887	26 564	28 520	30 437
производство машин и оборудования	8380	17 010	20 103	22 778	25 671	28 231	30 268
Финансовая деятельность	22 464	42 373	50 120	55 789	58 999	63 333	68 565
В % к среднероссийскому уровню							
Всего	100	100	100	100	100	100	100
Добыча полезных ископаемых	230,6	190	190	193	189	182	181
в том числе:							
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	274,2	223	221	221	215	205	206
Обрабатывающие производства	98,4	89	91	93	92	91	91
из них:							
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	119,9	96	101	102	100	96	94
производство машин и оборудования	98,0	91	96	97	96	95	93
Финансовая деятельность	262,6	227	239	239	222	213	211

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М., 2006. – С. 117; 2015. – С. 96–97.

Все годы рыночных реформ величина заработной платы в топливной промышленности и сфере финансовой деятельности устойчиво превышала среднероссийский уровень в два раза. Работники предприятий обрабатывающих производств (производство машин и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования) получают зарплату ниже среднероссийского уровня. Таким образом, ведущие позиции по оплате труда занимают отрасли, связанные с экспортом природных ресурсов страны, а также отрасли, обеспечивающие финансово-посреднические услуги. Отрасли, являющиеся основой инновационного развития, занимают низкие позиции.

Самым важным фактором, препятствующим инновационному развитию экономики России, стало неравенство уровней оплаты труда, связанное с разной отраслевой значимостью производств. Сформировавшиеся позиции отраслевых групп отражают фактическую полезность деятельности для экономики. С этой точки зрения производства, концентрирующие основной инновационный потенциал экономики, утратили свои позиции вместе с большой частью кадрового состава. Приоритетными стали добывающие отрасли и финансово-кредитное посредничество. Неоправданная межотраслевая дифференциация заработной платы привела к приоритету добывающих отраслей и услуг, создающих их инфраструктуру, т.е. однобокости экономического роста, возрастанию сырьевой составляющей, при свертывании инновационных компонентов.

Неоправданная дифференциация заработной платы нарушает принцип одинакового вознаграждения равного по качеству и количеству труда. Это способствует необоснованному, с точки зрения развития экономики в целом, перетоку трудовых ресурсов. Различия в оплате труда работников разных отраслей должны быть сохранены, однако они не должны носить столь одиозного характера, который в настоящее время связан, прежде всего, с процессом деиндустриализации и превращения России в сырьевой придаток.

[1] Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.:, 2002. – С. 132; 2003. – С. 137; 2010. – С. 133.

[2] Там же. – М., 2015. – С. 110.

Можно сделать вывод, что заработки в отраслях с завышенными приоритетами содержат рентную составляющую, а в стратегически значимых отраслях — соответствующие изъятия. Это приводит к общему нарушению воспроизводственной функции оплаты труда, а также обусловливает «проедание» как наличного, так и перспективного трудового потенциала из-за недоучета и даже исключения детского иждивения из величины оплаты труда. Социально-экономическая дифференциация, сопровождающаяся массовой маргинализацией населения, является важнейшим фактором системной общественной и государственной неустойчивости.

Согласно праволиберальной экономической концепции, высокий уровень экономического неравенства ведет к ускорению экономического роста. Так, Л. Мизес писал: «Только благодаря неравенству богатства, возможному в условиях нашего общественного порядка, только благодаря тому, что он стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при наименьших издержках, человечество сегодня имеет в своем распоряжении тот совокупный объем годового богатства, которое можно использовать на потребление»[1]. В концепции экономического либерализма неравенство индивидов есть ключевой инструмент экономического роста: чем больше неравенство, тем быстрее экономический рост. Высокодоходный, богатый человек имеет возможность делать сбережения, которые затем перетекают в инвестиции. Если все люди примерно экономически равны и не очень богаты, то сбережения минимальны, и нет дополнительного источника для инвестиций. А нет инвестиций – нет экономического роста. Причем, чем больше богатства концентрируется у немногих, тем больше сбережения и, следовательно, инвестиции. Кроме того, низкодоходный человек смотрит на высокодоходного и старается достичь его материального и социального статуса, что всему обществу придает социальную динамику. Перераспределение же доходов в пользу бедных слоев населения породит только больше нищеты, мотивируя низшие слои не работать.

Если рассматривать взаимосвязь экономического неравенства, инвестиций и сбережений, то следуя логике либерального подхода, в России должен бы наблюдаться тренд их роста. Однако, как видно на рисунке 4, устойчивая тенденция роста характерна только для коэффициента Джини. Рост концентрации доходов населения сопровождается снижением темпов роста вкладов населения и инвестиций (с 2011 г. темпы роста сбережений и инвестиций характеризуются минусовыми значениями). Даже в самом благополучном по данному показателю 2007 г. инвестиции составили примерно 20 % к ВВП, а в последнем году советского периода (1990 г.) этот показатель составил примерно 38%. Особенно настораживает тенденция сокращения темпов роста инвестиций в машины и оборудование. Неслучайно, столь велика степень износа основных фондов (2005 г. – 43,5%, 2015 г. – 50,5%)[2], которая неуклонно возрастает.

Рисунок 4.
Динамика инвестиций, сбережений и неравенства[3]

Неравенство доходов населения, сопровождается высоким уровнем неравенства возможности формирования запаса денежных средств (табл. 4).

Коэффициент дифференциации прироста сбережений (коэффициент фондов) существенно (в 2011 г. 1,6 раза, а в 2014 г. уже более чем в 2 раза) превышает уровень дифференциации населения по доходам. Сбережения у наиболее доходных слоев населения превышают сбережения у низкодоходных в 33 раза. При этом у низкодоходных слоев прирост сбережений за последние 5 лет сократился на несколько процентных пунктов. Сбережения в существенном размере оказываются только у высокодоходной группы населения. Неравенство доходов в значительной степени детерминирует объем и структуру потребительского спроса. Чем выше неравенство, тем ниже совокупный потребитель-

[1] Мизес Л. Либерализм. – М.: ООО «Социум»; изд-во Экономика, 2001. – С. 35.

[2] Россия в цифрах. – М.: Росстат, 2016. – С. 68

[3] Источники: Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#; Структура использования денежных доходов (динамика). – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

ский спрос при одних и тех же доходах населения. Это объясняется тем, что, чем выше неравенство, тем большая доля населения вынуждена снижать свои расходы по отношению к своим потребностям.

Таблица 4

Динамика прироста сбережений

	Прирост сбережений	
	2011 г.	2014 г.
Все домашние хозяйства, процентов	100	100
в том числе по 20-процентным группам обследуемого населения:		
первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	3,5	2,9
вторая	7,3	6,1
третья	12,8	10,8
четвертая	22,6	24,8
пятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	53,8	55,4
Коэффициент фондов по приросту сбережений, в разах	27	33
Коэффициент фондов по доходам	16,2	16

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Росстат. 2012. – С. 152; 2015. – С. 188.

Экономический рост при нарастающем социально-экономическом неравенстве не способен привести к качественным изменениям, принципиально не решая проблему бедности и повышения благосостояния всего общества. Большинство населения России получают слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за чего их человеческий и трудовой потенциал используется неэффективно.

Как показывают данные официальной статистики за 2013–2015 гг. численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума увеличилась. Если в 2013 г. в России насчитывалось 15,5 миллионов человек с доходами ниже прожиточного минимума, то в 2015 г. их число составило около 20 млн. Причем, бедными стали большие слои именно работающих. Иными словами, трудящийся класс сегодня не имеет нормальной, достойной этого названия зарплаты. Вот эти «новые бедные» или «работающие бедняки» есть свидетельство нежизнеспособности общества, невозможности воспроизводства трудового потенциала.

Если же проанализировать энергетическую ценность питания по группам населения, то картина получается еще более удручающей. В соответствии с разработанными специалистами в области питания нормами физиологической потребности в пищевых веществах и энергии для работников очень легкой и легкой физической активности, минимально необходимая норма составляет 2487 ккал[1] для человека в день. Как показывают исследования, энергетическая ценность продуктов питания тридцати процентов населения ниже этой минимально допустимой нормы. Т.е. фактически бедными являются не 13,3% (согласно данным Росстата)[2], а 30% населения (см. рис. 5).

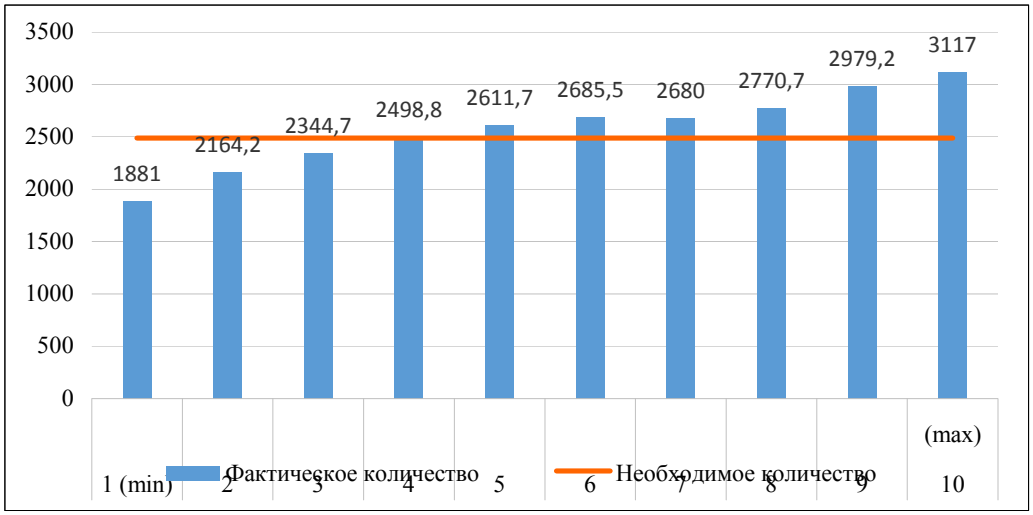


Рисунок 5.
Соотношение величины необходимого и фактически получаемого количества калорий по 10 процентным (децильным) группам населения в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов (в среднем за сутки на потребителя, ккал) в 2015 г.

[1] Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» (принят в первом чтении 28 сентября 2012 г.). – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=36092#0

[2] Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

Как показывают данные российской статистики первой наиболее бедной группе населения получаемых калорий едва хватает организму для поддержания собственного функционирования (основного обмена веществ[1]) в условиях покоя (1700 ккал[2]).

Неравенство материального положения влечет за собой *неравенство жизненного уровня и состояния здоровья,* дискриминацию при получении образования и медицинского обслуживания[3]. Известно, что состояние здоровья во многом зависит от возможности качественного питания, т.е., прежде всего, – от уровня доходов. Эту зависимость подтверждают и результаты обследования, проведенного при участии Минздравсоцразвития России, Росспорта, Института социальных исследований в 24 субъектах Российской Федерации (табл. 5). Люди с высокими доходами не испытывают и проблем с высококачественным медицинским обслуживанием, с покупкой любых лекарств, с расходами на отдых. Как свидетельствуют данные в группе респондентов с низким уровнем доходов, практически каждый второй опрошенный указал на наличие болезней опорно-двигательного аппарата и системы кровообращения, а в среднем 8–9 респондентов из каждых десяти опрошенных страдают двумя заболеваниями.

Таблица 5

Заболеваемость в группах с разным уровнем доходов (в %)

Заболевания	Уровень доходов			Всего
	высокий	средний	низкий	
Остеохондроз	27,2	36,6	45,6	32,2
Гипертоническая болезнь и/или ишемическая болезнь сердца	21,5	32,2	41,2	27,0
Артрит	7,1	12,9	21,2	10,5
Холецистит	7,6	13,4	12,8	10,0
Бронхит	6,9	9,2	20,8	8,9
Патология щитовидной железы	6,5	8,5	10,6	7,5
Язва желудка и/или двенадцатиперстной кишки	5,0	8,5	8,4	6,7
Мочекаменная болезнь	4,6	7,2	7,5	5,8
Диабет	1,4	5,3	7,5	3,4
Астма	1,2	2,7	7,5	2,5

Источник: Краткие итоги выборочного обследования «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения». – М.: Росстат, 2009. – http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdr08.htm

Данные опроса дают веские основания для вывода о том, что главным источником стрессов является социальная неустроенность. Например, в группе респондентов, имеющих низкие доходы, в полтора-два раза чаще, чем в высокодоходной группе, проявляется состояние острой психологической тревоги по поводу неясной перспективы существования, чувство одиночества, беспокойство, вызванное возможностью потери работы. Такое нервное состояние, сохраняющееся в течение многих лет, обусловливает широкое распространение аномии общества. Она выражается в противоречивости сознания и поведения многих людей, в том числе в отношении к своему здоровью как ценности и главному фактору, определяющему полноценность жизни. Чрезмерное социально-экономическое расслоение население, вызывая стрессы и депрессии, приводит к ухудшению здоровья, повышая уровень смертности у низкодоходных групп населения.

Экономический рост при нарастающем социально-экономическом неравенстве не способен привести к качественным изменениям, принципиально не решая проблему бедности и повышения благосостояния всего общества. Как свидетельствует российская действительность, за последние 25 лет в стране накопилось много чрезвычайно острых проблем, наличие которых существенно сдерживает экономическое развитие страны. Среди них, в первую очередь необходимо выделить:

– массовое обеднение основной части населения в результате снижения уровня реальной заработной платы и среднедушевых доходов как предпосылка деградации потребностей и потребления, снижение трудовой мотивации, превращение труда из фактора жизненного успеха в фактор выживания;

– спад рождаемости, происходящий на фоне роста смертности, что не характерно для перехода к цивилизованному типу воспроизводства населения, которому присущи низкая смертность и низкая рождаемость;

– резкое ухудшение качества здоровья нации, индивидуального потенциала здоровья у вновь рождающихся, подрастающих поколений и у людей трудоспособного возраста в результате кризиса системы здравоохранения, снижения уровня медицинского обслуживания обедневшей части населения с переходом на страховую медицину, коммерциализацией медицинских услуг, резким повышением цен на лекарства и санаторно-курортное обслуживание.

Можно констатировать, что Россия вступила в полосу формирования крайне негативных, антиинновационных тенденций воспроизводства населения. Изменение сложившегося положения зависит от многих объективных и субъективных факторов, но главное определяется политикой, проводимой властными структурами и бизнесом и, прежде

[1] Величина основного обмена (ВОО) – минимальное количество энергии, необходимое для осуществления жизненно важных процессов, то есть затраты энергии на выполнение всех физиологических, биохимических процессов, на функционирование органов и систем организма в состоянии температурного комфорта (20^0С), полного физического и психического покоя.

[2] Методические рекомендации МР 2.3.1.2432-08 «Рациональное питание. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации». – С. 6.

[3] См. подробнее: Воейков М.И., Анисимова Г.В. Экономическая политика и проблемы социально-экономического неравенства // Проблемы теории и практики управления. – М., 2016. – № 11. – С. 8–22.

всего, системой институтов, образованных для проведения этой политики. В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных доходных групп населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов.

Для компенсации неравномерности распределения доходов необходимо проведение эффективной государственной социально-экономической политики. А эта политика будет эффективной только в том случае, если она способствует преодолению необоснованного неравенства, которое является избыточным с точки зрения общественных интересов. Основной путь экономической политики корректировки распределительных механизмов – это механизмы перераспределения доходов в системе «налогообложение – социальные льготы». Необходимым условием функционирования национальных систем распределения доходов считается применение прогрессивной шкалы налогов. Россия же с 2001 г. отказалась от такого подхода и практикует единую ставку налогов на личные доходы в размере 13%. Применение единого налога, по сути, представляет собой мультипликатор неравенства: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются.

В отличие от России в большинстве стран действуют прогрессивные шкалы налогообложения доходов физических лиц, а в ряде из них с минимальных доходов налоги не берутся (Швеция). В Бразилии и Индии минимальный налог ниже, чем в России (7,5–10%). В то же время наиболее состоятельные граждане платят высокие налоги. Особенно это касается Швеции (57%), Германии (45%) и США (35%)[1]. Когда высокие заработки облагаются прогрессивным налогом и налоговые поступления используются не для прямых трансфертов бедным, а для повышения низких зарплат, то при избыточном экономическом неравенстве государство может, используя такую политику, повысить общую продуктивность экономики.

Для разработки эффективной социальной политики необходимо использовать современный зарубежный опыт, а также отечественные научные теоретические и практические разработки, учитывающие российские реалии, в том числе определение оптимального уровня неравенства. Необходимо соблюдение баланса, т.к. опасны все крайности в распределении доходов. С одной стороны, чрезмерно *низкий* уровень неравенства в распределении доходов негативно сказывается на трудовой мотивации, экономическом развитии. С другой стороны, чрезмерно *высокое* неравенство ведет к сокращению потребительского спроса и индивидуальных сбережений, обострению социальных проблем, а при определенных условиях может послужить источником социально-политической напряженности и нестабильности. Экономический рост стимулирует оптимальный уровень неравенства, соответствующий степени неоднородности труда, измеряемой его производительностью (продуктивностью) по различным видам деятельности и квалификациям.

[1] Tax Rates around the World 2016. – http://www.worldwide-tax.com

Мельниченко Н.Ф.
к.э.н., зав. кафедрой «Менеджмента и маркетинга» Ярославского филиала РЭУ NMel'nichenko@rea-yar.ru

КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ключевые слова: *качество трудовой жизни, человеческий фактор, кадровый потенциал, трудовое поведение, трудовая деятельность, мотивация персонала, критерии оценки, источники конкурентных преимуществ, конкурентоспособность.*

Keywords: *the quality of working life, human factor, human resources capacity, behavior in working life, work activity, staff motivations, evaluation criteria, sources of competitive advantage, competitiveness.*

Совершенствование качества трудовой жизни на современном этапе является одним из факторов экономического роста страны. Высокое качество продукции, высокий технический уровень, удовлетворенность собственным трудом могут быть достигнуты за счет высокого качества трудовой жизни сотрудников предприятия, что в свою очередь, является источником его конкурентоспособности. Именно высококвалифицированный и мотивированный работник предприятия является основным источником (резервом) конкурентоспособности предприятия.

По мнению А.Я. Кибанова, «трудовая деятельность – это жестко фиксированный во времени и пространстве целесообразный ряд операций и функций, совершаемых людьми, объединенными в производственной организации» [3]. То есть в данном аспекте каждый работник ставит перед собой определенные цели, например, создание материальных благ для себя и своей семьи; генерирует идеи и воплощает их в жизнь; оказывает услуги различного целевого назначения; коммуницирует и т.д.

Следовательно, трудовая деятельность характеризуется определенными свойствами: функционально-технологическими трудовыми операциями; набором соответствующих качеств субъектов труда; материально-техническими условиями и пространственно-временными рамками реализации целей; организационно-экономическими связями; условиями труда; социально-психологическими отношениями и т.д.

Категория «трудовое поведение» – более комплексное понятие, которое следует рассматривать с различных точек зрения: как способ бытия; как активная позиция человека в процессе труда; как включение человека в процесс преобразований в соответствии с личными потребностями, ожиданиями и целями. Трудовая деятельность – это сознательно регулируемый комплекс действий и поступков работника, связанных с совпадением профессиональных возможностей и интересов с деятельностью производственной организации, производственного процесса.

Следует отметить, что трудовое поведение формируется под влиянием различных факторов: жизненной ситуации, социальных и профессиональных характеристик работников, условий труда, системы норм и ценностей, трудовых мотиваций. Следовательно, трудовое поведение носит направленный характер и служит удовлетворению потребностей человека в процессе труда. Наблюдается прямая связь с трудовой мотивацией работника.

Поэтому основными составляющими трудового поведения являются: потребности, интересы и мотивы человека (три составляющие мотивации), а также ценностные ориентации, установки, стимулы и трудовая ситуация.

Таким образом, понимание данных составляющих руководителями российских компаний способствует повышению уровня мотивации работников предприятия на позитивное трудовое поведение, активную трудовую деятельность, и как следствие, достижению высоких результатов труда, повышению уровня конкурентоспособности предприятия.

Понятия «трудовое поведение», «трудовая деятельность» находятся в прямой взаимосвязи с понятием «трудовой потенциал» или «кадровый потенциал» работника.

Рассматривая потенциал как способность ресурсов давать определенные результаты и обеспечивать функционирование системы, следует учитывать и выражать в показателях все факторы, которые определяют такую способность. Для этого необходимо знать как характеристики ресурсов всех видов, так и их результирующие (системные) характеристики, знать способ их использования и управления ими. Другими словами, необходимо знать не только ресурсы, но и накопленные, однако еще не используемые резервы [8].

Если в состав трудовых ресурсов включают всех фактических и потенциальных работников, обладающих общей способностью к труду, то в состав кадров следует включать только работников, обладающих профессиональной трудоспособностью, то есть имеющих специальную подготовку. В результате величины трудовых ресурсов и кадров различаются на ту часть работников, которую составляют неквалифицированные или малоквалифицированные рабочие.

В теорию и практику входят и получают экономическую оценку в той или иной форме конкретные качественные характеристики кадрового потенциала – численность, структура, знания, профессиональный состав, квалификация, навыки, накопленный производственный опыт; личные качества: здоровье, образование, профессионализм, способность к творчеству, нравственность, разностороннее развитие, активность, мотивация к труду и т.д.

Формирование концепции качества трудовой жизни (quality of work life) происходило в 70-х гг. XX в. на основе проведенных в США исследований трудовых проблем, которыми занималось Министерство здравоохранения, просвещения и социального обеспечения [2].

Сущность концепции заключается в определении комплекса показателей, характеризующих положительные организационные, социальные и психологические условия труда, в оценке их влияния на производительность труда, конечные результаты работы и конкурентоспособность предприятия.

Термин «качество трудовой жизни» впервые был использован С. Робинсоном в 1972 г. на международной конференции, посвященной проблемам трудовых отношений, и определялся как «деятельность организации, направленная на удовлетворение потребностей работника путем создания механизмов, при помощи которых сотрудник получает полный доступ к процессу принятия решений, определяющих его жизнь на работе» [2].

Качество трудовой жизни большинством экономистов признается фактором и одновременно важным элементом качества жизни.

В таблице 1 представлены различные определения термина «качество трудовой жизни».

Таблица 1

Определения термина «качество трудовой жизни» (КТЖ)

№ п/п	Автор	Определение
1	Платонов О.А.	это общечеловеческое движение в сторону создания условий, препятствующих процессу отчуждения труда, восстановления целостности культуры, возвышения человека как самостоятельной творческой личности
2	В.И. Янковская	это определенный комплекс факторов, характеризующих объективные параметры жизнедеятельности субъектов в труде
3	А.П. Егоршин	1) уровень удовлетворения личных потребностей работников через их деятельность в организации 2) КТЖ – это интегральный показатель, всесторонне характеризующий экономическое развитие общества, уровень материального, медико-экологического и духовного благосостояния человека
4	Дж.Р. Хекман и Дж.Ллойд Саттл	степень, до которой члены производственной организации могут удовлетворить свои важные личные потребности через их работу в этой организации
5	П.В. Журавлева и С.А. Карташова	степень удовлетворения важных личных потребностей работника через деятельность в организации
6	В.М. Маслова	качество трудовой жизни является основным показателем оценки социально-духовных отношений в трудовом коллективе

Во всех определениях, представленных в таблице, прослеживается связь качества трудовой жизни и мотивации персонала. Поэтому, в широком понимании и с целью измерения данной категории, нами под качеством трудовой жизни будет пониматься «индикатор благосостояния и реализации интеллектуального потенциала личности», понятие, наиболее созвучное с определением, данным А.П. Егоршиным: «качество трудовой жизни – это интегральный показатель, всесторонне характеризующий экономическое развитие общества, уровень материального, медико-экологического и духовного благосостояния человека [1].

Все изложенное выше дает основание для следующего суждения: оценка состояния и степени развитости социально-трудовых отношений невозможна при использовании одного или нескольких показателей, характеризующих качество трудовой жизни работников предприятия, однако, существует прямая зависимость между качеством трудовой жизни и результатами труда, т.е. качество трудовой жизни работников того или иного предприятия является одним из факторов его конкурентоспособности.

Конкурентоспособность организации напрямую зависит от квалификации персонала, участвующего в процессе удовлетворения потребности потребителя. При этом достижение конкурентоспособности – не самоцель, а обязательное условие обеспечения высокого качества трудовой жизни.

Работники, которые удовлетворены условиями труда, социально-психологическим климатом в коллективе, вовлечены в процесс принятия решений и мотивированы к результативному труду, несомненно, являются основным источником конкурентоспособности предприятия.

Учитывая сказанное, набор основных факторов конкурентоспособности можно представить в виде схемы (рис. 1).

Рисунок 1.
Факторы конкурентоспособности современной организации [4]

В таблице 2 представлены основные причины неудовлетворённости качеством трудовой жизни.

Таблица 2

Основные причины неудовлетворенности качеством трудовой жизни

№ п/п	Название группы причин	Проявление
1.	Психологические	неудовлетворённость качеством, отсутствие интереса к работе, постоянная конкуренция, эмоциональная перегруженность, связанная с излишней ответственностью и (или) риском для жизни, отсутствие взаимной коммуникации, агрессивность коллектива, давление со стороны начальства, недооценка стараний со стороны начальства
2.	Экономические	недостаточная оплата труда, несовершенная система создания норм труда, плохие условия труда, несправедливое распределение нагрузок, отсутствие системы кадрового продвижения и возможностей карьерного роста, монотонность работ, расплывчатые границы ответственности и служебных обязанностей, резко различающаяся мотивация у сотрудников, неправильная организации труда и, как следствие, большая перегрузка отдельных специалистов

В 2015–2016 гг. нами проводилось исследование конкурентоспособности одного из предприятий региона, в ходе которого работниками предприятия была дана оценка качества трудовой жизни.

Отметим, что предприятие имеет положительную динамику почти по всем экономическим показателям деятельности, в последние годы продукция данного предприятия пользуется спросом, руководством предприятия уделяется большое внимание качеству продукции, поиску новых каналов сбыта. Но в условиях кризиса, когда, казалось бы, надо держаться за рабочее место, на предприятии отмечается значительная текучесть кадров.

В анкетировании участвовало 98 человек; категории респондентов: специалисты (42%) и производственные рабочие (58%).

За основу при проведении исследования взяты, предложенные А.П. Егоршиным показатели КТЖ (балльная оценка от 0 до 10), а в качестве метода исследования –анкетирование (анкета А.П. Егоршина «Анализ качества трудовой жизни»). Оценка КТЖ была дополнена результатами изучения таких комплексных показателей как социально-психологический климат (СПК), стиль руководства и соцпакет.

Согласно методике А.П. Егоршина, сумма баллов по всем семи параметрам соответствует определенной оценке: до 280 баллов – неудовлетворительно; от 280 до 420 – удовлетворительно; от 420 до 630 баллов – хорошо; свыше 630 баллов – отлично.

На рис. 2 представлены результаты оценки КТЖ специалистами данного предприятия.

Рисунок 2.
Результаты оценки качества трудовой жизни специалистами предприятия

Итак, в ходе оценки КТЖ по семи основным параметрам, были получены следующие результаты (средний балл по каждому параметру):

1) Трудовой коллектив – средняя оценка 125 баллов (оценка «отлично»);

2) Вознаграждение за труд и признание труда – в среднем 72 балла, что соответствует оценке «хорошо»;

3) Условия труда и техника безопасности – 70 баллов, данная оценка является пограничной между «удовлетворительно» и «хорошо».

4) Отношения с руководством – средний балл 127 (оценка «отлично»);

5) Развитие и возможность карьерного роста – этот показатель оценен респондентами в 75 баллов, что соответствует оценке «хорошо»;

6) Социальные гарантии – средний балл 72 (оценка «хорошо»);

7) Социальные блага – здесь наблюдается самая низкая оценка – 60 баллов («удовлетворительно»), которая отражает ожидания работников именно по предоставлению социального пакета, т.е. компенсационных выплат.

Таким образом, суммарная оценка КТЖ специалистами предприятия составила 601 балл, что соответствует общей оценке КТЖ «хорошо». Однако основными проблемами в сфере управления персоналом на предприятии являются недостаточно эффективная работа руководства по обеспечению социальных гарантий и предоставлению социальных благ, также респондентами были названы причины высокой текучести кадров среди специалистов предприятия – это заработная плата молодых специалистов и неэффективные коммуникации как внутри предприятия (между отделами), так и с внешней средой (поставщики, заказчики).

Результаты анкетирования рабочих предприятия следующие:

1) Трудовой коллектив: средняя оценка 74 балла, что соответствует оценке «хорошо». Однако при анализе ответов по данному разделу отмечено, что наиболее низкие баллы по двум показателям внутри параметра: а) стрессы и как следствие конфликты на работе по вине сотрудников предприятия – организация работ (были представлены пояснения – конфликт из-за несвоевременной поставки материалов, затягивания сроков выполнения работы, а порой и срыв); б) уровень мотивации к труду. Данный показатель связан, по мнению респондентов, с условиями труда (шум, плохо работает вытяжка в цехах, авралы).

2) Вознаграждение за труд и признание труда (оплата труда): 56 баллов – средняя оценка «удовлетворительно». Для данной категории респондентов оплата труда является наиболее значимым фактором. Ответы свидетельствуют о неудовлетворенности уровнем заработной платы, что подтверждается низкими баллами по показателям параметра: достойная заработная плата, справедливость в оплате труда, формы оплаты труда.

3) Рабочее место: средний балл – 68, что соответствует оценке «удовлетворительно». Самые низкие оценки поставлены по показателям уровень организации рабочего места, хороший офис и мебель. Последний показатель из-за специфики работы в цехе нами не принимается во внимание. В данном случае целесообразно включить такой показатель, например, как техника безопасности и охрана труда, что и было представлено в ответах респондентов.

4) Отношения с руководством: средняя оценка – 76 баллов.

Данный показатель соответствует по балльной шкале оценке «хорошо», а данные ответы позволили выявить проблему во взаимодействии с руководством, отношение руководителя к подчиненным и степень уважения подчиненных к руководству компании.

5) Служебная карьера: средний балл 50, что соответствует оценке «удовлетворительно», и является пограничной с оценкой «неудовлетворительно». Эта оценка самая низкая среди оцениваемых параметров.

Как видно из полученных результатов, основные проблемы связаны с тем, что работники компании не владеют информацией о назначении на различные должности; есть серьезные проблемы, связанные с поощрением сотрудников, обучением и развитием.

6) Социальные гарантии: средняя оценка – 68 баллов соответствует оценке «удовлетворительно» (граничит с оценкой «хорошо»).

Социальные блага: очень близкая по смыслу с предыдущей характеристикой (социальные гарантии) КТЖ и результаты ответов респондентов свидетельствуют о серьезных проблемах в компании (52 балла – оценка «удовлетворительно»). Рабочих волнуют вопросы, связанные с индексацией заработной платы, соцпакетом, оказанием материальной помощи, страхованием, забота о здоровье, оплата проезда, питания и т.д.

На рис. 3 представлены результаты оценки КТЖ специалистами предприятия.

Рисунок 3.
Результаты оценки качества трудовой жизни рабочими предприятия

Итак, общая сумма баллов по всем показателям составила 444 балла, что соответствует общей оценке «удовлетворительно». Результаты анализа КТЖ показали, что основные проблемы лежат в области социального обеспечения, социальных гарантий, возможностей развития персонала и отношений с руководством.

Формат статьи не позволяет представить полностью результаты исследования, которые позволили сделать выводы: 1) результаты ответов респондентов подтвердили, что наиболее важными мотивационными факторами являются факторы, коррелирующие с показателями качества трудовой жизни: уровень оплаты труда и его взаимосвязь с личным вкладом работника; эффективная организация труда (ритмичность в работе) и условия труда (в частности безопасность и охрана здоровья); важность и значимость для работников социальных гарантий и возможности для обучения и развития персонала, внимание со стороны руководства к индивидуальным нуждам работника; 2) конкурентоспособность предприятия напрямую зависит не только от высококвалифицированных работников, но в большей степени от мотивированных на работу на том предприятии, где созданы условия труда, комфортный социально-психологический климат, компетентные руководители, коллеги с уважением относятся друг к другу, оказывают помощь и содействие, предоставляются социальные гарантии и блага, т.е. все те составляющие (параметры), которые характеризуют качество трудовой жизни.

Список литературы

1. Егоршин А. П. Мотивация трудовой деятельности: учебн. пособ. – Н. Новгород: НИМБ, 2013. – 302 с.
2. Иванова И.К. Качество трудовой жизни // Человеческие ресурсы. 2011. – № 2. – http://www.pmuc.ru
3. Кибанов А.Я. Управление персоналом: Теория и практика. Оценка экономической и социальной эффективности управления персоналом организации: Учебно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2012. – 48 с.
4. Миронов М.Г. Ваша конкурентоспособность. – М.: Альфа-Пресс, 2009. – С.28.
5. Признаки, отображающие КТЖ работников. – http://www.career-st.ru'specialist
6. Портер М.Е. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей конкурентов. – М., 2011.
7. Серафимович И.В. Метакогнитивность мышления: социально-психологический аспект // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. – № 1. – С. 133–142
8. Управление персоналом: учебник / Под общ. ред. Турчинова А.И. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – С. 154.

Молчанов И.Н.,
Холдеев К.А.[1]

СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННЫЙ БИЗНЕС: ПОДДЕРЖКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Ключевые слова: *корпоративная социальная ответственность, образование, культура, бизнес-проекты, финансирование.*

Keywords: *corporate social responsibility, education, culture, business plans, financing.*

В современном мире социальная ответственность представляет собой явление, которое в ряде стран (преимущественно Европы и Северной Америки) стало нормой и привычным процессом, включенным в механизм функционирования множества компаний, а в некоторых странах оно только появляется или находится на ранней стадии развития. При этом степень развитости корпоративной социальной ответственности в странах мира различна и зависит в большей степени от начальных условий, выражающихся в политическом режиме, настроениях, менталитете и требованиях общества, экономической политике, историческом укладе и др. Однако, несмотря на вышеуказанные факторы, корпоративная социальная ответственность во всем мире оказывает прогрессивное влияние на развитие общества в целом, отдельных его элементов и институтов.

В общем виде, под корпоративной социальной ответственностью понимается «реализация той политики, принятие таких решений либо следование такой линии поведения, которые были бы желательны для целей и ценностей общества» [1, с. 21]. При прикладном рассмотрении под корпоративной социальной ответственностью подразумевается добровольный вклад организации (компании, фирмы, предприятия) в развитие общества. Благодаря этому происходит удовлетворение общественных потребностей и увеличение количества социальных инициатив; государство приобретает поддержку со стороны бизнеса, а компании и другие заинтересованные стороны также получают определенного рода положительные эффекты.

В результате эволюционного развития корпоративная социальная ответственность становится одним из подходов к решению накопившихся проблем человечества, выраженных в широком диапазоне аспектов: от экологических до социальных. К примеру, от глобального потепления до людей, живущих за чертой бедности. Сложившееся понимание сущности корпоративной социальной ответственности и ее принципов благотворно влияет на функционирование организаций (компаний): от улучшения экологической составляющей производства до введения программ благотворительности, при этом действия менеджмента фирмы не остаются незамеченными и служат наглядным примером для других представителей бизнеса. В итоге возникает цепочка распространения корпоративной социальной ответственности, что приводит к трансформации существующих экономических отношений в сторону появления социально ориентированных элементов. Поэтому мероприятия в рамках корпоративной социальной ответственности способны изменить не только политику одной компании, но и отношения в обществе между индивидуумами, между бизнесом и властью, между бизнесом и бизнесом, между бизнесом и индивидуумами, их группами.

Корпоративная социальная ответственность, появившаяся во многом благодаря требованиям общества, развивается по большей части на корпоративном уровне, но закономерно проявляется на территориальном и общегосударственном уровнях. Каждая страна, поддерживающая и развивающая принципы и механизмы корпоративной социальной ответственности, вносит свой вклад в снижение социальной напряженности, повышение общественного благосостояния. Позитивные результаты прослеживаются в развитии экологической направленности деятельности хозяйствующих субъектов, а также в учете демографической составляющей. Внешний эффект проявляется в виде снижения (либо отсутствия) категорий людей, живущих за чертой бедности, а также улучшения состояния окружающей природной среды.

История вопроса. Концепция корпоративной социальной ответственности появилась в США в 1950-х годах и в скором времени стала популярной во многих странах. Кроме практики создания специальных фондов, в США распространена непосредственная финансовая помощь малоимущим и спонсирование сфер образования и культуры. При этом следует отметить, что крупные компании применяют инструментарий корпоративной социальной ответственности не только внутри своей страны, но и через собственные зарубежные филиалы, поддерживая социальное развитие местных сообществ.

В Европе модель корпоративной социальной ответственности традиционно применяется в рамках стандартизации и регулирования, то есть посредством создания границ взаимодействия организаций и общества, которые контро-

[1] Молчанов Игорь Николаевич – д.э.н., профессор, профессор кафедры «Политическая экономия» МГУ, профессор Департамента общественных финансов Финансового университета. E-mail: inmolchanov@fa.ru

Холдеев Кирилл Андреевич – соискатель МГУ.

лируются не только общественными институтами, но и государством. Данный подход подразумевает необходимость всех заинтересованных сторон следовать установленным для социально ответственного бизнеса стандартам и правилам. В США же в сфере корпоративной социальной ответственности компаниям обеспечиваются благоприятные возможности для проведения добровольных социальных инициатив, не регламентируемых нормами. Но следует отметить, что международные стандарты, которые применяются при реализации принципов и механизмов корпоративной социальной ответственности, являются достаточно широкими (что связано с предоставлением некоторой степени свободы) и затрагивают различные сферы отношений хозяйствующих субъектов с внутренней и внешней средой.

Корпоративная и частная благотворительность существовала еще в Российской империи, однако после создания СССР народное хозяйство функционировало на основе приоритетного положения государственной собственности. В плановой социалистической экономике не было места частному бизнесу и, следовательно, корпоративной социальной ответственности в полноценном ее понимании. На балансе предприятий находилось большое количество объектов социальной инфраструктуры, однако единственным источником социальных инициатив в тот период являлось государство, поэтому все ожидания общества были связаны с реализацией государственных социальных программ и проектов. Централизованное финансирование образования и культуры «в ряде случаев лишало активности многих общественных и частных антрепренеров, меценатов, способных развивать на местах при определенных условиях полезную культурно-эстетическую деятельность и конкурирующих в этом с предприимчивостью государства. В то же время, принципы партнерства и смешанных форм финансирования предопределяют целесообразность широкой диверсификации источников средств, обусловливают стимулирование финансовой самостоятельности …, а также привлечения ресурсов частных спонсоров и меценатов» [8, с. 83].

В постсоветский период, связанный с реформированием отечественной экономики в 1990-2000-х годах, в России были сформулированы и переосмыслены важнейшие задачи бизнеса. Среди них – повышение степени доверия к предпринимателям со стороны общества через оказание помощи нуждающимся в ней различным социальным слоям и группам населения. Именно в этот период бизнес-структуры переходят от проведения разовых акций под влиянием тех или иных частных запросов к целенаправленной и систематической практике социальной поддержки общественных инициатив. Этот процесс начинает набирать обороты (образование фондов, сотрудничество с некоммерческими организациями в процессе реализации программ корпоративной социальной ответственности, начало ведения дискуссий в профессиональной среде на острые социальные темы), но вследствие совокупности различных причин данное явление не сразу приобрело крупные масштабы.

Сначала рассматриваемый процесс развивался самостоятельно, без поддержки государственных структур, и выражал желание компаний улучшить репутацию, получить некоторую степень общественного признания. Бизнес стал относиться к работникам как к одному из важных активов. Также пришло понимание того, что сотрудников необходимо развивать и стимулировать к более производительному труду, поскольку такая политика позволяет заинтересовать и привлекать к работе высококвалифицированных и эффективных специалистов. Постепенно в эту деятельность включились крупные российские компании, что в определенной мере было связано с их выходом на международные рынки. Названные и другие обстоятельства способствовали распространению в обществе позитивного восприятия института корпоративной социальной ответственности.

Анализ современной практики. Специалисты различают две формы корпоративной социальной ответственности: реагирующую и стратегическую.

Реагирующая корпоративная социальная ответственность подразумевает общественно значимую деятельность по снижению либо преодолению негативного, (а также вредного) воздействия производимой продукции на окружающую среду. Как правило, данный тип направлен на среднесрочное поддержание имиджа и снижение рисков в краткосрочном периоде.

Стратегическая корпоративная социальная ответственность рассматривается как в аспекте воздействия организации (компании) на среду, так и воздействия организации (компании) на конкурентов. В данном случае эта деятельность является встраиваемой в стратегию компании и не противоречит идее максимизации прибыли, что позволяет совмещать достижение целей организации и удовлетворение требований общества.

Рассмотрим непосредственно практическую сторону корпоративной социальной ответственности и представим ряд мероприятий в данной сфере на примере компании ПАО «Мобильные Теле-Системы». В этой коммерческой организации создание ежегодного социального отчета производится рабочей группой, которая включает представителей практически всех подразделений, что позволяет наиболее полно представить перечень реализуемых мероприятий. С целью стандартизации и приведения к мировому опыту члены рабочей группы ориентируются на руководство по отчетности в области устойчивого развития GRI G3.1.

ПАО «Мобильные Теле-Системы» в качестве одной из основных ставит задачу по развитию персонала через повышение степени его квалифицированности. Для этого компания в 2009 году создала Корпоративный университет, который предоставляет инновационное и системное образование сотрудникам ПАО «Мобильные Теле-Системы». Обучение в данном университете предполагает развитие у сотрудников необходимого набора компетенций и знаний, которые им необходимы для работы в соответствующей должности. Помимо данного университета в компании есть система подготовки, направленная на повышение профессионального уровня знаний обучающихся. Также руководителями подразделений проводятся мастер-классы. Согласно установившейся практике, ежегодно организуется от 60 до 80 подобных мероприятий [12, с. 65].

Компания старается готовить собственных тренеров, которые смогут вести эффективные программы переквалификации и иные семинары. Особое внимание уделяется программе развития молодых специалистов, продолжительность которой составляет два года. Это позволяет формировать внутренний резерв компании, полностью удовле-

творяющий ее требованиям (так как молодой специалист проходит ряд курсов и тренингов внутри организации). По данным опросов, качеством образовательных программ компании удовлетворены от 90 до 95% сотрудников.

ПАО «Мобильные Теле-Системы» успешно применяет метод нематериальной мотивации сотрудников за их достижения в выполнении стандартных обязанностей. Ежегодно выделяются лучшие сотрудники и проектные группы, результаты их достижений публикуются в корпоративной прессе. Это, несомненно, стимулирует работников организации к достижению новых вершин результативности. Также в компании проводится индивидуальная адаптация новых сотрудников через предоставление им необходимой помощи и справочных материалов по их профессиональной деятельности. После соответствующей подготовки проводится оценка работы претендентов на вакантные должности, а также анализ их критических замечаний и конструктивных предложений.

ПАО «Мобильные Теле-Системы» активно развивает направление «физкультура и спорт» и культивирует здоровый образ жизни, что позволяет сотрудникам определить для себя любимый вид спорта и заниматься им в команде. К примеру, в компании есть свои футбольная, волейбольная и баскетбольная команды. Кроме того, проводятся спортивные соревнования по различным видам спорта: от пляжного волейбола до «МТС Профи» с элементами экстремального спорта (скалолазание, рафтинг, велогонки, ориентирование на местности и т.п.). Таким образом, компании успешно удается реализовать блок мероприятий индивидуализации интересов сотрудников в рамках внутреннего вектора корпоративной социальной ответственности.

В 2009 году ПАО «Мобильные Теле-Системы» успешно внедрила программу «Фабрика идей». Предусматривается, что каждый сотрудник в любой момент может отправить в данную программу возникшую идею, касающуюся любой сферы деятельности компании. Ежегодно поступает около 10 000 идей, часть из которых была реализована и принесла положительный эффект, оцененный в 37 млн. долларов США [12, с. 67]. Авторы лучших инициатив (качественных идей или идей, принесших положительный эффект) получают материальные (премии и призы) и нематериальные (рекомендации к повышению) вознаграждения. Кроме того, активные участники поощряются признанием коллег, интервью с ними публикуется в корпоративной прессе (следовательно, эффективно работает механизм нематериального мотивирования).

Таким образом, ПАО «Мобильные Теле-Системы» активно реализует внутренний вектор корпоративной социальной ответственности, что проявляется не только в большом наборе форм работы с сотрудниками, но и в широком охвате аспектов взаимоотношений «работодатель-работник». Инициативы организации в рамках внутреннего вектора корпоративной социальной ответственности носят системный и качественный характер, что проявляется не только в долгосрочном горизонте проведения мероприятий (ежегодно и на протяжении целого ряда лет), но и в успешных попытках совершенствования и модернизации данной деятельности.

Внешний вектор корпоративной социальной ответственности отражает отношения компании с окружающей средой. В данном случае понятие окружающей среды используется в широком смысле, объединяя в себе сотрудников компании, контрагентов, экологический компонент, социальную составляющую, сформированную обществом, и само общество (в целом). И здесь также, как и в случае с внутренним вектором корпоративной социальной ответственности, важно отметить значимость слова «добровольный» в определении существенных сторон рассматриваемой концепции. Данный подход обусловлен тем, что внешний вектор корпоративной социальной ответственности рассматривает не только абсолютное соблюдение ее базового уровня, который выражается в соблюдении законодательства и выполнении обязательств перед окружающей компанию средой в целом, но и, безусловно, реализацию добровольных социальных инициатив, имеющих направленность на окружающую среду.

Важным аспектом в деятельности внешнего вектора корпоративной социальной ответственности является сотрудничество ПАО «Мобильные Теле-Системы» с общеобразовательными школами в проведении уроков по актуальным вопросам в рамках программы повышения уровня информатизации общества. Кроме того, организация оказывает поддержку общеобразовательным школам, предоставляя мобильный Интернет и проводя коммуникации с учетом соблюдения безопасности контента для детей; стремится развивать в молодом поколении интеллектуальный потенциал в рамках продвижения инновационной площадки «Телеком идея», которая нацелена на решение задач по стимулированию в молодежной среде культуры творчества и инноваций, а также по привлечению к реализации различных новаций. Кроме этого, компанией проводятся студенческие инновационные саммиты и конференции, создан академический учебно-научно-исследовательский центр информационно-коммуникационных технологий (АУНИЦ ИКТ), который не только стимулирует обучающихся к созданию идей, но и развивает их инициативу.

Имеющие отношения к корпоративной социальной ответственности новшества затрагивают разные стороны жизни общества. Авторами проведена классификация инструментов, которые существуют в рамках внешнего вектора корпоративной социальной ответственности; исследованы отдельные мероприятия, а затем проведены их обобщение и систематизация. Применительно к внешнему вектору корпоративной социальной ответственности можно выделить следующие группы субъектов: клиенты и контрагенты; акционеры и государство; образование и наука; культура; здравоохранение и спорт; экология; благотворительность в других областях и социальная поддержка населения.

Анализируя мероприятия, относящихся к образованию и науке в рамках внешнего вектора корпоративной социальной ответственности, необходимо отметить следующее. В области научных исследований компании осуществляют поддержку через механизмы грантов, отечественные и зарубежные фонды. Однако данные инструменты финансовой поддержки могут носить как возмездный, так и безвозмездный характер в зависимости от проводимой политики и экономического состояния грантодателя.

В образовательной сфере гранты выделяются претендентам в основном не на безвозмездной основе и являются формой поддержки представителей тех специальностей, в которых заинтересована компания. Поэтому довольно распространенной является ситуация, когда компания поддерживает не высшее учебное заведение в целом, а его отдель-

ные факультеты или направления подготовки. Через подобную систему грантов и поощрительных стипендий компании находят перспективных, востребованных рынком специалистов. Однако есть выплаты, носящие безвозмездный характер и направленные на поддержку талантливых студентов, аспирантов, молодых ученых. Примером этого вида деятельности в рамках корпоративной социальной ответственности может служить Федеральная стипендиальная программа, реализуемая Благотворительным фондом В. Потанина [13]. Также существуют и другие формы поддержки вузов, носящие безвозмездный характер. Практическими примерами являются оснащение аудиторий необходимым оборудованием, дарение учебной техники и литературы, финансовая поддержка при проведении модернизации материально-технической базы учебного заведения.

Поддержка предпринимателями сферы культуры осуществляется различными способами, в том числе посредством создания корпоративных фондов, имеющих различные схемы финансирования. Например, практикуются ежегодные отчисления от прибыли как без начальной финансовой базы, так и при наличии первоначального капитала. Каждая организация может иметь свой фонд, который самостоятельно финансирует. При этом официально выделяются средства, которые идут на инвестирование, а полученные проценты используются на благотворительные мероприятия. Это позволяет социально ориентированным проектам не зависеть (полностью или частично) от положения дел в самой организации (компании).

ПАО «Мобильные Теле-Системы» участвует в деятельности по сохранению культурного наследия посредством реализации ряда мероприятий в данном направлении. Например, выступает генеральным спонсором международного проекта «Русский музей: виртуальный филиал»; принимает непосредственное участие в создании проекта «Дополненная реальность», который представляет собой интерактивный центр; вносит вклад в организацию и проведение ряда выставок, кинофестивалей, в том числе международного кинофестиваля имени Андрея Тарковского «Зеркало», фестивалей научного кино и т.д.

Предложения по распространению принципов и механизмов корпоративной социальной ответственности. В настоящее время в России корпоративная социальная ответственность эволюционирует по особому пути, на выбор которого повлияли в первую очередь исходные (начальные) условия и специфические особенности ее становления в различные периоды новейшей отечественной истории. Сейчас развитие корпоративной социальной ответственности сопровождается некоторыми проблемами, решение которых в перспективе способно улучшить ситуацию. К ним относятся: отсутствие целенаправленной государственной поддержки компаний, реализующих социальные инициативы; несовершенная законодательная база в данном вопросе; недостаточное развитие институциональной среды, влияющее на распространение принципов корпоративной социальной ответственности; отсутствие стандартизированной системы учета и контроля; недооценка выгод от реализации программ корпоративной социальной ответственности менеджерами и сотрудниками компаний, а также обществом в целом.

В рамках концепции корпоративной социальной ответственности компании имеют возможности для оказания помощи определенным конкретным объектам культуры, путем заключения соглашений о безвозмездной (спонсорской) поддержке. Также представляет интерес создание самоуправляемых фондов, функционирующих на основе «принципа вытянутой руки», который предполагает разделение бенефициаров и финансовых учредителей. Такой подход способствует развитию конкурентоспособности в сфере культуры. В качестве примера можно рассмотреть деятельность британского фонда Arts Council England. Он оказывает финансовую поддержку различным музеям и библиотекам, сотрудничает с Департаментом образования в целях позиционирования программ по повышению уровня музыкального и культурного образования детей. При этом его финансирование возложено на Департамент культуры, а содействие в работе оказывают средства массовой информации [6, с. 125].

В современной России достаточно сложно реализовывать в полном объеме добровольные инициативы в образовательной и культурной деятельности. Кроме этого, до настоящего времени не создана полноценная система стимулирования таких проектов. Однако, несмотря на имеющиеся сложности, наблюдается положительный тренд в данном направлении. Это обусловлено тем, что тенденции и динамика корпоративной социальной ответственности зависят от конкретной деятельности компаний и полученных экономических результатов.

Как правило, организации занимаются благотворительностью и оказывают поддержку социальным группам, остро нуждающимся в ней в тех случаях, когда государственная помощь не позволяет решить все накопившиеся проблемы. Применяемые в разных странах, на разных этапах экономического развития модели корпоративной социальной ответственности с течением времени постепенно становятся идентичными. Однако их полное совмещение на практике не достигается, так как начальные условия формирования корпоративной социальной ответственности исторически имеют существенные различия.

Наличие выгод от реализации образовательных проектов и дальнейшие тренды деятельности организаций в сфере корпоративной социальной ответственности зависят от институциональной среды, общественных настроений и особенностей функционирования российской экономики в период «экономических санкций». Сложности современного положения подтверждаются наличием ряда проблем, препятствующих распространению принципов корпоративной социальной ответственности в России. В общем виде можно сформулировать некоторые базовые рекомендации, которые, по нашему мнению, являются наиболее актуальными применительно к сфере корпоративной социальной ответственности: улучшение нормативно-правовой базы; создание комплекса экономических стимулов и преференций; совершенствование системы контроля со стороны государства и общества; улучшение инвестиционного климата; привлечение иностранных партнеров; активизация работы по применению норм и стандартов в деятельности; разработка мер поощрения к созданию социальной отчетности; выстраивание системы отношений между государством и компаниями по вопросам корпоративной социальной ответственности; пропаганда необходимости данной деятельности в обществе.

Выводы. Трансформация содержания и инструментария корпоративной социальной ответственности, а также тенденции ее современного развития являются актуальными вопросами в силу возможного влияния на решение ряда насущных проблем и преодоление препятствий разных масштабов, а также благодаря вероятному получению положительных эффектов заинтересованными сторонами.

На основе анализа эволюции подходов к пониманию сущности корпоративной социальной ответственности можно выдвинуть следующее синтетическое определение, базирующееся на существующих концепциях: «корпоративная социальная ответственность отражает добровольный (то есть превышающий минимальные объемы требований общества, закрепленные в законодательстве) вклад компании в развитие общества. Данный вклад выражается в мероприятиях, социальных инициативах, проводимых компанией в рамках внутреннего (направленного на сотрудников) и внешнего (направленного на окружающую среду) векторов корпоративной социальной ответственности» [10, с. 343].

Это определение основано на понимании того, что организация (компания) в рамках корпоративной социальной ответственности не только в обязательном порядке соблюдает национальное законодательство в полной мере, но и осуществляет на добровольных началах мероприятия, которые направлены на развитие общества, однако не противоречат национальным и международным правовым нормам. Кроме того, приведенное определение построено на предположении о том, что руководствуясь постулатами корпоративной социальной ответственности, организация (компания) не только старается снизить негативное воздействие на окружающую среду, но и осуществляет мероприятия, направленные на развитие социума. Под термином «вклад» подразумевается не только помощь, поддержка и содействие развитию общества посредством мероприятий в рамках корпоративной социальной ответственности, но и учет компанией мнений заинтересованных сторон.

Как представляется, сформулированные выше рекомендации необходимо реализовывать в сочетании с анализом внутренней и внешней среды, с учетом международного опыта и налаживанием контроля (государственного и общественного) за исполнением разрабатываемых нормативных положений и принимаемых управленческих решений.

Список литературы

1. Благов Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. – СПб.: Высш. шк. менеджмента СПбГУ, 2011. – 272 с.
2. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект: монография / Под общ. ред. д.э.н., проф. И.Ю. Беляевой, д.э.н., проф. М.А. Эскиндарова. – М.:КНОРУС, 2008. – 504с.
3. Кричевский Н.А., Гончаров С.Ф. Корпоративная социальная ответственность. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. – 216 с.
4. Молчанов И.Н. Формирование и оценка потенциала сферы образования в современной России // Гуманитарные и социальные науки. 2014. – № 2. – С. 406–410.
5. Молчанов И.Н. Финансово-экономическое регулирование культуры и искусства: современное состояние и актуальные проблемы // Вестник ВГИК. – М., 2016. – № 1 (27). – С. 116–126.
6. Молчанов И.Н. Развитие финансовых отношений в сфере культуры // Вестник ВГИК. – М., 2016. – № 2 (28). – С. 120–132.
7. Молчанов И.Н., Дмитриева Е.А. Государственно-частное партнёрство и его роль в реализации государственной политики в сфере высшего профессионального образования // Credo new. 2013. – № 3. – С. 30.
8. Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. К вопросу о модернизации государственного регулирования в сфере культуры // Вестник ВГИК. – М., 2012. – №14. С. 80–87.
9. Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Финансовые отношения и их взаимосвязь с результативностью деятельности некоммерческих образовательных организаций //Аудит и финансовый анализ. – М., 2015. – № 5. – С. 226–234.
10. Молчанов И.Н., Холдеев К.А. Социальная ответственность бизнеса в современной России // Аудит и финансовый анализ. – М., 2014. – № 4. – С. 343–346.
11. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Концептуальные основы финансового механизма некоммерческих организаций сферы образования России // Аудит и финансовый анализ. – М., 2015. – № 2. – С. 437–444.
12. Отчет в области устойчивого развития группы «Мобильные Теле-Системы» / ОАО «Мобильные Теле-Системы». – М., 2012. – http://static.mts.ru/uploadmsk/contents/1655/soc_otchet_2011.pdf
13. Официальный сайт Благотворительного фонда В.Потанина / Некоммерческая организация «Благотворительный фонд В.Потанина». – http://www.fondpotanin.ru/
14. Теория и практика финансов некоммерческих организаций / Марзаев А.В., Молчанова Н.П., Киселева Т.Ю., Рябова И.С., Завгородняя В.В., Молчанов И.Н., Чернов А.Ю., Дзусова С.С., Долина О.Н., Гузь Н.А. Коллективная монография. – М., 2015. – 172 с.
15. Холдеев К.А. Анализ американской и европейской моделей корпоративной социальной ответственности // Глобальный мир: антикризисные императивы, модернизация, институты: Материалы IV Международной научно-практической конференции 24-26 мая 2012 года. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, Институт экономики и внешнеэкономических связей, Экономический факультет ЮФУ, 2012.
16. Холдеев К.А. Особенности реализации программ корпоративной социальной ответственности в России // Евразийское пространство: приоритеты социально-экономического развития: Материалы II Международной научно-практической конференции, г. Москва, 12 апреля 2012 года. – М.: ЕАОИ, 2012.
17. Экономика и управление социальной сферой / Жильцов Е.Н., Егоров Е.В., Науменко Т.В., Восколович Н.А., Лавров В.А., Лапидус Л.В., Казаков В.Н., Косова Ю.А., Романова Н.В., Молчанов И.Н., Коваленко В.В., Морозов В.А., Иванов О.И. Учебник для бакалавров. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 496 с.

Нечипоренко О.В.
д.соц.н., в.н.с. Института философии и права СО РАН, Новосибирск
olganechiporenko@yandex.ru
Мореханова М.Ю.
к.соц.н., зав. лабораторией социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Института аграрных проблем РАН, Саратов
mayurm118@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ[1]

Ключевые слова: *сельские территории, социальные риски, социальные ограничения, инновационно-ориентированное развитие, сельский социум.*
Keywords: *rural territories, social risks, social limitations, innovative-oriented development, rural socium.*

Масштабы происходящих инновационных изменений, влияющих на развитие как общества в целом, так и отдельных социальных групп и индивидов, позволяют говорить о реализации, в глобальном масштабе, перехода к новой модели социального развития – инновационному обществу. Следствием этого постоянно ускоряющегося процесса создания, распространения и реализации инноваций является не только повышение степени новизны технологий, товаров и услуг, изменения социальных отношений, но и рост неопределенности и новых рисков. Таким образом, открывая новые возможности для развития отдельного индивида и общества в целом, переход к инновационному развитию порождает и новые угрозы для человека и социума.

В мировой науке проблема оценки социальных рисков, как особого типа рисков и управления ими, приобретает самостоятельное теоретическое и прикладное значение как важная составная часть теории и практики в работах таких ученых как Э. Гидденс, У. Бек (создатель современной теории «общества риска»), Н. Луман, Г. Бехманн. Рассматривая источники возникновения современных рисков, У. Бек отмечает: «Риски порождаются индустриальными, то есть технико-экономическими решениями и соображениями полезности. Современные риски отличаются от разрушений, порожденных войной, их «нормальным» или, точнее, их «мирным» порождением (производством) в центрах рациональности и процветания, с благословения и при гарантиях закона и социального порядка»[2]. Э. Гидденс характеризует современный мир как систему, структурными элементами которой являются риски, создаваемые человечеством, делая различие между естественными рисками и тем, что он определяет как произведенные (manufactured) риски[3]. Он вводит понятие «институционализированных сред рисков», включающих в себя следующие элементы: риски, порождаемые рефлективностью модернизации; угроза осознания и возникновения чувства бессмысленности существования человека, обусловленная попытками человека соотнесения своего личного бытия с рефлективной модернизацией; опасности, вызываемые модернизацией и совершенствованием военных технологий[4]. В современной социологической теории риски рассматриваются как многомерное явление, результат совокупного наложения неблагоприятных факторов в различных сферах, пересечения негативных воздействий, исходящих от различных сторон жизни частного лица (наиболее важные из которых – семья, рынок труда и благосостояние)[5].

Исследование социальных рисков применительно к проблемам развития сельских территорий в современной западной науке традиционно сконцентрировано на анализе взаимосвязей между сельской бедностью, риском и развитием, технологическими инновациями[6]. В России же проблеме социальных рисков инновационного развития уделяется недостаточное внимание как на практике, при разработке планов развития сельских территорий, так и представителями научного и экспертного сообществ. При этом практически не рассматриваются собственно социальные риски, порожденные изменениями в социальной сфере.

В исследованиях, рассматривающих сельское развитие через процесс модернизации агропромышленного сектора, второстепенное внимание уделяется проблемам социальной и экономической дифференциации регионов и локальных общностей, социальным последствиям структурной перестройки экономики села. «Судьбы сельского населения и семей, живущих в сельской местности, подчинены этому процессу модернизации, поскольку без сильных и кон-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00605).
[2] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 98.
[3] Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. – Stanford (CA): Stanford University Press, 1991.
[4] Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. – Вып. 5. – С. 40−102.
[5] Bertola G., Boeri T., Nicoletti G. Welfare and Employment in a United Europe. – Cambridge (Mass): MIT Press, 2000.
[6] Fafchamps M. Rural Poverty, Risk and Development. – London: Elgar Publishing, 2003.

курентных сельскохозяйственных предприятий сельские районы не имеют никакой возможности для развития»[1]. Многочисленные социальные проблемы и риски, обострившиеся в ряде регионов мира в ходе рыночной модернизации, либо не подвергаются серьезному анализу (исследования, придерживающиеся данного подхода, часто ограничиваются собственно анализом политики либерализации и пакета «либеральных» реформ), либо воспринимаются как временные трудности. Значительная часть современных исследований политики модернизации аграрной сферы сводится к критике реформ.

Следствием инновационных процессов в развитии сельских территорий (включающих широкий спектр изменений от технологического переоснащения аграрного сектора и повышения эффективности его организационно-производственной структуры до преобразований в социально-экономических практиках жителей села и системе социальных взаимосвязей сельского социума) является трансформация сельского образа жизни, изменения качественных и количественных характеристик человеческого и социального капитала. В этом контексте социальные риски – это вероятные негативные последствия (угрожающие нормальному воспроизводству человека, его физиологической и социально-экономической жизнедеятельности) сопровождающие инновационные изменения. Субъектами (производителями) риска могут быть политики, хозяйствующие субъекты, социальные группы. «Потребителями», объектами социального риска, или группами риска, выступают социальные группы, сообщества и индивиды, которые подвергаются негативному воздействию принятых субъектами риска решений.

Среди новых проблем развития сельских территорий, непосредственно связанных с современными процессами реструктуризации сельской экономики и организационно-технологического переоснащения аграрного сектора, следует выделить: во-первых, поляризацию сельских миров (что проявляется в сегментации социально-экономического пространства на кластеры инновационных изменений, образующих «архипелаговые» структуры и деградирующие территории); во-вторых, феномен «сжатия» деревни, проявляющийся как напрямую, в виде субурбанизации ряда сельских территорий и обезлюдения удаленных, «депрессивных» деревень, так и в изменении социально-экономических практик сельских жителей, трансформации самого сельского образа жизни, кризиса трудового этоса крестьянства, крестьянской культуры, ментальности[2].

Очевидно, что анализ эволюции социальных рисков инновационного развития сельских территорий (негативные тенденции в сфере благосостояния, занятости населения, в динамике социального и человеческого капитала сельского социума) должен сочетаться с последующей экспертизой эффективности адаптивных стратегий, направленных на минимизацию уязвимостей сельского социума.

Новые социальные феномены, сформировавшиеся для решения задач непосредственного жизнеобеспечения (в том числе связанные с практиками диверсификации экономики сельских территорий – неформальная занятость, неаграрное производство, отходничество и пр.) в условиях рутинных действий социального государства, по природе своей ориентированного на поддержку пассивной части общества, могут стать питательной средой для нарастания социальной напряженности и взрастить ростки новых отношений, раскалывающих традиционную стабильность сельского общества. К сожалению, происходящие изменения не всегда отвечают интересам определенной части сельского социума. Наиболее очевидный пример – это сокращение числа занятых на сельскохозяйственных предприятиях в результате внедрения технических и технологических инноваций, при котором сокращенные работники обычно имеют мало шансов на новое трудоустройство. Также, например, к расширению и углублению «цифрового неравенства» не только между городом и селом, но и между отдельными социальными группами внутри локальных сельских сообществ ведет быстрое распространение и постоянное совершенствование информационных технологий. Таким образом, следствием распространения инноваций является появление новых форм социальной дифференциации и, в первую очередь, по критерию способности получать социальные выгоды от инновационных изменений. Это определяет необходимость разработки механизмов, позволяющих предотвратить или скорректировать возможные негативные социальные последствия распространения технологических, экономических или политических инноваций.

Осуществление эффективной государственной социальной политики, способствующей решению насущных проблем села и эффективной адаптации сельского населения, возможно только на основе анализа современных социальных рисков (как традиционных, так и выступающих следствием планируемых преобразований), реальных, а не декларируемых изменений в социальной сфере села, учета интересов и возможностей участия в инновационных процессах различных социальных групп сельского населения.

---

[1] Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней. Совместное издание Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и Business Media of the Sole 24 Ore (на русском языке). Доклад № 4. – Рим: FAO, 2010. – С. 17.

[2] Нечипоренко О.В. Социальные риски инновационного развития сельских территорий: к методологии исследования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. – Т. 13, вып. 2. – С. 69.

Радовель М.Р.
д.филос.н., профессор Электростальского политехнического института-филиала МАМИ

СОЛИДАРИСТСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА В СВЕТЕ КОРРЕЛЯЦИОННО-КАУЗАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: *солидарность, поляризованность, корреляция, факторы влияния, каузальность.*
Keywords: *solidarity, polarized, correlation, factors of influence, causality.*

Как известно, место и значение каждой страны в современном мире, в ее отношениях с окружающими народами и государствами определяется ее «комплексным потенциалом». Он включает в себя разнообразные составляющие – экономическую, политическую, военную и т. д. Одну из важнейших составляющих этого потенциала можно обозначить как «единство, сплоченность» народа данной страны. Иначе говоря, это *солидаристские характеристики* социума, так или иначе проявляющиеся в различных его сегментах. Они могут приобретать исключительное значение в некоторых исторических обстоятельствах, особенно трудных для данного социума. Более того, они выступают факторами, оказывающими огромное влияние на все другие составляющие комплексного потенциала страны, определяя их величину и степень мобилизованности. В связи с этим возникает необходимость в надежной оценке и измерении солидаристских характеристик социума. Некоторые результаты, полученные в указанном направлении, представлены в данной статье.

Идея консолидации социума непосредственно связана с такими понятиями, как солидарность и поляризованность, единство и разделенность, сплоченность и разобщенность и т.п. Но речь в данной статье пойдет не только о самой теме ***солидарности и поляризованности*** в нашем обществе, но параллельно – о новых средствах изучения и измерения этих сторон жизни общества, а также открывающихся на этой основе новых теоретических и практических возможностях описания социальной реальности. Для оценки и измерения солидаристских характеристик общества здесь использовано понятие индекс солидарности I_{sl}. Определение этого индекса основано на замере концентрированности (плотности, «сгущенности») респондентских предпочтений, приходящихся на определенную часть позиций в опросном документе. В данном случае был использован следующий метод: для вычисления I_{sl} суммарный рейтинг ценностных позиций $\sum N_1$, относящихся к «приоритетной», т.е. высокорейтинговой, половине позиций в анкетном списке, был соотнесен с суммарным рейтингом $\sum N_2$ другой половины этого списка ($I_{sl} = \sum N_1 / \sum N_2$)[1].

Прежде, чем приступить к «эмпирике», т.е. к конкретным замерам влияния одних социальных процессов на другие, придется остановиться на некоторых вопросах теоретического плана, без осмысления которых нельзя качественно выполнить эмпирическую часть работы и должным образом осмыслить ее результаты. Речь идет, в частности, о необходимости учитывать три аспекта, или параметра, солидарности. Эти параметры в равной мере относимы также к теме поляризованности. Они представлены ниже.

Таблица 1

Три параметра солидарности социума

№№	Наименование параметров	Содержание
1	Аксиологический	Плодотворность, продуктивность или, напротив, неблагоприятность, контрпродуктивность для социума конкретных проявлений солидарности
2	Тематический	Социальные сферы и области жизнедеятельности, в которых проявляется солидарность общества (экономика, политика, нравственность, образование…)
3	Модусный	Формы человеческой активности, в которых реализуются феномены солидарности: когнитивная, эмотивная, эффективная (операциональная)

Значение *аксиологического* аспекта связано с тем, что далеко не всякое проявление солидарности (хотя мы часто к ней стремимся) полезно для общества. Можно привести массу примеров неблагоприятной, контрпродуктивной для общества солидарности. Поэтому ее разнообразные проявления, реализующиеся в различных сегментах социального пространства и на различных его уровнях, требуют специального анализа в аксиологическом ключе. Это необходимо для разумной коррекции целей и задач практической деятельности, всевозможных начинаний и инициатив.

Тематический аспект солидарности подразумевает ее отнесенность к определенной сфере или сегменту социума, к некоторой области жизнедеятельности. Этот аспект важно учитывать, потому что многое зависит от того, в ка-

[1] Подробнее – обоснование и примеры см.: Радовель М.Р. Характеристики солидарности / поляризованности российского социума: опыт количественного анализа // XV Международная научная конференция «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». 18–19 дек. 2014 г. – М., 2015; Радовель М.Р. Солидаристская компонента в идеологической сфере современной России: оценка состояния и перспектив // Государственная идеология и современная Россия. – М.: Наука и политика, 2014.

кой части социального пространства или в какой области деятельности реализуется солидарность (или поляризованность). В этом смысле то, что полезно и приемлемо в одних случаях, может оказаться вредным и нежелательным в других.

Наконец, *модусный* аспект означает форму субъектной активности, в которой проявляются солидарность или поляризованность. Они могут реализовываться в мыслях и намечаемых планах (когнитив), или в чувствах, переживаниях, настроениях (эмотив), или в действиях и поступках (эффектив). От модусного контекста солидарности (поляризованности) существенно зависит их социальная продуктивность и эффективность[1].

Перейдем к рассмотрению некоторых примеров, демонстрирующих значение фактора консолидации, или солидаристских характеристик общества, их влияние на конкретные социальные процессы. Проанализируем влияние «общественных настроений» на такие явления (процессы), как «накопление сбережений населением» (1) и «валовой внутренний продукт ВВП» (2).

Оптимистичная составляющая общественных настроений и ее влияние на наличие сбережений у населения

Рассмотрим в определенном ключе результаты опроса, выявляющие динамику общественных настроений за период 1999–2015 гг.[2] Вопрос анкеты: «Какие чувства проявились, окрепли у окружающих Вас людей за последние годы?» Список анкетных вопросов (альтернатив для выбора респондентов) можно условно разбить на две части, в одну войдут позиции оптимистического, а в другую – пессимистического плана. Например, в первую часть войдут: «усталость, безразличие», «отчаяние», «страх» и т.д., а во вторую – «надежда», «чувство свободы», «уверенность в завтрашнем дне» и др. Опираясь на материал такого рода, можно описать динамику изменения оптимистической и пессимистической компоненты общественных настроений в течение определенного периода времени. И далее – проанализировать влияние этих компонент на другие социальные процессы, в том числе – на изменение сбережений у населения[3].

При анализе влияния на «наличие сбережений (savings) у населения I_{sv}» таких факторов, как «оптимистичность социального настроения I_{opt}» (1) и «солидарность в рамках темы оптимистичности I_{sl} (opt)» (2), за период 2010–2015 гг. результаты оказались следующие.

Корреляция и взаимная детерминация факторов[4] «оптимистичность настроений I_{opt}» и «наличие сбережений I_{sv}»:

$$R= –0,36.\ R_1 = –0,58.\ R_2= –0,07.$$

Полученные результаты свидетельствуют, что корреляция между оптимистичностью I_{opt} и наличием сбережений I_{sv} не очень высока и имеет отрицательное значение (R = –0,36), т.е. скорее оба эти фактора противодействуют друг другу. Более того, на следующем этапе анализа при переходе к определению каузального потенциала каждого из коррелирующих факторов выясняется, что мера отрицательного влияния «оптимистичности» на свой коррелят еще более высока и существенно превосходит обратное влияние фактора «наличие сбережений» ($R_1 = –0,58$, в то время как $R_2= –0,07$). На первый взгляд, это может показаться противоречащим здравому смыслу: как это оптимизм может помешать большей материальной обеспеченности? Но, как увидим далее, этот результат некоторым образом подтверждается далее, при сопоставлении его с соответствующими результатами, которые будут получены при расчете корреляций для соотношений «пессимистичность – сбережения», «оптимистичность – ВВП», «пессимистичность – ВВП». Если все же довериться только что полученному, казалось бы, не очень правдоподобному результату, то его можно истолковать так: в конкретных социально-исторических условиях, на базе которых был получен использованный нами эмпирико-социологический материал, оптимистичность настроений совсем не обязательно гарантирует их носителям более высокий уровень материальной обеспеченности. Может оказаться совсем наоборот: этот уровень как раз у тех, кто «по жизни» очень встревожен и серьезно озабочен. Однако перейдем к следующим темам.

Корреляция и взаимная детерминация факторов «солидарность в теме оптимистичности I_{sl} (opt)» и «наличие сбережений I_{sv}»:

В отношении данных двух факторов расчеты приводят к следующим результатам: R = –0,13, R_1 = +0,39, R_2=–0,76. Это означает, что корреляция R между факторами I_{sl} (opt) и I_{sv} слабая и отрицательная. Вместе с тем, детерминация со стороны фактора «солидарность» положительная и достаточно значимая (+0,39), а со стороны другого фактора I_{sv} – отрицательная и довольно сильная (–0,76). Т.е. солидарность в указанном контексте содействует наличию сбережений, в то время как наличие сбережений по какой-то причине противодействует солидарности.

---

[1] Подробнее о модусах субъектной активности см.: Радовель М.Р. Анализ диалоговых отношений в контексте российской модернизации. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 70–94.

[2] Общественное мнение – 2015. Ежегодник. – М., 2016. – С. 16, таблица 2.1.

[3] См.: Общественное мнение – 2015. Ежегодник. – М., 2016. – С. 83, таблица 6.16.

[4] Индекс детерминации I_{dt} (или R_1 и R_2) – это, так сказать, вторая производная от соотносимых социальных процессов, которые непосредственно представлены в виде двух рядов эмпирических данных, выстроенных в хронологической последовательности (темпоральные ряды). Первая производная от указанных темпоральных рядов – это показатель корреляции R, который далее, с помощью специальных приемов, может быть «расщеплен» на два элемента – R_1 и R_2. Каждый из этих элементов представляет индивидуальное влияние друг на друга двух коррелирующих факторов и характеризуется *величиной* и *направлением* этого взаимного влияния.

Сравнивая эти результаты с предыдущими, обратим внимание на то, что *солидарность* в рамках темы «оптимистичность» благотворно сказывается на наличии сбережений ($R_1 = +0,39$), в то время как сам по себе *фактор оптимистичности*, напротив, негативно влияет на сбережения ($R_1 = –0,58$).

Перейдем к следующей паре коррелирующих факторов.

Корреляция и взаимная детерминация факторов «пессимистичность I_{psm}» и «наличие сбережений I_{sv}»

Здесь результаты таковы: $R = +0,27$, $R_1 = –0,08$, $R_2 = +0,59$. Т.е. корреляция между факторами позитивна, но слабо выражена (+0,27), влияние пессимистичности I_{psm} отрицательное и очень слабое (–0,08), а вот наличие сбережений I_{sv}, как ни странно, довольно заметно «содействует» пессимистичности или детерминирует ее (+0,59). Выше уже обсуждался вопрос о, казалось бы, «неправильном», «перевернутом» сочетании оптимистичности и пессимистичности с материальным благополучием в виде наличия сбережений.

Сопоставим только что рассмотренные результаты с другими, родственными по теме.

Корреляция и взаимная детерминация факторов «солидарность в теме пессимистичности I_{sl} (psm)» и «наличие сбережений I_{sv}»:

$$R = +0,06,\ R_1 = +0,06,\ R_2 = +0,47.$$

Как видим, здесь проявилась очень слабая корреляция между факторами и такая же слабая детерминация со стороны фактора I_{sl} (psm). Вместе с тем оказалось, что детерминация со стороны другого фактора – I_{sv} в данном случае достаточно ощутима ($R_2 = +0,47$).

Выше мы попытались выяснить и оценить влияние таких факторов, как оптимистичность и пессимистичность (а также солидаристских составляющих внутри них) в направлении *индивидуального* материального успеха граждан страны (обеспеченность личными сбережениями). Теперь попробуем выяснить влияние тех же факторов в направлении *коллективного* успеха населения, который проявляется, например, в динамике валового внутреннего продукта (ВВП) страны.

«Оптимистичность» и ВВП

$$R = –0,32,\ R_1 = –0,61,\ R_2 = +0,06.$$

В данном случае наблюдается: 1) сравнительно невысокий уровень отрицательной корреляции между факторами (–0,32), 2) довольно существенный уровень возможного негативного влияния оптимистичности на ВВП (–0,61) и 3) очень слабый уровень обратной детерминации со стороны ВВП (+0,06). Как видим, здесь имеет место преимущественно отрицательный вид связей. Сравнивая эти результаты с соответствующими данными по корреляции между «оптимистичностью» и «сбережениями» ($R = –0,36$. $R_1 = –0,58$. $R_2 = –0,07$), мы видим, что они очень схожи. Т.е. характер связи между таким «эмотивным» фактором, как оптимистичность, и такими материальными факторами, как «сбережения» и ВВП, вполне устойчив, сохраняется при переходе от одного случая к другому.

Солидарность в рамках темы «оптимистичность» I_{sl} (опт) и ВВП:

$$R = +0,55,\ R_1 = +0,41,\ R_2 = +0,23.$$

В отличие от предыдущего результата, где доминирует отрицательная корреляция, в данном случае и собственно корреляция (+0,55), и каузальные роли обоих факторов (+0,41, +0,23) положительны. Причем положительная детерминация со стороны *солидаристской компоненты* оптимистичности вполне существенна (+0,41). Как видим, фактор ***солидарности*** в рамках оптимистичного настроения «работает в плюс» по отношению к ВВП, хотя сам фактор ***оптимистичности*** – в минус! Получается, что фактор солидарности имеет отдельное, самостоятельное значение для реализации определенных социальных целей, как бы обособленное от влияния на эти цели других факторов, связанных с теми же целями и задачами.

Фактор пессимистичности и ВВП

$$R = +0,70,\ R_1 = +0,70,\ R_2 = +0,44.$$

Здесь имеет место достаточно высокий уровень положительной корреляции между факторами (**+0,7**), такой же показатель каузальной роли пессимистичности (**+0,7**) и средний уровень позитивной каузальности со стороны ВВП по отношению к фактору «пессимистичность» (+0,44). Как видим, все три связи – со знаком «плюс». Сопоставляя этот результат с отношением между «оптимистичностью» и ВВП ($R = –0,32$, $R_1 = –0,61$, $R_2 = +0,06$), мы обнаруживаем, что они практически противоположны. Это вполне ожидаемо, поскольку соответствует антонимичности слов «оптимизм» и «пессимизм».

Фактор солидарности в рамках темы «пессимистичность» и ВВП:

$$R = +0,30.\ R_1 = +0,26.\ R_2 = +0,50.$$

Все три показателя позитивны. Мы видели и выше в связи с таким явлением, как наличие сбережений у населения, что пессимистичность более позитивно влияет на материальную обеспеченность, чем оптимистичность. С другой стороны, сравнивая только что приведенные результаты с теми, что касаются отношений между «пессимистичностью» и ВВП, мы видим, что солидарность в контексте пессимистичности – менее сильный фактор позитивного влияния на ВВП.

Попробуем теперь выразить в обобщенной табличной форме отношения между факторами «оптимистичность», «пессимистичность», «наличие сбережений» и ВВП.

Таблица 2

Возможное влияние факторов «оптимистичность» и «пессимистичность» на денежные сбережения и ВВП

	Сбережения (savings)		ВВП	
Оптимистичность (optim)	–0,36	–0,58 –0,07	–0,32	–0,61 +0,06
Пессимистичность (pessim)	+0,27	–0,08 +0,59	+0,70	+0,70 +0,44

Какие закономерности прослеживаются в приведенной таблице?

Оптимистичность, в целом, негативно коррелирует с ВВП и сбережениями (R = –0,36). Особенно это проявляется на втором уровне анализа, при вычислении показателей детерминации: R_1 (sv) = –0,58, R_1 (ВВП) = –0,61.

Пессимистичность, напротив, скорее позитивно сказывается на сбережениях и ВВП: R (psm, sv) = +0,27, R (psm, sv) = +0,70, R_1 (psm, ВВП) = +0,70. И только в одном случае, вопреки общей тенденции, наблюдается очень слабый минус: R_1 (psm, sv) = –0,08.

Наконец, приведем еще одну таблицу, в которой отражены отношения между факторами: «солидарность в контексте оптимистичности», «солидарность в контексте пессимистичности», «наличие сбережений» и ВВП.

Таблица 3

Возможное влияние фактора солидарности в двух контекстах на денежные сбережения и ВВП

	Сбережения		ВВП	
Солидарность (оптимистичность)	–0,13	+0,39 –0,76	+0,55	+0,41 +0,23
Солидарность (пессимистичность)	+0,06	+0,06 +0,47	+0,30	+0,26 +0,50

Как видим, солидарность *неизменно* (и по отношению к сбережениям, и по отношению к ВВП) более или менее продуктивна, плодотворна. Хотя, будучи солидарностью на основе оптимистичности, она сказывается более сильно (+0,39, +0,41), чем на основе пессимистичности (+0,06, +0,26).

Очевидно, описание социума с учетом его солидаристских характеристик должно быть дополнено описанием его характеристик противоположного типа. Речь идет о ***поляризованности*** (разделенности, разобщенности), которая в той или иной мере проявляется в различных социальных сегментах. В данной работе для определения меры поляризованности предложен инструмент, отличный от привычного и традиционно используемого в экономике децильного коэффициента K_d. Это – индекс поляризованности I_{pl}, который представлен и опробован в некоторых работах[1].

Подобно солидаристским характеристикам общества, его поляризованность, б***о***льшая или меньшая дифференцированость также имеет важное значение в качестве фактора влияния на различные социальные процессы. При этом индекс поляризованности I_{pl} имеет некоторые преимущества, например, перед таким общепризнанным инструментом фиксации социальной дифференцированности и неравенства, как децильный коэффициент K_d. В силу своей теоретической природы, I_{pl} более фундаментален и потому во многих случаях оказывается более чувствительным диагностическим средством, он более сильно коррелирует с разнообразными характеристиками общества. Это, свою очередь, открывает б***о***льшие возможности для практического воздействия на необходимые стороны социальной жизни.

В качестве примера рассмотрим, как соотносятся между собой (коррелируют): 1) страх бедности, нищеты I_{fr} и децильный коэффициент K_d и 2) страх бедности, нищеты I_{fr} и поляризованность сбережений населения I_{pl} (сбер). (Соответствующие вопросы анкеты: «Боитесь ли Вы бедности, нищеты?»[2] «Есть ли у Вас, Вашей семьи в настоящее время какие-либо сбережения, накопления?»[3]

Таблица 4

Преимущества индекса поляризованности I_{pl} как измерительного средства

Корреляты	Показатель корреляции
Децильный коэффициент – страх бедности	R (Kdc, Ifr) = 0
Поляризованность сбережений населения – страх нищеты	R (Ipl (сбер.), Ifr) = +0,82

Как видим, между страхом нищеты и децильным коэффициентом – нулевая корреляция (R = 0), в то время как между поляризованностью сбережений и страхом нищеты корреляция очень высока (R = +0,82). Если в дополнение к сказанному, принять к сведению результаты «расщепления» корреляционного показателя R = +0,82, которые представляют собой распределение каузальных ролей между данными коррелятами, то можно видеть, что скорее фактор

[1] Радовель М.Р. Характеристики солидарности / поляризованности российского социума: опыт количественного анализа // XV Международная научная конференция «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». 18–19 дек. 2014 г. – М., 2015; Радовель М.Р. Солидарность и поляризованность в ценностном мире современных россиян // Всероссийская научно-общественная конференция «Успешность развития социальных систем и государственная политика и управление», 28 ноября 2014 г. – М., 2014.

[2] Общественное мнение – 2014. Ежегодник. – М., 2015. – С. 20, таблица 2.15.

[3] Там же, с. 83, таблица 6.15.

«поляризованность сбережений» выступает детерминантом другого фактора «страх нищеты», чем наоборот. Соответствующие показатели: $R_1 = +0{,}83$ и $R_2 = +0{,}57$.

«Чувствительность», т.е. эффективность индекса поляризации I_{pl} в качестве диагностического инструмента и его специфика, по сравнению с децильным коэффициентом K_d (1) и обычным рейтинговым показателем (2), проявляется во множестве случаев. Приведем примеры, связанные с такой ситуацией, как «рост напряжения (tension) в обществе» (Вопрос анкеты: «Ощущаете ли Вы в последнее время рост напряжения в обществе?»[1]).

Таблица 5

Специфика и возможности индекса поляризованности I_{pl} по сравнению с другими измерительными средствами

Корреляты	Коэффициент корреляции R
Децильный коэффициент и *страх* бедности	$R\ (K_{d,}\ I_{fr}) = \mathbf{0}$
Децильный коэффициент и *поляризованность* в рамках темы «страх бедности»	$R\ (K_{d,}\ I_{pl}\ (fr) = \mathbf{+0{,}43}$
Децильный коэффициент и *рост напряжения* в обществе	$R\ (I_{tn,}\ K_d) = \mathbf{-0{,}14}$
Децильный коэффициент и *поляризованность* в связи с ростом напряжения	$R\ (I_{pl}\ (tn),\ K_d) = \mathbf{+0{,}27}$

Мы наблюдаем *существенное различие показателя корреляции* в двух случаях: 1) децильный коэффициент K_d и индекс *страха (fear)* бедности $I_{fr} - R\ (K_{d,}\ I_{fr}) = 0$; 2) децильный коэффициент K_d и *индекс поляризованности* в связи со страхом бедности $I_{pl}\ (fr) - R\ (K_{d,}\ I_{pol}\ (fr) = +0{,}43$. (Анализ результатов по анкете «Боитесь ли Вы бедности, нищеты?»). То же можно сказать при соотнесении таких показателей, как: 1) децильный коэффициент и *рост напряжения* в обществе, 2) децильный коэффициент и *поляризованность в связи с ростом напряжения.*

Опыт работы с использованием индекса поляризации I_{pl} позволяет считать, что он дает результаты, отличающиеся от тех, которые доступны при использовании других средств, и часто более зримые и рельефные, чем те, что получены на основе других средств.

[1] Общественное мнение – 2015. Ежегодник. – М., 2016. – С. 16, таблица 2.3.

Сажин Ю.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении Мордовского государственного университета
Бикеева М.В.
к.э.н., доцент Мордовского государственного университета

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА СТЕПЕНИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Ключевые слова: *интегральная оценка, графический метод многоугольника (радара), индексы степени социальной ответственности.*
Keywords: *integral evaluation, graphic method polygon (radar), indexes of the degree of social responsibility.*

Основными особенностями современной деловой среды становятся быстрые перемены, глобальная конкуренция, значительные потоки информации и коммуникаций. При этом границы между компаниями достаточно условные, и бизнес рассматривается как объект, встроенный в систему сложных взаимоотношений с внешней средой. Социальная ответственность бизнеса – это объективный этап в его поступательном развитии, ответ на вызовы динамично изменяющей внешней среды и глобальной экономики.

В сложившейся ситуации экономическая эффективность производства не может быть самоцелью бизнеса и должна одновременно способствовать гармоничному эффективному развитию общества в целом. Бизнес как источник социальной ответственности, имеет непосредственное отношение к благосостоянию населения, к удовлетворению его материальных, социальных и интеллектуальных потребностей, к сокращению неравенства и искоренению безработицы и тем самым повышению качества жизни населения и формированию вокруг себя зоны социального благополучия. Наличие данных обстоятельств свидетельствует о необходимости изучения концепции социальной ответственности бизнеса, а также разработки методики оценки её уровня.

Целью данного исследования является разработка критериев оценки эффективности социально ответственного бизнеса.

Социальная ответственность включает в себя достаточно сложную систему факторов, влияющих на выбор управленческих решений, и является, в свою очередь, необходимым условием эффективности экономической деятельности предприятия, обеспечивает устойчивость его развития и долгосрочную конкурентоспособность. Очевидно, проблемы методологии оценки эффективности относятся к числу самых сложных и измерение полученных экономических результатов связано с определенными трудностями. Взаимодействие бизнеса и заинтересованных групп, в процессе которого осуществляется формирование долгосрочных отношений, обмен ресурсами и информацией, может рассматриваться как определенная последовательность действий, ограниченных во времени и в пространстве[1]. Однако процесс взаимодействия, его эффективность зависит от главной цели поведения участников взаимодействия, а также наличия противоречивых ситуаций и рассогласованности целей субъектов, участвующих в процессе взаимодействия.

Сложившаяся теория оценки эффективности, базирующаяся на классической экономической методологии, в основу которой положены комплексные стоимостные характеристики производства и результата взаимодействия всех видов ресурсов, не полностью отражает характер и целевую значимость процессов взаимодействия бизнеса и заинтересованных групп. Однако в случае ориентации бизнеса на интересы заинтересованных групп и, в связи с этим, на социальную ответственность оценку экономической эффективности необходимо дополнить спектром социальных эффектов. В результате оценка эффективности становится многокомпонентной, требующей интеграции различных её аспектов.

Важной проблемой при оценке эффективности социально ответственного бизнеса является формирование системы измерений (индексов и индикаторов) для количественной и качественной оценки этого процесса. Проблема разработки критериев и индикаторов уровня социальной ответственности бизнеса рассматривается на различных дискуссионных площадках, охватывающих как деловое сообщество, так и научные коллективы[2]. При этом можно выделить два наиболее распространенных подхода к построению индикаторов уровня социальной ответственности бизнеса. Один из подходов базируется на построении системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты социально-ответственного поведения бизнеса. Второй – предполагает построение интегрального (агрегированного) индикатора, на основе которого можно судить о степени социальной ответственности.

[1] Фатхутдинов Р.А. Глобальная конкурентоспособность. На стол современному руководителю. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2009. – 464 с.

[2] Бикеева М.В. Проблемы методологии оценки социальной ответственности отечественного бизнеса // Материалы Междунар. конф. «Образование через всю жизнь для устойчивого развития. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – С. 365.

По сравнению с интегральными индикаторами уровня социальной ответственности бизнеса подход, базирующийся на построении системы индикаторов, более широко распространен в мировой практике. Однако на сегодняшний день отсутствует признанный и хорошо обоснованный единый показатель для оценки её уровня. В связи с этим основной акцент все-таки делается на построении системы индикаторов. Следует отметить, что разработка системы индикаторов уровня социальной ответственности является достаточно сложной процедурой, требующей значительного объема информации. При этом необходима разработка данной системы индикаторов для оценки уровня социальной ответственности с позиции разных масштабов: локального (для отдельных предприятий), регионального, национального[1].

Результаты исследования показали трудность количественного выражения эффекта от социально ответственной деятельности, хотя были предприняты попытки расчётов индексов социальной ответственности[2]. Существующие в настоящее время методики оценки социальной ответственности бизнеса сводятся к исследованию общей величины социальных инвестиций, а также анализу внутренних и внешних социальных программ в отдельности. Общую картину корпоративных социальных инвестиций дают количественный и качественный индексы, рассчитанные по агрегированным показателям для всех предприятий, участвовавших в исследовании. Источником информации при этом являются социологические исследования, а также опросы руководителей предприятий[3].

Эффективным инструментарием в решении задач оценки и сравнительного анализа степени социальной ответственности бизнеса, по мнению авторов, может служить комплексный подход по разработке и построению имитационных моделей. Одним из широко известных методов оценки сложных показателей является графический метод многоугольника (радара), основанный на унифицированном подходе к каждому предприятию, который впервые был применен для сравнительного анализа конкурентоспособности предприятий[4].

На наш взгляд, данный подход может быть реализован для оценки любого явления, имеющего комплексный характер, в том числе степени социальной ответственности бизнеса. На основе метода многоугольника (радара) оценку степени социальной ответственности предприятий можно интерпретировать как геометрическую фигуру, которая служит количественной мерой и одновременно интегральным показателем. Устойчивость такой фигуры характеризует реальную ситуацию, складывающуюся в области уровня социальной ответственности на конкретном предприятии. Тем не менее, подобные методики не содержат простых и однозначных критериев, а лишь предлагают косвенные обобщенные показатели, и, следовательно, правильность результата, полученного в процессе оценки, в значительной степени зависит от выбора оценочной базы.

Осуществлена попытка интегральной оценки степени социальной ответственности предприятий промышленности и строительства Республики Мордовия. Выбор объекта исследования объясняется, во-первых, тем, что промышленные и строительные предприятия обеспечивают наибольшую долю занятости в республике. В структуре валового регионального продукта доля этой отрасли составляет 21,8%. На предприятиях промышленности занято 77,1 тыс. человек, что составляет 17,6% от числа занятых в экономике республики[5]. Во-вторых, для преодоления сырьевой ориентации российской экономики и, особенно, в условиях санкционного режима в отношении России, необходимо проводить мониторинг развития социального обеспечения именно в отраслях, связанных с производством – так как соотношение масштабов занятости обеспечивается не только уровнем заработной платой, но и всем комплексом социальных услуг и условий труда[6].

Информационной основой исследования послужили данные годовых отчетов о хозяйственной деятельности предприятий промышленности и строительства Республики Мордовия за 2015 г.

Для определения степени социальной ответственности регионального бизнеса использованы 12 локальных критериев, исчисляемых ежегодно и сопоставимых между собой, которые сгруппированы в 6 оценочных блоков[7]. По значениям представленных показателей по убыванию (или возрастанию – в зависимости от конкретного показателя исходя из логических соображений) проведено ранжирование предприятий, затем для получения рангов локальных критериев найдены средние геометрические из частных рангов (табл. 1).

Таблица 1

Ранги локальных критериев интегральной оценки социальной ответственности предприятий промышленности и строительства Республики Мордовия

---

[1] Бикеева М.В. Интегральная оценка социальной ответственности регионального бизнеса / М.В. Бикеева, И.А. Иванова // Менеджмент в России и за рубежом. 2016. – № 5. – С. 26–33.

[2] Доклад о социальных инвестициях в России – 2014: к созданию ценности для бизнеса и общества. / Ю.Е. Благов. – СПб.: Авторская творческая мастерская (АТМ Книга), 2014.

[3] Иванова И.А. Оценка эффективности реструктуризации бизнеса и его социальной ответственности: современный методологический подход / И.А. Иванова, М.В. Бикеева // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. – № 1. – С. 89–96.

[4] Сажин Ю.В., Иванова И.А. Эконометрика. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 316 с.

[5] Электронный ресурс: база данных содержит сведения о Федеральной службе государственной статистики России, цифровые данные о социально-экономическом развитии России, публикациях, а также информации, публикуемой в соответствии со специальным стандартом распространения данных МВФ (ССРД МВФ), новости. – М. [2010 –]. – http:/www.gks.ru

[6] Реализация социальной политики: региональный аспект: моногр. / науч. ред. проф. Ю.В. Сажин. – Саранск: ЮрЭксПрактик, 2015. – 252 с.

[7] Ivanova I.A. Corporate Social Responsibility: Specificity, Formation Mechanism, Estimation of Management Efficiency / I.A. Ivanova, M.V. Bikeeva // European Research Studies. 2016. – Vol. 19, Special Issue 3, Pt A. – P. 167–184.

Предприятие	Производственные мощности		Эффективность деятельности предприятия			Эффективность интегрированного маркетинга	Эффективность маркетинга взаимоотношений		Эффективность внутреннего маркетинга		Эффективность социально ответственного маркетинга	
	Среднесписочная численность работающих, чел.	Основной капитал, тыс. руб.	Темпы роста оборота	Рентабельность реализованной продукции	Рентабельность собственного капитала	Рентабельность продаж	Коэффициент финансового левериджа	Коэффициент срочной ликвидности	Коэффициент роста производительности труда	Наличие этического кодекса	Коэффициент платежеспособности	Наличие благотворительных программ
ОАО «Электровыпрямитель»	11	8	10	11	11	11	1	11	11	2	1	2
ОАО «Саранский телевизионный завод» (СТЗ)	6	7	11	6	6	8	10	2	4	1	6	1
ОАО «Лато»	4	6	8	8	8	9	5	8	7	2	3	1
ОАО «Мордовцемент»	9	11	9	10	10	10	3	9	8	2	2	2
ОАО «Саранский завод автосамосвалов»	1	3	3	7	3	6	7	10	3	1	9	1
ОАО «Резинотехника»	10	9	1	3	1	2	11	5	2	1	10	1
ОАО «Станкостроитель»	5	2	5	2	5	4	2	4	6	2	8	1
ОАО «Биохимик»	8	5	6	9	7	7	4	6	9	2	4	1
ОАО «Орбита»	7	10	2	5	2	5	8	6	5	2	7	1
ОАО «Кадошкинский электротехнический завод»	3	4	7	4	9	3	6	3	10	2	5	1
ГУП РМ «Лисма»	2	1	4	1	4	1	9	1	1	1	11	1

Соединив ранговые значения локальных критериев линиями, получены многоугольники, каждый из которых соответствует одному предприятию-участнику исследования. В результате исчисления частных и локальных рангов значений соответствующих показателей получено одиннадцать многоугольников степени социальной ответственности предприятий промышленности и строительства анализируемого региона. Каждый радар в своем предельном значении представляет собой радиус круга, соответствующий максимально благоприятному значению показателя (рис. 1).

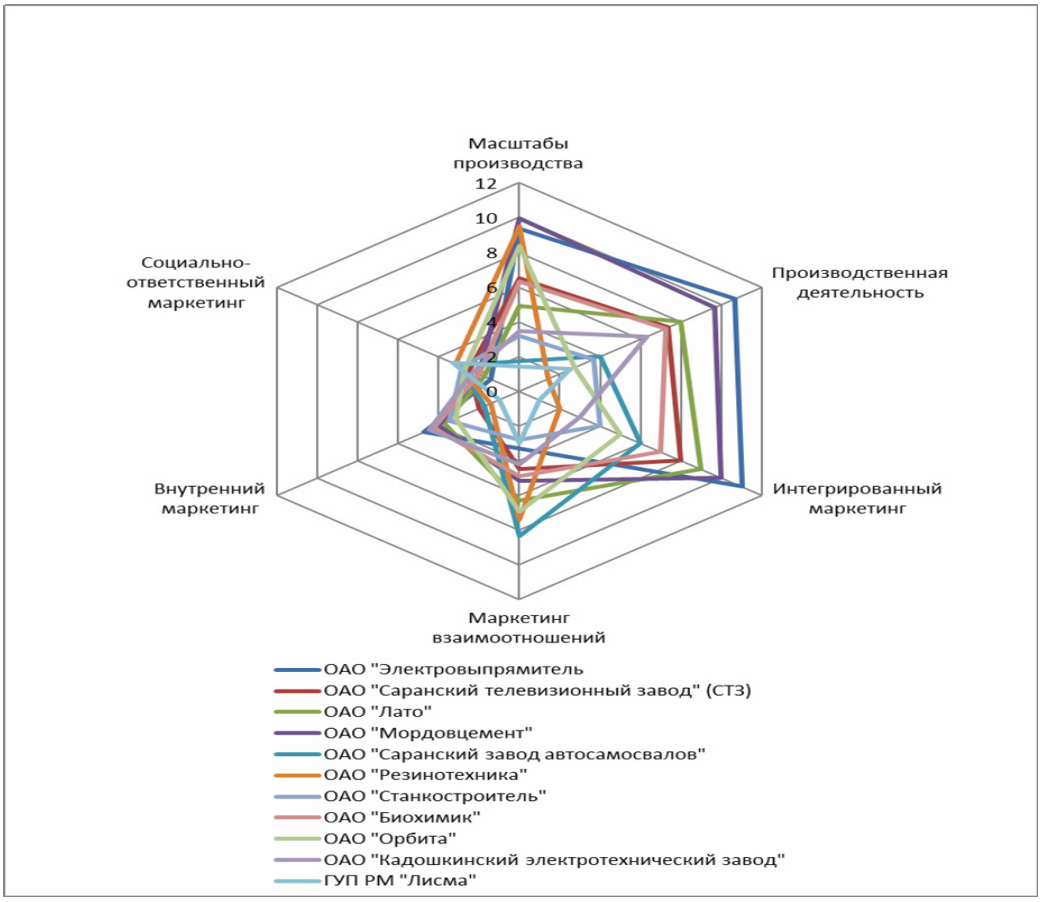


Рисунок 1.
Многоугольник степени социальной ответственности предприятий промышленности и строительства Республики Мордовия

Представленная лепестковая диаграмма позволяет выделить лидеров по степени социальной ответственности (ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Мордовцемент» ОАО «Лато»). К предприятиям-аутсайдерам можно отнести ГУП РМ «Лисма», ОАО «Станкостроитель», ОАО «Резинотехника». Отличительной чертой региональных предприятий является неоднородность в распределении показателей по радиальным прямым: одно и то же предприятие может занимать лидирующие позиции по одному из показателей, но иметь наименьшие значения по другому. Резкими колебаниями в значениях рангов характеризуется ОАО «Электровыпрямитель», которое проявляет наибольшую активность во взаимодействии с потребителями, собственным персоналом, но выделяется также одним из наименьших значений блока, связанного с маркетингом взаимоотношений. Среди предприятий-аутсайдеров степени социальной ответственности наблюдается аналогичная ситуация.

Полученные результаты сравнительного анализа математически подтверждаются следующими расчетами. Были вычислены обобщающие показатели, равные относительной площади многоугольника, построенного внутри оценочного круга по выбранным показателям. Площадь многоугольника определяется путем деления его на треугольники и нахождения суммы их площадей по формуле [8]:

$$S_i = \frac{1}{2} \cdot \sin\frac{360^\circ}{k} \cdot (K_{1i} \cdot K_{2i} + K_{2i} \cdot K_{3i} + K_{3i} \cdot K_{4i} + K_{4i} \cdot K_{5i} + K_{5i} \cdot K_{6i} + K_{6i} \cdot K_{1i}) \quad (1),$$

где K_{1i} – координаты вершин многоугольника (радара) в координатных осях с началом в центре круга для i-го предприятия;

k – число индивидуальных оцениваемых критериев (в данном случае k=6).

Индекс уровня социальной ответственности вычисляется по формуле:

$$I_i = \frac{S_i}{S} \quad (2),$$

где S_i – площадь многоугольника i-го предприятия;

S – общая площадь признакового пространства (многоугольник «эталонного» предприятия, для которого ранги равны максимально возможному значению).

В результате проведенных расчетов получены значения индивидуальных индексов степени социальной ответственности предприятий промышленности и строительства в Республике Мордовия (табл. 2).

Таблица 2

Индексы степени социальной ответственности предприятий промышленности и строительства в Республике Мордовия

Предприятие	Индекс социальной ответственности	Ранг
ОАО «Мордовцемент»	0,339	1
ОАО «Электровыпрямитель»	0,335	2
ОАО «Лато»	0,239	3
ОАО «Биохимик»	0,200	4
ОАО «Саранский телевизионный завод» (СТЗ)	0,199	5
ОАО «Орбита»	0,143	6
ОАО «Саранский завод автосамосвалов»	0,123	7
ОАО «Кадошкинский электротехнический завод»	0,104	8
ОАО «Резинотехника»	0,088	9
ОАО «Станкостроитель»	0,077	10
ГУП РМ «Лисма»	0,023	11

Таким образом, предложенная методика позволяет оценить степень социальной ответственности бизнеса. Подкрепленная математическими расчетами она дает наиболее точные и достоверные результаты. При этом использование дополнительных показателей позволит расширить спектр её возможностей. На наш взгляд, данная методика должна представлять собой инструмент для изучения существующих тенденций социально ответственного поведения бизнеса и определения уже достигнутых результатов, а также установления проблемных областей, на которых следует акцентировать дополнительное внимание в перспективе.

Тихомирова В.В.
к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
tikhomirova@iespn.komisc.ru

ВОПРОСЫ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ПОДДЕРЖКУ ГРАЖДАН СТАРШЕ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ)[1]

Ключевые слова: *граждане старше трудоспособного возраста; государственные финансовые инвестиции; инновации, социальная поддержка; прожиточный минимум; адресная помощь.*

Keywords*: citizens of working age; public financial investment; innovations, social support; living wage; targeted assistance.*

Государственная финансовая поддержка граждан старшего поколения – одно из ключевых направлений повышения продолжительности жизни, а значит, и решения социально-демографических проблем в России. Среди основных факторов, обусловливающих активное долголетие граждан пожилого возраста – эффективная система их социального обслуживания и развитие сферы социальных услуг. Из этого следует, что привлечение финансовых инвестиций, в том числе частных, в развитие социальных служб, модернизацию учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста является приоритетным направлением.

Тенденция старения населения, характерная для страны в целом, становится актуальной и для северных округов. На фоне прироста населения моложе трудоспособного возраста и значительного увеличения доли лиц пенсионного возраста практически по всем регионам заметно *сократится население трудоспособного возраста*.

Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста будет наблюдаться в Чукотском АО (на 21,8%), Архангельской (на 15,8%) и Сахалинской (на 15,6%) областей, Республике Карелии (на 14,5%) и Республике Коми (на 14,1%). Лишь в Ямало-Ненецком АО число этой группы увеличится на 2,2% и составит 374,8 тыс. чел.

В целом по регионам Севера численность данной категории граждан к 2020 г. сократится на 9,3% и составит 4,5 млн. чел.

К 2020 г. *прогнозируется высокий прирост численности населения пенсионного возраста* по всем северным территориям. Особенно значительные темпы роста численности населения старше трудоспособного возраста будут наблюдаться в Ямало-Ненецком (75,9%), Ханты-Мансийском (74,2%), Ненецком АО (47,5%) и Республике Саха (37,0%). В остальных регионах этот показатель будет колебаться от 12% (Сахалинская область) до 18,6% (Камчатский край). Исключение составит Чукотский АО, где по прогнозу Росстата число лиц пенсионного возраста сократится на 1,9% (табл. 1).

Таблица 1

Темпы прироста численности населения в возрасте старше трудоспособного к 2010 г., %

Регионы	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Россия	4,0	6,0	8,2	10,5	12,6	14,4	16,1	17,9	19,6
Регионы Севера	7,0	10,5	14,1	17,6	20,7	22,8	25,0	27,1	29,2
Республика Карелия	3,7	5,7	7,8	10,0	11,9	13,2	14,5	15,8	17,1
Республика Коми	4,9	7,2	9,6	12,0	13,9	15,1	16,2	17,4	18,5
Архангельская область	4,3	6,3	8,6	10,8	12,6	13,7	14,9	16,1	17,3
Ненецкий АО	11,9	16,9	22,0	27,1	32,2	36,0	39,8	43,6	47,5
Мурманская область	4,7	7,0	9,4	11,5	13,2	13,9	14,6	15,3	16,0
Ханты-Мансийский АО	15,9	23,8	32,4	41,0	48,9	55,2	61,6	67,9	74,2
Ямало-Ненецкий АО	16,6	25,2	34,2	43,4	51,9	57,9	63,9	69,9	75,9
Республика Саха	8,3	12,5	16,7	21,0	25,2	28,2	31,1	34,1	37,0
Камчатский край	5,2	7,7	9,9	12,0	13,9	15,1	16,3	17,4	18,6
Магаданская область	6,2	9,2	11,7	13,6	15,0	15,6	16,1	16,7	17,2
Сахалинская область	4,9	6,7	8,8	10,2	11,2	11,4	11,6	11,8	12,0
Чукотский АО	3,8	5,7	7,5	7,5	5,7	3,8	1,9	0,0	-1,9

Источники: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Стат. бюллетень. – http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/progn_09.zip; Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-03.xlsx [1]; расчеты автора

[1] Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН № 14 «Фундаментальные проблемы региональной экономики», проект 15-14-7-12 «Инновационный потенциал северных регионов России: оценка и перспективы развития», научный руководитель Ю.А.Гаджиев.

Наблюдается нарастание естественной убыли населения, несоответствие между сокращающейся активной частью трудовых ресурсов и размерами территорий северных регионов, увеличение доли граждан «старше трудоспособного возраста», отличительной чертой которых является то, что большая их часть относится к финансово несостоятельной группе населения с доходами ниже величины прожиточного минимума и т.д. Снижаются показатели уровня и качества жизни населения данной категории граждан – от показателя продолжительности жизни до показателей состояния здоровья и уровня инвалидности жителей севера.

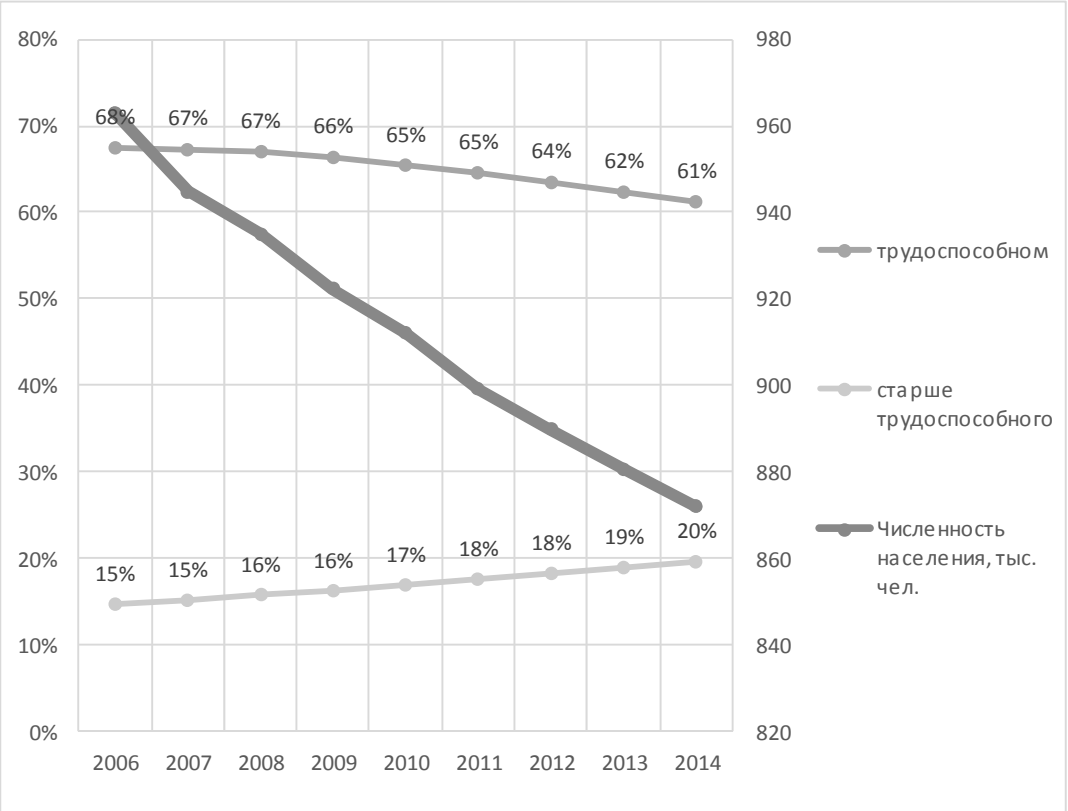
В результате в силу демографических процессов *среднегодовая численность населения регионов Севера* в период 2012–2020 гг., подпадающего под действие системы социальных гарантий, *будет объективно увеличиваться*. Это будет связано как с ростом числа лиц моложе трудоспособного возраста (в среднем на 1,0%), так и с общим постарением населения, увеличением численности лиц граждан пожилого возраста на 2,9%.

Так, например, в Республике Коми за период с 1991 по 2014 гг. вследствие демографических процессов произошло увеличение абсолютной численности и доли лиц старше трудоспособного возраста с 132,8 до 172,0 тыс. чел. (с 10,7% до 19,7%). За период 2006–2013 гг. удельный вес числа жителей старше трудоспособного возраста вырос с 15 до 20%, (рис. 1) при падении как доли лиц трудоспособного возраста, так и общего числа жителей [2].

«Накопление» населения пожилого и старческого возраста будет увеличиваться и в перспективе. Согласно прогнозу Росстата в период до 2020 г. в республике будет продолжаться увеличение численности населения моложе трудоспособного возраста до 19,3% (в 2015 году 19,1%) и увеличение численности населения старше трудоспособного возраста, доля которого составит 23,3% в структуре населения Республики Коми. Удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше увеличится до 12,2%. При ожидаемом снижении общей численности населения региона на 7,8% старение означает рост проблем трудообеспечения экономики, нарастание проблем бюджетной обеспеченности и экономического благополучия граждан [3].

Причину падения экономического потенциала трудовых ресурсов Республики Коми, как и других северных регионов России, видят в снижении привлекательности территории как места приложения своего труда и жизнедеятельности в целом, связанного преимущественно с экономическими причинами [4]. В условиях галопирующей инфляции 1990-х гг. финансовые стимулы перестали служить стимулом переезда в северные регионы; выезжали, в основном, экономически активные граждане трудоспособного возраста. Кроме того, переходные процессы и трансформационный спад негативно отразились на показателях деятельности крупных производств, являющихся отличительной чертой северных экономик.

Во многом опасность деградации человеческого капитала связывают и с отраслевой структурой экономики (на долю промышленности приходится около 50% ВРП Республики Коми), в рамках концепций голландской болезни [5]. Так, отток капитала и труда в добывающие и связанные с ними отрасли, снижение конкурентоспособности других отраслей тормозит развитие экономики, что не может не сказываться на качестве человеческого капитала в результате снижения спроса на квалифицированный труд со стороны работодателей и на услуги образования со стороны домохозяйств.



Источник: Статистический ежегодник РК 2014, раздел 4, с. 1; расчеты Тимушева Е.Н. [6].

Рисунок 1.
Возрастная структура численности населения Республики Коми на 1 января, в %

Также есть точка зрения, согласно которой обладание некоторыми видами природных ресурсов увеличивает экономическое неравенство населения, а сильное неравенство снижает уровень инвестиций в физический, и особенно человеческий капиталы, и таким образом замедляет экономический рост [7].

Это приведет к значительному увеличению государственных финансовых инвестиционных расходов *местных* бюджетов на социальную поддержку пожилых людей: доведение уровня доходов неработающих пенсионеров до величины прожиточного минимума, выплату льгот и компенсаций, социальное обслуживание граждан пожилого возраста.

В силу демографических причин (естественной убыли) расходные обязательства бюджетной поддержки РФ будут неуклонно сокращаться, а субъектов РФ значительно расти. Отсюда, в ходе реализации Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, в части предоставления мер социальной поддержки региональным льготным категориям, наметилась тенденция увеличения всех категорий льготников, особенно благодаря естественному приросту численности граждан пожилого возраста, удостоенных звания «Ветеран труда». На эту льготную категорию населения приходится наибольший объем расходов региональных бюджетов [8].

Поэтому основное бремя социальной поддержки населения будут нести местные органы власти.

Таким образом, наиболее острой проблемой, определяющей весь характер социально-экономических отношений между государством и обществом, является несбалансированность ресурсов и обязательств на всех уровнях бюджетной системы РФ. Перед федеральной властью стоит задача путем межбюджетного выравнивания способствовать повышению эффективности системы социальной защиты населения, уменьшению социальной дифференциации в интересах сокращения бедности. Поэтому основным методом социальной защиты в целом и социальной поддержки в частности, должно стать предоставление социальной помощи лишь тем домохозяйствам, фактическое потребление которых находится ниже величины прожиточного минимума. Практика функционирования системы социальных выплат в регионах показывает, что единственно возможный путь повышения ее эффективности – безотлагательное введение принципа адресности. Понятие «адресность» в данном контексте означает ограничение круга получателей социальной поддержки конкретной целевой группой в зависимости от приоритетов социальной политики государства на данном этапе. В данном случае принцип адресности является противовесом «категорийному подходу», когда социальная помощь предоставляется гражданам по их формальной принадлежности к той или иной социальной (профессиональной или социально-демографической) группе населения без учета фактора нуждаемости. Усиление адресности социальной помощи предполагает принятие законодательных и организационных мер по ограничению круга получателей социальной поддержки малоимущими семьями и малоимущими одиноко проживающими гражданами. Соответствующие бюджетные ресурсы будут формироваться за счет сокращения безадресных форм помощи, а также социально неоправданных льгот и выплат [9].

Следует отметить, что льготы, предоставляемые гражданам за особые заслуги – Героям России и Советского Союза, полным кавалерам ордена Славы, инвалидам и участникам Великой Отечественной войны – должны быть сохранены. Возможность пользования другими льготами необходимо поставить в зависимость от дохода их получателей.

В связи с этим размеры социальных выплат должны быть *согласованы с финансовыми возможностями регионов*, и актуальным становится критерий общественной целесообразности в осуществлении социальной защиты граждан. Он требует строгого определения контингента тех, кто по объективным причинам полностью или частично лишен возможности к самообеспечению и имеет доход ниже величины прожиточного минимума. Отсутствие должного учета реальной нуждаемости и сохранение уравнительности снижают эффективность социальной поддержки, поскольку она неоправданно растекается по огромному числу ее потребителей.

Список литературы и источников

1. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Стат. бюллетень. – http://www.gks. ru/doc_ 2010/bul_dr/progn_09.zip; Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/ croc/Documents/Vol2/pub-02-03.xlsx
2. Тихомирова В.В. Методология и механизмы финансового обеспечения системы социальной поддержки населения регионов зоны Севера // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. – № 1 (25). – С. 123.
3. http://www.gks.ru
4. Котырло Е.С. Человеческий капитал северных регионов // ЭКО. 2008. – № 11. – С. 68–79.
5. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 6. – С. 4–27.
6. Гаджиев Ю.А. Модернизация инновационно-инвестиционной системы северных регионов России: проблемы и перспективы / ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, научно-исследовательская работа (НИР) фундаментальная, регистрационный номер НИОКТР01201352733, дата регистрации – 22/02/2013, Тимушев Е.Н., параграф 7.1, 7.2.
7. Мишура А.В. Ресурсозависимость и качество институтов в регионах России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. – № 6. – С. 82–96.
8. Библиотека журнала «Социальная защита». Закон о ветеранах (в новой редакции). – М.: Социономия, 2005. – 111 с.
9. Байгереев М. Бедность и политика адресной социальной помощи малоимущим семьям // Человек и труд. – М., 2001. – № 1.
10. Центральная база статистических данных. – http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi

Уразбахтина Е.Р.
студент Башкирского государственного педагогического университета Evaura94@mail.ru
Брагина Т.Е.
к.э.н., доцент Башкирского государственного педагогического университета Tatiana-ufa@mail.ru

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КОРЗИНА: ОТ СССР ДО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *потребность, нормы потребления, потребительская корзина прожиточный минимум, потребительская корзина, продукты питания, непродовольственные товары и услуги, уровень цен, уровень жизни населения.*

Keywords: *demand, consumption rates, the consumer basket subsistence, minimum consumer basket, food, non-food products and services, the price level, the standard of living of the population.*

Потребительская корзина как определенный набор услуг и товаров, который обеспечивает полноценное проживание человека в течение года и удовлетворяет его потребности на минимально допустимом уровне – достаточно важный показатель экономического развития любой страны [2, с. 43].

Состав потребительской корзины зависит от того, насколько экономика страны может обеспечить базовые потребности своего населения. Так в некоторых государствах на сегодняшний день в список включены даже такие элементы, как знакомство на Интернет-сайтах. В других государствах этот показатель очень скудный и не обеспечивает даже необходимых продуктов питания. Все зависит от того, насколько экономика страны может обеспечить базовые потребности своего населения. [5, с. 48].

Таблица 1

Сравнение состава потребительской корзины трудоспособного населения в СССР и Российской Федерации

Наименование	Нормы потребления	
	СССР (1981 г.)	Россия (2012 г.)
Хлеб и продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку)	110	126,5
Мясо и мясопродукты	84	58,6
Рыба и рыбопродукты	20	18,5
Молоко и молочные изделия в пересчете на молоко	380	290
Масло растительное и другие жиры	13	11
Сахар	38	23,8
Яйца, штук	280	210
Картофель	105	100,4
Овощи и бахчевые	146	114,6
Фрукты свежие	80	60

Из таблицы видно, что калорийность в сегодняшней продуктовой корзине рассчитана на основе наиболее дешевых продуктов – круп, муки, хлеба и картофеля, количество продуктов, содержащих белки и витамины, существенно сокращено.

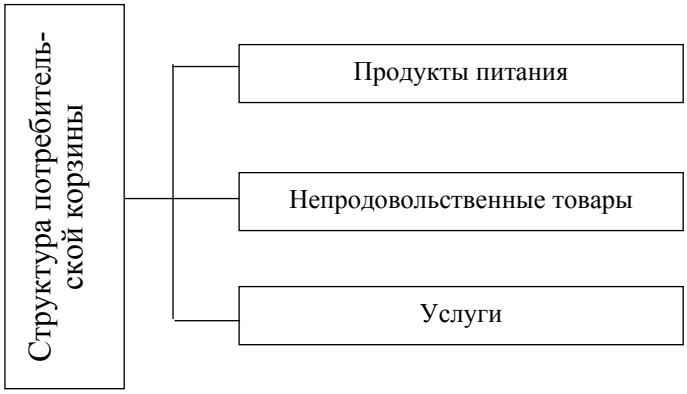


Рисунок 1.
Структура потребительской корзины

Потребительская корзина определяется на ближайшие пять лет. Последний раз она пересматривалась в декабре 2012 года [1]. По истечении пяти лет данный показатель рассматривается и в дальнейшем разрабатывается обновленный вариант, который в большей степени соответствует нынешним потребностям граждан страны. Понятно, что если потребительская корзина была определена несколько лет назад, а за это время продукты и товары подорожали, то происходит и ценовый рост самой корзины. Она становится дороже в денежном выражении. [8, с. 615]

В потребительскую корзину преимущественно входят те товары и услуги, без которых человек не сможет жить в комфорте на протяжении одного года (все расчеты ведутся на один год). В результате анализа данных можно отметить, что основная часть цифр и показателей либо занижена, либо абсолютно не соответствует современным реалиям. В связи с этим граждане нашей страны предполагают, что потребительская корзина в 2017 году должна быть полностью пересмотрена.

Различают несколько видов потребительской корзины исходя из категорий граждан, для которых она составляется, – для детей, граждан трудоспособного возраста и пенсионного возраста, эти виды различаются. Это связано с базовыми потребностями и возрастом. Так, для пенсионеров нормы продуктов питания и, соответственно, товаров и услуг ниже примерно на 10 процентов. Для детей нормы овощей и фруктов выше, чем для трудоспособного населения, что связано с потребностями растущего организма в витаминах и клетчатке [2].

Потребительская корзина в других странах значительно отличается от российской. Так, к примеру, в США в списке необходимых для достойного проживания товаров и услуг находится около 300 наименований. Во Франции потребительская корзина с ее широким составом (более 500 наименований продовольственных товаров, промтоваров и услуг) служит для определения индекса потребительских цен и инфляции, в зависимости от которых корректируется минимальный размер оплаты труда. В начале 2013 года французский МРОТ при пересчете на рубли составлял 57 695, а в России – 5205 рублей. При этом прожиточный минимум у французов – это доход, составляющий менее 50% от средней заработной платы по стране.

Во французскую потребительскую корзину попали немалые затраты на посещение парикмахерской, покупку лаков, шампуней для волос, гелей для душа и многочисленных косметических средств, а также четырнадцать наименований цветов, без которых, оказывается, нормальная жизнь даже малообеспеченного человека не представляется возможной. Средние затраты на рестораны здесь также традиционно занимают немалое место. Кроме того, элементарными базовыми потребностями, нашедшими свое отражение во французской потребительской корзине, признаются, среди прочего, затраты на приглашение няни, на лечение зубов, аренду автомашин, такси, использование мобильного телефона, а также питание для кошек и собак.

Все эти факты дают достаточно ясное представление о том, что европейская потребительская корзина способствует не только функционированию человека как биологического существа, но и дает возможность развиваться духовно, приобщаться к культуре и поддерживать свое физическое здоровье. В России же потребительская корзина является тем минимумом, который необходим человеку для того, чтобы прожить, обеспечивая себе минимальным питанием.

Анализируя динамику структуры российской потребительской корзины, а также проводя сравнения ее с европейскими потребительскими корзинами, мы можем сделать вывод о том, что само понимание «потребительской корзины» у нас и в Европе существенно различается. Для немцев, например, этот набор выступает как полноценная государственная помощь, размер социальных выплат позволяет не только обеспечить себя необходимым пропитанием, но и вести полноценную жизнь в обществе. Для российских граждан социальные выплаты в размере прожиточного минимума дают возможность обеспечить себя лишь самым необходимым.

В российской потребительской корзине продукты питания дополняют одежда, бытовые приборы, лекарства, обувь. В третью условную группу входят всевозможные услуги, в которых человек нуждается на протяжении одного года [4]. Сюда входят платежи по коммунальным счетам, платежи по оплате транспорта, расходы на культурные мероприятия.

В соответствии с российской потребительской корзиной в день человеку полагается: хлеба – 300 граммов; картофеля – 280 граммов; молока и молочных продуктов – 800 граммов; рыбы – 350 граммов; мяса – 160 граммов. Подобный рацион не выдерживает никакой критики. Общая стоимость российской потребительской корзины, безусловно, должна существенно вырасти.

В связи с тем, что потребительская корзина любой страны является гарантированным минимальным набором продуктов, товаров и услуг, считаем необходимым расширить российскую потребительскую корзину, дополнив ее расходами на помощь наемной няни, на услуги платной медицины, аренду жилья, использование компьютеров и др.

Список литературы и источников

1. Федеральный закон от 03.12.2012 № 227 ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации».
2. Анализ продуктовой потребительской корзины РФ в 2012-2013 гг. Аналитический отчет. – www.tebiz.ru
3. Социальная политика: Учебник / Под общ. ред. Н.А.Волгина. – М.: Изд-во РАГС, 2013.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.htm
5. Питание в туристическом путешествии, данные Института питания АМН СССР. – М.: Профиздат, 1986. – 48 с.
6. Трунин С.Н. Экономика труда: учебник. – М.: Экономика, 2015. – 496 с.
7. Уровень жизни населения / Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2007.
8. Октябрьский П.Я. Россия сегодня: наши доходы // Вопросы статистики. – М., 2007. – №3. – С. 34–39.
9. Экономика труда: учебник / Под ред. проф. Ю.П. Кокина, проф. П.Э. Шлендера. – М.: Магистр, 2014. – 686 с.

Гущина И.А.
к.э.н., доцент, в.н.с. Института экономических проблем Кольского НЦ РАН
Положенцева О.А.
м.н.с. Института экономических проблем Кольского НЦ РАН

РЕЙТИНГИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ РФ

Ключевые слова: *социальное управление, рейтинги, эффективность губернаторов, удовлетворенность населения, эффективность управления.*
Keywords: *social management, ratings, the effectiveness of the Governors, satisfaction of the population, management efficiency.*

Принадлежность Мурманской области к Арктической зоне РФ предполагает формирование более широкого социологического знания по вопросам удовлетворенности населения деятельностью органов исполнительной власти регионов Севера и Арктики РФ. Актуальность исследований результативности социального управления подтверждается высоким уровнем заинтересованности и озабоченности северян отдельными аспектами организации управления, особенно в сферах здравоохранения, ЖКХ, вопросах материального благополучия и др.

В настоящей работе мы использовали данные, полученные в результате проводимых нами социологических исследований, а также данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), являющейся национальным инструментом статистического учёта работы госорганов. Ее разработка осуществлялась с 2007 г, и в 2015 г запущена уже модернизированная версия, предоставляющая информацию для 60-ти федеральных ведомств и для любого заинтересованного лица [1].

Соответствующая подборка социологической информации из общего массива данных ЕМИСС, позволила выполнить анализ, определяющий уровень поддержки населением деятельности региональных властей в рассматриваемых субъектах РФ, относящихся к Северу и Арктической зоне РФ (табл. 1).

Таблица 1

Уровень удовлетворенности населения деятельностью органов исполнительной власти субъектов Севера и Арктики РФ, % *

	Субъекты РФ	2008 г., %	2009 г., %	2010 г., %	2011 г., %	2013 г., %	2014 г., %	2015 г., %	Группа**
1	Ямало-Ненецкий АО	48,2	56,7	46,0	45,8 51,4	58,0	57,6	1гр.	
2	Магаданская область	41,1	30,1	26,5	31,5	40,7	48,5	52,0	1 гр.
3	Ханты-Мансийский АО	49,1	50,4	42,6	42,2	28,8	50,7	51,6	2 гр.
4	Чукотский АО	93,0	76,7	76,6	69,1	54,0	56,6	51,5	3 гр.
5	Ненецкий АО	37,6	32,2	32,1	32,8	43,6	52,3	51,0 1 гр.	
6	Мурманская область	27,1	26,2	32,9	31,8	27,0	43,2	47,5	1 гр.
7	Республика Саха (Якутия)	45,5	47,4	33,2	34,1	40,1	44,2	46,1	2 гр.
8	Хабаровский край	50,8	38,7	40,5	38,0	34,9	40,4	44,7	3 гр.
9	Красноярский край	62,7	55,2	42,5	45,4	39,9	43,4	44,6 3 гр.	
10	Республика Коми	18,9	18,4	33,1	32,0	35,4	43,1	41,6	1 гр.
11	Иркутская область	23,6	39,5	28,5	36,1	35,4	38,8	41,4	1 гр.
12	Сахалинская область	43,1	34,9	41,6	33,0	40,5	41,7	40,0	3 гр.
13	Архангельская область	38,2	26,4	20,9	17,8	35,4	38,0	37,9 3 гр.	
14	Камчатский край	25,6	22,7	25,1	22,9	33,7	37,5	37,3	1 гр.
15	Республика Карелия	18,1	16,5	27,1	25,2	31,6	32,0	35,4	1 гр.
16	Республика Тыва	38,6	49,4	49,8	37,8	33,1	34,5	34,0	3 гр.

*По материалам Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) [1]

**1 группа – улучшение результатов – рост поддержки на 5% и более; 2 группа – незначительное улучшение результатов – рост поддержки до 5%; 3 группа – ухудшение результатов – снижение уровня поддержки

В течение указанного периода наиболее значительное снижение уровня поддержки произошло в Чукотском АО, что обычно объясняется постепенным угасанием финансового благополучия, связанного с уходом с поста губернатора миллиардера Р.А. Абрамовича. Так, в 2008 г. в Чукотском АО зафиксированы самые высокие значения показателей поддержки по РФ – 93%, снизившиеся до 57,6% в 2015 г.

При сопоставлении данных за указанный период можно оценить, как постепенно совершенствовалась система и сам процесс оценок. Итоги первых лет показывали значительные разбросы оценок: в целом по РФ уровень одобрения в 2008 г. в Псковской области составил всего 7,7%, в то время как в Чукотском АО – 93,0%. В последние годы оценки выглядят более равномерно, с преобладанием средних значений: в 2015 г. наименьшая поддержка власти была отмечена в Новгородской области – 33,0%, наивысшая – в Чеченской республике – 59,0%.

Тенденция постоянного роста позитивных оценок деятельности власти отмечается в половине анализируемых регионов, наиболее заметно это в Ямало-Ненецком АО, Мурманской области, Республике Коми, Иркутской области. Республика Карелия, несмотря на рост поддержки с 18,1% в 2008 г. до 35,4% в 2015, по-прежнему занимает низкие позиции в рейтинге как северных и арктических регионов (15 место) так и в целом по РФ (81 место).

Противоположная тенденция – снижение уровня поддержки населения зафиксирована в 6 из анализируемых регионов; в первую очередь, это Чукотский АО (–41,5%), Красноярский край (–18,1 %), Хабаровский край (–6,1%). Следует отметить, что, несмотря на отрицательную тенденцию, позиции указанных регионов остаются достаточно устойчивыми как в рейтинге рассматриваемых регионов (четвертое, девятое и восьмое места соответственно), так и в рейтинге РФ. Прочные, устойчивые позиции без заметных изменений на протяжении всего исследуемого периода занимают Ханты-Мансийский АО – третье место, и Республика Саха (Якутия) – седьмое место в рейтинге.

Эффективность управления регионом во многом зависит от одной из ключевых в этом процессе фигур – губернатора. Предполагается, что глава региона несет личную ответственность за экономическое состояние и выполнение социальных обязательств на вверенной территории. Значимость этой должности возрастает в процессе консолидации сил, ориентированных на последующее развитие регионов и выстраивание устойчивой системы межрегиональных и межэлитных взаимоотношений [2]. В условиях нового видения будущего Арктики, как единого зонального образования, этот аспект особенно актуален, поскольку многие задачи развития могут решаться только общими усилиями.

В последние годы появилось множество рейтингов эффективности губернаторов, основанных на разнообразных подходах к их выполнению, что предполагает критичное отношение к предлагаемым результатам: не всякий рейтинг выдерживает проверку качества. Важнейшую роль в проведении рейтингов играют компетенции участников исследований — региональных и федеральных экспертов, поскольку от уровня их компетенции зависит качество анализа [3].

Инициатором внедрения рейтинга как инструмента измерения эффективности региональной политики (2008 г.) явилось Министерство регионального развития, к сожалению, после его реорганизации в 2014 г. рейтингование на государственном уровне по выявлению удовлетворенности населения результативностью деятельности исполнительной власти было прекращено, и этими исследованиями сейчас занимаются различные фонды, коммерческие, научные организации и др. По сути, в рейтинговых исследованиях изучаются не только персоналии, но и вся система регионального управления, реализующая государственные задачи. И если эта система на региональном уровне работает плохо, со сбоями, то в первую очередь страдает качество всего государственного управления.

В основе «Национального рейтинга губернаторов» – открытые данные из СМИ и заключения федеральных и региональных экспертов, полученные как по итогам анонимного анкетирования, так и публичных их выступлений. Рейтинговые исследования весьма значимы для губернаторов, поскольку выявляют как слабые стороны, нуждающиеся в более пристальном внимании, так и возможные точки личностного роста. Для населения регионов публикуемые рейтинги являются инструментом формирования имиджа, поскольку есть возможность сопоставления фигурантов или объектов рейтинга. В комментариях экспертов к результатам рейтинга за июнь 2016 г. отмечено, что региональное начальство не избавилось от привычки действовать командными методами, что особенно проявилось в период проведения партией «Единая Россия» предвыборных праймериз [3]. Данные таблицы 2 позволяют сопоставить результаты июньского 2016 г. и майского 2015 г. рейтингов.

В «Топ группу – 25» по РФ вошли губернаторы семи северных и арктических регионов, внутри самой группы наиболее заметное изменение – утрата 19 рейтинговых пунктов губернатором Республики Коми Гапликовым С.А. (скорее, как инерционная реакция на скандал, связанный с отставкой предыдущего губернатора В. Гайзера). На 3–4 позиции снизились рейтинги еще у четырех губернаторов, и лишь у двух произошло незначительное повышение (табл. 2). Обращают на себя внимание крайне низкие позиции губернаторов Мурманской области и Карелии – 15–16 места среди оцениваемых регионов и 80 и 85 места в общероссийском рейтинге.

Таблица 2

Рейтинг губернаторов субъектов Севера и Арктики РФ июнь 2016*

2016 г.	Субъект Российской Федерации Глава субъекта РФ	Ранг по РФ 2015 г.	Ранг по РФ 2016 г.	
«Топ–25» (1–25 места по РФ)				
1	Ямало-Ненецкий АО	Кобылкиин Д.А.	4	5 (–4)
2	Республика Коми	Гапликов С.А.	8	19 (–4)
3	Камчатский край	Илюхин В.И.	12	8 (+2)
4	Ненецкий АО	Кошин И.В.	14	12 (+1)
5	Хабаровский край	ШпортТ В.И.	15	18 (–3)

6	Ханты-Мансийский АО	Комарова Н.В.	17	21 (–3)
7	Магаданская область	Печеный В.П	22	17 (+3)
«Середняки» (26 – 60 места по РФ)				
8	Чукотский АО	Копин Р.В.	29	20 (+4)
9	Иркутская область	Левченко С.Г.	38	35 (+2)
10	Республика Саха (Якутия)	Борисов Е.А.	54	60 (–1)
11	Сахалинская область	Кожемяко О.Н.	57	56 (–3)
12	Республика Тыва	Кара-оол Ш.В.	59	59 (+3)
«Анти-топ – 25» (61 – 85 места по РФ)				
13	Красноярский край	Толоконский В.А.	70	68 (0)
14	Архангельская область, Орлов И.А.	73	72 (+2)	
15	Мурманская область	Ковтун М.В.	77	80 (–1)
16	Республика Карелия	Худилайнен А.П.	84	85 (0)

*По материалам «Национального рейтинга губернаторов» [3].

Помимо этого рейтинга нами выполнен анализ еще одного авторитетного и регулярного исследования Фонда «Развитие гражданского общества» (ФоГРО) – Эффективность управления в субъектах РФ [4]. Подробный анализ результатов этого рейтинга нами выполняется течение трех лет (2013 -2016 гг.) Методика его проведения включает пять модулей:

1. Базовый, в основе – результаты социологических исследований Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) и экспертной оценки;
2. Соотношение денежных доходов и расходов населения в данном регионе;
3. Социально-экономические показатели региона;
4. Оценки населением экономической ситуации в регионе (опросы ФОМ);
5. Материалы СМИ о деятельности главы конкретного региона (данные Национальной службы мониторинга).

Итог подсчитывается в баллах как сумма по всем модулям: выше 75 баллов – очень высокий рейтинг, от 75 до 55 баллов – высокий рейтинг, от 55 до 40 баллов – средний рейтинг, ниже 40 баллов – рейтинг ниже среднего.

Стоит подчеркнуть, что каждый из трех блоков (политико-управленческий, социальный и финансово-экономический) подразделяется на несколько направлений, оцениваемых отдельно. Интегральный рейтинг представляет собой обобщение (среднее трех соответствующих показателей данных) по трем блокам. Информационное наполнение каждого блока основано на множестве показателей (они приведены в наших предыдущих отчетах) с обязательным использованием социологических и экспертных оценок. В табл. 3 представлены результаты сопоставления оценок губернаторов за 2013–2016 г.

Таблица 3

Рейтинг эффективности губернаторов 2013–2016 гг., баллы*

Субъект Российской Федерации	балл 2013 г.	балл 2014 г.	балл 2015 г.	балл 2016 г.	Баллы 2013/2016 гг.	Ранг по РФ 2016 гг.
Ямало-Ненецкий АО	95	98	98	95	+3	2
Чукотский АО	86	91	91	87	+1	11–12
Магаданская область	84	91	89	83	+1	11–12
Хабаровский край	83	90	88	86	+3	13
Республика Коми	82	94	-	53	–29	16–17
Ханты-Мансийский АО	77	70	65	63	–14	21–22
Камчатский край	76	77	84	87	+11	32
Республика Саха (Якутия)	70	71	71	67	–3	33–35
Иркутская область	70	74	-	47	–23	36
Республика Тыва	69	69	68	68	–1	41–43
Архангельская область	58	57	49	52	–6	41–43
Мурманская область	52	63	63	60	+8	63–64
Красноярский край	49	58	46	48	–1	65–69
Ненецкий АО	47	75	72	69	+22	72–75
Сахалинская область	43	51	81	81	+38	76–79
Республика Карелия	40	52	44	41	+1	85

*по материалам Фонда «Развитие гражданского общества»[4].

Девять губернаторов улучшили свой балльный рейтинг, причем положительные изменения заметнее всего по Сахалинской области (+38 баллов), Ненецкому АО (+22 балла), Камчатскому краю (+11 баллов) и Мурманской области (+8 баллов). Наибольшие негативные изменения коснулись Республики Коми (–29 баллов), Иркутской области (–23 балла) и Ханты-Мансийского АО (–14 баллов). Согласно рейтингу 2016 г., 11 из 16 регионов входят в группу «очень высокого рейтинга», что, исходя из оценочных модулей, указывает на достаточно высокий уровень результативности управления.

Постоянством ранговых позиций («вокруг» 20-го места) отличается Ханты-Мансийский АО, уверенно продвигается в лидеры Ямало-Ненецкий АО, более низкими темпами в том же направлении перемещаются Чукотский АО, Ненецкий АО, Сахалинская область (табл. 4).

Таблица 4

Итоговые результаты рейтингов эффективности управления в субъектах Севера и Арктики среди субъектов РФ в 2013–2015 гг., баллы*

Субъекты РФ: Крайний Север и АЗРФ	Ранг в рейтинге РФ	Ранг в рейтинге РФ	Ранг в рейтинге РФ
	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Ханты-Мансийский АО	21	20	18
Архангельская область	73	82	74
Республ. Саха (Якутия)	19	33	39
Красноярский край	18	24	35
Ямало-Ненецкий АО	22	9	5
Чукотский АО	28	27	16
Мурманская область	23	42	54
Республика Коми	29	13	38
Ненецкий АО	54	31	17
Сахалинская область	66	58	14
Иркутская область	49	21	68
Магаданская область	55	44	28
Республика Тыва	31	35	78
Хабаровский край	67	55	24
Республика Карелия	81	80	84
Камчатский край	82	38	31

*по материалам рейтингов АПЭК [5]

Стоит отметить, что продвижение вверх по рейтингу присуще для регионов, экономика которых четко ориентирована на добычу полезных ископаемых. Учитывая низкий уровень развития инфраструктуры, малую заселенность этих территорий, исчерпаемость природных богатств, ряд специалистов усматривает в перспективе возможность проявления «принципа Винни-Пуха» – съесть все и уйти, оставив выработанные территории в экологическом хаосе [6]. Прочные аутсайдерские позиции удерживают Карелия, Архангельская область, подобные тренды выявлены в отношении республики Тыва, Иркутской и Мурманской областей. Снижение рейтингов отчасти можно объяснить развитием кризисной ситуации, что в то же время ставит под сомнение эффективность деятельности власти в сложившихся обстоятельствах.

Более подробно, в соответствии с методикой рейтинга, в табл. 5 представлены трехгодичные результаты по каждому блоку. Сопоставление полученных результатов указывает на изменчивость степени управленческой эффективности в рамках указанных направлений.

Таблица 5

Итоговые результаты рейтингов эффективности управления в северных и арктических регионов среди субъектов РФ (политико-управленческий, социальный и финансово-экономический блоки) 2013–2015 гг., баллы

Субъекты РФ: Кр. Север и АЗРФ	Политико-управленческий блок ранг в рейтинге РФ			Социальный блок ранг в рейтинге РФ			Финансово-экономический блок ранг в рейтинге РФ		
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Ханты-Мансийский АО	58	60	33	15	15	38	7	19	8
А Архангельская обл.	81	81	78	18	76	65	72	82	59
Республ. Саха (Якутия)	23	55	46	43	37	56	12	17	35
Красноярский край	29	33	55	22	13	30	15	43	23
Ямало-Ненецкий АО	32	16	6	16	28	45	27	1	2
Чукотский АО	20	24	11	14	23	21	55	50	32
Мурманская область	27	38	53	29	67	58	13	39	51
Республика Коми	34	13	42	34	9	15	16	19	53
Ненецкий АО	74	71	26	45	31	23	24	15	14
Сахалинская область	71	79	27	62	33	25	43	40	5
Иркутская область	57	50	50	60	25	78	21	10	73
Магаданская область	46	45	15	68	56	17	35	44	45
Республика Тыва	12	27	56	23	54	84	51	42	56
Хабаровский край	69	67	25	52	39	9	53	49	39
Республика Карелия	75	82	85	81	66	54	81	75	69
Камчатский край	82	46	38	83	47	49	70	33	20

*по материалам рейтингов АПЭК [5].

Общим трендом стало нарастание негативных тенденций в работе региональных властей по финансово-экономическому направлению, в то время как заметный рост эффективности произошел в политико-управленческой

деятельности. Стоит подчеркнуть, что речь идет не об общем состоянии экономики и социальной сферы в российских регионах, а об управленческих усилиях региональных властей.

При сопоставлении данных «Национального рейтинга губернаторов» (табл. 4) и рейтинга, выполненного ФоГРО (табл. 3) выявлены значительные оценочные расхождения, что особенно заметно, если сравнивать рейтинговые позиции в целом по РФ. Неизменными остаются в обоих рейтингах первые и последние позиции: Ямало-Ненецкий АО и Республика Карелия. В то же время Мурманская область в первом рейтинге занимает 80 место и находится в группе «Анти-топ», во втором – 63 место и входит в группу «очень высокого рейтинга». По нашему мнению, ориентиры главным образом на субъективные экспертные оценки и их преобладание над остальной информацией («Национальный рейтинг губернаторов»), вызывают меньше доверия, чем структурированная информация, основанная на данных пяти модулей (ФоГРО) [7]. Это еще раз показывает, что к рейтингам следует относиться достаточно сдержанно: для одних структур составление рейтингов – это бизнес-проект, для других – своеобразная административная «дубинка», для третьих – качественное непредвзятое исследование.

Таким образом, анализ уровня удовлетворенности населения деятельностью органов исполнительной власти субъектов Севера и Арктики РФ на основании данных ЕМИСС, позволил сделать вывод, что на протяжении 2008–2015 гг. сформировалась тенденция роста поддержки со стороны населения деятельности региональных властей: рост поддержки зафиксирован в десяти из шестнадцати регионов.

Использование рейтингов в региональной политике играет важную практическую роль в измерении качественных и количественных характеристик социальной жизни, в регулировании социальных процессов.

Определено, что рейтинги эффективности управления следует считать эталонным критерием для структур власти в процессах принятия и корректировки управленческих решений, при условии их достоверности и обязательном учете оценок степени удовлетворенности населения деятельностью отдельных должностных лиц и властных структур.

Обобщение результатов рейтингов эффективности управления в субъектах Севера и Арктики РФ за 2013–2016 гг. демонстрирует волатильность эффективности региональных властей на Севере и в Арктике, что в большей степени характерно для регионов – «середняков». Выявлено постоянство групп лидеров и аутсайдеров, что свидетельствует как об устойчиво успешной политике одних региональных властей, так и об отсутствии кардинальных сдвигов к лучшему в политике других.

Список источников

1. Удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации (процент от числа опрошенных) // ЕМИСС государственная статистика [офиц. сайт]. – https://fedstat.ru/indicator
2. Губернатор ключевая фигура управления // Эксперт [офиц. сайт]. – http://expert.ru/expert/2015/25/gubernator--klyuchevaya-figura-upravleniya/
3. Национальный рейтинг губернаторов (итоги 2015 г.) [Электронный ресурс] // Национальный рейтинг [офиц. сайт]. URL: http://russia-rating.ru/info/10357.html
4. Рейтинг эффективности губернаторов. Вып. 14 // Фонд развития гражданского общества [офиц. сайт]. – http://civilfund.ru/mat/101
5. Рейтинг эффективности управления в субъектах РФ в 2013 году // Агентство политических и экономических коммуникаций [офиц. сайт]. – http://www.regcomment.ru/articles/reyting-effektivnosti-upravleniya-v-subektakh-rf-v-2013-godu//
6. Что ожидает сырьевые регионы? // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики [офиц. сайт]. – https://www.hse.ru/news/ev/78894374.html
7. Гутенев В. При составлении рейтинга есть два очень важных аспекта: достоверность и объективность // МПО им. Румянцева [офиц. сайт]. – http://www.mporum.ru/node/1646

Звягинцев П.С.
к.э.н., в.н.с. Института экономики РАН

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В МОДЕРНИЗАЦИИ, ИННОВАЦИОННОМ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *государственные программы, расходы федерального бюджета, инновационное и технологическое развитие, импортозамещение.*

Реализация федеральных и межгосударственных целевых программ началось с 1995 года, когда было принято Постановление Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594 «О порядке разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация»[1]. В него неоднократно вносились изменения.

Государственные программы в настоящее время положены в основу планирования бюджетных ассигнований федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации.

Бюджетный кодекс Российской Федерации закрепляет три основных формы использования программно-целевых методов финансирования в бюджетном процессе:

- долгосрочная федеральная целевая программа (ФЦП);
- ведомственная целевая программа;
- федеральная адресная инвестиционная программа[2].

В Постановлении Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» федеральные целевые программы и ведомственные целевые программы объединены в государственные программы[3].

Государственные программы разрабатываются исходя из положений концепций долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации и основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на соответствующий период, федеральных законов, решений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Государственной программой является документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации[4].

В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» достижение стратегических целей и решение приоритетных задач государственной политики в сфере социально-экономического развития и национальной безопасности осуществляется на основе реализации государственных программ[5]. Именно с их помощью решаются крупномасштабные, наиболее важные для государства системные проблемы, направленные на достижение конкретных целей структурной, научно-технической, социальной, экологической политики.

Государственные программы, являющиеся одним из важнейших средств реализации структурной, научно-технической и инновационной политики государства, активного воздействия на его социально-экономическое развитие, сосредоточены на реализации крупномасштабных, наиболее важных для государства инвестиционных, научно-технических и инновационных проектов, направленных на решение системных проблем, входящих в сферу компетенции федеральных органов исполнительной власти.

---

[1] Постановление Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594 «О порядке разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация» (с изм. от 20 февраля 2006 г.).

[2] Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с изменениями от 1, 6 декабря 2007 г.), Глава 20. – www.arbitratus.ru/laws/budget_code/

[3] Постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации». – http://base.garant.ru/198991

[4] П. 2 в ред. Постановления Правительства РФ от 26.12.2014 № 1507.

[5] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html

При помощи осуществления научно обоснованных государственных программ должны достигаться конкретные цели структурной, инвестиционной, научно-технической, социальной, экологической политики с учетом приоритетов и целей социально-экономического развития страны.

Формирование перечня долгосрочных целевых программ осуществляется органами исполнительной власти, местного самоуправления в соответствии с прогнозами социально-экономического развития России и социально-экономического развития соответствующей территории и определяемыми на основе этих прогнозов приоритетами.

В Перечне государственных программ Российской Федерации, утвержденном Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 1950-р (с изменениями на 28 апреля 2016 г.) представлены 43 государственные программы Российской Федерации[1] и 38 федеральных целевых программ[2].

Количество государственных программ Российской Федерации ежегодно увеличивается, а федеральных целевых программ с 2011 г. сокращается (см. рис. 1).

Рисунок 1.
Количество государственных и федеральных целевых программ в 2006–2017 гг.[3]

Так, количество государственных программ увеличится к 2017 г. в 43 раза по сравнению с 2008 г., а количество федеральных программ сократится в 2017 г. на 25,0% по сравнению с 2006 г. в связи с сокращением их бюджетного финансирования. При этом финансирование государственных программ с 2008 г. (год начала их финансирования) по 2013 г. увеличилось в разы (в 60,07 раз), а по сравнению с 2012 г. – в 26,9 раз (см. рис. 2).

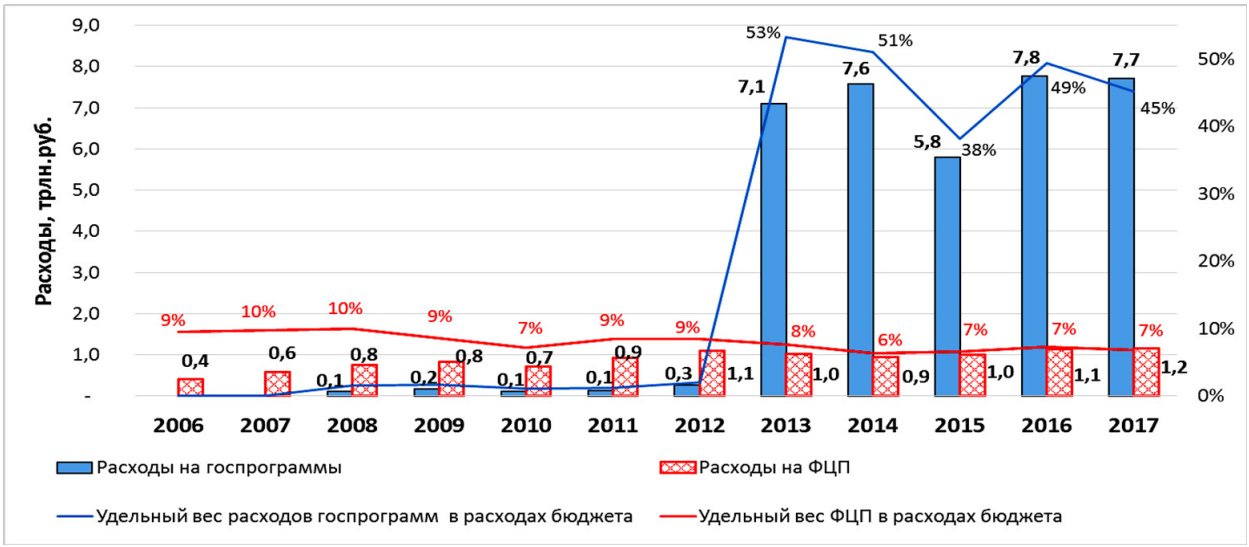


Рисунок 2.
Расходы на государственные и федеральные целевые программы и их доля в расходах федерального бюджета России в 2006–2017 гг.[4]

[1] http://programs.gov.ru/Portal/

[2] Письмо зам. министра министерства экономического развития Российской Федерации А.Л. Ведева от 14.10.2015 № 29.349-АВ/Д22и.

[3] Там же.

[4] Письмо зам. министра министерства экономического развития Российской Федерации А.Л. Ведева от 14.10.2015 № 29.349-АВ/Д22и; http://уровень-инфляции.рф/

Расходы бюджетных средств на федеральные целевые программы с 2006 г. по 2009 г. ежегодно увеличивались (их рост составил 238,16%), но в 2010 г. расходы бюджетных средств сократились по сравнению с 2009 г. на 13,08%.

За двенадцать лет (2006–2017 гг.) рост расходов бюджетных средств на федеральные целевые программы составит 286,89%. Однако с учетом инфляции расходы бюджетных средств на федеральные целевые программы увеличились за этот период только на 163,20%. Удельный вес расходов государственных программ в расходах бюджета в 2016 г. составил 49,35% и федеральных целевых программ – 7,25%. Таким образом, расходы бюджетных средств на государственные программы в основном ежегодно незначительно увеличиваются, и их удельный вес в расходах бюджета в 2016 г. составляет 56,6%.

По словам Премьер-министра России Дмитрия Медведева: «Через механизм государственных программ в настоящий момент уже проходит более половины средств государственного бюджета, а именно 57%. Мы исходим из того, что к 2016 году, таким образом, будут расходоваться практически все средства федерального бюджета – до 95%. От того, насколько эффективно исполняются программы, зависит модернизация здравоохранения и образования, всей социальной сферы, сбалансированное региональное развитие, наше продвижение в различных областях. С реализацией отраслевых государственных программ связано создание новых производств, включая импортозамещение, и, конечно, в целом повышение конкурентоспособности наших предприятий»[1].

Госпрограммы объедены по направлениям. Всего направлений 5. Из общего количества государственных программ Российской Федерации, наибольший удельный вес в общем объеме расходов федерального бюджета (без условно утвержденных расходов) составляют программы, включенные в направления «Новое качество жизни» (около 40%) и «Инновационное развитие и модернизация экономики» (более 26%), табл. 1.

Таблица 1

Объем бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ Российской Федерации по направлениям в 2014–2017 годах, млрд. рублей[2]

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Наименование	Исполнено	Закон 93-ФЗ	Закон 384-ФЗ	Закон 384-ФЗ
Расходы федерального бюджета – всего	14 831,6	15 216,5	16 271,8	17 088,7
Условно утвержденные расходы	–	–	406,8	854,4
Расходы федерального бюджета без учета условно утвержденных расходов, всего	14 831,6	15 216,5	15 865,0	16 2343
из них:				
Расходы на реализацию государственных программ РФ, всего:	84313	8 289,7	8 798,4	8 750,4
доля в общем объеме расходов без условно утвержденных расходов, %	56,85	54,48	55,46	53,90
в том числе по направлениям:				
I. Новое качество жизни	3439,9	3321,6	3530,7	3351,3
доля в программной части, %	40,80	40,07	40,13	38,30
II. Инновационное развитие и модернизация экономики, без закрытой части	2206,1	2 167,4	2258,1	2 294,3
доля в программной части, %	26,17	26,14	25,66	26,22
III. Обеспечение национальной безопасности, без закрытой части	2,2	1,3	1,5	1,4
доля в программной части, %	0,03	0,02	0,02	0,02
IV. Сбалансированное региональное развитие	837,1	658,2	750,4	786,4
доля в программной части, %	9,92	7,94	8,53	8,99
V. Эффективное государство	1092,0	1268,2	1194,9	1237,5
доля в программной части, %	12,95	15,30	13,58	14,14
Расходы на реализацию государственных программ РФ (закрытая часть)	855,0	873,1	1062,8	1079,4
доля в программной части, %	10,13	10,53	12,08	12,33
Расходы на непрограммную деятельность	6399,3	6926,8	7066,6	7483,8
доля в общем объеме расходов без условно утвержденных расходов, %	43,15	45,52	44,54	46,10

Если в 2014 году удельный вес в общем объеме расходов федерального бюджета программы «Инновационное развитие и модернизация экономики» составил 26,17%, то в 2015 и 2016 годы он незначительно снижается и составит соответственно 26,14 и 25,66%, а в 2017 году он по плану возрастает до 26,8%.

Из всех направлений государственных программ основным источником создания новой инновационной и импортозамещающей продукции является направление «Инновационное развитие и модернизация экономики». Данное направление финансирует работы, направленные на создание и выпуск новой инновационной продукции, на обновление промышленности на новой технологической основе.

В рамках данного направления будут реализованы мероприятия, которые не только позволят российской экономике оставаться мировым лидером в энергетическом секторе, добыче и переработке сырья, но и создадут конкурентоспособную экономику знаний и высоких технологий. Будут сформированы условия для массового появления новых инновационных компаний во всех секторах экономики, и в первую очередь в сфере экономики знаний.

[1] Заседание Правительства 28 апреля 2014 г. «Об итогах реализации государственных программ Российской Федерации в 2013 году». – http://m.government.ru/news/12056/

[2] Письмо зам. министра министерства финансов Российской Федерации А.М. Лаврова от 31.08.2015 № 01-02-03/09-50 070.

Также будет создана разветвленная транспортная сеть, обеспечивающая высокий уровень межрегиональной интеграции и территориальной мобильности населения. Кроме того, Россия укрепит свои позиции в интеграционных процессах на евразийском пространстве, постепенно становясь одним из центров мирохозяйственных связей и поддерживая сбалансированные многовекторные экономические отношения с европейскими, азиатскими, американскими и африканскими экономическими партнерами[1].

Наибольший объем ассигнований федерального бюджета государственных программ направления «Инновационное развитие и модернизация экономики» приходится на программы (табл. 2):

– Развитие транспортной системы – 6665,5 млрд. рублей (40,81%).

– Космическая деятельность России на 2013–2020 годы – 1686,6 млрд. рублей (10,33%).

– Развитие хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы – 1385,4 млрд. рублей (8,48%).

– Развитие науки и технологий – 1311,2 млрд. рублей (8,03%).

– Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности – 858,8 млрд. рублей (5,26%).

Данные табл. 2 показывают, что на две государственные программы – развитие науки и технологии и развитие промышленности, и повышение ее конкурентоспособности приходится незначительное бюджетное финансирование – 2170,0 млрд. рублей, или только 13,29% от общего объема бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ Российской Федерации по направлениям или 1,9% от всего госбюджета.

Основная задача программы «Развитие науки и технологий» – это развитие фундаментальных научных исследований; создание опережающего научно-технологического задела на приоритетных направлениях научно-технологического развития; формирование современной материально-технической базы сектора исследований и разработок.

Ожидаемый непосредственный результат данной программы – исследования и разработки на пределе достигнутого научно-технического уровня, создание новых уникальных технологий и достижение научно-технологических прорывов в ключевых областях технологического развития.

Несмотря на незначительное финансирование этой государственной программы, правительство в 2017 году планирует сократить ее финансирование на 19 млрд. рублей.

Таблица 2

Объем бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ Российской Федерации по направлению «Инновационное развитие и модернизация экономики» в 2014–2020 годах, млрд. рублей[2]

№ п.п	Наименование государственной программы Российской Федерации	Всего	2014 г.		2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
		План	Роспись (на 31.12.2014)	Исполнено	Закон 93-ФЗ	Закон 384-ФЗ	Закон 384-ФЗ	Предельные объемы бюджетных ассигнований		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Инновационное развитие и модернизация экономики	16 333,1	2253,5	2206,1	2167,4	2258,1	22943	2237,7	2456,3	2665,8
2	Развитие науки и технологий	1311,2	153,1	152,3	150,7	182,8	176,6	203,5	215,9	228,6
3	Экономическое развитие и инновационная экономика	809,0	190,7	189,3	116,2	122,8	98,7	89,3	89,9	101,4
4	Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности	858,8	153,7	153,6	117,5	125,4	95,0	121,0	121,8	324,4
5	Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы	397,7	59,4	59,1	81,3	54,7	46,5	49,4	52,5	53,9
6	Развитие судостроения на 2013–2030 годы	104,6	24,7	24,7	8,3	18,6	11,8	14,2	13,1	13,9
7	Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 годы	90,8	14,8	14,7	13,1	14,2	13,0	12,6	11,9	11,2
8	«Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» на 2013–2020 годы	82,7	14,4	13,5	14,6	18,4	16,4	13,6	4,6	0,7
9	«Космическая деятельность России на 2013–2020 годы»	1686,6	175,7	151,5	184,4	227,7	249,4	244,5	296,1	308,8
10	Развитие атомного энергопромышленного комплекса	650,8	146,3	145,9	153,4	96,6	83,7	66,7	57,5	46,6
11	Информационное общество (2011–2020 годы)	814,8	124,6	124,3	111,5	108,9	116,0	113,4	118,0	122,4
12	Развитие транспортной системы	6665,5	811,4	796,4	827,6	915,4	988,1	892,4	1 033,0	1 197,6
13	Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы	1385,4	188,7	186,6	202,7	166,6	194,7	203,5	211,3	217,9

[1] http://programs.gov.ru/Portal/

[2] Письмо зам. министра министерства финансов Российской Федерации А.М. Лаврова от 31.08.2015 № 01-02-03/09-50 070.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
14	Развитие рыбохозяйственного комплекса	80,8	10,5	10,5	12,1	13,6	12,8	10,2	10,6	11,0
15	Развитие внешнеэкономической деятельности	562,9	74,7	74,2	77,3	84,4	76,9	73,2	86,7	89,7
16	Воспроизводство и использование природных ресурсов	535,6	63,9	63,9	55,9	65,3	76,4	88,7	91,0	94,4
17	«Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы	230,9	32,2	32,0	31,0	32,3	31,7	33,7	34,6	35,4
18	Энергоэффективность и развитие энергетики	65,0	14,5	13,7	9,9	10,5	6,6	7,8	7,8	7,9

Однако в обеспечении устойчивого развития экономики в настоящее время первостепенная роль принадлежит инновациям, инновационной деятельности, способным обеспечить непрерывное обновление технической и технологической базы производства, освоение и выпуск новой конкурентоспособной продукции, эффективное проникновение на мировые рынки товаров и услуг.

Инновации становятся стратегическим фактором экономического роста, влияют на структуру общественного производства, видоизменяют экономическую организацию общества, стабилизируют социальную ситуацию в стране.

Инновации превратились в важнейший фактор социально-экономического прогресса, импульс прогрессивных структурных и институциональных преобразований в экономическом базисе и надстройке, компонент совершенствования технологической системы общественного производства. Инновационный путь развития российской экономики является важнейшей стратегической целью государственной политики.

Экономический кризис в российской экономике и международные санкции США и Евросоюза в отношении России требуют принятия экстренных социально-экономических мер по реструктуризации экономики, по внедрению современных технологий инновационного типа, в том числе для импортозамещения.

Поэтому необходимо кратно увеличить финансирование данных государственных программ, учитывая, что доля импорта в России продукции машиностроения значительна. Необходимо увеличить номенклатуру создаваемых технологий и продукции. Доля импорта в России составляет[1]:

- в станкостроении – 90%,
- в тяжёлом машиностроении – порядка 70%,
- в нефтегазовом оборудовании – 60%,
- в энергетическом оборудовании – около 50%,
- в сельхозмашиностроении (в зависимости от категории продукции) – от 50 до 90%,
- в гражданском самолетостроении более 80%.

Импортозамещение, по словам президента Российской Федерации В.В. Путина, «это развитие высокотехнологичных производств, в своей собственной стране. Мы, так или иначе, все равно должны этим заниматься, должны были бы это делать. Сейчас будем делать с ускоренной силой и с двойным эффектом»[2].

Импортозамещение направлено на то, чтобы определённые рыночные ниши были заполнены российскими товарами и в полной мере отвечали российским интересам. Это позволит снизить зависимость российской экономики от сырьевой составляющей. Для этого необходимо утверждать госпрограммы в гражданских отраслях промышленности и в сельском хозяйстве.

Премьер-министр России Дмитрий Медведев провел заседание комиссии по теме импортозамещения, которое по замыслу правительства должно стать одним из новых драйверов роста в экономике. «Наша задача – прежде всего, сконцентрироваться на промышленности, причём на высокотехнологичных изделиях, на производстве средств производства, в целом ряде современных технологий, биотехнологий, медицинских технологий и, конечно, на продуктах питания»[3].

Для проведения импортозамещения требуется не только в основном новая продукция, но и новое оборудование. Официально износ основных фондов в машиностроении составляет около 45–55%. Реально – до 80%. Только 20% современного парка оборудования на предприятиях более или менее отвечают современным мировым стандартам, если не брать те предприятия, которые строятся сегодня в России западными компаниями для «отверточной сборки». Эти заводы действительно отличаются новой техникой. Странно, что мы так приветствуем их строительство, ведь основную прибыль они приносят вовсе не в российский бюджет[4].

Поэтому российская экономика требует проведения новой индустриализации, для чего необходимо перейти к новой модели развития экономики. Переход к новой модели экономического роста означает переход от экономического роста, опирающегося на конъюнктуру мировых цен на энергоносители, к экономическому росту за счёт повышения эффективности использования имеющихся ресурсов.

---

[1] Совещание Правительства 3 апреля 2015 «Об обеспечении реализации отраслевых программ импортозамещения». – http://government.ru/news/17521

[2] Форум регионов России и Белоруссии в Сочи. http://www.1tv.ru/news/polit/292501

[3] Медведев Д. Заседание комиссии 3 октября 2015 года по теме импортозамещения. – https://news.mail.ru/economics/23514830/?frommail=1

[4] Voprosik.net/novaya-industrializaciya-v-rossii/

Материальным условием такого перехода является модернизация технологической базы экономики, позволяющая обеспечить становление пятого технологического уклада с одновременным занятием ниш в шестом технологическом укладе. Экономики стран-лидеров находятся в пятом технологическом укладе и уже переходят к шестому, а экономика России в основном находится в четвертом технологическом укладе с элементами пятого. При этом необходимо создать условия для массового использования инноваций, модернизации отраслевой структуры экономики, внедрения элементов экономики знаний.

Только современный развитый индустриальный сектор может обеспечить быстрый и качественный рост экономики, потому что промышленность обеспечивает более высокие из всех секторов темпы прироста производительности труда и производит высокий мультипликативный эффект других отраслях и секторах экономики.

Источником финансирования новых технологий и импортозамещающей продукции являются государственные инвестиционные программы, которые таким образом становятся средством решения стратегических задач развития инновационной экономики.

Госпрограммы оказали влияние на улучшение ситуации в сфере науки и технологий России. Так с 2002 по 2015 г. число созданных в России передовых производственных технологий увеличилось в 1,92 раза (с 727 технологий в 2002 г. до 1398 технологий в 2015) году, из них принципиально новых за аналогичный период в 2,5 раза (с 70 технологий до 175)[1].

Несмотря на внимание, уделяемое государством разработке и экспертизе государственных программ, результаты их осуществления пока не дают российской экономике значимых позитивных результатов.

Для повышения эффективности реализации государственных программ Российской Федерации необходимо:

1. Увеличить финансирование государственных программ направления «Инновационное развитие и модернизация экономики» с учетом импортозамещения.

2. Повысить требования к ответственным исполнителям государственных программ в части точного выполнения их условий.

3. Разработать положение о принятии санкций к ответственным исполнителям за недостижение по госпрограмме утвержденных индикаторов и показателей, и эффективность работы каждого бюджетного рубля в отчётном периоде.

4. Определять критерии экономической и социальной эффективности государственных программ.

5. Проведения конкурсов и сроков исполнения госконтрактов поставщиками товаров, работ и услуг без задержки с подготовкой проектной документации в соответствии с календарными планами госпрограмм.

6. Необходимо усилить межведомственное взаимодействие и достаточный контроль ведомств за реализацией госпрограмм.

7. Ввести персональную ответственность руководителей ведомств и их заместителей за реализацию программ, учитывать достижение программных целей при выплате премий, создать правительственную комиссию по повышению эффективности формирования и реализации госпрограмм.

8. Государственные и федеральные целевые программы должны быть дополнены региональными программами.

9. В государственных программах должны участвовать государственные и частные предприятия (организации), которые вкладывают свои финансовые и материальные ресурсы и несут определенный риск, если разработанная новая продукция не будет обладать новыми, востребованными качествами. Поэтому необходимо создание нового типа предприятий на базе государственно-частного партнерства.

10. Участникам частных предприятий в госпрограммах и проектах импортозамещения предоставлять дешевые кредиты.

11. Обеспечить взаимосвязь и преемственность приоритетных направлений программы социально-экономического развития и мероприятий целевых программ, что приведет к повышению эффективности деятельности органов местного самоуправления, сокращению нерациональных, «непродуманных» расходов.

12. Повысить эффективность государственного участия в развитии науки и технологий (прежде всего отечественной фундаментальной науки, а также прикладных исследований и технологий, необходимых для обеспечения национальной обороны, государственной и общественной безопасности).

13. Создать конкурентоспособную национальную инновационную систему и активизировать инновационные процессы в национальной экономике и социальной сфере.

14. Создать Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам.

15. Перейти на проектный метод управления госпрограммами.

16. Перейти к Модели стратегического программно-целевого планирования на основе формирования институциональной системы национальных целевых программ – ведущий фактор развития инновационной экономики России.

Реализация вышеперечисленных предложений, значительно ускорит модернизацию, инновационно-технологическое развитие и импортозамещение российской экономики. Переход к Модели программно-целевого планирования на основе формирования институциональной системы национальных целевых программ должен стать одним из ключевых факторов развития инновационной экономики России.

[1] Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. Официальное издание. – М.: Росстат, 2007, 2014.

Игнатова Т.В.,
Марадудина В.Ф.[1]

ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, управление проектами, эффективность, оценка, инструментарий, публичное управление.*

Keywords: *public-private partnership, project management, efficiency, assessment, instruments, public management.*

Введение. Построение устойчивого, конструктивного коммуникационного процесса органов власти с представителями общественного сектора весьма актуально для взаимодействия участников государственно-частного партнерства (ГЧП). Механизм его реализации должен предусматривать возможность получения своевременной и достоверной информации, дающей четкое представление о принятых договоренностях публичного и частного секторов. Привлечение общественности для оценки эффективности проектов ГЧП – один из важнейших аспектов публичного управления, характеризующий уровень транспарентности функционирования органов государственной власти.

Цель исследования. Систематизация критериев оценки эффективности публичного управления проектами ГЧП и обоснование инструментария оценки является научной целью данной статьи.

Методы исследования. Соответствие реализуемого проекта основным признакам и принципам ГЧП может быть раскрыто в оценочном листе:

- Цель (принцип целесообразности): проект должен быть практически осуществимым, общественно значимым, цель его не должна противоречить политике субъекта в области строительства, инвестиций и т.д.;
- Уровень выполненных обязательств сторон (принцип добросовестности): сбор и предоставление необходимых документов; своевременность предоставления сторонами партнерства информационно-консультационных услуг, финансовых средств; обеспечения/гарантий.

Для полноценного выполнения принципа добросовестности следует отражать информацию отдельно для участников, представляющих публичную и частную стороны партнерства. При разделении проекта на стадии, этапы, компоненты, разделы оценочного листа должны строиться в соответствии с формальным разделением, что позволит реализовать процедуры по контролю своевременности, полноты и фактического осуществления проекта. Так, мониторинг проекта в течение всего периода его осуществления позволит проследить ответственность сторон на каждом этапе, а также проанализировать меры, принимаемые партнерами для устранения замечаний.

- Раскрытие информации, касающейся оптимизации бюджетных средств последует на этапе выплат концеденту, передачи в государственную собственность возведенных (модернизированных и т.д.) объектов, использования человеческих ресурсов проекта, предоставления услуг публичного управления посредством ГЧП, а также по мере выполнения этапов работ и по окончании самого проекта.
- Транспарентность реализации ГЧП-проектов обеспечивается общественным контролем, осуществляемым посредством обсуждения проектов в сети Интернет, на официальном сайте, в периодических изданиях и т.д.

Рассмотрение ГЧП-проекта как квазипредприятия позволяет сформулировать требования к его отчетности по аналогии с требованиями, предъявляемыми к финансовой отчетности коммерческих субъектов. Следовательно, отчет о реализуемом в рамках публичного управления проекте ГЧП должен быть достоверным, информативным, понятным, полезным, последовательным, нейтральным, точным и уместным. Отметим также необходимость создания унифицированной формы, позволяющей структурировано представлять информацию о проекте на протяжении всего периода его осуществления. В отличие, например, от Сбалансированной системы показателей, определяемой для каждого отдельного проекта, рекомендуется разработать и законодательно утвердить форму отчетности либо единую для всех областей государственно-частного партнерства (с подразделами по секторам экономики, в которых они реализуются), либо несколько, – укрупненно для схожих областей реализации проектов.

В 1999 году Министерством экономики РФ были утверждены Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов[2], предназначенные для рационализации механизма расчета их эффективности. (На момент исследования являются действующими.) Документ предусматривает два основных вида оценки: эффективность инвестиционного проекта в целом и эффективность участия в нем. В первом случае имеются два направле-

[1] Игнатова Татьяна Владимировна – д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону. E-mail: tignatova@aaanet.ru

Марадудина Виктория Федоровна – к.э.н., преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону. E-mail: vikylechka_ya@mail.ru

[2] Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (утв. Минэкономики РФ, Минфином РФ, Госстроем РФ 21.06.1999 № ВК 477). – М.: Экономика, 2000.

ния: общественная (социально-экономическая) и коммерческая эффективность. Общественную полезность характеризует соответствие поставленным целям социально-экономического развития региона, а именно: последствия реализации проекта для всего населения как в секторе его непосредственного осуществления, так и в смежных областях экономики. Рекомендации предлагают раскрывать данные эффекты количественно. При невозможности их определения допускается оценка качественного влияния.

Однако показатели общественной эффективности, не поддающиеся количественному измерению, законодателем детально рассмотрены не были. Между тем, отражением общественной эффективности проекта являются, например, снижение безработицы, рост заработной платы, защита окружающей среды территории реализации проекта, развитие инфраструктуры (ключевым параметром которого является качество вновь сооружаемых, модернизируемых объектов)[1]. Очевидно, что показатели, отражающие общественную эффективность реализуемых инвестиционных проектов, к которым можно отнести и государственно-частное партнерство, различаются в зависимости от отрасли.

Материалы исследования. В зарубежной практике государственно-частное партнерство наращивает масштабы, предлагая мировому сообществу еще одну форму взаимоотношений – мегапроект. Оксфордская бизнес-школа выделяет четыре критериальных отличия данных проектов: ограничение минимальной суммы инвестиций равное одному миллиарду американских долларов, срок планирования проекта превышает 5 лет, воздействие на жизнедеятельность более 1 миллиона человек, и самый важный – трансформирующее влияние на территорию его осуществления[2]. Как правило, реализация данных проектов затрагивает одновременно несколько областей. Например, к числу таких относятся строительство нового курортного города в Мексике; разработка второго по величине в Азии рудника в монгольской пустыне Гоби, запасы которого приблизительно оцениваются в 25 миллионов тонн меди, 5,1 тысячи тонн серебра и 1,02 тыс. тонн золота; инвестиции в развитие энергетического сектора Южной Африки. По данным исследования, проведенного международной сетью компаний KPMG в 2013, Канада является государством, в котором реализуется наибольшее количество мегапроектов в рамках государственно-частного партнерства. Основная часть инвестиций (около 50 проектов примерной стоимостью 170 млрд. долл. США) сконцентрирована в таких областях как энергетика и коммунальное хозяйство, горнорудная промышленность (затраты на которую ожидаются в районе 80 млрд. долл. США). В то же время осуществляются государственные проекты, оцениваемые в 100 млрд. долл. США[3].

Инвестиционные проекты, соответствующие целям и задачам Стратегии развития инвестиционной сферы Ростовской области на период до 2020 г.[4], именуются приоритетными и формируют «100 Губернаторских инвестиционных проектов». Согласно официальным данным, в настоящее время на территории региона реализуются 56 проектов стоимостью 555 160,87 млн. рублей, что позволит создать более 33 тысяч новых рабочих мест. При этом за период 2011–2013 гг. 18 проектов, общий объем инвестиций в которые составил 37 630 млн. рублей, уже введены в эксплуатацию, снизив количество безработных на 4 087 человек. Следует отметить, что инициатором данных проектов выступает частный сектор (однако не все они реализуются в рамках государственно-частного партнерства). Публичный сектор рассматривает данные предложения на предмет их полезности для общества. Включение проекта в список предусматривает его сопровождение Администрацией области на всех стадиях от проектирования до ввода в эксплуатацию. Отсутствие деятельности по данным проектам влечет исключение их из списка и, соответственно, лишает властной поддержки.

Стратегией предусмотрены следующие меры государственной поддержки инвестиций в регионе: льготы по налогам на прибыль и имущество организаций, субсидирование процентной ставки по кредитам на техническое перевооружение, новое строительство и проч., субсидирование затрат (в части газо- и электроснабжения) на подключение объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения, а так же предоставления городскому округу г. Ростова-на-Дону или муниципальному образованию межбюджетных транспортов для софинансирования расходов по проектам. Наличие проекта в «Губернаторской сотне» не предполагает его обязательного софинансирования государством. Данная политика построения партнерских взаимоотношений с частным сектором, несомненно, направлена на элиминирование посткризисных последствий и формирование интенсивного экономического роста области с последующим переходом на инновационный тип развития.

На примере Ростовской области можно продемонстрировать выполнение критерия общественной экспертизы проектов. Учитывая, что правовые акты подлежат обязательной публикации в средствах массовой информации, в том числе в сети Интернет, любому резиденту области предоставляется возможность его анализа с целью внесения конструктивных предложений[5]. Образцом может служить Постановление Администрации г. Ростова-на-Дону от 12.03.2013 № 320 «О заключении концессионного соглашения о проектировании, строительстве и эксплуатации выставочного павильона и 5 павильонов-кафе, реконструкции и эксплуатации 3 участков гидротехнического сооружения, содержа-

[1] Ипатова А.В. Об использовании методологии институционального проектирования в реализации мер новой государственной промышленной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 2. – С. 93–98.

[2] The megaprojects paradox // Insight. The global infrastructure magazine. 2013. – № 4. – P. 12-15.

[3] Там же, с.15.

[4] Постановление Правительства РО от 31.07.2013 № 474 «О Стратегии развития инвестиционной сферы Ростовской области на период до 2020 года» // Наше время. 2013. – 14 августа, № 405.

[5] Гайсинский И.Е., Никоненко Н.Д., Перова М.В. Исследование некоторых аспектов повышения эффективности интернет-сайтов муниципальных образований //Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 2. – С. 75–81.

нии и эксплуатации земельного участка, а также уходу, модернизации (капитальному ремонту) имущества, расположенного на земельном участке по ул. Береговая в г. Ростове-на-Дону».

В 2012–2013 гг. Администрацией г. Ростова-на-Дону приняты постановления «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия и общественной экспертизы проектов правовых актов Администрации города Ростова-на-Дону, регулирующих отношения в сфере предпринимательской деятельности» и «Об утверждении административного регламента № АР-216-02 муниципальной услуги «Организация по требованию населения общественных экологических экспертиз». Нормативное закрепление правовых и организационных основ проведения общественной экспертизы проектов государственно-частного партнерства является положительным моментом в сфере развития нормативной базы партнерства, привлечения частных инвесторов, снижения рисков коммерческого сектора и соблюдения интересов жителей страны.

Результаты исследования. Партнерство публичной и частной сторон нельзя рассматривать исключительно как инвестиционный проект или форму привлечения финансирования, поскольку результат его функционирования должен обеспечивать реальные интересы трех секторов – государства, бизнеса и общества, – представляющих, в целом, всех субъектов национальной экономики. Исследуемое сотрудничество – новый вид взаимодействия публичного и частного секторов для нашей страны, трансформирующий привычное взаимодействие данных субъектов в контексте вертикали «власть – подчинение»[1]. Поэтому в ГЧП следует рассматривать с позиций управления проектами и управления изменениями расстановку изменений на основе принципа приоритетности; опору на командный подход в управлении; постоянный анализ достижений и рисков прошлых периодов; эффективное использование человеческих ресурсов[2].

Специфику оценки рассматриваемых проектов определяют такие факторы, как: субъектный состав; масштаб (к примеру, строительство автомобильной трассы может осуществляться на территории нескольких субъектов РФ). Отсюда вытекает распределение полномочий органов публичных власти, ответственных за реализацию и оценку эффективности проекта, то есть, определение лиц, ее производящих (в том числе при реализации проекта на территории более одного региона). Объекты экономики, конечный результат ГЧП-проектов, помимо коммерческой эффективности обладают также социальным и общественным эффектом, не определяемым рынком.

Таким образом, методика оценки проекта должна базироваться на трехстороннем (публичная власть, коммерческий сектор и общество) изучении компонентов управления проектом с отражением его эффективности, взаимодействия сторон в рамках партнерства, качественного влияния на экономику. А именно: общественной полезности, включающей улучшение качества предоставляемых публичных услуг, совершенствование систем управления государственной собственностью и механизмов реализации сопутствующих проектов.

Результат взаимодействия публичной и частной сторон в рамках государственно-частного партнерства обусловливает необходимость оценки общественно значимого актива и нерыночного эффекта его функционирования. Следовательно, анализ эффективности реализации ГЧП-проекта, являющийся важной функцией публичного проектирования, должен учитывать такие характеристики, как: особая значимость для роста обязательного потребления данного блага всем населением и обусловливаемая ею необходимость обеспечения равного доступа к его потреблению (культура, здравоохранение, образование); особая значимость для обеспечения социальной стабильности общества, социального равновесия, социальной безопасности (поддержка малого предпринимательства, защита малообеспеченных слоев населения); невозможность исключения кого-либо из процесса потребления блага (оборона, система правовой защиты, экономическое и социальное развитие, охрана окружающей среды); высокая или критическая степень зависимости эффективности деятельности всех субъектов хозяйствования от производства блага (энергетика, фундаментальная наука, образование)[3].

Однако общественному сектору важны именно особенности предоставления публичных услуг (пропускная способность автомобильных дорог, улучшение качества автодорожного покрытия, медицинских услуг, экологической обстановки, увеличение рабочих мест, рост числа детских садов и проч.), то есть то, что определяет стабильность и качество жизнедеятельности населения[4]. Поэтому информативность применяемого в российской и международной практике показателя рыночной стоимости недостаточна, тем более что участие в проектах ГЧП добавляет бизнесу гудвилл – улучшение имиджа организации, приводящее к увеличению числа контрагентов, списка клиентов и повышению показателей различных рейтингов.

Представляется, что результативность публичного управления проектами характеризуется на основании оценки общественной полезности объекта, которая может быть произведена без применения формализованных экономико-математических моделей, а в направлении многовариантного и систематического диалога путем: общественной экспертизы проекта на каждом этапе его реализации, а также общественного контроля качества объекта экономики на этапе его эксплуатации; изучения общественного мнения посредством опроса граждан, территориально относящихся

---

[1] Игнатова Т.В., Аширова М.Н. Общественные блага и государственные услуги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Экономика. Экология. 2015. – № 2. – С. 7–17.

[2] Минаева Е.В. Развитие современных систем управления изменениями внутренней среды организаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 2. – С. 9–13.

[3] Волощук С.Д. Методы оценки общественно значимых объектов экономики // Аудит и финансовый анализ. 2009. – № 2. – С. 32–35.

[4] Албастова Л.Н., Нужнова С.Л. Роль государственно-частного партнерства в реализации социальной функции государства на местном уровне // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 2. – С. 32–37.

к потенциальным пользователям изучаемого объекта; мониторинга повышения уровня безопасности жизнедеятельности населения; анализа качества и безопасности используемых материальных ресурсов; оценки повышения качества предоставляемых публичной властью услуг, установления более высоких стандартов обслуживания; мониторинга наличия коммуникаций в рамках триады «государство – бизнес – общество» в прямом и обратном направлениях; анализа влияния на экологию места реализации проекта; поэтапного исследования ГЧП-проекта по завершению каждой стадии и самого проекта в целом; определения соответствия и актуальности достигнутых результатов запланированным целям социально-экономического развития субъекта, на территории которого осуществляется проект; мониторинга участия реализуемого ГЧП-проекта в формировании доступной среды для людей с ограниченными возможностями; анализа косвенных эффектов (рост уровня занятости населения, сокращение разрыва социальных статусов, поддержка отрасли и т.д.)[1].

Оценка выполнения перечисленных критериев должна производиться с учетом компетенций федеральных, региональных и местных властей, обозначенных нормами Конституции РФ и Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» № 131-ФЗ. В отчете об оценке эффективности государственно-частного партнерства необходимо проанализировать период времени, затраченный на согласование условий проекта и действий представителей публичной власти различных уровней, а также раскрыть информацию, соответствует ли данный проект программе социально-экономического развития территории либо иному подобному документу.

Предложенные критерии определения общественной эффективности ГЧП-проектов свидетельствуют о необходимости проведения регулярного мониторинга взаимодействия публичного и частного секторов. Его целью является формирование полноценной системы проактивной оценки проектов государственно-частного партнерства, способствующей достижению положительного результата реализации проекта, благотворно влияющей на поиск и обоснование рациональных управленческих решений публичной власти в этой области.

[1] Марадудина В.Ф. Оценка значимости и транспарентности проектов государственно-частного партнерства как инструмент публичного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 2. – С. 301–306.

Клочкова Е.Н.,
Прохоров П.Э.[1]

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Ключевые слова: *государственные гражданские служащие, органы государственной власти, государственная служба, оплата труда.*
Keywords: *government civil servants, public authorities, public service, compensation.*

На текущий момент сложившаяся модель использования бюджетных средств, направляемых на реализацию государственного административного управления в России, подвергается резкой критике, впрочем, как и эффективность самого управления госорганов. В особенности это касается федеральных органов исполнительной власти, численность служащих в которых сопоставима с численностью центральных аппаратов управления некоторых развитых зарубежных стран.

В связи с этим возникает необходимость в изыскании источников и путей оптимизации государственных расходов на систему административного управления. Для решения подобной задачи важно исходить из единой методологии анализа численности государственных служащих, а также их трудового вознаграждения, что позволит разработать и внедрить рекомендации по оптимизационному управлению кадровым составом и материальным стимулированием госслужащих с учетом условий реализации программно-целевых инструментов государственного управления.

Практическая значимость проводимого исследования заключается в разработке методики оценивания кадровых потребностей, оптимальной численности и состава работников госорганов, а также детерминации объема денежного содержания госслужащих.

Согласно данным Росстата к концу 2015 года показатель численности работников государственных органов власти и органов местного самоуправления в расчете на 1000 человек постоянного населения составлял 14,9 человек. Как видно на рис. 1 снижение данного показателя наблюдается, начиная с 2010 года. Вместе с тем, в 2014 году можно наблюдать резкое увеличение численности работников этой категории почти на 43%. Аналогичная картина отмечается и в отношении численности работников на 1000 занятых в экономике. В 2014 году численность работников государственных органов и органов местного самоуправления достигла 32,6 человек на 1000 занятых в экономике, что также на 43% превышает уровень 2013 года[2].

Рисунок 1.
Динамика численности работников государственных органов и органов местного самоуправления на 1000 человек постоянного населения и занятых в экономике за 2004–2015 гг. в России, чел.

---

[1] Клочкова Елена Николаевна – к.э.н., доцент, доцент кафедры статистики Российского экономического университета, с.н.с. Центра технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС. E-mail: Klotchkova.EN@rea.ru

Прохоров Павел Эдуардович – м.н.с. НИЛ «Количественные методы исследования регионального развития», Российский экономический университет. E-mail: Prohorov.PE@rea.ru

[2] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

Более детальный анализ изменений численности работников государственных органов и органов местного самоуправления на 10 000 человек постоянного населения за период 2004 – 2015 гг. представлен в табл. 1.

Таблица 1

Динамика численности работников государственных органов и органов местного самоуправления на 10 000 человек постоянного населения за период 2004–2015 гг.

Годы	Численность работников, чел.	Абсолютное изменение, чел.		Относительное изменение, %	
		по сравнению с предыдущим годом	по сравнению с 2004 годом	по сравнению с предыдущим годом	по сравнению с 2004 годом
2004	91,9	–	–	–	100,0
2005	102,4	10,5	10,5	111,4	111,4
2006	110,9	8,5	19,0	108,3	120,7
2007	114,4	3,5	22,5	103,2	124,5
2008	117,7	3,3	25,8	102,9	128,1
2009	118,0	0,3	26,1	100,3	128,4
2010	115,4	–2,6	23,5	97,8	125,6
2011	112,1	–3,3	20,2	97,1	122,0
2012	109,7	–2,4	17,8	97,9	119,4
2013	107,8	–1,9	15,9	98,3	117,3
2014	153,6	45,8	61,7	142,5	167,2
2015	148,5	–5,1	56,6	96,7	161,6
Средние:	*116,9*	*5,1*		*104,5*	

По данным табл. 1 с 2009 по 2013 гг. происходило сокращение численности работников государственных органов и органов местного самоуправления, что соответственно приводило к росту производительности труда в органах власти. Однако в результате увеличивающейся потребности в высококвалифицированных кадрах, уже в 2014 году произошло резкое возрастание численности работников государственных и муниципальных органов власти. При этом в 2015 году темп прироста численности работников государственных и муниципальных органов власти в расчете на 10000 человек постоянного населения России составил –3,3%. Вероятно, данная тенденция возникла в результате принятия ряда решений, направленных на оптимизацию численности работников в некоторых ведомственных органах государственного и муниципального управления[1].

Средняя величина показателя численности работников государственных и муниципальных органов власти в расчете на 1000 занятых в российской экономике в 2004–2014 гг. составила 24,1 человек. Данный показатель в среднем ежегодно за рассматриваемый период возрастал на 5,1% (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности работников государственных органов и органов местного самоуправления на 1000 человек занятых в экономике за период 2004–2014 гг.

Годы	Численность работников, чел.	Абсолютное изменение, чел.		Относительное изменение, %	
		по сравнению с предыдущим годом	по сравнению с 2004 годом	по сравнению с предыдущим годом	по сравнению с 2004 годом
2004	19,9	–	–	–	100,0
2005	21,9	2	2,0	110,1	110,1
2006	23,5	1,6	3,6	107,3	118,1
2007	23,9	0,4	4,0	101,7	120,1
2008	24,4	0,5	4,5	102,1	122,6
2009	24,9	0,5	5,0	102	125,1
2010	24,4	–0,5	4,5	98	122,6
2011	23,7	–0,7	3,8	97,1	119,1
2012	23,1	–0,6	3,2	97,5	116,1
2013	22,8	–0,3	2,9	98,7	114,6
2014*	32,6	9,8	12,7	143,1	163,9
Средние:	*24,1*	*1,3*		*105,1*	

* С 2014 г. в численность работников государственных органов включены сотрудники территориальных органов МВД России.

При рассмотрении динамики данного показателя отмечается отрицательная тенденция, начиная с 2010 года. Вместе с этим вплоть до 2009 года показатель возрастал, а резкий скачок в 2014 году спровоцировал прирост за рассматриваемый период с 2004 года в 1,6 раза. В конце 2014 года численность работников государственных органов и органов местного самоуправления в расчете на 1000 занятых в экономике составила 32,6 человек. Отрицательная величина абсолютного прироста, зафиксированная в 2011 году, свидетельствует о значительном снижении данного показателя. Однако при незначительных колебаниях все же прослеживается ежегодный рост численности работников

[1] Добролюбова, Е.И., Александров О.В. Стратегическое управление кадровыми ресурсами на государственной службе как инструмент оптимизации их численности // Вопросы государственного и муниципального управления. – М., 2015. – № 1. – С. 124–142.

государственных органов и органов местного самоуправления на 1000 человек занятых в экономике за период 2004 – 2014 гг.

Абсолютная величина общей численности работников государственных органов и органов местного самоуправления за 2004–2015 гг. существенно увеличилась (рис. 2). Относительный средний ежегодный темп прироста за рассматриваемый период составил 4,7%. К 2015 году численность работников государственных и муниципальных органов власти достигла 2176,4 тыс. человек, что больше величины, сложившейся в 2004 году, на 857,8 тыс. человек. При более подробном рассмотрении динамики анализируемого показателя, характеризующего общую численность работников государственных органов и органов местного самоуправления, проявляется следующая тенденция: начиная с 2010 до конца 2013 число работников в государственных и муниципальных органах власти сокращалось: в 2010 году – на 26,4 тысячи человек, в 2011 году – на 44,7 тысяч человек, в 2012 – на 31,5 тысяч человек, в 2013 – на 24,1 тысячу человек. Примечательно, что беспрецедентный рост данного показателя в рамках рассматриваемого периода произошел в 2014 году, когда численность работников государственных и муниципальных органов власти возросла по отношению к предыдущему году на 663,8 тыс. человек, что в относительном выражении составило 142,9%.

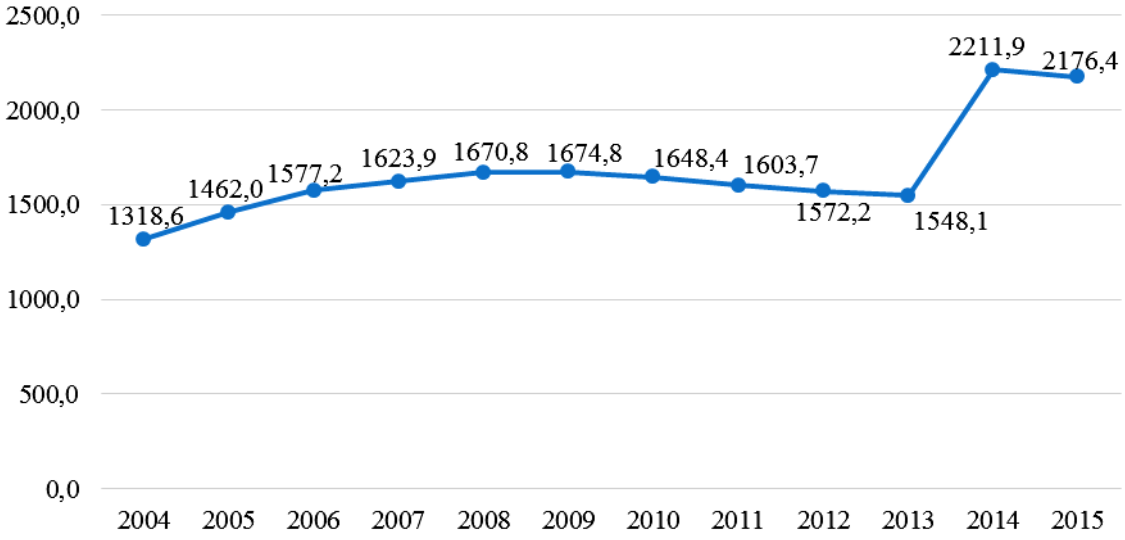


Рисунок 2.
Динамика численности работников государственных органов и органов местного самоуправления за период 2004–2015 гг., тыс. чел.

По данным Федеральной налоговой службы количество организаций по данным государственной регистрации на протяжении всего анализируемого периода увеличивается. По состоянию на 1 января 2016 года их число составило 4820 тыс. ед., что в 2,3 раза больше, чем по состоянию на 1 января 2004 года. Ежегодный темп роста в среднем составил 107,0%. На фоне этого количество индивидуальных предпринимателей за рассматриваемый период также увеличилось в 1,5 раза и на 1 января 2016 года составило 3 500,7 тыс. человек. В среднем показатель увеличивался на 3,6% ежегодно[1].

В целом за рассматриваемый период произошло увеличение числа организаций, приходящихся на одного работника государственных и муниципальных органов власти. На 1 января 2016 года данный показатель составлял 2,2 организации, двумя годам ранее – 3,0 организации, что является максимальным зафиксированным значением в рамках анализируемого периода. По представленной ниже динамике можно явно прослеживается взаимосвязь между показателями – численности работников в государственных органах и органах местного самоуправления и количества субъектов хозяйствования, которые, определенно, являются объектами государственного контроля, пользователями государственных и муниципальных услуг. (рис. 3).

Значительных колебаний в составе работников государственных и муниципальных органов в разрезе уровней управления в 2004-2015 гг. не происходило. К концу 2015 года наибольшая доля (66%) приходилась на федеральных госслужащих, при этом на долю работников государственных органов в субъектах РФ приходилось 22% от числа всех государственных и муниципальных служащих, соответственно, на долю органов местного самоуправления и избирательных комиссий муниципальных образований приходились оставшиеся 12% всей численности работников государственных и муниципальных органов власти. 2014 год характеризуется аналогичным распределением. Вместе с тем, по сравнению с 2013 годом численность работников федеральных государственных органов выросла на 15%, что связано с включением численности территориальных органов МВД России.

[1] Официальный сайт Федеральной налоговой службы. – https://www.nalog.ru/rn77/

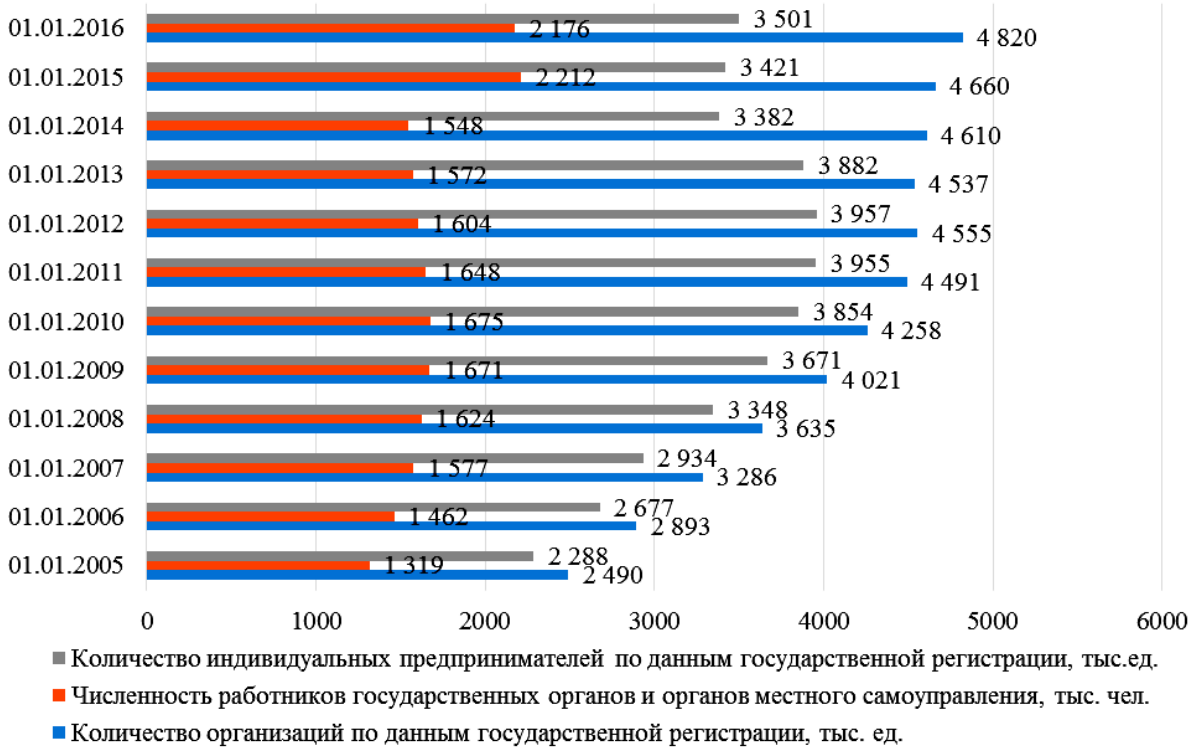


Рисунок 3.
Динамика количества организаций, численности фактически действующих индивидуальных предпринимателей и работников государственных органов и органов местного самоуправления, тыс. чел.

На рис. 4 представлена динамика численности работников государственных органов и органов местного самоуправления по уровням управления. В целом наблюдается идентичная картина для всех уровней управления. С 2004 до 2009 года положительная тенденция, в то время как период 2009-2013 гг. отличается отрицательным направлением движения показателя, затем наблюдается резкое возрастание в 2014 году с последующим незначительным сокращением в 2015 году.

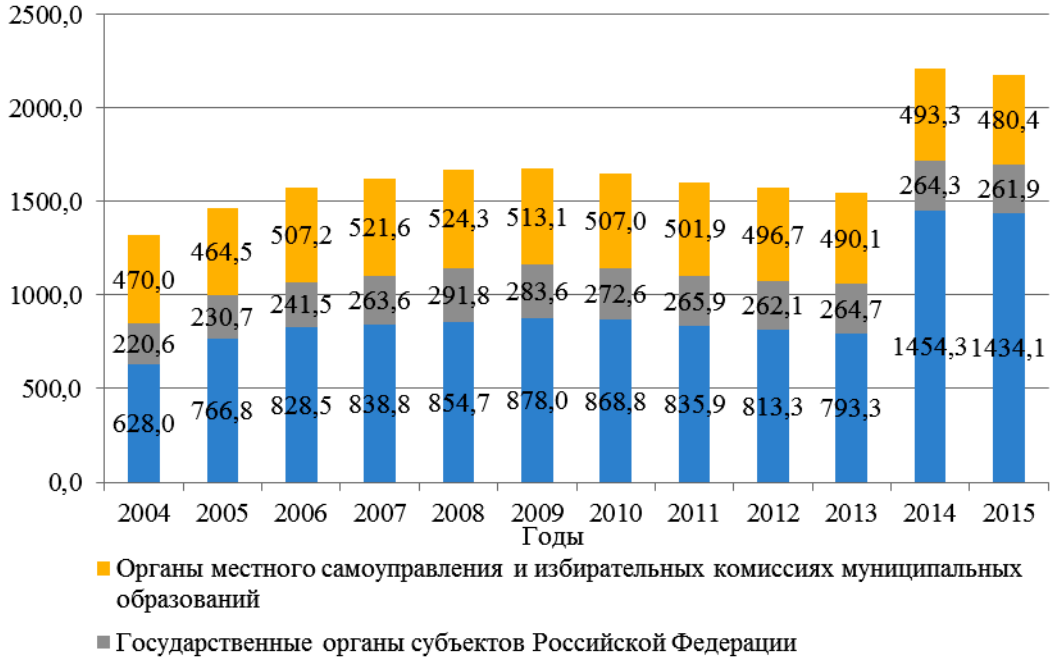


Рисунок 4.
Динамика численности работников государственных органов и органов местного самоуправления по уровням управления за период 2004–2015 гг., тыс. чел.[1]

[1] Данные приведены без органов, обеспечивающих правопорядок (до 2014 г.) и охрану безопасности государства. В итоги включены: Администрация Президента Российской Федерации (на федеральном уровне), аппараты полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах (на региональном уровне). С 2014 г. включена численность территориальных органов МВД России.

Распределение численности работников государственных органов и органов местного самоуправления дифференцированно и в разрезе ветвей власти. На протяжении периода с 2004 по 2015 гг. наибольшее число работников сосредоточено в органах исполнительной власти (рис. 5).

Вариация доли этой категории работников составила от 83,4% в 2004 году до 86% в 2015 году от общей численности работников государственных органов и органов местного самоуправления. Наибольшее значение численности этой группы работников было достигнуто в 2014 году: 1925,8 тысяч человек, а минимальное – в 2004 году, тогда численность этой категории была равна 1100,7 тысяч человек. В 2015 году численность работников в исполнительных органах власти составила 1888,6 тысяч человек, что в 58,5 раз больше, чем количество работников в законодательных органах власти, и в 8,1 раза больше численности работников в органах судебной власти и прокуратуры. По итогам 2015 года на органы судебной власти и прокуратуры приходится в среднем 10,7% работников государственных органов и органов местного самоуправления. Абсолютная численность данной категории работников имеет положительную тенденцию на протяжении всего анализируемого периода. Ежегодный темп роста составил 2,1%. На долю работников законодательных органов власти в 2015 году приходится 1,5% работников государственных органов и органов местного самоуправления.

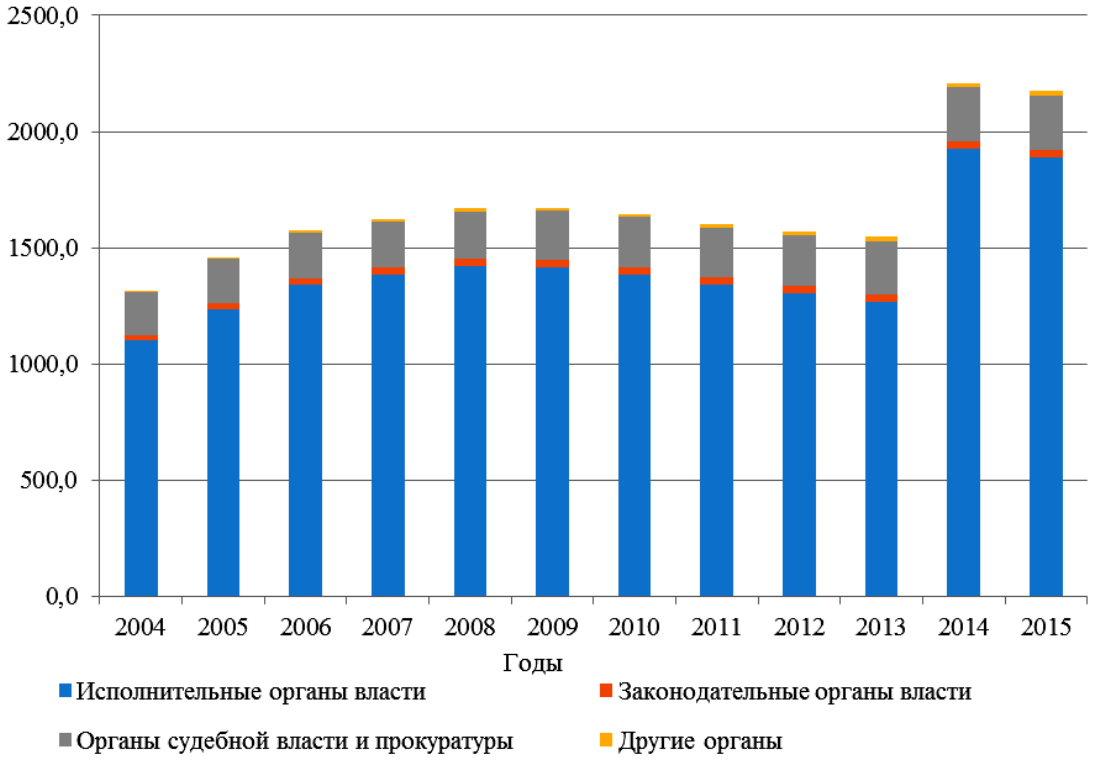


Рисунок 5.
Динамика численности работников государственных органов и органов местного самоуправления по ветвям власти, 2004–2015гг., тыс. чел.

Повышение величины оплаты труда федеральных гражданских служащих началось в августе 2012 года, когда Президент Российской Федерации подписал указ №1100 «О совершенствовании оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих Администрации Президента Российской Федерации. Положения данного указа были призваны уровнять ежемесячные оклады федеральных государственных гражданских служащих с окладами военных чиновников и лиц, приравненных к ним[1].

За данным указом Президента РФ в 2013 году последовал указ №742, который устанавливал новые размеры ежемесячной оплаты труда и ежеквартального денежного поощрения для отдельных государственных должностей. В большей степени это коснулось заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров, работников Центральной избирательной комиссии[2].

Переломным моментом послужило принятие в 2015 году ряда указов, направленных на сокращение расходов бюджетных средств на оплату труда федеральных госслужащих[3]. Указами Президента РФ от 5 марта 2015 года № 111

[1] Указ Президента РФ от 02.08.2012 N 1100 (ред. от 31.12.2014) «О совершенствовании оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих Администрации Президента Российской Федерации».

[2] Указ Президента РФ от 30 сентября 2013 г. № 742 «О денежном вознаграждении лиц, замещающих отдельные государственные должности Российской Федерации».

[3] Александров О.В. Оптимизация бюджетных расходов в сфере государственного управления: монография / О.В. Александров, Е.И. Добролюбова, Е.Н. Клочкова, В.Н. Южаков. – М.: МЭСИ, 2014. – 107 с.

и № 113 было установлено сокращение заработной платы федеральных государственных гражданских служащих на 10% в Администрации Президента РФ и в Аппарате Правительства РФ соответственно[1].

Позже, в апреле 2015 года был принят Федеральный Закон №68-ФЗ, который приостанавливал индексацию окладов федеральных государственных служащих. При этом данный Федеральный закон предусматривает индексацию окладов лиц, занимающих должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации, только в 2015 году; в 2016 году оклады денежного содержания данной категории гражданских служащих не увеличиваются[2].

По официальным данным Росстата среднемесячная начисленная заработная плата федеральных гражданских служащих в органах государственного управления к концу 2015 года сложилась на уровне 111,3 тыс. рублей (табл. 3)[3].

Таблица 3

Динамика величины среднемесячной заработной платы федеральных гражданских служащих за период 2008–2015 гг.*,**

Год	Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	Абсолютное изменение, тыс. руб.	Относительное изменение, %
2008	83,8	–	–
2009	58,2	–25,6	69,5
2010	60,7	2,5	104,3
2011	62,6	1,9	103,1
2012	72,1	9,5	115,2
2013	98,4	26,3	136,5
2014	109,1	10,7	110,9
2015	111,3	2,2	102,0

* По центральным аппаратам министерств и ведомств без ФСТЭК России, СВР России, ФСБ России, ФСО России, ГУСП.

** В общую численность работников в соответствии со штатным расписанием, кроме государственных гражданских служащих, включаются работники, замещавшие государственные должности, должности иного вида федеральной государственной службы (сотрудники, имевшие специальные звания), должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы, а также персонал по охране и обслуживанию зданий.

Среднемесячная заработная плата федеральных гражданских служащих увеличивалась в рассматриваемом периоде. Максимальный рост произошел в 2012–2013 гг.: ежегодный относительный прирост величины заработной платы федеральных госслужащих в 2012 году составил 15,2%, в 2013 году – 36,5%. В 2014 году темп роста величины заработной платы несколько снизился и составил 10,9%, что в абсолютном выражении составило 10,7 тыс. рублей по сравнению с предыдущим годом. В 2015 году рост величины среднемесячной заработной платы федеральных гражданских служащих составил 2,2% (2,2 тыс. рублей) к уровню предыдущего года. В целом за 2008–2015 гг. величина среднемесячной заработной платы федеральных госслужащих в России возросла на 32,8% (на 27,5 тыс. рублей в абсолютном выражении).

По данным Федеральной службы государственной статистики величина среднемесячной заработной платы в экономике в 2015 году составила почти 34 тыс. рублей. Отношение величины среднемесячной заработной платы федеральных госслужащих и величины среднемесячной заработной платы по экономике страны составило в 2015 году 3,3 раза. В 2014 году такое соотношение было максимальным зафиксированным в рамках рассматриваемого периода – 3,4 раза, в 2011–2012 гг. – минимальным (2,7 раза) (рис. 6)[4]

Федеральные госслужащие по показателю величины оплаты труда превосходят даже работников, занятых на предприятиях таких видов экономической деятельности, по которым на протяжении последних нескольких лет наблюдается высокий уровень заработной платы. Например, если в 2015 году средняя ежемесячная заработная плата работников, занятых на предприятиях в сфере добычи сырой нефти и газа, составила 94,6 рублей, в сфере производства нефтепродуктов – 86,8 тыс. рублей, в сфере производства табачных изделий – 84,6 рублей, то соотношение среднемесячной заработной платы федеральных государственных служащих к величинам заработных плат рассматриваемых категорий работников составляло соответственно 1,18, 1,28 и 1,32 раза. Отношение размера оплаты труда федеральных госслужащих к среднемесячной заработной плате работников, занятых в предприятиях тех видов экономической деятельности, в которых данный показатель находился на низком уровне (сельское хозяйство, легкая промышленность, гостиничный и ресторанный бизнес) составило в 2015 году порядка 7–8 раз.

[1] Указ Президента РФ от 05.03.2015 № 111 (ред. от 02.12.2015) «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих Администрации Президента Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 05.03.2015 № 113 (ред. от 02.12.2015) «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих Аппарата Правительства Российской Федерации».

[2] Федеральный закон от 06.04.2015 № 68-ФЗ (ред. от 14.12.2015) «О приостановлении действия положений отдельных законодательных актов Российской Федерации в части порядка индексации окладов денежного содержания государственных гражданских служащих, военнослужащих и приравненных к ним лиц, должностных окладов судей, выплат, пособий и компенсаций и признании утратившим силу Федерального закона “О приостановлении действия части 11 статьи 50 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации”» в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов».

[3] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

[4] Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С. Динамика оплаты труда гражданских служащих в федеральных органах государственной власти – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 24 с.

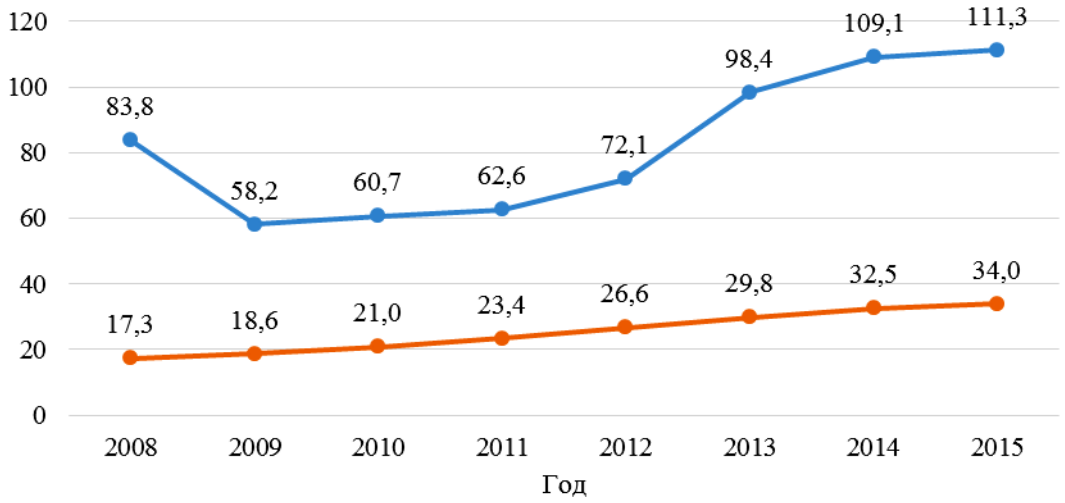


Рисунок 6.
Динамика величины среднемесячной заработной платы федеральных государственных гражданских служащих и величины среднемесячной заработной платы по экономике РФ за период 2008–2015 гг., тыс. руб.

В 2008 году подобные различия заработной платы госслужащих в федеральных органах власти варьировали в границах 1,5–2 раз для видов деятельности с наибольшей среднемесячной заработной платой, и 9–10 раз для видов экономической деятельности, в которых был зафиксирован наименьший размер оплаты труда. Следовательно, в целом по представленным данным можно судить о тенденции снижения разницы в заработных платах госслужащих федерального уровня и работников других сфер экономической деятельности – в целом выравнивание зарплат идет со стороны низкооплачиваемых сфер экономической деятельности[1].

Как известно, большая часть государственных гражданских служащих сосредоточена в Москве. Отсюда следует более корректное с точки зрения методологического подхода проводимого анализа сравнение уровня заработной платы федеральных госслужащих с оплатой труда работающих в г. Москве.[2]

В целях выявления зарплатных преимуществ федеральных гражданских служащих следует остановиться подробнее на следующих видах экономической деятельности, в которых задействованы преимущественно высококвалифицированные кадры: научные исследования и разработки, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий и финансовая деятельность. Также в качестве контрольных видов деятельности, которые целесообразно использовать в данном анализе, были отобраны промышленность и добыча сырой нефти и природного газа.

В 2015 году размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в Москве составил 64 324 рублей, что в 1,7 раза ниже, чем размер среднемесячной заработной платы федеральных государственных гражданских служащих. Как было упомянуто выше, в целом по России аналогичный показатель составил 3,3 раза. Соотношение размеров заработных плат федеральных гражданских служащих с заработной платой работников промышленности составлял 3,1 раза в целом по России и 1,7 раз по работающим в г. Москве – максимальный возможный разрыв с уровнем оплаты труда федеральных гражданских служащих среди рассматриваемых видов деятельности. Стоит также отметить, что только у московских работников в сфере добычи сырой нефти и природного газа, а также занятых финансовой деятельностью, размер заработной платы превышал величину оплаты труда федеральных гражданских служащих. (рис. 7)

Соотношение размеров заработных плат федеральных гражданских служащих и размеров заработных плат работников по России в целом и в г. Москве за последние три года практически не изменялось и колебалось около значения в 1,75 раза, что также касается рассматриваемых видов экономической деятельности – в целом при изменении заработных плат в период 2013-2015 гг. соотношение с уровнем заработной платы федеральных государственных служащих не изменяется.

[1] Данные Росстата (среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике (рубль, Российская Федерация)).

[2] Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С. Динамика оплаты труда гражданских служащих в федеральных органах государственной власти – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 24 с.

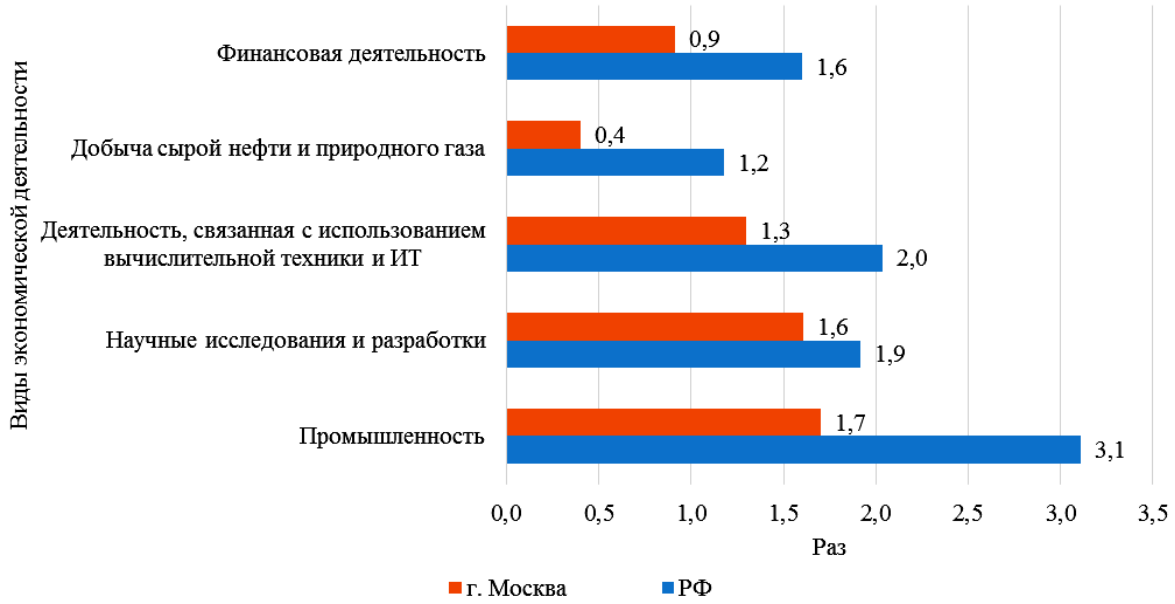


Рисунок 7.
Соотношение размера среднемесячной заработной платы гражданских служащих федеральных государственных органов с размером среднемесячной заработной платы по экономике РФ и в г. Москве за 2015 год

По данным федерального статистического наблюдения Росстата, в государственных органах Российской Федерации на региональном уровне (в федеральных государственных органах и государственных органах субъектов Российской Федерации) в 2015 году средний размер заработной платы замещавших должности государственной гражданской службы составил 40,4 тыс. рублей[1] (табл. 4)[2].

Таблица 4

Динамика величины среднемесячной заработной платы гражданских служащих в государственных органах РФ на региональном уровне за период 2008–2015 гг.

Год	Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	Абсолютное изменение, тыс. руб.	Относительное изменение, %
2008	27,1	–	–
2009	28,2	1,1	104,1
2010	28,9	0,7	102,5
2011	30,7	1,8	106,2
2012	32,8	2,1	106,8
2013	36,4	3,6	111,0
2014	40,6	4,2	111,5
2015	40,4	–0,2	99,5

В целом за период с 2008 по 2015 год заработная плата гражданских служащих государственных органов на региональном уровне увеличилась почти в 1,5 раза (в относительном выражении рост составил 149%), что эквивалентно приросту на 13,3 тыс. рублей в денежном выражении. В 2008–2014 гг. среднемесячная заработная плата гражданских служащих на региональном уровне постоянно увеличивалась, наибольший прирост произошел в годы реализации мер по повышению заработных плат государственных гражданских служащих – в 2013 году прирост составил 11% по сравнению с предыдущим годом, в 2014 году значение годового прироста составило 11,5%.

Как видно на рисунке 8, величина среднемесячной заработной платы гражданских служащих федеральных государственных органов на региональном уровне значительно ниже, чем у гражданских служащих государственных органов субъектов Российской Федерации. При этом если в 2008 году заработная плата гражданских служащих в госорганах субъектов РФ была выше, чем заработная плата гражданских служащих в федеральных органах власти на региональном уровне на 33%, то в 2015 году величина разницы между двумя рассматриваемыми величинами оплаты труда составила 48%.

[1] В общую численность работников в соответствии со штатным расписанием, кроме государственных гражданских служащих, включаются работники, замещавшие государственные должности, должности иного вида федеральной государственной службы (сотрудники, имевшие специальные звания), должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы и персонал по охране и обслуживанию зданий.

[2] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

Рисунок 8.
Динамика среднемесячной заработной платы гражданских служащих в федеральных государственных органах на региональном уровне и в государственных органах субъектов РФ за 2008–2015 гг., тыс. руб.

Более того, средняя заработная плата гражданских служащих в органах субъектов РФ отличается более высокими темпами роста своей величины относительно уровня оплаты труда гражданских служащих федеральных органов на региональном уровне. Оплата труда гражданских служащих в федеральных государственных органах на региональном уровне превысила уровень оплаты труда гражданских служащих в органах власти субъектов РФ 2008 года только в 2014 году.

При анализе заработной платы гражданских служащих на региональном уровне в разрезе ветвей государственной власти, наглядно прослеживается преимущество законодательных органов власти перед исполнительными и судебными как в 2008, так и в 2015 году. Темпы роста величины оплаты труда гражданских служащих регионального уровня по всем ветвям власти в 2015 году относительно 2008 года составляют около 49%. Наибольший рост величины заработной платы гражданских служащих в федеральных госорганах регионального уровня за рассматриваемый период был зафиксирован по судебным органам власти и прокуратуры (147,2%), в свою очередь наибольший рост среднемесячной заработной платы гражданских служащих в органах власти субъектов РФ произошел по исполнительным органам (163,1%). (табл. 5)

Таблица 5

Среднемесячная заработная плата гражданских служащих государственных органов на региональном уровне в 2008 и 2015 гг. в разрезе ветвей власти*, тыс. руб.

Категория гражданских служащих	2008 г.			2015 г.			Относительное изменение, %		
	законодательные органы власти	исполнительные органы власти	судебные органы власти и прокуратура	законодательные органы власти	исполнительные органы власти	судебные органы власти и прокуратура	законодательные органы власти	исполнительные органы власти	судебные органы власти и прокуратура
Гражданские служащие в целом	43,9	27,7	21	65,3	41,4	31,1	148,7	149,5	148,1
Гражданские служащие в федеральных государственных органах на региональном уровне	–	25,4	21,2	–	35,9	31,2	–	141,3	147,2
Гражданские служащие в государственных органах субъектов Российской Федерации	43,9	33,3	19,3	65,3	54,3	30,6	148,7	163,1	158,5

* В общую численность работников в соответствии со штатным расписанием, кроме государственных гражданских служащих, включаются работники, замещавшие государственные должности, должности иного вида федеральной государственной службы (сотрудники, имевшие специальные звания), должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы и персонал по охране и обслуживанию зданий.

При сложившемся в 2015 году среднем размере заработной платы гражданских служащих в федеральных органах исполнительной власти в 35 931 рублей по России в целом, наиболее высокооплачиваемыми стали гражданские служащие территориальных органов Министерства иностранных дел, где размер заработной платы гражданских служащих составил 77 347 рублей, гражданские служащие территориальных органов Федеральной службы по финансовому мониторингу (73 209 рублей), гражданские служащие территориальных органов Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (54 021 рубль).

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики в 2015 году отношение величины среднемесячной заработной платы гражданских служащих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации к заработной плате гражданских служащих федеральных органов исполнительной власти регионального уровня варьирует от 83,3–99,9% (в 5 субъектах РФ) до 2,1–2,5 раза (в 6 субъектах РФ). В 2008 году данное соотношение изменялось от 71,0–99,2% (22 субъектов РФ) до 1,8–2,0 раза (6 субъектов РФ).

По данным федерального статистического наблюдения, размер среднемесячной заработной платы муниципальных служащих в 2015 году составил 37,1 тыс. рублей. В 2008 году данный показатель был зафиксирован на уровне 22,3 тыс. рублей. Таким образом, за период 2008–2015 гг. величина среднемесячной заработной платы муниципальных служащих имела тенденцию к увеличению – относительный прирост за рассматриваемый период составил 66,4%, в то время как в денежном выражении прирост составил 14,6 тыс. рублей (табл. 6)[1].

Таблица 6

Динамика величины среднемесячной заработной платы муниципальных служащих за период 2008–2015 гг.*

Год	Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	Абсолютное изменение, тыс. руб.	Относительное изменение, %
2008	22,3	–	–
2009	23,5	1,2	105,4
2010	24,7	1,2	105,1
2011	26,9	2,2	108,9
2012	30,2	3,3	112,3
2013	33,6	3,4	111,3
2014	36,0	2,4	107,1
2015	37,1	1,1	103,1

* В общую численность работников в соответствии со штатным расписанием, кроме муниципальных служащих, включаются работники, замещавшие муниципальные должности, должности, не являющиеся должностями муниципальной службы и персонал по охране и обслуживанию зданий.

Если в 2009–2010 гг. годовой относительный прирост уровня заработной платы муниципальных служащих составлял 5–5,5%, то в 2011–2013 гг. уже 9–12%, однако в последние годы прирост заработной платы замедлился.

Согласно данным Росстата, по законодательным органам государственной власти среднемесячная заработная плата муниципальных служащих в 2015 году составила 44,7 тыс. рублей, что превосходит уровень, достигнутый в 2008 году, на 64,9% в относительном выражении. В свою очередь, среднемесячная заработная плата муниципальных служащих в исполнительных органах власти в 2015 году составила 36,7 тыс. рублей – относительное увеличение данного показателя по сравнению с уровнем 2008 года зафиксировано на уровне 66,1%.

Таким образом, оптимизация численности государственных гражданских служащих произошла в результате решений по их сокращению в 2012 и в 2014 гг. на 10%. По данным Министерства финансов РФ[2] сокращение кадрового состава госорганов фактически произошло в меньшем масштабе, чем это было запланировано. Одним из главных факторов, повлиявших на данную ситуацию, послужило образование новых федеральных органов исполнительной власти.

С 2011 по 2015 год кадровый состав федеральных государственных гражданских служащих по штатному расписанию сократился на 6,5%, в то время как численность федеральных госслужащих, замещавших штатные должности, за этот же период сократилась на 6,7%. За тот же период численность федеральных госслужащих органов исполнительной власти по штатному расписанию сократилась на 8,4%, фактическая численность госслужащих, замещавших должности, сократилась на 8,8%. Уровень укомплектованности кадрового состава федеральных госслужащих за рассматриваемый период практически не изменился ни в целом по всем ведомствам (в 2011 году – 90,2%, в 2015 году – 90,0%), ни по исполнительной власти в отдельности (в 2011 году – 89,4%, в 2015 году – 89,1%). Таким образом, оптимизационные процедуры, направленные на сокращение численности федеральных государственных гражданских служащих, воздействовали не только на штатный кадровый объем трудовых ресурсов в федеральных ведомствах, но привели к фактическому сокращению гражданских служащих федеральных госорганов.

Среди прочего следует отметить, что численность госслужащих, утвержденная штатным расписанием, за 2011–2015 гг. сократилась в центральных аппаратах органов исполнительной власти на 11,7%, фактически замещаемые должности по данной категории госслужащих сократились на 5,6%. В то же самое время штатное расписание территориальных органов исполнительной власти с 2011 по 2015 гг. сократилось на 8,1%, однако фактически сокращение численности занимаемых должностей составило 9%. Подобная ситуация негативно сказывается на реализации непосредственных функций органов исполнительной власти по осуществлению административного контроля и надзора, а также по оказанию госуслуг.

Из всего вышесказанного следует, что реальные темпы снижения численности федеральных государственных гражданских служащих были ниже запланированных значений, поскольку и в 2012, и в 2014 гг. численность госслужащих федерального уровня должна была снизиться дважды на 10%.

Из проведенного анализа оплаты труда гражданских и муниципальных служащих в Российской Федерации следует, что за рассматриваемый период с 2008 по 2015 гг. среднемесячная заработная плата федеральных гражданских служащих выросла на 32,8%, что в денежном выражении составляет 27,5 тыс. рублей, среднемесячная заработная плата гражданских служащих государственных органов регионального уровня за 2008–2015 гг. выросла на 49% или на 13,3 тыс. рублей, среднемесячная заработная плата муниципальных служащих за аналогичный период увеличилась на 66,4% или на 14,6 тыс. рублей. Стоит отметить, что за тот же период величина среднемесячной заработной платы по экономике России выросла почти в 2 раза, что в денежном исчислении составляет 16,6 тыс. рублей.

[1] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

[2] Официальный сайт Минфина России. – http://minfin.ru/ru/om/PlanReport/index.php

В 2010 году было реализовано решение о прекращении индексации оплаты труда федеральных госслужащих до 2014 года, в 2011 году была принята новая система оплаты труда государственных служащих, которая предусматривала установление особого порядка оплаты труда по показателям эффективности и результативности служебной деятельности. В результате чего, параллельно реализации ряда указов Президента Российской Федерации в 2012–2013 гг., которые способствовали значительному увеличению среднемесячной величины оплаты труда гражданских служащих, основной объем прироста заработной платы приходился именно на этот период. Так, например, прирост заработной платы федеральных гражданских служащих в 2013 году составил 36,5% по отношению к уровню 2012 года, прирост заработной платы гражданских служащих регионального уровня за аналогичный период составил 11,5%, прирост уровня оплаты труда муниципальных служащих остановился на уровне 11,3%.

Решения, направленные на снижение расходной части бюджета в части вознаграждения госслужащих, принятые в 2015 году, не способствовали реальному уменьшению оплаты труда государственных гражданских служащих федерального уровня и муниципальных служащих, величина среднемесячной заработной платы которых по итогам 2015 года увеличилась на 2 и 3% соответственно по сравнению с 2014 годом. Снижение уровня оплаты труда испытали лишь госслужащие регионального уровня, величина среднемесячной заработной платы которых снизилась в 2015 году на 0,5% по отношению к предыдущему году[1].

[1] Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Александров О.В., Татаринова Л.Н., Масленникова Е.В. Практика и перспективы развития мер материального стимулирования государственных гражданских служащих. – М.: «Дело» РАНХиГС, 2016. – 224 с.

Котилко В.В.
д.э.н., профессор, академик РАЕН, гл.н.с. Совета по изучению производительных сил
kotilko@yandex.ru
Вишнякова В.С.
к.э.н., в.н.с. Совета по изучению производительных сил

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО И РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСОВ

Ключевые слова: *импортозамещение, импортозавимость, импорт, экспорт, агропромышленный комплекс, рыбохозяйственный комплекс (РХК), государственная поддержка, устранение барьеров.*

Keywords*: import substitution, importability, import, export, agriculture, fishing industry, state support, elimination of barriers.*

В России имеются благоприятные предпосылки для расширения экспорта аграрной продукции. Однако для получения экологически чистой продукции возникают барьеры, препятствующие эффективной реализации мер государственной поддержки экспортной продукции АПК и РХК.

Объем финансирования господдержки АПК по полному кругу инструментов в 2015 г. составил 209 млрд. руб., в т.ч.157,5 млрд. руб. – за счет средств федерального бюджета. Однако не все инструменты господдержки АПК и РХК используются эффективно, в т.ч. по причине излишней забюрократизированности, сохраняется много административных барьеров в доступе к необходимым мерам государственной поддержки экспорта продукции РХК и АПК. В частности, это касается проектного финансирования.

В общем виде под проектным финансированием понимается строго целевой характер использования выделяемых средств на нужды выполнения конкретного инвестиционного проекта. В частности, оно служит важнейшим способом финансирования так называемых инвестиционных проектов, направленных на разработку и освоение новых видов продукции, новых технологических процессов и повышение конкурентоспособности продукции.

Для развития отраслей АПК в различных странах используется множество инструментов: протекционистские тарифы, специальные условия для инвесторов, льготы на импорт оборудования, дешевые кредиты, субсидии, создание инфраструктуры. Применительно к развитию аграрного сектора Российской Федерации необходимо отметить следующее [1]:

1. Для отраслей АПК и РХК необходим существенный спрос, чтобы достичь эффекта масштаба. Внутренний рынок, как правило, подобный спрос создать не способен, так как снижается платежеспособность населения, его доходы.

Высокотехнологичным производствам (свиноводческие, птицеводческие комплексы и т.д.) необходимо расширять выход на внешний рынок, где произведенный товар должен быть конкурентоспособен по цене и качеству, а также удовлетворять санитарно-эпидемическим нормам.

2. Создание любой технологической цепочки ведет к необходимости импорта соответствующих добавок, санитарно-гигиенических средств, запчастей и т.д. Полный отказ от импорта приведет к отрицательным последствиям.

3. В сельской местности должны быть созданы для закрепления кадров, их подготовки и сокращения низко квалифицированной рабочей силы.

4. Введение импортных пошлин, санкций на длительный период «сознательное огораживание внутреннего рынка» приводят не к повышению качества собственной продукции, а к росту цены. Если импортозамещение не состоится, то в обозримом будущем все вернется на досанкционный уровень зависимости от импорта.

5. Концентрация капитала и ресурсов в отраслях, которые не эффективны с точки зрения внешней торговли, приводит к упущенным возможностям роста экономики страны.

Стратегия импортозамещения дает положительные результаты, если она позволяет максимально интегрировать производственные цепочки внутри страны и максимально встраиваться в глобальные цепочки. Барьерами для этого в нашей стране являются высокая стоимость капитала; недостаточное развитие интеллектуальных услуг, программного обеспечения, комплексной финансовой поддержки экспорта сельскохозяйственной и промышленной продукции, нехватка простых, быстрых и эффективных процедур. Важнейшим препятствием для эффективной государственной поддержки производства и экспорта сельскохозяйственной продукции является отсутствие системного подхода к развитию аграрного комплекса Российской Федерации.

Характеристика препятствий в развитии сельскохозяйственного производства и возможностей их устранения в сельскохозяйственных отраслях, ориентированных на экспорт, приводится в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика барьеров развития сельскохозяйственного производства, экспорта и меры по их устранению*

Барьеры (препятствия) доступа к необходимым мерам государственной поддержки сельскохозяйственного производства и экспорта продукции АПК и РХК	Меры по устранению барьеров (препятствий)
I. Развитие внутреннего рынка сбыта сельскохозяйственной продукции	
1. Отсутствие достаточной маркетинговой информации. В результате возникает перепроизводство продукции и, как следствие – снижение рентабельности сельхозпроизводителей	1. Необходимо использовать механизм компенсационных выплат: государство обеспечивает равную доходность сельхозпроизводителей при производстве разных видов сельхозпродукции
2. Отсутствие гарантий минимальных цен на мясную, молочную, рыбную и плодоовощную продукцию	2. Внедрение механизма залогового кредитования
3. Низкая защищенность отечественных производителей, по сравнению с зарубежными производителями. Комплексных тарифных и нетарифных барьеров	3. Создание равных условий конкуренции по сравнению с зарубежными производителями
4. Низкая рентабельность и низкая доходность при сбыте продукции	4. Стимулирование отечественного производителя и развитие рынка. Введение дотаций для малоимущих граждан.
II. Стимулирование производства	
1. Слабое внедрение дифференцированного субсидирования. Отсутствие управления структурой сельхозпроизводства в зависимости от рыночных условий	1. Обеспечение равного доступа к субсидии как крупных, так и мелких хозяйств через ограничение максимального размера субсидии на одно хозяйство
2. Неразвитость системы страхования сельхозпроизводства	2. Привлечение заемного финансирования под залог урожая для стимулирования доходов сельхозпроизводителей в период природных и экономических катаклизмов. Это позволяет сохранить их инвестиционную активность и платежеспособность
3. Неравные условия ставок по кредитам, налоговым нагрузкам, тарифам, на услуги естественных монополия, стоимости топливных ресурсов и т.д. Ставки по кредитам в России в 2 раза выше, чем в странах Запада	3. Создание равных условий конкуренции со странами Запада на внешнем рынке
4. Отсутствие технологической политики в области АПК: в сфере подготовки кадров, обеспеченности сельхозтехники, обоснования внедрения технологий, разработанных собственными силами или купленных за рубежом	4. Внедрение высокоэффективных ресурсосберегающих технологий на базе новейшей техники – государственный контроль и государственная поддержка
5. Бюрократические барьеры в виде сбора огромного количества документов на оформление земель, значительные затраты на кадастровые услуги и т.д. В результате земля превратилась в неликвидный актив, отсутствует возможность кредитования под залог участка	5. Упрощение процедуры оформления прав на землю, субсидировать затраты на кадастровые работы
III. Развитие экспорта	
1. Запрет введения эмбарго на экспорт сельхозпродукции	1. Устранение эмбарго на экспорт сельхозпродукции по мере снижения санкций зарубежных стран на ввоз продовольственной продукции
2. Практическое отсутствие экспортного финансирования поставок продовольствия из России. Процентные ставки по экспортным кредитам неконкурентоспособны.	2. Поддержка Внешэкономбанком сельхозпроизводителей по сбыту продукции
3. Мировые цены на продовольствие подвержены значительным колебаниям	3. Необходимость субсидирования экспорта, это позволит компенсировать колебания цен для сельхозпроизводителей. Кроме того необходима политическая поддержка отечественного экспорта

* Таблица составлена по материалам Московского экономического форума Совета Торгово-промышленной палаты по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики [2].

Серьезным препятствием для стимулирования производства с целью получения экспортной выгоды являются бюрократические барьеры. В частности, получение разрешения на экспорт продукции занимает более 20 дней. Для сравнения: в США – 6 дней, в Канаде, в Южной Корее – 8 дней.

В 2015 г. совокупный объем, выданных кредитных ресурсов в АПК по сравнению с 2014 г. увеличился на 9% и составил 1 трлн. 130 млн. руб. При этом доля экспорта продовольствия сократилась почти на 15% по сравнению с 2014 г.

Несмотря на поддержку отечественного сельхозпроизводителя, каждый десятый фермер имеет проблемы с взятыми кредитами. Так, просрочка по валютным займам аграрного сектора за 2015 г. выросла в три раза – до 19,3% (на 1 июня 2014 г. – 6,2%). Между тем, в среднем доля просрочки кредитов юридическим лицам в валюте – лишь 2,9%. Просрочка по рублевым кредитам в аграрном секторе экономики России за 2015 г. выросла на 20% – до 10,4%, что на треть выше общероссийского показателя (7,2%) [3].

Существующая система поддержки экспортеров фактически не работает. На практике были нормально реализованы только два механизма из шестидесяти: предоставление экспортных государственных гарантий и субсидирова-

ние процентной ставки по экспортным кредитам. Но и эти инструменты недостаточно были востребованы экспортерами.

Если сравнивать Россию с другими странами по государственной поддержке, то Россия существенно отстает по объемам финансирования в среднем в 18,2 раза. При этом характерно, что около 80% субсидирования ставок по экспортным кредитам приходилось на предприятия Центрального федерального округа – в других регионах этот инструмент практически был не доступен. Такая же ситуация сложилась и в сельскохозяйственном производстве.

Малоэффективна была и система гарантирования экспорта для малых и средних сельскохозяйственных предприятий; фактически ею могли воспользоваться только крупные экспортеры.

Помимо этого, субъекты предпринимательской деятельности не имели информации о всех возможных мерах и не располагали ресурсами для того, чтобы преодолеть административные барьеры к получению государственной поддержки.

После передачи механизма господдержки в регионы (субсидирование ставок по конкурсу при наличии долевого финансирования со стороны местных властей) стали появляться различные программы поддержки экспорта – Краснодарского края, Ростовской области и др.

Однако ситуация с поддержкой экспорта стала хуже: бюджетные средства стали рассредоточиваться по территории в небольших размерах, что все меньше стимулировало экспорт.

Дальнейшее развитие поддержки сместилось от субсидирования к страхованию и кредитованию. Внешэкономбанк осуществляет кредитование крупных экспортных проектов с долгим сроком реализации, ОАО «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций» (ОАО «ЭКСАР») – проведение операций по страхованию российского экспорта и зарубежных инвестиций от коммерческих и политических рисков, ЗАО «Росэксимбанк» – выдачу государственных гарантий экспортерам и ОАО «ВЭБ-Лизинг» – лизинговые операции.

Основная причина роста неплатежей состоит в том, что продукцию производители продавали до девальвации рубля, а удобрения, семена, технику фермерам приходится покупать по новым возросшим ценам. После просрочки текущих кредитов банки могут уже не давать новые кредиты. Необходима государственная программа для помощи закредитованным сельхозпроизводителям, необходимо смягчить надзорные требования для аграрных кредитов, чтобы банки смогли снизить по ним ставки. К тому же следует констатировать, что на селе очень мало эффективных собственников, в основном это коллективные хозяйства.

Коллективным хозяйствам выдаются кредиты на пополнение оборотных средств, но эти кредиты идут не на модернизацию производства, а на другие нужды. В этих условиях административно-организационный фактор становится определяющим, так как отсутствие комплексного подхода к развитию аграрного сектора способствует усложнению доступа к необходимым мерам государственной поддержки экспорта продукции АПК.

Государство должно выстроить экономическую политику так, чтобы производить зерно, молоко, мясо было выгодно, чтобы производители стремились вкладывать, инвестировать в развитие производства этих продуктов, соответственно, имели возможность покупать сельскохозяйственную технику, вкладывать средства в улучшение почвы, вносить удобрения, обучать персонал и т.д.

В целом комплексный системный подход в АПК предполагает взаимовыгодное и взаимозависимое развитие экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции.

К основным факторам, сдерживающим развитие рыбохозяйственного комплекса, относятся:

1. Моральный и физический износ основных фондов (рыболовецкий флот, порты, перерабатывающее оборудование, холодильные мощности, прибрежная инфраструктура – около 90 % судов рыбопромыслового флота составляют морально устаревшие суда). Доля российского экспорта обработанной продукции крайне низкая и не превышает 15–20%.

2. Обострение конкуренции в мировом рыболовстве и общие условия ведения промысла российскими рыбаками за пределами экономической зоны России, утрата позиций российского рыболовецкого флота в Мировом океане. Результатом является низкий уровень добычи биоресурсов. Для увеличения объемов улова биоресурсов необходимо создать условия для рыболовства за пределами экономической зоны Российской Федерации, активизировать научно-исследовательскую и рыбопромысловую деятельность в южной части Тихого океана.

3. При низком уровне развития инфраструктуры по хранению и переработке рыбы и логистики доступ государственных средств на развитие РХК носит хаотический характер и средства направляются лишь на обеспечение добычи водных биоресурсов, что явно недостаточно.

4. Низкая инвестиционная привлекательность. Анализ показывает, что практически все звенья рыбохозяйственного комплекса нуждаются в государственной инвестиционной поддержке. Речь идет, прежде всего, о механизмах субсидирования процентных ставок и льготного кредитования. Привлечение кредитов сдерживается в настоящее время из-за высоких банковских ставок и невозможности оформления кредитов на длительный срок.

Важную роль здесь могли бы сыграть государственные финансовые институты развития, а также комплексная лизинговая программа обновления основных фондов отрасли, особенно малого и среднего флота.

5. Административно-бюрократическая процедура при приеме уловов в порту. В марте 2008 г. было подписано правительственное Постановление № 184 «О порядке оформления судов рыбопромыслового флота, уловов водных биологических ресурсов и продуктов их переработки и государственного контроля в морских портах Российской Федерации», которое предусматривает оформление судна не более чем за три часа. Эта мера направлена, прежде всего, на снятие излишних административных барьеров.

Значительное упрощение процедуры и сокращение сроков принятия и оформления рыболовецких судов в конечном итоге послужит действенным стимулом в доставке российских уловов на российскую территорию.

Нормативный срок в три часа для проверки судов, в общем, исполняется, но есть еще много вопросов, которые не отработаны. В частности, постановление правительства предусматривает уведомительный характер оформления выловленной рыбы, однако по факту весь улов подвергается проверкам, и на это уходит слишком много времени.

6. Неэффективное таможенно-тарифное регулирование экспорта и импорта (включая пошлины, надзор за безопасностью и качеством и т.п.). В настоящее время в области таможенно-тарифного регулирования, являющегося мощным инструментом инвестиционной привлекательности отрасли, приняты правительственные постановления об освобождении от таможенных пошлин импортного оборудования для модернизации рыболовецкого флота; о вывозе за рубеж сырья только через российские порты.

Отсутствие в достаточной мере квалифицированных кадров приводит к тому, что государственные средства на поддержку РХК используются нерационально. В настоящее время Правительством Российской Федерации принимается ряд мер по подготовке специалистов в сфере аквакультуры, которая является одной из самых перспективных и динамично развивающихся отраслей сельского хозяйства Российской Федерации.

С октября 2016 г. запускается новый международный проект «Российско-скандинавский центр исследований и инноваций в аквакультуре». Правительство Российской Федерации выделило субъектам Федерации 348,7 млн. руб. на субсидирование проектов в области аквакультуры. В соответствии с планом развития этой отрасли рыбной промышленности производство рыбы в аквакультурных хозяйствах к концу 2020 г. почти удвоится. Соответственно, увеличится и экспорт этой продукции [4, 5].

Основными барьерами для развития АПК и РХК являются недоступность кредитных ресурсов, излишние административные барьеры, неэффективное распределение средств государственной поддержки, а также отсталость в развитии мясного и молочного комплексов. Создание конкурентной высокотехнологической продукции является высоко капиталоемким, следовательно, для окупаемости вложений необходим емкий рынок сбыта, который в настоящее время отсутствует.

Список литературы

1. Экономические новости России и Содружества. 2015. – № 22, ноябрь.
2. nfo@rne-forum.ru
3. Экономические новости России и Содружества. 2015. – № 14, 25 июля.
4. https://regnum.ru/news/economy.html
5. Котилко В.В. и др. Проблемы импортозамещения на рынках основных видов продукции агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов: снижение импортозависимости: методы оценки. – М., 2016. – 190 с.

Михейкина Л.А.
к.э.н., старший преподаватель Российского экономического университета
mikheykina.la@rea.ru

АНАЛИЗ БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *инвестиции, инвестиционный климат, бюджетное финансирование, ассигнования, дотации, трансферты.*

Keywords*: investments, investment climate, budget financing, assignments, grants, transfers.*

В той сложной экономической ситуации, в которой оказалась Россия, все более актуальным становится эффективное распределение бюджетных средств и повышение эффективности бюджетного финансирования. Бюджетное финансирование представляет собой предоставление денежных средств организациям, учреждениям и предприятия на проведение мероприятий, которые являются приоритетными для развития отечественной экономики.

Понятие «инвестиции» имеет множество трактовок. Так, по мнению В. Машкина, под инвестициями понимается «долгосрочное вложение капитала в какое-либо дело» или «вложение инвестора в объект инвестиций, делающее его участником этого объекта, при этом предметная наполненность вложения определяет характер связи инвестора с объектом инвестиций и возможные способы воздействия на этот объект»[1]. Но данное определение не подразумевает, что инвестор получает какую-то выгоду от данных вложений.

Известные английские ученые, такие как Г. Александр, Дж. Бейли и У. Шарп используют в своих работах более широкое определение, понимая под инвестициями способность расставаться с деньгами сегодня, чтобы получить выгоду в будущем[2]. Но данная трактовка не может быть распространена на безвозмездные инвестиции.

Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» закрепляет следующее определение термина: «инвестиции – денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта»[3].

В своем исследовании под инвестициями мы будем понимать долгосрочные вложения каких-либо средств, капитала или фондов в предпринимательскую и иные виды деятельности с целью получения выгоды и дохода.

Можно отметить прямую зависимость уровня развития экономики от уровня инвестирования и наоборот. Зависимость инвестиционной деятельность от различных факторов представлена на рисунке 1.

Рисунок 1.
Зависимость инвестиционной деятельности от различных факторов

[1] Машкин В. Сущность инвестиционного процесса // ЭиЖ-Сибирь. 1999. – № 5 (95).

[2] Шарп У.Ф., Александер Г.Дж., Бэйли, Дж.В. Инвестиции. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 1028 с.

[3] Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/

На современном этапе судьба российской экономики напрямую зависит от инвестиционной политики государства. А готовность инвесторов вкладывать собственные средства в экономику зависит от существующего в стране инвестиционного климата. Под инвестиционным климатом понимают совокупность политических, экономических, социальных, культурных факторов, которые оказывают воздействие на развитие инвестиционной деятельности на территории определенной страны.

На основе данных ЦБ РФ нами разработана таблица, характеризующая объем прямых инвестиций Российской Федерации за период с 2007 по 2014 гг. (табл. 1). На основании данных таблицы видно, что ситуация в нашей стране с притоком инвестиций нестабильна. Значения темпов прироста постоянно меняются от отрицательных к положительным значениям. А самое значительное падение объема прямых инвестиций в Россию было в 2014 году (–67%).

В связи с вышесказанным, особую роль в последнее время приобретает бюджетное финансирование инвестиций. Под бюджетным финансированием понимают предоставление денежных средств организациям, учреждениям и предприятия на проведение мероприятий, которые предусмотрены бюджетом.

Таблица 1

Прямые инвестиции Российской Федерации (по данным платежного баланса)

Период, годы	Прямые инвестиции в Российскую Федерацию, млн. долл.	Темп роста, %	Темп прироста, %	Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж, млн. долл.	Темп роста, %	Темп прироста, %
2007	55 874	–	–	44 801	–	
2008	74 783	133,8	+33,8	55 663	124,2	+24,2
2009	36 583	48,9	–51,1	43 281	77,6	–22,4
2010	43 168	118	+18	52 616	121,6	+21,6
2011	55 084	127,6	+27,6	66 851	127,1	+27,1
2012	50 588	91,8	-8,2	48 822	73	–27
2013	69 219	136,8	36,8	86 507	177,2	77,2
2014	22 857	33	–67	56 438	65,5	–34,5

Основными формами бюджетного финансирования являются следующие:

1) ассигнования на содержание бюджетных учреждений. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 15.02.2016, с изм. от 30.03.2016) бюджетные ассигнования представляют собой предельные объемы денежных средств, предусмотренных в соответствующем финансовом году для исполнения бюджетных обязательств[1];

2) средства на оплату товаров, работ и услуг, которые выполняются юридическими и физическими лицами по муниципальным и государственным контрактам;

3) трансферты населению, которые включают в себя ассигнования на реализацию обязательных выплат населению, которые установлены законодательством Российской Федерации и ее субъектов;

4) субсидии и субвенции юридическим и физическим лицам. Среди получателей субвенций могут быть как бюджеты, так и юридические лица. Субсидии могут предоставляться также и физическим лицам;

5) субвенции, дотации и субсидии нижестоящим бюджетам и государственным внебюджетным фондам. Дотация представляет собой определенную денежную сумму, которая выделяется из вышестоящего бюджета в нижестоящий бюджет и не оговаривается каким-либо целевым направлением средств[2];

6) инвестиции в уставные капиталы действующих или создаваемых юридических лиц (статья 69 БК РФ).

Бюджетное финансирование основано на некоторых принципах:

– получение максимального эффекта при наименьших затратах. Поэтому бюджетное финансирование осуществляется только в те отрасли, которые могут гарантировать высокий результат;

– предоставление бюджетных средств с учетом ранее отпущенных ассигнований и для выполнения определенных производственных показателей. Это позволяет финансовым органам осуществлять контроль за деятельностью организаций, учреждений и предприятий;

– целевой характер использования бюджетных ассигнований. Соблюдение данного принципа позволяет препятствовать неэффективному использованию бюджетных средств;

– безвозвратность бюджетных ассигнований. Данный принцип означает, что полученные из бюджета средства не нужно возвращать в государственный бюджет;

– выделение бюджетных средств предоставляется бесплатно, т.е. без уплаты государству какого-либо дохода.

Система бюджетного финансирования включает в себя довольно широкий круг объектов финансирования, который представлен на рис. 2. Бюджетное финансирование – это не просто расходы денежных средств федерального бюджета, а сложная система, состоящая из объектов, форм, способов и методов распределения денежных средств государства на поддержку наиболее приоритетных и социально-значимых направлений экономической деятельности. Суть бюджетного финансирования состоит в том, что средства поступают на основе специально подготовленных документов и подготовленных нормативов в бюджетные учреждения для их содержания и поддержки. Таким образом, для учреждений поступление бюджетных средств является более гарантированным источником обеспечения и содержания, чем внебюджетное финансирование.

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 23.05.2016). – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/055a71948dbf2a4fc2478437cd89cd864ee8e6e5/

[2] Проблемы бюджетного финансирования инвестиций. – http://banknt.ru/?id=784

Прежде всего бюджетное финансирование инвестиций осуществляется в рамках государственных и региональных инвестиционных программ. Федеральные целевые программы являются одним из самых эффективных инструментов воздействия государства на инвестиционную деятельность в стране и в конкретных регионах. Государственное участие в финансировании инвестиционных проектов, в первую очередь, необходимо для тех проектов, которые имеют особое значение для развития экономики России. Такое участие осуществляется в рамках государственных бюджетных ассигнований на инвестиционные цели и в пределах государственных программ (табл. 2).

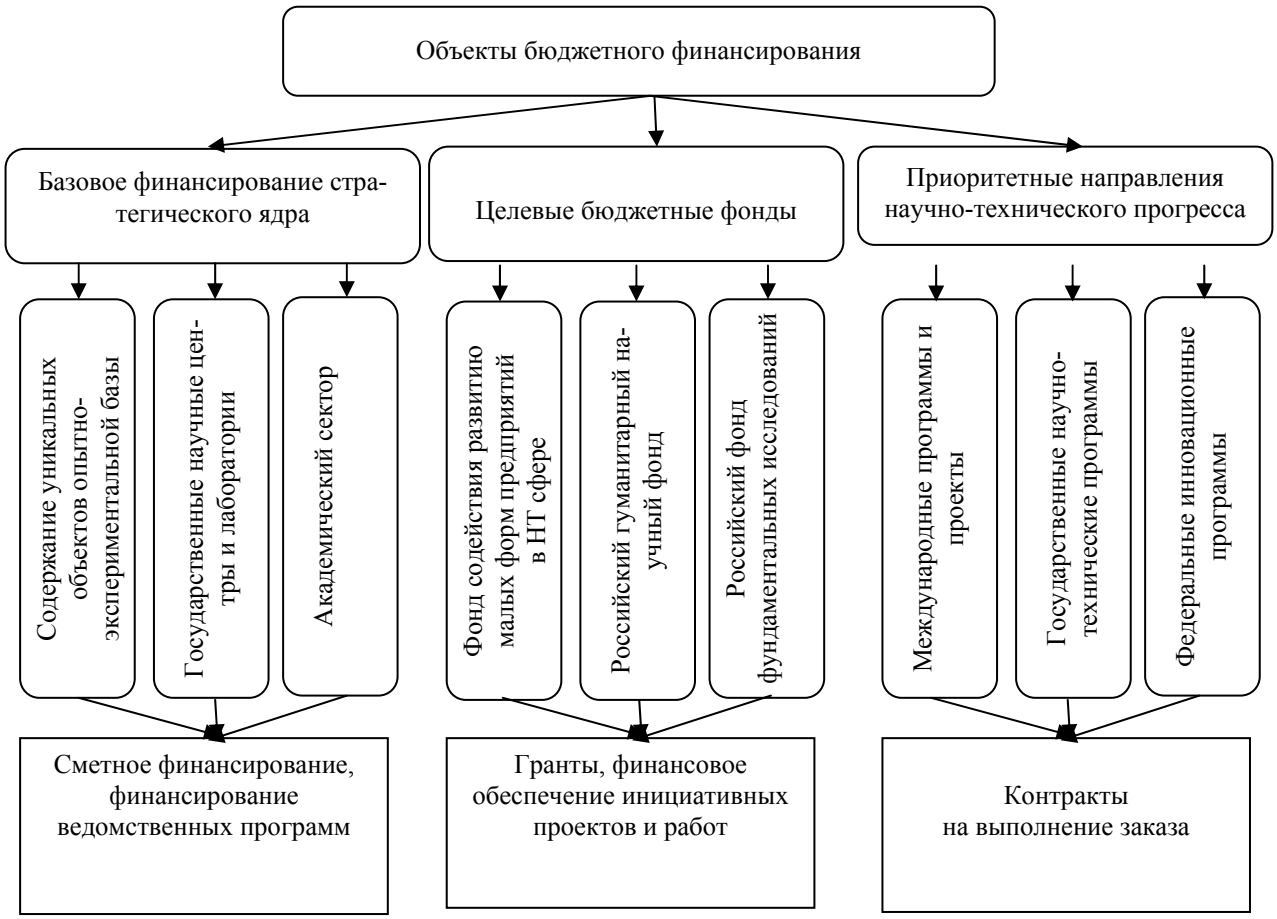


Рисунок 2.
Объекты бюджетного финансирования

В соответствии с данными табл. 2, можно сказать, что за период с 2009 по 2013 гг., наибольшую долю в бюджетных ассигнованиях имели Федеральные целевые программы, программы по строительству и приобретению жилья, подпрограммы развития, объекты, мероприятия, не включенные в долгосрочные (федеральные) целевые программы и мероприятия по обеспечению жильем.

Таблица 2

Бюджетные ассигнования из федерального бюджета на капитальные вложения, в % к итогу

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Взнос Российской Федерации в уставные капиталы	0,93	0,0004	0,49	0,75	–
Инвестиционные проекты строительства, реконструкции, технического перевооружения объектов капитального строительства, мероприятия (укрупненные инвестиционные проекты), объекты недвижимости, включенные в государственный оборотный заказ	–	–	17,19	15,97	2,76
Мероприятия по обеспечению жильем	11,13	14,07	5,22	10,28	4,42
Объекты капитального строительства, мероприятия (укрупненные инвестиционные проекты), объекты недвижимости государственной собственности субъектов Российской Федерации	–	–	1,84	1,59	2,15
Объекты, мероприятия, не включенные в долгосрочные (федеральные) целевые программы	17,84	18,46	–	–	22,63
Подпрограммы развития	19,13	19,18	32,36	32,46	32,53
Программы по строительству и приобретению жилья	22,95	22,22	22,24	15,05	15,70
Федеральные целевые программы	26,80	25,46	16,78	17,20	13,73
Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.	1,22	0,61	3,81	6,63	6,07
Государственная программа «Доступная среда на 2011–2015 годы»	–	–	0,06	0,06	–
Всего	100	100	100	100	100

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики[1].

[1] Федеральная служба государственной статистики. – www.gks.ru

Если рассмотреть динамику по основным объектам и программам, можно отметить, что за данный период бюджетное финансирование федеральных целевых программ снизилось в среднем на 15,4%, программ по строительству и предоставлению жилья – на 9%, мероприятий по обеспечению жильем – на 20,6%. Несмотря на это, наблюдается увеличение бюджетного финансирования подпрограмм развития, в среднем на 14,2%.

На данный момент в Российской Федерации бюджетное финансирование инвестиций осуществляется на основе подходов, которые ограничивают воздействие государства на перестройку экономики и рыночные преобразования. Можно сказать, что это связано частично с ошибочной, а иногда и неопределенной стратегией распределения бюджетных инвестиций, а также с отсутствием должного контроля за использованием бюджетных средств. При этом необходимо иметь в виду, что бюджетные средства у государства являются ограниченными. В связи с этим особую роль приобретает повышение качества распределения бюджетных средств и эффективность их использования.

Анализ динамики бюджетных ассигнований позволяет сделать следующие выводы:

– наблюдается снижение их объемов в 2009-2010 гг., что негативно сказывается на экономическом росте;

– прослеживается тенденция сокращения бюджетного финансирования в целом за 2009–2013 гг.;

– высока доля бюджетного финансирования объектов и мероприятий, не включенных в долгосрочные (федеральные) целевые программы;

– снижается бюджетное финансирование программ по строительству и приобретению жилья.

К основным проблемам бюджетного финансирования инвестиций можно отнести следующие: нехватка длинных финансовых ресурсов для экономики, отсутствие механизма планирования бюджетного финансирования, проблема административных барьеров и коррупции, снижение темпов экономического роста, ограниченные возможности финансовой системы, низкая инвестиционная привлекательность для частных инвесторов, недостаточное и бессистемное финансирование некоторых производителей, проблема согласования интересов инвесторов различных уровней, отсутствие контроля за расходованием бюджетных средств.

Двумя основными способами решения проблем бюджетного финансирования инвестиций становятся разработка инвестиционной стратегии развития государства и оценка эффективности инвестиционного проекта. Стратегия развития экономической деятельности является исходной предпосылкой формирования инвестиционной стратегии. Разработка инвестиционной стратегии условно состоит из трех основных этапов:

а) разработка нескольких альтернативных вариантов инвестиционной стратегии, в каждом из которых представлены согласующиеся друг с другом по срокам и масштабам потребности и мобилизуемые ресурсы, направления и источники финансирования инвестирования;

б) определение первоочередных источников финансирования инвестиционных проектов;

в) выбор одного из вариантов в качестве основного, который начинает играть организующую и ориентирующую роль.

Оценка эффективности бюджетного финансирования инвестиционных проектов осуществляется на основе расчета показателей по трем основным видам эффективности: бюджетной, социальной и экономической. К бюджетным показателям оценки эффективности инвестиционного проекта относят чистый дисконтированный доход бюджета и индекс доходности бюджета. Социальная эффективность определяется на основе расчета двух основных показателей: степень достижения плановых показателей и коэффициент социальной эффективности инвестиционного проекта. Экономическая эффективность инвестиций рассчитывается как отношение увеличения объема реализации продукции (услуг) к сумме вложений в уставный капитал. Расчет экономической эффективности, как правило, является дополнительным к расчетам основных показателей бюджетной и социальной эффективности инвестиционного проекта.

Молчанов И.Н.,
Титова А.И.[1]

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Ключевые слова: *государственные услуги, аккредитация, информатизация, реестры государственных услуг, электронный документооборот, федеральная государственная информационная система Росаккредитации.*

Keywords: *public services, accreditation, informatization, registries of public services, electronic document circulation, the Federal state information system of Federal service for accreditation.*

В комплексе задач по повышению эффективности государственного управления одной из приоритетных является развитие и совершенствование системы государственных функций, в том числе предоставление государственных услуг. В экономической науке государственные услуги рассматриваются в качестве важнейшей составной части всей сферы услуг. Организация предоставления государственных услуг оказывает определенное влияние на результаты экономической деятельности в субъектах РФ и стране в целом. Государственные услуги становятся одной из основных и наиболее массовых форм взаимодействия населения с органами государственной власти, в результате которого у граждан формируется представление об эффективности деятельности всего государственного аппарата управления в целом.

Предоставление соответствующих государственных услуг как населению, так и бизнес-структурам, по мнению некоторых исследователей, должно опираться на информационное взаимодействие и электронные способы коммуникации. Повышению качества и результативности данной деятельности способствует реформирование системы оказания государственных услуг через развитие электронного правительства [6].

Понятие «государственная услуга» впервые появилось в Концепции реформирования государственной службы Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 15 августа 2001 года. Развернутое понимание государственной услуги содержится в законодательстве [10]. В научной литературе встречаются различные определения; согласно одному из них, «под государственной услугой подразумевается выдача документов, как правило, связанная с лицензированием, сертификацией, регистрацией, оформлением права собственности и т.д.» [12, с. 56].

Федеральная служба по аккредитации (Росаккредитация) оказывает обширный перечень государственных услуг, в числе которых аккредитация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в национальной системе аккредитации, расширение, сокращение области аккредитации, подтверждение компетентности аккредитованных лиц, выдача аттестата аккредитации, выдача дубликата аттестата аккредитации, прекращение аккредитации, внесение изменений в сведения реестра аккредитованных лиц, предоставление сведений из реестра аккредитованных лиц; выдача бланков сертификатов соответствия, в том числе бланков сертификатов соответствия на продукцию, включенную в единый перечень продукции, подлежащей обязательной сертификации, а также бланков сертификатов соответствия, изготовленных по единой форме; аттестация экспертов по аккредитации, внесение изменений в сведения реестра экспертов по аккредитации, предоставление сведений из реестра экспертов по аккредитации; рассмотрение заявлений о включении сведений, предоставлении сведений из национальной части Единого реестра органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров) Таможенного союза и т.д. [8].

Государственные услуги осуществляются в соответствии с принятыми административными регламентами Минэкономразвития России, детально определяющими последовательность действий должностных лиц при предоставлении каждой конкретной услуги, что позволяет более рационально выстроить работу структурных подразделений данной организации.

В условиях ограниченной предельной штатной численности персонала до настоящего времени сохраняют актуальность технологические вопросы обработки возрастающих в количественном отношении информационных потоков, отражающих потребности заявителей на получение государственных услуг. Государственной услуги по аккредитации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в национальной системе аккредитации являются одними из наиболее трудозатратных. Проверка соответствия обязательным требованиям по аккредитации осуществляется с момента поступления в Росаккредитацию заявления от заявителя и комплекта документов. Далее следует выбор эксперта по аккредитации и формирование экспертной группы. В рамках проведения экспертной группой документарной экспертизы и оформления на ее основании заключения, проводится оценка соответствия заявителя всем обязательным

[1] Молчанов Игорь Николаевич – д.э.н., профессор, профессор кафедры «Политическая экономия» МГУ, профессор Департамента общественных финансов Финансового университета. E-mail: inmolchanov@fa.ru

Титова Анастасия Игоревна – главный специалист-эксперт отдела делопроизводства, контроля и архива Федеральной службы по аккредитации. E-mail: stasya-titova@yandex.ru

требованиям. В рамках выездной проверки осуществляется оценка фактического состояния заявителя, проводится подтверждение документальной информации. Это является важнейшим этапом в процедуре аккредитации. Здесь важно подтвердить достоверность сведений о заявителе, системе менеджмента организации, квалификации работников, используемом помещении, оборудовании, реактивах и др. В завершение принимается решение об аккредитации.

Загруженность работников Росаккредитации, выраженная в количестве оказанных государственных услуг, в 2015 году по отношению к 2014 году возросла на 63%. В связи с многократно возросшей нагрузкой, в 2015 году произошло некоторое снижение показателей, отражающих качество оказания государственных услуг: 21% от их общего количества были предоставлены с превышением установленных законодательством сроков [2].

Для упрощения процесса работы с информацией и перевода ее в электронный вид в 2013–2014 годах была введена в эксплуатацию Федеральная государственная информационная система в области аккредитации (ФГИС Росаккредитации). Ее функциональные возможности позволяют снять с сотрудников часть технической, бумажной работы по предоставлению государственных услуг посредством автоматизации процедур и сокращения времени, затрачиваемого на выполнение каждой операции.

ФГИС Росаккредитации – это система, предназначенная для автоматизации процессов в сфере аккредитации, осуществляемых работниками центрального аппарата и территориальных органов Росаккредитации, аккредитованными лицами, экспертами по аккредитации, экспертными организациями и иными участниками национальной системы аккредитации, повышения качества услуг по аккредитации, а также обеспечения открытости информации в области аккредитации.

Информационное обеспечение в области аккредитации регламентируется Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» [11]. В главе 4 данного нормативного документа закреплено создание Росаккредитацией федеральной государственной информационной системы в области аккредитации, предназначенной для сбора, обработки, хранения и передачи информации, взаимодействия заявителей, аккредитованных лиц, экспертов по аккредитации, технических экспертов и экспертных организаций с национальным органом по аккредитации, обеспечение функционирования этой системы и доступ к ней.

ФГИС Росаккредитации решает следующие задачи: ведение реестров Росаккредитации; подача заявлений и оказание государственных услуг, в том числе обеспечение взаимодействия между всеми участниками данных процессов (центральным аппаратом и территориальными управлениями Росаккредитации, аккредитованными лицами, экспертами по аккредитации, экспертными организациями); мониторинг хода оказания государственных услуг Росаккредитации; проведение государственного федерального контроля деятельности аккредитованных лиц; представление аккредитованными лицами сведений о результатах деятельности, об изменениях состава работников и о компетентности этих работников, об изменениях технической оснащенности Федеральной службы по аккредитации; предоставление сведений реестров Росаккредитации по запросам федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) и других заинтересованных лиц через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ); интеграция с сервисами ФОИВ в части получения необходимой информации в рамках оказания государственных услуг и функций Росаккредитации через СМЭВ; формирование статистических и аналитических материалов о результатах деятельности в области аккредитации и др.

ФГИС Росаккредитации выполняет следующие функции:

– обеспечение технической, информационной и аналитической поддержки реализации задач Федеральной службы по аккредитации и других участников Единой национальной системы аккредитации (ЕНСА);

– повышение качества оказания государственных услуг Росаккредитацией;

– обеспечение прозрачности деятельности участников ЕНСА в сфере аккредитации, сертификации и декларирования;

– развитие технологического обеспечения сбора, обработки, представления информации и доступа к ней участников ЕНСА.

С помощью функционала ФГИС пользователи – сотрудники ведомства могут: хранить данные; вести реестры; оказывать государственные услуги; вести внутриведомственные процессы организации; планировать и организовывать контрольные мероприятия; реализовывать процессы деятельности участников ЕНСА; оценивать, планировать, прогнозировать результативность и эффективность деятельности; формировать регламентную и аналитическую отчетность; вести нормативно-справочную базу информации.

Кроме того, в ФГИС Росаккредитации в систематизированном виде содержатся различные реестры: аккредитованных лиц; экспертов по аккредитации; экспертных организаций; технических экспертов; выданных сертификатов соответствия на продукцию, включенную в единый перечень продукции, подлежащей обязательной сертификации; аккредитованных лиц, привлекаемых по государственному контролю; аккредитованных лиц по негосударственному контролю; аккредитованных лиц в области обеспечения единства измерений; протоколов испытаний, экспертов по сертификации. Любой пользователь имеет доступ к сведениям, содержащимся в вышеперечисленных реестрах.

Заявители, аккредитованные лица, эксперты по аккредитации, технические эксперты и экспертные организации получают право доступа к ФГИС на безвозмездной основе для целей взаимодействия с национальным органом по аккредитации. Сведения, содержащиеся в реестрах, другие сведения по вопросам аккредитации являются открытыми для ознакомления с ними заинтересованных лиц (за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую, иную охраняемую законом тайну, других сведений, доступ к которым ограничен федеральными законами).

ФГИС обеспечивает участникам национальной системы аккредитации оперативный доступ к информационным ресурсам. По оценкам ведомства, на апрель 2016 год общее количество пользователей ФГИС Росаккредитации со-

ставляет более 30 тысяч. В состав пользователей входят все участники национальной системы аккредитации: органы власти, эксперты по аккредитации, технические эксперты, а также сами заявители и аккредитованные лица.

В докладе «Об итогах деятельности Федеральной службы по аккредитации за 2015 год и задачах на 2016 год и среднесрочную перспективу» отмечается, что в настоящее время к ФГИС Росаккредитации подключено: 836 органов по сертификации; 4206 испытательных лабораторий; 222 аккредитованных лица в области обеспечения единства измерений; 23 органа инспекции; 410 экспертов по аккредитации; 8 экспертных организаций; 1 аккредитованное лицо по негосударственной экспертизе результатов проектных изысканий [2].

На сайте Росаккредитации в соответствующем разделе описан подробный порядок и процедура подключения пользователей к информационной системе [8]. Во ФГИС Росаккредитации разработаны личные кабинеты: Центрального аппарата Росаккредитации; Территориального управления Росаккредитации; органа по сертификации; испытательной лаборатории (центра); аккредитованного лица по метрологии; органа инспекции; провайдера межлабораторных сличительных испытаний; аккредитованного лица по негосударственной экспертизе; экспертной организации; эксперта по аккредитации.

Доступ к ФГИС Росаккредитации предоставлен следующим категориям пользователей: руководитель и сотрудники аккредитованных лиц (категория 1); органы по сертификации; испытательные лаборатории; прочие аккредитованные лица; эксперты по аккредитации. Для каждой из перечисленных выше категорий пользователей реализован свой личный кабинет, обеспечивающий функциональность в соответствии с правами доступа и выполняемыми задачами. Кроме того, ФГИС обеспечивает пользователям взаимодействие с внутренними информационными системами ведомства и внешними системами; возможность обмена информацией, а также разграничивает доступ пользователей к отдельным подсистемам, проводит аудит их деятельности в системе.

В личном кабинете можно формировать и отправлять заявления и комплекты документов в электронном виде на предоставление государственной услуги, а также следить за ходом исполнения государственной услуги; получить доступ к актуальной нормативно-правовой информации, сведениям о программах по обучению, различных мероприятиях, проводимых участниками системы национальной аккредитации; получить online консультацию работника Росаккредитации. Для всех пользователей личных кабинетов реализованы следующие функции: предоставление доступа к сведениям всех открытых частей реестров Росаккредитации; предоставление сведений об изменениях состава работников и о компетентности этих работников; подача заявлений на оказание государственных услуг Росаккредитации в соответствии с Законом № 412-ФЗ и мониторинг их предоставления; просмотр сведений об аккредитованном лице, отображаемых из закрытой части реестра аккредитованных лиц; добавление пользователей личного кабинета; просмотр актуальных новостей и важной информации и т.д.

Вход в личный кабинет осуществляется через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА). Личный кабинет пользователя ФГИС обладает интуитивно понятным интерфейсом. На главной странице размещаются новости Росаккредитации, календарь, информация о текущем статусе заявлений на государственные услуги; в зависимости от вида аккредитованного лица содержатся навигационные ссылки на реестры, открытые части реестров, администрирование, государственные услуги, данные об аккредитованном лице. Информация реестров представляется в табличной форме. Для внесения информации в реестры пользователь должен заполнить соответствующие поля (обязательные для заполнения помечены звездочкой).

Обязательный объем сведений, вносимый в реестры аккредитованных лиц, экспертов по аккредитации, технических экспертов, экспертных организаций определяется положениями Закона № 412-ФЗ [11]. Порядок формирования и ведения данных реестров, в том числе состав дополнительных сведений, включаемых в указанные реестры, и порядок предоставления сведений из них устанавливается Правительством Российской Федерации.

По нашему мнению, для повышения эффективности работы по предоставлению государственных услуг, ФГИС необходимы следующие дополнительные возможности:

1) получение пользователями результатов по заявленным к оказанию услугам полностью дистанционно в электронном виде (такой формат взаимодействия гораздо удобнее для обеих сторон процесса: для работников он существенно снижает трудозатраты на обработку входящей документации, для заявителей – сроки предоставления государственных услуг);

2) минимизация немашиночитаемой информации, размещаемой в системе (сокращение числа документов без опции декодирования приведет к значительному расширению возможностей для анализа данных, внесённых в ФГИС, что позволит проводить более детальный и качественный мониторинг деятельности участников процесса предоставления государственных услуг);

3) совершенствование организации мониторинга процесса оказания услуг путем внедрения автоматизированных систем реагирования на нестандартные действия заявителей, экспертов, экспертных организаций.

ФГИС Росаккредитации – один из ключевых инструментов реформы системы аккредитации России, который, в случае успешного дальнейшего развития и активного внедрения, многократно повысит эффективность деятельности не только Росаккредитации, но и аккредитованных организаций.

Одной из проблем, обусловливающей недостаточность кадровых ресурсов в системе Росаккредитации, является перегруженность сотрудников технической работой, обусловленная огромным объемом документооборота на бумажных носителях. Эта особенность во многом связано с тем, что планы по созданию в стране Электронного правительства, в основном, сконцентрированы на обеспечении предоставления государственных услуг в электронном виде и межведомственного электронного взаимодействия. При этом в государственном управлении темпы реализации мероприятий системы внутреннего электронного документооборота, основанные на автоматизации всей совокупности управленческих процессов в органах власти, отстают от возрастающего спроса на данные виды услуг.

Исходя из приоритетной роли информационных ресурсов в деятельности Росаккредитации, необходимо в краткосрочной перспективе начать работу по переходу на внутренний электронный документооборот на основе надежной и протестированной технологической платформы, совместимой с Единой системой межведомственного электронного взаимодействия.

В качестве примера можно привести опыт применения электронного документооборота в банковской сфере. В течение последнего десятилетия подобная практика работы была успешно внедрена в управленческие процессы крупнейших российских банков и получила широкое распространение. Данный подход позволяет проводить информационный обмен и все внутренние согласования в электронном виде «в один клик». Это не мешает обороту документов, которые в соответствии с законодательством должны представляться в бумажном виде.

Переход на безбумажный документооборот позволит высвободить существенные кадровые ресурсы и снизить трудозатраты на техническую бумажную работу. В результате сотрудники различных структурных подразделений Управления по аккредитации смогут тратить больше времени на реализацию целевых задач по обеспечению выполнения аккредитованными лицами обязательных требований. Также повышению результативности деятельности сотрудников данных структурных подразделений будет способствовать внедрение модернизированной ФГИС, что обеспечит автоматизацию многих управленческих процессов и аналитической работы, в настоящее время осуществляемой в ручном режиме.

Кроме этого, большой потенциал по снижению нагрузки на сотрудников по аккредитации заложен в переходе на электронное получение услуг по аккредитации и подтверждение компетентности их получателей. Этот процесс предусматривает подачу всех документов для получения услуги в электронном виде. В дальнейшем, при положительном результате прохождения процедур по аккредитации и подтверждении компетентности, вся введенная заявителями на получение услуг информация сможет передаваться во ФГИС, а затем в автоматизированном режиме разноситься по реестрам и базам данных. Однако это станет возможным только в случае полной модернизации ФГИС.

В настоящее время сотрудники Росаккредитации используют в своей деятельности целый ряд информационных ресурсов: реестры сертификатов соответствия и деклараций о соответствии, реестры аккредитованных лиц и так далее. Эти массивы данных обрабатываются вручную или в полуавтоматическом режиме, что делает невозможным полный и качественный анализ данных из реестров Службы. Более того, в работе Росаккредитации могут быть использованы дополнительные источники информации: налоговая и бухгалтерская отчетность, таможенная статистика, платежные ведомости, базы данных с коммунальными платежами. Таким образом, можно согласиться с выводом о том, что аналитический потенциал рассматриваемой Службы реализуется слабо [9, с. 17].

Интеграция данных, которыми располагает Росаккредитация, с данными других ведомств, поставщиками коммунальных услуг, электроэнергии, Интернет-провайдеров сделает возможным выделение зон риска с большой степенью вероятности. Например, сигналом о высоком риске могут служить выданные сертификаты при нулевой отчётности в налоговые органы, или проведение испытаний при отсутствии коммунальных платежей [9, с. 18]. Следовательно, от «правительства в Интернете» следует переходить к «правительству из Интернета», объединяя разрозненные информационные ресурсы.

Внедрение инноваций является общемировым процессом, который приводит к повышению производительности труда, а также к сокращению численности работающих. «Согласно теории постиндустриализма появляется новый рынок – рынок интеллектуальных услуг с качественно новым набором благ и их характеристик» [4, с. 57]. Содержательное изменение функциональных обязанностей позволяет существенно снизить нагрузку на высококвалифицированных работников. По отношению к сотрудникам Росаккредитации, данная тенденция закономерно приведет к повышению качества оказываемых государственных услуг. По результатам проведения названных выше мер, возможно, не потребуется значительного увеличения штатной численности персонала этой службы. Использование и развитие информационных технологий способно полностью поменять подход к аккредитации и оценке соответствия. Однако переход должен быть плавным и постепенным, чтобы институт аккредитации не утратил своей эффективности.

Необходимо отметить, что уровень развития информационно-коммуникационных технологий и темпы их внедрения в деятельность органов государственной власти РФ значительно отстают от ведущих западных государств. Согласно методологии ООН, можно выделить четыре ступени развития процесса предоставления электронных услуг.

1-я ступень: развивающееся электронное правительство, в котором государственные сайты представлены в виде простых визиток и официальных веб-страниц.

2-я ступень: расширенное присутствие электронного правительства, в котором государство предоставляет больший объем информации через Интернет – законы и нормативные документы, отчеты, новости, скачиваемые базы данных.

3-я ступень: транзакционное присутствие, предполагающее интерактивное взаимодействие между гражданином и правительством.

4-я ступень: сетевое электронное правительство, являющееся наиболее развитым уровнем работы государства в Интернете. Сервисы G2G (государство-государство), G2C (государство-гражданин) и C2G (гражданин-государство) интегрированы между собой. Правительство вовлекает граждан в процессы подготовки и принятия решений и общественные дискуссии [7].

Развитие теоретических и практических положений в дальнейшем исследовании возможно посредством привлечения инструментария маркетинга по следующим базовым направлениям: изучение современных концептуальных подходов к оценке результативности деятельности организации; анализ моделей формирования маркетинговой результативности и соответствующих им показателей оценки эффективности деятельности; рассмотрение различных

вариантов действий и выбор оптимальных предложений в рамках комплекса маркетинга; изучение маркетинговых инноваций в партнерских отношениях и оценке эффективности маркетингового управления [5, с. 243–244].

В современный период в России происходит становление различных структурных частей электронного правительства. Необходимо повышать заинтересованность ведущих политиков и общественных организаций, поддерживать прогрессивную направленность процесса предоставления электронных государственных услуг, приложить определенные усилия по совершенствованию количественных и качественных характеристик располагаемых информационных ресурсов. Завершение комплекса необходимых работ по данному виду деятельности позволит улучшить осведомленность органов государственной власти, окажет позитивное влияние на динамику развития всех составных элементов процесса информатизации общества.

Список литературы

1. Бзегежева Л.К. Проблемы внедрения и функционирования информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов власти // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 3. – http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vnedreniya-i-funktsionirovaniya-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-v-deyatelnosti-organov-vlasti
2. Доклад «Об итогах деятельности Федеральной службы по аккредитации за 2015 год и задачах на 2016 год и среднесрочную перспективу». – file:///C:/Users/%D0%D1%83%20(1).pdf
3. Молчанова Н.П. Развитие программно-целевой методологии в условиях формирования инновационной экономики в России // Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции «Современные технологии и управление» / Филиал МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) в р.п. Светлый Яр Волгоградской области. 2013. – С. 75–78.
4. Новая модель рынка труда в России: роль внешних факторов. Монография / Боженко В.В., Гневашева В.А., Гоккер Г. и др. Под ред. С.В. Рязанцева, В.А. Гневашевой. – М.: Экон-информ, 2014. – 411 с.
5. Проблемы современного маркетинга в экономике России: теория и практика: монография / Аникина Н.А., Мидлер Е.А., Белолипецкая В.В. и др. Отв. ред.: Ованесян Н.М. – Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2014. – 373 с.
6. Прудникова О.А., Щеглова А.Е. Совершенствование государственных услуг: современный подход в условиях модернизации экономики // Власть. 2014. – № 4. – http://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-gosudarstvennyh-uslug-sovremennyy-podhod-v-usloviyah-modernizatsii-ekonomiki
7. Рахимов А. Международный опыт эффективных методов предоставления государственных услуг. – http://www.slideshare.net/lgsp2013/15-36494758
8. Сайт Федеральной службы по аккредитации. ФГИС Росаккредитации. – http://fsa.gov.ru/index/staticview/id/284/
9. Система аккредитации в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под общ. ред. академика РАН В.В. Окрепилова. – СПб., 2016.
10. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». – http://www.consultant.ru/
11. Федеральный закон от 28.12.2013 № 412-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» . – http://www.consultant.ru/
12. Экономика и управление социальной сферой / Жильцов Е.Н., Егоров Е.В., Науменко Т.В., Восколович Н.А., Лавров В.А., Лапидус Л.В., Казаков В.Н., Косова Ю.А., Романова Н.В., Молчанов И.Н., Коваленко В.В., Морозов В.А., Иванов О.И. Учебник для бакалавров. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 496 с.

Молчанова Н.П.
д.э.н., профессор Департамента общественных финансов Финансового университета

РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СФЕРЕ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ)

Ключевые слова: *здравоохранение, финансовое планирование, нормативный метод, субсидирование, государственный заказ, обязательное медицинское страхование.*
Keywords: *health, financial planning, normative method, subsidies, public procurement, mandatory health insurance.*

Введение. В состав приоритетов государственной социальной политики России входит создание условий для формирования уровня и качества жизни населения на основе государственных социальных стандартов в соответствии с научно обоснованными нормами и нормативами потребления благ и услуг. Экономические отношения субъектов основываются на действующей нормативной правовой базе: федеральных и региональных законодательных актах, нормативных и методических документах по вопросам регулирования финансово-хозяйственной деятельности учреждений и организаций здравоохранения. От согласованного взаимодействия всех участников экономических отношений зависит выполнение программы государственных гарантий по предоставлению медицинских услуг в субъектах Российской Федерации в рамках федеральной и территориальных программ обязательного медицинского страхования.

Государством последовательно проводится политика по укреплению финансового положения медицинских организаций. Результатом данного процесса являются наблюдающиеся в течение ряда лет позитивные тенденции в улучшении показателей индивидуального и общественного здоровья. Для обеспечения равного и доступного потребления населением медицинских услуг необходимого количества и качества, вне зависимости от региона проживания, введен механизм государственных гарантий по их получению. Обоснованные (с применением нормативного метода планирования) объемы финансовых ресурсов доводятся до субъектов Российской Федерации посредством предоставления субсидий на основе государственного (муниципального) задания.

Анализ современного состояния. Трансформационные процессы в сфере здравоохранения характеризуются разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, совершенствование федерального законодательства в области предоставления медицинских услуг способствует развитию системы обязательного медицинского страхования (ОМС). С другой стороны, объективно происходит укрепление финансовых отношений на активно формирующемся рынке медицинских услуг. Он достаточно сложен и включает обширный перечень продуктов (производимых товаров, выполняемых работ, предоставляемых услуг). Согласно мировому опыту, в основе функционирования данного рынка могут лежать либо государственная, либо страховая схемы финансирования здравоохранения. На практике, как правило, применяется их сбалансированная комбинация, построенная с учетом специфики национального хозяйства и динамики макроэкономических показателей. В России, в соответствии с динамично обновляющимися нормативными правовыми документами, в течение 2000–2010-х годов последовательно реализовывалась бюджетно-страховая модель финансирования здравоохранения [13, с. 278-295].

Действующая в настоящее время законодательная база вносит существенные коррективы в применявшийся ранее порядок финансирования медицинских организаций. «До 2013 года в рамках медицинской помощи, включенной в базовую программу ОМС, за счет средств ОМС оплачивалась только часть статей затрат … Остальные расходы компенсировались за счет бюджетов субъектов Российской Федерации. С 2013 года тариф на оплату медицинской помощи по ОМС стал включать все статьи затрат («полный тариф») кроме закупки медицинского оборудования свыше 100 тыс. рублей, оплаты налогов, расходов на капитальный ремонт медицинских организаций и некоторых расходов, связанных с содержанием имущества (например, утилизация радиоактивных и особо опасных отходов)» [7, с. 43].

Суть произошедших новаций состоит, *во-первых,* в замещении средствами обязательного медицинского страхования части ассигнований, ранее выделяемых на оплату расходов медицинских организаций из бюджетов субъектов Российской Федерации (в настоящее время данные расходы включены в тариф на оплату медицинской помощи; при этом взносы на ОМС неработающего населения перечисляются из региональных бюджетов в бюджет Федерального фонда ОМС); *во-вторых,* в четком разделении бюджетных полномочий по источникам финансирования медицинской помощи. Так, за счет средств федерального и региональных бюджетов производится только оплата: медицинской помощи, не входящей в базовую программу ОМС; расходов, не включенных в тариф на оплату медицинской помощи; расходов на лекарственное обеспечение отдельных категорий граждан; некоторых медицинских услуг (медицинских осмотров призывников, медицинского освидетельствования и др.).

Согласно установившейся практике, средние нормативы объема медицинской помощи и средние нормативы финансовых затрат на единицу объема медицинской помощи ежегодно утверждаются в составе федеральной про-

граммы государственных гарантий (ПГГ). На основе действующей нормативной базы определяются средние подушевые нормативы финансирования за счет бюджетных ассигнований соответствующих бюджетов в части медицинской помощи, не входящей в базовую программу ОМС (в расчете на одного жителя) и за счет средств ОМС на финансирование базовой программы ОМС за счет субвенций Федерального фонда ОМС (в расчете на одно застрахованное лицо). «Нормативы в рамках ОМС утверждаются субъектами Российской Федерации в строгом соответствии со средними нормативами, установленными в федеральной ПГГ… При утверждении нормативов, финансирование которых должно осуществляться за счет средств региональных бюджетов, субъекты Российской Федерации допускают уменьшение размеров нормативов …» [7, с. 45].

Однако в случае занижения этих нормативов субъектами Российской Федерации происходит уменьшение объемов финансирования медицинской помощи, оказываемой гражданам в части, не входящей в базовую программу ОМС. В этой связи могут проявиться некоторые негативные последствия. Например, снижение расходов, во-первых, на оплату труда, которое в конечном счете приведет к сокращению персонала; во-вторых, на закупку лекарственных препаратов, что закономерно скажется на эффективности лечения пациентов. Кроме этого, может увеличиться кредиторская задолженность организаций здравоохранения. На практике в ряде случаев наблюдается недофинансирование расходов медицинских организаций в части бюджетных ассигнований. Это связано с содержанием их деятельности по услугам, не включенным в тариф на оплату медицинской помощи по ОМС. Наличие названных выше и некоторых других причин, осложненное отсутствием возможностей для закупки медицинского оборудования, а также своевременного проведения капитального ремонта, может отрицательно повлиять на качество оказываемой медицинской помощи.

Федеральным законодательством определено, что финансовое обеспечение ПГГ, в том числе базовой программы ОМС, рассчитывается исходя из стандартов медицинской помощи [3, ст. 35; 2, ст. 80].Эти стандарты, с одной стороны, являются инструментом расчета стоимости ПГГ, а с другой – механизмом для расчета тарифов на оплату медицинской помощи, оценки полноты и качества оказанных медицинских услуг. Однако, подготовка стандартов медицинской помощи – дело достаточно трудоемкое. Например, по состоянию на начало 2015 года процесс стандартизации был завершен лишь частично: выполненная работа охватывала далеко не все подлежащие стандартизации заболевания и патологические состояния – 33,4%; по первичной медико-санитарной помощи – 11,2%, специализированной медицинской помощи – 17,2%, скорой медицинской помощи – 14,9% заболеваний[7, с. 47].

Министерством здравоохранения Российской Федерации рекомендованы клинико-статистические группы, которые являются способом распределения выделенных средств по видам заболеваний, но (как полагают эксперты) не отражают в полной мере ни эталонную, ни реальную дифференциацию стоимости медицинской помощи. Недостаточный уровень финансирования отрицательно влияет на доступность медицинских услуг, качество оказываемой медицинской помощи и, в целом, на результаты деятельности государственных (муниципальных) медицинских организаций.

Одной из причин наблюдающегося снижения объемов оказываемой медицинской помощи эксперты считают проводимую в течение ряда лет оптимизацию сети медицинских организаций. Согласно известной формулировке, оптимизация есть «определение значений экономических показателей, при которых достигается оптимум, то есть оптимальное, наилучшее состояние системы. Чаще всего оптимуму соответствует достижение наивысшего результата при заданных затратах ресурсов или достижение заданного результата при минимальных ресурсных затратах» [9, с. 232]. Результатами оптимизации сети медицинских организаций стали уменьшение их количества и реорганизация, а также сокращение коечного фонда.

В Российской Федерации, согласно Закону № 326-ФЗ, осуществляется переход на преимущественно одноканальное финансирование здравоохранения из средств территориальных фондов ОМС (ТФОМС) [2]. Источниками денежных средств являются: прямое бюджетное финансирование, субвенции из бюджетов и отчисления по обязательному медицинскому страхованию, поступающие от работодателей в федеральный фонд ОМС (ФФОМС). Финансовое обеспечение здравоохранения поддерживается посредством консолидации средств в Федеральном фонде обязательного медицинского страхования с последующим предоставлением субвенций территориальным фондам обязательного медицинского страхования на реализацию полномочий страховщика по финансированию их территориальных программ (в рамках базовой программы).

Как полагают эксперты, «основной целью перехода на одноканальное финансирование здравоохранения считается консолидация финансовых ресурсов в системе ОМС, финансирование за фактически оказанные услуги, то есть по принципу, когда «деньги следуют за пациентом»» [6, с. 61]. Однако консолидация средств для финансового обеспечения учреждений здравоохранения в бюджете ТФОМС предполагает организацию контроля и мониторинга за их использованием.

В целях достижения наиболее полного и квалифицированного удовлетворения потребностей населения в медицинской помощи установлена определенная регламентация ее оказания. В законодательном порядке определяются категории населения, которые ее получают по согласованным перечням льготного предоставления медицинскими учреждениями определенных объемов медицинских услуг. В основе данного подхода лежат нормы и нормативы потребления, базирующиеся на рациональных (оптимальных), либо минимальных стандартах лечения и профилактики заболеваний. Однако имеют место определенные ограничения по перечню медицинских услуг, а объемы предоставления увязываются с величиной финансовых ресурсов, необходимых для их оказания на безвозмездной основе. В научной литературе отмечается определенная специфика формирования финансовых ресурсов некоммерческих организаций здравоохранения. Их совокупная величина складывается из доходов, поступлений и накоплений, полученных, во-первых, «для осуществления финансово-хозяйственной деятельности на нерыночных условиях при безвозвратности и безвозмездности использования» и, во-вторых, «в результате осуществления финансово-хозяйственной деятельности

на условиях возмездности и обмена, приводящих к получению экономической выгоды». Следует обратить внимание на важность накоплений, которые образуются из «полученных доходов и (или) поступлений денежных средств, не использованных в текущем периоде»[11, с. 56].

В России практикуется разработка и реализация государственных и целевых (федеральных и региональных) программ развития здравоохранения [см., например, 5]. Актуальной задачей является наиболее полное удовлетворение потребностей населения в медицинских услугах при условии достижения оптимальных пропорций между объемами денежных средств, направляемых из государственных и частных источников. Представляет интерес изучение практики формирования финансовых ресурсов в нашей стране и за рубежом. «Наибольшая доля государственных расходов для национальных систем здравоохранения в Великобритании (85%), в других экономически развитых странах эта цифра колеблется от 70 до 80%. В России в последние годы наблюдается устойчивая тенденция снижения доли государственных расходов на здравоохранение к ВВП с 5% до 3,2%(при общем росте выделяемых на эти цели финансовых ресурсов), и увеличение доли прямых платежей населения (частных расходов на лечение с учетом покупок лекарственных средств в аптеках) с 10% в 1999 году до 43% в 2014 году» [12, с. 44]. (Здесь имеется в виду увеличение суммы средств, затраченных населением на лечение в совокупности с денежной оценкой медикаментов, приобретаемых в аптечной сети).

Обоснование целесообразности применения нормативного метода в планировании развития здравоохранения. Финансовое планирование работы медицинских учреждений базируется на нормативном методе, в основе которого – нормирование потребления медицинских услуг, основанное на применении рациональных (оптимальных), либо минимальных стандартов лечения и профилактики заболеваний. Определенный с применением норм и нормативов объем финансовых ресурсов для оказания медицинских услуг на безвозмездной основе увязывается с фактически достигнутыми и прогнозируемыми показателями мощностей лечебных учреждений.

Следует отметить, что организациями здравоохранения в некоторых случаях допускается недостаточно эффективное расходование полученных средств. Для повышения целенаправленности денежных потоков практикуется объединение финансовых ресурсов, поступающих по нескольким каналам, в единый финансовый пул страховых взносов на обязательное медицинское страхование в Федеральном фонде. Такой консолидированный подход позволяет найти компромисс между численностью населения, которое пользуется услугами обязательного медицинского страхования (согласно их общедоступному набору) и сформированным за счет различных источников объемом финансовых ресурсов, предназначенных для нужд учреждений и организаций здравоохранения.

Анализ состояния дел свидетельствует об острой потребности «во внебюджетных средствах для сбалансированного функционирования сферы здравоохранения. Текущая потребность в частных инвестициях только подведомственных Минздраву России федеральных медицинских учреждений составляет более 20 млрд. руб. Перевооружение материально-технической базы (приборов, оборудования), модернизация инфраструктуры, – потребуют еще более значительных объемов средств. Если же рассматривать регионы, то спрос на инвестиции в территориальном разрезе, по оценкам экспертов, может составить от 300 млрд. до 1 трлн. рублей» [8, с. 51].

До начала 2010-х годов медицинскими организациями при составлении планов хозяйственной деятельности использовались объемные финансовые нормативы, принятые в 1980-х годах, то есть до начала периода рыночных преобразований в России. Процесс реформирования и модернизации отечественной системы здравоохранения в течение 1990-2000-х годов обусловил необходимость создания новой, обновленной по содержанию и структуре системы норм и нормативов оказания медицинских услуг. Эта система должна быть построена в соответствии с порядками и стандартами медицинской помощи и предназначена для практического применения при формировании в субъектах Российской Федерации территориальных программ государственных гарантий в рамках базовой программы обязательного медицинского страхования и заданий государственного (муниципального) заказа для хозяйствующих субъектов.

Дискуссионным вопросом являются научные подходы и принципы, в соответствии с которыми должны быть построены базовая программа обязательного медицинского страхования и программа государственных гарантий в ее составе. Существующая практика не позволяет судить о стоимости набора медицинских услуг и медикаментов для пациентов и конкретизировать его в зависимости от вида заболеваний. Это, в свою очередь, не позволяет в полном объеме определить ресурсное обеспечение лечебно-диагностического процесса в сопоставлении с потенциально возможными финансовыми рисками. По совокупности названных и некоторых других причин может быть нарушено выполнение медицинских технологий, что в конечном итоге окажет влияние на конечный результат – качество лечения и здоровье пациентов.

Некоторые исследователи полагают, что изучение «доступа к медицинской помощи» может осуществляться «в направлении двух основных методологических подходов:

– поведенческого, анализирующего влияние демографических, социальных характеристик населения, ценностных оценок здоровья и потребности в медицинских услугах, а также наличия медицинских учреждений по месту жительства;

– контекстуального (организационного), исследующего влияние макроэкономических факторов, состояния экономики в целом, в том числе в конкретной отрасли, ценностных ориентаций потребителей, определяющих выбор приоритетов развития…, системы предоставления услуг, организации работы на региональном уровне и на уровне учреждения здравоохранения»[14, с. 12-13].

При формировании программы государственных гарантий (в составе программы обязательного медицинского страхования) следует учитывать международный опыт организации работы учреждений здравоохранения по предоставлению медицинских услуг. Согласно рекомендациям ВОЗ, необходимо конкретизировать объем и перечень меди-

цинских услуг и состав их технологических компонентов (затрат труда, применяемых медикаментов, расходных материалов и др.). Реализация данной меры позволит обеспечить согласованность между клиническим воздействием на индивидуальное здоровье пациентов (с экстраполяцией полученных результатов применительно ко всему населению субъекта Российской Федерации или муниципального образования) и стоимостью ресурсов (материальных, трудовых и финансовых), которые необходимы для оказания услуг здравоохранения в масштабах определенной территории.

Рекомендации по улучшению финансового планирования. В нашем представлении, именно на федеральном уровне целесообразно проводить нормирование и детализацию объемов медицинской помощи в части основных, существенных для всего национального здравоохранения услуг. Данный методологический подход следует отнести к медицинским услугам, которые обеспечивают диагностику и лечение типичных для всех регионов страны заболеваний и основаны на использовании стандартизированных медицинских технологий. В статистике заболеваемости отражаются особенности, связанные с демографической структурой населения, природно-климатическими, экономико-географическими, а также экологическими и техногенными условиями в разрезе административно-территориальных образований России. По нашему мнению, на региональном уровне учет названных обстоятельств, в совокупности со спецификой построения пространственной структуры сети лечебных учреждений, должен осуществляться с применением специального математического инструментария. При этом нормативную базу, рассчитанную с использованием наборов услуг и медицинских технологий применительно к общероссийскому уровню, необходимо уточнять посредством внесения изменений в рекомендуемые объемы услуг, с учетом специфики каждого субъекта Российской Федерации. Следует также практиковать внесение уточнений и корректировок в перечень видов оказываемой медицинской помощи, а также введение (в ряде случаев) дополнительных наборов медицинских услуг.

Своевременность данной работы обусловлена необходимостью выбора технологических приоритетов в развитии отрасли «Здравоохранение» в целом и отдельных медицинских организаций. Кроме этого, имеют место определенные ограничения в практике применения медицинских услуг и медикаментов (в связи с введением регламентированных перечней и формуляров).Определение конечного числа медицинских технологий и соответствующего им перечня медицинских услуг возможно на основе целенаправленного применения положений, изложенных в порядках и стандартах медицинской помощи. Ключевым элементом рекомендуемой методологии планирования в системе управления программой государственных гарантий, как базовой программы обязательного медицинского страхования, являются группы медицинских технологий, объединяющие различные заболевания в рамках профильного отделения (врачебной специальности) и (или) класса болезней по МКБ-10.

Проектируемые медицинские технологии по своей сути являются усредненными документами и включают перечень заболеваний, условия и место оказания необходимых медицинских услуг, их перечень, состав лекарственных средств и предметов медицинского назначения. Вместе с тем, каждая медицинская технология содержит конкретизацию параметров клинического процесса, что создает основания для определения и оптимизации клинико-организационного аспекта отечественной системы здравоохранения. Достоинства усредненных медицинских технологий непосредственно связаны с ресурсной базой сферы услуг и ориентированы на учет финансово-экономических особенностей медицинских организаций, которые находят отражение в прогнозных и плановых документах. Данный подход создает основания для построения клинико-экономического баланса системы здравоохранения на различных уровнях управления (муниципального образования, субъекта Российской Федерации, национальной экономики).

Применение в практике работы организаций здравоохранения клинико-экономического баланса, построенного на основе групп медицинских технологий, позволит обеспечить не только медицинскую, но также экономическую и социальную результативность от использования различных видов ресурсов, привлеченных из всех возможных источников. Реализация данного инструмента возможна за счет модернизации методологии планирования и технологии финансирования медицинской помощи в России посредством разработки и применения методических положений и инструкций в работе не только специализированных медицинских организаций, но также медицинских организаций и врачей формализованных (усредненных) медицинских технологий диагностики и лечения различных заболеваний.

Заключение. Изучение существующей практики приводит к выводу о необходимости развития методологического подхода к финансированию здравоохранения, основанного на нормативном методе. Применяемая в нашей стране модель формирования и использования финансовых ресурсов для целей обязательного медицинского страхования в значительной мере отражает опыт государственного финансирования, принятый в ряде развитых зарубежных стран. Согласно распространенной практике, распределение накопленных финансовых ресурсов между хозяйствующими субъектами происходит без достаточно полного учета клинической потребности граждан в получении средств из страховых фондов.

Выполненный анализ позволяет выделить факторы, недоучет которых может негативно повлиять на снижение доступности гарантированной государством медицинской помощи. В первую очередь, следует отметить несовершенство методологии финансового планирования в части развития методических положений и инструкций, а также технологии применения нормативного и балансового методов. Это проявляется не только на региональном уровне в рамках деятельности территориальных фондов обязательного медицинского страхования, но и на микроуровне – применительно к работе отдельных медицинских организаций – как хозяйствующих субъектов. Актуальными становятся вопросы, связанные с унификацией подушевых нормативов, формализацией порядка их определения и алгоритмов расчета. Завершение этой ответственной работы позволит улучшить порядок планирования и условия предоставления медицинской помощи.

При прогнозировании и планировании объемов медицинской помощи на уровне всей страны и в разрезе отдельных субъектов Российской Федерации следует применять системный подход. В этом случае можно будет при обосновании величины и структуры медицинских услуг в рамках Программы государственных гарантий целенаправ-

ленно провести обновление (замену) традиционно применяемых объемных (количественных) показателей деятельности сети лечебных учреждений на нормативы (индикаторы) качества медицинских услуг (включая и медикаменты), агрегированных в укрупненные группы – так называемые «единицы планирования и оплаты». В основе этой модели лежит понимание того, что экономические нормативы ресурсного обеспечения организаций здравоохранения могут выступать не только как единицы детализированного планирования масштабов медицинской помощи, но и как удельные коэффициенты, определяющие уровень её оплаты. Следовательно, появляются основания для обеспечения единства методологии планирования и финансирования экономической деятельности организаций здравоохранения. Кроме этого, создаются инструменты влияния на процесс формирования финансовых ресурсов по их объему и структуре. Таким образом, получает развитие финансовый механизм, согласно которому аккумулируемые средства будут поступать в распоряжение хозяйствующих субъектов на текущие цели и будущее развитие.

Возрастание объемов расходов на нужды здравоохранения обусловлено рядом объективных обстоятельств, проявление которых в динамике имеет разнонаправленные векторы. К ним следует отнести:

– рост рождаемости вследствие проводимой государством активной демографической политики и необходимость расширения масштабов медицинской помощи для детей разных возрастов;

– повышение удельного веса населения старших возрастных групп в общей численности населения и возникающая в этой связи потребность в дополнительных услугах диагностики, лечения, медикаментозного обеспечения;

– внедрение новых медицинских технологий, позволяющих получить лучший клинический эффект;

– изменение динамики приоритетов в ожиданиях пациентов относительно доступности медицинских услуг, что следует рассматривать как одно из реальных проявлений социальной справедливости в обществе и социальной защищенности населения со стороны государства.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется анализ предпосылок и условий обеспечения экономической устойчивости системы здравоохранения. Поддержание функционирования медицинских организаций в сбалансированном состоянии возможно при условии сохранения динамического равновесия между их доходами и расходами. В связи с объективными ограничениями по объемам поступающих бюджетных средств, необходимо тщательно продумывать возможности задействования различных общественных и частных источников финансовых ресурсов, в том числе и личных сбережений населения.

Список литературы и источников

1. Федеральный закон от 24.07.2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (ред. от 03.07.2016). – www.consultant.ru/
2. Федеральный закон от 29.11.2010 г. №326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016). – www.consultant.ru/
3. Федеральный закон от 21.11.2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – www.consultant.ru/
4. Федеральный закон от 29.11.2010 г. №326-ФЗ «О размере и порядке расчета тарифа страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения». – www.consultant.ru/
5. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 294. – https://programms.gov.ru/
6. Дементьев Д.В. К вопросу о финансировании медицинских учреждений // Финансы. 2016. – № 11. – С. 60–64.
7. Кривонос О.В., Арутюнян Д.А. Оценка эффективности финансового обеспечения медицинской помощи, оказываемой в рамках программы государственных гарантий // Вестник АКСОР. 2015. – № 3(35). – С. 41–50.
8. Молчанов И.Н., Титова А.И. Возможности применения финансового механизма государственно-частного партнерства для развития системы здравоохранения России в контексте современной демографической политики // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России: Материалы международной научно-практической конференции. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт социально-политических исследований РАН. – М., 2015. – С. 48–59.
9. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с.
10. Саморегулирование в сфере услуг / Восколович Н.А., Молчанов И.Н., Сапожникова С.Н., Волкова А.А., Воробьева Е.С., Великанов Н.С., Гнетова О.В., Луговских Н.Б., Якушева А.О. Монография / Под общ. ред. Н.А. Восколович. – М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2011. – 166 с.
11. Теория и практика финансов некоммерческих организаций / Марзаев А.В., Молчанова Н.П., Киселева Т.Ю., Рябова И.С., Завгородняя В.В., Молчанов И.Н., Чернов А.Ю., Дзусова С.С., Долина О.Н., Гузь Н.А. Коллективная монография. – М.: ИД «Экономическая газета», 2015. – 172 с.
12. Чилилов А.М. Развитие государственного сектора медицинских услуг на основе нормативного планирования ресурсов. Дисс. … канд. экон. наук. – М., 2016. – 162 с.
13. Экономика и управление социальной сферой / Жильцов Е.Н., Егоров Е.В., Науменко Т.В., Восколович Н.А., Лавров В.А., Лапидус Л.В., Казаков В.Н., Косова Ю.А., Романова Н.В., Молчанов И.Н., Коваленко В.В., Морозов В.А., Иванов О.И. Учебник для бакалавров. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 496 с.
14. Экономические и социальные аспекты развития спортивных услуг / Восколович Н.А., Молчанов И.Н., Луговских Н.Б., Леонов С.Г., Гнетова О.В., Михайленко С.В. Монография / Под ред. Н.А. Восколович. – М.: ТЕИС, 2012. – 144 с.

Потехин В.Н.
к.э.н., доцент кафедры управления и права УрГАУ, г. Екатеринбург
vnp1@ya.ru

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ (В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ)

Ключевые слова: *инструментарий государственного управления; система воспроизводственных циклов; социально-экономические инварианты; уровни познания социально-экономических явлений; системно-целостные модели развития и управления; закон сохранения полной мощности, закон роста полезной мощности; система потоков общественного воспроизводства; коэффициент эффективности деятельности (КЭД) общества в природе; коэффициент возобновляемости природных ресурсов; концептуальная матрица всеобщей организации эффективного развития общественного производства, управления, правового обеспечения по уровням хозяйствования.*

Keywords: *the instruments of public administration; the system of reproduction cycles; socio-economic invariants; levels of knowledge of socio-economic phenomena; the systemic-holistic models of development and management; the law of conservation of full power, the law of the increase of useful capacity; system flow of social reproduction; the coefficient of effectiveness (CED) in nature; the coefficient of renewability of natural resources; a conceptual matrix of the universal organization of effective development of social production, governance, legal support to levels of management.*

Современная практика государственного и хозяйственного управления ставит перед экономической наукой и наукой менеджмента задачу выработки качественно нового инструментарий управления, отвечающего признакам простоты, универсальности и объективности. Такой инструментарий должен основываться на новой научной базе, на новых физических и социально-экономических принципах, обеспечить анализ текущего состояния и тенденций развития, определить перспективы и резервы для дальнейшего развития и дать рядовому руководителю любого уровня управления конкретный действенный социально-экономический механизм преобразования объективной реальности в заранее известный результат.

К сожалению, традиционный опыт гуманитарных наук вряд ли здесь будет полезен. Как правило, в качестве исходной научной основы советские, зарубежные, современные отечественные и иные авторы берут общеизвестный всеобщий закон сохранения энергии. Они не задумываются над тем, что данный закон отражает закономерности развития лишь неживой природы. Отсюда и математические расчеты, проводимые на основе линейной математики и соответствующих линейных моделей, не будут соответствовать реальной социально-экономической действительности[1]. Социально-экономические явления представляют собой нелинейные процессы и предполагают использование соответствующей нелинейной математики, системно-целостных моделей и адекватной междисциплинарной методологии.

Исходя из их обобщения и накопленного опыта общественных, фундаментальных, естественных наук и прикладных разработок, нами обосновывается системно-целостный социально-экономический междисциплинарный инструментарий, позволяющий творчески саморазвиваться государству, обществу, общественному производству и государственному управлению наиболее эффективным путем[2]. Для этого вводится в научно-практический оборот определенная совокупность апробированных в теории и практике междисциплинарных инструментов. К ним относятся:

1. Метод нахождения, сравнения и определения предпочтительных социально-экономических вариантов дальнейших научно-технических, организационных, информационных, социально-экономических путей, форм и методов развития общества, общественного производства, отраслей, регионов, предприятий, технологий, организации рабочих мест и т.д., аналогично «биному Ньютона» в математике. Так, в настоящее время в ведущих компаниях мира имеются специальные подразделения, изучающие передовой мировой опыт, приняты соответствующие регламенты и системы по использованию сравнительного метода в решении вопросов о создании лучшей технологии, продукции, организации и т.п.

Метод нахождения, сравнения и определения варианта развития характерен для всех научных дисциплин, он отражает объективный процесс познания явления от достигнутого к более совершенному, имеющему меньшие из-

[1] Винер Н. Кибернетика. – М.: Наука, 1968; Канторович Л.В., Залгаллер В.А. Рациональный раскрой промышленных материалов. 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Наука, 1971; Канторович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. – М.: Изд-во АН СССР, 1959; Клаус Г. Кибернетика и философия. – М.: Иностранная литература, 1963.

[2] См. подробнее: Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / Под ред. д.э.н., профессора Н.А. Потехина. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011; Потехин Н.А. Совокупный работник: интенсивное производство, управление. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1987; Потехин Н.А. Экономико-правовые основы управления: учеб. пособие. Ч. 1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2003; Потехин Н.А., Потехин В.Н. О новой общественно-экономической формации – инновационном способе воспроизводства // Агропродовольственная политика России. 2016. – № 1.

держки, более высокий уровень надежности-устойчивости техники-технологии-продукции, более простой и менее затратный в использовании, обслуживании или в ремонте, более простые и результативные связи и отношения и т.д. Данный инструмент познания является наиболее простым и менее затратным в использовании.

2. Структурированная система воспроизводственных циклов и фаз общественного воспроизводства по уровням хозяйствования, отражающая и сочленяющая репродуктивное (деградационное, простое, расширенное) воспроизводство и его социально-экономические формы – экстенсивное, интенсивное, инновационное воспроизводство.

Система воспроизводственных циклов дает целостное представление об общественном производстве, его структуре, звеньях и развитии в пространстве и времени.

3. Социально-экономические инварианты, характеризующие физические и социально-экономические основы воспроизводства любого уровня хозяйствования и общественного воспроизводства в целом. К ним относится совокупность: 1) видов деятельности-потребления, 2) ресурсов-результатов, 3) циклов и фаз развития. Эта совокупность инвариантов характеризует различные звенья общественного производства и управления в единых, универсальных векторах познания, вместе с ними создает возможность измерения и проведения расчетов в режиме реального времени любых социально-экономических процессов-потоков-факторов во всеобщей системе физических величин и обеспечивает объективность в деле «неотвратимого учёта и измерения причин потерь эффективности».

Структура инвариантов создает возможность формировать координатную сетку для расчетов прошлого, настоящего и будущего состояния всех потоков-процессов-факторов общественного производства и управления в процессе их развития по каждому конкретному уровню хозяйствования во взаимосвязи с другими уровнями хозяйствования. Взятые в единстве, они отражают в объемной форме весь процесс воспроизводства и весь процесс управления сверху-вниз и снизу-вверх.

4. Уровни познания социально-экономических явлений по уровням хозяйствования. Нами условно выделены: фрагментарный (точечный) уровень познания; логический (линейный) уровень познания; структурно-функциональный (плоскостной) уровень познания; системно-целостный (объемный) уровень познания. Несмотря на их условный характер, они отражают объективный процесс и качество познания, разработки методологии, теории, подготовки кадров, технологии производства и управления.

Системно-целостный (объемный) уровень познания позволяет создавать системно-целостные модели развития общественного производства, уровней хозяйствования, их отдельных звеньев. Этот уровень познания и построение системно-целостных моделей развития позволяют вести познание, прогнозирование, планирование и осуществлять управленческие воздействия и реальные действия в условиях определенности, полного знания развития предмета, структуры и содержания социально-экономических объектов и процессов с целью обеспечения инновационного воспроизводства.

5. Системно-целостные модели развития и управления развитием общества, производства по уровням хозяйствования, отражающие механизм целостного конструирования, исследования и управления развитием социально-экономических процессов и явлений в режиме реального времени и динамике на основе использования всеобщей системы размерностей физических величин в единицах мощности (выполненной работы) кВт/час и других[1].

Основой построения системно-целостных моделей является система воспроизводственных циклов по уровням хозяйствования и совокупность социально-экономических инвариантов, которые обеспечивают целостность, связность, репрезентативность и универсальность данных моделей. Все модели по уровням хозяйствования условно можно представить графически следующим образом (см. рис. 1).

6. Концептуальные матрицы обновления основных факторов воспроизводства по уровням хозяйствования, управления, права и т.д., построенные на основе цикла оборота обновления, охватывающего фазы: 1) разработки и внедрения новых научно-технических идей в производство (ННТИ), 2) тиражирование ННТИ по отраслям и территориям страны, 3) модернизация ННТИ, 4) потенциал использованных ННТИ исчерпан, наступают в обществе потери, необходим переход на качественно новые НТИ в производстве. Следует помнить, что научно-технический потенциал имеется у каждого и всех в совокупности факторов производства. Существует необходимость и неизбежность комплексного внедрения качественно новых научно-технических, кадровых, организационных и иных идей и разработок в общественное производство по уровням хозяйствования.

Данные концептуальные матрицы отражают объективные источники, направленность, характер, результаты и темпы развития общественного воспроизводства каждого уровня хозяйствования и их отдельного звена. В условиях социализма источником развития считались единство и борьба противоположностей: производительных сил, производственных и надстроечных отношений. В условиях капитализма – конкуренция и прибыль. В условиях нового – инновационного способа общественного воспроизводства – согласованность по горизонтали и вертикали жизнедеятельности человека-общества в природе с учетом объективных законов, совокупных целей, интересов, потребностей, возможностей дальнейшего роста всех участников общественного воспроизводства. Одновременно концептуальные матрицы отражают объективные закономерности развития каждого фактора в отдельности.

Наиболее наглядно изменение факторов производства и управления отражается в цикле обновления общественного производства и государственного управления, который присущ каждому уровню хозяйствования, каждому участнику жизнедеятельности и используемому элементу.

---

[1] См.: Гвардейцев М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.Я. Математическое обеспечение управления. Меры развития общества / Под ред. М.И. Гвардейцева. – М.: Радио и связь, 1996; Гвардейцев М.И., Морозов В.П., Розенберг В.Я. Специальное математическое обеспечение управления. – М.: Радио и связь, 1978.

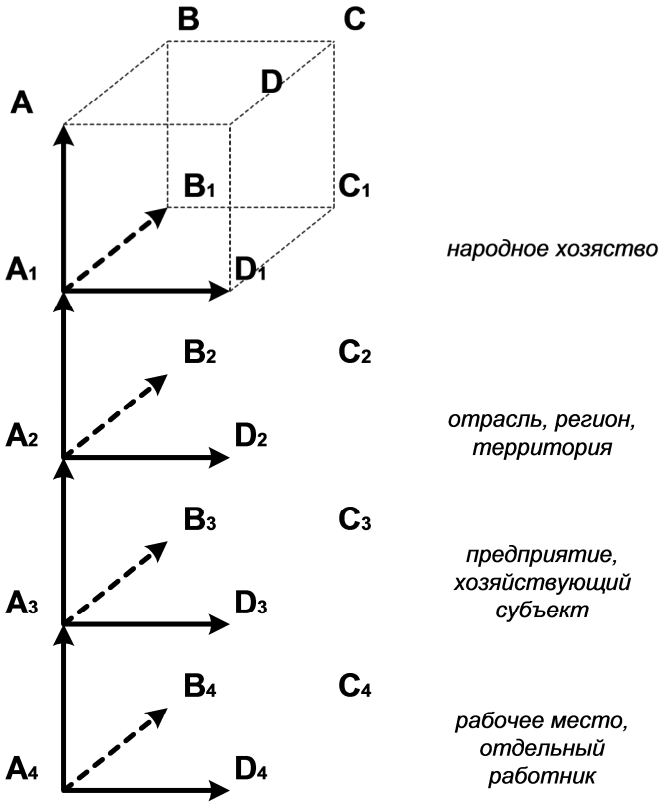


Рисунок 1.
Упрощенная схема концептуальных моделей общественного производства (государственного управления) по всем уровням хозяйствования

7. Научную базу социально-экономических исследований с использованием системно-целостной методологии составляют наиболее известные всеобщие и социально-экономические законы развития общества в природе. Социально-экономические законы – роста производительности труда, экономии времени, закон возвышения потребностей – известны давно и нет необходимости их комментировать. Однако всеобщие законы сохранения энергии, мощности, кинетронного импульса, энергоинформационного потенциала, роста полезной мощности, золотого сечения не находят должного применения в теории и практике.

В социально-экономических науках и практике используют преимущественно закон сохранения энергии, отражающий развитие неживой материи. Одновременно с ним применяют линейные модели и линейную математику. Все это с точки зрения методологии и науки представляет собой нонсенс. К сожалению, традиционно все экономисты, социологи, управленцы всех уровней власти и хозяйственной деятельности постоянно пользуются этим негодным инструментарием и даже не задумываются о причинах[1] необоснованности принимаемых управленческих решений и негативных последствиях их действия.

Что касается закона сохранения мощности, кинетронного импульса, энергоинформационного потенциала, то они отражают развитие живой материи и социально-экономических процессов[2]. Их учет в системно-целостной междисциплинарной методологии представляет собой использование качественно новых физических и социально-экономических принципов, обеспечивающих получение постоянных эффектов в общественном производстве по уровням хозяйствования.

Закон сохранения полной мощности характеризует выполненную обществом работу по уровням хозяйствования, измеряемой в кВт/час или иных объективных сопоставимых единицах измерения. Этот закон означает, что выполненная работа не исчезает, она принимает лишь различные социально-экономические формы. Причем увеличение доли положительных затрат-результатов приводит к уменьшению доли негативных затрат-результатов и наоборот. Обобщение опыта показывает, что к целостной совокупности социально-экономических форм проявления закона сохранения мощности относятся: полезные затраты-результаты общества, бесполезные затраты-результаты, вредные затраты-результаты, потери затрат-результатов, резервы затрат-результатов со знаком плюс, ноль, минус. Иных форм нет.

Этот закон отражает смысл жизнедеятельности общества и каждого человека, которые предполагают расширенное воспроизводство на основе постоянного увеличения (количества и качества) удовлетворяемых совокупных потребностей. С точки зрения здравого смысла общество, а также ответственное государство и его аппарат управления заинтересованы, чтобы постоянно увеличивалась доля полезных затрат-результатов и уменьшалась доля бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов общества в бюджете социального времени по всем уровням хозяйствования. В этом заключается социально-экономическая сущность государственного управления.

---

[1] См.: Канторович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

[2] См. Янушевский И.А., Ласточкин С.С. Кинетронные супертехнологии. – М., 2009.

Здесь одновременно возникает объективная, достаточно репрезентативная единица измерения затрат-результатов времени общества – 1 МГ (бюджет социального времени одного миллиона человек в год и структура его затрат-результатов по составу населения). Эта величина и подход воздействия на общество и социально-экономические процессы через структуру бюджета социального времени по существу является реальной и единственной основой управления обществом и производством.

Как ни странно, современные экономисты и гуманитарии основывают свои исследования и разработки на законе сохранения энергии, характеризующем развитие неживой природы. В основе развития закона сохранения энергии лежит остаточный принцип. Отсюда получаются соответствующие некорректные результаты и выводы, не выдерживающие никакой критики с точки зрения их обоснованности и научности. Современные управленцы традиционно считают в самом общем виде, что только через производительные силы (орудия, предметы труда, средства производства, кадры) общества, производственные и надстроечные отношения осуществляется процесс управления.

Изначальным в процессе управления является бюджет (ресурс) социального времени и его структура по уровням хозяйствования – полезные затраты-результаты и т.д., вторичным, третичным и т.п. являются производительные силы, производственные и иные отношения. Отсюда на практике получается, что процесс управления организуется как в кривом зеркале. При этом все управление будет осуществляться в условиях неопределенности и с очень большими ошибками и запаздыванием. Хотя такое положение считается невозможным, но в теории и практике управления, к сожалению, наблюдается повсеместно. Вот почему в государственном и ином управлении человеку, исполнительному работнику всегда отводится роль по остаточному принципу.

С точки зрения общественного воспроизводства здесь необходимо учитывать структуру бюджета социального времени населения территории и всего общества и на этой основе доли полезных затрат-результатов, бесполезных затрат-результатов, вредных затрат-результатов, потерь затрат-результатов, резервов затрат-результатов со знаком плюс, ноль и минус определять последующие объемы, качество и ассортимент производительных сил и потребительных сил по уровням хозяйствования, а также объемы и ассортимент государственных резервов на год и т.д. определять в объективных физических единицах измерения, кВт/час и натуральном выражении.

Закон роста полезной мощности, сформулированный С.А. Подолинским, означает, что темпы роста полезной мощности не должны убывать во времени. По его мнению, необходимым условием существования общества является увеличение потока аккумулируемой энергии в различных формах на конкретной территории. Другими словами, соблюдение закона роста полезной мощности государством, обществом и участниками общественного производства является гарантом устойчивого развития от всевозможных кризисов, катастроф и пр.

Закон золотого сечения отражает ключевые соотношения частей и целого: полезных затрат-результатов, бесполезных затрат-результатов, вредных затрат-результатов, потерь затрат-результатов и резервов затрат-результатов для развития; факторов производства; возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов и энергетических ресурсов; распределения созданного общественного продукта и пр. Это соотношение составляет 61,8 (62)% и 38,8 (38)% и обеспечивает устойчивость развития общественного производства, взаимосвязь уровней хозяйствования и отдельных звеньев общественного производства в едином хозяйственном комплексе. Кроме того, согласно этому закону резервы для развития всегда составляют 38% от всех затрат-результатов, что позволяет найти источники инновационного преобразования в любой социально-экономической ситуации без привлечения внешнего финансирования.

8. Система целей, интересов, потребностей, возможностей дальнейшего роста всех участников общественного производства по уровням хозяйствования, включая каждого отдельного человека и мировое сообщество, характеризуют собой движущие силы успеха, топтания на месте, неудач и недостатков в организации общественного производства и управления. Здесь следует помнить, что наряду с бюджетом социального времени общества (полезные, бесполезные, вредные, потери затрат-результатов) 38% социального времени каждого человека и общества составляют резервы, которые они используют со знаком плюс, ноль, минус. При рациональном сочетании интересов, потребностей, возможностей участников производства и управления в системе целей имеется возможность существенно повысить долю полезных затрат-результатов, уменьшить негативные затраты-результаты и реализовать имеющиеся резервы и создать позитивный синергетический эффект.

9. Система потоков общественного воспроизводства по уровням хозяйствования: центральный рабочий процесс; вспомогательные центральному процессу потоки-процессы; вихревые и противодействующие центральному и вспомогательным процессы-потоки. Их использование с учетом вышеназванных инструментов позволяет определять непосредственно эффективность, бессмысленность, тупиковость, негативность еще на стадии их моделирования выработки и принятия решений. Названные потоки-процессы отражают параллелограмм действующих в процессе воспроизводства сил. Они могут и должны оптимизироваться на основе рационального учета всей совокупности интересов в обществе.

Наглядно потоки можно представить в виде рис. 2.

На рис. 2 представлен центральный рабочий процесс общественного производства, который схематически показывает сменяемость фаз воспроизводства и повторение выделенного цикла. Одновременно видно, что перед началом процесса воспроизводства движение потоков в обществе не согласовано. Подобное нередко имеет место и в процессе воспроизводства. Чтобы обеспечить согласованность движения внутренних и внешних ресурсов по времени, месту, качеству, объему, исполнителям и т.д., необходимо организовать их взаимодействие с учетом следующих вопросов: «КТО», «ЧТО», «КОГДА», «ГДЕ», «СКОЛЬКО», «КАК», «ОТ КОГО ЧТО», «КОМУ ЧТО», «ПОЧЕМУ», «ЕЩЕ» с точки зрения социально-экономической, технологической, управленческой, правовой, духовно-нравственной и т.д. Только в этом случае можно достичь желаемой устойчивости в технологии центрального и вспомогатель-

ных рабочих процессов общественного производства, снизить воздействие или нейтрализовать и рекуперировать вихревые и противодействующие процессы-потоки.

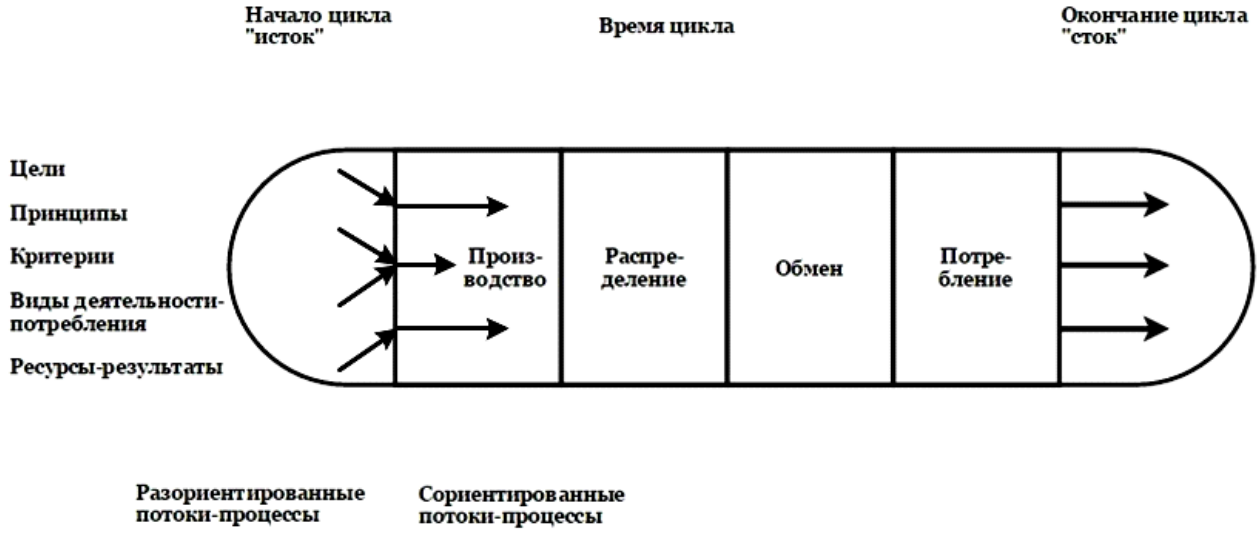


Рисунок 2.
Центральный и иные процессы механизма развития общественного производства

Всякая несогласованность в действиях участников приводит к возникновению вихревых и противодействующих центральному рабочему процессу потоков-процессов, сдерживающих, снижающих совокупную эффективность жизнедеятельности общества. По приблизительным подсчетам вихревые и противодействующие потоки-процессы при несогласованном движении ресурсов имеют более чем в 12 раз большую мощность, чем полезные потоки-процессы. Они могут возникать стихийно как следствие несогласованности совокупной деятельности субъектов хозяйствования и государства. Также имеет место и специальная несогласованность, практикуемая довольно открыто в условиях конкуренции и противостояния предприятий, государств. Для их нейтрализации и рекуперации вихревых и противодействующих процессов обществу требуются в свою очередь значительные дополнительные усилия и ресурсы.

В литературе и в хозяйственной политике государства превалирует позиция сторонников развития рыночной конкуренции без участия государства. Все считают, что рынок сам решит вопросы согласования автоматически и наиболее эффективным образом. Но практика показывает противоположные результаты. В конечном итоге, от такой политики положение дел в промышленности, сельском хозяйстве и других сферах России постоянно ухудшается по всем параметрам. Хотя известно, что любая деятельность предполагает строгое согласование по перечисленным ранее вопросам. Только в таком случае можно ожидать позитивных результатов.

10. Совокупность коэффициентов эффективности общественного производства по уровням хозяйствования: коэффициент эффективности деятельности (КЭД) общества в природе; коэффициент возобновляемости природных ресурсов, используемых в общественном производстве; коэффициент полезного действия (КПД) в технических системах. Приведенные коэффициенты, в совокупности взятые по уровням хозяйствования и жизнедеятельности общества, служат важнейшими параметрами определения степени инновационности (полезности для общества, человека, техники, природы) предлагаемых решений, разработок, методологий, концепций, теорий, практик, действий и деятельности.

11. Концептуальная матрица всеобщей организации эффективного развития общественного производства, управления, правового обеспечения по уровням хозяйствования характеризует собой конкретные формы необходимые и достаточные для комплексного анализа и синтеза проводимых исследований, взаимосвязи проводимых работ, проверки их согласованности и соответствия целям, интересам, потребностям, возможностям дальнейшего роста благосостояния общества и его участников.

Селиванов А.И.
д.филос.н., профессор, гл.н.с. Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета
seliv21@mail.ru

НАУЧНО-ПРИКЛАДНОЕ И ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КАК ОТРАСЛЬ

Ключевые слова: *стратегическое планирование и управление, экспертно-аналитическое обеспечение, социально-гуманитарная сфера.*

Указ Президента РФ № 642 от 1 декабря 2016 года «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», изданный в рамках реализации Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», создает системную основу для научно-технологического развития и двумя строчками затрагивает задачи обеспечения сопровождения научно-технической политики средствами социальных и гуманитарных наук. Однако о прикладном научном, экспертно-аналитическом и информационном обеспечении стратегических проектов, системы государственного управления на всех уровнях власти и корпоративного управления необходимо начать говорить комплексно и всерьез. Более того, в сложившейся в современной России ситуации есть необходимость решать эту проблему как специальную отраслевую проблему, ставя задачу возрождения и развития этого направления деятельности как специальной отрасли, имеющей широкий спектр взаимодействий со всеми отраслями народного хозяйства, ведомствами системы обеспечения национальной безопасности, межотраслевыми программами и проектами.

Действительно, научное проектирование в социально-гуманитарной сфере и управление настоящим и будущим – это и базовое условие существования и развития (в том числе научно-технического) в современном мире, и одновременно – одно их наиболее перспективных направлений прикладных научных исследований в рамках 6-го технологического уклада. Оно включает в себя разработку целевых проектов и социально-гуманитарных технологий гражданского, военного и двойного назначения. Поэтому в развитых и интенсивно развивающихся странах этому уделяется специальное внимание. Так, в США, наряду с корпорацией по научно-техническому развитию (DAPRA) и другими организациями научно-технического профиля и соответствующими исследовательскими учреждениями существует Совет исследований по культуре и гуманитарных исследований (Arts&Humanities Research Council – AHRB) – независимое агентство при правительстве США, также осуществляющее организацию перспективных исследований на основе серьезного бюджетного финансирования, но – в социально-гуманитарной сфере. Существует множество научно-фундаментальных, научно-прикладных и экспертно-аналитических структур, проводящих такие исследования, в том числе, и в особенности, в интересах интеллектуального обеспечения управления различного уровня – как государственного, так и корпоративного – во всех странах мира[1].

Вся вторая половина XX века стала временем активного развития в мире научно-прикладной и информационно-аналитической деятельности в социально-гуманитарной сфере как эффективного метода интеллектуального обеспечения управления сложными социальными системами и процессами. В СССР-России до 90-х годов также осуществлялось развитие в этой сфере – как для принятия оперативных, так и для выработки стратегических решений. Наша страна имела общегосударственную систему (система ВНИИ Госплана СССР), отраслевые научно-исследовательские институты, центры, подразделения (в министерстве обороны, спецслужбах, министерстве энергетики, промышленных министерствах, министерстве здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службе, министерстве иностранных дел, министерстве сельского хозяйства, министерстве водного хозяйства, министерстве науки и образования, АН СССР и другие). Это стимулировало развитие методологии прикладных научных исследований, научных школ, научных учреждений, научно-образовательных учреждений в различных сферах управления в виде кафедр, в том числе по проблемам планирования, прогнозирования, некоторых направлений ведомственной аналитической работы.

[1] См., например, аналитические обзоры перечня, структуры и направлений деятельности научных и аналитических центров в различных странах (не говоря о Европе, США, Китае!), составленные в Российском институте стратегических исследований: Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая: Справочник. – М.: РИСИ, 2012. – 266 с.; Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры стран Азии: Справочник. – М.: РИСИ, 2013. – 406 с.; Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры стран Южной Азии: Справочник. – М.: РИСИ, 2014. – 360 с. См. также: Диксон П. Фабрики мысли / П.Диксон. – М.: АСТ, 2004. – 505 с.; Курносов Ю. В. Аналитика как интеллектуальное оружие. – М.: РУСАКИ, 2012. – 613 с.; Нарочницкая Н. «Аналитические институты» – глаза, уши и мозг Америки // Наш современник. – М., 2004. – № 3; Супян В.Б. «Мозговые центры» США: их роль и эволюция как независимых исследовательских организаций // США. Канада: Экономика, политика, культура. – М., 2010. – №1 (481). – С. 4–17.

После разрушения СССР и отказа от планового подхода были прекращены научные исследования в сфере планирования, прогнозирования, системных аналитических исследований, которые не возобновлены и не возрождаются до сих пор. В вузах разрушены и не воссозданы соответствующие профильные кафедры. На смену этому пришли фрагментарные и разрозненные попытки копирования и тиражирования зарубежного опыта (например, в сфере Форсайта, как это имеет место в Высшей школе экономики), организации нескольких небольших центров, проведения отдельных спорадических курсов обучения, осуществления «аналитического обеспечения управления» отдельными специалистами и псевдоспециалистами. Имевшиеся в стране кадры научных и аналитических работников разошлись по корпоративным аналитическим структурам либо переквалифицировались, но за прошедшие годы без осуществления масштабной подготовки и переподготовки – они физически постарели, и на смену им не пришло новое квалифицированное поколение. Вместо усиления и роста масштабов этого вида деятельности в связи с ростом сложности объектов управления, возникновением новых типов рисков и угроз, как это наблюдается в мире, наша страна шла и продолжает идти в обратном направлении.

Сложившееся положение дел привело к закономерному результату – при малейшем обострении ситуации в любой сфере, в том числе в связи с активизацией антироссийских действий со стороны Запада и других стран, введением санкций, сразу становится ощутимым дефицит комплексных решений, начинаются сюжетные метания (от «турецкого потока» к разрыву отношений с Турцией, от «южного потока» к «северному потоку», от болонской системы образования, ориентированной на «квалифицированного потребителя» (А.А. Фурсенко) к кампании по укрупнению вузов, от компании по ЕГЭ – к компании по пересмотру этой системы и т.д. и т.п.). Причина метаний и ситуативного реагирования – дефицит оперативной и стратегической системы научного и аналитического обеспечения принятия управленческих решений в национально-государственном масштабе в самых разных сферах жизнедеятельности, отсутствие стратегических расчетов и резервных вариантов-сценариев. Так, например, непосредственно после введения санкций против России под предлогом украинских событий лишь два научных центра смогли сразу адекватно оценить природу и качество характера угроз, идентифицировав этот шаг как начало активной фазы информационно-политической войны против России со стороны США с использованием Украины как повода, который был заранее создан – это группа под руководством С.Ю. Глазьева и Институт проблем экономической безопасности и стратегического планирования Финансового университета при Правительстве РФ. Лишь через несколько месяцев эта позиция стала общепризнанной, став ключевым основанием для формирования дальнейшей внешней и внутренней политики России.

Однако это – лишь один пример и внешний признак катастрофического состояния внутри этой важнейшей подсистемы системы управления. Внутреннее состояние этого направления деятельности вызывает более серьезную озабоченность, демонстрируя полное отсутствие системности и комплексности, фрагментарность, разорванность, разрушение этого направления как такового.

В связи со сложившейся катастрофической ситуацией возрождение этой сферы необходимо осуществлять как отраслевую, основанную на принципах комплексности государственную задачу. Обозначим основные контуры подхода в области научного и образовательного обеспечения этого направления интеллектуальной деятельности как отрасли с множеством внутренних сложнейших ветвлений.

1. Первое, что нужно определить – это наличие различных предметных сфер (объектов управления) – отраслей и сфер народного хозяйства, регионов страны, сфер национальной безопасности и т.д. Они весьма многоразличны, порождая необходимость множества уровней и аспектов управления, соответственно, множество уровней и аспектов научно-интеллектуального и аналитического обеспечения управления. Это требует создания и возрождения опытных лабораторий, центров, институтов по исследованию каждого класса и типа объектов, каждого важного объекта, адаптации к региональным и отраслевым условиям и задачам, требуя наполнения центров квалифицированным персоналом.

Кроме того, происходит постоянное динамическое изменение всех наблюдаемых и анализируемых объектов, развитие всех аспектов бытия, что еще более усложняет задачу. Так, при происходящем сегодня переходе к шестому технологическому укладу будет трансформироваться соотношение различных секторов экономики в мире и в нашей стране, будут исчезать либо возникать новые типы и виды систем управления, новые соотношения мировых трендов и сил. Данное обстоятельство ставит задачу ориентироваться не только на текущие проблемы, но и на удаленно-перспективные задачи управления во всех сферах и на всех уровнях. Это требует постоянного внимания, мониторинга и одновременно адаптации аналитической деятельности к новым объектам, состояниям, процессам, обстоятельствам их бытия, разработки новых методов исследований.

2. В каждом объекте есть множество профильных и вспомогательных видов деятельности и, соответственно, у каждого субъекта управления множество различных направлений деятельности, которые требуют вовлечения научных, экспертно-аналитических и информационных работников. Это собственно производственные циклы в некоторых «тонких» проблемах, требующих высшей квалификации и постоянного развития, это финансовая аналитика, стратегическое управление (прогноз, проектирование, планирование, программирование), оперативный и стратегический маркетинг, бизнес-разведка, PR, GR и другие направления.

3. В мире и в стране существует множество субъектов управленческой активности (государства, разные уровни и субъекты государственной и муниципальной власти, хозяйствующие субъекты, транснациональные корпорации, научные организации (также остро нуждающиеся в специалистах аналитического профиля для адаптации собственных профильных научных разработок к практическому внедрению), общественные и религиозные организации, теневые и криминальные структуры, различные противники государства и т.д. Это создает востребованность в кадрах прикладных исследователей и аналитиков со стороны различных субъектов и систем управления, формирует соответствующие запросы и направления подготовки, формы организации и формы деятельности аналитических работников,

а также необходимость разработки технологий пресечения подготовки и использования аналитических работников по тем или иным направлениям (например, для криминальных структур и противников государства).

4. Существует принципиальное различие оперативного и стратегического управления, соответственно, разные типы научного, экспертного и информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений, различные типы специалистов аналитического профиля, разные типы и уровни подготовки специалистов, критерии отбора, формы и методы работы, инфраструктуры и т.д.[1] Это также существенно влияет на направления организационных усилий в сфере образования, отбора и профподготовки кадров.

5. В самой информационно-аналитической деятельности существует несколько взаимосвязанных уровней и профилей деятельности – технические коммуникации, компьютерное обслуживание, информационно-поисковая работа, обеспечение информационной безопасности, собственно аналитическая работа, проектно-синтетическая работа, PR, GR, взаимодействие с лицами, принимающими решения, информационные ресурсы и базы данных, исследовательские эмпирические проекты и т.д. Это объективная данность, поскольку узкая специализация в сфере научно-прикладной, экспертной и информационно-аналитической деятельности, как и в любой другой сфере – эффективный способ повышения качества и производительности труда. Это создает необходимость подготовки кадров по всему спектру профессий, входящих в научно-прикладную, экспертную и информационно-аналитическую деятельность, причем, с учетом специфики отраслевой и региональной проблематики. Кроме того, начинающий специалист (исследователь, разработчик, эксперт, аналитик, информационный работник) должен научиться на практике делать все виды аналитических работ, причем как в непосредственно практической сфере интеллектуального обеспечения, так и (желательно) в смежных аспектах и отраслях – методологии и теории познания, науках, статистике и т.д., применяя знания, умения и навыки для разных сфер деятельности. Необходима и технология перехода от знаний к умениям и навыкам непосредственно в процессе образовательной подготовки. Необходимо хорошо владеть теорией, методами, знать и понимать их возможности и ограничения, уметь применять знания на практике, знать зарубежный и отечественный опыт, быть конкурентоспособным.

Понятна вся сложность образовательной задачи в такой сфере, решить которую вне и без общегосударственного подхода не представляется возможным. Тем более что речь должна идти в том числе о расчете потребностей специалистов различного уровня, разработке образовательных стандартов, подготовке методик, развертывании образовательных учреждений и подразделений данного профиля и т.д.[2].

Для обслуживания столь многообразной и многоплановой деятельности необходимы направленные онтологические, гносеологические, логико-методологические исследования, в том числе разработка новых методов аналитических исследований, научные исследования в сфере организации аналитической работы, научно-методические разработки. Эти исследования должны вестись на теоретическом, эмпирическом и собственно экспертно-аналитическом уровнях познания. В качестве предварительного можно привести следующий список необходимых фундаментальных исследований по направлениям остро актуальным в настоящее время:

– Закономерности функционирования и развития общественного и индивидуального сознания в условиях постинформационного общества.

– Социально-философские и социально-культурные аспекты функционирования и развития информационных полей.

– Исследование процессов индивидуальной и групповой мыследеятельности в рамках философии, когнитологии, психологии.

– Методология научно-прикладных, аналитических, синтетических, прогнозных, опытно-конструкторских и иных типов социально-гуманитарных исследований и разработок.

– Технологии и критерии отбора работников для различных видов научно-прикладной, аналитической, информационной и экспертной деятельности.

– Профессиональные и научные стандарты деятельности.

– Культурологические аспекты интеллектуальной деятельности по сопровождению управленческих решений в условиях усиления конкуренции культур.

– Технологии метафизической, мировоззренческой, аксиологической. интеллектуальной, психологической, профессиональной подготовки научных и аналитических работников.

– Принципы и методы интеллектуального сопровождения управления в условиях конкуренции национальных социально-экономических систем.

– Систематическое исследование опыта других стран в этой сфере.

Кроме научных исследований собственно аналитической деятельности необходимы:

1. Организационные расчеты системы такой интеллектуальной деятельности в национальном масштабе (с учетом разделения на оперативные и стратегические) – общенациональных, отраслевых и ведомственных, региональных, для предприятий и организаций (отталкиваясь от объективных потребностей и задач управления, а не от субъектив-

[1] См.: Селиванов А.И. Комплекс научного, экспертного и информационно-аналитического обеспечения государственного стратегического управления // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – М., 2011. – № 7; Селиванов А. Развитие объектов. Наука управления будущим. – М.: Алгоритм-Пресс, 2016.

[2] Об организации такой деятельности в политической сфере в Евросоюзе см. материал доклада многолетнего участника европейских прикладных исследований в этой сфере А.Б. Кувшинова на семинаре в МГИМО 26 сентября 2016 года: Селиванов А.И., Белозеров В.К. Как учиться прикладному политическому анализу. – http://www.lawinrussia.ru/content/kak-uchitsya-prikladnomu-politicheskomu-analizu

ных оценок управленцев), соотношение полномочий (и зон ответственности), система взаимодействия крупных и мелких центров, центров по отраслям, центров по специализированным видам деятельности, механизмы и регламенты координации, кооперации и коммуникации, инфраструктуры, техническое обеспечение, информационное обеспечение, взаимодействие с органами власти и управления и лицами, принимающими решения.

2. Данные расчеты должны стать основанием для практических управленческих решений в сфере финансового обеспечения (за счет госбюджета и государственно-частного партнерства в рамках Государственной программы развития этой отрасли), формирования нормативной правовой базы, развития образовательной сети по подготовке кадров на базе профильных отраслевых вузов (отраслевые магистратуры, аспирантуры, курсы повышения квалификации по видам информационно-аналитической деятельности).

3. Ускоренная разработка профессиональных стандартов различных профилей информационно-аналитической деятельности, регламентов, наставлений, правил, стандартизированных методик и форм результатов. Причем с созданием механизма их постоянного обновления и сочетания теории и практики.

4. Работа над созданием условий и инфраструктур для объединения усилий для решения конкретных задач, для кооперации информационно-аналитических структур как способ повышения эффективности. В том числе для осуществления смежных работ, таких как помощь науке в доведении до практического внедрения ее разработок и результатов – это большое поле деятельности для прикладников и аналитических работников.

5. Широкое распространение профессиональных знаний, широкий обмен мнениями и открытыми разработками, широкая общественная деятельность научного и экспертно-аналитического сообщества, в деятельности которого ценен любой опыт и новые знания. Это нужно осуществлять путем целостного комплекса мероприятий:

– конференции, съезды, клубы, СМИ, систематический обмен мнениями, группы по конкретным проблемам и направлениям, пропаганда передового опыта;

– научно-методическая работа – книги, брошюры, учебники, журналы (в тех сферах, где необходимо развитие, в советское время были рекордные в мире масштабы издания);

– массовая литература – серия научно-популярной литературы, где авторами должны быть лучшие ученые и практики, выступления в СМИ.

Алгоритм (технология) разработки и внедрения стратегических проектов в социально-гуманитарной сфере должен включать целостный взаимоувязанный комплекс, способный к решению всего спектра задач, связанных с прогнозом, проектированием, планированием, внедрением и обеспечением эффективности разработок – научно-исследовательских, опытно-конструкторских, организационных, управленческих, финансовых, кадровых, политических, законодательных, рекламно-имиджевых, образовательных и т.д.

Развертывание такого направления деятельности является масштабным государственным проектом. Для осуществления данного проекта необходимо создание механизмов первоначального государственного инвестирования, управления, механизмов государственно-частного партнерства. Государству и деловым структурам предлагается вложить средства в создание инновационного интеллектуального направления и инфраструктуры нового типа, востребуемой в новом технологическом укладе – инфраструктуры экономики развития средствами социально-гуманитарных (в том числе управленческих и финансово-экономических) технологий.

Потенциальные заказчики и потребители: министерства, ведомства (в том числе в сфере национальной безопасности), регионы, деловые круги, Фонд перспективных исследований, РФФИ.

Исследовательская часть должна обеспечивать: создание механизмов и структур по научной проработке проектов; фундаментальный и прикладной уровни научных разработок; разработку конкретных проектов; оценку и расчет сил и средств для реализации каждого конкретного проекта; консалтинг текущих проектов; корректировку и «ремонт» собственных и чужих проектов; сопровождение действующих проектов; безопасность и конкурентоспособность проектов, защиту от новых угроз и снижение рисков; мониторинг; безопасность и конкурентоспособность самого проекта «фабрика» и т.д.

Организационно-управленческая работа: формирование сети территориальных и отраслевых подразделений – от обучающих центров и учебных заведений по подбору кадров до информационно-аналитических и научно-исследовательских подсистем фабрики; формирование научного, конструкторского и экспертного сообщества; создание системы взаимодействия фабрики с политическими и общественными организациями, технологии согласования интересов на стадии формирования проектов; формирование союза российско-ориентированного бизнеса (кроме РСПП), активизация ТПП и изменение структуры их политики как важного компонента инфраструктуры стратегического управления.

Законотворческая деятельность: обеспечение необходимо количества и качества законов по проектированию и планированию – кроме закона о стратегическом планировании – также законы о государственной политике в различных сферах экономики и т.д.; под конкретные проекты – дополнительно конкретные пакеты законов и регламентов, которые будут элементами технологии реализации проектов; расчет интересов политических сил и формирование пакета как результата экспертно-аналитической оценки высокой вероятности его прохождения в законодательных органах.

Кадровая работа должна обеспечить подбор, подготовку и переподготовку кадров; создать и обеспечивать поддержание в работоспособном состоянии образовательных подразделений; осуществлять постоянную работу по расширению состава практических работников – разработчиков, конструкторов, экспертов, аналитических и информационных работников, технологов, организаторов и управленцев и т.д.

Информационная работа должна обеспечить общественно-информационную активность вокруг фабрики и каждого конкретного проекта, рекламу, СМИ, имидж этого направления деятельности;

Маркетинговая работа должна быть направлена на разработку стратегического маркетинга проектов; расширение поля потенциальных и действующих потребителей; методологию постоянного поиска новых сфер и проектов.

Технологическая: постановка проектов на поток, в особенности – подготовки и переподготовки кадров разработчиков, научных площадок, тиражирование проектов под конкретные объекты, подготовка команд под конкретные проекты с единой методологической платформой, на основе молодых специалистов, аспирантов в том числе, молодых кандидатов наук и т.д.

Конечно, в настоящее время, когда научно-прикладные и аналитические знания в социально-гуманитарной сфере и практика их внедрения не востребованы, создаются огромные сложности в развитии этой отрасли. Проблема усугубляется и внутренними болезнями, такими как групповая замкнутость, отраслевая разобщенность, ремесленничество и отсутствие современных технологий, ошибочные методологии, отсутствие органической связи между видами аналитической деятельности, отсутствие координации между различными центрами, нездоровая конкуренция в условиях дефицита заказов от органов управления и другие.

Но специалистов не должны смущать неудачи и отсутствие востребованности. Отрасль нужно развивать и имеющимися средствами. Сегодня остро необходим переход от «любительства», «вкусовщины», спорадических решений в сфере организации этого вида интеллектуальной деятельности и подготовки кадров – к комплексному научному обеспечению строительства этой отрасли как ключевой подсистемы всех уровней государственной системы управления. Без этого реализация стратегических проектов и программ, в том числе в сфере научно-технологического развития и обеспечения национальной безопасности – невозможна.

Тюриков Р.А.
доцент Современной гуманитарной академии
tes-r@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ МАССОВЫМИ СПОРТИВНЫМИ ПРАКТИКАМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Ключевые слова: *массовые спортивные практики, массовый спорт, социальное здоровье, доверие и солидарность.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время к целям государственной политики в сфере физической культуры и спорта отнесено создание условий для ведения гражданами здорового образа жизни, развития массового спорта и повышения конкурентоспособности российского спорта на международной спортивной арене[1].

Учитывая включение физкультурно-оздоровительных и спортивных массовых практик в перечень показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации[2], а также включение данных вопросов в сферу компетенции органов местного самоуправления[3], задача насыщения соответствующих субъектов управления социологическим инструментарием становится весьма актуальной на современном этапе развития российского общества.

Обеспечение учета субъектами управления положительного международного социального опыта в данной сфере предполагает проведение сравнительного анализа развития массовых спортивных практик в нашей стране и за рубежом, их содержания, динамики, включенности в систему социальных связей. Учитывая процесс глобализации социальных связей, актуальным является изучение социологическими методами опыта развития массового спорта, физкультурно-оздоровительных практик в различных странах и использование его в российском обществе. При этом сравнительное социологическое исследование способно обеспечить органы социального управления в регионах Российской Федерации информацией о механизмах финансирования массовых спортивных практик не только государственными, но и частными структурами, благотворителями, отдельными гражданами, а также возможностях привлечения волонтеров к организации проведения спортивных мероприятий.

Актуальность разработки проблем управления социальными спортивными массовыми практиками связана с необходимостью:

– изучения и применения зарубежного опыта развития массовых спортивных практик и управления ими в регионах нашей страны;

– разработки методического и эмпирического инструментария сравнительного исследования массовых спортивных практик;

– обоснования проектных предложений по развитию массовых спортивных практик в российском обществе на основе более полного учета зарубежного опыта;

– расширения перечня формируемых компетенций у студентов образовательных организаций высшего образования по гуманитарным направлениям за счет формирования способности использования современных механизмов вовлечения населения в позитивные массовые практики, среди которых особое место занимает организация массового спорта и оздоровления населения по месту жительства.

Обобщая основные положения концепций социального действия и социальных практик П. Бурдье, Э. Гидденса, А. Щюца и др. применительно к понятию массового спорта, можно представить его как социальные массовые спортивные практики, где:

во-первых, любое спортивно-физическое действие, совершаемое индивидом в группе и обществе, приобретает значение собственно социального;

во-вторых, спортивные социальные действия, часто повторяясь и опривычиваясь, приобретая характер организованной и управляемой повседневной деятельности, становятся социальными спортивными практиками;

---

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. №1662-р.

[2] Перечень индивидуальных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 25 января 2013 г. № 28 «О внесении изменений в перечень индивидуальных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

[3] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

в-третьих, массовые спортивные практики институционализируются, закрепляясь в образцах поведения, ценностях и нормах. На данной стадии проявляется один из главных социальных эффектов массовых спортивных практик в виде повышения доверия в сообществах и создания атмосферы солидарности.

Предметной областью такого исследовательского подхода являются ответы на вопросы:

– как «опривычивание» физической активности и спортивных массовых практик в повседневной жизнедеятельности людей воздействует на изменение социальных институтов и социальной структуры локальных сообществ и общества в целом;

– какова причинно-следственная связь между устойчивостью, массовостью, распространенностью спортивных практик и качеством социального здоровья населения, его активным долголетием и качеством жизни;

– как и какие массовые спортивные практики формируют устойчивые духовно-нравственные солидарные отношения в территориальных сообществах и в обществе в целом;

– совокупность и взаимодействие каких массовых спортивных практик наиболее адекватны цивилизационной гуманистической модели развития общества;

– какие социальные риски несет в себе низкая эффективность управления массовыми спортивными практиками;

– какие условия и причины способствуют воспроизводству и согласованности взаимодействий людей в рамках массовых спортивных практик;

– какие условия управления имеют тенденцию восприниматься людьми и сообществами как желаемые, и что следует делать.

Основными функциями массовых спортивных практик как социального ресурса являются:

– функция социализации для разных социально-демографических групп населения: подростки и дети, тинейджеры, пожилые люди, инвалиды и лица с ограниченными возможностями и др.;

– функция формирования новых социальных институтов и общностей (лайфстиль, мода на здоровый образ жизни, болельщики, фанаты, любители спорта и др.);

– функция оздоровительная, профилактическая и компенсаторная, отвлекающая детей, молодежь и взрослых от пагубных привычек, профилактика заболеваний, увеличение средней продолжительности жизни и ее качественного уровня;

– функция политико-имиджевая, через массовые спортивные практики связанная с формированием и укреплением имиджа государства во внешней политике, с электоральными PR-практиками и др.;

– функция «символический маркер» социального статуса, социальных притязаний индивидов и сообществ в условиях явной дифференцированности сложного общества и функция социальной мобильности («*социального лифтинга*»), перехода индивида с нижних социальных позиций на более высокую статусную ступень;

– функция самореализации, самоидентификации, самоутверждения личности как важного механизма осуществления социализации и инкультурации людей и, прежде всего, молодого поколения;

– социально-интегрирующая функция, с одной стороны, формирующая солидарность, доверие и необходимый уровень коммуникаций. С другой стороны, обеспечивающая не столько реальную, сколько именно символическую интеграцию (болельщики разных социальных слоев). Объединение, обеспечение коллективной идентичности является одной из важнейших социальных функций культуры, в том числе и спорта.

К сущностным маркерам массовых спортивных практик мы относим:

Во-первых, то, что повседневные массовые спортивные практики по своему предназначению должны быть встроены в жизненные стратегии людей и локальных сообществ, и только вследствие этого имеют социальные эффекты.

Во-вторых, участие в массовых спортивных практиках, полученный опыт и компетенции по своей сути становятся реализованными социальными ресурсами, превращаясь в социальный капитал.

В-третьих, как ни в каких других социальных практиках, человек (группы людей) приобретают в спортивных практиках реальную субъектность посредством институционализации отношений, реализации жизненных целей и занятия диспозиции в социальных полях и пространствах.

В-четвертых, массовые спортивные практики, в отличие от спорта высших достижений, стирают грань между успехом и поражением, планом и органичностью, управлением и самоорганизацией, глобализмом и локальностью.

В-пятых, массовые спортивные практики – это всегда локально и органично очерченные социальные феномены, устоявшиеся и имеющие свои временные, географические и др. социальные границы. Они более динамичны и более изменчивы, чем виды спорта, выстроены преимущественно по образцу горизонтальных самоорганизующихся связей на основе добровольности и доступности, более устойчивы, чем виды спорта, функционирующие по указаниям сверху и формальному «медальному плану».

В-шестых, массовые спортивные практики, в отличие от видов спорта и спортивных организаций, не привязаны к планам, финансам, материальной базе и инфраструктуре. Они в большей степени ориентированы на социальную инфраструктуру, социальные ресурсы и капитал, в то время как спорт высших достижений, профессиональный и коммерческий спорт – на политические, экономические и символические выгоды и финансовый капитал.

В-седьмых, массовые спортивные практики – это тот социальный феномен и институт, в котором неопределенности и хаосу повседневной жизни можно противопоставить социальный порядок гармонии человека с самим собой, социумом, обществом и природой. Участвующий в массовых спортивных практиках человек не столько исполнитель, воспроизводящий опыт других, сколько свободный творец и ответственный «переменитель» (Л.Н. Толстой) своей и жизни социума. Более того, если в видовом спорте доминируют государственные, региональные, ведомственные целевые установки и интересы, то массовые спортивные практики позволяют максимально гармонично согласовать це-

ли, интересы и инициативы личности, группы и государства. И в этой связи в ведомственном подходе ответственность в большей степени лежит на государстве, а в массовых спортивных практиках – на человеке и его окружении.

Проведенный анализ позволяет нам выйти на авторскую интерпретацию понятия «массовые спортивные практики», которая предстает в широком и узком смысле. *В широком смысле под массовыми спортивными практиками понимается социальный институт воспроизводства массовых, обыденных, добровольных, повседневных и повторяющихся индивидуальных и групповых занятий спортом, обусловленных системой ценностей, правил и норм, устраняющих какие-либо формы дискриминации и служащих социальным ресурсом развития солидарности местных сообществ.*

В узком смысле массовые спортивные практики представляют собой социальный ресурс развития общества, используемый для оздоровления людей, укрепления социального доверия и вовлечения одаренных участников в спорт больших достижений.

Оценка состояния и динамики массовости, распространенности и устойчивости массовых спортивных практик осуществлялась на основе сравнительного анализа данных государственной и муниципальной статистики, результатов авторского исследования в регионах России и Казахстана, вторичного анализа результатов социологических замеров федеральными и региональными центрами изучения общественного мнения, а также результатов зарубежных исследований[1].

Сравнительный анализ обобщенных данных, представленных в табл. 1, показывает, что, во-первых, наблюдается противоречивость и неполнота официальной статистики, а также ее значительное расхождение (как минимум в 2 раза) с оценками массовости охвата населения спортом, вытекающим из результатов социологических замеров. Более того, и сами официальные данные имеют расхождение. Так, если в Докладе о развитии массового спорта и физического воспитания населения в 2014 году доля тех, кто регулярно занимается спортом, равняется 22,5%, то на заседании Совета по развитию физической культуры и спорта 24 марта 2014 года фиксируется уже другая цифра – 25%[2];

Таблица 1

Сравнительная оценка численности россиян, регулярно занимающихся спортом (государственные и общественные источники информации)

Категории населения	Гос. статистика 2014[3], 2015[4] гг.		ВЦИОМ[5]	Регион. исслед-ния	Автор. исслед-ние
дети и учащиеся	72	68,9	87	37	45
молодежь (18–24 года)	27		34	25	25
взрослые (25–59 лет)	10		15	15	9
пожилые (60 и старше)	1		42	5	2-3
инвалиды	до 7			2	до 1
В целом регулярно занимаются спортом	24,8	31,7	16/25[6]	13[7]	12

Во-вторых, критическими выглядят цифры охвата массовыми спортивными практиками взрослых (около 9%), людей пожилого возраста (2–10%) и инвалидов – до 1,5%. И лишь на «удовлетворительно» эксперты оценили охват массовыми практиками детей (около 30%).

В-третьих, фиксируется низкий охват массовым спортом детей и молодежи: более 30% вообще не занимаются спортом, не считая обязательного участия в организованных учебных занятиях.

Возможности роста доли населения, регулярно занимающегося массовым спортом, ограничиваются слабой мотивацией большей части населения к таким занятиям, нехваткой и аварийным состоянием специальных спортивных площадок по месту жительства, сокращением числа бесплатных спортивных «кружков» и секций, востребованных, прежде всего, детьми и молодежью.

Сравним охват массовым спортом в странах Евросоюза, представленный на рис. 1. Анализ данных позволяет сделать ряд выводов:

---

[1] Тюриков А.Г. Мониторинг эффективности управления в контексте консолидации социального пространства (на примере Центрального федерального округа РФ) // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / Горшков М.К. и др. – М., 2015. – С. 193–221.

[2] См.: Заседание Совета по развитию физической культуры и спорта 24 марта 2014 г. – http://www.putin-today.ru/archives/2294; Доклад о развитии массового спорта и физического воспитания населения / Рабочая группа Совета при Президенте РФ по развитию физической культуры и спорта. Март 2014. – С. 8–10.

[3] Там же.

[4] См.: Заседание Госсовета по физкультуре и спорту при Президенте России 12 октября 2016 г., г. Владимир. – http://vladtv.ru/state/81327/

[5] См.: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2837. – http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115256

[6] См.: Физкультура и спорт в жизни россиян // Фонд «Общественное мнение». 23 декабря 2013. – http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11262

[7] См.: Кривченков В.В. Социальные технологии управления устойчивым развитием многофункциональных спортивных комплексов: автореф. дис. … к.соц.н. – Белгород, 2016; Кузнецов П.К. Массовый спорт в современной России: социальные факторы воспроизводства и развития: автореф. к.соц.н. – СПб., 2013; Пасечник П., Филоненко Н. К вопросу о влиянии муниципальных органов власти на приобщение местного населения к занятиям физической культурой и спортом // Самоуправление. 2016. – № 7–8 (101), июль-август. – С. 31–32 и др.

1) В среднем охват населения спортом в Евросоюзе составляет 41%, при этом ярко выражена зональная дифференциация: от 70% (Швеция) до 11% (Болгария).

2) В первую зону – от 40 до 70% охвата – вошли страны «старого света» Европы, за исключением Португалии (28%) и Италии (30%).

3) Во вторую группу вошли новые члены Евросоюза, где спортом охвачены от 30 до 40% населения – это Венгрия, Литва, Эстония, Латвия, Хорватия, Словения, Греция, Кипр, Чехия. Здесь же расположилась Италия.

4). В группу аутсайдеров попали Польша (28%), Португалия (28%), Румыния (21%), Мальта (19%) и Болгария (11%).

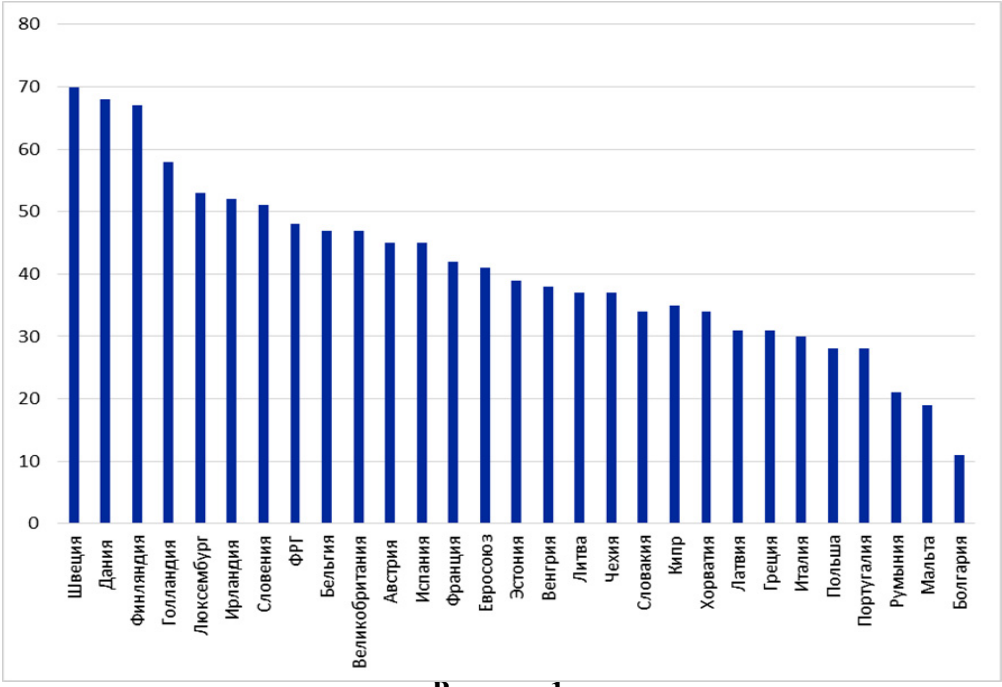


Рисунок 1.

Процент населения стран Евросоюза, регулярно занимающегося спортом (данные на 2014 г.)[1]

Сравнительная оценка мировых показателей охвата населения регулярным спортом представлена на рис. 2. Сравнительный анализ данных, представленных на рис. 1 и 2, показывает, что Россия и Казахстан почти в 2,5 раза отстают от европейских стран-лидеров и находятся в группе стран-аутсайдеров по объему охвата населения регулярными занятиями спортом.

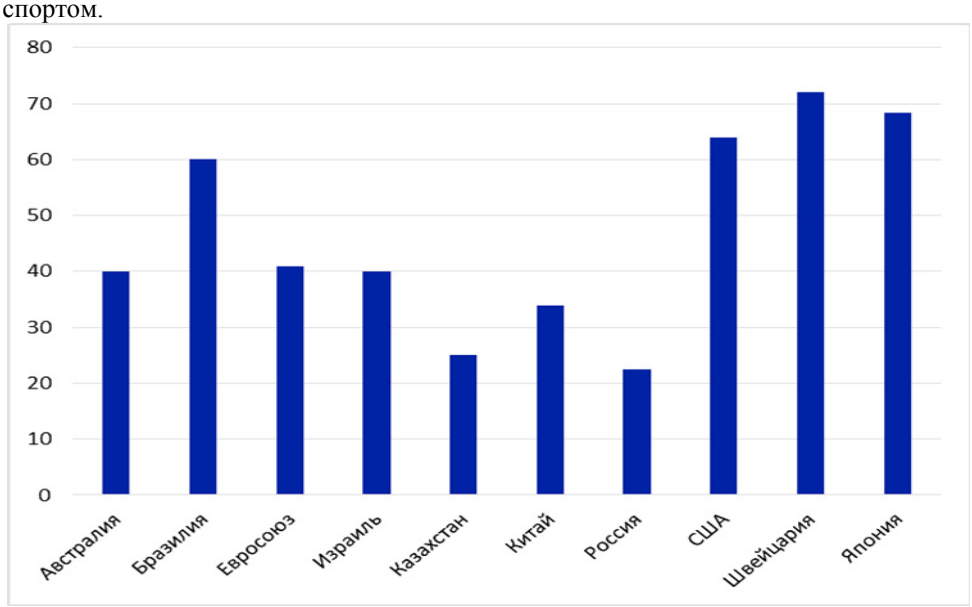


Рисунок 2.

Процент населения ведущих стран мира, регулярно занимающегося спортом (данные на 2014 г.)[2]

[1] Sport and Physical Activity, Special Eurobarometer 412. – http://ec.europa.eu/sport/library/documents/ebs_334_en.pdf

[2] Составлено автором на основе источников: Ван Чжэньчжоу. Влияние Игр XXIX Олимпиады в Пекине (2008 г.) на развитие физической культуры и спорта в КНР. Автореферат...канд. пед. наук: 13.00.04 – М., 2014. – 24 с.; Отношение населения к занятиям физической культурой и спортом. – http://www.federalbook.ru/news/analytics; Мифы об американском спорте. – http://rusbiathlon.ru/blogs/biathlon/id14172/; https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premer_ministr_rk/ zdravoohranenie/id-P1500001037; Бодрость духа, грация и пластика / Le bon esprit, la grace et la flexibilite. http://nashagazeta.ch/news/sport2/18430

Проведенное сравнительное исследование позволило выявить и описать следующие характерные межстрановые и социально-демографические особенности населения, регулярно практикующего физическую активность:

– жители северных стран Европы и Америки в большей степени, чем стран Средиземноморья привержены регулярным физическим занятиям (70 к 20%). В России подобная тенденция не фиксируется. Так, среди лидеров по численности населения, регулярно занимающегося спортом – «южане»: Республика Марий Эл, Чеченская Республика, Краснодарский край, Чувашская и Мордовская Республики, Астраханская область и «северяне»: Ямало-Ненецкий АО и Тюменская область;

– мужчины более активны в занятиях спортом, чем женщины, при этом всех возрастов (49% к 35%);

– выявлена устойчивая зависимость между уровнем образования и регулярностью физической активности – чем выше уровень образования, тем регулярнее граждане занимаются спортом, не зависимо от возраста;

– выявлена зависимость между качеством жизни и регулярностью физической активности – чем регулярней и активней граждане занимаются спортом, тем они выше оценивают качество своей жизни;

– люди, живущие в одиночестве, менее активны в занятиях спортом, в отличие от пар и семей с детьми;

– граждане, испытывающие финансовые или жизненные затруднения, в меньшей степени расположены регулярно заниматься спортом, чем благополучные.

Закономерен вопрос – является ли Россия спортивной страной? По официальным данным фиксируется устойчивая позитивная динамика роста доли россиян, систематически занимающихся спортом с 22,5% (2014 г.) до 31,7% (2016 г.)[1]. В то же время, как уже отмечалось выше, доля граждан, регулярно занимающихся спортом в развитых страх, многократно превышает российские показатели как по количеству, так и по качественным показателям.

Несмотря на победы в спорте высоких достижений, в России более 80% населения ведут малоподвижный образ жизни и демонстрируют какую-либо физическую активность менее 20 минут в день. Даже модным фитнесом в России занимается лишь около 2% населения. Для большинства наших сограждан, свидетельствуют результаты исследования, «спорт – это футбол и ледовые шоу по телевизору».

Представляется важным описать те социальные результаты, которые люди получают от участия в массовых спортивных практиках. К ним относятся: желание поделиться успехами, общение, обменяться опытом, повышение статуса, капитализация ресурсов, каждодневная переподготовка, постоянный рефлексивный анализ результатов, новый круг знакомств, бодрость, доверие к окружающим, солидарность и др. Можно сделать вывод о том, что массовые спортивные практики создают социальную среду, в которой совместная деятельность генерирует атмосферу солидарности и доверия.

Сравнительный анализ управления массовыми спортивными практиками в нашей стране и за рубежом показывает, что в регионах Российской Федерации преобладают административно-вертикальные методы вовлечения граждан в массовый спорт, в то время как в американском, европейском и других обществах доминирует сетевая самоорганизация граждан. Такое сетевое субъектно-ориентированное взаимодействие в массовых спортивных практиках предполагает применение мягких, гибких методов управления, координирующихся с самоорганизацией, что не всегда удается в российском обществе по месту жительства.

[1] См.: Доклад о развитии массового спорта и физического воспитания населения / Рабочая группа Совета при Президенте РФ по развитию физической культуры и спорта. Март 2014. – С. 8–10; Заседание Госсовета по физкультуре и спорту при Президенте России 12 октября 2016 г., г. Владимир – – http://vladtv.ru/state/81327/

Васильева А.В.
к.э.н., в.н.с. НИЛ Количественные методы исследования регионального развития, Российский экономический университет
Vasileva.AV@rea.ru
Амирханова Р.А.
м.н.с. НИЛ Количественные методы исследования регионального развития, Российский экономический университет
Amirhanova.RA@rea.ru
Прохоров П.Э.
м.н.с. НИЛ Количественные методы исследования регионального развития, Российский экономический университет
Prohorov.PE@rea.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УГРОЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Ключевые слова: *демография, миграционные потоки, статистический анализ, миграция, демографические угрозы.*

Keywords*: demography, migratory streams, statistical analysis, migration, demographic threat.*

Обобщение многочисленных точек зрения, касающихся роли миграционного движения как важнейшего фактора формирования социально-экономической ситуации, а также важнейших проблем, связанных с территориальными перемещениями людей, позволяет утверждать, что миграция населения действительно занимает видное место в общественной жизни современной России. Однако полное и глубокое осознание данного обстоятельства, основанное на максимально допустимом исключении субъективизма, вряд ли возможно без комплексного, всестороннего статистического анализа сложившейся обстановки. Независимо от отношения к официальной статистике, включая претензии к ее оперативности, достоверности и т.д., трудно не согласиться с тем фактом, что именно цифры в концентрированном виде наиболее ярко и понятно иллюстрируют реальное положение дел.

Миграционное движение населения имеет самые разнообразные последствия, которые, несомненно, сказываются на темпах и эффективности социально-экономического развития государства. Причем попытка адекватной количественной оценки степени воздействия территориальных перемещений на различные стороны жизнедеятельности российского общества не только затруднена, но и вообще вряд ли реализуема без статистической характеристики трансформации объема и структуры миграционных потоков. По этой причине крайне важно ответить на вопросы о том, как именно видоизменяются ключевые параметры миграции в Российской Федерации, чтобы затем перекинуть мостики к пониманию конечных результатов рассматриваемых процессов.

С позиций своего положения на географической и миграционной картах мира наша страна смотрится достаточно своеобразно (табл. 1)[2].

Таблица 1

Площадь территории и миграционный прирост населения по отдельным странам земного шара

Страны мира	Площадь территории, тыс. км^2	Миграционный прирост населения в 2015 г., ‰
Россия	17 125	2
Канада	9982	6
США	9640	4
Австралия	7750	9
Швеция	450	8
Ирландия	70	–3
Норвегия	324	6
Великобритания	245	3

Российская Федерация, располагая почти 13% площади территории всей планеты, и опережая по этому показателю соответственно в 1,7 и 1,8 раза второе (Канада) и третье (США) государства мира, не впечатляет значением сво-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-02-00331а.

[2] Рассчитано по данным электронного ресурса: http://gks.ru

его показателя, связанного с результативностью территориальных перемещений населения. Интенсивность миграционного прироста жителей нашей страны выглядит достаточно скромно и вынуждает выдвигать альтернативные гипотезы. Имея столь огромные запасы территории (причем в условиях очень низкой по международным меркам физической плотности населения – порядка 8 чел. на один км^2) государство либо проводит жесткую ограничительную миграционную политику, либо Россия обладает очень низкой привлекательностью для представителей других государств, которые не рассматривают ее в качестве объекта возможных территориальных перемещений. Первая гипотеза не выдерживает никакой критики, так как ознакомление с действующим законодательством дает основания говорить о том, что в Российской Федерации сформировались достаточно мягкие по мировым стандартам требования к мигрантам, особенно если речь идет о странах СНГ, со многими из которых заключены специальные соглашения, существенно облегчающие движение людей по территории[1]. Вторая гипотеза, может быть, выглядит более правдоподобной, но, в свою очередь, вряд ли имеет право на существование без всесторонней статистической характеристики параметров международной миграции. К ним, прежде всего, относятся такие два традиционных показателя, как численность прибывших и убывших в Россию на государственном уровне (рис. 1)[2].

Рисунок 1.
Абсолютные характеристики международной миграции в Российской Федерации, тыс. чел.

С 1990 по 2015 гг. включительно в нашу страну въехали около 12,5 млн. чел. (в среднем ежегодно 479,8 тыс. чел.), а выехали чуть более 6 млн. человек (в среднем ежегодно 232,3 тыс. чел.). При этом, несмотря на определенные колебания динамика рассматриваемых параметров международной миграции носила достаточно выраженный затухающий характер. За двадцать пять лет численность прибывших сократилась в 1,53 раза, а численность выбывших соответственно в 2,07 раза.

Абсолютные показатели объема международной миграции складываются из прибытия (убытия) соответственно из стран СНГ и стран дальнего зарубежья, которые вносят свой вклад в трансформацию обобщающих индикаторов, а их рассмотрение раскрывает специфические штрихи в облике миграционной ситуации (рис 2 и 3)[3].

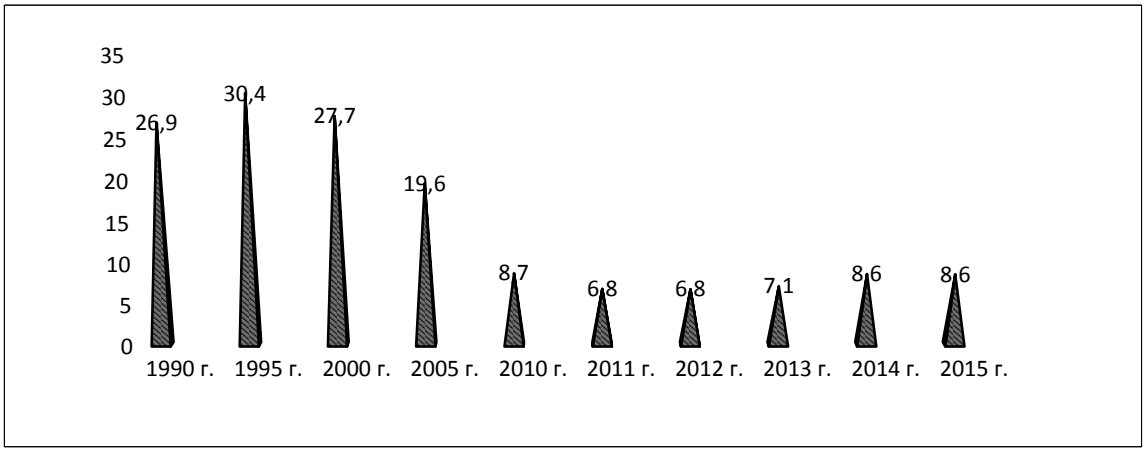


Рисунок 2.
Превосходство численности прибывших в Россию из стран СНГ над численностью прибывших из стран дальнего зарубежья, раз

[1] Махова О.А., Егорова Е.А., Проблемы демографической безопасности сквозь призму оценки динамики естественных и миграционных процессов в России // Статистика и экономика / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. – М., 2016. – № 5. – С. 29–35

[2] Рассчитано по данным электронного ресурса: http://gks.ru

[3] Там же.

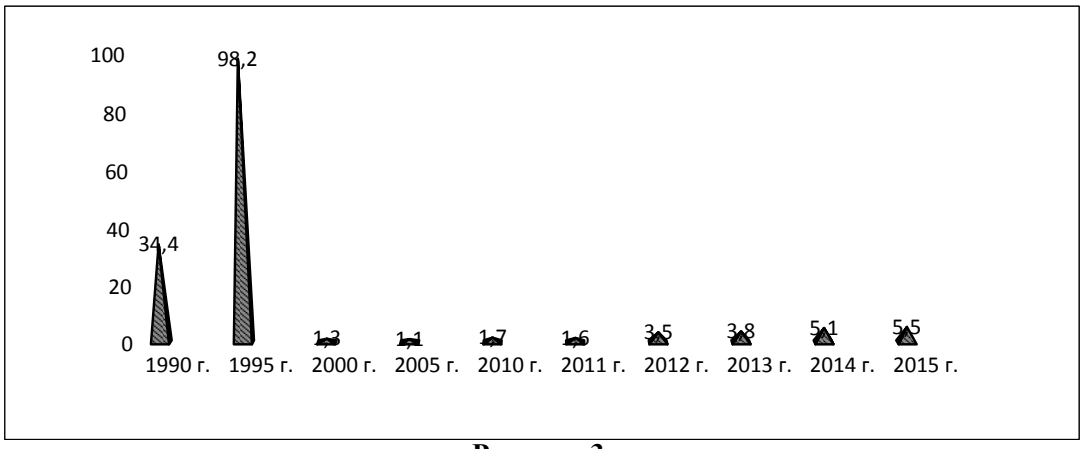


Рисунок 3.
Превосходство численности убывших из России в страны СНГ над численностью убывших в страны дальнего зарубежья, раз

Несмотря на некоторую непоследовательность (рост в 1995 г. по сравнению с 1990 г.) колебания различий в объеме прибывших в Российскую Федерацию из стран СНГ и из стран дальнего зарубежья имеют достаточно выраженную тенденцию к сокращению. За 1990–2015 г. они уменьшились в 3,12 раза, правда остаются еще очень внушительными, что, по нашему мнению, свидетельствует о заметно более высокой востребованности России как конечного пункта территориальных перемещений со стороны именно ближайшего зарубежья или государств, ранее входивших в состав СССР. В этом нет ничего необычного, так как общее историческое прошлое, хоть какое-то минимальное знание языка и реальной информации о социально-экономической обстановке (возможностях трудоустройства, поиске жилья и т.п.) являются весомым подспорьем в выборе направления миграции. С убытием ситуация отличается качественным образом. Даже с учетом более высоких исходных различий в объеме выбывших из Российской Федерации в страны СНГ и в страны дальнего зарубежья и резкого скачка, произошедшего в 1995 г., после этого произошло кардинальное выравнивание масштабов миграционных потоков в указанных направлениях. За 1990–2015 гг. различия в убытии россиян в страны СНГ и в другие государства мира снизились в 6,25 раза. То есть наблюдались порядковые изменения, что, видимо, говорит о росте привлекательности миграционных маршрутов, не связанных с ближайшим зарубежьем. В условиях глобализации российская эмиграция становится все более разнообразной и все дальше удаляется от границ не только собственной страны, но и СНГ. Данную черту международной миграции нисколько не подрывает даже определенный рост превосходства численности, убывших из России в страны СНГ над численностью убывших в страны дальнего зарубежья, имевший место в 2010 г., потому что он просто не идет ни в какое сравнение с том, что имело место в 1990–1995 гг.

Рассмотрение уровня и динамики абсолютных индикаторов объема международной миграции в нашей стране будет носить фрагментарный характер, если не остановиться на соотношении этих показателей с численностью населения, которая по большей своей части за рассматриваемые десятилетия не увеличивалась, а сокращалась (рис. 4)[1].

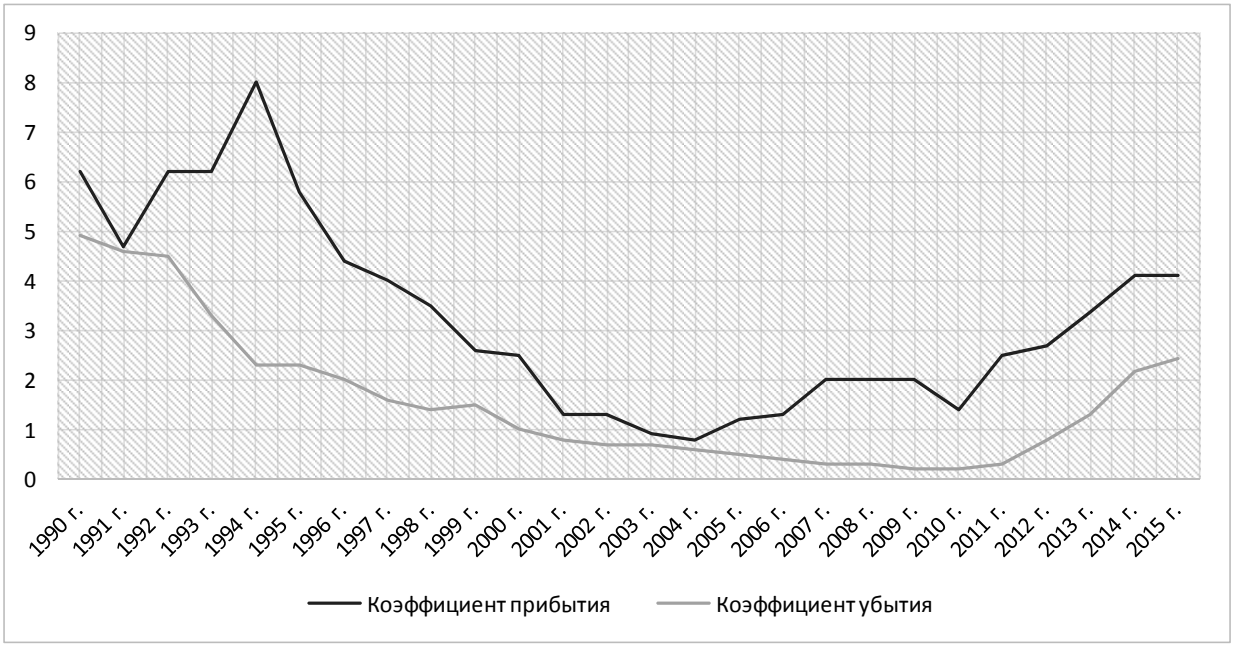


Рисунок 4.
Относительные характеристики международной миграции в Российской Федерации, на 1000 чел. населения

[1] Рассчитано по данным электронного ресурса: http://gks.ru

При определенной внешней схожести с рис. 2 динамика интенсивности международного прибытия и убытия населения в нашей стране за период с 1990 по 2015 гг. все же имела собственные черты. В условиях достаточно длительной непрерывной депопуляции, продолжавшейся более полутора десятка лет, за двадцать пять лет коэффициент прибытия снизился в 1,5 раза, а коэффициент убытия соответственно в 2,03 раза. То есть коэффициенты прибытия и убытия международных мигрантов в России сократились существенно, но все же чуть в меньшей степени, чем абсолютные характеристики прибывших и убывших, рассмотренные ранее. Сам же уровень параметров интенсивности международной миграции (особенно в XXI веке) заметно уступал таким индикаторам естественного движения российского населения, как коэффициенты рождаемости и смертности, которые за рассматриваемый временной интервал колебались соответственно в пределах 8,3–13,4‰ и 11,2–16,4‰. Следовательно, падение объема и интенсивности международной миграции объективно приводило к тому, что процессы территориального перемещения принимали все меньшее участие в формировании численности населения России.

Трансформация относительных показателей международной миграции по укрупненным интервалам времени и периодам политического руководства российских президентов выглядела следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Средние характеристики динамики международной миграции в Российской Федерации

Периоды времени	Коэффициент прибытия		Коэффициент убытия	
	Среднее значение за период, ‰	Средний ежегодный темп прироста (убыли), %	Среднее значение за период, ‰	Средний ежегодный темп прироста (убыли), %
1990–1994 гг.	6,3	6,6	3,9	–17,2
1995–1999 гг.	4,1	–18,2	1,8	–10,1
2000–2004 гг.	1,4	–24,8	0,8	–12,0
2005–2009 гг.	1,7	13,6	0,3	–15,9
2010–2015 гг.	3,1	24,9	1,2	59,4
1990–1999 гг. (Б.Н. Ельцин)	5,2	–9,7	2,8	–12,9
2000–2007 гг. (В.В. Путин)	1,4	–3,4	0,6	–17,0
2008–2011 гг. (Д.А. Медведев)	1,9	8,7	0,3	0
2012–2015 гг. (В.В. Путин)	3,6	11,9	1,7	41,2

При рассмотрении по пятилетиям средний коэффициент международного прибытия в нашей стране имел не только четко выраженную тенденцию к сокращению до 2010 года, но и нарастанию скорости данного процесса с 1990 по 2004 гг. Правда, далее опять произошел некоторый подъем, но средние характеристики динамики были все равно заметно ниже по сравнению с базисным пятилетием (1990–1994 гг.). Средний коэффициент международного убытия практически постоянно уменьшался за весь рассматриваемый период времени с 1990 по 2015 гг., кроме последних лет, когда произошел его рост. Единственно, что после замедления скорости убыли данного показателя в 1995–1999 гг. в XXI веке процесс снижения интенсивности международного убытия из России стал протекать более быстро (до 2010 г.).

Анализ не просто укрупненных временных интервалов, а периодов руководства трех президентов Российской Федерации дает несколько иные результаты. По коэффициенту международного убытия соответственно при переходе от эпохи Б.Н. Ельцина к В.В. Путину и Д.А. Медведеву проступает рельефно выраженный вектор развития. Он связан с заметным сокращением интенсивности убытия россиян за пределы своего государства и нарастанием скорости данного процесса вплоть до 2010 года. Коэффициент международного прибытия в среднем был меньше всего в годы первого периода руководства В.В. Путина. Наибольшая интенсивность прибытия наблюдалась в ельцинский период, а вот максимальная скорость ее прироста – в годы правления Д.А. Медведева. Подобные расхождения, на наш взгляд, говорят о том, что, несмотря на общее направление развития государства, связанное с рыночными преобразованиями, оценка ситуации внутри России и за ее пределами с позиций миграционной привлекательности пусть и не кардинально, но различалась. Поэтому даже с учетом преемственности власти ее практическая деятельность находила неодинаковое проявление в интенсивности международных территориальных перемещений.

В целом, анализ дает основания утверждать, что, опираясь только на данные официальной статистики (без учета нелегальных территориальных перемещений), масштабы и интенсивность международной миграции не только не выделяются по своему размеру (относительно других государств мира или параметров отечественного естественного движения жителей), но и за 1990–2015 гг., несмотря на определенные колебания, имеют более или менее выраженную тенденцию к затуханию. Подобный вывод явно приходит в противоречие с визуальным восприятием миграционной обстановки со стороны российского общества, которое во все возрастающей степени ощущает присутствие переселенцев из других стран. Подобное обстоятельство резко обнажает несовершенство существующего учета объемов миграционного движения населения, который не позволяет точно ответить на вопрос о численности реальных мигрантов в современной России. На уровне федеральных округов внешняя миграция, дополнительно включающая и межрегиональные перемещения, протекает более активно, что не может не приводить к осязаемым видоизменениям состава и размещения населения, а также социально-экономической ситуации по целому ряду направлений, которые проявляются, в том числе и в структурных сдвигах внутри самих миграционных потоков.

Вейкуть А.Г.
старший тренер Центра спортивной подготовки № 8, г. Сочи

ФАКТОРЫ ОТБОРА ДЕТЕЙ – БУДУЩИХ ТЕННИСИСТОВ В ШКОЛЫ ОЛИМПИЙСКОГО РЕЗЕРВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: *система подготовки спортивного резерва, школа олимпийского резерва, большой теннис, подготовка теннисистов, отбор в большом теннисе.*

В нашей стране развитие спорта и спортивного движения традиционно осуществляется на государственной основе. Воспитание здорового подрастающего поколения и подготовка кадров для спорта высших достижений являются основными задачами системы спортивных образовательных учреждений.

Задача детско-юношеских школ олимпийского резерва – это подготовка юношей и девушек, способных успешно выступать на юниорских соревнованиях различных уровней (вплоть до самого высокого) уровня, а впоследствии и на соревнованиях среди взрослых. Таким образом, основная задача школы олимпийского резерва – это формирование спортсменов, достигших определенного, в соответствии с возрастом и поставленными задачами, уровня мастерства и включенных в современные организационно-методические формы подготовки, обеспечивающие дальнейший рост спортивных результатов.

Спорт высших достижений предъявляет высокие требования к уровню физического развития детей, при этом необходимым условием является всесторонняя физическая подготовка ребенка.

Для реализации поставленных целей особое внимание необходимо уделять отбору детей на основе грамотного определения физического и психического состояния ребенка, уровня его мастерства и более четкого видения перспектив его развития, правильного выбора тренера для ребенка и разработки индивидуальной программы его спортивной подготовки.

Кроме того, правильный спортивный отбор позволяет устранить финансовые расходы, связанные с многолетней тренировкой бесперспективных спортсменов; оберегает тренирующихся детей от потери времени, неисполнения ожиданий, ухудшения здоровья вследствие не соответствующих возможностям спортсмена тренировочных нагрузок; избавляет тренеров от напрасной потери времени; обеспечивает качественные спортивные резервы для сборных команд разного уровня.

Спортивный отбор представляет собой систему организационно-методических мероприятий комплексного характера, включающих педагогические, социологические, психологические и медико-биологические методы исследования, на основе которых выявляются задатки и способности детей, подростков, девушек и юношей для специализации в определенном виде спорта [1].

Следовательно, первый фактор отбора ребенка в школу олимпийского резерва – это его физическое здоровье, требующий прохождения им соответствующего медицинского обследования. Доступ к профессиональному спорту может быть закрыт или ограничен в силу приобретенных или врожденных хронических заболеваний, травм. При этом есть возможность совмещения определенных видов профессионального спорта с некоторыми заболеваниями.

Общефизическая и специальная подготовка ребенка. Далее необходимо протестировать ребенка на предмет выполнения им требований общефизической и специальной подготовки, оценить его уровень, наметить перспективы. Для отбора будущих спортсменов-теннисистов обязательно применять следующие контрольные испытания: бег на 30 м, непрерывный бег 5 минут, челночный бег 3×10, прыжок в длину, прыжок в высоту, бросок мяча.

Для высоких спортивных достижений в большом теннисе чрезвычайно важно такое качество как выносливость, определяемое, в основном, наследственностью и трудно тренируемое. На этот фактор общефизической подготовки ребенка необходимо обратить особое внимание. Также очень важна координация движений.

Психическая готовность ребенка. Ребенок, особенно дошкольного или младшего школьного возрастов (а это сенситивный период начала подготовки теннисистов) тяжело переносит расставание с мамой, а новые люди и незнакомая обстановка усиливают стресс вплоть до плаксивого или истеричного состояния. Поэтому необходимо убедиться, что ребенок способен адекватно перенести тренировочный процесс в условиях спортивной школы.

Желание и личные (психологические) качества ребенка. Каждый вид спорта требует наличия у спортсмена таких свойств процессов возбуждения и торможения, которые бы в полной мере обеспечивали достижение спортивного мастерства именно в данной специализации. Отбор детей для большого тенниса должен основываться на изучении индивидуальных особенностей высшей нервной деятельности ребенка и их соответствия требованиям большого тенниса.

Кроме того, важно наличие у ребенка обострённого чувства самолюбия и чести, т.к. дети, обладающие этими качествами, обладают большей способностью выдерживать трудности спортивной деятельности, а также постоянно усложнять себе задачи.

Ребенок должен иметь четкое желание заниматься избранным видом спорта. Здесь необходимо прислушаться к желанию, мотивам и интересам ребенка, правильно определить, чем именно хочет он заниматься и хочет ли вообще. Здесь тренер должен опираться на результаты анализа причин отсева юных спортсменов-теннисистов, проявивших задатки для успешного спортивного совершенствования на первых этапах тренировочного процесса.

Готовность родителей. Здесь важно, чтобы родители при устройстве ребенка в спортивную школу осознавали, что ребенок является уникальной личностью и не подменяли спортивные цели ребенка своими собственными, не считали его успехи в спорте своими и позволили ему реализоваться в спорте самостоятельно [2, 3].

Окончательное решение о привлечении ребенка к занятиям большим теннисом должно основываться на комплексной оценке всех перечисленных факторов, а не на учете какого-либо одного или двух из них.

Список литературы

1. Ахатов А.М., Кузнецов А.С. Основные направления отбора и ориентации, используемые в детско-юношеском спорте: учебно-методическое пособие. – Набережные Челны: КамГАФСиТ, 2010.
2. Беляева Е.В. Проблемы мотивации инновационной деятельности работников в современных российских условиях // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. Сб. статей. – Ялта: РИО ГПА, 2016. – Вып. 53, ч. 3. – С. 351–357.
3. Беляева Е.В. Проблемы управления мотивацией инновационной деятельности работников // Инновационные аспекты развития гражданской авиации (Авиатранс-2016): материалы международной научно-практической конференции, 31 марта – 1 апреля 2016. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 93–96.

Дартау Л.А.
к.т.н., в.н.с. Института проблем управления РАН
dartau@mail.ru

«ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДАЧА УПРАВЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЕМ

Ключевые слова: *феномен «здоровье», качество жизни, управление здоровьем, объект и субъекты управления, обязанности и ответственность субъектов.*

Keywords*: health phenomenon, quality of life, health control process, an object and the subjects of control process, the subject's duties and responsibility.*

До середины XX века представления о здоровье как в общественном сознании, так и в большинстве областей науки, были связаны с биомедицинской категорией знания и практической деятельности национальных систем здравоохранения. В настоящее время, благодаря достижениям микробиологии, медицинской науки в целом и уровню развития цивилизации, возраст дожития граждан в развитых странах (включая Россию) стал достигать таких значений, когда неизбежный уход из жизни перестал зависеть только от возможностей систем здравоохранения и качества продуктов питания и среды обитания. Характер потребления этих продуктов и услуг систем жизнеобеспечения в местах проживания со стороны (и по личному выбору) конкретного гражданина стал определяющим в продолжительности жизни населения многих стран. Как следствие, возможность реализации индивидуального потенциала долголетия заключена сегодня в недоступной для внешнего управления сфере привычек и навыков повседневной (частной) жизни, неприкосновенность которой охраняется конституциями развитых стран (в РФ это Статьи 23 и 25 о «неприкосновенности жилища» и о «невмешательстве в личную жизнь»).

Здоровье, по этой причине, может уже рассматриваться и в рамках социально-экономической категории как составляющая и мера качества жизни. Появилось понятие «здорового образа жизни» (ЗОЖ), следуя которому, гражданин имеет возможность достоверно увеличивать вероятность реализации собственного потенциала долголетия. Возникла проблема «формирования ЗОЖ» со стороны «внешнего» по отношению к гражданину субъекта (структуры и пр.) и контроля этой, по сути, управленческой деятельности. В результате искусственно создается новая сфера общественных взаимоотношений, не существовавших ранее в отношении здоровья.

В данной работе использовался теоретико-управленческий подход (ИПУ РАН, 2015) для анализа современной ситуации со здоровьем, который позволил предложить организационно-правовую технологию ЭДИФАР для совместного управления здоровьем в формате государственно-общественного партнерства через работодателей, руководство образовательных учреждений и администрацию местной власти. Итог этой работы подведен двумя статьями 2015 года в журнале «Проблемы управления»[1,2].

И вот в этой сфере, такой обыденной, такой далекой от трагических ситуаций, связанных с болезнями, найти выход (пока!) не получается ни у кого. Как будто бы всё уже всем давно известно, и в научных кругах и даже в общественном сознании, а «воз и ныне там». Здоровье «здорового» человека никогда не было поводом для предъявления ему претензий со стороны общества, и в этой связи общественных отношений по поводу здоровья «как бы» не существует. Да и сам здоровый человек никогда, нигде и никому не предъявляет претензий по поводу собственного здоровья.

В то же время главным (и всегда первым) в управлении здоровьем оказывается сам человек, будучи объектом живой природы чрезвычайной иерархической сложности. О болезни человек узнает через боль, страх и беспомощность. Эти феномены имеют материальную природу и служат реальной (а не умозрительной) мотивацией человека для обращения за помощью к врачам или просто к другим людям (в зависимости от обстоятельств). Медицина, как и тысячи лет назад, распознает болезнь по отклонениям показателей здоровья от нормы. Врачи ставят диагноз, прописывают лечение и определяют режим и поведение человека во время данной болезни. Возникающие в данной ситуации общественные взаимоотношения в треугольнике «Власть-врачи-граждане» осуществляются в искусственно созданном организационно-правовом поле, используют специфические методологические приемы и опираются на определенные морально-нравственные нормы.

До поры до времени это всех устраивало. Пока не привело к лавинообразному нарастанию стоимости лечения, результаты которого все меньше устраивают граждан развитых стран. Одновременно становилось очевидным, что высокие технологии и дорогостоящее лечение в стационарах не приводят к снижению распространенности основных неинфекционных заболеваний (НИЗ), сокращающих жизнь. Причины их возникновения никак не связаны с деятель-

[1] Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни: Ч. 1. Объект, субъекты, обязанности и ответственность // Проблемы управления. – М., 2015. – № 2. – С. 52–59.

[2] Там же: Ч. 2. Организационно-правовая технология ЭДИФАР //Проблемы управления. – М., 2015. – № 3.– С. 40–48.

ностью систем здравоохранения и не контролируются ими. Выйти из этой ситуации используя административные ресурсы только существующей системы здравоохранения невозможно!

ЗДОРОВЬЕ в ощущениях никак себя не проявляет, а следовательно, никакой мотивации у «человека здорового» для деятельности (тем более затратного характера в смысле время и средства) быть не может. Знания об обнаруженной наукой связи факторов риска поведения человека с возникновением болезней, влияние этих факторов на возраст дожития является достоянием человечества в целом и «поддерживается» в определенных научных кругах и сообществах специалистов. Все же без исключения граждане появляются на свет при отсутствии каких-либо знаний об окружающей действительности, обладая лишь определенным набором рефлексов, инстинктов и способностью к обучению.

Попытка путем простого информирования граждан о научно доказанном влиянии факторов риска на здоровье, заболеваемость и, в итоге, на продолжительность жизни заметных результатов влияния на ситуацию не оказывает. Необходимо перестать называть формирование ЗОЖ неконструктивным с практической точки зрения «культурным проектом», на который «потребуется значительное время». Формирование ЗОЖ – процесс исключительно принудительный (по сути, и по форме), как и все законы государственной власти (и вообще любые управленческие решения). Также внежалостливы и носят насильственный характер в применении законы природы, ставшие достоянием человечества благодаря научным открытиям отдельных ученых.

В конце XIX века русский писатель, практикующий врач В.В. Вересаев писал: «Природу побеждает лишь тот, кто ей повинуется», и в этом контексте ЗОЖ – это умение жить по законам природы. Принципиальной особенностью наступившего периода развития цивилизации становится «обеспечение» здоровья за счет системного управления этим здоровьем тремя основными субъектами: человеком (он – главный), государством (оно определяет правила «игры» через организационно-правовые технологии) и здравоохранением (оно – является источником знаний и практик для такого управления). Этому периоду соответствует новая организационная парадигма развития первичного здравоохранения – совместное управление здоровьем дополнительно к оказанию медицинской помощи (услуг) исключительно по обращаемости.

Организацией потока «здоровых» граждан (не пациентов) в контуре управления для прохождения диспансеризации занимаются не поликлиники, которым отводится другая, достойная их статусу и специальному образованию роль. Основными субъектами (регуляторами) решения этой проблемы являются Государство и Гражданин. Медики, без участия которых она решена быть не может, становятся в контуре управления вторым по значимости субъектом, но не регулятором. И наконец, третьим ключевым субъектом решения проблемы становятся педагоги по «Основам здоровья». Обучение всегда было системно: учитель и ученик имеют общую цель и действуют согласованно. Лечебная же деятельность изначально не предполагала такого объединения. Лечение требовало полного подчинения, и пациент лишь следовал указаниям врача.

Этот вывод, вытекающий из анализа современной ситуации со здоровьем с позиций теории управления, позволяет надеяться на коренное изменение взаимоотношений в треугольнике государство-гражданин-система здравоохранения. Россия в этом процессе имеет шанс в очередной раз (как это было в 1978 г., когда наша страна выступила инициатором проведения в Алма-Ате конференции по первичной медицинской помощи) продемонстрировать мировому сообществу социальную направленность и, как следствие, преимущества национальной инфраструктуры системы первичной медицинской помощи и бюджетного, государственного управления здоровьем.

Что касается смены сформированного уже образа жизни на так называемый «здоровый образ жизни» (с точки зрения современных научных представлений), то в этой ситуации человеку вследствие принуждения или убеждения извне придется «силой воли» создавать у себя дополнительные виртуальные контуры управления. Контуры управления показателями здоровья, которые ранее никогда не входили в число существенных переменных, например, массой тела, физической активностью и т.д. В этой ситуации конечная цель управления для конкретного человека может звучать так: Прожить как можно дольше, болея как можно меньше! Но не более того, поскольку при условии достижения конкретным человеком своего потенциала здоровья он получает возможность для достижения потенциала долголетия, отпущенного ему природой как представителю вида «человек разумный», но никак не бессмертия.

Современная концепция ВОЗ развития национальных систем здравоохранения предлагает странам-членам повсеместный переход от медицинской модели к социальной модели, в основе которой, наравне с лечением, лежит деятельность по сохранению здоровья и профилактике болезней. Сегодня для обозначения этого вида деятельности предлагается термин «Превентивная медицина». К сожалению, таким названием врачи «как бы» вновь назначаются «ответственными» за сложившуюся ситуацию. И если медицинская модель явилась результатом многовекового развития и совершенствования не только чисто научных подходов, но и этико-правовых отношений в обществе, то социальная модель пока еще представляет собой набор «благих» намерений, в котором определен круг желаемых положений, но никак не способы для их достижения.

Как показано выше, территориальное здравоохранение не может «наладить» через свою структуру процесс под названием диспансеризация (в отличие от начальных периодов существования этого вида деятельности в первые годы становления советской власти). А вот цеховая медицина – может. И образовательные учреждения могут. Необходимо только перевести пациента в статус Гражданина (с большой буквы). Относиться к нему как к субъекту управления собственным здоровьем, каковым он на самом деле и является! А затем заключить с ним нормальный (с юридической точки зрения) договор о совместных действиях по управлению его здоровьем.

Документ в формате «Трудового договора» позволит, с одной стороны, обеспечить «здесь и сейчас» определенную степень ответственности гражданина за сохранение собственного здоровья, а с другой стороны, откроет для

государства огромные возможности для нормализации взаимоотношений не только в рамках деятельности системы здравоохранения, но и для совершенствования общественных отношений в целом.

Обязательным элементом контура управления на современном этапе становится педагог, учитель здоровья, валеолог (название в данном случае роли не играет). И готовить его надо не из врачей, на которых и так уже было потрачено немало средств, а из педагогов с базовыми знаниями по биологии и психологии, передающих населению соответствующие знания по основам здоровья, добытые медицинскими науками и не связанные с постановкой диагноза в случаях болезни. Гражданин должен стать главным субъектом этого процесса передачи знаний по аналогии с учащимися в системе образования.

Специфика образовательной деятельности в этом случае заключается в «пожизненном» обучении в связи, с одной стороны, с постоянным научным прогрессом в медицине, а с другой, с возрастными особенностями изменений в организме, в процессе которого преодолевается самая тяжелая психологическая преграда в сознании личности – неизбежность ухода из жизни. Регламент обучения индивидуален по содержанию и хронологически привязан к диспансеризации, по результатам которой корректируется как содержание обучения, так и частота встреч с «педагогами по здоровью» (консультаций с врачами). Совместное с педагогом ведение «Дневника здоровья» гражданина – это не амбулаторная карта, в которую заносятся медицинские заключения. Она не предназначена для составления медицинских отчетов, и участковый врач здесь не нужен. Её содержание предназначено для фиксации состояния здоровья и результатов обучения владельца дневника на «языке общения с педагогом», то есть изложенная в нем информации в значительном объеме использует разговорную лексику.

Как следствие, человека нельзя было сделать (назначить) ответственным за его здоровье, поскольку с юридической точки зрения здоровье является неотчуждаемой и неимущественной собственностью гражданина, а «распоряжение» здоровьем в рамках привычек и навыков повседневной жизни относится к сфере частной жизни и охраняются соответствующими статьями Конституций развитых стран. Одновременно, проблемы со здоровьем, как повод для создания (возникновения) новых общественных отношений, налагают на поведение участников этих отношений серьезную этико-правовую ответственность, поскольку они относятся к тем немногочисленным сферам, где нарушение принятых правил поведения приводит к несравнимым по значимости негативным последствиям.

Используя теоретико-управленческий подход, можно показать, что решение проблемы лежит в создании такой структуры контура управления индивидуальным здоровьем, в котором роль регулятора принадлежит двум субъектам: самому человеку и лицу, обладающему по отношению к нему административным ресурсом (властью и средствами). Такими лицами являются, в первую очередь, работодатели, руководители образовательных учреждений и муниципальная власть в местах, где люди живут, работают и учатся. Одновременно в состав контура управления входят специалисты ЛПУ (поликлиники) и специалисты по «обучению здоровья». В отличие от врачей эти специалисты передают учащимся не столько медицинские знания (специфика которых заключается в возможности постановки диагноза и лечения конкретных болезней), а современные знания о природе здоровья и о практических способах его поддержания, сохранения и развития.

На прошедших в декабре 2015 и 2016 гг. традиционных ежегодных форумах «Российская неделя здравоохранения» ведущих свою историю с 1974 г., не было представлено никаких новых подходов к решению проблем, связанных с обеспечением здоровья «здоровых» граждан с целью предотвращения (отдаления по времени) манифестации основных неинфекционных заболеваний (НИЗ). Признавая ведущую роль НИЗ и факторов образа жизни конкретных индивидов в сокращении возраста дожития, по-прежнему все усилия предлагается направить на расширение охвата населения диспансеризацией, усиление контроля и ответственности участковых терапевтов за ее исполнение. И в этой ситуации врачей окончательно «загоняют в угол» поскольку при существующем правовом статусе поликлиник и (главное) «неуязвимости» граждан в плане привлечения их к деятельности по сохранению собственного здоровья, никакого результата получено быть не может. Врач обучен лечить, то есть ставить диагноз и помогать пациенту справиться с болью, страхом и беспомощностью – этими беспощадными мотиваторами обращения человека к врачу.

Повторимся – деятельность по укреплению здоровья здоровых граждан требует совершенно другой формы общественных взаимоотношений в треугольнике «Власть-врачи-граждане». На рис.1. изображена схема взаимодействия субъектов согласно изложенному выше теоретико-управленческому подходу.

Главными субъектами управления здоровьем становятся власть и гражданин. Они определяют «правила игры» (например, закон об эвтаназии, принятие которого повсеместно началось в начале XXI столетия в развитых странах). Вторыми субъектами являются врачи, чьи знания подлежат передачи гражданам. Здесь нет лекарств, операций и всего остального, чем по праву медицинское сообщество может гордиться. И, наконец, передачу основ любых наук и дисциплин во все времена осуществляли педагоги в рамках уже своих этико-правовых отношений с учащимися. В данном случае речь идет о педагогах по «Основам здоровья» (или точнее, по «Основам управления здоровьем»).

В результате предлагаемых действий прогнозируется синергетический эффект, столь распространенный в живых системах – при минимальных организационных и материальных затратах «здесь и сейчас» обеспечивается достижение максимально возможного уровня индивидуального здоровья и ответственность граждан за конечный результат, который, с одной стороны, приведет к снижению напряженности и взаимных претензий сторон в здравоохранной деятельности государства. А с другой стороны, гармонизирует общественные отношения в целом и повысит общий уровень удовлетворенности граждан услугами по жизнеобеспечению населения, предоставляемыми им со стороны муниципальной (государственной) власти.

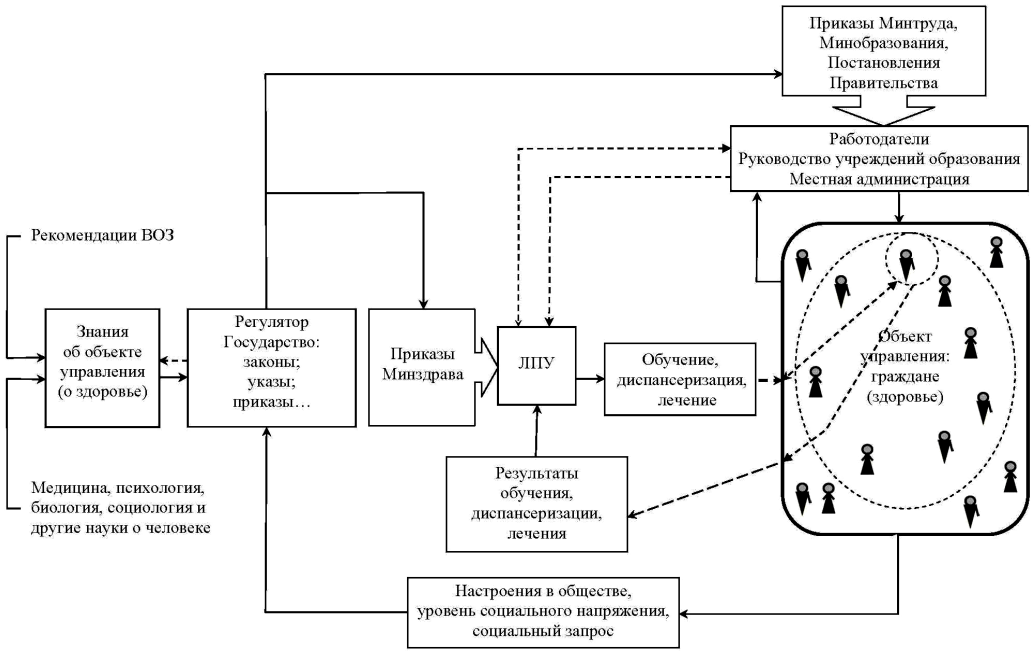


Рисунок 1.
Структурная схема системы управления здоровьем в общем виде

Демидова С.Е.
к.э.н., доцент Псковского государственного университета
sielitodem@gmail.com

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *демография, рождаемость, смертность, естественный прирост.*
Keywords: *demography, fertility, mortality, natural growth.*

Стабилизация численности населения в мире – одно из важных условий перехода к устойчивому экономическому развитию. Известно, что население государства является детерминантом производства и потребления, единственным внутренним источником предложения рабочей силы. Соответственно уменьшение объемов ее использования, без соответствующей компенсации за счет роста эффективности труда, приводит к ограничению базы экономического роста. Именно поэтому депопуляция населения России, сокращение численности населения, в особенности трудоспособного возраста представляет собой серьезную угрозу для достижения цели устойчивого сбалансированного развития.

Несмотря на самую обширную и богатую природными ресурсами территорию, Россия стремительно теряет свои позиции в демографической сфере. Об этом говорят следующие данные: в 1991 г. Россия по численности населения занимала 6 место в мире, на 1 января 2017 г. – 9 место, по прогнозным показателям к 2050 г. Россия займет 14 место.

Оценка демографической безопасности может быть дана на основе анализа показателей: численность населения, естественный прирост, коэффициенты смертности и рождаемости, миграционный прирост, внешние причины смерти, ожидаемая продолжительность жизни.

С 1992 года численность населения нашей страны начала сокращаться. Начиная с 1995 г. и по 2009 г. происходило постепенное снижение численности населения, ежегодно в среднем на 381,5 тыс. чел. (0,25%). За эти 14 лет общая численность населения страны снизилась на 5,7 млн. чел. (3,85%) и составила 142,7 млн. человек. Убыль населения в 1995 г. составила 840 тыс. чел. и фиксировалась до 2012 года (4,2 тыс. чел.). Только в 2013 г. тенденция изменилась к лучшему, разница между родившимися и умершими составила 24 тыс. чел.

Демографические показатели в разрезе регионов неоднородны, в 2014 г. в 34 субъектах РФ отмечалось увеличение показателя смертности. Наибольший рост смертности населения был зафиксирован Росстатом в Мурманской области (на 3,6%, или на 256 человек), Астраханской области (на 3,3%, или на 440 человек), Республике Коми (на 2,5%, или на 128 человек) и Оренбургской области (на 2,2%, или на 460 человек) [6].

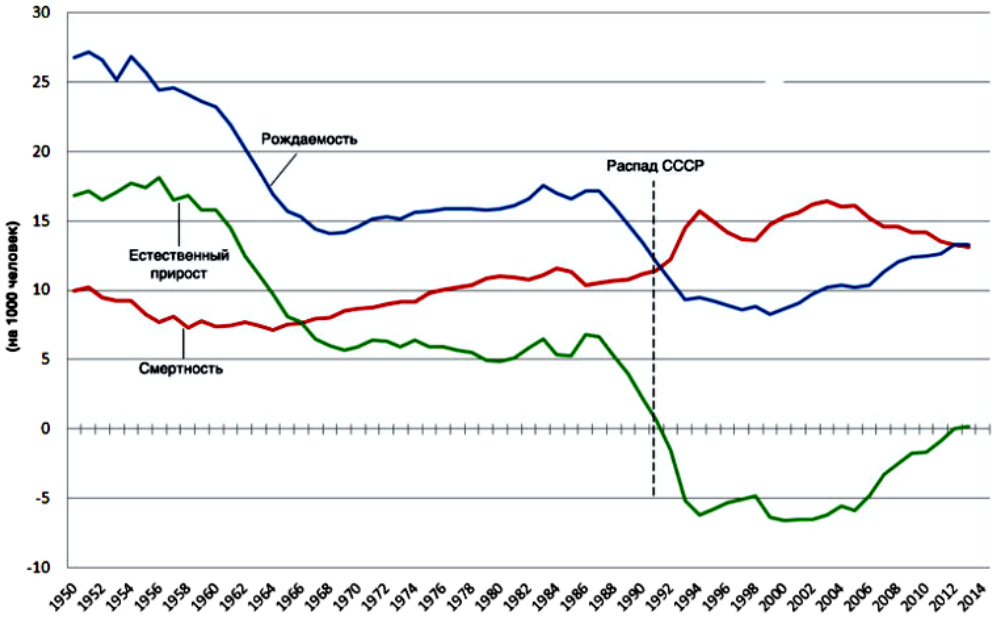


Рисунок 1.
Рождаемость, смертность и естественный прирост населения России с 1950–2014 [4]

В 2015 году превышение рождаемости над смертностью зафиксировано в 44 субъектах РФ. Среди регионов-лидеров по приросту населения: Чеченская республика (25,3 тыс.; 18,3), Дагестан (38,6 тыс.; 12,9), Ханты-Мансийский АО (16,5 тыс.; 10,2), Саха Якутия (8,2 тыс.; 8,6). Среди регионов-аутсайдеров, с коэффициентом убыли более 5 на

1000 чел, – 8 регионов. Это Ленинградская, Орловская, Новгородская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская и Псковская области. В Псковской области коэффициент убыли составил 7,1 (–4,6тыс.). Можно резюмировать, что численность населению увеличивается в кавказских и национальных регионах, в ресурсных регионах.

Если рассмотреть показатели по федеральным округам, то наиболее критична ситуация в Приволжском федеральном округе, снижение численности населения – 2016 г. к 2015 г. – 2,8 % (минус 10 593 чел.), на втором месте Уральский федеральный округ – 1,5% (минус 2084 чел.)

Состояние здоровья, людей в России сегодня оценивается как удовлетворительное. Количество умерших по различным причинам с каждым годом сокращается, наблюдается снижение числа умерших от внешних причин (алкогольные отравления, убийства, самоубийства, ДТП и др.) Положительную роль здесь играет принятие Государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» и улучшение качества медицинских услуг.

В 2016 году естественный прирост составил 20,3 тыс. человек. Ольга Голодец отметила этот несомненный успех, но **основным фактором прироста населения назвала снижение смертности. За год смертность снизилась на 32 тыс. чел.** По прогнозам до 2020 г. смертность в России будет снижаться, это сохранит естественный прирост населения.

Рисунок 2.
Естественный прирост населения России за период 1990–2015 г., чел. в год

Возвращаясь к вопросу о том, что население страны – детерминант производства и потребления, источник рабочей силы, рассмотрим показатели по трудоспособному населению. На долю населения в России в трудоспособном возрасте приходится 58,4%, 17,56% – население моложе трудоспособного возраста, оставшиеся 24,04% приходятся на долю населения старше трудоспособного возраста. Смертность трудоспособных лиц в России высокая (из общего числа умерших почти треть – люди данной категории).

Отмечая положительную динамику в области увеличения численности населения за счет снижения смертности, надо отметить тенденцию к старению российского населения – доля лиц старше трудоспособного возраста увеличивается.

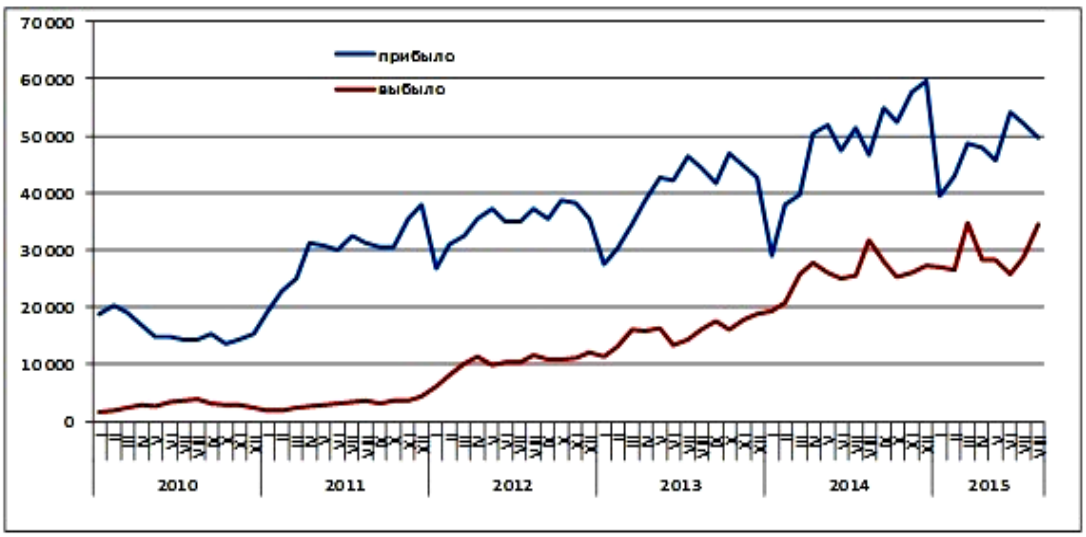


Рисунок 3.
Международная миграция в России, 2010–2015 гг., чел. [7]

Также важно отметить негативные тенденции, связанные с трансформацией института семьи. Трансформация проявляется в отказе от детей, абортах, создании семей с 1–2 детьми, гражданских браках, «гостевых» семей и других. Число браков сокращается, по итогам первой половины 2016 г. их число сократилось на 12% (в сравнении с первым полугодием 2015 г.), число разводов на 2% выросло.

В последние годы на демографическую ситуацию в России оказывают влияние эмиграционные и иммиграционные движения. В части международной миграции, число прибытий в Россию в 2011 г. увеличилось на 86%, ежегодное увеличение в период 2012–2014 гг. составляло 15–20%, в 2015 г. – 7,5%. Продолжает расти и число выбытий, но меньшими темпами. Оценка проведена Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

На современном этапе развития демографической ситуации в России, когда результаты естественного движения населения балансируют на близких к нулю значениях, прирост за счет международной миграции практически целиком обеспечивает рост населения на уровне 250–300 тыс. чел. ежегодно [7]. Более 90% международных мигрантов являются выходцами из СНГ.

Сравнительный анализ фактических значений показателей, характеризующих демографическую ситуацию в РФ в 2015 г., с их пороговыми значениями свидетельствует, что только половина из них соответствует пороговым значениям на фоне положительной динамики. К положительным факторам относятся: снижение смертности, повышение рождаемости, увеличение продолжительности жизни населения. Несоответствие требованиям демографической безопасности таких показателей как продолжительность жизни и число умерших говорит о напряженной ситуации в вопросе режима воспроизводства. Обеспечивает прирост населения – снижение смертности, а не увеличение рождаемости.

Решающую роль в выборе каждой семьи о рождении детей играют: уровень жизни населения и обеспеченности каждой семьи, уверенность в будущем и доверие власти, расходы на содержание ребенка, социальные гарантии и поддержка со стороны государства, наличие детских садов и школ. Все эти факторы в настоящее время имеют негативную окраску, за исключением сохранения материнского капитала, хотя и с заморозкой на индексацию до 2020 года. Таким образом, уровень демографической безопасности недостаточен для устойчивого экономического развития государства.

Список литературы

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. – http://consultant.ru
2. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. – http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-otsenka-vliyaniya-otdelnyh-faktorov-na-sostoyanie-sovremennoy-demograficheskoy-situatsii-v-rossiyskoy-federatsii
3. Интерфакс. – http://www.interfax.ru/world/395021
4. Официальный сайт Росстата. – http://www.gks.ru
5. Демоскоп Weekly. – http://www.demoscope.ru
6. Общероссийский народный фронт. – http://onf.ru/2015/07/01/mayskie-ukazy-prezidenta-v-sfere-zdravoohraneniya-za-2014g-po-dannym-schetnoy-palaty/
7. Economy times. – http://economytimes.ru/revyu/migranty-uhodyat-v-ten-0
8. РБК. – http://pics.v6.top.rbk.ru/v6_top_pics/media/img/1/82/754544916446821.jpg

Егорова Е.А.
к.э.н., зав. лабораторией НИЛ Количественные методы исследования регионального развития Российского экономического университета
Egorova.EA@rea.ru
Васильева А.В.
к.э.н., в.н.с. НИЛ Количественные методы исследования регионального развития Российского экономического университета
Vasileva.AV@rea.ru
Прохоров П.Э.
м.н.с. НИЛ Количественные методы исследования регионального развития Российского экономического университета
Prohorov.PE@rea.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ РОССИИ[1]

Ключевые слова: *демография, население, демографическая экспансия, миграция, анализ.*
Keywords*: demography, population, population reproduction, births, deaths, demographic security, analysis.*

Миграционное движение населения в России, как и в мире, является процессом, берущим свои корни в глубинах истории, на протяжении которой территориальные перемещения людей в узком смысле были инструментом заселения новых земель, способом решения различных жизненных проблем, ответом на политику официальных властей и т.д. и т.п., а в широком смысле активным фактором формирования социально-экономической ситуации во всем многообразии форм ее проявления.

Если попытаться синтезировать многочисленные точки зрения и сформулировать промежуточный вывод, связанный с оценкой значения миграционного движения населения в формировании социально-экономической ситуации, то, по нашему мнению, безусловно, приходится признать, что исторически любые территориальные перемещения людей представляют собой важный фактор изменения реальной действительности. Однако на практике он может проявляться по-разному. В этой связи большой практический интерес вызывает классификация возможных вариантов воздействия демографической экспансии населения на социально-экономическую обстановку. На наш взгляд, в ее составе целесообразно выделять следующие ключевые направления:

1. В зависимости от уровня влияния: а) государственное; б) региональное;
2. В зависимости от происхождения влияния: а) внешнее; б) внутреннее;
3. В зависимости от характера влияния: а) позитивное; б) негативное;
4. В зависимости от масштаба влияния: а) массовое; б) локальное;
5. В зависимости от силы влияния: а) существенное; б) несущественное;
6. В зависимости от скорости влияния: а) быстрое; б) медленное;
7. В зависимости от способа влияния: а) прямое; б) опосредованное;
8. В зависимости от формы проявления влияния: а) явное; б) скрытое.[2]

Для того чтобы оценить роль и место миграционного движения населения в формировании социально-экономической ситуации, как минимум, необходимо выполнение двух обязательных условий: желания и соответствующей информации. Причем первое из них может вызвать недоумение, которое быстро пройдет, если принять в расчет то обстоятельство, что у власти могут находиться и более серьезные участки деятельности, на чьем фоне территориальные перемещения людей не всегда выглядят привлекательным объектом управления. К тому же история знает много таких примеров, когда отдельные государства начинали пристально всматриваться в ситуацию с демографической экспансии только после того, как она приводила к возникновению серьезных практических проблем.

В данном конкретном случае мы будем исходить из того, что основные проблемы, связанные с воздействием территориальных перемещений людей на общественную обстановку в современной России объективно вынуждают предпринимать хоть какие-нибудь действия. Однако для определения тактики и стратегии поведения, совершенно очевидно требуется проведение всестороннего исследования сформировавшейся ситуации, которое невозможно без статистических данных. В этой связи крайне важно понять, в какой мере имеющаяся информационная база статистики миграции населения в нашей стране позволяет решить поставленную задачу.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-02-00331а.

[2] Методология исследование влияния миграции на социально-экономическую ситуацию в России: монография / Н.Д. Эпштейн, П.А. Смелов, Е.А. Егорова. – М.: РУСАЙНС, 2015. – 174 с.

Если же говорить о направлениях совершенствования информационной базы статистики миграционного движения населения, то, на наш взгляд, требуется учесть целый ряд дискуссионных вопросов. Первый из них касается возрастной классификации, используемой для дифференциации состава участников миграционного движения населения. Выделение лиц дотрудоспособного, трудоспособного и пенсионного возрастов вряд ли может вызвать какие-либо нарекания, так как подобная градация трудовой структуры населения носит традиционный характер. Совсем другое дело развернутая возрастная группировка мигрантов. Их подразделение на жителей, находящихся в возрасте 0–5; 6–13; 14–17; 18–19; 20–24; 25–29; 30–39; 40–49; 50–54; 55–59; 60–64; 65 лет и более, вызывает неоднозначное толкование. Начнем с того, что при подобном подходе привлекаются неравные возрастные интервалы, практическое применение которых, как собственно и логическое обоснование вызывают много вопросов. Самое же главное неудобство заключается в том, что они не совпадают с теми возрастными интервалами, которые используются для характеристики распределения по возрасту всего населения (там, например, обычные равные пятилетние группы), лиц, занятых в экономике, совершивших правонарушения и т.д. В результате возникают определенные проблемы, связанные с характеристикой возрастного распределения мигрантов, как фактора трансформации различных аспектов социально-экономической обстановки. Дополнительно требуется обратить внимание на тот факт, что сами признаки, применяемые для рассмотрения структуры миграционных потоков (пол, возраст, место жительства, национальность, гражданство и др.) носят ограниченный характер. За кадром остается целый ряд традиционных разрезов, без которых подробно раскрыть роль территориальных перемещений людей в трансформации общественной обстановки просто невозможно[1]. Поэтому в качестве возможных направлений совершенствования информационной базы статистики миграционного движения населения именно с позиций его воздействия на социально-экономическую ситуацию, с нашей точки зрения, целесообразно было бы уже собираемые статистические данные дополнить следующими направлениями[2]:

- учет брачного состояния мигрантов, а также вида перемещения (для семейных – с семьей или без семьи, с частью членов семьи и т.п.);
- регистрация разговорного языка мигрантов, а также владения другими языками и, прежде всего, русским языком, как государственным языком территории прибытия;
- отражение религиозной принадлежности мигрантов, особенно в контексте ее совпадения с местными традициями;
- развернутая (включая детей) фиксация уровня образования мигрантов;
- выявление характера и уровня профессиональной подготовки мигрантов (специальность, занятие, прежнее место работы и т.п.).

Без учета перечисленных выше далеко не полных и по сути дела основных аспектов структуры миграционных потоков крайне сложно строить суждения о месте и роли миграционного движения населения в современном российском обществе. При этом, на наш взгляд, совершенно отдельными позициями должны идти такие направления, как обеспечение адекватного статистического учета размера, структуры и интенсивности нелегальной миграции, а также процесса ассимиляции приезжих, так как в последние годы демографическая экспансия, предполагающая устойчивое формирование и расширение ареалов проживания некоренного населения, не желающего считаться с местными традициями и устоями, приобретает в нашей стране все более масштабный и угрожающий характер.

Всестороннюю и детальную характеристику влияния миграционного движения населения на социально-экономическую обстановку нельзя осуществить без статистических показателей, которые дают количественную оценку явлений и процессов, связанных с территориальными перемещениями людей. В этом контексте необходимо отметить специфику сложившейся ситуации. На поверхности сформировалась более или менее удобоваримая система показателей статистики миграции населения, которая широко используется на практике. Подавляющее большинство ученых, специалистов и практиков откровенно соглашаются с пониманием того, что в зависимости от формы представления индикаторы миграционных процессов подразделяются на абсолютные и относительные показатели[3]. Также не вызывает серьезных возражений подход, ориентированный на то, что в зависимости от содержания индикаторы миграционных процессов распадаются на показатели масштабов, структуры, интенсивности, результативности и т.п. Однако бросается в глаза то обстоятельство, что многие из предлагаемых и уже используемых показателей позволяют лишь косвенно судить о роли миграционного движения населения в формировании социально-экономической ситуации. В этой связи приходится говорить о том, что еще только предстоит сформировать систему статистических индикаторов, которая смогла бы дать всестороннюю характеристику воздействия территориальных перемещений людей на общественную обстановку.

По нашему мнению, ее построение может происходить в разных направлениях. Наиболее простым из них является то, которое ориентировано на дополнение традиционных показателей миграции населения параметрами, отражающими участие мигрантов в самых различных сферах жизнедеятельности общества. К ним, несомненно, относятся:

1) ***показатели политической деятельности мигрантов***, включая приезжих, принявших гражданство, вступивших в брак с местным населением и т.п. (представительство в органах власти, органах управления различного уровня; наличие политических партий или их отделений, численность членов и др.);

---

[1] Боков А.Н., Карманов М.В., Смелов П.А., Эпштейн Н.Д., Егорова Е.А. Демографические угрозы Российской Федерации в условиях глобализации. Монография. – М.: Русайнс, 2015. – 170 с.

[2] Методология исследование влияния миграции на социально-экономическую ситуацию в России: монография / Н.Д. Эпштейн, П.А. Смелов, Е.А. Егорова. – М.: РУСАЙНС, 2015. – 174 с.

[3] Демография и статистика населения: учебник / Под ред. И.И. Елисеевой. – М.: Финансы и статистика, 2006.

2) ***показатели общественной деятельности мигрантов*** (количество общественных и религиозных организаций; их структура по характеру деятельности, вероисповеданию и т.д.; численность членов землячеств, прихожан и др.);

3) ***показатели экономической деятельности мигрантов*** (численность занятых в экономике; их удельный вес в общей численности занятых в экономике; структура занятости по секторам экономики, видам занятий и т.д.; численность безработных трудовых мигрантов; количество фирм, компаний, созданных мигрантами; их доля на рынке по объему производства, продажам и др.);

4) ***показатели демографической активности мигрантов*** (уровни рождаемости, смертности, брачности, разводимости приезжих; оседлость, территориальная подвижность; их удельный вес в общей численности родившихся, умерших, вступивших в брак, разошедшихся, сменивших место жительства и др.);

5) ***показатели образовательной активности мигрантов*** (численность обучающихся в дошкольных учреждениях, школах, вузах и т.п.; их удельный вес в общей численности слушателей воспитательных и образовательных учреждений и др.);

6) ***показатели медицинской активности мигрантов*** (посещаемость приезжими учреждений здравоохранения; уровень и структура заболеваемости; удельный вес в общей численности лиц с впервые установленным диагнозом и др.);

7) ***показатели криминальной активности мигрантов*** (количество преступных группировок, численность их участников; структура и интенсивность преступности; удельный вес преступлений, совершенных мигрантами в общем количестве преступлений и др.) и др.[1]

С нашей точки зрения, приведенная выше конструкция, охватывает простейшие, но вместе с тем очень важные статистические показатели, позволяющие хоть в какой-то мере выйти на прямую оценку роли миграционного движения населения в трансформации социально-экономической ситуации. Несомненно, их состав не является абсолютно идеальным и нуждается в уточнениях, дополнениях, конкретизации и т.д., которые предоставят возможность получать более полную и адекватную характеристику сложившейся обстановки. Главное, чтобы они в той или иной части нашли свое отражение в практике Федеральной службы государственной статистики, так как в противном случае любые разговоры об участии мигрантов в общественной жизни будут продолжать носить умозрительный характер и не всегда подтверждаться конкретными цифровыми данными.

[1] Боков А.Н., Карманов М.В., Смелов П.А., Эпштейн Н.Д., Егорова Е.А. Демографические угрозы Российской Федерации в условиях глобализации. Монография. – М.: Русайнс, 2015. – 170 с.

Загидуллин М.И.
к.и.н., доцент Альметьевского филиала Университета управления «ТИСБИ»
Назмутдинова Р.Н.
к.соц.н., директор Альметьевского филиала Университета управления «ТИСБИ»

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *модернизация, власть, управление, демография, потенциал общества, трудовые ресурсы, национальная безопасность.*
Keywords*: modernization, power, management, demography, potential of society, human resources, national security.*

Цель модернизации состоит в том, чтобы государство и общество осознали важность и необходимость проведения преобразований, которые соответствуют вызовам времени и требуют соответствующих ответов. Такими ответами могут быть технологические реформы; политика, обеспечивающая интересы человека, защиту национальных интересов государства от внешних посягательств и др.

В центре нашего анализа – демографическая ситуация в современной России.

Есть свидетельства о том, что когда В.П. Чкалов со своим экипажем в 1938 году совершил выдающийся для того времени беспосадочный перелет с территории Советского Союза через Северный полюс в США, американский журналист, сумевший первым взять интервью у советского летчика, задал достаточно неожиданный вопрос. Он звучал так: богат ли В.П. Чкалов. На что советский летчик ответил – да, я богат. А сколько у Вас? – спросил дотошный журналист. 140 миллионов, – ответил командир воздушного корабля. Рублей или долларов? – спросил газетчик. Людей – ответил В.П. Чкалов. Поскольку население Советского Союза в конце 30-х годов XX века составляло примерно 140 миллионов человек, а в настоящее время население России составляет примерно 147 миллионов человек, демографическая ситуация в нашей стране должна вызывать определенную озабоченность.

К настоящему времени в нашей стране удалось добиться небольшого прироста населения, в частности, путем использования материнского капитала. Однако без коренных сдвигов в развитии народно-хозяйственного комплекса страны демографическую задачу вряд ли удастся решить.

Отрицательными факторами, влияющими на демографическую конъюнктуру, являются старение населения, увеличивающееся количество разводов, миграция населения из периферии в центральные промышленные районы, особенно в крупные города. Конечно же, наблюдаются и положительные сдвиги, такие как существенное снижение количества умерших от сердечно-сосудистых заболеваний, значительное уменьшение детской смертности. Тем не менее, это не означает, что вопросы демографии потеряли свое значение. Напротив, социально-экономическое развитие страны, соответственно, и демографическая конъюнктура на обозримый период времени требуют серьезного анализа и принятия необходимых управленческих решений.

Условия, влияющие на современную демографическую ситуацию в России, на наш взгляд, требуют выполнения некоторых рекомендаций, которые позволили бы стране минимизировать социально-экономические риски.

Цели российской модернизации с учетом демографического фактора должны состоять в следующем:

– обеспечить экономический подъем страны, прежде всего, за счет поддержки новейших отраслей народного хозяйства в таких областях как робототехника, энергетика, авиастроение, космическая промышленность, автомобильный и железнодорожный транспорт. Особое внимание необходимо обратить на нанотехнологии, внедрение инновационных методов хозяйствования в производство и сферу обслуживания населения. При этом требуется попутно решать нерешенные вопросы деиндустриализации в тех производствах, которые должны быть связаны с интересами и заботами государства. Исходя из выше сказанного, следует повысить внимание на подготовку технических кадров по инженерным специальностям. Одним из приоритетных направлений должно быть сельское хозяйство;

– обеспечить растущую и достаточно перспективную экономику страны необходимыми трудовыми ресурсами. Необходимо добиваться не только устойчивого роста ВВП, но и устойчивого опережающего роста народонаселения. Это потребует четко продуманной экономической и социальной политики руководства страны, серьезного учета демографического фактора. Социальная программа развития страны должна предусматривать решение таких вопросов, как обеспечение молодых семей жильем, повышение доходов населения, полное обеспечение детей местами в детских учреждениях, меры, связанные с развитием медицинских услуг и т.д.

Ишмухаметов Н.С.
к.э.н., доцент Башкирского государственного университет, г. Уфа
007@efbgu.ru

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФАКТОРАХ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: *здоровье населения, человеческий капитал, социально-экономические факторы здоровья, образ жизни, превентивная медицина.*

Проблемы демографии и сбережения нации не могут рассматриваться отдельно от вопросов здоровья населения, являющегося основой человеческого потенциала нации. Эта основа часто ассоциируется с показателями продолжительности жизни населения, а также другими важнейшими демографическими показателями, для которых здоровье населения является важнейшим фактором. Здоровье, в свою очередь, также испытывает на себе действие ряда факторов, многие из которых имеют социально-экономическую и/или поведенческую природу.

Согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения, «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [1]. При этом существует различие в подходах к дефиниции здоровья (рис. 1) на уровне индивида и уровне популяции (населения).

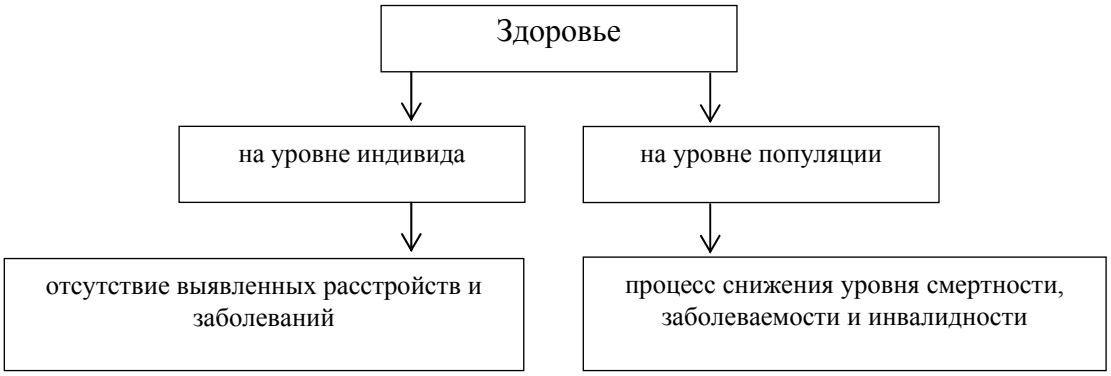


Рисунок 1.
Подходы к определению здоровья на уровне индивида и уровне популяции

В программе ВОЗ «Health Impact Assessment» (Оценка воздействия на здоровье) определяющими факторами здоровья признаются:

– социально-экономическая среда;
– физическая среда;
– индивидуальные особенности и поведение человека.

В составе вышеперечисленных факторов можно назвать многие другие детерминанты здоровья, зачастую носящие частный характер: доходы и социальный статус, образование, занятость и условия труда, социальная поддержка, личный опыт и навыки сохранения здоровья, генетический фактор, услуги здравоохранения, гендерный фактор.

Интересным с точки зрения поведенческих факторов представляется подход, существующий в психологии здоровья. В рамках данного подхода выделяются три группы факторов, влияющих на здоровье: независимые (предшествующие), передающие и мотиваторы. Анализ этих факторов по составным элементам показывает, что поведенческие факторы присутствуют во всех трех группах факторов: от поведенческих паттернов в независимых факторах до фактора «существование в болезни» в составе мотиваторов.

Считается, что решающее влияние на динамику здоровья человека оказывает такой управляемый фактор, как образ жизни человека. Это, однако, не говорит о необходимости отстранения государства от участия в этом процессе. На наш взгляд, важнейшим направлением качественного воспроизводства и накопления человеческого капитала, и в частности – капитала здоровья, должна стать политика актуализации соответствующих потребностей (в том числе, через телевидение и прочие СМИ) и создание возможностей для их удовлетворения (развития рациональных потребительных способностей). Причем последнее нам представляется более важной задачей, чем просто формирование рациональных потребностей. В конечном итоге это должна быть не просто осознанная человеком необходимость в здоровом образе жизни, в занятиях физической культурой и спортом. Каждый человек должен представлять себе, как и где он может удовлетворить эти потребности, иметь к ним доступ. Другими словами, необходима современная инфра-

структура здорового образа жизни, которая к тому же должна быть построена на принципах гармоничного коэволюционного взаимодействия человека с окружающей средой [3, с. 130].

Понятие «образ жизни» отражает повседневную жизнь людей. Выделяют как объективные факторы, влияющие на образ жизни (естественные, социальные, культурные), так и субъективные (восприятие и оценка представителями различных социальных групп условий своего существования, потребности, запросы, побуждения, мотивы, интересы, ценностные ориентации, цели и т.п.) [4, с. 79].

Разграничение социально-экономических факторов образа жизни можно провести в рамках подхода, в котором выделяются две категории: экономическая – уровень жизни; социальная – качество жизни. Соответственно, показателями уровня жизни являются размер и форма доходов, структура потребления, обеспеченность жильем и его качество, условия труда и отдыха, экология, образовательный и культурный уровень населения, здоровье и продолжительность жизни. Качество жизни, как социальная категория, характеризуется укладом жизни и стилем жизни, который представляет собой порядок общественной жизни, быта, культуры людей [5].

Инвестирование в здоровье и накопление капитала здоровья происходит в рамках экономики домохозяйства, поскольку одной из функций домохозяйства является восстановительная, заключающаяся в поддержании и продуцировании здоровья ее членов [6, с. 135]. Вместе с тем следует признать, что, как правило, трудно ответить на вопрос, являются ли расходы домохозяйства на образование и здравоохранение (в том числе – на приобретение соответствующих услуг для детей) текущими затратами или элементами инвестиционных расходов, нацеленных на получение отдачи в будущем. Так, например, в условиях современной России, когда ограниченное потребление значительной части семей обеспечивает им лишь простое или даже суженное воспроизводство, их текущие потребительские расходы вряд ли могут рассматриваться в качестве инвестиций [7, с. 351].

Таблица 1

Потребительские расходы домашних хозяйств России на здравоохранение, в процентах к итогу

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Потребительские расходы – всего	100	100	100	100	100	100
здравоохранение	3,3	3,5	3,4	3,6	3,6	3,6
из него:						
медикаменты, медицинское оборудование	1,8	1,8	1,9	2,0	2,0	2,1
амбулаторные услуги	1,1	1,3	1,1	1,2	1,3	1,2
услуги стационаров	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3

Источник: Росстат [8, с. 168].

По данным, представленным в табл. 1, можно судить о незначительном росте потребительских расходов домохозяйств на здравоохранение за последние годы, при некотором снижении доли расходов на услуги стационаров. Стабильный рост в составе этих расходов показывают расходы на медикаменты, медицинское оборудование.

Вместе с тем, анализ потребительских расходов домохозяйств на здравоохранение по группам населения (с различным уровнем располагаемых ресурсов) показывает (табл. 2), что в 2015 г. первая группа населения (с наименьшими располагаемыми ресурсами) не пользовалась платными услугами стационаров. Это не говорит о том, что данной группе населения эти услуги были недоступны в принципе, но в то же время это подтверждает тот факт, что платными услугами стационаров пользуются более обеспеченные группы населения.

В целом видна следующая общая картина: в более обеспеченных группах доля расходов на здравоохранение выше. Если учесть, что по результатам 2015 г. коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в России был равен 0,413, а коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) составил 15,7 раз, то картина дифференциации социально-экономических факторов здоровья, построенная с учетом абсолютных цифр, выглядит еще более удручающей.

Таблица 2

Потребительские расходы домашних хозяйств по группам населения с различным уровнем располагаемых ресурсов в 2015 г.

	Все домохозяйства	из них по группам населения в зависимости от уровня располагаемых ресурсов				
		первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)
Потребительские расходы – всего	100	100	100	100	100	100
здравоохранение	3,6	2,5	3,1	3,6	3,6	4,1
из него:						
медикаменты, медицинское оборудование	2,1	2,1	2,4	2,5	2,2	1,9
амбулаторные услуги	1,2	0,4	0,6	0,9	1,2	1,8
услуги стационаров	0,3	0,0	0,1	0,2	0,2	0,4

Источник: Росстат [8, с. 169].

Не меньшую озабоченность вызывают показатели денежных расходов на платные услуги в области здравоохранения со стороны домашних хозяйств, проживающих в городской, либо сельской местности (табл. 3). В сравне-

нии с городскими жителями сельское население тратило в 2014 г. почти в 2,4 раза меньше на медицинские услуги, и более чем в 3,6 раза меньше на санаторно-оздоровительные услуги.

Краткий анализ статистики здравоохранения в России, выстроенной в 3 группы показателей (лечебно-профилактическая помощь населению; заболеваемость населения; инвалидность населения), подтверждает выдвинутые нами прежде опасения относительно консервации существующего положения дел в сфере охраны здоровья. Речь о том, что действующий подход к структурированию социальных инвестиций в России давно нуждается в модернизации, как и подход к их программированию (для формирования «дорожной карты») и мониторингу (в целях большей прозрачности для общества). В структуре социальных инвестиций целесообразно разграничить два крупных раздела, первый из которых подразумевает профилактику и защиту, то есть превентивные меры в медицине, а второй – непосредственно медицинскую помощь, лечение заболеваний.

Таблица 3

Денежные расходы домашних хозяйств на платные услуги здравоохранения, рублей

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
	Домашние хозяйства в городской местности					
Расходы на оплату услуг – всего	14 477,6	38 601,7	42 183,5	46 333,6	50 988,5	53 875,7
из них на услуги:						
медицинские	603,0	1888,3	2533,1	2532,4	2842,0	2973,7
санаторно-оздоровительные	243,3	841,8	650,7	729,1	706,9	819,2
	Домашние хозяйства в сельской местности					
Расходы на оплату услуг – всего	4991,5	15 539,4	17 574,8	19 257,8	21 180,0	24 013,7
из них на услуги:						
медицинские	201,5	653,4	734,8	857,6	1019,5	1248,3
санаторно-оздоровительные	73,0	174,0	194,0	191,9	284,9	224,6

Источник: Росстат [9, с. 143].

Суть превентивной медицины заключается в переориентировании основных усилий на адресное управление здоровьем и резервами организма каждого конкретного человека и продление полноценной жизни до естественных, биологически обусловленных пределов. Главная задача превентивной медицины – выявление изменений, способных вести к заболеваниям и принятие адресных мер, направленных на предотвращение болезней, грозящих конкретному индивиду [10].

Официальная статистика России по части превентивной медицины в разделе «здравоохранение» предоставляет лишь данные о профилактических осмотрах населения, подлежащего периодическим осмотрам (в том числе детей в возрасте 0–14 лет), тогда как остальные показатели данного раздела, по сути, описывают материально-техническую базу лечебно-профилактических учреждений (число коек в медицинских организациях и т.п.).

Проблемы перевода превентивной медицины в практическую плоскость связаны с рядом организационных, технических и кадровых вопросов, которые невозможно решить без привлечения профессионального сообщества, причем как медиков, научных работников, так и управленцев, юристов, экономистов. В этом аспекте немаловажными следует признать инвестиции в информатизацию здравоохранения, направляемые на повышение эффективности охраны здоровья с целью сохранения «витальной» составляющей реально функционирующего и будущего человеческого капитала. На современном этапе перед решением проблемы информатизации здравоохранения в России стоит широкий ряд задач: развитие телемедицинских услуг, обеспечивающих повсеместное и оперативное применение возможностей дистанционной диагностики, анализа данных результатов обследования, уточнения диагноза и консультирования, а также создание систем мониторинга состояния здоровья населения, включая электронный паспорт здоровья, систем персонифицированного учета медицинских услуг на основе полноценного, системного внедрения телекоммуникационных технологий в сферу здравоохранения России.

Список литературы

1. Устав ВОЗ: принципы. – http://www.who.int/about/mission/ru/
2. The determinants of health. – http://www.who.int/hia/evidence/doh/en/
3. Ишмухаметов Н.С. Человеческий капитал: специфика и условия его развития на стадии постиндустриализации: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Челябинский государственный университет. – Уфа, 2011.
4. Романова И.В., Романова Н.П., Казарян И.Р. Категория «образ жизни»: понятие, содержание и структура // Вестник Заб. гос. Ун-та. 2016. – Т. 22, № 3. – С. 76–84.
5. Субботин С.И., Буянов А.А. Социально экономические факторы здоровья // БМИК. 2016. – № 1. – С. 79–79.
6. Тарасенко Е.А., Рыжкова Т.Б. Экономика здоровья и экологизация потребительского поведения домохозяйств // Экономический журнал. 2013. – № 1. – С. 135–144.
7. Ишмухаметов Н.С., Россинская Г.М. Роль потребительского потенциала и потребительских способностей в формировании человеческого капитала // Евразийский юридический журнал. – М., 2016. – № 8 (99). – С. 351–353.
8. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016.
9. Здравоохранение в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 174 с.
10. Полетаев А.Б. Превентивная медицина. – http://medical-science.ru/wp-content/uploads/2015/10

Кузин С.И.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Константинова А.Г.
старший преподаватель Иркутского государственного университета

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Ключевые слова*: демографические процессы; численность населения; потенциал; демографический рост; воспроизводство населения; рождаемость; смертность; половозрастная структура; миграционные процессы.*
Keywords: *demographic processes; population; potential; population growth; population reproduction; fertility; mortality; sex and age structure of population; migration processes.*

В последние десятилетия на всех уровнях государственного управления нашей страны растет осознание необходимости решения демографических проблем, вопросов развития человеческих ресурсов, улучшения качества жизни, физического, духовного и психического здоровья российских граждан, интеллектуального потенциала нации, совершенствования инструментов демографической и семейной политики. Однако основной акцент в решении демографических проблем в отечественных государственных программах делается на здравоохранение. Хотя за рубежом уже не вызывает сомнения, что важнейшим фактором, влияющим на здоровье населения, его психическое благополучие, сокращение смертности и продление творческого долголетия являются действия в рамках самосохранительного поведения.

К сожалению, в России ситуация со здоровьем нации исправляется невысокими темпами, что значительно затрудняет проведение экономических и социальных реформ. Это связано, среди прочего, с отсутствием в теории и практике социально-демографического регулирования единых базовых понятий, в том числе понятия демографического потенциала, адекватного требованиям современного социально-экономического развития отдельных субъектов национального хозяйства – регионов [1].

Изучение и развитие теоретико-методологических основ любой сферы требует наличия четкого и однозначного понятийного аппарата. В связи с этим важно уточнить суть категории демографический потенциал. До сих пор в научной литературе отсутствует единый подход к трактовке и пониманию сущности демографического потенциала.

Развитию теоретических основ понятия «демографический потенциал» в значительной степени способствовали исследования зарубежных учёных. Так, С. Шульц определяет «демографический потенциал» как способность общества к размножению, проявление которой обусловлено конкретным уровнем рождаемости и смертности при элиминировании каких-либо побочных факторов [7].

Дальнейшие исследования не только углубили понятие «демографического потенциала», но и внесли ряд связанных с этим понятием «категорий». К примеру, Дж. Стюарт, на основе теоретических основ определения потенциала из физики, ввёл в оборот понятия «демографического потенциала местности» и «демографической силы» [8].

Другой зарубежный исследователь в области демографии, Л. Херш, ввёл понятие «жизненного потенциала», а также создал, по сути, самостоятельное направление демографического анализа – потенциальную демографию. Так, в публикациях данного исследователя выделены принципы и инструменты потенциальной демографии, которая представляет собой новый, дополнительный подход к анализу демографический процессов [9]. Специфика понятия «потенциал» применительно к потенциальной демографии проявляется, в частности, в том, что одной из её базовых категорий является возможная продолжительность времени, которое может прожить представитель совокупности определённой возрастной категории, в соответствии с уровнем смертности, сформировавшимся на данный период времени в анализируемой демографической группе.

В последующих трудах, некоторые концептуальные посылки Л. Херша были упрощены. К примеру, французский демограф Ж. Буржуа-Пиша обосновал, что средний потенциал населения может примерно выразиться в средней продолжительности предстоящей жизни для населения средней возрастной категории, а также доказал, что ежегодное снижение уровня демографического потенциала населения, обусловленное высокой смертностью и его старением, примерно соответствует численности населения исследуемой местности [10, с.10].

Публикации Ж. Буржуа-Пиша и Л. Хирша, имея целью развитие уже достигнутых методологических основ, были направлены на разработку конкретных инструментов определения параметров демографического потенциала. К примеру, Э. Фильрозе произвёл расчёт жизненного потенциала в зависимости от принадлежности от половозрастных признаков, а также раскрыл структуру жизненного потенциала, в том числе влияние уровня смертности и её отдельных причин, фактора времени и других компонентов жизненного потенциала. Он также обосновал ключевые факторы, влияющие на жизненный потенциал определённой демографической группы: число лиц, составляющих эту группу, возрастная структура группы, средняя продолжительность предстоящей жизни для отдельных возрастных категорий группы, число рождений, число смертей, возрастная структура умерших, показатели старения населения,

показатели миграции на территории, структура занятости (выбор данного параметра указанным учёным был обусловлен тем, что в зависимости от профессии, от её вредности для здоровья и числу лиц, занятых в ней, жизненный потенциал территории может варьировать) [10, с. 14].

Другой важной категорией потенциальной демографии является потенциал демографического роста, обусловленный возрастной структурой населения. Данное понятие было впервые использовано П. Венсаном. Величина этого параметра позволяет определить, во сколько раз может измениться численность населения той или иной территории при стабилизации его возрастной структуры и с условием постоянства показателей рождаемости и смертности [11].

Демографический рост позволяет определить вклад определённой возрастной группы реального населения в его прирост в будущем при постоянстве во времени уровня рождаемости и смертности. Другими словами, данный параметр позволяет определить вклад составляющих воспроизводства населения в прирост в прогнозируемом, будущем периоде при условии его стабилизации. Данная категория, являясь одновременно конкретным параметром, определяется как отношение численности условной группы населения, которое имеет постоянные с определённого времени функции рождаемости и смертности, к реальной численности населения на конкретный временной промежуток. При учёте уровня смертности данный параметр трансформируется в нетто-потенциал населения, без её учёта – в брутто-потенциал населения.

Теоретические аспекты демографического потенциала нашли развитие и в отечественной науке. Так, Е.М. Андреев и С.И. Пирожков предложили методику расчёта потенциала прироста населения на основе дискретной модели, а также с применением коэффициента прироста стабильного населения. В соответствии с подходом указанных исследователей, при оценке потенциала прироста населения должен учитываться как вклад исходной возрастной демографической группы, так и режим воспроизводства, в рамках которого осуществляется вычисление конкретного, постоянного во времени населения [12].

Некоторые исследователи связывали потенциал прироста населения, как одну из базовых категорий потенциальной демографии, с репродуктивным потенциалом [13]. Так, Р. Фишер в ходе развития методических аспектов оценки вклада отдельных возрастных групп в прирост населения, относил рождение, по аналогии с финансовыми процессами, к некому «займу», а детей, родившихся у этого человека, как «возврат долга». На основе такой аллегории указанный исследователь предложил понятия «суммарной текущей стоимости всех будущих выплат человека по долгу», или детей, которые должны у него родиться. В рамках предложенной методики автору удалось продемонстрировать, что динамика совокупного репродуктивного потенциала населения не обусловлена его возрастной структурой.

Существенный вклад в развитие теории потенциальной демографии, на основе математических моделей, был внесён отечественным исследователем, Д.М. Эдиевым [14]. Разработанная автором теория демографических потенциалов исходит из необходимости использования особых потенциалов, которые приписываются «среднему» человеку той или иной социо-возрастной группы, а также принимаемых гипотез о сущности изучаемых процессов. По мнению исследователя, демографический потенциал, как и численность населения, позволяет наблюдать итоги воспроизводства населения за предшествовавший период, вместе с этим характеризуя специфику воспроизводства населения и его демографическую перспективу на основе необходимого учёта вклада в его воспроизводство различных демографических и возрастных групп населения [14].

С.А. Сукнева, используя понятие «развитие населения», как один из компонентов потенциальной демографии, применительно к региональному уровню управления, предлагает определять его как процесс позитивных изменений количественных и качественных параметров населения. Подобные изменения обусловлены следующими процессами [15]: стабилизацией рождаемости на уровне, позволяющим обеспечить простое воспроизводство населения; увеличением уровня продолжительности жизни, положительным сальдо межрегиональной миграции, ростом доли населения, которое состоит в браке; общим повышением уровня образования в регионе и др.

При этом демографический потенциал трактуется С.А. Сукневой как заложенные в структуре и определяемые особенностями демографического поведения населения, его совокупные способности к воспроизводству (потенциальный вклад в воспроизводство населения). Данные потенциальные возможности определяются региональными демографическими процессами, обусловленными в свою очередь спецификой половозрастной, брачной и миграционной структуры населения и его демографического поведения, а также основными аспектами проводимой на территории региона социально-экономической политики.

Анализ концептуальных подходов исследователей к определению сущности демографического потенциала и способам его изучения позволяет сделать вывод об отсутствии единства в определении этого понятия. Предлагаемое исследователями понимание демографического потенциала раскрывается через факторы, влияющие на потенциал воспроизводства населения той или иной территории. Исследователи рассматривают разного рода проявления потенциала, связанного с возможностями изменения народонаселения, характеризующих, таким образом влияние того или иного демографического фактора. В табл. 1 представлено обобщение подходов авторов к сути демографического потенциала через выделение его возможных проявлений.

Каждый из выделенных исследователями компонентов демографического потенциала (жизненный потенциал, инерция демографического роста, репродуктивный потенциал и др.) позволяет понять вклад того или иного фактора (уровня рождаемости, уровня смертности, численности и половозрастной структуры населения, миграционных процессов, структуры занятости и др.) в формирование этого потенциала. Таким образом, выделяемые авторами частные проявления демографического потенциала являются одновременно его составляющими. Исследователи выделяют различные факторы и индикаторы демографического потенциала региона. Так, С. А. Сукнева выделяет три крупные группы факторов, формирующих демографический потенциал населения региона — численность населения, демографическую структуру и демографическое поведение.

Таблица 1

Характеристика основных подходов к пониманию сущности демографического потенциала через выделение его возможных проявлений (компонентов)[1]

Автор	Проявление демографического потенциала	Содержание
Л. Херш	Жизненный потенциал	Среднее ожидаемое число лет, которые предстоит прожить человеку. При этом населения предстаёт как совокупность носителей жизненного потенциала, который измеряется в человеко-годах.
П. Венсан	Потенциал демографического роста (потенциал роста населения)	Определяет вклад определённой возрастной категории реального населения в его будущий прирост при условии постоянства уровня рождаемости и смертности во времени.
Н. Кейфиц	Инерция демографического роста	Определяет вклад определённой возрастной категории реального населения в его будущий прирост при условии постоянства уровня рождаемости и смертности во времени.
Р. А. Фишер	Репродуктивный потенциал	Позволяет определить вклад представителей определённых возрастных групп в отдалённое потомство населения, а также демонстрирует суммарное количество детей, которое должно родиться от этого населения.
Д. М. Эдиев	Особые демографические потенциалы (как продолжение репродуктивного потенциала, жизненного потенциала и потенциала демографического роста)	Приписываются среднему человеку той или иной возрастной категории и определяются исходя из задач анализа и принятых гипотез о характере анализируемых процессов. Особые демографические потенциалы также характеризуют вклад людей в изучаемые процессы, на основе учёта действий, реализуемых через будущих потомков этих людей.

Детализируя каждый фактор демографического потенциала, С.А. Сукнева представляет следующую его расширенную структуру (табл. 2).

Таблица 2

Факторы и индикаторы демографического потенциала по С.А. Сукневой [15]

Фактор	Индикатор
1. Численность населения и демографические процессы	
Численность	– динамика численности населения; – вклад составляющих естественного и миграционного прироста в формирование населения.
Рождаемость	– суммарные коэффициенты рождаемости по очередности рождений; – возрастные коэффициенты рождаемости; – доля детей, родившихся вне брака.
Смертность	– средняя ожидаемая продолжительность жизни и вклад ведущих причин смерти и возрастных групп населения в её изменение; – доля предотвратимой смертности в структуре причин смертности; – индекс сверхсмертности мужчин; – коэффициенты смертности в трудоспособном возрасте; – коэффициент и структура младенческой смертности.
Безвозвратная миграция	– миграционный прирост (убыль) населения; – интенсивность миграционного оборота; – результативность миграционных связей; – доля внутрирегиональной миграции; – длительность проживания по выбытиям.
2. Демографическая структура	
Половозрастная структура	– экономико-демографическая нагрузка; – число мужчин на 1000 женщин; – коэффициент старения населения; – возрастно-половая пирамида.
Брачная структура	– доля никогда не состоявших в браке к 25–29 годам.
Миграционная структура	– доля местных уроженцев, старожилов и новосёлов в составе населения.
3. Демографическое поведение	
Репродуктивное поведение	– желаемое и ожидаемое число детей; – факторы, способствующие и препятствующие рождению детей; – место детей в системе жизненных ценностей.
Матримониальное поведение	– возраст вступления в брак и расторжения брака; – очередность брака и развода; – отношение к бракам и разводам; – место семьи в системе жизненных ценностей.
Самосохранительное поведение	– желаемая и ожидаемая продолжительность жизни; – распространение вредных для здоровья привычек; – ведение здорового образа жизни.
Миграционное поведение	– доля потенциальных мигрантов по результатам изучения миграционных планов населения; – оценка положительных и отрицательных сторон региона проживания.

[1] Источник: составлено авторами на основе анализа научной литературы.

Предложенная С.А. Сукневой система факторов и индикаторов демографического потенциала имеет несомненные преимущества, выражающиеся в охвате поведенческих аспектов демографического потенциала населения, а также основных показателей структуры и численности населения. Особо отметим ее справедливое мнение о необходимости учёта миграционных процессов, что особенно характерно для регионов севера России. Вместе с тем, к числу недостатков предложенной С.А. Сукневой системы факторов и индикаторов демографического потенциала следует отнести, во-первых, сложность перевода многих из них в количественные показатели (в группе факторов демографического поведения) и определения, таким образом, интегральных, результирующих значений демографического потенциала; и, во-вторых, отсутствие чётких источников информации для расчёта данных по отдельным показателям и необходимость проведения крайне трудоёмких дополнительных исследований.

Некоторые исследователи существенно расширяют видение структуры факторов демографического потенциала. Так, Т.Н. Шелехова, используя более широкое понятие «социально-демографического потенциала» выделяет следующие его факторы: демографические, социальные, экономические, географические, экологические, природные и культурные [17].

Значительно более расширенный перечень факторов, образующих демографический потенциал территории, предложен О.И. Евсеенко (табл. 3). В основу предложенной автором типологии факторов демографического потенциала легли следующие критерии: отношение к территориальной социально-экономической системе, отношение к демографическому потенциалу как к системе, происхождение, степень общности, характер действия, направленность действия, соподчинённость, степень управляемости, значимость отдельных компонент демографического потенциала.

Таблица 3

Типология факторов демографического потенциала в зависимости от критериев по О.И. Евсеенко [16]

Критерий	Факторы
Отношение к территориальной социально-экономической системе	– демографические; – этнические; – экономические; – социальные; – расселенческие; – экологические; – общественно-политические; – административно-правовые; – социально-психологические; – социально-нормативные; – поведенческие.
Отношение к демографическому потенциалу как к системе	– внутренние (ограничены демографическими структурами: естественно-биологические, генетические, структурно-демографические); – внешние (проявляются вне пределов демографических структур).
Происхождение	– факторы биологической природы; – факторы социальной природы.
Степень общности	– общие; – частные; – специальные.
Характер действия	– простого (однофакторного) действия; – сложного (многофакторного) действия.
Направленность действия	– прямые (действуют по направлению «территориальная социально-экономическая система – демографический потенциал»); – обратные (действуют по направлению «демографический потенциал – территориальная социально-экономическая система»
Соподчинённость	– главные; – второстепенные.
Степень управляемости	– жесткие; – регулируемые.
Значимость отдельных компонент демографического потенциала	– существенные; – несущественные.

При несомненных достоинствах предложенной О.И. Евсеенко классификации факторов демографического потенциала, состоящих в охвате практически всех факторов, влияющих на демографический потенциал, она имеет некоторые недостатки. Одним из основных недостатков, на наш взгляд, является чрезмерное выделение критериев и соответствующих им факторов, при этом один критерий или фактор может входить или быть тождественным другому (к примеру, неясно, в чём разница между главными и существенными факторами, а также второстепенными и несущественными. Анализ специальной научной литературы в медико-демографической области, позволяет сделать вывод, что близким к понятию «демографический потенциал», требующим отдельного внимания, является термин «репродуктивный потенциал населения». При кажущейся узости и специфичности данного понятия, исследователи вкладывают в него смысл, который затрагивает множество демографических категорий. В табл. 4 представлены подходы исследователей к выделению основных параметров репродуктивного потенциала населения.

Таблица 4

Обзор подходов к выделению основных параметров репродуктивного потенциала населения

Автор(ы)	Параметры репродуктивного потенциала
М.Ю. Сурмач [18]	1. Демографические показатели региона: общие и специальные коэффициенты естественного движения населения, младенческая и перинатальная смертность, материнская смертность. 2. Показатели здоровья в регионе: частота экстрагенитальной патологии беременных, гестационные осложнения и осложнения родового акта, частота нарушений сексуального здоровья, распространённость ИППП и др. 3. Санитарно-статистическая информация о распространённости использования методов контрацепции и искусственных прерываний беременности.
В.А. Шапкайц, С.П. Баранов [19]	1. Демографическая ситуация на территории. 2. Социально-гигиенический портрет женщины. 3. Показатели здоровья женщин и ведущие его формирующие факторы. 4. Гинекологические заболевания, особенности социального поведения женщин. 5. Особенности контрацепции. 6. Здоровье детей. 7. Исходы наступивших беременностей, особенности течения беременности, закончившейся живорождением.
Г.М. Бурдули, О.Г. Фролов [20]	1. Смертность населения в репродуктивном возрасте. 2. Детская смертность. 3. Рождаемость 4. Уровень бесплодия по полам. 5. Патологии во время беременности. 6. Уровень больных ЗПП. 7. Репродуктивные потери.

Стоит уточнить, что репродуктивный потенциал, несмотря на включение исследователями в эту категорию и демографических показателей, на наш взгляд, является узкоспециализированной категорией, характеризующей, в наиболее общем смысле совокупность физических и психических характеристик населения территории, которые позволяют им воспроизвести потомство на данной территории.

Учитывая, что авторы по-разному подходят к выделению конкретных факторов демографического потенциала, в ходе определения концептуального подхода к его пониманию важно уточнить состав этих факторов. На наш взгляд, главным критерием классификации факторов демографического потенциала должно стать их разделение по степени общности: на общие и специальные факторы демографического потенциала. На рис. 1 представлено авторское видение структуры факторов демографического потенциала.

На основе проведённого изучения сути понятия – «демографический потенциал» ,важно представить его уточнённое определение: *под демографическим потенциалом мы понимаем интегральную количественную характеристику, которая выражает возможности и ресурсы движения популяции той или иной территории в будущем за счёт образующих её параметров: половозрастных характеристик населения и их изменения в будущем, социально-демографических показателей, медико-демографических характеристик и социально-экономических аспектов развития территории.*

Рисунок 1.
Уточнённая классификация факторов демографического потенциала

Таким образом, в результате проведённого анализа теоретических аспектов формирования демографического потенциала региона, нами предлагается следующая концептуальная схема его изучения (рис. 2).

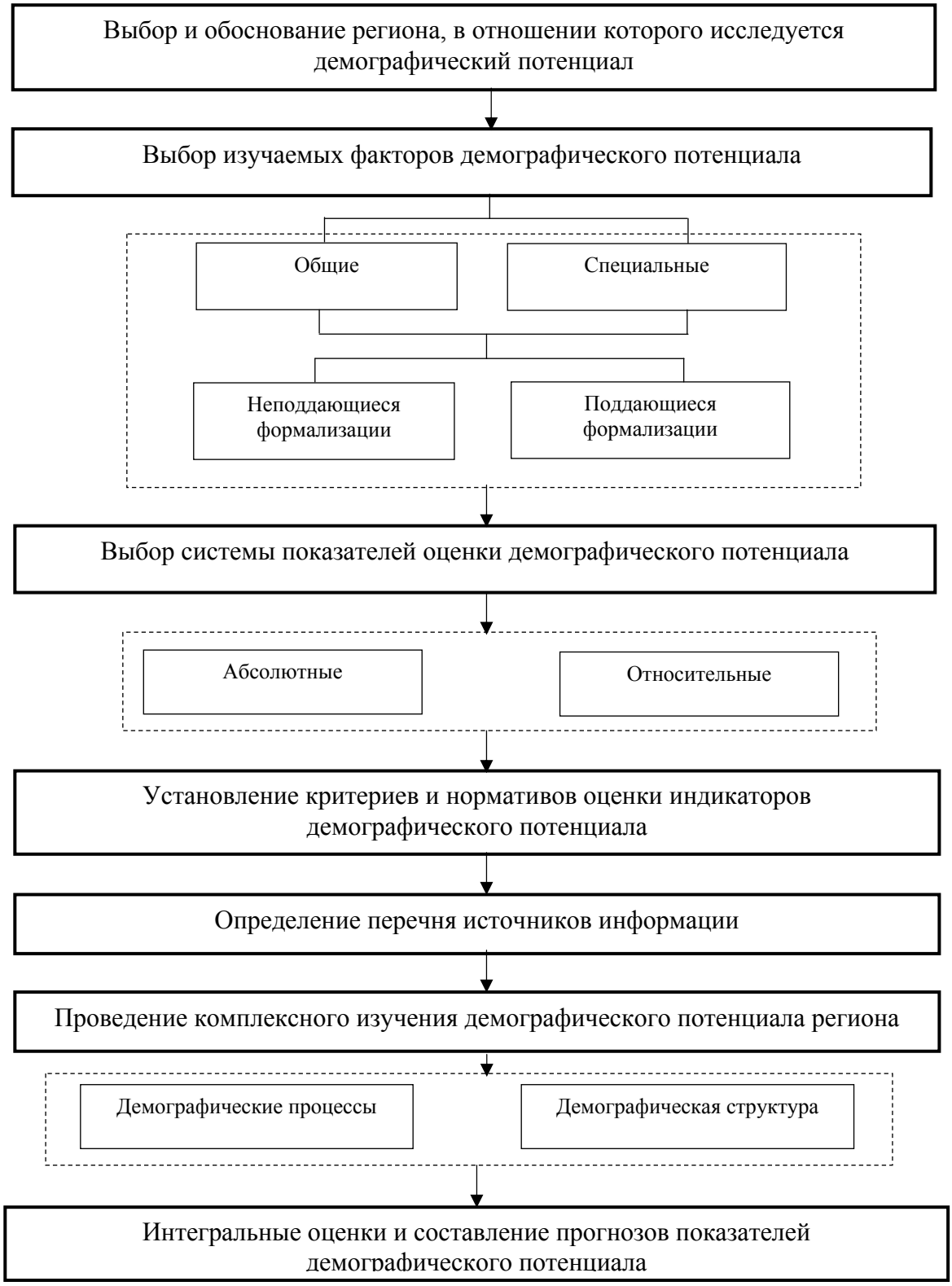


Рисунок 2.
Концептуальная схема изучения демографического потенциала региона

Список литературы

1. Мингалева Ж.А., Игошев М.В. Формирование современного демографического потенциала как основа структурной модернизации экономики // Российское предпринимательство. – М., 2011. – № 2, Вып. 1 (177). – С. 24–30. – http://old.creativeconomy.ru/articles/11342/
2. Глущенко В.В., Глущенко И.И. Исследование систем управления: социологические, экономические, прогнозные, плановые, экспериментальные исследования. – Железнодорожный (Моск. обл.): ООО НПЦ «Крылья», 2000. – С. 9–10.
3. Большой словарь иностранных слов. 2007.

4. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка — М.: Дрофа, Русский язык, 2000. — 1233 с.
5. Толковый словарь русского языка: около 30 000 слов / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: АСТ, 2008. – 1054 с.
6. Реанович Е.А. Смысловые значения понятия «потенциал» // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. – № 12. – http://research-journal.org/featured/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/
7. Пирожков С.И. Трудовой потенциал в демографическом измерении / Отв. ред. И.И. Лукинов. – Киев: Наукова думка, 1992.
8. Ягельский А. География населения. – М.: Прогресс, 1980. – С. 106–112.
9. Hersch L. De la demographie actuelle a la demographie potentielle. – Geneva, 1944.
10. Фильрозе Э. Очерк потенциальной демографии. – М.: Статистика, 1975.
11. Буржуа-Пиша Ж. Анализ населения в процессе его стабилизации // Демографические модели. – М.: Статистика, 1977. – С. 132.
12. Андреев Е., Пирожков С. О потенциале демографического роста // Население и окружающая среда. – М.: Статистика, 1975. – С. 66.
13. Fisher R.A. The Genetical Theory of Normal Selection. 2nd rev. ed. – N.Y.: Dover Publications, 1958. – 291 p.
14. Эдиев Д.М. Теория и приложения демографических потенциалов: диссертация ... доктора физико-математических наук. – Черкесск, 2008. – 356 с.
15. Сукнева С.А. Демографический потенциал воспроизводства населения северного региона: на примере Республики Саха (Якутия): диссертация ... доктора экономических наук. – М., 2011. – С. 25–26.
16. Евсеенко О.И. Методологические основы оценки демографического потенциала региона: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – СПб., 2001. – С. 22.
17. Шелехова Т.Н. Анализ социально-демографического потенциала развития муниципального образования: на примере Слюдянского района Иркутской области: диссертация ... кандидата географических наук. 2007. – С. 16.
18. Сурмач М.Ю. Репродуктивное здоровье и репродуктивный потенциал: методология исследования и оценки // Медицинские новости. 2007. – № 3. – С. 40–45.
19. Шапкайц В.А., Баранов С.П. Комплексная медико-социальная оценка репродуктивного потенциала сельских женщин Северо-Запада России // Ремедиум Северо-Запад. 2001.
20. См.: Бурдули Г. М. Репродуктивные потери / Г. М. Бурдули, О. Г. Фролов. – М.: Триада-Х, 1997. – 188 с.

Кучмаева О.В.
д.э.н., профессор Российского экономического университета
kuchmaeva@yandex.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Ключевые слова: *семья, концепция семейной политики, план реализации концепции, индикаторы семейной политики, эффективность семейной политики.*

Keywords: *family, the concept of family policy, the plan of implementation of the concept, family policy indicators, the effectiveness of family policy.*

Обеспечение консолидации общества становится приоритетной государственной задачей, решение которой основано на формировании устойчивой социальной структуры и воспитании личности, готовой действовать не только в собственных интересах, но и в интересах других людей, в интересах страны. Сегодня наше государство заинтересовано в простом или расширенном воспроизводстве населения, в улучшении качества трудовых ресурсов и состояния здоровья населения, в эффективной социализации детей, что обеспечивает его экономическую, политическую, военную безопасность и дальнейшее развитие[1]. Формирование наиболее благоприятных условий для создания семьи, рождения и воспитания детей в данном случае является предметом государственной заботы, разделением ответственности с семьей за ее будущее.

Значимым этапом в развитии государственной семейной политики является утверждение в августе 2014 года Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года[2]. Предыдущие стратегические документы, касающиеся реализации семейной политики, были приняты в России в 90-е годы прошлого столетия[3].

Изменившиеся социально-политические и экономические условия в России, понимание значимости роли института семьи в жизни общества обусловили необходимость формирования новой стратегии семейной политики, учитывающей особенности жизнедеятельности современного института семьи и опирающейся на действенный механизм реализации. Принятая в 2014 г. Концепция семейной политики во многом взаимосвязана по задачам, направлениям и ожидаемым результатам с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года[4], Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012–2017 годы[5], Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года[6]. С одной стороны, это придает логичность и стройность составляющим социально-экономической политики государства. С другой, чревато дублированием мероприятий, формальным подходом к формированию системы плановой деятельности.

Отдельного внимания заслуживает оценка эффективности государственной семейной политики, которая представляет собой трудоемкий процесс в силу многогранности понятия семьи как социального института. Сегодня любая внедряемая государственная программа, доктрина, концепция, стратегия содержит четкий перечень индикаторов конечной результативности, достижение каждого из которых говорит о степени экономической и/или социальной эффективности конкретных мер.

В соответствии с Концепцией, под семейной политикой понимается целостная система принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей. В соответствии с поставленными в Концепции задачами, вводится ряд целевых индикаторов эффективности реализации (ожидаемых результатов) государственной семейной политики. Однако

---

[1] Климантова Г.И. Государственная семейная политика современной России. – М., 2004. – С. 22.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/

[3] О положении семей в РФ. Научный доклад / Дармодехин С.В., Кучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л., Синельников А.Б. и др. – М.: ИСВ РАО, 2010.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». – http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 165069/

[5] Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы». – http://base.garant.ru/70183566/#ixzz3QB3nN3D0

[6] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_90601/

предлагаемые индикаторы не закреплены за конкретными разделами Концепции, не имеют в рамках Концепции конкретного количественного измерения, что не позволяет дать объективную оценку результативности предпринимаемых шагов. Так, доля семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума, в 2014 г. составила 62,9%, что ниже уровня 2013 г. (64%), но превышает значение за 2012 г., равное 62,2%. Отметим, что ранее показатель ежегодно увеличивался (2011 г. – 59,7%)[1]. С другой стороны, суммарный коэффициент рождаемости, относящийся к важнейшим демографическим показателям, подлежащим мониторингу, составил в 2015 году 1,78 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста, его рост начался с 2006 года, за несколько лет до принятия Концепции. Несмотря на рост коэффициента рождаемости, его значение пока далеко от уровня, обеспечивающего хотя бы простое воспроизводство населения.

Исходя из того, что официальная оценка результативности выполнения мероприятий Концепции опирается, прежде всего, на представленные в ее тексте ожидаемые результаты, можно предложить следующее распределение ожидаемых результатов по направлениям реализации Концепции и количественные значения показателей, которые могут служить ориентиром для оценки эффективности выполнения мероприятий в соответствии с поставленными задачами. При выборе целевых значений показателей брались в расчет существующие значения показателей, тенденции их изменения в последние годы и желательные значения с точки зрения благополучия семей с детьми.

1. Развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного решения ею своей социальной функции

Ожидаемые результаты (изложенные в тексте Концепции):

– уменьшение доли семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации – *как минимум, до среднерегионального уровня бедности;*

– сокращение числа неработающих родителей – *не менее чем на 10%,* рост доли трудоустроенных граждан с семейными обязанностями в общем числе трудоустроенных граждан – *с учетом специфики региональной ситуации; увеличение уровня занятости женщин (в возрасте 20–49 лет), имеющих детей дошкольного возраста (0–6 лет), до 80%;*

– увеличение численности детей в возрасте до 3 лет, охваченных дошкольным образованием и услугами по присмотру и уходу – *100% от желающих посещать ДОУ*;

– сокращение доли детей, не получающих алименты в полном объеме, в общей численности детей, имеющих право на получение алиментов – *не менее чем на 50%.*

2. Развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей

Ожидаемые результаты:

– уменьшение доли семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации – *как минимум, до среднерегионального уровня бедности;*

– сокращение доли детей, не получающих алименты в полном объеме, в общей численности детей, имеющих право на получение алиментов – *не менее чем на 50%.*

3. Создание механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий

Ожидаемый результат:

– увеличение доли семей, улучшивших жилищные условия, в общем числе семей, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий – *как минимум, в 2 раза.*

4. Развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов

Ожидаемый результат:

– достижение положительной динамики демографических показателей – *снижение показателей младенческой и материнской смертности не менее чем на 30%.*

5. Повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании

Ожидаемые результаты:

– достижение положительной динамики демографических показателей – *повышение уровня суммарного коэффициента рождаемости до 2,2 ребенка, повышение общего коэффициента брачности до 10‰ (или в соответствии с региональной спецификой), увеличение доли домохозяйств с детьми в общем числе домохозяйств из 2-х и более человек до 50%, увеличение доли полных семей с детьми до 80%;*

[1] Данные официального сайта Росстата. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

– уменьшение числа разводов *до 4‰ (или в соответствии с региональной спецификой)*;

– увеличение организаций и объема услуг, ориентированных на семейное проведение досуга – *как минимум в 2 раза;*

– уменьшение числа отказов от новорожденных в родильных домах – *как минимум в 2 раза;*

– снижение числа возвратов детей из замещающих семей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – *как минимум в 2 раза;*

– снижение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения – *как минимум, в 2 раза;*

– увеличение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан Российской Федерации, в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – до 95% *(или в соответствии с региональной спецификой)*.

6. Содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи

Ожидаемые результаты:

– увеличение численности детей в возрасте до 3 лет, охваченных дошкольным образованием и услугами по присмотру и уходу – *100% от желающих посещать ДОУ*;

– увеличение организаций и объема услуг, ориентированных на семейное проведение досуга – *как минимум в 2 раза.*

7. Обеспечение социальной защиты семей и детей, нуждающихся в особой заботе государства

Ожидаемые результаты:

– снижение числа возвратов детей из замещающих семей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – *как минимум в 2 раза;*

– снижение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения – *как минимум, в 2 раза;*

– увеличение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан Российской Федерации, в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – до 95% *(или в соответствии с региональной спецификой)*.

8. Профилактика семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности

Ожидаемые результаты:

– уменьшение числа отказов от новорожденных в родильных домах – *как минимум в 2 раза;*

– снижение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения – *как минимум, в 2 раза.*

9. Повышение эффективности системы социальной защиты семей с несовершеннолетними детьми, вовлеченными в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства

В тексте Концепции отсутствуют какие-либо ожидаемые результаты, напрямую связанные с оценкой реализации мероприятий в рамках данного направления. Для мониторинга могут быть использованы показатели, которые рассматриваются при оценке эффективности Национальной стратегии действий в интересах детей и представлены на сайте Росстата.

Прежде всего, необходимо оценить масштаб проблемы: отслеживать показатели численности доставленных несовершеннолетних в органы внутренних дел, численность осужденных, в том числе по полу, возрасту, видам преступлений и мерам наказаний. Необходимо проанализировать нарушения прав несовершеннолетних, отбывающих наказания, их динамику, тяжесть. Необходимы опросы самих несовершеннолетних, а также персонала соответствующих воспитательных учреждений.

Распоряжением Правительства РФ от 09.04.2015 № 607-р был утвержден План мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Мероприятия плана сгруппированы по девяти направлениям, отражающим основные задачи Концепции. Результаты, на которые ориентировано выполнение Плана, далеко не всегда совпадают с ожидаемыми результатами, представленными в самой Концепции.

В Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. вопросам обеспечения экономического благополучия семей уделено достаточно внимания. Акцент сделан на трех основных направлениях деятельности, которые должны обеспечить создание условий для жизнедеятельности семей с несколькими детьми: развитие экономической самостоятельности семьи; развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей; создание механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Концепция рассматривает как важнейшее направление деятельности развитие форм занятости, позволяющих гражданам с высокой семейной нагрузкой совмещать работу с выполнением семейных обязанностей: занятость на условиях неполного рабочего времени, работа по гибкому графику или на дому, поддержка развития семейного пред-

принимательства; создание условий для совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью. Заслуживает внимание пункт Плана, направленный на разработку механизмов поддержки бизнес-проектов, реализуемых семьями, имеющими детей. Предполагается подготовка рекомендаций по реализации работодателями положений Конвенции Международной организации труда о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями (Конвенция 156 от 23 июня 1981 года)[1].

Однако мероприятия Плана, направленные на развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного решения ею своей социальной функции, во многом носят формальный характер. В плане предлагается оказывать содействие в трудоустройстве лицам с семейными обязанностями путем подготовки рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, без указания конкретных механизмов. Среди ожидаемых результатов Плана нет показателей, ориентированных на расширение гибких условий труда для работников с несовершеннолетними детьми.

К 2015 г. зафиксировано сокращение численности безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, воспитывающих несовершеннолетних детей, детей-инвалидов: в 2012 г. их численность составляла 272 тыс. человек, в 2013 г. и 2014 г. она не изменялась и была равной 244 тыс. человек. Однако данный показатель не позволяет осуществить качественного сравнения изменений, так как нет возможности сопоставить его с общей численностью родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей, детей-инвалидов.

В информации о ходе выполнения в 2015 году плана мероприятий на 2015-2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики, представленной на сайте Минтруда РФ[2], говорится об увеличении с 1 января 2016 года стандартного налогового вычета на каждого ребенка-инвалида родителям и усыновителям, на обеспечении которых находится ребенок (до 12 000 рублей), а опекунам, попечителям и приемным родителям – до 6000 рублей. Для всех налогоплательщиков, на обеспечении которых находятся дети, увеличен до 350 000 рублей предельный размер дохода, по достижении которого налоговый вычет не предоставляется. Однако реализация плана не предусматривала никаких шагов по введению модели семейного налогообложения, о котором говорилось в тексте самой Концепции.

В контексте разработки механизмов поддержки бизнес-проектов, реализуемых семьями с детьми, в 2015 году по итогам конкурсного отбора субъектов из федерального бюджета на поддержку бизнес-проектов, реализуемых семьями, предоставлены субсидии в рамках грантовой поддержки малого предпринимательства на сумму 795,547 млн. рублей 37 субъектам Российской Федерации. В пересчете на 1 регион это около 21 млн. рублей, что вряд ли значимым образом скажется на расширении масштабов семейного бизнеса. В настоящее время, по данным обследований бюджетов домашних хозяйств, проводимых Росстатом, доля доходов от предпринимательской деятельности составляет лишь 8,4% в общей сумме доходов населения (2014 г.). Доля работающих не по найму в современной России в последние годы колеблется в пределах 7,0–7,3% (по данным выборочных обследований занятости населения), в том числе доля помогающих на семейном предприятии составляет 0,4% и не менялась с 2012 года. Это крайне незначительная величина, которая не позволяет говорить о благоприятных условиях для семейного малого предпринимательства.

Ощущается потребность в развитии гибкого рынка труда для лиц с семейными обязанностями. По данным Комплексного обследования условий жизни населения, проведенного Росстатом, 16% населения, ищущего новую работу (в том числе 23% женщин), хотели бы работать неполное рабочее время.

В контексте обеспечения экономической самостоятельности семьи предполагается предпринять меры для обеспечения доступности дошкольного образования, в том числе для детей в возрасте до 3 лет. Планируется подготовка рекомендаций органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации по развитию механизмов поддержки негосударственных организаций дошкольного образования и услуг по присмотру и уходу за детьми, системы предоставления указанных услуг, в том числе на принципах государственно-частного партнерства. Причем ожидаемым результатом реализации этой меры является увеличение численности детей, получающих услуги по дошкольному образованию и присмотру и уходу в частных организациях, а также в семейных группах по уходу и присмотру за детьми, в 1,5 раза к концу 2018 года по сравнению с 2013 годом. Однако неясно, каков стартовый уровень показателя, сколько детей охвачено негосударственной системой дошкольного образования в настоящее время. Росстат не публикует данную информацию на своем сайте. Подобная ситуация не позволяет оценить планируемые масштабы деятельности по развитию сектора негосударственных услуг дошкольного образования. Данный недостаток в формировании системы показателей, характеризующих ожидаемые результаты, характерен для большинства пунктов Плана.

В 2015 г. в сравнении с 2014 г. возросла численность воспитанников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми. В 2014 г. она составляла 6813,6 тыс. человек, охват детей дошкольным образованием – 64,6%. В 2015 г. число воспитанников достигло 7151,6 тыс. человек, что составило 66,2% всех детей. Отметим снижение доли нуждающихся в устройстве в дошкольную образовательную организацию (по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2011 г. среди детей в возрасте до 3-х лет нуждались в устройстве в дошкольную образовательную организацию

[1] Конвенция Международной организации труда о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями (Конвенция 156 от 23 июня 1981 года). Ратифицирована Федеральным законом РФ от 30 октября 1997 года № 137-ФЗ. – http://docs.cntd.ru/document/901763236

[2] Информация от 16 февраля 2016 года «О ходе выполнения в 2015 году плана мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённого распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2015 г. № 607-р». – http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/281

53,4%, в 2014 г. – 48,9%[1]). Однако такая проблема, как дефицит мест в дошкольных образовательных учреждениях (в 2015 г. на 1000 детей в возрасте 1–6 лет приходится только 626 мест), несмотря не только на проводимую государственную политику, но и на изменения в учете числа дошкольных образовательных учреждений, до настоящего времени остается нерешенной.

Мероприятия, направленные на развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей, во многом связаны со стратегией преодоления бедности. Результатом должно стать снижение дефицита располагаемых ресурсов (доходов) малоимущих семей с детьми (в % от среднедушевых располагаемых ресурсов) с 36,2% в 2013 году до 32% к концу 2018 года. Безусловно, важно обеспечить экономическую самостоятельность семей с детьми в возрасте от 1,5 до 3 лет как одной из социально уязвимых групп семей, для которых характерен повышенный уровень бедности. Однако в качестве ожидаемого результата в Плане представлена «подготовка предложений о дополнительной поддержке семей, воспитывающих детей в возрасте от 1,5 до 3 лет». Во-первых, экономическая самостоятельность и дополнительная поддержка – это не одно и то же. Во-вторых, непонятно, насколько можно оценить результативность выполнения мероприятия Плана по наличию предложений.

Доля детей в возрасте до 16 (18) лет, в отношении которых имеется задолженность с выплатой алиментов увеличилась с 2011 г. к 2014 г. с 20,2% до 21,1% (в % к общей численности детей, которым назначены алименты). По сути, проблема выплаты задолженности по алиментам никак не решается. Однако План не содержит никаких шагов по улучшению материального положения детей в семьях после развода родителей, хотя об этом говорилось в тексте самой Концепции. Проблема создания алиментного фонда дискутируется в различных совещательных органах уже более 5 лет.

Жилищные условия российских семей оставляют желать лучшего на протяжении многих десятилетий, несмотря на принятие ряда целевых программ. В ходе реализации Плана предполагается действовать в различных направлениях: формирование специальных ипотечных продуктов для молодых семей и семей, имеющих детей; создание и развитие региональных систем субсидированного жилищного найма для семей с детьми; расширение практики предоставления временного жилья семьям с детьми. Отдельные пункты Плана касаются защиты жилищных прав детей-сирот и детей в случае распада семьи.

Вызывает некоторое недоумение включение в состав Плана мероприятий Концепции семейной политики пункта «Реализация и оценка эффективности в части повышения доступности жилья для семей с детьми государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 323. Представляется крайне нелогичным, чтобы оценка реализации целевой программы входила в план реализации другого государственного концептуального документа.

В разделе «IV. Мероприятия, направленные на развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов», к сожалению, отсутствуют мероприятия, направленные на обеспечение репродуктивного здоровья, развитие семейного отдыха, поддержание жизнеохранительной функции семьи, ее усилий по поддержанию здоровья членов семьи. Необходима разработка Концепции охраны репродуктивного здоровья семьи в РФ и соответствующей модельной региональной Концепции. Важно учесть вклад семьи в обеспечение здоровья и благополучия членов своей семьи, использовать опыт европейских стран по перераспределению услуг между семьей и социальными службами при оказании помощи больным и нетрудоспособным.

Мероприятия, направленные на повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, оказание содействия в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи включают цикл информационных и просветительских мероприятий, не имеющих, однако, системного характера. Предполагается проведение ряда конкурсов и проектов, мероприятий по просвещению родителей в области педагогики и возрастной психологии, а также формирование методической и организационной поддержки приемных семей.

К сожалению, традиционно в Плане ничего не говорится о создании системы подготовки молодежи к браку, разработке обучающих программ и методик для образовательных учреждений, необходимости внесения изменений в образовательные стандарты общего среднего, начального профессионального и среднего специального образования с целью формирования системы подготовки к семье и браку подростков и юношества. Кроме того, непонятно, каким образом реализуемые мероприятия приведут к повышению ценности семейного образа жизни, каким образом оценивать результативность предпринимаемых мер.

Отдельный раздел Плана посвящен Механизмам и ресурсам реализации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации. Однако в разделе ничего не сказано про формирование ресурсного обеспечения реализации Концепции, формирование системы подготовки специалистов для работы с семьей, разработке и реализации семейной политики, в системе среднего и высшего профессионального образования, повышения квалификации специалистов. При реализации Концепции семейной политики регионы разрабатывают планы, ориентируясь на социально-экономический потенциал регионов. В том числе именно на регионы возложено развитие кадрового потенциала сферы помощи семье и детям, организацию переподготовки, повышения квалификации специалистов, осуществляющих деятельность в сфере защиты прав семьи и детей. Отсутствуют мероприятия по созданию механизмов финансирования, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, системы правового обеспечения государственной семейной политики.

[1] Данные официального сайта Росстата. Выборочные обследования «Комплексного наблюдения условий жизни населения». – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html

Между тем, организация управления напрямую влияет на эффективность реализации семейной политики. В плане отсутствуют меры контроля за реализацией Концепции, в том числе общественного, включая общественный мониторинг, экспертизу нормативных правовых актов и решений. Механизмы, обеспечивающие функцию управления, частично прописаны для регионального, но не федерального уровня.

В частности, для целей управления необходимо предусмотреть:

– увеличение доли расходов на семейные и материнские пособия к величине ВВП и ВРП до 2,2%, как предполагалось еще в Указе об основных направлениях государственной семейной политики от 1996 г.[1].

– разработку в составе бюджетов всех уровней семейно-детских бюджетов с выделением расходов на реализацию государственной семейной политики;

– совершенствование деятельности Фонда социального страхования, Фонда обязательного медицинского страхования, Пенсионного фонда России в отношении граждан с семейными обязанностями, выделение в составе их расходов, направленных на обеспечение реализации мер государственной семейной политики.

Текст Концепции прямо указывает на то, что государственная семейная политика формируется и реализуется как многосубъектная деятельность. Однако участие других, помимо государственных, субъектов в реализации политики слабо отражено в Плане: региональные власти, бизнес и НКО прописаны только как соисполнители мероприятий. Отсутствуют мероприятия по координации их деятельности на федеральном уровне.

В целом количественный и содержательный состав показателей (индикаторов), выступающих в качестве ожидаемых результатов выполнения мероприятий Плана, не является достаточным для объективной и полноценной оценки достижения целей и задач первого этапа Концепции. Этих недостатков необходимо избежать при разработке дальнейших планов реализации Концепции (после 2018 года).

Зачастую показатели подобраны таким образом, что по ним невозможно оценить эффективность реализации мероприятий. К сожалению, многие мероприятия завершаются подготовкой докладов в Правительство, что не дает возможность оценить эффективность предлагаемых технологий. Из 65 пунктов Плана для 10 мероприятий в качестве отчетного документа выступает доклад, 6 – аналитические материалы.

Для успешного выполнения Плана реализации Концепции семейной политики необходимо на начальном этапе обеспечить формирование действенного механизма его реализации и мониторинг выполнения мероприятий на основе системы количественных и качественных индикаторов. Ожидаемые результаты должны быть увязаны с мероприятиями конкретных разделов и иметь количественную оценку.

На Федеральную службу государственной статистики возложена разработка системы индикаторов для мониторинга эффективности мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей и организация мониторинга его эффективности[2], однако специального мониторинга выполнения Концепции государственной семейной политики не проводится. Необходимо использовать возможности выборочных обследований для оценки результативности выполнения мероприятий Концепции с помощью качественных индикаторов. В ряде случаев для оценки достижения ожидаемого результата необходимо проводить специальные обследования (выборочные исследования), которые требуют средств, соответствующего финансирования, однако это в Плане не отражено. Так, мониторинг эффективности мероприятий раздела «Мероприятия, направленные на повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, на оказание содействия в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи» во многом должен основываться на опросах общественного мнения.

Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведение которого предполагается Росстатом сделать периодическим, дает ответы на вопросы об удовлетворенности российскими домохозяйствами различными видами услуг, предоставляемыми учреждениями социальной инфраструктуры. Программа Выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения, проведенного Росстатом в 2013 году, содержала вопросы, направленные на выявление ценностных ориентаций россиян, их репродуктивных планов и состояния репродуктивного здоровья.

В целом, подводя итоги можно сказать, что для проведения объективной оценки эффективности семейной политики необходимо шире использовать возможности статистической отчетности и выборочных обследований. Для ликвидации разночтений и дублирований индикаторов, оценивающих результативность конкретных мер, необходимо разработать сводную статистическую оценку эффективности государственного управления институтом семьи, что на современном этапе представляет серьезную научно-практическую проблему, не имеющую единственного и всеми признанного решения.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики». – http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm

[2] Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1916-р «О плане первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.». – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142628/

Перчинская Н.П.
к.э.н., в.н.с. Национального института экономических исследований (НИЭИ), Кишинев
Пантя Л.В.
аспирант НИЭИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕТА МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ИЗ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Ключевые слова: *Республика Молдова, трудовая миграция, учет миграционных потоков.*

Введение

В настоящее время трудовая миграция является широко распространенным и сложным общественным процессом, оказывающим влияние практически на все сферы жизнедеятельности. Для стран происхождения мигрантов данный процесс является возможностью улучшить жизненный уровень оставшихся членов семей за счет притока денежных средств из-за рубежа. Вследствие миграции снижается уровень безработицы в стране происхождения мигрантов. Актуальность и важность трудовой миграции для общества обусловлена не только на её ролью в решении материальных проблем, но и влиянием на трудовой и интеллектуальный потенциал страны происхождения мигрантов. Таким образом, миграция разных категорий рабочей силы приводит к разным последствиям на рынке труда, соответственно детальный учет каждого сегмента трудящихся мигрантов является экономически оправданным.

Информационной базой при исследовании трудовой миграции являются переписи населения, административные данные органов внутренних дел, миграционных служб, агентств занятости населения, анкета рабочей силы (статистические обследования домохозяйств), единовременные обследования, проводимые неправительственными организациями в рамках международных проектов.

В Республике Молдова проследить в динамике временную трудовую миграцию возможно благодаря статистическим обследованиям домашних хозяйств и исследованию рабочей силы, проводимым Национальным Бюро статистики. Однако не охваченными в процесс обследования остаются те хозяйства, все члены которых уехали за границу. Учет мигрантов при пересечении границы также встречает трудности, так как большая часть трудящихся мигрантов имеющих румынское гражданство выезжают по румынским паспортам в страны Евросоюза.

Важнейшей составляющей в урегулировании миграционных потоков рабочей силы является *учёт трудящихся мигрантов*. «Основу в области генерирования информации, требующейся для формирования политики в области межгосударственной трудовой миграции, обеспечивают общие и специализированные системы сбора данных как в странах исхода, так и в странах назначения трудящихся-мигрантов. Их основные задачи состоят в определении: *во-первых*, объема миграции, *во-вторых*, миграционных потоков и, *в-третьих*, характеристик мигрантов». Считается, что сведения об иностранных работниках предоставленные странами приема, являются более достоверными чем статистика стран происхождения[1]. Наиболее достоверная картина складывается в результате комбинации специализированных систем сбора данных принимающих стран и стран происхождения трудовых мигрантов.

Трудовая миграция в Республике Молдове

Миграция рабочей силы в Молдове проявляется в двух направлениях: на внутреннем и на внешнем плане. Внутренняя миграция из села в город, обусловлена нехваткой привлекательных рабочих мест в сельской местности. Внешняя миграция представляет собой, преимущественно, трудовую миграцию за рубеж. Иммиграция рабочей силы существует, однако она имеет незначительные масштабы, поэтому на состав рабочей силы в Республике Молдова не влияет. Преимущественно – это иммигранты из стран Азии, а также из западных развитых стран (включая волонтеров из США, Голландии, Италии, Франции, Испании и других стран[2], топ-менеджеров компаний с иностранным капиталом, работников неправительственных организаций, представителей международных организаций).

Количество мигрирующего населения внутри Молдовы достаточно велико. В 2015 году поменяли место проживания 38,7 тысяч человек. Индекс мобильности населения составил 10,9 человек на 1000 жителей, в сравнении с уровнем показателя в 10,1 зарегистрированном в 2014 году. Самый высокий коэффициент прибытия сохраняется в столице – Кишиневе. В абсолютных показателях наиболее высокая численность прибывших зарегистрирована в столице республики (13 тысяч человек), муниципии Бэлць (1,4 тысяч человек), а также в близлежащих районах этих го-

[1] Куценко Т.И. Социально-экономические механизмы регулирования внешней трудовой миграции. Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата экономических наук. – М., 2004. – С. 11–12.

[2] http://diez.md/2015/02/25/grafic-topul-tarilor-din-care-vin-straini-sa-faca-voluntariat-in-moldova/

родов (Сорока, Яловень, Орхей, Стрэшень, Кахул и Унгень). В 12 районах коэффициент выбытия выше чем среднее значение по стране. Сюда относятся Бричень, Дондушень, Дрокия, Единец, Флорешть (преимущественно северные районы).

В большей степени внутренние мигранты страны (их более 89%) – это люди трудоспособного возраста, с преобладанием возрастной группы 20–49 лет[1]. Однако статистические данные на сегодняшний день не учитывают население, которое временно снимает жильё, не имея прописки. В этих случаях количество мигрирующего населения, с целью устроиться на работу в другом населенном пункте, не может быть правильно оценено.

Изучая эволюцию численности трудящихся мигрантов, можем отметить, что за период 2009–2014 гг. их число возросло на 47 тысяч человек. В 3-м квартале 2016 года число мигрантов составило 347 тысяч человек, что на 18 тысяч больше, чем в соответствующем периоде 2015 года.

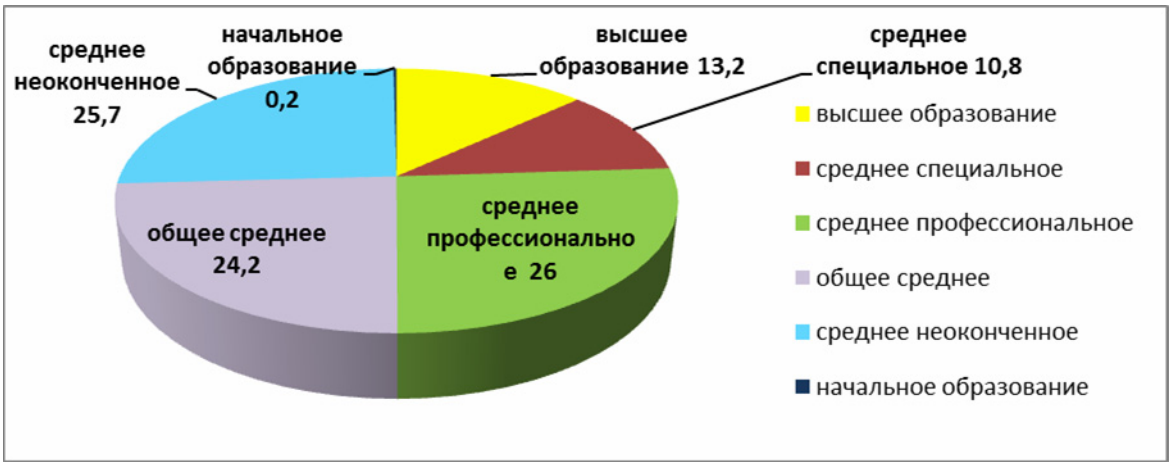
Характеристика трудящихся мигрантов по социально-демографическим показателям (пол, возраст, семейный статус, уровень образования и др.) позволяет идентифицировать не только количественные, но и качественные аспекты трудовой миграции в республике.

Согласно данным Национального Бюро статистики, распределение мигрантов по половой принадлежности, в 3-м квартале 2016 г. свидетельствует о преобладании мужского населения – 68,2%. Женское население составляет в рядах трудящихся мигрантов около трети – 31,8%. Таким образом, миграция мужчин приносит более позитивные результаты в долгосрочном периоде, обеспечивая высокий уровень доходов. Миграция женщин детородного возраста ставит под удар демографическое будущее Молдовы.

Большинство молдавских трудящихся-мигрантов – это сельские жители: в 3-м квартале 2016 года, они составили 70,2% от общего числа трудящихся мигрантов (чуть менее трети) – это жители городов (29,8%). Причины, способствующие выезду на работу за границу у городских и сельских жителей разные: для городских жителей основной причиной является низкая заработная плата, а для сельских жителей – отсутствие рабочих мест.

Распределение трудящихся мигрантов по возрастным группам указывает на преобладание лиц в возрасте 25–34 лет. В третьем квартале 2016 года их доля составила 38%. Возрастная группа 35–44 года – только 22%. Общая доля трудящихся мигрантов в возрасте о 25 до 44 лет составила 60%[2].

Массовый выезд за границу трудоспособного населения детородного возраста отрицательно влияет не только на национальный рынок труда в текущий момент, но и в будущем, поскольку снижается рождаемость, а на местном уровне появляется дефицит кадров. Распределение мигрантов по уровню образования показывает, что большая часть мигрантов имеет среднее общее и среднее профессиональное образование (рис. 1). Вместе они составляют половину всех мигрантов уезжающих на работу за границу. Согласно данным Национального Бюро Статистики, удельный вес трудящихся мигрантов с высшим образованием варьировал в промежутке 11–24% в период с 2006 по 2015 год, а в течение последних трех лет он не превышал 13%.

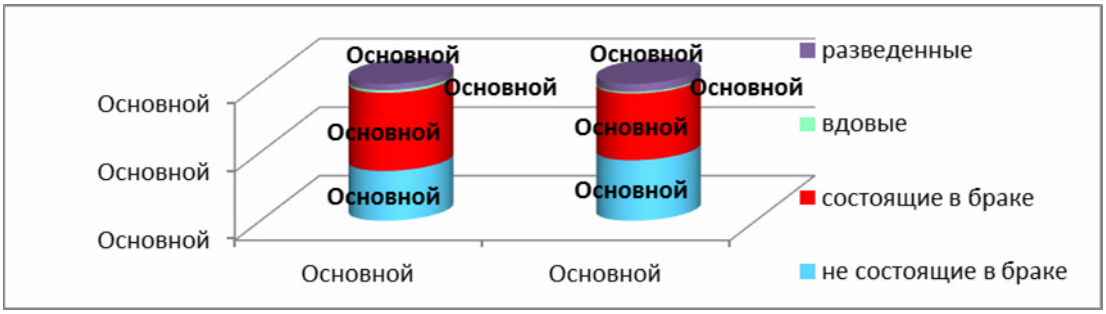


Источник: разработано авторами на основе данных Национальное Бюро статистики Республики Молдова. – www.statistica.md

Рисунок 1.
Распределение молдавских трудящихся мигрантов по уровню образования в 2015 году, %

Что касается распределения трудящихся мигрантов по семейному положению, то здесь наблюдается тенденция увеличения удельного веса лиц не состоящих в браке – с 36% (в 2007 году) до 44% (в 2015 году) (рис. 2). Также, отмечается рост удельного веса разведенных женщин – мигрантов (с 3,87% в 2008 по 4,27% в 2016 г.)

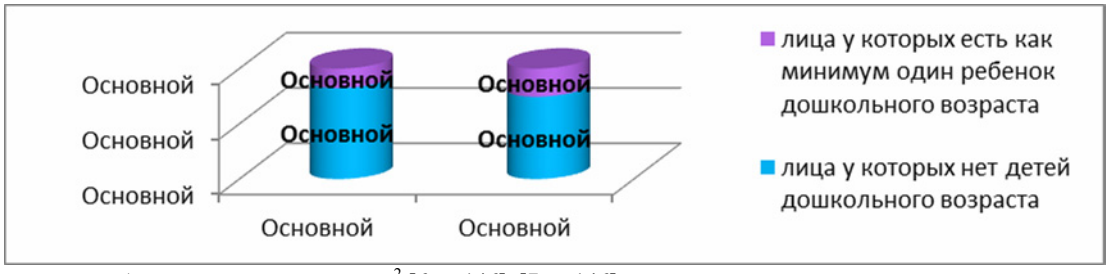
[1] Социально-экономическая ситуация Республики Молдова в 2015 году. – С. 63-64. – www.statistica.md
[2] Национальное Бюро статистики Республики Молдова. – www.statistica.md



Источник: разработано авторами.

Рисунок 2.
Распределение молдавских трудящихся мигрантов в зависимости от семейного положения, 2007 и 2015 гг., %

Длительный период трудовой миграции существенно влияет на институт брака, наблюдается причинно-следственная связь между интенсивностью миграции и числом разводов. Однако данная взаимосвязь требует дополнительного изучения[1].



Источник: разработано авторами на основе[2] [6, с. 146], [7, с. 146].

Рисунок 3.
Распределение молдавских трудящихся мигрантов в зависимости от наличия детей дошкольного возраста, 2007 , 2015 гг., %

Также среди трудящихся мигрантов преобладают лица, у которых, как минимум, один ребенок дошкольного возраста (25,5% в 2015) (рис. 3). Более того, их удельный вес вырос за последние 9 лет на 8%.

Источник: разработано авторами.

Рисунок 4.
Распределение молдавских трудящихся мигрантов по принимающим странам, 2015 г., %

Принимающими странами молдавских трудящихся мигрантов являются в первую очередь Россия и Италия, а также Греция, Израиль, Румыния, Турция, Испания, Португалия (рис. 4). Россия предпочитается трудящимися мигрантами благодаря отсутствию языковых барьеров, безвизовому режиму для молдавских граждан, относительно низкими затратами для миграции и т.д. Преимущественно в Россию выезжает мужское население из сельской местности. На втором месте среди принимающих стран находится Италия. Мигранты, которые выбирают Италию, в отличие от тех, кто уезжает в Россию, это люди старшего возраста, которые до отъезда имели постоянное место работы[3].

[1] Бучучану-Врабие М. Трудовые мигранты из Молдавии и их дети // Demoscop weekly. – http://demoscope.ru/weekly/2012/0515/tema01.php

[2] Национальное Бюро статистики Республики Молдова. Социально-экономическая ситуация Республики Молдова в 2015 году. – www.statistica.md

[3] Бучучану-Врабие М. Трудовые мигранты из Молдавии и их дети // Demoscop weekly. – http://demoscope.ru/weekly/2012/0515/tema01.php

Принимающие страны можно разделить на предпочитаемые мужским населением – Россия, Украина, Испания, Португалия, Германия (основным видом деятельности молдавских мигрантов является строительство) и предпочитаемые женским населением – Италия, Турция, Греция, Кипр (основным видом деятельности является торговля и работа в домашних хозяйствах).

Большинство молдавских мигрантов трудоустраиваются за границей по устному соглашению с работодателем либо на определенный период (36,3% от общего числа) либо на неопределенный период (28,2% от общего числа).

Проведенный анализ сравнения характеристик молдавских мигрантов уезжающих в Россию и в Италию показал, что:

- 96,4% трудящихся мигрантов в России владеют русским языком, в сравнении с 37,6% мигрантов, владеющих итальянским и работающих в Италии;
- 25,4% молдавских мигрантов, работающих в России, заключают трудовые договора с работодателем;
- 57,7% мигрантов, работающих в России, имеют разрешение на временное проживание (в сравнении с 21,7% работающими в Италии);
- доля молдавских мигрантов, имеющих работу в течение периода пребывания в России, составила 97,1%, в Италии – 99,5%;
- доля молдавских трудящихся мигрантов, которым был предоставлен социальный пакет, составил в России 2,9%, в Италии – 5,3%[1].

Важным аспектом в интегрировании мигрантов в принимающей стране является признание профессиональной квалификации, в том числе признание дипломов, научных и преподавательских степеней.

Одним из главных приоритетов в области миграционной политики является совершенствование мониторинга миграционных потоков[2]. Расширенный миграционный профиль содержит показатели, которые способствуют глубокому изучению миграционных процессов и их влиянию на демографическую и социально-экономическую ситуацию в республике. Перечень показателей в расширенном миграционном профиле охватывает в целом население, уехавшее за границу; в то же время для более детального и глубокого анализа трудовой миграции и усовершенствования политики занятости населения следует учесть профессиональный опыт трудящихся мигрантов. Показатели, используемые в Молдове для описания трудовой миграции, отображают виды экономической деятельности, практикуемые мигрантами и род занятий. Однако на сегодняшний день показатели, используемые в учете трудящихся мигрантов, не предусматривают отображение профессиональной мобильности данного сегмента рабочей силы.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что усовершенствование анализа и осуществление прогнозирования рынка труда требует более глубокого анализа трудовой миграции населения Молдовы за границу. Достижение этой цели возможно путем введение некоторых инновационных элементов в учет и анализ трудовой миграции. Полагаем, что необходимо введение трёх дополнительных показателей профессиональной мобильности рабочей силы:

1. *Число мигрантов, поменявших свой род занятий,* в сравнении с занятием, практикуемым в Республике Молдова (вне зависимости от причин, которые привели к этому изменению).

2. *Уровень профессиональной мобильности в миграционом контексте*: число мигрантов, изменивших род занятий в общем числе мигрантов.

Профессиональная мобильность является важной характеристикой для рынка труда Молдовы. В случае миграции за границу эта особенность имеет решающее значение для аккомодации на рынке труда принимающей страны.

3. *Структура мигрантов по продолжительности пребывания в качестве безработных до выезда за границу* – кратковременная безработица (до 6 месяцев), среднесрочная (до 12 месяцев) и длительная (более 12 месяцев). Данный показатель позволяет идентифицировать группу потенциальных мигрантов из рядов безработных и направить усилия на улучшение их профессиональной подготовки с целью увеличения их шансов занятости в будущем в национальной экономике или в экономике принимающей страны.

Анализ трёх приведенных выше показателей позволит оценить качественные изменения, происходящие в человеческом потенциале, мигрирующем за границу, а также выработать эффективные меры по трудоустройству вернувшихся мигрантов.

Считаем, что в будущем в рамках исследований миграции рабочей силы необходимо охватить студентов, уезжающих на работу за границу по программам Work and Travel. Будучи легальной формой миграции, организованной и определенной продолжительности, данную группу значительно легче мониторизировать и количественно оценивать.

В некоторых научных источниках рассматривается такое понятие как «учебная миграция», под которой понимается выезд молодежи за рубеж на определенный срок — период обучения с последующим трудоустройством в принимающей стране. Так, согласно М. Урсаки, «учебная миграция становится просто переходной формой к безвозвратной окончательной эмиграции из страны и является одной из форм «утечки мозгов» из республики»[3]. Следует уточнить, что эти два вида миграции довольно существенно различаются. Учебная миграция несет с собой более высокий риск потерь квалифицированных кадров, так как за время учебы студент-мигрант адаптируется и интегрируется в общество принимающей страны, развивает социальные связи, что способствует трудоустройству. В случае выезда за

[1] Стратан А., Савельева Г., Котельник В., Захаров С. Трудовая миграция: проблема и реалии // Analele Institutului de Economie, Finanţe şi Statistică. Ediţia a III-a. – Chişinău, 2013. – P. 143.

[2] Кривенко А. Молдова: страна массовой трудовой миграции. – http://demoscope.ru/weekly/2014/0605/analit05.php

[3] Урсаки М. В. Трудовая миграция из Молдовы в Россию: тенденции и последствия. Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата экономических наук. – М., 2008. – С. 9.

границу по программам Work and Travel, студент не имеет таких развитых связей с обществом принимающей страны, менее адаптирован и срок пребывания за границей более короткий.

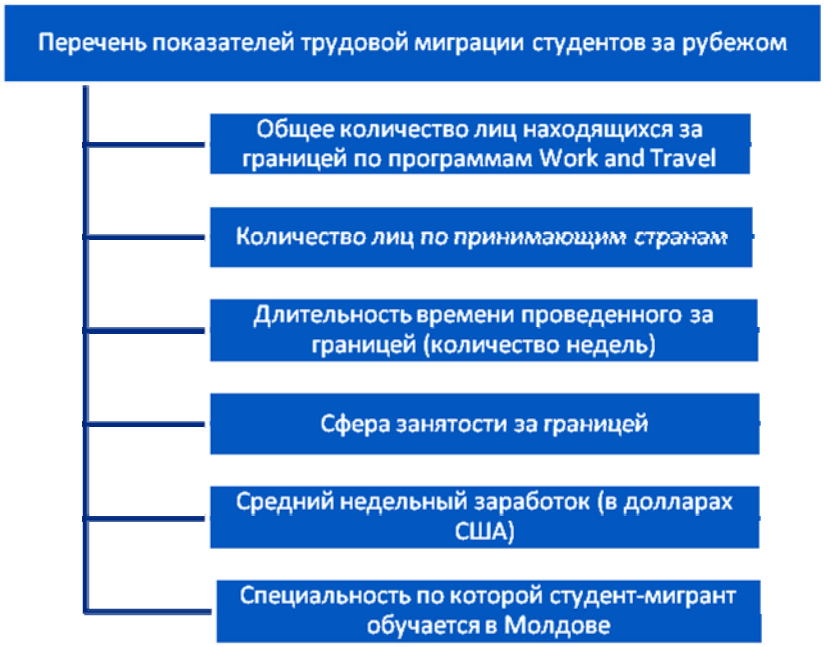
Полагаем, что учет данной группы следует осуществлять по некоторым критериям:

- количеству выездов по программам Work and Travel (один раз, несколько раз);
- удельному весу мигрантов по родам занятости;
- удельному весу мигрантов по принимающим странам;
- удельному весу мигрантов по факультету, на который они обучались в Молдове.

Выезд студентов на работу за границу по программам Work and Travel мотивируется достаточно высоким заработком – минимум 9 долларов в час[1], соответственно более 1500 долларов в месяц; в сравнении – за октябрь 2016 года в Республике Молдова средняя заработная плата составила около 255 долларов в месяц.

Нами было предложено ввести в показатели, публикуемые Национальным Бюро статистики в модуле «Миграция рабочей силы» на сайте www.statistica.md, показатели которые приведены на рисунке 5. Считаем, что на их основе станет возможным осуществление более глубокого анализа данных относительно работы студентов за рубежом.

Полагаем, что для сбора вышеуказанных данных необходимо сотрудничество специалистов Министерства труда с частными агентствами, которые обеспечивают трудоустройство студентов за рубежом. Упрощение мониторинга этого процесса может быть достигнуто путем введения обязательного сбора данных в рекрутинговых агентствах, по возвращению в страну.



Источник: разработано авторами.

Рисунок 5.
Перечень показателей трудовой миграции студентов за рубежом

Молодежь, работавшая за границей, указывает в резюме информацию об опыте работы за рубежом (включая развитые навыки). Период, охваченный приведенными показателями, распространяется на месяцы май – сентябрь, так как именно в это время студенты, уехавшие по программам Work and Travel, находятся за границей. Естественно, что некоторые из них не возвращаются в назначенные сроки, нарушая законодательство США и условия программы.

Таким образом, изучение контингента мигрантов по программам Work and Travel представляет отдельный интерес и является важным, поскольку позволяет определить масштабы процесса «утечки мозгов». Есть среди молодежи и лица, которые стараются сохранить свои связи за рубежом и вернуться после окончания вуза на работу в США. Большинство студентов всё же возвращаются в Молдову, а наличие трудовых навыков повышает их конкурентоспособность на местном рынке труда.

Таким образом, используя показатели, приведенные на рисунке 5, можно выявить ряд характеристик трудоустройства молдавской молодежи за границей. Это позволило бы выработать и развить соответствующие направления политики занятости для данного сегмента населения. Изучение структуры трудовой занятости нашей молодежи по практикуемым видам деятельности за границей позволит правильно определить навыки и умения молодежи с целью прогнозирования будущей эволюции предложения труда.

Выводы

1. Население, уезжающее из Молдовы за границу, это преимущественно лица в возрасте 25–34 лет, со средним образованием, не состоящие в браке, или состоящие в браке и имеющие одного ребенка дошкольного возраста.

[1] http://jurnal.md/ro/advertorial/2015/11/16/work-and-travel-si-j1-internship-trainee-in-sua-prin-intermediul-inter-schimb/

2. Тенденция увеличения количества трудящихся мигрантов диктует необходимость улучшения менеджмента миграционных потоков рабочей силы.

3. Число каналов выезда за границу дополнено программами Work and Travel, через которые уезжает молодежь, которая обучается в вузах. Отсутствие количественных и качественных данных по миграции студентов, уезжающих по данным программам, доказывает необходимость улучшения мониторинга в области трудовой миграции данного сегмента населения.

4. Инновационными элементами учета миграционных потоков рабочей силы является включение в исследования показателей, описывающих работу студентов за границей по программам Work and Travel и показателей профессиональной мобильности трудящихся мигрантов.

5. Исследование выезда студентов на работу за рубеж по программам Work and Travel позволит собрать данные относительно особенностей миграции этой категории населения. В данной статье представлен перечень показателей, которые описывают миграцию студентов в количественном и качественном плане, позволяя определить их профессиональный опыт по возвращению в страну.

6. Анализ профессиональной мобильности в контексте миграции на основе трёх показателей, предложенных в данной статье, позволит оценить качественные изменения, происходящие в человеческом потенциале, мигрирующем за границу, а также усовершенствовать политику возврата мигрантов в страну и их лучшей аккомодации на рынке труда.

Попова Л.А.
д.э.н., доцент, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
popova@iespn.komisc.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ: ОСОБЕННОСТИ, УСПЕХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ, ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

Ключевые слова*: численность населения, естественный прирост, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, рождаемость, репродуктивные установки, демографическая политика, Республика Коми.*
Keywords*: population, natural increase, mortality, life expectancy, birth rate, reproductive attitudes, demographic policy, the Komi Republic.*

Начало нового столетия ознаменовалось в России улучшением демографической ситуации, которая в 1990-е годы безоговорочно характеризовалась как кризисная. С 2000 г. наблюдается рост уровня рождаемости населения, с 2004 г. – снижение смертности. В результате встречных благоприятных тенденций рождаемости и смертности с 2013 г., после 21 года естественной убыли населения, в России вновь фиксируется положительный естественный прирост. Масштабы его невелики. Хотя за 2013–2015 гг. произошло увеличение его абсолютной величины с 24 до 32 тыс. человек[2], а общего коэффициента с 0,1 на 1000 человек населения до 0,3‰ (данные за 2014–2015 гг. с учетом Крымского ФО), трудно предположить, что рост показателя продолжится и в дальнейшем, поскольку динамику общего коэффициента смертности уже с 2014 г. можно характеризовать как стагнацию, а снижение и стагнация общего коэффициента рождаемости начались еще в 2013 г. Безусловно, успехи в улучшении демографической ситуации достигнуты очень значительные. Ожидаемая продолжительность жизни россиян в 2015 г. впервые в истории превысила 71 год (составив 71,4 лет для всего населения, 65,9 лет для мужчин и 76,7 лет для женщин). Суммарный коэффициент рождаемости, рассчитанный для условного поколения 2015 г., достиг 1,78 детей на одну женщину в течение детородного периода против 1,16 у поколения 1999 г. Однако есть все основания полагать, что эти показатели близки к предельным, и уже 2016–2017 годы будут характеризоваться ухудшением их динамики. В регионах страны основные тенденции демографических процессов в целом повторяют общероссийские. В то же время существует региональная специфика демографического развития, обусловленная рядом факторов: социально-экономических, демографических, исторических, этнических, религиозных и пр. В данной статье будут рассмотрены особенности, успехи последних лет и перспективы развития демографической ситуации в Республике Коми.

Республика Коми характеризуется как негативными, так и позитивными особенностями демографического развития. К числу негативных следует отнести быстрое сокращение численности населения, обусловленное, главным образом, масштабным миграционным оттоком; ниже среднего по стране показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении; повышенный удельный вес в структуре смертности внешних причин смерти и экзогенных заболеваний, в определенной степени обусловленный молодой возрастной структурой населения республики, но в любом случае это смертность преждевременная и предотвратимая; значительная доля рождений вне брака в общей структуре рождений. К позитивной специфике демографического развития относятся выше общероссийского в последние годы уровень суммарного коэффициента рождаемости и низкий коэффициент младенческой смертности.

Сокращение численности населения наблюдалось в России с 1993 г. (148,6 млн. человек на 1 января 1993 г.) до 2009 г. (142,9 млн. человек на начало 2010 г.). За это время население страны уменьшилось на 3,8%. В 2010 г. объем миграционного прироста превысил размер естественной убыли населения и наметился небольшой рост его численности, с 2013 г. подкрепленный положительным естественным приростом, а в 2014 г. – присоединением двух новых субъектов. На 1 января 2016 г. численность населения России оценивается в 146,5 млн. человек[3], т.е. за шесть лет оно увеличилось на 2,5%. В Республике Коми максимальную численность населения 1250,8 тыс. человек зафиксировала перепись 1989 г. К началу 2016 г. население уменьшилось на 31,5% – до 856,8 тыс. человек. Более существенно сократилось сельское население – на 38,1% (с 306,4 тыс. человек до 189,7 тыс.). Городское – на 29,4% (с 944,4 тыс. человек до 667,1 тыс.)[4]. Сокращение численности населения республики продолжается.

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

[2] Официальный сайт Росстата. – http://www.gks.ru/

[3] Там же.

[4] Демографический ежегодник Республики Коми. 2016: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2016. – С. 11.

В России миграционный прирост позволил более чем на 60% скомпенсировать потери в 1992–2012 гг. от естественной убыли[1]. Для Республики Коми еще с конца 1980-х годов характерно отрицательное сальдо миграции, которое вносит определяющую роль в уменьшение численности населения. По нашим расчетам, за межпереписной период 1989–2002 гг. (общая убыль населения Коми за это время 232,1 тыс. человек) роль миграции составляет 98,4% по всему населению, 100% по городскому и 80,8% по сельскому. За период 2002–2010 гг. (уменьшение населения 117,5 тыс. человек) вклад миграции оценивается в 85,1% общей убыли, в городской местности – 91,4%, в сельской – 74,7%. С 2011 г. миграционный отток определяет все сокращение населения республики, поскольку с указанного времени в Республике Коми вновь фиксируется положительный естественный прирост.

Естественная убыль населения, как результат превышения смертности над рождаемостью, наблюдалась в Коми с 1993 г. по 2010 г. (рис. 1), что на три года меньше, чем в целом по стране (1992-2012 гг.). За это время ее абсолютная величина составила 46,7 тыс. человек. В сельской местности период естественной убыли был дольше и гораздо масштабней: за 1993–2011 гг. потери от нее превысили 26,6 тыс. человек. В годы депопуляции общий коэффициент естественной убыли на селе в разы превышал показатель в городской местности, где проживает около 77% населения республики, а объем естественной убыли за 1993-2007 гг. составил немногим более 21 тыс. человек. Период положительного естественного прироста пока совсем непродолжительный. При этом в 2014–2015 гг. его объемы в республике уже сокращаются, а в сельской местности в 2015 г. вновь зафиксирована естественная убыль.

Как было отмечено в Президентском послании 2016 г. Федеральному собранию, смысл всей политики государства – сбережение людей[2]. А это, прежде всего, обеспечение здоровья и высокой продолжительности жизни населения. В последние годы достигнуты очень серьезные успехи в снижении уровня смертности – к 2015 г. величина ожидаемой продолжительности жизни населения России увеличилась по сравнению с 2003 г. на 6,6 лет и впервые превысила 71 год. В Республике Коми, где, как и в целом по стране, с 2004 г. наблюдается позитивная тенденция смертности, также отмечаются рекордные для региона уровни продолжительности жизни.

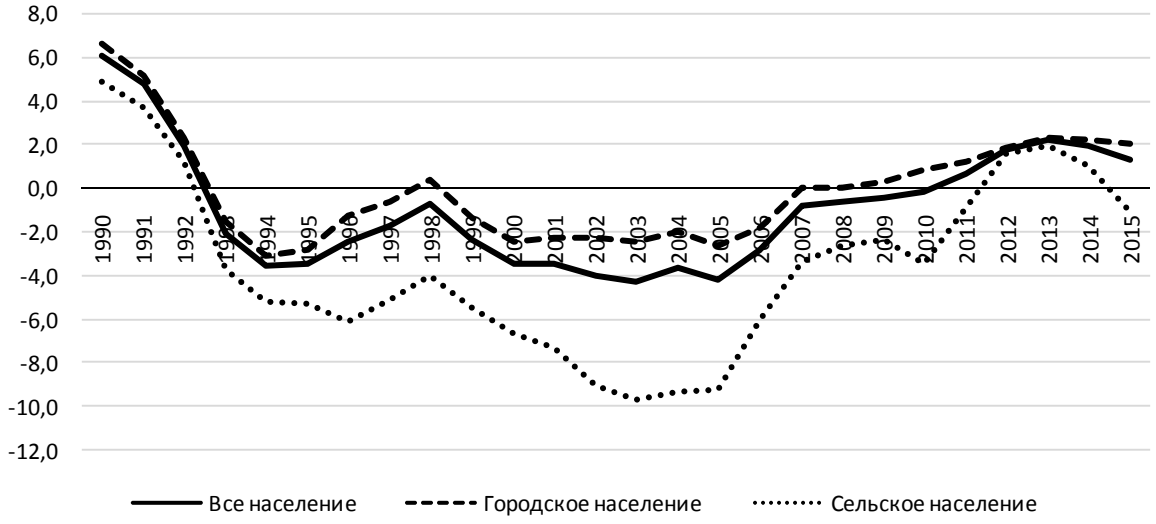


Рисунок 1.
Динамика общего коэффициента естественного прироста (убыли) населения Республики Коми в 1990–2015 гг., на 1000 человек населения

Величина этого показателя в Коми традиционно ниже, чем в среднем по России (рис. 2). В периоды ухудшения ситуации со смертностью разница возрастает до трех – трех с половиной лет, во время улучшения ситуации уменьшается до одного – полутора лет. За 2003–2013 гг. произошло сокращение отставания республиканского показателя от общероссийского с 3,3 до 1,5 лет. Однако в 2014–2015 гг. в Коми уже наблюдается рост общего коэффициента смертности, в то время как по стране в целом пока прослеживается стагнация его уровня. Поэтому разрыв в величине продолжительности жизни населения вновь увеличился – до 2,0 лет.

[1] Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Итоги межгосударственной миграции населения России за 1992-2015 гг. // Проблемы демографического развития государств Таможенного союза и стратегические подходы к дальнейшему наращиванию демографического потенциала: Матер. Междун. науч.-практ. конфер. – М., 2015. – С. 97–99.

[2] http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379 (дата обращения 30.01.2017).

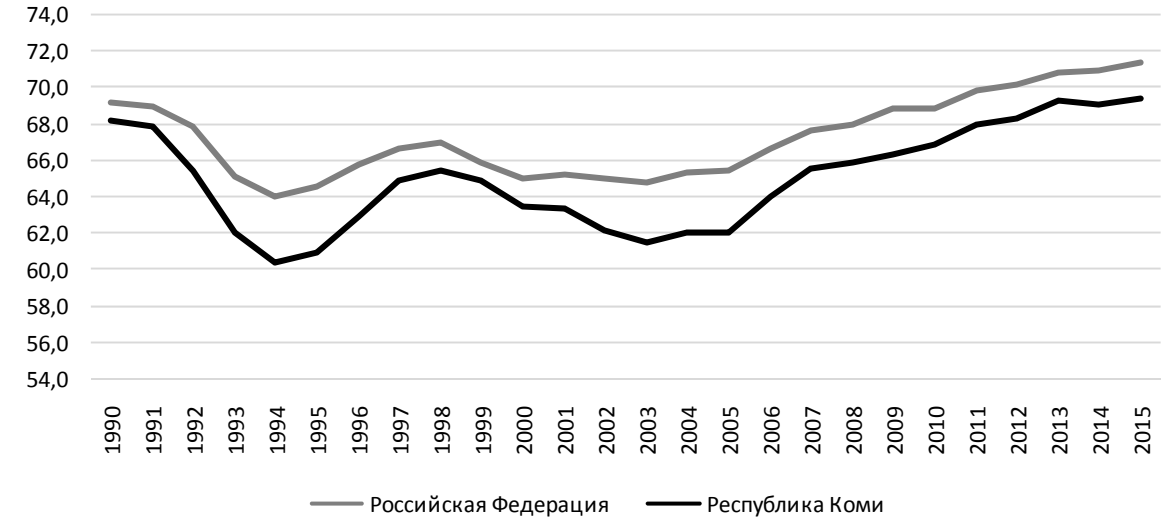


Рисунок 2.
Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации и Республики Коми в 1990–2015 гг., лет

У сельского населения республики продолжительность жизни, как и повсеместно в России, ниже, чем у городского (рис. 3). За 1990-е – начало нулевых годов дифференциация очень заметно увеличилась, что убедительно доказывает влияние уровня и качества жизни на показатели смертности населения. В последние годы разница составляет от 4 до 6 лет. Сколько-нибудь заметного сближения пока не прослеживается.

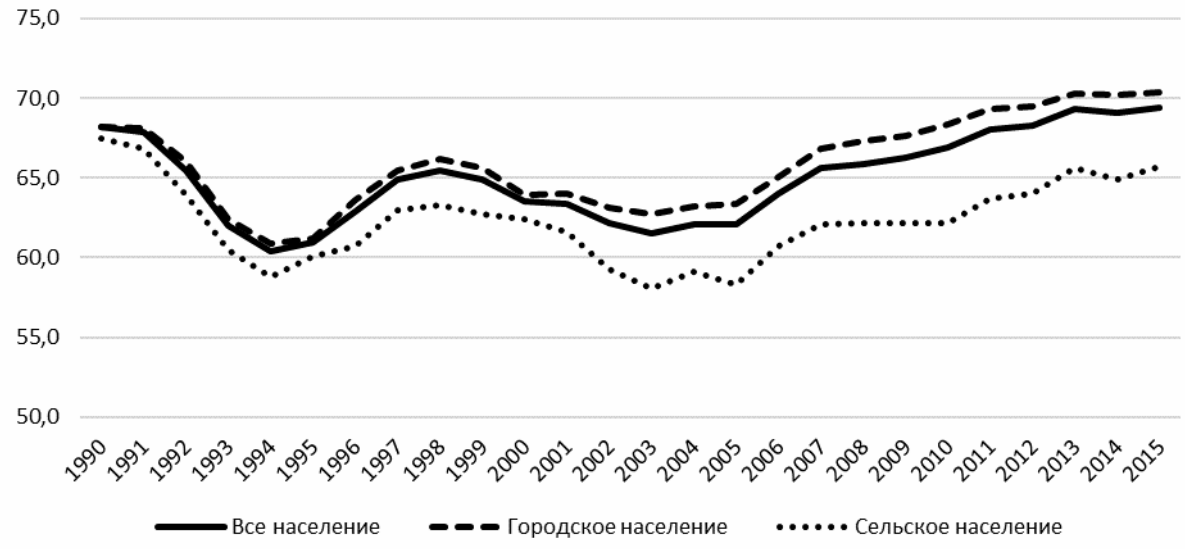


Рисунок 3.
Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения городского и сельского населения Республики Коми в 1990–2015 гг., лет

Дифференциация в продолжительности жизни женщин и мужчин в России существенно превышает не только различия, обусловленные биолого-генетическими особенностями женского и мужского организма, составляющие 3–4 года[1], но и характерную для промышленно развитых стран разницу в 5–8 лет[2] (рис. 4). В Республике Коми она значительней общероссийского уровня: в середине 1990-х годов достигала 14 лет, с 2001 по 2006 гг. превышала 13 лет, после этого составляет от 12 до 13 лет (по стране в целом меньше 12 лет). Т.е. некоторое сближение женского и мужского показателя в Коми в последнее время произошло, но различия по-прежнему очень велики. В возрастах от 20 до 65 лет мужские коэффициенты смертности в 3–5 раз превышают женские[3].

Как уже указывалось, в последние годы в стране и республике отмечаются максимальные уровни продолжительности жизни населения. Однако по мужскому показателю рекордный уровень 1986–1987 гг. в Республике Коми не достигнут: в 2015 г. показатель соответствует уровню 1989 г., который уже характеризовался снижением по сравне-

[1] Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. – М., 1989. – С. 124.

[2] Харченко В.И., Акопян А.С., Михайлова Р.Ю., Михайлов А.Ю. Уровень смертности в России в сравнении с развитыми странами // Проблемы прогнозирования. – М., 2002. – № 1. – С. 88.

[3] Демографический ежегодник Республики Коми. 2016: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2016. – С. 55–57.

нию с первыми годами антиалкогольной кампании 1985 г., – и, по всей видимости, в ближайшее время достигнут не будет, поскольку в 2014–2015 гг. в регионе уже наметился рост смертности.

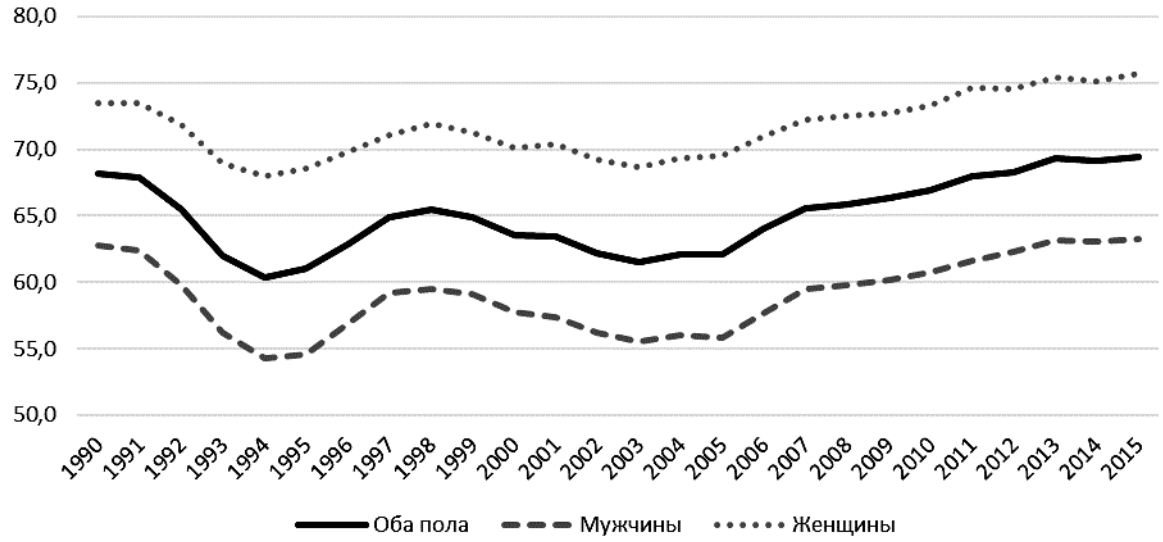


Рисунок 4.
Динамика ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин Республики Коми в 1990–2015 гг., лет

Основными причинами смертности населения с высокой продолжительностью, хорошим качеством и здоровым образом жизни являются болезни системы кровообращения и новообразования. В цивилизованном обществе люди живут долго и умирают от старости, т.е. от эндогенных болезней, являющихся следствием естественного старения организма. В России с начала 1990-х годов на второе после болезней системы кровообращения место вышли внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства, самоубийства)[1]. Современный этап снижения смертности характеризуется максимальными темпами снижения смертности именно от этой группы причин. Поэтому в 2006 г. несчастные случаи уступили новообразованиям вторую позицию в структуре причин смерти, перейдя на закономерную третью позицию[2].

Республика Коми традиционно отличается повышенным удельным весом смертей от внешних причин и экзогенных заболеваний, характерным для преждевременной и предотвратимой смертности. Внешние причины здесь даже в результате антиалкогольной кампании не опускались на третье место. Они уступили вторую позицию новообразованиям лишь в 2011 г.[3] – на пять лет позже, чем по стране в целом. Эта долгожданная перестановка в структуре, конечно, является позитивным изменением, тем не менее, доля несчастных случаев в составе причин смерти в Коми попрежнему заметно выше, чем по России. В 2015 г. внешние причины составляют в республике 13,0% смертных случаев против 9,3% в Российской Федерации.[4] Основные экзогенные заболевания (болезни органов дыхания, пищеварения, инфекционные и паразитарные заболевания) – 12,7% против 11,1% в целом по стране. На главную группу причин – болезни системы кровообращения – в последние годы в Республике Коми приходится 44–46% смертных случаев, в то время как по России 49–55%. Отчасти это связано с относительно молодой возрастной структурой населения региона. Но, как бы то ни было, основным фокусом социально-демографической политики в области смертности населения попрежнему является смертность мужчин трудоспособного возраста от внешних причин, и особенно в сельской местности.

Позитивной особенностью развития процессов смертности в Республике Коми является уровень младенческой смертности. С 1990 г., за редкими исключениями (1994, 1995, 1998 гг.), смертность на первом году жизни в регионе меньше, чем по стране в целом (рис. 5). После кратковременного повышения в начале 1990-х годов, во многом обусловленного переходом с 1 января 1993 г. на новые критерии живорождения, уровень младенческой смертности практически стабильно снижается. Рост 2012 г. был определен переходом к рекомендованным Всемирной организацией здравоохранения критериям живорождения в полном объеме. После этого наблюдается дальнейшее сокращение. В 2015 г. достигнуты рекордно низкие уровни младенческой смертности: 4,6 на 1000 родившихся в Республике Коми и 6,5% в Российской Федерации.

[1] Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики). – М., 2001. – С. 47.

[2] Официальный сайт Росстата. – http://www.gks.ru/

[3] Демографический ежегодник Республики Коми. 2016: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2016. – С. 69.

[4] Там же, с. 174.

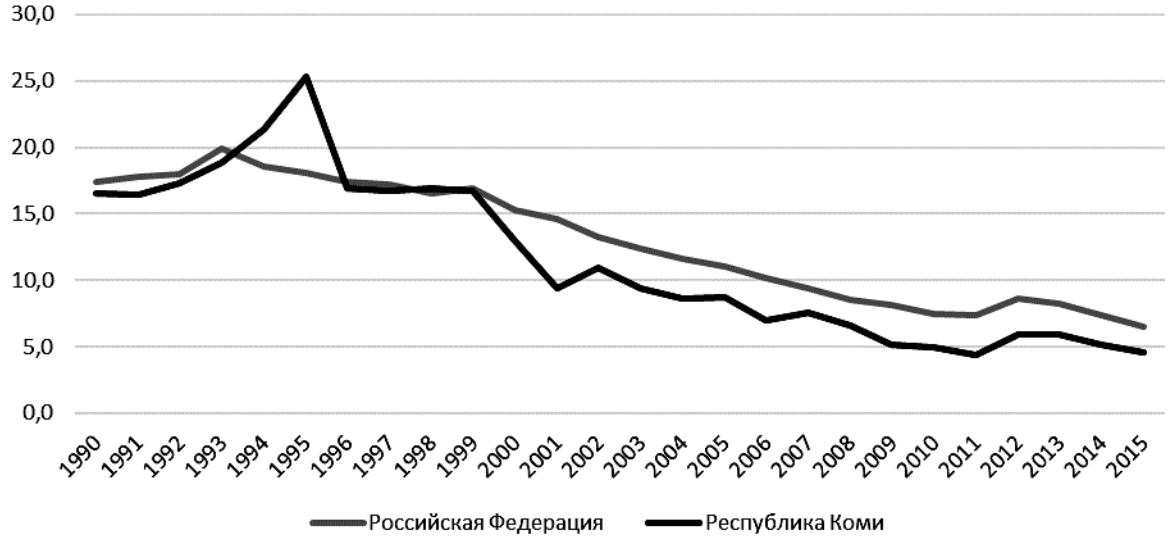


Рисунок 5.
Динамика коэффициента младенческой смертности в Российской Федерации и Республики Коми в 1990–2015 гг., на 1000 родившихся

В сельской местности республики, как и повсеместно в России, младенческая смертность в среднем несколько выше, чем в городской (рис. 6). Негладкость сельской траектории определяется малой совокупностью, в которой происходят рассматриваемые демографические события: на селе в республике в последние годы рождается по 2,5–3,5 тыс. детей – поэтому показатель, рассчитываемый на 1000 родившихся, сильно зависит от случайных событий. Но и здесь уровень младенческой смертности очень пристойный, в отдельные годы даже ниже городского.

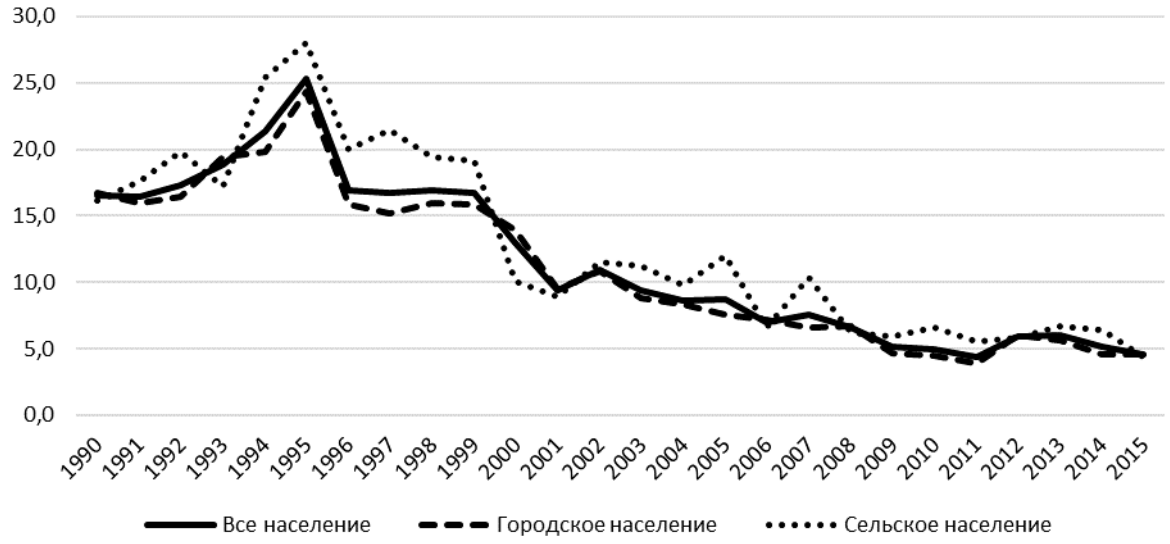


Рисунок 6.
Динамика коэффициента младенческой смертности в городской и сельской местности Республики Коми в 1990–2015 гг., на 1000 родившихся

Неблагоприятным моментом является то, что третье место в структуре младенческой смертности по причинам еще со второй половины 1990-х годов в Республике Коми устойчиво занимают внешние причины. Однако в целом по стране несчастные случаи в 2009 г. также поднялись на третью позицию[1]. С одной стороны, смертность от этих причин является реальным резервом дальнейшего снижения младенческой смертности, с другой, свидетельствует о наличии проблем в жизнедеятельности российской семьи.

Уровень рождаемости, как и по России, в Республике Коми увеличивался с 2000 г. Во-первых, это было обусловлено улучшением возрастной структуры женщин детородного возраста: активных репродуктивных возрастов стали достигать относительно многочисленные поколения 1980-х годов рождения. Во-вторых, было следствием реализации отложенных в кризисные 1990-е годы рождений на благоприятном фоне экономического роста нулевых годов. Стагнация 2005–2006 гг., наблюдавшаяся в условиях продолжающегося улучшения возрастной структуры женщин, была преодолена в результате активизации просемейной демографической политики введением с 1 января 2007 г. фе-

[1] http://demoscope.ru/weekly/2016/0685/tema06.php

дерального материнского капитала на второго ребенка[1]. Стагнация 2010 г., обусловленная в Республике Коми снижением уровня рождаемости в сельской местности, была преодолена усилением федерального материнского капитала региональным материнским капиталом на третьего ребенка[2]. Именно у сельского населения усиление крупномасштабных федеральных мер просемейной демографической политики региональным материнским капиталом (а в Республике Коми – один из самых весомых его размеров: 150 тыс. руб.) нашло особенно значительный отклик. Суммарный коэффициент для условного поколения 2012 г. превысил на селе 4 детей (рис. 7).

Росту суммарного коэффициента рождаемости в сельской местности во многом способствовало и введение в 2013 г. ежемесячного пособия на третьего ребенка в размере детского прожиточного минимума до достижения ребенком трех лет, назначаемого малообеспеченным семьям[3]. Для села пособие в размере 10–11 тыс. руб. – огромная сумма. После введения ежемесячной социальной выплаты на третьего ребенка среди многодетных семей республики произошел заметный рост доли малоимущих.

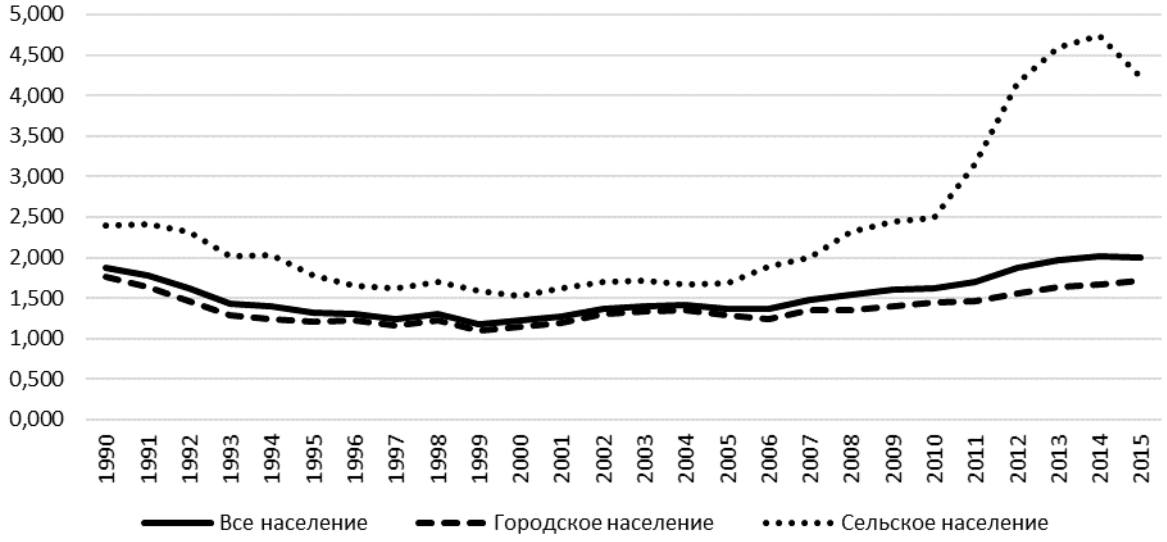


Рисунок 7.
Динамика суммарного коэффициента рождаемости в городской и сельской местности Республики Коми в 1990–2015 гг., детей на одну женщину в течение репродуктивного периода

В ряде сельских районов доля детей, получающих эти выплаты, превысила 80% от общей численности родившихся третьими и последующими, а в целом по Коми составила более 40%[4]. С одной стороны, это, конечно, следствие повышения обращаемости населения за пособием, размер которого представляет вполне весомую сумму. С другой, следствие снижения уровня среднедушевых доходов семьи при рождении очередного ребенка. Но во многом это и результат роста рождаемости в малообеспеченных слоях, простимулированного возможностью получения нового источника дохода. В 2013–2014 гг. показатель на селе достиг 4,6–4,7 детей. Произошел значительный отрыв суммарного коэффициента рождаемости в сельской местности от уровня городского. С соответствующим увеличением отрыва республиканского уровня суммарной рождаемости от общероссийского (рис. 8).

Наращивание мер демографической политики не только позволило продлить позитивный тренд рождаемости уже в условиях начавшегося в 2010–2011 гг. ухудшения возрастной структуры женщин фертильного возраста, но и дало возможность максимально реализовать рождения, ранее отложенные старшими поколениями, и способствовало увеличению детности семей, о чем свидетельствует рост процента рождений всех очередностей, кроме первенцев, а также сдвиг рождаемости в старшие группы фертильного возраста, в которых совершаются дополнительные, ранее не планировавшиеся, рождения. Еще одним благоприятным последствием усиления демографической политики следует считать то, что оно еще более усилило семейную компоненту рождаемости, придав начавшейся в 2006 г. тенденции снижения доли внебрачных рождений устойчивый характер.

[1] Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ // Российская газета. – М., 2006. – № 297, 31 декабря.

[2] Закон Республики Коми «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми» № 45-РЗ от 29.04.2011 г. // Республика. 2011. – № 98, 12 мая.

[3] Указ Главы Республики Коми от 15 июня 2012 г. № 73 «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». – http://www.detskie-posobiya.ru/ezhemesjachnye_denezhnye_vyplaty_na_tretego_rebenka_do_3_let_mnogodetnym_semjam/komi/ukaz_73/

[4] Доклад Министра труда и социальной защиты Республики Коми Семяшкина И.В. на Заседании Правительства Республики Коми от 27 августа 2015 г.

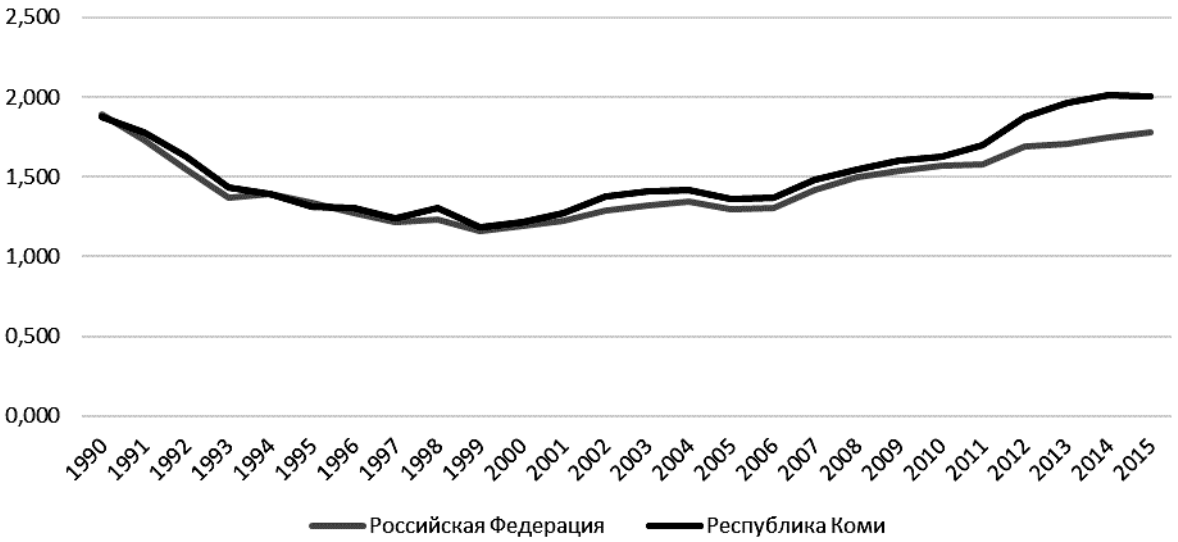


Рисунок 8.
Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Российской Федерации и Республике Коми в 1990–2015 гг., детей на одну женщину в течение репродуктивного периода

Внебрачная рождаемость отражает некий качественный аспект рождаемости. Это, конечно, очень разноплановый феномен, но в любом случае внебрачные дети попадают в худшие в среднем условия социализации. Удельный вес внебрачных рождений в Республике Коми традиционно выше, чем в среднем по России (рис. 9). В условиях его роста, который наблюдался с начала 1980-х годов по 2005 г., разрыв с общероссийским уровнем существенно увеличился. В последние годы, траектории, как видим, сближаются.

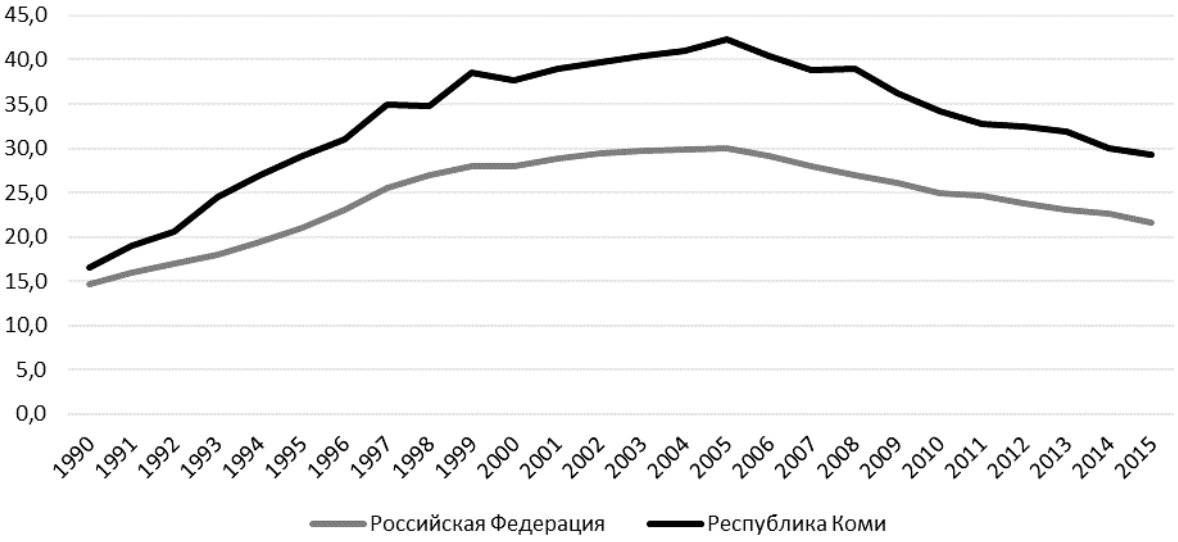


Рисунок 9.
Динамика удельного веса внебрачных рождений в общей структуре рождений в Российской Федерации и Республике Коми в 1990–2015 гг., %

В сельской местности республики процент внебрачных рождений больше (рис. 10). В период увеличения уровня внебрачной рождаемости произошел заметный отрыв сельского показателя от городского. В середине нулевых годов в некоторых сельских районах доля рождений вне официально регламентированной семьи превышала 60%. Сближения «между городом и селом» в условиях снижения уровня внебрачной рождаемости пока не прослеживается.

Таким образом, наращивание просемейной демографической политики дало значительный позитивный эффект для уровня и структуры рождаемости. Но самое главное, оно способствовало росту установок детности. С интервалом в пять лет нами было проведено два социологических обследования, в которых ряд вопросов касался репродуктивного поведения населения. Первое обследование было проведено после введения федерального материнского капитала в

конце 2008 – начале 2009 гг. (основной массив был опрошен в 2008 г.[1]). Второе – в 2013 г. в условиях реализации регионального семейного капитала[2].

Прежде всего, необходимо отметить рост к 2013 г. всех основных видов репродуктивных установок. Среднее идеальное число детей увеличилось за пять лет с 2,35 до 2,50, желаемое при всех необходимых условиях – с 2,48 до 2,67, среднее ожидаемое число детей практически достигло уровня простого замещения поколений (выросло с 1,98 до 2,13 детей). Вопреки опасениям, рост произошел не только у старших когорт населения, которые ранее смогли воспользоваться материнским капиталом на второго ребенка. Наращивание мер демографической политики повлияло на репродуктивные планы всех без исключения реальных поколений населения, принимавших участие в обоих обследованиях (1964-1993 годы рождения). А у самой молодой когорты, участвовавшей в обследовании 2013 г., у поколения 1994-1998 годов рождения, ожидаемое число детей оказалось выше, чем у более старших участников обследования.

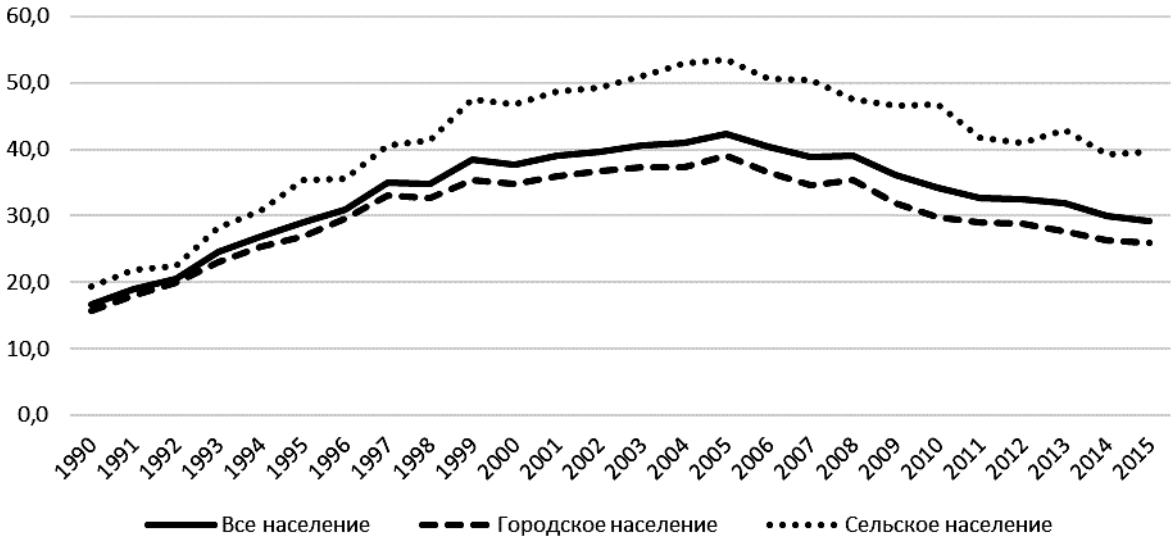


Рисунок 10.
Динамика удельного веса внебрачных рождений в городской и сельской местности Республики Коми в 1990–2015 гг., %

Таков результат усиления демографической политики в области рождаемости. В начале 2016 г. мы провели социологическое обследование «Отношение молодежи к семье и детям» (выборка и результаты описаны в одной из наших работ[3]), которое позволяет оценить последствия замораживания просемейной демографической политики, вернее, консервации уровня и спектра ее мер при пролонгации в декабре 2015 г. федерального материнского капитала до конца 2018 г. На основе сравнительного анализа с применением когортного метода результатов обследований, проведенных в 2013 и 2016 гг., получены следующие выводы.

К 2016 г. ожидаемое число детей у когорт 1989-1998 годов рождения уменьшилось с 2,20 до 2,13 детей. Это произошло за счет сокращения репродуктивных планов поколения 1994-1998 годов рождения с 2,22 до 2,13 детей. У представителей поколения 1989–1993 годов ожидаемое число детей, наоборот, увеличилось с 2,07 до 2,15. Идеальное число детей у поколений 1989–1998 годов сократилось с 2,44 до 2,33 детей. Тоже за счет более молодой когорты 1994–1998 годов рождения. В начале 2016 г. представители этого поколения в среднем считают, что в семье лучше всего иметь 2,32 детей (в 2013 г. – 2,53). У представителей когорты 1989–1993 годов рождения оба обследования зафиксировали среднее идеальное число детей на уровне 2,41. Желаемое при всех необходимых условиях число детей в целом у когорт 1989–1998 годов рождения уменьшилось за два года с 2,57 до 2,47 детей. И тоже за счет поколения 1994–1998 годов рождения. В настоящее время представители этой когорты при наличии всех необходимых условий предпочли бы в среднем 2,43 детей в семье против 2,53 в 2013 г. У представителей поколения 1989–1993 годов желаемое число детей, наоборот, увеличилось с 2,59 до 2,67 детей.

Очевидно, взросление при отсутствии новых мер демографической политики способствовало рационализации стандартов демографического поведения когорты 1994–1998 годов рождения. А представители поколения 1989–1993 годов, став, по сути, адресатами крупномасштабных мер демографической политики федерального уровня, которые незадолго до этого были продлены на два года, имели все основания для пересмотра репродуктивных планов в сторону повышения. У указанных когорт, которые будут определять ближайшие перспективы рождаемости, репродуктивные ожидания пока соответствуют уровню простого замещения поколений. Однако у самых молодых участни-

[1] Попова Л.А., Бутрим Н.А. Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. – № 2 (14). – С. 73–85.

[2] Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. – Сыктывкар, 2014. – С. 73–77; Попова Л.А., Шишкина М.А., Бутрим Н.А. Трансформация репродуктивного поведения населения Республики Коми: факторы и последствия // Регион: экономика и социология. 2015. – № 3 (87). – С. 190–212.

[3] Попова Л.А., Шишкина М.А. Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодежи // Проблемы развития территории. 2016. – № 5 (85). – С. 57–71.

ков обследования, родившихся в 1999–2000 годах, которым к началу 2016 г. было по 15–16 лет, репродуктивные установки заметно ниже, чем у более старших участников опроса. Ожидаемое число детей у родившихся в 1999–2000 годах составляет 1,91 детей по сравнению с 2,13 у поколений 1989–1998 годов рождения в целом. Идеальное число детей – 2,12 против 2,33. Еще больший разрыв по желаемому при всех необходимых условиях числу детей: у родившихся в 1999–2000 годах желаемая при благоприятных условиях детность составляет 2,19 детей против 2,47 у поколений 1989–1998 годов. Иными словами, на репродуктивные установки родившихся в 1999–2000 годах существующие меры демографической политики стимулирующего влияния не оказали.

Таким образом, у реального поколения 1989–1993 гг. рождения, ставшего адресатом федерального материнского капитала, в условиях пролонгации его действия до 2018 г. произошло увеличение установок детности, у когорты 1994–1998 гг. рождения в отсутствие новых мероприятий демографической политики наблюдается негативная динамика репродуктивных намерений, родившиеся в 1999–2000 гг. не получили стимулирующего воздействия существующих мер просемейной политики на уровень своих репродуктивных установок. В совокупности с характерной для последних лет стагнацией уровня рождаемости это доказывает необходимость нового этапа серьезного усиления просемейной демографической политики. Иначе провал в рождаемости будет очень глубоким. Его главными факторами являются наблюдающееся с 2010–2011 гг. ухудшение возрастной структуры репродуктивных контингентов, которое продлится еще лет десять, и досрочное исчерпание итоговой плодовитости реальных когорт населения в результате предшествующего повышения рождаемости. В этих условиях факторами поддержания рождаемости на относительно высоком уровне могут быть лишь величина репродуктивных установок населения и степень их реализации. Возможность увеличения репродуктивных установок населения и повышения степени их реализации – только в углублении и расширении спектра мероприятий просемейной демографической политики и росте уровня и качества жизни населения. Усиление социально-демографической политики в области смертности с концентрацией на целевых направлениях по возрасту, полу, типу населенных пунктов и причинам смерти и дальнейшая модернизация здравоохранения, рост уровня и качества жизни населения – делают возможным и продление позитивного тренда продолжительности жизни.

Симагин Ю.А.
к.геогр.н., доцент, зав. лабораторией ИСЭПН РАН, доцент Финансового университета
yas63@yandex.ru

ВКЛАД МИГРАЦИЙ В ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ[1]

Ключевые слова: *динамика численности населения, внешние и внутренние миграции, депопуляция, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, Московская область.*

Численность населения практически всех регионов России в значительной степени зависит от миграционных процессов как внешних (эмиграция и иммиграция), так и внутренних. Россия в целом отличается стабильным миграционным притоком населения, который в значительной мере компенсировал естественную убыль конца XX – начала XXI веков. Начиная с 2010 года, в противоположность предыдущим почти двум десятилетиям, численность населения страны стала увеличиваться – в 2010–2012 гг. только за счет положительного сальдо миграций, а с 2013 года – также и за счет небольшого естественного прироста населения. На 1 января 2016 г. численность населения Российской Федерации составила 146,5 тыс. человек[2]. То есть прирост численности населения страны в границах 2010 года за 6 лет (2010–2015 гг.) составил 1,3 млн. человек – это 0,9% или в среднем 0,15% ежегодно.

При этом в целом за шестилетний период весь прирост численности населения был достигнут только за счет переселения на постоянное место жительства в Россию почти 1,6 млн. жителей зарубежных государств (в среднем около 250 тыс. человек ежегодно), тогда как естественная убыль населения России за 2010–2015 гг. составила около 300 тыс. человек. То есть прибывшие из зарубежных государств примерно в 5 раз перекрыли естественную убыль населения страны. В основном в Россию, как и в 1990-е гг., переселяются жители бывших республик СССР, за счет которых в последние годы формировалось 97–98% положительного миграционного сальдо страны в целом.

При этом в общем объеме миграций населения России международная (внешняя) миграция составляет лишь около 10%. В частности, в 2014 году общий миграционный оборот в России (сумма прибывших и выбывших) составил 8979,7 тыс. человек, тогда как оборот с зарубежными странами – 887,0 тыс. человек. Из внутрироссийского оборота примерно половина приходится на межрегиональные миграции (между регионами – субъектами Российской Федерации), а вторая половина – на внутрирегиональные миграции.

Анализ региональной дифференциации сальдо миграций показывает, что именно миграции очень часто являются решающим фактором изменения численности населения. Так, миграционный прирост, характерный для России в целом, за период 2010–2015 гг. отмечался только в 36 из 83 субъектов Российской Федерации в границах 2010 года, то есть лишь в 2/5 регионов страны. Эти территории по направлениям притока мигрантов можно разделить на 3 группы, представленные в табл. 1. В остальных 47 регионах России наблюдалась миграционная убыль населения.

Таблица 1

Группы регионов России с миграционным приростом по направлениям притока мигрантов за период 2010–2015 гг.

Прирост только за счет мигрантов из-за рубежа	Прирост в основном за счет мигрантов из-за рубежа	Прирост в основном за счет внутренних мигрантов
Ивановская область	Белгородская область	Город Москва
Калужская область	Воронежская область	Московская область
Курская область	Калининградская область	Ярославская область
Липецкая область	Республика Адыгея	Город Санкт-Петербург
Рязанская область	Республика Татарстан	Ленинградская область
Смоленская область	Нижегородская область	Краснодарский край
Тамбовская область	Свердловская область	Республика Ингушетия
Тверская область	Челябинская область	Новосибирская область
Тульская область	Томская область	Тюменская область без автономных округов
Ненецкий АО		
Новгородская область		
Астраханская область		
Ростовская область		
Ставропольский край		
Самарская область		
Саратовская область		
Ханты-Мансийский АО		
Красноярский край		

Источник: расчеты автора по официальным данным Росстата: Официальный сайт Росстата. – http://gks.ru/

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-02-00530.

[2] Здесь и далее: Официальный сайт Росстата. – http://gks.ru/

Из таблицы видно, что внешняя (международная) миграция, несмотря на небольшую долю в миграционном обороте населения страны, имеет огромное значение для динамики численности населения на региональном уровне. Так, в 1/2 субъектов Российской Федерации, где в последние годы отмечался миграционный прирост населения, произошло это только за счет положительного сальдо миграций с зарубежными странами при отрицательном – с другими регионами России. Суммарный миграционный прирост населения с другими регионами России и зарубежными странами в регионах этой группы за 2010-2015 гг. составил всего около 150 тыс. человек (0,5% от численности населения в 2010 году), в том числе за счет миграционного обмена с зарубежными странами – 400 тыс. человек.

Еще в 1/4 регионов с миграционным приростом он был обеспечен в основном за счет миграционного обмена с зарубежными странами при том, что они имели положительное сальдо миграций населения и с остальными регионами России. Суммарный миграционный прирост населения с другими регионами России и зарубежными странами в 9 регионах этой группы за 2010–2015 гг. составил около 300 тыс. человек (1,0% от численности населения в 2010 году), в том числе за счет миграционного обмена с зарубежными странами – 200 тыс. человек.

Территории, где миграционный прирост наблюдался только или в основном за счет переселенцев из зарубежных стран, расположены преимущественно в Центральной и Северо-Западной России, а также в южной половине Европейской части России, которые отличаются благоприятными природными условиями. Хотя решающую роль миграционный приток из зарубежных стран имеет также в промышленных уральских регионах – Свердловской и Челябинской областях, а также в некоторых северных регионах с развитой добывающей промышленностью (в основном нефтяной) – Ненецком и Ханты-Мансийском-Югра автономных округах, Томской области, Красноярском крае.

Регионы, в которых миграционный прирост населения в последние годы шел в основном за счет переселенцев из других регионов России – это столицы Москва и Санкт-Петербург с примыкающими к ним областями, а также отдельные регионы на юге Европейской части и юге Сибири. Суммарный миграционный прирост населения с другими регионами России и зарубежными странами в регионах этой группы за 2010–2015 гг. составил около 2 млн. человек (5% от численности населения в 2010 году), в том числе за счет миграционного обмена с зарубежными странами – примерно 500 тыс. человек. Именно в этой группе расположены регионы России, выделяющиеся наиболее интенсивным увеличением численности населения за счет миграций – Московская область (+7,2% от численности населения в 2010 году), город Санкт-Петербург (+6,7%), Ленинградская область (+6,2%). Преобладание внутренних мигрантов в этих регионах связано как с их особой популярностью среди россиян, так и со сложностью официальной регистрации в них для иностранных граждан.

В целом о территориальном распределении регионов страны с миграционными приростом или убылью населения можно сказать, что для северо-восточной части России характерен миграционный отток, как и в предыдущие два десятилетия. Из 25 субъектов Российской Федерации, которые можно отнести к «зоне Севера» в широком смысле[1], только в 4 (16%) в последние годы наблюдался миграционный прирост населения – это Красноярский край, Томская область, Ханты-Мансийский-Югра и Ненецкий АО. Тогда как среди юго-западных регионов страны (остальные 58 субъектов РФ в границах 2010 года) миграционным приростом отличались 2/3 регионов. То есть в целом для юго-запада страны характерен миграционный прирост.

Интенсивнее всего в России за счет миграций растет население Московской области – в среднем на 1,2% ежегодно за последние 6 лет. При этом к началу 2016 г. по сравнению с 2010 г. население области выросло всего примерно на 2% за счет того, что в регионе наблюдается стабильная естественная убыль населения и кроме этого в 2012 г. значительная часть (более 1,5 тыс. км^2) территории Московской области перешла к городу Москве.

При этом внутри региона происходят значительные изменения в системе расселения, связанные с появлением новых населенных пунктов, интенсивной жилищной застройкой сельскохозяйственных земель и территорий населенных пунктов как многоквартирными, так и индивидуальными домами. Одновременно в некоторых частях области численность населения сокращается, наблюдается депопуляция существующих населенных пунктов. Общие тенденции происходящих изменений можно выявить при анализе динамики численности населения по муниципальным образованиям первого уровня – городским округам и муниципальным районам Московской области. Муниципалитеты области в границах 2010 г. с максимальными темпами роста и сокращения численности населения за 2010–2015 гг. представлены в табл. 2.

Самая сложная ситуация сложилась в Волоколамском районе, где сочетаются естественная убыль и миграционный отток населения. При этом главной составляющей динамики численности населения в Московской области является сальдо миграций. Так, в 10 из 13 муниципалитетов, в которых численность населения за 2010–2015 гг. сократилась, это произошло в основном за счет отрицательного сальдо миграций. В Каширском, Орехово-Зуевском и Серебряно-Прудском районах численность населения сократилась за счет превышения масштабов естественной убыли населения над миграционным приростом. Значительную долю среди муниципалитетов, где население уменьшилось из-за оттока населения (ГО «Власиха», «Восход» и др.) составляют закрытые административно-территориальные образования, миграционные процессы в которых являются по сути вынужденными, а не добровольными (перевод военных и членов их семей на новое место службы).

Формирование «Новой Москвы» на территории Московской области обосновывалось нехваткой свободных территорий для жилищного строительства в «Старой Москве». На новые городские земли должны были начаться массовое переселение москвичей и перевод административных объектов, в том числе резиденций Правительства и Законодательного Собрания Российской Федерации. Некоторые территории области, вошедшие в 2012 г. в состав города

[1] Все регионы Северного, Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов, а также Республика Алтай, Томская и Кемеровская области и автономные округа Западной Сибири.

Москвы, действительно отличаются высокими темпами роста численности населения – бывшие городские округа Московской области «Троицк» и «Щербинка» (современные административные округа Москвы «Троицкий» и «Новомосковский»). Но максимальными темпами роста численности населения (+27,7% за период 2010 2015 гг.) выделяется городской округ «Котельники» Московской области. То есть административное подчинение территории Москве или Московской области не является определяющим фактором для роста численности населения. Перемещение в «Новую Москву» административных органов государственной власти отменено.

Таблица 2

Муниципалитеты Московской области (в границах 2010 г.) с максимальной и минимальной динамикой численности населения за период 2010–2015 гг.

Динамика численности населения за 2010–2015 гг., %			
Менее 90	90–100	110–120	Более 120
МР «Волоколамский»	ГО «Власиха» ГО «Восход» ГО «Звездный Городок» ГО «Молодежный» ГО «Юбилейный» МР «Зарайский» МР «Каширский» МР «Лотошинский» МР «Можайский» МР «Орехово-Зуевский» МР «Сергиево-Посадский» МР «Серебряно-Прудский»	ГО «Домодедово» ГО «Железнодорож-ный» ГО «Звенигород» ГО «Ивантеевка» ГО «Лобня» ГО «Лосино-Петровский» ГО «Подольск» ГО «Химки» МР «Люберецкий» МР «Красногорский» АО «Троицкий»	ГО «Балашиха» ГО «Котельники» ГО «Троицк» ГО «Щербинка» МР «Ленинский АО «Новомосковский»

Примечание: ГО – городской округ, МР – муниципальный район, АО – административный округ города Москвы. Источник: расчеты автора по официальным данным Росстата: Официальный сайт Росстата. – http://gks.ru

Администрация Московской области предполагает быстрое увеличение численности населения региона и в будущем, для чего осуществляются программы массового жилищного строительства. Скорее всего, региональные и муниципальные власти Московской области рассчитывают на то, что новые жители региона будут работать преимущественно в Москве. Но там вакантными являются в основном те рабочие места, которые не пользуются популярностью у жителей Москвы и Московской области. В итоге демографическое развитие Московской области при сохранении современных тенденций будет обгонять экономическое развитие региона, что в перспективе приведет к обострению проблем безработицы, транспортных пассажирских перевозок и других.

Сформированная в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН база данных «Муниципальная Россия»[1] позволяет также проанализировать миграционные потоки на уровне городских округов и муниципальных районов, пока только за 2010–2011 гг. Можно отметить, что внутрирегиональная миграция, как правило, направлена из муниципальных районов, где часто преобладает сельское население, в городские округа, которые обычно представляют собой большой город с его ближайшим окружением.

Так, в 2010 году сальдо миграций населения муниципальных районов составило –2,3 промилле (в том числе чисто сельских без городских поселений – –3,3 промилле), а городских округов – +3,6 промилле. При этом население городских округов с городом-миллионером увеличилось за счет миграций на 6,2 промилле, с городом с населением от 250 тыс. до 1 млн. человек – на 3,3 промилле, с населением от 50 до 250 тыс. человек – на 1,3 промилле. Тогда как население городских округов с городом или ПГТ с населением менее 50 тыс. человек сократилось из-за миграций на 1,6 промилле. То есть прослеживается прямая зависимость – чем крупнее город, тем интенсивнее в нем миграционный прирост населения, чем более аграрной является территория, тем больше в ней отток.

Имеет значение и географическое расположение муниципалитетов – некоторые северные территории, являющиеся преимущественно городскими, отличаются очень интенсивным миграционным оттоком жителей. Так в дальневосточных муниципальных районах Омсукчанском, Алеутском, Олюторском сальдо миграций в 2010 г. составляло -38-39 промилле, а в городских округах Инта и Воркута Республики Коми – –37 и –35 промилле соответственно. Одновременно некоторые чисто сельские муниципальные районы Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Белгородской областей характеризуются стабильным миграционным приростом населения, в том числе за счет переселения в них жителей северных регионов страны[2].

В итоге можно сказать, что миграции в последние годы вносили значительный вклад в изменение численности населения как Российской Федерации в целом, так и ее отдельных субъектов и, особенно, муниципальных образований. На многих территориях миграции способствуют демографическому развитию, противодействуя депопуляции или усиливая естественный прирост населения. Но в большинстве регионов, особенно северных и восточных, интенсивный миграционный отток ведет к быстрому сокращению численности населения и, соответственно, потенциалу социально-экономического развития. Ситуация в таких регионах требует разработки специальной миграционной политики не только на уровне субъектов Российской Федерации, но и в масштабах всей России, так как миграционные процессы

[1] База данных «Муниципальная Россия», авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU2014620760 от 27.05.2014.

[2] Симагин Ю.А. Численность населения Таганрогской агломерации в 2010-14 гг. // Народонаселение. – М., 2016. – № 1. – С. 13–19.

по самой своей сути не замыкаются в границах отдельных территорий, а имеют общенациональный или, в некоторых случаях, даже глобальный характер. Современная миграционная политика России, к сожалению, слабо учитывает территориальные особенности идущих процессов, и нуждается в доработке. В частности, специальные программы по привлечению мигрантов требуются для регионов юга Сибири и Дальнего Востока, и также для многих регионов Центральной России, где при сохранении современных тенденций изменения численности населения будет происходить быстрая депопуляция, в условиях которой социально-экономическое развитие практически не возможно.

Скорик М.А.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Skorik.MA@rea.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПО УРОВНЮ СМЕРТНОСТИ С УЧЕТОМ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Ключевые слова: *продолжительность жизни, уровень смертности, смертность по причинам.*
Keywords: *lifetime, mortality rate, mortality for reasons.*

К одной из составляющих демографического кризиса в современной России относится кризис смертности. В результате российская кривая смертности последних десятилетий характеризуется нестабильностью и скачкообразным поведением в периоды наибольшего обострения социально-экономической ситуации в стране. Следует также принимать во внимание, что неоднородность социально-экономических и культурно-этнических особенностей жизни населения нашей страны вызывает сильные различия в продолжительности жизни в разных регионах России. При этом биологические, социальные, культурные, экономические факторы воздействуют на уровень смертности и продолжительность жизни, влияя также на структуру причин смерти.

Научно-практический подход, позволяющий оценить региональную дифференциацию смертности по ее причинам, имеет важнейшее значение для управления демографическим развитием страны. Стояла задача выделения из совокупности регионов России групп, сходных по структуре и уровню смертности. В статистических исследованиях группировка первичных данных является основным приемом решения задачи классификации, а поэтому и основой всей дальнейшей работы с собранной информацией.

В этом отношении большое достоинство кластерного анализа заключается в том, что он позволяет производить разбиение объектов не по одному параметру, а по целому набору признаков. Кроме того, кластерный анализ, в отличие от большинства математико-статистических методов, не накладывает никаких ограничений на вид распределения исследуемых объектов [2] и позволяет рассматривать множество исходных данных практически произвольной природы. Кластерный анализ позволяет рассматривать достаточно большой объем информации и резко сокращать, сжимать большие массивы социально-экономической информации, делать их компактными и наглядными.

Для получения однородных групп анализировалась совокупность 79 российских регионов по уровню смертности в зависимости от основных классов причин смерти в 2015 году [3]: x_1 – инфекционные и паразитарные болезни; x_2 – новообразования; x_3 – болезни системы кровообращения; x_4 – болезни органов дыхания; x_5 – болезни органов пищеварения; x_6 – внешние причины. Все показатели представлены в виде коэффициентов смертности на 100 000 человек населения. На предварительном этапе была выполнена многомерная классификация на основе иерархического алгоритма. Ее результаты позволили выдвинуть гипотезу о наиболее вероятном количестве однородных групп в исследуемой совокупности (рис. 1).

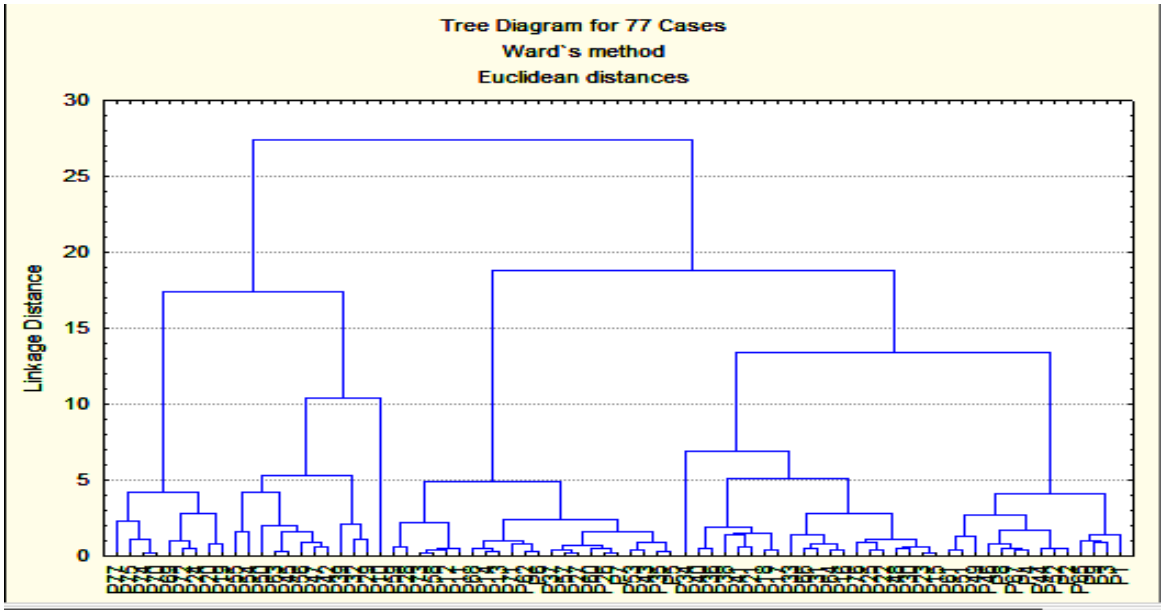


Рисунок 1.
Результаты иерархической классификации регионов РФ на основе метода Варда

Визуальный анализ дендрограммы указывает на то, что в изучаемой совокупности выделяются 3 основные группы регионов. Однако существует и более формальный подход, реализуемый на основе алгоритма кластеризации по методу *k*-средних. Тогда кластеры можно определить как однородные группы, формируемые методом, который минимизирует дисперсию внутри групп и максимизирует дисперсию между группами (табл. 1).

Таблица 1

Значения межгрупповых и внутригрупповых дисперсий в кластерах

Признак	Межгрупповая дисперсия			Внутригрупповая дисперсия		
	3 группы	4 группы	5 групп	3 группы	4 группы	5 групп
X1	12,31	36,55	59,81	63,68	39,44	16,18
X2	12,74	52,08	55,40	63,25	23,91	20,59
X3	23,24	31,10	38,79	52,75	44,89	37,20
X4	34,48	39,92	41,85	41,51	36,07	34,14

Согласно табл. 1 минимальная межгрупповая дисперсия для всех признаков наблюдается при разбиении совокупности на 3 кластера. При анализе внутригрупповых дисперсий также подтверждается, что наибольшие значения наблюдаются при выделении трех кластеров. Определим, по каким признакам сформировались данные кластеры на основе матрицы средних значений

Проанализировав средние значения в кластерах по каждому из шести изучаемых признаков, можно сделать вывод, что наиболее благоприятная ситуация характерна для регионов, относящихся к первому кластеру (все средние имеют положительные значения), а в аутсайдерах находятся регионы, которые входят в третью группу (все средние имеют отрицательные значения). Для того чтобы содержательно проинтерпретировать полученные результаты, использовался график средних значений показателей смертности населения по отдельным причинам для каждого кластера (рис. 2).

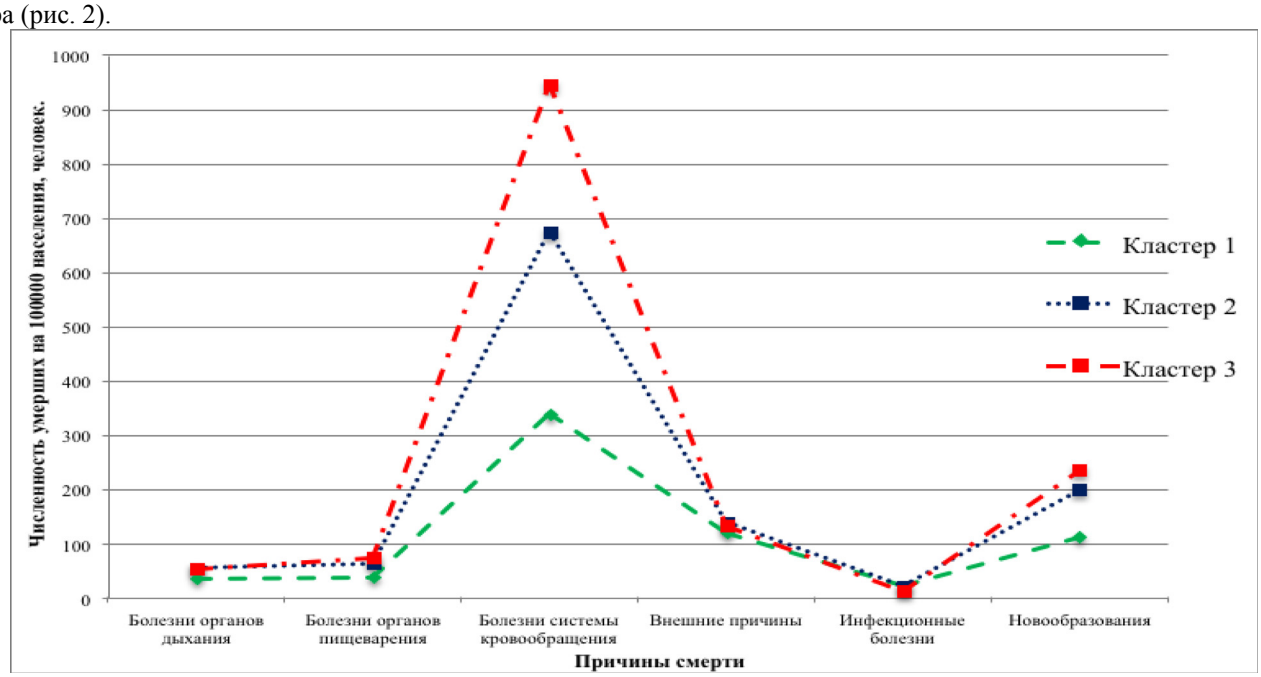


Рисунок 2.
Средние значения смертности по причинам по отдельным кластерам

В **первый** кластер вошли регионы с наиболее благоприятной обстановкой по уровню смертности по причинам (табл. 2). Для данного кластера характерны минимальные средние значения показателей смертности по болезням органов дыхания, органов пищеварения, болезням системы кровообращения, внешним причины, а также новообразованиям. Однако по такому признаку как смертность от инфекционных болезней среднее значение 1-го кластера превосходит аналогичные значения 2-го и 3-го кластеров.

В целом структура смертности по причинам в 1-м кластере достаточно однородна, но отчетливо видно преобладание среднего уровня смертности вследствие болезней системы кровообращения над остальными значениями признаков (доля умерших от данного класса причин составила 50,5%). Причем средние значения по признаку болезни системы кровообращения достигают максимальных, по сравнению с другими причинами, значений в пределах каждого кластера. Разница в средних значениях по данному признаку максимальна между первым и вторым кластерами, однако третий кластер явно выделяется, т.к. уровень смертности от болезней системы органов кровообращения в нем очень высок. Таким образом, с переходом от первой к третьей однородной группе регионов происходит явная дифференциация по признаку смертность по причинам болезней органов кровообращения.

В большинстве своем в 1-й кластер вошли регионы Северного Кавказа, которые лидируют по показателям продолжительности жизни, а также долголетия. Благоприятная окружающая среда, спокойный, размеренный образ жиз-

ни, горный воздух способствуют тому, что уровень заболеваемости и, как следствие смертности, в данных регионах находится на стабильно невысоком уровне.

Наиболее многочисленным кластером оказался **второй**, куда вошло 50 регионов, которые были классифицированы как субъекты со средним уровнем смертности. К характерным особенностям данного кластера можно отнести наиболее высокий уровень смертности от болезней органов дыхания, а также от внешних причин. По сравнению с первым кластером, возрастает смертность от новообразований, доля которых в структуре смертности для регионов, вошедших во второй кластер, составляет 17,3% (табл. 2) и уступает только доле умерших по причинам болезней органов кровообращения.

Тот факт, что второй кластер отличается по классам смертности от болезней органов дыхания и новообразований, можно объяснить корреляцией данных явлений с состоянием окружающей среды, образом и темпом жизни граждан, проживающих в данных регионах, которые относятся к промышленным и экономически активным зонам. Так, например, Курганская область, которая располагает на своей территории металлургическими предприятиями, машиностроительными и нефтехимическими заводами, а также обширным ассортиментом производств пищевой промышленности, отличается максимальным уровнем смертности от новообразований по регионам (271,5 чел. на 100 тыс. чел. населения).

Таблица 2

Структура смертности по основным классам причин смерти по кластерам, %

Умершие от классов причин, в % к итогу	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Болезни органов дыхания	5,4	4,8	3,6
Болезни органов пищеварения	5,7	5,5	5,1
Болезни системы кровообращения	50,5	58,3	64,8
Внешние причины	18,1	12,0	9,2
Инфекционные болезни	3,3	1,9	0,9
Новообразования	16,8	17,3	16,1

Отдельные регионы вошли во второй кластер в силу схожести состояния общественного благоустройства субъектов, которое, несомненно, также влияет на здоровье населения. Так, например, на здоровье и естественную убыль населения Дальнего Востока оказывают влияние загрязнение воздуха и водных объектов региона. Основным источником пылевого загрязнения атмосферы является дорожное хозяйство. Только треть дорог Дальнего Востока имеют твердое покрытие. Еще более серьезная проблема – лесные пожары. По мнению лесоводов, на Дальнем Востоке нет таежных участков, не пройденных огнем. К тому же 20% населения Дальнего Востока обеспечивается недоброкачественной питьевой водой.

Высокий уровень смертности от внешних причин можно использовать как индикатор степени неблагополучия общества, отражающий меру социально-психологической дезадаптации и агрессии.

Третий кластер можно идентифицировать по максимальным средним значениям таких классов причин смертности как болезни органов пищеварения, болезни органов системы кровообращения, а также новообразования.

Особую роль в структуре смертности в последнее двадцатилетие играет смертность от класса болезней органов пищеварения, свидетельством чего является тот факт, что примерно с 1998 года по настоящее время в стране наблюдается рост доли смертности, обусловленной данными заболеваниями [1]. Наиболее вероятной причиной данного явления может быть ухудшение качества продовольствия в стране, нерациональное питание, а также – банальная нехватка пищи.

Три региона на Северо-Западе России: Псковская, Новгородская, Ленинградская области вместе формируют своеобразный «очаг» демографического неблагополучия. Особую роль в его формировании в начале 1990-х годов сыграл резкий разрыв экономических связей с государствами Балтии. Кроме того, здесь и раньше, до распада СССР, длительное время отмечались повышенные уровни смертности, в силу неблагоприятных природных условий и других причин. Стоит уделять особое внимание демографическим тенденциям на этой территории в связи с тем, что Северо-Западный регион в стратегической перспективе рассматривается как поле столкновения геополитических интересов России и Европейского Союза. Поэтому демографическая слабость этих территорий должна рассматриваться как фактор риска безопасности и целостности всей Российской Федерации.

Остальные регионы из обсуждаемой группы распределены по географическому центру Европейской части России. В их число входят Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Вологодская область, Калужская область, Кировская область, Костромская область, Московская область, Нижегородская область, Орловская область, Пензенская область, Рязанская область, Тверская область, Тульская область, Ульяновская область, Ярославская область. Построенная классификация по причинам смертности позволяет оценить региональные особенности данного демографического явления в Российской Федерации.

Таким образом, для существенного повышения эффективности реализации целей и задач, направленных на демографическое развитие, принятие национальной программы социально-демографического развития должно происходить как на уровне Российской Федерации в целом, так и на уровне отдельных регионов, областей и национальных республик с учетом региональных особенностей и отличий. Есть все основания утверждать, что Россия, имеющая огромный демографический потенциал, культурные ценности и традиционные установки на многодетные семьи, в состоянии выйти из создавшегося демографического кризиса и укрепить свою национальную безопасность.

Список литературы

1. Денисенко М., и др. Региональная дифференциация смертности и заболеваемости в России // Экономические исследования молодых ученых. Альманах. – М.: МГУ, 2014. – № 3.
2. Скорик М.А. Сравнение выживаемости когорт в актуарном анализе // Повышение открытости отечественной статистики. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова; Федеральная служба государственной статистики, 2016. – С. 175.
3. https://www.fedstat.ru – Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).

Смелов П.А.
к.э.н., доцент, директор Ситуационного центра социально-экономического развития регионов РФ Российского экономического университета
Smelov.PA@rea.ru
Егорова Е.А.
к.э.н., зав. лабораторией НИЛ Количественные методы исследования регионального развития Российского экономического университета
Egorova.EA@rea.ru
Амирханова Р.А.
м.н.с. Российского экономического университета
Amirhanova.RA@rea.ru
Махова О.А.
к.э.н., доцент кафедры статистики Российского экономического университета
Makhova.OA@rea.ru

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УГРОЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ[1]

Ключевые слова: *демография, население, рождаемость, смертность, демографические угрозы, демографическая безопасность.*

Keywords*: demography, population, births, deaths, demographic threat, demographic security.*

Оценивая потенциал демографического развития, следует особо рассмотреть тенденции естественного движения населения. Жизнь каждого конкретного человека носит конечный характер. Поэтому с точки зрения общества большое практическое значение имеет процесс рождаемости, позволяющий восполнять естественные потери населения. Если бы на свет постоянно не появлялись новые граждане России, то рано или поздно она вполне могла бы прекратить свое существование как самостоятельное государство. Следовательно, деторождение изначально следует рассматривать как важнейшую компоненту сохранения человеческой популяции и обеспечения национальной безопасности[2].

Рождаемость, как массовый демографический процесс, имеет целый ряд параметров, которые вызывают прямой и непосредственный интерес, когда речь идет о региональных и геополитических интересах той или иной страны. Среди них первостепенная роль, несомненно, принадлежит абсолютной численности родившихся, как фактическому контингенту замещения населения и потенциальному контингенту восполнения убыли трудовых ресурсов, занятых в экономике, военнослужащих, призывного и мобилизационного резерва и т.д. (табл. 1)

Таблица 1

Характеристики динамики численности родившихся в Российской Федерации

Годы	Численность родившихся, чел.	Абсолютный прирост, чел.	Темп прироста, %
2000	1 266 800	52 111,0	4,3
2001	1 311 604	44 804,0	3,5
2002	1 396 967	85 363,0	6,5
2003	1 477 301	80 334,0	5,7
2004	1 502 477	25 176	1,7
2005	1 457 376	–45101	–3
2006	1 479 637	22 261	1,5
2007	1 610 122	130 485	8,8
2008	1 713 947	103 825	6,4
2009	1 761 687	47 740	2,8
2010	1 788 948	27 261	1,5
2011	1 796 629	7681	0,4
2012	1 902 084	105 455	5,9
2013	1 895 822	–6262	–0,3
2014	1 947 301	51 479	2,7
2015	1 944 136	–3165	–0,2

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-02-00203а.

[2] Боков А.Н., Карманов М.В., Смелов П.А., Эпштейн Н.Д., Егорова Е.А. Демографические угрозы Российской Федерации в условиях глобализации: монография. – М.: Русайнс, 2015. – 170 с.

Абсолютные масштабы естественного пополнения российского общества в XXI веке, в общем, явно имели позитивную динамику, но трижды в 2005, в 2013 и в 2015 гг. соответственно на 3%, 0,3 и 0,2% но уменьшались. В целом же за период с 2000 по 2015 гг. численность родившихся в нашей стране существенно увеличилась – на 677 336 чел. или на 53,5%. После «неплодородных» в детородном отношении 90-х годов прошлого века такие изменения (результативный рост более чем в полтора раза!), безусловно, можно признать обнадеживающими, особенно в свете перелома тенденции общей численности населения России. Правда, если обратить внимание на динамику абсолютного прироста и темпа прироста числа родившихся, то необходимо заметить, что отечественной популяции пока все же не удается добиться стабильно устойчивого пополнения новорожденными. Ведь даже рассматриваемые положительные показатели испытывают порядковые колебания (от 135 485 чел. или 8,8% в 2008 г. до 7681 чел. или 0,4% в 2011 г.).[1]

Оценивая трансформацию параметров рождаемости населения Российской Федерации с позиций имеющихся демографических угроз национальной безопасности требуется отметить, что наряду с расширением абсолютных размеров естественного пополнения общества за счет родившихся наблюдалось и повышение интенсивности данного процесса[2].

Число родившихся на 1000 жителей в нашей стране с начала текущего века, несмотря на некоторые колебания и небольшие отклонения от позитивного тренда (в 2005, 2013 и 2015 гг.), постепенно увеличивалось. В итоге за 2000–2015 гг. общий коэффициент рождаемости в Российской Федерации повысился на 4,6‰ или на 52,8%. Подобный рост (более чем в полтора раза) дает определенный повод для текущего оптимизма (рис. 1).

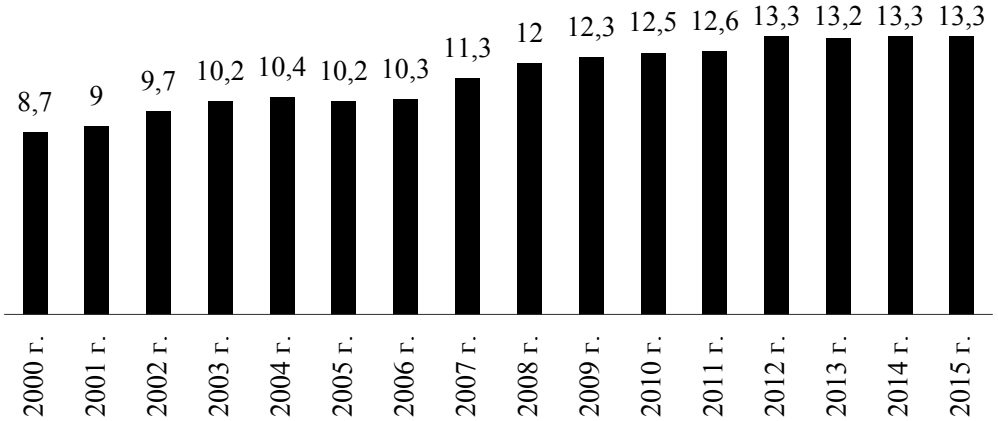


Рисунок 1.
Общий коэффициент рождаемости населения России, ‰

С другой стороны, ни в коей мере не стоит забывать, что в настоящее время общая интенсивность рождаемости в России в соответствие с общепринятой шкалой продолжает находиться на низком уровне (до 16м‰). А поэтому нет оснований вести говорить о качественном изменении положения дел в области деторождения. Кроме того, можно привести и другой весьма показательный аргумент. Общий коэффициент рождаемости в последние несколько лет колеблется: в Германии и Японии – около 8‰; во Франции, в Великобритании и Китае – около 12‰; в США и Австралии – около 13%. Правда, ни в одной из этих стран не было такой масштабной депопуляции, как в РФ, и ни одна из этих стран в XXI веке так сильно не утратила свои позиции на демографической карте мира.

В этом контексте важно посмотреть на обобщающие, более информативные и более содержательные индикаторы рождаемости населения, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Интегральные характеристики рождаемости населения в Российской Федерации

Показатели	2000 г.	2015 г.
Суммарный коэффициент рождаемости, чел.	1,19	1,77
Кумулятивный коэффициент рождаемости к 30-ти годам, чел.	0,94	1,13
Кумулятивный коэффициент рождаемости к 40-ка годам, чел.	1,18	1,72
Соотношение с уровнем суммарного коэффициента рождаемости для простого воспроизводства, %	55,6	82,3
Степень реализации детородного потенциала,%	9,6	14,2

За 2000–2015 гг. суммарный коэффициент рождаемости в нашей стране увеличился на 48,1%. При этом наблюдался рост среднего числа детей, рожденных женщинами к 30 годам (на 20%) и к 40 годам (на 46,1%). Одновременно произошел прирост показателя соотношения с уровнем простого воспроизводства (на 26,7 п.п.) и степени реализации детородного потенциала (на 4,6 п.п.). Вместе с тем нельзя пройти мимо того обстоятельства, что два последних индикатора оставались на том уровне, который вряд ли позволяет говорить о полном отсутствии демографических угроз национальной безопасности, связанных с фактически достигнутой интенсивностью деторождения. Совершенно оче-

[1] Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. – М.: Экон-информ, 2014. – 231 с.

[2] Боков А.Н., Карманов М.В., Смелов П.А., Эпштейн Н.Д., Егорова Е.А. Демографические угрозы Российской Федерации в условиях глобализации: монография. – М.: Русайнс, 2015. – 170 с.

видно, что если сложившийся уровень рождаемости не гарантирует даже простого замещения фактически живущих поколений, то существует определенная зависимость от результатов миграции (они могут восполнить имеющийся пробел) и обоснованная обеспокоенность за перспективы развития государства.

С нашей точки зрения, результаты процесса деторождения в России могли бы быть еще более впечатляющими, если бы не аборты (искусственное прерывание беременности), масштабы распространения которых продолжают вызывать серьезную озабоченность общества (табл. 3).

Таблица 3

Характеристики искусственного прерывания беременности в Российской Федерации

Показатели	2000 г.	2015 г.	Темп убыли, %
Число абортов, тыс.	2138,8	930,0	–56,5
Число абортов на 1000 родов, ‰	1687,0	481,0	–71,5
Число абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста, ‰	54,2	25,9	–52,2
Число абортов на 1000 родившихся, ‰	1688,3	478,4	–71,7

Абсолютные и относительные масштабы абортов, представляющих не только потенциальную, но и серьезную фактическую угрозу национальной безопасности (особенно в условиях наметившегося демографического роста), если судить по темпам убыли претерпели заметные позитивные изменения. Однако, по нашему мнению, процесс искусственного прерывания беременности в России продолжает представлять существенную опасность для развития страны. Ведь если бы его не было, то численность родившихся в нашей стране в 2015 г. могла бы быть больше чем на половину достигнутой величины, что, скорее всего, позволило выйти на границы расширенного воспроизводства населения.

Также важно подчеркнуть, что наряду с количественными масштабами не меньшее значение играет качественный состав появившихся на свет будущих работников и защитников Родины. В этом аспекте, к сожалению, имеется четко выраженная демографическая угроза. Она сводится к заметному ухудшению качества родившихся в нашей стране (табл. 4).

Таблица 4

Отдельные характеристики новорожденных в Российской Федерации

Показатели	2000 г.	2015 г.	Темп прироста (убыли), %
Родилось детей больными или заболели (массой тела 1000 г и более), тыс. чел.	474,1	630,8	33,1
Удельный вес детей, родившихся больными или заболевших (массой тела 1000 г и более), в общей численности родившихся, %	37,4	33,0	–11,8
Из общего числа детей (родившихся живыми) – недоношенные, тыс. чел.	74,1	111,1	49,9
Удельный вес детей, родившихся недоношенными, в общей численности родившихся, %	5,9	5,8	–1,7
Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, получающих социальные пенсии, на 10 000 детей (на конец года)	201,7	201,6	5,0

За последние пятнадцать лет в России наблюдалось снижение качества новорожденных при росте их количества. Число детей, появившихся на свет больными или заболевшими, возросло почти на треть, а число детей, родившихся недоношенными, вообще почти наполовину. Это закономерно привело к увеличению численности детей-инвалидов, получающих социальные пенсии (дополнительная нагрузка на государственный бюджет). Причем даже некоторое снижение удельных весов детей, родившихся больными или заболевшими и недоношенными, не снижает всей остроты той демографической угрозы, которая сильно и достаточно прицельно «бьет» по национальной безопасности нашей страны, явно ухудшая генофонд популяции.

Естественные потери населения – крайне важный процесс с точки зрения планирования государственного развития. Ключевая задача каждого государства заключается в регулировании естественного выбытия и восполнения численности собственных граждан. Следовательно, смертность населения изначально следует рассматривать как важнейшую компоненту сохранения человеческой популяции и обеспечения демографической безопасности.[1]

Смертность, в отличие от рождаемости не в перспективе, а уже сегодня несет прямую угрозу социально-экономическому развитию нашей страны. Смертность населения формирует демографические потери на уровне семьи, экономики и государства, тем самым прямо или косвенно ослабляя последнее (табл. 5).

Таблица 5

Характеристики динамики численности умерших в Российской Федерации

Годы	Численность умерших, чел.	Абсолютный прирост, чел.	Темп прироста (убыли), %
2000	2 225 332	81 016	3,8
2001	2 254 856	29 524	1,3
2002	2 332 272	77 416	3,4
2003	2 365 826	33 554	1,4
2004	2 295 402	–70 424	–3

[1] Smelov P.A., Karmanov M.V., Egorova E.A. Demographic security – what is it? // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2015. 2015. – Book 1, Vol. 1. – P. 409–416 (DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B11/S2.053).

2005	2 303 935	8533	0,4
2006	2 166 703	–137 232	–6
2007	2 080 445	–86 258	–4
2008	2 075 954	–4491	–0,2
2009	2 020 543	–55 411	–2,7
2010	2 028 516	7973	0,4
2011	1 925 720	–102 796	–5,1
2012	1 906 335	–19 385	–1
2013	1 871 809	–34 526	–1,8
2014	1 913 613	41 804	2,2
2015	1 911 413	–2200	–0,1

Динамика абсолютных масштабов смертности населения в нашей стране за 2000–2015 гг. с позиций национальной безопасности носила противоречивый характер. С одной стороны, за указанный период времени численность умерших в России снизилась на 313 919 чел. или на 14,1%. Подобное уменьшение смертности следует признать позитивным и внушительным, тем более что был пройден столь тревожный психологический рубеж в 2 млн. умерших.

С другой стороны, в текущем столетии число умерших россиян шесть раз увеличивало свое значение, а относительные размеры сокращения этого показателя (в частности в 2012 и 2013 гг.) оставляли желать лучшего. При этом величина, достигнутая в 2015 г., по-прежнему вызывает озабоченность общества, поскольку в период с 2013 по 2015 гг. наметились негативные тенденции к увеличению смертности населения. Прирост умерших в 2014 г. в пять раз превзошел прирост 2010 года. Имевшее место сужение абсолютных размеров естественной убыли российского населения проявилось и в снижении интенсивности рассматриваемого процесса (рис. 2).

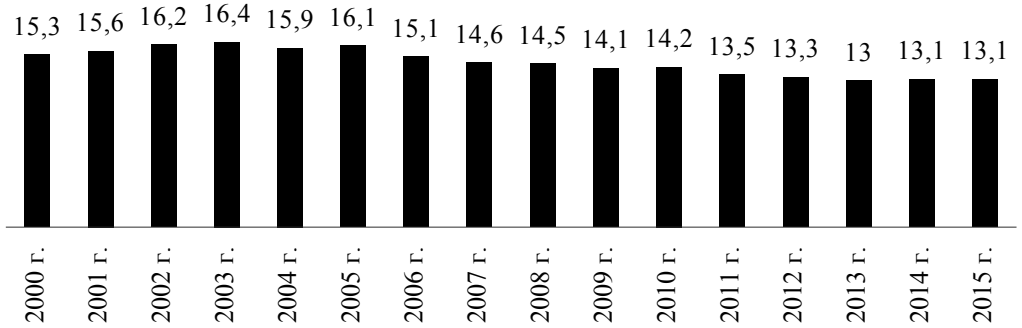


Рисунок 2.
Общий коэффициент смертности населения России, ‰

Число умерших в расчете на 1000 жителей в нашей стране с 2000 по 2015 гг. сократилось на 2,2‰ или на 14,4%. Такой результат с точки зрения уменьшения демографических потерь общества, видимо, можно признать, если и не существенным, то заметным. Тем более что в качественном отношении в соответствие со специальной шкалой удалось добиться понижения общего коэффициента смертности населения с высокого (более 15‰) до среднего уровня (менее 15‰).

Однако нельзя не сказать, что с 2000 по 2003 гг. общая интенсивность смертности жителей России росла. Затем после некоторых колебаний с 2005 г. началось медленное, но непрерывное (кроме 2010 г.) падение численности умерших на 1000 человек населения вплоть до 2013 г. Значение столь позитивных изменений вряд ли можно недооценивать, однако настораживает тот факт, что в 2014 и 2015 гг. коэффициент смертности составлял уже не 13‰, как в 2013 г., а 13,1‰.

Нельзя забывать, что в последние два-три года общий коэффициент смертности составлял: в Австралии и в Китае – около 7‰; во Франции, в Великобритании, в США и в Австралии – около 9‰; в Японии – около 10‰; в Германии – около 11‰. То есть в большей части ведущих мировых держав уровень общей смертности населения находится на низком уровне (до 10‰) или очень близко к нему. На этом фоне положительные сдвиги, достигнутые в последние годы в Российской Федерации, смотрятся несколько иначе, так как фактически достигнутый рубеж общей смертности с учетом повышения интенсивности деторождения уже не представляет серьезной угрозы, но содержит еще большие потенции для укрепления национальной безопасности.

Отдельного разговора заслуживает такая специфическая беда российского общества как смертность населения от внешних причин, приводящая к серьезным по масштабам, и, если так можно выразиться, необоснованным демографическим потерям. Ведь смерть людей от случайных отравлений алкоголем, транспортных несчастных случаев, убийств и самоубийств носит противоестественный характер (табл. 6).

За последние пятнадцать лет в «борьбе» со смертностью населения от внешних причин в нашей стране, несомненно, достигнуты заметные успехи, о чем свидетельствуют темпы убыли показателей, приведенных в табл. 6. Однако даже они не в состоянии скрыть тех поразительных «высот», которые были достигнуты в начале XXI века. В связи с этим напомним, что за все годы войны в Афганистане Советский Союз потерял около 13 тыс. чел. убитыми. А только в 2015 г. чуть меньше людей погибло от случайных отравлений алкоголем, от убийств, при этом почти в два раза больше отправилось в мир иной от транспортных несчастных случаев, самоубийств. В относительном выражении за 2000–2015 гг. число умерших в России от внешних причин смерти на 100 000 жителей снизилось с 219 до 112 чел.

или на 48,9%. Но при этом в последние годы аналогичный индикатор смертности населения от внешних причин смерти в экономически развитых государствах мира (в Германии, Японии, США и др.) находился в районе 30–40 чел. на 100 000 жителей, то есть в 3–4 раза ниже. Российская Федерация продолжает нести внушительные и совершенно излишние людские потери, подрывающие ее демографический потенциал, а, в конечном счете, угрожающие и национальной безопасности страны[1].

Таблица 6

Характеристики смертности населения России от внешних причин смерти

Показатели	2000 г.	2015 г.	Темп убыли, %
Всего умерло от внешних причин смерти, тыс. чел.	318,7	164,3	–48,45
в том числе:			
– от случайных отравлений алкоголем	37,2	9,6	–74,19
– от всех видов транспортных несчастных случаев	39,6	24,7	–37,63
– от убийств	41,1	11,7	–71,53
– от самоубийств	56,9	25	–56,06

В заключение, необходимо отметить, что демографическая безопасность является важнейшим элементом национальной безопасности, так как затрагивает все без исключения сферы жизнедеятельности человеческой популяции. В настоящее время обеспечение демографической безопасности в Российской Федерации сопряжено с целым рядом серьезных проблем, среди которых обязательно следует выделить: отсутствие научно обоснованной и эффективной концепции демографической безопасности; сложности перенесения на российскую почву опыта экономически развитых стран; финансовые ограничения реализации концепции демографической безопасности в России; необходимость подготовки демографических кадров и менеджеров нового поколения, разбирающихся в сущности и механизме процессов, протекающих в населении. Выявленные демографические угрозы, связанные с естественными причинами выбытия жителей нашей страны, носят первостепенный характер, потому что взаимодействие рождаемости и смертности формирует режим замещения поколений, а также серьезно сказывается на динамике численности, размещения и состава населения. Данные компоненты могут несколько сглаживаться за счет других факторов, например, миграционных процессов, но именно они, в конечном счете, определяют место на «демографической карте» мира и дают веские основания задумываться о реальном состоянии национальной безопасности[2].

[1] Сайфуллин Г.П. Главный резерв обеспечения национальной демографической безопасности России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. – № 9 (2). – С. 164–168.

[2] Smelov P.A., Karmanov M.V., Egorova E.A. Demographic security – what is it? // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2015. 2015. – Book 1, Vol. 1. – P. 409–416. (DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B11/S2.053).

Смелов П.А.
к.э.н., доцент, директор Ситуационного центра социально-экономического развития регионов РФ Российского экономического университета
Smelov.PA@rea.ru
Эпштейн Н.Д.
к.э.н., в.н.с. Российского экономического университета
Epstein.ND@rea.ru
Амирханова Р.А.
м.н.с. Российского экономического университета
Amirhanova.RA@rea.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОСТОЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ[1]

Ключевые слова: *демография, население, воспроизводство населения, рождаемость, смертность, демографическая безопасность.*
Keywords*: demography, population, population reproduction, births, deaths, demographic security.*

В широком спектре самых разнообразных угроз демографической безопасности, возникавших на историческом пути развития как нашей страны, так и других государств, особое место занимает снижение численности народонаселения. Данный факт обусловлен множеством причин, тесно взаимосвязанных между собой. Во-первых, количественные размеры населения служили и продолжают служить одним из веских аргументов геополитики, подтверждающим «демографический вес» того или иного государства, а также его место на «демографической карте» планеты. Во-вторых, конечный результат изменения численности населения (увеличение, снижение или стабилизация) увязывается с эффективностью социально-экономического развития, приводящего, в конечном счете, к затуханию или процветанию человеческой популяции. В-третьих, население является главным стратегическим ресурсом, который способен использоваться обществом для сохранения территориальной целостности, реализации национальных интересов, а поэтому его численность имеет исключительное значение в геополитическом, военном, экономическом и социальном аспектах. И, наконец, в-четвертых, именно человеческий капитал является самой большой ценностью для любого государства[2].

С нашей точки зрения, система статистических индикаторов демографической безопасности должна включать как минимум три самостоятельных раздела. Первый из них призван фиксировать фактически достигнутые уровни по всем ключевым параметрам, отобранным для количественной характеристики различных аспектов демографической безопасности. Первенство данного раздела предопределяется двумя обстоятельствами. Во-первых, содержательный анализ любого общественного явления или процесса необходимо предварять оценкой сложившейся ситуации, то есть констатацией фактов. Во-вторых, показатели уровня отдельных аспектов демографической безопасности служат исходной базой или фундаментом для расчета индикаторов, отражающих специфику трансформации и конечные результаты рассматриваемого объекта исследования[3].

Построение системы индикаторов демографической безопасности, безусловно, должно опираться на некоторую концепцию, предопределяющую последовательность расположения используемых показателей, а также их взаимосвязи. Нам представляется, что соподчиненность разноплановых характеристик демографической безопасности может быть представлена следующим образом:

1) Показатели уровня отдельных аспектов демографической безопасности;

2) Показатели направления и скорости изменения уровня отдельных аспектов демографической безопасности;

3) Показатели последствий изменения уровня отдельных аспектов демографической безопасности (демографических потерь).

Уровни тех или иных аспектов демографической безопасности подвержены определенным изменениям во времени. В этой связи возникает объективная необходимость оценить, в каком направлении (ухудшение или улучшение) и как (быстро или медленно) эволюционируют параметры конкретных демографических угроз. Следовательно, показатели второго раздела предлагаемой выше системы выполняют важную и ответственную миссию, ориентированную на всестороннее и адекватное отображение динамики демографической безопасности.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-02-00203а.
[2] Демографическая статистика / Под общим руководством Карманова М.В. – М.: КНОРУС, 2010.
[3] http://science.ng.ru/demography/2001-06-20/6_greatness.html

Совершенно очевидно, что любые подвижки уровней, направлений и скорости изменения отдельных аспектов демографической безопасности влекут за собой определенные и вполне конкретные последствия, которые также требуют статистической оценки, особенно актуальной с позиций разработки и обоснования мероприятий по минимизации текущих и перспективных общественных потерь. Трансформация параметров демографической безопасности отражается не только на процессах, протекающих в населении, но и имеет ярко выраженный социально-экономический подтекст (рынок труда, нагрузка непроизводительными элементами на занятых в экономике и т.п.). По этим причинам индикаторы третьего и завершающего раздела системы показателей логично подводят негативные итоги изменений самых различных аспектов демографической безопасности, которые не всегда имеют явный характер.

По нашему мнению, система представленных показателей позволяет получить подробное и всестороннее представление о демографической безопасности. По большей части она охватывает традиционные и широко известные индикаторы, содержащиеся в официальных статистических и демографических ежегодниках России (других стран мира и Организации Объединенных Наций), а по сравнению с концепцией Шахотько Л.П. и Приваловой Н.Н. дополнительно акцентирует внимание на характере (направлении и скорости) происходящих изменений, а также связанных с ними демографических потерях. Подобный подход, на наш взгляд, позволяет рассматривать демографическую безопасность как важнейший элемент и условие эффективного социально-экономического развития общества[1].

Предложенная выше система статистических характеристик может быть использована в процессе статистического исследования демографической безопасности как на общегосударственном, так и на региональном уровне, потому что объединяет практически все важнейшие параметры основных демографических процессов, принимающих самое непосредственное участие в осуществлении общественного воспроизводства.

***

Российская Федерация вступила в XXI век в непростых условиях. Начатые после распада Советского Союза рыночные преобразования, увенчавшиеся дефолтом 1998 г., породили период достаточно длительной депопуляции, которая началась в 1993 г. и после небольшого «отступления» в 1994 г. непрерывно продолжалась с 1995 по 2008 гг. включительно. В итоге за 1993–2008 гг. общая численность российского населения в мирное время (на что необходимо обратить особое внимание) сократилась более чем на 5,8 млн. человек или на 3,9%, а в текущем столетии наблюдалась следующая картина взаимодействия компонент изменения числа жителей нашей страны (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численного состава населения России в 2000–2015 гг., тыс. чел.[2]

Годы	Численность населения на 1 января	Общий прирост за год	в том числе		Общий прирост за год, %	в том числе	
			естественный	миграционный		естественный, %	миграционный, %
2000	146 890,1	–586,5	–949,1	362,6	–0,4	–0,65	0,25
2001	146 303,6	–654,3	–932,8	278,5	–0,45	–0,64	0,19
2002	145 649,3	–685,7	–916,5	230,8	–0,47	–0,63	0,16
2003	144 963,6	–630	–888,5	258,5	–0,43	–0,61	0,18
2004	144 333,6	–532,6	–793	260,4	–0,37	–0,55	0,18
2005	143 801	–564,4	–846,5	282,1	–0,39	–0,59	0,20
2006	143 236,6	–373,9	–687,1	313,2	–0,26	–0,48	0,22
2007	142 862,7	–115,2	–470,3	355,1	–0,08	–0,33	0,25
2008	142 747,5	–10,3	–362	351,7	–0,01	–0,25	0,25
2009	142 737,2	96,3	–248,9	345,2	0,07	–0,17	0,24
2010	142 833,5	31,9	–239,6	271,5	0,02	–0,17	0,19
2011	142 865,4	191	–129,1	320,1	0,13	–0,09	0,22
2012	143 056,4	290,7	–4,3	295	0,2	0,00	0,21
2013	143 347,1	319,8	24	295,8	0,22	0,02	0,21
2014[3]	143 666,9	2600,4	30,34	270,03	1,81	0,02	0,19
2015[2]	146 267,3	252,46	35,43	217,03	0,17	0,02	0,15

За 2000-2015 гг. численность россиян уменьшилась более чем на 350 тыс. человек или на 0,4%. Правда, с 2009 г. общая депопуляция была «переломлена» и начался процесс увеличения числа жителей, который до 2013 г. обеспечивался исключительно за счет мигрантов. И только в 2013 г. удалось «победить» естественную депопуляцию, когда рождаемость превысила смертность населения, а естественная компонента так же, как и миграционная, стала воздействовать в направлении демографического роста, что и обеспечило пока самый большой (0,22%) в XXI веке общий ежегодный прирост численности населения России, не считая увеличения численности населения в 2014 году за счет присоединения республики Крым и г. Севастополь.

Подобные демографические тенденции, связанные с естественной убылью населения, не могли не сказаться на месте Российской Федерации на «демографической карте» земного шара. В рейтинге ведущих мировых держав наша страна по общей численности жителей опустилась с 6-го на 9-е место[4]. Одновременно она негативно смотрелась на

[1] Шахотько Л.П., Привалова Н.Н. Демографическая безопасность: сущность, задачи, система показателей и механизм реализации // Вопросы статистики. – М., 2001. – № 7. – С.19-20.

[2] http://gks.ru

[3] С учетом данных по Крымскому Федеральному округу и г. Севастополю.

[4] Махова О.А., Прохоров П.Э. Статистическая оценка угроз изменения численности населения // Повышение открытости отечественной статистики / ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». – М., 2016. – С. 112–116

фоне всех государств, в той или иной степени заявляющих о своих претензиях на глобальное или региональное лидерство (рис. 1).

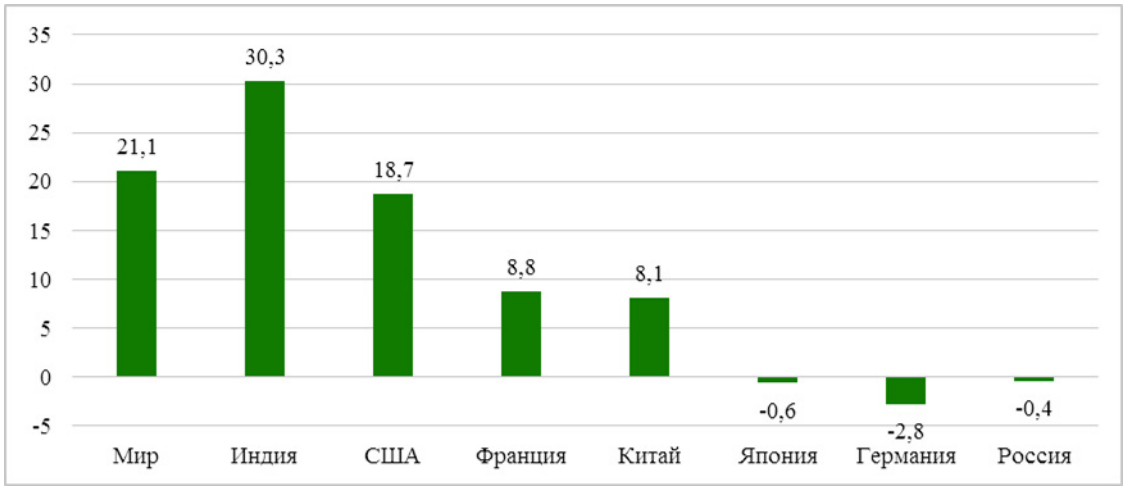


Рисунок 1.
Общий прирост (убыль) численности населения отдельных стран за 2000–2015 гг., %[1]

Совершенно очевидно, что в XXI веке по темпам демографического роста наша страна не только количественно, но и качественно уступала основным геополитическим соперникам, что объективно ставило под вопрос ее перспективы повышения эффективности общественного развития и усиления влияния, как минимум, на евроазиатском пространстве. Данная угроза наиболее рельефно просматривалась в разрезе показателей координации (по сравнению с тремя мировыми лидерами) и относительного представительства на «демографической карте» планеты, приведенных в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительные характеристики демографического развития Российской Федерации[2]

Показатели	2000 г.	2015 г.
Отставание по численности населения от государства, занимающего первое место в мире (от Китая), разы	8,6	9,4
Отставание по численности населения от государства, занимающего второе место в мире (от Индии), разы	6,9	8,9
Отставание по численности населения от государства, занимающего третье место в мире (от США), разы	1,9	2,2
Удельный вес России в общей численности населения земного шара, %	2,4	2,0

В текущем столетии, вследствие имевшей место депопуляции, которой не наблюдалось в подавляющем большинстве государств мира, Россия, если и не кардинально, то заметно усилила свое отставание по численности жителей от Китая, Индии и США. Одновременно присущий ей качественный диссонанс с темпами прироста и характером развития всей земной популяции просто не мог ни привести к сокращению за 2000–2015 гг. (на 0,4 процентного пункта) удельного веса россиян в численности населения Земли. Конечно, такое развитие событий с учетом мощи ядерного потенциала нашей страны не является смертельным ударом по национальной безопасности, но заставляет серьезно задуматься о приоритетах внешней и внутренней политики[3].

В заключение, стоит отметить, что демографическая безопасность является важнейшим элементом национальной безопасности, так как затрагивает все без исключения сферы жизнедеятельности человеческой популяции. В настоящее время обеспечение демографической безопасности в Российской Федерации сопряжено с целым рядом серьезных проблем, среди которых следует выделить: отсутствие научно обоснованной и эффективной концепции демографической безопасности; сложности перенесения на российскую почву опыта экономически развитых стран; финансовые ограничения реализации концепции демографической безопасности в России; необходимость подготовки демографических кадров и менеджеров нового поколения, разбирающихся в сущности и механизме процессов, протекающих в населении.[4]

[1] Рассчитано по данным электронного ресурса: http://gks.ru

[2] Рассчитано по данным электронного ресурса: http://gks.ru

[3] Боков А.Н., Карманов М.В., Смелов П.А., Эпштейн Н.Д., Егорова Е.А. Демографические угрозы Российской Федерации в условиях глобализации: монография. – М.: Русайнс, 2015. – 170 с.

[4] http://science.ng.ru/demography/2001-06-20/6_greatness.html

Соболева С.В.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск
soboleva@ieie.nsc.ru
Смирнова Н.Е.
н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск
Чудаева О.В.
н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Ключевые слова: *демографическая безопасность, демографический потенциал, депопуляция, миграция, национальный состав населения.*

Особое внимание к исследованию демографической ситуации на территориях Сибирско-Казахстанского приграничья связано с остротой демографических проблем и наличием рисков снижения уровня демографической безопасности приграничья России.

Оценка демографической безопасности субъектов Сибирского федерального округа (СФО), проведенная с использованием интегрального показателя демографической безопасности[1], позволяющего ранжировать остроту проблем демографической безопасности рассматриваемых территорий, показала, что самыми неблагополучными регионами СФО с низким уровнем демографической безопасности являются приграничные территории, имеющие государственные границы с Казахстаном, Монголией и Китаем [1–3]. Эти регионы требуют повышенного внимания как со стороны исследователей проблем безопасности, так и со стороны властей федерального и регионального уровней для принятия соответствующих управленческих решений с целью обеспечения демографической и национальной безопасности.

Российско-казахстанская граница, по протяженности являющаяся самой длинной в мире сухопутной границей, проходит по 12 субъектам РФ, из которых к Казахстанскому приграничью СФО относятся Омская и Новосибирская области, а также Алтайский край и частично Республика Алтай.

По основным показателям воспроизводства населения (рождаемости и смертности) эта часть сибирского приграничья близка к показателям территорий проживания русского населения, не являющихся приграничными. Особенности формирования населения этой части приграничья связаны также с миграцией населения и, в результате, с изменением национального состава [4].

Большое внимание в работе уделяется также исследованию формирования населения территорий административных районов СФО, расположенных непосредственно вдоль государственной границы с Казахстаном. Актуальность выбора для исследования этой территории, кроме того, связана с необходимостью мониторинга присутствия на ней постоянного российского населения.

Изменения демографического потенциала Казахстанского приграничья в результате депопуляции и миграции

Численность населения приграничных территорий является важнейшей составляющей их демографического потенциала. За период 2001–2010 гг. СФО потерял свыше 1 млн. человек, из них населения трудоспособного возраста – 442 тыс. (табл. 1). Сокращение населения произошло почти по всем территориям приграничья, за исключением республик Алтай и Тыва. Численность населения Казахстанского приграничья сократилась на 5,1%, что составило почти 400 тыс. человек. Самое большое сокращение населения среди всех субъектов СФО произошло в Алтайском крае – 210 тыс. человек. За счет более значительной величины потерь населения в сельской местности в Алтайском крае увеличилась доля городского населения с 53,2% в 2002 году до 54,7% в 2010 г. Тенденция к концентрации населения в городских поселениях просматривается по всем регионам Казахстанского приграничья. Доля городского населения увеличилась здесь с 65,5% в 2002 г. до 67,9% в 2010 г. Однако этот показатель в данной группе территорий продолжает оставаться ниже средней величины по СФО.

[1] Интегральный показатель демографической безопасности построен на основе следующих базовых показателей: естественный прирост населения; суммарный коэффициент рождаемости; ожидаемая продолжительность жизни; число прерываний беременности (абортов) на 100 родов; коэффициент демографической нагрузки (численность детей и населения старше трудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста); коэффициент замещения (численность детей на 1000 человек старше трудоспособного возраста).

Таблица 1

Динамика численности и возрастного состава населения Казахстанского приграничья СФО, 2001–2015 гг. (тыс. чел. на 1 января соответствующего года)

Регионы	Численность населения, тыс. чел.	В том числе по основным возрастным группам			Доля возрастных групп в общей численности населения, %		
		Муж. и женщ. 0–15	Муж. 16–59, женщ. 16–54	Муж. 60 и более, женщ. 55 и более	Муж. и женщ. 0–15	Муж. 16–59, женщ. 16–54	Муж. 60 и более, женщ. 55 и более
2001 год							
Алтайский край	2641	502	1608	531	19,0	60,9	20,1
Новосибирская область	2715	499	1662	554	18,4	61,2	20,4
Омская область	2117	434	1287	396	20,5	60,8	18,7
Казахстанское приграничье в целом	*7473*	*1435*	*4557*	*1481*	*19,2*	*61,0*	*19,8*
СФО	*20 333*	*4164*	*12 496*	*3673*	*20,5*	*61,4*	*18,1*
2010 год							
Алтайский край	2431	396	1495	540	16,3	61,5	22,2
Новосибирская область	2662	407	1672	583	15,3	62,8	21,9
Омская область	1984	323	1252	409	16,3	63,1	20,6
Казахстанское приграничье в целом	*7077*	*1126*	*4419*	*1532*	*15,9*	*62,5*	*21,6*
СФО	*19 287*	*3395*	*12 054*	*3838*	*17,6*	*62,5*	*19,9*
Изменения за 2001–2010 гг.							
Алтайский край	–210	–106	–113	9	–2,7	0,6	2,1
Новосибирская область	–53	–92	10,0	29	–3,1	1,6	1,5
Омская область	–133	–111	–35,0	13	–4,2	2,3	1,9
Казахстанское приграничье в целом	*–396*	*–309*	*–138*	*51*	*–3,3*	*1,5*	*1,8*
СФО	*–1046*	*–769*	*–442*	*165*	*–2,9*	*1,1*	*1,8*
2015 год							
Алтайский край	2385	436	1345	604	18,3	56,4	25,3
Новосибирская область	2747	473	1619	655	17,2	59,0	23,8
Омская область	1978	360	1160	458	18,2	58,6	23,2
Казахстанское приграничье в целом	*7110*	*1269*	*4124*	*1717*	*17,9*	*58,0*	*24,1*
СФО	*19 312*	*3754*	*11 242*	*4316*	*19,4*	*58,2*	*22,4*
Изменения за 2010–2015 гг.							
Алтайский край	–46	40	–150	64	2,0	–5,1	3,1
Новосибирская область	85	66	–53	72	1,9	–3,8	1,9
Омская область	–6	37	–92	49	1,9	–4,5	2,6
Казахстанское приграничье в целом	*33*	*143*	*–295*	*185*	*2,0*	*–4,5*	*2,5*
СФО	*25*	*359*	*–812*	*478*	*1,8*	*–4,3*	*2,5*

Уменьшалась не только численность населения, но и число населенных пунктов, особенно сильно в Омской области (табл. 2). Причем на будущее заложилась очень негативная тенденция их ускоренного сокращения – число сельских населенных пунктов (СНП), которые уже вообще лишились населения, выросло по данным переписи 2010 г. по сравнению с данными переписи 2002 г.

Таблица 2

Сокращение числа СНП по регионам Казахстанского приграничья по результатам переписей 2002–-2010 гг.

Регионы	Число СНП в 2002 г.		Число СНП в 2010 г.		Изменение числа СНП за 2002–2010 гг.
	Всего	Без населения	Всего	Без населения	
Алтайский край	1620	16	1598	25	–22
Новосибирская область	1566	43	1534	57	–32
Омская область	1524	23	1476	24	–48

С 2012 г. после длительного снижения стала расти, хоть и незначительно, численность населения округа в целом. За период 2008-2015 гг. она существенно выросла в Республике Алтай – на 5,3%. С 2009 г. растет численность населения и в Новосибирской области. В Омской области она стабилизировалась, и только Алтайский край продолжает терять население снижающимися, но достаточно высокими темпами (рис. 1).

Важнейшую роль в сокращении численности населения регионов Казахстанского приграничья сыграл отрицательный естественный прирост, сформировавшийся здесь с 1992 г. Казахстанское приграничье, имея 37% населения СФО, обеспечило за период 2001–2009 гг. 46% естественной убыли населения округа – 269 тыс. человек, что составило 68% всех потерь населения Казахстанского приграничья. Даже в годы значительно сократившегося отрицательного естественного прироста (2008–2010 гг.) из всех регионов сибирского приграничья выделялись высокими показателями отрицательного естественного прироста Алтайский край, Новосибирская и Омская области, особенно их сельская местность. Аналогично высокий уровень отрицательного естественного прироста из всех регионов Сибири имела в этот

период только Кемеровская область, отличающаяся высокими показателями смертности по группе основных причин смерти (болезни системы кровообращения, внешние причины смерти и новообразования) [5].

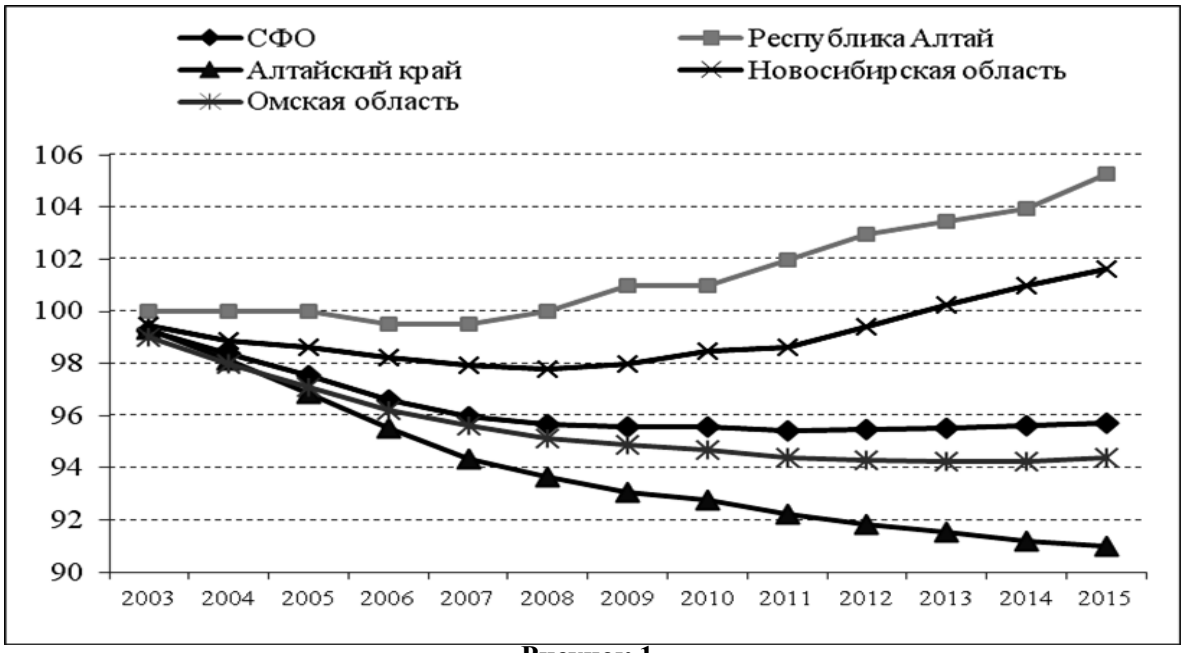


Рисунок 1.
Изменение численности населения субъектов СФО граничащих с Казахстаном, % к 2002 г.

Начиная с 2006 г. на территории Сибирского федерального округа, как и по России в целом, наблюдалась положительная динамика демографических показателей, рост рождаемости и снижение смертности. Она была связана с общим улучшением ситуации в стране в результате оживления экономики и с ростом уровня жизни населения, резко обрушенного в 1990-е гг., с повышенным вниманием, оказанным демографической и социальной сфере как со стороны федеральных, так и со стороны региональных властей, а также со структурными факторами [6].

Однако на территориях Казахстанского приграничья эта тенденция проявляется с запаздыванием и не такими темпами, как в прочих субъектах СФО, и особенно в Восточносибирском приграничье[1], которое уже с 2006 г. вышло на положительный естественный прирост населения в целом и в 2007 г. во всех субъектах (рис. 2). Для сравнения СФО добился естественного прироста населения в 2009 г., а Казахстанское приграничье только в 2012 г. Причем в Алтайском крае отрицательный естественный прирост продолжал сохраняться и в 2014 г.

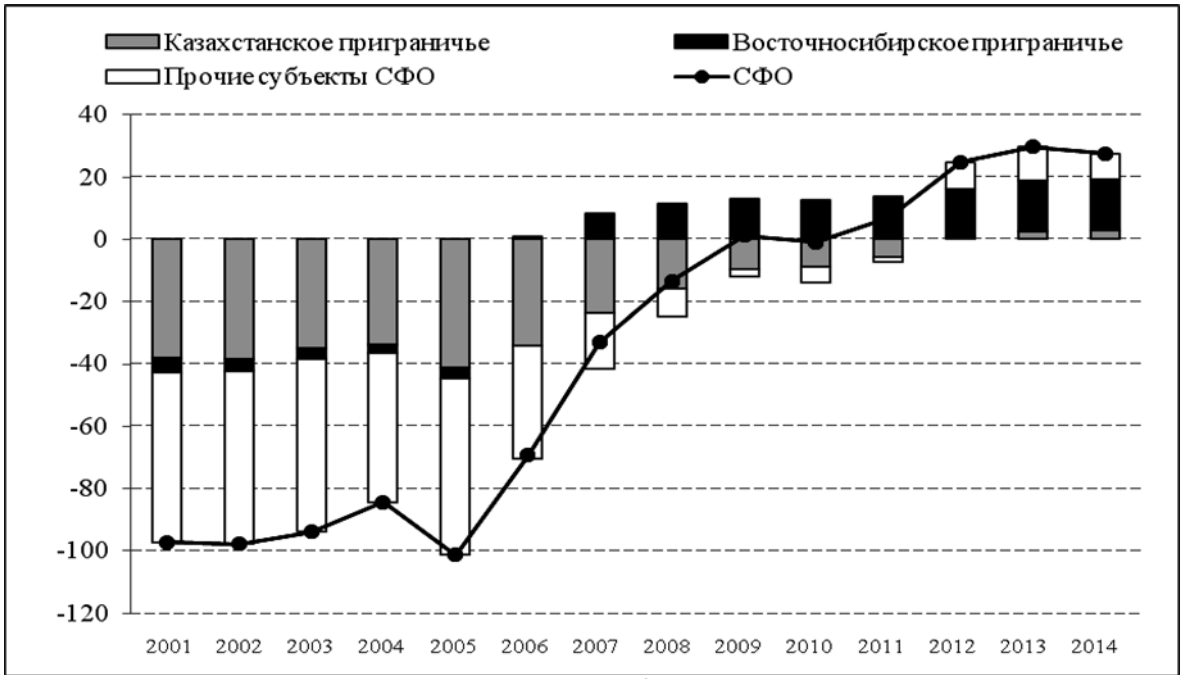


Рисунок 2.
Естественный прирост (убыль) населения в СФО по отдельным группам территорий, 2001–2014 гг., тыс. чел.

[1] Восточносибирское приграничье составляют республики Алтай, Бурятия, Тыва и Забайкальский край – территории проживания коренного населения Сибири, которое отличается от русского населения более высокими показателями рождаемости и в результате молодой возрастной структурой населения и, несмотря на высокую смертность, положительным естественным приростом.

Значительная естественная убыль населения за период 2001–2011 гг. произошла во всех субъектах Казахстанского приграничья, но особенно интенсивно в Алтайском крае, численность населения которого составляла 35% в общей численности населения Казахстанского приграничья, а сокращение населения за счет естественного фактора составило около 40% от общего показателя по данной группе территорий – 113 тыс. человек (табл. 3).

Таблица 3

Динамика естественного прироста (убыли) населения Казахстанского приграничья СФО, 2001–2015 гг. (тыс. чел.)

Регионы	2001–2011 гг.	2012–2014 гг.	2001–2014 гг.
Алтайский край	–113,4	–6,6	–120,0
Новосибирская область	–101,4	4,7	–96,7
Омская область	–69,2	8,6	–60,6
Казахстанское приграничье в целом	**–284,0**	**6,7**	**–277,3**
СФО	*–583,3*	*82,1*	*–501,2*

Депопуляционные процессы в течение длительного времени сочетались с миграционным оттоком населения. В 2001 г. миграционные потери Казахстанского приграничья составляли 30% всех потерь населения на территориях, граничащих с Казахстаном. Начиная с 2004 г. отрицательная миграционная составляющая изменения численности населения сокращалась и в положительном качестве проявилась с 2008 г. (рис. 3). Но произошло это только за счет одной Новосибирской области, которая с 2004 г. имеет положительный миграционный прирост населения (в 2004 г. – 0,3 тыс. чел., в 2014 г. – 13,6 тыс. чел), что позволило ей, в отличие от других регионов Казахстанского приграничья, компенсировать естественную убыль населения (рис. 4). В Алтайском крае продолжается миграционная убыль населения, которая накладывается на депопуляционные процессы и усугубляет их.

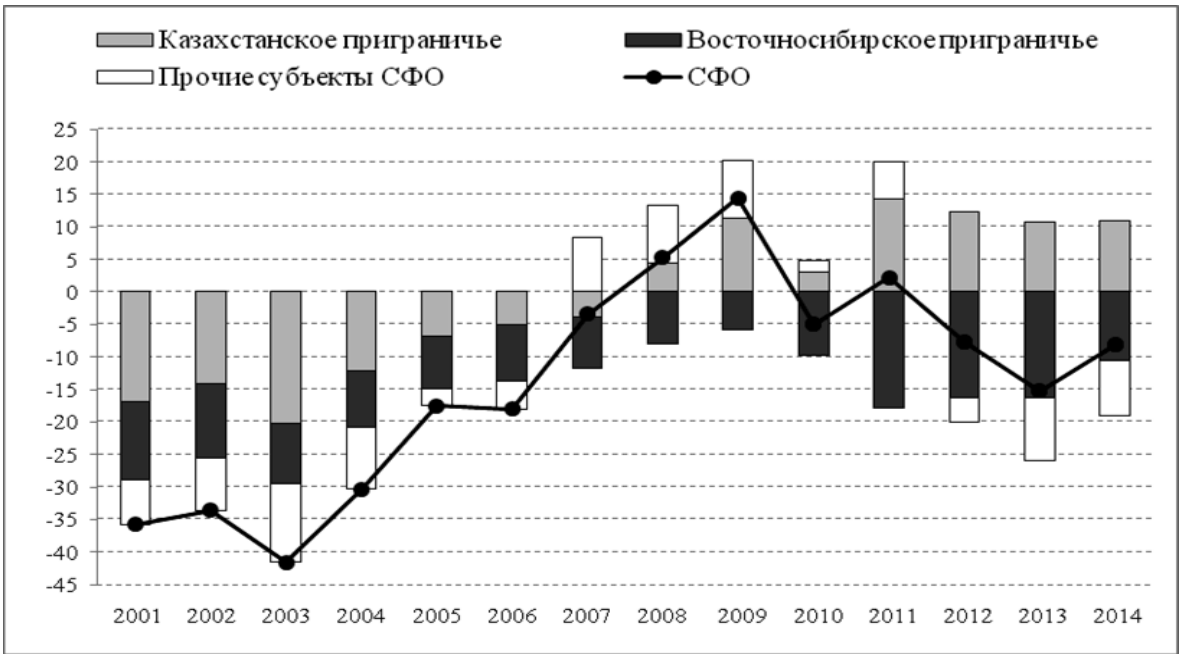


Рисунок 3.
Миграционный прирост (убыль) населения в СФО по отдельным группам территорий, 2001–2014 гг., тыс. чел.

Положительное сальдо миграции для Казахстанского приграничья определилось благодаря увеличению миграционного прироста в обмене с другими странами, а в обмене с регионами России данные территории, кроме Новосибирской области, продолжают терять население (рис. 5). Таким образом, миграционный отток населения Казахстанского приграничья в другие регионы России продолжается. Одновременно растущий приток мигрантов из других стран приводил к замещению местного населения.

В 2008–2014 гг. миграционные потоки из Казахстана и Средней Азии продолжали оставаться основной частью международной миграции и составили 85% в соответствующем миграционном приросте (рис. 6).

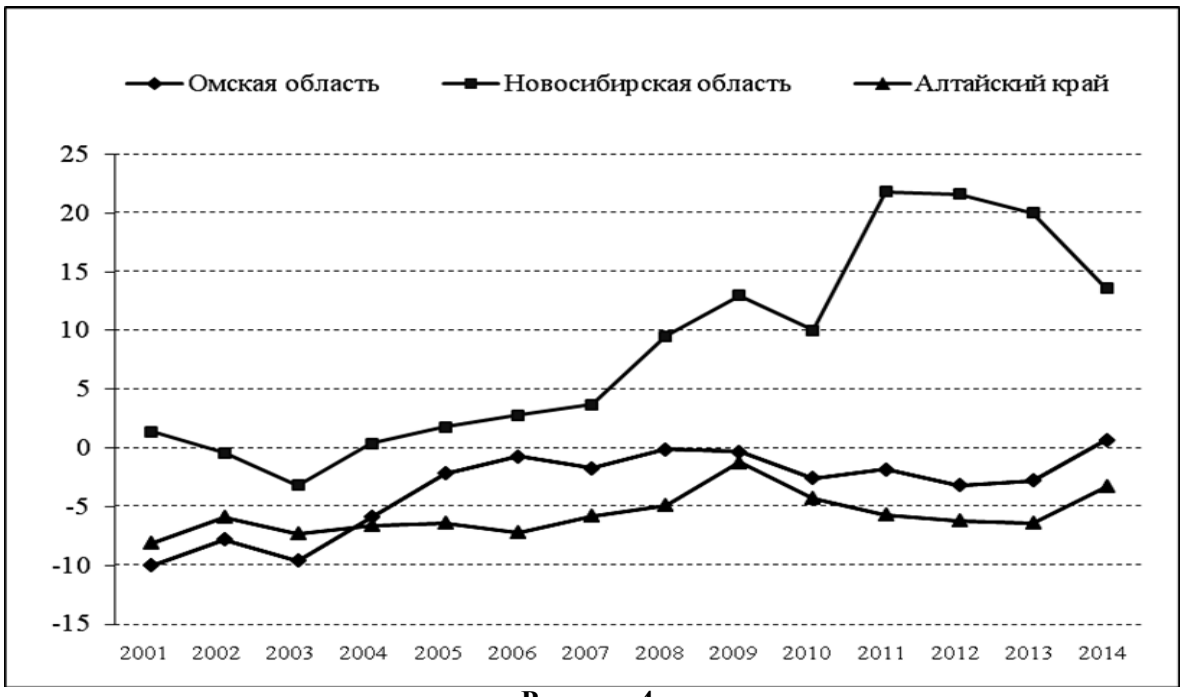


Рисунок 4.
Динамика миграционного прироста (убыли) населения на территориях Казахстанского приграничья СФО, 2001–2014 гг., тыс. чел.

Рисунок 5.
Динамика миграционного прироста (убыли) в обмене с другими регионами России и другими странами на территориях Казахстанского приграничья СФО, 2001–2014 гг., тыс. чел.

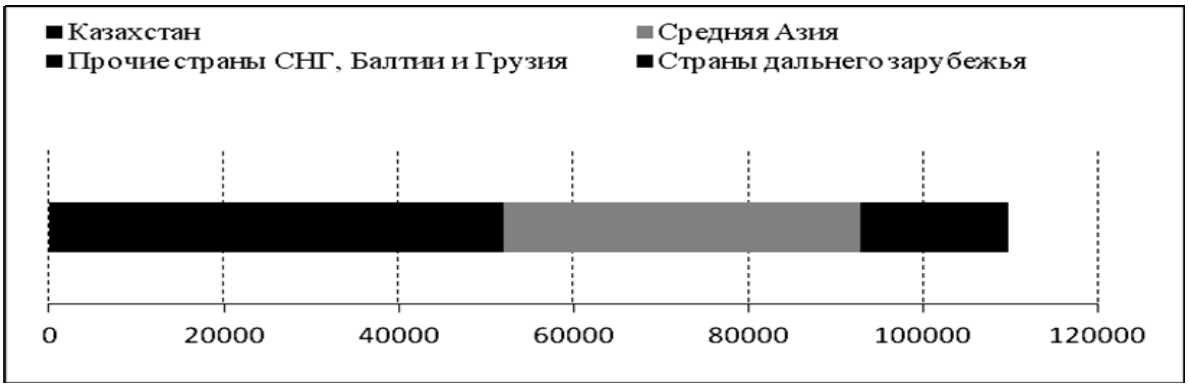


Рисунок 6.
Основные составляющие миграционного прироста Казахстанского приграничья СФО в результате обмена населением с другими странами в 2008–2014 гг., человек

Продолжительный период низкой рождаемости с начала 90-х годов XX века привел на всех территориях этой группы регионов также к ухудшению возрастной структуры населения (см. табл. 1). Сокращение численности населения на территории Казахстанского пограничья затронуло, прежде всего, детей (0–15 лет), а также население трудоспособного возраста. За период 2001-2010 гг. сократилась доля детей во всем населении, а позднее, за 2010–2015 гг., и доля трудоспособного населения. При этом численность и доля населения старше трудоспособного возраста за эти периоды, наоборот, росли.

Так, в Омской области численность детей за первый период сократилась сразу на четверть – первое место среди субъектов СФО. На протяжении всего рассматриваемого периода 2001-1015 гг. численность детей в Казахстанском приграничье была меньше, чем численность населения старше трудоспособного возраста, и разрыв до недавнего времени постоянно увеличивался. Однако, в результате позитивной тенденции роста рождаемости, и соответственно, увеличения числа детей с 2009 г., коэффициент замещения (число детей на 1000 человек населения старше трудоспособного возраста) с 2013 г. стал очень медленно расти и достиг к началу 2015 г. 738.

Таким образом, рождаемость ниже уровня простого воспроизводства на протяжении длительного времени привела не только к снижению численности населения, но и к изменению возрастной структуры в сторону старения. Снижаются численность и доля трудоспособного населения при одновременном росте численности и доли населения старше трудоспособного возраста (см. табл. 1).

Численность населения трудоспособного возраста Казахстанского пограничья с 2006 г. вступила в длительный период сокращения. Соответственно будет происходить рост демографической нагрузки (число детей и лиц старше трудоспособного возраста на 1000 человек населения трудоспособного возраста) за счет увеличения числа иждивенцев в расчете на одного трудоспособного. Особенно высок будет вклад пожилых в общую демографическую нагрузку, а это приведет в свою очередь к росту социальных расходов на поддержку всей инфраструктуры, обслуживающей пожилое население.

Особенности формирования населения на территориях приграничных административных районов Казахстанского пограничья

Непосредственно вдоль казахстанской границы расположены 28 административных районов СФО: в Омской области – 9, в Новосибирской области – 4, в Алтайском крае – 12, в Республике Алтай – 3. По итогам переписи 2010 г. в них проживало 776 тыс. чел., т.е. 4,1% от численности населения СФО и 10,7% от общей численности населения Казахстанского пограничья СФО[1]. К началу 2015 г. эти показатели были равны соответственно 745 тыс. человек, 3,8 и 10,2%, т.е. и в последние годы происходит абсолютное и относительное сокращение численности населения граничащих с Казахстаном административных районов Западной Сибири.

На протяжении многих лет, с конца 1980-х гг., следуя общим для России и СФО тенденциям, ухудшалась демографическая ситуация в Казахстанском пограничье, в том числе и в приграничных административных районах СФО. Но, если с 2006 г. наблюдается улучшение многих показателей, характеризующих демографическую ситуацию и демографический потенциал СФО в целом, то в полосе приграничных административных районов Западной Сибири, входящих в СФО и граничащих с Казахстаном, продолжают сохраняться негативные тенденции.

За межпереписной период 2002–2010 гг. численность населения СФО уменьшилась на 4%, в Новосибирской области – на 1%, в Омской области – на 4,9%, в Алтайском крае – на 7,2%, а в Республике Алтай население увеличилось на 1,6%. За тот же период потери населения административных районов округа, непосредственно граничащих с Казахстаном, были куда более значимы – 11,2%, в том числе в Новосибирской области – 10,4%, в Омской области – 14,0%, в Алтайском крае – 11,6% и в Республике Алтай (на фоне увеличения численности населения во всей республике) – 0,05%.

После переписи 2010 г. население приграничной полосы административных районов СФО с Казахстаном продолжало сокращаться достаточно высокими темпами: всего за четыре с небольшим года, т.е. к началу 2015 г., они потеряли еще 4,0%[2]. Численность населения приграничных административных районов Новосибирской области по сравнению с итогами переписи 2010 г. уменьшилась на 5,9%, соответствующее сокращение по граничащим с Казахстаном территориям в Омской области составило 4,5%, в Алтайском крае – 3,6% и в Республике Алтай – 0,7%.

Приграничные административные районы рассматриваемой части СФО характеризуются небольшим преобладанием сельского населения, которое по данным переписи 2010 г. составляло 54,5% от всего населения. При этом именно сельские поселения приграничных административных районов теряют население в большей степени, чем городские, и гораздо более высокими темпами, чем в среднем по округу. Так, если за межпереписной период 2002–2010 гг. сельское население СФО сократилось на 6,8%, в том числе по областям: в Новосибирской области – на 9,6%, в Алтайском крае – на 10,2%, в Омской области – на 13,3%, то в приграничных административных районах данных субъектов в сумме на 13,9%, а по субъектам, соответственно, на 14,4%, 13,5 и 18,2%. К началу 2015 г., по сравнению с данными переписи 2010 г., в целом по приграничным административным районам Западной Сибири численность сельского населения уменьшилась еще на 5,2%, а городского – на 2,5%.

Приграничные административные районы Западной Сибири теряли и продолжают терять население в противовес складывающимся за последние годы положительным тенденциям в демографической ситуации СФО в целом и в

[1] Здесь и далее включая Республику Алтай.

[2] Для сопоставимости данных с учетом включенных после 2002 г. в состав административных районов городов Исилькуль, Называевск, Змеиногорск, а также городов Славгород и Рубцовск.

большинстве его регионов. Происходит это как за счет естественной убыли, но в большей степени из-за миграционного оттока населения. Так коэффициенты миграционной убыли в административных приграничных с Казахстаном районах округа за период 2012–2014 гг. во много раз превосходили соответствующие региональные показатели (рис. 7).

Потоки международной миграции со стороны Казахстана в приграничные административные районы Республики Алтай, Алтайского края и Омской области пересекают государственную границу РФ с большим числом пунктов пропуска, и эти районы являются основными составляющими международной миграции. Так, в государственной границе Алтайского края имеется 4 железнодорожных и 7 автомобильных пунктов пропуска. Государственная граница Омской области содержит 7 пунктов пропуска.

Иная ситуация наблюдается в Новосибирской области. При наличии одного железнодорожного (Карасук) и одного автомобильного (Павловка) пунктов пропуска, прирост населения за счет международной миграции в приграничных административных районах Новосибирской области находится на очень низком уровне (рис. 8). Вместе с тем Новосибирская область имеет самый высокий миграционный прирост в СФО, в том числе за счет международной миграции, и является единственной из всех территорий Казахстанского приграничья, имеющей положительное сальдо внутрироссийской миграции.

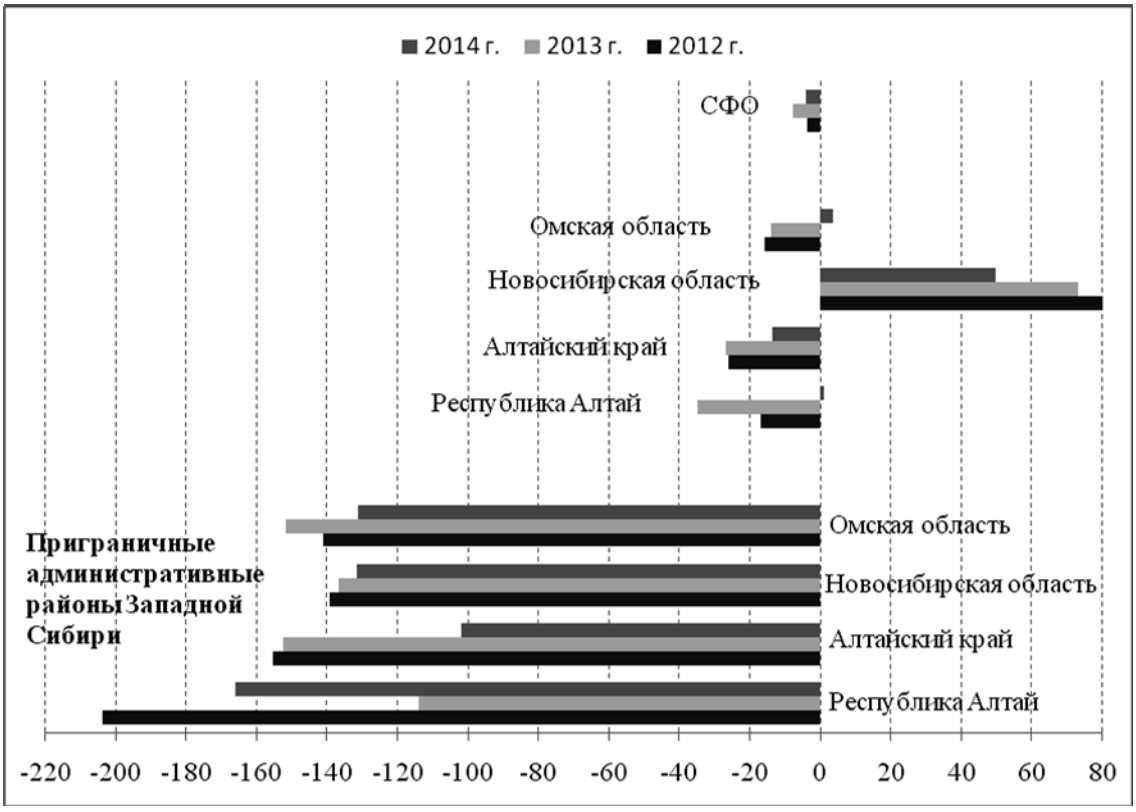


Рисунок 7.
Динамика коэффициентов миграционного прироста в приграничных административных районах Западной Сибири за период 2012–2014 гг., чел. на 10 000 чел. населения

Исходя из имеющихся данных по видам миграции, можно в целом по СФО и регионам Казахстанского приграничья сделать вывод о том, что международная миграция, преимущественно со странами СНГ, в значительной, хотя и не в полной, степени восстанавливает миграционные потери из-за внутрироссийских перемещений. Большинство же приграничных административных районов Западной Сибири несут очень существенные потери именно из-за внутрироссийской миграции, которая в несколько раз превышает показатели международной миграции. Неразвитость социально-бытовой инфраструктуры, отсутствие возможности трудоустройства, а значит, и содержания семьи в приграничных административных районах, высокий уровень безработицы, – все это не способствует закреплению населения в приграничных районах, порождает его отток и снижение численности постоянного населения на приграничных территориях.

Пропорционально уменьшению численности населения сокращалась в приграничных районах и его плотность в расчете на один квадратный километр. По данным переписи 2010 г. в полосе приграничных районов Новосибирской области плотность населения в 2,4 раза меньше средних по области данных, в Омской области – в 1,8 раза, в Алтайском крае – в 1,4 раза, в Республике Алтай – в 1,7 раза, и разрыв постоянно увеличивается. Следствием низкой плотности населения является низкая экономическая плотность населения и обезлюдивание приграничных территорий.

Национальная структура населения приграничных административных районов Западной Сибири имеет определенные особенности и отличается, иногда существенно, от национального состава населения регионов, к которым они относятся. В первую очередь это касается Республики Алтай и Омской области, в меньшей степени – приграничья Алтайского края и особенно Новосибирской области.

В структуре населения Республики Алтай русское население занимает 55,7%, алтайцы – 33,4% и казахи – 6,1%. Приграничные административные районы республики Алтай в сумме имеют в своем составе гораздо меньше русского

населения, чем в целом по республике – на 22 п.п., в них значительно выше, чем в среднем по республике, удельный вес алтайцев – на 9,8 п.п., а также казахов – на 14,2 п.п. Казахи в численности населения приграничья республики занимают более 20%.

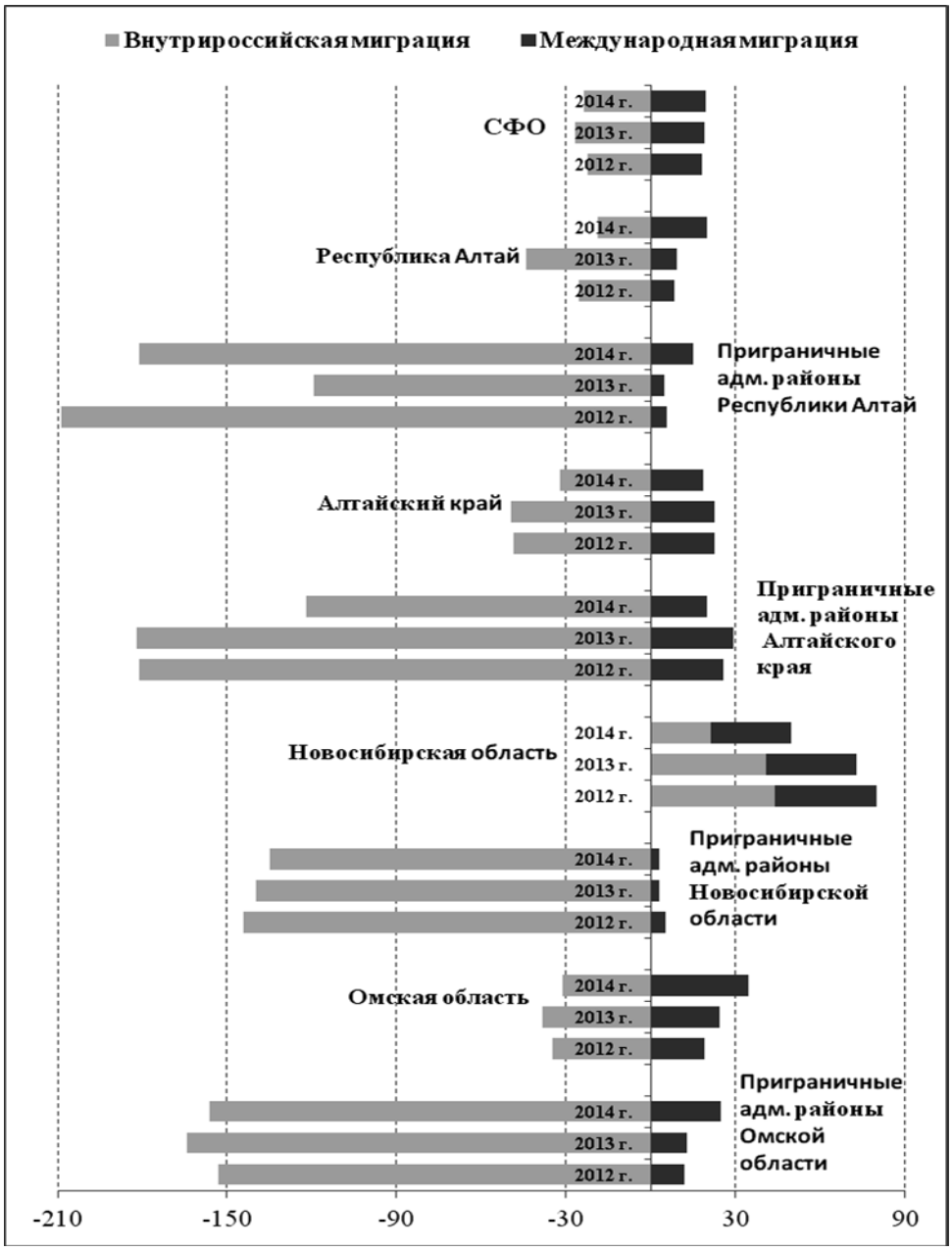


Рисунок 8.
Соотношение внутрироссийской и международной миграции в коэффициентах миграционного прироста (убыли) в приграничных административных районах Западной Сибири за период 2012–2014 гг., чел. на 10 000 чел. населения

Омская область имеет меньшую долю, по сравнению с СФО, русского населения – 83,3% и большую долю казахов – 4%, немцев – 2,5% и украинцев – 2,6%. В приграничье Омской области эти тенденции более выражены: здесь русского населения на 7,2 п.п. меньше, а казахов – на 5,5 п.п., украинцев – на 4,8 п.п., немцев – на 2,2 п.п. больше, чем в среднем по области.

Алтайский край характеризуется очень высоким удельным весом русского населения – 92,3%. Здесь также проживает 2,1% немцев и 1,3% украинцев. В среднем по административным приграничным районам Алтайского края русского населения относительно меньше, чем в среднем по региону – 91,3%, немцы, украинцы и казахи в структуре населения занимают, соответственно 2,8%, 1,9% и 0,9%, что выше, чем в среднем по краю.

В национальном составе Новосибирской области несколько выше, чем по СФО, доля русского населения (на 2,8 п.п.), в остальном отличия с округом незначительны – доли остальных национальностей невелики. Приграничье Новосибирской области имеет в своем составе столько же русского населения и несколько больше немцев – 4,1%, украинцев – 1,4% и казахов – 0,8%, чем в среднем по области.

Следует также отметить, что мигранты из Средней Азии не оказали особого влияния на национальный состав населения приграничных административных районов Западной Сибири.

Заключение

Население, которым располагают приграничные регионы Сибири, не соответствует размерам их территории, нуждающейся в освоении, охране границ, развитии поселенческой сети. Особенно это касается приграничных административных районов, расположенных вдоль государственной границы, где и в последние годы, несмотря на улучшение демографической ситуации в СФО, продолжается сокращение численности населения, особенно сельского, прежде всего за счет миграционного оттока.

Стягивание населения к нескольким крупным центрам как в Сибири, так и за ее пределами, оголяет уже освоенные с большим трудом территории, способствует обезлюдиванию и хозяйственному запустению уже освоенных с большим трудом и затратами территорий. Такая карта расселения не соответствует экономическим и геополитическим интересам страны и представляет собой угрозу территориальной целостности и национальной безопасности.

В связи с этим важной задачей федеральной региональной политики на приграничных территориях должно стать стимулирование их социально-экономического развития, и прежде всего в сельской местности, с целью привлечения и закрепления населения. Необходимо проводить укрепление опорной структуры поселений вдоль юго-восточных границ Российской Федерации, не допускающей нелегальной миграции со стороны соседних государств.

Ввиду того, что важнейшим негативным последствием обезлюдивания является утрата контроля за территориями, предлагается в качестве одной из мер использовать давно известный прием для закрепления территорий: наделение землей желающих поселиться и работать на ней. Тем более что отечественный опыт давно имеется: заселение казаками приграничных территорий вдоль всей южной границы от Украины до Приморья, причем они же осуществляли функцию охраны рубежей страны в обмен на определенные привилегии. Можно также вспомнить и Столыпинскую реформу, способствовавшую заселению Сибири.

Предлагается активно стимулировать усадебный тип расселения с выделением 1 га земли по аналогии с политикой, проводимой на Дальнем Востоке с той же целью борьбы с обезлюдиванием стратегически важных богатейших природными ресурсами территорий. Для этого нужно выделять в бессрочное наследуемое пользование, не облагаемое никакими налогами, большие участки земли для всех желающих граждан России.

Пустующих земель, включая заброшенную пашню, у нас предостаточно, хватит и теперешним, и будущим поколениям. Восточные территории России, включающие в себя регионы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, обладают 42% сельскохозяйственных земель страны, в том числе 22% пашни. Земля – это огромное богатство – по мнению Столыпина П.А. «единственный источник нашего благосостояния» и «залог нашей силы в будущем»[1], ценность которой возрастет многократно. Причем больше всего неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения по данным на начало 2014 г. было зафиксировано именно в Сибирском федеральном округе – 57%, в т.ч. в Алтайском крае таких земель насчитывалось более 5 млн. га (44% от площади всех земель сельскохозяйственного назначения), в Новосибирской области – 2,7 млн. га (24%). Хотя регионы Сибирско-Казахстанского приграничья принадлежат к числу наиболее развитых в сельскохозяйственном отношении сибирских территорий, но даже здесь площади необрабатываемой земли очень велики [7].

Можно организовывать целые новые поселения, в том числе и на месте покинутых деревень. Желающие найдутся и из числа горожан, которых не удовлетворяет по разным причинам жизнь в городе, и из числа переселенцев из других стран и регионов, например, вынужденных переселенцев с территории Украины или этнических немцев, уехавших в свое время на историческую родину и возвращающихся назад, тем более что в Сибирско-Казахстанском приграничье они селились издавна и многие отсюда и уехали. Такая возможность может также заинтересовать молодых пенсионеров из силовых структур, в связи с этим отметим, что в России давно существовала традиция наделения землей за военную службу.

Глобальное потепление климата будет холодной России, и особенно Сибири, на пользу: значительно снизятся затраты на отопление, строительство и многое другое, увеличатся территории, пригодные для сельского хозяйства, вегетационный период и, соответственно, урожайность и набор возделываемых культур. Уже сейчас мы видим активное продвижение теплолюбивых культур на север.

Сибирь имеет фундаментальное преимущество не только за счет огромных природных богатств, прежде всего земель, вод и лесов, но и простора, а потепление климата значительно улучшит условия проживания в ней. Возможность получения больших участков земли под усадебное домостроение в Сибири может послужить важнейшим фактором закрепления и привлечения сюда людей.

Стимулирование на государственном уровне усадебного типа расселения позволит, прежде всего, решить сложнейшие демографические проблемы, стоящие перед Россией, создаст условия для больших семей, которые невозможно иметь в городах и особенно в мегаполисах. Массовое строительство индивидуального жилья обязательно с большим участком земли в числе прочего позволит сгладить проблемы населения депрессивных населенных пунктов, оживить производство на местах, обеспечить население качественным и доступным продовольствием. Появится возможность решить экологические проблемы, проблемы безработицы, бедности, преступности, закрепления населения и освоения территорий, улучшить здоровье и качество жизни населения, и многое другое. Таким образом, появляется возможность одновременного решения демографических, социальных, экономических, геостратегических и других задач через переход на принципиально новое усадебное расселение и к новым экономичным и здоровым формам жиз-

[1] Из речи П.А. Столыпина в Государственной Думе по проекту закона «О земле», 5.12.1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Сессия вторая. 1908–1909 гг. Стенографические отчеты. – СПб., 1909. – Ч. I. – С. 2279–2284.

ни [8]. Это даст возможность гражданам России самим обеспечивать не только собственное благополучие, но и создавать надежную материальную базу для своих потомков.

Список литературы

1. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. – № 4. – С. 142–153.
2. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографическая безопасность регионов Сибирского федерального округа: оценка рисков // Вестник НГУЭУ. 2016. – № 1. – С. 10–21.
3. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Многорегиональный анализ динамики демографических рисков на территории Сибири // Регион: экономика и социология. 2016. – № 3 (91). – С. 76–97.
4. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Миграция населения как объект управления формированием приграничного населения Сибири // Вестник НГУЭУ. 2013. – № 2. – С. 10–24.
5. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Риски в формировании демографического потенциала Сибири // Регион: экономика и социология. 2011. – № 4. – С. 98–115.
6. Соболева С.В. Демографическая ситуация в Сибири на фоне общероссийских тенденций // Регион: экономика и социология. 2014. – № 2. – С. 97–115.
7. Калугина З.И., Фадеева О.П. Восточное приграничье России: альтернативы сельского развития // ЭКО. 2016. – № 1. – С. 36–48.
8. Крупнов Ю.В. Дом в России. Национальная идея. – http://www.kroupnov.ru/5/181_1.shtml

Фаузер В.В.
д.э.н., профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, зав. лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
fauzer@iespn.komisc.ru; персональный сайт: http://vvfauzer.ru
Лыткина Т.С.
к.соц.н., с.н.с Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
tlytkina@yandex.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ: УГРОЗЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ[1]

Ключевые слова: *Север России, прирост населения, миграция населения, демографические структуры, социология миграции.*

Введение

Россия – северное государство. Из 17,1 млн. кв. км площади страны на территорию Российского Севера приходится 11,0 млн. кв. км, или 64,3% всей территории. На 1 января 2016 г. в северных регионах проживало 9 млн. 971 тыс. 129 человек, или 6,80% населения России. На территории, полностью относимые к Крайнему Северу, и местности, приравненные к ним, приходится 7,6 млн. кв. км, или 44,6% территории, здесь проживает 7 млн. 859 тыс. 053 человек, или 5,36% населения России.

На Севере России сосредоточено 80% запасов всех полезных ископаемых России, в т.ч.: 93% газа, 90% алмазов и платиноидов, 83% серебра, 72% нефти и газового конденсата, 63% золота, 43% угля. «Но не менее значимо и социально-гуманитарное и культурное значение Севера, способное… наряду с природными ресурсами выступить в качестве важного долгосрочного фактора развития как отдельных регионов, так и страны в целом»[2]. Однако главным богатством являются население и человеческие ресурсы. Сформированные с большими экономическими и социальными издержками в 1990-е гг. они были подвержены необоснованному разрушению. «С позиции перспектив развития северных регионов наиболее опасно то, что они теряют ту часть населения, которая наиболее адекватна по своим профессионально-квалификационным навыкам сложившейся отраслевой структуре экономики и, в то же время, лучше всего адаптирована к местным природным условиям[3].

Цель настоящей статьи – показать влияние миграции на динамику численности и демографические структуры населения северных регионов с 1990-х гг. по настоящее время, раскрыть направленность и результативность миграции внутри России и за ее пределы, какие возникают угрозы и какие могут быть последствия от потери населения.

Информационной базой исследования послужили материалы текущего учета Росстата о миграционном и естественном движении населения, материалы социологических опросов[4]

Влияние миграций на численность населения северных регионов России

Основным результатом оттока населения стало сокращение ее численности. С 1990 по 2016 г. она уменьшилась с 9731 до 7859 тыс. человек, т.е. совокупные потери составили 1 млн. 872 тыс. человек (табл. 1).

[1] Статья подготовлена в рамках Комплексной программы Уральского отделения РАН, проект № 15-19-7-2 «Миграционные процессы на Российском Севере: между ассимиляцией и мультикультурализмом» (2015–2017 гг.).

[2] Савельев Ю.В., Титов А.Ф. Новая модель регионального развития российского Севера // ЭКО. 2012. – № 7. – С. 95.

[3] Рыбаковский Л.Л. Исследования миграции населения в России. – М.: ИСПИ РАН, 2000. – С. 24.

[4] Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / Отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2016. – С. 49, 56–57; Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / Отв. редактор д.т.н., профессор Н.Д. Цхадая. – М.: Экон-Информ, 2010. – С. 9–18.

Таблица 1

Численность населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, в 1990–2016 гг., тыс. человек

Регионы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Российская Федерация	147 665	148 460	146 890	143 801	142 834	146 545
Север России	9731	9048	8453	8162	7944	7859
Европейский Север	4808	4493	4124	3829	3598	3423
Республика Карелия	792	771	735	690	649	630
Республика Коми	1249	1157	1058	983	912	857
Архангельская область	1576	1498	1390	1299	1237	1174
Ненецкий АО	52	45	41	42	42	44
Мурманская область	1191	1067	941	857	800	762
Азиатский Север	4923	4555	4329	4333	4346	4436
Республика Саха (Якутия)	1111	1037	963	953	959	960
Республика Тыва	313	303	306	304	308	316
Камчатский край	477	422	372	344	323	316
Магаданская область	390	267	202	174	159	146
Сахалинская область	714	659	569	530	501	487
Ханты-Мансийский АО – Югра	1267	1293	1360	1462	1521	1627
Ямало-Ненецкий АО	489	478	496	514	524	534
Чукотский АО	162	96	61	52	51	50

По абсолютным потерям регионы распределились так: Мурманская обл. – 429 тыс. человек (36,0% от численности 1990 г.); Архангельская обл. – 402 тыс. человек (25,5%); Республика Коми – 392 тыс. человек (31,4%); Магаданская обл. – 244 тыс. человек (62,6%); Сахалинская обл. – 227 тыс. человек (31,8%); Республика Карелия – 162 тыс. человек (20,5%), Камчатский край – 161 тыс. человек (33,8%); Республика Саха (Якутия) – 151 тыс. человек (13,6%); Чукотский АО – 112 тыс. человек (69,1%); Ненецкий АО – 8,0 тыс. человек (15,4%). В трех регионах наблюдался рост населения: в Ханты-Мансийском АО – Югра – 360 тыс. человек (128,4%), Ямало-Ненецком АО – 45 тыс. человек (109,2%) и Республике Тыва – 3 тыс. человек (101,0%). Динамика численности населения зависит от масштабов и взаимодействия двух демографических компонентов: воспроизводства и миграции (табл. 2).

Таблица 2

Прирост (убыль) населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, за 1991–2015 гг., человек

Регионы	Период, годы	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
		общий	естественный	механический	естественный	механический
Российская Федерация*	1991–2000	–1 970 135	–6 726 454	4 756 319	–672 645	475 632
	2001–2010	–3 438 178	–6 414 387	2 976 209	–641 439	297 621
	2011–2015	1 355 908	–36 159	1 392 067	–7232	278 414
	1991–2015	–4 052 405	–13 177 000	9 124 595	–527 080	364 984
Север России	1991–2000	–1 331 161	32 502	–1 363 663	3250	–136 366
	2001–2010	–472 060	49 010	–521 070	4901	–52 107
	2011–2015	–55 428	174 891	–230 319	34 978	–46 064
	1991–2015	–1 858 649	256 403	–2 115 052	10 256	–84 602
Европейский Север	1991–2000	–725 403	–137 796	–587 607	–13 780	–58 760
	2001–2010	–502 932	–156 456	–346 476	–15 645	–34 648
	2011–2015	–137 797	–5738	–132 059	–1148	–26 412
	1991–2015	–1 366 132	–299 990	–1 066 142	–11 999	–42 646
Азиатский Север	1991–2000	–605 758	170 298	–776 056	17 030	–77 606
	2001–2010	30 872	205 466	–174 594	20 546	–17 459
	2011–2015	82 369	180 629	–98 260	36 126	–19 652
	1991–2015	–492 517	556 393	–1 048 910	22 255	–41 956

* без учета данных по Крымскому ФО.

Из табл. 2 видно, что отрицательная миграция характерна для всего Севера России. «Необходимо отметить, что российские территории Севера и Арктики пока еще обладают определенным человеческим потенциалом, адаптированным к жизни и работе в экстремальных условиях. Однако имеющегося на сегодня потенциала для активной фазы освоения Севера крайне недостаточно».[1]

С 1991 по 2016 г. только Ханты-Мансийский АО имел положительный естественный и миграционный прирост. В последние годы (2011-2015) к нему присоединился Ненецкий АО. В трех субъектах: республиках Саха (Якутия) и Тыва, Ямало-Ненецком АО естественный прирост перекрыл миграционную убыль населения.

[1] Половинкин В.Н. Человеческие ресурсы – главная проблема развития Севера // Арктика: экология и экономика. 2013. – № 4. – С. 29.

Миграционный обмен Севера России со странами дальнего зарубежья. Северные регионы России с 2005 г. стали иметь положительный миграционный прирост с зарубежьем. С 2004 г. наблюдался положительный миграционный обмен с государствами Средней Азии и Закавказья, который с 2005 г. стал перекрывать еще и убыль с другими странами. Это заслуга «государственной политики экспорта трудовых ресурсов в Российскую Федерацию, прежде всего Узбекистана, Таджикистана и Киргизии»[1]. Ситуация стала меняться после 2011 г. Так, если миграционный прирост северных регионов в 2011 г. составлял 17 503 человека, то в 2012 г. – уже 13 077[2], а в 2014 г. – 6889.

Частично это можно объяснить тем, что Россия для отдельных стран стала менее привлекательной в миграционном отношении. По мнению Вечканова, это связано с расширением сферы занятости в странах, которые в недалеком прошлом либо активно перемещали мигрантов в Россию, либо переориентировались на рынки рабочей силы в других странах. В первом случае речь идет, например, об Азербайджане, во втором – о Молдавии. Если несколько лет назад в России работали 70% мигрантов-молдаван, на Западе – 30%, то теперь положение обратное[3]. В результате экономического роста Азербайджана и Казахстана, в которых уровни заработной платы являются самыми высокими среди стран исхода мигрантов, наблюдается снижение миграционных потоков в Россию из данных стран. При этом растущая динамика Казахстана уже стала серьезным конкурентом России за трудовых мигрантов из Центральной Азии (в первую очередь, выходцев Узбекистана)[4].

Влияние миграций на половозрастную структуру населения

В силу специфики формирования населения северных территорий здесь сложилась особая половозрастная структура населения. На Севере выше доля детей и лиц в трудоспособном возрасте и ниже доля лиц старших возрастов. Однако это преимущество постепенно сводится на нет (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес возрастных групп в общей численности населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по данным переписей населения за 1989, 2002 и 2010 гг., %

Год	Население в возрасте	Российская Федерация	Север России	Европейский Север	Азиатский Север
	моложе трудоспособного	24,5	29,3	27,0	31,5
1989	трудоспособное	57,0	61,8	60,6	63,1
	старше трудоспособного	18,5	8,9	12,4	5,4
	моложе трудоспособного	18,2	21,2	18,7	23,5
2002	трудоспособное	61,3	66,2	64,9	67,5
	старше трудоспособного	20,5	12,6	16,4	9,0
	моложе трудоспособного	16,2	19,2	16,7	21,2
2010	трудоспособное	61,6	64,9	63,2	66,4
	старше трудоспособного	22,2	15,9	20,1	12,4

Если в среднем по России доля лиц старше трудоспособного возраста в 2010 г. составляла 22,2%, то в районах Севера – всего лишь 15,9%. В относительно обжитых районах Севера, где постепенно формируется стабильное в миграционном отношении население, видна тенденция приближения к российским возрастным пропорциям. Так, в Архангельской области и Республике Карелия доля пожилого населения превышает 20%. Выше доля пожилых людей в таких субъектах как: Магаданская, Мурманская и Сахалинская области; Камчатский край и Республика Коми, чем в среднем по районам Крайнего Севера. Доля лиц старше трудоспособного возраста колеблется от 16,7 до 19,6%. К числу самых молодых относятся регионы Азиатского Севера: Ямало-Ненецкий (7,8%), Чукотский (10,3%), Ханты-Мансийский (10,6%) АО и Республика Тыва (9,8%).

В районах Севера намного выше российского уровня доля трудоспособного населения. Она составляет 64,9% против 61,6% для России в целом (перепись населения 2010 г.). Максимальна доля трудоспособного населения в районах Азиатского Севера (66,4%), где самые тяжелые условия труда и жизни. В число территорий, где доля трудовых ресурсов выше среднего уровня, входит Магаданская обл., а также Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В период с 1989 по 2010 г. в населении северных территорий доля детей уменьшилась с 29,3 до 19,2%, или на 34,5%. По России доля детей уменьшилась с 24,5 до 16,2%, или на 34,3%.

На Севере России в период с 1979 по 2010 г. доля мужчин была незначительно, но выше, чем по стране в целом. Такое положение можно объяснить интенсивностью миграционных потоков предыдущих лет, и новыми явлениями в мировых миграциях, когда на Севере она выше, чем по России в целом, а на азиатской части население более подвижно, чем на европейской (табл. 4).

---

[1] Бараненкова Т.А. Выгоды и риски активизации миграционных процессов в России // Федерализм. 2013. – № 1. – С. 114.

[2] Фаузер В. В. Демографический потенциал северных регионов России – фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. 2014. – № 4. – С. 75.

[3] Вечканов Г. Актуальные проблемы российской миграции // Экономист. – М., 2013. – № 5. – С. 48.

[4] Васильева А.В., Тарасьев А.А. Динамическая модель трудовой миграции: построение и реализация // Экономика региона. 2012. – № 4. – С. 147.

Таблица 4

Удельный вес мужчин в общей численности населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по данным переписей населения за 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., %

Регионы	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация	46,0	46,7	46,6	46,2
Север России	49,8	50,2	48,5	47,9
Европейский Север	48,9	49,3	47,6	46,9
Азиатский Север	51,1	51,0	49,4	48,8

В 1979 г. 9 регионов имели мужской перевес: республики Коми и Саха (Якутия); Камчатская, Магаданская и Сахалинская области; Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО; в 2010 г. мужчин было больше только в Чукотском АО. Следует подчеркнуть, что такое соотношение полов не соответствует стратегическим интересам освоения Арктики.

Миграционные процессы в Республике Коми: социологический анализ

Вселение мигрантов в новый для них район связано с целым рядом демографических, социальных и экономических изменений. Мигранты прибывают в новый для них район, обладая опытом и знаниями, приобретенными в районах выхода, имея разветвленные родственные и имущественные связи и др. В новом районе все это или многое из этого надо приобретать. «Поэтому для того, чтобы повысить приживаемость новоселов и добиться лучших миграционных результатов, необходимо знать причины, по которым население выбирает то или иное место жительства»[1].

Среди причин приезда в Республику Коми на первом месте стоит материальный мотив, особенно он значим для тех, кто едет в Усинск – 43,9% и Ухту – 28,1%. Считают возможным найти работу себе и другим членам семьи те, кто приезжает в Ухту – 15,7% и Усинск – 14,0%. Образование является важным мотивом при выборе места жительства, так считает 16,2%, приехавших в Сыктывкар, 15,0% – в Печору и 13,0% – в Ухту. Среди приехавших в Ухту (15,1%) и Воркуту (14,3%) выделили и такую причину, как «в связи с замужеством, женитьбой, разводом» (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Почему местом жительства Вы выбрали этот населенный пункт?», %

Причины приезда	В целом по выборке	В том числе				
		Сыктывкар	Ухта	Воркута	Усинск	Печора
Получать достойную зарплату	26,6	20,2	28,1	22,1	43,9	25,0
Найти работу себе и членам семьи	12,3	12,6	15,7	7,8	14,0	2,5
Учиться, дать образование детям	12,0	16,2	13,0	7,8	3,5	15,0
В связи с замужеством, женитьбой, разводом	11,3	10,7	15,1	14,3	7,0	10,0
Улучшить жилищные условия	7,2	7,9	5,5	1,3	11,4	10,0
По направлению	7,1	6,3	6,2	13,0	7,0	5,0
Вернулись на родину	4,9	7,5	4,1	5,2	0,9	2,5
По состоянию здоровья	1,0	1,6	0,7	0,0	0,9	0,0
Другие причины переезда	17,6	17,0	11,6	28,5	15,8	30,0

Жители городов Коми имеют высокий настрой на отъезд. Половина опрошенных респондентов (45,5%) ответили утвердительно «да, хотели бы уехать» (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из населенного пункта, где живете?», %

Установка на отъезд	В целом по выборке	В том числе				
		Сыктывкар	Ухта	Воркута	Усинск	Печора
Нет, не хотели бы	35,6	47,9	34,2	17,8	14,0	36,8
Да, хотели бы	45,5	33,6	48,1	64,4	64,9	40,0
Не знают	18,9	18,5	17,7	17,8	21,1	23,2

Выше доля желающих уехать среди жителей Усинска – 64,9% и Воркуты – 64,4%. Есть различия в установках на перемену места жительства между местным населением и мигрантами. Среди местных уроженцев доля желающих уехать составляет 41,7%, а среди пришлого населения – 49,1%. Еще больше разница в доле желающих остаться в месте постоянного жительства: у местных она составляет 41,3%, у пришлых – 29,7%. Можно отметить и такую особенность: среди решив-

[1] Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / Отв. редактор д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – М.: Экон-Информ, 2012. – С. 248–256.

ших уехать в ближайшие два года доля местных уроженцев составляет 7,6%, а у пришлых – всего 2,9%. В течение ближайших пяти лет, соответственно, 22,3 и 19,9%; в течение 5-10 лет, соответственно, 14,4 и 18,6%.

Решив сменить место жительства, большинство респондентов намерено переехать за пределы республики – 86,5% (в т.ч. в регионы России – 74,2%; в страны СНГ – 12,3%). Внутри республики чаще, чем жители других городов, будут совершать миграции сыктывкарцы. По интенсивности внутренних миграций им уступают жители Воркуты, Печоры, Ухты и Усинска (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы решили уехать, то куда?», %

Хотели бы переехать	В целом по выборке	В том числе				
		Сыктывкар	Ухта	Воркута	Усинск	Печора
В города или поселки городского типа Республики Коми	8,5	9,1	6,5	12,5	4,2	10,7
В сельскую местность Республики Коми	5,0	9,1	3,9	0,9	4,2	1,8
В города или поселки городского типа других областей России	69,5	60,8	68,6	72,3	78,1	85,7
В сельскую местность других областей России	4,7	4,1	5,2	3,6	8,3	1,8
В города или поселки городского типа стран СНГ	9,6	15,5	7,9	8,9	5,2	0,0
В сельскую местность стран СНГ	2,7	1,4	7,9	1,8	0,0	0,0

Для принятия управленческих решений на уровне региона в исследовании были изучены причины, по которым население республики собирается мигрировать за ее пределы или внутри республики (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Какие причины заставляют Вас думать об отъезде?», %

Причины отъезда	В целом по выборке	В том числе				
		Сыктывкар	Ухта	Воркута	Усинск	Печора
Желание сменить место жительства из-за климата	46,9	39,6	54,0	54,1	65,8	44,0
Желание вернуться на родину, к родителям, родственникам	12,4	12,0	14,6	11,0	14,9	14,7
У населенного пункта, в котором проживают, нет будущего, так как не развивается производство	10,3	10,2	6,5	18,5	7,9	13,4
Нет возможности материально обеспечить семью	8,1	10,2	6,5	9,6	8,8	5,3
Нет возможности дать образование детям и найти им работу по месту жительства	5,7	6,8	4,9	6,8	5,3	5,3
Угроза потери работы и отсутствие возможности трудоустроиться	5,5	7,9	3,8	5,5	5,3	4,0
По семейным обстоятельствам	4,7	4,8	5,4	4,1	5,3	5,3
По состоянию здоровья	4,2	5,1	3,2	2,7	5,3	6,7
Другие причины	2,2	3,4	1,1	3,4	0,9	1,3

На первом месте в причинах отъезда стоит желание населения сменить место жительства из-за климата. Это желание особенно ярко выражено у жителей Крайнего Севера: в Усинске – 65,8%, в Воркуте – 54,1% и в Ухте – 54,0%. Желание вернуться на родину, к родителям, родственникам имеет большее значение для жителей Усинска – 14,9%, Печоры – 14,7% и Ухты – 14,6%. И еще одна причина заслуживает рассмотрения, когда респонденты отмечают, что у населенного пункта, где они проживают, нет будущего, так как не развивается производство. Здесь выделяются два города: Воркута – 18,5% и Печора – 13,4%.

Результаты опроса экспертов – 2013 год

Влияние миграции на социально-экономические процессы в Республике Коми. Учитывая тот факт, что сегодня и в обозримом будущем миграции станут неотъемлемой частью жизнедеятельности населения республики, экспертам был задан вопрос: «Считаете ли Вы, что миграционные процессы создают или создадут в будущем сложную социально-экономическую ситуацию?». Ответы распределились следующим образом: да, создадут в отдельных муниципалитетах – 31,7%; нет, не создадут – 29,9%; да, создадут в целом по республике – 28,8%; затруднились ответить – 9,6%.

Уточняя ответы на предыдущий вопрос, у экспертов спросили: «Если будут создаваться трудности, то в чем конкретно это может выразиться ***при въезде в республику***?». На данный вопрос были получены следующие ответы: повышается уровень преступности – 41,8%; растет уровень безработицы – 33,3%; увеличивается нагрузка на социальную инфраструктуру – 28,8%; ломается привычный образ жизни у местного населения – 25,4%; снижается общий уровень культуры населения – 23,2%; возникает этническая нестабильность – 20,3%; ухудшаются условия рынка жилья – 16,4%; возрастет экологическая нагрузка на регион – 5,6%; другое – 4,0%.

Противоположный вопрос: «Если будут создаваться трудности, то в чем конкретно это может выразиться ***при выезде из республики***?». Эксперты ответили следующим образом: ухудшится трудовой потенциал (по образованию, возрасту, полу) – 41,2%; вызовет потери населения и его трудоспособной части – 40,7%; изменится этническая структура в худшую сторону – 13,6%; изменится этническая структура в лучшую сторону – 10,7%; улучшится возрастная структура населения – выедут пенсионеры – 5,6%; другое – 1,7%.

Учитывая полярность взглядов на роль миграции для экономики республики и его населения у экспертов спросили: «Как вы считаете, являются ли мигранты конкурентами местному населению на рынке труда?». Ответы экспертов: да, являются конкурентами, но лишь в отдельных отраслях – 57,7%; да, практически во всех отраслях – 22,0%;

нет, не являются конкурентами – 20,3%. Как видим, мигранты составляют серьезную конкуренцию местному населению на региональном рынке труда.

У экспертов уточнили: «Если “допустить, что являются”, то ответьте почему?»: мигранты готовы трудиться за меньшую оплату труда – 72,9%; мигранты готовы трудиться на непрестижном месте работы – 46,3%; мигранты стараются держаться за место работы – 27,1%; мигранты менее требовательны к социальной сфере – 24,9%; мигранты более активно ищут работу – 15,3%; мигранты более дисциплинированы – 11,3%; мигранты стремятся сделать карьеру на новом месте жительства – 10,2%; мигранты более квалифицированные работники, чем местное население – 7,3%; другое – 0,6%.

В ходе опроса ставилась задача выяснить: «Почему работодатели привлекают мигрантов для работы в республике?». Получены следующие ответы: мигрантам можно платить меньше – 69,5%; работодателям можно не заботиться о соблюдении прав мигрантов – 31,6%; среди местного населения нет достаточного числа необходимых работников – 26,0%; мигранты всегда приезжали сюда работать – 24,3%; квалификация мигрантов для такой работы выше, чем у местных жителей, – 12,4%; республика активно развивается, поэтому здесь нужны рабочие руки – 10,2%; другое – 1,7%.

Самочувствие мигрантов в Республике Коми. Программа включала вопросы, выясняющие, как чувствуют себя мигранты на новом месте жительства и с какими проблемами они сталкиваются, интегрируясь в новое сообщество. Приведем вопросы и полученные ответы. «Как, на Ваш взгляд, ощущают себя мигранты, проживая в республике?»: ощущают временно проживающими, готовыми уехать в любой момент – 51,5%; ощущают себя посторонними по отношению к местным жителям – 23,1%; ощущают себя своими, как и местные жители – 22,5%; другое суждение – 2,9%. «Укажите, какие ***проблемы*** испытывают мигранты в Республике Коми наиболее остро?»: связанные с оформлением документов на работу – 48,0%; связанные с условиями быта – 42,9%; связанные с правами и социальными гарантиями – 36,2%; связанные с оплатой труда – 21,5%; связанные с отсутствием семьи – 20,3%; связанные с отношением к мигрантам местных жителей – 20,3%; связанные с условиями работы – 19,8%.

Оценка результативности и перспектив миграции в Республике Коми. Здесь были заданы вопросы. «Что на взгляд экспертов наиболее существенно влияет на состояние миграционной обстановки в республике?»: миграция граждан нового зарубежья (стран СНГ) – 52,6%; миграция между республикой и регионами России – 31,6%; миграция граждан старого зарубежья – 15,8%. «Какие категории мигрантов наиболее благоприятно повлияют на социально-экономическое развитие республики?»: благоприятно повлияют на социально-экономическое развитие республики специалисты высшей квалификации – 76,3%; мигранты-россияне – 28,2%; бывшие «северяне» – 19,2%; мигранты внутри республики – 16,9%; мигранты предприниматели – 11,3%; вахтовые рабочие – 5,6%; иностранные рабочие – 5,6%; вынужденные переселенцы – 2,3%; другие – 0,6%. «Как Вы считаете, какой результат миграционного баланса должен быть в республике?»: примерно одинаково приезжать и уезжать – 68,4%; в республику должны больше приезжать, чем уезжать – 26,0%; из республики должны больше уезжать, чем приезжать – 5,6%. «Сколько мигрантов хотели бы остаться в республике?»: меньшинство – 32,3%; большинство – 31,2%; примерно половина – 24,3%; почти все – 8,7%; почти никто – 3,5%.

Причины миграционной подвижности. Распределение ответов на вопрос: «Какие причины могут лежать в основе миграции в республику?»: приезжают подзаработать на время (на сезон, на вахту и т.д.) – 71,2%; приезжают работать на постоянной основе – 49,2%; приезжают по семейным обстоятельствам – 19,2%; приезжают на учебу – 11,9%; приезжают из-за межнациональных конфликтов – 10,2%; приезжают из-за правовой дискриминации – 2,3%; приезжают из-за экологической катастрофы – 3,4%.

Распределение ответов на вопрос: «Какие причины могут лежать в основе миграции из республики?»: уезжают учиться, больше возможностей и качественнее образование – 65,0%; у населенного пункта, в котором проживают, нет будущего, так как не развивается производство, сложно найти работу, есть угроза ее потери – 49,2%; уезжают из-за климата – 49,2%; уезжают по состоянию здоровья – 27,7%; желание вернуться на родину, к родителям, родственникам – 23,7%; нет возможности материально обеспечить семью – 19,2%; уезжают по семейным обстоятельствам (развод, брак, нет возможности создать семью) – 17,5%; уезжают из-за этнического дискомфорта – 0,6%; другое – 1,7%.

Рекомендации экспертов. 1. Для закрепления мигрантов в республике необходимо создавать новые рабочие места с достойной заработной платой. 2. Проводить политику на рынке труда, направленную на «сглаживание» дискриминации в оплате труда, в карьерном росте/служебном продвижении, при приеме/увольнении с работы. 3. Проводить активную политику на рынке труда по защите социально-экономических интересов коренного и старожильческого населения. 4. Совершенствовать сеть образовательных учреждений, позволяющую удовлетворить основные потребности выпускников школ в получении профессионального образования. 5. Через национально-культурные автономии, средства массовой информации проводить работу, направленную на скорейшую интеграцию мигрантов в местные сообщества, а местное население – к положительному восприятию мигрантов.

Заключение

Население Российского Севера – это результат миграций населения со всего СССР. «Влияя на общую численность населения и на его социально-экономическую структуру, миграция превращается в постоянную составляющую политического, социально-экономического и культурного развития общества. Поэтому миграционные процессы и их последствия являются чрезвычайно важным фактором для оценки перспектив развития общества»[1]. Для Севера Рос-

[1] Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2006. – С. 4–5.

сии эти положения имеют крайне особое значение, поскольку миграции стали вновь менять состав и структуры населения[1].

Привлечение населения в северные регионы России не сопровождалось комфортным проживанием и высокоэффективной работой, не было подкреплено в должной мере системой экономических и социальных стимулов, которые бы сделали такое решение оправданным, и отвечало жизненным стратегиям населения[2]. Что в последствие привело к массовому оттоку населения, особенно с приходом рыночных отношений[3].

Проведенный анализ подтвердил высказывание, что «демографический и трудовой потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных на их территориях уникальных природных богатств и для создания развитой экономической и поселенческой инфраструктуры. Отрицательный миграционный баланс ослабляет Сибирь и Дальний Восток в экономическом и политическом плане, создает предпосылки для экспансии сопредельных государств»[4]. При большой площади и малой численности плотность населения Севера России составляет всего 1,03 человека на кв. км, а в сопредельных государствах в разы больше: в США – 33, Финляндии – 16, Норвегии – 13, а у двух ближайших соседей, испытывающих дефицит земельных ресурсов, она еще выше: в Японии – 338 и Китае – 141.

[1] Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2015. – № 3. – С. 151–168.

[2] Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. … канд. социол. наук: 22.00.03: защищена 15.06.2005 / Лыткина Татьяна Степановна. – М., 2005. – 177 с.; Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. – № 3. – С. 12.

[3] Кротов П.П., Буравой М., Лыткина Т.С. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003.

[4] Топилин А. Миграция и пространственное экономическое развитие страны // Экономист. 2013. №5. С. 55.

Каспрук Л.И.
д.м.н., профессор Оренбургского государственного медицинского университета
Жакупова Г.Т.
ассистент ОрГМУ
Снасапова Д.М.
ассистент ОрГМУ

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НОВАТОРСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ШКОЛ: ВКЛАД ЕФРЕМА ОСИПОВИЧА МУХИНА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ХИРУРГИИ

Ключевые слова: *Мухин Е.О., медицинские школы, отечественная хирургия, современная хирургия, методы медицинского лечения.*
Keywords: *E.O. Mukhin, medical schools, Russian surgery, modern surgery, methods of medical treatment.*

Современная хирургия является сложной специальностью, сочетающей в себе элементы науки, искусства и ремесла в лучшем смысле этого слова. Ошибочно мнение о чисто прикладном характере хирургической науки, ибо многие теоретические, физиологические и патофизиологические открытия возникли в результате развития хирургии и обязаны своим существованием представителям этой специальности. Ошибочно и представление о хирургии как о чисто «ручном труде», ибо выполнению операционного акта предшествует большая мыслительная работа, продолжающаяся и после операции. Современный уровень хирургии требует от её представителя, чтобы он был в какой-то степени и терапевтом, и биохимиком, и патофизиологом, умеющим к тому же ещё и оперировать.

Сложный комплекс, составляющий сущность современной хирургии, предъявляет к человеку, избравшему её своей специальностью, особые требования. И если хирург, как представитель науки и медицины вообще, должен обладать качествами, присущими медикам и научным работникам любых специальностей, то специфика хирургических методов лечения – непосредственное активное вмешательство в течение патологического процесса – требует от него ещё каких-то других, особых качеств, которыми может не обладать представитель нехирургической дисциплины. При этом все, что говорится о личностной характеристике хирурга, относится к истинным представителям этой специальности [5].

В феврале 2016 года исполнилось 250 лет со дня рождения Е.О. Мухина – величайшего русского врача, анатома, хирурга, гигиениста и судебного медика. Он является одним из родоначальников русской медицины. Благодаря научной деятельности Ефрема Осиповича в области хирургии травматология была выделена как отдельная наука. Также он внес большой вклад в развитие судебной медицины. Именно при Мухине получила широкое использование вакцинация.

Е.О. Мухин внес существенный вклад в развитие отечественной хирургии. Его труд «Первые начала костоправной науки» (1806 г.), являлся первым российским руководством в области хирургии. Наибольший интерес для хирургов представляла 2 книга, посвященная науке о переломах и вывихах. При описании каждой отдельной формы вывиха или перелома Мухин приводил симптоматику, прогноз и рекомендуемое лечение, и основой рекомендаций являлся его собственный опыт. Мухин выделял несколько этапов врачевания переломов: вправление, удержание вправленной кости, сращение, уменьшение и истребление существующих «припадков» перелома. Каждый из этих этапов лечения был охарактеризован кратко, но весьма содержательно. Например, писал Мухин, вправление кости совершается:

1) осторожным и приличным растяжением изломанного члена;

2) противорастяжением;

3) сложением отломков, несовершенно отделенных, если они не в надлежащем месте, и приведением их в натуральный вид кости.

Что касается удержания, то оно достигалось перевязками, мешками с песком, кроватками, жолобами, лубками, березовою корой, так называемой английской кожей, толстой бумагой и особенными машинами. Особое значение Мухин придавал покою больного и переломленной кости и «приличному» положению ее на твердой постели. В случае перелома бедра Мухин, ссылаясь на собственный опыт, советовал использовать изобретенную им и многократно использованную «песчаную постель»: она состояла «из двух боковых и одного подкладного песчаного мешка и поперечных тесемок».

При лечении хирургических заболеваний Мухин часто применял методы, основанные на личном опыте. Так при ампутации конечности он использовал «лоскутный метод», при котором было удобно перевязывать кровоточащие сосуды. Также он использовал для прикладывания на рану лёд. Его метод лечения послеоперационных ран заключался в «прикладывании ко всей окружности раны смольнаго пластыря, ежедневное почти обмовение раны до чиста холодноватою водою, присыпание оной тертою канифолью, и по учинении приличной перевязки безпрерывное лежание

куска снегу или льду над раною, прикладывание на края раны холстинных тесемок, намазанных белильной мазью, а иногда употребление средств, истребляющих нарастающее лишнее (luxuriens) тело». Внутрь больному назначался «успокаивающий порошок, составленный из двух гран сонного соку (opium) и ползолотника селитры».

Практика подтверждала действенность применявшихся Мухиным методов. Ефрем Осипович Мухин активно внедрял в госпитальную практику физические методы лечения: массаж, гидротерапию, электротерапию. Одно лишь перечисление операций, которые производил Мухин, свидетельствует о том, что главный врач Голицынской больницы был опытным хирургом, владея едва ли не всеми применявшимися тогда оперативными приемами и успешно их практикуя. Среди операций были и довольно сложные. Так, «просверлен череп головной на шве затылочной кости с височною. Сделана операция зоба, удушавшего больного, занимавшего передние и боковые части шеи. Вырезана мышечная опухоль двум на щеке, третьему на боку груди, четвертому на плече, раком зараженном, весом в 6 фунтов; пятому на лядвее, в 6 фунтов с четвертью. Вынут верхний конец до половины раненной кости (os humeri) из сочленения, на место которой новая выросла. Отняты ножные пальцы, антоновым огнем пораженные и костоедою 15-ти человекам».

О хирургическом мастерстве Мухина свидетельствовали и такие вмешательства, на которые решались тогда не всякие хирурги. Например, было «прободено брюхо через пуп пяти человекам из коих двум и повторение сделано было... Вынуто 16 отломков теменных костей верхушки, вдавленных в мозг. Соединен поперечный разрез дыхательного горла двум человекам... Сняты бельма с глаз через разрез роговой плевы четырем человекам, а пятому разрезаны углы обоих век. Отнят сальник, вышедший чрез разрез из брюха, и сделано соединение брюха. Отняты ноги – одному ниже колена, а двум выше колена... Соединен череп головной, разломленный от лобной кости до половины затылочной, соединенной с сквозною раною». В начале 20-х гг. Мухин, сосредоточившись на деятельности профессора Московского университета, отошел от практической хирургии.

Наряду с врачебной деятельностью Мухин занимался большой преподавательской деятельностью. Будучи врачом и другом семьи Пироговых, Ефрем Осипович оказал большое влияние на формирование взглядов молодого Пирогова. Многие из его учеников стали известными медиками: Пирогов, Буяльский, Дядьковский, Баталин, Зацепин. Его называли «отцом юношества». Под руководством профессора Е.О. Мухина студенты изготовляли анатомические препараты, которые затем составили основной фонд будущего музея кафедры нормальной анатомии Московского университета. Следовательно, Ефрема Осиповича Мухина можно считать основателем существующего до сих пор анатомического музея.

Сочетая обширную практику с университетскими лекциями и руководством факультетом, Мухин стремился поставить российские медицинские учебные заведения на европейский уровень. Он оказывал помощь многим талантливым, но бедным студентам, содержал на свои средства значительное количество врачей, готовившихся к профессуре и к практике в госпиталях. Вникая во все детали учебного процесса, Мухин создавал базу для развития медицинской науки на факультете: составил проект реорганизации медицинского факультета, переоборудовал анатомический театр, открыл специальную медицинскую библиотеку, в которой студенты могли ознакомиться с новейшей (в том числе иностранной) литературой по медицине [1, 3, 4]. Понимая необходимость учиться у европейских ученых, Мухин субсидировал молодых выпускников, выезжавших за границу. Стремясь привлечь больше слушателей на медицинский факультет, Мухин сам читал лекции на русском и требовал этого от других; постоянно выступал против засилья профессоров-немцев на факультете, хотя «отнюдь не страдал ксенофобией», состоя членом Парижского, Геттингенского и других научных обществ, и стремясь поддерживать «дарование и прилежание каждого студента и каждого врача, без всякого различия его нации и вероисповедания» [2, 6, 7].

Большое внимание Мухин уделял переводу на русский язык и переизданию дорогих и мало доступных латинских учебников. В 1813–1815 гг. он сам написал первый учебник по анатомии на русском языке, который был переиздан в 1818 г. Известно тридцать три медицинских сочинения, переведенных с иностранных языков и изданных в Москве под редакцией профессора Е.О. Мухина, с его вводными статьями, дополнениями и комментариями. Кроме этого, Мухин был автором целого ряда трудов по медицине, занявших почетное место в истории медицинской науки в России.

Таким образом, Е.О. Мухин был разносторонним человеком по своим научным интересам, преподавательской и практической врачебной деятельности. Деятельность Е.О. Мухина настолько многообразна, что не укладывается в рамки какой-нибудь одной специальности: он оставил довольно большое литературное наследство по самым разнообразным отраслям медицинских знаний. Именно благодаря Мухину были заложены многие основы отечественной медицины. И именно Мухин подарил России великого Пирогова. Историк М.П. Погодин писал: «Мухину Россия обязана Пироговым». Это одно дает ему право на заметное место в истории нашей медицины.

Список литературы

1. Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 17. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – С. 419–420.
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. 2. – М., 1855. – С. 139–151.
3. Большая медицинская энциклопедия / Под ред. В.И. Бородулина. 4-е изд. испр. и доп. – М.: РИПОЛ классик, 2007. – С. 485.
4. Военно-полевая хирургия: Учебник / Под ред. К.М. Лисицына, Ю.Г. Шапошникова. – М.: Медицина, 1982. – С. 5–17.
5. Малхасян В.А.. Вестник Хирургии Армении им. Г.С. Тамазяна. 2010. – № 3. – www.med-practic.com
6. Петровский Б.В. Хирургические болезни. – М.: Медицина, 1980. – С. 3–16.
7. Шилинис Ю.А. Е.О.Мухин и анатомо-физиологическое направление в медицине. — М.: Изд-во медицинской лит., 1960. – 180 с.

Крюкова О.С.
д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ florin2002@yandex.ru)

ПОВЫШЕНИЕ АВТОРИТЕТА УЧЕНЫХ В ОБЩЕСТВЕ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЗАДАЧ МУЗЕЙНОГО МЕНЕДЖМЕНТА (В МУЗЕЯХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА)

Ключевые слова: *музей, экспозиция, биографии ученых.*
Keywords: *museum, exhibition, biographies of scientists.*

Современные тенденции развития музея как социокультурного объекта предполагают изменение роли и функций музея как такового. Музей, образно говоря, перестает быть «башней из слоновой кости»[1], учреждением для консервации экспонатов, становится не только транслятором культурного наследия, но и активным участником современной социальной жизни. Изменилась и «философия музеев»: забота о посетителе признается первоочередной задачей, что связано с маркетинговым подходом к управлению музеем. Подобный подход придает большое значение так называемым «дополнительным товарам», которые, по мнению музеологов, заключаются в «информационном обеспечении, работе кафе, буфетов, музейных магазинов, специальных мастерских для посетителей, а также в проведении различных мероприятий, приемов, встреч, концертов, спектаклей. Именно они создают основной товар музея – впечатления, остающиеся у посетителей»[2].

Изменение социальной и экономической активности музея наиболее наглядно прослеживается на примере ведущих музеев изобразительного искусства – ГМИИ им. А.С. Пушкина и Третьяковской галереи. Для реализации всех музейных функций как традиционных, так и возникших относительно недавно, необходим, говоря современным языком, эффективный музейный менеджмент. «Определяющее значение для деятельности музеев имеет система управления ими», – справедливо указывает А. Колупаева[3]. В то же время и музеи научно-образовательного и научно-исследовательского характера не должны оставаться вне музейного менеджмента.

Рассмотрим, насколько применимы технологии музейного менеджмента к деятельности Государственного Геологического музея им. В.И. Вернадского, который находится в ведении РАН (далее – Геологический музей), и Научно-исследовательского Зоологического музея МГУ имени М.В. Ломоносова, который является одним из структурных подразделений университета (далее – Зоологический музей). В ведомственной принадлежности Зоологического музея, кстати, имеются как положительные, так и отрицательные стороны. Положительные заключаются в том, что Зоологический музей участвует в мероприятиях Фестиваля науки в МГУ и других университетских мероприятиях, а отрицательные – в том, что этот музей не всегда может участвовать в каких-то московских мероприятиях, например в популярной акции «Ночь в музее».

Таблица 1

PEST-анализ для Зоологического музея

Политическая среда	Экономическая среда
Возможные изменения в законодательстве, касающиеся науки и образования	1.Сокращение бюджетного финансирования; 2. Мировой экономический кризис, затронувший ряд стран Европы, Россию и США и оказывающий воздействие на: • количество потенциальных посетителей, включая зарубежных туристов; • уровень дохода потенциального посетителя музея.
Социальная среда	Технологическая среда
• демографические изменения, оказывающие влияние на состав посетителей музея (старение населения как общеевропейский процесс; снижение рождаемости в определенных возрастных когортах); • обострение конкуренции за финансовые ресурсы и посетителя (появление новых видов развлечений и досуга); • состояние туристического рынка; • возрастание роли музея в социальной коммуникации.	• рост требований и ожиданий потенциальных посетителей по мере развития мультимедийных технологий; • широкое распространение компьютерных систем, баз данных, позволяющих круглосуточно получать различную информацию, в том числе в музейной сфере; • распространение социальных сетей.

[1] Основы музееведения: Учебное пособие / Отв. ред. Э.А. Шулепова. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 402.

[2] Соболева Е.С., Эпштейн М.З. Эволюция концепции музея в меняющемся мире // Вопросы музеологии. – М., 2011. – № 1. – С. 8–13.

[3] Колупаева А. Музейный ренессанс // Эволюция культурной деятельности в новом столетии: Социально-экономические аспекты культурной политики: В 3 т. – Т.I: Очерки культурной жизни России на рубеже веков / Отв. ред. Б.Ю. Сорочкин. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 163–188.

Таблица 2

SWOT-анализ для Зоологического музея

Сильные стороны	Слабые стороны
Репутация музея	*Репутация музея*
• Высокая репутация музея в Москве	• Ущерб для репутации в связи с состоянием залов музея, требующих ремонта
Посетители и их обслуживание	*Посетители и их обслуживание*
• Высокие показатели посещаемости музея	• Далеко не все группы населения г. Москвы посещают музей. • Конкуренцию музею для определенных групп посетителей составляют европейские музеи (например, Музей науки и техники во Флоренции).
Обслуживание посетителей позволяет отвечать на разнообразные культурные запросы общества.	• Отсутствие системы электронного заказа билетов в Музей. • Отсутствие возможности оплатить билет банковской картой. • Объективные препятствия для маломобильных посетителей. • Отсутствие музейного кафе. • Отсутствие аудиогида. • Ограниченные возможности музейного магазина и отсутствие рекламы музейных изданий. • Специфика воркшопов в данном музее.
Коллекции	*Коллекции*
• В музее представлены следующие коллекции: 1. Зоологическая коллекция (в том числе, например, фондовая коллекция беспозвоночных, которая насчитывает около 200 000 единиц хранения); 2. Библиофонд; 3. Фонд «Художественные коллекции» (14900 ед. хр.); 4. Фотофонд (более 1000 ед. хр.) 5. Научно-вспомогательный фонд	• Возможное влияние экономических санкций на межмузейный обмен
выставочная деятельность	*выставочная деятельность*
• Выставочная активность в 2015-2016 гг. – 4 выставки в год • Участие в межмузейных программах	«Перехватывание полномочий» другими музеями
Кадры	*кадры*
Финансирование	*финансирование*
• Государственное бюджетное финансирование	• Недостатки существующей системы госзакупок
	• Отсутствие фандрайзинга и Общества друзей музея
Возможности развития	Угрозы
Политические факторы: • 2017 год объявлен Годом экологии	*Политические факторы:* • В настоящее время отсутствуют
Экономические факторы: • Рост доходов населения	*Экономические факторы:* • Падение курса рубля • Сокращение бюджетного финансирования
Социальные факторы • Рост рождаемости после 2000 г.	*Социальные факторы* • Старение населения • Досуговые альтернативы
Технологические факторы: • Широкое распространение информации, в том числе и о деятельности Зоологического музея в социальных сетях и сети Интернет • Развитие 3-D и 4-D-технологий, моделирование пространства в виртуальной реальности	*Технологические факторы:* • Погружение детей и молодежи в виртуальный мир, предпочтение его другим формам проведения досуга

Несмотря на то, что Зоологический музей имеет историю продолжительностью в 225 лет и с 1991 г. обладает статусом научно-исследовательского музея, его миссия не сформулирована, во всяком случае, не отражена на сайте. Миссия Геологического музея также на сайте не приводится, однако в его Уставе есть пункт, который описывает юридическим языком именно миссию музея, но в других терминах: «Целью и предметом деятельности Музея является проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований, направленных на получение новых знаний в области наук о Земле и рационального природопользования; осуществление музейной деятельности».

Популяризация науки не заявлена в этом пункте Устава, но логически вытекает из статуса Геологического музея. Дань уважения выдающимся ученым-геологам была отдана еще в первоначальной музейной концепции. Первый зал украшают шесть портретов выдающихся ученых, деятельность которых была связана с геологией, с указанием дат жизни. Это А.Е. Ферсман, Е.С. Федоров, В.И. Вернадский, Н.И. Кокшаров, В.М. Севергин, М.В. Ломоносов. В следующем зале экспонируются семь горельефов ученых, просветителей и меценатов, в их числе Е.Р. Дашкова, И.И. Лепихин, В.Н. Татищев, А.Н. Демидов, Г.П. Гельмерсен, Д.И. Менделеев, В.А. Обручев. На балюстраде второго этажа Геологического музея, в нише, находится бюст В.И. Вернадского, рядом – стенд «Труды В.И. Вернадского в различных областях знаний».

В Зоологическом музее экспонируются портреты директоров музея – известных в своей области ученых. Отдельно от портретов, часто на противоположной стене, представлены биографии директоров музея в виде экспликаций. Для посетителей среднего роста (а тем более младших школьников, которые составляют большинство посетителей музея) эти материалы труднодоступны. Одна из витрин посвящена семье промышленников и меценатов Демидовых. В то же время на втором этаже экспонируется кабинет вымышленного ученого – профессора Персикова, персонажа «московской» повести М.А. Булгакова «Роковые яйца». Кабинет профессора воссоздан с исторической достоверностью. На витрине приводится цитата из повести Булгакова, имеющая непосредственное отношение к музейному локусу: «Большую Никитскую переименовали в улицу Герцена. Затем часы, врезанные в стену дома на углу Герцена и Моховой, остановились на одиннадцати с четвертью. И наконец, в террариях зоологического института, не вынеся всех пертурбаций знаменитого года, издохли первоначально восемь великолепных экземпляров квакшей, затем пятнадцать обыкновенных жаб и, наконец, исключительнейший экземпляр жабы Суринамской»[1].

С точки зрения внедрения мультимедийных музейных образовательных технологий Геологический музей имеет преимущества перед Зоологическим: в нем используется достаточное количество мультимедийных киосков, ведется прямая трансляция с МКС (это связано с демонстрацией метеоритов в одном из залов). Даже рекламный щит около входа в Геологический музей дигитального характера. В Зоологическом музее на момент моего посещения 26 марта 2017 г. мультимедийные киоски установлены, но еще не подключены и пока что не используются. Развивающие игры для школьников на стендах Зоологического музея имеются, но традиционного, а не компьютерного плана. Это стендовая игра с заданием: «Соедините слова с латинскими названиями животных, в которых они использованы». Если учесть, что в числе свойств музейного предмета музеологи прежде всего выделяют информативность, экспрессивность и аттрактивность[2], то можно сделать вывод, что все эти свойства у данной игры есть, но выражены слабо.

Собственно биографический материал в том и другом музее представлен традиционно, без использования мультимедийных технологий. Трудно ожидать от современного школьника внимательного прочтения текстовой информации, размещенной слишком высоко. Здесь можно было бы рекомендовать использование QR-кодов. В идеале под портретами выдающихся ученых в Геологическом и Зоологическом музеях можно было бы разместить и экспликацию, и QR-коды, а также один мультимедийный киоск с биографиями и биографической викториной для учащихся, что уже активно применяется в музеях изобразительного искусства при проведении масштабных выставок. Возможно также проведение специального музейного квеста по образцу акции для школьников в московских музеях, когда нужно было посетить несколько музеев и разгадать загадки исторического характера (межмузейное мероприятие). В случае с научно-исследовательскими и научно-образовательными музеями возможно составить викторину в виде квеста, охватывающую несколько музеев. Вопросы этой викторины могли бы касаться биографий выдающихся ученых, их изображений и личных вещей, которые экспонируются в соответствующих музеях. Затрудняет задачу различная ведомственная принадлежность подобных музеев.

Интерес к геологии или к зоологии можно также развить и закрепить и путем посещения образовательных программ для школьников, и посредством приобретения продукции музейного магазина. В музейном магазине Геологического музея имеется DVD-диск, посвященный А.Е. Ферсману, а также несколько книг по геологии. Образовательные программы и в Зоологическом, и в Геологическом музее достаточно разнообразны, ориентированы на разные возрастные категории, содержательно насыщены.

К числу музеев МГУ имени М.В. Ломоносова принадлежит также музей истории МГУ, но его посещение для широкой публики ограничено. В экспозиции этого музея достаточное место уделено выдающимся ученым, жизнь и деятельность которых была связана с МГУ.

С управленческой точки зрения было бы целесообразно объединение всех музеев в составе МГУ в единый музейный комплекс, что позволило бы выстроить его целостную концепцию. Определение научно-образовательной миссии подобного музейного комплекса (и, главное, ее воплощение в жизнь) помогло бы юношеству ответить на вопрос «Делать жизнь с кого?» и, в итоге, способствовало бы повышению авторитета ученых в обществе.

[1] Булгаков М.А. Роковые яйца // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 6 тт. – М.: Худож. литература, 1989. Т. 2. – С. 46.

[2] См.: Музейное дело России / Под ред. Каулен М.Е. (отв. редактор), Коссовой И.М., Сундиевой А.А. – М.: Изд-во «ВК», 2003. – С. 225.

Нестеров А.В.
д.ю.н., профессор Российской таможенной академии

ЕЩЕ РАЗ О ЦИТИРОВАНИИ И САМОЦИТИРОВАНИИ В ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова*: публикационная активность, цитирование, заимствование, упоминание, РИНЦ, самоцитирование, библиометрия, наукометрия, интеллектуальный продукт.*

Иногда можно встретить утверждение без какой-либо аргументации, что самоцитирование относится к нарушению моральных принципов. В этой связи, необходимо исследовать это явление в академической практике. Выскажем гипотезу, что самоцитирование как академический инструмент нейтрален.

Самоцитирование (автоцитирование) является разновидностью цитирования, которое, в свою очередь, входит в инструмент публикационной академической коммуникации, состоящий из заимствования, цитирования и/или упоминания. Этот академический инструмент необходимо изучать и добропорядочно (добросовестно и законопослушно) использовать.

Основным элементом научности в академической практике является коммуникативная традиция, четко охарактеризованная И. Ньютоном – «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов».

Кроме этических принципов существуют и юридические запреты и ограничения в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) на использование интеллектуальных продуктов (охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств идентификации).

В частности, в ГК РФ используются понятия заимствования и цитирования. Часто они рассматриваются как тождественные, что неверно. Обзоры, компиляции, компендиумы, хрестоматии не могут существовать без существенных заимствований из многих источников. Эти заимствования нельзя отнести к цитатам.

Цитирование используется и в других жанрах академических продуктов, объем цитирования должен быть значительно меньше, чем объем публикации.

Отметим, что неправомерное цитирование и/или заимствование в соответствии с ГК РФ касается только формы академического произведения, а пересказ своими словами чужой идеи из иного такого произведения без ссылки на его автора рассматривается как недобросовестный поступок.

Однако если чужие научные идеи используются как свои в квалификационных академических рукописях, в частности в диссертации на соискание ученой степени, то в соответствии с ФЗ РФ «О науке…» могут наступить и юридически значимые последствия для академической карьеры провинившегося.

Об упоминании в академических продуктах

Упоминание в академических продуктах используется, когда необходимо отослать читателя к публикации, в которой он может получить развернутую аргументацию положения, приведенного в конкретном продукте. Это связано с ограниченными объемами некоторых академических продуктов, например, стандартный объем журнальной статьи составляет 20 000 знаков, а доклада на научной конференции – 10 000 знаков. Упоминания в статьях подразумевают указание на опубликованные академические продукты с помощью ссылки.

С точки зрения стандарта добропорядочной академической практики (СДАП), использование иного интеллектуального продукта возможно с помощью заимствования, цитирования и/или упоминания. Здесь упоминание – это совокупность сведений об авторе(ах), названии и/или источнике интеллектуального продукта, на которые указывает автор в своем интеллектуальном продукте. Категория упоминания является самостоятельной категорией, но может логически пересекаться с категориями заимствования и/или цитирования.

Например, в тексте научной статьи автор может упомянуть ФИО иного автора, внесшего существенный вклад в развитие темы, или название произведения, у которого автор не известен, или первоисточник с условным названием, у которого неизвестно авторское название.

О цитировании академических продуктов

Категорию цитирования можно разложить на категории самоцитирования (автоцитирования), группового (аффилированного) цитирования и/или собственно цитирования. Групповое цитирование подразумевает цитирование публикаций коллег своего научного (академического) направления, например, соавторов, коллег по академическому подразделению и/или членов невидимого колледжа. Собственно цитирование представляет собой цитирование, не связанное с некоторыми интересами группы лиц.

Негативным считается аффилированное цитирование публикаций лиц, связанных какими-либо групповыми интересами, например, соавторов, руководителей научных направлений, администраторов, «свадебных генералов» в виде «авторитетных ученых» и т.п.

С этической точки зрения журнальная академическая публикация должна представлять собой анализ всех точек зрения по теме, т.е. в ней необходимо отображать (цитировать) существенные публикации по ней. Однако не все статьи имеют обзорный характер, и пока ничто не ограничивает субъективное отношение к различным точкам зрения и конфликтам интересов между различными научными направлениями. Поэтому, как уже упоминалось, многие ученые цитируют публикации научных руководителей и коллег своих направлений и замалчивают публикации авторов конкурирующих научных направлений. Юридически это не наказуемо, а этические принципы по этому поводу как бы существуют сами по себе.

Цитирование – это использование цитаты в интеллектуальном продукте из иного интеллектуального продукта в соответствии с правилами добропорядочного цитирования, где под цитатой следует понимать:

1) выделенную точную копию части (фрагмента) из цитируемого интеллектуального продукта,

2) небольшого объема по отношению к объему этого интеллектуального продукта,

3) со ссылкой

3.1) на его автора,

3.2) название этого интеллектуального продукта и/или

3.3) источник цитирования.

Ссылки являются основным элементом, связывающим публикации в публикационной академической коммуникации.

О ссылках в публикационной академической коммуникации

До недавнего времени многие авторы, исходя из ограниченного объема публикации, на список ссылочных (цитируемых) публикаций (литературы) обращали мало внимания, ссылки делались на существенные публикации, про ГОСТ 7.0-99 знали немногие.

В соответствии с ГОСТ 7.0-99 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения: «Библиографическая ссылка: совокупность библиографических сведений о цитируемом, рассматриваемом или упоминаемом документе, необходимых для его идентификации и поиска».

Ссылки могут быть свободными или стандартными. Стандартные ссылки требуются при публикационной академической коммуникации (научном цитировании), т.к. они позволяют автоматизировать ход индексирования ссылок. К сожалению, до недавнего времени, многие авторы и издатели осуществляли ссылки без учета международных и национальных правил.

Таким образом, традиционный инструмент публикационной академической коммуникации включает в себя заимствование, цитирование и/или упоминание. Современным же инструментом является электронная академическая коммуникация, например, платформа ScholarOne Manuscripts [http://scholarone.com/] международной компании Thomson Reuters [http://thomsonreuters.com/] (2008 г.). Эта платформа позволяет реализовать технологию электронных академических (научных) коммуникаций на международном уровне.

Значительно более старыми являются международные индексы цитирования. Однако они интенсивно развиваются и дают ученым инструмент анализа публикационной академической коммуникации. Кроме того, некоторые их результаты стали использоваться как показатели академической активности академических субъектов и востребованности академических публикаций.

Об индексах цитирования и цитируемости

Необходимо различать индекс цитирования и индекс цитируемости. Индекс цитирования, например, научных статей представляет собой реферативную базу данных, в которой индексируются ссылки из пристатейных списков ссылочных (цитируемых) научных публикаций и ведется количественный учет таких ссылок (цитирований). Первой такой базой стал Индекс научного цитирования (США).

Индекс цитируемости – это библиометрический показатель, который отображает количество ссылок на научные статьи (публикации) ученого, подсчитанный с помощью какого-либо индекса цитирования.

Наиболее крупные индексы цитирования превратились в международные системы, в частности это Web of Science (США) и Scopus (Европа). В России появился национальный индекс – Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Отметим, что для академических журналов используется индекс цитируемости в виде импакт-фактора, который влияет на рейтинг академических журналов и также может подвергаться самоцитированию, что некоторые авторы рассматривают как негативное явление.

Индекс цитируемости может отображать индивидуальные (групповые), корпоративные и/или национальные достижения в научном цитировании. Так как этот индекс и/или производные от него индексы влияют на положение субъекта в интеллектуальном (научном) пространстве, то существует состязательность между этими субъектами. Государства, академические структуры и издательства (публикаторы, обладатели сайтов в Интернете) оказывают поддержку авторам, публикующим высокоцитируемые интеллектуальные (научные) продукты и ориентируются на неко-

торый набор библиометрических показателей академической активности и востребованности публикаций академических работников.

Наличие Интернета позволяет фиксировать не только цитирование интеллектуальных продуктов, но и количество обращений к кратким сведениям (аннотации, реферату и т.п.), полных скачиваний интеллектуального продукта и/или количество комментариев на них. Таким образом, цитируемость является частью востребованности любого интеллектуального продукта.

В последнее время РИНЦ стали критиковать за недостаточно четкое индексирование цитирований конкретных ученых, а с другой стороны за то, что они не борются с самоцитированием.

О вырожденной публикационной академической коммуникации

К вырожденной публикационной академической коммуникации будем относить инструмент ссылок на свои академические публикации. Так как объем стандартной статьи ограничен, то ссылки на свои публикации, которые ошибочно называют самоцитированием, являются нормальным академическим приемом, позволяющим заинтересованному читателю получить исчерпывающие сведения по представленной в статье теме.

Нет ничего плохого и в самозаимствовании и/или самоупоминании, если эти академические приемы используются в добропорядочной форме. Объем самозаимствования и/или самоцитирования должен находиться в разумной пропорции по отношению к объему статьи, и их цели не должны противоречить установленным в юридических законах целям.

Требования ФЗ РФ «О науке…» к диссертациям на соискание ученой степени заставляют диссертантов подтверждать, что основные положения диссертации были опубликованы, а стало быть, осуществлять самозаимствование, самоцитирование и самоупоминание.

Академический продукт состоит не только из опубликованных статей, но и монографий, диссертаций, отчетов о НИР, докладов, препринтов, в которых автор в определенных случаях должен представлять свой уже опубликованный материал в виде заимствования из своих статей.

Таким образом, добропорядочное использование формы и/или содержания иного интеллектуального продукта в своем интеллектуальном продукте подразумевает правомерное использование его формы и/или соблюдение этических рекомендаций при использовании его содержания.

Авторы публикации[1] после опроса 227 редакторов журналов приходят примерно к таким же выводам: самоцитирование и самоплагиат без соответствующих ссылок можно рассматривать как недобросовестное деяние, но они не пришли к выводу о безоговорочном осуждении этого приема академической практики.

Так как в академической среде существует состязательность за первенство в опубликовании академических продуктов, то авторы стараются поместить их в публикационное коммуникационное пространство, в том числе и электронное, в частности в Интернете.

О коммуникационных свойствах академического интеллектуального продукта

Для того чтобы интеллектуальный продукт принимал участие в публикационной академической электронной коммуникации, он должен соответствовать определенным требованиям. Академический интеллектуальный продукт может содержать тело этого продукта, метасведения, позволяющие его идентифицировать среди иных интеллектуальных продуктов и/или ссылки на иные интеллектуальные продукты, так или иначе связывающие его с иными интеллектуальными продуктами. С помощью ссылок автор интеллектуального продукта может упомянуть метасведения об иных интеллектуальных продуктах, сделать выдержки (извлечения, заимствования) из тела иных интеллектуальных продуктов в обзорах (компендиумах, хрестоматиях) и/или использовать из них цитаты.

Почему субъекты академической среды идут на недобросовестные деяния и виноват ли в этом РИНЦ?

Недавно была опубликована «сердитая» заметка[2], посвященная РИНЦ, в которой было отмечено, что самоцитирование у некоторых авторов достигает 96%. Почему люди идут на это? Ответ был известен до принятия показателей академической активности Министерства образования и науки РФ (МОН РФ). Для того чтобы поднять личный индекс цитируемости, а также импакт-фактор журнала, которые сейчас стали важны для администраторов академических структур.

Любой инструмент можно использовать аморально и/или противозаконно. С юридической точки зрения к РИНЦ и неэтичным авторам придраться нельзя. Подчеркнем, что существуют этические принципы и юридические законы. Для того чтобы общественность узнала о таких «ученых» и журналах, которые публикуют статьи объемом в 2 страницы со списком самоцитируемых публикаций в 20 шт., необходимы не только принципиальные ученые, заинтересованные в соблюдении академической этики, но и администраторы МОН РФ. Последние должны публично об-

[1] Bruton S.V., Rachal J.R. Education Journal Editors' Perspectives on Self-Plagiarism // Journal of Academic Ethics. 2015. – January.

[2] Хантемиров Р. РИНЦ: от примитивного мошенничества до растления малолетних // Троицкий Вариант. 2014. – № 163, 23 сентября. – С. 6.

суждать показатели продуцирования академических интеллектуальных продуктов и учитывать научно-обоснованные мнения ученых.

Если университеты будут принимать осмысленные критерии, а МОН РФ формировать адекватные правила стимулирования академических работников на академическую активность, то тогда и РИНЦ будет более активно подстраиваться под эти требования. Сейчас РИНЦ – это «кривое зеркало», которое принципиально отображает нашу «кривую науку» и старается соответствовать международным академическим правилам.

До тех пор, пока авторы, редакции академических журналов и/или сами академические структуры будут игнорировать правила публикационной коммуникации (правила цитирования), будут возникать проблемы с отображением их ссылок в РИНЦ и других системах цитирования. Отметим, что и у зарубежных коллег существует «кривизна», что отмечал, например, У. Эко[1].

Также МОН РФ не должно провоцировать академических работников на недобросовестное использование инструмента академической коммуникации, а наоборот, вводить меры по противодействию таким попыткам[2].

Многие преподаватели сетуют, что студенты совершают аморальные поступки при подготовке курсовых и дипломных работ, а также магистерских диссертаций[3]. Но ведь их учат люди, которые также далеки от соблюдения этических принципов. В большинстве рабочих учебных планов вузов России нет дисциплины «Основы научного цитирования», а это приводит к тому, что нет и учебников по этой дисциплине. Единственным пособием на русском языке является белорусская публикация[4].

О РИНЦе замолвим хорошее слово

В заключение отметим, что библиометрический инструмент широко используется в наукометрии. В последнее время библиометрический анализ на основе РИНЦ стал использоваться в юриспруденции[5], где он дал неожиданный результат, показавший, что основная масса юридических научных публикаций вообще не востребована (не цитируется)[6]. Поэтому РИНЦ, хотя и не точно отображает востребованность публикаций конкретных субъектов академической среды, но в целом с его помощью можно получить объективную картину в определенных академических областях.

Выводы. Цитирование является одним из инструментов (приемов) публикационной академической коммуникации, в которую также входят заимствование и/или упоминание. Самоцитирование представляет вырожденную форму цитирования и относится к стандартному академическому инструменту, если знать, как им добропорядочно пользоваться. Студентов и иных заинтересованных лиц необходимо обучать дисциплине «Введение в добропорядочную академическую практику», в том числе они должны знать стандарт публикационной академической коммуникации (правила научного цитирования).

Заявка на конкурс Рособрнадзора РФ в 2014 г. с условным названием «Правила добропорядочной академической практики» на основе препринта: Нестеров А.В. «Как повысить качество образования?» получила поддержку (вошла в число призеров). Это позволяет надеяться, что дисциплина «Введение в добропорядочную академическую практику» появится в рабочих учебных планах университетов, а их этические комиссии начнут разрабатывать «Стандарты добропорядочной академической практики»[7].

---

[1] Эко У. Как написать дипломную работу. – М.: Книжный дом «Университет», 2003. – 238 с.

[2] Нестеров А. В. Как повысить академическую активность научно-педагогических работников? // Компетентность. 2014. – № 1. – С. 10–15.

[3] Нестеров А.В. Академический плагиат и его юридически значимые свойства: препринт. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – 14 с.

[4] Кулинкович Т.О. Основы научного цитирования: метод. пособие для студентов и магистрантов, обучающихся по спец. 1-23 01 04 «Психология». – Минск: БГУ, 2010. – 58 с.

[5] Нестеров А.В. Рецензия на монографию А.Ю. Шумилова «Введение в юридическую наукометрию» // Оперативник (сыщик). 2013. – № 3. – С. 64–66.

[6] Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию: моногр. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2012. – 394 с.

[7] Нестеров А.В. О стандартах добропорядочной академической практики: препринт – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 12 с.

Павлов Р.Н.
к.э.н., с.н.с. ЦЭМИ РАН

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: *гуманитарные науки, модернизация, фундаментальная наука.*
Keywords*: humanitarian sciences, modernization, fundamental science.*

В настоящее время в развитии фундаментальной науки в России наметилась довольно опасная тенденция: наблюдается своеобразный крен в развитии фундаментальных исследований в направлении превалирования инновационно-технологической тематики над всеми остальными научными направлениями, причем данное направление не просто становится гегемоном, но и фактически подчиняет себе все остальные направления, поскольку все более настойчиво происходит принудительное внедрение инновационного направления во всех сферах научной деятельности. Этот своего рода политический заказ в данном случае вступает в противоречие с социальными запросами, поскольку в обществе, в котором стремительно нарастает агрессия и жестокость, испытывается острая потребность в механизмах гуманизации и консолидации для противодействия чудовищной тенденции отчуждения, которая лишь нарастает в последние годы в связи с усилением принципов конкуренции во всех сферах общественной жизни. Как говорил известный киносценарист Ю. Арабов, ничто так не воспитывает общество, как гуманитарные науки[1], и трудно с ним не согласиться. На протяжении последних лет мы видим, что они фактически подвергаются политике уничтожения, благодаря расширяющейся идеологии о том, что стране нужны только инновации, а то, что не отвечает задачам достижения лидерства в мировой технологической конкуренции, является ненужным, архаизмом и должно быть подвергнуто забвению. Утверждению данной идеологии в немалой степени потворствует также и развивающийся на наших глазах рыночно-центричный, постмодернистский образ мышления, уводящий общество в сторону еще большей атомизации, поскольку в основе его лежит принцип удовлетворения все новых и новых потребностей, порождаемых манипулятивным воздействием производителей нарождающегося обилия симулякров на рынке. Как совершенно верно охарактеризовал нынешнее общество А.Н. Ильин, его основной особенностью является потребление, уходящее в бесконечность[2]. При этом в таком обществе рыночные ценности оказываются доминирующими: все поддается коммерциализации, вплоть до человеческих отношений. Логика поведения потребителя в таком обществе – всегда соответствовать моде и поступать так, как это делают представители его поколения из обеспеченных слоев, поскольку основным побудительным мотивом в таком обществе является погоня за прибылью. Человек из такой среды искренне убежден в том, что, например, стояние в длинных очередях на выставки шедевров изобразительного искусства – это дань моде, престижу, а не стремление к очищению души через искусство, к катарсису и т.д. Именно подобный мещанский подход, к сожалению, сейчас становится нормой для большинства современных респектабельных людей, причем не только представителей бизнеса, но и (что самое удивительное!) – для людей, имеющих высокие ученые степени[3]. Прагматичное потребление произведений искусства породило новый тип человека – гламурного обывателя, напоминающего известную героиню романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» Эллочку-людоедочку, стремящуюся ко всему модному, и при этом выражающую свой восторг с помощью весьма ограниченного набора слов. Как правильно выразился известный писатель-сатирик М.Н. Задорнов, для них характерно смс-очное мышление[4]. Кроме того, они имеют весьма ограниченный кругозор, перестают усваивать знания, поскольку привыкают к пользованию гаджетами как вечными шпаргалками, верят в колоссальные возможности гугл-переводчика и читают краткие содержания классических произведений, вместо того, чтобы изучать их в полном объеме. Таковы плоды нынешней неограниченной модернизации общества, проникшей во все сферы нашей жизни! Такому потребителю неведомы чувства сопереживания произведениям искусства, будь то в кино или в театре, поскольку он посещает данные заведения исключительно из-за стремления к развлечению, потребности посмотреть очередное шоу. Естественно, что такому человеку, весь смысл жизни которого сводится к постоянным развлечениям, не нужны никакие гуманитарные науки. Ему нужны лишь только новые гаджеты и новые технологии, поскольку он привыкает к постоянным соблазнам рынка, и в этом смысле он по своим желаниям постоянной смены технологических новинок напоминает известного шаха из сказок «Тысяча и одна ночь», который каждую ночь желает услышать новую сказку для того, чтобы развеять скуку. Как правило, это приучает только к праздности, состоящей в постоянном поиске новых развлечений, а не в культурно-нравственном развитии. В этом отношении нельзя не согласиться с вышеупомянутым А.Н. Ильиным, который выделил принцип потребитель-

[1] См., в частности, передачу «Линия жизни». – http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20872/episode_id/1268033/

[2] Ильин А.Н. Потребление, уходящее в бесконечность // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 53–66.

[3] См., в частности, телевизионную передачу «Культурная революция». – http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20862/episode_id/1457631/video_id/1575445/viewtype/picture/

[4] На сцене филармонии Задорнов шутил четыре часа. – http://www.nashgorod.ru/otdih/news/news49894.html

ской перманентности в качестве одного из основных принципов поведения в современном обществе. Согласно данному принципу, успешный и уважающий себя человек должен обладать гаджетами самых последних моделей и брендовыми вещами. От него требуется постоянно менять гаджеты, чтобы «идти в ногу со временем», несмотря на то, что имеющиеся у него их прежние аналоги еще вполне функциональны[1]. Как отметил актер М.О. Ефремов, если раньше люди готовы были стоять в очереди всю ночь для того, чтобы попасть, например, на поэтический концерт С. Юрского, то сейчас они стоят всю ночь для того, чтобы первыми приобрести новую модель «Айфона»[2]. Вот, как изменилось время! Погоня за новыми технологическими новинками, когда становится самоцелью, помещает потребителя в порочный круг, из которого вырваться невозможно. Опять же хочется процитировать А.Н. Ильина, который утверждает, что потребитель, таким образом, обречен на бесконечное скитание по торговым пространствам и местам развлечений, но подобное скитание лишено смысла и ведет в никуда, но реклама из раза в раз наделяет его смыслом[3]. Попав в водоворот постоянного потребления, общество потребителей отклоняется от великих задач саморазвития, которые собственно и являются смыслом человеческого существования, и потому наступает такой момент, как конец истории, что выражается в том, что нарушается критерий оценок. Он становится хронологическим или антиисторическим – то, что интересно сегодня, уже неинтересно завтра, происходит вечная гонка за новинками. Ф. Джеймисон, видимо, подразумевал похожий эффект, когда писал об исчезновении чувства истории, о том, что социальная система лишается способности удерживать свое прошлое, начиная жить в повторяющемся настоящем, в условиях повторяющихся изменений[4]. Видимо, подобный эффект имел в виду и Ф. Фукуяма[5], который посвятил этому специальное исследование. Необходимо также сказать, что нынешнюю эпоху, особенно в связи с разразившимся в 2008 году финансовым кризисом, не следует называть кризисом перепроизводства. Гораздо больше для сегодняшнего времени подходит такое название, как кризис перепотребления, что является вполне обоснованным, учитывая все вышесказанное. И в этом смысле совершенно нельзя согласиться с А.Б. Чубайсом, который утверждает что события последнего времени – это кризис внутри самой системы, но не самой системы[6]. На самом деле это, безусловно, кризис самой системы, который подтверждается в частности, тем обстоятельством, что современному капитализму для того, чтоб удержать свои позиции, требуется все больше и больше государственного вмешательства в экономику для того, чтобы корректировать социальные диспропорции, на что указывает, в частности, А.В. Бузгалин[7]. Пытаться не замечать кризиса этой системы саморегулирующегося рынка и создавать видимость, что эта система идеальна без государственного вмешательства могут только те, кто является ее бенефициаром, кто заинтересован в постоянном накоплении личного капитала при обнищании других социальных категорий. Даже в периоды кризиса подобные «эффективные менеджеры» лишь приумножали свой капитал, в то время как большинство населения оказывалось за чертой бедности.

Стремительно ворвавшись в сферу образования, нынешней политикой модернизации, соответственно проводимой государственной политике, утверждается своеобразная доктрина о том, что главной целью системы образования является создание кадров для инновационной экономики, при этом полностью игнорируя тот факт, что образование – это в первую очередь всестороннее развитие личности. Вводятся прагматичные ценности. В школах поощряется атмосфера конкуренции, происходит рейтингование учащихся и преподавателей, обучение превращается в процесс борьбы за формирование имиджа, проявляющегося в системах различных «портфолио», и одним из жутких примеров в этом отношении явилось убийство учителя физики в средней школе несколько лет назад. Этот громкий случай буквально потряс всю Россию, и во многом данный инцидент был предопределен не только тем, что учитель испортил учащемуся его «портфолио», но и общим климатом, царящем и в школе, и за ее пределами – за счет сокращения социально-гуманитарного цикла происходит форсированная технологизация, которая захватывает сейчас и школьную, и личную жизнь учащихся. Навязчивая страсть к компьютерным играм превращает детей в роботов, любой ценой стремящихся к достижению своих целей, невзирая ни какие нормы нравственности, и морали. Человек перестает быть человеком и становится агрессивно-настроенным потребителем. Возвращение квалифицированного, всестороннего преподавания гуманитарных дисциплин в полном объеме в школах, вместо натаскивания их для сдачи ЕГЭ по тестовой системе, не только способствовало бы развитию личности, но и формировало определенные нравственные качества, необходимые для того, чтобы быть разносторонним и добропорядочным человеком.

Следует также отметить, что сейчас вообще наметилась довольно опасная тенденция в отношении гуманитарных наук. Во-первых, прекращает свое существование Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), в результате присоединения к Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ), что означает довольно пренебрежительное отношение к существованию особого фонда для поддержки гуманитарных исследований, учитывая, что объем средств, выделяемых на поддержку РФФИ от государства, значительно сокращается. Кроме того, довольно опасная тенденция по отношению к научным институтам гуманитарного профиля наметилась и в контексте реформы РАН. Ввиду того, что институты должны оцениваться по результатам экспертизы, а не количественных показателей, они могут стать жертвой субъективизма, проявляющегося при оценке эффективности тем или иным экспертом, учитывая

---

[1] Ильин А.Н. Потребление, уходящее в бесконечность // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 54.

[2] См. телевизионную передачу «Белая студия. М.О. Ефремов». – http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20927/ episode_id/ 1183097/

[3] Ильин А.Н. Потребление, уходящее в бесконечность // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 54.

[4] Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. – М., 2000. – № 4. – С. 63–77.

[5] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2007.

[6] Чубайс: «Мир перевернулся. Такой ужас в Давосе я припомню только раз». // https://www.bfm.ru/news/ 344362

[7] См., в частности, лекцию №1 профессора А.В. Бузгалина по курсу «Политическая экономия» // https://www.youtube.com/ watch?v=ruN7Nf_9zYg

то, что в гуманитарных науках, в отличие от естественных не все однозначно, нет истины в последней инстанции, а споры и дискуссии не прекращаются даже по поводу классических работ. В этом смысле количественные показатели, несмотря на все их несовершенства, были бы более приемлемы, поскольку с их помощью можно было бы сделать относительно объективную картину о положении дел в гуманитарной сфере. Кроме того, непонятна ситуация с основным центром гуманитарных наук в системе РАН – Институтом научной информации по общественным наукам. Угроза построения на месте пожара данной библиотеки торгово-развлекательного комплекса является наглядным подтверждением культа потребления, противопоставленного задачам просвещения, и напоминает по своей нелепости задумку большевиков о создании бассейна «Москва» на месте разрушенного Храма Христа Спасителя.

В заключение для того, чтобы еще раз стала ясна значимость гуманитарных наук, в частности, таких, как этнология и история, приведем высказывание известного ученого Л.Н. Гумилева: «И тут постоянно возникает обывательский вопрос: а зачем изучать процессы, которыми мы не можем управлять? Есть ли в этом практический смысл, оправдывающий затраты труда и материальные потери? Ответим примерами. Управлять землетрясениями или путями циклонов люди не умеют, но сейсмография и метеорология помогают спастись от стихийных бедствий и, наоборот, использовать благоприятные условия с наибольшим эффектом. Ведь не все равно при цунами, предотвратить которое мы не можем, уйти на ближнюю гору или дать океанской волне смыть себя на дно. Ради собственного спасения необходимо изучать вулканическую активность»[1]. Добавить к этому практически нечего. Во многом, неудачи либеральных реформ в России связаны с игнорированием как раз тех процессов, которые не поддаются непосредственному управлению, в частности, особенности российского этноса, его культура, история и менталитет, что в значительной степени определяется отсутствием осознания либерально-настроенными политическими деятелями значимости социальных процессов, которыми нельзя управлять непосредственным образом, а можно лишь предугадывать их ход, корректируя экономическую политику, в соответствии с их тенденциями.

[1] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ, 2007. – С. 14.

Судас Л.Г.
д.филос.н., профессор факультета государственного управления МГУ SudasLG@spa.msu.ru

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЕКТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: *социологический мониторинг, предоставление обслуживания, оценка клиентов, степень удовлетворенности пользователей, управление рисками бедствий, снижение риска бедствий, своевременность прогнозов.*

Keywords: *sociological monitoring, service delivery, customer's assessment, user satisfaction, disaster risk management, disaster risk reduction, timeliness of forecasts.*

С 2005 года Всемирный банк начал осуществление проектов модернизации гидрометеорологического обслуживания (ПМГМО) в постсоветских странах. Первым таким проектом стал совместный проект Правительства РФ и Всемирного банка «Модернизация и техническое перевооружение учреждений и организаций Росгидромета» (2005–2011 гг.). В дальнейшем подобные проекты были реализованы или до сих пор находятся в процессе реализации в Азербайджане, Молдавии, Армении, странах Центральной Азии.

ПМГМО стандартно включают четыре компонента: информационно-технологическая модернизация, модернизация сетей наблюдения, институциональное укрепление и управление проектом, важнейшей составной частью которого являются мониторинг и оценка результативности проекта по заданной матрице результатов.

Одной из важнейших задач проектов модернизации гидрометеорологического обслуживания является совершенствование методов предоставления гидрометеорологической информации, улучшение взаимодействия с клиентами и повышение на этой основе качества оказываемых услуг. Поэтому в матрицу результатов наряду с техническими индикаторами такими, как точность и заблаговременность прогнозов, включается оценка удовлетворенности пользователей гидрометеорологическим обслуживанием (ГМО) – качеством гидрометеорологической информации (ГМИ) и гидрометеорологических услуг (ГМУ). Стандартом для таких проектов стало и использование технологии мониторинга для выявления оценки удовлетворенности пользователей и ее динамики.

В рамках подготовки и реализации российского проекта на базе Центра политической конъюнктуры под руководством автора был впервые выполнен полный цикл исследования – от разработки концепции и методологии мониторинга на подготовительном этапе (2004 г.) через масштабную апробацию (в 2007 г.) до полноценных волн мониторингового исследования (в 2010 и 2011 гг.)[1]. В 2015-2016 гг. на базе российской компании «Ай-Теко» (так же под руководством автора) была выполнена аналогичная работа в рамках Проекта модернизации гидрометеорологического обслуживания в Центральной Азии (ПМГМО ЦА)[2]. Срок реализации этого проекта – 2012–2018 гг. В соответствии со спецификой целей и задач проектов содержательно существенно различались и цели и задачи мониторинга, что потребовало, наряду с использованием накопленного в российском проекте опыта, значительно модифицировать методологию, инструментарий, инфраструктуру и дизайн мониторинга в Центральной Азии.

Технология мониторинга наиболее адекватна целям и задачам проектов модернизации гидрометеорологического обслуживания. Отличительными чертами мониторинга как особой технологии исследования являются: анализ объектов по комплексному, стабильному, стандартному набору показателей; представление показателей в стандартной форме; периодичность (стандартная регулярность) исследований. Мониторинг выстраивается как централизованная (в данном случае – национальная) система на основе единой верифицированной методологии, общего технологического инструментария, устойчивой инфраструктуры долговременных регулярных исследований. Всё это позволяет получать сопоставимые и поддающиеся интеграции в единую базу данные, осуществлять сравнительный анализ дан-

[1] Опыт создания общероссийского национального мониторинга качества метеорологического обслуживания описан в монографии и серии статей в ведомственных и академических журналах: Судас Л.Г., Оносов А.А. Социологический мониторинг: от методологии к функциональному комплексу. Опыт развертывания национальной системы мониторинга качества метеорологического обслуживания. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 256 с.; Судас Л.Г., Оносов А.А. Социологический мониторинг: логика и практика построения национальной системы // Вестник Московского университета. Серия XXI. Управление (государство и общество). 2012. – № 3. – С. 81–105; Оносов А.А., Судас Л.Г., Верятин В.Ю. Результаты исследования «Мониторинг оценки потребителями предоставляемых организациями и учреждениями Росгидромета услуг (внедрение системы мониторинга)» // Метеоспектр. Вопросы специализированного гидрометеорологического обеспечения. – М.: Росгидромет, АНО «Метеоагентство Росгидромета», 2011. – № 4. – С. 129–145 и др.

[2] Судас Л.Г. О концепции мониторинга степени удовлетворенности пользователей гидрометеорологической информации в Центральной Азии // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2016. – № 59. – С. 63–90. – http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/59_2016sudas.htm

ных и их динамику, выявлять тенденции развития изучаемого объекта. В ПМГМО технология мониторинга позволяет выстраивать надежную и долговременную систему взаимодействия с клиентами на основе постоянного учета потребностей различных групп пользователей, выявления их оценки предоставляемых услуг и ее динамики.

В современных условиях конструирование системы мониторинга – разного масштаба, вплоть до общенационального – является стандартной задачей, для решения которой выработаны стандартные же технологии, неоднократно применявшиеся в различных проектах, в различных сферах, для решения различных задач. Сложность конструирования системы мониторинга под конкретный проект обычно связана в первую очередь с содержательной спецификой мониторинга, со сложностями операционализации заявленных целей. В случае проектов модернизации гидрометеорологического обслуживания существовал весьма ограниченный опыт исследования оценок пользователями гидрометеорологического обслуживания как национальный, так и международный, ВМО тоже только начинала работу по выработке международных стандартов такого обслуживания для национальных гидрометеорологических служб. Поэтому разработка концепций мониторинга и их практическое внедрение стали инновационными проектами, потребовавшими значительных теоретико-методологических и организационных усилий.

Основная цель российского проекта (сейчас он получил название Росгидромет-1 (РГМ-1), поскольку с 2014 года реализуется проект РГМ-2) – повышение точности прогнозов, предоставляемых населению, органам государственной власти и отраслям экономики Российской Федерации, за счет модернизации и технического перевооружения материально-технической базы подведомственных учреждений и организаций, институционального укрепления Росгидромета. Проект был чрезвычайно актуален в условиях, когда в связи с многолетним серьезным недофинансированием состояние всех компонентов системы Росгидромета – наблюдательной сети, системы передачи данных, средств архивации и обработки данных, научно-исследовательской базы – приближалось к катастрофическому, а качество прогнозов все больше отставало от передовых метеорологических служб. Проект был ориентирован на восстановление потенциала Росгидромета как одной из ведущих национальных метеорологических служб, способной также выполнять международные обязательства РФ, принятые ещё в 1960-х годах СССР. Росгидромет играет важную роль в обеспечении функционирования всех систем Всемирной метеорологической организации (ВМО): Глобальной системы наблюдений, Глобальной системы телесвязи, Глобальной системы обработки данных, управления базами данных. Мировой метеорологический центр в Москве является одним из трех мировых центров (два других располагаются в Вашингтоне и Мельбурне), в функции которых входит составление и передача ежедневных глобальных прогнозов погоды, выступающих в качестве основы синоптических моделей отдельных регионов мира.

Создание системы мониторинга и обеспечение ее функционирования на протяжении всего периода реализации проекта позволяет решить ряд важнейших задач. Прежде всего, мониторинг как основной контрольно-измерительный инструмент проекта обеспечивает более эффективный и целенаправленный контроль за реализацией проекта на каждом из его этапов. Он способствует сокращению существовавшего разрыва между технической информацией, генерируемой Росгидрометом, и информацией, получаемой потребителем, создаёт возможность постоянного изучения и учета потребительского спроса, ориентации последнего на перспективные высокотехнологичные информационные продукты, формированию современной культуры пользования метеорологической информацией, обеспечению системного клиентоориентированного подхода, способствующего принятию оптимальных управленческих решений, отвечающих реальным потребностям конечного потребителя, улучшению имиджа Росгидромета как современной организации, использующей эффективные социальные и информационные технологии в управлении и во взаимодействии с клиентами. Мониторинг становится важным инструментом более полной интеграции национальной метеослужбы и стандартизации ГМО и главное – обеспечения системности и устойчивости работы Росгидромета, реализации долгосрочного стратегического подхода к оптимизации структур и деятельности Росгидромета в целях надежного обеспечения гидрометеорологической информацией населения и государственных органов, повышения уровня защиты населения и экономики от погодных явлений, повышения экономической и социальной эффективности деятельности Росгидромета.

Цель Проекта модернизации гидрометеорологического обслуживания в Центральной Азии – улучшение точности и своевременности гидрометеорологического обслуживания в Центральной Азии, особенно в Кыргызской Республике и Республике Таджикистан. Цель более высокого уровня – снижение уязвимости населения к стихийным бедствиям, сокращение риска материальных ущербов и потенциальное уменьшение общеэкономических потерь в результате стихийных бедствий. В матрицу результатов этого проекта включены три индикатора: повышение точности основных прогнозов погоды и повышение точности прогнозов речных водотоков – технические индикаторы, и третий индикатор – своевременность данных прогнозов погоды, объявленный ключевым индикатором Проекта. Таким образом, цели ПМГМО ЦА были сформулированы в контексте проблемы управления рисками бедствий, снижения рисков бедствий и в контексте современной стратегии ВМО по предоставлению обслуживания, снижению риска бедствий, адаптации к изменению климата и повышению устойчивости. Такая ориентация проекта так же чрезвычайно актуальна для региона Центральной Азии и связана с тем, что страны региона относятся к группе наивысшего риска стихийных бедствий, несут огромные экономические потери и в то же время национальные гидрометеорологические службы не способны обеспечить предоставление качественных погодных, водных и климатических услуг. Всё это потребовало обоснования и выработки соответствующей базовой концепции и методологии мониторинга, сделало необходимой разработку комплекта методологического, операционно-методического, технологического, информационно-аналитического инструментария в соответствии с поставленными в рамках Проекта специфическими задачами.

Принципиальным вопросом при проектировании системы мониторинга является вопрос о его целевых группах. Если прежде в опросах, проводившихся в основном региональными и местными службами Росгидромета, участвовал очень ограниченный круг респондентов, в основном потребители специализированной гидрометеорологической ин-

формации, то при проектировании мониторинга проекта Росгидромет-1 была сформулирована и реализована установка на принципиальное расширение категорий респондентов. Были выделены три целевых группы**,** оценки которых должны выясняться и изучаться, – население, хозяйствующие субъекты и органы исполнительной власти.

Для опроса целевых групп были разработаны две анкеты: специальная анкета для населения «Поговорим о погоде» и общая для адресных клиентов – представителей органов власти и хозяйствующих субъектов – анкета «Прогноз погоды в деятельности организаций». При конструировании анкет был использован модульный принцип, который позволяет модифицировать инструментарий под каждую конкретную группу, сохраняя высокую стандартизацию, а значит, совместимость и сопоставимость информации, путем замены модулей, отражающих специфику одной группы, на модули, отражающие специфику другой группы. Такие модули, сконструированные в рамках разработанного унифицированного опросника, позволяют создать совместимые, но специализированные анкеты, позволяющие учитывать как общее, так и особенное в позициях целевых групп.

В центрально-азиатском проекте опрашивались по общей анкете две целевые группы – компетентные представители органов исполнительной власти и специалисты хозяйствующих субъектов из числа реальных клиентов Кыргызгидромета и Таджгидромета. В дальнейшем к мониторингу планируется подключить и население, разработав специальную анкету.

Методы мониторингового исследования определяются по критериям их адекватности поставленным целям и задачам мониторинга (и всего проекта), особенностей генеральной совокупности, типа выборки и ряду других параметров. Они могут меняться также на разных этапах мониторинга. Главное – избранные методы опроса должны гарантировать решение одной из важнейших проблем мониторинговых исследований – достижимости попавших в выборку респондентов и получение репрезентативных и валидных данных.

На начальном этапе – проектирования и формирования мониторинга – наиболее продуктивны методы интервью – личного («face-to-face») свободного или полуформализованного и фокус-группового. Это менее стандартизированные формы интервью, которые дают возможность уточнить структуру объекта исследования, содержательно более глубоко выстроить внутреннюю логику системы мониторинга, структуру анкет, более точно сформулировать вопросы анкеты и варианты закрытия и т.д.

На этапе пилотного исследования, главной задачей которого является оптимизация инструментария, оптимальным также является метод личного интервью. Однако это уже преимущественно формализованное (стандартизированное) интервью, в котором преобладают закрытые вопросы, на которые в анкете предлагается полный перечень вариантов ответа. На этапах полноценных циклов мониторингового исследования основным методом исследования является метод формализованного личного интервью. Однако реально он применим в качестве основного только при опросе населения.

Применительно к представителям органов власти и хозяйствующих субъектов возможности проведения личного интервью оказываются ограниченными или вовсе, в некоторых случаях, невозможными, что может привести к смещению выборки. Поэтому применительно к этим целевым группам необходимо предусмотреть возможность комбинирования различных методов опроса.

В РФ использовались преимущественно онлайн опросы, телефонные интервью и раздаточное анкетирование через рассылку на e-mail-адреса клиентов. В Центральной Азии использовались все доступные методы опроса – личные и телефонные интервью, онлайн опросы с использованием возможностей сети Интернет, раздаточное анкетирование через рассылку на e-mail-адреса клиентов, почтовая рассылка. Здесь инструментальный комплекс исследования составили:

~ Web-анкета «Анкета пользователя гидрометеорологической и климатической информации» (для online-опроса), размещенная на арендованном целевом сервере.

~ «Анкета пользователя гидрометеорологической и климатической информации» (для опроса методом личного интервью и телефонного интервью).

Основой мониторинга как специфического контрольно-измерительного инструмента является система показателей и индикаторов, которые количественно выражают основные параметры изучаемого объекта – параметры качества ГМИ и ГМУ, своеобразный оценочно-измерительный комплекс.

Содержательно в центр внимания мониторинга оценки потребителями услуг российской национальной метеослужбы были поставлены те проблемы, вокруг которых концентрируются опросы ВМО и НГМС (национальных гидрометеорологических служб), опыт которых был изучен на стадии проектирования системы мониторинга в Российской Федерации. В качестве ключевых показателей предложены точность, достоверность и заблаговременность гидрометеорологической информации, ее доступность и полезность потребителю, эффективность использования прогнозов и предупреждений и уровень защищенности населения от экстремальных погодных условий. Эти показатели отражают субъективную оценку населением основных характеристик гидрометеорологической информации и качества услуг. Поэтому для их более адекватной интерпретации были предусмотрены индикаторы уровней погодозависимости и рисков, связанных с погодными условиями, а также показатели мотивации пользования гидрометеорологической информацией, обобщенные маркеры информационной ситуации.

В качестве базового, определяющего показателя мониторинга был принят уровень удовлетворенности различных групп пользователей гидрометеорологическим обслуживанием и его динамика. Сводный показатель, или интегральный индекс удовлетворенности потребителей, рассчитывался на основе оценок 12 параметров качества прогнозов погоды, оцениваемых по пятибалльной шкале [Судас, Оносов, 2012, с. 142–144].

Таким образом, разработанный инструментарий мониторинга позволил отслеживать динамику нескольких групп показателей, соединение которых в общую картину позволяло получать целостное представление об оценке

потребителями основных сторон гидрометеорологического обслуживания и его динамике, о степени достижения главных целей Проекта.

В Центральной Азии ключевым показателем всего проекта и, соответственно, мониторинга удовлетворенности пользователей стала своевременность прогнозов погоды – один из показателей качества прогнозов, на основе оценок которых в российском проекте рассчитывался интегральный индекс удовлетворенности потребителей. Такой сдвиг стал результатом и в то же время инструментом переориентации проекта и всего гидрометеорологического обслуживания в регионе на субъективные оценки пользователями услуг национальных метеослужб, восприятие конечными потребителями изменения ГМО в результате технической модернизации национальных метеослужб. Он был осуществлен в контексте обновленной глобальной повестки в сфере управления рисками бедствий и современной стратегии ВМО в области предоставления услуг.

В стратегии управления рисками бедствий в последние годы произошел поворот от управления последствиями к управлению рисками бедствий, т.е. к упреждающей стратегии[1]. В рамках такой стратегии наиболее эффективными механизмами управления рисками стихийных бедствий считаются прогнозирование рисков и своевременное предупреждение. Именно на решение этих задач ориентирует национальные гидрометеослужбы Всемирная метеорологическая организация в своей обновленной стратегии[2]. И именно в контексте таких приоритетов ключевым показателем как качества гидрометеорологической информации (прогноза) и гидрометеорологических услуг, так и удовлетворенности потребителей гидрометеорологическим обслуживанием в целом становится своевременность прогнозов и предупреждений.

Логическая структура показателя своевременности прогнозов погоды построена на основе модели управления рисками ООН с учетом особенностей гидрометеорологического обслуживания на каждом этапе цикла управления рисками бедствий. Он представлен как интегрированная оценка потребителями разных сторон своевременности прогнозов, которая на каждом этапе этого цикла – 1) прогнозирование, оценка возможности возникновения риска, 2) предупреждение, раннее оповещение; 3) готовность к бедствию; 4) реагирование на стихийные бедствия, ликвидация последствий, восстановление – понимается в соответствии с его спецификой, особенностями решаемых задач [Судас, 2017, с. 83]. Показатель своевременности прогноза погоды представлен как сложная совокупность индикаторов: объективные характеристики ГМИ, генерируемой национальными гидрометеорологическими службами, способы ее предоставления пользователям, ее соответствие реальному потребительскому спросу, который определяется субъективно понимаемым характером погодозависимости и мотивацией использования прогнозов, прежде всего степенью готовности к стихийным бедствиям, оценка пользователями значения гидрометеорологического обслуживания для снижения риска бедствий и последствий других опасных погодных явлений. Поэтому предложенная структура ключевого показателя проекта может стать инструментом комплексной оценки его эффективности, достижения его основных целей.

Оценочный комплекс мониторинга должен включать в себя оптимальный набор показателей и индикаторов, инструментально необходимый для получения необходимой и достаточной для предусмотренного целями и задачами проекта и, соответственно, мониторинга, объема информации. В то же время он должен обладать определенным ресурсом модификации, позволяющим по мере необходимости вносить необходимые обоснованные коррективы (дополнения) и таким образом совершенствовать систему индикаторов (измерителей) по основным показателям мониторинга. И таким образом обеспечивать его развитие и долговременность функционирования.

Развертывание национальной системы мониторинга требует выработки его динамической схемы, т.е. его постепенного расширения, обретения подлинно системного характера и масштаба. Прежде всего, необходимо обеспечить постепенное территориальное расширение мониторинга за счет методически обеспеченного подключения различных регионов. Должен быть четко установлен масштаб мониторинга и согласован обоснованный порядок и очередность введения в мониторинг новых регионов (территориальных организаций национальных гидрометеорологических служб). Должна быть обеспечена корректная интеграция регионов, подключающихся к системе мониторинга на разных стадиях реализации проекта, в том числе в общую базу данных мониторинга, и это непростая методологическая задача. Далее, должна быть задана цикличность, регулярность мониторинга, т.е. методически обоснованы повторные этапы, «волны» исследования как контрольные точки для анализа хода реализации проекта, выявления оценки пользователями происходящих изменений. Переход к каждому последующему этапу должен быть связан с преобразованиями, осуществляемыми в ходе реализации проекта. На всех этапах формирования и функционирования мониторинга должно быть обеспечено *сохранение его методологической целостности*, получение стандартных данных для поддержания и пополнения общей базы данных. Регулярность мониторинга проекта определяется этапами значимых преобразований, предусмотренных проектом – эти этапы, а также показатели мониторинга должны быть синхронизированы. Осуществляя запланированные преобразования, необходимо выявлять и учитывать их оценку потребителями, при необходимости оперативно вносить соответствующие коррективы. Регулярность постпроектного мониторинга определяется по другим принципам. В стабильной ситуации, отличной от насыщенного изменениями технологического, организационного и иного характера переменами в организации ГМО, проведение следующего цикла мониторинга имеет смысл лишь при накоплении некоторой суммы изменений в среде пользователей, связанных с самыми различ-

[1] Sendai Framework for Disaster Risk Reduction at 2015–2030. – http://www.preventionweb.net/files/43291_sendaiframeworkfor drren.pdf

[2] The WMO Strategy for Service Delivery and Its Implementation Plan. – http://www.wmo.int/pages/prog/amp/pwsp/documents/WMO-SSD-1129_en.pdf; The WMO Strategic Plan for 2016-2019. – https://www.wmo.int/pages/about/spla_en.html/

ными факторами, которые могут быть выявлены средствами социологического мониторинга. Только тогда новый цикл опроса может иметь смысл.

В рамках данных проектов система мониторинга проектировалась не только как механизм контроля эффективности осуществления проекта, но и как постпроектный механизм, своего рода гарант стабильности и долговременности достигнутых результатов. Однако постпроектная судьба выстроенных мониторинговых систем связана с серьезными рисками. Это риски финансового, организационного, инфраструктурного и т.п. характера. Они связаны прежде всего с завершением проектного финансирования и отсутствием достаточного обоснования выделения средств для поддержания мониторинга из других источников. Немаловажную роль играет также слабость сформированной инфраструктуры мониторинга, которая создавалась специализированными службами и не может получить достаточного кадрового обеспечения после завершения проекта и истечения сроков контракта. Одним из факторов риска может стать методология и дизайн самого мониторинга, которые в силу своей сложности не могут обеспечиваться теми структурами национальных метеослужб, которые участвовали в создании и функционировании системы мониторинга. Ориентируясь на долговременное функционирование системы, созданной в ходе проекта мониторинга, исполнители стремились заложить в него такие параметры, которые были бы способны обеспечить его долговременное устойчивое и эффективное существование. Это простота (инструментария, методики обработки первичных данных и аналитики, форм подачи), надежность, гибкость (способность реагировать на изменяющиеся условия, сохраняя системный характер и методологическую целостность), малозатратность (финансовая и временная).

Экономическая и социальная эффективность мониторинга в значительной степени зависит от способности национальных метеослужб сформировать систему многоцелевого использования его материалов, что может также существенно снизить риски его постпроектного функционирования. Это может быть коммерческое использование полученной информации, но также может быть использование мониторинга как инструмента формирования потребительского спроса на ГМИ и ГМУ и т.д. Для того, чтобы максимально широко использовать результаты мониторинга, необходимо формировать механизм обратной связи, учитывающий специфические информационные потребности как всех его участников, так и более широкого круга пользователей. Создание такого механизма может существенно снизить риски его постпроектного функционирования и повысить эффективность проектного мониторинга.

Подведем итог. В ходе реализации проектов модернизации гидрометеорологического обслуживания был выстроен устойчивый механизм проведения мониторинга, сформированы принципы и процедуры проектирования выборок, сложились достаточно устойчивые технологии прохождения полевого этапа (инфраструктура мониторинга), сформированы и приняты в качестве стандартных наборы методов статистического анализа данных, форм обобщения и способов представления результатов. Все это создает прочный технологический фундамент мониторинга и обеспечивает стандартное качество и глубину обработки получаемых данных, единый подход к интерпретации и экспликации результатов дальнейших исследований. Разработка и внедрение национальной системы мониторинга оценки качества метеорологического обслуживания обеспечивает получение принципиально новой по объему и характеру информации, ее интеграцию в единую, содержательно целостную систему, которая способна стать надежным и стабильным, долговременным информационным обеспечением принятия управленческих решений, в том числе стратегического характера. Она позволяет отслеживать одновременно динамику нескольких взаимосвязанных групп показателей ГМИ, выявлять всю совокупность потребностей пользователей в ГМИ и ГМУ, мотивацию их использования, обусловленную особенностями погодозависимости конкретных групп пользователей, нашедшую или еще не нашедшую выражение в реальном спросе на конкретные ГМУ и ГМИ, отслеживать их динамику и степень удовлетворенности.

Сформированные национальные системы мониторинга позволяют практически решать поставленную в обновленной стратегии ВМО в области предоставления обслуживания задачу – поддержание постоянного взаимодействия с клиентами – потребителями ГМИ и ГМУ[1]. Стратегия исходит из приоритетности интересов потребителей для деятельности национальных метеослужб, превращения национальных метеослужб из систем, ориентированных на функционирование, в системы, ориентированные на обслуживание, которое должно быть непрерывным, циклическим процессом, ориентированным на пользователей.

[1] A Disaster Risk Reduction Roadmap for the World Meteorological Organization. – http://www.wmo.int/pages/prog/drr/documents/roadmap/index.html

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Алейников А.В.
д.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Стребков А.И.
д.полит.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПАРАДИГМА АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: *конфликт, технологии урегулирования конфликтов, теория конфликта, конфликтологические компетенции, конфликтологическое образование, междисциплинарность.*

Keywords*: conflict, technologies of conflict resolution, conflict theory, conflictological competences, conflictological education, interdisciplinarity.*

Образовательная программа по конфликтологии открывает уникальные возможности для внедрения и развития как новых подходов к формированию углубленных знаний о конфликтах, так и к приобретению навыков предупреждения, управления и разрешения работы с ними. В связи с этим чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что ни одна из известных нам отечественных образовательных программ не ведет подготовку специалистов в области альтернативных способов разрешения конфликтов и поддержания мира на междисциплинарной основе.

В известном исследовании Марты Нуссбаум подчеркивается, что целью демократического образования является воспитание граждан мира, умеющих «считать своих сограждан равными себе и равноправными людьми, несмотря на различную расовую, религиозную, гендерную принадлежности или сексуальную ориентацию, относиться к согражданам уважительно, видеть в них цель приложения полученной прибыли, а не простой инструмент для ее извлечения и воспринимать любую чужую страну как часть сложного мироустройства, где следует разрешать различные вопросы путем разумного, транснационального их обсуждения»[1]. Очевидно, что решение данных задач трудно осуществимо без междисциплинарного знания, признающего многообразие самого объекта познания, его способность изменяться в форме при сохранении содержания и исходящего из метода познания, наиболее адекватно отражающего многообразие объекта, его плюральный состав.

Без сомнения, в этом контексте есть основания говорить о закономерности развития конфликтологии как интегрированного знания, научной рефлексии, венчающей дифференциацию наук. Междисциплинарный характер предмета конфликтологии, долгие десятилетия остававшийся сферой повышенного интереса более чем десятка социогуманитарных наук, все более определенно локализуется в качестве целостного и многомерного явления, требующего системного и комплексного исследования посредством адекватных его содержанию средств и методов. Известно, что в отечественной, советской традиции социогуманитарных наук в XX веке общество не могло анализироваться в рамках конфликтной парадигмы – «в стране “не было” не только конфликтов, но и секса, и протоколов пакта Молотова – Риббентропа»[2]. Это парадоксальная ситуация, поскольку проблематика конфликта и конфликтных взаимодействий в социальной действительности была центральной в теории Карла Маркса. Его “конфликтная альтернатива” заключалась в признании и доказательстве тезиса о конфликтах как неизбежного и очень распространенного свойства социальных систем. Конфликт – не аномалия или трагедия, а имманентное свойство социальности, условие и способ осуществления жизни, обеспечивающий ее устойчивость, целостность и развитие. Классик современной конфликтологии Ральф Дарендорф отмечал, что «не наличие, а отсутствие конфликта является чем-то удивительным и ненормальным. Повод к подозрительности возникает тогда, когда обнаруживается общество или организация, в которых отсутствуют проявления конфликта»[3]. Со вступлением российского общества в период трансформации, возросли потребности в содержательном конфликтологическом знании, оперирующем специфическими познавательными средствами и своей методологией анализа социальной действительности. Эти объективные запросы на новый контекст знаний привели к оформлению конфликтологии в относительно самостоятельную область научного знания, сопряженную с логикой становления и развития образовательной дисциплины и профессионального конфликтологического образования в высшей школе. Все это означает, что в рамках образовательных программ по конфликтологии реализуется кристаллизация ее понятийно-категориального аппарата, конкретизация предметного поля и методологии, апробация техноло-

[1] Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 43–44.

[2] Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и практической конфликтологии. – Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2015. – С. 6.

[3] Dahrendorf R. Out of Utopia. Essays in the Theory of Society. – New York: Stanford University Press; 1968. – P. 127.

гий предупреждения и урегулирования конфликтов. Известные российские конфликтологи представляют принципиальную значимость основной проблемы XXI века так: «…Либо он станет веком конструктивного разрешения конфликтов, либо будет последним веком в истории цивилизации»[1].

Признание конфликта как социальной проблемы, которая должна быть решена, подвигает к необходимости исходить в анализе общества как целого, живого, подвижного социального организма, со своими болями и печалями, со своим здоровьем и болезнями, вглядеться во внутреннюю структуру конфликта, выделить ведущие элементы этой структуры и предложить практике рецепты ее решения. В теоретическом конгломерате представлений о конфликте упрощенно доминируют два фокуса аналитической оптики: либо конфликт – естественное состояние социума, либо – отклонение от нормы.

В работах зарубежных и отечественных авторов конфликт представлен и как разрушительная сила, и как способ разрешения накапливаемых противоречий во взаимодействиях людей. В первом случае указывается на несистемный характер конфликта, во втором – на то, что он есть закон существующей системы, без которого она не может себя воспроизводить.

Георг Зиммель отмечал, что «все проблематичные явления заставляют нас лучше осознать то обстоятельство, сколь невообразимо противоречиво наше настоящее… Одни только филистеры могут полагать, что конфликты и проблемы существуют для того, чтобы быть разрешенными. И те, и другие имеют в обиходе и истории жизни еще другие задачи, выполняемые ими независимо от своего собственного разрешения. И ни один конфликт не существовал напрасно, если время не разрешит его, а заменит его по форме и содержанию другим»[2]. Признание за конфликтом его позитивных качеств, которые заключаются в его свойстве быть источником развития, открывает целую главу в анализе действительности, как развивающейся и не стоящей на месте.

Проблема конфликта нуждается в операбельных методах и вариативном наборе прикладных инструментов. Как всякое социальное явление, конфликт оказывается многообразней, многослойней и многокачественней, чем перечень используемых для его описания признаков. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, требует обращения к иным методологическим основаниям и подходам для непротиворечивой интерпретации социального конфликта. Наиболее адекватной нам представляется междисциплинарная методология. Междисциплинарный анализ отражает всю сложность и подвижность, временную и пространственную изменчивость конфликта. Конфликт следует как за миром, так и за борьбой, использует равные этому соотношению способы посредничества, тем самым анализ его обязан носить такой же подвижный характер, использовать такой категориальный аппарат, который в данном соотношении мира и борьбы точно отвечает сложившейся ситуации. И чем в большей степени представлены особые причины особого соотношения мира и борьбы, тем в большей степени анализ конфликта должен приобрести тот или иной познавательный ракурс, тем в большей степени конфликт будет отягощен особыми причинами, играющими определяющую роль в использовании познавательной парадигмы. Междисциплинарная парадигма анализа феномена конфликта заключается также в учете общих, особенных и единичных условий взаимодействия, общих, особенных и единичных состояний субъектов конфликта, общих, особенных и единичных положений, которые явились исходными причинами конфликтного взаимодействия. Междисциплинарность конфликтологии вытекает из объективно-субъективных особенностей самого конфликта, представленного во всех сферах жизни общества, различными индивидами и социальными группами с различной степенью нацеленности на борьбу.

Междисциплинарность конфликта проистекает еще из двойственности его социальных функций – разрушительной и созидательной. И эта его двойственная функция становится видимой функцией лишь в междисциплинарной парадигме анализа. Именно междисциплинарная парадигма анализа требует относиться к конфликту не только как к источнику разрушений и гибели, но и как к источнику развития, как маркеру, за которым следует новая история общества, освобожденного от прошлых проблем.

Конфликтологическому образованию в России уже более 15 лет, его политико-юридическое пространство определено Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования уровня магистратуры и бакалавриата. Впервые подготовка конфликтологов началась в Санкт- Петербургском государственном университете с 1999 г., когда была создана первая кафедра конфликтологии в России и разработан первый Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в области «Конфликтология».

Утверждение конфликтологии как особого знания и особого предмета этого знания – конфликта – означает принятие предъявляемых социумом требований к актуализации теоретического осмысления и практического применения инструментов, преобразующих разрушительную силу конфликта в созидающую силу, принятие того, что конфликт является существенной стороной жизни российского общества. Таким образом, признание теоретического осмысления закономерностей зарождения, протекания конфликта в различных социальных средах и технологий его предупреждения и разрешения, а значит — поддержания и сохранения мира, свидетельствует, что процесс этот основан на реальных потребностях современного российского общества и имеет широкую поддержку на всех уровнях организационного и политического обеспечения. Сегодня уже можно утверждать, что конфликтология, как образовательная программа, полностью институционализирована, имеет высокие ресурсы для устойчивого самовоспроизводства и развития, признана и поддерживается в полной мере российским государством, осознающим практическую значимость не только правовых, но и альтернативных способов разрешения конфликтов. Необходимость подготовки конфликтологов высшей квалификации продиктована временем, продиктована имманентной конфликтогенностью

[1] Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. – СПб.: Питер, 2007. – С. 11.

[2] Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – С. 330.

взаимодействий в обществе и, соответственно, повышением роли качественной экспертизы, переговоров и медиации как эффективных способов диагностики, профилактики, урегулирования и разрешения конфликтов.

Еще раз отметим, что если сила конфликта превышает меру, принятую в обществе за норму, колеблется устойчивость, стабильность и безопасность. Выход конфликта за общественно допустимые пределы становится угрозой общественным отношениям, от которой оно стремится избавиться. Именно в этом случае конфликт становится покушением на демократию, сила конфликта становится насилием, а его носители – вне закона. Именно на этот конфликт установлен лимит, он сеет панику и страх в среде тех, для которых устойчивость, стабильность и безопасность есть всего лишь устройство общества, в котором конфликт не превышает необходимую меру. Поэтому образуются механизмы сдерживания этого конфликта, не позволяющие ему окончательно разрушить общество.

В более общем плане это означает, что конфликт представлен и как способ разрешения накапливаемых противоречий во взаимодействиях людей, в нем одновременно уживаются две сущности, два способа взаимодействия. Один способ взаимодействия отрицательный, т.е. отрицающий действия противоположной стороны взаимодействия, другой – утверждающий собственные действия. Таким образом, понимание конфликта как и борьбы, и мира, как способа разрушения и созидания представляет собой важный эвристический инструмент, помогающий приблизиться к решению сложной теоретической задачи операциональной концептуализации этого «сосредоточия не только тайн, но и коварства», постоянно модифицирующего свою природу. Как показал Д.М. Фельдман, конфликт «маскируется, стремится быть непохожим на себя, выдать себя за что-то другое, всеми способами ускользнуть от понимания как сторонних исследователей, так и тех, кто в нем непосредственно участвует»[1]. Именно здесь конфликтология и призвана сказать свое слово.

Конституирование конфликтологии как отдельной научной дисциплины с собственным проблемным полем познания и специфической концептуальной рамкой анализа позволяет предложить свою классификацию иерархично структурированных уровней функционирования теории конфликта и образовательной программы, каждый из которых, в свою очередь, представляет собой сложное и многоярусное явление.

1. *Общая конфликтология* – теории «расширенного диапазона», предлагающие целостные представления об универсальном предмете исследования – феномене конфликта – ориентированные на разработку общих закономерностей конфликтных взаимодействий. На этом уровне вырабатывается категориальный аппарат, и формируются методологические основы, базисные принципы рефлексивных конфликтологических процедур.

2. *Специальные (отраслевые) теории конфликта* – интеллектуальные конструкции, которые Р. Мертон называл «теориями среднего уровня». На этом уровне развиваются специфические подходы и модели конфликтных взаимодействий в экономической, политической, юридической, этнополитической, военной, психологической и других сферах общественной жизни.

3. *Прикладная конфликтология* – описательные практико-ориентированные способы, методы и технологии управления и разрешения конфликтов.

Реализуемый в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета учебный план позволил найти баланс общеметодологических знаний о конфликтах и глубины освоения прикладных технологий и методов управления ими, открыв уникальные возможности для внедрения и развития новых подходов к формированию конфликтологических профессиональных компетенций, форм и методик образовательного процесса. Междисциплинарный характер компетентностного учебного плана и индивидуальные возможности его реализации представлен на примере профессиональных компетенций выпускника основной образовательной программы «Конфликтология» уровня бакалавриата, базирующихся на четкой концептуальной схеме:

– знание истории эволюции предмета конфликтологии, природы конфликта, его структуры, видов, детерминирующих факторов, особенности динамики протекания в различных сферах жизнедеятельности общества, возможных способов работы с ними, условий, обеспечивающих предупреждение, разрешение и управление конфликтами и миром;

– способность к проведению исследования по проблемам конфликтного и мирного взаимодействия в обществе, анализу конфликта и мира с использованием различных методологических и теоретических подходов, к выявлению детерминирующих факторов и закономерностей конфликтного и мирного взаимодействия;

– способность к применению методологии междисциплинарного анализа конфликта и мира, использованию категориального аппарата гуманитарных и социальных наук с учетом предметного поля конфликтологии, многофакторной обусловленности конфликта и мира;

– владение навыками формирования общественного мнения по актуальным проблемам конфликтного и мирного взаимодействия в обществе;

– способность к определению и применению необходимых технологий урегулирования конфликтов и поддержания мира;

– способность к разработке и реализации социальных программ, снижающих уровень конфликтогеннности в социальных сообществах, укрепляющих систему безопасности и мирных способов взаимодействия и направленных на достижение мира, социального компромисса, позитивного консенсуса, толерантности в различных сферах жизни общества;

– способность к анализу конфликтных ситуаций в организациях и учреждениях, подготовке экспертных заключений об их конфликтогенном потенциале, получению информации о состоянии организации с использованием методов прикладных исследований, разработке технологий разрешения корпоративных конфликтов, минимизации конфликтогенного потенциала тактических и стратегических решений в управлении.

[1] Фельдман Д.М. Политология конфликта. – М.: Издательский Дом «Стратегия», 1998. – С. 15.

Широкий междисциплинарный характер конфликтологии обусловил не только особую структуру и язык самой науки, но и технологию и методику организации учебного процесса. В реализации образовательной программы в Санкт-Петербургском государственном университете принимают участие специалисты различных отраслей знания — философии, социологии, экономики, юриспруденции, истории, политологии, геоэкологии, психологии.

Кроме того, конфликтология как учебная дисциплина цикла гуманитарных наук включена в образовательные программы большинства гуманитарных факультетов СПбГУ, а также других вузов страны. Такие образовательные программы, как юриспруденция, экономика, социология, журналистика, связи с общественностью, геоэкология, психология, международные отношения, государственное и муниципальное управление и ряд других уже трудно себе представить без конфликтологической компоненты профессиональной подготовки. Существенные теоретико-методологические, мировоззренческие и прикладные возможности и ресурсы теории социального конфликта, безусловно, расширяют необходимый набор профессиональный знаний, навыков и умений, необходимых для успешной деятельности в различных отраслях и сферах современной общественной жизнедеятельности.

Остановимся на некоторых проблемах, которые сегодня сдерживают перспективное развитие конфликтологии в стране.

Во-первых, анализ адаптационных практик выпускников образовательной программы, показал обоснованность внедрения в подготовку специалистов-конфликтологов принципа восхождения от абстрактного к конкретному, от теории к практике. Включение работодателей в состав Государственных аттестационных комиссий выявило востребованность прежде всего специалистов, обладающих не только и не столько определенными, узкоспециальными навыками, а прежде всего – способностями к обучению.

Конфликтологическая теория, даже при условии, что она не едина и включает в себя разнообразные модели причин и следствий зарождения, протекания и разрешения конфликтов предлагает объяснения конфликта не только в некоторой абстракции, но и в чётких ракурсах практических рецептов технологий конфликтменеджмента. Следовательно, знания о конфликте должны быть комплексными, междисциплинарными, что позволяет выпускнику не ограничиваться в анализе конфликта законами, господствующими в одной сфере жизни людей, а рассматривать конфликт как универсальный способ взаимодействия, характерный всем сферам жизнедеятельности общества, осознавая всемерную связь различных форм бытия современного человека.

Во-вторых, это круг проблем, связанных с определением направленности подготовки. Выпускники бакалавриата заинтересованы в получении компетенций (знаний, умений и навыков) переговорщиков и посредников в конфликте, способах и методах урегулирования конфликта посредством переговоров и медиации. Однако на прикладные, практико-ориентированные аспекты конфликтологии «претендуют» и другие отрасли знания и направления подготовки, такие как юриспруденция и психология.

Здесь очень важно определить, в каких сферах все более широко начинают применяться медиативные и технологии переговоров. Поэтому встает вопрос, сколько в переговорах и медиации юридического и психологического, а сколько конфликтологического? Становится очевидным, что эти виды конфликтологической деятельности заполняются психологами и юристами, не имеющими базового конфликтологического образования, происходит юридизация и психологизация переговоров и медиации в ущерб их конфликтологическому содержанию.

Если это признать, то становится очевидной необходимость практического соединения этих подготовок, которые не являются антиподами в содержательном смысле, а являются таковыми в результате искусственной профессионализации, искусственного различения социогуманитарных наук и раздельной подготовкой по различным направлениям.

Необходимо отметить, что выдвижение конфликтологической практики в разряд особой профессиональной деятельности, которая получает все большее признание в обществе, увеличивает ее авторитет и увеличивает спрос на конфликтологов, занимающихся медиацией, консультированием, переговорами, альтернативным разрешением споров или конфликтов. В то же время набирает силу спрос на специалистов в области разрешения социально-трудовых конфликтов, в сфере политики и государственного управления. Как справедливо отмечают известные российские авторы, востребованность в конфликтологической экспертизе «со стороны властных структур пока оказывается явно недостаточной. Отсюда в кризисных ситуациях многие политические решения принимаются спонтанно, без достаточного научного обоснования»[1].

Особенно актуальной становится необходимость в профессиональном стандарте конфликтолога (специалиста в сфере урегулирования конфликтов и поддержании мира). Эта перспектива, которая положит начало юридической легитимации должности конфликтолога на предприятиях и профилизированной подготовки магистров направления совместно с юристами, психологами, экономистами.

Важно и то, что образовательная программа по конфликтологии и междисциплинарный характер учебного плана имеет практико-ориентированный характер, удовлетворяющий спрос на конкретных специалистов в области урегулирования конфликтов и поддержания мира, без потери ее теоретической насыщенности.

Конфликтология задумывалась как междисциплинарное направление подготовки, позволяющей снять существующие границы, интегрировать знания, полученные в различных отраслях и выступить катализатором объединения разрозненных знаний о человеке и обществе. Но, как показала практика сложившейся факультетской и кафедральной системы управления в университетах, подобное объединение трудно осуществимо.

[1] Глухова А.В., Тимофеева Л.Н. Российская политическая конфликтология: состояние и проблемы // Политическая наука. – М., 2016. – № 2. – С. 13–37.

С начала научно-теоретической рефлексии конфликта в исследовательских стратегиях признается, что его идеальной мерой не является какое-то отдельное знание, это знание многих наук, для которых предметом выступают не застывшие раз и навсегда связи и отношения, а находящиеся в постоянном изменении, в развитии, отрицании и возникновении нового.

Таким образом, перед конфликтологией встает принципиальная теоретическая задача в социально-теоретической рефлексии. Речь идет прежде всего о том, что практической мерой конфликта выступают противоречия, возникающие во всех сферах общественной и индивидуальной жизни, порождаемые этой жизнью. В этом плане можно полагать, что они могут быть разрешены не только и не столько посредством одного лишь знания, но и практического действия, направленного на разрешение этих противоречий. Конфликтология как институционализированная саморефлексия социума о раздирающих его противоречиях нацелена на приращение всякого знания о них, способах их разрешения и изменениях, вызванных действиями людей, желающих избавиться от конфликтов.

В-третьих, необходимо отметить, что компетенции по разрешению конфликтов дорогого стоят. Особенно это заметно в социально-трудовых конфликтах. Так или иначе, цена конфликта сегодня высока и не только в денежном, но и в моральном отношении. Репутационные и прочие потери наносят нематериальный ущерб, который при желании может быть представлен и в денежном выражении. Поэтому, помимо знаний законов менеджмента, каждый руководитель предприятия, менеджеры должны освоить азы конфликтологии, технологий предупреждения и разрешения конфликтов. По указанным содержательным причинам необходимо развивать подготовку в рамках дополнительных программ по конфликтологии, ориентированных на возросшие потребности в конфликтологической квалификации всей системы управления, начиная с предприятия и завершая политической сферой жизни российского общества.

Еще большее значение будут иметь образовательные программы краткосрочного повышения квалификации в области медиации и консультирования в конфликте. Мы являемся свидетелями своего рода «бума» интереса к технологической составляющей разрешения политических конфликтов, формируемого политическими организациями. Увеличивается спрос на специалистов в области урегулирования социально-трудовых конфликтов. Продвижение конфликтологии в данном направлении укрепляет позиции и репутацию основной образовательной программы по конфликтологии.

Возьмем еще один насущный вопрос. На наш взгляд, *весь период существования отечественной конфликтологии является борьбой за конфликтологию.* Началом этого периода стала образовательная программа по данному направлению подготовки. Конечно, сама образовательная программа не смогла появиться, если бы не было огромного теоретического и эмпирического материала, который лег в содержательную основу подготовки. При этом следует учесть и имеющиеся попытки превратить конфликтологию в ремесло, коммерческий проект. Ситуация усугубляется тем, что в борьбе за конфликтологию проявляется тенденция к монополизации со стороны различных отраслей знаний, что может привести к постепенной утрате ею междисциплинарного характера. Надо отдавать себе отчет в том, что для сохранения междисциплинарного потенциала конфликтологии и его преумножения, необходимо пресечь попытки низведения ее до уровня служанки, обслуживающей корыстные интересы кого-либо. Социальная цена конфликта, в какой бы сфере он не протекал, высока. И чтобы не платить эту цену, необходимо, чтобы каждый индивид имел хотя бы первичные знания о конфликте, о причинах его возникновения, о закономерностях его протекания и способах его урегулирования. Эту миссию выполняет образовательная программа по конфликтологии, уникальной особенностью которой, как уже отмечалось, является подготовка специалистов высокой квалификации в области разрешения конфликтов и поддержания мира в организационно-управленческой деятельности, посредством организации мирных социальных взаимодействий и минимизации конфликтного потенциала решений, принимаемых в управлении. Для иллюстрации уместно привести известное высказывание Генри Форда: «Если бы научиться разрешать конфликты, то это позволило бы снизить себестоимость автомобиля больше, чем за 25 лет технических нововведений». Проведенное исследование позволяет утверждать, что выделение образовательной программы «Конфликтология» из общего содержательного потока знаний об обществе вызвано потребностью в пристальном изучении его конфликтогенного потенциала. Профилирующее содержание конфликтологии определяется необходимостью охвата знаний о системе и процессах конфликтного и мирного взаимодействия, институтах, средствах и гуманитарных технологиях урегулирования конфликтов и поддержания мира. Эта программа осуществляется на междисциплинарной основе, фиксируя, осмысляя и систематизируя знания о конфликте и разрабатывая матрицы оптимального поведения в ситуациях конфликта и сотрудничества.

Беляева Е.В.
к.п.н., зам. директора Центра спортивной подготовки № 8, г. Сочи

РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИИ К ИННОВАЦИЯМ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: О МЕТОДАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

***Ключевые слова**: инновации, инновационная деятельность в образовании, внедрение инноваций в образовательных учреждениях, проблемы внедрения инноваций в образовательных учреждениях, мотивация.*

В настоящее время в науке и практике развития инноваций довлеет мнение, что любые инвестиции в инновации нуждаются только в соответствующем объеме средств. При этом забывается, что любой проект, в том числе и инновационный, осуществляют люди, которые логично выбирают путь наименьшего сопротивления. Следовательно, чтобы они сошли с проторенной дорожки, им нужны стимулы. В инновациях роль «человеческого фактора» огромна, т.к. здесь нет установленного алгоритма или созданной модели, здесь любое действие дается с большим трудом и требует дополнительной энергии, дополнительных умственных затрат, внутренних психических резервов. Следовательно, мотивация и стимулы к инновационной деятельности работников образовательной сферы и, в том числе, высших учебных заведений, являются актуальным вопросом инновационного и технологического развития высшего образования в условиях модернизации нашей страны.

В проведении эффективных научных исследований важную роль играет совокупность подобранных методов. Основную роль метода для деятельности людей подчеркивали многие крупные ученые. Так, выдающийся физиолог И.П. Павлов писал, что метод является самой первой, основной вещью. От метода, от способа действия зависит вся серьезность исследования. Все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных. Известный психолог Л.С. Выготский говорил, что методология, как совокупность методов научного познания, подобна «костяку в организме животного», на котором весь этот организм держится.

При этом исследователи утверждают, что любой метод окажется неэффективным и даже бесполезным, если им пользоваться не как «руководящей нитью» в научной или иной форме деятельности, а как готовым шаблоном для перекрашивания фактов. Главное предназначение любого метода – на основе соответствующих принципов (требований, предписаний и т. п.) обеспечить успешное решение определенных познавательных и практических проблем, приращение знания, оптимальное функционирование и развитие тех или иных объектов [1].

В связи с этим, при подборе методов для исследования деятельности работников образовательных учреждений и научных сотрудников вузов, необходимо руководствоваться следующим:

1. Метод применяется не изолированно, сам по себе, а в сочетании, взаимодействии с другими, при этом каждый элемент метода существует не сам по себе, а как сторона целого, и применяется как целое. Здесь особое значение имеет способность освоения противоположных методологических подходов и их правильное сочетание.

В нашем исследовании будут применены тесты Т. Элеса «Мотивация к избеганию неудач» и «Мотивация к успеху». В комплексе с ними будет использован опросник А.А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудач», с помощью которого будет определен тип мотивации работника или магистранта (аспиранта) – мотивация успеха (в основе активности личности лежит потребность в достижении успеха) и мотивация боязни неудачи (активность личности является потребностью избежать срыва, порицания, наказания, неудачи).

Для исследования психологии инноваторов-практиков и исследователей высших образовательных организаций (научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, магистрантов) будет использован опросник «Стили мышления» Р. Стернберга.

Тест «Готовность к риску (PSK) Шуберта позволяет оценить степень готовности к риску. Здесь риск понимается как действие наудачу в надежде на счастливый исход или как возможная опасность, как действие, совершаемое в условиях неопределенности.

Также будет проведена диагностика самооценки мотивации одобрения (тест на искренность ответов Д. Марлоу, Д. Краун). Данный тест позволяет оценить ваше желание получить одобрение окружающих в отношении своих слов и поступков. Высокая мотивация одобрения свидетельствует о высокой потребности в общении и наоборот.

Для исследования мотивации инновационной деятельности магистрантов и аспирантов будет использована методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной, где выбор студентами профессии и удовлетворенность определяется по преобладанию мотивов по трем шкалам: «Приобретение знаний» (стремление к приобретению знаний, любознательность); «Овладение профессией» (стремление овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально важные качества); «Получение диплома» (стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов).

Также в исследовании будет задействована методика изучения мотивов учебной деятельности студентов, модифицированная А.А. Реаном и В.А. Якуниным, которая позволит определить ранговые места мотивов учебной деятельности в определенной выборочной совокупности (группа, курс, направление подготовки).

2. Всеобщей основой, «стержнем» системы методологического знания является философия как универсальный метод. В научно-прикладном исследовании нельзя ограничиваться только философскими принципами, но и недопустимо не учитывать их.

3. В своем применении любой метод модифицируется в зависимости от конкретных условий, цели исследования, характера решаемых задач, особенностей объекта, той или иной сферы применения метода Тем самым содержание системы методов, используемых для решения определенных задач, всегда конкретно, ибо в каждом случае содержание одного метода или системы методов модифицируется в соответствии с природой исследуемого процесса.

Так, для определения будущих инноваторов-практиков будет адаптирована методика определения основных методов выбора профессии Е.М. Павлютенкова, с помощью которой будут установлены роли тех или иных мотивов при выборе профессии студентами и магистрантами. В комплексе с ней предполагается использование опросника Р.В. Овчаровой «Методы выбора профессии», которая позволит установить ведущий тип мотивации при выборе профессии, а также выявить преобладающий вид мотивации (внутренние индивидуально-значимые мотивы, внутренние социально-значимые мотивы, внешние положительные мотивы и внешние отрицательные мотивы).

В целях изучения мотивации работников образовательных учреждений автором предлагается проведение их анкетирования с помощью следующей опросной формы, имеющей две части: в левой указаны мотивы, в правой перечислены антимотивы по каждой группе. Справа в колонке «Баллы» испытуемый должен указать по балльной системе значимость присущих ему лично мотивов и антимотивов. К примеру, по пятибалльной системе (1, 2, 3, 4,5) цифрой 1 отмечается ведущий (доминирующий) мотив и антимотив. Полученная оценочная информация обрабатывается и суммируется для получения общего представления.

АНКЕТА
для изучения мотивации работников предприятий сферы инноваций

Положительное влияние	Баллы	Негативное влияние	Баллы
1. *Моральный аспект мотивации*			
Ответственность перед собой и людьми Положительные оценки работы в средствах массовой информации Значимость выполняемой работы Доверие, оказываемое мне как работнику Удовлетворение от профессионально выполненной работы Благодарность руководства Возможность попробовать себя в иной, чем прежде, области деятельности Слова поощрения со стороны начальства Чувство долга за выполняемую работу (все, что я делаю, делаю хорошо) Уникальность и разнообразие проблем Возможность личного развития		Низкая общественная оценка Отсутствие перспектив роста Невысокая степень связи результатов собственного труда с общими результатами работы Отсутствие уверенности в стабильности своего положения Безответственность некоторых работников, неумение и нежелание работать профессионально Недостаточная самореализация своего творческого потенциала Неудовлетворенность результатами при любых личных условиях в сложившейся обстановке в стране Неудовлетворенность сделанной работой	
Осознание крайней важности и желания влиять на ситуацию Возможность принести пользу обществу Поддержка меня со стороны семьи Общественная значимость выполняемой работы Самоуважение			
2. *Информационно-познавательные аспекты мотивации*			
Аналитические материалы по итогам работы Информация по итогам работы Желание больше узнать по какой-либо проблеме Письма и обращения клиентов Возможность узнавать новое Получение новой информации Интересное, творческое общение Возможность продолжать обучение Активное общение Интересное, творческое общение Возможность продолжать обучение		Новая область знания, в которой не чувствую себя достаточно компетентно Осознание девальвации знаний по своей основной специальности	Баллы
3. *Материальные аспекты мотивации*			
Предоставляемые льготы Доплаты Заработная плата Премии Неплохое материальное вознаграждение за труд Зарплата в целом Привилегии Предоставляемые льготы Доплаты Заработная плата Премии Неплохое материальное вознаграждение за труд Зарплата в целом		Низкий уровень зарплаты	

Положительное влияние	Баллы	Негативное влияние	Баллы
4. *Организационные аспекты мотивации*			
Хорошо организованное рабочее место Решенность бытовых вопросов Уровень комфортабельности рабочего места Достаточно высокий уровень обустройства рабочего места Хорошие технические средства для работы		Отсутствие системы оценки работы Плохая организация труда: не до конца продумана структура, она не соответствует функциям Низкий профессиональный уровень руководителей подразделений Недостаточно высокий профессиональный уровень подчиненных Объем работы превышает возможности ее качественного выполнения и в срок Дальняя дорога к месту работы и обратно Ненормированный рабочий день Отсутствие системы, хаос, пожарные методы работы, что не позволяет выполнить работу на высоком профессиональном уровне Низкий уровень организации работ Излишняя регламентация Перегрузки в работе Перенапряженность рабочего дня и недостаточность времени для решения личных проблем	
5.*Организационно-управленческие аспекты мотивации*			
Возможность находить нестандартные решения при выполнении определенных видов работы Сложившаяся привычка работать, т.е. вникать в проблемы, находить нужные решения Условия самостоятельно и творчески решать и доводить до конечного результата поставленные задачи		Недостаточная степень координации между рядом структурных подразделений Невысокая культура общения, недостаточный уровень компетентности, профессионализма в структурных подразделениях Низкий процент получения конечного результата Невозможность оперативного решения текущих социальных проблем	
Самостоятельное решение довольно сложных вопросов Возможность самому принимать решения Получение зримого конечного результата Самостоятельность в своей работе Свобода действий Карьера Задачи, которые я выполняю Новизна задач и их решение		Моя деятельность не столь результативна, эффективна	
6. *Социально-психологические аспекты мотивации*			
Хорошая обстановка в коллективе «Сработавшийся» коллектив Теплые отношения среди сотрудников Обширность контактов Положительная оценка со стороны окружающих		Непонимание со стороны руководства моего видения организации работы Неслаженная работа коллектива В ряде случаев недостаточная возможность установления взаимопонимания Относительно меньшая, чем у коллег, подготовленность в плане решения каких-то узких задач Некоторая некомфортность отношений в коллективе Порицания со стороны начальства Недопонимание меня окружающими Хамство руководителей Глупость некоторых сослуживцев и коллег родственных организаций Недостаточная обратная связь с непосредственным руководителем и, как следствие, отсутствие уверенности в правильности своих действий	

Данный опросник позволит определить уровень мотивации работников образовательных учреждений по 6 аспектам мотивации.

Наши более ранние исследования показали, что для стабильной инновационной деятельности научно-педагогического персонала или методических работников в течение длительного времени одного лишь материального стимулирования недостаточно [2, 3]. Денежный стимул, включая материальные бонусы всех видов, наиболее эффективен при старте инновационного проекта и время его действия весьма ограничено. При отсутствии эффективных стимулов начинается движение «по инерции». Анализ государственного и негосударственного финансирования российских инноваций, в том числе через федеральные целевые программы и грантовые фонды, говорит о том, что сегодня материальных проблем у руководителей научно-исследовательских институтов, бизнес-инкубаторов, инновационных лабораторий высших учебных заведений уже практически не существует. При этом народное хозяйство России и бюджет страны по-прежнему базируются на природном богатстве недр страны в части добычи углеводородов, а не инновационных экономических проектах в других таких многочисленных для нашей державы сферах хозяйствования.

Это значит, что в компаниях, на предприятиях, научно-производственных структурах и в высших учебных заведениях России отсутствует пусть не главный, но значимый личный мотив для мощного рывка. Никакого рывка мы нигде не видим, что естественно. Эффективность единоразово закаченных в технологическое или научное предприятие денежных средств, независимо от их количества, минимальна.

Известно, что мотивы, не связанные с денежным стимулированием, зачастую оказываются более действенными, если речь идет об инновационной деятельности в течение длительного периода – от года до 5–6 лет. Основным из этих стимулов является возможность карьерного роста, изменение места работника в организационной иерархии. Исследования показали, что в определенные периоды жизни положение в коллективе становится для работника главенствующим мотивом в работе. Здесь пики мотивации приходится на 25–35 лет (уровень мотивации до 75%) и 45–50 лет (уровень мотивации до 55%). Более того, зачастую работник готов получать меньшие деньги при условии повышения в должности, что удивительно лишь на первый взгляд, т.к. в реальности более высокая должность предполагает бóльшие возможности и, в конце концов, бóльшую личную свободу [3].

Таким образом, один из вариантов эффективного стимулирования инновационной деятельности работника – через реализацию конкуренции в коллективе, или, – в более мягкой форме, соперничества. Данная конкуренция при умелом управлении и психологическом сопровождении (поддержки) создаёт целый ряд относительно долговременных и весьма мощных стимулов внутри педагогического коллектива.

Стремление работника быть лучшим, быть впереди, и обладать (пусть даже формальным, протокольным) правом на уважение – является проявлением данных мотивов, воплощаемыми в жизнь через награждение повышенными служебными привилегиями на основании текущих результатов работы.

Также весьма перспективным для инноваций является подход, ставящий «во главу угла» общественное признание. Человек является социальным существом, предназначенным и стремящимся быть признанным, востребованным какой-либо общностью людей, следовательно, личная самооценка работника, в значительной степени определяется не только деньгами, а отношением к нему других работников, – членов педагогического коллектива, в который он входит через ряд коммуникаций, формальных и неформальных.

Из вышесказанного следует, что необходимо системное, обоснованное и целенаправленное формирование мотивации работников образовательных учреждений к осуществлению ими инновационной деятельности, требующей колоссальных усилий.

Список литературы

1. Философия: Учебное пособие для высших учебных заведений (Изд. 6-е, переработанное и дополненное) / Под ред. Кохановского В.П. Авторы: Ватин И.В., Давидович В.Е., Жаров Л.В., Золотухина Е.В., Кохановский В.П., Матяш Т.П., Несмеянов Е.Е., Яковлев В.П. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 576 с. (Серия «Высшая школа»).
2. Беляева Е.В. Проблемы развития инноваций в России: мотивационный аспект // Гуманизация образования / Международный инновационный университет. 2014. – № 4. – С. 75–79.
3. Беляева Е.В. Проблемы управления мотивацией инновационной деятельности работников // Инновационные аспекты развития гражданской авиации (Авиатранс-2016): материалы международной научно-практической конференции, 31 марта – 1 апреля 2016. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 93–96.

Брестовицкая Н.М.[1]

О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: *образование, концепция, стратегия, история, ценности, нравственность, национальная безопасность.*

Президент РФ В.В. Путин сформулировал стратегическую цель российского образования в ежегодном послании Федеральному Собранию, процитировав академика Д.С. Лихачева: «Давать знания и воспитывать нравственного человека. Нравственная основа – это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую»[2].

Поставленная цель воспитания нравственного человека, озвученная главой государства 1 декабря 2016 г., определившего концептуальную основу дальнейшего развития отечественного образования, имеет принципиальное значение в контексте эволюции стратегии отечественного образования, судьбоносным в развитии которого стало присоединение России к Болонскому процессу. Подписание на встрече европейских министров образования 19 сентября 2003 г. в Берлине «Болонской Декларации», предусматривающей **создание единого европейского образовательного пространства, положило начало целенаправленной «перезагрузки» традиционных российских ценностей, определявших основы отечественного образования. Таким образом,** с благословения власти и за счет налогоплательщиков, оплативших «завальные» реформы, начался процесс превращения базового института социализации личности в средство программирования социального расслоения – необходимого условия сохранения социального неравенства, и вживления в сознание подрастающего поколения ценностей европейских демократий не заморскими профессионалами в области политики «умной силы», а российскими педагогами.

Результаты влияния западных ценностей на моральные качества учащихся нашли отражение не только в искусстве кино в нашумевшем сериале «Школа», показавшим процессы, проходящие под прикрытием школьных стен, но и в жутком прецеденте реальной действительности, заставившим содрогнутся страну от кровавых сцен в столичной школе, прежде известными как исключительное достояние США[3].

Гармонизация отечественной системы образования с системой западных демократий, направленной на подчинение базового социального института не контролируемым прихотям рынка, воспитание не граждан Отечества, а «грамотного» потребителя, привело к резкому понижению уровня образования, не способного обеспечить реализацию курса на модернизацию страны. Недовольство сложившейся в этой сфере ситуацией и общества, и власти, засвидетельствовано признанием Д.А. Медведева, характеризующим состояние образования: «С передовых позиций мы откатились»[4]. Эта констатация факта в 2008 г. показала стремительность и масштабы разрушения российской науки и образования в результате приобщения к высоким общечеловеческим ценностям, противоречащим государственным интересам Российской Федерации.

Понимание бесперспективности демократического выбора по образцу западных формальных демократий страна услышала. в выступлении Президента РФ В. Путина 19 сентября 2013 г. на юбилейном заседании международного клуба «Валдай»: «Для россиян, для России вопросы “Кто мы?”, “Кем мы хотим быть?” звучат в нашем обществе всё громче и громче»[5].

Цель воспитания нравственного человека, озвученная главой государства в послании Федеральному Собранию в 2016 г., определившего концептуальная основу дальнейшего развития отечественного образования, имеет принципиальное значение как в контексте глобальной трансформации ценностей, поставившей мир перед осязаемой угрозой самоуничтожения, так и известного курса на «деидеологизацию», под прикрытием которой в России проводилось культивирование ценностей стран, которые «фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации»[6].

Современные реалии планетарного масштаба, заполненные беспрецедентными разрушениями культур и государств в угоду амбиций «величий» и «исключительностей», противоречащие не только экономическим интересам

---

[1] Брестовицкая Надежда Михайловна – д.филос.н., г. Саранск. Профессиональные интересы: свобода слова, образование, право. E-mail blerm@rambler.ru

[2] Послание Президента Федеральному Собранию. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379

[3] Брестовицкая Н.М. О современных реалиях российской школы. – http://viperson.ru/articles/nadezhda-brestovitskaya-o-sovremennyh-realiyah-rossiyskoy-shkoly

[4] Медведев Д.А. В России будет подготовлена национальная образовательная стратегия «Наша новая школа». – http: // www.rost.ru / print /themes / 2008 / 11 / 051545 15534.shtml

[5] http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243

[6] Там же.

инициировавших процесс неконтролируемого хаоса, но элементарному здравому смыслу, наглядно демонстрируют поспешность вывода, представленного в хрестоматийном определении политики основателя советского государства. Геополитическая катастрофа века, каковой стал распад СССР, обладавший мощной экономикой и рухнувший без единого выстрела, войдет в учебники как показательный пример возможностей политики «умной силы», направленной на деморализацию общества[1].

В битвах неуемных амбиций перекраивающих карту мира «игроков», ценящих жизни и судьбы народов меньше пешки на шахматной доске, экономике отводится роль рабочего инструмента, обладание которым – непременное условие обладания властью.

Существование отдельных миров материального и идеального возможно лишь в теоретических конструкциях, а в реальной действительности эти связи сложнее, несколько оправдывая стремление наделенного разумом переложить ответственность и за сознание, и за деяния на несовершенства бытия. Создание материального мира, составляющей которого является экономика, человеком в соответствии с собственными представлениями, подтверждает, что политика – концентрированное выражение системы ценностей, культивируемых в обществе[2].

Социальная природа человека – необходимое условие выживания вида, отраженная в знаменитом определении «zoon politikon» Аристотеля, предполагает немыслимость существования вне системы ценностей, представленной в системе идей, определяющих судьбу личности и общества. Однако Конституция РФ, авторитетом основного закона страны, наложила запрет государственную идеологию в ст. 13:

1. *В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.*

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной[3].

Таким образом, одной статьей Конституции РФ государство не только самоустранилась из области, традиционно находившейся в компетенции власти, ответственной за консолидацию общества, но и открыло «ящик Пандоры», из которого на массовое общественное сознание ринулся поток «идеологического многообразия» от крайне левых до ультраправых, моментально заполнивших образовавшийся вакуум, лишая общество единства, начиная с детского возраста. В результате курса на «идеологическое многообразие» мораль и нравственность из обязательных основ человеческого общежития перешли в плоскость свободного выбора, послужив катализатором процесса морального опустошения общества.

Вектор возможного в традиционалистском развороте цивилизации определяется полюсами нравственного и безнравственного.

Ежегодное послание Федеральному Собранию Президента РФ В.В. Путина 1 декабря 2016 г. свидетельствует о понимании необходимости отказа от курса превращения в сферу рыночных услуг базового социального института, от эффективности которого зависит национальная безопасность страны[4].

Нравы, составляющие нравственную основу, обеспечивающие жизнеспособность общества, определяют традиции, обусловленные базовыми ценностями, принятыми народами в качестве рационального, универсальный характер которых подтверждается всеми мировыми религиями, в которых морально-нравственные нормы возведены в ранг Закона Божьего. В названном контексте политика «деидеологизации», предполагавшая в действительности лишение общества консолидирующего начала, неминуемо ведущего к развалу общества, была необходима для обоснования смены элит и системы ценностей, определивших традиционалистский разворот страны, в результате которого Россия из держав, решающих судьбы мира, оказалась в ряду развивающихся, поспешно названной экс-президентом США Б. Обамой региональной.

Максимальное сокращение реформаторами нашего образования изучения истории и литературы в школе обусловлено тем, что гуманитарное знание определяет содержание ценностной матрицы, формирующей личность, что и определяет чрезвычайное значение гуманитарных дисциплин на всех этапах процесса образования. Реализуемая в современной России концепция образования, как отмечалось ранее, направлена на программирование и воспроизводство социального расслоения – гаранта социальной нестабильности и потрясений, каковыми в конечном итоге являются и «майданы», и революции, и терроризм.

Очевидно, что сегодня Россия нуждается в концепции образования общества истинной, а не формальной демократии, направленной на сохранение социального неравенства. Необходимы новые учебники, позволяющие воспитать будущее поколение страны, готовое к тем вызовам, перед которыми оказалось человечество в III тысячелетии нашей эры. Сложность проблемы, озвученной главой государства в обращении Федеральному Собранию, определяется масштабом последствий разрушительных реформ в области науки и образования и «перезагрузки» традиционных ценностей, превративших историю великой страны из источника бесконечной гордости за славное прошлое Отечества в неиссякаемый источник национального позора.

В результате интенсивного вживления в массовое общественное сознание комплекса неполноценности, целенаправленной дискредитации прошлого нашего Отечества в целях легитимизации смены общественного строя посредством переписи истории, общество было лишено ощущения высшей миссии, о которой пишет профессор В.В. Лапае-

---

[1] Брестовицкая Н.М. Педагогические измерения в контексте проблемы политики «умной силы». – http://viperson.ru/articles/nadezhda-brestovitskaya-pedagogicheskie-izmereniya-v-kontekste-problemy-politiki-umnoy-sily

[2] Брестовицкая Н.М. «Герои нашего времени»: о проблеме рациональности в российской национальной традиции. – http://viperson.ru/articles/nadezhda-brestovitskaya-geroi-nashego-vremeni-o-probleme-ratsionalnosti-v-rossiyskoy-natsionalnoy-traditsii

[3] Статья 13 Конституции РФ с комментариями. – http://constrf.ru/razdel-1/glava-1/st-13-krf

[4] Брестовицкая Н.М. История и манипуляция общественным сознанием: о проблеме инновационного учебника. – http://viperson. ru/articles/istoriya-i-manipulyatsiya-obschestvennym-soznaniem-o-probleme-innovatsionnogo-uchebnika

ва: «Для значительной части населения ощущение уязвленности национального самосознания обусловлено крушением претензий нашей страны на осуществление справедливого общественного устройства, представляющего общечеловеческое значение»[1].

Острота ощущения справедливости, присущая российской ментальности, а не тяга к мировому господству и геополитические претензии, определяет непостижимую заморскому прагматизму тайну «загадочной русской души», которая не способна остаться равнодушной ни к судьбе соотечественников в Крыму, Новороссии и остальном постсоветском пространстве, ни к судьбе далеких сирийцев. Поэтому величайшая несправедливость к священной памяти поколений отцов и дедов, оставивших потомкам мощную державу, созданную ценой колоссальных личных жертв, особенно оскорбительна для патриотов Отечества.

Эпилогом к затянувшимся дискуссиям вокруг прошлого страны звучит признание в любви к Родине А.С. Пушкина, прозвучавшее в письме П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.: «...Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»[2].

На заседании Совета при Президенте по науке и образованию 23 ноября 2016 г В.В. Путин подчеркнул: «Следует сосредоточить повышенное внимание на развитии фундаментальной науки, нацелить её на получение принципиально новых знаний, поиск ответов на так называемые большие вызовы завтрашнего дня»[3].

Очевидно, обозначенная главой государства задача воспитания нравственного человека предполагает необходимость не менее серьезных фундаментальных исследований в области педагогики, направленных на разработку концепции образования демократического общества, предполагающей дальнейшее развитие гуманистической традиции образования на основе современного научного знания. В контексте общего кризиса цивилизации, диктующего необходимость смены парадигмы развития не только отдельных стран, но и всего человечества, особое значение приобретают исследования в области истории, правовых и политических исследований – всего спектра отраслей гуманитарных дисциплин[4], созданных в целях сохранения, анализа и передачи знания о социальном опыте поколений – непременного условия социального прогресса.

[1] Лапаева В.В. Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития // Социологические исследования. – М., 2016. – № 7. – С. 66–76.

[2] П.Я. Чаадаев – С.Л. Пушкину. – http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0040.shtml; Брестовицкая Н. История и манипуляция общественным сознанием: о проблеме инновационного учебника. http://viperson.ru/articles/istoriya-i-manipulyatsiya-obschestvennym-soznaniem-o-probleme-innovatsionnogo-uchebnika

[3] http://www.kremlin.ru/events/president/news/53313

[4] Брестовицкая Н.М. Борьба за историю продолжается...: о проблеме преемственности и сменяемости власти. – http://viperson.ru/people/brestovitskaya-nadezhda-mihaylovna/mention; Брестовицкая Н.М. О проблеме методологических исканий: марксизм-ленинизм или «солонизм-периклизм»? – http://viperson.ru/people/brestovitskaya-nadezhda-mihaylovna/mention?page=2

Вахрамеева М.В.
к.э.н., доцент Финансового университета
Чинаева Т.И.
к.э.н., доцент Финансового университета
Шпаковская Е.П.
к.э.н., доцент Финансового университета

МЕСТО СТАТИСТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТАХ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЭКОНОМИКА»[1]

Ключевые слова: *образовательный стандарт, уровни подготовки, компетенции, подготовка кадров, объекты профессиональной деятельности, образовательная программа.*

Keywords: *educational standards, training levels, competencies, training, objects of professional activity, educational program.*

В российской статистике за последние четверть века произошли существенные изменения, обусловленные в первую очередь проводимыми реформами по следующим основным направлениям:

1) усовершенствование процесса сбора, систематизации и обработки статистической информации;

2) пересмотр и концептуальное изменение расчета статистических показателей в соответствии с действующими международными стандартами и требованиями времени;

3) расширение возможностей представления статистических данных всем заинтересованным пользователям в необходимом объеме и детализации.

Коренные преобразования в статистике были вызваны сменой политического устройства страны, переходом от жесткой командно-административной системы управления к рыночным экономическим отношениям. Государственная статистика в СССР представляла собой мощную структуру, обладающую в достаточном объеме методологическим и кадровым потенциалом, финансовыми и материальными ресурсами. Однако решить задачи по информационному обеспечению общества необходимой статистической информацией в соответствии с новыми политическими и экономическими реалиями статистическая служба уже не могла.

В процессе реализации программы реформирования статистики за прошедшие годы была проведена большая работа, направленная на формирование официальной статистической информации о социальном и экономическом положении страны по различным аспектам в соответствии с новыми условиями функционирования экономики и российской статистической службы. Вместе с тем, глобализация информационного пространства ставит перед международным статистическим сообществом новые задачи, которые актуальны и для нашей страны, как части этого сообщества. В первую очередь следует отметить увеличение спроса на статистическую информацию со стороны различных категорий заинтересованных пользователей. Круг потребителей информационных услуг в сфере статистики существенно расширился, а также изменился их состав, возрос уровень требований к предоставляемым статистическими органами данным. Интерес к базам статистических данных проявляют не только государственные структуры, но и представители частного бизнеса, научное сообщество, учащиеся и отдельные категории населения.

В настоящее время для принятия текущих и стратегических управленческих решений, выполнения определенных аналитических процедур, выявления сложившихся закономерностей в развитии экономики необходима статистическая информация совершенно другого качества. Она должна быть оперативной, достоверной, актуальной и представленной в доступном для пользователей формате.

Однако следует принять во внимание, что сегодня отчетная нагрузка на хозяйствующие субъекты различных форм собственности достаточно большая, особенно нуждаются в снижении такой нагрузки респонденты, относящиеся к малому бизнесу. В связи с этим для удовлетворения потребности в информации необходимо искать дополнительные надежные источники информации, гармонизировать систему показателей финансовой и статистической отчетности, шире использовать различные виды статистического наблюдения.

Другой существенной задачей является адекватность данных официальной статистики о реальном состоянии и уровне развития экономики, где постоянно возникают новые явления и процессы, формируются определенные тенденции, которые требуют статистического изучения и оценки.

Изменения в мире влекут за собой иную расстановку акцентов в системе статистических показателей. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц в рамках подготовки доклада Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса высказал мнение, что особое внимание следует уделить социально ориентированным

[1] Статья написана в рамках реализации общеуниверситетской комплексной темы «Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений».

статистическим показателям для характеристики удовлетворенности населения своей жизнью, уровня общественного прогресса, эффективности управления по различным аспектам[1].

Следует заметить, что для осуществления мониторинга состояния и развития мировой экономики, демографических процессов и ряда других ключевых позиций приоритет будет отдан национальным статистическим данным, что существенно повышает статус статистических органов в деле создания и поддержания на должном уровне информационной базы, а также статистики в целом как науки.

Сложившаяся конъюнктура в сфере получения и использования статистической информации предъявляет требования не только к статистическим органам, но и к потребителям статистической информации: первые должны обеспечить сбор и представление данных в соответствии с международными стандартами, а вторые — иметь достаточный уровень знаний и практических навыков ее применения для решения широкого спектра вопросов. В этой связи в настоящее время актуальной задачей является подготовка образовательными учреждениями классных специалистов, которые смогут использовать статистическую информацию должным образом для получения максимального эффекта в своей практической деятельности.

На европейском пространстве в 1999 г. 29 европейских стран была подписана Болонская декларация, к которой в 2003 г. присоединилась Россия.

Основными задачами, намеченными Болонской декларацией, являются:

- введение двухуровневого обучения;
- введение кредитной системы (введение системы зачетных баллов);
- контроль качества образования;
- расширение мобильности специалистов на европейском рынке труда;
- обеспечение трудоустройства выпускников;
- обеспечение привлекательности европейской системы образования[2].

Последовавшая реформа высшего образования во многом и была определена присоединением России к Болонскому процессу, что само по себе является важным событием и может быть охарактеризовано с положительной стороны. В образовательных системах стран-участниц Болонского процесса есть много интересного и поучительного для нас с точки зрения организации учебного процесса, распределения учебной нагрузки, оценки приобретенных учащимися знаний и умений, определения трудоемкости освоения образовательных программ и т.д. Вместе с тем, нам не следует пренебрегать собственным опытом и забывать свои достижения в сфере образования. По нашему мнению, следует перенять все лучшее у западных коллег и адаптировать приобретенные знания к нашей действительности, что позволит усовершенствовать отечественную систему образования и вывести ее на новый качественный уровень.

В рамках реформирования образования с целью повышения качества подготовки высокопрофессиональных кадров за последние двадцать лет в сфере высшего образования были разработаны и внедрены три поколения государственных образовательных стандартов. Соблюдение положений стандартов является обязательным условием для получения государственной аккредитации высшими учебными заведениями. Следует заметить, что далеко не во всех странах-участницах Болонского процесса, существует жесткая стандартизация образования. Например, в Великобритании введение стандартов и требование их обязательного соблюдения вызвало негативную реакцию со стороны преподавателей университетов, что позволило им отстоять свою точку зрения на формирование структуры и содержания образовательных программ.

Последнее поколение федеральных государственных образовательных стандартов нацелено на определение результатов освоения студентами образовательных программ, то есть приобретенные в процессе обучения компетенции. В стандартах нет требований к содержанию образовательных программ, структуре учебных планов (кроме базовых дисциплин). Такая направленность стандартов, с одной стороны, позволяет образовательным учреждениям самостоятельно определять структуру и содержание учебного процесса в части вариативных программ, а с другой стороны, студентам получить необходимые знания в рамках изучения не только обязательных дисциплин, но и выбранных ими самостоятельно. Вместе с тем, в федеральных образовательных стандартах четко определены требования к условиям реализации образовательных программ в части их кадрового, методического, информационного, материального и финансового обеспечения. Таким образом, образовательные учреждения имеют возможность формировать и реализовывать свою деятельность с учетом сложившейся ситуации на рынке труда и потребностей конкретных работодателей, развития приоритетных направлений научных исследований, сложившейся международной практикой.

В соответствии со статьей 11 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[3] федеральные государственные образовательные организации высшего образования (перечень утверждается Президентом Российской Федерации) имеют право самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты на всех уровнях высшего образования, в том числе «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» («Финуниверситет»). Существенным условием использования на практике этого права является требование о том, что условия реализации и результаты освоения образовательных программ, включенных в такие образовательные стандарты, не могут иметь уровень ниже, чем закрепленный в федеральных стандартах.

---

[1] Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. -www.stiglitz-sen-fitoussif

[2] Управление высшим образованием и наукой: опыт, проблемы, перспективы: Монография / Под общ. ред. Р.М. Нижегородцева и С.Д. Резника. – М.: ИНФРА-М, 2015. – С. 57; Болонский процесс: проблемы и перспективы / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Оргсервис-2000, 2006.

[3] Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Работа по созданию образовательных стандартов высшего образования по направлениям подготовки «Экономика» была завершена в «Финуниверситете» в 2015 году. Рассмотрим более подробно содержание стандарта высшего образования по направлению «Экономика»[1].

Собственный образовательный стандарт «Финуниверситета» – это единый стандарт по соответствующему направлению подготовки, в рамках которого посредством четкого определения областей, видов и задач профессиональной деятельности и системы компетенций были взаимно увязаны все уровни образования: академический бакалавриат, магистратура и подготовка кадров высшей квалификации. Перечень компетенций, которыми должен овладеть обучающийся, является важнейшей составной частью образовательного стандарта любого уровня образования и характеризует требования к результатам освоения программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Для бакалавриата и магистратуры в рамках подготовки кадров по направлению «Экономика» выделены следующие профили: «Анализ рисков и экономическая безопасность (хозяйствующих субъектов)»; «Банковское дело и рынок ценных бумаг»; «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»; «Государственные и муниципальные финансы»; «Государственный финансовый контроль»; «Корпоративные финансы»; «Международные финансы (на английском языке)»; «Мировая экономика и международный бизнес»; «Международные валютно-кредитные и финансовые отношения»; «Налоги и налогообложение»; «Страхование». Программы аспирантуры (научной специальности) группируются по следующим направлениям: «Экономическая теория»; «Экономика и управление народным хозяйством»; «Финансы, денежное обращение и кредит»; «Бухгалтерский учет, статистика»; «Математические инструментальные методы экономики»; «Мировая экономика».

Для каждого уровня высшего образования по направлению «Экономика» в целом и в разрезе профилей сформированы требования к результатам освоения программ в разрезе отдельных компетенций. Компетенции сгруппированы следующим образом:

– Требования к результатам освоения программ по направлению подготовки «Экономика»:

– универсальные компетенции: общенаучные компетенции выпускников (ОНК), инструментальные компетенции выпускников (ИК), социально-личностные компетенции выпускников (СЛК), системные компетенции выпускников (СК);

– профессиональные компетенции (ПКН).

– Требования к результатам освоения профильной части программ по направлению подготовки «Экономика» (ПКП):

– профессиональные компетенции профиля программ бакалавриата и магистратуры;

– профессиональные компетенции направленности программ аспирантуры (научной специальности).

В настоящее время высшее профессиональное образование должно обеспечить возможность выпускникам реализовать полученные в процессе обучения теоретические знания и практические навыки в своей деятельности по избранной специальности с максимальным эффектом. Существенное значение для достижения этой цели имеет выбор уровня высшего образования: бакалавриат, магистратура и подготовка кадров высшей квалификации. Для каждого уровня высшего образования стандартом сформированы области, объекты, виды и задачи профессиональной деятельности выпускников соответствующих программ.

На основании положений образовательного стандарта при выборе определенного уровня высшего образования учащийся должен реально оценивать собственные силы и способности, а также перспективы в дальнейшем поиске работы, выполнении функциональных обязанностей, предусмотренных для определенных должностей, профессиональном росте и т. д. Очевидно, что далеко не каждый студент, получивший степень бакалавра или магистра, имеет желание и потенциал для занятия научно-исследовательской или преподавательской деятельностью. В любом случае в процессе обучения в бакалавриате студент должен приобрести необходимый объем знаний, умений и навыков, который позволит ему конкурировать на рынке труда и при определенных условиях продолжить образование для повышения своей квалификации.

С нашей точки зрения, для подготовки высококвалифицированных кадров особое внимание следует уделить профессиональным компетенциям направления, т. к. направление подготовки ориентирует образовательную программу соответствующего уровня на конкретную область деятельности выпускников. В этой связи более подробно рассмотрим место и значение статистических дисциплин для выполнения требований к результатам освоения программ в разрезе профессиональных компетенций.

Покажем развитие и трансформацию компетенций по направлению подготовки «Экономика» по уровням образования на примере. В образовательном стандарте предусмотрено, что профессиональные задачи выпускника по уровню подготовки «бакалавриат» включают умение рассчитывать финансово-экономические показатели, осуществлять учетно-аналитическую, контрольную и статистическую деятельность. В соответствии с этим в образовательном стандарте прописана в числе прочих профессиональных компетенций направления ПКН-4 «Способность оценивать финансово-экономические показатели деятельности хозяйствующих субъектов». Профессиональные задачи выпускника магистратуры усложняются. В стандарте в их перечень входит умение осуществлять постановку задач проектно-исследовательского характера, выбор методов и технологий для их реализации, создавать методические и нормативные документы. Соответственно и профессиональная компетенция ПКН-4 для этого уровня подготовки предполагает не просто способность рассчитать, оценить какие-то экономические показатели, а формулируется как «Способность

[1] Образовательные стандарты высшего образования ФГОБУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» по направлению подготовки «Экономика» и «Менеджмент» по уровням высшего образования: бакалавриат, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации. – М.: Финансовый университет, 2015.

разрабатывать методики и оценивать эффективность экономических проектов с учетом факторов риска в условиях неопределенности». Объектами профессиональной деятельности выпускника аспирантуры, как указано в стандарте, являются проблемы функционирования экономических агентов, рынков, систем, а к числу его профессиональных задач относится экспертно-консалтинговая деятельность. Соответственно в образовательном стандарте это нашло отражение в профессиональной компетенции ПКН-4 «Способность к экспертной и консалтинговой деятельности в области экономики, управления и финансов».

Для решения вышеназванных задач учащиеся на каждом уровне образования должны обладать определенными статистическими знаниями и навыками, чтобы успешно овладеть необходимыми профессиональными компетенциями, в том числе ПКН-4. В первую очередь они должны овладеть теоретическими основами и практикой работы с различными информационными источниками, умением собирать и систематизировать статистические данные, доступно их представить для дальнейшего анализа. Эти вопросы подробно рассматриваются в рамках изучения дисциплины «Статистика» в бакалавриате.

В процессе обучения в магистратуре студенты должны детально изучить статистическую методологию и практику ее применения для разработки проектов и проведения исследований по различным направлениям, создания нормативных документов. Высший уровень профессиональной подготовки кадров (аспирантура) должен обеспечить возможность продвинутого изучения методов статистического анализа и применения их на практике для решения системных задач функционирования рынков и отдельных их участников, проведения экспертной оценки, в выработке управленческих решений.

По нашему мнению, статистические дисциплины являются необходимым элементом образовательных программ для подготовки высококвалифицированных экономических кадров. Приобретая статистические знания, студенты разных уровней подготовки получают возможность широко применять на практике методы для проведения качественного экономического анализа, оценки рисков и принятия важных управленческих решений.

Гришаева Ю.М.
д.п.н., профессор Московского государственного областного университета
julia@niiat.ru

ЭКОЛОГО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК АКТУАЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: *эколого-профессиональная компетентность, экологическая культура, экологическое образование, профессиональное педагогическое образование.*
Keywords*: eco-professional competence, ecological culture, ecological education, professional teacher education.*

Согласно Указу Президента РФ В.В. Путина 2017 год объявлен Годом экологии [11]. Целый ряд государственных документов, заседаний высокого уровня за последнее время ориентирован на постановку и решение экологических проблем. Интерес к проблемам экологии, экологического образования сегодня переходит в фазу активных целевых проектов на уровне государства. Экологический аспект в полной мере присутствует в задачах модернизации социально-экономического развития страны. Отметим, что с 1 января 2017 года вступают в силу изменения в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ о применении *наилучших доступных технологий*, действие которых направлено на комплексное предотвращение и (или) минимизацию негативного воздействия на окружающую среду.

Однако сегодня все больше специалистов признают, что экологический кризис современной цивилизации является по сути своей кризисом гуманитарным, имеющим под собой аксиологические, культурологические, онтологические основания; кризисом антропоцентричного мировоззрения, культуры потребления, природопользования. В связи с этим, а также учитывая международные приоритеты устойчивого развития, тенденции гуманитаризации профессионального образования и экологические приоритеты социально-экономического развития России, мы считаем необходимым уделить особое внимание концептуальному моделированию процесса развития экологической культуры у студентов педагогического вуза.

В силу специфики педагогического (и вообще гуманитарного) образования именно эти категории специалистов могут способствовать эффективной трансляции экокультурных ценностей и реализации новой экологической идеологии социально-экономического развития России в различных сферах социальной и производственной практики, способствовать повышению экологической культуры российского общества в целом, реализации идей современной экологической политики.

Модернизация современного высшего образования объективно выявляет необходимость обогащения мировоззренческой, культурной сферы личности, укрепления аксиологических и культурологических оснований профессионального образования будущих специалистов. Последнее обстоятельство напрямую связано с целями современного экологического образования, несущего гуманитарные идеи в их новом осмыслении. В современном экологическом образовании сегодня наметилась тенденция гуманитаризации. Есть основания утверждать, что на повестку дня встает вопрос о необходимости и возможности синтеза гуманитарного и экологического знания за счет реализации экогуманитарной парадигмы мышления [3; 10] развития субъективного восприятия личностью экосистемы в ее объективной целостности, глобальности через адекватное ценностное самоопределение. Становится очевидной общность целеполагающей направленности экологического и профессионального образования, целесообразность теоретического обоснования и формирования путей и средств их интеграции [7; 9].

Анализ теории и практики современного профессионального образования позволяет выделить ряд объективно существующих противоречий между:

– экологическими приоритетами государственной стратегии социально-экономического развития России, объективным повышением требований к уровню экологической компетентности специалистов разных сфер как производственной, так и социальной практики и отсутствием концепции формирования эколого-профессиональной компетентности студентов гуманитарного (в том числе педагогического) вуза, которая отвечала бы реалиям современной социально-экологической политики, практики, развитию современного научного знания;

– тенденциями гуманитаризации образования, приоритетностью в международном сообществе ценностей образования для устойчивого развития и недостаточной реализацией потенциала гуманитарного образования в формировании у специалистов эколого-профессиональной компетентности;

– объективной необходимостью существенного повышения уровня экологической культуры у выпускников педагогических вузов и отсутствием методологически обоснованной дидактической системы, программно-методического обеспечения процесса формирования эколого-профессиональной компетентности у студентов педагогических специальностей и направлений подготовки;

– актуализацией компетентностного подхода к высшему профессиональному образованию, существенным потенциалом его применения в отношении самостоятельного проектирования студентами пространства личностного роста, социально-экологической профессиональной деятельности и недостаточным обеспечением возможностей его реализации в практике формирования у студентов педагогического вуза эколого-профессиональной компетентности.

В своих работах [4; 5; 6; 8] мы неоднократно подчеркивали, что эколого-профессиональная компетентность есть, по существу, проявление экологической культуры личности в своей профессиональной деятельности. Экологическая культура – это гуманитарная культура, основанная на системном понимании Человеком своего места и своей роли, своих функций в глобальной экосфере. В основе системного подхода лежит исследование объектов как систем, он ориентирует исследователя на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих его механизмов, на выявление многообразных типов связей структуры сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. Очевидно, что экосистемная методология познания окружающей действительности позволяет увидеть в каждом объекте познания не только его собственную сущность, но и взаимосвязи объекта с окружающим миром, раскрыть законы устойчивого («поддерживаемого») существования и развития объекта, обеспечить понимание механизмов регуляции оптимального взаимодействия исследуемого объекта и окружающего мира. Экосистемная методология познания позволяет систематизировать, иерархизировать все изучаемые объекты и выделить между ними взаимосвязи. В ряде своих работ [1; [2] мы акцентируем важность понимания того, что «все связано со всем» (Б.Коммонер), и необходимость нового экологического мышления, основанного на экосистемном принципе восприятия окружающего мира и места в нем Человека.

С учетом логической связи между понятиями «экологическая культура личности» и «эколого-профессиональная компетентность личности» как отношения целого к его части, рассмотрим существенные признаки компетентностного подхода как основополагающего для осуществления современной профессиональной подготовки в вузе. Компетентностно-ориентированную модель образования можно анализировать с различных точек зрения. В свете культурологического подхода компетентностно-ориентированная модель образования имеет в качестве своего основания проектирование педагогического взаимодействия как освоение педагогически адаптированного социокультурного опыта в процессе обучения. Здесь следует подчеркнуть, что культурологический подход к содержанию образования в противоположность сциентистскому гораздо шире и несет в себе глубокий гуманитарный смысл. При этом культура понимается в данном случае в самом широком смысле и включает, в первую очередь, результаты деятельности людей (технические объекты, результаты познавательной деятельности, произведения искусства, юридические нормы и т.д.); во-вторых, человеческие качества, реализуемые в деятельности: знания и умения, профессиональные навыки, уровень интеллектуального, этического и эстетического развития, мировоззрение и др.

Таким образом, компетентностный подход имеет широкие возможности для проектирования процесса и результатов профессионального образования в вузе, ориентированного на освоение различных видов деятельности, в которой в полной мере актуализируется потенциал личностно-профессионального развития обучающихся. Компетентностный подход в современном профессиональном педагогическом образовании позволяет студенту формировать индивидуальное эколого-образовательное пространство, организуя свой личный опыт и проектируя развитие своей эколого-профессиональной компетентности.

Список литературы

1. Глазачев С.Н., Глазачев О.С., Гришаева Ю.М. Экологическая культура как фактор безопасного будущего в информационном обществе // Вестник Международной Академии Наук. Русская секция. – М., 2015. – № 1 (17). – С. 8–12.
2. Глазачев С.Н., Глазачев О.С., Гришаева Ю.М. Мир природы и информационное общество // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. – № 9 (53). – С. 3–13.
3. Гришаева Ю.М. К вопросу о сущности экогуманитарной образовательной парадигмы // Альма-матер. 2011. – № 1. – С. 45–48.
4. Гришаева Ю.М. Экологическая компетентность будущего профессионала в гуманитарной сфере // Знание. Понимание. Умение. 2012. – № 2. – С. 250–256.
5. Гришаева Ю.М. О проблеме подготовки педагогических кадров в вузе в условиях модернизации образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2016. – № 3. – С. 6–9.
6. Гришаева Ю.М., Косоножкин В.И., Ксенофонтов Е.А. Дидактические принципы организации эколого-образовательного пространства гуманитарного вуза // Акмеология. 2015. – № 3 (55). – С. 61–64.
7. Гришаева Ю.М. Инновационные стратегии развития образовательного процесса // Alma mater. 2012. – № 10. – С. 56–60.
8. Гришаева Ю.М., Подболотова М.И., Ткачева З.Н., Ксенофонтов Е.А. Формирование профессиональной компетентности как условие социализации будущего выпускника педагогического вуза // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2016. – Т. 8, № 1. – С. 52–54.
9. Гришаева Ю.М. Устойчивое развитие: о проблеме качественного перехода // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2012. – № 1. –http://www.heraldrsias.ru/online/2012/1/211/
10. Гришаева Ю.М. Экологическая культура личности в новой коэволюционной парадигме // Вестник Международной академии наук. Русская секция. – М.: Изд-во МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. – С. 90–92.
11. Указ Президента РФ В.В. Путина от 05.01.2016 № 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии». – http://www.kremlin.ru/events/president/news/51142

Измайлович С.В.
к.э.н., доцент Полоцкого государственного университета, Беларусь
dsd1095@yandex.ru

ПОДХОДЫ К ИНВЕСТИРОВАНИЮ СРЕДСТВ ДОМАШНИМИ ХОЗЯЙСТВАМИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СФЕРУ

Ключевые слова: *высшее образование, варианты инвестирования, домашние хозяйства, кредитные и страховые продукты.*
Keywords: *higher education, investment options, households, credit and insurance products.*

Образование является одной из самых важных сфер социально-экономической деятельности государства. От функционирования образовательной сферы зависит интеллектуальное, культурное, нравственное состояние общества. Анализ образовательной деятельности в Республике Беларусь показывает, что особое внимание уделяется сфере высшего образования, так как именно данный вид образования обеспечивает подготовку высококвалифицированных кадров.

Образование традиционно считается сферой преимущественно государственных интересов, так как именно государство формирует данную сферу, определяет условия ее функционирования и направления развития, обеспечивает ресурсами. Однако в настоящие время наблюдается тенденция сокращения объема государственного финансирования системы образования, с одной стороны, и повышение требований к качеству образования, соответствию его мировым стандартам, внедрению новых технологий обучения, с другой стороны, что требует постоянного увеличения объемов финансирования. Образовательные учреждения находятся в поиске дополнительных внебюджетных средств финансирования.

Поиски оптимального соотношения государственного и частного финансирования стали ключевой проблемой реформирования системы высшего образования множества стран, учитывающего особенности их институциональной организации. Исследователи сходятся во мнении, что наиболее сложным при этом является определение доли и формирование механизмов частного инвестирования в образование.

В современной экономической литературе обосновывается два основных преимущества частного финансирования высшего образования по сравнению с государственным. Во-первых, оно более экономически обосновано и просчитано как инвестиционное решение, принимаемое на уровне домохозяйства, так как ориентировано на получение выгод от приобретенной профессии. Во-вторых, частное инвестирование в образование обеспечивает увеличение заинтересованности учащихся в самом процессе обучения, а также рост требовательности к предлагаемым образовательным программам. Увеличение доли частного инвестирования в высшее образование способствует ликвидации проблем его неэффективного финансирования.

Тенденция увеличения финансовой ответственности домохозяйств за инвестиции в образование чётко прослеживается в практике его реформирования во многих развитых странах. Она выражается либо в форме сокращения расходов государственного бюджета на поддержку студентов, замены государственной стипендии на студенческие кредиты, введения платы за обучение, либо в форме, сочетающей указанные стратегии. Примеры подобной политики можно найти в таких странах, как Австралия, Австрия, Великобритания, Германия, Нидерланды, США.

Нами в исследованиях произведены расчеты по трем вариантам инвестирования средств в высшее образование со стороны домашних хозяйств: финансирование обучения в вузе за счёт средств родителей (средств работающего студента); финансирование за счёт заёмных средств банка; финансирование за счёт страхового накопления.

Рассмотрим особенности финансирования обучения в вузе за счёт средств родителей (средств работающего студента).

Представим формулу, по которой определяется доля накоплений, производимая из реальной среднемесячной заработной платы домохозяйства, ежемесячно в течение года (формула 1):

$$H_{CO} = \frac{\frac{CO_i}{12}}{PCЗП} x\,100\,, \qquad (1)$$

где CO_i – стоимость за обучение в i-ом году;

H_{CO} – накопление, производимое для выплаты стоимости за обучение;

РСЗП – реальная среднемесячная заработная плата работника, тыс. руб.

Если в накоплении участвует более чем один человек, то данный процент распределяется между участниками накопления соразмерно их доходам. Расчеты позволяют определить, какую долю в заработной плате занимают ежемесячные накопления на оплату обучения за период обучения с 2012 по 2015 годы (табл. 1).

Таблица 1

Процент накопления домохозяйства для инвестирования средств в обучение за 2012–2015 гг. (на примере стоимости обучения регионального вуза)

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Стоимость обучения на начало учебного года, тыс. бел. (неденоминированных) руб.	8950,0	10 740,0	12 880,0	11 520,0
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, тыс. бел. (неденоминированных) руб.[1]	3676,1	5061,4	6052,4	6883,7
Располагаемая начисленная среднемесячная заработная плата работников, тыс. бел. (неденоминированных) руб.*	3161,4	4352,8	5205,1	5920,0
H_{CO}, %	23,6	20,6	20,6	16,2

* Статистический ежегодник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск: ИВЦ, 2015. – 578 с.

Из данных таблицы видно, что процент накопления составляет от 16,2 до 23,6% дохода домохозяйства. На наш взгляд, при заработной плате ниже, либо соответствующей располагаемой среднемесячной заработной плате в Республике Беларусь, а также при увеличении стоимости обучения, рассчитанный процент ежемесячных накоплений является весьма высокой нагрузкой для домохозяйства.

Рассмотрим особенности финансирования за счёт заёмных средств банка.

Открытое акционерное общество «Сберегательный банк «Беларусбанк» предлагает кредит на обучение и льготный кредит на обучение. Кредит предоставляется на обучение в учреждениях высшего и среднего специального образования, который можно получить в течение всего периода обучения частями.

Погашение кредита осуществляется при получении: первого образования дневной формы получения образования в учреждениях высшего образования – со следующего месяца после окончания учреждения образования в течение 5 лет; второго и последующих образований в учреждениях высшего и среднего специального образования, образования заочной формы получения образования в учреждениях высшего и среднего специального образования – со следующего месяца после выдачи кредита.

С 18 апреля 2012 года процентная ставка по заключаемым договорам на получение первого образования была установлена в размере ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь на дату заключения кредитного договора и в дальнейшем изменялась только для вновь открываемых кредитных договоров. Вместе с тем, в кредитном договоре указывается размер процентной ставки в абсолютном значении на дату заключения кредитного договора. При изменении ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь размер процентной ставки по ранее заключенным кредитным договорам не изменяется, если иное не предусмотрено кредитным договором.

Согласно условиям кредитного договора банк имеет право изменять процентную ставку. Однако изменение процентной ставки по уже заключенным действующим кредитным договорам осуществляется только по решению Правления банка. При утверждении новых процентных ставок по действующим кредитным договорам Банк информируют Кредитополучателей путем размещения измененных условий на информационных стендах в учреждениях и отделениях банка.

Максимальная сумма кредита определяется в размере, не превышающем годовую стоимость обучения, но и в пределах кредитоспособности Кредитополучателя. Стоимость обучения отражается в договоре о подготовке специалиста с высшим (средним специальным) образованием на платной основе с учреждением образования.

Кредиты предоставляются в течение всего срока обучения студента (учащегося) частями в пределах открытых кредитных линий, которые используются в течение того учебного года, для оплаты стоимости обучения в котором они предоставлены. Максимальный размер каждой части кредита определяется ежегодно и не может превышать стоимости обучения за учебный год.

Некоторым категориям абитуриентов, претендующим на получение первого высшего образования дневной формы обучения, может предоставляться льготный кредит. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17.12.2002 г. № 616 льготный кредит на получение первого высшего образования дневной формы обучения в учреждениях высшего образования предоставляется гражданам Республики Беларусь, обучающимся на платной основе, по местонахождению учреждения высшего образования либо родителям, либо иным законным представителям по месту их постоянной регистрации при наличии постоянного источника дохода, если их средний совокупный доход на члена семьи за год, предшествующий месяцу подачи документов для получения кредита не превышает 350 процентов утвержденного бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения, действующего на дату подачи документов для получения кредита. Кредит предоставляется частями в течение всего периода обучения в пределах открытой кредитной линии с уплатой за пользование кредитом 50 процентов ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь.

Максимальный размер каждой части кредита определяется ежегодно и не может превышать 70% стоимости обучения за учебный год.

При финансировании получения высшего образования за счет кредитных ресурсов ОАО «АСБ «Беларусбанк» нами произведены расчеты за 2012–2015 гг. на примере стоимости обучения регионального вуза по нескольким вариантам:

1) ситуация № 1: кредитоспособность кредитополучателя позволяет получить сумму кредита в размере 100% стоимости обучения. В течение всего периода обучения выплачиваются проценты по кредиту, размер которого еже-

годно увеличивается. После окончания высшего учебного заведения, ежемесячно, равными долями в течение 5 лет выплачивается основной долг, а также проценты на остаток основного долга;

2) ситуация № 2: кредитоспособность кредитополучателя позволяет получить сумму кредита в размере 100% стоимости обучения и оплачивать, помимо процентов, сумму основного долга в период обучения;

3) ситуация № 3: кредитоспособность кредитополучателя позволяет получить сумму кредита в размере 70% стоимости обучения исходя из условий получения льготного кредита.

Расчет и анализ ежемесячных выплат по каждой из рассмотренных ситуаций позволяет выявить, что наиболее выгодным является кредитование, осуществляемое по ситуации № 2, так как «переплата» за обучение составит 17%. Это связано с тем, что кредитные средства заимствуются и погашаются ежегодно. Ситуация № 1 является самой невыгодной, так как ежегодно увеличивается сумма основного долга, на который начисляются проценты. В ситуации № 3 нужно учитывать, что помимо 76% «переплаты», остальные 30% (или более, в зависимости от кредитоспособности кредитополучателя) необходимо оплачивать за счёт собственных средств. Таким образом, в каждой из рассмотренных ситуаций имеются свои достоинства и недостатки. Однако, при недостатке собственных средств для инвестирования домохозяйствами средств в высшее образование, кредитные ресурсы могут стать решением данной проблемы.

Рассмотрим особенности инвестирования средств домохозяйствами для получения высшего образования за счёт страхового накопления. Страховая программа «Стартовый капитал» от Республиканского дочернего унитарного страхового предприятия «Стравита» предназначена для создания детям накоплений к началу взрослой жизни (на образование, открытие собственного дела, улучшение жилищных условий, крупную покупку) и обеспечение финансовой безопасности ребенка при неблагоприятных обстоятельствах.

Ежегодно по договору страхования начисляется дополнительный инвестиционный доход (бонус), размер которого определяется по финансовым результатам деятельности РДУСП «Стравита». Бонус выплачивается по окончании договора страхования со страховой выплатой. Основные условия программы «Стартовый капитал» отражены в табл. 2.

Таблица 2

Основные условия страховой накопительной программы «Стартовый капитал»*

Показатель	Значение или условие
Возраст ребенка	От рождения до 16 лет
Валюта страхования	Белорусские, российские рубли, доллары, евро
Размер страхового взноса	От 50 USD в месяц
Периодичность уплаты страхового взноса	От ежемесячной до единовременной
Страхователь	Родитель или другой родственник
Срок страхования	От 3 до 25 лет
Основные страховые случаи	Достижение возраста, смерть
Дополнительный страховой случай	Установление инвалидности

* Программа «Стартовый капитал». Страховое предприятие «Стравита. – http://stravita.by/programs/citizenry/startcap

Рассмотрим пример страхового накопления, цель которого заключается в гарантированном накоплении средств для оплаты обучения ребенка. Предположим, что на момент заключения договора страхования возраст ребенка 8 лет. Накопление планируется к поступлению в высшее учебное заведение. Срок страхования – 10 лет. Страховой взнос – 150 USD ежеквартально. Страхователь – один из родителей в возрасте 30 лет. Размер страховых выплат указан в табл. 3.

Таблица 3

Страховые выплаты по программе «Стартовый капитал»*

Страховые случаи (в жизни родителя)	Кому производится страховая выплата	Срок выплаты	Размер страховой выплаты, USD
достижение возраста	ребенку	по окончании срока страхования	7000 + бонус
смерть	ребенку		
инвалидность I или II группы	родителю	при наступлении страхового случая	5000

* Программа «Стартовый капитал». Страховое предприятие «Стравита. – http://stravita.by/programs/citizenry/startcap

Согласно условиям страхования для рассмотренного примера дополнительная выгода страхователя (налоговая льгота по подоходному налогу) составит 780 USD.

С 25 мая 2014 года в РДУСП «Стравита» действует накопительная программа «Престижное образование». По программе «Престижное образование» к итоговой доходности добавляется бонус – 0,5%.

Рассмотрим размер совокупной доходности, предлагаемый РДУСП «Стравита» по программе «Престижное образование» (табл. 4).

Таблица 4

Размер совокупной доходности страхователя РДУСП «Стравита»*

Год	Совокупная доходность по белорусским рублям	Совокупная доходность по иностранным валютам
2011	43,2	5,5
2012	51,6	6,1
2013	48,2	6,1
2014	27,1	6,6
2015	32,0	5,8

* Размер совокупной доходности страхователя. Страховое предприятие «Стравита». – 2016. – http://stravita.by/ru/sovokup_dohod

В итоге, инвестирование средств домашними хозяйствами в получение ребенком высшего образования через накопительные страховые программы позволяет получить за рассматриваемый период времени обучения такую же доходность средств, как и по депозитным вкладам коммерческих банков Республики Беларусь. Однако, существенным отличием страховых продуктов от депозитных является дополнительная выгода страхователя в виде значительной экономии средств по подоходному налогу.

Итак, в данный момент основной финансовой проблемой в сфере высшего образования является его ежегодное удорожание, и, следовательно, снижение способности домашних хозяйств к возможности его финансирования за счёт собственных источников средств. Проведенные нами исследования отражают следующую ситуацию: варианты инвестирования средств домашними хозяйствами в образовательную сферу достаточно разнообразны. Каждый из рассмотренных вариантов инвестирования средств для получения высшего образования имеет свои недостатки и преимущества.

Следует отметить, что за исследуемый период обучения был рассчитан срок окупаемости инвестиций на обучение в любом вузе республики. Он составляет в среднем 5,2 года. Это свидетельствует о том, что вложение средств в образование является крайне выгодным активом. Кроме материального выигрыша, повышение уровня образования дает ряд преимуществ в виде улучшения условий жизни, условий труда, досуга и потребительского выбора.

Кроме того, человек получает более широкий доступ к интересной и перспективной работе и возможность получения удовлетворения от самореализации.

Куркин И.И.[1]

ЛИДЕРЫ И ИННОВАЦИИ: СЦЕНАРИИ АЭРОКОСМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Ключевые слова: *молодежь и наука, лидерство, инновационное развитие, прорывные технологии космическая и аэрокосмическая техника.*

Главное – консолидация молодежи способной к научным фантазиям. Девиз – От фантазий к реальностям, на базе проектного опыта поколений

Проблемы, с которыми постоянно сталкивается человечество, зачастую носят очень сложный, неоднозначный, а потому и угрожающий характер. Общество должно обладать таким практическим и разносторонним интеллектом, чтобы эффективно и коллегиально противостоять этим угрозам. В этих условиях необходимы специалисты, способные консолидировано действовать. Подготовка таких специалистов должна носить долгосрочный научно-исследовательский, а также консолидированный и коллегиальный характер. Только лидеры способны консолидировать общество.

Роль лидеров при формировании команды личностей

Консолидация предполагает взаимную заинтересованность лидеров.

Лидеры по определению обладают продвинутым интеллектом.

Лидеры знают, что только на основе взаимного проникновения передовых идей возможно прогрессивное развитие личностей, обществ и сообществ.

Лидеры сами увлечены, способны увлекать других.

Лидеры создают условия формирования продвинутой плеяды личностей.

Продвинутые личности способны к самообразованию и взаимному образованию.

Лидеры и личности формируются в процессе изучения своих, отечественных и международных перспектив.

Система передачи накопленного проектного опыта и фундаментальных знаний от поколения к поколениям

Предыстория – эта система создана (в 70–80 годах прошлого столетия) по инициативе и поддержке генеральных конструкторов Д.Д. Севрука, С.М. Егера, В.П. Глушко, С.П. Королева. Руководитель комплексного проектирования в те годы – начальник сектора № 5 И.И. Куркин.

С 2000г действует система взаимно заинтересованного сотрудничества с рядом школ Центрального, Северо-Западного и Западного округов и научным обществом.

В МАИ студенты-лидеры со своими идеями, во взаимодействии с учеными разных факультетов ведут исследования и как лидеры сопровождают учебный процесс. Обеспечивается развитие способностей у современной молодежи к консолидации.

В Школе ученики-лидеры с учителями предметниками, ведут исследования и как лидеры сопровождают учебный процесс.

[1] Куркин Игорь Иванович – д.т.н., член Американского Института аэронавтики и астронавтики, эксперт высшей категории в сфере научной и творческой деятельности молодежи России НС «Интеграция», лауреат конкурса «Грант Москвы» в области наук и технологий образования, профессор Московского авиационного института (НИУ). E-mail kurkinii@yandex.ru

Рисунок 1.
Лидеры и эволюционная перспектива, авиационной и ракетно-космической техники

Рисунок 2.
Направление Всероссийской консолидации научное общество «Интеграция»

Рисунок 3.
Интеграция Ученый-Учитель-Ученик – лидеры инноваций

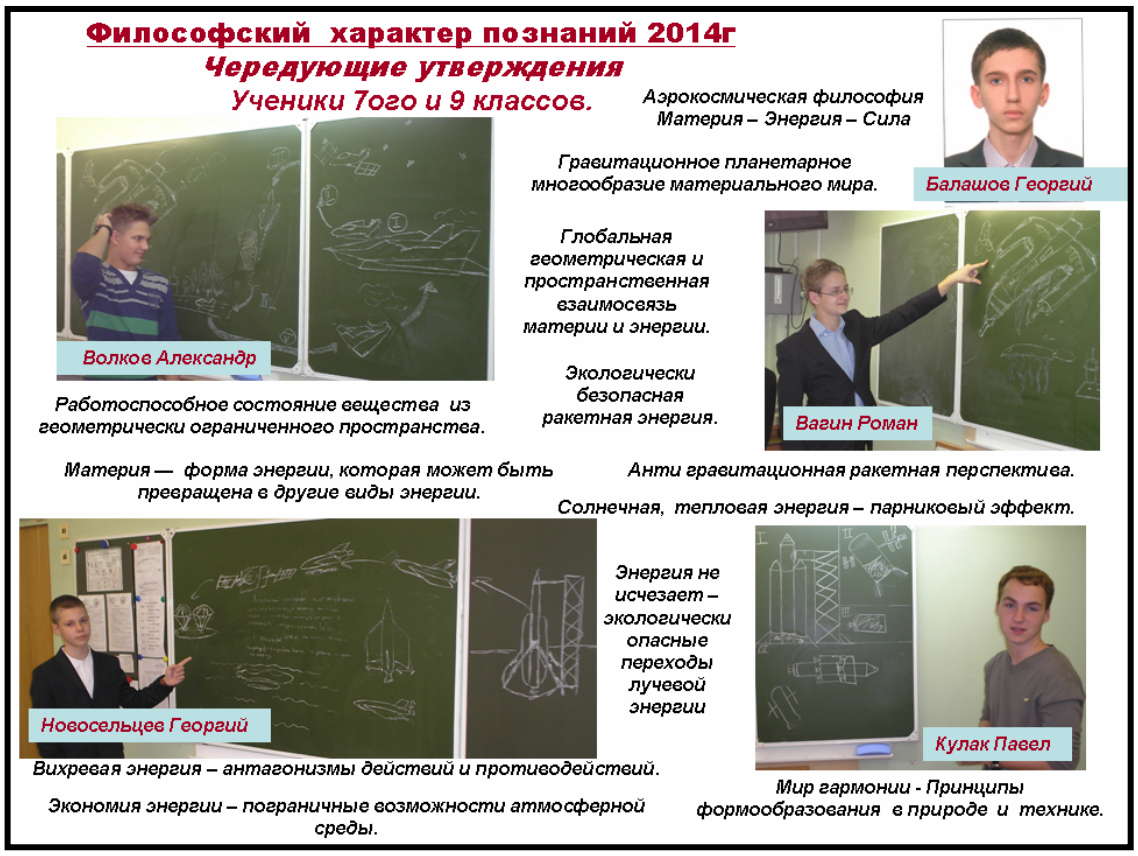


Рисунок 4.
2014 г. – Философский характер изучения своих перспектив

Рисунок 5.
2017 г. – Образно-фундаментальный характер изучения своих перспектив

Глобальный сценарий.
Весь космос разбит на зоны стратегических интересов

Аэрокосмический механизм
Обслуживание систем и комплексов

Крылатая система экстренного реагирования
Оперативная составляющая аэрокосмического механизма

Конвейерный космический механизм
Множество скоординированных и целесообразных взаимодействий

Глобальная оборонная инициатива
Ударное ядерное реагирование от астероидной и кометной опасности.

Освоение космического околосолнечного пространства
Изучение экстремальных возможностей..

Рисунок 6.
Глобальный характер изучения своих перспектив

Направления консолидации – по сценариям перспектив – от прорывных идей к новым возможностям, обеспечивающим эстафетный характер передачи знаний от поколений к поколениям.

В основе консолидированного образования лежит масштабная идея.

Главная задача консолидированного образования.

Подготовить таких специалистов, которые в будущем позволят избежать риски не целевого использования затраченных в прошлом или настоящем финансовых вложений на масштабную разработку.

Опыт прошлых лет в условиях холодной войны

Накоплен проектный и экспериментальный задел как в России, так и в США по созданию ядерного двигателя. Работы, по созданию атомолета начались в 1955 г. Проектирование планера атомолета было поручено КБ А. Туполева и КБ В. Мясищева. Разработка самого двигателя была поручена КБ Н. Кузнецова и КБ А. Люльки. Для всего технического состава было доведено, что проводится работа чрезвычайной государственной важности, от которой напрямую зависит национальная безопасность. Люди работали сверхурочно, на энтузиазме, с чувством гордости, от поставленной интереснейшей задачи.

Ту-95 стал подниматься с реактором на Семипалатинском полигоне с 1961 г. Реактор был закреплен в хвостовой части самолета. Планер получал настолько мощное облучение, что после полета его помещали на несколько недель, в наглухо закрытый отстойник. Расчеты показали, что самолет малых высот будет иметь крейсерскую скорость 1500–1700 км/ч, рабочую высоту полета 500–1000 м, потолок – 11 000–12 000 м, посадочную скорость 330–350 км/ч.

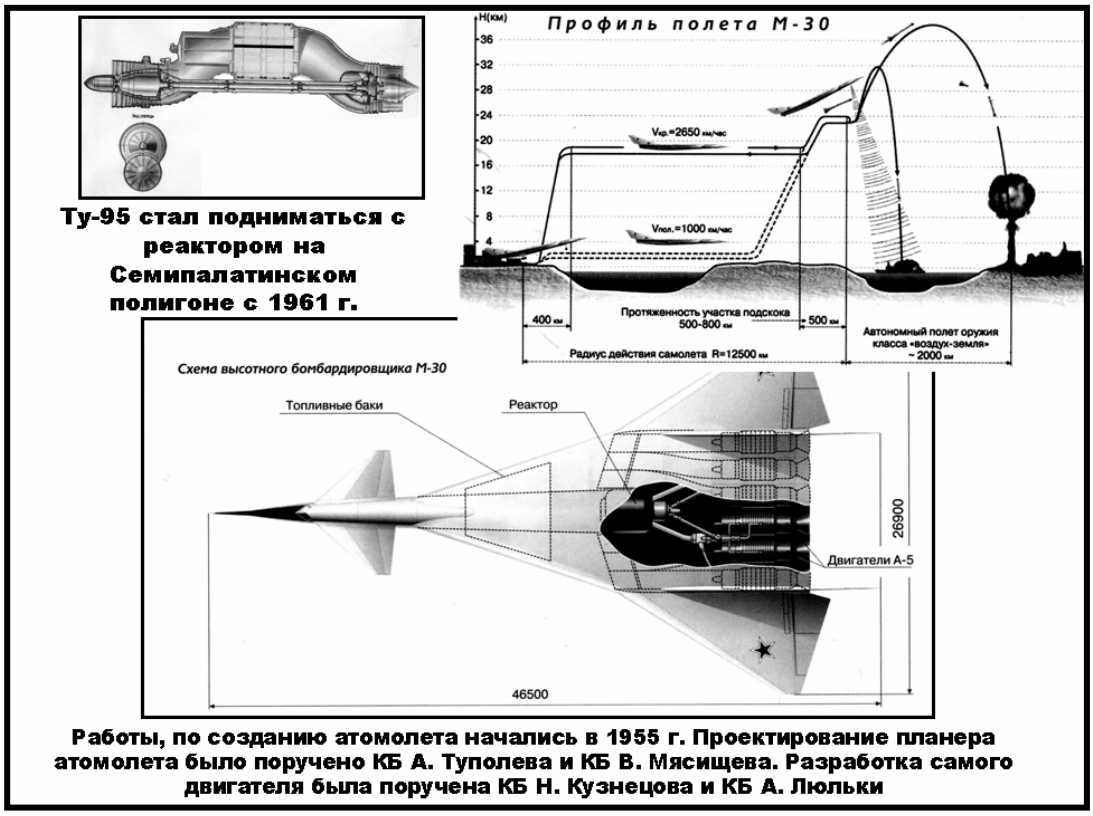


Рисунок 7.
Прорывные технологии в период холодной войны

Эти разработки актуальны и в настоящее время.

Активная зона ядерного реактора набиралась из керамических тепловыделяющих элементов, в которых имелись продольные каналы для прохода нагреваемого воздуха.

Космические и аэрокосмические объекты формируются с учетом территориальных особенностей России, должны обеспечивать дальние перелеты, способны эффективно решать не только военные, но и мирные аэрокосмические задачи.

Согласно сценарию все объекты проектируются с учетом минимального риска неэффективного использования после реализации.

Открываются широкие перспективы крылатых и многофункциональных модификаций ступеней и модулей РН «Ангара» а также широкофюзеляжных самолетов транспортного обслуживания аэрокосмических модулей.

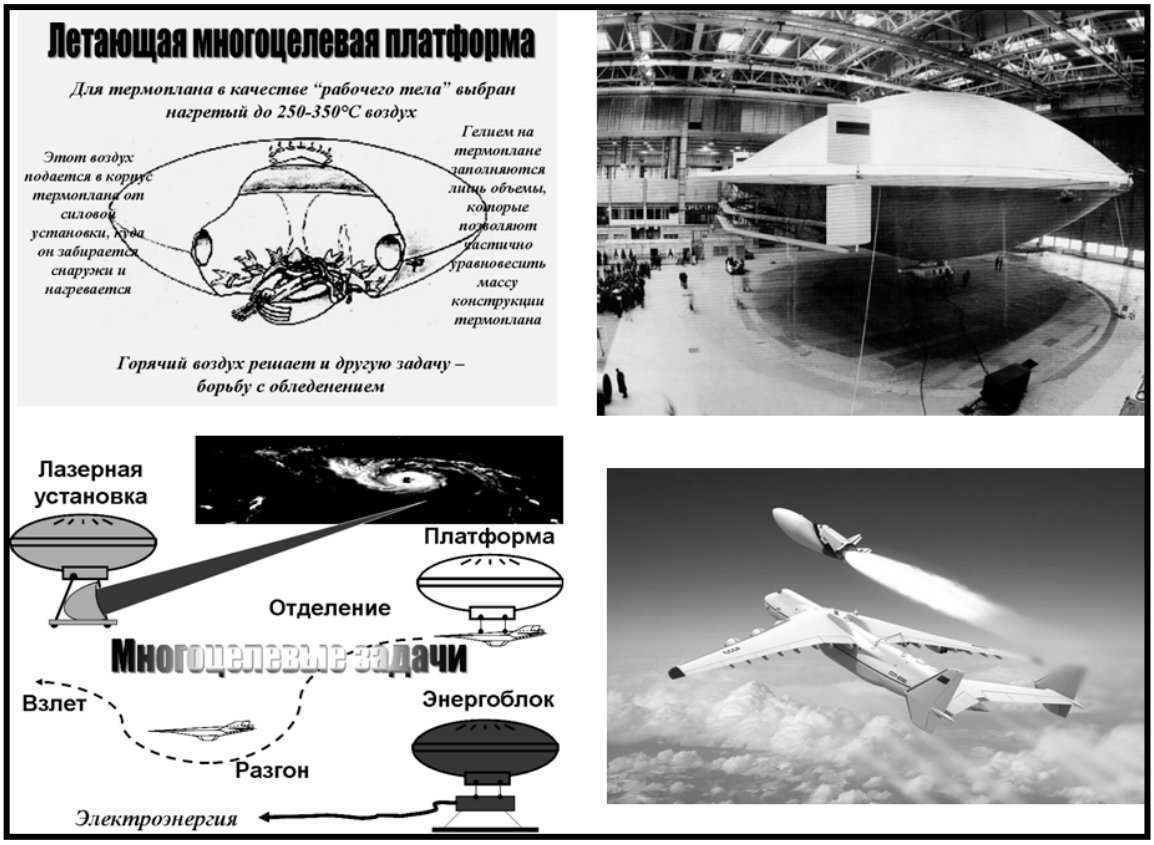


Рисунок 8.
Преемственность знаний и проектного опыта

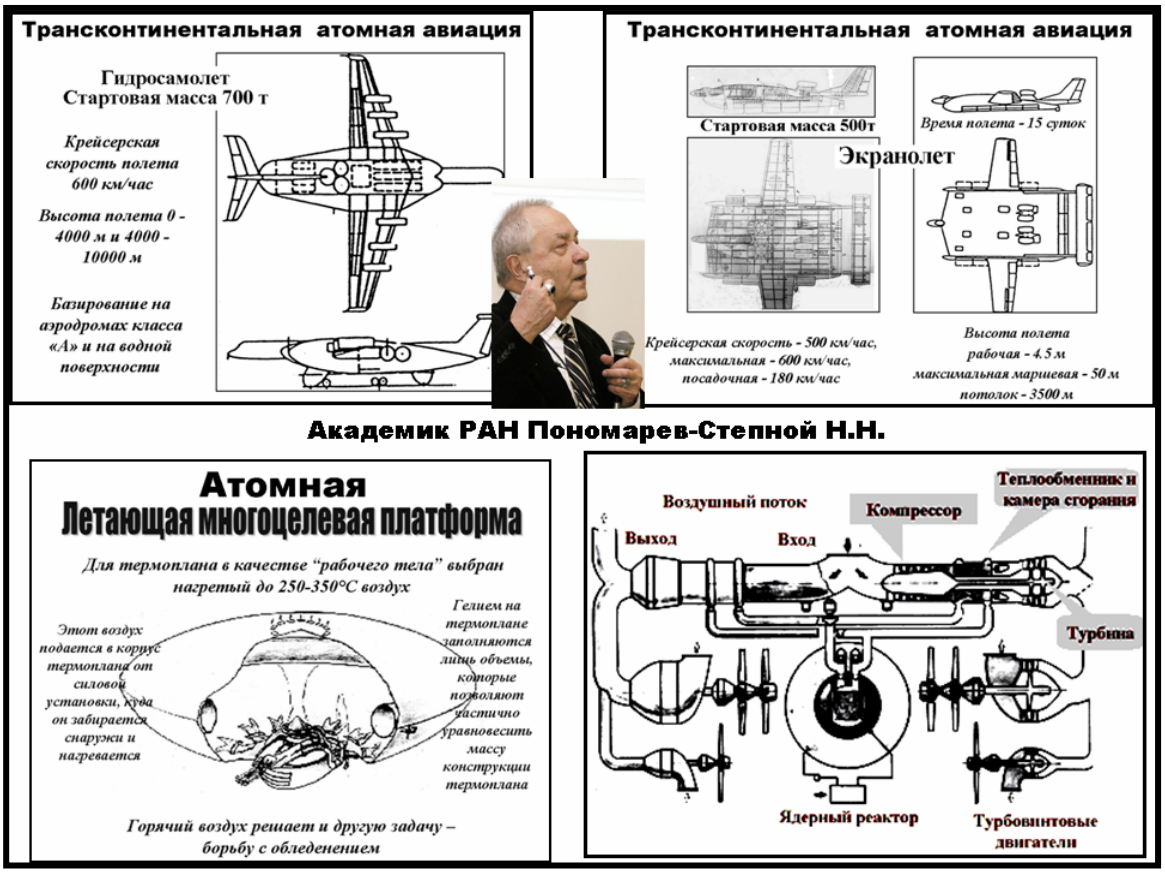


Рисунок 9.
Экологически безопасная трансконтинентальная авиация

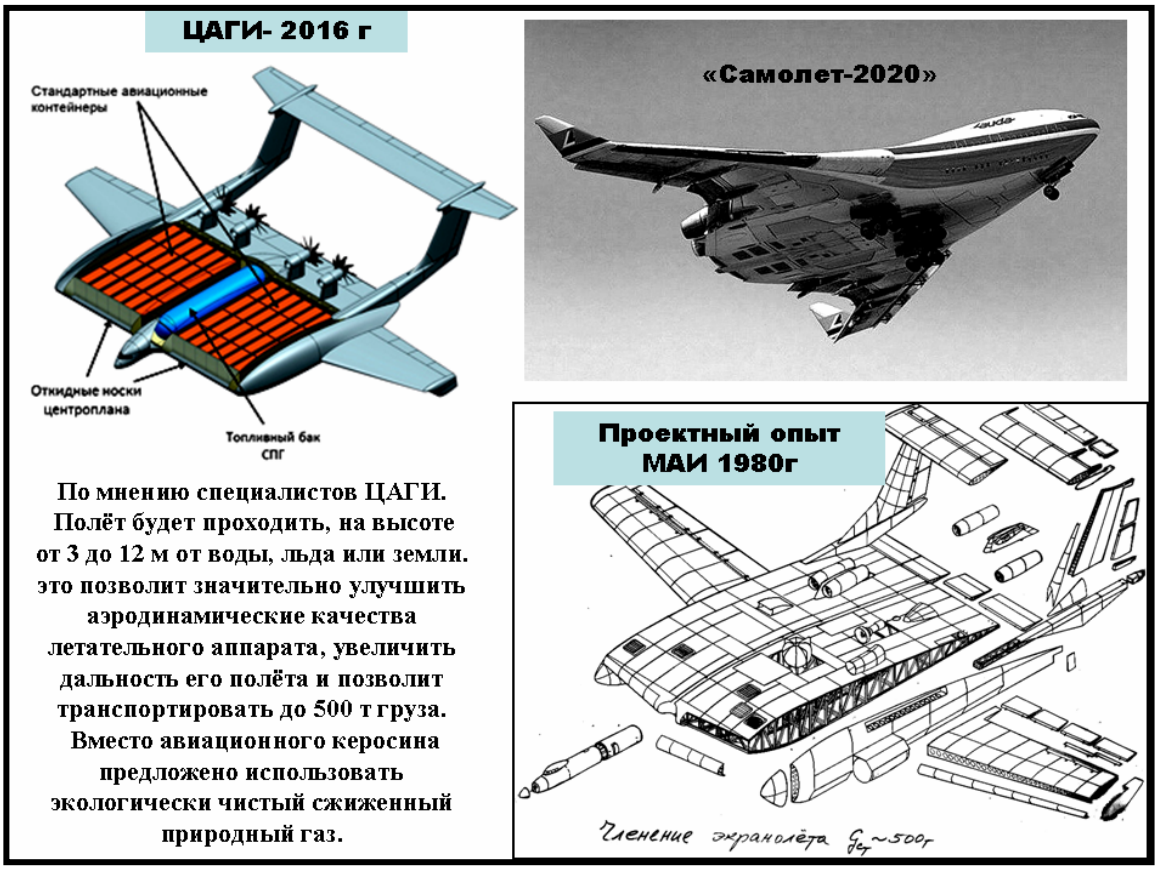


Рисунок 10.
Преемственность проектного опыта поколений 1980 МАИ – 2016 ЦАГИ

Инновационная перспектива космической и аэрокосмической техники

Главная мысль – базовая идея и множество возможностей.

Одна из ключевых идей – биметаллическая электронная ячейка (идея Alekcander Merkov), которая, являясь интеллектуальной структурой накопления значимых знаний, имеет в перспективе довольно широкие приложения, позволит решать аэрокосмические задачи будущего с лучшим качеством.

Электронная ячейка является хранилищем элементарных частиц и одновременно инжектором электронов для решения энергетических, радиационных и радиотехнические задач.

- В двигателях: генераторы плазмы для повышения эффективности горения топлива ВРД и ЖРД.
- В аэродинамике: формирование ионизированных потоков, повышения аэродинамического качества ЛА.
- В космонавтике: полезное использование шума от плазменных ЭРД, для передачи информации в космосе при непрерывной работе двигателя.
- В радиотехнике: маломощная передающая антенна с изменяемой поляризацией, амплитудой, фазой, частотой, амплитудной диаграммой направленности.
- В радиолокации: высокочувствительная приемная антенна со сферической диаграммой направленности и возможностью принимать сигналы любой поляризации для дальней космической связи.
- В энергетике: системы электронных ячеек в качестве компактной защиты от гамма-излучения в ядерных реакторах, с помощью создания разности фаз колебаний электронов в системе.

Рисунок 11.
Инновационная перспектива аспиранта – Электронная ячейка

Исследования альтернатив. Весь космос и околоземное атмосферное пространство разбито на зоны стратегических интересов. Анализируются и демонстрируются по сценариям перспектив проектные альтернативы (также в рамках практической составляющей образовательных процессов в вузе и Школах). По сценарию крылатые и ракетные модули РН «Ангара» и Космического паркинга обеспечат разновысотное эшелонированное оперативное обслуживание стационарных объектов.

Рисунок 12.
Изучение перспектив по аэрокосмическим сценариям

Варианты угроз

Успехи США по открытым публикациям - Беспилотник Х-37В США станет космическим разведчиком, средством уничтожения спутников противника или средством быстрого глобального реагирования, способным в короткое время наносить удары в любой точке мира.

Предполагается возможность доставлять небольшие грузы в космос, также и возвращать.

Запуск - РН«Атлас-5». Уход с орбиты по сложной зигзагообразной траектории. Посадка на базе ВВС США Ванденберг.

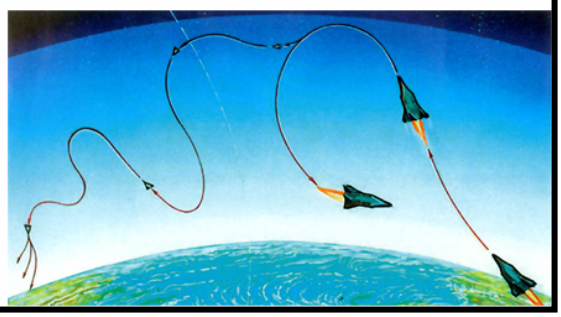


Рисунок 13.
Варианты угроз – военные успехи США

Будущее нашей авиации - Двигатель поколения 5+

Новая силовая установка на Т-50 с увеличенной мощностью сделает самолет еще более маневренным, а главное – откроет новую эпоху в отечественном авиастроении.

Это авиационный турбореактивный двухконтурный двигатель с форсажной камерой и управляемым вектором тяги

НТЦ им.Люльки занимается созданием перспективного пульсирующего двигателя

В настоящее время несколько крупных оборонных фирм мира занимаются исследованиями в области создания высокоэффективных пульсирующих реактивных двигателей. В частности, работы ведут французская компания SNECMA и американские General Electric и Pratt & Whitney.

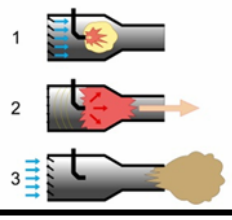


Рисунок 14.
Инновационная перспектива авиационных и аэрокосмических аппаратов

Успехи России – Пульсирующие двигатели. Опытно-конструкторское бюро имени Люльки разработало, изготовило и испытало опытный образец пульсирующего резонаторного детонационного двигателя с двухстадийным сжиганием керосиновой воздушной смеси.

В перспективе на основе новых технологий могут быть созданы двигатели для ракетно-космических систем и комбинированных силовых установок самолетов, способных выполнять полеты в атмосфере и за ее пределами.

В настоящее время несколько крупных оборонных фирм мира также занимаются исследованиями в области создания высокоэффективных пульсирующих реактивных двигателей. В частности, работы ведут, помимо ОКБ Люлька, французская компания SNECMA и американские General Electric и Pratt & Whitney.

Прорывные технологии и многоразовые системе разновысотного реагирования

По замыслу предпочтение отдается многоразовым воздушно-космическим аппаратам. Предполагается ключевая крылатая, промежуточная ступень перехватывания, которая возьмет на себя несколько функций: как разгонная ступень в составе ВКА, как блок организации перехвата от самолета к ВКА и обратно, как транспортный контейнер.

Базовыми вариантами являются ступени РН Ангара. Каждая ступень имеет свою массу, и доставляется на соответствующую высоту.

РН Ангара в исходной комплектации доставляет полезный груз ~ 25 тонн на высоту 200 км.

Стартовая масса РН Ангара ~ 700 тонн и масса составляющих ступеней ~ 100 и 25 тонн и масса различных модулей ~ 5 тонн.

Аэрокосмические перспективы – оперативные возможности аппарата с тепловой памятью. Известны успехи управления низколетящими аппаратами.

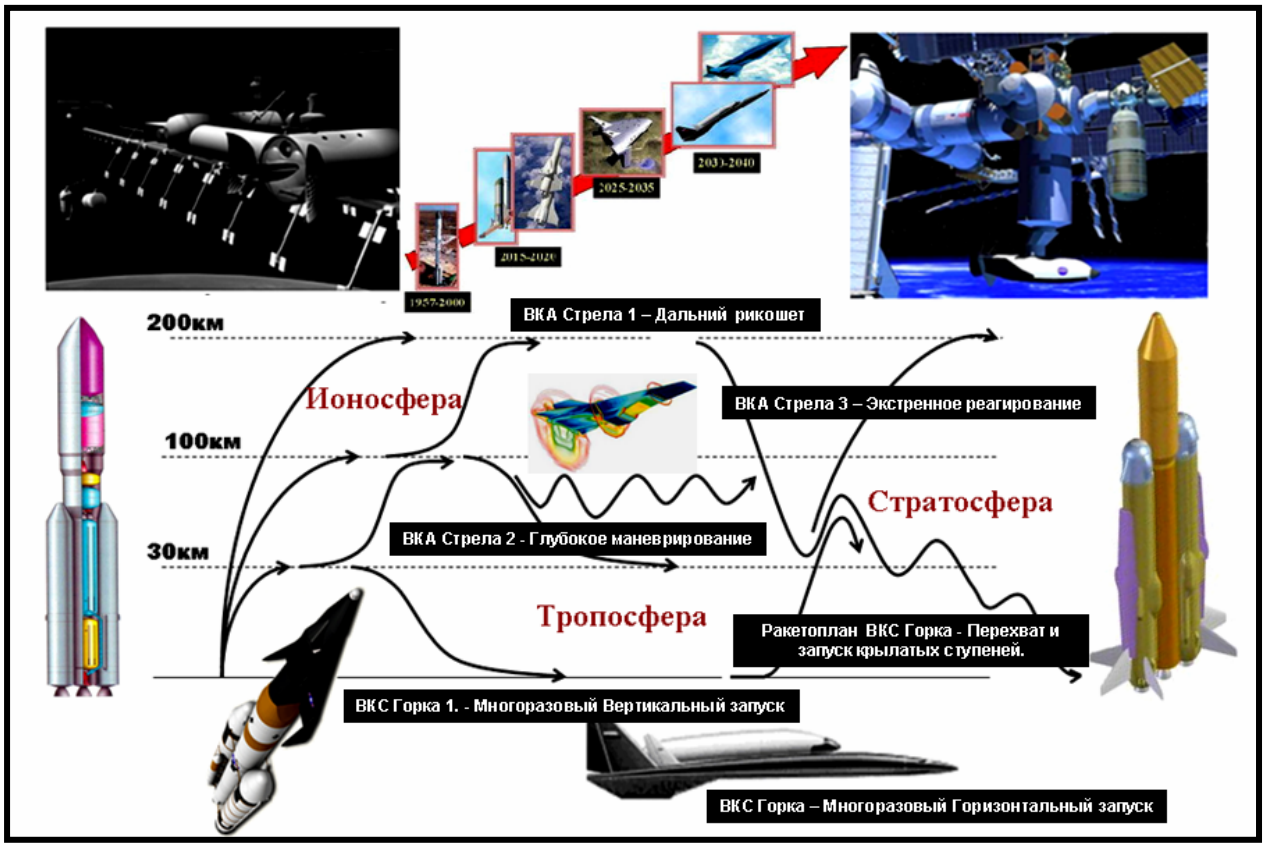


Рисунок 15.
Эшелоны развертывания аэрокосмических систем

Эшелоны Развертывания. Предусматриваются эшелоны высот развертывания 30, 100 и 200 км, учитывается особенности зон развертывания тропосфера, стратосфера и ионосфера. Каждая зона определяет свои ограничения по плотности и свойствам среды, которые предопределяют не только режим полета, но и режим сопутствующей радиолокации и пеленгации.

В соответствии с вариантом развертывания предусматривается решение конкретной задачи. Структура соответствующего варианта модуля задается на базе существующего опыта проектирования конкретного изделия.

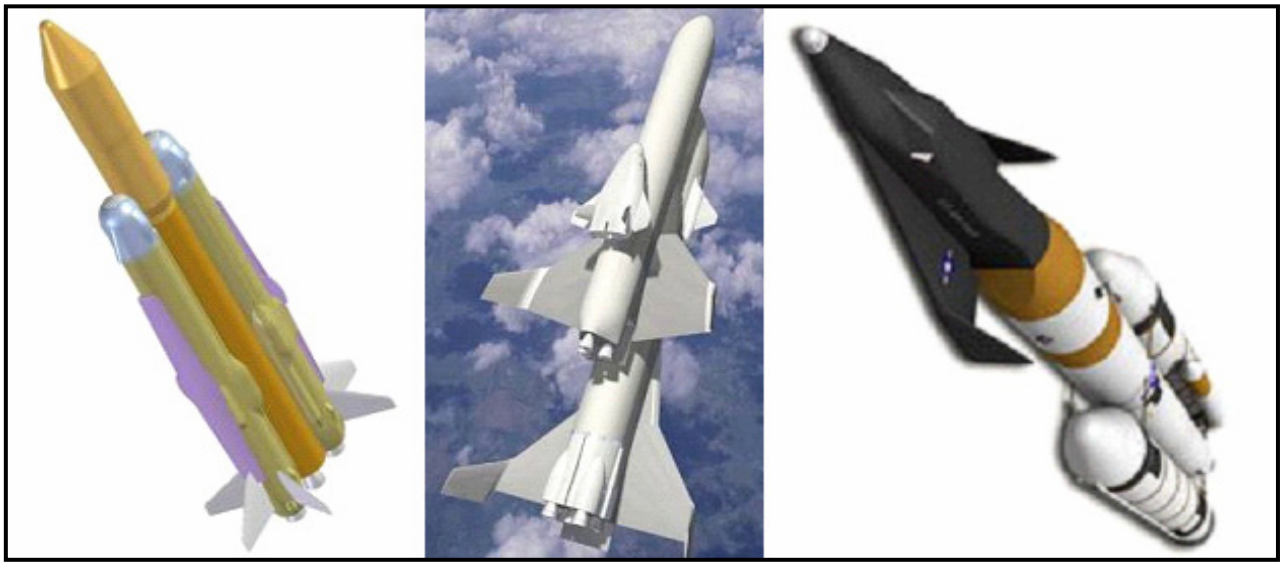


Рисунок 16.
Крылатая перспектива РН

ВКА Стрела 1 – Дальний рикошет.
Вариант оснащения - Многоразовый двухрежимный двигатель. Рикошетирует с космической орбиты 200 км с гармоническим полетом на высотах 57 – 65 км. В режиме пульсаций двигатель включается в районах минимума гармоник.

ВКА Стрела 3 – Экстренное реагирование.
Вариант оснащения - Многоразовый двухрежимный двигатель ЖРД в различных условиях работы. Запускается на высоте 40км с другого летательного аппарата.

ВКА Стрела 2 - Глубокое маневрирование.
Оснащение - Пульсирующий двигатель. Запускается на высоте 40км с другого летательного аппарата.

ВКС Горка – Многоразовый Горизонтальный запуск.
Оснащение -Комбинированный двухконтурный воздушно-реактивный двигатель в составе гиперзвукового самолета разгонщика .

ВКС Горка 1. - Многоразовый Вертикальный запуск.
Оснащение –Вариант - Трехкомпонентный двигатель ЖРД в составе вертикально стартующего самолета разгонщика.

Ракетоплан ВКС Горка - Перехват и запуск крылатых ступеней.
Оснащение - Комбинированный двухконтурный воздушно-реактивный двигатель в составе гиперзвукового самолета разгонщика

Ракетоплан ВКС Горка 1. – одна ступень. Перехват и запуск крылатых ступеней.
Оснащение - Комбинированная двигательная установка в составе вертикально стартующего крылатого аппарата –

Ракетоплан ВКС – Горка 1 - 2ух ступенчатый.
Оснащение - Корректирующий импульсный сверхзвуковой прямоточный двигатель

Рисунок 17.
Система крылатых аппаратов разновысотного реагирования

Заключение

- В режиме «а что будет, если…» анализируются, в том числе спорные, перспективы освоения космоса.
- Компромиссные инновации молодых ученых открывают эту перспективу.
- Российские ключевые аппараты с космическим, наземным и атмосферным базированием предназначены для более широкого оперативного использования в атмосфере до высот 100-60-40-0 км и в космосе с высоты 200 км до геостационарной с возвращением.
- Каждый созданный или проектируемый крылатый аппарат оборонной техники по своим функциональным, интеллектуальным и технологическим возможностям уникален.

• Этот задел может быть использован и для создания оперативно-тактической системы более широких действий, взаимодействий и противодействий в атмосфере и в космосе.

• Эта система предназначена для решения не только оборонных узкоцелевых задач, но и для реализации множества транспортных и конвейерных аэрокосмических операций сопутствующего перехвата ракетных и реактивных систем и грузов.

• Для решения многоцелевых задач оперативно-тактическая система предполагает наличие базисных стационарных и подвижных платформ запуска оперативных комплексов в атмосфере и паркинг аппаратов космического базирования.

• В составе этой системы, помимо базисных аппаратов, предусмотрены аппараты перехвата и передислокации различных объектов и ключевые оперативные аппараты.

Список литературы

1. Куркин И.И. Анализ подходов к формированию облика и тактико-технических требований к современным летательным аппаратам // Аэрокосмическое приборостроение. – М., 2014. – № 2. – С. 3–15.
2. Куркин И.И. Путеводитель аэрокосмических перспектив, научно-методическая основа консолидированных взаимодействий ученый – учитель – ученик в науке и образовании // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 9, ч. 1 / РАН. ИНИОН. – М., 2014.
3. Мерьков А.Ю. Куркин И.И. Энергетические, радиационные и радиотехнические перспективы электронных ячеек // Труды XXXVII академических чтений по космонавтике. Актуальные проблемы Российской космонавтики. – М., 2013.
4. Kurkin I.I., Merkov A. Competing evolution of engines, power installations and mobile starting complexes under scenarios of atmospheric and space prospects // 63rd International Astronautical Congress 2012, Naples, Italy.
5. Куркин И.И. Проблемное сопровождение процессов обучения по научным сценариям аэрокосмических перспектив // Фундаментальные исследования и инновации в национальных исследовательских университетах. Материалы XV Всероссийской конференции. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2011.
6. Мельников В.П., Бурдаков В.П., Куркин И.И. Анализ подходов к формированию обликов и тактико-технических требований к современным летательным аппаратам // Качинские чтения XV. Сборник статей. – М., 2011.
7. Мерьков А.Ю. Электронная ячейка ЭРД – система хранения, инжекции и генерации элементарных частиц // Московская молодежная научно практическая конференция «Инновации в авиации и космонавтике – 2012». Сборник тезисов докладов. – М.: МАИ, 2012.
8. Куркин И.И. Мерьков А.Ю. Конкурирующая эволюция двигателей, энергетических установок и мобильных стартовых комплексов по сценариям атмосферных и космических перспектив // 63 Международный астронавтический конгресс. Италия. Неаполь 1–5 октябрь 2012 г.
9. Мерьков А.Ю. Радиотехнические и сопутствующие перспективы электронных ячеек // Сборник тезисов докладов. 11-ая Международная конференция «Авиация и космонавтика-2012». Секция «Информационно-телекоммуникационные технологии».
10. Kurkin I.I., Merkov A. Innovational Stages of Development of a Space and Architecture of the Combined Hybrid Propulsion Power Installations" // Space Propulsion 2008. May 5-8, ERAKLION Crete Greece.

Лаптев С.В.[1]

КАКИМ ДОЛЖНО СТАТЬ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИВАТЬ МОДЕРНИЗАЦИЮ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ?

Ключевые слова: *высшее образование, качество высшего образования, модернизация экономики, базовые и производные социальные эффекты высшего образования, экономическое развитие.*

Keywords: *higher education, quality of higher education, modernization of the economy, basic and derived social effects of higher education, economic development.*

Вопрос: «Каким должно стать высшее образование?» – подразумевает в первую очередь его качество. «Качество вещи или работ – это совокупность полезных свойств, позволяющих удовлетворить определенные материальные или духовные потребности»[2]. Политика в сфере высшего образования определяет его полезность. Но тут возникают естественные вопросы: для кого определяется эта самая полезность, с чьих позиций эта полезность оценивается? Обычно полезность, на которую ориентируется реальная политика, пытаются представить в нейтральном ключе как некую общую для экономики и общества выгоду. В частности полезность образования, высшего в том числе, рассматривается как его вклад в экономическое развитие общества. С таким тезисом самим по себе нельзя не согласиться.

Качество высшего образования, то есть интенсивность позитивного влияния высшего образования на экономическое развитие, определяется, прежде всего, особенными для данного этапа развития общества направлениями и средствами этого влияния. Между тем в экономической литературе осмыслению этого влияния, его оценке уделяется гораздо меньше внимания, чем механическому копированию из практики других стран множества показателей для оценки качества образования.

Попытаемся определить, как следует оценивать вклад высшего образования в экономическое развитие и как можно рационально и эффективно управлять этим вкладом.

Вклад образования в экономическое развитие обычно трактуется в соответствии с распространенными западными теориями как увеличение человеческого капитала: «Оценка вклада образования в экономическое развитие … определяется величиной добавленной стоимости, которую способен создать работник, имеющий определенный уровень образования. Иными словами, оценивается потенциальная возможность или способность работника создать доход, соответствующий уровню его образования»[3] . Образование рассматривается как ключевой компонент человеческого капитала, который приносит его носителю – получателю услуг высшего образования – определенный доход, тем более высокий (при прочих равных условиях), чем выше уровень полученного образования. Получается, что все главные выгоды образования локализуются на уровне его получателя. С этих позиций высшее образование – эксклюзивное, частное благо. Потребности во всеобщем высшем образовании в России в настоящее время нет, поэтому за него надо платить. Дальнейшее расширение сферы высшего образования и увеличение доли получающих его граждан связано с неоправданными дополнительными затратами для всего общества, поэтому – финансирование нужно сократить до разумных пределов, оставить только самые лучшие вузы, которые дают самое качественное образование. При этом сами по себе критерии качества не столь важны, главное – с их помощью отобрать лучшие вузы, сократив избыточное высшее образование и сузив сферу его распространения в обществе до разумных пределов. Такова логика оценки вклада высшего образования в экономическое развитие и вытекающая из него логика экономической политики в сфере высшего образования, в частности, логика управления качеством образования.

При этом не отрицают, что высшее образование создает дополнительные полезные внешние эффекты для общества. Например, получатели высшего образования обычно более законопослушны, что способствует уменьшению затрат общества на охрану правопорядка; получатели высшего образования обеспечивают более высокий вклад в повышение производительности труда и рост национального благосостояния. Однако измерением этих положительных внешних эффектов и оценкой их вклада в экономическое развитие никто всерьез не занимается. По сравнению с основным вкладом высшего образования в экономическое развитие, состоящим, по мнению представителей этой официальной позиции, в создании большего дохода для самих обладателей человеческого капитала (получателей услуг высшего образования), внешние эффекты незначительны. И если для общества они ничего не стоят, их следует принимать как своеобразный подарок, ничего за них не платя. Ведь если государство своими финансовыми ресурсами

[1] Лаптев Сергей Вениаминович – д.э.н., профессор Российского экономического университета. Основные направления научных интересов: экономическое развитие; финансовый инструментарий управления образованием; финансовые методы поддержки АПК; управление рисками. E-mail: Laptev5552@mail.ru

[2] Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриэляна. 6-е изд., доп. – М: Институт новой экономики, 2004. – С. 380.

[3] Беляков С.А., Клячко Т.Л. Оценка вклада высшего и среднего профессионального образования в экономику российских регионов. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – С. 9.

поучаствует в оптимизации положительных внешних эффектов высшего образования, оно будет способствовать увеличению спроса на образовательные услуги, и тогда задачу сокращения сферы высшего образования до разумных пределов будет выполнить еще труднее.

Рассматриваемая концепция управления качеством образовательных услуг – псевдо-либеральная по существу. Она исходит из формального приоритета частного интереса над общественным, считая последний химерой. При этом не заботится даже о создании некоторых общих условий для реализации, максимизации частного интереса, о чем всегда помнили истинные либералы, такие, как А. Смит, Д.С. Милль или В. Парето. Любой рынок настоящие либералы-классики рассматривали как эффективный инструмент первичного распределения и последующего перераспределения экономических ресурсов. Если ресурсы перераспределяются от менее умелого производителя к более умелому и результативному или от производителя менее значимых для покупателей благ к производителям более значимых и более ценных благ – в этом и выражается повышение эффективности производства по Парето, что создает условия для повышения уровня общественного благосостояния. Именно в повышении эффективности использования экономических ресурсов и росте общественного благосостояния и состоит необходимость и историческое оправдание рынка.

Ограниченность оценки вклада высшего образования в экономическое развитие общества с позиции указанной псевдо-либеральной концепции состоит именно во взгляде на полезность образования с позиции изолированного индивида и того дополнительного дохода, который позволяет ему получать высшее образование. На самом деле вклад качественного высшего образования в экономическое развитие многократно больше именно с позиции общества. Попробуем этот тезис конкретно аргументировать.

Например, качественный профессиональный менеджмент, который становится таковым, в том числе, и благодаря качественному высшему экономическому образованию, курсам переподготовки и повышению квалификации менеджеров, несомненно, приносит дополнительные доходы обладателям профессиональных компетенций более высокого качества. Однако он становится условием и фактором повышения производительности труда исполнительных работников физического и умственного труда, увеличения добавленной стоимости, производимой на предприятии, в объеме, значительно превышающем рост заработной платы самих менеджеров в результате повышения уровня их компетенций. То же самое можно сказать и о влиянии высшего образования на инновации. Качественное высшее образование повышает уровень квалификации научных исследователей, результативность НИР, которыми они занимаются. Стоимость создаваемого на основе НИР инновационного продукта многократно превышает увеличение доходов разработчиков нового продукта или технологии.

Благодаря мультипликационному эффекту качественный менеджмент или инновационный продукт, производимый на отдельных предприятиях, способствует увеличению добавленной стоимости на других предприятиях: вследствие увеличения заказов на сырье, материалы, комплектующие на основной продукт, производство которого увеличивается, вследствие диффузии управленческих или технологических новшеств на другие предприятия, вследствие усиления конкуренции, которая стимулирует повышение предпринимательской активности на разных направлениях экономической деятельности.

Таким образом, общественно полезные эффекты от повышения качества высшего образования многократно превышают прямые эффекты высшего образования, выражающиеся в непосредственном повышении доходов его получателей. Существенно то, что при одной и той же величине частного эффекта увеличения доходов для получателей качественного высшего образования величина общественно полезных эффектов может быть разной. Это значит, что общественно полезными эффектами образования необходимо управлять. А для этого необходимо знать, как, по каким каналам они распространяются, какие условия необходимы для того, чтобы усилить их величину и влияние, а также скорость их распространения.

Однако необходимо отметить, что у Министерства высшего образования и науки РФ не было стремления согласовать свою практику управления с решением действительно важной и социально значимой задачи: повышения качества образования и содействия распространению общественно полезных эффектов от качественного образования. Эффект непосредственного увеличения знаний, навыков и умений у получателей высшего образования, а также – прямого увеличения доли добавленной стоимости, создаваемой этим получателем, можно назвать базовым эффектом качественного образования, – ибо без этого эффекта общественно полезные эффекты увеличения качества образования не возникают. Многие авторитетные ученые, специалисты в области высшего образования считают, что «уровень качества подготовки специалистов за последние 20 лет в России резко снизился»[1]. Но раз снижается базовый эффект высшего образования, то на его основе автоматически снижаются производные социальные эффекты образования, то есть то, что мы в начале статьи определили как дополнительные эффекты от образования для общества.

Это главная причина замедления роста общественно полезных эффектов от высшего образования. Вторая причина замедления роста общественно полезных эффектов для экономики и общества от высшего образования – социально-экономические условия, в том числе механизмы управления экономикой замедляют проявление и распространение названных эффектов. Большинство общественно полезных эффектов от высшего образования имеют характер синергии, которая наилучшим образом проявляется и усиливается при наличии экономических связей сотрудничества, кооперации, при реализации различного рода проектов и задач, объединяющих интересы участников цепочек создания добавленной стоимости, а также представителей различных социальных групп на предприятиях.

Напротив, процессы коммерциализации высшего образования, усиливая одностороннюю ориентацию руководителей образовательных учреждений на извлечение коммерческой выгоды, то есть увеличение доходов от образова-

[1] Аветисян И.А. Проблемы финансирования высшего образования в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. – № 1 (25). – С. 111.

тельной деятельности, приводят к практике постоянного снижения затрат на организацию образовательной деятельности, увеличения нагрузки преподавателей, стандартизации курсов учебных дисциплин, снижению мотивации ППС к повышению качества образовательной деятельности, уменьшению часов, фактически используемых на организацию самостоятельной работы студентов. Ориентация вузов во все большей степени на рост текущих доходов трудно совместима с формированием у студентов таких знаний, навыков и умений, благодаря которым в экономике и обществе усиливаются тенденции к сотрудничеству, кооперации, реализации взаимовыгодных проектов и задач, реализации целей, не формирующих прямых выгод участникам проектов, участникам экономических процессов, сообща решающим общественно значимые задачи.

В настоящее время «рынок квалифицированной рабочей силы в России находится в состоянии неравновесия, не обеспечивает формирования адекватной цены рабочей силы и соответствия ее структуры потребностям экономики»[1]. Недостаток спроса на квалифицированную рабочую силу как проявление этого неравновесия связан с низкими темпами экономического развития страны, с замедлением реализации стратегических планов государства по модернизации экономики. Значительная часть квалифицированной рабочей силы используется в секторах, занятых производством общественных или смешанных благ. Из теории экономики и финансов общественного сектора известно, что достичь эффективного равновесия на рынке общественных или смешанных благ без участия государства невозможно[2].

Таким образом, односторонняя ориентация участников образовательного процесса на экономическую выгоду уменьшает при прочих равных условиях общественно полезные эффекты от образовательной деятельности. А формирование в обществе, в том числе в самих вузах различного рода проектов и задач, теорий и идеологий, создающих некоторое единство интересов, элементы сотрудничества ради достижения некоторых общих целей, объективно усиливает создание и реализацию общественно полезных эффектов от образования. Эффективное управление образованием означает одновременное использование факторов увеличения базового эффекта от высшего образования и создание наиболее благоприятных предпосылок для формирования и реализации производных социальных эффектов образования.

Для усиления базового эффекта высшего образования требуется, в первую очередь, усиление традиционных составляющих качественного образования: повышение качества программ обучения, использование разнообразных методик преподавания для формирования и закрепления глубоких фундаментальных знаний, выстраивание механизмов развития взаимоотношений вузов с реальными и потенциальными работодателями выпускников на основе их участия в образовательных процессах, обеспечения приоритетной роли в организации практик студентов, отборе для последующего трудоустройства, формирования ориентированных на потребности конкретных предприятий пакетов программ дополнительного обучения, выстраивания долгосрочного сотрудничества предприятий и вузов в сфере организации прикладных НИР. По всем этим традиционным для современного качественного образования направлениям образовательной политики в России есть масса недочетов и главное – отсутствие четких и прямых ориентиров на повышение качества образования, подкрепленных распределением финансовых ресурсов, выстраиванием показателей для оценки изменений в содержании образования, формированием оценочных показателей для проведения аккредитации, прямо и однозначно выражающих ключевые условия качественного высшего образования в исторически конкретных российских условиях.

Что касается производных социальных эффектов высшего образования, то их усиление связано, в первую очередь, с изменениями социально-экономической политики. Инертная псевдо-либеральная образовательная политика, ориентированная на сокращение бюджетных расходов в сфере высшего образования, проводимая вплоть до настоящего времени, на деле означает, что социальным силам общества, определяющим эту политику, безразличны либо не нужны социальные эффекты высшего образования. Во всяком случае, они не видят в них пользы для себя и опасаются их. Эти социальные силы – представители торгово-посреднического, банковского капитала, сырьевого бизнеса – объективно заинтересованы в консервации технологической отсталости страны, сырьевой структуры экономики, рентоориентированном (а не предпринимательском) использовании денежного капитала.

При сырьевой структуре экономики отечественные производители конечной продукции обладают низкой конкурентоспособностью. При наличии слабых отечественных альтернатив качественной конечной продукции, завозимой в Россию по импорту, доходы торговых посредников будут высокими. При отсутствии конкурентоспособных альтернатив глубокой переработки сырья в России производители отечественной конечной продукции не интегрируют под своим контролем все цепочки производства стоимости конечного продукта, поэтому цены на сырьевые товары внутри страны будут относительно высокими, а доходы от экспорта сырья – большими. Банки же кредитуют в первую очередь те отрасли экономики. которые связаны с высокими рентоподобными доходами и относительно небольшим рисками, способны уплачивать высокие проценты за кредит, отражающие относительно высокие темпы инфляции и политику ограничения денежной массы. Никто из получателей высоких доходов не заинтересован в развитии экономики, в результате которого эти доходы понизятся, а их получение будет связано с предпринимательскими рисками и необходимостью самим заниматься непростым делом предпринимательства.

Поэтому те социальные силы общества, которые в настоящее время оказывают на экономическую политику наиболее сильное влияние, контролируя значительную, если не преобладающую часть формирующегося ВВП и бюджетных налоговых доходов, не замечают либо сознательно игнорируют огромное позитивное значение внешних соци-

[1] Лаптев С.В., Филина Ф.В. Проблемы выбора финансово-экономической модели организации высшего образования // Фундаментальные исследования. 2016. – № 10-1. – С. 140.

[2] См., например: Лаптев С.В. Основы теории государственных финансов: Учеб. пособие. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – С. 44–53.

альных эффектов образования для развития экономики и общества. Когда доминирующее влияние на экономическую политику в обществе перейдет к слою крупных и средних промышленных предпринимателей, контролирующих выпуск конечной, в том числе высокотехнологичной продукции, этот слой будет максимально заинтересован в развитии тех социальных связей и тех социальных эффектов, которые будут способствовать производству конкурентоспособной конечной продукции высокого качества с низкими издержками. Он заинтересован в низких внутренних ценах на сырье и энергоносители, в радикальном снижении темпов инфляции и одновременном увеличении предложения денег, понижающем кредитные процентные ставки и делающем кредит доступным для всех отраслей экономики и всех нормально работающих предпринимателей, в развитии производства высокого качества промежуточной продукции все более высоких стадий передела с относительно низкими издержками и ценами. И, конечно же, он заинтересован в высоком качестве образования.

Совокупность этих условий делает возможным завоевание внутренних рынков конечной продукции отечественными производителями, их продвижение на внешние рынки, увеличение темпов роста ВВП и уровня благосостояния населения. Этот слой способен хорошо платить за качественный труд, финансировать НИР с целью повышения качества и освоения производства новой продукции. Государство же может способствовать повышению социального статуса и роли этого слоя в развитии экономики и общества, способствовать решению этой задачи и ускорению экономического развития на основе реального изменения ориентации образовательной политики на качественное высшее образование. Модернизация российской экономики, также как модернизация российского образования, в настоящее время находятся под мощным влиянием социального фактора[1].

[1] Лаптев С.В. Социальные факторы российской модернизации: проблемы выбора альтернативных возможностей использования // Инновации. – СПб., 2012. – Т. 10, № 4-2. – С. 27–30.

Лябина Н.П.
преподаватель МПГУ

КОГНИТИВНАЯ ПЕДАГОГИКА

Ключевые слова: *образовательная парадигма, SWOT- анализ, мотивация, компетенция, субъект, среда, содержание.*

Keywords*: educational paradigm, SWOT-analyses, motivation, competence, subject, educational environment, content.*

Перед обществом в области образования сегодня стоят важнейшие задачи: чему учить? (проблема научного содержания дисциплин, необходимый набор предметов в формальном образовании, обучение профессиям через технологии или научение компетенциям, проблема целостности знания); кто будет учить? (уровень подготовки учителей, неготовность педагогов транслировать и разрешать реальные проблемы, педагогика как «компетенция»); как эффективнее учить? (методики, проблемы обучения по образцу, персонология образования, педагогическая этика, нейрокогнитивная этика, производительность труда педагога – скорость передачи сведений, усвоения методологических основ педагогического образования, возможности телесно-ориентированной педагогики); кого учим? (обучение людей и машин, индивидуальное и групповое, обучение людей через модель искусственного интеллекта).

Многочисленными исследовательскими школами разработаны и всесторонне проанализированы образовательные парадигмы – традиционная парадигма [3], технократическая парадигма [3]; парадигма когнитивной педагогики [4, 9]; парадигма личностной педагогики [13], гуманитарная парадигма [1], когнитивно-компетентностная парадигма [6] и др. Когнитивно-компетентностная парадигма (когнитивный субъект, образовательная деятельность, обучение на уровне знаний, смыслов, идей), обусловливает переход от обучения на уровне знаний (на самом деле сведений), умений, навыков к обучению на уровне знаний, смыслов, идей. Парадигма направлена на воспитание когнитивного субъекта, обладающего компетенциями рационального познания и творчества, критического мышления, принятия решений, освоения идей и создания смыслов, преодоления когнитивных провалов.

Если сравнивать парадигмы, то различие когнитивной и личностной парадигм состоит в том, что первая ориентирована на обучения согласно ФГОС, а вторая – на обучение по идеальной модели с заданными характеристиками, исходя из социальной целесообразности. В первую очередь, это развитие интеллектуальных способностей обучающегося, ориентация учителей на фиксированные результаты, поддающиеся оцениванию, уровневое обучение на основании выявленных способностей, с одной стороны – обучение детей, имеющих потенциальную креативность и уникальную индивидуальность, а с другой – обучение детей, развитие которых нуждается в компенсации и коррекции в классах выравнивания.

Парадигма ***личностной педагогики*** рассматривает ученика как личность, которая сама может и должна с помощью учителя выбрать тот путь образования, который поможет ей достичь наилучших результатов, а именно – сформировать личность, «готовую к освоению гуманистических ценностей и норм, обладающую инновационными способностями, ориентированную на восхождение по ступеням познания к нелинейному (синергетическому) способу мышления и творческой практической деятельности» [8].

Во многих случаях нормы и требования, предъявляемые к учащимся в процессе обучения, не могут быть жестко фиксированными. От педагога требуется внимательное наблюдение за личностным ростом и развитием учащихся, постоянный учет их индивидуальных интересов и проблем, определение на этой основе целей образования, путей и средств их осуществления. Гибкий подход в адаптивной школе – это вариативность содержания и методов обучения с целью достижения наилучшего результата обучения конкретным контингентом. В настоящий момент адаптивные школы успешно работают в 60 регионах России, в ближнем и дальнем зарубежье. Парадигмы когнитивной и личностной педагогики доктор педагогических наук, директор ЦО № 109 Е.А. Ямбург рассматривает по принципу взаимодополнения, «межпарадигмальной кооперации» [13].

Большинство педагогов испытывают креативные провалы на этапе перехода от традиционной организации учебного процесса к инновационным преобразованиям «новой школы»: профессиональный консерватизм, стереотипность мышления, связанный, в первую очередь, со старшим и даже весьма почтенным возрастом учителя, отсутствие психолого-педагогического минимума знаний, рефлексии, эмпатии и внутренней мотивации к саморазвитию, неадекватная самооценка. Преподаватель XXI века должен иметь мобильные знания (знать, понимать), обладать гибкостью (применять, анализировать, синтезировать) и критичностью мышления (оценивать и прогнозировать), то есть владеть набором когнитивных компетенций, позволяющих ему отвечать современным требованиям ФГОС и ПСП. Это минимальный необходимый уровень компетенций. Сегодня востребованы учителя, которые являются навигаторами и мотиваторами в мире знаний, потому что теперь «каждый ребенок сам себе «Гугл» и сам себе «Яндекс» [2].

В настоящий момент в обществе нет однозначного понимания парадигмального концепта для становления «новой школы», отвечающей запросам и вызовам XXI века, такой системы образования, которая должна дать инструмен-

тарий для обучения субъекта через всю жизнь. «Пока мы не поймем, куда движется поколение net, мы не сможем сказать, что система образования эффективно выполняет свою задачу» [2].

Одной из задач когнитивной педагогики является выявление значения представления и понимания в построении и развитии рационального интеллекта. Переход от представления к пониманию в сознании человека (любого субъекта образовательного процесса) является когнитивной задачей.

В настоящей работе мы представляем результаты обсуждения на круглых столах проблем и дефицитов отечественного образования в рамках дисциплины «Педагогика» (проект «Моя новая школа»). Дискуссия проводилась среди студентов второго курса Исторического факультета МПГУ весной 2016 года. Всего в круглых столах приняли участие более 120 человек из 6 групп, включая учащихся вечернего отделения. Запись видеоматериалов, на основании которой проведено данное исследование, можно посмотреть по ссылке: http://video.мпгу.рф.

По каждой из представленных категорий (субъект, среда, контент), когнитивно-компетентностной парадигмы образовательных процессов, методология которой была использована на занятиях по изучаемой дисциплине в качестве рабочей модели, студенты сформулировали тезисы, которые в дальнейшем были обработаны автором статьи в виде SWOT – анализа.

Таблица 1

Проблемы образовательного процесса

Когнитивные субъекты образовательного процесса	Когнитивная образовательная среда	Содержание образования (контент)
Отсутствие индивидуального подхода Раскрытие потенциала учащихся	Проблема рационального использования времени. Перегруженность программы Негативные последствия стрессов	Не строятся индивидуальные учебные траектории
Родители «выпадают» из образовательной системы	Результат обучения в школе – натаскивание на ОГЭ и ЕГЭ	Несовершенная система оценки успешности
Нехватка в школе молодых специалистов	Дистанционное, электронное обучение не эффективно	Избыточная теоретическая направленность, очень мало практики
Мотивация педагога не является фактором повышения качества образования	Сугубо административный подход к оценке эффективности результатов образования, вплоть до «подмены учеников» для создания рейтинга школы	Необходимость привлечения репетиторов для обеспечения высоких баллов по ОГЭ и ЕГЭ
Педагоги не способны, не готовы и не мотивированы создавать информационно-насыщенные образовательные среды	Отсутствие объединяющей идеи в масштабах школы, города, страны	Необходимость введения педтехнологии «Обучение обучению» («матетика*»)
Низкая культура речи и непрофессионализм преподавателей		Отсутствие междисциплинарных связей (необходимость когнитивистики)

* ***матетика*** – наука о Познании.

Для описания представленной системы взаимоотношений сред, субъектов и контента, необходимо зафиксировать учитываемые автором основные характеристические свойства образовательных процессов и явлений.

Ниже приведен список терминов, ряд которых взят из ПНК МОП (компетенция, мотивация).

Антиценность – противоположность ценности.

Качество – качественная характеристика степени развития процесса или явления.

Количество – количественная характеристика степени развития процесса или явления.

Коммуникация – взаимодействия между субъектами образовательного процесса.

Компетенция – способность, готовность, мотивация субъекта, реализованная в образовательной деятельности.

Контроль – управление образовательным процессом со стороны внешних субъектов.

Конфликт – глубокое противоречие между субъектом и средой.

Кризис – системное нарастание противоречий и проблем.

Мотивация – субъективный фактор реализации потенциала в деятельности.

Деперсонализация – подмена «субъекта» «объектом» ввиду отсутствия у педагога соответствующих компетенций.

Оптимизация – минимизация издержек в образовании.

Планирование – формирование и реализация стратегических целей и задач.

Поляризация – рост расслоения в социальных институтах.

Результат – продукт образовательной деятельности.

Самоорганизация – горизонтальная иерархическая система межсубъектного взаимодействия в рамках образовательного процесса.

Стабильность – устойчивое состояние образовательных сред, субъектов и контента.

Эффективность – достижение результата с минимальными издержками.

Таблица 2

SWOT-анализ оценки проблем образовательного процесса

Тезисы по *субъектам*	плюсы	минусы	перспективы	угрозы
Отсутствие индивидуального подхода	**Количество** – возможность обучения большого контингента учащихся **Результат** – обучение работе в команде, – выполнение ФГОС, – простые технологии для учителя, – реализация работы с высокомотивированными субъектами, – большая информационная насыщенность, – дистанционное обучение, – теоретическая направленность (наукоемкость)	**Качество** – отсутствие внимания к конкретному ученику **Мотивация** – проблема «среднего ученика», –невысокая мотивация учителя и ученика **Контроль** – отсутствие заинтересованности в контактах с родителями	**Оптимизация** – экономики и общества за счет постепенной смены предметных на межпредметные результаты **Стабильность** – простое воспроизводство кадров	**Поляризация** – рост дисбаланса в процессе обучения **Деперсонализация** – отсутствие стратегий по раскрытию личностного потенциала учеников **Антиценность** – отсутствие ценностно-ориентированных установок **Конфликт** – рост слабомотивированных субъектов
Родители «выпадают» из образовательной системы	**Контроль** – недостаточное влияния родителей на учебный процесс, **Самоорганизация** – выстраивание субъектно-субъектных отношений, – коммуникации учителей и учеников	**Качество** – недостаточная включенность всех субъектов в образовательную деятельность **Мотивация** – не выстраивание ценностно-ориентированных и целевых установок обучающегося **Контроль** – отсутствие контроля за деятельностью ОУ	**Компетенция** – формирование социально ответственного поведения у учеников **Эффективность** – создание «открытого образования»	**Антиценность** – создание нового общества с установками – «антиценностями» для предыдущего общества **Конфликт** – благоприятные условия для формирования акультурного социума **Кризис** – недостаточная коммуникация всех субъектов образования
Низкая мотивация педагогов для осуществления образовательной деятельности	**Самоорганизация** – возможность самообучения учеников, в случае их высокой мотивации	**Качество** – крайне слабая подготовка учащихся, в лучшем случае, на уровне ЗУН, низкий результат тестов ЕГЭ и ОГЭ **Мотивация** – отрицательное восприятие ОУ как социального института, – отсутствие интереса к дальнейшему самообразованию и саморазвитию		**Кризис** – уход из профессии учителей из-за непонимания собственной педагогической идентификации **Конфликт** – вынужденный отказ ОУ от принятия на себя функций образования и воспитания **Антиценность** – риск оказаться за границей культурных ценностей нации
Тезисы по *контенту*	плюсы	минусы	перспективы	угрозы
Отсутствие междисциплинарных связей – (необходимость когнитивистики)	**Результат** – предлагаемый контент усваивается всеми обучающимися	**Качество** – недостаточный набор необходимых сведений, знаний, ценностей, идей по окончанию ОУ	**Стабильность** – освоение программы среднего общего образования	**Кризис** – сведение к минимуму потенциала для создания системы и среды, как самонастраивающейся, гибкой к изменениям
Необходимость привлечения репетиторов для обеспечения высоких баллов по ОГЭ и ЕГЭ.	**Мотивация** – дополнительный заработок для учителей и репетиторов при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ	**Качество** – тотальное натаскивание, отсутствие у большинства обучающихся возможностей для репетиторства **Мотивация** – недостаточное освоение школьной программы в целом, ввиду крайней перенасыщенности учебного плана дисциплинами		**Мотивация** – неготовность и нежелание продолжать обучение в случае неудачи на тестах **Конфликт** – множественные суициды детей, не справившихся с итоговой аттестацией **Антиценность** – подмена ценности образования успешностью выполнения тестов

Необходимость введения педтехнологии «Обучение обучению» («матетика»	**Мотивация** – востребовано обществом и государством, актуально сегодня и завтра	**Качество** – неготовность большинства преподавателей работать в рамках матетических стратегий	**Планирование** – необходимость введения новой матетической дидактики (теория, практика, технология)	**Кризис** – обоснованный риск когнитивных провалов между заказчиками образования и исполнителями
Избыточная теоретическая направленность – очень мало практики.	**Результат** – хорошая теоретическая подготовка, приводящая к решению технических задач	**Качество** –слабая методическая база, невысокий арсенал коммуникационных компетенций	**Оптимизация** – есть педагоги, которые хотят стать учеными	**Кризис** – уход из профессии по причине несформированной коммуникации, – неспособность выстроить комфортную образовательную среду
Не строятся релевантные индивидуальные учебные траектории.	**Количество** – образование унифицировано, что менее затратно	**Мотивация** – одаренные дети приносят результаты школе, своему учителю, не благодаря, а вопреки	**Стабильность** – снижение нормы затрат подушевого финансирования **Эффективность** – высокое качество человеческого капитала пока еще компенсирует недостаток капитала финансового	**Кризис** – все больше детей переходят на надомное обучение, в экстернат, где реализуют лично-ориентированную среду образования
Несовершенная система оценки успешности обучения	**Результат** – познавательная активность, самостоятельность, креативность	**Качество** – четкие критерии не выработаны	**Планирование** – достижение учащимся высоких результатов в процессе обучения с минимальными энергетическими затратами	**Кризис** – отсутствие интереса к ведению проектной и иной внеклассной деятельности
Тезисы по *образовательной среде*	плюсы	минусы	перспективы	угрозы
Проблема рационального использования времени школьника	**Результат** – дать фундаментальные знания	**Качество** – перегруженность программы	**Оптимизация** – разделение образования на формальное и неформальное	**Конфликт** – негативные последствия стрессов
Результат обучения в школе – натаскивание на ОГЭ и ЕГЭ, но не подготовка к жизни	**Количество** – равные возможности учащихся при поступлении	**Качество** – резко сокращается время на освоение образовательной программы (фактически до 8 лет вместо 11 лет)	**Оптимизация** – парадокс «натаскивания» – у учащихся не сформированы компетенции, которые субъект приобретает с опытом в деятельности, а без знаний они не формируются	**Кризис** – «Болонская система» для российского образования недостаточно эффективна
Дистанционное, электронное обучение не эффективно, поскольку не создана ИКТ-среда	**Мотивация** – в отдельных случаях (инклюзия) –единственная возможность получения качественного образования	**Мотивация** – в отсутствии мотивации субъекта – бесперспективно, результативность крайне низкая	**Планирование** – есть будущее в случае хорошо сформированного контента и когнитивной среды	**Конфликт** – отказ от создания и внедрения в ИКТ-насыщенных культуросообразных сред - регресс во всех областях
Сугубо административный подход к оценке эффективности результатов образования в школе, вплоть до «подмены учеников» для создания рейтинга школы		**Качество** – вынуждение ОУ представлять «удобный» результат, страх учителя иметь низкий рейтинг, от которого зависит его заработная плата и статус в ОУ		**Антиценность** – тенденция к ухудшению здоровья обучающихся
Отсутствие объединяющей идеи в масштабах школы, города, страны.	**Самоорганизация** – появление авторских школ, – принцип положительной обратной связи – система должна видеть и корректировать себя в обратной связи	**Качество** – попытки внедрения ИКТ без образовательной компоненты бессмысленны для образовательного процесса	**Планирование** – переход к новой образовательной парадигме ценностно- и смыслоориентированной	**Контроль** – утрата контроля за образованием со стороны государства

Негативные последствия стрессов, формируемых школьной системой образования.	**Результат** – обеспечение работой психологов и психотерапевтов	**Поляризация** – «теория поколений» под угрозой		**Кризис** – полное неприятие существующей системы образования

На основании приведенного выше SWOT-анализа можно выделить некоторые интегральные свойства, характерные для всего образовательного процесса – субъектов, сред, контента. Рассмотрим их подробно.

Таблица 3

SWOT-анализ интегральных характеристик образовательного процесса

плюсы	**минусы**	**перспективы**	**угрозы**
Количество	**Качество**	Стабильность Планирование	**Антиценность Кризис**
Результат	**Контроль**	Эффективность	**Конфликт**
Мотивация	**Мотивация**	Оптимизация	**Поляризация**
Контроль Самоорганизация	**Поляризация**	Компетенция	**Деперсонализация**

В рамках комплексного исследования проблематики образовательного процесса рассмотрим минусы, угрозы и перспективы (планирование).

Минусы.

***Качество образования*.**

Решение проблемы: повышение мотивации всех участников образовательного процесса через новые педтехнологии (обучение педагогов матетическим стратегиям, тренинги по стимулированию мотивации, развитию способностей, формированию готовности, развитию эффективной коммуникации, саморегуляции, эффективного руководства управления командой, развитию критического мышления).

Студенты МПГУ отмечали, что для успешного освоения программ обучения им остро не хватает логики и критического мышления, аргументации и формирования убеждений, риторики, основ проектно-программного метода. Поскольку логика изучает законы и формы мышления, а мышление неразрывно связано с языком, связь логики и языка очевидна [7]. Назрела потребность вводить перечисленные дисциплины в программы дошкольного, начального, среднего и общего образования; в дошкольном отделении – в виде философских бесед-размышлений, в начальной и средней – факультативно, в основной – как обязательные предметы. С помощью логики субъекты образования будут познавать как свой собственный процесс мышления, так и процессы мышления других субъектов. «Это – метакогнитивность: размышление о нашем мышлении» [12].

***Контроль*.**

Решение проблемы: всестороннее вовлечение родителей в образовательную среду, создание Родительских университетов, клубов, активное участие в работе Управляющего Совета школы с инициативами, позволяющими осуществлять построение «открытого образования».

Мотивация.

Решение проблемы: если мы хотим увидеть учащегося на выходе из школы творческой личностью, сформированным когнитивным субъектом культуры, способного критически мыслить, аргументировать свою точку зрения по всем вопросам образовательного пространства, принимать зрелые решения по самоопределению, логически выстроить дальнейшую персональную образовательную траекторию для самореализации, иметь свою собственную картину мира и уметь рефлексировать, мы должны как можно раньше стимулировать мотивацию к познанию у субъекта, создать психологически комфортную среду, наполнить соответствующим содержанием.

Поляризация.

Решение проблемы: поскольку слабые ученики в процессе обучения постепенно ухудшают свои позиции, а сильные улучшают, происходит все большее расслоение образования на «элитное» и «массовое». Единообразная система нивелирует индивидуальность, не способствует выявлению и сопровождению одаренности, развитию уникальных способностей. Поэтому появление сегодня большого количества авторских частных школ, работающих по инновационным методикам, с сохранением разнообразия школ советского и постсоветского периода, которые не утратили своих позиций (физико-математических, лингвистических, школ дополнительного образования – музыкальных, балетных, художественных, спортивных, этнокультурных, православных, спецшкол для детей, имеющих инклюзию), выбор способа освоения школьной программы (надомное обучение, экстернат и др.) позволяют родителям выбирать ту систему образования, в которой они видят перспективу для реализации потенциала своего ребенка. Абсолютное равенство невозможно и недостижимо. Но тенденция формирования человеческого капитала – системы воспитания, образования, науки, инновационного сектора позволит осуществить качественный скачок от застоя кризисных 2000- х к развитию в первой четверти XXI века.

Угрозы.

Все существующие угрозы – *антиценность, кризис, деперсонализация, конфликт, поляризация* можно объединить в единую метапроблему – системно-структурный кризис. Снятие перечисленных угроз возможно через переход на новую образовательную когнитивно-компетентностную парадигму путем построения субъектно-субъектных, интерактивных, культуронасыщенных ИКТ-образовательных сред.

Наиболее значимой проблемой являются антиценности, формирующиеся в процессе образования, прежде всего, ухудшение здоровья обучающихся. По данным Федеральной службы государственной статистики, здоровы всего

лишь 10% от общего количества учеников, а остальные 90% имеют проблемы и отклонения в физическом и нервно-психическом развитии [10]. Это тенденция, угрожающая национальным интересам.

Антиценность личностного характера – «нет смыслов и мотивации для осуществления воспитательного процесса в школе – обучение, как конвейер» (академик А.Л. Семёнов). В результате образовательной политики «технологизации», школа становится «производством», а субъект образования – ученик выступает как «средство», в итоге – отсутствие становления внутренней культуры развития, потеря идентичности [11].

Перспективы.

В области *планирования* для достижения успешности оценки качества образования необходимо выработать единые методы интерпретации результатов аттестации, принятие управленческих решений и мер стратегического менеджмента. Студенты на круглом столе практически единогласно высказались за введение рейтинговой системы контроля знаний, ознакомление всех субъектов образовательного процесса с особенностями и технологией рейтинговой системы, выбора форм контроля. Вероятно, применение такой системы усложнит работу учителей, но при этом оценка их вклада в преподавательскую деятельность будет объективна и дифференциация в оценке труда прозрачна, а самое главное – стимулирует познавательную деятельность учащихся.

Выводы

1. Сформулированные студентами проблемы будущего российского образования позволили объемно оценить его сегодняшнее состояние и тенденции развития.

2. На базе SWOT-анализа получены универсальные характеристики образовательного процесса и его составляющих.

3. На основании описания интегральных свойств когнитивно-компетентностной парадигмы предложены тезисы для программы развития образовательных систем на макро- и микроуровнях.

4. Описанный метод может быть полезен в научно-практической деятельности как когнитивная педагогическая задача для формирования критического мышления, аргументации и принятия решений в области образования.

Список литературы

1. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. – М., 1995.
2. Асмолов А.Г. // Учительская газета». – М., 2016. – № 46, 15 ноября.
3. Колесникова И.А. Педагогическая реальность в зеркале междисциплинарной рефлексии. – СПб., 1999.
4. Корнетов Г.Б. Парадигмы базовых моделей образовательного процесса // Педагогика. – М., 1999. – № 3.
5. Курапова Т.Ю. Критерии успешности обучения учащихся общеобразовательных школ // Психология в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.). — СПб.: Реноме, 2011. — С. 106–109.
6. Меськов В.С., Мамченко А.А. Постнеклассический подход к e-Learning: новая образовательная парадигма для обществ знания // Преподаватель XXI век. 2009. – № 1. – С. 37–74.
7. Меськов В.С., Рабочая программа учебной дисциплины «Логика и критическое мышление» / Институт «Высшая школа образования. – М., 2016.
8. Михайлова Н.Н., Юсфин С.М. Педагогика поддержки: Учебно-методическое пособие. – М.: МИРОС, 2001. – 208 с.
9. Прикот О.Г. Лекции по философии образования. – СПб., 1994.
10. Федеральная служба государственной статистики. Здравоохранение в России. Статистический сборник (Росстат). – М., 2015.
11. Ханнанов А.Д. Технология и метод. – http://ano-iito.ru/blog/tehnologiya-i-metod/
12. Шайдт А. Почему? Философия с детьми. Учебно-практическое пособие для педагогов дошкольного образования. – М.: Национальное образование, 2016.
13. Ямбург Е.А. Школа для всех: Адаптивная школа (Теоретические основы и практика реализации). – М.: Новая школа, 1996.

Михайлов В.А.,
Михайлов С.В.[1]

ИННОВАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *высшее учебное заведение, инновация, инновационная деятельность, инновационная культура, инновационный климат.*

Keywords*: higher education, innovation, innovation, innovation culture, innovative climate.*

Если культуру рассматривать как совокупность ценностей и ценностных ориентаций, способов их создания и потребления, то тогда инновационной культурой организации можно назвать такую, в которой главной ценностью и основной моделью поведения для большинства сотрудников становится деятельность по созданию и продвижению инноваций. В этом отношении определенный уровень развития инновационной корпоративной культуры выступает, с одной стороны, как необходимое основание инновационной деятельности, с другой – как вполне достоверный показатель инновационного потенциала организации, в том числе – любого вуза.

Любая корпоративная культура регулирует отношения в коллективе и – в определенной степени – влияет на деятельность во внешней среде. Она находит свое выражение в стратегии развития организации, ее текущей организационной структуре, принципах управления, направлениях деятельности и т.д., поэтому уже по многим внешним проявлениям можно увидеть, встала ли та или иная организация на инновационный путь развития или нет (когда принята стратегия инновационного развития вуза и в какой мере она реализуется; есть ли в учебном заведении структурные звенья, ответственные за развертывание инновационного потенциала; включены ли в индивидуальные планы преподавателей показатели, отражающие параметры инновационного развития вуза; каков уровень вовлеченности членов организации в различные стадии инновационной деятельности и т.п.).

С социологической точки зрения важно дать эмпирическую интерпретацию разбираемого понятия, чтобы надлежащим образом измерить уровень развития важнейших свойств исследуемого явления, подтвердить или опровергнуть сформулированные гипотезы насчет природы, основных характеристик, главных функций и механизмов формирования и функционирования инновационной корпоративной культуры. Применительно к разбираемому вопросу это, как правило, – уровень знаний в инновационной области; характер отношения к инновационной деятельности вообще и применительно к конкретному учебному заведению, в частности; соответствующие умения и собственно сами инновационные действия (более или менее массовые навыки таких действий).

Уже на уровне знаний мы сталкиваемся с многочисленными и трудноразрешимыми проблемами. Например, в ходе изучения готовности Тверского государственного университета к инновационной деятельности простейший открытый вопрос (**«В каких формах Вы участвуете в инновационной деятельности в университете?»**) поставил многих респондентов в тупик, и очень многие почти ничего не смогли сформулировать самостоятельно. Подобную картину долгое время можно было наблюдать в региональных вузах практически повсеместно. Вот показательный пример: после принятия «Миссии Кемеровского государственного университета» было проведено исследование, в рамках которого был задан вопрос: «**Скажите, пожалуйста, знали ли Вы до настоящего опроса о том, что в КемГУ в конце декабря 2006 года Совет университета принял «Миссию КемГУ**»? Оказалось, что практически половине опрошенных на момент заполнения анкеты не было ничего известно об этом документе [1].

Конечно, последнее десятилетие, прошедшее под лозунгами модернизации системы высшего образования, не прошло совсем даром: после принятия стратегий инновационного развития, включения многих учебных заведений в федеральные и региональные программы инновационного развития, широкого привлечения других способов «принуждения к инновациям» – уровень знаний в данной области существенно вырос. Однако проблемы остаются, и они носят достаточно существенный характер.

Например, в природе корпоративной культуры заложено основополагающее требование – исходным фактором в деле формирования инновационной корпоративной культуры должно стать единое понимание и положительное принятие общего предназначения высшего учебного заведения, иначе корпоративная культура окажется не способной должным образом выполнить коммуникативную, адаптивную, интегративную и регулирующую функции. В нашем случае бросается в глаза тот факт, что мы имеем слишком большой разброс мнений по поводу **трактовки существа инноваций в вузовской среде**: для одних респондентов это изобретательская деятельность, в том числе – разработка новых технологий и изделий (33%), для других – разработка, апробация и внедрение новых элементов содержания

[1] Михайлов Валерий Алексеевич – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой социологии Тверского государственного университета. E-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru

Михайлов Сергей Валерьевич – к.филос.н., доцент кафедры социологии Тверского государственного университета.

образования, новых форм образовательных технологий (31%), для третьих – научная работа в рамках основной образовательной программы (26%), создание новых (инновационных) образовательных программ, в которых остро нуждается общество (23%), поиск и применение новых форм обучения (21%), создание эффективной системы подготовки и переподготовки кадров для региона (20%).

Теперь о характере отношения к инновационной деятельности со стороны различных субъектов инновационного процесса. Само это отношение – в силу изначальной и неизбывной специфичности интересов разнородных групп внутренней общественности – внутренне противоречиво. Например, профессорско-преподавательский состав и технический персонал вуза весьма радикально отличаются как в понимании инновационной деятельности, так и по степени вовлеченности в инновационную деятельность. Большие различия обнаруживаются также между управленческим звеном и основной массой преподавателей. А об участии в инновационной деятельности студенческой массы вообще следует говорить отдельно и с большими оговорками.

Характерно, что на вопрос **об инновационном поведении коллег** респонденты практически единогласно ответили, что участие в осуществлении нововведений проявляется, в основном, без самостоятельной активности. Почти половина респондентов (49%) посчитали, что преподаватели и сотрудники университета вовлечены в активную инновационную деятельность в минимальной степени и что большинство из них работает по старым стандартам, 36% уверены, что вовлеченность сотрудников в инновационные процессы находится на среднем уровне, и лишь 15% респондентов заявили, что вовлеченность преподавательского корпуса выше среднего уровня.

С процессуальной точки зрения инновационная деятельность в высшем образовании – это, в первую очередь, производство и передача знаний, т.е. создание новых научных, научно-методических (научно-образовательных), научно-технологических (научно-производственных) знаний. Соответственно, таким же образом мы должны анализировать и результирующую составляющую инновационной деятельности в высшем образовании. Так, в качестве основных продуктов инновационной деятельности в известном «Руководстве Осло» выступают товар, услуга, метод. Можно отметить, что российскую систему высшего образования постоянно и настоятельно призывают к первому, вузовские работники почти согласились со вторым, а надо бы всячески отстаивать третье: если что активно и внедрять, так это преимущественно «знание о производстве знаний» – как основную методику *вузовской* инновационной деятельности.

Респонденты оценили **вовлеченность в инновационную деятельность студентов, аспирантов и молодых преподавателей** следующим образом: положительная оценка вовлеченности убывает по нисходящей вузовского статуса: у молодых преподавателей «практически полная вовлеченность», по мнению опрошенных, достигает 16%, тогда как у студентов – всего 2%. Таким образом, в университете большинство внутренних групп в той или иной мере вовлечены в инновационную деятельность вуза, однако – в разной степени, а некоторые из них на крайне низком уровне. Здесь явно проявляется слабость интегративной функции корпоративной культуры вуза: единая система ценностей в организации призвана помочь каждому члену организации ощутить себя частью единого целого, а инновационная деятельность – в самых разных ее ипостасях – оказывается неспособной сделать это.

Исследование показало, что уровень понимания сути инновационных процессов, а также степень их принятия применительно к собственной студенческой жизни у большинства студентов ТвГУ остается критически незначительной. Так, абсолютное большинство студентов младших курсов (1–3 курсы) не понимает, что такое инновационная деятельность, впервые услышало из анкеты о стратегии инновационного развития ТвГУ и т.д. Представители старших курсов оказались более информированными, однако не настолько, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что подобная тема для старшекурсников не вызывает затруднений.

По мнению студенчества, среди профессорско-преподавательского состава пока мала доля тех, у кого инновационная деятельность стала повседневной нормой их профессиональной деятельности. Большинство опрошенных (55%) посчитали, что в инновационной деятельности задействовано всего 15% преподавательского состава, а 45% респондентов отметили участие в инновационной развитии вуза вообще только у 5% преподавателей. Ясно, что если эта оценка соответствует действительности, то высвечивается весьма серьезная преграда для масштабного развертывания инновационной деятельности в вузе и формирования инновационной культуры в университете.

НИРС рассматривается как одно из главных направлений приобщения студентов к научной и инновационной деятельности. На уровне подготовки курсовых и выпускных квалификационных работ задействован каждый студент. Однако если брать не обязательные, но наиболее продвинутые и продуктивные формы участия в научно-исследовательской работе, то дела здесь обстоят гораздо хуже. Так, большинство студентов не состоят в научных сообществах, не участвуют в хоздоговорных научно-исследовательских проектах и проч. Среди опрошенных студентов оказалось совсем небольшое число тех, кто публикуется в печатных изданиях. Целых 64% респондентов никогда и нигде (в том числе – в общедоступных внутриуниверситетских изданиях и сборниках) не публиковались.

Более 62% опрошенных студентов посчитали, что университет не готов к инновационному прорыву и практически единогласно оценили деятельность университета как научно-учебно-инновационного центра региона на среднем уровне (при этом 48% опрошенных не имеют представления, как ТвГУ влияет на различные сферы региональной жизни). 54% указали на личную неготовность что-либо предпринимать для развития университета, 4% оказались готовы предложить и воплотить в жизнь свои решения.

Согласно полученным данным, **главные цели инноваций в системе высшего образования –** это повышение качества образования (71%) и всестороннее развитие способностей студентов (53%). Причем, это мнение характерно как для студентов, так и для работников вуза. Если сгруппировать и проранжировать все отмеченные цели, то мы получим следующую цепочку (в порядке убывания важности): «образование/научные знания»-«конкурентоспособность вуза»-«коммерческий доход». Если же посмотреть на отдельные группы респондентов, то интересным является следующий факт: респонденты, отвечающие на данный вопрос, достаточно четко делятся на две слабо пересекающиеся

(в определенной мере – антагонистические) группы: сторонников **повышения доступности образования** слабо интересуют конкурентоспособность вуза, получение новых научных знаний и извлечение коммерческого дохода от научной и образовательной деятельности вуза. В то же время, сторонникам получения коммерчески значимого продукта *менее интересны* повышение доступности и качества образования, а также получение новых научных знаний.

Доктор Свен-Тор Холм, генеральный директор LundavisionAB в 1976–1982 гг. (в 2009 г. распоряжением Д.А. Медведева был включен в состав рабочей группы проекта по созданию инновационного парка в Сколкове) отмечает: «Инновационная система начинается с мотивации людей. Без нужных людей далеко не уедешь. Можно купить самые передовые технологии, но без людей, которые смогут их использовать и развивать ничего не получится… Чем и для кого занимаются десятки тысяч ваших ученых? А ведь это главное, что есть в инновационной системе: возможность мотивировать людей и поместить их в систему, где знание (российские знание и научные исследования заслужили мировое признание) будет, в конечном счете, воплощено в продукте, имеющем коммерческую ценность. В этом заключается истинный смысл инновационной системы» [2, с. 12].

К этому можно добавить, что корпоративная ответственность вузовского руководства подразумевает создание эффективной системы мотивации и стимулирования персонала к инновационной деятельности. С одной стороны, необходима единая общеуниверситетская система мотивации, с другой – в отношении каждой группы внутренней общественности необходимо развертывать свою особенную систему стимулирования персонала к инновационной деятельности.

Инновационная корпоративная культура подразумевает определенный инновационный климат – совокупность факторов внутренней и внешней среды организации, прямо или косвенно влияющих на возможность реализации ее инновационного потенциала. Инновационный климат выступает как сформированная определенным образом обстановка, в которой человек чувствует себя в данной организации вполне свободным, полностью мотивированным и готовым к творческой деятельности. Например, «настрой на выживание» в региональных вузах автоматически порождает инновационную стагнацию (невозможно создать «инновационно восприимчивую среду»), и зачастую порождает псевдоинновации, а не инновации.

В ходе мониторинга развертывания инновационной деятельности в вузе была проведена оценка форм поощрения за инновационную деятельность. Оказалось, что в существующих условиях в качестве **главных форм поощрения за инновационную деятельность** для большинства респондентов выступают *материальные* формы: оплата участия в конференциях, проводимых в странах дальнего или ближнего зарубежья, а также возможности стажироваться в ведущих вузах, оплата участия в семинарах, стажировках, мастер-классах, конференциях и т.п. (70%) и установление персональной надбавки к заработной плате (65%). *На втором месте* по популярности расположились: бесплатная публикация научных работ, методических материалов, учебных пособий и т. п. (49%); предоставление внутривузовских грантов (42%); оплата проезда, дополнительных медицинских, юридических и иных услуг, получение путевок в санатории, дома отдыха и т.д., в том числе – оплата отдыха детей (42%); продвижение по карьерной лестнице (40%); уменьшение учебной нагрузки (38%); приобретение программного обеспечения, технических средств, расходных материалов в личное пользование (37%). Видно, что львиная доля форм поощрения опять же является во многом материальной (по крайней мере, первые три). Это очень серьезный момент, который требует специального изучения. На третье (последнее) место по приоритетности респонденты поставили: оплата безлимитного доступа к Интернет-ресурсам (29%); моральная поддержка (благодарность, доска почета и т.д.) (20%).

Ж.А. Мингалева отмечает, что система наград (в том числе премий) является лучшим из существующих механизмов стимулирования инноваций, и особенно в тех случаях, когда размер награды мог бы быть связан с социальной ценностью инноваций [3]. Если посмотреть на ответы респондентов по внутривузовским группам, то здесь ситуация следующая: бесплатная публикация научных работ, методических материалов, учебных пособий и т.п. прельщает, в основном, старших преподавателей кафедр и аспирантов (75 и 77% соответственно). Оплата участия в конференциях, проводимых в странах дальнего или ближнего зарубежья, а также возможности стажироваться в ведущих вузах, оплата участия в семинарах, стажировках, мастер-классах, конференциях и т. п. нужны, в основном, заведующим кафедрой (100%), профессорам (100%), ст. преподавателям (92%), ассистентам кафедры (90%) и аспирантам (85%). Установление персональной надбавки к заработной плате было бы интересно, в основном, проректорам (начальникам управлений, деканам и др.) (100%), профессорам (100%) и доцентам кафедры (81%). Студенты были бы не против оплаты безлимитного доступа к Интернет-ресурсам (40%).

Наконец, об основной и, наверное, неискоренимой проблеме инновационной вузовской жизни. Инновационная активность любой организации оценивается, в первую очередь, такими характеристиками, как наличие завершенных инноваций, степень участия членов организации в разработке данных инноваций и т.д. В связи с этим в модели Э. Роджерса выделяется пять групп участников инновационной деятельности: новаторы (таковых насчитывается всего 2,5%), ранние последователи (13,5%), раннее большинство (34%), позднее большинство (34%) и опоздавшие (16%).

Даже в системе образования, где последствия образовательного процесса, имеют весьма отстроченный характер, коммерческая деятельность начинает играть заметную, а иногда и определяющую роль. В этом смысле инноватор в вузе – в соответствии с самой природой инновации – должен стать связующим звеном между научными исследованиями, проводимыми в вузе, и – по крайней мере – с местным бизнес-сообществом. Исследования показали, что большинство вузовских работников не видят себя в этом звене: в ответ на вопрос «**Кто должен заниматься вопросами внедрения инновационных разработок?**» большинство респондентов (43%) посчитали, что вопросами внедрения инновационных разработок должно заниматься специальное подразделение вуза, на второе месте поставлена Администрация области (города и др.) (27%), затем идут ректорат (21%) и бизнес-структуры области (19%), тогда как «сам инноватор» оказался почти в самом конце длинного списка вариантов ответа (17%).

Судя по результатам опроса, наиболее популярной причиной внедрения в своей работе инновационных технологий *для студентов и преподавателей* ТвГУ является интерес в создании чего-то нового, необычного и лучше, чем было (41%). Также среди наиболее популярных вариантов ответа следует выделить использование инновационных методов как способа легче и успешнее работать (24%). Если же посмотреть на отдельные группы, то интересно отметить следующий факт: *руководство вуза* (проректоры, начальники управлений, деканы, заведующие кафедрами) склонны отмечать в качестве основной причины внедрения в своей работе инновационных технологий привычку выполнять любое дело хорошо. В то же время основной массив ответивших на этот вопрос *преподавателей* отмечали в качестве основных причин следующие: возрастает самоуважение, формируется новый взгляд на себя, с использованием инновационных методов легче и успешнее работать.

По мнению преподавательского корпуса ТвГУ, есть пять наиболее важных проблем, которые мешают инновационному развитию вуза. Первое место по своей значимости заняли две проблемы: 1) неразвитость инновационных процессов во внешней среде (экономика, система образования в целом); 2) низкая зарплата работников вуза. Известно, что в системе высшего образования цели деятельности организации формируются такими заказчиками, как Минобрнауки и круг работодателей, что находит свое выражение в ФГОС ВО и профессиональном стандарте (см., например, проект профстандарта «Специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований»). На второе место была поставлена низкая степень интеграции образования, науки и производства в регионе. Третье место отведено низкому уровню инновационной культуры профессорско-преподавательского состава университета, четвертое – недостаточному государственному финансированию вуза, пятое – отсутствию эффективной системы мотивации со стороны руководства. Кстати, на вопрос, **что мешает развитию инновационной деятельности в Вашем рабочем коллективе**, наиболее часто встречающимися ответами были такие: отсутствие подготовленных кадров, специалистов; общая атмосфера в системе образования; личностная неготовность к внедрению и использования новшеств; низкая заработная плата; отсутствие свободного времени, излишняя нагрузка сотрудников; нежелание сотрудников брать дополнительную нагрузку; закостенелая структура университета.

Итак, инновационная корпоративная культура – это система распространенных в организации норм и ценностей, обеспечивающая высокий уровень восприятия, инициации и реализации инноваций [5]. Если бы деятельность по созданию и продвижению инноваций действительно стала главной ценностью и основной моделью поведения для большинства сотрудников, то данное высшее учебное заведение стало бы похоже одновременно и на какой-нибудь передовой НИИ Академии наук Российской Федерации, и на известное своей эффективностью научно-производственное объединение и т.п. Одно дело, когда всестороннее развитие инновационной культуры выступает как идеальная цель, совсем другое – как реальность повседневной жизни регионального вуза. Таким образом, с одной стороны, это недостижимый идеал, с другой – обязательный ориентир в стратегическом развитии высшего учебного заведения.

Список литературы

1. Миссия Кемеровского государственного университета. – http://www.pandia.ru/ text/77/181/29139.php
2. Свен-Тор Холм. Инновационная цепь: в поисках недостающего звена российской инновационной системы // Инновационные тренды. Периодический бюллетень Института общественного проектирования. – М., 2010. – № 1.
3. Управление развитием предприятия на основе инновационной восприимчивости. – http://www.sworld.com.ua/simpoz1/147.htm
4. Инновационная культура организации. – http://investobserver.info/innovacionnaya-kultura-organizacii/
5. Асаул А.Н. Организация предпринимательской деятельности. – СПб.: АНО ИПЭВ, 2009.

Новикова В.Ф.
д.э.н., профессор МГПУ
novikova_111@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОДГОТОВКУ КАДРОВ

Ключевые слова: *модернизация образования, функции образования, импорт институтов, противоречия образования, фундаментальная подготовка, компетентностный подход, образовательная матрица, модель финансирования образования, подготовка кадров, инвестиции в человеческий капитал, воспроизводство рабочей силы.*

Keywords*: modernization of education, functions of education import of institutes, educational controversies, fundamental education, competentional approach, educational matrix, he funding model is demand, training.****, investment in human capital, reproduction of the labour force.*

В последние годы проводилась активная деятельность по модернизации образования в целом, в т.ч. и высшего, которая включала принятие новых федеральных образовательных стандартов, укрупнение образовательных учреждений, внутреннюю реорганизацию на основе зарубежной практики и опыта в образовании.

Понятие «модернизация» является достаточно часто употребляемым во многих сферах деятельности, но не всегда оно используется по назначению и в соответствии с контекстом. Модернизация означает изменение, усовершенствование, отвечающее современным требованиям[1]. Другими словами – это достаточно искусственное приведение каких-либо систем в состояние соответствующее принятым сегодня стандартам и представлениям о должном, которое не всегда несет позитивные изменения. Применительно к образованию модернизация означает привязку российского образования к международным стандартам, включение нашего образования в условия Болонского процесса. При этом не учитываются национальные особенности и опыт формирования и развития образовательной системы в России.

Образование должно выполнять две важнейшие функции: развития личности, включая ее социализацию и духовное развитие и экономическую (воспроизводство квалифицированной рабочей силы). Поэтому любые изменения в образовании для достижения общественного прогресса должны опираться на взаимосвязь этих функций в целях и содержании образования для сохранения приоритета инвестиций в человеческий капитал.

Воспроизводство квалифицированной рабочей силы в современной России весьма осложняется рядом факторов, среди которых доминирует то, что высшее образование в настоящее время не основывается на отборе молодежи, обладающей основными интеллектуальными качествами, требующимися для профессиональной административной, научной или технической деятельности.

По нашим оценкам, не менее 30% выпускников школ по уровню своего интеллектуального потенциала не могут учиться в вузах и впоследствии не будут востребованы на рынке труда. Следствием этого является тот факт, что большая часть работников предприятий имеет низкий уровень компетенций, причем проблемой является не дефицит неких навыков, а общая слабость интеллектуально-квалификационной подготовки сотрудников. Отсутствие фундаментальной подготовки приводит к преобладанию специалистов узкого профиля, не обладающих междисциплинарными знаниями и широким кругозором.

В связи с этим заметим, что для достижения реальным сектором экономики объема производства в сфере высоких технологий 1,5–2 трлн. руб. к 2016–2017 гг. потребуется дополнительно не менее 50 тыс. рабочих и специалистов высшего уровня квалификации с междисциплинарной подготовкой.

Молодежь не готовится для качественной работы, т.к. в условиях коммерциализации образования она изначально рассматривается как ресурс, а не как человеческий капитал. Финансовые вложения в образование не являются инвестициями в человека и включают минимальные затраты на подготовку кадров без привязки к квалификации и потребностям рынка. В государственной программе «Развитие образования на 2013–2020 гг.» указано, что одной из острейших проблем является несоответствие структуры профессионального образования потребностям рынка труда[2].

Модернизация образования, основанная на импорте технологий зарубежного образования, приводит к слабости и бессистемности образования и соответственно к снижению способностей кадров к творческому мышлению. В этой связи следует согласиться с выводами некоторых авторов о том, что не только успех экономических преобразований,

[1] См.: Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 829.

[2] Распоряжение правительства РФ от 15.05.2013 № 792-р 2об утверждении Государственной программы Российской Федерации «развитие образования на 2013–2020гг. // СЗ РФ 21.05.2013 № 21 ст. 2671.

но и безопасность России будут определяться наличием качественно новой рабочей силы, а не количественными параметрами подготовки кадров[1].

Образование также утратило ценностно-культурные функции, что привело к доминированию экономического интереса с одновременным сокращением возможностей социализации полноценной личности. Оно не рассматривается как ценность, общественное благо, которое ориентирует экономическую политику на обеспечение доступности и бесплатности получения образования. Об этом свидетельствует Федеральный закон № 273 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», допускающий оказание платных услуг образовательными организациями и рассматривающий образование как социально значимое благо[2]. Надо напомнить, что Болонской декларацией образование определено как общественное благо[3].

Таким образом, важнейшие функции образования не отражены в его целях и содержании, а значит, в России под видом модернизации образования продолжает использоваться имитация создания эффективной системы образования. Фактами имитационного характера модернизации образования и социальными последствиями этого являются следующие.

Заимствование либеральной методологии модернизации образования привело к импорту институтов и переносу моделей зарубежного опыта успешной организации образования на российскую почву, совершенно к нему не подготовленную, что негативно отразилось на качестве и результатах образования. При этом почему-то не использованы положительные аспекты методологии модернизации образования развитых стран. Новые тенденции в развитии высшего профессионального образования в России не учитывают не только национальных особенностей, но и теоретических основ построения систем образования, востребованных в инновационных условиях развития.

Во всех признанных научных концепциях, вошедших в современные западные учебники, затраты на науку, образование и культуру рассматриваются не как благотворительность или спонсорство государства, а как необходимые инвестиции в человека, без которых невозможно экономическое развитие. Эти принципы отражены во всех современных западных учебниках. Международные организации и конституции многих стран относят доступность медицинского обслуживания и образования к числу необъемлемых прав человека.

Согласно «экономической социодинамике», государство, выступая инвестором в социальном секторе, является субъектом рынка, реализующим потребности общества в развитии человеческого капитала и интеллектуального потенциала страны»[4]. В России не учитывается стратегия «социального императива», в основании которой лежат ненарушаемые финансовые условия функционирования отраслей социального сектора»[5].

Вследствие российской специфики модернизация образования использовалась не для реальных и позитивных изменений в образовании, а для получения переходной ренты проводившими ее агентами за счет возможности собственной трактовки противоречий или неопределенностей, возникающих в процессе перехода от старых норм к новым. В нацеленности на получение переходной ренты такая модернизация привела к росту оппортунистического поведения в виде «работы на показатель» и созданию условий для его расширения на всех уровнях управления

Модернизация привела к обострению ряда противоречий в российском образовании. Противоречия в высшем российском образовании имеют многообразный характер и разрушают его изнутри, но не признаются и не учитываются при проведении модернизации. Так, предоставление все большего количества услуг высшего образования на платной основе сталкивается с ограниченностью семейных бюджетов на эти цели и полным отсутствием четкой и надежной системы образовательных кредитов.

Все возрастающие требования государственных образовательных стандартов все меньше соответствуют уровню подготовленности выпускников средней школы, а использование ЕГЭ еще больше усугубляет эту ситуацию.

Усугубляется противоречие между престижем и оплатой труда преподавателя и постоянно возрастающими и не всегда адекватными требованиями к качеству и количеству его работы. Следует иметь в виду, что преподаватели являются ключевыми факторами в проведении реформы образования и подготовки кадров, поскольку без их участия не изменится ничего. Если говорить с теоретических позиций, то речь идет о ресурсах, поступающих в систему, от качества которых зависит и качество выпускаемой продукции (специалистов).

Необходимо в вузах сосредоточить кадры наиболее высокой квалификации на основе жесткого отбора с адекватной оплатой сложного труда. Трудно представить реализацию инновационных методик (а их в основном разрабатывают преподаватели) в вузах с неконкурентной оплатой труда.

Возрастает противоречие между необходимостью поддержания высокого уровня образовательного процесса и ограниченными возможностями финансирования как бюджетного, так внебюджетного, особенно в условиях появления автономных организаций.

Достаточно ярко проявляется противоречие между уровнем фундаментальной и уровнем прикладной подготовки специалистов. Вместо фундаментальной подготовки предложен компетентностный подход в высшем образовании, который предполагает формирование у обучаемого особых качеств, обеспечивающих его способность продуктивно

---

[1] См.: Блинов А. Модернизация образования и безопасность государства / А. Блинов, О. Рудаков // Экономист. – М., 2012. – № 3. – С. 70–75.

[2] Федеральный закон об образовании в российской Федерации №273 ФЗ // Российская газета – М., 2012. – 30 декабря.

[3] См.: Мотова Т.Н., Наводнов В.Г. Экспертиза качества образования: европейский подход. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 70.

[4] См.: Гринберг Р.С. Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. – М.: ИСЭПРЕСС, 2000.

[5] См.: Рубинштейн А. Стратегия «социального императива» // Вопросы экономики. – М., 2008. -№ 3. –С. 68–77.

участвовать в профессиональной деятельности, адекватно реагировать на любые изменения[1]. Подразумевается, что это ведет к изменению характера взаимодействия преподавателя и студента, в результате которого студент становится активным участником обучения

Основой компетентностного подхода, по мнению его авторов, являются активные и интерактивные формы занятий в учебном процессе в бакалавриате и магистратуре. Но для того, чтобы студент мог быть участником именно такого процесса обучения, он должен иметь некую базовую подготовку, т.е. определенный уровень теоретического знания в виде лекций, которых по новым учебным планам становится все меньше и меньше. Компетенции можно освоить только на производственной площадке вуз-предприятие, либо на самом предприятии. Так, успех Гарвардской школы как центра обучения во многом объясняется не столько уникальностью программ МВА и использованием ситуационного метода. Связано это с тем, что более половины времени обучающиеся изучают материал непосредственно в крупнейших компаниях под наблюдением куратора.

Российские студенты в своем большинстве еще слабо владеют навыками самостоятельной работы, все списывают из Интернета без малейшей обработки материалов и очень медленно перестраиваются на новые принципы образования. Опыт показывает, что внедрение модернизированных принципов обучения отбивает у студентов желание тратить на образование значительное количество времени. Ограниченные возможности прохождения практики студентов или вообще ее отсутствие только усугубляют эту проблему.

Существуют принципиальные различия между полученной информацией и знаниями. Информация в большинстве случаев не переходит в знания, этот переход может быть осуществлен только с помощью образовательных учреждений, да и то далеко не всех. Полученные знания являются основой для выработки необходимых компетенций, но не наоборот. Поэтому при сверхизобилии информации в Интернете, так много необразованных людей, им пользующимся.

Компетентностный подход в своей основе противоречит формированию так широко декларируемой в настоящее время экономики знаний. Идея экономики знаний или экономики, основанной на знаниях, предполагает интегральный социально-экономический тип хозяйствования с приоритетом ценности знания как фактора устойчивого развития. Это креативная гуманистическая экономика, в которой могут работать специалисты, преобразующие полученные знания в инновации. А значит, основой их подготовки должны быть фундаментальные дисциплины.

Компетентностный подход предполагает изучение конкретных проблем и конкретных ситуаций с использованием тестирования, которое используется уже в школе, подготавливая к жизни молодого человека, умеющего нажимать на нужные кнопки. Подход универсальный (основанный на знании) предполагает обучение творческое, фундаментальное и принятие решений на основе вариативности и самообучаемости в процессе работы, отказ от шаблонов и выбор нестандартных ходов. Именно эта технология включает методологию изучения дисциплины, что выводит самого студента на технологию принятия решений и дает неограниченные возможности в области самореализации.

Кроме того универсальный подход соответствует образовательной матрице, построенной по университетскому принципу, главный смысл которого заключается в том, чтобы научить мыслить человека глобально, уметь решать разнообразные сложные задачи и ориентироваться в самых различных ситуациях. Отметим, что понятие «университет» в России несколько девальвировалось. Именуемые университетами вузы чаще всего не готовят специалистов широкого профиля с достаточно глубокой фундаментальной подготовкой и способных к исследовательской работе.

Прикладная функциональная подготовка с использованием компетентостного подхода основана на образовательной матрице мозаичного типа, в рамках которой человек способен выполнить в будущем определенный набор узко очерченных функций, а об остальных иметь поверхностное и несистемное представление.

Отсутствие базовых знаний и навыков самостоятельной работы сводит к минимуму преимущества компетентностного подхода, что относит его к ненаучным при подготовке бакалавров и магистров. Напомним, что ненаучные методы основаны на ограниченно рациональном (или полностью иррациональном), несистемном, необязательном (или вообще бездоказательном) подходе к экономической действительности.

Результатом компетентностного подхода является так называемое обыденное экономическое знание (знание, основанное на житейском опыте, практической сметке), поэтому данный метод может использоваться в институтах и на курсах повышения квалификации уже давно работающих специалистов.

Вуз, чтобы дать фундаментальные знания, должен использовать образовательную матрицу университетского типа, и это научное решение проблемы. Получение действительного университетского образования становится уделом избранных и очень дорогостоящим мероприятием, поэтому возникают элитные школы и элитные университеты. Это приводит к появлению первичного образования очень высокого европейского качества для избранных.

Подавляющее же большинство российских вузов используют мозаичную образовательную матрицу и модель финансирования на основе спроса, т.е. предоставляют образовательные услуги как частные блага с минимумом затрат и извлечения максимальной выгоды. Массовое высшее образование востребовано средне- и низкооплачиваемыми слоями населения. Возникает порочный круг неравенства образования, который не только не ослабляет неравенство первичного образования, но и усиливает его[2].

Качественное образование сегодня мало доступно не только низкооплачиваемым слоям населения, но и даже людям со средним достатком. Оно дорожает не только год от года, но и даже день ото дня. Таким образом, очень сильно снижается доступность качественного образования даже при предоставлении его на условиях платности.

---

[1] См.: Компетентностный подход в высшем экономическом образовании: материалы межвузовской методической конференции. – М.: Альфа-М, 2010.

[2] См.: Нурееев Р.М. Россия: особенности институционального развития. – М.: Норма, 2009. – С. 384–385.

Модернизация образования не способствовала и созданию возможностей для естественной конкуренции путем выравнивания условий их деятельности, а привела к искусственному назначению ведущих вузов (в т.ч. за счет поглощения ряда эффективных вузов и создания для них особых привилегий). Вузы, поставленные в неодинаковые условия, не могут конкурировать между собой и пытаются выжить за счет снижения цены за обучение и соответственно его качества. Объединение совершенно различных по профилю образовательных организаций привело к утрате некоторых специальностей и профессий, крайне необходимых для развития национальной экономики.

При модернизации образования продолжает использоваться модель финансирования образования на основе спроса, что сокращает в учебных планах фундаментальные дисциплины. Это делает образование «поверхностным» и лишенным внутреннего содержания и логики, а также вполне доступным для лиц, не имеющих способностей к получению высшего образования. Не все желающие могут учиться в высших учебных заведениях, для этого необходим жесткий конкурсный отбор, в. т.ч. на внебюджетное отделение. Обучение студентов на внебюджетной основе без прохождения конкурса во многом предопределяет подготовку специалистов низкой квалификации.

Финансирование образования на основе модели спроса привело к массовости высшего образования, что в свою очередь, повлекло за собой размывание функции подготовки профессиональной элиты общества и вызвало необходимость выделения более высокого уровня подготовки, которую сейчас пытаются возложить на магистратуру. Кроме того, массовость сопровождается снижением и качества образования, и качества обучения и формированием дальнейшего углубления тенденции его отсталости

Заметим, что качество образования зависит от качества обучения в вузе[1]. Качество обучения представляет собой образование как процесс, – это результат учебного процесса и зависит от квалификации профессорско-преподавательского состава, интеллектуального уровня развития студентов, организации учебно-методического процесса и материально-технической базы вуза. Качество образования – это образование как результат, включающий востребованность выпускников учебных заведений, оценку подготовки с точки зрения работодателей, служебную карьеру.

В настоящее время благодаря проведенной модернизации образования по мозаичной образовательной матрице преобладает малобюджетное гуманитарное, условно говоря «легкое «образование, не требующее больших умственных усилий для его получения в отличие от технических, физико-математических и инженерных специальностей. Разрушение системы государственного заказа и мониторинга общественных потребностей в специалистах определенного профиля привело к выходу на рынок молодых людей, имеющих невостребованные реальным сектором экономики специальности.

Используемый принцип тестирования в российском образовании делает его все более ненаучным, поверхностным и абсурдным: Можно согласиться, что тестирование в той или иной степени применимо к точным наукам. Отметим существенные недостатки тестирования в вузах по другим, в частности, по экономическим дисциплинам.

Во-первых, результативность его проведения зависит от качества используемых учебников, а их качество не определяется даже наличием грифа Минобразования и науки РФ. Поскольку сейчас специалистов – любителей, например, по экономическим и финансовым дисциплинам[2] образовалось очень много, то взгляды на толкование тех или иных экономических категорий весьма произвольны.

Во-вторых, неясность и нечеткость в изложении тестового задания приводят к неправильному его пониманию, и соответственно, неверному ответу.

В-третьих, правильный ответ на тестовое задание студентами выбирается не на основе имеющихся знаний, а вычисляется путем подбора различных вариантов, иногда методом исключения.

В-четвертых, тестирование имитирует проверку у студентов.

В-пятых, тесты готовят люди, которые экономику и финансы не изучали и никакого отношения к ним не имеют.

В результате в тестировании очень мало науки и много субъективизма и правильные ответы на тесты вовсе не свидетельствуют о наличии у студента знаний. Напрашивается следующая аналогия. Вспомним тестирование по методике ГИБДД для получения прав на управление автомобилем. Учащийся блестяще отвечает на тесты и получает максимальную оценку. Затем он садится за руль, но управлять автомобилем не может. Точно также студент или ученик, сдавший все тесты и даже экзамены, на практике оказывается безграмотным специалистом, он не умеет применить свои знания на практике и не нужен предприятиям.

Вместо признания государством образования стратегическим инструментом развития всего общества в литературе широко используется рыночный принцип о том, что образование – это не общественное благо, выполняющее социальную функцию, а услуга, частное благо, требующее материального возмещения. Вместе с тем, финансируя образование, государство не продает и не покупает образовательные услуги, а обеспечивает деятельность своего структурного элемента, производящего общественные товары для их потребления частью населения.

Можно отметить тенденцию возрастания доли участия населения в финансировании образования как в прямой, так и в косвенной форме[3]. Удельный вес услуг системы образования в общем объеме платных услуг вырос с 2,55% в

---

[1] См.: Новикова В.Ф. Мифы и иллюзии современного российского образования. Монография. –М.: ИТК «Дашков и К», 2016. – С.87.

[2] Имеются в виду лица, не имеющие базового экономического образования, но осуществляющие преподавательскую деятельность, издающие учебники и учебные пособия и имеющие даже высокие ученые степени и звания. Примером может являться доктор экономических наук, базовое образование которого (и ученая степень кандидата наук) техническое, медицинское или любое другое. Характерно, что для получения ученой степени доктора экономических наук не требуется даже сдача кандидатских минимумов для лиц, не имеющих базового экономического образования.

[3] См.: Новикова В.Ф. Финансовое обеспечение образования Учебно-метод. пособие. – М.: РАГС, 2007. – С.20.

1995 г. до 6.7% в 2011 г. Объем платных услуг системы образования в 2011 составил в 326,5 млрд. руб. и приблизился к 1% ВВП[1].

Переход образовательных учреждений в статус автономных организаций из бюджетных прямо призывает их вести коммерческую деятельность и зарабатывать деньги, распоряжаться имуществом, отвечать самостоятельно по своим долгам. Этот факт свидетельствует и о тенденциях увеличения платного образования и усиления неравенства в отношении доступа к образованию при отсутствии эффективных и адресных механизмов финансовой помощи.

С точки зрения социально-экономических отношений ключевой тезис политэкономического подхода к содержанию реформирования вузов состоит в том, что образование по своей природе является нерыночным, нестоимостным благом, которое должно финансироваться государством. В развитых странах этот принцип уже реализуется, и приоритет остается за государственным (бюджетным), а не частным (внебюджетным) образованием.

Модернизация российского образования имеет противоречивый характер и в другом аспекте. Например, переход к Болонской системе коснулся заработной платы профессоров, работающих теперь в бакалавриате и магистратуре. Однако, во-первых, сама заработная плата преподавательского состава не соразмерна с оплатой труда преподавателей в зарубежных вузах, во-вторых, система стимулирующих надбавок никак не связана с качеством подготовки специалистов, и, в-третьих, перед преподавателем стоит выбор: разрабатывать новые программы обучения и работать со студентами при нагрузке в 900 часов и более или тратить все силы, время и деньги на публикации, учитывая российскую специфику данной проблемы.

Обратим внимание на то, что на подготовку качественной публикации может потребоваться значительное количество времени, а публикация в иностранных журналах типа Scopus является к тому же чрезвычайно дорогостоящей.

Заметим, что именно квалифицированные преподаватели являются ключевыми факторами в проведении модернизации образования и подготовки кадров, поэтому появление случайных людей в вузах разрушает образование изнутри, увеличивает количество слабо подготовленных специалистов. В результате всех изменений в образовании произошло падение социального статуса преподавателя, уход его из высших общественных страт. Сформировалось отношение к работе преподавателем как непрестижной и малооплачиваемой и эти тенденции уже привели к утрате в сфере образования квалифицированных кадров.

В самом начале, когда планировалась модернизация, не была выработана концепция развития образования, научные и методологические основы его совершенствования. Именно там должно быть определен подход государства к решению этой проблемы, в частности, признаются ли образовательные услуги общественными благами, или все же акцент будет продолжен на предоставление образования как преимущественно частных благ с соответствующей системой финансирования. Похоже, что пока преобладает вторая точка зрения, причем, как мы уже отмечали, она имеет тенденцию к развитию.

У российского образования есть резервы, которые могут быть направлены на более эффективное использование выделяемых бюджетных средств. Речь идет о методологии образования, основанной на использовании опыта советской высшей школы: это фундаментальные знания и подготовка специалистов широкого профиля. Имеются рекомендации российских ученых по модернизации образования, основанные на творческом подходе к подготовке будущих специалистов. Но Министерство образования и науки РФ не использует данные разработки.

Переориентация с фундаментального на функциональное прикладное образование с отказом от университетских принципов *нацелена на решение основной проблемы капитализма – получение прибыли.*

Например, экономическое образование сильно востребовано сегодня у молодых людей и предоставляется в различных вариантах на внебюджетной основе, особенно подготовка менеджеров. Основой их обучения является не *фундаментальная экономическая наука (политическая экономия), а* функциональная (прикладная) экономическая теория в виде микро- и макроэкономики американского формата, изучающая наиболее поверхностные формы общественно-экономических отношений между людьми. Современные экономические проблемы предлагается решать эффективным менеджерам с помощью управления экономическими процессами. Но предлагаемые зарубежными представителями экономических наук рецепты заведомо неэффективны, т.к. неправильное управление является не причиной, а следствием существующих противоречий. В области экономических знаний только политическая экономия оперирует противоречиями.

Попытки подгонки российского образования к международным нормам (так называемый «тюнинг») успеха не принесли. Согласно последнему варианту образовательных стандартов, компетенции надо разнести по каждому занятию и теоретическому и практическому, что сделать технически невозможно. Всякая последующая модернизация образования представляется все более абстрактной и ненаучной.

Подобная модернизация российского образования довольно выгодна западным странам, но нужна ли она России? В целом напрашивается вывод, что модернизация образования в ее современном варианте представляет такое «новообразование», которое подобно раковой опухоли уничтожает это самое образование, что особенно ярко проявилось в ряде отраслей, где при избытке, окончивших высшие учебные заведения молодых людей, и уже и еще работать некому, учитывая качество нынешней подготовки выпускников. На данном этапе очевидно, что импортозамещение необходимо в самом образовании.

Модернизации образования вызывает противоречия между такой фундаментальной категорией рынка как свобода выбора индивида и проводимой реформой укрупнения образовательных организаций, т.е. сокращением их количества, значительно ограничивая индивида в выборе профессий и специальностей. Кроме того, выбор индивида ограничивается возможностями его бюджета и бюджета его семьи, заставляя в ряде случаев делать худший выбор.

[1] Образование в РФ 2012. Статистич. сборник. – М.: Росстат, 2012. – С. 30.

Проведенное исследование показывает, что модернизация образования в ее современном варианте имеет много проблем, несет в себе ряд противоречий, которые отрицательно сказываются на результатах и качестве образования, которые в свою очередь, ведут к появлению специалистов, не востребованных рынком.

Безотлагательно требуется отказаться от такой модернизации, разработать концептуальные основы построения национальной модели образования на основе использования образовательной матрицы университетского, модели финансирования образования на основе предложения, опыта образования из прежней системы хозяйствования, когда оно являлось одним из лучших в мире.

Сложившаяся ситуация в образовании, именуемая «новой нормальностью» в образовании и вызванная его модернизацией, привела к тому, что состояние российского образования находится на очень низком уровне и качество его продолжает ухудшаться. По некоторым оценкам, лишь 5% экономически активного населения России относятся к категории высококвалифицированных специалистов (в ФРГ данный показатель составляет 56%. В США – 43%.)

В России утеряна связь между получением высшего образования, которое уже стало социальной нормой и его оплатой, которая не соответствует эпохе НТР. Проблема состоит еще в том, что российское образование является не источником роста среднего класса, а фактором усиления неравенства в связи с его платностью.

В ряде элитных школ и университетах появилось первичное образование очень высокого европейского качества для избранных. Наряду с этим существует образование второго сорта для низкооплачиваемых слоев населения на основе реализации финансового сценария спроса. Принятая модель финансирования на основе спроса порождает удовлетворение спроса на основе предоставления низкокачественных образовательных услуг, поскольку нацелена на решение основной проблемы капитализма и поэтому имеет весьма устойчивую траекторию развития из-за очень высокой нормы прибыли.

Таким образом, требуется совершенно другой подход к проводимым изменениям в образовании, его гуманизация. Гуманитарный подход к образованию созвучен идеям А. Маслоу, в соответствии с которым возможно подготовить не просто квалифицированных специалистов, а креативных личностей, которые своими идеями способны совершенно изменить страну и ее облик, создать новую систему ценностей, отражающие самые лучшие качества человека. Мы также полагаем, что для того, чтобы получить эффективных мотивированных работников, следует рассчитывать не на пороки людей, а на их добродетели.

Осетрова И.Г.
директор лицея № 9 «Лидер», председатель Совета директоров школ г. Красноярска
fap71@rambler.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. ШКОЛА КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБ

Введение

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение лицей № 9 «Лидер» расположен в районе Предмостной площади Свердловского района г. Красноярска. Здание построено в 1975 г., по проекту рассчитано на 725 учащихся единовременного пребывания. В настоящее время в лицее обучаются 1130 учащихся, причем обучение организовано в одну смену, работает 176 сотрудников, из которых 115 – педагогические работники. Уже 20 лет мы работаем в проектном режиме, разрабатывая инновационные модели общего образования, благодаря чему лицей стал известным не только в городе и крае, но и в России. Наш лицей – это инновационное учреждение, он имеет статус федеральной и региональной инновационных площадок, является пилотной школой по введению ФГОС всех трех уровней образования, а также ФГОС для детей с ОВЗ, городской базовой школой по организации инклюзивного образования, краевой стажировочной площадкой в рамках Федеральной целевой программы развития образования, региональной пилотной школой по введению профессионального стандарта педагога, а также базовой школой Российского движения школьников. Все эти статусы требуют инициатив, ответственности, мобильности педагогической команды, которая постоянно находится в проектном поле, в поле развития, прогнозирования будущего.

Особенности образовательной среды

Лицей – не просто учреждение среднего общего образования. Это комплекс, включающий Центр дополнительного образования, реализующий около 50 программ.

Лицей – это пространство социальных проб ребенка.

В чем уникальность образования в лицее № 9 «Лидер»? Во-первых, занятие передовых позиций по всем направлениям деятельности произошло благодаря разработке педагогами инновационных моделей общего образования. Эти модели, начиная с предшкольного и до среднего общего образования, при ведущей роли дополнительного образования, базируются на основных принципах: индивидуализация за счет выбора форм организации образовательной деятельности при изучении обязательных предметов, нелинейное расписание, организация ситуации успеха каждого ребенка, современная постоянно обновляющаяся технологическая образовательная среда, событийность, школа полного дня, содержательная компетентностная система оценивания достижений ребенка. Выбор форм деятельности заключается в том, что по обязательным предметам педагоги разрабатывают и предлагают на выбор разные мастерские. И такая система выбора начинается уже в начальной школе. Только в 3–4 классах – это один час в неделю по русскому языку и математике, а в 5–6 классах – это плюс литература, биология, география, история, английский язык, технология. И мастерские могут занимать как все часы недельного учебного плана (как, например, на русском языке и литературе), так и частично (математика, английский). Например, по русскому языку учителями предлагаются такие мастерские, как Виртуальная газета «КНОПКА», «Лицейская энциклопедия», по литературе – «Литературный эксперимент», «Книга», «Волшебное слово», «Занимательная лингвистика», по математике – «Криптография», «Математический гаджет», «Статистическое бюро», по технологии – «Авиамоделирование» и «Художественный труд». В ряду выбора есть такая форма, как урок. Отличие мастерской от урока заключается в том, что в мастерской в течение четверти разворачивается деятельность, предполагающая создание какого-либо продукта: газеты, сборника задач или упражнений, книги, спектакля, литературно-музыкальной композиции, видеоролика, виртуальной экскурсии, программного продукта и др. Появляются интегрированные программы, такие как мастерская «ГлоблЛаб» по биологии и географии. Система безотметочного оценивания предполагает развернутый комментарий учителя по поводу деятельности и достижений ученика на уроке. Управление процедурой выбора и система оценивания потребовали создания специальной электронной среды. По техническому заданию педагогов лицея программистами компании «Астрософтдевелопмент» (Санкт-Петербург) был создан образовательный портал, включающий личные кабинеты учителей, учеников и родителей, электронные журналы и дневники. Этот портал позволяет автоматизировать процедуру выбора ребенком индивидуальной образовательной программы, составление расписания. Электронный дневник включает комментарий учителя, индивидуальное домашнее задание, обратную связь ребенка с учителем, для родителей – рекомендации психолога. Конструкция электронных журналов и дневников постоянно совершенствуется. В настоящее время учителя имеют возможность фиксировать в электронных журналах все компетентности ребенка, заложенные в образовательной программе.

Образовательная игра как ресурс развития школьников

Отметка, пока еще отражающаяся в аттестате, имеет место и у нас в лицее, только появляется она в конце четверти по результатам итоговой аттестации. Эта процедура представляет собой ряд событий, одним из которых является образовательная игра. Это игры-квесты, игры-стратегии, в основе которых лежит изучаемая в четверти историческая эпоха. Игра – это мониторинговое событие, проходящее в интересной форме, включающей, в том числе, театрализацию – костюмы, мини-спектакли при подведении итогов игры. На игровых площадках детьми решаются нестандартные задачи, включающие все предметные области. Таким образом, дети учатся читать инструкцию, вычленять в задаче условия, искать и находить нужную информацию, находить решение. Здесь проявляются такие качества, как лидерство, ответственность, умение работать в команде, договариваться, разрешать конфликтные ситуации. Именно эти компетентности фиксируются в ходе игры с помощью мониторинговых карт. Для этого специально подготовлена команда, состоящая из учителей и психологов. Данные мониторинга анализируются в течение года, в результате чего появляются основания для корректировки образовательных программ, в том числе индивидуальных. Нами разработано уже восемь таких игр для 5–8 классов. В этом году мы решили ввести в образовательную программу основной и старшей школы интеллектуальные игры по типу «Что? Где? Когда?», QWIZ. А в начальной школе дети готовятся к таким играм, изучая и пробуя играть, причем каждый класс в течение двух недель обучает играть в свою игру других сверстников. Популярной стала игра «Галактический страйк» – битва между разновозрастными командами учеников и командой педагогов. И не всегда взрослые оказываются победителями. В 7–8 классах усложняется образовательная программа, и дети выбирают уже не мастерские, а проекты. Это уже не предметные, а метапредметные и межпредметные проекты, интегрирующие разные предметные и надпредметные области. Например, проект Театр импровизаций «T-action» или «Корзина яблок» (создание видеороликов, «Горячая десятка» (овладение учащимися технологией чтения текста), «Школа экскурсовода» (создание сценариев экскурсий и их проведение, причем не только в пределах лицея, но и за его стенами), «Туристическое агентство» (создание виртуальных экскурсий-путешествий по краю, России, зарубежным странам), «Конструкторское бюро» (моделирование физических законов и объектов) и многое другое. В начале года семиклассники выбирают проект, в котором будут работать, раз в полгода могут перейти в другой проект. Предусмотрены промежуточные и итоговые публичные защиты проектов, а в конце года – публичное предъявление образовательных результатов в форме, выбранной учащимся. Это мониторинговое событие, в ходе которого фиксируются и предметные результаты (в случае защиты проекта это могут быть несколько предметов), и метапредметные и личностные. И итоговые аттестации, и публичная защита предполагает возможность ребенком повысить отметку по тому или иному предмету. Важным является то, что во время этих процедур образовательные результаты детей оценивают не те учителя, которые их учили, а экспертная комиссия, состоящая из других учителей предметной кафедры, или кафедр.

Предпрофессиональные пробы

В 9 классе в образовательную программу включены предпрофессиональные пробы: один день в неделю ребята ходят в Красноярский техникум промышленного сервиса, где в течение года пробуют себя в различных рабочих и сервисных специальностях. Не важно, кем будет в дальнейшем ребенок, в данном случае закладываются множество компетентностей, которые, так или иначе, пригодятся ему в жизни как в профессии, так и в быту. В этом году двое наших девятиклассников прошли отборочный этап конкурса «JuniorSkills» по компетенции «Прототипирование» и вышли в региональный этап.

Старшая школа – ответственный выбор предметов для изучения на углубленном уровне, что позволит в дальнейшем успешно сдать ЕГЭ и поступить на выбранную специальность в вуз. С этой целью нами налажены партнерские отношения с ведущими вузами Красноярска – Сибирским федеральным университетом, Сибирским государственным аэрокосмическим университетом им. акад. М.Ф. Решетнева, Красноярским педагогическим университетом им. В.П. Астафьева, Красноярским государственным медицинским университетом им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого. Формы партнерского взаимодействия различные – это и занятия на базе университетов по углубленным и профильным программам в дополнение к тому, что изучается в школе, это организация исследовательской деятельности в лабораториях, волонтерство будущих врачей в больницах, это экскурсии на предприятия и в организации, это дни открытых дверей в университетах, это всевозможные конкурсы и олимпиады, в том числе включенные в перечень всероссийских олимпиад, дающих дополнительные баллы при поступлении.

С прошлого года по результатам конкурсного отбора в лицее открыт специализированный инженерно-технологический класс в старшей школе, а в этом году – еще и восьмой класс. Подготовка будущих инженеров, начиная со школьной скамьи, – это очень важно для развития Красноярского края, а потому на нас ложится большая ответственность. Без создания специальных условий, специальных программ, взаимодействия с ведущими вузами это не возможно.

Для реализации инновационных моделей требуется соответствующая инфраструктура, включающая современные образовательные среды. Учебные кабинеты переоборудуются в кабинеты-трансформеры с мобильной мебелью, новейшей компьютерной техникой, дающие возможность учителю одновременно организовывать во время учебного занятия разные виды деятельности учащихся. Современный дизайн, постоянно обновляемая наглядность, функциональность – отличительные особенности образовательной среды лицея. Образовательное пространство давно уже вышло за пределы здания. Это использование городской среды во всем ее многообразии – спортивные сооружения, театры, музеи, памятники и т.д. Таким пространством стал и пришкольный участок, который прошлым летом превратился

в парк «Красноярск в миниатюре». Открывает парк Центральный район – макеты красноярского Биг-Бена, часовня Параскевы Пятницы и арка «375 лет созидания и развития». Здесь же установлен баннер с изображением спортивного объекта – Дворца спорта им. И. Ярыгина. Продолжает парк Железнодорожный район с изображением вокзала на стене трансформаторной будки и макета паровоза-памятника «Серго Орджоникидзе». Далее – Советский район с макетом памятника самолету МиГ-21Ф и баннером с изображением «Арены Север». Свердловский район представлен замечательными уголками, посвященными заповеднику «Столбы», парку флоры и фауны «Роев Ручей» и, конечно же, знаменитому Бобровому Логу. Октябрьский район представлен библиотекой СФУ и баннером с изображением Академии биатлона, Ленинский – макетом ракеты-носителя «Космос-3М», а Кировский – Театром юного зрителя. На стенах здания лицея размещены пять баннеров с изображениями популярных мест города и стихами о Красноярске, написанными педагогами и учениками лицея, а на фасаде, выходящем на ул. Семафорную, – плакат с изображением символики Всемирных студенческих игр: «Универсиада-2019 – это наша зима!» На спортивной площадке – два баннера с изображениями 20 послов игр и карты спортивных объектов Красноярска, а также символ Универсиады «Лайка». Вдоль футбольного поля размещены пять баннеров, посвященных Российскому движению школьников. Рядом с каждым макетом размещены информационные таблички, с обратной стороны которых представлены высказывания известных русских писателей о человеческих ценностях. Повсюду расставлены скамейки для отдыха и стойки с висячими вазонами с цветами. Теперь жителям соседних домов есть где погулять с детьми, сфотографироваться и просто приятно провести время. Совсем недавно наши выпускники прошлых лет обратились к нам с инициативой разместить на всех установленных объектах QR-коды. Теперь, установив соответствующую программу на телефон или планшет, можно получить больше информации о нашем городе.

Парк «Красноярск в миниатюре»

23 июня 2016 г. состоялось торжественное открытие парка «Красноярск в миниатюре» с участием главы города Эдхама Акбулатова. По его мнению, парк имеет полное право на то, чтобы стать еще одной достопримечательностью города. Популяризации проекта способствует множество мероприятий, которые проводятся на его территории с привлечением жителей Свердловского района – это и спортивные, и культурно-массовые мероприятия. Совместно с Красноярским центром туризма и краеведения подготовлена группа экскурсоводов среди лицеистов. Экскурсии проводятся в теплое время года по заявкам горожан. Мы хотим, чтобы школьный парк со временем превратился в настоящее культурно-образовательное пространство – знаковое место района. В нем постепенно будут появляться макеты и других зданий Красноярска: музеи, библиотеки, театры. И, конечно же, спортивные объекты, которые будут возведены к Универсиаде. Осенью во время приема директором лицея родителей, активно принимавших участие в реализации нашего проекта, были озвучены множество предложений по его дальнейшему развитию.

На создание современных условий, строительство парка, разумеется, необходимы значительные вложения. Мы используем различные финансовые возможности – это и бюджетные ассигнования, субсидии и гранты, предоставляемые на конкурсной основе, это благотворительные средства и пожертвования. С этой целью десять лет назад по инициативе попечительского совета создан некоммерческий фонд, призванный помогать реализации наших проектов. Так, на создание современных образовательных сред в учебных кабинетах в 2013 г. ОАО «Ванкорнефть» оказал нам благотворительную помощь в размере 2 млн. руб. На реализацию летних экологических проектов (экспедиций, выездных школ) ежегодно мы получаем до 100 тыс. руб. из городского бюджета. За счет грантов, полученных в рамках краевой программы «Социальное партнерство во имя развития» создан семейно-досуговый центр «Семейная Академия», для создания парка «Красноярск в миниатюре» мы получили грант в размере 325 тыс. руб. На приобретение оборудования для кабинетов химии, физики, биологии, развитие физкультурно-спортивного клуба «Олимп» также на конкурсной основе были получены целевые субсидии. Мы развиваем платные услуги, с каждым годом растет их востребованность.

Цель развития – повышение качества и доступности образования

Наши модели развиваются. И главная цель развития – повышения качества и доступности образования. Мы используем все возможные ресурсы, в том числе социальные сети, которые втягивают все больше и больше детей, часто преследуя негативные цели. Мы же переводим общение наших детей в соцсетях в позитивное русло, пропагандируя там шедевры культуры и искусства, знаменитых писателей, композиторов, режиссеров, общественных и политических деятелей. Включившись в Российское движение школьников, мы организовали в виртуальном пространстве командно-ролевую игру «+1», это когда под какое-либо важное дело, или миссию, находится лидер, который собирает команду, а команда старается подключить к этому делу как можно больше детей, и даже взрослых. У нас приветствуются учительские кооперации и разделение труда. Так, например, учителя истории разделили между собой деятельность по проведению лекций, семинаров, образовательных игр, экскурсий. Раз в четверть организуем день, когда у учащихся с 5 по 11 класс есть возможность выбрать одну или несколько из предложенных учителями тем по разным предметам, которая либо не понята во время изучения, либо еще совсем не изучалась. Так, пятиклассники с огромным интересом слушали лекцию про В.И. Ленина и включились в работу на занятии по биологии по теме «Размножение».

Мы не стоим на месте, а работаем на опережение, опираясь на прогнозирование будущего минимум на 15–20 лет, поэтому и выбрали для себя название «Лидер».

Пилипенко Е.В.
д.э.н., профессор ННГУ, г. Нижний Новгород
pilipenkoev@bk.ru

ЗАДАЧИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Ключевые слова: *технологические уклады, высшая школа.*

Задача высшей школы – быть центральным звеном в обеспечении единства системы «наука-образование-производство». Происходящая смена технологических укладов придает этой задаче новый смысл, наполняет уже известные функции новым содержанием. Быстрее и проще всего заметить происходящие изменения можно в экономике.

Мы исходим из того, что *экономика, как сфера общественной деятельности, отвечает за организацию системы общественных отношений, необходимых для обработки вещества природы на технологически доступном для общества уровне.* Излишне говорить, что «технологически доступными» делают вещество природы только знания, имеющиеся в распоряжении общества и человека.

Определение зависимости (фактически, как показывают исследования, *функции)* экономической системы от геометрического размера обрабатываемого вещества природы непривычно, но вполне объяснимо и закономерно.

Таблица 1

Эволюция структуры экономического продукта[1]

Геометрический размер вещества Природы, участвующего в производстве продукта	Структура экономического продукта, по факторам,%		Соотнесение с:	
	ВЕЩЕСТВО ПРИРОДЫ	ЗНАНИЯ	Технологическим укладом (ТУ)	Этапом развития экономики
Макроуровень *(1 мм и более)*	**75** *(100–75)*	**25** *(0–25)*	1,2 ТУ	*Доиндустриальная экономика*
Мезоуровень *(Десятки мкм -1мм)*	**50** *(75–50)*	**50** *(25–50)*	3,4 ТУ	*Индустриальная Экономика*
Микроуровень *(1мкм-десятки мкм)*	**25** *(50–25)*	**75** *(50–75)*	5 ТУ	*Постиндустриальная экономика*
Наноуровень ***(1 нм – 1 мкм)***	**5** *(25–5)*	**95** *(75–100)*	**6 ТУ**	***Экономика знаний***

Вспомним, что производство любого продукта предполагает наличие предметов и средств труда, а также способа их соединения в едином производственном процессе – технологии. Вполне понятно, что и средства труда, и способ их применения (технология) всецело определяются особенностями поступающих в обработку предметов труда и прежде всего – их параметрами, габаритами, т.е. геометрическим размером.

Невозможно изготовить микросхему или полупроводниковые элементы компьютера, размеры которых соответствуют одному микрометру, на автоматических станках, обрабатывающих материал не свыше нескольких десятков микрометров. Верно и обратное – чугунные или стальные заготовки, предполагающие обработку на металлорежущих станках, никак не могут быть обработаны средствами нанотехнологий[2].

Фактически, как следует из табл. 1, при изменении геометрического размера вещества природы, используемого обществом при производстве экономического продукта, меняется и социально-экономическая система. И чем кардинальней меняется этот размер, тем кардинальней меняется и социально-экономическая система. При изменениях, происходящих внутри размерного диапазона (графа 1 табл. 1) происходит *эволюция* экономической системы, при переходе от одного диапазона к другому – *революция*, требующая слома старых и создания совершенно новых социально-экономических условий, институтов и инструментов. В самом деле, нано- и биотехнологии не «вырастают» из технологий металло- и машинообработки, не «встраиваются» в них, а полностью их заменяют, требуя адекватных изменений в обеспечивающей их реализацию социально-экономической системе.

Теоретическое изучение «продукта» 6-го ТУ и рассмотрение уже имеющихся продуктов нанотехнологий позволяют предположить, что как отдельно взятые производственно-хозяйственные системы, так и всю социально-экономическую систему в целом ждут, без преувеличения, беспрецедентные изменения.

[1] Пилипенко Е.В., Гринюк К.П. Промышленный комплекс региона в условиях формирования экономики знаний. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – С. 9.

[2] Пилипенко Е.В., Гринюк К.П. Теоретические и методологические проблемы экономики промышленности как науки. Препринт. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 60 с.

Вспомним, что основными причинами создания современной экономической конструкции (глобализации, разделения мира на «развитые» и «развивающиеся» страны, появления транснациональных корпораций и мирового рынка, ВБ, МФВ и ВТО), также были особенности господствовавших в то время технологий – технологий 4-го и 5-го ТУ. Одной из ключевых (с экономической точки зрения) особенностей этих технологий является массовый характер производства как необходимое условие обеспечения их рентабельности[1]. Именно это стало основой для формирования «общества потребления» в условиях капиталистической экономики и «работы на склад» в условиях плановой советской экономики.

Технологии 6 ТУ – это технологии не массового, а единичного, индивидуального производства, производства «под конкретного заказчика»: уже сейчас есть опытные образцы технологий в медицине, обеспечивающих точную доставку лекарственных средств в количестве нескольких молекул в конкретные пораженные болезнью клетки и т.п., что делает в принципе ненужным массовое производство лекарственных средств, ориентированных «на болезнь», а не «на больного». Использование таких технологий позволяет сделать следующие выводы и предположения:

– поскольку человек не может сам, непосредственно, манипулировать наночастицами вещества, он должен будет объективно выйти как из процесса обработки вещества, так и из процесса изготовления машин, способных манипулировать наночастицами, полностью автоматизировав оба этих процесса и создав самовоспроизводящиеся машины;

– полностью искусственными становятся не только средства, но и предметы труда: прежде чем обработать вещество на наноуровне, надо сначала его создать, поскольку в естественной природе такого вещества нет (пример – смеси для 3 D принтеров);

– для производства «наноматериалов», «нанопродуктов» и «наномашин» потребуется крайне малое количество вещества и энергии, измеряемое не тоннами, килограммами и граммами, а количеством молекул и атомов (десятками, сотнями и тысячами);

– производство из массового будет трансформироваться в индивидуализированное, ориентированное на индивидуальные потребности человека. Уже сейчас в опытных образцах есть системы «нанокомпьютер – наноманипулятор», позволяющие организовывать сборочные автоматизированные комплексы, способные собирать любые индивидуальные макроскопические объекты по заранее снятой либо разработанной трехмерной сетке расположения атомов в неограниченном количестве.

Кроме того, принципиальной, ключевой, системообразующей особенностью технологий 6 ТУ является их основной принцип – изготовления сразу конечного продукта и, зачастую, сразу для конечного потребителя. Основным принципом предшествующих технологий была обработка, что предполагало существенно большее количество этапов: нахождение и доставку сырья к месту переработки, изготовление из сырья полуфабрикатов, доработку полуфабрикатов до требуемых параметров качества, сборку из обработанных полуфабрикатов готового продукта, хранение готового продукта, передачу его в снабженческо-сбытовые организации и, наконец, доведение до потребителя. Связующим звеном между этапами опять-таки был рынок. Такая сложная, длительная и дорогая система обработки являлась мерой вынужденной, призванной постепенно, поэтапно придавать исходному веществу те качества и конфигурацию, которыми они изначально не обладали.

Технологии 6 ТУ, за счет манипуляций отдельными атомами и молекулами, позволяют изначально придавать требуемые качества и свойства материалам и формировать их сразу в конечную конфигурацию заданной точности и сложности. В данном случае этапы не нужны – качества и свойства присутствуют в продукте изначально, с момента его создания. Один из наиболее наглядных примеров – технологии изготовления на 3D принтере. 3D печать – это процесс воссоздания реального объекта по образцу 3D модели. 3D принтер, накладывая вещество слой за слоем, формирует реальный объект, пока на рабочем столе не окажется готовое изделие. Уже сегодня возможны: «печать» домов, оружия, коробки передач для автомобилей, одежды, обуви, человеческих органов, пищи и т.п. Сам по себе приведенный список способен буквально шокировать людей, выросших в условиях 3–4 ТУ, где господствовали технологии металлообработки и последовательной сборки конечного продукта из множества полуфабрикатов, из которых, как ни старайся, не изготовить ни человеческие органы, ни пищу.

Однако, кроме замечательной наглядности, подобные технологии исключительно информативны в плане изучения влияния особенностей изготавливаемого продукта на социально-экономическую среду.

Легко заметить, что подобные технологии (изготовления «здесь и сейчас») не требуют сложной системы поставщиков полуфабрикатов и продавцов готовой продукции, т.е. фактически, *не требуют рынка* – как локального, так и глобального, мирового рынка. То есть *рынок перестает быть основным условием существования производства*, каким он был на протяжении последних нескольких сотен лет. Это принципиальным образом меняет весь производственный процесс и всю обеспечивающую этот процесс социально-экономическую среду.

Фактически особенности технологий 6 ТУ – нематериалоемкость, неэнергоемкость, миниатюрность предметов, средств и продуктов труда – позволяют говорить о предприятиях малого бизнеса как об основной производственной единице нового технологического уклада.

По информации, представленной в электронных изданиях и ресурсах Интернет, проведены сравнительные исследования о возможности производства продуктов на предприятиях малого бизнеса по технологиям различных технологических укладов, результаты приведены в табл. 2.

[1] Голанский М.М. Современная политэкономия. Что век грядущий нам готовит? – М.: Эдиториал УРСС, 1998.

Таблица 2

Оценка возможности производства продуктов различных технологических укладов на предприятиях малого бизнеса на примере производства электромобиля

Продукт: электромобиль		Производственный процесс			Оценка возможности производства на предприятиях МБ	
3–4 ТУ	5–6 ТУ	Элементы производственного процесса	Технологии изготовления		3–4 ТУ	5–6 ТУ
			3–4 ТУ	5–6 ТУ		
Электрокары «ё-мобиль» (Россия) «Maserati GranTurismo Convertible», « Fiat Group» (Италия) , «Tesla model S», «Toyota RAV4 EV» (США), «Volkswagen E-Golf (Германия), «Nissan Leaf EV» (Япония)	Электрокар Strati, производство Local Motors (США)	Количество деталей, шт.	**до 5000**	**49**	нет	да
		Длительность производственного цикла, дней	**от 22 до 180**	**5**	нет	да
		Количество единиц оборудования, шт.	**>10 000**	**3**	нет	да
		Протяженность конвейерных линий, км.	**300**	**0**	нет	да
		Длина главного конвейера, км.	**1,5**	**0**	нет	да
		Численность персонала, чел.	**от 700 до 75 400**	**87**	нет	да
		Площадь производственных площадей, кв. м	**>4 000 000**	**3 700**	нет	да
		Количество этапов производства	**около 50**	**3**	нет	да

В качестве объекта сравнения взят электромобиль. В качестве продукта 4 ТУ взяты[1]: «ё-мобиль» (Россия), «Maserati GranTurismo Convertible», «Fiat Group» (Италия), «Tesla model S», «Toyota RAV4 EV» (США), «Volkswagen E-Golf (Германия), «Nissan Leaf EV» (Япония)[2].

В качестве продукта 6 ТУ взят электрокар «Strati», производитель Local Motors (США).

Простое сравнение данных столбцов 4 и 5 табл. 2, количественно характеризующих особенности производственного процесса по технологиям, соответственно, 3–4 ТУ и 5–6 ТУ дает представление о перспективах, открывающихся перед предприятиями малого бизнеса при переходе на производство продуктов по технологиям 6 ТУ.

Количество деталей: конструкция электрокара Strati (6 ТУ) состоит из 49 компонентов, включая 3D-напечатанный кузов, тогда как для производства в среднем обычного электромобиля (4 ТУ) сегодня требуются не менее 5000 деталей [2].

Длительность производственного цикла: именно технологии 6 ТУ (печать на 3D принтере), приведшее к сокращению количества деталей на 2 порядка (с 5000 до 49) – что позволило кардинально сократить длительность производственного цикла – до 5 дней против 180 дней для, например, «ё-мобиля» (Россия) или даже 22 дней для электромобиля «Maserati GranTurismo Convertible» (Италия).

Количество единиц оборудования: для производства электрокара (6 ТУ) требуются лишь 3 единицы производственного оборудования: 1) компьютер, 2) 3Д принтер, 3) 3Д сканер. Производство электромобиля по технологиям 4 ТУ предполагает наличие не менее 10 000 единиц производственного оборудования. Т.е. в этом случае происходит сокращение уже на 4 порядка (с 10 000 до 3)!

Протяженность конвейерных линий: в технологиях 4 ТУ конвейер является центральным элементом производства автомобилей (в том числе и электромобилей). Для сборки Strati (6 ТУ) конвейер не требуется.

Длина главного конвейера: принципиально важна для производства а/мобилей в технологиях 4 ТУ и не имеет никакого значения в технологиях 6 ТУ.

Численность персонала: при производстве по технологиям 6 ТУ электрокара Strati (компания Local Motors, США) достаточно всего 87 человек. При использовании технологий 4 ТУ численность персонала автопроизводителей сборочных предприятий составляет: «АвтоВАЗ» (Россия) – 75 400 человек, «Дженерал Моторз Авто» – 1500 человек, «Тесла Моторс» (США) – 1700 человек, «Соллерс» (Россия) – 700 человек.

Площадь производственных помещений: при работе по технологиям 4 ТУ производственные площади огромны: «АвтоВАЗ» – более 4 млн. кв. м. Микрозавод «Локал Моторс», работающий по технологии 6 ТУ, занимает площадь всего 3700 кв. м., половина из которых используется под лаборатории для совместного творчества, исследований, общественных мероприятий, четверть – дилерский шоу-рум, четверть – сборочный цех[3].

То есть площадь собственно производственных помещений – менее 1000 кв. м.

Количество этапов производства: при переходе к работе по технологиям 6 ТУ также сокращается многократно. Микро-производственный процесс электрокара Strati (6ТУ) включает лишь три этапа: 3D печать корпуса, фрезеровка, сборка. При использовании технологий 3–4 ТУ этапов в сотни раз больше. Процесс изготовления любого автомобиля осуществляется в такой последовательности: заготовительные цеха – обрабатывающие цеха – механосборочные цеха – сборочные цеха – склад.

[1] Мельник А. Sdelay sam фром Аризона. – www.automobili.ru/themes/society/sdelay-sam-frome-arizona2847

[2] Приходько Д. Local Motors готовится к производству новых авто с напечатанным на 3D-принтере кузовом. – http://www.3dnews.ru/916896

[3] Пилипенко Е.В. Перспективы развития малого предпринимательства в условиях смены технологических укладов и формирования экономики знаний / Е.В. Пилипенко, К.П. Гринюк, Н.А. Соколова // Экономика и предпринимательство. – М.: Экономика и предпринимательство, 2015. – № 3(56). – С. 911–915.

Итак, под воздействием новейших технологий социально-экономическая реальность меняется, меняется быстро и достаточно кардинально. В этих условиях именно высшая школа должна стать посредником между наукой и производством, обеспечить новейшие производства кадрами нужной квалификации и в требуемом объеме.

Серафимович И.В.
к.психол.н., доцент Ярославского филиала РЭУ
ivserafimovich@rea-yar.ru

К ВОПРОСУ О МЕТАКОГНИТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ НАДСИТУАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОФЕССИЙ СОЦИОНОМИЧЕСКОГО ТИПА)[1]

Ключевые слова: *коппинг стратегии в стрессе, проблемные ситуации, профессионализация, надситуативное мышление, метакогниции, профессионализация, профессиональные мотивы, профессии социономического типа.*

Keywords: *coping strategies, stress, problems, professional development, non-contextual thinking, metacognition, career intentions, professions of the socionomy type.*

Психологические знания становятся неотъемлемой составляющей практической деятельности во многих отраслях и сферах, особенно явно в сфере профессиональной деятельности «человек-человек» (М.М. Кашапов, Н.Ф. Мельниченко, И.В. Серафимович, П.А. Чирков, В.В. Кашковский). При этом важно понимать, что для активного продвижения новых товаров и услуг важно не только знать психологические особенности клиентов, способы воздействия на чувства и эмоции, но и важно, чтобы сами инициаторы (кампании, фирмы, организации, учредители) имели определенные социально-психологические характеристики, свойства личности, навыки взаимодействия, а также уровень профессионального мышления, позволяющие грамотно реализовывать поставленные цели, с наименьшими затратами добиваться желаемых результатов, оптимально использовать различные имеющиеся ресурсы. Последнее из указанных нами направлений, является мало разработанным и оставляет достаточно широкое пространство для исследований, а именно изучение особенностей профессионального надситуативного мышления в профессиях типа «человек-человек». При этом современные данные показывают, что дают основу для функционирования и развития проявлений профессионального мышления метакогнитивные способности, которые помогают эффективно решать различные профессиональные задачи, в том числе, проблемные ситуации, возникающие в процессе профессионализации. Метакогниции активно изучаются как в России, так и за рубежом.

Нами процесс профессионализации рассматривается в контексте изменений в мышлении и мировоззрении личности, в появлении надситуативного подхода, который позволяет эффективно разрешать проблемные ситуаций. Все более востребованными становятся составляющие надситуативного мышления, которое является необходимым уровнем профессионального мышления и предполагает умение эффективно общаться, рассматривая каждую ситуацию, учитывая контекст (как явный, так и не всегда сразу заметный), договариваться с партнерами (клиентами), предвидя различные последствия партнерства, ориентироваться на значимые и ценные для партнера предикаты и одновременно учитывать свои интересы, готовность работать в ситуации неопределенности и рассматривать возникающие различного рода проблемные ситуации в профессиональной деятельности как ресурсы, четко осознавать и понимать свои возможности и умение их принять в практической действительности. В связи с этим, исследование поведения людей в различных проблемных ситуациях, проблемах межличностных конфликтов во взаимоотношениях, умения разрешать и управлять ими имеет актуальное значение на сегодняшний день.

Цель исследования – изучение особенностей метакогнитивных характеристик надситуативного мышления, стратегий поведения в стрессе и ведущих профессиональных мотивов.

Выборка: две компании, предлагающие субъектам товары: одна из которых реализует продажу мебели (МР) – 20 человек, вторая – (СГ) компания-предприятие общественного питания. Обе компании осуществляют продажу определенных товаров, различающихся существенно ценой, ценностью, потребностями клиентов, подходом к возможности покупки.

Методы:

– Тест «Якоря Карьеры» на определение ведущих профессиональных мотивов, системы ценностных ориентаций человека, его социальных установок по отношению к карьере и работе вообще (E. Schein, в адаптации В.А. Чикер).

– Метод ретроспективного описания и прогностического самоанализа испытуемым педагогической проблемной ситуации (М.М. Кашапов, И.В. Серафимович).

– Индикатор копинг-стратегий преодоления стресса (Д. Амирхан).

Для математико-статистической обработки данных была использована программа SPSS Statistics 22.0, для упорядочивания и сортировки данных использовалась программа Microsoft Excel. Для сравнительного анализа был выбран t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ Ч. Спирмена.

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Метакогнитивные процессы в профессионализации субъекта» (проект № 15-06-10823а).

Отличия в стратегиях поведения в стрессе между выборками. Выявлены достоверные различия по показателю стратегии избегания (в стрессовых ситуациях). Данный показатель выше в подвыборке СГ ($t = 4,1$, при $p \leq 0,01$). Это поведенческая стратегия, при которой человек старается избежать контакта с окружающей его действительностью, уйти от решения проблем. То есть группа людей СГ чаще пытаются уйти от решения проблемы.

Таблица 1

Описательная статистика по стратегиям поведения в стрессе (среднее значение)

Показатели описательной статистики	Стратегии поведения в стрессе		
	Решение проблем	Поиск социальной поддержки	Избегание
МР	20,3	18,8	17,5
СГ	20,8	20,8	20,9

Мы считаем, что преобладание стратегии избегания связано с наличием большого количества признаков стрессовых ситуаций в случае продажи товаров общественного питания (недовольство может быть связано с субъективным состоянием клиента, с объективными условиями продаж, с качеством продаваемого продукта, зависящим от внешних обстоятельств, на которые невозможно повлиять напрямую и пр.). Необходимость сохранять психологическое равновесие содействует выбору стратегии, при которой продавец уходит от возникающих проблемных ситуаций (во внутренний мир или не реагирует на ситуацию внешне).

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа достоверности отличий выборочных средних

Показатель	Значение t-критерия Стьюдента	Уровень значимости	Среднее арифметическое значение	
			МР	СГ
Глубина анализа проблемной ситуации	3,0 $p \leq 0,01$	0,4	0,0	
Стратегия избегания	4,1	$p \leq 0,01$	17,5	20,9
Автономия	2,7	$p \leq 0,05$	3,3	2,3
Стабильность работы	2,4	$p \leq 0,05$	2,5	1,8
Служение	4,0	$p \leq 0,01$	4,1	2,4
Интеграция стилей жизни	2,3	$p \leq 0,05$	3,8	2,8

Отличия в ведущих профессиональных мотивах, социальных установках по отношению к карьере между выборками

Обнаружены достоверные различия:

1) По критерию автономности $t = 2,7$, при $p \leq 0,05$), данный показатель выше в подвыборке МР, что позволяет предположить, что для сотрудников мебельной компании важна возможность работать самостоятельно, решать, как, когда и что делать для достижения тех или иных целей и, кроме того, карьера для них – это, прежде всего, способ реализации их свободы.

2) В уровне выраженности потребности в стабильности работы ($t = 2,4$, при $p \leq 0,05$), т.е. люди группы МР испытывают выше потребность в безопасности, защите и возможности прогнозирования. Они очень ценят социальные гарантии, которые может предложить работодатель, и, как правило, их выбор места работы связан именно с длительным контрактом и стабильным положением компании на рынке. Показатель выраженности по критерию служения выше в подвыборке МР ($t = 4,0$, при $p \leq 0,01$), что свидетельствует о том, что люди группы МР, ориентированные на служение другим (клиентам).

3) По критерию интеграции стилей жизни он выше в подвыборке МР ($t=2,3$, при $p \leq 0,05$). Основываясь на данных показателях, можно сказать, что представители группы МР склонны выбирать и поддерживать определенный образ жизни. Развитие карьеры их привлекает только в том случае, если она не нарушает привычный им стиль жизни и окружение. Для них важно, чтобы все было уравновешено – карьера, семья, личные интересы и т.п.

Таблица 3

Описательная статистика по Тесту Э. Шейна «Якоря карьеры» (среднее значение)

Сферы услуг	*Профессиональная компетентность*	*Менеджмент*	*Автономия*	*Стабильная работа*	*Постоянство места жительства*	*Служение*	*Вызов*	*Интеграция стилей жизни*	*Предпринимательство*
МР	2,50	2,90	3,30	2,50	1,90	4,10	3,05	3,75	2,90
СГ	2,50	2,83	2,28	1,83	1,56	2,39	2,89	2,83	2,33

Таблица 4

Представленность критериев ситуативности-надситуативности в профессиональном мышлении

Сферы услуг, производства	*Адекватность*	*Глубина*	*Полнота*	*Оперативность*	*Достаточность*	*Оригинальность*	*Обоснованность*
МР	0,7	0,4	0,1	0,9	0,2	0,2	0,8
СГ	0,7	0,0	0,0	0,6	0,0	0,0	0,6

Корреляционный анализ позволил выделить нижеследующие взаимосвязи:

Показатель достаточности анализа имеет прямые корреляционные взаимосвязи со стратегиями поиска социальной поддержки (r = – 0, 405, при p ≤ 0,01) и избегания (r = – 0, 323, при p ≤ 0,01). Это свидетельствует о том, что чем выше успешность распознавания признаков сложности проблемной ситуации, тем реже испытуемые обращаются за помощью к близким при решении проблем и избегают ее решения.

Показатель общего надситуативного мышления имеет обратную корреляционную взаимосвязь со стратегией избегания (r = – 0, 386, при p ≤ 0,01), что говорит о том, что чем надситуативней мышление у испытуемых, тем реже они избегают решения проблем.

Показатель стратегии разрешения проблем имеет прямую корреляционную взаимосвязь со шкалой менеджмента (r = 0, 378, при p ≤ 0,01), что свидетельствует о том, что чем чаще испытуемые решают свои проблемы, ищут оптимальные решения, тем выше у них ориентация на управление людьми, процессом, стремление к власти.

Показатель глубины анализа имеет прямую корреляционную взаимосвязь со служением (r = 0, 472, при p ≤ 0,01), что говорит о том, что чем выше степень осмысления противоречий в проблемной ситуации у испытуемых, тем чаще они стремятся реализовать в работе свои идеалы и ценности. Подтверждением вышесказанному является и показатель выраженности глубины анализа проблемной ситуации, который значимо выше в подвыборке МР (t = 3,0, при p ≤ 0,01), дающий нам основание полагать, что группа МР склонна осознавать, фиксировать, наблюдать и анализировать любую проблемную ситуацию, не только межличностную, но и связанную с интересами компании потенциально существующую при взаимодействии с клиентами (в том числе в ситуациях выбора/не выбора данной компании для приобретения покупки). В процессе своей работы представители данной группы более глубоко оценивают степень осмысления установленных противоречий.

Показатель достаточности анализа имеет прямые корреляционные взаимосвязи со стратегиями поиска социальной поддержки (r = – 0, 405, при p ≤ 0,01) и избегания (r = – 0, 323, при p ≤ 0,01), чем выше успешность распознавания признаков сложности проблемной ситуации, тем реже испытуемые обращаются за помощью к близким при решении проблем и избегают ее решения.

Показатель надситуативности мышления имеет обратную корреляционную взаимосвязь со стратегией избегания (r = – 0, 386, при p ≤ 0,01) и прямую корреляционную связь со служением (r = 0, 402, при p ≤ 0,01), что дает основания для гипотезы о том. что высокий уровень надситуативности в профессиях сферы «человек-человек» способствует реализации мотива служение людям, стимулирует активных поиск разнообразных вариантов решений проблемных ситуаций, а также о том, что чем рефлексивнее мышление у испытуемых, тем реже они избегают решения проблем.

Выводы

– Выявлены отличительные особенности стратегий поведения в стрессовых ситуациях. У сотрудников сферы общественного питания сильнее выражена стратегия избегания стрессовых ситуаций, а у сотрудников мебельной компании чаще используется компромисс при решении конфликтных ситуаций.

– Качества надситуативного мышления, обеспечивающие выход в надситуативную позицию в профессиях сферы «человек-человек» (продавец) способствуют поиску активной личностной позиции при решении стрессовых ситуаций и повышают мотив служение людям.

– Существуют отличия в ведущих профессиональных мотивах в профессиях социономического типа, при этом у представителей мебельной компании (по сравнению с общественным питанием) выше мотивы автономности, потребности в стабильности работы, интеграции стилей жизни.

Список литературы

1. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. – М.: Тривола, 1995. – 347 с.
2. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – 352 с.
3. Кашапов М.М. Теория и практика решения конфликтных ситуаций. Учебное пособие / Под ред. проф. А.В. Карпова. – Москва; Ярославль: Ремдер, 2003. – 183 с.
4. Кашапов М.М., Серафимович И.В., Огородова Т.В. Метакогнитивное обоснование ситуативности/надситуативности мышления в качестве критерия оценки решения проблемных ситуаций в коммуникациях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. – Т. 157, кн. 4. – С. 189–202.
5. Кибальченко И.А., Зурначан Г.М. Роль метакогниций в интеграции интеллектуального и творческого ресурса студентов // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2013. – № 10 (147). – С. 213–217.
6. Литвинов А.В., Иволина Т.В. Метакогниция: понятие, структура, связь с интеллектуальными когнитивными способностями (по материалам зарубежных исследований) //Современная зарубежная психология. 2013. – № 3. – С. 59–70.
7. Ляудис В.Я. Структура продуктивного учебного взаимодействия // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащихся / Под ред. А.А. Бодалева, В.Я. Ляудис. – М: НИИОП АПН СССР, 1980. – С. 37–52.
8. Мельниченко Н.Ф. Проблемы развития малого бизнеса в современной рыночной экономике // Статистика и экономика. 2012. – № 1. – С. 13–17.
9. Прохоров А.О., Чернов А.В. Влияние рефлексии на психические состояния студентов в процессе учебной деятельности // Экспериментальная психология. 2014. – Т. 7, № 2. – С. 82–93.
10. Савин Е.Ю., Фомин А.Е. Метакогнитивный мониторинг в решении учебных задач: соотношение обобщенных и предметно-специфичных навыков // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. – Калининград, 2014. – С. 533–534.

11.Серафимович И.В., Базанова Г.Ю. Роль интеллектуальных и метакогнитивных особенностей для эффективной коммуникации студентов в процессе профессионализации // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2016. – № 4. – С. 507–521.
12.Чирков П.А., Кашковский В.В. Некоторые проблемы тактики производства следственных действий с участием педагога // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. – № 5–6. – С. 227–231.
13.Anderson J.R. Cognitive psychology and its implications. Carnegie Mellon University: A Macmillan Education Company, 2015. – 406 p.
14.Flavell J.H. Metacognitive aspects of problem solving // The nature of intelligence. – N. Y., 1976. – P. 231–235.
15.Hacker D. J., Bol L., Keener M. C. Metacognition in education: A focus on calibration // Handbook of metamemory and memory. – N.Y.: Psychology press, 2008. – P. 429–455.
16.Kelemen W. L., Frost P. J., Weaver C. A. Individual differences in metacognition: Evidence against a general metacognitive ability // Memory and Cognition. 2000. – Vol. 28. – P. 92–107.
17.Schraw G. 1997. The effect of generalized metacognitive knowledge on test performance and confidence judgments // The Journal of Experimental Education. – Vol. 65. – P. 135–146.
18.Schraw G., Dennison R. S., Assessing metacognitive awareness // Contemporary Educational Psychology. 1994. – Vol. 19. – P. 460–475.
19.Schraw G., Dunkle M., Bendixen L., Roedel T. Does a general monitoring skill exist? // Journal of Educational Psychology. 1995. – Vol. 87. – P. 433–444.
20.Schraw G., Moshman D. Metacognitive theories // Educational Psychology Review. 1995. – Vol. 7. – P. 351–371.

Анищенко А.Н.
к.э.н., н.с. Института социально-экономического развития территорий РАН, Вологда
anishchenko-an@mail.ru

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ АПК ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *АПК, инновационная стратегия развития, государственная поддержка, Вологодская область.*

Keywords*: agroindustrial complex, innovative development strategy, government support, Vologda region.*

Агропромышленный комплекс является важной составной частью экономики Вологодской области, его доля в валовом региональном продукте в 2015 году составляла более 6%. В Вологодской области было произведено порядка 12% валовой продукции сельского хозяйства СЗФО и 0,6% всей сельскохозяйственной продукции страны. Сельское хозяйство составляет основу аграрного комплекса региона, а пищевая и перерабатывающая промышленность обеспечивает надежное и бесперебойное продовольственное снабжение населения продуктами питания. Так, сельхозтоваропроизводителями региона население обеспечивается основными продуктами питания (кроме мяса и овощей) в соответствии с рекомендуемыми нормами[1]: производство молока превышает потребность в 1,5 раза, яйца – в 1,3 раза, картофеля – в 2 раза. По производству молока сельхозорганизациями области на душу населения регион в 2015 году находился на первом месте среди субъектов СЗФО и на четвертом месте по России, занимал 13 место по России и второе место по СЗФО по производству яиц на душу населения [2].

В целом, сельскохозяйственное производство связано с биологическими и природными процессами, оно находится в прямой зависимости от климатических факторов, вовлеченности в производство человека, земли, растений, животных, разнообразного по своему составу и назначению основного и оборотного капитала и является очень сложной формой хозяйственной деятельности. При этом независимо от национальной принадлежности, уровня развития, форм собственности, методов его организации, сельское хозяйство имеет свои специфические, присущие только ему особенности, существенно отличающие его от всех других отраслей народнохозяйственного комплекса. Эти особенности наиболее значимо проявляются в современных условиях хозяйствования. Как следствие, в большинстве стран мира, в т.ч. и России, не только признана необходимость государственного регулирования сельского хозяйства, но и приняты конкретные законодательные акты, на основе которых выработаны направления, программы, обеспечивающие устойчивое развитие не только отраслей сельскохозяйственного производства, но и всех сфер деятельности и условий проживания сельского населения.

Следует отметить, что переход АПК на качественно новую стадию – устойчивого роста – может быть обеспечен на пути инновационно-ориентированного развития.

Перечень стратегических задач, направленных на совершенствование инновационной деятельности в АПК, весьма широк. В частности, необходимо сформировать сбалансированный, устойчивый и развивающийся сектор исследований и разработок, который обеспечивает расширение воспроизводства знаний, конкурентоспособность в областях генной инженерии, селекции, семеноводства, производства пищевых продуктов, гарантирующих продовольственную безопасность страны. Последнее невозможно без формирования благоприятной инфраструктуры и организационно-правовых механизмов инновационного развития, обеспечивающих экономически целесообразное использование результатов научных исследований.

В Вологодской области с 2013 года одним из инструментов стимулирования развития агропромышленного комплекса области является государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013 – 2020 годы» (далее – Госпрограмма) [3].

В рамках Госпрограммы предусмотрена реализация 17 подпрограмм[2]. Структурно их можно объединить в несколько блоков:

– развитие отраслей растениеводства и животноводства и переработки продукции этих подотраслей;

– поддержка развития малых форм хозяйствования на селе;

– устойчивое развитие сельских территорий кадровое обеспечение организаций АПК;

[1] Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания / Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации № 614 от 19 августа 2016 г. – https://static-2.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/032/267/original/

[2] В 2015 году не финансировалась подпрограмма «Развитие рыбоводства». С 2016 года в состав Госпрограммы включена подпрограмма «Развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации в Вологодской области на 2016–2020 годы».

–управление реализацией государственной программой.

Рассмотрим более подробно направления государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей Вологодской области.

Государственная поддержка отрасли растениеводства оказывалась в рамках четырех подпрограмм: «Развитие подотрасли растениеводства», «Развитие льняного комплекса», «Развитие овощеводства открытого и защищенного грунта и семенного картофелеводства» и «Развитие мелиорации земель».

В рамках данных подпрограмм на развитие отраслей растениеводства сельхозтоваропроизводителям области в 2015 году предоставлялось 18 видов субсидий (табл. 1).

Таблица 1

Направления субсидирования сельхозтоваропроизводителей Вологодской области рамках реализации подпрограммы «Развитие подотрасли растениеводства на 2013–2020 годы», млн. руб.

Субсидии	2014 г.			2015 .			2016 г.			2017 г.
	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ	ОБ потребность
Оказание несвязанной поддержки в области растениеводства	224,5	96,0	128,5	223,0	101,9	121,1	213,2	99,0	114,3	164,6
Оказание несвязанной поддержки в области растениеводства организациям, занимающимся сельскохозяйственным производством	0,3	0,3	0	1,5	1,5	0,0	0,3	0,3	0	0,5
Возмещение части затрат на известкование и фосфоритование кислых почв	6,6	6,6	0	2,0	2,0	0,0	2,0	2,0	0	21,0
Возмещение части затрат на агрохимическое и эколого-токсикологическое обследование земель сельхоз назначения	0,9	0,9	0	0,5	0,5	0,0	0,6	0,6	0	0,8
Поддержка семеноводства	6,9	6,9	0	8,1	8,1	0,0	8,1	8,1	0	11,3
Возмещение части затрат на приобретение элитных семян	11,6	8,8	2,9	16,1	6,9	9,2	12,2	8,7	3,5	10,3
Субсидии на возмещение части затрат на приобретение техники (до 2016 г.), машин и оборудования (с 2016 г.)	109,9	109,9	0	92,2	92,2	0	67,6	67,6	0	177,5
Возмещение части затрат на закладку и уход за многолетними плодовыми и ягодными насаждениями	1,0	0,2	0,7	1,3	0,2	1,1	2,4	0,4	2,0	0,7
Возмещение части затрат на уплату страховой премии, начисленной по договору сельхозстрахования в области растениеводства	13,77	3,22	10,55	25,90	1,30	24,61	16,05	1,00	15,05	1,98
Субсидии на 1 т реализованного продовольственного зерна	6,93	6,93	0	9,2	9,2	0	7,28	7,28	0	11,70
Возмещение части затрат на строительство и модернизацию зерносушильных комплексов	39,19	39,19	0	18,9	18,9	0	11,10	11,10	0	71,96
Возмещение части ППЗ на создание и модернизацию картофеле – (овоще) хранилищ (с 2017 г.)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,2
Возмещение части понесенных затрат на создание и модернизацию селекционно-семеноводческих центров в растениеводстве (с 2017 г.)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,3
Субсидии на возмещение части затрат на проведение мероприятий по предотвращению распространения борщевика Сосновского	–	–	–	–	–	–	1,14	1,14	0	5,06
Субсидии на возмещение части затрат СХО при оформлении в собственность используемых ими земельных участков из земель сельхозназначения (с 2017 г.)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5,00

В 2015 году субсидии по подпрограмме «Развитие отрасли растениеводства на 2013–2020 годы» представлялись:

1. На оказание несвязанной поддержки. Ставка субсидии на один условный га посевной площади в 2015 г. составила 1188 руб. (в 2014 г. – 1256 руб.), в том числе из федерального бюджета – 645 руб. (721 руб.), из областного бюджета – 543 руб. (535 руб.). С помощью господдержки сельхозпроизводителями области было приобретено 26,1 тыс. тонн минеральных удобрений в физическом весе, или 12,0 тыс. тонн в действующем веществе (61,5% от целевого показателя на 2015 год).

2. На поддержку семеноводства, на возмещение части затрат на приобретение элитных семян. Благодаря оказанной поддержке проведена работа по координации обмена семян на семена более высоких репродукций, сортосмена семян. Удельный вес площади, засеваемой элитными семенами, в общей площади посевов (без площади многолетних трав посева прошлых лет) составил 13,4 %, что незначительно превышает целевой показатель 2015 г.

3. На возмещение части затрат на приобретение техники. Сельхозтоваропризводителями региона в 2015 году было приобретено 77 единиц техники (33 зерноуборочных и 13 кормоуборочных комбайнов, 6 самоходных косилок, 18 посевных комплексов и 7 комплексов по заготовке сенажа в пленку), что составляет 118,5 % от целевого показателя.

4. На возмещение части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей на уплату страховой премии, начисленной по договору сельскохозяйственного страхования в области растениеводства. Удельный вес застрахованных посевных площадей и посадок многолетних насаждений в общей площади посевов и посадок многолетних насаждений в 2015 г. – 7,9% (–12,1 п.п. к целевому показателю).

5. На одну тонну реализованного продовольственного зерна и на возмещение части затрат на строительство и модернизацию зерносушильных комплексов. Благодаря оказанной поддержке в 2015 году было произведено 12,5 тыс. тонн продовольственного зерна (142% к уровню 2014 г.), реализовано 7,3 тыс. тонны (143,1% к 2014 г. и 91,3% к целевому показателю).

6. На возмещение части затрат на закладку и уход за многолетними плодовыми и ягодными насаждениями.

Отметим, что в 2016 году и 2017 годах все направления субсидирования сохранены, кроме того были введены новые виды господдержки:

– возмещение части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию объектов плодохранилищ, приобретение техники и оборудования.

– субсидии на проведение мероприятий по предотвращению распространения сорного растения – борщевика Сосновского.

– на возмещение части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию картофелехранилищ (овощехранилищ), принадлежащих на праве собственности сельскохозяйственным товаропроизводителям, за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство[1].

– на возмещение части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию селекционно-семеноводческих центров в растениеводстве, принадлежащих на праве собственности сельскохозяйственным товаропроизводителям, за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, и российским организациям (сумма субсидий на 2017 год составляет – 300 тыс. руб.).

В 2015 году участниками подпрограммы «Развитие льняного комплекса Вологодской области на 2013–2020 годы» Госпрограммы являлись 18 льносеющих хозяйств и 9 льноперерабатывающих предприятий. В 2015 году посеяно 5,8 тыс. га льна-долгунца, что больше уровня 2014 года на 218 га. Сбор льноволокна составил 4,3 тыс. тонн (+0,5 тыс. тонн). Льносеющими хозяйствами области было приобретено 47 единиц техники и оборудования для производства и переработки льна.

В рамках подпрограммы «Развитие овощеводства открытого и защищенного грунта и семенного картофелеводства» предоставляются субсидии на возмещение части затрат на приобретение энергоносителей (порядка 9 млн. руб.). С 2016 года за счет нового направления – оказание несвязанной поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям в области развития производства семенного картофеля и овощей открытого грунта государственная поддержка была увеличена. На 2017 год для решения проблемы самообеспеченности региона овощами закрытого грунта планируется оказание государственной поддержки на возмещение части затрат на строительство, реконструкцию объектов по производству овощей защищенного грунта, картофеле- и овощехранилищ и объектов малой энергетики.

Приоритетной отраслью региона является молочное животноводство, ввиду этого органов власти данной отрасли уделяют особое внимание.

В целях стабилизации поголовья крупного рогатого скота и стимулирования увеличения поголовья коров, производства молока в 2015 году оказывалась прямая государственная поддержка из федерального и областного бюджетов: выделялись субсидии на 1 кг реализованного и (или) отправленного на собственную переработку молока, на прирост поголовья коров, на возмещение части затрат на приобретение коров личными подсобными хозяйствами (табл. 2).

Таблица 2

Направления субсидирования сельхозтоваропроизводителей Вологодской области отрасли животноводства в рамках подпрограммы «Развитие подотрасли животноводства на 2013–2020 годы», млн. руб.

Субсидии	2014 г.			2015 г.			2016 г.		
	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ
Поддержка племенного животноводства	129,02	45,19	83,83	137,92	30,70	107,22	135,43	23,66	111,77
Поддержка племенного крупного рогатого скота мясного направления	0,26	0,00	0,26	0,26	0,00	0,26	0,74	0,12	0,62
Возмещение части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей на уплату страховой премии, начисленной по договору сельскохозяйственного страхования в области животноводства	1,36	0,32	1,04	0,43	0,03	0,40	4,69	0,44	4,25
Субсидии на 1 кг реализованного и (или) отгруженного на собственную переработку молока	366,51	90,83	275,68	338,63	61,54	277,09	464,63	76,87	387,76
Субсидии на прирост поголовья коров	108,17	108,17	0	96,02	96,02	0,00	96,00	96,00	0
Субсидии на возмещение части затрат на приобретение коров личными подсобными хозяйствами	6,98	6,98	0	2,31	2,31	0	0	0	0
Всего	*707,80*	*346,98*	*360,82*	*575,57*	*190,59*	*384,98*	*800,09*	*295,69*	*504,40*

[1] Субсидии предоставляются на возмещение части понесенных затрат из федерального бюджета в размере 20% от затрат на строительные и монтажные работы и затраты на приобретение оборудование согласно проектно-сметной документации. Софинансирование затрат из областного бюджета – 5%, таким образом сумма субсидий на 2017 год составляет – 200 млн. руб.

Государственная поддержка в виде субсидий на один килограмм реализованного и (или) отправленного на собственную переработку молока в 2015 г. оказана 133 сельхозтоваропроизводителям, субсидии на прирост поголовья коров были выданы 44 сеьхозорганизациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам области, увеличение поголовья коров в них составило за счет собственного воспроизводства стада – 810 голов, за счет покупки скота – 990 голов. За первое полугодие 2016 года господдержка из областного бюджета на прирост поголовья коров предоставлена 36 сельхозтоваропроизводителям (73 млн. руб.) на увеличение поголовья коров в количестве 1274 головы. В 2017 году 53 сельскохозяйственных организаций и КФХ области планируют увеличение поголовья коров в количестве 1842 головы.

Государственная поддержка в виде субсидий на возмещение части затрат на приобретение коров в 2015 году оказана 46 личным подсобным хозяйствам области. Данный вид поддержки имеет также социальную направленность – обеспечение самозанятости населения удаленных районов области.

Также косвенное влияние на объемы производства молока оказывают субсидии, выплачиваемые на возмещение процентных ставок по краткосрочным и инвестиционным кредитам, взятым на развитие животноводства, субсидии на приобретение сельскохозяйственной техники и технологического оборудования (табл. 3).

Таблица 3

Направления субсидирования сельхозтоваропроизводителей Вологодской области подотрасли молочного скотоводства, млн. руб.

Субсидии	2014			2015			2016		
	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ
Возмещение части прямых понесенных затрат на строительство, реконструкцию, модернизацию животноводческих помещений молочного направления, приобретение оборудования	150	150	0	93,26	93,26	0,00	50,40	50,40	0
Возмещение части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию животноводческих комплексов молочного направления (молочных ферм), а также на приобретение техники и оборудования на цели предоставления субсидий (с 2016 года)	–	–	–	–	–	–	30,92	1,55	29,37
Всего	*150*	*150*	*0*	*93,26*	*93,26*	*0,00*	*81,31*	*51,94*	*29,37*

Отметим, что росту продуктивности скота и объемов производства молока способствует проводимый в рамках реализации государственной программы курс на строительство новых современных ферм, модернизацию отрасли.

В 2015 году участниками программы «Развитие молочного скотоводства в Вологодской области на 2013–2020 годы» стали 29 сельхозтоваропроизводителей области, в 2016 году – 46 сельхозтоваропроизводителей.

Участниками программы ведется новое строительство, реконструкция и модернизация животноводческих объектов с внедрением современного доильного оборудования. В 2015 году были реализованы следующие наиболее крупные инвестиционные проекты:

– строительство животноводческого комплекса на 1195 скотомест беспривязного содержания КРС с системой добровольного доения;

– строительство животноводческого комплекса на 800 скотомест беспривязного содержания КРС, включая строительство наружных сетей, дорожного сообщения, приобретение оборудования;

– строительство животноводческого комплекса беспривязного содержания скота на 760 голов коров с системой добровольного доения;

– реконструкция животноводческого помещения привязного содержания КРС, включая замену стойлового оборудования, системы водопоения, системы навозоудаления, оборудования для раздачи кормов, замену кровли с обустройством световентиляционного короба, замену оконных проемов на 200 скотомест.

Реализация подпрограммы «Развитие мясного животноводства в Вологодской области на 2013–2020 годы» направлена на развитие мясного скотоводства. Участниками подпрограммы в 2015 году являлись 11 сельхозтоваропроизводителей области, в том числе 2 сельхозтоваропроизводителя включены в 2015 году (свиноводство – 4 сельхозтоваропроизводителя, овцеводство – 1 сельхозтоваропроизводитель, скотоводство – 6 сельхозтоваропроизводителей).

Данным сельхозтоваропроизводителям оказывалась государственная поддержка:

– на развитие мясного скотоводства (субсидии на возмещение части затрат на приобретение товарного молодняка КРС для выращивания и откорма и на приобретение сельскохозяйственной техники);

– свиноводческих организаций области (предоставлялись субсидии на возмещение части затрат на строительство, реконструкцию (модернизацию) и капитальный ремонт производственных зданий, приобретение оборудования для свиноводства);

– на возмещение части затрат на производство мяса бройлеров.

В 2016 году на реализацию данной подпрограммы из областного бюджета выделено 15 млн. руб., или 11% от объема господдержки в 2015 году.

Поддержка малых форм хозяйствования осуществляется в рамках двух подпрограмм «Поддержка начинающих фермеров в Вологодской области на 2013–2020 годы» и «Развитие семейных животноводческих ферм в Вологодской области на 2013–2020 годы».

Подпрограмма «Поддержка начинающих фермеров в Вологодской области на 2013–2020 годы» предусматривает предоставление грантов на создание и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств на условиях софинансирования собственными средствами фермера не менее 10% расходов. Максимальный размер гранта составляет 1500 тыс. руб.

В рамках подпрограммы «Развитие семейных животноводческих ферм в Вологодской области на 2013–2020 годы» предоставляются гранты (субсидии) на развитие семейных животноводческих ферм. Максимальный размер гранта на развитие семейной животноводческой фермы составляет 10 млн. руб. и не более 60% затрат на развитие семейной животноводческой фермы. Не менее 40% указанных затрат финансируется за счет собственных средств крестьянского (фермерского) хозяйства. В качестве собственных средств крестьянские (фермерские) хозяйства могут предъявлять не более 30% несубсидированных кредитов.

Всего за 2012–2015 годы на грантовую поддержку начинающих фермеров направлены средства в размере 65,5 млн. руб., в том числе 24,8 млн. руб. за счет средств областного бюджета и 40,7 млн. руб. за счет средств федерального бюджета.

На грантовую поддержку семейных животноводческих ферм в 2015 году были направлены средства в размере 129,1 млн. руб., в том числе 63,5 млн. руб. за счет средств областного бюджета и 65,6 млн. руб. за счет средств федерального бюджета. На средства гранта планируется построить и реконструировать четыре животноводческие фермы, приобрести 425 голов молодняка КРС, 20 голов коров, семь единиц техники (тракторы, прицепы), оборудование для двух убойных пунктов.

Развитие пищевой отрасли осуществляется в рамках подпрограммы «Развитие пищевой и перерабатывающей промышленности, обеспечение качества и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов в Вологодской области на 2013–2020 годы».

В 2015 году в число участников подпрограммы включены 9 организаций, которым предоставлена поддержка в виде субсидий на возмещение части затрат на приобретение технологического оборудования для первичной и последующей переработки сельскохозяйственной продукции.

Таблица 4

Направления субсидирования организаций пищевой и перерабатывающей промышленности в рамках реализации подпрограммы «Развитие пищевой и перерабатывающей промышленности, обеспечение качества и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов в Вологодской области на 2013-2020 годы», млн. руб.

Субсидии	2014 г.			2015 г.			2016 г.		
	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ
Субсидии на возмещение части затрат на приобретение технологического оборудования для первичной и последующей переработки сельскохозяйственной продукции	40,59	33,23	7,36	13,00	13,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Субсидии на возмещение части затрат на получение сертификата соответствия международным стандартам менеджмента качества	0,63	0,63	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Организация проведения мониторинга рынка пищевых продуктов, реализуемых на территории области, на соответствие требованиям безопасности и качества	0,90	0,90	0,00	0,80	0,80	0,00	0,83	0,83	0,00
Организация мероприятий по повышению уровня информированности потребителя о качестве и безопасности пищевых продуктов, производимых на территории Вологодской области	3,18	3,18	0,00	0,90	0,90	0,00	0,00	0,00	0,00
Субсидия на возмещение части затрат на приобретение технологического оборудования (реализация с 2017 г.)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Субсидия на возмещение части затрат на покупку спецтехники (реализация с 2017 г.)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего	*45,29*	*37,93*	*7,36*	*14,70*	*14,70*	*0,00*	*0,83*	*0,83*	*0,00*

За счет средств государственной поддержки в 2015 году товаропроизводителями было приобретено два танка-охладителя молока, две полуавтоматические линии по производству мягких сыров, автомат АДНК39, два аппарата ПДВ, два дозатора к аппарату ПДВ, система охлаждения молока, теплообменник коаксиальный. В целом в 2015 году предприятиями пищевой промышленности произведено продукции на сумму 37,4 млн. руб., что на 2,7% выше уровня 2014 года. В три раза увеличилось производство сыров, на 40% – черной икры, на 6% цельномолочной продукции и на 7% – масла.

Для улучшения качества жизни сельских жителей и развития сельских территорий Департаментом реализуется подпрограмма «Устойчивое развитие сельских территорий Вологодской области на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (табл. 5).

Отметим, что предоставляемая государственная поддержка, оказываемая сельхозтоваропроизводителям области, носит целевой характер, непосредственно отражается на финансовом результате финансово-хозяйственной деятельности получателей. Так, выручка от реализации продукции, работ и услуг в сельхозорганизациях за 2015 год составила 16,6 млрд. руб. (110,5% к уровню 2014 года), прибыль до налогообложения – 1,67 млрд. руб. (89,8%), рентабельность с субсидиями – 11,3% (11,9%). На размер данной рентабельности большое влияние оказала государственная поддержка, без учета господдержки общая рентабельность деятельности сельхозорганизаций составляет 2,2% (в 2014 году – 2,5%). Уменьшение прибыли и снижение рентабельности в 2015 году, по сравнению с 2014 годом, объясняется ростом цен на основные и оборотные средства (электроэнергию – +11,8%, топливо – +27,3%, бензин и дизтопливо – +13,5%, минеральные удобрения – +39,6% , корма – +35,2%).

Таблица 5

Направления субсидирования в рамках подпрограммы «Устойчивое развитие сельских территорий Вологодской области на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», млн. руб.

Субсидии	2014 г.			2015 г.			2016 г.		
	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ	Всего	ОБ	ФБ
Субсидии на улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых семей и молодых специалистов	101,4	59,8	41,6	109,6	51,0	58,7	99,8	51,0	48,8
Субсидии на комплексное обустройство объектами социальной и инженерной инфраструктуры населенных пунктов, расположенных в сельской местности, всего	72,9	43,0	29,9	148,2	76,3	71,9	136,5	79,5	56,9
в том числе на: развитие газификации и водоснабжения в сельской местности	64,9	38,3	26,6	99,6	39,0	60,6	75,7	28,9	46,8
развитие сети общеобразовательных учреждений в сельской местности	3,4	2,0	1,4	40,0	34,0	6,0	41,7	35,8	6,0
развитие сети фельдшерско-акушерских пунктов и (или) офисов врачей общей практики в сельской местности	2,9	1,7	1,2	2,4	1,4	1,0	11,5	8,1	0,8
развитие сети плоскостных спортивных сооружений в сельской местности	1,7	1,0	0,7	6,2	1,9	4,4	7,5	6,7	3,4
развитие сети учреждений культурно-досугового типа в сельской местности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Субсидии на грантовую поддержку местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности	7,4	4,3	3,0	16,6	8,0	8,6	14,3	7,5	6,8
Всего	*181,6*	*107,2*	*74,5*	*274,4*	*135,3*	*139,1*	*250,6*	*138,0*	*112,5*

По итогам общей оценки эффективности региональных государственных программ, проведенной Департаментом стратегического планирования Вологодской области, государственная программа развития АПК занимает – 12 место из 21 программы[1]. Так значение показателя эффективности KPI – 0,925, что отражает среднюю интерпретацию эффективности государственной программы (низкий – до 0,599; средний – до 0,999; высокий – от 1,0–1,2).

В связи с этим можно говорить о достаточно высокой значимости государственной поддержки отрасли сельского хозяйства в Вологодской области, необходимости ее пролонгации и обязательного учета при разработке и реализации стратегии инновационного развития отрасли.

Список литературы и источников

1. Анищенко А.Н. Модернизация производства – основа повышения эффективности молочного скотоводства: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 162 с.
2. Анищенко А.Н. Функционирование сельского хозяйства Вологодской области: результаты анкетного опроса // Вопросы территориального развития. 2016. – № 5. – http://vtr.vscc.ac.ru/article/2042
3. Государственная программа Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы: Постановление Правительства Вологодской области №1222 от 22.10.2012 г. – http://www.vologda-agro.ru/gprogramms
4. Миронова Н.Н. Активизация инновационных процессов в молочном скотоводстве / Н.Н. Миронова, А.Н. Анищенко // Стратегия развития АПК и сельских территорий: перспективные идеи и конкурентоспособные технологии: мат. Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию ФГБНУ ВНИОПТУСХ. – М.: ООО «Принт ПРО», 2015. – С. 398–401.
5. Стратегия развития агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на период до 2020 года: Постановление Правительства Вологодской области №591 от 30.05.2011 г. – http://vologda-oblast.ru/pda/dokumenty/13271/

[1] Ведомственные данные Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области.

Березиков С.А.
к.э.н., с.н.с. Института экономических проблем Кольского НЦ РАН

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В РЕГИОНАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ[1]

Ключевые слова: *технологическое развитие, оценка, подход, регион, Север, Арктика.*
Keywords*: technological development, evaluation, approach, region, North, Arctic.*

В современных условиях развитие мировой экономической системы во многом определяется использованием природных ресурсов. Значительные масштабы потребления минеральных ресурсов и устойчивый спрос на них определяют приоритеты в сфере наращивания добычи, переработки и введения в эксплуатацию новых месторождений. Актуальной становится задача комплексного освоения минерально-сырьевого потенциала Севера и Арктики. Однако устойчивое развитие экономики северных и арктических регионов и повышение качества жизни населения невозможны без осуществления комплексной технологической модернизации и роста инновационной активности в промышленности.

Переход регионов Севера и Арктики к постиндустриальной экономике на основе повышения уровня технологического развития промышленности предполагает качественные изменения в использовании ресурсов. Современные тенденции развития производственных систем требуют более углубленного обоснования методологической базы организационно-экономического обеспечения осуществления комплексной технологической модернизации, а также механизма ее реализации с учетом специфики промышленного комплекса и имеющегося социально-экономического потенциала региона. Реальное управление затруднено из-за отсутствия методического аппарата оценки технологического уровня регионального промышленного комплекса[2].

В наиболее общем виде технология определяется как «процесс используемый любой компанией для преобразования входящих затрат труда, материалов, капитала, энергии и информации в выходящую возросшую стоимость»[3] или «совокупность или система организованных (алгоритмически, процессуально) воздействий на любой объект или ресурс с целью получения событий, происходящих с этим объектом ресурсом, приводящих к желательному (ожидаемому) результату»[4].

Для промышленных регионов, к которым относится большая часть регионов Севера и Арктики Российской Федерации, технологии всегда были критическим фактором развития. Уровень технологического развития – ключевой фактор, определяющий в долгосрочной перспективе уровень социально-экономического развития территории. Для его повышения необходимо осуществить процесс технологической трансформации экономики, основу которого составляет смена технологий, достигаемая в результате воздействия инноваций[5].

Важнейшей задачей при исследовании вопросов технологического развития промышленности является оценка его уровня. Без ее решения повышение уровня технологического развития промышленности невозможно, поскольку для этого требуется оценка состояния технологического развития промышленности, оценка степени соответствия его фактического уровня целевому или текущего – перспективному.

В настоящее время единая методология оценки уровня технологического развития промышленности на региональном уровне не разработана, отсутствуют общепринятые подходы или методики оценки уровня технологического развития промышленности региона.

Развитие единого методологического подхода к оценке уровня технологического развития промышленности затрудняется отсутствием четких общепринятых терминологических понятий. Вследствие этого, исследователи зачастую в оценке уровня технологического развития используют показатели инновационного развития, по сути, подменяя одно понятие другим.

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 15-06-06827 «Научные основы комплексного инновационного промышленного развития регионов Арктики минерально-сырьевой направленности».

[2] Березиков С.А. Теоретические особенности регулирования инновационного развития территориальных систем // Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / Под науч. ред. д.э.н. В.С. Селина, к.т.н. В.А. Цукермана. – Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2012. – С. 139.

[3] Christensen C., Raynor, M. The Innovators solution: Creating and sustaining successful growth. Boston: Harvard Business School Press, 2003. – P. 39.

[4] Сухарев О.С. Институциональная теория технологических изменений: определения, классификация, модели // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2014. – Т. 6, № 1. – С. 84–106.

[5] Березиков С.А., Цукерман В.А. Теоретико-методологические подходы к исследованию процесса технологической трансформации территорий Арктики минерально-сырьевой направленности // Экономика в промышленности. 2015. – № 2. – С. 47–52.

Отметим, что «одно из наиболее важных препятствий на пути к рациональному формированию политики заключается в том, что нам очень мало известно об инновационном потенциале того или иного варианта технологии. Понятие инновационного потенциала технологического сдвига (т.е. потенциала заключенного в процессе распространения новшества) имеет самое непосредственное отношение к планированию НИОКР. Однако практически мы не имеем ни малейшего представления о том, каким образом этому понятию можно было бы придать строгий смысл и тем самым сделать его объектом последовательного и содержательного анализа …»[1].

В первом приближении можно выделить три подхода: первый – «рейтинговый», второй – «модельный», третий – «нормативно-целевой». Первый подход представляет собой оценку уровня технологического развития промышленности при помощи построения рейтинга, в основе которого лежит комплексный (интегральный) показатель. Второй подход реализуется на базе построения эконометрических моделей. Основу третьего подхода составляют формулировка целей инновационного промышленного развития и определение критериев достижимости этих целей.

Рассмотрим отдельные попытки применения этих подходов к оценке уровня технологического развития применительно к отраслям промышленности.

Одна из методик[2] основана на построении композитного индекса (интегрального показателя). Авторами методики было отобрано 20 показателей, между которыми существует значимая прямая или обратная зависимость. Все индикаторы, характеризующие процесс технологического развития отраслей промышленности, были разбиты на шесть групп: эффективность использования основных фондов, инновационная продукция и новые технологии, организации, осуществляющие технологические инновации по отрасли, и их кооперация, использование человеческих ресурсов в сфере НИР, производственные затраты на технологические инновации, интеллектуальная собственность.

Построение индекса технологического развития по этой методике осуществляется в два этапа. На первом этапе вычисляются комплексные интегральные оценки (субиндексы) по каждой из групп показателей, характеризующих технологическое развитие отрасли с весами, фиксированными для каждого показателя. На втором этапе осуществляется построение итогового композитного индекса.

В связи с отсутствием данных об отобранных авторами этой методики первоначальных показателях, прямо или косвенно характеризующих процесс технологического развития отраслей промышленности, возможности для верификации этой методики отсутствуют, а ее применение для оценки уровня технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики представляется невозможным.

Другой подход[3] базируется на системе показателей, связывающей текущий уровень производства с основными задачами научно-технического прогресса, уровень комплексного развития и технического совершенствования производства. В работе сделано предположение о том, что научно-технологическое развитие машиностроения зависит от совокупности факторов, влияющих на конечные результаты развития производства, к которым относятся: износ основных фондов, обновление основных фондов, квалификация персонала, активность персонала в технологических инновациях, активность организаций в технологических инновациях, уровень кооперации, степень участия научных организаций и вузов в осуществлении технологических инноваций, уровень затрат на технологические инновации, приобретение новых технологий, технологичность товаров, степень новизны товаров, проведение маркетинговых исследований, государственная поддержка. Результативность каждого фактора представляется неким коэффициентом, который определяется как соотношение реального уровня его развития и потенциала:

$$R_i = \frac{T_i}{P_i}; (i = 1 \ldots 13) \qquad (1).$$

Совокупность результирующих коэффициентов с учетом весового значения определяет уровень научно-технологического развития комплекса машиностроения (интегральный показатель НТР):

$$i = \sum_{i=1}^{13} a_i R_i; 0 \le a_i \le 1 \qquad (2).$$

Использование данной методики для оценки уровня технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики также представляется невозможным. В современной российской статистике отсутствует ряд показателей, используемых автором для оценки результативности факторов. Так, например, показатель «затраты на технологические инновации» хотя и присутствует в статистических сборниках в разрезе субъектов федерации, в разрезе видов экономической деятельности не представлен. Кроме того, вызывает вопросы обоснованность выбора факторов, влияющих на научно-технологическое развитие машиностроения.

Пример использования модельного подхода представлен в работе М.В. Ивановой[4]. В качестве обобщающего показателя технологического уровня и эффективности промышленного производства автор предлагает использовать

---

[1] Сахал Д. Технический прогресс: концепции, модели, оценки / Пер. с англ.; Под ред. и вступ. статья А.А. Рывкина. – М.: Финансы и статистика, 1985. – С. 21–22.

[2] Стрелкова Л.В., Кабанов С.С. Технологическое развитие отраслей промышленности: оценка и перспективы // Вестник Нижегородского университета. 2012. – № 2. – С. 247–251.

[3] Дубровина Н.А. Интегральная оценка научно-технологического развития машиностроения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. – № 4 (179). – С. 271–276.

[4] Иванова М.В. Критерии оценки технологического уровня экономики в международном сотрудничестве. – http://www.gosbook. ru/node/82833

рентабельность предприятий, а для изучения степени влияния на рентабельность основных технико-экономических показателей использовалась многофакторная модель вида:

$$y=a_0+a_1x_1+a_2x_2+a_3x_3 \quad (3),$$

где у – рентабельность реализации продукции; x_1 – материалоемкость реализованной продукции; x_2 – трудоемкость реализованной продукции; x_3 – фондоемкость реализованной продукции.

Следует отметить, что оценка уровня технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики с помощью уравнений множественной линейной регрессии при совместном использовании предложенных показателей может оказаться недостоверной из-за наличия автокорреляции. Так, В.С. Жаровым была установлена прямая зависимость значений показателей фондоемкости и материалоемкости промышленных предприятий Мурманской области (АО «Кольская ГМК», АО «Ковдорский ГОК» и АО «Олкон», для АО «Апатит» также выявлена прямая зависимость между значениями материалоемкости и фондоемкости, но с временным лагом в один год)[1].

Нормативно-целевой подход представлен в нескольких работах[2]. В его основу была положена система показателей определения уровня инновационности технологического развития горно-промышленных предприятий. Показано, что для определения типа инновационности развития предприятий перед расчетом структуры стоимости и структуры общих затрат необходимо определять темпы изменения общего объема затрат и объема затрат по отдельным элементам – материальные затраты, амортизационные отчисления, заработная плата со страховыми взносами в социальные фонды и прочие расходы [].

Также было отмечено, что инновационно-технологическое развитие обеспечивается в основном за счет совершенствования или внедрения новой технологии производства, что позволяет снижать нормы расхода материальных ресурсов, в том числе энергетических, или использовать более дешевые виды таких ресурсов, что и приводит в конечном итоге к уменьшению доли материальных затрат в себестоимости производимой и реализуемой продукции, а также, при прочих равных условиях, к увеличению доли добавленной стоимости в объеме продаж[3].

Отсутствие системы показателей для оценки уровня технологического развития промышленности заставляет нас обратиться к исходным положениям институциональной теории технологических изменений.

Технология имеет условное ядро, складывающееся из элементарных операций, способов воздействия на ресурс или объект (физических, управленческих, организационных, финансовых и др.), правил, которые неукоснительны в исполнении, как и последовательность действий, нарушение которой ликвидирует «содержание» технологии[4]. Систему вспомогательных средств, не входящих в ядро технологии, можно обозначить как периферию технологии, которая, в отличие от ядра, более податлива к изменениям, предполагает большее разнообразие технических средств и приемов, которые пригодны к исполнению вспомогательных (инфраструктурных) функций.

Применительно к технологическому развитию, задачами экономического анализа являются оценка распределения затрат и эффективности по типам имеющихся и используемых технологий и определение отношений между технологиями различного типа и назначения.

Любую технологию, с точки зрения ресурсной эффективности, можно охарактеризовать двумя важнейшими экономическими параметрами — материалоемкостью и энергоемкостью. Соответственно, *п*овышение уровня технологического развития любой системы связано с тем, что новые технологии обеспечивают снижение материалоемкости и энергоемкости. Таким образом, в теории, если, обозначить уровень технологического развития отрасли промышленности к $L_t=\frac{1}{m^{\alpha}e^{\beta}}$ но предложить следующую формулу его расчета:

$$L_t=\frac{1}{m^{\alpha}e^{\beta}} \quad (4)$$

где $m=\frac{M}{Y}$ и $e=\frac{E}{Y}$ — показатели материалоемкости и энергоемкости отрасли, характеризующие ядро технологии.

Однако, на практике расчет уровня технологического развития промышленности по формуле (4) сопряжен со значительными трудностями в связи с отсутствием статистических данных по структуре затрат на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) организаций (юридических лиц) в разрезе видов экономической деятельности по субъектам федерации. Соответственно, выделение показателя энергоемкости из общих материальных затрат вида экономической деятельности на региональном уровне невозможно.

Приблизительную оценку уровня технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики можно провести по формуле:

$$L_t=\frac{1}{m} \quad (5),$$

[1] Отчет о научно-исследовательской работе №3-13-6001 «Разработка научных основ модернизации промышленного развития Севера и Арктики России» (промежуточный) за 2015 год. – http://www.iep.kolasc.net.ru/zuknir2015.pdf

[2] Жаров В.С. Выбор системы показателей для управления инновационным развитием экономики регионов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. – № 1. – С. 20–23; Жаров В.С. Цукерман В.А. Система показателей определения уровня инновационности технологического развития горно-промышленных предприятий // Горный информационно-аналитический бюллетень. Mining informational and analytical bulletin. 2015. – № 1. – С. 180–184.

[3] Жаров В.С. Выбор системы показателей для управления инновационным развитием экономики регионов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. – № 1. – С. 20–23.

[4] Сухарев О. С. Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). – М.: Финансы и статистика, 2011. – 432 с.

где $m = \frac{M}{Y}$ - материалоемкость.

В работе к регионам Севера и Арктики были отнесены только те субъекты РФ, территории которых полностью отнесены к Арктической зоне РФ (указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации») и (или) местностям Крайнего Севера (Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. и от 26 сентября 1967 г. о льготах для лиц, работающих в этих районах и местностях, утвержден Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029).

По имеющимся в открытом доступе статистическим данным была проведена оценка уровня технологического развития промышленности Республики Саха (Якутия), Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов за период с 2010 по 2012 гг. По остальным регионам Севера и Арктики данные о затратах на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) организаций (юридических лиц) в разрезе видов экономической деятельности отсутствуют.

Показатель материалоемкости был рассчитан как отношение между показателем материальных затрат и валовым выпуском вида экономической деятельности. Уровни технологического развития по видам экономической деятельности рассчитывались по формуле (5). Итоговый уровень технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики рассчитывался как среднее арифметическое от суммы уровней технологического развития видов экономической деятельности (табл. 1). Для приведения стоимостных показателей в сопоставимые цены использовался метод экстраполяции посредством индексов производства по видам экономической деятельности.

Таблица 2

Уровень технологического развития промышленности

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2010 г.
Ненецкий АО	5,76	6,17	5,10	–0,66
Ямало-Ненецкий АО	11,51	10,99	11,51	0,00
Республика Саха (Якутия)	2,58	2,71	2,71	0,13

Анализ полученных результатов, показал, что рассматриваемые регионы Севера и Арктики характеризуются неравномерностью технологического развития промышленности. Наиболее высокий уровень технологического развития промышленности наблюдается в Ямало-Ненецком автономном округе. Отрицательная динамика изменения уровня технологического развития промышленности 2012 к 2010 г. наблюдалась в Ненецком автономном округе. В целом изменения в уровнях технологического развития промышленности рассматриваемых регионов за период 2010–2012 гг. можно считать незначительными (рис. 1).

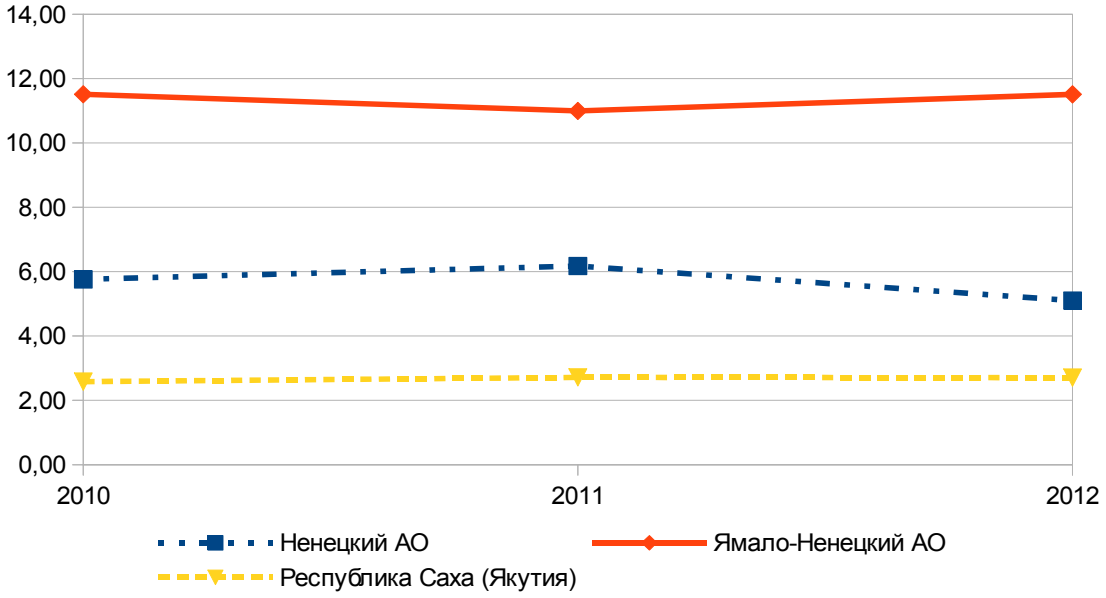


Рисунок 1.
Уровень технологического развития промышленности

Результаты первичной приблизительной оценки уровня технологического развития регионов Севера и Арктики соответствуют выявленным автором ранее основным тенденциям технологического развития экономики Севера и Арктики: сохранение ресурсного характера экономики с преобладанием отраслей начальных стадий технологического цикла и «консервация» существующего технологического способа производства[1].

[1] Березиков С.А. Выявление ключевых проблем и основных тенденций технологического развития экономики Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. – № 3 (50). – С. 80–88.

Березикова Е.Н.
н.с. Института экономических проблем Кольского НЦ РАН

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: *инновационная активность, инновационное развитие, инновационная деятельность, инновационный потенциал, результативность инновационной деятельности, эффективность инновационной деятельности.*

Keywords*: innovative activity, innovative development, innovative activities, innovative potential, productivity of innovative activities, efficiency of innovative activities.*

Задача активизации инновационной деятельности промышленного комплекса в последние время становится все более актуальной. Это является отражением возрастающего понимания обществом того, что обновление всех сфер жизни страны невозможно без нововведений в производство, управление, финансы. Именно инновации ведут к завоеванию рынка, улучшению качества и расширению ассортимента товаров и услуг, созданию новых методов производства, сбыта продукции, повышению эффективности управления.

Анализ показывает, что понимание термина «инновационная активность» в экономической литературе неоднозначно. Большинство исследователей отождествляют инновационную активность с инновационной деятельностью, хотя они имеют разное сущностное значение, поскольку деятельность – это занятие, труд, совокупность действий, в то время как активность предполагает деятельное участие, деятельное состояние [1]. Некоторые исследователи инновационную активность рассматривают как интенсивность осуществления экономическими субъектами деятельности по разработке и вовлечению новых технологий или усовершенствованных продуктов в хозяйственный оборот [2]. Другие – как комплексную характеристику инновационной деятельности фирмы, включающую степень интенсивности осуществляемых действий и их своевременность [3]. С точки зрения количественной оценки, инновационную активность следует понимать как комплексную характеристику инновационной деятельности субъекта хозяйствования, состоящую в способности к мобилизации инновационного, интеллектуального, ресурсного и других потенциалов, включающую степень интенсивности и энергичности деятельности осуществляемых действий по разработке, внедрению и распространению инноваций [4].

Инновационное развитие регионов включает в себя инновационный потенциал и инновационную активность. Инновационный потенциал – это фактор инновационной активности, от наличия которого зависит возможность осуществления инновационной деятельности. Инновационная активность – интенсивность осуществления инновационной деятельности.

Таблица 1

Рейтинг инновационной активности (ИА) регионов Севера и Арктики, составленный по результатам исследований НАИРИТ

	2010 г.		2011 г.		2012 г.		2013 г.		2014 г.	
	Место*	Показатель ИА	Место*	Показатель ИА	Место*	Показатель ИА	Место*	Показатель ИА	Место*	Показатель ИА
Республика Коми	41	0,02358	47	0,02280	50	0,0174	47	0,0187	52	0,0159
Архангельская область	51	0,02016	42	0,02398	42	0,0234	44	0,0207	57	0,0124
Мурманская область	56	0,01613	61	0,01411	61	0,0117	60	0,0112	49	0,0181
Ханты-Мансийский АО	20	0,04481	20	0,04411	19	0,0739	27	0,0446	26	0,0471
Ямало-Ненецкий АО	67	0,00862	41	0,02413	41	0,0238	40	0,0241	38	0,0251
Республика Саха (Якутия)	72	0,00654	66	0,00908	71	0,0062	66	0,0072	63	0,0099
Камчатский край	27	0,03983	38	0,02894	40	0,0239	43	0,0215	42	0,0229
Магаданская область	73	0,00639	72	0,00627	73	0,0052	71	0,0051	71	0,0065
Чукотский АО	83	0,00059	83	0,00097	83	0,0007	83	0,0009	80	0,0032
количество регионов, участвующих в рейтинге	83		83		83		83		85	

* Место среди регионов России, участвующих в рейтинге инновационной активности в соответствующем году.

На сегодняшний день существуют разработанные методики, по которым составляются рейтинги инновационной активности. Для сравнения далее представлены два рейтинга инновационной активности субъектов РФ. Первый составлен Национальной ассоциацией инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) и представлен в табл. 1 [5]. Идея и методология рейтинга разработаны НАИРИТ на основе методики ведущих мировых аналогов (в первую очередь европейского рейтинга «European Innovation Scoreboard») [6]. За основу системы количественных

инновационных индикаторов были взяты критерии, разработанные в рамках EIS для оценки уровня инновационного развития Европейских стран и адаптированные с учетом национальной специфики и возможностей по поиску различных статистических данных [5]. К сожалению, результат адаптации системы показателей, а также методика расчетов не раскрываются в источнике.

По данным, представленным в табл. 1, видно, что лидером по инновационной активности среди регионов Севера является Ханты-Мансийский АО, при этом среди регионов РФ он находится на 26 месте из 85. Само собой, такое различие в результатах говорит о различиях в системах индикаторов, а также в методике оценки.

В табл. 2 представлен рейтинг инновационной активности, составленный в рамках комплексного исследования инновационного развития субъектов РФ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Исследование базируется на системе показателей, характеризующих социально-экономические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал, уровень инновационной активности, качество региональной инновационной политики. Используемые показатели отвечают российским и международным статистическим стандартам, применяемые методологические подходы соответствуют практике построения региональных инновационных индексов и формирования аналогичных рейтингов под эгидой Европейской комиссии и других международных организаций [7].

Таблица 2

Рейтинг инновационной активности, по данным исследований проведенных Высшей школой экономики

	2012		2013	
	Место*	Показатель ИА	Место*	Показатель ИА
Республика Коми	74	0,164	67	0,190
Архангельская область	61	0,224	71	0,154
Мурманская область	69	0,180	46	0,278
Ханты-Мансийский АО	70	0,178	70	0,164
Ямало-Ненецкий АО	43	0,2685	39	0,310
Республика Саха (Якутия)	67	0,196	53	0,252
Камчатский край	15	0,465	65	0,199
Магаданская область	10	0,506	12	0,509
Чукотский АО	12	0,494	23	0,425
количество регионов, участвующих в рейтинге	83		83	

* Место среди регионов России, участвующих в рейтинге инновационной активности в соответствующем году.

К сожалению, рейтинг представлен всего за 2012 и 2013 гг. Но, проанализировав полученные данные и структуру индекса инновационной активности, можно предположить, что в следующем году лидером среди регионов Севера будет Чукотский АО, т.к. данный индекс основывается на доли инновационно-активных организаций по технологическим, маркетинговым и организационным инновациям. Из табл. 2 видна тенденция к росту этого показателя в Чукотском АО, а также уровень по сравнению с другими регионами Севера, в то время как, в Магаданской области с 2010 года отрицательная тенденция данного показателя.

Однако изучение представленных выше рейтингов показало, что эти методики малоприменимы. Первая методика [5] использует значительный перечень показателей, среди них показатели, информация для которых получается в результате проведения специальных исследований. А также эта методика обладает рядом недостатков, рассмотренных в статье [8]. Недостатком второй методики [7] является то, что инновационная активность рассматривается как сводный индекс при оценке уровня инновационного развития субъектов РФ, и определяется, по сути, инновационной активностью организаций. В связи с этим была предпринята попытка объективно оценить инновационную активность регионов Севера, насколько это возможно, с использованием имеющихся данных региональной статистики.

Регионы Севера и Арктики относятся к наиболее динамично развивающимся регионам России, т.к. здесь сосредоточены в основном ресурсные предприятия и комплексы, добывающие и осуществляющие первичную переработку сырья. По объему валового регионального продукта на душу населения показатель Севера и Арктики превосходит российский показатель в 2,5 и 3,5 раза соответственно [9]. При этом более 50% валового регионального продукта Севера и Арктики создается добывающей отраслью (табл. 3) [10].

Таблица 3

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в регионах Севра и Арктики в 2014 г., в %

Субъекты РФ	Всего	Промышленность			
		всего	добывающая	обрабатывающая	энергетика
Российская Федерация	100	31,7	10,6	17,4	3,7
Регионы Севера, всего	100	57,5	50,2	3,8	3,4
Регионы Арктики, всего	100	52,2	46,4	2,9	2,8
Республика Коми	100	49,1	33,6	11,7	3,8
Архангельская область	100	25,8	2,3	19,8	3,7
Ненецкий АО	100	75,7	74,3	0,3	1,1
Мурманская область	100	30,7	12,2	12,5	6,0
Ханты-Мансийский АО	100	71,7	66,9	1,5	3,3
Ямало-Ненецкий АО	100	53,7	50,2	1,4	2,1

Республика Саха (Якутия)	100	50,1	44,5	1,6	4,0
Камчатский край	100	19,8	4,2	9,0	6,6
Магаданская область	100	28,6	17,2	2,0	9,4
Чукотский АО	100	54,8	42,9	0,2	11,7

Удельный вес добывающих предприятий Севера и Арктики в общем числе предприятий промышленного сектора (добывающих, обрабатывающих и предприятий энергетики) превышает 15%, в то время как в среднем по России этот показатель составляет менее 4% [9].

Одним из основных показателей, характеризующих инновационную активность региона, является доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности занятых в экономике (табл. 4).

Таблица 4

Доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности занятых в экономике, %

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Коми	0,39	0,38	0,40	0,40	0,41
Архангельская область	0,19	0,18	0,19	0,19	0,20
Ненецкий АО	0,24	0,18	0,20	0,19	0,18
Мурманская область	0,49	0,50	0,56	0,55	0,58
Ханты-Мансийский АО	0,22	0,21	0,18	0,18	0,22
Ямало-Ненецкий АО	0,00	0,01	0,02	0,02	0,03
Республика Саха (Якутия)	0,46	0,49	0,49	0,48	0,48
Камчатский край	0,64	0,63	0,63	0,61	0,68
Магаданская область	0,64	0,71	0,64	0,64	0,82
Чукотский АО	0,05	0,06	0,06	0,06	0,06
Российская Федерация	1,09	1,09	1,07	1,07	1,08
Регионы Севера, всего	0,31	0,31	0,32	0,31	0,33
Регионы Арктики, всего	0,26	0,26	0,30	0,29	0,30

* 0,00 значение показателя меньше заданной точности.

Данные, представленные в табл. 4, показывают, что за рассматриваемый период 2010–2014 гг. в целом по Северу и Арктике произошло увеличение удельного веса персонала, занятого исследованиями и разработками, что говорит об увеличении кадрового потенциала инновационной деятельности. Стоит отметить, что в абсолютном выражении Север за пятилетний период приобрел высококвалифицированных специалистов, способных к разработке инновационных идей, около 730 человек, а Арктика – около 350 человек. Отрицательная динамика этого показателя за 5 лет наблюдается только в Ненецком АО.

Стоит выделить Магаданскую область как регион, лидирующий по данному показателю. В области на 2014 год сконцентрировано большое число организаций, выполняющих НИР, следствием чего является высокая доля персонала, занятого исследованиями и разработками. Регионами-аутсайдерами выступают Ямало-Ненецкий и Чукотский АО. Тем не менее, эти регионы показывают положительную динамику за 5 лет, хоть и незначительную.

Одним из основных результатов инновационной деятельности является объем инновационной продукции, при этом важно учитывать, как менялась доля инновационной продукции в ее общем объеме. По данным статистики доля инновационной продукции и инновационно-активных предприятий в РФ крайне мала, существенно ниже, чем в развитых странах. Тем не менее, хоть доля инновационной продукции в 2011–2014 гг. составляет всего 8–9%, а доля инновационно-активных предприятий 10%, положительная динамика все-таки есть. В 2005–2010 гг. удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, сохранялся на уровне 9,3–9,4%, а доля инновационной продукции в общем объеме выпуска не превышала 4,6–5,5%. По регионам Севера и Арктики доля инновационной продукции ниже российского показателя и составляет 0,9 и 0,5% соответственно (табл. 5).

Таблица 5

Доля инновационных товаров, работ и услуг в общем числе товаров, работ, услуг, в %

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Коми	3,2	7,8	5,4	5,1	5,3
Архангельская область	0,8	0,4	13,9	45,3	2,8
Ненецкий АО	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Мурманская область	0,5	0,2	0,1	0,8	3,6
Ханты-Мансийский АО	0,9	2,2	0,3	0,2	0,3
Ямало-Ненецкий АО	1,4	1,5	1,3	0,0	0,0
Республика Саха (Якутия)	1,1	0,4	0,3	2,9	1,6
Камчатский край	0,1	0,4	0,5	1,2	1,2
Магаданская область	5,2	3,7	9,4	10	0,1
Чукотский АО	0,6	0,0	1,2	1,7	0,0
Российская Федерация	4,8	6,3	8,0	9,2	8,7
Регионы Севера, всего	1,1	2,2	1,4	2,9	0,9
Регионы Арктики, всего	1,0	1,0	0,9	0,2	0,5

* 0,0 значение показателя меньше заданной точности.

Инновации существенно модифицируют комплекс отношений между хозяйствующими субъектами, оказывают все большее влияние на общественную жизнь. Сегодня основой экономической рентабельности становится не только снижение издержек, но и инновационная дифференциация товаров и услуг. Ускоренная диффузия инноваций и масштабное развитие новых технологий приводят к тому, что во всем мире экономический рост в значительной мере определяется долей продукции и оборудования, которые содержат прогрессивные знания и современные технологические решения [11].

В 2011 году доля инновационно-активных предприятий Севера и Арктики была на одном уровне с общероссийским показателем, но каждый год число инновационно-активных предприятий снижалось и в 2014 году их доля составила 7,7% – по регионам Севера и 7,2% – по регионам Арктики (табл. 6).

Таблица 6

Доля организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций, в %

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Коми	7,5	6,1	7,6	8,8	8,9
Архангельская область	9,4	9,1	8,0	5,3	5,3
Ненецкий АО	5,3	11,4	10,5	6,3	3,1
Мурманская область	9,7	8,5	9,0	13,5	10,2
Ханты-Мансийский АО	7,5	8,2	6,1	6,6	5,4
Ямало-Ненецкий АО	10,9	10,1	7,6	5,1	7,8
Республика Саха (Якутия)	7,4	8,1	6,7	7,9	8,5
Камчатский край	9,6	21,8	23,5	14,3	12,3
Магаданская область	34,3	33,6	24,6	24,6	15,1
Чукотский АО	12,5	12,5	17,9	25,0	29,2
Российская Федерация	9,5	10,4	10,3	10,1	9,9
Регионы Севера, всего	8,9	10,5	9,5	9,1	7,7
Регионы Арктики, всего	8,2	10,1	9,6	9,0	7,2

Эффективность инновационной деятельности в системе государственной статистики определяется на основе информации о поданных заявках на изобретения. Поэтому следующим показателем в рассматриваемой группе индикаторов, характеризующих результаты инновационной деятельности регионов Севера и Арктики, является число поданных заявок на изобретения в расчете на 1 млн. населения (табл. 7).

Таблица 7

Динамика поданных заявок на изобретения в регионах Севера и Арктики на 1 млн. населения

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Коми	57	44	38	41	51
Архангельская область	43	70	41	50	77
Ненецкий АО	0	0	0	0	0
Мурманская область	54	49	74	40	40
Ханты-Мансийский АО	33	34	25	33	30
Ямало-Ненецкий АО	51	45	31	26	48
Республика Саха (Якутия)	81	77	78	101	93
Камчатский край	40	66	22	38	44
Магаданская область	64	71	33	40	34
Чукотский АО	0	0	0	0	0
Российская Федерация	201	185	200	200	165
Регионы Севера, всего	50	53	44	47	54
Регионы Арктики, всего	50	44	53	32	41

Из табл. 7 следует, что на Севере в целом за 5 лет изобретательская активность увеличилась, в то время как в Арктике и в России – снизилась. В большинстве регионов также наблюдается снижение числа поданных заявок на изобретения, и только в трех регионах Севера (Архангельская, область, Ямало-Ненецкий АО и Республика Саха (Якутия)) наблюдается рост числа заявок на изобретения. На фоне остальных регионов заметно выделяется Магаданская область, где изобретательская активность за последние 5 лет снизилась практически в 2 раза, хотя, как видно из таблицы 4, этот регион лидирует по доле персонала, занятого исследованиями и разработками за этот же период.

В табл. 8 представлены данные, показывающие степень применения результатов научно-технических исследований в производственной деятельности, приносящей коммерческий доход [12].

Таблица 8

Затраты на технологические инновации по регионам Севера и Арктики, в % к ВРП

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Коми	0,29	3,54	0,61	0,31	0,37
Архангельская область	0,00	0,00	0,93	0,01	0,01
Ненецкий АО	1,08	0,31	0,28	0,55	0,70
Мурманская область	1,07	1,09	0,80	1,84	1,92
Ханты-Мансийский АО	1,00	0,43	0,68	0,10	0,11

Ямало-Ненецкий АО	0,18	0,26	0,44	0,68	0,63
Республика Саха (Якутия)	0,17	0,55	0,70	0,30	0,39
Камчатский край	2,31	0,90	0,65	0,37	0,25
Магаданская область	0,04	0,17	0,13	0,13	0,06
Чукотский АО	1,06	1,62	1,81	2,06	2,24
Российская Федерация	1,06	1,62	1,81	2,06	2,24
Регионы Севера, всего	0,82	1,00	0,79	1,08	1,06
Регионы Арктики, всего	0,86	0,35	0,62	0,16	0,20

Анализ показывает, что за период с 2010 по 2014 гг. величина затрат на технологические инновации в целом по Северу и по России имеет положительную динамику, а по Арктике – отрицательную, причем произошло снижение практически в 4,5 раза. В 2010 году больше всего затрат на технологические инновации по отношению к ВРП осуществлялось в Камчатском крае (2,31%), меньше всего – в Архангельской области (0,00%). В 2014 году ситуация изменилась: лидирует Чукотский АО (2,24%), отстает по-прежнему Архангельская область (0,01%) [13–17].

Для арктических территорий минерально-сырьевой направленности создание и реализация технологий были важнейшим фактором развития. Анализ основополагающих документов в области развития Арктики позволяет сделать вывод о том, что в обозримой перспективе технологическая структура экономики Арктики не изменится. В то же время именно арктические территории способны стать «локомотивом» инновационного развития страны выступая заказчиком технологий и кадров для освоения суперсложных арктических месторождений полезных ископаемых. [18]

Рассмотренные показатели определяют факторы инновационной активности регионов.

На основе результатов статистических наблюдений была произведена количественная оценка инновационной активности, то есть определение числовых значений показателей инновационной активности регионов Севера. Такая оценка дает возможность провести сравнительный анализ инновационной активности регионов на основе рассчитанного интегрального индекса инновационной активности.

Сравнительный анализ инновационной активности регионов Севера выполнен на основе данных официальной статистики за 2014 год и выражается интегральным показателем с помощью двух факторов инновационной активности: инновационный потенциал и инновационная результативность.

На основе рассчитанных числовых значений интегрального индекса сформирован предварительный рейтинг регионов Севера по инновационной активности. Значения представлены в табл. 9.

Таблица 9

Индексы инновационной активности северных регионов

	Рейтинг среди регионов Севера	Инновационный потенциал	Инновационная результативность	Инновационная активность
Республика Коми	5	0,2362	0,3846	0,3187
Архангельская область	4	0,4830	0,3320	0,3991
Ненецкий АО	10	0,2520	0,1625	0,2023
Мурманская область	3	0,5126	0,3707	0,4338
Ханты-Мансийский АО	8	0,4686	0,1128	0,2709
Ямало-Ненецкий АО	9	0,2619	0,2094	0,2327
Республика Саха (Якутия)	6	0,2828	0,3148	0,3006
Камчатский край	1	0,7160	0,4825	0,5862
Магаданская область	2	0,6069	0,4026	0,4934
Чукотский АО	7	0,1276	0,4077	0,2832

Следует отметить, что расчет проводился с помощью показателей, которые определяют факторы инновационной активности региона: инновационный потенциал и инновационная результативность. Анализируя значения этих двух факторов можно судить об эффективности реализации инновационного потенциала или эффективности регионального управления развитием инновационной деятельности промышленного комплекса. Используя индексы факторов инновационной активности, можно рассчитать коэффициент эффективности реализации инновационного потенциала, который представлен на рис. 1.

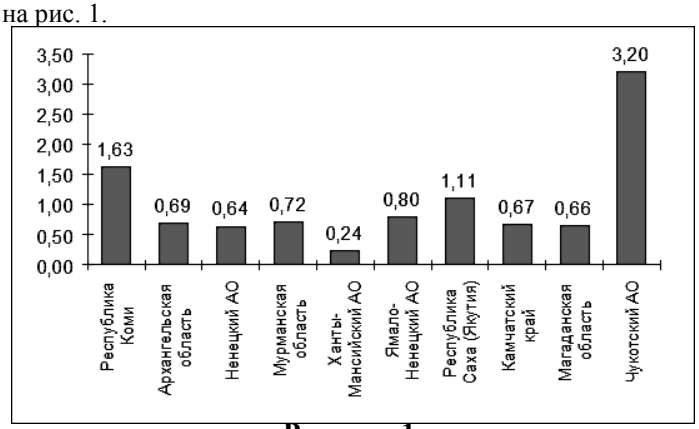


Рисунок 1.
Коэффициент эффективности реализации инновационного потенциала по регионам Севера России

Рассчитанный коэффициент реализации инновационного потенциала наглядно демонстрирует, что инновационный потенциал эффективно реализуется только в трех северных регионах из десяти проанализированных – Республика Коми, Республика Саха и Чукотский АО. Максимальный коэффициент реализации инновационного потенциала наблюдается в Чукотском АО, что неудивительно, т.к. регион имеет самые высокие значения по доле инновационно-активных организаций и числу созданных передовых производственных технологий. Следует отметить, что Ямало-Ненецкий АО имеет значение коэффициента равное 0,80, то есть в ближайшей перспективе может войти в группу наиболее эффективных инновационных регионов Севера.

Сравнительный анализ инновационной активности регионов Севера, проведенный на основе данных государственной статистики, показал, что Камчатский край находится на 1-ом месте в этом рейтинге, но в большей степени за счет высокого уровня инновационного потенциала, а не инновационной результативности. И напротив, Чукотский АО находится на 7 месте из 10-ти в рейтинге инновационной активности, однако обладает самым высоким индикатором результативности инновационной деятельности, что делает его самым эффективным инновационным регионом Севера.

Таким образом, выявлено, что для большинства регионов Севера и Арктики характерны низкая инновационная активность, нестабильность спроса на инновации, а также высокая степень дифференциации регионов по инновационному потенциалу. Для инновационного развития экономики Севера и Арктики необходимо обеспечить рост численности и повышение квалификации персонала, занятого исследованиями и разработками. Эти проблемы во многом обусловлены недостаточным уровнем разработки методологии формирования стратегии инновационного развития на региональном уровне, совершенствование которой поможет разрешить указанные проблемы, и откроет перспективы развития инновационной активности в арктических и северных регионах [19].

Список литературы

1. Большой экономический словарь / Под ред. А. Б. Борисова. – М.: Книжный мир, 2000. – 895 с.
2. Трифилова А. А. Управление инновационным развитием предприятия. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 176 с.
3. Управление инновациями: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 7 / В.Н. Гунин и др. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 328 с.
4. Трилицкая О.Ю. Инновационная активность как фактор повышения конкурентоспособности предприятия // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. – № 1. – http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-aktivnost-kak-faktor-povysheniya-konkurentosposobnosti-predpriyatiya
5. Рейтинг инновационной активности регионов – 2014. Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий. – http://nair-it.ru/news/31.07.2015/461
6. European innovation scoreboard 2016. – http://www.knowledgetransferireland.com/About_KTI/Reports-Publications/European-Innovation-Scoreboard-2016.pdf
7. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. Вып. 3: 2015. НИУ ВШЭ. – https://www.hse.ru/primarydata/rir2015
8. Березикова Е.Н. Подходы международных организаций к оценке инновационного потенциала // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. – Т. 2, № 28. – С. 140–142.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели: Ежегодный статистический сборник. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm
10. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2014 / Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-14.xlsx
11. Березиков С.А., Цукерман В.А. Технологическое развитие экономики регионов Севера минерально-сырьевой направленности: состояние, проблемы и перспективы // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2011. – № 8. – С. 317–321.
12. Теребова С.В. Активизация инновационного процесса в регионе: монография / С.В. Теребова, Е.С. Губанова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. – 179 с.
13. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в цифрах, 2015 год: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре. 2016. – 207 с.
14. Камчатский край в цифрах. 2016: Краткий статистический сборник / Камчатстат. – Петропавловск-Камчатский: Камчатстат, 2016. – 213 с.
15. Магаданская область в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Магаданстат. – Магадан, 2016. – 134 с.
16. Чукотка в цифрах. Краткий статистический сборник за 2015 год. – http://chukotstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chukotstat/ru/publications/official_publications/electronic_versions/
17. Мурманская область: Статистический ежегодник, 2014 / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области – Мурманскстат. 2015. – 235 с.
18. Березиков С.А., Цукерман В.А. Теоретико-методологические подходы к исследованию процесса технологической трансформации территорий Арктики минерально-сырьевой направленности // Экономика в промышленности. 2015. – № 2. – С. 47–52.
19. Петрова О.С. Анализ инновационных процессов в регионах РФ. – ukros.ru/wp-content/uploads/2013/08/Петрова-О.С..doc

Блинов Г.Н.
заместитель директора по научной работе Центра социально-экономического мониторинга и инвестиционной деятельности при Министерстве экономического развития и инвестиционной политики Красноярского края

ПРОГРАММИРУЮЩИЙ МОНИТОРИНГ КЭД (КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ДОСТУПНОСТЬ) КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

Ключевые слова: *документы стратегического планирования на муниципальном уровне, социально-экономическое развитие, муниципальное образование, стратегия.*

Введение

Стратегия социально-экономического развития Красноярского края ориентирована на становление качества жизни, обеспечивающего развитие человеческого потенциала. Проведенные количественные и качественные исследования состояния человеческого потенциала в территориях края, актуализировали необходимость в действенном механизме реального влияния на его изменение. Таким механизмом может быть институт программирующего мониторинга (ПМ), включающего в себя оценку человеческого потенциала в муниципальных образованиях края и сетевую территориальную образовательную программу развития человеческого потенциала (ТОП РЧП), направленную на повышение стартовых возможностей и жизненных шансов людей, проживающих в различных территориях.

Программирующий мониторинг направлен на осуществление системных изменений в соответствии с моделью КЭД (качество, эффективность, доступность):

– качество жизни на уровне современных стандартов в каждой территории Красноярского края;

– эффективность промышленного производства в соответствии с вызовами нового технологического уклада и требованиями современного рынка;

– доступность лучших практик развития человеческого потенциала для жителей края, независимо от места их проживания.

Оценка уровня развития человеческого потенциала в муниципальных образованиях Красноярского края

Разнообразие форм и способов трактовки понятия «человеческий потенциал» требует разработки модели, раскрывающей содержание человеческого потенциала с позиции его структурных элементов. Такая модель позволяет разработать методику оценки уровня развития человеческого потенциала муниципальных образований Красноярского края и провести их типологизацию с целью выявления существующих дефицитов в его развитии. Методом оценки уровня развития человеческого потенциала может выступать так называемый структурный метод. Уровень развития человеческого потенциала определяется степенью реализации его структурных составляющих, а именно демографического, интеллектуального, экономического и социокультурного потенциалов (рис. 1). Каждый из составляющих человеческого потенциала включает в себя набор параметров и соответствующих им показателей.

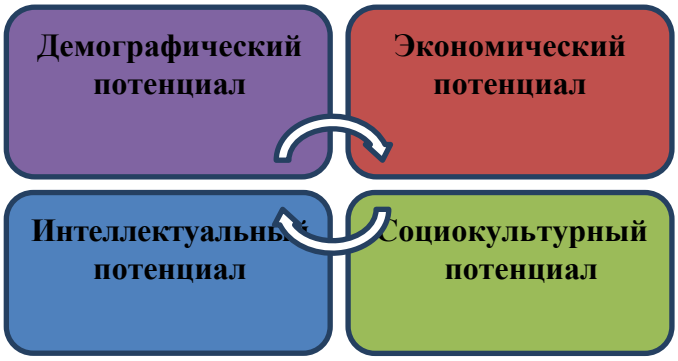


Рисунок 1.
Модель человеческого потенциала

Определение параметров, необходимых для оценки развития человеческого потенциала на муниципальном уровне, производилось путем анализа существующих статистических показателей, включенных в систему мониторин-

га официальной ведомственной статистики на различных уровнях (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Автоматизированная информационная система мониторинга муниципальных образований (АИС ММО) Министерства экономического развития и инвестиционной политики Красноярского края) (табл. 1).

Таблица 1

Индексы оценки развития человеческого потенциала муниципальных образований

Индексы	Показатели
Демографический потенциал	
Индекс долголетия	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
Индекс естественного прироста	Коэффициент естественного прироста на 1000 человек населения
Индекс постоянного населения	Численность населения
Индекс миграционного прироста	Коэффициент миграционного прироста (снижения) населения на 10 000 человек населения
Экономический потенциал	
Индекс экономической активности населения пенсионного возраста	Доля работающих пенсионеров от общей численности экономически активного населения, %
Индекс уровня жизни	Темп роста среднедушевого денежного дохода реальный, %
Индекс трудовых ресурсов	Доля трудовых ресурсов, %
Индекс занятости	Уровень зарегистрированной безработицы, %
Интеллектуальный потенциал	
Индекс образованности	Уровень высшего образования населения (на 1000 человек в возрасте 15 лет и более, указавшие уровень образования), промилле
Индекс воспроизводства	Доля учащихся в общеобразовательных учреждениях (без сменных и вечерних) 7–19 лет в общей численности, %
Индекс дополнительного образования	Охват детей дополнительным образованием
Индекс деловой активности	Количество субъектов малого и среднего предпринимательства на 10 000 человек населения, ед.
Социокультурный потенциал	
Индекс участия в культурной жизни	Уровень фактической обеспеченности учреждениями культуры в городском округе (муниципальном районе) от нормативной потребности, %
Индекс профилактики	Доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом
Индекс социального обслуживания	Доля получателей социальных услуг в учреждениях социального обслуживания всех форм собственности от общей численности населения, %
Индекс транспортной связи	Доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром городского округа (муниципального района), в общей численности населения городского округа (муниципального района), %

Интегральный индекс человеческого потенциала (далее – ИИЧП) предлагается рассчитать с использованием среднего арифметического частных индексов по следующей формуле:

$$\text{ИИЧП} = \frac{I_{дп}+I_{эп}+I_{ип}+I_{скп}}{4}, \quad (1)$$

где:

$I_{дп}$ – интегральный индекс демографического потенциала;

$I_{ип}$ – интегральный индекс интеллектуального потенциала;

$I_{скп}$– интегральный индекс социокультурного потенциала;

$I_{эп}$ – интегральный индекс экономического потенциала.

Интегральный индекс по каждой составляющей потенциала определялся по формуле:

$$I_{дп,эп,ип,скп} = \frac{i_1+i_2+i_3+i_4}{4}, \quad (2)$$

где $i_{1,2,3,4}$ – частные индексы по каждому элементу потенциала, приведенные в табл. 1.

Частные индексы по каждому элементу потенциала определяются по формуле:

$$i_{1,2,3,4} = 0{,}5 * T_i + 0{,}5 * O_i, \quad (3)$$

где:

T_i – индекс среднего темпа роста показателя;

O_i – индекс среднего объема показателя.

Индекс среднего темпа роста показателя (T_i) определяется:

а) в отношении индекса показателя, большее значение которого отражает большую эффективность, – по формуле:

$$T_i = (T - T_{min})/(T_{max} - T_{min}), \quad (4)$$

где:

Т – значение среднего темпа роста показателя;

$Т_{мин}$ – минимальное значение среднего темпа роста показателя за отчетный год и 3 года, предшествующие отчетному;

$Т_{макс}$– максимальное значение среднего темпа роста показателя за отчетный год и 3 года, предшествующие отчетному.

Средний темп роста показателей за отчетный год и 3 года, предшествующие отчетному, определяется по формуле:

$$T = \sqrt[3]{\frac{П_j}{П_{j-1}} \times \frac{П_{j-1}}{П_{j-2}} \times \frac{П_{j-2}}{П_{j-3}}}, \quad (5)$$

где:

$П_j$– значение показателя за отчетный период;

$П_{j-1}$ – значение показателя за год, предшествующий отчетному;

$П_{j-2}$ – значение показателя за год, предшествующий на 2 года отчетному;

$П_{j-3}$– значение показателя за год, предшествующий на 3 года отчетному.

б) в отношении индекса показателя, большее значение которого отражает меньшую эффективность, – по формуле:

$$T_i = (T_{max} - T)/(T_{max} - T_{min}), \quad (6)$$

Индекс среднего объема показателя (O_i) определяется:

а) в отношении индекса показателя, большее значение которого отражает большую эффективность, – по формуле:

$$O_i = (O - O_{min})/(O_{max} - O_{min}), \quad (7)$$

где:

О – значение среднего объема за отчетный год и 3 года, предшествующие отчетному; $П_j$

$О_{мин}$ – минимальное значение среднего объема показателя за отчетный год и 3 года, предшествующие отчетному;

$О_{макс}$ – максимальное значение среднего объема показателя за отчетный год и 3 года, предшествующие отчетному;

б) в отношении индекса показателя, большее значение которого отражает меньшую эффективность, – по формуле:

$$O_i = (O_{max} - O)/(O_{max} - O_{min}), \quad (8)$$

Значение среднего объема показателя за отчетный год и 3 года, предшествующие отчетному, определяется по формуле:

$$O = \frac{П_j + П_{j-1} + П_{j-2}}{3}, \quad (9)$$

где:

$П_j$ – значение показателя за отчетный период;

$П_{j-1}$ – значение показателя за год, предшествующий отчетному;

$П_{j-2}$ – значение показателя за год, предшествующий на 2 года отчетному.

На основании данной методики был произведен расчет ИИЧП в муниципальных образованиях Красноярского края и составлен рейтинг муниципальных образований по уровню развития человеческого потенциала, представленный в табл. 2.

Представленные в таблице данные позволяют оценить влияние каждого структурного элемента, формирующего ИИЧП, на место муниципального образования в итоговом рейтинге.

Таблица 2

Уровень ИИЧП и его составляющих в муниципальных районах Красноярского края

Название района	Демографический потенциал		Экономический потенциал		Интеллектуальный потенциал		Социокультурный потенциал		ИИЧП	Место в рейтинге
	Интегральный индекс	Место в рейтинге	Интегральный индекс	Место в рейтинге	Интегральный индекс	Место в рейтинге	Интегральный индекс	Место в рейтинге		
Емельяновский	0,576	**4**	0,676	**5**	0,705	**1**	0,548	**17**	0,626	**1**
Минусинский	0,599	**2**	0,730	**2**	0,366	**36**	0,771	**1**	0,616	**2**
Северо-Енисейский	0,796	**1**	0,713	**3**	0,534	**4**	0,398	**41**	0,610	**3**
Ачинский	0,572	**5**	0,654	**8**	0,475	**15**	0,610	**7**	0,578	**4**
Шушенский	0,463	**10**	0,594	**23**	0,602	**3**	0,616	**6**	0,569	**5**
Березовский	0,584	**3**	0,706	**4**	0,503	**9**	0,404	**40**	0,550	**6**
Шарыповский	0,485	**8**	0,570	**29**	0,501	**10**	0,529	**19**	0,521	**7**
Рыбинский	0,449	**11**	0,573	**28**	0,408	**30**	0,647	**4**	0,519	**8**
Казачинский	0,264	**42**	0,640	**11**	0,477	**13**	0,681	**2**	0,516	**9**
Кежемский	0,469	**9**	0,636	**13**	0,616	**2**	0,341	**44**	0,515	**10**
Курагинский	0,556	**7**	0,515	**40**	0,490	**11**	0,497	**30**	0,514	**11**
Большеулуйский	0,406	**13**	0,524	**39**	0,511	**7**	0,592	**9**	0,508	**12**
Козульский	0,395	**15**	0,763	**1**	0,382	**35**	0,472	**34**	0,503	**13**
Таймырский (Долгано-Ненецкий)	0,565	**6**	0,591	**24**	0,471	**18**	0,384	**43**	0,503	**14**
Ермаковский	0,365	**20**	0,642	**10**	0,486	**12**	0,516	**22**	0,502	**15**
Боготольский	0,311	**33**	0,646	**9**	0,366	**37**	0,677	**3**	0,500	**16**
Новоселовский	0,342	**27**	0,600	**22**	0,474	**16**	0,583	**12**	0,500	**17**
Идринский	0,438	**12**	0,536	**36**	0,438	**25**	0,582	**13**	0,499	**18**
Манский	0,344	**26**	0,562	**30**	0,464	**21**	0,622	**5**	0,498	**19**
Ирбейский	0,326	**32**	0,613	**18**	0,461	**22**	0,591	**10**	0,498	**20**
Сухобузимский	0,390	**17**	0,587	**26**	0,475	**14**	0,517	**21**	0,492	**21**
Мотыгинский	0,354	**24**	0,621	**16**	0,473	**17**	0,502	**28**	0,487	**22**
Ужурский	0,361	**21**	0,636	**12**	0,466	**20**	0,486	**31**	0,487	**23**
Каратузский	0,387	**18**	0,576	**27**	0,437	**26**	0,532	**18**	0,483	**24**
Нижнеингашский	0,400	**14**	0,603	**21**	0,338	**40**	0,568	**14**	0,477	**25**
Большемуртинский	0,334	**28**	0,625	**15**	0,335	**41**	0,606	**8**	0,475	**26**
Пировский	0,297	**36**	0,603	**20**	0,423	**27**	0,548	**16**	0,468	**27**
Уярский	0,349	**25**	0,617	**17**	0,383	**34**	0,516	**23**	0,466	**28**
Саянский	0,271	**41**	0,525	**38**	0,468	**19**	0,584	**11**	0,462	**29**
Эвенкийский	0,356	**22**	0,561	**32**	0,524	**5**	0,391	**42**	0,458	**30**
Дзержинский	0,287	**38**	0,550	**33**	0,442	**24**	0,550	**15**	0,457	**31**
Иланский	0,365	**19**	0,610	**19**	0,364	**38**	0,486	**32**	0,456	**32**
Тюхтетский	0,330	**31**	0,561	**31**	0,416	**28**	0,511	**25**	0,454	**33**
Енисейский	0,310	**35**	0,587	**25**	0,509	**8**	0,405	**39**	0,453	**34**
Балахтинский	0,355	**23**	0,549	**34**	0,401	**31**	0,497	**29**	0,451	**35**
Тасеевский	0,333	**29**	0,532	**37**	0,393	**33**	0,510	**26**	0,442	**36**
Канский	0,287	**40**	0,669	**7**	0,284	**43**	0,509	**27**	0,437	**37**
Краснотуранский	0,248	**44**	0,485	**43**	0,519	**6**	0,461	**37**	0,428	**38**
Назаровский	0,287	**39**	0,672	**6**	0,277	**44**	0,469	**35**	0,426	**39**
Бирилюсский	0,294	**37**	0,492	**41**	0,400	**32**	0,512	**24**	0,425	**40**
Абанский	0,330	**30**	0,485	**42**	0,354	**39**	0,521	**20**	0,423	**41**
Туруханский	0,311	**34**	0,539	**35**	0,415	**29**	0,414	**38**	0,420	**42**
Партизанский	0,254	**43**	0,630	**14**	0,317	**42**	0,467	**36**	0,417	**43**
Богучанский	0,393	**16**	0,300	**44**	0,446	**23**	0,479	**33**	0,404	**44**

Уровень развития ИИЧП в городах Красноярского края представлен в табл. 3**.** По итогам оценки уровня развития человеческого потенциала был составлен рейтинг городов по ИИЧП.

Таблица 3

Уровень ИИЧП и его составляющих в городских округах Красноярского края

Название городского округа	Демографический потенциал		Экономический потенциал		Интеллектуальный потенциал		Социокультурный потенциал		ИИЧП	Место в рейтинге
	Интегральный индекс	Место в рейтинге	Интегральный индекс	Место в рейтинге	Интегральный индекс	Место в рейтинге	Интегральный индекс	Место в рейтинге		
Красноярск	0,564	**2**	0,642	**3**	0,963	**1**	0,522	**12**	0,759	**1**
Сосново-борск	0,491	**4**	0,579	**5**	0,791	**4**	0,609	**7**	0,617	**2**
Норильск	0,364	**6**	0,555	**7**	0,933	**2**	0,572	**10**	0,606	**3**
Енисейск	0,380	**5**	0,680	**1**	0,726	**7**	0,602	**8**	0,597	**4**
Ачинск	0,313	**8**	0,544	**8**	0,734	**6**	0,765	**1**	0,589	**5**

Шарыпово	0,524	**3**	0,635	**4**	0,483	**14**	0,648	**4**	0,572	**6**
Канск	0,270	**9**	0,543	**9**	0,680	**9**	0,651	**3**	0,536	**7**
Назарово	0,270	**11**	0,666	**2**	0,549	**13**	0,653	**2**	0,535	**8**
Лесосибирск	0,270	**10**	0,496	**11**	0,711	**8**	0,629	**5**	0,527	**9**
Дивногорск	0,347	**7**	0,479	**14**	0,754	**5**	0,526	**11**	0,526	**10**
Минусинск	0,144	**14**	0,538	**10**	0,817	**3**	0,492	**13**	0,498	**11**
Боготол	0,248	**12**	0,570	**6**	0,576	**12**	0,586	**9**	0,495	**12**
Бородино	0,226	**13**	0,495	**12**	0,610	**10**	0,623	**6**	0,488	**13**
Кедровый	0,600	**1**	0,489	**13**	0,586	**11**	0,232	**14**	0,477	**14**

Территориальные образовательные программы развития человеческого потенциала

Территориальная образовательная программа развития человеческого потенциала – это программа, содержащая комплекс мероприятий, взаимосвязанных по задачам, срокам исполнения, исполнителям и ресурсам, направленная на достижение единого комплекса результирующих показателей развития человеческого потенциала и повышения качества жизни населения.

Как отмечалось выше, в настоящей работе под человеческим потенциалом понимается совокупность личностных способностей индивида, проявляющихся и развивающихся в экономическом, социокультурном и интеллектуальном пространстве. Человеческий капитал – это реализация врожденных и приобретенных личностных способностей, знаний, умений и навыков индивида, позволяющих создавать социальное, культурное и экономическое благосостояние. Доминирующими факторами формирования человеческого потенциала являются образование и профессиональная подготовка. А воспроизведение человеческого капитала осуществляется в целом за счет качества жизни на данной территории.

Опираясь на данный подход, ТОП РЧП предусматривает реализацию работ в нескольких направлениях одновременно. Ключевым направлением является развитие интеллектуального потенциала (включает развитие образовательного, творческого, научного и инновационного потенциалов).

Другим важным направлением является развитие демографического (физического потенциала), экономического (трудового потенциала) и социокультурного (культурного и духовно-нравственного потенциалов) потенциалов. Именно работы в этом направлении создают условия для удержания человеческого потенциала в регионе.

Исходя из сказанного, принимается, что в рамках ТОП РЧП все виды работ группируются в следующие блоки:

– формирование непосредственно самого человеческого потенциала, к которым относится развитие интеллектуального потенциала (разработка механизма непрерывного образования всех уровней – дошкольное, общее среднее, начальное и среднее профессиональное, высшее, повышение квалификации);

– улучшение условий накопления, использования и удержания человеческого потенциала (улучшение качества жизни, направленное на развитие человеческого потенциала).

Рисунок 2.
Структура человеческого потенциала на территории

На основании модельного представления ЧП по результатам исследования, представленных выше, разработана структурная схема человеческого потенциала (рис. 2). На рисунке представлены составляющие человеческого потенциала и их привязка к основным факторам, характеризующим ЧП.

Результаты ранжирования территорий Красноярского края на основе авторской методики, основанной на замерах интегрального индекса ЧП, выявили необходимость структурирования ТОП РЧП. Каждая из территориальных программ состоит из четырех частей: паспорта программы, вводной, основной и вариативной частей. Вводная и основная части ТОП РЧП одинаковы для всех муниципальных образований. Вариативная часть программы формируется с учетом факторов, препятствующих развитию человеческого потенциала на каждой конкретной территории.

Основная часть ТОП РЧП направлена на формирование человеческого потенциала через развитие интеллектуального потенциала.

Понятие «интеллектуальный потенциал» обычно определяется как способность системы (государства, региона, предприятия, организации и т. п.) к нахождению уникальных решений для достижения значимых результатов в области науки, техники, технологии.

Интеллектуальный потенциал территории выражается в уровне деловых качеств населения, их предприимчивости, инициативы. Он проявляется в соотношении инновационных и традиционных форм мышления, действий и других форм активности, а также в объективных возможностях граждан реализовывать свои социальные и творческие способности. Внешними индикаторами этого потенциала служат масштабы предпринимательской и другой социально-инновационной активности населения.

Следует отметить, что в общей структуре человеческого потенциала территории интеллектуальный потенциал играет особую роль. Испытывая на себе существенное влияние демографического, экономического и социокультурного потенциалов, он служит решающим фактором их реализации, а значит, и укрепления социально-экономического развития территории.

В связи с этим, ключевым направлением в ТОП РЧП является развитие интеллектуального потенциала, включающего в себя синхронное развитие образовательного, творческого, научного и инновационного потенциалов.

Развитие интеллектуального потенциала осуществляется путем реализации следующих программных мероприятий:

– повышение качества образования;

– развитие дополнительного образования;

– разработка и внедрение новых образовательных стандартов;

– привлечение инвестиций в образование, исследования и разработки.

Одной из задач ТОП РЧП является формирование ***модели и механизма нелинейного (возвратно-поступательного) сетевого образования,*** обеспечивающего рост человеческого потенциала в соответствии с персональными потребностями человека и во благо инновационного развития конкретной территории. Существующая система образования, по сути, является системой подготовки и обучения к уже невостребованным предметным формам профессиональной деятельности и нормам жизнедеятельности. Отсюда – огромные издержки и неиспользованные возможности в области развития человеческого потенциала.

При разработке модели ТОП РЧП учитывалось, что образование претерпевает существенные изменения в связи с изменяющимися условиями окружающей среды. Изменились принципы функциональной организации человеческой деятельности: человек в XXI веке больше не является узкоспециализированным унифицированным специалистом на производстве, что было характерно для XX века. Человек, независимо от места приложения своих усилий, все больше становится оператором различных сложно устроенных уникальных технологий. Сложность и уникальность этих технологий заключается в массовом влиянии на образ жизни людей, природное окружение и социальное устройство в целом. Устройство современных технологий, как правило, основано на междисциплинарной основе. Жизненный цикл существования технологий становится соразмерным времени жизни человека.

Это означает, что профессиональная деятельность внутри такого рода технологий, жизнедеятельность в целом должны теперь рассматриваться в системной связке с ***коммуникацией,*** которая обеспечивает понимание стремительно обновляющихся знаний, и ***мышлением***, обеспечивающим возможность ***«производства различных типов знаний».***

В связи с тем, что цикл жизни технологий становится соразмерен циклу жизни человека, важнейшей является задача не только и не столько ***включения человека в мир деятельности, но и освобождения человека от ее устаревающих видов.*** Для решения этой задачи любую деятельность необходимо рассматривать в системной связке с ***методологической рефлексией как современной формой аналитики.*** Методологическая рефлексия, представляя деятельность в различных предметных областях, позволяет человеку раскладывать осуществляемую деятельность на структурные блоки и затем заново собирать ее по заранее сконструированным «новым лекалам» [30].

Особенности существования обозначенных системных связок ***«деятельность – коммуникация», «деятельность – мышление», «деятельность – рефлексия»*** исследовались в рамках методологического подхода. Суть данного подхода заключается в создании принципиально новой социокультурной практики – организационно-деятельностных игр. Последние представляют собой уникальный инструмент для анализа и развития практически любых систем мыследеятельности (организаций, интеллектуальных направлений, программ и проектов и др.), которые являются «целостностью» процессов мышления, коммуникации, деятельности и рефлексии.

В настоящее время образовательная практика организована таким образом, что получение общего и профессионального образования в основном происходит в «одной точке» – в школе, учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Такое положение делает того, кто пользуется образовательными услугами, «заложником» образовательного учреждения (своего рода «образовательным крепостным») и, в конечном счете, приводит к

низкой образовательной мобильности. Альтернативой сложившемуся положению дел становится представление об институте образования как распределенном в пространстве и времени. Такое представление заложено в основу концепции формирования ТОП РЧП.

Как уже отмечалось выше, ТОП РЧП состоит из двух частей. Идея ***ОСНОВНОЙ ЧАСТИ ТОП РЧП*** основана на концепции обучения в течение всей жизни – «непрерывного образования». Задача программы состоит в создании на территории особой образовательной модульной инфраструктуры, обеспечивающей для каждого жителя возможность осуществлять ***инициативные ответственные образовательные действия, направленные на усиление собственных возможностей в рамках выбранного профессионального направления и осуществляемые в индивидуально выстроенном темпе.***

Данная часть программы направлена на участников разного возраста (дошкольники, школьники, студенты, население трудоспособного возраста, пенсионеры), осваивающих определенные образовательные программы.

Модульная инфраструктура Программы – это совокупность образовательных организаций общего, начального, среднего, высшего, корпоративного образования, общественных организаций, экспертов, работодателей, органов регионального и муниципального управления, которые в режиме открытой кооперации друг с другом создают ***локальные профильно-образовательные сети.***

Модульно-сетевые формы организации образовательной деятельности

Образовательная деятельность в рамках ТОП РЧП осуществляется на основе модульно-сетевых форм организации.

Модуль – это локальное открытое образовательное пространство, созданное в сетевом режиме взаимодействия и имеющее следующие характеристики:

– сетевое сообщество преподавателей;
– сетевое сообщество обучающихся;
– сетевое учебно-методическое обеспечение;
– сетевая материально-техническая база;
– сетевая структура управления.

Содержание модуля включает в себя содержание отдельно взятых предметных областей; содержание межпредметного уровня; содержание метапредметного уровня. Модуль обеспечивает включение обучающихся в структуру совместной образовательной программы в любой отрезок времени и обеспечивает ему качественное освоение необходимых компетентностей и квалификаций. Образовательный процесс осуществляется в виде индивидуальной образовательной траектории (маршрута), обеспечивающей освоение материала модулей в собственном темпе и последовательности.

Ведущей формой образовательного процесса является *имитационно-деятельностный тренажер (ИДТ),* включающий в себя:

– организационно-деятельностную игру (ОДИ);
– разработку собственного проектного замысла;
– модельные пробные действия (экспериментирование) с проектным замыслом;
– стажировки на современных предприятиях и организациях.

Образовательный процесс осуществляется методом проектов. Оценка качества образования учащихся осуществляется на основе системы кредитов. Организация образовательного процесса осуществляется посредством ***гибкого учебного плана,*** обеспечивающего возможность ***свободного «входа» и «выхода» из модуля в любой временной отрезок в рамках сетевой организации.***

Перед оформлением и внедрением ТОП РПЧ в муниципальных образованиях предварительно необходимо провести подготовительную работу, основные этапы которой представлены в табл. 4.

Таблица 4

Макет подготовки ТОП РЧП муниципальных образований

№	Мероприятие	Результат
1	Расчет интегрального индекса развития человеческого потенциала (ИИЧП) в муниципальных образованиях	
2	Типологизация МО по уровню развития ИИЧП	Выбор пилотных площадок по результатам типологизации
3	Проведение фокусированных групповых интервью на территории выбранных пилотных площадок	Выявление факторов, препятствующих развитию человеческого потенциала на территории МО
4	Проведение экспертных сессий с представителями органов местного самоуправления, предпринимателями, общественными организациями, представителями социальной сферы (медицина, образование, культура и т. д.)	Подготовка соглашений о сотрудничестве между органами региональной власти и муниципалитетами; Формирование рабочих групп в МО; Презентация результатов проведенных исследований
5	Проведение проектных сессий с представителями органов местного самоуправления, предпринимателями, общественными организациями, представителями социальной сферы (медицина, образование, культура и т. д.)	Формирование пакета проектов, направленных на развитие человеческого потенциала в МО

Заключение

Развитие человеческого потенциала должно стать основным направлением стратегии Красноярского края, в рамках которого необходимы системные изменения ключевых отраслей ***капитализации человеческого потенциала территорий*** (образование, культура, здравоохранение, экономика).

В мировой практике человеческий потенциал рассматривается как комплексное понятие, включающее в себя различные параметры, позволяющие оценить уровень развития качества жизни через развитие человеческого потенциала.

В данной работе предложена структурная модель человеческого потенциала, включающая в себя интеллектуальный, демографический, экономический и социокультурный потенциалы, а также разработан метод оценки уровня развития человеческого потенциала с помощью Интегрального индекса человеческого потенциала (ИИЧП), на основании расчетных значений которого авторами проведена типологизация муниципальных образований Красноярского края. Согласно представленной в работе типологизации большинство муниципалитетов Красноярского края отнесены к территориям с низким уровнем развития человеческого потенциала, что говорит о необходимости направленного воздействия на параметры человеческого потенциала с целью повышения его уровня развития. Поскольку человеческий потенциал является ключевым ресурсом социально-экономического развития территории, данное направленное воздействие на его структурные элементы будет являться способом повышения качества жизни как отдельных муниципальных образований, так и региона в целом.

В качестве механизма системных изменений, способствующих развитию человеческого потенциала, автором предложена программа, содержащая мероприятия, направленные на достижение единого комплекса результирующих показателей развития человеческого потенциала и повышения качества жизни населения (ТОП РЧП).

Выявлению существующих на территориях края проблем, на решение которых должна быть направлена ТОП РЧП, способствовали проведенные в ряде муниципальных образований (г. Красноярск, ЗАТО г. Железногорск, г. Ачинск, г. Канск, г. Минусинск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район) фокусированные групповые интервью.

Проведенное исследование позволило сформировать модель ТОП РЧП, предусматривающую реализацию двух ключевых направлений: общее для всех территорий – развитие интеллектуального потенциала (основная часть), индивидуальное – улучшение условий накопления, использования и удержания человеческого потенциала (вариативная часть).

ТОП РЧП состоит из четырех частей: паспорта программы, вводной, основной и вариативной частей. Вводная и основная части ТОП РЧП одинаковы для всех муниципальных образований. Вариативная часть программы формируется с учетом факторов, препятствующих развитию человеческого потенциала на каждой конкретной территории. Основная часть ТОП РЧП направлена на развитие интеллектуального потенциала посредством внедрения модульно-сетевых форм организации образовательной деятельности, которая представляет собой локальное открытое образовательное пространство, созданное в сетевом режиме взаимодействия.

Вариативная часть программы направлена на улучшение условий накопления, использования и удержания человеческого потенциала через улучшение качества жизни на территории, в том числе посредством внедрения практик социального предпринимательства.

Поскольку программные мероприятия ТОП РЧП должны быть включены в документы стратегического планирования муниципальных образований и Красноярского края в целом, разработка ТОП РЧП должна проводиться совместно с представителями органов местного самоуправления.

Поэтому следующим этапом работы по формированию ТОП РЧП должно стать создание рабочих групп в выбранных муниципальных образованиях. Для этого между Министерством экономического развития, инвестиционной политики и внешних связей Красноярского края и рядом муниципальных образований заключены Соглашения о сотрудничестве, предусматривающие формирование рабочих групп по развитию человеческого потенциала и созданию необходимых для этого площадок. Основные направлениями деятельности рабочих групп – формирование проблемных карт муниципальных образований (на основе полученных в ходе исследования данных), отбор проектов, направленных на устранение выявленных проблем, разработка рекомендаций по формированию модели территориальной образовательной программы, а также формирование технического задания для проведения конкурса на разработку и реализацию территориальной образовательной программы развития человеческого потенциала.

Реализация ТОП РЧП позволит направленно устранить существующие дефициты в развитии человеческого потенциала и, как следствие, повысить качество жизни населения Красноярского края.

Список литературы

1. Лузина И.А. История экономики и экономических учений. Ч. 3 / И.А. Лузина, О.Е. Малых, Е.С. Стебунова. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2000. – 80 с.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ.: А.Н. Нестеренко. – М.: Начала, 1997. – 180 с.
3. Аузан А.А. Институциональная экономика. – М.: Инфра-М, 2005. – 415 с.
4. Человеческий потенциал как критический ресурс России / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Б.Г. Юдин. – М.: ИФРАН, 2007. – 175 с.
5. Шамарова Г.М. Проблемы управления человеческим потенциалом // Управление капиталом. 2008. – № 8. – http://www.top-personal.ru/issue.html?1559

6. Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis with special reference to education. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 420 p.
7. Schultz T. Investment in human capital // The American economic review. 1961. – Vol. 51, N 1. – P. 1–17.
8. Мухамеджанова А.Г. Человек – исходная категория экономической теории // Поиск. – М., 2002. – № 10. – С. 186–197.
9. Переверзева А.В. Человеческий потенциал и человеческий капитал: взаимосвязь и взаимовлияние // Креативная экономика. 2014. – № 3 (87). – С. 11–22.
10. Кайзер О.В. Формирование человеческого потенциала как фактора инновационного роста // Молодежь и наука: сб. материалов IX Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. Сибирский федеральный университет, 2013. – http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section013.html
11. Докторович А.Б. О сохранении и развитии человеческого потенциала // Пространство и время. 2011. – № 4. – С. 125–130.
12. Петров В.М. Человеческие потенциалы и их распределения: проблема измерений // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. – М.: Права человека, 1999. – С. 124–150.
13. Юдин Б.Г. Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерение. – М.: Институт человека РАН, 2002. – 265 с.
14. Луков В.А. Человеческий потенциал России / В.А. Луков, Б.Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. 2009. – № 4. – С. 251–256.
15. Лапшин В.А. Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013. – № 1. – С. 259–263.
16. Быченко Д.Ю. Саморазвитие деятельностного человеческого потенциала в условиях модернизации России: дис. … канд. соц. наук: 22.00.03: защищена: 19.11.2012 : утв. 27.05.2013. – Саратов, 2012. – 158 с.
17. Григорьев С.И. Патриотизм в России неотделим от русской идеи // Витязь. 2002. – № 1–2. – С 28–39.
18. Евдокимова Л.О. Человеческий потенциал в методологии развития сферы услуг // Общество. Среда. Развитие. 2012. – № 1. – С. 34–38.
19. Жураховский С.Н. Эволюция развития человеческого потенциала и концепция потребностей человека // Вестник МГОУ. – 2013. – № 4. – С. 28–35.
20. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 3. – С. 13–25.
21. Катайцева Е.А. Сущность понятия «Человеческий потенциал» // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2010. – № 2. – С. 21–31.
22. Романова Е.Б. Структура личностного потенциала человека экономического – http://www.rusnauka.com/PRNIT_2006/Economics/17324.doc.htm
23. Хамнаева Э.В. Формирование социально-экономической политики развития человеческого потенциала региона: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. – Улан-Удэ, 2011. – 24 с.
24. Белоусова С.В. Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни: монография. – Иркутск: ИрГУПС, 2012. – 204 с.
25. Овсянникова Т.Ю. Индексный подход к оценке качества жизни населения и уровня развития урбанизированных территорий / Т.Ю. Овсянникова, М.Н. Преображенская // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. – № 1(25). – С. 30–46.
26. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. – № 4. – С. 7–27.
27. Григорьев Л.М. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. – М.: Теис, 2011. – 357 с.
28. Голяшев А.В. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах / А.В. Голяшев, Л.М. Григорьев. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 47 с.
29. Григорьев Л.М. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / Под ред. Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 204 с.
30. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 3 т. Т. 1. Структура знака: смыслы, значения, знания. 14 лекций 1971 г. – М.: Восточная литература РАН, 2005. – 463 с.
31. Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2009 г. № 1088 «О государственной автоматизированной информационной системе «Управление».

Волков А.Ю.
д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики Ярославского филиала РЭУ

РАЗВИТИЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

***Ключевые слова**: развитие региона, бюджетное планирование, региональные показатели.*

Основными факторами, определяющими развитие экономики в Российской Федерации и Ярославской области, являющейся ее субъектом, на протяжении последних лет, были постепенное снижение темпов экономического роста; замедление темпов роста инвестиционной активности производителей; усиление разбалансированности технико-технологических характеристик основных фондов и инвестиций в основной капитал по базовым видам экономической деятельности; сохраняющийся отток капитала; сокращение внешнего спроса и цен на основные российские сырьевые товары, составляющие основу экспортного потенциала; ослабление внутреннего спроса, связанного с падением доходов экономики и ростом издержек; снижение темпов роста реальных располагаемых денежных доходов.

В проекте закона «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» 2016 год охарактеризован как период адаптации к внешнеэкономическим вызовам. Планируется, что на смену ему придет этап выхода на параметры сбалансированного развития экономики, что потребует среди прочего определенных изменений в объеме и структуре расходов бюджета для проведения бюджетной консолидации и достижения целевых ориентиров по размеру дефицита бюджета. С точки зрения внешних условий развития отечественной экономики, проектировки бюджета подразумевают продолжающееся замедление темпов мировой экономического роста, в результате чего не ожидается улучшения конъюнктуры цен и спроса на товары российского экспорта. Также предполагается сохранение режима санкций на протяжении всего прогнозного периода.

Данные о номинальных объемах ВВП, темпах роста ВВП и индексе-дефляторе ВВП России за 2015–2019 годы представлены на рис. 1.

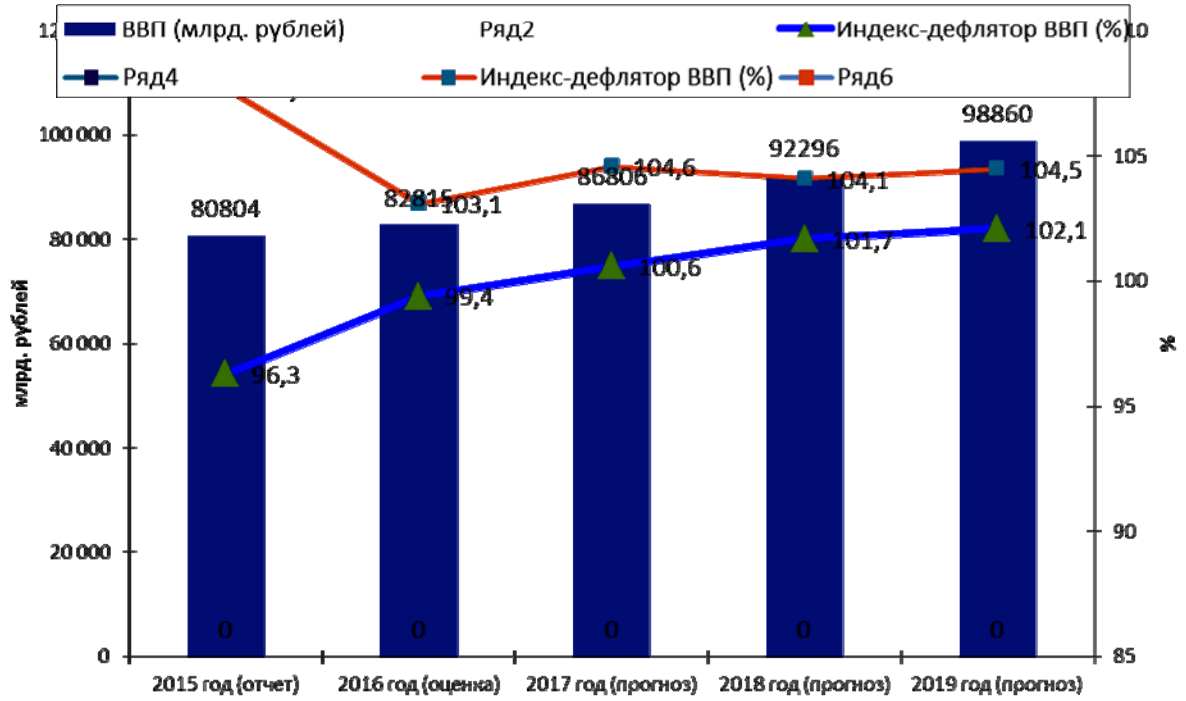


Рисунок 1.
Объемы ВВП, темпы роста ВВП, индекс–дефлятор ВВП в 2015–2019 годах

Что касается внутренних факторов, то возобновление роста российской экономики после спада вполне возможно при разумной государственной поддержке [1; 2], умеренном номинальном росте внутреннего спроса и относительно стабильной курсовой динамике.

Изменение конъюнктуры и цен на мировом рынке оказало негативное влияние на уровень спроса на товары российского экспорта. Ограничения, связанные с санкциями, определили сокращение и структурные сдвиги в импорте. В условиях экономической неопределенности, ухудшения ожиданий производителей, скачущей инфляции, а также

ограниченных возможностей замещения выпадающих внешних источников материальных ресурсов и финансирования усилилось сужение внутреннего рынка.

Динамика внутреннего спроса находилась в области отрицательных значений с начала 2014 года, а в 2015 году и в дальнейшем осложнилась одновременным падением отечественного производства товаров и услуг и импорта.

Масштабное падение импорта в 2015 году определило структурные изменения внутреннего рынка: при сокращении потребительского спроса, снижении доходов населения и ослабления курса рубля доля товаров отечественного производства в ресурсах розничной торговли повысилась. В структуре импорта поставки потребительских и инвестиционных товаров сократились значительно сильнее относительно товаров промежуточного потребления. Снижение доли потребительских товаров в структуре импорта объясняется как формированием процессов импортозамещения по продовольственным товарам, так и общим сокращением спроса населения при опережающим ростом цен на импорт по сравнению с отечественными товарами.

Одним из основных показателей, характеризующих объем товаров и услуг, произведенных в Ярославской области, является валовой региональный продукт (ВРП).

ВРП в 2015 году по текущей прогнозной оценке составил 391,3 млрд. руб. (в 2014 году – 388,1 млрд. руб., в 2013 году – 362,9 млрд. руб.). Номинальный темп роста ВРП в 2015 году по текущей прогнозной оценке составил 100,8%, что превышает темп роста ВВП Российской Федерации (96,3%), но не достигает запланированных значений Прогноза социально-экономического развития (СЭР) области ни в консервативном варианте на уровне 101,0%, ни в благоприятном (базовом) варианте – 102,0%.

Данные о разнице запланированных значений макроэкономических показателей и их фактически достигнутых значениях в 2015 году приведены в табл. 1.

Таблица 1

Фактические и прогнозные макроэкономические показатели социально-экономического развития Ярославской области

Показатель	Фактические значения показателей 2015/2014	Прогноз СЭР на 2015 год	
		благоприятный вариант	консервативный вариант
Индекс промышленного производства	105,3	102,1	101,3
Индекс производства по виду деятельности «Обрабатывающие производства»	106,3	102,2	101,5
Индекс производства по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых»	83,5	104,5	102,5
Индекс производства по виду деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	94,6	106,7	97,5
Индекс производства продукции сельского хозяйства	100,8	102,0	101,0
Объем работ, выполненных организациями по виду деятельности «Строительство»	77,0	101,0	98,5
Оборот розничной торговли	88,7	102,4	101,0
Оборот общественного питания	83,7	100,8	96,3
Объем платных услуг населению	96,8	102,5	100,6
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	104,3	109,3	108,3
Индекс потребительских цен, год к году	117,1	108,2	108,8
Уровень регистрируемой безработицы, в %	1,8	1,4	1,5

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области (далее по тексту – Ярославльстат) индекс промышленного производства в Ярославской области в 2015 году к уровню 2014 года составил 105,3% при прогнозном значении на уровне 102,1%.

Индекс производства по виду деятельности «Обрабатывающие производства» в 2015 году в % к 2014 году составил 106,3%, по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» – 83,5%, по виду деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» – 94,6%, что также значительно отличается от запланированных показателей Прогноза СЭР.

Наибольший рост индекса производства по видам обрабатывающих производств наблюдался в текстильном и швейном производстве, в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования, в производстве транспортных средств и оборудования. Значительный вклад в развитие промышленного производства Ярославской области вносят предприятия оборонно-промышленного комплекса и фармацевтического производства.

Отрицательная динамика индекса производства по данным Ярославльстата в январе-ноябре 2015 года к январю-ноябрю 2014 года зафиксирована в целлюлозно-бумажном производстве, производстве резиновых и пластмассовых изделий, пищевых продуктов, включая напитки, и табака, в том числе полуфабрикатов мясных, цельномолочной продукции (в пересчете на молоко), муки из зерновых культур, овощных и других растительных культур, пива и табачных изделий.

По данным Ярославльстата, в 2015 году сальдированный финансовый результат организаций (без субъектов малого предпринимательства, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций) в действующих ценах составил 12 333,2 млн. руб. При этом доля убыточных организаций по сравнению с 2014 годом увеличилась на 1 процентный пункт (далее – п.п.) и составила 33,3%.

Увеличение сальдированного положительного финансового результата не способствовало росту инвестиционной активности вследствие повышения рисков осуществления инвестиционной деятельности.

В 2015 году объем продукции сельского хозяйства всех сельхозпроизводителей (сельхозорганизации, крестьянские (фермерские) хозяйства, население), в действующих ценах, составил 33 563,2 млн. руб. Темп роста производства продукции сельского хозяйства в 2015 году к 2014 году составил 100,8% по сравнению с 107,4% в 2014 году.

В 2015 году в хозяйствах всех сельхозпроизводителей возросло производство скота и птицы на убой (в живом весе) на 2,1% к 2014 году, молока – на 2,8%, яиц – на 14,2%.

Валовой сбор зерна в хозяйствах всех категорий в 2015 году составил 93,7 тыс. тонн (в весе после доработки), что на 3,5% меньше уровня предыдущего года. Валовой сбор картофеля и овощей увеличился на 7,6 и 0,7% соответственно.

В 2015 году, по данным Ярославльстата, объем работ, выполненных организациями по виду деятельности «Строительство», снизился до 77,0% к уровню 2014 года, по данному показателю прогнозировался рост на уровне 101,0 %.

По данным Ярославльстата, индекс потребительских цен составил 117,1% (январь – декабрь 2015 года в % к январю – декабрю 2014 года) при прогнозном значении на 2015 год – 108,2%.

Инвестиции в основной капитал в Ярославской области (включая субъекты малого предпринимательства и объем инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) в 2015 году составили 69 055,5 млн. руб. или 70,2% к уровню 2014 года.

Падение внутреннего регионального инвестиционного спроса в 2015 году было обусловлено недостаточной инвестиционной активностью организаций в различных секторах экономики в связи со значительными рисками в перспективном развитии деятельности, с ухудшением условий заимствований, ростом себестоимости в связи с увеличением издержек, с падением динамики финансовых результатов их деятельности, что в целом было прогнозируемо [15]. Причем методические подходы к обеспечению экономической безопасности функционирования инвестиционной системы региона [3], безопасности функционирования региональной инвестиционно-заемной системы [8] разрабатываются, однако по разным причинам не реализованы.

По данным Ярославльстата, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2015 году по сравнению с 2014 годом выросла на 104,3% и составила 26 585 руб. (Прогноз СЭР – 109,3%), при этом реальная заработная плата составила 89,1% к предыдущему году.

В 2015 году ситуация в сфере занятости сложилась менее благоприятной, чем в 2014 году. По данным Ярославльстата, в 2015 году официально зарегистрированы безработными в среднем за месяц 10,1 тыс. человек или 113,7% к предыдущему году. На конец декабря 2015 года уровень регистрируемой безработицы составил 1,76% экономически активного населения и по сравнению с аналогичным периодом 2014 года увеличился на 0,36 п.п. (значение показателя в Прогнозе СЭР – 1,4%).

По данным Ярославльстата увеличилась численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума до 137,5 тыс. чел. (109,4% к уровню 2014 года).

Таким образом, в 2015 году так же, как и в 2014 году наблюдалась тенденция отрицательной динамики реальной начисленной заработной платы, потребительского кредитования и ряда показателей, характеризующих уровень жизни и доходы населения, что обусловлено снижением динамики в ряде сфер экономической деятельности, сохранением повышенного уровня инфляции и ростом уровня безработицы. Сохранение указанных тенденций, продолжающиеся эффекты сберегательной модели поведения населения в связи с высокой неопределенностью перспектив экономического и социального положения населения отрицательным образом влияют на потребительский спрос, являющийся в последние годы одним из основных факторов поддержания экономического роста.

Динамика темпов роста в 2015 году по сравнению с 2014 годом по ряду макроэкономических показателей социально-экономического развития Ярославской области отражена в табл. 2.

Таблица 2

Темпы роста в 2015 году по сравнению с 2014 годом ряда макроэкономических показателей социально-экономического развития Ярославской области

Показатель	Темп роста		
	2014/2013, %	2015/2014, %	Динамика, п.п.
Индекс промышленного производства	104,6	105,3	0,7
Индекс производства по виду деятельности «Обрабатывающие производства»	106,9	106,3	–0,6
Индекс производства по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых»	88,2	83,5	–4,7
Индекс производства продукции сельского хозяйства	107,4	100,8	–6,6
Объем работ, выполненных организациями по виду деятельности «Строительство»	97,6	77,0	–20,6
Ввод в действие жилых домов	142,4	104,7	–37,7
Оборот розничной торговли	104,5	88,7	–15,8
Оборот общественного питания	100,4	83,7	–16,7
Объем платных услуг населению	101,9	96,8	–5,1
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	110,6	104,3	–6,3
Реальная начисленная среднемесячная заработная плата	101,3	89,8	–11,5
Индекс потребительских цен, год к году*	109,2	117,1	7,9
Уровень регистрируемой безработицы, в %, экономически активного населения*	1,40	1,76	0,4

* положительной динамикой данных показателей является их уменьшение

По ряду макроэкономических показателей наблюдались значительные отклонения достигнутых значений от их запланированных значений в Прогнозе СЭР на 2015 год. При этом по ряду показателей не достигнуты значения ни благоприятного, ни консервативного вариантов Прогноза СЭР на 2015 год.

Сопоставление фактических данных по основным макроэкономическим показателям с их значениями в Прогнозе СЭР, свидетельствует о наличии существенных отклонений по ряду показателей.

Таким образом, очевидны риски средне- и долгосрочной реализации Прогноза СЭР, в том числе в отношении уровня инфляции, реальных располагаемых доходов, среднемесячной заработной платы и ряда других показателей

В сложившихся экономических условиях при сохраняющемся высоком уровне износа основных фондов, наличии ресурсных и технологических ограничений, недостаточном предложении высококвалифицированной рабочей силы на рынке труда необходимы комплексные решения по поддержке отдельных производств и отраслей, дающих ощутимый эффект для экономического роста, например, в сфере производства готовой продукции с высокой долей добавочной стоимости или в производстве конкурентоспособной продукции для внутреннего рынка.

Следует отметить, что федеральное финансирование региона [4; 5; 6] оказывало, конечно, влияние на его развитие, однако далеко не всегда оно оказывало решающее значение, а что касается отдельных сфер и секторов деятельности, например, региональной системы образования [14], то деньги конечно играют большую роль, но не главную.

Сейчас приоритетной задачей является не преодоление спада, а запуск экономического роста, сопровождаемый структурной модернизацией, а не достижением благоприятных статистических данных. Среди первоначальных задач можно выделить следующие:

– достижение целевого уровня инфляции;

– постепенное восстановление бездефицитности бюджета при ограничении роста государственного долга;

– рационализация расходов за счет оптимизации бюджетной сети и процедур;

– формирование благоприятного инвестиционного климата;

– поддержка малого и среднего бизнеса;

– развитие конкуренции;

– увеличение социальной поддержки на основе концентрации ее у наиболее нуждающихся.

В 2016 году также имелись риски превышения прогнозируемого уровня инфляции, которые в значительной степени обусловлены высокими инфляционными ожиданиями, в том числе в отношении темпов роста цен на продовольственные товары, сохранением на относительно высоком уровне кредитных ставок, ростом цен и тарифов на услуги и работы инфраструктурных монополий, а также возможным дальнейшим ослаблением курса рубля к доллару США и евро.

В 2017 году в Ярославской области запланирована реализация 2 этапа Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2025 года (далее – Стратегия СЭР), утвержденной постановлением Правительства области от 06.03.2014 № 188-п, «Ликвидация критических отставаний» на 2016-2020 годы, который характеризуется ликвидацией наиболее критических отставаний Ярославской области от других субъектов Российской Федерации за счет применения стратегических механизмов развития, осуществлением качественного сдвига в структуре экономики, развитием секторов новой экономики, малого бизнеса.

Из Прогноза СЭР следует, что его разработка осуществлялась по двум вариантам – консервативному и благоприятному.

Согласно благоприятному варианту прогнозируются:

– темп прироста валового регионального продукта (далее – ВРП) в 2017 году на уровне 2,3%, в 2018 году – на 2,5%, в 2019 году – 3,2%;

– индекс промышленного производства в 2017 году 104,8%, в 2018 году – 105,1%, в 2019 году – 105,2%;

– индекс производства продукции сельского хозяйства в 2017 году на уровне 102,2%, в 2018 году – 102,0%, в 2019 году – 102,3%;

– индекс физического объема инвестиций в 2017 году – 101,7%, в 2018 году – 106,7%, в 2019 году – 103,6%.

Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года) в Ярославской области планируется в 2017 году на уровне 108,8–106,8%, в 2018 году – 108,0–106,5%, в 2019 году – 107,1–106,1% по консервативному и благоприятному варианту соответственно, что выше, чем в среднем по Российской Федерации. По оценочным данным индекс потребительских цен в 2016 году составит ориентировочно 106,4% при прогнозном значении 108,0% (декабрь к декабрю предыдущего года).

Индекс потребительских цен (год к году) в Ярославской области планируется в 2017 году на уровне 107,2–106,2%, в 2018 году – 108,7–106,4%, в 2019 году – 107,7–106,2% по консервативному и благоприятному варианту соответственно.

Планируется, что инфляционное давление на экономику в течение прогнозного периода будет постепенно снижаться. Снижению инфляции будет способствовать продолжающееся укрепление курса рубля, реализация консервативной бюджетной и умеренно жесткой денежно-кредитной политики Банка России, рост предложения товаров в секторах потребительского спроса, а также постепенное снижение роста тарифов на услуги организаций жилищно-коммунального хозяйства.

Тренды динамики индексов потребительских цен (фактически достигнутых и по благоприятному варианту Прогноза СЭР) представлены на рис. 2.

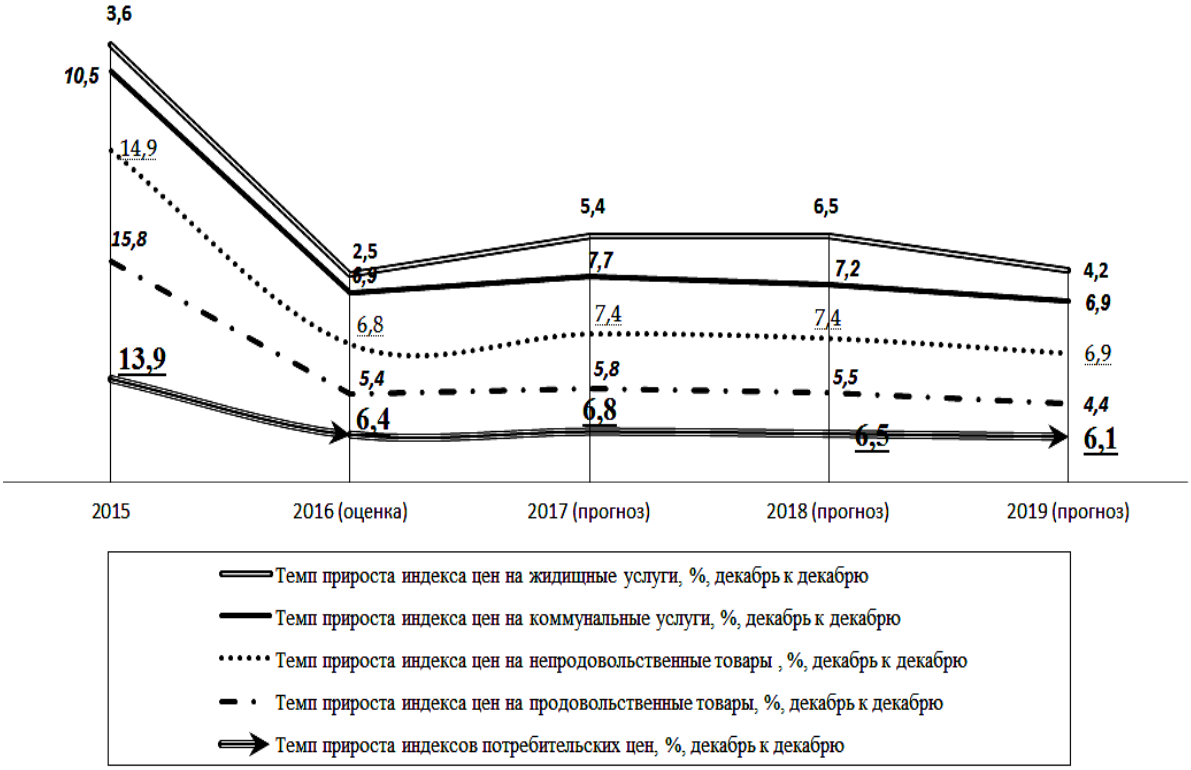


Рисунок 2.
Тренды динамики индексов потребительских цен в 2015–2019 годах в Ярославской области (темпы прироста, снижения, %)»

В Ярославской области по благоприятному варианту при незначительном изменении реальных располагаемых доходов населения (2017 год – 101,0%, 2018 год – 101,7%, 2019 год – 101,5%) внутренний потребительский спрос будет расти умеренными темпами (темп роста оборота розничной торговли прогнозируется на 2017 год – 101,5%, на 2018 год – 102,3%, на 2019 год – 102,0%). Незначительное увеличение реальных располагаемых доходов населения, наличие просроченной задолженности по заработной плате в регионе оказывают негативное влияние на уровень потребительского спроса, который в последние годы являлся одним из основных факторов поддержания экономического роста.

Согласно консервативному варианту Прогноза СЭР в регионе планируются:

– темп прироста ВРП в 2017 году на уровне 0,6%, в 2018 году – на уровне 0,9%, в 2019 году – 1,4%;

– индекс промышленного производства в 2017 году 103,5%, в 2018 году – 103,9%, в 2019 году – 104,2%;

– индекс производства продукции сельского хозяйства по 101,0% в 2017 – 2018 годах, 101,2% – в 2019 году;

– индекс физического объема инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в 2017 году – 86,1%, в 2018 году – 101,4%, в 2019 году – 100,9%;

– реальные располагаемые доходы населения в 2017 году – 98,5%, в 2018 году – 98,9%, в 2019 году – 99,5%;

– оборот розничной торговли прогнозируется в 2017 году на уровне 99,0% к предыдущему году, в 2018 году – 99,4%, в 2019 году – 100,0%.

В консервативном варианте Прогноза СЭР наиболее острыми проблемами остаются спад доходов населения и потребления, снижение инвестиций, сокращение объемов строительства, увеличение численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума.

Необходимо учитывать тот факт, что в определенной степени социально-экономическое развитие носит инерционный характер, а перестройка сложившейся в настоящее время структуры экономики, основу которой составляет производство товаров с недостаточно высоким уровнем добавленной стоимости, в направлении создания высокотехнологичных эффективных производств, в том числе в рамках импортозамещения, требует определенного времени и затрат соответствующих ресурсов, включая финансовые, а также, порой, нетрадиционных решений [13]. Поэтому повышение эффективности межбюджетных отношений [7; 10], использования бюджетных средств [9; 11] и ужесточение финансового контроля [12] в сложившихся условиях критически важны для активного запуска процессов импортозамещения в секторе реального производства, включая оборонную и гражданскую промышленность, сельское хозяйство.

Таким образом, несмотря на возобновляющийся рост в 2017–2019 годах ряда основных показателей социально-экономической активности в рамках любого официального прогноза, рост экономики Ярославской области ожидается умеренным, при этом сохраняются серьезные инфляционные и бюджетные риски, несмотря на проводимую в России стабилизирующую экономику политику.

Для обеспечения устойчивого роста экономики России в целом и Ярославской области необходимы последовательная и предсказуемая экономическая политика, направленная на улучшение внутреннего делового и инвестиционного климата, осуществление структурных реформ, исключение рисков макроэкономической дестабилизации, последовательное снижение инфляции и стабилизация бюджетной системы.

Список литературы

1. Бурыкин А.Д. Принципы эффективного использования стабилизационных финансов // Труд и социальные отношения. 2014. – № 1. – С. 96–104.
2. Бурыкин А.Д., Вишневская М.Д. Влияние стабилизационных финансов на экономику России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. – № 1 (26). – С. 44–48.
3. Бурыкин А.Д., Вишневская М.Д. Обеспечение экономической безопасности инвестиционной системы региона // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. – № 2 (27). – С. 7–12.
4. Бурыкин А.Д., Волков А.Ю. О межбюджетных трансфертах, полученных Ярославской областью в 2014 году // Экономика и социум. 2015. – № 6–2 (19). – С. 342–345.
5. Бурыкин А.Д., Волков А.Ю. О межбюджетных трансфертах, полученных Ярославской областью // Региональный маркетинг. Сборник научных статей IV Международного конгресса по маркетингу / Под общ. ред. М.В. Макаровой; РЭУ им. Г.В. Плеханова; Ярославский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2015. – С. 28–33.
6. Бурыкин А.Д., Волков А.Ю. Федеральные трансферты Ярославской области в 2014 году // Наука третьего тысячелетия. Сборник статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред.: Сукиасян А.А. 2016. – С. 13–15.
7. Бурыкин А.Д., Волков А.Ю., Зборовская Е.Б Проблемы межбюджетных отношений в Российской Федерации и направления их решений // Инновационный путь развития АПК. Сборник научных трудов по материалам XXXIX Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава. ФГБОУ ВО Ярославская ГСХА. 2016. – С. 166–171.
8. Бурыкин А.Д., Ольшевский В.Г. Методические подходы к обеспечению безопасности функционирования региональной инвестиционно-заемной системы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. – № 2 (27). – С. 13–18.
9. Волков А.Ю. Исследование динамики развития экономики Ярославской области за 9 месяцев 2015 года // Региональный маркетинг. Сборник научных статей IV Международного конгресса по маркетингу / Под общ. ред. М.В. Макаровой; РЭУ им. Г.В. Плеханова; Ярославский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2015. – С. 37–41.
10. Волков А.Ю. Некоторые направления совершенствования межбюджетных отношений // Проблемы современной науки и образования. 2015. – № 9 (39). – С. 78–80.
11. Волков А.Ю. Тенденции в экономике Ярославской области за 9 месяцев 2015 года // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности. Сборник статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред.: Сукиасян А.А. 2016. – С. 69–71.
12. Волков А.Ю., Волков М.А. Финансовый контроль как категория // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. – № 6–2. – С. 394–398.
13. Волков А.Ю., Зборовская Е.Б. Роль малого бизнеса в социальной сфере // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 240–246.
14. Гаврилов С.А., Бурыкин А.Д. Проблемы управления региональной системой образования и пути их решения // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона. Сборник материалов научно-практической конференции преподавателей и сотрудников Академии МУБиНТ. Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). 2015. – С. 41–46.
15. Курдюков Д.И., Бурыкин А.Д. Экономические угрозы как фактор снижения экономической безопасности региона // Молодая наука – 2015. Сборник материалов шестой региональной научной конференции студентов и аспирантов. 2015. – С. 256–261.

Грузневич Е.С.
ст. преподаватель Витебского государственного технологического университета
gruzs@mail.ru

РАЗВИТИЕ, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И СБАЛАНСИРОВАННОЕ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ НА УРОВНЕ РЕГИОНА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: *развитие, устойчивое развитие, устойчивое развитие региона, сбалансированное устойчивое развитие, регион*

Keywords: *development, sustainable development, sustainable development of the region, balanced sustainable development, region*

В современном мире все развитые страны стремятся к устойчивому развитию, оно становится стержнем государственной системы, задает контуры всех стратегических решений и позволяет определить будущие ориентиры. Устойчивое развитие является ключевым императивом, принимаемым сейчас международным сообществом и позволяющим выдвигать на первый план проблемы социального и экологического характера, которые не заслоняются проблемами экономического характера. На наш взгляд, в обеспечении устойчивого развития государства центральным звеном становится регион, поскольку он более управляемая структурная единица, являющаяся исторически устойчивым территориальным образованием.

Проблемы устойчивого развития на макроуровне и мезоуровне получили достаточно широкое освещение в работах многих авторов. Однако до сих пор ими не выработано единого подхода к трактовке таких понятий, как: «устойчивость», «развитие» «устойчивое развитие» «устойчивое развитие региона». Это связно, с тем, что «устойчивое развитие» является междисциплинарным термином и используется как в естествознании (биология, экология), гуманитарных науках (антропология, социология, экономика) так и в точных дисциплинах (физика, химия), где у каждого термина свой определённый смысл и значение. Все это требует детальной проработки данных категорий, а также установления взаимосвязей между ними.

Актуальность изучения поставленных задач требует рассмотрения понятийного аппарата, и установление разночтений в терминологии для проведения дальнейших исследований по данной тематике.

Термин «устойчивость» имеет разное значение в различных областях знаний. В физике «устойчивость» используется применительно к движению и трактуется как способность механической системы, двигающейся под действием приложенных сил, не отклоняться от траектории от направления движения. В естественных и точных науках термин «устойчивость» используется для обозначения способности систем сохранять свое положение при воздействии разнообразных факторов внешней среды. В философии для объяснения термина «устойчивость» используется словосочетание «устойчивость формы». Нарушение баланса в экономических системах, цикличность экономики, кризисные явления приводят к необходимости использования термина «устойчивость» и в экономической теории. Подходы авторов к определению сущности устойчивости приведены в табл. 1.

Таблица 1

Подходы к определению сущности устойчивости

Автор	Подход автора к определению сущности устойчивости
Устойчивость – базовое понятие «способность»	
Способность к неизменному функционированию	
А.И. Муравых	Устойчивость как *способность* системы противостоять процессу разрушения, под которым он понимает распад системы на части, неспособные обеспечивать достижение целевой установки системы[1]
А.А. Акимов	Устойчивость – *способность* возвращаться в состояние равновесия за счет собственных или заемных ресурсов[2]
А.И. Дружинин О.Н.Дунаев	Устойчивость как *способность* системы стабильно функционировать в определенном режиме деятельности[3]
Б.К. Есекина, Ш. Сапаргали	Устойчивость социально-экономической системы – *способность* эффективно использовать, автономно видоизменять ресурсы своего развития, непрерывно наращивать показатели своего положительного изменения, не увеличивая или минимизируя затраты базовых, невозобновляемых ресурсов[1]

[1] Муравых А.И. Экологический менеджмент: системно-институциональный подход. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – С. 10.

[2] Акимов А.А. Инновационно- инжиниринговые задачи структурной перестройки экономки / А.А. Акимов, Г.О. Гамидов, В.Г. Колосов. – СПб.: СПбГТУ, 1997. – 261 с.

[3] Корпоративное управление: учеб. пособие / Под ред. О.Н. Дунаева. – Екатеринбург: Изд-во ИПК УГТУ, 1998. – 189 с.

В.А. Роговая	Устойчивость представляет собой относительную неизменность основных параметров социально-экономической системы, ее *способность* сохранять их в заданных пределах при отклоняющих (как негативных, так и позитивных) влияниях извне и изнутри[2]
В.Н. Цытичко	Устойчивость представляет собой *способность* сохранения качественной определенности при изменении структуры системы и функций ее элементов[3]
Е.В. Макарова	Устойчивость экономической системы – это «система экономических отношений, обеспечивающих долгосрочное развитие экономической системы с наличием механизмов саморегулирования (стабилизации и равновесия), *способных* достичь комплексного решения экономических, социальных и экологических проблем в условиях глобализации мировой экономики[4]
Кучерова Е.Н.	Устойчивость – *способность* системы возвращаться в состояние равновесия, которое является наиболее благоприятным для выполнения системой своих функций после воздействия на неё каких-либо внешних факторов[5]
Л.И. Лопатников	Устойчивость системы – *способность* динамической системы сохранять движение по намеченной траектории (поддерживать намеченный режим функционирования), несмотря на воздействующие на нее возмущения[6]
Н.Ф. Реймерс	Устойчивость системы – *способность* оставаться относительно неизменной в течение определенного периода времени вопреки внутренним и внешним возмущениям[7]
Н.Ю. Псарева	Устойчивость – *способность* поддерживать прибыль на заданном уровне[8]
Способность к развитию	
Л.Л. Терехов	Устойчивость – это *способность* системы функционировать в состояниях, близких к равновесному, в условиях постоянных внешних и внутренних возмущающих воздействий[9]
М.Ю. Калинчиков	Под устойчивостью экономических систем понимается *способность* сравнительно быстро возвращаться в исходное состояние либо достигать новой, более высокой, точки на траектории развития[10]
С.М. Ильясов	Устойчивость как одна из основных динамических характеристик экономической системы, раскрывающая свойство системы возвращаться в равновесный, исходный или близкий к нему установившийся режим после какого-либо внутреннего или внешнего воздействия[11]
Устойчивость – базовое понятие «состояние», «свойство»	
Б.К. Злобин	Устойчивость отражает сущность особого *состояния* хозяйственной системы в сложной рыночной среде, гарантирующего целенаправленность ее движения в настоящем и прогнозируемом будущем[12]
В.Г. Загуляева	Устойчивость комплексное с*войство* объекта управления, характеризуемое совокупностью характеристик, к основным из которых относятся: 1) живучесть, выступающая как способность объекта выполнять поставленные задачи в условиях воздействия негативных факторов внешней среды; 2) помехоустойчивость, представляющая собой способность объекта выполнять поставленные задачи в условиях возмущающих воздействий; 3) надежность, характеризующая способность объекта выполнять поставленные задачи, сохраняя нормальный уровень своих функциональных характеристик в течение заданного периода времени[13]
Кульбака Н.А.	Устойчивость определяется как равновесное сбалансированное *состояние* экономических ресурсов, которое обеспечивает стабильную прибыльность и нормальные условия для расширенного воспроизводства в длительной перспективе с учетом важнейших внешних и внутренних факторов[14]
Н.В. Чайковская	Устойчивость – «интегрированное *свойство* системы сохранять динамическое равновесие при изменении в допустимых пределах параметров внешней и внутренней среды»[15]
Т.Г. Краснова	Экономическая устойчивость – постоянное, прочное *положение* системы, обеспеченное действенными механизмами саморегуляции и саморазвития[16]

---

[1] Есекина Б.К. К вопросу об оценке устойчивости социально-экономических систем / Б.К. Есекина, Ш. Сапаргали. – http://pozdnyakov.tut.su/Seminar/a0102/a020.htm

[2] Роговая В.А. Понятие устойчивости в экономической науке: эволюция, содержание, типы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. – № 3. – С. 14.

[3] Цытичко В.Н. Руководителю – о принятии решения. – М.: ИНФРА – М, 1996. – С. 16.

[4] Макарова Е.В. Устойчивость экономической системы в условиях глобализации мировой экономики: автореф. дис. к.э.н.: 08.00.05. – Улан-Удэ, 2006. – 23 с.

[5] Кучерова Е.Н. Концептуальные подходы к устойчивому развитию предприятия // Диссертант. 2008. – № 1. – С. 12–15.

[6] Лопатнико Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. – М.: Дело, 2003. – 520 с.

[7] Реймерс Н.Ф. Природопользование: словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 475 с.

[8] Псарева Н.Ю. Обеспечение устойчивого развития предприятия // Экономика строительства. 1995. – № 5. – С. 9–17.

[9] Терехов Л.Л. Кибернетика для экономистов. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 191 с.

[10] Калинчиков М.Ю. Теоретико-методические основы концепции устойчивого развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2005. – № 7. – С. 22–28.

[11] Ильясов С.М. О сущности и основных факторах устойчивости банковской системы // Деньги и кредит. 2006. – № 2. – С. 45–48.

[12] Злобин Б.К. Концепция экономической устойчивости хозяйственных систем. – Москва: Экономика, 2000. – С. 52.

[13] Загуляев В.Г. Устойчивость и конкурентоспособности социальных систем // Вестник Удмуртского университета. 2005. – № 6. – С. 71.

[14] Кульбака Н. А. Сущность и факторы экономической устойчивости предприятия // Материалы международной научно-практической конференции. – Донецк, 2001. – С. 184 – 192.

[15] Чайковская Н.В. Проблемы экономической устойчивости хозяйственной системы региона // Региональная экономика: теория и практика. 2005. – № 6. – С 33–35.

[16] Краснов Т.Г. Экономическая устойчивость региона: проблемы теории и практики : автореферат дис. д.э.н.: 08.00.05. – Иркутск, 2001. – 38 с.

Исследование имеющихся понятий категории «устойчивость» позволило установить, что общепринятого определения современной наукой не выработано.

На наш взгляд, можно выделить две точки зрения, исходя из которых базовыми компонентами устойчивости являются «*способность*» и «*состояние*». Рассмотрение устойчивости с точки зрения «способности» предполагает:

– способность системы *к неизменному функционированию*;

– способность системы *к развитию*.

Таким образом, существующие точки зрения позволяют рассматривать термин как статическое состояние, т.е. *способность системы* на относительно *неизменном* уровне сохранять заданные параметры, и как динамическое состояние, т.е. способность к развитию по заданному уровню.

Рассмотрение устойчивости как состояния предполагает такое использование ресурсов, которое позволяет системе быть устойчивой.

Наиболее точным определением устойчивого развития, на наш взгляд, является способность системы к развитию.

Второй составляющей устойчивого развития является категория «развитие». Данная категория, безусловно, требует междисциплинарного рассмотрения.

Под развитием Ожегов С.И. поднимет процесс закономерного изменения, переход из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему[1].

Е.А. Ерохина определяет развитие как *«качественное изменение состава, связей (т. е. структуры) и функционирования системы, или любое качественное изменение системы»*[2].

В философском словаре развитие определяется как закономерное качественное изменение объектов, характеризующееся как необратимое и направленное[3].

По мнению Дятлова С.А. развитие – многомерный процесс, включающий реорганизацию и переориентацию всей системы[4].

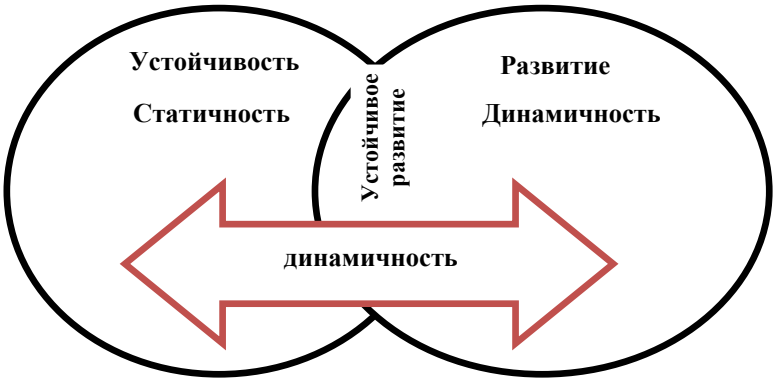
Микаэль П. Торадо отмечает, что развитие – это серия последовательных стадий экономического роста[5].

По мнению Ф. Глазла и Б. Ливехуда под развитием понимается *феномен качественного изменения структуры объекта, возникающий при невозможности дальнейшего роста, в связи с чем наступает либо дезинтеграция, либо скачок на более высокий уровень*[6].

Сутью данной категории, на наш взгляд, является достижение ранее не достигнутого результата. Из этого следует, что данная категория характеризуется динамичностью.

Таким образом, рассматривая сущность категорий «устойчивость» и «развитие» можно заметить, что *устойчивость – предполагает одновременно и статичность и динамичность*, а *развитие – только динамичность*.

Агрегируя термины «устойчивость» и «развитие» в категорию «устойчивое развитие» мы приходим к определению, описывающему процесс развития системы как равновесное, сбалансированное, поступательное и необратимое изменение, выраженное качественными и количественными показателями. Взаимосвязь данных категорий представлена на рис. 1.



Источник: разработка автора.

Рисунок 1.
Взаимосвязь категорий «устойчивость» «развитие» и «устойчивое развитие»

Термин «устойчивое развитие» в международном употреблении впервые появился в документах ООН в середине 80-х годов XX в. Но широко в государственный и научный обиход он вошел после конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.). Многие страны, включая Республики Беларусь, приняли зако-

[1] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4 изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

[2] Ерохина Е. А. Теория экономического развития: системно-синергетический подход. – http://ek-lit.agava.ru/eroh/ index/html

[3] Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.

[4] Дятлов С.А. Основы концепции устойчивого развития: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. – 155 с.

[5] Экономическое развитие: учебник / Пер. с англ. под ред. С.М. Яковлева, Л.З. Зевина. – М.: Экономический факультет МГУ; ЮНИТИ, 1997. – 671 с.

[6] Глазл Ф. Динамичное развитие предприятия / Ф. Глазл, Б. Ливехуд; пер. с нем. – Калуга: Духов. познание, 2000. – 264 с.

ны, ориентирующие общество на устойчивое развитие. Устойчивое развитие направлено на то, чтобы не допустить дальнейшей деградации природной среды, а в будущем обеспечить не просто хрупкое равновесие, а оптимальное соотношение между развитием общества и природы. Оно включает три главных компонента. Во-первых, это экологически устойчивое развитие. Человечество должно научиться жить в пределах ограничений, определяемых емкостью биосферы, сократить объемы как извлекаемых из природы ресурсов, так и возвращаемых в нее отходов своей жизнедеятельности. Во-вторых, это экономически устойчивое развитие. Оно предусматривает структурные и территориальные сдвиги в мировой экономике, повышение интенсивности и продуктивности хозяйства, достижение оптимальных с точки зрения равновесия между обществом и природой темпов экономического роста. В-третьих, это устойчивое социальное развитие. Оно означает сбалансированное решение демографических проблем, проблем занятости, уровня и качества жизни, расширение доступа к знаниям, культурным ценностям, обеспечение гражданских прав и личной безопасности людей.

Таким образом, устойчивое развитие связывает окружающую среду, экономику и благополучие людей в своего рода триединую систему[1].

Ключ к устойчивому развитию лежит в совершенствовании управления природопользованием, экономикой и обществом на всех уровнях: глобальном, государственном, региональном и микроуровне. По мере изучения данного понятия число формулировок устойчивого развития постоянно возрастает. Приведем точки зрения некоторых авторов относительно сущности данной категории в табл. 2.

Таблица 2

Сущность категории «устойчивое развитие»

Автор	Определение термина «устойчивое развитие»
ООН, доклад «О развитии человеческого потенциала», 1994.	Устойчивое развитие – это развитие, не только порождающее экономический рост, но и справедливо распределяющее его результаты, восстанавливающее окружающую среду, в большей мере, чем разрушающее её, увеличивающее возможности людей, а не обедняющее их.
Ген. сек. ООН, 1999.	Устойчивое развитие в целом – это устойчивый рост полезной энергии.
Совет Земли (Сан-Хосе, Коста-Рика)	Устойчивость – простая концепция: жить по справедливости в рамках наших экологических возможностей.
WCED, Г.Х. Брутланд	Устойчивое развитие – процесс прогрессивных изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений[2]
В словаре Ожегова С.И.	Термин «устойчивое развитие» описывается как не поддающийся, не подверженный колебаниям, стойкий процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, от старого количественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему.
Т.А. Акимова	Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности нынешнего поколения и не ставит под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять их собственные потребности[3].
В.И. Данилов-Данильян	Устойчивое развитие – такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека, и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества[4]
Н.Н. Моисеев	Устойчивое развитие следует интерпретировать как стратегию переходного периода к такому состоянию природы и общества, которое можно охарактеризовать термином «коэволюция», или «эпоха ноосферы». При этом сохранение биосферы — условие необходимое, но недостаточное[5].
О.С. Шимова	Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности[6]
А.Д. Урсул, А.Л. Романович	Устойчивое развитие – это управляемое сбалансированное развитие общества, не разрушающего своей природной основы и обеспечивающее непрерывный прогресс цивилизации. Появление новой стратегии развития означает постепенное соединение в единую самоорганизующую систему экономической, экологической и социальной сфер деятельности[7].
В. Г. Горшков, К.Я. Кондратьев	Устойчивое развитие – это улучшение жизни людей в условиях устойчивости биосферы, то есть в условиях, когда хозяйственная деятельность не порождает превышение допустимого порога возмущения биосферы или когда сохраняется такой объем естественной среды, который способен обеспечить устойчивость биосферы с включением в нее хозяйственной деятельности человека»[8]

[1] Устойчивое развитие. http://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:устойчивое_развитие.png

[2] Берестова Т. Ф. Инновация и инновационная деятельность: пределы понятий. – Челябинск: Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. – № 3. – С. 70–76.

[3] Акимова Т.А. Экономика устойчивого развития: учеб. Пособие / Т.А. Акимова, Ю.Н. Мосейкин. – М.: Экономика, 2009. – 430 с.

[4] Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие теоретико-методологический анализ // Экономика и математические методы. 2003. – С. 123–135.

[5] Устойчивое развитие или стратегия переходного периода. – http://www.teacher-edu.ru/wmc/arts/1074784948

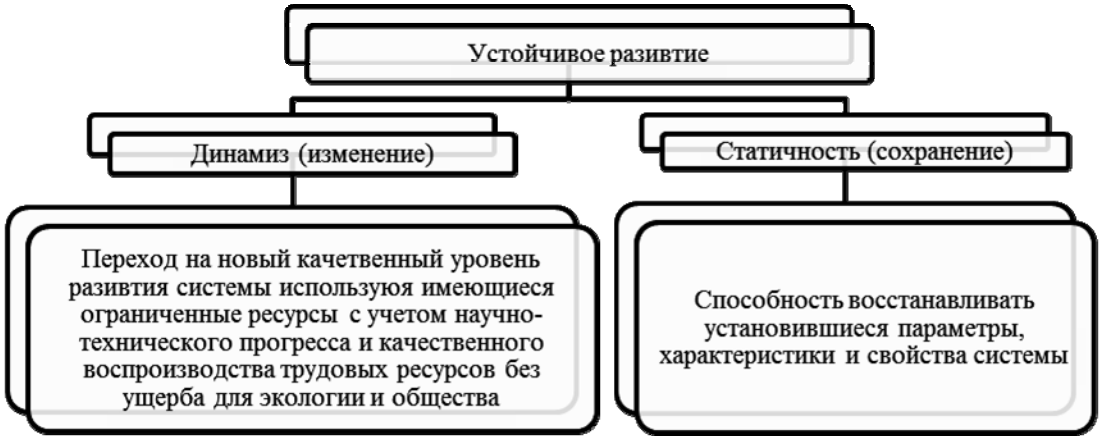
[6] Шимова О.С. Устойчивое развитие: учеб. пособие. – Минск: БГЭУ, 2010. – 431 с.

[7] Урсул А. Д. Устойчивое социоприродное развитие: учеб. пособие / А. Д. Урсул, Ф. Д. Демидов;РАГС. – М., 2006. – 153 с.

[8] Глобальная экодинамика и устойчивое развитие: естественно-научные аспекты и «человеческое измерение» / В.Г. Горшков, К.Я. Кондратьев, К.С. Лосев // Экология. 1998. – № 3. – С. 163–170.

Б.Е. Большаков, О.Л. Кузнецов	Устойчивое развитие страны (общества) – это хроноцелостный процесс сохранения неубывающих темпов роста производимой страной полезной мощности при неувеличении темпов потребляемой страной мощности, сокращении потерь мощности за счет воспроизводимых прорывных технологий и повышении качества управления на всех уровнях: мир в целом, страна, субъекты (регионы страны), отрасли, муниципалитеты, предприятия, человек[1].
В.А. Василенко	Устойчивое развитие человечества – это такое развитие, которое происходит в условиях устойчивой биосферы (теория устойчивости биосферы, количественно определяет границу устойчивости: мощность потребления продукции биоты человеком и млекопитающими не должна превышать 1–3 ТВт)[2].
Б.М. Миркин	Устойчивое и долговременное развитие представляет собой не изменённое состояние гармонии, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институциональные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями[3].
В.И. Кудашов	Устойчивое развитие предприятия – это такое его функционирование, когда в условиях воздействия на него внешней среды оно способно сохранять свою целостность и независимость как субъекта хозяйствования и достигать определенных стратегических и текущих результатов (целей)[4].
Т.Е. Мельник	Устойчивое развитие предприятия – такой способ его функционирования, который ориентирован на достижение оптимальных характеристик взаимодействия предприятия с экономической, социальной и экологической средами[5].

Обобщая определения *устойчивого развития*, под ним следует понимать функционирование которое предполагает собой способность восстанавливать установившиеся параметры, характеристики и свойства системы и переходить на новый качественный уровень развития системы, используя имеющиеся ограниченные ресурсы с учетом научно-технического прогресса и качественного воспроизводства трудовых ресурсов без ущерба для экологии и общества (рис. 2).



Источник: разработка автора.

Рисунок 2.
Сущность категории устойчивое развитие

Преимуществом данного определения является то, что в нем заложено два свойства системы: динамизм (изменение) и статичность (сохранение), которые выражают одновременно суть отдельных категорий составляющих данное понятие: «устойчивость» и «развитие».

На наш взгляд, в обеспечении устойчивого развития государства центральным звеном становится регион, поскольку он – более управляемая структурная единица, являющиеся исторически более устойчивым территориальным образованием. Под регионом будем понимать наличие территориальной и хозяйственной целостности, внутренних связей, которые с одной стороны обеспечивают территориальную целостность хозяйства региона, а с другой стороны определяет замкнутость воспроизводственного процесса путем доведения конечного продукта до его потребителей и непосредственного процесса потребления[6].

Поэтому целесообразно рассмотреть определения устойчивого развития региона.

По мнению Хайруллова Д.С., устойчивость социально-экономического развития региона означает способность региона противостоять отрицательным воздействиям различного характера (кризисы, социальная нестабильность) и быстрому возврату к исходному состоянию, либо достижение более высокой точки своего развития, неуклонное по-

[1] Кузнецов О.Л. Устойчивое развитие: научные основы проектирования в системе природа-общество-человек / О.Л. Кузнецов, Б.Е. Большаков. – Санкт-Петербург; Москва; Дубина, 2002.

[2] Василенко В.А. Экология и экономика: проблемы и поиски путей устойчивого развития. – Новосибирск: СО РАН ГПНТБ ИЭиОПП, 1997. – 123 с.

[3] Миркин Б.М. Устойчивое развитие: вводный курс. – М.: Логос, 2006. – 312 с.

[4] Кудашев В.И. Устойчивое и эффективное функционирование предприятий: проблемы и пути достижения: монография. – Минск: Изд-во МИУ, 2007. – 408 с.

[5] Мельник Т.Е. Управление устойчивым развитием промышленных предприятий на основе использования эффективного комплексного показателя его оценки: автореф. дис. канд. эк. наук ГОУ ВПО Орловский государственный технологический университет. – Орёл, 2009. – 24 с.

[6] Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. – Волгоград: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.

вышение качества жизни населения и обеспечение расширенного воспроизводства территориально-хозяйственного комплекса[1]. В данном определении автор не уделяет внимания проблемам экологического характера.

С.Р. Брошкова считает, что устойчивое развитие региона «является процессом изменений, в котором эксплуатация ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технологического развития в гармонии, повышают ценность текущего и будущего потенциала региона и геополитических пространств»[2]. В данном определение автор делает акцент на «потенциале региона» не затрагивая проблем развития общества и природы.

А.В. Дорохов трактует устойчивое развитие региона как «обеспечение превышения темпов роста региональной экономики над темпами роста затрат факторов, необходимых для ее функционирования и развития»[3]. В данном определении автор практически отождествляет понятие «устойчивое развитие региона» с категорией «эффективность регионального развития».

Г.В. Гутман под устойчивым развитием понимает такое состояние социо-эколого-экономической системы, при котором существуют необходимые условия и предпосылки для прогрессивного движения вперед, для поддержания внутреннего и внешнего равновесия, для обеспечения постепенного перехода экономики от простых явлений к более сложным, тем самым происходит формирование условий для ее перехода в качественно новое состояние[4]. На наш взгляд, данное определение определяет философию концепции устойчивого развития, однако, не акцентирует внимание на региональном уровне.

На основе изучение некоторых подходов нами предлагается ***собственное определение исследуемой категории:*** устойчивое развитие региона *представляет собой* способность *региона функционировать стабильно, противодействуя негативным влиянием внешней среды и переходить на новый качественный уровень при условии сбалансированного развития социальной, экологической и экономической его подсистем.*

В современной литературе встречается термин устойчивое сбалансированное развитие региона. По мнению автора, такое это терминологическое словосочетание не достаточно корректно, так как сбалансированность – это более емкое понятие, которое предполагает, что каждая сбалансированная система является устойчивой, однако не каждая система является сбалансированной. Поэтому более корректным термином является сбалансированное устойчивое развитие региона.

Под сбалансированным устойчивым развитием региона, по нашему мнению, следует понимать способность системы сохранять имеющиеся результаты и изменяться в долгосрочной перспективе в условиях динамизма внутренней среды для достижения целей социально-экономического развития региона на основе сбалансированности компонентов: «человек – окружающая среда – экономика».

---

[1] Хайруллов Д.С. Устойчивое развитие региона как основа безопасности национальной экономики // Труды IV Всероссийской научной конференции «Информационные технологии в системе социально-экономической безопасности России и ее регионов». – Казань, 2012. – С. 41–49.

[2] Брошкова С.Р. Формирование и развитие понятийно-терминологической системы «регион» в контексте экономико-экологического устойчивого развития. – http://www.ecologylife.ru/odesski-region/formirovanie-i-razvitie-ponyatiyno-terminologicheskoy-sistemyi-%C2%ABregion%C2%BB-v-kontekste-ekonomiko-ekologicheski-ustoychivogo-razvitiya.html

[3] Дорохов А.В. К вопросу о сущности эффективной региональной политики // Вопросы теории и практики управления. 2010. – № 7. – С. 22.

[4] Гутман, Г.В. Управление региональной экономикой: учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 176 с.

Емельянова Е.Е.
к.э.н., с.н.с. Института экономических проблем КНЦ РАН

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СЕВЕРА РОССИИ[1]

Ключевые слова: *муниципальный бюджет, регионы Севера, инвестиционная деятельность, городские округа.*
Keywords*: municipal budget, the Northern regions, investment activity, urban district.*

Возможности реализации инвестиционной деятельности муниципалитетом существенно зависят от его бюджетной обеспеченности. В текущих условиях сложной экономической ситуации, сокращения финансирования и бюджетных расходов, свертывания инвестиционных программ и роста уровня безработицы муниципальные бюджеты стали еще более напряженными, чем до кризисного уровня.

В связи с тем, что в регионах Севера и Арктики значительное число муниципальных образований сформировано в качестве горнодобывающих центров в районах разработки полезных ископаемых, предлагается классифицировать их на три подгруппы:

– моногорода, экономика которых связана с деятельностью градообразующего предприятия (9 городских округов);

– города, экономическая активность которых связана с добычей и переработкой углеводородного сырья (13 городских округов);

– города, которые не входят в первые две группы, а имеют разнонаправленную структуру экономики (7 городских округов).

Как известно, моногорода находятся в группе риска – они больше остальных подвержены негативным кризисным явлениям. Монопрофильность города часто приводит к возникновению разного рода социально-экономических рисков, таких как сокращение численности населения, увеличение дефицита бюджета, безработица[2].

К числу монопрофильных муниципальных образований РФ с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций) и расположенными в регионах Севера отнесены 12 моногородов. Из рассматриваемой категории городских округов с численностью населения от 20 до 10 тыс. чел. к ним относятся городские округа Кировск и Ковдор Мурманской области. К монопрофильным муниципальным образованиям РФ, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, распоряжением Правительства отнесены 20 северных моногородов. Из рассматриваемой категории к ним относятся семь: Новодвинск, Коряжма (Архангельская область), Мончегорск, Оленегорск (Мурманская область), Костомукша (Республика Карелия), Инта и Воркута (Республика Коми). Таким образом, все исследуемые моногорода Севера и Арктики либо уже находятся в тяжелой социально-экономической ситуации либо имеют риски ее ухудшения.

Что касается городов, чья экономика связана с добычей и переработкой углеводородного сырья, считается, что они, наоборот, находятся в более благоприятном положении. Поэтому из-за новых критериев отнесения муниципальных образований к монопрофильным[3], из перечня моногородов были исключены города, с градообразующими предприятиями по добыче нефти и газа. Это города Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов: Губкинский, Урай, Лангепас, Радужный, Нягань и Мегион, которые до актуализации перечня имели статус моногорода[4].

Как уже отмечалось выше, одним из важнейших вопросов осуществления инвестиционной деятельности является ее ресурсное, в частности финансовое обеспечение. Для определения изменений инвестиционных возможностей в муниципалитетах с разной структурой экономики был проведен анализ их бюджетной обеспеченности на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики[5].

Анализ бюджетов городских округов за 2012–2015 годы (рис. 1) показал значительное ухудшение бюджетной обеспеченности именно моногородов. Если в 2012 году с профицитом закончили 4 моногорода, а средняя бюджетная обеспеченность составляла –0,6% от доходов бюджета, то в дальнейшем ситуация значительно ухудшилась. Так в

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 16-32-00019 «Новые проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов российской Арктики в условиях кризиса».

[2] Стратегическое управление: регион, город, предприятие / Под ред. Д.С.Львова, А.Г. Гранберга, А.П.Егоршина; ООН РАН, НИМБ. – М.: Экономика, 2004. – 605 с.

[3] Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014г. №1398-р).

[4] Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 23 декабря 2011 г. № 597 «Об актуализации перечня моногородов».

[5] Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. – www.gks.ru

2013 и 2014 годах с профицитом закончил только один моногород, а в 2015 средняя бюджетная обеспеченность моногородов упала до -6,4% от доходов бюджета. При этом в докризисный период бюджетная обеспеченность моногородов была несколько лучше по сравнению с городскими округами Крайнего Севера, не имеющими статуса моногорода (3,9% в моногородах против –0,4% в среднем по городским округам Севера)[1].

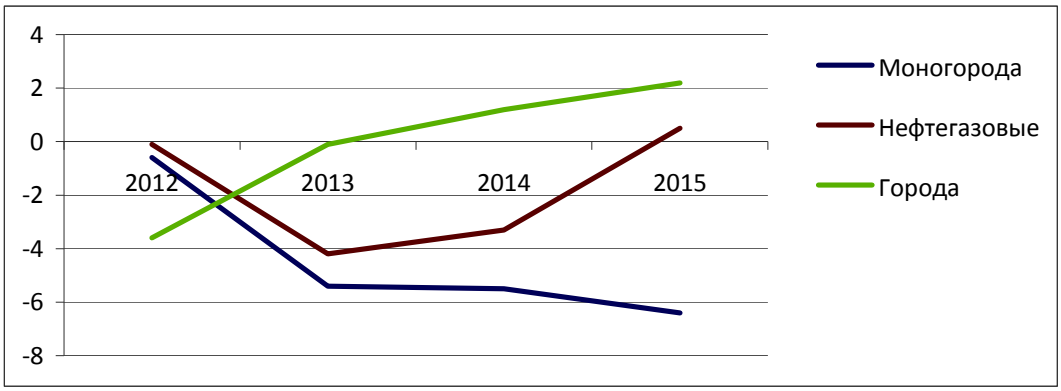


Рисунок 1.
Профицит (дефицит) бюджетов городских округов Севера и Арктики, в % к доходу

В городах, чья экономика связана с добычей и переработкой углеводородного сырья, после спада в 2013 году, наоборот, наблюдается улучшение бюджетной ситуации. Стабильный и наиболее высокий рост обеспеченности бюджетов демонстрируют городские округа, не вошедшие в две первых группы.

При этом анализ бюджетов городских округов Севера и Арктики показал, что и в монопрофильных и в «нефтегазовых» городах доля собственных доходов в общем объеме доходов бюджетов в 2014–2015 годах сократилась по сравнению с докризисным периодом в 1,3 раза (рис. 2.), хотя до 2014 года отмечалось их постепенное увеличение. Если в 2013 году в среднем доля собственных доходов в общем объеме бюджетов по моногородам составляла 77,2%, то в 2015 году – 58,3%; в «нефтегазовых» – 75,9 и 62,3 соответственно. Это свидетельствует о сокращениях доходной части бюджетов, что ведет к сокращению и инвестиционной составляющей.

Муниципалитеты, не относящиеся к монопрофильным и к городам с угледобывающим характером экономики, не демонстрируют столь резкого снижения.

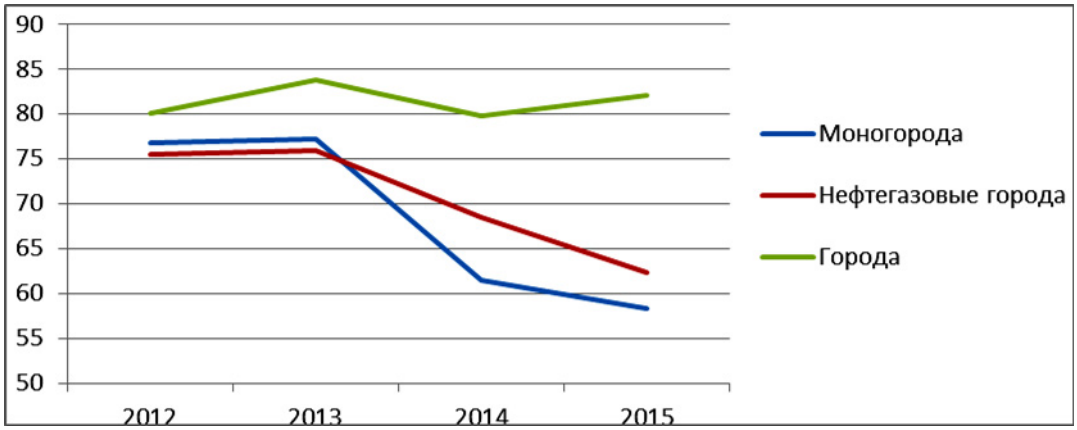


Рисунок 2.
Доля собственных доходов в общих доходах бюджета городских округов Севера и Арктики, в %.

Следует отметить, что в структуре доходов за исследуемый период времени произошло перераспределение доли налоговых и безвозмездных поступлений в бюджеты всех исследуемых муниципальных образований (рис. 3). В монопрофильных и «нефтегазовых» муниципалитетах отмечается сокращение доли налоговых доходов и увеличение безвозмездных поступлений. Наиболее заметные изменения произошли именно в моногородах. Если до кризиса в среднем доля налоговых поступлений в моногородах составляла 45,7%, то к 2015 году произошло их сокращение до 38,0%. При этом возросла доля безвозмездных поступлений с 48,7 до 55,5%. То есть бюджеты монопрофильных муниципальных образований стали сильнее зависеть от вышестоящих уровней бюджетной системы РФ, что напрямую сказывается на возможности формирования собственной инвестиционной политики.

[1] Емельянова Е.Е. Финансовая обеспеченность инвестиционной деятельности и развитие стратегических методов управления в моногородах Севера // Актуальные проблемы экономики и управления: сборник статей Второй заочной всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 17–18 ноября 2014 года) / Отв. ред. проф. М.Н. Игнатьева и доц. Л.А. Мочалова; Урал. гос. горный ун-т. – Екатеринбург: УГГУ, 2014. – С. 22–28.

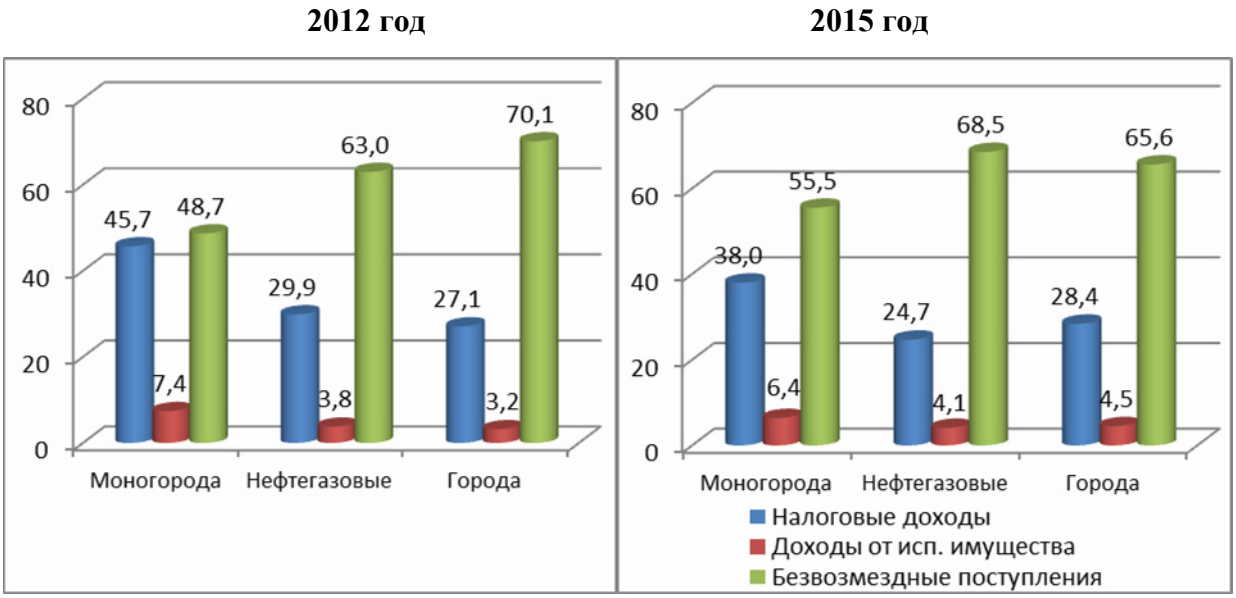


Рисунок 3.
Структура доходов муниципальных бюджетов моногородов Севера, в %

При более детальном рассмотрении источников доходов муниципальных бюджетов моногородов, можно констатировать, что уменьшение налоговых доходов произошло в основном за счет сокращения самого доходного налога для муниципальных образований – налога на доходы физических лиц (табл. 1). Наибольшее сокращение в 2015 г. по отношению к 2012 г. наблюдается в Воркуте и Инте (Республика Коми) – 45,7 и 53,7% соответственно. В среднем по моногородам сокращение налога на доходы физических лиц составило 20,5%.

Таблица 1

Динамика налога на доходы физических лиц в моногородах Севера к предыдущему году, в %

Моногород	2013 г. к 2012 г.	2014 г. к 2013 г.	2015 г. к 2014 г.	2015 г. к 2012 г.,в %
Воркута	–15,2	–37,3	2,2	–45,7
Инта	–30,1	–48,0	27,4	–53,7
Кировск	10,0	–25,5	–1,1	–18,9
Ковдор	11,9	–18,0	–5,6	–13,4
Коряжма	12,0	–9,1	–0,5	1,3
Костомукша	12,7	–26,1	–9,7	–24,8
Мончегорск	4,3	–22,6	3,7	–16,3
Новодвинск	3,7	–6,3	4,1	1,2
Оленегорск	15,7	–23,9	–2,9	–14,5
В среднем:	***2,8***	***–24,1***	***1,9***	***–20,5***

По-видимому, это связано с массовыми сокращениями работников градообразующих предприятий в связи с падением спроса и ростом задолженности предприятий. Данное обстоятельство отмечалось и в докладе Аналитического центра при Правительстве и Федеральной службе охраны (ФСО). Согласно данным, в моногородах отмечается рост безработицы. Так в 206 моногородах в целом по стране уровень регистрируемой безработицы превысил среднероссийский показатель – 1,2% от численности экономически активного населения (по состоянию на 1 января 2015 года – в 173 моногородах), в том числе в 84 моногородах превышение составило два и более раза (на 1 января 2015 года – в 66 моногородах)[1].

Менее значительное перераспределение доли налоговых и безвозмездных поступлений произошло в нефтегазо-добывающих и перерабатывающих муниципалитетах. В городах с другими типами экономик, наоборот, наблюдается небольшой перевес в пользу налоговых поступлений.

Доля доходов от использования государственного и муниципального имущества колеблется от 17,2% в Кировске Мурманской области до 0,4% в Холмске (Сахалинская область). Наиболее благополучная ситуация в этой части доходов муниципальных бюджетов складывается в монопрофильных муниципальных образованиях – 6,4% (в 2012 г. – 7,4).

Что касается безвозмездных поступлений, то до 2008 года намечалась тенденция к переходу от перечисления дотаций, направления расходования которых определяются муниципалитетами самостоятельно, к субсидиям, т.е. долевому участию вышестоящего уровня бюджетной системы в расходах, которые он считает необходимым[2]. Сейчас, в условиях кризиса, отмечается тенденция к перераспределению безвозмездных поступлений (рис. 4). В моногородах

[1] О мониторинге социально-экономического положения моногородов // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/orders/22920/

[2] Емельянова Е.Е. Анализ системы управления и механизмов реализации местной социально-экономической политики северного города // Север и рынок. 2010. -№ 1. – С. 39

данное перераспределение в пользу субвенций наблюдается особенно очевидно. Так к 2015 году произошло резкое сокращение доли субсидий в общем объеме безвозмездных поступлений почти в 4 раза (с 32,2% в 2012 году до 8,3%). В «нефтегазовых» городах данное перераспределение не так значительно, а в городах, не отнесенных к вышеуказанным категориям, произошло перераспределение субсидий в пользу дотаций.

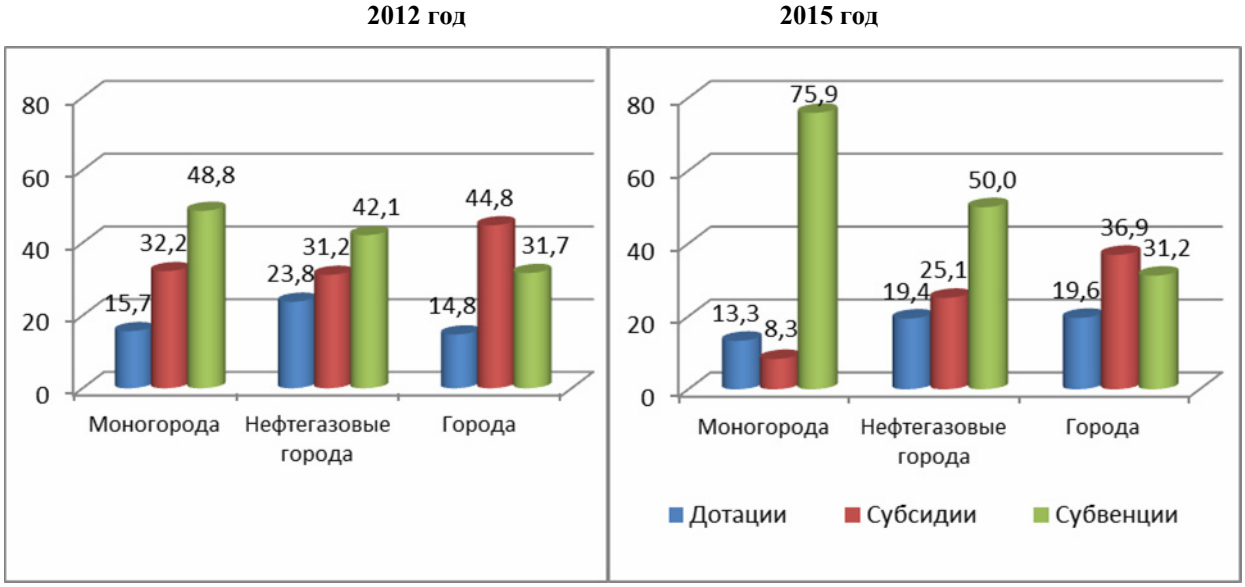


Рисунок 4.
Доля дотаций, субсидий и субвенций в общем объеме безвозмездных поступлений, %

Таким образом, городские округа имеют различные возможности реализации собственной инвестиционной политики, в связи с тем, что доля дотаций, направления расходования которых определяются муниципалитетом самостоятельно, колеблется от 0% в Костомукше (Республика Карелия) до 48% в Губкинском и Лабытнанги (Ямало-ненецкий АО), что дает (или не дает) определенную свободу в реализации муниципальной инвестиционной политики. Что касается моногородов, то большую часть безвозмездных поступлений (более 75% в 2015 году) у них составляют субвенции, которые выделяются государством местным органам власти на определённый срок и на конкретные цели, определенные государственными органами власти, а не муниципалитетом. В отличие от дотаций они подлежат возврату в случае нецелевого использования или использования не в установленные ранее сроки. Это обстоятельство сужает возможности моногородов проводить собственную инвестиционную политику.

Негативные тенденции бюджетной обеспеченности городских округов Севера и Арктики в последние годы оказывают непосредственное влияние на возможности формирования и реализации инвестиционной политики муниципалитетами (рис. 5).

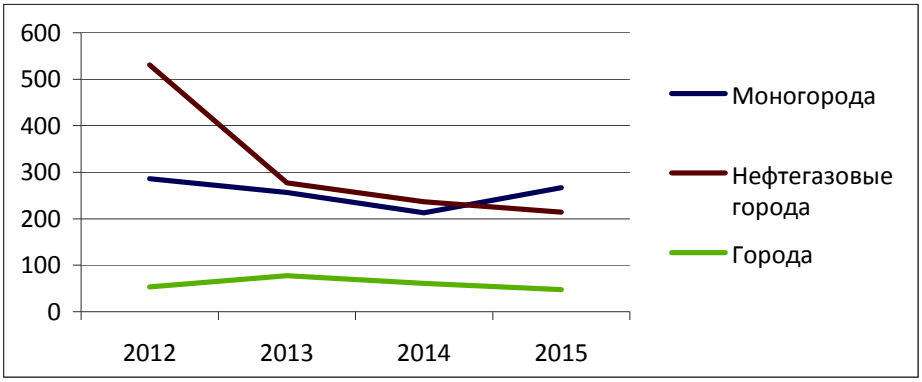


Рисунок 5.
Инвестиции в основной капитал за счет всех источников, тыс. руб./чел.

Видно, что если моногорода и «нефтегазовые» муниципалитеты находятся примерно на одинаковом уровне инвестиций (в пределах от 200 до 300 тыс. руб./чел.), то города с другой структурой экономики расположены много ниже. Так в 2013 году в среднем по данным городам инвестиции не превышали 80 тыс. руб. на человека, а к 2015 году они сократились на 18,5% и составили 47, 6 тыс. руб./чел.

Таким образом, инвестиционные возможности в моногородах и городах, экономика которых связана с добычей и переработкой углеводородного сырья, гораздо выше, чем в остальных муниципалитетах.

Более детальное рассмотрение инвестиций в основной капитал по источникам инвестирования (рис. 6) выявило, что по сравнению с 2012 годом практически во всех исследуемых городах произошло существенное сокращение инвестиций в основной капитал за счет средств муниципального бюджета. Наиболее заметен спад в городских округах, чья экономика связана с добычей углеводородных ресурсов. На втором месте – моногорода. В остальных муниципалитетах спад не так значителен.

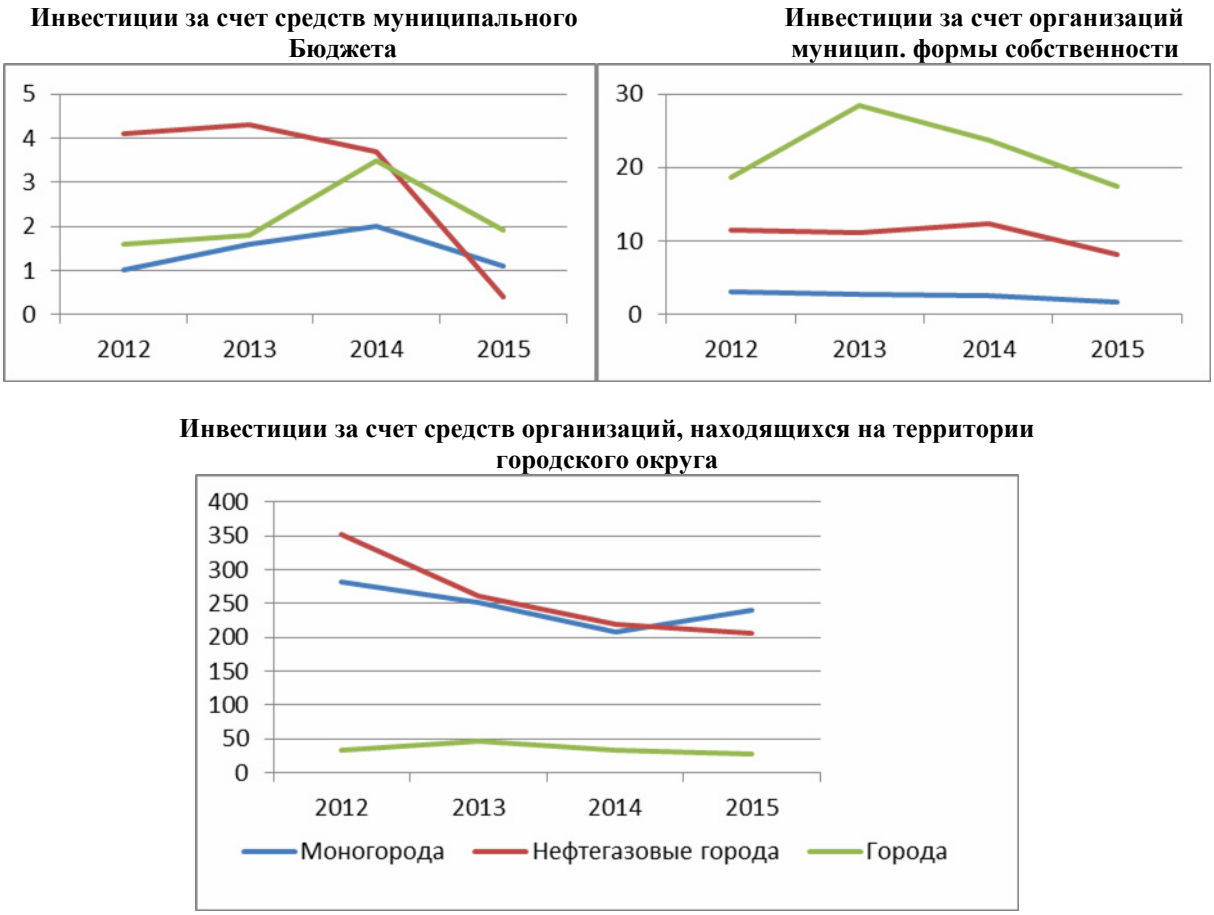


Рисунок 6.
Динамика изменения инвестиций по видам, тыс. руб./чел.

Однако, доля данного вида инвестиций в общем объеме незначительная, особенно в городах, отнесенных к монопрофильным и «нефтегазовым». Наибольший удельный вес в этих группах городов занимают инвестиции организаций, находящихся на территории муниципального образования – около 97% в моногородах и 90% в «нефтегазовых».

Очевидно, что градообразующие предприятия в этих муниципальных образованиях играют значительную роль в формировании инвестиционной политики и возможностях ее реализации, не смотря на то, что по сравнению с 2012 годом объем данных инвестиций сократился в среднем на 15% в моногородах и на 41% в «нефтегазовых», однако их уровень на порядок превышает инвестиции организаций, находящихся на территории муниципалитетов, не отнесенных к данным категориям городов.

То, что моногорода демонстрируют наилучшую инвестиционную активность по сравнению с другими городами в кризисный период также связано с поддержкой государства в рамках антикризисных мер, предпринимаемых Правительством страны, которая ориентирована на наиболее проблемные монопрофильные поселения. Всего на эти цели с 2014 по 2017 год планируется потратить 29,2 млрд. руб. субсидий, выделяемых через ВЭБ Правительством[1].

Стратегия Фонда развития моногородов (ФРМ) предполагает участие фонда в направленных на развитие моногородов инфраструктурных проектах только при условии софинансирования указанных проектов муниципальными органами власти в пропорции 95% ФРМ, остальные 5% – за счет муниципалитета[2]. Однако реализация данной схемы распределения бюджетных средств для поддержки моногородов может быть весьма проблематичной, если учитывать ранее приведенные данные о бюджетных возможностях участия муниципалитетов в инвестиционной деятельности, где средний показатель доли инвестиций за счет муниципального бюджета по моногородам составил в 2015 году всего 0,9% от общего объема инвестиций или 1,1 тыс. руб./чел.

Таким образом, анализируя бюджетную обеспеченность и инвестиционную активность городских округов Севера и Арктики, можно констатировать, что моногорода до кризисного периода находились в более благоприятном финансовом положении по сравнению с другими городскими округами, имели более стабильный бюджет и гораздо большие инвестиционные возможности. Однако в последнее время происходит сокращение как доходной части бюджетов моногородов, так и объемов инвестиций, что негативно сказывается на их социально-экономическом положении. Несмотря на это, и нефтегазовые муниципалитеты и моногорода по уровню инвестиций на душу населения намного превосходят городские округа, не относящиеся к ним по своей структуре экономики.

[1] Субсидии моногородам расписали по-новому [Электронный ресурс] // Издательский дом «КоммерсантЪ». Официальный сайт. – URL: http://www.kommersant.ru/Doc/2978995 (дата обращения 17.05.2016)

[2] Моногорода: некоторые важные результаты и показатели 2015 года // Официальный сайт Правительства России. – URL: http://government.ru/info/22707/ (дата обращения 17.05.2016)

Зборовская Е.Б.
к.э.н., доцент Ярославского филиала РЭУ

ПАРАМЕТРЫ ПРОГНОЗА ИСХОДНЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОЕКТА ОБЛАСТНОГО БЮДЖЕТА

Ключевые слова: *прогноз социально-экономического развития, макроэкономические показатели, бюджетное планирование, региональные показатели.*

Макроэкономические условия разработки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов (Прогноз РФ) характеризовались снижением динамики экономического развития, существенным падением внутреннего инвестиционного и потребительского спроса, сохранением повышенного уровня инфляции, сокращением размера реальной заработной платы и увеличением просроченной задолженности по оплате труда, низким уровнем цен на нефть марки «Юралс», высокой волатильностью курса национальной валюты по отношению к доллару США и евро с преобладающей тенденцией к ослаблению на фоне продолжения действия основных внешне- и внутриэкономических факторов, сформировавшихся в 2014 году.

Прогноз РФ, разработанный в составе 3 основных вариантов, базирующихся на единой гипотезе развития мировой экономики в 2016–2018 годах со среднегодовыми темпами прироста 3,4–3,6%, включает в себя базовый, целевой и консервативный варианты.

В соответствии с материалами Прогноза РФ базовый вариант характеризовал основные макроэкономические параметры развития экономики «в условиях сохранения консервативных тенденций изменения внешних факторов и консервативной бюджетной политики, в том числе в части социальных обязательств государства».

При разработке проекта федерального бюджета на 2016 год Правительством Российской Федерации в качестве основного принят базовый вариант Прогноза РФ. Базовый вариант предполагал достаточно консервативное повышение мировых цен на нефть на основе консенсус-прогноза мировых агентств; сохранение действия санкций со стороны США и ЕС на протяжении всего прогнозного периода; достаточно высокий уровень чистого оттока капитала из частного сектора, связанный с погашением внешнего долга; умеренное возобновление экономического роста начиная с 2016 года при подавленном состоянии потребительского спроса и продолжающемся снижении инвестиционного спроса, восстановительный прирост которого может начаться лишь с 2017 года; ослабление курса национальной валюты в 2016 году с последующим незначительным укреплением в 2017–2018 годах; последовательное снижение уровня инфляции.

В соответствии со статьей 172 Бюджетного кодекса РФ проект областного бюджета на очередной финансовый год и плановый период основывался на положениях послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, основных направлениях бюджетной политики и основных направлениях налоговой политики, прогнозе социально-экономического развития соответствующей территории, бюджетном прогнозе (проекте бюджетного прогноза, проекте изменений бюджетного прогноза) на долгосрочный период, государственных программах (проектах государственных программ, проектах изменений указанных программ).

В Ярославской области в 2016–2018 годах реализовывался 2 этап Стратегии социально-экономического развития (СЭР) Ярославской области «Ликвидация критических отставаний» на 2016–2020 годы, который характеризуется ликвидацией наиболее критических отставаний Ярославской области от других субъектов Российской Федерации за счет применения стратегических механизмов развития, осуществлением качественного сдвига в структуре экономики, развитием секторов новой экономики, в том числе малого бизнеса и социальной сферы [13].

Разработка параметров Прогноза СЭР Ярославской области на 2016–2018 годы осуществлялась по двум вариантам – консервативному и благоприятному.

Бюджетным прогнозом области устанавливалось, что основным принципом долгосрочной бюджетной политики является надежность, достоверность и консервативность оценок и прогнозов, поэтому в его основу в качестве базового был заложен первый вариант прогноза (консервативный).

Базовый вариант Прогноза РФ характеризовался следующими основными макроэкономическими параметрами.

Прогнозируемый объем ВВП в 2016 году – 78673 млрд. руб. при темпе роста 100,7% и индексе-дефляторе 106,3%, в 2017 году – 84 910 млрд. руб. при темпе роста 101,9% и индексе-дефляторе 105,9% и в 2018 году – 91 930 млрд. руб. при темпе роста 102,4% и индексе-дефляторе 105,8%. При этом индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года) планировалось снизить со 106,4% в 2016 году до 106,0% в 2017 году и до 105,1% в 2018 году.

Внешние и внутренние макроэкономические условия формирования прогноза и проекта бюджетов на период до 2018 года представлены на рис. 1.

Рисунок 1.
Макроэкономические условия формирования прогноза и проекта бюджетов в 2016–2018 годах

Согласно уточненному прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на период 2017 и 2018 годов (далее – Прогноз РФ) макроэкономические условия его разработки характеризуются сохранением макроэкономической стабильности и финансовой устойчивости при выполнении государственных социальных и внешнеэкономических обязательств. Базовый вариант, являющийся основой для разработки параметров федерального бюджета, предусматривает сохранение консервативных тенденций изменения внешних факторов с учетом возможного ухудшения внешнеэкономических и иных условий и сохранением сдержанной бюджетной политики. Данный вариант отражает консервативный сценарий развития, имеет статус консервативного варианта прогноза и не предполагает кардинального изменения модели экономического роста. Базовый вариант разработан исходя из достаточно низкой траектории цен на нефть Urals на уровне 41 доллар США за баррель в 2016 году и стабилизацией на уровне 40 долларов США за баррель на протяжении всего прогнозируемого периода. В условиях ограниченных финансовых возможностей и медленного восстановления экономики основные социальные параметры будут характеризоваться сдержанной динамикой, при этом предусматривается обязательное исполнение минимальных социальных обязательств государства. Потребительский спрос также будет восстанавливаться умеренными темпами – до 1,5% в 2018 году, индекс потребительских цен прогнозируется в 2017 году на уровне 4,9% (декабрь 2017 года к декабрю 2016 года) и 5,2% (год к году). В 2018 году индекс потребительских цен прогнозируется на уровне 4,4% (декабрь 2017 года к декабрю 2016 года) и 4,8% (год к году). В 2016 году падение ВВП замедлится до 0,6%, и уже к концу года в экономике предполагается переход от стагнации к восстановлению экономического роста. В 2017 году темп роста ВВП повысится до 0,6%, в 2018 году рост ускорится до 1,7%. В 2017 году положительный вклад в экономический рост будут вносить инвестиции в основной капитал и рост конечного потребления домашних хозяйств. Среднегодовой рост промышленного производства оценивается на уровне 1,2% в 2017 году и на уровне 1,8% в 2018 году. В течение 2017–2018 годов ожидается постепенное восстановление производства товаров инвестиционного спроса. Важную роль продолжит играть государственный заказ, что будет оказывать положительное влияние на машиностроение. Устойчивая позиция сохранится в секторах-экспортерах с более конкурентоспособной продукцией: ТЭК, металлургия, химическое производство. Положительное влияние на строительный сектор окажет поддержка намеченных масштабных инфраструктурных проектов.

В проекте закона «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» 2016 год охарактеризован как период адаптации к внешнеэкономическим вызовам. Планируется, что на смену ему придет этап выхода на параметры сбалансированного развития экономики, что потребует среди прочего определенных изменений в объеме и структуре расходов бюджета для проведения бюджетной консолидации и достижения целевых ориентиров по размеру дефицита бюджета. С точки зрения внешних условий развития отечественной экономики, проектировки бюджета подразумевают продолжающееся замедление темпов мирового экономического роста, в результате чего не ожидается улучшения конъюнктуры цен и спроса на товары российского экспорта. Также предполагается сохранение режима санкций на протяжении всего прогнозного периода.

Внутренние факторы так же учитывались. Возобновление роста российской экономики после спада планировалось при разумной государственной поддержке [1; 2], умеренном номинальном росте внутреннего спроса и относительно стабильной динамике курсов валют.

Внешние и внутренние макроэкономические условия формирования прогноза и проекта бюджетов на период до 2019 года представлены на рис. 2.

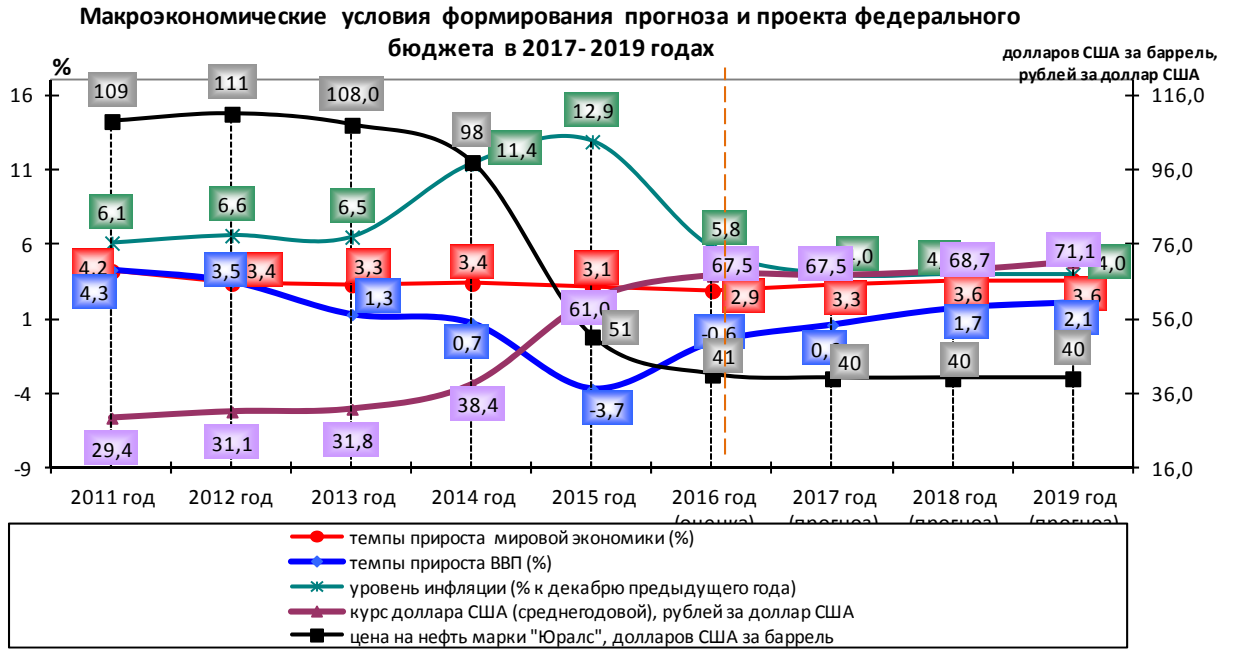


Рисунок 2.
Макроэкономические условия формирования прогноза и проекта бюджетов в 2017–2019 годах

Расходы федерального бюджета на 2017–2019 годы сформированы в рамках бюджетных правил. В среднесрочном периоде предполагается возобновить реализацию механизма бюджетных правил с целью ослабить чувствительность бюджетной системы к волатильности мировых цен на нефть. Согласно предварительным проектировкам, новая редакция бюджетных правил в полном объеме начнет действовать с 2020 года, при этом 2017–2019 годы объявлены переходным периодом из-за необходимости избежать слишком быстрого сжатия расходов до уровня, предусмотренного концепцией новых бюджетных правил. Задача перехода к новым бюджетным правилам предопределяет необходимость проведения бюджетной консолидации, которая запланирована на 2017–2019 годы. Предстоящая бюджетная консолидация предполагает в большей степени сжатие объема расходных обязательств государства одновременно с повышением их эффективности. При этом важно учитывать не только общие объемы, но и структуру расходов. Более того, в кризисной ситуации последних лет адаптация федерального и региональных бюджетов к «новой реальности» происходила в основном за счет сокращения расходов по статьям, определяющего будущее страны и регионов, – расходов инвестиционного характера.

В соответствии со статьей 172 Бюджетного кодекса РФ проект областного бюджета на очередной финансовый год и плановый период основывается на положениях послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, основных направлениях бюджетной политики и основных направлениях налоговой политики, прогнозе социально-экономического развития соответствующей территории, бюджетном прогнозе (проекте бюджетного прогноза, проекте изменений бюджетного прогноза) на долгосрочный период, государственных программах (проектах государственных программ, проектах изменений указанных программ).

В соответствии с требованиями Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ), Бюджетного кодекса РФ Правительством Ярославской области разработаны и приняты соответствующие нормативные правовые акты.

Требования к содержанию, порядку разработки прогноза социально-экономического развития Ярославской области на среднесрочный период, прогноза социально-экономического развития Ярославской области на долгосрочный период (далее – Долгосрочный прогноз), установленные статьей 173 Бюджетного кодекса РФ, утверждены постановлением Правительства Ярославской области от 03.04.2015 № 375-п «О порядках разработки прогнозов социально-экономического развития Ярославской области и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства области».

Прогноз СЭР в соответствии с требованиями статьи 1842 Бюджетного кодекса РФ представлен в составе документов и материалов одновременно с законопроектом.

При подготовке основных параметров Прогноза СЭР Правительство области использовало данные государственной и ведомственной статистики, структурных подразделений Правительства области и органов исполнительной власти Ярославской области.

В 2017 году в Ярославской области запланирована реализация 2 этапа Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2025 года.

Из Прогноза СЭР следует, что его разработка осуществлялась по двум вариантам – консервативному и благоприятному.

Согласно благоприятному варианту прогнозируются:

– темп прироста валового регионального продукта (далее – ВРП) в 2017 году на уровне 2,3%, в 2018 году – на 2,5%, в 2019 году – 3,2%;

– индекс промышленного производства в 2017 году 104,8%, в 2018 году – 105,1%, в 2019 году – 105,2%;

– индекс производства продукции сельского хозяйства в 2017 году на уровне 102,2%, в 2018 году – 102,0%, в 2019 году – 102,3%;

– индекс физического объема инвестиций в 2017 году – 101,7%, в 2018 году – 106,7%, в 2019 году – 103,6%.

Согласно консервативному варианту Прогноза СЭР в регионе планируются:

– темп прироста ВРП в 2017 году на уровне 0,6%, в 2018 году – на уровне 0,9%, в 2019 году – 1,4%;

– индекс промышленного производства в 2017 году 103,5%, в 2018 году – 103,9%, в 2019 году – 104,2%;

– индекс производства продукции сельского хозяйства по 101,0% в 2017 – 2018 годах, 101,2% – в 2019 году;

– индекс физического объема инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в 2017 году – 86,1%, в 2018 году – 101,4%, в 2019 году – 100,9%;

– реальные располагаемые доходы населения в 2017 году – 98,5%, в 2018 году – 98,9%, в 2019 году – 99,5%;

– оборот розничной торговли прогнозируется в 2017 году на уровне 99,0% к предыдущему году, в 2018 году – 99,4%, в 2019 году – 100,0%.

Необходимо учитывать тот факт, что в определенной степени экономическое развитие носит инерционный характер, а перестройка сложившейся в настоящее время структуры экономики, основу которой составляет производство товаров с недостаточно высоким уровнем добавленной стоимости, в направлении создания высокотехнологичных эффективных производств, в том числе в рамках импортозамещения, требует определенного времени и затрат соответствующих ресурсов, включая финансовые. При этом временной период перестройки структуры экономики значительно влияет на экономическую безопасность региона [15]. Необходимо отметить, что методические подходы к обеспечению экономической безопасности функционирования инвестиционной системы региона [3], безопасности функционирования региональной инвестиционно-заемной системы [8] разрабатываются, однако по разным причинам не реализованы. Поэтому повышение эффективности межбюджетных отношений [7; 10], использования бюджетных средств [9; 11] и ужесточение финансового контроля [12] в сложившихся условиях критически важны для активного запуска процессов импортозамещения в секторе реального производства, включая оборонную и гражданскую промышленность, сельское хозяйство.

Таким образом, несмотря на возобновляющийся рост в 2017–2019 годах ряда основных показателей социально-экономической активности, рост экономики ожидается умеренным, сохраняются инфляционные и бюджетные риски. Для обеспечения устойчивого роста экономики необходимы последовательная и предсказуемая экономическая политика, направленная на улучшение внутреннего делового и инвестиционного климата, осуществление структурных реформ, исключение рисков макроэкономической дестабилизации, последовательное снижение инфляции и стабилизация бюджетной системы.

Следует отметить, что переход к формированию бюджетов бюджетной системы Российской Федерации с применением программно-целевого метода (бюджета в программном формате) предъявляет дополнительные требования к увязке планируемых бюджетных ассигнований с достижением конкретных целевых показателей (индикаторов), направленных на эффективную реализацию долгосрочных целей социально-экономического развития.

Основным результатом бюджетного планирования является подготовка бюджета на очередной финансовый год и плановый период. Стратегическое планирование для регионального уровня определено как деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития региона. Стержневым документом стратегического планирования, разрабатываемого в рамках целеполагания, является стратегия социально-экономического развития региона. Если установить устойчивую связь между параметрами стратегии и бюджета, то это и будет означать решение задачи координации стратегического и бюджетного планирования. Связь бюджетного и стратегического планирования устанавливается также через включение в число стратегических документов прогнозов социально-экономического развития и государственных программ.

Сопоставительный анализ Долгосрочного прогноза, Бюджетного прогноза, Прогноза СЭР и Стратегии СЭР подтвердил наличие имеющихся проблем при прогнозировании, так как предлагаемые прогнозы не обеспечивают достижения ряда целевых экономических индикаторов, предусмотренных в Стратегии СЭР, существует определенная несбалансированность значений ряда целевых установок документов стратегического планирования.

Следует отметить, что федеральное финансирование региона [4; 5; 6] оказывало, конечно, влияние на его развитие, однако далеко не всегда оно оказывало решающее значение, а что касается отдельных сфер и секторов деятельности, например, региональной системы образования [14], то деньги, конечно, играют большую роль, но не главную.

Следует также отметить, что согласно Бюджетному прогнозу основным принципом долгосрочной бюджетной политики является надежность, достоверность и консервативность оценок и прогнозов, поэтому в основу Бюджетного прогноза в качестве базового закладывается первый вариант прогноза (консервативный). В целях снижения рисков, влияющих на сбалансированность областного бюджета, при планировании и исполнении бюджета необходимо придерживаться консервативного (неблагоприятного) варианта прогноза социально-экономического развития Ярославской области на долгосрочный период (2016–2027 годов), а также политики оптимизации и сдерживания роста расходов.

Одновременно, согласно пояснительной записке к проекту закона прогноз доходов областного бюджета от поступления налоговых и неналоговых доходов на 2017–2019 годы рассчитан в соответствии с благоприятным вариантом Прогноза СЭР. Благоприятный вариант Прогноза СЭР характеризует развитие российской экономики в условиях

сохранения консервативных тенденций изменения внешних факторов при сохранении консервативной бюджетной политики, в том числе в части социальных обязательств государства. Вариант разработан исходя из умеренной динамики цен на нефть марки Urals на уровне 40 долл. США за баррель в 2017–2019 годах.

Список литературы

1. Бурыкин А.Д. Принципы эффективного использования стабилизационных финансов // Труд и социальные отношения. 2014. – № 1. – С. 96–104.
2. Бурыкин А.Д., Вишневская М.Д. Влияние стабилизационных финансов на экономику России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. – № 1 (26). – С. 44–48.
3. Бурыкин А.Д., Вишневская М.Д. Обеспечение экономической безопасности инвестиционной системы региона // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. – № 2 (27). – С. 7–12.
4. Бурыкин А.Д., Волков А.Ю. О межбюджетных трансфертах, полученных Ярославской областью в 2014 году // Экономика и социум. 2015. – № 6-2 (19). – С. 342–345.
5. Бурыкин А.Д., Волков А.Ю. О межбюджетных трансфертах, полученных Ярославской областью // Региональный маркетинг. Сборник научных статей IV Международного конгресса по маркетингу / Под общ. ред. М.В. Макаровой; РЭУ им. Г.В. Плеханова; Ярославский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2015. – С. 28–33.
6. Бурыкин А.Д., Волков А.Ю. Федеральные трансферты Ярославской области в 2014 году // Наука третьего тысячелетия. Сборник статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред.: Сукиасян А.А. 2016. – С. 13–15.
7. Бурыкин А.Д., Волков А.Ю., Зборовская Е.Б Проблемы межбюджетных отношений в Российской Федерации и направления их решений // Инновационный путь развития АПК. Сборник научных трудов по материалам XXXIX Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава. ФГБОУ ВО Ярославская ГСХА. 2016. – С. 166–171.
8. Бурыкин А.Д., Ольшевский В.Г. Методические подходы к обеспечению безопасности функционирования региональной инвестиционно-заемной системы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. – № 2 (27). – С. 13–18.
9. Волков А.Ю. Исследование динамики развития экономики Ярославской области за 9 месяцев 2015 года // Региональный маркетинг. Сборник научных статей IV Международного конгресса по маркетингу / Под общ. ред. М.В. Макаровой; РЭУ им. Г.В. Плеханова; Ярославский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2015. – С. 37–41.
10. Волков А.Ю. Некоторые направления совершенствования межбюджетных отношений // Проблемы современной науки и образования. 2015. – № 9 (39). – С. 78–80.
11. Волков А.Ю. Тенденции в экономике Ярославской области за 9 месяцев 2015 года // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности. Сборник статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред.: Сукиасян А.А. 2016. – С. 69–71.
12. Волков А.Ю., Волков М.А. Финансовый контроль как категория // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. – № 6-2. – С. 394–398.
13. Волков А.Ю., Зборовская Е.Б. Роль малого бизнеса в социальной сфере // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 240–246.
14. Гаврилов С.А., Бурыкин А.Д. Проблемы управления региональной системой образования и пути их решения // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона. Сборник материалов научно-практической конференции преподавателей и сотрудников Академии МУБиНТ. Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). 2015. – С. 41–46.
15. Курдюков Д.И., Бурыкин А.Д. Экономические угрозы как фактор снижения экономической безопасности региона // Молодая наука – 2015. Сборник материалов шестой региональной научной конференции студентов и аспирантов. 2015. – С. 256–261.

Киселев Д.Н.
старший менеджер по работе с федеральными сетями ООО «Энерджайзер»
kissalot@yandex.ru

КЛАСТЕРНАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА: ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРОВ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ

Ключевые слова: *кластер, кластерная политика, кластерный подход, кластерная стратегия, кластерные инициативы, инновация, регион.*
Keywords: *cluster, cluster policy, cluster approach, cluster strategy, cluster initiatives, innovation, region.*

В современных условиях успешное развитие отечественной экономики невозможно без определения путей и создания механизма повышения региональной конкурентоспособности. На сегодняшний день существует множество подходов, призванных решить задачу повышения конкурентоспособности. Однако большинство из них акцентируют внимание на совершенствовании развития отдельных хозяйствующих субъектов, что не позволяет добиться синергетического эффекта экономического развития территории в целом. Одним из механизмов повышения конкурентоспособности территорий можно считать кластеризацию социально-экономического пространства регионов[1].

Исследование различных точек зрения ученых, занимающихся проблемой кластеризации территорий, позволило нам выделить среди большого количества подходов два типа кластерного развития: североамериканский и азиатский.

Для североамериканского типа характерна исторически сложившаяся ориентация на политику «малого вмешательства федерального правительства в процесс кластерного развития», в то время как для азиатского типа характерна активность государственного начала в отношении развития кластерных инициатив.

Американский тип имеет две ярко выраженные привлекательные стороны. Во-первых, на создание кластера требуется минимум финансовых затрат со стороны государства. Во-вторых, кластер, сформировавшийся практически без поддержки государства, имеет высокий потенциал конкурентоспособности. Вместе с тем данная модель предполагает длительный процесс формирования кластера, который далеко не все фирмы и организации в состоянии пройти до конца. Особенность североамериканского типа заключается в наличии высокой конкуренции между компаниями одного уровня, что является основным фактором развития кластера.

К особенностям азиатского типа можно отнести активность государственного начала в отношении развития кластерных инициатив. Государственные органы в странах Азиатского региона считают своим долгом активно и целенаправленно вмешиваться в процессы, происходящие в экономике своих стран, стараясь защитить их от опасной конкуренции со стороны иностранных товаропроизводителей и помочь в экспансии на внешние рынки. Этот акцент можно считать определенной спецификой государственной экономической политики Азиатского региона, страны которого должны особенно активно бороться за уже занятые «ниши» на мировых рынках, в том числе посредством интенсивного развития конкурентоспособных кластеров.

В настоящее время в России кластеризация социально-экономического пространства начинает активно использоваться региональной властью в целях развития своих территорий[2]. И на федеральном, и на региональном уровнях происходит постепенное осознание преимуществ создания кластеров.

Начиная с 2008 года в России появилось более сотни кластеров, часть из которых была создана по собственной инициативе, другая – появилась под влиянием федеральной политики. За неполные десять лет часть кластеров успела исчезнуть, большая часть только оформилась. При этом будущее таких кластеров вызывает вопросы об успешности их дальнейшего существования.

Мы считаем, что для успешного функционирования кластерных инициатив необходимо учитывать специфические особенности развития РФ и ее территорий, среди которых следует отметить[3]:

– слабый уровень доверия между субъектами экономической деятельности, особенно во взаимоотношениях бизнеса и власти;

---

[1] Ферару Г.С., Киселев Д.Н. Обоснование необходимости формирования отечественной модели и проблемы кластерного развития территорий РФ // Иннов: электронный научный журнал. 2016. – № 4 (29). – http://www.innov.ru/science/economy/obosnovanie-neobkhodimosti-formirov/

[2] Нескоромная Е.Е. Кластерный подход – основа повышения конкурентоспособности региональной экономики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. – № 2. – С. 34–40

[3] Попова М.В. Кластеры как факторы инновационного развития институционального аспекта регионов России // Современные проблемы и тенденции развития экономики и управления в XXI веке : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. – Липецк, 2013. – С. 12–19.

– отсутствие комплексной целевой государственной программы по развитию кластерной системы. Правительством РФ выделяются средства на создание отдельных проектов (технопарки, внедрение инноваций). Однако эти действия носят разрозненный характер. При этом выделяемые средства находятся в различных ведомствах и министерствах, что создает большие сложности при реализации процессов кластеризации в регионах;

– неразвитость среднего и малого бизнеса на территории РФ. Кластер не может существовать без наличия разветвленных сетевых связей между большим количеством средних и малых предприятий. В кластерах (малый и средний) бизнес начнет функционировать особенно активно, так как создаваемая в них среда требует его массового присутствия.

Среди экономистов во всем мире находит все большее признание точка зрения, что регионы, на территории которых складываются кластеры, становятся лидерами экономического развития, которые определяют конкурентоспособность национальных экономик.

В настоящее время кластеры все чаще рассматриваются как объекты экономической и промышленной политики нового образца, именуемой **кластерной политикой**, главной целью которой является повышение конкурентоспособности территории.

Органы государственной власти, местного самоуправления, международные организации используют кластерный подход комплексного развития территорий и отраслей, тем самым формируя кластерную политику, включающую меры, учитывающие интересы различных групп и организаций, связанные с поддержкой роста территориальных кластеров.

Реализация кластерной политики подразумевает комплекс мер преимущественно регулятивного характера, целью которых является устранение препятствий, возникающих на пути обмена знаниями и навыками, мешающими установлению взаимодействия и взаимозависимости между различными участниками кластера.

Государственная политика в отношении поддержки и создания благоприятных условий для кластеризации необходима, чтобы усовершенствовать существующие кластеры или развить кластеры, находящиеся в стадии зарождения. Роль органов власти в развитии кластеров заключается как в создании инфраструктуры для их деятельности, так и в непосредственном воздействии на факторы конкурентоспособности.

Автором доклада предложена следующая схема, отображающая процесс реализации кластерной политики, которая включает в себя ряд этапов (рис.1):

Рисунок 1.
Процесс реализации кластерной политики на федеральном уровне

Следует отметить, что основным этапом формирования кластерной политики должна стать разработка кластерной стратегии, которая должна разрабатываться как на уровне государства, так и региональном уровне и уровне участников кластера[1].

Реализация кластерной политики направлена на решение следующих задач[2]:

- содействие повышению конкурентоспособности предприятий и организаций, входящих в состав территориальных кластеров;
- развитие инновационной, производственной, транспортной, энергетической инженерной, жилищной и социальной инфраструктуры территориальных кластеров;
- содействие повышению качества жизни на территориях базирования кластеров;
- содействие привлечению инвестиций в регион;
- содействие привлечению в организации и предприятия кластеров квалифицированной рабочей силы;
- развитие системы профессионального и непрерывного образования;
- развитие малого и среднего предпринимательства;
- формирование, развитие и тиражирование эффективных механизмов частно-государственного партнерства;
- развитие международной научно-технической и производственной кооперации.

Основная особенность, осложняющая реализацию кластерной политики, – это существенные различия, наблюдающиеся между кластерами в зависимости от их отраслевой принадлежности, местоположения и внутренней организации. В настоящее время в качестве цели развития экономики декларируется конкурентоспособность, достигаемая путем создания определенных структурных условий. При этом в качестве средства ускорения территориального развития и достижения его с наименьшими затратами рассматривается заимствование успешных стратегий.

Опираясь на внешний опыт, власти различного уровня пытаются заимствовать опыт известных «лучших практик» кластеризации, что приводит к формированию региональных и национальных политик с аналогичными целями и инструментами[3].

На наш взгляд, для формирования эффективной кластерной политики в России, коррелирующей со стратегическим видением и пониманием глобальных экономических трендов, необходимо учитывать международный опыт формирования и развития кластеров. При этом необходимо также учитывать и тот факт, что процессы кластеризации социально-экономического пространства территорий в РФ происходят более медленными темпами по сравнению с аналогичными процессами, успешно реализующимися в мировой экономике. Это обусловлено рядом факторов и специфических условий, характерных для России. Учитывая эти особенности, автором доклада предлагаются следующие решения, направленные на эффективную имплементацию кластерной политики в регионах:

1. Разработка кластерной стратегии для региона (определение цели, задач и принципов кластерной политики региона);
2. Формирование структуры региональной системы управления кластерами;
3. Создание необходимой инфраструктуры кластерного развития;
4. Обеспечение условий для развития действующих региональных кластеров и формирования новых кластерных образований;
5. Осуществление мониторинга основных результатов по достижению ключевых показателей реализации кластерной политики в регионе, объективная оценка эффективности созданной системы управления развитием кластеров и при необходимости своевременная корректировка стратегии кластерного развития региона.

Таким образом, имплементация кластерной политики в регионах позволит решить стратегические задачи развития экономики регионов и добиться повышения конкурентоспособности в долгосрочной перспективе. Инновационная кластерная структура позволит получить дополнительные конкурентные преимущества под воздействием совокупного синергетического влияния масштаба всех хозяйствующих субъектов экономики.

Для России необходима своя модель организации кластеров, основанная на государственно-частном регулировании экономических процессов и сочетающая в себе лучшие мировые практики кластеризации, а также формирование особых условий, помогающих решать специфические проблемы, возникающие при реализации процессов кластеризации.

---

[1] Шарф А.А. Кластерная политика как элемент инновационной экономики // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. – № 1. – http://ekonomika.snauka.ru/2015/01/7226

[2] Российская кластерная обсерватория. Кластерная политика в России. – http://cluster.hse.ru/cluster-policy/#show

[3] Марков Л.С. Проблемы реализации кластерной политики в России // Научный эксперт. 2007. – № 4. − http://www.cluster-center.ru/about1.html

Краснова О.В.
к.э.н., доцент Саратовского государственного технического университета

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ БИЗНЕС-ГРУППА: ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ

Ключевые слова: *региональная инновационная бизнес-группа, инновационная среда, инновационный проект, инновационная программа, мезоэкономическая система.*

Keywords*: regional innovation business team, innovative environment, innovative project, an innovative program mesoeconomic system.*

Все более актуальной становится необходимость систематизации составляющих инновационной инфраструктуры в целях оптимизации инновационной деятельности и создания благоприятной инновационной среды на уровне региона.

Развитие благоприятной инновационной среды является одной из приоритетных задач любого региона. В нашем понимании инновационной является та среда, которая благоприятствует созданию и реализации любого новшества за счет эффективного взаимодействия региональных властных структур и бизнес-групп. Система взаимоотношений региональных властных структур и бизнес-групп зависит от стратегии развития региона. Одним из важнейших результатов их взаимодействия является развитие инновационной деятельности в регионе и, как следствие, повышение качества жизни.

К числу субъектов инновационного развития на региональном уровне относятся «бизнес-группы», под которыми принято понимать «сложные корпоративные образования»[1] разного масштаба и уровня функционирования – транснациональные, национальные, региональные.

В настоящее время в России бизнес-группы представлены следующими формами объединений:

1) стратегические альянсы (объединения предприятий, реализующие совместные проекты);

2) финансово-промышленные группы (ФПГ), имеющие официальный статус объединения банковского и промышленного капитала на основе договоров и взаимных экономических и финансовых отношений в форме коммерческих организаций (основные и дочерние предприятия, концерн и пр.);

3) холдинги, в которых контроль осуществляется с помощью владения акциями;

4) объединения предприятий без акционерных механизмов, но имеющих «центр управления» в виде системообразующих для их деятельности предприятий;

5) группы независимых организаций, объединенных отраслевой средой и общими целями.

В данной работе под бизнес-группой мы понимаем группу организаций, деятельность которых основана на взаимовыгодном сотрудничестве, общих целях и проектах ради получения определенных экономических, социальных и прочих эффектов. Региональной инновационной бизнес-группой (РИБГ) мы называем группу субъектов экономической деятельности, объединённую общностью экономических и иных интересов по формированию инновационного портфеля региона, разработке и реализации отдельных инновационных проектов и программ в рамках последнего. В отличие от территориально-промышленных образований (кластеров) РИБГ могут иметь общие органы управления, но могут и взаимодействовать без наличия формального консолидирующего центра. Существование РИБГ ограничено временными рамками в соответствии с жизненными циклами инновационных проектов и программ.

По сути, РИБГ является группой влияния, действующей в отношении многих инновационных проектов и программ на мезоуровне.

Не последнюю роль в функционировании РИБГ играют организации среднего и малого бизнеса. Часто именно такие компании становятся генератором перспективных инновационных идей, внедрение которых позволяет им развиваться в более крупный бизнес и создавать различные бизнес-группы. Формирование благоприятной инновационной среды напрямую зависит от участия властных структур в поддержке различных бизнес-групп.

В результате бизнес-группы объединяют на основе взаимовыгодных договорных отношений различных юридических лиц, таких как органы местного самоуправления, предприятия региона, банки, научно-технические организации, организации социальной сферы и т.д.

Впоследствии, благодаря диверсификации деятельности, многие крупные бизнес-группы становятся финансово-промышленными группами, реализующими свою деятельность во многих отраслях экономики.

Основные принципы сотрудничества в рамках РИБГ основываются на теории ресурсного подхода, согласно которой компетенции (организационные способности) организаций формируются на базе материальных и нематериальных ресурсов, а уже реализованные на практике компетенции превращаются в их конкурентные преимущества. В ча-

[1] Бизнес-группы. – http://www.bg-is.com/

стности, в работах известного экономиста профессора М. Портера[1] часто говорится, что только инновации могут дать устойчивые конкурентные преимущества, способные привести к значительным структурным изменениям в целом в отрасли и в конкретном территориальном образовании (регион, страна). В данной ситуации речь идет об инновациях на различных этапах производства и сбыта продукции или услуг, причем часто в этом процессе фирмы используют объединение ресурсов, что может дать синергетический эффект, или взаимодополняемость (совместимость) ресурсов, что приведет к росту доходов и снижению затрат.

В принципе нужно рассматривать инновационное развитие любой организации с учетом потребностей и перспектив развития региона, места, которая она занимает в его инфраструктуре. Важнейшую роль в этом процессе будут играть отраслевые специализации региона.

По авторскому мнению, организации, входящие в РИБГ и участвующие в определенных инновационных программах и проектах внутри региона, можно классифицировать следующим образом: ведущие, обслуживающие, потребители.

В частности, «ведущей» организацией является организация, напрямую участвующая в производственном процессе создания того или иного инновационного продукта (услуги). То есть такая организация является «поставщиком» инновационных идей, сырья или комплектующих, оборудования, трудовых и финансовых ресурсов для предприятий тех отраслей, на которую регион «делает ставку», или же организация осуществляет производство непосредственно конечного инновационного продукта, или является «продавцом» этого продукта.

Организация может быть «обслуживающей», то есть обеспечивающей деятельность «ведущих» фирм предприятия в рамках определенных инновационных программ и проектов, например, энергетические компании, логистические фирмы, фирмы производящие тару, осуществляющие аудиторские, консалтинговые, финансовые и другие виды услуг.

Если «ведущая» фирма, осуществляющая продажу (диффузию) инновационного продукта, поставляет его конкретным юридическим лицам (что чаще всего и происходит), то такими лицами являются организации – «потребители» – это крупные промышленные организации, представляющие собой промышленную «цепочку» производства инновационного продукта, сторонние организации, желающие вложить капитал в новые перспективные проекты, администрация региона, государство и пр.

На рис. 1 представлена логическая схема процесса взаимодействия участников РИБГ. Основанная на их функциональных ролях характеристика представлена в табл. 1. В табл. 2 показано функциональное распределение бизнес-групп в рамках конкретных инновационных проектов и программ (на примере федеральных инфраструктурных проектов в области транспорта, строительства и энергетики).

Случается, что функциональная граница в создании инновационного продукта имеет условный характер, но синергетический эффект от взаимодействия всех участников бизнес-групп превосходит все ожидания.

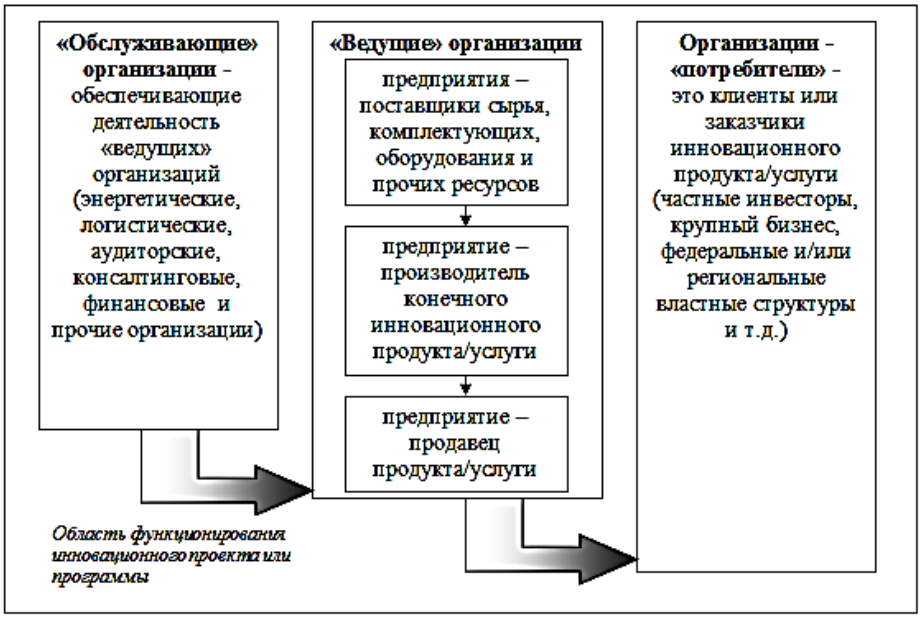


Рисунок 1.
Схема процесса взаимодействия участников РИБГ

К примеру, в Нидерландах появится «Умное шоссе» (Smart Highways), которое будет использовать различные технологические инновации для разработки на автомобильных дорогах. «В их основу лег люминесцентный порошок, с помощью которого рисуется дорожная разметка. Она способна светиться в темноте, по меньшей мере, 10 часов. Когда температура воздуха понижается до минусовой отметки, на дороге будут появляться снежинки, нарисованные с

[1] Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005; Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 715 с.

помощью специальной динамической краски. Они предупредят водителей о гололеде на дорогах. В теплую погоду на дороге будет высвечиваться солнце. Освещение трассы питается от ветряных электростанций, а включается, когда чувствует приближение автомобиля. Также дорога оснащена крошечными ветряками, которые питают светодиоды, показывают опасные участки на дорогах, тоннели и т.д. … На радость всем автолюбителям, в скором времени «умные дороги» будут оснащены специальными отдельными полосами, от которых можно будет заряжать аккумуляторы электромобилей»[1].

Таблица 1

Характеристика функциональных ролей участников РИБГ

РИБГ	Функциональные роли	Виды образований инновационной инфраструктуры региона
«Ведущие» организации	Производственно-технологическая составляющая	Технико-внедренческие зоны, инновационно- технологические центры и парки, инновационно-промышленные комплексы, технологические кластеры, индустриальные парки, центры коллективного пользования высокотехнологичным оборудованием, вузы, бизнес-инкубаторы
«Обслуживающие» организации	Консалтинг	Центры трансфера и коммерциализации технологий, технологический, финансовый, кадровый и маркетинговый консалтинг, консалтинг в области ВЭД, вузы
	Финансовая составляющая	Бюджетные и внебюджетные фонды, инвестиционные и венчурные фонды, посевные и стартовые фонды, банки
	Кадровая составляющая	Вузы и образовательные центры
	Информационная составляющая	Государственная система научно-технической информации, региональные центры научно-технической информации, интернет
	Сбытовая составляющая	Внешнеторговые объединения, логистические и маркетинговые фирмы, оптово-розничные сети, Интернет-магазины
	Энергетическая составляющая	Энергетические организации-поставщики энергосырья и дополнительных услуг в области энергоаудита, ремонтных работ и пр.
«Потребители»	Государственные структуры	Органы исполнительной власти, осуществляющие государственное регулирование инновационной деятельности
	Коммерческие структуры	Крупный бизнес, частные инвесторы

Таблица 2

Функциональное распределение бизнес-групп в рамках конкретных инновационных проектов и программ (на примере федеральных инфраструктурных проектов в области транспорта, строительства и энергетики)

РИБГ	Транспорт	Строительство	Энергетика
«Ведущие» организации	Повышение энергоэффективности и внедрения ресурсосберегающих технологий транспортной системы; создание современных транспортно-логистических систем; развитие интеллектуальных систем управления перевозочным процессом на базе современных цифровых телекоммуникационных и спутниковых технологий, специализированных информационно-управляющих систем; создание новых и обновление имеющегося транспортного парка и объектов инфраструктуры с учетом требований лучших мировых стандартов[2]	Применение инновационных способов организации и технологии строительства, реконструкции и капитального ремонта; создание и эксплуатация зданий с улучшенными объемно-планировочными и конструктивными решениями по сравнению с заменяемыми типами; использование инновационных конструкций, материалов[3]	Разработка новых видов технологий, материалов для эффективного использования традиционных и возобновляемых источников энергии, поиск и разработка альтернативных источников энергии, обеспечение энерго- и ресурсосбережения и безопасности[4]
«Обслуживающие» организации	Оказание консалтинговых, аудиторских, маркетинговых, страховых, логистических, энергетических, рекрутинговых, финансовых и прочих услуг		
«Потребители»	Государственный и частный заказ		

Этот пример показывает, насколько слажено работали строительные, энергетические и транспортные компании для создания инновационного инфраструктурного проекта.

[1] http://www.newsfiber.com/p/s/h?v=EOMdFYYAf05g%3D+Ncjw5g%2FMNXE%3D

[2] СТО РЖД 08.013-2011. Стандарт ОАО «РЖД». Инновационная деятельность в ОАО «РЖД». Основные положения (утв. и введен в действие распоряжением ОАО «РЖД» от 26.06.2012 № 1267р); Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. – http://www.mintrans.ru/upload/iblock/3cc/ts_proekt_ 16102008.pdf

[3] Четверик Н.П. Методические рекомендации по оценке эффективности инноваций в строительстве Комитета инновационных технологий НОСТРОЙ. – http://www.twirpx.com/file/526844/

[4] О Министерстве энергетики. Энергостратегия. Раздел 5. Государственная энергетическая политика. – http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/ch_5.php#l7; Гарин С. Инновационная энергетика. – http://pv.karelia.ru/files/archive/93_18-19.pdf

С помощью РИБГ регион приобретает эффективную и управляемую производственно-хозяйственную структуру, имеющую мощную ресурсную и, в частности, финансовую базу, которая помогает эффективно решать производственные и социальные задачи.

Для того чтобы отличать РИБГ от регионального кластера, необходимо дать их сравнительную характеристику (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная характеристика РИБГ и кластеров

Характеристика	Бизнес-группы	Кластеры
По времени	Краткосрочные, на время существования проекта	Долгосрочные, постоянные
По масштабу	Региональные	Международные, национальные, региональные
По степени участия по функциональным ролям	Обслуживающие, ведущие, потребители	Организации инфраструктуры, вузы, научно-исследовательские институты, производители, поставщики, потребители
По отношению	Действующие обособленно, являющиеся частью инновационной системы	Являющиеся частью инновационной системы
По наличию формирующего центра	Консолидирующий центр может отсутствовать. Основополагающим является идея, инновационный продукт	Имеется ядро, включающее системообразующие организации.

Такая характеристика позволяет разграничить два понятия и внести вклад в развитие теории управления инновациями.

Из всего вышесказанного следует, что:

– предложенные термины и определения позволят систематизировать отношения различных сторон – участников инновационной деятельности на мезоуровне;

– такая систематизация позволит планировать совместную деятельность указанных участников в рамках инновационного портфеля региона;

– появится возможность находить решения различных бизнес-задач в области управления региональными инновационными проектами;

– повысится качество взаимодействия государства, общества, бизнеса и науки при формировании и реализации государственной политики, развитии инструментов частно-государственного партнерства в определенной инновационной среде.

Лазарева В.В.
старший преподаватель Амурского государственного университета, г. Благовещенск
Дьяченко В.Н.
к.филос.н., с.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ (НА МАТЕРИАЛАХ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: *экономический потенциал, регион, приграничное положение, специфический потенциал приграничного положения, развитие экономического потенциала.*

Keywords*: economic potential, the region, cross-border provision of cross-border potential of specific provisions, the development of economic potential.*

Введение

Особое значение для развития региона имеет возможность использования его экономического потенциала. Под экономическим потенциалом понимают ресурсы, источники, средства и запасы территории, а также механизмы (пути и формы) их вовлечения в хозяйственный оборот в настоящее время или предстоящий период для достижения конкретных целей. Важной составляющей экономического потенциала территории является геополитический потенциал, определяемый географическим положением, общественно-политическими условиями и факторами развития.

Приграничные регионы обладают большим геополитическим потенциалом, чем регионы, не имеющие этих преимуществ. Принятие Правительством Российской Федерации «Концепции развития приграничных территорий субъектов Федерации Дальневосточного федерального округа» является важным свидетельством признания приграничных территорий в качестве самостоятельного объекта государственного управления, обладающего существенной спецификой, требующей использования специальных форм и методов регулирования.

Исследование феномена потенциала приграничного положения региона

Государственная граница способна влиять на социально-экономическое состояние приграничных территорий через свои фундаментальные свойства.

Так, авторы Л.Б. Вардомский и Н.С. Мироненко, выделяют три основные функции границы: контактную, фильтрующую и барьерную[1]. Шувалов В.Е. в своих работах говорит о двух функциях границы: барьерной и контактной. «Функцию границы ослаблять или прекращать взаимодействие между географическими объектами (районами) называют барьерной, способствовать такому взаимодействию – контактной»[2]. Сочетание контактной и барьерной функции характерно практически для любой границы любого государства или региона.

Примыкание к государственной границе, прежде всего, усиливает влияние на регион ее барьерности, изолирующего воздействия, вытекающего из требований обеспечения безопасности страны, ее территориальной целостности, решения оборонных задач. Одним из следствий этого является закрепление в развитии приграничных территорий черт периферийности, экономической слабости, инфраструктурной отсталости, ограниченности трудового потенциала.

Формирование добрососедских отношений между сопредельными государствами, развитие партнерских отношений способствует усилению функции контактности границы, расширению и углублению внешнеэкономических связей, развитию различных форм и направлений сотрудничества, создающих дополнительные возможности для социально-экономического развития приграничных территорий.

Уровень проявления ограничительной и стимулирующей тенденций и их сочетание на разных участках приграничья в разные периоды могут существенно различаться, определяя особенности складывающейся ситуации, потенциал приграничного положения и возможности его использования в целях развития региона.

Одной из важнейших задач для государства в сфере развития международных отношений и для региона в контексте максимально эффективного использования потенциала приграничного положения в целях социально-экономического развития территории является определение оптимального баланса между контактной и барьерной функциями каждого конкретного участка границы.

---

[1] Вардомский Л. Б., Мироненко Н. С. К проблеме изучения границ экономико-географических систем. Географические границы. – М., 1982. – С. 40.

[2] Шувалов В.Е. Географическая граница как фактор районообразования. Географические границы / Под ред. Б.Б. Родомана и Б.М. Эккеля. – М., 1982.

Амурское приграничье

Дальневосточные приграничные территории являются важнейшим ресурсом страны, развитие которого связано не только с внутриполитическим курсом Российской Федерации, но и с особым геополитическим положением этих территорий, спецификой международных связей и приграничного сотрудничества[1].

К субъектам Российской Федерации, входящим в состав Дальневосточного федерального округа, на территории которых расположены дальневосточные приграничные территории, относятся Приморский и Хабаровский края, Амурская область и Еврейская автономная область.

В амурское приграничье в настоящее время входят административно-территориальные образования, включающие в себя 3 городских округа и 10 муниципальных районов. Они занимают четверть территории области, на которой проживает 59,5% численности населения. В городских округах проживает 63,1% населения, 36,9% – в муниципальных районах. Доминирующую роль в численности населения играет областной центр – 47,7% общей численности населения. Сельские жители составили 26,2% населения приграничья, или 47,6% от общей численности сельского населения области[2].

На территории области находится значительный по размерам участок проходящей по р. Амур российско-китайской границы, составляющей 1254 км.

В соответствии с приказом ФСБ России от 08 апреля 2013 года № 189 «О внесении изменений в приказ ФСБ России от 14 апреля 2006 года № 157 «О пределах пограничной зоны на территории Амурской области» внесены изменения в пограничной зоне на территории Амурской области, прилегающей к Государственной границе РФ с КНР, установлены пределы пограничной зоны во всех 10 муниципальных районах[3].

В пограничную зону вошло 60 населенных пунктов, расположенных непосредственно на границе, где на 01.01.2015 г. проживало 30,7 тыс. человек. Тем самым, фактически на всей приграничной территории Амурской области, кроме областного центра граница носит закрытый характер.

Оценка развития приграничного сотрудничества в Приамурье

Формирование российско-китайских отношений строилось по пути развития приграничных связей, которые стали играть значительную и возрастающую роль в развитии регионов.

Начальная стадия развития приграничного сотрудничества РФ и КНР складывалась при значительном экономическом преимуществе российской стороны, достигаемом за счет развития посреднических связей, использования в приграничных связях потенциала других регионов страны.

Главное место в развитии приграничных связей изначально занимала приграничная торговля. Рост прозрачности границы вызвал взрывной рост челночной торговли. В наиболее сложные кризисные 90-е годы осуществляемый на бартерной основе, с участием широких слоев населения товарообмен позволил во многом снять напряжение на рынке товаров народного потребления. Важнейшую роль в этом процессе сыграли развитие безвизового режима пересечения границы.

Складывающееся взаимодействие последовательно охватило туризм, инвестиции, образование, культуру, экологию, совершенствование банковских расчетов, страхование, арбитраж, взаимодействие правоохранительных, миграционных и статистических служб. Новой формой сотрудничества стало создание совместных предприятий занятых преимущественно в торгово-посреднической деятельности и сфере обслуживания, строительстве и сельском хозяйстве[4].

Влияние внешнеэкономических связей на складывающуюся в регионе ситуацию трудно переоценить. При оценке состояния внешнеэкономического сотрудничества необходимо, прежде всего, учитывать насколько критически важными они являются.

Если оценивать значимость китайского экспорта, то она является важной в целом для России по широкому кругу товарных групп. Китайская обувь, одежда, электроника и другие товары народного потребления составляют большинство импорта в Россию.

Что касается Дальнего Востока, то импорт из Китая критически важен по широкому кругу товарных групп и прежде всего товаров народного потребления. Регион на 60–70% зависит от китайского продовольствия (мясо, овощи, фрукты), обеспечивая поддержание благосостояния населения в регионе.

Менее значительное влияние на складывающуюся в регионе ситуацию оказало сотрудничество в строительстве и сельском хозяйстве. Практически за пределами совместных интересов оказалось создание в регионе новых и модернизация имеющихся обрабатывающих производств.

Близость поселений к границе не оказывала стимулирующего воздействия на развитие инвестиционной активности. Реализуемые в регионе крупные инвестиционные проекты безотносительны и к отрицательному влиянию фак-

---

[1] Об утверждении концепции развития приграничных территорий субъектов Федерации Дальневосточного федерального округа: распоряжение Правительства № 2193-р от 28.10.2015 г.

[2] Дьяченко В.Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья. – http://uecs.ru/uecs-91-912016/item/4085-2016-09-08-11-20-44

[3] Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 8 апреля 2013 г. N 189 г. Москва «О внесении изменений в приказ ФСБ России от 14 апреля 2006 г. № 157 «О пределах пограничной зоны на территории Амурской области» // Российская газета – Федеральный выпуск. – М., 2013. – № 6118 (142), 3 июля.

[4] Дьяченко В.Н., Джомидава О.Р. Российско-китайское приграничье: использование потенциала сотрудничества // Экономика и предпринимательство. 2015. – № 4-2 (57-2). – С. 100–103.

тора приграничности. Создание новых производственных мощностей осуществлялось в регионе, главным образом, в сырьевых отраслях, территориальное размещение которых определялось расположением сырьевых ресурсов. Наличие природных условий определило и развитие мощностей гидроэнергетики.

Областной центр, сочетающий в себе столичные функции региона и функцию единственного в области активно используемого пограничного перехода, не вызвал, на протяжении десятилетий развития сотрудничества, интереса крупных инвесторов. Тем самым, роль основного проводника приграничных контактов с соседним государством, не оказала значительного воздействия на развитие региона.

Представляется, что дальнейшее эволюционное развитие приграничных связей в Приамурье не позволяет рассчитывать на достижение таких результатов, которые бы позволили переломить имеющиеся негативные тенденции в развитии региона. Это, в первую очередь, относится к слабости экономики, непрекращающемуся снижению численности населения, деградации значительной части сельских поселений, формированию зон бедности. Более того, по таким важным направлениям сотрудничества, как приграничная торговля, туризм, создание совместных предприятий наметилась тенденция их свертывания.

Сложившаяся тенденция отставания в социально-экономическом развитии российского приграничья от сопредельных территорий со стороны Китая свидетельствует о значительно меньшей эффективности используемых механизмов государственного регулирования по формированию и развитию конкурентных преимуществ, созданию условий и стимулированию хозяйственной активности, привлечению инвестиций. Это объективно ведет к проигрышу российских регионов китайским в межрегиональной конкуренции со всеми вытекающими последствиями.

Тем самым, несмотря на достигнутые успехи в развитии приграничного сотрудничества, к настоящему времени сложилась ситуация, когда используемые формы и направления приграничного сотрудничества не отвечают региональным и национальным интересам, исчерпывают свой ресурс и нуждаются в кардинальном их совершенствовании.

Импортозамещение в сельском хозяйстве региона

Представляется, что особого внимания заслуживает существенное расширение сотрудничества в развитии сельского хозяйства в российском приграничье. Достаточно широко распространено представление о том, что конкурентные преимущества Китая в этой сфере таковы, что развитие продовольственного комплекса Дальнего Востока неминуемо столкнется с существенными ограничениями.

В реализуемой практике это нашло свое проявление в фактическом сведении производства сельскохозяйственными предприятиями к производству сои и узкого спектра зерновых. Практически полностью прекращено производство плодоовощной продукции. Картофель и овощи производятся преимущественно населением.

С этих позиций малоперспективным представляется и российско-китайское сотрудничество в производстве сельскохозяйственной продукции в российском приграничье.

Нам представляется, что с этой логикой трудно согласиться. Практика показывает, что возможности провинций Китая, граничащих с Россией по производству многих видов сельскохозяйственной продукции на экспорт, практически исчерпаны в силу ограниченности земельных ресурсов. Более того, китайской стороной в значительных масштабах уже в настоящее время осуществляется закупка сои в пограничных регионах России.

Очевидно, также, что с обострением ситуации на рынке нефти и резким падением курса рубля цены на китайские продовольственные товары на внутреннем рынке России неминуемо существенно возрастут.

Такое положение требует принятия неотложных мер по защите населения и при этом создает условия для экстренного решения задач по импортозамещению в сельскохозяйственном производстве региона. Осуществить его, используя потенциал сельскохозяйственных предприятий региона, практически не представляется возможным. При наличии свободных пахотных земель организовать производство плодоовощной продукции невозможно в силу отсутствия как материальных, так и, прежде всего, трудовых ресурсов. Будучи главным тормозом в развитии экономики региона, низкий трудовой потенциал особенно болезненно проявляется в селе[1].

Значительные объемы производства этих видов трудоемкой продукции в советских колхозах и совхозах осуществлялось исключительно за счет сезонной рабочей силы, в качестве которой выступали студенты, школьники, рабочие и служащие городских предприятий. За счет этого в колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах области производилось в 1989 году 970 тыс. ц. картофеля, или 30,6% от общих валовых сборов. Овощей ими производилось 528 тыс. ц., или 73,1; от общих валовых сборов по области[2].

В современных условиях такая практика трудообеспечения сельского хозяйства не представляется возможной, оставляя единственным источником трудовых ресурсов внешние миграции.

Организация переселения из других регионов страны представляется в настоящее время мало перспективной. Прошлый опыт показывает, что обеспечить приток населения на Дальний Восток можно было только за счет введения надбавок (коэффициентов) к заработной плате и предоставлением многих льгот работающему там населению (льготный пенсионный стаж, возможность внеочередного приобретения предметов длительного пользования, бронирование жилья в регионах выезда, бесплатный проезд к местам отдыха, лучшее снабжение продуктами питания и т.п.)[3].

---

[1] Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Импортозамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2016. – № 9(342). – С. 129–138.

[2] Дьяченко В.Н. Перспективы модернизации регионального продовольственного комплекса на Дальнем Востоке // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. – № 4 (76). – С. 15.

[3] Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. — М.: ТЭИС, 2004. – С. 100–108.

При этом, весь этот набор не позволял решить проблему закрепления населения в регионе, сопровождаясь повсеместно сохранением высокого уровня миграционного оборота и низкой приживаемостью переселенцев.

В условиях российско-китайского приграничья, решение проблемы не вызывает затруднений только при замене сезонных работников китайской рабочей силой, привлекаемой на основе различных форм кооперации сельскохозяйственных предприятий, в рамках проектов в растениеводстве, и животноводстве на условиях генерального подряда и субподряда.

Проводимая в настоящее время политика, направленная на сокращение использования иностранной рабочей силы применительно к привлечению временных контингентов работников для проведения сезонных работ в дальневосточном приграничье нам представляется не соответствующей требованием времени и сложившейся ситуации.

Программирование развития приграничья

Представляется, что существенные результаты в социально-экономическом развитии региона могут быть достигнуты за счет более эффективного использования потенциала его приграничного положения, вытекающего из близости к сопредельным китайским территориям и удаленности от наиболее экономически развитых центров страны.

Позитивный эффект от действия этих факторов для приграничья связан с возрастающей, по мере развития российско-китайских экономических связей, заинтересованностью государства и крупных корпораций в развитии инфраструктуры региона, обеспечивающей наращивание ее транзитных возможностей, а также в размещении в непосредственной близости к границе производств, ориентированных на экспорт продукции на китайский рынок.

Значительные шаги в этом направлении уже делаются по инициативе федерального центра и крупнейших российских корпораций.

Принятая «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)» содержит широкий спектр мер, направленных на развития транзитной функции приграничья за счет совершенствования транспортных коридоров, строительства и обустройства пограничных переходов.

Значительные перспективы открывает и использование приграничья для развития сотрудничества в топливно-энергетической сфере. Проекты, уже принятые к реализации на территории Приамурья, далеко не исчерпывают имеющиеся возможности и могут рассматриваться только как первые шаги, восполнение которых в немалой степени зависит от региональных инициатив.

Близость к границе открывает широкие возможности для наращивания и использования потенциала территории для развития туризма.

К числу мер, которые могут способствовать накапливанию условий для экономического развития региона, следует отнести создание территорий опережающего социально-экономического развития, промышленных зон научно-технического сотрудничества, зон приграничного торгово-экономического сотрудничества.

Однако, анализ включенных в программу проектов показывает, что декларируемая ориентация на создание высокотехнологичных производств, способных стать драйверами развития региона, не находит своей реализации. В сложившихся условиях региональные и местные власти приграничья придерживаются ориентации на добычу и первичную переработку сырья, что является прямым отражением крайней слабости научно-технического потенциала региона, исключающим попытки диверсификации экономики региона.

В этой связи представляется, что принимаемые меры, хотя и представляют собой существенный шаг вперед, тем не менее, не являются достаточными и нуждаются в дальнейшем развитии.

Концепцией развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа предусматривается, что дальнейшие шаги должны быть сделаны в ходе разработки региональных программ и систем мероприятий, которые рекомендовано разработать исполнительным органам субъектов Российской Федерации, входящим в состав Дальневосточного федерального округа, имеющим в своем составе приграничные территории.

При этом предполагается, что система мероприятий должна быть обеспечена ресурсами без участия федерального бюджета. К сожалению, следует констатировать, что, как и в кризисные 90-е годы, так и в настоящее время, по объективным причинам, было бы неоправданно рассчитывать на значительное повышение затрат государства на развитие приграничных территорий.

Трудно, однако, признать оправданным ограничение шагов по предоставлению приграничью дополнительных прав, способных существенно увеличить его инвестиционную привлекательность.

Из накопленного опыта использования приграничного положения в интересах развития региона можно сделать вывод, что без существенного изменения условий хозяйственной деятельности преодолеть тенденции экономической и социально-демографической деградации не представляется возможным.

Значительное изменение ситуации может быть достигнуто за счет изменения режима пограничной зоны, снятия изоляционных мер с приграничных населенных пунктов, значительного расширения практики использования китайской рабочей силы и создания более благоприятных условий для деятельности предприятий с использованием иностранного капитала.

Малышев Д.П.[1]

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ключевые слова: *модернизация; промышленный комплекс; субъекты РФ; методология; цели; принципы; методы; механизмы модернизации.*

Keywords: *modernization; industrial complex; RF subjects; methodology; goals; principles; methods; modernization mechanisms.*

Для современной России возможность реализации стратегии модернизации промышленного комплекса во многом ограничена недостаточным уровнем научного обеспечения вопросов формирования такой стратегии на региональном уровне[2]. В связи с этим в рамках данного исследования поставлена задача систематизации опыта модернизации промышленного комплекса субъектов РФ.

В целях выявления основных элементов методологии формирования стратегии модернизации промышленного комплекса на региональном уровне выполним анализ стратегий и концепций промышленной политики (развития промышленных комплексов) субъектов РФ.

Анализ будем проводить по таким направлениям как[3]:

– цели и задачи промышленной политики;

– принципы промышленной политики;

– проблемы модернизации промышленного комплекса;

– механизмы реализации концепции (стратегии);

– методы государственной поддержки развития промышленного комплекса.

Проведенный анализ стратегических документов регионального уровня в сфере модернизации промышленного комплекса показал наличие большого числа проблем, тормозящих развитие промышленности в субъектах РФ.

Систематизация выявленных проблем развития регионального промышленного комплекса позволила определить ряд негативных факторов, доминирующих в большинстве рассматриваемых субъектов РФ (см. табл. 1).

Таблица 1

Систематизация проблем модернизации промышленного комплекса субъектов РФ

Проблемы модернизации промышленного комплекса в субъектах РФ	Костромская область	Пермский край	Ростовская область	Самарская область	Тверская область	Челябинская область	Республика Ингушетия	Ставропольский край	Кабардино-Балкарская Республика	Чеченская Республика	Всего «+»
высокая степень износа основных фондов	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	10
кадровые проблемы	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	10
устаревшие технологии и низкая конкурентоспособность продукции	+	+	+	+		+	+	+	+		8
недостаточная инвестиционная активность	+	+			+	+		+	+	+	7
кризисное финансовое состояние	+	+	+				+		+	+	6
недостаточная загрузка производственных мощностей	+	+		+	+		+			+	6
ограниченность заемных финансовых средств	+	+				+		+	+	+	6
зависимость от импорта		+	+	+		+			+		5
дефицит энергогенерирующих мощностей			+				+	+		+	4

[1] Малышев Денис Перфильевич – к.э.н., доцент кафедры экономики и финансов, Псковского государственного университета. E-mail: maldenper@mail.ru

[2] Махотаева М.Ю., Николаев М.А., Малышев Д.П. Методологические аспекты формирования стратегии инновационного развития на региональном уровне. – Псков: Издательство ПсковГУ, 2013. – 292 с.

[3] Малышев Д.П., Костинбой А.С. Методологические аспекты формирования инвестиционной политики региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. – № 40 (415). – С. 16–32.

низкая инновационная восприимчивость	+				+	+		+			4
низкая эффективность производств				+			+	+		+	4
отсутствие эффективной региональной инновационной системы	+		+		+					+	4
недостаточное вовлечение малого бизнеса в сферу промышленного производства				+				+			2
недостаточное стимулирование НИОКР				+						+	2
недостаточность мер поддержки	+						+				2
нехватка территорий с готовой инженерной инфраструктурой			+	+							2
низкий уровень заработной платы						+	+				2
низкий уровень производительности труда	+			+							2
отсутствие в регионе лизинговых, франчайзинговых и венчурных институтов							+	+			2
отсутствие механизмов создания и функционирования кластеров					+		+				2
слабая диверсификация промышленности		+					+				2
административные барьеры								+			1
высокая конкуренция зарубежных компаний						+					1
диспропорции в поддержке отдельных отраслей	+										1
зависимость предприятий от формирования государственного заказа				+							1
несбалансированная тарифная политика естественных монополий									+		1
низкий уровень газификации	+										1
слабая информированность предприятий					+						1
слабое участие промышленных предприятий в федеральных программах поддержки					+						1

Как следует из табл. 1, к таким негативным факторам, сдерживающим процесс модернизации промышленного комплекса субъектов РФ и получившим наибольшее распространение в рассматриваемых регионах, относятся:

– высокая степень износа основных фондов;

– кадровые проблемы, проявляющиеся в остром дефиците высококвалифицированных рабочих массовых профессий и инженерно-технических работников для инновационного развития;

– технологическое отставание и низкая конкурентоспособность продукции;

– недостаточная инвестиционная активность;

– кризисное финансовое состояние;

– недостаточная загрузка производственных мощностей;

– ограниченность заемных финансовых средств для модернизации;

– зависимость от импорта.

Для решения выявленных проблем развития промышленного комплекса в ряде субъектов РФ разработаны документы стратегического характера (в основном концепции, реже – стратегии развития промышленности).

Проведенный анализ стратегических документов регионального уровня, затрагивающих вопросы модернизации промышленного комплекса, показал разнообразие целей региональной промышленной политики в субъектах РФ.

Представленные цели можно систематизировать по ключевым направлениям постановки целей (см. табл. 2).

Как можно видеть из табл. 2, наибольшее распространение в рассматриваемых субъектах РФ получили следующие цели:

– повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции;

– модернизация и инновационное обновление отраслей;

– повышение экономической эффективности, экологической безопасности, ресурсосбережения;

– создание условий для развития промышленного комплекса.

При этом стоит отметить, что цели промышленной политики, представленные в стратегических документах только одного из рассматриваемых субъектов РФ (диверсификация экономики и формирование мощного научно-

технического комплекса, создание высокоэффективного промышленного комплекса, сбалансированное пространственное развитие промышленности, выработка мер государственной поддержки), имеют весьма широкий, обобщенный характер и, скорее всего, в связи с этим получили наименьшее развитие в анализируемых регионах России.

Таблица 2

Систематизация целей региональной промышленной политики субъектов РФ

Цели региональной политики модернизации промышленного комплекса в субъектах РФ	Костромская область	Пермский край	Ростовская область	Самарская область	Тверская область	Челябинская область	Республика Ингушетия	Ставропольский край	Кабардино-Балкарская Республика	Чеченская Республика	Всего «+»
повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции	+	+	+		+	+	+	+	+	+	9
модернизация и инновационное обновление отраслей				+	+	+	+	+	+	+	7
повышение экономической эффективности, экологической безопасности, ресурсосбережения			+		+	+	+		+	+	6
создание условий для развития промышленного комплекса					+	+	+		+	+	5
обеспечение занятости населения, стабильных поступлений в бюджеты всех уровней	+				+						2
развитие научно-технического и промышленного потенциала		+			+						2
обеспечение устойчивого роста промышленного производства			+		+						2
диверсификация экономики и формирование мощного научно-технического комплекса								+			1
создание высокоэффективного промышленного комплекса	+										1
сбалансированное пространственное развитие промышленности			+								1
выработка мер государственной поддержки, направленных на модернизацию промышленности				+							1

Таким образом, можно сформулировать *цель региональной промышленной политики* как создание условий для развития промышленного комплекса региона на основе модернизации и инновационного обновления отраслей, обеспечивающих повышение их экономической эффективности, экологической безопасности, ресурсосбережения и повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции.

Задачи региональной стратегии модернизации промышленного комплекса зависят от особенностей конкретного региона и определяются целью проводимой политики модернизации промышленности. Проведенный анализ региональных стратегических документов в данной сфере показал достаточно большой разброс задач промышленной политики на региональном уровне как в количественном отношении, так и в содержательном плане. Документы стратегического характера рассматриваемых субъектов РФ содержат от 7 до 20 задач региональной промышленной политики, однако, наибольшее распространение получили следующие из них:

– повышение производственного потенциала промышленных предприятий на основе модернизации, внедрения прорывных технологий и создания новых высокопроизводительных производств;

– обеспечение экономической эффективности производств, существенного роста производительности труда, экологической безопасности технологических процессов и продукции, ресурсосбережения, повышения культуры производства;

– формирование рыночной инфраструктуры, развитие межрегиональной и межотраслевой товаропроводящей сети;

– стимулирование инвестиционной активности, повышение эффективности инновационных и развитие наукоемких производств, привлечение инновационных фондов развития;

– углубление процессов кооперации, интеграции и развития межтерриториального и межотраслевого взаимодействия субъектов науки, промышленности, малого предпринимательства;

– развитие системы воспроизводства и подготовки трудовых ресурсов;

– обеспечение бюджетного финансирования научных работ в соответствии с приоритетами в области науки и техники;

– законодательное обеспечение устойчивого положения отечественных производителей на внутреннем рынке, совершенствование таможенной и кредитной политики, стимулирование экспорта продукции.

Для наиболее эффективного достижения целей и решения задач регион должен формировать и реализовывать свою промышленную политику на четко определенных *принципах*. Принципы – это исходные, фундаментальные по-

ложения, проверенные теорией и практикой, содержащие в себе закономерности, отношения, взаимосвязи, которые путем проб и ошибок человечество накопило в ходе практической деятельности.

Проведенный анализ региональных концепций и стратегий в сфере развития промышленного производства показал разнообразие принципов промышленной политики субъектов РФ. В то же время можно сказать о том, что принципы промышленной политики представлены в стратегических документах только семи из десяти рассматриваемых регионов.

Представленные принципы промышленной политики можно систематизировать в виде табл. 3.

Таблица 3

Систематизация принципов региональной промышленной политики субъектов РФ

Принципы региональной политики модернизации промышленного комплекса в субъектах РФ	Костромская область	Пермский край	Ростовская область	Тверская область	Республика Ингушетия	Ставропольский край	Чеченская Республика	Всего «+»
учета баланса интересов населения, субъектов промышленной деятельности и государства	+	+		+	+	+	+	6
эффективности	+		+	+	+	+	+	6
инновационной ориентации	+		+	+	+	+		5
обеспечения высокой конкурентоспособности региона		+	+	+	+	+		5
рациональности, ресурсосбережения	+			+	+	+		4
равного доступа к получению поддержки	+		+	+				3
гласности и открытости	+		+	+				3
экспортной ориентации			+		+	+		3
сбалансированности развития					+	+	+	3
финансирования на конкурсной основе		+	+					2
приоритетности промышленного производства для экономики		+		+				2
сочетания мер государственного управления и экономического саморегулирования	+							1
достижения общих целей социально-экономического развития		+						1
использования механизмов ГЧП, кластерной политики институтов развития		+						1
научной обоснованности		+						1
учета территориальных особенностей			+					1
социальной ответственности			+					1

Таким образом, как видно из табл. 3, наибольшее распространение в стратегических документах, направленных на модернизацию регионального промышленного комплекса рассматриваемых субъектов РФ, получили следующие *принципы промышленной политики*:

– учета *баланса интересов* населения, субъектов промышленной деятельности и государства;

– *эффективности* – нацеленности на эффективное использование мер государственной поддержки субъектов промышленной деятельности;

– *инновационной ориентации*, предполагающей последовательное использование новейших достижений науки и техники, инновационных проектов в развитии промышленности;

– обеспечения высокой *конкурентоспособности* региона – предполагает ориентацию развития промышленности региона на формирование и реализацию конкурентных преимуществ, состоящую в создании благоприятных условий для открытия и функционирования промышленных производств, используя географические, инфраструктурные и ресурсные преимущества региона;

– *рациональности, ресурсосбережения* – данный принцип связан с рациональным использованием материальных, финансовых, трудовых и природных ресурсов, внедрение импортозамещающих и ресурсосберегающих технологий.

Кроме вышеназванных принципов, при формировании и реализации региональной политики в сфере модернизации промышленного комплекса и развития несырьевых секторов должны также применяться и принципы, получившие наименьшее распространение в документах стратегического характера субъектов РФ, такие как: сбалансированности развития отраслей промышленности, финансирования на конкурсной основе, приоритетности промышленного производства для экономики, научной обоснованности и др.

Следующим элементом методологии формирования стратегии модернизации промышленного комплекса и развития несырьевого сектора являются механизмы реализации, предполагающие набор методов и инструментов формирования инновационных отраслей в региональной экономике.

Несмотря на широкие перечни механизмов реализации в отдельных субъектах РФ, можно выделить ряд инструментов и механизмов, которые получили наибольшее распространение при разработке стратегий развития существующих и формирования новых отраслей в промышленности российских регионов (см. табл. 4).

Таблица 4

Систематизация механизмов и инструментов реализации стратегических целей региональной политики в сфере модернизации промышленного комплекса субъектов РФ

Механизмы и инструменты реализации стратегических целей в субъектах РФ	Костромская область	Пермский край	Ростовская область	Самарская область	Тверская область	Челябинская область	Ставропольский край	Кабардино-Балкарская Республика	Чеченская Республика	Всего «+»
кластерный механизм		+		+	+	+	+	+	+	7
использование механизмов ГЧП	+	+		+	+			+		5
создание зон территориального развития	+		+				+	+	+	5
активизация деятельности институтов развития	+	+								2
проектный и программный механизмы		+			+					2
развитие инновационной деятельности и поддержка малого и среднего предпринимательства				+	+					2
совершенствование и систематизация регионального законодательства				+	+					2
осуществление различных форм государственной поддержки					+					1
совершенствование систем управления на основе внедрения международных стандартов				+						1
совершенствование системы подготовки кадров				+						1
улучшение условий труда на предприятиях				+						1
участие в российских технологических платформах				+						1

Как видно из табл. 4, наиболее часто в стратегических документах в сфере модернизации промышленного комплекса российских регионов упоминаются следующие механизмы и инструменты развития существующих и формирования инновационных отраслей в промышленности:

– кластерный механизм, предполагающий создание кластеров промышленно-производственного типа;

– механизмы государственно-частного партнерства;

– создание зон территориального развития, включая особые экономические зоны, индустриальные парки, промышленные зоны и т.д.

Кроме того, следует сказать, что хотя такой механизм реализации как осуществление различных форм государственной поддержки и достаточно редко упоминается в стратегических документах промышленной политики в качестве именно механизма реализации, но именно он играет одну из основных ролей в процессе формирования и развития инновационных отраслей и несырьевого сектора промышленности.

Основные формы государственной поддержки модернизации промышленного комплекса также нашли отражение в соответствующих стратегических документах рассматриваемых субъектов РФ.

Представленные в документах инструменты и меры государственной поддержки можно систематизировать в разрезе таких форм как:

а) финансовая поддержка;

б) имущественная поддержка;

в) поддержка в области инноваций;

г) информационная поддержка;

д) поддержка в области обучения, профессиональной подготовки и переподготовки работников промышленности;

е) поддержка субъектам промышленной деятельности, осуществляющим внешнеэкономическую деятельность (см. табл. 5).

Как видно из табл. 5, в стратегических документах модернизации промышленного комплекса рассматриваемых субъектов РФ наибольшее развитие получила финансовая форма государственной поддержки, ключевыми инструментами которой выступают: предоставление субсидий, льготные налоговые ставки, предоставление гарантий, налоговые вычеты, освобождение от уплаты отдельных налогов, применение специальных налоговых режимов, бюджетные инвестиции, предоставление льгот по арендной плате за земельные участки, предоставление поддержки за счет Инвестиционного фонда региона. Менее распространены такие финансовые инструменты, как ускоренная амортизация, предоставление лизингового кредита, микрозаймов.

Также широкое распространение получила форма поддержки в области инноваций посредством создания специализированных организаций, образующих инфраструктуру поддержки инновационной деятельности[1].

[1] Петрова О.С., Малышев Д.П. Инновационная деятельность в субъектах Российской Федерации: проблемы и перспективы // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15. С. 48–62; Николаев М.А., Махотаева М.Ю., Малышев Д.П. и др. Механизм формирования региональных инновационных кластеров : монография. – Псков : Издательство ПсковГУ, 2014. – 272 с.

Таблица 5

Систематизация форм и инструментов государственной поддержки модернизации промышленного комплекса в субъектах РФ

Формы и инструменты модернизации промышленного комплекса в субъектах РФ	Костромская область	Пермский край	Ростовская область	Самарская область	Тверская область	Челябинская область	Республика Ингушетия	Ставропольский край	Кабардино-Балкарская Республика	Чеченская Республика	Всего «+»
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Финансовая поддержка:											
предоставление субсидий	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	10
льготные налоговые ставки	+	+	+	+		+		+	+	+	8
предоставление гарантий	+	+	+	+	+	+			+	+	8
налоговые вычеты	+	+	+	+				+	+	+	7
освобождение от уплаты отдельных налогов	+	+	+	+				+	+	+	7
применение специальных налоговых режимов	+	+	+	+				+	+	+	7
бюджетные инвестиции	+		+		+				+	+	5
предоставление льгот по арендной плате за земельные участки	+		+					+	+	+	5
предоставление поддержки за счет Инвестиционного фонда области	+	+				+			+	+	5
ускоренная амортизация	+		+							+	3
предоставление лизингового кредита		+									1
предоставление микрозаймов		+									1
2. Имущественная поддержка:											
предоставление в аренду имущества	+		+		+						3
субсидии на осуществление капитальных вложений	+		+								2
3. Поддержка в области инноваций:											
создание специализированных организаций, образующих инфраструктуру поддержки			+	+	+	+	+	+			6
содействие патентованию изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и т.п.	+		+	+							3
упрощение административных процедур при реализации инновационных проектов			+					+			2
создание акционерных инвестиционных фондов и закрытых паевых инвестиционных фондов			+								1
4. Информационная поддержка:											
содействие по участию промышленных организаций в федеральных целевых программах	+	+	+	+		+			+		6
создание организаций, образующих инфраструктуру поддержки			+		+				+		3
компенсация затрат на оплату консультационных услуг			+	+							2
совершенствование и систематизация регионального законодательства				+				+			2
5. Поддержка в области обучения, профессиональной подготовки и переподготовки работников промышленности:		+		+	+						3
содействие развитию материальной базы организаций, осуществляющих обучение, профессиональную подготовку и переподготовку	+		+								2
разработка примерных образовательных программ	+		+								2
создание условий для повышения профессиональных знаний специалистов, относящихся к социально незащищенным группам населения	+		+								2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
6. Поддержка субъектам промышленной деятельности, осуществляющим внешнеэкономическую деятельность											
содействие в продвижении на рынки иностранных государств российской продукции	+		+		+				+		4
сотрудничество с международными организациями и иностранными государствами в области развития промышленности	+		+		+						3
применения мер таможенного регулирования	+		+								2
создание специализированных организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов промышленной деятельности, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность			+								1

Информационная поддержка в основном осуществляется путем содействия по участию промышленных организаций в федеральных целевых программах.

Следует добавить, что такие формы поддержки как имущественная, поддержка в области обучения, профессиональной подготовки и переподготовки работников промышленности, а также поддержка субъектам промышленной деятельности, осуществляющим внешнеэкономическую деятельность, получили наименьшее развитие в рассматриваемых субъектах РФ.

Таким образом, нами были выявлены основные проблемы модернизации промышленного комплекса регионов и систематизированы основные элементы методологии формирования стратегии его модернизации, такие как: цели и задачи, принципы промышленной политики, механизмы ее реализации, а также формы государственной поддержки развития инновационных отраслей и несырьевого сектора промышленности.

Марецкая В.Н.
н.с. Института экономических проблем КНЦ РАН
Марецкая А.Ю.
м.н.с. Института экономических проблем КНЦ РАН
Тополева Н.О.
м.н.с. Института экономических проблем КНЦ РАН

ИННОВАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Ключевые слова: *агропромышленный комплекс, инновационные технологии, производство продукции, фермерские хозяйства, сельскохозяйственные предприятия, государственная поддержка, северный регион, модернизация производства.*

Keywords*: agroindustrial complex, innovative technology, production, farms, agricultural businesses, state support, northern region, production modernization.*

В перечне основных задач Министерства рыбного и сельского хозяйства Мурманской области предусмотрено проведение инвестиционной политики в рыбохозяйственном и агропромышленном комплексах (АПК), направленной на обновление предприятий и создание новых производственных мощностей, повышение технологического уровня производства и эффективности капитальных вложений.

Внедрение инноваций и современных технологий в агропромышленном комплексе региона является сложной задачей, так как, несмотря на имеющиеся позитивные перемены в развитии АПК, остались системные проблемы, в числе которых следует выделить:

– низкую инвестиционную привлекательность отрасли сельского хозяйства в совокупности с высокой кредиторской задолженностью и отсутствием ликвидного залога;

– технико-технологическое отставание агропромышленного комплекса из-за недостаточного уровня доходности производителей для осуществления модернизации[2].

Индекс инвестиций в основной капитал по статистическим данным в 2012–2014 гг. находится на одном уровне, но имеет отклонение от планируемого значения показателя в среднем на 7%. В 2015 г. наблюдается резкое снижение индекса на 37% по отношению к 2014 г. и на 39% отклонение от планируемого значения. Причиной снижения является дефицит собственных оборотных средств и высокие процентные ставки по кредитам, которые тормозят инвестиционную деятельность организаций АПК Мурманской области (рис. 1).

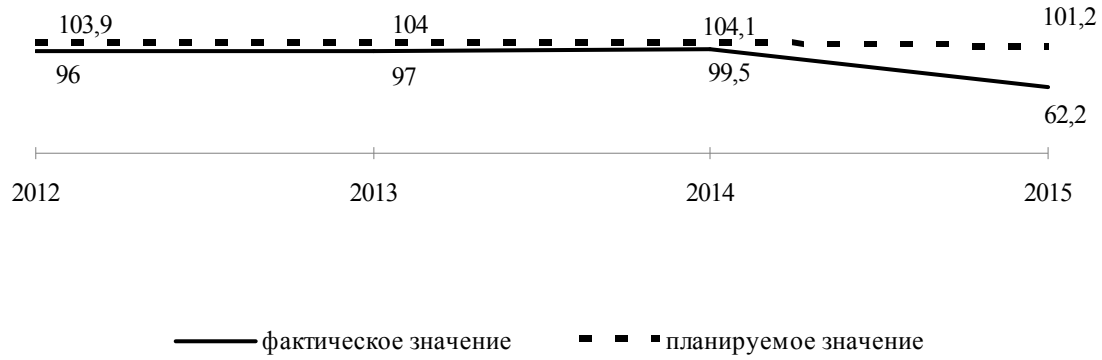


Рисунок 1.
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал сельскохозяйственных предприятий Мурманской области, %[3]

[1] Выполнено при поддержке гранта РГНФ № 16-32-00019 а1 «Новые проблемы и перспективы социально-экономического развития региона российской Арктики в условиях кризиса», 2016–2018 гг.

[2] Государственная программа Мурманской области «Развитие рыбного и сельского хозяйства, регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». Постановление Правительства Мурманской области от 11.11.2016 № 561-ПП – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Рассчитано авторами на основе статистических данных.

Что касается технико-технологического обновления предприятий агропромышленного комплекса региона, основной технический фонд должен обновляться на 20% ежегодно, фактически среднегодовой показатель по основным видам техники находится в диапазоне от 4,6–7,8%. Ситуация с оборудованием ферм и технологическим оборудованием по первичной переработке сельхозпродукции обстоит несколько лучше – в пределах сроков эксплуатации находится порядка 51% фонда. Для исправления ситуации требуются значительные финансовые вложения, объем привлеченных на эти цели средств ежегодно увеличивается. В структуре закупаемой техники увеличивается доля высокопроизводительных и ресурсосберегающих машин, разработанных на основе высоких технологий, так как в современных условиях конкурентной среды главным критерием устойчивого функционирования сельхозпредприятий является необходимость перевода сельского хозяйства на инновационный путь развития, мобилизации ресурсов в наукоемкие производства и перспективные технологические направления.

Несмотря на финансовые трудности, внедрение инноваций и современных технологий рядом предприятий АПК региона решается успешно.

К таким предприятиям относится самая северная в мире Мурманская страусиная ферма «Северное сияние»[1] – крестьянское фермерское хозяйство, расположенное в поселке Молочный Кольского района. С 2007 года, занимаясь разведением черных африканских страусов, ферма предлагает экологически чистые продукты: страусиное мясо и яйца, перепелиное мясо и яйца, мясо кроликов, а также продукцию молочных коз (молоко, творог, сыр). Сыр дор-блю и камамбер из Молочного – результат семилетнего труда на ферме[2]. В хозяйстве действует полный цикл по производству сыров – стадо зааненских, альпийских коз в 100 голов, автоматический удойный цех, своя сыроварня.

Мурманская страусиная ферма является членом объединения «Экокластер». Данное инновационное объединение отечественных и зарубежных компаний появилось в России в 2009 году. Все эти компании в рамках объединения связанны общей целью – производством, поставкой и сбытом экологически чистых продуктов высшего качества и оказанием экоуслуг, соответствующих международным экологическим стандартам.

Страусиная ферма полностью обеспечивает себя электроэнергией с помощью солнечных панелей и ветряной электростанции. Использование гибридного контроллера позволяет объединить ветряной генератор и солнечную панель в единую систему снабжения электроэнергией. Применение поликристаллической панели с высоким КПД обеспечивает оптимальную эффективность в северных условиях. Установка таких систем – еще один уверенный шаг в сторону полной энергетической автономии фермы. Следующий этап оптимизации использования электроэнергии в хозяйстве – внедрение светодиодного освещения, которое, наряду с уже применяемыми современными, эффективными технологиями энергосбережения, позволит не только повысить эффективность работы фермы, но и предложить покупателям более выгодные цены на экологически чистую продукцию.

Использование экологически чистой энергии ветра является оптимальным решением, особенно в условиях Заполярья, где ветра – привычное явление. Именно поэтому вместо инвестиций в ремонт электропроводки было принято решение установить ветряную электростанцию. Проект реализовывала компания ЭкоМурман – крупный поставщик зеленых технологий в регионе.

Страусиная ферма – не только производственное предприятие, на котором успешно внедряются инновации и современные технологии, но и туристический объект: здесь проводятся индивидуальные и групповые экоэкскурсии.

Фермерство в регионе является перспективным направлением развития сельхозпроизводства. С 2013 года из областного бюджета предоставляются гранты начинающим фермерам, из которых часть средств идет на обновление техники.

Так, на грант, полученный по итогам конкурса на поддержку фермеров в 2016 году, животноводческое хозяйство из поселка Пушной впервые заготовило собственные корма. Кроме того, были закуплены косилка, пресс-подборщик, обмотчик и захватчик рулонов. Таким образом, появилась возможность запасти часть кормов (сено, силос, и сенаж для откорма бычков) и сэкономить на расходах по их закупке за пределами области. Сейчас в фермерском хозяйстве насчитывается 60 бурёнок, столько же овец и коз, 56 бычков, купленных на откорм[3].

В декабре 2016 года Министерством рыбного и сельского хозяйства Мурманской области был проведен заключительный этап конкурсного отбора крестьянских (фермерских) хозяйств для предоставления грантов на развитие действующих семейных животноводческих ферм в 2017 году. По результатам оценки представленных проектов развития хозяйств конкурсной комиссией принято решение о выделении грантов на развитие семейных животноводческих ферм трем главам крестьянских (фермерских) хозяйств.

Предложенные проекты направлены на развитие животноводства в Кольском районе Мурманской области[4].

В регионе имеется положительный опыт внедрения современных технологий не только в крестьянских (фермерских) хозяйствах, но и на сельскохозяйственных предприятиях и предприятиях пищевой промышленности.

На сельскохозяйственном предприятии ООО «Полярная звезда»[5] в августе 2016 года было установлено новое оборудование для производства корма для коров. Новый аппарат – экструдер работает по принципу большой мясо-

[1] Страусиная ферма КФХ «Северное сияние» – http://murmanstraus.ru

[2] Мурманская область: ударим козьим сыром из Молочного – http://murmansk.milknet.ru/news/murmanskaya-oblast-udarim-kozim-sirom-iz-343653

[3] За поддержку стоит побороться. – http://www.mvestnik.ru

[4] Официальный сайт Министерства рыбного и сельского хозяйства. – http://mrcx.gov-murman.ru/index.php

[5] Хозяйство в течение нескольких десятков лет является единственной в России базой для научных исследований по кормлению высокопродуктивных коров, проводимых Российской сельскохозяйственной академией, так же является племенным репродуктором по разведению животных холмогорской породы. В 2012 году на предприятии был достигнут рекордный уровень продуктивности – 10075 кг молока от коровы, годовой объем молока составлял 6 тыс. тонн.

рубки, зерно при обработке высокой температурой на выходе увеличивается вдвое, при этом оно обеззараживается, количество крахмала в нем уменьшается, сахар увеличивается. Таким образом, экструдированные корма усваиваются животными на 90%, зерновые корма до 65%. Внедрение новой технологии позволяет снизить себестоимость молока, кроме того, изменения в питании коров благоприятно сказываются на вкусе молока.

Применение новых технологий на сельскохозяйственном предприятии ГОУСП «Тулома» позволяет за очень короткое северное лето заготавливать высококачественные корма и обеспечивать ими хозяйство почти на 100%.

Внедрение компьютерной программы «АФИФАРМ» на данном сельхозпредприятии, позволяет производить учет и управлять процессами в животноводстве (на корову устанавливаются активные датчики, в которых заложена информация о животном). В результате наблюдается повышение качества получаемой продукции, ведется строгий учет животных по здоровью и другим показателям, своевременно диагностируется мастит за счет определения электропроводности молока. Внедрение новейших технологий в механизации кормления и содержания животных значительно облегчает труд операторов машинного доения и животноводов, это влияет и на повышение заработной платы.

Сельскохозяйственные предприятия региона модернизируют производство и расширяют ассортимент выпускаемой продукции. В 2013 году ГОУСП «Тулома» начала выпуск сливочного масла. С 2014 года сливочное масло выпускается в упаковке, расфасованное по 200 грамм на новом оборудовании – автомате роторного типа «Пастпак Р», предназначенного для дозированной фасовки в пластиковые стаканы, с последующей запайкой фольгой и укупоркой пластиковой крышкой. В 2016 году приобретено новое оборудование для изготовления сливочного масла в фасовке по евростандарту в фольгу. Производство сливочного масла на данном предприятии на сегодняшний день является первым и единственным в Мурманской области. Сливочное масло производится с разным процентом жира – 82,5 и 72,5%, изготавливается из сливок без использования добавок и солей. Так же начат выпуск молока в новой удобной упаковке «Пюр-Пак», которое существенно снижает процент брака в сравнении с использованием ныне действующей мягкой упаковки и увеличит объемы поставок данной продукции в торговые сети. Кроме того, в ГОУСП «Тулома» развита собственная торговая сеть, которая позволяет напрямую, без посредников, довести свою продукцию непосредственно покупателям.

ГОУСП «Тулома» – единственное предприятие полного цикла производства молочной продукции. Предприятие выпускает свою продукцию, в том числе молоко, кефир, простоквашу, ряженку, сметану, йогурт, сырки творожные, творог, сыр мягкий «Адыгейский», сливочное масло только из натурального сырья.

ГОУСП «Тулома» неоднократно принимало участие в конкурсе «Лучшие товары и услуги Мурманской области», где по праву получало достойные оценки. Высокие вкусовые качества, доступная цена и привлекательная упаковка позволяют продукции уверенно конкурировать с другими производителями на прилавках торговых сетей региона.

ООО «МПЗ Окраина» – современное предприятие пищевой и перерабатывающей промышленности региона, выпускающее мясные продукты под торговой маркой «Окраина». История предприятия началась в 2000 году с небольшого производства колбасных изделий в г. Мурманск, ориентированного на покупателей собственной розничной сети. Сегодня «Окраина» – это группа мясоперерабатывающих предприятий, расположенных в Мурманской области, а также в Московском регионе. При производстве продукции используются натуральные компоненты: охлажденное мясо, свежие куриные яйца и цельное молоко. Выпускать натуральные мясные продукты помогает система контроля качества и безопасности ХАССП-Мясо (HACCP), которая является обязательной во многих странах мира. На предприятии изготавливают продукты, опираясь на национальные стандарты и собственные инновационные разработки. Для того чтобы максимально соответствовать высоким стандартам качества, на производстве внедрили комплексную систему автоматизированного управления WMS. Это дает возможность контролировать весь процесс производства продуктов: от приемки сырья до прилавка магазина. Каждая упаковка продукции, реализуемая с предприятия, имеет уникальный UPC-код. По UPC-коду можно отследить всю историю создания данного конкретного изделия: откуда, когда и в какой партии поступило сырье для данного продукта, кто работал с ним на каждом этапе производства, когда и в какой магазин был отправлен данный продукт. Производство ориентировано на тех потребителей, которые делают выбор в пользу натурального и действительно качественного продукта. Каждый покупатель с помощью UPC системы может получить полную информацию о приобретенном продукте[1].

Выводы

Агропромышленный комплекс – одна из важнейших отраслей народного хозяйства. Она играет огромную роль в экономике любой страны, обеспечивая население жизненно необходимыми продуктами питания.

Программные мероприятия по технической и технологической модернизации производства в агропромышленном комплексе региона в прогнозируемом периоде, позволят снизить трудо – и ресурсоемкость производства продукции, повысить ее качество, улучшить условия и удлинить сроки ее хранения, расширить ассортимент. Тем самым будет достигнут конкурентный уровень издержек и цены реализации, высокий уровень рентабельности и получение прибыли в объемах, позволяющих вести безубыточное производство.

[1] Официальный сайт ООО «МПЗ Окраина». – http://dostavka.okraina.ru/about/

В пищевой и перерабатывающей промышленности за счет технической и технологической модернизации отраслей предполагается стабилизация ситуации по основным видам выпускаемой продукции и сохранение параметров производства на уровне 2012 года[1].

В современных условиях, при ограниченности финансовых ресурсов, имеющиеся инвестиции концентрируются на создании и освоении ограниченного числа инноваций, обеспечивающих максимальный эффект от вложения средств. Такими «точками роста» в АПК региона являются молочное животноводство, свиноводство и птицеводство на промышленной основе, связанное с этим производство кормов, а также производство овощей и картофеля. Именно в этих отраслях и, отчасти, в мясном скотоводстве реализуются и планируются инвестиционные проекты. В перспективе будут иметь большое значение такие отрасли как рыбоводство, тепличное овощеводство, выращивание цветов, новые виды птицеводства (перепел), мясное скотоводство, вложения средств, в развитие которых благоприятно отразится на эффективности большинства структур агропромышленного комплекса, обеспечивая при этом подъем общего научно-технического уровня в нем, повышение конкурентоспособности производства.

Объединяющим же направлением всех инноваций предприятий агропромышленного комплекса является энерго- и ресурсосбережение и экономическая эффективность с учетом социальной составляющей продовольственного обеспечения населения как отдельно взятого региона, так и страны в целом[2].

[1] Государственная программа Мурманской области «Развитие рыбного и сельского хозяйства, регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». Постановление Правительства Мурманской области от 11.11.2016 № 561-ПП. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

[2] Анализ состояния и оценка инновационной деятельности АПК Мурманской области // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.8. РАН. ИНИОН – М., 2013. – Ч. 2. – С. 652–656.

Матанцева О.Ю.
д.э.н., с.н.с., доцент, заместитель генерального директора по научной работе ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта»

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЧАЛЬНОЙ МАКСИМАЛЬНОЙ ЦЕНЫ КОНТРАКТА ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРОВ ПО РЕГУЛЯРНЫМ АВТОБУСНЫМ МАРШРУТАМ

Ключевые слова: *цена контракта, расходы, доходы, себестоимость, рентабельность, перевозки автомобильным транспортом.*
Keywords*: contract price, expenses, income, cost value, profitability, transportations by a road transport.*

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует единая система формирования начальной максимальной цены контракта между исполнительными органами власти субъектов РФ или муниципальных образований и перевозчиками, осуществляющими перевозки пассажиров автомобильным транспортом по регулируемым тарифам.

ОАО «НИИАТ» были разработаны «Методические рекомендации по расчету экономически обоснованной стоимости перевозки пассажиров и багажа в городском и пригородном сообщении автомобильным и городским электрическим транспортом общего пользования» (далее – Методические рекомендации), которые были утверждены распоряжением Минтранса России от 25 декабря 2013 г. № НА-143-р.

Апробация этого нормативного документа показала, что проведение расчетов в соответствии с Методическими рекомендациями вызывает некоторые затруднения у исполнительных органов власти, отвечающих за организацию перевозок пассажиров, что связано большой трудоемкостью расчетов.

В соответствии с требованиями Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон 44-ФЗ) от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ необходимо осуществлять выбор исполнителя по выполнению работ для обеспечения государственных и муниципальных нужд на конкурсной основе.

В связи с этим актуальной является проблема определения начальной максимальной цены контракта между перевозчиком и исполнительным органом власти.

В соответствии со Ст. 22 Закона 44-ФЗ начальная (максимальная) цена контракта или цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), определяется и обосновывается заказчиком посредством применения одного из перечисленных методов или нескольких следующих методов:

1) метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка);
2) нормативный метод;
3) тарифный метод;
4) проектно-сметный метод;
5) затратный метод.

В то же время, в соответствии с частью 21.2 Статьи 22 Закона 44-ФЗ особенности определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным подрядчиком, на выполнение работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, устанавливаются федеральным законом, регулирующим отношения по организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом.

На основании части 22 статьи 22 Закона 44-ФЗ Правительство Российской Федерации установило, что при осуществлении закупок в сфере регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным и городским наземным электрическим транспортом Министерством транспорта РФ устанавливается порядок определения начальной (максимальной) цены контракта, а также цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

В соответствии с поручением Министерства транспорта РФ ОАО «НИИАТ» был разработан проект документа: «Порядок определения начальной (максимальной) цены государственного или муниципального контракта, цены государственного или муниципального контракта, заключаемого с единственным подрядчиком на перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом общего пользования и наземным городским электрическим транспортом на регулярных маршрутах по регулярным тарифам» (далее – Порядок).

Порядок определяет последовательность расчета и перечень требуемых исходных данных для расчета начальной (максимальной) цены государственного или муниципального контракта, цены государственного или муниципального контракта, заключаемого с единственным подрядчиком на выполнение работ, связанных с осуществлением регу-

лярных перевозок по регулируемым тарифам автомобильным транспортом общего пользования и наземным городским электрическим транспортом.

Порядок разработан в соответствии с федеральным законом «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (от 13 июня 2015 г. № 220-ФЗ).

В соответствии с Порядком основными составляющими начальной (максимальной) цены государственного или муниципального контракта, цены государственного или муниципального контракта, заключаемого с единственным подрядчиком, являются:

– себестоимость работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок;

– планируемая сумма сбора платы за проезд пассажиров и провоз багажа;

– прибыль;

– планируемые субсидии перевозчику на компенсации недополученных доходов от предоставления льгот на проезд пассажиров.

Расчёт себестоимости работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок, осуществляется по основным статьям на основе действующих норм расхода материальных ресурсов и расчетных удельных расходов на 1 км пробега транспортного средства определённого класса, с учетом адаптации к условиям работы на конкретных маршрутах [1, 2].

Величина прибыли, определяемая через расчётный уровень рентабельности, обеспечивает экономически устойчивую деятельность перевозчика, а также является источником финансирования обновления основных средств.

Величину начальной (максимальной) цены государственного или муниципального контракта, цены государственного или муниципального контракта, заключаемого с единственным подрядчиком в случае, если доходы от оплаты проезда пассажирами и провоз багажа подлежат перечислению государственному или муниципальному заказчику, определяют по формуле:

$$НМЦК = \sum_{j=1}^{k} (C_{суммj} + C_o) \quad (1),$$

где:

$C_{сумм\ j}$ – стоимость работы, связанной с осуществлением регулярных перевозок по регулируемым тарифам пассажиров на каждом из маршрутов, включённых в лот, руб.;

C_o – стоимость приобретения и установки в транспортных средствах оборудования для организации безналичной оплаты проезда, а также плановые расходы на его эксплуатацию в случае, если контрактом предусмотрено, что приобретение, установка и эксплуатация такого оборудования осуществляется за счет перевозчика, руб.;

j – маршрут, включенный в лот.

Величину начальной (максимальной) цены государственного или муниципального контракта, цены государственного или муниципального контракта, заключаемого с единственным подрядчиком в случае, если доходы от оплаты проезда пассажирами и провоз багажа остаются в распоряжении перевозчика, а также предусматривается предоставление ему субсидий на компенсацию недополученных доходов от предоставления льгот на проезд пассажиров, определяют по формуле:

$$НМЦК = \sum_{j=1}^{k} (C_{суммj} + C_o - C_{субj} - П_j) \quad (2),$$

где:

$C_{сумм\ j}$ – стоимость работы, связанной с осуществлением регулярных перевозок по регулируемым тарифам пассажиров на каждом из маршрутов, включённых в лот, руб.;

C_o – стоимость приобретения и установки в транспортных средствах оборудования для организации безналичной оплаты проезда, а также плановые расходы на его эксплуатацию в случае, если контрактом предусмотрено, что приобретение, установка и эксплуатация такого оборудования осуществляется за счет перевозчика, руб.

$Суб_{\ j}$ – плановая величина субсидий, которые будут предоставлены подрядчику в соответствии с нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, муниципальным нормативным правовым актом в целях компенсации недополученных доходов от предоставления льгот на проезд пассажиров, руб.; сумма указанных субсидий ($Суб_{\ j}$) должна быть установлена применительно к каждому маршруту, входящему в лот на каждый год действия контракта, до дня размещения в единой информационной системе извещения об осуществлении закупки предусмотренных контрактом работ;

$П_j$ – планируемая величина платы за проезд пассажиров и провоз багажа на j-м маршруте.

Планируемую величину платы за проезд пассажиров и провоз багажа $П_j$ в случае, когда документацией о закупках работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок по регулируемым тарифам, установлено, что плата за проезд пассажиров остается в распоряжении перевозчика, определяют любым из следующих способов:

1) по формуле:

$$П_j = П_{факт\ j} \times I_{т\ t} \quad (3),$$

где:

$П_{факт\,j}$ – фактическая величина платы за проезд пассажиров и провоз багажа, полученная на каждом из маршрутов, включённых в лот, за год, предшествующий году начала действия контракта, руб.;

$I_{т\,t}$ – планируемый индекс изменения тарифов на перевозки пассажиров и багажа за каждый год действия заключаемого контракта;

2) на основе информации, полученной по данным электронных систем оплаты проезда.

При открытии вновь устанавливаемого маршрута плата за проезд пассажиров и провоз багажа обязательно перечисляется государственному или муниципальному заказчику в течение первого года его работы.

В дальнейшем в случае перехода к системе, при которой плата за проезд пассажиров остается в распоряжении перевозчика, планируемая величина платы за проезд пассажиров и провоз багажа ($П_j$) определяется на основе фактической величины платы, полученной заказчиком за предшествующий год с учетом планируемого индекса изменения тарифов.

Величину стоимости работы, связанной с осуществлением регулярных перевозок по регулируемым тарифам пассажиров на маршруте определяют по формуле 4 в случае, если цена контракта устанавливается из расчёта стоимости 1 км пробега транспортных средств или по формуле 5 в случае, если цена контракта устанавливается из расчёта стоимости 1 часа работы транспортных средств на маршруте:

$$C_{суммj} = \sum_{t=1}^{m} ((\sum_{i=1}^{n} C_{i\,t\,км} \times L_{i\,t} / \beta) + P_{к\,t}), \text{ руб.} \quad (4),$$

где:

$C_{i\,t\,км}$ – стоимость пробега 1 км транспортного средства i-го класса в t-ом году срока действия контракта, руб.;

$L_{i\,t}$ – планируемый в соответствии с расписанием пробег по выполнению рейсов на маршруте транспортных средств i-го класса за t-ый год работы, предусмотренный контрактом, км;

β – коэффициент использования пробега; при расчёте значения коэффициента соответствуют для перевозок в городском сообщении – 0,95, в пригородном – 0,96;

$P_{к\,t}$ – величина комиссионного вознаграждения в t-ом году.

$$C_{суммj} = \sum_{t=1}^{m} ((\sum_{i=1}^{n} C_{i\,t\,чР} \times Ч_{Р\,i\,t} / \chi) + P_{к\,t}), \text{ руб.} \quad (5),$$

где:

$C_{i\,t\,чР}$ – стоимость 1 часа работы транспортного средства i-го класса в t-ом году срока действия контракта, руб.;

$Ч_{Р\,i\,t}$ – планируемая в соответствии с расписанием продолжительность работы на маршруте транспортных средств i-го класса в t-ом году срока действия контракта, час;

χ – коэффициент, учитывающий затраты времени на осуществление нулевого пробега; при расчёте значения коэффициента соответствуют для перевозок в городском сообщении – 0,95, в пригородном – 0,96.

Величину стоимости пробега на 1 км для транспортного средства i-го класса в t-ом году срока действия контракта определяют по формуле [1,2]:

$$C_{i\,t\,км} = S_{a\,i\,t\,км} \times (1 + (R_{пр} / 100 + R_{инв} / 100)), \text{ руб./1 км пробега} \quad (6),$$

где:

$S_{a\,i\,t\,км}$ – себестоимость в расчете на 1 км пробега на маршруте при перевозках автобусами i-го класса в t-ом году срока действия контракта, руб.;

$R_{пр}$ – уровень рентабельности, обеспечивающий экономически устойчивую деятельность; значение $R_{пр}$ принимают равным 9,6% от себестоимости в расчёте на 1 км пробега;

$R_{инв}$ – дополнительный уровень рентабельности, устанавливаемый в зависимости от процента износа основных средств.

Величину $R_{инв}$ суммируют с уровнем рентабельности, обеспечивающим экономически устойчивую деятельность $R_{пр}$.

Величину стоимости работы в расчёте на 1 час работы на линии для i-го класса в t-ом году срока действия контракта определяют по формуле:

$$C_{i\,t\,чР} = C_{i\,t\,км} \times V_{э\,i\,t}, \text{ руб./час} \quad (7),$$

где:

$V_{э\,i\,t}$ – планируемая средняя эксплуатационная скорость транспортных средств i-го класса в t-ом году срока действия контракта, км/ч.

Величину себестоимости в расчете на 1 км пробега на маршруте при перевозках автобусами i-го класса в t-ом году срока действия контракта определяют по формуле:

$$S_{a\,i\,t\,км} = P_{ОТ\,i\,t\,км} + С\,P_{ОТ\,в\,к\,i\,t\,км} + P_{т\,i\,t\,км} + P_{см\,i\,t\,км} + P_{ш\,i\,t\,км} + P_{ТОиР\,i\,t\,км} + АМ_{i\,t\,км} + ПКР_{i\,t\,км}, \text{ руб./1 км пробега} \quad (8),$$

где:

$P_{ОТ\,i\,t\,км}$ – расходы на оплату труда водителей и кондукторов;

$С\,P_{ОТ\,в\,к\,i\,t\,км}$ – отчисления на социальные нужды от величины расходов на оплату труда водителей и кондукторов автобусов i-го класса в t-ом году срока действия контракта;

$P_{т\,i\,t\,км}$ – расходы на топливо для автобусов i-го класса в t-ом году срока действия контракта;

$Р_{см\ i\ t\ км}$ – расходы на смазочные и прочие эксплуатационных материалов для автобусов i-го класса в t-ом году срока действия контракта;

$Р_{ш\ i\ t\ км}$ – расходы на износ и ремонт шин автобусов i-го класса в t-ом году срока действия контракта;

$Р_{ТОиР\ i\ t\ км}$ – расходы на техническое обслуживание и ремонт автобусов i-го класса в t-ом году срока действия контракта;

$АМ_{i\ t\ км}$ – амортизация автобусов i-го класса в t-ом году срока действия контракта;

$ПКР_{i\ t\ км}$ – величина прочих расходов по обычным видам деятельности в сумме с косвенными расходами для автобусов i-го класса в t-ом году срока действия контракта.

Таким образом, исполнительные органы власти субъектов РФ или муниципальных образований будут осуществлять расчет начальной максимальной цены контракта между и перевозчиками, осуществляющими перевозки пассажиров автомобильным транспортом по регулируемым тарифам на основе, разработанной в Порядке технологии, после утверждения Порядка приказом Министерства транспорта Российской Федерации.

Список литературы

1. Правовые аспекты экономической устойчивости автотранспортной организации: монография / О.Ю. Матанцева. – М.: Юстицинформ, 2016. – 248 с.
2. Особенности тарифного регулирования на автомобильном транспорте, отраженные в проекте Федерального закона «Об автомобильном транспорте и автотранспортной деятельности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Право и экономика. 2010. – № 10. – С. 4–9.
3. Оценка бизнеса при решении конкретных отраслевых задач // Вопросы оценки. 2000. – № 4. – С. 2–6.

Матвеева О.Б.
к.э.н., н.с. Оренбургского филиала ИЭ УрО РАН
Гусева Е.П.
н.с. Оренбургского филиала ИЭ УрО РАН

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время в России идет процесс глубоких структурных преобразований, связанных с децентрализацией власти, формированием системы местного самоуправления, значительным расширением прав муниципальных образований в регулировании социальных процессов. Оренбургская область является одним из крупных субъектов Российской Федерации. Это регион индустриально-аграрной направленности, он имеет благоприятные природно-климатические условия для проживания населения и развития сельскохозяйственного и промышленного производства. Область расположена на юго-востоке европейской части России. Общая протяженность ее границ составляет 3700 км, они установлены 7 декабря 1934 года при создании области. На западе регион граничит с Самарской областью, на крайнем северо-западе – с Татарстаном, на севере – с Башкортостаном, на северо-востоке – с Челябинской областью. Южная и восточная границы протяженностью 1670 км (45% из общих границ региона) являются границей Российской Федерации с Казахстаном (его Кустанайской, Актюбинской и Западно-Казахстанской областями)[1].

Оренбургская область – это многонациональный приграничный регион. Доля территории области в Российской Федерации равна 0,73%, населения – 1,53%. В ее состав входят следующие административно-территориальные единицы:

– 35 муниципальных районов;
– 12 городов;
– 605 сельсовета (поссовета);
– 1718 сельских населенных пунктов.

Территория области равна 124 тыс.кв. км, города занимают 2,9% ее территории, районы – 97%. Численность постоянного населения области на 1 января 2016 года – 1994,7 тыс. человек, в том числе городского – 1195,8 тыс. человек (59,9%), сельского – 798,9 тыс. человек (40,1%). Плотность населения – 16,1 человека на 1 км^2. Отличительная особенность Оренбуржья – его многонациональный состав. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года в области проживают представители 124 национальностей, каждая из них внесла большой вклад в развитие культуры нашего Отечества. Среднегодовая численность занятых в экономике, включая лиц, занятых в домашнем хозяйстве, равна 1020,8 тыс. человек.

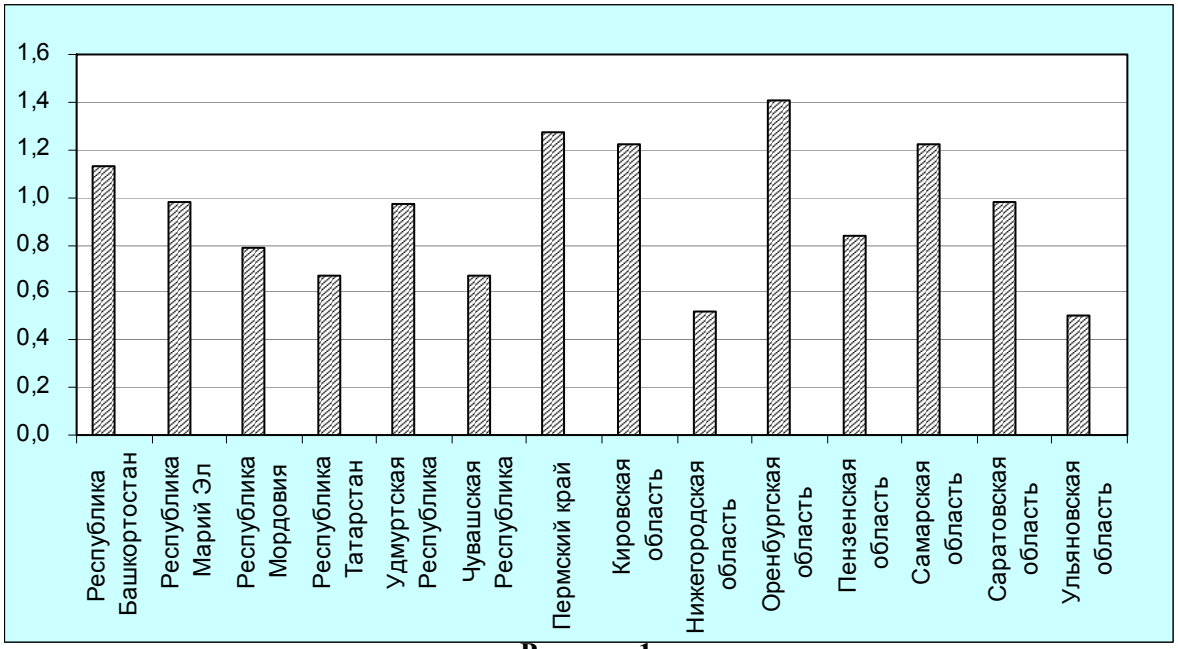


Рисунок 1.
Уровень зарегистрированной безработицы по субъектам Приволжского федерального округа на конец ноября 2016 года в процентах

[1] Токарский Б.Л., Нефедьева Е.Н., Змановский И.С. Прогнозирование социально-трудовых показателей качества жизни населения // Известия ИГЭА. 2011. – № 3(77).

Численность рабочей силы (экономически активного населения) по итогам выборочного обследования рабочей силы в ноябре 2016 года составила 1026,6 тыс. человек, в их числе 975,8 тыс. человек, или 95,1% рабочей силы (экономически активного населения) были заняты в экономике и 50,8 тыс. человек (4,9%) не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной организации труда они классифицируются как безработные).

Уровень зарегистрированной безработицы к концу ноября 2016 года составил 1,4%.

Среди субъектов Приволжского федерального округа наиболее низкий уровень зарегистрированной безработицы наблюдался в Ульяновской и Нижегородской областях. Уровень зарегистрированной безработицы по субъектам Приволжского федерального округа на конец ноября 2016 года в процентах представлен на рис. 1.

В ноябре 2016 года в общей численности занятого в экономике населения 419,4 тыс. человек, или 43,0% составляли штатные работники организаций (без учета совместителей). На условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера для работы в этих организациях привлекалось еще 13,8 тыс. человек (в эквиваленте полной занятости). Число замещенных рабочих мест работниками списочного состава, совместителями и лицами, выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера, в организациях в ноябре 2016 года составило 433,2 тысячи[1].

По данным обследования рабочей силы (обследование населения по проблемам занятости) в 2016 году численность рабочей силы в возрасте 15-72 года в Оренбургской области составила 1011,7 тыс. человек, или 67,6% численности населения этого возраста. В числе рабочей силы 962,9 тыс. человек лица, имеющие работу или доходное занятие, и 48,8 тыс. человек – лица, не имеющие работы или доходного занятия, ищущие работу и готовые приступить к ней, которые в соответствии с критериями МОТ классифицируются как безработные.

Распределение численности населения в возрасте 15–72 года по составу рабочей силы в 2015 году характеризовалось следующим образом:

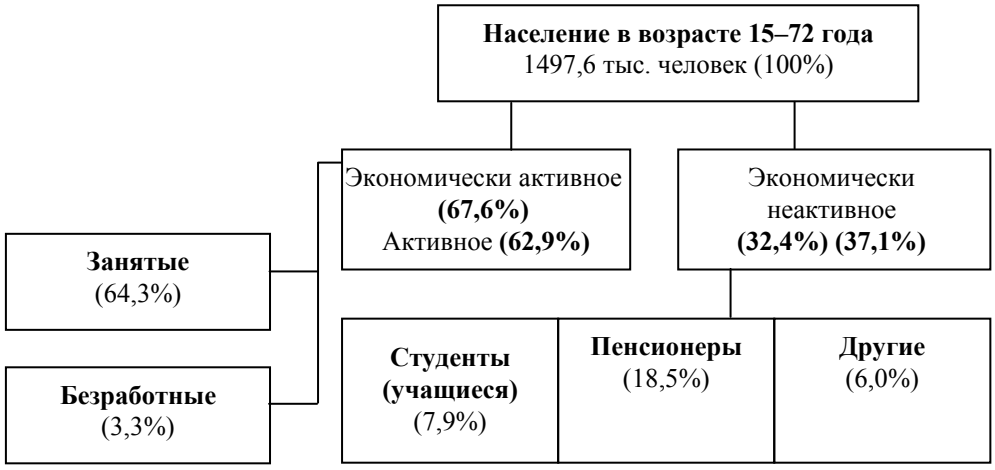


Рисунок 2.
Численность населения в возрасте 15–72 года по составу рабочей силы в 2016 году

По сравнению с 2015 годом численность рабочей силы уменьшилась на 2,9%, при этом численность занятого населения уменьшилась на 3,3%, численность безработных увеличилась на 5,4%. В составе рабочей силы 92,2% – лица в трудоспособном возрасте (мужчины в возрасте 16-59 лет, женщины в возрасте 16–54 года).

Уровень зарегистрированной безработицы в 2016 году составил 1,6% (в 2015 г. –1,2%).

Численность не занятых трудовой деятельностью граждан. По данным министерства труда и занятости населения Оренбургской области к концу декабря 2016 года в государственные учреждения службы занятости населения за содействием в поиске работы обратилось 17,6 тыс. не занятых трудовой деятельностью граждан, из них 16,0 тыс. человек имели статус безработного. Пособие по безработице назначено 14,2 тыс. безработным. Нагрузка не занятого трудовой деятельностью населения, зарегистрированного в государственных учреждениях службы занятости населения, на одну заявленную вакансию на конец декабря 2016 года составила 2,2 человека. В табл. 1 представлена занятость населения Оренбургской области 2010–2016 гг.

Таблица 1

Занятость населения Оренбургской области 2010–2016 гг.

Годы		Кварталы			
		I	II	III	IV
1. Занятость населения. Численность занятого в экономике населения (на конец периода), тыс. человек					
2010	980,8	961,8	956,9	993,6	1011,1
2011	983,3	958,9	967,5	1008,7	998,2
2012	982,7	966,0	969,3	992,9	1002,6
2013	1009,7	1004,1	1016,8	1015,9	1001,9

[1] Социальное положение и уровень жизни населения Оренбургской области: Статистический сборник / территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. – Оренбург, 2016.

2014	992,1	982,1	989,8	1004,5	991,9
2015	964,6	950,8	962,0	975,0	970,7
2016		952,6	959,0	964,5	
в % к соответствующему периоду предыдущего года					
2010	102,6	101,1	101,6	104,1	104,1
2011	100,3	99,7	101,1	101,5	98,7
2012	99,9	100,7	100,2	98,4	100,4
2013	102,7	103,9	104,9	102,3	99,9
2014	98,3	97,8	97,3	98,9	99,0
2015	97,3	96,8	97,2	97,1	97,9
2016		100,2	99,7	98,9	
1.1.Общая численность безработных (на конец периода), тыс. человек					
2010	76,8	84,2	82,2	69,0	72,0
2011	67,2	78,6	72,8	54,5	62,9
2012	56,0	63,4	54,6	51,5	54,5
2013	52,6	58,3	55,2	48,2	48,7
2014	47,1	55,8	46,8	40,7	44,9
2015	48,7	55,2	47,3	44,8	47,6
2016		50,8	49,9	46,5	
в % к соответствующему периоду предыдущего года					
2010	86,1	96,8	82,4	76,5	88,2
2011	87,5	93,3	88,6	79,0	87,4
2012	83,3	80,7	75,0	94,5	86,6
2013	93,9	92,0	101,1	93,6	89,4
2014	89,3	95,7	84,8	84,4	92,4
2015	104,0	98,9	101,1	110,1	106,0
2016		92,0	105,5	103,8	
в % к экономически активному населению					
2010	7,3	8,1	7,9	6,4	6,6
2011	6,4	7,6	7,0	5,1	5,9
2012	5,4	6,2	5,3	4,9	5,2
2013	5,0	5,5	5,2	4,5	4,6
2014	4,5	5,4	4,5	3,8	4,3
2015	4,8	5,5	4,7	4,4	4,7
2016		5,1	5,0	4,6	
1.2.Численность зарегистрированных в службе занятости безработных (на конец периода), человек					
2010	16 584	20 064	18 652	14 364	13 257
2011	14 822	16 137	16 309	14 093	12 749
2012	11 982	14 138	13 418	10 756	9615
2013	11 349	11 458	11 339	10 933	11 666
2014	12 340	12 964	12 723	11 858	11 816
2015	14 683	14 276	15 145	14 396	14 915
2016	15 825	17 044	16 640	15 196	14 418
в том числе назначено пособие по безработице					
2010	15 411	19 473	17 940	12 583	11 648
2011	12 662	14 021	13 711	11 800	11 116
2012	10 670	12 784	11 857	9498	8540
2013	10 015	10 264	10 290	9557	9948
2014	10 657	11 175	10 947	10 254	10 252
2015	12 394	12 107	12 558	12 095	12 816
2016	13 631	14 742	14 320	12 939	12 524
1.3.Потребность в трудоустройстве населения					
Численность граждан, не занятых трудовой деятельностью, состоящих на учете в службе занятости, человек					
2010	18 073	22 272	20066	15 673	14 282
2011	15 995	17 647	17 441	15 119	13 774
2012	13 298	15 531	14 274	12 230	11 157
2013	13 232	13 351	13 207	12 971	13 400
2014	22 088	15 031	14 432	14 145	44 742
2015	17 452	18 077	17 858	16 828	17 043
2016	18 181	19 841	19 179	17 414	16 289
Потребность организаций в работниках, заявленная в службу занятости, человек					
2010	7124	4962	8714	8673	6148
2011	9914	6125	10 929	11 887	10 715
2012	13 400	10 405	16 750	15 234	11 212
2013	14 761	12 847	17 667	15 594	12 936
2014	15 737	12 632	21 202	17 721	11 394
2015	9953	8018	10 585	11 553	9656
2016	8672	7486	9838	10 473	6892

Нагрузка не занятого населения на одну заявленную вакансию					
2010	2,8	4,5	2,3	1,8	2,4
2011	1,8	3,0	1,6	1,3	1,3
2012	1,1	1,5	0,9	0,8	1,0
2013	0,9	1,0	0,7	0,8	1,1
2014	1,0	1,2	0,7	0,8	1,4
2015	1,8	2,2	1,7	1,4	1,8
2016	2,2	2,6	2,0	1,7	2,4

Качество жизни – это обобщающая социально-экономическая категория, включающая в себя не только показатели уровня жизни, но и степень удовлетворения духовных потребностей, условия среды, окружающей человека, состояние морально-психологического климата, душевного комфорта важнейшим показателем качества жизни населения являются его реальные доходы, то есть денежное измерение всех благ, получаемых в течение определенного периода в расчете на одного человека[1]. Для населения сельских муниципальных районов характерны более низкие реальные доходы по сравнению с городскими жителями. В табл. 2 представлены данные в среднем на душу населения Оренбургской области 2010–2016 гг.

Таблица 2

Денежные доходы в среднем на душу населения, рублей

Годы		Кварталы			
		I	II	III	IV
2010	13 557,1	11 230,3	13 034,3	13 380,7	16 443,2
2011	14 892,0	12 514,3	14 128,9	14 908,5	17 901,4
2012	16 541,9	13 183,9	15 870,7	16 466,3	20 522,9
2013	18 628,1	15 616,6	18 517,3	18 113,3	22 126,3
2014	20 723,7	16 193,9	20 497,7	21 316,8	24 732,5
2015	23 205,1	20 603,4	22 203,6	23 174,6	26 691,6
2016	22 515,6	20 099,4	22 633,9	22 904,9	24 324,4
в % к соответствующему периоду предыдущего года					
2010	112,9	105,8	117,5	108,9	117,4
2011	109,8	111,4	108,4	111,4	108,9
2012	111,1	105,4	112,3	110,5	114,6
2013	112,6	118,5	116,7	110,0	107,8
2014	111,2	103,7	110,7	117,7	111,8
2015	112,0	127,2	108,3	108,7	107,9
2016	97,0	97,6	101,9	98,8	91,1
в % к предыдущему периоду					
2010		80,2	116,1	102,7	122,9
2011		76,1	112,9	105,5	120,1
2012		73,7	120,4	103,8	124,6
2013		76,1	118,6	97,8	122,2
2014		73,2	126,6	104,0	116,0
2015		83,3	107,8	104,4	115,2
2016		75,3	112,6	101,2	106,2
Реальные денежные доходы					
в % к соответствующему периоду предыдущего года					
2010	105,6	99,4	111,5	102,6	108,0
2011	100,6	100,5	98,0	102,4	101,9
2012	105,8	101,8	108,3	103,9	107,4
2013	105,5	110,4	108,8	103,6	101,4
2014	103,3	97,6	102,9	109,7	101,9
2015	97,9	110,5	94,0	94,7	95,9
2016	92,6	92,0	97,4	94,5	87,6
в % к предыдущему периоду					
2010		78,0	114,3	100,9	120,1
2011		72,5	111,6	105,4	119,5
2012		72,5	118,7	101,1	123,5
2013		74,5	117,1	96,1	121,0
2014		71,7	123,3	102,5	112,4
2015		77,7	105,0	103,3	113,7
2016		74,6	111,2	100,2	105,4

[1] Исследование систем управления: социологические, экономические, прогнозные, плановые, экспериментальные исследования / Глущенко В.В., Глущенко И.И. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 416 с.

Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен)					
в % к соответствующему периоду предыдущего года					
2010	106,1	100,3	112,9	102,5	108,1
2011	99,5	99,5	96,6	101,1	100,9
2012	104,2	101,0	108,3	101,9	104,8
2013	104,5	109,1	108,2	102,6	100,2
2014	103,3	96,3	102,5	110,8	102,4
2015	96,9	113,1	93,1	91,8	94,1
2016	93,3	91,5	97,4	96,9	88,0
в % к предыдущему периоду					
2010		78,5	114,7	101,0	118,9
2011		72,3	111,3	105,7	118,7
2012		72,3	119,3	99,4	122,1
2013		75,3	118,3	94,3	119,3
2014		72,4	125,9	102,0	110,3
2015		79,9	103,6	100,6	113,0
2016		77,7	110,2	100,1	102,7

В январе-ноябре 2016 году денежные доходы населения, по оценке, сложились в сумме 483 751,8 млн. рублей и снизились по сравнению с январем-ноябрем 2015 года на 1,9%, денежные расходы населения – соответственно 461 062,1 млн. рублей и на 2,9%. Превышение денежных доходов над расходами составило 22 689,7 млн. рублей. На рисунке 2 показана динамика основных показателей реальных денежных доходов населения в % к среднемесячному значению 2013 года[1].

Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей) в январе-ноябре 2016 года, по оценке, снизились на 5,7% по сравнению с январем-ноябрем 2015 года. Среднедушевые денежные доходы в ноябре 2016 года составили 22 773,7 рубля.

В структуре использования денежных доходов населения в январе-ноябре 2016 года по сравнению с январем-ноябрем 2015 года отмечался рост доли потребительских расходов на 1,8 процентного пункта, при снижении доли сбережений на 2,2 процентного пункта, оплаты обязательных платежей и взносов (включая деньги, отосланные по переводам) – на 0,5, покупки валюты – на 0,1 процентного пункта.

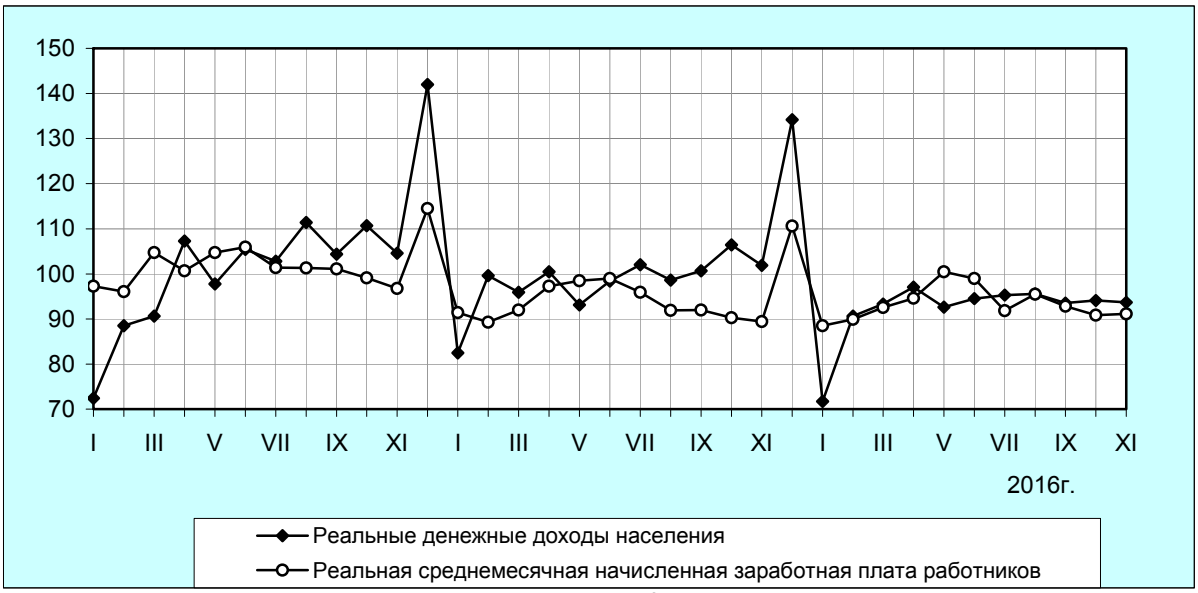


Рисунок 2.
Динамика основных показателей реальных денежных доходов населения в % к среднемесячному значению 2013 года

Уровень жизни населения во многом характеризуется не только размером доходов, но и регулярностью их получения. Для основной части населения это связано со своевременной выплатой заработной платы.

Средняя номинальная заработная плата, начисленная в ноябре 2016 года, составила 25 392,5 рубля и по сравнению с октябрем 2016 года увеличилась на 0,5%, с ноябрем 2015 года увеличилась на 5,1%. Реальная заработная плата, рассчитанная с учетом индекса потребительских цен, в ноябре 2016 года к уровню октября 2016 года составила 100,2%, ноября 2015 года – 101,4%.

[1] Социальное положение и уровень жизни населения Оренбургской области: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. – Оренбург, 2010–2016.

Таблица 3

Средняя номинальная заработная плата по Оренбургской области за 2010–2016 гг.

Годы		Кварталы			
		I	II	III	IV
Средняя номинальная начисленная среднемесячная заработная плата одного работника, рублей					
2010	15 199,6	14 121,3	14 663,4	15 261,3	16 312,8
2011	17 067,2	15 601,8	16 437,5	17 230,5	18 988,3
2012	19 514,7	17 674,2	19 055,5	19 655,8	21 674,0
2013	21 543,2	19 786,0	21 561,5	21 442,2	23 424,0
2014	23 518,5	22 149,4	23 739,6	23 469,7	24 748,0
2015	24 505,3	25 309,9	25 241,3	24 437,8	26 006,0
2016		26 018,6	26 845,0	25 864,9	
в % к соответствующему периоду предыдущего года					
2010	112,4	109,2	111,3	110,4	110,5
2011	112,3	109,5	111,4	112,2	115,4
2012	113,7	112,9	115,1	112,9	113,1
2013	113,9	115,4	116,3	112,7	111,8
2014	108,3	110,9	109,1	108,4	105,1
2015	105,6	104,1	107,7	105,7	106,3
2016		107,9	106,4	105,6	
в % к предыдущему периоду					
2010	112,4	95,5	103,8	104,1	106,9
2011	112,3	95,3	105,3	104,9	110,1
2012	113,7	93,1	107,7	103,1	110,4
2013	113,9	92,5	109,0	99,5	109,2
2014	108,3	94,6	107,3	98,8	105,5
2015	105,6	91,0	111,9	97,9	106,4
2016		93,8	103,2	96,4	
Реальная начисленная среднемесячная заработная плата в % к соответствующему периоду предыдущего года					
2010	105,5	102,7	105,7	104,2	101,8
2011	103,3	99,2	101,3	103,7	108,6
2012	108,7	109,5	111,4	106,6	106,4
2013	107,1	108,0	108,9	106,5	105,6
2014	100,9	104,8	101,8	101,5	96,2
2015	92,7	90,7	93,8	92,5	94,8
2016		102,1	102,0	101,2	
в % к предыдущему периоду					
2010	105,5	93,0	102,3	101,7	104,4
2011	103,3	91,3	104,1	105,3	108,8
2012	108,7	92,0	106,2	100,4	109,4
2013	107,1	90,9	107,6	97,8	108,2
2014	100,9	93,0	104,6	97,4	102,2
2015	92,7	85,2	109,0	96,9	105,0
2016		93,2	101,9	95,4	
Просроченная задолженность по заработной плате на начало месяца, всего, млн. рублей					
2010	10,9	14,5	27,4	29,6	10,9
2011	14,3	26,0	20,1	19,5	14,3
2012	20,4	19,2	18,3	24,0	20,4
2013	16,9	31,5	24,1	48,6	16,9
2014	24,5	24,7	23,2	27,3	24,5
2015	19,9	33,3	35,7	27,6	19,9
2016	19,8	24,6	36,4	24,5	19,8
2017					
в % к предыдущему периоду					
2010	53,4	71,0	189,0	108,0	36,8
2011	131,2	238,5	77,3	97,0	73,3
2012	142,7	134,3	95,3	131,1	85,0
2013	82,8	154,4	76,5	201,7	34,8
2014	145,0	146,2	93,9	117,8	89,7
2015	81,2	135,9	107,2	77,3	72,1
2016	99,5	123,6	148,0	67,3	80,8

Оренбургская область заняла 46 позицию в рейтинге качества жизни в 2016 году по России. Аналитики сравнивали 83 региона (Крым и Севастополь в рейтинг пока не включили) по 61 показателю. Оренбургская область, тем не менее, показала самое существенное падение среди всех регионов России. Оренбуржье опустилось вниз на три позиции, с 43 в 2013 году на 46 место в 2014 году. В 2012 году Оренбургская область занимала 39 место в рейтинге.

По индексу развития человеческого потенциала Оренбургская область смотрится весьма неплохо: в рейтинге она соседствует с Челябинской областью и Самарской областью, но все же относится к группе регионов с показателями выше среднего (15-е место в 2015 г., 14-е – в 2016 г.). Ранг области был бы заметно выше, если бы не пониженный индекс образования. По индексу инновативности, область занимает лишь 52-е место. Особенно понижает рейтинг региона незначительная доля занятых в науке. Выше рейтинг области по индексу демократичности: по оценкам она занимает 33-е место.

Мохов А.И.
д.т.н., профессор, президент НП «ЭнергоЭффект»
anmokhov@mail.ru.
Светлаков В.И.
к.т.н., генеральный директор Информационно-консалтинговой фирмы «КонС»
2901692@mail.ru
Бойкова И.В.
аспирант Российского экономического университета
Irina.boykova.90@mail.ru

ИНОЙ ВЗГЛЯД НА ОЦЕНКУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: *земельный участок, территория, инвестор, субъект инвестирования, оценка, экономические факторы, стратегическое направление комплексного объекта переустройства территории.*

Keywords*: land, territory, the investor, the investment entity, evaluation, economic factors, the strategic direction of the complex object reconstruction area.*

Эффективное использование потенциала территории становится в настоящее время объектом пристального внимания при обсуждении стратегических направлений роста экономики страны. Выбор территорий для первоочередного переустройства (зоны ускоренного развития, зоны устойчивого развития, опорные зоны) направлен на комплексное развитие территорий регионов, на которых эти зоны будут созданы или находятся в процессе формирования.

Решение этой задачи требует принципиально нового методологического подхода оценки, с учетом эффективного устойчивого развития территорий. Такой подход призван дать ориентир в формировании и реализации стратегий развития моногородов.

В нашей стране инвестиционная составляющая по развитию территорий городов всё еще не стабилизировалась. На наш взгляд, это связано в первую очередь с неопределенностью оценки эффективности комплексного объекта переустройства [1, 2, 3]. А это, в свою очередь, не позволяет планировать обустройство территорий услугами (в составе продукции территории), обеспечивающими не только возврат инвестиций участникам преобразований, но и эффективное использование экономического потенциала территории при дальнейшем развитии [2, 4].

Анализ работ по строительному переустройству [1, 5, 6] позволяет получить модель комплексного объекта переустройства территории, которая фиксирует городскую территорию и ее многослойную инфраструктуру. Переустройство территории складывается из переустройства каждого слоя модели комплексного объекта переустройства, а согласование инвестиционных вкладов в переустраиваемые слои может стать основной государственно-частного партнерства [2].

Модель комплексного объекта переустройства территории (КОПТ) включает в себя следующие элементы:

1. Потребитель продукции территории, человеческие ресурсы для потребления.
2. Продукция территории (традиционная и инновационная), человеческие ресурсы для производства.
3. Оборудование зданий и сооружений на территории.
4. Технологическая платформа территории.
5. Здания и сооружения территории.
6. Инженерные и транспортные сети и системы коммуникации зданий и сооружений на территории.
7. Проект застройки территории.
8. Проект планировки территории.
9. Земля (географическое положение, природные ресурсы, климат).

Такие модели использовались ранее авторами для представления комплексного объекта переустройства зданий и сооружений в строительной сфере [1, 5, 6], и переустройства территорий [2, 3, 7]. Анализ функционирования этих моделей позволяет исследовать особенности модели капитализации земли и отдельных слоев, входящих в эту модель.

Рассматривая данную модель в направлении снизу вверх (от абстрактного к конкретному) – от обширных абстрактных функциональных возможностей земли и территории до конкретики реализуемой на территории продукции, получим описания системных слоев КОПТ. Заметим, переустройство каждого из слоев этих систем определяет возможности территорий в достижения цели её переустройства и эффективности использования потенциала земли.

Земля, как предмет сама по себе, изначально не имеет стоимости, так как не является результатом общественно-необходимого труда и не может быть воспроизведена трудом.

Проект планировки территории – подсистема КОПТ, рассматриваемая в контексте «естественной» среды, для выделения элементов планировочной структуры, установления параметров планируемого развития элементов

планировочной структуры, зон планируемого размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения.

Проект застройки территории – подсистема КОПТ, рассматриваемая в контексте «естественной» среды в полном объеме фиксирует необходимые градостроительные требования и ограничения по использованию конкретного участка и возведенного на нем либо планируемого к строительству объекта капитального строительства является «инфраструктурным» ресурсом.

Инженерные и транспортные сети и системы зданий, сооружений на территории – подсистема КОПТ, поставляющая исходные материалы и ресурсы для реализации производственной функции предприятий и функции обеспечения жизнедеятельности жителей территории.

Здания, сооружения территории – подсистема КОПТ, от состояния которой зависит реализация функций предприятий и функций обеспечения жизнедеятельности населения территории.

Под технологической платформой территории будем понимать набор технологий, который используются при создании продукции территории.

Технологическую платформу территории можно определить как подсистему КОПТ, содержание технологий в которой выверено в процессе договоренности всех заинтересованных сторон в производстве продукции, в том числе и потребителей.

Оборудование здания, сооружения территории – подсистема КОПТ, обеспечивающая реализацию функций в форме продукции территории, в том числе в виде услуг для жителей территорий.

Продукция территорий (традиционная и инновационная) человеческие ресурсы для производства. – подсистема КОПТ, представляющая собой результат использования всего капитала предприятия.

Потребитель продукции территории, человеческие ресурсы для потребления – система КОПТ, включающая участников эксплуатационного этапа жизненного цикла продукции территории и поступающего в здания ресурса.

Заметим, что положительные изменения, возникающие в каждом из системных слоев КОПТ при их переустройстве, повышают капитализацию территории, что важно для включения территории в инвестиционные процессы.

В условиях формирующихся рыночных отношений рациональное управление городскими территориями становится невозможным без соответствующих рыночных механизмов. При вовлечении территориальных ресурсов городов в товарно-денежные отношения необходима их экономически целесообразная оценка. Для застроенной территории со сложившейся социально-экономической инфраструктурой в процессе управления необходима как массовая, так и индивидуальная оценка. Массовая оценка – направлена на определение реализованной ценности земельных участков с одинаковым экономическим потенциалом и служит целям налогообложения. Индивидуальная оценка каждого конкретного земельного участка, предназначенного для застройки, комплексной застройки или реновации определяет условия контракта и технического задания по застройке с целью поддержания равных условий для участников рынка, пополнения бюджета города и наиболее полного раскрытия экономического потенциала территории.

Фундаментальной задачей управления земельным участком для комплексного освоения является распределение ресурсов между альтернативными вариантами использования и выбор наиболее эффективного варианта этого распределения.

При распределении ресурсов важная роль принадлежит системе цен выделяемых земельных участков для объектов определенной функциональности. В системе цен конкуренция на рынке между потребителями за имеющееся предложение потребительских товаров и услуг определяет цены на конечные продукты, а эти цены позволяют производителям конкурировать за обладание ресурсами (участками земли и зданиями) для производства определенного качества товаров и услуг, определяя тем самым цены на ресурсы. Поэтому при комплексной застройке важным фактором является количественная сбалансированность объектов недвижимости различной функциональности для определенного класса потребителя, которая оптимизирует функциональность комплекса и ставит задачу оценки вклада каждого участника проекта в зависимости от его вклада в создание рыночной стоимости всего комплекса.

На рисунке представлена модель цикла комплексного развития территории, которая позволяет по результатам инвестиционно-инновационного анализа экономических условий реализации проекта – определять экономические параметры, регулирующие взаимоотношения участников проекта при принятых технико-экономических показателях, обеспечивающих стратегию развития территории, тем самым объединяет в единый цикл три платформы:

- социально-потребительскую – создающую рынок потребности;
- технико-технологическую – являющиеся основой рынка недвижимости;
- земельно-ресурсную – обеспечивающую реализацию создания комплекса зданий и сооружений.

В предложенной модели этот факт отражен в виде отдельной земельно-ресурсной платформы, которая естественными характеристиками земли, проектом планировки и проектом застройки территории определяет класс объектов недвижимости, который целесообразно возводить на выбранной территории. Этот класс объектов недвижимости отражается в модели социально-потребительской платформой, в которой отражаются интересы разного потребителя (1,2,..N) набором услуг (1,2,..N).

Эта платформа формирует социально-экономические потребности будущих собственников возводимых зданий и сооружений, то есть формирует рынок потребностей. Набор услуг для определенного уровня потребителя в общем виде будет различаться, при этом не исключено, что ряд услуг будут перекрывать потребности разного класса потребителей (У1П1; У1П2; …У1ПN и т.п.). Для обеспечения набора услуг потребуются здания или помещения с различной функциональностью и как следствие – разным уровнем технико-технологической оснащенностью (Ф1Т1; Ф1Т2… Ф1TN и т.п.), что и формирует количественно-качественный состав объектов недвижимости на застраиваемой территории – рынок недвижимости.

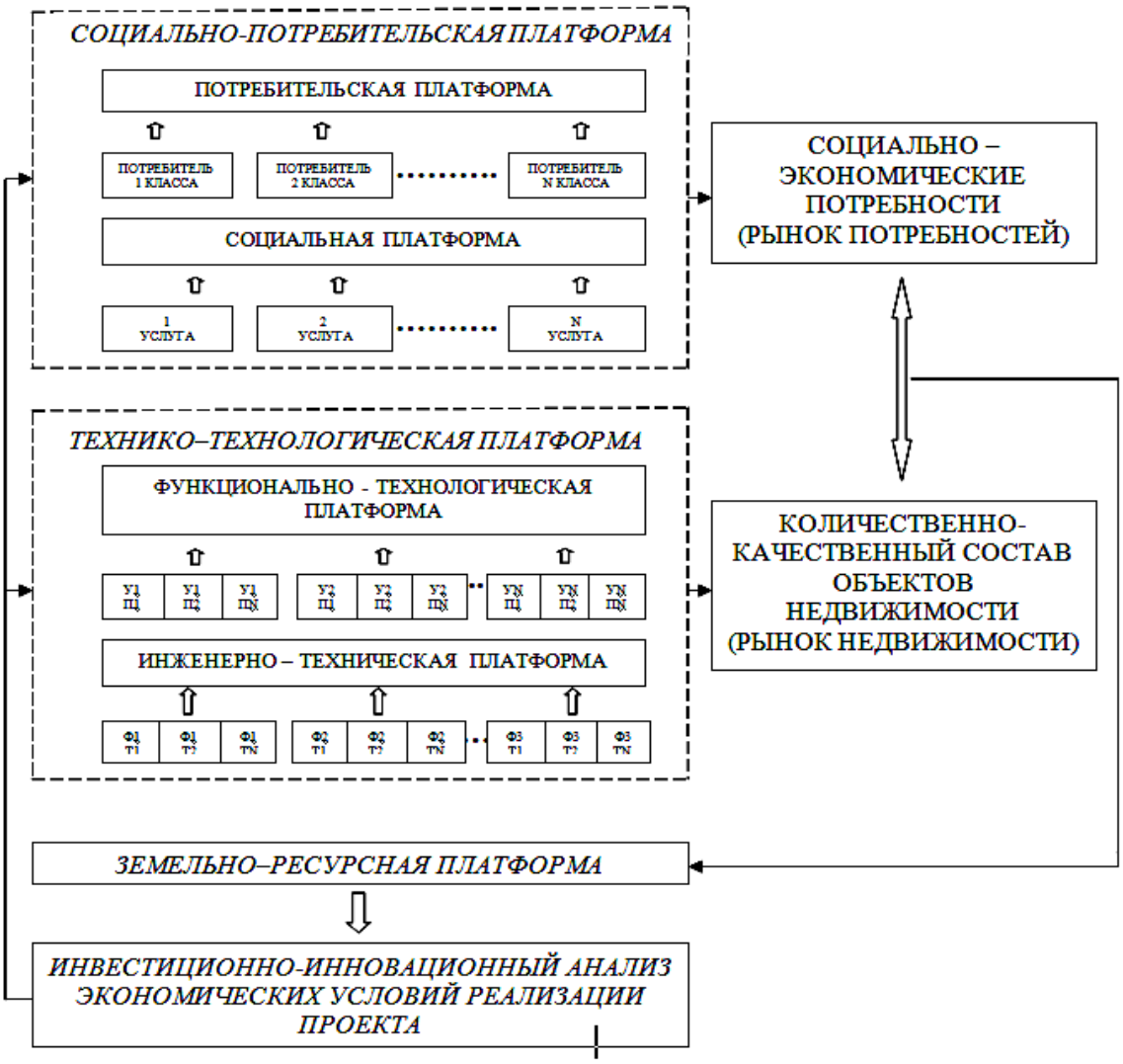


Рисунок 1.
Модель цикла комплексного развития территорий [2]

Восхождение от абстрактному к конкретному, от широких возможностей наполнения территории до реализации конкретных услуг конкретному потребителю, фиксирует механизм «обратный» функционально-стоимостному анализу территориального наполнения, который условно назван авторами «сервисно-стоимостным синтезом». Закономерности реализации функций элементами слоёв КОПТ, преобразующимися в набор услуг, позволяют связать исходные «технические» параметры объекта переустройства территорий с потребительскими характеристиками порождаемых услуг. Эти потребительские характеристики традиционно представлены безопасностью, экономичностью и комфортностью сопровождения деятельности и жизнедеятельности потребителя.

Поскольку полностью избавиться от угроз безопасности жизнедеятельности не удается, приходится искать компромисс в соотношениях услуг безопасности, экономичности и комфортности путем сочетания различных функций наполнения территорий.

Потребительский интерес к создаваемым объектам недвижимости определяет его стоимость и отражает экономическую эффективность деятельности собственников или инвесторов в той или иной сфере бизнеса. Капитализация отдельных слоев в модели КОПТ для объектов недвижимости разной функциональности, является основой для принятия объективного управленческого решения по развитию территории города с учетом социально-экономического развития территории. Факторы, определяющие уровень капитализации отдельных слоев, позволяют учитывать особенности объекта инвестирования, мотивации как инвестора, так и субъекта инвестирования.

Такой подход оценки экономических параметров отдельных слоев КОПТ позволит выявить принципы, которые закладываются в хозяйственно-экономическую систему застройки городов и населенных пунктов, являющиеся стратегически важными для устойчивого развития территорий. Таким образом, может быть выявлен механизм экономического управления субъектом инвестирования административно-хозяйственной системой региона.

Рассмотрим один из возможных методологических подходов определения экономических параметров КОПТ при застройке территорий городов и населенных пунктов, исходя из выше принятой позиции.

Стратегия развития территорий определяется путем разработки генерального плана и его реализации при составлении плана планировки и застройки территории, которые составляют 7 и 8 слои КОПТ.

С другой стороны инвестиционная привлекательность того или иного участка территории для застройки, определяется уровнем потребительских цен на том или ином рынке продукции или рынке недвижимости (слой 1 КОПТ),

начальной ценой заключения договора об инвестировании (цена слоя 9 КОПТ) и величиной затрат для конкретного инвестора (затраты на осуществления проекта слои со 2-го по 8-й КОПТ).

Начальная цена контракта на право застройки, как правило, определяется путем оценки рыночной стоимости земельного участка для строительства. Стоимость каждого контракта, а, следовательно, и земельного участка для застройки территории должны отражать уникальные особенности условий осуществления инвестиционного проекта, с точки зрения получения требуемого экономического потенциала территории.

Кроме этого инвестора интересует эффективность создания каждого слоя КОПТ. Это возможно оценить только при условии весового расчленения модели КОПТ и применения следующего методологического подхода оценки, описанного ниже.

Теория экономической оценки недвижимости, которая является основой для определения стоимости земельного участка, выделяет основной фактор, определяющий её стоимость – местоположение. В теории оценки он реализуется путем принципа полезности, который раскрывается в трех подходах оценки, основанных на принципах замещения и ожидания, которые, в свою очередь, конкретизируются рядом принципов, связанных с реализуемостью объектов недвижимости и их экономической эффективностью использования. На этих принципах разработаны и широко применяются три подхода к оценке: «затратный», «сравнительный» и «доходный».

Класс недвижимости, который предполагается возвести на территории застройки, в свою очередь определяет экономический потенциал территории, путем установления уровня цен на возведенный объект состоянием рынка недвижимости в данном районе.

Муниципальной администрацией определяется функциональное использование территории, которое должно отражать наилучшее использование выбранной стратегии развития территории. А изменение инфраструктуры, отвечающее требованиям класса возводимого здания, и сам класс здания выбирается инвестором, с последующей компенсацией и передачей в собственность созданных инфраструктурных объектов соответствующим эксплуатационным структурам. Финансовые расходы учитываются собственником при оценке экономической эффективности проекта. Таким образом, экономические параметры для инвестиционных проектов по застройке территории характеризуют инвестиционный климат, при условии наиболее эффективного использования исследуемой территории с точки зрения инвестора, а не субъекта инвестирования.

Принцип наилучшего и наиболее эффективного использования (ННЭИ) является основным в теории оценки недвижимости при определении рыночной стоимости. Данный принцип позволяет определить использование территории города, при её функциональности, определенной правовыми органами власти, как наиболее социально-значимое и конкурентоспособное. Для любой недвижимости может существовать ННЭИ земельного участка как свободного и использование земельного участка с находящимися на нем улучшениями, причем в общем случае эти варианты могут не совпадать. Если существующие улучшения не соответствуют ННЭИ, стоимость земельного участка составляет большую часть в рыночной стоимости объекта в целом. В этом случае не полностью используется потенциал земельного участка, и анализ использования должен рассмотреть целесообразность варианта возведения строений в соответствии с оптимальным функциональным назначением земельного участка.

Показатели рынка недвижимости, в свою очередь, отражают существующий спрос и социальный статус потенциальных покупателей как основу для дальнейшего развития территории застройки.

Таким образом, при определении ННЭИ территории необходимо иметь достоверные данные о следующих параметрах:

- распределения долей потенциальных денежных потоков от земельного участка и улучшений в создаваемом объекте (L, B);
- коэффициента капитализации объекта (RO);
- коэффициента капитализации для инвестиций или здания (RB);
- коэффициента капитализации для земельного участка (RL);
- величине коэффициента прибыли предпринимателя (КПП);

Исходя из экономической сущности указанных параметров, следует, что они отражают инвестиционную привлекательность при застройке территории.

Распределение долей стоимости земельного участка и улучшений отражает эффективность использования территории на основании известного в экономике закона уменьшения предельной производительности. Величина земельного участка для строительства определяется нормативными актами и строительными нормами и правилами. Земельный участок является частью одного из факторов производства – территории застройки. А второй фактор производства – возводимое здание, регулируется субъектом инвестирования правилами застройки. Таким образом, величиной доли стоимости земельного участка в возводимом объекте недвижимости субъект инвестирования может регулировать эффективность застройки территории.

Коэффициенты капитализации по своей сущности отражают с одной стороны макроэкономическое состояние региона (величины безрисковой ставки и странового риска являются основой для их расчета), с другой стороны они включают риски ликвидности и доходности готовых объектов недвижимости определенного сегмента. Эту зависимость обычно представляют в следующем виде: $R_O = R_{rf} + R_m + R_p$, как сумму рисков – безрисковая ставка, рыночная премия за риск и премия за риск, связанных с рынком недвижимости. При этом риски доходности и ликвидности зависят не только от функциональности объектов, но и от их класса и покупательной способности потребителя.

Имея общую основу, коэффициенты капитализации объекта в целом, земельного участка и здания взаимосвязаны по известному в теории оценки недвижимости правилу инвестиционной группы, т.е. выполняется равенство

$$R_O = R_B \cdot B + R_L \cdot L.$$

Величина коэффициента прибыли предпринимателя при анализе инвестиций в недвижимости применяется в качестве ставки дисконтирования (уравнивающей доходности) и её сущности, как внутренней нормы прибыли инвестиций [22].

По существующей практике, определение ННЭИ проводится либо экспертным путем, либо только одним методом расчета нескольких вариантов использования земельного участка на основе средних показателях рынка недвижимости исследуемого района. При этом чаще всего используется метод предполагаемого использования, который и применяют впоследствии для оценки земельного участка. Это приводит к неопределенности получаемых результатов и их субъективности из-за неопределенности экономических параметров, входящих в расчет.

В предлагаемом методологическом подходе эта неопределенность снижается путем расчета стоимости отдельных слоев КОПТ методами оценки, основанными на остаточном принципе.

Для оценки земельных участков по остаточному принципу в теории оценки недвижимости используются следующие методы:

– в сравнительном подходе – метод распределения;

– в доходном подходе – метод остатка для земли;

– в подходе с применением расчета затрат – метод выделения и метод предполагаемого использования.

Основой для всех подходов является макроэкономический базис, который выражается:

– в сравнительном подходе в виде тренда цены продажи для объектов сравнения;

– в доходном подходе в виде базы для расчета коэффициентов капитализации;

– в подходе с применением расчета затрат в виде базы для расчета значения коэффициента прибыли предпринимателя и цен на строительные материалы.

Однако применение того или иного подхода может ограничиваться отсутствием информации. При этом определение стоимости отдельно каждым методом сопряжено с большим количеством неопределенности и субъективного видения оценщика [2].

Метод распределения основан на определении доли стоимости земельного участка в общей стоимости объекта недвижимости и выражается следующими формулами:

$V_L = L * V_O$ – стоимость земельного участка;

$V_B = B * V_O$ – стоимость улучшений.

Где:

L – доля стоимости земли в общей стоимости объекта недвижимости;

B – доля стоимости улучшений в общей стоимости объекта недвижимости;

VO – стоимость объекта недвижимости.

Определение величины доли стоимости земельного участка в стоимости объекта в целом сопряжено с методами статистического анализа, а так как рынок недвижимости по существу несовершенен, то эта величина колеблется в достаточно большом диапазоне и можно говорить о приемлемом разбросе 5% только при условии выполнения принципа ННЭИ. Поэтому на практике этот метод не применяется [22].

В методе остатка для земли используются экономические показатели, отражающие доходность объекта недвижимости в целом, экономический потенциал земельного участка, и доходность возведенного здания в процессе будущей эксплуатации. Этот метод выражается следующими формулами:

$$V_L = \frac{NOI_L}{R_L};$$

Где:

$NOI_L = R_O \cdot V_O - R_B \cdot V_B$ – чистый операционный доход от земельного участка;

RL – коэффициент капитализации для земельного участка;

RO – коэффициент капитализации объекта;

VO – стоимость объекта недвижимости;

RB – коэффициент капитализации для здания;

VB – стоимость здания.

Определение величин коэффициентов капитализации сопряжено с большим количеством неопределенности, тем более для оценки распределения коэффициента капитализации для объекта в целом на коэффициент земли и здания. Поэтому отдельно взятый метод остатка сложен для практического применения.

Методы выделения и предполагаемого использования, в общем виде, позволяют определить стоимость земельного участка путем разницы стоимости объекта в целом и затрат на строительство существующего либо предполагаемого для строительства здания с учетом прибыли предпринимателя и величины износа. При условии застройки территории в соответствии строящегося объекта ННЭИ величина износа равна нулю. Эти методы выражаются формулой:

$$V_L = Vo - V_B;$$

Где:

VL – стоимость земельного участка;

VO- стоимость объекта;

VB = (ПИ + КИ + ПП)- стоимость существующего (либо строящегося)здания;

Где:
ПИ – прямые издержки;
КИ – косвенные издержки;
ПП – прибыль предпринимателя.

В этом методе наибольшей неопределенностью обладает величина прибыли предпринимателя, которая используется при оценке стоимости здания (улучшения), т.к. она зависит не только от макроэкономических параметров, но и от соответствия функционального назначения здания местоположению, и состоянию данного сегмента рынка недвижимости. Величина прибыли предпринимателя при наиболее эффективном использовании должна покрывать все риски рынка недвижимости, финансовые риски региона и давать необходимую прибыль для развития предприятия. В общем виде эту зависимость можно представить в следующем виде:

$$КПП= RL+ RB+РУЧ$$

Где:
КПП – прибыль предпринимателя.
RL – коэффициент капитализации для земельного участка;
RB – коэффициент капитализации для здания;
РУЧ – учетная ставка Центрального Банка.

Рассматриваемые три метода определяют одну и ту же величину – стоимость земельного участка, при этом во всех трех методах используется стоимость оцениваемого объекта. Исходя из принципа независимости полученной расчетной величины стоимости земельного участка от применяемого метода, который является основным в предлагаемом методологическом подходе, расчетные формулы можно приравнять друг к другу.

В результате образуется система из трех уравнений. Параметры, входящие в эти уравнения взаимосвязаны правилом инвестиционной группы и формулой прямой капитализации, которые образуют четвертое и пятое уравнения системы. Зависимость величины прибыли предпринимателя от макроэкономических факторов и коэффициентов капитализации дает пятое уравнение системы. Система из пяти уравнений может быть решена методом итерации. Изменяемыми величинами являются: поток дохода в диапазоне, определенном рынком для конкретного местоположения и объекта застройки; а также поток затрат на строительство определенного класса недвижимости и период времени реализации проекта. При сложившемся уровне макроэкономических параметров на дату оценки, достигаются условия для определения экономических параметров инвестиционного проекта. Изменения, в процессе итерационных действий, величин коэффициентов капитализации для земельного участка и здания, а значит, и величины прибыли предпринимателя, в диапазонах, соответствующих состоянию рынка недвижимости, приведет к равенству результатов при расчете первых трех уравнений системы. Величины долей распределения стоимости земельного участка и здания или долей отдельных слоев КОПТ определяются гармонией распределения сложного объекта на основе правила «Золотого сечения». Величины экономических параметров, соответствующих такому состоянию системы, и отражают состояние инвестиционного климата для осуществления проекта в выбранном месте.

Предложенный подход расчета экономических показателей при застройке территории снижает неопределенность определения включенных в расчет параметров. Задание диапазонов затрат на строительство, доли стоимости земельного участка позволит субъектам инвестирования путем установления начальной цены контракта задавать стратегию застройки экономическими методам, и регулировать равномерное структурное развитие экономики региона путем установления нормы прибыли предпринимателя.

Инвестор, в свою очередь, может рассчитать экономические показатели каждого слоя КОПТ, применяя описанный методологический подход к весовым коэффициентам последовательно к каждому слою КОПТ.

Список литературы

1. Мохов А.И. Системотехника и комплексотехника строительного переустройства // Переустройство, Организационно-антропотехническая надежность строительства – М.: СвР-АРГУС, 2005. – С. 129–163.
2. Светлаков В.И., Мохов А.И. Модель цикла комплексного развития территории / Интернет-журнал «Науковедение». – М., 2014. – № 6. – http://naukovedenie.ru/PDF/68EVN614.pdf
3. Мохов А.И., Светлаков В.И., Мохова Л.А. Интеллектуализация сферы жизнедеятельности как средство формирования ноосферы В.И. Вернадского // Вестник РАЕН. – М., 2015. – Т. 1,. № 1. – С. 31–40.
4. Мохов А.И., Аристова Л.В., Артамонова Л.С., Кострюкова Н.Н. Оценка возможностей компании, получившей инвестиции для обустройства комплексного объекта инвестирования новыми функциями // Вестник Государственного университета управления: сер. Развитие отраслевого и регионального управления. – М., 2008. – № 11 (6). – С. 17–19.
5. Силуянов А.В., Мохов А.И. Переустройство функций зданий с применением информационных технологий «интеллектуального здания» // Электротехнические и информационные комплексы и системы. 2011. – № 4 (т. 7). – С. 41–44.
6. Эксплуатационное переустройство
7. Филичева Е.В., Несветайлова С.В., Мохова Л.А. Инвестиции в переустройство территорий // Труды ИСА РАН. – М., 2009. – Т. 49. – С. 153–160.
8. http://www.inventech.ru/lib/predpr/predpr0003/
9. США возвращают заводы домой. – http://topwar.ru/47414-ssha-vozvraschayut-zavody-domoy.html 6
10. ОРГИ и ШАГ на стратегической сессии по инновационной реконструкции в Ступино. – http://invest.mosreg.ru/novosti/?ELEMENT_ID=808
11. http://innovation.gov.ru/taxonomy/term/546

12.Шестов А.Г., Мохов А.И., Мохова Л.А., Истомин В.И., Вербин В.Э. Комплексный метод организации бизнес-инкубаторов при формировании инновационных кластеров // Науковедение. – М., 2013. – Вып. 4 (17). – naukovedenie.ru/index.php?p=issue-4-13
13.Аристова Л.В., Мохов А.И., Гончаренко Л.П. Комплексный объект инвестирования в сфере физической культуры и спорта // Вестник Государственного университета управления: сер. Развитие отраслевого и регионального управления. – М., 2007. – № 6. – С. 41–42.
14.Мохов А.И., Аристова Л.В., Артамонова Л.С., Кострюкова Н.Н. Оценка возможностей компании, получившей инвестиции для обустройства комплексного объекта инвестирования новыми функциями // Вестник государственного университета управления: сер. Развитие отраслевого и регионального управления. – М., 2008. – № 11 (6). – С. 17–19.
15.Глобальные технологические тренды // Трендлеттер. 2014. – № 2.
16.Tyurina O.G., Nekrasova M.A. Environmental monitoring and assessment of energy conservation and resource-saving in office and public building // Journal of International Scientific Publications: Ecology & Safety. 2010. – Vol. 4, Pt 2. – P. 288–306. – http://www.scientific-publications.net/download/ecology-and-safety-2010-2.html
17.Nekrasova M.A., Palagin V.S., Skorobogatov D.A., Tsvetkov A.V. GPM in the year of ecology // Oil & Gas Field engineering. Special issue N 4: results. 2012. – P. 36–41.
18.Nekrasova M.A. Green project management of green building in the Arctic // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, Ser. Ecology and life safety. –M., 2014. – N 3. – P. 10–17.
19.Gaykalova A.V., Nekrasova M.A. Application of the theory of graphs in management of ecological projects of land-use // Journal of International Scientific Publications: Ecology & Safety. 2010. – Vol. 4. pt 2. – P. 228–238. – http://www.scientific-publications.net/download/ecology-and-safety-2010-2.html
20.Светлаков В.И., Скаредов Г.И. Основные факторы и показатели, определяющие инвестиционную привлекательность проекта застройки. Теория и практика управления городом Москвой: состояние и перспективы развития. – М.: МГУУ Правительства Москвы, 2010. – С. 168–177.
21.Элдред Г.У. Недвижимость 101.- Днепропетровск: Баланс бизнес букс 2007.
22.Севостьянов А.В. Экономическая оценка земель городских поселений в рыночных условиях (теория, методика, практика) – Диссертация на соискание учёной степени доктора экономических наук. – М.: Государственный университет по землеустройству, 2003.

Новикова Ж.С.
к.э.н., доцент Университета управления «ТИСБИ»

ПРОГНОЗ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Ключевые слова: *региональная экономика, предприятия региона, конкурентоспособность, инновационная сфера, технологические трансферты.*
Keywords*: regional economy, regional enterprises, competitiveness, innovation, technological transfers.*

Во многом успехи в развитии индустриального сектора экономики Республики Татарстан в период до 2020 г. и на перспективу до 2030 г. будут зависеть от правильной реализации кластерного подхода, который в условиях рынка, в противовес отраслевому подходу, фокусируется на усилении конкуренции. Наибольший эффект могут дать два промышленных кластера, формируемые в инновационной сфере на базе предприятий автомобильного и нефтепромышленного комплексов с созданием при них сети самостоятельных малых инновационных предприятий. В такой инновационно-промышленный кластер могут быть включены вузы технического профиля, различные отраслевые НИИ и КБ, инжиниринговые, консалтинговые и финансовые структуры, а также организации, занимающиеся коммерциализацией интеллектуальной собственности и сбытом инновационной продукции научно-технического назначения. Все они вместе в рамках этих двух кластеров могут эффективно использовать имеющуюся и создаваемую в республике инфраструктуру и сложившиеся хозяйственные связи для продвижения не только высокотехнологичной, наукоемкой продукции, но также и различных патентов, лицензий, «ноу-хау» на российский и мировой рынки. Практически все они имеют значительные объемы экспорта своей продукции за рубеж, располагают большим числом самостоятельных крупных, средних и малых предприятий, имеющих кооперационные связи в процессе производства профильной продукции.

Инновационное направление развития промышленности Республики Татарстан на основе высокотехнологичных производств предполагает дальнейшее формирование и развитие особой экономической зоны промышленно-производственного типа (далее – ОЭЗ) «Алабуга». Перспективы развития ОЭЗ связаны, в первую очередь, с тем, что зарегистрированные на ее территории предприятия получают ряд налоговых и таможенных льгот. Прежде всего, действует режим свободной таможенной зоны, при котором иностранное оборудование размещается и используется в пределах ОЭЗ без уплаты таможенных пошлин и НДС, а российские товары – с уплатой акциза и без уплаты вывозных таможенных пошлин. Организации-резиденты ОЭЗ будут освобождены от налога на имущество на 10 лет с момента постановки имущества на учет, от земельного налога – на 10 лет с момента возникновения права собственности на земельный участок. Кроме того, в республике для резидентов ОЭЗ предусмотрены специальные льготы – ставка налога на прибыль организации в размере 13,5% (вместо установленных 17,5%) в части налога, зачисляемого в бюджет Республики Татарстан, и полное освобождение от уплаты транспортного налога, подлежащего зачислению в ее бюджет. Также в отношении резидентов ОЭЗ не действует общее ограничение по переносу убытков, полученных в предыдущем налоговом периоде, согласно которому все организации могут направить на погашение убытка прошлых лет не более 50% прибыли текущего года.

Согласно предварительным расчетам, к 2017 г. объем привлеченных инвестиций резидентами ОЭЗ «Алабуга» составит более 13,0 млрд. рублей, будет создано более 8000 новых рабочих мест. Начиная с 2017 г. объемы реализации товаров и услуг составят свыше 39 млрд. рублей в год, налоговые поступления в различные уровни бюджетов – свыше 4,5 млрд. рублей в год. На территории ОЭЗ «Алабуга» запланировано размещение ряда высокотехнологичных производств. Во-первых, создаются уникальные условия для создания импортозамещающих производств по переработке пластмасс в готовые товары. Во-вторых, очень выгодно использовать ОЭЗ «Алабуга» для размещения производств автокомплектующих. Есть существенный потенциал и для других отраслей промышленности – машиностроения, электроники, деревообработки.

В рамках реализации Программы на территории Республики Татарстан предполагается формирование новых транснациональных компаний, а также активное участие предприятий в действующих международных корпорациях в сфере нефтехимической промышленности, автомобилестроения и авиастроения. Это позволит обеспечить внедрение современных технологий и активно конкурировать на мировых рынках по важнейшим видам высокотехнологичной продукции. Прогнозируемые структурные изменения в промышленности Республики Татарстан, представленные выше, а также формирование промышленных кластеров и особой экономической зоны, несомненно, должны привести и к определенным сдвигам в размещении промышленного производства на территории республики.

Развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК) Республики Татарстан в перспективе до 2020–2030 гг. будет определяться двумя факторам. Во-первых, ожидаемым истощением запасов и снижением добычи нефти до 23–26 млн. тонн в 2030 г. против 31,3 млн. тонн в 2006 году (при максимальном уровне нефтедобычи в 2009–2010 гг. по-

рядка 32–33 млн. тонн). Во-вторых, ожидаемым приростом электроэнергетических мощностей в республике за счет достройки Нижнекамской ГЭС и реконструкции всего регионального электроэнергетического хозяйства (всего намечается осуществить в этой отрасли 34 проекта общей стоимостью 17,4 млрд. рублей). В топливной отрасли наиболее крупным и значимым явится проект создания единого нефтеперерабатывающего комплекса Республики Татарстан со сметной стоимостью 48,9 млрд. рублей. Это, в свою очередь, позволит реализовать ряд проектов в нефтехимической отрасли общей стоимостью свыше 67 млрд. рублей, включая строительство новых производств, модернизацию и техническое перевооружение действующих.

Перспективное развитие машиностроительного комплекса Республики Татарстан по инновационному сценарию связано с успешным развитием его ведущих отраслей – авиастроения, автомобилестроения, судостроения и приборостроения. Перспективное развитие авиастроительной промышленности Республики Татарстан, основными предприятиями которой являются Казанское авиационное производственное объединение (ОАО «КАПО им. С.П. Горбунова»), Казанский вертолетный завод (ОАО «КВЗ») и Казанское моторостроительное производственное объединение (ОАО «КМПО»), тесно связано с реализацией соответствующей федеральной программы. Согласно инновационному сценарию развития предприятия авиапрома республики должны активно участвовать (на основе тесных кооперационных связей) в работе холдинга «Вертолеты России», Объединенной авиационной корпорации (ОАК), а также формируемого крупного российского холдинга двигателестроения. При этом выпуск продукции в отрасли за период 2016–2030 гг. может вырасти в 7,3 раза, а Республика Татарстан получить прекрасную возможность выхода на отечественный и зарубежный рынки с конкурентоспособной авиационной техникой, включая авиационные двигатели нового поколения как гражданского, так и военного назначения.

Перспективы развития автомобилестроения Республики Татарстан самым тесным образом связаны с дальнейшим развитием ОАО «КАМАЗ» и ОАО «Северсталь-авто». Основными направлениями развития автомобильной промышленности Татарстана на перспективу являются: реформирование существующих автомобильных комплексов путем разделения их на отдельные виды производств с сохранением технологической специализации по изготовлению агрегатов, узлов, деталей, технологической оснастки и заготовок и расширением кооперационных связей; организация широкопрофильных корпоративных холдинговых структур и ассоциаций с целью концентрации производственных, финансовых, кадровых и интеллектуальных ресурсов, а также диверсификации производства. Создание сборочных производств с участием ведущих автомобилестроительных компаний мира позволит обеспечить применение передовых технологий производства автомобилей и сокращение технологического отставания российского автопрома при минимальных инвестиционных затратах. Это, в конечном итоге, позволит организовать выпуск конкурентоспособных автомобилей для внутреннего и внешнего рынков. Согласно прогнозу, количество выпускаемых в Республике Татарстан автомобилей к 2030 г. должно составить 103,3 тыс. штук, что почти в 2 раза больше показателя 2015 года (53,3 тыс. штук).

Помимо этого в перспективе предусматривается освоение выпуска современных отечественных автомобильных компонентов и материалов на республиканских заводах, что позволит постепенно перейти от сборочных производств на основе импортных комплектующих к созданию в Татарстане полного цикла производства легковых автомобилей. Все это должно явиться основой для завершения формирования полноценного автомобилестроительного кластера.

Перспективное развитие судостроения в Республике Татарстан, базирующегося на единственном предприятии – ОАО «Зеленодольский завод им. А.М. Горького», являющемся одним из ведущих судостроительных предприятий России, связывается с конверсией производства, направленной на увеличение доли продукции (судов) гражданского назначения (в настоящее время по гособоронзаказу выпускается порядка 90% его продукции). К тому же на сегодня данное предприятие не включено в состав Объединенной судостроительной корпорации (ОСК) России, которая должна явиться основным получателем и, соответственно, распределителем между производителями крупных государственных и частных заказов. Поэтому программная цель стратегического развития ОАО «Зеленодольский завод им. А.М. Горького», состоящая в создании на его базе новой, конкурентоспособной производственной структуры, выпускающей высококачественную продукцию на основе инноваций и тесной интеграции с наукой, может быть достигнута лишь после положительного решения вопроса о включении его в состав ОСК России. В противном случае никаких перспектив, кроме возможного перепрофилирования производства, у данного предприятия просто нет. Отрасль приборостроения машиностроительного комплекса Республики Татарстан, базирующаяся на работе около десятка крупных и известных не только в стране, но и за ее пределами приборостроительных предприятий (ОАО «Завод Элекон», ОАО «Радиоприбор», ОАО «Электроприбор», ОАО «Казанский оптико-механический завод»), также имеющая значительную долю продукции военно-технического назначения, стратегическую перспективу развития на период 2020–2030 гг. связывает, как и судостроение, с усилением процесса конверсии производства и выпуском продукции гражданского назначения. Но для этого необходимо в полном объеме задействовать имеющиеся в отрасли инновационно-технологические факторы. При этом экспорт продукции этих предприятий может быть увеличен в перспективе на 1 млрд. долларов США.

Перспективное развитие промышленности строительных материалов Республики Татарстан на период до 2030 г. предусматривает последовательное осуществление инновационного совершенствования оборудования и технологических процессов в отрасли с внедрением на предприятиях компьютеризированного производства и выпуском в итоге продукции, по качеству и технико-экономическим показателям не уступающей передовым технически развитым странам мира. Согласно инновационному сценарию развития отрасли к 2030 г. она должна обеспечить выпускаемой продукцией строительство жилья в республике общей площадью 5,4 млн. кв. метров. Для реализации этой цели на строительство новых объектов, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение предприятий отрасли в период 2015–2030 гг. прогнозируется привлечь из различных источников средства на общую сумму 21 273 млн. рублей, в том

числе: из бюджетов разных уровней – 1637 млн. рублей (9%), из внебюджетных источников – 19 346 млн. рублей (91%). За счет этих средств в отрасли намечается реализация 42 проектов, из которых наиболее инновационным и капиталоемким является проект технического перевооружения предприятий с внедрением компьютеризированного производства (2016–2030 гг.) с объемом финансирования 8100 млн. рублей, или 38% от общего объема финансирования отрасли в целом.

В настоящее время республика свои усилия направляет на развитие Закамской зоны республики, связанной с Нижнекамским нефтехимическим промышленным округом и ОЭЗ «Алабуга», на территориях которых проживает более 1100 тыс. человек. Это города Набережные Челны, Нижнекамск, Заинск, Мензелинск, Менделеевск, Елабуга. Для строительства и обеспечения бесперебойной работы производственных объектов-резидентов требуется ускоренное развитие транспортной инфраструктуры, в составе которой автомобильные дороги, железнодорожные пути общего и необщего пользования, портовые сооружения внутренних водных путей. В полном объеме транспортная инфраструктура сдана в эксплуатацию в 2007–2008 годах.

Перспективы развития Нижнекамского промышленного округа и ОЭЗ «Алабуга» масштабны и требуют, кроме развития транспортной инфраструктуры, создания на их территории мультимодального логистического центра. К приоритетным проектам развития транспортного комплекса республики относятся:

– создание и развитие транспортной инфраструктуры Нижнекамского промышленного округа и ОЭЗ «Алабуга» и создание в этом районе регионального мультимодального транспортно-логистического центра;

– развитие Казанского транспортного узла, связующим звеном которого являются Свияжский и Лаишевский транспортно-логистические центры;

– реконструкция железнодорожного участка Агрыз – Алнаши, где необходимо выполнить строительство вторых путей и электрификацию участка.

В транспортно-дорожном комплексе республики приоритетными проектами являются:

– реконструкция федеральной автомобильной автодороги М-7 «Волга» на территории Республики Татарстан;

– завершение строительства второй очереди мостового перехода через реку Каму на автодороге Казань – Оренбург;

– строительство спрямляющих платных автомобильных дорог Сорочьи Горы-Шали и Алексеевское – Альметьевск.

В области воздушного транспорта:

– модернизация трех основных аэропортов – Казань, Бегишево, Бугульма;

– обновление парка воздушных судов современными пассажирскими лайнерами российского производства;

– возобновление функционирования малой авиации на базе приобретения новых воздушных судов различного назначения;

– оснащение внутреннего водного транспорта современными судами различного назначения.

При совместных усилиях Министерства транспорта Российской Федерации и Правительства Республики Татарстан указанные проекты должны перейти в плоскость практической реализации.

Достижение указанных целей может быть обеспечено с большей эффективностью при условии реализации представленных в настоящем исследовании инструментов и механизмов, направленных на стимулирование деятельности предприятий реального сектора на основе технологических трансфертов.

Прогнозирование результатов внедрения предложенных методов и инструментов управления конкурентоспособностью локальных организаций, повышение которой достигается на основе внедрения трансфертных технологий, было проведено в рамках трех базовых сценариев развития Республики Татарстан:

1) инерционного, предполагающего сохранение действующих тенденций развития региона при отсутствии существенных изменений в управлении повышением конкурентоспособности локальных предприятий;

2) инновационного, предполагающего формирование региональной системы стимулирования развития локальных организаций на основе собственных исследований и разработок;

3) инновационно-трансфертного, предполагающего формирование региональной системы стимулирования развития локальных организаций как на основе собственных исследований и разработок, так и с использованием внутренних и международных технологических трансфертов различного типа.

Целевым показателем прогнозирования регионального развития в разрезе указанных сценариев являлись бюджетные поступления регионального бюджета по налогу на прибыль крупных и средних организаций. Реализация сценария инновационного развития с использованием трансфертных технологий позволит получить дополнительные доходы бюджета в размере, на 2925,196 млн. руб. превышающем доходы бюджета по данному налогу, который республика может получить при реализации инновационного сценария.

Таким образом, реализация системных технологических трансфертов в регионе с целью повышения эффективности деятельности локальных организаций позволяет обеспечить рост показателей его экономического развития.

Список литературы

1. Постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 26.09.2015 № 711.
2. Программа «Развитие и размещение производительных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода до 2020 года и на период до 2030 года».
3. http://docs.cntd.ru/document/917031224?block=5

Обедков А.П.
к. геогр.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления

ЭВОЛЮЦИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ: ОТ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ ГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: *городская территория, городская политика, городское развитие, городское управление, градостроительное проектирование, градостроительная политика, генеральный план города, стратегическое планирование.*

Keywords: *the urban area, urban policy, urban development, urban management, urban development policy, the General plan of the city, strategic planning.*

Важнейшим результатом модернизации советской экономики явился переход к индустриальному обществу, определивший ведущий вектор социально-экономического развития страны во второй половине XX века. Побочным продуктом индустриализации экономики страны и вовлечения в народнохозяйственный оборот природных ресурсов и территорий районов нового освоения явилась активизация урбанизационных процессов. Их внешним проявлением стал динамичный и устойчивый рост числа городских населённых пунктов, городских агломераций и численности городского населения, который значительно опережал темпы роста объёмов городского жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства. Хроническое отставание социальной сферы городов не позволило в должной мере удовлетворить насущные потребности горожан и сформировать для них гармоничную городскую среду.

Развитие городов и городских агломераций сопровождалось концентрацией производства и населения в пределах сравнительно небольших урбанизированных территорий. Это привело к обострению экономических, социальных, инфраструктурных и экологических проблем городских территорий. Одновременно с этим возникла необходимость регламентации плотности городской застройки и комплексного социально-экономического развития городов.

Постоянное усложнение городских проблем требовало непрерывного совершенствования системы городского управления и регулирования развития городского расселения в рамках экистической, градостроительной и городской политики. Город стал рассматриваться как сложная территориальная социально-экономическая система, требующая согласованного развития всех её элементов с целью удовлетворения основных потребностей горожан в работе и жилье, в здоровой и безопасной среде проживания, в физическом и духовном развитии. При этом пришло осознание ограниченности прогнозных возможностей градостроительных концепций и документов градостроительного проектирования и необходимости перехода к комплексному социально-экономическому планированию городского развития.

Становление градостроительного проектирования в дореволюционный период

Эволюция планирования городского развития опирается на историю градостроительного проектирования, основанную на сменяющих друг друга градостроительных концепциях и моделях, нормах и принципах проектирования застройки городов. В России накоплен более чем 250-летний опыт разработки и реализации планировочных документов, направленных на регулирование градостроительной деятельности и стратегическое планирование городских территорий. Правовые основы развития городов и городского управления оказались в центре пристального внимания Российского государства во второй половине XVIII века в годы правления Екатерины II, когда в результате роста городской сети и существенного усложнения проблем городской жизни возникла необходимость выделения города в особую административно-хозяйственную единицу и самостоятельный объект управления, требующий юридического обособления и специального управления.

Начало процессу государственного регулирования планировкой городов и их архитектурой было положено сенатским указом от 25 июля 1763 г. «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо». Этим указом были закреплены законодательные нормы составления и утверждения городских планов, позволившие реализовать на практике принцип территориального планирования использования и охраны городских земель. Важное значение для поземельного устройства городов имели также межевые инструкции по территориальному землеустройству, последовательно утверждённые в 1754–1766 гг. Ими были заложены правовые основы генерального межевания всех земель Российской империи, включая городские территории. При этом за городами юридически закреплялись земли, обозначенные на конфирмированном плане города или фактически используемые под городскую застройку[1].

[1] Обедков А.П. Этапы и особенности формирования градостроительной среды в проектах планировки и генеральных планах развития города Сыктывкара // Вопросы сервиса и экономики. – Сыктывкар, 2014. – № 6. – С. 94.

В развитие основных требований сенатского указа от 25 июля 1763 г. пунктом 1 («О устроении по утверждённому городовому плану») Городового положения предписывалось «Город строить по утверждённому плану за подписанием руки её императорского Величества». Жалованной грамотой были урегулированы основные вопросы поземельного устройства российских городов, связанные с внутригородским разграничением собственности на землю и формированием частного земельного фонда, учётом и описанием земельных участков и иного недвижимого имущества в пределах городов, использованием и охраной выгонных (запланных) земель.

В первой половине XIX века был издан ряд законодательных актов, направленных как на правовое решение общих вопросов управления различными сферами городской жизни, так и на реализацию конкретных вопросов социально-экономического развития и функционирования отдельных городов. Со временем эти разрозненные законодательные акты были объединены по отраслям и включены в соответствующие разделы «Свода Законов Российской Империи». Многолетняя работа по совершенствованию городского законодательства завершилась подготовкой новой редакции Городового положения. Намеченная ею городская реформа предусматривала существенное повышение роли городского общественного управления, к ведению которого были отнесены все вопросы городского хозяйства и внешнего благоустройства в пределах города и отведённых ему земель.

Издание нового Городового положения, которое было включено в «Свод Законов Российской Империи», обозначило новый этап в правовом регулировании вопросов городского управления. С этого времени и до 1917 г. регулирование вопросов городского развития опиралось на достаточно обширную законодательную базу. Она включала в себя соответствующие правовые нормы, которые содержались в различных частях «Свода Законов Российской Империи», в некоторых иных нормативных актах и обязательных постановлениях городских дум. С изданием городскими думами обязательных постановлений в дореволюционной России оформились и стали функционировать два основных уровня системы нормативного регулирования вопросов городского управления – государственное и общественное. При этом государственное управление представляло собой общее законодательное регулирование развития городов в масштабе всей империи, а общественное управление – локальное регулирование на уровне конкретного города, которое обеспечивалось правовыми актами городских органов общественного управления.

В 1892 г. было издано новое Городовое положение. В нём были учтёны отечественный опыт городского развития и тенденции городского управления второй половины XIX века, повысилась законодательная ответственность об использовании и застройке городских земель в строгом соответствии с утверждёнными городскими планами. В конце XIX – начале XX века требования законодательства в области городского планирования и градостроительства стали отличаться более детальной регламентацией вопросов поквартальной застройки и функционального зонирования городских территорий. Этими правовыми актами были заложены законодательные нормы составления и утверждения городских планов, позволившие реализовать на практике принцип территориального планирования использования городских земель. Таким образом, к началу XX века города Российской империи были обеспечены достаточно развитой правовой базой для регулирования основных вопросов городского управления и территориального планирования.

Советское градостроительное проектирование и его наследие

Вопросам планирования городского развития уделялось большое внимание в советский период. Возникновение новых и бурный рост старых городов в ходе набиравшего силу процесса индустриализации вызвали широкий общественный интерес к проблемам городского развития. Становление индустриального общества и углубление урбанизационных процессов стимулировали научную дискуссию архитекторов, градостроителей, экономико-географов и экономистов о путях развития социалистического города и необходимости разработки новых методов и подходов к градостроительному проектированию в рамках нарождавшегося движения общественной мысли, получившего название «урбанизм».

В конце 1920–1930-х гг. были начаты масштабные работы в области градостроительства, градостроительного проектирования и территориального планирования, которые способствовали совершенствованию структуры городского расселения страны на основе сочетания архитектурно-планировочных подходов и инженерных решений. В эти годы были созданы первые отечественные проектные институты архитектурно-градостроительного профиля (Гипрогор, Гипроград, ЦНИИПГрадостроительства), в которых были разработаны новые нормы и принципы планирования городской застройки. В основе разработанных в эти годы принципов городского планирования лежали государственная собственность на землю; право обязательной покупки городских земель по единым установленным по всей стране ценам; отвод городских земель для нужд градостроительства на основе технических норм; опора на стандартизацию и государственный контроль в градостроительной деятельности; государственное финансирование строительства и эксплуатации объектов городской инженерной инфраструктуры, социально-культурного и бытового обслуживания. Данные принципы легли в основу разработанной в конце 1930-х гг. социалистической доктрины градостроительства, которая рассматривала город как единый централизованный населённый пункт с монофункциональной структурой зонирования, со стандартным набором элементов социальной инфраструктуры и строго контролируемой плотностью населения в жилых кварталах.

Послевоенные десятилетия прошли под знаком динамичного развития и широкого распространения работ по градостроительному проектированию и территориальному планированию, которые охватили практически всю территорию страны. В эти годы ведущей областью градостроительного проектирования и территориального планирования стала геопланировка, представляющая собой теорию и практику рациональной организации проектируемых территорий и размещения в их пределах производственных предприятий, объектов производственной и социальной инфраструктуры, коммуникаций и мест расселения с комплексным учётом географических и инженерно-строительных ус-

ловий, архитектурно-градостроительных и экономических факторов. Значение геопланировки существенно возросло при решении практических задач, связанных с использованием природно-ресурсного потенциала территории и обоснованием стратегических направлений развития расселения как основы экистической и градостроительной политики.

В советский период для подавляющего большинства городов были разработаны проекты планировки и генеральные планы, что позволило обеспечить их долгосрочное развитие и целенаправленное формирование городских агломераций в желательном для экономики и общества направлении. В ходе их реализации был сформулирован ряд важнейших идей, концепций и принципов в области градостроительства, районной планировки, городского расселения и геоурбанистики, связанных с использованием существующих поселений и созданием групповых форм населённых мест, регулированием процессов урбанизации и роста городских агломераций, прогнозированием динамики городского населения и методикой комплексной районной планировки территории. Большое значение для развития отечественной теории и практики градостроительного проектирования и территориального планирования имели разработанные в послевоенный период концепции единой системы расселения и опорного каркаса расселения.

Научный интерес к сложным и многоаспектным проблемам урбанизации определил разнообразие подходов к их изучению и управлению развитием городских систем расселения. Одним из актуальных направлений урбанистических исследований в это время стал вопрос о путях и перспективах дальнейшего развития урбанизации. Многочисленные предположения и прогнозы развития урбанизации сводились к двум противоположным точкам зрения. Большинство урбанистов считало, что в перспективе должно произойти территориальное расширение процесса урбанизации и его переход на качественно новый уровень, ориентированный на постепенное слияние города и села в ходе урбанизации сельской местности и широкого распространения городских стандартов и образа жизни. Между тем сторонники другой точки зрения предполагали, что процесс урбанизации должен завершиться деконцентрацией и дезурбанизацией.

В 1970-е – 1980-е гг. одним из основных объектов градостроительного проектирования стали городские агломерации, являющиеся закономерным результатом формирования городского расселения и одной из высших стадий его развития. В это время агломерационный подход стал играть ведущую роль в градостроительной практике как важнейший инструмент регулирования роста больших городов и систем городского расселения. Исследование городских агломераций велось по многим направлениям и разным методикам в нескольких научно-исследовательских и проектных институтах градостроительного, географического и экономического профиля. В эти годы в градостроительном проектировании и урбанистике началось оформление урбоэкологического направления, выдвинувшего экологический императив в исследовании городских проблем. С этого времени урбоэкология (экология города) становится одним из ключевых элементов развиваемой в последние десятилетия концепции устойчивого развития города.

К моменту распада СССР была создана стройная система проектных документов стратегического территориального планирования городов со сложившейся структурой процедур их разработки. Важнейшими среди этих документов были генеральные планы городов, которым отводилась ключевая роль в планировании городского развития. Генеральные планы городов и проекты их детальной планировки представляли собой предпроектные разработки в разрезе городов и низовых административно-территориальных единиц, промышленных узлов и промышленных центров. Их разработку вели организации Госстроя СССР и другие авторитетные проектные организации, расположенные преимущественно в Москве (ЦНИИПГрадостроительства, МосГипрогор) и Ленинграде (ЛенНИИПградостроительства, Ленгипрогор, ЛенПромСтройПроект, ЛенЗНИИЭП). Их успешно дополняли многочисленные институты гражданского проектирования (Гражданпроект), которые функционировали в подавляющем большинстве российских регионов[1].

Между тем в последние десятилетия существования СССР возникло понимание того, что генеральные планы городов стали утрачивать свою практическое значение и жизнеспособность вследствие недостаточной увязки градостроительных целей с задачами комплексного развития производства и расселения, а также отсутствия надёжных механизмов долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития городов. При этом система централизованного планирования оставляла мало возможностей для корректировки генеральных планов городов с учётом экономической и социальной динамики развития городских территорий. Ограниченность прогнозных возможностей генеральных планов городов, опирающихся на градостроительные концепции и проекты планировки и застройки населённых мест, которые не дают обоснованное видение перспектив изменения масштабов и трансформации структуры производства и расселения, обусловила необходимость перехода к разработке комплексных планов экономического и социального развития городов как стратегических документов социально-экономического планирования городского развития.

Современный этап планирования городского развития и система документов муниципального территориального планирования

С распадом СССР перестала существовать единая система территориальной организации государства, территориального планирования и градостроительного проектирования. Однако уже 14 июля 1992 г. был принят Федеральный закон № 3295-1 «Об основах градостроительства в Российской Федерации», заложивший основы новой градостроительной политики в условиях рыночной экономики как важного направления социальной политики государства. Среди её основных положений следует отметить приоритет экологических требований; необходимость опоры на сло-

[1] Чистобаев А.И., Красовская О.В., Скатерщиков С.В. Территориальное планирование на уровне субъектов России: Монография. – СПб.: СПбГУ, НПИ «ЭНКО», ИД «Инкери», 2010. – С. 9.

жившиеся системы расселения населения и всемерное использование их потенциала; долгосрочный характер и перспективная направленность; ориентация на устойчивое развитие городских территорий в интересах будущих поколений; учёт местных особенностей.

Принятие и утверждение в декабре 2004 г. Градостроительного кодекса Российской Федерации положило начало масштабным работам в области разработки проектов территориального планирования и градостроительного проектирования в новых условиях хозяйствования и управления. В числе основных документов муниципального территориального планирования названы схемы территориального планирования муниципальных районов, генеральные планы городских округов и генеральные планы поселений.

Средствами реализации градостроительной политики является система градостроительных документов разных видов и таксономических уровней. В Российской Федерации предусмотрены подготовка и реализация следующих градостроительных документов:

- Генеральная схема расселения, природопользования и территориальной организации производительных сил РФ;
- Схема расселения, природопользования и территориальной организации производительных сил регионов – субъектов РФ;
- Схемы и проекты районной планировки административно-территориальных образований;
- Генеральные планы городских округов и генеральные планы поселений;
- Проекты городской и поселковой административной черты;
- Генеральные планы территорий сельских поселений, а также селитебных, рекреационных и других функциональных зон;
- Территориальные комплексные схемы охраны природы и природопользования, зон интенсивного хозяйственного освоения и уникального природного значения;
- Проекты детальной планировки общественного центра, жилых районов, магистралей городов;
- Проекты застройки кварталов и участков городов и других поселений.

Среди основных градостроительных документов особое значение имеет Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации, разработанная в 1993 г. Государственным институтом проектирования городов (Гипрогор). После прохождения соответствующей экспертизы в 1994 г. этот концептуальный документ развития расселения на территории страны был одобрен Правительством Российской Федерации. Основные разделы Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации посвящены рассмотрению особенностей жизненного пространства и инфраструктурного обустройства территории, проблемам сложившегося расселения и основным направлениям его развития[1]. В этом стратегическом документе были сформулированы основные положения государственной градостроительной политики, направленной на дальнейшее совершенствование расселенческого пространства страны и градостроительного (городского) развития с учётом территориально-планировочных, экологических, правовых и социально-экономических аспектов. В Генеральной схеме расселения были разработаны и получили проектное решение стратегические проблемы расселения и узловые вопросы городского развития. Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации была призвана стать основой и регулятором взаимодействия федеральных органов государственной власти, местных органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по обеспечению их взаимодействия в области совершенствования расселения на различных таксономических уровнях функционирования систем поселений.

В новых условиях существенно изменился характер документов муниципального территориального планирования и особенно генеральных планов городских округов и генеральных планов поселений. Современный генеральный план – основной вид градостроительной документации о планировании развития территории города, отражающий градостроительную стратегию и условия формирования среды его жизнедеятельности. Он может быть преобразован в качественно новый тип проектов открытого, перманентного и стратегического типа. Появление новой системы документов территориального планирования, обозначенной в Градостроительном кодексе Российской Федерации, потребовало совершенствования работы созданных в советское время проектных институтов градостроительного и урбанистического профиля, а также появления новых научно-исследовательских институтов проектирования комплексного городского развития.

Как и в советское время, профильные учреждения и организации градостроительного проектирования концентрируются главным образом в Москве и Санкт-Петербурге. Самые известные среди них – ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор» (ОАО «Гипрогор», г. Москва), ОАО «Российский научно-исследовательский и проектный институт Урбанистики (ОАО «РосНИПИУрбанистики», г. Санкт-Петербург), ОАО «Научно-исследовательский и проектный институт по разработке генеральных планов и проектов застройки городов» (ОАО «НИИПГрадостроительства»), ЗАО «Санкт-Петербургский научно-исследовательский и проектный институт градостроительного проектирования» (ЗАО «Петербургский НИПИград»), Санкт-Петербургское государственное казённое учреждение «Научно-исследовательский и проектный центр Генерального плана Санкт-Петербурга», Научно-проектный институт пространственного планирования «ЭНКО» (НПИ «ЭНКО», г. Санкт-Петербург), «Институт комплексного развития территорий» (г. Москва). В условиях возросших масштабов проектных работ по градостроительному проектированию значительно активизировались территориальные подразделения проектных институтов, работающие под эгидой ОАО «Гражданпроект» и ОАО «Промстройпроект». При этом в постсоветский период в

[1] Лаппо Г.М. География городов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – С. 466.

большинстве региональных центров субъектов РФ появились многочисленные организации, специализирующиеся на выполнении весьма востребованных на практике работ в области градостроительного проектирования.

Современные проблемы развития городской политики и стратегического планирования городских территорий в России

Переход от централизованного народнохозяйственного планирования к рыночной модели экономики вызвал объективную необходимость активизации научных исследований в области создания научных основ экистической, градостроительной и городской политики, стратегического планирования комплексного социально-экономического развития городов и разработки новых методологических подходов, позволяющих рассматривать города и системы городского расселения как саморазвивающиеся территориальные социально-экономические системы. Важный вклад в создание научных основ городского управления в нашей стране вносят научные разработки по методологии и процедурам подготовки и реализации стратегических программ развития крупнейших и крупных городов, в которых рассматриваются основные типы управленческих задач при обосновании стратегии развития города и создании механизмов её реализации, а также вопросы взаимодействия градостроительного проектирования и прогнозирования с территориальным и стратегическим планированием социально-экономического развития городов.

Развитие местного самоуправления и разделение полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти и управления создали необходимые предпосылки для выделения задачи регулирования городских проблем из сферы государственной и региональной политики в особую городскую политику, направленную на обоснование путей решения проблем городов с учётом объективных закономерностей их развития и саморазвития, создание в них подлинной городской среды и дальнейшее повышение роли городов в территориальной организации жизни общества. Городская политика отличается своей сущностью и спецификой, целевыми установками и задачами, принципами формирования и проведения, характером воздействия и механизмом реализации. Её главной целью должно стать формирование новых механизмов и систем воздействия, способных адекватно и своевременно отвечать на вызовы времени и вновь возникающие запросы горожан. Необходимым условием проведения эффективной городской политики становится согласование локальных, региональных и государственных интересов. При этом реализация городской политики должна способствовать обеспечению рационального использования и сочетания потенциала городов различных групп, классов и типов, формированию в них благоприятной среды обитания и экологического благополучия, условий и качества жизни городского населения.

Организационной основой механизма проведения городской политики выступают органы местного самоуправления, которые в соответствии с федеральными и региональными законами выполняют регулирующие функции и несут ответственность за проведение местной социально-экономической политики, являющейся главным звеном городской политики. В настоящее время городская политика представляет собой формирующийся предмет деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, который пока не получил в России адекватного законодательного оформления. В связи с этим возникает необходимость детального анализа и учёта общемировых тенденций городского развития и зарубежного опыта проведения городской политики, а также общероссийских нормативно-правовых документов, наметивших правовые ориентиры формирования городской политики.

Эффективная городская политика не может проводиться усилиями только органов государственного и муниципального управления. В условиях формирования и проведения активной городской политики круг субъектов (акторов) её осуществления существенно расширился и включает в себя органы власти и государственного управления федерального и регионального уровней; органы местного самоуправления; региональные, межрегиональные и всероссийские добровольные объединения муниципальных образований и городов; всероссийские и межрегиональные городские ассоциации и союзы; бизнес (предприятия и корпорации); политические движения и партии; общественные организации; профессионалов (учёных и специалистов) в области градоведения и городского управления; городских жителей.

В постсоветский период на федеральном уровне начинает разворачиваться практика прямой городской политики, обозначившая государственные интересы и приоритеты, цели и задачи развития городов и их территориальных систем. Она связана с принятием и реализацией ряда федеральных целевых программ, направленных на решение актуальных городских проблем на этапе трансформационного перехода. В качестве первоочередных объектов программно-ориентированной и дифференцированной городской политики рассматриваются моногорода, малые, средние и большие города, старые и исторические города, столичные города и городские агломерации.

Между тем в настоящее время городская политика имеет преимущественно косвенный характер. Косвенная городская политика является результатом осуществления секторальных, частных и смежных направлений и видов городской политики, которые обеспечивают синергетический эффект от их реализации. Она представляет собой взаимосвязанные виды целенаправленной институционально и законодательно оформленной деятельности, направленной на решение возникающих городских проблем, достижение сбалансированного развития территориальных систем городов, создание наиболее благоприятных условий для обустройства и жизни горожан.

В последнее время власть и общество приходят к осознанию необходимости широкого внедрения в практику стратегического планирования комплексного социально-экономического развития городов. Необходимость применения стратегических инструментов планирования социально-экономического развития городов была вызвана невозможностью решить в краткосрочной и среднесрочной перспективе сложные городские проблемы долгосрочного характера, а также сделать более предсказуемыми возможные риски предпринимательской деятельности. Инструменты стратегического планирования первоначально были разработаны применительно к бизнесу и служили для оценки ор-

ганизациями своих возможностей и угроз, выявления слабых и сильных сторон. При этом основные идеи, подходы и принципы стратегического социально-экономического планирования городов начали использоваться в ведущих западных странах с 80-х гг. XX века. Для понимания эффективности городского развития важное значение имеет разработанный в эти годы сбалансированный подход, который получил развитие в сбалансированной системе финансовых и нефинансовых показателей. Данная система показателей выступает в качестве инструмента для перевода стратегии городского развития в исчерпывающий набор показателей и представляет основу системы стратегического управления развитием города.

В условиях коренных социально-экономических преобразований, предполагающих адаптацию структуры городов к требованиям рыночной экономики, стратегическое планирование социально-экономического развития городов выступает как средство объединения усилий частного и общественного секторов экономики в консолидации усилий городской администрации и органов местного самоуправления в решении проблем трансформации городского хозяйства и занятости населения, эффективности использования городского пространства и других перспективных целей развития города. В ходе рассмотрения вопросов стратегического планирования социально-экономического развития городов особое значение приобретают вопросы методологии комплексного анализа развития города, определения и методики разработки целей городского развития, обоснования миссии и стратегического выбора города, использования методов проведения комплексного социально-экономического анализа развития города и механизмов реализации концепции стратегического плана. Важнейшим документом, задающим основные параметры стратегического городского развития, является концепция стратегического комплексного социально-экономического развития города. Она представляет собой прогнозно-аналитический документ, в котором раскрывается система представлений о стратегических целях, приоритетах городского развития и основных положениях городской политики.

Логика разработки и реализации стратегических планов социально-экономического развития городов должна включать ряд последовательных этапов. На первом этапе осуществляется комплексный анализ предпосылок и факторов развития города, охватывающий анализ развития его экономики и социальной сферы, сложившейся демографической, социально-экономической и экологической ситуации, системы управления городом, а также выявление тенденций и проблем городского развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Второй этап связан с определением важнейших стратегических целей экономического, социального и инновационного развития города на перспективу. На третьем этапе обосновывается выбор стратегии развития города с учётом дальнейшего развития и совершенствования человеческого потенциала, экономики города, городской среды и системы местного самоуправления, намечаются точки и полюса роста его экономического развития, согласовываются интересы как фактор разработки и реализации стратегии развития города. На четвёртом этапе раскрываются механизм реализации стратегии развития города и основные принципы его формирования, разрабатываются программа комплексного социально-экономического развития города, государственное регулирование реализации стратегии его развития и направления муниципальной социально-экономической политики. Завершающий этап связан с формированием системы обеспечения механизма реализации стратегии развития города, которая включает в себя кадровое, финансовое и информационно-коммуникативное обеспечение и систему мониторинга социально-экономического развития города.

В настоящее время в России сформировалась система документов стратегического планирования на уровне муниципального образования (города), которая включает в себя 5 основных документов. В их числе – «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования», «План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования», «Прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период», «Бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период» и «Муниципальная программа». Сложившаяся иерархия документов планирования в муниципальном (городском) управлении включает в себя следующие документы и последовательные уровни их разработки и реализации: Концепция – Стратегический план – Планы и программы развития (План действий; Финансовые планы; Планы нормотворческой деятельности) – Проекты (Планы действий по реализации проектов; Финансовые планы реализации проектов; Планы нормативного обеспечения реализации проектов) – Мониторинг и оценка реализации муниципальных программ, планов, проектов и стратегий развития. В настоящее время перед российским городами, которые осуществляют переход на путь стратегического социально-экономического планирования, возникла задача освоения инструментов мониторинга и оценки реализации стратегических планов как связующего звена между стратегическим планированием и стратегическим управлением.

Формирование механизмов городского управления в новых условиях хозяйствования должно строиться с учётом взаимодействия федерального, регионального и муниципального уровней управления. Повышение управляемости и устойчивого развития городов должно обеспечить также умелое сочетание отечественного опыта городского управления с зарубежным опытом управления городом как адаптивно-адаптирующейся системы. Особенности взаимодействия органов местного самоуправления городов и органов государственной власти с местной экономикой в новых условиях связаны с самоорганизацией экономики, дополняемой элементами государственного регулирования в форме экономической политики. Важным рыночным инструментом городского развития должен стань городской маркетинг, имеющий общие корни с предпринимательством. Его основой является целенаправленная деятельность городских властей по созданию имиджа и улучшению репутации города, направленная на повышение его конкурентоспособности.

Павлов Б.С.
д.филос.наук, в н.с. Института экономики УрО РАН,
pavlov_boris@mail.ru
Бердник Л.П.
к.соц.н., доцент ЧелГУ
soclab@econ.cgu.su
Козлов В.Н.
к.э.н., профессор ЧелГУ
soclab@econ.cgu.su
Разикова Н.И.
к.х.н., профессор УрФУ
natigraz@mail.ru

ЭКОЛОГО-ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА НА ПЕРМАНЕНТНО ЗАГРЯЗНЁННЫХ РАДИАЦИЕЙ ТЕРРИТОРИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ 1992–2014 гг.)

Ключевые слов:. *эколого-валеологическая память, общественное сознание, самочувствие, информация, слухи, общественное мнение, ВПО «Маяк», ВУТРЗ, здоровье, лучевая болезнь, стресс, адаптация, реабилитация.*

Учёт, своевременная корректировка и использование всей совокупности факторов, формирующих человеческий потенциал страны на современном, т.н. постсоциалистическом этапе развития российского общества, приобретают всё более актуальное значение для успешной реализации рыночных преобразований как в производственной, так и социально-политической сфере жизнедеятельности народа. Необходимо выявление причинно-следственных связей, детерминирующих характер и направленность развития тех или иных социально-экономических процессов, важен поиск действенных рычагов воздействия на изменение тех или иных тенденций в развитии этих процессов. Это, в свою очередь, требует преодоления своеобразного традиционного идеологического клише, «запрограммированного» в общественном сознании россиян, по поводу понимания сути и содержания процесса социального развития, переосмысления самих базовых понятий.

Реализация рыночных преобразований, отражающаяся в общественном сознании россиян, может фиксироваться замерами общественного мнения по поводу тех или иных аспектов жизнедеятельности, соответствия их реальным потребностям, интересам, ценностным ориентациям и ожиданиям различных социальных групп населения. Наиболее полную и адекватную информацию дают результаты мониторинговых опросов. Воспользуемся данными опросов Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ за период 1992–2014 гг. – табл. 1: [1].

Таблица 1

Динамика тревожности респондентов (% от числа опрошенных по каждому году)

Факторы жизненного устройства, тревожащие респондентов	Годы, месяцы опросов					
	1992, VII	1995, XI	2001, XII	2005, IX	2010, VI	2014, VI
Дороговизна жизни	–	56	66	60	51	45
Преступность	44	32	51	32	33	24
Безопасность Ваша и Ваших близких	–	–	–	33	25	23
Экологическая обстановка	22	21	33	29	32	23
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	–	–	–	46	38	38
Алкоголизм	–	–	17	20	22	21
Безработица	–	14	31	22	26	20
Наркомания	–	–	42	29	23	19

Социально-экологическую адаптацию жителей той или иной территории необходимо рассматривать как процесс активного приспособления социальной группы или индивида к изменяющейся среде с помощью различных экономических или социальных средств, в ходе которого постепенно согласуются требования и ожидания обеих сторон, обеспечивающих сам факт жизнестойкости индивида, группы, их способность к выживанию. В данной статье методологический посыл интерпретируется во взаимосвязи двух важнейших детерминант жизнеобеспечения человека – уровня его материально-экономического благополучия и состояния его здоровья.

Основным критерием завершенности процесса адаптации является характеристика внутреннего состояния адаптанта – его социальное самочувствие. Критерии социального самочувствия могут внести серьезные коррективы в представление о реальных границах адаптации субъекта, масштабах. Социальное самочувствие выступает как такое

жизненное образование, которое концентрирует ведущие элементы (доминанту) сознания и поведения человека, актуализирует их и превращает в важнейшую, а иногда и главную основу, базу общественной и личной жизни. Эмпирические показатели социального самочувствия связаны с эмоциональным и чувственным восприятием информации, что, во-первых, выражается в общественном (групповом, индивидуальном) мнении, во-вторых, в степени удовлетворенности или неудовлетворенности тем событием, явлением, процессом, с которыми сталкиваются люди в реальной жизни. В период социально-экономических или валеологических изменений социальное самочувствие становится ведущим индикатором социально-экологической адаптации.

Понятие *«эколого-валеологическое самочувствие»* отражает самочувствие городского сообщества, отдельной семьи и индивида, связанное, с одной стороны, с экологией окружающей его жизненной среды, а, с другой – с оценкой состояния своего здоровья, здоровья близких людей, городского сообщества в целом.

Технократическая парадигма мышления, свойственная XX в., настолько сильна, что выход из экологического тупика по-прежнему ищется в привычных путях: контроль за применяемыми в промышленности технологиями, принятие природоохранных законов, создание «экологически чистых» производств и т.п., иными словами, коль скоро экологический кризис порожден техническим прогрессом, то надо просто внести соответствующие коррективы в направление этого прогресса.

По разным оценкам, последствия экологических проблем обходятся поколениям стран и обществу, в целом, человечеству, дороже, чем военные конфликты. В России и других странах бывшего Союза эти потери сегодня сопоставимы со стоимостью природных ресурсов. Экологический конфликт современной экономики и политики природопользования продолжается, оборачиваясь для населения ухудшением состояния здоровья, резким снижением уровня продолжительности жизни и возникновением все новых социально уязвимых групп общества, особенно в зонах экологического бедствия. С начала реформ продолжительность жизни населения в Российской Федерации снизилась почти на 5 лет. Вместе с тем эта острейшая проблема социальной экологии еще не стала предметом общей социологии, хотя и возникла новая ветвь в социологии – *экологическая социология* и (в западном варианте) инвайронментальная социология. Но эти направления социологии не учитывают глобальные аспекты проблем и современные особенности социального развития в условиях глобального кризиса, региональных, национальных и локальных экологических кризисов и катастроф, имеющих тяжелые социальные и экономические последствия для стран и регионов [2].

Вызовы несут в себе все аспекты проблем и противоречий взаимодействия человека и общества с природой – на уровнях человека (личности, гражданина), страны (отрасли производства и структуры общества), а также в региональных и глобальных масштабах, угрожающих выживанию и устойчивому развитию цивилизации. Эти три уровня противоречий (человек-природопользователь и природа региона, общество и природа страны, человечество и природа биосферы Земли) оборачиваются трудно прогнозируемыми и даже непредсказуемыми конфликтами национального, регионального и глобального масштаба. Тем не менее, их следует изучать с помощью социологии и, тем более, социальной экологии, существующих в общей системе наук, как ноосферный феномен развития человечества. Так видел функцию наук как планетарного явления В.И. Вернадский. Иначе они не смогут адекватно выполнять свое цивилизационное предназначение в обществе. Бесспорно то, что нужна экологизация социологии и социализация экологических наук и знаний. Эти качественные изменения происходят при разрешении экологических конфликтов страны и общества- природопользователя. В научно-прикладном плане этот процесс можно назвать одной из форм эволюции биосферы в ноосферу и коэволюции общества и природы [3].

«Разруха не в окружающем мире, разруха в головах!» – говорил когда-то профессор Преображенский из повести М.А. Булгакова «Собачье сердце». Если двадцать-тридцать лет назад экологические проблемы обсуждали только специалисты, то сейчас о том, что «экология» везде, знают даже дети. Когда в 1870 г. *Эрнст Геккель* ввел в науку это слово, вряд ли он предполагал, что лет через сто оно «поселится» в массовом сознании. По общепринятому определению, экология – это наука, изучающая системы живых организмов, их отношения с окружающей средой и зависимости между различными формами жизни. Но в сознании большинства людей слово «экология» связано еще и с понятиями «тревога», «защита», «сохранение». И, несмотря на это, лишь недавно стало приходить понимание того, что экологический кризис – это, не в последнюю очередь, «разруха в головах», и именно в них нужно вначале привести все в порядок.

Все больше актуализируется реализация задач государственной социальной политики в условиях и средствами региона. Прежде всего, следует учитывать сложный и неоднозначный процесс формирования новых федеративных отношений, который показывает, что сохранение и позитивное развитие России как единого государства предполагает преодоление сложившихся в дореформенный период негативных тенденций территориального развития в первую очередь за счёт всемерного использования региональных факторов для достижения общих текущих и стратегических целей социально-экономического развития Федерации в целом. Так, в одном из наших исследований на Урале [4] на вопрос анкеты: *«Как Вы оцениваете экологическую обстановку в г. Нижнем Тагиле в настоящее время?»* (% от общего числа опрошенных – 2000 чел.):

– в нашем городе обстановка ХУЖЕ, чем в большинстве городов области	74
– примерно ТАКАЯ ЖЕ, как в других городах	20
– ЛУЧШЕ, чем в других городах области	1
– затруднились ответить	5

Не приходится говорить о положительных тенденциях в оздоровлении экологии и сегодня. Сколько-либо заметному оздоровлению окружающей среды препятствует ряд факторов, возникших и постоянно усиливающихся в период проведения радикальных экономических реформ. К их числу относят следующие: а) прогрессирующее технологическое отставание основной массы производств в России от уровня стран-лидеров; б) критическое состояние экологически опасных производств, вызванное износом основных фондов. Уже сейчас прогнозируется, что техногенные аварии и катастрофы вскоре могут стать основным фактором формирования социально-экологической ситуации в России, так как суммарный ущерб от техногенных катастроф в настоящее время сопоставим с ущербом от катастроф природных; в) распространенность намеренных нарушений экологических требований и норм по экономическим причинам; г) отсутствие адекватной экологическому ущербу реабилитационной политики, постоянное снижение бюджетного финансирования природоохранных мероприятий. Вот, например, как распределились в июне 2014 г. [1] мнения россиян в ответах на вопрос о том, «Как изменилась экологическая обстановка в месте их проживания за последние 5 лет» (% от числа опрошенных – 1601 чел.):

– скорее улучшилась	12
– не изменилась	37
– скорее ухудшилась	43
– затруднились ответить	8

В настоящее время можно говорить о массовых социально-экологических процессах, происходящих в обществе, жизнедеятельность которого протекает в экологически неблагополучной, а во многом и кризисной природной среде. Наличие территорий, правомерно относимых к зонам экологического бедствия, несомненно, ставит перед государством необходимость принятия мер именно государственного регулирования в области природопользования, здравоохранения, охраны труда, социально-экономической, валеологической и социально-психологической реабилитации населения. Анализ результатов статистики социологических исследований, публикаций СМИ и т.д. позволяет констатировать наличие зависимостей между экологической ситуацией и здоровьем населения, его трудовой деятельностью, демографическим поведением, отдыхом, политической стабильностью и, конечном счете, между экологической ситуацией и национальной безопасностью.

Среди острых экологических проблем и природных и техногенных чрезвычайных ситуаций (ЧС) наиболее неблагоприятными и опасными считаются радиационные ЧС, так как они носят длительный характер, а социо-эколого-экономические последствия радиоактивного загрязнения сказываются на многих поколениях людей, проживающих на загрязненных территориях. При этом изучение процессов формирования экономического ущерба от радиационной чрезвычайной ситуации становится важным и актуальным, прежде всего потому, что они относятся к числу стратегических, лимитирующих факторов социо-эколого-экономического развития региона. Игнорирование этого фактора, или недостаточное внимание к нему, в настоящее время является причиной низкого уровня жизни, повышенной заболеваемости и смертности в регионах, пострадавших от радиационной чрезвычайной ситуации; инициируются миграционные процессы, приводящие к стагнации, разрушению социально-экономического уклада.

Особую тревогу вызывает жизнедеятельность населения на территориях радиоактивного загрязнения. Для России это экологическое бедствие связано в первую очередь с рядом аварий, произошедших во второй половине XX века на объектах, использующих и производящих атомное сырьё и атомную энергию: атомные электростанции, космодромы, производства по переработке атомного сырья и его последующего технологического использования. Глобальная экологическая катастрофа на Чернобыльской АЭС (1986 г.) послужила своеобразным «толчком», побудителем для снятия т.н. «железного занавеса» и грифов «*Секретно»* и *«Сов. секретно*» с документов и фактов, свидетельствовавших о масштабах ряда радиационных аварий на территории бывшего СССР и их последствий [5].

Особое место в этом ряду занимают события более полувековой давности, произошедшие в Челябинской области. Радиационно-экологическая ситуация в Уральском регионе, и в частности в Челябинской области, не имеет аналогов. К концу XX века Челябинская область даже без учета радиационного загрязнения почти пятой части своей территории уже входила в тройку наиболее экологически неблагоприятных территорий России. Население регионов, оказавшихся в ареале радиоактивного загрязнения, «автоматически» становится, как правило, заложником подобных техногенных аварий в силу, с одной стороны, невозможности (в ближайшей обозримой исторической перспективе) очищения природной среды обитания от радиоактивного загрязнения, и с другой – отсутствия реальных социально-экономических условий переселения жителей с загрязнённых на «чистые от радиации» территории. Наглядным тому подтверждением является судьба территориальных сообществ в ареале серии аварий на ПО «Маяк» в 1949–1962 гг., 1957 г. и 1967 г. (так называемая Восточно-Уральская территория радиоактивного загрязнения, или Восточно-Уральский радиоактивный след, простирающаяся по трём субъектам РФ – Челябинской, Свердловской и Курганской областям [6].

С 1949 г. на Восточно-Уральской территории радиоактивного загрязнения (ВУТРЗ) подвергались радиационному воздействию 436 тыс. чел., в том числе почти половина – жители Челябинской области. По предварительным оценкам статус граждан, пострадавших от радиации, имеют право получить 350 тыс. чел. Среди них: гражданское население – 314 тыс. чел., военнослужащие – 24 тыс. человек, профессиональные работники химкомбината «Маяк» – 15 тыс. чел. 935 чел. диагностирована хроническая лучевая болезнь. При этом право на социальную защиту населения Челябинской области, пострадавшего от радиации, в условиях перехода к рынку не исключает, а органически требует внимания к организации социальной помощи в составе этого населения малообеспеченным и социально уязвимым слоям.

После установления факта чрезмерного загрязнения речной системы для сбросов среднеактивных стоков предприятием был использован водоем Карачай. Весной 1967 г. в результате ветрового переноса обнажившихся донных отложений с береговой полосы водоема было рассеяно на площади 1,88 тыс. км^2 около 600 Ки радиоактивных веществ. В пределах территории, загрязненной в результате ветрового переноса, проживает около 40 тысяч человек. Часть территории *ВУТРЗ* образована в результате радиоактивного загрязнения от облака радионуклидов, перемещавшегося под действием ветра в северо-восточном направлении от ПО «Маяк» и захватившего части территорий Челябинской, Свердловской и Тюменской областей общей площадью более 23 тыс. кв. км. Образовавшаяся загрязнённая территория получило название Восточно-Уральского радиоактивного следа *(ВУРС – см. рис. 1* [7].

Сам термин *«валеология» (от латинского valeo – здравствовать)* был введён в научный оборот в 80-х годах прошлого столетия. В задачу *валеологии* включается сохранение и коррекция функций систем организма человека на основе учета его индивидуальных физиологических особенностей. *Валеология* возникла как социальная потребность сохранения здоровья человека не сегодня. Это задача, которая стояла перед человечеством всегда. Однако ее решение стало возможным только сейчас, когда уровень знаний о человеке, его биологической, физиологической, психологической сущности стал достаточно высоким для создания систем диагностики, прогноза и управления состоянием систем его организма и их взаимодействием [8].

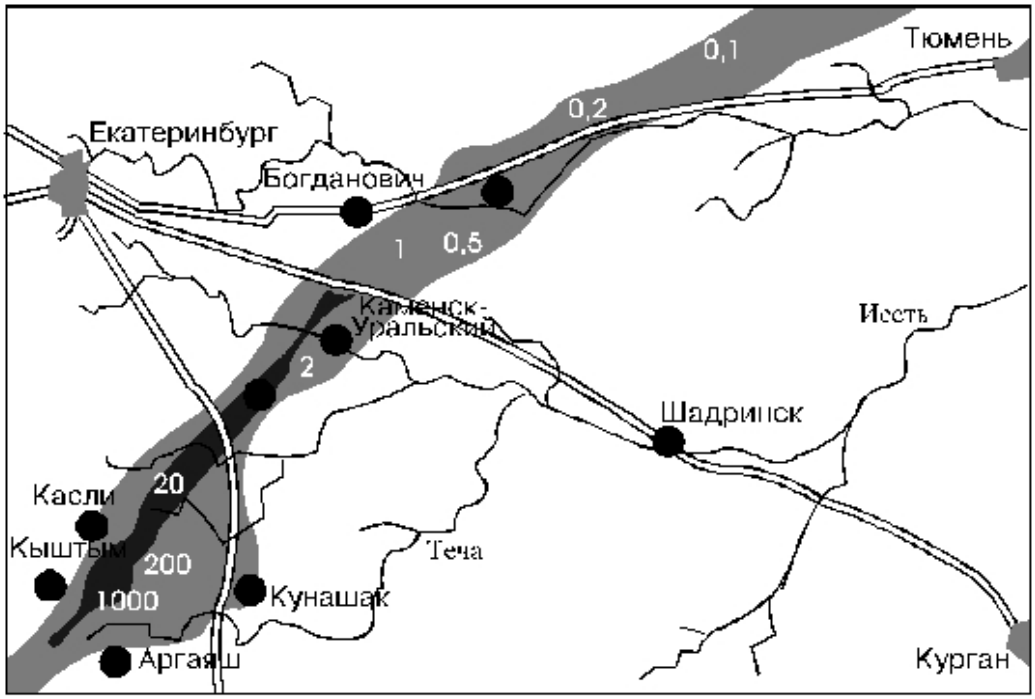


Рисунок 1.
Картографическая схема образования ВУРС на Южном Урале

Словосочетание *«эколого-валеологические» память, поведение, знания и т.д.,* отражает не просто факт объединения сути их экологической и валеологической составляющих, а глубинную взаимосвязь, взаимообусловленность этих дефиниций. Экологическое и валеологическое единство организма, личности и окружающей среды интегрирует в себе *индивидуальное здоровье.* При этом феномен *эколого-валеологической памяти* представляет собой одну из важных составляющих *общественного сознания,* которое существует и проявляется в формах политического, правового, нравственного, религиозного, эстетического и естественнонаучного сознания. В нашем случае речь идёт об *экологическом сознании.* Термином «*экологическое сознание*» традиционно обозначается совокупность представлений (как индивидуальных, так и групповых) о взаимосвязях в системе «человек- природа» и в самой природе, существующего отношения к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней. На схеме 1 нами сделана попытка сконструировать понятийно-содержательную инфраструктуру феномена *«эколого-валеологическая память».*

Схема 1.
Основные детерминанты формирования и воспроизводства эколого-валеологической памяти в индивидуальном и общественном сознании населения региона

Генная наследственность	Экология окружающей среды	ЗОЖ индивида, группы
Эколого-валеологический имидж (бренд) территории	**ЭКОЛОГО-ВАЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**	Реабилитация, дезактивация территории
Авторитетность носителей информации	Социально-валеологическое самочувствие	Эколого-валеологическая компетентность

Каждая из выделенных детерминант, отражая ту или иную сторону валеологического поведения индивида (группы, сообщества), представляет самостоятельный предмет научно-практического анализа. Проведенный в Институте экономики УрО РАН ряд исследований на ВУТРЗ в 1992–2012 гг. позволил выявить многие *социально-психологические позиции населения относительно перманентной радиоактивной опасности*, которой они потенциально подвергаются в процессе своей жизнедеятельности. В частности, под научным руководством авторов статьи и с их личным участием были реализованы следующие проекты:

– *сентябрь-октябрь 1992 г.*, реализовано комплексное бинарное исследование: опрошены 1000 жителей с территории радиоактивного загрязнения («З») Челябинской области и 1000 – с территорий сопредельных с ВУТРЗ и чистых от радиоактивного загрязнения («Ч»), а также 500 человек, пострадавших от радиационного облучения; 170 экспертов; 200 рядовых социальных работников; проведено психофизиологическое обследование 440 человек на предмет выявления уровня стрессовой социально-психологической напряженности – *«ВУТРЗ-1»;*

– *сентябрь 1994 г.* – опрос 1300 переселенцев и ликвидаторов последствий аварий на ПО «Маяк» Челябинской, Курганской и Свердловской областей и 130 экспертов по проблемам реабилитации радиоактивно загрязнённых территорий – *«ВУТРЗ-2»;*

– *декабрь 2002 г.* – опрос 85 руководителей экологических, национально-культурных общественных объединений и региональных отделений российских политических партий, действующих в Челябинской, Свердловской и Курганской областях (научн. руководители: д.социол.н. А.В. Пацула, д.филос.н. Б.С. Павлов) *«ВУТРЗ-3»*;

– *2001–2011 гг.* – мониторинговые опросы жителей Челябинска, Магнитогорска, Златоуста, Копейска, Сатки, а также двух сельских районов на ВУТРЗ – Красноармейского и Сосновского[1]. – *«ВУТРЗ-4».*

Познакомим читателя с некоторыми результатами наших исследований. Традиционно в мировой практике для оценки результатов разрушительного воздействия и масштабов потерь, понесенных вследствие природных катастроф, стихийных бедствий или социальных катаклизмов (война, революция, экономический кризис и т.д.), длительное время пользовались исключительно понятием *«материальный ущерб»*[2]. Позднее необходимость более дифференцированного подхода к природным и социальным объектам, подвергшимся разрушению или деформации, потребность в более детальной оценке не только разовых, но и длительных последствий такого воздействия привела к выделению и содержательному формированию новых дефиниций ущерба − *экологический, экономический*, а затем и *социальный.* В этом ряду феномен *социального ущерба* занимает особое место, поскольку имеет своим предметом всю совокупность связей между людьми и их отношений к окружающему миру. В нем интегрированы частные характеристики тех негативных последствий, которые возникают под воздействием разрушающих факторов − независимо от того, на какую среду они непосредственно направлены и в какой сфере проявляются.

Наиболее масштабно и долговременно проявляется социальный ущерб *как следствие радиационных катаклизмов*. Их разрушительное воздействие значительно продлено во времени, а масштаб *перманентно негативных* последствий многократно превышает разовый *(ситуативный),* то есть первоначальный, разрушительный эффект. При этом самый существенный урон *во временном измерении* несут наиболее сложно организованные и функционально многообразные системы, к которым, в первую очередь, относится сам *человек* и его жизнедеятельность.

Наши многочисленные опросы, проведённые на Урале, свидетельствуют, что самой приоритетной жизненной ценностью для различных групп населения *(особенно, среднего и старшего возраста)*, является личное здоровье [9]. *Здоровье человека* – это, прежде всего, процесс сохранения и развития его психических и физиологических качеств, оптимальной работоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни. Установлено, что на уровень здоровья населения существенное влияние оказывают медико-биологические характеристики его различных групп, особенности их образа жизни, *состояние окружающей среды в прошлом,* изменения в формах, степени и продолжительности воздействия факторов внешней среды [10].

В исследовании проблем здоровья различных групп населения можно выделить три ракурса:

а) самочувствие респондентов во всех видах индивидуального здоровья – физическое, психическое и социально-психологическое; длительное, ежедневное и моментальное;

б) отношение к здоровью как к жизненной ценности, динамика изменения этого отношения в процессе взросления и последующих этапах жизни;

в) самооценка условий и факторов, влияющих на здоровье и самочувствие.

Особый аспект рассматриваемой проблемы составляет *социально-валеологическое самочувствие* населения, пострадавшего от катаклизмов радиационных аварий. В нашем случае речь идёт о населении на ВУТРЗ. Прежде всего, зафиксируем статус оседлости наших респондентов. В опросе *«ВУТРЗ-1»* подавляющее большинство респондентов (более 70%) – старожилы – жили в этом регионе на момент опроса 20 лет и более, для 34% – эта загрязнённая территория является местом рождения, где находится известный «родительский дом – начало начал...». Длительное соседство с радиационной опасностью, естественно, не могло не сказаться на здоровье людей. В анкете задавался вопрос:

---

[1] В каждом опросе по представительной выборке участвовали 1500 жителей области, в их числе основные социально-демографические группы населения: рабочие, служащие, молодёжь, пенсионеры, военнослужащие. Опросы проводились в Челябинском филиале Института экономики Уральского отделения РАН; научный руководитель: д.э.н. В.Н. Белкин; отв. исполнители: к.филос.н. М.А. Гуревич, к.социол.н. Л.П. Бердник, м.н.с. Т.Ю. Радиловская (Социального-экономическая обстановка в Челябинске и Челябинской области. Сборник социологических исследований (январь-декабрь 2010 года). Челябинск. 2011).

[2] В современной судебной практике, относящейся к сфере конфликтных гражданских отношений, урон, нанесенный чести, достоинству и престижу того или иного лица (юридическому субъекту), квалифицируется как «моральный ущерб», тоже, кстати, имеющий материальный (денежный) эквивалент.

«Сказалось ли радиационное воздействие на положение, судьбе вашей семьи?». Судя по ответам респондентов с ВУТРЗ (1000 чел.), соотношение пострадавших от радиации и непострадавших составляет 2:3 (40 и 60%). Оценивая эти результаты, необходимо осознавать следующее. С одной стороны, часть респондентов не располагала достаточной информацией о последствиях радиоактивного облучения их самих или их родных, с другой – болезни, инвалидность иного происхождения ассоциировались с радиационным воздействием. И, тем не менее, необходимо констатировать, что около 60% респондентов считают, что радиоактивное облучение сыграло в судьбе их семьи, близких им людей свою роковую роль.

Небезынтересным, очевидно, будет выявить связь мнения респондентов и уровня потенциальной дозы облучения, которую получили за тридцатилетний период жители различных поселений ВУТРЗ. Вопрос в анкете формулировался так: *«Как сказалось радиационное облучение на здоровье Ваших родных?»* В качестве объективного показателя нами взяты средние эффективные эквивалентные дозы облучения неэвакуированного населения в регионе размещения ПО «Маяк» за период проживания с 1958 по 1990 гг. – табл. 2:

Таблица 2

Мнения населения на территориях ВУТРЗ о влиянии радиоактивного облучения на их здоровье (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Последствия радиоактивного облучения	Группы				
	Город, доза облучения за период, бэр				В целом по области
	Челябинск-65 (5,0)	Касли (2,5)	п. Аргаяш (2,1)	Кыштым (1,0)	
Никаких последствий	44	34	35	36	59
Заболели родители	15	15	14	9	8
Заболели родственники	11	15	18	20	17
Заболели дети	9	14	18	12	9
Умер от последствий радиации кто-то из родственников	15	25	23	21	17

Вывод здесь однозначен: *на значительно разнящихся по уровню загрязнения территориях ВУТРЗа общественное мнение относительно пагубного воздействия радиационного облучения на здоровье и судьбы людей на начало 90-х годов было практически однозначно.* На всех территориях (за исключением Челябинск-65) примерно треть населения болезни, ухудшение здоровья и смерть родных и близких не связывают с радиоактивным загрязнением. Мнение остальной части респондентов по различным аспектам последствий радиационного облучения на их здоровье и здоровье близких им людей разнится в значительной степени. Особенно пристального внимания заслуживают дети и подростки, проживающие на ВУТРЗ [11, 12].

В программу психофизиологического обследования *(проведённого в 1993 г. с участием одного из авторов)* входил замер уровня физической и умственной работоспособности подростков 14–15 лет, проживающих на ВУТРЗ (194 чел.), и, в качестве контрольных групп, их сверстников с «чистых» территорий – 254 чел). Сравнительное исследование позволило сделать следующие выводы:

а) физическая работоспособность у подростков, проживающих в совхозе Муслюмовский и деревне Муслюмово, была значительно ниже контрольных величин, соответственно на 12% – у мальчиков, на 17% – у девочек и 33% – у мальчиков и 43% – у девочек;

б) показатели умственной работоспособности подростков поселка и деревни Муслюмово также заметно отстают от таковых контрольных школ, соответственно у мальчиков – на 26%, у девочек – на 25%;

в) выявлена повышенная тревожность у подростков поселка и деревни Муслюмово, соответственно у мальчиков на 42 и 66%, у девочек – на 53 и 23% по сравнению с контролем. Отмечена аналогичная картина и у родителей (на 60% больше контрольной). Тревожность у учеников старших классов увеличивалась с возрастом, что объяснялось осознанием действительности, особенно информации о последствиях радиоактивного загрязнения, т.е. с возрастом формируется стресс-синдром радиофобии. Второй причиной увеличения тревожности являлась нестабильность самой нервной системы в подростковом возрасте;

г) тревожность у подростков зависела от микроклимата в семье, от тревожности родителей и материального благосостояния;

д) высокая тревожность родителей в деревне Муслюмово (р. Теча) зависела от экологического и социального неблагополучия, следствием чего является ухудшение общего самочувствия и снижение жизненно важных функций организма.

Данные обследования позволяли говорить о расхождении в физической и умственной работоспособности у этих групп подростков. Анализ показывает, что высокая младенческая смертность в пострадавших от радиационного воздействия в сельских районах *(в нашем случае – Аргаяшский, Кунашакский, Красноармейский и Сосновский районы)* на 17,5% выше, чем в среднем по области), высокий уровень заболеваемости подростков респираторными заболеваниями, обусловленный иммунодефицитом, несбалансированным питанием, отсутствием целостной системы физического воспитания и закаливания, ежегодное ухудшение состояния здоровья женщин на 25–30% *(рост экстрагенитальных и гинекологических заболеваний, анемий у беременных женщин, поздних токсикозов в 1,3–1,4 раза)* свидетельствуют о необходимости проведения реабилитационных мероприятий для этих категорий населения в наиболее полном объёме [13, 14].

Наиболее важная причина, вызывающая ослабление здоровья населения, – это образ жизни, не соответствующий биологической основе организма, его генотипу. Доля влияния этого фактора на состояние здоровья человека оценивается экспертами ВОЗ в 50%. Осознание того факта, что здоровье человека в значительной степени зависит от его образа жизни и отношения к своему здоровью, привело к пониманию необходимости целенаправленного воспитания у подрастающего поколения ответственного отношения к здоровью, установок на здоровый образ жизни, то есть к необходимости валеологического образования [15, с. 53].

Дополнительный анализ показал: более 70% респондентов считали, что радиоактивное облучение сыграло или может сыграть в судьбе их семьи, близких им людей свою роковую роль, поскольку состояние здоровья своё и близких они ставили в зависимость от радиационного воздействия. При этом, особую группу населения на ВУТРЗ представляют так называемые «переселенцы» – жители трех уральских областей, наиболее пострадавшие от радиационного загрязнения и переселенные в организованном порядке в другую местность. Опрошенные в Челябинской и Свердловской областях, переселенцы и ликвидаторы *(ВУТРЗ-2)* оценили свое здоровье так – табл. 3:

Таблица 3

Мнения «переселенцев» и «ликвидаторов» на ВУТРЗ о состоянии своего здоровья (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Оценка своего здоровья на момент опроса	Группы		
	«Переселенцы» из областей:		«Ликвидаторы»
	Челябинской	Свердловской	
Практически здоровы	6	6	29
Имеют инвалидность	14	14	10
Имеют хроническое заболевание, часто испытывают недомогание	80	76	61

Мы видим, что опрошенные в Челябинской и Свердловской областях переселенцы на момент опроса практически идентично оценили свое здоровье: и тут, и там практически здоровым себя считал лишь каждый шестнадцатый-семнадцатый респондент (6%), а каждый седьмой (14%) – был квалифицирован как инвалид. Среди ликвидаторов примерно в пять раз больше здоровых (29%), что связно, по всей вероятности, со сравнительно молодым составом этой группы пострадавших от радиации.

Реальная и потенциальная характеристики социального самочувствия населения на территорий радиационного риска определяют *уровень социально-психологического напряжения* в этих регионах, возможность обострения конфликтных ситуаций, степень негативного влияния радиофобии на общественную, трудовую и культурную активность жителей, их семейно-бытовую и репродуктивную деятельность. Диагностика социального самочувствия различных групп населения позволяет более обоснованно строить реабилитационную политику на отдельных территориях, оценить степень приемлемости и эффективности различных форм, средств и механизмов компенсации населения пострадавших районов. Доказано, например, что уровень психологического напряжения и тревожности населения в отдаленном периоде определяется не уровнем радиоактивного загрязнения территорий, а субъективным восприятием человеком радиационного риска, в частности, восприятием населением факторов риска, связанных с радиационной аварией в условиях продолжающейся деятельности ПО «Маяк» [16].

Согласно концепции социальной защиты, разработанной специалистами МАГАТЕ, уровень радиации, считающийся безвредным для здоровья, составляет 1 мЗв/год. Установлены и другие параметры радиационного воздействия, определяющие степень риска проживания человека на той или иной территории. Кстати, степень загрязнения территории (степень риска радиационного облучения) – один из базовых показателей для определения уровня реабилитационных мер. В связи с этим, немаловажна для населения достаточно полная и достоверная информация о радиационном фоне той территории, на которой оно живет. В исследовании была сделана попытка выяснить степень компетентности жителей Челябинской области и, прежде всего, жителей населения на ВУТРЗ об экологическом состоянии их среды обитания. На вопрос о том, *«Знают ли они о допустимых (не опасных для здоровья, жизни) дозах радиоактивного загрязнения продовольствия, воздуха, воды и о реальной загрязненности территории»,* были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных по каждой группе населения; в числителе – население с территорий «З», в знаменателе – «Ч»):

Степень информированности о допустимых дозах радиоактивного загрязнения:

– знают о допустимых дозах радиоактивного загрязнения:	продовольствия	14 / 9
	Воздуха	27/ 18
	Воды	15 8
– знают об уровне фактической радиоактивной загрязненности территории, на которой они проживают		25 / 15
– не ответили на вопрос		51 / 68

Хотя население на ВУТРЗ (судя по самооценкам) и более информировано (по сравнению с их земляками вне её) о допустимых дозах, вместе с тем этот уровень информированности нельзя считать достаточным. На вопрос: *«Если Вы знаете уровень фактической загрязненности вашей местности, то находится ли он в пределах нормы?»,* ответы респондентов с ВУТРЗ распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных – 1000 чел.):

– да, загрязненность выше нормы	32
– загрязненность не выше нормы	15
– не знают	53

Есть ряд причин снижения интереса населения к информации о радиационной обстановке в регионе – умалчивание, искажение этой информации службами, призванными замерять радиоактивный фон по различным территориям региона. На вопрос анкеты: *«Насколько Вы доверяете официальной информации о радиоактивной загрязненности территории, на которой Вы проживаете?»* – ответы наших респондентов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждой территории; в числителе – население с территорий «З», в знаменателе – «Ч»):

– доверяли полностью	12 / 9
– доверяли частично	44 / 48
– не доверяли	44 / 43

Политика информационного железного занавеса, политика социального лицемерия в отношении информации о радиоактивной опасности, которой подвергается население, живущее вблизи объектов атомного производства, сформировала у населения устойчивую недоверчивость к официальной информации. К сожалению, ситуация с правдивостью и оперативностью информации в сфере атомных дел остается во многом прежней. Подтверждением тому хотя бы печальные события на Чернобыльской АЭС и их отражение в официальных сообщениях и СМИ.

Мировой и отечественный опыт ликвидации последствий радиационных аварий: на Семипалатинском ядерном полигоне (СССР, 1949 г.), на реке Теча (СССР, 1949-1956 гг.) и ПО «Маяк» (СССР, 1957 г.), в Виндскейле (Великобритания, 1957 г.), в Три-Майл-Айленде (США, 1979 г.), в Сант-Лаурент (Франция, 1980 г.), Бхопале (Индия, 1984 г.) и Чернобыле (СССР, 1986г.) свидетельствует о том, что информация о радиационных авариях сопровождается возникновением значительного психоэмоционального напряжения и стресса, что обусловлено особенностями восприятия населением факторов радиационного риска и специфичностью возникающих при этом психологических реакций.

Неопределенность жизненной ситуации порождается растущей проницаемостью современных обществ. Эпоха территориальных границ и иных размежеваний сменилась эпохой сетей и потоков (ресурсных, информационных и иных). Социальные, ресурсные и иные сети обладают выраженным ядром и чрезвычайно размытой периферией. Социальные события, особенно катастрофы, имеют фиксированную дату начала, но цепь их последствий теряется во времени. То же можно сказать и о затратах на борьбу с ними и с другими опасностями. Не только о сроках, но и о самой возможности восстановления разрушенных экосистем ученые никогда не говорят определенно. Сегодня не может быть единственного эксперта по данному конкретному риску. Мнение одного специалиста перекрывается мнением другого. Кроме того, мнения экспертов так же подвержены предубеждениям, как и мнения общественности, особенно когда эксперты вынуждены выходить за рамки доступных данных и полагаться на интуицию [17].

Наши многолетние исследования на ВУРСе показывают, что основными причинами длительного ситуационно обусловленного психоэмоционального стресса по результатам изучения общественного мнения жителей на радиационно загрязнённых территориях являются: а) сохраняющийся десятилетиями низкий уровень жизни, который приводит к трудностям в удовлетворении первичных потребностей; б) информационный стресс (эмоциональное и умозрительное восприятие слухов, необъективной информации о радиоактивном загрязнении территорий и облучении населения); в) низкий уровень знаний населения о радиации вообще и, связанных с её воздействием биологических, медицинских и других эффектах; г) факт существования долговременного радиационного риска для здоровья людей; д) высокая вероятность повторения радиационных аварий; отсутствие достаточной информации о мерах и действиях органов власти, предпринимаемых для нормализации обстановки.

Подвержены ли жители ВУТРЗ радиофобии? Чтобы получить ответ на этот вопрос нашим респондентам *(«ВУТРЗ-1)* предлагалось ответить на ряд вопросов. Первый из них формулировался следующим образом: *«Следите ли Вы регулярно за информацией о радиоактивной обстановке в городах и районах области?»* Вот какие были получены ответы – табл. 4:

Таблица 4

Отношение населения на ВУТРЗ к информации о радиационной опасности (% от общего числа опрошенных по каждому поселению)

Отношение к информации о радиационной опасности	Группы					
	В целом 1000 чел	В том числе по срок проживания (лет)				
		Менее 5 лет	6–10	11–20	21–30	более 30 лет
Следят регулярно	17	9	7	12	21	25
Следят иногда	44	43	55	46	45	43
Не придают особого значения такой информации	18	31	12	21	17	14
Не слышали о такой информации	21	17	26	21	15	17

На момент опроса пристально следили за радиационной обстановкой на ВУТРЗ лишь 17% респондентов. Кстати сказать, что среди их земляков, живущих не на ВУТРЗ (на «чистых» территориях), число тех, кто регулярно следил за такими показателями, составило 112 из 1000 опрошенных (11%). Каждый пятый респондент на ВУТРЗ (21%) не слышал о такой информации и примерно столько же (18%) не придавало ей особого значения. Анализ показал, что степень загрязненности территории, на которой живет респондент, также практически не влияет на уровень настороженности относительно радиоактивной обстановки. Вот данные опроса (% от общего числа опрошенных по каждой группе; первая респонденты с территорий *высокого* уровня загрязнения; вторая – со *среднего*; третья с *низкого*):

– за радиоактивной обстановкой следят:	регулярно	20 / 12 / 10
	иногда	44 / 46 / 44
– не придают особого значения		17 / 18 / 18
– не слышали о такой информации		19 / 24 / 28

Прослеживается определенная зависимость: по мере увеличения срока проживания на ВУТРЗ увеличивается относительное число тех, кто не придает особого значения информации о радиации (срок менее 5 лет – 31%, срок более 30 лет – 14%).

Лишним подтверждением тому – недавние печальные события на АЭС «Фукусима-1». Как свидетельствовали сообщения СМИ, уровень радиации вокруг аварийной АЭС в тысячи раз превышал норму. Как свидетельствовали результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), большинство россиян не доверяет информации японских властей о ситуации на АЭС «Фукусима-1». Согласно исследованию, лишь 19% опрошенных считают, что японские власти объективно и полно информируют о происходящем на аварийной АЭС.

Российское население вообще недоверчивое, – считает генеральный директор ВЦИОМ В.Федоров, «У нас есть презумпция недоверия властям. Довольно много было разочарований в громогласных обещаниях и в том, что из этих обещаний выходит на практике… Кроме того, по мнению социолога, «события в Японии лишний раз напоминают о трагедии на Чернобыльской АЭС: Все помнят, что тогда еще советская власть всячески пыталась скрыть масштабы бедствия. Путь к правде был очень долгим и трудным» [18].

Особое направление в социальной защите на ВУТРЗ – ослабление стрессового состояния и психофизиологической подавленности населения. Разработка и практическое использование психологических и медицинских средств реабилитации людей, пострадавших на ВУТРЗ, возможны лишь в рамках создания отчетливого представления о размерах бедствия. Поэтому выделение уровней развития стресс-синдрома радиофобии у людей, подвергшихся радиационному воздействию, является необходимым условием успешного предупреждения дальнейшего ухудшения состояния их здоровья и сохранения жизни. Стресс-синдром радиофобии, связанный с глубоким сознанием отдаленных последствий радиоактивного поражения, усугубляемый в тот период все расширяющейся информацией о Чернобыльской трагедии, может быть снят средствами психо-физиологического и психолого-педагогического воздействия, лекарственной терапией и повышением устойчивости к радиоактивному загрязнению с помощью биологических протекторов.

Психологи утверждают, что отсутствие информации у человека об опасности, которая его подстерегает, и *которую он не может предотвратить*, во многих случаях может быть отнесена к разряду благодатного неведения. В нашем случае подобное неведение – может быть квалифицировано как доказательство антигуманной социальной политики государства, которой десятилетиями держало многие десятки тысяч людей в качестве заложников секретной атомной политики, заложников лицемерных принципов и лозунгов так называемого социалистического гуманизма типа: «Все во имя человека», «Человек – главное богатство» и т.п.

Следует подчеркнуть, что отрицательные последствия радиоактивного загрязнения на ВУТРЗ в начале 90-х годов прошедшего столетия волновали население, проживающее здесь, несколько в большей мере, чем отрицательные, если не сказать бедственные, последствия экономического кризиса, связанного с переходом к рынку. Если рассматривать различные образовательные группы, то более обеспокоены были, с одной стороны наиболее и, с другой, наименее образованные люди. В последнем случае сгущение красок как следствие неинформированности (слухов, страхов) приобретало особенно тяжелые формы. Не будем забывать также, что начальное образование имели *(и имеют)* в основном, люди пожилые, находящиеся на пенсии или в предпенсионном возрасте и не обладающие крепким здоровьем. *Молодежь в целом наиболее беззаботна.* Особенно это касалось мнения молодых людей с незаконченным средним образованием.

А как изменилась ситуация на ВУТРЗ за прошедшие два десятилетия реформ? Обратимся к результатам опросов *«ВУТРЗ-4»,* проведённым челябинскими социологами в 2011 г.. 1500 респондентов просили ответить на вопрос: *«Какие проблемы волнуют Вас в наибольшей степени?».* Вот какие ответы были получены (% от общего числа опрошенных в каждой группе: на ВУТРЗ для опросов были выбраны два района – *Красноармейский – «Кр»* и *Сосновский – «Сн»): табл. 5:*

Таблица 5

Мнения населения Южного Урала об актуальных социально-экономических проблемах (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Актуальные проблемы населения в январе 2011 г.	Группы					
	В целом по области	Города на «Ч»			Районы на «З»	
		Челябинск	Златоуст	Сатка	Кр	Сн
Растущие цены	56	70	78	80	73	71
Экологические проблемы	30	33	20	33	40	19
Рост преступности	34	28	13	20	40	11
Угроза безработицы	39	43	38	40	60	32
Коррупция, взяточничество	32	37	29	40	57	31
Рост наркомании и алкоголизма	28	26	15	20	40	16

Второй вопрос был сформулирован так: *«Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне».* Ответы на него помещены ниже – табл. 6:

Таблица 6

Мнения населения Южного Урала об успешности социально-экономических реформ (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Самооценка оптимистичности в завтрашнем дне	Группы				
	В целом пообласти	Города на «Ч»		Районы на «З»	
		Челябинск	Сатка	Кр	Сн
«Да», «Скорее – да»	25	29	15	33	40
«Нет», «Скорее – нет»	55	63	62	43	33
Затруднились ответить	21	7	24	23	27

Вот краткое резюме полученным данным. *Реакции населения Челябинской области, проживающего на экологически «чистых» и «грязных территориях», на основные социально-экономические и экологические условия жизни своих семей по происшествии полувека после радиационных аварий, практически идентичны.* Под «натиском» актуальных социально-экономических проблем, экологическая озабоченность населения, как бы, «отступает на второй план». Однако это вовсе не означает кардинального решения проблем реабилитации радиционно загрязнённых территорий [19].

Можно утверждать, что население, проживающее на ВУТРЗ, выступало своеобразным заложником радиационного неблагополучия от аварий 30-60-летней давности. А возможны ли подобные аварии в будущем? Ведь производство, организованное на предприятии «Маяк», продолжает функционировать. Обратимся к прогнозным оценкам возможности повторения радиационных аварий на Урале экспертами в исследовании, которое было проведено в 2002 г. *«ВУТРЗ-3».* По результатам этого исследования, более половины респондентов (62%) считали, что повторение в будущем радиационных аварий в Уральском регионе *вполне возможно*. Возможность повторения в будущем радиационных аварий в Уральском регионе эксперты связывают, прежде всего, с человеческим фактором, а именно:

– со снижением производственно-трудовой дисциплины;

– некомпетентностью кадров, отсутствием необходимой квалификации и опыта;

– с непродуманными управленческими решениями, недофинансированием предприятий ядерного комплекса;

– с изношенностью и устареванием оборудования, снижением технологического уровня эксплуатации и модернизации систем, обеспечивающих эколого-радиационную безопасность;

– с угрозой осуществления террористических актов;

– с усилением сейсмической активности;

– с непредвиденными форс-мажорными обстоятельствами.

Количество респондентов, утверждающих сегодня, что повторение в будущем радиационных аварий в Уральском регионе *представляется маловероятным,* составляет 19% от общего количества опрошенных [17].

В рамках реализации мероприятий федеральной целевой программы «Преодоление последствий радиационных аварий на период до 2015 года» Главным управлением МЧС России по Челябинской области 2 октября 2012 г. организована Международная научно-практическая конференция, посвященная 55-летию аварии на производственном объединении «Маяк» «Опыт минимизации последствий аварии 1957 г.

О необычайной сложности обсуждаемой проблемы можно судить, хотя бы, по тематике докладов, которые обсуждались на конференции. Это вопросы влияния аварии на демографические показатели (заболеваемость, смертность и др.), состояние иммунитета, гемопоэза, органов пищеварения и эндокринной системы у населения ВУРСа и ликвидаторов аварии, проблемы ретроспективной дозиметрии аварийного облучения населения, биологической дозиметрии (цитогенетический анализ, ЭПР-анализ эмали зубов), возможности оценки доз облучения населения в результате формирования ВУТРЗ.

Значительное внимание было уделено совершенствованию системы медицинского наблюдения за населением ВУРСА и ликвидаторами аварии 1957 года, вопросам оценки психического здоровья населения радиоактивно-загрязненных территорий, подходам к обеспечению медико-психологической безопасности населения, затрагивались вопросы перспектив социально-экономического развития территории вблизи ВУРС. При этом не менее важным для Уральского региона является вопрос о распространении мер социальной поддержки граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и получившим накопленную эффективную дозу облучения свыше 7 сЗв» [20].

Южноуральские депутаты предложили коллегам из Госдумы включить в Национальный радиационно-эпидемиологический регистр данные о состоянии здоровья граждан, проживавших на территории Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРС) и получивших сверхнормативную дозу облучения, а также их потомков. По мнению южноуральских депутатов, внесение сведений о состоянии здоровья граждан, проживавших в 1957–1962 гг. в населенных пунктах, подвергшихся радиоактивному загрязнению (вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении «Маяк»), получивших накопленную эффективную дозу облучения свыше нормативной, позволит использовать результаты специальных медицинских наблюдений за состоянием здоровья указанных лиц для оказания им адресной медицинской помощи [21].

Подведём некоторые итоги. Можно утверждать, что для значительной части жителей ВУТРЗ различных возрастных когорт мы имеем затянувшийся на долгие годы процесс физического, экономического и социально-психологического выживания в зоне экологического бедствия. Население регионов, оказавшихся в ареале радиоактивного загрязнения, «автоматически» становится, как правило, заложником подобных техногенных аварий, с одной стороны, в силу невозможности (в ближайшей обозримой исторической перспективе) очищения природной среды обитания от

радиоактивного загрязнения, и с другой – отсутствия реальных социально-экономических условий переселения населения с загрязнённых на «чистые от радиации» территории.

Вполне обоснованным является и то, что в сравнительно отдалённом периоде (50-летний лаг) после радиационных аварий у значительной части населения, проживающей на радиоактивно загрязненных территориях, формируется особый психологический статус, характеризующийся достаточно высоким уровнем социально-психологической напряженности, пролонгированным психологическим стрессом, преобладанием акцентуированных черт личности, патопсихологическими реакциями и типами психического реагирования. Это может проявляться в неуверенности в завтрашнем дне; боязни за будущее детей; недоверии органам власти; распространении отклоняющихся форм поведения; недовольстве, раздражительности; пессимизме; стремлении к активным действиям для изменения существующих условий.

Вместе с тем, реабилитационная политика федеральных, региональных и муниципальных властных структур, располагающая неизмеримо малыми *(по отношению к масштабам ущерба)* средствами для реализации декларируемых мероприятий лишь в незначительной степени влияла и влияет на оздоровление общего процесса жизнедеятельности населения на ВУТРЗ. Эта ситуация усугубляется отсутствием научно обоснованных проработок тактики и долгосрочной стратегии реабилитации различных социальных групп населения по мере прохождения ими своего жизненного цикла, реализации экономической и репродуктивной функций[22].

«Ответственность за страну, отмечал в своём Послании Президент России, – формируется не лозунгами и призывами, а когда люди видят, что власть прозрачна, доступна и сама «вкалывает» во имя страны, города, региона, поселка и каждого гражданина, учитывает общественное мнение. Власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания» [23]. Остаётся пожелать, чтобы именно *такая власть* поскорее появилась реально и воспроизводилась в первую очередь на территориях повышенной экологической опасности, где вынуждены жить россияне.

Список литературы.

1. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 года. – М. ИСПИ РАН, 2014. – 52 с.
2. Берсенёв В.Л., Важенин С.Г., Павлов Б.С. Особые грани современной российской экономики и не только // Экономика региона. 2011. – № 1. – С. 264–267.
3. Василенко В.Н. Экологические конфликты общества как предмет социологии и социальной экологии // Социол. исслед. – М., 1998. – № 3. – С. 73–79.
4. Павлов Б.С., Пацула А.В., Бердник Л.П. Экологическое самочувствие населения как условие развития техногенно опасных производств: Препринт. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. – 94 с.
5. Павлов Б.С., Козлов В.Н., Никитин В.В. Социальная защита населения Восточно-Уральской территории радиоактивного загрязнения: состояние и проблемы. – Челябинск, 1993. – 193 с.
6. Павлов Б.С., Бердник Л.П., Разикова Н.И. Экология и социально-валеологическое самочувствие населения на Урале (на примере ВУРС). – Екатеринбург, Ин-т экономики УрО РАН, 2011. – 562 с.
7. Козлов В.Н., Павлов Б.С. Социально-экономические последствия загрязнения реки Теча // Медико-биологические и экологические последствия радиоактивного загрязнения реки Теча. – М.: Вып. Урал. научн.-практ. Центром радиоакт. медицины (УНПЦ РМ), 2000. – С. 431–448.
8. Валеология, здоровье. Психофизиологическая концепция. – http://valeo.sfedu.ru/riv.html
9. Павлов Б.С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. 2010. – № 2. – С. 71–80.
10. Прохоров Б.Б. Качество окружающей среды. – http://www.mintrud.ru/?type =docs&id=59
11. Петрушкина Н.П. Состояние здоровья детей города Озёрска // Влияние радиации на живую природу и здоровье человека (опыт ученых Челябинской области). – Челябинск, 1997.
12. Сентюрина Л.Б., Павлов Б.С. Здоровье детского населения в регионе как социально-валеологическая проблема (на примере городов и поселений Урала). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2006.
13. Павлов Б.С. Социальные проблемы региона: состояние, стратегия действий // Вестник Челябинского университета. Сер. 8. Экономика. Социология. Социальная работа. 2002. – № 1.
14. Павлов Б.С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. 2010. – № 2. – С. 71–80.
15. Прохоров Б.Б. Качество окружающей среды. – http://www.mintrud.ru/?type =docs&id=59
16. Петрушкина Н.П. Состояние здоровья детей города Озёрска // Влияние радиации на живую природу и здоровье человека (опыт ученых Челябинской области). – Челябинск, 1997.
17. Сентюрина Л.Б., Павлов Б.С. Здоровье детского населения в регионе как социально-валеологическая проблема (на примере городов и поселений Урала). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2006.
18. Козлова Н.И. Социально-экономические проблемы оценки ущерба от радиационной чрезвычайной ситуации. – Курган: Изд–во Курганского гос. ун–та, 2004.
19. Баевский Р.М. Валеология и проблемы самоконтроля здоровья в экологии человека: Учебно-метод. пособие в 2-х ч. – Магадан: Сев.-вост. науч. Центр ДВОРАН, 1996. – 53 с.
20. Пацула А.В., Павлов Б.С., Софьин С.П., Бердник Л.П. Экологическая политика в Уральском регионе: Альтернативные подходы к обеспечению радиационной безопасности. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. – 199 с.
21. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи. – http://www.socio.ru/wr/1-03/Yanizky.htm
22. Сахалин: «все нормально», но есть «паника внутри каждого». – //www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/03/110316_sakhalin_people.shtml
23. Гартман Н.А., Павлов Б.С., . Татаркин А.И., Анисимов С.А., Колунина Э.Г. Люмпенизация населения как следствие асоциального реформирования экономики (на примере Уральского региона). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2000. – 118 с.

24.2 октября 2012 года в г. Челябинск состоялась Международная конференция. – http://www.rb.mchs.gov.ru/mchs _events/item/1898
25.Южноуральцы, проживающие в зоне ВУРС, могут быть внесены в Национальный радиационно-эпидемиологический регистр. – http:// www.nr2.ru/chel/409933.html
26.Татаркин А.И., Павлов Б.С., Берсенёв В.Л. Академическая наука и население региона: опыт конкретного социологического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Вып 19. – 2010. – № 31. – С. 86–96.
27.Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию. – http://www.b-port.com/news/item/93504.html

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики, зав. кафедрой экономики и менеджмента ЧО ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий», г. Ижевск
kvp_ruk@mail.ru

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ТРУДООБЕСПЕЧЕННОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: *региональные различия в трудообеспеченности, интенсификация производства, трудосберегающее направление, основные фонды, производительность труда, фондовооруженность, эффективность.*

Keywords: *regional distinctions in a trudoobespechennost, a production intensification, the labor-saving direction, fixed assets, labor productivity, a fondovooruzhennost, efficiency.*

Одним из важнейших показателей эффективности использования основных фондов является отношение прироста производительности труда к приросту фондовооруженности. Необходимость учета этой взаимосвязи заключается в следующем. Для того чтобы добиться роста производительности труда, следует, прежде всего, всячески повышать уровень технической оснащенности предприятий, который, в свою очередь, предполагает соответствующие капитальные вложения и, в конечном счете, приводит к росту фондовооруженности. Но было бы неправильно любой величиной экономии общественного труда оправдывать рост его фондовооруженности и фондоемкости продукции. Отсюда возникает важная экономическая проблема оптимального соотношения между фондовооруженностью труда и ростом его производительности за счет технической оснащенности производства [1].

Возможны несколько вариантов соотношения производительности труда и фондовооруженности. Нередко имеют место случаи, когда фондовооруженность увеличилась ($\Delta\Phi_т > 0$) за какой-то период, а производительность труда за тот же период снизилась ($\Delta П_р < 0$). Однако это не всегда означает, что производительность труда и эффективность капитальных вложений не высокие; бывает, что причина подобного положения дел – в плохом качестве хозяйствования.

Вполне реальна и совершенно противоположная ситуация, когда производительность труда увеличивается при прежнем уровне фондовооруженности и даже при ее снижении. Это происходит при использовании имеющихся резервов повышения эффективности производства за счет совершенствования его организации. Причем, при рассмотрении этих двух случаев разной направленности изменения фондовооруженности и производительности труда, при выявлении причин сложившегося положении дел следует учитывать и временной лаг.

Теперь рассмотрим наиболее интересный вариант, когда при росте фондовооруженности происходит увеличение производительности труда. Случай, когда прирост производительности труда превышает прирост фондовооруженности, то есть когда $\Delta П_р > \Delta\Phi_т > 0$, или $\frac{\Delta п_р}{\Delta\Phi} > 1$ отражает ситуацию явно эффективного использования основных фондов, так как здесь растет не только производительность труда, но и фондоотдача, а значит, эффект от роста производительности труда дополняется эффектом от роста фондоотдачи. Часто, однако, в действительности бывает ситуация, когда прирост производительности труда меньше прироста фондовооруженности, т.е. когда $\Delta\Phi_т > \Delta П_р > 0$, или $\frac{\Delta п_р}{\Delta\Phi} < 1$. Рассмотрим этот случай более подробно.

Отношение годового прироста фондовооруженности к приросту годовой производительности труда, исчисляемой по чистой продукции $\frac{\Delta\Phi}{\Delta п_р}$, можно трактовать, как своеобразный показатель окупаемости средств, вкладываемых на прирост фондовооруженности. Если, положим, для повышения производительности труда одного работника на 100 рублей в год требуется увеличить фондовооруженность, скажем, на 500 руб., то срок окупаемости этих вложений за счет эффекта от роста производительности труда составит 5 лет (500:100). С другой стороны, это же отношение можно рассматривать, как «цену» прироста производительности труда, показывающую, в какой степени должна вырасти фондовооруженность работника, чтобы новая стоимость увеличилась на 1 рубль.

В связи с ограниченностью ресурсов отношение $\frac{\Delta п_р}{\Delta\Phi}$ не может быть сколь угодно малым и, следовательно, должно быть не меньше некоторой величины Н, определяющей нижнюю границу эффективности ввода фондов, в определенном смысле норматив, величина которого будет существенно зависеть от отрасли. Таким образом, получается, что если $\frac{\Delta п_р}{\Delta\Phi} \geq Н$, то внедрение и использование дополнительных основных фондов на предприятии эффективно.

Этот же вывод непосредственно вытекает из закона применения машин в обществе, когда вопрос о целесообразности внедрения машины решается не тем, сколько оплаченного труда она способна сэкономить, а сколько всего

труда экономится вследствие ее использования. Целесообразность применения машин в обществе определяется на основе следующей формулы:

$$C < (V + m),$$

где С – затраты труда на изготовление машины;

(V+m) – экономия живого труда, полученная в процессе функционирования машины [2].

Поскольку природа текущих и единовременных затрат различна, используется нормативный коэффициент эффективности, позволяющий их сопоставить. Если же в этом неравенстве затраты труда на изготовление машин и получаемую вследствие их использования экономию живого труда рассматривать с учетом количества вовлекаемых трудовых ресурсов, то получим, что использование дополнительных основных фондов эффективно, если $\frac{\Delta п_р}{\Delta Ф} \geq н$.

Однако необходимо заметить, что при определении экономической эффективности ввода дополнительных фондов на основе соотношения $\frac{\Delta п_р}{\Delta Ф} \geq н$ не учитывались региональные особенности, в частности, различия между регионами в отношении обеспеченности их трудовыми ресурсами, скажем, различная степень трудодефицитности или трудоизбыточности. Так определять эффективность можно лишь для сбалансированных по трудовым ресурсам регионам. При наличии реального дефицита рабочей силы, на наш взгляд, нормативный коэффициент должен быть больше, так как в этом случае и отдача от роста фондовооруженности должна быть также больше, причем, чем выше степень трудодефицитности, тем при прочих равных условиях должен быть больше и нормативный коэффициент. В случае же избытка рабочей силы этот коэффициент соответственно должен быть меньше. Значит, этот коэффициент определяется не только отраслевыми, но и региональными условиями [3].

Таким образом, в связи с ограниченностью ресурсов при прочих равных условиях важнейшее значение имеет проблема приоритетного распределения наиболее эффективной новой техники в зависимости от степени трудообеспеченности производства в разных регионах. Проведению такой технико-экономической политики будет способствовать, на наш взгляд, разработка в отрасли системы нормативных коэффициентов определения экономической эффективности ввода основных фондов, в которых учитывался бы и уровень трудообеспеченности в разных регионах страны. Правда, могут возразить, что в условиях переходного к рыночным отношениям периода, а также в условиях уже развитого рынка проблема насильственного распределения может “отмереть” сама собой. Но ведь и для развития рыночных отношений в регионе необходимо иметь приближенные ориентиры эффективности используемой техники, с другой стороны, далеко не ясны в полной мере фактические возможности реализации принципов регионального рынка для обеспечения эффективного функционирования единого народнохозяйственного комплекса страны, состоящего из большой совокупности “чистых” отраслей. Таким образом, разработка нормативных коэффициентов хотя бы в качестве элемента информационной базы для реализации принципов регулируемых рыночных отношений будет весьма актуальной.

Более точно оценить взаимосвязь между ростом нормативного коэффициента и степенью трудообеспеченности можно следующим образом. Предположим, производительность труда на предприятии, расположенном в трудодефицитном регионе, равна $П_{рдеф}$, фактическая численность работающих $Ч_ф$, дефицит рабочей силы – $\Delta Ч$. Тогда при устранении этого дефицита на предприятии (например, путем завоза рабочих вследствие их оргнабора) было бы получено $П_{рдеф} \cdot (Ч_ф + \Delta Ч)$ продукции. Однако тот же объем продукции можно получить и при прежней численности, но более высокой производительности труда. Рассчитаем эту производительность $П_{рн}$:

$$П_{рн} = \frac{Прдеф \cdot (Чф + \Delta Ч)}{Ч} = П_{рдеф}\left(1 + \frac{\Delta Ч}{Ч}\right)$$

Но $\frac{\Delta Ч}{Ч_ф} = \frac{Стр}{100} \cdot \frac{Чп}{Ч_ф} = \frac{Стр}{100} \cdot \frac{(Чф+\Delta Ч)}{Чф} = \frac{Стр}{100} \cdot \left(1 + \frac{\Delta Ч}{Ч_ф}\right)$ я численность работающи:

Значит, $\frac{\Delta Ч}{Ч_ф} \cdot \left(1 - \frac{Стр}{100}\right) = \frac{Стр}{100}$,

откуда следует, что $\frac{\Delta Ч}{Ч_ф} = \frac{Стр}{100} : \left(1 - \frac{Стр}{100}\right) = \frac{Стр}{100 - Стр}$

Поэтому разность $П_{рн} - П_{рдеф} \cdot \frac{\Delta Ч}{Ч_ф} = П_{рдеф} \cdot \frac{Стр}{100 - Стр}$.

Таким образом, величина $П_{рн} - П_р = П_р \cdot \frac{С_{тр}}{100 - С_{тр}}$ характеризует необходимое увеличение производительности труда сравнительно с существующим уровнем для устранения реального дефицита трудовых ресурсов. Поскольку нормативный коэффициент является функцией от $\Delta Ч$, т.е. $Н = f(\Delta Ч)$, то именно $\frac{П_{рн} - П_{рдеф}}{П_{рдеф}}$ и будет той величиной, на которую норматив, нижняя граница эффективности ввода фондов при наличии реального дефицита рабочей силы при прочих равных условиях должна быть выше аналогичной границы при условии сбалансированности по трудовым ресурсам [4].

Действительно, в условиях трудодефицитности каждый рубль прироста фондовооруженности должен не только приносить как минимум «нормативный» прирост производительности труда, но и устранять так называемую потенци-

ально недополученную продукцию. Это будет выполняться, если в соотношении $\frac{\Delta П_р}{\Delta Ф_т} \geq Н$ ΔЧ норматив больше, чем норматив Н в неравенстве $\frac{\Delta П_р}{\Delta Ф_т} \geq Н$ при условии сбалансированности по трудовым ресурсам именно на величину $\frac{С_{тр}}{100 - С_{тр}}$, появляющуюся в связи с тем, что показатель потенциально недополученной продукции в условиях реального дефицита трудовых ресурсов отличен от нуля. Таким образом, приходим к выводу, что НΔЧ= Н+ $\frac{С_{тр}}{100 - С_{тр}}$. Поскольку при увеличении дефицита трудовых ресурсов при прочих равных условиях растет и показатель степени трудодефицитности, а значит нормативный коэффициент, то отсюда и вытекает положение о том, что чем выше степень трудодефицитности, тем эффективнее следует внедрять основные фонды [5, 6]. Поэтому вполне реальна следующая ситуация. На два абсолютно идентичных предприятия (например, рыбозавода), одно из которых находится в трудоизбыточном регионе (например, на Кавказе), другое – в трудодефицитном (на Крайнем Севере или Дальнем Востоке), внедряется одинаковое оборудование. Может оказаться, что на первом предприятии ввод такого оборудования экономически эффективен, на втором – неэффективен.

При рассмотрении вопроса о региональных различиях значений нормативных коэффициентов эффективности ввода фондов в случае сбалансированности по трудовым ресурсам и при наличии реального дефицита трудовых ресурсов предполагалось, что уровень производительности труда в этих регионах одинаков. Если же это не так, то различия в значениях производительности труда должны быть также учтены в исследовании по этому вопросу, ибо в противном случае будет отсутствовать возможность сопоставления величин нормативов НΔЧ и Н.

Будем исходить из предположения, что различия в уровне производительности труда при прочих равных условиях определяются различной технической оснащенностью. Такое предположение вполне оправданно, так как НТП является важнейшим фактором роста производительности труда [7, 8]. Пусть $\frac{П_{рсб}}{П_{рдеф}}$, где $П_{рсб}$ и $П_{рдеф}$ – производительность труда соответственно в сбалансированном по трудовым ресурсам и трудодефицитном регионах (имеются в виду однотипные производства). Предположим, К≠1 (скажем, К>1). Если повысить уровень технической оснащенности производства, расположенного в трудодефицитном регионе, до уровня аналогичного производства, находящегося в сбалансированном по трудовым ресурсам регионе, то в связи с исходным предположением сравняются и уровни производительности труда в обоих регионах. Но, поскольку в этом случае производительность труда на производстве, расположенном в трудодефицитном регионе, возрастет в К раз, это приведет, во-первых, к возможности сопоставления нормативных коэффициентов Н и НΔЧ и, во-вторых, к необходимости учета в формуле НΔЧ=Н+$\frac{С_{тр}}{100 - С_{тр}}$ изменения величины реального дефицита трудовых ресурсов в связи с ростом производительности труда в К раз.

Рост производительности труда в К раз при прочих равных условиях эквивалентен снижению дефицита трудовых ресурсов ΔЧ на (К- 1)·$Ч_ф$. Это приведет к необходимости замены в правой части формулы НΔЧ=Н+$\frac{С_{тр}}{100 - С_{тр}}$ второго слагаемого на $\frac{С_{тр}}{100 - С_{тр}}$-(К-1), так как

$$П_{рн} - П_{рсб} = \Delta П_{рсб} = П_{рсб} \cdot \frac{\Delta Ч}{Ч_ф} - (К\text{-}1) \cdot Чф = П_{рсб} \cdot [\frac{\Delta Ч}{Ч_ф} - (К\text{-}1)]$$

Таким образом, если $\frac{П_{рсб}}{П_{рдеф}}$=К≠1, то формула связи коэффициентов НΔЧ=Н+$\frac{С_{тр}}{100 - С_{тр}}$ заменяется формулой НΔЧ=Н+[$\frac{С_{тр}}{100 - С_{тр}}$-(К-1)]. Здесь следует добавить, что таким образом косвенно учитывается и разница в оплате труда в разных регионах, ибо все это находит отражение в соотношении производительности труда между различными регионами (это весьма актуально, например, для Мурманской и Магаданской областей, где, как известно, в фонде оплаты труда значительный удельный вес составляют выплаты по районному коэффициенту и полярным надбавкам [9]). Все проведенные рассуждения применимы к случаю, когда К< 1, с той лишь разницей, что технический уровень производства, расположенного в трудодефицитном регионе, придется «опускать» до уровня аналогичного производства, находящегося в сбалансированном по трудовым ресурсам регионе. В итоге связь между нормативными коэффициентами будет определяться той же формулой. Экономический смысл последнего равенства в том, что в случае разной технической оснащенности однотипных производств, расположенных в трудодефицитном и сбалансированном по трудовым ресурсам регионах, сначала, для возможности их сопоставления путем преобразований, достигается нивелирование таких различий, а затем с учетом изменившегося вследствие этого уровня производительности труда на производстве, расположенном в трудодефицитном регионе, сравнивают нормативные коэффициенты, при этом учитывая измененное значение показателя дефицита трудовых ресурсов.

В случае трудоизбыточности все эти рассуждения применимы с точностью до “обратного”, поэтому результат будет тот же, но с обратным знаком. Таким образом, подытоживая, можно констатировать, что нижние границы эффективности использования фондов соответственно в трудодефицитном или трудоизбыточном и сбалансированном по трудовым ресурсам регионах связаны следующим соотношением:

$$H_{тр}=H\pm[\frac{C_{тр}}{100-C_{тр}}-(K-1)]$$

где $H_{тр}$, Н – нижние границы эффективности использования фондов соответственно в трудодефицитном (сумма в формуле) или трудоизбыточном (разность) и сбалансированном по трудовым ресурсам регионах;

$C_{тр}$ – степень трудообеспеченности;

К – отношение производительности труда в сбалансированном по трудовым ресурсам и трудоизбыточном или трудодефицитном регионах.

Здесь следует добавить, что степень трудообеспеченности Стр определяется следующим образом: Стр = ΔЧ/Ч, где ΔЧ – избыток или дефицит трудовых ресурсов (в зависимости от трудообеспеченности); Ч – численность работающих.

Необходимо отметить, что при получении этих выводов не учитывалась возможность увеличения производительности труда за счет совершенствования организации производства, планирования, управления и других факторов, не требующих, как правило, роста фондовооруженности. Важно и то, что увеличение фондовооруженности не всегда бывает связанным с повышением технической оснащенности предприятий, а вызывается удорожанием воспроизводства единицы производственных мощностей, т.е. ростом стоимости аналогичного оборудования [10]. Однако такое абстрагирование вполне оправданно, так как основную роль прироста производительности труда дает повышение технической вооруженности предприятий. Так, по данным Института труда, рост производительности труда почти на 3/4 зависит от повышения технического уровня производства и на 1/4 от организации труда и прочих факторов [11, 12].

Таким образом, получение рассмотренных выводов предложенным способом вполне правомерно. Однако для большей точности во все формулы в отношении $\frac{\Delta п_р}{\Delta Ф}$ можно ввести корректирующий коэффициент М, равный доле прироста производительности труда, получаемой от повышения технического уровня производства [13, 14].

В условиях переходного к рыночным отношениям периода, когда существенно возрос уровень нестабильности и неопределенности экономической среды, могут возникнуть мнения, что значение и роль различного рода нормативов существенно снизились. Разумеется, если речь идет о каких-то долговременных нормативах, то при высоком уровне инфляционных процессов, когда ценовые колебания достигают значительных размеров, говорить об эффективности их использования в хозяйственной практике вряд ли целесообразно (например, в нашем случае нижние границы эффективности использования фондов при сильной инфляции преимущественно будут зависеть от роста цен, непосредственно не связанного с ростом производительности труда). Однако и в этом случае можно учесть в нормативах фактор инфляционного роста, не говоря уж о том, что при достижении достаточно высокого уровня развития рыночных отношений наступает определенная стабилизация, при которой использование нормативов весьма эффективно (на что указывает факт широкого использования различного рода нормативов в экономике развитых капиталистических стран [15]). В нашем случае предложен методический подход для определения нормативных коэффициентов – нижних границ эффективности использования фондов, где при желании можно учесть фактор инфляционного роста.

Для оценки нижней границы эффективности ввода фондов в условиях реального дефицита или избытка рабочей силы следует предварительно определить величину нормативного коэффициента эффективности ввода этих же фондов при допущении сбалансированности по трудовым ресурсам. Поскольку такие нормативы пока еще не разработаны, вполне оправданно взять в качестве ориентировочных фактические значения $\frac{\Delta п_р}{\Delta Ф}$, рассчитанные для отраслей и народного хозяйства в целом (производительность труда, рассчитанная по чистой продукции). Оправданность такого подхода к определению величины нормативного коэффициента подтверждается также тем, что именно такой подход лежит в основе определения нормативов абсолютной эффективности капитальных вложений. В связи с различным уровнем трудообеспеченности производства в разных регионов страны истинность сравнительной оценки определяемых нормативных коэффициентов сохранится, если в качестве исходного взять норматив, рассчитанный на основе среднеотраслевых показателей производительности и фондовооруженности труда [16].

При этом необходимо отметить, что аналогично тому, как мы рассмотрели вопросы оптимального соотношения фондо- и трудосберегающих направлений интенсификации производства и предложили методы их решения на основе нормативных коэффициентов, можно рассмотреть проблемы оптимального соотношения каких-либо двух других направлений процесса интенсификации производства, например фондо- и материалосбережения. Следует отметить также и то, что хотя вопросы оптимизации живого и овеществленного труда рассмотрены здесь в зависимости только от ограничения на имеющиеся трудовые ресурсы, подобным образом могут быть учтены и другие ограничительные параметры (по фондам, по природным ресурсам и пр.). Для этого в окончательную формулу вместо степени трудодефицитности следует подставить показатель степени дефицитности соответствующего вида ресурса, а вместо показателя соотношения производительности труда в разных регионах – соотношение эффективности использования соответствующего вида ресурсов [17, 18].

Из вышесказанного не следует делать вывод о том, что в трудоизбыточных регионах обязательно должно происходить снижение количественных и ухудшение качественных показателей интенсификации и эффективности экономического развития, так как существуют различные направления интенсификации и наряду с трудосберегающим выделяют также фондо-, материало-, энергосберегающее направления интенсификации и т.д. Хотя совершенно очевидно, что необходимо разработать систему хозяйственных мер, в которых бы учитывалась взаимосвязь показателей,

характеризующих уровень безработицы в регионе с показателями интенсификации производства и, прежде всего, с показателями выбытия и обновления основных фондов, внедрения более прогрессивного оборудования и т.д. [19] (в противном случае вполне реально возникновение ситуации, когда при высокой безработице массовое внедрение производительного оборудования вследствие автоматизации и комплексной механизации приведет к существенной экономии рабочих мест, т.е. к еще большему росту безработицы и усилению социальной напряженности в обществе [20]).

Здесь речь идет о том, что в условиях различной степени трудообеспеченности разных регионов страны с точки зрения интересов эффективного, оптимального развития национальной экономики в целом целесообразно создание такого хозяйственного механизма, при котором при прочих равных условиях внедрение и дальнейшая эксплуатация наиболее производительного с точки зрения экономии живого труда оборудования первоначально и преимущественно должны осуществляться в трудодефицитных регионах. В дальнейшем по мере уменьшения трудодефицитности и, тем более, устранения этого явления целесообразно осуществить внедрение прогрессивного оборудования и в другие регионы. Кроме этого из вышесказанного можно сделать вывод и о том, что в условиях трудоизбыточности более целесообразным является внедрение оборудования, осуществляющего экономию сырья, материалов, энергии, фондов, но не живого труда (т.е. не трудосберегающего, а какого-то иного (иных) направления интенсификации), причем, чем выше трудоизбыточность предприятия или региона, тем, при прочих равных условиях, потребность в реализации этой стратегии увеличивается.

Таким образом, здесь нами предложен методический подход для определения нормативных коэффициентов – нижних границ эффективности использования основных фондов с учетом территориальных различий трудообеспеченности. Иначе говоря, это своего рода нормативы, имеющие преимущественно сравнительную, сопоставимую направленность и различающиеся по разным регионам, внедрение которых позволит решить проблему об оптимальном соотношении фондо – и трудосберегающего направлений интенсификации производства на территориальном и федеральном уровнях. Как уже отмечалось выше, при желании в этих нормативах можно учесть также фактор инфляционного роста, что позволит в относительно устойчивой среде (т.е. когда нет серьезных изменений в экономической системе, например, кризисов) использовать их достаточно продолжительное время, хотя, разумеется, периодически конкретные их значения нужно будет все равно пересматривать.

Аналогичные нормативы можно определить не только для трудосберегающего направления интенсификации общественного производства, но и для любого другого: материало-, энерго-, фондосберегающего и т.д. Наличие такого рода системы территориальных нормативов позволит выявить наиболее приоритетные и первоочередные для конкретного региона мероприятия и направления интенсификации производства и, прежде всего, научно-технического прогресса (напомним, что НТП является важнейшим фактором процесса интенсификации общественного воспроизводства). Приоритетность и эффективность реализации мероприятий какого-то определенного направления интенсификации в данном регионе будет зависеть от многих факторов, особенно от отраслевой структуры территориальной экономики, наличия природных ресурсов, трудообеспеченности (в т.ч. уровня безработицы) и пр. Таким образом, предложенные нами нормативы носят не обязательный, а преимущественно информационно-рекомендательный характер. Учитывая сказанное, а также и то, что данные нормативы выявляют приоритетность (т.е. первоочередность) разных регионов с точки зрения внедрения в них передовой, наиболее производительной техники и технологии, экономящей живой труд, более правильным будет называть их нормативными коэффициентами.

Использование такого подхода, на наш взгляд, эффективно скажется на состоянии как экономики данного региона, так и экономики страны в целом. В конечном счете, все это приведет к повышению и конкурентоспособности продукции, так как позволит выбрать из большой совокупности мероприятий, форм и направлений интенсификации (а значит, выбрать и нужное направление НТП, являющегося ее важнейшим фактором) те, которые наиболее эффективны для региона в настоящее время (можно привести поясняющий пример: в регионе с высоким уровнем безработицы обнаружили большие запасы полезных ископаемых, значит, при прочих равных условиях, в настоящее время здесь более эффективно использование мероприятий материалосберегающего направления интенсификации производства, а не трудосберегающего – все это должно позитивно сказаться и на росте конкурентоспособности продукции, так как интенсификация производства является одной из причин этого роста).

Следует добавить, что предложенный нами подход «срабатывает» лишь в общем. В этой связи достаточно сказать, что во многих странах мероприятия трудосберегающего направления интенсификации нередко реализовывались и в условиях безработицы (правда в этот период уровень ее был сравнительно небольшим), так как возникали новые виды деятельности вследствие диверсификации экономики, куда «перетекала» высвобождающаяся рабочая сила. Целесообразность использования предложенного подхода зависит также от многих других факторов (например, инфляционных процессов), не связанных непосредственно с каким-то направлением интенсификации.

Однако в целом применение данного методического подхода позволит более эффективно использовать по регионам имеющиеся ограниченные резервы модернизации и технического перевооружения российской экономики, т.к. в этом подходе в должной мере учитывается территориальная специфика. Особенно это справедливо для регионов зоны Севера и Дальнего Востока – традиционно трудодефицитных и в то же время обладающих значительными сырьевыми ресурсами [21]. Для этих регионов России в ряде отраслей необходимо создание специальной техники и технологии, которая несмотря на, как правило, повышенные затраты на ее создание, должна достаточно быстро окупиться в связи с экономией вследствие ее использования сырья и живого труда (меньше потребуется завозить в эти регионы рабочих по оргнабору и работающих вахтовым методом). Чтобы сделать «действенным» предложенный подход, необходимо шире использовать систему государственного заказа (особенно для северных и дальневосточных регионов), создавать различного рода фонды (как на федеральном, так и на региональном уровнях), использование которых позволит повысить эффективность интенсификации, а также определить систему финансово-кредитных и налоговых

механизмов, стимулирующих этот процесс (например, в виде ускоренной амортизации). Здесь необходимо широко использовать позитивный зарубежный опыт. Целесообразно также, на наш взгляд, разработать комплексно-целевую программу «Социально-экономическая эффективность различных направлений интенсификации производства в России и в ее разных регионах», а также аналогичную программу стимулирования НТП как основы инновационной экономики.

Таким образом, в нашем случае предложен методический подход для определения нормативных коэффициентов – для нижних границ эффективности использования фондов можно учесть фактор инфляционного роста. Далее показывается, что предложенную нами методику можно использовать при изучении реальных воспроизводственных процессов. Для оценки нижней границы эффективности ввода фондов в условиях реального дефицита или избытка рабочей силы следует предварительно определить величину нормативного коэффициента эффективности ввода этих же фондов при допущении сбалансированности по трудовым ресурсам. Поскольку такие нормативы пока еще не разработаны, вполне оправданно взять в качестве ориентировочных фактические значения $\frac{\Delta П}{\Delta Фm}$, рассчитанные для отраслей и народного хозяйства в целом (производительность труда, рассчитанная по чистой продукции). В связи с различным уровнем трудообеспеченности производства разных регионов страны истинность сравнительной оценки определяемых нормативных коэффициентов сохранится, если в качестве исходного взять норматив, рассчитанный на основе среднеотраслевых показателей производительности и фондовооруженности труда.

В целом по народному хозяйству отношение $\frac{\Delta П}{\Delta Фm}$ в определенные периоды времени колебалось в пределах 0,1–0,2. Проведенные нами расчеты на основе статистических материалов о производственной деятельности рыбопромышленных предприятий Северного бассейна – одного из наиболее экстремальных регионов, позволяет оценить значение предложенных нормативных коэффициентов эффективности и возможности их использования в хозяйственной практике. Отметим, что рыбная промышленность относится к тем отраслям, в которых показатель производительности труда исчисляется по товарной продукции, что несколько затрудняет расчеты. На основе проведенных оценок показатель производительности труда, рассчитанный по чистой продукции, на рыбзаводах Мурманской области составлял около 16 тыс. руб. на человека, Архангельской области – около 15 тыс. руб., в среднем по бассейну этот показатель составляет около 15600 руб. на человека. В среднем по отрасли в рыбообрабатывающем производстве показатель производительности труда, рассчитанный по чистой продукции, составлял около 13,5 тыс. руб. в среднем на 1 человека, а значит К можно принять равным приблизительно 1,15. Отношение $\frac{\Delta П}{\Delta Фm}$ отрасли оказывается равным около 0,2. В дальнейшем для проведения расчетов будем считать, что для рыбообрабатывающего производства при условии сбалансированности по трудовым ресурсам нормативный коэффициент равен 0,2, т.е. Н = 0,2.

При понимании отношения $\frac{\Delta Фm}{\Delta Пр}$ как своеобразного показателя срока окупаемости средств, вкладываемых на прирост фондовооруженности, можно было бы считать, что ввод фонда эффективен, если реальный срок службы больше рассчитанного срока окупаемости. Исходя из этого, можно определять нормативные коэффициенты отдельно по каждому типу оборудования. Так, поскольку оптимальный срок службы для замены оборудования в рыбокоптильном производстве составляет 15–16 лет, то величина коэффициента была бы в этом случае равна приблизительно 0,06–0,07; в консервном производстве оптимальный срок составляет 11-12 лет и, следовательно, величина норматива была бы 0,08–0,09. Но тогда придется признать, что если даже вместо реального срока службы брать оптимальный, то будем иметь для типа оборудования, различающегося своим оптимальным сроком разную величину нормативного коэффициента. Следует отметить, что такой подход был оправдан, если бы наличные ресурсы не были ограничены. Но, поскольку это не так, то постоянно возникает необходимость приоритетного вложения средств, т.е. вкладывать средства при прочих равных условиях следует в наиболее эффективные сферы приложения труда. В связи с этим придется признать, что число нормативных коэффициентов при условии сбалансированности по трудовым ресурсам не должно быть слишком большим. Поэтому целесообразней пользоваться нормативом Н=0,2, хотя для решения конкретных задач можно определять нормативы по каждому типу оборудования.

Теперь можно определить норматив, нижнюю границу эффективности ввода фондов в рыбообрабатывающем производстве Северного бассейна. Как уже отмечалось, степень трудодефицитности здесь на ряде заводов составляет 20% (есть и выше), К приблизительно равно 1,15. Значит, если поставить эти значения в формулу связи нормативных коэффициентов в условиях трудодефицитности и сбалансированности по трудовым ресурсам, то получим, что для рыбообрабатывающего производства региона нормативный коэффициент эффективности ввода оказывается равным $H\Delta Ч = 0{,}2 + \frac{20}{100-20} - (1{,}5-1) = 0{,}3$, что значительно выше среднеотраслевого. Следовательно, здесь ввод фондов эффективен, если каждый рубль фондов дает, как минимум ежегодный прирост продукции на 30 коп., тогда, как в среднем для отрасли – на 20 коп., т.е. нижняя граница эффективности использования фондов в регионе приблизительно в 1,5 раза выше среднеотраслевого аналога (причем, последнее утверждение справедливо и в условиях инфляции, т.к. рост цен приблизительно одинаков на бассейне и в отрасли). При предполагаемом методе расчета от степени трудодефицитности существенно зависит экономическая эффективность ввода фондов. На самом же деле реальные значения отношения $\frac{\Delta П}{\Delta Фm}$ значительно меньше нормативных: реальные значения отношения $\frac{\Delta П}{\Delta Фm}$ оказываются равными 0,18, что значительно меньше норматива для региона. Это говорит о том, что с учетом необходимости устранения трудодефицитности в регион вводится недостаточно производительное оборудование.

Аналогичным образом можно определить рост нормативных коэффициентов в Северном бассейне отдельно по каждому типу оборудования. Так, в рыбокоптильном производстве нормативный коэффициент эффективности в бас-

сейне приблизительно равен 0,17 против 0,07 в случае сбалансированности по трудовым ресурсам, для консервного производства соответственно 0,18 и 0,09. Следовательно, устранить трудодефицитность на береговых рыбообрабатывающих предприятиях можно будет, если вводимые фонды будут существенно производительнее, эффективнее тех, что вводятся на аналогичных предприятиях, которые расположены в сбалансированных по трудовым ресурсам регионах. Если же при этом учесть и экстремальность природных условий, то региональная эффективность использования основных фондов на предприятиях Северного бассейна ниже, чем в среднем по отрасли.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать общий вывод о том, что при прочих равных условиях уровень трудосберегающего направления интенсификации производства должен быть тем выше, чем больше степень трудодефицитности. Этот вывод сохраняет свою силу даже с учетом того факта, что сейчас ситуация в сфере занятости изменилась в целом по стране. Но, поскольку степень трудообеспеченности все же различна в разных регионах, необходимость обеспечения при прочих равных условиях более высоких темпов интенсификации (в частности, приоритетного распределения самой производительной техники в наиболее трудодефицитные регионы) в связи со степенью трудодефицитности сохраняется. Таким образом, можно видеть, что предложенные нормативные коэффициенты, что называется, работают, так как на их основе можно получать определенные результаты и делать конкретные выводы. Хотя расчеты проводились на примере данных о работе предприятий рыбопромышленного комплекса, рассмотренные коэффициенты можно использовать и для любой другой отрасли региона, например, для определения эффективности основных фондов для предприятий сельскохозяйственной отрасли в условиях Крайнего Севера.

Как известно, Север и Дальний Восток с давних пор относятся к наиболее трудодефицитным регионам страны. В последнее время было принято решение об ускоренном развитии производственных сил этих регионов. Учитывая, что уровень развития материально-технической базы многих производств здесь ниже среднероссийского, обеспечить ускоренное развитие таких районов можно при более высоких темпах интенсификации производства и, прежде всего, трудосберегающего направления интенсификации.

Важно учесть и то, что одним из решающих факторов привлечения рабочей силы из других регионов мог бы быть высокий уровень развития социальной инфраструктуры этих районов. На самом же деле по многим важнейшим параметрам региональный уровень ниже среднереспубликанского. Так, весьма остро на Севере и Дальнем Востоке стоит проблема с жильем, недостаточно развито здравоохранение и т.д. В настоящее время обслуживающие производства, непосредственно обеспечивающие социальный комплекс региона, находятся в очень сложном положении – та же проблема нехватки кадров в строительстве, более высокая стоимость по сравнению с европейскими регионами постройки аналогичных предприятий и ряд других проблем. В связи с этим кардинально изменить положение в области строительства объектов социальной инфраструктуры здесь в ближайшее время вряд ли представляется возможным. Недостаточно высокий уровень развития социальной инфраструктуры способствует также неравноценному по качеству "обмену" кадров в пользу других районов страны. Особенно это актуально для сезонных производств, в том числе для рыбообрабатывающего производства. Все эти обстоятельства также требуют более ускоренных темпов трудосберегающего направления интенсификации регионального производства. Таким образом, в сложившейся ситуации трудосберегающее направление интенсификации производства должно стать решающим фактором устранения трудодефицитности. Важнейшее значение при этом имеет совершенствование системы материального стимулирования трудовых ресурсов. В заключение необходимо отметить, что по аналогии с тем, как в данной статье рассмотрены вопросы оптимального соотношения фондо- и трудосберегающих направлений интенсификации производства и предложены методы их решения на основе нормативных коэффициентов, можно рассмотреть проблемы оптимального соотношения каких-то двух других направлений процесса интенсификации, например, фондо- и материалосберегающих направлений. Следует отметить также и то, что хотя вопросы оптимизации живого и овеществленного труда нами здесь рассмотрены в зависимости только от ограничения на имеющиеся трудовые ресурсы, подобным образом могут быть учтены и другие ограничительные параметры (по фондам, по природным ресурсам и пр.).

Для этого в окончательную формулу вместо степени трудодефицитности следует подставить степень дефицитности соответствующего вида ресурса, а вместо показателя отношения производительностей труда в разных регионах – показатель отношения эффективности использования соответствующего вида ресурсов в разных регионах (т.е. отношение показателей материалоотдачи, фондоотдачи или капиталоотдачи в разных регионах – в зависимости от выбранного вида ресурсов). Таким образом, данный подход позволяет при определении эффективности учитывать наличие дефицита или избытка любого вида ресурса.

Таким образом, данная методика позволяет определять не только эффективность интенсификации на основе сравнения эффектов экстенсификации и интенсификации, но и эффективность различных направлений интенсификации производства. Более того, на основе данной методики можно определять и сравнительную эффективность между различными направлениями интенсификации, а также и между разными мероприятиями интенсификации.

Только что была определена формула для определения использования основных фондов с учетом степени трудобеспеченности, которая также может быть использована при рассмотрении вопроса о сравнительной эффективности между трудосберегающим и фондосберегающим направлениями интенсификации. Это формула такова:

$$Нтр = Н \pm [\frac{Стр}{100 - Стр} - (К - 1)]$$

,

где Нтр, Н – нижние границы эффективности использования фондов соответственно в трудодефицитном (сумма в правой части формулы) или трудоизбыточном (разность) и сбалансированном по трудовым ресурсам регионах;

Стр – степень трудообеспеченности;

К – отношение производительности труда в сбалансированном по трудовым ресурсам и трудоизбыточном или трудодефицитном регионах.

По аналогии могут быть определены нижние границы эффективности использования материальных и капитальных ресурсов с учетом различной степени обеспеченности того или иного вида ресурсов. Разумеется, только в эти формулы должны быть в этом случае внесены соответствующие коррективы – вместо отношения производительности труда в разных регионах должно быть отношение между фондоотдачей или материалоотдачей в этих регионах, а вместо показателя степени трудообеспеченности должен быть соответственно показатель степени избытка или дефицита материальных ресурсов или фондов. Полученные формулы могут быть также как и эта формула использованы, но уже при определении сравнительной эффективности не между трудо- и фондосберегающим направлением интенсификации, а между трудо- и материалосберегающим направлениями.

Как можно видеть, и в формулах методики определения эффективности интенсификации производства, и в последней формуле эффективность тем больше, чем при прочих равных условиях меньше степень обеспеченности определенным видом ресурса, т.е. иначе говоря, чем выше степень его дефицитности. Если вспомнить сущность закона спроса и предложения, также как и многих других предположений маржиналистской концепции – будь то теория предельной производительности, предельной цены и т.п. – во всех случаях при прочих равных условиях, чем ниже степень обеспеченности определенным экономическим субстратом, тем выше эффективность его использования. Как можно видеть, общность этого положения подтверждается теперь и полученными нами результатами об определении эффективности интенсификации производства и ее различных направлений.

В свете полученных результатов нам могут возразить, что тогда вполне реальна ситуация – в условиях безработицы, в трудоизбыточном регионе – когда то же трудосберегающее направление интенсификации производства окажется неэффективным. На это замечание можно ответить следующим образом. Выводы нами получены при абстрагировании от многих сторон экономической реальности (что выражает оговорка «при прочих равных условиях»). В этой связи, например, не учитывается происходящее в условиях НТП, наряду с таким его последствием, как высвобождение рабочей силы в результате внедрения более производительной техники, возрастание общественных потребностей, способствующее появлению новых видов производств, а тем самым и созданию новых рабочих мест. Только так можно понять определенное равновесие между наличной рабочей силой и потребностью в ней в развитых странах, где вследствие мероприятий НТП постоянно происходит экономия живого труда.

Поэтому на основе предложенной нами методики совершенно неправомерно делать вывод о том, что в условиях безработицы или в трудоизбыточном регионе не следует осуществлять мероприятия трудосберегающего направления интенсификации. Вовсе нет. Но вполне правомерно на основе предложенного в нашей методике подхода делать вывод о том, что в трудодефицитном регионе эффективность трудосберегающего направления интенсификации при прочих равных условиях выше, чем в трудоизбыточном. Точно также можно на основе предложенного подхода делать вывод о том, что в условиях избытка рабочей силы и, например, дефицитности материальных ресурсов сравнительная эффективность материалосберегающего направления интенсификации по сравнению с трудосберегающим повышается (опять же при прочих равных условиях). В этой связи можно предложить определять степень обеспеченности (избытка/дефицита) всеми основными видами ресурсов – трудовыми, материальными, фондами – и основываясь на формулах методики проранжировать различные мероприятия и направления интенсификации на том или ином производственном участке (в регионе, отрасли и пр.). В этом прежде всего и заключается научная и практическая значимость предложенной методики – в возможности ранжировать направления и мероприятия интенсификации. Сказанное особо справедливо в условиях сильной инфляции, когда осуществление точных стоимостных оценок, особенно за сравнительно продолжительный период времени, весьма затруднено. Проще, надежнее и целесообразнее определять ранг конкретных мероприятий и направлений интенсификации.

Список литературы

1. Ванер И. Теоретические вопросы интенсификации экономических процессов // Изв. АН СССР. Сер. Экон. – М., 1981. – № 5. – С. 41–49.
2. Андреев В.А., Павлов К.В. Интенсификация общественного производства в свете институциональной теории // Общество и экономика. – М., 2006. – № 6. – С. 152–162.
3. Вечканов В.С., Вечканов Г.С. Ускорение и эффективность производства. – Л.: ЛГУ, 1989. – 207 с.
4. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. – М.: Магистр, 2007. – 271 с.
5. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория / Под ред. профессора А.А. Аузана. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 416 с.
6. Институциональные проблемы эффективного государства / Под ред. В.В. Дементьева, Р.М. Нуриева. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2011. – 292 с.
7. Ядгаров Я.С. История экономических учений: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 480 с.
8. Носова О.В. Институциональная теория и ее применение на постсоветском пространстве // Социально-экономическое развитие славянских стран СНГ: сравнительный анализ (Серия: Экономическое славяноведение) / Под науч. ред. К.В. Павлова и И.З. Юсупова (параграф 9 главы 12). – Ижевск: Митра, 2012. – 837 с.
9. Нусратуллин В.К. Неравновесная экономика. 2-е изд., доп. – М.: Компания Спутник+, 2006. – 482 с.
10. Павлов К.В. Патологические процессы в экономике. – М.: Магистр, 2009. – 461 с.
11. Ляшенко В.И. Финансово-регуляторные режимы стимулирования экономического развития: введение в экономическую режимологию. – Донецк: Институт экономики промышленности НАН Украины, 2012. – 370 с.
12. Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / Под науч. ред. В.С. Селина, В.А. Цукермана. - Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2012. – 255 с.
13. Павлов К.В. Патологические процессы в эколого-экономической сфере. LAP LAMBERT, 2011. – 438 с.

14.Павлов К.В. Региональные эколого-экономические системы. – М.: Магистр, 2009. – 351 с.
15.Сингизова Н.Б. Основные характеристики экономики региона, как системы // Воспроизводственный потенциал региона: материалы IV Международной научно-практической конференции, 3–5 июня 2010 г., г. Уфа. Ч.1./ Отв. ред. проф. К.Н. Юсупов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 300–306.
16.Территориальное управление общественным производством. Словарь-справочник / Под ред. А.П. Сысоева и Д.Г. Черника. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1993. – 176 с.
17.Ильин И.А. Экономика городов: региональный аспект развития. – М.: Наука, 1982. – 208 с.
18.Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: Сокр. перев. с англ. – М.: Прогресс, 1968. – 659 с.
19.Кацура С.Н. Становление инновационной системы в Украине: национальный и региональный аспекты. – Донецк: Институт экономики промышленности НАН Украины, 2011. – 504 с.
20.Ляшенко В.И., Павлов К.В., Шишкин М.И. Наноэкономика в славянских странах СНГ / Серия: Экономическое славяноведение. – Ижевск: Книгоград, 2011. – 348 с.
21.Еделев Д.А., Ляпунцова Е.В. Инновационные факторы социально-экономического развития российской промышленности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2014. – № 4. – С. 250–255.

Петросянц В.З.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ[1]

Ключевые слова*: регион, регулирование, инновации, инвестиции, программно-целевые методы, система, федерализм, механизм.*

Keywords: *region, regulation, innovation, investment, software-target method, system, federalism, mechanism.*

Современная дифференциация регионов Российской Федерации формирует сложную несбалансированную структуру национальной экономической системы в целом. При этом современная практика регионального развития убедительно демонстрирует необходимость его регулирования, поскольку не может осуществляться стихийно без государственного вмешательства, обеспечивающего нивелирование потенциальных источников социально-экономической поляризации и устранение нарушений целостности страны. Поэтому стратегически важным для России является проведение сильной государственной региональной политики, направленной на сглаживание чрезмерной дифференциации в уровнях социально-экономического развития с позиций инновационно-технологической модернизации хозяйственных структур региона.

Федеративное устройство российского государства функционально должно обеспечивать его территориальную целостность и сохранение единого экономического пространства с позиций признания равноправности всех субъектов Федерации, их относительной самостоятельности в решении внутрирегиональных проблем экономического развития и социального обустройства. Концептуальную основу такой организации отношений между Федеральным Центром и регионами (субъектами Федерации) должны составлять два принципа. Во-первых, признание того, что носителем интересов региона является проживающее на его территории население. Во-вторых, рассмотрение региона в качестве целостной социально-экономической системы, специфика которой определяется не только географическим положением, природно-климатическими условиями, наличием на данной территории того или иного множества производств, но и, прежде всего, исторически сложившимся образом жизни местного населения, его менталитета. Необходимость следования этим принципам наиболее ярко проявляется в национальных автономиях (республиках и округах), поскольку при прочих равных условиях сильное влияние на хозяйственную специфику этих территориальных образований оказывают этнический и религиозный факторы.

Развитие региона – это сложный процесс изменений экологической, экономической, социальной, пространственной, политической и духовной сфер, который приводит к качественным трансформациям и, в конечном счете, меняет условия жизни самого человека. Региональное развитие базируется на следующих принципах: учет потребностей населения региона, состояние и динамика формируемых рынков, интересы государства и отдельных предприятий, создание условий для максимальной адаптации структуры экономики региона к внутренним и внешним факторам, активное позиционирование региональных интересов. Оно должно быть направлено в сторону общественного прогресса, обеспечивать устойчивое воспроизводство социального, хозяйственного, ресурсного и экономического потенциалов региона. Для того чтобы регион успешно развивался, необходимо определить приоритеты формирования региональной экономики, учитывать особенности исторического и культурного развития.

В этих условиях перед регионами стоят задачи не только в обеспечении стабилизации и устойчивости, но и в эффективной реализации своего хозяйственного потенциала в перспективе. То есть, вопросы стратегического поведения субъектов хозяйствующих на территории того или иного региона приобретают особое значение, становятся объектом повышенного внимания, поскольку конкурентоспособность и прибыльность производимой продукции во многом зависят от способности товаропроизводителей гибко реагировать на динамичное движение рынка, использовать его конъюнктуру и механизм цен, информационные технологии и коммуникации.

Крайне важным является и то, что региональная экономика не может сегодня рассматриваться в отрыве от процессов глобализации, имеющих разнообразные проявления. В настоящее время тенденции мировой экономики убедительно показывают рост роли масштабов инновационной деятельности и ускорения инновационных процессов в экономическом развитии, охватывающих не только технологические и организационные, но и социальные нововведения. Все это подтверждает тотальный характер инновационной деятельности. Тем более что конкурентоспособность регионального производства заключается не только в борьбе на существующем рынке, но и за новые рынки, т.е. путем

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-02-00093).

создания новых товаров и услуг. Отсюда следует необходимость скорейшего перехода экономики России и ее регионов на инновационный тип развития[1].

Региональное развитие – это многофункциональный, многомерный и многогранный процесс, направленный на реализацию конкретных целевых установок, включающих:

– экономический рост доходов населения и, как следствие, повышение уровня жизни населения;

– структурные сдвиги в социальной, институциональной и административной сферах общественного обустройства;

– совершенствование систем образования и здравоохранения;

– формирование принципиально иных социальных, политических, экономических и институциональных условий общественной жизни с ориентацией на благосостояние человека.

Методологически организационно-экономический механизм регулирования развития региона формируется на основе теоретических положений и соответствующих им действующих и проектируемых законодательных актов, определяющих нормы и правила функционирования региональной хозяйственной системы в рамках соблюдения предельных параметров поведения субъектов рыночных отношений. При этом развитие хозяйственной системы региона с точки зрения учета интересов населения должно быть социально ориентировано.

Создание эффективной системы (механизма) регулирования регионального развития обусловливается необходимостью целенаправленной координации деятельности региональных органов управления с субъектами хозяйствования на подведомственной территории с позиций согласования федеральных, региональных и муниципальных интересов. В настоящее время вопросам разработки и совершенствования такого механизма уделяется большое внимание, осуществляется интенсивный поиск организационных форм, методов и инструментальных средств регулирования развития различного вида регионов с позиций снижения их дифференциации по достигнутым уровням социально-экономического состояния подведомственных территорий[2].

Объективно важнейшим элементом системы регулирования регионального развития становится прогнозирование и целевое программирование социально-экономических процессов.

Целевые программы представляют собой системно структурированный комплекс различного рода мероприятий, обеспечивающих эффективную реализацию задач в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития региона.

Именно прогнозирование и целевое программирование определяют стратегическую направленность пропорционального и сбалансированного в устойчивом режиме развития того или иного региона. Действительно, комплексный анализ и прогнозирование социально-экономического развития является отправной точкой в процессе регулирования регионального развития. Посредством обоснованных вариантных прогнозных оценок определяются цели социально-экономического развития региона, выстраиваются стратегические приоритеты и программные мероприятия в развитии региональной системы, направленные на достижение этих целей; а также их ресурсное обеспечение[3].

Соответственно, формирование комплексной программы социально-экономического развития региона включает в себя разработку специальных документов, описывающих цели, средства, порядок процедур и мероприятий, направленных на реализацию приоритетных проблем регионального развития. Важно отметить и то, что использование программно-целевых методов в механизме регулирования регионального развития предполагает активное участие региональных органов власти не только опосредованно, но и в части контроля и корректировки процесса реализации той или иной целевой программы.

Вообще разработка программы комплексного социально-экономического развития региона как целостного образования представляется крайне сложной проблемой, поскольку в процессе ее формирования объективно возникает необходимость учитывать все многообразие ограничений, а именно: геополитическое положение, состояние природного фактора, современную социально-демографическую ситуацию, прогноз социальной напряженности в регионе, вызовы общественно-политической среды и др.

Действительно, целевые установки реализации программы регионального развития применительно к особенностям любого конкретного региона (субъекта в составе Российской Федерации) должны включать в себя ряд обязательных положений:

– обеспечение устойчивого и сбалансированного развития региональной экономики с позиций эффективного использования, имеющегося ресурсного потенциала, включая рациональное природопользование;

– гармонизация региональных законодательных акт по обеспечению реализации программы развития региона, учитывающих региональную специфику с федеральным законодательством и требованиями международных инвестиционных институтов;

---

[1] Портер М. Конкуренция. – М.: Вильямс, 2001; Дохолян С.В. Методические подходы к оценке и анализу конкурентоспособности региона / С.В. Дохолян., В.З. Петросянц., А.М. Садыкова // Вопросы структуризации экономики. 2009. – № 1. – С. 46–50; Дохолян С.В. Региональное развитие и конкурентоспособность региона: теоретические аспекты / С.В. Дохолян., А.М. Садыкова // Вопросы структуризации экономики. 2008. – № 3. – С. 7–12.

[2] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2001; Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М.: ЛКИ, 2007; Лексин В., Швецов А. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья 8. Депрессивные территории: прежние проблемы и новые варианты их решения // Российский экономический журнал. 2001. – № 9; Петросянц В.З. Экономическая политика депрессивного региона / РАН; Дагестанский научный центр; Институт социально-экономических исследований. – М.: Наука, 2005. – С. 189 и др.

[3] Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989; Глазырин М. Системные факторы регионального развития // Экономист. – М., 2013. – № 6. – С. 90–96.

– создание условий для организации рациональной перестройки производственной инфраструктуры региона в соответствии современным требованиям для эффективной реализации инвестиционных проектов в рамках программы регионального развития;

– оптимизация использования ресурсного региона, включая бюджетные средства, с позиций совершенствования территориального размещения и развития производительных сил на уровне муниципальных образований (город, район);

– обеспечение эффективного участия субъектов хозяйствования на территории региона в реализации национальных интересов в области структурной перестройки и инновационных преобразований экономики страны.

В целом комплексная программа региона представляет собой документ, содержащий взаимосвязанное представление различных аспектов деятельности в рамках конкретной региональной социально-экономической системы. Его подготовка содержит:

– научно-обоснованную постановку целей регионального развития;

– обоснование и определение направлений их поэтапного достижения;

– системный анализ потенциальных возможностей региона с позиций их эффективного использования в процессе реализация программы регионального развития;

– разработку методического инструментария организации продвижения по избранным путям развития региона;

– обоснование рационального ресурсного обеспечения реализации целевых установок регионального развития.

Фактически, исходным пунктом разработки такой программы становится обоснование и определение хозяйственно-отраслевых приоритетов развития региона, но базовой стратегической целевой установкой является повышение уровня и качества жизни местного населения.

Инструментарий программно-целевого подхода предполагает в процессе разработки программы регионального развития широкое использование различных методов: «дерево целей», балансовых и технико-экономических расчетов, экономико-математического моделирования, экспертных оценок, сценарных вариантов и др. Именно такие, детально разработанные прогнозы и программы социально-экономического позволяют сформировать базовые положения концепции регионального развития, ее приоритетные цели и ресурсное обеспечение[1].

В то же время обеспечение регионального роста экономики связано с активизацией инвестиционной деятельности в регионе. При этом способность региона привлекать инвестиционные ресурсы связана с рядом проблем, одной из которых является отсутствие или недостаточная развитость соответствующего механизма инвестиционного обеспечения с привязкой к особенностям и специфике территории.

Динамичность развития региональных экономических систем в условиях рыночной экономики предполагает непрерывный процесс совершенствования имеющихся механизмов привлечения инвестиций в региональную экономику. Механизм привлечения инвестиций в развитие региона включает в себя совокупность целей, принципов и методов мобилизации инвестиционных ресурсов, а также различные инструменты и рычаги воздействия с позиций максимизации инвестиционного эффекта и минимизации инвестиционных рисков. Можно выделить четыре составляющих инвестиционного процесса: мотивационную, ресурсную, правовую, организационную.

В рамках мотивационной составляющей осуществляется комплексный анализ всех мотивационных и экономических ожиданий, которыми могут руководствоваться инвесторы при финансировании тех или иных объектов регионального развития.

Вторая, ресурсная составляющая инвестиционного процесса предполагает поиск наиболее рациональных направлений привлечения инвестиций, ресурсные возможности которых можно подразделить на три группы: собственные средства предприятий (уставный капитал, нераспределенная прибыль, амортизационные отчисления); заёмные средства (долгосрочные и краткосрочные кредиты банков и др.); привлеченные средства (средства бюджета, средства внебюджетных фондов и др.).

Правовая составляющая – это, прежде всего, соответствующие государственные законодательные и нормативные акты, а также методические положения и рекомендации, определяющие, регулирующие и регламентирующие порядок инвестиционной деятельности.

С точки зрения целостности организационно-экономический механизм инвестиционного обеспечения регионального развития необходимо рассматривать с позиции процессного подхода в виде совокупности инструментальных средств, обеспечивающих воспроизводство инвестиционной деятельности. К таким средствам можно отнести: мобилизацию внутренних собственных ресурсов инвестирования; широкое использование денежных ресурсов кредитно-инвестиционных институтов регионального и федерального уровней; а также активизацию в сфере привлечения иностранных инвестиций и использование ресурсов отечественных и зарубежных фондовых рынков. Крайне важным представляется и создание системы управления рисками и долговыми обязательствами; формирование центров кооперационных связей хозяйствующих субъектов региона, мотивационные возможности налогового регулирования[2].

Таким образом, системное регулирование регионального развития методологически представляет собой обширный набор интегрированных инструментальных средств, функционально охватывающие все стороны социально-экономического обустройства того или иного региона.

---

[1] Кохужева С.Н. Программно-целевое управление социально-экономическим развитием региона: роль организационно-экономического механизма в разработке региональных целевых программ социально-экономического развития // Российское предпринимательство. – М., 2011. – № 8, вып. 1. – С. 156–161.

[2] Современные инструменты инвестиционного развития регионов / Под ред. А.П. Сысоева. – М.: Статут, 2007.

Петрыкина И.Н.
к.э.н., доцент Воронежского государственного университета
Рисин И.Е.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления Воронежского государственного университета

БАЗОВЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ключевые слова: *регион, стратегия управления, человеческий капитал.*
Key words: *region, management strategy, human capital.*

Федеральным законом Российской Федерации от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» на региональном уровне в обязательном порядке предусмотрена разработка стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, определяющих их развитие в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Заметим, что их формирование и реализация не отрицают необходимости и возможности использования в деятельности органов публичной власти и менеджмента бизнес-структур стратегий, обеспечивающих решение ключевых проблем развития территорий. «Семейство» таких проблемно-ориентированных стратегий может быть достаточно представительным, включая и стратегию развития человеческого капитала региона.

Ранее мы отмечали, что одним из существенных ограничений современной практики стратегического планирования является дефицит во многих субъектах РФ специалистов, владеющих компетенциями, необходимыми для эффективного использования инструментария такого планирования. Неразвитым является и соответствующий сегмент научного и экспертного сообщества России[1].

Полагаем, что одним из вариантов противодействия названной «слабой стороне» управленческой практики является разработка *типовых (базовых) стратегий*, адресованных относительно однородным группам субъектов РФ, выявленным в процессе их виртуальной кластеризации.

Такой тип стратегий, во-первых, отличается инвариантным содержанием, учитывающим общие для регионов того или иного виртуального кластера стартовые позиции объекта управления и возможности его развития в перспективе. Поэтому ее использование в конкретном субъекте РФ сопряжено с необходимым дополнением общего особенным, отражающим своеобразие региона. Во-вторых, он ориентирован на достижение позитивных изменений в объекте управления, задаваемых постановкой соответствующих целей. Однако при этом отсутствуют количественные характеристики стратегических целей, фиксирующие траекторию его развития, поскольку для их установления необходим учет ресурсной базы конкретного региона. В-третьих, он определяет состав основных инструментов управления, необходимых для обеспечения позитивных изменений в объекте управления, не предлагая алгоритмов их использования. В разработке последних необходим учет не только ресурсной базы субъекта РФ, но и уровня компетентности кадров, реализующих функции публичного управления.

Очевидно, что специфика базовой стратегии управления детерминирует состав и содержание задач, связанных с ее разработкой.

Полагаем возможным предложить авторскую версию процесса разработки проблемно-ориентированной базовой стратегии управления развитием человеческого капитала регионов, выделив в нем ряд последовательно осуществляемых этапов.

Начальным является этап, связанный с выявлением относительно однородных групп субъектов РФ – виртуальных кластеров. По каждому из них определяются «сильные» и «слабые» стороны объекта управления – человеческого капитала.

На втором этапе осуществляется установление общих (применительно к регионам конкретного кластера) стратегических целей развития человеческого капитала; стратегических направлений развития человеческого капитала.

На третьем этапе осуществляется выбор общей для регионов кластера стратегии управления развитием человеческого капитала и определение необходимого для ее реализации инвариантного состава форм и инструментов управления.

Предложенная технология разработки базовых стратегий управления развитием человеческого капитала реализована нами применительно к регионам Центрального федерального округа (ЦФО).

Для выявления групп регионов ЦФО со схожими характеристиками развития человеческого капитала использован кластерный анализ, реализованный в системе Statistica.

[1] Рисин И.Е. Стратегическое планирование регионального развития: современная практика, направления совершенствования. – М.: РУСАЙНС, 2016. – С. 61.

Состав переменных, включенных в кластерный анализ, представлен следующим образом: X_1 – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет; X_2 – показатель, обратный показателю заболеваемости на 1000 чел. населения (количеству зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни); X_3 – численность студентов образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования на 10000 населения; X_4 – удельный вес занятых с высшим и средним профессиональным образованием, %; X_5 – среднегодовая численность занятых, тыс. чел.; X_6 – уровень занятости, %.

Для реализации процедуры кластерного анализа все вышеперечисленные переменные были стандартизованы методом линейного масштабирования. При этом в качестве референтных точек для каждого из показателей принимались максимальные и минимальные значения, фактически наблюдаемые в выборке в 2014 гг. Процедура кластерного анализа была реализована методом k-средних с использованием данных Федеральной службы государственной статистики[1].

Кластерный анализ позволил выделить четыре группы регионов, обладающих схожими характеристиками развития человеческого капитала. Целесообразность выделения такого количества групп подтверждается статистическими критериями значимости. Так, дисперсионный анализ показал, что во всех случаях межгрупповая дисперсия, рассчитанная для каждой переменной, превышает внутригрупповую, а дисперсионное отношение Фишера выше минимально допустимого значения.

Результаты кластеризации регионов ЦФО представлены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения нормированных показателей развития человеческого капитала по кластерам регионов Центрального федерального округа за 2014 год

Показатели	Кластеры:				В среднем по ЦФО[2]
	кластер А	кластер Б	кластер В	кластер Г	
X_1	1,000000	0,275695	0,242443	0,113906	0,256213892
X_2	0,666667	0,817963	0,478642	0,087753	0,455912209
X_3	1,000000	0,575103	0,299897	0,392181	0,42558299
X_4	1,000000	0,321569	0,440686	0,336471	0,416339869
X_5	1,000000	0,054776	0,087476	0,036431	0,116726179
X_6	1,000000	0,178808	0,507450	0,384106	0,427520235
Сумма	5,666667	2,223914	2,056595	1,350847	

При определении сильных и слабых сторон кластера мы руководствовались значениями нормированных показателей, рассчитанных в среднем по ЦФО. Превышение значений тех или иных показателей кластера над средними значениями по ЦФО свидетельствует об относительно сильных позициях по приведенным показателям, отставание от средних значений по ЦФО – об относительно слабых позициях.

Таблица 2

Сильные и слабые стороны кластеров регионов Центрального федерального округа по уровню развития человеческого капитала

Наименование кластера	Сильные стороны кластера	Слабые стороны кластера
Кластер Б – «Регионы с уровнем развития человеческого капитала выше среднего»	– высокая ожидаемая продолжительность жизни; – высокие значения показателя, обратного показателю заболеваемости (т.е. низкий уровень заболеваемости); – высокая численность студентов образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования в расчете на 10000 населения	– низкий удельный вес занятых с высшим и средним профессиональным образованием; – низкая среднегодовая численность занятых; – низкий уровень занятости
Кластер В – «Регионы со средним уровнем развития человеческого капитала»	– высокие значения показателя, обратного показателю заболеваемости (т.е. низкий уровень заболеваемости); – высокий удельный вес занятых с высшим и средним профессиональным образованием; – высокий уровень занятости	– низкая ожидаемая продолжительность жизни; – низкая численность студентов образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования в расчете на 10000 населения; – низкая среднегодовая численность занятых
Кластер Г – «Регионы с низким уровнем развития человеческого капитала»		– низкая ожидаемая продолжительность жизни; – низкие значения показателя, обратного показателю заболеваемости (т.е. высокий уровень заболеваемости); – низкая численность студентов образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования в расчете на 10000 населения; – низкий удельный вес занятых с высшим и средним профессиональным образованием; – низкая среднегодовая численность занятых; – низкий уровень занятости

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

[2] Рассчитано как среднее арифметическое значений нормированных показателей по 18 субъектам РФ, входящим в ЦФО.

Отметим, что поскольку кластер А включает только один субъект РФ (г. Москва), для него нужна разработка точечно сфокусированной стратегии развития человеческого капитала. Поэтому диагностика сильных и слабых сторон проведена нами применительно к кластерам Б, В, Г. Их систематизация дана в табл. 2.

Учитывая выявленные нами «сильные» и «слабые» стороны названных кластеров, перейдем к постановке стратегических целей развития человеческого капитала.

Предварим решение такой задачи рядом общих рассуждений.

1. Уровень разнообразия стратегических целей определяется установленными «сильными» и «слабыми» сторонами человеческого капитала.

Применительно к первым – востребовано их устойчивое воспроизводство, а при достаточной ресурсной базе – дальнейшее развитие. Применительно ко вторым – последовательное снижение их числа и силы влияния на функционирование и развитие объекта управления, а в долгосрочной перспективе – преодоление.

2. Достижение той или иной стратегической цели может осуществляться как по одному, так и по нескольким взаимосвязанным направлениям. Поэтому уровень разнообразия направлений развития человеческого капитала может быть выше, чем уровень разнообразия поставленных стратегических целей.

В содержательной характеристике стратегических направлений должны найти отражение наиболее значимые актуализированные потребности социально-экономической системы регионов в развитии человеческого капитала.

3. В случае если все выявленные «сильные» и «слабые» стороны оказываются объектом управленческого воздействия, речь идет о системном характере избранной стратегии управления. Если осуществляется их избирательный выбор, то такая стратегия оказывается сфокусированной на совокупности определенных параметров объекта управления. Иными словами, в «арсенале» искомых стратегий можно выделить два их вида – стратегия системного воздействия и стратегия сфокусированного воздействия.

Учитывая состав «сильных» и «слабых» сторон кластера Б, полагаем, что совокупность стратегических целей развития человеческого капитала в регионах, к нему относящихся (Воронежская, Курская, Рязанская, Тамбовская области), может быть определена следующим образом:

1. Повышение рождаемости, снижение смертности, обеспечение устойчивого роста продолжительности жизни.

2. Повышение качества системы высшего и среднего специального образования и уровня ее соответствия потребностям современной и формируемой «новой» экономики.

3. Создание новых высокопроизводительных рабочих мест.

4. Повышение уровня занятости, рост численности занятых в экономике.

5. Сохранение и приумножение культурного наследия.

Полагаем, что достижение названных целей сопряжено с развитием человеческого капитала регионов по следующим стратегическим направлениям: преодоление бедности, повышение эффективности системы поддержки социально уязвимых групп населения; улучшение качества медицинского обслуживания и повышение доступности высокотехнологичной медицинской помощи населению независимо от места его проживания; формирование здорового образа жизни растущей доли населения; формирование экологически ориентированной модели развития экономики, создание благоприятных экологических условий жизнедеятельности населения; осуществление структурной и институциональной перестройки системы высшего и среднего специального образования в соответствии с потребностями обновляемой экономики; формирование и развитие системы непрерывного образования населения, повышение уровня его профессиональной мобильности; повышение уровня сбалансированности рынка труда и образовательных услуг; создание новых «точек» экономического роста, абсорбирующих работников с высшим и средним специальным образованием; обеспечение миграционного притока наиболее образованного и экономически активного населения; развитие процессов социализации бизнеса; популяризация культурного наследия, укрепление нравственных ценностей населения.

Нетрудно заметить, что стратегические цели и направления развития человеческого капитала регионов указанного кластера предусматривают изменения по всему спектру ключевых параметров объекта управления. Это свидетельствует о востребованности стратегии управления, отличающегося системным характером воздействия.

Очевидно, что реализация такой стратегии должна быть основана на использовании форм и инструментов управления, состав которых отличается высоким уровнем разнообразия. Их содержательная характеристика приведена нами ранее[1]. Систематизируем их по типам воздействия.

1. *Институциональное воздействие*, осуществляемое посредством: кластеризации (создание и развитие кластеров с участием организаций социальной сферы); пространственной локализации бизнеса: создание особых экономических зон различных видов, индустриальных и технологических парков, агрополисов; использования различных форм государственно-частного партнерства, реализуемых в образовании, здравоохранении, сферах ЖКХ, охраны окружающей среды; формирования и интеграции элементов инновационной системы региона (инновационно-технологических центров, агентств по трансферу технологий, консалтинговых организаций, создаваемых с участием органов власти субъекта РФ и др.). К основным инструментам, используемым региональными властями при осуществлении такого воздействия, относятся: нормативные акты, регламентирующие порядок создания и функционирования особых экономических зон, индустриальных и технологических парков, кластеров; соглашения о стратегическом партнерстве органов государственной власти и крупных компаний в сферах развития и использования человеческого

[1] Петрыкина И.Н. Совершенствование управления развитием человеческого капитала регионов. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. – 212 с.

капитала; договоры о стратегическом партнерстве органов власти и управления с ведущими вузами, научными учреждениями.

2. *Организационно-экономическое воздействие*. В его составе: стратегирование процессов развития человеческого капитала в муниципальных образованиях, базовых отраслях экономики и социальной сферы; программирование процессов развития человеческого капитала; финансовое обеспечение развития человеческого капитала; организационное обеспечение развития человеческого капитала. К основным инструментам, используемым при таком воздействии, относятся, в том числе: стратегии социально-экономического развития муниципальных образований; стратегия пространственного развития региона; схема развития и размещения производительных сил региона; государственные и муниципальные программы, с реализацией которых связано развитие человеческого капитала региона; бюджет развития субъекта РФ, ориентированный на финансирование инвестиционных проектов, имеющих повышенную социальную значимость; бюджетные ссуды, выделяемые на жилищное строительство по фиксированным ценам; трастовое управление объектами социальной сферы; образовательные кредиты; государственный и муниципальный заказы на подготовку кадров; государственный заказ на разработку инновационных программ подготовки и переподготовки кадров; государственный заказ на формирование целевого жилищного фонда; государственные и местные субсидии под рост числа рабочих мест; гранты органов власти регионального уровня на реализацию проектов в области НИОКР, профессиональной подготовки и переподготовки кадров.

3. *Информационное обеспечение*. В его составе: мониторинг состояния и динамики развития и использования человеческого капитала региона; мониторинг рынка труда; составление и ведение реестров инвестиционных площадок и перспективных зон экономического развития, составление и ведение реестров инвестиционных предложений муниципальных образований. К основным инструментам, используемым при таком воздействии, относятся: Интернет-портал, посвященный социально-экономической деятельности на территории субъекта РФ; каталоги инвестиционных проектов, реализация которых связана с созданием «точек» экономического роста, новых высокопроизводительных рабочих мест; статистические и другие информационные материалы, отражающие состояние условий и факторов, определяющих развитие и использование человеческого капитала региона.

Перейдем к кластеру В. Учитывая состав его «сильных» и «слабых» сторон, полагаем, что совокупность стратегических целей развития человеческого капитала в регионах, к нему относящихся (Белгородская, Калужская, Костромская, Липецкая, Московская, Смоленская, Тульская, Ярославская области) может быть определена следующим образом:

1. Повышение рождаемости, снижение смертности, обеспечение устойчивого роста продолжительности жизни.

2. *Расширение масштабов системы высшего и среднего специального образования,* повышение уровня ее соответствия потребностям современной и формируемой «новой» экономики.

3. Создание новых высокопроизводительных рабочих мест.

4. *Поддержание* высокого уровня занятости в экономике, рост численности занятых в экономике.

5. Сохранение и приумножение культурного наследия.

Как видим (выделено курсивом), изменения в содержании стратегических целей в этом кластере по сравнению с предыдущим осуществлены только в постановке цели 2 (в фокусе – расширение масштабов системы профессионального образования, обеспечивающее наращивание численности студентов высших и средних специальных заведений), цели 4 (акцент на поддержание уже достигнутого в регионах относительно высокого уровня занятости населения). Очевидно, что приведенный выше состав стратегических направлений развития человеческого капитала регионов кластера Б полностью востребован и в этом случае. Единственное отличие состоит в его дополнении новым направлением, связанным с созданием условий, благоприятствующих существенному повышению спроса на образовательные услуги, предоставляемые учебными заведениями региона.

Деятельность органов публичной власти и менеджмента высших и средних специальных учебных заведений в рамках этого направления должна быть сориентирована на решение комплекса задач: разработки и эффективной реализации принципиально новых образовательных программ по перспективным направлениям подготовки кадров; развития социальной инфраструктуры учебных заведений, благоприятствующего притоку абитуриентов из сельской местности, других регионов страны; создания условий, стимулирующих бизнес-структуры к размещению заказов на подготовку, переподготовку и повышение квалификации нужных им кадров; создания необходимых условий для осуществления вузами деятельности, связанной с экспортом образовательных услуг.

Нетрудно установить, что стратегические цели и направления развития человеческого капитала регионов кластера В предусматривают изменения по всему спектру ключевых параметров объекта управления. Это свидетельствует о востребованности и в этом случае стратегии управления, отличающегося системным характером воздействия.

Очевидно также, что в ее реализации востребованы позиционированные нами выше формы и инструменты управления. Вместе с тем отметим, что новое стратегическое направление развития человеческого капитала регионов (создание условий, благоприятствующих существенному повышению спроса на образовательные услуги) связано с дополнением этого состава новыми инструментами, в числе которых: договоры о стратегическом партнерстве высших и средних специальных учебных заведений с крупными бизнес-структурами (в том числе, национального уровня), осуществляющими производственную деятельность в данном регионе; софинансирование органами государственной власти субъекта РФ разработки образовательных программ вузов, привлекательных для зарубежных инвесторов; международная сертификация системы управления качеством образовательного процесса; представительства региона в странах, являющихся перспективными импортерами образовательных услуг; региональное агентство по правовому, маркетинговому и организационному консультированию иностранных компаний – потенциальных импортеров образовательных услуг; аутсорсинг образовательных услуг (выполнение заказов зарубежных компаний, работающих или

экспансирующихся на российские рынки и заинтересованных в подготовке кадров, обладающих необходимым креативным потенциалом и знакомых со спецификой организации бизнеса в России); франчайзинг (иностранный инвестор, выступающий в роли франчайзера, передает вузу привилегию (франшизу) на право использования образовательных программ, инвестиционных ресурсов и технологий (например, Интернет-курсов, электронных библиотек и др.); Интернет-порталы органов государственной власти субъекта РФ и вузов, на которых размещаются постоянно обновляемые базы данных, отражающие важнейшие параметры (направления подготовки, включая бакалавриат, магистратуру, аспирантуру; образовательные программы, преподавание по которым ведется на иностранном языке; условия проживания и др.) экспорта образовательных услуг.

Перейдем к кластеру Г, в который входят Брянская, Владимирская, Ивановская, Орловская, Тверская области. Учитывая полное отсутствие «сильных» сторон, полагаем, что спектр стратегических целей должен быть сужен для обеспечения концентрации ресурсов, способных при эффективном использовании обеспечить заметные позитивные изменения по ряду ключевых параметров.

На наш взгляд, целесообразно сориентировать деятельность органов государственной власти субъекта РФ и организаций, непосредственно участвующих в развитии человеческого капитала, на наиболее отстающих «сторонах», к которым относятся: самая низкая продолжительность жизни, самый высокий уровень заболеваемости населения, существенно ограниченная численность занятых в экономике.

В этой связи состав стратегических целей может быть определен следующим образом:

1. Повышение рождаемости, снижение смертности, обеспечение устойчивого роста продолжительности жизни.
2. Обеспечение роста численности занятых в экономике.
3. Сохранение и приумножение культурного наследия.

Полагаем, что позиционированные нами ранее стратегические направления развития человеческого капитала, имеющие прямое отношение к этим целям, востребованы и в этом случае. Вместе с тем, целесообразно расширить их перечень для мобилизации ресурсов различных субъектов экономики. Дополнения, на наш взгляд, могут включать: формирование «точек роста» здравоохранения в муниципальных районах региона; модернизация системы медицинских учреждений (переход к клиенто-ориентированным структурам); реструктуризация и развитие сети учреждений здравоохранения с ориентацией на обеспечение доступности высокотехнологической медицинской помощи жителям сельских территорий; обеспечение безопасности условий жизнедеятельности населения, включая его трудовую деятельность.

Нетрудно установить, что суженный состав стратегических целей и направлений развития человеческого капитала регионов кластера Г свидетельствует о востребованности стратегии сфокусированного управленческого воздействия. Очевидно также, что в ее реализации востребованы только те формы и инструменты (из вышеприведенного состава), имеющие прямое отношение к достижению поставленных целей и «движению» по избирательному перечню направлений. Вместе с тем отметим, что дополнение направлений сопряжено с вводом других форм и инструментов управления, в число которых оправданно включить: бюджет медицинского учреждения, ориентированный на результат (улучшение здоровья населения); лечебно-профилактические учреждения, созданные вертикально-интегрированными холдингами национального уровня, имеющими в регионе мощные динамично развивающиеся производства с большим количеством занятых; медицинский кластер, создаваемый на региональной или межрегиональной основе, направлениями деятельности которого являются: производство современной медицинской техники, новых лекарственных препаратов, разработка новых методов лечения; региональные соглашения, реализуемые в рамках действия системы социального партнерства, дополнительно включающие показатели, характеризующие динамику снижения уровня асимметрии в обеспеченности муниципальных образований различными видами медицинских услуг, финансируемых за счет бюджетных средств; территориальные соглашения, реализуемые в рамках действия системы социального партнерства, дополнительно включающие показатели, характеризующие состояние охраны труда и экологической безопасности (удельный вес работников, занятых в условиях труда, не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям; удельный вес рабочих мест, аттестованных по условиям труда в организациях; уровень производственного травматизма и его снижение).

Позиционированные нами базовые стратегии управления развитием человеческого капитала регионов могут быть использованы в качестве инвариантного компонента стратегии, разрабатываемой в каждом субъекте РФ.

Раевский С.В.
д.э.н., профессор РАНХиГС

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЧЕК РОСТА В ПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: *точка роста; промышленный регион; ресурсные, финансовые, организационные и технологические точки роста; технопарк; финансово-промышленные группы.*

Keywords*: a growth point; industrial region; resource, financial, organizational and technological points of growth; technopark; financial and industrial groups.*

В определении категории «точка роста» сейчас просматривается несколько подходов. Соответственно существуют и различные авторские трактовки этого понятия. Так, в качестве точки роста рассматривают городское ядро, тяготеющее к неконтролируемому росту населения, экономической активности в окружающем пространстве, а также имеющее стремление к потенциальному росту, сформированному под влиянием извне или самостоятельно.

Точка роста (региона) понимается как городской центр, обладающий хорошо развитой промышленной структурой, способный к совершенствованию и развитию; центру присуща функция оказания населению различных услуг. Базируясь на этом, центр имеет значительный потенциал роста численности, уровня занятости, экономической активности и роста доходов населения[1].

В качестве точки роста может рассматриваться экономически активное ядро или центр, способные к самостоятельному развитию до такого уровня, когда возникает необходимость и возможность распространения функции роста на прилегающие, а затем и на другие, слаборазвитые районы[2].

Тем не менее, современные условия предлагают более широкую трактовку понятия «точка роста», отмеченную не только характеристиками географического свойства, но и отраслевыми, функциональными и институциональными особенностями, которые также сказываются на региональном развитии. В соответствии с данным подходом точкой экономического роста может считаться любой из элементов региональной социально-экономической системы, имеющий признаки доминирования и способность содействовать развитию сложных систем. Под этим понятием может подразумеваться отрасль экономики или предприятие, конкретная сфера деятельности, саморазвивающийся проект, способный к обеспечению структурных сдвигов в региональной экономике, стимулирующий вовлечение новых элементов в процесс развития, образуя тем самым зоны роста[3].

К точкам роста относят и предприятия, имеющие свойство самодостаточно развиваться вследствие своей успешности.

Следовательно, к точкам экономического роста можно отнести:

– территории (на межгосударственном, региональном, муниципальном уровнях);

– отрасли, которые функционируют на территории наиболее успешно;

– предприятия, представляющиеся базовыми в своей сфере и/или стабильно функционирующие;

– программы, действующие в качестве инструмента регулирования, включающие в себя финансово-экономическую, информационную, социальную, организационную и законодательно-правовую поддержку.

Опираясь на анализ, можно указать характерные признаки точек роста:

– наличие возможностей для ускоренного роста;

– принадлежность к определенной сфере или отрасли;

– способ, служащий для осуществления роста.

Таким образом, в качестве «региональной точки роста» следует рассматривать крупное предприятие определенной отрасли или совокупность в границах определенной территории нескольких хозяйствующих субъектов, имеющих существенный потенциал саморазвития и способных обеспечивать совершенствование хозяйственной структуры региона, используя высокую динамику экономического роста.

Указанные обстоятельства позволяют подойти к выделению базовых условий, при совершенствовании которых результатом будет качественное повышение уровня регионального социально-экономического развития.

Такими условиями являются:

– наличие достаточных информационно-коммуникационных, топливно-энергетических, минерально-сырьевых, трудовых ресурсов;

---

[1] Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретическое и практическое аспекты государственного регулирования. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 309 с.

[2] Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: Экономика и Социология. 2009. – № 3. – С. 19–40.

[3] Лащева Т.О. Формирование и активизация полюсов экономического развития в регионе / Дис. кандидата экон. наук. – СПб., 2008.

– уровни развития транспорта, логистики, социально-экономической инфраструктуры;
– инвестиционная привлекательность;
– региональный производственный потенциал;
– экспортный потенциал;
– наличие высших учебных заведений и НИИ;
– бизнес-климат;
– уровень вовлеченности региона в международную кооперацию;
– уровень урбанизации территории;
– потенциальные возможности развитых промышленных отраслей;
– потенциал, проявляющийся при явлении «стягивания территорий»;
– миграционные и демографические тренды.

Действующим точкам роста принадлежит роль очагов роста в экономике региона. Они могут пользоваться усиленным вниманием государственных органов, но могут естественно и самостоятельно функционировать внутри экономической системы. Точки роста могут разделяться на:

– естественные, возникшие при условии наличия избыточных ресурсов и перераспределения их при помощи эффективных механизмов;

– провоцируемые, то есть создаваемые при помощи внерыночных управляющих рычагов при влиянии государства или благодаря концентрации и перемещению ресурсов в определенные области деятельности.

Характер потенциальных точек роста отличается наличием возможности стать существующими. Среди таких выделяют:

– виртуальные, создаваемые на основании предположений в случаях, когда не проведен углубленный анализ;

– перспективные, создаваемые в случаях, когда положительная динамика развития спрогнозирована на основе потенциала объекта.

К типу перспективных относят точки, обладающие внутренними источниками развития и характеризующиеся положительным ростом. Так, перспективным источником для отрасли можно назвать региональный инновационный потенциал.

Виртуальные точки роста, как правило, обладают внешними источниками развития и заметным позитивным ростом. К примерам внешнего воздействия можно отнести действия других государств или регионов, использование внешних источников финансирования (приход инвесторов, иностранные кредиты).

К третьему типу относятся точки с внутренними источниками развития, но отрицательным ростом. Для таких точек характерно неэффективное использование собственных ресурсов.

К отрицательному росту могут привести и внешние ресурсы, в случаях, например, перераспределения полученных средств убыточным предприятиям и отраслям.

Точки роста поддаются классификации. При использовании в качестве основания классификации источников хозяйственного развития, можно выделить такие виды точек роста:

– ресурсные, к которых хозяйственное развитие связано с наличием определенного природного ресурса и его разработкой;

– финансовые, которые обязаны своему развитию эффективному перераспределению финансовых потоков и управлению ими в границах конкретной финансово-промышленной группы;

– организационные, хозяйственное развитие в которых зависит от улучшения существующей системы организации труда, бизнес-среды и производства или возникновения новой системы;

– технологические, которые развиваются благодаря появлению и внедрению уникальной технологии с ярко выраженным инновационным характером.

Важно упомянуть такое необходимое условие стремительного и эффективного создания в регионе новых точек роста и развития уже имеющихся, как объединенные потенциальные возможности науки, власти и бизнеса. Только при совпадении таких факторов возникают условия для создания инновационной прорывной зоны, в которой появляются импульсы роста различных сфер экономики региона.

Выделенные нами точки роста предлагается рассмотреть на примере развития экономики Челябинской области.

1. Точки роста организационного типа

Предпосылками к появлению точек роста такого типа могут быть различные факторы. Немаловажным является наличие в регионе хорошего инвестиционного климата. С этой позиции, ускорение роста может быть следствием концентрации в региональной инвестиционной сфере трех составляющих:

– способности властных органов обеспечить требуемый уровень инвестиционной привлекательности;
– потенциальных объектов, подготовленных к инвестированию;
– желания инвесторов участвовать в региональных инвестиционных проектах.

Расширенный анализ ряда существенных факторов привлекательности для инвесторов Челябинской области показан в табл. 1.

Таблица 1

Рейтинг факторов, от которых зависит инвестиционная привлекательность Челябинской области[1]

№ п/п	Наименование факторов	Значимость факторов	
		2012 год	к 2020 году
1	Значительный региональный промышленный потенциал	5	5
2	Значительный кадровый потенциал	5	5
3	Наличие богатых природных ресурсов	5	4
4	**Хорошо развитый агропромышленный комплекс**	4	5
5	Достаточно развитое среднее и малое предпринимательство	4	5
6	Развитая телекоммуникационная и транспортная инфраструктура	4	5
7	Благоприятная среда в административных структурах	4	5
8	Высокий потенциал науки региона	3	4
9	Развитая инфраструктура финансовых организаций	3	3
10	Хорошее развитие межрегиональных и внешнеэкономических связей	3	4
11	Высокий уровень криминогенной обстановки и социальной напряженности	–1	0
12	Сложившееся мнение о неблагополучии в экологической сфере	–2	–1
13	Преобладание металлургического производства в структуре экономики	–2	–1
14	Диспропорция социально-экономического развития муниципальных образований	–2	–1
15	Значительные затраты на энергоносители, связанные с природно-климатическими условиями	–3	0

Результаты основаны на данных оценок экспертов области. Каждому фактору было присвоено значение, исходящее из степени действия этого фактора на уровень региональной инвестиционной привлекательности. Оценка следовала от минимального до максимального значения в интервалах от 1 до 5 баллов для факторов, имеющих стимулирующий характер, и от –1 до –3 для сдерживающих факторов.

Наиболее значимые факторы, стимулирующие инвестиционную активность в регионе – это высокий кадровый и промышленный потенциалы. Исторически одной из важнейших для Челябинской области сфер социально-экономического развития является промышленность. Численность работников промышленных предприятий области уже выше 21,4% всех работающих в экономическом комплексе региона.

Челябинская область представляет собой промышленный регион, включающий одновременно значительные промышленные агломерации, а также монотерритории, где есть возможность превращения многих растущих малых и средних частных предприятий в базовые точки роста. Именно они содержат набор компетенций, позволяющий расти и развиваться. Как правило, малые предприятия не располагают специфическими средствами лоббирования в политических сферах и уровнем аффилированности, которым под силу вызывать политические деформации в пользу определенных групп бенефициаров. В этом состоит их отличие от крупного бизнеса.

Наиболее показателен опыт формирования точек роста в организационной сфере Челябинской области. Это – переориентация атомной промышленности, расположенной в регионе, на выпуск продукции, характерной для иных отраслей. Территория региона вмещает многие предприятия атомной промышленности, которые направлены на решение задач ядерно-оружейного комплекса оборонной отрасли страны. Это государственное федеральное унитарное предприятие в г. Озерске «Производственное объединение «Маяк», государственное федеральное унитарное предприятие в г. Снежинске «Российский федеральный ядерный центр» и государственное федеральное унитарное предприятие в г. Трехгорном «Приборостроительный завод».

С этой позиции весьма перспективной представляется ядерная медицина, потенциал которой сосредоточен в южноуральских закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО). На участие в федеральной целевой программе «Развитие ядерной медицины в Российской Федерации» претендует Челябинская область, это откроет пути для переоснащения лечебных учреждений региона всеми видами современного диагностического и лечебного оборудования и привлечет частные инвестиции на Южный Урал.

Из-за особенностей географического положения самого региона, формирование организационных точек роста может происходить в связи с эффективным продвижением на региональный рынок продукции предприятий Челябинска (существуют соглашения о международном и межрегиональном сотрудничестве, отмечается активное развитие связей с государствами СНГ и приграничными субъектами, развивается внутриобластная кооперация), а также развитием инфраструктуры транспорта.

В настоящее время Челябинская область отличается сравнительно низким уровнем развития транспортной инфраструктуры. Данная ситуация может быть улучшена в результате строительства большого распределительного центра, который мог бы обеспечить потребности Уральского региона в потребительских товарах общего назначения, оптимизировать пути доставки этих товаров из Азии до конечного потребителя, и призванного сыграть роль транспортного коридора Челябинская область – Казахстан – Китай. ТЛК «Южноуральский», размещенный вблизи г. Южноуральск на территориях, площадь которых составляет 180 гектаров, имеет на 120 гектарах складские площади и контейнерный терминал. Ожидается, что вскоре вблизи комплекса появится ряд предприятий, комплектующие для которых будут поступать через указанный ТЛК «Южноуральский». Это относится к европейским и азиатским компаниям,

[1] Стратегия социально-экономического развития Челябинской области до 2020 года, утвержденная постановлением Законодательного Собрания Челябинской области от 25 октября 2007 г. № 890 (в ред. Постановлений Законодательного Собрания Челябинской области от 28.08.2008 г. № 1325, от 27.09.2012 г. № 1149).

производящим сельскохозяйственную и бытовую технику, а кроме того, к машиностроительным предприятиям. Китайской компанией Haier Group Corporation также планируется разместить свое производство на Южном Урале. Инвестиции на первоначальном этапе проекта могут составить сумму не менее 120 млн. евро, есть предположения, что финансировать проект будут исключительно отечественные инвесторы.

2. Технологические точки роста – это те точки роста, которые обязаны своим развитием появлению и дальнейшему внедрению уникальных технологий, носящих выраженный инновационный характер.

В качестве необходимого условия для возникновения в промышленном регионе таких точек роста называется высокий уровень развития инновационной среды. Усиленная инновационная активность в состоянии провоцировать возникновение точек роста не только на предприятиях, занимающихся активным внедрением инноваций, но и в инновационной сфере региона, рассматриваемой как совокупность институтов развития, стимулирования, внедрения и поддержания инновационного процесса.

В течение нескольких последних лет Челябинская область активно развивает инновационную сферу и занимает среди регионов, имеющих высокую инновационную активность, третье место, хотя два года назад Челябинская область включалась экспертами в совокупность регионов, уровень инновационного развития которых оценивался весьма низко. Экспертные отзывы относительно перспектив региона были невысоки. В настоящее время успехи в этом направлении достигнуты благодаря проведению поэтапной комплексной работы, цели которой преследуют формирование серьезной основы для обеспечения роста экономики на базе инновационных технологий.

Сейчас область насчитывает свыше 200 предприятий, занятых исследованиями и разработками. В регионе работают три технопарка и четыре бизнес-инкубатора, основаны гарантийный и венчурный фонды, регион может похвастаться парком индустриальных инноваций, рядом центров коллективного пользования (МГТУ, ЧелГУ, ЮУрГУ).

В технопарковую структуру Челябинской области включены аккредитованные технопарки, на площадях которых размещаются малые предприятия инновационного профиля, содействующие заключению контрактов на проектирование, разработку, изготовление комплектующих и продукции с рядом промышленных предприятий области. Направлением деятельности ЗАО «Челябинский завод технологической оснастки» является внедрение инновационных разработок для оборудования нефтяных промыслов. Завод возник на основе прежнего производственного предприятия, выпускающего технологическую оснастку. Применение технопарком прикладной науки позволило разработать совершенно новое оборудование для газовых и нефтяных скважин, чем в 2 раза были сокращены затраты на буровые работы.

Существует и технопарк материалов из добываемых на Урале минералов, а также порошковых технологий – МикроРесурс, на территории которого размещены средние и малые компании по безотходной переработке минералов.

Деятельность этого технопарка сфокусирована на создании условий развития малых предприятий инновационного профиля, занимающихся технологиями переработки различного минерального сырья, а также организацией выпуска микропорошковых материалов на научной основе, с поставкой на мировые рынки высокотехнологичной продукции.

Технопарковая структура Челябинской области представлена следующей схемой (рис. 1):

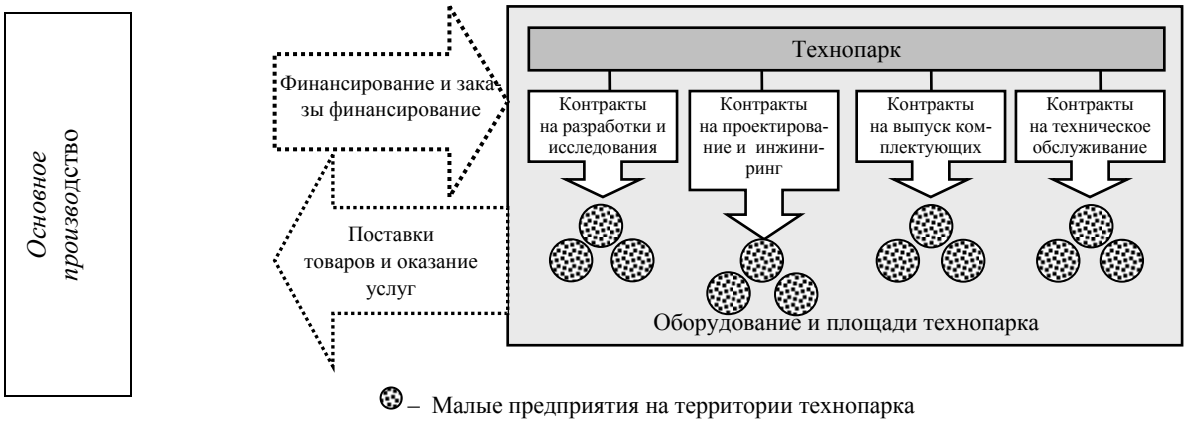


Рисунок 1.
Технопарковая структура, развитая в Челябинской области

Однако успешность процесса диверсификации региональной экономики может быть достигнута при создании комфортных условий для возникновения инновационных компаний, особенно создаваемых самостоятельными изобретателями, либо на основе вузовской науки.

В процессе возникновения и развития инновационных компаний могут возникнуть трудности в связи с потребностями в финансовых ресурсах, оборудовании и другом имуществе, что вызвано высокой стоимостью недвижимого имущества и оборудования, отсутствием начального капитала и доступа к банковским кредитным ресурсам.

Для решения этих вопросов в регионе создана система бизнес-инкубаторов и внебюджетного финансирования новых и малых инновационных компаний, включающая сеть бизнес-инкубаторов инновационного направления в так называемых «очагах инновационного развития Челябинской области» (г. Магнитогорск, г. Озерск, г. Челябинск, г. Снежинск).

3. Ресурсные точки роста характерны хозяйственным развитием, благодаря наличию уникальных природных ресурсов и их разработке.

Наиболее перспективной и масштабной точкой роста такого типа, существенной по своему значению и масштабам для России в целом, является инновационный проект под общим названием «Урал Промышленный – Урал Полярный», по которому предполагается создание крупного промышленного комплекса по извлечению сырьевых ресурсов на Урале и формирование сети энергетической и транспортной инфраструктуры.

Строительство ряда объектов в рамках указанного проекта даст возможность обеспечения относительно недорогими сырьевыми ресурсами машиностроительные и металлургические предприятия региона на базе освоения ресурсов восточных склонов Уральских гор. Этот проект призван содействовать модернизации ряда отраслей промышленности Уральского региона; обеспечить развитие инфраструктурной составляющей региона в связи со снижением транспортных издержек; эффективным энергоснабжением, усилением взаимодействия между смежными территориями и проникновением региональной промышленности на глобальные рынки[1].

В 2008 г. Челябинской областью приобретены акции данного проекта на сумму 200 миллионов руб.

К целям проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный» относятся:

1. Освоение имеющихся территорий, развитие сырьевой базы. Указанный проект будет содействовать освоению территорий, имеющих существенное геостратегическое значение.

2. Рост конкурентоспособности металлургической отрасли, а на ее базе других производственных комплексов, которые составляют каркас экономики региона и страны в целом.

3. Формирование дополнительных точек роста при помощи образования новых предприятий, получения дополнительных заказов; проведение модернизации существующих мощностей.

4. Рост в регионе инвестиционной активности. На первой стадии проекта запланированы разработка и выпуск новейших типов оборудования и машин для производств машиностроительного комплекса.

5. Образование современной транспортной инфраструктуры, при понимании ее стратегического значения в масштабах страны, качественно улучшив и расширив ее конфигурацию и масштаб.

6. Развитие инфраструктуры энергетической сферы. Это связано с ростом доли межрегионального оборота к ВВП в результате реализации проекта и включения в сферу проекта других производств многих федеральных округов и поставки им недорогих ресурсов, которые крайне необходимы ряду предприятий для более рентабельного функционирования. В границах проекта предполагается поставлять сырье на ряд металлургических предприятий России (хромиты и марганец – в Волгоградскую, Вологодскую, Ленинградскую, Кемеровскую области; фосфориты – в Брянскую, Самарскую, Саратовскую области и Башкирию; отдельные виды сырья для электронной промышленности во Владимирскую и Московскую области).

7. Обеспечение дополнительных платежей и налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. В рамках данного проекта по освоению ресурсов Урала запланирован рост ежегодных поступлений платежей в бюджеты и налогов на общую сумму 11 млрд. руб., из них в бюджеты ряда субъектов РФ – 5,3 млрд. руб.

Развитие проекта в Челябинской области должно происходить по двум направлениям: создание сырьевой базы на основе собственных ресурсов и поставка оборудования для реализации проекта. Ожидается, что в проекте будут участвовать свыше 30 предприятий различного профиля Челябинской области. Ожидается также, что результатами участия области в указанном проекте станет обеспечение региона полезными ископаемыми, получение продолжительных гарантий приобретения сырья производственными предприятиями, снижение сырьевой зависимости от других регионов и государств, рост объема выпуска продукции, уменьшение доли транспортной составляющей в общей себестоимости продукции, развитие внешнеэкономических связей и улучшение взаимодействия с регионами страны, освоение мировых рынков.

Ресурсной точкой роста является металлургический комплекс Челябинской области, насчитывающий более 240 предприятий, 45 из них – средних и крупных. К ведущим металлургическим предприятиям области относятся: металлургический комбинат г. Магнитогорска, металлургический комбинат и трубопрокатный завод г. Челябинска, металлургический завод г. Златоуста, который специализируется на выпуске легированных высококачественных сталей и сплавов; ряд предприятий, выпускающих ферросплавы в городах Сатке и Челябинске, огнеупоры – в Сатке и Магнитогорске, металлургическое производство в Аше, Каслях, Верхнем Уфалее, Чебаркуле, Миньяре.

Специфика региона делает весьма важным вопрос обеспечения металлургических обрабатывающих предприятий сырьем. С этой позиции перспективен проект строительства Нязепетровского ГМК. Этот проект является в регионе первым по использованию уникальной японской технологической линии прямого восстановления железа, что откроет возможности снижения себестоимости продукции предприятия в сравнении с традиционными производствами. Горно-металлургический комбинат планируется как комплекс нескольких промышленных площадок, в составе которого будет рудник и новое горно-обогатительное производство.

Реализация данного проекта рассматривается в качестве весьма перспективной точки роста, так как Нязепетровский район представляет собой наиболее северную территорию Челябинской области. Удаленность района от центра области и ее крупных городов сегодня препятствует привлечению инвесторов и созданию новых производственных площадок. Завод, выпускающий башенные краны, не в состоянии решить вопрос по обеспечению трудовой занятости местного населения, трех тысяч рабочих мест.

Следующей точкой роста является проект создания горно-обогатительного комбината на базе существующего месторождения «Михеевское». В ходе реализации этого проекта планируется обеспечение сырьем медеперерабатывающих предприятий Челябинской области, выпускающих продукты высокого передела, включая медную фольгу.

[1] Аналитический отчет по результатам исследования «Развитие государственно-частного партнерства в регионах ЦФО: инвестиции и инфраструктура» / Центр развития ГЧП. – М., 2010.

Главная инновационная составляющая проекта – новый способ подготовки шихты, который должен предусмотреть бедность и наличие окисленных руд этого месторождения в общей массе породы, что обусловливает применение особой технологии шихтовки, а также переработки для максимального извлечения из руды чистой меди. Запроектировано строительство нового горно-обогатительного комбината «Михеевский». Это проект имеет федеральное значение, его результатом должен стать крупнейший горно-обогатительный комбинат на постсоветском пространстве, построенный «с нуля».

Несмотря на то, что Челябинская область представляет собой зону, земледелие в которой считается рискованным, агропромышленный комплекс считается достаточно приемлемым для создания точек роста ресурсного типа. В настоящее время агропромышленный комплекс Челябинской области занят реализацией 16 крупнейших инвестиционных проектов, общий объем инвестиций в которые составляет более 31 млрд. руб. Направления проектов следующие:

– 8 проектов – птицеводство;

– 2 проекта – свиноводство;

– животноводство (в части производства крупного рогатого скота) – 3 проекта;

– растениеводство – 3 проекта.

Кроме промышленных ресурсов Челябинская область обладает уникальными рекреационными возможностями, способными дать новую жизнь туризму и сделать его развитой отраслью экономики края. Мощный рекреационный потенциал будет способствовать развитию санаторно-курортного направления области, хотя в настоящее время экспертные оценки отводят использованию туристического потенциала не более 10%. Главной проблемой его дальнейшего развития является недостаточно развитая инфраструктура. Челябинская область имеет характерную особенность, которая проявляется в сосредоточении объектов различных направлений туризма преимущественно внутри малых городов. Сети некрупных отелей и гостиниц, рекреационных туристических комплексов на территориях малых городов, возможности для комфортного перемещения должны способствовать созданию полноценных зон роста, благодаря привлечению инвестиций и росту туристических потоков.

Основными для Челябинской области видами туризма с высокой перспективой развития являются следующие:

- туризм спортивно-развлекательный;
- туризм научно-познавательный (промышленный, историко-культурный, археологический);
- туризм экологический;
- оздоровительный туризм.

4. К финансовым точкам роста относят такие, развитие деятельности в которых может быть обеспечено при помощи эффективного перераспределения и эффективного управления финансовыми потоками в границах определенных финансово-промышленных групп (ФПГ).

К способностям ФПГ относятся возможности по оказанию существенного влияния на развитие экономических региональных систем. В промышленных регионах такие структуры способны приводить к ускорению роста в отраслях, базовых для региона. Особое значение имеют финансово-кредитные учреждения, находящиеся в составе ФПГ. Стратегическим преимуществом таких организаций является способность перераспределять инвестиционные ресурсы, чем обеспечивается концентрация привлеченных и собственных средств на перспективных направлениях, что приводит к появлению дополнительных преимуществ для генерации роста.

Формированию финансово-промышленных групп в регионе придается особое значение, поэтому это направление активно поддерживают местные органы исполнительной власти, которые рассматривают такую деятельность как способ усиления позиций региона в его отношениях с центром, а также как средство, помогающее решению региональных социальных и экономических задач. Местными администрациями формирование ФПГ связывается со значительными региональными программами по структурной перестройке взаимосвязанных предприятий, находящихся на их территории, при этом приоритетными задачами считается сохранение занятости населения и решение экологических проблем. Ключевая роль в такой деятельности принадлежит местным органам власти за счет обладания крупными пакетами акций центральных предприятий и организаций.

Считаем, что формирование в Челябинской области крупных ФПГ может стать для регионального роста дополнительным стимулом, примечательно, что в регионе существует достаточно предпосылок, которые позволили бы послужить обоснованием необходимости создания таких интегрированных объединений.

Во-первых, этому способствует наличие в регионе значительного числа крупных и крупнейших промышленных предприятий, часто не имеющих достаточных инвестиций и оборотных средств;

Во-вторых, для регионального роста необходима доступность финансового капитала и развитие финансовых институтов (фонды, инвестиционные компании);

В-третьих, существует потребность в соединении финансового и промышленного капиталов для решения инвестиционных вопросов.

Перечисленные группы возможных точек роста Челябинской области призваны образовать основу разработки структурного территориального плана, которым должны учитываться большинство крупных объектов. Более полную детализацию должны отразить стратегии социально-экономического развития всех муниципальных образований. Стратегические планы, разработанные органами местного самоуправления, необходимо согласовать с региональной стратегией, программами развития организаций и предприятий, размещенных на территориях муниципальных образований.

Рисин И.Е.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления Воронежского государственного университета

НОВЫЕ ЗАДАЧИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: *новые задачи, регион, кластерная политика.*
Key-words: *new objectives, region, cluster policy.*

Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» инициировал в субъектах Российской Федерации процесс разработки качественно обновленных стратегий регионального развития. Базовый компонент их структурной композиции – приоритеты, цели и направления социально-экономической политики субъекта РФ[1].

Современная региональная политика отличается высоким уровнем разнообразия ее видов, сфокусированных на избирательном перечне целей, основных сфер и объектов воздействия.

Первое десятилетие XXI века отмечено появлением в российской практике нового вида политики субъекта РФ – кластерной. Ее цели, задачи, направления стали заметным компонентом содержания разработанных в тот период региональных стратегий.

Потребность в мобилизации и эффективном использовании в регионах эндогенных факторов экономического роста актуализирует проблему существенного приращения вклада кластеров в социально-экономическое развитие территорий. Необходимой предпосылкой ее успешного решения является постановка новых задач региональной кластерной политики. Их состав может быть определен следующим образом.

Первая задача отражает необходимость обновления характера и расширения спектра видов экономической деятельности создаваемых кластеров.

Речь идет о том, чтобы, во-первых, новые кластеры были изначально ориентированы на внедрение прорывных технологий, т.е. имели статус инновационных. О востребованности именно такого вектора развития структуры экономики свидетельствуют и прогнозные оценки основных параметров развития региональных инновационных кластеров, предложенные Минэкономразвития РФ. Так, число высокопроизводительных рабочих мест, созданных заново или в результате модернизации, должно вырасти в 2017 г. по сравнению с 2013 г. в 1,56 раза, объем инвестиционных затрат организаций-участников кластеров за тот же период – в 2,34 раза, объем работ и проектов в сфере научных исследований и разработок, выполняемых участниками кластеров – в 1,61 раза[2].

Во-вторых, процессы кластеризации призваны обеспечить реализацию не только имеющихся, но и новых конкурентных преимуществ регионов.

Принципиально значимая задача – расширение сферы базирования существующих и вновь создаваемых в субъекте РФ кластеров. Речь идет о том, чтобы в формировании и развитии их ресурсной базы (кадры, сырье, производственные площади) участвовали субъекты хозяйствования и органы публичной власти разных муниципальных образований. Ожидаемыми эффектами от ее решения может стать не только концентрация ресурсов в перспективных точках экономического роста, но и снижение социально-экономической асимметрии в регионе.

Для успешного противостояния экономики субъекта РФ внешним угрозам необходима не только эффективная мобилизация и повышение уровня использования имеющихся в ней ресурсов, но и приращение потенциала действующих и вновь создаваемых кластеров посредством развития их научной и производственной кооперации с хозяйствующими субъектами других регионов.

Примечательно, что такой вектор развития процессов кластеризации зафиксирован в реализуемых ныне стратегиях Краснодарского края[3], Новосибирской[4] и Самарской областей[5].

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – www.consultant.ru

[2] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов / Минэкономразвития. – http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/f8e9a887-19ca-40bd-8c72-54f6f3447f98/prognoz2015-2017.zip?MOD=AJPERES&CACHEID=f8e9a887-19ca-40bd-8c72-54f6f3447f98

[3] Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края на период до 2020 года. – http:// Krasnodar.ru/content/592/show/49081/

[4] Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года. – http:// www.nso.ru/activity/socio-Economic_Polisy/Strat_Plan/Documents/1654.pdf

[5] Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2020 года. – http:// www.protown.ru/russia/obl/article_1085.htm

Новой задачей является также формирование «открытых» кластеров, потенциальными участниками которых могут оказаться зарубежные компании, выступая не только в роли инвесторов, но и потребителей продукции «своих» кластеров, и предоставляя для ее сбыта на внешних рынках свои каналы и коммуникации.

Учитывая заметное смещение российских производителей товаров и услуг на новые географические сегменты (преимущественно, азиатские) мирового рынка, предпочтительными участниками таких кластеров могут выступить компании из таких стран, как Вьетнам, Китай, Индия.

Принципиально значимая задача – освоение нового типа кластерной политики. Реализуемый в современной российской региональной практике тип названной политики представляет собой комплекс мер по идентификации кластера, определению поля деятельности формирующих его компаний, созданию специализированной структуры, осуществляющей общую для всех кластерных структур политику в регионе.

Не отрицая важности такой деятельности, учитывая достижения современной зарубежной практики[1], полагаем целесообразным переход к другому типу региональной кластерной политики, реализующему индивидуальный подход к проблемам развития конкретного кластера.

Востребованность в нем детерминирована множеством особенных характеристик, присущих кластерам, работающим только на внутреннем рынке, и кластерам, намеренных освоить (уже осваивающих) сегменты мирового рынка товаров и услуг; кластерам, внедряющим технологические и продуктовые новации, и кластерам, использующим прогрессивные, но уже известные технологии. В этой связи, оправданна и дифференциация инструментов государственной поддержки разных кластеров.

Полагаем, что предложенная нами постановка и раскрытое содержание новых задач региональной кластерной политики региона могут быть востребованы при разработке Стратегий социально-экономического развития субъектов РФ на период до 2030 г.

[1] Миролюбова Т.В. Кластерная политика в европейских странах и в России: сравнительный анализ / Т.В. Миролюбова, А.Г. Афонина // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». – 2011. – № 1(8). – С. 37–44; Пятинкин С.Ф. Развитие кластеров: сущность, актуальные подходы, зарубежный опыт / С.Ф. Пятинкин, Т.П. Быкова. – Минск: Тесей, 2008. – 72 с.; Ракиева О.В. Обзор европейского опыта внедрения и реализации кластерных инициатив // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2010. – № 2. – С. 178–183; Рисин И.Е. Региональная кластерная политика: концептуальное: методическое и инструментальное обеспечение / И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский. – М.: Русайнз, 2015. – С. 106–123; Эффективная реализация кластерной политики, опыт Баварии (Германия) и РФ // Информационный медиа-портал Yarsk.ru. – http://www.yarsk.ru/it/?article=100009076

Романова А.А.
к.э.н., доцент Орловского государственного университета

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ

Ключевые слова: *аграрный вопрос, аграрная реформа, инновации.*
Keywords: *agrarian problem, agrarian reform, innovation.*

Задача модернизации российской экономики в условиях глобализации и ужесточения конкуренции, вне всякого сомнения, требует поиска новых нестандартных решений, определяемых современными тенденциями мировой экономики, однако, не следует забывать опыт, накопленный предшествующими поколениями российских ученых и практиков.

«Аграрный вопрос» в России начала XX века, стране крестьянской, с преобладающим сельским населением, по сути, был тем вызовом, ответ на который мог быть найден лишь преодолением косности и отсталости в крестьянском хозяйстве. Причина бедности и оскудения земледельческого центра России, на первый взгляд, лежала на поверхности: малоземелье крестьян. Однако, как отмечал Николай Бржеский, доктор финансового права Санкт-Петербургского университета, в «Очерках аграрного быта крестьян», опубликованных в 1908 году, «малоземелье есть понятие относительное», и для сельских жителей Западной Европы, владеющих передовыми технологиями производства, те шесть-семь десятин, которыми владеет крестьянский двор в Центральной России «могли бы показаться роскошными»[1].

К началу XX века обеднение крестьянских хозяйств земледельческого центра проявлялось в периодически повторяющихся неурожаях и голоде, сокращении поголовья лошадей, крупного рогатого скота и росте недоимок. Так, за период с 1888 по 1899 гг. в 60 губерниях Европейской России поголовье лошадей сократилось на 2494 тысяч единиц, овец на 6853 тысячи единиц[2]. Данные военно-конской переписи за 1893–1894 гг. показали, что доля рослых, сравнительно сильных лошадей в крестьянских хозяйствах была чуть выше 17% – недостаток кормов и чрезмерная эксплуатация не позволяли им сформироваться в полноценное животное. Недостаточное питание привело и к измельчанию молочного стада: в некоторых деревнях Ярославской и Костромской губерний, очень худой скот называли тасканским, поскольку после зимней бескормицы, коров приходилось буквально вытаскивать из хлевов на пастбища[3].

Таким образом, для крестьян замыкался порочный круг: неурожаи – недостаточная кормовая база животноводства, его малая продуктивность и упадок – отсутствие органических удобрений в количестве, достаточном для поддержания плодородия земель.

Ситуация усугублялась сложившимися диспропорциями в международной торговле России: в среднем за 1907–1912 годы в российском экспорте преобладало сырье, прежде всего, сельскохозяйственное – 96,6%, доля же готовых изделий составляла 3,4%[4]. Как ни парадоксально, но продажа сельскохозяйственного сырья способствовала бурному развитию животноводства в Германии на дешевых российских отрубях, в то время как отечественное животноводство постоянно сталкивалось с дефицитом кормов. Как отмечал член Государственного совета В.И. Денисов: «… идут за границу за совершенный бесценок наши отруби с хлебом в зерне, наш пух и перо с живыми птицами, наше кожевенное сырье и шкуры, наш лес, чтобы возвратиться оттуда же в Россию в виде готовых изделий, обогащая страну переработки ценными отбросами, давая ей возможность занять миллионы рабочих рук над обработкой ввозимых продуктов»[5]. Нерациональная неконкурентоспособная организация хозяйства в условиях развития международной торговли способствовала воспроизводству бедности крестьян Центральной России.

Очевидно, что первопричиной упадка в российских крестьянских хозяйствах на рубеже XIX–XX вв. был низкий уровень производства: сложившийся экстенсивный характер земледелия, нерациональный севооборот, «первобытные технические приемы» и, как следствие, хищническая эксплуатация земли[6]. Так, по данным, приводимым Н.К. Бржеским[7], средняя урожайность хлебов в России с одной десятины пахотной земли равнялась 38,8 пудов

[1] Николай Бржеский. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1908. – С.7.

[2] Радциг А.А. Финансовая политика России с 1887 года. Сборник статей по финансовым и экономическим вопросам. – СПб.: Типография Т-ва «Народная польза», 1903. – С. 128.

[3] Там же, с.129.

[4] Денисов В.И. Действительное положение сельского хозяйства в России (по поводу экономической записки министерства финансов). – СПб.: Типо-литография Ю.Я. Римана, 1912. – С. 4.

[5] Там же, с. 4.

[6] Бржеский Н. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1908. – С. 43.

[7] Там же, с. 96.

(~5,8 ц/га), в то время как средний урожай других земледельческих стран достигал 83,7 пудов (~12,5 ц/га). Косвенным показателем низкой эффективности в растениеводстве начала XX века было более высокое отношение семян к общему сбору: 21,9% в России против 8,5% в других аграрных странах.

Между тем, уже тогда существовали и апробировались технологии, позволявшие добиваться рекордных урожаев: на опытном поле Корочанского земства Курской губернии был получен урожай ржи свыше 200 пудов с десятины (~29,9 ц/га) с использованием удобренных паров и при ранней пахоте. Однако возможности преодоления технологической отсталости оставались ограниченными вследствие почти поголовной неграмотности крестьян, даже при наличии «общедоступных брошюр и изданий по сельскому хозяйству, распространяемых в изобилии некоторыми земствами», а также недостатка денежных средств в мелких крестьянских хозяйствах для инвестиций в повышение эффективности земледелия.

Представители земств констатировали, что «техническая отсталость крестьянского хозяйства – не причина, а следствие экономической обездоленности крестьянина»[1], т.е. бедность не позволяла накапливать сбережения и тратить их на улучшение условий труда. Так, в трудах Вологодского губернского комитета отмечалось, что «всякая перемена хозяйства требует затраты средств, а их у крестьян нет», и поэтому крестьяне «не двинутся ни на какое улучшение, если приходится затратить хотя бы копейку».

Как следствие, низкая производительность крестьянского сельского хозяйства в аграрной стране «обрекает все земледельческое население на состояние постоянного недомогания, опасного для политических и финансовых интересов государства и грозящая внутреннему его спокойствию»[2]. Преодолеть сложившиеся негативные тенденции можно было лишь путем формирования и реализации государственной аграрной политики, стимулирующей внедрение современных технологий в повседневную жизнь крестьянства.

С одной стороны, требовалось сформировать потребность во внедрении инноваций в повседневную хозяйственную практику путем повышения грамотности сельского населения, распространения знаний о новых технологиях, в том числе с помощью создания опытных участков и полей. С другой стороны, эффективное использование передового опыта невозможно без привлечения дополнительных финансовых ресурсов для приобретения нового оборудования, удобрений и семян.

Ответственная задача проведения земельной реформы была возложена в первую очередь на Министерство земледелия и государственных имуществ, указом 6 мая 1905 года преобразованное в Главное управление землеустройства и земледелия. Прежние меры «попечительства» над крестьянами приобретали совершенно иные формы и масштабы: «на очереди стояло переустройство всего земельного быта русских крестьян, юридически свободных, но все еще порабощенных отжившими формами землепользования»[3]. Задача повышения эффективности приемов сельского хозяйства являлась при этом первоочередной и важнейшей. Реализация основных направлений земельной реформы осуществлялась в тесном взаимодействии с местными органами самоуправления, прежде всего, земствами.

На реализацию программы развития сельского хозяйства в России были направлены значительные государственные средства: если в 1905 году из казны департаменту земледелия выделялось 5 250 676 рублей, то в 1913 году расходы российского бюджета на сельскохозяйственные нужды составили 42 886 614 рублей. Таким образом, в 1905–1913 гг. государственные ассигнования на эти цели выросли более чем в 8 раз[4].

Одним из важнейших направлений содействия развитию крестьянских хозяйств стало формирование системы технической помощи специалистами Главного управления землеустройства и земледелия. Если в 1907 году в штате Главного управления состояло 158 специалистов и инструкторов, то к 1913 году их число возросло до 1111. С учетом агрономов и ветеринаров на содержании земств и частичном субсидировании правительства количество специалистов в 1913 году достигло 9935[5].

К примеру, согласно смете расходов Орловского губернского земства на 1915 год на содержание агрономов выделялось 75 557 рублей, из них 48,7% – правительственная субсидия, а 51,3% финансировались за счет губернского сбора. Отметим, что несмотря на военное время расходы на «агрономическую организацию» в Орловском губернском земстве в 1915 году выросли на 4,6% по сравнению с предыдущим годом[6].

Содержание опытных полей в Орловской губернии также осуществлялось на условиях софинансирования земства и государственной казны: доля правительственной субсидии в 1915 году составляла 42,2%, причем все затраты на эти цели достигли 27 306 рублей, увеличившись на 2,4% по сравнению с 1914 годом.

В целом, «мероприятия по улучшению производства в сельском хозяйстве» включали в себя создание опытных полей, учебных ферм, семенных хозяйств, питомников, складов, устройство выставок. Несмотря на секвестирование ряда расходных статей бюджета губернского земства, в 1915 году в Орловской губернии финансировались организация коллективных агрономических опытов, уездных сельскохозяйственных выставок, содержание Орловской заводской конюшни и выплата крестьянам премии за выставочных лошадей на выставке при ней. Значительные средства выделялись на содержание училища садоводства и огородничества имени И.И. Мацнева, а также на пополнение его

---

[1] Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. – СПб.: Издание Е.Д. Кусковой, 1904. – С. 145.

[2] Бржеский Н. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1908. – С.97.

[3] Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Составители: Г.К. Гинс, П.А. Шафранов. – Петроград: Издание Канцелярии главноуправляющего землеустройством и земледелием, 1914. – С. 6.

[4] Там же, с. 219.

[5] Там же, с. 224

[6] Сметы и раскладка Орловского губернского земства на 1915 год / Типография В.С. Зайцева. – Орел, 1915. – 211 с.

оборудования – 28 119 рублей в 1915 г. (+10,7% к уровню 1914 г.). Кроме того, Орловское губернское земство оплачивало расходы инструкторов по садоводству, пчеловодству, специалиста по животноводству; содержало сельскохозяйственное бюро, семенную контрольную станцию, выделяло пособия сельскохозяйственным и ученым обществам и учреждениям на выписку и издание сельскохозяйственных журналов: «Вестник Орловского общества сельского хозяйства», «Наше хозяйство» (Елец).

Распространение информации о новых технологиях происходило на сельскохозяйственных курсах, чтениях и беседах. По данным отчета Орловского губернатора за 1913 год, на курсах прошли подготовку 608 человек, а 481 чтение охватило аудиторию в 29 836 слушателей[1].

Особое внимание в Орловской губернии уделялось организации ветеринарной помощи крестьянским хозяйствам, что объясняется наличием очагов пироплазмоза, поражавшего преимущественно лошадей и рогатый скот. В 1915 году на расходы по ветеринарной части губернским земством было выделено 34 837 рублей, что на 7,3% больше, чем в 1914 г. Самой значительной статьей расходов было содержание бактериологической станции – 9722 рубля, заработная плата и разъезды ветеринарных врачей и временного ветеринарного персонала – 8600 рублей. Следует отметить, что земство поддерживало научные исследования, оплачивая формирование ветеринарной библиотеки, приобретение микроскопов и диагностических средств, оборудования отдела кровопаразитологии. Даже в условиях военного времени земство выделяло средства на научные командировки заведующего отдела кровопаразитологии.

Доступность новейших технологий для мелких крестьянских хозяйств обеспечивалась развитием учреждений мелкого кредита, прежде всего, кредитных товариществ. За период 1907–1913 гг. количество таких организаций выросло с 32 до 240 единиц, а объем выданных ссуд по состоянию на 1 января 1914 г. составил 11 656 000 рублей[2]. Ссуды выдавались на аренду и покупку земли, на приобретение скота, на улучшение хозяйства. Кредитные товарищества, взаимодействуя с земствами, стремились удовлетворить потребности крестьянских хозяйств в современном сельскохозяйственном инвентаре и машинах, создавая склады сельскохозяйственного оборудования.

Так, еще в 1908 году на Съезде представителей учреждений мелкого кредита Орловской губернии был заключен договор с Губернским земством об организации снабжения улучшенным инвентарем участников кредитных товариществ, а также разработаны правила комиссионной продажи оборудования. Если до этого события через товарищества приобретался мелкий инвентарь: молотки, косы, серпы и плуги, то благодаря соглашению с Губернским земством крестьянские хозяйства получили возможность применять жатки, косилки, сеялки, молотильные машины и культиваторы. В итоге за период 1909–1912 гг. с помощью кредитных товариществ было приобретено инвентаря и товаров на сумму 486 тысяч рублей.

Очевидно, что реализация государственной политики, направленной на преодоление технологической отсталости аграрного сектора, стала важнейшей предпосылкой для роста производства в сельском хозяйстве и повышения его эффективности, и, как следствие, определяющим фактором борьбы с крестьянской бедностью. Как отмечал З.С. Каценеленбаум, впоследствии профессор МГУ, с 1906 г. по 1914 г. крестьяне приобрели в собственность до 10 миллионов десятин земли. К 1914 году проявляются «серьезные признаки улучшения хозяйства», что отражается в росте спроса на удобрения и сельскохозяйственные машины[3]. Так, если в 1903 году импорт в Россию минеральных удобрений и туков составлял 6,49 миллиона пудов, то в 1913 году он достиг уже 26,7 миллиона пудов. Спрос на сельскохозяйственные машины удовлетворялся преимущественно за счет отечественного производства: уже в 1911 г. объем их производства достиг 45,7 миллиона рублей.

Таким образом, опыт аграрной реформы начала XX века показывает, что формирование и реализация эффективной государственной политики позволяют обеспечить рост производительности труда и доходов беднейшего населения, главным образом, на основе стимулирования внедрения инноваций. Очевидно, что наилучший результат может быть достигнут при взаимодействии государства, органов местного самоуправления и крестьянских хозяйств в целях широкого распространения передовых технологий.

[1] Всеподданнейший отчет Орловского губернатора за 1913 год. Отчет губернатора о состоянии Орловской губернии за 1913 г. и материалы к нему // ГАОО. Ф.580. ст. 2, Ед. хр. 4034. 35 л.

[2] Там же.

[3] Каценеленбаум З. С. Война и финансово-экономическое положение России. – М., 1917. – С. 3.

Слепнева Л.Р.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, Улан-Удэ

ОЦЕНКА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *межрегиональные сопоставления, методика оценки уровня развития, направления социально-экономического развития, неравномерность социально-экономического развития, региональная экономика, социально-экономическое развитие, типология регионов.*

Keywords*: interregional comparisons, technique of assessment of the level of development, direction of social and economic development, unevenness of social and economic development, regional economy, social and economic development, typology of regions.*

Российской Федерации присуще имманентное свойство крупных территориальных систем, обусловленное неравномерностью социально-экономического развития регионов в ее составе. Существенная межрегиональная дифференциация по уровню социально-экономического развития предопределена, с одной стороны, многообразием природно-климатических и экологических условий, значительной территориальной протяженностью и неравномерностью природно-ресурсного потенциала, различиями в демографической ситуации и социокультурной сфере, и многими другими факторами. С другой стороны, осуществляемые в последние два-три десятилетия трансформационные и модернизационные преобразования в рамках отечественной региональной политики, привели к нарастанию асимметрии в уровне и качестве жизни населения, сокращению эффективности использования производственных мощностей и недоиспользованию экономического потенциала отдельных регионов[1].

Так, например, в наши дни регионами-лидерами по величине валового регионального продукта на душу населения являются: Ненецкий автономный округ, входящий в состав Архангельской области; Тюменская область с входящими в ее состав Ямало-Ненецким автономным округом и Ханты-Мансийским автономным округом – Югра; Сахалинская область; г. Москва; Тюменская область; Республика Саха (Якутия); Магаданская область. Перечисленные регионы объединяет то, что они либо обладают крупными месторождениями разведанных и добываемых полезных ископаемых (регионы-лидеры по природно-ресурсному потенциалу), либо обладают развитыми производственным комплексом и финансовым сектором (регионы-лидеры по экономическому и финансовому потенциалам).

В число регионов-аутсайдеров по величине валового регионального продукта на душу населения входят: Республика Алтай; Ивановская область; Республика Дагестан; Республика Калмыкия; Республика Тыва; Карачаево-Черкесская Республика; Кабардино-Балкарская Республика; Республика Ингушетия; Чеченская Республика. Названные регионы характеризуются низким природно-ресурсным потенциалом и неразвитостью производственного комплекса и финансового сектора.

Самый низкий уровень безработицы в последние годы фиксируется в Москве (около 1,5%), самый высокий в Чеченской Республике (примерно 22%) и Республике Ингушетия (почти 30%). Высокий уровень жизни населения присущ для регионов, отличающихся существенной концентрацией экономической активности (Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Тюменская область), соответственно, наименьший – для регионов с несущественной концентрацией экономической активности (Алтайский край, республики Алтай, Калмыкия, Марий Эл, Тыва).

Согласно рейтингу развития регионов, определяемому по 15 статистическим показателям, к числу наиболее развитых относятся: Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Белгородская, Липецкая, Калининградская, Московская, Свердловская и Тюменская области, Краснодарский край; в число наименее развитых входят: Ивановская, Ульяновская и Курганская области, республики Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Бурятия, Алтай и Тыва, Забайкальский и Алтайский края[2].

Приведенные примеры свидетельствуют о существенной межрегиональной дифференциации, актуализируют необходимость совершенствования методического обеспечения в оценке уровня социально-экономического развития регионов как объективного расчетно-аналитического инструмента государственной экономической политики, обеспечивающего безошибочность, объективность и определенность в анализе текущей ситуации и определении направлений «выравнивания».

---

[1] Socio-economic Development of Regions of Russia: Assessment of the State and Directions of Improvement / D.D. Tsyrenov, A.A. Kokorina, J.V. Slepneva, I.S. Munkueva, L.R. Slepneva // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. – N 6. – P. 179–187.

[2] Рейтинг развития регионов. – http://www.5-tv.ru/rating/method.html

Приводимые в современной экономической литературе различные методики и инструменты для измерения величины и динамики показателей, позволяющих оценить уровень социально-экономического развития регионов, свидетельствуют об отсутствии единого подхода, обеспечивающего простое и очевидное решение данной проблемы. При этом применяемые показатели могут быть сводными и индивидуальными, абсолютными и относительными, моментальными и интервальными, синтетическими и натуральными, стоимостными, трудовыми и т.д.

Анализ и обобщение методических подходов, изложенных в работах Гириной А.Н.[1], Меньщиковой В.И.[2], Петухова Н.А., Горидько Н.П., Нижегородцева Р.М.[3] и др., позволяют систематизировать их на методы, основанные на применении экспертных оценок, расчетных величин и рейтинговании; вычислении индивидуальных (частных) и комплексных (сводных) величин; определении системы количественных и качественных характеристик; расчете интегральных индикаторов и индексов и т.д.

Одной из наиболее часто применяемых является методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов, разработанная Министерством экономического развития РФ[4]. Методика базируется на расчете таких показателей, как: валовой региональный продукт в расчете на душу населения, объем внешнеторгового оборота, соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, уровень регистрируемой безработицы и др. Наряду с явными достоинствами, обусловленными комплексностью оценивания, следует отметить сложность практического применения методики из-за необходимости сбора и обработки огромного массива статистических данных, в рамках которого некоторая часть показателей не оказывает прямого влияния и лишь косвенно свидетельствует об уровне социально-экономического развития. Кроме того, при сведении ряда разноразмерных и разнородных показателей исследователь зачастую сталкивается с трудностью объяснения полученных противоречивых и несопоставимых значений этих показателей, а также динамики их изменения. Учитывая приведенные обстоятельства, данная методика, по мнению автора, является излишне громоздкой и мало информативной.

В направлении модифицирования методики комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов некоторые ученые предлагают уменьшить количество применяемых показателей при составлении массива статистических данных и их последующего анализа. Как правило, модифицирование направлено на замену (объединение) отдельных показателей на более информативные, оказывающие непосредственное влияние и позволяющие объективно судить об уровне социально-экономического развития. Так, например, в методике Т.П. Скуфьиной и С.В. Баранова[5] обосновано применение 9 показателей, в методике В.П. Самариной[6] – 5, в методике А.Н. Гириной[7] – 3, и т.д. Такая модификация несколько упрощает применение методики комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов, снижает трудоемкость по сбору и обработке большого объема статистических данных, однако не приводит к получению одного конечного обобщающего (сводного) либо интегрального показателя, что затрудняет проведение межрегиональных сравнений.

В работе С.Г. Светунькова, А.В. Заграновской, И.С. Светунькова[8] собраны и проанализированы методики оценивания уровня социально-экономического развития регионов на основе индексного и эконометрических методов, основными недостатками которых являются невозможность учета всего множества и субъективных подход в выборе факторов и показателей для оценивания; слабая формализация отдельных показателей, имеющих сильную корреляционную связь с итоговым индексом; сложность расчетов при невысокой объективности оценки в рамках сравнительного анализа и др.

Аналогичные недостатки характерны и для методик рейтингования, основанных на определении рейтинга регионов по различным агрегированным и индивидуальным, абсолютным и относительным, расчетным интегральным и прочим показателям. Так, методика расчета рейтинга социально-экономического развития регионов, составляемого по 15 статистическим показателям, позволяет оценить социально-экономическое положение и провести межрегиональные сравнения[9]. Методики рейтингования позволяют выявить степень дифференциации регионов по уровню развития и качеству жизни населения, предопределенных в числе прочих факторов и геополитическим положением, экономическими, социальными и культурно-историческими особенностями. Однако итоги рейтингования во многом предо-

---

[1] Гирина А.Н. Методика оценки социально-экономического развития региона // Вестник ОГУ. 2013. – № 8(157), август. – С. 82–87.

[2] Меньщикова В.И. К вопросу об оценке уровня социально-экономического развития региона // Социально-экономические явления и процессы. 2011. – № 9 (031). – С. 123–128.

[3] Петухов Н.А., Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М. Факторы экономического роста российских регионов: моделирование, анализ, прогноз: Научная монография. – М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. – 292 с.

[4] Утверждена Постановлением Правительства РФ от 11.10.2001 №717 «О Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов России».

[5] Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Социально-экономическое прогнозирование: проблемы науки и преподавания // Вопросы экономики. – М., 2005. – № 3. – С. 41–48.

[6] Самарина В.П. Особенности оценки неравномерности социально-экономического развития регионов // Проблемы современной экономики. 2008. – № 1 (25). – С. 300–304.

[7] Гирина А.Н. Методика оценки социально-экономического развития региона // Вестник ОГУ. 2013. – № 8 (157), август. – С. 82–87.

[8] Светуньков С.Г., Заграновская А.В., Светуньков И.С. Комплекснозначный анализ и моделирование неравномерности социально-экономического развития регионов. – СПб., 2012. – 129 с. –http://sergey.svetunkov.ru/economics/complex/files/MD2012.pdf

[9] Рейтинг социально-экономического положения регионов – итоги 2015 года. – http://riarating.ru/regions_rankings/20160615/630026438.html

пределены субъективно составленным набором социально-экономических показателей и могут существенно разниться для одного и того же региона при применении разных наборов показателей.

Наряду с описанными выше можно привести другие методики и инструменты, применяемые для оценивания уровня социально-экономического развития регионов и межрегиональных сопоставлений. Их многообразие и различающийся методологический подход лишний раз подчеркивают то, что данная проблема не имеет одного универсального и очевидного решения, требуется расширение системы применяемых методик. Учитывая данное обстоятельство, автором сделана попытка совершенствования методики оценки уровня социально-экономического развития регионов, ориентированной на применение небольшого количества показателей, отражающих состояние и динамику происходящих социально-экономических процессов, и одновременно учитывающей преимущества и недостатки существующих методик. Предложенная методика включает пять этапов проведения оценивания (рис. 1).

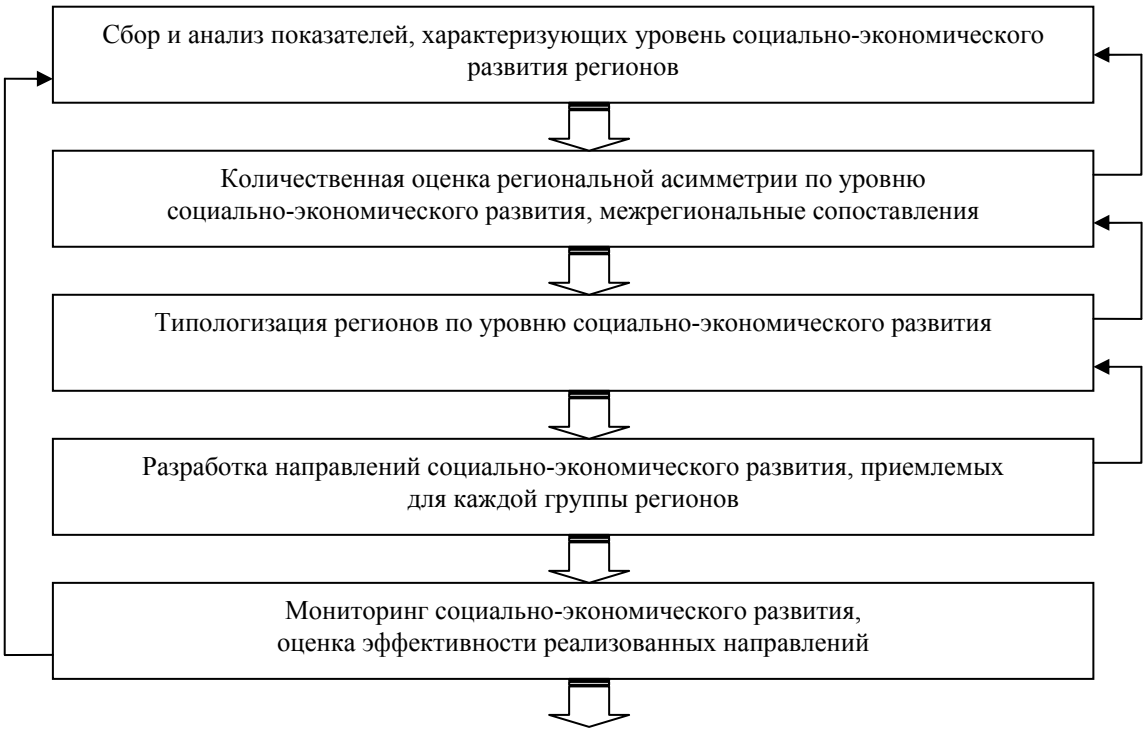


Рисунок 1.
Алгоритм оценивания на основе совершенствованной методики оценки уровня социально-экономического развития регионов

С учетом пространственно-отраслевых особенностей, специфических тенденций и условий социально-экономического развития, а также исходя из целей анализа, система показателей, количественно отражающих уровень экономического и социального развития, может быть расширена. Однако, как показывает анализ существующих методик, оптимальным является применение 3–5 показателей, количественно характеризующих уровень экономического и социального развития (рис. 2). Возможно их применение в динамике анализируемого периода (например, для динамического анализа явлений и процессов, выявления причин и факторов им содействующих) и в разрезе одного периода (например, для статического анализа в рамках межрегиональных сопоставлений).

Для количественной оценки региональной асимметрии по уровню социально-экономического развития предложено использовать соотношение анализируемого показателя по отдельному региону к средней арифметической его величине по группе регионов. Расчет соответствующего интегрального коэффициента производится как корень пятой степени из произведения отношений каждого показателя к средней арифметической его величине по группе регионов. По результатам количественной оценки уровня экономического и социального развития строится матрица, определяются приемлемые направления социально-экономического развития.

Апробация предложенной методики проведена на примере регионов Сибирского федерального округа (СФО). Оценка количественных значений уровня экономического и социального развития проведена по показателям, приведенным на рис. 2.

В последние годы (с 2012 по 2014 гг.) отмечается рост валового регионального продукта во всех регионах СФО. Наибольшее значение ВРП в расчете на душу населения отмечается в Красноярском крае, Томской и Иркутской областях; минимальное – в республиках Тыва, Алтай и в Алтайском крае. Расхождение по ВРП в расчете на душу населения между максимальным (в Красноярском крае) и минимальным (в Республике Тыва) значением составляет около 3,5 раза.

Большие объемы отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения зафиксированы в Красноярском крае, Омской и Кемеровской областях; наименьшие – в республиках Алтай и Тыва. Расхождение между максимальным (в Красноярском крае) и минимальным (в Республике Алтай) значением по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения составляет примерно 1,5 раза.

Рисунок 2.
Система показателей, количественно отражающих уровень экономического и социального развития

Наибольший объем инвестиций в основной капитал на душу населения отмечается в Красноярском крае, Томской и Кемеровской областях; низкий – в Алтайском крае, республиках Тыва и Бурятия. Максимальное значение по объему инвестиций в основной капитал на душу населения (в Красноярском крае) более чем в три раза превышает минимального значения (в Республике Тыва).

Регионы-лидеры по обороту розничной торговли на душу населения: Красноярский край, Новосибирская и Омская области; регионы-аутсайдеры: Республика Тыва (более чем вдвое ниже по сравнению со средним значением по СФО) и Республика Алтай (примерно в 1,5 раза менее среднего значения по СФО).

По объему продукции сельского хозяйства на душу населения лидируют Алтайский край, Республика Алтай и Омская область. Наименьший объем продукции сельского хозяйства на душу населения отмечен в Республике Бурятия, Кемеровской области и Забайкальском крае. Расхождение между максимальным (в Алтайском крае) и минимальным (в Республике Бурятия) значением составляет более 3 раз.

Все приведенное выше подтверждает существенную региональную дифференциацию по уровню экономического развития. Расчет соотношений показателей, характеризующих уровень экономического развития, к их средней величине по регионам СФО позволил выделить регионы с высоким уровнем экономического развития (Красноярский край, Омская и Кемеровская области), где по четырем из пяти показателей наблюдается превышение (рис. 3). Еще в трех регионах отмечено превышение над средним значением по трем показателям (Томская, Новосибирская и Иркутская области). В двух регионах (Республика Тыва и Забайкальский край) по всем показателям отмечено значение ниже среднего по СФО.

Аналогичная ситуация прослеживается в оценке показателей, характеризующих уровень социального развития, что свидетельствует о существенной региональной дифференциации.

Наибольшее значение уровня экономической активности отмечено в Омской области (более 69%), самое низкое – в Республике Тыва (почти 58%). Расхождение по уровню экономической активности составляет чуть менее 12 процентных пунктов.

Максимальное значение среднедушевых денежных доходов населения в месяц отмечено в Красноярском крае и минимальное – в Республике Тыва. Расхождение по величине среднедушевых денежных доходов населения в месяц составляет почти 1,85 раза.

Высокие потребительские расходы в среднем на душу населения отмечены в Красноярском крае, Новосибирской и Омской областях; низкие – в республиках Тыва и Алтай. Соотношение наивысших и наименьших потребительских расходов в среднем на душу населения превышает трех раз.

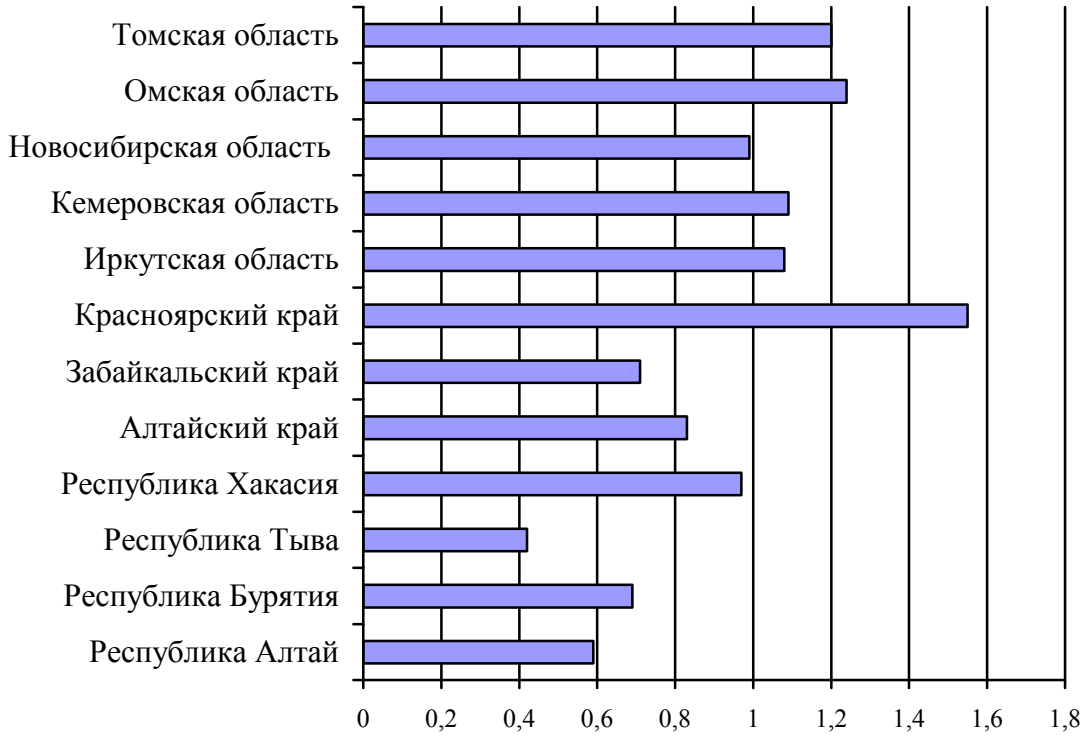


Рисунок 3.
Величина интегрального коэффициента, характеризующего уровень экономического развития регионов СФО за 2014 год

Превышение среднедушевых доходов над среднедушевым прожиточным минимумом максимальное в Омской области и превышает 400%; минимальное в Республике Тыва – несколько ниже 200%.

Существенное значение уровня зарегистрированной безработицы отмечено в республиках Алтай и Тыва; наименьшее – в Новосибирской области, Республике Бурятия и Омской области.

Количественная оценка показателей, характеризующих уровень социального развития, позволяет сделать вывод об относительно стабильной и благополучной социальной обстановке в Новосибирской и Омской областях, Красноярском крае, где практически по всем показателям, характеризующим социальное развитие, отмечается превышение над средним значением по СФО (рис. 4).

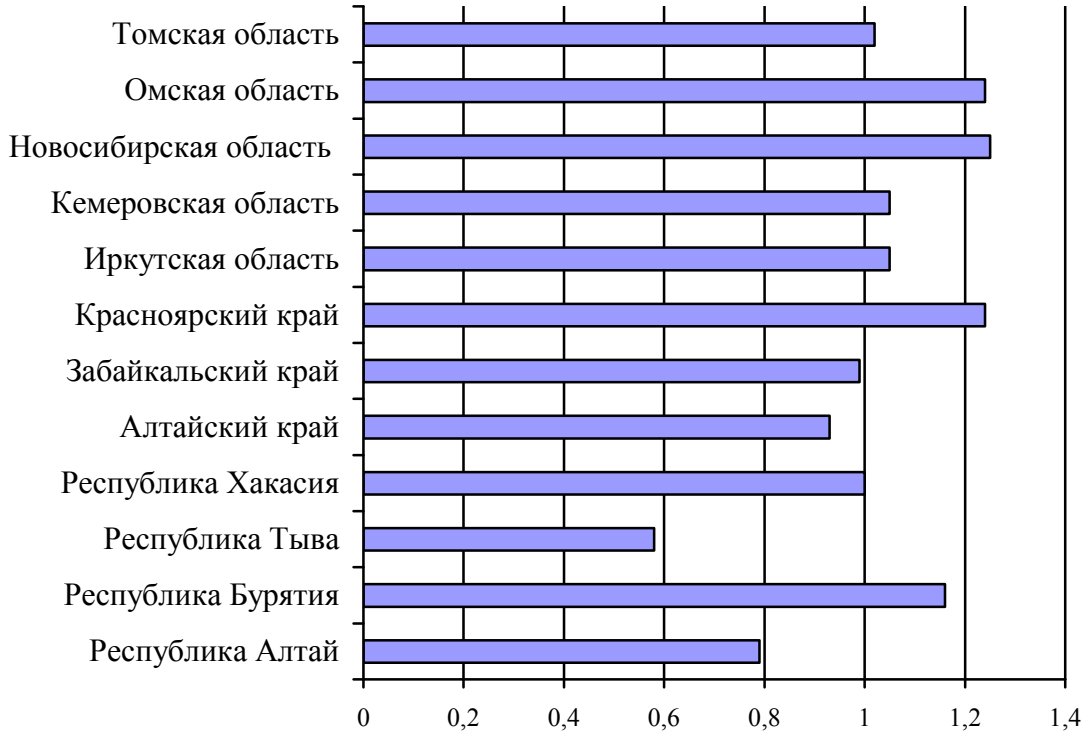


Рисунок 3.
Величина интегрального коэффициента, характеризующего уровень социального развития регионов СФО за 2014 год

Типологизация осуществлена на основе метода равно интервального деления, что позволило распределить регионы СФО в девять групп (табл. 1). Для регионов, входящих в 4, 5, 6 группы, характерна социально-экономическая ситуация с отставанием экономического развития в сравнении с уровнем социального развития. Регионы, относящиеся к 7, 8, 9 группам, характеризуются существенным отставанием социального развития от экономического.

К группе высокого уровня социально-экономического развития отнесены Красноярский край и Омская область; к группе низкого уровня – Республика Тыва. Самой многочисленной оказалась группа регионов со средним уровнем социально-экономического развития, включающая 7 регионов (или почти 58% от общего числа анализируемых регионов).

Таблица 1

Типология регионов СФО по уровню экономического и социального развития

		Уровень экономического развития		
		высокий (1,21–1,8)	средний (0,61–1,2)	низкий (0,0–0,6)
Уровень социального развития	высокий (1,21–1,8)	1 *Регионы с высоким уровнем экономического и социального развития* Красноярский край Омская область	4 *Регионы со средним уровнем экономического и высоким уровнем социального развития* Новосибирская область	6 *Регионы с низким уровнем экономического и высоким уровнем социального развития*
	средний (0,61–1,2)	7 *Регионы с высоким уровнем экономического и средним уровнем социального развития*	2 *Регионы со средним уровнем экономического и социального развития* Республика Бурятия Республика Хакасия Алтайский край Забайкальский край Иркутская область Кемеровская область Томская область	5 *Регионы с низким уровнем экономического и средним уровнем социального развития* Республика Алтай
	низкий (0,0–0,6)	9 *Регионы с высоким уровнем экономического и низким уровнем социального развития*	8 *Регионы со средним уровнем экономического и низким уровнем социального развития*	3 *Регионы с низким уровнем экономического и социального развития* Республика Тыва

На основе проведенного анализа выделены общие и специфические проблемы и угрозы, приоритеты и перспективы. Общими проблемами и угрозами для регионов СФО являются:

– существенное отставание темпов роста экономики большинства регионов от средних по стране;

– узкая диверсификация экономики ряда регионов, содействующая ресурсной ориентированности;

– значительная отдаленность от экономически развитых западных регионов и суровые природно-климатические условия, способствующие повышению стоимости проживания, увеличению затратности осуществляемой экономической деятельности, удорожанию строительства;

– низкая транспортная освоенность и неразвитость внутренних интеграционных связей, содействующие ориентированности экономики большинства регионов на внешние рынки;

– невысокая инвестиционная привлекательность и неблагоприятная институциональная среда, способствующие вывозу капитала в развитые западные регионы России и за границу.

Для регионов, входящих в одну группу, специфические проблемы и угрозы схожи, что дает основание для формирования однонаправленных приоритетов и перспектив[1]. Безусловно, перспективные направления развития должны быть нацелены на задействование всех имеющихся ресурсов и более полное использование экономического потенциала (рис. 4). Предлагаемые приоритеты и перспективы должны формироваться и реализовываться как основа региональной социально-экономической политики, позволяющая полнее учесть интересы и потребности населения.

В целом, предложенная автором методика применима не только для характеристики текущей ситуации и установления уровня социально-экономического развития одного отдельно взятого региона, но и для проведения межрегиональных сопоставлений; проста в применении, базируется на оптимальном количестве выбранных для анализа показателей, характеризующих уровень экономического и социального развития; позволяет учесть территориально-отраслевые особенности, специфические особенности и тенденции социально-экономического развития.

[1] Слепнева Л.Р., Чебунина Н.М. Направления и механизм выравнивания пространственной поляризации Российского экономического пространства // Вестник ВСГУТУ. 2012. – № 2 (37). – С. 112–116; Слепнева Л.Р., Чебунина Н.М. Предпосылки поляризации регионов в современной экономике // Сборник материалов II международной научно-практической конференции «Экономико-статистические методы исследования потенциала территорий в современном обществе». – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013. – С. 148–152.

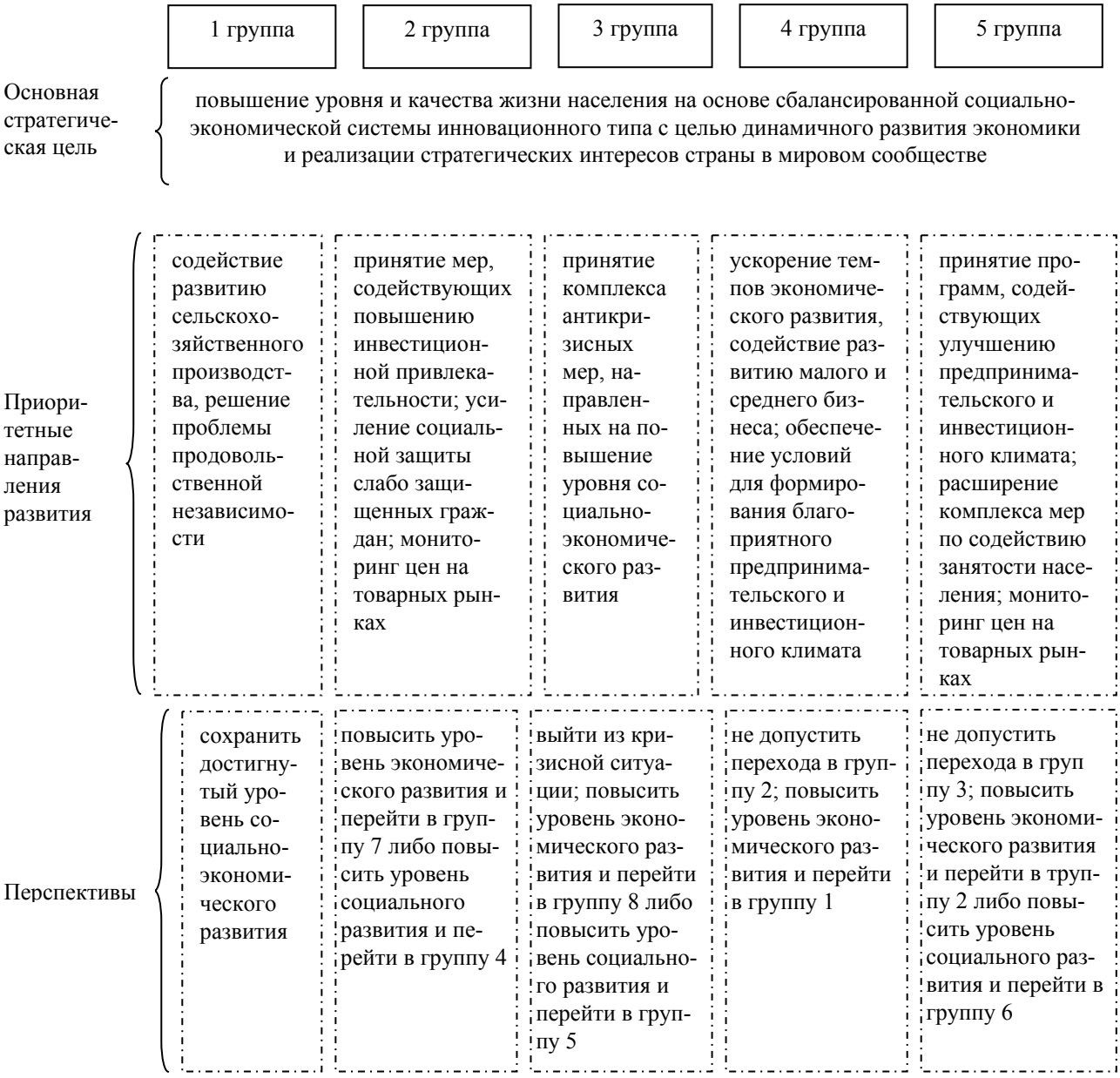


Рисунок 4.
Основные приоритеты и перспективы, приемлемые для регионов СФО

Стрельникова Т.Д.
д.геогр.н., доцент Липецкого филиала Финансового университета, Липецкого областного института развития образования
kod219@ mail.ru

КЛАСТЕРНАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИПЕЦКОГО РЕГИОНА

Ключевые слова*: кластер; импортозамещение; технологическая модернизация; строительный комплекс; машиностроение; кооперация.*
Keywords*: cluster, import substitution, technological modernization; construction industry; engineering; cooperation.*

Сегодня становится понятно, что в экономике территорий нужно переходить от конкуренции производств к сотрудничеству регионов по реализации кластерных программ и проектов.

Как в стране в целом, так и в отдельных российских регионах при решении проблем социально-экономического развития одним из перспективных направлений обеспечения системного подхода в реализации модернизационного сценария является стимулирование и поддержка процессов формирования своеобразных «точек роста». Эффективным воплощением данных территорий, специализирующихся на аккумуляции человеческого потенциала, и вместе с ним новых идей, технологий становятся кластерные промышленные системы.

Из системных свойств кластерных структур вытекают определенные преимущества их использования в целях развития экономики[1]:

- реализация целевых принципов планирования и управления,
- комплексное решение задач развития территорий с учетом их потенциалов – природно-ресурсного, социального и экономического;
- получение определенных положительных эффектов при координации и кооперации взаимодействия промышленных предприятий и организаций.

Для эффективного функционирования и развития кластеров необходима согласованная работа органов власти, научных организаций, промышленных предприятий, поставщиков и других субъектов, участвующих в кластерных проектах.

Важнейшей частью Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года является определение наиболее перспективных зон опережающего развития, зон экономической активности и «точек роста», которые аккумулируют стратегические направления отраслевого и территориального развития, определяя, таким образом, основные «векторы» регионального развития.

В промышленности Липецкой области функционирует несколько конкурентоспособных кластеров, вузы и учебные заведения успешно решают задачи по обеспечению кластеров кадрами, сформирована нормативная база для кластеров, создана система принятия решений в области формирования и функционирования кластеров, сформирована развитая транспортно-логистическая инфраструктура.

Липецкая область – регион РФ, в котором большинство предприятий обрабатывающей промышленности входит в состав кластеров, кластеры имеют инновационный характер, продукция конкурентоспособна на мировом рынке и экспортируется сама по себе либо в составе продукции более высоких переделов, любая новая кластерная инициатива быстро реализуется за счет существующих мер государственной поддержки.

В настоящее время на территории Липецкой области разрабатываются и новые кластерные проекты:

- центр коллективных закупок для поставщиков;
- центр сертификации (на соответствие европейским стандартам, первый в России!);
- общая служба по обслуживанию оборудования;
- единая транспортная служба;
- учебный центр по менеджменту, сертификации, технологиям, и т.п.
- R&D центр (исследовательско-внедренческий центр) по развитию и внедрению инноваций в продукцию поставщиков Индезита.

На предприятиях Липецкой области основным видом внедряемых инноваций являются технологические. Из 18 муниципалитетов региона только в 8 муниципальных образованиях промышленные предприятия занимаются разработкой и внедрением технологических инноваций на основе кластерного подхода: в Липецке – это 10 предприятий,

[1] Растворцева С.Н., Череповская Н.А. Приоритеты и формы реализации кластерной политики в российских регионах: монография. – Белгород: Константа, 2013. – 206 с.

в Ельце – 4 организации; по два промышленных предприятия – в Лебедянском и Чаплыгинском районах и по одному – в Долгоруковском, Данковском, Елецком, Воловском районах.

72,5% затрат на технологические инновации в кластерных системах Липецкого региона связаны с приобретением техники и оборудования.

Липецкая область обладает рядом сильных сторон, возможностей, определенных слабостей развития, существующих и перспективных угроз. Основными из них являются:

Сильные стороны:

- удобное географическое положение (территориальная близость к Москве);
- развитый инфраструктурный комплекс;
- относительно благоприятные природно-климатические условия;
- экономически активное население – квалифицированные трудовые ресурсы;
- наличие историко-культурных объектов.

Возможности:

- стремление к созданию кластеров в экономике (машиностроительного, фармацевтического, туристского);
- более широкое развитие торгово-экономических связей с другими регионами России и зарубежными странами;
- привлечение инвестиций как зарубежных, так и отечественных;
- позиционирование муниципальных образований с позиций туризма;
- вступление в репродуктивный возраст многочисленного поколения и повышение рождаемости.

Слабости развития:

- поляризация социально-экономического пространства и локализация человеческой деятельности в ограниченном числе территорий с агломерационным эффектом;
- миграция трудоспособного населения в Москву, Санкт-Петербург и другие благополучные регионы;
- устаревшие производственные фонды в отдельных предприятиях промышленности;
- старопромышленная структура промышленности;
- неразвитость транспортного комплекса (мало дорог);
- низкая производительность труда;
- старение населения (депопуляция, уменьшение численности населения в трудоспособном возрасте).

В Липецкой области созданы предпосылки для следующих направлений кластерного развития[1]:

1. Кластер сложной бытовой техники (основное производство формируется на предприятии ЗАО «Индезит Интернэшнл» и связанных с ним предприятий по производству комплектующих);

2. Кластер композитных материалов (включает в себя цепочки по производству промстройматериалов, ведущим предприятием в Липецке является ЗАО «Армастек – Липецк» и его поставщики);

3. Кластер по производству сельскохозяйственной техники и оборудования (создан для с/х производителей региона по производству комплектующих сельхозмашин по всему региону);

4. Кластер по производству современных станков в особой экономической зоне федерального уровня «Липецк»;

5. Производство, переработка и поставка сельскохозяйственной продукции нашей области в другие регионы страны и выход на страны СНГ и государства Европы;

6. Кластер по производству шин (предприятие «Бекарт» на территории особой экономической зоны федерального уровня «Липецк»);

7. Фармацевтическое производство «Рафарма» в Тербунском муниципалитете;

8. Агропромышленный кластер в ОЭЗ регионального уровня в Лев-Толстовском районе;

9. Цепочка по переработке шлаков в нано-бетон и композитный бетон на производстве шлакопереработки в ОАО НЛМК;

10. Логистический сервисный кластер ОАО НЛМК и связанных с ним контрагентов;

11. Производство стального проката с нано-добавками.

В стратегии развития кластера композитных строительных материалов предусматривается производство продукции, которая будет поставляться кластером для конечных потребителей – это сборные композито-бетонные изделия, а в перспективе и композитные трубы и полые армированные элементы; кабели и изоляционные материалы; новые модифицированные компаунды (смолы) для композитных материалов; оборудование для производства композитных изделий[2]. Для сбыта готовой продукции существуют целевые рынки в Липецком и близлежащих регионах – рынок ЖБИ для гражданского и дорожного строительства, энергетики.

Кластер композитных строительных материалов в Липецкой области имеет ряд конкурентных преимуществ:

1. Развитая производственная и научная база;

2. Оперативное и поступательное внедрение научно-исследовательских разработок;

3. Сформированность и устойчивость каналов и рынка сбыта;

4. Конкурентоспособность и вариабельность новых изделий.

---

[1] Стрельникова Т.Д., Некрасова Е.А., Сорокин В.Е. Кластерная политика в Липецком регионе // Финансы, экономика, статистика. 2013. – № 12. – С. 28–34.

[2] Программа развития инновационного Кластера композитных строительных материалов в Липецкой области. – lipetsk prom.ru/

При создании межрегионального научно-производственного кластера композитных строительных материалов могут быть получены следующие результаты:

1. Включение в глобальные цепочки создания добавленной стоимости в строительных технологиях.
2. Создание полной технологической цепочки развития инновационных домостроительных систем и технологий;
3. Обеспечение тесной кооперации предприятий машиностроительного и строительного комплексов.
4. Активное взаимодействие с отраслевыми и профессиональными объединениями.

Значимым ресурсом для развития кластера композитных строительных материалов может стать и развитие машиностроительного комплекса отраслей, которые будут обеспечивать необходимым оборудованием предприятия, производящие строительные материалы, изделия и конструкции, выполняющие строительные работы[1].

Существуют и перспективные угрозы для развития региональной кластерной промышленной системы:

- рост конкуренции с товарами и услугами из других регионов и стран;
- бюрократизация и медленные темпы в принятии управленческих решений;
- потенциальные экологические угрозы;
- достаточно высокий уровень преступности;
- низкая культура соблюдения законов;
- налоговый, коррупционный, административный «прессинг» на малый и средний бизнес;
- инерционность мышления и отсутствие стимулов к экономической деятельности у населения.

Развитие кластеров на территории Липецкой области может быть сопряжено и с определенными рисками, которые могут препятствовать достижению запланированных в Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года результатов:

- инфраструктурные риски заключаются в отсутствии достаточного количества современных предприятий и научно-исследовательских центров и выстроенной системы кооперации науки и бизнеса;
- велика вероятность техногенных аварий и нанесения ущерба окружающей среде в связи с тем, что степень износа основных фондов составляет 60%;
- недофинансирование НИР и НИОКР сдерживает разработку и внедрение новых изделий и технологий;
- несовершенства в законодательной сфере ограничивают способность хозяйствующих структур эффективно реагировать на меняющуюся рыночную ситуацию;
- неэффективность существующей системы подготовки и переподготовки специалистов и дефицит высококвалифицированных кадров;
- достаточно высокий уровень инфляции при снижении темпов роста экономики и уровня инвестиционной активности, возможность ухудшения внутренней и внешней конъюнктуры цен на сырье и промышленности.

При реализации кластерной политики в Липецкой области необходимо принимать во внимание достаточно высокий природно-ресурсный, инфраструктурный, финансовый и институциональный потенциал, а также относительно низкий потенциал в области инноваций и туризма. На основании проведенного анализа определены приоритетные направления реализации кластерной политики в Липецком регионе:

- развитие инновационных компаний;
- приобретение земельных участков и объектов недвижимости предприятиями-участниками промышленных инновационных парков;
- поддержка организаций, деятельность которых направлена на совершенствование инфраструктуры в области инноваций и промышленного производства;
- создание региональных центров инжиниринга;
- совершенствование имеющихся и создание новых видов производственной и инновационной деятельности за счет развития малого и среднего предпринимательства;
- упрощение доступа к кредитным ресурсам;
- формирование и развитие туристско-рекреационного кластера.

Таким образом, реализация кластерного подхода к модернизации хозяйственного комплекса области будет способствовать укреплению экономических позиций отдельных производств и региона в целом.

[1] Лаврикова Ю.Г., Котлярова С.Н. Инновационное развитие строительного комплекса региона на основе кластерного подхода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. – № 3. – С. 169–179.

Стыров М.М.
к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
Styrovmm@mail.ru
Тихомирова В.В.
к.э.н., с.н.с. ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН
tikhomirova@iespn.komisc.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО И НРАВСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Ключевые слова: *стратегия, духовно-нравственное благополучие, государство, личность, семья, общество, дети, смертность, аборты, преступность.*

Keywords*: strategy, spiritual and moral wellbeing, state, personality, family, society, children, mortality, abortions, crime.*

Введение

При значительных успехах социально-экономического развития Республики Коми и всей России в период с 2000 г., духовно-нравственное состояние общества пока остаётся далёким от полного благополучия. В главных стратегических документах региона предшествующих лет некоторым его аспектам уделялось определённое внимание, а иные не освещались вовсе. Однако в настоящее время общественные настроения, научные исследования [1; 2; 3; 4] и стратегия высшего руководства страны подводят к необходимости систематической и целенаправленной политики в данной сфере. Стало понятным, что хотя морально-психологический климат в обществе тесно связан с уровнем экономического развития, эта связь не всегда является прямой и линейной [5; 6], а иногда, наоборот, успехи в техническом и хозяйственном развитии дают повод для культурной деградации.

С одной стороны, внутренний мир человека, в котором формируются его цели, ценности, нормы поведения – это очень деликатная сфера, применительно к которой неуместны грубые идеологические шаблоны. Примеров в истории тому достаточно. С другой стороны, государство не может игнорировать смыслосозидающую, воспитательную и охранительную функции образования, здравоохранения, культуры, СМИ и некоммерческих организаций, от чего в огромной степени зависит душевное и физическое состояние каждого человека, семьи и общества в целом. О глубоком осознании этого свидетельствуют недавно принятые стратегические документы федерального и регионального уровней, регулирующие ментальную часть жизни российского общества [7; 8; 9].

Любая социальная девиация – беда прежде всего самого человека, которому не удаётся в полной мере раскрыть себя, состояться как личность. Это и трагедия для родственников и друзей, испытывающих крах своих надежд и ожиданий. Наконец, это потеря для всего общества, лишающегося своего активного члена, потенциального работника. Поэтому даже с сугубо утилитарной точки зрения республика должна быть заинтересована в долгосрочных инвестициях в повышение духовно-нравственного благополучия населения, не говоря уже о рассмотрении этих проблем через призму смысла жизни каждого человека.

Основные тенденции

Духовно-нравственное состояние общества рассматривается нами на трёх уровнях – личное, семейное и общественное. За последние 15 лет в данной сфере наблюдались преимущественно положительные тенденции, однако большинство индикаторов по-прежнему существенно превышают пороговые значения и не дотягивают до лучших значений в других регионах России или в зарубежных странах. По ряду же явлений наблюдается замедление положительного тренда или даже ухудшение ситуации. Региональные явления и процессы в основном повторяют общероссийские, однако порой имеют некоторую специфику. Рассмотрим данные официальной статистики, косвенно характеризующие их.

Личное благополучие. В настоящее время в регионе отмечается позитивная тенденция увеличения средней продолжительности жизни – с 63,5 лет в 2000 г. до 69,1 лет в 2014 г.[1], что, безусловно, говорит как о физическом, так и о психическом оздоровлении населения. Однако о недостаточной воле к жизни и мотивации к созидательному труду и личному развитию, а отчасти и о неблагоприятных условиях существования многих граждан свидетельствуют очень

[1] Здесь и далее, если не указано иное – по данным [10; 11].

высокий уровень смертности от внешних причин, самоубийств, широкий масштаб различных зависимостей – алкогольной, наркотической, табачной[1], токсикологической, игровой, зависимости от средств связи и информации.

В расчёте на 100 тыс. человек населения смертность от внешних причин[2] в Республике Коми в 2015 г. составляла 154,1 чел. Это гораздо ниже, чем в прежние годы, но на 40% выше среднего по стране и в 2–2,5 раза выше лучших зарубежных показателей (рис. 1). Удельная смертность от самоубийств – 32,9 человек в год (вдвое выше среднероссийской), заболеваемость алкоголизмом и алкогольным психозом – 107,4 чел. (более чем на 40%) на 100 тыс. населения. Остаётся стабильно высоким уровень заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения – около 2,5% от общей численности населения. Остро чувствуется необходимость повышения культуры общения и речи, снижения частоты нецензурной брани, к которой чаще или реже прибегает двое из трёх наших сограждан [15].

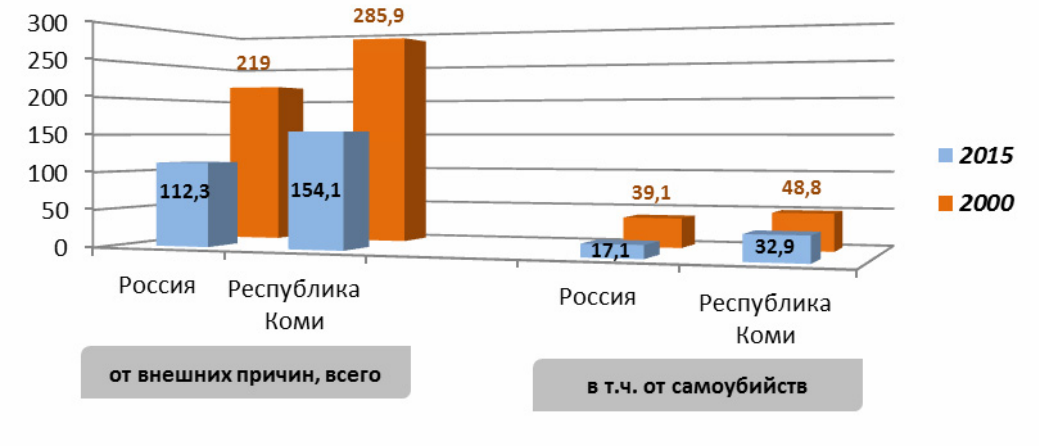


Рисунок 1.
Число умерших от внешних причин, на 100 тыс. населения за год

Ситуация в сфере *семейного благополучия* имеет некоторые тенденции к улучшению, о чём говорит, например, существенный рост рождаемости (за 2000–2015 гг. – с 9,4 до 13,7 малышей на 1000 чел. населения в год [16]). Однако уровень естественного воспроизводства населения едва превосходит нулевую отметку (в 2015 г. – 1,3 чел. на 1000 чел. населения [там же]) и по некоторым прогнозам в ближайшие годы вновь может стать отрицательным, что помимо объективных социально-экономических проблем отражает как переход к «цивилизованному» типу демографической динамики, так и недостаточную мотивацию населения к продолжению и приумножению рода, неуверенность в будущем, ориентацию на краткосрочные интересы [17].

Остаётся чрезвычайно высоким без подвижек к снижению уровень разводов – около 60 на 100 браков (рис. 2), причиной чему является размытость нравственных устоев терпения и верности, зачастую – злоупотребление алкоголем или иные вредные привычки. Даже несмотря на некоторую статистическую неточность, данная цифра свидетельствует, что вероятность разрыва супружеских отношений в республике (как и в целом по стране) выше вероятности их построения «один раз и на всю жизнь». Разрушение семьи обычно сильно деморализует супругов и крайне негативно сказывается на психическом развитии детей. Очень широки масштабы сожительства без оформления отношений, из-за чего практически каждый третий ребёнок в республике рождается вне зарегистрированного брака [18], каждый четвёртый воспитывается в неполной семье [19].

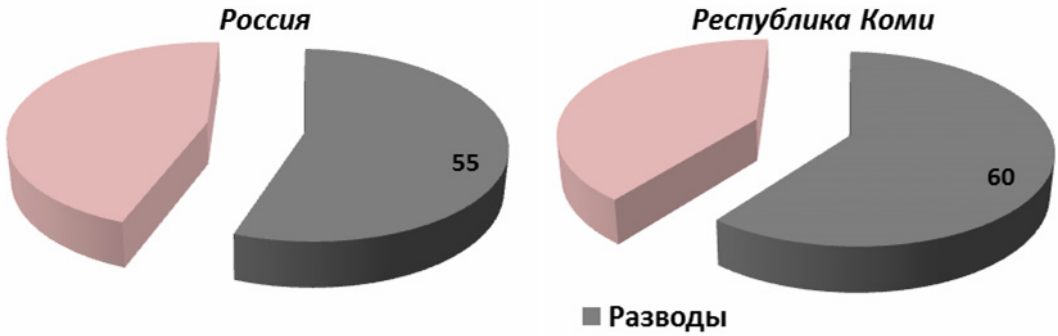


Рисунок 2.
Доля распадающихся браков от их общего числа, в среднем за 2006–2015 гг.

[1] К сожалению, по этим патологиям нет достоверных данных, они фиксируются только при совершении правонарушения или обращении в лечебные учреждения. К тому же нет чётко определённой грани между пробой, вредной привычкой и зависимостью. И всё же по социологическим опросам можно примерно оценить распространённость табакокурения на уровне 30–35%, алкоголизма – 7–10%, наркомании – 3–5%. Источники: [12; 13; 14].

[2] К внешним причинам смерти относятся убийства, самоубийства, несчастные случаи, отравления, утопления, пожары, дорожно-транспортные происшествия и т.д.

В регионе более 5 тысяч детей находятся без попечения родителей, подавляющее большинство из них – «социальные сироты», родители которых лишены родительских прав из-за девиантного поведения и невыполнения своих обязанностей. Благодаря принимаемым мерам для профилактики семейного неблагополучия и детской безнадзорности в настоящее время происходит снижение численности семей, находящихся в социально опасном положении и состоящих на учете в учреждениях социального обслуживания населения в связи с улучшением положения в них. Но их число ещё весьма велико: по данным Минтрудсоцразвития Республики Коми, на 1 января 2015 г. в республике зарегистрированы 1300 таких семей и 2260 воспитывающихся в них детей.

Серьёзное беспокойство вызывает большое число искусственных прерываний беременности (абортов): в 2014 г. – 58 уничтоженных детей на 100 рождённых, что на 20% выше среднего по стране (рис. 3)[1]. Хорошо, что масштаб данного явления из года в год снижается, однако в общественном сознании оно пока остаётся приемлемым. Корни его кроются в слабом осознании ценности человеческой жизни, неупорядоченности половых отношений, пренебрежении к своему здоровью в долгосрочной перспективе, безответственном отношении к контрацепции, порой – в материальном и семейном неблагополучии. Большинству жителей аборт представляется хоть и нежелательным, но всё же допустимым средством профилактики патологий здоровья, одинокого материнства, бедности и т.д. Специалистам же хорошо известны его отдалённые негативные последствия для физического и психического здоровья родителей и детей, не говоря уже о моральном аспекте убийства человеческой личности.

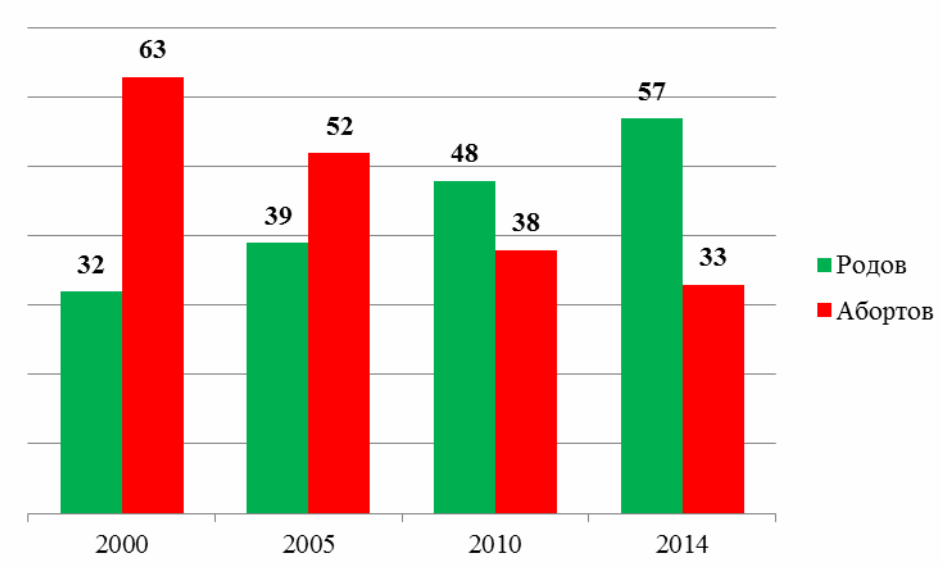


Рисунок 3.
Количество родов и абортов в год на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет в Республике Коми [20]

Положительными чертами *общественного благополучия* являются отсутствие крупных социальных волнений, акций протеста, высокий уровень поддержки власти населением, рост патриотизма на фоне внешнеполитических неурядиц и празднования 70-летия победы в Великой отечественной войне. Вопреки экономической рецессии, «индекс счастья» россиян в 2014 г. побил 25-летний максимум, счастливыми ощущают себя 78% жителей [21]. Однако о полной солидарности общества говорить пока нельзя. Имеет место как неявное, так и открытое противостояние власти, недовольство внутренней и внешней политикой страны, напряжённость в межнациональных и межрелигиозных отношениях.

Другой серьёзной проблемой является высокий уровень преступности – 2782 уголовных преступления в год на 100 тыс. чел. населения в 2015 г. (первая десятка среди субъектов РФ), что на 70% выше среднего значения по стране, из них почти 20 убийств (в среднем по России – 13,5, в среднем по всему миру – около 6 [22]). Это обусловлено проблемами в социально-экономическом благосостоянии населения, особенно в моногородах и сельских районах, нарушениями в семейных отношениях, воспитании и социализации детей, длительным пренебрежением сферами образования и культуры, размещением на территории региона большого числа учреждений исполнения наказаний, нередко – негативным влиянием средств массовой информации. Порядка 50% преступности имеет экономическую мотивацию: кражи, разбой, грабёж, мошенничества, незаконный оборот наркотиков. Около четверти всех преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. В 2012 г. прекратилась наблюдавшаяся прежде тенденция сокращения уровня преступности, происходит его повышение (рис. 4).

Важным фактором социальной напряжённости является чрезвычайно высокое экономическое неравенство, проистекающее из личной надломленности и пассивности отдельных граждан, перекосов в системе распределения доходов и малой оплате низкоквалифицированного труда, не всегда достаточной эффективности мер социальной защиты, а нередко – из нехватки солидарности и милосердия в обществе. Каждый седьмой житель республики имеет доходы ниже прожиточного минимума, каждый одиннадцатый из числа трудоспособных – безработный, разрыв в

[1] В этих цифрах отражаются только официальные статистические данные. С учётом же нелегальных операций и использования контрацептивов абортивного действия реальное число детоубийств в стране больше на порядок и сопоставимо со смертностью в годы Великой Отечественной войны [20].

уровне денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения устойчиво составляет 16–17 раз при норме до 10 раз. Всё это обусловливает ощущение несправедливости в обществе, создаёт атмосферу недовольства и неприязни, служит почвой для личных и семейных неурядиц.

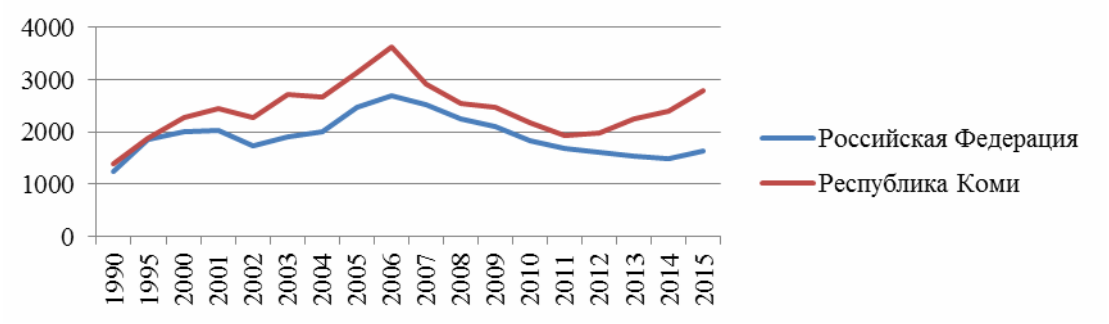


Рисунок 4.
Число зарегистрированных преступлений в год на 100 тыс. человек населения

Обобщения

Итак, в настоящее время в обществе наблюдаются проявления духовно-нравственного кризиса. Наибольшая его опасность заключается не в экономическом спаде или смене политической системы, а в деформации личностных ценностей и установок. Наблюдается эмоциональная, волевая и духовная незрелость гражданского общества. В шатком положении находится институт семьи: у молодого поколения имеют место внесупружеские, антиродительские и антисемейные установки. Постепенно утрачиваются формы коллективной деятельности. Отмечается значительный рост числа случаев жестокого обращения в отношении детей (в том числе в благополучных семьях), наличие крайних форм нравственной деформации личностей родителей, злостное уклонение от исполнения родительских обязанностей, злоупотребление алкоголем или наркотическими веществами. Нарастание агрессивности и жестокости в обществе обусловливает высокий уровень преступности.

Нельзя игнорировать и возможные внешние угрозы и вызовы, могущие дополнительно осложнить ситуацию в исследуемой сфере. К ним относятся:

– финансово-экономический кризис, сокращающий объём финансовых ресурсов региона, выделяемых на социальную сферу;

– внутреннее и внешнеполитическое давление в пользу либерализации законодательства, ослабления контроля за СМИ;

– межнациональные и межрелигиозные конфликты, в т.ч. инициированные целенаправленным манипулированием общественным сознанием;

– миграционный отток из региона наиболее талантливых и активных молодых людей.

Вместе с тем, нельзя не заметить мощную тенденцию духовного оздоровления общества, особенно в период с 2000 г. Это свидетельствует о пробуждении внутренних сил в народе, включении механизмов самосохранения и очищения после критических испытаний 1990-х годов. Такая цикличность общественного сознания хорошо известна и является объектом изучения в рамках цивилизационного подхода [23]. Академик РАН О.Т. Богомолов пишет: «Вернуть российскому народу веру в благородные идеалы, возродить чувство гордости за историческую судьбу и великие свершения прошлого, пробудить духовные и нравственные силы общества – вот какая сверхзадача сегодня стоит перед страной» [24, с. 6-7].

Поэтому настоящая статья направлена не на драматизирование ситуации и преподнесение её в сугубо негативном свете, а на высвечивание наиболее острых задач социального развития региона, привлечение к ним внимания властей и общественности.

Целевое видение духовно-нравственного благополучия населения Республики Коми

Как показывает история, именно моральное здоровье общества оказывается ключевым фактором его выживания и дальнейшего развития в переломные моменты жизни. Проводимые нами социологические опросы населения подтверждают озабоченность граждан проблемами психологического климата в стране и понимание необходимости положительных преобразований в данной сфере.

Основой национальной культуры России является развитие способности человека к духовно-нравственному совершенствованию, формирование представлений о светской этике, культуре и истории религий, значении моральных норм, нравственных ценностей и духовных идеалов для жизни человека и общества.

На наш взгляд, в качестве важнейшей цели развития Республики Коми должно выступать сохранение и укрепление физического, социального, духовного здоровья её жителей в долгосрочной перспективе. Республика должна стать регионом, в котором общими усилиями каждого гражданина, органов власти и всех организаций обеспечивается высокий уровень духовно-нравственного благополучия человека, превосходящий средний по стране и приближающийся к лучшим мировым индикаторам. О достижении данной цели будет свидетельствовать устойчивое пребывание Республики Коми в десятке-двадцатке наиболее благополучных регионов России по каждому из целевых показателей (таблица) и/или соответствие этих показателей пороговым научно обоснованным значениям, международным нормам.

Мы ратуем за то, чтобы в перечне приоритетов работы Правительства Республики Коми больше присутствовали подобные жизненные показатели благополучия человека, нежели отвлечённые экономические индикаторы, чтобы в первую очередь именно они использовались при оценке успешности развития республики. Полезным было бы внедрение в практику управления государственного управления одного или нескольких интегральных коэффициентов, комплексно характеризующих эту сферу общественной жизни. Попытки разработки и применения подобных показателей предпринимаются многими отечественными исследователями [26; 26; 27; 28; 29; 30].

Таблица 1

Показатели духовно-нравственного благополучия населения

Сферы	Показатели
личное благополучие	• удовлетворённость граждан возможностями гармоничного развития личности; • продолжительность жизни в среднем и в разрезе полов и социальных групп; • смертность по классам причин, в т.ч. от внешних причин в целом и от самоубийств; • заболеваемость алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, игроманией, распространённость табакокурения; • распространённость психических расстройств и расстройств поведения;
семейное благополучие	• удовлетворённость граждан семейными (супружескими) отношениями; • устойчивость семейных отношений (количество разводов); • коэффициент естественного прироста населения; • внебрачная рождаемость; • численность детей, оставшихся без попечения родителей; • искусственное прерывание беременности (аборты); • насилие в семье, в т.ч. в отношении детей, женщин, мужчин и престарелых граждан;
общественное благополучие	• удовлетворённость граждан общественными и межличностными отношениями; • уровень преступности (общей, детской, женской); • частота межнациональных и межконфессиональных конфликтов, акций протеста, проявлений экстремизма; • уровень бедности; • уровень экономического неравенства (распределение доходов);

В качестве приоритетных направлений политики достижения духовно-нравственного благополучия населения могут быть обозначены следующие (рис. 5).

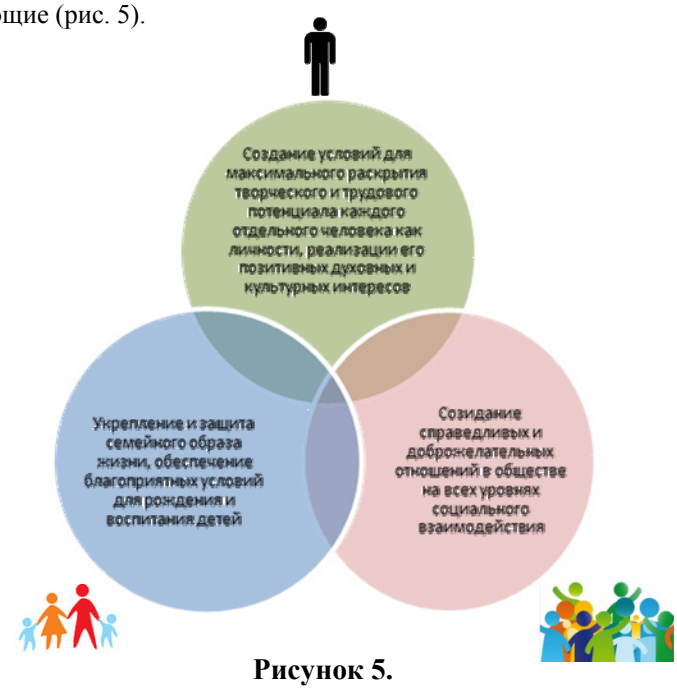


Рисунок 5.
Приоритетные направления политики духовно-нравственного благополучия населения Республики Коми

По каждому из этих направлений следует выполнить определённые задачи, т.е. действия по их реализации (рис. 6). Они, в свою очередь, должны воплотиться в плане конкретных мероприятий, подлежащих выполнению органами власти в сотрудничестве с общественными организациями.

Для решения этих задач, на наш взгляд, необходимо повышение степени внимания органов власти к проблемам духовно-нравственного благополучия общества. Знаковым событием здесь является перемещение вопросов развития человеческого капитала в структуре Стратегии развития региона со второго места на первое, т.е. со второстепенного и вспомогательного – к первоочередному и целевому. Далее необходимо глубокое исследование морально-психологического состояния народа на основе как статистических показателей, так и социологических опросов и экспертных оценок, с организацией последующего постоянного мониторинга. После этого должна последовать разработка полноценной Концепции духовно-нравственного благополучия населения Республики Коми [31]. А в качестве первого шага

в этом направлении принципиально важно добиться появления соответствующего раздела в Стратегии социально-экономического развития Республики Коми до 2030 г. В рабочем порядке такое решение уже принято.

Рисунок 6.
Задачи политики повышения духовно-нравственного благополучия населения Республики Коми

Список литературы

1. Сулакшин С.С. Фундаментальный контекст концепта нравственного государства. – М.: Научный эксперт, 2013. – 74 с.
2. Юревич А.В., Юревич М.А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 413 с.
3. Теребихин В.М. Солидарное общество в Республике Коми: проблемы и перспективы формирования // Официальный сайт Общественной палаты Республики Коми. – http://op.rkomi.ru/dictionaries/mnenie_ekspertov/52980
4. Преображение и модернизация: духовные начала, цели, риски и шансы. – М.: Институт экономических стратегий РАН, 2011. – 96 с.
5. Куклин А.А., Васильева Е.В. Благосостояние и общественное здоровье населения России: адаптация к экономической нестабильности // Экономика региона. 2015. – № 1. – С. 64–76.
6. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Экономические детерминанты психологического состояния общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. – № 2 (86). – С. 18–25.
7. Основы государственной культурной политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
8. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный сайт Российской газеты. – http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html
9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – http://base.garant.ru/70284810/#block_1000
10. Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата. – http://fedstat.ru
11. Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. – http://komi.gks.ru
12. О курении и дыхании / Фонд «Общественное мнение. – http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12483
13. Об алкоголизме и борьбе с ним / Фонд «Общественное мнение. – http://fom.ru/Obraz-zhizni/11492
14. О наркомании / Фонд «Общественное мнение. – http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11685
15. О нецензурных выражениях / Фонд «Общественное мнение». – http://bd.fom.ru/report/map/d082925
16. Естественное движение населения Российской Федерации за январь-сентябрь 2015 года / Росстат. – http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/bul_dr/edn/edn15-3.xls
17. Попова Л.А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. – № 2. – С. 79–93.
18. Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. – М.: Росстат, 2015. – 263 с.
19. Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 6 «Число и состав домохозяйств» / Росстат. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
20. Потиха В.В., Фокин А.А. Абортивное действие средств контрацепции. – М.; СПб., 2013. – 44 с.
21. Счастье – есть! / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114812
22. База данных Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. -: https://data.unodc.org
23. Кузык Б.Н. Россия и мир в XXI веке. – М.: Институт экономических стратегий РАН, 2006. – 640 с.
24. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. – М.: Институт экономических стратегий РАН, 2008. – 440 с.

25.Коссов В.В. Динамика качества жизни в субъектах Российской Федерации и направленность социальной политики // Мир России. Социология. Этнология. 2001. – № 2. – С. 1–17.
26.Бородкин Ф.М., Кудрявцев А.С. Человеческое развитие и человеческие беды // Мир России. Социология. Этнология. 2003. – № 1. – С. 138–182.
27.Морев М.В. Социальное здоровье российского общества: тенденции и проблемы // Проблемы развития территории. 2014. – № 5 (73). – С. 28-46.
28.Васильева Е.В. Дифференциация социально-психологического потенциала регионов России // Фундаментальные исследования. 2014. – № 6. – С. 123–128.
29.Козлова О.А., Гладкова Т.В., Макарова М.Н., Тухтарова Е.Х. Методический подход к измерению качества жизни населения региона // Экономика региона. 2015. – № 2. – С. 182–193.
30.Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. – М., 2007. – № 4. – С. 23–34.
31.Теребихин В.М. О проблеме духовно-нравственного развития. – http://viperson.ru/articles/terebihin-v-m-o-probleme-duhovno-nravstvennogo-razvitiya

Третьякова Л.А.
д.э.н., профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета
lora_tretyakova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Ключевые слова*: рынок труда, устойчивое развитие, территория, предпринимательство, трудовой потенциал, диверсификация.*
Keywords: *labor market, sustainable development, territory, entrepreneurship, labor potential, diversification.*

Особенности прогнозирования и развития рынка труда сельских муниципальных образований связаны с выявлением тенденций развития всех сегментарных единиц экономики сельской территории, а также с оценкой сельскохозяйственного производства как главной определяющей компоненты не только рынка труда в сельской местности, но и продовольственной безопасности государства. Проблема прогнозирования развития рынка труда сельских муниципальных образований возникла как составная часть обшей проблемы «устойчивого развития сельских территорий». Последняя стала актуальной для научной общественности и международных организаций в период, когда стало понятно, что в современных условиях развития мирового сообщества происходит деградация природных систем жизнеобеспечения, увеличивается дифференциация не только между бедными и богатыми странами, но и внутри их.

Около 75% бедного и беднейшего населения проживает в сельских районах. При росте нищеты в городах и в XXI веке, по прогнозам, бедное и беднейшее населения будет особенно распространено в сельских районах. Это обусловливает необходимость принятия системы мер по улучшению качества жизни населения таких районов в первую очередь через динамичное и стабильное развитие рынка труда, а, следовательно, стабильное эффективное развитие всех сфер экономической деятельности сельских муниципальных образований. Сложность задачи заключается в том, чтобы обеспечить максимальную занятость и повысить доходы сельских жителей, и все это при условии оптимально рационального использования ресурсного потенциала сельских территорий.

Отметим, что концептуальные основы устойчивого развития рынка труда сельских муниципальных образований и качественного развития сельских территорий лежат в одной плоскости и направлены на достижение стабильного развития сельского сообщества, обеспечивающего рост эффективности сельской экономики, повышение качества и уровня жизни сельского населения, поддержание природно-экологической системы жизнеобеспечения[1].

Надо сказать, что современная российская наука не обладает теоретико-методологическим аппаратом для всестороннего изучения и прогнозирования развития рынка труда сельских муниципальных образований в рамках многофункциональности сельского хозяйства в более широкой трактовке. Для понятия закономерностей развития рынка труда в сельских муниципалитетах необходима разработка понятий и трактовок, характеризующих его.

По нашему мнению, рынок труда сельских муниципальных образований следует рассматривать как базовую основу народнохозяйственного комплекса страны, обеспечивающую стабильное перспективное развитие сельских территорий через многостороннее рациональное использование ресурсного потенциала.

Рассматривая сегментацию рынка труда сельских муниципальных образований, можно с уверенностью сказать, что сельское хозяйство является системообразующей отраслью на многих сельских территориях, а также важнейшим фактором существования человечества в настоящее время, поскольку его роль в экономике разных стран весьма существенна. Так, в странах с очень низким уровнем ВВП на душу населения, доля сельского хозяйства в ВВП достигает 60%, а в наиболее богатых – единицы процента. Вместе с тем, весьма важно, что эта связь не линейна. По мере роста ВВП на душу населения вплоть до 3–4 тыс. долларов доля сельского хозяйства в общем производстве ВВП быстро снижается до 10%, а затем происходит лишь небольшое уменьшение[2]. При этом надо отметить, что относительное значение сельского хозяйства в экономике стран падает по мере роста их богатства, что, несомненно, меняет и модель рынка труда со значительным приоритетом развития других сфер экономической деятельности.

Несомненно, что только эффективное и стабильно развивающееся сельское хозяйство позволит иметь качественный рынок труда в сельских муниципальных образованиях и, кроме того, стабильную систему жизнеобеспечения сельского населения. При этом можно рассматривать реализацию нескольких стратегических направлений по обеспечению экономически устойчивого и экологически приемлемого развития аграрного сектора экономики: оптимизация размещения сельскохозяйственного производства, внедрение инновационных технологий, основанных на выведении новых сортов и пород сельскохозяйственных растений и животных, использование биологизированных технологий

[1] Третьякова Л.А. Стратегия формирования устойчивого жизнеобеспечения населения сельских территорий как инструмент управления качеством жизни – диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Орловский государственный аграрный университет. – Орел, 2009.
[2] Там же.

производства продукции растениеводства, сохранение экологического потенциала сельских территорий в качественном состоянии[1].

Исследуя проблему прогнозирования и перспективного устойчивого развития рынка труда сельских муниципальных образований, необходимо понимать, что на современном этапе развития мирового производства первоочередным является обоснование перспективной стратегии формирования эффективного рынка труда. Ее реализация должна предполагать рациональное использование трудоресурсного потенциала территорий, обеспечение занятости и повышение доходов населения, чтобы распределение населения по качественным ступеням благосостояния было оптимальным и в любом районе государства отвечало требованиям, предъявляемым к качеству жизни человека.

Как показывает практика, на эффективность и устойчивость развития рынка труда сельских муниципальных образований влияют в основном административные и финансовые проблемы, что не способствует рациональному использованию ресурсов сельских муниципальных образований, а следовательно, и оптимальному развитию всех сфер экономической деятельности.

Надо сказать, что социально-экономические особенности различных стран и многоаспектное влияние чрезвычайно большого числа факторов оказывают всестороннее влияние на модель развития рынка труда сельских муниципальных образований. На наш взгляд, важнейшей задачей в этой ситуации является совершенствование международных норм, правил, мер и методов, определяющих взаимодействие экономики сельских муниципалитетов, природной среды и социума.

Опыт развития мировой экономической науки показал, что устойчивость развития сельских муниципальных образований определяется в первую очередь устойчивостью развития сельской экономики[2].

Несмотря на положительные эффекты ускоренного развития аграрного сектора, как отрасли, определяющей вариативность формирования аграрного рынка труда разрыв между возможной и фактической продуктивностью попрежнему велик. Для того чтобы разработать необходимые экономические меры, направленные на повышение устойчивости всех видов экономической деятельности, важно понять, что его достижение должно определяться не только объемами и продуктивностью (эффективностью) производства, но в большей степени стабильным положением на рынке труда и потенциальной возможностью каждого члена общества реализовать свой потенциал.

Если охарактеризовать суть политики занятости РФ с 2000 по 2016 г., то ее можно назвать политикой минимальной вынужденной поддержки, несмотря на то, что программные мероприятия комплексного развития села направлены на создание модели социально-ориентированного рынка труда в сельских муниципальных образованиях как комплексной системы вариативных направлений государственной политики на рынке труда в аграрной сфере, при которой занятость сельского населения рассматривается как приоритетная цель макроэкономической агропродовольственной политики.

В этой связи надо отметить, что за последние пять лет в РФ наблюдается быстрое сокращение занятости в сельских муниципальных образованиях, при этом темпы роста безработицы на селе опережают темпы роста безработицы в городе (табл. 1)[3].

Таблица 1

Уровень безработицы и социальной защиты в РФ, %

Показатели	2000 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2015 г.
Сельское население								
Удельный вес безработных в трудоспособном возрасте в общей численности безработных, %	25,7	38,6	37,7	36,5	38,2	37,9	38,7	39,4
Удельный вес зарегистрированных безработных в общей численности безработных, %	4,6	17,8	20,1	21,6	23,1	22,5	23,6	25,2
Удельный вес лиц, получающих пособия по безработице, в общей численности безработных, %	14,5	27,2	29,8	31,7	33,1	33,4	34,6	35,1
Городское население								
Удельный вес безработных в трудоспособном возрасте в общей численности безработных, %	74,3	61,4	62,3	63,5	61,8	63,5	62,2	62,5
Удельный вес зарегистрированных безработных в общей численности безработных, %	10,1	16,9	17,2	18,4	17,6	18,4	18,8	19,5
Удельный вес лиц, получающих пособия по безработице, в общей численности безработных, %	13,0	24,6	18,8	22,4	19,6	22,4	20,6	25,7

Существенное расхождение между общей и зарегистрированной безработицей является специфической особенностью и проблемой российского рынка труда, особенно его составляющей в сельских муниципальных образованиях, где

[1] Третьякова Л.А. Стратегия формирования устойчивого жизнеобеспечения населения сельских территорий как инструмент управления качеством жизни – диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Орловский государственный аграрный университет. – Орел, 2009.

[2] Третьякова Л.А. Организационно-экономические основы устойчивого развития сельских территорий монография / М-во сельского хоз-ва РФ, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Орловский гос. аграрный ун-т». – Орел, 2008.

[3] Третьякова Л.А. Организационно-экономические основы устойчивого развития сельских территорий: монография / Л.А. Третьякова; М-во сельского хоз-ва РФ, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Орловский гос. аграрный ун-т». Орел, 2008.

потеряв работу, нет возможности трудоустроиться в связи с отсутствием альтернативных форм занятости, обеспечивающих рынок труда новыми высокодоходными рабочими местами в других сферах экономической деятельности.

На сегодняшний день, влияние сельскохозяйственного производства на уровень устойчивости развития рынка труда сельских муниципальных образований является первостепенным и определяющим векторное направление перспективного развития. Несомненно, аграрный сектор экономики – это базис, обеспечивающий стабильное функционирование других отраслей экономики. Но при этом, наиболее актуальным является вопрос определения стратегической роли сельского хозяйства в развитии рынка труда в современных условиях государственной поддержки развития отрасли. Следует признать, что средства, выделяемые в рамках реализации государственных проектов и программ, направленных на поддержание конкурентоспособного сельскохозяйственного производства, совершенно необходимы, но они позволяют сельхозтоваропроизводителям решать лишь незначительную часть проблем. Уровень и формы государственной поддержки сельского хозяйства в РФ по сравнению с экономически развитыми странами несовершенны и мало адаптированы к условиям ведения сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствует полное отсутствие безвозвратных форм поддержки и выделение ресурсов только на возвратной основе[1].

Регулирование экономических условий развития рынка труда на сельских территориях обеспечивает непрерывное управленческое воздействие посредством поэтапного решения следующих задач:

Во-первых, получение объективных данных для анализа факторов формирования и развития рынка труда на различных уровнях управления на основе комплексной оценки. При этом субъект управления в зависимости от качественных характеристик совокупности ресурсного потенциала жизнеобеспечения населения региона или территории должен определить перечень оценочных показателей путем их комбинирования из объективной и субъективной групп, что позволит качественно и всесторонне оценить не только условия жизнеобеспечения, но и получить картину дифференциации регионов в зависимости от индикаторов уровня занятости.

Во-вторых, повышение эффективности методического и методологического инструментария получения достоверных статистических данных по занятости населения, включая самозанятость, комплексный подход к анализу взаимосвязи уровня занятости и доходов должен обеспечить на получения средних показателей, характеризующих отдельные стороны жизнеобеспечения населения, изолированные факты и явления, а целостную картину социально-экономических явлений и процессов в их взаимосвязи и взаимозависимости.

В-третьих, необходимо научно обосновать и внедрить унифицированную комплексную систему мониторинга занятости населения, включая самозанятость на федеральном и региональном уровнях, предусматривающую мониторинг эффективности принимаемых управленческих решений, основных социальных индикаторов в области условий жизнеобеспечения, доходов населения, структуры и моделей рынка труда.

Комплексное решение перечисленных задач позволит субъекту любой ступени управления достичь одну из важнейших целей формирования оптимальных экономических условий формирования и развития рынка труда: разработать научно обоснованные, социально-адаптированные программы развития рынка и экономических условий повышения уровня жизни населения, заложенные в основу государственной экономической политики.

Таким образом, нам представляется, что с учетом складывающейся социально-экономической ситуации при формировании и развитии рынка труда в Российской Федерации направления регулирования экономических условий формирования и развития рынка труда включают (рис. 1): недопущение сильной дифференциации уровня занятости и доходов населения; обоснование и реализацию приоритетных целевых федеральных и региональных программ как главного инструмента обеспечения эффективности экономических условий развития рынка труда; совершенствование принципов, форм и методов государственной социальной поддержки различных категорий и групп населения применительно к конкретным условиям жизнеобеспечения регионов на основе мониторинга уровня занятости населения; принятие нормативно-правовых и управленческих решений на основе экспертного заключения о возможных последствиях их воздействия на социально-экономическое положение населения России.

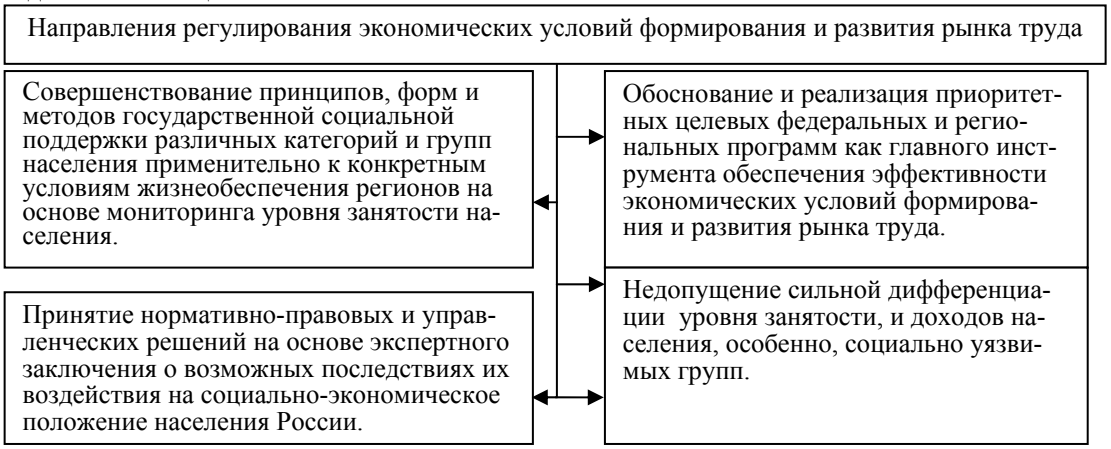


Рисунок 1.
Рекомендуемые направления регулирования экономических условий формирования и развития рынка труда

[1] Третьякова Л.А. Организационно-экономические основы устойчивого развития сельских территорий: монография / Л.А. Третьякова; М-во сельского хоз-ва РФ, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Орловский гос. аграрный ун-т». Орел, 2008.

Представленные направления регулирования экономическими условиями формирования и развития рынка труда могут быть использованы на макроуровне и мезоуровне. В зависимости от уровня управления постановка функциональных задач перед субъектом управления будет различной (табл. 2).

Таблица 2

Распределение функциональных задач по уровням регулирования экономических условий формирования и развития рынка труда

Уровень управления	Функциональные задачи субъектов управления
Макро-уровень (Министерство экономического развития Российской Федерации)	– Уточнение системы оценочных показателей эффективности экономических условий через индикаторы уровня занятости населения в качестве объективно-контролируемых показателей результативности федеральных целевых программ и определение их прогнозных значений; – разработка концепции повышения уровня занятости населения; – создание нормативно-правовых и финансовых условий реализации программных мероприятий по повышению уровня занятости; – координация управленческих воздействий на всех уровнях государственного управления.
Мезоуровень (Департамент экономического развития региона)	– Обоснование системы показателей оценки эффективности региональных проектов и программ, направленных на формирование эффективной системы формирования и развития рынка труда и их оценка; – определение стратегии социально-экономического развития региона и путей ее реализации в соответствии с федеральной концепцией повышения уровня занятости населения; – разработка механизмов повышения уровня занятости населения для различных категорий и групп населения; – мониторинг уровня занятости населения в регионе; – определение организационно-экономических и правовых механизмов реализации программ по повышению уровня занятости населения региона и развитию рынка труда.

Предлагаемые направления регулирования экономических условий формирования и развития рынка труда позволят составлять не только прогнозные сценарии изменения динамики уровня занятости населения региона и развития рынка труда, но и получать необходимую информацию для органов государственной власти при обосновании и разработке социально-экономических проектов и программ.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что концептуальные основы построения стратегии формирования устойчивого рынка труда в сельских муниципальных образованиях следующие: обоснование комплексности мер и механизмов их реализации по устойчивому развитию рынка труда с учетом региональной трудоресурсной составляющей; стандартизация социально-экономических условий развития сельских муниципальных образований; разработка механизмов развития трудодефицитных сфер экономики; методическое обоснование механизмов межведомственного координационного взаимодействия при решении проблем занятости в сельских муниципальных образованиях, включая разработку целевых проектов и программ; оптимизация опережающей системы подготовки и переподготовки кадрового потенциала с учетом реального спроса на рабочую силу.

Тяглов С.Г.
д.э.н., профессор кафедры «Региональной экономики и природопользования»
РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону
tyaglov-sg@rambler.ru
Кушнаренко Т.В.
к.с.-х.н., доцент, зав. кафедрой Донского государственного технического университета
tvkushnarenko@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕХОДА РЕГИОНОВ С МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ НА НЕСЫРЬЕВОЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *несырьевой сценарий развития, многоукладная экономика региона, межрегиональные объединения, ресурсные потоки, периферийные территории.*

Keywords: *non-primary development scenario, the dual economy in the region, interregional associations, resource flows, peripheral territory.*

Одной из ключевых структурных проблем российской экономики является недостаточный уровень развития несырьевых отраслей. Особо остро эта проблема стоит в регионах, где на недостаточный уровень развития несырьевых отраслей накладывается отсутствие богатых природных ресурсов. Такие регионы сталкиваются с большими трудностями при наполнения бюджета собственными доходами, создании рабочих мест, повышении уровня жизни населения и т.п.

Во многих случаях дополнительные сложности порождает многоукладность экономики региона. Многоукладность зачастую влечет за собой дробление региональной экономики на почти не взаимодействующие друг с другом анклавы, что значительно снижает эффективность мер экономической политики и серьезно сдерживает процессы развития. Как следствие, до настоящего времени большинством экономистов многоукладность региональных экономик рассматривается как фактор, отягощающий хозяйственную деятельность из-за наличия архаичных укладов. Территории со значительной долей традиционных архаичных укладов рассматриваются как малопригодные для инновационных процессов: потенциал модернизации концентрируется в «точках роста» при значительном его дефиците на периферии. В последние годы южно-российские регионы проявляют ярко выраженные центробежные тенденции на основе сочетания повышенной самостоятельности в принятии решений с усилением дотационности, что во многом является причиной их относительно слабой подготовленности к восприятию инновационных изменений в сфере производства, в том числе промышленного. Кроме того, возможности модернизации промышленного сектора сдерживаются «наложением» новаций на полуразрушенную социокультурную и социально-экономическую сферу отношений. Тем не менее, целеориентированное аккумулирование имеющегося потенциала этих регионов на приоритетных для них направлениях, традиционно являющихся точками и ареалами роста, может способствовать превращению их в территории опережающего развития. Важно при этом не только выявить реальные ресурсные возможности для такого развития, но и определить наиболее адекватные и эффективные формы их целеориентированной интеграции в рамках проектов несырьевого развития на основе внедрения инноваций. Объясняемое региональной асимметрией отсутствие рациональной пространственной организации ресурсных потоков приводит к экономической замкнутости обширных южных территорий на фоне масштабных институциональных и инфраструктурных дефицитов. Практикой убедительно подтверждается, что значительные ресурсы концентрируются и циркулируют внутри мегаполисов, что является объективным фактором наличия дефицита ресурсов инновационного развития для периферии. В то же время необходимость и важность сбалансированного несырьевого развития макрорегионов как сложноорганизованных экономических систем предполагает научное обоснование нового концептуального базиса успешного вывода этих территорий на траекторию устойчивого развития, причем как в сфере промышленного, так и других отраслей материального производства.

Концептуальный базис представлен в работе на основе конвергенции фундаментальных положений теорий сбалансированного роста, полюсов роста, кластеризации, отраслевых рынков, институциональной регионалистики, диффузии инноваций, пространственной конкуренции, что позволяет нивелировать отдельные недостатки и усилить интегральный эвристический потенциал этих теорий. В прикладном аспекте идея научного синтеза данных теорий находит отражение в следующих базовых направлениях стратегии перехода к несырьевому развитию региональных экономик: формирование новых производственных отношений в несырьевом секторе, ориентированных на конечный высокотехнологичный результат; создание институциональных условий, позволяющих развивать новые экономические отношения; развитие малых технологичных производств; развитие науки и системы трансфера инноваций; использование кластерных технологий для реализации проектов модернизации несырьевых производств с активным вовлечением ресурсного потенциала периферии в целях повышения устойчивости регионального развития; сбалансированность воспроизводственных процессов; рациональная организация разноуровневой системы управления реализацией стра-

тегии перехода к несырьевому развитию; модернизация системы отношений «центр – периферия» в целях повышения уровня доступности всех территорий к источникам инновационного развития для реализации проектов в несырьевой сфере и др. Общее представление концептуально-логической схемы перехода на несырьевой сценарий развития многоукладных экономик регионов представлено на рис. 1[1].

Рисунок 1.
Концептуально-логическая схема перехода к несырьевому развитию многоукладных региональных экономик[2]

В отличие от представлений о многоукладности как проблеме преодоления социохозяйственной несбалансированности региональной экономики, авторская позиция заключается в том, что многоукладность может создавать определенные преимущества в региональном развитии, обеспечивая синергетический эффект сочетания воспроизводственно-функциональных возможностей и интеграции экономических потенциалов различных укладов. Другими словами, фактически складывающаяся многоукладность региональных экономических систем характеризуется нерациональным использованием потенциалов отдельных укладов.

Доминанта новой экономической доктрины российской экономики предполагает уход от ресурсной зависимости и осуществление модернизации реального сектора экономики с целью осуществления политики рационального импортозамещения. В рамках данной концептуальной канвы успешность развития российских регионов определяется способностью максимально использовать внутренние источники капитализации ресурсного потенциала региона, что особенно важно в условиях существующей внешнеэкономической ситуации. Анализ предпосылок и императивов развития несырьевых отраслей в условиях многоукладности региональных экономических систем позволил выявить возможности использования потенциала многоукладности – способности объединенных и определенным образом организованных ресурсов и возможностей экономических субъектов различных типов технолого-социально-экономических укладов обеспечивать модернизационное развитие региона. Очевидно, что в этих объективно существующих условиях вовлечение периферийных территорий в процессы несырьевого развития представляет собой еще более сложную задачу по сравнению с центральными регионами, где преимущественно расположены инновационно активные промышленные предприятия реального сектора. Причем, речь должна идти о приоритетном решении проблемы, связанной с пространственным регулированием со стороны Центра ресурсных потоков производственной сферы макрорегиона в разрезе его территорий, поскольку такое регулирование будет направлено на обеспечение целевого связывания ресурсов на определенной территории; в требуемых объемах; в соответствии с масштабами и целями реализуемых проектов модернизационного характера; в установленные сроки; необходимых видов и качества. Это в полной мере согласуется с тем, что «соблюдение социальных установок и экологических императивов при реализации перспективной модели территориально-зональной специализации и отраслевого размещения производства является функцией государственного регулирования»[3].

Опираясь на вышеизложенное, можно отметить двойственный характер проблемы регионов с многоукладными экономиками: с одной стороны, этноэкономика и прочие архаичные уклады создают трудности институционального

[1] Кушнаренко Т. В. Стратегии перехода регионов России на несырьевую модель развития: учет феномена многоукладности: Монография. – Ростов н/Д: ИПК РГЭУ (РИНХ), 2016. – С. 29.

[2] Разработан авторами по результатам проведенного исследования.

[3] Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – С. 33–34.

характера, сдерживающие развитие; с другой стороны, применение новых программных подходов и институционального инструментария позволяет значительно увеличить вклад традиционных укладов в региональное социально-экономическое развитие, в том числе, в модернизационные процессы. Это позволило дать оценку как ресурсного, так и инновационного потенциала различных хозяйственных укладов, учитывающую эту двойственность, и определить масштабы вовлечения неиспользованной до сих пор части указанного потенциала в экономический оборот. Таким образом, в контексте рассматриваемой проблемы целесообразно выделять две самостоятельные ветви государственного регулирования ресурсных потоков в несырьевом секторе макрорегиона, отличающихся собственными задачами, формами, методами и инструментами реализации[1]:

– во-первых, государственная региональная политика, реализуемая на макроэкономическом уровне и проявляющаяся в воздействии государства на развитие и поддержку ресурсных потоков для осуществления воспроизводственных процессов в регионах, осуществляемая посредством нормативно-правового регулирования межрегиональных отношений;

– во-вторых, государственная региональная политика, реализуемая на мезоуровне и заключающаяся в активном воздействии органов региональных властей на формирование, развитие и использование ресурсного потенциала территорий в составе макрорегиона в стратегических направлениях его инновационного развития.

Основным компонентом формируемых систем является ресурсный потенциал территории, в том числе инфраструктурный и институциональный. Одновременно следует отметить, что практически все теории экономического роста региональных экономик направлены на рассмотрение вопросов межрегиональных (внутри одной страны) и межстрановых взаимодействий (исключение составляет концепция сбалансированного развития). Признавая важность концентрации внимания на проблематике регионального развития в таком ракурсе, следует заметить, что не менее существенным фактором, определяющим стратегию перехода российских регионов в условиях императивов несырьевого развития национальной экономики, является асимметрия уровней социально-экономического развития территорий в границах одного региона (субъекта РФ). Соответственно, различаются применяемые в регионах модели модернизации экономики, поскольку различна ресурсная и технологическая платформа их практического осуществления. Существование экономически обособленных территорий как субрегиональных образований внутри региона обусловливает не только возможность, но и принципиальную необходимость достижения сбалансированного социально-экономического развития входящих в их состав субъектов, в том числе основанного на широком внедрении инноваций. Иными словами, эти относительно новые территориальные образования, объединяющие по схожим характеристикам и географически близко расположенные регионы, по своим базовым принципам обладают возможностью способствовать скорейшему формированию национальных инновационных систем.

Необходимость сокращения чрезмерно глубоких различий в уровне социально-экономического развития отдельных территорий признается большим числом экономистов. В частности, в работах Ю.С. Колесникова, В. Лексина, В.Н. Овчинникова, С.Г. Тяглова, А.Н. Швецова и других постоянно подчеркивается, что стратегия регионального развития должна основываться на комплексном системном подходе, обеспечивающем сбалансированное и скоординированное развитие территорий региона на основе интеграционных механизмов, поддерживающих равновесие долгосрочных участников региональной системы; сверхконцентрация экономического и социального потенциала в отдельных районных центрах ведет к снижению устойчивости всей региональной системы[2]. «В научных публикациях данных исследователей особое внимание уделяется стратегическим перспективам и направлениям развития регионов с обязательным вовлечением в эти процессы периферийных территорий. С позиции сторонников данного теоретического направления решение задач модернизации и инноватизации периферии представляется значительно выходящим за пределы эндогенных источников развития отраслей и сфер реального сектора экономики.

Отраслевая структура российской экономики смещается в сторону производств с низкой добавленной стоимостью. Несырьевой сектор – легкая промышленность, большинство подотраслей машиностроения, химическая промышленность – оказался в категории отстающих. Российские машины и оборудование значительно уступали импортным аналогам и по своим техническим характеристикам, и по уровню экономичности. Технологический разрыв в результате трансформировался в экономический. Более благополучные сырьевые компании имели возможность модернизировать свое производство, приобретая современное оборудование за рубежом, тем самым все более сокращая свои связи с поставщиками на внутреннем рынке. Кроме того, во многих случаях производители высокотехнологичной продукции не могли найти покупателя на внутреннем рынке. Нарушение цепочки «добыча – переработка – конечная продукция» обусловило замедление экономического развития, вытеснение импортом остатков несырьевой экономики и переориентацию денежных потоков на поддержку зарубежных производителей. В результате, сформиро-

[1] Кушнаренко Т.В. Концептуальный базис перехода на несырьевую модель развития территорий Юга России // Terra Economicus. 2013. – Т. 11, № 3–4. – С. 56.

[2] См., например, Стратегия модернизации экономики России: теория, политика, практика реализации / Под ред. О.В. Иншакова, Г.Б. Клейнера, В.В. Сорокожердьева. – М., 2011; Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008; Лексин В. «Центр» и «периферия» в государственном управлении: каналы взаимовлияния // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. – № 4; Карачаровский В.В., Лексин В.Н. Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // Российский экономический журнал. 2007. – № 1–2; Тяглов С.Г. Приоритетные направления повышения эффективности развития социально-экономической инфраструктуры региона: алгоритмичный подход // Актуальные проблемы устойчивого развития регионов России: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 2015. – С. 156–161; Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики. Концепция и практика. – М., 2009 и др.

ванная в 1970–80-е годы экспортно-сырьевая модель развития в 1990-е годы окончательно закрепилась и приобрела ярко выраженный характер. «Российская экономика в значительной степени распалась на экономические анклавы»[1].

Усиливающиеся в настоящее время процессы экономической интеграции, в определенной мере являющиеся ответом на вызовы нарастающей глобализации, ведут к расширению форм взаимодействия, позволяющим получить дополнительные конкурентные преимущества. В результате, наиболее динамично развиваются те производства, которые целенаправленно интегрируют ресурсы в составе различных структур. Данные процессы осуществляются с опорой на фундаментальные идеи теории промышленных кластеров, в которой подчеркивается важность присутствия в регионе фирм, связанных между собой отношениями конструктивного партнерства. Тем самым достигается сочетание конкуренции и высокой эффективности той или иной формы сотрудничества субъектов региональной экономики на внутреннем и внешнем рынках.

Как отмечают отечественные и зарубежные ученые, наилучшие результаты в инновационном развитии демонстрируют именно те промышленные структуры, которые в качестве главного направления организации своей деятельности рассматривают формирование и поддержание устойчивых долгосрочных партнерских взаимодействий в рамках кластерных структур. Р.В. Шеховцов справедливо замечает, что «для обеспечения устойчивого долгосрочного конкурентного положения региона сформированные ранее заделы в будущем не будут обеспечивать стабильность и устойчивое развитие региона, так как в основе нового технологического уклада лежат иные ресурсы, технологии, инфраструктура и институты»[2]. Использование кластерных технологий наиболее полно согласуется со стратегическими приоритетами несырьевого развития национальной экономики, позволяя обеспечить рост капитализации модернизационных ресурсов несырьевого сектора региональных экономик. Соглашаясь с данным мнением, подчеркнем, что именно кластерные структуры могут в значительной степени решить задачи привлечения ресурсов модернизации в реальный сектор отечественной промышленности, создавая условия для «перелива» ресурсов из сырьевого сектора в несырьевой на основе формирования эффективной системы управления инновационными процессами на всех этапах технологической цепочки производства добавленной стоимости.

Такое инновационно ориентированное управление ресурсными потоками регионального несырьевого развития согласуется с концепцией стратегического целеполагания сбалансированного территориального роста, в соответствии с которой мезоэкономические цели макрорегиона являются, с одной стороны, проекцией макроэкономических целевых установок, с другой, – интегрируют микроэкономические цели отдельных составляющих его подсистем – регионов. В данном контексте макрорегион предстает в виде наиболее мобильной экономической системы национальной экономики с точки зрения процессов принятия управленческих решений, в том числе связанных с переходом на активизацию инновационного развития производственных отраслей. Поэтому одной из важных задач сбалансированного социально-экономического развития региональной среды является создание инновационно активных субъектов производственной сферы макрорегиона, выполняющих функции мезозвена, генерирующего ресурсный потенциал отдельных его территорий для осуществления инновационных проектов. То есть осуществляющего капитализацию ресурсов в рамках такого рода проектов.

В последние годы в большом числе научных публикаций в качестве такого рода интегративных объединений называются региональные и межрегиональные кластеры. Не останавливаясь на подробно освещенных в экономической литературе достоинствах и преимуществах таких форм ассоциированной деятельности участников инновационных проектов, отметим только такое важное качество межрегионального кластера в контексте несырьевого развития, как возможность объединения в его составе на временной основе (создание кластера по типу консорциума, возможно, даже виртуального) представителей центра и периферии.

К числу основных аргументов в пользу капитализации ресурсов центральных и периферийных регионов в рамках реализации кластерных проектов макрорегионального значения можно отнести следующие:

– обеспечивается возможность взаимодополнения различными участниками ресурсного потенциала (как по одному, так и по разным видам ресурсов), что позволяет реализовать проект, ранее не доступный в силу ограниченности инновационных ресурсов;

– возрастает доступность использования специализированных и производительных человеческих ресурсов (в частности, как известно, периферийные территории характеризуются зачастую избыточным кадровым потенциалом, в том числе высокого качества, возможного к задействованию в рамках инновационных проектов кластера, что наглядно демонстрирует табл. 1);

– облегчается движение потоков информации за счет формирования сети как формальных, так и неформальных отношений, в том числе в сфере передачи рыночной и технологической информации, знаний и опыта;

– повышается возможность накапливания специализированной информации (знаний), причем доступ к ней становится более организованным и требует меньших издержек;

– повышается эффективность использования ресурсов центральных и периферийных территорий в результате увеличения эффективности функционирования системы поставок сырья, компонентов и комплектующих, доступности и качества специализированного сервиса;

– возрастает доступность к ранее не доступным финансовым ресурсам (например, источники рискового финансирования для новых технологических компаний в кластере информационных технологий);

---

[1] Кувалин Д.В., Моисеева А.К., Харченко-Дорбек А. Экономическая открытость для России: преимущества и проблемы // Проблемы прогнозирования. – М., 2004. № 5.

[2] Шеховцов Р. В. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области — 2020: Рефлексия и необходимость обновления // Механизмы и инструменты экономического роста региональной экономики: состояние, политика и прогноз: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д, 2015.

Таблица 1

Соотношение показателей численности безработных и потребности в работниках, заявленной работодателями[1]

Регион СКФО	Численность безработных, тыс. чел.	Потребность в работниках, заявленная организациями в государственные учреждения службы занятости населения, тыс. чел.
Республика Дагестан	168	0,417
Республика Ингушетия	121	1,575
Кабардино-Балкарская Республика	59	1,395
Карачаево-Черкесская Республика	26	0,529
Республика Северная Осетия – Алания	39	0,759
Чеченская Республика	192	0,247
Ставропольский край	117	7,019
Итого	**722**	**11,941**

– усиливаются возможности использования ресурсов территорий для проведения научных исследований и реализации опытно-конструкторских разработок.

Следует также отметить, что достаточно сложно провести границы между ресурсной и другими составляющими экономической политики, поскольку ресурсные потоки и обусловленные ими отношения между субъектами, участвующими в деятельности межрегионального кластера производственного сектора макрорегиона, так или иначе, пронизывают все сферы регионального хозяйства. Поэтому правильнее рассматривать региональную ресурсную политику как неразрывную систему, ориентированную на развитие и модернизацию воспроизводственных процессов в макрорегионе на основе совершенствования взаимодействий его субъектов. Задачи региональных органов власти значительно шире, чем мобилизация, распределение и использование ресурсов входящих в его состав регионов. Иными словами, региональная ресурсная политика, направленная на переход экономики макрорегиона в несырьевую плоскость, не может ограничиваться проблемами формирования ресурсного потенциала отдельных кластеров, а призвана стать средством обеспечения процессов модернизации всей его социально-экономической сферы.

Совершенно очевидна при этом особая роль институциональной составляющей региональной экономической политики в целом и институтов развития, в частности, поскольку реализация отдельных механизмов государственного регулирования ресурсных потоков в рамка несырьевого регионального развития, направленных на улучшение процесса привлечения необходимых ресурсов из периферии (или обратно), не дает должных результатов. Необходим системный управленческий подход к решению задачи модернизации реального сектора экономики на базе выработки и реализации такой региональной политики, которая направлена на формирование и развитие механизмов в целом инновационно-инвестиционной деятельности, адекватных конкретно региональным детерминантам и вписывающихся в формирующиеся рыночные институты.

Предлагаемые в настоящее время механизмы регулирования ресурсных потоков в регионах пока призваны лишь обеспечивать мобилизацию, распределение и целевое использование ресурсов региона (узко), но в них не идет речь об институциональных условиях для их эффективного использования. Представляется, что существенное повышение результативности данных действий может быть достигнуто путем максимально полной увязкой методов, механизмов и инструментов регулирования ресурсных потоков с целями инновационной политики.

В соответствии с описанной ранее концепцией стратегия опережающего развития реального сектора региональной экономики, одновременно ориентированная на сохранение и/или достижение сбалансированности в развитии региона, базируется на целой совокупности общеметодологических и специфических принципов, а также целеориентированной конвергенции общенаучных теорий и подходов, на основе которых формируются адаптивные механизмы и реализующий их инструментарий поддержки принятия стратегических решений.

Эффективность реализации данной стратегии во многом определяется способностью органов государственного управления максимально адаптировать применяемые механизмы и технологии не только к ресурсному потенциалу территории, особенностям региональных факторов и условий, но и специфике технологических укладов, сложившихся в каждом конкретном регионе.

В заключении следует отметить, что многоукладность региональных экономических систем является результатом структурных преобразований отечественной экономики, последствия которых осложняются наличием институциональных дефицитов и экономической неоднородностью регионального пространства. Между всеми формами хозяйствования существуют определенные взаимоотношения и взаимозависимости, что обусловливает необходимость управления региональным развитием на основе рационального сочетания потенциалов отдельных технолого-социально-экономических укладов. Другими словами, управление многоукладной региональной системой должно быть многоконтурным, где характеристики каждого организационно-управленческого контура определяются отличительными особенностями территории, определяющими уклад. Данные контуры могут быть объединены в единую систему управления, обеспечивающую сбалансированное и согласованное развитие региона.

Участие потенциала различных укладов в развитии несырьевого сектора отечественной экономики детерминируется институциональными, социально-экономическими, политическими и другими факторами. Базисом перехода российских регионов к несырьевому развитию является рациональное использование потенциалов различных укладов при любом их соотношении в условиях многоукладности региональных хозяйственных систем.

[1] Составлено на основании данных федеральной службы государственной статистики РФ. – www.gks.ru

Угрюмова А.А.
д.э.н., профессор, Государственный социально-гуманитарный университет
feminaa@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО АГЛОМЕРИРОВАНИЯ: ЭФФЕКТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ключевые слова: *агломерации, приграничные агломерации, приграничное сотрудничество, инновационная активность, институциональные условия, социально-экономическое развитие, эффекты кластеризации, эффекты урбанизации.*

Keywords: *agglomeration, sintering border, cross-border cooperation, innovative activity, institutional environment, socio-economic development, clustering effects, the effects of urbanization.*

К наиболее интенсивным контактам в международном сотрудничестве относится взаимодействие приграничных агломераций. Территории, обладающие максимальным потенциалом ресурсов (финансово-экономических, социальных и инфраструктурных) демонстрируют усиление не только взаимных обменов, но и формирование совместных структур и проектов, нацеленных на решение общих целей и задач. Именно на примере сотрудничества приграничных агломераций особенно наглядно отражаются перспективы формирования каркасных связей страны, её возможности интеграции в мировую экономику.

Можно выделить наиболее характерные *признаки* деятельности приграничных агломераций:

1. *Обязательное наличие границы, разделяющей два государства.* В настоящее время определение фактических границ агломераций является одной из важнейших проблем, определяющих дальнейшую эффективность управления этими сложными территориальными образованиями.

Конкретизация границ городской агломерации как национальной, так и приграничной должна основываться на определённых показателях. Так, польский учёный Э. Иваницка-Лира использовала для этих целей следующие параметры: плотность населения; доля занятых вне сельского хозяйства; доля приезжающих на работу в центр агломерации; среднее число комнат в доме; средние размеры сельскохозяйственной площади.

В исследовании А.П. Бурьян границы Челябинской агломерации были конкретизированы на основе оценки многочисленных и разнообразных контактов городской территории с его окружением.

Н.Ф. Тимчук использовал метод соизмерения совокупности связей, позволявший объединить все параметры, воздействующие на развитие агломераций в две взаимосвязанные группы: первая, характеризующая составные части агломерации и их структуру; вторая, отражающая взаимодействие данных частей.

Г.М. Лаппо характеризует зону агломерации как территорию, обладающую многочисленными связями: производственными, коммунально-хозяйственными, трудовыми и культурно-бытовыми.

Перечисленные группы в свою очередь характеризуются системой частных показателей. Это: число поездок в город на одного жителя, доля выезжающих на работу за пределы данного поселения в общем числе имеющих занятия жителей и др.

До настоящего времени основным критерием зоны активного влияния города считалась численность его населения. При численности города с населением менее 100 тыс. чел. радарная территория воздействия оценивается – 20–25 км, с населением 100–250 тыс. чел. – 30–40 км, от 250 до 1 млн. чел. – 50–60 км, свыше 1 млн. чел. – 120 км.

Однако наиболее распространённым современным методом определения границ агломерации является метод изохрон. Обычно зона изохрон включает все точки, которые удалены от центра не более чем на 0,5–2 ч. В исследованиях российских (например, Самарско-Тольяттинской[1]) и зарубежных агломераций (Лондонская, Парижская и т. д.), определение их границ выводится, исходя из изохрон двухчасовой транспортной доступности. При этом устанавливаются среднеприемлемые скорости сообщения с учетом вида транспорта и качества дорожного покрытия. Обычно такие изохроны учитывают суммарное время передвижения из города-центра с накладными затратами на подход, пересадки и ожидание транспорта.

2. *Реализация международного и регионального сотрудничества посредством заключения различных договоров и соглашений.*

С одной стороны, приграничные агломерации в большей степени, чем окружающие территории интегрированы в глобальную экономику. Стремясь в города, взаимодействующие с мировой экономикой, население фактически выражает желание приобщения к глобальным ценностям, повышению международной мобильности, расширению возможностей по трудоустройству, образованию и улучшению качества жизни.

[1] Самарско-Тольятинская агломерация: современное состояние и пути устойчивого развития / Под ред. Титова К.А., Хасаева Г.Р. и др. – М.: Наука, 1996. – 208 с.

С другой стороны, даже несмотря на возможные сложности пересечения границы «разность потенциалов» приграничных агломераций приводит к «эффекту пылесоса». Менее развитая территория становится ресурсным донором экономически более сильного города. В результате приграничная агломерация получает ассиметричное развитие, а город-реципиент получает дополнительные трудовые и природные ресурсы, инвестиции, туристские потоки и опережающее социально-экономическое развитие.

Международное приграничное сотрудничество в национальной экономике РФ стало развиваться относительно недавно, что во многом объясняется длительно реализовывавшейся барьерной функцией границы.

В большей степени данные процессы были присущи ЕС. За период 2000–2006 гг. были одобрены четыре программы (около 5,35% бюджета структурных фондов ЕС):

– Interreg: Трансграничное, транснациональное и межрегиональное сотрудничество (ЕФРР) (4875 млрд. евро);

– Equal: Транснациональное сотрудничество, нацеленное на противодействие всем формам дискриминации и неравенства на рынке труда (ЕСФ) (2,85 млрд. евро);

– Leader: Местные инициативы в поддержку развития сельской местности (ОРСФ) (2,02 млрд. евро);

– Urban: Социально-экономическое оздоровление городов и близлежащих городских территорий (ЕФРР) (700 млн. евро)[1].

Наиболее эффективно приграничное взаимодействие осуществляется в еврорегионах, к которым относится большая часть приграничного сотрудничества Беларуси, России и Украины. В целях оценки взаимозависимости приграничных агломераций применяется коэффициент экономической связности (КЭС), который определяется в процентном отношении как доля стоимостных объемов взаимных торговых связей пар приграничных регионов к суммарному ВРП (ППС) данных регионов. Чем выше данный показатель, тем сильнее взаимозависимость экономик приграничной агломерации.

Так, по данным Центра интеграционных исследований ЕАБР «Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины» за период с 2008–2011 гг. КЭС Ростовско-Донецкой агломерации увеличился на 41,1 [2].

Данные процессы особенно заметны на примере взаимодействия приграничных агломераций.

3. *Наличие городских образований, взаимосвязанных между собой торговыми, экономическими, культурными и иными контактами.*

Развитие контактов приграничных агломераций может сопровождаться *стимулирующими* факторами и факторами, вызывающими *снижение приграничной активности или приносящими какой-либо ущерб одной из сторон*.

Среди деструктивных факторов можно выделить: различие в законодательстве; инфраструктуре и методах её регулирования и развития; тенденции в ценообразовании и др.

Так, в Казахстане традиционно сложилась трехуровневая система власти, а в России – двухуровневая система. В целях согласования межрегионального сотрудничества между странами в Минрегионразвития РФ была создана комиссия, призванная обеспечивать взаимодействие, в том числе на уровне приграничных агломераций.

К наиболее важным и перспективным направлениям приграничного взаимодействия следует отнести инновационные формы сотрудничества агломерационных территорий. Так, подписание договоров между университетами разных стран способствует не только обмену студентами и преподавателями, но и формированию совместных проектов в области научно-технического сотрудничества, содействию повышению инвестиционной и инновационной активности территорий.

4. *Реализация международного и регионального сотрудничества посредством заключения различных договоров и соглашений, создания приграничных сетевых структур и институтов, способствующих трансграничному сотрудничеству.*

В процессе развития приграничных агломераций могут формироваться:

– особые экономические зоны (СЭЗ, социально-экономические зоны) и др.;

– проекты в форме государственно-частного партнёрства (ГЧП);

– создание приграничных кластеров, ориентированных на взаимодействие инфраструктурных, промышленных, сельскохозяйственных, туристских и др. трансграничных форм сотрудничества;

– формирование совместных предприятий, объединяющих бизнес-интересы двух или более стран в агломерационном пространстве;

– договорные отношения в социальной сфере приграничных агломераций – в образовании, культурно-спортивной области, туризме и др.;

– подписание политических соглашений, регламентирующих правовые и иные направления межгосударственного взаимодействия;

– содействие развитию «глобальных (мировых) городов» как отражение процесса глобальной транснационализации мирового хозяйства.

В целом международное разделение труда содействует «размыванию» национальных границ государств, а глобальные города становятся центрами социально-экономической жизни.

---

[1] Степанов А.В. Геоконфликтология. Учебное пособие. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2008. – 162 с. – http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1745/7/1334880_schoolbook.pdf

[2] Анисимов А.М., Баринов С.Л., Вардомский Л.Б. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Практика интеграции ЕЭИ. 2011. – № 4 (21). – http://www.eabr.org/general/upload/CII%20-%20izdania/n4_2011_6-4.pdf

5. *Развитие институционального обеспечения партнёрства в различных сферах деятельности.*

В большинстве случаев в приграничных агломерациях складывается институциональное несоответствие между соответствующими контрагентами разных государств. Институциональные структуры часто не соответствуют существующей реальности и возникает ситуация, при которой формируются собственные приграничные структуры, отвечающие за развитие приграничного взаимодействия. Приграничные агломерации являются столь разнообразными по типу, особенностям и взаимодействия, что часто требуются специфические институциональные условия для решения конкретных вопросов и в определённом территориальном разрезе. Такая ситуация затрудняет формирование стратегических планов социально-экономического развития агломераций в масштабах отдельно взятой страны или группы стран.

6. *Существование экономической выгоды от трансграничного сотрудничества и обмена, наличие экономической заинтересованности в сотрудничестве.*

Между жителями приграничной агломерации формируются разнообразные связи: экономические, социальные, политические, культурные и др. Эта ситуация содействует взаимному переплетению традиций, особенностей экономической деятельности, культур, снижает барьерную функцию и повышает контактную функцию границы. В приграничном пространстве складывается особая среда, в которой присутствуют ценности и нормы, характерные для стран-контактёров.

Экономическая выгода (эффект) возникает в результате территориальной концентрации предприятий или других экономических объектов в агломерационных территориях, способствующих приближению (стягиванию) данных объектов в ограниченном пространстве (агломерации).

Однако содержание и сила действия данных эффектов существенно отличается в зависимости от специфики приграничной агломерации, связанной с её специализацией, особенностями развития инфраструктуры, социально-экономических контактов и др.

В зарубежной литературе традиционным является разделение агломерационных эффектов на два типа: эффекты кластеризации (локализации) и эффекты урбанизации.

В отечественной научной литературе агломерационные выгоды часто рассматриваются как совокупность эффектов, возникающих в результате развития агломераций (в том числе приграничных). Во многом спектр их проявления определяется особенностями конкретной агломерации.

Можно выделить ряд основных эффектов, характеризующих возможность социально-экономического развития приграничных агломераций:

– эффект от развития инновационной деятельности агломерации, позволяющий региону не только выйти на устойчивый путь экономического развития, но и повысить собственную экономическую безопасность, стать «регионом-мотором» инновационного развития;

– эффект от инвестиционной деятельности в агломерационном регионе, способствующий переориентации инвестиционных потоков в сторону стратегически важных направлений развития и обеспечивающий контроль над динамикой и структурой инвестиций;

– социальный эффект, связанный с повышением конкурентоспособности региона за счет роста производительности труда, повышения качества и уровня жизни населения приграничной агломерации;

– суммарный экономический эффект.

Перечисленные эффекты могут быть детализированы более частными: снижение транспортных издержек, создание новых рабочих мест, расширение возможностей для образовательной среды в приграничных агломерациях (за счёт обмена специалистами, внедрения совместных образовательных программ и др.).

Список литературы

1. Угрюмова А.А. Управление экономическим ростом агломераций (на примере Московской агломерации). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Институт региональных экономических исследований. – М., 2005. – 44 с.
2. Угрюмова А.А., Бредихин А.В. Безопасность развития приграничных агломерационных территорий // Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции. Повышение эффективности форм и методов распространения среди населения знаний по вопросам экономической и финансовой безопасности России, борьбы с теневыми доходами, противодействию финансирования терроризма, экстремизма, антигосударственной и деструктивной деятельности. 2016. – С. 173–176.
3. Угрюмова А.А., Капустина Т.А. Экологическая политика в области межрегиональной конкуренции за приграничные экологические ресурсы // Россия: тенденции и перспективы развития / Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. 1. – С. 201–206.

Фогилев В.А.
к.т.н., Саратовский социально-экономический институт (филиал Российского экономического университета
fogilband@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПАЛАТ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *торгово-промышленные палаты, региональное развитие, Саратовская область.*

Торгово-промышленные палаты отличаются от других некоммерческих организаций по своей миссии, функциям, организационно-правовым моделям и другим признакам. Организация палат во многом зависит от традиций и законов каждой страны, правовой и политической систем, но существуют и общие признаки, которые отличают их от других некоммерческих объединений:

1) палаты являются многоотраслевыми (многосекторными) организациями;
2) палаты строятся по территориальному принципу;
3) палаты в своей деятельности не преследуют политических целей;
4) во многих странах палаты выполняют некоторые делегированные государством функции;
5) палаты, как правило, построены иерархически.

Таким образом, палаты – это, как правило, негосударственные некоммерческие организации, построенные на членстве вступивших в них организаций и/или частных лиц, созданные с целью содействия развитию региона и страны в целом, защиты интересов своих членов и организации внутрикорпоративного взаимодействия.

По масштабам деятельности, продолжительности существования, наличию всемирной иерархии, авторитету и возможности влияния на мировую экономику палатам нет равных среди других ассоциаций и союзов. И в этом смысле можно говорить о феномене института палат в мире.

К феноменальным признакам палат следует отнести:

1) долгожительство;
2) многосекторность;
3) обширную географию деятельности;
4) статус официального партнера власти;
5) быстрый рост числа палат в мире;
6) массовость охвата;
7) уникальную организационно-правовую систему;
8) всемирную иерархию палат [2].

Уникальность международной системы палат заключается в том, что она вмещает в себя разнополярные организационно-правовые модели. Первоначально существовали две полярные модели палат: англосаксонская и государственная. В XX веке появились новые организационно-правовые модели, в которых сохранились лучшие качества старых моделей. Сегодня палаты дифференцированы по пяти организационно-правовым моделям (государственная, англосаксонская, континентальная, азиатская и евразийская) [3].

Уникальной особенностью организационно-правовой системы палат в мире является то, что они имеют структуру организации, совпадающую с соответствующей вертикальной структурой организации органов власти. В каждой стране можно обнаружить местные, региональные и национальные палаты. По-разному могут быть выстроены взаимоотношения между палатами различного уровня, но важно то, что палате каждого уровня удается обеспечить взаимодействие с соответствующим уровнем власти. Одной из наиболее эффективно функционирующих территориальных палат является Торгово-промышленная палата Саратовской области. Она была создана в 1986 году по распоряжению облисполкома № 736-р от 16 июля 1986 года как Саратовское отделение Торгово-промышленной палаты СССР [4].

Торгово-промышленная палата Саратовской области с момента основания и по сегодняшний день функционирует на основании и в рамках Закона о торгово-промышленных палатах РФ [1], принятого Государственной думой в июле 1993 года, Уставом и Программой деятельности Торгово-промышленной палаты Саратовской области.

Выполняя свои уставные задачи, ТПП Саратовской области содействует социально-экономическому развитию региона и его интегрированию как части российской экономики в мировую хозяйственную систему, представляет и защищает интересы бизнеса, участвует в разработке новых законов.

Являясь важным общественным и бизнес-институтом, ТПП Саратовской области предоставляет значительный выбор услуг для бизнес-сообщества и населения региона [6].

ТПП Саратовской области образует инфраструктуру обслуживания предпринимательства на региональном уровне и играет важную роль в сфере социально-экономического развития региона.

Активная позиция ТПП СО по привлечению саратовских предприятий (организаций) – членов Палаты к участию в различных мероприятиях, связанных с развитием внешнеполитических и региональных связей, способствует налаживанию прямых контактов между заинтересованными сторонами, расширяет сферы взаимодействия с потенциальными партнерами и позволяет привлекать в регион зарубежные компании и инвестиции [5]. Анализ деятельности Палаты в области внешнего сотрудничества позволяет сделать вывод, что данное направление является одним из наиболее перспективных, так как способствует налаживанию прямых партнерских контактов между саратовскими предприятиями и их российскими и зарубежными коллегами, что в контексте современных деловых связей является существенным преимуществом для развития региона. Об этом свидетельствует постоянно увеличивающееся количество визитов и обращений со стороны иностранных деловых кругов, говорящих об авторитетности ТПП Саратовской области среди коллег в деле организации торгово-экономических миссий.

Наряду с вышеуказанными, ТПП решает и ряд других актуальных проблем социально-политического развития региона, например, обеспечение цивилизованного регулирования торговой деятельности или обсуждение проблем реализации приоритетных национальных проектов.

Таким образом, являясь стабильно работающей признанной структурой, ТПП обладает значительным потенциалом для общественной институционализации на региональном уровне и системного решения проблем развития Саратовской области.

Список литературы

1. Закон «О Торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» (в ред. от 29.04.2008). – http://www.tpp.nnov.ru/data/objects/65/Zakon_o_TPP.doc
2. Пастухов Б.Н. Служение России. Торгово-промышленная палата Российской Федерации (1917–2007). – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2007. – С. 8.
3. Соколова О.С. Правовые основы саморегулирования // Юрист. 2008. – № 4. – С. 6–7.
4. Федотов В.И. Торгово-промышленные палаты: Теория и практика. – Саратов: СГТПП, 2006. – 140 с.
5. Устав Торгово-промышленной палаты Саратовской области. – http://www.sartpp.ru/o-palate/ustav-saratovskoi-tpp.html
6. Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Саратовской области. – http://www.sartpp.ru/

Хакимов А.Х.
к.э.н., Казанский (Приволжский) федеральный университет

ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО НЕРАВЕНСТВА РЕГИОНОВ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Ключевые слова: *регион, экономическое пространство, экономическое неравенство, факторы пространственного неравенства регионов, региональная экономическая политика.*

Keywords: *region, economic space, economic inequalities, the factors of spatial inequalities of regions, regional economic policy.*

Проблема экономического неравенства актуальна не только для российских регионов. Она затрагивает практически все страны мира, как промышленно развитые, так и развивающиеся. В настоящее время остро стоит вопрос о том, что более благоприятно для развития экономики и общества в целом – равенство или неравенство. Однозначного ответа на данный вопрос нет. Поэтому к решению данной проблемы представители мирового и российского научного сообщества подходят с разных точек зрения. Экономическое неравенство регионов следует рассматривать, прежде всего, как объективное следствие процесса расхождения в условиях жизни и в уровне доходов населения в условиях глобализации и пространственной неравномерности концентрации производительных сил.

Официальные данные Росстата свидетельствуют, что экономическое пространство России неравномерно. Наибольшая неравномерность индекса концентрации доходов наблюдается в Москве (коэффициент Джини = 0,452[1]), Самарской, Тюменской областях, Ненецком АО, Санкт-Петербурге, Свердловской области, Пермском крае, Ямало-Ненецком АО, Республике Башкортостан, Республике Коми.

Неравномерность экономического пространства можно объяснить двумя моделями:

1. Центрально-периферийная модель, в которой центральные города притягивают к себе человеческие, природные, финансовые ресурсы со своей периферии. Благодаря этому создаётся возможность инновационного развития центра, впоследствии инновации коснутся и периферии, но со значительным временным лагом. Города в данной модели являются основными «моторами» перераспределения модернизации на периферию. Данная модель характерна как для крупных мировых агломераций, так и для региональных и местных центров.

2. Вторая модель пространственного развития возникла в рамках «новой экономической географии». Вторая модель видит причиной развития экономического неравенства процесс сосредоточения экономической деятельности на тех территориях, которые обладают сравнительными преимуществами. Так, П. Кругман, в качестве таких преимуществ выделяет факторы «первой» природы, которые мало зависят от человека:

– наличие природных ресурсов, востребованных рынком (минеральные, земельные и др.);

– выгодное географическое положение (вблизи глобальной торговли, позволяющей снизить издержки на транспорт).

Существуют также факторы «второй» природы, которые в большей степени связаны с деятельностью общества и государства:

– высокая плотность населения и агломерационный эффект как факторы, позволяющие снизить издержки на масштабе;

– развитая инфраструктура, позволяющая сократить экономическое расстояние (актуально для России вследствие большой протяженности территории);

– человеческий капитал (здоровье, образование, мотивация к труду, адаптивность и мобильность населения);

– институты, позволяющие улучшить предпринимательский климат, рост мобильности населения, распространение инноваций и др.

Однако вышеперечисленные ресурсы не являются вечными. Считается, что факторы «первой» природы, мало зависящие от человека, характерны в индустриальном обществе, для постиндустриального общества наибольшее значение приобретают факторы «второй» природы, ведь именно они играют существенную роль в модернизации общества, тогда как развитие ресурсных преимуществ замедляет региональное развитие.

Таким образом, все перечисленные факторы прямо или косвенно влияют на развитие регионов и городов России. Для России характерна повышенная роль факторов «первой» природы, а именно: наличие минеральных ресурсов, наиболее востребованных на глобальном рынке (нефть, газ, металлы). А факторы «второй» природы выступают, в основном, как барьеры развития (см. табл. 1).

[1] Коэффициент Джини // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. – http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi

Таблица 1

Базовые факторы пространственного неравенства регионов[1]

Факторы	Характеристика
Плотность	Концентрация населения и агломерационный эффект
Расстояние	Экономическое расстояние, которое обусловлено слаборазвитой инфраструктурой, удаленностью от потенциальных рынков, транспортными издержками
Границы	Институциональные барьеры, барьеры национальных, региональных, локальных границ, которые препятствуют проникновению товаров и услуг

Базовые факторы неравенства имеют определенную характеристику, которая отражает их основные особенности в формировании региональной экономической политики.

«Плотность» указывает на размер экономического выхода или полную покупательную способность на единицу площади территории. Наиболее высокая плотность в крупных городах, где сконцентрирована экономическая активность, и значительно ниже – в сельских районах.

«Расстояние» отражает легкость доступа на рынки. Территории, удаленные от экономических центров страны, часто характеризуются депрессивным характером развития.

«Границы» возникают из барьеров для экономических взаимодействий, создаваемых различиями в социальном развитии, обычаях и языке, они ограничивают доступ на рынки. Эта группа факторов весьма актуальна не только в международном контексте, но и при наличии многокультурного уклада общества.

Пространство очень инерционно, поэтому правильный выбор направления региональной политики является главным определяющим фактором развития регионов. Региональная политика регламентирует отношения центральной власти и регионов, определяет права и полномочия политико-административных единиц.

Региональная экономическая политика включает следующие направления:

– поддержка городов-центров и крупных агломераций, транслирующих инновации на периферию;

– улучшение факторов «второй природы» – человеческого капитала и институтов;

– развитие инфраструктуры, позволяющее сократить экономическое расстояние;

– выравнивание региональных социально-экономических и других диспропорций развития;

– достижение политической и социальной стабильности;

– достижение экономической эффективности;

– эффективное использование трудовых ресурсов;

– развитие периферийных ресурсно-сырьевых регионов;

– инновационная политика;

– экологическая политика и др.

Пространственный ракурс в России имеет особую психологическую нагрузку. Исторически сложилось так, что власть и общество привыкли одновременно и гордиться гигантскими размерами пространства, и бояться его неуправляемости. Это стало сильным барьером для принятия эффективных управленческих решений. Наиболее понятным для властей способом сохранения территориальной целостности является сверхцентрализация в том ее варианте, который неоднократно воспроизводился на протяжении всей российской истории, несмотря на то, что всегда служил и продолжает служить сильнейшим институциональным барьером развития. В то же время действительно эффективные политические, финансовые и другие институты, позволяющие снижать объективные барьеры развития пространства и максимально использовать имеющиеся конкурентные преимущества регионов и городов, остаются вне внимания государственного управленческого мышления.

Стратегия управления пространственным неравенством проявляется в следующих политиках: стимулирующей и выравнивающей.

Стимулирование проявляется в снижении институциональных барьеров для территорий с конкурентными преимуществами, чтобы за счет их ускоренного роста быстрее развивалась вся страна. Стимулирующую функцию выполняет также развитие человеческого капитала и инфраструктуры. Вполне очевидно, что стимулирующая региональная политика является доминирующей в странах догоняющего развития.

Выравнивание или политика смягчения пространственного неравенства более типична для развитых стран, особенно для Европейского Союза. Такая политика преобладает и в России. Она унаследована из прошлого и нацелена на снижение рисков социально-политической нестабильности в условиях поляризации пространства. Безусловно, менее развитым регионам нужно помогать, но делать это следует с помощью адекватных механизмов, четко понимая границы их возможностей.

Но даже при существующих проблемах все более очевидно, что необходимо смягчение не экономического, а социального неравенства регионов. Смягчение территориальных различий в социальном развитии способствует росту человеческого капитала, социальной и территориальной мобильности, обеспечивая развитие модернизации. Следовательно, помогать нужно людям, а не регионам, поскольку выравнивающая политика – в первую очередь социальная, а не региональная. Она эффективна, если приоритетами являются рост человеческого капитала и адресная поддержка уязвимых групп населения.

[1] World Development Report 2009… P. 37; Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1999. – 367 p.

Современные принципы управления регионами России можно охарактеризовать следующим образом:

– принцип солидарности подразумевает оказание помощи более богатыми регионами более бедным. Данный принцип направлен на достижение сбалансированности социально-экономической системы регионов России, преодоление дифференциации уровня их развития, усиление внутренней связности страны;

– принцип субсидиарности. Если два иерархических уровня управления могут выполнять одну и ту же функцию, то она передается на более низкий уровень – более близкий к населению. Это позволяет лучше учитывать потребности жителей и, одновременно, население может лучше контролировать качество управления через демократические процедуры.

– принцип учета интересов местных групп. Эффективная региональная политика включает мониторинг интересов местных групп и включение интересов местных групп в процесс выработки и реализации стратегических решений в регионе;

– процесс согласованности и синхронизации действий всех уровней власти и управления предполагает выстраивание федеральной стратегии с учетом федеральных приоритетов и стратегической направленности регионов, а также выстраивание межрегиональных связей для кооперации регионов и локальных территорий;

– принцип сбалансированности централизации и децентрализации, вследствие которого повышается эффективность управленческого воздействия, обеспечивается появление зон совместной компетенции и взаимной ответственности, партнерства.

Для анализа межрегиональной дифференциации социально-экономического развития Российской Федерации часто применяются обобщенные методы и статистические показатели, позволяющие эмпирическим путем оценить уровень экономического роста и неравенства региона. Наиболее часто используемые в исследованиях методы: индекс Джини по квинтильным группам населения, коэффициент Лоренца; метод комплексной оценки уровня социально-экономического развития; коэффициент корреляции; «априорные» методы (исследование индексов, показателей); экспертные методы (методы прямой и косвенной оценки коэффициентов, экспертно-статистический метод); методы распознавания образов (кластерный анализ, методы многомерного шкалирования); метод распределения Парето; коэффициенты концентрации, (в т. ч. индекс энтропии Тейла, Херфиндаля-Хиршмана, Джини, квинтильные и децильные); отношение минимального и максимального значения; показатель перцентилей и т.д.

В отечественной экономической литературе применяются различные методические подходы к решению данной проблемы. В частности, методика оценки неравенства регионов Приволжского федерального округа (ПФО), основанная на количественной оценке экономического и социального пространственного неравенства, предложенная Маслихиной В.Ю., включает следующие этапы:

1) постановка задачи оценки;

2) выбор показателей уровня экономического неравенства субъектов ПФО;

3) выбор метода оценки неравенства субъектов ПФО;

4) анализ и интерпретация полученных результатов[1].

В качестве основной задачи оценки автором заявлено получение необходимой и достаточной информации о состоянии экономического неравенства субъектов ПФО.

На наш взгляд, для анализа регионального неравенства ПФО, необходимо придерживаться метода комплексной оценки уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, который основывается на системе следующих базовых показателей, взаимосвязанных между собой:

1. Валовой региональный продукт на душу населения;

2. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения;

3. Объем внешнеторгового оборота на душу населения;

4. Финансовая обеспеченность региона с учетом паритета покупательной способности на душу населения;

5. Доля среднесписочной численности работников, занятых в малых предприятиях;

6. Уровень зарегистрированной безработицы;

7. Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума;

8. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (процентов) в общей численности населения;

9. Суммарный оборот розничной торговли, общественного питания и платных услуг в расчете на душу населения;

10. Основные фонды отраслей экономики на душу населения;

11. Коэффициент плотности автомобильных дорог.

Для измерения межрегиональной дифференциации доходов также используется ряд методов:

1) межрегиональный коэффициент Джини, с учетом численности проживающего в регионах населения;

2) межрегиональный (взвешенный на долю населения региона) коэффициент вариации;

3) межрегиональный индекс Хэчмана, который является показателем диверсификации той или иной структуры. Он обычно используется для оценки ее отклонения от некой идеальной или средней структуры, например, общероссийской или мировой. Однако он с таким же успехом может применяться для оценки межрегиональных различий по какому-нибудь показателю. В таком случае сравниваются две структуры – доли региона в каком-либо показателе развития и доли региона в общем населении страны.

[1] Маслихина В.Ю. Количественная оценка экономического и социального пространственного неравенства в Приволжском федеральном округе // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. – № 4. – С. 2.

4) коэффициент Тейла (показатель энтропии) – индикатор меры рассеяния доходов. Для расчёта индекса Тейла используется логарифмическая шкала, что позволяет сблизить небольшие значения и удалить большие.

Оценка факторов конвергенции (дивергенции) регионов осуществляется по индексу социального благополучия. К данным факторам отнесем: распределительный фактор, отражающий как разное первичное распределение доходов в регионах, так и перераспределение доходов между регионами (в том числе в форме межбюджетных трансфертов); инфляционный фактор, отражающий влияние стоимости жизни в регионе; фактор внутрирегиональной дифференциации доходов[1].

Влияние этих факторов в каждом периоде на примере коэффициента Джини состоит в следующем:

1) распределительного фактора: расчет показывает, что дифференциация регионов по уровню среднедушевых номинальных доходов оказывается отличной от дифференциации регионов по уровню среднедушевого ВРП в номинальном выражении;

2) фактора стоимости жизни в регионах: в регионах с более высокими номинальными доходами выше стоимость потребительской корзины, что сближает их с бедными регионами;

3) фактора внутрирегиональной дифференциации доходов: в регионах с более высокими реальными доходами выше степень их внутренней дифференциации, что также сближает богатые регионы с бедными.

[1] Малкина М.Ю. Исследование факторов межрегиональной конвергенции/дивергенции реальных доходов и социального благополучия региона РФ // Journal of economic regulation // Вопросы регулирования экономики. 2015. – № 4. – С. 113–115; Мазур Е.А. Методика оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ как средство совершенствования компетенции органов государственной власти РФ и ее субъектов // Молодой ученый. 2011. – № 3. – С. 173; Усманов Д.И. Оценка влияния факторов глобализации на экономическое неравенство регионов России. – Дисс. на соис. уч. ст. канд. эк. наук. – Белгород, 2015. – С. 55–81.

Цукерман В.А.
к.т.н., зав. отделом промышленной и инновационной политики ИЭП Кольского НЦ РАН
Горячевская Е.С.
н.с. ИЭП Кольского НЦ РАН

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *инновационно-технологическое развитие, Арктика, оценка, инновационный климат, направления, научно-техническая деятельность, законодательство, политика.*

Keywords*: innovation and technological development, the Arctic, evaluation, innovation climate, trends, scientific and technical activities, legislation, policy.*

Следует констатировать, что большинство ученых и специалистов понимают, что необходимым условием социально-экономического роста Российской Федерации и ее субъектов является инновационная фаза развития. Правительством предпринимаются определенные шаги в направлении создания и активизации национальных и региональных инновационных систем, формирования условий для привлечения инвестиций, создания специальных структур с целью стимулирования инновационной деятельности.

Основной задачей инновационно-технологического развития территорий в процессе перехода от сложившегося индустриально-технологического уклада к постиндустриальному, в котором инновации, технологии и знания становятся приоритетным и определяющим фактором экономического роста, на наш взгляд, является создание и развитие эффективно действующей системы управления инновационным климатом.

Понятие инновационного климата в официальных правительственных документах пока не прописано. По мнению О.В. Конаныхиной, под инновационным климатом следует понимать целенаправленное воздействие региональных органов государственного управления на региональные системообразующие факторы (инвестиционная привлекательность, инновационная и внешнеэкономическая активность, инновационная и институциональная инфраструктура) для усиления инновационной активности региона и его хозяйствующих структур, достижения эффективных, приоритетных, инновационных направлений развития, обеспечивающих качественный экономический рост[1].

И.М. Голова считает, что инновационный климат определяет уровень благоприятности имеющихся на территории научно-технологических и социально-экономических условий для развития инновационной деятельности и воспроизводства инновационных процессов[2].

Близкое понятие инновационного климата предлагает А.М. Вячеславов, полагая, что инновационный климат характеризует уровень благоприятности имеющихся на территории научно-технологических и социально-экономических условий для развития инновационной деятельности и воспроизводства инновационных процессов[3].

Уровень инновационного климата непосредственно влияет на инновационно-технологическое развитие территорий. Значимость исследования эффективно действующей системы управления инновационным климатом определяется, с одной стороны, возрастанием роли специфических активов территорий, а, с другой стороны, качественными сдвигами, обусловленными дифференциацией знаний по созданию и использованию новых технологий[4].

Повышение эффективности управления инновационно-технологическим развитием Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и вовлечения новых технологий в хозяйственный оборот в современных условиях невозможно без разработки методологии оценки экономического состояния макрорегиона, а также специальной системы комплексной оценки, позволяющей объективно анализировать уровень развития инновационной деятельности. Для этих целей в работе использована методика, предложенная И.М. Головой[5], показатели которой основаны на данных российской статистики.

---

[1] Конаныхина О.В. Формирование системы управления инновационным климатом региона // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2010. – № 2. – С. 184–188.

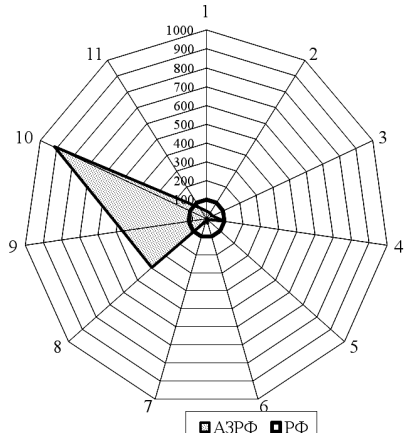
[2] Голова И.М. Инновационный климат региона как условие социально-экономического развития: автореф. дис. … докт. эконом. наук: 08.00.05 / Институт экономики Уральского отделения РАН. – Екатеринбург, 2008. – 44 с.

[3] Вячеславов А.М. Проблемы формирования инновационного климата в регионе // Экономические исследования. 2012. – № 1. – http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-innovatsionnogo-klimata-v-regione

[4] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационный потенциал регионов российского Севера (на примере Мурманской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2010. – № 15 (150). – С. 19–27.

[5] Голова И.М. Методические подходы к оценке инновационного климата региона // Экономика региона. 2009. – № 1. – С. 96–103.

Анализ удельных показателей инновационно-технологического развития от среднероссийских значений приведен на рисунке. Следует отметить, что Республика Саха (Якутия) авторами условно отнесена к АЗРФ, поскольку не все муниципальные образования к ней отнесены[1].



1 - число исследователей на душу населения
2 - внутренние затраты на НИР на душу населения
3 - выдано патентов на тыс. чел. нас-я
4 - уровень инновационной активности предприятий, %
5 - объем инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции инновационно-активных предприятий, %
6 - затраты на технологические инновации на душу населения
7 - объем инновационной продукции на душу населения
8 - затраты на информационно - коммуникационные технологии на душу населения
9 – ВРП на душу населения
10 – инвестиции в основной капитал на душу населения
11 – поступление средств от экспорта технологий и услуг технического характера на душу населения, долл. США

Рисунок 1.
Удельные показатели инновационно-технологического развития АЗРФ в % от Российской Федерации

Анализ показал, что АЗРФ только по четырем основным показателям из одиннадцати (инновационная активность, затраты на информационно-коммуникационные технологии, ВРП, инвестиции в основной капитал на душу населения) превосходит показатели Российской Федерации, что свидетельствует о низком уровне инновационно-технологического развития. Это прежде всего связано с наличием высокого уровня научного и промышленного потенциала (развитой научной базы, крупных предприятий минерально-сырьевого сектора) и низким инновационно-технологическим уровнем хозяйственной деятельности. Так, по данным Росстата за 2015 год инновационной деятельностью занимаются 9,3% предприятий. При этом затраты на технологические инновации даже по инновационно-активным предприятиям составляют только 0,34% в общем объеме отгруженной продукции[2]. Как итог низкого инновационно-технологического развития АЗРФ доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП составляет 0,2%. К примеру, аналогичный показатель ближайших приарктических стран составляет в Финляндии порядка 3,5%, Швеции – 3,4%, Дании – 3%, Ирландии – 1,6%[3].

В соответствии с применяемой методикой оценки уровня инновационного климата система показателей приведена в табл. 1.

Таблица 1

Система показателей для оценки инновационного климата Арктической зоны РФ

Блоки	Показатели	Весовые коэффициенты
Научно-техническая деятельность	Число занятых исследованиями и разработками в расчете на 10 тыс. занятых в экономике, чел.	1
	Затраты на научные исследования и разработки на 10 тыс. занятых в экономике, тыс. руб.	1
	Число выданных патентов в расчете на 10 тыс. занятых в экономике, ед.	1
	Число научных организаций на 10 тыс. занятых в экономике, ед.	0,3
	Число созданных передовых производственных технологий, ед. на 10 тыс. занятых в экономике	0,3
Инновационная деятельность	Затраты на технологические инновации, тыс. руб. на 10 тыс. занятых в экономике, тыс. руб.	1
	Объем инновационных товаров, работ, услуг на 10 тыс. занятых в экономике, тыс. руб.	1
	Инновационная активность организаций, %	0,3
	Количество использованных передовых производственных технологий на 10 тыс. занятых в экономике	0,3
Социально-экономическая среда	Выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием в численности занятых, %	1
	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 10 тыс. занятого населения, тыс. руб.	1
	Поступление средств от экспорта технологий и услуг технического характера на 10 тыс. занятого населения, тыс. руб.	1
	Доля обрабатывающих производств в ВРП,%	0,3
	Сальдированный финансовый результат деятельности организаций на 10 тыс. занятого населения, тыс. руб.	0,3

[1] Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

[3] Индикаторы инновационной деятельности 2016. Стат. сб. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. – 320 с. – https://www.hse.ru/primarydata/ii2016

Для оценки состояния инновационного климата субъектов Российской Федерации используется следующая градация. В случае если сводная оценка инновационного климата (W) на 20 и более процентов превышает значение этого индекса в среднем по России (W_p), то состояние инновационного климата оценивается как удовлетворительное; если W отклоняется от W_p не более, чем на 20 % в ту или иную сторону – как среднее; если W ниже W_p на 20-50% – ниже среднего и если W составляет менее 50 % от W_p – как низкое.

Проведенный анализ показал, что состояние инновационного климата субъектов АЗРФ следует оценить как неудовлетворительное (табл. 2).

Таблица 2

Состояние инновационного климата АЗРФ

	2013 год		2014 год		2015 год	
	W	ранг	W	ранг	W	ранг
Российская Федерация	7,29		8,03		7,197	
Мурманская область	4,72	1	5,07	1	3,37	2
Республика Саха (Якутия)	3,07	2	3,27	2	2,74	4
Ямало-Ненецкий АО	2,16	3	2,11	3	3,4	1
Чукотский АО	1,20	4	1,5	4	3,23	3
Ненецкий АО	1,20	5	1,21	5	1,44	5

Состояние инновационного климата арктических регионов за последние годы ухудшилось. Так, если в 2013 году к регионам с уровнем развития инновационного климата «ниже среднего» были отнесены Мурманская область и Республика Саха (Якутия), в 2014 году только Мурманская область осталась к этой группе, а в 2015 году все арктические регионы отнесены к группе с низким уровнем развития инновационного климата. Авторы считают, что это прежде всего связано с недостаточным уровнем государственного управления и регулирования.

Индекс развития научно-технической деятельности субъектов АЗРФ на основании показателей Росстата за 2015 год представлен в табл. 3.

Таблица 3

Индекс развития научно-технической деятельности АЗРФ

	значение	место	состояние
Российская Федерация	3,23		
Мурманская область	1,50	1	низкое
Республика Саха (Якутия)	1,40	2	
Ненецкий АО	0,90	3	
Чукотский АО	0,63	4	
Ямало-Ненецкий АО	0,41	5	

Развитие научно-технической деятельности АЗРФ также следует оценить как неудовлетворительное. Все регионы относятся к группе с низким уровнем научно-технической деятельности.

Индекс развития инновационной деятельности субъектов АЗРФ также подтверждает ее низкий уровень (табл. 4).

Таблица 4

Индекс развития инновационной деятельности АЗРФ

	значение	место	состояние
Российская Федерация	2,19		
Чукотский АО	1,66	1	низкое
Ямало-Ненецкий АО	0,68	2	
Мурманская область	0,56	3	
Республика Саха (Якутия)	0,41	4	
Ненецкий АО	0,14	5	

Незначительно лучше показатели социально-экономического развития АЗРФ. Только социально-экономическое развитие Ямало-Ненецкого АО можно оценить ниже среднего (табл. 5).

Таблица 5

Индекс социально-экономического развития АЗРФ

	значение	место	состояние
Российская Федерация	2,52		
Ямало-Ненецкий АО	2,32	1	ниже сред.
Мурманская область	1,32	2	низкое
Республика Саха (Якутия)	0,94	3	
Чукотский АО	0,94	4	
Ненецкий АО	0,40	5	

Для формирования благоприятного инновационного климата и активизации инновационно-технологического развития различные страны, в том числе зарубежные, проводят эффективную инновационную политику. Например, в Великобритании главные направления отраслевой политики были сформулированы в долгосрочной Стратегии, которая была заявлена в качестве ключевого инструмента реструктуризации экономики, поддержки долгосрочного устойчивого роста и расширения экспорта. Стратегия содержит направления организационно-финансовой поддержки инновационной деятельности частного бизнеса с четко обозначенными приоритетами, основанными на национальных компетенциях, и нацелена на ускорение коммерциализации новых технологий через механизм государственно-частного сотрудничества[1]. Государство в Великобритании влияет на инновационную политику бизнеса через структуру финансирования исследований и подготовки кадров, путем стимулирования взаимодействия бизнеса и академического сектора, через приоритеты государственных закупок, формирование исследовательской и хозяйственной инфраструктуры, а также общую систему регулирования экономики. Например, в секторах обороны и аэрокосмоса государство – активный покупатель продукции, в фармацевтике – оказывает помощь через исследования и разработки в области наук о жизни и закупки Национальной службы здравоохранения, в медиа – устанавливает жесткие правила конкуренции, в финансовом секторе – осуществляет прямое регулирование, в области «зеленой» энергетики – использует тарифные меры и количественные ориентиры достижения климатических целей (сокращение выбросов, использование альтернативных источников и экономия энергии)[2].

В Германии основными инструментами инновационной политики являются: субсидии, предоставление льготных кредитов, поручительств[3]. Из федеральных министерств самый большой бюджет на исследования и разработки у федерального министерства образования и науки (58% расходов федерального уровня); далее следует министерство экономики и энергетики (20%) и министерство обороны (7,8%).

Для Франции характерно активное применение прямых административных мер воздействия, изобилие различных инструментов государственной помощи предприятиям, ведущая роль государства в создании венчурных фондов и специализированных сетевых структур в области исследований и разработок и инноваций (полюса конкурентоспособности и другое)[4].

В Японии в отношении малых инновационных предприятий предусмотрены льготные принципы налогообложения: налоговая ставка повышается по мере возрастания объемов прибыли, а предприятиям, занимающимся производством и освоением техники и технологий по приоритетным направлениям, могут быть существенно снижены или полностью сокращены налоговые обязательства[5]. Также на уровне регионов действуют внутрипрефектурные и межпрефектурные венчурные фонды, предоставляющие грантовое финансирование по приоритетным направлениям.

В Китае программный подход к управлению инновационными процессами предполагает использование государством достаточно широкого набора адресных инструментов прямого действия, вплоть до административных. К общепринятым, например, относится прямое бюджетное финансирование государственных научно-технических программ, применяемое в Китае[6]. Однако в стране действуют и специфические административные рычаги: огромную роль играют партийно-политические органы разного уровня, в частности, действующие ячейки на предприятиях. К китайской специфике также относится активное использование адресных средств протекционизма, например, нормы сертификации безопасности для регулирования доступа иностранной продукции на внутренний рынок. Примерами налоговой системы поощрения инвестиционной активности в Китае может служить освобождение от налога на доходы предприятия в течение двух лет с момента возникновения прибыли и уплата половинной ставки налога на прибыль в течение последующих трёх лет в электронной промышленности.

Приоритетные направления инновационно-технологического развития АЗРФ определяются хозяйственной специализацией экономики, характером сложившихся структурных сдвигов и пропорций (диспропорций) производственно-территориального комплекса. В качестве основополагающих задач, обусловленных приоритетными направлениями развития промышленности субъектов, необходимо выделить[7]:

- реструктуризацию отдельных предприятий;
- формирование рынка сбыта промышленной продукции;
- повышение конкурентоспособности продукции;
- совершенствование системы государственного регулирования промышленных комплексов;
- повышение управляемости государственности собственности;

---

[1] Отраслевые инструменты инновационной политики / Отв. ред. – акад. Н.И. Иванова – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 161 с.; BIS. Industrial strategy: UK sectoral analysis. BIS Economic paper. 2012. – N 18, September. – https://www.gov.uk/government/publications/industrial-strategy-uk-sector-analysis

[2] Hannon E. Industrial policy and employment in the UK: evidence from the pharmaceutical sector // Industrial Relations Journal. – Vol. 47, N 1. – P. 9. – http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/irj.12120/full; Industrial strategy. Government and industry in partnership. Progress Report. – https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/306854/bis-14-707-industrialstrategyprogress-report.pdf

3 Unternehmensportal des BMWi. – www.bmwi-unternehmensportal.de

[4] Bourdu E., Souchier M. Réglementation, normalization: leviers de la compétitivité industrielle. – P.: Presses des Mines, 2015. – 108 p.

[5] OECD Territorial Reviews: Japan 2016. – http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/urban-rural-and-regional-development/oecd-territorial-reviews-japan-2016_9789264250543-en#.V5HFamVRtsN

6 Xielin Liu, Peng Cheng. Is China's Indigenous Innovation Compatible with Globalization? – East-West Center, 2011. – 54 p.

[7] Тенденции и особенности инновационной индустриализации в северных регионах России / Коллектив авторов. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2014. – 162 с.; Механизм согласования государственной, региональной и корпоративной инновационной политики в Арктике. – Апатиты: КНЦ РАН, 2016. – 135 с.

- формирование эффективных экономических и технологических связей предприятий различных отраслей;
- активизации усилий региональных и муниципальных властей по улучшению условий для инновационной деятельности;
- ускорение введения в хозяйственный оборот инновационных технологий;
- выявление перспективных направлений использования научно-технического и инновационного потенциала;
- ускоренное развитие наукоемких высокотехнологических разработок;
- повышения эффективности инструментов государственного регулирования инноваций.
- активизация инвестиционной деятельности в промышленности;
- сохранение и развитие научно-технического и инновационного потенциала промышленности;
- формирование целостной регионально-ориентированной инновационной системы;
- государственное регулирование и поддержка экспортного сектора.

Для активизации инновационной деятельности можно предложить следующие наиболее важные меры:

1. Развитие законодательной базы Российской Федерации и субъектов АЗРФ в сфере инновационной деятельности. Существенным фактором, сдерживающим инновационно-технологическое развитие АЗРФ, является отсутствие федеральных законов «Об инновациях и инновационной деятельности» и «Об Арктической зоне Российской Федерации». Не определен законодательный статус субъектов инновационной деятельности и меры их государственной поддержки[1].

2. Стимулирование спроса на инновации. Учитывая зарубежную практику, требуется разработка государственной системы мер по налоговым льготам для предприятий и организаций, выпускающих инновационную продукцию по приоритетным для Российской Федерации и арктических регионов направлениям, а также обеспечить формирование специальных государственных фондов поддержки их технологической модернизации[2].

3. Формирование и развитие региональной инновационной инфраструктуры и инновационных систем предприятий[3].

4. Активизация подготовки молодых специалистов инновационного профиля и решение вопросов их трудоустройства и закрепления в различных сферах деятельности[4].

[1] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Основные проблемы и рекомендации по законодательному обеспечению инновационного промышленного развития регионов Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. – № 1 (22). – С. 76–80.

[2] Горячевская Е.С. Пути осуществления инновационной деятельности промышленными предприятиями Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. – № 1. – С. 102–108.

[3] Горячевская Е.С., Цукерман В.А. Инфраструктура региональных инновационных систем как основа социально-экономического развития Севера // Региональные инновационные системы: анализ и прогнозирование динамики: Материалы Шестнадцатых Друкеровских чтений / Под ред. Р.М. Нижегородцева. – Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2013. – С. 108–116.

[4] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Система подготовки и переподготовки управленческих кадров для комплексного развития Арктической зоны Российской Федерации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. – Т. 6, № 4-1 (24). – С. 35–42.

Чистобаев А.И.
д.геогр.н., профессор СПбГУ
chistobaev40@mail.ru
Федулова С.И.
аспирант СПбГУ
lana10s@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Ключевые слова: *территория, регион, пространство, Россия, региональная политика, территориальное планирование, стратегическое планирование, градостроительство, региональное управление.*

Keywords: *territory, region, space, Russia, regional politics, spatial planning, strategic planning, urban planning, regional management.*

Российская Федерация – единственная страна в мире, территорию которой пересекают 11 часовых поясов. И нет другого государства, которое располагалось бы почти во всех (за исключением одной) географических зонах – от арктической до субтропической. Более 200 этносов проживают в России, расположенной в двух частях света – Европе и Азии. По размерам территории, уровню и многообразию природно-ресурсного потенциала нашей стране нет равных.

На фоне приведенных характеристик становится очевидным, что Россия уникальна во всех отношениях. Говорить о ней как о региональной державе значит – не знать географии. Слепо перенимать опыт других стран в проведении региональной политики – гарантия совершения ошибок в управлении развитием территории. Сказанное, однако, вовсе не исключает использования опыта других стран – речь идет о том, что, опираясь на зарубежный опыт принятия управленческих решений, необходимо учитывать специфические природные и социально-экономические условия российского пространства.

Необходимость в корректировке механизма региональной политики (и одного из ее инструментов – пространственного планирования) обусловлена, помимо названных географических факторов, еще и быстро меняющимися экономическими, организационными и политическими условиями. Немаловажное значение имеют и те обстоятельства, что страна пребывает в среде рыночных отношений относительно короткое время, что у населения низок уровень доверия к власти, что своеобразна ментальность людей, что велик разрыв в уровне жизни богатых и бедных.

Более того, Россия специализируется на ресурсной экономике, и ее экономическое развитие в огромной мере зависит от зарубежного спроса на сырьевые ресурсы, что определяет соответствующее место страны в мировом и региональном разделении труда. Поскольку подавляющая часть ресурсов располагается в отдаленных регионах, в том числе находящихся в экстремальных природных условиях, то приходится нести огромные затраты на инфраструктурную обустроенность территории. Управление такой территорией немыслимо без государственной поддержки и продуманного стратегического пространственного планирования.

Термин «пространственное планирование» возник сравнительно недавно – на рубеже прошлого и нынешнего веков, хотя истоки его уходят в 1970-е годы, когда в Западной Европе начались работы по выработке стратегии регионального/пространственного развития объединяющихся в экономическое сообщество стран. Пространственное планирование, в отличие от территориального планирования, имеет не два, а три измерения. Именно по этой причине его стали соотносить с городской проблематикой, а территориальное планирование – с управлением землепользованием. Позднее в составе пространственного планирования появились еще два соподчиненных термина: «морское планирование» и «подземное планирование» [4].

В современной трактовке пространственное планирование – это географическое выражение экономической, социальной, культурной и экологической политики в ее региональном измерении. Соответственно, под региональной политикой понимается деятельность по обеспечению экономического, социально-культурного и экологического развития, взаимодействия в решении этих вопросов центра и регионов, а также регионов между собой [2]. Отсюда следует вывод, что пространственное планирование, будучи направленным на реализацию идей и концепций региональной политики, занимает по отношению к ней подчиненное положение, являясь ее инструментом.

Пространственное планирование можно рассматривать и как междисциплинарный комплексный подход, направленный на обеспечение сбалансированного регионального развития и организации пространства, и как метод, широко используемый государством в целях оказания влияния на будущее распределение деятельности в пространстве. Оно осуществляется для создания рациональной территориальной организации общества, а также сбалансированности необходимых для развития общества потребностей с охраной окружающей среды и достижением социальных и экономических целей [10]. В процессе пространственного планирования выявляются долгосрочные и среднесрочные

цели развития территории, разрабатываются стратегии и планы, происходит координация мер политики в различных сферах: градостроительстве, транспорте, сельском хозяйстве, охране окружающей среды.

Таким образом, пространственное планирование предполагает создание благоприятной среды обитания, достижения баланса экономических, социальных и экологических интересов на основе разработки стратегических документов, имеющих сопряженность между собой [6]. Выработка пространственных приоритетов имеет двуединую цель: создание благоприятных условий для жизни населения (социума) и для привлечения инвестиций. Достижение ее одинаково важно для устойчивого развития всех сфер жизнедеятельности людей, оно возможно как через традиционные пространственные иерархические структуры управления, так и с помощью новых институционально-территориальных форм многоуровневого принятия управленческих решений. Эти формы переступают административные границы и создают специальные режимы инвестиций и строительства для отдельных территорий.

Пространственное планирование в России регулируется, в основном, Градостроительным кодексом РФ (2004) и Законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (2014). В первом документе регламентируется планирование развития территорий, в том числе для установления функциональных зон, зон планируемого размещения объектов капитального строительства для государственных и муниципальных нужд, зон с особыми условиями использования территорий. В нем предусмотрена информационная открытость и публичное обсуждение градостроительных проектов, определяются типы и назначение градостроительной документации, а также органы, ответственные за планирование; устанавливается порядок контроля над реализацией планов и решений. Второй документ принят для обеспечения единой системы стратегического планирования, взаимоувязанной с территориальным и бюджетным планированием. Территориальное планирование рассматривается как часть системы стратегического планирования, все документы по обоим видам планирования должны быть согласованы по приоритетам, целям, задачам, мероприятиям, финансовым и иным ресурсам и срокам реализации.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации призвана занять центральное место в системе планирования. В ее функции входит не только определение приоритетов, цели и задач регионального развития, но и путей совершенствования системы расселения в комплексе с приоритетами размещения производительных сил. Важно подчеркнуть, что стратегия разрабатывается применительно ко всей территории страны, но с детализацией ее положений в разрезе субъектов РФ. Учет этих положений – обязательное условие территориального планирования.

К настоящему времени в стране разработаны многочисленные документы, нацеленные на обеспечение устойчивого социально-экономического развития РФ и планирование развития территорий, в том числе для установления функциональных зон, размещения объектов федерального, регионального и местного уровней. Среди них – стратегии социально-экономического развития Федеральных округов РФ (7 из 8), схемы территориального планирования субъектов РФ (84 из 85) и муниципальных районов (1735 из 1797), генеральные планы городских округов (500 из 562), городских поселений (1460 из 1616) и сельских поселений (14 004 из 18 248), то есть сформированы почти все предусмотрительные Градостроительным кодексом РФ документы территориального планирования [7].

В России ведется работа по созданию Федеральной государственной информационной системы территориального планирования, которая позволит обеспечить предоставление в полном объеме информации о современном состоянии территории и правовых ограничениях [1, 7]. В автоматическом режиме будут поставляться заинтересованным лицам все возможные предложения по оптимальному развитию территорий, что позволит сокращать сроки подготовки документов, обеспечивать публичность всех принимаемых решений и устранять многочисленные административные барьеры, возникающие при согласовании документов территориального планирования.

Что касается участия России в международных проектах пространственного планирования, то здесь накопленного опыта пока мало. Пожалуй, можно отметить лишь участие нашей страны в программе «Видение и стратегия развития в регионе Балтийского моря». В этой программе участвуют 11 стран, чья деятельность направлена на содействие устойчивому развитию региона Балтийского моря и укреплению его транснациональности [5]. Роль нашей страны в разработке и реализации этой программы пока не велика. Достаточно сказать, что нет даже учета документов территориального планирования, разработанных регионами соседних стран, хотя научным сообществом выявлены возможности создания совместных планов пространственного планирования северо-западных субъектов РФ с регионами соседних стран [3]. В то же самое время есть примеры, когда опыт России в пространственном планировании оказался интересен за рубежом, например, на Кубе [8].

Современные проблемы в российской практике пространственного планирования возникли в последнем десятилетии прошлого века, когда перестали работать хорошо отлаженные в СССР механизмы и нормативы плановой экономики, а новые еще не возникли. Принятый в 1998 г. Градостроительный кодекс РФ, созданный на основе западноевропейских стандартов, оказался не пригодным для условий нашей страны. В конце 2004 г. был утвержден новый Градостроительный кодекс РФ, который действует и поныне. За прошедшие с того момента годы в этот документ были внесены многочисленные поправки, однако говорить о его совершенстве пока не приходится.

Обратимся далее к анализу и оценке основных недостатков в сфере управления территориальным развитием России.

Первая группа проблем связана с отсутствием единства и комплексности решения вопросов. Главное – нет целостной научно обоснованной концепции сбалансированного развития регионов страны с учетом их природных и социально-экономических условий. Попытки создания такой концепции были, однако единого документа, определяющего принципиальные положения по устойчивому пространственному развитию, так и не появилось. В какой-то мере вопросы рассогласованности стратегического пространственного планирования могут быть разрешены на основе уже упомянутого нами Закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятого в 2014 г. Однако, как свидетельствует практика, существенных изменений в данной области деятельности также не произошло.

Вторая группа проблем относится к теоретико-методологическим и методическим аспектам, а именно: неоднозначности понятийно-терминологического аппарата; отсутствию четких методик, инструкций и рекомендаций по разработке документов; сложности координации научно-проектных разработок; недостаткам в использовании электронной обработки информации; некачественному мониторингу и оценке полноты реализации разработанных и утвержденных документов.

Третья группа проблем – это несовершенство нормативно-правовой базы. Все еще имеет место несогласованность документов по стратегии социально-экономического развития регионов разного иерархического уровня и по территориальному планированию субъектов РФ и муниципальных районов, а также по документам градостроительного проектирования.

Четвертая группа проблем касается недостатков в практике планирования. Во-первых, пространственным планированием в большинстве случаев заняты специалисты в области архитектуры и градостроительного проектирования, что противоречит провозглашенному в директивных документах комплексному подходу к пространственному планированию, которым в полной мере владеют географы. Во-вторых, бывает крайне непросто получить в регионах исходную информацию, а на федеральном уровне – космофотопланы и другие материалы для картографических работ. В-третьих, имеет место недостаточное вовлечение в процессы планирования экспертного сообщества, бизнеса и населения, что влечет за собой отсутствие прозрачности в процессах разработки и реализации документов. В-четвертых, – это наличие конфликта градостроительных ценностей и принципов с частными интересами бизнеса. В-пятых, в стране не изжиты коррупция и правовой произвол, принятие ключевых решений о градостроительных изменениях властями зачастую ведется без опоры на градостроительные профессиональные знания. В-шестых, происходит игнорирование утвержденных документов в силу непрофессионализма чиновников или наличия теневых предпосылок для получения сверхприбыли.

Можно привести многочисленные примеры субъективных факторов возникновения названных проблем. Причем, как это ни странно, такие проблемы чаще всего возникают в Москве, Санкт-Петербурге и других крупнейших городах. Во многом это обусловлено отсутствием Градостроительной доктрины РФ, в которой юридически были бы закреплены базовые принципы пространственного планирования, включая регламентацию масштабов концентрации градостроительства, как это имело место в советское время. Учитывая размеры российской территории, необходимо ввести дополнительный уровень территориального планирования – Федеральные округа РФ, что позволило бы осуществить плавность перехода к субъектам РФ, а от них – к муниципалитетам.

В переходный период нашей страны к рыночным отношениям не было четкого видения того, как развиваться регионам и городам, что было «на руку» частным девелоперам, приводило к игнорированию элементарных требований в части планирования и зонирования территории. Со временем к частным инвесторам пришло понимание того, что качественное решение вопросов планирования может улучшить конкурентность их продукции и, в конечном счете, увеличить прибыль. За рубежом качество архитектурной среды давно осознано как один из главных факторов в глобальной конкуренции для привлечения внимания инвесторов [9]. К сожалению, такого осознания нет у наших чиновников, вследствие чего они допускают разрушение исторических зданий и изменения архитектурного облика городов. Не минула такая участь и центр Петербурга. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно побывать, например, на Владимирской площади, где над исторической застройкой, включая храм, нависли громады торгово-развлекательных центров. Подобные примеры есть и в Москве.

Пример с Владимирской площадью в Петербурге отражает не только эстетическую, но и историческую стороны городской архитектуры и городского дизайна, но особенно он характеризует степень участия общественности в экспертизе проектов – его практически нет. Общественные слушания, хотя и требуются по закону, имеют небольшой эффект или вообще не оказывают влияния на процессы планирования и застройки. Сказанное еще раз подтверждает, что законодательная сторона – одно, а практика – другое.

В отличие от европейской системы пространственного планирования, в России преобладает регионально-экономический подход, при котором, начиная с верхнего уровня управления, ориентация берется на достижение, в первую очередь, экономических целей. Отсюда – сжатие социально-экономического пространства, безудержный рост двух столичных городов, экономическое опустынивание и обезлюдивание огромных периферийных территорий. Что касается городского дизайна, ориентированного на комфортность проживания человека, то он только начинает набирать популярность. Координация региональных политик, имеющих территориальный эффект, все еще не налажена.

Таким образом, пространственное планирование в России за последнее десятилетие прошло путь становления, но пока еще не стало действенным инструментом региональной политики. Для того чтобы это произошло, необходимо решить насущные проблемы, о которых было сказано выше.

Список литературы

1. Береговских А.Н. Прошлое, настоящее и будущее территориального планирования // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. серия: строительство и архитектура. 2013. – Т. 31, № 1 (50). – С. 18–25.
2. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. – 659 с.
3. Межевич Н.М., Кретинин Г.В. Федоров Г.М. К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона // Балтийский регион. 2016. – № 3. – С. 15–29.
4. Скатерщиков С.В., Чистобаев А.И. Принципы территориального планирования и их реализация в Европейском Союзе и Российской Федерации // Балтийский регион. – 2014. – № 1. – С. 137–148.
5. Федоров Г.М. Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // Балтийский регион. – 2014. – № 3. – С. 71–82.

6. Чистобаев А.И. Пространственное планирование как инструмент регионального управления: опыт ЕС и РФ // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики. 2016. – № 2. – С. 31–36.
7. Чугуевская Е.С. Совершенствование системы стратегического и территориального планирования // Вестник МГСУ. 2016. – № 3. – С. 5–13.
8. Chistobaev A.I. La planificacion espacial en Rusia: Estado, problemas, tareas de los geografos // Geografía socio-económica en la Rusia contemporánea: teoría, metodología, prioridades de desarrollo / Redactores científicos: J.M. Mateo Rodríguezy A.G. Druzhinin. Rosto. 2015. – С. 229 – 239.
9. Zupan D. Local debates on global planning concepts: the compact European city model in post-socialist Russia-the case of Perm'//Europa Regional. 2015. – № 1–2. – С. 39–52.
10. Территориально-пространственное планирование. ООН. Нью-Йорк и Женева. 2008. – http://www.unece.org/fileadmin/DAM/hlm/documents/Publications/spatial_planning.r.pdf

Шаховская Л.С.
д.э.н., профессор кафедры Мировой экономики и экономической теории Волгоградского государственного технического университета
mamol4k@yandex.ru
Аракелова И.В.
к.э.н., доцент Волгоградского государственного технического университета
iv.arakelva@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ОПЫТА ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ ВО ФРАНЦИИ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Ключевые слова: *полюс конкурентоспособности, региональная экономика, кластеры, конкурентоспособность, инновационная система, инновационная политика.*
Keywords: *pole of competitiveness, regional economy, clusters, competitiveness, innovative systems, innovation policy.*

Инновационное развитие экономики регионов России – это одно из ключевых направлений региональной экономической политики. В настоящее время обеспечение конкурентоспособности национальной экономики связано с использованием инноваций, что требует формирования необходимых условий, а также изучения успешного опыта реализации региональной инновационной политики в других странах. На наш взгляд, таким примером может стать Франция и реализуемая там модель развития регионов, основанная на инновациях, а именно – создание «полюсов конкурентоспособности». *Полюса конкурентоспособности* – это совокупность предприятий, а также учебных заведений, научно-исследовательских учреждений, объединенных на конкретной территории для реализации совместных проектов и повышения конкурентоспособности участников на национальном и мировом рынках за счет синергетического эффекта от сотрудничества [1]. Основные задачи, которые должны решаться при создании полюсов: 1) устранение барьеров, ограничивающих взаимодействие государственных и частных организаций, а также формирование благоприятной среды для инвестиций частного сектора в научные исследования, разработки; 2) обеспечение конкурентоспособности малых и средних предприятий; 3) повышение конкурентоспособности и развития региональных инновационных полюсов. При создании полюсов конкурентоспособности на определенной территории очень важным является формирование *инновационной экосистемы,* поскольку экосистема способствует созданию благоприятной среды для инноваций, развития всех участников полюса и экономического роста конкретного региона [2]. Структура экосистемы представлена на рис. 1.

В сентябре 2004 года постановлением Межминистерского комитета по обустройству и развитию территорий было заявлено о политике создания полюсов конкурентоспособности во Франции. Первые полюса конкурентоспособности во Франции появились уже в 2005 году. Это был ответ на возникшие социально-экономические проблемы в стране, в частности на ослабление позиций Франции в некоторых высокотехнологичных отраслях экономики и на диспропорции в экономическом развитии регионов. В настоящее время во Франции имеется 71 полюс конкурентоспособности [3]. Основными секторами экономики, где представлены полюса, являются информационные технологии, авиация, космос, биоресурсы, биотехнологии, энергетика, химия, сельскохозяйственная и продовольственная промышленность, инженерное дело, транспорт, здоровье, товары народного потребления, услуги. У полюса конкурентоспособности нет четко определенного количества членов. В состав среднего полюса входит около 100 организаций. Есть и крупные полюса. Например, в сфере IT, «CapDigital», в состав которого входит 670 предприятий, 70 учебных заведений и который имеет 12 крупных инвесторов [1]. Развитие полюсов конкурентоспособности происходило в несколько этапов. Первая волна создания полюсов конкурентоспособности – это период с 2005 по 2008 год. После успешного внедрения новой промышленной политики правительство Франции решило продлить программу. К концу первого этапа во Франции уже существовал 71 полюс конкурентоспособности [1]. Вторая этап (2009–2012 гг.) проходил под названием «Полюс 2.0». Государственное финансирование на этом этапе составило полтора миллиарда евро. Помимо поддержки проектов НИОКР правительство обозначило ещё три приоритетных аспекта для развития полюсов:

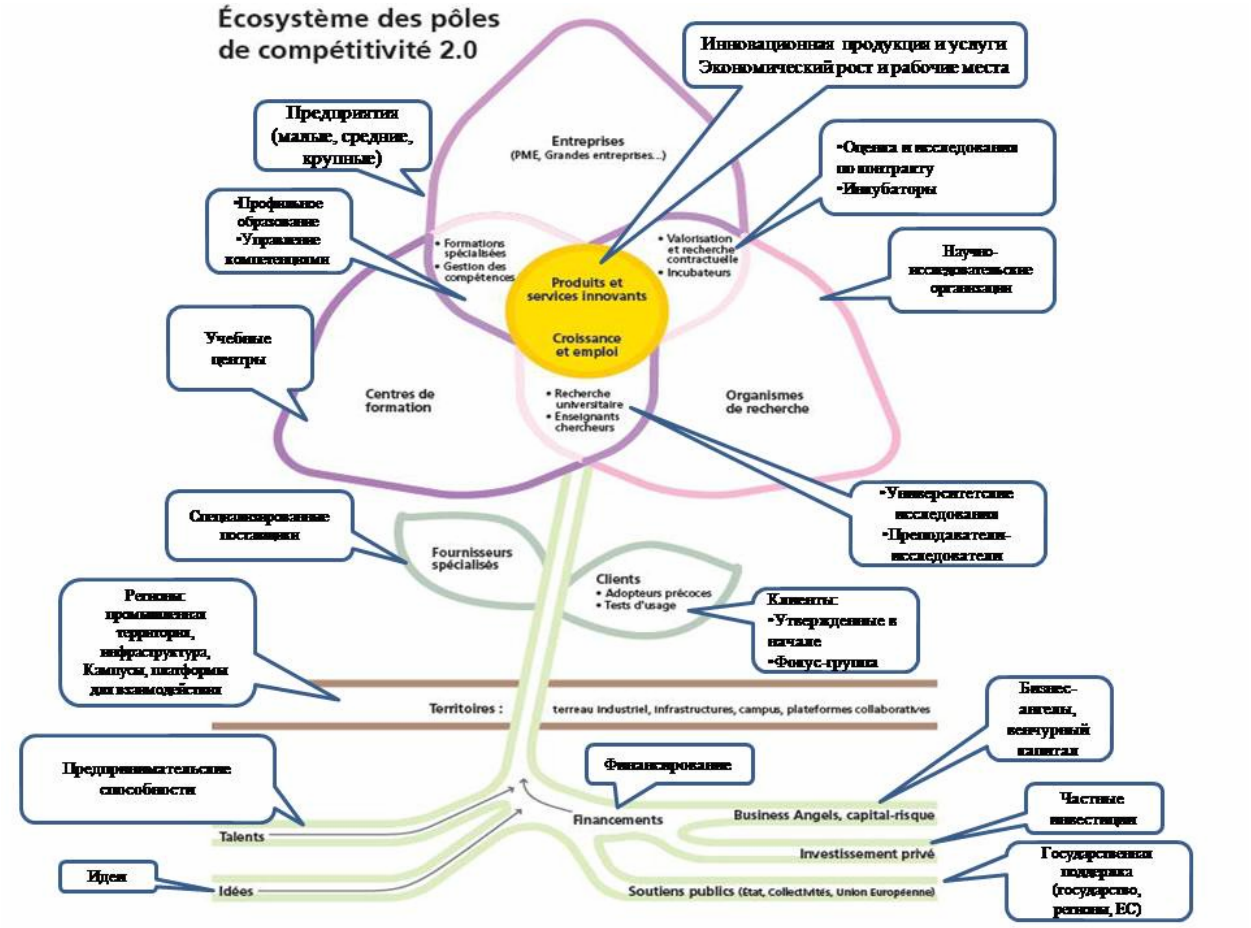
– улучшение менеджмента, развитие стратегического управления полюса, налаживание более тесного контакта с представителями государственных органов;

– ориентация на стратегические проекты, разработка инновационных платформ;

– поддержка инновационной экосистемы и экономического роста компаний.

В 2013 году правительство объявляет о проведении 3 этапа развития полюсов конкурентоспособности (до 2018 года) с целью достичь новых результатов, способствовать экономическому росту и созданию новых рабочих мест. Благодаря развитию инноваций через полюса конкурентоспособности французское правительство рассчитывает через 10 лет достичь значительных успехов в области возобновляемых источников энергии, биотоплива, дерево-перерабатывающей промышленности, цифровой безопасности, робототехники. Проведенная оценка результатов деятельности

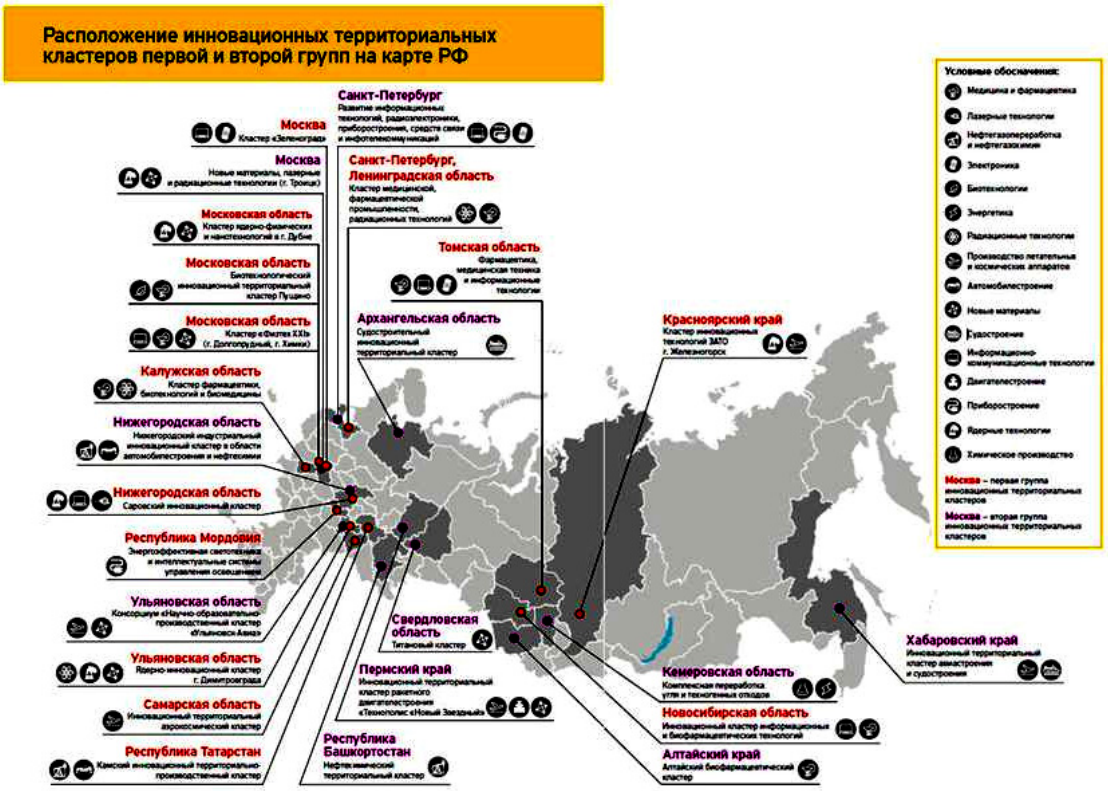
полюсов конкурентоспособности во Франции подтвердила эффективность их функционирования и достижение поставленных целей. Франции удалось достичь устойчивого экономического развития за счет усиления исследовательской деятельности и разработок (R&D), инновационной политики в регионах.



Источник: [3]

Рисунок 1.
Экосистема полюсов конкурентоспособности

Отметим, что прямого аналога «полюсов конкурентоспособности в российской экономике не существует. На территории России имеются следующие виды инновационной и производственной инфраструктуры: 1) особые экономические зоны (ОЭЗ); 2) территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР); 3) технопарки и бизнес-инкубаторы; 4) инновационные территориальные кластеры. ОЭЗ – это китайская модель инновационной политики, которая апробируется в России. По сути ОЭЗ, ТОСЭР – это территории в РФ с особым юридическим статусом и экономическими льготами для привлечения российских и зарубежных компаний в приоритетные для России отрасли производства [4, 5]. Отличительная особенность ТОСЭР состоит в том, что они ориентированы на развитие Дальнего Востока и Сибири. К настоящему времени ОЭЗ пока не доказали высокую эффективность для технологической модернизации экономики страны. Так, сегодня в России насчитывается 33 ОЭЗ [7]. Из них 9 промышленно-производственных, 6-технико-внедренческих, 3 – портовых, 15 – туристско-рекреационных ОЭР. При этом государство за период с 2005 года по 2015 год выделило на ОЭЗ 185 млрд. руб. В 2016 году планировалось вложить 5,9 млрд. руб. А за весь период создано всего 18 тыс. рабочих мест, выделенные ресурсы значительно превышали потребности. Поэтому на уровне Правительства РФ сейчас обсуждается вопрос о необходимости доработать механизм создания, развития и управления ОЭЗ, включая требования к целесообразности их создания, доходности, рентабельности и срокам окупаемости. К 2016 году в России действует 12 технопарков [8]. Из них 33% – в сфере IT, 25% – высокотехнологичная химия, 16% – нанотехнологии. Имеется 231 бизнес-инкубатор [9]. Они сосредоточены в основном в Центральном и Приволжском федеральном округах РФ. Наличие региональных диспропорций обусловливают и географию объектов инновационной инфраструктуры. Что касается инновационных территориальных кластеров то, в зависимости от потенциала 25 утвержденных кластеров разделены на две группы. К первой группе относят кластеры с наибольшим потенциалом. Сосредоточены кластеры в Центральном и Приволжском федеральном округах РФ, что отражено на рис. 2. По данным Минэкономразвития РФ [10] кластеры, включенные в программу, выпустили продукции на 2 трлн. руб. Объем финансирования за период с 2012 г. по 2017 г. составит 1,5 трлн. рублей. Рассматривая полюс развития как вид инновационного территориального кластера, отметим, что Волгоградская область имеет потенциал для создания на ее территории химического и аграрного полюсов развития.



Источник: [11].

Рисунок 2.
Инновационные территориальные кластеры в РФ

Можно отметить, что в России, также как и во Франции, государство в значительной степени вовлечено в промышленную и инновационную политику. Французский опыт преодоления спада в экономике, а также повышения ее конкурентоспособности за счет внедрения инноваций на региональном уровне может быть использован и в России с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Список литературы

1. Полюса конкурентоспособности. – http://competitivite.gouv.fr/documents/commun/Documentation_poles/brochures_poles/français/brochure-fr-internet.pdf
2. Экосистема полюсов конкурентоспособности 2.0. – http://competitivite.gouv.fr/un-ecosysteme-des-poles-pour-favoriser-l-innovation-et-la-croissance-303.html
3. Полюса конкурентоспособности. – http://competitivite.gouv.fr
4. ФЗ РФ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» № 473-ФЗ от 29 декабря 2014 г. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/
5. Особые экономические зоны // Официальный сайт Минэкономразвития РФ. – http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designElements/specialEconomicAreasMain/specialEconomicAreas/
6. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // ЭТАП. 2015. – № 2. – С. 72–84.
7. Окунь С., Скоробогатько Д. Особые зоны по специальным ценам // Коммерсант. – М., 2016. 9 июня, № 101. – С. 1. – http://www.kommersant.ru/doc/3008286
8. Официальный сайт Минкомсвязи РФ. – http://minsvyaz.ru/ru/events/32943/
9. Технопарки и бизнес инкубаторы // Официальный сайт компании Ernst&Young. – http://www.ey.com/ru/ru/industries/real-estate/ey-russia-industrial-and-innovation-infrastructure-technoparks-and-business-incubators
10. Официальный сайт Минэкономразвития РФ. – http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/20160220
11. Официальный сайт компании Ernst&Young. – http://www.ey.com/ru/ru/industries/real-estate/ey-russia-industrial-and-innovation-infrastructure-innovative-regional-clusters
12. Международное сотрудничество как способ ускорить импортозамещение / Ж.-Л. Трюэль, Я. Пащенко, И.В. Аракелова, Л.С. Шаховская, В.А. Кабанов // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2015. – № 4. – С. 132–136.
13. Тарасенко В. Территориальные кластеры: Семь инструментов управления. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 201 с.
14. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 947 с.
15. Трюэль Ж-Л. Современные подходы инновационной и промышленной политики: сходства Франции и России // Известия ВолгГТУ. Серия «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспектива). 2014. – Вып. 19, № 11 (138). – С. 14–18.
16. Большаков А.Л. «Кластер» и «полюс конкурентоспособности» как важнейшие элементы повышения конкурентоспособности региона // Российское предпринимательство. – М., 2016. – Т. 17, № 4. – С. 441–450.
17. Мальсагов А.И. Кластерный подход в региональной политике // ИВД. 2012. – № 2. – С. 397–403.
18. Кочеткова С.А. Теоретические аспекты кластерной политики как стратегии регионального развития // Современные проблемы науки и образования. 2014. – № 6. – http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-klasternoy-politiki-kak-strategii-regionalnogo-razvitiya

19. Черноуцан Е.М. Опыт Франции в инновационной модернизации национальной экономики: уроки для России // Материалы VII Международной научн.-практич. конф. «Регионы России и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития». 26–27 мая 2011, ИНИОН РАН. – http://www.rkpr.inion.ru/inion/items.html?page=7&category=103
20. Селезнев П., Трюэль Ж-Л. Инструменты современной инновационной политики: сравнительный анализ опыта Франции и России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. – № 9. – С. 170–182.

РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 12

Часть 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Подписано к печати 26/VI – 2017 г. Формат 60×84/8
Усл. печ.л. 124,25 Уч.-изд.л. 104,8

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru